

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ СХХІ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХХІ.

1910

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕНЪ ПЕР., Д. 13
1910

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
ІЮЛЬ, 1910 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЮЛЬ, 1910 г.

СТРАН.

I. Семейная хроника. (Изъ записокъ моей бабушки). Часть вторая. XI—XIV. (Окончаніе). В. З. Головиной	5
II. Восемь лѣтъ въ Сибири. XVI—XXXIII. (Окончаніе). Е. В. Корша	27
III. Неразбериха. IV—VI. (Окончаніе). Н. Н. Оглоблина	58
IV. Изъ скитаній по бѣлу свѣту. С. С. Окрейца	82
V. Пѣвецъ Волги и воли. (Дм. Ник. Садовниковъ и его поэзія). Н. А. Державина	94
VI. Въ гостяхъ у хана Насръ-Эддина. К. К. Трионова	130
VII. Одинъ изъ почитателей св. Тихона Задонскаго. С. Н. Венденскаго	140
Иллюстрація: Образъ св. Тихона Задонскаго, написанный въ 1788 г. прапорщикомъ Машоновымъ по особому «видѣнію».	
VIII. Императоръ Николай I въ Курскѣ въ 1842 году. Ив. Телешѣва	149
IX. Царубійство 1 марта 1881 года. Историческіе очерки. III. Террористическія выступленія. В. Революціонныя силы юга. (Продолженіе). В. Глинскаго	155
Иллюстраціи: 1) Валеріанъ Андреевичъ Осинскій. 2) Григорій Анфимовичъ Пошко.	
X. Скорбная страница въ исторіи нашего духовенства. А. Дмитриѣва	194
XI. Изъ воспоминаній о самозванцѣ Черемшанскомъ. Врача А. К. Добровравова	208
XII. Пригородъ Сергіевскъ. (Изъ памятной книжки земскаго статистика). А. Дунина	212
XIII. Церковщина. М. М. Щуцкаго	222
Иллюстраціи: 1) Възвѣдъ въ Церковщину.—2) Верхній скитъ въ Церковщинѣ.—3) Храмъ Рождества Богородицы въ Церковщинѣ.—4) Внутренній видъ храма Рождества Богородицы.—5) Храмъ надъ входомъ въ пещеры.—6) Раскопка восьмисотлѣтнихъ пещеръ въ Церковщинѣ.—7) Видъ на Молдавскую губернію съ сѣверной горы Церковщины.—8) Видъ по направленію къ Кіевской дѣлѣ съ сѣверной горы.—9) Видъ на Черниговскую губернію съ сѣверной горы.	
XIV. Критика и библиографія.	265
1) Сборникъ новгородскаго общества любителей древностей. Вып II. Новгородъ, 1909. Р.—цы.—2) Разказы по русской исторіи. Общедоступная хрестоматія, съ рисунками. Составлена кружкомъ преподавательницъ подъ редакціей С. И. Мельгунова и В. А. Петрушевскаго. Москва 1909. Я Бирюнова.—3) Записки восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества. Основаны барономъ В. Р. Розеномъ. Томъ XIX. Выпуски II.—III. Спб. 1909. А. Миронова.—4) Дворянское сословіе Тульской губерніи. Т. I (X). Списки лицъ, служившихъ въ Тульской губерніи по выборамъ, съ 1778 г. Т. II (XI). Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ съ указаніемъ важнѣйшихъ документовъ, находящихся въ дѣлахъ разныхъ фамилій родословнаго архива тульскаго дворянскаго депутатскаго собранія. Т. III (XII). Родословецъ. Матеріалы. Ч. I—VI. Составилъ и издалъ почетный членъ московскаго археологическаго института В. И. Черноплатовъ. М. 1908—1909. в. Рудакова.—5) Графъ А. С. Уваровъ. Сборникъ мелкихъ трудовъ. Т. I, II и III, подъ редак. гр. П. С. Уваровой. Москва. 1910. А. хаханова.—6) А. Б. Карповъ. Памятникъ казачьей старины. Краткіе очерки изъ исторіи Уральскаго войска. Уральскъ. 1909. В. П. Федорова. А. Титовъ. Миссіонерская дѣятельность пресвященнаго Нила Исаковича и Діонисія Хитрова. М. 1910. А. к—ова.—7) Александръ Венуа. Царское Село въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны. 1910. М. Соколовскаго.—8) В. Л. Медведевскій. «Малороссійскій (См. слѣд. стран.)»	

Родословникъ». Томъ 2-й. Е—К. Съ 40 портретами и снимкомъ герба Калитовскихъ. Кіевъ. 1910. в. Руданова.—9) Библиографическій указатель литературы о Сѣверѣ по матеріаламъ, собраннымъ архангельскимъ обществомъ изучения русскаго Сѣвера. Указатель литературы о дѣятельности Петра Великаго на Сѣверѣ и описъ старыхъ дѣлъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ въ г. Архангельскѣ съ 1710—1726 г. Составилъ А. Ф. Шидловскій. Архангельскъ. 1910. Дилаторскаго.—10) Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ. Оставлена при участіи профессоровъ и преподавателей подъ редакціей проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Т. 1. Съ 43 рис. и 2 карт. Тира Соколовской.—11) А. Н. Куропаткинъ. Россія для русскихъ. Т. III. Задачи Россіи и русской арміи въ XX столѣтіи. Спб. 1910. л. н.—12) Уроженцы и дѣятели Владимирской губерніи, получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной пользы. (Матеріалы для био-библиографическаго словаря). Собралъ и дополнилъ А. В. Смирновъ. Выпускъ 4-й. Губ. гор. Владимиръ. 1910. Дилаторскаго.—13) Monografie w zakresie dziejów powozitnych. Wyd Szymona Aszkenazy. Tom VII—VIII. Polska w dobie wojny Siedmioletniej. Część I, przez Władysława Koperczynskiego. Warszawa-Kraków. 1909. Адама Я.—14) Славянская библиотека д-ра И. Шайковича, вып. 2 Юванъ Цвинчъ. Анексія Босни-Герцеговины и сербскій вопросъ. Спб. 1909. а. с.—15) Е. В. Корнъ. Двадцать лѣтъ на желѣзныхъ дорогахъ (1889—1908 гг.). Воспоминанія о желѣзнодорожной службѣ. Спб. 1910. б. г.—16) М. Ю. Лермонтовъ. «Демонъ». Иллюстраціи А. Эберлянга. Спб. 1910. н. л.—17) Г. Т. Сѣверцовъ-Полиловъ. «Прослулась женщина». Очерки и рассказы изъ жизни современной Финляндіи. Спб. 1910. г.—18) Сергій Вертенсонъ. Библиографическій указатель литературы о Гоголѣ за 1900—1909 г. Спб. 1910. д—аго.—19) Юбилейный сборникъ Литературнаго фонда. 1859—1909 г. Спб. 1910. а. Фоммина.—19) Н. О. Лернеръ. Вѣлинскій. Критико-биографическій очеркъ. Для учащихся. Москва. 1910. а. Фаресова.—20) Художникъ-иллюстраторъ Воклевскій. Его жизнь и творчество. Составилъ К. С. Кузминскій. Москва. 1910. Е. н. н.—21) Незабвенному Владимиру Васильевичу Стасову. Сборникъ воспоминаній. А. Фоммина. 22) К. А. Иностранцевъ. Сасанидскіе этюды. Спб. 1909. а. х—ва.—23) Русское сценическое искусство за границей. Артистическая поездка М. Г. Савиной съ труппой въ Берлинъ и Прагу. Спб. 1909. а. Измайлова.—24) Г. Торнъ. Когда наступалъ мракъ. Исторія одного великаго заговора. Съ англійскаго. Спб. 1910 г. б. г.—25) У. Г. Иваскъ. Описаніе русскихъ книжныхъ знаковъ. Выпускъ II. 1910. м. с.—26) Baltischer historisch-geographischer Kalender Riga. 1910. а. Малъска.—27) В. В. Латышевъ. Pontica. Спб. 1909. б. в.—28) П. А. Лавровъ. Анексія Босни и Герцеговины и отношеніе къ ней славянства. Спб. 1909.—Сербскій народъ и анексія Босни и Герцеговины. Публичная лекція доцента Бѣлградскаго университета Р. Кошутича. Спб. 1908. Боснія и Герцеговина въ народной скупщинѣ королевства Сербія на засѣданіяхъ 29 сент., 20 и 21 декабря 1908 года. Бѣлградъ. 1909. с.

XV. Заграничныя историческія новости и мелочи 308

1) Легенда о Саломѣ.—2) Современная Польша.—3) Король Эдуардъ VII.—4) Смерть Эдуарда Колонна, Марка Твэна, Вьернстерьне-Вьернсона, Элизы Ожешко, Коха, Полины Віардо, Спжона, Вольфа и Цамбони.

XVI. Смѣсь. 332

1) Двадцатипятилѣтіе клиническаго института.—2) Подувѣковой юбилей апостола Японіи.—3) Юбилей А. Я. Ефименко.—4) 50-лѣтіе врачебной дѣятельности проф. Л. Л. Гиршмана.—5) Открытіе памятника Петру Великому.—6) Археологическія раскопки.—7) Петербургъ въ цифрахъ.—8) Отчетъ о дѣятельности сиб. университета.—9) Отъ комиссіи по вопросу о празднованіи 200-лѣтняго юбилея дня рожденія М. В. Ломоносова.

XVII. Некрологи. 343

1) Вѣлоконская, В. Н.—2) Кенигъ, І. І.—2) Котельниковъ, А. Н.—3) Кононовичъ, А. К.—4) Мецъ, М. Ф.—5) Никандръ, архіепископъ.—6) Поповъ, А. Н.—7) Преображенскій, П. Я.—8) Прокунинъ, В. П.—9) Черняевъ, Н. И.—10) Янышевъ, І. Л., протопресвитеръ.

XVIII. Замѣтки и поправки. 351

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Дмитрія Николаевича Садовникова.—2) Король безъ королевства. Историческій романъ Мориса Монтегю. Переводъ съ французскаго Михайлова.

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧЪ САДОВНИКОВЪ.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА ¹⁾.

ХІ.

ВЕРЕЗЪ три недѣли мы ужъ были въ Ширяевѣ. Папенька очень хорошо перенесъ дорогу и бодро вошелъ на крыльцо дома, гдѣ онъ родился и гдѣ не было столько лѣтъ. Насъ встрѣтилъ дядя въ оригинальномъ костюмѣ странника, подпоясанный веревкой, съ длинными волосами и бородой. Онъ давно писалъ папенькѣ, что желаетъ походить по святымъ мѣстамъ, и только ждалъ его приѣзда, чтобы уйти въ дальнее путешествіе къ соловецкимъ чудотворцамъ. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней онъ ушелъ, и мы его больше не видали. Были послѣ слухи, что онъ ушелъ туда, гдѣ содержалась его воспитанница, женился тамъ на ней и служилъ гдѣ-то въ почтовой конторѣ; но мы не имѣли отъ него никакихъ извѣстій.

Хозяйство принялъ у него Вавила и велъ его очень хорошо. Онъ былъ вездѣ: утромъ и вечеромъ у папеньки въ спальнѣ, чтобы одѣвать и раздѣвать его; за обѣдомъ и ужиномъ стоялъ корректнымъ лакеемъ за его стуломъ. На скотномъ дворѣ въ поддевки и высокихъ сапогахъ былъ ловкимъ ветеринаромъ; на работахъ въ полѣ приказчикомъ; страстно любилъ пчелъ; ѣздилъ въ городъ за покупками и даже покупалъ мнѣ отдѣлки къ платьямъ: онъ внимательно изучалъ лоскутокъ, который я ему давала, спрашивалъ, въ какую ниточку надо купить отдѣлку, и всегда покупалъ удачно.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХ, стр. 785.

Нашъ домъ былъ большой, съ мезониномъ, совсѣмъ потемнѣвшій и какъ будто освѣннй отъ старости, съ новой террасой во весь фасадъ. Это было сдѣлано для меня, такъ какъ я рассказывала объ удобствахъ и красотѣ грачевской террасы. Садъ былъ тоже совсѣмъ старинный: узкія аллеи съ дорожками, переплетенными корнями высокихъ старыхъ деревьевъ; круглыя клумбы въ три этажа, полныя астръ, піоновъ, бальзаминовъ, турецкой гвоздики, съ штамбовыми розами или желтыми лиліями посрединѣ. Вездѣ много сирени, черемухи, шиповника; и кое-гдѣ неожиданно выглядывали изъ густой травы, почему-то тутъ забытыя, бѣлыя звѣздочки нарцисовъ. Въ куртникахъ яблоки, груши, сливы и всевозможные ягодные кусты и грядки. Маленькая рѣчка капризнымъ, крутымъ изгибомъ подошла вплотъ къ нашему саду; тутъ была новенькая купальня и хорошенькая зеленая лодочка, тоже собственно для меня.

Устроились мы тутъ очень хорошо, но сколько пережили горькаго и тяжелаго... Началась Крымская война, которой мы всѣ изболѣли... Наши неудачи такъ огорчали папеньку, что мы скрывали отъ него все, что было самага тяжелаго. Онъ ужъ не могъ самъ читать, и я ловко пропускала и подмѣнивала газетныя извѣстія, когда ему читала. Нашъ близкій сосѣдъ, старичокъ артиллерійскій полковникъ Щеголевъ, пріѣзжалъ къ намъ обѣдать каждое воскресенье и привозилъ намъ почту: въ нашъ сосѣдній городъ она приходила только разъ въ недѣлю. И зимой и лѣтомъ я его встрѣчала за околицей, садилась къ нему въ экипажъ, иногда съ какии-нибудь горячимъ вопросомъ по артиллеріи:

— Иванъ Саввичъ, что такое камуфлетъ! Очень ли намъ это хорошо, что мы отвѣчали имъ удачнымъ камуфлетомъ?

Мы ѣхали съ нимъ шагомъ и стоваривались, что мы будемъ читать папенькѣ изъ новыхъ газетъ. Папенька восхищался Тотлебеномъ, и если за недѣлю ничего объ немъ не упоминалось, мы варьировали что-нибудь изъ стараго. Выручалъ насъ и Щеголевъ: если папенька очень призадумывался, я дѣлала полковнику какой-нибудь вопросъ о защитѣ Одессы, и онъ, понимая, въ чемъ дѣло, говорилъ что-нибудь вродѣ:

— Они его батарею, Миропія Васильевна, со всего борта обдадутъ... ну, думаютъ, конечно... А онъ имъ изъ-подъ облаковъ пыли «пафъ! пафъ!» какъ ни въ чемъ не бывало!..

И папенька оживлялся, и вспоминали они прежнія войны и прежнія побѣды.

Все время въ деревнѣ я была такъ же близка къ отцу, какъ и въ дѣтствѣ. Когда написали отказъ Силичу, папенька мнѣ сказала:

— Ни за кого нейдешь!.. Стало быть, тебѣ хорошо съ нами, и калѣка тебѣ не въ тягость...

Не знаю, что я тутъ говорила ему, когда стояла передъ нимъ на колѣняхъ, плакала и цѣловала ему руки... но мучившая насъ перегордка исчезла. И чѣмъ слабѣе онъ становился, тѣмъ необходимѣе я ему была. Но это продолжалось недолго... только одинъ годъ... Въ концѣ мая онъ сталъ замѣтно слабѣть и угасать. За три мѣсяца до взятія Севастополя, въ прелестный іюньскій день, онъ скончался въ полной памяти: причастился, простился со всѣми, попросилъ батюшку читать ему отходную, во все время держалъ руку маменьки, глубоко вздохнулъ при послѣднихъ словахъ молитвы... и скончался...

Похоронили его въ нашемъ фамильномъ склепѣ, подъ церковью, рядомъ съ матерью, которую онъ очень любилъ. Маменька показала мнѣ мѣсто у него въ ногахъ и сказала:

— А тутъ ты меня положишь.

Потомъ мы узнали, что Силичъ былъ подъ Севастополемъ и убитъ во время блестящей атаки нашими гусарами гвардейскихъ драгунъ королевы Викторіи. Потомъ взяли Севастополь, и мы оплакивали его, какъ дорогого покойника. Зимой маменька рѣшила, что надо продать нашъ домъ; его продали черезъ Адриана Григорьевича. Приѣхала оттуда няня со всѣмъ имуществомъ нашимъ, которое тамъ сохраняла. Такъ оторвались мы отъ всего прошлаго, и мнѣ это было очень больно.

А ранней весной, собираясь къ намъ ѣхать, скоропостижно умеръ нашъ добрый старичокъ полковникъ. Мы съ маменькой были однѣ на его похоронахъ: всѣ его родные были очень далеко.

И послѣ всего этого, когда красиво разлилась наша рѣчка, зацвѣлъ нашъ садъ, защебетали птички, и все охватило тепло и яркимъ свѣтомъ, я опять могла радоваться и смѣяться. Я могу оправдать себя тѣмъ, что мнѣ было девятнадцать лѣтъ, что маменька постоянно заботилась, чтобы я была занята, а Соня присылала мнѣ книги и ноты.

Какъ-то въ іюнѣ, послѣ годовщины папенькиной кончины, подѣхала къ нашему крыльцу такъ хорошо знакомая мнѣ коляска стараго полковника, и изъ нея вышелъ изящный господинъ съ кепомъ на шляпѣ и рукавѣ. Оказалось, что это племянникъ нашего покойнаго сосѣда приѣхалъ благодарить маменьку за хлопоты о похоронахъ его дяди. Онъ приѣхалъ изъ Висбадена, чтобы получить наслѣдство дяди; хочетъ продать это имѣніе, нѣсколько разъ публиковалъ, но никто не отзывается, а у него въ Висбаденѣ осталась жена. Маменькѣ онъ понравился, и она пригласила его бывать у насъ безъ церемоніи. Являлся онъ къ намъ почти каждый день, работалъ со мной въ цвѣтникахъ, очень искусно подстригалъ деревья, пѣлъ, игралъ со мной въ четыре руки, прекрасно читалъ вслухъ, говорилъ изящные французскіе комплименты и горько жаловался, что покупателей все нѣтъ, а въ Висбаденѣ такой оживленный сезонъ...

Подошли грибы. Я обыкновенно ходила за ними рано утромъ съ цѣлымъ отрядомъ крестьянскихъ дѣвочекъ. И теперь пошли мы въ самое наше грибное мѣсто за большой Екатерининской дорогой съ березовыми аллеями и глубокими канавами; въ нихъ почти всегда была вода, но я ловко ее перепрыгивала, а команда у меня была босая и съ наслажденіемъ перебѣгала въ бродъ. Когда мы подошли къ канавѣ, зазвенѣлъ колокольчикъ; мы затихли и остановились, ожидая, кто пройдетъ. Быстро пролетѣла мимо насъ перекладная телѣга съ двумя сѣдоками.

Мы всѣ съ говоромъ и смѣхомъ нырнули въ канаву, вынырнули на дорогу и увидали, что телѣга остановилась и высокій человекъ въ военной фуражкѣ идетъ къ намъ. Моя трусливая команда зорко смотрѣла на меня, ожидая сигнала къ бѣгству. Но я узнала человека, который быстро шелъ такой знакомой мнѣ походкой и такимъ знакомымъ мнѣ жестомъ вынулъ изъ кармана платокъ и вытиралъ лицо отъ дорожной пыли: это былъ Николенька Головинъ.

— Вотъ неожиданно!.. Откуда?.. Куда?..

— Тутъ... имѣніе продается,—сказалъ онъ, сильно краснѣя.

— Неужели левшинскія Рябинки?—спросила я.

— Да... Онъ публиковалъ... мнѣ захотѣлось взглянуть...

Зная его такъ хорошо, я увидала, что мои вопросы его смущаютъ, и перестала спрашивать.

— Вы теперь такъ близко отъ насъ, что я непременно поведу васъ къ маменькѣ. Знаете вы, что папенька скончался!..

— Недавно узналъ!.. Вѣдь я былъ въ Севастополѣ...

— Въ Севастополѣ!.. Господи!.. Такъ я васъ ни за что не отпущу.. Пойдемте съ нами, а ямщикъ объѣдетъ черезъ деревню.

— Я въ такомъ видѣ!..—сказалъ онъ смѣясь.

— Тотъ же Вавила, который приводилъ васъ въ порядокъ въ дѣтствѣ, вычиститъ васъ и теперь.

Какъ маменька ему обрадовалась! До какой поздней ночи слушали мы его простые, отрывочные рассказы!.. Мы и плакали объ нихъ, нашихъ герояхъ, и радовались ихъ ежедневнымъ подвигамъ безпредѣльнаго мужества, къ которымъ они такъ просто относились. Какъ огорчилъ ихъ всѣхъ миръ... Да и мой старый полковникъ умеръ навѣрное оттого, что не могъ пережить этого мира...

Когда на другой день къ намъ пріѣхалъ Левшинъ, маменька представила ему Николеньку:

— Вотъ вамъ покупатель; говорите о дѣлахъ; но безъ обѣда я васъ не отпущу, какъ бы вы ни спѣшили въ Висбаденъ.

Мы оставили ихъ на террасѣ и пошли по своимъ дѣламъ: маменька въ садъ, я купаться. Возвратясь въ свою комнату въ мезонинѣ съ окномъ на террасу, я приподняла уголокъ занавѣски окна, чтобы посмотрѣть, тутъ ли еще наши гости. Они сидѣли на открытомъ концѣ террасы. Левшинъ что-то вполголоса оживленно рассказы

валь. Сидѣлъ онъ съ пахитоской въ рукѣ, красивый, изящный, завитой, покачивая стройной ногой въ полосатомъ шелковомъ чулкѣ и щегольской низкой ботинкѣ. А рядомъ съ нимъ Николенька въ сѣромъ военномъ пальто (въ него одѣлись всѣ офицеры послѣ Севастополя), въ высокихъ сапогахъ, свертывалъ себѣ папиросу, что было тоже неизящной новизной. На головѣ его ясно обозначились тѣ вихры, которые всегда такъ беспокоили маменьку. Я вспомнила, какъ она всегда любила его, какъ была съ нимъ ласкова и часто говорила:

— Жалкій мальчикъ!.. Растетъ между мужчинами, некому и приласкать его!..

И теперь подлѣ этого счастливаго, веселаго и красиваго барина, онъ показался мнѣ такимъ же жалкимъ. А какой онъ всегда былъ радостный и оживленный у насъ и въ дѣтствѣ, и когда пріѣзжалъ въ отпускъ. Какъ мы весело танцевали съ нимъ на Юленькиной свадьбѣ. И какъ я безцеремонно ему тогда отказала... Теперь я хорошо знала, почему все это было, и покраснѣла отъ стыда... Да вѣдь и мнѣ тоже тогда какъ будто отказали, мелькнуло у меня въ головѣ, когда я вспомнила ту страшную душевную драму, которую я пережила отъ своей ошибки... Да, ошиблась только я... Няня во всѣ слѣдующіе за этимъ дни постоянно ворчала:

— Эдакому свату отказала!.. Да развѣ это можно!.. Такъ и въ дѣвкахъ весь вѣкъ просидить!.. Кто теперь за это дѣло послѣ такого барина возьмется!..

А могла ли бы я теперь выйти замужъ?.. Разумѣется, не такъ, какъ тогда... Тогда, обезумѣвши отъ счастья, пошла бы я за этимъ человѣкомъ, не зная, куда и зачѣмъ... а только всюду съ нимъ и за нимъ... Нѣтъ, нѣтъ!.. не такъ!.. А, можетъ быть, для того, чтобы сдѣлать другого счастливымъ... Я опять взглянула въ окно. Левшинъ разсказывалъ еще оживленнѣе, а Николенька сидѣлъ совсѣмъ хмурый.

— Николай Степанычъ!—крикнула я изъ-за занавѣски.

Какъ онъ вздрогнулъ, вскочилъ; какая у него была трогательно-счастливая улыбка.

— Я не знаю, гдѣ вы, но весь къ вашимъ услугамъ,—сказалъ онъ весело.

— Ведите, пожалуйста, Вавилѣ подать къ обѣду кислыхъ щей; онъ теперь долженъ быть у пчель...

— Oh, je suis plus alerte! ¹⁾—вскрикнулъ Левшинъ, и оба они побѣжали по саду, какъ дѣти.

Да, этого человѣка я бы могла сдѣлать счастливымъ.

¹⁾ О! я проворнѣе его.

XII

Послѣ обѣда они уѣхали осматривать Рябинки. Черезъ день Николенька пріѣхалъ одинъ и рассказывалъ маменькѣ, что тамъ ему все очень понравилось и онъ ужъ далъ задатокъ. Левшинъ поѣхалъ въ городъ хлопотать, чтобы его поскорѣ ввели во владѣніе. Прямо изъ города пріѣдетъ къ намъ. Ждали мы его къ чаю, онъ не пріѣхалъ, и мы съ Николенькой пошли гулять одни; маменька поручила ему осмотрѣть какую-то пустошь, я хотѣла показать ему красивыя мѣста нашего лѣса. Начало смеркаться, а мы, заговорившись о Севастополѣ, зашли далеко отъ дома. Мнѣ хотѣлось сократить путь, я пошла мало знакомой дорогой, заплуталась и не нашла мѣста, гдѣ переходили нашу рѣчку по мосткамъ.

— Глубока ваша рѣчка?—спросилъ меня Николенька, увидавши мое смущеніе и досаду на себя.

— Теперь ее почти всю можно переходить въ бродъ, но все-таки надо знать, гдѣ итти, потому что въ ней есть и очень глубокія мѣста.

Онъ положилъ на землю наши кузовки съ грибами, которыхъ велѣла набрать намъ маменька къ ужину, отломилъ отъ дерева большой сукъ, сбѣжалъ къ рѣкѣ и пошелъ черезъ нее, ища броду.

Теперь, какъ онъ пріѣхалъ къ намъ севастопольцемъ, я смотрѣла на него, какъ совсѣмъ на другого человѣка. Прежде, бывало, когда онъ что-нибудь затѣвалъ, я беспокоилась, волновалась, спрашивала: зачѣмъ? для чего? вмѣшивалась и распоряжалась имъ. А теперь я вѣрила въ него и спокойно стояла надъ рѣчкой, ожидая, что онъ все мнѣ устроитъ.

Онъ уже возвращался, осторожно ощупывая дно и оглядываясь назадъ на берегъ, гдѣ одиноко стояла сломанная береза, отъ которой онъ шелъ ко мнѣ.

— Тутъ можно хорошо перейти, если прямо итти на ту березу... Позвольте, я васъ перенесу.

— Какъ тогда на свадьбѣ сестеръ!—сказала я смѣясь.—Помните, какъ вамъ тогда за это досталось?

— Надѣюсь, что вамъ теперь не сдѣлается дурно?

— А вы не напомажены жасминой помадой?

— Запаху этого съ тѣхъ поръ слышать не могу.

— Только я стала вдвое тяжелѣе.

— А я вдвое сильнѣе.

Глупо было жеманиться и не рѣшаться. Какъ бы мы стали печаль почью дорогу? А какъ бы маменька стала беспокоиться!..

— Ну, хорошо... Я возьму наши кузовки, а вы берите меня. Онъ осторожно взялъ меня съ покатаго берега и понесъ черезъ рѣчку.

— Только держитесь за меня, тутъ скользко, я могу оступиться...

Я перекинула руку съ кузовками через его плечо. Вода сердито журчала, разступаясь передъ его сильными ногами. Я чувствовала, что я для него и теперь какъ перышко.

— Вотъ бы счастье было, — сказала онъ, ставя меня на берегъ: — если бы вы позволили мнѣ такъ всю жизнь васъ на рукахъ носить...

— Я люблю сама ходить, Николай Степанычъ.

— Вѣдь это я *au figurè!*.. ¹⁾ Какъ насъ съ вами Делоплатьеръ училъ... Миропія Васильевна!.. Будеть вамъ мучить такъ человѣка!.. Согласитесь быть моей женой!..

... И я согласилась... Что потомъ было, не стоитъ рассказывать...

Es ist eine alte Geschichte. Doch bleibt sie immer neu... ²⁾

Когда мы подходили къ нашему дому, изъ его освѣщенныхъ, открытых оконъ слышались звуки рояля, мягкій баритонъ нашего изящнаго сосѣда, и надъ темнымъ садомъ и затихнувшей деревней неслись и дрожали въ ночномъ воздухѣ страстные слова моднаго романа:

Тебя одну повсюду видѣть,
Въ тебя всю душу перелить,
Весь этотъ мѣръ возненавидѣть
Чтобы тебя одну любить..

— А я прошу тебя любить весь мѣръ вмѣстѣ со мной, — сказала я Николенькѣ. Мнѣ такъ легко было перейти съ нимъ на «ты».

— Ну, слава Богу, припли! — встрѣтила насъ маменька на террасѣ: — а то ужъ я начала беспокоиться... Гдѣ же грибы?

Мы смущенно переглянулись... кузовковъ у насъ не было.

— Да, да!.. я вспомнила... Онъ рассказывалъ, какъ обрадовался, когда увидалъ объявленіе Левшина въ газетахъ.

— Въ одномъ уѣздѣ съ вами... Можетъ быть, хоть изрѣдка, да увижу... Покуда былъ у меня мой Севастополь, я могъ жить, чтобы защищать его... а ужъ потомъ...

— Вотъ тутъ мы и потеряли грибы... И виновата была я...

Насъ обвѣнчали въ нашей маленькой деревянной церкви. На свадьбу ко мнѣ пріѣхали сестры. Лиза пріѣхала съ мужемъ, а Соня привезла мнѣ шафера Бориса Дубецкаго. Своего мальчика она оставила на попеченіи миссъ Смиль.

На вопросъ маменьки о мужѣ и Митѣ Соня сказала:

— Платону нельзя было пріѣхать, онъ служить, а Митя уѣхалъ за границу. Ему восемнадцать лѣтъ, можетъ и безъ ментора.

Борисъ уже занималъ какую-то серьезную должность, но былъ все такой же заразительно веселый, какъ тогда въ Грачахъ. Съ Сергѣемъ Иванычемъ они очень сошлись, и Борисъ совсѣмъ завладѣлъ имъ... Лиза пополнѣла, похорошѣла, но у ней обозначились скла-

¹⁾ Какъ риторическая фигура.

²⁾ Это старая исторія, но она всегда останется новой.

дочки заботы между бровями. У ней была еще дѣвочка Мирочка, въ мою честь, она оставила дѣтей на знакомую мнѣ няню и увѣрена, что все будетъ хорошо. Съ мужемъ они, кажется, еще больше сблизилась, она безпрестанно была ему нужна, безпрестанно слышался его голосъ: «Лиза! поди сюда... Лиза». послушай. Она заботливо, но незамѣтно для постороннихъ, охраняла его отъ крѣпкихъ напитковъ, въ чемъ ей, незамѣтно для охраняемаго и охраняющей, помогаль Борисъ. И сколько остроумія было разбросано для насъ въ эти веселые свадебные дни... Какіе спичи, какіе куплеты импровизировались... Какъ прелестно пѣть намъ эти куплеты Борисъ, подбирая къ нимъ музыку изъ лучшихъ композиторовъ.

Въ самый день своего пріѣзда Соня повела меня въ садъ, посадила подлѣ себя на скамейку, нервно заломила руки и начала говорить совсѣмъ не своимъ голосомъ. Да точно это была и не наша спокойная красавица Соня...

— У меня есть большая просьба къ твоему жениху... Это гадко, что я прошу черезъ тебя... Вѣдь я навѣрное знаю, тебѣ онъ не откажетъ... Ну, да ужъ теперь мнѣ все равно... Мнѣ нужны деньги... много денегъ!.. чтобы мой несчастный мужъ могъ расплатиться съ своимъ сыномъ... Платонъ не умѣетъ считать... я это увидела съ первыхъ дней и взяла у него все хозяйство. У него на рукахъ были три опеки... Я повторяю, онъ не умѣетъ считать... но онъ честный, честный человѣкъ... Съ Дубецкими все улажено... у меня были тогда свои деньги... Дубецкіе!.. если бъ теперь у нихъ было что-нибудь, я бы была покойна... но они тогда отдали все, что у нихъ было, на ополченіе и Грачи заложили... Я надѣялась, что черезъ три года, къ совершеннолѣтію сына, Платонъ все устроитъ: онъ отказался отъ предводительства, взялъ мѣсто въ удѣлахъ. Но я хорошо знала только дѣла Дубецкихъ, а въ дѣла между отцомъ и сыномъ я, какъ мачеха, и не вмѣшивалась. А теперь оказалось, что у Платона нѣтъ никакихъ счетовъ... онъ не знаетъ, что стоили ихъ путешествія, что онъ платилъ докторамъ... Вѣдь все это дѣлалось для возлюбленнаго сына... Надо тебѣ сказать, что Платонъ взялъ его изъ правовѣдѣнія; возлюбленный сынъ не хотѣлъ тамъ оставаться. Когда Платонъ пріѣхалъ туда за его бумагами, почтенный старичокъ надзиратель ему сказалъ: «Хорошо, что вы берете вашего сына, его здѣсь товарищи не выносятъ... Онъ учится отлично, а какъ это ни странно, учителя тоже его не любятъ, а въ закрытомъ заведеніи такъ жить невозможно». Платонъ, разумѣется, увѣреть, что товарищи не любятъ его изъ зависти; а учителя за то, что онъ сбиваетъ ихъ своими вопросами, потому что знаетъ больше ихъ. Теперь ужъ онъ студентъ, отлично выдержалъ экзамень. Платонъ ѣздилъ нѣсколько разъ къ нему въ Петербургъ, когда онъ готовлялся, и привезъ его послѣ экзамена въ Грачи. Онъ прожилъ у насъ слишкомъ мѣсяць; кривлялся невыносимо; держитъ себя

и говорить до отвращенія тривіально. Меня онъ боится, а съ отцомъ грубъ и дерзокъ; зоветь его *mon vieux* ¹⁾, или тятенька. Да вотъ послушай, какое письмо получилъ на дняхъ Платонъ изъ Остенде отъ возлюбленнаго сына.

«Дражайшій тятенька. Скоро приѣду, и мы съ тобой посчитаемся. Всерьезъ посчитаемся, родитель. Отъ попечительства надо мной я тебя избавлю. Будетъ... Восемь лѣтъ ты надо мной потрудился. Такъ приготовляй счеты, тятенька; а попечитель ужъ у меня есть, и предупреждаю, человекъ шустрый».

Онъ знаетъ, что у отца нѣтъ счетовъ... нечѣмъ пополнить недочетъ, и ужъ предвкушаетъ его униженіе... И вообрази, Платонъ все ему прощаетъ, говоритъ: «онъ карликъ и потому ожесточенъ». Винить себя, что поздно началъ его лечить... Да онъ черезъ четыре мѣсяца послѣ нашей свадьбы уѣхалъ отъ меня въ Парижъ по рекламѣ какого-то шарлатана и лечилъ его тамъ чуть не полгода.

Когда мы съ ней возвращались въ домъ, она вдругъ остано-вилась.

— А знаешь, Мира... вѣдь своего маленькаго брата онъ любитъ... Лицо его дѣлается совсѣмъ другое, когда говоритъ съ нимъ. И Саша его очень любитъ... Я первое время ужасно боялась, когда они оставались вдвоемъ. Одинъ разъ вижу, онъ переводитъ Сашу по узенькой дощечкѣ черезъ широкую канаву, полную водой. Я такъ испугалась, думала, онъ столкнетъ туда моего мальчика... а онъ такъ заботливо ведетъ его за ручку, и лицо у него доброе, ласковое, и Саша ему что-то весело лепечетъ...

Въ концѣ длинной аллеи мы увидали Николенку.

— Вотъ твой женихъ ужъ ищетъ тебя. А вѣдь твоя помолвка ужасно огорчила двоихъ; во-первыхъ, миссъ Смисъ: она прочла тебя за Бориса; ну, а нашъ Павелъ самъ мечталъ быть твоимъ мужемъ.

— Помнишь гоголевскую невѣсту, Соня,—сказала я смѣясь.— Вотъ и я также скажу: «Если бъ голосъ Бориса Петровича передать Николаю Степану, да прибавить ему юмора Павла Петровича»... А такъ какъ этого нельзя, я ужъ беру его, какой онъ есть.

Не было, я думаю, на свѣтѣ человека счастливѣе моего Николенки, когда онъ, весь красный отъ смущенія, отдавалъ Сонѣ большой конвертъ съ деньгами. Они были приготовлены для изящнаго сосѣда, но онъ все еще не былъ введенъ во владѣніе, за недостатленіемъ нужныхъ бумагъ, и жуировалъ за границей на одинъ задатокъ.

Тутъ я скажу кстати, что когда Платонъ Александрычъ передалъ попечителю Мити полную сумму своихъ опекунскихъ сбереженій, Митя громко захохоталъ и сказалъ:

---

¹⁾ Старина.

— А, а!... вот онъ, головинскія денежки!.. Ловко новые ходственнички обихаютъ духака!..

Въ день нашей свадьбы у насъ въ домѣ было немного гостей; но на дворѣ былъ большой веселый пиръ для крестьянъ. Самыя домовитыя, разбитныя и веселыя хозяйки нашего села были приглашены готовить обѣдъ, варить брагу и всѣхъ угощать. Мы вышли на дворъ къ нашимъ гостямъ. Шафера несли большіе подносы съ разными лакомствами, а мы съ мужемъ кланялись нашимъ гостямъ и угощали ихъ. На мнѣ еще была моя фата и подвѣчное платье, все усыпанное цвѣтами. Всѣ насъ окружили, поздравляли насъ, желали намъ счастья. Я раздавала крестьянскимъ дѣвушкамъ вѣточки fleur d'orange съ моего платья; около меня вертѣлась моя грибная команда, съ восхищеніемъ дотрогиваясь кончиками пальцевъ до моего платья и фаты; Николенька знакомился со всѣми и рекомендовался, какъ мой мужъ; шафера утѣшали всѣхъ веселыми шутками и прибаутками. Все было такъ хорошо и радостно! Только няня омрачила нашъ праздникъ. Она была теперь безъ ногъ и «тронута», какъ выражалась маменька. Она была очень недовольна, что я выхожу замужъ; находила, что мой женихъ не стоитъ меня, и при всякомъ удобномъ случаѣ это ему заявляла. Ее тоже вынесли на дворъ въ креслѣ, и мы подошли къ ней съ угощеніемъ.

— Вотъ какую королеву взялъ, какую красавицу,—заговорила она уккоризненно, обращаясь къ моему мужу.—Ей бы за графомъ быть или за какимъ важнымъ генераломъ! Я ее вынянчила, на своихъ рукахъ выносила, а ее за простого офицера отдали!..

— Няня, милая, не обижай меня! Я не простой офицеръ, я майоръ. И не ты одна ее нянчила: я самъ ее два раза на рукахъ носилъ.

— А въ третій разъ ее въ гробу понесешь,—сказала она такимъ пророческимъ тономъ, что мы совсѣмъ растерялись.

— Няня! за что ты меня... въ такой радостный день...

— А ты бы какъ хотѣлъ!., —набросилась она на него:—чтобы она за твоимъ гробомъ шла, плакала да убивалась... да еще, можетъ, съ малыми дѣтьми!.. Нѣтъ, ужъ коли ты берешь ее у насъ, нашу радость!..—бѣдная няня горько заплакала:—такъ ужъ не только, чтобы ей отъ тебя горе терпѣть, а ты съ нея долженъ пушинки сдувать...

Мой милый, добрый мужъ такъ растрогался, что началъ обнимать, цѣловать, утѣшать ее; все ей обѣщалъ и въ чемъ-то просилъ прощенья. Няня успокоилась, милостиво простила его и такъ съ этихъ поръ полюбила, что начала постоянно сердиться на меня за непочтеніе къ мужу. Она требовала, чтобы я звала его по имени и по отчеству, говорила ему «вы» и вставала, когда онъ входитъ. Незадолго до своей смерти она стала звать его Андрей Кириллычъ и, умирая, просила батюшку Андрея Кириллыча попрежнему любить и жаловать ея Мирушку.

XIII.

Прошло еще два года. Мы съ мужемъ жили лѣто въ нашей подмосковной, и я пріѣхала дня на два въ городъ по дѣламъ. На другой день моего пріѣзда была память моей няни, я была у обѣдни въ Канзанскомъ соборѣ, оттуда прошла къ Иверской и, слѣдуя за движеніемъ толпы, медленно подвигаясь, дошла до образа. Нигдѣ не бываетъ у меня такого подъема религіознаго чувства, какъ въ этой толпѣ, гдѣ всѣ идутъ,—кто съ заботой о предстоящемъ трудовомъ днѣ; кто со страхомъ за свое ускользящее счастье; кто съ тяжкой житейской заботой; кто съ страстной мольбой о выздоровленіи умирающаго,—идутъ, чтобы упасть на колѣни и сложить хоть на минуту съ своихъ усталыхъ плечъ всѣ тяготы жизни передъ божественнымъ ликомъ Богоматери... Когда я наклонилась передъ образомъ, начался молебенъ; я, вставая, оглянулась на свой любимый уголокъ по правую сторону образа, гдѣ такъ хорошо стоятъ во время молебна. Тамъ ужъ стояла какая-то женщина, но она быстро отодвинулась, и я, поблагодаривъ ее поклономъ, стала на ея мѣсто. Послѣ молебна, выходя изъ часовни, я положила нѣсколько монетъ на тарелочки стоящихъ на крыльцѣ монахинь, съ просьбой помянуть мою покойницу, и всякій разъ слышала за собой робкій, грустный голосъ: «за упокой боярина Андрея», и звукъ положенной монеты. Я спустилась съ крыльца, подала знакъ кучеру, чтобы онъ ѣхалъ за мной, и пошла на Красную площадь.

— Мировія Васильевна!—раздался за мной тотъ же робкій голосъ.

Я обернулась. За мной стояла женщина, уступившая мнѣ свое мѣсто въ часовнѣ.

— Мировія Васильевна... не прогнѣвайтесь, что я васъ остановила... Вы-то меня, я думаю, забыли, а я васъ сейчасъ признала... Я ступиловская Арина...

— Аринушка... вотъ не ожидала тебя здѣсь встрѣтить,—сказала я, всматриваясь въ эту худую, загорѣлую женщину, въ которой едва можно было узнать красавицу Аринушку.—Какъ ты сюда попала.?

— Къ преподобному Сергію иду, Мировія Васильевна... хочется по святымъ мѣстамъ походить... Вы, можетъ, не знаете,—заговорила она глухо, какъ говорятъ, когда сдерживаютъ слезы,—вы, можетъ, не знаете... нашъ баринъ, Андрей Кирилловичъ, скончались...

Все мое прежнее чувство къ нему проснулось: горло сжало... слезы подступили къ глазамъ... Я крѣпко, тяжелымъ крестомъ перекрестилась нѣсколько разъ на золотые кресты Василія Блаженнаго и помолчилась за упокоеніе души боярина Андрея, не знавшей въ жизни покоя.

— Когда это случилось?—спросила я Аринушку.

— Да ужь скоро три мѣсяца будетъ... Они на самое Благо-вѣщенье скончались...

— Аринушка, милая! поѣдемъ ко мнѣ... Ты мнѣ тамъ все расскажешь... Ты знаешь, какъ покойный паленька... да и вся наша семья были близки къ Андрею Кириллычу...

— Я и такъ, Миропія Васильевна, хотѣла непременно у васъ побывать,—сказала она, когда мы съ ней сѣли въ экипажъ:—только думала еще къ преподобному Сергію сходить помолиться... Это ужь такъ Господь привелъ встрѣтиться съ вами у Матушки Владычицы. У меня и адресъ вашъ есть и городской, и деревенскій... мнѣ Михайла разыскалъ. Помните баринова камердинера? Онъ теперъ здѣсь, мѣста ищеть.

Еще бы не помнить это красивое, умное лицо. Маменька звала его англійскимъ лордомъ.

— А кто же... кто теперъ въ Ступиловкѣ?..

— Анна Андреевна и съ своимъ бариномъ. Ступиловку и всѣ деревни баринъ имъ и по духовной отдалъ; а деньги не имъ назначалъ. Только это ихъ приказаніе не исполняютъ.

— Почему не исполняютъ?

— Анна Андреевна въ судѣ хлопотали. Очень имъ обидно было чуть не поль-имѣнія въ чужія руки отдавать. А баринъ всѣмъ, кому при жизни помогалъ, и въ завѣщаніи отписалъ: родственники у нихъ небогатые были, да еще всѣмъ своимъ дворовымъ, да нашимъ городскимъ мѣщанамъ, музыкантамъ всѣ ихъ пчельники велѣлъ оставить: они при его жизни этимъ занимались; и еще много туда и сюда расписалъ на упокоеніе своей души.

— Ты говоришь, было завѣщаніе... Отчего не исполнили его?

— Тутъ ужь, говорятъ, самъ покойный баринъ виноватъ. Они въ этой бумагѣ словомъ однимъ ошиблись; а судьи за это слово запретили всю ихъ духовную.

Мы подѣхали къ нашему дому. Квартира наша была на лѣтнемъ положеніи: съ забѣленными стеклами, съ мебелью, сдвинутой на средину комнатъ для какихъ-то поправокъ, темная и душная. Но у насъ всегда оставались въ порядкѣ для пріѣзда моя спальня, кабинетъ мужа и чайная, куда я и привела Аринушку. Черезъ нѣсколько минутъ мы сидѣли съ ней за чаемъ, но мнѣ стоило большого труда усадить ее: она непременно хотѣла стоять, и только въ качествѣ богомолки, прошедшей тысячу верстъ, рѣшилась она сѣсть на одинъ изъ ящиковъ съ моими покупками и взялась за чашку чая.

— Аринушка милая, какъ же это случилось съ Андреемъ Кириллычемъ?... Долго ли онъ былъ боленъ?..—спросила я ее послѣ разныхъ вопросовъ о деревенскихъ и городскихъ знакомыхъ, которые я ей дѣлала, чтобы приготовиться выслушать то, что она мнѣ будетъ говорить.

— Да ужъ мы давно съ Михайлой замѣчали, что имъ все не по себѣ было: очень ихъ эта война сокрушила... Тоже Петра Александрыча очень жалѣли... А ужъ сколько хлопотъ было, какъ свою дружину собирали: сами всѣхъ стрѣлять выучили... А тутъ вдругъ миръ... Такъ они этимъ убивались, даже никого къ себѣ не принимали... А это у нихъ болѣзнь всего тринадцать дней была; они очень на половодьи простудились...

Она поставила чашку на ящикъ подлѣ себя, охватила колѣна худыми, загорѣлыми руками и начала говорить, уставя въ даль куда-то свои прелестные исплаканные глаза.

— Въ эту ночь морозъ былъ, а съ утра солнышко такъ по вешнему засвѣтило, только вѣтеръ холодный дулъ. Надѣли они легонькій казакинчикъ да охотничьи сапоги; взяли палочку—скользко было, и пошли. Михайла какъ ихъ провожалъ, на крыльцѣ остался... А мнѣ изъ чайной весь дворъ видно. Только они къ воротамъ пошли, ихъ мужиченко остановилъ, прямо въ ноги, кланяется, что-то просить. Баринъ съ нимъ поговорилъ, обернулся, махнулъ Михайлу, что-то посмѣялся съ нимъ и пошелъ; а мужиченко-то ему вслѣдъ кланяется, крестится, благодарить... Вышелъ баринъ за ворота и остановился. А у насъ тутъ двѣ дороги расходятся: одна въ городъ, другая на мельницу. Баринъ какъ будто подумалъ, подумалъ, куда итти, и пошелъ въ городъ. А мнѣ въ окошко-то долго было ихъ видно... смотрю да думаю: ужъ не тотъ нашъ баринъ... очень онъ за это время похудѣлъ, и что-то сердце у меня такъ и упало... Пришелъ Михайла, рассказываетъ, что это барычевскій пастухъ къ барину приходилъ, овдовѣлъ, жениться ему надо, а денегъ нѣтъ. Баринъ позвалъ Михайлу и говоритъ:

— Какъ намъ съ тобой теперь быть, Михайла? Если ко мнѣ подъ Красную Горку всѣ сосѣдніе женихи за деньгами повалятъ, такъ мнѣ самому, коли вздумаю, не на что будетъ свадьбу сыграть.

А мужиченко-то этотъ придурковатый, и говоритъ барину: «Тебѣ, Андрей Кириллычъ, можно до осени подождать: у тебя одна дочка и та замужемъ; а у меня семеро ѣсть просить, а печку некому топить. Такъ если мнѣ теперь не жениться, надо прямо въ петлю лѣзть».

Баринъ разсмѣялся, говорить:

— Вижу, вижу, плохо твое дѣло, надо тебя выручить. Дай ему, Михайла, чего просить, а ужъ я и вправду до осени подожду.

Разсказалъ это мнѣ Михайла, мы съ нимъ посмѣялись и пошли по своимъ дѣламъ, только у меня сердце нѣтъ, нѣтъ, да и занаетъ. Первый часъ пошелъ, а барина все нѣтъ. Солнышко заволокло, вѣтеръ такъ и заговорилъ, а баринъ по вешнему одѣтъ. За что ни возьмусь, все у меня изъ рукъ валится, хожу, только по окошкамъ гляжу. Вижу, и Михайлѣ не терпится: за ворота побѣжалъ, стоитъ на порогочкѣ, изъ-подъ руки на дорогу смотреть... Глядѣлъ, глядѣлъ, да

и бѣжитъ назадъ, машетъ мнѣ, что, дескать, баринъ... Я гляжу, ничего не пойму: по дорогѣ бѣжитъ лошаденка въ розвальняхъ, баринъ сидитъ, править, кнутомъ помахиваетъ, рядомъ съ нимъ баба, а вдоль саней мужикъ лежитъ, положомъ накрытъ, одна шапка видна. Лошаденка вся заиндивѣла, положъ на мужикѣ коломъ торчитъ; баба сидитъ окоченѣлая, у барина все платье мерзлое, а самъ что-то съ собой смѣется... Въ ворота не въѣхали, прямо къ больницѣ повернули...

Она остановилась. Я не смѣла поднять на нее глазъ: мнѣ слышно было, что она тихо плачетъ.

— Какъ баринъ-то нашъ у воротъ стоялъ и дорожку себѣ выбиралъ, это его смерть на дорогу въ городъ поманила, — начала она такимъ трогательнымъ голосомъ, что я ужъ не могла удержать моихъ слезъ. — Есть, Миронія Васильевна, у Митрофанія угодника, откуда я теперь пришла, старецъ такой блаженный, такъ онъ мнѣ говорилъ, что Господь Богъ каждую человѣческую душеньку очень жалѣетъ, и тогда только за ней посылаетъ, когда человѣкъ чѣмъ-нибудь свои грѣхи покрылъ... А вѣдь баринъ, какъ по этой дорогѣ пошелъ, три души спасъ... Прошелъ онъ эдакъ версты четыре и слышитъ — бабѣй голосъ кричитъ: «Батюшки!.. родимые!.. тонемъ!..» Онъ туда на голосъ. А тамъ баба съ больнымъ мужемъ по зимнему черезъ ручей поѣхала и провалилась; сама на сносяхъ, а мужикъ какъ пласть лежитъ, ни рукой, ни ногой шевельнуть не можетъ: она его къ намъ въ больницу везла. Баринъ не долго думалъ, къ нимъ; провалился, вода ему по грудь. Мужика вынулъ, на берегъ вынесъ; бабѣ помочь выбраться; она голосить, что лошадь утонетъ... Онъ и лошадь вывелъ и розвальни вывезъ... Простудился ли онъ, надорвался ли, только какъ послѣ этого слегъ, такъ и не вставалъ... А мужикъ-то этотъ, Миронія Васильевна, выздоровѣлъ у насъ, и его баба мальчика у насъ родила!.. Баринъ, какъ больной лежалъ, не все безъ памяти былъ; разъ ночью и спрашиваетъ Михайлу: «А что эти... что въ ручѣ тонули?..» Михайла докладываетъ, такъ и такъ, мужикъ выздоравливаетъ, а баба въ тотъ же день у насъ въ больницѣ мальчика родила. Баринъ такъ размѣялся: «Ну, ужъ это мой крестникъ будетъ; дай имъ на крестины, да кумѣ, какъ баринѣ, золотой на зубокъ». Да!.. такъ ужъ Господу угодно было: они живы остались, а баринъ нашъ скончался... И лежалъ онъ въ гробу какъ живой; только лицо было строгое, какого мы у живого никогда не видали... Трое сутокъ его не хоронили, такъ всѣ три дня и три ночи столько народу около него стояло, точно въ свѣтлую заутреню. Изъ города всѣ господа перебывали, а народъ со всѣхъ сторонъ такъ и валилъ, даже Анна Андреевна запретить хотѣла. Стояли они съ гостями за панихидой, а барычевскій пастухъ пришелъ со всѣми семерыми ребятами; двоихъ на рукахъ принесъ; всѣхъ къ барину прощаться поднимаетъ; молится, плачетъ, по-крестьянски смор-

кается... Такъ это Аннѣ Андреевнѣ было непріятно, что она дверь въ залъ запереть велѣла. Ужъ на это имъ Михайла осмѣлился сказать: «Воля ваша, а къ покойнику дверей не запирають, и нашъ батюшка вамъ то же скажетъ. Да и баринъ нашъ живой былъ, никѣмъ не брезговаль, а къ покойному и къ царю всѣхъ пускають». Очень недовольна была Анна Андреевна, что онъ смѣлъ противъ нея сказать, ну, а все-таки приказъ отмѣнила. Очень она Михайлу не любила, какъ и маленькая тутъ жила; а теперь какъ пріѣхала къ больному барину, вошла къ нему, а Михайла около постели сидитъ. Вскочилъ онъ, поклонился, къ дверямъ отошелъ. Баринъ сейчасъ Анну Андреевну узналъ, около себя велѣлъ сѣсть. Она ему что-то по-французски сказала, а баринъ ей по-нашему отвѣтилъ: «У насъ съ тобой, Анюта, секретовъ нѣтъ; а Михайлѣ надо тутъ быть, около меня, когда ко мнѣ смерть придетъ. Онъ ко мнѣ никого безъ доклада не пускалъ, такъ теперь и объ ней пускай онъ же мнѣ доложить...» А Михайла, какъ баринъ заболѣлъ, не пилъ, не ѣлъ, не спалъ; только я ему на ночь крѣпкаго чаю налью, чтобы ему не дремать... На самое Благовѣщенье, какъ въ большой колоколь къ обѣднѣ ударили, опомнился баринъ, спрашиваетъ Михайлу: «Какой праздникъ?» Тотъ говоритъ: «Благовѣщенье». Баринъ точно обрадовался. «Помнишь,—говоритъ,—Михайла, какъ мы съ тобой мальчишками въ этотъ день въ Москвѣ птицъ выпускали?.. Пошли-ка попросить ко мнѣ батюшку, причастить меня... Можетъ, сегодня Господь освободитъ мою душу, какъ птичку, изъ моего грѣшнаго тѣла».

Аринушка замолчала и плакала. А передо мной вставалъ знакомый мнѣ залъ, полный народа.. гробъ... и въ гробѣ покойникъ со строгимъ лицомъ... Такъ нѣтъ ужъ этого человѣка, который такъ много для меня значилъ... Онъ умеръ... и не было около него такой близкой женской души... которая бы не дала ему умереть!.. Тутъ была его дочь... а онъ, умирая, не хотѣлъ около себя никого, кромѣ своего вѣрнаго слуги...

— Миропія Васильевна! позвольте мнѣ съ вами съ одной поговорить!.. Мнѣ очень... очень нужно!—заговорила, вставая съ своего мѣста Аринушка, какимъ-то особеннымъ страстнымъ тономъ, который точно разбудилъ меня. Я не поняла, чего она отъ меня хочетъ: мы съ ней были однѣ. Правда, что всѣ двери были открыты, и моя горничная раза два заглядывала въ дверь узнать, не нужно ли мнѣ что-нибудь.

— Миропія Васильевна!.. Ради Бога не откажите!.. Выслушайте меня, мнѣ очень, очень нужно вамъ сказать.

Она была такъ взволнована, что я вдругъ поняла, чего ей отъ меня было нужно.

— Пройди сюда, въ мою спальню, Аринушка. Я сейчасъ къ тебѣ приду; мнѣ только надо распорядиться

Да, я догадалась. Я ужъ знала, что не только горе, но и нужда вызыватьъ это волненіе. Завѣщаніе не утвердили, дворовымъ ничего не дали... Мой мужъ очень добръ и богатъ, такъ что много разъ взволнованные и печальные люди уходили отъ насъ радостные. А теперь... такое было бы счастье исполнить, насколько можно, волю его... покойника...

Когда я куда-нибудь уѣзжала, мой мужъ вкладывалъ мнѣ всегда въ одно изъ отдѣленій моего бумажника сколько-нибудь лишнихъ денегъ, которыя называлъ: «*toi en cas*»¹⁾. И теперь, когда онъ провожалъ меня, съ сыномъ на плечѣ, усаживая, цѣлуя и крестя меня, онъ сказалъ: «*je t'ai mis un bon en cas*»²⁾. Я вспомнила, какъ въ это время мой мальчикъ, счастливый, что забрался такъ высоко, не только пересталъ плакать, что я уѣзжаю, а быстро посыпалъ мнѣ воздушные поцѣлуи и махалъ ручонкой, чтобы я скорѣй ѣхала и не вздумала брать его отъ отца... Это все было такъ хорошо тогда... а теперь мнѣ казалось, что это было давно, давно, и какъ-то странно отошло отъ меня. Теперь самое важное сдѣлать то, что хотѣлъ онъ... покойникъ...

Когда я взялась за ручку двери кабинета, ко мнѣ подошла моя горничная. Это была новая, московская горничная; ее со мной отпустили потому, что она хорошо знала Москву; но она какъ-то всегда появлялась не во время.

— Какъ же вы мнѣ теперь прикажете, барыня? Надо къ Минангуа сходить; да Анфиса Дмитріевна велѣла мнѣ кое-что для нихъ въ городѣ купить... мнѣ и самой тамъ нужно; тоже и сестру, барыня, позвольте повидать... Не прикажете ли, я вамъ сейчасъ столъ накрою, а тогда, какъ вамъ будетъ угодно, дворникъ въ клубъ за обѣдомъ сбѣгаетъ... вѣдь Иванъ за покупками для барина пошелъ. Безъ меня вамъ тутъ дворникъ послужить, а я часамъ къ пяти приду. Семень говоритъ, баринъ приказалъ, чтобы намъ отсюда холодкомъ ѣхать...

Я ее тотчасъ отпустила. Мнѣ трудно было ее слушать: голосъ у ней такъ и звенѣлъ, а у меня болѣла голова.

Въ отдѣленіи моего «*en cas*»³⁾ были двѣ сторублевья бумажки. Какъ хорошо... Одну ей, другую Михайлѣ... Надо только хорошенько ей дать.

Я сложила бумажки каждую отдѣльно, положила ихъ въ карманъ и рѣшила дать ихъ Аринушкѣ прежде, чѣмъ она успѣетъ меня попросить. Дамъ ей и скажу: «Мнѣ хочется, чтобы желаніе вашего покойнаго барина было хоть сколько-нибудь исполнено. Вотъ тебѣ и Михайлѣ, что у меня теперь есть; а потомъ мы съ мужемъ еще пришлемъ вамъ».

¹⁾ Тебѣ на случай.

²⁾ Я тебѣ положилъ на случай,

³⁾ На случай.

XIV.

Я вышла въ спальню. Въ углу у меня стоялъ кіотъ съ старинными головинскими образами съ строгими темными ликами въ богатыхъ окладахъ. Рядомъ на стѣнѣ былъ образъ моей няни въ фольговой ризѣ; она меня благословила имъ, умирая. Передъ нимъ висѣла ея зажженная лампадка, съ привѣшеннымъ ко дну фарфоровымъ личкомъ; я имъ какъ-то, еще маленькая, съ пей похристовалась. Аринушка точно замерла въ земномъ поклонѣ передъ этими образами и не поднималась, когда я вошла.

— Аринушка,—позвала я ее, счастливая, что могу ее утѣшить.

Она поднялась, обернулась ко мнѣ, и я испугалась блѣдности и страннаго выраженія ея лица.

— Аринушка, тебѣ дурно!—сказала я, подходя къ ней.

Она бросилась передо мной на колѣна и съ плачемъ припала къ моимъ ногамъ.

— Простите... простите меня окаянную... Христа ради простите... Меня къ вамъ старецъ прислалъ... «Иди, иди къ ней, къ ней,—велѣлъ мнѣ: —покайся ей во всемъ... Она тебя простить, можетъ тогда и Господь Милосердый тебѣ твой грѣхъ отпустить»... Простите... простите меня... Не погубите мою душуеньку...

— Аринушка милая! что съ тобой?.. Успокойся!.. За что мнѣ тебя прощать?.. Ты ни въ чемъ передо мной не виновата...—говорила я, совершенно растерянная, стараясь поднять ее.

— Не дотрогивайтесь до меня... Рукъ своихъ объ меня не марайте... Я ваша змѣя подколодная... Я съ колдуньей колдовала... Своего барина отъ васъ отворяживала...

— Аринушка?.. Что ты такое говоришь?..

— Правду... правду истинную... Какъ передъ Богомъ... Потому мочи моей нѣтъ... Днемъ, при людяхъ, хожу—ничего... А по ночамъ... боюсь, руки на себя наложу... Вѣдь онъ, какъ умиралъ, велѣлъ позвать меня... говорить: «Прости меня, Арина... Молись за меня грѣшнаго»... И вдругъ такъ чудно сказалъ: «За насъ съ тобой святая душа молилась... Мирочка... да, можетъ, и теперь еще молился»... И лицо у него стало такое радостное... Стало, онъ до послѣдней своей минуточки все объ васъ думалъ... А какъ бы вы тутъ были, около него... да, можетъ, дѣточки... онъ бы не умеръ... онъ бы живъ остался... А то жизнь-то ему не мила была... И я... я, окаянная грѣшница, всему виной... Онъ теперь тамъ все, все узналъ... потому и лежалъ въ гробу такой строгій... Ему-то живому... на огнѣ меня жги, не призналась бы... А ужъ вы... вы-то меня простите... Отпустите мою душу на покаянiе...

У меня закружилась голова, я упала въ кресло и закрыла лицо руками, стараясь понять что-нибудь.

— Аринушка! я, должно быть, совсѣмъ больна. Я что-то ничего не понимаю... Только ты успокойся... Я тебя прощаю... Я тебѣ все, все прощаю.

Она бросилась цѣловать мои ноги.

— Прощаете... Не знаете за что... а прощаете... Такъ перекрестите меня... Это на меня находить... А то вѣдь я все ничего... хожу, какъ и всѣ люди... Могу свое сердце удержать...

Я была какъ въ тяжеломъ кошмарѣ, но я перекрестила ее и положила ей на голову руку, какъ дѣлала моя мать, чтобы меня успокоить.

Она схватила мою руку, долго, долго ее цѣловала, потомъ обѣими руками прижала ее къ груди.

— Хватились вы послѣ баринова маскарада, что у васъ локонъ отрѣзанъ? Это я, какъ вамъ прическу поправляла, для ворожей отрѣзала. Она велѣла побольше, я весь и отхватила... Думала, умру, когда у меня ножницы скрипнули, а вы въ зеркало на меня взглянули: ну, думаю, увидала... А вы мнѣ: «Аринушка, что ты такъ испугалась? Должно быть, не сладишь съ этой прической; она мудреная. Попробуй, подколи мнѣ вотъ такъ... повыше. А не удастся, тогда маменьку сюда попросимъ, она мнѣ устроить». А я зажала въ рукѣ локонъ, что отрѣзала; другой рукой волосы вамъ подшиливаю, смотрю на васъ въ зеркало и злюсь, и радуюсь: «Хороша ты, хороша, и добра и ласкова, ну, а теперь погоди... онъ тебѣ не достанется... не будешь ты имъ такъ командовать»... Потому вижу, этотъ балъ онъ для васъ одной готовилъ. Я какъ только увидала на дѣвичникѣ у Юліи Владимировны, какъ онъ съ вами по гостиной ходилъ, разговаривалъ, такъ у меня сердце и закипѣло. Мнѣ ли его лица не знать... Онъ чуть бровью поведетъ, я все понимаю: а такого его никогда не видала. Онъ ко всѣмъ къ этимъ... къ дамамъ... съ усмѣшкой... а тутъ... Господи. Онъ такъ развѣ только въ церкви на образа смотрѣлъ...

Неужели все это не кошмаръ... Неужели на-яву стоитъ передо мною на колыньяхъ эта женщина и все это мнѣ говорить... сердце у меня сильно билось, въ виски стучало, голова страшно болѣла. У меня не было силы сдѣлать какое-нибудь движеніе, сказать слово. Это состояніе было ужасно... Но если бъ я и могла, я бы не запретила ей говорить. Мнѣ казалось, что я все должна выслушать, что она хочетъ сказать мнѣ... все, до конца... Теперь она говоритъ что-то о своемъ дѣтствѣ, о своей деревнѣ, и то, что она говоритъ, не можетъ отвлечь меня отъ тѣхъ мучительныхъ мыслей, которыя поднялись у меня въ головѣ, послѣ того, что уже она мнѣ сказала... Я стараюсь въ нихъ разобраться, но въ то же время слышу и отрывки того, что она мнѣ говорить теперь.

— А вѣдь я-то видѣла, какъ вы на дѣвичникѣ съ нимъ къ террасѣ подошли и что-то ему показывали. Ну, ужъ у меня тутъ все

время сердце такъ и кипѣло... Какъ все это шили и приготовляли въ городѣ и у насъ, онъ два раза домой пріѣзжалъ, смотрю, смотрю... не тотъ мой баринъ... Бывало, вездѣ у него дома занятіе: въ оранжереяхъ, съ пѣвчими, съ музыкантами... у себя въ кабинетѣ сидитъ. пишетъ, читаетъ... А тутъ ходитъ взадъ и впередъ, то по залу, то по кабинету, то по всѣмъ комнатамъ пройдетъ... и все что-то думаетъ... Почту привезли: ужъ онъ, бывало, на нее такъ и кинется; письма, газеты, книги разныя перебираетъ, Михайлу крикнетъ: «Разрѣзываетъ, братецъ». А тутъ взялъ какое-то письмо, распечаталъ... да и не глядитъ въ него... задумался... А ужъ я-то знаю, объ комъ его дума... Другіе ничего не видятъ, потому у всѣхъ кругомъ себя что-нибудь да есть, а у меня-то на всемъ бѣломъ свѣтѣ онъ одинъ... Вотъ тутъ, Миропія Васильевна, и попуталъ меня лукавый. Жила у насъ на дворѣ старая, старая старуха-ворожея, говорятъ, баринъ дѣдушка ее съ войны изъ чужихъ земель привезъ, дѣвочка къ ней была приставлена, баринъ ей и чай и сахаръ выдавать велѣлъ. Такая она была старая, что почти съ печки не слѣзала; а по всему такому все могла: воровство ли, испортятъ ли кого, все къ ней да къ ней. Какъ баринъ-то меня... забывать сталъ... я все къ ней бѣгала, помочь просила... Ну, она божится: «Привороживать не могу!.. Мнѣ ли, говоритъ, твоего горя не жалѣть!.. а не могу!.. Всю жизнь мою промаялась, корня этого проискала, найти не могла... А вотъ, говоритъ, если тебѣ надо его любушку отъ него отворожить, это я могу сейчасъ: только ты мнѣ ея волосы принеси». Кланяюсь ей въ ноги, даю деньги: «Отворожи!..» Денегъ она не взяла: «Это, говоритъ, наше горе женское, за это я денегъ не беру. Принеси мнѣ ея волосы, и, если это у нихъ вновѣ, я въ три зори отворожу». И какъ это мнѣ, Миропія Васильевна, все хорошо лукавый подвелъ! Пріѣхала я въ городъ, ножницы все время за пазухой ношу, а гдѣ бы мнѣ безъ него, окаяннаго, волосъ вашихъ достать! Съ дворовыми вашими ни съ кѣмъ не зналась, да и развѣ я смѣла кому это сказать!.. А тутъ, у насъ на балу, ужъ передъ ужиномъ, стою я въ уборной у двери. «Аринушка, поправь, пожалуйста, у меня волосы падаютъ...», а у дверей вашъ кавалеръ васъ дожидается, шпорами пощелкиваетъ. Сѣли вы передъ зеркаломъ, а мнѣ окаянный такъ и подсказываетъ... все мое дѣло ловко сдѣлала и прическу вамъ поправила; пошли вы, меня, злодѣйку, поблагодарили... Завернула я ваши волосы въ бумажку, ворожея такъ велѣла, положила ихъ за пазуху, и точно все мое горе какъ рукой сняло. Какъ пріѣхала домой, къ ворожеѣ побѣжала: «Ну, говорю, бабушка родимая, привезла тебѣ волосы... Развяжи ты мою душу!.. постарайся!» Сѣла она на печкѣ, ноги спустила, развернула бумажку, волосы понюхала (они у васъ душистые такіе были), пальцами пощупала и точно испугалась. «Никакъ, говорить, они пудренные!..» Я ей рассказала, такъ и такъ. Она долго,

долго сидѣла, головой качала, перебирала въ рукахъ ваши волосы. Я ей: «Что же ты, бабушка, молчишь, ничего мнѣ не скажешь?» А она: «Жаль мнѣ, жаль тебя, Арина! Эти пудренные волосы хитрые!.. Кто ихъ полюбитъ, не знаетъ, какіе они: черные, русые или рыжіе... Отъ такихъ кудрей, отъ пудренныхъ и я свою душу сгубила, ворожеей стала!.. Хороши ты волосы принесла мнѣ, хороши!.. такіе шелковые, да еще и пудренные... Ужъ, чай, они ему около души, какъ змѣи, обвилились!.. Гдѣ тутъ въ три зори... хоть бы въ тридцать три съ ними справиться!..» Я ей въ ноги... кланяюсь... плачу!.. «Пожалѣй меня, бабушка, постарайся!..» А она мнѣ: «Не проси меня, Арина, не проси: для себя самой буду стараться. Только ты теперь за бариномъ гляди: мнѣ надо впередъ за двѣ зорьки знать, когда онъ свою любушку повидать сберется. Ночи не буду спать, буду стараться... Можетъ, этимъ пудреннымъ кудрямъ, безжалостнымъ, я хоть передъ смертью отомщу!..»

Разсказывали, въ городѣ пожаръ былъ, много народу безо всего осталось. Баринъ ужъ всегда погорѣльцамъ хорошо помогалъ, и тутъ еще въ городѣ концертъ для нихъ затѣяли, онъ туда музыкантовъ послалъ и всѣмъ гостямъ говорилъ, что самъ онъ не поѣдетъ. Только вотъ въ концѣ Оминой баринъ за обѣдомъ сидѣлъ; къ нему изъ города нарочный пріѣхалъ; баринъ изъ обѣда вышелъ, пирожного не кушалъ, въ оранжерею пошелъ и за садовникомъ побѣжали. Я спрашиваю, что такое: «Букетъ дѣлають, за нимъ Петръ Александровичъ прислалъ». Слышу бариновъ голосъ... въ кабинетъ вошелъ... букетъ у него въ рукахъ; съ садовникомъ укладываютъ, чтобы не завялъ. Вдругъ баринъ приказываетъ: «Отшлите нарочного, я самъ въ городъ ѣду». Я къ старухѣ: «Ѣдетъ, бабушка, ѣдетъ!.. Не пропусти, не погуби меня»... Она лежитъ, молчитъ. Я къ ней на печку, толкаю ее: «Ѣдетъ въ городъ, ѣдетъ». Она точно спросонья: «Слышу... слышу»... а все лежитъ. Я ее за плечи подняла, кричу ей: «въ городъ уѣзжаетъ». Она опомнилась, сѣла, начала ваши волосы перебирать—они у ней всегда подъ подушкой лежали. А меня ужъ, слышу, по двору кричатъ: «Арина... Арина». Я вскочила... Михайло сердитый такой: «Давай бѣлье». Уѣхали... Я опять къ старухѣ, не уснула ли. Нѣтъ, сидитъ на печкѣ, качается, шепчетъ, волосы перебираетъ... Къ раннему утру баринъ назадъ пріѣхалъ, ходитъ по кабинету, блѣдный такой, никого къ себѣ не велѣлъ пускать. А на другой день, такъ послѣ полудня, прибѣжала къ намъ дѣвочка отъ старухи: «Батюшки, родимые,—кричитъ:—должно быть, старуха умерла!..» Мы всѣ туда.. А она, какъ сидѣла на печкѣ, запрокинулась, одну руку крестомъ на лобъ занесла, а въ другой ваши волосы зажали, около пальцевъ обмотаны, а изъ кулака кончики вьются... Къ батюшкѣ побѣжали, что съ ней дѣлать?.. Она не причащалась... Батюшка пришелъ, перекрестилъ ее. «Не намъ,—говоритъ,—разбирать сколько она грѣшна;

а какъ умирала, перекреститься хотѣла; съ крестнымъ знаменіемъ по ней отслужу». Стали бабы ее обмывать, ваши волосы увидали... Рука-то у ней заостенѣла... не вынешь... Ужь догадались: веретено ей въ кулакъ всунули... кости-то у ней такъ и хрустнули, какъ ихъ вынимали...

Я вскрикнула отъ ужаса... схватила ее за плечи: «Гдѣ же? Гдѣ они? Куда ихъ дѣвали?..»

Она опять обнимала мои колѣна, плакала, просила прощенья и говорила: «Сожгли!.. Сожгли, Мирошя Васильевна!.. Всѣ говорили, такъ надо... А я ужь тутъ была какъ полоумная, ни во что не вступалась... Вѣдь всѣ поднялись, что ее и хоронить-то нельзя, потому колдунья была... Такъ мнѣ-то какво было... вѣдь я съ ней колдовала!.. Баринъ пріѣхалъ, мужиковъ полонъ дворъ пришелъ; на колѣни стали, просятъ: «Не вели, кормилецъ, ворожею на кладбищѣ хоронить...» А баринъ имъ: «Я не знаю, была ли она ворожея, я у ней не ворожилъ. А по комъ нашъ батюшка панихиды служить; да кто у меня жилъ, кого я поилъ и кормилъ, того я честь честью и похороню. Вы не хотите, чтобы она была у васъ на кладбищѣ, такъ я ее у себя въ саду похороню. Только если кто до ея могилы посмѣетъ дотронуться, тотъ ужь мнѣ отвѣчать будетъ!» Это баринъ потому такъ сказалъ, что у Барычовыхъ ворожею похоронили, а ее ночью вырыли да въ оврагъ забросили...»

Въ открытое окно зазвучалъ ударъ колокола соседней церкви, и со всѣхъ сторонъ поднялся торжественный благовѣстъ къ праздничной вечернѣ. Аринушка встрепенулась, встала, перекрестилась нѣсколько разъ, потомъ опять упала передо мной на колѣни.

— Мирошя Васильевна! вотъ я вамъ весь мой грѣхъ сказала... исповѣдалась, какъ передъ Господомъ Богомъ... Вѣдь я пять лѣтъ не говѣла!.. не могла никакому священнику этого сказать: а вдругъ какъ-нибудь баринъ узнаетъ... Нашего батюшку все обманывала: въ городѣ говѣю. Теперь, если вы меня простите, у Сергія Троицы исповѣдаюсь, можетъ, и причаститься допустятъ... А оттуда я въ монастырь уйду, барина поминать и свои грѣхи замаливать. Есть такой монастырь, Дивѣвскій, гдѣ для насъ, грѣшницъ, хорошее, строгое житье... Меня туда старецъ посылаетъ. «Ты,— говорилъ мнѣ,— крестьянка родомъ, а руки у тебя какъ у барыни. Много тебѣ за этотъ твой грѣхъ надо работать и молиться». Онъ вѣдь меня къ причастію не допустилъ, велѣлъ прежде у васъ прощенье выпросить... А я и покаяться-то вамъ хорошенько не умѣла, какъ начала говорить, все у меня спуталось... А какъ шла-то сюда отъ Митрофанія угодника, только объ этомъ и думала... все вспоминала да въ умѣ складывала, чтобы вамъ сказать, ничего не пропустить... Много шло насъ, богомолкъ, съ разныхъ мѣстъ: идутъ онѣ и про божественное, и про свою сторону рассказываютъ, и кругомъ себя на рѣчки, на лѣсочки любятъ... А я иду, только

на дорожку гляжу да мои грѣхи тяжкіе вспоминаю, на посошокъ себѣ паматываю... Миропія Васильевна!.. вы было простили меня грѣшницу... а, можетъ, теперь, какъ все узнали, простить меня не можете!..

Я собрала всѣ силы, чтобы сказать, что прощаю ее, отъ всей души прощаю, ее тоже прошу простить меня, что я, хоть и невольно, дѣлала ее такой несчастной.

Она опять плакала и цѣловала мои руки:

— Я окаянная грѣшница, — говорила она: — не умеръ бы баринъ, какъ бы женился на васъ... И вы бы, можетъ, меня не выслали, оставили бы меня... Мнѣ бы вѣдь только одно надо было, хоть разъ въ день на него поглядѣть!..

Мое больное воображеніе представило мнѣ картину: онъ сидитъ у себя въ кабинетѣ, «запустилъ пальцы въ кудри, читаетъ»... Мнѣ читаетъ... я сижу подлѣ него... я его жена... А изъ-за занавѣса смотрятъ на насъ эти страстные, отчаянные глаза... Я ужъ видѣла такой взглядъ въ зеркалѣ, когда она отрѣзывала мой локонъ... Кровь бросилась мнѣ въ голову; въ первый разъ поднялось во мнѣ какое-то новое, мучительное, злое чувство... Я едва удержалась, чтобы не закричать ей: «Нѣтъ, нѣтъ!.. Я бы ни за что тебя не оставила!.. «Должно быть, тутъ въ первый разъ во мнѣ проснулась женщина.

Въ окно со всѣхъ сторонъ врывался радостный праздничный трезвонъ.

— Миропія Васильевна! Мнѣ сейчасъ надо уходить. Наши богомолки къ Василию Блаженному соберутся, къ преподобному Сергію съ ними пойду. Простили вы меня, грѣшницу, такъ сдѣлайте мнѣ, Христа ради, еще одну милость: помолитесь вмѣстѣ со мной объ упокоеніи души боярина Андрея.. Если вы, вмѣстѣ со мной, грѣшницей, объ немъ помолитесь, можетъ, баринъ тамъ меня пожалѣетъ... простить!..

Я стала рядомъ съ ней на колѣна... Какъ страстно шептала она молитву объ усопшемъ... Какъ горячо молилась!.. И мнѣ казалось, что если были и тяжкіе грѣхи у дорогого намъ обѣимъ покойника, они простятся ему, искренненныя любовью и молитвами этой жепцины.

В. Головина.

ВОСЕМЬ ЛѢТЪ ВЪ СИБИРИ ¹⁾.

XXVII.

ВѢСТЬ о новой газетѣ, предположенной Картамышевымъ, произвела бурю въ лагерѣ «сибирскихъ патриотовъ». Они почуяли, что нарождается соперникъ ихъ органамъ, соперникъ серьезный, идейный, достаточно вооруженный и деньгами и людьми, съ которымъ надо будетъ считаться. И рѣшено было принять всѣ мѣры, чтобы, не стѣсняясь средствами, дискредитировать новую газету въ глазахъ мѣстнаго общества. Кампанію, какъ и слѣдовало ожидать, началъ оберъ-патріотъ Ядринцевъ. Въ его «Восточномъ Обозрѣніи» появилась прежде всего характеристика личности новаго редактора. Картамышевъ превратился въ ссыльнаго, его газета объявлялась «органомъ уголовной ссылки», зазнавшейся, благодаря попустительству губернской администраціи. «Сибирскій Вѣстникъ»,—кричало «Восточное Обозрѣніе»,—не что иное, какъ наглый вызовъ уголовныхъ героевъ честному сибирскому обществу; послѣднее въ своихъ интересахъ должно на первыхъ же порахъ дать почувствовать Картамышеву, что оно не пойдетъ на его удочку, что оно цѣнитъ и останется вѣрнымъ старымъ, испытаннымъ своимъ руководителямъ и не нуждается въ органахъ уголовной ссылки.

За «Восточнымъ Обозрѣніемъ» разразилась иркутская «Сибирь»,

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СХХ, стр. 806.

собравшая во-едино и факты, и сплетни о буйномъ характерѣ Картамышева. Молчала только первое время «Сибирская Газета», даже не перепечатывала измышлений Ядринцева и «Сибири». Мнѣ думалось, что, зная о моемъ близкомъ участіи въ предпріятіи Картамышева, редакція «Сибирской Газеты» стѣсняется повторять злобныя нападки «Восточнаго Обозрѣнія», памятуя, кто былъ ея крестнымъ отцомъ въ 1881 году. Но потомъ оказалось, что редакція томской газеты предпочла отложить свои нападки на новаго собрата до появленія послѣдняго. Зато Ядринцевъ и «Сибирь» не унимались, сочиняя одну сплетню за другой: изъ органа ссылки «Сибирскій Вѣстникъ» превратился у нихъ въ офиціозъ мѣстной губернской администраціи, созданный для противодѣйствія мѣстной независимой печати, которая успѣла насолить администраціи такъ, что послѣдняя рѣшила къ цензурнымъ мѣрамъ борьбы прибавить свой, будто бы частный органъ съ спеціальною задачею—обѣлять исправниковъ и засѣдателей и прославлять губернаторовъ и высшее правительство. Параллельно этимъ общимъ лживымъ свѣдѣніямъ печатались уже прямо клеветы на Картамышева: будто онъ «околпачилъ» наслѣдника Хамина и на полученныя такимъ путемъ деньги намѣренъ издавать газету, на соблазнъ всѣхъ честныхъ людей.

Всѣ эти нападки, сплетни, клеветы раздражали Картамышева, бѣсили Красовскаго. Оба спрашивали меня:

— До чего же это дойдетъ? Неужели надо молчать и сносить всѣ пакости Ядринцева?

Красовскій намѣревался писать въ главное управленіе по дѣламъ печати, просить его оберечь администрацію отъ гнусныхъ клеветъ безцензурнаго «Восточнаго Обозрѣнія» (о «Сибири» онъ уже писалъ, по его словамъ, частное письмо иркутскому генералъ-губернатору). Я отсовѣтовалъ писать въ Петербургъ и высказалъ сожалѣніе о письмѣ въ Иркутскъ.

— Что же, по-вашему, дѣлать?—раздраженно спросилъ меня Красовскій.

— Теперь ничего,—отвѣтилъ я.—Придетъ время, будетъ своя газета, тогда Картамышевъ можетъ отвѣтить на всѣ факты и опровергнуть клевету, теперь это, къ сожалѣнію, невозможно: ни Ядринцевъ, ни мѣстныя газеты не напечатаютъ ни за что никакого, самаго спокойнаго письма Картамышева.

— Я могу,—волновался Красовскій,—требовать напечатанія офиціального опроверженія ложнаго сообщенія о томъ, что я будто бы создаю офиціозъ для прославленія высшей и прикрытія низшей администраціи, что я обманываю и министерство, и общество. Ядринцевъ, по закону, обязанъ напечатать мое опроверженіе, а «Сибири» прикажетъ напечатать генералъ-губернаторъ.

— Никакой пользы это не принесетъ,—старался я успокоить разбушевавашагося губернатора:—если вамъ и удастся добиться напечатанія вашего опроверженія, никто ему не повѣритъ; мало

того, оно послужитъ поводомъ къ новымъ прямымъ и косвеннымъ нападкамъ на васъ и на будущую газету. Опроверженіемъ клеветы объ офиціозѣ можетъ послужить только содержаніе газеты и ея отношеніе къ спорнымъ и некорректнымъ дѣйствіямъ мѣстной администраціи. Увидѣвъ, что газета не куритъ фиміамъ губернаторамъ, исправникамъ и засѣдателямъ, не покрываетъ ихъ неблагоприятныхъ дѣйствій, не защищаетъ ихъ самодурства, борется съ незаконіемъ и произволомъ, общество пойметъ безъ официальныхъ опроверженій, что оно имѣетъ дѣло съ независимымъ органомъ печати, всѣ глупыя нареканія и ложныя увѣренія въ офиціозности газеты прекратятся сами собой. Всякая излишняя суета можетъ только принести вредъ дѣлу, поселить въ обществѣ недоумѣнія и сомнѣнія, а, быть можетъ, и подозрѣніе, что дѣло дѣйствительно не чисто.

— Пожалуй, вы правы, буду молчать, моя совѣсть чиста. Но, если поступитъ запросъ изъ министерства, я сумѣю отвѣтить такъ, что Ядринцевъ останется доволенъ.

Красовскій умолкъ. Я поспѣшилъ откланяться.

XXVIII.

Пасха приближалась. Помнится, на вербной недѣлѣ получилъ разрѣшеніе на изданіе «Сибирскаго Вѣстника», Красовскій вызвалъ Картамышева и вручилъ ему «свидѣтельство» на изданіе газеты и еще разъ пожелалъ успѣха.

Картамышевъ прилетѣлъ ко мнѣ. Надо было думать о скорѣйшемъ выпускѣ газеты, условиться съ типографіей, заготовить статьи для перваго нумера, составить объявленіе о подпискѣ и проч., и проч.

Макушинъ любезно согласился печатать «Сибирскій Вѣстникъ» въ своей отличной типографіи на сносныхъ денежныхъ условіяхъ; «Сибирская Газета» напечатала объявленіе о подпискѣ на новую газету, большія объявленія нашей редакціи, напечатанныя на отдѣльныхъ листахъ, были расклеены по городу и висѣли во всѣхъ большихъ магазинахъ главной улицы. Подписка принималась въ книжномъ магазинѣ Макушина и въ фотографіи Картамышева.

Выходъ перваго нумера былъ назначенъ въ четвергъ, 16 мая. На первое время мы рѣшили выпускать газету одинъ разъ въ недѣлю, по четвергамъ, хотя и имѣли право выпускать ее до трехъ разъ въ недѣлю. Дабы возможно шире оповѣстить публику о новой газетѣ, мы послали объявленіе о подпискѣ въ наиболѣе распространенныя газеты Петербурга и Москвы, въ иркутскую «Сибирь» и въ ядринцевское «Восточное Обозрѣніе». Всѣ избранныя нами

газеты, даже «Сибирь», напечаталъ наше объявленіе безъ всякихъ затрудненій, одно «Восточное Обозрѣніе» наотрѣзъ отказалось его напечатать и вернуло намъ деньги. Лейбъ-органъ сибирскихъ патріотовъ остался вѣрнопъ себѣ и счелъ себя обязаннымъ скрыть отъ своихъ читателей выпускъ въ свѣтъ ненавистнаго Ядринцеву «Сибирскаго Вѣстника». Мы, разумѣется, посмѣялись этому злобному приему борьбы, доказывавшему лишь одно—что Ядринцевъ не на шутку праздновалъ труса и не вѣрилъ самъ въ силу своего предупрежденія. И онъ былъ правъ: подписка, открытая въ самое неблагоприятное время, шла болѣе, чѣмъ успѣшно: къ маю «Сибирскій Вѣстникъ» имѣлъ уже болѣе 500 подписчиковъ.

Я былъ поглощенъ составленіемъ постояннаго редакціоннаго кружка и желалъ блеснуть первымъ номеромъ. Очень обрадовался я, когда Полянскій взялся писать фельетоны текущей общественной жизни, для хроники, преимущественно томской, я нашелъ нѣмца—А. А. Дикгофа, который всегда зналъ все, что дѣлается въ городѣ, нашелся еще одинъ полезный сотрудникъ, знакомый съ горнымъ дѣломъ, служившій долго на Алтайскихъ горныхъ заводахъ—А. О. Станиславскій, жившій въ Томскѣ, въ данную минуту безъ опредѣленныхъ занятій. Эти лица, вмѣстѣ со мной и Картамышевымъ, составили первый рабочій кружокъ «Сибирскаго Вѣстника».

Второй разъ приходилось мнѣ выпускать первый номеръ новой томской газеты. Какъ и четыре года раньше, хотѣлось, чтобы номеръ былъ полонъ и интересенъ. Руководящая статья была мною написана скоро (программа была ясна, какъ день, и изложеніе не представило ни малѣйшаго затрудненія), А. А. Дикгофъ доставилъ во-время полную и интересную городскую хронику, П. М. Полянскій написалъ умный и талантливый фельетонъ; недоставало только корреспонденцій, и я начиналъ опасаться, что и не получу ихъ къ первому номеру. Опасеніе мое, однако, не оправдалось: едва только достигла вѣсть о новой газетѣ въ главные города Сибири (Тобольскъ, Тюмень, Красноярскъ, Енисейскъ, Иркутскъ), какъ въ редакцію стали приходиться ежедневно сначала сочувственныя письма, съ выраженіемъ пожеланій успѣха и съ предложеніемъ сотрудничества, а затѣмъ статьи и корреспонденціи, такъ что къ первому номеру редакція имѣла уже въ своемъ распоряженіи нѣсколько писемъ, изъ которыхъ могла составить двѣ-три интересныя корреспонденціи. Прислали и любопытную историческую статью изъ прошлаго Сибири, которую я рѣшилъ пустить въ концѣ, послѣ всего текущаго матеріала. Въ общемъ, получился разнообразный, интересный, полный текущихъ свѣдѣній номеръ. Городская подписка въ день выхода перваго номера значительно возросла, въ розницу было продано болѣе 200 экземпляровъ (въ Томскѣ—явленіе небывалое). Мы торжество-

вази. Гнусная травля Ядринцева и Комиг. сослужила намъ прекрасную службу: она заинтересовала мѣстное общество, спѣшившее познакомиться съ новой газетой, провѣрить пущенные о ней слухи. Прибывала подписка и изнутри Сибири. Столичная, петербургская и московская, печать встрѣтила нашу газету сочувственно и выразила недоумѣніе, почему ее такъ злобно травлила старая мѣстная печать. Послѣдняя, однако, не утомилась. На этотъ разъ кампанію открыла ближайшая сосѣдка—«Сибирская Газета», разразившись длиннымъ возраженіемъ на нашу первую руководящую статью. Газета Адріанова глубокомысленно твердила, что Сибирь—колонія Россіи, ссылалась на Ядринцева, Ропера, Леруа-Болье, признававшихъ Сибирь колоніей Россіи, доказывала, что Сибирь должна развиваться внутри себя и для себя, улучшать сначала внутренніе пути сообщенія, создавать внутри страны промышленность, развивать мѣстное земледѣліе, скотоводство, сельскіе промыслы и торговлю, а потомъ уже думать о грандіозныхъ внѣшнихъ путяхъ сообщенія и т. д. все въ старомъ, ядринцевскомъ духѣ, на тему: Сибирь для сибиряковъ, Сибирь—русская Америка и ей слѣдуетъ идти по стопамъ американскимъ. Не обошлось, конечно, въ заключительномъ аккордѣ безъ дружескихъ намековъ на зловредность личнаго состава редакціи «Сибирскаго Вѣстника», на сотрудничество въ новой газетѣ самыхъ видныхъ уголовныхъ ссыльныхъ; не забыла «Сибирская Газета» повторить и сплетню объ особомъ покровительствѣ, оказываемомъ «Сибирскому Вѣстнику» мѣстной администраціею. Словомъ, добрая сосѣдка вполне вознаградила себя за долгое воздержаніе и зашла въ унисонъ съ «Сибирью» и «Восточнымъ Обзорніемъ». Послѣднее не останавливалось ни передъ чѣмъ: когда въ гайдебуровской «Недѣлѣ» г. Абрамовъ напечаталъ, что «Сибирскій Вѣстникъ» рѣзко выдѣляется въ ряду другихъ сибирскихъ газетъ своей литературностью и умѣлымъ веденіемъ газеты, Ядринцевъ не затруднился напечатать, что въ литературности и въ умѣломъ веденіи дѣла и заключается главный вредъ «Сибирскаго Вѣстника», ибо подкупающая внѣшность газеты помогаетъ умѣлой редакціи скрывать свою вредную сущность.

Иркутская «Сибирь» повторяла сужденія Адріанова и Ядринцева, дополняя ихъ сплетнями своихъ томскихъ корреспондентовъ.

Это дружное тріо продолжало свою упорную травлю, нисколько не смущаясь ни совѣстью, ни правдой, все считалось пригоднымъ: и сплетня, и клевета, и явная ложь,—лишь бы она вела къ цѣли, преслѣдуемой дружнымъ тріумвиратомъ.

Но достигнуть цѣли имъ все-таки не удалось. «Сибирскій Вѣстникъ» погубить оказалось не подъ силу ни клеветѣ, ни злобѣ, ни сплетнѣ. Подробное простое искреннее объясненіе Картамышева, напечатанное въ одномъ изъ первыхъ номеровъ «Сибирскаго

Вѣстника», удовлетворило всѣхъ честныхъ правдивыхъ людей и привлекло къ новой газетѣ симпатіи самыхъ разнообразныхъ сферъ. Редакція начала получать выраженія сочувствія отъ такихъ кружковъ, которые, казалось бы, всего болѣе должны были относиться къ новой газетѣ подозрительно, особенно въ виду слуховъ объ ея офиціозности: начали поступать статьи и корреспонденціи отъ политическихъ ссыльныхъ. Дѣло, очевидно, росло, газета становилась прочно на ноги.

Въ іюнѣ Томскъ былъ ошеломленъ внезапною вѣстью о скоропостижной смерти И. И. Красовскаго.

Губернаторъ жилъ на дачѣ, нанимая домъ на заимкѣ купца Исаева, расположенной въ трехъ верстахъ отъ города. Ив. Ив. чувствовалъ себя, повидимому, хорошо, ни на какое недомоганіе не жаловался, каждый день аккуратно ѣздилъ въ городъ и занимался дѣлами до 3—4 часовъ дня. Утромъ въ роковой день онъ, по обыкновенію, пріѣхалъ на службу къ 10 часамъ, принималъ просителей и назначенные въ этотъ день доклады до 3 часовъ, потомъ поѣхалъ съ визитомъ къ проѣзжавшей на Амуръ супругѣ амурскаго генераль-губернатора баронессѣ Корфъ, пробылъ у нея недолго и возвратился на дачу въ началѣ пятого часа. Въ ожиданіи обѣда Ив. Ив. занялся просмотромъ привезенныхъ изъ города бумагъ. Остановившись на одномъ поданномъ ему утромъ прошеніи, губернаторъ приказалъ дежурному конному разсылному сейчасъ же ѣхать въ городъ и пригласить къ нему полицеймейстера. На смѣну разсылному въ кабинетъ вошла Ольга Ѳедоровна и пригласила дядю обѣдать. Обѣдъ прошелъ спокойно, И. И. весело рассказывалъ Ольгѣ Ѳедоровнѣ о своемъ визитѣ къ баронессѣ Корфъ, былъ бодръ и не жаловался ни на усталость, ни на утомленіе. Въ концѣ обѣда доложили о прибытіи помощника полицеймейстера И. А. Игнатовскаго (М. А. Архангельскаго разсылный не нашелъ).

Красовскій приказалъ пригласить его въ свой кабинетъ, и самъ направился туда же, попросивъ прислать ему кофе.

Войдя въ кабинетъ и поздоровавшись съ Игнатовскимъ, губернаторъ взялъ со стола отложенную въ сторону жалобу и, протягивая ее помощнику полицеймейстера, сказалъ:

— Прочтите.

Игнатовскій углубился въ жалобу, а губернаторъ взялъ чашку поданнаго ему кофе и, глотая его, не спускалъ глазъ съ читавшаго жалобу. Замѣтивъ, что жалоба прочитана, И. И. всталъ и на ходу спросилъ Игнатовскаго:

— Прочли? Что скажете?

Одновременно съ губернаторомъ всталъ и помощникъ полицеймейстера. По словамъ послѣдняго, губернаторъ, приблизившись къ нему вплотную, началъ быстро и горячо обвинять въ чемъ-

то городскую полицію, вдругъ пошатнулся и упалъ прямо на него, такъ что онъ едва удержался на ногахъ. На его звонокъ явился дежурный курьеръ, пришла Ольга Федоровна, общими усиліями они положили Ивана Ивановича на большой турецкій диванъ, замѣнявшій ему постель, и послали верхового за докторами, въ ожиданіи которыхъ Ольга Федоровна, думая, что дядя въ обморокъ, пыталась привести его въ чувство домашними средствами.

Черезъ часъ пріѣхали инспекторъ врачебной управы д-ръ Маткевичъ и Ф. Ф. Оржешко. Они осмотрѣли больного и констатировали смерть отъ апоплектического удара. Верховой полетѣлъ въ городъ сообщить грустную вѣсть Н. Н. Пѣтухову. Послѣдній посѣщилъ въ заимку, по дорогѣ онъ встрѣтилъ Картамышева и сообщилъ ему о случившемся. Картамышевъ сейчасъ же пріѣхалъ сообщить печальную новость мнѣ. Мы рѣшили на утро выпустить прибавленіе къ послѣднему, вышедшему наканунѣ номеру «Сибирскаго Вѣстника», дабы возможно скорѣе оповѣстить своихъ читателей о внезапной кончинѣ томскаго губернатора и сказать о покойномъ нѣсколько теплыхъ словъ.

Картамышевъ сѣлъ писать некрологъ, я поѣхалъ предупредить типографію объ экстренной работѣ.

На другой день, съ ранняго утра, прибавленіе съ некрологомъ Красовскаго было сдано на почту для разсылки подписчикамъ газеты и ходко продавалось весь день на улицахъ Томска.

Въ городѣ смерть Красовскаго произвела большое впечатлѣніе и вызвала единодушное сожалѣніе: къ покойному уже успѣли привыкнуть, его искренно полюбили, какъ человѣка прямого, доступнаго, всегда доброжелательнаго, готоваго выслушать и помочь каждому обиженному, прибѣгавшему къ его помощи, защитѣ, содѣйствію. Обыватели охотно прощали доброму старику излишнюю иногда рѣзкость, придирчивость, требовательность, раздражительность, зная отлично, что злоба, злопамятность, месть, пристрастіе, двоедушіе чужды его характеру. За два года всѣ, кому приходилось имѣть дѣло съ губернаторомъ, убѣдились воочію, что хитростью и обманомъ невозможно обойти Красовскаго, что съ нимъ надо дѣйствовать на чистоту, прямо и честно, не прибѣгая ни къ какимъ уловкамъ и ухищреніямъ. И все хитрое, пробывавшееся стороною, задними ходами, встрѣчало съ его стороны открытое, прямое, упорное противодѣйствіе. Такую завидную репутацію успѣлъ создать себѣ Красовскій въ недолгое управленіе Томской губерніей. Не удивительно поэтому, что извѣстіе объ его внезапной кончинѣ возбудило искреннее сожалѣніе всего городского населенія. Въ день перевоза тѣла покойнаго томскіе обыватели расположились сплошными шпалерами вдоль всего трехверстнаго протяженія, отдѣлявшаго заимку Исаева отъ города. Эта громадная толпа, растянувшаяся по обѣ стороны дороги, съ ранняго утра терпѣливо

ждала печальной колесницы, пропустивъ которую, шпалеры сдвигались и слѣдовали за гробомъ сплошной толпой до самого собора. Этого по истинѣ грандіознаго шествія всего городского населенія за гробомъ любимаго губернатора забыть нельзя. Томскіе старожилы, люди 60—70 лѣтъ, увѣряли меня, что въ Томскѣ никогда никого не хоронили съ такимъ единодушнымъ сожалѣніемъ.

Гробъ былъ поставленъ въ соборѣ на высококомъ катафалкѣ, начались обычныя панихиды, первую служилъ епископъ томскій и семипалатинскій, преосвященный Владимиръ, котораго покойный очень любилъ и уважалъ, въ сослуженіи со всѣмъ городскимъ духовенствомъ. Соборъ былъ биткомъ набитъ народомъ.

Черезъ день состоялось погребеніе Ивана Ивановича на кладбищѣ Алексѣевскаго монастыря, въ присутствіи всего городского населенія. Толпа была такъ велика, что не могла помѣститься вся за оградой кладбища, весьма значительная часть ея занимала весь дворъ монастыря. При отпѣваніи, по окончаніи богослуженія, послѣ вѣчной памяти, преосвященный Владимиръ сказалъ теплое слово, посвященное памяти усопшаго.

Гробъ вынесли изъ собора и несли на рукахъ до кладбища, гдѣ у могилы была отслужена послѣдняя литія, и гробъ опустили въ могилу.

Иванъ Ивановичъ оставилъ духовное завѣщаніе, которымъ все свое имущество передалъ въ собственность Ольгѣ Ѳеодоровнѣ съ тѣмъ, чтобы его тѣло было обязательно погребено въ Троице-Сергіевой лаврѣ (близъ Москвы). Душеприказчикомъ своимъ, на случай смерти въ Томскѣ, Красовскій избралъ томскаго купца Е. М. Голованова, который пользовался особой симпатіей и довѣріемъ покойнаго.

Ольга Ѳеодоровна приступила къ продажѣ завѣщаннаго ей имущества, такъ какъ не имѣла другихъ средствъ для исполненія воли покойнаго о погребеніи его тѣла въ Сергіевой лаврѣ. Все имущество заключалось въ экипажахъ, лошадяхъ и въ квартирной обстановкѣ. Все это удалось продать скоро и хорошо, томичи расхватывали вещи любимаго губернатора очень охотно, каждый по состоянію. Въ общемъ распродажа эта дала свыше 5,000 рублей.

На эти деньги Ольга Ѳеодоровна должна была прожить неопредѣленное время въ Томскѣ, перевезти прахъ дяди, похоронить его въ лаврѣ, сама доѣхать до Москвы и устроиться тамъ до пріисканія себѣ какихъ-либо занятій.

Злая судьба разбила очень скоро всѣ иллюзіи осиротѣвшей дѣвушки. На похоронахъ Красовскаго она жестоко простудилась, и у ней развилась водянка, приковавшая ее къ постели. Пришлось отложить перевозъ тѣла до слѣдующей навигаціи и серьезно заняться леченіемъ водянки. Ольга Ѳеодоровна поселилась у своихъ хорошихъ знакомыхъ, участливо предоставившихъ больной дѣ-

вухѣ комнату, столъ и уходъ, безъ всякаго вознагражденія; лучшіе томскіе врачи: Березницкій, Маткевичъ, Оржешпо и Тарховъ прилагали всѣ усилія, чтобы поставить больную на ноги, но водянка не уступала ихъ медицинскому оружію и упорно шла впередъ, вода поднималась все выше и къ веснѣ дошла до сердца. Въ апрѣлѣ доктора объявили, что дни больной сочтены, сердце находится въ серьезной опасности и рокового конца слѣдуетъ ожидать съ часу на часъ.

Помнится, въ началѣ апрѣля Ольга Ѳедоровна тихо скончалась. Головановъ и немногіе друзья похоронили ее на томъ же монастырскомъ кладбищѣ.

За зиму Головановъ успѣлъ получить изъ Петербурга разрѣшеніе на вскрытіе трупа Красовскаго и на перевезеніе его въ Троице-Сергіеву лавру. Похоронивъ Ольгу Ѳедоровну, онъ въ серединѣ мая, наканунѣ отхода въ Тюмень перваго парохода, просилъ полицеймейстера распорядиться вырытіемъ трупа. М. А. Архангельскій, по соглашенію съ монастырскимъ начальствомъ, распорядился вырыть трупъ въ 12 часовъ дня, въ присутствіи депутатовъ отъ полиціи и монастыря и нѣсколькихъ лицъ, приглашенныхъ Головановымъ. Въ числѣ послѣднихъ были Полянскій и я.

Гробъ былъ вынутъ и поставленъ рядомъ съ открытой могилой, полицеймейстеръ приказалъ отвинтить крышку, самъ приподнял ее, заглянулъ внутрь гроба и поспѣшно опустилъ крышку. Всѣ присутствовавшіе успѣли, однако, увидѣть, что лицо покойнаго не подверглось еще разрушенію, только кожа значительно пожелтѣла, а шитье на камергерскомъ мундирѣ почернѣло, туфли спали съ ногъ. Очевидно, сухой грунтъ кладбища и сибирскіе морозы способствовали сохраненію трупа.

Гробъ былъ снова завинченъ, положенъ въ приготовленный ящикъ, обитый чернымъ сукномъ, ящикъ накрыли крышкой, на которой былъ набить крестъ изъ серебрянаго позумента. Затѣмъ ящикъ перевязали крѣпкой, выкрашенной въ черную краску веревкой, концы которой тутъ же, на нашихъ глазахъ, были припечатаны къ боковой стѣнкѣ ящика сургучной печатью полицеймейстера, ящикъ поставленъ на колесницу, и процессія направилась на пароходную пристань. Ночью пароходъ увезъ прахъ Красовскаго изъ Томска.

Черезъ мѣсяцъ Головановъ прислалъ «Сибирскому Вѣстнику» телеграмму, извѣщавшую, что тѣло благополучно прибыло въ лавру и похоронено тамъ въ присутствіи московскаго генералъ-губернатора, князя В. А. Долгорукова и многихъ друзей и знакомыхъ покойнаго, прибывшихъ изъ Москвы отдать послѣдній долгъ бывшему московскому вице-губернатору и москвичу душою и тѣломъ.

XXIX.

Возвращаюсь къ «Сибирскому Вѣстнику». Къ концу перваго года газета уже печаталась въ числѣ болѣе 1,200 экземпляровъ. вмѣстѣ съ подписчиками прибывали и новые сотрудники, изъ которыхъ могу назвать: Е. О. Кудрявцева (Красноярскъ, впоследствии основатель первой газеты въ этомъ городѣ), Ин. П. Кузнецова (Минусинскъ, извѣстный мѣстный археологъ), Н. В. Скорнякова (Енисейскъ, содержатель мѣстной библіотеки, гласный городской думы), А. В. Бяловескій (Омскъ, политическій ссыльный), А. А. Дробышъ-Дробышевскій (А. Уманскій, политическій ссыльный), К. М. Голодниковъ (Тобольскъ, секретарь статистическаго комитета), М. А. Арнольдъ (Красноярскъ, первый архитекторъ по сооруженію зданій томскаго университета) и мн. др.

Первый, неполный годъ прошелъ безъ дефицита. Этотъ явный успѣхъ газеты сильно ободрилъ насъ, и мы рѣшили въ 1886 году выпускать «Сибирскій Вѣстникъ» два раза въ недѣлю, не повышая подписной цѣны. Это былъ, конечно, большой рискъ, но, сказала Картамышевъ, рискъ—благородное дѣло, и я на него охотно и смѣло иду.

Второй годъ начался отлично. Первый номеръ новаго года удался вполнѣ: во-первыхъ, газета вышла въ небываломъ еще въ Сибири форматѣ большихъ столичныхъ газетъ, подписчики получили полтора большихъ листа, полныхъ интереснаго мѣстнаго матеріала для чтенія: большое обзорѣніе минувшаго года, остроумный фельетонъ въ стихахъ, разнообразная полная городская хроника, интересная корреспонденція изъ многихъ мѣстностей Сибири, подробная хроника текущихъ событій въ Россіи и за границей, много мелкихъ разнообразныхъ извѣстій. Газета раскупалась и читалась нарасхватъ, всѣ поздравляли Картамышева и меня съ отличнымъ началомъ новаго года, и мы сознавали, что растимъ дѣйствительно хорошее и полезное общественное дѣло.

Между тѣмъ надъ нами уже висѣла неожиданная бѣда: типографія объявила намъ, что она прекращаетъ печатаніе газеты.

— Какъ? Почему?

— По приказанію В. В. Михайлова (совладѣлецъ П. И. Макушина). Всѣ рукописи онъ велѣлъ возвратить, а набранное—разобрать,—отвѣтилъ мнѣ управляющій типографіи, передавая свертокъ оригинала, сданнаго для слѣдующаго номера, и оттиски набранныхъ и отложенныхъ статей.

Я полетѣлъ къ Макушину.

— Что же вы дѣлаете съ нами, П. И.?

— Это не я, это—категорическое требованіе В. В. Михайлова. Я вамъ ничѣмъ помочь не могу, самъ искренно огорченъ этимъ печальнымъ казусомъ.

— По крайней мѣрѣ скажите, чѣмъ вызвано самодурство Михайлова?

— Фельетономъ перваго нумера. Василій Васильевичъ обидѣлся на нападки на Петра Васильевича (П. В. Михайловъ былъ томскимъ городскимъ головою) и не желаетъ помогать Картамышеву срамить своего брата.

Когда я передалъ Картамышеву мой разговоръ съ Макушинымъ, онъ отвѣтилъ:

— Надо сейчасъ же по телеграфу выписать свою типографію, у меня еще есть 4,000 р., не хватить, возьмемъ у Кузнецова, онъ обѣщаль поддержать газету, если понадобится.

Немедленно была составлена и отправлена подробная телеграмма въ Петербургъ Францъ-Марку о высылкѣ машины и разныхъ шрифтовъ, линеекъ и пр. Но телеграмма эта не разрѣшала вопроса данной минуты: какъ выпустить послѣзавтра очереднѣйшій номеръ газеты? Кромѣ губернской типографіи, никакой другой въ городѣ не было. Но я зналъ, что казенная типографія своими средствами не можетъ своевременно выпустить и одного нумера «Сибирскаго Вѣстника», а газетку предстояло такъ или иначе печатать около двухъ мѣсяцевъ, до полученія и установки своей типографіи. Для этого нужно было принять сейчасъ же какія-либо экстренныя мѣры. Я отправился къ Н. Н. Пѣтухову и просилъ его помочь намъ, разрѣшивъ редакціи поставить въ губернской типографіи своихъ наборщиковъ и своего печатника, которые и перейдутъ въ типографію «Сибирскаго Вѣстника», а пока будутъ служащими Картамышева, временно работающими въ губернской типографіи.

Выслушавъ меня, Н. Н. позвонилъ и приказаль позвать смотрителя типографіи. Тотъ немедленно явился, Пѣтуховъ передалъ ему мое предложеніе и сказалъ:

— Намъ необходимо помочь Картамышеву. Васъ не стѣснять чужіе рабочіе?

— Нисколько, если жалованье имъ будетъ уплачиваться общимъ порядкомъ и они будутъ считать себя служащими типографіи, а не Картамышева, и онъ обяжется не хозяйничать въ типографіи.

Сговорившись съ Н. Е. Васильевымъ, я поѣхалъ въ типографію Макушина сманивать наборщиковъ, стоявшихъ на газетѣ, и старшаго печатника. Всѣ они охотно согласились за небольшую прибавку жалованья перейти въ новую типографію, а пока пробыть на тѣхъ же новыхъ условіяхъ въ губернской типографіи. Къ четыремъ часамъ дня все было готово, и слѣдующій номеръ «Сибирскаго Вѣстника» дружно набирался въ губернской казенной типографіи.

Такимъ образомъ, благодаря любезному содѣйствію Н. Н. Пѣтухова и Н. Е. Васильева, газета не испытала вынужденнаго перерыва въ самомъ началѣ новаго года и могла спокойно ждать прибытія своей типографіи.

Подкопъ братьевъ Михайловыхъ не удался. Онъ былъ досаденъ, вызвалъ излишнія хлопоты и кое-какіе неожиданные расходы, но онъ былъ такъ грубъ, что не могъ подорвать нравственнаго кредита газеты. Немного спустя, обнаружился другой подкохъ, уже прямо рассчитанный на то, чтобы дискредитировать газету въ глазахъ порядочныхъ людей. Неизвѣстно какими путями кто-то досталъ и напечаталъ въ иркутской «Сибири» полный текстъ бумаги, при которой покойный Красовскій отослалъ въ министерство прошеніе Картамышева о газетѣ, съ поясненіемъ, что бумага эта сочинена мною, т. е. редакціею «Сибирскаго Вѣстника».

Соль заключалась въ томъ, что направленіе «Сибирской Газеты» названо въ представленіи губернатора «вреднымъ», сказано далѣе, что существованіе «Сибирскаго Вѣстника» будетъ «полезнымъ противовѣсомъ этому вредному направленію, которое къ тому же раздѣляется всею сибирскою печатью». Ядринцевъ подхватилъ сообщеніе «Сибири» и завопилъ, что мы обошли покойника Красовскаго, подсунувъ ему доносъ на сибирскую печать и обязавшись служить противовѣсомъ тому, что признается начальствомъ въ этой печати вреднымъ. Я былъ изумленъ обнародованнымъ текстомъ бумаги Красовскаго и, только вспомнивъ о тѣхъ губернаторскихъ измѣненіяхъ, которыя онъ находилъ нужнымъ сдѣлать въ моемъ проектѣ и которыхъ я не видѣлъ, мнѣ стало ясно все: на мою голову свалились всѣ губернаторскія дополненія моего проекта. Чтобы окончательно удостовѣриться въ этомъ, я пошелъ въ канцелярію губернатора и попросилъ показать мнѣ «дѣло».

Быстро перелиставъ послѣднее, я нашелъ мой чернякъ съ собственноручными вписками между строкъ характернымъ красивымъ, мелкимъ почеркомъ Красовскаго, его обычными синими чернилами. Вынувъ изъ кармана злополучный № «Сибири», я сличилъ напечатанную тамъ копію съ отпускомъ бумаги и убѣдился, что всѣ инкриминируемыя мнѣ выраженія включены въ представленіе Красовскаго самимъ губернаторомъ, безъ моего вѣдома, и составляли тѣ губернаторскія дополненія, о которыхъ покойный говорилъ мнѣ, не указывая, въ чемъ именно они будутъ состоять. Было ясно, что я, а тѣмъ болѣе редакторъ «Сибирскаго Вѣстника» ни душой, ни тѣломъ неповинны въ приписываемомъ намъ подкохѣ и въ стремленіи добиться разрѣшенія газеты при посредствѣ доноса на старую сибирскую печать. Но какъ доказать это?

Я рѣшился пойти къ Н. Н. Пѣтухову и просить его возвратить мнѣ мой чернякъ, замѣнивъ его въ «дѣлѣ» копіею, переписанной писцомъ канцеляріи. Н. Н. согласился и сейчасъ же сдѣлалъ объ этомъ распоряженіе. Менѣ чѣмъ черезъ часъ злосчастный чернякъ сталъ моею собственностью. Прежде всего я поспѣшилъ доказать Картамышеву, что не я, хотя бы косвенно, навлекъ новое нареканіе на нашу газету.

— Теперь я могу привлечь Ядринцева къ третейскому суду,— радостно воскликнулъ Картамышевъ, пробѣжавъ мой черныкъ.

Въ тотъ же день онъ написалъ подробное письмо редактору «Недѣли» П. А. Гайдебурову, прося его быть третейскимъ судьей, и предложеніе Ядринцеву передать новое обвиненіе «Сибирскаго Вѣстника» на обсужденіе третейскаго суда.

Ядринцевъ отвѣтилъ согласіемъ, Гайдебуровъ прислалъ письмо, въ которомъ, ссылаясь на упорную болѣзнь, просилъ освободить его отъ обязанностей судьи и рекомендовалъ обратиться къ барону Дистерло. Картамышевъ не зналъ послѣдняго, но, по моему совѣту, согласился на эту вынужденную замѣну уважаемаго имъ Павла Александровича неизвѣстнымъ ему лично литераторомъ. Кого избралъ судьей Ядринцевъ—не помню, не знаю также, что рѣшилъ третейскій судъ: до моего отъѣзда изъ Томска (23 декабря 1888 г.) о судѣ этомъ не было никакихъ извѣстій. Въ Томскѣ скоро забылась эта непріятная исторія, на газетѣ она ничуть не отозвалась; «Сибирскій Вѣстникъ» продолжалъ расти и развиваться въ большую мѣстную газету. Лично мнѣ эта исторія причинила лишь одну серьезную непріятность—она испортила мои отношенія съ А. А. Кропоткинѣмъ, который поставилъ мнѣ въ вину, что я не воспользовался моими хорошими отношеніями съ Красовскимъ и не предупредилъ его рѣзкій отзывъ о сибирской печати, не догадался, что отъ губернатора, какъ бы онъ ни казался добродушнымъ, всегда надо ожидать какой-нибудь пакости въ родѣ доноса, а потому я, по мнѣнію А. А. Кропоткина, обязанъ былъ не допускать отсылки въ Петербургъ, безъ предварительнаго моего просмотра, окончательнаго черныка бумаги, касающейся новой газеты. Поэтому, признавая меня формально правымъ, Кропоткинъ считалъ меня виновнымъ по существу и измѣнилъ свое отношеніе ко мнѣ. Это искренно огорчило меня, но я не могъ признать, что уважаемый А. А. правъ въ своемъ разсужденіи. И въ самомъ дѣлѣ, какое основаніе было у меня настаивать, чтобы губернаторъ обязательно показалъ мнѣ тѣ исправленія, которыя онъ дѣлалъ въ составленномъ мною и признанномъ имъ не вполне отвѣчающимъ его желаніямъ проектѣ? Начальникъ отдѣленія, если бы я попросилъ его, безспорно показалъ бы мнѣ подписанную губернаторомъ бумагу, даже задержалъ бы отсылку ея на одинъ-два дня, но мнѣ даже и въ голову не приходило, что И. И. вздумаетъ, поддерживая «Сибирскій Вѣстникъ», противопоставлять его сибирской печати и предвидѣть въ новой газетѣ орудіе борьбы съ «вреднымъ» направлениемъ другихъ мѣстныхъ изданій. Какое же основаніе имѣлъ я слѣдить за губернаторскими измѣненіями и дополненіями въ моемъ черныкѣ?

Повторяю, я очень цѣнилъ отношенія съ А. А. Кропоткинѣмъ, искренно и горячо любилъ и уважалъ этого рѣдкаго и глубоко

несчастнаго человѣка, но онъ, что называется, «закусишь удила» и не хотѣлъ ничего слышать. Позже мнѣ говорили, что отрицательное отношеніе Кропоткина ко мнѣ усердно поддерживали въ немъ Волховской и незадолго передъ тѣмъ переведенный въ Томскъ К. М. Сталюковичъ, вѣрившіе безусловно въ сибирскую непогрѣшимость Ядринцева и Комп. и считавшіе «Сибирскій Вѣстникъ» газетою вредною съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ, какъ ихъ понимали «Восточное Обозрѣніе», «Сибирь» и «Сибирская Газета».

Какъ бы ни было, исторія эта забылась скоро, и мы могли спокойно продолжать наше, все разраставшееся дѣло, требовавшее все большаго и большаго труда и заботъ ежедневныхъ, почти непрерывныхъ. Вся тяжесть этого труда и нелегкихъ заботъ лежала исключительно на мнѣ: Картамышевъ не былъ человѣкомъ, способнымъ на систематическій упорный ежедневный трудъ, онъ нервно, горячо брался за дѣло, но рѣдко доводилъ до конца свои планы и намѣренія, для газеты это былъ не работникъ; все, что онъ писалъ для газеты, было написано съ налету, неряшливо, недодумано, требовало не только просмотра, но и отдѣлки, литературной полировки. Его еженедѣльные «Мысли вслухъ» доставляли мнѣ тяжелую, мучительную иногда работу; выправить и выгладить мысли Картамышева въ корректурѣ было невозможно, надо было дѣлать это въ рукописи, на что требовался цѣлый вечеръ, а ихъ у меня было немного, приходилось другія рукописи читать по ночамъ и опаздывать вслѣдствіе этого на службу въ контрольную палату.

Я забылъ сказать, что тотчасъ же по полученіи разрѣшенія издавать «Сибирскій Вѣстникъ» я объявилъ управляющему контрольной палаты, что готовъ оставить службу въ статистическомъ комитетѣ и сосредоточить мои служебныя занятія въ контрольной палатѣ, если послѣднія будутъ признаны совмѣстимыми съ работою въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» и съ сохраненіемъ телеграфной агентуры.

— Очень радъ,—отвѣтилъ А. Г. Лейбинъ.—Кстати, въ палатѣ освободилась штатная должность помощника ревизора, на которую я имѣю право по закону назначить лицо, не пользующееся правами государственной службы, по вольному найму. Вотъ я и назначаю васъ съ полнымъ штатнымъ содержаніемъ. Сохранить агентуру телеграфнаго агентства и работать внѣ служебнаго времени въ частной газетѣ вы, конечно, можете.

Я поблагодарилъ и обѣщалъ начать правильное посѣщеніе палаты съ 1 мая. Управляющій приказалъ секретарю приготовить къ его подписи надлежащій приказъ, а я поспѣшилъ къ губернатору.

Выслушавъ меня, покойный Красовскій сказалъ:

— Вы совсѣмъ кончили съ Лейбинымъ?

— Окончательно и безповоротно,—отвѣтилъ я, желая устранить бесполезные и непріятные уговоры.

— Если такъ, пришлите ко мнѣ вашего кандидата.

— Кого? Я вамъ называлъ двоихъ: Волховского и Зубка.

— Конечно, Зубка, онъ—полноправный человѣкъ, его я могу назначить моимъ чиновникомъ особыхъ порученій и откомандировать въ статистическій комитетъ.

— Зачѣмъ такъ сложно?

— Я его не знаю, надо посмотрѣть, какой онъ будетъ статистикъ. Окажется годенъ, всегда успѣю утвердить его секретаремъ. Я не знаю даже, имѣетъ ли онъ право занять это мѣсто по своему образованію. Окончилъ онъ университетъ?

— Нѣтъ, онъ былъ, кажется, въ технологическомъ институтѣ, но курса не окончилъ.

— Въ томъ-то и дѣло. Надо всегда соображать до конца.

На другой день «дворянинъ Мокіевскій-Зубокъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій сверхъ штата и откомандированъ для исполненія об. секретаря губернскаго статистическаго комитета».

Этотъ приказъ губернатора произвелъ цѣлую бурю въ колоніи мѣстныхъ политическихъ ссыльныхъ: Волховской прислалъ мнѣ дерзкое и грубое письмо, обвиняя меня въ нарушеніи даннаго ему слова устроить его въ статистическомъ комитетѣ и выражая свое сожалѣніе въ оказанномъ мнѣ довѣріи. Я сухо отвѣтилъ на эту нелѣпую претензію, что назначеніе секретаря статистическаго комитета предоставлено закономъ губернатору, къ которому и слѣдуетъ Волховскому обратиться съ своей претензіей; я обѣщавъ предложить претендента, что и исполнилъ, заставить же губернатора принять мое предложеніе я, конечно, не могъ и отвѣчать за его выборъ не обязанъ.

Зубка же колонія притянула къ товарищескому суду за то, что онъ смѣлъ принять мѣсто, обѣщанное (?) Волховскому. Одного Кропоткина этотъ шутовской судъ возмущилъ до глубины души, онъ отказался участвовать въ этой, по его словамъ, идіотской затѣѣ, недостойной взрослыхъ людей, и при мнѣ совѣтовалъ Зубку «прямо заявить глупому суду, что онъ отказывается отъ дачи какихъ-либо объясненій на поставленный ему вопросъ». Чѣмъ кончилась эта нелѣпая попытка оказать на Зубка товарищеское давленіе, побудить его отказаться отъ секретарства въ статистическомъ комитетѣ и освободить это мѣсто для Волховского, я не знаю. Но эта затѣя, очевидно, не удалась, ибо и послѣ смерти Красовскаго Зубокъ исполнялъ должность секретаря статистическаго комитета чуть ли не до своего выѣзда изъ Томска въ концѣ 1887 года (кажется, я не ошибаюсь).

XXX.

1885 годъ окончился, какъ я сказалъ уже, для «Сибирскаго Вѣстника» благополучно, безъ дефицита, хорошо начался и новый 1886 годъ. Послѣ исторіи съ братьями Михайловыми газета безъ особыхъ инцидентовъ выходила исправно, печатаясь до конца марта въ губернской казенной типографіи. Набѣжало, было, новое серьезное затрудненіе: въ Томскѣ негдѣ было купить газетной бумаги, запастъ ее раньше намъ не было надобности, ибо типографія Михайлова и Макушина обязалась поставлять бумагу для газеты, пока послѣдняя печатается въ этой типографіи. Запасъ губернской типографіи ограничивался количествомъ бумаги, необходимымъ для безостановочнаго выпуска «Губ. Вѣдомостей», и губернское правленіе не могло уступить намъ ни одной стопы.

Что было дѣлать? Приостановить газету, ждать присылки бумаги изъ Москвы?

— Ни за что,—прогремѣлъ своимъ звонкимъ голосомъ Картамышевъ.—Макушинъ обязанъ дать намъ бумаги, у него долженъ быть запасъ спеціально для «Сибирскаго Вѣстника», я куплю этотъ запасъ по какой бы то ни было цѣнѣ. Макушинъ можетъ продать мнѣ бумагу, не спрашивая согласія Михайлова.

Сказалъ и сейчасъ же поѣхалъ къ Макушину. Черезъ часъ мы были съ бумагой, и правильный выпускъ газеты былъ обезпеченъ.

Если память мнѣ не измѣняетъ, въ началѣ марта пришла наша типографія, мы приняли всѣ мѣры къ немедленной установкѣ машины, разборкѣ шрифтовъ по заказаннымъ заблаговременно кассамъ, къ усилению типографіи новыми наборщиками. Все это заняло нѣсколько дней, по прошествіи которыхъ типографія «Сибирскаго Вѣстника» могла быть пущена въ ходъ. Картамышевъ—большой любитель всякихъ торжествъ—созвалъ на открытіе типографіи всѣхъ, кого считалъ доброжелателями своей газеты. Собрались большое, разнообразное общество, былъ отслуженъ торжественный молебень, гостямъ предложенъ обильный завтракъ, за которымъ произнесено нѣсколько рѣчей и высказано много добрыхъ пожеланій «Сибирскому Вѣстнику» и его типографіи. На другой день типографія начала свою дѣятельность наборомъ очереднаго номера газеты.

Одновременно съ типографіей пришла и выписанная изъ Москвы бумага. Теперь газета была застрахована отъ самодурства гг. Михайловыхъ и имъ подобныхъ кулаковъ и охранителей себя и своихъ родичей отъ свѣта гласности. Теперь судьба «Сибирскаго Вѣстника» зависѣла исключительно отъ сочувствія мѣстнаго общества. Мы чувствовали себя именованными, не предвидя тѣхъ многочисленныхъ заботъ, съ которыми было сопряжено существованіе своей типо-

графіи при отсутствіи наличнаго оборотнаго капитала. Начались мучительные поиски денегъ, кассы редакціи и типографіи спутались, частные типографскіе заказы поступали туго и оплачивались плохо; наши расчеты на то, что типографія сама оправдаетъ свои расходы, а печатаніе газеты будетъ ея барышомъ, не сбылись: работы было, повидимому, много, а денегъ не было на расплату съ наборщиками, корректоромъ и сотрудниками. Периодически нужны были довольно большія суммы для выкупа изъ транспортныхъ конторъ пришедшей партіи бумаги для газеты или для типографіи, новыхъ типографскихъ матеріаловъ, не досланныхъ фирмою Францъ-Марка при высылкѣ типографіи и оказывавшихся не обходимыми для принятыхъ уже заказовъ. Картамышевъ задумалъ искать компаньона и началъ переговоры объ этомъ съ Е. Ѳ. Кудрявцевымъ и Ин. П. Кузнецовымъ. Первый пріѣхалъ съ этой цѣлью изъ Красноярска, второй случайно находился въ Томскѣ. Переговоры продолжались довольно долго, но не привели къ благопріятнымъ результатамъ: обоихъ названныхъ лицъ пугалъ размѣръ дѣла, требовавшій, по ихъ расчетамъ, весьма значительнаго оборотнаго капитала, затратить который одинъ не могъ, а другой боялся. Къ тому же И. П. Кузнецовъ далъ уже раньше 5,000 р. на приобрѣтеніе типографіи, въ ссуду безъ процентовъ и безъ срока.

Итакъ, переговоры кончились ничѣмъ, оба «компаньона» уѣхали изъ Томска, и судьба газеты и типографіи осталась на нашихъ рукахъ. Раздумывая, какъ лучше вывернуться изъ тяжелыхъ затрудненій, мѣшавшихъ спокойной работѣ, мы старались отдѣлить кассу газеты отъ кассы типографіи, и это намъ, наконецъ, удалось; мы убѣдились, что газета не приноситъ убытка, а если рождаются денежныя затрудненія, то исключительно по типографіи, которая, по мѣстнымъ условіямъ торговли, требуетъ довольно большого оборотнаго капитала, отсутствіе котораго вызываетъ ежедневныя значительныя переплаты на всѣхъ не запасенныхъ своевременно (во время навигаціи) матеріалахъ: намъ приходилось, напримѣръ, зимою двигать бумагу и краску для типографіи почтою изъ Тюмени, что обходилось до десяти рублей съ пуда. Оплачивать такіе расходы доходы типографіи, естественно, не могли, создавались убытки, устранить которые можно было только образованіемъ оборотнаго капитала. Но его такъ и не нашелъ Картамышевъ вплоть до моего выѣзда изъ Томска. Три года бились мы, какъ рыба объ ледь, спасая любимое дѣло, дѣлали займы вездѣ, гдѣ могли, расплачиваясь въ декабрѣ и въ январѣ, когда скоплялась новая годовая подписка на газету. Наконецъ Картамышевъ убѣдилъ жену въ необходимости заложить ея домъ и въ видѣ обезпеченія передать ей право на изданіе газеты.

Мы вздохнули свободно: полученной подъ залогъ дома суммой мы покрыли всѣ частные долги и лѣтомъ 1886 года впервые во-время

выписали и получили все необходимое для типографіи разомъ и безъ тяжелыхъ переplatъ. Мучительная забота, гдѣ бы денегъ занять поскорѣй, отошла въ прошлое, мы могли спокойно отдать газетѣ всѣ наши думы и заботы, радуясь, что наше дѣтище освободилось отъ сосунка-типографіи.

Подписка продолжала расти, газета успѣла завоевать прочное положеніе, ей не страшны уже были козни ея враговъ, не переставшихъ распространять о ней, ея редакторѣ и главныхъ сотрудниковъ невѣроятныя измышленія и небылицы. Мы рѣшили не отвѣчать ни слова беззащитнымъ клеветникамъ, авось, думали мы, полаютъ и отстанутъ.

XXXI.

Новымъ томскимъ губернаторомъ былъ назначенъ курскій вице-губернаторъ А. Ѳ. Анисѣинъ. Это былъ чиновникъ до мозга костей, начавшій службу становымъ приставомъ въ уѣздѣ, гдѣ у графа Д. А. Толстого было имѣніе; ловкій, исполнительный полицейскій чиновникъ сумѣлъ обратить на себя вниманіе министра и получилъ вскорѣ сначала должность исправника, а потомъ и вице-губернатора. Говорили, что въ Томскѣ онъ былъ назначенъ по личному выбору графа. Въ Томскѣ Анисѣинъ пробылъ недолго, не сдѣлалъ ничего ни хорошаго, ни дурного, тихо исполнялъ свои бумажныя обязанности, не задаваясь никакими обширными административными задачами. Томскіе обыватели увидѣли, что судьба послала имъ сухого, неинтереснаго губернатора, и желали одного: чтобъ онъ не мѣшалъ имъ спокойно жить и заниматься каждому своимъ дѣломъ, не требовалъ особеннаго вниманія и денежныхъ жертвъ. Къ мѣстной печати А. Ѳ. Анисѣинъ, повидимому, относился вполне равнодушно, не придавая ей никакого значенія. Отъ чиновниковъ требовалъ исправности и исполнительности, въ оцѣнкѣ людей подчинился вполне опытности и знанію мѣстныхъ условій М. А. Гилярова и полковника Александрова, значеніе которыхъ въ чиновничьемъ кругу замѣтно поднялось. Общественная жизнь, лишенная авторитетнаго руководства, замерла, даже прекратились обычные скандалы въ клубѣ и въ вольныхъ маскарадахъ. Одинъ П. И. Макушинъ старался всѣми средствами шевелить мысль томскихъ обывателей, приглашая ихъ то въ концертъ, то на любительскій спектакль въ пользу основаннаго имъ «Томскаго общества попеченія о народномъ образованіи». Это общество представляло собою въ то время единственный въ Россіи примѣръ общественной организаціи, созданной энергією и любовью къ школѣ одного человѣка. Въ 1882 году П. И. Макушинъ, состоя предсѣдателемъ училищной комиссіи томской городской думы, убѣдившись, что городъ со своими небольшими средствами не можетъ вполне удовлетворить все развиваю-

щейся потребности въ начальномъ образованіи, задумалъ основать частное общество, которое помогало бы городу въ школьномъ дѣлѣ. Одобренный городской думою проектъ устава такого общества (перваго въ Россіи) былъ утвержденъ въ апрѣлѣ 1882 года, а 25-го іюля того же года общество попеченія о начальномъ образованіи въ гор. Томскѣ уже открыло свои дѣйствія.

Цѣли общества опредѣлились уставомъ такъ: содѣйствовать городскому общественному управленію къ улучшенію положенія приходскихъ городскихъ училищъ, помогать бѣднымъ ученикамъ и ученицамъ этихъ училищъ и доставлять имъ средства продолжать ученіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и оказывать пособіе лицамъ, открывающимъ въ городѣ частныя школы.

Средства свои общество почерпаетъ изъ взносовъ дѣйствительныхъ членовъ—одинъ рубль въ годъ и 50 рублей съ почетныхъ, а также изъ сборовъ съ маскарадовъ, концертовъ, спектаклей, публичныхъ чтеній и пр., которые общество устроить.

И вотъ, безъ копейки денегъ, съ такими видами, какъ рублевый взносъ, общество начинаетъ свою нелегкую и недешевую дѣятельность. Всѣ, даже самые завзятые доброты общества сомнительно покачивали головой и думали, что много-много, если обществу удастся изъ своихъ скудныхъ средствъ помочь одеждою и обувью бѣднѣйшимъ ученикамъ.

И что же? Къ концу перваго же года общество имѣло 15 почетныхъ и 923 дѣйствительныхъ членовъ и собрало болѣе 3,600 рублей. Празднуя свою вторую годовщину, совѣтъ общества уже возвѣщалъ, что на средства общества устроено, обставлено и содержится новое женское училище и предполагается открыть и содержать новое мужское. Въ третьемъ году своего существованія общество собрало въ теченіе года уже около 7,000 рублей и могло содержать два училища, выдать пособіе ученикамъ и ученицамъ теплою одеждою, уплатить за право ученія въ женской гимназій за девять ученицъ, кончившихъ курсъ въ приходскихъ школахъ, и пр. Къ 1-му января 1885 года въ кассѣ общества уже имѣлось болѣе десяти тысячъ рублей.

Эти цифры, составившіяся изъ рублей, ясно показываютъ, сколько неустанной энергіи и упорнаго труда нужно было употребить, чтобы достигнуть такихъ результатовъ. Общество не располагало никакими приманками, на которыя ловится честолюбіе и тщеславіе, не было у него и богатыхъ покровителей, которые давали бы ему крупныя куши: самые крупныя взносы не превышали 200 рублей. Общество развивалось благодаря рѣдкой, изумительной энергіи своего предсѣдателя, П. И. Макушина. Спектакли, концерты, маскарады, публичныя чтенія, добровольный налогъ на карты въ городскихъ клубахъ (на залечатанныя карты наклеивалась бандероль, кажется, въ десять копеекъ съ колоды),—все шло

въ дѣло, чтобы собрать въ кассу общества попеченія о начальномъ обученіи побольше денегъ. И надо отдать справедливость томскому обществу: оно не переставало интересоваться макушинскимъ обществомъ, охотно несло свою скромную лепту на развитіе начальной школы, памятуя мудрую русскую пословицу: «съ міру по нпткѣ, голому—рубашка».

Учреждая училища, помогая учащимся и учащимъ, общество попеченія задумалось и о томъ, что будутъ дѣлать тѣ изъ учащихся, которые кончили курсъ въ приходскихъ школахъ и не идутъ дальше? Не больше десятой доли всѣхъ учащихся пойдутъ въ среднія учебныя заведенія, всѣ остальные закончатъ свое образованіе курсомъ начальной школы и, можетъ быть, черезъ 5—6 лѣтъ потеряютъ тотъ небольшой запасъ знаній, съ которымъ выпустила ихъ городская начальная школа.

Имѣя это въ виду и сознавая, что духовный ростъ, развитіе грамотнаго-человѣка совершается, между прочимъ, путемъ самообразования, черезъ чтеніе книгъ,—совѣтъ общества (читай: Макушинъ) обратился къ губернатору съ ходатайствомъ о разрѣшеніи устроить въ Томскѣ народную бесплатную библіотеку. Чуткій ко всякому полезному дѣлу, покойный И. И. Красовскій не замедлилъ дать разрѣшеніе, и 30-го сентября 1884 года библіотека-читальня была открыта.

А средства?.. Ихъ не было вовсе, когда совѣтъ задумалъ открыть читальню. Но была вѣра въ дѣло, и такая сильная, что прежде, нежели собрались сотни двѣ рублей на открытіе читальни, неутомимый П. И. Макушинъ проповѣдывалъ уже о необходимости построить собственный домъ для народной библіотеки-читальни и открылъ на это подписку. Казалось, что тутъ онъ ужъ хватилъ черезъ край, но... къ 1-му января 1885 года на постройку дома для народной читальни поступило уже болѣе 1,500 рублей, а въ февралѣ купецъ С. С. Валгусовъ выразилъ желаніе на свой счетъ выстроить для бесплатной народной библіотеки-читальни каменное зданіе. Два года спустя, Томскъ украсился небольшимъ, но очень красивымъ двухэтажнымъ зданіемъ первой въ Сибири бесплатной народной библіотеки, созданной могучей энергіей ума П. И. Макушина и отзывчивостью еле грамотнаго, но сильнаго мощной С. С. Валгусова, инстинктивно почувствовавшего потребность отозваться на призывъ помочь деньгами новому хорошему общему дѣлу. Ни Макушинъ, ни тѣмъ болѣе Валгусовъ не могли, конечно, и предполагать, что черезъ 20 лѣтъ, въ 1906 году, придетъ генераль-губернаторъ баронъ Нолькенъ и однимъ почеркомъ пера закроетъ навсегда общество попеченія о начальномъ образованіи въ гор. Томскѣ и передастъ домъ народной библіотеки, вопреки волѣ жертвователя, въ распоряженіе томскаго отдѣла «союза русскаго народа». На мѣстѣ святѣ водворилась и, кажется, понынѣ свирѣпствуетъ мерзость запустѣнія.

XXXII.

Пропускаю 1886 и 1887 годы, они прошли тихо, безъ какихъ-либо заслуживающихъ памяти событій, какъ въ моей личной, такъ и вообще въ томской жизни. За эти два года опять перемѣнился губернаторъ: А. Ѳ. Анисьянъ поѣхалъ весной 1887 года въ Петербургъ съ докладомъ о состоянїи губерніи и не возвратился въ Томскъ, на его мѣсто былъ назначенъ д. с. с. Булюбашъ, который прїѣхалъ, помнится, въ концѣ навигаціи 1887 года, весной уѣхалъ въ Петербургъ, а осенью, возвращаясь въ Томскъ, по дорогѣ скончался. На смѣну ему поздней осенью 1888 года прибылъ въ Томскъ начальникъ рижскаго губернскаго жандармскаго управленія, генералъ-майоръ Лаксъ, назначенный томскимъ губернаторомъ.

Но это уже событія 1888 года, который ознаменовался: для всей Сибири—открытіемъ томскаго университета, для Томска—стачкою мѣстныхъ винокуренныхъ заводчиковъ, для «Сибирскаго Вѣстника» прїостановкою на 4 мѣсяца по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, для меня лично—полнымъ помилованіемъ, послѣдовавшимъ по докладу министра юстиціи 2-го марта 1888 года.

Торжественное открытіе томскаго университета состоялось 22-го іюля, началось оно въ 2 часа дня благодарственнымъ молебномъ, совершеннымъ въ новой университетской церкви преосвященнымъ Исаакіемъ, епископомъ томскимъ и семипалатинскимъ, соборнѣ. По окончаніи молебствія архіерей обратился съ прочувствованнымъ словомъ къ попечителю учебнаго округа, профессору В. М. Флоринскому, указалъ на труды послѣдняго по организаціи новаго храма науки и передалъ ему отъ имени томскаго духовенства на память икону Божьей Матери. Затѣмъ всѣ направились въ смежный съ церковью актовъ залъ, при входѣ въ который публика была встрѣчена гимномъ «Коль славенъ», исполненнымъ оркестромъ музыки и смѣшаннымъ хоромъ любителей и архіерейскихъ пѣвчихъ.

Актовъ залъ былъ роскошно украшенъ тропическими растеніями и гирляндами изъ зелени и живыхъ цвѣтовъ. Въ правомъ углу стоялъ украшенный зеленью и цвѣтами большой портретъ, во весь ростъ, императора Александра III, въ роскошной золоченой рамѣ; передъ портретомъ стоялъ столъ, покрытый сукномъ, на немъ зеркало; за столомъ размѣстились: по срединѣ В. М. Флоринскій, а по обѣ стороны попечителя: окружный инспекторъ училищъ О. Ѳ. Гаазе, профессоръ новаго университета Н. М. Маліевъ, инспекторъ студентовъ томскаго университета А. С. Еленевъ и правитель канцеляріи попечителя Г. С. Томашинскій. Правѣ стола стояла большая дубовая каедрa, а передъ столомъ ряды кресель и стульевъ для почетныхъ гостей и публики. Противъ портрета царствующаго государя, на противоположной стѣнѣ, красовался такой же, убран-

ный зеленью и цвѣтами, портретъ императора Александра II, а на боковыхъ стѣнахъ зала висѣли большіе портреты А. М. Сибирякова и З. М. Цибульского—главныхъ жертвователей на томскій университетъ.

Когда всѣ заняли мѣста, профессоръ Флоринскій взошелъ на кафедру, прочелъ текстъ Высочайшаго повелѣнія объ открытіи томскаго университета въ составѣ на первое время одного медицинскаго факультета и объявилъ императорскій томскій университетъ открытымъ. Звуки гимна огласили залъ и смѣнились громкимъ единодушнымъ «ура» всего зала.

Когда залъ успокоился, В. М. Флоринскій вновь занялъ кафедру и произнесъ рѣчь, посвященную открытому университету, которая была покрыта дружными рукоплесканіями всѣхъ присутствовавшихъ. Послѣ рѣчи почетитель прочелъ полученныя имъ въ день торжества телеграфныя поздравленія отъ высочайшихъ особъ, министровъ, разныхъ мѣстныхъ (сибирскихъ) административныхъ лицъ и учреждений, учебныхъ заведеній, просвѣтительныхъ организацій и частныхъ лицъ. Редакціи мѣстныхъ газетъ привѣтствовали новый университетъ особыми адресами. Актъ затянулся до 6 часовъ вечера. Публика расходилась подъ звуки торжественнаго марша, сочиненнаго мѣстнымъ любителемъ-музыкантомъ въ честь открытія университета.

Вечеромъ зданіе университета, вся университетская ограда и обширный скверъ были роскошно иллюминированы, и многочисленная публика до поздней ночи наполняла обширный университетскій скверъ. Городъ былъ также весь день украшенъ флагами и зеленью.

Сочувствіе свое открытію мѣстнаго университета городская дума, кромѣ адреса, выразила еще ассигнованіемъ, по предложенію гласнаго В. П. Картамышева, 1,000 рублей на образованіе фонда для взноса платы въ пользу университета за недостаточныхъ студентовъ. Кромѣ того, въ саду военныхъ лагерей было устроено на средства города народное гулянье съ иллюминаціей и фейерверкомъ, а 24-го іюля городъ давалъ въ одномъ изъ клубовъ обѣдъ по случаю совершившагося торжества. На этотъ обѣдъ собралось до 300 чело-вѣкъ, всѣ были веселы, одни сознавали, другіе инстинктивно чувствовали, что совершилось нѣчто важное для всего обширнаго Сибирскаго края, что отнынѣ Томскъ сталъ умственной столицей этого края.

Такъ шумно отпраздновало томское общество открытіе перваго университета въ далекой и холодной Сибири.

Въ концѣ 1886 года, когда настало время объявлять подписку на новый годъ, Картамышевъ просилъ меня подсчитать, можемъ ли мы выпускать газету три раза въ недѣлю за ту же подписную плату, или послѣднюю необходимо поднять и на сколько? Подсчетъ по-

казаль, что разсчитывать на такое усиленіе подписки, которое давало бы возможность за старую подписную цѣну давать лишніе 52 нумера въ годъ, невозможно, ибо подписка дошла уже до возможнаго въ то время предѣла—1,500 экземпляровъ,—очевидно, учащая выпускъ газеты, необходимо было поднять подписную цѣну. Сдѣлать это безъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ мы по закону не имѣли права. Задерживать объявленіе о подпискѣ мы признавали опаснымъ.

— Печатайте объявленіе съ прежней цѣной,—рѣшилъ Картамышевъ.—А я сегодня же отправлю прошеніе объ увеличеніи подписной платы до 9 рублей въ годъ.

Объявленіе появилось въ слѣдующемъ номерѣ газеты: издательница обязывалась съ января 1887 года выпускать «Сибирскій Вѣстникъ» три раза въ недѣлю, безъ повышенія пока цѣны газеты.

Насталъ новый годъ. Министерство молчало, мы уже начинали раскисаться въ томъ, что приняли на себя явно убыточные обязательства. Помнится, въ февралѣ мы, наконецъ, получили извѣщеніе, что ходатайство издательницы объ увеличеніи подписной цѣны на газету «Сибирскій Вѣстникъ» до 9 рублей въ годъ признано министромъ внутреннихъ дѣлъ не подлежащимъ удовлетворенію. Пришлось помириться съ неизбѣжнымъ убыткомъ на этотъ годъ, а затѣмъ возобновить свою просьбу о разрѣшеніи увеличить цѣну газеты, если 1887 годъ не окупится.

Незадолго до наступленія новаго 1888 года мы повторили наше ходатайство и получили опять отказъ. На этотъ разъ положеніе редакціи было значительно труднѣе, чѣмъ годъ назадъ: уменьшать число разъ выпуска газеты было уже невозможно, и Картамышевъ рѣшился, чтобы спастись отъ новаго убытка, искать опять компаньона, тѣмъ болѣе, что находившійся эту зиму въ Томскѣ И. П. Кузнецовъ самъ повелъ рѣчь объ уступкѣ ему права на изданіе «Сибирскаго Вѣстника». Тяжело и грустно было Картамышеву передавать газету, но онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что «Сибирскій Вѣстникъ» перейдетъ къ лицу богатому, постоянному сотруднику и искреннему единомышленнику редакціи и не измѣнитъ своей литературной и нравственной фізіономіи.

Редактировать самъ газету И. П. Кузнецовъ не могъ уже потому, что онъ не жилъ постоянно въ Томскѣ, всѣми своими дѣлами онъ былъ неразрывно связанъ съ Минусинскимъ округомъ, гдѣ имѣлъ, вмѣстѣ съ братьями, большіе золотые прииски. Картамышева онъ справедливо не считалъ способнымъ и надежнымъ редакторомъ, я, по его словамъ, смотрѣлъ «въ лѣсъ» и прямо говорилъ, что тотчасъ уѣду изъ Томска, какъ только представится къ этому возможность. Выборъ Кузнецова остановился на С. К. Кузнецовѣ, бібліотекарѣ томскаго университета, съ которымъ и начались дѣятельные переговоры. Дѣло, казалось, наладилось окончательно,

какъ телеграфъ извѣстилъ о приостановкѣ «Сибирскаго Вѣстника» на четыре мѣсяца по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ. Какъ громомъ поразило всѣхъ это суровое, ничѣмъ не мотивированное распоряженіе. И. П. Кузнецовъ сейчасъ же отказался отъ покупки газеты, Картамышеву и мнѣ пришлось думать объ удовлетвореніи подписчиковъ за время приостановки «Сибирскаго Вѣстника» и о томъ, какъ бы найти достаточную работу для освободившейся столь неожиданно большой типографіи.

Сколько мы ни ломали головы, стараясь объяснить себѣ, чѣмъ непосредственно могло быть вызвано распоряженіе министра, послѣднее оставалось загадкою не только для редакціи, но и для мѣстной цензуры, которая тщетно ожидала по этому поводу какихъ-либо упрековъ или указаній напередки. Запросы въ Петербургъ, посланные Картамышевымъ и мною, не разъяснили ничего; на справки въ главное управленіе по дѣламъ печати сухо отвѣчали: «за вредное направленіе»; ничего больше никому добиться не удалось. Время, однако, шло впередъ, неожиданный отдыхъ отъ ежедневной неотложной работы давалъ время обдумать свои личныя дѣла, о которыхъ три года не было дня подумать серьезно. Служба моя въ контрольной палатѣ шла успѣшно: я не злоупотреблялъ снисходительностью добрѣйшаго А. Г. Лейбина, являлся на службу аккуратно, и за мной не было никакихъ ревизіонныхъ недоимокъ. А. Г. попрежнему дорожилъ мною и цѣнилъ мою работу, ничѣмъ не мѣшая моей газетной дѣятельности. Тѣмъ не менѣе мнѣ пришлось вскорѣ оставить службу въ палатѣ. Случилось это такъ. 3-го мая, утромъ, когда я еще лежалъ въ постели, пришелъ ко мнѣ губернаторскій курьеръ и передалъ прислугѣ адресованный мнѣ конвертъ съ надписью: «отъ томскаго губернатора», должность котораго въ то время исполнялъ М. А. Гиляровъ. Вскрываю конвертъ и нахожу увѣдомленіе 2-го департамента министерства юстиціи о томъ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи, 2-го марта текущаго года всемилостивѣйше повелѣтъ соизволилъ даровать ссыльному Евгенію Коршу полное помилованіе. На полѣ рукою М. А. Гилярова было написано: «Сообщить Е. В. Коршу и затѣмъ сдѣлать всѣ распоряженія для исполненія Высочайшаго повелѣнія».

Пораженный этою неожиданною новостью, я поспѣшилъ вскочить съ постели и одѣться. Первымъ желаніемъ было сейчасъ же пойти къ М. А. Гилярову, чтобы поблагодарить его за любезную поспѣшность, съ которой онъ приказалъ сообщить мнѣ полученную имъ бумагу непосредственно, а не обычнымъ порядкомъ, черезъ полицію. Со стороны Гилярова это было проявленіемъ симпатіи, которой я не могъ ожидать, и которая тѣмъ болѣе тронула меня и обязывала выразить все-таки доброму старику мою искреннюю признательность.

Но сдѣлать это въ то же утро мнѣ не удалось. Бумага департамента министерства юстиціи была получена наканунѣ и прочитана въ канцеляріи раньше, чѣмъ попала въ вечерній докладъ, посылаемый губернатору на квартиру. Вслѣдствіе этого, едва я успѣлъ одѣться и отпустить губернаторскаго курьера, какъ начали появляться одинъ за однимъ друзья и знакомые, узнавшіе о полученной бумагѣ и сѣвшившіе поздравить меня. Экспромтомъ составилъ скромный домашній завтракъ, нашлась бутылка какого-то вина, начались тосты, поздравленія, пожеланія и пр.

Въ палату я попалъ только во второмъ часу. Тамъ случайно еще ничего не знали. Секретарь встрѣтилъ меня словами:

— Управляющій уже нѣсколько разъ справлялся, пришли ли вы на службу. Подите къ нему.

Я вошелъ въ кабинетъ. А. Г. Лейбинъ сидѣлъ за чтеніемъ какой-то бумаги.

Выслушавъ меня и узнавъ причину моего столь значительнаго опозданія, А. Г. всталъ, протянулъ мнѣ обѣ руки, и мы расцѣловались.

— Отъ всей души радъ, сердечно поздравляю васъ, теперь я могу зачислить васъ на государственную службу? Можно?—спросилъ добрѣйшій А. Г.

Въ тотъ же день Лейбинъ подписалъ приказъ объ опредѣленіи меня на государственную службу помощникомъ ревизора контрольной палаты. Занимая ту же должность по вольному найму, я въ сущности очень мало выигрывалъ, переходя на государственную службу; правда, положеніе мое становилось прочнѣе и возможно было служебное будущее. Но о немъ я тогда не думалъ, я рвался изъ Томска и для меня было всего важнѣе то, что теперь я свободенъ и никакая внѣшняя сила не въ правѣ помѣшать мнѣ уѣхать, когда явится къ тому денежная возможность. А пока, рѣшилъ я, буду добросовѣстно служить въ палатѣ, а всю душу попрежнему отдавать «Сибирскому Вѣстнику», когда пройдетъ срокъ его пріостановки. Случилось, однако, иначе.

Еще до пріостановки «Сибирскаго Вѣстника» томское акцизное управленіе, замѣтивъ уменьшеніе питейныхъ сборовъ, вслѣдствіе сокращенія потребленія водки населеніемъ всей Томской губерніи, приписало это грустное для акцизнаго надзора явленіе стачкѣ мѣстныхъ винокуровъ, поднявшихъ, по особому между собой соглашенію, продажную цѣну вина съ 6 рублей до 8 рублей за ведро. Акцизное управленіе признало эту стачку преступною и просило губернатора предложить судебнымъ властямъ возбудить уголовное преслѣдованіе противъ всѣхъ винодѣловъ Томской губерніи. Губернаторъ передалъ сообщеніе акцизнаго управленія на распоряженіе губернскаго прокурора. Послѣдній отозвался, что законъ (статья 1085 уложенія о наказаніяхъ) преслѣдуетъ лишь стачки

для искусственнаго повышенія цѣнъ на предметы первой необходимости, къ каковымъ водка отнесена быть не можетъ, а потому исполнить просьбу акцизнаго вѣдомства онъ, прокуроръ, не видитъ законнаго основанія. Акцизное управленіе не успокоилось: написало въ Петербургъ, просило снестись съ министерствомъ юстиціи, дабы оно предписало томскому прокурору возбудить дѣло противъ стачечниковъ. Мѣсяца черезъ полтора прокуроръ получилъ телеграмму министра юстиціи, предлагающую ему возбудить противъ стачечниковъ уголовное преслѣдованіе по статьѣ 1085 уложенія о наказаніяхъ, ибо водка, по климатическимъ условіямъ, должна быть отнесена въ Сибири къ предметамъ первой необходимости. Началось слѣдствіе, къ которому были привлечены почти всѣ толстосумы Томской губерніи: братья Королевы, Пастуховъ, Вытновъ, Ложниковъ, Быховская (всѣ въ Томскѣ), Платоновъ (въ Барнаулѣ), Ерофѣевъ (въ Каинскѣ) и еще кто-то (фамилій не помню). «Сибирская Газета» неистово обрадовалась, что подъ судъ попали гуртомъ ненавистные ей «капиталисты», и взяла сторону акцизнаго вѣдомства, призывая на стачечниковъ всѣ грома судебныя. «Сибирскій Вѣстникъ», редактируемый юристомъ, не могъ стать на эту грубо обывательскую точку зрѣнія. Не защищая личностей, наша газета не могла признать правильнымъ распоряженіе министра юстиціи, основанное на признаніи водки предметомъ первой необходимости для населенія Сибири. Мы ссылались на авторитетъ всемірныхъ ученыхъ, объявившихъ алкоголь однимъ изъ вреднѣйшихъ для человѣческаго организма ядовъ, доказывали, что ядъ ни при какихъ климатическихъ условіяхъ не можетъ превратиться въ предметъ первой необходимости, указывали на мнѣніе русскаго ученаго криминалиста Неклюдова, который въ своемъ учебникѣ уголовного права училъ студентовъ, что статья 1085 уложенія можетъ имѣть примѣненіе только весьма ограниченное, когда рѣчь идетъ о стачкахъ для искусственнаго повышенія на предметы, необходимые для поддержанія жизни человѣка.

Дѣлая видъ, что не понимаетъ насъ, «Сибирская Газета» искренно и неудержимо ликовала по поводу начатаго слѣдствія, наивно отнекаясь и отъ логики, и здраваго смысла, не говоря уже о правильномъ пониманіи дѣйствующаго русскаго законодательства. «Восточное Обозрѣніе», а за нимъ иркутская «Сибирь» пошли дальше: эти газеты беззащѣнно печатали, что «Сибирскій Вѣстникъ» принялъ сторону стачечниковъ и защищаетъ ихъ интересы. Мы указали на новую явную ложь нашихъ противниковъ и прекратили спорить съ ними, считая невозможнымъ никакой добросовѣстный споръ съ людьми, неспособными вести принципиальную бесѣду по общественному вопросу безъ злобной лжи и недостойныхъ изворотовъ. Къ тому же какъ разъ въ это время наша газета была приостановлена на 4 мѣсяца. Наши «благородные» противники не затруд-

нились даже намекнуть своимъ читателямъ, что «Сибирскій Вѣстникъ», вѣроятно, понесъ кару за защиту стачечниковъ, этихъ злыхъ нарушителей интересовъ фиска.

За время вынужденнаго молчанія «Сибирскаго Вѣстника» дѣло о стачкѣ винокуровъ успѣло пройти не только слѣдственный періодъ, но и первую инстанцію суда и поступило уже, по жалобамъ подсудимыхъ, на разсмотрѣніе апелляціонной инстанціи—томскаго губернскаго суда, гдѣ подсудимые, не обязанные лично явкою, имѣли право прислать въ судъ повѣренныхъ для защиты своихъ интересовъ. Многие, понятно, обратились къ содѣйствію Картамышева, а Платоновъ, Ложниковъ и Быховская просили меня взять на себя ихъ защиту. Я находилъ нужнымъ заручиться согласіемъ на это А. Г. Лейбина. Онъ находилъ не совсѣмъ удобнымъ контрольному чиновнику выступать публично защитникомъ лицъ, обвиняемыхъ въ нарушеніи казеннаго интереса, и я рѣшилъ отказаться отъ предложенной мнѣ защиты. Платоновъ, Ложниковъ и мужъ Быховской усиленно настаивали. Я обѣщалъ подумать. Мнѣ эта защита улыбалась, главнымъ образомъ, потому, что была сопряжена съ такимъ вознагражденіемъ, которое давало полную возможность, по окончаніи дѣла, тотчасъ же уѣхать изъ Сибири. Я уже готовъ былъ выйти въ отставку и вернуть себѣ такимъ образомъ свободу дѣйствій. Но неожиданно нашлся другой выходъ.

Попечитель учебнаго округа, по открытіи университета, былъ озабоченъ замѣщеніемъ второстепенныхъ вакансій въ правленіи новаго университета. Нуженъ былъ, между прочимъ, секретарь правленія, который совмѣщаль и обязанности секретаря совѣта, сливавшася съ правленіемъ, пока въ университетѣ былъ только одинъ медицинскій факультетъ. Я искренно обрадовался, когда В. М. Флоринскій предложилъ мнѣ занять мѣсто секретаря правленія и не усмотрѣлъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы я, занимая должность секретаря университета, взялъ на себя защиту Плотникова, Ложникова и Быховской. Такимъ образомъ, вопросъ былъ рѣшенъ, и я былъ 1-го сентября перемѣщенъ на должность секретаря правленія томскаго университета, къ искреннему огорченію А. Г. Лейбина, съ которымъ и мнѣ тяжело было разстаться, но другого выхода для меня не было.

Въ ноябрѣ состоялось публичное засѣданіе суда по дѣлу стачечниковъ, но что это было за засѣданіе? Краткій докладъ о слѣдственномъ производствѣ и о рѣшеніи окружнаго (уѣзднаго) суда, о поступившихъ на это рѣшеніе жалобахъ. Вотъ и все, что предшествовало словеснымъ объясненіямъ повѣренныхъ подсудимыхъ. Не было ни обвинительнаго акта, ни судебного слѣдствія, ни обвинительной рѣчи прокурора. Ясно было, какъ Божій день, что при такихъ условіяхъ защита не можетъ принести подсудимымъ никакой пользы и не послужить дѣлу правосудія. И сложное, спорное

въ юридическомъ отношеніи дѣло было рѣшено томскими юристами безъ малѣйшихъ затрудненій, они спокойно обошли всѣ вопросы, возбужденные подсудимыми, и смѣло обвинили всѣхъ обвиняемыхъ, даже оправданную окружнымъ судомъ Быховскую, которую въ отличіе отъ другихъ подсудимыхъ, приговоренныхъ къ тюремному заключенію, губернской судъ приговорилъ къ штрафу.

Защита рѣшила перенести дѣло въ сенатъ. Платоновъ и Ложниковъ просили меня ѣхать въ Петербургъ и поддерживать ихъ жалобу въ сенатѣ или передать дѣло кому-либо изъ авторитетныхъ адвокатовъ, пользующихся уваженіемъ сената. Для этого мнѣ предстояло уже непремѣнно выйти въ отставку, такъ какъ на увольненіе въ отпускъ я рассчитывать не могъ. И я рѣшился подать въ отставку, тѣмъ болѣе, что положеніе секретаря правленія (и совѣта) университета становилось день ото дня тяжелѣе: началась борьба попечителя съ совѣтомъ-правленіемъ и съ отдѣльными профессорами по поводу расходованія суммъ сибиряковскаго капитала, пожертвованнаго на учебныя пособія университета. Этотъ капиталъ ко дню открытія томскаго университета достигъ крупной суммы свыше 167 тысячъ рублей, и расходъ его былъ обусловленъ жертвователемъ пожизненно волею В. М. Флоринскаго. Первые профессора томскаго университета желали возможно полнѣе воспользоваться своимъ положеніемъ и обставить свои каѳедры наилучшимъ образомъ, не думая о будущихъ нуждахъ университета; Флоринскій же старался всѣми мѣрами сократить аштиты профессоровъ, напоминая имъ, что онъ обязанъ беречь сибиряковскій капиталъ, который предназначенъ для полнаго университета, а не для одного медицинскаго факультета. На этой почвѣ возникли упорныя разногласія. Совѣтъ дѣлалъ постановленія объ отпускѣ значительныхъ суммъ на оборудованіе анатомическаго музея, на сооруженіе особаго химическаго института и т. п.,—попечитель не утверждалъ этихъ постановленій, вызывалъ къ себѣ исправляющаго должность ректора, профессора Гезехуса, спорилъ съ нимъ, призывалъ заинтересованнаго профессора, убѣждалъ его отказаться отъ заявленныхъ требованій, грозилъ воспользоваться принадлежащимъ ему правомъ изъять изъ вѣдѣнія совѣта, въ его настоящемъ составѣ, распоряженіе сибиряковскимъ капиталомъ, или назначить медицинскому факультету опредѣленную сумму на всѣ его нужды, и пр. На мнѣ, какъ на секретарѣ совѣта, лежала тяжелая обязанность докладывать попечителю постановленія совѣта, а совѣту—замѣчанія попечителя и выслушивать взаимныя нареканія и обиды, при чемъ обѣ стороны не скупилась на рѣзкія выраженія. Часто во время моего доклада попечитель распорядился пригласить къ нему того или другого профессора, и тутъ же, при мнѣ, начинался тяжелый, нерѣдко прямо грубый, споръ, превращавшійся въ непристойное препирательство. Помню, на примѣръ, какъ взбѣсился (не могу иначе

выразиться) Флоринскій, когда я доложилъ ему постановленіе совѣта о затратѣ 20,000 рублей изъ сибиряковскаго капитала на химическій институтъ.

— Что?—завопилъ Флоринскій. И приказалъ курьеру немедленно пригласить къ нему профессора химіи, доктора медицины С. І. Залѣскаго. Послѣдній оказался въ университетѣ и сейчасъ же пришелъ.

— Вы хотите, чтобъ я далъ вамъ 20,000 рублей, когда вы и химию-то читать не имѣете права?

— Какъ?—изумился профессоръ химіи.

— Такъ,—отвѣтилъ попечитель.—Химию пріѣдетъ читать, когда будетъ открытъ физико-математическій факультетъ, настоящій химикъ, докторъ химіи, а не медицины, онъ и будетъ строить химическій институтъ, а вы и безъ такого института можете отлично читать свою медицинскую химию. Зининъ въ подвалѣ науку двигалъ, не мечтая объ особыхъ институтахъ, а вамъ сейчасъ же подай все, благо деньги есть. Но деньги эти надо тратить съ толкомъ, помнить, что на нихъ слѣдуетъ сдѣлать какъ можно болѣе самаго необходимаго для всего нашего университета; здѣсь нельзя дѣйствовать по пословицѣ: кто палку взялъ, тотъ и капралъ. Нѣтъ, 20,000 я вамъ не дамъ, да онъ и не нужны.

— А я считаю этотъ расходъ безусловно необходимымъ и вынужденъ настаивать на немъ,—раздраженно отвѣтилъ Залѣскій.

— А я нахожу его излишнимъ и не утверждаю постановленія совѣта.

Такія сцены стали повторяться почти при каждомъ моемъ докладѣ. Взаимное раздраженіе росло и обѣщало породить серьезный конфликтъ между университетомъ и попечителемъ. Нѣкоторые профессора пытались втянуть въ эту распрю одну изъ мѣстныхъ газетъ, и когда Картамышевъ категорически заявилъ, что онъ считаетъ правымъ попечителя и не можетъ принять сторону профессоровъ, то недовольные тактикою Флоринскаго обратились къ защитѣ «Сибирской Газеты». Но цензура не допустила вмѣшательства печати во внутреннія дѣла университета и предупредила возникновеніе неизбѣжной полемики. Тогда стало на защиту университетской коллегіи отъ самоуправства попечителя петербургское «Восточное Обозрѣніе», беззастѣнчиво объявившее, что корень разногласія профессоровъ и попечителя лежитъ въ излишнемъ довѣрїи В. М. Флоринскаго ко мнѣ (?). Картамышевъ указалъ въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» на тенденціозную нелѣпость этого объясненія, а я заявилъ Флоринскому, что выхожу въ отставку. В. М. Флоринскій понялъ, что мнѣ дѣйствительно стало тяжело служить при образованныхъ условіяхъ, и не удерживалъ. 17-го декабря я былъ уволенъ, а 23-го декабря выѣхалъ изъ Томска въ Петербургъ, передавъ редакцію газеты бібліотекарю университета, С. К. Кузнецову.

XXXIII.

10-го января 1889 года я приѣхалъ въ Москву, пробылъ тамъ нѣсколько дней и направился въ Петербургъ, гдѣ передалъ дѣло стачечниковъ извѣстному присяжному повѣренному С. А. Андреевскому, а самъ началъ искать мѣста. Вскорѣ мнѣ было предложено занять мѣсто правителя дѣлъ мѣстнаго управленія казенной Уральской желѣзной дороги, и я переселился въ Пермь. Здѣсь началась моя новая желѣзнодорожная служба, продолжавшаяся почти 20 лѣтъ. Говорить о ней въ этомъ очеркѣ моего «сибирскаго сидѣнья» не мѣсто¹⁾.

Желалъ ли я своимъ правдивымъ очеркомъ вызвать читателя на какія-либо общія размышленія? Да, я имѣлъ въ виду сказать, что уголовная репрессія не должна быть универсальна, если она дѣйствительно стремится къ тому, чтобы такъ называемыя «исправительныя наказанія» достигали цѣли. Жизнь воочію показываетъ, что уголовная репрессія должна дѣйствовать, сообразуясь возможно больше съ индивидуальными особенностями человѣка съ ослабѣвшей волей, его происхожденіемъ, образованіемъ, возрастомъ, развитіемъ, работоспособностью. Какъ медикъ не можетъ лечить больного независимо отъ силы организма и его индивидуальных особенностей, такъ и криминалистъ не долженъ думать, что для укрѣпленія всякой ослабѣвшей воли пригодно одно и то же средство, признаваемое въ данный моментъ наилучшимъ для борьбы съ дурно направленными инстинктами человѣка. Въ послѣднее время такимъ универсальнымъ средствомъ признана тюрьма, народилась даже особая наука—тюрьмовѣдѣніе, специально изучающая наилучшее примѣненіе тюремнаго заключенія, всѣ виды послѣдняго, организацію тюремнаго труда и пр. Но на практикѣ тюрьма была и остается школой преступности и нравственной гибели арестантовъ. Почему? Потому, что тюрьма, соединенная съ лишеніемъ человѣка всякаго общенія съ не тюремной средой, всякой личной инициативы, всякаго свободнаго труда, очень скоро убиваетъ въ немъ послѣдніе остатки сознанія добра и зла, приобщаетъ его къ противообщественнымъ интересамъ тюремной среды, дѣлаетъ его неизбѣжно непримиримымъ врагомъ лишившаго его свободы общества. Тюрьма пригодна, какъ возмездіе за нарушеніе установленныхъ правилъ общежитія, когда имѣется въ виду краткосрочнымъ изолированіемъ нарушителя побудить его одуматься и сознать свой проступокъ. Но тюрьма не можетъ явиться путемъ къ нравственному укрѣпленію ослабѣвшей

¹⁾ Объ этомъ періодѣ своей жизни авторъ подробно повѣствуетъ въ книжкѣ «Двадцать лѣтъ на желѣзныхъ дорогахъ», отзвѣвъ о которой читатели найдутъ въ отдѣлѣ «Критики и библиографіи».

воли, къ возрожденію нравственнаго самосознанія. Последнее достижимо только перемѣною среды и свободнымъ трудомъ, который представляется единственнымъ вѣрнымъ путемъ къ завоеванію общественнаго довѣрія и уваженія въ новой средѣ. Вотъ почему ссылка на житье, перебрасывая человѣка въ новыя условія жизни и открывая ему возможность къ свободному труду и порядочной трудовой жизни, открываетъ его, укрѣпляетъ волю и возрождаетъ нравственное самосознаніе, а общество постепенно мирится съ тѣмъ, что привело человѣка въ ссылку, начинаетъ возвращать ему свое довѣріе и уваженіе. Эти результаты ссылки по суду не единичны, и на нихъ стоитъ остановиться съ полнымъ вниманіемъ всѣмъ, кого интересуютъ результаты уголовной репрессіи. Россія такъ велика, такъ богата недостаточно заселенными обширными пространствами, что ей рано и пока незачѣмъ отказываться отъ ссылки по суду тѣхъ, кто въ тюрьмѣ неминуемо погибнетъ, а въ ссылкѣ можетъ возродиться и стать полезнымъ членомъ общества, работникомъ на общую пользу. Право же, объ этомъ стоитъ подумать серьезно.

Е. В. Коршъ.

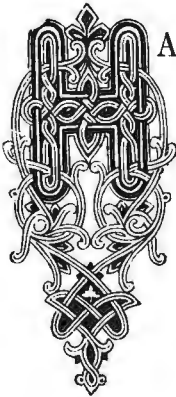

НЕРАЗБЕРИХА¹⁾.

IV.

Волжскіе пираты.

А Волгѣ и рѣкахъ ея системы пираты никогда не переводились, принимая, соотвѣтственно духу времени, разныя формы. Прадѣды нынѣшняго поколѣнія волгарей еще застали заправскихъ рѣчныхъ пиратовъ, разбойничавшихъ открыто, съ кличемъ «сарынь на кичку» (по современному «руки вверхъ»). Обыватели рѣдко боролись тогда съ разбойниками, считая ихъ «попущеніемъ воли Божіей», противъ коей «не пойдешь...» Страдая отъ разбоевъ «вольныхъ людей», волгари въ то же время нерѣдко поддерживали съ ними самыя близкія отношенія. Многія приволжскія, прикамскія и т. д. селенія поднялись и разбогатѣли, благодаря поддержкѣ мѣстныхъ разбойниковъ.

Такъ, благодарнымъ патрономъ слободы Хмѣлевки подѣ гор. Василемъ былъ болѣе ста лѣтъ назадъ разбойникъ Галаня, имѣвшій свой городокъ въ сосѣднихъ лѣсахъ, разбойничая то здѣсь на Волгѣ и на большой Казанской дорогѣ, то поднимаясь выше, къ Старому Макарью, то спускаясь въ Жигули. Села Фокино и Бармино (выше Васнла) основаны разбойниками Фокой и Бармой.

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣст.», т. СХХ, стр. 835.

Село Пьяный Боръ и другія селенія на Камѣ (около устья рѣки Бѣлой) возникли изъ остатковъ шаякъ Пугачева. Многія приволжскія села ведутъ начало отъ разинцевъ и т. д. Недаромъ «вольный духъ» царить доселѣ на Волгѣ.

На смѣну прежнимъ разбойникамъ пришли и живы до сего дня пираты новаго фасона, смѣло взимающіе съ волгарей въ свою пользу дани и оброки, не установленные закономъ, но обязательные, какъ въ силу кулачнаго права и нахальства новыхъ пиратовъ, такъ и вслѣдствіе традиціоннаго преклоненія волгарей передъ всякимъ «вольнымъ духомъ».

Нынѣшніе пираты не вооружены, рѣдко прибѣгаютъ къ помощи своихъ кулаковъ, рѣдко даже кричатъ, еще рѣже ругаются побурлачки. Они вѣжливы, деликатны, попадаютъ между ними и «джентльмены» по внѣшности, носятъ они даже мундиры... Но стоитъ имъ только появиться передъ волгаремъ, всегда чувствующимъ, что безгрѣшенъ одинъ Богъ, какъ предъ ними сами собой раскрываются кошельки волгарей и оттуда выуживается, что подobaетъ каждому...

Надо отдать справедливость новымъ пиратамъ, что рѣдко когда они набрасываются нахрапомъ и сразу отнимаютъ у всегда виноватаго волгара весь его кошелекъ. Они клюютъ по зернышку, ничѣмъ не брезгая—ни замусленной трешницей маленькаго судопромышленника, ни жалкимъ рублишкомъ бурлака... Но этихъ зернышекъ набираются на необъятной Волгѣ цѣлыя кучи... Пираты дружно поддерживаютъ интересы всей своей почтенной корпораціи. Они не раздѣнутъ волгара сразу догола, но раздѣваютъ его постепенно, на протяженіи всей Волги, чтобы вся попутная пиратская братія могла въ мѣру попользоваться отъ попавшагося въ ея руки волгара-карася...

Приемы у волжскихъ пиратовъ разнообразны. Грабятъ они и на водѣ, и на берегу, грабятъ буксирные пароходы, баржи и другія суда, до плотовъ включительно. Отъ ихъ тяжелыхъ рукъ ускользаютъ почему-то (и то не всегда) пассажирскіе пароходы. Боятся ли пираты многолюдства этихъ пароходовъ, совѣстятся ли лишнихъ свидѣтелей—не знаю. Но этихъ рѣчныхъ аристократовъ они почти не трогаютъ, а за низшей братіей глядятъ въ оба и спуска ей не даютъ.

О подвигахъ волжскихъ пиратовъ можно написать цѣлыя стопы бумаги. Но для характеристики ихъ достаточно привести и нѣсколько примѣровъ.

Подходитъ баржа, идущая самоплавомъ или подъ буксиромъ, къ какому-нибудь городу, гдѣ надо разгрузаться совсѣмъ или выгрузить часть товара. Хозяинъ баржи впадаетъ въ меланхолическое настроеніе, теряетъ аппетитъ... Ощупавши свой кошелекъ, идетъ онъ въ канцелярію, чтобы «выправить билетъ» на мѣсто для поста-

новки баржи у пристани. Канцелярія выдаетъ билетъ честь честью, безъ всякихъ придирокъ, требованій, вымогательствъ. Но, выдавши билетъ, приглашаютъ судовладѣльца (или довѣреннаго, водолива и т. п.) «пожаловать въ кабинетъ» начальника. Тамъ-то и зарыта собака. Вздыхаетъ бывалый волгарь и идетъ на закланіе...

Особа встрѣчаетъ очень любезно, усаживаетъ гостя и начинаетъ вопрошать о родѣ и количествѣ груза, о его назначеніи, цѣнахъ товара, фрахтахъ и проч. Это называется «собираніемъ статистическихъ матеріаловъ», никогда и никѣмъ фактически не провѣряемыхъ. Что покажутъ сплавщики или грузоотправители, то особа и внесетъ въ свои официальные таблицы, служащія затѣмъ матеріаломъ для всякихъ казенныхъ выводовъ «о движеніи» торговли и промышленности, «о нуждахъ» волжскаго судоходства и т. д. Конечно, болѣе порядочные волгари даютъ точныя цифры, но большинство вретъ напрапалу, всегда уменьшая количество груза, изъ-за обычныхъ мотивовъ—то изъ боязни новыхъ налоговъ или увеличенія старыхъ, то въ силу пресловутой «коммерческой тайны». И вотъ такія-то фальшивыя цифры, собираемыя безъ фактической провѣрки, ложатся въ основу разныхъ «научныхъ выводовъ»...

Волею-неволею содѣйствуя такимъ родомъ «движенію науки впередъ», волгарь оглядываетъ внимательно, по привычкѣ и горькому опыту, письменный столъ особы и скоро находитъ на немъ то, что составляетъ конечную цѣль всей конференціи.

На столѣ красуется тарелка съ деньгами (sic!), словно сборная тарелочка въ пользу нищей братіи... Стоитъ она совершенно открыто и очень нагло, вызывающе приглашая къ «добровольнымъ» даяніямъ... На тарелкѣ полная коллекція русской ходовой монеты—золото, бумажки, серебро. Можно, конечно, и сдачу получить...

Разумѣется, здѣсь нѣтъ и слѣдовъ вымогательства... помилуйте! Это вѣдь не подъячіе, а «люди благородные»... Хочешь—оцѣни ихъ «благородство», какъ слѣдуетъ, не хочешь—за шиворотъ не схватятъ и не сунуть рыломъ въ тарелку... Даже легонькаго намека на пожертвованіе вы здѣсь не услышите. Можете быть спокойны насчетъ своего кошелька!..

Но... берегитесь, если вы такъ недогадливы, что не сумѣли понять смысла этой наглой тарелочки или сознательно ее игнорируете... горе вамъ тогда!..

Въ случаѣ отказа отъ «добровольнаго даянія» послѣдуютъ такія ядовитыя придирки къ вашему судну, что лучше ужъ прямо бѣжать съ пристани, не начиная выгрузки. Вашу баржу станутъ безъ толку гонять съ мѣста на мѣсто, отнимая у васъ драгоцѣнное время, или отведутъ такое мѣсто, къ которому нельзя ни подойти, ни подъѣхать, гдѣ нѣтъ возможности выгрузить кладъ и т. д. А сколько на вашей баржѣ найдутъ прорѣхъ, незаконій, злоупотребленій!.. Васъ засыпятъ протоколами, штрафами и проч. Нѣтъ, лучше ух-

дите скорѣе дальше... или кайтесь и идите въ Каноссу—на конференцію съ тарелочкой...

Опытные волгари, конечно, сразу понимаютъ смыслъ тарелочки и не дразнятъ ее попусту... Какъ только занятія по статистикѣ приходятъ къ концу, они безъ церемоніи достаютъ кошельки, выуживаютъ оттуда пятишницу и съ достоинствомъ кладутъ ее на сборную тарелочку. Особа любезно благодаритъ и даже удостаиваетъ иныхъ (напримѣръ, владѣльца двухъ баржъ, положившаго красненькую) теплымъ рукопожатіемъ. Просто, мило и «благородно»... Это не «сарынь на кичку» и не «руки вверхъ»!..

Если вамъ пришлось имѣть дѣло съ буксирнымъ пароходомъ, по всѣмъ признакамъ прожившимъ Маеусаиловъ вѣкъ, будьте осторожны, глядите въ оба за его машиной и не вѣрьте официальному разрѣшенію поднимать пары до 100 силъ. Самъ машинистъ такого парохода, имѣя подобное разрѣшеніе, никогда не рискнетъ поднять пары и до 50 силъ... Иной пароходъ «весь парится», а работаетъ... Волгари говорятъ, что «за 100 рублей можно добиться признанія годнымъ такого котла, который черезъ день взорвется»...

Именно буксирнымъ пароходамъ всего болѣе достается отъ волжскихъ пиратовъ, которые грабятъ ихъ и на ходу, и у берега, на перекатахъ, пристаняхъ и вездѣ, гдѣ только представляются удобные случаи и поводы. Командиръ одного буксира рассказывалъ:

— Дерутъ съ насъ на Волгѣ ужасно... дерутъ и за дѣло, и безъ дѣла, и безъ всякаго повода, и просто потому, что по необходимости вышелъ на берегъ, чтобы купить провизіи и т. п. Сейчасъ же подлетаютъ мелкіе пираты и «поздравляютъ съ приваломъ»... Волею-неволею приходится раскошелиться—бросить этой сворѣ 1—2—3 руб., смотря по ихъ чину и положенію. Особенно тяжело намъ приходится на крупныхъ пристаняхъ, гдѣ этихъ пиратовъ видимо-невидимо... Когда, напримѣръ, подходишь къ одному большому приволжскому городу, съ рѣчного поста обязательно выѣзжаетъ одинъ чинъ—ни одного парохода ни днемъ, ни ночью не минуетъ, шельмецъ!—и «поздравляетъ съ приходомъ», за что получаетъ мзду не менѣе 1½ рубля... Хозяева плачутся, что слишкомъ много денегъ выбираемъ мы за навигацію на эту шантрапу—сколько ея по всей-то Волгѣ!.. А не дать имъ никакъ невозможно: придерутся ко всякой мелочи, жизнь отравятъ изъ-за пустяковъ, одолѣютъ протоколами, штрафами и причинятъ такіе убытки, что и сотнями рублей не отдѣлаешься... А ублаготворишь этихъ пиратовъ,—продолжалъ командиръ,—и все пойдетъ какъ по маслу... На пристаняхъ намъ запрещено разводить огни въ караванахъ, а мы помаленьку и осторожно топимъ кухни... скучно вѣдь сидѣть на одномъ сухояденіи... И пираты, получившіе за то мзду, смотрятъ сквозь пальцы на наше явное беззаконіе, угрожающее безопасности громаднаго каравана...

Другой буксирный командиръ рассказывалъ:

— Разъ былъ со мною такой случай. Прихожу въ большой городъ и ставлю баржу на фэрватерѣ. Это строго воспрещается, чтобы не мѣшать ходу другихъ судовъ. Но для меня было удобнѣе поставить такъ баржу, и я зналъ, что за бакшишъ мнѣ все разрѣшать. Дѣйствительно, подлетаетъ «онъ» на своемъ паровомъ баркасѣ, входитъ на пароходъ и идетъ въ мою каюту «погрѣться чайкомъ», какъ заявилъ во всеуслышаніе. Какъ водится, мы «побесѣдовали по душамъ»... и собесѣдникъ изрядно нагрѣлъ мой карманъ, разрѣшивши мнѣ стоять на фэрватерѣ сколько потребуется. Но, выйдя на палубу, онъ вдругъ словно съ цѣпи сорвался—сталъ кричать на меня, бранить и разносить на чемъ свѣтъ стоитъ за то, что я загородилъ фэрватеръ... Оралъ онъ такъ громогласно, что было слышно далеко на рѣкѣ, на всѣхъ караванахъ и на берегу. Я было опѣшиль... и съ удивленіемъ гляжу на него... А онъ продолжаетъ разносить меня и такъ артистически ругается, не хуже ветлужскаго бурлака, но въ то же время улыбается мнѣ, подмигиваетъ... Я догадался, что это маневръ для отвода глазъ передъ сторонними свидѣтелями. Потихоньку онъ шепнулъ мнѣ, чтобы я «не беспокоился», а громогласно продолжалъ ругать... Уходя, онъ объявилъ командѣ своего баркаса: «ну, теперъ поздравьте командира съ приваломъ»... Конечно, и имъ выбросилъ трешницу... А не ублаготвори его, меня живо согнали бы съ хорошаго мѣста, да еще оштрафовали бы и потаскали бы по инстанціямъ, когда нашему брату дорогъ каждый часъ.

Приведу рассказъ еще одного буксирнаго командира:

— Иду я однимъ перекатомъ, который былъ тогда «закрѣтъ» по случаю работы на немъ землечерпалки. Иду осторожно, самымъ черепашинымъ ходомъ, какъ вдругъ одна изъ баржъ моего каравана рыснула и чуточку задѣла какой-то канатъ, протянутый отъ землечерпалки. Канатъ нисколько не былъ поврежденъ и только слабо дрогнулъ отъ толчка моей баржи. Я продолжаю итти перекатомъ, благодаря Бога, что не порвалъ казенной снасти и избѣжалъ протокола со всѣми его неприятными послѣдствіями. Не тутъ-то было!.. откуда-то вылетѣлъ баркасъ, подскочилъ ко мнѣ, и бывший на немъ чинъ потребовалъ, чтобы я остановился для составленія протокола—не знаю ужъ о чемъ... Я послалъ его къ черту, забралъ ходу и ушелъ съ караваномъ, смѣясь надъ угрозами чина, кричавшаго вслѣдъ мнѣ: «попомнишь ты меня!..» И что же? Черезъ годъ взыскали съ меня штрафъ въ 5 рублей именно за этотъ пустой случай... Но этого мало: обиженный мною чинъ таки дождался новаго случая, когда отомстил мнѣ побольнѣе...

— Въ слѣдующую навигацію иду его участкомъ, и какъ-то грѣхъ попуталъ: моя баржа сильно рыснула и сбила красный бакенъ. Вина моя была явная, и на этотъ разъ я догадался заплатить приличную мзду подлетѣвшему «старому знакомому», чтобы избавить себя отъ протокола и штрафа. Чинъ съ удовольствіемъ принялъ дань и пре-

даль дѣло волѣ Божіей, но не удержался, чтобы не попрекнуть меня за прошлое: «а помните,—говорить,—какъ въ прошлую навигацію вы меня послали къ чорту?!» Помню-помню... и дѣтямъ закажу...— смѣялся я въ отвѣтъ....

Сотни подобныхъ случаевъ можетъ привести изъ своей практики любой волгарь, на каждомъ шагу сталкивающейся съ волжскими пиратами разныхъ ранговъ, отъ вылощенныхъ мундирныхъ «джентльменовъ» до грязныхъ замухрышекъ «перекатной лѣни» (бакенциковъ и т. п.) включительно. Всѣ они имѣютъ «власть» надъ несчастнымъ волгаремъ и всѣ отъ него «кормятся» болѣе или менѣе сытно... Одинъ волгарь говорилъ:

— За всю мою десятилѣтнюю практику на Волгѣ я только однажды столкнулся съ единственнымъ чиномъ довольно высокаго полета, который и самъ не грабилъ, и своимъ подчиненнымъ не позволялъ грабить насъ, волгарей. Подчиненные чины волкомъ воютъ: «скорѣе бы убрали его отъ насъ, а то чистый разоръ отъ него—лежить на сѣнѣ, самъ не ѣсть и намъ не даетъ покормиться»... Да, бываетъ доброе и отъ Назарета... Разъ я предлагалъ ему 100 рублей, чтобы замять одну очень непріятную для меня и серьезную исторію, но онъ не взялъ денегъ, говоря: «я служу за жалованье... мнѣ вашихъ денегъ не надо»... Я и ротъ разинулъ отъ такого дива и низенько-низенько ему поклонился...

Да, это волжское «диво» слѣдовало бы въ музей показывать да возить по Волгѣ, въ поученіе всѣмъ волжскимъ пиратамъ... Увы! послѣднихъ ничѣмъ не удовлетворишь... Они спокойно грабятъ не только «подвластныхъ» имъ волгарей, но и то учрежденіе, представителями котораго состоятъ на Волгѣ... Надо ли перечислять ихъ многомилліонные грѣхи на этотъ счетъ, разныя бесполезныя и вредныя дамбы и т. п.? Они увсѣхъ въ виду и памяти... Укажу для курьеза одинъ изъ недавнихъ грабежей этого рода.

Въ разныхъ пунктахъ Волги красуются построенные три-четыре года назадъ такъ называемые «холерные бараки», мало видѣвшіе холерныхъ, но стоиміе казнѣ немало. Сооруженіе десятка этихъ зданій обошлось въ 150 тысячъ, по 15 тысячъ каждое. Нужно удивляться, какъ можно ухлопать по 15 тысячъ на такія мизерныя постройки?! Но ларчикъ просто открывается... Про одинъ изъ этихъ бараконъ мнѣ сообщили, что хозяинъ кирпичнаго завода «расписался» въ полученіи 20 рублей за тысячу кирпича и въ поставкѣ 40 тысячъ его, хотя въ дѣйствительности взялъ по 10 рублей за тысячу и доставилъ всего 20 тысячъ. Такъ же «расписывались» поставщики лѣса, желѣза и проч. Словомъ, очень банальная исторія...

Чтобы покончить съ характеристикой волжскихъ пиратовъ, необходимо отмѣтить то чрезвычайно удивительное ихъ свойство, что они грабятъ не только «чужихъ», но и «своихъ» свою же низшую братію... У такъ называемыхъ «старшинъ» изъ 25 рублей мѣсяч-

наго жалованья дѣлаются обязательные вычеты въ 7 рублей. У бакенщиковъ изъ 10 рублей грабятъ 3 рубля и т. п. На этихъ условіяхъ и принимаютъ ихъ на службу, заставляя «расписываться» въ полученіи полного жалованья. А если кто запротестуетъ—гонять въ шею и ищутъ болѣе покладистыхъ людей.

Эти поборы идутъ въ пользу высшихъ чиновъ, а низшіе, конечно, подражаютъ имъ и, съ своей стороны, грабятъ еще ниже стоящихъ, послѣдніе же возмѣщаютъ свои убытки съ судовладѣльцевъ и судорабочихъ, придираясь къ нимъ всячески, сколько позволяютъ отпущенные на ихъ долю скромные размѣры «власти». Такъ и идетъ круговой грабежъ...

Кромѣ открытаго грабежа, практикуются еще разные «хозяйственные» приемы... Бакенщиковъ и другую рѣчную стражу набираютъ изъ мастеровыхъ—плотниковъ, кузнецовъ, маляровъ и т. п., чтобы пользоваться ихъ даровымъ трудомъ при сооруженіи и ремонтѣ бакеновъ, маяковъ и проч. Работаютъ они въ счетъ своего урѣзаннаго жалованья, безъ всякой приплаты за навязанную, необязательную для нихъ работу. По бумагамъ же эти работы якобы «сдаются» фиктивнымъ «подрядчикамъ», отъ которыхъ, конечно, имѣются фальшивые «счета» на изрядныя суммы. Такъ, «перевальныя» или «шаровыя вѣхи» (мачты съ сигналами о состояніи фарватера) обходятся казнѣ въ 75 рублей (sic!) каждая, хотя въ дѣйствительности красная цѣна имъ 10—15 рублей, да и эту сумму надо сбавить на половину, когда работа производится даровымъ трудомъ рѣчной стражи...

Есть на Волгѣ казенная флотилія, о которой рассказываютъ чудеса... Года два-три назадъ ремонтъ (и не серьезный—безъ передѣлки машины и т. п.) роскошной яхты «Межень» обошелся—страшно сказать—въ 450 тысячъ!.. Ахнули, не поморщившись. Для параллели достаточно сказать, что въ нынѣшнюю навигацію пароходство Каменскихъ выпустило 6 новыхъ громадныхъ (въ 10 разъ больше «Межени») и роскошныхъ пассажирскихъ пароходовъ («Наталія», «Маріанна» и др.), кои обошлись—каждый по 200 тысячъ... Каковы, значить, аппетиты у гг. «водяновскихъ» (какъ зовутъ на Волгѣ) чиновъ!..

Казенный пароходъ «Ярославль», стоившій, вѣроятно, сотни тысячъ, продавался недавно за... три тысячи... и то не нашлось покупателей... Пришлось ему снова «работать» въ водяновскихъ рукахъ—и чѣмъ же онъ занятъ? Какъ-то въ сентябрѣ онъ потратилъ около двухъ сутокъ, чтобы доставить изъ Нижняго въ города Василь и Козьмодемьянскъ по двѣ бочки керосину для освѣщенія маяковъ и бакеновъ... Во что обошлись казнѣ эти 4 бочки?! Какъ будто нельзя достать керосину на мѣстахъ, или нельзя было его отправить на пассажирскихъ пароходахъ, кои ежедневно отваливаютъ изъ Нижняго въ количествѣ десяти и больше пароходовъ.

Конечно, частными пароходами могли бы пользоваться и сами гг. водяновскіе для своихъ служебныхъ и... увеселительныхъ (больше) поѣздокъ. Для надзора же и обслуживанія рѣчныхъ постовъ, для перекатной службы и т. п. достаточно имѣть паровыя баркасы, или моторныя лодки. Всѣ же роскошныя увеселительныя яхты, страшно дорого обходящіяся казнѣ и бесполезныя для путейской службы, должны быть упразднены и проданы богатымъ любителямъ.

Насколько эти яхты опасны даже для увеселительныхъ поѣздокъ водяновскаго и всякаго другого начальства, показываетъ такой случай. Есть очень нелѣпый пароходъ-обрубокъ (по формѣ—половина двухъяруснаго парохода) «Царицынъ», который какъ-то осенью былъ занятъ очень серьезной миссіей—привозилъ въ гор. Василь нижегородскаго вице-губернатора... Отваливши обратно съ этою же персоною около 7 часовъ вечера, «Царицынъ» въ верстѣ отъ гброда «зашелъ за красный бакенъ» (чего даже въ пьяномъ видѣ не сдѣлаетъ ни одинъ волжскій командиръ судна!..) и усѣлся на пескахъ... Только черезъ два часа стащилъ его буксирный пароходъ. Такъ гг. водяновскіе «знаютъ» Волгу и «умѣютъ ходить» по ней!..

Имѣя свои пароходы, которымъ нечего дѣлать, водяновскіе въ то же время не пользуются ими, когда въ нихъ дѣйствительная нужда, а прибѣгаютъ къ самымъ дикимъ и примитивнымъ пріемамъ. Осенью жители города Василя съ изумленіемъ смотрѣли на давнымъ-давно позабытое явленіе, немыслимое при развитомъ пароходствѣ: по прибрежнымъ пескамъ Волги брели группы бурлаковъ и тащили на лямкахъ 4 «карчеподъемницы», направлявшіяся съ Ветлуги въ Васильскій затонъ... Отъ Василя до устья Ветлуги около 20 верстъ, да по Ветлугѣ сколько еще тащили эти судна до 50 челоуѣкъ. Сколько денегъ, времени и каторжнаго труда убито на эту операцію, которую небольшой пароходъ легко и дешево обдѣлалъ бы въ нѣсколько часовъ. Но какъ разъ въ это время два путейскихъ парохода были заняты болѣе деликатною задачею: одинъ каталъ по Волгѣ вице-губернатора, другой таскалъ 4 бочки керосину...

Въ то же время на Фокинскомъ перекатѣ (выше Василя) работала «землечерпалка», а при ней состоялъ паровой баркасъ, для разныхъ подсобныхъ работъ и для сношенія съ городомъ. Но баркасъ, считаясь въ работѣ, по которой выписывался расходъ, мирно дремалъ подлѣ каравана, а всѣ сношенія съ Василемъ и другими пунктами шли чрезъ... бакенщиковъ!.. Ближайшій бакенщикъ получалъ корреспонденцію и шелъ или плылъ въ лодкѣ до слѣдующаго рѣчнаго поста и т. д. И почты бросались ими на произволъ судьбы...

Но довольно... Тема эта неисчерпаема, и объ ней можно исписать тысячи листовъ. И писалось на эту тему не мало, а «возь и понынѣ тамъ»... Волжскіе обыватели поражены, что ихъ представители въ

государственной думѣ ни разу не додумались до того, чтобы поднять тамъ этотъ старый и наболѣвшій вопросъ объ очищеніи Волги (и всѣхъ рѣкъ ея системы, какъ, несомнѣнно, и другихъ рѣчныхъ системъ) отъ ея присяжныхъ «охранителей», только губящихъ рѣку, и объ огражденіи волгарей отъ рѣчныхъ пиратовъ всякаго ранга... Но, видно, тутъ отъ думы ничего не дождешься, и обыватели больше разсчитываютъ на гг. «Гаринныхъ». Великое дѣло они сдѣлаютъ, если основательно познакомятся на Волгѣ съ гг. «водяновскими»...

V.

Грустные и веселые анекдоты.

Недавно извѣстный писатель Григорій Петровъ привелъ въ «Русскомъ Словѣ» нѣсколько «грустныхъ анекдотовъ» изъ текущей русской дѣйствительности, причемъ, какъ водится по шаблону, вину за нихъ всецѣло возложилъ только на «старый режимъ» гг. Побѣдоносцевыхъ и К°. Провинціальныя обыватели, отнюдь не увлекающіеся «старымъ режимомъ» и давно поставившіе надъ нимъ крестъ, полагаютъ, однако, что никакой «новый режимъ», начиная съ гг. Милоковыхъ, Родичевыхъ и т. д., идя влѣво до безконечности, не избавитъ насъ отъ всевозможныхъ «грустныхъ анекдотовъ». Тутъ дѣло не въ «режимѣ», а въ чемъ-то другомъ, разъ и при старомъ режимѣ на ряду съ «грустными» встрѣчаются и «веселые анекдоты». Почтенный г. Петровъ какъ будто забылъ о послѣднихъ, а обыватель ихъ знаетъ, ими только и живъ... Не будь этихъ веселыхъ анекдотовъ, давнымъ-давно слѣдовало бы поставить крестъ надъ Русью, всѣмъ ложиться и помирать... Правда, въ нашей жизни грустные анекдоты рѣшительно преобладаютъ надъ веселыми, но будемъ благодарны судьбѣ и за то, что есть. Приведу нѣсколько тѣхъ и другихъ анекдотовъ, какіе случайно набрали на меня во время странствованій прошлаго лѣта.

Вотъ очень грустный анекдотъ... Есть на Волгѣ удивительно прекрасный уголокъ, съ замѣчательно живописнымъ мѣстоположеніемъ, здоровымъ климатомъ и богатыми водными и лѣсными окрестностями—гор. Васильсурскъ, Нижегородской губерніи. Его художественныя прелести открыты еще покойнымъ Левитаномъ и съ его легкой руки не забываются художниками (въ послѣдніе годы здѣсь работали московскіе пейзажисты гг. Аладжаловъ, Кельхъ, Петровичевъ, Пищалкинъ, Эрихсонъ и др.). Но еще болѣе Василь извѣстенъ, какъ прекрасная климатическая станція, дающая людямъ здоровье и отдыхъ. Лѣтъ 10 назадъ, когда я впервые съ нимъ познакомился, здѣсь обитало лѣтомъ около двухъ десятковъ дачниковъ, а въ послѣдніе годы число ихъ возросло до 150. Они съѣзжаются

изъ самыхъ отдаленныхъ угловъ Россіи—изъ Петербурга, Москвы, Астрахани, Баку и т. д.: не говоря уже о Нижнемъ, Казани и другихъ ближайшихъ мѣстахъ.

Но большинство дачниковъ, поживъ въ Василѣ одно-два лѣта, болѣе ужъ не возвращаются сюда, несмотря на всѣ прелести городка. Оно и понятно, такъ какъ житейскихъ удобствъ здѣсь нѣтъ никакихъ, а жизненныхъ дефектовъ масса. Ни сами обыватели, занимающіе съ дачниковъ тысячи, ни богатое городское управленіе не принимаютъ ни малѣйшихъ мѣръ къ благоустройству города, комфорту домовъ, жизни и т. д.

Будь подобный пунктъ въ рукахъ культурныхъ, честныхъ и энергичныхъ людей—они превратили бы его въ райскій уголокъ, который привлекалъ бы не десятки, а сотни и тысячи людей, желающихъ отдохнуть на волжскомъ просторѣ. А теперь Василь, какъ городъ—одна мерзость запустѣнія... Какъ-то съ парохода сошелъ босякъ и обратился къ кучкѣ горожанъ:

- Что это—городъ, али село?..
- Городъ...
- Ну?—изумился босякъ.—И пожарная есть?
- Есть...
- А какъ пройти туда?

Ему указали пожарную, которая въ подобныхъ «городахъ» заминяетъ ночлежки для бездомныхъ людей, если только соблаговолитъ пустить гг. пожарные....

Даже босякъ усомнился, что Василь есть «городъ»... И онъ совершенно правъ!.. По полному отсутствію городского благоустройства это совсѣмъ не городъ, а захолустное село, съ кривыми и малопроходимыми гористыми «улицами», безъ мостовыхъ (2—3 ужасно вымощены, но этихъ «мостовыхъ» нечего считать) и тротуаровъ, съ рѣдкимъ и отвратительнымъ «освѣщеніемъ», безъ воды въ нагорной части города (это на Волгѣ-то!..), безъ лѣстницъ на гору (высота ея до 60 сажень, а городъ имѣетъ свои лѣса), безъ скверовъ и бульваровъ, безъ набережной и т. д. и т. д.

Не говорю уже о духовныхъ потребностяхъ горожанъ. «Высшій разсадникъ просвѣщенія здѣсь—2-классное городское училище. А въ какомъ-нибудь захолустномъ сосѣднемъ гор. Ядринѣ (на рѣкѣ Сурѣ, Казанской губерніи) есть и женская гимназія, и реальное училище, или въ еще болѣе захолустномъ гор. Варнавинѣ (на рѣкѣ Ветлугѣ, Костромской губерніи) женская прогимназія превращается въ гимназію и открывается реальное училище. Этотъ же маленькій ветлужскій городокъ заводитъ у себя керосино-калильное освѣщеніе, собирается открыть автомобильное сообщеніе съ Нижнимъ и пр. и пр.

А богатый Василь, сидящій на большой дорогѣ, спитъ непробуднымъ сномъ и не хочетъ понять своего провиденціального назна-

ченія—быть одною изъ лучшихъ климатическихъ станцій на Волгѣ... Между тѣмъ городъ и сейчасъ далеко не бѣдный: онъ получаетъ съ пароходныхъ пристаней, собственныхъ лѣсовъ, отъ разныхъ налоговъ и пр. до 24 тысячъ въ годъ. А на что тратитъ ихъ?—четвертую часть бюджета пожираетъ городское управленіе (голова деретъ съ города 1,200 рублей, 2 члена управы по 450 рублей, секретарь 500 рублей и т. д.), 8 тысячъ тратитъ на вѣчно запаздывающую и неумѣлую пожарную команду, которая ниже всякой критики (и если городъ не гибнетъ отъ пожаровъ, то благодаря лишь дѣятельной помощи самихъ обывателей) и на тому подобные «производительные расходы». Есть «городской общественный банкъ», но объ немъ лучше и не заикайся, до того онъ блистательно ведется, вздыхая о Гариныхъ...

Кто же виноватъ, что Василь представляетъ собою не веселый, какъ указываютъ ему природа и обстоятельства, а чрезвычайно грустный анекдотъ? При чемъ тутъ какой бы то ни было «режимъ», если васильчанине сами допустили, чтобы на ихъ шефъ усѣлась клика людей—выражаясь скромно—безпринципныхъ, безцеремонныхъ, апатичныхъ ко всему, кромѣ своихъ личныхъ интересовъ низкой пробы?!. Во главѣ клики стоитъ бывший волостной писарь, сидящій головою уже около 20 лѣтъ. Всѣ имъ недовольны и всѣ видятъ, что его «дѣятельность» для города болѣе чѣмъ бесполезна, а онъ себѣ сидитъ да сидитъ, окруживши себя въ управѣ «вѣрными» людьми и ловко подбирая подходящую для себя думу, которая недавно даже поднесла своему шефу званіе «почетнаго гражданина» города!.. Чуть затешется въ число гласныхъ челоувѣкъ независимый, не принадлежащій къ господствующей кликѣ, его выживутъ изъ думы или передъ слѣдующими выборами уменьшатъ его имущественный цензъ и т. п.

Спрашиваю какъ-то одного гласнаго:

— Почему вы всѣ такъ согласно пляшете подъ дудочку головы и его присныхъ?

— Да ничего не подѣлаешь!.. Промежъ насъ идутъ всякіе разговоры: и то неладно по городу, и другое криво, и третье косо... Ну, побалаяемъ межъ собой и—молчокъ въ думѣ...

— Да почему же? сила-то на вашей сторонѣ: васъ 20 гласныхъ, и на чемъ вы станете большинствомъ, тому такъ и быть...

— Такъ-то оно.. да согласія нѣтъ между нами... Кои жмутся къ нему, къ нашему-то верховоду, ждуть отъ него всякихъ благъ... его ставленники-то!.. Ну, и къ банку всѣ прилипли... А иной бы и заговорилъ напротивъ, да смѣлости не хватаетъ... Одинъ заговорить, а остальные молчокъ, не поддержать... А ежели ты одинъ выскочишь напротивъ, онъ тебѣ припомнитъ—сдѣлай одолженіе!.. и николи не проститъ!.. ни-ни!.. во-вѣки не забудеть...

Вотъ и поймите, почему Василь, благодаря 20-лѣтнимъ стараніямъ какого-то волостнаго писаря съ компаніей, глубоко падаетъ,

представляя собою очень «грустный анекдотъ», а, напимѣрь, городъ Череповецъ на Шекснѣ, вслѣдствіе культурной, честной и энергичной дѣятельности своего незабвеннаго покойнаго головы Милютина и его сотрудниковъ, является счастливымъ раритетомъ среди нашихъ уѣздныхъ городовъ и городковъ...

Съ этимъ необычайно «веселымъ анекдотомъ» я познакомился прошлымъ лѣтомъ—и былъ пораженъ, до чего благоустроенъ и какъ культурно растетъ этотъ небольшой городъ... Хорошія постройки, широкія и чистыя, мощенныя улицы, бульвары, скверы, асфальтовые тротуары, электрическое освѣщеніе, водопроводъ, гостиный дворъ, гавань и пр. и пр., а по части просвѣщенія—техническое училище (очень извѣстное на Волгѣ, выпускающее хорошихъ механиковъ), реальное училище, женская гимназія, ботаническій садъ и т. д.

И это—уѣздный городъ, превосходящій многіе губернскіе! И выросъ онъ до такой степени, несмотря на всѣ неблагоприятныя условія стараго режима... Нашелся культурный человекъ, сумѣлъ подобрать энергичныхъ сотрудниковъ и—двинулъ свой городъ впередъ, чему не могъ помѣшать никакой режимъ. Дѣло въ живыхъ людяхъ, а не въ отвлеченномъ режимѣ...

По благоустроенности и культурности приближается къ Череповцу гор. Елабуга на Камѣ, достигшій значительнаго развитія, благодаря матеріальной помощи милліонеровъ Стахѣевыхъ. Но вѣдь и милліоны не помогли бы дѣлу и ихъ бы легко раскрали, если бы въ самой Елабугѣ не нашлись дѣятельные и честные люди, ревниво хлопотавшіе не о своихъ карманахъ, а о нуждахъ города. Почему въ одномъ городѣ они имѣются, а въ другомъ не обрѣтаются?! Или отчего для Елабуги нашлись сотни тысячъ у частныхъ лицъ, а для Василя не находятъ и сотенъ рублей?! Есть крупные богачи и въ Василѣ, но они гроша ломаного не даютъ на нужды родного города и хлопчуть лишь о наращиваніи собственныхъ «животовъ»...

Вотъ еще «веселый анекдотъ» прошлаго лѣта, съ которымъ наша пресса разыграла очень скверный анекдотъ... Разумѣю казанскую выставку, которую наши газеты рѣшительно замолчали, или отнесли къ ней съ кондачка. Между тѣмъ для Казани это была прекрасная выставка, а поучительная и не для однихъ казанцевъ. Выставка хорошо обрисовала значительное развитіе земскихъ и промышленныхъ дѣловыхъ сферъ Поволжья и Прикамья. А тѣ и другія сферы не въ почетѣ у русской прессы, предпочитающей интересоваться «высшей политикой» и политиканствомъ и не спускающейся до будничныхъ интересовъ обывателей... Да и «не либерально» было бы толковать объ успѣхѣ какой-то выставки «въ наши тяжелые дни общей апатіи» и т. д. А посмотрѣли бы эти господа на нарочито привезенныя массы деревенскихъ школяровъ, съ восторгомъ сновавшихъ по выставкѣ и ко всему съ великимъ любопытствомъ при-

сматривавшихся, или на кучки солидныхъ мужиковъ, цѣлые дни проводившихъ на выставкѣ и что-то тамъ изучавшихъ—и гг. оппоненты выставки устыдились бы своего искультурнаго отношенія къ ней...

Опустимся ниже, въ самую гущу провинціальной жизни—и вездѣ найдемъ не одни грустные, но и веселые анекдоты, безъ которыхъ нельзя было бы жить... Беру рядъ послѣднихъ, не выбирая ихъ, а какъ они случайно попались мнѣ на дорогѣ.

Съ многовѣковой русскою общиной происходитъ очень скверный анекдотъ: она погибаетъ, не успѣвши расцвѣсть... Испакощенная самими мужиками, недоразвитая, слабосильная, не поддержанная интеллигенціей, она теперь въ конецъ добивается легкомысленными усиліями властныхъ поклонниковъ «отрубовъ» и «хуторовъ». Мужикъ пробуетъ протестовать, а больше охаетъ и разводитъ руками предъ надвигающейся бѣдой... Насколько раньше всѣ плакались на дѣйствительно возмутительные общинные порядки, настолько теперь всѣ вдругъ стали жалѣть погибающее учрежденіе и пылать къ нему любовью... Очевидно, мужикъ чувствуетъ, что недостатки общинной жизни—дѣло наносное, случайное, поправимое, но что при надлежащемъ развитіи ея—«ничего лучше не придумаешь», какъ сознательно выражаются не одни мужики. Въ «отруба» и «хутора» они не вѣрятъ, зло издѣваются надъ ними и сознательно воюютъ съ успѣвшимися тамъ мужиками, увлеченными разными льготами и милостіями... Пропадетъ ли община, или нѣтъ, но громадное большинство крестьянъ никогда ея не забудутъ и всегда охотно къ ней вернуться (какъ уже и были примѣры возвращенія въ общину отрубниковъ и хуторянъ), какъ только сами возмужаютъ и получатъ возможность сами устраивать свою судьбу, или когда наверху повѣетъ другой вѣтеръ и увлекающіеся отрубными фантазіями сойдутъ со сцены...

Также живуче и другое многовѣковое начало русской жизни—артельное. Несмотря на всѣ административныя гоненія (на мотивъ «пуганой вороны»...) на «кооперативныя», «профессіональныя» и т. п. организациі, русскія артели продолжаютъ существовать безъ всякой «регистраціи» и свободно развиваются, какъ въ бойкихъ пунктахъ, такъ и въ самыхъ захолустныхъ углахъ.

Въ одномъ приволжскомъ городкѣ мѣстные извозчики объединились въ негласный союзъ и работаютъ сообща: по очереди выѣзжаютъ на пристани, къ приходу пароходовъ, держатся одного тарифа, а доходы дѣлятъ поровну между собою. Заработокъ ихъ увеличился и сталъ безобиднымъ для всѣхъ сочленовъ.

На огромной костромской низинѣ (при впаденіи рѣки Костромы въ Волгу), заливаемой вешними водами, крестьяне не ведутъ хлѣбнаго хозяйства, такъ какъ яровые хлѣба не дозрѣваютъ, а озими смываются водою. Они занимаются только сѣнокосомъ

да сѣбютъ картофель. При массѣ послѣдняго здѣсь развились во множествѣ терочные (для размола картофельной муки) и паточные заводы, принадлежащіе частнымъ лицамъ. Постройка и оборудованіе завода обходится около десяти тысячъ, и, хотя они работаютъ всего три мѣсяца (сентябрь—ноябрь), но, благодаря дешевизнѣ рабочихъ рукъ (около двадцати человѣкъ на заводъ) и картофеля, заводчики быстро и хорошо наживаютъ, поставляя муку на большой химической заводъ Понизовкиныхъ, на сосѣднія мануфактуры и пр. Дѣло это настолько выгодное, что многіе хозяева имѣютъ по два завода, расположенные чуть не рядомъ—въ трехъ-четырехъ верстахъ разстоянія. И оба работаютъ только по три мѣсяца въ году.

Заработокъ же рабочихъ на этихъ заводахъ самый ничтожный. Смотрѣли, смотрѣли мужики, какъ хорошо наживаютъ заводчики, и надумались наконецъ завести свои общественные заводы. Починъ положила подгородная Шунгинская волость, въ которой было уже семь частныхъ заводовъ. По инициативѣ мѣстнаго «кредитнаго товарищества» крестьяне этой волости открываютъ свой заводъ, на паевыхъ началахъ. Паи сдѣланы самые мелкіе—по десяти рублей, чтобы привлечь какъ можно больше участниковъ изъ самой бѣдности. Дѣло, несомнѣнно, пойдетъ, и сосѣднія волости охотно откроютъ вездѣ общественные заводы, если только администрація не будетъ ставить препоны, «въ интересахъ промышленнаго класса»..

Кустарное гвоздарство раньше было очень распространено на рѣкѣ Мологѣ—въ Устюженскомъ и Череповецкомъ уѣздахъ. Но и теперь оно уцѣлѣло въ трехъ волостяхъ послѣдняго уѣзда, расположенныхъ на границѣ съ Весьегонскимъ уѣздомъ. Прежде гвоздари зарабатывали до ста—ста двадцати рублей въ зиму, а теперь заработокъ понизился до шестидесяти рублей. Работаютъ разнообразныя гвозди, отъ толстыхъ судовыхъ до самыхъ маленькихъ столярныхъ. И хотя каждый кустаръ работаетъ только одинъ, извѣстный ему сортъ гвоздей и работаетъ для себя, на свой страхъ и доходъ, но работа у нихъ не обходится безъ артельного начала. Кузница обыкновенно принадлежитъ одному хозяину, но работаютъ въ ней восемь кустарей, каждый на «своемъ ремнѣ» и съ своими матеріалами, но каждый по очереди, если даже не работаетъ, обязанъ доставлять уголь для всѣхъ. Паденіе заработка, вѣроятно, заставитъ гвоздарей объединиться тѣснѣе для общей закупки матеріаловъ, для совместной продажи гвоздей и проч.

Гвоздарствомъ занимаются здѣсь больше старики, а молодежь нашла себѣ другой выходъ, дѣлающій честь ея предприимчивости. Они сдѣлались точильщиками ножей и пр., научившись этому промыслу у костромичей и даже превзойдя ихъ въ одной тонкой специальности—въ отточкѣ пилъ всякаго рода. Благодаря послѣд-

нему искусству, череповецкіе точильщики проникають за границу— въ Швецію, Норвегію, Данію и т. д., принося домой по триста-четыреста рублей въ годъ.

На Волгѣ славятся искусствомъ строить баржи мастера-судостроители и плотники изъ села Фокина (выше Василя). Лѣтъ десять назадъ, когда деревянные суда были въ большомъ ходу (теперь они замѣняются желѣзными), этотъ промыселъ былъ очень выгоденъ: за постройку баржи мастера брали по семисотъ-восьмисотъ рублей. Нѣкоторые изъ нихъ выходили въ тысячники— имѣли по тридцати собственныхъ баржъ, свои пароходы и пр.. Но и теперь фокинскіе судостроители и плотники имѣютъ недурные заработки: первые по шестидесяти рублей въ мѣсяцъ, вторые по тридцати. Плотники до того специализовались, что, напримѣръ, одни изъ нихъ берутся работать исключительно «по лѣвому борту» судна, другіе только «по правому борту» и т. д.

Фокинцы всегда работаютъ своими артелями, которыя можно встрѣтить на разныхъ «плотбищахъ» (судостроительныя верфи) волжскаго бассейна. Прошлымъ лѣтомъ и зимою артель фокинцевъ, въ восемьдесятъ человекъ, работала на плотбищѣ у гор. Стерлитамака, на рѣкѣ Бѣлой, строя баржи и пр.

И много-много такихъ артельныхъ ячеекъ всюду разбросано по Руси, и всѣ онѣ приучаютъ русскихъ людей къ прописной истинѣ о пользѣ дружной совмѣстной работы. Трудовые артели передаютъ свои артельные принципы и въ другія области народной жизни... Недаромъ такъ размножились въ послѣднее время даже въ деревнѣ потребительныя общества, пожарныя дружины, ссудо-сберегательныя и кредитныя товарищества и пр. и пр. Все это—«веселые анекдоты», полные бодрящихъ началъ жизни.

Выше упомянуто, какъ удачно извернулись череповецкіе гвоздари, когда ихъ промыселъ сталъ падать, и они частью превратились въ точильщиковъ, понадобившихся даже за границей... Подобные «веселые анекдоты» нерѣдки среди кустарей разныхъ производствъ.

Вотъ, напримѣръ, старинное иконное дѣло на рѣкѣ Клязьмѣ, въ извѣстныхъ иконописныхъ слободахъ Вязниковскаго уѣзда Владимирской губерніи—въ Мстерѣ, Холуѣ и Палехѣ, съ ихъ окрестностями. Оно рѣшительно падаетъ въ послѣдніе годы.

— Икона стала меньше требоваться...—говорили холуйцы:— да и много пошло иконъ фабричнаго производства.

Лучше другихъ работаютъ кустари Палеха, гдѣ есть еще мастера, знающіе старинныя «письма»—«новгородское», «фряжское» и др. Слабѣ идетъ иконописное дѣло въ Холуѣ, а въ Мстерѣ стоитъ еще ниже. Большинство «богомазовъ» пишетъ иконы, какъ блины печетъ, бьетъ на скорость и дешевизну работы. Есть дешевыя иконы отъ десяти копеекъ и т. д. Производится ихъ масса: цѣлыя

баржи грузятся лицами съ иконами. Зато качество работы падаетъ все ниже и ниже.

Во всѣхъ трехъ слободахъ заведены художественныя школы, руководимыя художниками съ высшимъ образованіемъ и мѣстными мастерами. Но школы не оказываютъ ни малѣйшаго вліянія на кустарей... Учениковъ школъ неохотно берутъ хозяева мастерскихъ, такъ какъ они «медленно работаютъ, а требуютъ высокой платы». Хозяевамъ же требуется производство поуже, да побольше и подешевле... И расходятся ученики кто куда, а большинство идетъ въ казанское училище живописи, откуда выходятъ учителями рисованія. Иные достигаютъ высшихъ художественныхъ школъ въ Петербургѣ и Москвѣ.

Мѣстные кустари стали расходиться по сторонамъ и устраивать иконописныя мастерскія вдали отъ родины. Особенно выгоднымъ оказалось это дѣло на Уралѣ. Вязниковцы открыли пять мастерскихъ на Тагильскихъ заводахъ, четыре въ Екатеринбургѣ и т. д. Иконописцы въ Тагилѣ еще недавно зарабатывали до пятидесяти тысячъ въ годъ. Но послѣ закрытія заводовъ, да и вообще на Уралѣ иконное дѣло сильно упало. Вязниковцамъ волею-неволею приходится бросать свой старинный промыселъ и расходиться кто куда—въ торговлю, на разные промыслы и т. д. Возвращаются они лѣтомъ, къ полевымъ работамъ, а осенью всѣ обязательно разъѣзжаются. Одинъ вязниковецъ рассказываетъ:

— Ежели осенью запоздаешь отѣхать куда—совѣстно выйти на улицу... Всѣ мужчины разъѣхались, остались самые немощные старики да бабы съ малыми дѣтьми... Ребята постарше и тѣ уходятъ съ большаками... Ну, и самъ заторопишься уѣзжать...

Нѣкоторые вязниковцы находятъ новую работу, имѣющую отношеніе къ иконописи. Одинъ «чеканщикъ» (по серебру), не находя болѣе примѣненія своего искусства на мѣстѣ и не желая «итти въ батраки» на фабрики серебряныхъ издѣлій, перешелъ къ дѣятельности «старинщика»: онъ разъѣзжаетъ по церквамъ, скупаетъ старинныя иконы и другія древности, и продаетъ ихъ московскимъ, нижегородскимъ и другимъ антикваріямъ.

По его словамъ, архангельская и вологодская епархіи «уже обобраны» по части древностей, но ими еще богаты олонецкая, ярославская, костромская и сосѣднія епархіи. Въ одной церкви по Архангельской желѣзной дорогѣ находится иконостасъ весь «изъ прекрасныхъ иконъ древнихъ писемъ, цѣною до 200 тысячъ, но духовенство и слышать не хочетъ о продажѣ...». Такую же драгоценность нашелъ онъ въ одной церкви на р. Мологѣ, но и тамъ успѣха не имѣлъ... Разъ ему за 2 фунта сахару промѣняли старую икону «итальянской школы», онъ отдалъ ее антикварію за 10 р., а тотъ сейчасъ же нашелъ любителя и содралъ съ него 350 рублей.

Другой вязниковецъ, неодобрительно отзывавшійся объ этомъ «старинщикъ», рассказывалъ, что въ Мстерѣ въ большомъ ходу искусныя поддѣлки подъ старинныя иконныя «письма», выгодно сбываемыя старообрядцамъ и коллекціонерамъ-любителямъ. Ловкіе мастера часто портятъ старыя иконы, попадающія къ нимъ для поправки и подновленія живописи. Они искусно срѣзаютъ древній рисунокъ и наклеиваютъ его на новую доску, которой придаютъ видъ древней... А на древней доскѣ пишутъ свою поддѣлку подъ древнюю икону. Эту поддѣлку отдаютъ владѣльцу, а подлинную продаютъ на сторону за хорошую цѣну...

Такъ и чередуются въ русской жизни «грустные» и «веселые анекдоты», съ рѣшительнымъ — увы!—преобладаніемъ первыхъ...

VI.

Русскіе и инородцы.

Инородческій вопросъ также принадлежитъ къ числу «грустныхъ анекдотовъ»... Еще недавно, на нашей памяти, этого вопроса совсѣмъ не было, а теперь вдругъ онъ народился и растетъ съ каждымъ днемъ. Русскіе люди, какъ малыя и слабыя дѣти, захныкали, что ихъ со всѣхъ сторонъ «обижаютъ» и садятся имъ на шею евреи, поляки, армяне, татары и т. д., чуть ли не до самоѣдовъ включительно. Что значать эти вопли, часто нелѣпыя, вздорные, а иногда какъ будто чуточку и основательныя?..

Если правда, что инородцы у насъ во всемъ преуспѣваютъ, а мы, русскіе, отодвигаемся на задній планъ, слабѣемъ, хирѣемъ, то ужъ не начало ли это конца?.. Не происходитъ ли, въ самомъ дѣлѣ, вырожденіе русскаго племени?.. Увы! что-то въ этомъ родѣ какъ будто наблюдается... Масса фактовъ прямо говоритъ, что природа русскаго человѣка захирѣла до того, что живущіе съ нимъ и около него инородцы рѣшительно идутъ впереди, а мы топчемся на мѣстѣ, опускаясь все ниже и ниже... И это наблюдается вездѣ—и на самыхъ верхахъ интеллигенціи, и въ низахъ народной гущи.

Не касаясь первой, займемся послѣднею, приводя факты изъ русской и инородческой жизни въ провинціи, именно въ Поволжѣ. Здѣсь нѣтъ ни евреевъ, ни поляковъ, ни другихъ сильныхъ и культурныхъ инородныхъ племенъ. Есть тутъ еще очень примитивныя инородцы—татары, черемисы, чуваша, мордва и т. п. Если и эти «дѣти природы» стали «забивать» русскаго человѣка—дѣла его, значить, очень-очень плохи...

Беру одинъ уголокъ на Волгѣ, гдѣ совмѣстно и давно уже живутъ русскіе и черемисы съ чувашами. Хотя скоро минеть

400 лѣтъ, какъ русскіе усѣлись здѣсь въ качествѣ побѣдителей, первоначальники края—побѣжденные племена—вполнѣ сохранили свою народность, не слились съ побѣдителями и нисколько не обрусѣли. Правда, они говорятъ съ русскими по-русски, но между собою всегда и обязательно на родныхъ языкахъ. Отъ русскихъ они сознательно усвоили одно великое добро—христианство, да познакомились съ великимъ русскимъ зломъ—пьянствомъ (но не увлекаясь имъ въ такой степени, какъ русскіе). Во всемъ остальномъ черемисы и чуваша живутъ по своимъ племеннымъ укладамъ, держась своихъ племенныхъ традицій, вѣрованій, взглядовъ. За 400 лѣтъ они не сблизились съ русскими, не полюбили ихъ, не прониклись уваженіемъ къ русскимъ началамъ. И несомнѣнно, что когда эти инородцы культурно разовьются, то у насъ ко всемъ «сепаратизмамъ» прибавятся еще два—черемисскій и чувашскій...

А пока что, эти инородцы отнюдь не чувствуютъ себя побѣжденными: живутъ они много лучше своихъ побѣдителей... Такого возмутительнаго и губительнаго пьянства, какъ у русскихъ,—у черемисовъ и чувашей нѣтъ, и никогда они тутъ не побьютъ всероссійскаго рекорда. Они предпочитаютъ пить домашнее пиво своей варки, очень вкусное и не такое хмельное и вредное, какъ русскіе «вино», да и упиваются своимъ пивомъ только по праздникамъ, и никогда не позволяютъ себѣ напиваться въ рабочую пору. Народъ трудовой, работающій, энергичный, дѣятельный, они сознательно любятъ трудъ и никогда не предпочитаютъ ему гульбу и ничегонедѣланье, какъ сплошь и рядомъ наблюдается у русскихъ.

Разсказывали объ удивительномъ трудолюбіи одного богатаго чувашенина. Насколько онъ богатъ, можно судить изъ слѣдующаго діалога между нимъ и русскимъ собесѣдникомъ:

- Сколько вы продали вчера хлѣба?
- 8 тысячъ пудовъ... 3 года держалъ, ждалъ хорошихъ цѣнъ...
- Весь продали, или еще остался?
- Мало-мало остался...
- Сколько же?
- Да больно мало: 5 тысячъ пудовъ,—не моргнувъ бровью, отвѣтилъ старикъ-чувашенинъ.

Кромѣ своего хлѣба, онъ вагонами покупаетъ зерно для размола на своей мельницѣ, гдѣ держитъ приказчика. Когда старикъ свободенъ (помогаютъ по обширному хозяйству сыновья), онъ сидитъ дома и плететъ лапти (свой лѣсъ у него), которые самъ же понесетъ продавать на ближайшемъ базарѣ!.. И это вовсе не отъ жадности какой-то и т. п., это уже—культъ труда, предъ которымъ нельзя не преклониться.

А мы, русскіе, способны ли на такое отношеніе къ труду?.. Выше (см. гл. V) упомянуто о прекрасныхъ судостроителяхъ изъ русскаго села Фокина. Получаютъ они хорошіе заработки, а на что тратятъ ихъ? Улучшаютъ свое крестьянское хозяйство? Нѣтъ, оно совсѣмъ заброшено у нихъ... Ихъ обуяла страсть къ «большимъ домамъ и хорошимъ лошадямъ». Конечно, то и другое не худо, но у фокинцевъ получается нѣчто нелѣпое... Строить они большіе, несуразные и неудобные дома, въ которыхъ попрежнему занимаютъ 1—2 комнаты, а остальные стоятъ заколоченными, ибо на отдѣлку и меблировку ихъ не хватаетъ уже средствъ, да эти комнаты и не нужны имъ... Завели «хорошихъ лошадей», а ѣздить на нихъ некуда. Одѣваются «богато», но безвкусно, «ѣдятъ вволю», но готовить пищу не умѣютъ. Въ домахъ буквально держатся поговорки: «сору изъ избы не выносить»... Комнаты метутъ, но соръ сгребаютъ въ кучки и держать по угламъ, до мытья половъ... Словомъ, во всемъ какая-то удивительная нелѣпица!.. На судостроительныхъ «плотбищахъ» фокинцы—отличные работники, а дома—лежебоки, не умѣющие сносно устроить свою жизнь, несмотря на видимые недостатки... А какіе они сутяги, спорщики, беспокойные люди—объ этомъ знаютъ судъ и администрація, представители коихъ утверждаютъ, что «болѣе спокойнаго села нѣтъ въ Васильскомъ уѣздѣ»...

Стремленіе къ показной роскоши всюду растетъ у русскихъ. Въ гор. Василѣ юный мѣщанинъ, заработавшій за все лѣто, прислуживая художнику, около 15 р., вдругъ подноситъ дѣвицѣ своего сердца фунтъ шоколадныхъ конфетъ въ 80 коп.. А бываютъ дни въ его семьѣ, когда вся «горячая ѣда» ограничивается однимъ чаемъ... Для свадебнаго поѣзда бѣднаго рабочаго-шапочника изъ гор. Козьмодемьянска, женившася на бѣдной мѣщанкѣ гор. Василя, по профессіи горничной, было нанято 7 извозчиковъ, свадебное пьянство тянулось трое сутокъ и т. п.

А вотъ про чувашей рассказывалъ одинъ лѣсопромышленникъ: подрядились четверо чувашей валить лѣсъ на его дѣлянкѣ и на первую недѣлю захватили изъ дому, кромѣ обычныхъ харчей—хлѣба, крупъ, картошки, еще цѣлую курицу. Они зарѣзали ее, очистили и раздѣлили на 7 частей, чтобы каждый день класть по кусочку въ похлебку... Такъ чуваша наслаждались куринымъ (?) бульономъ изъ одной курицы цѣлую недѣлю!.. А русскіе слопали бы курицу въ первый день, а потомъ усѣлись бы на сужденіе...

До чего облѣнились гг. «побѣдители» въ описываемой мѣстности—совѣстно говорить... Русскіе крестьяне ведутъ хозяйство кое-какъ, больше надѣясь на Господа Бога, чѣмъ на свои захирѣвшія отъ пьянства силы. И если они не голодаютъ ежегодно, то только благодаря отличному качеству земель, еще не

распаханных въ конецъ, и прекраснымъ климатическимъ условіямъ. И Волга подъ бокомъ, и лѣсовъ еще изобильно, а потому и «высыхания» почвы здѣсь еще не наблюдается.

А лѣса сохранились именно благодаря черемисамъ и чувашамъ, которые берегутъ свои лѣса, какъ зѣницу ока, и не сводятъ ихъ зря, какъ русскіе варвары. Если прибавить сюда необычайное трудолюбіе инородцевъ, ихъ умѣнье хозяйничать, отсутствіе роскоши, пьянства и т. п., то понятно, что ихъ хозяйство не только выше, чѣмъ у русскихъ, но и замѣтно прогрессируетъ. Какъ развито у нихъ садоводство, ягодное хозяйство, пчеловодство и пр. и пр. У русскихъ яблочные сады страшно запущены и даютъ урожаи черезъ 2—3 года, а у черемисовъ и чувашей родятъ каждый годъ. Сотни пудовъ викторіи и другихъ ягодъ идутъ изъ инородческихъ сель и расходятся по Волгѣ.

А русскіе... только обливаются, глядя, какъ богатѣютъ инородцы... Лѣнь и апатія обуяла «побѣдителей»... Гор. Василь богатъ заливными лугами и хорошими пашенными землями. Номинально тѣ и другія сдаются мѣщанамъ, по баснословнымъ цѣнамъ—5 р. за десятину сѣнокоса и 3 р. за десятину пашни. Но фактически, за очень рѣдкими исключеніями, городскія земли обрабатываются не мѣщанами, а тѣми же черемисами и чувашами, работающими исполу или за аренду. За десятки верстѣ пріѣзжаютъ эти трудолюбивые люди, поселяются въ палаткахъ на заливныхъ лугахъ и работаютъ и для себя, и для бѣдныхъ мѣщанъ. А послѣдніе сидятъ сложа руки, да ждутъ, когда «Господь пошлетъ яблочко», или навернется какая грошовая работишка...

Поражаютъ особенно такъ называемые «балчужники» на Волгѣ, т. е. промышленяющіе всякой мелкою работою—перевозкою на лодкахъ, переноской клади, багажа пассажировъ на пристаняхъ, разными комиссіонными порученіями и т. п. Заработокъ ихъ случайный и ничтожный: сегодня и 1 рубль перепадетъ, завтра 20 к., а тамъ нѣсколько дней ничего. Балчужниковъ во всѣхъ приволжскихъ городахъ и городкахъ масса, а работы для нихъ мало. И вездѣ преобладаютъ русскіе (въ Казани и ниже немало и татаръ), ибо—работа легкая и пріятная, дающая массу отдыха и ничегонедѣланія... Черемисы и чуваша не попадаютъ среди балчужниковъ.

Хотя всѣ балчужники болѣе или менѣе кандидаты въ босяки, но это ихъ не пугаетъ—они очень любятъ свою профессію и не ищутъ болѣе серьезныхъ заработковъ. На самолетской пристани въ гор. Василь освободилось мѣсто матроса и было предложено начинающему балчужнику, здоровому парню лѣтъ 16, вполне годному для легкой профессіи пристанскаго матроса. Но парню не хотѣлось лишиться своей свободы, и его поддержали и старшій братъ, пожилой балчужникъ, вѣчно плачущійся, что «дѣ-

ловъ нѣтъ», и мать-вдова, промышляющая лѣтомъ мелкимъ харчевымъ торгомъ на пристаняхъ, а зимою не имѣющая и этого грошоваго заработка. И эта недостаточная семья рѣшила, что ихъ Николка «не можетъ» занять обеспеченнаго мѣста... Спрашиваю старшаго брата:

— Да почему же?! служба легкая, надо только привыкнуть къ ночнымъ вахтамъ...

— Вотъ это-то и главное, что надо вахтить ночью... А нашъ Николка привыкъ досыта высыпаться...

Осталось только руками развести... И замѣчательно, что въ Василѣ такъ и не нашлось охотника занять это приличное мѣсто (13 р. жалованья и доходы отъ пассажировъ и кладчиковъ) въ самой прочной пароходной компаніи на Волгѣ, и мѣстному агенту пришлось просить нижегородскую контору о высылкѣ матроса!.. А васильскіе балчужники предпочитаютъ лучше голодать, чѣмъ усѣться на прочномъ мѣстѣ...

Спрашиваю старшаго брата Николки, жаловавшагося на отсутствіе «дѣловъ», почему онъ не займется рыбной ловлей, которою иногда промышляетъ. Онъ отвѣтилъ:

— Помилуйте! какая теперь рыба?!.. попадаются лещи и тому подобное... А настоящей рыбы нѣтъ!..

Для него и лещи не «настоящая рыба», каковую признаетъ одну стерлядь... А дома у него были бы рады не то что лещамъ, а и подлещикамъ, и всякой дрянн. Но ему неохота возиться съ рыболовными снастями, когда гораздо легче и пріятнѣе шататься по пристанямъ, зѣвать съ товарищами да ждать, когда съ неба свалится случайная работишка.

Одинъ семейный балчужникъ весною сломалъ свой домъ (на землѣ мачехи), «чтобы купить сапоги»... Часть лѣса продалъ и купилъ сапоги, а изъ остального построилъ маленькую хибарку на берегу, занявши городскую землю захватнымъ правомъ... Впрочемъ, у него была и другая, очень наивная цѣль: на его сломанномъ домѣ накопился долгъ въ тридцать рублей городскому банку, и онъ порѣшилъ, что если сломаетъ этотъ домъ, то «уйдетъ отъ банковскаго долга».

Разумѣется, такихъ дикихъ поступковъ нельзя встрѣтить среди дѣловитыхъ и трудолюбивыхъ черемисовъ и чувашей. Русскіе не могутъ не видѣть этихъ качествъ инородцевъ, и люди добросовѣстные изъ первыхъ отдають должное послѣднимъ. Одинъ молодой васильчанинъ, самъ человѣкъ дѣловой, кормящій, несмотря на молодость, свою большую семью, такъ отзывался о черемисахъ и чувашахъ:

— Хорошій это народъ, дѣльный, честный... Не то, что наши русскіе... И водку пьютъ съ разсудкомъ—разбавляютъ водой...

А больше пьютъ свое пиво, мало хмельное... А вотъ мой отецъ— въ сорокъ четыре года сгорѣлъ отъ водки!...

Но такое добросовѣстное отношеніе къ инородцамъ сравнительно рѣдко среди русскихъ, а большинство относится къ своимъ сосѣдямъ съ нескрываемымъ и совершенно незаслуженнымъ презрѣніемъ, третируетъ ихъ, какъ низшую якобы расу... Спрашиваю одного мѣщанина изъ села Троицкаго Козьмодемьянскаго уѣзда (здѣшніе мѣщане также сдаютъ свои земли сосѣднимъ черемисамъ, а сами балчужничаютъ на Волгѣ, занимаются грошовыми ремеслами и т. д.):

— Бываютъ ли около васъ случаи, чтобы русскіе женились на черемискахъ?

— Какъ это можно? николи не бываетъ!.. Тогда русскій будетъ считаться самымъ послѣднимъ человѣкомъ.

— А русскія дѣвушки выходятъ за черемисовъ?

— Это случается.

— И ихъ за это считаютъ «самыми послѣдними?»...

— Нѣтъ, на нихъ такъ не смотрятъ...

— Отчего же такая разница?

— То, знаете, баба, а то мужчина... Смѣемся мы надъ черемисами...

— За что?!.. Это дѣльный народъ, не чета намъ, лѣнтяямъ...

— Оно точно... Мы все больше на Бога полагаемся, чѣмъ на себя...

— За что же такъ обижаютъ черемисовъ?

— Да ужъ такъ повелось у насъ...

И русскіе не только «смѣются» надъ инородцами, но всегда не прочь обидѣть ихъ и фактически. Не говорю уже о грубомъ и нахальномъ обращеніи съ ними, о всякихъ издѣвательствахъ надъ этими скромными и смиренными людьми, о вѣчныхъ пасмѣшкахъ надъ ними, къ чему приучаются русскіе съ малыхъ лѣтъ. Но господа «побѣдители» начинаютъ и въ житейскихъ дѣлахъ какъ будто мстить «побѣжденнымъ» за то, что тѣ устраиваются лучше русскихъ.

Къ городу Василю приписана слобода Хмѣлевка, населенная русскими-мѣщанами и крестьянами-переселенцами. Въ слободѣ старинная каменная церковь, которой въ 1908 г. исполнилось двѣсти лѣтъ, о чемъ позабыли въ свое время вспомнить и слобожане, и горожане, съ духовенствомъ во главѣ. Приходъ считается очень богатымъ, но благодаря не русскимъ прихожанамъ, а приписнымъ (за восемь-десять верстъ) черемисскимъ деревнямъ (деревня Шишмары и др.). Всею тягостью содержанія церкви и причта хмѣлевцы возложили на черемисовъ, а сами отдѣлываются грошами. Они держатъ съ черемисами очередь по отопленію церкви и содержанію сторожа, платятъ за частныя требы (дешево— два рубля

за свадьбу и т. д.), гроши за хожденія со крестомъ—и только. Главные же доходы причтъ получаетъ съ черемисовъ—по пуду хлѣба съ души (1200 пудовъ), холсты, яйца и пр. и пр. Русскіе же избавлены отъ всѣхъ этихъ поборовъ... И церковь поддерживаютъ больше черемисы: въ престольный праздникъ «Ивана Постителя» одного свѣчнаго сбора даютъ они до шестидесяти рублей.

Понятно, черемисы плачутся, что церковь такъ далеко отъ нихъ, и давно молятъ объ открытіи у нихъ отдѣльнаго прихода; но дѣло тормозится мѣстнымъ духовенствомъ, не желающимъ лишиться такихъ хорошихъ прихожанъ и остаться на бобахъ съ одними русскими, столь «не усердными» къ церкви... А положеніе черемисовъ-прихожанъ, дѣйствительно, тяжелое. Извольте, напр., возить покойниковъ за 10 верстъ на Хмѣлевское кладбище, раздѣленное (sic!) на двѣ половины—русскую и черемисскую... И тутъ сплошь и рядомъ происходятъ такія возмутительныя сцены.

Въ страшную жару, во время сѣнокоса, привозитъ черемисъ гробъ съ покойникомъ и проситъ священника паскорѣе отпѣть. Но священникъ собирался на свой сѣнокосъ, заупрямился и говоритъ:

— Привози завтра... А сейчасъ не могу... Видишь, я и косы ужъ заплелъ...

— Ладно, бачка!.. тебѣ неколи космы расплестъ... а у меня сѣнокосъ!.. Вотъ тебѣ покойникъ, а я—айда!.. Хорони, когда хошь... когда космы свои расплеть...

Черемисъ снялъ гробъ, поставилъ его у сторожки, а самъ вскочилъ въ телѣгу и тронулъ лошадь. Попъ не выдержалъ и завопилъ: «стой! стой!».. Насилу удержалъ черемиса и покойника отпѣлъ тотчасъ.

Относясь къ инородцамъ, заслуживающимъ всякаго уваженія, такъ неблагородно, некорректно, русскіе въ то же время начинаютъ уже и плакаться на нихъ, будто тѣ «обижаютъ» ихъ... Жители большого торговаго села Воротынца (Васил. у.) плачутся, что чуваша подъ носомъ у нихъ купили за 193 тыс. (изъ своихъ кармановъ, безъ помощи банка) хуторъ гг. Шереметевыхъ (до 2-хъ тыс. десятинъ пашни, луговъ, лѣсовъ, по берегамъ р. Суры и пр.) и успѣлись здѣсь новой деревней. Между тѣмъ воротынцы не столько торговали этотъ богатый хуторъ, сколько надѣялись, благодаря разнымъ «ораторамъ» недавняго прошлаго, на «даровую прирѣзку» къ нимъ этихъ сосѣднихъ земель... Чуваша оказались поумнѣе и теперь торжествуютъ.

Мѣстные торговые люди плачутся, что вся яичная торговля Васильскаго, Ядринскаго и другихъ сосѣднихъ уѣздовъ попала въ руки одного чуваша (онъ же главный пайщикъ въ покупкѣ шереметевскаго хутора). Но кто же виноватъ, что этотъ самый заурядный чувашъ сумѣлъ отбить яичную торговлю у русскихъ

лежебокъ, поставилъ ее образцово и вошелъ въ непосредственныя сношенія съ заграницей: самъ ѣздилъ въ Лондонъ и завязалъ близкія связи съ покупателями.

Недавно Черемисскій мужской монастырь (подъ гор. Василемъ), основанный черемисами и ими же наполненный, дождался своей давнишней мечты—получилъ настоятеля-черемиса (раньше были русскіе). Немногіе русскіе монахи уже плачутся, что они якобы «пасынки у настоятеля»... А люди, знающіе монастырь, въ восторгъ отъ порядочности, простоты и дѣловитости монаховъ-черемисовъ и чувашей (этихъ немного), о русскихъ же инокахъ говорятъ, что это худшіе элементы монастыря, какъ пьяницы, развратники, озорники и лежебоки..

И всѣ «жалобы» русскихъ на инородцевъ въ томъ же родѣ, такія же вздорныя, нелѣпыя. Если они преуспѣваютъ, а мы отстаемъ, мы сами въ томъ виноваты.... И если инородцы насъ не любятъ—и это нашъ грѣхъ, какъ результатъ нашихъ возмутительныхъ отношеній къ нимъ... Нельзя, однако, сказать, чтобы это была принципиальная ненависть къ русскимъ, вызванная духомъ сепаратизма. Достаточно любому русскому сердечно подойти къ черемису, чувашу и т. д., отнестись къ нему по-человѣчески, какъ равный съ равнымъ—и онъ влюбится въ васъ и будетъ считать близкимъ, своимъ человѣкомъ... На почвѣ такихъ человѣческихъ и христіанскихъ отношеній всѣ эти инородцы давнымъ-давно слились бы съ нами въ единую дружную семью... Разъ этого не случилось и разнь дошла до того, что «побѣдители» уже плачутся на «притѣсненія» отъ «побѣжденныхъ»— это значить, что русскій духъ, дѣйствительно, выдыхается и сводится на нѣтъ... Окончательное, или временное это паденіе, и возможно ли тутъ ждать «воскресенія»—это покажетъ ближайшее будущее, когда вся наша «неразбериха» выяснится на чистоту...

Н. Н. Оглоблинъ.

ИЗЪ СКИТАНІЙ ПО БѢЛУ СВѢТУ.

I.

ОЩЕ хлѣба, благодаря невозможно дурной обработкѣ, ужасныя дороги съ мостами, дрожащими и подламывающимися подъ проѣзжающими, десятки верстъ безлюдныхъ лѣсныхъ пустырей и безконечный еловый боръ, выросшій на болотинахъ,—вотъ печальный образъ края, который я проѣзжаю. Это сѣверъ Осташковского уѣзда Тверской губерніи, верховье Волги и Западной Двины. Водораздѣль обѣихъ великихъ рѣкъ очень невеликъ. Рѣка Кудь—извилистая, но сплавная, впадаетъ въ Волгу, а Волкота, тоже сплавная, течетъ въ Западную Двину, и между обѣими рѣками разстояніе верстъ 25, да и то не сплошной волокъ, а цѣль узкихъ озеръ, соединенныхъ рѣчками и ручейками. Край бѣденъ и дикъ. Проѣзжая крестьянскія поля, непременно увидишь четыре-пять, а то и болѣе полосъ, заброшенныхъ и не вспаханныхъ, иныя уже поросли довольно высокимъ кустарникомъ, другія, очевидно, брошены только недавно. Объясненіемъ этому служатъ полупустыя деревни, изъ которыхъ народъ ушелъ въ столицу, якобы на заработки, хотя заработковъ и дома предостаточно. Ушелъ онъ потому, что въ Петербургѣ жизнь вольготнѣе, и водку пьютъ тамъ не только по праздникамъ, но и по буднямъ. Неразвитость и грубость повсемѣстно поразительныя. На всемъ лежитъ отпечатокъ заустѣнія, точно люди не живутъ, а доживаютъ тутъ послѣдніе дни. Ъду Бервенецкимъ лѣсомъ—больше двадцати верстъ болотистой пу-

стыни, и на всемъ этомъ пространствѣ живутъ только двое—крестьянинъ Пѣтухъ, довольно порядочно обстроившійся и на лединахъ запахавшій рожь, и отставной солдатъ Куранъ (индыкъ), пріютившійся въ одинокомъ домикѣ среди болотъ и лѣсовъ, построенномъ Ицкою Ратнеромъ изъ Витебска, превратившимся въ крупнаго землевладѣльца Тверской губерніи. Куранъ малосемейный, у него только жена и ребенокъ.

— Страшно тебѣ тутъ жить, особенно зимою?—спрашиваю.

— Нѣтъ, чего страшно? Что съ меня взять? Сожгутъ лихіе люди, пожалуй, такъ вѣдь Ицкинъ домъ-то. Одначе по веснѣ ночью ломились. Дверь высадили, меня дома не было, одна хозяйка. Походили-походили и ушли. Печеный хлѣбъ забрали. Ничего!

— Кто такіе были?

— Невѣдомо. Лихіе люди. Пустое дѣло, господинъ, тутъ сидѣть. Вотъ пока на погаряхъ хлѣбъ родится, сижу, а тамъ брошу и уйду.

— Аренду Ратнеру платишь?

— Не безъ того. Сто рублей положилъ. Его же лѣсъ рублю и по Кудѣ сплаваю, тѣмъ и плачу аренду. Много его, лѣсу тутъ, весь не вырубишь, только дрянный все больше—болотнякъ.

Точно, лѣсъ плохой. Болотины идутъ неоглядныя, заваленныя ломомъ давнихъ порубокъ, когда, судя по гнилымъ печернѣвшимъ пнямъ, и здѣсь росъ хорошій лѣсъ. Дорога—лужи, глубокіе ухабы и топи... Хуже всего проѣздъ по участку бывшаго земскаго начальника Ар—ова. У него по болотинамъ шель древній накатникъ, сгниль. Въмѣсто устройства новыхъ гатей сообразительный земскій начальникъ разбросалъ старыя фашины. Такъ ѣздить мягче, покойнѣе, порѣшилъ. Лѣтомъ, въ сушь, оно еще ничего—проѣдешь, а вотъ осенью—телѣга увязнетъ.

Становой только вздохнулъ, когда я ему сказалъ о возможности увязнуть. Земскій начальникъ вѣдь Ар—овъ! Что онъ съ нимъ подѣлаеть? А дорога не земскій трактъ, и земство ее чинить не обязано.

— Да это что,—говорилъ, размахивая рукою, становой.—Эта дорога черезъ Бервенецкій лѣсъ все же плановая (на планѣ означенная) и кое-какъ чинится, а есть дороги не плановыя между деревнями. Ну-съ, по тѣмъ не всякій чортъ на велосипедѣ даже проѣдетъ, а я—ѣзжу-съ.

Проѣхавъ Бервенецкій боръ, лѣсу становится меньше; ель исчезаетъ, идутъ сосновые чистые боры; правда, все это больше молоднякъ, въ верхнемъ отрубѣ не толще 3—4 вершковъ, но старыя пни показываютъ, что и тутъ, прикрывая верховую Волгу, когда-то росли великаны-сосны. Евреи нахлынули и срубили вѣковѣчныя пущи, благо помѣщики, чуждые всякой земельной культуры, сначала проѣли выкупныя свидѣтельства, потомъ при-

нялись за лѣса, а теперь... теперь ихъ самихъ поѣдаютъ кулаки и евреи. Присмотритесь къ дворянскимъ усадьбамъ. У большей части окна въ домахъ заколочены; хозяйственныя строенія наклонились въ разныя стороны. Нѣкогда пышные сады задичали; огорожа упала, ворота стоятъ настезь. Живутъ тутъ еще или не живутъ, а только доживаютъ потомки когда-то вліятельнаго и богатаго барства?

Да, живутъ тѣ, которые попали въ земство, пристроились къ жирному, впрочемъ, *сi-devant*, земскому пирогу, а прочіе—эмигрировали въ города на поиски чего-либо, только ужъ никакъ не работы. Пожелавшій работать нашель бы чѣмъ заняться и въ дѣдовской усадьбѣ. Вотъ хотя бы грядковая культура хлѣба, обѣщающая урожай самъ-четыреста, вмѣсто теперешняго самъ-третей, много самъ-четверть; масло въ Осташковѣ дошло до 1 руб. 30 к. за фунтъ, а въ Питерѣ—до 45 коп. и дороже; курицы 80 к. 1 р.; индѣйки до 3 рублей. Выслушалъ всѣ эти мои указанія одинъ старый помѣщикъ и только главою помахалъ.

— Нельзя у насъ хозяйничать.

— Отчего же нельзя?—спрашиваю.

— Мужикъ,—лаконически отвѣчаетъ помѣщикъ:—подлецъ онъ и пьяница. Попробуй его нанять: рубль-цѣлковый въ день спросить, и смотри за нимъ въ оба. Что можно испортить—неукоснительно испортить и два, а то и три дня на недѣлѣ пьянъ. Теперь эти правительственныя запомоги на обсѣменение и прокормъ совсѣмъ съ толку сбили. На заработки не глядять, у себя землю запустилъ, а то и вовсе бросилъ. Надѣется на ссуду. У насъ теперь порядокъ, какъ въ древнемъ Римѣ, только народъ нашъ вмѣсто требованія хлѣба и зрѣлицъ требуетъ хлѣба и водки, да еще зарится на помѣщицьи земли. А получивши ихъ, выпашетъ и бросить.

II.

Осташковскій уѣздъ—царство лаптей. До употребленія сапогъ здѣшній народъ еще не доразвился. Но стародавніе лапотники были народъ простой, добродушный.

— Вы наши отцы, а мы ваши прирожденные рабы,—говорили мужики, стоя безъ шапокъ передъ своимъ помѣщикомъ въ дни крѣпостнаго права.

Нынѣшніе лапотники не такіе: смотрятъ въ землю, суровы. Точно они лично обижены, оскорблены тѣми, которые носятъ сапоги. На небѣ полдень. Зной стоитъ такой, что даже выносливая ворона, усѣвшись на суку въ тѣнь, широко разинула клювъ. Допекло и ее. Ъдешь, ѡдешь, и конца нѣтъ болотистой пунѣ. Изрѣдка

попадаются небольшіе обработанные участки (ледины). Земля костлявая. Каменья накидано тутъ многое множество.

— Наши земли,—говорять крестьяне,—подъ плугъ неспособны. Сохой да деревянной бороной еще скоблишь кое-какъ. А чтобы плугомъ—не! Неудобно, потому камень этотъ самый мѣшаетъ.

— Точно ли неспособны? А если бы попробовали лопатой подъ грядковую культуру?

— Эка! что надумали!—и туземець отходить, иронически улыбаясь.

Комары, оводы, слѣпни, мошкара—маленькія такія, кусливыя мушки—лѣзутъ въ глаза, въ ротъ, набиваются въ уши. Пухнетъ и зудитъ тѣло отъ безчисленныхъ укусовъ. Но привычные люди даже къ куреву не прибѣгаютъ, чтобы отогнать мошкару. Утѣшаются тѣмъ, что вотъ начнутся дожди, станетъ холодно, и мошкара сама пропадетъ. Невелико однако утѣшеніе: на смѣну мошкарѣ—дожди и холода. Вопросъ еще: что легче и снеситѣ?

У моего ямщика занесло глазъ. Не то отъ укуса мошкары, не то пьяный на кулакъ наткнулся. Съ блѣдно-зеленаго неба, распростершагося унылымъ безоблачнымъ куполомъ надъ зубчатыми линіями бора, солнце, хотя и склоняющееся къ западу, немилосердно печетъ. Вѣтерокъ доноситъ запахъ гари. Гдѣ-то загорѣлся лѣсъ. Густыя, грязно-желтыя облака поднимаются надъ деревьями.

— Пожаръ лѣсной!—говорю ямщику.—Въ такую сушь—бѣда.

— Ничаво!—слышится равнодушный отвѣтъ.—Много яво этого самаго лѣса,—весь не выгоритъ.

— Тушить бы надо.

— А кому тушить? Баба, почитай, одна осталась дома. Народъ ушелъ на заработки въ Питеръ. Помѣщичьи, а не то жидовскія дачи горять. Еще и способнѣе: обгорѣвшія лѣсины намъ дешевле продадутъ. Что тутъ гасить. Пусть выгораеть.

— Ты полагаешь, подожгли боръ съ умысломъ?

Ямщикъ помолчалъ съ минуту и вдругъ съ азартомъ принялся выкликать:

— Подожгли! не иначе, подожгли! Чего и жалѣть этотъ лѣсъ? А по мнѣ хоть весь онъ пропадомъ-пропади. Одинъ грѣхъ съ нимъ. Срубишь дерево, и сейчасъ тянутъ тебя къ земскому; штрафъ тройной наложить—разоръ, волокита. И за одно-то дерево! Замерзать, что ли, намъ зимою? Лѣсъ не пашня, никто его не сѣялъ, самъ выросъ. Господь вырастилъ. И выходитъ—ничей онъ. Вода, воздухъ и лѣсъ для всѣхъ.

— Чужой одначе лѣсъ-то; не даромъ хозяину достался,—возражаю.—Платилъ онъ за него. Покупай и ты, коли тебѣ надо, не самовольничай.

Ямщикъ злобно ухмыльнулся.

— Тоже сказали: покупай! Откуда намъ денегъ взять. Съ нашихъ болотинъ да погарей немного добудешь. Мы, хрестьяне, таперича платимъ съ десятины до рубля, а помѣщики 2 коп., много пятакъ. Гдѣ же правда? Тоже эта общая воинская повинность: дворяне служатъ офицерами, а мы—рядовыми. Теперь служба короче, а развѣ намъ отъ этого прибыль? Прежде, при наборахъ изъ семьи шелъ одинъ. Семья не разорялась, молодежь деревенская отъ сохи и родной полосы не отвыкала; женились рано; разврата не было, а теперь службы три года, да зато всѣ ступай въ казарму. Изъ казармы какой ужъ пахотникъ выйдетъ. Тамъ ему тюфякъ, простыни, подушку съ наволочкою дадутъ; пища хорошая; балуется, бездѣльничаетъ, одѣтъ и обутъ казною. Воротится домой: ни онъ солдатъ, ни онъ мужикъ. Вотъ съ японцемъ воевали: немного удали эти безсрочные показали. Отъ нашей мякины рыло воротить, бабой деревенской брезгаетъ; норовить въ городъ уйти на сладкіе чай. А уйдетъ, гроша отъ него не жди домой. Управы съ молодежью тоже нонѣ нѣтъ. Горланы на сходкахъ и никому не покоряются. Побилъ въ запрошломъ году я племяша: три года валандался въ Питерѣ и хотя бы грошъ домой прислалъ. Что же бы думали? Къ земскому жалобу подаль за оскорбленіе дѣйствиємъ, и меня, хозяина, на три дня подъ арестъ. Порядокъ это? Какъ думаете?

Помолчавъ немного и внимательно посмотрѣвъ на облака бураго дыма, высоко поднимавшагося надъ лѣсными вершинами, ямщикъ раздумчиво произнесъ:

— Жидовская дача горитъ, Берлина. Не иначе—подожгли. Потому аспидъ этотъ жидовинъ: прутикомъ отъ него не попользуешься, а лѣса у него полста тысячъ десятинь. Народъ совсѣмъ затѣснилъ: на что грибокъ—плевое дѣло, а съ бабъ велитъ платки сдирать; за ягоды—тоже. Не ходи въ его лѣсъ. Рябцовъ тоже или тетеревей пойдеши стрѣлять, полѣсовщикъ ружье норовить отобразъ и на судъ. Много тутъ отъ Берлина насѣло жидовъ около насъ, заторговали всячиной, деньги въ ростъ даютъ, за годъ рубль на рубль взыскиваютъ, дураковъ опутываютъ. Приходится мужику самому въ петлю лѣзть.

— И много евреевъ въ вашей сторонѣ?

— Много. Вотъ въ Дубинѣ, что на Двинѣ, и станція тамъ желѣзной дороги, жидовъ тамъ туча-тучей. И новые все ползутъ. Сказывали, дума равноправіе имъ дастъ. Ну, тогда шабашъ: въ полицію, въ земскіе начальники, въ судъ, всюду заберутся. Заѣдятъ. А какъ, баринъ, полагаете: дадутъ жидамъ на нашу погибель это равноправіе?

— Ну, на этотъ вопросъ никто тебѣ пока что не отвѣтитъ!—говору и прекращаю разговоръ.

III.

Главное несчастье здѣшняго края—жестокое пьянство. Причинъ ему много, всѣхъ не пересчитаешь: водка дешева и какъ бы нарочно для удобства пьяницъ можно всякія деньги пропить: нашлось 6 копеекъ—милостынкой Христа ради насобиралъ—и полсотки, мерзавчикъ, можешь получить. Въ казенной лавкѣ спроси только: сотку, полбутылки, бутылку, четверть—всякая мѣра найдется. Другая причина распространенія пьянства имѣеть, такъ сказать, юридическій характеръ: появленіе пьянаго даже въ церкви не считается проступкомъ, вызывающимъ кару. Напротивъ, буйство, драка въ пьяномъ видѣ является до нѣкоторой степени смягчающимъ обстоятельствомъ.

Отчего и не пить, если на судѣ ссылка: я былъ пьянъ, ничего не помню!—является почти оправданіемъ.

Далѣе: праздникъ и выпивка—почти синонимы. Даже существуетъ пословица, т. е. народная мудрость, гласящая: кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ.

Пьянство до того укоренилось въ нравахъ населенія, что, принимая человѣка въ семью, не спрашиваютъ: пьетъ ли онъ? а только: смиренъ ли во хмелю?

Очень важную роль въ распространеніи пьянства играетъ духовенство. Священники, діаконы, псаломщики—почти всѣ пьютъ. И какъ имъ не пить? Въ моихъ странствованіяхъ я постоянно встрѣчалъ поповъ, діаконівъ и дьячковъ иногда на телѣгахъ, а чаще пѣшкомъ. У псаломщика за плечами мѣшокъ съ облаченіемъ. Это духовные отцы отправляются по деревнямъ служить молебны. У каждой почти деревни есть свой святой, образу котораго раза два въ годъ и служатъ молебны. Это—частные деревенскіе праздники. Завели ихъ сами священники, ради увеличенія своихъ доходовъ. Придя въ деревню, попъ облачается и въ каждой избѣ служитъ молебень, за что получаетъ двугривенный. Затѣмъ идетъ угощеніе, т. е. водкопитіе. Изъ одной деревни попъ шествуетъ въ другую, и тамъ повторяется то же. Причтъ къ концу дня напивается буквально до положенія ризъ. Попъ, чтобы успѣть за день отпѣть тридцать, а то и болѣе молебновъ, конечно, мало думаетъ о благочестивомъ молитвословіи, а треплетъ, какъ попало; діаконы и псаломщики клюютъ носами.

Но это еще не главное зло. За молебнами, продолжающимися часа два, много три, начинается праздникъ въ деревнѣ—самодѣльный, такъ сказать, праздникъ. И безъ того по календарю много праздниковъ, въ которые мужикъ не работаетъ, а нравственно обязанъ напиться; и безъ того некогда работать изъ-за разныхъ праздниковъ официальныхъ и церковныхъ. Но въ тѣ праздники крестьянинъ въ экстренные дни работъ можетъ и не итти въ цер-

ковъ. Совсѣмъ иначе въ самодѣльный мѣстный, деревенскій праздникъ. Напойвъ поповъ и отправивъ ихъ дальше, мужики сами принимаются праздновать, т. е. безобразно пить. День и два всѣ работы оставлены; все пьяно. Идетъ шумъ, ругань, драки съ кровопролитіемъ. И не скоро послѣ такого праздника очухается деревня и возьмется за работу.

Плохо обработанные надѣлы, не вывезенный поземъ, сгнившее отъ дождей сѣно, не въ пору сжатый, на половину высыпавшійся хлѣбъ—все это обыкновенныя слѣдствія деревенскихъ праздниковъ. Молятся два часа, пьянствуютъ три дня, попамъ мужикъ далъ двугривенный, самъ пропиль цѣлковый, а то и два, не считая упущеннаго дорогого времени, такъ какъ короткое сѣверное лѣто не ждетъ; упущенный погодный день не воротитъ. Если проѣзжающій видитъ въ деревнѣ толпу возбужденныхъ, окровавленныхъ мужиковъ и бабъ, не спрашивайте, что это? Это значить: праздникъ отпраздновали. Попы потянулись въ другую деревню, а народъ перепился и разодрался. Случаются и убійства. На первый взглядъ, все обстоитъ благополучно и похвалы достойно. Отцы духовные, не жалѣя своихъ трудовъ, посѣщаютъ деревни и молитвословятъ. Но попристальнѣе вникнуть въ суть дѣла, не трудно увидѣть, что въ этихъ постоянныхъ обходахъ деревень попы заняты главнымъ образомъ собираніемъ двугривенныхъ; сами распиваются—нельзя же отказываться отъ угощенія!—и народъ пріучаютъ пьянствовать.

— Что ты, Иванъ, опять пьешь?—спрашиваю знакомаго мужика.—А ты вѣдь далъ зарокъ не пить

— Что подѣлаешь?—отвѣчаетъ.—Въ нашей деревнѣ праздникъ былъ. Попа угощаль, діакона, нельзя же было не выпить самому. Вотъ и закурилъ.

Кромѣ двугривенныхъ за молебны, у котораго хозяина не называется двугривеннаго, священники берутъ что попало: курицу, поросенка, холстъ, яйца и т. п. Дома, на погостѣ, идетъ дѣлежка добычи, и часто завязываются ссоры.

Неоспоримо, что дѣшевенство, съ его самодѣльными праздниками и обходами деревень, якобы съ благочестивою цѣлью пѣть молебны, сильно способствуетъ распространенію пьянству и упадку благочестія въ народѣ. И что тутъ помогутъ миссіонерскіе съѣзды и прочее? Что поможетъ и возстановленіе патріаршества?!

IV.

Мнѣ пришлось заночевать у одного батюшки.

Старенькая, деревянная церковь съ покосившимся крестомъ, бѣдная внутри, съ почернѣвшимъ отъ времени иконостасомъ и бсѣтymi до нельзя полами и ветхая снаружи, стоитъ она сирот-

ливо въ центрѣ обширнаго кладбища, унылаго, не осѣненнаго даже деревьями; мѣстами ограда повалилась, и скотина свободно топчетъ прахъ отбывшихъ поколѣній. Приходъ бѣдень, но батюшка не сѣтуетъ на бѣдность, на бесплодіе каменистой земли, отведенной причту, и, не взирая на протесты діакона и псаломщика, не ходитъ изо дня въ день все лѣто по селамъ пѣть молебны, не поощряетъ на сельскихъ праздникахъ пьянства, прикрытаго только показнымъ благочестіемъ молебновъ.

Священникъ скромный и тихій. Сидя позднимъ вечеромъ на крылечкѣ тѣснаго и темноватаго его дома, мы мирно бесѣдовали; вели диспуты по вопросамъ, одинаково интересовавшимъ и его и меня. Передъ нами тянулось узкое, похожее на рѣку озеро—такая форма озеръ обычная на сѣверѣ Осташковскаго уѣзда; за озеромъ мрачно чернѣлъ зубчатый еловый боръ. Обступилъ онъ со всѣхъ сторонъ небольшой, расчищенный подъ погостъ участокъ земли. Комары, мошкара надоѣдали намъ, несмотря на курево изъ можжевельника, разложеннаго на землѣ у крылечка. Очевидно, всякій летающій гадъ очень ужъ былъ голоденъ и жадно дорывался до нашей крови. Священникъ, вѣроятно, по привычкѣ, мало обращалъ вниманія на жаленіе и укусы, но меня, свѣжаго человѣка, признаюсь, они крѣпко донимали. Солнце сѣло, и закатъ горѣлъ желтовато-розовымъ пламенемъ. Гдѣ-то вдали наигрывалъ рожокъ, и вѣтеръ доносилъ къ намъ обрывки пѣсень.

— Хорошо и мирно живетъся, батюшка, здѣсь у васъ, --говорю.

— Голодно, а посему и нехорошо, —возразилъ онъ.—А что касается мира, то не скажите: мира у насъ нѣтъ; христіанство не растетъ подобно широколиственному дубу и не осѣняетъ уже міръ, а хирѣетъ оно изо дня въ день, и хотя врата адовы не одолѣютъ его вовѣки, но захирѣла церковь Божія и когда оправится она—одинъ Ты, о Господи, вѣси.

Батюшка опустилъ голову и глубоко задумался.

Это былъ простой сельскій попъ, въ вылинявшей рясѣ, въ тяжелыхъ выростковыхъ сапогахъ, съ мозолистыми отъ работы руками. Отъ возрѣній нынѣшняго высокоразвитаго либеральнаго духовенства онъ былъ далекъ; вѣрилъ и дѣйствовалъ по старинѣ, когда церкви были бѣдныя, деревянныя, но попы—золотые, а не такъ, какъ теперь. Когда стоятъ церкви каменные и золоченыя, зато попы въ нихъ деревянные.

Батюшка былъ особенный. Онъ не только не сомнѣвался въ божественности Христа по ученію Толстого и согласно толкованію Григорія Петрова и К^о, не только не читалъ Ренана, но даже дерзалъ не вѣрить, чтобы дальнѣйшее увеличеніе власти и вліянія чернаго духовенства, чрезъ возстановленіе у насъ патріаршества, очень ужъ поспособствовало благоустройству церкви и утвержденію вѣры, очень ужъ повліяло на вразумленіе сектантовъ, католиковъ, лютеранъ и т. д.

— Нѣтъ,—говорилъ онъ.— Не та выбрана дорога. Во дни Христа ни монастырей, ни монаховъ не было, а христіанство зачалось и утвердилось при св. апостолахъ, которые въ сущности были полуміряне. Монахи всегда угнетали и будутъ всегда угнетать приходскихъ поповъ, считая ихъ, въ своемъ аскетическомъ высокоомъѣрїи, много ниже себя. На что намъ патріархъ? Пусть бы въ синодѣ засѣдало и бѣлое духовенство, а не одни монахи; дѣла церкви тогда улучшатся. Монастыри богаты, емлютъ отъ усердія вѣрующихъ, а какая польза отъ нихъ? Вѣра и правственность—вотъ что одно укрѣпить колеблющіяся основы церкви. Узы семейныя надо сдѣлать крѣпкими. Да не дерзаютъ сыновья бить своихъ отцовъ и не волочатъ за косы своихъ матерей. А нынѣ это обычное дѣло у крестьянъ, и земскій начальникъ нимало не приходитъ въ негодованіе, когда отецъ жалуется, что сынъ его ударилъ, или мать плачется, получивъ отъ дѣтей выволочку. Наши законовъ приложители къ жизни, наши администраторы и судьи не хотятъ понять, какая это безнравственность: непочитаніе родителей и старшихъ. Общественный строй стоитъ на заповѣди: «Чти отца твоего и мать твою»; чти государя, отца народа, и власть, отъ него исходящую. А нѣтъ этого, не ищите и порядка. Въ глазахъ нашихъ высокоразвитыхъ юристовъ драка отца съ сыномъ—только драка. Ежели мужъ побьетъ жену за блудъ, она найдетъ на судѣ защиту, а его еще и накажутъ за неделикатное обращеніе со слабою женщиною. Дѣвка на селѣ родила—отецъ и не думай взыскивать съ гулящей. Въ старину на такихъ дѣвокъ надѣвали хомутъ и водили ихъ по селу для позора; такая дѣвка и въ церковь стыдилась войти. Нынѣ эти варварскія наказанія и пегуманныя воззрѣнія оставлены. Нечего дѣвкѣ стыдиться, коли родила въ этомъ году отъ Ивана, а въ запрошломъ—отъ Петра... Самое естественное дѣло. Приѣхала дочка изъ города съ прибылью, мать и отецъ прежде освѣдомляются: много ли добра нажила и привезла? Укоряютъ ее за блудъ стануть развѣ тогда, когда ничего не нажила. Вотъ вамъ и деревенское простосердечіе простого народа, якобы нетронутаго цивилизаціею. Да что говорить о темномъ простомъ народѣ! Учительницы въ школахъ родятъ, и учителя блудно живутъ. Тамъ, въ земствѣ, всего этого какъ будто и не видятъ. Это, видите ли, педагогическому дѣлу не помѣха. Думаю, однако, плохая это педагогика вперемежку съ блудомъ. На учительницъ смотритъ и поучается деревенская молодежь. Теперича ученіе: о звѣздахъ и ихъ естествѣ зачѣмъ-то толкуютъ пастушечкамъ-мальчишкамъ. Пусть это и міры такіе же, какъ земля, но дѣло въ томъ, что Фонтенелевы идеи о множествѣ міровъ не укладываются правильно въ дѣтскія головы темнаго населенія деревни.

Ватюшка помолчалъ, приказалъ готовить самоваръ, такъ какъ уже совершенно стемнѣло и на небѣ задрожали звѣзды, и снова обратился ко мнѣ:

— На прошлой недѣлѣ шустрый мальчуганъ, Петя, сынъ здѣшняго старосты, спросилъ меня: «Батюшка! Господь едиnorodнаго сына своего Христа послалъ, дабы онъ крестной смертью искупилъ грѣхи людей?»—Такъ, говорю ему: такъ и въ писаніи сказано. «Ну, хорошо,—продолжаетъ Петя свой допросъ.—Звѣзды такіе же міры, какъ и земля. На нихъ живутъ такіе же люди, какъ и мы. Что же, и къ нимъ Господь послалъ своего сына и его тамъ тоже пригвоздили ко кресту? И тамъ злые жидовины нашлись? А учительница говорила, что все это вздоръ, басни?» Что мнѣ ему было отвѣтить?

Батюшка всталъ и ушелъ въ комнаты. Возвратясь и заваривая чай,—священникъ былъ вдовый,—онъ поставилъ вопросъ:

— А не рано ли толковать о звѣздахъ дѣтямъ деревни? Не такъ уже вѣрять деревенская молодежь, прошедшая школу. Грамотна она, это точно, но глядитъ на дѣло иначе. Въ старину для крестьянъ Господь пребывалъ въ церкви, а нынѣ церковь—зданіе, въ которомъ пощъ поетъ и дьяконъ кадитъ; литургія—непонятный обрядъ; кладбище—не священная ограда, не пріютъ отошедшихъ изъ міра сего, а такъ, просто огороженное мѣсто; могила—яма, въ которую бросаютъ мертвое тѣло, чтобы не воняло, а всѣ обряды погребенія и молитвословія выдуманы попами доходовъ ихнихъ ради. Такое ученіе называется ученіемъ трезвой правды. Охъ, правды ли только, а не вѣрнѣе ли—горькое заблужденіе?!

Я заснулъ поздно и долго ворочался, думая о рѣчахъ батюшки. Да, опасность грозитъ, и большая, отъ распространяющагося ученія такъ называемой трезвой правды.

V.

Бервенецкій лѣсъ съ его лужами, мошкарюю и болотами наконецъ остался за нами. Пошли свѣтлыя, открытыя мѣста. Хлѣба лучше, травы выше, гуще... Подъѣзжаемъ къ деревнѣ Канавкѣ, хотя никакой канавки тутъ нѣтъ. Вьется змѣею извилистая Кудь, и несутъ ея темныя волны дрова и бревна, сплавляемыя на Волгу какимъ-то непомѣрно отважнымъ Хаимомъ. Дѣло въ томъ, что русскіе лѣсопромышленники-кулаки, предоставивъ евреямъ всецѣло сплавъ лѣса по Волкотѣ въ Западную Двину, ревниво досель оберегали отъ вторженія еврейскихъ гешефтмахеровъ сплавъ на Волгу. Хаимъ, однако, рискнулъ.

И напрасно волнуются и мечутся лѣсопромышленники-русачки, придумывая, какъ бы упечь Хаима. Еврейство—это ползучій лишай. Вслѣдъ за Хаимомъ появятся Берки, Ички, Лейбы—и не будетъ имъ числа и мѣры, и вытѣснятъ они опростоволосившихся русачковъ съ Волги, какъ вытѣснили ихъ съ Западной

Двины и изъ другихъ мѣстъ. Въ Осташковѣ всѣ лучшіе магазины еврейскіе; въ Торонцѣ двѣ синагоги и два раввина. Богатѣйшій землевладѣлецъ Тверской губерніи—Борухъ Берлинъ.

Въ деревнѣ Канавкѣ земская стойка. Земство платитъ содержанию съ лошади по 80 рублей. Ѣздятъ земцы даромъ, а земская полиція за плату прогоновъ. Земскіе тракты содержатся плохо; даже мосты провалились, зато повсюду версты каменные, впрочемъ, не выше поларшина. Зимую ихъ, конечно, заноситъ снѣгомъ... Когда мы проѣзжали стоичную квартиру, изъ воротъ выбѣжалъ мужикъ въ ямщицкой шляпѣ съ перышкомъ, въ розовой грязной рубахѣ и въ не совсѣмъ крѣпкихъ сапогахъ. Онъ вскочилъ на подножку экипажа, обдалъ насъ запахомъ перегорѣлаго вина и заговорилъ съ моимъ спутникомъ на тему, что вотъ его братъ уже болѣе не земскій начальникъ. Крестьяне его какъ-то поколошматили,—съ народомъ крѣпко братался,—и губернаторъ попросилъ его подать въ отставку. Считая его просто выпивающимъ ямщикомъ, я удивился, какъ могъ его братъ быть земскимъ начальникомъ, хотя бы и такимъ, котораго крестьяне могли поколошматить.

— Да это же вовсе не простой ямщикъ, — возразилъ мой спутникъ.— Правда, онъ одѣвается ямщикомъ, самъ возитъ проѣзжихъ—и даже скверно возитъ. Недавно онъ въ пьяномъ видѣ опрокинулъ тарантасъ съ судебнымъ слѣдователемъ. Тотъ, полагая, что имѣеть дѣло съ обыкновеннымъ ямщикомъ, побилъ его. И что же оказалось? Побитый—дворянинъ Ар—въ и братъ земскаго начальника.

— Чѣмъ же дѣло окончилось?

— Да ничѣмъ! выпили вмѣстѣ и помирились. Ямщикъ Ар—въ опростился по программѣ Льва Толстого; братъ его въ принципѣ отвергалъ наказаніе и исповѣдывалъ непротивленіе злу. Ну, результаты для обонхъ получились плачевные.

— Да, плачевные!—согласился и я.

VI.

Версты четыре не доѣзжая Овселуга и Пено—двухъ большихъ озеръ, чрезъ которыя протекаетъ Волга, выходящая изъ Пено уже настоящею рѣкою, я увидѣлъ красивыя, крытыя желѣзомъ зданія: это земская больница на десять кроватей, пріемный покой и домъ для доктора изъ шести комнатъ—чистенькій и даже щегольски обставленный. На земскій счетъ у доктора вся мебель справлена, а въ гостиной даже диванъ и кресла шелковымъ штофомъ обиты. Обошлись всѣ постройки земству въ 13,000 рублей, разумѣется, кромѣ оборудованія, мебелировки и прочаго. Содержаніе доктора, аптекаря, фельдшеровъ, прислуги, отопленіе и освѣщеніе обхо-

дится земству до 10,000 рублей въ годъ. У земства три такихъ больницы и три врача и до десятка отдѣльныхъ фельдшерскихъ пунктовъ. При общемъ бюджетѣ оставшковскаго земства въ 125,000—130,000 рублей, медицина поглощаетъ больше трети. Нечего было бы сказать противъ такихъ затратъ, если бы медицина оставшковскаго земства была дѣйствительно народною медициною. Но этого, къ сожалѣнiю, сказать нельзя. Деревни заражены сифилисомъ. Крохотныя больницы, въ родѣ овселужской, вмѣстить всѣхъ больныхъ не могутъ; лечатся въ больницахъ хроники, тифозные (рѣдко) и оперативные. Сифилитики лечатся дома и заражаютъ семьи. Прежде доктора обязаны были посѣщать фельдшерскіе пункты непременно разъ въ мѣсяцъ, въ опредѣленный день. Но теперь земцы отмѣнили этотъ порядокъ, предоставивъ докторамъ посѣщать фельдшерскіе пункты, когда удосужатся, т.-е. раза два-три въ годъ. Приѣздъ доктора неизвѣстенъ, и пребываетъ онъ въ фельдшерскомъ пунктѣ не болѣе сутокъ. Какіе же больные могутъ собраться? И какъ онъ можетъ провѣрить леченіе фельдшеровъ? Фельдшера лечатъ сами, самостоятельно, а какъ фельдшера сами лечатъ, безъ руководства врача, и говорить не стоитъ. Обычно на фельдшерскомъ пунктѣ или фельдшера нѣтъ: уѣхалъ въ гости, ушелъ за грибами и т. д., или же нѣтъ медикаментовъ, а чаще—ни фельдшера, ни медикаментовъ нѣтъ. Какъ-то захожу на фельдшерскій пунктъ въ деревнѣ Москва. Нѣсколько бабъ сидятъ на крыльцѣ, мужикъ стонетъ въ телѣгѣ—зарубилъ ногу; кромѣ того, баба привела мальчонку тифознаго.

— Гдѣ же фельдшеръ?—спрашиваю.

Изъ сѣней выглянула сердитая мегера—фельдшера теща—и отчеканила:

— Нѣту-ти его! въ городъ отлучился и шкапъ съ лекарствами заперъ. Ничего я дать не могу. Уѣзжайте съ Богомъ. Нечего тутъ околачиваться.

Мнѣ пришло въ голову: если бы фельдшеръ не заперъ шкапа, уѣзжая, пожалуй, мегера, его теща, наградила бы, по своему усмотрѣнiю, больныхъ лекарствами.

И это называется медицинскою помощью для народа!

Доктора всѣ—народъ хорошій, общественный; иные даже лечатъ недурно помѣщиковъ, ихъ женъ, купцовъ и мѣщанъ; за деньги, конечно. Но деревенскій темный людъ мретъ безпомощный и гниетъ въ сифилисѣ уже почти повальною.

У земства все такъ: дорого и непрактично; и есть и въ то же время нѣтъ ни медицины, ни дорогъ исправныхъ, а имѣются только расходы, дефициты, растраты и неизмѣнная тенденція расходнаго бюджета—расти и расти. Если къ этому добавить земское кадетство картина получится очень неутѣшительная.

С. С. Окрейдъ.

ПѢВЕЦЪ ВОЛГИ И ВОЛИ.

(Дм. Ник. Садовниковъ и его поэзія).

«Мертвъ поэтъ, но пѣсни живы».

I.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ, на Новодѣвичьемъ монастырскомъ кладбищѣ, недалеко отъ увѣнчанныхъ бюстами могилъ Некрасова и Ап. Майкова, есть одна почти никому теперь невѣдомая, всѣми забытая, никѣмъ не посѣщаемая могила. Двадцать пять зимъ уже пронеслось надъ ея еле замѣтнымъ холмикомъ, надъ которымъ сиротливо склоняется все глубже и глубже врастающій въ землю крестъ съ полустертой надписью; имя лежащаго подъ этимъ крестомъ человѣка—пустой звукъ для огромнаго большинства современныхъ читателей, и только у очень немногихъ любителей поэзіи да у записныхъ библиографовъ связывается съ нимъ сколько-нибудь опредѣленное представленіе. Пройдетъ еще немного времени, совсѣмъ упадетъ наземь убогій крестъ, на которомъ и теперь уже съ трудомъ можно разобрать имя покоящагося подъ нимъ человѣка, и безслѣдно канетъ въ пучину людскаго забвенія еще одно яркое литературное дарованіе. Между тѣмъ этотъ человѣкъ гораздо меньше, чѣмъ многіе другіе, имѣеть «правъ» на это забвеніе. Я говорю о Димитріи Николаевичѣ Садовниковѣ, талантливыхъ произведенія котораго въ теченіе

болѣе чѣмъ пятнадцать лѣтъ украшали страницы главныхъ русскихъ журналовъ и газетъ. Но прежде, чѣмъ обратиться къ разбору его произведеній, нѣсколько свѣдѣній объ его жизни.

Жизнь Садовникова была такъ же некрасна, какъ незавидна и посмертная его участь. Родился Димитрій Николаевичъ 25 апрѣля 1847 года, въ Симбирскѣ. Отецъ его, Николай Александровичъ, бѣдный дворянинъ и уроженецъ Владимирской губерніи, воспитывался въ педагогическомъ институтѣ и былъ по своему времени выдающимся по образованію человѣкомъ. Не было, кажется, ни одной области знанія, въ которой онъ не былъ бы свѣдущъ. Кромѣ того, знаніе нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ позволяло ему читать въ подлинникѣ всѣ выдающіяся произведенія Западной Европы и опять-таки стоять впереди многихъ современниковъ. Всѣ свои знанія Николай Александровичъ хотѣлъ передать сыну, но ранняя смерть помѣшала ему вполнѣ осуществить свое намѣреніе. Мать Д. Н., Татьяна Ивановна (урожденная Полянская), была также очень развитой женщиной: она очень много читала и, по отзывамъ знавшихъ ее людей, писала довольно недурные стихи. Умерла она, когда будущему поэту едва успѣло исполниться три года. Большую часть своего дѣтства Д. Н. провелъ въ Симбирскѣ у своей тетки (сестры матери) Юліи Ивановны Полянской, скромной труженицы, посвятившей всю свою жизнь на помощь другимъ. Дѣтство его напоминаетъ дѣтство Надсона: болѣзненный, впечатлительный, не отличавшійся физической силой и ловкостью, Д. Н. росъ тихимъ, не по лѣтамъ развитымъ ребенкомъ; съ раннихъ поръ онъ обнаруживалъ необычайное умственное развитіе, заставлявшее задумываться его родныхъ: очень рано онъ началъ говорить, на пятомъ году уже читалъ, восьми—сочинялъ стихи, а на десятомъ такъ пристрастился къ научнымъ занятіямъ, что написалъ даже (правда, по-дѣтски наивно) цѣлую тетрадь о «космосѣ». Въ дѣтствѣ на юнаго поэта особенно сильное и благотворное вліяніе оказалъ его отецъ, Николай Александровичъ. Онъ былъ постоянно съ нимъ, исполняя обязанности и отца, и воспитателя, и наставника, и друга. Когда будущему поэту исполнилось семь лѣтъ, отецъ взялъ его съ собою въ деревню, гдѣ жилъ домашнимъ учителемъ въ семьѣ помѣщика Дроздова, но каждый годъ проводилъ вмѣстѣ съ сыномъ по три, по четыре мѣсяца у матери или сестры своей покойной жены. Какъ любилъ Н. А. своего единственнаго сына, можно видѣть изъ слѣдующаго отрывка письма Ю. И. Полянской: «Онъ любилъ его до безумія, такъ что, если ему приходилось наказать Митю, то послѣ, когда мальчикъ заснетъ, Николай Александровичъ придетъ къ нему и у соннаго цѣлуетъ руки и ноги». Но какъ педагогъ—онъ былъ требователенъ къ своему любимцу. Эта требовательность сослужила для Д. Н. большую пользу: всѣмъ своимъ богатымъ и необычайно раннимъ развитіемъ онъ обязанъ исключительно своему отцу.

Ему же онъ обязанъ основательнымъ знаніемъ нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ и страстной любовью къ литературѣ. Всесторонне обогащая воспріимчивую натуру своего сына, Николай Александровичъ готовилъ его прямо въ университетъ, куда хотѣлъ поступить и самъ вмѣстѣ съ сыномъ, чтобы по возможности облегчать его работу своими объясненіями. Но его мечтамъ не суждено было сбыться: въ 1860 году онъ умеръ, и тринадцатилѣтній Садовниковъ остался круглымъ сиротой. Вскорѣ послѣ смерти отца онъ поступилъ въ четвертый классъ симбирской классической гимназіи. Здѣсь его товарищами-одноклассниками, между прочимъ, были: В. Н. Андреевъ-Бурлакъ (извѣстный артистъ) и Н. А. Мандрыкинъ, небезызвѣстный въ свое время писатель съ недюжинными задатками беллетристическаго дарованія, авторъ ряда рассказовъ, напечатанныхъ въ поволжскихъ газетахъ 80-хъ годовъ. Учился Д. Н. по всѣмъ предметамъ (за исключеніемъ плохо дававшейся ему математики) прекрасно. Раннее и обширное развитіе позволяло ему стоять всегда впереди своихъ товарищей-сверстниковъ. Но неблагоприятное для поэта стеченіе обстоятельствъ заставило его выйти изъ седьмого (тогда послѣдняго) класса. Не попавъ въ университетъ и создавая свои научные пробѣлы, онъ путемъ чтенія книгъ и самостоятельнаго изученія курса университетскихъ наукъ заполнилъ ихъ и выступилъ на поприще литературной дѣятельности, что называется, во всеоружіи знаній.

По выходѣ изъ гимназіи Д. Н., за исключеніемъ коротенькой поѣздки въ Константинополь и Крымъ, жилъ все время въ Симбирскѣ. Здѣсь онъ работалъ надъ переводами иностранныхъ поэтовъ, писалъ стихи и давалъ уроки въ частныхъ домахъ. Въ одномъ изъ такихъ домовъ онъ встрѣтился съ Варварой Ивановной Лазаревой. Встрѣча произвела на обоихъ неотразимое впечатлѣніе. Это время для поэта было поистинѣ весеннимъ расцвѣтомъ его творческихъ думъ и чувствъ. Женившись на Варварѣ Ивановнѣ въ 1871 году, онъ переѣхалъ съ своей женой сначала въ Москву, а затѣмъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ, впрочемъ, прожилъ недолго: въ 1877 году Варвара Ивановна умерла, и поэтъ съ тремя малолѣтками-дѣтьми снова вернулся въ Симбирскъ, гдѣ устроилъ свою семью въ домѣ Ю. И. Полянскій, а самъ опять отправился въ Петербургъ, чтобы доставлять пропитаніе своимъ дѣтямъ. Съ этихъ поръ жизнь поэта была сплошной борьбой. Это была жизнь литературнаго труженика со всѣми ея невзгодами, лишеніями и случайностями. Онъ приобрѣлъ успѣхъ, извѣстность, почти славу, но въ матеріальномъ отношеніи до конца жизни остался необезпеченнымъ. Такъ прошло пять лѣтъ. Въ 1883 году онъ началъ работать для «Историческаго Вѣстника» надъ біографіей П. М. Языкова; для біографіи заказанъ былъ уже портретъ, но, увы!—его пришлось приложить къ журналу безъ біографіи Д. Н., послѣ одной изъ своихъ поѣздокъ къ дѣтямъ въ

Симбирскѣ, неожиданно умеръ, не успѣвъ даже издать книги своихъ стихотвореній и оставивъ ихъ разбросанными по многочисленнымъ журналамъ и газетамъ, въ которыхъ онъ печатался. Смерть настигла его 19 декабря 1883 года. Всего за нѣсколько дней до нея Д. Н. былъ въ кругу друзей, вель оживленныя бесѣды, строилъ грандіозные литературные планы.

Какъ человекъ, Д. Н. является, по единодушному отзыву всѣхъ знавшихъ его, необыкновенно сдержанной и деликатной натурой. Въ людяхъ, по словамъ Ап. Коринфскаго, онъ находилъ только хорошія стороны и всегда стремился помочь каждому, чѣмъ только былъ въ силахъ. Онъ страстно любилъ музыку; Моцарта онъ готовъ былъ слушать по цѣлымъ днямъ. Изъ русскихъ поэтовъ Д. Н. преклонялся передъ Пушкинымъ, на котораго онъ былъ похожъ цѣлностью своего дарованія. Изъ иностранныхъ поэтовъ онъ любилъ Шекспира и Байрона. Все изящное привлекало его: во всемъ онъ любилъ красоту. Книга являлась для него святыней. Для нея онъ нерѣдко отказывалъ себѣ въ самомъ необходимомъ.

II.

На литературномъ поприщѣ Д. Н. Садовниковъ заявилъ себя публично въ 1868 году, на 21-мъ году жизни, когда его стихотвореніе «Первый снѣгъ» за подписью «Д. С-въ» появилось въ «Иллюстрированной Газетѣ» В. Р. Зотова. Впрочемъ, еще будучи гимназистомъ пятаго класса, Д. Н. помѣстилъ двѣ корреспонденціи изъ Симбирска въ «Сѣверной Пчелѣ» за подписью «Ю. Подгоричъ». Но, появившись въ зотовскомъ журналѣ, Д. Н. сталъ печататься уже непрерывно, и его произведенія въ теченіе пятнадцати лѣтъ украшали страницы слѣдующихъ газетъ и журналовъ: «Сѣверной Пчелы», «Иллюстрированной Газеты», «Весѣды» (С. А. Юрьева), «Грамотея», «Волжскаго Вѣстника» (сначала симбирскаго, затѣмъ казанскаго), «Семьи и Школы», «Дѣтскаго Чтенія», «Игрушечки», «Пчелы», «Вѣстника Европы», «Историческаго Вѣстника», «Русской Старины», «Искусства», «Нивы», «Кругозора», «Всемирной Иллюстраціи», «Живописнаго Обзорѣнія», «Новаго Времени» (ежедневнаго и еженедѣльнаго), «Свѣта» (Н. П. Вагнера), «Русской Мысли», «Слова», «Восточнаго Обзорѣнія», «Будильника», «Стрекозы», «Осколковъ», «Суфлера», «Огонька», «Новаго Русскаго Базара», «Вѣка», «Изящной Литературы», «Восхода», «Моднаго Свѣта» и мног. др. Кромѣ своей настоящей фамиліи, Д. Н. подписывался псевдонимами: «Жанристъ», «Д. Волжановъ», «Дм. Симбирцевъ», «Д. Полянскій», «Ю. Подгоричъ», «Пеонъ 2-й» и «Димъ» (два послѣдніе—въ юмористическихъ журналахъ).

Являясь замѣчательнымъ русскимъ поэтомъ, Д. Н. Садовниковъ былъ не менѣ замѣчательнымъ переводчикомъ. Въ этомъ отноше-

ни онъ ничуть не уступалъ такимъ нашимъ прекраснымъ переводчикамъ, какими являются М. Л. Михайловъ, Д. Л. Михаловскій и В. С. Лихачевъ. Онъ переводилъ Рунеберга, Вайду, Байрона, Лонгфелло, Петефи, Бушора, Гейне, Терье, Сюлли-Прюдому, Эдгара Поэ, Теннисона и др. Близость къ буквѣ подлинника и вѣрность красотѣ духа его—вотъ достоинства Садовникова, какъ переводчика. Особенно хороши у него переводы изъ: А. Терье («Малиновка», «Ласточки», «Крестьянская мыза»), Лонгфелло («На разсвѣтъ», «Сонъ невольника», «Перелетныя птицы» и поэмы—«Эмма и Эгингардъ», напечатанная въ январской книгѣ «Русской Мысли» за 1883 годъ, и «Пѣсня о Гайаватѣ», изъ которой появились въ печати только отрывки), Мориса Бушора («Изъ веселыхъ пѣсенъ», изъ «Современнаго Фауста»), Петефи («Аистъ»), Эдгара Поэ («Аннабель-Ли»), Рунеберга («Король Фьяларъ») и Байрона (изъ «Манфреда»).

Яркій слѣдъ оставилъ Д. Н. Садовниковъ въ русской литературѣ и какъ этнографъ. Изъ его этнографическихъ трудовъ болѣе другихъ выдаются: «Жегули и Усолъе на Волгѣ» («Бесѣда» 1871 г.), «Подвиги простыхъ русскихъ людей» («Грамота» 1873 г.), «Загадки русскаго народа» (Спб., 1875 г.), «Языческіе сны русскаго народа. I. Лѣшій и водяной. II. Хитрый заяцъ» («Дѣтское Чтеніе» 1882 г.), «Изъ волжскихъ преданій о Стенькѣ Разинѣ», пѣсни и пр. («Слово» 1881 г., «Волжскій Вѣстникъ» 1883 г., «Живописное Обзорѣніе» 1883 г. и др.). Кромѣ того, послѣ смерти Д. Н. были напечатаны собранныя имъ «Сказки и преданія Самарскаго края» («Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. по отд. этнографіи» 1884 г.), «Письма Пушкина къ Н. М. Языкову», «Отзывы современниковъ о Пушкинѣ» («Историческій Вѣстникъ» 1884 г.) и поэма «Кума» (тамъ же, 1892 г.).

Изъ прозаическихъ произведеній Садовникова слѣдуетъ отмѣтить: повѣсть «Сила Ерофеичъ» («Живописное Обзорѣніе»), «Наброски жанриста» («Огонекъ») и рядъ критическихъ этюдовъ въ «Искусствѣ» подъ псевдонимомъ «Д. Волжановъ». Эти этюды обличаютъ въ авторѣ изящный вкусъ и отличаются ясностью мысли, оригинальными взглядами и красотой изложенія. Изъ него, при благопріятныхъ условіяхъ, могла бы выработаться далеко незаурядная критическая величина.

Изъ произведеній Д. Н. Садовникова отдѣльными изданіями вышли только: «Русскіе землепроходцы», «Загадки русскаго народа», «Норвежскія сказки» и «Сказки и преданія Самарскаго края». Стихи же его, эти поистинѣ перлы его творчества, до сихъ поръ еще ждутъ своего издателя. Въ настоящее время выходитъ безчисленное множество книгъ, порою не заслуживающихъ и сотой доли того вниманія, какое оказывается имъ и въ читающемъ и въ пишущемъ мірѣ. А у покойнаго Садовникова все еще нѣтъ издателя, и вотъ такимъ-то образомъ крупная литературная величина мало-помалу уходитъ въ пучину забвенія,

III.

Нѣтъ ничего хуже русскаго забвенія. Русское забвеніе—обидное забвеніе. Мы забудемъ—какъ ножомъ отрѣжемъ. Въ особенности тяжело это видѣть по отношенію къ талантамъ. Сколько писателей, артистовъ, музыкантовъ и художниковъ сошли у насъ въ пучину забвенія! «Таланты у насъ на Руси не любятъ долго жить»—это, хотя глубоко печальный, но тѣмъ не менѣе общеизвѣстный фактъ. Тяжело сознаваться, что Русь не любитъ долго помнить объ этихъ талантахъ, если сама судьба не позаботится объ оставляемомъ ими наслѣдїи,—но приходится. Въ самомъ дѣлѣ, странно: при похоронахъ наговаряютъ тысячи «прочувствованныхъ» рѣчей, пропоютъ много разъ «вѣчную память», а въ результатѣ все-таки получится: — Схоронили—позабыли!

Это лаконически-краткое, но многозначительное выраженіе со всею своею грустной точностью оправдалось между многими другими на Дмитріи Николаевичѣ Садовниковѣ. Онъ принадлежитъ къ тому разряду творцовъ нашего художественнаго слова, къ которымъ чуть не на другой день похоронъ прибавляютъ эпитетъ «забытый». Это глубоко несправедливо. Садовниковъ былъ яркой литературной величиной на фонѣ 60-хъ и 70-хъ годовъ и обнаружилъ, по словамъ критики, огромные задатки поэтическаго дара, проявившіеся въ прекрасныхъ формахъ. Чтобы не быть голословнымъ, я приведу нѣсколько мѣстъ изъ газетныхъ некрологовъ, которые въ двадцатыхъ числахъ декабря 1883 года раздавались надъ свѣжею могилой творца самобытныхъ пѣсенъ-легендъ о Стенькѣ Разинѣ и многихъ другихъ замѣчательныхъ произведеній:

«... Въ его пѣсняхъ, сказкахъ и легендахъ—духъ русскаго народа, его вѣчно живые образы воскресли во всей своей свѣтлой печали, со всѣмъ своимъ мрачнымъ юморомъ... Потеря его для насъ тяжела теперь; потеря для народа сознается послѣ!..»

«... Въ тайникахъ души его прекрасной билъ ключомъ поэзіи родникъ!..»

«... Смерть похитила у насъ молодого поэта съ крупными задатками настоящаго поэтическаго таланта, который, казалось, способенъ былъ воскресить лучшія традиціи русской поэзіи...»

«... Родись онъ на французской или англійской почвѣ, талантъ и имя его давно уже горѣли бы яркой звѣздой...»

«... Смерть Дм. Ник. Садовникова особенно тяжела въ наше время, столь скудное крупными поэтическими дарованіями...»

Такъ говорили надъ могилой. Но время показало болѣе тѣмъ ясно, какъ мало значать слова и слезы передъ всеразрушающей силою забвенія. Правда, причина забвенія Садовникова вполне понятна: какъ я уже говорилъ выше, Садовниковъ умеръ, не успѣвъ

даже издать книги своихъ стихотвореній, которые остались разбросанными по многочисленнымъ журналамъ и газетамъ и ждутъ еще своего издателя. Но все-таки:

— Грустно и больно!

IV.

По происхожденію Садовниковъ былъ волжанинъ: на Волгѣ (въ Симбирскѣ) онъ родился, на Волгѣ провелъ свое дѣтство, на Волгѣ получилъ образованіе и, наконецъ, на Волгѣ же провелъ большую часть своей жизни. Неудивительно поэтому, что большая и лучшая часть произведеній Садовникова посвящена этой вольной русской рѣкѣ. Картины Волги, волжской природы, быть и правы приволжскаго народа, красивыя волжскія легенды о «вольницѣ», Стенькѣ Разинѣ и другихъ волжскихъ герояхъ,—все это нашло себѣ мѣсто и, какъ въ зеркалѣ, отразилось въ поэзіи Садовникова, котораго поэтому смѣло можно назвать пѣвцомъ Волги.

Садовниковъ самъ сознавалъ, что лучшіе перлы его поэзіи вынесены его вдохновеніемъ съ береговъ родного Поволжья, а потому въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ обращается къ Волгѣ со слѣдующими словами:

Тебѣ несу стихи, рѣка моя родная,—
Они—навѣяны и созданы тобой—
Мелькали предо мной, окраскою сверкая,
Какъ рыбки вольныя сверкаютъ чешуей.
Просторъ песковъ твоихъ, лѣсовъ живыя краски,
Разливы вешніе ликующей воды
И темныхъ Жегулей преданія и сказки
На нихъ оставили замѣтные слѣды.
Я выросъ близъ тебя, среди твоей природы,
На берегахъ твоихъ я рѣчь свою ковалъ
Въ затишьи вечеровъ и въ шумѣ непогоды,
Когда—сѣрдитая—ты разгонила валь...
.. И я не позабылъ, живя съ тобой въ разлукѣ,
Разбѣга мощнаго твоей живой волны
И вотъ несу тебѣ мятежныхъ пѣсенъ звуки,—
Ты напѣвала ихъ, тобой они полны!..

Когда читаешь произведенія Садовникова, посвященныя Волгѣ, не можешь понять, какимъ образомъ могло почти безслѣдно исчезнуть изъ лѣтописей литературы это яркое и своеобразное дарованіе. Вы ясно видите эту вѣющую вольной волею, дышащую силой-удалью, быющую по нервамъ своей красотой волжскую жизнь. Не талантъ не могъ бы произвести своими описаніями на васъ такого впечатлѣнія. Вотъ предъ вами голубая, зеркальная волжская волна медленно, словно нѣжась, набѣгаетъ на желтыя отмели, прихотливые изгибы береговъ и тихо-тихо убѣгаетъ назадъ, оставляя на бе-

реку красивую ленту пушистой пѣны... Вы слышите, какъ бурливый прибой волнъ могучей рѣки медленно, но неуклонно подтачиваетъ каменные крѣпи горь... Вы видите, какъ въ розовомъ туманѣ іюньскаго утра сиятъ Жегули... Вотъ строго нахмурился зеленый Сторожевой курганъ... До вашего слуха доносится вѣщій шумъ прибрежныхъ лѣсовъ, пѣнье жаворонка, что высоко-высоко надъ вами въ голубой небесной дали заливается тающими трелями. А сверху васъ пригрѣваетъ своими лучами благодатное солнышко. Но, чу: гдѣ-то раздаются мѣрные всплески веселья и скрипъ уключинъ. Вы вслушиваетесь, вглядываетесь въ даль и видите: прямо противъ васъ «изъ-за острова на стрежень, на просторъ рѣчной волны выбѣгаютъ расписные, острогрудые челны; на переднемъ Стенька Разинъ, обнявшись съ своей княжной, свадьбу-новую справляетъ и веселый и хмельной». Гуляютъ его станичники, и изъ могучихъ грудей удалыхъ, добрыхъ молодцевъ такъ и рвется плавная пѣсня, разливается, печальная, по широкому раздолью. Но—мигъ, и печальную пѣсню смѣняетъ безшабашная пѣсня, отъ которой всѣ жилочки такъ и ходятъ, а суставы говорятъ: «Эй, берегитесь, купцы-толстосумы: самъ Степанъ Тимоѣевичъ свѣтъ-батюшка Разинъ ѣдетъ! Берегите свои мошны, налитыя потомъ и кровью мужика хлѣбороба, а не то крикнуть удалы молодцы: «сарынь на кичку», и не видать вамъ ни свѣта бѣлаго, ни матушки родимой, ни дѣтокъ-малолѣтокъ...» Вы читаете дальше, и предъ вами выступаютъ изъ-за лѣса дремучаго, летять по поднебесью, орлами ныряютъ надъ вершинами Жегулей воскрешенныя поэтомъ тѣни стародавнихъ преданій. Васъ подхватываетъ, васъ несетъ на себѣ могучая волна былой жизни. Ужъ эта неотразимая власть непосредственнаго впечатлѣнія говорить о чарующей силѣ дарованія «забытаго» поэта. А какъ хороши волжскія легенды, записанныя широкой яркой кистью самобытнаго поэта-волжанина! Садовниковъ особенно хорошо воспроизводитъ въ нихъ духъ волжской старины...

Подъ шапкой утреннихъ тумановъ
 Молчать сосновые лѣса
 Про удалство и чудеса
 Давно погибшихъ атамановъ...
 Давно въ горахъ не свищетъ пуля,
 Кистень въ лѣсу не сторожить;
 Лишь чайка въ воздухѣ дрожить,
 Свою добычу карауля...
 Изъ трубъ поселка дымъ взлетаетъ,
 Земля сохою поднята,
 Стучитъ топоръ, и выплываютъ
 Въ горахъ сѣдые беркута...
 Но духъ людей, которымъ тѣсенъ
 Кавался міръ въ избыткѣ силъ,
 Родной напѣвъ поволжскихъ пѣсенъ
 Въ своемъ размахѣ сохранилъ.

И пѣсня та путиной долгой—
И величава и стройна—
Несется вмѣстѣ съ синей Волгой,
Кидая въ душу сѣмена...

Кто пѣсеню вольную слышитъ,
Кто отъ души ее споетъ,—
Любое сердце расколышетъ,
Любья цѣпи разобьетъ!

Или:

Зеленя горы!.. Здѣсь каждый бугоръ.
Особое носить названье;
Глухіе овраги, расщелины горъ
Хранятъ у себя съ незапамятныхъ поръ
Поросшее мохомъ преданье...

Среди этихъ темно-зеленыхъ холмовъ
Сказанія мѣстнаго слово,—
Какъ крикъ выплывающихъ въ небо орловъ,
Какъ шумъ отдаленный сосновыхъ лѣсовъ,—
И дико, и вмѣстѣ сурово...

Замѣчательно хороши у Садовникова и волжскіе пейзажи, набросанные легкими, но вмѣстѣ съ тѣмъ мастерскими штрихами, обнаруживающими въ авторѣ большого художника. Вотъ, на примѣръ, одинъ набросокъ, характерный для Садовникова:

Ущелья залиты весеннею водой..
Межъ небомъ и землей, на голубомъ просторѣ,
Красавицы Жегули вадываются грядой—
Какъ островъ, брошенный въ раскинутое море.

Овраги темные кой-гдѣ еще таятъ.
Пласты тяжелые подтаяннаго снѣга,
И горные ручьи—сливаясь въ водопадъ—
Шумятъ и на рѣку кидаются съ разбѣга...

Водой подмытые, несутся съ крутизны,
Шумя и прыгая, тяжелые камни,
Съ собою унося покорныхъ жертвъ весны—
Прибрежные кусты—въ широкое теченье...

А вотъ другой набросокъ, также не менѣе характерный для поэзіи Садовникова. Въ немъ предъ вами встаетъ, дыша суровой правдой жизни, цѣлая трагедія, выхваченная поэтомъ прямо изъ сердца природы, покоряемой человѣкомъ-хищникомъ:

Десятки верстъ взбѣгаютъ горы,
Природный каменный оплотъ,—
На нихъ не встрѣтятъ ваши взоры
Ни стѣнъ, ни башенъ, ни воротъ.

Надъ гладью Волги бровью черной
Идетъ верхами темный боръ,
Храня ревниво и упорно
Неувядаемый уборъ.

Вдругъ мощныхъ дѣдовъ въ три обхвата
Стоитъ рѣдѣющая рать,—

Она готова брать за брата,
 Не отступая, умирать...
 То—горсть героевъ безоружныхъ
 Спокойно ждеть своей поры,
 Когда придуть изъ селъ окружныхъ
 И разомъ примуть въ топоры...

Лучшими изъ навѣянныхъ Волгою стихотвореній у Садовникова являются тѣ, которыя посвящены Стенькѣ Разину, а затѣмъ: «Усолка», «Богатырь-дѣвка», «Попутный вѣтеръ», «Полощанка» и циклъ мелкихъ стихотвореній подъ общимъ названіемъ: «Изъ волжскихъ пѣсенъ». Историческая былевая правда придаетъ художественной правдѣ поэтическихъ картинъ Садовникова особенно яркій колоритъ. И всѣ эти картины выгодно освѣщены незримыми лучами яркаго самобытнаго таланта...

V.

Дѣти свободы и воли—вотъ герои эпическихъ произведеній Д. Н. Садовникова. Такъ, центральной фигурой волжскихъ пѣсенъ и легендъ его является Стенька Разинъ. Не зная хотя бы одной изъ пѣсенъ Садовникова о Разинѣ, нельзя составить сколько-нибудь близкаго представленія о силѣ и самобытности его таланта. По словамъ Я. П. Полонскаго, высоко цѣнившаго поэтическое дарованіе Садовникова, послѣднимъ былъ задуманъ стройный циклъ легендъ, посвященныхъ этому послѣднему герою народнаго русскаго эпоса. Но смерть помѣшала поэту, и ему удалось довести задуманное дѣло едва лишь до половины. Но и въ этихъ немногихъ стихотвореніяхъ яркая личность вольнаго поволжскаго ушкуйника вырисовывается могучимъ обликомъ въ звучныхъ и сильныхъ стихахъ своего вдохновеннаго пѣвца.

Слѣдуя народному идеалу, поэтъ рисуетъ своего героя грозною боярь-вельможъ, купцовъ-толстосумовъ, бичомъ міроѣдовъ-утѣснителей и въ то же самое время благодѣтелемъ бѣдноты, мужичьимъ заступникомъ, отцомъ роднымъ голи перекадной. Гроза купцовъ-богатѣевъ, непобѣдимый, неуязвимый богатырь въ глазахъ готовыхъ итти за него на жизнь и на смерть товарищей, Стенька Разинъ ни во что не цѣнитъ свою удалую голову. Онъ бросается въ самую сѣчу, и горе тому, кто попадетъ подъ его грозную руку. Тяжела она у него и, если бы не сердце отходчивое, много бы зла принесла. А сердце у Степана мягкое, разгарчивое. Особенно къ любушкамъ-зазнобушкамъ. Однажды «зазнобила атамана, отучила отъ сна раскрасавица Алена—чужемужняя жена»... («Зазноба»). Грозный атаманъ, рискуя головой, переряживается купцомъ и ходить по городокому посаду мимо оконъ зазнобы.

Мужъ сидитъ въ ряду гостинюмъ
 Да алтынамъ счетъ ведетъ,
 А жена одна скучаетъ,
 Тонко кружево плететъ.
 Стенька ходитъ, рѣчь заводитъ,
 Не скупится на слова;
 У Алены сердце бьется,
 Не плетутся кружева...

Хочетъ помнить Алена, что она мужняя жена, да сердце не камень: молодое оно, ищетъ еще любви, а потому

На груди ея высокой
 Такъ и ходитъ ходенѣмъ
 Перекатный крупный жемчугъ
 Съ золотистымъ янтаремъ...
 Что ей молвить?! Совѣсть зазреть
 Слушать льстивыя слова,
 Страхомъ за сердце хватаетъ,
 Какъ въ туманъ голова...

Однако не сдастся еще Алена: какъ ни старается улестить ее Степанъ, не берутъ ее никакія слова...

Ну, коль этакъ,—молвить Стенька:—
 Такъ на чью-нибудь бѣду
 Я—непрощенный—сегодня
 Ночью самъ къ тебѣ приду!..

А у Степана слово—дѣло: что сказано, то ужъ и сдѣлано.

Плохо спится молодичѣ;
 Полночь близко... Чу! Сквозь сонъ
 Половица заскрипѣла...
 Неужели это онъ?!
 Не успѣла ахъ! промолвить,—
 Кто-то за руку беретъ,
 Горячо въ уста цѣлуетъ,
 Къ ретивому крѣпко жметъ...
 — Что ты дѣлаешь, разбойникъ?
 Ну, проснется, закричитъ?!
 — Закричитъ, такъ живъ не будетъ,
 Пусть-ка лучше помолчитъ!
 — Не ошиблась ты словечкомъ,—
 Чтò вводишь тебя въ обманъ:
 Не кунаецъ—казакъ я вольный,
 Стенька Разинъ атаманъ!
 — Городъ Астраханъ провѣдать
 Завернулъ я по пути,
 Чтòбъ съ тобой, моя голубка,
 Только ночку провести!
 — Ловко Стеньку ты поймала,
 Такъ держи его, смотри,
 Вѣдлхъ рукъ не разнимая,
 Вплоть до утренней зари!..

Однако и любовь не въ силахъ заставить Стеньку Разина измѣнить основамъ товарищества. Вотъ, на примѣръ, въ другой легендѣ Садовникова, Разинъ плыветъ вмѣстѣ съ друзьями-станичниками по широкому раздолью Волги матушки-рѣки. Весель атаманъ: справляетъ онъ свадьбу съ полоненною персидскою княжной. Въ этотъ мигъ все позабылъ онъ на свѣтѣ. «Ничего не пожалѣю! Буйну голову отдамъ!» шепчетъ онъ въ истомномъ забытьѣ, склоняся къ раскрасавицѣ. И вы чувствуете, что онъ, дѣйствительно, способенъ въ этотъ мигъ отдать свою буйну голову. Но достаточно было услышать атаману шопотъ своихъ станичниковъ за то, что онъ «ихъ на бабу промѣнялъ», и ужъ буря собралась подъ его нависшими бровями. «Эхъ, кормилица родная, Волга матушка-рѣка! Не видала ты подарка отъ донского казака! Чтобы не было зазорно передъ вольными людьми, передъ вольною рѣкою, на, кормилица, возьми»— вскрикиваетъ онъ, и—«мощнымъ взмахомъ поднимаетъ полоненную княжну и, не глядя, прочь кидаетъ въ набѣжавшую волну».

Стенька—разбойникъ: онъ грабитъ купеческія суда, собираетъ несмѣтныя богатства, но въ его обгащенной кровью душѣ нѣтъ и тѣни корыстолюбія, свойственнаго ворами-разбойникамъ. Много у Стеньки богатства, но онъ готовъ бросать это недобрымъ трудомъ добытое добро направо и налево, одѣляя имъ голь-бѣдноту, щедрой рукой расплачиваясь за каждую свою прихоть.

Стенька горячо любитъ свою родину и свой разбой считаетъ долгомъ. Онъ искренно вѣритъ, что призванъ защищать голь-бѣдноту отъ произвола богатыхъ и сильныхъ. И страшно караетъ Разинъ насильниковъ. Но наскучило ему проливать кровь христіанскую, захотѣлъ онъ сдѣлать услугу родному краю. И вотъ на расписныхъ стругахъ, по тому ли морю синему Хвалынскому, полетѣлъ соколъ со своими соколятами на славныя земли персидскія. Охъ, долго будутъ помнить тотъ набѣгъ некрещенные басурмане: вволю погуляла, напировалась вдосталь русская вольница въ азіатской землѣ, надолго запугалъ Степанъ ворога святой Руси. Словно бурныя волны, прошли вѣсти объ его молодечествѣ по русской землѣ, докатились онѣ и до златоверхаго кремля Москвы Бѣлокаменной... И Москва не осталась глуха къ подвигу Степана Разина: царь пожаловалъ его помилованіемъ.

Степанъ караетъ обидчиковъ народныхъ, и народъ горячо любить его. Вотъ какъ описываетъ Садовниковъ возвращеніе Стеньки Разина изъ персидскаго похода въ пѣснѣ-легендѣ «Астраханскій загуль»:

«Государевымъ указомъ всѣ прошедшія вины атаману-вору Стенькѣ съ голытьбою прощены... Откачнулся разудалый прочь отъ шаховой земли и опять на Волгу струдилъ всѣ суда и корабли. Снова Стенькѣ съ казаками вплоть до Дона вольный ходъ, и—до Астрахани Волгой онъ на Соколѣ плыветъ. Вотъ и устье съ камы-

шами, святорусская земля; вотъ и башни зачернѣли астраханскаго кремля. Съ каравана шумъ несется, пѣсни, крики и пальба. Дуется свѣжая моряна въ парусовые зоба. Вьются пали дорогія на мачтовыхъ деревьяхъ; снасти шелкомъ перевиты, позолота на кормахъ. А на пристани собрался астраханскій вольный людъ,—машутъ шапками на Волгу, не расходятся и ждуть. Сходни сброшены на берегъ; атаманъ впередъ идетъ; передъ соколомъ залетнымъ разступается народъ. Да и есть чему дивиться,—воротъ золотомъ распить, на кудряхъ сибирскій соболь, на кафтанѣ аксамитъ. А за нимъ толпою пестрой сходятъ царскіе стрѣльцы, и низовые бурлаки, и донскіе удалыцы.—«Здравствуй, батюшка кормилецъ!—всѣ кричатъ, и старъ и малъ:—по добру ли, по здорову? Гдѣ, кормилецъ, пропалъ?»—«На царя работалъ, братцы; за святую бился Русь. Вотъ опослѣ, время будетъ, здѣсь дѣлами разберусь! А теперь гулять пригрянуль,—пей, народъ, на Стенькинъ счетъ!»—И съ ватагою казацкой шумно городомъ идетъ, всѣхъ поить, не разбирая, государевымъ виномъ, серебро горстями мечетъ, стелетъ улицу сукномъ. А бабѣ и дѣвки ловятъ отъ удалыхъ нарасхватъ—бирюзу, цвѣтныя бусы, и парчу, и канавать. Словно городъ—весь огуломъ—сталъ царевымъ кабакомъ: только Стенька показался,—все по городу вверху дномъ. Съ воеводой вмѣстѣ ходитъ, по кормленому плечу бьетъ рукой да шутки шутить: «Не ворчи: озолочу!» А чего ворчатъ? Недаромъ воевода съ нимъ въ ладу: Стенька будетъ посильнѣе воеводы въ городу. За Степаномъ, только свистни,—колыхнется весь народъ, а кому охота биться за царевыхъ воеводъ?!

Таковъ удалый атаманъ Степанъ Тимоѣевичъ Разинъ въ легендахъ и пѣсняхъ Садовникова.

Изъ стихотвореній Садовникова, посвященныхъ Разину, особенно выдѣляются: «Атаманъ и есаулъ», «Въ острогѣ», «Зазноба», «Астраханскій загулъ», «Стенькина шуба» и «Настасьина могила». Если въ первыхъ пяти пѣсняхъ-легендахъ Стенька Разинъ фигурируетъ какъ разбойникъ—съ удалью, молодечествомъ, разгуломъ и другими атрибутами разбойничьяго темперамента, то въ послѣдней мы встречаемся уже съ новымъ движеніемъ разбойничьей души...

За Степановой за любой,
 За Настасей молодою
 Цѣльный мѣсяцъ смерть ходила
 Сухопутьемъ и водою;
 Привязалась лютой скорбью,
 Извела былую силу
 И свела порой осенней
 Прежде времени въ могилу.
 Самъ Степанъ ножомъ булатнымъ
 На горѣ ей яму роетъ:
 Ни души кругомъ,—лишь вѣтеръ,
 Въ буеракѣ воймя-воетъ...

Чѣмъ примѣтить это мѣсто
 Для того, чтобъ видно было
 Съ Волги, съ степи, изъ лѣсу—
 Гдѣ Настасьина могила?
 Какъ на грѣхъ, вездѣ все пусто,
 Только степь кругомъ да камень,
 А вдоль Волги, по вершинамъ
 Зеленѣющая рамень...
 Чу, скрипятъ колѣса... Смотрить:
 По дорогѣ, возъ за возомъ,
 Со стекломъ торговцы ѣдутъ,—
 Видно, съ ярмарки,—обозомъ...
 — Стой!.. Опрастывай живѣ!..—
 Крикнулъ имъ Степанъ съ кургана...
 А Степанъ шутить не любитъ,—
 Надо слушать атамана...
 «Поворачивайся живо!
 Подвози, вали все въ кучу!
 Опрокидывай телѣги,
 Выноси товаръ на кручу!..»
 И съ утра до темной ночи
 Вылъ кругомъ лишь вѣтеръ вольный,
 Да надъ Настинной могилой
 Раздавался звонъ стекольный!..
 «— Вотъ вамъ денегъ за работу,
 Подѣлите да и съ Богомъ!
 Чуръ, не вмѣстѣ поѣзжайте,
 А по разнымъ по дорогамъ!
 «— Вы вѣдь рѣзанцы, да воры—
 Только этимъ и живете,
 Изъ-за стертаго алтына
 Врату горло перервете!..
 «— Если спросятъ, гдѣ достали,—
 Говорите, что отрыли
 Этотъ кладъ въ лѣсной трупцѣ,
 На Настасьиной могилѣ!..»

Въ этой легендѣ Стенька Разинъ, роющій булатнымъ ножомъ могилу своей «любѣ», является уже не только атаманомъ-головорѣзомъ, не только ушкуйникомъ, но и человѣкомъ съ большимъ «человѣческимъ» сердцемъ.

VI.

Однако не только одинъ Стенька Разинъ—этотъ типичнѣйшій представитель послѣднихъ на Руси вольныхъ людей—занималъ богатое поэтическое воображеніе Садовникова, какъ эпическаго поэта. Въ его поэзіи нашли себѣ отклики и другіе героическіе образы минувшаго. Все это—люди съ сильными желаніями, стремленіями къ свободѣ, безграничной энергіей и твердой волей. Таковъ, напри- мѣръ, татаринъ Ахметъ, ворующій по приказанію хана Кучума

стрѣлу изъ колчана, находящагося въ серединѣ казацкаго лагеря. Пѣсня-легенда, героемъ которой является Ахметъ («Стрѣла»), съ честью могла бы занимать мѣсто въ собраніи сочиненій любого первостепеннаго поэта. Вотъ она:

Кучумъ сдержать не въ силахъ гнѣвъ,
Сказалъ: «Повзвать ко мнѣ Ахмета!
Онъ смѣлъ ослушаться меня,—
Пускай поплатится за это!...»

Татаринъ входитъ молодой
Въ шатеръ разгнѣваннаго хана,
И говоритъ ему Кучумъ
Среди собравшагося стана:
«— Ослушный рабъ! Когда шутить
Ты вздумалъ дерзости со мною,—
Такъ знай же, за свою вину
Заплатишь завтра головою!...»

«— Въ твоихъ рукахъ я, мощный ханъ;
Не страшно мнѣ лишиться жизни,
Но думалъ я, что, можетъ быть,
Ее пожертвую отчизнѣ...»

Нахмурилъ брови ханъ Кучумъ
На рѣчи смѣлаго Ахмета:

«— Когда ты правду говоришь,
Такъ докажи мнѣ: до разсвѣта
Ступай сегодня къ казакамъ
И мнѣ изъ середины стана,
Во что бъ ни стало, укради
Стрѣлу казацкаго колчана!...»

Ахметъ выходитъ. Вслѣдъ за нимъ
Идетъ толпа татаръ густая,
На гибель вѣрную и смерть
Его глазами провожая.

... Проходить ночь, Ахмета нѣтъ,—
Кучумъ не спитъ, боясь измѣны;
Всю ночь вокругъ ханскаго шатра
На стражѣ латники безъ смѣны.

Заря растеть, и новый день
Встаетъ среди людскаго шума...
Подходить кто-то, не спѣша,
Къ шатру могучаго Кучума

И хану просить доложить,
Что онъ исполнилъ повелѣнье.
Ведутъ къ Кучуму; тотъ глядитъ,
Не въ силахъ скрыть свое волненье..

Слѣдой татаринъ передъ нимъ
Стоитъ съ полупотухшимъ взоромъ
И подаетъ ему стрѣлу—

Съ нѣмымъ, но тягостнымъ укоромъ.
Онъ посѣдѣлъ за эту ночь,
Сдержавъ обѣщанное слово:
Проподѣвъ одинъ въ казачій станъ
И старцемъ сталъ изъ молодого...

Презрѣнемъ взоръ его горить...
 Рабамъ покорнымъ онъ не сроденъ...
 Ханъ отвернулся:—«Уходи
 Отсюда, дерзкій! Ты свободенъ!...»

Похожъ на Ахмета душевными качествами и Степанъ Малый, первый лже-Петръ, появившійся въ Черногоріи въ 1767 году и принятымъ на себя именемъ русскаго царя поднявшій западныхъ славянъ противъ притѣснителей. Онъ выведенъ Садовниковымъ въ поэмѣ «Названецъ», которая вся проникнута славянскимъ былымъ съ его отчаянной борьбой за свободу.

Глухо стонетъ Черногорія подъ тяжкимъ игомъ притѣснителей—дома Мочениго и турецкаго султана. Въ горныхъ ущельяхъ и стремнинахъ раздается ропотъ. Но нѣтъ никого, кто бы взялся руководить народнымъ возстаніемъ, неуклонно зрѣющимъ въ свободолюбивыхъ сердцахъ черногорцевъ. Нѣтъ орла, вокругъ котораго могли бы собраться орлята и дружнымъ натискомъ броситься на врага. И вдругъ въ тишинѣ раздался смѣлый голосъ:

Я иду, Степанъ, прозваньемъ Малый,
 Основать славянское единство,
 Покорить турецкаго султана,
 Совратить коварное латинство!

Смѣлымъ упрекомъ ударили по сердцамъ черногорцевъ эти слова, и въ одинъ мигъ на призывъ вольнаго человѣка «черногорець, сербъ, герцеговинець—поднялись, какъ три родные брата». Нашелся орелъ! Теперь славяне будутъ свободны, и радостное «живіо» несется по странѣ изъ края въ край по ущельямъ и долинамъ. А смѣлый голосъ Степана Малаго, какъ Божій громъ, раздается надъ страной. Страшной карой звучитъ онъ для поработителей славянства:

Я пришелъ посланникомъ свободы,
 Васъ спасти отъ вражескаго гнета!
 Серпъ готовъ. Давно созрѣли всходы,
 Впереди кровавая работа!..

Быстро собираются около Степана дружины, но и враги не дремлютъ: «счету нѣтъ конямъ, палаткамъ бѣлымъ, свѣтлымъ саблямъ и цвѣтнымъ тюрбанамъ». Да развѣ важна численность врага для сердца, одушевленнаго любовью къ отечеству! Какъ бурный потокъ, бросились славянскія дружины на врага.

На враговъ видая частымъ градомъ
 Съ ближнихъ скалъ тяжелою каменья,
 Сами горы словно ополчились
 Посреди кроваваго смятенья;
 Небо тучей темною закрылось,
 Въ тучѣ грозно молнія зажглася,

Заметались огненные стрѣлы,
Грянулъ громъ, и буря понеслася..
По разсказу пѣсни перелетной,
Громъ упалъ на оба вражьи стана—
На морлановъ дожа Мочениго
И на турокъ сильнаго султана.

Испугавшись «Божьяго насланья», оба врага бѣжали въ безпорядкѣ. Скоро слава названца гусельнымъ перезвономъ разлилась по всему славянству; но она не была долговѣчна. Степанъ ослѣпъ. Грустными аккордами кончается легенда. Сердце орла полно свѣтлой вѣрой въ освобожденіе славянъ. Онъ утѣшаетъ славянъ, говоря: «Скажите имъ, что скоро поведу на новый бой кровавый, посмѣюсь надъ вражьемъ ликованьемъ и вернусь на родину со славой! Вѣрный конь меня помчитъ, слѣпого, въ глубь земель турецкаго султана, и опять враги на немъ увидятъ своего карателя Степана! Дѣло, мною славно начатое, я куплю своей послѣдней кровью!..» Но враги не дремлютъ и не оставляютъ своего мстителя и за оградой Черницкой обители, куда онъ скрылся. Они подкупаютъ слугу Степана Станко, и Степанъ падаетъ подъ его ножомъ. Заключительныя строфы легенды особенно красивы:

Дышитъ все въ обители Черницкой
Тишиной и мирною отрадой;
Человѣкъ свои хоронитъ страсти
За ея высокою оградой;
Но душа ослѣпшаго названца
Не лежитъ къ монашескому миру:
Каждый день слуга любимый, Станко,
Для цзя настраиваетъ лиру,
Запѣваетъ пѣсню боевую,
По струнамъ отзывнымъ ударяетъ
И слѣпца игрой своей искусной
Пробуждаетъ онъ и усыпляетъ..
Мало ль что купить на свѣтъ можно?..
Продался и грекъ лукавый Станко:
Кошелекъ съ монетой золотою
У султана—вѣрная приманка.
Подъ напѣвъ своей обычной пѣсни,
Подъ ея чарующіе звуки,
Поднялись у Станко-вѣроломца
На слѣпца безтрепетныя руки!..

Не сбылись Степановы желанья!

VII.

Галерея женскихъ типовъ, выведенныхъ Садовниковымъ въ своихъ эпическихъ произведеніяхъ, представляетъ собою рѣдкое, не имѣющее себѣ предшественниковъ въ русской поэзіи явленіе. Женщины въ произведеніяхъ Садовникова это—тѣ же вольныя

люди, что и герои-мужчины его легенды, съ тѣми же сильно развитыми энергіей и волей. Вотъ, на примѣръ, «Дуня, красная дѣвица», коромысло расправляющаяся съ толпой татаръ («Богатырь-дѣвка»). Эта героиня навсегда запечатлѣвается въ памяти своими выходящими изъ рамокъ шаблона живыми и яркими чертами. Обликъ ея встаетъ предъ мысленнымъ взоромъ читателя, какъ живой, не находя себѣ ничего подобнаго въ памяти. И, дѣйствительно, оригинальность замысла—внѣ всякаго сомнѣнія. Выполненіе—мастерское!

Это было въ Нижнемъ городу...
 (Сказъ мой—быль, не то что неболица!)
 Разъ къ рѣкѣ Почайнѣ за водой
 Вышла Дуня, красная дѣвица;
 Чуть заря черкнула за окномъ,
 Поднялась и, поддѣпивши бодро
 Коромысло на плечи, пошла,
 На ходу раскачивая ведра...
 Вѣтеръ свѣжій вѣялъ ей въ лицо,
 Щеки рдѣли отъ прилившей краски...
 Не впервой ей за городомъ быть,—
 Не робка: выходить безъ опаски!
 Только стала подъ гору сбѣгать
 Изъ воротъ торѣною тропюю,—
 Хвать—татаринъ, а за нимъ еще;
 Набѣжали цѣлою толпою!
 Подскочилъ одинъ, да отлетѣлъ:
 Не пришелся, видно, ей по мысли,
 Размахнулась правою рукой,
 Лѣвая лежитъ на коромыслѣ.
 Тяжела у Дунюшки рука,—
 Въ городу не мало этой силѣ
 Дивовались.—Будешь за вдовцомъ,—
 Ей, смѣясь, подруги говорили...
 — Прочь отсюда!—крикнула она:—
 Что пришли? Вамъ, нешто, здѣсь дорога?!
 Сунься только, такъ и разнесу!—
 Глядь-поглядь, а ихъ и больно много...
 Застучали ведра по землѣ,
 Покатились подъ ноги татарамъ,
 Коромысло въ дѣвичьихъ рукахъ,—
 Не отдастся красная задаромъ!
 Словно хлѣбъ вялася молотить,
 Бьетъ кругомъ направо и налево;
 Распелася русая коса,
 Губы въ кровь искусаны отъ гнѣва...
 Стиснувъ зубы, кйдалась она,
 Разбѣгались три раза татары,—
 Коромысло, словно на току,
 За ударомъ сыпало удары...
 Шестерыхъ ихъ вжала на песокъ,
 Да на грѣхъ о сосну перешла;
 Кинулась въ середку со щепой,
 Разъ-другой ударила и сгибла!

Какъ береза бѣлая въ лѣсу,
 Срубленная подъ корень, упала,—
 Небо алой кровью облилось,
 Изъ зари кровавой солнце встало.
 Обуяло страхомъ татарье,
 Развело, поганое, руками:
 — Коли всё такія дѣвки тамъ,
 Гдѣ же намъ управиться съ парнями?!—
 Подъ стѣнами кинувши тѣла,
 Отступили цѣлою ордою...
 Вотъ такъ память дѣвка задала,
 Выйдя утромъ къ рѣчкѣ за водою!..

Въ легендѣ «Усолка» (дѣйствіе разсказа происходитъ около с. Усоля, Симбирской губерніи) изъ-за сѣдой дали вѣковъ встаетъ другой обликъ—величественной, могучей женщины.

При Грозномъ, на Волгѣ, на дальней границѣ Руси образовалось селеніе. Оттого, что его построили у подошвы холмовъ, точившихъ соленую воду, оно получило названіе Усоля. Шло время,

Усолье росло: заѣзжали купцы,
 Рабочіе шли на варницы;
 Приставлены царскіе были стрѣльцы,
 И пушки глядѣли въ бойницы:
 Нерѣдко въ долину съ соленой водой
 Сбѣгались кочевники шумной ордой,—
 Скакали по русскому полю,
 Людей уводили въ неволю...
 Кругомъ еще лѣсъ былъ до темени горъ,
 Пониже—селеніе и пашня.
 А самый высокій вѣнчала бугоръ
 Въ лѣсу караульная башня.
 Чуть ночью по степи затопаетъ ковь,
 На ней зажигали сигнальный огонь,
 И мѣстные жители знали,
 Что надо готовить пищади...

Въ Усольѣ съ незапамятныхъ временъ живетъ старуха-богатырка. Преданіе говоритъ, что когда-то, вѣроятно, во дни своей молодости, «она отъ Усоля на степь угнала ногайское хищное племя». Но время шло. Богатырка дряхлѣла. Стала даже надъ ней усольская молодежь трунить: «Куда тебѣ, бабушка, драться? На старости лѣтъ ты съ коня упадешь, пора на покой убираться!» Они позабыли, что по милости страшной усолки они живутъ спокойно и мирно, не боясь ни татарь, ни другихъ вороговъ. Покойно и мирно тянутся года. «Но горе застало Усолье врасплохъ; въ осеннюю ночь загорѣлся сполохъ»: опять нахлынула ногайская орда. Страшная неминуемая бѣда грозитъ усольцамъ. Собравъ всё свои силы, ринулись они въ сѣчу.

Кровавая битва была горяча,
А сила росла, какъ въ степи саранча,—
И дрогнули наши средь поля:
Ждала ихъ недобрая доля...

Вспомнили тогда усольцы о своей старухѣ-богатыркѣ. Послали къ ней гонцовъ съ просьбой выручить ихъ изъ бѣды неминучей. Но сильно обидѣла ее своими насмѣшками усольская молодежь: и хочется ей помѣряться силами со врагомъ, да задѣтое самолюбіе мѣшаетъ. «Пришли надъ старухой смѣяться!» спрашиваетъ она: «Что мало вамъ мѣста за этой стѣной? Гдѣ сабли у васъ и пицали? Иль порохомъ вы обнищали?» Пришлось гонцамъ ни съ чѣмъ вернуться къ товарищамъ. А сѣча становится все больше и больше непосильной для усольцевъ. Большая половина ихъ легла ужъ на мѣстѣ, а ногайцамъ—словно ни по чемъ; для нихъ словно и не было грозной сѣчи. Опять посольство къ богатыркѣ. Наконецъ-то смиловивилась старуха и велѣла подать своего боевого коня:

Давайте коня, гдѣ мой конь боевой?
Давно не слыхала его подъ собой!
Проклятымъ татарамъ навстрѣчу
Я кинуся въ самую сѣчу!..

Привычной ногой вскочила богатырка въ стремя

И съ гикомъ пустилася летомъ
Къ широко раскрытымъ воротамъ...
И по полю конь богатырку понесъ...
При видѣ могучаго вмаха,
При видѣ сѣдыхъ и растрепанныхъ косъ
Враги ошалѣли отъ страха...

Усольцы воспользовались изумленіемъ ногайцевъ и, бросившись съ удвоенной силой, разбили ихъ на голову. Какой мощной силой старины, бодрящей свѣжестью вѣетъ отъ этого могучаго образа на истомленный духъ нашего больного, «не знающаго юности», дряблага поколѣнія. При чтеніи «Усолки» такъ и воскресаютъ въ памяти удалыя паленицы былиннаго эпоса, могучія богатырки старинныхъ лѣтъ, мѣрившія силой-мочью не только съ лихимъ ворогомъ, но даже и со своими старшими побратимами-богатырями. Онѣ, подобно усолкѣ, также обороняли святорусскій рубежъ отъ чужеземнаго вора-нахвалящины, зарившагося глазами завидущими на нашу богатырскую родину—съ ея богатствомъ, ни у кого не отнятымъ, не ограбленнымъ, а подареннымъ святой Руси родной ея землей-кормилицей да заработаннымъ собственнымъ горбомъ и руками. Какой глубокой древностью вѣетъ отъ этихъ дорогихъ образцовъ, воскрешенныхъ въ «Усолкѣ» поэтомъ-художникомъ!

Вѣглыми, но яркими мазками нарисованъ «пѣвцомъ Волги и воли», на фонѣ художественныхъ картинъ волжскаго раздолья,

обликъ свободолюбивой «Полонянки», обезсмертившей себя въ наименованіи извѣстной Дѣвѣеѣ горы (въ Симбирской губ.).

Томится красавица въ землянкѣ у разбойничьяго атамана, который привелъ ее «въ дремучую глушь, подъ зеленый шиханъ, въ свою воровскую землянку» вмѣстѣ съ захваченной добычей. Разлучилъ онъ ее съ родиной, матушкой-родимой, съ милымъ-пенагляднымъ, да еще заставляетъ любить его. А развѣ сердцу прикажешь!

Не сладко житье ей съ немилымъ вдвоемъ,
И кажутся долгими ночи...
Тоскуетъ она о селеніи родномъ;
Молчитъ, закрывая цвѣтнымъ рукавомъ
Отъ слезъ потемнѣвшія очи.
Не можетъ къ своимъ она вѣсточки дать
Въ село, гдѣ крушатся немало
О ней и женихъ и родимая мать...
— Бѣжать,—она думаетъ,—надо бѣжать
Скорѣе, во что бы ни стало!..

Но бѣжать не такъ-то легко! Чѣмъ больше она кручинится, тѣмъ зорче стережетъ ее атаманъ; чѣмъ чаще плачетъ, тѣмъ чаще навѣщаетъ. Тогда полонянка мѣняетъ грусть-тоску на притворное веселье и вотъ ужъ у нея «свѣтлѣй стали очи, привѣтнѣй уста». Глядитъ на нее атаманъ и глазамъ своимъ не вѣритъ: нѣтъ уже передъ нимъ горяши-горькой, а стоитъ передъ нимъ красавица, весельемъ блестящею взглядъ очей ея глубокихъ, счастьемъ дышитъ ея высокая грудь... Думаетъ атаманъ, что смѣнила красавица гнѣвъ на милость, полюбила его добра молодца, и все готовъ онъ позабыть «для ласковыхъ словъ ненаглядной красы», для свѣтлыхъ очей ея, даже свою кормилицу Волгу. Говоритъ атаманъ раскрасавицѣ

Скажи, красота, у меня ль не житье?
Моя ль не завидная доля?
Люби атамана: все будетъ твое,
Во всемъ тебѣ полная воля!..
Смотри,—говоритъ онъ, взводя на курганъ:—
Вонъ, видишь, бѣлѣютъ въ туманѣ
Суда? То богатый идетъ караванъ
Съ низовыхъ мѣстовъ, изъ полуденныхъ странъ
Везутъ мнѣ обильныя дани!..
Надѣнешь другой, побогаче нарядъ,
Персидскими шигый шелками;
Алмазные серьги въ ухахъ заблестятъ,
И будетъ уборъ твой дѣвичій богатъ
Цвѣтными, какъ солнце, камнями!..

Ну, какая бы дѣвушка устояла передъ такими заманчивыми обѣщаніями удалого атамана? Однако не такова красота-полонянка, чтобы забыть родину, волю, матушку родимую и милого ненагляднаго; и не такова любовь у нея, чтобы можно было купить ее зла-

томъ, серебромъ или каменьями самоцвѣтными: вѣдь силою сердца ея не возьмешь и не прикажешь. Что жъ подѣлаешь, разъ не любовь ей атаманъ-лихой, злой похитчикъ? А все-таки приходится ей подчиняться: цѣловать и миловать. Однако цѣлуетъ-мируетъ атамана полонянка, а у самой въ головѣ только и мысли, чтобы освободиться только отъ немилаго. Змѣей вкрадывается красавица въ довѣрiе къ атаману. Притворяется она, что и воля, о которой она столько плакала, не нужна ей больше... На что она ей?!

Мнѣ любо и здѣсь, молодець удалой,—
 На что мнѣ постылую волю?
 Привыкла къ тебѣ, не пойду я домой,
 Хочу подѣлать, разудалый, съ тобой,
 Твою молодецкую долю!

Повѣрилъ атаманъ. Да и какъ не повѣрить такимъ словамъ, что темнятъ память и заслоняютъ разсудокъ... Вотъ однажды они вдвоемъ надъ Волгой, на курганѣ. Истомная дремота смыкаетъ рѣсницы похитчика, припавшаго утомленной головой на грудь полонянки. Не чувствуетъ атаманъ лихой, что гроза неминуемая собирается надъ нимъ, не знаетъ, не вѣдаетъ, что черезъ минуту погибнетъ онъ страшною смертью отъ руки полонянки. Дремучій боръ обступилъ ихъ сплошной стѣною съ трехъ сторонъ, а съ четвертой обрывъ. Они—на краю обрыва... Кругомъ—ни души. Жуткая тишина царитъ въ воздухѣ. Только тамъ, внизу, подъ острыми утесами, плещетъ набѣгающая волна. Смѣлая мысль проносится молніей въ головѣ красавицы; вѣдь одно только движеніе, и она—свободна. Маска напущенной веселости сброшена. Довольно лжи! «О чемъ тутъ думать? Толчокъ—и долой съ вершины крутого пихана съ подавленнымъ стономъ летитъ удалой, обострые камни стуча головой,—и нѣтъ удалца-атамана». Въ ту же ночь землянка, гдѣ красавицѣ приходилось коротать ночи съ постылымъ похитчикомъ, остается пуста... «Почувявъ кровавое дѣло, наутро всплываютъ надъ ней беркута и тщетно кругомъ озираютъ мѣста, ища атаманово тѣло...» А Дѣвья гора и до сихъ поръ, зеленѣя, отражается въ Волгѣ и служить живымъ памятникомъ смѣлой красавицы-полонянки.

Смерть помѣшала Садовникову, какъ слѣдуетъ, дополнить яркую галерею женскихъ типовъ поэтической легендой о нижегородской «красавицѣ-вдовѣ на перевозѣ за Окою», безъ приворотнаго зелья приворожившей къ себѣ нижегородскаго воеводу и его молодого сына,—да такъ приворожившей, что и во снѣ и наяву мерещились имъ обоимъ «то грудь наливная, то плечи, то руки бѣлыя, что снѣгъ, то глазъ приманчивыя рѣчи... Глазами вскинетъ—дрожь беретъ; въ рѣчахъ—какая-то отвaga... И что пьянѣй—вино ль ея, или рѣчи хмельныя, какъ брага—кто знаетъ?!» (Поэма «Кума»,—«Историческій Вѣстникъ». 1892 г.).

Я привелъ наиболѣе выдающіеся женскіе типы произведеній Садовникова, а между тѣмъ ихъ у него очень много, и всѣ они, за малыми исключеніями, подходятъ подъ излюбленный Садовниковымъ типъ—вольной, сводоболюбивой женщины, съ широко развитыми энергіей и волей. Всѣ онѣ подъ яркими мазками художественной кисти баяна Низоваго Поволжья живутъ и дышать предъ умственнымъ взоромъ читателя, и долго послѣ чтенія встаютъ въ памяти ихъ величавые образы, на фонѣ приволжскихъ степей, дремучихъ лѣсовъ и широкаго поволжскаго раздолья, которые и выработали женщинъ съ такимъ характеромъ.

VIII.

Старина умираетъ. Исчезаютъ красивыя поэтическія легенды, позабываются сказки, пѣсни и пословицы, улегучивается старинная народная молвь... Немного было на Руси поэтовъ, которые бы воскрешали эту отходящую въ глубь вѣковъ словесную старину, отразившую въ себѣ духъ и умственный складъ русскаго народа. Къ такимъ воскресителямъ принадлежитъ и тотъ поэтъ, безвременно и незаслуженно забытымъ произведеніямъ котораго посвящены эти строки. При чтеніи стихотвореній Садовникова невольно напрашиваются на языкъ слова великаго поэта: «здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!» Вы какъ будто слышите медлительно-плавную рѣчь сѣдобородаго сказателя. Предъ вами во всей простотѣ своего величія и во всемъ величіи своей простоты воскресаетъ оживленная яркими красками поэта умирающая волжская старина. Въ своей поэзіи Садовниковъ отразилъ и душу русскаго народа, и духъ его стародавнихъ былей. Наши русскія стародавнія были представляютъ собою неисчерпаемый кладезъ темъ для художественнаго воспроизведенія въ томъ или другомъ родѣ искусства. Но не всякому дается въ руки этотъ драгоцѣнный плодъ. Такъ, напримѣръ, суздальская мазня на историческіе сюжеты или лубочныя картины такого же содержанія имѣютъ очень мало общаго съ гениальными картинами нашихъ живописцевъ-историковъ Рѣпина и Васнецова. Садовниковъ же вполне заслуживаетъ названіе «Васнецова русской поэзіи». Воспроизводимая имъ стародавняя жизнь живетъ и дышитъ подъ перомъ своего баяна. Герои Садовникова—не манекены, одѣтые въ историческіе костюмы,—нѣтъ, это живые люди, съ русскимъ широкимъ вольнымъ характеромъ, складомъ ума и другими чисто-національными чертами. Только одному графу Алексѣю Толстому удавалось воскрешать изъ сѣдой глубины времянь такіе живые образы. Для того, чтобы заставить литературные образы дышать, говорить и неизгладимо запечатлѣваться въ памяти читателя, мало даже обладать талантомъ. Для этого нужно обладать

вдохновеніемъ, безъ котораго не могутъ быть одухотворенными и жизненными ни слова, ни краски, ни звуки. А этимъ, по образному выраженію великаго поэта, «даромъ небесъ» баянъ Низоваго Поволжья былъ одаренъ въ избыткѣ: въ моментъ творчества онъ весь отдавался ему, и это свойство придавало его произведеніямъ тѣ качества, которыя очень рѣдко замѣчаются въ современной поэзіи: это—проникновенность и колоритность. Ими проникнута и на нихъ зиждется сила поэзіи Садовникова.

Однако историческія сказанія не являются у Садовникова грубыми поддѣлками подъ старину или, что еще хуже, маленькими копіями народнаго изустнаго творчества. Содержание поэзіи Садовникова, всегда строго гармонирующее съ художественной отдѣлкой его произведеній, только до нѣкоторой степени почерпнуто имъ въ сокровищницѣ народнаго творчества, въ большей же своей части—бережно выношено поэтомъ въ собственной душѣ, любовно воспринявшей въ себя духъ народа-пахаря и проникшейся непосредственностью его міросозерцанія.

Дѣйствительно, почти вся поэзія, а въ особенности историческія произведенія Садовникова—проникнута міросозерцаніемъ русскаго народа, такъ какъ, воспринявъ могучій духъ русскаго народа, поэтъ, естественно, долженъ былъ проникнуться и непосредственностью его міросозерцанія. Всѣ черты великоросса—порывы къ волѣ, удадь, душа нараспашку, пониманіе природы и т. п.—все это отразилось въ поэзіи Садовникова, какъ въ зеркалѣ. Подобно русскому крестьянину, Садовниковъ удивительно тонко понималъ душу природы. Въ этомъ отношеніи онъ былъ надѣленъ тютчевскою способностью чувствовать каждое проявленіе ея жизни, неуловимое для взора простаго наблюдателя. Природа прямо-таки оживала въ его вдохновенныхъ стихахъ. Вотъ какъ, напримѣръ, описываетъ Садовниковъ смерть «Дуни—красной дѣвицы», избившей коромысломъ толпу татаръ («Богатырь-дѣвка»): «... Какъ береза бѣлая въ лѣсу, срубленная подъ корень упала»—говоритъ пѣвецъ Волги о сраженной ворогами богатыршѣ и тутъ же, вслѣдъ за этими строками, развертываетъ передъ глазами читателя необъятное полотно картины въ чисто-русскомъ, чисто-народномъ духѣ: «Небо алой кровью облилось, изъ зари кровавой солнце встало...» Въ этихъ двухъ короткихъ строкахъ такъ и чудится, такъ и пахнетъ суевѣрной душой великоросса, живущаго въ непосредственной связи со всѣми явленіями родной ему природы, не только обступающей его отовсюду, но и съ живымъ участіемъ относящейся къ каждой его радости, къ каждому его горю. И во многихъ другихъ стихотвореніяхъ природа и ея силы изображаются живыми, одухотворенными. Такъ, напримѣръ, въ красивой сказкѣ «Попутный вѣтеръ», написанной размѣрами народныхъ пѣсень, купцы-деньгоровы обращаются къ вѣтру, какъ къ живому существу, съ такими словами:

Тронься, вѣтеръ ты низовый!
 Полно, будетъ отдыхать!
 Тучей темною свинцовой
 Принакрой ты Волгу-мать!
 Разведи рѣчную воду,
 Вѣляя сѣдые вспѣнь,—
 Дай попутную погоду,
 Отряхни скорѣ дѣнь!..
 Что гуляешь безъ заботы,
 Или волюшка мила?
 Позабылъ свои налеты
 Быстрокрылаго орла?..

Или въ другомъ мѣстѣ той же сказки:

Задался по Божьей волѣ
 Вѣтряный денекъ,
 Рыщеть вѣтеръ въ чистомъ полѣ
 Вдоль и поперекъ;
 Вотъ хлѣбами пробѣгаетъ,
 Приутихъ на мигъ,
 Вотъ съ прохожаго срываетъ
 Шапку, озорникъ.
 Покачнулись, зашумѣли
 Темные дѣса;
 Пѣной волны заблѣли,
 Вздудили паруса»...

Такихъ примѣровъ можно привести сотни, но и изъ этихъ трехъ примѣровъ видна наличность народнаго міросозерцанія въ поэзін Садовникова. Она сообщаетъ его произведеніямъ удивительно сильный народный характеръ. То же самое не въ меньшей степени дѣлается и языкъ его, который своими чисто-народными оборотами, эпитетами, удареніями и разстановками заставляетъ невольно забывать, что предъ вами художественное произведеніе, а не памятникъ простонароднаго изустнаго творчества. Этому впечатлѣнію нисколько не мѣшаютъ ни выдержанная, что называется, по всеѣмъ правиламъ искусства красота своеобразно-изящнаго стиха, ни звучная, несвойственная народной пѣснѣ-былинѣ, рима. Особенно хороши въ этомъ отношеніи его волжскія легенды. Онѣ поражаютъ читателя необычайною силою изобразительности и въ то же время эпическимъ спокойствіемъ и былинной простотой разсказа. Отъ этого типичныя по обрисовкѣ и крупныя по внутреннему замыслу мощныя фигуры русскихъ «вольныхъ» людей, вызванныя поэтомъ изъ мрака прошлаго и облеченныя въ живую плоть, согрѣтую горячей кровью, живутъ и дышатъ предъ взоромъ читателя. Въ этомъ главная заслуга Садовникова въ исторіи русской литературы.

IX.

Лирическихъ стихотвореній у Садовникова не особенно много, но всѣ они, одухотворенныя энергіей мысли и чувства, одинаково прекрасны. По образному сравненію Ап. Коринфскаго, поэзія Садовникова, какъ молодой дубокъ, тянется зелеными вѣтвями къ солнцу красоты и въ то же время уходитъ своими цѣпкими корнями въ черноземную глубь народной стихійной души. Это глубоко справедливо, и слѣдуетъ замѣтить, что эта бездонно-первобытная душа, любовно открывъ поэту доступъ въ свой необъятный міръ, сдѣлала его лучшія произведенія сопричастными своей долговѣчности. Лирическія и другія стихотворенія Садовникова, какъ и вообще вся поэзія его, берутъ себѣ пищу изъ этихъ же двухъ источниковъ. Вотъ, на примѣръ, его изящная, вѣющая неотразимымъ обаяніемъ красоты и народнаго пониманія природы «Лѣтняя сказка».

Идетъ, опустивши рѣсницы,
Обвита вечернею мглой,
Задумчивой ночи царица
Со свитой своей золотой.

Какъ тѣни, одежды струятся,
Прозрачный колеблется станъ;
И сквозь очертаній въ туманъ
Далекія звѣзды глядятся.

Навстрѣчу объятіямъ Ночи,
Тревогою дня утомленъ,
Смежая усталыя очи,
Слетаетъ невидимо Совъ.

Лѣса, прошумѣвъ, затихаютъ;
Пожится рѣчная волна;
Цвѣты, засыпая, вьдыхаютъ,
И клонятся травы отъ сна.

Подъ силой призывною ласки
Ночныхъ сновидѣній дара,
Сбѣгаютъ стыдливыя краски,
Вечерняя гаснетъ заря.

И въ часъ, когда все умолкаетъ,
Не слышно ничьихъ голосовъ,
Влюбленная Ночь обнимаетъ
Царя обольстительныхъ сновъ.

Намъ сладки тогда сновидѣнья,
Людей кочевья мечты!
Но счастье — только мгновенье
Для этой влюбленной четы.

Свѣтаетъ, и тихо смѣется
На небѣ другая Заря, —
Царица испуганно бьется
Въ объятіяхъ любимца-царя.

Изъ глазъ ея падаютъ слезы —
Росою — на зеленъ луговъ,

А сны и отрадныя грезы
Взлетаютъ толпой облаковъ.

Прощай!—по полямъ раздается;
Прощай!—отвѣчаетъ въ лѣсахъ;
Прощай!—надъ рѣкою несется;
Прощай!—замираетъ въ горахъ.

Все въ этомъ прекрасномъ стихотвореніи говорить объ яркомъ художественномъ талантѣ: и сливающимся въ цѣлую симфонію краски, и новые образы, и ласкающіе слухъ звуки. Но авторъ «Лѣтней сказки», на ряду съ подобными сюжетами, вдохновлялся и со-всѣмъ другими. Вотъ, на примѣръ, его обвѣянный мистическою тайною «Сонъ»—стихотвореніе съ металлически звенящими стро-фами и богатствомъ внутренняго содержанія. «Я видѣлъ сонъ, тяжелый, безпокойный... Печальный видъ открылся предо мною: я шелъ одинъ широкою тропою, пустынею безжизненной и знойной. Виднѣлись скаль причудливыя кручи; ряды вершинъ, обглодан-ныхъ вѣками; кругомъ—песокъ подвижный и сыпучій, по прихоти взметаемый вѣтрами. Далекихъ горъ рѣзное очертанье широкою каймою озарило какое-то волшебное сіянье, и мысль влекла невѣ-домая сила. Вершины горъ пылали неугасно, при блескѣ дня, какъ дивныя лампы; я шелъ безъ остановокъ; мои взгляды слѣды жилья искали, но напрасно. Я дождался печальнаго заката. Я встрѣтилъ ночь съ ея могильной тьмою... Все тотъ же путь лежалъ передо мною,—назадъ, казалось, не было возврата. Тамъ, позади, опущена завѣса. Рвался впередъ я съ жаждой необъятной, какъ рвется вѣтвь изъ темной чащи лѣса въ просторъ и свѣтъ живительно-пріятный. Впередъ! Впередъ! Туда, гдѣ незакатно волшебный свѣтъ горитъ надъ этой мглою! А сердце мнѣ сжимало непонятно тяжелою, гне-тущею тоскою. То былъ не солнца свѣтъ животворящій, а ровное холодное сіянье, какъ бы алмазъ, сквозь эту мглу свѣтящій; но дивное въ немъ было обаянье. И видѣлъ я, что къ отдаленной цѣли насъ много шло: людскихъ тѣней немало мои глаза во мракѣ раз-глядѣли, и шумъ походки ухо различало. Мелькали всюду люди-привидѣнья, по сторонамъ, посреди дороги передвигались тороп-ливо ноги, слегка шурша объ острые каменья. Такъ за волною, на морскомъ просторѣ, вослѣдъ волна тревожная несется,—взбѣжить на берегъ, тихо разольется и межъ камней, журча, стекаетъ въ море. Остановись!..—послышался мнѣ голосъ:—иди назадъ, усилія без-полезны!—И у меня поднялся дыбомъ волосъ: я на краю стоялъ отверстой бездны... Смѣнила страхъ боязнь иного рода,—она была сильнѣе и острѣе:—гдѣ перейти?! И въ безднѣ, не робѣя, мои глаза искали перехода. Онъ узокъ былъ, какъ лезвіе кинжала, какъ мечъ, ведущій къ раю Магомета, но истины желанье, жажда свѣта меня в предѣ все дальше увлекала. И я ступилъ неробкою ногою на этотъ путь къ источнику сіянья... Земля изъ глазъ исчезла подо мною,

но ожили о ней воспоминанья... Мнѣ память все бывшее воскресила... Такъ прошлаго страшна была утрата, что я, въ виду желаннаго свѣтила, вновь захотѣлъ свободы и возврата... Въ едва сквозящей полусвѣтомъ дали, предъ взоромъ, отуманеннымъ тоской, какъ гребни пѣны надъ волной морскою, знакомые мнѣ образы взбѣгали... Какъ облака, смѣнялися видѣнья; молящія протягивались руки... Мнѣ слышались призывныя моленья, мнѣ раздирали сердце эти звуки!—Не любишь ты!..—шепталь мнѣ голосъ милый, и сердце вслѣдъ мнѣ тихо говорило:—Вернись назадъ, люби съ былою силой,—зачѣмъ тебѣ блестящая могила?!—Въ отчаяннѣи назадъ я оглянулся, но прежній путь уже объяла бездна... И, огласивши воплемъ бесполезно-пустынный міръ, я въ ужасѣ проснулся...» Всегда восторженно отзывавшійся о талантѣ Садовникова В. В. Чуйко объ этомъ стихотвореніи писалъ: «Вся картина, какъ въ общемъ, такъ и въ деталяхъ, неподобна; въ ней виденъ крупный энергическій талантъ, не удовлетворяющійся мелкою ходячею монетою нашего современнаго поэтическаго вдохновенія; она обнаруживаетъ въ поэтѣ энергію мысли и чувства, которыя какъ бы сдѣлались анахронизмомъ въ наше время... Если принять во вниманіе, что это говорилось въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда на поэзію смотрѣли, какъ на нѣчто несущественное, то станетъ яснымъ, что талантъ Садовникова былъ явленіемъ исключительнымъ, разъ ему былъ посвященъ такой восторженный отзывъ.

Въ такихъ же, какъ «Сонъ», мрачныхъ тонахъ, заставляющихъ сердце сжиматься какимъ-то недобримъ предчувствіемъ, написано Садовниковымъ стихотвореніе «Тоска», замѣчательное какъ по внѣшней формѣ, такъ и по изумительно гармонирующему съ ней, до неподражаемости своеобразному, богатству внутренняго содержания. Отъ него такъ и вѣетъ сказкой волшебной старины о Бабѣ-Ягѣ, живущей въ темной чащѣ лѣса, въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ:

Не ходи въ лѣсную чашу,—
 Въ ней живетъ Тоска сѣдая,
 Безобразная старуха,
 Молчаливая и злая!
 Подъ защитой темной ночи
 Въ одинокой вотхой кельѣ
 Для тебя она готовитъ
 Одурающее зелье...
 Ты войдешь,—Тоска за горло
 Схватитъ, медленно придушитъ,
 Вынетъ трепетное сердце
 И огнемъ его исушитъ;
 А потомъ, пожалуй, молвитъ,
 Надъ твоей, глумясь, бѣдою:
 — Полежи! Быть можетъ, воронъ
 Прилетитъ съ живой водою!...

Какъ я уже говорилъ выше, Садовниковъ удивительно тонко понималъ душу природы и былъ надѣленъ тютчевскою способностью чувствовать каждое движеніе, каждое бѣненіе ея пульса, незамѣтное для глаза простого наблюдателя. Въ его описаніяхъ картины, выхваченныя поэтомъ изъ родного ему, откровеннаго сердца задумчивой русской природы, воплощались въ живыя краски. «Вотъ она, родная степь, проглянула изъ тумановъ, и синѣющихъ кургановъ обозначилась цѣпь», говоритъ Садовниковъ въ одномъ изъ подобныхъ стихотвореній, моментально вызывая предъ вашимъ мысленнымъ взоромъ необъятную ширь, неоглядную даль. «Встрѣчу мнѣ бѣжить ковыль серебрястыми волнами», читаете вы въ слѣдующей строфѣ этого, если можно такъ выразиться, стихотворнаго пейзажа, «позади ложится пыль сѣроватыми клубами. Надо мной сквознымъ узоромъ тучекъ движется гурьба, и повисли ястреба, сторожа добычу взоромъ. Ширь степная раздалась: ни лѣсовъ, ни горъ высокихъ; и подолгу ищеть глазъ деревенекъ одинокихъ!» По силѣ впечатлѣнія это стихотвореніе, мнѣ кажется, ничуть не уступаетъ извѣстному описанію степи Гоголя и такъ же въ концѣ стихотворенія хочется крикнуть: «чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!» Давно прочитано стихотвореніе, закрыта книга, а предъ вашими глазами все еще какъ будто разстилается ковылемъ-травой степь широкая, степь приволжская.

А вотъ совѣмъ въ другомъ родѣ стихотвореніе, прямо выхваченное поэтомъ изъ волшебной книги природы:

Съ неба насъ печетъ немилосердно,
Отъ земли садится пыль на колючь...
Пить хотимъ мы влагу дождевую,
Слушать грома перекатный голосъ...
Заслони намъ, туча, это солнце:
Пожалѣй, остановись надъ нами,—
Проливнымъ, съ веселою грозою,
Обойди засохшими полями.
Не забудь мѣста свои родныя,
Гдѣ туманомъ прежде отдыхала,—
Гдѣ себѣ подъ утреннія зори
Молодые кудри распрыдала;
И они тянулись, словно пряжа,
Золотая восходившимъ солнцемъ,—
Пряхю былъ ласковою вѣтеръ,
Гребнемъ—лѣсъ, ржаное поле—дѣнцемъ...
А когда пройдетъ шумящій ливень
Полосами зрѣющаго хлѣба,—
Пусть опять насъ грѣетъ это солнце
И глядитъ съ лазореваго неба!...

Эта «Пѣсня колосистой ржи» такъ и дышитъ знойной истомой лѣтняго полдня; вы чувствуете на своемъ лицѣ его горячее дыханіе и вамъ вмѣстѣ съ колосистой рожью хочется, чтобы туча заслонила

вась отъ палящихъ лучей дневного свѣтила и вѣтеръ обвѣялъ прохладой ваше пылающее лицо.

Изъ лирическихъ стихотвореній у Садовникова есть нѣсколько такихъ, въ которыхъ онъ касается вопроса о личности и призваніи поэта. Изъ нихъ видно, что на то и другое онъ смотрѣлъ очень серьезно и, какъ видно по всему его литературному наслѣдію, оставленному забывшей о немъ родиной, подходилъ къ святой святыхъ поэтического творчества съ глубоко благоговѣйнымъ чувствомъ. Для него поэзія была поистинѣ «Богомъ въ святыхъ мечтахъ земли». Такъ, въ одномъ изъ стихотвореній Садовникова, обращаясь къ поэту, говорить: «Въ строѣ твоихъ гѣсноиѣннй смѣняются тяжелыя тучи сомнѣннй мечтаннй заоблачный свѣтъ» и дальше продолжаетъ: «Уносить всѣ грезы и сны золотыя богатый сознаніемъ умъ, и чувство любви заслоняютъ впервые толпы угнетающихъ думъ... Ты видишь вездѣ столько пошлаго, злого и столько неправды кругомъ, срывается съ устъ твоихъ молнія-слово, угрозы доносится громъ... Въ душѣ нераздѣльны въ такія мгновенья отчаянье, злоба и гнѣвъ,—ты къ роду людскому питаешь презрѣнье, на сердцѣ любовь отогрѣвъ... Но гнѣвъ отошелъ,—и иное понятно: стихаетъ волненье въ крови, и бывшихъ враговъ ты кропишь благодатно дождемъ животворной любви!»... Въ другомъ стихотвореніи, которое является какъ бы продолженіемъ только что приведеннаго, поэтъ художественно развиваетъ свою прочувствованную мысль: «Я не рожденъ для злобы дня, для битвы долгой и упорной, и съ суетой своею вздорной такая жизнь—не для меня! И вотъ въ надзвѣздные края, въ пространство звѣзднаго ээира, за грани видимаго міра душа уносится моя... Какъ хорошо, привольно тамъ въ безбрежномъ исчезать просторѣ, отъ сна перелетать ко снамъ, позабывать земное горе!.. Что жъ, сердце, на призывъ мечты, летящей всюду беззаботно, не скоро поддаешься ты? Нѣтъ, сердце, ты не перелетно!.. И въ этомъ сумракѣ земномъ все бьешься старою любовью, людскою обливаясь кровью, о прошломъ помнишь и родномъ! Въ порывѣ бури грозовой опавшій листъ мелькаетъ, тонетъ, а дубъ, склоняясь головой, отъ бурнаго налета стонетъ,—какъ бы вздыхаетъ глубоко надъ облетѣвшими листьями, своими цѣпкими корнями ушедши въ землю далеко...» Эти два отрывка имѣютъ и автобіографическое значеніе: по нимъ можно прослѣдить характеристику творческой личности самого автора. Дѣйствительно, когда онъ отрѣшался отъ эпоса и переходилъ къ лирикѣ,—то съ его любвеобильныхъ устъ порою грозно срывалось молнія-слово, но оно сейчасъ же смѣнялось «дождемъ животворной любви». Отъ дрязгъ жизни онъ обращалъ свои взоры къ вѣчной красотѣ и въ ней искалъ успокоенія. Все изящное привлекало его, во всемъ онъ любилъ красоту, которую его «неперелетное» сердце понимало глубоко-вѣрно. Поэтому-то всѣ его стихотворенія звучатъ непод-

дѣльною искренностью и одухотворены огнемъ поэтической души автора.

Молюсь тебѣ, весны моей мечта,
И въ эти дни къ тебѣ одной взываю,
Людской души живая красота!

говорить Садовниковъ въ одномъ стихотвореніи, и вы чувствуете, что это не пустая риторическая фраза, а искренній вопль души. Искренность произведеній его сообщаетъ имъ неизъяснимую прелесть. Такой, напримѣръ, прелестью вѣетъ отъ его небольшого стихотворенія «Ночная греза», въ которой авторъ въ граціозной музыкѣ словъ открываетъ предъ читателемъ тайный уголокъ недоступной и непонятной для «дѣтей земли» творческой жизни:

Полночь. Лампа освѣщаетъ
Мой рабочій столъ.
Слышу: легкими шагами
Кто-то подошелъ.,,
Полевыхъ цвѣтовъ пронесла
Свѣжій ароматъ, —
Я невольно встрепенулся
И взглянулъ назадъ...
Легкимъ призракомъ стояла
Надъ мной она,
Съ отпечаткомъ тихой грусти,
Мертвенно блѣдна.
Но черты нежданной госты —
Дивныя черты! —
На себѣ носили ясный
Отблескъ красоты:
Красоты неувидимой
Своевольный складъ,
А не той, какую люди
Здѣсь боготворятъ.
Это былъ намекъ, набросокъ,
Легкій силуэтъ,
А не мраморной богини
Каменный портретъ...
— Я съ тобой...—она сказала,
И воздушный станъ,
Колебался, какъ отъ вѣтра
На рѣбѣ туманъ.
— Почему такъ долго медлишь?
Скоро ль плоть и кровь
Этимъ тонкимъ очертаньямъ
Дастъ твоя любовь?
И тобой боготворимой
Молодой мечтѣ
Суждено ль на свѣтъ явиться
Въ полной красотѣ?
Мнѣ наскучило носиться
Въ океанѣ сновъ!

Это сердце хочетъ биться
 Музыкою словъ...
 Тихо, будто залетѣвшій
 Въ рощу вѣтерокъ,
 Прозвучали ея рѣчи
 И ея упрекъ...

Какъ будто и не много словъ, а какая грація и музыка слышится въ каждомъ стихѣ. Только избранный питомецъ вдохновенія могъ создать такое ласкающее слухъ произведеніе, въ которомъ съ начала до конца, какъ и во всемъ вышедшемъ изъ-подъ пера Садовникова, лежитъ отпечатокъ вдохновенной мощи, исключающей всякую возможность участія въ сложномъ процессѣ творчества того, что обыкновенно называютъ «плѣнной мысли раздраженьемъ». Вообще все, въ чемъ проявилъ себя этотъ самобытный талантъ, лежитъ далеко въ сторонѣ отъ сомнительнаго качества продуктовъ головной надуманности, такое изобиліе которыхъ замѣчается въ нашей современной декадентствующей и модернизирующей поэзій.

При разборѣ произведеній Садовникова съ перваго взгляда кажется страннымъ и непонятнымъ, почему онъ, несмотря на свое любвеобильное, способное глубоко чувствовать и тонко понимать сердце, оставилъ очень немного стихотвореній, въ которыхъ бы сюжетомъ была любовь къ женщинѣ. Такъ немного, что, собственно говоря, даже трудно прослѣдить за развитіемъ ея въ творческой психологій Садовникова. Причина такого явленія станетъ ясною, если мы вспомнимъ его слова:

«Нѣтъ, сердце! ты не перелетно!»

Любовь только разъ охватила сердце поэта одной широкою волной, и съ тѣхъ поръ это неперелетное чувство не размѣнивалось уже, не высказывалось на тысячи ладовъ. О такой любви, вѣроятно, и сказалъ библейскій царь-псалмопѣвецъ свое правдивое слово: «Любовь сильна—какъ смерть». Этотъ особенный и своеобразный характеръ любовнаго чувства нашель себѣ мѣсто во всѣхъ стихотвореніяхъ Садовникова, посвященныхъ этому предмету. Вотъ для примѣра стихотвореніе, какъ бы проникнутое истиннымъ символизмомъ:

Я искаль тебя, искаль
 У подножья сѣрыхъ скалъ,
 Тамъ, гдѣ море мощной грудью
 Нагоняеть валъ.
 Я искаль тебѣ въ дѣсахъ,
 Въ заповѣданныхъ мѣстахъ,
 Гдѣ охватываетъ душу
 Бевочетный страхъ.
 По полямъ и надъ рѣзкой
 Разносился голосъ мой;

Но вездѣ лежали чары
 Тишины нѣмой...
 И въ желаньи красоты
 Гасли свѣтлыя мечты...
 На призывъ мой не хотѣла
 Оговаться ты.
 Разъ съ тобой наединѣ —
 Наяву или во снѣ,
 Я не знаю — ты неожиданно
 Показалась мнѣ.
 Ты склонилась надо мной,
 Ты шепнула сердцу: пой!..
 Съ той поры я нераздѣльно,
 Нераздѣльно твой!

Какая цѣлостъ чувства слышится въ двухъ послѣднихъ строкахъ этого стихотворенія, написаннаго яркими и въ полномъ смыслѣ этого слова художественными словесными красками! Впрочемъ, такими же свойствами обладали почти всѣ произведенія Садовникова. Даже такъ называемыя «случайныя». Вотъ, напримѣръ, какой душистый вѣнокъ былъ присланъ Садовниковымъ изъ Симбирска на московскій Пушкинскій праздникъ въ 1880 году. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, эпически-спокойный тонъ, наиболѣе свойственный поэту, не измѣнилъ ему, такъ же, какъ не измѣнило и ни на шагъ не отходившее отъ него вдохновеніе.

«Въ отраднѣйшій мигъ желаннаго рожденья
 Все, что въ наслѣдство передалъ апрѣль,
 Душистый даръ послѣдняго цвѣтенья
 Тебѣ весна кидала въ колыбель...
 Май отцвѣтаетъ и шедъ навстрѣчу лѣта;
 И думалъ онъ, переходя ко сну:
 — Я встрѣтилъ день рожденія поэта,
 Онъ воскреситъ умершую весну!..—
 Ты оправдалъ святѣйшя упованья!
 Заслыша гѣсни первыя твои,
 Въ усталомъ сердцѣ ожили желанья,
 Въ нѣмомъ лѣсу проснулись соловьи...
 Любили мы, но спорною любовью!
 Давно ль у насъ топтали твой вѣнокъ?
 Но ты простишь минутному злословью,
 Прекраснаго созданіемъ высокъ...
 Простишь намъ то, что рѣчь, тебѣ родная,
 Вплела шипы въ цвѣтушій твой вѣнецъ...
 Теперь мы всѣ сошлись на праздникъ мая
 Твой день привѣтствовать, пѣвецъ!..
 И въ честь тебя, поэта-чародѣя,
 Пѣвца живой любви и красоты,
 Весна, какъ встарь, бросаетъ, не жалѣя,
 Къ твоимъ ногамъ послѣдніе цвѣты!..»

У Садовникова есть (правда, немного) и дѣтскія стихотворенія, написанныя со свойственной его таланту простотою, ясностью и

непосредственностью. Изъ нихъ особенно красивы: «Ребенку», «Приключенія Милорда». «Хитрый заяцъ» и «Весенняя сказка». Последнее стихотвореніе въ исторіи дѣтской литературы было цѣлымъ откровеніемъ. Оно является въ этой области неслыханнымъ аккордомъ, сплетеннымъ талантливымъ авторомъ изъ яркихъ своею простотою словъ, говорящихъ красокъ и красивыхъ звуковъ.

Х.

Садовниковъ былъ, несомнѣнно, вполне, всѣмъ существомъ своимъ поэтъ: онъ былъ рожденъ поэтомъ, а это въ наше время вездѣ и особенно въ Россіи—большая рѣдкость. Образованіе Садовникова открывало ему широкій путь ко всему тому, что такъ цѣнится большинствомъ людей, но онъ остался вѣренъ своему призванію—поэзіи, литературѣ: онъ не могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только тѣмъ, чѣмъ создала его природа; Садовниковъ имѣлъ всѣ качества, свойства и весь, если такъ можно выразиться, пошибъ литератора, въ лучшемъ значеніи этого слова. Главное достоинство Садовникова, какъ поэта, заключается въ томъ, что онъ обладалъ въ значительной степени тѣмъ, что даетъ жизнь и смыслъ художественнымъ произведеніямъ, а именно—собственной, оригинальной и въ то же время очень разнообразной фізіономіей, причемъ свободно, мастерскою рукою распоряжался роднымъ языкомъ. Въ области исторической баллады, легенды онъ достигъ замѣчательной художественности и даже сдѣлался соперникомъ гр. Ал. Толстому—создателю этого литературнаго рода. Подобно ему, Садовниковъ служилъ искусству ради искусства: онъ былъ чистымъ художникомъ.

Еще недавно было время (есть, пожалуй, оно и сейчасъ), когда за поэзіей читающее большинство не признавало права на существованіе, когда то и дѣло раздавались голоса, что она якобы отжила свое время. Неправда! Поэзія всегда и у всѣхъ народовъ была высшимъ мѣриломъ художественнаго творчества и никогда не отживетъ. Вѣчная, какъ сама красота, она, несмотря на мѣшающія ей неблагоприятныя условія, все такъ же даетъ наслажденіе, все такъ же будитъ мысль и чувство, все такъ же заставляетъ пресмыкающихся въ грязи житейской прозы «дѣтей земли» поднимать иногда взоръ къ небу. Измѣняются только формы, а сущность поэзіи остается одна. «Умри поэзія, и міръ одѣнетъ тьма!..»—это далеко не пустая красивая фраза, потому что только поэзія жизни и заставляетъ людей любить, вѣрить и надѣяться. Говорятъ, что теперь наступили новые идеалы, новая красота... Какъ будто вѣчное можетъ устарѣть?! Въ обратившейся въ спортъ погонѣ за новыми «словами» и «словечками» наши декадентствующіе и модернистующіе новаторы, ежедневно открывающіе «америки», пошли еще

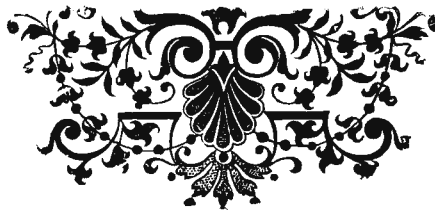
дальше: они рѣшили, что устои всего, что было и признавалось за истину, подгнили, а потому нужно искать новую истину... Поэтъ же, безвременно и незаслуженно забытымъ произведеніямъ котораго посвящены эти страницы, во всѣхъ проявленіяхъ своего творчества неизмѣнно оставался «гребцомъ противъ теченія». Вся его поэзія проникнута умиротворяющей любовью къ истинѣ, добру и красотѣ. Вся она глубоко-человѣчна, вся—искренна. На его литературномъ знамени только и можно начертать одинъ девизъ: «Прекрасное».

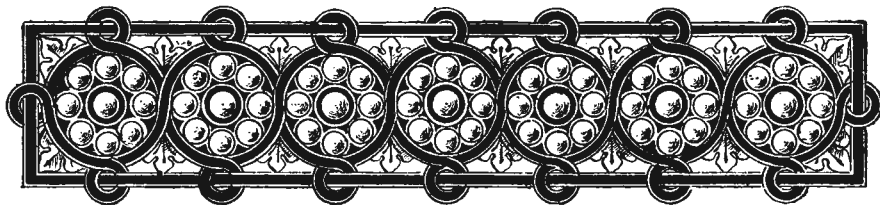
«Оборвалась пѣсня на полсловѣ, до конца та пѣсня не допѣта!»— можно сказать словами самого Садовникова про его поэтическую дѣятельность, а потому, конечно, было бы излишне и рискованно высказывать предположенія о томъ, что могъ бы дать родной поэзіи этотъ такъ богато одаренный отъ природы человѣкъ. Однако и по этому «полслову» можно угадать, что сказавшій его унесъ съ собою въ могилу не только крупныя задатки настоящаго художественнаго таланта, но успѣлъ проявить въ своихъ произведеніяхъ дарованіе, ставящее его въ ряду выдающихся русскихъ поэтовъ. Прежде всего онъ внесъ въ поэзію ту освѣжающую струю, которая бьетъ изъ сердца народной стихіи, никогда не изсякая. Затѣмъ, какъ поэтъ, въ натурѣ котораго жилъ истинный художникъ, Садовниковъ понялъ, что чарующая сила поэзіи таится въ единеніи мыслей и образовъ, формы и содержанія, простоты и изящества. Неподдѣльная искренность тона, задушевность, теплота, завидное богатство языка, мѣткость эпитетовъ, живая красота образовъ и выпуклость красокъ—вотъ достоинство произведеній Садовникова. Чувство художественной мѣры соблюдено имъ почти въ каждой написанной строфѣ. А мелодичная музыка ритма и благоуханная свѣжесть созвучій, сливаясь въ одно прекрасное цѣлое, взаимно дополняютъ другъ друга. Такова характеристика Садовникова, какъ поэта, составленная изъ отзывовъ современной ему критики. Обладая перечисленными достоинствами, онъ имѣлъ всѣ данныя для того, чтобы жить въ памяти своихъ соотечественниковъ, между тѣмъ короткая русская память уже успѣла заслонить въ себѣ творческій обликъ, начинавшій яркими чертами запечатлѣваться въ ней, десятками другихъ—блѣдныхъ, другъ на друга похожихъ, мелькающихъ пестрой смѣной современнаго калейдоскопа, если и оставляющаго впечатлѣніе, то—неопредѣленное, туманное, расплывающееся безцвѣтными свѣтотѣнями. А поэзія Садовникова должна быть дорога для русскаго читателя, потому что въ ней все чисто-русское, самобытное, при чтеніи котораго ясно слышно, что «здѣсь русскій духъ и Русью пахнетъ». Поэзія Садовникова—это молчаливыя фигуры русскихъ «вольныхъ» людей, вызванныхъ поэтомъ изъ мрака прошлаго, облеченныя въ живую плоть, согрѣтую горячей кровью; это—крылатая молва вымирающаго въ папи дни па-

роднаго языка, который доживаетъ свои послѣднiе дни на архангельско-олонецкомъ сѣверѣ да на Волгѣ—этой упрямой хранительницѣ живого великорусскаго языка; это—широкое раздолье Волги-матушки съ ея желтыми песчаными отмелями, бурливымъ прибоемъ волнъ, вѣщимъ шумомъ прибрежныхъ лѣсовъ, дымомъ рыбацкаго костра и яркимъ благодатнымъ солнышкомъ; это—широкiя безъ конца, безъ края степи, «конскiй бѣгъ на волѣ, въ небѣ крикъ орлиныхъ стай, волчiй голосъ въ полѣ». Вообще поэзія Садовникова—это Русь «съ ея озерами-морями, съ ея неогляднымъ просторомъ полей, съ ея городами, рѣками, съ ея благодуннымъ народомъ, волной залившимъ отъ краю до краю равнины и степи родимой земли» и отличающимся вольной волею, силой-удалью и храбрымъ молодечествомъ...

Пора, давно пора услышать поэтому русскому читателю чарующiя пѣсни забытаго имъ пѣвца Волги и воли и воочию увидѣть красоту его легендъ—этихъ поистинѣ спрятанныхъ подъ спудъ драгоценныхъ перловъ!

Н. А. Державинъ.

ВЪ ГОСТЯХЪ У ХАНА НАСРЪ-ЭДДИНА.

ВЪ 1873 г. было учреждено наше военное агентство въ сѣдномъ Коканскомъ ханствѣ, и первымъ военнымъ агентомъ назначенъ возвратившійся изъ Петербурга Скобелевъ, только что женившійся, произведенный въ полковники и назначенный флигель-адъютантомъ.

Въ помощь ему, въ качествѣ военнаго топографа, былъ назначенъ подпоручикъ одного изъ туркестанскихъ батальоновъ Рудневъ и для конвоя придано нѣсколько казаковъ. Волею судьбы полковникъ Скобелевъ былъ первымъ и послѣднимъ военнымъ агентомъ, такъ какъ вскорѣ послѣ его прибытія въ Кокандъ жители Ферганы, выведенные изъ терпѣнія жестокостями и чрезмѣрными поборами своего хана Худояра, подняли знамя возстанія, перебили чиновниковъ и осадили ханскій дворець. Худояръ-ханъ за три года управленія истребилъ до 20 тысячъ своихъ подданныхъ, и, кромѣ того, народъ стоналъ подъ тяжестью налоговъ и постоянныхъ поборовъ. Ханъ самъ занимался ростовщичествомъ и, монополизируя нѣкоторые виды торговли, нажилъ отъ своихъ подданныхъ миллионы рублей.

Во главѣ возстанія былъ молодой сынъ Мусульманъ-Кула Абдурахманъ. Онъ объявилъ о низложеніи хана, и на его мѣсто былъ объявленъ ханомъ сынъ Худояра—Насръ-Эддинъ. Самому Худояру, спасая свою жизнь и захваченную казну, пришлось бѣжать въ Россію, и онъ присоединился къ уѣзжавшему русскому военному агентству, что вызвало нападеніе со стороны бунтовщиковъ, желавшихъ захватить, если не самого хана, то хотя забран-

ную имъ казну, и, только благодаря героической храбрости какъ самого Скобелева, такъ и горсти его конвоя, имъ удалось пробиться въ Ходжентъ.

Увлеченные этимъ преслѣдованіемъ, разсерженные неудачами, а равно и гостепріимствомъ, оказаннымъ нашимъ правительствомъ низложенному хану, отдѣльныя шайки коканцевъ не остановились на границѣ, но вторгнулись въ наши предѣлы, гдѣ къ нимъ присоединились всѣ недовольные изъ нашихъ новыхъ подданныхъ сартовъ, и скоро весь Ходжентскій уѣздъ, за исключеніемъ городовъ, гдѣ стояли гарнизоны, оказался во власти шаекъ.

При быстромъ и неожиданномъ нападеніи шайкамъ удалось захватить на ходжентскомъ базарѣ нѣсколько русскихъ женщинъ, на станціи Мурза-рабѣтъ двухъ подпрапорщиковъ Колусовскаго и Эхгольма, ѣхавшихъ, по окончаніи училища, въ полкъ, и всѣхъ этихъ плѣнныхъ отправить въ Кокандъ. Были разграблены всѣ почтовые станціи, сожжены близъ Ходжента стеклянный заводъ Фавицкаго, около селенія Нау ограблены и убиты казначей Васильевъ и докторъ Петровъ, а головы ихъ, вмѣстѣ съ двумя малолѣтними дочерьми доктора, тоже были отправлены, какъ трофей, къ коканскому хану.

Всѣ эти дешевые успѣхи вскружили азіатскія головы. Муллы объявили «хазаватъ», т. е. священную войну противъ христіанъ, и громадныя полчища подъ начальствомъ того же Абдурахмана стягивались къ приграничной крѣпости Махраму.

Все это заставило бывшаго въ то время командующаго войсками генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана 1-го быстро сформировать отрядъ и форсированнымъ маршемъ подступить къ Махраму, гдѣ коканцы были разбиты на голову, а крѣпость взята штурмомъ.

Затѣмъ наши войска продвинулись къ гор. Коканду и въ трехъ верстахъ отъ него стали бивуакомъ противъ Сары-Мазарскихъ воротъ, которыя заняла наша пѣхота.

Ханъ выслалъ въ нашъ отрядъ всѣхъ плѣнныхъ и просилъ мира, впередь соглашаясь на всѣ условія, лишь бы сохранить хотя часть владѣній и свой тронъ.

Пока тянулись переговоры и писались условія мира, намъ, строевымъ офицерамъ, нечего было дѣлать, а сознаніе, что всего за три версты городъ живетъ своею, совершенно своеобразною жизнью, подстрекало любопытство. Хотѣлось взглянуть и на жизнь еще самостоятельнаго деспота, съ его восточною роскошью, гаремами, ужасными казнями и вообще взглянуть на восточную жизнь, еще не тронутую цивилизаціей. Если не воспользоваться этимъ случаемъ, то другой могъ и не повториться. Переговоры могли прерваться во всякое время, Кокандъ быть взятъ, и тогда бы онъ не представлялъ большого интереса, чѣмъ остальные русскія владѣнія въ Средней Азій. Открытыхъ враждебныхъ противъ меня дѣйствій въ непріятель-

скомъ городѣ я не боялся. Сарты отлично сознавали, что это повредило бы перемирію и повлекло бы за собою увеличеніе контрибуціи и другія репрессивныя мѣры, и я отправился къ моему начальнику просить разрѣшить поѣздку. Баронъ Меллеръ прямого разрѣшенія не далъ, но сказалъ, что если я поѣду, то онъ объ этомъ постарается не знать, но предупредилъ, что, кромѣ риска быть пристрѣленнымъ какимъ-либо фанатикомъ, меня могутъ захватить и по распоряженію самого хана, чтобы затѣмъ выдать взамѣнъ части контрибуціи и что тогда я буду преданъ военному суду за дезертирство къ непріятелю. Въ тотъ же день послѣ полудня ханъ ожидался въ лагерь для личныхъ переговоровъ съ Ярымъ-падишахомъ (получаремъ), и Меллеръ совѣтовалъ скорѣе вернуться, на случай, если бы переговоры были прерваны.

Обрадованный такимъ полуразрѣшеніемъ, я долго не собирался. Пригласивъ двухъ товарищей, Норманскаго и Любомирова, и взявъ служившаго у меня джигита въ качествѣ переводчика, мы четверо верхами уже чрезъ полчаса, переѣхавъ чрезъ тройной рядъ рововъ, въѣхали чрезъ ворота въ четырехсаженной стѣнѣ въ непріятельскій городъ.

Кокандъ рѣзко отличался отъ другихъ городовъ Туркестана своими широкими улицами и бульварами. Даже попадались кирпичные дома богатыхъ купцовъ, побывавшихъ въ Россіи, съ окнами прямо на улицу, чрезъ которыя была видна европейская обстановка парадныхъ комнатъ, но скоро намъ пришлось убѣдиться, что цивилизующее вліяніе Европы дальше этихъ оконъ и дверей на улицу не пошло.

На одномъ изъ бульваровъ намъ встрѣтился сартъ, несшій на рукахъ небольшую дѣвочку лѣтъ 8—9. Дѣвочка была очень худа, съ большими грустными черными глазами, одѣтая въ одну длинную рубашку изъ англійской кисеи. Миловидное личико ребенка было немного испорчено слѣдами бывшей коканки (родъ проказы, сильно распространенной между туземцами).

Поравнявшись съ нами, сартъ посадилъ дѣвочку прямо на пыльную дорогу и, что-то крича намъ, сталъ горючливо стягивать съ нея рубашку и такъ какъ это ему не удавалось, то онъ наградилъ ее такимъ ударомъ кулака по головѣ, что бѣдная жертва въ обморочномъ состояніи упала.

Чрезъ переводчика мы узнали, что сартъ только что отобралъ эту дѣвочку за долги отъ какой-то вдовы и предлагалъ намъ купить ее на время нашего пребыванія въ городѣ за пять тилей, т. е. за 20 рублей.

Нашъ джигитъ намочилъ голову дѣвочкѣ, она очнулась и начала плакать. Если кто изъ насъ, желая ее утѣшить, подходилъ къ ней, то она съ крикомъ ужаса убѣгала, бросаясь на шею къ своему мучителю, чрезъ котораго мы подарили ей нѣсколько бре-

локовъ отъ часовъ, и она, утѣшившись, тутъ же стала привѣшивать ихъ къ своимъ волосамъ. Дали нѣсколько рублей и сарту, приказавъ нести ее домой, и старались внушить ему, что онъ можетъ быть ея убійцею, продавая такую еще совершенно не сформировавшуюся дѣвочку и что и Аллахъ караетъ убійць; но чрезъ переводчика получили отвѣтъ, что если она по волѣ Аллаха умретъ — то ему изъянъ будетъ, но что если выживетъ, то ему большой барышъ будетъ!

Послѣ такого отвѣта мы увидѣли, что словами этого торговца живымъ товаромъ не проймешь, а другихъ способовъ въ чужомъ городѣ у насъ не было, и мы, бросивъ его, поѣхали на базаръ.

Въ то время коканскій базаръ былъ самый богатый во всемъ Туркестанѣ.

Тамъ можно было найти все, что производила страна, и, кромѣ того, привозные товары изъ Россіи, Персіи, Англійи и Индіи. На мѣстныхъ издѣлія, напр., ковры, шелковыя ткани, мозаичныя издѣлія изъ бирюзы, каракулевыя халаты и мѣдныя издѣлія чеканной работы цѣны были баснословно дешевыя.

Продвигаясь отъ лавки къ лавкѣ, мы прошли почти весь базаръ и попали въ мясные ряды, гдѣ около одной изъ лавокъ собралась очень волнующаяся и кричащая толпа. Когда мы подъѣхали, толпа разступилась, и мы увидѣли ужасную картину. Посреди грязной, немощенной улицы, въ громадной лужѣ крови валялся трупъ только что зарѣзаннаго молодого сарта. Онъ былъ босъ, почти голый. На немъ ничего не было, кромѣ короткихъ полосатыхъ шароваръ, доходящихъ до колѣна. Голова почти отдѣлилась отъ туловища, держась лишь на хребетномъ столбѣ, руки связаны на спинѣ, лица не было видно, такъ какъ онъ лежалъ, уткнувшись лицомъ въ землю.

Оказалось, что сегодня ханъ уже разбиралъ судныя дѣла и всѣхъ приговоренныхъ къ казни привели на базаръ и заперли въ одну изъ пустыхъ мясныхъ лавокъ, откуда они, а ихъ было 6 человекъ, чрезъ двери и щели въ деревянной стѣнѣ лавки, смотрѣли на казнь и переговаривались съ родственниками, торопясь проститься и передать послѣднія приказанія, пока еще не дошла до нихъ очередь быть зарѣзанными.

Отсутствіе ли женщинъ и дѣтей, или по тупой покорности судьбѣ, по на лицамъ какъ самихъ осужденныхъ, ихъ родственниковъ, такъ и празднои толпы не видно было ужаса; всѣ болтали, кричали, и нѣкоторые даже смѣялись!

Около зарѣзаннаго и уже застывшаго трупа стоялъ высокаго роста и кривой на одинъ глазъ палачъ, одѣтый въ красный ватный халатъ, съ засученными рукавами. Одна изъ рукъ и очень тонкій, немного кривой и длинный ножъ, который онъ держалъ, были запчаканы въ крови. Палачъ изрѣдка лизалъ съ ножа человѣче-

скую кровь и косилъ свой единственный глазъ на публику, желая подмѣтить, какое это производитъ впечатлѣніе. Ему хотѣлось бы возможно болѣе утрашить ее, чтобы она была щедрѣе.

Палачъ опредѣленнаго содержанія и даже поштучной платы, какъ у насъ, не получалъ и жилъ на взятки, получаемыя отъ родныхъ казненныхъ.

У сартовъ головъ не рубили, а людей рѣзали по тому же способу, какъ они рѣжутъ барановъ, т. е. лезвіе очень остраго и тонкаго ножа протыкается съ одной стороны шеи на другую и затѣмъ быстро протягивается впередъ, такъ что если ножъ былъ воткнуть между шейными позвонками и сонными артеріями, то при движеніи ножа впередъ артеріи перерѣзались и получалась огромная рана, и смерть наступала почти мгновенно, но если палачъ былъ недоволенъ подаркомъ, то онъ прорѣзалъ только переднюю часть горла и казненный мучился долгое время, храпя и истекая кровью.

Казнь остальныхъ воровъ была пріостановлена, такъ какъ ихъ родственники и даже сами потерпѣвшіе отправились съ подарками къ хану просить о смятеніи приговора и скоро пріѣхалъ придворный, объявивъ, что ханъ замѣнилъ смертную казнь отрубаніемъ пальцевъ лѣвой руки, что откладывается до слѣдующаго дня.

По рассказамъ палача, вору отрубаетъ пальцы тотъ же палачъ, у тѣхъ же мясныхъ лавокъ, пользуясь тѣмъ же топоромъ и тѣмъ же обрубокъ дерева, которые употребляются въ той лавкѣ при рубкѣ бараньяго мяса. Руку, у которой палачъ отрубилъ пальцы или всю кисть (тоже смотря по взяткѣ), сейчасъ же окунаютъ на секунду въ котелокъ съ кипящимъ бараньимъ саломъ и затѣмъ оперированнаго отпускаютъ на всѣ четыре стороны.

Въ кипящее сало опускаютъ изуродованную руку не съ цѣлью увеличить боль и страданія казнимаго, но для предупрежденія гангрены, и, по ихъ словамъ, послѣ такого варварскаго леченія, рука заживаетъ быстро и безъ особаго леченія.

Казни же знатныхъ лицъ, особенно важныхъ преступниковъ, или посаженіе на колъ всегда обставлялись особой торжественностью и производились на дворцовой площади.

Для посаженія на колъ приговореннаго привязывали къ арбѣ, перегнувъ его пополамъ, а къ другой арбѣ, такой же самой высоты, привязывался длинный, толщиною въ двѣ руки, заостренный колъ, и эту арбу шесть человекъ накатывали на преступника, а палачъ направлялъ остріе кола, который сразу влѣзалъ на полъ-аршина въ тѣло казнимаго, при чемъ послѣдній послѣ короткаго крика впадалъ въ безпамятство, тогда его и колъ, въ него всаженный, отвязывали отъ обѣихъ арбъ, колъ поднимали и вставляли его толстымъ, тупымъ концомъ въ яму и укрѣпляли въ вертикальномъ положеніи.

Черезъ нѣкоторое время сознание возвращалось, казненный кричалъ, конвульсивно шевелился и тѣмъ помогаль колу еще глубже войти въ его тѣло, и такъ повторялось до тѣхъ поръ, пока колъ не повреждалъ какихъ-либо важныхъ внутреннихъ органовъ, или казненный не исходилъ кровью.

Тутъ такъ же, какъ и въ описанныхъ выше казняхъ, все зависѣло отъ ловкости палача, т. е. отъ полученнаго имъ подкупа. При желаніи подолѣе помучить колъ направлялся не прямо по направленію къ желудку, а въ бокъ и онъ ушрался въ ребра, и тогда казненный могъ жить, сидя на колѣ, болѣе сутокъ.

Когда Скобелевъ вступилъ въ Маргеллагъ, то на площади еще валялись тѣла русскихъ плѣнныхъ, которыхъ наканунѣ Пулатъ-ханъ посадилъ на колы, при чемъ тѣла рядовыхъ казаковъ уже совершенно окостенѣли, тѣло же поручика Святополкъ-Мирскаго было еще тепло. Видимо, онъ скончался много позже остальныхъ казненныхъ.

Описанный базаръ прилегалъ къ дворцовой площади, на которой полукругомъ стояли нѣсколько десятковъ орудій, изъ которыхъ не было и двухъ одинаковыхъ. Изъ большинства этихъ пушекъ никогда не стрѣляли. И небезопасно, да и нѣтъ ядеръ подходящаго калибра, но все же это были пушки, которыхъ не было у мелкихъ бековъ, и это придавало особый блескъ и хану, и его войску. Когда же эти пушки попадались русскимъ войскамъ, то начальниковъ тѣхъ частей, согласно статуту, представляли къ Георгію, а затѣмъ само орудіе, какъ уже окончательно использованное, бросалось въ первомъ же русскомъ укрѣпленіи, тѣмъ болѣе, что оно было чугунное и, какъ ломъ, не представляло никакой цѣнности.

Самый дворецъ хана стоялъ на небольшомъ холмѣ, бока котораго были вертикально срѣзаны и облицованы камнемъ. Стѣны дворца всѣ облицованы разноцвѣтнымъ кафелемъ съ преобладаніемъ зеленаго и желтаго цвѣтовъ. Изъ этихъ кафелей на стѣнахъ получалась красивая узорчатая ткань съ изображеніемъ льва надъ воротами и арабскими надписями и арабесками на стѣнахъ, такъ что видъ дворца былъ красивъ, несмотря на отсутствіе оконъ. Дворецъ окружался тремя стѣнами, въ пространствѣ между которыми были построены сакли для придворнаго штата и казармы для солдатъ. Въ каждой стѣнѣ было лишь по однимъ воротамъ, всегда занятымъ сильнымъ карауломъ. Благодаря небольшому «бешкешу» (взяткѣ), начальникъ караула первыхъ воротъ взялся выхлопотать намъ аудіенцію у хана, но во вторыхъ воротахъ съ насъ вновь взяли бешкешъ и пропустили только до третьихъ и лишь тамъ къ намъ вышелъ уданчи, т. е. церемоніймейстеръ, сейчасъ же попросившій бешкешъ, и, удовольствовавшись нѣсколькими рублями, пошелъ съ докладомъ къ хану.

Через полчаса насъ позвали во дворецъ, потребовавъ, чтобы мы сняли оружiе и оставили его въ караулѣ; но мы наотрѣзъ отказались, заявивъ, что по нашимъ обычаямъ было бы оскорбленiемъ для хана, если бы мы осмѣлились явиться къ нему безъ оружiя и что мы скорѣе откажемся отъ аудiенци, чѣмъ рѣшимся на такой поступокъ, и намъ разрѣшили, вынуть револьверы изъ кобуръ, спрятать ихъ въ голенища нашихъ сапогъ.

Приемъ былъ во внутреннемъ дворѣ, обнесенномъ со всѣхъ четырехъ сторонъ крытою галереєю, середина же двора была безъ крыши и на половину занята бассейномъ. Полъ галереи былъ выше пола двора на аршинъ, и на положенномъ на полу бархатномъ тюфякѣ, набитомъ ватою, сидѣлъ, поджавъ по восточному ноги, ханъ Насръ-Эддинъ, одѣтый въ пунцовый бархатный, шитый золотомъ халатъ, съ бѣлою изъ англiйской кисеи чалмою на головѣ, которая отгнѣяла его молодое, красивое, смуглое лицо съ небольшою черною бородою.

Придворные и министры находились подъ навѣсами другихъ трехъ галерей и сидѣли на простыхъ камышевыхъ цыновкахъ и только одинъ ближайшiй ханскiй совѣтчикъ мулла Исса-Аулие (впослѣдствiи высланный въ Россiю) сидѣлъ на небольшомъ коврикѣ. Когда ханъ обращался къ кому-либо изъ нихъ, то тотъ раньше, чѣмъ отвѣтить, проводилъ ладонями рукъ по своему лицу, бородѣ, брался руками за животъ и кланялся въ сторону хана, касаясь лбомъ до выложеннаго кафельными кирпичами пола. Насъ подвели вплотную къ галереѣ, гдѣ сидѣлъ ханъ, и мы пожелали ему «ассалямъ-алейкумъ» (здравiя желаемъ), на что онъ, поблагодаривъ, спросилъ насъ о здоровьи ярымъ-падишаха (полуцаря, генерала Кауфмана) и нашемъ. Незадолго до того прочтенное мною сочиненiе Вамбери помогло мнѣ сказать витiеватую привѣтственную рѣчь въ чисто восточномъ вкусѣ и когда ее переводилъ мой джигитъ, то ханъ все повторялъ слово «хощъ», выражая тѣмъ свое удовольствiе, но въ концѣ рѣчи я упомянулъ о его гуманности и отмѣнилъ въ тотъ день смертныхъ казней и выразилъ надежду, что скоро смертные приговоры будутъ въ видѣ исключенiй, воры не будутъ калѣчиться, а заключаться въ тюрьмы; но ханъ сказалъ, что онъ очень сожалѣеть, что мы опоздали и не видѣли, какъ онъ въ то утро кормилъ преступникомъ двухъ огромныхъ сомовъ, живущихъ въ садовомъ прудѣ. Каждый четвергъ одного изъ приговоренныхъ къ казни съ полусвязанными ногами бросаютъ въ прудъ съ отвѣсными берегами противъ стеклянной галереи ханскаго гарема. Брошенный старается переплыть и вылѣзть на противоположный берегъ бассейна, гдѣ нѣтъ стражи, но и опытные сомы не дремлютъ и хватаютъ за голыя ноги осужденнаго, стараясь втянуть его въ глубь. Несчастный, которому общана жизнь, если онъ выберется на берегъ, отбивается отъ этихъ прожорливыхъ рыбъ, имѣя

свободными лишь руки, а на эту борьбу, оканчивающуюся всегда побѣдою рыбь, съ хохотомъ любятъ ханъ и его гаремъ.

Когда позже Кокандъ былъ взятъ русскими, то одинъ изъ сомовъ еще былъ живъ, и разъ рядовой 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго батальона, полоща въ томъ прудѣ рубаху, былъ схваченъ за руку подкравшимся сомомъ, о которомъ не знали или забыли. Къ счастью, солдатикъ отдѣлался сильнымъ пораненіемъ пальца о зубы рыбы. Сейчасъ же выпустили воду изъ бассейна и на днѣ, между человѣческими костями, лежалъ толстый сомъ около сажени длиною. Его убили, а мясо, по распоряженію командира стрѣлковой бригады, роздали на ротныя кухни, но, понятно, этой ухи никто не ѣлъ, и послѣ отсылки пробныхъ процій начальству ее вылиди изъ котловъ.

Послѣ разказа хана о только что бывшей его забавѣ съ сомами у меня пропала всякая охота продолжать аудіенцію, мнѣ захотѣлось поскорѣе выбратъся изъ дворца, и я просилъ хана разрѣшить осмотрѣть дворецъ и садъ. Ханъ былъ въ хорошемъ расположеніи и сейчасъ же приказалъ своему церемоніймейстеру все намъ показать, угостить традиціоннымъ пловомъ и одарить, согласно обычаю, халатами; но въ это время одинъ изъ моихъ товарищей, поручикъ Любомировъ, вставилъ и свою просьбу—разрѣшить намъ осмотрѣть ханскихъ лошадей. Ханъ сразу нахмурился и, видимо, сердясь, сталъ почти кричать, что будто бы всѣ лучшія лошади отца во время его бѣгства попали въ руки русскимъ, а своихъ лошадей онъ отправилъ внутрь ханства, и мы ихъ не получимъ и никогда не увидимъ. Вѣроятно, ханъ, по своей азіатской подозрительности, подумалъ, что цѣлью нашей поѣздки было выглядѣть, какія у него лошади и гдѣ стоятъ, чтобы затѣмъ легче было ихъ захватить. Разубѣдить его въ этомъ было нельзя, такъ какъ онъ сразу объявилъ объ окончаніи аудіенціи и что онъ сейчасъ же ѣдетъ въ лагерь для продолженія переговоровъ съ Кауфманомъ о мирѣ.

Церемоніймейстеръ, не показывая залъ дворца, повелъ насъ чрезъ особый немощный дворикъ, гдѣ каждое утро ханъ любитъся на драку собакъ и бои куропатокъ и перепеловъ. Къ этому двору прилегалъ садъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ толстою глинобитною стѣною въ нѣсколько сажень высоту. Садъ былъ очень хорошъ; кромѣ мѣстныхъ растеній, въ саду были растенія южнаго Китая и Индіи, а подъ высокимъ навѣсомъ для защиты отъ солнца росло нѣсколько штукъ чахлахъ сосенъ и елей. Но всѣмъ этимъ мы могли любоваться, лишь стоя на одномъ мѣстѣ, а вглубь сада насъ не пустили, такъ какъ въ то время тамъ гуляли дамы и мальчики (батчи) гарема, и мы стали прощаться, торопясь уѣхать въ лагерь ранѣе хана; но придворные требовали, чтобы мы вернулись во дворецъ, гдѣ, по ихъ словамъ, было уже готово угощеніе и пловъ. Боясь, чтобы насъ не окормили соннымъ порошкомъ, что часто

практиковалось не только съ отдѣльными личностями, но и съ цѣлыми посольствами сосѣднихъ ханствъ, мы наотрѣзъ отказались отъ плова, хотя и знали, что таковой отказъ считается у сартовъ большимъ невѣжествомъ. Уступивъ наконецъ нашимъ просьбамъ, насъ проводили къ выходнымъ воротамъ, гдѣ три придворныхъ служителя ожидали насъ съ ханскими подарками. Каждому изъ насъ предназначалось по 9 халатовъ. При нашемъ приближеніи всѣ 27 халатовъ были разложены для обзрѣнія ихъ, и они пестрѣли всѣми цвѣтами радуги. Два-три были парчевые, но на ситцевой подкладкѣ, большинство же изъ матеріи изъ сырого шелка пополамъ съ бумагой, изъ каковой обыкновенно дѣлаются сартовскіе халаты, такъ какъ Магометъ, желая отвратить правовѣрныхъ отъ роскоши, запретилъ мужчинамъ носить чисто шелковыя ткани. Мы поблагодарили за подарки, но принять ихъ отказались, ссылаясь на то, что, будучи верхами, мы не въ состояніи были ихъ взять съ собою, а главное, не предвидя ихъ, мы не имѣли съ собою вещей, которыми могли бы, согласно обычаю, отдарить придворныхъ отъ себя, взаимѣ этихъ халатовъ. Церемоніймейстеръ, видимо, обрадовался нашему отказу и сердечно простился съ нами. Вѣсть, что у хана въ гостяхъ три русскіихъ офицера, собрала на дворцовой площади тысячную толпу, чрезъ которую удалось проѣхать лишь бросая мелкія монеты, за которыми толпа, давя другъ друга, бросалась въ стороны, освобождая намъ путь.

Вернувшись въ лагерь, мы застали уже тамъ хана, который, видимо, проговорился о нашемъ къ нему визитѣ; но все кончилось тѣмъ, что вечеромъ былъ полученъ приказъ полевого штаба, строго воспрецававшій поѣздки въ городъ.

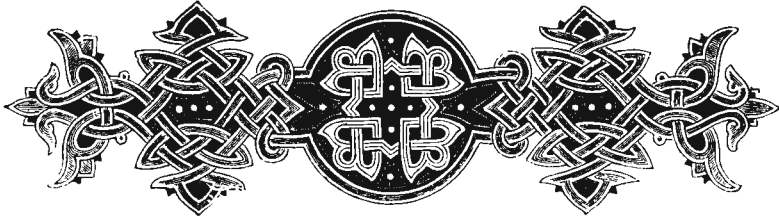
Чрезъ нѣсколько дней миръ былъ заключенъ. Мы присоединяли къ себѣ лишь правый берегъ Сыръ-Дарьи (Наманганскій отдѣлъ), всѣ же земли по лѣвому берегу попрежнему составляли независимое владѣніе хана Насръ-Эддина, и войска наши лишь прошли чрезъ Кокандъ, остановившись на нѣсколько минутъ на дворцовой площади, пока ген. Кауфманъ отдавалъ визитъ хану, во время котораго генераль взобрался и сидѣлъ на ханскомъ тропѣ. Но послѣ ухода нашихъ войскъ Насръ-Эдинъ не сумѣлъ сохранить своего трона. Вскорѣ начались бунты, и ему пришлось, подобно отцу, бѣжать подъ защиту русскіихъ. Ханство было присоединено къ Россіи подъ названіемъ Ферганской области, а ханъ водворенъ въ Россіи. Во время этого бѣгства Насръ-Эдинъ остановился въ Махрамѣ, въ тамошнемъ дворцѣ, ожидая рѣшенія своей участи. Какъ разъ въ то же время я проѣздомъ былъ въ Махрамѣ и зашелъ во дворецъ. Ханъ со свитою, всего изъ трехъ человѣкъ, сидя на полу пустой комнаты, ѣлъ пловъ. Онъ узналъ меня и пригласилъ къ плову. На высказанное мною удивленіе, что примѣръ изгнанія

его отца за жестокости не былъ имъ принять къ свѣдѣнію и онъ продолжалъ тѣ же ужасныя казни, какъ сажаніе на колья, и тѣ же звѣрскія забавы, какъ кормленіе огромныхъ сомовъ живыми людьми, Насръ-Эддинъ философски отвѣтилъ, что если онъ такъ дѣлалъ, то, слѣдовательно, этого хотѣлъ Аллахъ, такъ какъ на все воля Аллаха и противъ предопредѣленія человѣкъ идти не можетъ. Послѣ этого свиданія я болѣе съ Насръ-Эдиномъ уже не встрѣчался.

К. К. Трионовъ.

ОДИНЪ ИЗЪ ПОЧИТАТЕЛЕЙ СВ. ТИХОНА ЗАДОНСКАГО.

ВЕРЕЗЪ три года послѣ кончины свят. Тихона († 13-го августа 1783 г.) его ближайшій другъ, схимонахъ Митрофанъ, сообщилъ людямъ, хранившимъ благоговѣйную память о задонскомъ подвижникѣ, что ему явился въ сновидѣнїи свят. Тихонъ и сказалъ: «Отецъ Митрофанъ, хочеть меня Всемогущїй Богъ прославить»¹⁾. Другой, столь же близкій къ святителю человекъ, елецкій житель Козьма Игнатьевичъ Студениковъ, еще при жизни свят. Тихона передавалъ воспоминанїя изъ своихъ дѣтскихъ годовъ о задонскомъ архимандритѣ Варсонофїи (1751—1758 гг.), который обмиралъ и въ безпамятствѣ, будто бы, слышалъ голосъ: «Здѣшнее мѣсто будетъ прославлено нѣкимъ угодникомъ Божиимъ»²⁾.

Наконецъ, воронежскїй епископъ Тихонъ III, второй преемникъ святителя по кафедрѣ и также весьма расположенный къ нему, въ надгробномъ словѣ прямо именовалъ почившаго «святѣмъ мужемъ»³⁾. Всѣ эти факты ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что среди близкихъ къ свят. Тихону лицъ сейчасъ же послѣ его кончины жила твердая увѣренность въ его несомнѣнной святости и скоромъ прославленїи. Изъ тѣснаго кружка друзей и приближенныхъ эта вѣра быстро стала распространяться между прїѣзжими

¹⁾ Жизнь св. Тихона Задонскаго (По запискамъ его келейника В. Чеботарева. въ полной редакціи). Тамбов. Епарх. Вѣдом., 1851 г., № 24, стр. 562.

²⁾ Записки келейника свят. Тихона—Иоанна Ефимова, напечат. въ прибавленїи къ творенїямъ святителя (изд. 1898 г.); ср. «Тамб. Епарх. Вѣдом.», № 20, стр. 464.

³⁾ *Прот. А. Лебедевъ*. Свят. Тихонъ Задонскїй, его жизнь, писанїя и прославленїе, Изд. 2. Спб. 1890 г., стр. 182.

монастырскими богомольцами, вмѣстѣ съ разказами вообще о жизни и подвигахъ св. Тихона. «Съ того времени,—говоритъ одинъ свидѣтель разказа схимонаха Митрофана,—потекъ отъ всѣхъ мѣстъ народъ для поклоненія и начали служить панихиды (при гробѣ святителя)»¹⁾. До чего было сильно убѣжденіе въ святости и нетлѣннй мощей св. Тихона въ самые первые годы послѣ его кончины,—объ этомъ краснорѣчиво говоритъ примѣръ одного забытаго почитателя св. Тихона, отставнаго прапорщика Якова Машонова, которому пришлось даже много пострадать за свое благоговѣніе къ памяти задонскаго святителя. Къ сожалѣнію, о личности Машонова до настоящаго времени сохранились только обрывки свѣдѣній. Но и то, что уцѣлѣло, не лишено интереса для исторіи прославленія св. Тихона Задонскаго.

Откуда былъ родомъ Машоновъ или гдѣ было его коренное мѣсто жительства,—опредѣленно неизвѣстно. Но изъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о немъ²⁾ можно съ вѣроятностью заключить, что Машоновъ жилъ скорѣе всего въ Тамбовской губерніи, гдѣ-нибудь въ близкомъ сосѣдствѣ съ Задонскомъ, такъ что могъ здѣсь лично бывать у свят. Тихона, и изъ этихъ личныхъ встрѣчъ онъ и вынесъ чувство искренняго благоговѣнія къ святителю. Извѣстность Машонова начинается съ того, что въ 1788 г., т. е. чрезъ пять лѣтъ со дня кончины св. Тихона, Машоновъ имѣлъ видѣніе, послѣ котораго онъ заказалъ написать «образъ святаго Тихона епископа, новаго чудотворца задонскаго». Называя недавно почившаго подвижника святымъ и чудотворцемъ, Машоновъ желалъ, чтобы это открыто и всенародно было признано и церковною властью. Поэтому въ 1795 году онъ подалъ прошеніе петербургскому митрополиту Гавріилу. Въ прошеніи этомъ Машоновъ сообщалъ, что ему было особое откровеніе касательно прославленія св. Тихона, что мощи послѣдняго нетлѣнны и что онъ, Машоновъ, готовъ отвѣчать за это по всей строгости законовъ, если такое заявленіе оказалось бы несправедливымъ. Митрополитъ Гавріилъ лично зналъ св. Тихона и уважалъ его³⁾. Но въ данномъ вопросѣ митрополитъ, безъ сомнѣнія, долженъ былъ руководствоваться обычной практикой въ дѣлѣ канонизаціи святыхъ, по которой прославленіе угодника по возможности отдалается отъ времени его кончины, когда еще живы бываютъ близкіе родственники почившаго и когда воспоминанія о немъ слишкомъ еще привязаны къ живой дѣйствительности, не свободны отъ личныхъ пристрастій, корыстныхъ расчетовъ и т. п. Самое же главное въ вопросѣ объ общецерковномъ

¹⁾ «Тамб. Епарх. Вѣдом.», 1861 г., № 24, стр. 562.

²⁾ Объ этомъ лично слышалъ отъ митрополита келейникъ Ефимовъ (записки В. Чеботарева).

³⁾ Именно изъ того факта, что Машоновъ судился въ нѣсколькихъ присутственныхъ мѣстахъ Тамбовскаго края.

признаніи святого—это достаточное количество случаевъ его чудесной помощи, вполнѣ удостовѣренныхъ путемъ особаго разслѣдованія по порученію высшей церковной власти. Такъ какъ Машоновъ въ своемъ заявленіи со всѣми этими условіями совершенно не считался, то никакого отвѣта на его просьбу отъ митрополита Гавріила не послѣдовало. Тогда Машоновъ рѣшилъ перенести дѣло на судъ свѣтской власти. Въ 1798 году онъ обратился къ императору Павлу I съ просьбой объ открытіи мощей св. Тихона. Возникла длинная переписка, и для Машонова настали дни испытаній. Отъ государя прошеніе было передано въ св. синодъ, а оттуда—въ тамбовскую консисторію, которая поручила одному благочинному произвести разслѣдованіе о Машоновѣ и его самовольномъ почитаніи епископа Тихона за святого. Слѣдователь обнаружилъ, что Машоновъ не только имѣетъ у себя упомянутый выше образъ св. Тихона, но и этому образу поклоняется и справляетъ новому чудотворцу святительскую службу по общей минеѣ. Такъ какъ этимъ допросомъ затрогивалось самое святое для Машонова чувство, то у него со слѣдователемъ произошло рѣзкое столкновеніе. «Для чего чинишь сіе?» спросилъ благочинный у Машонова.—«Ни ты, ни архіерей Теофілъ (тамбовскій) мнѣ не указъ; знаю, что дѣлаю»... Видя такое упорство, благочинный сдѣлалъ попытку силой отобрать у Машонова чтимый имъ образъ. Но Машоновъ былъ такъ возмущенъ, что взявъ столовый ножъ и обратилъ благочиннаго въ бѣгство... Само собою понятно, что консисторія не могла снисходительно отнестись къ самовольному прославленію еще не признаннаго церковью подвижника и не имѣла охоты входить въ разборъ тѣхъ мотивовъ, какими руководился Машоновъ въ своихъ настойчивыхъ стремленіяхъ. Для консисторіи сохраняло непреложную силу требованіе Духовнаго регламента—слѣдить за всякими видами религіозныхъ «вымысловъ»: «не дѣлаются ли гдѣ суевѣрія, не проявляетъ ли кто для скверноприбытства ложныхъ чудесъ при иконахъ—и таковыя бездѣлія запретить со угроженіемъ клятвы на противляющихся упрямо; чтобы иконамъ святымъ не вымышлялись ложныя чудеса; чтобы не распространялись иконы, самовольно написанныя безъ свидѣтельства и позволенія». виновные во всемъ этомъ должны подлежать жестокому отвѣту и безошадному штрафованію». «Аще гдѣ проявится нечестивое тѣло или пройдетъ въ слухъ видѣніе сіе или чудотвореніе,—говоритъ регламентъ,—коллегіумъ (духовный) долженствуетъ испытывать тоя истины, призвавъ на розыскъ оныхъ повѣстителей и прочихъ, которые о томъ свидѣтельствовать возмогутъ»¹⁾. Согласно всѣмъ этимъ предписаніямъ, послѣ конси-

¹⁾ Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія. Томъ I (1721 г.). Спб. 1879 г. Духовный регламентъ, ч. II. Дѣла епископовъ, п. 8, стр. 10; ч. III, п. 4, стр. 29.

сторскаго допроса, дорогой для Машонова образъ св. Тихона въ 1798 г. былъ вытребованъ въ тамбовское губернское правленіе, а самому ему предложили дать подписку въ томъ, что онъ не будетъ поклоняться такимъ иконамъ, которыя строжайше воспрещены Духовнымъ регламентомъ ¹⁾. Подписки этой Машоновъ не далъ и былъ переданъ духовною властью въ распоряженіе борисоглѣбскаго уѣзднаго суда. Здѣсь на предложенные ему вопросы обвиняемый далъ рѣшительный отвѣтъ: «По симъ вопросамъ пунктамъ я не долженъ ни на что отвѣчать, пока св. правительствующій синодъ не учинитъ законнаго слѣдствія о неглѣбныхъ мощахъ на поданное отъ меня прошеніе Его Императорскому Величеству прошлаго 798 года іюня 25 о откровеніи мощей святаго епископа Тихона Задонскаго». Изъ Борисоглѣбска дѣло Машонова перешло «на ревизію» въ тамбовскую палату суда и расправы. Послѣдняя, за отказъ отъ подписки, 12 мая 1800 года сдѣлала постановленіе «о заключеніи на неопредѣленное время въ монастырь отставнаго прапорщика Якова Машонова за отказъ его дать подписку въ томъ, чтобы не отправлялъ святительской службы покойному епископу задонскому Тихону и не поклонялся его образу... Дабы впредь (Машоновъ) чинить поклоненія образу епископа Тихона и отправленія службы святительской отнюдь не дерзалъ, да и не могъ разглашать простому народу, отослать его, яко ослѣпленнаго, къ тамбовскому епископу для опредѣленія въ какой-либо, по разсмотрѣнію его, монастырь на неопредѣленное время, гдѣ быть ему до тѣхъ поръ, покуда онъ отъ таковаго своего предразсудка освободится». По этой резолюціи Машоновъ былъ отправленъ въ Козловскій Троицкій монастырь на работы ²⁾. Свое рѣшеніе тамбовская палата сообщила государю. Но на престолѣ съ 12 марта 1801 года былъ уже кроткій Александръ I, который 23 ноября далъ повелѣніе немедленно освободить Машонова изъ заключенія. Однако и эта царская милость, какъ ранѣе и «жестокія штрафованія» регламента не сломили упорства Машонова. Въ 1803 г. онъ вновь подавалъ прошеніе Александру I. Одинъ изъ жизнеописателей св. Тихона, извѣстный Ник. Вас. Елагинъ, вѣроятно, имѣвшій въ рукахъ полный текстъ самыхъ прошеній Машонова, говорить, что «въ разновременныхъ показаніяхъ его усматривалось нѣкоторое несогласіе, и потому дальнѣйшія бумаги Машонова остались безъ всякаго движенія» ³⁾. Пламенное желаніе Машо-

¹⁾ *И. Дубасовъ*. Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Вып. III. Москва. 1884. Стр. 149. Передавая кратко о допросѣ Машонова у коненсторскаго слѣдователя, г. Дубасовъ, къ сожалѣнію, не указываетъ, изъ какого именно документа имъ заимствованы эти свѣдѣнія.

²⁾ Эта переписка тамбовскихъ присутственныхъ мѣстъ о Машоновѣ напечатана въ статьѣ *И. И. Лискарева*: «Св. Тихонъ I, епископъ Воронежскій (эпизодъ изъ исторіи его прославленія)». — «Тамб. Епарх. Вѣдом.», 1878 г., № 15, стр. 433—446.

³⁾ Житіе св. Тихона. Изд. 10, Спб. 1893 г., часть II, стр. 6.

нова, за которое ему пришлось потерпѣть, осуществилось много лѣтъ спустя послѣ его видѣній и настойчивыхъ просьбъ. И когда наступило время торжественнаго прославленія задонскаго святителя, наша высшая церковная власть помянула добрымъ словомъ того упрямаго чудака, который добивался открытія мощей почти три четверти вѣка тому назадъ. Въ указѣ св. синода объ открытіи мощей св. Тихона, отъ 21 іюня 1861 года, есть, между прочимъ, такія строки: «Еще въ концѣ прошедшаго столѣтія таковое упованіе (что св. Тихонъ причтенъ къ лику святыхъ) выражено было въ прошеніяхъ, поступавшихъ на Высочайшее имя и въ св. синодъ; но тогда не наступилъ еще предустановленный отъ Господа часъ прославленія святителя: знаменія воли Божіей о семъ были впослѣдствіи» ¹⁾. Изъ этихъ словъ синодальнаго указа, между прочимъ, можно заключать, что подлинныя прошенія Машонова хранятся (или, по крайней мѣрѣ, хранились до 1861 года) въ архивѣ св. синода, гдѣ могъ ихъ читать и Н. В. Елагинъ, который, по его словамъ, при составленіи біографіи свят. Тихона, «пересмотрѣлъ въ синодальномъ архивѣ дѣла, касающіяся святителя, и заимствовалъ отсюда нѣсколько важныхъ и замѣчательныхъ свѣдѣній» ²⁾.

Тому же г. Елагину мы обязаны сохраненіемъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ Машонова. «Послѣдніе годы жизни Машоновъ,— пишетъ г. Елагинъ,—жилъ въ Задонскѣ, въ домѣ мѣщанина Добычина, отличался благочестіемъ и юродствомъ Христа ради. Послѣ его смерти икона (св. Тихона) находилась у означеннаго Добычина, человѣка благочестиваго и нищелюбиваго. Отъ него образъ перенесенъ въ домъ извѣстной въ Задонскѣ христіанскими подвигами старицы Матроны Наумовны, окончившей жизнь въ 1853 году и погребенной за богоугодную жизнь въ усыпальницѣ Задонской обители, гдѣ покоятся строгіе подвижники. Съ того времени и доселѣ ³⁾ икона пребываетъ въ страннопріимномъ домѣ, устроенномъ Матроною Наумовною въ Задонскѣ. Предъ открытіемъ св. мощей она объявлена старицею сего дома Евдокією, которая сказала, что молитея сей иконѣ сорокъ лѣтъ» ⁴⁾. Изъ этого сообщенія видно, что икона Машонова до 1861 г. сохранялась въ томъ страннопріимномъ домѣ, который существуетъ и теперь и находится въ завѣдываніи мужскаго Богородицкаго монастыря (на сѣверной сторонѣ отъ него). Но съ 1860 г., по завѣщанію той же Матроны Наумовны, въ Задонскѣ возникла особая Тихоновская община сестеръ мило-

¹⁾ Краткое описаніе житія св. Тихона. Москва, 1892 г., стр. 80.

²⁾ Житіе св. Тихона, ч. I, стр. 4.

³⁾ Разумѣются шестидесятые годы, когда вышли первыя изданія составленнаго Елагинымъ «Житія св. Тихона».

⁴⁾ Житіе св. Тихона, ч. II, стр. 6—7.

Образъ св. Тихона Задонскаго, написанный въ 1788 г. прапорщикомъ Машоновымъ по особому «видѣнiю».

сердцѣ (также съ главною задачею страннопримства), которая съ 1889 года сдѣлалась женскимъ Скорбященскимъ монастыремъ. Въ эту обитель, вмѣстѣ съ какою-нибудь старицею, и перешла икона Машонова. Въ настоящее время она находится въ церковно-приходской школѣ монастыря, въ томъ самомъ зданiи, которое въ первые годы существованiя общины было страннопримнымъ домомъ. Такимъ образомъ, несмотря на опасность всякихъ отобранiй

«истор. вѣстн.», июль, 1910 г., т. сxxi. 10

и арестовъ, икона Машонова заботливыми руками цѣлаго ряда почитателей св. Тихона не только благополучно сохранилась до того дня, когда можно было уже открыто назвать «новаго чудотворца Задонскаго», но сбережена и до настоящаго времени; такъ что ея существованію теперь уже насчитывается 120 лѣтъ.

Помимо своей разнообразной судьбы, икона Машонова интересна, какъ первый опытъ иконнаго изображенія св. Тихона и изображенія вполне свободнаго. Художникъ не имѣлъ еще предъ собой традиціи, заранѣе установленнаго подлинника, а долженъ былъ руководствоваться въ своей работѣ замысломъ и указаніями Машонова. Интересенъ также вопросъ о томъ, насколько иконописецъ въ своемъ изображеніи св. Тихона справлялся съ дѣйствительностью въ ликѣ и фигурѣ самого угодника, въ подробностяхъ его облаченія и во всей прочей обстановкѣ. Не лишнимъ будетъ, поэтому, дать болѣе подробное описаніе иконы. На доскѣ, въ 8¹/₄—7 вершк., изображенъ св. Тихонъ въ фелони, митрѣ и омофорѣ. Въ подобномъ облаченіи святитель на покоѣ иногда служилъ молебны и пріобщался св. таинъ ¹⁾. Фелонь и митра на святителѣ темнозеленаго цвѣта, а подризникъ, омофоръ и поручи—красножелтаго. На фелони бѣлые цвѣты—ирисы или лиліи, на омофорѣ—золотое шитье по краямъ, а внизу—длинная бахрома. При освидѣтельствованіи въ 1846 г. мощей свят. Тихона, было подробно описано найденное на немъ облаченіе ²⁾, и въ этомъ описаніи, между прочимъ, значится: «На святителѣ Тихонѣ подризникъ грезету рудожелтаго цвѣта съ травочками, съ окладомъ на подолѣ въ два ряда золотой сѣтки...; омофоръ, парчи ранжеваго цвѣта съ серебряными травочками, обложенъ по бокамъ золотымъ узкимъ позументомъ, у концовъ кисти золото-шелковыя, кресты на немъ шиты золотомъ, на которыхъ серебряные позлащенные репейки съ вставками разныхъ камней, мѣстами украшенъ половинчатымъ и мелкимъ круглымъ жемчугомъ; поручи фіолетовой матеріи, шиты серебромъ...; митра, бархата цунцоваго цвѣта, на ней четыре серебряныя позлащенные клейма чеканной работы, съ изображеніемъ четырехъ святителей московскихъ; полосы на ней, кресты и разной величины 16 звѣздъ, украшены разными камнями, половинчатымъ крупнымъ и круглымъ мелкимъ жемчугомъ и серебряными насыпными репейками, а вмѣсто опушки обложена серебрянымъ газомъ, а верхъ сей митры кончается восемью разноцвѣтными меньшими и однимъ большимъ фіолетоваго цвѣта кам-

¹⁾ Записки келейника Ив. Ефимова.

²⁾ Самъ св. Тихонъ завѣщалъ похоронить его въ маломъ архіерейскомъ облаченіи: «надѣть архіерейскую мантию и на плеча малой мой омофорець, и панагію надѣть, а на голову новую камилавку съ клобукомъ»... Но епископъ Тихонъ III приказалъ доставить изъ Воронежа полное архіерейское облаченіе, въ которомъ и былъ положенъ почившій святитель (*Елагинъ. Житіе св. Тихона*, ч. I, стр. 121—122).

нями»¹⁾. Этотъ отрывокъ даетъ право сказать, что на иконѣ Машонова довольно близко воспроизведены нѣкоторыя части того облаченія, въ какомъ былъ похороненъ св. Тихонъ. Вѣроятно, художникъ или самъ былъ очевидцемъ этого погребенія, или пользовался при работѣ какою-нибудь подробною записью о немъ. Только митра на иконѣ изображена цвѣта темно-зеленаго, съ синими финифтяными образками на ней, а въ описаніи она значится пунцоваго цвѣта. Эта неточность на иконѣ Машонова была замѣчена и исправлена въ позднѣйшей копіи съ нея, сдѣланной другимъ художникомъ, безъ сомнѣнія, уже послѣ открытія мощей святителя Тихона²⁾, и находящейся теперь въ теплой церкви Скорбященскаго монастыря. Изъ другихъ подробностей одежды свят. Тихона на иконѣ Машонова обращаютъ на себя вниманіе красноватая туфли на ногахъ, поверхъ сѣрыхъ чулокъ. Туфли нарисованы съ небольшими каблучками и напоминаютъ тѣ «коты», въ какихъ ходилъ св. Тихонъ въ Задонскѣ. «Обувался онъ въ коты,— говоритъ келейникъ Чеботаревъ,—и чулки толстые шерстяные, кои подвязывалъ ремнями, а двѣ зимы въ лаптяхъ ходилъ, но только въ келліи, и скажетъ: «Вотъ какъ покойно погамъ въ лаптяхъ ходить»; когда жъ къ обѣднѣ итти ему или гости придуть, то онья снималъ съ себя и обувался въ коты»³⁾. Лицо св. Тихона на иконѣ не похоже ни на обычный иконный типъ его, ни на извѣстныя портретныя изображенія: черты лица крушиѣ, волосы на головѣ и въ бородѣ гуще и пышнѣе, лицо вообще болѣе полное. Но нельзя не отмѣтить сходства внѣшняго вида святит. Тихона на иконѣ Машонова съ тѣмъ описаніемъ, которое дано Евгеніемъ Болховитиновымъ въ первомъ изданіи его біографіи свят. Тихона (1796 г.) со словъ келейника Ив. Ефимова. «Святитель Тихонъ,—читаемъ здѣсь,—былъ роста средняго, тѣломъ довольно пологъ, лицо имѣлъ бѣлое, круглое и чистое; до самой смерти на немъ не было морщинъ... Глаза у него были большіе, каріе, взглядъ веселый, лобъ большой, открытый; волосы на головѣ большіе, кудрявые, темно-орѣховаго цвѣта, съ просѣдью, борода большая, окладистая и болѣе волосъ сѣдыхъ; руки полныя и чистыя»⁴⁾. Подобное же передается и въ запискахъ Чеботарева. Отсюда можно заключить, что и художникъ, писавшій для Машонова, также изображалъ внѣшность святителя по сообщеніямъ близкихъ къ нему людей или даже по своимъ личнымъ воспоминаніямъ. Руки святителя Тихона

¹⁾ *Н. Елагинъ. Житіе св. Тихона, ч. II, стр. 42—43.*

²⁾ Послѣ открытія мощей митра, въ которой погребенъ былъ св. Тихонъ, вмѣстѣ съ его мантией, хранится въ особомъ кіотѣ около раки.

³⁾ «Тамб. Епарх. Вѣдом.», 1861 г., № 22, стр. 518.—«Коты»—крестьянская обувь, наподобіе башмаковъ, съ высокими передками (Словарь Акад. Наукъ, т. II, изд. 2 (спб. 1867 г.), столб. 443).

⁴⁾ *Елагинъ. Житіе св. Тихона, ч. I, стр. 141.*

молитвенно воздѣты предъ иконою Владимирской Божіей Матери, лежащею на аналоѣ. Икона эта издавна читалась въ монастырѣ, какъ чудотворная. По словамъ одного документа 1783 г., уже въ то время къ ней «многіе притекали съ великою вѣрою». Благоговѣйное почитаніе это раздѣлялось и свят. Тихономъ ¹⁾. Предъ иконою изображенъ подсвѣчникъ съ 7 горящими свѣчами. На допросѣ у духовнаго слѣдователя образъ былъ истолкованъ, вѣроятно, при участіи самого Машонова, какъ «изображеніе св. Тихона Задонскаго, новаго чудотворца, съ распростертыми руками предъ пречистымъ образомъ стоящаго и о всемъ мірѣ молящагося» ²⁾. Если дѣйствительно Машоновъ хотѣлъ въ своей иконѣ высказать эту послѣднюю мысль, то нужно признать, что въ самой композиціи иконы такая мысль никакого замѣтнаго выраженія не нашла. Только семисвѣчникъ можетъ еще до нѣкоторой степени символизировать полноту молитвы и даровъ благодатныхъ (ср. Апокалипсисъ, гл. IV, ст. 5: «И семь свѣтильниковъ огненныхъ горѣли предъ престоломъ, которые суть семь духовъ Божіихъ» ³⁾). Вверху иконы надпись: «Образъ святаго Тихона епископа новаго чудотворца Задонскаго», а внизу обозначено: «Написанъ по первому видѣнію съ повелѣнія его отставнымъ прапорщикомъ Яковомъ (отчество трудно читается: вѣроятно, Титычемъ или Зотычемъ) Мекшеевымъ Машоновъ—1788 года мѣсяца іюля (это слово написано сверху и, видимо, послѣ)... дня». Эта запись, между прочимъ, указываетъ источникъ той настойчивости, съ которою Машоновъ добивался своей цѣли, и той горячности, съ какою онъ отстаивалъ свой образъ. Очевидно, Машоновъ имѣлъ не одно видѣніе и только первое изъ нихъ, вѣроятно, какъ наиболѣе важное и по особому «повелѣнію» св. Тихона, онъ изобразилъ на иконѣ.

Въ шестидесятыхъ годахъ Н. В. Елагинъ отмѣтилъ, что икона Машонова «въ теченіе 73 лѣтъ нисколько не измѣнила свѣжести красокъ». Съ того времени, когда былъ сдѣланъ этотъ отзывъ, прошло еще полстолѣтія, а краски на иконѣ доселѣ отличаются поразительною свѣжестью, кромѣ немногихъ мѣстъ внизу, пострадавшихъ при зажатіи у иконы свѣчей.

На копіи съ иконы лицо св. Тихона иное, и нѣтъ надписи внизу съ упоминаніемъ о Машоновѣ.

С. Н. Введенскій.

¹⁾ Иером. *Геронтій*. Историко-статист. описаніе Задонскаго Богородицкаго монастыря. Изд. 3. Спб. 1893 г., стр. 52.

²⁾ *И. Дубасовъ*. Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края, III, 149.

³⁾ Здѣсь интересно напомнить, что въ с. Савинскомъ, подмосковномъ имѣніи извѣстнаго мистика И. В. Лопухина, былъ поставленъ св. Тихону памятникъ. Въ саду, въ гротѣ, изображена была горящая на высотѣ свѣча—въ означеніе того, какъ сіялъ этотъ святитель чистою и святою любовію къ Богу (*Прот. А. Лебедевъ*. Свят. Тихонъ Задонскій..., стр. 202).

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I ВЪ КУРСКЪ ВЪ 1842 ГОДУ¹⁾.

ВЕСТОГО СЕНТЯБРЯ 1842 года императоръ Николай Павловичъ въ 11 часу вечера прибылъ въ Курскъ при громкомъ радостномъ и самомъ усердномъ крикѣ народа. «Ура!» раздавалось отъ самыхъ воротъ московскихъ до губернаторскаго дома, который находится на другомъ концѣ города. У подъѣзда государя встрѣтили генераль Никитинъ, губернаторъ Устимовичъ, корпусный командиръ Потаповъ со всѣмъ генералитетомъ и прибывшіе въ Курскъ флигель-адъютанты князья Васильчиковъ и Долгоруковъ, Бутурлинъ и свитскій генераль Зась. Государь, выйдя изъ коляски, сказалъ генераламъ: «Здравія желаю, господа», поклонился народу и пошелъ въ домъ. Вся свита сопровождала его до зала, кромѣ Никитина, котораго позвали къ государю во внутреннія комнаты. Послѣ него потребовали корпуснаго командира Потапова, и государь, отдавъ имъ приказъ для слѣдующаго дня, велѣлъ войти губернатору; говорилъ съ нимъ болѣе получаса, разспрашивая о благосостояніи губерніи, о дворянахъ, о удовольствіи, и заключилъ весьма милостивый разговоръ словами:

¹⁾ Эта рукопись найдена въ бумагахъ бывшаго въ то время предсѣдателемъ курской казенной палаты Ивана Яковлевича Телешева и сообщена намъ его внукомъ В. Д. Шамоновымъ.

— Я пробуду у тебя, Устимовичъ, четыре дня и успѣю со всѣми видѣться; завтра въ 9 часовъ буду въ церкви, оттуда поѣду къ войскамъ.

Говоря о губернаторскомъ домѣ, государь сказалъ:

— Ты славно отдѣлалъ домъ. Я былъ здѣсь при Аркадіи Ивановичѣ (бывшій курскій губернаторъ Нелидовъ), домъ былъ изрядный, а потомъ не помню при комъ, онъ былъ скверный.

Слова: «не помню при комъ», всѣ отнесли, что государю не угодно было произнести имя Муравьева, при губернаторствѣ котораго государь былъ въ Курскѣ. Тогда по несправедливости и жестокимъ донесеніямъ Муравьева многіе потерѣли несчастіе, и со временемъ многіе же изъ нихъ самимъ государемъ были оправданы. Въ этотъ вечеръ государь болѣе никого не принималъ, кромѣ прибывшихъ съ нимъ графа Орлова и Адлерберга. Изъ нихъ графъ Орловъ былъ помѣщенъ въ одномъ съ государемъ домѣ, и чрезъ него императоръ отдавалъ разныя приказанія губернатору; Адлерберга квартира была чрезъ улицу, въ домѣ Антоновой.

7-го сентября мы всѣ ожидали императора въ церкви Знаменія Божіей Матери. Его величество прибылъ въ 9 часовъ и, благосклонно поклонясь всѣмъ, молился съ полнымъ благоговѣніемъ, а по окончаніи эктеньи и многолѣтія, приложась ко кресту, который ему подалъ преосвященный, онъ еще прикладывался къ образамъ Спасителя и Богоматери, положеннымъ на аналой по обѣимъ сторонамъ царскихъ дверей. Предъ каждымъ изъ сихъ образовъ государь становясь на колѣно, трижды клалъ земные поклоны—два сначала, а одинъ послѣ, какъ прикладывался. Набожность земного владыки такъ была для меня умилительна, что я въ сіи священные для меня минуты не могъ глядѣть на государя безъ слезъ и въ глубинѣ моего сердца самъ молился Господу, чтобъ это наружное благочестіе царя не было лишь однимъ прекраснымъ примѣромъ для предстоящихъ, но происходило отъ собственнаго благоговѣнія предъ Вседержителемъ.

Изъ церкви государь поѣхалъ къ войскамъ, гдѣ меня не было, но мнѣ сказывали, что, сѣвши на верховую лошадь, императоръ перекрестился и поскакалъ къ корпусу. Ученьемъ былъ не совсѣмъ доволенъ и особенно офицерами, одного изъ нихъ, князя Шаховскаго, приказалъ арестовать, но солдатами былъ очень доволенъ. Къ столу государя были приглашены, кромѣ его свиты: Никитинъ, Потаповъ, Арнольди Монтрезоръ, Купріяновъ, бригадные командиры и губернаторъ. Послѣ обѣда и во весь вечеръ государь никого не принималъ и до 12 часовъ занимался бумагами, привезенными изъ Петербурга. Въ этотъ день предъ обѣдней императоръ принималъ благосклонно депутацію дворянства съ просьбою о балѣ и сказалъ губернскому предводителю Сонцову:

— Я радъ у васъ повеселиться и повеселить корпусъ.

Сія монаршая милость принята была съ восторгомъ послѣ того неблаговоленія, которое императоръ изъявилъ курскому дворянству въ бытность его здѣсь при губернаторѣ Муравьевѣ, который, описаль ему въ самомъ черномъ видѣ всѣхъ чиновниковъ и все дворянство.

8-го сентября, въ 9 часовъ утра было представленіе гражданскихъ чиновниковъ, дворянства и купечества. Государь со всѣми былъ необыкновенно милостивъ и почти съ каждымъ разговаривалъ. Послѣ представленія государь поѣхалъ на маневры, которыми былъ, какъ сказали, чрезвычайно доволенъ. Въ этотъ день у государя былъ обѣдъ на 40 персонъ и все для военныхъ; изъ гражданскихъ же удостоились быть приглашенными лишь губернаторъ и губернской предводитель дворянства. За обѣдомъ государь изволилъ много говорить съ губернскимъ предводителемъ дворянства Сонцовымъ о дворянахъ, сожалѣя, что они молодыми выходятъ изъ службы военной для службы по выборамъ; о хлѣбныхъ запасахъ, приказывая ихъ имѣть въ исправности, о заподрыдахъ вина, въ коихъ желалъ, чтобъ заводчики, соблюдая свои выгоды, не брали слишкомъ много съ казны, и о прочемъ. При разговорѣ съ генераломъ Арнольди о городѣ Саратовѣ государь жалѣлъ, что никакъ не можетъ тамъ его видѣть, и къ этому прибавилъ:

— Мнѣ уже подъ 50 лѣтъ, путешествія для меня дѣлаются тяжелы и Богъ знаетъ, удастся ли мнѣ посмотрѣть еще на моихъ драгунъ.

Императора Александра мы имѣли несчастіе потерять въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ; ужасно помыслить, если и Николая Провидѣніе возьметъ также рано, а потому всѣ эту мысль государя приняли съ особенною грустію. Вечеромъ императоръ одинъ занимался дѣлами.

9-го сентября (день рожденія в. к. Константина Николаевича) государь былъ у обѣдни въ заведеніяхъ приказа общественнаго призрѣнія и службою причта былъ такъ доволенъ, что пожаловалъ священнику перстень, дьякону часы и пѣвчимъ 40 р. сер. По окончаніи обѣдни курскій архіерей, выйдя изъ алтаря, низко поклонился государю и сказалъ:

— Вашему императорскому величеству всеподданнѣйше имѣю счастье донести, что во ввѣренной мнѣ епархіи все благополучно.

Императоръ принялъ благословеніе, поцѣловалъ его руку и ничего не сказалъ, пошелъ осматривать заведенія, которыми очень остался доволенъ. Объ архіереѣ же послѣ сказалъ губернатору:

— Что это какъ по-солдатски онъ мнѣ отрапортовалъ.

Изъ заведеній приказа императоръ поѣхалъ въ гимназію и тамъ чрезвычайно всѣмъ былъ доволенъ, и особенно ловкостію и свѣжестію лицъ дѣтей, съ которыми очень милостиво разговаривалъ. Потомъ поѣхалъ на артиллерійское ученье, которымъ также сс-

вершенно былъ доволенъ. Къ столу были приглашены нѣсколько военныхъ генераловъ и изъ гражданскихъ одинъ губернаторъ. Въ 10 часу вечера государь удостоилъ высочайшимъ присутствіемъ балъ дворянства; танцевалъ польскіе съ женой губернскаго предводителя дворянства, гражданскаго губернатора, генераловъ Энгельгардта и Сталя и флигель-адъютанта Бреверна (онъ же и полковой командиръ). На балѣ государь пробылъ болѣе часа, былъ очень веселъ и даже заставлялъ стараго генерала Потапова танцевать вальсъ.

Тотъ уже взялся за саблю, чтобы снять ее, но государь удержалъ его сказавши:

— Нѣтъ, Потаповъ! Это ужъ не наше дѣло.

Съ государемъ на балѣ между прочими былъ графъ Орловъ, любимецъ его величества и даже самый близкій къ нему изъ всѣхъ царедворцевъ. Многіе замѣтили, что онъ слишкомъ вольно обращался съ императоромъ, разговаривая съ нимъ какъ будто съ равнымъ, онъ шепталъ ему на ухо и со смѣхомъ дѣлалъ разныя государю замѣчанія о балѣ. Мы не можемъ въ провинціяхъ не благоговѣть предъ величіемъ царскимъ, а потому не мудрено, если негодумемъ на того, кто хотя нѣсколько огорчаетъ сіе святое въ русскихъ къ царямъ своимъ чувство. И кто же изъ насъ не долженъ благоговѣть къ императору Николаю: я имѣлъ счастье его видѣть и долго и близко 14 декабря 1825 г. на площади Адмиралтейской и 23-го мая 1826 г. у гроба незабвеннаго Карамзина во дворцѣ Таврическомъ¹⁾; а 23-го іюня 1831 г. какъ великъ онъ былъ на

---

¹⁾ Карамзинъ скончался 22 мая 1826 г. Потерявъ въ немъ единственнаго моего благодѣтеля и сраженный ужасной горестью, я безотлучно былъ въ той комнатѣ, въ которой читался псалтырь надъ тѣломъ покойнаго. На другой день, въ 5 часу послѣ обѣда государь неожиданно для всѣхъ пріѣхалъ поклониться праху его и вошелъ въ эту комнату съ кѣмъ-то ддя меня неизвѣстнымъ. Псаломщикъ остановилъ свое чтеніе, и я былъ въ большомъ затрудненіи: остаться ли мнѣ тутъ же, или выйти, зная, что въ комнату, гдѣ государь, никто безъ дозволенія не входить. Но я рѣшился остаться, боясь своимъ выходомъ обратить на себя непріятное отъ его величества вниманіе. Императоръ, подойдя къ покойному, пристально глядѣлъ на него, и слезы у государя полились струями, но выраженіе лица не измѣнялось. Онъ въ сильномъ волненіи обратился къ пришедшему съ нимъ, взялъ его руку и сталъ что-то говорить. Тотъ въ замѣшательствѣ отъ глубокаго уваженія освобождалъ свою руку изъ руки государя и съ робостью всѣми движеніями показывалъ, что исполнить волю его величества. Такъ три раза относился къ нему государь, а потомъ снова подошелъ къ покойному, снялъ съ лица его кисею и, поцѣловавши голову и руку снова, залился слезами и торопливо вышелъ въ садъ, а не въ ту комнату, изъ которой вошелъ. Въ той же комнатѣ ожидало государя все семейство Карамзина, но прибывшій съ императоромъ, какъ узналъ я послѣ, камергеръ Северинъ, объявилъ, что императоръ приказалъ ему сказать Екатеринѣ Андреевнѣ Карамзиной, какъ о своей горести отъ потери столь знаменитаго и столь нужнаго ему сотрудника, такъ и о томъ, что отъ сильной скорби онъ не могъ самъ къ ней выйти, боясь еще болѣе усидить ея горестъ.

Сѣнной площади, когда была холера въ Петербургѣ. Какая твердость непоколебимая при встрѣчѣ съ бѣдствіемъ, которое ему грозило 14-го декабря! Какая мудрая, святая и нѣжная любовь къ великимъ изъ своихъ подданныхъ, которую я видѣлъ въ слезахъ царя надъ прахомъ нашего знаменитаго историографа! Какое непостижимое величіе въ гнѣвѣ, когда по одному его слову пали десятки тысячъ буйныхъ и непокорныхъ на колѣни и по его велѣнію молились на церковь Спаса, прося у прогнѣваннаго государя прощенья. Но это ничего въ сравненіи съ его неизъяснимымъ самоотверженіемъ, когда съ увѣренностію о заразительности холеры онъ, оставя любезное свое семейство, полетѣлъ, не боясь смерти, въ Москву успокоить свою древнюю столицу, пораженную сею ужасною болѣзнію. Какой царь рѣшится на исполненіе такого подвига, въ которомъ бы по справедливости никто и не обвинилъ его, если бъ онъ не самъ его исполнилъ. Да и говорили тогда, что для особы государя онъ слишкомъ мало заботится о своей безопасности. Императоръ Николай мыслить выше: въ полномъ упованіи на благость Провидѣнія, онъ смѣло шель на великія дѣла великаго своего царства и былъ твердо увѣренъ, что Богъ спасетъ его вездѣ, гдѣ это будетъ угодно Его Божественной волѣ. Кто же не долженъ благоговѣть предъ такимъ самодержцемъ,—какъ бы онъ къ кому ни былъ милостивъ. Чтобы всемъ дать себя видѣть, государь сперва стоялъ на правой сторонѣ зала отъ входа, оттуда перешель на лѣвую сторону, а передъ отъѣздомъ сталь у самаго входа.

Въ 11-мъ часу императоръ съ бала уѣхалъ и, когда, садясь въ карету (все дивились, что государь на балъ поѣхалъ въ каретѣ, а не въ коляскѣ), примѣтилъ, что предводители вышли его провожать, угрозилъ имъ пальцемъ. Они скрылись и, отъ избытка усердія, забывши, что государь не любитъ ни встрѣчъ, ни проводовъ, были встревожены, что, можетъ быть, императора огорчили. Напротивъ, государь чрезвычайно милостиво благодарилъ за балъ депутацію дворянства, которая на другой день пріѣхала принести его величеству вѣрноподданническую признательность за высочайшее его къ дворянству благоволеніе.

10-го сентября государь выѣхалъ изъ Курска къ войскамъ, чтобы вмѣстѣ съ ними маневрировать до первой станціи, и совершенно былъ доволенъ маневрами. Прощаясь съ губернаторомъ, сказалъ:

— Благодарю тебя, Устимовичъ, за все: Курская губернія добрая, она было развинтилась, а ты ее свинтилъ: спасибо тебѣ.

На отвѣтъ губернатора, что онъ радъ стараться исполнять его высочайшую волю, государь сказалъ:

— Довинчивай, довинчивай! Прощай!

Когда сдѣлались сіи незабвенныя для Курска слова извѣстны публикѣ, все были въ восторгѣ, все видѣли, что государь не имѣетъ

болѣе гнѣва на Курскую губернію, которую такъ жестоко передъ нимъ оклеветали, и которую теперь самъ императоръ назвалъ доброю губерніею.

Дѣйствительно, Курская губернія, какъ и всѣ внутреннія губерніи російскія въ любви и вѣрности къ царю непоколебимы, по одному его мановенію не только готовы на все доброе, но рады отдать жизнь свою для выполненія священной для нихъ воли монаршей.

Ив. Телешевъ.

ЦАРЕУБИЙСТВО 1 МАРТА 1881 ГОДА ¹⁾.

(Историческіе очерки).

III. Террористическія выступления.

В. Революціонныя силы юга Россіи.

I.

ТЕРРОРЪ, какъ система, послѣдовательно проводимая въ отношеніи представителей правительственной власти, не былъ продуктомъ мысли, выработаннымъ сѣверными столичными кружками, народническими, «Земли и Воли» и др. Его идея родилась на югѣ, и отсюда были сдѣланы первые шаги для приведенія его въ дѣйствіе и исполненіе. Намъ уже извѣстно изъ дѣла Засуличъ, что она успѣла предупредить южанъ, прибывшихъ изъ Кіева для мести Трепову, но не сумѣвшихъ, несмотря на довольно дѣятельныя приготовленія, привести свой замыселъ въ исполненіе. Но какъ бы то ни было, если выстрѣлъ Засуличъ былъ формальнымъ сигналомъ, что терроръ вступилъ въ свои жизненныя права, этотъ выстрѣлъ самъ по себѣ не стоялъ въ прямой зависимости отъ того теченія, которое родилось на югѣ и видными представителями котораго были Григорій Анфимовичъ Попко и Валеріанъ Андреевичъ Осипскій.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХ, стр. 618.

Биографъ перваго изъ нихъ, Стеблинъ-Каменскій, сообщаетъ¹⁾, что Попко²⁾ сталъ активнымъ революціонеромъ послѣ сближенія въ Одессѣ съ Заславскимъ, виднымъ представителемъ пропаганды среди рабочихъ и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ «южно-русскаго рабочаго союза». «До самаго ареста Заславскаго, — говоритъ г. Каменскій, — Попко его дѣятельный помощникъ: онъ читаетъ лекціи рабочимъ, обучаетъ ихъ грамотѣ, устраиваетъ кассы, библіотеки и беретъ на себя трудное и опасное дѣло перевозки книгъ изъ-за границы. Ему приходится для устройства перевозки книгъ ѣздить въ Кишиневъ, на границу, жить тамъ въ ожиданіи возможности перевезти книги, приходится сходиться съ разными евреями-контрабандистами, рискуя каждую минуту быть преданнымъ. Уже въ первое время дѣятельности Попко проявляетъ основныя черты своего характера: онъ ведетъ себя такъ скромно, умно, осторожно, что, хотя принимаетъ участіе во всѣхъ предпріятіяхъ того времени и особенно тамъ, гдѣ опаснѣе, его фамилія остается неизвѣстной ни шпіонамъ, ни жандармамъ, въ то время, какъ начались аресты по дѣлу Заславскаго и самъ Заславскій былъ арестованъ...» Послѣ ареста послѣдняго и разгрома «южно-русскаго рабочаго союза» (дѣло о немъ разбиралось въ 1877 г. въ сенатѣ) Попко является продолжателемъ дѣла Заславскаго въ Одессѣ, засимъ мы видимъ его въ рядахъ народниковъ-пропагандистовъ лавристской фракціи, откуда онъ переходитъ въ партію «бунтарей». Эзекуція, произведенная Треповымъ надъ Боголюбовымъ, повліяла на всю дальнѣйшую судьбу Попко и выдвинула его въ первые по времени ряды русскіхъ террористовъ. По словамъ г. Каменскаго, извѣстіе о сѣченіи Боголюбова, пришедшее на югъ, сначала его ошеломило. «Онъ нѣсколько дней не могъ прійти въ себя и, лежа на кровати, постоянно повторялъ одно: «высѣкли... высѣкли». Потомъ это подавленное состояніе прошло, и въ душѣ его, доселѣ мирно настроенной, заговорило страшно жгучее чувство — чувство мести. вмѣстѣ съ желаніемъ отмстить за поправное достоинство человѣка въ его сознаніи почти непосредственно выросла и мысль, что борьба въ врагомъ нужна не прежняя: требовались не поселенія, не мирныя рѣчи, а борьба на смерть, борьба безпощадная».

Въ Одессѣ, послѣ инцидента съ Боголюбовымъ, шли оживленные толки на тему, что предпринять и какъ отмстить за поруганнаго товарища. Попко, — повѣствуетъ его биографъ, — на собраніяхъ революціонеровъ по сему вопросу зажигательныхъ рѣчей не говорилъ, наружно онъ былъ спокоенъ, безстрастно присутствовалъ на бурныхъ сходахъ, а самъ отправился въ Кіевъ, чтобы, заручившись содѣйствіемъ здѣшнихъ рѣшительныхъ единомышленниковъ, вмѣ-

¹⁾ «Былое» 1907 г., май.

²⁾ Сынъ священника.

стѣ съ ними двинуться въ Петербургъ и здѣсь совершить актъ мести. «Не удивительно,—говоритъ г. Каменскій:—что по прїѣздѣ въ Кіевъ онъ тѣсно сблизился съ компаніей бунтарей. Бунтари и раньше говорили о политическихъ убійствахъ; за ними были и факты подобнаго рода, а настроеніе Попко теперь какъ нельзя болѣе подходило къ настроенію ихъ. Попко не прямо поѣхалъ въ Питеръ, потому что предполагалъ среди бунтарей найти помощника для осуществленія задуманной мести. И онъ не ошибся въ своемъ предположеніи. Эта поѣздка совпадала еще съ другимъ переворотомъ въ мысляхъ Гр. А., переворотомъ въ Одессѣ для самого Попко еще не совсемъ яснымъ, но который въ Кіевѣ скоро совсемъ опредѣлился: расправа съ Боголюбовымъ до того сильно подѣйствовала на Г. А., что онъ, до сихъ поръ горячій противникъ конституціи, переходитъ вдругъ въ ряды ея защитниковъ. Попко не могъ не видѣть, что при конституціонномъ образѣ правленія, предполагающемъ неотъемлемость нѣкоторыхъ правъ личности, врядъ ли былъ бы возможенъ такой фактъ, какъ расправа съ Боголюбовымъ. Далѣе для Попко, какъ для практическаго дѣятеля, и тогда уже было ясно, что та работа, которая при абсолютизмѣ всецѣло ложится на активныхъ работниковъ революціи, именно пропаганда теоріи социализма, при осуществленіи конституціи отойдетъ отъ нихъ и перейдетъ къ мирнымъ теоретикамъ, тогда какъ настоящіе революціонеры направятъ всѣ свои силы на организацію среди самого народа, что не могло, конечно, не быть желательнымъ. Весь Кіевъ былъ полонъ, впрочемъ, тогда разговоровъ о конституціи. Говорили о ней и либералы, и украинофилы, и просто студенты, и бунтари. Устроили даже клубъ спеціально... для разговоровъ о конституціи. Каждый возлагалъ свои надежды на конституцію, каждый говорилъ о ней, какъ о неизбѣжной, необходимой; и если бы отъ количества сказанныхъ словъ зависѣлъ успѣхъ дѣла, то у насъ на Руси было бы въ то время двадцать конституцій... Что касается Попко, то въ клубѣ онъ бывалъ, но разговоровъ тамъ не велъ; онъ бесѣдуетъ—и то осторожно—лишь съ отдѣльнымъ личностями. Наконецъ Попко прямо поставилъ предъ Дм. А. Лизогубомъ и В. А. Осинскимъ вопросъ о террорѣ, какъ объ орудіи мести и политическаго переустройства. И Осинскій, и Лизогубъ были согласны съ Попко, что терроръ необходимъ. Но какъ вести его? Открыто поражать намѣченное лицо нерасчетливо: погибнуть безстрашные бойцы, а много ли будетъ за ними такихъ же? Пришли къ такому рѣшенію: наносить удары врагу революціонеры должны не открыто, а сохраняя себя по возможности. Такъ былъ рѣшенъ вопросъ о террорѣ, а первымъ на очередь было поставлено убійство Трепова. Кромѣ Лизогуба, Осинскаго, скоро приверженцами террористическаго направленія являются Иванъ и Игнатъ Ивичевичи, В. Свириденко, А. Брантнеръ, А. Синтянинъ и еще нѣсколько

другихъ лицъ. Съ такими-то незначительными силами рѣшились испробовать новое средство борьбы».

Такъ оформились, хотя и въ очень неопредѣленныхъ организаціонныхъ контурахъ, первыя террористическія теченія, принявшія даже на себя наименованіе «исполнительнаго комитета» партіи русскихъ социалистовъ-революціонеровъ, центральной фигурой которой на первое время явился Валеріанъ Осинскій. Объ этомъ же важномъ моментѣ въ исторіи русскаго революціоннаго движенія, въ связи съ характеристикой Осинскаго, повѣствуетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» и Вл. Дебогорій-Мокрѣвичъ¹⁾. Онъ говоритъ: «Въ Кіевѣ намѣтилось раньше всего то теченіе, которое въ скоромъ времени направило наше революціонное движеніе въ совершенно другую сторону. Тутъ можно было видѣть то Ивана Ивичевича, блѣднолицаго, невзрачнаго по виду, но дерзко смѣлаго человѣка; краснощекаго здоровеннаго Алешку, къ которому болѣе, чѣмъ къ кому-либо другому, подошло бы названіе «добраго молодца»... Раза два наѣзжалъ изъ Петербурга Сенька, пріятель Валеріана Осинскаго и членъ одного съ нимъ петербургскаго кружка такъ называемыхъ «троглодитовъ». Въ Петербургѣ Сенька вынужденъ былъ сидѣть смиренно и заниматься пропагандой; организація подавляла его. Но поживетъ, бывало, онъ въ Кіевѣ день, другой, и на его бедра появится длинный, серпообразный кинжалъ. Высокій, стройный, съ выпуклой грудью и выгнутой поясницей, —точь-въ-точь, какъ его кинжалъ,—Сенька представлялъ собою прекрасное доказательство консервативнаго воздѣйствія петербургскаго кружка. Тутъ можно было видѣть Брантнера изъ Харькова, Свириденко и Попко изъ Одессы —лицъ необычайной отваги, такъ сказать, богатырей нашего времени, готовыхъ къ смерти во всякую минуту. Тутъ же появлялся и Лизогубъ, подобно Осинскому и Сенькѣ, принадлежавшій къ кружку «троглодитовъ» и бывшій тоже однимъ изъ первыхъ сторонниковъ терроризма. Но душой новаго, нарождавшагося въ ту минуту теченія, получившаго названіе «террористическаго», несомнѣнно, оказался Осинскій».

Сынъ состоятельныхъ родителей-помѣщиковъ южной Россіи, Осинскій появился въ Кіевѣ въ 1877 г. «Это былъ, —по словамъ Дебогорія, —высокій, тонкій блондинъ, по виду лѣтъ 25-ти, показавшійся мнѣ какимъ-то хрупкимъ, почти женственнымъ существомъ; съ красивымъ лицомъ, живой и подвижной, какъ ртуть; то возбужденный, разговорчивый и веселый, то мрачно-молчаливый, и въ такихъ случаяхъ жаловавшійся на головную боль. Осинскій не удовлетворялся дѣятельностью своихъ петербургскихъ товарищей, сводившейся исключительно къ пропагандѣ, и потому, естественно, искалъ себѣ болѣе захватывающаго дѣла. Онъ позна-

¹⁾ «Воспоминанія» Вл. Дебогорія-Мокрѣвича.

комился въ Петербургѣ съ Вѣрой Засуличъ, пріѣхавшей туда изъ Кіева, и когда Стефановичъ съ товарищами былъ арестованъ, охотно согласился заняться организаціей ихъ побѣга изъ тюрьмы. Здѣсь Осинскій сразу попалъ въ совершенно новую для него атмосферу. Студенты волновались, собирались подавать петицію съ требованіемъ конституціонной реформы; въ центрѣ движенія стоялъ «конституціонный кружокъ», состоявшій отчасти изъ студентовъ, или лицъ, близко прикосновенныхъ къ университету, отчасти изъ революціонеровъ-народниковъ. Помню, на одномъ изъ засѣданій «конституціоннаго кружка», куда мы ввели Осинскаго тотчасъ послѣ его пріѣзда въ Кіевъ, выступилъ онъ съ рѣчью, гдѣ принялся доказывать несостоятельность политическихъ программъ и необходимость социальной революціи, которая одна только въ силахъ радикально измѣнить жизнь и уничтожить эксплуатацію народа, и прочее въ такомъ же духѣ... Кіевская атмосфера скоро, однако, повліяла на Осинскаго, и онъ сдѣлался самымъ горячимъ защитникомъ политической свободы. Но прежде всего надо было, по его мнѣнію, «задать страху врагамъ», т. е. другими словами, терроризовать правительство. Пріѣхавши въ Кіевъ, онъ сосредоточилъ свою дѣятельность на подготовленіи побѣга Стефановича и товарищей его изъ кіевского тюремнаго замка».

Намъ уже извѣстны подробности этого дерзко выполненнаго плана, но здѣсь считаемъ нужнымъ отмѣтить, что и личность Стефановича и все громкое чигиринское дѣло сыграли въ жизни Осинскаго и въ складѣ его міровоззрѣнія крупную роль. Онъ былъ пораженъ здѣсь «смѣлостью мысли».

«Удивительная смѣлость мысли!» говорилъ Осинскій о чигиринской конспираціи Стефановича,—повѣствуетъ Дебогорій.—Это дѣло произвело на него сильное впечатлѣніе... Осинскому, слышавшему лишь о пропагандѣ социалистическихъ идей, чигиринское дѣло, построенное на народной вѣрѣ въ царя, представлялось и оригинальнымъ и смѣлымъ. Какъ большинству молодыхъ революціонеровъ-народниковъ, и ему мужикъ представлялся въ образѣ таинственнаго сфинкса, къ которому онъ не зналъ, какъ подступиться. Здѣсь же онъ видѣлъ, что люди не только сумѣли приступить, но и достигли необыкновеннаго успѣха. «Удивительная смѣлость мысли!» восклицалъ онъ. Рядомъ съ другими причинами чигиринское дѣло оказало, какъ я думаю, не малое вліяніе на ростъ идей въ его головѣ. У человѣка съ меньшей инициативой, вѣроятно, родилось бы желаніе подражать; но Осинскій откровенно сознавался въ своей неспособности работать среди народа и потому ни о подражаніи, ни даже о продолженіи чигиринской конспираціи онъ и не подумалъ. Изъ чигиринскаго дѣла Стефановича онъ позаимствовалъ, если можно такъ сказать, только одну «смѣлость мысли». А послѣднее было совсѣмъ не маловажной вѣщью. Онъ отказы-

вался отъ дѣятельности въ народѣ, рѣшивши всѣ силы свои посвятить на террористическія дѣла. Для того времени это было дѣйствительно необыкновенная «смѣлость мысли». Между Осинскимъ и его петербургскими товарищами скоро возникли серьезныя недоразумѣнія, перешедшія почти въ непріязнь. Мало-по-малу, такимъ образомъ, среди революціонеровъ выросталъ расколъ; движеніе наше распадалось и получало два теченія: одно оставалось старое народническое, другое—новое террористическое. Дмитрій Лизогубъ сталъ сочувствовать этому расколу и явно склонился въ сторону Осинскаго; а это давало сразу большое преимущество, такъ какъ Лизогубъ былъ богатъ, и, слѣдовательно, новое направленіе съ нимъ пріобрѣтало большія матеріальныя средства».

II.

Въ поэтическихъ краскахъ рисуетъ портретъ Осинскаго и Степнякъ Кравчинскій въ своей «Подпольной Россіи». Описывая свое знакомство съ нимъ послѣ того, какъ тотъ уже сталъ на путь терроризма, онъ говоритъ: «Осинскій былъ прекрасенъ, какъ солнце: стройный, пропорціонально сложенный, крѣпкій и гибкій, какъ дамасскій клинокъ. Его бѣлокурая, нѣсколько откинута назадъ голова граціозно держалась на изящной, нервной шеѣ. Высокій мраморный лобъ съ тонкими голубоватыми жилками былъ слегка сжатъ на вискахъ. Правильный, точно изваянный рѣзцомъ скульптора носъ придавалъ его красотѣ тотъ классическій характеръ, который такъ рѣдко встрѣчается въ Россіи. Небольшіе свѣтлорусые усы и бородака отдѣляли красивый, выразительный страстный ротъ. И это чудное лицо освѣщалось парой большихъ голубыхъ глазъ, полныхъ огня и юношеской отваги.

«Осинскій пріѣхалъ изъ Кіева, города, въ который онъ былъ положительно влюбленъ, но проѣздомъ успѣлъ побывать во всѣхъ главныхъ городахъ южной Россіи и повидаться съ представителями мѣстныхъ организацій. Такимъ образомъ, онъ привезъ намъ самыя свѣжія новости обо всемъ, что тамъ дѣлалось.

«Онъ былъ въ восторгѣ отъ громадныхъ успѣховъ терроризма за послѣднее время и, увлекаемый своимъ пылкимъ воображеніемъ, предсказывалъ неисчислимыя послѣдствія такого оборота дѣлъ. Я не вполне раздѣлялъ его оптимизмъ, но, когда онъ говорилъ, нельзя было не поддаваться чарующему вліянію его краснорѣчія.

«Онъ не былъ ораторомъ въ обычномъ смыслѣ этого слова, но рѣчь его обладала той силой убѣдительности, которая является результатомъ глубокой вѣры. Онъ весь былъ проникнутъ тѣмъ энтузіазмомъ, который невольно заражаетъ и сообщается слушателямъ. Тонъ его голоса, выраженіе лица покоряли васъ не менѣе, чѣмъ самыя слова. Онъ владѣлъ великимъ даромъ обращать своихъ слушателей изъ противниковъ въ союзниковъ, которые сами

старались убѣдить себя въ вѣрности его доводовъ, чтобы только имѣть возможность согласиться съ нимъ.

«Слушая его, я понялъ, сколько правды было въ разсказахъ, ходившихъ на его счетъ...

«Весною 1879 г. онъ былъ арестованъ въ Кіевѣ, а 5-го мая того же года уже происходилъ судъ. Осинскій былъ приговоренъ къ смерти, хотя обвиненіе не могло выставить противъ него ничего мало-мальски серьезнаго, а онъ былъ осужденъ только за то, что во время ареста прикоснулся въ своему револьверу, не успѣвши даже вынуть его изъ кобуры. Но правительство знало хорошо, что оно держитъ въ рукахъ одного изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ террористической партіи, и этого было вполне достаточно, чтобы продиктовать суду вышеозначенный приговоръ.

«Осинскій выслушалъ его, не дрогнувъ, какъ подобаеть истинному бойцу.

«Въ теченіе всѣхъ десяти дней, которые протекли между судомъ и казнью, онъ оставался совершенно спокойнымъ, даже веселымъ. Онъ ободрялъ своихъ друзей и ни на мигъ не измѣнилъ себѣ. Когда къ нему на свиданіе пришли мать съ сестрой, онъ, зная, что приговоръ уже утвержденъ, сказалъ имъ, что смертная казнь отмѣнена; но тутъ же шопотомъ сообщилъ сестрѣ, шестнадцатилѣтней дѣвчкѣ, что, вѣроятно, завтра ему предстоитъ умереть, и просилъ ее приготовить мать къ этой тяжелой вѣсти. Наканунѣ казни онъ написалъ друзьямъ длинное письмо, которое можно назвать его политическимъ завѣщаніемъ. Онъ мало распространяется въ немъ о себѣ самомъ и своихъ чувствахъ. Поглощенный дѣломъ партіи, онъ разсуждаетъ о приѣмахъ борьбы, которые, по его мнѣнію, слѣдовало бы усвоить, и предостерегаетъ отъ повторенія старыхъ ошибокъ.

«Утромъ 14-го мая его повели на казнь вмѣстѣ съ двумя товарищами, Антоновымъ и Брантнеромъ. Изъ утонченной жестокости ему не завязали глазъ, и онъ принужденъ былъ смотрѣть на предсмертныя судороги своихъ друзей на висѣлицѣ, на которую чрезъ нѣсколько мгновеній ему предстояло самому взойти. Это ужасное зрѣлище произвело такое потрясающее впечатлѣніе на его физическую природу, надъ которой воля человѣка безсильна, что голова Валеріана въ пять минутъ побѣлѣла, какъ снѣгъ. Но его душевная сила осталась непоколебленной... Жандармы подбѣжали къ нему въ этотъ моментъ, спрашивая, не хочетъ ли онъ просить о помилованіи. Валеріанъ прогналъ ихъ съ негодованіемъ и, отказавшись отъ помощи палача, твердымъ шагомъ поднялся по ступенямъ эшафота. Къ нему подошелъ священникъ съ распятіемъ. Энергичнымъ жестомъ Осинскій далъ понять, что такъ же мало признаетъ Небснаго Царя, какъ и царей земныхъ. По приказанію начальства военный оркестръ заигралъ «Камаринскую». Черезъ нѣсколько мгновеній Валеріана Осинскаго не стало.

«Осинскій былъ богато одаренъ всѣми качествами, которыя даютъ человѣку власть управлять событіями. Онъ не былъ организаторомъ. Темпераментъ его былъ слишкомъ пылкимъ для мелочной, кропотливой работы этого рода. Всѣ силы его ума были сконцентрированы въ каждую данную минуту на одномъ какомъ-нибудь пунктѣ, который ему указывался его почти безошибочнымъ революціоннымъ инстинктомъ. Онъ всегда былъ въ числѣ провозвѣстниковъ тѣхъ ученій, которыя проявлялись въ полной силѣ иногда только годы спустя. Такъ, въ 1878 году, когда терроризмъ былъ еще въ зародышѣ, Осинскій былъ уже сторонникомъ царевубійства и введенія въ революціонную программу опредѣленнаго и ясно выраженаго требованія политическихъ реформъ.

«Онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова человѣкомъ дѣла. Пока продолжалось пропагандистское движеніе, онъ держался въ сторонѣ. Только съ зимы 1877 года, когда слова стали уступать мѣсто револьверу и кинжалу, примкнулъ онъ къ движенію, отдавшись ему всецѣло, до конца. Онъ обладалъ одной изъ величайшихъ силъ, какими природа надѣляетъ человѣка,—вѣрой, той вѣрой, которая, по евангельскому изреченію, двигаетъ горами.

«И эту вѣру онъ умѣлъ вселить въ каждого, кто съ нимъ сталкивался. Поэтому онъ естественно становился душой всѣхъ предприятий, въ которыхъ принималъ участіе. А при его необычайной энергіи, едва ли было хоть одно мало-мальски серьезное революціонное дѣло на югѣ Россіи, къ которому бы онъ не примкнулъ. Никто не падалъ духомъ, когда Осинскій былъ съ нимъ, такъ какъ онъ воодушевлялъ каждого своею восторженной, непоколебимой вѣрой и собственнымъ примѣромъ. Онъ всегда первымъ бросался въ самый пылъ борьбы, беря на себя наиболѣе опасныя роли. Его храбрость доходила до безумія...

«Какъ доказательство неотразимой обаятельности его слова, я приведу только одинъ фактъ, хотя и не изъ особенно крупныхъ, тѣмъ не менѣе довольно характерный. Осинскій славился умѣньемъ собирать деньги. Революціонная партія, особенно послѣ того, какъ терроризмъ вошелъ въ систему, стала нуждаться въ большихъ средствахъ, а находить ихъ всегда было въ высшей степени трудно. И вотъ тутъ-то немощіе могли соперничать въ Валеріаномъ Осинскимъ. Его подвиги на этомъ поприщѣ сдѣлались предметомъ общихъ толковъ, — такъ они были поразительны. Какой-нибудь богачъ съ инстинктами кулака, или старая барыня-скряга, у которой денегъ куры не клюютъ, готовы изливаться передъ вами сколько угодно въ выраженіяхъ своего сочувствія революціонерамъ. Но чуть только дѣло коснется ихъ кошелька, — картина немедленно мѣняется, и тутъ они способны привести въ отчаяніе каждого, кто пытался бы заставить ихъ проявить болѣе существеннымъ образомъ свои великодушныя чувства. Самымъ умѣлымъ людямъ не

удавалось получить отъ подобныхъ господъ больше какихъ-нибудь десяти или двадцати рублей, да и то еще—слава Богу.

«Но разъ на сцену появлялся Валеріанъ Осинскій, то и нашъ кулакъ, и старая скряга со вздохомъ открывали свои кошельки и, вытаскивая оттуда пять, десять тысячъ рублей, а иногда и больше,—вручали ихъ этому очаровательному молодому человѣку, котораго

Валеріанъ Андреевичъ Осинскій.

доводы такъ убѣдительно, внѣшность такъ привлекательна и манеры такъ обворожительны и изящны.

«Въ Осинскомъ не было и слѣда чего-нибудь педантическаго, напоминающаго моралиста или проповѣдника. Это былъ воинъ съ мужественнымъ сердцемъ и сильной рукой. Онъ любилъ опасность, такъ какъ чувствовалъ себя тамъ въ своей стихіи. Борьба воспламеняла его своимъ лихорадочнымъ возбужденіемъ. Онъ любилъ славу. Онъ любилъ женщинъ,—и былъ ими любимъ».

Тотъ же Кравчинскій-Степнякъ даетъ въ той же серіи своихъ литературныхъ портретовъ и изображеніе Лизогуба, этого оригинальнаго представителя террористической фракціи, который ради идеи пожертвовалъ дѣлу революціи и свое огромное состояніе и свою жизнь. Здѣсь передъ нами не «разночищецъ», не представитель пролетаріата, вступившій на путь революціонной агитаціи въ силу какихъ-нибудь особенныхъ и бытовыхъ условий жизни, а человѣкъ, подобно Кропоткину, Перовской и другимъ представителямъ аристократіи, проникшійся насквозь революціонной атмосферой, разорвавшій съ своею прежнею средою и во имя блага народа, понимаемаго подь социалистическимъ угломъ зрѣнія, отдавшій себя всецѣло дѣлу, въ которое крѣпко повѣрилъ. Лизогубъ, по словамъ Кравчинскаго-Степняка, былъ блондинъ, высокаго роста, блѣдный и нѣсколько худощавый. «Длинная борода придавала ему видъ апостола. Лицо его не было въ строгомъ смыслѣ красивымъ, но трудно себя представить что-нибудь пріятнѣе выраженія его добрыхъ голубыхъ глазъ, оттѣненныхъ длинными рѣсницами, и нѣжнѣе его дѣтской улыбки. Его ровный протяжный голосъ ласкалъ слухъ, подобно низкимъ симпатичнымъ нотамъ пѣсни, и проникалъ съ самую душу.

«Онъ былъ очень бѣдно одѣтъ. Хотя на дворѣ стояла настоящая русская зима, на немъ былъ парусиновый пиджакъ съ большими деревянными пуговицами, который отъ частаго мытья успѣлъ уже превратиться въ тряпку. Поношенный черный жилетъ закрывалъ его грудь до самой шеи; и всякій разъ, когда онъ подымался, чтобы произнести свои нѣсколько словъ, можно было замѣтить, что панталоны его не по сезону свѣтлы.

«Дмитрій Лизогубъ былъ миллионеръ, владѣлецъ громаднаго имѣнія, состоявшаго изъ усадьбы, земель, лѣсовъ, въ одной изъ лучшихъ губерній Россіи. Несмотря на это, онъ жилъ бѣднѣе послѣдняго изъ своихъ приказчиковъ, потому что все, что у него было, онъ отдавалъ на революцію.

«Было бы слишкомъ мало назвать Лизогуба чистѣйшимъ изъ людей, какихъ я когда-либо встрѣчалъ. Скажу смѣло, что во всей партіи не было и не могло быть человѣка, равнаго ему по совершенно идеальной нравственной красотѣ.

«Отреченіе отъ громаднаго состоянія на пользу дѣла было далеко не высшимъ изъ проявленій его подвижничества. Многие изъ революціонеровъ отдавали свое имущество на дѣло, но другого Дмитрія Лизогуба между ними не было. Подъ внѣшностью, спокойной и ясной, какъ безоблачное небо, въ немъ скрывалась душа, полная огня и энтузіазма. Для него убѣжденія были религіей, которой онъ посвящалъ не только всю свою жизнь, но, что гораздо труднѣе, каждое помышленіе: онъ ни о чемъ не думалъ, кромѣ служенія дѣлу. Семьи у него не было. Ни разу въ жизни онъ не

испыталь любви къ женщинѣ. Его бережливость доходила до того, что друзья принуждены бывали заботиться, какъ бы онъ не заболѣлъ отъ чрезмѣрныхъ лишеній. На всѣ ихъ замѣчанія по этому поводу онъ отвѣчалъ обыкновенно, какъ бы предчувствуя свою преждевременную кончину: «Мнѣ все равно не долго жить».

«И онъ не ошибся.

«Его рѣшимость не тратить ни копейки изъ денегъ, которыя могли пригодиться на дѣло, доходила до того, что онъ никогда не позволялъ себѣ проѣхаться на конкѣ, не говоря уже объ извозчикѣ. Помню, какъ однажды онъ показалъ намъ два предмета, составлявшіе принадлежность его параднаго костюма,—складной цилиндръ и перчатки. Онъ приобрѣлъ ихъ во время оно, когда, благодаря своему положенію, долженъ былъ сдѣлать визитъ черниговскому губернатору, или кому-то въ этомъ родѣ. Перчатки были нѣжнаго пепельнаго цвѣта и казались новешенькими. Онъ сообщилъ намъ, однако, что онѣ у него уже три года и, улыбаясь, объяснилъ маленькую хитрость, къ которой онъ прибѣгалъ, чтобы сохранить ихъ въ такомъ видѣ: онъ надѣвалъ ихъ только на порогѣ пріемныхъ залъ или кабинетовъ, куда ему пужно было изрѣдка являться. Что касается цилиндра, то тутъ дѣло было сложнѣе, такъ какъ уже съ годъ тому назадъ пружина поломалась, а онъ все не могъ собраться отдать ее въ починку. Всякій разъ онъ находилъ, что необходимый на это двугривенный можно употребить производительнѣе. Однако для поддержанія своего достоинства онъ всегда входилъ въ гостиную не иначе, какъ съ этой самой шляпой подъ мышкой, между тѣмъ, какъ у него въ карманѣ покоился неизмѣнный кожаный картузикъ, который онъ носилъ лѣто и зиму. Выходя на улицу, по окончаніи визита, онъ обыкновенно дѣлалъ нѣсколько шаговъ съ обнаженной головой, и затѣмъ, отойдя на нѣкоторое разстояніе, извлекалъ изъ кармана свой пресловутый кожаный картузикъ.

«И однако деньги, которыя Лизогубъ берегъ съ ревнивой заботливостью Плюшкина, были его злѣйшимъ врагомъ, источникомъ нескончаемыхъ мученій, какимъ-то вѣчнымъ проклятіемъ, тяготѣвшимъ надъ нимъ. При своей впечатлительной, крайне отзывчивой натурѣ, онъ безгранично страдалъ, будучи вынужденъ сидѣть со сложенными руками, безучастнымъ зрителемъ борьбы и мученичества своихъ лучшихъ друзей. Находясь подъ строжайшимъ надзоромъ, такъ какъ на него былъ сдѣланъ доносъ въ принадлежности къ революціонной партіи родственниками, которые надѣялись, въ случаѣ его осужденія, получить его состояніе, онъ не могъ ничего дѣлать: при первомъ же шагѣ съ его стороны нмѣніе было бы конфисковано и партія лишилась бы столь важной поддержки. Такимъ образомъ, богатство было для него чѣмъ-то въ родѣ ядра, прикованнаго къ ногѣ каторжника, чтобы мѣшать ему ходить свободно.

«Вынужденная бездѣтельность тяжело должна была угнетать человѣка, подобнаго Лизогубу, который соединялъ въ себѣ отважность бойца съ пламеннымъ энтузіазмомъ пророка. Но Лизогубъ ухитрился превратить для себя эту бездѣтельность въ источникъ самыхъ глубокихъ нравственныхъ страданій. Со скромностью истинно великой души онъ не видѣлъ ни малѣйшей заслуги въ томъ, что ему казалось естественнѣйшею вещью въ мірѣ,—въ отреченіи отъ своего богатства и жизни, полной лишеній.

«Безпопадный по отношенію къ себѣ, какъ суровый судья, который не хочетъ слушать никакихъ объясненій и ничего не видитъ, кромѣ голаго факта преступленія, онъ смотрѣлъ на свою поистинѣ самоотверженную бездѣтельность, какъ на нѣчто позорное. И этотъ человѣкъ, который цѣной такой громадной жертвы поддерживалъ цѣлыхъ полтора года почти все русское революціонное движеніе; человѣкъ, нравственныя достоинства котораго внушали къ нему безграничное уваженіе со стороны всѣхъ, кто его зналъ; человѣкъ, одно присутствіе котораго въ рядахъ партіи увеличивало ея силу и авторитетъ,—этотъ человѣкъ смотрѣлъ на себя, какъ на послѣдняго изъ послѣднихъ.

«Отсюда—та глубокая грусть, которая никогда не покидала его и сказывалась въ каждомъ его словѣ, несмотря на легкій, шутливый тонъ, усвоенный имъ, чтобы скрыть это.

«И онъ несъ терпѣливо свой порой невыносимо тяжелый крестъ всю свою жизнь, съ печальной покорностью судьбѣ.

«Этотъ человѣкъ былъ глубоко несчастенъ.

«Онъ былъ арестованъ въ Одессѣ, осенью 1878 г., по доносу своего управляющаго Дриго, бывшаго его другомъ и повѣреннымъ и потомъ продавшаго себя правительству за обѣщанные ему остатки отъ состоянія Лизогуба, составлявшіе около 40,000 рублей.

«Хотя арестъ Лизогуба произошелъ въ самый разгаръ бѣлаго террора, и въ Одессѣ, гдѣ его должны были судить, свирѣпствовалъ герой Севастополя и Плевны, графъ Тотлебенъ, никто не ожидалъ для Лизогуба особенно суроваго приговора. Ссылка на поселеніе или, въ худшемъ случаѣ, нѣсколько лѣтъ каторжныхъ работъ—вотъ все, къ чему его могли приговорить. Обвиненіе не могло выставить противъ него ничего, кромѣ растраты, неизвѣстно куда, большей части своего состоянія. Но показанія Дриго не оставляли на этотъ счетъ мѣста сомнѣнію у жрецовъ русскаго правосудія.

«Среди всеобщаго оцѣпенѣнія Лизогубъ былъ приговоренъ къ смерти. Очевидцы передаютъ, что, выслушавши этотъ приговоръ, онъ просто открылъ ротъ отъ изумленія.

«На сдѣланное ему предложеніе спасти жизнь просьбой о помилованіи онъ отвѣтилъ презрительнымъ отказомъ. 8-го августа 1879 года его повезли на казнь, вмѣстѣ съ двумя товарищами, Чубаровымъ и Давиденко.

«Тѣ, кто видѣли его во время переѣзда отъ тюрьмы къ эшафоту, говорятъ, что не только онъ былъ невозмутимо спокоенъ всю дорогу, но даже кроткая улыбка играла на его лицѣ, когда онъ обращался къ друзьямъ со словами ободренія: Наконецъ исполнялось его горячее желаніе—принести себя въ жертву дѣлу революціи. Быть можетъ, это была счастливѣйшая минута въ его тяжелой жизни».

Изъ изученія созданной имъ портретной галереи Степнякъ приходитъ къ тому выводу, что въ тогдашней революціонной партіи, конца семидесятыхъ годовъ, «Стефановичъ былъ организаторъ, Клеменсъ—мыслитель, Осинскій—воинъ, Кропоткинъ—агитаторъ, Дмитрій же Лизогубъ былъ святой».

Вотъ три представителя южно-русскаго революціоннаго движенія, Попко, Осинскій и Лизогубъ, которымъ суждено было сыграть въ немъ выдающуюся роль и дать ему то направленіе, которое немного спустя охватило собою почти всѣ революціонные круги и подчинило ихъ идеѣ террора, какъ единственному для того времени, по ихъ убѣжденію, способу борьбы съ правительственной властью во имя политическихъ и социальныхъ реформъ. Рядомъ съ названными лицами можно было бы дать образы и другихъ дѣятелей въ томъ же направленіи, но о нѣкоторыхъ изъ нихъ придется говорить по ходу событій, включенныхъ въ серію настоящихъ очерковъ, а роль другихъ была болѣе второстепенна и съ ихъ именами не связаны тѣ крупные моменты изъ исторіи революціоннаго движенія, которые стоятъ на очереди изложенія.

III.

Югъ, въ противность сѣверу, оказался въ дѣлѣ развитія революціонныхъ движеній въ ихъ практическомъ осуществленіи болѣе продуктивенъ и разнообразенъ по замысламъ и по полету «смѣлой мысли». На сѣверѣ и прежде и впослѣдствіи вырабатывались организациі съ ихъ дисциплиною, югъ же дарилъ замыслы, давалъ идеи. Идея мщенія Трепову родилась на югѣ, здѣсь же создавалась любопытная чигиринская мистификація, здѣсь же явилось желаніе использовать въ революціонныхъ цѣляхъ славянское движеніе и русско-турецкую войну. По инициативѣ Стефановича, въ 1877 г. въ Николаевѣ и Одессѣ были отпечатаны и распространяемы подложныя телеграммы о пораженіи русскихъ войскъ за Дунаемъ въ цѣляхъ внести дезорганизацію въ рядахъ правящихъ сферъ и создать недовольство массъ; здѣсь же сфабрикованы были телеграммы, возвѣщавшія о дарованіи Россіи Александромъ II конституціоннаго строя. На слѣдующій, 1878 г., Одессѣ суждено было стать центромъ общаго вниманія по дѣлу Ковальскаго съ его трагическимъ исходомъ и вызвать на берегахъ Невы откликъ въ видѣ убійства Мезенцова, поэтому, оставляя пока Осинскаго, Попко

и его товарищей въ сторонѣ, мы въ интересахъ хронологическаго изложенія остановимся сейчасъ именно на дѣлѣ Ковальскаго, получившемъ въ исторіи русской революціи наименованіе «перваго вооруженнаго сопротивленія», повлекшаго за собою и первый въ Россіи второй половины XIX столѣтія военный судъ надъ участниками этого сопротивленія. По характеристикѣ, сдѣланной этому дѣлу Н. А. Виташевскимъ, давшимъ на страницахъ «Былого»¹⁾ изложеніе его, «Ковальскій съ товарищами были первыми, которыхъ судили военнымъ судомъ по законамъ военного времени, и этотъ процессъ далъ первую казнь за общее политическое преступленіе (т.-е. не за цареубійство). Несомнѣнно, что первое обращеніе къ услугамъ военного суда было дѣломъ случая; въ это время шла война съ Турціей, и одесскій военный округъ находился на военномъ положеніи. При подобныхъ обстоятельствахъ такое выдающееся «преступленіе», какъ вооруженное сопротивленіе жандармамъ, явившимся для обыска, естественно должно было быть отдано на разсмотрѣніе военного суда. Достаточно вспомнить, что нездолго передъ тѣмъ военному суду былъ преданъ (и повѣшенъ) разбойникъ Лукьяновъ, убившій двухъ женщинъ съ цѣлью ограбленія. Но также несомнѣнно и то, что рано или поздно правительство все равно стало бы предавать военному суду за политическія преступленія, и что стеченіе указанныхъ обстоятельствъ сдѣлало для правительства переходъ въ дѣлахъ о политическихъ преступленіяхъ отъ гражданскаго суда къ военному лишь болѣе быстрымъ. Опытъ примѣненія военного суда къ дѣлу Ковальскаго и его товарищей показалъ, что судъ этотъ скоръ, рѣшителенъ и достаточно жестокъ. И это соблазнило агентовъ правительственной власти. Какъ извѣстно, послѣ процесса Ковальскаго чуть не всѣ дѣла по политическимъ преступленіямъ передавались на разсмотрѣніе уже исключительно военному суду и—посынались казни. Такимъ образомъ, процессъ Ковальскаго важенъ еще и для характеристики поворотнаго пункта въ судебной политикѣ правительства по отношенію къ политическимъ преступленіямъ».

Ковальскій, убѣжденный сторонникъ и страстный пропагаторъ терроризма вообще и вооруженнаго сопротивленія въ частности, не примыкалъ къ существовавшему въ это время въ Одессѣ кружку бунтарей и стоялъ въ центрѣ особаго кружка, куда входили—Виташевскій, сестры Виттенъ, Вл. Свитычъ-Ильичъ, Беверлей, Галина Чернявская, Южакова и др. Въ этомъ кружкѣ особой популярностью пользовалась идея именно вооруженнаго сопротивленія, которую ему вскорѣ и пришлось осуществить на практикѣ; поднимались разговоры и о террорѣ въ смыслѣ убійства, но дальше убійства шпіоновъ мысль членовъ кружка не шла. Кружокъ

¹⁾ «Былое», 1906, февраль.

этотъ не былъ «кружкомъ» въ юридическомъ смыслѣ этого слова. Здѣсь не было специальныхъ собраній, специальной «кассы», не было «устава», не было распредѣленія ролей, не было списка членовъ, и члены кружка не «составляли звена въ нѣкоторой областной или общерусской организаціи». «Единственно, что мы успѣли сдѣлать до ареста,—говорить Виташевскій,—это организовать маленькую типографію и отпечатать въ ней двѣ прокламаціи, изъ которыхъ распространена была одна (по поводу казни разбойника Лукьянова)». Суть этой прокламаціи сводилась къ тому, что если преступленіе Лукьянова чудовищно, то гораздо болѣе виновны тѣ, кто грабятъ и разстрѣливаютъ народъ, т.-е. агенты правительственной власти, которыхъ авторы прокламаціи и предлагали судить народнымъ судомъ и предавать смертной казни. Мѣстная жандармская власть, получившая указаніе, что на квартирѣ сестеръ Виттенъ имѣется типографія, что здѣсь печатаются прокламаціи, и выслѣдившая даже одного изъ рабочихъ этой типографіи, рѣшила произвести здѣсь обыскъ, но, освѣдомленная вмѣстѣ съ тѣмъ и о культивируемой здѣсь идеѣ вооруженнаго сопротивленія, обставила этотъ обыскъ мѣрами крайней предосторожности, откомандировавъ въ распоряженіе жандармскаго офицера восемь вооруженныхъ заряженными револьверами нижнихъ чиновъ. Обстоятельства обыска и сопротивленія, по разсказу Виташевскаго, произошли такъ.

«Вечеромъ 30-го января мы собрались, по обыкновенію, у Виттенъ. Помню, по какому-то случаю Алексѣевъ былъ на этотъ вечеръ нами обложенъ данью въ размѣрѣ одной бутылки краснаго вина. Стояла на столѣ и водка. Мы смѣло, можно сказать, мирно бесѣдовали, когда къ намъ, на третій этажъ, осторожно, безъ шума прокрадывались жандармы съ шт.-кап. Добродѣевымъ во главѣ... Мы сидѣли за столомъ въ средней комнатѣ и слишкомъ далеки были отъ мысли, что бѣда на носу. Чуть ли не ровно въ 9 часовъ вечера быстро распахнулась дверь изъ передней въ первую комнату, и зазвякали шпоры девяти паръ жандармскихъ ногъ... Мы вскочили.

«Не успѣли мы опомниться, какъ два жандарма очутились у дверей, ведущихъ въ спальню Виттенъ, а другіе два—у ведущихъ изъ столовой въ комнату Мержановой. Въ этой же послѣдней комнатѣ толпилось еще 4 жандарма и нѣсколько штатскихъ—понятыхъ. Какъ мы узнали послѣ, въ числѣ послѣднихъ были и шпионы.

«Не снимая пальто, съ фуражкой въ правой рукѣ и портфелемъ въ лѣвой, шт.-кап. Добродѣевъ обратился къ намъ съ вопросомъ, кто хозяйка квартиры. Вѣра Виттенъ (Елены не было среди насъ) попробовала сначала уклониться; но, конечно, въ концѣ концовъ было констатировано, такъ сказать, тутъ же официально, что хозяйка—она. Шт.-кап. Добродѣевъ сказалъ ей, что получилъ приказаніе произвести здѣсь обыскъ. Въ моментъ появленія жандармовъ въ квартирѣ Виттенъ находились: Вѣра Виттенъ, Ковальскій, Сви-

тычь, Алексѣевъ, Мержанова, Кленовъ и я. Добродѣевъ снялъ пальто и усѣлся за столомъ у окна на улицу. Мы расположились у противоположной стѣны, отдѣляемые отъ Добродѣева преддиваннымъ столомъ. Добродѣевъ, написавши начало протокола, сталъ по очереди каждаго изъ насъ спрашивать объ имени, званіи и мѣстѣ жительства. Эта процедура заняла довольно много времени. Помню моментъ, когда Ковальскій, уже будучи опрошенъ, стоялъ въ углу комнаты и, приложивъ пальцы рукъ къ губамъ, что-то усиленно соображалъ. Онъ говорилъ впоследствии, что въ эту минуту онъ рѣшалъ вопросъ, не выстрѣлить ли ему въ Добродѣева отсюда, и пришелъ къ заключенію, что это опасно, такъ какъ онъ могъ бы при этомъ ранить кого-нибудь изъ своихъ.

«Что касается меня, то долженъ здѣсь сказать, что всегда представлялъ себѣ дѣло совершенно иначе. Я полагалъ, что мы должны были бы постараться не допустить жандармовъ войти въ комнату, открывъ огонь. Стрѣлять же въ упоръ въ стоявшихъ уже въ комнатѣ жандармовъ я для себя считалъ въ ту минуту невозможнымъ. Поэтому мнѣ казалось, что дѣло нами проиграно, и я былъ подавленъ. Свитычь былъ болѣе подготовленъ, такъ какъ съ нимъ Ковальскому удалось перебороться нѣсколькими словами.

«Когда личности всѣхъ насъ были установлены (Ковальскій имѣлъ паспортъ на имя Бончковскаго) и были записаны наши адреса, то Добродѣевъ заявилъ, что долженъ подвергнуть каждаго изъ насъ обыску. Первымъ онъ подозвалъ Ковальскаго, — очевидно, у него были свѣдѣнія, что Ковальскій будетъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ случаѣ, если рѣшено оказать сопротивленіе.

«Медленно подошелъ Ковальскій къ столу, у котораго сидѣлъ Добродѣевъ. Послѣдній всталъ.

«Добродѣевъ, слѣдя за малѣйшими движеніями Ковальскаго, сталъ его спрашивать, нѣтъ ли при немъ «чего-нибудь».

«Ковальскій, съ очевиднымъ расчетомъ выиграть время, сталъ переспрашивать, Добродѣевъ, держась на чеку, пояснялъ... Руками онъ дѣлалъ передъ собою мелкія движенія; казалось, онъ боится ихъ опустить, чтобы не открыть грудь и не увеличить разстоянія между ними и Ковальскимъ... Эти нѣсколько секундъ были чрезвычайна томительны.

«Наконецъ Ковальскій, запустившій тѣмъ временемъ руку подъ пиджакъ, очевидно, успѣлъ уже не только вынуть изъ кобуры револьверъ, но и взвести курокъ, и медленно, — опять-таки стараясь отвлечь вниманіе Добродѣева и выиграть хотя бы еще секунду, — тихо произнесъ:

«— Нѣтъ, ничего этого нѣтъ... А вотъ это есть...»

«При послѣднихъ словахъ дуло его револьвера было уже направлено на Добродѣева, и звякнулъ курокъ: револьверъ далъ осѣчку.

«Въ мгновеніе ока Добродѣевъ, крикнувъ: «жандармы! жандармы!» своею лѣвою рукою высоко кверху приподнял правую руку Ковальскаго, а правой рукой схватилъ его за волосы, и въ такомъ положеніи ринулся впередъ, опрокидывая столы. Лампа, стоявшая на столѣ, за которымъ сидѣли мы, и свѣча—на столѣ, на которомъ писалъ Добродѣевъ,—при паденіи на полъ опрокинулись и погасли. Тогда раздались, послѣдовательно одинъ за другимъ, два револьверныхъ выстрѣла. Это стрѣлялъ Свитычъ,—очевидно, вверхъ, такъ какъ иначе, несомнѣнно, среди жандармовъ были бы убитые или раненые, чего не случилось.

«А въ углу, гдѣ шла борьба между Ковальскимъ и жандармами, произошло слѣдующее.

«Кто-то изъ жандармовъ успѣлъ вырвать револьверъ изъ рукъ Ковальскаго; воспользовавшись моментомъ, Ковальскій умудрился еще разъ запустить руку подъ пиджакъ и выхватилъ кинжалъ, которымъ ранилъ въ плечо жандармскаго унтеръ-офицера Телепенко, а Добродѣеву нанесъ ударъ въ лѣвый високъ. Истекающаго кровью офицера увели внизъ, съ Ковальскимъ же продолжали возиться жандармы. Онъ сопротивлялся, но безъ крика, и его оттащили въ переднюю, гдѣ онъ успѣлъ ранить кинжаломъ еще одного жандарма.

«Тѣмъ временемъ я и Свитычъ, считая, что дѣло кончено, выбросили свои револьверы черезъ балконъ на улицу, а въ заднихъ комнатахъ кто-то успѣлъ уже зажечь свѣчи или лампы. Всѣ кинулись сжигать компрометирующія бумаги. Мы были увѣрены, что Ковальскаго уже увели.

«Но не прошло и двухъ минутъ, какъ изъ передней стали раздаваться отчаянные крики Ковальскаго. Я со Свитычемъ бросились туда: на полу барахтался Ковальскій, связываемый жандармами (они обрѣзали для этого шнуры своихъ револьверовъ). Какъ только я и Свитычъ показали на порогъ передней, жандармы струсили и кинулись внизъ по лѣстницѣ. Чтобы оправдаться передъ начальствомъ, они упорно стояли на томъ, что въ нихъ были тутъ даны выстрѣлы. Впрочемъ, можетъ быть, со страху имъ дѣйствительно показалось, что въ нихъ стрѣляютъ.

«Мы развязали Ковальскаго.

«Несмотря на то, что во время борьбы Ковальскій жестоко поранилъ себѣ своимъ же кинжаломъ правую руку между большимъ и указательнымъ пальцами, онъ тутъ же заявилъ, что пойдетъ пробиваться. Онъ засучилъ правый рукавъ пиджака и взялъ кинжалъ. Свитычъ подобралъ брошенный жандармами тутъ, въ комнатахъ, револьверъ Ковальскаго и пошелъ поддержать его.

«Пока мы продолжали уничтожать въ комнатахъ компрометирующія насъ вещи, со стороны лѣстницы послышался окрикъ Ковальскаго: «коли, стрѣлай!» шумъ, а затѣмъ и шесть послѣдова-

тельныхъ выстрѣловъ. Ковальскимъ тутъ былъ раненъ въ спину кинжаломъ одинъ жандармъ и, пока онъ съ послѣднимъ боролся, его задержали и обезоружили другіе жандармы.

«Разстрѣлявъ патроны (пулями были ранены три жандарма и дворникъ), Свитычъ поднялся наверхъ и сталъ помогать намъ въ уничтоженіи бумагъ и шрифта.

«Минуты черезъ 2—3 мы услышали, что шумять уже на улицѣ: это жандармы тащили отчаянно сопротивляшагося, избитаго и израненнаго Ковальскаго. Мы всѣ выскочили на балконъ и подняли ужасный крикъ, ругая жандармовъ и приглашая успѣвшую уже собраться публику помочь Ковальскому. Припоминаю, что въ отвѣтъ на наши крики жандармы снизу стрѣляли въ насъ.

«Ковальскаго, конечно, увезли.

«А мы остались въ квартирѣ, осажденные жандармами и вызваннымъ съ ближайшей гауптвахты отрядомъ солдатъ. Мы всѣ сбились въ задней комнатѣ и съ минуты на минуту ждали, что придутъ насъ забирать...

«Считаю нужнымъ здѣсь именно подвести итоги тому, что сдѣлано Ковальскимъ, такъ какъ въ моментъ, когда его увезли въ тюрьму, въ сущности роль его была сыграна: на судѣ онъ выступаетъ въ нѣсколько иномъ свѣтѣ.

«Итакъ, мы сидѣли и ждали.

«Ждать намъ пришлось долго. 6—8 жандармовъ и съ десятокъ солдатъ казались той сторонѣ недостаточно сильной арміей для того, чтобы взять безоружныхъ 5 человекъ, изъ которыхъ 2—женщины. Было послано за ротой солдатъ въ казармы, и потому-то намъ долго пришлось просидѣть въ томительной осадѣ.

«Наконецъ мы увидѣли, какъ солдаты, гуськомъ, одинъ за другимъ, бѣгутъ по другой сторонѣ улицы, оцѣпляя домъ, гдѣ мы находились.

«Мнѣ припоминается, будто съ балкона мы кричали уже, что сдаемся. Но, впрочемъ, за достовѣрное этого не выдаю.

«Но когда послышались отчаянные удары прикладами въ дверь изъ передней, то, несомнѣнно, мы всѣ громко и много разъ заявляли, что сопротивляться аресту не будемъ. Очевидно, солдатъ смущало то обстоятельство, что дверь, по ихъ предположеніямъ, была заперта; можетъ быть, они даже думали, что мы забаррикадировались. На самомъ же дѣлѣ все сводилось къ тому, что дверь туго отворялась.

«Видя, что съ дверью тамъ не могутъ сладить, мы со Свитычемъ направились въ первую комнату, чтобы отворить дверь. Счастье наше, что мы не успѣли дойти до двери: оба мы были бы, несомнѣнно, убиты, такъ какъ едва мы прошли среднюю комнату и вошли въ первую, дверь, подъ ударами прикладовъ, распахнулась—и раздался залпъ. Свитычъ приподнял ногу и оперся о

стѣну: у него была прострѣлена нога пулею изъ солдатской винтовки навзлетъ. Я почувствовалъ, что меня будто палкой ударило по лѣвой ключицѣ, и инстинктивно прижалъ руку къ раненому мѣсту. Съ той стороны кричали, чтобы мы сдавались и выходили по одному съ поднятыми руками. Градоначальникъ графъ Левашевъ ругался, какъ извозчикъ. Съ нашей стороны неслись крики, что сдаемся и сопротивляться не будемъ. Насъ стали выводить по одному, причѣмъ съ каждой стороны жандармы держали насъ за руки. У всѣхъ жандармовъ были револьверы съ взведенными курками. Сначала насъ свели въ коридоръ второго этажа и произвели поверхностный обыскъ квартиры. А затѣмъ въ нашемъ присутствіи уже тщательно обыскивали каждый уголь и каждую вещь».

Въ іюлѣ состоялся надъ арестованными военный судъ, которымъ, послѣ высочайшей его конфирмаціи, были приговорены: Ковальскій—къ разстрѣлянью, Свитычъ—на 8 лѣтъ каторжныхъ работъ, Виташевскій—къ 6 годамъ, а по несовершеннолѣтію—къ 4, Студзинскій и Кленовъ—къ 4 годамъ, Афанасьевъ и Вѣра Виттень—къ ссылкѣ въ Сибирь на житье, Мержанова—къ 3-недѣльному аресту. Когда происходилъ судъ, единомышленники, друзья подсудимыхъ и вся наличная революціонная армія рѣшили въ случай вынесенія смертнаго приговора надъ подсудимыми произвести демонстрацію и попытаться отбить ихъ у конвоя. Дѣйствительно, демонстрація состоялась, произошло вооруженное столкновение революціонеровъ съ войсками, плотно окружавшими зданіе суда, во время небольшой перестрѣлки оказались ранены, но, конечно, освободить кого-либо не удалось. Эта демонстрація, по словамъ властей, послужила лишь къ тому, что приговоръ суда надъ Ковальскимъ не былъ смягченъ и смертный приговоръ надъ нимъ былъ выполненъ. Онъ умеръ мужественно, смѣло самъ подойдя къ столбу...

Въ отвѣтъ на эту казнь, въ Петербургѣ состоялось убіеніе Мезенцова, которое нами было описано въ № 5 «Историческаго Вѣстника». Именно вліянію Мезенцова было приписано суровое примѣненіе казни надъ Ковальскимъ.

Посѣтившій вскорѣ за казнь Ковальскаго Одессу Дебогорій-Мокрѣвичъ нашель среди революціонеровъ необыкновенное возбужденіе умовъ: «всѣ пылали мщеніемъ,—говоритъ онъ ¹⁾:—одни находили нужнымъ отомстить прокурору, обвинявшему по дѣлу Ковальскаго, другіе—предсѣдателю суда. Осинскій высказался за убійство генерала Семеки (градоначальника Одессы). И такъ какъ все это говорилось и проектировалось не болтунами, а людьми дѣла, то можно было ожидать, что борьба закипитъ на жизнь или смерть. Между тѣмъ и власти, съ своей стороны, не дремали. Шпіоны бѣгали по нашимъ слѣдамъ, и то и дѣло производились аресты.

¹⁾ «Воспоминанія».

Помню, собрались мы въ одной пивной, недалеко отъ Соборной площади. Попко, Лизогубъ, Осинскій и еще нѣсколько другихъ лицъ усѣлись кругомъ стола въ отдѣльной комнатѣ. Вдругъ дверь открылась, и заглянулъ какой-то субъектъ. Одинъ изъ товарищей объявилъ, что заглянулъ въ комнату извѣстный одесскій сыщикъ, и трое изъ насъ, нелегальные—Ковалевская, Осинскій и я—немедленно ушли изъ пивной. Покруживши по городу нѣкоторое время, чтобы сбить съ пути шпионовъ, если таковые вздумали за нами слѣдить, съ наступленіемъ сумерекъ я и Ковалевская направились къ дому Новицкаго. Это большое четырехэтажное зданіе тянулось на цѣлый кварталъ и одной своей стороною упирало въ глубокой оврагъ. На его фасадѣ по сторонамъ возвышались двѣ постройки, имѣвшія форму башенъ, въ одной изъ которыхъ занимали квартиру наши пріятели, Попко и другіе, почему и самый кружокъ носилъ названіе среди насъ «башенцевъ». Желательно было узнать, чѣмъ кончилось появленіе сыщика въ пивной, и мы отправились къ Попко. Но, сознавая опасность положенія, я рѣшилъ одинъ подняться на башню. И вотъ, войдя на четвертый этажъ, я прошелъ коридоромъ до крутой деревянной лѣсенки, ведшей на башню, и сталъ было уже подниматься по ней, какъ вдругъ, поднявъ голову, увидѣлъ сверху при свѣтѣ лампы двѣ или три спины, одѣтыя въ бѣлые кители. Тогда съ лѣсенки я прямо спрыгнулъ въ коридоръ и быстро побѣжалъ назадъ. Сзади меня раздавался шумъ погнавшихся за мною жандармовъ. Но я помчался внизъ по лѣстницѣ съ невѣроятной быстротой; жандармы стали отставать; звонъ шпоръ, вначалѣ рѣзкій, слышался постепенно все слабѣе и слабѣе. Выскочивъ изъ дому, я схватилъ Ковалевскую подъ руку; мы перебѣжали черезъ улицу на противоположную сторону и здѣсь медленно двинулись по тротуару. Нѣсколько мгновеній спустя на улицу выскочилъ жандармъ. Оглянувшись по сторонамъ, онъ бросился за уголъ дома къ оврагу, гдѣ, по его предположенію, долженъ былъ скрыться бѣглець. Такъ въ этотъ день намъ удалось избѣжать ареста.

«Оказалось, что вскорѣ послѣ нашего ухода изъ пивной туда явилась полиція и всѣхъ арестовала. Компанія арестованныхъ, среди которыхъ были Лизогубъ и Попко, отведена была въ участокъ, послѣ чего начались, само собою разумѣется, обыски на квартирахъ арестованныхъ, и мы какъ разъ угадали на одинъ изъ нихъ.

«Оставаться дольше въ Одессѣ было невозможно; шпионы знали насъ въ лицо; трудно было показаться на улицу; мы надумали перебраться въ Кіевъ. Но напрасно бѣгали мы изъ Кіева въ Одессу, изъ Одессы въ Кіевъ; дни наши были сочтены; борьба, поднятая такъ смѣло небольшой горстью людей, должна была кончиться пораженіемъ. Погромъ южныхъ террористовъ, начавшійся въ 1878 году, закончился въ началѣ 1879 года».

IV.

Арестъ Попко и Лизогуба былъ актомъ большого успѣха со стороны полицейской агентуры, такъ какъ съ этими лицами тѣсно связаны были явленія террористическаго порядка въ Кіевѣ, и за ними агентура усиленно охотилась по пятамъ. За Попко были уже къ тому времени тяжкія преступленія—участіе и освѣдомленность въ покушеніи на жизнь кіевского товарища прокурора Котляревскаго, убіеніе въ Кіевѣ же жандармскаго офицера Гейкинга, печатаніе по поводу всѣхъ этихъ событій прокламацій. За Лизогубомъ—его денежная поддержка южнаго террора въ теченіе всего 1878 г., въ какой періодъ этотъ терроръ и могъ успѣшно осуществляться почти исключительно на его средства. Но точныхъ свѣдѣній обо всѣхъ этихъ событіяхъ въ распоряженіи агентуры не было—она только догадывалась о дѣйствіяхъ враговъ, чуяла ихъ, не зная въ точности, какъ все происходило и кто именно былъ участниковъ того или другого событія. Роль Попко во всѣхъ этихъ моментахъ изъ исторіи революціоннаго движенія на югѣ такъ обрисована въ послѣдовательности тамошнихъ событій его біографомъ Стеблинымъ-Каменскимъ ¹⁾).

«Послѣ ареста чигиринскихъ дѣятелей зарождается въ головѣ Попко мысль, что однимъ изъ первыхъ кандидатовъ на смерть послѣ Трепова будетъ боронѣ Гейкингъ, этотъ пресловутый либераль, адъютантъ выжившаго изъ ума Павлова. На первый взглядъ это покажется страннымъ: не разъ «баронъ» предупреждалъ объ обыскахъ, не разъ скрывалъ отъ прокурорскихъ глазъ найденныя запрещенныя книги. Однако дѣло объясняется просто. Изъ поведенія Гейкинга при арестѣ и слѣдствіи по чигиринскому дѣлу стало ясно, что Гейкингъ—либераль лишь по отношенію къ такимъ безобиднымъ фрондерамъ, какъ украинофилы, лавристы и проч. Но не то вышло, когда попались крупныя птицы. Гейкингъ зналъ очень многихъ изъ тогдашнихъ дѣятелей, зналъ, чего и отъ кого можно ожидать, и обыски и допросы производились съ такимъ знаніемъ текущихъ революціонныхъ дѣлъ, что стало ясно, какъ опасенъ будетъ при серьезномъ оборотѣ дѣлъ этотъ «либераль». Однако Боголюбовъ еще не отомщенъ, и Попко ѣдетъ въ Питеръ.

«Въ Петербургѣ къ предпріятію пріѣхавшихъ присоединяются двое изъ организаціи «Земли и Воли». Нанимаются квартира на улицѣ, по которой часто ѣздитъ Треповъ, посредствомъ зеркала слѣдятъ за его проѣздами. Но пока идутъ окончателныя приготовления, неожиданно для всѣхъ раздается выстрѣлъ Засуличъ...

«Послѣ покушенія Засуличъ Попко уѣхалъ въ Кіевъ. Первымъ

¹⁾ «Былое», 1907 г., май.

террористическимъ актомъ, исходившимъ отъ организаціи, созданной Попко, Лизогубомъ, Осинскимъ, было убійство въ Ростовѣ шпиона, рабочаго Никонова. По поводу этого убійства въ Петербургѣ были отпечатаны прокламаціи, и на этихъ прокламаціяхъ, расклеенныхъ одновременно въ Питерѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Полтавѣ, Кременчугѣ, и Курскѣ, въ первый разъ появилась печать исполнительнаго комитета. Кстати, мысль объ этой печати возникла совершенно случайно на одной вечеринкѣ въ Кіевѣ; на этой вечеринкѣ былъ и Попко. Кто былъ на свободѣ въ 78 г., тотъ долженъ помнить, какую сенсацію произвела эта печать среди жандармеріи, и не только ея одной; а между тѣмъ, прикладывая эту печать первый разъ, никто не думалъ, что она способна надѣлать переполохъ.

«Не помню, по какому поводу въ Кіевѣ были произведены многочисленные обыски. На этихъ обыскахъ отличался грубостью и нахальствомъ товарищъ прокурора Котляревскій. Отвѣтомъ на вызывающее поведеніе Котляревскаго были выстрѣлы въ него со стороны Ивана Ивичевича, Осинскаго и еще одного. По поводу этого второго террористическаго факта кружка террористовъ Попко расклеивалъ прокламаціи въ Одессѣ и чуть было не былъ арестованъ. Едва онъ наклеилъ прокламацію, какъ полицейскій сорвалъ ее и бросился по пятамъ за Попко; только благодаря какой-то случайности тотъ избѣжалъ ареста.

«Вскорѣ послѣ покушенія на жизнь Котляревскаго, и косвенно именно вслѣдствіе этого покушенія, произошли извѣстные «безпорядки» въ кіевскомъ университетѣ. Начался университетскій судъ, а потомъ аресты, высылки. Гейкингъ снова показалъ свои когти: люди высылались по его указаніямъ; всемъ стало видно, что Гейкингъ недаромъ велъ знакомства и занесивалъ передъ простодушными «радикалами». Тогда окончательно была рѣшена смерть Гейкинга, и Попко, несмотря на все убѣжденія товарищей не брать на себя исполненіе этого приговора, все-таки взялся исполнить его. Все, безъ исключенія, товарищи, знавшіе Попко, были убѣждены, что онъ беретъ дѣло не по силамъ, и не потому, чтобы былъ трусъ, чтобы, попавшись, могъ выдать своихъ товарищей,—такія дикія мысли никому, конечно, и въ голову не приходили,—по каждый звалъ, что такое дѣло, какъ убійство, будетъ стоить страшной борьбы мягкому и гуманному Гр. А. Попко, котораго болѣе, чѣмъ кого бы то ни было, истерзаетъ, измучитъ смерть Гейкинга, какъ бы ни былъ виновенъ послѣдній. Наконецъ, просто сомнѣвались въ ловкости и силѣ Попко, ибо человѣкъ онъ былъ не изъ крѣпкихъ, и боялись, что вмѣсто казни Гейкинга погибнетъ лучшей товарищъ.

«Несмотря на все убѣжденія, Попко остался при своемъ рѣшеніи. Кромѣ него, взялся за это дѣло и другой, принадлежавшій къ организаціи «Земли и Воли». Слѣдили они за Гейкингомъ поочередно, черезъ день. Такое напряженное состояніе нервовъ, какое

бываетъ у человѣка, рѣшившагося на убійство, длиться долго не можетъ. Несмотря на самую твердую рѣшимость исполнить задуманное, хоть сколько-нибудь удобнаго случая не представлялось. Нѣсколько разъ слѣдившіе начинали отчаиваться въ успѣхѣ дѣла. Одновременно съ началомъ выслѣживанія Гейкинга затѣвалась исторія съ ключникомъ для освобожденія въ кievской тюрьмѣ ¹⁾. Попко зналъ всѣ подробности предпринимавшагося дѣла, обсуждалъ его вмѣстѣ съ другими, слѣдилъ за нимъ съ лихорадочнымъ вниманіемъ. Почти наканунѣ освобожденія товарищей, печальный, измученный пережитымъ, Попко сидѣлъ съ однимъ изъ товарищей въ одномъ изъ кievскихъ скверовъ. Онъ, какъ и другіе, собирался уѣхать и до поры до времени бросить дѣло Гейкинга. Былъ поздній часъ. Вдругъ, почти касаясь сидѣвшихъ, весело болтая съ какимъ-то господиномъ, прошелъ Гейкингъ. За нимъ Попко въ этотъ день не слѣдилъ. «Сегодня или никогда», мелькаетъ въ головѣ Попко. Онъ поспѣшно встаетъ изъ-за стола, уходитъ за только что прошедшими, догоняетъ Гейкинга и идетъ сзади тихо, опустивъ голову. «Нужно, нужно во что бы то ни стало покончить. Такъ жить невозможно. Лучше сдѣлать отчаянную попытку, лучше сейчасъ быть арестованнымъ, чѣмъ жить съ невыносимой, постоянно гнетущей думой, что должно сдѣлать взятое на себя дѣло, что неисполненіе его тяжелымъ укоромъ ляжетъ на чести партіи, на чести моей... Вѣдь взялся же я... рѣшился! Зачѣмъ колебаться и думать?»... Но раздумье все больше и больше овладѣвало имъ... Вотъ онъ вынулъ кинжалъ. Обмотавъ руку платкомъ, онъ крѣпко держитъ его. Но не поднимается рука... А домъ Гейкинга уже близко... Вотъ Гейкингъ садится на тумбу и оканчиваетъ свой веселый рассказъ... Нужно или пройти мимо, или... Голова кружится у Попко, и онъ, почти не отдавая себѣ отчета, приближается къ сидящему и, проходя мимо, вонзаетъ ему въ бокъ кинжалъ. Только и помнитъ Попко, что кинжалъ вошелъ во что-то мягкое. Онъ ускоряетъ шаги и слышитъ слова барона: «я убить»... Попко почти бѣжитъ. «Держи, держи его!» раздается отчаянный крикъ. Слышенъ топотъ бѣгущихъ. Попко теперь уже бѣжитъ, задыхаясь, въ гору, по разбросаннымъ мусору и кирпичамъ отъ строящихся домовъ... Топотъ все слышнѣе, вотъ кто-то догоняетъ его, онъ слышитъ чье-то ускоренное дыханіе. Онъ вдругъ останавливается, оборачивается къ опѣшившему отъ неожиданности полицейскому, который тоже остановился, и, задыхаясь, произноситъ: «буду стрѣлять!» Потомъ, вздохнувъ всюю грудью, снова бѣжитъ, но полицейскій не отстаетъ. Вотъ Попко стрѣляетъ... еще и еще... Вотъ какой-то человѣкъ бѣжитъ наперерѣзъ, хватаетъ Попко за руку; въ рукахъ преслѣдователя

¹⁾ Освобожденіе М. Ф. Фроленкомъ изъ кievской тюрьмы Стефановича, Дейча и Бохановскаго.

остається платокъ... Попко стрѣляетъ въ упоръ. Тяжело, безъ крика, безъ звука падаетъ преслѣдователь. Но нѣтъ уже и силъ бѣжать, а погоня все ближе и ближе; голоса все отчетливѣе и отчетливѣе. Ноги едва передвигаются. Попко спотыкается и падаетъ. Падая онъ задѣваетъ чѣмъ-то взведенный курокъ, раздается выстрѣлъ, и револьверъ разряженъ. Обезсилѣвъ окончательно, Попко перелѣзаетъ черезъ заборъ перваго попавшагося дома. Къ счастью, домъ нежилой: его перестраиваютъ. Попко входитъ, садится въ самый темный уголокъ и, безъ мысли, въ полномъ изнеможеніи, ждетъ... Нѣтъ силъ даже зарядить револьверъ... Сидя здѣсь, онъ слышитъ, какъ пробѣгаетъ мимо погоня, слышитъ громкіе, взволнованные голоса преслѣдователей. Вдругъ вбѣгаетъ съ лаемъ собака и съ лаемъ останавливается прямо противъ Попко... За ней входитъ кто-то, останавливается немного поодаль и вытягиваетъ голову, будто вглядываясь въ тотъ уголокъ, гдѣ сидитъ Попко. Этотъ убѣжденъ, что вслѣдъ за человѣкомъ явится погоня, и онъ будетъ арестованъ, но въ ту минуту у него было единственное желаніе: «все равно, лишь бы еще не бѣжать»... Неизвѣстный, постоявъ нѣсколько времени, повернулся и ушелъ. Замѣтилъ ли онъ человѣка, сидящаго въ углу, и пошелъ позвать людей, или, обезпокоенный уличнымъ шумомъ, просто навѣдался, все ли благополучно въ строящемся домѣ, неизвѣстно. Какъ только замолкли шаги незнакомца, Попко вылѣзъ изъ окна, осторожно перелѣзъ черезъ заборъ и пошелъ на квартиру. Опасность почти миновала, но тяжело было на сердцѣ Попко. Съ одной стороны, ему стало легко: внутренній голосъ говорилъ ему, что онъ исполнилъ свой долгъ. Но съ другой, все назойливѣе и назойливѣе являлся рядъ мучительныхъ вопросовъ: заслуживалъ ли смерти Гейкиннгъ? По какому праву онъ, Попко, рѣшился быть судьей? Кто далъ ему это право?.. Всѣ эти вопросы были, конечно, давно рѣшены въ теоріи, но теперь они снова возставали въ душѣ и возставали не разрѣшенными. Попко казалось, что онъ теперь преступникъ; что теперь онъ не въ состояніи будетъ и смотрѣть въ глаза людямъ... Правда, онъ раньше сочувствовалъ подобнымъ фактамъ, онъ оправдывалъ ихъ. Но одно дѣло—говорить, другое—сдѣлать... Какъ ни какъ, онъ исполнилъ свой долгъ; онъ взялъ на себя тяжелое дѣло, самъ на своихъ плечахъ вынесъ его и теперь знаетъ, какъ тяжело поднять руку на человѣка. Много, много горькихъ, безотрадныхъ мыслей тѣснилось въ головѣ Попко, пока онъ шелъ къ своей квартирѣ. Долго стоялъ онъ у своихъ дверей, не въ силахъ будучи дернуть за звонокъ. Какой-то страхъ охватывалъ его при мысли явиться теперь передъ товарищами. «Исполнено»—только и сказалъ Попко въ эту ночь своимъ товарищамъ.

«На другой день на лодкѣ, на Днѣпрѣ, были напечатаны прокламаціи объ убійствѣ Гейкиннга...

«По отпечатаніи прокламацій почти всѣ террористы разбѣжались. Попко уѣхалъ въ Одессу.

«Въ то время «террористы» успѣли уже заслужить всеобщее одобреніе, но это одобреніе главнымъ образомъ было приобрѣтено «неуловимостью», успѣхомъ первыхъ шаговъ; свѣжихъ же силъ еще не было, и сказать тогда, что это направленіе жизненно, что будущее за нимъ—нельзя было. Тѣмъ не менѣе ясно было, что еще два-три удачныхъ факта—и успѣхъ обезпеченъ за дѣломъ. Понятно, какъ

Григорій Анфимовичъ Попко.

страшенъ былъ каждый арестъ для дорожившихъ этимъ дѣломъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, тогда думали. Уже въ то время начинали толковать о съѣздѣ. На этомъ съѣздѣ должна была быть выработана точная программа дѣйствій, а, главное, должно было произойти окончательное сплоченіе террористовъ, которые не принадлежали къ одному какому-либо кружку. Большинство ихъ было изъ одс-

скаго кружка, но также и изъ кружка «бунтарей» и изъ Харькова, изъ организаци «Земли и Воли». Съездъ вначалѣ предполагался въ Одессѣ, въ августѣ 78 года, но, благодаря одесской демонстраціи и послѣдовавшему за ней погрому, не состоялся...

Арестованному въ 1878 г. въ Одессѣ Попко его кievскія дѣянiя не были инкриминированы. Онъ былъ лишь обвиненъ въ общемъ участіи въ южномъ революціонномъ движеніи, въ посѣщеніи конспиративной квартиры Чубарова, въ пропагандѣ и пр., почему къ нему и не была примѣнена смертная казнь. Онъ былъ только приговоренъ къ каторжнымъ работамъ, гдѣ послѣ многихъ мытарствъ и кончилъ свои дни въ 1885 г. Гораздо хуже пришлось Лизогубу и, хотя за нимъ не обнаружены были никакія кровавыя дѣянiя, онъ тѣмъ не менѣе наравнѣ съ другими осужденными и участниками мѣстнаго революціоннаго движенія—С. Чубаровымъ и І. Давиденко былъ казненъ 10-го августа.

V.

Если 1878 годъ принесъ террористамъ юга крупныя утраты, то въ слѣдующемъ году ихъ ожидалъ почти полный разгромъ. Мѣстная жандармская власть напругла всѣ свои силы, и, по показаніямъ Дебогорія, революціонеры тщетно бѣгали изъ Кіева въ Одессу и обратно, стараясь скрыть слѣды: за ними всюду гонялись шпіоны. «Такъ, Осинскій,—говоритъ Дебогорій:—вернувшись изъ Одессы въ Кіевъ, привезъ между прочимъ съ собою небольшую типографію въ сундукѣ; но когда пошелъ на вокзалъ получать ее изъ багажа, то оказалась, что сундукъ былъ взятъ жандармами и его самого тогда чуть-чуть не арестовали на вокзалѣ; едва удалось ему бѣжать. Иванъ Ивичевичъ, возвращаясь изъ Харькова въ Кіевъ, былъ прослѣженъ на желѣзной дорогѣ шпіонами и, чтобы избѣгнуть ареста, вынужденъ былъ спрыгнуть съ поѣзда во время хода недалеко отъ кievской товарной станціи. Но это было не все. Между арестованными, сидѣвшими въ кievской тюрьмѣ, нѣкій Веледницкій сталъ выдавать. Тогда жандармы выпустили его на свободу съ тѣмъ, чтобы онъ указалъ на насъ. Помню, однажды въ ресторанѣ, гдѣ обѣдали Осинскій, Волошенко и я, мы натолкнулись на этого Веледницкаго, а потомъ у выхода замѣтили переодѣтаго околоточнаго. Еще нѣсколько раньше этого времени мы познакомились съ нѣкой Бабичевой; сначала Рокальскій, а потомъ я и Свириденко. Это была курсистка кievскихъ женскихъ курсовъ, какъ вполслѣдствіи выяснилось, на жалованьи у жандармовъ. О ея нравственной фізіономіи можно судить уже по тому, что въ полтавской уголовной палатѣ противъ нея начато было дѣло за покражу какихъ-то серебряныхъ ложекъ. Но все это, конечно, мы узнали потомъ. Двухъ такихъ предателей, какъ Веледницкій и Бабичева, оказалось доста-

точно, чтобы погубить насъ, мы не оглянулись, какъ были окружены съѣтью шпіоновъ, слѣдившихъ за нами до того искусно, что мы почти не замѣчали этого». Послѣ убійства Попко Гейкинга жандармскимъ адъютантомъ былъ назначенъ знаменитый впослѣдствіи Судейкинъ. Свои способности онъ блестяще развилъ и обнаружилъ на облавѣ кіевскихъ террористовъ, большинство которыхъ вскорѣ и оказались имъ пойманными. «Перый ударъ нанесенъ былъ намъ 24 января 1879 г.,—говоритъ Дебогорій:—на улицѣ арестованы были Осинскій и Волошенко, а потомъ въ тотъ же день на квартирѣ арестована была Софья Лешернъ». Дальнѣйшія сцены поимки террористовъ очень живо рассказаны Дебогоріемъ и въ интересѣ красочности повѣствованія приводимъ ихъ, согласно словъ автора воспоминаній.

Во время масляной 11 февраля къ Ивичевичу, жившему въ домѣ Коссаревской, собралась довольно большая компанія на вечеръ. Тутъ были Брантнеръ, Позень, Стеблинъ-Каменскій, Армфельдъ Наталія, Игнатъ Ивичевичъ и другіе. Слѣдующая компанія, состоявшая изъ Дебогорія, Орлова, Ковалевской, Свириденко, Дическула, отправилась къ Бабичевой, жившей на Желянской улицѣ. Такимъ образомъ группа террористовъ раздѣлилась. Первый погромъ палъ на гостей Ивичевича. Когда они, ничего не предвидя опаснаго, сидѣли спокойно въ комнатѣ хозяйина, послышался шумъ, отворилась дверь, и показались жандармы.

— Здѣсь живетъ г. Дебогорій-Мокріевичъ?—спросилъ Судейкинъ.

— Никакого Дебогорія-Мокріевича здѣсь нѣтъ,—отвѣтилъ Ивичевичъ.

Тогда Судейкинъ пожелалъ выяснитъ личности присутствующихъ. «Но Иванъ Ивичевичъ,—повѣствуетъ Дебогорій,—вмѣсто отвѣта схватилъ револьверъ, который у него всегда лежалъ заряженный подъ подушкой, и подошелъ къ дверямъ. За Иваномъ приблизился къ дверямъ братъ его Игнатъ и Брантнеръ, тоже оба вооруженные револьверами. Кто сдѣлалъ первый выстрѣлъ—неизвѣстно; на судѣ вопросъ этотъ остался не разъясненнымъ, такъ какъ никто не помнитъ. Жандармы, какъ потомъ показывалъ на слѣдствіи Судейкинъ, были въ панцыряхъ. Раздался залпъ съ одной и съ другой стороны. Унтеръ-офицеръ Казанкинъ, стоявшій впереди, упалъ у самыхъ дверей; пуля попала ему въ лобъ, нѣсколько выше носа; онъ былъ убитъ сразу. Судейкина одна пуля ударила въ грудь, но панцырь спасъ его. Въ комнатѣ, возлѣ самой двери, упалъ раненый Иванъ Ивичевичъ, и за нимъ упалъ его братъ Игнатъ. Брантнеръ продолжалъ стрѣлять, хотя тоже получилъ рану. Кто еще стрѣлялъ изъ революціонеровъ—на слѣдствіи не было выяснено. Извѣстно лишь, что въ то время, какъ одни стрѣляли, другіе уничтожали и жгли компрометирующія бумаги. «Ножами ихъ, братцы!..» кричалъ лежавшій на полу Иванъ Ивичевичъ. Оба брата Иви-

чевичи были смертельно ранены и не могли уже больше подняться съ земли.

«Жандармы сробѣли и отступили. Тогда Позень, Армфельдъ и другіе, уцѣлѣвшіе отъ пуль, подняли съ полу братьевъ Ивичевичей, положили ихъ на кровать и принялись хлопотать объ ихъ ранахъ. Между тѣмъ Романъ, раненый въ голову, вышелъ изъ комнаты на крыльцо. Здѣсь ему сдѣлалось дурно, онъ упалъ на землю и въ полусознательномъ состояніи приползъ еще до калитки, ведшей въ садъ, гдѣ окончательно потерялъ сознание и откуда былъ потомъ поднять. Брантнеръ тоже выскочилъ изъ дому. Нужно сказать, что все это происходило во флигелѣ, стоявшемъ въ глубинѣ двора. Брантнеръ пробѣжалъ черезъ весь дворъ къ забору, отгораживавшему отъ улицы, и сталъ на него взбираться. Однако здѣсь онъ почувствовалъ, что не можетъ владѣть одной рукой, и въ обморочномъ состояніи свалился съ забора внизъ. Кромѣ руки, онъ былъ раненъ еще въ поясницу. Въ обморочномъ состояніи онъ потомъ былъ найденъ жандармами и взятъ».

Такимъ образомъ, вооруженное сопротивленіе, оказанное террористами жандармамъ, оказалось для нихъ, несмотря на понесенные уроны, достигшимъ извѣстной цѣли: Судейкинъ отступилъ, и они успѣли въ это время уничтожить опасные для нихъ документы. Но вскорѣ сюда явился новый жандармскій офицеръ въ подкрѣпленной воинской команды. Оставшіеся въ цѣлости уже не сочли нужнымъ болѣе сопротивляться, и власти послѣ нѣкоторыхъ принятыхъ мѣръ предосторожности всѣхъ заарестовали, подобрали раненыхъ и связанныхъ доставили въ Либедскій участокъ.

Въ это время разыгрался на квартирѣ Бабичевой второй актъ драмы. Еще всѣ гости, кромѣ ушедшихъ Дическула и Свириденко, были налицо, какъ вдругъ съ улицы раздался выстрѣлъ, и въ комнату вошла плотная шеренга солдатъ съ ружьями наперевѣсь.

— Господа, прошу сдать! Я жандармскій офицеръ,—раздался громкій голосъ.

«Я взглянулъ,—повѣствуетъ Дебогорій,—и увидѣлъ съ правой стороны солдатской шеренги, въ самомъ углу коридора, слабо освѣщеннаго свѣтомъ, падавшимъ изъ нашей комнаты, высокую фигуру въ военной фуражкѣ и въ широкомъ военномъ плащѣ. То былъ капитанъ Судейкинъ.

«— Мы не крѣпость,—шутливо замѣтилъ я въ отвѣтъ на требованіе Судейкина «сдаться».

«— Однако, ваши товарищи...

«За шумомъ я не слышалъ конца фразы. Больше всѣхъ подняла шуму въ это время наша хозяйка; она стала навзрыдь плакать и метаться по комнатѣ и коридору, какъ угорѣлая.

«Сдѣлавши поверхностный обыскъ, такъ какъ Судейкинъ все еще предполагалъ, что при насъ имѣется оружіе, и не найдя ни-

чего, солдаты окружили насъ двумя тѣсными рядами и повели въ участокъ. Подходя къ Либедской части, еще издали я замѣтилъ тамъ необыкновенное движеніе. Всѣ окна были освѣщены. На крыльцѣ и возлѣ зданія на тротуарѣ толпились полицейскіе. Мы поднялись по ступенямъ крыльца и вошли въ переднюю. Комната оказалась запруженной солдатами; намъ дали дорогу; мы прошли впередъ, и здѣсь я увидѣлъ связанныхъ Позена и Стеблинъ-Каменскаго. Они стояли. У Позена плечи и руки были такъ сильно оттянуты назадъ веревками, что локти касались другъ друга. Съ лѣвой стороны сидѣли на ступеняхъ Наталія Армфельдъ, Сарандовичъ и Потылицына; всѣ три онѣ тоже были связаны по рукамъ. Обращаться къ кому-нибудь изъ нихъ съ прямымъ вопросомъ я считалъ неудобнымъ, такъ какъ не желалъ показывать свое знакомство; однако изъ отдѣльныхъ фразъ, брошенныхъ то тѣмъ, то другимъ изъ нихъ, мнѣ удалось догадаться, что въ домѣ Коссаревской было оказано вооруженное сопротивленіе во время ареста.

«Между тѣмъ изъ смежной комнаты, куда двери отворены были настежь, доносился какой-то шумный разговоръ. Словъ невозможно было разслышать, но голосъ мнѣ показался знакомымъ.

«Разъясненія не пришлось ожидать долго. Раздались чьи-то шаги, крикъ усилился, и оттуда въ нашу комнату ворвался Владимиръ Свириденко, буквально волоча за собой двухъ полицейскихъ, которые, ухватившись за него сзади, старались его удержать. Волосы его были растрепаны, черные глаза сверкали, какъ уголья, онъ былъ точно опьянѣлый.

«— Что это? Связанные?!—крикнулъ онъ, увидавъ Позена и Каменскаго со скрученными назадъ руками, и тотчасъ бросился къ одному изъ нихъ и принялся рвать на немъ веревки.

«— Успокойтесь, пожалуйста, успокойтесь!—суетливо говорилъ приставъ Метковскій, прибѣжавшій за Свириденко изъ сосѣдней комнаты. Онъ не осмѣлился прикоснуться самъ къ нему и только командовалъ вполголоса будочникамъ: «взять его».

«— Успокойтесь! Мы сейчасъ развяжемъ,—продолжалъ Метковскій. И дѣйствительно, онъ немедленно распорядился, чтобы веревки были распущены на Позенѣ и Каменскомъ.

«— Пить хочу!—крикнулъ вдругъ Свириденко.

«— Пить... Слышишь! Маршъ за водой!—командовалъ приставъ будочнику.

«— Пива хочу!

«— Пива! пива неси!—повторялъ за Свириденко Метковскій.— Только успокойтесь. Пожалуйста во вторую комнату, пойдѣте,— уговаривалъ онъ его.

«И Свириденко, видимо, нѣсколько успокоился и въ сопровожденіи пристава и будочниковъ опять ушелъ въ сосѣднюю комнату, оттуда передъ тѣмъ такъ стремительно вырвался къ намъ. Эта сцена произвела на меня потрясающее впечатлѣніе...

«Послѣ ухода отъ Бабичевой Дическула и Свириденко, мы слышали выстрѣлъ; теперь, видя Свириденко въ подобномъ состояніи, я понялъ, въ чемъ было дѣло. И дѣйствительно, оставленные на улицѣ жандармами, стерегшими квартиру Бабичевой, гдѣ мы были въ гостяхъ, Свириденко и Дическулъ стали отстрѣливаться и затѣмъ пустились бѣжать. Чтобы легче скрыть слѣды, они рѣшили раздѣлиться. Дическулу удалось скрыться, но Свириденко на одномъ перекресткѣ былъ остановленъ полицейскими, разставленными въ этотъ вечеръ, въ виду облавы за ними, по всѣмъ окрестнымъ улицамъ, и доставленъ въ участокъ. Всѣ подробности ареста узналъ я, конечно, впоследствии, уже когда мы сидѣли въ тюрьмѣ; въ ту же минуту приходилось только догадываться, глядя на то, что совершалось передъ моими глазами въ участокѣ.

«Но вотъ толпа солдатъ, запружавшая переднюю комнату участка, гдѣ находились и мы, заколыхалась; пронесся шопоть: «Полковникъ идетъ! Разступись!».. И въ комнату, среди разступившихся солдатъ, быстро вошли жандармскій полковникъ и полицеймейстеръ.

«— Арестованныхъ отдѣлить другъ отъ друга!—крикнулъ полковникъ Новицкій; и тотчасъ всякаго изъ насъ окружило по нѣсколько человекъ солдатъ.

«— Въ случаѣ сопротивленія съ ихъ стороны пускать въ дѣло холодное оружіе!—командовалъ дальше Новицкій, сильно возвышая голосъ.

«Отдавши это приказаніе, полковникъ и полицеймейстеръ вышли въ другую комнату, и въ пріемной остались одни мы, окруженные солдатами. По истеченіи нѣкотораго времени арестованныхъ, одного за другимъ, стали вводить въ смежную комнату опять для обыска и предварительныхъ допросовъ».

Такимъ образомъ Судейкину удалось въ ночь на 11 февраля 1879 года покончить разомъ съ кievскими террористами, изъ коихъ лишь немногіе случайно успѣли ускользнуть изъ его рукъ. Заключение въ тюрьму, однако, не потерялись и здѣсь, среди каменныхъ стѣнъ, продолжали развивать свой духъ сопротивленія и оппозиціи, пытаясь добиться изъ своего почти безвыходнаго положенія хоть минимумъ выгоды и пользы, какъ для дѣла, которому они себя посвятили, такъ и во имя безопасности тѣхъ, кто былъ имъ близокъ на волѣ и кто, благодаря ихъ аресту, изъ-за какой-нибудь случайности могъ пострадать. «Наша жизнь въ тюрьмѣ до суда прошла необыкновенно бурно,—повѣствуетъ все тотъ же Дебогорій-Мокривичъ.—То была одна сплошная борьба съ властями, не прекращавшаяся ни на одну минуту и временами принимавшая даже очень острый характеръ. Прежде всего арестованные не называли своихъ фамилій, за исключеніемъ меня и Брантнера, назвавшася сразу. Одни называли себя вымышленными именами, другіе просто молчали. Такъ, Осинскій объявилъ, что его фамилія Бойко; Свириденко назвался Антоновымъ, Романъ молчалъ, и жандармамъ при-

шло окрестить его «неизвѣстнымъ». Даже лица мало скомпрометированныя и не принимавшія раньше участія въ революціонныхъ дѣлахъ, подъ вліяніемъ остальныхъ товарищей, не объявили своихъ фамилій, заставляя теряться жандармовъ во всевозможныхъ догадкахъ и предположеніяхъ. Между тѣмъ обвиненія, тяготѣвшія надъ нами, были очень сильны: нѣкоторые привлекались къ отвѣтственности за вооруженное сопротивленіе, сопровождавшееся убійствомъ жандарма. Другіе, подобно мнѣ, до ареста жили нелегальными и были раньше скомпрометированы по разнымъ политическимъ дѣламъ. Само собою разумѣется, что жандармы съ особенной энергіей старались раскрыть истину. И вотъ, для признанія арестованныхъ, стали пріѣзжать изъ различныхъ городовъ шпіоны. Въ коридорахъ нашихъ отъ времени до времени появлялись личности въ формахъ и цивильныхъ костюмахъ, въ сопровожденіи, конечно, мѣстныхъ властей; заходили въ наши камеры, чтобы посмотрѣть и припомнить, не встрѣчался ли имъ гдѣ-либо тотъ или другой изъ насъ. Но подобные вопросы дали сравнительно немного въ результатѣ: такъ, полтавскіе жандармы признали Стеблинъ-Каменскаго, а петербургскіе—Софію Лешернъ и Осинскаго; другіе оставались не открыты... Особенно много усилій стоило намъ поддерживать сношенія съ товарищами, жившими на свободѣ. Тюремное начальство, съ своей стороны, принимало всѣ мѣры, чтобы насъ уберечь отъ этихъ сношеній. Страхъ, чтобы мы не сдѣлали попытки къ побѣгу, доходилъ до такихъ размѣровъ, что одинъ разъ, помню, по распоряженію полицеймейстера... была прорыта вдоль нашего фасада цѣлая огромная канава, въ розыскахъ за подкопомъ, котораго мы и не думали копать. Правда, наши головы были полны возможныхъ плановъ къ побѣгу, и особенно мечталъ объ этомъ на первыхъ порахъ Осинскій, ведшій даже переписку по этому поводу съ «волею». Однако сдѣлать побѣгъ изъ кievской тюрьмы послѣ того, какъ одинъ разъ уже это было сдѣлано ¹⁾, оказывалось теперь невозможнымъ дѣломъ. Смотритель слѣдилъ за тюремными надзирателями, чтобы они не явились посредниками между нами и внѣшнимъ міромъ. Но тюремная организація уголовныхъ, относившихся сочувственно къ намъ, политическимъ, и, съ другой стороны, подкупъ—дѣлали то, что усилія смотрителя оставались въ этомъ отношеніи безуспѣшными: мы находились въ правильныхъ сношеніяхъ съ товарищами, жившими на свободѣ, и знали о всемъ, что дѣлается внѣ тюрьмы. Что касается сношеній другъ съ другомъ внутри тюрьмы, то тутъ мы продолжали перекликаться черезъ окна, хотя это и воспрещалось тюремными правилами. Мы имѣли свой условный шифръ, гдѣ буквы выражались цифрами, и когда надо было сообщить что-либо серьезное, выкрикивали вмѣсто словъ рядъ цифръ».

¹⁾ Побѣгъ Дейча, Стефановича и др.

VI.

2-го того-же года апрѣля послѣдовало покушеніе на жизнь императора Александра II, вслѣдъ за симъ были учреждены временные генераль-губернаторы въ шести районахъ, введено было здѣсь военное положеніе, и политическія дѣла переданы въ вѣдѣніе военно-окружныхъ судовъ. На долю прокурора кievскаго военно-окружнаго суда полковника Стрѣльникова выпало составлять обвинительный актъ надъ арестованными въ ночь на 11-го февраля. По свидѣтельству Дебогорія, обвинительный актъ былъ врученъ арестованнымъ въ 20-хъ числахъ апрѣля того же года. «Обвиненія, составленныя на скорую руку, безъ достаточнаго знакомства съ дѣломъ, бросались въ глаза своею бездоказательностью и съ юридической точки зрѣнія не выдерживали критики. Насъ обвиняли въ составленіи заговора, хотя многіе изъ насъ другъ съ другомъ не были знакомы; такъ, напримѣръ, я только въ тюрьмѣ познакомился съ Стеблинъ-Каменскимъ, Фюхори, Романомъ. Судъ былъ назначенъ на 30-е апрѣля. Обвиняемыхъ было 14 человекъ (въ числѣ изъ неожиданно для насъ попала квартирная хозяйка съ ея сестрой; видимо, это нужно было для того, чтобы судъ могъ вынести хоть одинъ-два оправдательныхъ приговора). Чтобы придать больше гласности процессу, мы обратились—конечно, письменно—къ петербургскимъ адвокатамъ съ приглашеніемъ для защиты; но спустя нѣкоторое время намъ объявили, что мы должны брать защитниковъ мѣстныхъ, прикомандированныхъ къ кievскому военно-окружному суду, т. е. лицъ, если не подчиненныхъ, то, во всякомъ случаѣ, зависимыхъ отъ нашего обвинителя Стрѣльникова. Тогда, ради протеста, мы рѣшили совершенно отказаться отъ защиты».

Обращаясь къ самому суду, авторъ воспоминаній говоритъ: «Все вниманіе прокурора и суда было сосредоточено на выясненіи дѣла о вооруженномъ сопротивленіи, происшедшемъ 11-го февраля. Обвиненія же остальныхъ лицъ, не участвовавшихъ въ вооруженномъ сопротивленіи, отличались полной голословностью. Прокуроръ подводилъ всѣхъ по 250-й статьѣ уложенія о наказаніяхъ къ 15 годамъ каторжныхъ работъ; между тѣмъ противъ нѣкоторыхъ онъ не могъ представить никакихъ уликъ, такъ, напримѣръ, все обвиненіе Фюхори и Позена сводилось къ тому, что они были взяты на квартирѣ Ивичевича. Примѣняя 250-ю статью, прокуроръ исходилъ изъ того предположенія, что мы составляли одно тайное сообщество, стремившееся къ ниспроверженію существующаго строя, въ ближайшемъ будущемъ. Но если возможно было примѣнить эту статью, то развѣ только по отношенію къ Ивичевичу, Брантнеру, Осинскому и Свириденко. Можно было, пожалуй, съ нѣкоторой натяжкой притянуть сюда же меня, какъ нелегальнаго,

хотя на самомъ дѣлѣ я не состоялъ съ ними въ одной организаціи и находился лишь въ лично-пріятельскихъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ нихъ. Но Осинскаго почему-то прокуроръ совсѣмъ выключилъ изъ нашего процесса и составилъ противъ него, Софін Лешернъ и Волошенко отдѣльный обвинительный актъ.

«Въ своей обвинительной рѣчи Стрѣльниковъ... говорилъ преимущественно о вооруженномъ сопротивленіи. Потомъ для характеристики нашего сообщества приводилъ цитаты изъ «Земли и Воли» и другихъ революціонныхъ изданій. Наконецъ, упомянулъ о нѣкоторыхъ прошлыхъ дѣлахъ, какъ, на примѣръ, о покушеніи на жизнь Горановича и побѣгѣ изъ кіевской тюрьмы, при чемъ указалъ судьямъ на меня, какъ на одного изъ виновниковъ этого побѣга. Но относительно большинства обвиняемыхъ не сказалъ ровно ничего, о многихъ даже не упомянулъ. Такъ, онъ совершенно умолчалъ о Позенѣ, Сарандовичѣ, Потылициноу, Фюхори... Да нечего было ему и говорить, ибо противъ нихъ не имѣлось у него никакихъ данныхъ. Они оказывались виновными только въ томъ, что они были знакомы съ тѣми, которые оказали вооруженное сопротивленіе при арестѣ. Но этого одного оказалось недостаточнымъ, чтобы ихъ осудить. Судъ призналъ, что всѣ мы составляли одно тайное сообщество, видимо, исходя, подобно прокурору, изъ того соображенія, что разъ мы были пойманы одновременно и держались въ тюрьмѣ и на процессѣ единодушно, то это доказывало нашу принадлежность къ одной организаціи. На процессѣ много времени было удѣлено на выясненіе нашего поведенія въ тюрьмѣ: нашего бунта, ломанія печекъ и пр. Что пойманы мы были въ одно время, для многихъ изъ насъ это было простой случайностью; относительно же нашего единодушія во время тюремной жизни я долженъ замѣтить, что для этого вовсе не надо было состоять въ одномъ революціонномъ сообществѣ. Тамъ, гдѣ были люди, которымъ грозила смертная казнь, остальнымъ приходилось держаться единодушно. Простое чувство порядочности вынуждало къ этому. Вотъ этихъ-то простыхъ соображеній не понимали или, можетъ быть, даже не смѣли понимать господа судьи. Этимъ только и можно объяснить ту вопіющую несправедливость, въ которую впалъ судъ; исключая Брантнера и Свириденко, приговоренныхъ къ смерти, какъ вооруженно сопротивлявшихся, всѣхъ остальныхъ подвели подъ одну категорію; вынесенъ былъ одинъ приговоръ для всѣхъ—14 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ каторжныхъ работъ. Сюда входили и такіе, какъ жившій до ареста нелегально цѣлыхъ 6 лѣтъ, тутъ же была и Потылицына, молодая дѣвушка, не принимавшая участія ни въ какихъ революціонныхъ дѣлахъ. Эта ошибка поправлена была нѣсколько позднѣе, конфирмаціей генераль-губернатора, по которой приговоренные были раздѣлены на нѣсколько категорій. Но при этомъ опять-таки власти руководились не столько фактами, сколько внутреннимъ убѣжденіемъ».

Процессъ кievскихъ террористовъ кончился 4 мая, и велѣдъ за-
симъ началось разбирательство другихъ дѣлъ—сначала Осинскаго
и затѣмъ Избицкаго, которыя и закончились 8-го мая, послѣ чего
всѣ приговоренные стали дожидаться въ тюрьмѣ конфирмаціи
приговоровъ.

«Цѣлые дни мы проводили вмѣстѣ; намъ разрѣшены были свиданія
съ родными; вообще жизнь въ тюрьмѣ послѣ суда сдѣлалась значи-
тельно вольнѣе; но перспектива казни отравляла все,—описываетъ
эти дни Дебогорій.—Въ томительномъ ожиданіи ужаснаго конца,
надъ которымъ даже самая мысль не осмѣливалась остановиться
надолго, протекало наше время. Такъ прошло нѣсколько дней.
Наконецъ, 12 мая появился полицеймейстеръ, и насъ позвали въ
тюремную контору для выслушанія конфирмаціи. По конфирмаціи,
нѣкоторымъ были уменьшены сроки каторги; другимъ оставлено
было наказаніе, вынесенное судомъ. Только о трехъ въ конфирмаціи
12 мая ничего не было сказано; эти трое были: Антоновъ (Свириденко),
Брантнеръ и Осинскій; ихъ даже не звали въ тюремную контору.
Это значило, что приговоръ въ окончательной формѣ надъ ними
будетъ прочтенъ на мѣстѣ казни. Всѣ это понимали, но никто, ко-
нечно, объ этомъ не говорилъ. Кажется, въ тотъ же день, т. е.
12-го мая, Осинскій и Антоновъ были переведены съ верхняго этажа
въ нижній, гдѣ уже сидѣлъ Брантнеръ и гдѣ находились также
камеры моя и Волошенко. Сначала мы не могли понять, зачѣмъ
это было сдѣлано, но вскорѣ причина выяснилась: изъ оконъ верх-
няго коридора было видно, какъ въ полѣ, недалеко отъ тюрьмы,
начали строить висѣлицы. Сидѣвшіе въ верхнемъ этажѣ сообщили
объ этомъ остальнымъ, кромѣ приговоренныхъ къ смерти, отъ кото-
рыхъ, конечно, старались скрыть. Догадывались ли сами пригово-
ренные о томъ, что готовилось для нихъ,—не знаю. Они тоже, по-
добно намъ, молчали, не разговаривая объ ожидавшей ихъ казни.
Но видно было, что они къ ней готовились. Такъ, Валеріанъ Осин-
скій время отъ времени возвращался къ вопросу о томъ, что для
него смертная казнь черезъ разстрѣляніе представляется несрав-
ненно легче, чѣмъ черезъ повѣшеніе. Антоновъ озабоченъ былъ мы-
слию, чтобы его мать не узнала объ его участи, и часто говаривалъ
со мною объ этомъ; но въ чемъ состояло эта его участь, онъ не до-
говаривалъ или, вѣрнѣе, никогда не успѣвалъ договаривать, бе-
сѣдуя со мною. Мнѣ всякій разъ становилось страшно, когда объ
этомъ заходила рѣчь, и я тотчасъ старался свести разговоръ на что-
либо другое. Мы всѣ избѣгали слова казнь, какъ будто боялись
самаго этого слова. Нужно сказать, что судъ приговорилъ къ смерт-
ной казни черезъ разстрѣляніе, и замѣна разстрѣла висѣлицей про-
изошла уже потомъ. Кому обязаны были приговоренные этой за-
мѣнѣ въ худшую сторону, такъ какъ повѣшеніе считается у насъ
болѣе позорной казнью,—съ увѣренностью сказать не могу; но я

помню, что въ то время ходилъ слухъ, будто замѣна эта была сдѣлана самимъ царемъ, съ которымъ, какъ передавали намъ офицеры, приходившіе на караулъ, кievскій генераль-губернаторъ Чертковъ сносился телеграммой».

Въ жуткомъ ожиданіи протекли 12 и 13 мая, и въ послѣдній день ночью Осинскій успѣлъ продиктовать Софіи Лешернъ при посредствѣ цифрового шифра свое «завѣщаніе» товарищамъ, которое и было опубликовано потомъ въ № 6 листка «Земли и Воли» ¹⁾. Вотъ это письмо-завѣщаніе:

Дорогіе друзья и товарищи!

Послѣдній разъ въ жизни приходится писать вамъ, и потому прежде всего самымъ задушевнымъ образомъ обнимаю васъ и прошу не помянуть меня лихомъ. Мнѣ же лично приходится уносить въ могилу лишь самую дорогія воспоминанія о васъ. Особенно спасибо тебѣ, И., за твою сердечность; и я, и жена моя, и В. горячо тебя любили и всей душой благодаримъ за заботливость о насъ.

Мы ничуть не жалѣемъ о томъ, что приходится умирать, вѣдь мы же умираемъ за идею, и если жалѣемъ, то единственно о томъ, что пришлось погибнуть почти только для позора умирающаго монархизма, а не ради чего-либо лучшаго, и что передъ смертью не сдѣлали того, чего хотѣли. Желаю вамъ, дорогіе, умереть производительнѣе насъ. Это единственное, самое лучшее пожеланіе, которое мы можемъ вамъ сдѣлать. Да еще: не тратьте даромъ вашей дорогой крови! и то—все берутъ и берутъ...

...Мы не сомнѣваемся въ томъ, что ваша дѣятельность теперь будетъ направлена въ одну сторону. Если бъ даже вы и не написали объ этомъ, то мы и сами могли бы это вывести. Ни за что болѣе, по-нашему, партія физически не можетъ взяться. Но для того, чтобы серьезно повести дѣло террора, вамъ необходимы люди и средства.

(Слѣдуютъ практическія указанія, опубликованіе которыхъ теперь невозможно).

Больше, кажется, нечего писать о дѣлахъ. Такъ и рвешься броситься въ теорію—да руки коротки... и торопиться, и все такое прочее.

Дай же вамъ Богъ, братья, всякаго успѣха! Это единственное наше желаніе передъ смертью. А что вы умрете и, быть можетъ, очень скоро, и умрете съ не меньшей беззавѣтностью, чѣмъ мы,—въ этомъ мы ничуть не сомнѣваемся. Наше дѣло не можетъ никогда погибнуть—эта-то увѣренность и заставляетъ насъ съ такимъ презрѣніемъ относиться къ вопросу о смерти. Лишь бы жили вы, а если ужъ придется вамъ умирать, то умерли бы производительнѣе насъ. Прощайте и прощайте!...

Поцѣлуйте отъ меня всѣхъ моихъ товарищей и знакомыхъ, здѣшнихъ и заграничныхъ, кто только не забылъ меня. Многіе имѣли противъ меня (хотя въ большинствѣ въ силу недоразумѣнія) кое-что; пусть хоть теперь позабудутъ старые счеты. Я же ни къ кому не уношу въ могилу вражды.

Ты просилъ, В., нашихъ біографій. Зачѣмъ, братъ! Если понадобится, то и безъ насъ ихъ могутъ составить. А вообще пусть забываютъ насъ, лишь бы самое дѣло не заглохло.

¹⁾ «Русская историческая бібліотека. Революціонная журналистика семидесятихъ годовъ. Второе приложеніе къ сборникамъ «Государственныя преступленія въ Россіи».

Прощайте же, друзья-товарищи дорогіе, не поминайте лихомъ. Крѣпко крѣпко, отъ всей души обнимаю васъ и жму до боли ваши руки въ послѣдній разъ...

Вашъ Валеріанъ.

14-го апрѣля 1879 г.

Мою сестренку сейчасъ по выходѣ ея изъ тюрьмы со свиданія арестовали и выслали.

День казни и самая казнь Осинскаго и товарищей описаны въ № 5 листка «Земля и Воли» такъ:

«14-го мая, въ четыре часа утра, осужденныхъ женщинъ увезли на вокзалъ для отправки въ Сибирь. При этомъ начальство не преминуло доставить себѣ удовольствіе новымъ глумленіемъ надъ Софьей Лешернъ. При чтеніи ей окончательнаго приговора надъ ней, говорятъ, продѣлали весь обрядъ смертной казни: надѣли саванъ, закрыли голову капюшономъ и наложили на шею петлю. Послѣ прочтенія приговора сняли петлю, и читавшій заявилъ Лешернъ, что она помилована и что смертная казнь замѣнена ей вѣчной каторгой.

«Осужденные на смерть наканунѣ казни были совершенно бодры. Сознаніе, что они умираютъ за идею, ни на минуту не покидало ихъ. Утромъ 14-го мая имъ предложили принять священника; всѣ трое отказались; въ девять часовъ ихъ повели въ контору тюрьмы и, по исполненіи какихъ-то формальностей, посадили въ приготовленную для нихъ карету, окруженную отрядомъ казаковъ. Имъ было предложено посадить съ собой въ карету и священниковъ, но осужденные отказались. Приѣхавъ на мѣсто казни, они сами вышли изъ кареты, отказались отъ предложенія тюремныхъ сторожей вести ихъ за руки, и пошли ближе въ висѣлицамъ. Здѣсь ихъ поставили рядомъ, спиною къ эшафоту. Адъютантъ 128-го полка прочелъ приговоръ; одинъ изъ осужденныхъ просилъ позволенія проститься съ товарищами... Получивъ позволеніе, всѣ трое обнялись и поцѣловались другъ съ другомъ. Одинъ изъ офицеровъ въ третій разъ предложилъ имъ принять священника, но осужденные снова отказались.

«Палачъ сбросилъ съ нихъ арестантскіе халаты и надѣлъ саваны, связавъ предварительно имъ руки. Ему помогли полицейскіе солдаты. Въ эту минуту прискакалъ адъютантъ Черткова и громко отъ имени генералъ-губернатора спросилъ: не желаютъ ли осужденные раскаться и принять духовное утѣшеніе? Всѣ трое отвѣтили отрицательно... Палачъ надѣлъ имъ капюшоны на головы, поворотилъ лицами къ эшафоту и, подталкивая подъ локти, сталъ взводить на эшафотъ. Поставивъ Брантнера, Антонова и Осинскаго на скамьи, палачъ надѣлъ имъ петли на шею и выдернулъ изъ-подъ каждой скамью. Первымъ повисъ Антоновъ—сразу. Вторымъ Брантнеръ—застонавъ и метнувшись раза два. Третьимъ Осинскій, на которомъ

петля была надѣта такъ, что при паденіи скамьи голова склонилась въ сторону и веревка пришлась не на затылкѣ, а около уха. Онъ сталъ метаться и судорожно биться ногами... Полковникъ Новицкій, бесѣдовавшій съ напиравшей на солдатъ толпой и силившійся доказать ей, что вѣшаютъ разбойниковъ и убійць, обратился къ палачу:

— Что ты сдѣлалъ? Вѣдь онъ мечется?

— Ничего-съ,—это сейчасъ кончится,—отвѣтилъ палачъ

— Но вѣдь онъ живъ?

— Не беспокойтесь! Это ужъ мое дѣло... Будетъ мертвъ! Не беспокойтесь.

«Новицкій, очевидно, успокоенный тѣмъ, что хотя и въ страшныхъ мученіяхъ, но все-таки Осинскій умретъ, продолжалъ краснорѣчиво лгать передъ толпой, объясняя ей, между прочимъ, мученія Валерьяна тѣмъ, что онъ отказался принять священника.

«Черезъ полчаса палачъ перерѣзалъ веревки, и трупы рухнули на землю. Сняли капюшоны... Лица были багровыя, съ высунутыми языками... Ихъ осмотрѣлъ врачъ... Несмотря на увѣщанія Новицкаго, въ толпѣ слышался ропотъ... На мѣстѣ казни было арестовано до тридцати человекъ, семерыхъ гимназистовъ взяли за то, что они плакали... Продержавъ дня два въ кутузкѣ, ихъ отдали учебному начальству, которое на этотъ разъ сдѣлало имъ только строгій выговоръ за мягкосердечіе... Нѣсколько солдатъ и офицеровъ, находившихся въ строю, упали въ обморокъ».

VII.

Описанными событіями не исчерпывается это проявленіе въ тотъ годъ террора на югѣ Россіи. Сюда относится еще убійство харьковскаго губернатора свиты его величества генераль-маіора князя Кропоткина, совершенное при участіи единомышленниковъ революціонеромъ Гельденбергомъ 9-го февраля 1879 года. Убійство это, по показаніямъ Гольденберга ¹⁾, совершилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

«Мысль совершить это преступленіе возникла въ декабрѣ 1878 г. въ кievскомъ соціально-революціонномъ кружкѣ, подъ вліяніемъ господствовавшего противъ покойнаго князя озлобленія за приписываемое ему суровое обращеніе съ политическими преступниками, заключенными въ центральныхъ тюрьмахъ, а также за приказаніе избить студентовъ во время бывшихъ въ Харьковѣ уличныхъ беспорядковъ. Приписывая себѣ инициативу преступленія, Гольденбергъ объяснилъ, что опредѣленные свѣдѣнія о планѣ задуманнаго имъ преступленія онъ сообщилъ въ Кіевѣ Павлу Орлову, нынѣ со-

¹⁾ Брошюра «Дѣло 16-ти народовольцевъ», изд. «Якорь».

сланному за политическія преступленія въ каторжныя работы, Афанасію Зубковскому и казненному впослѣдствіи государственному преступнику Осинскому. Лица эти одобрили его планъ, снабдили его револьверомъ, деньгами на поѣздку въ Харьковъ и рекомендательнымъ письмомъ къ жившему въ Харьковѣ студенту с.-петербургскаго земледѣльческаго института Ивану Іоновичу Глушкову (не разысканному). Пріѣхавъ въ Харьковъ, Гольденбергъ вошелъ въ сношеніе съ Глушковымъ, дворяниномъ Воронцемъ (также не разысканнымъ) и бывшимъ студентомъ Козловымъ и посвятилъ ихъ въ тайну задуманнаго предпріятія, которое, однако, осуществить не призналъ возможнымъ въ виду того, что въ это время происходили свиданія заключенныхъ въ центральныхъ тюрьмахъ съ родными и возникло опасеніе, что ближайшимъ послѣдствіемъ убійства князя Кропоткина будетъ распоряженіе о прекращеніи свиданій. Возвратившись въ Кіевъ, Гольденбергъ узналъ отъ Зубковскаго и Орлова, что для лишенія жизни князя Кропоткина ими составленъ планъ, болѣе обезпечивающій успѣхъ дѣла, и что для осуществленія сего плана необходимо устроить въ Харьковѣ конспиративную квартиру и призвать къ участию въ убійствѣ дворянина Людвигъ Кобылянскаго. Исполняя роль, назначенную ему вновь возникшимъ предположеніемъ, Гольденбергъ 13 января 1879 года выѣхалъ въ Харьковъ, прибылъ туда 15-го января и поселился въ гостиницѣ подъ именемъ дворянина Келлера.

«Вскорѣ въ Харьковъ прибыли: Зубковскій, жена лекаря Людвигъ Волькенштейнъ и Кобылянскій, первые двое устроили конспиративную квартиру, а Кобылянскій, поселившись отъ нихъ отдѣльно, подъ именемъ мѣщанина Бондаренко, сталъ вмѣстѣ съ Гольденбергомъ слѣдить за княземъ Кропоткинымъ. Зубковскій и Волькенштейнъ, въ квартирѣ которыхъ происходили всѣ совѣщанія, касающіяся задуманнаго преступленія, выдавая себя за супруговъ, именовались чужими именами, мѣняя ихъ нѣсколько разъ при переходѣ изъ одной квартиры въ другую. Въ концѣ января къ нимъ, проѣздомъ черезъ Харьковъ, по пути въ Петербургъ заѣзжало одно лицо, находящееся нынѣ въ ссылкѣ, которому Гольденбергъ передалъ для доставленія въ Петербургъ текстъ прокламацій, подлежащихъ опубликованію послѣ удачнаго осуществленія преступнаго замысла. Воззваніе это впослѣдствіи и было обнародовано отъ имени исполнительнаго комитета.

«Девятаго февраля Гольденбергъ и Кобылянскій слѣдили за княземъ Кропоткинымъ, начиная съ семи часовъ вечера и, потерявъ его на нѣкоторое время изъ вида, стали поджидать его въ Вознесенскомъ скверѣ, сидя на скамейкѣ. Около одиннадцати часовъ по дорогѣ, пересѣкающей скверъ, показалась приближавшаяся къ губернаторскому дому карета князя. Гольденбергъ подбѣжалъ къ ней съ лѣвой стороны и, вскочивъ на подножку, выстрѣлилъ въ покой-

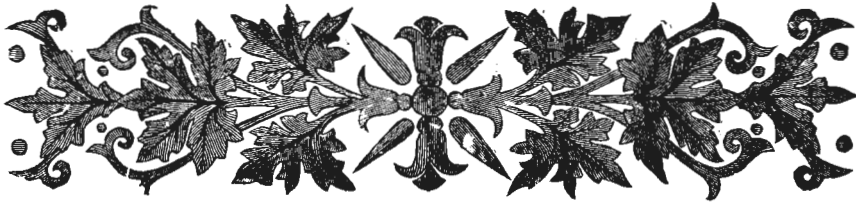
наго губернатора черезъ открытое окно, послѣ чего направился къ зданію почтовой конторы, гдѣ его поджидалъ Кобылянской. вмѣстѣ съ Кобылянскимъ Гольденбергъ былъ затѣмъ у Зубковскаго и Волькенштейнъ, а потомъ въ ту же ночь выѣхалъ въ Харьковъ» (л. 11 т. I.).

Это преступленіе террористовъ на первыхъ порахъ не было выяснено судомъ, и Гольденбергъ продолжалъ еще нѣкоторое время принимать самое дѣятельное участіе въ революціонныхъ событіяхъ: присутствовалъ на Липецкомъ съѣздѣ народовольцевъ, участвовалъ въ переговорахъ объ организаціи покушенія на жизнь Александра II при помощи подкопа подъ полотномъ Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ, а засимъ вслѣдствіе измѣненія плана покушенія взялся перевезти часть динамита изъ Одессы въ Москву. По дорогѣ въ Елисаветградъ въ томъ же 1879 году онъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ своимъ багажомъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ онъ, однако, принесъ повинную, выдалъ многихъ своихъ товарищей, раскрылъ, между прочимъ, и подробности убійства Кропоткина. По его первоначальному увѣренію, своими покаянными показаніями онъ стремился положить предѣлъ террору и тѣмъ спасти жизнь многихъ изъ своихъ бывшихъ единомышленниковъ. Увидавъ, однако, вполнѣдствіи печальныя послѣдствія для послѣднихъ отъ его откровенныхъ рѣчей, онъ пришелъ въ отчаяніе и кончилъ самоубійствомъ въ Петропавловской крѣпости.

Югъ далъ такимъ образомъ для практики террора нѣсколько образцовъ выступленій террористовъ въ видѣ покушеній на жизнь высшихъ агентовъ правительственной власти и въ видѣ вооруженныхъ возстаній. Здѣсь же для увеличенія денежныхъ ресурсовъ революціонной казны, которая значительно отоцала послѣ смерти Лизогуба, впервые проявляются покушенія и на ограбленіе казначействъ— херсонскаго и кишиневскаго, правда, не удавшіяся, но все же открывающія собою эру экспроприацій, получившихъ свое развитіе только въ наши дни. Здѣсь же впервые пускается въ ходъ, какъ разрушительное средство для взрывовъ, динамитъ и, наконецъ, здѣсь же мы становимся лицомъ къ лицу съ замыслами цареубійства и попытками его осуществленія, начиная съ замысла Виттенберга и Лаговенко, предполагавшихъ взорвать пароходъ, на которомъ долженъ былъ плыть Александръ II. Именно съ этого момента, теченіе русской революціи пѣбликомъ наклоняется именно въ сторону цареубійства, которое и является доминирующею пѣблью всѣхъ дѣяній террористовъ, и заключается трагическимъ эпизодомъ 1-го марта 1881 года. Къ описанію этой-то серіи дѣяній намъ и приходится приступить, начиная съ слѣдующаго очерка нашей работы.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СКОРБНАЯ СТРАНИЦА ВЪ ИСТОРИИ НАШЕГО ДУХОВЕНСТВА.

«Истина можетъ быть раскрыта только тогда, когда человекъ говоритъ безпристрастно, не стѣняясь ничѣмъ и никакими, могущими случиться съ нимъ, не-приятностями».

«Записки сельскаго священника», изданіе
«Русской Старины». Спб. 1882. Стр. 316.

ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ время прошлое нашего духовенства все чаще останавливаетъ на себѣ вниманіе изслѣвателей; оно все больше заинтересовываетъ ученыхъ и публицистовъ. Освѣщаемое съ самыхъ различныхъ сторонъ, это прошлое съ каждымъ годомъ становится для насъ яснѣе. Въ то время, какъ одни писатели, не стѣняясь, выставляютъ на видъ самыя пошлыя и безотрадныя стороны въ этомъ прошломъ, другіе стараются ступевать слишкомъ рѣзкія уклоненія отъ нравственныхъ идеаловъ и представить прежнюю жизнь духовенства въ болѣе привлекательномъ видѣ. Но какъ бы ни смотрѣть на прошлую жизнь духовнаго сословія, она, какъ и жизнь всякаго другого сословія, представляетъ во всякомъ случаѣ, на ряду съ отрадными явленіями, много и отрицательныхъ сторонъ, имѣетъ много темныхъ пятенъ, достойныхъ обличенія. «Истина можетъ быть раскрыта только тогда, когда человекъ говоритъ безпристрастно» — вотъ прекрасное правило одного духовнаго лица, вполне оправдавашаго его въ своихъ «Запискахъ». Руководствуясь этимъ правиломъ, мы намѣрены познакомить читателя съ нѣкоторыми новыми данными для нравственной характеристики нашего духовенства. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго желанія унижать духовенство, сослужившее нашему отечеству самую благодарную

службу, а желаемъ только сдѣлать достояніемъ науки нѣсколько новыхъ данныхъ.

Одинъ изъ документовъ, коимъ мы пользовались, касается исключительно блага духовенства. Онъ найденъ нами въ одной сельской церкви Пермской губерніи и уѣзда, имѣетъ officialный характеръ и даже былъ напечатанъ въ 1820 г. въ петербургской синодальной типографіи отдѣльнымъ изданіемъ, которое составляетъ теперь величайшую рѣдкость (такія изданія уничтожаются намѣренно). Мы не знаемъ, былъ ли извѣстенъ этотъ документъ Н. С. Лѣскову, когда онъ писалъ для «Историческаго Вѣстника» свою «Поповскую чехарду и приходскую прихоть» (февраль 1883 г.). Мы нашли этотъ документъ не въ печатномъ экземплярѣ, а въ списокѣ, современномъ появленію самаго указа. Заглавіе его таково: «О предосудительныхъ, противозаконныхъ и непристойныхъ поступкахъ, учиненныхъ въ разныя времена въ церквахъ во время служенія и внѣ онаго духовными лицами,—и какому они за сіе подвергнуты гражданскимъ судомъ наказанію». Въ концѣ документа сказано: «Печатанъ въ петербургской синодальной типографіи 1820 года».

Другой нашъ документъ касается чернаго духовенства. Онъ найденъ въ бумагахъ, оставшихся послѣ смерти секретаря пермской духовной консисторіи Архарова ¹⁾. Бумаги эти по случаю перешли въ наши руки. До своей службы въ Перми Архаровъ занималъ одно время ту же секретарскую должность въ костромской духовной консисторіи, изъ архива которой и взялъ приводимый ниже въ извлеченіяхъ документъ, какъ откровенно указывающій распорядки въ одномъ изъ монастырей костромской епархіи, именно въ Богородицкомъ Игрицкомъ монастырѣ 3 класса, что въ 15 верстахъ отъ Костромы. Кѣмъ и по какому случаю написанъ документъ—неизвѣстно. Изъ содержанія видно только, что писанъ онъ въ 1844 г. однимъ изъ монаховъ помянутаго монастыря. На немъ сдѣлана помѣтка: «изъ архива костромской духовной консисторіи» и такое заглавіе: «Изложеніе, въ какомъ положеніи находится Богородицкій Игрицкій монастырь во всѣхъ его частяхъ». Повидимому, это есть жалоба на игумена Порфирія, но жалоба, основанная на строго-фактической почвѣ и потому заслуживающая довѣрія.

Обратимся сначала къ бѣлому духовенству, а потомъ заглянемъ въ келіи игрицкихъ иноковъ и посмотримъ, что дѣлалось еще недавно въ этой обители.

---

¹⁾ Объ этомъ Архаровѣ см. нашу замѣтку «Дѣловыя и литературныя диковинки» въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за ноябрь 1886 г.

I.

Бѣлое духовенство.

22 февраля 1643 года послѣдовала грамота царя Михаила Ѳеодоровича изъ Москвы въ Сибирь, на Верхотурье, воеводѣ князю Никифору Ѳеодоровичу Мещерскому да подъячому Семену Звягину, въ которой между прочимъ говорилось:

«... во 150 году іюля въ 25 день, на именины нашіе царевны и великіе княжны Анны Михайловны обѣдали у князя Микифора (т. е. у воеводы) Верхотурскіе Никольскаго монастыря игумень Игнатей да соборные и приходскіе попы, и послѣ обѣда, за наше здоровье, пѣли надъ чашею; и соборной попъ Яковъ да приходской попъ Клементей поспорovali межъ себя про величаніе святыи матери Анны... И вы тѣхъ поповъ Якова да Клементья велѣли отдать за приставовъ; іюля жъ въ 26 день, въ сѣзжей избѣ, тѣхъ поповъ вы спрашивали... и тѣ ихъ роспросные рѣчи подѣ отпискою своею прислали къ намъ, къ Москвѣ... И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ Троецкого соборнаго попа Якова, за его пьяную плутость и за непристойныя рѣчи... послали на Верхотурье въ Николской монастырь¹⁾ къ игумену Игнатю и велѣли посадити въ смиренье на чѣпъ на двѣ недѣли, чтобъ на то смотря неповадно было инымъ попомъ впередъ такъ дуровать и безчиновать... А что попъ Клементей величанье пѣлъ не такъ, и мы того ему, Клементю, для простоты его, въ вину ставити не велѣли, нѣчто онъ такъ пѣлъ величанье хмѣльнымъ обычаемъ, или будетъ спроста, не знаючи»²⁾

Но попы не унимались, продолжали еще пуще «дуровать и безчиновать», по выраженію московскаго царя Михаила. При Петрѣ Великомъ и его ближайшихъ преемникахъ, въ самомъ сердцѣ Россіи, первопрестольной Москвѣ, въ церкви Всемиловскаго Спаса, что въ Наливкахъ, служилъ отнынѣ извѣстный попъ Кирилль Ѳеодоровъ, необычайныя дѣянія котораго, вродѣ непотреб-

¹⁾ Кстати не могу умолчать здѣсь о слѣдующемъ возмутительномъ фактѣ. Лѣтомъ 1885 г. съ научной цѣлью я пріѣхалъ въ Верхотурье, гдѣ остановился въ гостиницѣ этого самаго Николаевскаго монастыря. Засидѣвшись вечеромъ по дѣлу у нѣкоего г. Б. до 11 часовъ, я принужденъ былъ, по возвращеніи, постучаться въ двери гостиницы, въ надеждѣ, что ее отворитъ послушникъ. Но почему-то дверь отворилъ самъ завѣдующій гостиницей іеромонахъ Анинъ, котораго я обезпокоилъ, въ чемъ тотчасъ и извинился. Но его преподобіе встрѣтилъ меня такой убійственной, многоэтажной руганью, какой я въ жизни не слыхалъ ни на одной базарной площади. Я удивляюсь, какъ сей черноризецъ, уже много лѣтъ монашествующій, доселѣ не разучился столь артистично ругаться. Надо думать, у него есть постоянная практика.

А в т о р ь.

²⁾ «Акты историческіе», томъ III. Сиб. 1841 г., стр. 381.

ства въ святомъ мѣстѣ и ѣзды верхомъ на дьяконѣ Петрѣ вокругъ престола, теперь всплыли на свѣтъ Божій ¹⁾.

Время летѣло, поколѣнія людей смѣнялись одни другими, а нравы людскіе оставались все тѣ же. Наступилъ и XIX вѣкъ, но что сдѣлалъ онъ для насъ въ нравственномъ отношеніи, что получилъ онъ въ наслѣдство отъ XVIII? Отмѣтимъ нѣкоторые факты изъ времени Александра I.

Въ томъ же Пермскомъ краѣ, гдѣ приключилась исторія съ верхотурскимъ попомъ Яковомъ, въ 1806 г. марта 21 дня, послѣдовало циркулярное распоряженіе пермской духовной консисторіи, отъ имени преосвященнаго Іустина, «касательно пьяныхъ священно-церковно-служителей, приходящихъ въ церковь», гдѣ между прочимъ говорилось: «ежели кто-либо изъ священно-церковно-служителей нашей епархіи прійдетъ въ церковь пьяной, то таковыхъ, дабы не было козлогласованія, не только на клиросъ не пускать, но и изъ церкви выводить; но кто по сей причинѣ выведенъ будетъ изъ церкви—о таковыхъ немедленно намъ репортовать» ²⁾.

Не обозначаетъ ли этотъ циркуляръ, что явленіе къ службѣ въ пьяномъ видѣ духовныхъ лицъ въ тѣ времена было довольно обычно? Въ 1820 г. тотъ же преосвященный Іустинъ (въ мірѣ Вишневскій), епископъ пермскій и екатеринбургскій, на представленіи кунгурскаго духовнаго правленія объ одномъ «запрещенномъ» священникѣ села Усть-Кишерскаго дѣлаетъ слѣдующую, достойную вниманія, резолюцію: «Священникъ долженъ представить двухъ изъ духовенства поручителей, что впредь будетъ вести себя во всякой трезвости и не упиваться, да и прихожанъ обязать подпискою, чтобъ священно-церковно-служителей хмельными напитками не угощали и къ пьянству ихъ не приучали, иначе никогда не будутъ имѣть въ своихъ церквахъ трезвыхъ и въ должностяхъ исправныхъ священно-церковно-служителей. Почему благочинные въ своихъ репортахъ должны прописывать о упивающихся: гдѣ, когда и у кого сдѣлались пьяными. Сію резолюцію благочинные должны прочитать по всѣмъ церквамъ». Далѣе въ томъ же указѣ пермской консисторіи, гдѣ приведена эта оригинальная резолюція архіерея, говорится: «Вышепомянутый священникъ въ священнослуженіи по резолюціи его преосвященства запрещенъ 1818 года августа 14 дня за то, что онъ предъ вѣнчаніемъ брака крестьянина Соколова съ дѣвкой Мартыновою отъ поѣзжанъ, вмѣстѣ съ ними, пилъ вино и подъ нагулкою учинилъ съ дьячкомъ без-

¹⁾ Подробности въ статьѣ Н. С. Лѣскова: «Поповская чехарда и приходская прихоть» въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за февраль 1883 года.

²⁾ Приведенное выше заглавіе указа значится на имѣющейся у меня копіи съ указа, за № 789 и за скрѣпами: протоіерея Григорія Попова, секретаря пермской консисторіи Мышкина и повытчика 14 класса Земляницына.

чинство въ церкви. Почему пермская консисторія приказали: для исполненія вышечисанной резолюціи его преосвященства, какъ въ кунгурское, такъ и въ прочія духовныя правленія и къ благочиннымъ, въ непосредственномъ вѣдомствѣ консисторіи состоящимъ, послать указы и велѣть прихожанъ, въ чемъ слѣдуетъ, обязать подписками чрезъ земскіе суды по сношеніямъ съ ними»¹⁾.

Хороши же были пастыри и учителя церкви, если сами прихожане должны были наставлять ихъ въ правилахъ благопристойной жизни, а не наоборотъ, какъ бы слѣдовало! Могъ ли слушать прихожанинъ съ вѣрою и благоговѣніемъ наставленія и проповѣди такихъ пастырей? Не обидно ли, не унижительно ли было для прихожанина давать подписку въ томъ, что онъ не будетъ спаивать поповъ, да еще при случаѣ отвѣчать за каждого пьяницу? Вообще приведенная выше резолюція пермскаго епископа Густина въ высшей степени характерна и любопытна, какъ историческое свидѣтельство о былыхъ нравахъ.

Но зло такъ глубоко пустило свои корни, что мѣстныхъ распоряженій было уже недостаточно. Самъ святѣйшій синодъ вынужденъ былъ сдѣлать въ томъ же 1820 г. повсемѣстную въ имперіи публикацію «о предосудительныхъ, противозаконныхъ и непристойныхъ поступкахъ, учиненныхъ въ разныя времена въ церквахъ», которая была напечатана въ Петербургѣ въ синодальной типографіи и разослана по всѣмъ епархіямъ. Что же гласила эта публикація? Она заключала въ себѣ цѣлую повѣсть о проступкахъ духовныхъ лицъ, о коихъ душевно скорбѣлъ императоръ Александръ I, когда ему было сообщено объ этомъ. Вотъ эта скорбная повѣсть²⁾.

Кіевской епархіи, Черкаскаго повѣта, мѣстечка Ломоватаго, Рождество-Богородицкой церкви священникъ Іоаннъ Красовскій въ первый день Пасхи 14 апрѣля 1818 г. пришелъ въ церковь «въ пьяномъ образѣ», благословилъ начало вечерни, вмѣсто подризника, въ одномъ дячковскомъ стихарѣ безъ облаченія въ ризы, называлъ дячка дуракомъ и оттолкнулъ его отъ клироса; прихожане, явившіеся къ вечернѣ, «облачили было его въ ризы, но, видя крайне пьянаго, сняли оныя». За такыя соблазнительные поступки, по рѣшенію 1-го департамента кіевского главнаго суда, епархіальное начальство отослало виновнаго въ монастырь на

¹⁾ У меня есть копія съ этого указа пермской духовной консисторіи; любопытный указъ этотъ состоялся іюля 27 дня 1820 г. за № 2073. Его подписали: семинаріи инспекторъ игуменъ Иннокентій, секретарь консисторіи Мышкинъ, повѣтчикъ 9 класса Береговскій.

²⁾ Мы передаемъ содержаніе публикаціи своими словами, удерживая только нѣкоторыя характерныя выраженія; опускаемъ немногія подробности, не представляющія интереса, и измѣняемъ порядокъ перечисленія епархій.

А в т о р ь.

шесть мѣсяцевъ, съ запрещеніемъ священнослуженія, исправленія требъ и благословенія рукою, съ положеніемъ на каждой службѣ по 25 земныхъ поклоновъ и содержаніемъ его на хлѣбѣ и водѣ. По отбытіи наказанія Красовскій могъ возвратиться къ прежнему мѣсту только въ случаѣ согласія на то прихожанъ.

Черниговской епархіи, города Глухова, Покровской церкви священникъ Никита Бурновскій, 26 февраля 1818 г. (?), во время навечерія, въ хмельномъ видѣ учинилъ споръ съ дворяниномъ Дергуномъ изъ-за того, что послѣдній не хотѣлъ сойти съ клироса, между ними «произошло ругательство», кончившееся тѣмъ, что Бурновскій «вытащенъ былъ изъ церкви въ епитрахили». По рѣшенію 1-го департамента черниговскаго генеральнаго суда, духовное начальство отослало священника въ монастырь на годъ съ воспрещеніемъ священнослуженія въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Черезъ годъ Бурновскій могъ вернуться къ прежнему мѣсту въ случаѣ хорошей аттестаціи со стороны настоятеля монастыря за все время ссылки.

Тульской епархіи, Чернскаго округа, села Воскресенскаго діаконъ Борисъ Васильевъ и понамарь Григорій Ивановъ «учинили между собою ссору и драку во святомъ алтарѣ внѣ службы, и при томъ понамарь у священника, удерживавшаго его отъ драки, разорвалъ полукафтаны», за что, по рѣшенію тульской уголовной палаты, начальство епархіи отослало обоихъ виновныхъ въ монастырь въ черную работу на шесть мѣсяцевъ.

Пензенской епархіи, Саратовскаго округа, села Поповки дьячокъ Илья Гавриловъ во время совершенія священникомъ Леонтьевымъ въ церкви брака, «взявъ съ наложной большой требникъ, бросилъ оный въ священника, который тогда пошелъ въ алтарь, а понамарь Никита Трофимовъ, взявъ его, священника, за волосы, повалилъ на полъ и самъ съ ними палъ». «За каковыя поступки, помѣшательство совершенію брачнаго таинства учинившіе, они, дьячокъ и понамарь, по рѣшенію правительствующаго сената, присуждены къ наказанію плетью съ дачею каждому по 25 ударовъ и къ обращенію въ военную службу, а въ случаѣ неспособности къ оной—къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе».

Ярославской епархіи, Ростовскаго округа, села Ильинскаго на Бѣльни понамарь Григорій Никифоровъ 14 апрѣля 1818 г. «учинилъ въ церкви за вечернею буйство съ нанесеніемъ мѣстному діакону ножомъ въ високъ раны». Ярославская уголовная палата присудила понамаря къ наказанію плетью и отдачѣ въ военную службу, а въ случаѣ неспособности къ ней—къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе.

Той же епархіи, Ярославскаго каедральнаго собора понамарь Филипповъ учинилъ въ соборѣ внѣ службы, въ пьяномъ видѣ, крикъ и «обругалъ непристойными словами» соборнаго дьякона, за что,

по рѣшенію ярославской уголовной палаты, былъ посаженъ на мѣсяць въ смирительный домъ и потомъ исключень изъ духовнаго вѣдомства.

Той же епархіи, Ярославской Николомокровской церкви дьячокъ Петръ Ивановъ и понамарь Иванъ Васильевъ «суждены были двукратно за учиненные ими въ церкви во время службы безчинные поступки, заключавшіеся въ произнесеніи непристойныхъ и обидныхъ отъ одного къ другому словъ», за что ярославской уголовной палатой присуждены были къ заключенію на мѣсяць въ смирительный домъ «и на послѣдокъ исключены изъ духовнаго вѣдомства и отосланы въ гражданское».

Той же епархіи, Романовскаго уѣзда, села Калова дьяконъ Иванъ Федоровъ «за непристойный смѣхъ и слова, произнесенныя во время молебствія въ церкви», по рѣшенію той же уголовной палаты, «выдержанъ при полиціи подъ арестомъ одинъ мѣсяць».

Тверской епархіи, Новоторжскаго уѣзда, погоста Дмитровскаго, священникъ Николай Ильинъ «въ высокаторжественный день пришедъ въ нетрезвомъ видѣ въ церковь, во время благодарнаго молебна чинилъ шумъ сперва въ олтарѣ, а потомъ вышелъ на клиросъ; называлъ діакона за ошибку въ возглашеніи многолѣтія дуракомъ и скотомъ». Ильинъ не малое время былъ подъ судомъ, и тверская уголовная палата, вмѣнивъ ему это время въ наказаніе, опредѣлила взыскать съ него въ пользу приказа общественнаго призрѣнія 20 рублей, а въ прочемъ предоставить его въ распоряженіе епархіальнаго начальства. Послѣднее, имѣя въ виду «другія, касающіяся до него, Ильина, дѣла», отрѣшило его отъ прихода и низвело на причетническую должность съ запрещеніемъ священнослуженія на два года.

Владимирской епархіи, Гороховской округи, села Верхняго Линдеха дьячки Аврамъ Флоровъ и Иванъ Васильевъ «во время литургіи производили между собою на клиросѣ шумъ, драку и ругательство», за что по рѣшенію владимирской уголовной палаты наказаны содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ «при полиціи чрезъ три недѣли».

Той же епархіи, Вязниковской округи, села Пименки діаконъ Алексѣй Васильевъ, «пришедши пьяной въ церковь къ вечернѣ, чинилъ неблагопристойные поступки, какъ-то: ходилъ часто безъ всякой причины по церкви, кричалъ непристойнымъ образомъ на понамаря, читавшаго повечеріе», за что уголовной палатой наказанъ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ при духовномъ правленіи «чрезъ мѣсяць».

Нижегородской епархіи, Горбатовской округи, села Дальняго Давыдова понамарь Иванъ Ивановъ «учинилъ въ церкви во время литургіи дерзновенные поступки: сперва вырвалъ часословъ у малолѣтняго дьяческаго сына, стоявшаго для пѣнія на клиросѣ, и

бросилъ шляпу его къ царскимъ вратамъ съ громкимъ крикомъ и бранью къ отцу того мальчика, стоявшему на лѣвомъ клиросѣ, а въ другой разъ онаго же мальчика тащилъ съ клироса и затѣмъ, взойдя въ олтарь, кричалъ съ непристойными и бранными словами на отца онаго мальчика, чтобъ онъ взялъ его съ клироса». Нижегородская палата уголовного суда очень сурово расправилась съ понамаремъ, постановивъ наказать его плетьюми до 50 ударовъ и затѣмъ «отослать его въ губернское правленіе на разсмотрѣніе».

Вологодской епархіи, Вологодской градской Аванасьевской церкви понамарь Викторъ Шубинъ, «будучи пьяной, вошедъ во время вечерни въ олтарь, оказалъ неуваженіе къ святому мѣсту». Вологодская уголовная палата присудила его къ наказанію плетьюми 25 ударами и къ отдачѣ въ военную службу, а въ случаѣ негодности къ таковой—къ припискѣ въ мастеровые на казенномъ заводѣ или фабрикѣ.

Вятской епархіи, Слободской округи, села Нагорскаго понамарь Гаврило Кочкинъ «въ церкви производилъ смѣхъ и шумъ и наконецъ случившагося быть тамъ подканцеляриста Кочкина же таща къ растопленной печи, разорвалъ у тулупа его полу». Вятская уголовная палата опредѣлила заключить понамаря въ тюрьму на недѣлю и затѣмъ отдать его въ военную службу, а въ случаѣ неспособности къ ней—предоставить ему, понамарю, «родъ жизни въ подушномъ окладѣ».

Той же епархіи, Орловской округи, села... (неразборчиво) понамарь Захаръ Мухачевъ, учинившій въ церкви при вѣнчаніи брака неблагопристойный поступокъ, оштрафованъ, по рѣшенію уголовной палаты, 10 рублями въ пользу приказа общественнаго призрѣнія.

Села Нѣчкина дьяконъ Павелъ Толокновъ во время крещенія младенца въ церкви «оказалъ себя склоннымъ къ корыстолюбію». Уголовная палата вмѣнила ему въ наказаніе нахожденіе подъ судомъ больше года внѣ должности, «и притомъ сдѣланъ ему строжайшій выговоръ съ надлежащимъ подтвержденіемъ».

Тобольской епархіи, Семипалатинскаго вѣдомства, Усть-Каме-ногорской крѣпости священникъ Симеонъ Пушкаревъ, во время вѣнчанія 8-го января 1817 года товарищемъ его, священникомъ Николаемъ Пушкаревымъ же, брака, «по приходѣ въ церковь взялъ съ надлежащаго мѣста палой съ святымъ евангеліемъ и крестомъ, срывалъ съ священника Николая ризы и сдѣлалъ чрезъ то помѣшательство въ совершеніи брака». Тобольскій уѣздный судъ оштрафовалъ виновнаго 25 рублями въ пользу приказа общественнаго призрѣнія».

Иркутской епархіи, Верхнеудинскаго уѣзда, Селенгинской Покровской церкви священникъ Іоаннъ Преловскій 5-го февраля 1819 года, во время вѣнчанія священникомъ Шайдуровымъ брака

«пришедъ въ церковь въ пьяномъ видѣ, усиленно взялъ лежащій на налоѣ подлѣ евангелія крестъ, называлъ священника Шайдурова воромъ и сводникомъ и ударилъ брата своего, понамаря Дмитрія Преловскаго, и отставного цейхдинера—перваго въ зубы, а послѣдняго въ лицо». По рѣшенію иркутской палаты уголовного суда, утвержденному генералъ-губернаторомъ, священникъ Преловскій былъ лишенъ священства и «отосланъ въ гражданское вѣдомство для записи его въ низшій классъ городскихъ жителей или, по способности, къ опредѣленію въ число канцелярскихъ служителей».

Здѣсь оканчивается перечисленіе церковныхъ безпорядковъ. Замѣтимъ, что всѣ исчисленныя дѣянія совершились, какъ видно, въ ничтожный періодъ времени, въ теченіе какихъ-нибудь 3-хъ—4-хъ лѣтъ, совершились на огромномъ пространствѣ отъ Кіева до Селенгинска, отъ Вологды до Саратова. Значить, это было повсемѣстно, приняло характеръ упорной эпидеміи, съ которой приходилось бороться энергически, путемъ строгихъ карательныхъ мѣръ, ошибочно считавшихся въ то время лучшимъ исправительнымъ средствомъ. Недаромъ святѣйшій синодъ заканчиваетъ свою публикацію словами: «Оглашается между всѣмъ духовенствомъ въ страхъ и опасеніе отъ подобныхъ преступленій».

II.

Черное духовенство.

Если такіе подвиги совершались воочію, предъ лицомъ молящагося народа, совершались въ храмѣ Божіемъ служителями церкви, то что же творилось за глазами, гдѣ-нибудь въ захолустномъ монастырѣ, подъ охраной монастырскихъ стѣнъ? Мы можемъ получить объ этомъ нѣкоторое понятіе, если поближе узнаемъ закулисную жизнь одного монастыря, какъ сдѣлалъ это г. Терпигоревъ (Атава) относительно Солотчинскаго монастыря близъ Рязани ¹⁾. На основаніи такихъ отдѣльныхъ сообщеній со временемъ можно будетъ прійти къ тѣмъ или другимъ общимъ выводамъ. Мы остановимъ вниманіе также на одномъ изъ монастырей центральной Россіи, а именно Богородицкомъ Игрицкомъ, что въ 15 верстахъ отъ Костромы. Кажется, этотъ монастырь нельзя назвать захолустнымъ, какъ отстоящій отъ Москвы всего въ 350 съ небольшимъ верстахъ, а между

¹⁾ Статья: «Солотчинскіе монахи и ихъ крѣпостные» въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за февраль 1887 г. Здѣсь подробно и ясно излагаются монастырскіе распорядки въ первой половинѣ XVIII вѣка. Мы беремъ время столѣтіемъ позже.

А в т о р ь.

тѣмъ внутренняя жизнь его въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка представляла поразительную картину нравственной разнузданности. Заботы о земныхъ благахъ, служеніе чреву, полное забвеніе духовныхъ обязанностей, отсутствіе духовныхъ интересовъ и нравственная нечистоплотность глубоко возмущали нѣкоторыхъ членовъ своей же братіи, пришедшихъ въ обитель спасти душу, а не угождать плоти. Упомянутый нами во вступленіи къ статьѣ неизвѣстный авторъ записки объ Игрицкомъ монастырѣ, составленной въ 1844 г., рисуеъ его положеніе въ слѣдующихъ чертахъ.

«Исусъ Христосъ, — говоритъ онъ, — назвалъ нѣкогда ветхозавѣтный храмъ вертепомъ. Страшиться надобно, чтобъ и наша обитель не содѣлалась такимъ же вертепомъ. Есть уже въ ней и церковь лукавствующихъ, и школа разврата, и гнѣздо всякаго нечестія. *Ей, ей такъ!* И входящіе по разнымъ случаямъ въ монастырское сопребываніе, и во окрестныхъ селеніяхъ жительствующие необразованные даже крестьяне и видятъ, и слышатъ то, и дивятся тому, и воздыхаютъ, и болѣзнуютъ о томъ, и смѣются тому, и осуждаютъ, и поносятъ то, что творятъ пустынножители, безчинствуя внутри и внѣ монастыря...

«Въ минувшемъ октябрѣ 9-го числа открылось значительное похищеніе изъ келіи іеромонаха Виталія, учиненное послушникомъ Николаемъ Петровымъ; 27-го учинено пьянымъ іеромонахомъ Ирнархомъ въ церкви за вечернимъ пѣніемъ самое дерзкое буйство; 30-го числа послѣ поздней литургіи, при выходѣ братствующихъ изъ церкви, заявила имъ, въ томъ числѣ и мнѣ, казеннаго вѣдомства подмонастырной Песочной слободы пожилая и примѣтно беззазрительнаго поведенія дѣвица Анна Кругленкова, что въ тотъ же день послѣ ранней литургіи приходилъ къ ней въ домъ іеродіаконъ Матѳей съ ножомъ въ рукахъ и, обругавъ ее, намѣренъ-де былъ или прибить, или и совсѣмъ зарѣзать ее, по слушавшимъ его брань и ея жалобный крикъ и подошедшимъ къ окну домика ея сосѣднимъ крестьяниномъ Діомидомъ былъ въ злонамѣреніи томъ удержанъ. Сей іеродіаконъ завелъ, при старости своей, чему всякій дивится, любострастное знакомство съ жительствующею въ слободѣ Песочной крестьянской вдовой Парасковьей Петровой Бутылиной такъ пристрастно, что безъ страха и стыда и во дни явно, а весьма часто и по ночамъ тайно бѣгаетъ къ ней изъ монастыря и едва ли не всегда съ поносомъ; дивятся сосѣди ея тому, какъ и гдѣ онъ беретъ тѣ вещи, какія къ ней приносятъ? И самоваръ свой, и чай, и сахаръ не у себя въ келіи, а у нея, Бутылиной, содержитъ... Настоящаго года, весною, тотъ же іеродіаконъ приучилъ къ себѣ множество женщинъ, а частію и мужчинъ, для пользованія ихъ какими-то заговорами и прочими чарованіями отъ лихорадочной болѣзни, въ чемъ братствующие іеромонахи и іеродіаконы весьма предосуждали его, но онъ, не слушая ихъ, продолжалъ свою вол

шебную промышленность, потому что со стороны настоятеля не видѣлъ ни малѣйшаго воспрещенія. Подобною же вольностію и сверхъ того особеннымъ довѣріемъ отъ настоятеля пользуется кучеръ его, послушникъ Платонъ Гавриловъ, который весьма часто не только днемъ, но и на цѣлыя ночи невозбранно и не тайкомъ уходитъ изъ монастыря въ слободу, а когда понадобится настоятелю, то посланные за нимъ находятъ его или у солдатки Дарьи Ивановой, или въ питейномъ домѣ... И что значитъ такое довѣріе, какимъ и казначей изрѣдка пользуется? Полагаю перстъ на уста моя. Дивлюсь—и всякій дивится—той особенной и, можно сказать, слѣпой привязанности, какую имѣетъ отецъ игумень къ сему кучеру и къ брату его родному, келейнику своему Николаю Гаврилову. Они и пьянствуютъ, и волокитствуютъ, и пропиваютъ, и теряютъ, и крадутъ, и еще грубятъ ему, и ругаютъ его въ лицо, а онъ сколь противу прочихъ горячъ и нетерпѣливъ, столько противъ нихъ кротокъ и молчаливъ, не только не взыскиваетъ съ нихъ, но еще ублажаетъ и задабриваетъ ихъ ласкою и подчиваніемъ. Что это значитъ? Это, кажется, та самая тайна, о коей срамно есть и глаголати».

Но если о. игумень Порфирій такъ мирволилъ своимъ ближайшимъ келейникамъ, знавшимъ всѣ тайны его частной жизни, то не таковъ былъ онъ въ отношеніи прочей братіи.

«20-го октября сего 1844 г.,—продолжаетъ сѣтующій авторъ записки,—о. игумень въ запальчивости прибилъ въ лѣсу Костромской округи казеннаго вѣдомства дер. Чижева крестьянина Дмитрія Петрова, который пилилъ для монастыря дрова съ пятью товарищами, кои и могутъ о томъ свидѣтельствовать. Какъ самъ онъ (игумень) никогда, кромѣ опасной болѣзни, не исповѣдуется, такъ и послушникамъ однажды только въ годъ, въ первую седмицу Великаго поста, даетъ свободу отъ работъ для приуготовленія къ исповѣди и св. причащенію; въ прочіе же три поста отвлекаетъ ихъ отъ исполненія сего христіанскаго долга работными налогами, отъ конхъ и во дни воскресные и праздничные не всегда и не вовсе и не всѣхъ ихъ освобождаетъ...»

«По братской трапезѣ,—продолжаетъ авторъ «Изложенія»,—никакого порядка и благочинія не соблюдается, потому что настоятель дважды только въ годъ—въ первые дни Пасхи и Рождества Христова—въ трапезу входитъ; а безъ него и за обѣденнымъ и за ужинымъ столомъ вмѣсто ученія, которое почти вовсе уже оставлено, братствующіе занимаютъ то сторонними и пустыми разговорами, пересказами и пересудами, то негодованіемъ и ропотливостію на скудость и суровость пищи и на скупость настоятеля—а нерѣдко и бездѣльными между собою спорами, вздорами, ссорами и даже ругательствами. А что между состоящими въ рабочемъ комплектѣ послушниками въ будни происходитъ, когда они въ кухнѣ, а не въ самой трапезной комнатѣ обѣдаютъ и ужинаютъ, на то и

смотрѣть оскорбительно, и слушать срамно, и сказать-то стыдно, но для нашего настоятеля утѣшительно и занимательно, такъ что онъ нерѣдко принимаетъ участіе въ бездѣльномъ, блазнительномъ и даже для нѣкоторыхъ изъ нихъ не весьма обидномъ собесѣдованіи съ ними, послушниками. На трапезныхъ прислужникахъ—поварѣ и столовщикѣ—никогда почти не видно верхняго одѣянія; въ однихъ запачканныхъ рубахахъ и портахъ, босые или въ лаптяхъ, дѣла свои исполняютъ и входятъ въ трапезу съ произношеніемъ иногда вмѣсто молитвы скверныхъ и блудныхъ словъ».

Далѣе авторъ записки объ Игрицкой обители говоритъ, что и сами братствующіе одѣваются немного лучше трапезныхъ прислужниковъ. Въ примѣрѣ онъ указываетъ на самого себя.

«Я имѣю при себѣ,—говоритъ онъ,—мантію весьма поношенную, клобукъ фланелевый поношенный же, подрясниковъ холодныхъ два—одинъ нанковый, а другой полубумажный—и третій теплый—крашенинный на овчиномъ мѣху, давно подиный и уже до нищенскаго подобія изветшалый. Сверхъ сего получаю въ годъ: одни кожаные сапоги и шерстяные чулки и для бѣлья 35 аршинъ мелкихъ новинныхъ остатковъ, а для освѣщенія келіи съ половины сентября до Пасхи иногда по одной, а иногда и по двѣ сальныя самага мелкаго сорта свѣчи на цѣлую седмицу; чрезъ двѣ, а иногда и чрезъ три недѣли, когда баня топится, тогда дается мнѣ маленькая печаточка мыла; черное платье мое монастырскимъ мыломъ и трудами служащихъ при монастырѣ на скотномъ дворѣ женщинъ моется; келію мою отапливаю дровами монастырскими, кои, однако, и внутри и внѣ монастыря, гдѣ попадутся, собирать и даже въ лѣсъ за ними ѣздить при старости моей принужденъ бываю. Таково ли должно быть довольное отъ монастыря содержаніе? Судите. Чѣмъ же прочіе отцы и братія довольствуются—пусть сами скажутъ».

Таковъ имущественный инвентарь престарѣлаго монаха, уже имѣющаго клобукъ и мантію. Каковъ же, въ самомъ дѣлѣ, былъ онъ у младшей братіи? Вѣроятно, много скуднѣе. Отсюда авторъ «Изложенія» переходитъ къ описанію монастыря въ хозяйственномъ отношеніи. Изъ этого описанія, особенно обстоятельнаго, видно, что хозяйство Игрицкаго монастыря при о. игуменѣ Порфиріи велось крайне небрежно, хотя монастырь съ этой стороны обезпеченъ былъ хорошо: одного лѣса онъ имѣлъ болѣе 1,500 десятинъ, сверхъ того обширныя пашни, огороды, настбища, двѣ мельницы и т. д. О. игумень Порфирій и въ хозяйственныхъ дѣлахъ не любилъ держать совѣтъ съ братією, по старому обычаю, а заправлялъ монастырскимъ хозяйствомъ по своему личному «благоусмотрѣнію». Всѣ суммы расходовались имъ безконтрольно, при чемъ онъ привыкъ смотрѣть на монастырское имущество, какъ на свое собственное. По его приказанію, все исполнялось немедленно, а эти приказанія имѣли цѣлью обильный доходъ—не столько для монастыря,

сколько лично для о. Порфірія. Доходы, дѣйствительно, получались, а хозяйство падало и разстраивалось больше и больше. О. игумень лично для себя былъ щедръ, любилъ сытно покушать, прилично одѣться, важно проѣхаться до губернскаго города,—словомъ, любилъ «покейфовать». Все это требовало, конечно, средствъ, и—надо отдать ему справедливость—онъ былъ изобрѣтателемъ въ способахъ пріобрѣтенія денегъ, придумывалъ оригинальныя мѣры для пополненія скоро истощавшагося кармана. Прекрасный хвойный лѣсъ въ монастырскихъ дачахъ быстро рѣдѣлъ подъ топорами дровосѣковъ; его рубили, по словамъ автора записки, «безъ всякой пощады» для продажи и полученія отъ нея хорошихъ доходовъ. «Свѣчная продажа,—продолжаетъ старецъ,—у насъ въ корчемство и святотатство обращается: въ корчемство потому, что одна свѣча много разъ продается, а въ святотатство потому, что приносимыя изъ домовъ свѣчи приказываетъ игумень, не зажигая, обирать и употреблять въ продажу, отъ чего въ простомъ народѣ ропотъ и шумство иногда происходятъ, а монастырь терпитъ примѣтное для братствующихъ умаленіе въ количествѣ и усердіи богомольцевъ».

Но особенно возмущалось нравственно-религіозное чувство сѣтовавшаго старца—автора «Изложенія»—«иконнымъ промысломъ». При Игрицкомъ монастырѣ есть чудотворная икона Смоленской Божіей Матери. «Не всегда и не во всѣ мѣста по усердному приглашенію икона сія отправляется изъ монастыря въ ходы,—говоритъ неизвѣстный авторъ записки:—а посылаемые при ней два священнослужителя и одинъ послушникъ ѣздятъ и безъ зову по деревнямъ и впрасиваются и почти сильно вторгаются въ крестьянскіе дома»... Какъ же тутъ не быть ропоту и «шумству» въ народѣ, при столь безстыдномъ и невообразимо-нагломъ вымогательствѣ у мужика послѣдней трудовой копейки?! И обо всемъ этомъ по жалобамъ, конечно, вѣдалъ о, игумень, не воспрещавшій, однакоже, этого позорнаго торга святыней.

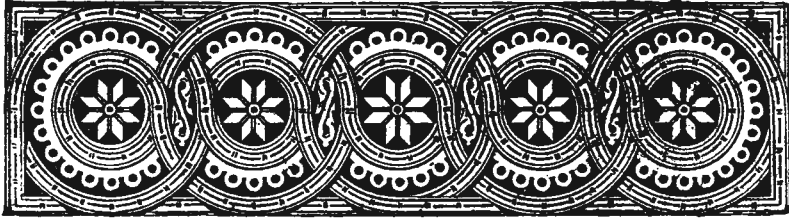
Такова въ общихъ чертахъ была изобрѣтательность игумена Порфірія въ изысканіи источниковъ дохода для себя и частью для монастыря. А между тѣмъ какія удобства доставлялъ онъ навѣщавшимъ обитель богомольцамъ? 28-го іюля, въ храмовой праздникъ Смоленской Божіей Матери, въ монастырѣ бываетъ особенный наплывъ богомольцевъ изъ Костромы и окрестныхъ селеній. Народъ начинаетъ стекаться въ обитель еще за нѣсколько дней до праздника. «Почетные богомольцы,—говоритъ авторъ записки,—не только мужскаго, но и женскаго пола въ братскія келіи пріемлются; ремесленники, какъ-то—портные, столяры и др.—тожь въ сожитіе съ братією вводятся, а простой народъ въ одной избѣ со скотницами помѣщается; и сіе размѣщеніе, кромѣ того, что причиняетъ тѣсноту и безпокойство братствующимъ и скотницамъ, можетъ служить и соблазномъ для братіи, и виною нелѣпныхъ насчетъ монастыря разглашеній».

Далѣе неизвѣстный авторъ записки входитъ въ подробное разсмотрѣніе хозяйственной части монастыря въ отношеніи хлѣбопашества, «плодорастительныхъ огородовъ», лѣсныхъ дачъ, двухъ водяныхъ мельницъ, монастырскихъ строеній и т. д. Мы не видимъ надобности входить здѣсь въ разборъ этихъ подробностей, слишкомъ спеціальныхъ и не имѣющихъ отношенія къ главной цѣли настоящей статьи, которая заключается въ нравственной характеристикѣ монашествующихъ. Поэтому мы заканчиваемъ здѣсь выписки изъ «Изложенія», авторъ котораго въ заключеніе замѣчаетъ, что «монастырь Игрицкій, какъ гробъ, по слову Христову, поваленный, не столько уже на обитель монашествующихъ, сколько на усадьбу помѣщицы и на рабочій домъ походить... и страждетъ во всѣхъ частяхъ своихъ».

Тутъ читатель можетъ сказать намъ, что частной жалобѣ нельзя безусловно вѣрить. Согласны и мы съ этимъ, но еще разъ просимъ обратить вниманіе на то, что жалующійся монахъ вездѣ стоитъ на почвѣ фактовъ, выставляя въ свидѣтели справедливости своихъ словъ другихъ монаховъ той же обители, окрестныхъ жителей, изъ коихъ одинъ былъ даже прибитъ въ лѣсу самимъ игуменомъ Порфоріемъ, наконецъ богомольцевъ, стекающихся въ монастырь къ храмовому празднику 28-го іюля. Въ самомъ началѣ «Изложенія» престарѣлый монахъ, человѣкъ богобоязненный, вызываетъ къ чувству справедливаго и нелицепріятнаго судіи восклицаніемъ: «ей, ей, такъ!» и подаетъ свою жалобу высшей духовной власти въ губерніи, не страшась никакихъ послѣдствій. Послѣ всего этого, думаемъ, нельзя не признать въ словахъ автора записки объ Игрицкомъ монастырѣ значительной доли вѣроятія, а въ фактахъ—практической возможности.

Да и что же особенно удивительнаго и невозможнаго сказали монахъ о своемъ игуменѣ, если вспомнимъ, что и сами епархіальные владыки бывали всяковаты. Теперь собрано уже довольно фактовъ по этому вопросу. О нихъ свидѣтельствуютъ въ частныхъ беседахъ сами духовныя лица, а не такъ давно печатно засвидѣтельствовали въ «Русской Старинѣ» умудренный долготѣннымъ опытомъ священникъ одной изъ низовыхъ приволжскихъ губерній, авторъ тѣхъ прекрасныхъ «Записокъ сельскаго священника», изъ коихъ мы взяли эпиграфъ къ этой статьѣ. Не говоримъ уже о сообщеніяхъ свѣтскихъ лицъ изъ той же области, такъ мало доступной частному наблюдателю: они извѣстны всей читающей русской публикѣ.

Ал. Дмитріевъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О САМОЗВАНЦѢ ЧЕРЕМШАНСКОМЪ.

ВЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ самозванца Черемшанскаго, сдѣланной сенаторомъ Мѣщаниновымъ въ мартовской книжкѣ и г. Евгеньевымъ въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1910 годъ, я желалъ бы добавить кое-что, какъ служившій во время дѣяльности Черемшанскаго въ сарапульскомъ земствѣ старшимъ врачомъ сарапульской земской больницы и бывшій, такимъ образомъ, сослуживцемъ Черемшанскаго, который былъ участковымъ земскимъ врачомъ, имѣлъ резиденцію въ селѣ Каракулинѣ на Камѣ, въ 60-ти верстахъ отъ Сарапула, часто бывалъ у меня, какъ товарищъ, а также бывалъ одновременно со мной во многихъ извѣстныхъ семейныхъ домахъ сарапульскаго общества; главнымъ же образомъ мнѣ хотѣлось бы дать нѣкоторое объясненіе недоумѣнію, высказываемому какъ въ личныхъ разговорахъ объ Черемшанскомъ, такъ и въ печатныхъ сообщеніяхъ объ немъ, по адресу знавшихъ его врачей, какъ они не распознали, что въ средѣ ихъ дѣйствуетъ не врачъ, а самозванецъ. Первая моя встрѣча съ Черемшанскимъ, описанная ниже, а также и дальнѣйшая его тактика въ Сарапулѣ могутъ дать до нѣкоторой степени объясненіе этого ложнаго положенія врачей.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1878 года предсѣдатель сарапульской земской управы врачъ Круликовскій, при свиданіи со мной сообщилъ мнѣ съ особеннымъ удовольствіемъ, что онъ встрѣтилъ на пароходѣ замѣчательнаго по виду и энергіи отставнаго военнаго врача, док-

тора медицины Черемшанскаго, котораго и пригласилъ на службу въ сарапульское земство, что аттестатъ этого врача представляетъ преинтересный документъ по описанію различныхъ служебныхъ превратностей, которыя испыталъ Черемшанскій во время своей службы. Вскорѣ послѣ этого разговора явился ко мнѣ Черемшанскій въ блестящемъ военномъ мундирѣ, съ звонкими шпорами, съ густыми эполетами, со знакомъ доктора медицины, съ аннинскимъ крестомъ на шеѣ и множествомъ медалей и иностранныхъ и русскихъ орденовъ на груди, въ числѣ которыхъ былъ и георгіевскій крестъ. Быстрый въ движеніяхъ, энергичный въ разговорѣ, онъ сразу заинтересовалъ меня своей бесѣдой. Собираясь уже уходить, Черемшанскій обратился ко мнѣ со слѣдующей рѣчью, которую я, несмотря на тридцатилѣтнюю давность, помню почти дословно, такъ какъ при послѣдующихъ эпизодахъ изъ дѣятельности Черемшанскаго мнѣ много разъ приходилось вспоминать и повторять ее въ разсказахъ:

«Почтеннѣйшій коллега! позвольте мнѣ обратиться къ вамъ, какъ къ доброму товарищу, съ просьбой не судить меня строго, какъ врача, такъ какъ, кончивъ курсъ во время войны ускореннымъ выпускомъ, я отправился въ дѣйствующую армію, а затѣмъ, по окончаніи войны остался навсегда на военной службѣ, которая кидала меня изъ конца въ конецъ по нашему обширному отечеству; приходилось вести кочевую жизнь и служить въ разныхъ глухихъ захолустьяхъ, вродѣ тобольскаго Березова, а потому я не имѣлъ возможности пополнить мои знанія, слѣдить за научными новостями и естественно, что во многихъ научныхъ вопросахъ я полный невѣжда, а служить все-таки надо! Не смотрите на мой докторскій значокъ, какъ на ученый знакъ, онъ данъ мнѣ, конечно, не за познанія мои, а по протекціи великихъ міра сего, для права занятія нѣкоторыхъ должностей, гдѣ требуется докторская степень; кресты же мои заслужены моей несокрушимой энергіей и храбростью, что свидѣтельствуетъ этотъ георгіевскій крестъ, и моей неподкупностью, за которую спеціально я ношу на шеѣ аннинскій крестъ, данный мнѣ за раскрытое медицинскимъ изслѣдованіемъ одно громкое дѣло въ Сибири, за которое мнѣ предлагали взятку въ 40 тысячъ. Прошу васъ, если замѣтите какую-нибудь ошибку или въ моей діагностикѣ, или въ терапіи, будьте по-товарищески снисходительны ко мнѣ и, кромѣ того, не откажите мнѣ въ вашихъ совѣтахъ и руководствахъ и по службѣ, такъ какъ по земству я никогда не служилъ».

Рѣчь эта была высказана настолько горячо, что нельзя было не повѣрить искренности ея содержанія, а потому понятно будетъ, какъ я, такъ и другіе товарищи, если онъ такъ же откровенно имъ высказывался, дѣйствительно снисходительно смотрѣли на научныя познанія нашего новаго товарища, тѣмъ болѣе, что дальнѣйшее его поведеніе давало нѣкоторое подтвержденіе имъ высказаннаго; такъ,

напримѣръ, очень часто при разѣздахъ своихъ по участку онъ привозилъ съ собой изъ деревень большихъ ко мнѣ за совѣтомъ относительно опредѣленія болѣзни и леченія, при чемъ въ собственныя разсужденія никогда не пускался, а просто просилъ посмотрѣть больного и опредѣлить форму заболѣванія, такъ какъ самъ онъ въ этомъ затрудняется, но предварительныя свѣдѣнія о ходѣ болѣзни всегда сообщалъ. Знаю, что нѣкоторыхъ серьезныхъ оперативныхъ больныхъ онъ отправлялъ на свой счетъ въ гор. Казань. Въ аптекѣ, а также сослуживцевъ своихъ фельдшеровъ онъ просилъ обращать вниманіе на его рецепты и если что-нибудь окажется не такъ, какъ слѣдуетъ, то сообщить ему, или же прямо исправлять такъ, какъ прописываютъ мѣстные врачи.

Затѣмъ приведу два извѣстныхъ мнѣ случая, которые также давали основаніе вѣрить высказанной выше его рекомендаціи о себѣ. Въ Воткинскомъ заводѣ одинъ изъ мѣстныхъ врачей дѣлалъ при родахъ наложеніе щипцовъ, случай былъ довольно трудный; явившійся въ это время Черемшанскій предложилъ товарищу свои услуги и быстро кончилъ благополучно извлеченіе. Второй случай былъ въ Сарапулѣ, гдѣ у родильницы было задержаніе дѣтскаго мѣста. Черемшанскій въ присутствіи другого врача сдѣлалъ извлеченіе надлежащимъ образомъ.

Такая ловкая предупредительная тактика, а также видимо бывшія у Черемшанскаго кое-какія практическія врачебныя свѣдѣнія были причиной того ложнаго положенія, въ которомъ оказывались его сослуживцы-врачи. На консиліумахъ, какъ мнѣ помнится, онъ воздерживался высказывать свое мнѣніе и присоединялся къ мнѣнію другихъ. Какъ онъ давалъ экспертизы въ судѣ и заключенія въ судебно-медицинскихъ актахъ, я не знаю, такъ какъ не приходилось мнѣ по этому поводу принимать совмѣстное съ нимъ участіе, но хорошо помню, что не разъ слышалъ отъ лицъ судебного вѣдомства выраженіе удовольствія по поводу рѣшительныхъ, опредѣленныхъ и категорическихъ заключеній Черемшанскаго. Будучи временно прикомандированъ къ сарапульской больницѣ, за моимъ отсутствіемъ, въ помощь другимъ врачамъ, Черемшанскій, какъ рассказывали, серьезно дѣломъ не занимался, предоставивъ это опытнымъ больничнымъ фельдшерамъ, самъ же являлся только для виду, для подписи рецептурныхъ книгъ, все куда-то по обыкновенію спѣша, такъ какъ вмѣстѣ съ прикомандированіемъ къ сарапульской больницѣ онъ не оставлялъ завѣдыванія и своимъ участкомъ.

Здоровье и энергія этого человѣка были замѣчательны: несмотря на большое количество обыкновенно выпиваемаго имъ вина, мы никогда пьянымъ его не видали; всегда онъ былъ веселъ, находчивъ, забавный и неистощимый рассказчикъ, чѣмъ всегда оживлялъ общество, гдѣ появлялся. Мнѣ пришлось быть съ нимъ нѣ-

которое время въ разъѣздахъ по уѣзду во время приѣма новобранцевъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, жить въ общей квартирѣ и наблюдать нѣкоторыя особенности этого человѣка. Спалъ онъ очень мало—возвращаясь домой въ 2—3 часа ночи, въ 6 часовъ онъ былъ уже на ногахъ; спалъ въ одномъ бѣльѣ, не одѣваясь, постельныхъ принадлежностей, кромѣ одной подушки, съ собой не бралъ и, видимо, въ нихъ не нуждался; поза его во время сна была такая, что онъ какъ будто на лету только приткнулся къ кушеткѣ, будучи готовъ каждую минуту вскочить. Теплаго платья онъ не имѣлъ; несмотря на ноябрьскіе морозы, ѣздилъ въ лѣтнемъ, сѣромъ военномъ пальто, въ холодной фуражкѣ и безъ галошъ, ни дорожнаго одѣяла, ни матрацовъ въ повозкѣ у него не полагалось, а только охапка сѣна или соломы, подушка, маленькій чеходанъ и больше ничего, при этомъ все время одна нога на облучкѣ и при безпрестанномъ повтореніи слова «пошелъ» нога эта толкаетъ ямщика въ спину, а если этого для скорой ѣзды бывало не достаточно, то ямщику отпускалось и болѣе энергичное угощеніе, послѣ котораго на станціи слѣдовала щедрая плата на чай съ наказомъ впередъ на козлахъ не дремать!

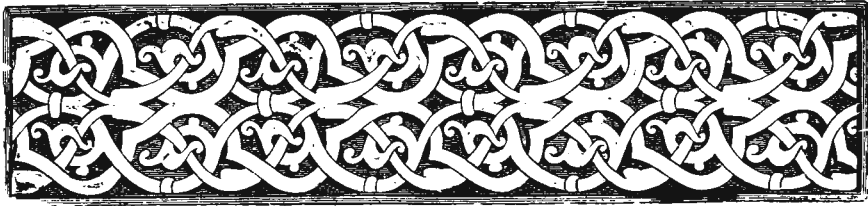
При постоянно веселомъ настроеніи, Черемшанскій если не занятъ былъ разговоромъ, то что-нибудь напѣвалъ или насвистывалъ, прищелкивая въ тактъ пальцами и шпорами. По возвращеніи своемъ изъ отпуска я замѣтилъ, что больничная прислуга и фельдшера все что-то напѣваютъ на мотивъ распространеннаго тогда «Стрѣлочка», но съ переложеннымъ содержаніемъ изъ эпизодовъ послѣдней турецкой войны:

Какъ въ іюнѣ мѣсяцу, мѣсяцу
Дѣло было ужъ къ концу, ужъ къ концу.
Да!
Шлепну взять хотѣли, да мы хотѣли,
Но крѣпко турки тамъ засѣли
И остались съ носомъ мы! и проч.

Очевидно, это былъ результатъ частыхъ посѣщеній больницы веселымъ Черемшанскимъ, который любилъ напѣвать эту пѣсенку, и его пѣвучее, веселое настроеніе передалось больничному персоналу.

Въ сарапульскомъ земствѣ Черемшанскій служилъ съ мая по октябрь 1878 г., а въ декабрѣ изъ Сарапула, насколько мнѣ помнится, уѣхалъ въ Мензелинскій уѣздъ.

Врачъ А. К. Добронравовъ.

ПРИГОРОДЪ СЕРГІЕВСКЪ.

(Изъ памятной книжки земскаго статистика).

I.

ОБСТВЕННО говоря, трудно сказать, что такое Сергѣевскъ; городъ—не городъ, но и не село, а нѣчто среднее между тѣмъ и другимъ. Официально же Сергѣевскъ считается пригородомъ Бугурусланскаго уѣзда Самарской губерніи.

Познакомился я съ исторіей пригорода при производствѣ въ немъ оцѣночно-статистическихъ работъ осенью 1901 года.

До 1782 года Сергѣевскъ былъ маленькой крѣпостцей, сооруженной Петромъ Великимъ для охраны пограничной линіи, шедшей—въ видѣ земляного вала—отъ волжскихъ до камскихъ береговъ; валъ этотъ, мѣстами пораспаханный, сохранился и понынѣ. Въ 1782 г. крѣпостцу преобразовали въ уѣздный городъ нынѣшней Самарской губерніи, водворили въ немъ земскій приказъ, построили тюрьму, соляные амбары; здѣсь же основалась резиденція воеводы, дьяка, подъячихъ и соляного пристава.

Должность соляного пристава кажется теперь странной, дикой, но тогда, наоборотъ, эта должность, выдвинутая соляной монополіей, считалась важной государственной должностью. Страдали отъ нея исключительно крѣпостные люди. Крестьяне, не заплатившіе во время «ясакъ» или не отбывшіе какую-нибудь изъ множества натуральныхъ повинностей, кромѣ жестокихъ наказаній, лишались и права на получение соли изъ казеннаго амбара. «И было

тогда,—какъ пишетъ мѣстный лѣтописецъ:—что во многихъ селеніяхъ и люди и скоть по цѣлымъ мѣсяцамъ не видѣли и крупинки соли. А тѣ, у кого соль имѣлась, считались счастливыми, богачами»...

Соль, привозившаяся сюда изъ Илецкой Защиты, продавалась вчетверо дороже хлѣба. Старинный русскій обычай встрѣчать гостей съ хлѣбомъ-солью, по словамъ сергіевскихъ стариковъ, представляетъ не что иное, какъ пережитокъ отъ временъ соляной монополіи, когда достатокъ хозяевъ подчеркивался не столько хлѣбомъ, сколько солью; къ эпохѣ соляной же монополіи относить и происхожденіе пословицы «не солоно хлебавши».

Въ 1797 году городокъ былъ переименованъ въ пригородъ, и въ административномъ отношеніи его подчинили уѣздному городу Бугуруслану.

Въ настоящее время населеніе Сергіевска состоитъ изъ купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ, занимающихся торговлею, ремеслами и земледѣліемъ.

Мѣстоположеніе, занимаемое пригородомъ, по преданію, было выбрано Петромъ Великимъ, производившимъ изысканія въ самарскихъ степяхъ; оно очень живописно. Построенный—въ отличіе отъ большинства населенныхъ мѣстъ Самарской губерніи—на доломитовой горѣ, пригородъ доминируетъ надъ окрестностями, которыя видны отсюда на далекое разстояніе. Слегка холмистыя окрестности представляютъ красивую картину воздѣланныхъ полей, разбросанныхъ тамъ и сямъ сель, деревень, усадебъ, дубовыхъ лѣсковъ, озеръ и рѣчекъ. По озерамъ и рѣчкамъ, разбрызгивая бѣлоснѣжную пѣну, шумятъ день и ночь колеса раструсныхъ мельницъ; кой-гдѣ дымятся трубы маленькихъ заводиковъ, обрабатывающихъ продукты сельско-хозяйственной промышленности. На правой сторонѣ рѣки Сока, сливающейся подъ самымъ пригородомъ съ р. Сургутомъ, стоитъ желѣзнодорожная станція (соединенная вѣтвью съ Самаро-Златоустовской жел. дор.). Лѣтомъ паровозъ катитъ къ ней поѣздъ за поѣздомъ съ больными, ѣдущими на «Сергіевскія сѣрныя воды» (въ двухъ верстахъ отъ пригорода), а осенью и зимой, когда въ бездонные амбары сергіевскихъ купцовъ сыплется дождемъ золотистое зерно бѣлотурки и кубанки, отъ станціи отваливаютъ длинные и тяжелые нагруженные товарные поѣзда. А рядомъ съ чугункой, извиваясь гигантской змѣею, ползутъ къ станціи безконечные обозы съ хлѣбомъ...

Около станціи же лежитъ замѣчательно благоустроенное имѣніе кн. Голицына, пѣчто культурное, изящное—красивая гамма сельскаго хозяйства. Новенькая усадьба, покрытая оцинкованнымъ желѣзомъ, привѣтливо выглядываетъ изъ-за деревьевъ; за ней двумя рядами тянутся жилия службы, выкрашенные въ бѣлую краску; къ службамъ примыкаетъ обширный скотный дворъ—по-

слѣднее слово сельско-хозяйственной техники—съ массою свѣта и воздуха. Все прочно и хозяйственно...

— Скотинѣ у барина, пожалуй, живется лучше, чѣмъ бѣдному мужику,—говорятъ крестьяне о князѣ.—Всю землю около насъ скупили. Сырты, бугры, даже камень—и тотъ распахалъ... Богатѣть... Плуга заграничные, скотъ племенной,—какъ не богатѣть?—Допрежь сами эту землю держали,—такъ въ самый хорошій годъ отъ силы родило пудовъ на восемьдесятъ ¹⁾, а теперь князь меньше и не мирится, какъ на полтора ста пудовъ... Пруды тоже копаютъ, рыбу сажаютъ...

Впослѣдствіи, бесѣдуя съ жителями Сергіевска, мы узнали, что имѣніе кн. Голицына начинаетъ приобретать среди крестьянъ репутацію живой практической школы. Крестьяне присматриваются къ новымъ формамъ сельско-хозяйственной культуры и кой-что усваиваютъ съ пользою для себя.

II.

Насколько живописно мѣстоположеніе, настолько же безцвѣтенъ самый Сергіевскъ, напоминающій, по санитарному устройству, грязное еврейское мѣстечко. Весной и осенью улицы и площади пригорода положительно непроходимы отъ грязи, а лѣтомъ надъ ними поднимается такая масса ѣдкой известковой пыли, что издали пригородъ кажется закупореннымъ въ чехоль изъ плотной сѣрвато-грязной вуали.

Осенью и зимой въ пригородѣ сосредоточена крупная торговля хлѣбомъ и шерстью; въ остальное же время въ хлѣбной торговлѣ господствуетъ затишье, и только шумные базары немного оживляютъ дремлющій городокъ. Торговля предметами городского комфорта развита очень слабо... Напрасно стали бы вы искать здѣсь книжную лавку или газетный кіоскъ... На базарной площади имѣется десятка два лавокъ съ «бакалеей» и «краснымъ» товаромъ; тамъ же стоятъ лари съ калачами, арбузами, подсолнухами, яблоками и разной «снѣдью» далеко не первой свѣжести, покрытой пылью и мухами.

Мой товарищъ, студентъ Л., работавшій на почвенныхъ изслѣдованіяхъ въ Бугурусланскомъ же уѣздѣ, верстахъ въ 20 отъ Сергіевска, встрѣтившись съ нами въ пути и узнавъ, что мы ѣдемъ въ пригородъ, попросилъ купить ему маленькій, «самый простенькій» компасъ, который онъ имѣлъ несчастье потерять. Хотя мы и сомнѣвались, чтобы въ Сергіевскѣ можно было получить какіе-либо геодезическіе приборы, хотя бы даже такой незатѣйливый изъ нихъ, какой требовался Л., тѣмъ не менѣе мы обѣщали...

¹⁾ Съ хозяйственной десятины 40 × 80 кв. саж.

Нашли мы лучший магазинъ; на вывѣскѣ значилось, что, кромѣ ситца, суконъ, чаю, табаку и прочихъ товаровъ, въ немъ продаютъ еще и «оптическіе предметы». Въ сборныхъ магазинахъ нашихъ захолустій, торгующихъ разной дрянью, иногда можно найти, что угодно,—отчего не попытаться на счастье?

Рѣшили зайти...

— Компасъ?—переспросилъ приказчикъ.—А какъ же-съ, есть, есть...

Приказчикъ полѣзъ на самую верхнюю полку, долго тамъ копался и наконецъ извлекъ пыльную коробку.

— Есть, есть... У насъ товаръ англискій,—галантно объяснялъ онъ, развертывая передъ нами содержимое коробки.—Вотъ-съ!

Приказчикъ подаль намъ... клистирную трубку!

Насмѣявшись досыта надъ этимъ курьезнымъ приключеніемъ, стали мы объяснять малому, что такое компасъ...

— А я думалъ—вамъ трубочка требуется,—наивно отвѣтилъ онъ.—Бываетъ, что больные съ сѣрныхъ водъ спрашиваютъ... не угодно ли вамъ кровососныхъ баночекъ, спринцовочекъ?..

Потерпѣвъ неудачу въ одномъ магазинѣ, мы ужъ не рискнули обратиться въ другіе...

Что особенно плохо обставлено въ Сергіевскѣ, такъ это—народное образованіе. Крестьяне почти поголовно безграмотны. На 500 домовъ всего двѣ школы: земская и церковно-приходская, обслуживающія, кромѣ того, и окрестныя селенія. Свѣточемъ внѣшкольнаго образованія служить единственная читальня попечительства о народной трезвости; но свѣточъ этотъ—далеко не изъ яркихъ... Театра, о которомъ пробовала было хлопотать интеллигенція, пока еще нѣтъ, да и врядъ ли скоро онъ оснуется среди духовно оскудѣвшаго населенія. Вмѣсто театра крестьянская община возбудила ходатайство о разрѣшеніи открыть въ Сергіевскѣ трактиръ съ продажей крѣпкихъ напитковъ...

Причины культурнаго нестроенія, въ которомъ театръ вынужденъ уступить мѣсто кабаку, а школа—мраку невѣжества, отчасти имѣютъ объясненія въ бюджетѣ.

Содержаніе пригороднаго управленія составляетъ половину всѣхъ расходовъ, на полицію 35%, на разные расходы—10%, а на благоустройство и народное образованіе расходуется всего на всего 5%!

Бюджеты за рядъ лѣтъ почти одинаковы: расходъ на муниципальное управленіе и полицію изъ года въ годъ возрастаетъ, а народное образованіе и пресловутое «благоустройство» попрежнему стоятъ на точкѣ замерзанія...

III.

Исторія Сергіевска замѣчательна, особенно—въ эпоху Пугачевского бунта.

Пугачевъ вступилъ въ Сергіевскъ въ 1778 году. Жители встрѣтили его съ иконами, хлѣбомъ-солью и колокольнымъ звономъ. Самозванецъ, пощадивъ городъ, даже наградилъ его жителей, оказавшихъ ему услуги, чинами и должностями, чему—по свидѣтельству сергіевскихъ стариковъ—неоспоримымъ доказательствомъ служатъ навсегда усвоенныя нѣкоторыми жителями фамиліи: Намѣстниковъ, Барабанщиковъ, Сержантовъ и т. п.

Впрочемъ,—говорится въ сергіевскихъ церковныхъ лѣтописяхъ,—пробываніе здѣсь Пугачева было не безъ злодѣйствъ и варварскихъ жестокостей: Пугачевъ ограбилъ храмъ, взялъ всё бывшія тамъ деньги и серебряныя вещи, ободралъ со святыхъ иконъ ризы и оклады, а пугачевская сволочь издѣвалась надъ женами и дочерьми здѣшнихъ жителей и бушевала не только въ Сергіевскѣ, но и въ его окрестностяхъ.

Пугачевъ приказалъ священнику приводить жителей къ присягѣ на вѣрность императору Петру III.

Священникъ разразился по адресу самозванца грозными филиппиками:

— Ты не императоръ, а разбойникъ! Песъ ты!

«Разгнѣванный Пугачевъ,—говоритъ лѣтописецъ,—приказалъ перевѣшать всѣхъ наличныхъ церковно-служителей».

Мѣсто, гдѣ были повѣшены и похоронены церковно-служители, и по сіе время носитъ названіе Попова урочища.

Получивъ извѣстія о наступленіи правительственныхъ войскъ, Пугачевъ, послѣ двухдневной стоянки, бѣжалъ къ Астрахани, оставивъ въ Сергіевскѣ своихъ ставленниковъ, пушки и порохъ ¹⁾.

Вскорѣ послѣ бѣгства Пугачева, въ Сергіевскъ вступили войска. Пугачевскіе «ставленники» были перевѣшаны; изъ жителей—за встрѣчу самозванца—вѣшали десятаго человѣка; болѣе двухсотъ человѣкъ были наказаны плетью и отправлены на каторгу; послѣ наказанія палачи вырывали каторжникамъ ноздри и ставили клейма на лбу. Солдаты грабили населеніе и безобразничали пощеще пугачевцевъ...

По рассказамъ стариковъ, люди бѣжали изъ Сергіевска, скрываясь въ оврагахъ и лѣсахъ; не рѣшались покинуть своихъ убѣжищъ даже послѣ того, когда опасность уже миновала, пе-

¹⁾ Чугунныя пушки Пугачева долго валялись на площадѣ старинной сергіевской цитадели и, по распоряженію губернатора, сравнительно недавно были перевезены въ Бугурусланъ.

счастливые погибали отъ голода; другіе кончали самоубійствомъ. Такъ, на глазахъ сосѣдей «повѣсились въ лѣсу на дубкахъ три дѣвки и двѣ женки», обезчещенныя и пугачевцами, и солдатами.

Послѣ пугачевщины Сергіевскъ, считавшійся однимъ изъ богатѣйшихъ поселеній самарскихъ степей, сильно обѣднѣлъ и долго не могъ поправиться.

Позже судьба опрокинула на него цѣлый рядъ бѣдствій.

Въ 1806 году Сергіевскъ пострадалъ отъ пожара, въ которомъ сгорѣлъ храмъ. Отъ этого пожара уцѣлѣли весьма немногіе дома, а большая часть сгорѣла до тла.

Въ 1830 году Сергіевскъ постигла страшная эпидемія холеры. За неимѣніемъ въ то время врачей люди валились, какъ мухи, и священники не только не успѣвали напутствовать больныхъ, но даже не всѣхъ могли похоронить по христіанскому обряду, а сваливали умершихъ въ одну общую яму, какъ скотъ. Много въ то время осиротѣло и разорилось семействъ!

Въ 1848 году произошелъ второй, еще болѣе опустошительный пожаръ, извѣстный въ народѣ подъ названіемъ «большого пожара».

Въ 1862 и 1863 гг. Сергіевскъ потерпѣлъ бѣдствіе отъ неурожая: въ это время не только хлѣбъ, но и кормъ для скота вздорожалъ необыкновенно. Для прокормленія скота жители брали старую крышу съ построекъ и возъ такого, хотя и негоднаго, корма стоилъ дороже рубля серебромъ; а нѣкоторые угоняли свою скотину въ другіе уѣзды, гдѣ не было недостатка въ кормѣ. Бѣднѣйшіе сбывали скотину за безцѣнокъ, и въ весеннюю ярмарку въ с. Липовкѣ рабочую лошадь можно было купить за полтину...

IV.

Въ одно раннее осеннее утро мы рѣшили предпринять экскурсію къ Калмыцкой горѣ.

Къ крылечку «въѣзжей квартиры», отведенной намъ общиною, подкатилъ сибирскій тарантасъ-коробокъ, запряженный парой башкирскихъ лошадокъ; за тарантасомъ подѣхали три одинаковыхъ телѣги, въ которыхъ сидѣли старики-уполномоченные.

Вошедшій къ намъ въ горницу ящикъ засталъ насъ за чаемъ.

— Пора ѣхать,—сказалъ онъ, вопросительно посмотрѣвъ на старосту, кончавшаго двадцатую чашку чаю, которую онъ пилъ «въ прикуску», съ однимъ кусочкомъ сахара.

— Ѣхать, такъ ѣхать,—равнодушно согласился староста.— Благодаримъ покорно,—сказалъ онъ, опрокидывая пустую чашку на блюдечко и вставая съ лавки.

Я и мой товарищъ — захватили съ собой мѣшечки для почвъ, компасъ, планъ, и вышли на улицу, гдѣ насъ уже поджидали, кромѣ упомянутыхъ, двое рабочихъ—сергіевскіе домохо-

зьева, нанятые общиною для копанія ямъ при выемкѣ почвенныхъ и подпочвенныхъ образцовъ и для межевыхъ работъ.

— Седни куды поѣдемъ?—спросилъ староста.—Въ Мочилки али къ Студенцамъ?

— Къ Калмыцкой горѣ...

Уполномоченнымъ показали на планѣ дороги, по которымъ надо было проѣхать къ Калмыцкой горѣ и по пути изслѣдовать почвы и въ другихъ мѣстахъ.

— Напрасно... ворчали старики:—камень тамъ...

— Какъ есть одна галька!

— Мы васъ обманывать не будемъ... намъ что!

— Вамъ по плану небось видно и безъ насъ...

Крестьяне—хотя и успѣли подружиться съ нами—все-таки подозрѣвали, что мы нарочно «выскиваемъ у нихъ хорошія земли», чтобы обложить ихъ налогомъ, и, повидимому, не особенно довѣряли нашимъ объясненіямъ, что фискальныя соображенія не входятъ въ планъ статистическихъ изслѣдованій. Крестьяне даже пытались «отводить» наше вниманіе отъ «хорошей земли» и «наводить» на «плохую»—супесь и «гальку».

Получались прелюбопытныя курьезы.

Продолжительныя наблюденія показали, что большинство скатовъ холмовъ, обращенныхъ на югъ, крайне бѣдны черноземомъ, и преобладаютъ на нихъ суглинки, супесь или слабый слой рыхлаго чернозема съ примѣсю «гальки»; на сѣверныхъ же скатахъ, наоборотъ, почти всегда залегаютъ черноземы. Поэтому, при почвенныхъ изслѣдованіяхъ въ мѣстностяхъ съ холмистымъ рельефомъ мы опредѣляли качество почвы а priori, сообразуясь съ рельефомъ по плану или съ изслѣдованіями, имѣющимися въ специальной литературѣ, и затѣмъ уже ѣхали на мѣста, чтобы вынуть образцы почвъ и подпочвъ, опредѣлить характеръ мѣстной флоры и проч. Вотъ тутъ-то мужики и начинали насъ «отводить», какъ птица отводить охотника отъ своего гнѣзда. «А зачѣмъ вамъ ѣхать? Не ѣздите! Земля тамъ, прямо сказать, никудышная... Галька да песокъ... И сѣмянъ не соберемъ!»... «Отводъ» подкрѣплялся, для лучшей важности, божбою и даже самыми краснорѣчивыми увѣреніями.

Такъ было и на этотъ разъ. Старики вошли въ азартъ и начинали сердиться...

— Ну, что жъ!—ѣзжайте, коли намъ не вѣрите!

Миновавъ выселки, мы поѣхали сыртовой дорогой, съ которой открывался чудный видъ на долину. Долина лежала внизу, у подошвы сырта, съ серебрянымъ озеркомъ, скрытая въ розовомъ туманѣ, слегка позолоченномъ первыми лучами солнца. До нашего слуха долетали звонкіе крики «маргышекъ» (чаекъ) и гоготанье гусей въ камышахъ. Слегка тянуль свѣжій вѣтерокъ, разрывая

туманъ на большіе клочья, пухлые, какъ вата; клочья, принявъ фантастическія формы, медленно и важно двигались по долинѣ и затѣмъ поднимались къ небу и незамѣтно таяли—какъ духи, достигнутые врасплохъ послѣ Вальпургіевой ночи....

— Боже!—не выдержалъ мой спутникъ,—да гдѣ же бываетъ такъ красиво!

Спустились мы въ долину и поѣхали по влажной травѣ, окропленной смѣющимися слезками росы. Колеса стучали тише и скоро врѣзались въ песчаную «гривку» поймы...

— Стой!—остановилъ староста ямщика.

Вѣхали на Попово урочище.

Просимъ указать мѣсто, гдѣ, по преданію, были казнены Пугачевымъ и похоронены церковно-служители.

— Да гдѣ?—Вонъ тамъ надо имъ быть...—старикъ указалъ на пашню шагахъ въ сорока отъ насъ.—Больше имъ быть негдѣ... Допрежъ бугоръ стоялъ... ну, а потомъ подпахали маленько... бугоръ-то... А какъ стали пущать скотину, такъ и вовсе затолочили... даже, скажи, и признаку не осталось...

Такъ и исчезла могила.

— Картофль здѣсь хорошо родится, —замѣчаетъ рабочій, копая ямку.—Лѣтось арбузы сажали... тоже хороши были...

Измѣрили толщину почвеннаго покрова, «переходъ» до подпочвы и насыпали мѣшечекъ «историческаго» песку.

V.

Калмыцкая гора—съ широкимъ и длиннымъ плато, съ котораго открывается чудный видъ на зеленое море степей, лѣсовъ и полей.

Съ названіемъ этой горы связывается замѣчательнѣйшая легенда.

Въ давнія времена, когда Сергіевскъ еще владѣлъ такими безграничными пространствами степей, что лошадь, отбившюся отъ табуна, нужно было искать въ нихъ по недѣлѣ, тогда въ этихъ степяхъ кочевали калмыки. Каждую весну калмыцкая орда передвигалась къ Сергіевску и становилась подъ нимъ таборомъ.

Сергіевцы, не желая ссориться съ калмыками, терпѣли весеннія кочевки. «Земли для всѣхъ хватить», говорили они. Но въ концѣ XVIII столѣтія дружественныя отношенія съ калмыками были нарушены размежеваніемъ степей казенными землемѣрами. Три четверти степи, которую сергіевцы изстари привыкли считать своею неотъемлемой собственностью, отошли въ казну. Между тѣмъ калмыки, не признававшіе межевыхъ границъ, продолжали кочевать попрежнему по всей степи, а весной становились таборомъ подъ Сергіевскомъ. Сергіевцы, стѣсненные межами, косо посматри-

вали на непрощенныхъ гостей, стали подавать на калмыковъ «челобитья», въ которыхъ обвиняли ихъ въ захватѣ пастбищъ и въ кражѣ коней.

Сергіевцы смотрѣли на себя какъ на аборигеновъ, а на калмыковъ—какъ на чуждыхъ пришельцевъ; калмыки же, наоборотъ, продолжали считать себя законными собственниками степей. Изъ антагонизма юридическихъ и бытовыхъ понятій о собственности, изъ столкновения права, созданнаго государствомъ, съ правомъ естественнымъ, на маленькомъ клочкѣ земли—на Калмыцкой горѣ—разыгралась кровавая драма калмыцкаго народа...

Не установлено, въ какомъ году это случилось... Была весна. Калмыки только что прикочевали къ Сергіевску и разбили ставки на Калмыцкой горѣ. Тихую степь наполнили ржанье коней, ревъ верблюдовъ, говоръ, смѣхъ и пѣсни кочевниковъ, справлявшихъ весенній праздникъ. Калмыки готовились къ соколиной охотѣ, не подозревая, что ихъ часъ уже пробилъ...

Со стороны пригорода показался отрядъ солдатъ. На сырть взошелъ приказный въ кафтанѣ, расшитомъ золотомъ, и въ треуголкѣ. Онъ вынулъ изъ сумки указъ съ массивной восковой печатью и сталъ читать.

Толмачъ методически переводилъ каждое слово.

... «И въ оный калмыцкій приказъ доставивъ, батоги битъ нещадно... ноздри рвать... животышекъ лишить...»

Съ выраженіемъ лица безстрастнымъ, какъ пергаментъ, который держалъ въ рукахъ, приказный объявлялъ калмыкамъ, подъ страхомъ пытокъ, казней и конфискаціи имущества, изгнаніе ихъ навсегда изъ сергіевскихъ степей.

Глухой стонъ вырвался изъ тысячи грудей...

Солдаты торопили кочевниковъ, подгоняя медлительныхъ бердышами, и чрезъ нѣсколько часовъ вся орда подготовилась двинуться въ путь къ далекому Каспію.

Только старый Гассанъ не снялъ своей палатки, не захотѣлъ разстаться съ кочевьемъ...

— Здѣсь я родился, здѣсь и умру.

Тысячи арбъ тяжело заскрипѣли по степи—двинулась орда...

Шпалерами стоятъ по сырту солдаты, сверкая пищалями; стоитъ и приказный, нахмуривъ сѣдыя брови...

Оставилъ Гассанъ палатку и далеко зашелъ по дорогѣ, навстрѣчу ордѣ.

— Прощай, степь! — крикнулъ старикъ — Прощай, родина! Будьте прокляты, гяуры!

И бросился подъ колеса, въ среднну табора.

Проѣхала арба, проѣхала другая,—весь таборъ проѣхалъ по Гассану...

И когда приказный подошелъ къ мѣсту, гдѣ упалъ старикъ, онъ увидѣлъ лишь одну безформенную массу...

Гассана похоронили; калмыки ушли въ прикаспійскія степи...

— Вотъ,—показывали старики красный камень,—на этомъ самомъ мѣстѣ онъ убился...

На крутомъ спускѣ, въ одной плоскости съ полотномъ дороги лежитъ большой камень, глубоко вросшій въ землю. Сколько мы ни увѣряли, что камень—обыкновенный шпатель, и красный цвѣтъ—его естественный цвѣтъ, наши старики стояли на своемъ:

— Это кровь, его кровь!.. А вотъ на этомъ мѣстѣ приказный стоялъ, бумагу имъ вычитывалъ...

— Откуда вы это знаете?

— Какъ не знать! Преніе старики добрымъ людямъ показывали эти мѣста, мы тады еще махоньки были...

Мы не могли не подивиться живучести народныхъ преданій, сохранившихъ память о героѣ.

Легенда о Калмыцкой горѣ въ самарскихъ степяхъ уже приобрѣла эпическую извѣстность, а самая гора въ разказахъ мѣстныхъ жителей окружена повѣрьями и разными фантастическими вымыслами. Такъ, пастухи—эти истинные деревенскіе поэты—разсказываютъ, что въ ночномъ не разъ они слышали, какъ на горѣ плачетъ и причитаетъ калмыкъ... Бабы отбиваютъ кусочки краснаго камня и кладутъ ихъ въ овечьи хлѣвы, такъ какъ красный камень, по повѣрью, предохраняетъ овецъ отъ порчи.

А. Дуиня.

ЦЕРКОВЩИНА.

I.

Первыя впечатлѣнія.

Ай 1909 г. въ самомъ исходѣ. Въ Кіевѣ по случаю воскреснаго дня объявлено нѣсколько катаній вверхъ по Днѣпру, въ Межигорье, и внизъ, въ Китаево. На пароходѣ уже размѣстились музыканты, разведены пары, и на одномъ изъ нихъ только что замолокъ свистокъ, пронзительно возвѣщавшій о скоромъ уходѣ внизъ переполненнаго пассажирами «Воеводы».

Обширная палуба пестрѣла разноцвѣтными зонтиками и костюмами многочисленныхъ женщинъ; пропорціональный корпусъ парохода, убраннаго флагами, бѣлѣлъ на лиловой водѣ; блѣдно-бирюзовое небо какъ бы тоже принарядилось нѣсколькими облачками изящныхъ очертаній. Удивительно легкія, они казались серебристо-перламутровыми драпировками, неподвижно висящими надъ панорамой города, раскинувшагося на береговыхъ высотахъ.

Еще разъ раздался оглушительный свистокъ, и «Воевода», плавно описавъ громаднй полукругъ, пошелъ внизъ по теченію, подъ звуки торжественнаго марша.

Вскорѣ среди публики я увидѣлъ бывшаго сослуживца, стараго артиллерійскаго генерала, съ которымъ не встрѣчался очень давно. Благодаря словоохотливости и сохранившейся еще обширной памяти, онъ воспроизвелъ передо мной рядъ эпизодовъ, интересныхъ для насъ обоихъ тѣмъ, что въ нихъ мы участвовали,

когда молодость и здоровье придавали особенную привлекательность всему, что окружало насъ тогда въ Кіевѣ.

Оказалось, что этотъ генераль, имѣя привычку слѣдить за тѣми изъ его бывшихъ товарищей, которые поступили изъ артиллеріи въ разныя академіи, зналъ поэтому многое и обо мнѣ. Продолжая, какъ и въ старину, щеголять памятью, онъ сказалъ, между прочимъ:

— Я слышалъ, что въ свободное время вмѣсто того, чтобы отдохнуть, вы работаете перомъ и кистью и даже читаетъ кое-что напечатанное вами. Но вотъ что мнѣ неизвѣстно, продолжаете ли вы искать тѣхъ нравственныхъ идеаловъ и благъ, о которыхъ трудно даже мечтать въ наше мерзкое время?

— Продолжаю искать и теперь, — улыбнулся я; — но уже не столько среди людей, сколько въ мірѣ искусствъ и въ книгахъ. Вопросами религіи и этики интересуюсь гораздо болѣе, чѣмъ политикой, и чѣмъ болѣе старѣю, тѣмъ чаще ухожу отъ всякихъ тревоженій въ мѣста, гдѣ надѣюсь найти отдыхъ нервамъ и сердцу, что благотворно отражается на мысляхъ и желаніяхъ.

— Въ такомъ случаѣ я могу вамъ указать какъ разъ такой уголокъ, тѣмъ скорѣе, что мы совсѣмъ вблизи отъ него, — заявилъ мнѣ генераль.

Оказалось, что дѣйствительно въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Китаева есть преинтересная и симпатичная «Церковщина» и въ ней скитъ, основанный очень недавно тамъ, гдѣ обнаружены древнѣйшія пещеры.

До возвращенія парохода въ Кіевъ оставалось часовъ около восьми, чѣмъ я и воспользовался для обзора мѣста, о которомъ ничего прежде не слышалъ.

Обмѣнявшись съ бывшимъ сослуживцемъ обѣщаніемъ видаться, я оставилъ его въ Китаевѣ и, нанявъ мѣстнаго возницу, поспѣшилъ въ Церковщину.

Что за воздухъ, какіе виды! Не наглядѣлся бы, не оторвалъ бы глазъ отъ чарующей панорамы, созданной неподражаемымъ декораторомъ, нерукотворнымъ искусствомъ самой природы. А между тѣмъ по мѣрѣ движенія неожиданно-легконогой лошади, подробности картинъ мѣнялись, уступая новымъ сочетаніямъ, вытѣснявшимъ изъ глазъ тѣ, которыми я только что любовался.

Узкая, но зато хорошо укатанная дорога, пролегая между бѣлыхъ мазанокъ съ золотистыми крышами и незатѣйливыхъ дачныхъ построекъ, прорѣзывала громадную площадь земли въ нѣсколько десятинъ. Начинаясь почти перпендикулярно у Днѣпра и упираясь въ непрерывныя горы, она казалась мягкимъ сѣрымъ полотномъ, раскинутымъ на бархатистомъ коврѣ своеобразнаго рисунка. Лилковыя полосы недавно вскопанныхъ грядъ чередовались съ изумрудными, бѣловатыми, сѣро-синими и блѣдно-жел-

тыми, а на этихъ частяхъ гигантскаго ковра, точно узорная тканьъ, пестрѣли всевозможные всходы. Удалясь почти на версту отъ берега, наша дорога свернула налѣво и стала нѣсколько уклоняться отъ Днѣпра на западъ, касаясь подошвы горъ, казавшихся сплошнымъ лѣсомъ неестественной высоты. И не мудрено; вѣдь вдоль всей правой стороны дороги невидимые глазу скаты густо покрыты грабомъ, ясенемъ и дубомъ. Уходя своими округленно зубчатыми верхушками въ небесную лазурь, они чернѣли могучими стволами на золотисто-прозрачной листвѣ орѣшника; а ниже ихъ, вблизи опушки лѣса, въ кустахъ и травѣ пѣли и чирикали пѣночки, чижи и малиновки.

Послѣ ряда кирпичныхъ заводовъ съ высочайшими трубами, пейзажъ опять оживляется огородами и рошицами, между которыми кое-гдѣ вылезаетъ подрастающая рожь и бѣлѣютъ сначала мазанки и убогіе, а потомъ и хорошіе дома села Пирогова, съ благообразною церковью. Безчисленныя стаи жаворонковъ поднимаются съ земли, какъ бы лишь для того, чтобы неожиданно и быстро упасть на нее; немного же дальше, изъ чащи липъ, осины и береста несется разноголосое пѣніе всевозможныхъ пернатыхъ ея обитателей и струится крѣпкій и свѣжій запахъ, отъ котораго дышится такъ привольно.

Уже половина пути до Церковщины за нами; еще немного впередъ и, вмѣстѣ съ поворотомъ налѣво, дорога начинаетъ изгибаться между почти открытыхъ и менѣе высокихъ горъ справа и встрѣчающихся съ лѣвой стороны лоцинь и пахотныхъ участковъ и ярко освѣщенныхъ лужаекъ. Но вотъ новый эффектъ: изъ группы очень красиво разросшихся деревьевъ, точно минареты среди округлыхъ сооружений, взвивается къ небу нѣсколько тополей, высотой и стройностью подобныхъ тѣмъ, которыми любуются въ Крыму и на Кавказѣ.

Еще нѣсколько сажень, и передъ нами святые ворота интереснаго скита. Начиная съ самыхъ первыхъ, впечатлѣнія, ожидающія путника на пространствѣ 24 десятинъ, занятыхъ новой обителью, какъ нельзя болѣе ей въ пользу. Охваченная густою растительностью, покатая мѣстность образуетъ подобіе ущелья, начинающагося водой. Прилегая западной стороной къ дорогѣ, подымающейся вверхъ, изогнутый прудъ кажется слегка потускнѣвшимъ зеркаломъ въ широкой рамѣ разнообразной зелени. Нѣсколько запущенный, онъ хорошъ именно тѣмъ, что подобно общему характеру всей здѣшней природы совсѣмъ не похожъ на тѣ показные эффекты, въ которыхъ все искусственно и придумано. Церковщина же тѣмъ и отличается, что въ ней не только природа, но и люди вліяютъ вполне успокоительно на нервы и все настроеніе вообще. Являсь сюда вполне неожиданно и для самого себя, я увидѣлъ, что даже праздничный день не считается здѣсь

предлогомъ къ тунеядству. На дворѣ, возлѣ конюшни чистили лошадей, въ саду поливали цвѣты, въ пекарнѣ приготавливали, что было нужно для полученія рано утромъ израсходованнаго хлѣба. Даже на пасѣкѣ и скотномъ дворѣ каждый дѣлалъ, что находилъ полезнымъ не отлагать на завтра.

Впослѣдствіи, пробывъ здѣсь очень долго, я убѣдился, что всю братію, по степени ея трудоспособности, можно сравнить съ муравьями и пчелами, съ тою лишь разницей, что насѣкомыми руководитъ инстинктъ, тогда какъ все населеніе скита работаетъ по искреннему желанію, какъ они выражаются, «порадѣтъ на пользу дома Господня».

И дѣйствительно, въ отличіе отъ нѣкоторыхъ монастырей здѣсь принципъ общежитія выражается также и въ полномъ раздѣленіи труда по силамъ и способностямъ. Здѣсь многочисленныя зданія выстроены исключительно самими монахами, которые сами не только приготавливаютъ пищу, но также обшиваютъ себя, убираютъ разные дворы, пасутъ скоть, воздѣлываютъ огороды, занимаются всѣми видами такихъ ремеслъ, какія необходимы для существованія 120 братій. Встрѣчаются даже часовщики, рѣзчики по дереву и фотографы; не забыто здѣсь и дѣло иконописи, порученное человѣку со вкусомъ, развившему его въ московскомъ училищѣ живописи, зодчества и ваянія.

Послѣ бѣглаго отзыва о здѣшней братіи возвращусь къ пруду, потому что именно отсюда начинается путь къ центру урочища «Церковщина». Отъ скитскихъ воротъ подымаясь постепенно, широкая дорога огибаеъ часть пруда, который узкой вершиной примыкаетъ къ невоздѣланному еще подобію площади около 90 квадр. саж., граничащей съ закрытымъ водохранилищемъ и съ горою, у подножія которой насыпанъ пологій ходъ къ пещерамъ. Отъ пруда же, развѣтвляясь на двѣ части, дорога огибаеъ съ двухъ сторонъ обширный холмъ и приводитъ къ плоской его вершинѣ, гдѣ храмъ и обширный домъ, занятый начальствомъ скита, братіей и мастерскими.

Если отъ пруда итти по лѣвой дорогѣ, глазамъ представится много красотъ. Вездѣ очаровательная растительность покрываетъ зеленымъ нарядомъ волнистые холмы, а извилистыя тропинки, какъ бы заигрывая съ путникомъ, убѣгаютъ отъ него въ таинственную глубину начинающейся здѣсь рощи. Избравшій же ту часть пути, которая правѣе, увидитъ своеобразную улицу-аллею, по сторонамъ которой размѣщены послѣдствія упорнаго труда людей, сумѣвшихъ въ короткое время и съ небольшими деньгами обратить дикое мѣсто въ благоустроенное. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе благообразіемъ и опрятностью различныя хозяйственныя постройки и нѣсколько домовъ, предназначенныхъ такъ называемымъ «привилегированнымъ» богомольцамъ; для народа

же возлѣ скитскихъ воротъ устроены удобныя помѣщенія съ двухъярусными парами, кубами кипятка для чая и безвозмездной пищей изъ братской кухни.

По мѣрѣ того, какъ я знакомился со всѣмъ, что въ Церковщинѣ, я убѣждался все болѣе, что это одно изъ тѣхъ мѣстъ, которыя могутъ въ высшей степени заинтересовать собой, если заняться ихъ исторіей, археологическими особенностями и взглянуть на нихъ съ точки бытовой и нравственной. Даже и въ эстетическомъ отношеніи здѣсь есть данныя, предлагаемыя наблюдателю самой природой.

II.

Исторія Церковщины.

Исторія мѣста, называемаго теперь Церковщина, начинается съ глубокой древности и связана съ тою «матерью городовъ русскихъ», которая дала русско-славянскимъ племенамъ государственное устройство, была колыбелью гражданской жизни нашихъ предковъ и купелью ихъ крещенія.

Какъ извѣстно, изъ Кіева христіанская религія, яркимъ блескомъ озаривъ наше отечество, научила людей вѣровать, надѣяться и жить въ любви и мирѣ. Отсюда же пошло и просвѣщеніе по всей Россіи. И вотъ что особенно важно: какъ центръ великихъ религіозно-просвѣтительныхъ началъ, Кіевъ обаятельно вліялъ на многихъ людей того времени, когда идея христіанства, увлекая своею идеальною чистотою, создавала необыкновенные характеры и нерѣдко такую силу воли, которая теперь если и встрѣчается, то развѣ въ видѣ исключенія.

Послѣдствія такого вліянія христіанства на умы и сердца выражались иногда особенно ярко. Такъ, напр., нашъ первый лѣтописецъ и авторъ Кіево-Печерскаго патерика Несторъ повѣствуетъ о томъ, какъ въ нѣкоей рабѣвладѣльческой семьѣ XI вѣка, гдѣ вдова не прощала не исполнявшихъ ея крутой воли, одному изъ сыновей приходилась выносить отъ матери немало истязаній. Не нравилось же ей вообще все настроеніе ея сына, который, воспринявъ непорочнымъ сердцемъ евангельское ученіе вслѣдствіе ежедневнаго посѣщенія имъ церкви, уходилъ въ поле работать вмѣстѣ со слугами матери для облегченія ихъ труда; презирая богатство, старался одѣваться и жить вообще особенно скромно; болѣе всего заботился о сохраненіи душевной чистоты и объ интересахъ храма. Поэтому, пренебрегая насмѣшками сверстниковъ, въ теченіе 2-хъ лѣтъ самъ молотъ пшеницу и пекъ изъ нея просвиры, когда узналъ, что вслѣдствіе неимѣнія ихъ обѣдни могутъ совершаться лишь изрѣдка. Какъ-то разъ этотъ юноша слышалъ въ церкви такое мѣсто изъ евангелія отъ Матѳея (10, 37): «...иже любитъ отца или ма-

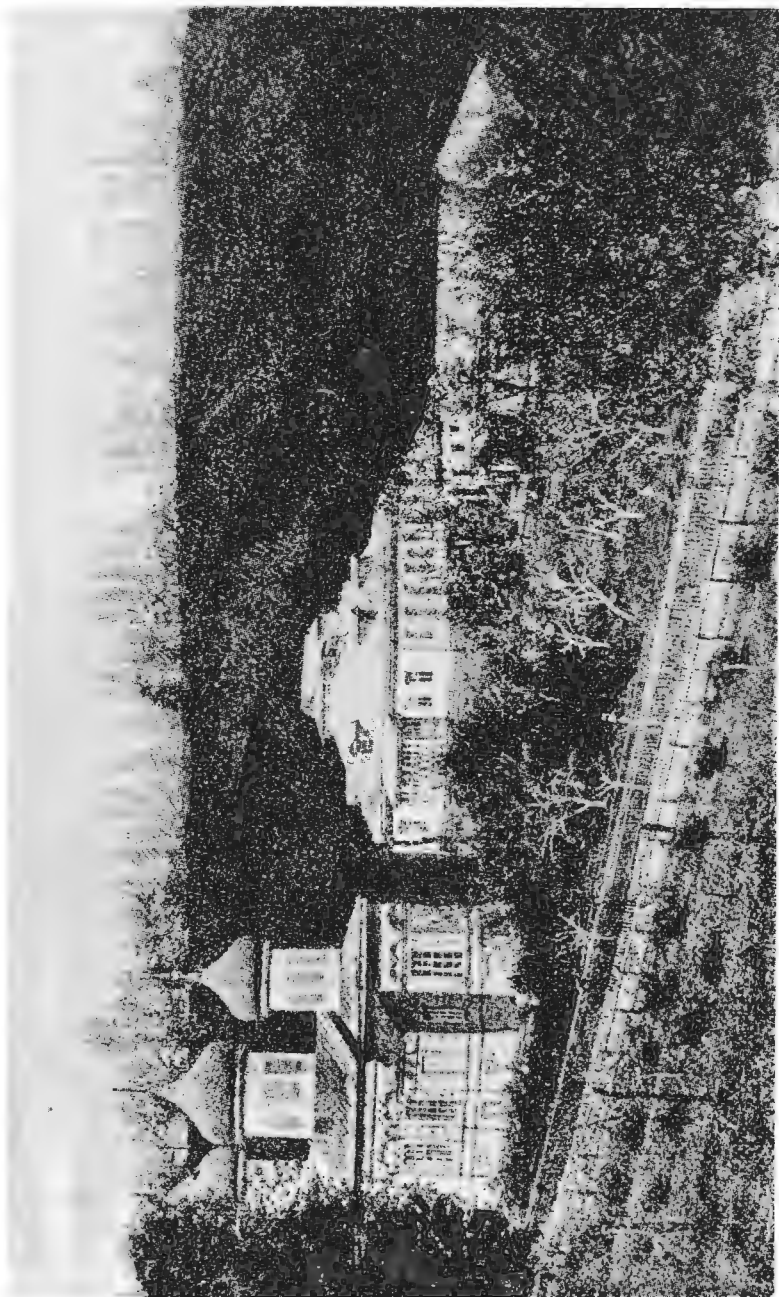

Въездъ въ Церковщину.

теръ паче Мене нѣсть Мене достоинъ; Иже любить сына или дщерь паче Мене нѣсть Мене достоинъ». Другой разъ читалось: «Приидите ко мнѣ всѣ труждающіися и обремененніи и Азь упокою вы; возмите иго мое на себѣ и научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смирененъ сердцемъ и обрящете покой душамъ вашимъ» (Матѣ. 11, 29). Благоговѣйно внимая этимъ словамъ, богобоязненный юноша все болѣе останавливался на мысли о необходимости уйти изъ міра зла, лжи и гордости, предаться святымъ дѣламъ и стремиться къ подвижничеству.

Съ этой цѣлью этотъ удивительный человѣкъ явился въ Кіевъ и побывалъ во всѣхъ его монастыряхъ. Тамъ онъ узналъ, что на крутомъ берегу Дняпра, въ нѣсколькихъ верстахъ ниже Кіева, первые христіанскіе подвижники изъ числа русскихъ славянъ, проникнувъ въ дремучій лѣсъ, проводили время въ молитвѣ, самосозерцаніи и помыслахъ о загробной жизни. Позднѣе, тамъ же, среди дремучаго бора основалось село Берестово, и священникъ тамошней церкви Иларіонъ въ лѣсу этого великокняжескаго села выкопалъ себѣ пещеру для молитвъ въ уединеніи. Впослѣдствіи эту пещеру занялъ уроженецъ Черниговской губ. Антипъ, постриженный на Аѳонѣ подъ именемъ Антонія, о которомъ благочестивому юношѣ объяснили, что жизнь этого отшельника настолько свята, что слухъ о немъ разнесся по Россіи, а потому къ нему приходитъ много богомольныхъ людей. Этого было довольно, чтобы смиренный выходецъ изъ Курска поспѣшилъ къ старцу Антонію и упросилъ принять его въ пещеру. Съ благословенія Антонія іерей Никонъ постригъ въ 1032 году человѣка, который, несмотря на свои 23 года, представлялъ собою какъ бы пожилого человѣка, по громадному развитію духовныхъ силъ. Новый инокъ всецѣло предался посту, молитвѣ, смиреннѣйшему послушанію и такъ быстро преуспѣвалъ въ трудахъ и подвижнической жизни вообще, что Антоній и Никонъ только изумлялись. Послѣ 4-хъ лѣтъ тщетныхъ розысковъ мать нашла сына въ пещерахъ Антонія и, горько зарыдавъ, стала умолять возвратиться домой, обѣщая предоставить все, что пожелаетъ сынъ для спасенія души. Но убѣжденный инокъ не только остался въ пещерахъ, но оказался такъ мощенъ духомъ и умомъ, что вызвалъ рѣшительный поворотъ въ настроеніи и міросозерцаніи своей матери, вслѣдствіе чего она поспѣшила постричься въ Кіевѣ. Такимъ удивительнымъ человѣкомъ былъ тотъ, кого подъ именемъ преподобнаго Феодосія Печерскаго чтить весь православный міръ.

Ставъ потомъ игуменомъ пещерной братіи, онъ отличался кротостью и духовной мудростью, превосходя всѣхъ трудолюбіемъ, а съ наступленіемъ Великаго поста ежегодно уединялся ото всѣхъ въ свою отдѣльную пещеру, изъ которой возвращался къ братіи лишь наканунѣ вербной субботы.

Верхній скитъ въ Церковщинѣ.

Оказалось, что стремление къ уединенной молитвѣ въ періодъ Великаго поста побудило праведника вырыть для себя, въ глубинѣ лѣснаго холма, новую пещеру въ нѣсколькихъ верстахъ ниже кievскихъ. Съ этой цѣлью необыкновенный человекъ избралъ себѣ дикое, но прекрасное мѣсто между селами Пирогово, Лѣсники и Теодосіевка, извѣстнымъ теперь подъ малороссійскимъ названіемъ Ходосовка.

Въ тѣ времена, отдаленныя отъ нашего почти на 800 лѣтъ, въ названномъ мѣстѣ все какъ нельзя болѣе отвѣчало душевному состоянію необыкновеннаго человекъ. Красивая природа, то покрываемая золотомъ ясныхъ дней, то утопавшая въ таинственномъ фосфорическомъ свѣтѣ зеленовато-серебряной луны; глубокая тишина ночей, ласкающее слухъ щебетаніе и пѣніе птицъ, довѣрчивое отношеніе къ отшельнику дикихъ козъ, лисицъ, бѣлокъ и зайцевъ при встрѣчѣ на его пути въ излюбленное имъ новое мѣсто, все говорило здѣсь наглядно о покоѣ, мирѣ и премудрости Творца вселенной и въ частности о томъ, что именно здѣсь всего удобнѣе предаваться самоуглубленію и развивать духовныя силы.

Впослѣдствіи возлѣ новой пещеры преподобнаго Теодосія образовался Гнилецкій монастырь, но когда именно — въ лѣтоисчисленіи нѣтъ точныхъ указаній. Профессоръ же кievской духовной академіи Лашкаревъ предполагаетъ основаніе этой обители въ великокняжеское время, ранѣе монгольскаго ига самою Кievскою лаврою или отдѣлившимися отъ нея иноками. Извѣстно лишь, что въ половинѣ XII столѣтія Гнилецкій монастырь уже существовалъ, такъ какъ упоминается о выбитіи отсюда въ 1147 году блаженнаго Герасима, который основалъ на рѣкѣ Вологдѣ монастырь во имя пресвятой Троицы. Извѣстно также, что въ «селѣ Богородицы» (т. е. на землѣ, примыкающей къ пещерѣ преподобнаго Теодосія) въ періодъ развитія теперешней Кievской лавры былъ выстроенъ храмъ и при немъ образовано (въ видѣ отдѣленія Гнилецкаго монастыря) особое общежитіе той братіи, которая занималась хозяйственными работами теперешней лавры.

Но появились татары и уничтожили Гнилецкій монастырь, вмѣстѣ съ церковью. Крестьяне видѣли остатки ея еще въ XVII вѣкѣ, а потому все урочище, въ предѣлахъ котораго пещера преподобнаго Теодосія и возлѣ нея былъ храмъ съ монастыремъ, народъ называетъ «Церковщина» или «Церковище».

Проходили столѣтія, разоренное урочище заустѣло настолько, что вся мѣстность покрылась густымъ лѣсомъ; о существованіи пещеръ не только молчали, но даже забыли.

Но вотъ прелестная мѣстность пришла по душѣ извѣстному своей эрудиціей, жизнью и проповѣдническимъ талантомъ архіепископу херсонскому и таврическому Иннокентію (Борисову)

въ тѣ дни, когда онъ былъ ректоромъ кievской духовной академіи. Проводя лѣто въ хуторѣ Братскаго монастыря Володарки (возлѣ села Пирогова), будущій просвященный любилъ проникать въ глу-

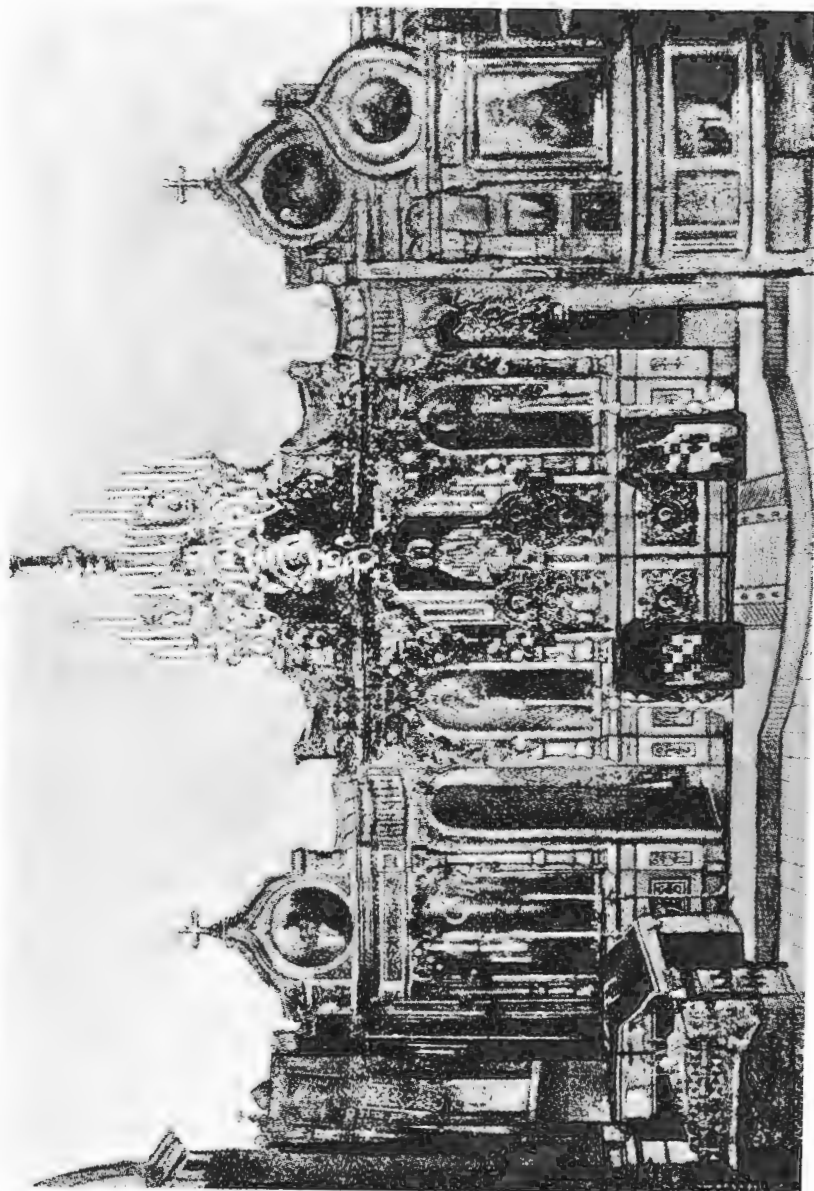

Храмъ Рождества Богородицы въ Церковщинѣ.

бину Церковщины. Въ одну изъ такихъ прогулокъ въ 1835 году онъ замѣтилъ, что въ дикой и низменной чести ущелья, въ «Гадючемъ логѣ» (называемомъ такъ по обилію въ немъ тогда змѣй),

возлѣ колодца разложеной небольшой костеръ; въ лѣсу пасутся коровы, а на холмѣ нѣсколько мальчиковъ-пастуховъ. Они-то и показали ректору Иннокентію при спускѣ съ южной стороны холма подобіе норы такого размѣра, что въ нее можно проникнуть чело-вѣку, и объяснили, что это пещеры, въ которыхъ они бывали. По желанію Иннокентія мальчики охотно насбирали сухого хвороста, спустились ползкомъ въ отверстіе и когда зажгли огонь, оказалась не одна пещера, а цѣлые проходы, соединявшіе такія же пещеры, какія въ лаврѣ. Черезъ нѣсколько дней, предварительно условясь съ пастухами, Иннокентій опять явился въ Церковщину уже съ запасомъ свѣчей и, осмотрѣвъ подробно заинтересовавшій его холмъ, нашель, что подъ холмомъ (который вверху около пятнадцати сажень ширины и сорока пяти въ окружности, при ста семидесяти пяти сажняхъ по линіи подошвы) множество пещеръ въ разныхъ направленіяхъ и что соединены онѣ извилистыми коридорами, сходящимися къ опредѣленному мѣсту, то къ церкви, то къ трапезѣ. Кромѣ входа, черезъ который проникъ ректоръ, онъ обнаружилъ еще и второй, по другую сторону холма, но недоступный, потому что заваленъ землею. Назначеніе Иннокентія изъ Кіева въ Одессу на архіепископскую кафедру лишило его возможности поддержать обнаруженныя имъ пещеры.

Прошло не мало лѣтъ, пока Церковщиной заинтересовался бывшій настоятель Кіево-братскаго монастыря и ректоръ кіевской академіи преосвященный Дмитрій (Ковальницкій), но, успѣвъ лишь основать теперешнюю обитель, называемую «Скитъ Пречистыя въ Церковщинѣ», и оказать денежную помощь для построенія тамъ храма (оконченнаго къ веснѣ 1902 года), онъ былъ повышенъ въ санъ архіепископа херсонскаго. Точно также и его преемникъ, бывшій ректоръ кіевской духовной академіи преосвященный Платонъ, хотя и отнесся съ полнымъ вниманіемъ истинно просвѣщеннаго чело-вѣка, какимъ онъ извѣстенъ, и освятилъ пещерную церковь (преподобнаго Феодосія Печерскаго), тоже удалился изъ Кіева, ставъ архіепископомъ сѣверо-американскимъ и алеутскимъ. Возможно допустить, что вопросъ о приведеніи въ порядокъ пещеръ въ Церковщинѣ остался бы безъ осуществленія на неопредѣленное время, но, по счастью для дѣла, во главѣ скита поставленъ іеромонахъ Мануилъ, чело-вѣкъ такихъ силъ и качества, съ которыми онъ, несомнѣнно, осуществитъ поставленную себѣ задачу: всесторонне и серьезно заняться всѣмъ вообще, что необходимо для благоустройства Церковщины, раскопать пещеры и возстановитъ ихъ значеніе. Можно сказать съ увѣренностью, что эта задача не перестанетъ захватывать все существо о. Мануила, пока онъ не достигнетъ по крайней мѣрѣ того, что въ предѣлахъ его личной власти. Но для этого прежде всего необходимъ капиталъ, а его-то именно и недостаетъ на каждомъ шагу энергичной и разумной предпріимчивости этого образцово-полезнаго дѣятеля.

Внутренній видъ храма Рождества Богородицы.

III.

Начальникъ скита и братія.

Преосвященный Дмитрій проявилъ большую дальновидность, поручивъ устройство новаго скита лицу, прожившему много лѣтъ инокомъ въ томъ Кіево-Троицкомъ монастырѣ, основателемъ котораго былъ извѣстный строитель и организаторъ старецъ о. Іона.

Повидимому, іеромонахъ Мануилъ никогда не забываетъ ничего изъ того, чему научился у своего покойнаго духовнаго начальника, который, бывъ уже старцемъ подь семьдесятъ лѣтъ, такъ энергично занялся сооруженіемъ новаго, Троицкаго монастыря (учрежденнаго по высочайшему повелѣнію 6-го апрѣля 1866 года) вблизи Выдубецкаго, въ четырехъ верстахъ отъ Кіевской лавры), что черезъ годъ пустырь обратился въ благоустроенное мѣсто съ деревянной церковью. Еще черезъ четыре года (въ 1871 году) появился обширный каменный храмъ, а еще позднѣе возвышенности Днѣпра украсились грандіозными монастырскими зданіями, со школой и больницей. Бывшая пустыня огласилась благовѣстомъ гармоничныхъ колоколовъ и стройнымъ пѣніемъ братіи въ числѣ до 400 человекъ

Не забываетъ также іеромонахъ Мануилъ, что, благодаря исключительно лишь праведной жизни, безграничному трудолюбію и доступности каждому, о. Іона такъ обаятельно вліялъ на благочестивыхъ людей, что Троицкій монастырь за тридцать лѣтъ управленія дѣятельнымъ старцемъ сдѣлался собственникомъ семи тысячъ десятинъ (въ нѣсколькихъ губерніяхъ) и такихъ цѣнностей, какъ, на примѣръ, четырехъэтажный корпусъ для келій, стоящій свыше ста тысячъ рублей, и капиталъ въ двѣсти тысячъ, предназначенный для сооруженія колокольни, которая еще не окончена. Только достиженіе столѣтняго возраста было причиной увольненія (въ декабрѣ 1899 года) образцоваго архимандрита отъ непосредственнаго управленія монастыремъ съ оставленіемъ, однако, въ званіи его настоятеля, какимъ онъ праведно умеръ черезъ два съ небольшимъ года (въ январѣ 1902 года). Въ лицѣ его здѣсь знаютъ наглядный урокъ господства воли надо всею своею природою, духовной чистоты и самоотверженнаго труда во славу Божію и на благо множества ближнихъ.

Если бы о. Мануилъ не сохранилъ такихъ воспоминаній въ умѣ и сердцѣ и не остался бы всегда вѣренъ завѣтамъ своего учителя, онъ не предался бы всѣми своими силами благоустройству Церковщины, какъ дорогому для него дѣлу иноческаго послушанія.

Начавъ свой постоянный трудъ всего лишь съ однимъ, а потомъ съ восемью монахами и доведя число ихъ до ста двадцати, онъ въ

теченіе первыхъ же шести лѣтъ создалъ нѣсколько сооруженій для братіи, богомольцевъ и скитскаго хозяйства; построилъ трое купольныхъ воротъ, проложилъ много дорогъ по горамъ, гдѣ не было сообщеній, прорыль, а гдѣ оказалось необходимымъ—насыпалъ длинные подъемы на возвышенныя мѣста скита, закончилъ сооруженіе храма во имя Рождества Богородицы, занялся пещерами, расчистилъ въ нихъ древній храмъ, освященный 21-го августа 1905 года въ честь преподобнаго Θεодосія Печерскаго и началъ еще новый храмъ во имя святителя Николая Чудотворца, преподобнаго Антонія Печерскаго и преподобнаго Серафима Саровскаго.

У энергичнаго главы скита нашлись вполне достойные помощники о. Сильвестръ (казначей скита) и о. Теофанъ (одинъ изъ іеродіаконовъ), оба вполне знакомые съ техникой строительнаго дѣла по прежней службѣ первый на желѣзной дорогѣ, а второй въ саперныхъ войскахъ. По чертежу о. Сильвестра построены оригинальный корпусъ, обращенный двумя этажами къ храму и четырьмя къ сѣверу, куда уперлась подошва крутого холма. Онъ же руководитъ гидравлическими сооруженіями для проведенія горныхъ ключей, которыми изобилуетъ урочище, посредствомъ трубъ, въ особое цементированное хранилище, изъ котораго самонапоромъ вода подается въ жилыя зданія, на скотный дворъ, въ баню, кухню, на огороды и фонтаны, одинъ на мѣстѣ «Антоіева колодца», а другой на прудѣ.

Представляя собою счастливое сочетаніе мощной воли, ума, трудолюбія и очень пріятнаго характера, о. Сильвестръ оказывается замѣчательнымъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣстителемъ «начальника скита» въ случаяхъ отсутствія от. Мануила. Когда же приходится побороть какое-либо затрудненіе практическимъ знаніемъ механики и строительнаго искусства, іеродіаконъ Теофанъ обращается въ прежняго искуснаго сапера и безконечно радуется мѣстныхъ зодчихъ быстрымъ и безошибочнымъ разрѣшеніемъ создавшейся задачи.

Здѣсь кстати замѣтить, что вся братія вообще, несмотря на ея многочисленность, производитъ самое благопріятное впечатлѣніе. По счастью, къ ней ничуть не приложимы эпитеты тунеядцевъ и лѣнтяевъ, предосудительно проводящихъ время. Напротивъ, куда бы я ни пошелъ, вездѣ въ теченіе моего пребыванія въ Церковщинѣ я видѣлъ черноризцевъ за самой разнообразной работой, исполняемой, повидимому, совсѣмъ не изъ боязни навлечь на себя какую-либо кару за неисполненіе такъ называемаго «послушанія», а по убѣжденію трудиться «для святой обители и мѣста Господня».

Торжество смиренія, повинновенія и миролюбія надъ противоположными качествами, отъ которыхъ въ жизни многихъ изъ насъ

происходит такъ много непріятностей, наглядно проявляется здѣсь безпрестанно. Общій характеръ здѣшнихъ нравовъ такъ чистъ и устойчивъ, что даже тѣ, кто (судя по разсказамъ) являются сюда изъ міра съ несимпатичными чертами, измѣнялись къ лучшему, подъ обаяніемъ господствующаго здѣсь настроенія.

Какъ и въ другихъ монастыряхъ, здѣсь немало тѣхъ, кто пришелъ искать успокоенія отъ непосильныхъ тревоженій и забвенія горя, разбившаго семейное счастье. Есть и такіе, кого религиозно-мистическое начало,—влія обаятельно съ раннихъ лѣтъ,—увлекло въ область исключительно неземныхъ идеаловъ. Встрѣчаются и люди, ставшіе «послушниками» по своеобразнымъ причинамъ. Такъ, напримѣръ, я видѣлъ молодого человѣка довольно начитаннаго, краснорѣчиваго, удачно формулирующаго свои мысли и убѣждавшаго, по его выраженію, изъ омута невыносимыхъ мерзостей, въ которыхъ приходилось не только вращаться, но, по роду службы, быть даже необходимымъ дѣятелемъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ. По его увѣренію, «подъ нарядной внѣшностью, иногда въ изящной формѣ, случалось видѣть такое нравственное разложеніе, что отъ трупнаго смрада становилось тошно». Когда же съ этой мишурной гнилью служба вынуждала соприкасаться часто и долго, онъ доходилъ до состоянія, вызывавшаго психическое расстройство.

— И чѣмъ больше,—сказалъ инокъ,—я старался найти успокоеніе и отвлеченіе въ книгахъ моральнаго содержанія, тѣмъ гаже, невыносимѣе становилась мнѣ вся ложь, злоба и развращенность столичной жизни. Послѣ ряда бесѣдъ съ однимъ ученымъ богословомъ я рѣшился искать душевнаго равновѣсія среди чистой жизни и дѣвственной природы здѣшняго скита и не ошибся. Теперь я ожилъ всеѣмъ существомъ своимъ...

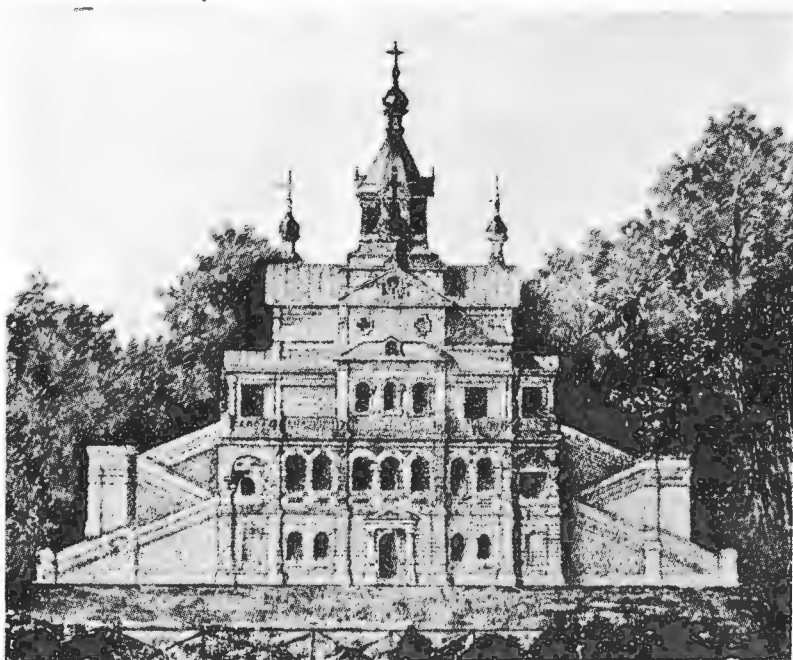
А вотъ и симпатичный крестьянинъ-малороссъ, худой, коричневатый, съ добрыми глазами и слегка иронической улыбкой на губахъ, съ нелѣпо урѣзанными усами. На мои вопросы, давно ли онъ при скитѣ послушникомъ и по какой причинѣ, «братъ Петръ» объяснилъ, что, оставаясь бездѣтнымъ, онъ долго наблюдалъ, какъ послѣ «бѣдоваго» 1905 года, «вся жизнь сказилась и намъ стало якъ бы въ никли», потому что все вздорожало и многое погибло. Когда ему и «жинкѣ» все труднѣе было находить работу, они продали за безцѣнокъ «стариньку хату» и, подѣливъ за нее деньги, поступили послушниками: 60-лѣтняя «Хвеса» въ одинъ изъ женскихъ монастырей въ Кіевѣ, а 65-лѣтній «человикъ», то есть мужъ, въ здѣшній скитъ.

— Ну, а скажите правду, скучаете же вы хоть иногда, покинувъ родную деревню и жепу, съ которой прожили 43 года?—спросилъ я, смущаясь возможностью вызвать въ бѣднякѣ тяжелое чувство.

— Да вѣдь мы оба стары; пора думать не столько о жизни, сколько о спасеніи души. Здѣсь это легче, чѣмъ тамъ,—и братъ Петръ

выразительно ткнулъ костлявою рукой по направлению къ Заднѣ-провью. Вотъ я не позволяю себѣ думать о прежнемъ. Разъ въ годъ вижусь со старухой и радуюсь, что она разсуждаетъ по-моему.

Существуютъ и совсѣмъ драматическія причины поступленія въ скитъ. У мужа съ женой были постоянныя недоразумѣнія. Она надоедала требованіями исполнять ея неразумныя прихоти, а онъ не поддавался, доказывая необходимость сберегать деньги для един-

Храмъ надъ входомъ въ пещеры.

стеннаго ихъ дѣтища, сына, котораго оба любили беззавѣтно. Когда же онъ сдѣлался безукоризненнымъ во всѣхъ отношеніяхъ молодымъ человѣкомъ, наступила его скоропостижная смерть. Въ лицѣ своего любимца потерявъ весь интересъ къ жизни, несчастные родители постриглись (согласно каноническимъ правиламъ) одновременно и, раздѣливъ свой капиталъ поровну, пожертвовали его своимъ монастырямъ.

Какъ-то разъ, во время всенощной, когда правый и лѣвый хоръ стали выходить на середину для пѣнія «Слава въ вышнихъ Богу», я обратилъ вниманіе на очень длинныя волосы, красиво падашіе по узенькимъ плечамъ мальчика лѣтъ 10 приблизительно. На слѣдующій день мнѣ объяснили, что этотъ пѣвчій круглый сирота и

вызываетъ общую симпатію кротостью, хорошимъ голосомъ и ужасомъ, который онъ пережилъ въ раннемъ дѣтствѣ.

Трудолюбиво и мирно жили его родители-крестьяне, горячо любя своего 7-лѣтняго, ласковаго Георгія. Но вдругъ въ знаменитый звѣрствами 1905 годъ ворвались какіе-то люди, стали что-то требовать отъ его отца и вдругъ во время спора съ нимъ начали колоть и рѣзать его ножами. Особенно потрясла ребенка огромная рана въ видѣ непрерывнаго разрѣза вдоль и поперекъ всей груди и тѣ мученія, отъ которыхъ любимый отецъ не находилъ себѣ мѣста въ теченіе нѣсколькихъ часовъ до своей смерти.

Не можетъ несчастный и теперь безъ рыданій вспомнить мать, которая отъ состраданія къ умиравшему рвала на себѣ волосы, а потомъ, заболѣвъ нервной горячкой, пережила мужа лишь двѣ недѣли. И вотъ отъ родительской ласки, изъ дорогой ему хаты, гдѣ все напоминало о счастливомъ дѣтствѣ, маленькій Георгій вдругъ очутился въ положеніи одинокаго итенца, выброшеннаго злою силою изъ родительскаго гнѣзда на погибель.

— Но тутъ-то, — сказалъ монахъ, передававшій мнѣ эту ужасную быль, — тутъ-то Божественный промыселъ и проявилъ себя, пріютивъ сироту въ обитель. Георгій очень чуткій, кроткій, уступчивый мальчикъ. Весь его нравъ сказывается въ его задумчивыхъ глазахъ и добромъ лицѣ. Оставайся онъ въ мірѣ, кто знаетъ, не заклевали ли бы его злые люди, всегда готовые воспользоваться такимъ подобіемъ агнца; но вотъ не стало отца съ матерью и ихъ дитя удостоилось ежедневно по нѣсколько часовъ пребывать во храмѣ, пѣть божественное и научиться святому, а не тому, что губить душу. Да, — авторитетно закончилъ инокъ: на земномъ несчастіи родителей, несомнѣнно, создается небесное благо ихъ любимца.

Замѣтивъ во мнѣ внимательнаго слушателя, монахъ передалъ мнѣ многое о томъ, что въ скитѣ не мало сиротъ и всѣхъ ихъ разумно и хорошо пріютили. Каждому начальникъ скита сумѣлъ дать послушаніе по его способностямъ; иные учатся у токаря и рѣзчика по дереву, другіе заняты иконописью, изученіемъ славянскаго языка и пѣнія; кое-кто оказалъ способности къ садоводству и уходу за пчелами...

Разсказамъ не предвидѣлось конца, но съ колокольни раздался звонъ; братія, недавно окончившая ужинъ, призывалась во храмъ слушать «правила», ежедневно читаемыя на сонъ грядущій. Словоохотливый монахъ разомъ оборвалъ свою рѣчь и, даже не докончивъ фразу, поклонился мнѣ по-иночески плавнымъ и значительнымъ склоненіемъ головы, давая понять, что обязанъ немедленно удалиться.

IV.

Постриженіе стараго послушника.

Послѣ непродолжительнаго ночного дождя наступило ясное утро. Въ раскрытое окно, вмѣстѣ съ нежгучими еще лучами солнца, вливалась ароматная свѣжесть. Было еще рано, по спать уже не хотѣлось. Тянуло изъ комнаты на просторъ, туда, гдѣ вмѣстѣ съ праздничнымъ вся виѣшность Церковщины съ каждой минуты становилась все лучезарнѣе.

Я вышелъ за черту скита, и со стороны Днѣпра меня обдалъ маслястый запахъ, доносившійся издалека вмѣстѣ съ бляніемъ овецъ и мычаньемъ коровъ, только что выпущенныхъ на пастбище. Желтыя головки высоко выскочившей ромашки пестрѣли на зеленомъ коврѣ луговъ, изукрашенныхъ цвѣтами, среди которыхъ голубѣютъ боровинки и бѣлѣетъ кашка, а розовые кусты райскаго дерева какъ бы рвутся навстрѣчу все выше поднимающемуся солнцу. Въ отдаленіи, сохраняя еще густую тѣнь, будто дремлетъ сосновый боръ, тогда какъ среди ближайшей рощи давно все проснулось. Движимые вѣтеркомъ блещутъ листья, омытые дождемъ, на вѣткахъ задорно перекликаются птицы и дружно жужжать пчелы, налетая на цвѣты.

Не ушелъ бы изъ этого чуднаго мѣста, гдѣ все успокаиваетъ и плѣняетъ; гдѣ такъ пріятно задыхаться ароматомъ безпредѣльной растительности; но раздался благовѣсть и этотъ разъ опоздать къ обѣднѣ нельзя. Съ окончаніемъ трезвона закроются двери и въ храмъ долго никого не впустятъ; вѣдь на сегодня назначено постриженіе престарѣлаго послушника.

Вспомнивъ объ этомъ, я поспѣшилъ кратчайшимъ путемъ, то идя по травѣ, то пробираясь между кустами, обдававшими меня еще и просохнувшими дождевыми каплями, сверкавшими тамъ, гдѣ сквозь древесную чащу издали проскальзывали косые лучи.

Подобно природѣ и внутренность храма была особенно привлекательна. Изъ алтаря, пріятно - сѣроватаго фона, легко выступалъ бѣлый иконостасъ съ золотой рѣзьбой и шелковой завѣсой почти изумруднаго цвѣта. На образахъ и металлическихъ предметахъ играло солнце, а на широкомъ коврѣ, раскатанномъ отъ царскихъ вратъ къ паружнымъ дверямъ, вытканые цвѣты пестрѣли, какъ настоящіе.

Повидимому, во виѣшнемъ мірѣ все было проникнуто свѣтомъ и радостью; а тамъ, въ глубинѣ внутренняго міра престарѣлаго послушника, смиренно ожидавшаго въ глубинѣ церковнаго притвора своего постриженія, все эти красоты и прелести земли находили себѣ иную, своеобразную, религіозно-аскетическую оцѣнку.

Именно теперь, въ этомъ храмѣ, озаренномъ солнцемъ, готовился печальный обрядъ отреченія ото всего, чѣмъ милліоны людей дорожатъ всѣми силами своего существа, какъ драгоцѣннѣйшимъ благомъ, изъ котораго слагается сущность нашей жизни.

Но вотъ трезвонъ окопченъ; началась обѣдня; наружныя двери замкнулись на ключъ, и въ западной части храма 80-лѣтній чело-вѣкъ, жаждущій отречься отъ міра, стоялъ уже безъ обычныхъ одеждъ, послѣдній разъ снятыхъ имъ только что дрожащими руками. На немъ только власяница (подобіе укороченнаго безрукавнаго стихаря), а далеко впереди, у самаго иконостаса, передъ образомъ Спасителя, на аналоѣ черный холмъ изъ предметовъ, въ которые облекутъ постригаемаго. Эта черная масса рѣжетъ глаза среди общей бѣлизны лучезарнаго храма.

По обѣимъ сторонамъ ковра отъ амвона до входныхъ дверей выступила вся братія со свѣчами въ рукахъ. Послѣ пѣнія «Во царствіи Твоемъ помяни мя, Господи» іеродіаконъ вынесъ евангеліе, положилъ на аналоѣ впереди царскихъ вратъ, а рядомъ сталъ начальникъ скита, служившій обѣдню. Вдругъ всѣ иноки зажгли свои свѣчи; на колокольніѣ начался заупокойный перезвонъ, и нѣсколько іеромонаховъ вышли изъ алтаря въ притворъ къ постригаемому. Хоръ запѣлъ «Объятія отча отверсти ми потщися... и старецъ ползкомъ сталъ подвигаться по направленію къ алтарю, а сопровождавшіе его іеромонахи окружили его широкими лапами своихъ мантий, какъ бы чудовищными крыльями. На всемъ пути, согласно обряду, постригаемый останавливался три раза для земныхъ поклоновъ, послѣ которыхъ распластывался на полу, вытягивая руки и ноги какъ бы для распятія, а начальникъ скита читалъ молитву: «Отверзи сердца твоего ушеса, брате, и слыши гласъ Господень, глаголющій: Приидите ко мнѣ всѣ труждающіися и обремененніи и Азь упокою вы».

Въ этомъ передвиженіи отъ притвора, гдѣ съ прежней одеждой старецъ оставилъ всю прошлую жизнь, къ алтарю, изъ котораго по вѣрѣ его снизойдетъ небесная благодать, было что-то не поддающееся выраженію. Обиліе черныхъ предметовъ въ бѣломъ храмѣ, мерцаніе множества красныхъ огней, заупытность колоколовъ въ теченіе получаса, грустный напѣвъ, а главное это немощное, древнее тѣло, безпомощное, едва ползущее по настоянію мощной воли и величайшей потребности духа получить обновленную жизнь, все это производило потрясающее впечатлѣніе.

У многихъ мужчинъ на глазахъ были слезы, а женщины даже всхлипывали, ихъ нервное состояніе ярко отражалось въ ихъ лицахъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что у всѣхъ, не принадлежащихъ къ числу монаховъ, сегодняшній обрядъ вызывалъ такія ощущенія, которыя объединяли въ этомъ отношеніи людей очень различныхъ характеровъ. Всѣ присутствовавшіе должны были испытывать

Раскопка восьмисотлѣтнихъ пещеръ въ Церковщинѣ.

угнетенное настроеніе, замѣчая одновременно привлекательность
внѣшняго міра и тотъ погребальный, устрашающій процессъ, какъ
человѣкъ выходилъ изъ реальной жизни на поиски религиоз-
ныхъ идеаловъ въ области монашескаго ригоризма.

«Истор. вѣстн.», июль, 1910 г., т. сxxi.

16

Многіе изъ насъ вполне сознають несонзъмѣримую разницу между ярко-чистыми явленіями этическаго порядка и грязнымъ безобразіемъ пороковъ; а между тѣмъ фактъ прощанія съ земными сокращеніями чрезъ отреченіе отъ всего, что радостно и обаятельно, бьетъ по нервамъ, вызывая мучительныя сомнѣнія въ умѣ и поощряю болѣзнь въ сердцахъ.

Подвигаясь медленно впередъ, постригаемый старикъ наконецъ приблизился къ амвону, гдѣ начальникъ скита встрѣтилъ его цѣлымъ рядомъ установленныхъ вопросовъ: зачѣмъ пришелъ, желаетъ ли монашествомъ сподобиться ангельскаго образа; по свободной ли волѣ, а не по принужденію, или какой-либо нужды ради покидаетъ міръ; пребудетъ ли въ монастырѣ и постничествѣ до своей кончины; соблюдетъ ли цѣломудріе и благоговѣніе; сохранить ли до смерти послушаніе настоятелю и братіи; претерпитъ ли всякую скорбь и стѣсненіе монашеской жизни ради царствія небеснаго; надѣется ли имѣть силы исполнить иноческія обѣщанія до конца своей жизни. Получивъ утвердительныя отвѣты, совершающій обѣдню прочиталъ соотвѣтственное поученіе и установленныя молитвы.

Послѣ непродолжительнаго молчанія «начальникъ скита», троекратно приказавъ будущему монаху подать ножницы, обрѣзалъ немного волосъ на обоихъ его вискахъ и на затылкѣ, произнося при этомъ молитвы.

Погребальный перезвонъ замѣнился торжественнымъ благовѣстомъ во всѣ колокола. Иноки потушили свои свѣчи. Затѣмъ послѣдовательно произошло облаченіе новаго монаха въ различныя части иноческаго одѣянія, покрытіе его головы бархатной шапочкой вродѣ скуфьи и послѣ всего обуваніе въ сандалии, съ провозглашеніемъ названія того, что именно надѣвается на вновь постриженнаго; произносилось также новое имя, получаемое теперь вмѣсто прежняго. Затѣмъ новому монаху вручили крестъ со свѣчою; онъ отошелъ въ уголъ, образуемый правымъ клиросомъ и южной стѣной. Дьяконъ взялъ съ аналоя евангеліе, произнесъ «премудрость вонмемъ,» и обѣдня стала продолжаться обычнымъ порядкомъ.

Своевременно причастивъ новаго монаха и окончивъ обѣдню, начальникъ скита передалъ ему большое евангеліе и поставилъ впереди амвона, лицомъ къ народу.

Наступилъ симпатичный обрядъ. Каждый членъ братіи, начиная съ іеромонаховъ и оканчивая самымъ маленькимъ пѣвчимъ, прикладываясь къ евангелію, братски цѣловался съ новымъ инокомъ, послѣ чего, въ предшествіи начальника скита, двинулось шествіе, состоявшее изъ всего мѣстнаго духовенства, послѣ котораго поехали два большихъ подсвѣчника съ зажженными свѣчами, а за ними двинулся новый инокъ съ крестомъ и свѣчою въ рукахъ. Въ такомъ порядкѣ вступили въ трапезную, гдѣ начальникъ скита

обратился къ новопостриженному съ краткимъ поученіемъ, и всѣ размѣстились за столами.

Тотчасъ же послѣ обѣда старецъ уже одинъ возвратился въ церковь, гдѣ, по монастырскому уставу, обязанъ провести полныхъ семь сутокъ, имѣя право отлучаться лишь для принятія пищи; спать же разрѣшается не иначе, какъ въ сидячемъ положеніи и непремѣнно въ храмѣ.

По этому поводу мнѣ пришлось выслушать такое объясненіе.

Въ VI вѣкѣ, при царѣ Юстиніанѣ, къ празднику Воздвиженья въ Іерусалимѣ явилось два благочестивыхъ молодыхъ человѣка изъ Сиріи, гдѣ они были членами родовитыхъ семействъ. На обратномъ пути, достигнувъ мѣста, гдѣ развѣтвляется дорога, одна въ Сирію, а другая въ Іерусалимъ, эти странники, подъ впечатлѣніемъ всего, что видѣли въ Іерусалимѣ, поставили себѣ вопросъ: куда направиться—къ священной рѣкѣ или на родину, гдѣ оставались у молодого Іоанна жена и вдовствующій отецъ, а у Симеона 80-лѣтняя мать-вдова, горячо его любившая?

Не имѣя силъ выбрать между тѣмъ, что имъ дорого, и тѣмъ, что по ихъ вѣрѣ полезно душѣ, помолясь, пріятели бросили жребій, по которому имъ было суждено отказаться отъ земныхъ радостей для достиженія вѣчнаго блаженства. И вотъ, свернувъ къ Іордану, они прибыли въ монастырь преподобнаго Герасима. Случайно увидавъ только что постриженнаго, еще не снявшаго съ себя полного иноческаго облаченія, они замѣтили надъ его головой свѣтъ, подобный сіяющему вѣнцу. Понявъ это явленіе въ смыслѣ нагляднаго пребыванія небесной благодати надъ инокомъ, Іоаннъ и Симеонъ упросили настоятеля посвятить также и ихъ.

Черезъ семь дней послѣ того, какъ былъ постриженъ упомянутый монахъ, пріятели увидѣли его за работой въ обыкновенномъ одѣяніи и тогда надъ нимъ уже не сіялъ необычайный свѣтъ. Іоаннъ и Симеонъ пришли къ заключенію, что благодать осѣняетъ инока лишь до тѣхъ поръ, пока изъ области святости онъ не возвращается къ земнымъ, матеріальнымъ дѣламъ и суетнымъ заботамъ.

Удостоясь постриженія, пріятели взаимно увидѣли и надъ собою свѣтъ, который даже ночью озарялъ ихъ головы такъ, что были видны ихъ лица. Дорожа божественной благодатью, какъ величайшимъ сокровищемъ, друзья рѣшили уйти отъ всего суетнаго въ пустыню, вѣря, что лишь этимъ они сохраняютъ духовную мощь и чистоту. И дѣйствительно, устранивъ отъ всего напоминавшаго о земныхъ благахъ, отъ которыхъ отказались, Іоаннъ и Симеонъ побѣдили въ себѣ наконецъ тоску о тѣхъ, кого они оставили въ Сиріи.

Въ жизнеописаніи Симеона и его «сопостника» Іоанна, поминаемыхъ церковью 21-го іюля, записано вышеизложенное, какъ наглядное проявленіе благодати надъ новопостриженными; поэтому съ

VI вѣка принято новаго инока (или монахиню) оставлять въ храмѣ въ теченіе семи сутокъ послѣ постриженія.

Къ тому, что я записалъ о видѣнномъ мною обрядѣ, остается добавить, что по удивительному стеченію обстоятельствъ 80-лѣтній старецъ постриженъ именно тѣмъ, кто около шестидесяти лѣтъ назадъ сдѣлался его крестнымъ сыномъ.

Такимъ образомъ, крестный отецъ, участвовавшій въ полученіи ребенкомъ имени для земной жизни, становился теперь его духовнымъ сыномъ и при его посредствѣ мѣнялъ имя, съ которымъ жилъ на землѣ, на новое, получаемое при постриженіи, т.-е. при погребеніи прошлаго, земного, для воскресенія въ будущее, небесное.

V.

Пещеры и особенно чтимые образа.

Быль девятый часъ въ началѣ. Солнце только что ушло за горы, и вся природа стала проявлять тѣ особенности, которыя составляютъ прелестную обстановку лѣтняго вечера. Съ высотъ, покрытыхъ лѣсомъ и охватившихъ Церковщину съ трехъ сторонъ, повѣяло теплою сыростью; по верхушкамъ деревьевъ гдѣ-то далеко пронесся вѣтеръ и загудѣлъ почти музыкально и мягко, будто на мгновеніе появились пчелы и скрылись. Чистый воздухъ, блескъ изумрудной травы и пріятный лепетъ птицъ такъ и манили въ рощу, гдѣ еще было свѣтло. Несмотря на это, я занялся статьей, которую мнѣ хотѣлось поскорѣе отправить для напечатанія.

Окончивъ работу, я пошелъ въ горы. По мѣрѣ того, какъ я не спѣша подымался, лѣсъ темнѣлъ все значительное и алый свѣтъ вечерней зари скользилъ по листовѣ уже прощальными лучами. Но вотъ верхушки вѣковыхъ дубовъ и развѣсистыхъ липъ совсѣмъ потускнѣли, перестали рѣзко выдѣляться на небѣ, которое, потерявъ слѣды румянца, синѣло все гуще.

Пройдя до крутого поворота лѣса вправо, я вышелъ изъ обширныхъ воротъ на вершинѣ горы за границу скита. Очень далеко, на сѣверо-западѣ, въ вечерней мглѣ расплывалась въ неопредѣленную массу та крутизна, на которой лавра. Вскорѣ отъ одного изъ сосѣднихъ монастырей послышался звонъ, какъ бы напоминая, что хотя уже приближается ночь, а въ Виоаньевской и въ Троицкой обители еще не скоро перестанутъ молиться. Этотъ благовѣсть, напомнивъ мнѣ кое-что, привелъ къ тому, что мои мысли, въ постепенномъ ихъ развитіи, сосредоточились на монастыряхъ вообще.

Думая, какъ часто приходится слышать порицанія всего, что связано съ иночествомъ, я приблизился къ мѣсту, гдѣ на пнѣ сидѣлъ монахъ. Онъ оказался однимъ изъ тѣхъ, съ кѣмъ я не разъ уже охотно бесѣдовалъ. Страдая бессонницей, онъ аккуратно со-

Видъ на Полтавскую губернію съ сѣверной горы Церковщины.

вершалъ продолжительную прогулку на горы, гдѣ воздухъ особенно хорошъ. Подъ впечатлѣніемъ своихъ послѣднихъ мыслей я повелъ съ нимъ бесѣду такъ, чтобы услышать его мнѣніе о монастыряхъ.

— Разумѣется, иноческую жизнь необходимо исправить,—согласился со мною въ разгарѣ нашей бесѣды мой знакомый,—исправить, но не уничтожить, какъ предлагаютъ тѣ, кто не хотятъ помнить, что для русскаго народа монастыри, помимо религиозно-нравственнаго, имѣютъ и громадное просвѣтительное значеніе. Не далѣе, какъ въ нашемъ краѣ, въ періодъ порабоженія его поляками монастыри сыграли серьезную политическую роль, ставъ оплотомъ русской культуры и народности. Можно смѣло утверждать, что Западная Русь обязана именно монастырямъ тѣмъ, что не преобразилась въ Польшу. Такое же значеніе они имѣли въ свое время не только на окраинахъ нашего государства, но и внутри его, въ чемъ убѣждаетъ, напримѣръ, дѣятельность Троице-Сергіевой лавры. Кто безпристрастенъ, тотъ и въ настоящую минуту можетъ видѣть то же явленіе въ Лѣснинскомъ монастырѣ, который для Холмской Руси точно такъ же, какъ Почаевская лавра для юго-западной части Россіи, играетъ важную роль въ дѣлѣ русскаго самосознанія относительно вѣры и патріотизма.

— Нѣтъ, воля ваша,—помолчавъ, началъ мой собесѣдникъ такимъ тономъ, какъ если бы я возражалъ ему, а не слушалъ его безмолвно:—нѣтъ, за монастырями и въ наши дни не мало заслугъ. Не они ли служатъ поучительнымъ примѣромъ въ сельско-хозяйственныхъ дѣлахъ; содержатъ нѣсколько сотенъ больницъ и амбулаторныхъ покоевъ; оказываютъ бесплатную медицинскую помощь десяткамъ тысячъ болѣющихъ не только паломниковъ, но и обитателей деревень. Не 800 ли теперешнихъ монастырей содержатъ школы, въ которыхъ тысячи крестьянскихъ дѣтей научаются ремесламъ и грамотѣ, а дѣвочки рукодѣліямъ, причемъ свыше полутора милліона рублей удѣляется на церковныя школы.

— Неужели и такая, явно просвѣтительная дѣятельность не даетъ основанія доказывать, что монастыри, несмотря на недостатки въ условіяхъ ихъ жизни, продолжаютъ, какъ и въ старину, быть очень полезными. По этому поводу въ печати появилось очень кетати напоминаніе о томъ, что, убѣдясь въ благотворномъ вліяніи монастырей, существующихъ во всей Европѣ, англиканская церковь, хотя долго не знала иночества, сочла въ 1904 году необходимымъ возобновить монашество.

Пока мы говорили, въ лѣсу совсѣмъ уже стемнѣло; теплая сырость усилилась, затихли малиновки и даже овсянки, щebetавшія дольше всѣхъ на прилежавшей шивѣ.

Природу и людей въ скиту понемногу охватилъ сонъ. Пора было и намъ подумать о немъ, а потому мы разошлись наконецъ.

Еще долго не хотѣлось закрыть окно, черезъ которое вливался мягкій воздухъ, пропитанный запахомъ цвѣтовъ въ сосѣднемъ парсадникѣ, и видѣлись звѣзды, слабо мерцающія сквозь вѣтви столѣтнихъ липъ и высокихъ «грецкихъ» орѣховъ. Когда я проснулся, было раннее, какъ говорятъ въ скиту, «божественное» утро. Такъ и тянуло изъ комнаты въ царство свѣта, свѣжести, аромата и благодати, какимъ была въ это время Церковщина. Воздухъ такъ укрѣплялъ и бодрилъ, что я особенно легко поднялся на крутую гору любоваться повымъ колоритомъ картины, созданнымъ еще блѣдными лучами солнца, которое къ полудню заливаеъ скить растопленнымъ золотомъ.

Что представилось моимъ глазамъ по ту сторону южной опушки лѣса, передать словами нельзя, а красками хотя и возможно, но далеко не вполне. Нужно непосредственно видѣть эти многочисленныя холмы, овраги, рощицы и лѣса, которые, взаимно пересѣкаясь, представляютъ собою изумительно-граціозное и мягкое сочетаніе высотъ съ низинами и обилія красокъ: зеленой, лиловой, сѣрой, желтой и коричневой разнообразныхъ оттѣнковъ.

Не ушелъ бы отсюда; но нельзя было не поспѣшить на сѣверную сторону Церковщины изъ опасенія, что съ повышеніемъ солнца пропадутъ свѣтовые эффекты. И вотъ, пробираясь то по тропинкамъ, то сквозь чащу деревьевъ такъ, чтобы держаться дугообразнаго направленія горъ, я достигъ желаемой точки.

Подъ моими ногами, въ глубинѣ обширной долины красовалось нѣсколько зданій, охваченныхъ зеленью, точно изящныя игрушки, обложенныя высокою травой и мхомъ. Лѣвѣе домовъ, на днѣ обширной площади, щеголявшей разнообразіемъ древесныхъ породъ, вырисовывались изумрудно-свѣтлые купола церкви, затонувшей въ рошѣ, а надъ нею, какъ бы поверхность гигантскаго кольца, желтѣли поля съ колосющимися всходами. Еще дальше за ними, на югъ, гора съ крутымъ скатомъ къ востоку, а лѣвѣе ея, совсѣмъ внизу, на островкѣ Днѣпра, сверкали, какъ брильянты среди бирюзы, полоски рѣки въ цѣломъ морѣ лѣсовъ и полей.

Взглянувъ на часы, я замѣтилъ, что приближается время, назначенное мнѣ для осмотра пещеръ, а потому, чтобы сократить путь, рѣшился опуститься какъ можно прямѣе. Ноги скользили по низкой травѣ крутого ската; но все обошлось благополучно, и скорѣе, чѣмъ я предполагалъ, мнѣ удалось приблизиться къ мѣсту, гдѣ въ бетонной цистермѣ собирается огромный запасъ воды изъ горныхъ источниковъ. Не знаю въ точности, во что преобразится это мѣсто послѣ того, какъ окончится постройка новаго храма и проектированныхъ моими чертежами и рисунками сооружений, но то, что было предо мною теперь, заставило меня остановиться и превратиться въ зрѣніе.

Прямо передо мною излучистый прудъ, манящій первобытною. Надъ нимъ деревья, протянувъ свои вѣтви съ двухъ продольныхъ береговъ, образовали подобіе ажурнаго свода на фонѣ ясно-синяго неба; а влѣво отъ воды крутая гора исчезаетъ изъ глазъ въ лѣсной чащѣ. Все это прекрасно; но сила красоты не въ этомъ, а въ грандіозной лѣстницѣ, ископанной въ толщинѣ горы почти такъ, какъ устраиваются аппарели возлѣ крѣпостного бруствера для подъема вообще по этимъ аппаратамъ на данную высоту. Эта земляная лѣстница съ ея осыпающимися ступенями и откосами, то поросшими кустами и травой, то слегка обвалившимися, охватывая гору громадной дугой, представляетъ собою именно тотъ предметъ, благодаря которому вся мѣстность, прилегающая къ пруду, производитъ невыразимое впечатлѣніе. Однако давно пора въ пещеры. Пойдемъ же туда.

Изъ области свѣта, красивыхъ линій и красокъ, изъ чуднаго воздуха, напоеннаго запахомъ лѣсныхъ растений, я проникъ въ иной міръ, подземный по его положенію, но болѣе чѣмъ надзвѣздный, идеальный, совѣмъ божественный по образу жизни былыхъ его обитателей.

Темно и очень тѣсно; тонкія восковыя свѣчи, тускло мерцающія, едва освѣщаютъ коридоръ въ 3 аршина вышины и въ 1½ аршина ширины. Путь хотя пологій, постоянно поднимается то ступенями, то непосредственно. Становится холодновато и немного сыро, хотя почва песчано-суглинистая. Своды кое-гдѣ осыпались; множество уклоненій въ обѣ стороны. Это входы въ пещерныя келіи разной величины, большинство около сажени въ длину и немного менѣе въ ширину, нѣкоторыя гораздо обширнѣе. Такъ, на примѣръ, на сѣверо-западѣ есть двѣ большія пещеры, соединенныя отверстіемъ на подобіе двери, а на сѣверной части холма другая—аршинъ около 8 длины и 5 ширины. Здѣсь древняя церковь съ землянымъ престоломъ и съ жертвенникомъ въ видѣ ниши въ толщѣ горы. Какъ и всѣ вообще здѣшнія пещеры, она почти тождественна съ тѣми, которыя въ Печерской лаврѣ. За рѣдкимъ исключеніемъ въ каждой келіи вдоль одной, а иногда и двухъ стѣнъ устроены выступы вродѣ лежанки, служившіе, очевидно, ложемъ. Въ нѣкоторыхъ пещерахъ замѣтны длинныя неглубокія ямы, предназначенныя (какъ полагаютъ) обитателями этихъ подземныхъ мѣстъ обратиться потомъ въ ихъ могилы. И дѣйствительно, при раскопкахъ во многихъ келіяхъ подъ землянымъ поломъ найдено множество костей и череповъ, палецъ, оказавшійся вполне нетлѣннымъ, монашескія одежды и различные предметы древняго аеонскаго образца: пояса съ изображеніемъ Успенія Богоматери и другихъ святыхъ ликовъ, аналавы, сандалии и параманды, толстые огарки восковыхъ свѣчей и сосуды, изъ которыхъ нѣкоторые очень древніе, а одинъ можно назвать едва ли не безцѣннымъ въ археологическомъ отношеніи.

Видъ по направлению къ Киевской лаврѣ съ сѣверной горы.

Подъ коридорами и келіями, составляющими въ общемъ болѣе 125 сажень (т. е. $\frac{1}{4}$ версты), несомнѣнно, существуютъ кое-гдѣ другія пещеры, составляющія, такъ сказать, нижній ярусъ этихъ подземныхъ жилищъ; но эта часть холма еще не изслѣдована, за недостаткомъ времени, поглощаемого такими безотлагательными работами, которыя можно производить только лѣтомъ. Расчисткой же и изслѣдованіемъ пещеръ здѣсь занимаются обыкновенно въ періодъ зимнихъ холодовъ, когда исполнять нѣкоторыя работы снаружи невозможно.

Показывая предметы, найденные при раскопкѣ пещеръ, мнѣ сказали, что тамъ, гдѣ была подземная церковь, на престолѣ оказался деревянный крестъ и образъ Николая Чудотворца. Тогда на фонѣ иконы хорошо обозначалась только митра и часть облаченія; ликъ же святителя былъ очень неясенъ. Съ теченіемъ же времени, хотя образъ постоянно находился въ пещерахъ и не подвергался дѣйствию ни солнечнаго свѣта, ни какихъ-либо химическихъ препаратовъ, весь онъ постепенно проясняется все болѣе. Въ моментъ, когда мнѣ его показывали, лицо и все изображеніе на кипарисной доскѣ виднѣлись довольно отчетливо. Вблизи стоитъ и другая икона, Владимирской Богоматери, которой также придають въ скитѣ особенное значеніе.

Сопровождавшій меня инокъ оказался довольно словоохотливъ. На мое замѣчаніе, что при постоянномъ трудѣ и часто повторяющихся богослуженіяхъ братіи, повидимому, нѣтъ времени предаваться какимъ-либо волненіямъ, монахъ возразилъ въ такихъ выраженіяхъ:

— Казалось бы, и вправду некогда волноваться, а на дѣлѣ и здѣсь иногда бываютъ передраги. Да вотъ, напримѣръ, хотя бы такой случай.

При этомъ съ излишними подробностями онъ рассказалъ, что какъ-то разъ, послѣ многолюднаго посѣщенія пещеръ вдругъ не оказалось нетлѣннаго пальца, найденнаго при раскопкахъ и лежавшаго вмѣстѣ съ другими замѣчательными предметами въ ящикѣ съ открытою крышкой.

Это произошло въ тотъ разъ, когда одновременно съ простонародьемъ по пещерамъ ходило нѣсколько мужичинокъ, одѣтыхъ по-городски. Несмотря на тщательные розыски, исчезнувшій предметъ нигдѣ не оказался, что вызвало большое смятеніе въ скиту и угрожало неприятностями тому иноку, который состоитъ при пещерахъ. Прошло нѣсколько недѣль томительнаго ожиданія, чѣмъ-то окончится дѣло, и чѣмъ сильнѣе монахъ тосковалъ, тѣмъ неотступнѣе молился Николаю Чудотворцу, какъ угоднику, извѣстному необыкновеннымъ человеколюбіемъ и заступничествомъ за тѣхъ, кто въ бѣдѣ. И вотъ, при тѣхъ же ипокахъ, при которыхъ было обнаружено исчезновеніе нетлѣннаго пальца, скорбный собратъ

вдругъ нашель его на томъ же мѣстѣ въ ящикѣ, гдѣ онъ прежде лежалъ постоянно. Этотъ фактъ извѣстенъ инокамъ: Александру Комарову и нѣсколькимъ іеромонахамъ.

Затѣмъ случилось, что нѣсколько сотенъ рублей, хранившихся въ надежномъ мѣстѣ съ нѣкоторыми необходимыми бумагами, завалились куда-то. Каждый листокъ былъ осмотрѣнъ, а кредитки все-таки не отыскивались. Снова нарушился покой братіи и всеѣмъ сдѣлалось тяжело отъ происшествія, о которомъ стали дѣлать всевозможныя непріятныя заключенія. Тотъ, чьей отвѣтственности были поручены деньги, въ виду извѣстнаго инокамъ примѣра, не переставалъ молиться Николаю Чудотворцу, вѣря въ его помощь... и тѣ самыя кредитки, изъ-за которыхъ такъ много пришлось волноваться обитателямъ скита, нашлись такъ же неожиданно, какъ и неглѣнный палець.

Относящееся къ иконѣ Николая Чудотворца, по увѣренію послушника Комарова, могутъ подтвердить послушники Трофимъ Рожновъ, Иванъ Журавлевъ и самъ онъ, т.-е. Комаровъ.

О другомъ же образѣ Владимирской Божьей Матери говорятъ такъ. Кто пожертвовалъ его и когда, не записано, но извѣстно, что около 1904 г. какая-то казачка города Екатеринодара Прасковья Гавшина пришла въ Церковщину вслѣдствіе того, что во снѣ увидала икону Казанской Богоматери, призывавшую казачку въ Кіевъ помолиться. Не найдя ни въ одномъ изъ кіевскихъ храмовъ точно такого образа, Гавшина стала разыскивать его въ окрестныхъ обителяхъ, и только въ пещерахъ здѣшняго скита увидѣла наяву именно точь-въ-точь то, что ей приснилось.

Это мнѣ подтвердили послушники Александръ Комаровъ и Трофимъ Рожновъ.

Затѣмъ въ 1905 г., въ ночь на 21-е августа, жителю мѣстечка Китай-городъ, Кобелякскаго уѣзда Полтавской губ., 70-лѣтнему Данилу Палагуту приснился крестный ходъ, направлявшійся къ какой-то горѣ, поросшей деревьями. Приѣхавъ въ Кіевъ, Палагутъ услышалъ, что именно 21-го августа 1905 г. произошло освященіе древняго пещернаго храма въ урочищѣ Церковщина, а когда явился туда, никогда не бывъ тамъ прежде, то объяснилъ начальнику скита при братіи, что видѣлъ во снѣ именно этотъ самый пещерный храмъ. Возвратясь на родину, старикъ безнадежно заболѣлъ и когда домашніе изготовили ему гробъ, старику во снѣ явился образъ Казанской Богоматери и вскорѣ Палагутъ выздоровѣлъ. Въ благодарность за это онъ поѣхалъ въ Кіевъ, надѣясь тамъ увидѣть эту святыню, и, не найдя ее тамъ, порѣшилъ искать ее въ знакомой уже ему Церковщинѣ. Но и въ тамошнемъ храмѣ желаемаго образа не оказалось. Зато, обходя пещеры и случайно взглянувъ въ сторону, Палагутъ неожиданно замѣтилъ находящуюся всегда въ пещерѣ икону Богоматери и въ ней призналъ именно ту, которая ему снилась.

Эти факты мнѣ подтвердили послушники Трофимъ Рожновъ, Феодосій Палагутъ (внукъ старца) и Александръ Комаровъ.

Здѣсь кстатн упомянуть о третьемъ образѣ, о которомъ говорятъ слѣдующее.

Около 60 лѣтъ назадъ нѣкая Марія, дѣвочка по 13-му году, полоская бѣлье на Днѣпрѣ въ Кіевѣ, нѣсколько разъ отталкивала подплывавшую къ ней дочечку. Когда же она снова возвращалась къ берегу, Марья вынула изъ воды потемнѣвшій предметъ и лишь тогда едва могла замѣтить на немъ изображеніе такъ называемой Феодоровской Божьей Матери.

Съ теченіемъ времени, по общему наблюденію всѣхъ, кто зналъ эту икону, краски на ней становились все свѣжѣе, а очертанія опредѣленнѣе. Стали говорить, что икона «обновляется». Умирая на 62-мъ году, Марія передала свою святыню той женщинѣ, которая заняла ея мѣсто келейницы при старой монахинѣ, долго состоявшей просвирницей при Софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ. Но эта келейница пробыла тамъ недолго. Ея мѣсто заняла пожилая, лѣтъ за 40, Пелагея Корнеевна Панженская и впослѣдствіи получила образъ въ собственность отъ упомянутой просвирни (т.-е. монахини Маріи), когда она, умирая 87-ми лѣтъ, пожелала передать святыню той, чье благочестіе и нравственность были ей хорошо извѣстны.

Нельзя не сказать кое-чего о прошломъ изъ жизни теперешней обладательницы иконы. Лѣтъ болѣе 60-ти назадъ, бойкою пѣвуньею на 11-мъ году жизни, попавъ на деревенскую свадьбу, Панженская, по собственному ея увѣренію, видѣла, что когда женихъ съ невѣстой сѣли въ телѣгу, чтобы ѣхать въ церковь, всегда послушныя лошади заупрямились и, несмотря на понуканія, не двигались впередъ. Въ толпѣ стали говорить, что лошадей заколдовали въ отмщеніе за то, что невѣста отказала тому, кто сватался за нее ранѣе.

Вслушиваясь въ такое сужденіе, Пелагея перебѣжала на другую сторону дороги впереди лошадей; онѣ вдругъ успокоились и хорошо повезли телѣгу; а Панженская, отличавшаяся цвѣтущимъ здоровьемъ, съ этой минуты стала болѣть какимъ-то страннымъ недугомъ въ теченіе 30-ти лѣтъ. По ея личному объясненію, за нѣсколько дней до особенно чтимыхъ праздниковъ у нея начиналась головная боль, переходившая въ безсознательное состояніе. Съ окончаніемъ праздника больная выздоравливала, и только чувство разбитости въ теченіе нѣсколькихъ часовъ оставалось во всемъ тѣлѣ. Особенно мучительно становилось ей передъ Рождествомъ Христовомъ и Свѣтлымъ праздникомъ, когда что-то холодное поднималось по жиламъ въ голову, сдавливало ее какъ бы обручемъ и сверлило точно шиломъ. Такъ продолжалось до 40-лѣтняго возраста Пелагеи, когда она, поступивъ нянею въ Кіевъ, неоднократно горячо молилась въ пещерахъ.

Получивъ тамъ исцѣленіе, Панженская поступила келейницей къ упомянутой монахинѣ Маріи (просвирницѣ), а послѣ ея кончины, замѣчая, что полученный отъ нея образъ продолжаетъ «просныаться», повезла его на свою родину, въ село Романово, Кернинскаго уѣзда Пензенской губ. Тамъ, на глазахъ у всѣхъ, нѣсколько дѣтей и взрослыхъ, одержимыхъ разными болѣзнями, послѣ молитвы у образа, привезеннаго Пелагеею, выздоравливали скоро и окончательно. Боясь, чтобы такую святыню не отобрало мѣстное духовенство, Панженская поспѣшила съ нею въ Кіевъ подѣ Церковщину лѣтъ шесть назадъ и помѣстила икону въ храмъ Рождества Богородицы, а сама поселилась доживать свой вѣкъ вблизи своей святыни.

Слушая бойкій разсказъ и глядя на эту женщину со свѣжимъ лицомъ, энергичными движеніями и темными волосами безъ сѣдины, трудно себѣ представить, что передо мною старуха 68 лѣтъ, тогда какъ именно этотъ возрастъ и все переданное ею подтвердили нѣсколько лицъ, хорошо знающихъ ее.

VI.

Появленіе блаженнаго.

Чтобы показать, какъ вліяютъ здѣшнія пещеры на религіозныхъ людей, излагаю вкратцѣ разсказъ одной дамы, которую знаю, какъ сотрудницу дѣтскаго журнала. Она такъ ярко передала мнѣ свои впечатлѣнія, что я постараюсь пересказать ихъ ея словами, насколько они удержались въ моей памяти:

«Было 5 часовъ прекраснаго утра, когда я вошла въ пещеры, гдѣ начиналась ранняя обѣдня. Одинъ изъ монаховъ, проявившій много начитанности въ разговорѣ со мною наканунѣ по вопросамъ религіи и положенія нашего духовенства, помѣстилъ меня въ ближайшую къ церкви келію, вырытую въ правой сторонѣ подземнаго коридора, сказавъ, что тамъ часто молился преподобный Θεодосій, а жилъ въ смежной. Вскорѣ одинъ изъ іеромонаховъ увелъ меня въ такъ называемую «братскую усыпальницу», гдѣ собраны кости иноковъ, спавшихся здѣсь нѣсколько столѣтій назадъ, и, указавъ мнѣ на аналой съ крестомъ и евангеліемъ, предложилъ ему открыть мои грѣхи.

«Обстановка была исключительная. Въ невысокой пещерѣ рядъ лампадъ передъ иконами, мягко сіявшими позолотой въ полусвѣтѣ, а предо мною старческое лицо духовника, смотрѣвшаго неуклонно на что-то серьезно, но съ хорошимъ выраженіемъ въ добрыхъ глазахъ.

«Взглянувъ по направленію его взора, я увидѣла нѣсколько чреповъ, поставленныхъ на полкахъ подѣ стеклами. Въ той же сто-

ронѣ, на темномъ фонѣ глинистыхъ стѣнъ, выдѣлялось распятіе Спасителя съ большой фіолетовой лампадой. И вотъ среди мистически-священной обстановки я начала исповѣдываться такъ горячо и продолжительно, какъ не случалось въ моей жизни. Видя мое настроеніе, іеромонахъ самъ расчувствовался и высказалъ мнѣ такъ много успокоительнаго, такъ хорошо понималъ потребности моей души и мои взгляды на жизнь, что я разрыдалась отъ избытка впечатлѣній.

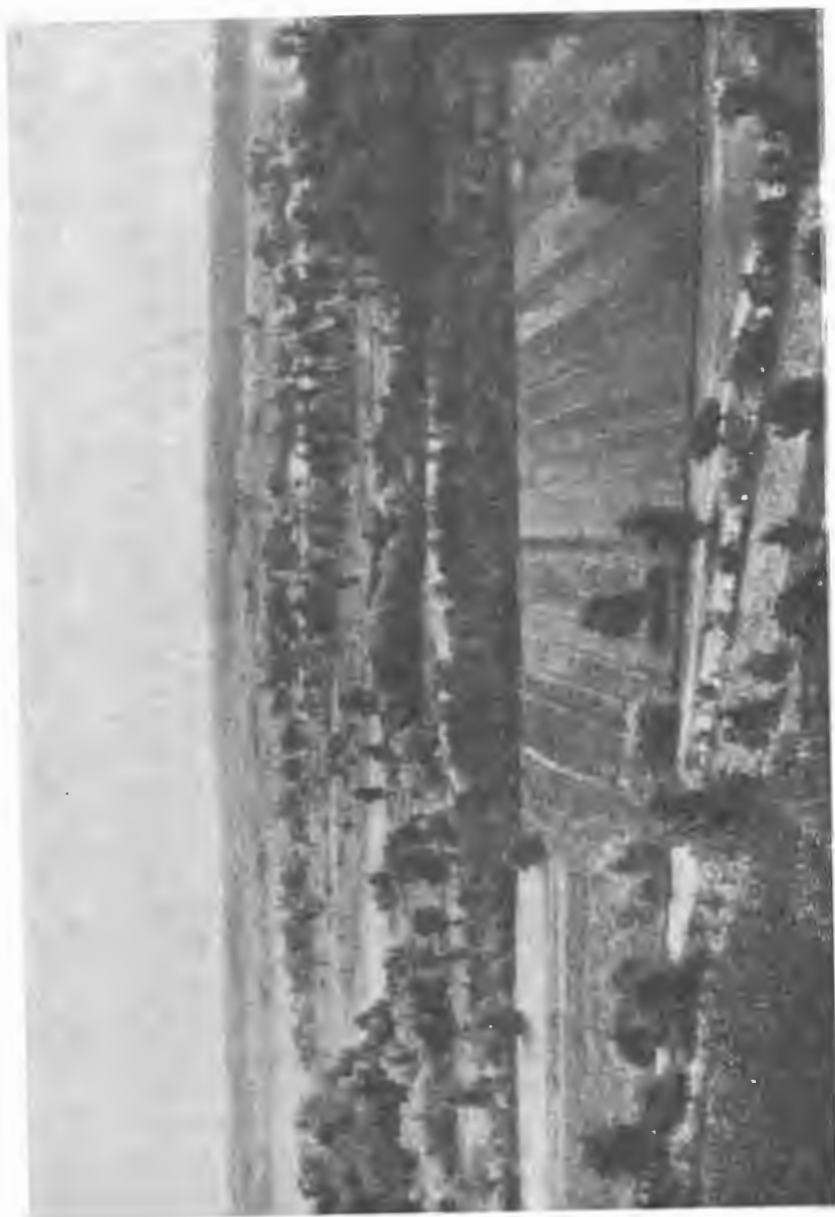
«Что я испытывала, возвратясь на прежнее мѣсто, т.-е. въ пещеру препод. Θεодосія, я выразить не въ силахъ. Оставаясь въ ней въ теченіе всей обѣдни, я чувствовала себя какъ бы не въ здѣшнемъ, брэнномъ мірѣ. Стоя на колѣняхъ, я касалась головою возвышенія, служившаго угоднику какъ бы столомъ, а съ правой стороны ощущала углубленіе, вырытое наподобіе лежанки, чтобы сидѣть и спать на этомъ жесткомъ ложѣ.

«Очень небольшая пещера, освѣщенная единственной, но объемистой и красивой темно-розовой лампадой, оглашаемая пѣніемъ, доносившимся изъ-за поворота коридора, казалась великолѣпнѣе самыхъ роскошныхъ храмовъ. Здѣсь, въ этомъ святилищѣ, наполненномъ кадилнымъ ароматомъ и матовымъ свѣтомъ, я чувствовала себя какъ никогда, будто я перенеслась куда-то въ невѣдомое пространство, внѣ земли, и появилась, не скажу на небѣ, но во всякомъ случаѣ въ мірѣ величайшей святости и духовныхъ идеаловъ.

«Для причастія я вошла въ маленькую пещерную церковь; а когда возвратилась въ пещеру препод. Θεодосія, мнѣ невыразимо сильно захотѣлось какъ можно дольше оставаться въ ней. Но обѣдня окончилась и поневолѣ пришлось удалиться. При выходѣ изъ-подъ земли въ очаровательную рощу, среди которой пролегаетъ дорога къ монастырской гостиницѣ, меня охватило свѣтомъ и благоуханіемъ роскошнаго лѣтняго дня. Было около 8-ми часовъ; солнце уже ярко свѣтило, но еще не изнуряло зноемъ. На сердцѣ было такъ, какъ будто наступило не обычное воскресенье, а свѣтлый праздникъ, самый первый день Пасхи».

Разговаривая съ этой дамой, я сидѣла въ той части сада, которая непосредственно прилегаетъ къ дорогѣ отъ пруда, къ верхней части скита. Солнце уже склонялось за горы, охватившія полу-кругомъ долину съ храмомъ въ средней ея части. На краснѣющемъ небѣ, какъ бы громадное зеленое кружево, сотканное природой, вырисовывался причудливый узоръ разнообразныхъ листьевъ. Съ пестрѣющихъ клумбъ разливался сильный запахъ цвѣтовъ табака, фіалокъ и левкоя; вокругъ царил полная тишина.

Слушая и вмѣстѣ съ тѣмъ глядя на окружавшую насъ природу, я невольно думалъ также и о томъ, что сообщать такіе рассказы всего удобнѣе при данныхъ условіяхъ, когда вся обстановка распо-

Видъ на Черниговскую губернію съ сѣверной горы.

лагаеть къ воспріятію лирическихъ впечатлѣній. Сотрудница дѣтскаго журнала умолкла, а я оставался еще подъ обаяніемъ написанной ею религиозно-мистической картины, какъ вдругъ чей-то мягкій теноровый, но зычный голосъ произнесъ:

— Отъ глубины души благодарю Тебя, Господи, давшаго силы пройти тысячи верстъ, чтобы поклониться здѣшнимъ святынямъ Твоимъ.

Оглянувшись по направленію звуковъ, неожиданно нарушившихъ тишину, я увидѣлъ незнакомаго мужчину, который, остановясь невдалекѣ отъ садовой рѣшетки, крестился истово, глядя на церковь.

— Боже! не дай мнѣ умереть въ сквернахъ грѣха и сподоби причаститься въ пещерномъ храмѣ...—продолжалъ, какъ и прежде, громкимъ, пріятнымъ голосомъ человекъ въ странномъ одѣяніи вродѣ темно-коричневаго халата или священнической рясы, изъ-подъ которой виднѣлись бѣлыя шаровары, связанные веревочками у щиколки босыхъ ногъ. На обнаженной груди, вмѣсто не существующей рубашки, виднѣлись вериги. Позднѣе, когда я поздоровался съ нимъ, онъ снялъ съ головы что-то вродѣ фуражки, носимой мѣщанами, и плавнымъ, округлымъ движеніемъ передалъ ее въ ту руку, которая опиралась на дубинку; затѣмъ онъ сдѣлалъ мнѣ изысканный поклонъ.

Длинные шелковистые волоса обрамляли худое лицо со свѣтлыми глазами. Вся фигура, выраженіе лица и манера держать себя производили такое же впечатлѣніе, какъ и его прекрасный голосъ. Отвѣчая на мои вопросы, незнакомецъ объяснилъ, что, поступивъ около 15 лѣтъ назадъ въ одинъ изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ и дослужившись до званія взводнаго вахмистра, онъ былъ ушибленъ лошадейю.

Когда его долго лечили въ госпиталѣ, онъ слышалъ, какъ нѣкоторые больные солдаты читали житія святыхъ и брошюры духовнаго содержанія. Это произвело на него такое сильное впечатлѣніе, что вскорѣ онъ пристрастился сначала къ духовнымъ книгамъ, а потомъ ко всему религиозному вообще. Въ послѣдній годъ пребыванія на службѣ потребность молиться усилилась въ немъ настолько, что, удаляясь то на чердакъ, то въ манежъ, когда онъ не занятъ, бывшій вахмистръ простаивалъ зимою на колѣняхъ цѣлые часы, пока не заболѣлъ вторично. О его настроеніи зналъ не только полковой священникъ, но и командиръ эскадрона, который отнесся къ его душевному состоянію очень сочувственно. Выйдя изъ полка по окончаніи службы, онъ ходитъ уже болѣе 10 лѣтъ по святымъ мѣстамъ и является теперь въ Церковщину изъ Саровской пустыни, т. е. съ границы Нижегородской и Тамбовской губ., слѣдуя все время пѣшкомъ.

— О, если бы я могъ выразить словами,—закончилъ бывшій гвардеецъ:—какое блаженство я испытываю среди святынь. Но нѣтъ на свѣтѣ такихъ рѣчей, которыми хотя бы въ слабой долѣ я сумѣлъ бы передать, какой восторгъ испытываю, когда молитвою приближаюсь ко Господу нашему Иисусу Христу, пострадавшему для искупленія грѣховъ міра... Боже праведный! Видишь, какъ я стремлюсь къ тебѣ, но какъ мнѣ трудно бороться съ искушеніями. Слезно молю: поддержи и прости; не свергни во адъ.

Бывшій вахмистръ дѣйствительно зарыдалъ и привычнымъ движеніемъ сталъ истово креститься. При этомъ красивое лицо и глаза приняли такое выраженіе, какъ если бы онъ воочию увидѣлъ предметы, приготовленные ему для жесточайшихъ мученій.

Въ тотъ же вечеръ, когда я зашелъ въ иконописную мастерскую высказать, по просьбѣ «начальника скита», мои соображенія по поводу одной художественной работы, я засталъ тамъ старичка-келейника, брата Степана, завѣдывавшаго посудой и разными чайными принадлежностями той гостиницы, въ верхнемъ этажѣ которой временно помѣщается «живописная», а въ нижнемъ нѣсколько человѣкъ изъ числа послушниковъ-ремесленниковъ.

Во время моего разговора съ живописцемъ и монахомъ, вырѣзывавшимъ части иконостаса для строящагося храма, послышался троекратный стукъ въ двери и начало обычной молитвенной фразы, произносимой прежде, чѣмъ войти въ келью: «Молитвами святыхъ отецъ»... и т. д.

— Аминь,—отвѣтилъ кто-то (что означало «войдите»).

Быстро и болѣе чѣмъ нужно распахнулась дверь, и, широко переступивъ порогъ, развалистой походкой вошелъ послушникъ.

— Наконецъ-то я разыскалъ тебя, братъ Степанъ,—черезчуръ громко забасилъ брjunеть.

— А что тебѣ, братъ?—спросилъ старый келейникъ.

— Да вотъ благослови заполучить клещи щепать сахаръ.

— Богъ благословитъ; сейчасъ пойду выдамъ; но развѣ у васъ, внизу, нечѣмъ колоть сахаръ; кажется, были щипчики въ нижнемъ коридорѣ.

— Нѣтъ, щепать нечѣмъ. Ты, братъ, только собирался дать, но дѣло такъ и не сварганилось, а оборвалось на одномъ посулѣ.

— Ну, братъ, прости, по старости позабылъ,—добродушно отвѣтилъ Степанъ и крехтя вышелъ за дверь, въ которую за нимъ опять шумно и раскачиваясь по утиному вывалился своеобразный послушникъ.

На колокольнѣ зазвонили для слушанія «правилъ».

— Вотъ уже скоро отойдемъ ко сну,—замѣтилъ позолотчикъ:—а тутъ вышло такое «искушеніе»: я не успѣлъ немного докончить колонку,—вздыхнулъ прилежный мастеръ. На монастырскомъ жаргонѣ «такое искушеніе» означало «такая досада вслѣдствіе неудачи».

VII.

Разказы о чудесахъ.

Какъ-то разъ я пришелъ въ ту часть Церковщины, которая прилегаетъ къ пруду, чтобы окончить акварельный набросокъ. Для осуществленія того, что я предлагалъ начальнику скита устроить вблизи строящагося храма, мнѣ понадобилось предварительно нанести на бумагу часть окружающаго его панорамы и сообразно съ этимъ выполнить задуманныя мною улучшенія.

Раскрывая прикрѣпленную къ планшеткѣ полосу бумаги, такъ называемую «toçhon», я и не замѣтилъ, какъ сзади меня слышными шагами по травѣ подошлъ монахъ.

— Не обезпкою, если спрошу и посмотрю?—обратился онъ ко мнѣ, кланаясь смиренно.

— Нисколько; а что именно желаете знать?

— Да вотъ, не позволите ли полюбопытствовать, для чего вы у насъ всякіе планы снимаете, и приглядѣться, какъ рисуете. Братія поговариваетъ, будто бы хотите украшать... И пошли же вамъ Боже святую помощь, а мы станемъ за васъ молиться, если...

— Дѣйствительно, у меня есть намѣреніе, съ согласія вашего начальника, этотъ хаосъ (при этомъ я обвелъ рукою впереди себя) преобразить въ красивое мѣсто.

— А можно узнать, что же именно здѣсь вы задумали устроить?

— Вотъ на этомъ большомъ и грязномъ кускѣ, гдѣ когда-то водилось много змѣй, я предлагаю разбить цвѣтникъ съ разнообразными клумбами и дорожками. Впереди его построить красивую стѣну такъ, чтобы она увеличила цистерну, т. е. водохранилище, и вмѣстѣ съ тѣмъ служила бы, какъ въ иконостасѣ, для помѣщенія нѣсколькихъ образовъ по ся длинѣ и въ боковыхъ ея придѣлахъ. Посрединѣ этой каменной стѣны, въ нишѣ, т. е. въ углубленіи, которое отдѣляется пилястрами, иначе говоря столбами, и еще кое-чѣмъ, подъ иконой, называемой «Живоносный Источникъ», заструится вода, которую съ площадки, возвышающейся надъ нами сейчасъ на 4 аршина, мы проведемъ изъ огромной чаши! Вѣрнѣе сказать, это будетъ не чаша, а водоемъ, наподобіе тѣхъ, что видите въ городскихъ фонтанахъ! Посрединѣ этого бетоннаго предмета поставимъ металлическую фигуру св. Владимира въ ростъ высокаго человѣка, причѣмъ изъ креста, который отольютъ тоже въ Москвѣ, потечетъ вода сначала въ бассейнъ, а оттуда по трубамъ внизъ, сквозь каменную стѣну, какъ я уже сказалъ, къ образу «Живоносный Источникъ».

Богомольцы, гуляя въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь съ вами, т. е. въ предполагаемомъ цвѣтникѣ, стянутъ пить освященную воду, а она отъ иконы будетъ изливаться въ колодезь возлѣ стѣны.

— Ой, да какъ же здѣсь будетъ хорошо,—воскликнулъ монахъ, продолжая внимательно смотрѣть на мою планшетку.—А вотъ я дивлюсь, какъ это вы поведете кисточкой такъ да сякъ, и гдѣ не было ничего, вдругъ деревья на бумагѣ точно выросли и краска оживляетъ бумагу. Только что было пусто, вродѣ какъ бы ничего, анъ, глядишь, уже цѣлая роща и вотъ эта самая площадка, гдѣ, вы сказывали, явится св. Владимиръ посреди водоема... Осмѣлюсь еще полюбопытствовать,—помолчавъ, началъ монахъ.—Видѣли братья, что вы планы снимали на холмѣ, гдѣ на деревьяхъ колокола висятъ, пока, значить, строится пещерная колокольня. Снимали планы и возлѣ нашего теперешняго храма и еще на той вершинѣ горы, откуда видны три губерніи. Небось, и тамъ что-либо вы намъ придумали устроить?

— Если позволять средства, украсимъ и тамъ. На площадкѣ пещернаго холма устрою большой цвѣтникъ съ дорожками; возлѣ храма Рождества Богородицы передѣлаю теперешнія нелѣпыя клумбы совсѣмъ по иному, а на горѣ, откуда видны Кіевская, Черниговская и Полтавская губерніи, тамъ я предлагаю построить кое-что очень и очень... Впрочемъ, объ этомъ еще слишкомъ рано распространяться. Сначала должно закончить болѣе необходимое и раздобыться деньгами, безъ которыхъ нельзя приступить къ постройкѣ...

— Братія говорятъ, что вы и храмы наши желаете бесплатно, аки ленту святому скиту, отдѣлать своими рисунками, т. е. разукрасить не только теперешній, но также строящійся верхній и нижній у входа въ пещеры.

— Говорятъ вѣрно, — отвѣтилъ я. — Образа напишетъ вашъ здѣшній художникъ, а то, что называется «орнаментъ», если буду живъ и здоровъ, составлю и, разумѣется, исполнѣ безвозмездно.

Пока мы разговаривали, къ намъ одновременно подошли два молодыхъ человѣка, оба послушники, и тоже съ любопытствомъ начали всматриваться въ мою работу.

Одинъ изъ нихъ говорилъ очень мало, зато внимательно слушалъ, а его товарищъ, въ противоположность тому монаху, который началъ бесѣду со мною черезчуръ осторожно,—съ первыхъ же словъ засыпалъ меня разспросами и своими рассказами. Въ результатѣ болтливость этого субъекта оказалась для меня не безполезна. Отъ него я узналъ, что нѣсколько лѣтъ назадъ, какъ разъ въ то время, когда скитъ особенно нуждался въ средствахъ, деньги, по его выраженію, «пришли въ руки братіи чудеснымъ путемъ», о чемъ онъ передалъ мнѣ въ такихъ словахъ:

— Забѣжала къ намъ невѣдомая собачонка, прижилась и освоилась со многими. Однажды видимъ, скачетъ она по дорогѣ изъ роци съ какой-то холстинкой въ зубахъ, да прямо къ намъ и давай заигрывать, чтобы мы, значить, обратили на нее вниманіе. Мы про-

должаемъ разговаривать, а собачонка отбѣжить въ сторону, да и опять назадъ, потеревитъ холстинку, положить ее на землю и поглядитъ на кого-нибудь, точно хочетъ сказать: «возьмите». Ну, и посмотрѣли. Оказался замазанный объ землю поясъ и въ немъ что-то твердоватое. Распорили и увидѣли денежныхъ кредитокъ на 200 цѣл-качей. Отдали своему начальнику, отцу Мануилу, а черезъ нѣсколько дней объявился какой-то парень и доказалъ, что этотъ поясъ онъ потерялъ, переодѣваясь въ нашей роцѣ. Въ благодарность, что, значить, нашлась пропажа, онъ тутъ же пожертвовалъ 50 руб. изъ своего пояска, а мы возблагодарили Господа за такую чудесную помощь нашей обители.

Когда этотъ фактъ единогласно подтвердили монахъ и молчавшій послушникъ, словоохотливый молодой человекъ вдругъ побѣжалъ ко входу въ пещеры, гдѣ раздаются и продаются разные оттиски священнаго содержанія и принесъ какой-то печатанный экземпляръ.

— А вотъ о другомъ чудѣ не хотите ли прочесть, — обратился онъ ко мнѣ, подавая листокъ.

На 2¹/₂ страницахъ, за подписью «начальникъ скита іеромонахъ Мануиль съ братіей», изложено событіе, сущность котораго въ слѣдующемъ. 5-го декабря 1908 г., въ день препод. Саввы Освященнаго, слушая обѣдню въ Церковщинѣ, временно проживавшій тамъ рабочій Савва Тарасюкъ (крест. Подольской губ., Брацлавскаго уѣзда, села Латанецъ), послѣ пѣнія «Отче Нашъ» сдѣлавъ земной поклонъ, вдругъ лишился языка. Послѣ богослуженія Тарасюкъ написалъ, что, думая о томъ, что на исповѣди иногда скрывалъ передъ священникомъ нѣкоторые грѣхи, онъ сдѣлалъ земной поклонъ, какъ вдругъ, по словамъ Тарасюка, «явилась какая-то тѣнь, коснулась моего языка, и я онѣмѣлъ».

По распоряженію начальника скита вся братія стала молиться въ продолженіе 12 дней съ поклонами и колѣнопреклоненіемъ во время литургіи. Затѣмъ 15-го декабря нѣмой написалъ своему духовнику, что во снѣ получилъ повелѣніе простоять на колѣняхъ всю обѣдню передъ образомъ Божьей Матери, послѣ чего ему обѣщано исцѣленіе. И дѣйствительно, когда хоръ исполнилъ «Тебѣ поемъ», а Савва, сдѣлавъ поклонъ, не поднимался съ пола до конца пѣнія «Достойно есть», онъ получилъ способность говорить. Послѣ благодарственнаго молебна въ присутствіи всѣхъ священнослужителей, Савва пояснилъ братіи, что въ моментъ, когда послѣ земного поклона, сопровождавшагося потерей сознанія, онъ всталъ, ему показалось, будто бы приблизился какой-то старецъ въ схимническомъ одѣяніи, приказывая приложиться къ иконамъ, а когда Тарасюкъ, исполнивъ это, возвратился на свое мѣсто, тамъ онъ не нашелъ уже старца, котораго никто не видѣлъ, исключая исцѣленнаго.

Разсматривая потомъ иконы, Савва призналъ, что ему явился именно тотъ, кто изображенъ въ видѣ препод. Антонія. Свидѣтелями всего изложеннаго (сказано въ упомянутомъ листкѣ) были іеромонахи Мануиль, Никаноръ, Митрофанъ, Никандръ, Анатолій и вся братія.

Вскорѣ зазвонили къ обѣду. Монахъ съ двумя послушниками поспѣшилъ въ трапезную, а я, никѣмъ уже не развлекаемый, докончивъ свой акварельный набросокъ, пошелъ въ тѣ мѣста, гдѣ, по моему предложенію, будутъ совершаться различныя улучшенія по мѣрѣ того, какъ станутъ приобрѣтаться необходимыя для этого деньги. На обратномъ пути приближаясь къ стѣнѣ, только что сооруженной по моему чертежу для размѣщенія въ нишахъ между ея пилястрами нѣсколькихъ образовъ, я видѣлъ уже мысленно водоемъ съ бронзовой фігурой св. Владимира и струями воды, блистающей цвѣтами радуги на солнцѣ, при изліяніи изъ креста надъ террасой, облицованной моею стѣною. Подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ этого эффектнаго мѣста, которое будетъ еще привлекательнѣе, когда тамъ устроится громаднѣйшій цвѣтникъ по моему рисунку, я возвратился въ свое жилище.

VIII.

Смерть образцоваго инока.

Былъ превосходный лѣтній вечеръ, одинъ изъ тѣхъ, которыми я не могъ налюбоваться вполнѣ, несмотря на то, что мое пребываніе въ Церковщинѣ затянулось надолго.

Уроженецъ Малороссіи, волею судьбы невольный обитатель гнилого, безсолнечнаго Петербурга, я все еще не могъ вполнѣ удовлетвориться счастливыми особенностями горячо любимаго мною родного края и потому жадно вглядывался въ окружающую меня природу, забравшись въ глубину роци.

Въ это время вся она представлялась мнѣ въ особенно привлекательномъ, даже фантастическомъ видѣ, благодаря эффектамъ солнечнаго заката. Въ той сторонѣ, гдѣ дорога въ сосѣдній Виоаньевскій монастырь, небо горѣло золотистымъ пурпуромъ; красавицы-тучки, тая въ ароматномъ воздухѣ, сгруппировались низко надъ горизонтомъ, а вѣсковыя деревья будто купались въ феерической дымкѣ непередаваемаго словами свѣта, распространяя отъ себя такой запахъ, что я вдыхалъ его съ жадностью.

Вслѣдствіе писемъ, призывавшихъ меня по дѣламъ опять на сѣверъ, я доживалъ подѣ Києвомъ послѣдніе дни. Поэтому я рѣшилъ опять пройти къ тому мѣсту, гдѣ съ наивысшей точки Церковщины открывается очаровательная панорама на протяженіи около 25 верстъ по ту сторону Днѣпра. Я шелъ туда насмотрѣться, быть

можетъ, послѣдніи разъ въ моей жизни картинами, до такой степени прекрасными и величавыми, что воспоминаніями о нихъ я надѣялся успокаивать себя въ то время, когда среди тумановъ и холода на сѣверѣ буду скучать о лучезарномъ югѣ.

Далеко, едва замѣтно въ золотой дымкѣ угасавшей зари сливались съ горизонтомъ печерскія высоты. Немного ближе обрисовывались горы, среди которыхъ утопаетъ въ лѣсу Китаевскій монастырь, образуя собою прекраснѣйшую декорацію лѣвой границы гигантской площади.

На пространствѣ около 25 квадратныхъ верстъ, охватываемыхъ зрѣніемъ съ 40-саженной вершины Церковщины, геніальнѣйшей зодчій-природа разбросала въ живописномъ безпорядкѣ воду, рощи, луга, деревни, огороды, песчанья полосы и сады въ самыхъ причудливыхъ сочетаніяхъ.

Все, что плѣняло мой взоръ на протяженіи отъ цѣпи горъ, почти параллельной теченію Днѣпра, представляетъ собою территорію Кіевской губерніи, въ видѣ полосы верстъ около двухъ въ ширину вплоть до мѣста, гдѣ стальной полосой блистаетъ рѣка. По другую же сторону Днѣпра, если смотрѣть вполоборота налѣво, начинается Черниговская губернія, а правѣ смежная съ нею Полтавская. Обѣ онѣ, подходя къ рѣкѣ своею общею границею (первая подъ острымъ, а вторая подъ тупымъ углами) обозначаются лѣсами, которые чѣмъ дальше, тѣмъ незамѣтнѣе сливаются съ темнѣющимъ небомъ.

Мнѣ удавалось видѣть немало замѣчательныхъ панорамъ природы въ разныхъ мѣстахъ нашего громаднѣйшаго отечества и заглядываться ими. Безспорно, онѣ прекрасны; но то, что теперь разстилалось подъ моими ногами на десятки верстъ, превосходило едва ли не все мною видѣнное разнообразіемъ очертанія, сочностью красокъ и мягкостью тоновъ общаго роскошнаго колорита.

Охваченный впечатлѣніями и воспоминаніями о незабвенной молодости, вызванными во мнѣ окрестностями Кіева, я не замѣчалъ, какъ мчалось время и чудный, огнистый вечеръ, постепенно блѣднѣя и свѣжѣя, переливался въ прекрасную ночь. Не знаю, какъ долго я оставался бы на этой вершинѣ Церковщины, которую въ интересахъ обитатели предполагается устроить по моимъ чертежамъ и рисункамъ. Уходить не хотѣлось тѣмъ болѣе, что дня черезъ два мнѣ предстояло возвратиться въ Кіевъ для дальнѣйшаго движенія въ Петербургъ. Но вдругъ среди полумрака и тишины съ колокольной скита раздался звонъ. Со значительными промежутками онъ повторился какъ-то необычно лишь три раза и замеръ.

Когда я приблизился къ своему жилищу, мнѣ встрѣтился одинъ изъ іеродіаконовъ и сказалъ:

— Не стало нашего примѣрнаго старца Герасима; прекратилась мучительная болѣзнь. Помните, какъ мы еще сегодня бесѣдовали

съ вами о немъ... Вотъ какіе столпы иночества необходимы для поддержанія и развитія среди насъ того учительнаго старчества, о которомъ недавно былъ поднятъ вопросъ на монашескомъ съѣздѣ.

— Дѣйствительно, онъ жилъ образцово, но слава Богу, что скончался,—отвѣтилъ я, задумываясь надъ тѣмъ, что зналъ объ умершемъ. Въ эту минуту мнѣ ясно представился высокій 84-лѣтній уроженецъ Малороссіи, сдѣлавшійся добровольнымъ борцомъ съ суровой природой Восточной Сибири, во время своего труда на пользу ближнимъ и, наконецъ, убѣжденнымъ монахомъ.

Уже старикомъ придя, какъ увѣряють, по обѣту пѣшкомъ изъ-за Байкала въ Кіевъ съ цѣлью быть инокомъ на родинѣ, онъ изумлялъ братію религиозною устройчивостью и мощью желѣзнаго организма. Еще три года назадъ онъ превосходилъ многихъ здоровыхъ молодыхъ людей продолжительностью и качествомъ работы. Казалось, онъ застрахованъ отъ утомленія и болѣзней. Но вдругъ съ простудой начался сравнительно быстрый процессъ увяданія и даже разрушенія.

Еще двѣ недѣли назадъ я видѣлъ его въ церкви, подходившаго хотя нетвердою поступью, но безъ чьей-либо помощи къ царскимъ вратамъ для причащенія. Потомъ я узналъ, что онъ слегъ и страдалъ отъ сильной ревматической боли и припадковъ жестокаго удушья. Борьба могучаго тѣла со смертью, по увѣренію фельдшера-послушника, была удивительная и мучительная. Но въ богатырскомъ тѣлѣ до послѣдней минуты его существованія царилъ духъ изумительной силы, благодаря чему, не теряя самообладанія, онъ безропотно переносилъ страданія, не переставая усердно молиться.

Въ полномъ сознаніи, со святыми чувствами и мыслями онъ разставался съ землей именно въ то время, когда я любовался ею съ высотъ, которыя часто посѣщаль всѣми чтимый покойникъ...

Черезъ два дня я уѣзжалъ изъ скита. Солнце, поднявшись пока не высоко изъ-за лѣсовъ Полтавской губерніи, почти не грѣло, а только слегка озаряло сквозь напозавшія тучи. Ночная прохлада ощущалась тѣмъ сильнѣе, что дулъ небольшой вѣтеръ. Вся здѣшняя природа при блѣдномъ освѣщеніи казалась иною, непривѣтливою, подурнѣвшею, если можно такъ выразиться.

По непонятной причинѣ я проснулся въ нехорошемъ, нервномъ состояніи и долго не могъ превозмочь его.

Мнѣ подали лошадей въ то время, когда послѣ очень ранней обѣдни шло отпѣваніе новопреставленнаго старца Герасима, сопровождаемое рѣдкимъ, но непрерывнымъ перезвономъ. Пока я собиралъ свои бумаги, изъ церкви уже двинулась печальная процессія, а когда я подъѣзжалъ къ пруду и строящемуся храму, въ половинѣ высоты пещернаго холма, сквозь деревья я увидѣлъ хоругви и кресты у новой могилы. Чѣмъ болѣе я отдалялся внизъ, къ выѣзду черезъ святыя ворота, тѣмъ слабѣе и прерывистѣе долетало до меня погре-

бальное иѣніе. Я уже отѣхалъ отъ скита, а заунывный трезвонъ все еще разносился въ чистомъ воздухѣ.

Подъ впечатлѣніемъ только что наблюдаемаго, съ невольными мыслями о смерти и бренности всего, изъ чего слагается наша жизнь, я не замѣтилъ, какъ сытая пара гнѣдыхъ провезла меня по Пироговкѣ, свернула на Мышеловку и поднялась на гору, лѣвѣе которой въ ущельи Китаевская пустынь. Отсюда начался рядъ картинъ, которыхъ я никогда прежде не видѣлъ. Влѣво, среди лѣсовъ на гористыхъ мѣстахъ красовались монастыри: Оеофаніевскій, Преображенскій, Голосѣевскій (гдѣ лѣтомъ живетъ кіевскій митрополитъ), и начиналось очень растянувшееся городское предмѣстье Деміевка. Вправо же раскинулся громаднѣйшій казенный лѣсъ, а за нимъ Троицкій монастырь (построенный старцемъ Іоной), ниже котораго, у Днѣпра, Выдубецкій.

Не прекращавшійся вѣтерокъ понемногу разсѣялъ тучи, и солнце засіяло такъ же ярко и жгуче, какъ въ предыдущіе дни. Вскорѣ мы подѣхали къ мѣсту, откуда открывается широчайшая панорама Кіева на протяженіи нѣсколькихъ верстъ.

Спускаясь отъ горизонта по гигантскому скату внизъ, городъ съ этой, т. е. юго-западной стороны очарователенъ. Одна часть его напоминаетъ Іерусалимъ, остальные неподражаемы.

Черезъ четверть часа я доѣхалъ до той станціи городского трамвая, откуда начинается рельсовый путь, а черезъ 25 минутъ, благодаря силѣ электрической тяги, былъ уже возлѣ университета.

Каждый разъ, когда мнѣ приходится видѣть его, невольно вспоминаются такъ называемые «шестидесятые годы» минувшаго столѣтія, когда, продолжая оставаться артиллерійскимъ офицеромъ, я въ званіи вольнослушателя изучалъ юриспруденцію въ зданіи, которое большинство изъ насъ, молодежи того времени, считалось самымъ интереснымъ для себя предметомъ.

Въ университетѣ мы видѣли храмъ науки, который любили со всѣмъ пыломъ нашего тогдашняго возраста и міровоззрѣнія.

Въ тотъ періодъ жизни, подъ впечатлѣніемъ исполинскихъ шаговъ, которыми шла Россія по пути великихъ реформъ, передо мной широко открывался умственный горизонтъ, а съ него, казалось, ранѣе или позднѣе, но непременно приблизятся къ намъ тѣ идеалы, къ которымъ тогда стремились интеллигентные люди...

Такъ было когда-то, въ пору моей молодости; а теперь — что ждать впереди?

Не искать ли отвѣта въ томъ похоронномъ перезвонѣ, который напутствовалъ меня сегодня, при выѣздѣ изъ Церковщины, тревожа слухъ печальными звуками, а мысль поучительными, но грустными соображеніями.

М. Щуцкій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Сборникъ новгородскаго общества любителей древностей. Выпускъ II
Новгородъ. 1909. Стр. 30+58+7+9+42+16. Цѣна 1 р.

ОЧИНЬ провинціальнымъ историко-археологическимъ обществамъ былъ положенъ незабвеннымъ Н. В. Калачевымъ, съ учрежденіемъ въ 1884 г. первыхъ четырехъ ученыхъ губернскихъ архивныхъ комиссій. Въ настоящее время число этихъ комиссій возросло уже до 30; но на ряду съ ними появились въ нѣкоторыхъ городахъ церковно-археологическіе комитеты и общества любителей старины. Безспорно, возникновеніе такихъ комиссій, комитетовъ и обществъ—явленіе въ высшей степени отрадное; но когда узнаешь, что комитеты и общества, обыкновенно возникающіе тамъ, гдѣ уже нѣсколько лѣтъ работали и работаютъ архивныя комиссіи,—выросли и почти исключительно на почвѣ личнаго несогласія, личной розни и безъ того небольшого числа провинціальныхъ историковъ и археологовъ,—становится какъ-то грустно и безнадежно. Невольно навѣвается такое настроеніе при ознакомленіи съ двумя первыми выпусками «Сборника новгородскаго общества любителей старины». Это общество, имѣвшее возникнуть еще въ 1894 г., открыло свои дѣйствія только въ 1908 г., въ то время, когда уже четыре года работала ученая архивная комиссія. Можетъ быть, послѣдняя своею небольшою производительностью не удовлетворяла нѣкоторыхъ членовъ и «новгородскихъ любителей»: можетъ быть, послѣдніе были недовольны и чрезмѣрнымъ губернаторскимъ надзоромъ, какому иногда подвергаются наши губернскія архивныя комиссіи, имѣющія своимъ непременнымъ попечителемъ и даже председателемъ мѣстнаго губернатора. Но что же, спрашиваетъ я, имѣютъ въ своемъ распоряженіи отколовшіеся отъ комис-

си эти недовольные любители? Чѣмъ они лично богаты и что они могутъ сдѣлать?

За отвѣтомъ на эти вопросы обратимся къ упомянутому «Сборнику», печатаемому подъ редакціей председателя общества, М. В. Муравьева. Первый его выпускъ, «собранный и напечатанный въ двѣ недѣли», «безъ собственной обложки» (?), которая, какъ признается редакторъ, появилась лишь со второго выпуска, почему-то своевременно критикѣ или какому бы то ни было разсмотрѣнію не подвергался, хотя тамъ и были помѣщены: 1) третье дополнение цѣнной работы В. Ласковскаго: «Новгородика» (опытъ словаря сочиненій, заключающимъ въ себѣ описаніе Новгородской земли и ея исторіи), и 2) небольшой пересказъ извѣстныхъ уже свѣдѣній о «Св. Софіи» г. М. Муравьева, съ многочисленными и вопіющими опечатками.

Болѣе тщательно, нежели первый, «собранный и напечатанный», по словамъ редактора, второй выпускъ «Сборника» открывается двумя маленькими замѣтками П. Гусева: «О лунѣ подъ крестомъ на куполахъ русскихъ церквей» и «Откуда произошло названіе: Ропата?» Г. Гусевъ—петербургскій чиновникъ и членъ-сотрудникъ с.-петербургскаго археологическаго института, а замѣтки его, будучи общаго содержанія, вѣроятно, почему-либо не нашли себѣ мѣста въ «Вѣстникѣ Археологіи и Исторіи», издаваемомъ с.-петербургскимъ археологическимъ институтомъ. Вслѣдъ за этими замѣтками находимъ царскій указъ 1700 г. о посылкѣ 14 недорослей-сержантовъ въ Новгородъ для обученія «новоприборныхъ солдатскихъ полковъ», сообщенный небезызвѣстнымъ «археологомъ» В. Р. Апухтинымъ (изъ Москвы), который полагаетъ, что, въ виду посылки именно въ Новгородъ, эти недоросли должны быть «новгородскими помѣщиками», причисляя къ нимъ и князя Тугучева (?), очевидно, Тугушева.

Послѣ этихъ передовыхъ статей двухъ столичныхъ археологовъ слѣдуютъ работы мѣстныхъ «любителей»: М. В. Муравьева и В. А. Подобѣдова. Главнѣйшій вкладъ принадлежитъ первому «любителю», который сообщилъ: 1) «Челобитная прихожанъ Черемнецкаго монастыря патріарху Іоакиму» (правда, довольно характерная), 2) «Синодикъ Черемнецкаго монастыря», (приводится на двухъ страничкахъ лишь содержаніе его) и 3) «Родословецъ» дворянскаго новгородскаго рода Вазаниныхъ, не выдѣливаго изъ своей среды ни одного болѣе или менѣ замѣтнаго дѣятеля. Г. Подобѣдовъ посвятилъ три неполныхъ странички описанію «Вронницкаго могильника», обследованнаго въ 1909 г. А. А. Спицынымъ, не нашедшимъ тамъ «никакихъ предметовъ древности».

Этимъ и исчерпываются новыя работы гг. членовъ «новгородскаго общества любителей древности», но, къ счастью, это не все содержаніе разсматриваемаго нами второго выпуска «Сборника». На 50 страницахъ его напечатаны «Мои припоминанія» Ник. Наз. Муравьева, охватывающія время съ 1778 по 1833 гг. Несмотря на свою краткость, эти «Припоминанія», носящія болѣе авто-биографическій характеръ, содержатъ нѣсколько цѣнныхъ данныхъ и для общей исторіи, гдѣ ихъ авторъ говоритъ о графѣ А. А. Аракчеевѣ и императорахъ Александрѣ I и Николаѣ I. Вотъ, на примѣръ, его слова о послѣднемъ: «Съ

государемъ я былъ различныхъ цѣлей (я долженъ прибавить здѣсь, равно какъ и съ братомъ его Александромъ Павловичемъ); мои были будущія; его настоящія; онъ былъ положъ самолюбія, я его не имѣлъ ни капли. Онъ все имѣлъ для возрожденія самолюбія неограниченнаго; и власть неограниченную, а съ нею и средства неограниченныя; а былъ одаренъ необыкновенною высотой роста и величавостью лица, самымъ звучнымъ органомъ слова и отменною быстротою постиженія для наружности встрѣчающихся ему предметовъ. Этого было довольно; а ума въ другихъ и всё *не хотять* (курсивъ подлинника),—не любятъ признавать. Къ несчастію, я отъ природы не имѣлъ другихъ средствъ для успѣха моихъ дѣлъ, кромѣ смысла и проніцанія въ глубину и даль. Государь хотѣлъ этимъ пользоваться, и потому не желаячи улучшивалъ мое состояніе: кормилъ собаку, что имѣла силы сторожить и лаять»... И нѣсколько далѣе: «И если была въ немъ погрѣшность, то это неограниченность его самолюбія и вѣтренность его неукротимой дѣятельности для всякаго казистаго. Глубокомысліе и дѣйствіе для потомства ему ни малѣйше не принадлежали: стало бы на мое время и было бы мнѣ хорошо»... (Стр. 52—93).

«Припоминанія» снабжены примѣчаніями редактора, М. В. Муравьева, которому нельзя не посовѣтовать—выписывать ихъ изъ болѣе достовѣрныхъ источниковъ и съ указаніемъ послѣднихъ, дабы не попадались такіа сообщенія, какъ допущенныя имъ на стр. 10, по поводу Н. П. Архарова. Здѣсь мы читаемъ, что Н. П. Архаровъ, родившійся въ 1742 г.,—въ 1761 г. былъ уже «петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ», тогда какъ въ этомъ году онъ былъ только произведенъ въ первый офицерскій чинъ. Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ онъ былъ сдѣланъ Павломъ I въ 1796 г., о чемъ авторъ примѣчанія не говоритъ ни слова. Наконецъ прибавка его, что Архаровъ «былъ одаренъ быстрымъ умомъ и чрезвычайной дѣятельностью», свидѣтельствуетъ болѣе о личныхъ вкусахъ и симпатіяхъ автора, чѣмъ объ исторической правдѣ, свидѣтельствующей что, Н. П. Архаровъ былъ лишь «хитрый, скрытный лицемѣръ и полицейскій ищейка», притомъ широко пользовавшійся трудами своихъ помощниковъ, въ этомъ согласны многіе изслѣдователи (см. хотя бы, напримѣръ, «Историческіе очерки и рассказы» С. Н. Шубинскаго, стр. 519, по изд. 1908 г.).

Не останавливаясь на совершенно неинтересныхъ письмахъ (10) графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской, заимствованныхъ изъ Засельскаго архива С. Н. Дирина, я въ заключеніе могу только сказать по адресу новгородскаго общества любителей древности слѣдующее: похвально и очень жетельно поработать самостоятельно для изученія родной старины, но для этого нужны болѣе научныя силы и главное денежныя средства, которыхъ у общества не оказывается даже на изданіе тощаго выпуска «Сборника», появившагося въ свѣтъ лишь благодаря усердію частной жертвовательницы. Между тѣмъ въ 1911 году предстоить въ Новгородѣ XV всероссійскій археологическій съѣздъ. Къ нему нужно подготовиться серьезно и совокупными силами...

Р—цы.

Разказы по русской исторіи. Общедоступная хрестоматія, съ рисунками. Составлена кружкомъ преподавательницъ подъ редакціей С. П. Мельгунова и В. А. Петрушевскаго. Москва. 1909. Стр. 448. - Ц. 1 руб. 10 коп.

Настоящая хрестоматія содержитъ 204 статейки, а страницъ (безъ предисловія и оглавленія) всего—440; такимъ образомъ въ среднемъ на каждую статью, вѣрнѣе отрывокъ, приходится 2 страницы.

По группамъ отрывки расположены такъ: 1) Начало Русскаго государства (5—64 стр.); 2) Кіевская Русь и ея упадокъ (65—77); 3) Суздальскій край, Татарское иго, Возвышеніе Москвы (78—95); 4) Господинъ Великій Новгородъ (96—116); 5) Московское государство до смутнаго времени (117—184); 6) Отъ смутнаго времени до Петра I (185—257); 7) Украина (258—285); 8) Петровское время (286—327); 9) XVIII вѣкъ (328—365); 10) XIX вѣкъ.

Въ предисловіи «Отъ редакціи» говорится, что составители (составительницы?) использовали для своей хрестоматіи «все лучшее, имѣющееся въ нашей общедоступной литературѣ», причемъ «привлечены были»,—читаемъ далѣе,—даже «отрывки беллетристическаго характера». Хотя такое заявленіе редакціи выражено категорически и при томъ извѣстными лицами, но мы сомнѣваемся тѣмъ не менѣе въ томъ, что составители дѣйствительно использовали все лучшее. Въ самомъ дѣлѣ, неужели можно отнести къ числу лучшихъ произведеній «въ нашей общедоступной литературѣ» такія произведенія, какъ, напримѣръ, «Краткій курсъ русской исторіи» Писаревой или «Отъ смуты до смуты», «Триста лѣтъ» Петрищева? Повидимому, на этотъ счетъ у редакціи есть своя какая-то особая мѣрка, осмыслить которую не такъ-то легко. Напримѣръ, сама редакція заявляетъ, что не использовала очерки Павловича по русской исторіи, гдѣ между прочимъ, по ея словамъ, «имѣются недурныя страницы, посвященныя бирюковщину», только потому, что «вся книга проникнута узкимъ націонализмомъ, превращающимся мѣстами въ самый грубый шовинизмъ». Но почему же тогда редакція использовала брошюру Петрищева «Триста лѣтъ», тоже проникнутую тенденціей, но только въ обратную сторону?

Что касается внутренней стороны помѣщенныхъ въ хрестоматіи отрывковъ, то надо сказать, что хотя они взяты изъ трудовъ болѣе или менѣе извѣстныхъ авторовъ, все же и тутъ не все обстоитъ благополучно, особенно съ фактическими данными. Такъ, на страницѣ 352, въ отрывкѣ, озаглавленномъ «Радищевъ», взятомъ изъ статьи Кизеветтера «Дѣятели освобожденія», читаемъ о «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву» слѣдующее: «Въ 1790 году книга эта («Путешествіе») была Радищевымъ напечатана для продажи. Въ нѣсколько дней ее раскупили всю нарасхватъ. Пошла о ней молва, всѣмъ хотѣлось ее раздобыть»... Или, напримѣръ, на страницѣ 358, въ отрывкѣ «Новиковъ», объ изданіи послѣднимъ журналовъ говорится такъ: «кончивъ службу въ этой комиссіи (т. е. въ комиссіи, созданной для обсужденія новаго уложенія законовъ), Новиковъ вышелъ въ отставку и сталъ издавать газету, гдѣ въ шуточной формѣ осмѣивалъ русскіе порядки и дворянскіе нравы». Достойно вниманія и слѣдующее, напримѣръ, мѣсто въ отрывкѣ «Просвѣщеніе» (страница 58)—«списываніе книгъ счи-

талось такимъ важнымъ искусствомъ, что занимались имъ не только духовныя, но и свѣтскія лица, напримѣръ, князья». Думаю, что приведеннаго достаточно для того, чтобы сказать, что цѣль авторовъ и редакціи—«дать въ своей хрестоматіи такіе отрывки, «которые могутъ удовлетворять научнымъ, хотя бы элементарнымъ требованіямъ»—не вполне достигнута.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію другого вопроса: для какого читателя предназначается настоящая книга? «Мы думаемъ, — говоритъ редакція: что главнымъ контингентомъ ея (т. е. этой книги) читателей должны явиться взрослые ученики такъ называемыхъ воскресныхъ школъ». Сомнѣваемся: врядъ ли «взрослыхъ учениковъ» заинтересуетъ эта книга во всемъ своемъ объемѣ, такъ какъ большинство отрывковъ написано дѣтскимъ языкомъ. Вѣрнѣе, думается, будетъ второе предположеніе редакціи, что хрестоматія (хотя бы и частично) скорѣе найдетъ доступъ въ младшіе классы среднихъ учебныхъ заведеній и въ городскія школы. Да такъ оно, пожалуй, будетъ и лучше: по крайней мѣрѣ фактическія данныя нѣкоторыхъ отрывковъ, прочитанныхъ въ классѣ, будутъ исправлены преподавателями. Книга издана хорошо—шрифтъ четкій, бумага хорошая, масса рисунковъ.

Я. Виржковъ.

Записки восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества. Основаны барономъ В. Р. Розеномъ. Томъ XIX. Выпуски II—III. Спб. 1909. Стр. 177.

Вновь выпущенный въ свѣтъ томъ «Записокъ» посвященъ исторіи и литературѣ: персидско-арабской, грузинской, турецкой и китайской и содержитъ статьи извѣстныхъ ориенталистовъ: Крачковскаго, Марра, Бартольда, Корша и Иванова.

Интересною страницей блестящаго прошлаго, яркой, цвѣтистой, неразрывно связанной съ философскими взглядами на вопросы жизни, арабской поэзіи, является посвященная «незабвенной памяти учителя барона В. Р. Розена» статья Крачковскаго: «Мутанабби и Абу-л-Ала». Выясняются особенности индивидуальнаго творчества, индивидуальной психологіи и взаимныхъ отношеній другъ къ другу вышеуказанныхъ видныхъ представителей древне-арабской поэзіи. Маарскій слѣпецъ Абу-л-Ала скончался въ 1057 году, Мутанабби былъ его предшественникомъ. До сихъ поръ въ наукѣ господствовалъ взглядъ на Абу-л-Ала, какъ на исключительное явленіе, какъ на личность сверхчеловѣческую. Новыя данныя и параллели съ произведеніями Мутанабби указываютъ, что творчество Абу-л-Ала стояло ему долгой работы мысли, далеко не свободной отъ вліяній предшественниковъ. Абу-л-Ала не былъ «метеоромъ, а только однимъ изъ звеньевъ постепенно развертывавшейся цѣпи представителей арабской поэзіи. Въместо грандіознаго и нѣсколько демоническаго образа въ Абу-л-Ала обрисовывается фигура человѣка, правда, далеко недюжиннаго, но все же съ человѣческими дарованіями, что, конечно, нисколько не умаляетъ ихъ величины. Одиноко стоящій утесъ исчезаетъ, но не потому, что его высота неожиданно уменьшается, а потому, что онъ оказывается

окруженнымъ цѣлымъ рядомъ другихъ, быть можетъ, и болѣе мелкихъ скалъ, но все же не безлюдной пустыней, какъ могло казаться раньше. «Несомнѣнно, вліявшій на Абу-л-Ала, какъ доказываетъ авторъ статьи, Мутанабби обладалъ глубокою склонностью къ пессимизму. Мрачное настроеніе его обычно и проявляется даже въ хвалебныхъ одахъ. Мысль о неизбежности рока и смерти красною нитью проходитъ въ его произведеніяхъ». Смерть «это воръ съ незамѣтной фигурой, хватающій безъ рукъ и мчащійся безъ ногъ». «Мы сыновья мертвецовъ, почему отказываемся отъ того, что все равно придется вышить». «Если бы влюбленный подумалъ о конечномъ результатѣ красоты, которая теперь его воспламеняетъ, она перестала бы восхищать его». Весьма смѣлы и далеко необычны въ мусульманской литературѣ были взгляды Мутанабби на религію. Нескрываемая гордость звучитъ въ большинствѣ его произведеній. Ни социальныя условія времени, ни люди не давали Мутанабби успокоенія.

Абу-л-Ала близко сходится съ Мутанабби въ слѣдующихъ взглядахъ на дѣтей и отношенія къ женщинѣ: «Развѣ даже любимый ребенокъ—не только игрушка?» «Кто познакомится съ красавицами, тотъ узнаетъ, что это блескъ, внутри котораго мракъ» и т. д.

Въ статьѣ профессора В. В. Бартольда «Къ исторіи Мерва» авторъ даетъ нѣкоторыя новыя данныя въ вопросахъ исторической топографіи Мерва въ X—XIII столѣтіяхъ. Такъ, извѣстія арабскихъ географовъ, относимыя ранѣе къ «внутреннему городу», нынѣ должны быть отнесены къ западному предмѣстью, гдѣ впоследствии возникъ новый городъ, но гдѣ уже въ первые вѣка Ислама сосредоточивалась жизнь, куда были перенесены базары и соборная мечеть. А. И. Ивановъ сообщилъ текстъ и содержаніе любопытнаго памятника китайской письменности XIII столѣтія: «указа императора Венъ-дзуна о награжденіи древняго писателя Дзы-сы, внука Конфуція, титуломъ князя И, истолкователемъ святого (И-го-шен-гунь)». Интересъ памятника заключается въ параллельной китайскому тексту транскрипціи монгольскимъ квадратнымъ письмомъ. Цѣль составленія подобныхъ памятниковъ, съ транскрипціей, понятной и китайцамъ и монголамъ, авторъ объясняетъ исключительно желаніемъ возможно широкаго распространенія своего письма. Профессоръ Н. Я. Марръ, въ статьѣ «Іоаннъ Петрицкій, грузинскій неоплатоникъ XI—XII вѣка», детально изслѣдуя вопросъ о значеніи произведеній Іоанна, пользующагося въ исторіи грузинской литературы славою великаго грузинскаго философа, ярко охарактеризовалъ состояніе грузинской философской литературы въ X—XI столѣтіяхъ. Воспитывавшійся въ своеобразной средѣ монастыря Петрицитиссы, основаннаго въ XI столѣтіи византійскимъ государственнымъ дѣятелемъ грузиномъ Бакуріаномъ, Іоаннъ первые труды свои создалъ именно въ тиши этой обители. Труды его принадлежатъ преимущественно къ области философіи. Переводъ Іоанна съ греческаго на грузинскій «Богословскихъ началъ» съ собственными комментаріями обладаетъ, по мнѣнію П. Я. Марра, особенно высокими качествами, идеальной стройностью и вѣрностью греческому подлиннику. Въ XI вѣкѣ грузинская рѣчь уже представляла вполне выработанный литературный языкъ съ мѣстными особенностями въ выраженіи философскихъ по-

нятій, это послужило Иоанну нѣкоторымъ матеріаломъ для выполненія предпринятой имъ передачи нужныхъ оттѣнковъ мыслей по образцу греческаго языка. Но многое ему пришлось создать самому. Ему въ сущности принадлежитъ часть созданія готовой философской терминологіи на грузинскомъ языкѣ, точно и кратко передающей грузинскими корнями термины, существующіе въ европейскихъ языкахъ въ формѣ греческихъ или латинскихъ заимствованій. Въ заключеніе своей статьи авторъ приходитъ къ слѣдующему выводу: грузины въ X—XI вѣкахъ интересовались въ области философіи тѣми же вопросами, какіе занимали передовые умы тогдашняго христіанскаго міра, какъ на Востоку, такъ и на Западѣ, отзываясь ранѣе европейцевъ на всѣ новыя теченія философской мысли и работая непосредственно и во всеоружіи критики надъ греческими подлинниками.

Пятая, помѣщенная въ «Запискахъ» статья принадлежитъ перу Θ. Корша, посвящена В. В. Радлову и содержитъ данныя о «древнѣйшемъ народномъ стихѣ турецкихъ племенъ».

А. Мироновъ.

Дворянское сословіе Тульской губерніи. Т. I (X). Списки лицъ, служившихъ въ Тульской губерніи по выборамъ, съ 1778 г. Т. II (XI). Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ съ указаніемъ важнѣйшихъ документовъ, находящихся въ дѣлахъ разныхъ фамилій родословнаго архива тульскаго дворянскаго депутатскаго собранія. Т. III (XII). Родословецъ. Матеріалы. Ч. I—VI. Составилъ и издалъ почетный членъ московскаго археологическаго института В. И. Чернопятовъ. М. 1908—1909 г. Стр. 105+370+38+215+178+45+784+42+105+49.

Врядъ ли еще гдѣ на Руси посчастливилось нашему дворянству болѣе, чѣмъ въ Тульской губерніи, въ смыслѣ изученія его состава, происхожденія и быта. Понеромъ въ этомъ отношеніи былъ дворянинъ Ефремовскаго уѣзда Тульской губерніи Михаилъ Тихоновичъ Яблочковъ (1848—1906), который еще въ 1874 году выступилъ съ кандидатскою диссертацией, обратившей на себя вниманіе историковъ, подъ заглавіемъ: «Исторія дворянскаго сословія въ Россіи». Съ тѣхъ поръ онъ въ продолженіе 30 лѣтъ продолжалъ работать надъ исторіей дворянскаго сословія, сосредоточивъ почти все свое вниманіе на дворянствѣ родной его Тульской губерніи. Девять обширныхъ томовъ были результатомъ этой многолѣтней работы. Работая самъ, М. Т. Яблочковъ умѣлъ привлекать къ себѣ и способныхъ, трудолюбивыхъ сотрудниковъ и давать имъ средства на изданіе генеалогическихъ работъ. Наиболѣе яркимъ подтвержденіемъ этого является изданный въ 1904 году М. Т. Яблочковымъ «Библиографическій указатель по исторіи, геральдикѣ и родословію тульскаго дворянства». Этотъ обширный трудъ, составленный нынѣшнимъ предсѣдателемъ историкородословнаго общества въ Москвѣ, Л. М. Савеловымъ, представляетъ собою цѣнное и даже необходимое пособіе для начинающихъ генеалоговъ.

Продолжателемъ широко задуманнаго дѣла М. Т. Яблочкова, главнымъ образомъ въ области изученія родословій и описанія документовъ тульскаго

дворянскаго хранилища, явился также тульскій дворянинъ (Крапивенскаго уѣзда) Викторъ Ильичъ Чернопяттовъ, успѣвшій въ два года напечатать о «Дворянскомъ сословіи Тульской губернии» свыше 2,000 страницъ. Объ этихъ-то его работахъ, заголовки которыхъ приведены нами въ началѣ, мы и намѣрены сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Первый томъ своего обширнаго труда, который считаетъ какъ бы прямымъ продолженіемъ девяти томной «Исторіи тульскаго дворянскаго сословія» М. Т. Яблочкова и потому обозначаетъ его еще X (десятымъ), В. И. Чернопяттовъ наполнилъ «Списками лицъ, служившихъ въ Тульской губерніи по выборамъ съ 1778 года», предпославъ имъ небольшое введеніе, посвященное памяти М. Т. Яблочкова, съ портретомъ послѣдняго, и «Списокъ всѣхъ чиновниковъ до открытія тульскаго намѣстничества въ бывшей Тульской провинціи, по списку 1765 года». Небезынтересенъ также приложенный здѣсь въ концѣ «Синодикъ по спискамъ Дворянскаго полка (1808—1859)», причемъ взяты фамиліи, внесенныя въ родословныя книги Тульской губерніи (всего вошло 83 фамиліи офицеровъ, убитыхъ на войнѣ или умершихъ отъ ранъ).

Во второмъ томѣ авторъ помѣстилъ, желая дать справочную книгу по родословному архиву тульскаго дворянскаго депутатскаго собранія, «Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ, съ указаніемъ важнѣйшихъ документовъ, находящихся въ дѣлахъ разныхъ фамилій родословнаго архива тульскаго дворянскаго депутатскаго собранія». «Списокъ» этотъ обратился въ обширный томъ и хотя изданъ на правахъ рукописи, но, несомнѣнно, долженъ получить, благодаря своей цѣнности, наибольшее распространеніе; поэтому я не могу не упрекнуть составителя за то, что не озаботился предварить свой списокъ какими-либо объясненіями или предисловіемъ, въ родѣ, напримѣръ, того, какой сдѣлалъ А. В. Селивановъ къ «Алфавитному списку дворянскихъ родовъ Владимирской губерніи» (Владимиръ губ., 1905 г.). Безъ такого предисловія нельзя узнать такого немаловажнаго факта для читателя-дворянина, какъ, напримѣръ, то, что всѣ ли приведенныя фамиліи утверждены правительствующимъ сенатомъ, или только часть; затѣмъ малопонятной является редакція и приложеннаго къ общему «Списку»—«Алфавитнаго списка фамилій, не внесенныхъ (?) въ родословныя книги Тульской губерніи». Почему не внесенныхъ? по неутвержденію ихъ сенатомъ или по другимъ основаніямъ? И почему тогда попавшихъ въ эту книгу?!

Въ пяти частяхъ третьяго (XII) тома идутъ «Родословцы», заключающіе въ себѣ перечень дворянскихъ фамилій, съ краткими родословными и биографическими данными, расположенныхъ по частямъ дворянской родословной книги, въ которыя и записаны эти фамиліи. Самою обильною по количеству дворянскихъ фамилій является VI часть, куда записаны владѣльческіе роды или такъ называемое древнее «столбовое» дворянство. Къ этой (VI) части—единственной—авторъ сдѣлалъ довольно обширное предисловіе, въ которомъ, между прочимъ, сообщаетъ, что онъ еще въ 1906 году, когда пылали помѣщичьи усадьбы, во время своихъ объѣздовъ родичей и пріятелей успѣлъ собрать значительное количество старинныхъ документовъ. Главное же содержаніе предисловія составляютъ слѣдующія небезынтересныя для большинства читателей-дворянъ

статейки: «Общество въ Московскомъ государствѣ въ XVI и XVII вѣкахъ», «Историко-археологическій очеркъ» Тульской губерніи по уѣздамъ, и объяснительный словарь старинныхъ служилыхъ и сословныхъ наименованій. Все это сдѣлано въ сжатомъ и краткомъ видѣ, но, несомнѣнно, многимъ должно принести свою пользу.

Въ видѣ «приложеній» къ шестой части III тома помѣщены: 1) «Алфавитный списокъ фамилій, подлежащихъ внесенію въ родословныя книги Тульской губерніи, но въ правахъ дворянства по различнымъ причинамъ не утвержденныхъ»; 2) родословная Сухотинныхъ, о которой самъ составитель г. Л. Сухотинъ «признается, что она «далеко не полна» и 3) «Родъ дворянъ Чернопятовыхъ». (Последняя работа вышла и отдѣльнымъ изданіемъ, съ портретами и рисункомъ).

Заканчивая этимъ свою замѣтку о работахъ В. И. Чернопятова, я долженъ отдать полную справедливость трудолюбію и опытности автора и пожелать ему силъ и успѣха въ дальнѣйшихъ его работахъ. Составленная имъ родословная книга тульскаго дворянства, несмотря на нѣкоторые мелкіе недочеты, является значительнымъ вкладомъ въ нашу еще небогатую генеалогическую литературу и сохранить для потомства цѣнный матеріалъ, который подвергался и можетъ подвергнуться въ нашихъ дворянскихъ архивахъ не только порчѣ, но и полному уничтоженію.

В. Рудаковъ.

Графъ А. С. Уваровъ. Сборникъ мелкихъ трудовъ. Томы I, II и III, подъ редакторствомъ гр. П. С. Уваровой. Москва. 1910.

Ко дню двадцатипятилѣтія кончины основателя и пожизненнаго предсѣдателя московскаго археологическаго общества гр. А. С. Уварова отпечатаны три тома мелкихъ его трудовъ, частью уже изданныхъ, частью оставшихся въ его бумагахъ въ неоконченномъ видѣ. Графиня П. С. Уварова приняла на себя группировку всего состава издаваемыхъ матеріаловъ и распредѣлила ихъ по отдѣламъ. Въ I томѣ отпечатаны статьи, посвященныя христіанскимъ древностямъ и архитектурѣ. Въ ихъ числѣ имѣются статьи: «Мѣсяцъ въ Равеннѣ», съ изящно исполненными 63 таблицами, мозаичная икона Спасителя и св. Николая, византійскій крестъ XII вѣка, сирійское евангеліе, «Взгляды на архитектуру XII вѣка въ Суздальскомъ княжествѣ», матеріалы для иконописанія (преданія и легенды христіанскія) и нѣсколько рецензій. Во II томѣ помѣщены статьи разнаго характера: поѣздка по славянскимъ землямъ, о кавказскихъ древностяхъ, изслѣдованія, историческія и нумизматическія, предназначенныя графомъ для археологическаго словаря. Въ III томѣ вошли матеріалы для біографіи графа, извлеченные изъ архива археологической комиссіи, и проч., статьи его также: «Что должна обнимать программа для преподаванія русской археологіи», лекціи, читанныя въ археологическомъ обществѣ 1879 г., «О существенныхъ и второстепенныхъ признакахъ могильныхъ насыпей» и, наконецъ, изъ бумагъ его: «Три періода», «Бронзовый вѣкъ», «Введеніе въ русскую исторію» и «Хронологическій указатель древнихъ русскихъ памятниковъ». Изъ перечня работъ, помѣщенныхъ въ трехъ огромныхъ томахъ, явствуетъ,

какое капитальное приобретение сделано русской археологической наукою изданиемъ разбѣянныхъ въ оставшихся бумагахъ, частью же напечатанныхъ трудовъ одного изъ самыхъ крупныхъ изслѣдователей русской старины. Графиня П. С. Уваровой пришлось положить немало труда на группировку и разборку бумагъ покойнаго графа, всю жизнь работавшаго на пользу излюбленной имъ науки. Нѣтъ сомнѣнiя, что изысканiя гр. А. С. Уварова служили и служатъ путеводною нитью въ изученiи родной старины не только въ центрахъ, но и на окраинахъ Россiи.

А. Хахановъ.

А. Б. Нарповъ. Памятникъ казачьей старины. Краткiе очерки изъ исторiи Уральскаго войска. Уральскъ. Войсковая типографiя. 1909. Стр. 144.

Читаешь и не можешь оторваться отъ этой небольшой книжки, привлекающей вниманiе.

Оригинальна до-нельзя эта исторiя уральцевъ, картинно рисуемая авторомъ. Три съ половиною вѣка тому назадъ (въ 1550 году) вышли прапрадѣды ихъ на Яикъ-рѣку, принесли съ собою обычаи сѣдой старины, образовали послѣднюю вольную общину. Управляли ею казачьи круги, которымъ суждено было стать на Яикѣ послѣднимъ русскимъ вѣчемъ. Крѣпкая была община. Тѣсно связана была она одной древле-православной вѣрой. Но не сумѣли казаки, однако, сохранить ничего изъ того, что было имъ дорого и свято. Не знали они дипломатiи и по простотѣ сердечной думали отбиться отъ надвигавшихся новшествъ горячими протестующими криками: «не желамъ! погрѣшно!», но напрасно,—протесты ихъ именовались бунтами, усмиряемыми огнемъ и мечомъ, послѣ чего сильно рѣдѣли казачьи круги отъ убыли сотенъ и тысячъ жертвъ. Желѣзное кольцо вѣянiя время все крѣпче и крѣпче сдавливало ихъ общину и въ январѣ 1772 г. она перестала существовать самостоятельно, послѣ же 1773 года, когда яицкiе казаки-старообрядцы составили ядро мятежническихъ войскъ Пугачева, были похоронены и остатки казачества подъ указомъ императрицы Екатерины переименовать рѣку Яикъ въ рѣку Уралъ, а войску зваться Уральскимъ. Немало помогли сойти на нѣтъ Яицку страшные пожары: семь разъ выгоралъ городъ до-тла, оставляя всѣхъ жителей безъ крова и пищи. Какъ было подняться? Откуда взять силъ на борьбу?

Насколько оригинальна сама исторiя войска, настолько же оригинальна и форма построения ея передачи: авторъ рассказываетъ, что видѣлъ и слышалъ древнiй Михайло-Архангельскiй войсковой соборъ. Рассказъ автора полонъ своеобразной прелести. Въ манерѣ письма—новизна. Чувствуется, что пишетъ не заурядный литераторъ-историкъ, а простой душевный человекъ изъ той среды, которую описываетъ, которая близка его сердцу. Кстати сказать, эта книжка — казачiй дозоръ, высланный впередъ отъ главной силы — полной исторiи Уральскаго войска. Первая часть исторiи, какъ сообщаетъ авторъ, будетъ имъ выпущена въ маѣ текущаго года и составляется по массѣ старинныхъ архивныхъ первоисточниковъ, неизвѣстныхъ доселѣ. Прочитавши съ захватывающимъ интересомъ «Памятникъ казачьей старины», мы въ правѣ ожи-

дать большого удовольствія отъ чтенія самой исторіи, если авторъ представитъ обществу своей исторической трудъ въ подобномъ же видѣ, на что можно, кажется, разсчитывать.

В. П. Федоровъ.

А. Титовъ. Миссіонерская дѣятельность преосвященныхъ Нила Исаковича и Діонисія Хитрова. М. 1910.

Главнымъ основаніемъ этой книжки является доселѣ неизвѣстный дневникъ сибирскаго миссіонера о. Хитрова, впоследствии епископа якутскаго, а затѣмъ уфимскаго (+ 1896 г.). Преосвященный Діонисій, памяти котораго И. П. Барсуковъ посвятилъ прекрасное изслѣдованіе, былъ ревностнымъ проповѣдникомъ христіанства на нашемъ крайнемъ сѣверѣ. Въ звучныхъ гармоническихъ аккордахъ, трогательныхъ пѣнопѣніяхъ святитель восхвалялъ славу и милосердіе Всевышняго, приносилъ благодареніе за ежечасную охрану своей жизни отъ грозныхъ климатическихъ условій. И въ то время, какъ свирѣпствовали вѣтры и неполадныя сибирскія метели,—подъ мирнымъ кровомъ труженика архипастыря возносились хвалы и благодаренія Запретившему вѣтрамъ и бурямъ на морѣ Тиверіадскомъ.

Далѣе въ предисловіи къ дневнику Хитрова упоминается о борьбѣ преосвященнаго Діонисія съ язычниками шаманами, съ мѣстными священниками и ихъ суевѣріемъ, котораго не чуждъ былъ и миссіонеръ Веніаминъ, впоследствии московскій митрополитъ Иннокентій, какъ видно изъ приведеннаго въ предисловіи случая съ однимъ сибирскимъ шаманомъ.

Миссіонерская дѣятельность въ Сибири всегда велась на правительственныя деньги и подъ надзоромъ администраціи. Преосвященный иркутскій Веніаминъ говоритъ: ¹⁾ «Большая часть туземцевъ указываетъ на тотъ фактъ, что разъ нѣтъ прямого приказанія царя касательно принятія русской вѣры, то нечего и говорить; но если царь пожелаетъ это, то мы всѣ сдѣлаемся русскими, только пусть онъ пошлетъ такой приказъ».

«Туземцы,—продолжаетъ преосвященный Веніаминъ,—инстинктивно понимаютъ, что принятіе русской вѣры является не только дѣломъ вѣры, но и государства». Однако главный начальникъ Колымы въ своемъ рапортѣ 1884 г. доносилъ, что чукчи заявляютъ о своей боязни принимать русскую вѣру изъ опасенія, что главный русскій дьяволъ задушитъ ихъ непосредственно.

Борьба преосвященнаго Діонисія съ шаманствомъ, на которую указываетъ въ предисловіи, въ большинствѣ случаевъ оказывалась мало успѣшной, главной причиной чему, конечно, служило совершенное незнакомство миссіонеровъ съ языкомъ туземцевъ. Большинство миссіонеровъ ведетъ проповѣдь черезъ переводчиковъ ²⁾ отличаясь при этомъ крайне неблаговиднымъ поведеніемъ. Не удивительно, что при такихъ миссіонерахъ большинство чукчей остаются до сего времени некрещеными, да и крещеные не могутъ называться этимъ именемъ: ни одинъ изъ нихъ не знаетъ болѣе, какъ только имя «Христосъ», живутъ, какъ и раньше, принося жертвы добрымъ и злымъ духамъ и знаясь съ шаманами.

¹⁾ Жизненные вопросы православной миссіи въ Сибири. СПб. 1885 г.

²⁾ Богоразъ. «Сѣверная мирнаяэкспедиція».

«Въ мое пребываніе въ Колымѣ,—говорить знатокъ Колыма Богоразъ,— я приобрѣлъ старое одѣяніе одного юкагирскаго шамана. Въ это время захворалъ душевной болѣзнью извѣстный купецъ Нехорошевъ. Его жена обратилась къ одному якутскому шаману, прося исцѣлить ея мужа. Шаманъ сказалъ, что ему нужно мое одѣяніе. Жена за разрѣшеніемъ обратилась къ колымскому миссіонеру, который отвѣтилъ: «Если это можетъ принести пользу, я позволяю тебѣ имѣть дѣло съ шаманомъ».

Еще не такъ давно (1902 г.) у колымской полиціи исчезло 28.000 руб. Послѣ безуспѣшнаго разслѣдованія, по совѣту миссіонера, главный начальникъ Колыма обратился къ шаману. Послѣдній заявилъ, что правительственныя кредитки имѣютъ на бумагѣ водяные знаки, такъ что духъ не можетъ видѣть ихъ насквозь. Два года спустя было установлено, что деньги были украдены церковнымъ ризничимъ.

Но среди миссіонеровъ есть и истинные апостолы. Одинъ изъ видныхъ сибирскихъ архіепископовъ Ниль о такихъ людяхъ говоритъ: «Слово трубить, исторія молчить, преданія гаснутъ. Гдѣ же память о дѣяніи ихъ? Она начертывается въ книгѣ жизни вмѣстѣ съ именами ихъ».

А. К—овъ.

Александръ Бенуа. Царское Село въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны. 1910. 263 + XLVI + 59 стр. in folio. Цѣна 100 рублей.

Въ видѣ матеріаловъ для исторіи искусства въ Россіи въ XVIII вѣкѣ по главнѣйшимъ архитектурнымъ памятникамъ вышло прекрасное, роскошно иллюстрированное изданіе т-ва Голике и Вильборга, посвященное историко-художественному изслѣдованію Царскаго Села въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны.

Въ отзывѣ объ этомъ изданіи, конечно, нужно выдвинуть на первое мѣсто его виѣщность. Поразительные успѣхи, которые сдѣлало за послѣднее время и продолжаетъ дѣлать художественно- типографская техника, дали возможность издать книгу, ничуть не уступающую самымъ лучшимъ заграничнымъ изданіямъ, удовлетворяющую вкусъ самаго строгаго цѣнителя, а простого любителя приводящую въ истинный восторгъ. Это—типографскій шедевръ. Заглавный листъ съ акварели К. А. Сомова отличается вкусомъ и точностью воспроизведенія. Прекрасно воспроизведенъ портретъ императрицы Елизаветы работы Эриксона, въ художественной рамкѣ по рисунку Е. Е. Лансере. Шесть-десять гравюръ виѣ текста представляютъ, кажется, всѣ виды способовъ иллюстрацій: тутъ и трехцвѣтная печать, и хромофотографія, и гелиографюра, и автотипія duplex, и фототипія. До двухсотъ иллюстрацій помѣщены въ текстѣ; многія изъ нихъ воспроизводятъ различныя архитектурныя детали и художественныя подробности внутренняго дворцоваго убранства. Одно поверхностное ознакомленіе съ этими прекрасными, чарующими иллюстраціями переноситъ въ тотъ романтическій, художественный вѣкъ, когда было столько художественнаго вкуса у русскихъ людей и когда несчастное, злополучное де-

кадентство, этотъ убогій выродокъ художества, не влило въ него своего ужаснаго яда. И безупречная внѣшность изданія вполне гармонируетъ съ именами тѣхъ трехъ лицъ, памяти которыхъ посвящена книга,—съ именами И. А. Всеволожскаго, С. С. Воткина, и П. Я. Дашкова, этихъ просвѣщенныхъ цѣнителей всего прекраснаго; посвященіе книги памяти этихъ почившихъ лицъ сдѣлано не для рекламы, и будь они среди насъ, книга вполне удовлетворила бы ихъ.

Текстъ книги, написанный Ал. Бенуа, весьма интересенъ. Исслѣдователь подробно, шагъ за шагомъ, разсматриваетъ постепенное художественно-архитектурное развитіе Царскаго Села, обращеніе въ художественный уголокъ простой шведской Сарской мызы и горячку строительства, наступившую съ воцареніемъ императрицы Елизаветы, которая принесла своей любимой подгородней дачѣ золотые дни. Порою кажутся чуть-чуть излишними детали архитектурныхъ тонкостей, которыя увлекаютъ автора и на первыхъ порахъ утомляютъ читателя. Однако эти подробности нужны для полноты изслѣдованія и даютъ возможность по капитальному труду трудолюбиваго и просвѣщеннаго автора не только поверхностно ознакомиться съ прошлымъ Царскаго Села, но и основательно его изучить. Порою не гармонируютъ съ научными, дѣловитыми соображеніями и замѣчаніями автора его лирическія отступленія. Но эти отступленія, въ видѣ, на примѣръ, трогательнаго описанія выѣзда императрицы Елизаветы изъ Царскаго Села въ послѣдній разъ и вопроса автора о ея душевномъ состояніи въ то время, вносятъ разнообразіе и оживленіе въ текстъ, придавая всей книгѣ нотку мягкости и задушевности.

Нынѣ можно сказать, что елизаветинскій періодъ Царскаго Села, этого русскаго Версаля, изслѣдованъ во всей полнотѣ и имѣетъ въ прекрасной книгѣ Бенуа художественно-историческій памятникъ. Но Царское Село, счастливая резиденція русскихъ императрицъ, имѣетъ еще другой періодъ, пожалуй, еще болѣе блестящій, знаменитый и оживленный. Это періодъ, когда послѣ «петербургскаго дѣйства» на русскій престолъ вступила иностранка по происхожденію, но русская душою, другъ философовъ, съверная Семирамида, имѣвшая другіе художественные вкусы, чѣмъ Елизавета Петровна, но умѣвшая дать блескъ и всему своему царствованію и придворной жизни. И нужно пожелать, чтобы за вышедшею книгою послѣдовала другая—о Царскомъ Селѣ при Екатеринѣ Великой, чтобы она была написана съ такою же любовью и тѣмъ же знаніемъ дѣла, какъ и первая, и была издана съ тѣмъ же типографскимъ совершенствомъ.

М. Соголовскій.

В. Л. Модзалевскій. «Малороссійскій родословникъ». Томъ 2-й. Е—Н. Съ 40 портретами и снимкомъ герба Калиновскихъ. Кіевъ. 1910. Стр. VI + 720 + 20. Ц. 5 р.

Въ концѣ 1908 г. появился въ печати первый томъ «Малороссійскаго Родословника», составленный В. А. Модзалевскимъ и изданный на средства братьевъ А. В. и Н. В. Стороженковъ. Въ періодическихъ изданіяхъ немедленно появились объ этомъ трудѣ одобрительные отзывы; къ числу разсматривавшихъ

и рецензировавших «Малороссійскій Родословникъ» принадлежалъ и пишущій эти строки. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и значительно подробнѣе въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» я указывалъ на достоинства и нѣкоторые недочеты этой работы, и потому теперь по поводу второго тома «Родословника», освобожденнаго отъ нѣкоторыхъ прежнихъ недочетовъ, я буду говорить коротко.

Въ настоящій второй томъ вошли малороссійскія фамиліи на буквы; *Е* (1—Есимоновскіе), *Ж* (7—Ждановичи, Жилы, Жоравки, Жураковскіе, Журманы, Жуженки и Жуковскіе), *З* (13—Заборовскіе, Забѣлы, Завадовскіе, Завойки, Закревскіе, Заньковскіе, Зарудные, Заруцкіе, Засядки, Затыркевичи, Зеленскіе, Значко-Яворскіе и Золотаренки), *И* (5—Иваненки, Ильяшенки-Исаевичи, Искрицкіе и Искры), и *К* (36—Калиновскіе, Кандибы, Калиевскіе, Капнисты, Капцевичи, Карповичи, Карпеки, Карпинскіе, Катериничи, Кованьки, Кодицы, Кожуховскіе-Ференсбахи, Козельскіе, Кольчевскіе, Комаровскіе, Кондзеровскіе, Конисскіе, Константиновичи, Корецкіе, Корицкіе, Коробки, Коровки-Вольскіе, Коропчевскіе, Корсуны, Коссовичи, Костенецкіе, Косюры, Кочубеи, Краснокутскіе, Красовскіе, Крипгафовичи, Кузьминскіе, Кулаковскіе, Кулябки и Кулябко-Корецкіе, Кураховскіе, и Кутневскіе).

Въ своихъ родословіяхъ составитель старался использовать въ весьма значительной мѣрѣ имѣвшійся у него матеріалъ даже по отношенію къ очень малозамѣтнымъ родамъ, каковы, напримѣръ, Жураковскіе, Журманы, Жилы, Кольчевскіе, Кураховскіе и др.

Наибольшее число страницъ отводится родамъ Кочубеевъ и Кулябко-Корецкихъ (около 35); затѣмъ идутъ отъ 13 до 22 стр.—Забѣлы, Ильяшенки, Капнисты, Карновичи, Кованьки, Константиновичи, Красовскіе и др. Въ своихъ сообщеніяхъ, какъ видно изъ предисловія, составитель успѣлъ заручиться значительнымъ матеріаломъ и отъ представителей разныхъ фамилій и нѣкоторыхъ генеалоговъ, имѣя полную возможность провѣрить его по даннымъ архива департамента герольдіи, архивовъ дворянскихъ депутатскихъ собраній и др. Признавая за В. Л. Модзалевскимъ большую заслугу въ области открытія этихъ почти совершенно новыхъ архивныхъ матеріаловъ, которыми онъ пользуется съ большимъ умѣньемъ, я въ то же время позволю себѣ и упрекнуть его за недостаточное пользованіе соответствующей литературой предмета и за отсутствіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ ссылокъ на источники. То и другое невыгодно отражается на сообщеніяхъ составителя. Напр., выписывая весь формуляръ извѣстнаго юриста и писателя—Митрофана Ивановича Заруднаго, онъ даже не приводитъ слова «писатель» и не могъ доискаться точной даты его смерти, а ограничился сообщеніемъ: «умеръ до 1883 г.». Между тѣмъ дата смерти М. И. Заруднаго установлена точно—26 марта 1883 г. и уже давно; въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1883 г., № 5, и 1886 г., № 12, въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза и Ефрона и у другихъ.

То же самое и относительно брата предыдущаго, Сергѣя Ивановича Заруднаго, нѣтъ упоминанія, что и онъ извѣстенъ былъ, какъ литераторъ.

По отношенію же къ Николаю Алексѣевичу Зарудному, извѣстному зоологу и путешественнику, автору цѣлага ряда солидныхъ трудовъ, В. Л. Мод-

залевскій сообщилъ лишь дату его рожденія изъ имѣвшейся у него подъ руками метрики и вовсе не пожелалъ заглянуть въ 84 полутомъ «Энциклопедическаго Словаря» Брокгауза и Ефрона, гдѣ помѣщена краткая біографія Заруднаго. Сообщая точную дату смерти (18 сентября 1663 г.) Вас. Никиф. Золотаренка, автору слѣдовало бы указать источникъ, такъ какъ въ исторической литературѣ есть свѣдѣнія, что онъ въ 1669 г. былъ посланъ въ Сибирь. Смерть А. А. Искрицкаго (на стр. 246) онъ относитъ къ 1861 г., между тѣмъ Біографическій Словарь», издаваемый императорскимъ русскимъ историческимъ обществомъ, отмѣчаетъ другую дату—15 марта 1867 г. (см. стр. 149). Не мѣшало бы провѣрить и подкрѣпить ссылкой на источникъ.

Вмѣсто сообщенія на стр. 461 о Никол. Ив. Коробкѣ, что онъ «писатель преподаватель русской литературы въ Петербургѣ (1908)», можно смѣло бы дать болѣе подробныя свѣдѣнія, тѣмъ болѣе, что онъ автобіографическаго характера, изъ «Энциклопедическаго Словаря» Брокгауза и Ефрона, полутомъ 84, стр. 951. Къ тому же источнику слѣдовало бы обратиться автору и при сообщеніи на стр. 633 очень краткихъ данныхъ о Ник. Гр. Кулябка-Корецкомъ, извѣстномъ статистикѣ и публицистѣ; равно какъ и при упоминаніи о княгинѣ Елизаветѣ Вас. Кочубей, авторѣ романовъ, имѣвшихъ большой успѣхъ въ 1850—80-хъ годахъ.

Я ограничиваюсь здѣсь только приведенными указаніями, въ полной увѣренности, что В. Л. Модзалевскій и самъ отлично сознаетъ необходимость подобнаго рода дополнительныхъ свѣдѣній и литературныхъ ссылокъ въ родословныхъ, претендующихъ на научный характеръ: я даже думаю, что онъ согласится и съ тѣмъ, чтобы въ родословныхъ встрѣчались и поправки погрѣшностей, допущенныхъ предыдущими біографами. Это можетъ только увеличить цѣнность и научное значеніе такого обширнаго изданія, какъ «Малороссійскаго Родословъ»; достиженіе такой задачи при нынѣшнемъ обиліи словарей не затруднить и не отниметъ много времени.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что настоящій томъ, въ который вошло до 40 портретовъ, правда, разноцѣнныхъ дѣятелей и дѣятельница, съ внѣшней стороны изданъ безукоризненно и въ виду своего громаднаго объема не дорогъ по цѣнѣ.

В. Рудаковъ.

Библиографическій указатель литературы о Сѣверѣ по матеріаламъ, собраннымъ Архангельскимъ обществомъ изученія русскаго Сѣвера. Указатель литературы о дѣятельности Петра Великаго на Сѣверѣ и опись старыхъ дѣлъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ въ Архангельскѣ съ 1710—1725 г. Составилъ А. Ф. Шидловскій. Архангельскъ. 1910. Цѣна 80 к.

Библиографическій указатель А. Ф. Шидловскаго разбитъ на отдѣлы. Сначала приводится указатель книгъ и статей. Зарегистрировано 222 сочиненія. Почему-то А. Ф. Шидловскимъ статья Ф. А. Арсеньева: «Петръ Великій въ Вологдѣ и на сѣверѣ Россіи», напечатанная въ «Волог. Губ. Вѣдом.» 1879, № 97, 100 и

1880, № 5, 6 и вышедшая отдѣльнымъ изданіемъ (Вологда, 1880), занесена подъ двумя нумерами—33 и 34, но безъ указанія отдѣльнаго изданія.

Подъ № 217 читаемъ: «Древнехранилище въ Вологдѣ», С. Непенъ. «Истор. Вѣсти», XIII томъ (1903, № 7, июль), 242—261 стр. Въ концѣ книги приложенъ указатель авторовъ и тамъ авторомъ этой статьи опять значится С. Непенъ. Слѣдовательно, это не опечатка. Въ дѣйствительности же, подъ статью подписано: С. Непенъ. Также издатели «Волог. Иллюстр. Календаря» (см. № 211) значатся братья Гудковы-Бѣляковы, надо Гудковы-Бѣляковы.

Во второмъ отдѣлѣ, озаглавленномъ «Законодательство Петровскаго времени, касающееся преимущественно Архангельской губерніи», сообщается перечень именныхъ указовъ и грамотъ Петровскаго времени, помѣщенныхъ въ Полномъ Собраніи Законовъ.

Въ третьемъ: «Опись старыхъ дѣлъ архива съ 1710—1725 гг.», сообщаются названія секретныхъ дѣлъ бывшей архангельской губернской канцеляріи за 1715—1724 гг. и дѣлъ бывшей архангельской губернской канцеляріи за 1710—1724 гг.

Въ приложеніи находимъ краткій перечень дѣлъ; нарядовъ, книгъ, хранящихся въ архивахъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ въ гор. Архангельскѣ.

Въ концѣ книги помѣщены три алфавитныхъ указателя: авторовъ, личныхъ именъ и географическій, чѣмъ, конечно, и облегчается всякая справка въ названной книгѣ А. Ф. Шидловскаго.

Признавая указатель удобнымъ для справокъ и недорогимъ по цѣнѣ, смѣю выразить надежду, что авторъ найдетъ возможнымъ продолжить свою работу по библиографіи русскаго Сѣвера и дастъ намъ указатель къ послѣ-Петровскому времени и такъ постепенно доведетъ до настоящаго столѣтія.

Диакторскій.

Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ. Составлена при участіи профессоровъ и преподавателей подъ редакціей проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Т. I. Съ 43 рис. и 2 карт. IV + IV + 607 стр. 2-е изд. моск. учеб. книгоизд. Цѣна 2 р.

Первое изданіе этой книги вышло въ 1904 г. подъ заглавіемъ «Книга для чтенія по русской исторіи». Вторичное ея изданіе, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, доказываетъ, что книга находитъ спросъ и необходима для читателей. И дѣйствительно, какъ мысль о составленіи этой книги, такъ и приведеніе этой мысли въ исполненіе должны вызвать полное сочувствіе. Въ книгѣ собранъ рядъ очерковъ, написанныхъ разными лицами-специалистами и останавливающихся на наиболѣе существенныхъ звеньяхъ русскаго историческаго процесса. Такимъ образомъ, каждая статья составлена съ полнымъ знаніемъ дѣла, и книга проф. Довнаръ-Запольскаго является удачною коллективною работою специалистовъ. Къ числу достоинствъ нужно отнести снабженіе каждой статьи соответствующимъ, довольно подробнымъ библиографическимъ указателемъ по разбираемому въ статьѣ вопросу, а также и то, что авторы такихъ статей, гдѣ вопросъ не окончательно выясненъ наукой, вводятъ читателей въ кругъ

этого спорнаго вопроса, избѣгая излишняго догматизма. Такъ какъ описанія военныхъ событій, дипломатическихъ сношеній и проч. достаточно усердно излагаются всевозможными учебниками, то въ книгѣ проф. Запольскаго, долженствующей служить учебнымъ пособиемъ и руководствомъ для самообразованія, всѣ статьи ограничиваются вопросами внутренней жизни.

По сравненію съ первымъ изданіемъ второе изданіе дополнено семью новыми статьями; взазмѣнъ того, ради экономіи мѣста, опущены статьи эпизодическаго характера, нарушавшія общую конструкцію книги.

Въ книгѣ помѣщены статьи профессоровъ: И. И. Смирнова, П. В. Голубовскаго, А. Л. Погодина, А. М. Лободы, Ю. В. Готье, М. В. Довнаръ-Запольскаго, С. К. Шамбинскаго, В. Б. Антоновича, Г. А. Максимова, В. Н. Перетца, Д. В. Айдалова, А. И. Яцимирскаго и другихъ лицъ.

Вскорѣ выйдетъ второй томъ этого полезнаго и интереснаго изданія.

Тира Соколовская.

А. Н. Куропаткинъ. Россія для русскихъ. Т. III. Задачи Россіи и русской арміи въ XX столѣтіи. Стр. 435. Спб. 1910 г. Цѣна за три тома 8 р.

Въ двухъ первыхъ томахъ, отчетъ о которыхъ своевременно былъ данъ въ «Историч. Вѣстникѣ», авторъ прослѣдилъ исторію Русскаго государства, съ точки зрѣнія выполненія имъ задачъ по объединенію русскаго племени и выходу къ Балтійскому и Черному морямъ, въ настоящемъ III томѣ онъ опредѣляетъ задачи Россіи и русской арміи въ текущемъ XX столѣтіи. Насколько первые два тома, выясняющіе развитіе и ростъ народной и военной силы Россіи, представляютъ историческую справку о давнопрошедшемъ, настолько послѣдній томъ полонъ животрепещущаго интереса современности, причѣмъ авторомъ въ огромномъ количествѣ собраны, тщательно подобраны и разобраны факты недавняго прошлаго—конца XIX и пачала XX вѣковъ. Установивъ нераціональность нашей внѣшней политики въ теченіе почти всего XIX вѣка, упустившей изъ виду чисто русскіе интересы и обратившейся къ разрѣшенію задачъ, Россіи чуждыхъ, вовлекшихъ насъ въ войны 1813—1814 гг., войны съ Турціей въ 1828—1829 гг., 1853—56 и 1877—1878 гг., авторъ указываетъ на послѣдствія такого положенія дѣлъ, выразившіяся въ обѣднѣніи народа, потратившаго свои силы и кровь своихъ сыновъ для чуждыхъ ему дѣлъ и не имѣвшаго возможности отдохнуть и поправиться, въ ухудшеніи нашего стратегическаго положенія и въ отсутствіи союзниковъ, не довѣряющихъ политикѣ Россіи. Только съ вступленіемъ на престолъ императора Александра III Россія возвратилась, по мнѣнію автора, на надлежащій путь, усвоивъ національную политику и девизъ Царя-Миротворца «Россія для русскихъ». Послѣдствіемъ невѣрнаго направленія нашей политики было также ослабленіе кореннаго русскаго племени, обѣднѣніе центра, нынѣ констатированное всѣми изслѣдователями, культурная наша отсталость и засилье инородцевъ, а въ особенности евреевъ, воспользовавшихся нашею слабостью и проникнувшихъ во всѣ ткани русскаго организма. Эта часть сочиненія разработана весьма обстоятельно,

причемъ въ особенности рельефно выставлена роль евреевъ. Выясняя задачи, предстоящія Россіи въ XX вѣкѣ, авторъ касается всѣхъ сторонъ народной жизни, начиная съ международной политики и кончая финансами, торговлею и промышленностью, устройствомъ земледѣльческаго сословія, народнымъ образованіемъ и поднятіемъ умственного и нравственнаго уровня населенія; заканчиваетъ свой обзоръ авторъ военнымъ дѣломъ. Если для выясненія и правильного освѣщенія вышеназванныхъ задачъ требуется всесторонняя эрудиція, то для совѣтовъ, которыми авторъ сопровождаетъ свои обозрѣнія, необходимо почти гениальное прозрѣніе, ибо исторія въ большинствѣ случаевъ даетъ лишь отрицательныя предостереженія (чего не надо дѣлать), не давая прямыхъ указаній положительнаго характера—это дѣло творчества въ данной обстановкѣ. Читатели оцѣнятъ, насколько вѣрно разъяснены авторомъ наши ошибки въ прошломъ: можно только замѣтить, что въ своихъ совѣтахъ авторъ слишкомъ большую роль отводитъ опеку той же бюрократіи, противъ которой столь горячо возстаетъ во всемъ своемъ сочиненіи, и почти ничего не говоритъ о частной и общественной инициативѣ, о расчищеніи пространства для самодѣятельности народной, упуская изъ вида, что не опека правительства и бюрократіи ведетъ къ прогрессу и выработкѣ народнаго характера, а именно упомянутая выше самодѣятельность. Говоря о задачахъ Россіи въ XX вѣкѣ, авторъ затрагиваетъ общіе міровые вопросы и видитъ общаго врага Европы въ такъ называемой «желтой опасности», предвидя борьбу европейскихъ государствъ съ просыпающимися народностями громаднхъ материковъ Азіи и Африки, борьбу изъ-за рынковъ, грозящую перейти въ борьбу расъ и разрѣшиться силою оружія. Въ этихъ видахъ авторъ считаетъ необходимымъ европейскимъ государствамъ войти между собою въ соглашеніе въ виду общей опасности, а Россіи войти въ особое соглашеніе по дѣламъ Ближняго Востока съ Австріей, а по дѣламъ Дальняго Востока съ Англійей и Америкой, и прочно соединиться желѣзными путями со своими отдаленными восточными окраинами. Авторъ заканчиваетъ свой трудъ разборомъ задачъ русской арміи, перешедшихъ на XX столѣтіе, всесторонне разсматриваетъ нашу военную систему, указываетъ на ея недостатки, выясненные послѣднею войною, причемъ повторяетъ тѣ доводы, которые находятся въ III томѣ его отчета о русско-японской войнѣ, къ сожалѣнію, мало извѣстномъ большимъ кругамъ русской публики. Указывая на необходимость улучшенія команднаго состава нашей арміи и состава нижнихъ чиновъ, авторъ переходитъ, между прочимъ, къ мѣрамъ для увеличенія упорства войскъ въ бою, причемъ рекомендуетъ слѣдующія драконовскія постановленія: «За проявленную трусость всѣ чины должны подлежать смертной казни... Начальники частей войскъ, не оказавшихъ, имѣя къ тому возможность, поддержки сосѣднимъ частямъ войскъ въ бою, подлежать отрѣшенію отъ должностей, суду по законамъ военного времени и наказанію до смертной казни включительно... Коменданты крѣпостей, сдавшихъ крѣпость, командиры судовъ, сдавшихъ суда, начальники частей войскъ, положившихъ оружіе, должны признаваться лишенными всѣхъ правъ состоянія и приговоренными къ разстрѣлянію безъ суда; всѣ сдавшіеся въ плѣнъ не ранеными должны быть отвѣтственны за то, что не сражались до послѣдней капли крови». Если предпо-

жить, что такія постановленія не останутся только угрозою, а будутъ неуклонно проведены въ жизнь, какъ неумолимый законъ, то можно себѣ представить, въ какомъ ощущеніи страха будетъ жить и воспитываться армія, особенно въ военное время. Казалось бы, что самопожертвованіе и честное исполненіе долга должно питаться изъ другого, болѣе возвышеннаго источника: сотни тысячъ нашихъ сѣрыхъ героевъ, лежащихъ въ могилахъ Манчжуріи, исполнили свой долгъ «не за страхъ, но за совѣсть».

Трудъ свой авторъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «Великія слова, забытыя въ теченіе первыхъ восьмидесяти лѣтъ XIX столѣтія—«Россія для русскихъ»—были вновь произнесены въ 1881 году государемъ императоромъ Александромъ III. Нынѣ во всей великой Россіи эти слова раздаются изъ края въ край. Но чтобы постоянно напоминать ихъ русскому народу, необходимо снять съ памятника императору Александру III надпись, гласящую о желѣзнодорожныхъ заслугахъ русскаго самодержца и замѣнить ее тремя словами: «Россія для русскихъ».

Не входя въ подробное разсмотрѣніе громаднаго матеріала, собраннаго авторомъ по всѣмъ отраслямъ русской народной жизни, замѣтимъ, что III томъ «Россіи для русскихъ», несмотря на нѣкоторую односторонность, заключаетъ въ себѣ цѣнные указанія и выводы и, написанный опытнымъ перомъ, читается съ большимъ интересомъ.

Л. Н.

Уроженцы и дѣятели Владимирской губерніи, получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной пользы. (Матеріалы для біо-библиографическаго словаря). Собралъ и дополнилъ А. В. Смирновъ. Выпускъ 4-й. Губ. гор. Владимиръ. 1910. Ц. 75 к., съ перес. 1 руб.

Первые три выпуска названнаго труда А. В. Смирнова вышли въ 1896—98 гг.; въ нихъ были помѣщены свѣдѣнія о 50-ти лицахъ и въ четвертомъ, только что вышедшемъ, помѣщены 15 біографій (съ 51 по 65): Н. Г. Добрынкина, К. О. Надеждина, А. А. Орлова, Н. Д. Оранскаго, прот. М. И. Хераскова, А. Е. Разина, С. К. фонъ-Ферельцъ, А. И. Урываева, Н. И. Язвickaго, Т. О. Осиповскаго, Д. П. Меренкова, Н. А. Протопопова, Л. И. Сахарова, М. М. Ранга и В. Ц. Герцыка. О каждомъ лицѣ дается, по возможности, полная біографія, списокъ печатныхъ трудовъ (если писатель) и указатель литературы.

Сознавая всю цѣнность работы, мы не можемъ не высказать удивленія, почему авторъ не нашелъ возможнымъ расположить біографіи въ алфавитномъ порядкѣ, какъ болѣе удобномъ для справокъ.

Безъ сомнѣнія, въ концѣ труда авторъ дастъ алфавитный списокъ, и тогда будетъ удобно наводить справку,—но пока нѣсколько затруднительно.

Будемъ ожидать послѣдующихъ выпусковъ, тѣмъ болѣе, что авторъ говорить въ краткомъ предисловіи къ четвертому выпуску: «къ болѣе скорому выходу въ свѣтъ слѣдующихъ выпусковъ будутъ приняты нужныя мѣры».

Къ четвертому выпуску А. В. Смирновъ приложилъ 16 портретовъ, изъ нихъ 11 относятся къ прежнимъ тремъ выпускамъ и 5 (Н. Г. Добрынкина, К. Ө. Надеждина, прот. М. И. Хераскова, Л. И. Сахарова, М. М. Ранга) къ настоящему.

Къ сожалѣнію, не всѣ портреты хорошаго достоинства. Портреты И. А. Голышева и свящ. Н. М. Меморскаго неудачны. По крайней мѣрѣ, въ моемъ экземплярѣ они какіе-то неясные, слабые. Но въ этомъ виноватъ, конечно, не авторъ книги, а цинкографія, гдѣ печатались портреты. **Дидакторскій.**

Monografie w zakresie dziejow nowozytnych. Wyd. Szymona Aszkenazy. Tom VII—VIII. Polska w dobie wojny Siedmioletniej. Część. przez Władysława Konopczyńskiego. Warszawa-Kraków. 1909. Str. XVII + 548. Cena rb. 1 kop. 50.

Въ польской исторіографіи за послѣднее годы замѣчается значительный подъемъ. Выборомъ темъ, богатствомъ матеріала, методами научной разработки его польская исторіографія далеко шагнула впередъ, отбросивъ традиціи такъ называемой «краковской» школы Тарновскаго, Шуйскаго и другихъ. Центромъ научнаго подъема является львовскій университетъ, свободный отъ клерикально-аристократическихъ вліяній, дававшихъ польскую науку въ Краковѣ. Объективность изслѣдованія, смѣлость въ выборѣ темъ, затрагивающихъ нерѣдко самыя большыя мѣста польскаго прошлаго, глубина анализа—все это нашло лучшее выраженіе въ лицѣ профессора Симеона Ашкенази. Послѣдній играетъ крупную роль не только своими трудами, рядомъ солидныхъ монографій. Параллельно съ этимъ онъ сумѣлъ создать въ львовскомъ университетѣ атмосферу научной лабораторіи, группируя вокругъ себя молодыя научныя силы. Подъ его руководствомъ съ 1902 года въ серіи «Monografie w zakresie dziejow nowozytnych» вышелъ рядъ, до настоящаго времени семь томовъ, изслѣдованій ближайшаго польскаго прошлаго. Послѣдній томъ, трудъ молодого изслѣдователя В. Конопчиньскаго, подъ заглавіемъ «Польша въ эпоху Семилѣтней войны», даетъ картину политической жизни, политическихъ группировокъ, столкновеній, дипломатическихъ сношеній не только Польши, но почти всѣхъ европейскихъ государствъ, связанныхъ другъ съ другомъ крѣпкимъ узломъ Семилѣтней войны.

Въ основу своего труда авторъ положилъ донесенія дипломатическихъ агентовъ, переписку выдающихся историческихъ лицъ, современную моменту литературу, памфлеты и т. п. Этотъ матеріалъ ему доставили государственные архивы Дрездена, Берлина, Вѣны, Парижа, Лондона, Копенгагена, польскіе архивы Кракова, Львова, Варшавы, опубликованные русскіе документы и, наконецъ, родовые архивы польской аристократіи. Изъ этого матеріала особенно цѣнные документы приложены къ монографіи. Обращаютъ на себя вниманіе—переписка Екатерины II, въ то время великой княгини, съ Бестужевымъ, письма Ст. Понятовскаго, переписка Чарторыйскаго съ Сапѣгой, донесенія англійскаго дипломатическаго агента Вильямса, донесенія Бека, указы варшавскаго сейма 1758 года и др.

Предметомъ изслѣдованія является эпоха предпослѣдняго польскаго короля Августа III, послѣднiя семь лѣтъ его царствованiя (1755—1763 года). Въ это время Польша играетъ крупную международную роль, правда, пассивную, являясь уже «больнымъ человѣкомъ», и, начиная съ этого времени, международный «польскiй вопросъ» выступаетъ передъ Европой, ожидая своего разрѣшенiя. «Въ этой эпохѣ,—характеризуетъ ее профессоръ Ашкенази,—заключается одновременно итогъ царствованiя саксонской династiи и начало конца польской государственности, вступленiе къ послѣднимъ переворотамъ, къ послѣдней борьбѣ не на жизнь, а на смерть; здѣсь необходимо постоянно связывать квази-мирное внутреннее состоянiе Польши съ кореннымъ международнымъ политическимъ преобразованiемъ, переживаемымъ государствами З. Европы». Впрочемъ, читатель не найдетъ въ монографiи всесторонняго освѣщенiя Семилѣтней войны: анализа внутренняго состоянiя государствъ, стремленiя проникнуть въ современное соотношенiе общественныхъ силъ, изслѣдованiя основанiй переживаемаго Европой переворота, социальна-экономическаго его характера. Нѣтъ широкаго синтеза, а только добросовѣстный анализъ богатаго матеріала и осторожные общiе выводы. Автора больше занимаетъ вишняя сторона исторiи, главнымъ образомъ исторiя дипломатическихъ сношенiй. Передъ нами открывается закулисная сторона Семилѣтней войны, тѣ тайныя ея пружины, которыя скрываются и въ высшихъ государственныхъ учрежденiяхъ, и въ альковахъ. Все опутано паутиной интригъ, борьбы всевозможныхъ интересовъ, личныхъ капризовъ, государственныхъ соображенiй, какой-то всеобщей продажности, взаимнымъ обманомъ, взаимнымъ противодѣйствiемъ даже представителей одного государства. Изслѣдователю предстояла, очевидно, трудная задача разорвать эту паутину, сквозь нее уловить духъ времени и, при новомъ освѣщенiи цѣлага ряда личностей, событiй, разобраться въ общей тенденцiи историческаго процесса.

Въ обрисовкѣ польскихъ отношенiй автора можно упрекнуть развѣ въ безжалостности. Роль «фамилiй» Чарторыйскихъ, гетмана Браницкаго, Потоцкихъ, Радзивиловъ, Ст. Понятовскаго обрисована яркими красками съ возможной полнотой: какая-то всеобщая продажность, исключительное преслѣдованiе личныхъ интересовъ, ненасытная жадность сквозитъ въ каждомъ поступкѣ, въ каждой мысли этихъ лицъ. Францiя, Пруссiя, Россiя, Австрiя перекупаютъ ихъ одна у другой, причемъ торгъ принимаетъ циничныя формы. «Въ Польшѣ,—констатировали европейскiе дипломаты,—всего можно добиться деньгами, ничего безъ денегъ». Королевскiй дворъ выступаетъ въ тѣхъ же краскахъ, особенно ярко выраженныхъ въ руководителѣ официальной саксонско-польской политики Брюлѣ. Много свѣта проливается на темное дѣло объ Острожскомъ майоратѣ, имѣвшемъ такое роковое значенiе для польскихъ отношенiй.

Физиономiи главныхъ персонажей Семилѣтней войны, окруженныхъ плеядой второстепенныхъ—физиономiи Фридриха II и Кауница—выступаютъ необыкновенно ярко. «Эти два соперника были,—по образному выраженiю Конопчинскаго,—кузнецами своей эпохи, въ то время какъ другимъ монархамъ и политикамъ досталась пассивная роль наковальни, молота, желѣза: Георгъ II и герцогъ Ньюкастль, Людовикъ XV и Берни, Елизавета Петровна и Вестужевъ, Ав-

густъ III и Брюль—все они стремились къ достиженію или своихъ личныхъ, или государственныхъ цѣлей, но ихъ умъ не въ состояніи былъ охватить съ такой полнотой всю массу европейскихъ интересовъ и такъ овладѣть ими, чтобы и друзей, и враговъ сдѣлать своимъ послушнымъ орудіемъ. Мысль этихъ людей не могла проникнуть въ душу Фридриха II и Кауница, въ то время какъ послѣдніе, съ ловкостью виргуозовъ, играли на струнахъ русской, французской, саксонской и всеобщей политики». «Даже Россія, принимая участіе въ борьбѣ великихъ государствъ, вступила на путь своего великаго предназначенія, но размѣры этого участія опредѣлялись по усмотрѣнію канцлера Маріи-Терезы». Перипетіи австро-франко-русскаго союза, англо-прусскаго, роль Россіи, Турціи—очерчены съ достаточною полнотой. Германской легендѣ о направленіи политики Фридриха II, о причинахъ Семилѣтней войны, какъ самозащиты Пруссіи отъ общеевропейскаго заговора, организованнаго польско-саксонскимъ дворомъ,—наносится сильный ударъ настоящей монографіей, и завоевательныя идеи Фридриха II, вся его коварная политика, направленная на захватъ Саксоніи, а затѣмъ раздѣлъ Польши, выступаютъ во всей наготѣ.

Спеціально русскія политическія сферы нашли своихъ выразителей въ Бестужевѣ, помогавшемъ, несмотря на союзъ Россіи съ Австріей, Фридриху II; въ Апраксинѣ, принесшемъ больше вреда союзникамъ, чѣмъ врагамъ; въ Воронцовѣ, думавшемъ лишь о своемъ возвышеніи какой бы ни было цѣной; въ Петрѣ Шуваловѣ, преслѣдовавшемъ лишь свои интересы откупщика-коммерсанта; въ великой княгинѣ Екатеринѣ, будущей императрицѣ, испытывавшей въ это время свои политическія способности при участіи Ст. Понятовскаго и небрежавшей польско-саксонскими субсидіями. Брогліо, французскій дипломатъ, характеризуетъ петербургскій свѣтъ словами: «въ Россіи отъ Бестужева до послѣдняго офицера нѣтъ ни души непродажной».

Такимъ образомъ, кромѣ цѣнности для польской науки, монографія Конопчиньскаго представляетъ интересъ и для русскаго читателя.

Адамъ Я.

Славянская бібліотека д-ра И. Шайковича. Вып. 2. Іованъ Цвиичъ. Анексія Босніи-Герцеговины и сербскій вопросъ. Спб. 1909. Стр. 48. Ц. 50 к.

Анексія Босніи и Герцеговины—предметъ, достаточно уже за послѣднее время выясненный. Съ этой точки зрѣнія составитель «Славянской бібліотеки» г. Шайковичъ могъ бы выбрать для перевода что-нибудь болѣе интересное, но онъ—сербъ, а для серба событія прошлаго года—незаживаемая рана и не возвращаться къ нимъ нельзя. Для русскаго читателя книга Цвиича съ фактической стороны даетъ очень мало новаго. Со свойственной ему сжатостью и безпристрастіемъ профессоръ бѣлградскаго университета разсказываетъ намъ то самое, что мы знаемъ хотя бы изъ прошлогодней брошюры его товарища по университету профессора Кошутича. Болѣе любопытно его отношеніе къ австро-славизму: оно безусловно отрицательное. По мнѣнію автора, «трудно найти болѣе сильно выраженный антагонизмъ, чѣмъ тотъ,

который существует между сербскимъ народомъ съ одной стороны и вмѣстѣ взятыми австро-венгерскими народами съ другой: чувства, міровоззрѣніе, весь духовный складъ—все различно между ними». Здѣсь намъ припоминаются наши собственныя бесѣды съ однимъ боснійскимъ дѣятелемъ лѣтомъ 1904 года въ Цетиньѣ: «Австрійцы,—говорилъ онъ,—даютъ намъ культуру, но убиваютъ душу сербскую. Взгляните на Сераево: за 30 лѣтъ оно стало европейскимъ городомъ, но это—городъ уже полунѣмецкій. Знаете ли вы, господине мой, что вотъ я теперь бесѣдную съ вами здѣсь, но я не поручусь, что по возвращеніи домой меня за то, что я былъ въ Цетиньѣ, не посадятъ въ тюрьму. Богъ съ ней съ австрійской культурой и съ австро-славянскими идеалами. Мы хотимъ самобытной, славянской державы». Цвичичъ вѣрно указываетъ единственно возможный путь къ разрѣшенію сербскаго вопроса: «сербскій народъ долженъ рѣшить свой вопросъ—силою. Свободныя сербскія государства—королевство Сербія и княжество Черногорія—должны употребить всѣ силы на военное и культурное свое развитіе, должны также поддерживать національную энергію подчиненныхъ частей сербскаго народа, чтобы при первой возможности освободиться навсегда отъ австрійскаго нашествія и гнета». Если бы сербы раньше дали себѣ въ этомъ отчетъ, анексія Босніи и Герцеговины не кончилась бы для нихъ такъ печально. Къ сожалѣнію, они приготовленіямъ къ борьбѣ съ Австріей предпочитали ненужныя распри съ болгарами въ Македоніи. Въ Бѣлградѣ надъ умами все еще имѣетъ слишкомъ много власти шумная фраза и мелкій раздоръ. Къ книгѣ Цвичича приложена очень хорошая этнографическая карта сербо-хорватскаго народа, лучшая изъ имѣющихся у насъ.

А. С.

Е. В. Коршъ. Двадцать лѣтъ на желѣзныхъ дорогахъ (1889—1908 гг.). Воспоминанія о желѣзнодорожной службѣ. Спб. 1910. Стр. 193. Ц. 1 р.

Настоящая книга по своему автобіографическому содержанію является непосредственнымъ продолженіемъ воспоминаній г. Корша, послѣднія главы которыхъ появляются въ настоящемъ № «Истор. Вѣстн.». Здѣсь мы уже встречаемся съ авторомъ въ роли желѣзнодорожнаго служащаго и опытнаго знатока желѣзнодорожнаго дѣла, сначала на Уральской жел. дор., засимъ на Лозово-Севастопольской, Курско-Харьково-Азовской, Харьковско-Николаевской и, наконецъ, на Московско-Виндаво-Рыбинской, гдѣ и закончилось его служеніе русскому желѣзнодорожному дѣлу. Такимъ образомъ, передъ читателями развертываются въ книгѣ разнообразныя въ отношеніи географическихъ районовъ страны жизни автора, позволяющія ему обстоятельно обрисовать состояніе нашего желѣзнодорожнаго хозяйства, порядковъ, царящихъ въ правленіяхъ и управленіяхъ дорогъ, ихъ отношеній между собою, отношеній къ столичнымъ центральнымъ учрежденіямъ, какъ по вѣдомству путей сообщения, юстиціи, такъ и государственнаго контроля, и соотношеній между собою отдѣльныхъ частей одной и той же дороги. Авторъ рисуетъ картины повседневной рабочей жизни, идетъ отъ фактовъ къ фактамъ, отъ лица къ лицу, и такимъ образомъ въ его повѣ-

ствованіи получается широкая обстоятельная картина интересной и малознакомой широкой публикѣ жизни важной отрасли отечественнаго бытія, куда сходятся многочисленныя артеріи нашихъ потребностей и обихода. Какъ юристъ-практикъ, немало по мѣстамъ своей службы потрудившійся надъ разработкой желѣзнодорожнаго законодательства, г. Коршъ въ своей книгѣ даетъ въ распоряженіе читателей очень интересный юридически-бытовой матеріалъ, который, несомнѣнно, можетъ явиться хорошимъ подспорьемъ при разрѣшеніи спорныхъ моментовъ въ кругу желѣзнодорожныхъ вопросовъ, сопрікасающихся съ разными другими сторонами обывательской практики. Такимъ образомъ настоящая книга, являясь своего рода лѣтописью опредѣленныхъ дней былого, вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть разсматриваема и какъ нѣкоторое практическое пособіе для руководства во многихъ затруднительныхъ случаяхъ. Г. Коршъ въ спокойномъ изложеніи и на основаніи личной практики сообщаетъ очень много интереснаго изъ міра нашихъ желѣзнодорожныхъ неурядицъ, въ значительной степени объясняющихъ намъ причину отсталости желѣзнодорожнаго механизма въ его экономическихъ, контрольных и юридическихъ частяхъ по сравненію съ прекраснымъ состояніемъ желѣзнодорожнаго дѣла въ Западной Европы. Книга его именно тѣмъ важна, что она демонстрируетъ не общія планы, а мельчайшіе винтики громаднаго желѣзнодорожнаго колеса, еле замѣтные для сторонняго глаза, но очень важные и существенные для пониманія всего нашего желѣзнодорожнаго дѣла, какъ казеннаго, такъ и частнаго. Благодаря этому, имъ довольно успѣшно достигается и главная цѣль изданія настоящей книги, которую онъ въ предисловіи формулируетъ такъ: «дать рядъ фактовъ, характеризующихъ современную организацію нашихъ желѣзнодорожныхъ управленій, обнаруживающихъ главныя, коренныя недостатки этой организаціи, преятствующіе правильному, прогрессивному улучшенію порядковъ, существующихъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Недостатки эти обнаружились не вчера, а съ ними много лѣтъ боролись и борются донинѣ лучшіе, энергичные, наиболѣе самостоятельныя мѣстные руководители этимъ сложнымъ и отвѣтственнымъ государственнымъ дѣломъ. Но всѣ усилія этихъ почтенныхъ дѣятелей взять приступомъ бюрократическую рутину, мертвую казенщину, бумажный канцеляризмъ, воцарившіеся на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ съ расширеніемъ казенной эксплуатаціи, не привели къ желательной цѣли и оставили на нѣкоторыхъ казенныхъ линіяхъ лишь полезныя традиціи умѣлой принципиальной борьбы съ вредными для дѣла стремленіями, съ дерзкими покушеніями на свободу и самостоятельность распорядительныхъ органовъ. Эти прочныя традиціи не силахъ, къ сожалѣнію, исправить организацію, освѣжить и оздоровить ее. Тутъ нужна сильная власть закона, его довѣріе, создающее прочное, авторитетное положеніе ближайшимъ руководителямъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Безъ этого довѣрія немислимы ни самостоятельность дѣйствій, ни настоящая отвѣтственность, ни другія условія успѣха и прогресса».

Власти закона, къ которой авторъ взываетъ именно и посвящены авторомъ многія и многія страницы настоящей книги, гдѣ разсказана его практика какъ юрисконсульта въ управленіяхъ дорогъ. Что касается живыхъ людей, являющихся собою образецъ борьбы за торжество законности, воплощающихъ въ себѣ

энергію нужной борьбы, самостоятельность и инициативу, то въ ряду таковыхъ имъ на первое мѣсто поставленъ изъ числа лицъ, съ которыми онъ соприкасался въ теченіе 20 лѣтъ службы на желѣзныхъ дорогахъ, Н. С. Островскій, нынѣшній предсѣдатель правленія Московско-Виндаво-Рыбинской жел. дор., которому г. Коршъ и посвящаетъ свой настоящій трудъ.

Б. Г.

М. Ю. Лермонтовъ. «Демонъ». Иллюстраціи А. Эберлинга. Изданіе т-ва Р. Голике и А. Вильборга. Спб. 1910. Ц. въ перепл. 8 р.

Талантливый художникъ иллюстрировалъ поэму девятью рисунками въ краскахъ и углемъ, ради которыхъ ѣздилъ на Кавказъ, чтобы овладѣть мѣстнымъ колоритомъ. Особенно хороши рисунки, изображающіе придорожную часовню, пляску Тамары и Тамару въ кельѣ. Требовательный къ себѣ и даровитый иллюстраторъ словно нарочно избѣгалъ моментовъ, наиболее богатыхъ и разнообразіемъ бытовой обстановки; имъ выбраны моменты особенно глубокие, сосредоточенные,—укажемъ еще, напримѣръ, на рисунки, относящіеся къ мѣстамъ: «въ обитель Демонъ прилетѣлъ», или «остался онъ, надменный, одинъ, какъ прежде, во вселенной». Объ этихъ рисункахъ можно сказать, что они достойны «Демона». Да и вообще вся книга, роскошный томъ (формата in 4°, 25—25 сант.) въ изящномъ переплетѣ,—настоящій образецъ печатнаго искусства, которымъ почтена память великаго поэта. Украшающій книгу автопортретъ Лермонтова, воспроизведенный въ краскахъ, не новъ, но впервые онъ переданъ такъ хорошо и точно (онъ вошелъ и въ I томъ академическаго «Лермонтова»). Оригиналъ его Лермонтовъ нарисовалъ акварелью для В. А. Бахметевой, рожденной Лопухиной, *grande passion* поэта. Текстъ тождественъ съ исправленнымъ текстомъ наиболее авторитетной изъ всѣхъ принятыхъ покуда разными издателями редакцій «Демона», напечатаннымъ въ 1857 г. въ Карлсруэ. Покойный П. А. Висковатовъ пытался поставить выше этой редакціи другую, весьма сомнительную, но эта попытка, какъ извѣстно, потерпѣла поражене. Вопросъ о текстѣ поэмы до сихъ поръ еще не разрѣшенъ окончательно. Къ книгѣ приложено fac-simile рукописи «Демона», на 18 страницахъ, хранящейся въ Лермонтовскомъ музеѣ. На всѣхъ деталяхъ этого прелестнаго изданія лежитъ печать благороднаго вкуса и любовнаго отношенія къ дѣлу.

Н. Л.

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ. «Проснулась женщина». Очерки и рассказы изъ жизни современной Финляндіи. Спб. 1910. Стр. 236 Ц. 1 р.

Несмотря на близость Финляндіи отъ нашей столицы, эта страна, въ особенности ея своеобразный укладъ жизни, обычаи, исключительное положеніе женщинъ въ ней до сихъ поръ мало намъ извѣстны, между тѣмъ они заслуживаютъ болѣе близкаго съ ними знакомства. Обстоятельства послѣдняго времени,—когда на эту русскую окраину обращено общее вниманіе не только

«истор. вѣст.», июль, 1910 г., т. сxxi.

19

нась, русскихъ, но и многихъ европейскихъ странъ, заставляютъ заинтересоваться книгой г. Сѣверцева-Полилова.

Авторъ, видимо, хорошо знающій общественную жизнь этой страны и укладъ финскаго семейнаго быта, совершенно объективно описываетъ завоеваніе женщинами политическаго равноправія, ихъ появленіе въ качествѣ депутатовъ отъ народа въ сеймъ, настойчивую борьбу ихъ противъ алкоголя, проституціи, разврата, отстаиваніе ими своего права въ семьѣ, гдѣ до сихъ поръ, благодаря устарѣвшимъ мѣстнымъ законамъ, получался такой сумбуръ, что, при равноправной внучкѣ, мать была полусвободной, а бабушка полной, безправной рабой мужскаго элемента семьи.

Ярко очерченные типы поборницъ женской равноправности и ея противниковъ: народныхъ учительницъ, рыбацекъ, заводскихъ работницъ, пасторовъ, диспенентовъ-фабрикантовъ, купцовъ и т. д., видимо, прямо выхвачены изъ жизни, весь строй послѣдней, не выдуманный, оригинальный, правдиво-финскій, выписанъ до мелочей, со всеми его оригинальностями, привычками.

Дѣйствіе быстро развивается, захватываетъ читателя своею неожиданностью, своеобразной развязкой. Языкъ хорошо выдержанъ. Книга эта переведена на финскій, эстонскій и шведскій языки. Издана она книгоиздательствомъ «Прогрессъ» на хорошей бумагѣ и снабжена оригинальными рисунками на обложкѣ.

Г.

Сергѣй Бертенсонъ. Библиографическій указатель литературы о Гоголѣ за 1900—1909 г.г. Спб. 1910.

Указатель П. А. Заболотскаго: «Н. В. Гоголь въ русской литературѣ» («Гоголевскій Сборникъ», изданіе Нѣжинскаго кн. Везбородко института. Кіевъ, 1902) заканчивается 1900 годомъ. Указатель С. Л. Бертенсона обслуживаетъ начало настоящаго столѣтія.

Онъ раздѣленъ на отдѣлы: I. Біографическія свѣдѣнія о Гоголѣ.—II. Переписка Гоголя. Его неизданныя рукописи.—III. Общая характеристика Гоголя. Оцѣнка его литературной дѣятельности. Разборъ его отдѣльныхъ произведеній.—IV. Сборники, альбомы, отдѣльные №№ повременныхъ изданій, посвященные Гоголю.—V. Библиографическіе матеріалы и обзоры литературы о Гоголѣ.—VI. Гоголь въ переводахъ на иностранные языки.—VII. Смѣсь.

Каждый отдѣлъ расположенъ въ алфавитномъ порядкѣ авторовъ. Всего записано 586 сочиненій.

Въ указатель С. Л. Бертенсона есть пропуски. Таковы:

Отдѣлъ первый.

№ 26. Статья *Б. В. Варнеке*, вышла отдѣльной книгой: Варшава, 1909 (8^о, 30 стр.).

Диалекторскій. Когда родился Н. В. Гоголь? «С.-Петерб. Вѣдом.», 1909, № 58 (13-го марта.)

В. Короленко. Трагедія писателя. Нѣсколько мыслей о Гоголѣ. «Русск. Богат.», 1909, № 4, 5 (160—172, 143—185 стр.).

Л. П. Лобовъ. Гоголь и славянофилы. «Славян. Изв.», 1909, № 3 (356—363 стр.).

Н. Л. Т. Замѣтка о посѣщеніи Н. В. Гоголемъ московской духовной академіи. «Богосл. Вѣстн.», 1909, № 3 (479—485 стр.).

В. М. Соколовъ. Гоголь—этнографъ. Интересы и занятія Н. В. Гоголя этнографіей. «Этнограф. Обзор.», 1909, № 2—3 (59—119 стр.).

№ 143. Книжка *Д. И. Тихомирова*, вышла 9-мъ изданіемъ. М. 1909 (16°, 87 стр.).

Когда родился Гоголь? «Спб. Вѣдом.», 1909, № 31.

Какъ Гоголь писалъ и сжегъ «Мертвыя Души» (12 неопубликованныхъ писемъ Гоголя). «Спб. Вѣдом.», 1909, № 63 (19-го марта).

Гоголевскіе документы. «Истор. Вѣстн.», 1901, № 12 (1286—1287 стр.).

Лекція о болѣзни и смерти Гоголя. «Литер. Вѣстн.», 1901, т. 2, № 8 (372—373 стр.).

Отдѣлъ третій.

В. Брюхановъ. Значеніе Н. В. Гоголя въ русской литературѣ. Казань, 1909, 8°, 29 стр.).

Н. Гумилевскій. Н. В. Гоголь, какъ христіанинъ. «Руков. для сельскихъ пастьрей». 1909, № 11, 15, 16 (290—299, 378—384, 405—411 стр.).

Свяци. А. Гуляевъ. Н. В. Гоголь, какъ писатель-христіанинъ. Уфа, 1909 (16°, 36 стр.).

№ 48. Книга *Г. Дорофѣева*, вышла третьимъ изданіемъ. Кіевъ, 1909 (8°, 64 стр.), съ портретомъ.

№ 53. *И. П. Житецкій.* Гоголь-проповѣдникъ и писатель. «Журн. Мин. Народн. Просв.», 1909, № 8, 9 (314—350, 24—78 стр.) и отдѣльно. Спб., 1909 (8°, 93 стр.).

М. И. Покровская. Гоголевскіе женскіе типы. «Женск. Вѣстн.», 1909, № 3 (65—68 стр.).

Е. Предтеченскій. О текстѣ Гоголя. (Письмо въ редакцію). «Извѣстія кн. маг. Вольфъ». 1902, № 6 (мартъ), 66 стр.

Отдѣлъ пятый.

В. В—въ. Н. В. Гоголь. Изъ юбилейной литературы. «Русск. Вѣдом.», 1902, № 42..

Отдѣлъ шестой.

И. Г. «Ревизоръ» за границей. «Петерб. Лист.», 1909, № 78. Гоголь въ Сербіи. «Литерат. Вѣстн.», 1902, т. 3, № 2 (235 стр.), «Женитьба» Гоголя въ греческомъ переводѣ. «Литер. Вѣстн.», 1902, т. 3, № 3 (337 стр.).

Отдѣлъ седьмой.

О. Базанкуръ. Гоголь и искусство. «Спб. Вѣдом.», 1909, № 67 (24 марта).

№ 29. Статя *В. Каминскаго* вышла отдѣльной книгой. Варшава, 1909 (8°, 17 стр.).

На могилѣ Гоголя. «Спб. Вѣдом.», 1909, № 14 (18 янв.).

Архивъ Гоголя. «Спб. Вѣдом.», 1909, № 280 (13 декабря).

Музей Жуковскаго и Гоголя. «Литер. Вѣстн.», 1901, № 8 (372 стр.).

Настоящія дополненія нисколько не уменьшаютъ достоинствъ указателя С. Л. Бертенсона. Какъ на недостатокъ лишь можно указать на нежеланіе автора указывать страницы журнальныхъ статей, а также размѣръ книгъ и число страницъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ; между тѣмъ по этимъ свѣдѣніямъ можно судить о размѣрѣ сочиненія, что бываетъ иногда важно при справкѣ.

Д—иѣ.

Юбилейный сборникъ Литературнаго фонда. 1859—1909 г. Стр. VIII+630. Спб. 1910. Ц. 3 р.

Много было выпущено у насъ сборниковъ, среди нихъ есть цѣнные и очень интересные, но не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что по разнообразію, цѣнности и богатству матеріала юбилейный сборникъ Литературнаго фонда выдѣляется изъ подобныхъ изданій и представляетъ среди нихъ исключительное явленіе. Въ немъ приняла участіе болѣе 50 писателей, при чемъ мы встрѣчаемъ представителей самыхъ разнообразныхъ теченій и направленій во главѣ съ Л. Толстымъ, который оказалъ особое вниманіе фонду, предоставивъ три произведенія. Участіе въ сборникѣ писателей разнообразныхъ направленій и теченій—весьма отраднѣй фактъ, ярко показывающій широкія симпатіи къ дѣятельности фонда.

Содержаніе сборника, составляющаго болѣе 600 страницъ,—чрезвычайно разнообразно. Прежде всего должное вниманіе удѣлено исторіи фонда, имѣющей, несомнѣнно, не только специальный интересъ, но и общій, какъ исторія одного изъ самыхъ крупныхъ русскихъ общественныхъ учреждений, такъ тѣсно связаннаго съ русской «культурой и литературой». Историческому обзору дѣятельности фонда посвящена большая въ 70 страницъ статья А. А. Корнилова. Итоги дѣятельности фонда даетъ В. Д. Набоковъ. Тѣсно примыкаетъ къ исторіи фонда составленная на основаніи архивныхъ матеріаловъ и личныхъ воспоминаній статья Л. Ф. Пантелѣва—«Изъ исторіи первыхъ лѣтъ существованія Литературнаго фонда». Историческимъ матеріаломъ, несомнѣнно, являются и привѣтствія, полученныя фондомъ въ день 50-лѣтняго юбилея, дающія оцѣнку его дѣятельности и свидѣтельствующія о широкихъ къ ней симпатіяхъ.

Имѣетъ самостоятельное значеніе, но близко связанъ съ исторіей фонда рядъ характеристикъ наиболѣе замѣчательныхъ дѣятелей фонда. Авторы даютъ не только характеристику дѣятельности этихъ лицъ въ отношеніи къ фонду, но и вообще характеризуютъ ихъ личности и міросозерцаніе. Такимъ образомъ, характеристики получаютъ общее значеніе и интересъ. Характеристику основателя фонда А. В. Дружинина даетъ С. А. Венгеровъ, В. П. Гаевского—О. О. Воропоновъ, Е. П. Ковалевскаго—Л. Ф. Пантелѣвъ, В. А. Манассеина—А. А. Луговой-Тихоновъ, П. И. Вейнберга—Н. А. Котляревскій и Н. К. Михайловскаго—Н. Ф. Анненскій. Сюда же нужно отнести характеристику двухъ друзей фонда Н. А. Бѣлоголоваго и Г. А. Джаншіева, принадлежащую перу К. К. Арсеньева.

Много удѣлено въ сборникѣ мѣста историко-литературному матеріалу. Онъ очень цѣненъ. Помѣщена неизвѣстная эпиграмма Пушкина, найденная

П. О. Морозовымъ, неизданное письмо Кольцова къ Бѣлинскому, письмо Тургенева, три письма Гончарова, неизданная цѣнная въ біографическомъ отношеніи неоконченная юношеская повѣсть Надсона. Затѣмъ напечатаны цѣнные воспоминанія: выброшенная цензурой страница изъ извѣстныхъ воспоминаній Шелгунова, воспоминанія Н. И. Костомарова, воспоминанія Златовратскаго о Добролюбовѣ, наконецъ, громаднѣйшій дневникъ Добролюбова, представляющій исключительную цѣнность для его характеристики.

Затѣмъ встрѣчаются въ сборникѣ нѣсколько критическихъ и историко-литературныхъ статей, изъ которыхъ отмѣтимъ статьи Иванова-Разумника—«Творчество и критика», А. Посникова—«Чернышевскій и его комментарий «Политической экономіи» Милля» и М. М. Ковалевскаго—«Ваденскій періодъ жизни Тургенева».

Особое мѣсто въ сборникѣ занимаетъ большая статья Л. Толстого—«Единая заповѣдь».

Наконецъ, въ сборникѣ находится много беллетристики. Прежде всего выдаются два произведенія Л. Толстого «Разговоръ съ прохожимъ» и «Пѣсни на деревнѣ». Толстой давно, какъ извѣстно, не писалъ беллетристики, и поэтому рассказы привлекаютъ особое вниманіе. Свои произведенія дали беллетристы разнообразныхъ литературныхъ теченій, начиная съ В. Г. Короленко, М. Н. Альбова и А. А. Лугового-Тихонова, кончая А. Купринимъ и Вас. Немировичемъ-Данченко. Но особое вниманіе привлекаетъ въ сборникѣ поэзія: здѣсь, за небольшимъ исключеніемъ,—все главнѣйшіе современные поэты всехъ литературныхъ теченій: О. Чюмина, П. В. Быковъ, В. Лихачевъ, А. Федоровъ, А. Будищевъ, З. Гиппиусъ, Allegro, В. Я. Брюсовъ, К. Фофановъ, А. Блокъ, Д. С. Мережковскій, Д. Ратгаузъ, С. Городецкій, А. Лукьяновъ, Ѳ. Сологубъ, Минскій, Ватсонъ и другіе.

Въ рецензіи нѣтъ возможности болѣе подробно остановиться на томъ разнообразномъ и богатомъ матеріалѣ, который помѣщенъ въ сборникѣ. Но уже одно знакомство съ его содержаніемъ даетъ представленіе объ интересѣ сборника, о цѣнности и богатствѣ помѣщенного матеріала. Несомнѣнно, заслуги редактора С. А. Венгерова, сумѣвшаго составить такой сборникъ, будутъ опѣнены всеми, кому дорога дѣятельность фонда. И намъ остается только пожелать, чтобы сборникъ разошелся въ большемъ количествѣ, чтобы доходъ съ него облегчилъ тяжелыя минуты матеріальныхъ невзгодъ какъ можно большому числу тружениковъ науки и литературы, поддержалъ бы, далъ бы оправиться.

А. Фокинъ.

Н. О. Лернеръ. Бѣлинскій. Критико-біографическій очеркъ. Для учащихъся. Москва. 1910. Стр. 170. Цѣна 75 коп.

Книга г. Лернера о В. Г. Бѣлинскомъ написана не только обстоятельно, но съ искреннимъ энтузіазмомъ и любовью къ сложному типу писателя, исповѣдывавшаго сначала эстетически-моральную теорію (по Шеллингу), потомъ (по Гегелю) преклонявшагося передъ фактами исторической жизни и наконецъ (по Фихте) сдѣлавшагося критикомъ-публицистомъ во имя лучшихъ началъ европейской жизни и науки.

Книга г. Лернера заинтересует не только учащихся, но и взрослых людей, имѣющихъ возможность по ней прослѣдить всю жизнь Бѣлинскаго, начиная съ его безотраднaго дѣтства и такой же жизни въ московскомъ университетѣ, гдѣ, между прочимъ, Бѣлинскому поставили въ вину его неблагонамѣренный образъ мыслей въ написанной имъ драмѣ «Дмитрій Калининъ» и то, что онъ, три года пробывъ въ университетѣ, не выдержалъ экзаменовъ для перевода на второй курсъ. Истощенный болѣзнию, Бѣлинскій не могъ держать экзаменовъ весною 1832 г. и просилъ позволенія держать ихъ осенью. Позволеніе ему было обѣщано. Но къ экзамену его, несмотря на обѣщаніе, не допустили, а просто уволили, мотивировавъ исключеніе его «недостаточными успѣхами», «безсиліемъ для продолженія наукъ» и даже «ограниченностью способностей».

Трогательными чертами излагаетъ г. Лернеръ дальнѣйшую жизнь исключеннаго изъ университета Бѣлинскаго, еще болѣе впавшаго въ бѣдность, но вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе посвящающаго себя изученію литературныхъ и общественныхъ вопросовъ: то онъ увлекается Шеллингомъ объ отвлеченной нравственности человѣка, то примиряется съ «дѣйствительностью по Гегелю» и подходит къ ней безъ всякой морали и безъ всякаго заранѣе выработаннаго гуманно-политическаго идеала...

Въ это время въ статьѣ «Мочаловъ въ роли Гамлета», помѣщенной въ «Московскомъ Наблюдателѣ» (1838 г.), онъ пишетъ, что для Шекспира нѣтъ ни добра, ни зла; для него существуетъ только жизнь, которую онъ спокойно созерцаетъ и сознаетъ въ своихъ созданіяхъ, ничѣмъ не увлекаясь, ничему не отдавая преимущества. И если у него злодѣй представляется палачомъ самого себя, то это не для назидательности и не по ненависти къ злу, а потому, что это такъ бываетъ въ дѣйствительности, по вѣчному закону разума. Самое же характерное выраженіе настроенія, владѣвшаго тогда Бѣлинскимъ, находимъ въ его трехъ статьяхъ—по поводу «Бородинской годовщины» Жуковскаго, «Очерковъ Бородинскаго сраженія» Ѳ. Н. Глики и о критикѣ Гете—Менцель.

Только въ 40-хъ годахъ Бѣлинскій начинаетъ догадываться (по Фихте), что мы познаемъ міръ нашимъ умомъ, который въ правѣ признать и «дѣйствительность», опутанную крѣпостничествомъ, вредной и позорной жизнью; что добытая нашимъ умомъ истины необходимо воплотить въ общественныя формы и отъ этихъ истинъ зависитъ разумность или неразумность существующаго.

«Этотъ душевный переломъ,—пишетъ г. Лернеръ,—былъ тѣсно связанъ съ внѣшнимъ переломомъ въ жизни Бѣлинскаго—перѣздомъ въ Петербургъ, куда, послѣ долгихъ сборовъ и колебаній, наконецъ рѣшился ѣхать Бѣлинскій. Краевскій далъ ему единовременно небольшую сумму на уплату долговъ и на подъемъ и обѣщаль платить 3,500 руб. ассигнаціями въ годъ, и Бѣлинскій взялъ на себя отдѣлы критики и библиографіи въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Года не прошло со времени перехода Бѣлинскаго въ «Отечественныя Записки», какъ онъ явился совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ былъ раньше, и «сжегъ то, чему поклонялся». Въ самомъ концѣ 1839 г. онъ писалъ Боткину: «Скоро ли настанетъ время, когда я перестану стыдиться написаннаго или сказаннаго мною, перестану переходить отъ одной дѣткости къ другой... Скоро ли мое слово будетъ

мыслию, а не фразою, скоро ли ощущенія, производимыя на меня объективнымъ міромъ, будутъ формироваться во мнѣ мыслями, а не случайными порывами?»...

Гуманно-политическое міропониманіе Вѣлинскаго окончательно сложилось въ «Отечественныхъ Запискахъ» и послѣ въ «Современникѣ». Онъ нанесъ первый ударъ политическому славянофильству, въ которомъ видѣлъ опасный возвратъ къ мрачному прошлому, къ Византіи; онъ обосновалъ и провозгласилъ торжество натурализма въ литературѣ и сокрушилъ литературную риторику и фальшь, воплощавшуюся въ Кукольниковыхъ, Булгаринныхъ и Полевыхъ; онъ привѣтствовалъ зарожденіе народничества... На ряду съ этимъ онъ установилъ воззрѣніе на искусство, какъ «на мышленіе въ образахъ объ интересахъ человѣчества», и горячо ратовалъ противъ исключительнаго эстетически-художественнаго идеала безъ общественнаго. «Духъ нашего времени таковъ,—писалъ онъ,—что величайшая творческая сила можетъ только изумить на время, если она ограничивается птичьимъ пѣніемъ, создаетъ себѣ свой міръ, не имѣющей ничего общаго съ философскою и историческою дѣйствительностью современности, если она воображаетъ, что земля недостойна ея, что ея мѣсто на облакахъ, что мірскія страданія и надежды не должны смущать ея таинственныхъ сновидѣній и поэтическихъ созерцаній. Свобода творчества легко согласуется съ служеніемъ современности: для этого не нужно принуждать себя писать на темы, насиловать фантазію; для этого нужно только быть гражданиномъ, сыномъ своего отечества, своей эпохи, усвоить себѣ его интересы, слить свои стремленія съ его стремленіями; для этого нужна симпатія, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отдѣляетъ убѣжденій отъ дѣла, сочиненія отъ жизни. Искусство подчинено, какъ и все живое и абсолютное, процессу историческаго развитія; искусство нашего времени есть выраженіе, осуществленіе въ изящныхъ образахъ современнаго сознанія, современной думы о значеніи и цѣли жизни, о путяхъ человѣчества, о вѣчныхъ истинахъ бытія»...

Эти взгляды на задачи искусства вошли въ основу русской критики и были въ послѣдствіи пропагандированы Чернышевскимъ и Добролюбовымъ.

Жизнь Вѣлинскаго, такимъ образомъ, полна страданій и трудовъ, но въ то же время и блестящихъ побѣдъ надъ врагами въ сферѣ мысли. Онъ, по словамъ г. Лернера, «навсегда останется однимъ изъ самыхъ дорогихъ воспоминаній русской литературы. Имя Вѣлинскаго—одно изъ тѣхъ немногихъ именъ, отъ которыхъ бодрится и крѣпнеть душа».

А. Фаресовъ.

Художникъ иллюстраторъ Боклевскій. Его жизнь и творчество. Составилъ Н. С. Кузминскій. Москва. 1910. Стр. 132 съ 3 автопортретами художника и 25 рисунками. Ц. 1 р. 25 к.

Несмотря на обиліе издающихся въ наше время книгъ, книгу о Боклевскомъ хочется какъ-либо особо отмѣтить, выдѣлить, и, главнымъ образомъ, вывести ее изъ заколдованнаго круга партійнаго замалчиванія, хочется отъ души пожелать ей много изданій и много читателей.

И дѣйствительно трудъ г. Кузминскаго способенъ удовлетворить самый широкій кругъ читающаго общества.

Тотъ, кому хотя немного знакомо имя толковника-иллюстратора Боклевскаго, съ большимъ интересомъ прочтетъ живо составленный очеркъ его дѣятельности и съ наслажденіемъ полюбуется на прекрасно переданные автопортреты, а также на 27 фототипій, воспроизводящихъ лучшіе оригиналы Боклевскаго, между коими есть много ранѣе еще не изданныхъ.

То же огромное большинство, коему, по всей вѣроятности, совершенно неизвѣстно имя художника, скажетъ автору-біографу большое спасибо за ознакомленіе съ этой выдающейся и въ высшей степени интересной личностью. Да и не только съ нимъ однимъ, но и попутно со многими другими иллюстраторами нашихъ классиковъ.

Максимовъ, авторъ «Года на Сѣверѣ», назвалъ Боклевскаго «талантливымъ толковникомъ типовъ Островскаго», а господина Кузминскаго приходится назвать таковымъ же толковникомъ таланта Боклевскаго.

Намъ невольно припомнился тутъ любовный и блестящій толкователь Льва Толстого и его «Анны Карениной» по преимуществу—Громско. Помнится, какъ тогда нашумѣла эта дѣйствительно талантливая книга, и помнится также, какъ много она содѣйствовала правильному освѣщенію и пониманію одного изъ гармоничнѣйшихъ произведеній нашего маститаго писателя.

Книга изящно изданная, обильно и прекрасно иллюстрированная. Содержаніе—вполнѣ гармонируетъ съ внѣшностью. Цѣна ея болѣе чѣмъ умѣренная—1 р. 25 к.

Пожелаемъ же и книгѣ г. Кузминскаго того же успѣха, ибо, по-настоящему, она должна веколыхнуть крайне желательный въ наше время, но пока еще, къ сожалѣнію, весьма и весьма бѣдный отдѣлъ художественныхъ иллюстрацій вообще и иллюстрацій нашихъ классиковъ въ особенности.

Е. Н. К.

Незабвенному Владимиру Васильевичу Стасову. Сборникъ воспоминаній. Стр. XII+289+XXVI. Спб. 1910. Цѣна 3 рубля.

Человѣкъ большой воспримчивости, горячаго темперамента, Владимиръ Васильевичъ Стасовъ чуждъ былъ уравновѣженности, онъ или отрицалъ, или признавалъ, любилъ или ненавидѣлъ, середины не было, онъ писалъ только о томъ, что его волновало, захватывало, отдаваясь всецѣло своей критикѣ. Въ ней—весь Стасовъ, съ его страстнымъ критическимъ темпераментомъ, со всеми своими переживаніями, со всеми мыслями, со всемъ міроотношеніемъ. Въ критикѣ Стасова—много эмоциональнаго, много чувства; поэтому она была часто рѣзкая. Благодаря страстности, критика Стасова больно задѣвала, вызывала горячую полемику, ожесточенныя нападки на Стасова. Онъ, въ свою очередь, не могъ оставить безъ отвѣта критику его статей, и, такимъ образомъ, вся жизнь Стасова—сплошное горѣніе, сплошная полемика. Онъ въ полномъ смыслѣ слова занималъ первый боевой постъ въ художественной критикѣ, слѣдя за каждымъ шагомъ русскаго искусства, одно въ немъ выдвигая, защищая, на другое на-

падая, съ другимъ борясь. Занимая всегда боевую позицію, страстно защищая дорогія идеи, горячо борясь съ тѣми, кто думалъ иначе, внося много жара въ полемику, Стасовъ имѣлъ много враговъ, подвергался рѣзкимъ нападкамъ, отношеніе къ нему до сихъ поръ двойственное. Конечно, разпо можно относиться къ идеямъ и взглядамъ Стасова, но нельзя не восторгаться его яркою личностью, нельзя отрицать, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ, самыхъ интересныхъ русскихъ людей. Теперь, когда замолкла полемическая битва, когда опустилась полемическіе мечи, на Стасова можно посмотрѣть въ извѣстной перспективѣ, съ извѣстнымъ безпристрастіемъ, выяснитъ полнѣе духовный обликъ этого замѣчательнаго человѣка, его значеніе для нашего искусства, какъ художественнаго критика. Это нужно было сдѣлать, потому что Стасовъ, какъ къ нему ни относись,—крупная величина, игралъ видную роль въ нашей художественной критикѣ послѣдняго пятидесятилѣтія.

Поэтому нельзя не привѣтствовать попытку друзей Стасова обрисовать возможно полнѣе его личность, оцѣнить его дѣятельность въ особомъ Стасовскомъ сборникѣ. Въ немъ помѣщенъ цѣлый рядъ воспоминаній и статей о Стасовѣ, принадлежащихъ перу самыхъ разнообразныхъ по взглядамъ лицъ, начиная съ Толстого, М. Горькаго, Рѣпина, И. Гинцбурга, кончая неизвѣстными именами. Общая редакція была принята на себя С. А. Венгеровымъ.

Литературная характеристика и воспоминанія—трудное дѣло, нужно обладать чисто художественною способностью схватывать характерное, дать яркій, рельефный портретъ. Поэтому статьи и воспоминанія въ сборникѣ—разнаго качества, нѣкоторые изъ авторовъ сумѣли дать яркій, если не портретъ, то силуэтъ Стасова, другимъ это удалось въ меньшей степени. Несомнѣнно, сразу виденъ художникъ въ воспоминаніяхъ Горькаго: на нѣсколькихъ страницахъ онъ сумѣлъ нарисовать очень яркій образъ Стасова. При всемъ интересѣ воспоминаній Рѣпина, ему, большому художнику и при томъ художнику-портретисту, которому принадлежатъ лучшіе портреты Стасова, не удалось въ воспоминаніяхъ, въ противоположность Горькому, дать яркаго портрета Стасова во всей его цѣлостности, со всѣми характерными чертами. Но если авторамъ сборника каждому въ отдѣльности съ разною степенью удалось нарисовать обликъ Стасова,—одни справились съ своей задачей лучше, другіе хуже,—то въ цѣломъ всѣ статьи сборника даютъ очень яркій портретъ Стасова; чего не подмѣтилъ одинъ, указалъ другой, и Стасовъ возстаетъ во весь ростъ, со всѣми своими характерными чертами, со всѣми эмоціями, стремленіями, интересами, вся его оригинальная яркая личность вырисовывается какъ живая.

Кромѣ воспоминаній и характеристикъ, въ Сборникѣ помѣщенъ матеріалъ, цѣнный для изученія Стасова,—отзывы о немъ русской печати, списокъ трудовъ, составленный Л. Н. Яковлевой, особенно цѣнный, такъ какъ въ изданіе сочиненій Стасова не вошелъ рядъ его статей.

Много вниманія удѣлено редакторомъ художественной сторонѣ Сборника: въ этомъ отношеніи онъ производитъ прекрасное впечатлѣніе, видно, что редакторъ съ большою любовью и пониманіемъ отнесся къ этой сторонѣ. Очень художественна обложка—фототипія съ офорта Матэ. Орнаментация принадлежитъ г. Ропегу, надпись г. Беренштаму. Сборникъ иллюстрированъ 14 пре-

красно исполненными фототипиями на отдельных листах и одной цветной автотипией на мѣловой бумагѣ съ извѣстнаго портрета Стасова въ русскомъ костюмѣ кисти Рѣпина. Текстъ иллюстрированъ въ одномъ стилѣ множествомъ древне-русскихъ буквъ и заставокъ.

Сборникомъ участники его, несомнѣнно, воздвигли прекрасный по мысли и выполнению памятникъ Стасову. Они хотя и не дали исчерпывающей оцѣнки дѣятельности Стасова,—это дѣло будущаго,—но, безспорно, сдѣлали много, подвели рядъ итоговъ, заложили прочный фундаментъ для дальнѣйшаго изученія Стасова, для пониманія его личности, для болѣе глубокаго осмысленія его значенія въ исторіи русской художественной критики.

А. Фокинъ.

Н. А. Иностранцевъ. Сасанидскіе этюды. Спб. 1909.

Подъ такимъ заглавіемъ вышли отдельной книгой изслѣдованія молодого ученаго, помѣщенные по частямъ въ «Запискахъ» академіи наукъ и восточнаго отдѣленія русскаго археологическаго общества и въ журналъ «Живая Старина». Этюды его обнимаютъ четыре вопроса: персидская литературная традиція въ первые вѣка ислама, сасанидская военная теорія, сасанидскій праздникъ весны, обычаи прикаспійскаго населенія Персіи въ X вѣкѣ. Этюды эти связаны между собою какъ феноменологически, такъ и методологически. Въ первомъ отношеніи всѣ они касаются опредѣленной эпохи и опредѣленныхъ явленій въ исторіи Персіи; во-второмъ отношеніи они объединены общей научной идеей культурнаго общенія, часто выражающагося въ формѣ культурнаго переживанія. Содержаніемъ этюдовъ является не только изслѣдованіе персидской культуры въ эпоху сасанидской династіи (III—VII вѣка по Р. Х.), но и разнообразныхъ вліяній этой культуры въ эпоху ислама. Первый этюдъ разбираетъ персидскую литературную традицію въ первые вѣка ислама и основанъ на историко-литературныхъ данныхъ. Авторъ, въ противоположность распространенному мнѣнію о преимущественномъ греческомъ вліяніи на развитіе мусульманской этики, отмѣчаетъ главенствующее вліяніе парсійской морали. Второй этюдъ касается исторіи быта, именно «военныхъ древностей». Основой его является арабскій переводъ персидскихъ текстовъ сасанидской эпохи—отрывковъ изъ Аишамака, «книги установленій», одного изъ важнѣйшихъ источниковъ для культурной исторіи сасанидской Персіи. Третій этюдъ—этнологическаго характера. Основой его является арабскій текстъ, пересказъ или переводъ изъ персидскаго сочиненія сасанидскаго времени. Текстъ этотъ содержитъ описаніе празднованія въ сасанидской Персіи начала весны, одного изъ важнѣйшихъ праздниковъ въ народной жизни всего земного шара. Четвертый этюдъ—также этнологическаго характера. Исходя изъ описанія обычаевъ прикаспійскаго населенія Персіи въ X вѣкѣ у арабскаго географа Мандиси, выясняется культурное общеніе въ формѣ переживанія. Главнымъ содержаніемъ этюда являются свадебные обычаи. Послѣдніе этюды представляютъ огромный интересъ и для этнографа. Авторъ расширяетъ предѣлы своего изслѣдованія и дѣлаетъ экскурсы въ анализъ культурнаго вліянія Персіи на другія племенные группы

(осетинъ, грузинъ). Такъ, имъ установлены параллели въ празднованіи новаго года по сообщеніямъ писателя IX вѣка Кисрави и современнымъ переживаніямъ на Кавказѣ. Заготовленіе новогодней жертвы, состоящей изъ лепешекъ и прочихъ съѣстныхъ припасовъ, и поздравленіе, совершаемое главою дома или особымъ поздравителемъ, «пролагающимъ стезю счастья», троекратный вопросъ стучащему въ дверь: кто тамъ и что несетъ?—Гаданіе по треску занесенной вѣтви на очагѣ,—все это описывается въ текстѣ Кисрави и практикуется понынѣ у грузинъ. Поздравитель, по Кисрави, являлся къ царю съ зарею, такъ что взглядъ царя при пробужденіи прежде всего падалъ на этого человѣка. На вопросъ царя поздравитель говорилъ: «Я прихожу отъ двухъ благословенныхъ и иду къ двумъ благодатнымъ». Призывая святыхъ духовъ-покровителей и высказывая пожеланіе, поздравитель вноситъ обрядовое блюдо (столъ) съ лепешками, съ семью вѣтвями, гранатомъ, зернами хлѣбныхъ растений, вновь отчеканенными монетами и пр. У Бируни приводится персидское повѣрье, сохранившее силу и у грузинъ, о томъ, что тотъ, кто въ первый день Науруза утромъ прежде, чѣмъ сказать что-либо, съѣстъ медъ (гозинаки?), избавится на весь годъ отъ болѣзни. Мусульманинъ-шитъ, для счастья въ новому году, приноситъ домой изъ родника кувшинъ воды и прикладываетъ къ головѣ вѣникъ, которымъ очищаютъ жернова на мельницѣ. Съ этимъ обычаемъ сопоставляетъ г. Иностранцевъ обычай «у кавказскихъ христіанъ»—въ утро новаго года пойти съ кувшиномъ за водой и притомъ такъ, чтобы пройти туда и обратно въ полномъ молчаніи. Итакъ,—заключаетъ авторъ,—современные обычаи мусульманъ-шитовъ и кавказскихъ христіанъ получаютъ историческое основаніе въ древне-персидскихъ вѣрованіяхъ».

А. Х—въ.

Русское сценическое искусство за границей. Артистическая поѣздка М. Г. Савиной съ труппой въ Берлинъ и Прагу. Спб. 1909. Ц. 5 руб.

Болѣе точное названіе этой большой книги, изданной извѣстнымъ А. Е. Молчановымъ, «Савина за границей». Русская артистка царитъ въ этой книгѣ. Она—ея естественный центръ. Сопровождавшіе ее актеры и актрисы петербургской казенной сцены—только ея антуражъ. Вся эта книга—матеріалъ для нѣсколькихъ страницъ будущей біографіи Савиной.

Поѣздка относится къ 1899 году; это, въ строгомъ смыслѣ, первая поѣздка русской артистки, рискнувшей наконецъ показать свое искусство передъ Европой.

Есть смутное и почти несомнѣнно невѣрное преданіе, будто бы нѣкогда въ Парижѣ выступалъ нашъ знаменитый Дмитревскій. Въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка посредственная русская труппа давала въ Парижѣ извѣстную сухонинскую «Русскую свадьбу». Въ 1886 году въ Берлинѣ въ нѣмецкой труппѣ выступала Е. М. Горева. Разумѣется, оба послѣдніе случаи не приходится трактовать всерьезъ. Поѣздка Савиной, въ самомъ дѣлѣ, остается первою поѣздкою.

Молчановъ даетъ своею книгой полную картину этого перваго, блестяще удавашагося опыта. Изъ записокъ самой героини поѣздки, занявшихъ 116 стра-

ниця,—цѣлая книга!—вы видите настроеніе и ея, и другихъ участниковъ поѣздки, и приготовленіе къ ней, и шествіе русской труппы шагъ за шагомъ къ великолѣпному признанію и крупному успѣху. Этотъ успѣхъ оставался бы совершенно единичнымъ, не будь недавней поѣздки Станиславскаго за границу и его триумфовъ въ чеховскихъ пьесахъ.

Терпѣливо и любовно Молчановъ собралъ въ свою книгу все, что только появлялось о русской артисткѣ въ заграничной печати. Онъ не пропустилъ даже какого-нибудь юмористическаго интервью изъ нѣмецкой газеты, больше характеризующаго нравы германской прессы, чѣмъ русскую артистку и ея жизнь на чужбинѣ. Серьезный критикъ-историкъ, который хотѣлъ бы написать монографію о Савиной, нашель бы здѣсь разбросанныя тамъ и сямъ цѣнныя замѣчанія и подмѣчанія ея игры.

Въ своихъ мемуарахъ памятныхъ для нея дней заграничной поѣздки Савина свободно отдается своимъ впечатлѣніямъ. Какъ это хорошо, что она ничуть не литературничаетъ. Писательское тщеславіе ей, повидимому, совершенно чуждо. Простой, чуждой всякой реторики, короткой фразой она спѣшно набрасываетъ пережитыя думы и чувства въ той вѣчной суетѣ и спѣшкѣ, въ какую превращается жизнь всякой знаменитости даже и тогда, когда она не гастролируетъ.

Она торопится и у нея почти нѣтъ подробныхъ описаній. Она живетъ настроеніемъ,—блѣднѣетъ отъ страха передъ выступленіемъ на сцену въ королевскомъ присутствіи, опянена громомъ аплодисментовъ, растрогана вѣнками и цвѣтами,—и она мѣтитъ все это спѣшнымъ бѣглымъ штрихомъ.

Я читалъ эти записки превосходной русской артистки и вспоминалъ записки Ристори, Сарры Бернаръ. О всѣхъ трехъ думаешь: «Какъ не по-женски умны!» Очевидно, умъ просто какаят-то грань таланта. Умъ во всемъ—въ сужденіяхъ о пьесѣ, въ пониманіи роли (такія отступленія очень сближаютъ записки Савиной съ мемуарами Ристори), въ величайшемъ тактѣ, съ какимъ артистка освѣщаетъ факты, говоритъ себѣ комплиментъ, передаетъ чужую похвалу или газетный отзывъ, пряча ощущеніе довольства въ случаѣ похвалы и отгѣнокъ раздраженія въ случаѣ порицанія

Какая тонкость въ умѣни передать рассказъ о своемъ успѣхѣ такъ, чтобы не показаться самохвалкой, но и не умалить малѣйшимъ сомнѣніемъ своего престижа у читателя. Какое чисто женское искусство свести счеты съ соперникомъ или съ соперницей такъ, чтобы въ концѣ концовъ показалось, что это совсѣмъ-таки невинная страничка. Впрочемъ, оговариваюсь. Что до Савиной, то такая страничка въ ея мемуарахъ единственная, и въ ней читатель стоитъ всецѣло на ея сторонѣ. Это рассказъ о томъ ревнивомъ крысиномъ чувствѣ, какое артистка, увѣнчанная и европейскими лаврами, уловила по возвращеніи за кулисы русскаго театра.

Чѣмъ хороши записки русской артистки,—онѣ чужды бьющей въ носъ жадности славы. Русская артистка знаетъ себѣ цѣну. Не жеманяся и не церемоняся, она говоритъ—«я» и потомъ перечисляетъ своихъ спутниковъ, зная, что ставить себя послѣ другихъ на этотъ разъ было бы смѣшнымъ лицемѣріемъ. Она говоритъ о себѣ гордо.

Савина приравниваетъ свою побѣду надъ Германіей къ экзаменаціонной страдѣ. Она «выдержала по нѣмецкому». При личной аудіенціи Государь поздравилъ ее «со взятіемъ Берлина». Это и было чѣмъ-то въ родѣ дѣйствительной національной побѣды.

Заграница оцѣнила прекрасную простоту русскаго сценическаго рисунка. Грѣха таить нечего,—это совершенно вѣрно, что для нѣмца игра русскихъ артистовъ и русской артистки была чѣмъ-то «вродѣ пантомимы высшаго сорта». И тѣмъ не менѣе, талантъ побѣдилъ чуждость языка. Разсказъ объ этой побѣдѣ долженъ былъ цѣльно сохраниться, и съ этой стороны книга, изданная Молчановымъ,—законное и пріятное явленіе.

Воспоминанія изобилуютъ интересными фактическими страницами. Особенно интересенъ разсказъ артистки объ ея аудіенціи у Государя по возвращеніи изъ поѣздки.

Книга украшена хорошимъ портретомъ Савиной и многочисленными миниатюрными снимками ея въ разныхъ роляхъ.

А. Измайловъ.

Г. Торнъ. Когда наступилъ мракъ. Исторія одного великаго заговора. Съ англійскаго. Изданіе А. Суворина. Спб. 1910 г. Стр. 368. Цѣна 1 руб.

Въ послѣднее время христіанству приходится выдерживать большую борьбу со все болѣе и болѣе возрастающимъ религіознымъ индифферентизмомъ общества, развивающимся подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ ученыхъ, часто дѣлающихъ поспѣшныя обобщенія отрицательнаго характера по отношенію къ христіанскимъ міровоззрѣніямъ, какъ, напримѣръ, Геккель и др. Подъ вліяніемъ такого рода сочиненій возникаютъ вопросы: дѣйствительно ли христіанство сослужило такую важную положительную роль въ развитіи человѣчества и прогресса? Дѣйствительно ли Христосъ былъ Богочеловѣкъ, а не простой, хоть и гениальный человѣкъ? Что стало бы, если бы какимъ-нибудь образомъ открылось вдругъ, что Христосъ совсѣмъ не Богъ; что Онъ никогда не воскресалъ; что Богомъ Его сдѣлали лишь фанатизмъ и невѣжественная любовь Его послѣдователей, окружившихъ его личность обаятельной легендой и т. п. Послѣдняя картина и нарисована въ только что переведенной съ англійскаго книгѣ, заглавіе которой приведено.

Книга написана въ повѣствовательной формѣ, и главныхъ, центральныхъ фигуръ собственно двѣ: Шуэвъ и Гортръ. Шуэвъ — по происхожденію еврей, милліонеръ, членъ парламента, ярый ненавистникъ христіанства, благодаря своему богатству и филантропіи пользующійся большой популярностью. Гортръ — простой, глубоко вѣрующій священникъ, сначала въ провинціи, потомъ въ Лондонѣ. Около этихъ лицъ группируются двѣ партіи, выразители двухъ современныхъ, совершенно противныхъ другъ другу міросозерцаній, ведущіе между собой тайную, тяжелую, непрерывную борьбу. Шуэвъ хочетъ уничтожить христіанство, развѣнчать Христа, этого «блѣднаго мечтателя Востока», по его собственному выраженію, и, воспользовавшись житейскими обстоятельствами своего должника, извѣстнаго профессора-се-

мифолога Львелина, нанимаетъ его поддѣлать подъ одной изъ палестинскихъ гробницъ греческую надпись отъ лица Юсифа Аримаѳейскаго, которая говорила бы, что Юсифъ взялъ тѣло Иисуса изъ гроба въ саду и скрылъ его въ этомъ мѣстѣ, неизвѣстномъ его ученикамъ, т. е. другими словами: *Христосъ никогда не воскресалъ*. При помощи денегъ все удалось сдѣлать, не навлекая даже ни малѣйшихъ подозрѣній. И вотъ о великомъ открытіи закричали всѣ газеты. Другой авторитетъ, знаменитый нѣмецкій профессоръ Шмѣльдеръ, вполнѣ подтвердилъ открытіе, и ужасная вѣсть разнеслась по всему свѣту. Она какъ громомъ поразила весь міръ и должна была совершенно измѣнить всю его исторію. «Ужасъ и мракъ великій» (Быт. XV, 42) нависли надъ христіанскимъ міромъ; всѣ потеряли головы; папа издалъ буллу, запрещающую чтеніе газетъ, наполненныхъ извѣстіями объ открытіи; всѣ чего-то ждали; нравственные законы потеряли свою силу; банки лопались; бумаги падали съ поразительной быстротой; новая, естественная религія, которая, по словамъ Гёккеля, должна быть простымъ почитаніемъ и любовью нравственнаго идеала и стремленіемъ осуществить этотъ идеалъ въ жизни,—эта религія все еще не заступала христіанства, почти совсѣмъ, казалось, уничтоженнаго. Люди, потерявшіе религію и богатство, не сдерживали больше своихъ животныхъ инстинктовъ. Почти на половину повысился процентъ преступленій противъ женщинъ; грабежи, убійства, насилія увеличивались съ каждымъ днемъ; хозяева рудниковъ въ Южной Америкѣ стали даже агитировать о возстановленіи рабства. Очень немного осталось истинно-вѣрующихъ, которые не слишкомъ полагались на сенсационное открытіе и больше вѣрили своему внутреннему голосу и непосредственному личному опыту. Это были часть простого народа, священники, не хвалившіеся большимъ образованіемъ, и партія Гортра, старавшаяся, во что бы то ни стало, раскрыть этотъ таинственный заговоръ. При помощи одной женщины, весьма близкой подруги Львелина, обратившейся послѣ бурной жизни въ лоно Церкви, были получены нѣкоторыя свѣдѣнія и послѣ огромныхъ денежныхъ затратъ и трудовъ заговоръ наконецъ удался раскрыть. Истина возстановлена. «Христосъ воскресъ!» А главные виновники всей катастрофы окончили очень дурно: Шуэвъ сошелъ съ ума, Львелинъ умеръ въ страхѣ передъ угрожавшей ему толпой. Книга заканчивается красивымъ описаніемъ торжественнаго богослуженія и проповѣди побѣдителя Гортра о воскресшемъ Христѣ.

Оригинальная, смѣлая тема развита авторомъ въ интересномъ повѣствованіи, заставляетъ волноваться читателя и ожидать все время съ нетерпѣніемъ развязки запутаннаго соціального вопроса. Какъ специально беллетристическое произведеніе, книга г. Торна имѣетъ немало слабыхъ сторонъ, но главный ея интересъ не въ этомъ, а именно въ самой постановкѣ оригинальнаго вопроса. Рѣшеніе этого вопроса съ технической стороны, его выполненіе, также грѣшитъ натянутостями и излишней схематичностью. Трудно представить себѣ, чтобы въ столь короткое время, которое обнимаетъ собою повѣствованіе, на человѣчество въ дѣйствительности сразу обрушилось столько невзгодъ и всѣ они проявились съ такою интенсивностью. Вѣдь существуютъ же на свѣтѣ Божіемъ немало народовъ, въ основу соціального быта которыхъ заложены

не христіанскія начала, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ ихъ жизни не наблюдается столько социальных эксцессовъ, какіе развернулъ передъ читателями англійскій писатель послѣ того, какъ на нѣкоторое время идея воскресенія Христа исчезла изъ міровоззрѣнія христіанскихъ народовъ. Но какъ бы то ни было, при всей искусственности движенія событій, и самая идея романа, и постановка вопроса о борьбѣ вѣры съ разумомъ въ высшей степени интересна и произведенію Торна, несомнѣнно, суждено широкое распространеніе и облагораживающее вліяніе на читателей. Появленію его въ русскомъ хорошемъ переводѣ нельзя не порадоваться.

Б. Г.

У. Г. Иваскъ. Описаніе русскихъ книжныхъ знаковъ. Выпускъ II. 1900. Въ листъ. Стр. 104.

Книжный знакъ, иначе говоря библиотечная марка, заинтересовалъ за послѣднее время русскихъ коллекционеровъ, подбирающихъ книги не по содержанию, а по книжнымъ знакамъ. Описанію этихъ знаковъ посвященъ второй выпускъ труда У. Г. Иваска, почетнаго члена московскаго археологическаго института, которому онъ принесъ въ даръ свою коллекцію; первый выпускъ этого описанія изданъ былъ еще въ 1905 г. Книга снабжена снимками со многихъ знаковъ. Подъ фамиліями наиболѣе крупныхъ владѣльцевъ библиотекъ приведены библиографическія свѣдѣнія. Изъ снимковъ съ *ex-libris*'овъ обращаютъ вниманіе знаки: барона А. А. Аракчеева (до пожалованія его въ графы и принятія пресловутаго титула о преданности безъ лести), гр. П. Г. Чернышева, кн. Ф. В. фонъ-деръ-Остенъ-Сакена, кн. И. Ф. Паскевича. Въ послѣднемъ знакѣ поставлены три буквы: К. И. В., т. е. князь Иванъ Вартовскій. Интересна легенда, взятая П. Н. Симанскимъ отъ императора Юліана: «иной изъ васъ страстно любитъ лошадей, другой—птиць, третій—звѣрей, а я съ дѣтства просто влюбленъ въ книги».

Трудолюбивому собирателю нужно отдать справедливость: знаки собраны имъ съ большимъ усердіемъ, тщательно описаны и воспроизведены весьма хорошо.

М. С.

Baltischer historisch-geographischer Kalender. 1910. Изданіе 3-ье, Платеса. Рига.

Балтійскій историко-географическій стѣнной отрывной (53 листа) календарь вступилъ уже въ 3-й годъ своего существованія и изданъ по прежней программѣ (срв. нашу замѣтку въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1909 г., февраль, стр. 803, о такомъ же календарѣ на 1909 г.), повидимому, вполне удовлетворяющей нѣмецкіе круги края, такъ какъ каждое изданіе календаря быстро расходуется до послѣдняго экземпляра и дѣлается библиографическою рѣдкостью.

Это — галерея отчетливыхъ рисунковъ (часть ихъ отпечатана въ видѣ открытыхъ писемъ), съ одной стороны, портретовъ лицъ, игравшихъ какую-

либо роль въ исторіи края, а съ другой стороны, видовъ мѣстностей, замѣчательныхъ въ историческомъ, географическомъ или художественномъ отношеніяхъ. Текстъ къ этой галереѣ составленъ К. Левисъ-офъ-Менаромъ, а календарь событій изъ прибалтійской исторіи—дромъ Ф. Бинеманомъ. Изъ уроженцевъ и дѣятелей края вошли въ календарь слѣдующія лица: 1) Вальтеръ фонъ-Плеттенбергъ, знаменитый магистръ Ливонскаго ордена (съ 1494 г.; † 1535 г.) 2) рижскій архіепископъ Фридрихъ фонъ-Пернштейнъ (съ 1304 г.; † 1341 г.), 3) шведскій генераль графъ Іоганъ-Рейнгольдъ фонъ-Ферзенъ, уроженецъ Ревеля (род. 1683 г.; † 1736 г.), 4) Магнусъ, датскій принцъ, король Ливоніи (род. 1540 г.; † 1583 г.), 5) шведскій графъ Магнусъ-Габріель де-ла Гарди (род. 1622 г.; † 1686 г.), государственный дѣятель и меценатъ, рижскій генераль-губернаторъ, 6) герцогъ курляндскій Фридрихъ-Вильгельмъ (род. 1692 г.; † 1711 г.), супругъ Анны Іоанновны, 7) герцогиня Елизавета (Луиза)-Шарлотта (род. 1617 г.; † 1676 г.), супруга герцога Якова курляндскаго, 8) герцогъ курляндскій Карлъ (1758 — 1763 гг.; † 1796 г.), 9) послѣдній герцогъ курляндскій Петръ Биронъ (род. 1724 г.; герцогъ 1772—1795 гг.; † 1800 г.), 10) польскій король Стефанъ Баторій (род. 1522 г.; король съ 1576 г.; † 1586 г., знаменитый противникъ Іоанна Грознаго времянь Ливонской войны), 11) императоръ Петръ Великій, 12) фельдмаршалъ графъ Бурхардъ-Христофъ Минихъ (род. 1683 г.; † 1767 г.), знаменитый русскій государственный дѣятель, одно время главнокомандующій надъ балтійскими портами, 13) генераль-фельдмаршалъ Петръ Петровичъ Ласси (род. 1678 г.; † 1751 г.), участникъ Великой Сѣверной войны, рижскій генераль-губернаторъ, 14) фельдмаршалъ графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ (род. 1652 г.; † 1719 г.), участникъ Великой Сѣверной войны, и 15) баронъ Людвигъ-Николай Галлардъ (род. 1659 г.; † 1727 г.), сподвижникъ Петра Великаго, рекомендованный ему королемъ Августомъ II, участникъ несчастной Нарвской битвы.

Ко второй (географической) категоріи рисунковъ относятся виды слѣдующихъ мѣстностей: 1) Дюнамюнде (Усть-Двинска, бомбардированіе 1701 г.), 2) замка Оберпалень, 3) Юрьева (развалины собора), 4) Ревеля, 5) Митавы (3 рисунка, въ томъ числѣ видъ города 1720 г.), 6) Гольдингена (1800 г.), 7) Горцумберге (развалины), 8) Шрундена (1672 г.), 9) Казимержа (мѣсто казни Паткуля), 10) Гросъ-Шведгофа (замокъ), 11) Вюрцау (2 рис.), 12) Фридрихслуста, 13) Кокенгузена (развалины замка), 14) Трикатена (развалины замка), 15) Люцина (развалины замка), 16) Эрмеса (развалины замка), 17) Феллина, 18) Пернова, 19) Риги (бомбардированіе 1656 г., присяга горожанъ 1710 г.), 20) Маріенбурга (развалины замка), 21) Нарвы (бомбардированіе 1704 г.), кромѣ того, рядъ снимковъ съ живописныхъ мѣстъ, какъ-то: озеръ, береговъ рѣкъ и т. п. Изъ предметовъ обихода помѣщенъ только старинный рисунокъ кресла рижскаго архіепископа.

Попрежнему напечатано нѣсколько патріотическихъ стихотвореній балтійскихъ поэтовъ.

А. Мальмгрень.

В. В. Латышевъ. Pontica. Спб. 1909. Стр. 430.

Исполнившееся 2 февраля 1909 года пятидесятилѣтіе существованія императорской археологической комиссіи было ознаменовано публикаціей юбилейныхъ трудовъ, среди которыхъ по значенію первое мѣсто принадлежитъ сборнику статей ея вице-президента, академика В. В. Латышева. Подъ приведеннымъ выше заглавіемъ объединены плоды многолѣтнихъ и напряженныхъ трудовъ ученаго по исторіи, археологіи, гесграфіи и эпиграфикѣ Скиѳіи, Кавказа и греческихъ колоній на побережьяхъ Чернаго моря, уже давно доставившихъ автору почетное мѣсто среди дѣятелей не только русской, но и западно-европейской науки. Статьи эти, положившія начало систематическому и научному изученію судьбы греческихъ поселеній въ предѣлахъ южной Россіи, были разсѣяны въ цѣломъ рядѣ специальныхъ изданій: «Журналъ министерства народного просвѣщенія», «Записки императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей», «Древности московскаго археологическаго общества», «Византійскій Временникъ», «Труды VI археологическаго съѣзда», «Филологическое Обзорѣніе», «Извѣстія таврической архивной комиссіи» и т. д. Далекое не всѣ эти изданія принадлежать къ числу общераспространенныхъ, и поэтому давно уже чувствовалась настоятельная необходимость въ ихъ объединеніи, такъ какъ безъ постоянного обращенія къ нимъ не можетъ обойтись никто изъ числа работающихъ надъ исторіей Кавказа и южной Россіи. Несмотря на внушительный объемъ настоящаго изборника, появленіе котораго должно быть признано за выдающееся явленіе въ области русской исторической науки, въ него вошли далеко не всѣ труды автора, относящіяся къ этой области: списокъ статей родственнаго содержанія, не включенныхъ въ изборникъ, занимаетъ три печатныя страницы (XI—XIII) и состоитъ изъ 43 номеровъ. Является крайне желательнымъ, чтобы въ ближайшемъ будущемъ императорская археологическая комиссія или академія наукъ изыскали средства на переизданіе и этихъ трудовъ, необходимость въ объединенномъ изданіи которыхъ чувствуется не менѣе остро всѣми специалистами. Особенно желательно переизданіе капитальнаго труда В. В. Латышева «Исслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ гор. Ольвіи», доставившаго автору высшую ученую степень и давно уже представляющаго собой великую библиографическую рѣдкость. Составъ настоящаго изборника чрезвычайно разнообразенъ. Во главѣ его поставлена оставшаяся до сихъ поръ не опубликованная рѣчь автора передъ защитой докторской диссертации. Далѣе идутъ статьи, какъ общаго содержанія: «Краткій очеркъ исторіи Восторскаго царства» (стр. 60—128), «Населеніе Херсонской губерніи за 2,400 лѣтъ до нашего времени» (стр. 179—184, первоначально появилась какъ фельетонъ юбилейнаго номера «Одесскихъ Новостей»), такъ и рядъ чисто специальныхъ этюдовъ по частнымъ вопросамъ. Заканчивается изборникъ перепечаткой рецензій автора на труды, относящіяся къ той же области. Продолжая до самаго послѣдняго времени съ неослабнымъ жаромъ работать въ избранной области и слѣдя за ученой литературой, В. В. Латышевъ дополнилъ соответствующія мѣста своихъ перепечатываемыхъ статей указаніями на новѣйшую литературу предмета, что придастъ изборнику особое значеніе. Посвящена эта роскошно

изданная и снабженная 4 таблицами книга «Незабвенной памяти дорогого учителя» автора, *Θ. Θ. Соколова*, впервые у насъ въ Россіи поставившаго на должную высоту то изученіе надписей, изъ котораго выросла вся книга, имѣющая скоро занять почетное мѣсто въ бібліотекѣ всѣхъ, кому дорого прошлое Россіи.

Б. В.

П. А. Лавровъ. Анексія Босніи и Герцеговины и отношеніе къ ней славянства. Спб. 1909. Стр. IV+140.
Сербскій народъ и анексія Босніи и Герцеговины. Публичная лекція доцента Бѣлградскаго университета Р. Кошутича. Спб. 1908. Стр. 56.
Боснія и Герцеговина въ народной скупщинѣ королевства Сербіи на засѣданіяхъ 29 сент., 20 и 21 декабря 1908 года. Бѣлградъ. 1909. Стр. 86.

Не такъ давно русское общество было взволновано позорнымъ для Европы актомъ насилія и произвола—захватомъ Босніи и Герцеговины. Тяжелый и неожиданный ударъ нашей политикѣ на Балканскомъ полуостровѣ болѣзненно отозвался въ русской груди. Много мѣста стводилось негодующей прессой тревожнымъ телеграммамъ и горькимъ передовицамъ, но въ самой анексіи видѣли только грядущую опасность—натискъ пангерманизма—и волновались, повидимому, болѣе идейно, не понимая, какія невыносимыя условія сдавать маленькую Сербію и Черногорію. И только теперь, когда острота и горячность немного сгладились, начинаютъ къ намъ доходить правдивыя слухи о настоящемъ положеніи дѣла. Только теперь появляются фактическія данныя..

Желающимъ ознакомиться съ дѣйствительнымъ, не прикрашеннымъ положеніемъ Босніи и Сербіи рекомендуемъ недавно вышедшія брошюры Лаврова и Кошутича, правдиво рисующія безотраднo-мрачную сторону боснегерцеговинскаго вопроса. Въ сербскомъ народѣ, еще не забывшемъ прежнія обиды и несправедливости, анексія должна была болѣзненно отозваться уже потому, что этотъ актъ по существу своему лишенъ юридической подкладки, и вмѣстѣ съ тѣмъ сталкиваться съ нимъ приходится во всѣхъ жизненныхъ проявленіяхъ геройской націи.

По своему этнографическому и историческому положенію, Боснія и Герцеговина, безспорно, примыкаютъ къ Сербіи. Какъ Боснія, такъ и Герцеговина имѣли своихъ правителей до завоеванія ихъ турками. Это—первое обстоятельство, доказывающее сомнительность притязаній Австріи. Во-вторыхъ, природныя условія, языкъ обѣихъ областей, историческія событія, симпатіи большей коренной части населенія,—все это тѣсно связываетъ судьбу его съ судьбой Сербіи и Черногоріи. И кто знаетъ, какіе получились бы результаты кровопролитной борьбы, если бъ не несчастныя ошибки дипломатіи, стремившейся раздѣлить весь полуостровъ на двѣ сферы: русскаго и австрійскаго вліяній, причемъ Сербія, Боснія, Черисгорія должны были войти въ составъ второй. Такимъ образомъ единство русской политики было нарушено. Были уничтожены завѣты славянскаго сближенія. Проекты подобнаго округленія давно смущали умы дипломатіи. Въ брошюрѣ П. А. Лаврова указана постепенность, съ которой Австрія подходила къ исполненію своего плана. «Наша дипломатія забыла, что пропадутъ сербы, пропадутъ и болгары, а это равносильно крушенію всей

нашей вѣковой мисси среди южныхъ славянъ Балканскаго полуострова» (стр. 20—31): Почти всѣ безпристрастные свидѣтели могутъ подтвердить тѣ тяжелыя условія, въ которыхъ очутились послѣ оккупациі провинціи не только босняки, но и весь сербскій народъ. Статистическими данными авторъ еще болѣе подчеркиваетъ трагизмъ сербскаго вопроса. Хотя превосходство на сторонѣ православныхъ, австрійцы беззастѣнчиво вводятъ свои порядки, поселяя рознь между сербами и хорватами.

Показная сторона австрійской дѣятельности благотворна. Закулисная— полна мрака и страданій. Налоги взыскиваются безпощадно, хуже, чѣмъ во времена турецкаго владычества. Подати легли непосильнымъ бременемъ на православное население. Всюду царитъ тюремный режимъ. Выборъ священниковъ и учителей отнять отъ народа (стр. 61). Сербская народность подвергается преслѣдованіямъ, терроризована жандармами и сыщиками. Всѣ эти вопросы освѣщены фактическими данными, почерпнутыми изъ достовѣрныхъ источниковъ. Такъ же безотрадно и положеніе сосѣднихъ областей. Сербія лишена всякой надежды пробиться къ морю, чувствуетъ себя отгороженной отъ свѣта и свободы желѣзнымъ лѣсомъ австрійскихъ штыковъ.

До какой степени невыносимы австрійскіе успѣхи и угрозы,—видно изъ очень интересной брошюры, представляющей собою рядъ горячихъ рѣчей, произнесенныхъ въ дни анексіи видными сербскими дѣятелями. Любомиръ Ювановичъ, Милованъ Миловановичъ, Любомиръ Стояновичъ—всѣ они сходятся на необходимости обезпечить политическую и экономическую самостоятельность Сербіи и Черногоріи. Рѣчи эти, изданныя отдѣльной брошюрой, служатъ лучшимъ выраженіемъ сербскаго общественнаго мнѣнія и представляютъ для русскаго читателя большой интересъ.

Изданіе этихъ рѣчей, полныхъ горячей любви къ родинѣ и горячаго негодованія, знакомитъ читателя съ обще-славянскими настроеніями.

Такъ же горячо написана лекція доцента бѣлградскаго университета Р. Кошутича—«Сербскій народъ и анексія». Кошутичъ рисуетъ народное волненіе, которое охватило Сербію при первомъ извѣстіи о провозглашеніи болгарской независимости и анексіи Босніи. Шла запись въ добровольцы, собирались митинги. Выпускались прокламаціи. «Спокойно глядѣло на эту толпу осеннее солнце», и въ душѣ каждаго зарождался вопросъ: «отчего такъ несчастенъ этотъ народъ». Авторъ пытается отвѣтить на этотъ вопросъ. И въ этомъ отношеніи всѣ три брошюры передаютъ одни и тѣ же печальные факты, одно и то же настроеніе. Грустныя послѣдствія анексіи выразились въ усиленной эмиграціи (за 30 лѣтъ однихъ мусульманъ-сербовъ выселилось 200,000!). Народъ пересталъ посѣщать церкви, крестить дѣтей. Передовой постъ германизма и католицизма, Австрія всѣми силами хочетъ стереть униженный народъ съ лица земли. Но самое обидное въ это тяжелое время для славянъ—молчаніе Россіи. «Между тѣмъ, какъ Россія должна понять,—по словамъ Кошутича,—что Константинополь будущаго нужно отстаивать въ горахъ Босніи и Герцеговины, а не въ проливахъ. Мы просимъ не помощи, а непризнанія грабежа».

Такова печальная психологія славянъ Балканскаго полуострова. О.

ЗАГРАНИЧНЫЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ЛЕГЕНДА о Саломеѣ.—Появленіе драмы «Salomé» на одной изъ парижскихъ сценъ обратило вниманіе французскихъ критиковъ на библейскую легенду о Саломеѣ, и они подвергли ее тщательному критическому разбору. Одинъ изъ нихъ, Камилль Моклеръ, на страницахъ «La Revue Hebdomadaire»¹⁾ говоритъ, что почти ничего неизвѣстно о библейской Саломеѣ, если не считать немногихъ словъ апостоловъ Матѳея и Марка да нѣсколькихъ строчекъ Иосифа Флавія. Какъ извѣстно, Саломея была дочерью тетрарха Филиппа отъ Иродіады; послѣдняя вторично вышла замужъ за Ирода, тетрарха іудейскаго, брата Филиппа. Саломея воспитывалась во дворцѣ своего вотьчима, который заключилъ въ тюрьму Іоанна Крестителя за то, что онъ громко порицалъ Иродіаду за ея развратное поведеніе и особенно за ея преступное нарушеніе святого закона, запрещавшаго вдовѣ выходить замужъ за брата мужа. Въ тюрьмѣ Іоаннъ продолжалъ громко упрекать ее и тѣмъ возбудилъ въ ней ненависть къ нему и страхъ. Она упорно упрашивала Ирода, чтобы онъ казнилъ Іоанна, но тетрархомъ овладѣла суетворная боязнь: къ тому же онъ уважалъ Іоанна за его аскетическій образъ жизни и предвѣщаніе о пришествіи неизвѣстнаго Бога; по свидѣтельству апостола Марка, онъ даже слушался его совѣтовъ. Тогда Иродіада во что бы то ни стало рѣшилась избавиться отъ Іоанна и для осуществленія этой цѣли избрала деръ рожденія тетрарха, приготовившаго пышный пиръ, на который были приглашены высшіе военнопачальники. По ея совѣту, Саломея по-

¹⁾ Salomé et sa légende. Par Camille Mauclair. «La Revue hebdomadaire» 21 mai 1900.

явилась предъ гостями, уже разгоряченными отъ вина, и такъ сладострастно, такъ ловко танцевала, что соблазненный тетрархъ обещалъ ей отдать все, чего бы она ни попросила. Саломея спросила мать, и послѣдняя внушила ей потребовать у тетрарха голову Крестителя на серебряномъ блюдѣ. Иродъ былъ чрезвычайно этимъ недоволенъ, но не рѣшался отказать при гостяхъ—и Иоанну отсѣкли голову.

По расчету Моклэра, Креститель умеръ въ 30 г., за три года до распятія Христа. Саломея родилась въ 15 г. и ей было не менѣе 15 лѣтъ въ то время, когда она соблазняла тетрарха своею пляской. Она вышла замужъ за своего двоюроднаго дѣда Филиппа, по всей вѣроятности, на слѣдующій годъ: тридцати трехъ лѣтъ овдовѣла и жила вдовою до 54 лѣтъ, когда снова вышла замужъ за Аристобула, послѣ чего умерла 79 лѣтъ. Иродъ и Иродіада, не понравившіеся римскому правительству, были высланы въ Испанію и тамъ скончались въ одиночествѣ. Вотъ что передаетъ исторія, говоритъ Моклэръ, но нельзя ручаться за достовѣрность этихъ свѣдѣній. Въ сухомъ изложеніи обоихъ евангелистовъ ничего не сказано о наружности Саломеи. Существуетъ изображеніе ея суроваго семитическаго профила только на монетахъ ея второго мужа, Аристобула. Точно также нѣтъ никакихъ свѣдѣній о характерѣ ея соблазнительныхъ танцевъ, за которые тетрархъ заплатилъ головою узника, все-таки сожалѣемаго имъ, несмотря на то, что тотъ оскорблялъ его жену въ его собственномъ дворцѣ. Апостолъ Маркъ лаконически говоритъ: «Она плясала и понравилась». Апостолъ Матѳей точно также выразился. Оба апостола высказываютъ одинаковое мнѣніе, что Иродіада посовѣтовала дочери назначить такую цѣну. Матѳей изложилъ это въ четырехъ словахъ, Маркъ немного подробнѣе. Поэтому для психологіи танцовщицы имѣются скудныя данныя; пассивное и беззаботное повиновеніе Саломеи—вотъ и вся ея психологія. Извѣстно, за что Иродіада хотѣла отомстить Иоанну, какъ она подстерегала случай, какъ она не колеблясь допустила мужа до соблазна танцами своей дочери. Но неизвѣстно, раздѣляла ли ненависть матери Саломея и не пыталась ли она просить другой награды. Во всей этой драмѣ она такъ и остается безсознательнымъ орудіемъ, маленькой дѣвочкой, безразлично относящейся къ требованію матери.

Между тѣмъ довольно и этого, чтобы воображеніе художниковъ воспламенялось типомъ Саломеи и за нею осталась роковая слава. Положительно, говоритъ Моклэръ, достаточно было двумъ евангелистамъ хотя въ нѣсколькихъ словахъ записать ея имя и поступокъ, чтобы сдѣлать ее безсмертной. Но есть нѣчто вродѣ историческаго и документальнаго безсмертія, которое, однако, не мѣшаетъ забывать факты и лица; Саломея же живетъ безконечно долге, скорѣе благодаря всевозможнымъ превращеніямъ ея личности и факта въ искусствѣ, чѣмъ библейской записи. Начиная съ Джіотто, искусство овладѣло ея фигурой и не разстается съ нею. Она непреодолимо влечетъ къ себѣ безъ особой видимой причины ради какихъ-то скрытыхъ причинъ. Старые художники и скульпторы, начиная съ Джіотто до Санта Кроче изъ Флоренціи и кончая современными, всѣ брали ее сюжетомъ для своихъ картинъ.

Она представлена была въ самыхъ различныхъ позахъ. Прежніе художники изображали собственно ея танцы, такъ какъ именно они породили эту

драму и заставили Ирода рѣшиться на роковой шагъ. Многіе изъ художниковъ представляли на полотнѣ или барельефѣ главныя фазы исторіи, т. е. пиршество, танцы и убѣкновеніе главы Іоанна. Другіе брали только одинъ эпизодъ и выбирали танцы: послѣднее встрѣчается чаще. Нѣкоторые изъ нихъ даже смѣшивали Иродіаду и Саломею въ одну личность. Художники XVI вѣка и итальянскаго декадентства отстранялись отъ религіознаго смысла, смотря на Саломею, какъ на художественный образъ, на красивое созданіе, на женщину, а не какъ на очень молоденькую дѣвушку, несущую голову на металлическомъ бчюдѣ, какъ она несла бы и фрукты. Такая фальшивая традиція держалась до нашихъ дней. Одни только старинные художники искали въ Саломеѣ хитрый, утонченно выраженный умъ. Ея танцамъ они придавали символическое значеніе: эти танцы были условнымъ сигналомъ для наступленія смерти Іоанна Крестителя, которую они считали кошунствомъ и приходили отъ нея въ ужасъ, но какъ тонкіе художники сознавали, что достиженіе рокового результата возможно только съ помощью соблазна привлекательнаго, ловкаго существа. Поэтому выставить на видъ ея красоту было необходимымъ условіемъ для придачи торжественности обѣщанію Ирода. Проклиная Саломею, какъ добрые христіане, они все-таки не могли оставаться нечувствительными къ ея граціи и красотѣ, къ ея привлекательному соединенію жестокости и чаръ, служившихъ лучшимъ извиненіемъ тетрарху, о симпатіи котораго къ Іоанну свидѣтельствовали апостолы, также какъ и объ его сопротивленіи упорнымъ настояніямъ Иродіады.

Послѣдующіе художники уже не прилагали такой заботы къ сохраненію всѣхъ этихъ оттѣнковъ и правды въ обстановкѣ. Они даже смѣшивали мать и дочь, подписывая подъ картинами имена то Саломеи, то Иродіады. Она сдѣлалась простымъ декоративнымъ сюжетомъ, безъ выраженія, безъ движенія, безъ психическаго анализа. Такъ было до Гюстава Моро и Пюви де-Шаванъ. Моро придалъ своимъ Саломеямъ выраженіе и использовалъ сюжетъ вполне. Кромѣ «Саломеи» Боттичелли, мало кому извѣстной и замѣчательно выразительной, «Саломеи» Моро, Липпи и Ванъ Останенъ единственныя по выразительности сюжета. Флорберъ въ своей исторической «Herodias» уже по заглавію прямо придаетъ роль героини—Иродіадѣ, а не ея дочери. Онъ не даетъ никакого значенія Саломеѣ, хотя выводитъ ее на сцену и прелестно описываетъ ея танцы, но ясно чувствуется, что требованія смерти Іоанна сдѣлано безсознательно дѣвочкой, какъ результатъ предварительнаго разговора съ матерью, при которомъ читатель не присутствуетъ. Саломея даже не споритъ, она повинуется и, повидимому, ей это безразлично. Контрастъ между этой пассивностью и громаднымъ по роковому значенію результатомъ долженъ былъ поразить Флорбера, какъ и прежнихъ художниковъ. Саломея играетъ у Флорбера третъстепенную роль: главною пружиною всего была ненависть Иродіады.

Другой писатель Лафаргъ въ своихъ «Moralités légendaires» воспользовался типомъ Саломеи для философской фантазіи. Онъ переплелъ юморъ и лиризмъ и впервые вывелъ Саломею влюбленной и мстящей за отвращеніе къ ней Крестителя, превращеннаго въ социалиста-агитатора. Оскаръ Вильдъ въ одноактной драмѣ придалъ Саломеѣ фантастическій характеръ. Она представлена испорченной, жестокой, молодой дѣвушкой, страстно влюбленной въ узника, который

ее отталкивает,—и она ему мститъ. Драма оканчивается сценой неудержимаго садизма, который прерывается убійствомъ Саломеи. Отрезвившійся отъ страсти Иродъ, взволнованный и взбѣшенный отъ ужаса, что убилъ пророка, и истерическими признаніями танцовщицы, игравшей его страстью, приказываетъ стражъ убить ее. Тогда обезумѣвшая отъ радости Саломея срываетъ съ губъ отсѣченной головы поцѣлуй, въ которомъ при жизни ей отказывалъ Іоаннъ. Всѣ художественныя произведенія, въ которыхъ играетъ роль Саломея, трудно привести. Только что приведенному произведенію предшествовала еще опера «Herodiade» Массенэ, къ которой написано довольно пошлое либретто и отрывки изъ нѣсколькихъ сотенъ стиховъ «Herodiade» Маллармэ—разговоръ между кормилицей и Иродіадой, смѣшиваемой имъ съ Саломеей.

Въ заключеніе Моклэръ развѣнчиваетъ установившуюся безсмертную, но роковую славу, вѣками считавшуюся за нею. Хотя она помогла убить пророка, но какъ бы пассивное орудіе ненависти своей матери; Саломея плясала предъ нерѣшительнымъ, возбужденнымъ тираномъ, чтобы пробудить въ немъ страсть къ себѣ. Никому неизвѣстно, способна ли она была желать этой смерти, если даже она сознавала важность своего жестокаго требованія, и очень вѣроятно, что сознавала, такъ какъ въ ту эпоху смерть узника была самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. Она, какъ и Пилать, не предвидѣвшій послѣдствій мученій Іисуса, не могла ихъ угадать. Фигура Иродіады гораздо интереснѣе. Она полна драматической красоты, ненависти, мести и величія, какъ всѣ трагическія героини, и если бы она сама возбудила въ тиранѣ рѣшимость, то это было бы логичнѣе. У ней все имѣется для этого, тогда какъ Саломеѣ не хватаетъ величія: это почти ничтожная фигура, аксессуарная, у которой налицо только порочное кокетство, и хотя танцы ея соблазнительны, но этотъ соблазнъ заученный, который преподавался въ гинекеехъ, какъ искусство.

— Современная Польша.—Недавно посѣтившіе Варшаву французскіе писатели братья Леблонъ передаютъ въ «La Revue»¹⁾ свои впечатлѣнія о современной русской Польшѣ. Для вступленія они опредѣляютъ сразу ея нравственный обликъ, говоря, что «послѣ возстанія 1863 г. для Франціи Польша остается, какъ ее назвалъ Мишлэ «Польшей-мученицей». Сыны «ея, эмигрировавшіе за границу подъ впечатлѣніемъ воспоминаній ихъ отцовъ, не смогли бы ее иначе представить. Послѣ революціи 1905 г. и послѣдовавшей затѣмъ реакціи со всѣми тяжелыми послѣдствіями: арестами, казнями, высылками, можно было думать, что польская нація окончательно раздавлена. Совершенно другое впечатлѣніе получается, когда изучить вопросъ на мѣстѣ, въ самой странѣ, объѣхавъ ее съ края до края и поразспросивъ людей разныхъ классовъ общества, различныхъ положеній и убѣжденій.

Впечатлѣніе получается, во-первыхъ, что нѣтъ народа на свѣтѣ болѣе притѣсняемаго. Всякое проявленіе національнаго существованія стѣснено, представителю въ думѣ, численностью уменьшенные на двѣ трети, обезсилены. Казни уменьшены,—говоритъ Леблонъ,—но давленіе стало методичнѣе—вотъ работа Столыпина. Гражданская жизнь сократилась; со времени указа 1905 г.

¹⁾ La Pologne d'aujourd'hui. Par Marius Ary Leblond. «La Revue» 1 juin 1910.

о вѣротерпимости для поляковъ въ Русской имперіи ничего не сдѣлали, чтобы предоставить имъ болѣе широкое мѣсто въ имперіи. Девять десятыхъ профессоровъ—русскіе, тоже видно въ судѣ, который не знаетъ даже законовъ страны и не слушаетъ свидѣтелей. Высокіе налоги цинично развращаютъ, такъ какъ треть налоговъ получается съ водки и т. д. Положеніе польскихъ рабочихъ, которые имѣютъ значительное вліяніе на производство, самое несчастное: живутъ они въ сырыхъ, тѣсныхъ помѣщеніяхъ, почти никогда не ѣдятъ мяса, не пьютъ молока, а только разъ въ недѣлю пьютъ кофе. Смертность увеличивается, и страшная, мрачная нищета, зимою снѣгъ и вѣтеръ, дующій со стороны Москвы и Петербурга, уносить тысячи существованій, не считая другихъ причинъ.

Государство не приняло никакихъ мѣръ противъ неурожая послѣ русско-японской войны. «Увы! самый умѣренный умъ не будетъ сомнѣваться, —говоритъ авторъ:—что у правительства не было мысли: пусть поляки мрутъ! Поляки знаютъ, что вооруженный миръ хуже войны!» Необходимыя для промышленности и торговли работы въ пренебреженіи. Висла прекрасный водный путь, по которому идутъ изъ австрійской Галиціи дрова, въ запущеніи. Съ улучшеніемъ этого пути и Варшава разбогатѣетъ. Поэтому Висла также жертва расчлененія Польши. И кто же отъ этого въ потерѣ?—спрашиваетъ авторъ. Не одни поляки, но и русскіе финансы. Спросите графа Витте, что онъ думаетъ объ анти-польской политикѣ Столыпина. Эту систему политики можно назвать «государственнымъ нигилизмомъ».

Желѣзныя дороги не въ лучшемъ положеніи; русской Польшѣ безусловно не хватаетъ артерій внутренняго и внѣшняго сообщенія съ прусскою Польшою, закупающей у нея часть продуктовъ.

При новомъ воцареніи была обѣщана политехническая школа въ Варшавѣ. Ее создали, но для блага русскихъ. Русско-японская война остановила польскую промышленность, рабочіе остались безъ заработка. Благодаря давленію Вильгельма на русскихъ властей и оппозиціи бюрократіи, положеніе серьезное. Но всетаки при такомъ режимѣ и анархіи Польша развивается, благодаря качествамъ поляковъ. Отстраняя націоналистовъ отъ администраціи, только удваиваютъ ихъ частную энергію, инициативу. Крупныя коммерческія предпріятія увеличиваются, внутренняя торговля процвѣтаетъ, не говоря уже объ ежегодныхъ ярмаркахъ. На польской территоріи находятся главныя таможи всей Россіи. Фердинандъ Лессенсъ говорилъ, что, быть можетъ, въ XX вѣкѣ Варшава станетъ самымъ большимъ континентальнымъ городомъ въ Европѣ, главнымъ торговымъ очагомъ между европейскимъ Западомъ и азіатскимъ Востокомъ. Это благоденствіе удвоится, если польскіе банки получатъ полную автономію. Въ противоположность тому, что происходитъ въ остальной Европѣ, любовь къ землѣ становится у поляковъ упорнѣе и потому городъ привлекаетъ къ себѣ только тѣхъ, у кого ея нѣтъ.

У мелкихъ землевладѣльцевъ теперь 66% земли. Хозяйство въ большинствѣ ведется смѣло, методично, деревенское дворянство принялось за изученіе раціональнаго обрабатыванія земли; оно приписываетъ прогрессу техническихъ знаній усиленіе кооперативнаго движенія. Польскіе крестьяне очень экономны

и мечтают только объ увеличені земли и все болѣе и болѣе несутъ денегъ въ сберегательную кассу, когда не боятся, что государство ихъ забереть. Московская промышленность эксплоатируетъ рынки Европейской Россіи, три же польскіе торговые центра: Лодзь, Сосновицы и Варшава, экспортируютъ въ Азію (Анатолія, Персія, Китай), гдѣ у поляковъ есть агенты, хлопчатыя плантаціи и склады. Производство увеличилось съ 30,000 милліоновъ руб. въ 1857 г. до 420 милліоновъ въ 1904 г. Капиталы, которыми питается польская промышленность, еврейскіе и нѣсколькихъ поляковъ, а также нѣмецкіе (электро-химическая промышленность), французскіе (угольные копи) и бельгійскіе. Только сахарное производство вполне польское.

Политическая эмиграція, которая такъ способствовала онѣмеченію Эльзасъ-Лотаринги, въ русской Польшѣ энергично порицается всеми партіями и даже чрезмѣрно. Послѣ мятежа 1863 г. позитивисты патріотически удерживали поляковъ отъ эмиграціоннаго движенія, увлекавшаго за границу энергичныхъ людей и капиталы. Свентоховскій высказалъ, что «героизмъ и жертва въ томъ, чтобы до конца оставаться на мѣстѣ, указанномъ долгомъ, даже если всевозможныя усилія не позволяютъ прибавить одной капли къ общему благу. Добровольная эмиграція—подлость и не имѣетъ права почитаться за добродѣтель. Это язва и, быть можетъ, самая большая, которая насъ изнуряетъ».

Леблонъ, напротивъ, находитъ, что въ дѣйствительности эмигранты очень полезны общему дѣлу, увеличивая связь, становящуюся все тѣснѣе, съ Галиціей, и имѣя во Франціи очагъ, чрезъ который посредствомъ методическихъ и послѣдовательныхъ усилій можно добиться болѣе спокойнаго успѣха. Но для этого достаточно и тѣхъ лицъ, которыхъ высылаетъ русское правительство. Главный долгъ оставаться на родинѣ, чтобы все-таки вести экономическую борьбу на родной почвѣ въ ожиданіи возможности снова взяться за политическую борьбу. Самыми большими силами польскаго народа служатъ существованіе въ странѣ стойкости, упорства не только національнаго, но и экономическаго.

Польское народонаселеніе увеличивается непрерывно и упорно, даже превышая нѣмецкую расу. Съ 6—7 милліоновъ человекъ конца XVIII вѣка оно увеличилось до 20 милліоновъ. Тогда къ патріотизму сознательно относилось только меньшинство аристократовъ и крестьянъ, теперь онъ распространенъ въ массѣ, и самые интеллигентные польскіе социалисты—также партіоты. Онѣ составляютъ не только моральную силу—значительнѣе, чѣмъ во многихъ европейскихъ странахъ, но и экономическую силу, такъ какъ промышленники и купцы пользуются имъ, чтобы возбуждать инициативу и работу и развивать ихъ дѣла наперекоръ нѣмецкой торговлѣ и промышленности, бойкотирова ихъ въ возможно широкихъ размѣрахъ.

Молодая Польша—самая солидарная, трудолюбивая, энергичная нація въ Европѣ. Она готовится очень терпѣливо, но очень устойчиво—извлечь пользу изъ будущаго европейскаго переворота, чтобы собрать изъ временныхъ обстоятельствъ независимость или по крайней мѣрѣ автономію. Вся Европа и первая Россія много выиграла бы, если бы исполнились эти желанія.

— Король Эдуардъ VII.—23-го апрѣля, въ 11 ч. 45 м., въ Букингемскомъ дворцѣ скончался, 69 лѣтъ, король соединеннаго королевства Великобританіи,

Ирландіи, британскихъ колоній и императоръ Индіи—Эдуардъ VII. 21-го апрѣля среди жителей Лондона прошелъ слухъ, что Эдуардъ VII уже два дня какъ захворалъ бронхіальнымъ катаромъ. Зная, какимъ богатырскимъ сложеніемъ обладаетъ король, его болѣзни сначала не придавали серьезнаго значенія. Однако 22-го вечеромъ уже появились тревожные бюллетени, что состояніе здоровья короля внушаетъ опасеніе. Это извѣстіе подняло на ноги весь Лондонъ, и всю ночь громадныя толпы тѣснились въ ожиданіи новыхъ бюллетеней. 23-го апрѣля, въ 11 ч. 50 м., въ воротахъ Букингэмскаго дворца появился придворный чинъ и официально сообщилъ печальное извѣстіе, что «король скончался».

Король-дэнди до конца жизни сохранилъ свой всегдашній корректный тонъ и въ послѣдній день отказался лечь въ постель, а все время сидѣлъ одѣтый въ креслѣ. Когда-то веселый жуиръ, почти завсегдатай парижскихъ бульваровъ, сафее и первыхъ представленій, Эдуардъ сохранилъ и въ преклонномъ возрастѣ юношескую смѣлость и безъ страха посмотрѣлъ въ лицо смерти. Весь вечеръ находясь въ полудремотѣ, онъ между 9-ю и 10-ю часами временно пришелъ въ себя. «Я чувствую, что приближается конецъ: думаю, что свой долгъ я исполнилъ»,—были его послѣдними словами. Зтѣмъ онъ окончательно потерялъ сознаніе. Смерть его произошла тихо въ присутствіи всей семьи, за исключеніемъ дочери Модъ, въ настоящее время норвежской королевы. Такой быстрой и печальной развязки никто не ожидалъ, и въ одной изъ статей въ «British Medical Journal» этотъ неблагоприятный исходъ болѣзни приписывается тому обстоятельству, что, несмотря на необычайно крѣпкое сложеніе, Эдуарда сильно переутомили свѣтскія и международныя сношенія, благодаря которымъ со дня восшествія на престолъ у него не было ни одного часа свободнаго для отдыха. Поэтому прямая причина его смерти не воспаленіе, а остановка сердечной дѣятельности вслѣдствіе все болѣе и болѣе возрастающаго затрудненія въ механической работѣ легкихъ. Недостатокъ ихъ эластичности усложнялся еще воспалительнымъ состояніемъ горла вслѣдствіе усиленнаго куренія табаку. На его уже усталое сердце неблагоприятно дѣйствовали событія послѣдняго времени, особенно египетскія дѣла, которыя собственно заставили его покинуть райскій Біаррицъ для адски-дымнаго, туманнаго и сырого Лондона, что вызвало у него простуду со всѣми непріятными послѣдствіями.

Обыкновенно о коронованныхъ особахъ говорятъ только лестное и на каждый ихъ недостатокъ находятъ по два хорошихъ качества. Про Эдуарда VII можно сказать немного въ виду его кратковременнаго царствованія и это немного искренно хорошее; онъ былъ вѣренъ данной англійскому народу конституціи, уважалъ свой народъ, считалъ себя исполнителемъ его желаній и намѣреній, а въ международныхъ отношеніяхъ онъ былъ королемъ-миролюбомъ, съ тактомъ ловкаго дипломата умѣвшимъ улаживать дѣла къ общему благополучію, служилъ дружественнымъ звеномъ европейскихъ державъ. Эдуардъ какъ нельзя лучше доказалъ пользу практики предъ теоріей. Никто не ожидалъ, чтобы изъ легкомысленнаго жуира, игрока, мота и кутилы могъ въ послѣдствіи выйти такой строго конституціонный король, тактичный государь въ отношеніяхъ съ другими, иногда враждебными державами. А между тѣмъ

во время его самой легкомысленной жизни в нем механически вырабатывался будущий конституционный монарх. Соприкосновение с различными слоями общества различных национальностей во время бурной молодости послужило для него школой житейской мудрости, из которой он почерпнул знание людей и характеров: он вступил на престол не с мертвыми теориями, а с самыми живыми практическими примѣрами. Правда, что рѣдкій наслѣдник надѣвалъ корону почти на закатѣ своей жизни, какъ это случилось съ шестидесятилѣтнимъ принцемъ Уэльскимъ, бывшимъ до тѣхъ поръ только королемъ мужской моды.

Альбертъ-Эдуардъ родился въ Букингемскомъ дворцѣ 9-го ноября 1841 г. и былъ первенцемъ королевы Викторіи и принца Саксенъ-Кобургъ-Готскаго, натурализовавшагося въ Англіи въ 1840 г. Обстоятельства, при которыхъ онъ появился на свѣтъ, какъ бы предсказывали ему веселую жизнь, такъ какъ въ моментъ его рожденія въ Лондонѣ происходило традиціонное балаганное шествіе по случаю вступленія по всей Англіи новыхъ лордъ-мэровъ въ исполненіе ихъ обязанностей. При этомъ какъ предвѣщаніе, что ему долго придется ждать короны, приближенные королевы забыли оповѣстить, согласно этикету, архіепископа Кентерберійскаго и министровъ о рожденіи наслѣдника престола. Первая спохватилась королева и то спустя нѣкоторое время, когда, узнавъ отъ мужа, что ея обѣщаніе удовлетворить англійскую націю и дать ему будущаго короля исполнилось и она можетъ спокойно соснуть, она проспала нѣсколько минутъ. Менѣе какъ черезъ четыре недѣли Викторія отпраздновала свое взятіе молитвы пожалованіемъ маленькому принцу титула принца Уэльскаго и графа Честера; титулы, прибавившіеся уже къ наслѣдованному при рожденіи титулу герцога Корнваллійскаго вмѣстѣ съ герцогствомъ того же имени, приносившимъ до 80,000 фунтовъ стерлинговъ, въ послѣдствіи умножились еще титулами герцога Ротсея, принадлежавшимъ старшимъ сыновьямъ шотландскихъ королей, за тѣмъ графа Каррика, барона Ринфрея и лорда Острововъ и въ память посѣщенія Ирландіи Викторія создала ему титулъ графъ Дублинскій. Вообще англійскій народъ, косившійся на выборъ королевою жениханѣмца, еще болѣе разсердился, когда она назначила крестнымъ отцомъ прусскаго короля: англичане говорили при этомъ, что она хочетъ онѣмечить англійскую вѣру. Страстно любившая своего мужа, Викторія вложила много нѣмецкаго въ воспитаніе сына и писала Леопольду I, что горячо молится Богу, чтобы сынъ тѣломъ и душой походилъ на отца. Отецъ не иначе съ нимъ говорилъ, какъ по-нѣмецки, послѣдствіемъ чего у него осталось навсегда нѣмецкое произношеніе, что вызвало гримасу неудовольствія у пэровъ, когда онъ произносилъ первую тронную рѣчь. Тѣмъ не менѣе это не зронило въ его душу симпатію къ нѣмцамъ, которыхъ Эдуардъ недолюбливалъ всею душой. Причиной послѣдняго обстоятельства, быть можетъ, была первая воспитательница до шестилѣтняго возраста маленькаго Верти—лэди Литльтонъ, сестра г-жи Гладстонъ. Это послужило его будущему сближенію съ Гладстономъ, который въ послѣдствіи выступилъ его заступникомъ противъ народа, часто возмущавшагося скандалами, которые учинялъ наслѣдникъ престола.

Когда ему исполнилось 18 лѣтъ, Викторія извѣстила его, что онъ выходитъ изъ-подъ родительской опеки, и съ этого момента принцъ поселился въ отдѣльномъ домѣ близъ Лондона, въ вѣковомъ Ричмондскомъ паркѣ, вмѣстѣ съ своимъ новымъ воспитателемъ сэромъ Чарльсомъ Тарвере. По окончаніи религіознаго образованія и послѣ военнаго экзамена его сдѣлали армейскимъ полковникомъ и кавалеромъ ордена Подвязки. Лѣтомъ онъ посѣтилъ Ирландію, а въ 1859 г., подъ именемъ барона Ренфрея, — Италію. Здѣсь впервые Эдуардъ выказалъ, что онъ будущій «король Англій и защитникъ вѣры», такъ какъ, оставшись на Страстную недѣлю въ Римѣ и посѣтивъ папу, онъ наотрѣзъ отказался присутствовать на католическихъ литургіяхъ и только одинъ разъ посѣтилъ соборъ Петра и Павла, ссылаясь на то, что въ особенности въ Римѣ протестантъ долженъ выказать себя вѣрнымъ своей религіи. Впослѣдствіи, впрочемъ, время ему показало, что конституціонный король долженъ быть вѣротерпимъ. По возвращеніи онъ поступилъ въ эдинбургскій университетъ, гдѣ слушалъ лекціи по химіи и посѣщалъ для пракческаго ознакомленія заводы. Это не мѣшало ему заниматься и военнымъ дѣломъ, а главное кутежами. Чрезвычайное обремененіе науками по желанію принца-супруга осмѣивалось англичанами, находившими, что наслѣдникъ находится слишкомъ «подъ тяжестью науки». Выйдя изъ-подъ опеки родителей, Берти вернулся во всю, такъ что Викторія, раздѣлявшая опасенія относительно нравственной стороны его характера, рѣшилась отправить сына въ дальнее путешествіе, но послѣ того, какъ онъ пробудетъ нѣкоторое время въ оксфордскомъ университетѣ, подъ надзоромъ воспитателя Фрекеня Голля. Однако онъ тамъ только веселился, и Викторія, въ виду проникавшихъ въ общество сплетенъ объ его проказахъ, снова отправила его въ путешествіе по Канадѣ и Американскимъ Штатамъ. По возвращеніи девятнадцатилѣтняго принца отправили въ Кембриджъ, гдѣ за нимъ устроили строгій надзоръ. На вакаціи Эдуардъ отправился въ Германію на маневры; осматривая Вормскій соборъ, онъ встрѣтился съ принцессой Александрой датской и влюбился въ нее. Теперь окончательно ученіе не шло ему на умъ, но до совершеннолѣтія оставалось еще цѣлый годъ. Со стороны матери и отца, мечтавшихъ женить Эдуарда на нѣмецкой принцессѣ, проявилось упорное сопротивленіе, которое ему удалось побѣдить, и бракъ состоялся въ 1863 г. Первые годы Эдуардъ былъ нѣжнымъ, внимательнымъ мужемъ, но съ рожденіемъ принцессы Модъ начался второй періодъ его легкомысленной жизни, полной всевозможныхъ скандальныхъ приключеній. Парижане любили жизнерадостнаго наслѣдника англійскаго престола, тратившаго въ ихъ столицѣ деньги, время и здоровье. Всѣ эти непріятныя стороны ступсывались его золотымъ сердцемъ, необыкновенной предупредительностью къ женѣ, отеческой любовью къ дѣтямъ и выработавшимся впослѣдствіи необыкновеннымъ тактомъ.

Долго пришлось Эдуарду ожидать короны, и со вступленіемъ на престолъ онъ оказался тактичнымъ миролюбцемъ-государемъ, не разъ отвращавшимъ непріятныя результаты различныхъ столкновеній и конфликтовъ между державами и завоевавшимъ серьезныя симпатіи своего народа. Насколько велико было уваженіе къ нему и къ англійской націи, видно изъ того, что въ

исторіи не было случая, чтобъ на похороны какого-либо изъ государей собралось бы столько коронованныхъ лицъ: 1 императоръ, 8 королей и множество принцевъ. вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтна еще одна переменъна въ строѣ жизни англійскаго государства; тамъ значеніе и голосъ народа все болѣе подчеркивается. Въ исторіи западной Англійи за полтора ста послѣднихъ лѣтъ не было случая, чтобы народная масса присоединилась къ королевскому трауру и допускалась къ гробу королей въ Лондонѣ до похоронъ. Между тѣмъ теперь прилагались всѣ усилія, чтобы проявилось ея участіе къ горю, постигшему королевскую семью. Гражданамъ было предложено вилетать въ присланные вѣнки по вѣткѣ вербы, взятой изъ ихъ сада. Останки четырехъ Георговъ и Вильгельма были выставлены въ Виндзорѣ, тѣло королевы Викторіи только провезли чрезъ Лондонъ съ острова Уайта, гдѣ она умерла, въ послѣднее ея мѣстопокоеніе—Фрогморскій мавзолей. Поэтому распоряженіе королевской семьи привлекло массы англичанъ, которымъ, однако, не разрѣшалось останавливаться предъ гробомъ въ виду массы дефилировавшихъ. Уже письмо королевы Александры къ народу—«бѣднымъ и богатымъ, простымъ и знатымъ»—свидѣтельствуетъ о близости съ народомъ, въ руки котораго королева вручаетъ сына.

Гробъ короля, покрытый національнымъ флагомъ, былъ вынесенъ въ тронный залъ, по желанію королевы, только 14-го вечеромъ, двѣнадцатью нижними чинами гренадерами и поставленъ на катафалкъ. Выносъ тѣла въ Вестминстерское аббатство послѣдовалъ 17-го мая. Здѣсь гробъ его поставили на томъ же мѣстѣ, гдѣ были выставлены останки Гладстона. Публика допускалась съ 8-ми ч. утра до 10-ти вечера 18-го и 19-го мая и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ 17-го мая. Нечего говорить, какая масса народа продефилировала предъ гробомъ: всего перебывало до двухъ милліоновъ человѣкъ. Конечно, многіе простояли бесплодно и не попали къ гробу. Въ ночь предъ днемъ, назначеннымъ для перевезенія тѣла въ Виндзоръ, масса народа загроудила улицы, гдѣ предстояло проходить печальной процессіи.

Ровно въ 9^{1/2} часовъ всѣ коронованныя лица собрались въ Palace Yard. Только король Георгъ V, императоръ германскій и герцогъ Коннаутскій, а зтѣмъ пріѣхавшая королева Александра съ императрицей Маріей Теодоровной вошли въ Westminster Hall, остальные ожидали предъ главными дверьми. Черезъ нѣсколько минутъ оттуда показались двѣнадцать гвардейцевъ съ останками Эдуарда VII и помѣстили гробъ на лафетъ пушки. Позади гроба, понуривъ голову, шелъ любимый умный фоксъ-терьеръ короля—«Цезарь»: съ нимъ шелъ шотландецъ-лакей въ національномъ костюмѣ. Рядомъ грумъ вель подъ уздцы королевскаго коня: по обѣ стороны сѣдла висѣли сапоги короля со шпорами, зтѣмъ слѣдовалъ новый король, германскій императоръ и т. д. Цѣлыхъ четыре часа длилось путешествіе подъ тропическими лучами солнца до Паддингтонской станціи, гдѣ гробъ помѣстили въ приготовленный траурный вагонъ-салонъ.

Виндзоръ историческое мѣсто, съ которымъ связана память о самыхъ выдающихся короляхъ Англійи. Вильгельмъ Завоеватель выстроилъ здѣсь первую крѣпость, Генрихъ I часовню для своего вѣнчанія съ Аделаидой Лотарингской,

Георхъ II собираль здѣсь парламентъ, изъ самыхъ могущественныхъ бароновъ Англіи. Во время борьбы между Іоанномъ Безземельнымъ и баронами, добивавшимися выдачи имъ Великой Хартіи, послужившей основнымъ актомъ англійской конституціи, король удалился въ Виндзоръ, который осаждали сеньоры. Впослѣдствіе тамъ помѣщался дворъ несчастнаго Карла I, и онъ былъ тамъ заключенъ въ ожиданіи надъ собою суда. Такимъ образомъ, Виндзоръ служилъ хранилищемъ историческихъ моментовъ въ жизни англійскихъ королей. Самымъ замѣчательнымъ мѣстомъ въ Виндзорѣ служить часовня св. Георга, патрона ордена Подвязки, построенная въ XV вѣкѣ, гдѣ происходило крещеніе Эдуарда VII. Это былъ исключительный случай; обыкновенно королевскихъ дѣтей крестятъ во дворцѣ, и только по желанію Викторіи нарушено было это правило. Послѣднимъ изъ похороненныхъ въ Вестминстерѣ былъ Гладстонъ въ 1898 году.

Но прибытіи траурнаго поѣзда въ Виндзоръ гробъ съ останками короля помѣстили опять на лафетъ пушки и ровно въ 1¹/₂ ч. при пушечныхъ выстрѣлахъ двинулась печальная процессія. Лафетъ везли шестьдесятъ матросовъ подъ звуки барабаннаго боя и жалобные звуки шотландскихъ рожковъ, которые смѣнялись военными оркестрами. Въ день похоронъ не выходило ни одной газеты ни днемъ, ни вечеромъ, а въ моментъ похоронной церемоніи вся дѣловая Англія замерла, что ей обошлось въ пятьдесятъ милліоновъ франковъ.

Король Эдуардъ, по слухамъ, оставилъ политическое завѣщаніе, въ которомъ предлагаетъ своему наслѣднику вести миролюбивую политику. Новый король Георгъ V до сихъ поръ не игралъ никакой политической роли и пока не обнаруживаетъ симпатіи къ какой-либо партіи.

— Смерть Колонна, Марка Твэна, Бьернстьерне-Бьернсона, Элизы Ожешко, Коха, Полины Віардо, Симона, Вольфа и Цамбони.—

За четыре послѣднихъ мѣсяца смерть унесла много крупныхъ личностей въ литературѣ и искусствѣ.

Въ концѣ марта въ Парижѣ скончался 72 лѣтъ извѣстный музыкантъ, глава оркестра и популяризаторъ русскихъ и нѣмецкихъ композиторовъ—Эдуардъ Колоннъ. Сынъ бѣднаго итальянскаго скрипача, онъ родился въ 1858 г. въ Бордо и съ восьми лѣтъ уже зарабатывалъ себѣ хлѣбъ, сопровождая отца по воскресеньямъ на деревенскія пирушки. Отецъ игралъ тамъ на скрипкѣ, а онъ на свирѣли. Позднѣе онъ отправился въ Парижъ и поступилъ въ консерваторію, гдѣ получилъ въ 1858 г. премію по классу гармоніи, а въ 1861—по скрипкѣ. Но все это не принесло ему особыхъ выдающихся результатовъ: онъ не сдѣлался тамъ ни виртуозомъ, ни композиторомъ. Только нѣсколько лѣтъ, участвуя въ оперномъ оркестрѣ въ качествѣ первой скрипки, его карьера скрипача установилась. Уже давно въ умѣ Колонна разрабатывался планъ основать общество національныхъ концертовъ, и только въ 1873 г. его желаніе осуществилось, и онъ сдѣлался главою оркестра. Concert national, затѣмъ преобразовавшійся въ Association artistique, зародился въ самую счастливую эпоху французской музыки. Въ это время гений Берліоза, еще не получившій окончательной оцѣнки, открылъ путь молодымъ силамъ —Бизе, Массенѣ, кромѣ уже созрѣвшаго таланта Сень-Санса. Для Колонна началась блестящая

карьера, непрерываемая съ 1873—1909г., тридцать шесть лѣтъ нѣтъ такого извѣстнаго имени среди живыхъ композиторовъ, которое не находилось бы въ программѣ Association Artistique. Но главной его задачей была вульгаризація произведеній Берлиоза, тѣмъ болѣе, что произведенія послѣдняго какъ нельзя болѣе подходили къ его темпераменту. Съ своимъ юпитромъ онъ очень рѣдко разставался, чтобы уступить мѣсто другимъ капельмейстерамъ или по случаю отъѣзда за границу, особенно въ Россію, гдѣ онъ часто бывалъ.

9-го апрѣля въ Нью-Йоркѣ послѣ продолжительной болѣзни скончался хорошо знакомый русскимъ американскій юмористъ, писавшій подъ псевдонимомъ Марка Твена—Самуэль Клеменсъ Лангорнъ. Онъ родился во Флоридѣ (Миссури) въ 1835 г., перепробовалъ себя на различныхъ поприщахъ труда, начиная съ типографскаго мальчика, лоцмана, золотоискателя, журналиста, книгопродавца и кончая званіемъ писателя. Какъ часто бываетъ у практичныхъ американцевъ, только случай натолкнулъ Твена на предназначенный для него путь. Еще тринадцати лѣтъ ему случилось однажды исполнять обязанность корректора. Твенъ служилъ въ типографіи маленькой и очень странной газеты, гдѣ подписная плата вносилась разными жизненными продуктами, а не деньгами. Какъ-то, уѣзжая на нѣкоторое время, редакторъ подозвалъ тринадцатилѣтняго Твена и прямо спросилъ, можетъ ли онъ редактировать газету. Мальчикъ отвѣтилъ: «Попробую!»—и добросовѣстно исполнилъ свое обѣщаніе. «Это былъ мой первый дебютъ». Черезъ два года онъ сдѣлался не надолго бродячимъ наборщикомъ, но скорѣе ему надоѣло это занятіе. Его потянуло путешествовать, и онъ сдѣлался лоцманомъ судна, совершавшаго рейсы по Миссиссиппи между Сень-Луи и Новымъ Орлеаномъ. Это не мѣшало Твену итти по намѣченному судьбою пути и послѣдовательно превратиться изъ корректора въ литератора. Онъ сдѣлался рѣчнымъ репортеромъ одной лузіанской газеты и писалъ для нея не только мелкія замѣтки, но цѣлыя фельетоны. Здѣсь проявился его юмористически-критическій характеръ, когда онъ осмѣивалъ слабыя и смѣшныя стороны знакомыхъ ему капитановъ. Къ двадцати годамъ онъ уже сдѣлался знаменитостью, пока еще мѣстной. Но и рѣчная служба ему надоѣла, и онъ уѣхалъ съ братомъ въ Неваду. И вотъ здѣсь-то онъ приобрѣлъ запасъ темъ для своихъ будущихъ разсказовъ среди невообразимо комичныхъ, а порою печальныхъ приключеній, которыя, однако, принимались имъ юмористически. И какъ въ калейдоскопѣ изъ Керсонъ-Сити, маленькаго городишка, куда его брата назначили секретаремъ, а его къ нему секретаремъ, собственно безъ жалованья и безъ занятій, они попадаютъ въ Хемболтъ, куда стремились всѣ жаждающіе приобрести золото, но ничего тамъ не находятъ и остаются безъ гроша, а черезъ короткое время находятся уже въ Виргиніи, гдѣ Твенъ вдругъ становится редакторомъ большой газеты. Затѣмъ картина переворачивается обратно, и Твенъ снова становится сначала бродягою, потомъ попадаетъ опять въ рудники и наконецъ снова дѣлается богачомъ. Еще поворотъ, и Твенъ опять банкротъ, потомъ репортеръ, а затѣмъ редакторъ. На печальныя стороны этихъ приключеній Твенъ смотрѣлъ съ здоровымъ юморомъ, и вся жизнь для него являлась зрѣлищемъ, изъ котораго онъ извлекалъ себѣ пользу. Печальныя

приключенія были для него воспитаніемъ, а воспитаніе согласно его афоризму— все. «Персикъ, говорилъ онъ, когда-то былъ горькимъ миндалемъ». Не мало анекдотовъ находятся въ иностранныхъ журналахъ объ этомъ юмористѣ-философѣ. Не разъ приходилъ слухъ, что онъ скончался, и однажды Твэнъ встрѣтилъ какого-то репортера, который напечаталъ этотъ слухъ и при встрѣчѣ съ Твэнномъ выразилъ удивленіе: «Скажите, что извѣстіе преувеличено», замѣтилъ Твэнъ. Когда, потерявъ состояніе уже пятидесятилѣтнимъ человѣкомъ, Твэнъ отправился поправлять дѣла и вернулся черезъ девять лѣтъ, уплативъ всѣ долги, то встрѣчавшіе его журналисты выразили удивленіе. Въ отвѣтъ Маркъ Твэнъ такъ имъ объяснилъ: «Есть люди, которые лгутъ, говоря правду, я же говорю правду, когда лгу».

Твэнъ былъ прекрасный семьянинъ, и смерть жены его очень опечалила, кончина же его друга Роджерса и дочери, утонувшей въ ваннѣ, окончательно его поразили, что отразилось на его здоровьи; жизнь ему стала въ тягость. Этотъ веселый юмористъ умеръ отъ глубокой печали. Съ удивительнымъ спокойствіемъ онъ переносилъ страшныя боли и въ послѣднія минуты былъ бодръ. При его кончинѣ находилась его дочь Клара, жена русскаго піаниста Габриловича, которая наслѣдовала все его состояніе, исключая небольшихъ суммъ, предназначенныхъ друзьямъ. Послѣднее слово, обращенное къ ней, было: «Генрихъ»,—такъ звали Роджерса. Твэнъ былъ въ полномъ сознаніи и потребовалъ у служанки, жившей у него тридцать лѣтъ, очки, желая написать что-то на прощанье, но силы ему измѣнили и карандашъ выпалъ изъ рукъ. Любимой его книгой была «Французская революція» Карлейля и передъ смертью онъ потребовалъ ее, но переворачивать листы ему было уже трудно и онъ выронилъ ее, впадъ въ безсознательное состояніе.

Твэнъ передъ смертью закончилъ юмористическій романъ изъ жизни воздухоплавателей, но послѣ него осталось немало рукописей и, между прочимъ, начатая много лѣтъ тому назадъ и не законченная пьеса «Конецъ міра». Фабула ея по обыкновенію Твэновская-юмористическая. Нѣкій астрологъ, зарабатывающій свой скудный кусокъ хлѣба вычислениями звѣздныхъ путей и сотрудничая въ календаряхъ, рѣшилъ вывернуться изъ тяжелатаго положенія съ помощью слѣдующаго фарса. Онъ объявилъ о днѣ и часѣ наступленія конца міра, и со страха народъ толпами повалилъ на его лекцію. Дѣла его поправились, но его ждала неожиданная неспрїятность: прекрасная королева потребовала его къ себѣ и хотя сразу была очарована его внѣшностью, но все-таки не довѣряла его астрологическимъ познаніямъ и потому объявила ему, что сбудется или нѣтъ его предсказаніе, онъ все-таки умретъ черезъ два мѣсяца за то, что повергъ народъ въ отчаяніе. Окончаніе, какъ уже говорено, не написано. Второе произведеніе совершенно не похоже на всѣ до сихъ поръ извѣстныя его сочиненія. Оно написано лѣтъ двадцать тому назадъ въ формѣ діалога, въ которомъ разбираются завоеванія въ области науки, но не напечатано по неизвѣстной причинѣ: быть можетъ, самому Твэну казалось оно страннымъ и чужимъ какъ по сюжету, такъ и по манерѣ передачи.

Насколько популяренъ былъ Твэнъ, видно изъ того, что его сочиненія разошлись за послѣдній годъ въ 6 милліонахъ экземпляровъ только въ одной Америкѣ.

Глубокое горе постигло норвежскій народъ, и вся Норвегія одѣлась въ трауръ; по выраженію Кнута Гамсуна — «звѣзда не стало». 26 апрѣля въ Парижѣ скончался 78 лѣтъ «не коронованный король Норвегіи», столпъ норвежской новѣйшей литературы, другъ всего человѣчества, его сердцеувѣдецъ, его секретарь, защитникъ и врачъ—Бьернстjerne-Бьернсонъ. Уже давно здоровье семидесятилѣтняго маститаго писателя внушало опасеніе. Казалось, что кончина его не поразитъ неожиданностью, но все-таки норвежцы и весь цивилизованный міръ не могутъ свыкнуться съ мыслью, что не стало этого могучаго великана норвежской литературы, глаза, чрезъ который норвежскій народъ видѣлъ свою собственную душу, какъ сказалъ Гейденштамъ въ своемъ прощальномъ словѣ на его похорошахъ. Бьернсонъ родился 8 декабря 1832 г. въ Квикнэ. Его отецъ, тамошній пасторъ, былъ сыномъ крестьянина, и въ Бьернсонѣ вопліѣ сохранились эти здоровыя, крѣпкія какъ нравственныя, такъ и физическія силы, благодаря которымъ и сама смерть не сразу поборола могучаго богатыря. Первые впечатлѣнія дѣтскихъ лѣтъ оставили ему довольно суровое воспоминаніе. Приходъ его отца, Бьоргенъ, находился въ глуши, и пасторъ имѣлъ дѣло съ грубыми, неукротимыми полудикарями, которые однажды едва его не убили, когда онъ усовѣщевалъ ихъ платить налоги. Эти непріятныя впечатлѣнія смѣнились пріятными, заронившими въ душу ребенка искру поэтическаго творчества, когда шестилѣтній Бьернсонъ поселился съ отцемъ въ живописномъ Ромсдаленѣ. Лѣвивый въ школѣ, онъ дома упивался сагами и народными сказками, полюбилъ природу и смотрѣлъ на нее глазами поэта. Первое образованіе Бьернсонъ получилъ въ школѣ Молде. Ученіе его было не изъ блестящихъ, и въ его университетскихъ отмѣткахъ находилось, какъ и у Ибсена: «посредственно». Городской шумъ, развлеченія и студенческія пирушки увлекли его, но вмѣстѣ съ тѣмъ также и литература и театръ. Однажды вечеромъ во время большой ярмарки онъ фланировалъ по городу, и вдругъ ему пришла въ голову мысль, что къ нему болѣе не вернется эта беззаботность. Его охватила жажда работать, онъ лихорадочно схватился за нее, и сознавалъ, что среди городского веселья ему трудно приняться за работу. Денегъ у него не было, и онъ думалъ: вотъ если бы у него были деньги, онъ тотчасъ уѣхалъ бы въ деревню и принялся за работу. Деньги ему неожиданно далъ одинъ пріятель и онъ уѣхалъ въ деревню. Но, къ великому его огорченію, вдохновеніе къ нему не являлось. Правда, онъ написалъ стихотворенія и пѣсни, сдѣлавшіяся популярными и обѣжавшія всѣ норвежскія деревни, гдѣ ихъ распѣвали подъ музыку, но крупнаго произведенія онъ не далъ. По возвращеніи въ Христіанію Бьернсонъ принялся за журнальную работу въ качествѣ критика, и его смѣлыя статьи возбуждали живую полемику.

Горячій патріотизмъ и роль будущаго главы партіи обнаруживались у Бьернсона уже въ юности. Еще въ школѣ онъ устроилъ товарищескіе союзы, а въ двадцать лѣтъ подъ его руководствомъ произошла нашумѣвшая манифестация въ театрѣ Христіаніи. Шестьсотъ молодыхъ людей во главѣ съ Бьернсономъ освистали пьесу на датскомъ языкѣ. Это было первое пробужденіе чувства національнаго самосознанія въ норвежцахъ и въ Бьернстjerne, бывшемъ впоследствии двадцать шесть лѣтъ главою лѣвыхъ радикаловъ, осу-

шестившемъ свою мечту независимости Норвегіи и написавшемъ въ честь этого событія національный гимнъ «Да мы любимъ нашу страну». Въ 1856 г. онъ отправился въ Копенгагенъ, гдѣ усердно занимался литературой и театромъ. Въ это время онъ попытался создать первое драматическое произведеніе «Нобобрачные», но не окончилъ его. Вскорѣ онъ началъ другое «Между битвой», которое предложилъ для копенгагенскаго театра, но тамъ оно не было принято и онъ передалъ его въ Христианію, для сцены темошняго театра. Уже «Отець» и «Орлиное Гнѣздо» создали ему успѣхъ, а «Сюнневе Сольбаккенъ», переведенная на иностранныя языки, поставила его въ ряды первоклассныхъ писателей. Страсть къ театру не угасла въ Бьернсонѣ, и въ 1858—59 г. онъ былъ директоромъ театра въ Бергенѣ, а съ 1865—67 въ Христианіи. Два года онъ имѣлъ собственный театръ, гдѣ ставилъ свои пьесы.

Это былъ первый этапъ въ его писательской карьерѣ и съ 1872 г. вдругъ пріостановилось появленіе плодовъ его творчества. До 1875 г. въ немъ происходилъ переломъ. Не въ его натурѣ было останавливаться на одной темѣ; онъ шелъ дальше впередъ, и съ 1875 г. по 1882 появились его рассказы уже на современные темы: «Капитанъ Мансанэ», «Пыль», «Банкротство», «Перчатка», «Король», «Новая система», «Леонарда» и драма «Свыше силъ». По словамъ Нордау въ «Neue Fr. Presse», въ этотъ періодъ времени его волновали вопросы политики, этнографіи, политической экономіи, которая, впрочемъ, была его слабостью, а главное половой морали. Послѣдняя его интересовала, и онъ постоянно стоялъ на своемъ, что мужчина долженъ вступать въ бракъ такъ же цѣломудреннымъ, какъ и женщина. Напрасно ему доказывали, что для мужчины это не имѣетъ того біологическаго значенія, какъ для женщины—Бьернсонъ настаивалъ на своемъ. Результатомъ этихъ споровъ явилась на свѣтѣ «Перчатка», и одно изъ приведенныхъ въ ней лицъ, докторъ, названъ былъ именемъ Нордау. Только по настоятельной просьбѣ послѣдняго онъ измѣнилъ его на Нордана. Тему для «Свыше нашихъ силъ» онъ придумалъ подъ впечатлѣніемъ видѣнныхъ имъ въ Сальпетріерѣ душевно-больныхъ. Его давно интересовали модные вопросы о внушеніи, истеріи, слабой волѣ и т. д., и онъ попросилъ Нордау познакомить его подробнѣе съ ними, въ виду пробѣла значительныхъ трудовъ въ этой области. Вообще Бьернстjerne-Бьернсонъ отличался юношеской энергіей въ стремленіи впередъ и необыкновенной физической мощью. Его посмертное произведеніе «Когда цвѣтетъ молодой виноградъ» способно вызвать сомнѣніе и вопросъ, возможно ли, что автору 78 лѣтъ,—такою свѣжестью и бодростью вѣетъ отъ него. Бьернсона, какъ писателя, нѣкоторые находятъ слишкомъ ужъ здоровымъ и умѣреннымъ, мѣщански умѣреннымъ. Но онъ самъ говорилъ: «Я не выношу сравненій; въ результатѣ бываетъ всегда, что одинъ становится великимъ за счетъ другого. И такимъ образомъ уменьшаются цѣнности, которыми мы должны жить. Справедливѣе и благоразумнѣе мѣрять каждаго по мѣрѣ его силъ, не бросая взоровъ на другихъ. Достигъ ли человѣкъ своей собственной мѣрки? Вотъ важный вопросъ, а не тотъ, чтобы знать, доросъ ли онъ до мѣрки другого и какимъ образомъ». Шведская писательница Эленъ Кей говоритъ, что этотъ принципъ заставилъ Бьернсона побороть въ себѣ искушеніе сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ, по его словамъ, сдѣлался

Ибсенъ, «только перомъ»—искушеніе, которому болѣе слабая натура, благодаря постояннымъ сравненіямъ, могла бы поддаться. Бьернсонъ же навсегда остался вѣренъ цѣли, которую онъ считалъ наиболѣе возвышенной. А какая эта была цѣль, онъ очень ясно объявилъ, обнаруживая то свое возмущеніе, то свою доброту. «Люди, приказывающіе мнѣ писать поэзію и оставить политику, очевидно, знаютъ, что я пишу стихи, драмы и романы. И они мнѣ дѣлаютъ честь, предполагая, что я могу ихъ снабжать такого рода продуктами для ихъ личнаго удовольствія. Я не могу болѣе слышать, какъ повторяютъ эту пошлость, что я долженъ писать стихи, а не заниматься политикой. Никто лучше меня не знаетъ, что я теряю, чего я не дѣлаю, что я растрачиваю литературно и экономически. И никто такъ не страдаетъ отъ этой потери, которой я такимъ образомъ подвергаюсь. Но... писать не единственный способъ создать поэму. Поэму, какую я хочу сдѣлать,—это новую и лучшую Норвегію. И если я могу прибавить къ этому произведенію строфу для себя, все остальное исчезнетъ».

Религіозныя убѣжденія Бьернсона состояли, по его словамъ, изъ «культы жизни». «Я не вѣрю въ Бога Отца прошедшихъ временъ. Но я вѣрю въ Бога вселенной жизни и прежде всего въ жизни человѣка. Свято любить жизнь и наслаждаться ею, добросовѣстно работать во всѣхъ ея проявленіяхъ крупныхъ и мелкихъ, усовершенствовать ее, возвысить для всѣхъ ея цѣнность теперь это для меня религія: непостижимое, то, что выше земной жизни, загробное, необъяснимое, что предчувствуемъ въ извѣстные моменты, должно однако быть предметомъ вѣрованія людей земной жизни, необъяснимое, что мы чувствуемъ въ нѣкоторые часы, должно по крайней мѣрѣ быть всегда предметомъ вѣры людей. Но надо дѣйствовать согласно тому, что мы навѣрное знаемъ, а мы знаемъ, что это существованіе никогда не станетъ столь высокимъ, богатымъ, насколько его природа и его возможность это дозволить, если мы не преобразуемъ нашего, такъ сказать, культа Бога, въ культъ жизни». Это религіозное чувство было причиной, что Бьернсонъ такъ долго жилъ.

Личность Бьернсона съ перваго взгляда поражала. Его глаза были удивительно пронизательны и, казалось, читали въ самой глубинѣ души, но этотъ острый взглядъ смягчался молодой, почти дѣтски-искренней улыбкой. По норвежскому обычаю, какъ увѣряетъ французъ Мартинъ Ремюзо, онъ говорилъ всѣмъ «ты». Врагъ всякой лжи, онъ энергично возставалъ противъ лицемернаго пожатія руки, пожатія, въ которыхъ сердце не принимаетъ никакого участія, а иногда даже вкладывается злоба. Самъ онъ съ такой мощной энергіей и чистымъ сердцемъ пожималъ руку, что каждый чувствовалъ, насколько искренне это пожатіе. Въ немъ текла только норвежская кровь, тогда какъ у Ибсена она была смѣшанная —датская, нѣмецкая и шотландская. Добрый и щедрый до безконечности, Бьернсонъ давно запуталъ бы свои дѣла, если бы не рѣшился тотчасъ же передавать каждую полученную сумму жентѣ. Однажды онъ вышелъ на кухню и отдалъ старой служанкѣ крупную сумму денегъ, объяснивъ домашнимъ, что у нея было недовольное лицо и онъ хотѣлъ ее обрадовать.

Норвежская газета «Samtiden», оплакивая своего вождя, говоритъ: «Съ Бьернсономъ окончился цѣлый періодъ норвежской культуры, безъ сомнѣнія, самой богатый, какой когда-либо былъ. Онъ идетъ съ 1825 г. и по 1905 г. насчи-

тываетъ вмѣстѣ съ Вилландомъ, Вельхавеномъ, основателемъ норвежской математики, Абея, Ибсена, Бьернсона, Ионаса Ли и Киланда». Дѣйствительно, въ политекѣ и общественныхъ дѣлахъ громко раздавался могучій голосъ Бьернсона, и норвежцы искренно, сознательно цѣнили своего интеллектуальнаго вождя и питали къ нему культъ. Всякое крупное событіе въ жизни Бьернсона праздновалось, какъ государственное событіе: его семидесятилѣтній юбилей дня рожденія и полученная имъ Нобелевская премія справлялись во всѣхъ уголкахъ Норвегіи, какъ національный праздникъ. Некоронованному королю коронованный король Норвегіи и вся нація оказали королевскія почести, когда больной Бьернсонъ уѣзжалъ за границу. На всемъ пути улицы были украшены гирляндами и флагами. Король предоставилъ ему свой вагонъ. Извѣстіе объ его кончинѣ пришло во время бала у министра внутреннихъ дѣлъ. Король тотчасъ же покинулъ залъ, и балъ прекратился. Всѣ официальные и частныя собранія, а также театральныя представленія прекратились. На стортингѣ, университетѣ и другихъ зданіяхъ моментально приспустили флаги. Утреннее засѣданіе было отмѣнено и состоялось только вечеромъ, послѣ того, какъ память Бьернсона почтили вставаніемъ и приняли рѣшеніе похоронить и перевести его тѣло на государственный счетъ. За его останками былъ посланъ броненосецъ «Норвегія». Хотя было рѣшено встрѣтить останки безъ помпы, а весь парадъ отложить до дня похоронъ, но народъ судилъ по-своему и съ утра запрудилъ не только улицы, но даже крыши домовъ, а фіордъ заперъ стрѣль лодочками, яхтами и прочими судами. Приближеніе броненосца съ тѣломъ «некоронованнаго короля» оповѣстили колокольнымъ звономъ, а когда «Норвегія» поравнялась съ крѣпостью, раздался 21 выстрѣлъ—условный салютъ для королей или цѣлой націи. Подъ звуки бьернсоновскаго гимна «Да, я люблю нашу страну» его тѣло, принятое съ броненосца на баркасъ, перевезено на берегъ, гдѣ коронованный король Гааконъ преклонилъ предъ нимъ свою голову. Вся толпа сняла шляпы и низко привѣтствовала теперь безмолвнаго, но живого своими идеями вождя. Когда желтый гробъ борца за свободу и независимость своей родины, какъ бы отдыхающаго послѣ долговременной борьбы, подъ ея національнымъ флагомъ, двинулся по улицамъ на дрогахъ, лошадьми которыхъ управлялъ по выраженному Бьернсономъ желанію его старый кучеръ Петеръ, то различныя корпораціи склоняли передъ нимъ знамена.

Похороны «некоронованнаго короля» произошли въ присутствіи короля со своей свитой, королевы съ придворными дамами—всѣ въ глубокомъ траурѣ, представителей иностранныхъ державъ и культурныхъ странъ, норвежскаго правительства въ полномъ составѣ, представителей стортинга и различныхъ депутацій. Религіозныя воззрѣнія Бьернсона не вызвали со стороны норвежскаго духовенства никакихъ грубыхъ нетактичностей. Оно ясно понимало, что церковная церемонія не оскорбитъ покойнаго писателя, который принялъ бы ее какъ выраженную по-своему дань уваженія къ его памяти принадлежащихъ къ государственной церкви людей. Лично же культурные норвежскіе пастыри, сознавая, насколько высоко стоитъ это дѣтище ихъ родины и ея сво-

бо итель, гордились тѣмъ, что хотя его тлѣнные останки будутъ покоиться поль сѣнью государственной церкви.

Культурная шведская національность цѣнила нравственный обликъ покойнаго, несмотря на его сеператизмъ. Сельма Лагерлефъ послала его женѣ телеграмму: «Передайте великому человѣку послѣднее прости и благодарность его ученицы». Въ день похоронъ послѣ рѣчи пасторовъ рѣчь произнесъ шведскій поэтъ Вернеръ фонъ-Гейденштамъ. «Ты былъ,—сказалъ онъ,—глазъ, которымъ норвежскій народъ видѣлъ свою собственную душу... Когда мы, шведы, думаемъ о Норвегии, мы думаемъ о тебѣ. Когда мы были раздражены, мы были раздражены противъ тебя. Теперь оба народа слѣдуютъ каждый своей дорогой, но иногда ихъ пути скрещиваются передъ могилой великихъ людей. Все, что интеллектуально, наше общее достояніе. Наши языки родственны, наша кровь, наше будущее, сходное между собой, свидѣлствуютъ это. Ты былъ вождь. Ты еще вождь, вождь даже въ смерти».

Пышныя похороны скромнаго вожды демократической «мужицкой» Норвегии вызвали у другого ея писателя замѣчаніе, что могло бы быть поменьше театральности у его смертнаго одра. Его величайшій предшественникъ въ нашей странѣ заболѣлъ въ пещерѣ и умеръ въ хижинѣ. Но тутъ же поправляется и прибавляетъ: «Да, но зато Бьернсонъ въ свое лучшее время былъ настолько богато одаренъ и такъ великъ, что память о немъ охотно примиряется съ слабостями, проявленными имъ и его окружающими за послѣднее время».

Имѣніе Ауленстадтъ, гдѣ провелъ многіе годы Бьернсонъ и куда вложилъ не мало денегъ, особенно на поддержку плотины, защищающей домъ, хотѣло пріобрѣсти норвежское правительство для музея его имени, но не могло осуществить этого плана и его покупаютъ его почитатели съ тою же цѣлью. Копенгагенская королевская библіотека устроила выставку портретовъ, рукописей и книгъ Бьернсона.

Есть люди, у которыхъ родина въ широкомъ смыслѣ слова,—весь міръ, такъ любвеобильно ихъ сердце и чутко къ страданіямъ каждаго, къ какой бы націи онъ ни принадлежалъ. Нація для нихъ—человѣчество въ прекрасномъ чистомъ смыслѣ слова, когда вопросъ касается слабыхъ, угнетаемыхъ сильными. Къ такимъ свѣтлымъ, яснымъ личностямъ принадлежала славная польская представительница новой польской литературы Элиза Ожешко, урожденная Павловская, скончавшаяся 10 мая на 68 году жизни въ Гродно. По происхожденію, она принадлежала къ польскимъ дворянамъ и родилась въ 1842 году въ помѣщичьей усадьбѣ въ Волыни. Окружающая обстановка разнузданной помѣщичьей жизни не коснулась чистой души будущей писательницы; напротивъ, она поняла всю ея грязную сторону, и тогда уже въ ея сердцѣ загорался пламень любви къ несчастному, забитому, голодному мужику. Уже то обстоятельство что прахъ писательницы сопровождала толпа въ 20,000 человѣкъ, не считая учащейся молодежи, чуткой ко всему прекрасному, свидѣлствуетъ о громадной популярности «защитницы всего, что возвышено и прекрасно, неутомимой въ борьбѣ за слабыхъ и угнетенныхъ, до самопожертвованія преданной своему краю и народу», какъ сказано въ телеграммѣ отъ польскаго «кола». «Міръ кажется пустымъ и печальнымъ, но попробуйте оживить его любовью и вы увидите,

что онъ полонъ смысла и интереса... жизнь человѣческая даетъ намъ много источниковъ, изъ которыхъ мы можемъ черпать бальзамъ... Нужно только уметь возвышаться до любви и преклоненія»,—въ этихъ словахъ вылилось все міросозерцаніе, вся душа славной польской писательницы, согрѣвавшей, какъ солнце своею любовью всѣхъ приближавшихся къ ней.

Шестнадцати лѣтъ выйдя замужъ за помѣщика Ожешко, она расходится чрезъ четыре года съ мужемъ, котораго послѣ мятежа 1865 года сослали въ Сибирь, и отдается литературѣ. На литературномъ поприщѣ Элиза Ожешко выступила въ 1866 году, въ періодъ особенно лихорадочной общественной дѣятельности польскаго общества, только что очнувшася послѣ возстанія 1863 г. со всѣми его послѣдствіями. Въ это время поляки, возбужденные событіями, были настроены не въ романтическомъ духѣ и склонялись къ позитивизму. Но Элиза Ожешко, отъ природы мягкая, нѣжная, женственная, еще была въ то время полна сентиментальныхъ чувствъ, желанія служить чистому искусству, и ни обстоятельства, ни настроеніе общества не измѣнили ея сентиментально-романическаго направленія, поэтому и языкъ въ этихъ произведеніяхъ отличается нѣкоторой напыщенностью. Ея дебютъ состоялся въ «Tygodn. Illustr». Однако мало-по-малу она стала выходить изъ волшебнаго круга поэзіи и приглядываться къ дѣйствительности, къ прозаическому міру окружавшихъ ее людей, евреевъ, хлопковъ изъ принѣманскихъ областей—Литвы и Бѣлоруссіи. Но и описывая неприглядную, грубую атмосферу трудящагося забитаго люда, она вносила женскую мягкость и поэзію. Въ первыхъ своихъ повѣстяхъ она, подражая Жоржъ-Зандъ, касается женскаго вопроса въ «Ostatnia milosc «Wklatce», «Na prakincyi». Послѣ нихъ появляются повѣсти воспитательнаго значенія, гдѣ Ожешко указываетъ на недостатки дурнаго воспитанія обоихъ половъ, а затѣмъ касается разныхъ сторонъ всѣхъ слоевъ общества. Ея рассказы собраны въ трехтомномъ изданіи: «Zgroznych sfer». Первое же ея произведеніе изъ народной жизни, «Картина изъ голодныхъ лѣтъ», въ художественномъ отношеніи стоитъ не высоко и тенденціозно. Но это была лишь проба; слѣдующія же ея повѣсти изъ крестьянской среды, какъ «Nizini», «Cham», «Dziurdowie», уже значительно лучше. Здѣсь видно, что писательница сознательно относится къ своимъ героямъ, глубоко поняла тайну крестьянской души, реально рисуетъ черты ихъ характера и относится къ нимъ не машинально, а задушевно, сердечно и сумѣла отыскать среди ихъ незатѣйливыхъ типовъ такой типъ, какъ у рыбака Павла Кобыцкаго въ—«Cham». Она не ограничивалась только средою хлопковъ; ея чуткая душа отыскивала и въ другихъ сферахъ среди темныхъ личностей свѣтлые, здоровые характеры. Глубоко гуманная по натурѣ, Ожешко освѣтила мрачныя и свѣтлыя стороны еврейскаго общества въ своемъ романѣ «Мейеръ Іозофовичъ», «Eli Makowerz» и «Могучій Самсонъ», гдѣ изобразила борьбу между талмудомъ и просвѣщеніемъ, съ чисто радикальной точки зрѣнія. Безпристрастно относясь безъ различія національности къ дурнымъ сторонамъ, какъ хлопковъ, такъ и пановъ съ ихъ гнилой, обветшалой нравственностью, какъ поляковъ, бѣлоруссовъ, такъ и евреевъ, она вноситъ, однако, теплый лучъ надежды, что вездѣ найдутся не одни дурные, но и хорошіе люди, люди совѣсти.

Въ романѣ «Nad Niemnem» и въ «Wep naté» она представила внутреннюю жизнь шляхетства и ихъ отношенія къ хлопамъ.

Современные вопросы не были ею оставлены безъ вниманія, и въ повѣстяхъ «Silmek smentarnik» и «Widma» она передаетъ зарожденіе социалистическихъ и нигилистическихъ идей въ бѣдномъ классѣ общества. Она написала не мало и публицистическихъ статей: между прочимъ «O patriotyzmie i kosmopolitizmie», «O Zydach», «O Kobietach» и т. д. Личные же ея взгляды выражены въ «Cicieiel Potgu». Не мало скорбѣла покойная писательница о слабыхъ сторонахъ польскаго народа, котораго она хотѣла вдохновить только къ прекрасному; но она утѣшалась тѣмъ, что «возвышалась до любви, до преклоненія». «Великое сердце», какъ гласитъ надпись на одномъ изъ вѣнковъ, могло утѣшиться при мысли, что ея гуманная дѣятельность, «ея обильный и плодотворный посѣвъ на родной нивѣ» оцѣнили и поняли не одни ея земляки, а всѣ, на кого пролились лучи ея горячаго, гуманнаго сердца. Польскіе писатели на ея юбилей, благодаря ея «за могучія силы, которыми вдохновляла общество, за богатые дары, положенные тобою въ сокровищницу литературы... за живительныя движенія, вызываемыя тобою въ душѣ, за культъ добра, правды и красоты, за обильный и плодотворный посѣвъ на родной нивѣ, за работу великую, за любовь пламенную»... нарисовали какъ нельзя яснѣе всю дѣятельность покойной писательницы. Всѣ произведенія Элизы Ожешко переведены на иностранные языки.

Ея смерть вызвала искреннее сожалѣніе не только среди поляковъ, но и другихъ національностей. Во многихъ городахъ, а также въ Петербургѣ, какъ въ костелахъ, такъ и въ еврейскихъ синагогахъ служили панихиды. Въ день похоронъ еще до разсвѣта передъ ея домомъ собрались густыя толпы народа. Впереди гроба шли делегаты культурныхъ и просвѣтительныхъ обществъ и воспитанницы дѣтскаго дома имени Элизы Ожешко. На пути слѣдованія похоронной процессіи всѣ магазины были закрыты, и фонари обвиты траурнымъ флеромъ. Надъ могилою произнесено было не мало рѣчей, и между прочимъ директоръ варшавскаго театра Катарбинскій отмѣтилъ челолюбивый характеръ писательской дѣятельности Ожешко, которая вносила въ народъ проповѣди любви и служенія обездоленнымъ. Варшавскій адвокатъ Кинскій указалъ на любовь Ожешко къ дѣтямъ, любовь, озарявшую золотымъ, солнечнымъ свѣтомъ всю ея жизнь. За порядкомъ на похоронахъ предоставили слѣдить молодежи. Однако отступкамъ любвеобильной и гуманной писательницы, при разлукѣ съ этимъ міромъ, пришлось еще разъ быть свидѣтельницей его темныхъ сторонъ. Евреи, съ своей стороны, хотѣли отблагодарить гуманную писательницу, находившую и среди нихъ не только дурныя, но и хорошія стороны, и приготовили рѣчь на древнееврейскомъ языкѣ, разрѣшенную, между прочимъ, губернаторомъ, но нѣкоторые члены похороннаго комитета изъ польскихъ националистовъ по причинѣ ли, что разрѣшенное не всегда дозволено или изъ узкаго религіознаго фарисейства нашли неумѣстнымъ, чтобы надъ могилою автора «Мейера Юзефовича» прозвучала еврейская рѣчь. Этотъ инцидентъ былъ единственнымъ диссонансомъ среди всеобщаго дружнаго проявленія скорби. Послѣ скончавшейся писательницы осталась цѣнная бібліотека

въ 3,000 томовъ, которую она передала виленскому обществу любителей наукъ. Свой же капиталъ въ 30,000 руб. раздѣлила между родственниками со стороны мужа и своей долготѣной чтицей, а домъ отказала родственникамъ Обрембскимъ.

14-го мая научный міръ лишился знаменитаго представителя науки, одного изъ создателей современной бактериологіи, германскаго бактериолога Коха.

Родившійся въ Клодхаль Робертъ Кохъ въ 1848 г. окончилъ въ геттингенскомъ университетѣ медицинскій факультетъ, поступилъ въ 1862 г. ассистентомъ въ гамбургскую больницу Allgemeine Krankenhaus, а затѣмъ сдѣлался практикующимъ врачомъ въ провинціяхъ Ганверфъ, Лангенганфъ и Раквицъ. Затѣмъ былъ назначенъ въ Вольштейнъ. Въ Вольштейнѣ онъ впервые самостоятельно предпринялъ рядъ бактериологическихъ работъ надъ возбудителемъ сибирской язвы и надъ зараженіемъ ранъ, примѣнивъ совершенно новыя изслѣдованія, положившія основу современной бактериологической методики. Для этого онъ первый примѣнялъ плотныя искусственныя питательныя среды для выращиванія микроорганизмовъ, что давало возможность изолировать микробы другъ отъ друга и благодаря этому культуры различныхъ видовъ получались чистыя и этимъ облегчалось изученіе ихъ свойствъ. Означенными работами Кохъ оказалъ міру большую услугу, открывъ двери цѣлому ряду явленій, которыя до него были недоступны для изученія.

Означенные труды сильно выдвинули Коха, и въ 1880 г. онъ былъ назначенъ ординарнымъ членомъ имперскаго санитарнаго совѣта и долженъ былъ переселиться въ Берлинъ. Здѣсь онъ занялся изслѣдованіемъ туберкулеза и открылъ его бациллъ, туберкулезную палочку, окрещенную впоследствии въ его честь «Коховской палочкой». Въ 1882 г. онъ опубликовалъ этотъ трудъ, давъ способъ выращивать ее внѣ живого организма, что дѣлало возможнымъ изучать свойства этого микроба и пути его распространенія. Не останавливаясь только на причинахъ появленія туберкулеза, онъ сталъ работать и надъ способомъ его устраненія, результатомъ чего явился «туберкулинъ», знаменитый по тому скандальному шуму, который онъ произвелъ во всемъ свѣтѣ. Напрасно Вирховъ доказывалъ, что вспрыскиваніе въ организмъ лимфы можетъ образовать новыя болѣзненные явленія, а комиссія изъ госпитальныхъ врачей Парижа удостовѣряла ухудшенія отъ этого вспрыскиванія; больные стремились толпами къ Коху. Но винить Коха въ преждевременномъ возглашеніи чудодѣйственнаго средства—нельзя. Страшный бичъ туберкулезъ уноситъ столько жертвъ, что ждать не хватало терпѣнія, притомъ императоръ Вильгельмъ настаивалъ на этомъ. Много насмѣшекъ вынесъ Кохъ не только отъ профановъ въ области науки, но и отъ своихъ коллегъ. Однако это не смутило его, и онъ продолжалъ свои работы, тѣмъ болѣе, что за туберкулиномъ осталась нѣкоторая заслуга, если не какъ за исцѣляющимъ средствомъ, хотя были и такіе случаи, то какъ за хорошимъ діагностическимъ средствомъ къ изученію ядовъ и другихъ микроорганизмовъ, что привело къ излеченію другихъ болѣзней посредствомъ сыворотокъ, иммунизированныхъ этими ядами животныхъ.

Кохъ оказалъ еще не менѣе важную услугу, открывъ въ 1883 г. холернаго вибриона, изучивъ его свойства, путь распространенія и опасность во время хо-

лерныхъ эпидемій употребленія питьевой воды. Это открытіе онъ сдѣлалъ, находясь во главѣ холерной экспедиціи, отправленной Вильгельмомъ въ Египетъ и въ Индію. Императоръ вознаградилъ его за это научное открытіе, предложивъ ему премію въ 100.000 марокъ.

Въ дальнѣйшихъ своихъ изслѣдованіяхъ Кохъ пашель доказательство, что тифъ распространяется не только отъ питьевой воды, но также и посредствомъ передачи отъ человѣка къ человѣку. Съ 1900 г. онъ занялся специально изученіемъ болѣзней тропическихъ странъ, желая сдѣлаться національнымъ нѣмецкимъ врачомъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ, и уже на закатѣ лѣтъ онъ отважился отправиться въ африканскія колоніи, гдѣ изучалъ малярію и спячку. Скандалъ съ туберкулиномъ нѣмцы предали забвенію, и Кохъ пользовался заслуженнымъ уваженіемъ. Былъ періодъ, когда успѣхи фонъ-Веринга едва не затмили славы Коха, но Нобелевскую премію все-таки взялъ Кохъ въ 1905 г. Какъ злая насмѣшка судьбы, маститый ученый, имѣвшій дѣло съ разными заразными болѣзнями, не разу не подвергался имъ, а скончался отъ сердечной болѣзни. Онъ былъ уже два мѣсяца боленъ склерозомъ, вызвавшимъ 'болѣзнь сердечныхъ сосудовъ', но все-таки была надежда на выздоровленіе и онъ чувствовалъ себя лучше. Прибывъ же въ Баденъ въ сенаторію Денглера и Фрея, онъ слегъ и болѣе не вставалъ: его сердце съ каждымъ днемъ ослабѣвало, и наступила роковая катастрофа. Кохъ былъ два раза женатъ, съ первой женой онъ разошелся, и вторично женился въ 1894 г. на актрисѣ Фернброкъ, игравшей на сценѣ подъ дирекціей Барная въ 1890—93 г. Она сопровождала повсюду Коха, даже въ Африку. Какъ и слѣдовало ожидать отъ научнаго бактериолога, свои останки Кохъ приказалъ предать кремаціи.

19-го мая новаго стиля въ Парижѣ скончалась на 89 году жизни послѣдняя живая реликвія, оставшаяся послѣ Ивана Сергѣевича Тургенева, — знаменитая пѣвица Полина Віардо. Дочь испанскаго композитора комическихъ оперъ, пѣвица и талантливаго актера, происходившаго изъ севильскихъ цыганъ, Мануэля Виченте изъ Пополо, по сценѣ Гарсіа, она унаслѣдовала отъ отца вмѣстѣ съ голосомъ и геніальнымъ артистическимъ талантомъ необыкновенно страстный южный темпераментъ, наэлектризовывавшій слушателей. Насколько музыкальны были всѣ члены семьи Гарсіа, видно изъ того, что, когда въ 1823 г. онъ отправился въ Америку, гдѣ объѣзжалъ города, давая оперныя представленія, то его группа состояла исключительно изъ него самого, его жены, сына, дочери, будущей Малибранъ, и дяди, исполнявшаго маленькія роли. Въ это время Полинѣ Віардо шелъ четвертый годъ и, по словамъ неизвѣстнаго автора въ «Figaro», она впервые пожала тамъ сценическіе лавры, но въ какой роли — авторъ не называетъ. Хотя дѣла отца шли такъ успѣшно, что онъ подумывалъ поселиться въ Нью-Йоркѣ, но несчастный случай лишилъ его всѣхъ денегъ: на семью Гарсіа напали разбойники во время переѣзда изъ Мексики въ Вера-Круцъ и отобрали всѣ деньги. Маленькая Полина уже въ Мексикѣ начала брать уроки музыки у органиста мексиканскаго собора Марка Вега, первые же уроки пѣнія давалъ ей отецъ на пароходѣ, возвращаясь въ Европу. Ей было въ это время семь лѣтъ.

Послѣ смерти Гарсіа въ 1832 г. она продолжала учиться пѣнію въ Брюсселѣ, гдѣ поселилась съ матерью. Находясь подъ наблюденіемъ сестры, знаменитой

Малибранъ, и брата, известнаго изобрѣтателя ларингоскопа, знаменитаго метода пѣнія, и до послѣдняго дня жизни (онъ умеръ 104 лѣтъ) дававшего уроки пѣнія въ Лондонѣ. Кромѣ пѣнія, она брала уроки музыки у Мензенбурга и Листа, а гармонію у Рейша. Сначала (1862 г.) она выступала въ частныхъ салонахъ, а затѣмъ въ благотворительныхъ концертахъ вмѣстѣ съ своимъ зятемъ, бельгійскимъ виолончелистомъ Берію, вторымъ мужемъ Малибранъ, потомъ она давала концерты въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Франкфуртѣ и наконецъ въ 1838 г. въ Парижѣ. Однако ея феноменальный голосъ, бравшій нижнее фа въ малой октавъ и верхнее до, какъ чистое меццо-сопрано самаго нѣжнаго тембра, произвелъ такой фуроръ, что 9-го мая 1839 г. ее пригласили въ лондонскій King's theatre, гдѣ она выступила въ роли Дездемоны. Шумный успѣхъ заставилъ директора парижской итальянской оперы Віардо пригласить ее къ себѣ, а чрезъ два года жениться на ней. Ея популярности не мало способствовали лингвистическія познанія; она могла пѣть по-французски, англійски, испански, по-русски съ прекраснымъ выговоромъ, не вызывавшимъ улыбки. Ея драматическій талантъ, гениальная способность схватывать мысль композитора вмѣстѣ съ чуднымъ голосомъ заставили Мейербергера самого указать на нее какъ на исполнительницу роли Фидесъ. Ея артистическая, замѣчательно музыкальная натура угадывала скрывающіеся таланты и она всячески покровительствовала имъ, такъ было съ Гуно, Сень-Сансомъ, Массенэ и проч. Ея главнымъ триумфомъ былъ мейерберовскій «Пророкъ» и глюковскій «Орфей», «Альцестъ» того же Глюка, который поставили на сценѣ парижской Вольшой оперы специально для нея не имѣлъ того успѣха, какъ «Орфей», и Полина Віардо послѣ этого случая уже не появлялась на сценѣ парижскихъ театровъ. Г-жа Віардо обязана славой главнымъ образомъ феноменальному голосу, пламенному темпераменту и врожденной артистической натурѣ; искусство же пѣнія было у нея не образцовое, доказательствомъ чего служитъ то обстоятельство, что ея голосъ слишкомъ рано измѣнилъ ей. Только десять лѣтъ она пѣла колоратурныя партіи, а затѣмъ перешла на драматическія. Въ концѣ двадцатилѣтней карьеры пѣвицы ея голосъ сталъ сдавать. Ей ставили въ вину, что она ради своего сценическаго успѣха какъ пѣвица и впоследствии какъ профессоръ пѣнія, вставляла во всѣ музыкальныя произведенія совершенно произвольные варианты и украшенія, достойныя порицанія. Поэтому Берліозъ, хорошо ее знавшій, имѣвшій съ нею дѣло по поводу «Ophéé» и «Alceste», хотя восторгавшійся ея манерой чувствовать и передавать произведенія Глюка, все-таки наотрѣзъ отказался впоследствии выбрать ее для роли Кассандры.

Ея музыкальныя произведенія довольно многочисленны: она написала много романсовъ, изъ которыхъ двѣнадцать русскихъ, шесть мазурокъ Шопена, переложенныхъ для голоса, шесть пьесъ для фортепiano и виолончели и три оперетки «Le dernier Sorcier», «L'Ogre» и «Grop de femmes», поставленныя ею въ Баденѣ. Какъ известно, для «Ogre» либретто написалъ Тургеневъ.

Появленіе Віардо въ Петербургѣ въ 1840 г. оставило глубокой слѣдъ въ русскомъ обществѣ: она плѣнила всѣхъ и покорила на всю жизнь колосса русской литературы Тургенева, превратила его въ пепелъ своей пламенной, жгучей страстной игрой и заставила забыть все ради нея. Обожаніе Тургеневымъ своего

кумира остается до сих пор загадкой; быть может, нѣсколько выяснятся невыясненные стороны ихъ отношеній, когда появится въ свѣтъ романъ Тургенева «Жизнь для искусства». Въ рукописи, къ сожалѣнію, не хватаетъ трехъ листовъ изъ середины. Она написана рукой Тургенева и хранилась въ потайномъ ящикѣ столика Полины Віардо. Къ ней приложена записка съ просьбой не печатать ранѣе десяти лѣтъ послѣ ея смерти. При некрасивой наружности Полины Віардо и, какъ говорятъ лица, знавшія ее, подъ старость даже непріятной, надо было обладать геніальнымъ талантомъ, исключительной натурой, чтобы остаться на всю жизнь кумиромъ такого художника, какъ Тургеневъ.

Ея музыкальный талантъ отчасти унаслѣдовали ея двѣ дочери и сынъ, но того артистическаго художественнаго пламеннаго темперамента она имъ не передала. Ея двѣ дочери не отличаются ни блестящими голосами, ни хорошей школой. Ея старшая дочь Эриль Віардо написала нѣсколько музыкальных произведеній и между прочимъ оперу «Lindoro», а ея сынъ извѣстенъ какъ виолончелистъ. До глубокой старости Віардо сохранила вполне ясный умъ и необычайную энергію.

Изъ учениковъ Полины Віардо вышло не мало знаменитостей..

22-го мая въ Парижѣ скончался шестидесяти лѣтъ Шарль Симонъ, сынъ знаменитаго политическаго дѣятеля, писателя и автора единственной написанной имъ пьесы «Zaza», обѣжавшей всѣ культурныя страны.

26-го мая въ Шарлотенбургѣ умеръ 76 лѣтъ нѣмецкій романистъ Юлій Вольфъ, не представлявшій крупной единицы въ литературномъ мірѣ и выступившій на литературное поприще въ 1870—80 гг. Не блестя художественными достоинствами, его романы, написанные стихами, интересны тѣмъ, что темы для нихъ онъ бралъ изъ старыхъ нѣмецкихъ сагъ и онѣ служили для ознакомленія подрастающаго поколѣнія съ характеромъ старинныхъ, народныхъ повѣрій. Его стихи тоже написаны преимущественно для юношества и включены въ хрестоматіи для народныхъ школъ.

Въ первой половинѣ іюня въ Италіи скончался популярный писатель Филиппо Цамбони, бывшій гарибальдеецъ. Его трагедіи пользовались большимъ успѣхомъ, но онъ писалъ не исключительно пьесы, а касался также беллетристики и даже исторіи культуры.

С М Ъ С Ъ.

ВАДЦАТИНАТИЛѢТІЕ клиническаго института. Императорскій клиническій институтъ великой княгини Елены Павловны 21-го мая справлялъ 25-лѣтіе своего существованія. Однимъ изъ послѣднихъ желаній великой княгини Елены Павловны, по мысли покойнаго проф. Э. Э. Эйхвальда, было устроить учебное заведеніе для усовершенствованія врачей. Въ 1871 году государь императоръ Александръ II повелѣлъ предоставить въ распоряженіе великой княгини участокъ земли на Преображенскомъ плацѣ для сооруженія лечебно-врачебнаго учрежденія; однако кончина великой княгини помѣшала осуществить это предначертаніе при ея жизни, тѣмъ не менѣе основная мысль объ учрежденіи клиническаго института не была оставлена и послѣ кончины ея была приведена въ исполненіе особой комиссіею. Зача-токъ капитала на учрежденіе института составили 75,000 р., которые еще при жизни великой княгини, по ея распоряженію, были отложены въ особый фондъ имени проф. Эйхвальда на нужды будущаго института. Затѣмъ правительствомъ было дано единовременное пособіе на сооруженіе института и на его содержаніе. Въ 1885 году проектъ положенія объ институтѣ былъ утвержденъ. До 1894 года институтъ находился въ вѣдомствѣ учрежденій великой княгини Елены Павловны и подчинялся совѣту этого вѣдомства въ административномъ и финансовомъ отношеніяхъ. Въ 1894 г. институтъ перешелъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. Съ открытіемъ въ 1885 г. клиническаго института явилась для врачей возможность заниматься не только тѣми или другими научными изысканіями въ различныхъ отрасляхъ медицины, но и посвятить себя чисто практическимъ занятіямъ въ кабинетахъ, лабораторіяхъ, клиникахъ и поликлиникахъ инсти-

тута. Мысли объ обязательном преподаваніи и о государственныхъ испытаніяхъ на пріобрѣтеніе правъ врачебной практики проф. Эйхвальдъ противопоставилъ идею о вольной медицинской школѣ, не дающей никакихъ правъ, но свято вѣрующей въ любовь русскихъ врачей къ наукѣ и въ сознательное ихъ отношеніе къ священнымъ задачамъ врачеванія. Лучшимъ доказательствомъ, что институтъ по своимъ задачамъ и цѣлямъ явился желаннымъ учрежденіемъ не только для молодыхъ, но и для опытныхъ врачей, было то, что уже въ первый годъ его существованія пришлось устраивать параллельные курсы, такъ какъ записавшееся на объявленные курсы число врачей превзошло первоначальныя ожиданія преподавателей института. Съ каждымъ послѣдующимъ годомъ его дѣятельности увеличивалось какъ число слушателей такъ и количество читаемыхъ лекцій. Самымъ блестящимъ періодомъ дѣятельности института были первыя пять лѣтъ его существованія. Во главѣ института стояли выдающіеся клиницисты: проф. Эйхвальдъ и проф. Монастырскій. Преждевременная смерть Эйхвальда принесла громадный ущербъ институту, наукѣ и обществу. Послѣдующіе замѣстители проф. Эйхвальда, въ качествѣ директора, профессора: Афанасьевъ, Склифосовскій, Тилингъ и Долгановъ, заботясь о процвѣтаніи института, вмѣстѣ съ тѣмъ усиленно хлопотали о дальнѣйшемъ его расширеніи. На долю Н. К. Склифосовскаго выпали заботы о приведеніи въ исполненіе наиболѣе важныхъ и крупныхъ проектовъ расширенія института. Въ 1891 г. Н. И. Жуковской были завѣщаны 150,000 р. на постройку новаго павильона и на содержаніе въ немъ десяти пациентокъ. Одновременно съ постройкой павильона Жуковской стали строить операционное зданіе для нуждъ гинекологическаго, офталмологическаго и второго хирургическаго отдѣленій. Зданія эти начали функционировать съ осени 1894 г. Въ 1897 г. было приступлено къ постройкѣ амбулаторнаго зданія и изоляціоннаго павильона. Осенью 1898 г. эти зданія были окончены и открыты. Въ 1905 г. былъ открытъ патологическій институтъ. Въ такомъ видѣ представляется институтъ въ настоящее время. Жизнь предъявляетъ все новыя требованія, и теперь уже разрабатываются проекты постройки цѣлаго ряда зданій для новыхъ клиникъ и для увеличенія старыхъ. При открытіи института въ 1885 г. было всего два отдѣленія, по 40 кроватей въ каждомъ; одно для больныхъ внутренними болѣзнями, а другое для хирургическихъ больныхъ. По другимъ специальностямъ были только поликлиники. Сверхъ того, имѣлись каѳедра патологической анатоміи и каѳедра физиологіи. Съ 1896 г. институтъ имѣетъ уже семь штатныхъ каѳедръ: терапіи, хирургіи, патологической анатоміи, гигиены съ бактериологіей, гинекологіи, офталмологіи и неврологіи. Для пяти каѳедръ имѣется пять постоянныхъ клиническихъ отдѣленій съ 140 кроватями и шесть кроватей въ изоляціонномъ павильонѣ. По другимъ специальностямъ практической медицины лекціи читаются поликлинически почетными профессорами, консультантами и доцентами, въ общемъ 71 курсъ. Уже одно подобное перечисленіе указываетъ на прогрессивное развитіе институтской дѣятельности и что эта четверть вѣка не осталась безъ пользы для науки и общества. Въ настоящее время попечителемъ института состоитъ его высочество герцогъ Михайлъ Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкій.

Полувѣковой юбилей апостола Японіи ¹⁾. 30-го іюня сего года исполнилось ровно 50 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ преосвященный Николай получилъ благодать священства и тотчасъ отправился на дѣло благовѣстія о Христѣ въ далекую японскую землю. Маститый юбиларь родился 1-го августа 1836 г. въ с. Егорѣвъ на Березѣ, Бѣльскаго уѣзда Смоленской губерніи. Родители его были бѣдные люди изъ духовнаго званія. По окончаніи курса въ смоленской духовной семинаріи Іоаннъ Дмитріевичъ Касаткинъ (такъ звали въ мірѣ преосв. Николая), какъ лучший воспитанникъ, былъ посланъ на казенный счетъ для продолженія образованія въ петербургскую духовную академію, каковую онъ блестяще и окончилъ въ 1860 г. Тотчасъ же по окончаніи академическаго курса онъ былъ назначенъ консульскимъ священникомъ въ гор. Хакодате съ предложеніемъ заняться миссіонерствомъ среди японцевъ. 24-го іюня 1860 г. Іоаннъ Дмитріевичъ былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Николай; 29-го іюня его рукоположили въ іеродіакона, а на слѣдующій день во іеромонаха. По пріѣздѣ въ Японію молодому миссіонеру пришлось во многомъ разочароваться. Тогда эта страна только что была открыта для европейцевъ. Несмотря на это, японцы не только чуждались всѣхъ «бѣлыхъ чертей», но открыто ненавидѣли ихъ, бросали въ европейцевъ камни или изъ-за угла рубили саблями. Что же касается христіанства, съ которымъ Японія познакомилась еще въ XVI-мъ вѣкѣ отъ португальскихъ миссіонеровъ, то, подъ впечатлѣніемъ некорректнаго образа дѣйствій католическихъ іезуитовъ того времени, на эту религію у японцевъ составилъ взглядъ, какъ на такую секту, къ которой могутъ принадлежать только отъявленные злодѣи. Японское правительство издало даже такой декретъ противъ христіанской проповѣди: «Если бы даже Самъ христіанскій Богъ явился въ Японію, то и Ему голову долой». Вотъ въ какой обстановкѣ пришлось дѣйствовать о. Николаю. Да и самъ онъ спасся отъ смерти только чудомъ. Къ нему однажды пришелъ фанатикъ-самурай, по имени Савабе. Въ рукѣ его былъ спрятанъ кинжалъ, которымъ онъ хотѣлъ убить русскаго миссіонера. И что же случилось? Христіанская кротость и мудрость послѣдняго не только обезоружили Савабе, но и побудили гордаго язычника креститься съ именемъ Павла. Съ тѣхъ поръ христіанская ревность этого пѣрвенца православія не знаетъ предѣловъ, и, посвященный во священника, о. Павелъ Савабе до сего дня является первѣйшимъ помощникомъ святителя Николая. Съ каждымъ годомъ число православныхъ въ Японіи быстро увеличивалось. Къ концу 1870 г. эта цифра достигла уже такихъ размѣровъ; что св. синодъ, въ силу ходатайства о. Николая, учредилъ въ Японіи русскую духовную миссію, начальникомъ которой былъ назначенъ онъ же, о. Николай, съ возведеніемъ его въ санъ архимандрита. 30-го марта 1880 г. состоялась его хиротонія во епископа, а 26-го марта 1908 г. о. Николай былъ возведенъ въ санъ архіепископа японскаго. Благодаря самоотверженной пятидесятилѣтней проповѣди архіепископа-подвижника, въ Японіи къ текущему году было налицо 31,538 православныхъ христіанъ. Эта цифра не пустой звукъ. Всякій изъ русскихъ, побывавшій въ Япо-

¹⁾ Сообщилъ С. Недачинъ.

ни, знаетъ, насколько популярно имя «Николай» не только у христіанъ, но и у язычниковъ любого японскаго города. Твердо памятуя о своемъ призваніи касаться только того, что «Божіе», не касаясь «дѣлъ кесаревыхъ», владыка Николай этимъ самымъ заслужилъ глубокое уваженіе не только японскаго народа, но и правительства. Насколько уваженіе японцевъ велико къ имени нашего архипастыря, горячо любящаго Россію и ея вѣрнаго сына, можно видѣть изъ того факта, что, когда, послѣ заключенія мира съ русскими, японская чернь разрушала и грабила католическія и протестантскія миссіи въ гор. Токио, русская осталась неприкосновенною, несмотря на то, что демонстративная масса озлобленнаго народа проходила мимо ея зданій. Владыка Николай отлично изучилъ характеръ японцевъ. Прекрасно владея японскимъ языкомъ, архіепископъ давно уже познакомился съ литературой, исторіей, классиками не только японскими, но и китайскими. Проповѣдуетъ онъ всегда по-японски. На японскомъ же языкѣ совершается и православное богослуженіе. Достаточно даже самаго бѣлаго взора на дѣла его рукъ, чтобы убѣдиться въ великой плодотворности этого апостольскаго служенія. Взгляните, напр., на громаднѣйшій, величественнѣйшій Воскресенскій соборъ, гордо красующійся на высокомъ холмѣ Суругадай въ гор. Токио. Сколько въ немъ красоты и богатства! Все это добыто о. Николаемъ послѣ усиленныхъ стараній и просьбъ у своихъ соотечественниковъ, жертвовавшихъ и рублями и копейками. А сколько такихъ храмовъ, конечно, менѣе грандіозныхъ, разсѣяно по лицу японской земли. Послѣ русско-японской войны владыкою построены храмъ на пожертвованія одной русской дамы въ гор. Мануяма, гдѣ погребены 97 русскихъ воиновъ, а также строится подобный же храмъ-памятникъ въ гор. Осака, на могилѣ 89-ти портъ-артурскихъ героевъ. Много времени и силъ отдаетъ архіепископъ образованію православной японской молодежи. Имъ еще съ давнихъ поръ устроена духовная семинарія въ Токио, гдѣ въ текущемъ году обучаются 67 учениковъ (51 японецъ и 16 русскихъ). Преподаютъ въ ней японцы, часть которыхъ получила образованіе въ нашихъ духовныхъ академіяхъ. Въ женскомъ училищѣ гор. Токио обучаются 62 ученицы и въ Киото 24. Во время войны владыка усиленно заботился, чтобы русскіе плѣнные не оставались безъ духовнаго утѣшенія и предсмертнаго напутствія. Съ этою цѣлью имъ посылались священники-японцы во всѣ мѣста, гдѣ были раненные русскіе солдаты, для которыхъ по-русски совершалось богослуженіе. Кромѣ этого, владыка снабжалъ ихъ книгами, матеріальною помощію и, что всего дороже, преподавалъ духовное утѣшеніе. Такая дѣятельность владыки была въ 1905 г. оцѣнена съ высоты Царскаго престола. Въ рескриптѣ отъ 9-го октября говорилось: «...Вы явили передъ всѣми, что православная церковь Христова, чуждая мірскаго владычества и всякой племенной вражды, одинаково объемлетъ любовью всѣ племена и языки. Въ тяжкое время войны... вы, по завѣту Христову, не оставили вѣреннаго вамъ стада, и благодать любви и вѣры дала вамъ силу выдержать огненное испытаніе брани, и посреди вражды бранной удержать миръ вѣры и молитвы въ созданной вашими трудами церкви».

Юбилей А. Я. Ефименко. Избранная харьковскимъ университетомъ докторомъ русской исторіи honoris causa Александра Яковлевна Ефименко, по

случаю исполнившагося сорокалѣтія научно-литературной ея дѣятельности, читаетъ лекціи по южно-русской исторіи на петербургскихъ высшихъ женскихъ (Бестужевскихъ) курсахъ съ 1907 г. А. Я., какъ этнографъ, обратила на себя вниманіе въ 1870 г., когда она опубликовала свой трудъ «Словарь мѣстныхъ нарѣчій Архангельской губерніи». За этимъ трудомъ слѣдоваль рядъ изслѣдованій ея изъ жизни и быта кареловъ, лопарей, самоѣдовъ и др. сѣверныхъ народностей. А. Я. работала и по исторіи русской артели и общины, издавъ нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ наиболѣе крупнымъ является «Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ». Въ области народнаго права А. Я. Ефименко написано много отдѣльныхъ монографій и статей, какъ, напримѣръ, «Трудовое начало въ русскомъ народномъ правѣ», «Народный судъ въ западной Руси» и др. Начиная съ 80-хъ годовъ, А. Я. Ефименко посвящаетъ себя, главнымъ образомъ, историческимъ трудамъ по западно-русской и южно-русской исторіи. Ея перу принадлежитъ премированная «Исторія украинскаго народа». Многочисленныя статьи А. Я. печатались въ «Вѣстникѣ Европы» («Малорусское Дворянство»), «Русской Мысли» («Дворовое землевладѣніе южной Руси»), «Словѣ» («Южно-русскія братства»), «Кіевской Старинѣ», «Юридическомъ Вѣстникѣ», «Запискахъ императорскаго географическаго общества» и др. А. Я. Ефименко состоитъ членомъ императорскаго географическаго общества, психологическаго общества при московскомъ университетѣ, юридическаго общества при кіевскомъ университетѣ и многихъ другихъ ученыхъ обществъ. А. Я. Ефименко въ настоящее время 62 года отъ роду. Избраніе харьковскимъ университетомъ А. Я. Ефименко докторомъ русской исторіи послѣдовало по предложенію профессора Багалѣя. Въ виду того, что университетскій уставъ не предусматриваетъ дарованія женщинамъ ученыхъ степеней *honoris causa*, но и не противорѣчитъ этому, совѣтъ университета постановилъ, во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній, ходатайствовать передъ министромъ народнаго просвѣщенія объ утвержденіи избранія А. Я. Ефименко въ особомъ порядкѣ и просить его повергнуть это дѣло на благоусмотрѣніе Государя Императора.

50-лѣтіе врачебной дѣятельности проф. Л. Л. Гиршмана. 30-го мая исполнилось пятидесятилѣтіе врачебной дѣятельности извѣстнаго русскаго окулиста, профессора и директора глазной клиники харьковскаго университета Леонарда Леопольдовича Гиршмана. Получивъ образованіе въ харьковскомъ университетѣ, Л. Л. работалъ долгое время въ лабораторіяхъ Дюбуа-Реймона, Гельмгольца, Грефе, Іегера и др. Съ 1868 г. получилъ званіе приватъ-доцента глазныхъ болѣзней въ харьковскомъ университетѣ, а съ 1872 г. занялъ соотвѣтствующую кафедру. Л. Л. пользуется въ Россіи обширнѣйшею извѣстностью не только какъ первый окулистъ, но и большой гуманистъ. Нравственный обликъ Л. Л.,—какъ пишетъ популярнѣйшій въ Харьковѣ священникъ Шаповаловъ,—напоминаетъ великаго филантропа, покойнаго доктора Гааза. Несмотря на то, что торжественное чествованіе профессора Гиршмана отложено на осень, весь мыслящій Харьковъ восторженно встрѣтилъ юбилей Л. Л. Юбиляра на его квартирѣ привѣтствовали цѣлый рядъ депутацій: отъ медицинскаго общества, отъ правленія харьковскаго университета, отъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ и др. Юбиляромъ получено много привѣтственныхъ телеграммъ со всѣхъ концовъ Россіи и изъ-за границы.

Открытие памятника Петру Великому. 14-го іюня на набережной Невы, противъ арки стараго Адмиралтейства, торжественно открытъ памятникъ Петру Великому. Памятникъ этотъ является Высочайшимъ подаркомъ городу С.-Петербургу, былъ изваянъ скульпторомъ Бернштамомъ въ Парижѣ, одновременно съ тѣмъ памятникомъ, который недавно поставленъ у Дворцоваго моста, и изображаетъ царя въ качествѣ саардамскаго плотника. Петръ Великій съ топоромъ въ рукахъ работаетъ надъ остовомъ корабля. Размѣры новаго памятника такіе же, какъ и памятника у Дворцоваго моста. Съ утра мѣсто торжества украсили цвѣтами и мячами съ инициалами Государя Императора, поставленъ аналой и устланная коврами палатка. Народъ густой стѣной стоялъ на Сенатской площади, на набережной и въ Александровскомъ саду. Въ одиннадцатомъ часу прибыли со знаменами и хорами музыка войсковыя части, назначенныя въ парадъ. Въ одиннадцать часовъ утра прибылъ августѣйшій главнокомандующій войсками гвардіи и петербургскаго военного округа его императорское высочество великій князь Николай Николаевичъ, встрѣченный рапортомъ командующаго парадомъ начальника 22-ой пѣх. дивизіи г.-л. Ольхова. Въ сопровожденіи командира гвардейскаго корпуса ген.-адъют. Данилова, командовавшаго парадомъ, и высшаго военнаго начальства, августѣйшій главнокомандующій при звукахъ встрѣчи обходилъ фронтъ, здороваясь съ частями. Подъ звуки «Коль славень» къ памятнику приблизился крестный ходъ изъ Исаакіевскаго собора, во главѣ съ преосвященнымъ Никандромъ, епископомъ нарвскимъ. Началось богослуженіе, съ возгласеніемъ царскаго многолѣтія. Когда была возгласена «вѣчная память» въ Возѣ почивающему императору Петру I, спала завѣса, скрывавшая памятникъ. Войска взяли на караулъ, отдавъ установленную честь памятнику. Съ верковъ Петропавловской крѣпости загремѣлъ салютъ въ 101 выстрѣлъ. Великій князь обходилъ памятникъ, духовенство окропило его св. водой. Богослуженіе окончилось многолѣтіемъ христіюбивому всероссійскому воинству; крестный ходъ направился къ Исаакіевскому собору. Войска проходили передъ памятникомъ церемониальнымъ маршемъ; впереди войскъ шелъ и салютовалъ памятнику великій князь. Представители городского управленія имѣли счастье поднести его императорскому высочеству отъ городского управленія для великой княгини Анастасіи Николаевны букетъ изъ бѣлыхъ розъ, перевитый голубыми лентами. На памятникѣ двѣ надписи; съ лицевой стороны: «Царь Петръ I обучается корабельному дѣлу въ городѣ Саардамъ, въ Голландіи, въ 1697 году», а со стороны Невы: «Даръ Императора Николая II городу С.-Петербургу 27-го іюня 1909 года». У подножія возложенъ большой лавровый вѣнокъ, съ бѣлыми шелковыми лентами, на которыхъ золотыми буквами написано: «Императору Петру I с.-петербургское городское общественное управленіе».

Археологическія раскопки. По инициативѣ воронежской ученой архивной комиссіи, 23-го мая начаты археологическія раскопки подъ Воронежемъ. Окрестности Воронежа были обитаемы со временъ глубокой древности. Письменныхъ извѣстій объ этомъ не сохранилось, но подземные архивы этой мѣстности—земляныя насыпи, или такъ называемые курганы—хранятъ несомнѣнныя доказательства только что сказаннаго. Мѣстные археологи давно пытались при-

«истор. вѣстн.», июль, 1910 г., т. сxxi. 22

ступитъ къ изученію подземныхъ архивовъ въ окрестностяхъ Воронежа; но просьба о пособіи на это дѣло, обращенная къ высшему археологическому учрежденію, субсидируемому правительствомъ, была отклонена. Императорская археологическая комиссія отвѣтила, что изученіе окрестностей Воронежа не стоитъ для нея на ближайшей очереди. Это, однакоже, не помѣшало императорской археологической комиссії въ тѣ же годы командировать въ предѣлы Воронежской губерніи своихъ агентовъ, снабжая ихъ командировочными суммами. Членамъ воронежской ученой архивной комиссії пришлось въ нынѣшнемъ году покрывать расходы по раскопкамъ путемъ подписки между собою. Расходы окупилась сторицею. Такъ, манившіе къ себѣ любителей старины воронежскіе курганы оказались заслуживающими самаго серьезнаго вниманія. Въ одномъ изъ кургановъ, обнаружено скифо-сарматское погребеніе съ конемъ. Найдены: золотая бляха съ изображеніемъ звѣря, нѣсколько золотыхъ же бляшекъ съ звѣринымъ орнаментомъ (левъ), пронизъ толстаго синяго стекла, на ней—нѣсколько глазковъ по сторонамъ. Въ ногахъ скелета—мѣдная чаша, въ особой нишѣ, съ бронзовыми съ прорѣзью украшениями конской сбруи, орнаментъ и здѣсь звѣриный; четыре бронзовые колокольчика болѣе верхка въ діаметрѣ и другіе золотые предметы найдены въ разныхъ мѣстахъ кургана и, повидимому, были разбросаны вмѣстѣ съ костями скелетовъ. Есть предположеніе, что курганъ въ періодъ глубокой древности былъ частью ограбленъ.

Петербургъ въ цифрахъ. Ростъ нашей столицы на основаніи статистическихъ данныхъ, составленныхъ статистическимъ отдѣленіемъ здѣшней городской управы рисуется такъ. Населеніе. Населеніе гор. Петербурга къ концу 1909 года, на основаніи данныхъ предыдущихъ переписей и учета населенія, произведеннаго въ 1906 году, а также данныхъ о естественномъ движеніи населенія, можетъ быть опредѣлено приблизительно въ 1,620,000 человекъ, а населеніе пригородовъ въ 307,000 человекъ. Брачность. Въ 1909 г. заключено было 9,609 браковъ, изъ которыхъ 403 приходится на долю лицъ, живущихъ внѣ Петербурга. Въ пригородахъ было заключено 1,110 браковъ. Не принимая въ расчетъ браковъ лицъ, живущихъ внѣ Петербурга, на каждую тысячу жителей города въ 1909 году приходится 5,8 браковъ, и въ пригородахъ менѣе 4. Въ пригородныхъ мѣстностяхъ брачность, и безъ того болѣе слабая, нежели въ городѣ, продолжаетъ съ каждымъ годомъ падать, давъ въ отчетномъ году только 3,7 браковъ на 1,000 жителей. Наибольшее количество браковъ падаетъ въ отчетномъ году на январь (2,440), апрѣль (1,622) и май (1,002), наименьшее—на мартъ (47) и декабрь (72). Рождаемость. Общее число живорожденныхъ въ Петербургѣ въ 1909 году составило 45,681 человекъ, а въ пригородахъ—7,930 человекъ, т. е. на каждую тысячу жителей города приходится 28,6 родившихся (безъ мертворожденныхъ), а въ пригородахъ—26,5. Мертворожденныхъ въ отчетномъ году было 1,989 въ городѣ и 267 въ пригородныхъ мѣстностяхъ. По отношенію къ общему числу родившихся мертворожденные въ 1909 году составляютъ 4,2 проц. Родившихся внѣ брака живыми въ 1909 г. было 8,372 въ городѣ и 982 въ пригородахъ: внѣбрачныхъ мертворожденныхъ было 718 въ городѣ и 78 въ пригородахъ. Такимъ образомъ родившіеся внѣ брака составляли 18,2 всѣхъ родившихся. Среди внѣбрачныхъ рожденій процентъ

мертворожденныхъ значительно выше, нежели среди брачныхъ. Смертность населенія. Въ отчетномъ году въ Петербургѣ (безъ пригородовъ) умерло 39,254 человекъ, что составляетъ 24,6 умершихъ на каждую 1,000 жителей. По сравненію съ прошлымъ годомъ, когда цифра умершихъ достигла 44,311 (28,6 умершихъ на 1,000 жителей), отчетный годъ долженъ быть признанъ относительно благополучнымъ. Въ отчетномъ году на высоту смертности, несомнѣнно, оказала вліяніе эпидемія холеры, отъ которой умерло въ городѣ 2,695 человекъ (1908 г.—3,390). Если исключить умершихъ отъ холеры, то коэффициентъ общей смертности понизится до 23. Какъ всегда, дѣтскій возрастъ даетъ значительную часть смертныхъ случаевъ. И въ этомъ году на возрастъ до 5 лѣтъ приходится 43,7 проц. всѣхъ смертныхъ случаевъ (въ 1908 г.—44 проц.). Меньше всего смертныхъ случаевъ даетъ возрастная группа 10—15 лѣтъ. На рабочій возрастъ, отъ 15 до 50 лѣтъ, падаетъ 40 проц. всѣхъ смертныхъ случаевъ. При сравненіи числа смертныхъ случаевъ среди мужчинъ и женщинъ приходится отмѣтить, что въ рабочемъ возрастѣ (отъ 15 до 50 лѣтъ) процентъ умершихъ мужчинъ выше, чѣмъ процентъ умершихъ женщинъ; среди первыхъ—36,6 проц., среди вторыхъ—23,9 проц. Въ старческомъ возрастѣ—наоборотъ; процентъ умершихъ мужчинъ—17,4 проц., умершихъ женщинъ—25,8 проц. Различіе это обуславливается возрастнымъ составомъ женскаго и мужскаго населенія, а именно среди женщинъ лица 50 лѣтъ и болѣе составляютъ болѣе значительный процентъ, чѣмъ среди населенія мужскаго. Среди общихъ причинъ смерти занимаетъ видное мѣсто бугорчатка легкихъ и другихъ органовъ, при чемъ мужчинъ отъ этой болѣзни умерло 17,5 проц. Больше всего жертвъ отдаетъ бугорчаткѣ рабочій возрастъ; въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ умерло 22 проц. всѣхъ умершихъ отъ бугорчатки мужчинъ, въ возрастѣ отъ 30 до 40 лѣтъ—22,4 проц. и отъ 40 до 50 лѣтъ—16,9, слѣдовательно, всего въ рабочемъ возрастѣ умерло 61,3 процента. Среди умершихъ въ Петербургѣ женщинъ на долю бугорчатки приходится значительно меньшій проц., а именно всего 6,4 проц., но въ распредѣленіи по возрастнымъ группамъ замѣчается, въ сравненіи съ мужчинами та разница, что рабочій возрастъ даетъ здѣсь еще болѣе значительный проц., чѣмъ среди мужчинъ; отъ 20 до 30 лѣтъ—38 проц., отъ 30 до 40 лѣтъ—28,5 проц., отъ 40 до 50 лѣтъ—18,7 проц., всего въ рабочемъ возрастѣ—85,2 проц. Въ пригородныхъ участкахъ зарегистрировано 7,470 смертныхъ случаевъ (въ 1908 г.—8,058); 4,099 мужчинъ и 3,371 женщина. Какъ и въ городѣ, и здѣсь число смертныхъ случаевъ уменьшилось. Санитарное дѣло. Санитарными врачами и ихъ помощниками произведено осмотровъ домовъ, гостиницъ, артельныхъ и угловыхъ квартиръ, фабрикъ, заводовъ и т. д.—58,741—больше противъ 1908 г. на 22,976 (въ 1908 г. сдѣлано осмотровъ 35,745), произведено дезинфекцій санитарными врачами—13,953, меньше, чѣмъ въ 1908 г. на 2,088, и сдѣлано оспопрививалій—12,732, меньше, чѣмъ въ прошломъ году, на 7,134 (въ 1908 г.—19,866); противохолерныхъ прививокъ въ 1909 г. санитарными врачами не дѣлалось (въ 1908 г. такихъ прививокъ было сдѣлано 15,733). Думскими врачами въ 1909 г. принято было вновь больныхъ 213,866 (въ 1908 г.—239,317), меньше противъ 1908 г. на 15,451. Визитовъ за счетъ города къ больнымъ на домъ сдѣлано 118,889 (въ 1908 году—117,720), въ томъ числѣ ночью 2,790 (въ 1908 г.—2,966). 38 вра-

чами-специалистами принято въ городскихъ амбулаторіяхъ на 4,486 приѣмахъ 29,321 больной, сдѣлавшихъ 59,914 посѣщеній. Среди ночлежниковъ, общее число которыхъ опредѣлилось въ 678,798, оказалось больныхъ инфекціонными болѣзнями 229, неинфекціонными—19,372. Общее число прививокъ, сдѣланныхъ городскимъ институтомъ, санитарными врачами и изоляціонными убѣжищами, достигло 66,340 (въ 1908 г.—65,297). Дѣятельность торгово-санитарныхъ врачей. Врачами названной группы произведено за годъ 71,266 осмотровъ рынковъ, базаровъ и заведеній, занятыхъ изготовленіемъ и продажей пищевыхъ продуктовъ. Въ 1909 г. въ городскія больницы поступило на излеченіе 135,592 человекъ (79,395 мужчинъ и 56,197 женщинъ), меньше противъ прошлаго года на 4,304 человекъ. Въ отчетномъ году уменьшилось поступленіе больныхъ съ заразными болѣзнями; въ 1908 г. такихъ больныхъ поступило 83,039, въ 1909 г. 72,664. Несчастные случаи съ людьми, убійства, самоубійства и покушенія на нихъ. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ статистическое отдѣленіе мѣстными полицейскими правленіями, общее число несчастныхъ случаевъ въ 1909 г. составляло 3,230, т. е. на 150 случаевъ болѣе, чѣмъ въ 1908 г. Убійствъ и покушеній на нихъ въ С.-Петербургѣ и его пригородахъ въ 1909 г. было 510 случаевъ (въ 1908 г.—415). Число самоубійствъ и покушеній на нихъ осталось почти безъ перемѣнъ, а именно: въ 1908 г. было 1,442 случая, въ 1909 г.—1,432. Небольшое число самоубійствъ произошло путемъ отравленія—829 случаевъ, или 57,9 проц. (въ 1908 г.—692 случая, или 47,9 проц.), затѣмъ слѣдуетъ самоотопленіе въ 301 случаѣ, или 21,0 проц. (въ 1908 году—427 случая, или 29,6 проц.), употребленіе оружія въ 189 случаяхъ или 13,2 проц. (въ 1908 г.—218 случаевъ или 15,1 проц.), удушеніе въ 112 случаяхъ, или 7,8 проц. (въ 1908 г.—103 случая, или 7 проц.); въ одномъ случаѣ имѣло мѣсто самосожженіе. Мотивы самоубійствъ указаны были лишь въ 790 случаяхъ, что составляетъ 55,2 процента общаго числа случаевъ самоубійствъ и покушеній на нихъ. Водоснабженіе. Всѣми тремя городскими водопроводными станціями было отпущено 9.097.781,000 ведеръ воды, что составляетъ 24,925 тысячъ ведеръ въ сутки вообще, или по 15,8 ведеръ на одного человекъ. По сравненію съ 1908 г., суточный отпускъ воды увеличился на 139 тысячъ ведеръ, суточный же расходъ на 1 человекъ уменьшился съ 16,9 ведеръ въ 1908 г. до 15,8 вед. въ 1909 г. Городскія желѣзныя дороги. Общее протяженіе линій городскихъ желѣзныхъ дорогъ на 1 января 1910 года достигало 210,60 верстъ. Подвижной составъ, обслуживающій эти линіи, состоялъ изъ: 385 моторныхъ вагоновъ, 140 прицепныхъ вагоновъ, 381 вагона конной тяги, 16 паровозовъ, 37 вагоновъ паровой тяги, 25 снѣгоочистительныхъ машинъ и 52 платформы. Кромѣ того, поддерживали рейсы 5 каретъ и 14 саней. Общее число лошадей къ 1 января 1910 г. достигало 1,579. Число служащихъ городскихъ желѣзныхъ дорогъ на 1 января 1910 г. составляло 6,729 человекъ. Движеніе по городскимъ желѣзнымъ дорогамъ, благодаря введенію электрической тяги на всѣхъ линіяхъ 1-й очереди, было въ отчетномъ году весьма интенсивно и значительно (на 29,8 пр. превысило движеніе за минувшій годъ). Въ отчетномъ году было перевезено 193.386,408 пассажировъ, а въ 1908 г.—148.968,476 пассажировъ. Скотопригонный дворъ и подвозъ мяса по желѣзнымъ дорогамъ. Оборотъ скотопри-

гоннаго двора въ 1909 г. выразился въ слѣдующихъ цифрахъ: пригнано было крупнаго рогатаго скота 280,087 головъ и мелкаго—144,952 головы. Изъ данныхъ статистики видно, что уменьшается пригонъ черкаскаго скота и телятъ, пригонъ же всѣхъ остальныхъ животныхъ хотя и незначительно, но все-таки увеличился, причѣмъ особенно возрастаетъ пригонъ русскаго скота и свиней. Пожары. Въ 1909 году въ С.-Петербургѣ и его пригородахъ было 940 пожаровъ (въ 1908 г.—1,046), при которыхъ въ 526 случаяхъ пострадали недвижимаго имущества, а въ 414—горѣло лишь движимое имущество. Призрѣніе нищихъ. Въ распоряженіе присутствія по разбору и призрѣнію нищихъ поступило за годъ 12,504 человекъ. По степени работоспособности они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: трудоспособныхъ 10,641 человекъ, способныхъ къ легкому труду—934 человекъ, нетрудоспособныхъ—708 человекъ и убогихъ—221 человекъ.

Отчетъ о дѣятельности сиб. университета. 3-го іюня вышелъ «Отчетъ о состояніи и дѣятельности с.-петербургскаго университета» за истекшій годъ. Изъ отчета видно, что къ 1-му января 1910 г. въ петербургскомъ университетѣ, при 44 профессорскихъ кафедрахъ, состояло 72 профессора, 162 приватъ-доцента и 92 лаборанта и младшихъ преподавателей. Такимъ образомъ, весь преподавательскій персоналъ состоитъ изъ 326 лицъ. Оставленныхъ при университетѣ для подготовки къ профессорскому званію 92. Въ теченіе года ученыхъ степеней было присуждено: одна докторская и тринадцать магистерскихъ—докторская по восточному факультету, а магистерскія—четыре по филологическому, два по физико-математическому, четыре по юридическому и три по восточному. Почетныхъ членовъ университета—тридцать, среди нихъ восемь иностранцевъ. Студентовъ къ 1-му января 1910 года числилось 8.663, вольнослушателей и вольнослушательницъ—292, всего—8.955, въ томъ числѣ: филологовъ 724 (8,3 процента), юристовъ 4.598 (53,1 процента), математиковъ 1.344 (15,5 процентовъ), естественниковъ 1.821 (21,0 процента), восточниковъ 176 (2,1 процента). По сравненію съ предшествовавшимъ годомъ, число студентовъ увеличилось на 650 человекъ и число вольнослушателей на 70 человекъ.

По сословіямъ студенты распредѣляются слѣдующимъ образомъ: сыновей дворянъ и чиновниковъ 56,9 проц. (57,7 въ прошломъ году), духовнаго званія 4,9 проц. (5,1 проц.), почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й гильдіи—7,7 проц. (8,5 проц.), мѣщанъ, купцовъ 2-й гильдіи и ремесленниковъ 19,5 проц. (18,6 проц. крестьянъ 9,5 проц. (8,7 проц.), казачьяго сословія 0,5 проц., иностранныхъ подданныхъ 0,9, проц., инородцевъ 0,1 проц. По вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 72,1 проц., единовѣрцевъ 0,1 проц., армяно-григоріанъ 2 проц., католиковъ 7,6 проц., лютеранъ 5,5 проц., реформатовъ 0,3 проц., англиканъ 0,5 проц., караимовъ 0,2 проц., іудеевъ 10,8 проц., буддистовъ, ламайтовъ, меннонитовъ, старообрядцевъ, молочанъ, баптистовъ, конфуціанъ и сектантовъ по 0,1 проц. Содержаніе университета за годъ обошлось 799.369 р. 45 к. Кромѣ того, было выдано студентамъ пособій и стипендій на 34.654 р. 68 к. Университетская бібліотека состоитъ изъ 205.427 названій и 409,711 томовъ приблизительно на 895.616 р. 11 к.

Отъ комиссіи по вопросу о празднованіи 200-лѣтняго юбилея дня рожденія М. В. Ломоносова. Императорская академія наукъ, имѣя въ виду исполняющееся 8-го ноября 1911 г. двухсотлѣтіе со дня рожденія Ломоносова, постановила ознаменовать этотъ юбилей, между прочимъ, изданіемъ особаго Ломоносовскаго сборника, въ которомъ будутъ напечатаны статьи, касающіяся жизни и научной и литературной дѣятельности Ломоносова, составленіемъ особаго Ломоносовскаго отдѣла при библиотекѣ, а также устройствомъ выставки «Ломоносовъ и елизаветинское время». На выставкѣ этой будутъ собраны портреты великаго русскаго ученаго, его семьи и современниковъ, его покровительницы—императрицы Елизаветы Петровны и ея сотрудниковъ, а также представлено все елизаветинское время въ наиболѣе крупныхъ его культурныхъ событіяхъ, такъ или иначе связанныхъ съ именемъ Ломоносова, какъ, на примѣръ: основаніе московскаго университета, академіи художествъ и гимназій въ Москвѣ и Казани, начало русской журналистики, русскаго драматическаго и опернаго театра, основаніе морскаго корпуса, начало мозаичнаго дѣла, изданіе первой библии, упорядоченіе домашняго воспитанія и т. д. Подготовительныя работы къ составленію Ломоносовскаго отдѣла, изданію Ломоносовскаго сборника и по устройству выставки уже начаты академіею въ лицѣ особой комиссіи. Комиссія, сознавая всю сложность намѣченныхъ предположеній, постановила, въ послѣднемъ засѣданіи своемъ, обратиться, при посредствѣ повременной печати, ко всѣмъ лицамъ, которыя, обладая рукописями Ломоносова или документами, его касающимися, или же предметами, подходящими къ задачамъ выставки (какъ-то: книгами, портретами, художественными вещами, рукописями и т. п.), могли бы сообщить академіи или самыя предметы, или свѣдѣнія о нихъ. Академія глубоко убѣждена, что русскому обществу дорога память о Ломоносовѣ, и что академія встрѣтитъ общее сочувствіе и содѣйствіе осуществленію достойнаго чествованія памяти великаго русскаго ученаго. Сообщенія слѣдуетъ обращать по адресу: С.-Петербургъ, въ императорскую академію наукъ, непремѣнному секретарю.

Примѣчаніе. На основаніи Высочайше утвержденаго 22 апрѣля 1906 г. мнѣнія государственнаго совѣта: «1. императорской академіи наукъ предоставляется, сверхъ установленныхъ дѣйствующими постановленіями льготъ въ отношеніи почтовыхъ отправленій, право пересылки, безъ оплаты вѣсовымъ сборомъ, посылокъ въ закрытой—мягкой или твердой—упаковкѣ, со всякаго рода вложеніемъ, вѣсомъ до одного пуда. 2. Такія же (см. 1.) посылки, а также закрытыя письма вѣсомъ до одного фунта, адресованныя на имя академіи наукъ, принимаются на почту безъ оплаты вѣсовымъ сборомъ».

НЕКРОЛОГИ.

БЛОКОНСКАЯ, В. Н. 22-го мая, въ пять часовъ вечера, въ Харьковѣ тихо скончалась Валерія Николаевна Бѣлоконская, урожденная Яевандовская. По окончаніи гимназіи въ Херсонѣ она со всѣмъ пыломъ юности прониклась народническо-соціалистическимъ міросозерцаніемъ, — которому осталась вѣрна всю жизнь, — и, съ присущимъ ей стремленіемъ воплощать слова въ дѣло безъ всякихъ дальнѣйшихъ компромиссовъ, приняла участіе въ широкомъ идейномъ движеніи 70-хъ годовъ, извѣстномъ подъ названіемъ «хожденія въ народъ», которое для нея, какъ и для многихъ другихъ, закончилось ссылкой. Въ Сольвычегодскѣ она узнала о гоненіи на всю ея семью, причемъ старики-родители и двѣ сестры-подростка были высланы въ Архангельскую губернію. Въ Сольвычегодскѣ В. Н. пробыла недолго: за участіе въ какихъ-то протестахъ ссыльныхъ противъ дѣйствій администраціи она была выслана въ Сибирь, — сначала въ Красноярскъ, а потомъ въ Минусинскъ. Въ Сибири В. Н. встрѣтилась со своимъ будущимъ мужемъ, Иваномъ Петровичемъ Бѣлоконскимъ, съ которымъ дѣлила радость и горе болѣе двадцати лѣтъ. По возвращеніи изъ ссылки покойная всецѣло отдалась культурно-просвѣтительной дѣятельности и помощи всѣмъ страждущимъ, не исключая, конечно, и сидящихъ по тюрьмамъ. Послѣдняя ея дѣятельность, лишенная всякой партійной окраски, причиняла ей много непріятностей, вызывая частые обыски и даже подвергая ее неоднократному тюремному заключенію. Покойная всѣ эти непріятности переносила съ удивительнымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ, досадуя только на невольные перерывы въ ея дѣятельности. Послѣднія пятнадцать лѣтъ ея жизни были сплошнымъ подвигомъ на поприщѣ просвѣтительной дѣятельности. Сначала въ Орлѣ, потомъ въ Курскѣ и, наконецъ, въ Харьковѣ не было такого уголка культурной дѣятельности, къ которому покойная не приложила бы своего участія. Ея энергія заражала всѣхъ и многихъ равнодушныхъ вовлекала въ работу. Въ Харьковѣ «общество гра-

мотности», «общество трудящихся женщин» и всѣ учрежденія, какъ «народный домъ», «педагогическое бюро», «высшіе женскіе курсы», «гимназія для совмѣстнаго обученія дѣтей обоего пола», читальни и бібліотеки, поглощали всѣ ея силы, и никакія предупрежденія врачей не могли умѣрить ея работы. Прекрасный организаторъ, человекъ инициативы, она не чуждалась и черной работы: дежурила, составляла каталоги, выписки изъ книгъ. Еще въ прошломъ году, уже серьезно больная, она поѣхала на женскій съѣздъ въ Петербургъ, и, вернувшись оттуда, проѣздомъ въ Москвѣ, прохворала около мѣсяца, не вставая съ кровати. Но и прикованная къ постели она вела дѣятельную переписку съ Харьковомъ по дѣламъ «общества трудящихся женщинъ», и по частымъ и трогательнымъ справкамъ объ ея здоровьѣ видно было, какъ дѣятели этого общества цѣнили и дорожили дѣятельностью покойной. (Некрологъ ея: «Русскія Вѣдомости» 1910, № 120).

† **Кенигъ, І. І.** 22-го мая отъ кровоизліянія въ мозгъ скоропостижно скончался одинъ изъ старѣйшихъ педагоговъ--директоръ училища при евангелической лютеранской церкви св. Анны, дѣйствительный статскій совѣтникъ Іосифъ Іосифовичъ Кенигъ. Покойный родился въ 1845 г. въ австрійской Силезіи. По окончаніи вѣнскаго университета по филологическому факультету, І. І. былъ приглашенъ въ качествѣ учителя къ дѣтямъ бывшаго русскаго посла въ Вѣнѣ графа Штакельберга. По смерти посла онъ переѣхалъ въ Россію. Въ 1873 г. онъ сдалъ при юрьевскомъ университетѣ экзаменъ на званіе старшаго учителя гимназіи по древнимъ языкамъ. Въ слѣдующемъ году покойный поступилъ преподавателемъ въ училище при евангелической лютеранской церкви св. Анны въ Петербургъ и пробылъ въ этой должностн около десяти лѣтъ. Въ 1884 г. покойный былъ избранъ директоромъ училища св. Анны и въ этой должностн оставался до конца своей жизни. Покойный работалъ въ періодическихъ изданіяхъ по вопросамъ о воспитаніи юношества и написалъ два серьезныхъ изслѣдованія. У гроба покойнаго І. І. Кенига отслужены панихиды, на которыхъ присутствовали попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа графъ Мусинъ-Пушкинъ, директора многихъ гимназій, педагоги, ученики покойнаго и др. На гробъ возложены вѣнки отъ преподавателей, отъ учениковъ, отъ попечителей и др. (Некрологъ его: «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1910 г., № 126).

† **Котельниковъ, А. Н.** Въ ночь на 7-е іюня внезапно отъ разрыва сердца скончался литераторъ Артемій Назаровичъ Котельниковъ. Покойный, будучи родомъ изъ Астрахани, большую часть жизни провелъ въ Петербургѣ, долгое время занималъ мѣсто одного изъ редакторовъ при центральномъ статистическомъ комитетѣ. Служба здѣсь не удовлетворяла А. Н., и онъ неоднократно выступалъ въ печати съ рѣзкой критикой той рутинности, бюрократизма и отсталости, которыя такъ характерны для нашихъ казенныхъ статистическихъ учреждений. О переписи 1897 г. и пріемахъ ея разработки А. Н. выпустилъ нѣсколько обратившихъ на себя вниманіе брошюръ. Въ 1904 г. покойный оставилъ казенную службу и занялся цѣлкомъ литературно-издательскимъ дѣломъ. Когда возникла газета «Наша Жизнь», въ организаціи которой покойный принималъ живѣйшее участіе, имя Котельникова стояло рядомъ съ именемъ профессора Л. В. Ходскаго, въ качествѣ редактора этой газеты. Фактически покойный за-

нять былъ, главнымъ образомъ, хозяйственной частью, однако не избѣжалъ отвѣтственности по нѣкоторымъ изъ возбужденныхъ противъ этой газеты дѣлъ, нѣсколько разъ привлекался къ суду и подвергался карамъ въ видѣ штрафовъ. Въ послѣднее время онъ организовалъ журналы: «Запросы Жизни», «Жизнь Кавказа». Кроме того, покойный много трудился, какъ издатель и организаторъ различныхъ литературныхъ предпріятій. Книжный магазинъ, литературное справочное бюро, библіотека, литературное издательство, подъ фирмой «Наша Жизнь», и пр.,—все это обязано своимъ существованіемъ Артемію Назаровичу. Покойный давно страдалъ сердцемъ и скончался внезапно, оставивъ многочисленную семью. Многочисленные товарищи покойнаго по разнымъ изданіямъ съ искренней горечью и сердечной болью встрѣтили неожиданное сообщеніе объ этой преждевременно развершейся могилѣ. Имя А. Н. Котельникова связано съ бурными годами тревожной и напряженной борьбы. Въ передовыхъ рядахъ всегда можно было встрѣтить этого удивительно энергичнаго, на рѣдкость трудолюбиваго и корректнаго работника печати. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1910 г., № 155).

† **Кононовичъ, А. К.** Въ Одессѣ скончался профессоръ Новороссійскаго университета Александръ Константиновичъ Кононовичъ. А. К. Кононовичъ родился въ 1850 г. въ Екатеринославѣ. Поступивъ въ 1867 г. на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета въ Одессѣ, онъ окончилъ курсъ въ 1871 г. со званіемъ кандидата и былъ тогда же оставленъ при университетѣ на два года профессорскимъ стипендіатомъ. Выдержавъ магистерскій экзаменъ, покойный въ 1874 г. отправился за границу, гдѣ занимался астрономіей подъ руководствомъ профессора Вельнера. Въ 1876 г. онъ былъ назначенъ преподавателемъ математики въ Ришельевской гимназіи. Въ 1881 г. защитилъ магистерскую диссертацию, 12-го марта избранъ доцентомъ, принявъ въ завѣдываніе обсерваторію. Въ 1884 г. Кононовичъ защитилъ докторскую диссертацию и былъ избранъ профессоромъ по кафедрѣ астрономіи. Ординатуру получилъ въ 1886 г., а званіе заслуженнаго профессора въ 1906 г. Кононовичъ оставилъ нѣсколько ученыхъ работъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Нѣсколько разъ былъ деканомъ физико-математическаго факультета и исполнялъ также должность-онректора. Непосредственнаго участія въ общественной дѣятельности онъ не принималъ. Помимо университета, А. К. преподавалъ астрономію на высшихъ женскихъ курсахъ со времени открытія на нихъ соответственнаго отдѣленія. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12282).

† **Мецъ, М. О.** 18-го мая скончался одинъ изъ видныхъ и заслуженныхъ дѣятелей русскаго мореходства и предѣдатель императорскаго общества судоходства Михаилъ Федоровичъ Мецъ. За покойнымъ имѣются крупныя заслуги въ той области, которой онъ посвятилъ всю свою жизнь. Онъ съ рѣдкой любовью и знаніемъ дѣла организовалъ изученіе нашего Сѣвера и удовлетвореніе промысловыхъ нуждъ поморовъ, пасынковъ суровой природы. Въ восьмидесятыхъ годахъ, къ которымъ относится начало дѣятельности покойнаго въ этой области, существовалъ скептическій взглядъ на сѣверное побережье Россіи и на Мурманъ, бывшіе заброшенными въ государственномъ смыслѣ. М. О. въ сотрудничествѣ съ другимъ, нынѣ покойнымъ, дѣятелемъ М. И. Казіи освѣтилъ вопросы широ-

каго государственнаго значенія сѣверныхъ окраинъ и Мурмана и ему, тогдашнему дѣятельному работнику общества для содѣйствія русскому торговому мореходству, удалось довести до конца важныя начинанія: онъ создалъ вполне компетентный и дѣятельный комитетъ для помощи поморамъ русскаго Сѣвера, провелъ страхование поморскихъ судовъ, добился устройства промысловаго телеграфа на Мурманѣ и содѣйствовалъ осуществленію сѣти морскихъ пароходныхъ сообщений въ Бѣломъ морѣ и въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ, вылившихся въ данное время въ стройное и законченное дѣло. М. Θ. вмѣстѣ съ тѣмъ было организовано дѣло изученія русскаго Сѣвера въ промысловомъ отношеніи, для чего при содѣйствіи правительства посылались на Мурманъ и въ русскіе рыболовные районы спеціальныя экспедиціи. Покойный вкладывалъ въ это дѣло всю душу и дѣйствительно достигъ того, что кризисъ, давившій наше мурманское населеніе, смѣнился болѣе свѣтлыми днями: крайняя нужда была въ значительной мѣрѣ удовлетворена, промысловое вымираніе поморовъ остановилось. Въ восьмидесятыхъ годахъ М. Θ. основалъ спеціальныя печатныя органы для разработки морскихъ и промысловыхъ вопросовъ «Русское Судоходство», существующій до сихъ поръ. Двадцать лѣтъ назадъ покойный явился основателемъ общества судоходства, возникшаго изъ общества содѣйствія русскому торговому мореходству. По ходатайству предсѣдателя новому обществу дарованъ былъ титулъ императорскаго. Душою этого дѣла былъ М. Θ., работавшій съ тѣмъ же рвеніемъ на благо русскому морскому дѣлу. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12279).

† **Никандръ, архіепископъ**, 5-го іюня скончался внезапно архіепископъ литовскій и виленскій преосвященный Никандръ. Покойный владыка, въ мірѣ Николай Молчановъ,—сынъ дьякона московской епархіи. Родился онъ 1-го апрѣля 1852 г., окончилъ курсъ въ московской духовной академіи со степенью кандидата богословія. Начавъ свою дѣятельность преподавателемъ тамбовской духовной семинаріи, онъ защитилъ въ 1884 г. диссертацию: «Подлинность четырехъ евангелій» на степень магистра богословія. На слѣдующій годъ овдовѣлъ и постригся въ монашество, рукоположенный въ іеромонахи и возведенный въ санъ архимандрита съ назначеніемъ на должность ректора тамбовской духовной семинаріи. Съ этою семинаріей его дѣятельность была связана болѣе двѣнадцати лѣтъ и ей онъ посвятилъ свои лучшіе молодые годы. Въ 1891 г. владыка былъ назначенъ епископомъ нарвскимъ, первымъ викаріемъ петербургской епархіи. Съ этого года его служба сосредоточилась въ Петербургѣ, правда, не надолго. Бывъ послѣдовательно вторымъ и первымъ викаріемъ петербургской епархіи и находясь около двухъ лѣтъ во главѣ петербургской духовной академіи въ качествѣ ея ректора, преосвященный Никандръ былъ назначенъ въ 1895 г. епископомъ симбирскимъ. Онъ управлялъ симбирской епархіей около девяти лѣтъ, обративъ особенное вниманіе на развитіе въ епархіи церковно-приходскихъ школъ и учреждений благотворительнаго характера, обезпечивающихъ старость и инвалидность духовенства, ихъ вдовъ и сиротъ. Архіепископомъ литовскимъ и виленскимъ покойный былъ съ 1904 г. Въ это время онъ много поработалъ надъ поднятіемъ престижа православнаго духовенства въ Западномъ краѣ. Управляя епархіей, владыка одновременно былъ священно-

архимандритомъ виленскаго Святодуховскаго монастыря. Въ послѣдній годъ онъ присутствовалъ въ св. синодѣ на правахъ его члена. Умеръ преосвященный 58 лѣтъ. (Некрологъ его «Новое Время» 1910 г., № 12297).

† **Поповъ, А. Н.** 20-го мая на 71 году отъ роду скончался въ своемъ родовомъ имѣніи при селѣ Воробьевъ-Соболевъ, Смоленской губерніи, членъ первой государственной думы и старѣйшій земскій дѣятель А. Н. Поповъ. Какъ только были открыты земскія учрежденія, А. Н. былъ избранъ, имѣя 25 лѣтъ отъ роду, предсѣдателемъ череповецкой управы Новгородской губерніи, а въ 1872 г. онъ избирается уже предсѣдателемъ новгородской губернской управы, въ какой должности и состоялъ до 1883 г. Близкій сотрудникъ князя А. И. Васильчикова, А. Н. Поповъ стоялъ во главѣ земскаго дѣла Новгородской губерніи въ продолженіе десяти-одиннадцати лѣтъ, и его энергіи, отзывчивости и огромной работоспособности обязаны многія хорошія начинанія. Съ 1883 г. А. Н. переселяется въ Смоленскую губернію и съ прежней энергіей принимается за земское дѣло въ новомъ мѣстѣ. Долгое время онъ состоялъ предсѣдателемъ редакціонныхъ и ревизионныхъ комиссій смоленскаго губернскаго земства и не разъ выставлялся кандидатомъ въ предсѣдатели губернской управы, но всякій разъ уклонялся, будучи поглощенъ новымъ обширнымъ предпріятіемъ (съ 1894 г.), организованнымъ его покойной женой О. Н. Поповой—библиотекой и книгоиздательствомъ въ Петербургѣ. А. Н. Поповъ не дожидъ нѣсколько мѣсяцевъ до завершения поставленной имъ послѣднее время себя цѣли: съ осени этого года должна открыться женская учительская семинарія, отстраиваемая на пожертвованія А. Н. въ его родовомъ имѣніи Смоленской губерніи. Усиленные хлопоты, связанныя съ постройкой, сильно подкосили здоровье А. Н., явились сердечные припадки, и 20-го мая послѣдовала скоропостижная смерть. По желанію покойнаго, похороны состоялись въ имѣніи Воробьевъ-Соболевъ,—тамъ же, гдѣ погребена О. Н. Попова. (Некрологъ его: «Рѣчь» 1910 г., № 138).

† **Преображенскій, П. Я.** 19 мая умеръ П. Я. Преображенскій, служившій въ теченіе почти двадцати лѣтъ въ министерствѣ финансовъ. Ранѣе онъ посвятилъ себя педагогикѣ въ широкомъ смыслѣ и, кромѣ собственно преподавательской и воспитательской дѣятельности (многіе изъ его учениковъ занимаютъ теперь видное общественное или служебное положеніе), сотрудничалъ во многихъ дѣтскихъ журналахъ и одно время издавалъ подъ своей редакціей «Дѣтское Чтеніе». П. Я. обратилъ на себя вниманіе также и на поприщѣ публицистики появившимися въ 1882 г. въ «Новомъ Времени» двумя фельетонами: «Въ розгѣ ли спасеніе?». Покойный былъ человекъ очень мягкаго и отзывчиваго характера, благодаря чему пользовался всеобщою любовью и уваженіемъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12279).

† **Прокунинъ, В. П.** 1-го мая скончался въ Москвѣ извѣстный музыкальный педагогъ и собиратель русскихъ народныхъ пѣсенъ Василій Павловичъ Прокунинъ. Покойный родился въ январѣ 1848 года, въ селѣ Сосновкѣ Моршанскаго уѣзда Тамбовской губерніи. Выдающіяся музыкальныя способности В. П. стали проявляться чрезвычайно рано: еще не зная нотъ, онъ подбиралъ слышанное и фантазировалъ на фортепіано, а шести лѣтъ принималъ уже участіе въ концертѣ, устроенномъ его первымъ учителемъ Ѳ. В. Гравертомъ въ

Моршанскѣ. Переселившись въ 1861 г. въ Москву, В. П. бралъ уроки сперва у Виллуана (учителя братьевъ Рубинштейнъ), а потомъ у Оморэ. Впрочемъ, систематическія занятія музыкой были вскорѣ прерваны надолго, такъ какъ В. П. сначала вновь уѣхалъ въ деревню, а позже хотя и вернулся въ Москву, но поступилъ въ пансіонъ Циммермана, гдѣ получилъ среднее образованіе, а по окончаніи пансіона—на юридическій факультетъ московскаго университета. Только въ 1871 году, когда, по совѣту Н. Г. Рубинштейна, съ которымъ В. П. встрѣчался у общихъ знакомыхъ, онъ поступилъ въ московскую консерваторію, начались болѣе правильныя его занятія музыкой. Въ консерваторіи В. П. учился по классу фортепіанной игры сначала у Н. С. Звѣрева, а потомъ у Н. Г. Рубинштейна. Специальные теоретическіе предметы В. П. проходилъ подъ руководствомъ Чайковскаго и Губерта. Позднее начало правильныхъ занятій помѣшало прекраснымъ способностямъ В. П. развиться въ полной мѣрѣ, и покойный, отказавшись отъ карьеры виртуоза, посвятилъ себя педагогической дѣятельности. Кромѣ частныхъ уроковъ, В. П. преподавалъ въ музыкальныхъ школахъ Муромцевой и Коваленской, а также много лѣтъ въ московскомъ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ. Изъ многочисленныхъ учениковъ и ученицъ В. П. многіе пользуются извѣстностью въ музыкальномъ мірѣ. Кромѣ педагогической дѣятельности, покойный не чуждъ былъ и композиторства. Изъ его сочиненій напечатано немного (нѣсколько романсовъ). Но наиболѣе цѣнными изъ его трудовъ являются, безъ сомнѣнія, его сборники русскихъ народныхъ пѣсень: первый, вышедшій въ 1872—1873 году подъ редакціей Чайковскаго, и особенно второй (вышедшій въ 1889 г.), составленный имъ совместно со знатокомъ и любителемъ русской народной пѣсни, нынѣ тоже умершимъ Н. М. Лопатинымъ. Въ этомъ послѣднемъ сборникѣ В. П., одинъ изъ первыхъ сталъ при гармонизаціи народныхъ пѣсень вмѣсто сочиненія болѣе или менѣе удачнаго фортепіаннаго «аккомпанимента» записывать вмѣстѣ съ главнымъ голосомъ такъ называемые «подголоски» и изъ нихъ дѣлать фортепіанное сопровожденіе. Сборникъ В. П. Прокунина и Н. М. Лопатина до сихъ поръ остается однимъ изъ лучшихъ сборниковъ русскихъ народныхъ пѣсень. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1910 г. № 113).

† **Черняевъ, Н. И.** 13-го мая, въ четыре часа дня, на 57 году жизни, послѣ мучительной болѣзни, продолжавшейся много лѣтъ, скончался извѣстный литераторъ-журналистъ и видный общественный дѣятель Николай Ивановичъ Черняевъ. Покойный происходилъ изъ старой дворянской семьи Харьковской губерніи; родился онъ въ 1853 году, образованіе получилъ во второй харьковской гимназіи и на юридическомъ факультетѣ харьковскаго университета. По окончаніи университета въ 1875 году, Н. И. Черняевъ былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію для занятія каѳедры по исторіи русскаго права. Но въ покойномъ пробудились стремленія къ литературно-научной и журнальной дѣятельности, и съ конца 1881 года онъ оставилъ университетъ и всецѣло отдался литературной работѣ. Первая его статья: «Старинный харьковскій театръ», была помѣщена въ 1881 г. въ Древней и Новой Россіи». Съ конца же 1881 года покойный Николай Ивановичъ становится постояннымъ сотрудникомъ, а впоследствии и идейнымъ руководителемъ редакціи

«Южнаго Края», пока газета не измѣнила направленія. Въ огромной массѣ написанныхъ имъ на протяженіи почти четверти вѣка газетныхъ статей онъ являлся всегда стойкимъ и убѣжденнымъ борцомъ за исконныя начала русской государственности—самодержавіе, православіе и народность. Въ 1895—1897 годахъ Н. И. принималъ дѣятельное участіе въ московскомъ ежемѣсячномъ журналѣ «Русское Обозрѣніе»—органѣ монархистовъ, а позже въ харьковскомъ «Мирномъ Трудѣ», гдѣ имъ, между прочимъ, помѣщены «Мистика и идеологія русскаго самодержавія» и «Изъ записной книжки русскаго монархиста». Текущая журнальная работа не отвлекала его отъ научно-журнальныхъ трудовъ, и въ 1894 году выходитъ его трудъ «О русскомъ самодержавіи», въ 1897 году имъ былъ изданъ историко-критическій этюдъ «Капитанская дочка» Пушкина, въ 1898 году «Подраженія Корану», затѣмъ «Критическія статьи о Пушкинѣ» (1900 г.), «Харьковскій театральныи иллюстрированный альманахъ» (матеріалы для исторіи харьковской сцены, Харьковъ, 1900) и, наконецъ, въ 1901 году «Необходимость самодержавія для Россіи, природа и значеніе монархическихъ началъ» (этюды, статьи и замѣтки, Харьковъ, 1901 г.). Помимо литературной работы, Н. И. Черняевъ былъ виднымъ харьковскимъ адвокатомъ. Состоя присяжнымъ повѣреннымъ при харьковской судебной палатѣ и отличаясь блестящей эрудиціей и крупнымъ ораторскимъ талантомъ, Н. И. не гнался, однако, за адвокатской практикой, а принималъ защиту со строгимъ разборомъ, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда былъ убѣжденъ въ невинности обвиняемыхъ или въ необходимости облегченія ихъ участи. Покойный Николай Ивановичъ былъ глубоко вѣрующимъ, истиннымъ христіаниномъ, и вѣра въ послѣдніе годы его жизни, когда онъ лежалъ прикованнымъ къ постели тяжкой болѣзью, помогала ему со смиреніемъ и стоическимъ терпѣніемъ переносить тяжкія физическія страданія. Къ сожалѣнію, послѣдніе годы его жизни принесли ему и тяжкое нравственное испытаніе. Въ 1905 году издатель «Южнаго Края» А. А. Юзефовичъ рѣзко измѣнилъ направленіе газеты, круто повернувъ влѣво вслѣдъ за такъ называемымъ «освободительнымъ движеніемъ». Николай Ивановичъ наотрѣзъ отказался продолжать свое участіе въ газетѣ, любимомъ своимъ дѣтищѣ, прочно поставленномъ имъ на ноги при сотрудничествѣ идейныхъ его сторонниковъ, и почти совершенно отказался отъ журнальной работы, составляя свои воспоминанія и доживая свой вѣкъ въ кругу любимой и заботливой семьи. Покойный Николай Ивановичъ на всѣхъ знавшихъ его производилъ неотразимое впечатлѣніе. Всегда ласковый и привѣтливый, отличавшійся необыкновенной добротой, прямолинейностью и природнымъ живымъ юморомъ, онъ невольно привлекалъ къ себѣ сердца окружающихъ. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1910 г., № 113).

† **Янышевъ, І. Л., протопресвитеръ.** 13-го іюня скончался высшій руководитель придворнаго духовенства, духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, протопресвитеръ придворныхъ соборовъ Зимняго дворца и московскаго Благовѣщенскаго, докторъ богословія, отецъ Іоаннъ Леонтьевичъ Янышевъ. Имя покойнаго пользуется обширной и почетной извѣстностью въ богословскомъ мірѣ не только Россіи, но и за предѣлами ся. Его ученые труды и вообще ученая дѣятельность были посвящены главнымъ образомъ области

нравственнаго богословія и вопросу о старокатолицизмѣ. Онъ талантливо и убѣдительно выяснилъ значеніе нравственности, какъ прочнаго внутренняго настроя челоуѣка, выражаемаго въ поступкахъ, выставивъ основными нравственными требованіями—господство челоуѣка надъ тѣлесными потребностями и дѣятельную любовь, какъ единственное начало, соединяющее людей и дающее имъ здоровыя правовыя формы общежитія. Разрабатывая вопросъ о старокатолицизмѣ, отличномъ отъ латинства и лютеранства, покойный плодотворно послужилъ укрѣпленію симпатій старокатоликовъ къ православной церкви и ея ученію, ознакомилъ Россію съ старокатолическимъ движеніемъ, его характеромъ и цѣлями. Какъ челоуѣкъ, отецъ Іоаннъ былъ въ высшей степени цѣльной натурой, горячимъ проповѣдникомъ любви и правды. У него слово не расходилось съ дѣломъ, и его доброжелательство не имѣло границъ. Будучи духовникомъ Царской семьи съ 1883 г., покойный пользовался своимъ вліяніемъ, чтобы творить добро и ревностно заботиться о славѣ и благѣ православной церкви. Покойный о. Іоаннъ—сынъ дьякона калужской епархіи—родился 15-го апрѣля 1826 г. въ селѣ Сашкинѣ Тарусскаго уѣзда, воспитывался въ калужской семинаріи, высшее образованіе получилъ въ петербургской духовной академіи, въ которой окончилъ курсъ первымъ магистромъ и былъ оставленъ бакалавромъ для подготовленія къ профессорскому званію. Вскорѣ онъ принялъ священство и былъ назначенъ настоятелемъ русскихъ церквей въ Висбаденѣ. За границей молодой священникъ внимательно изучалъ мѣстную религіозную и бытовую жизнь. Въ это время появился его первый ученый трудъ «Историческій взглядъ на постепенное отдѣленіе западной церкви отъ православно-восточной» и было переведено имъ сочиненіе Я. К. Амфитеатрова: «Бесѣды объ отношеніи церкви къ христіанамъ» на нѣмецкій языкъ. Черезъ пять лѣтъ, въ 1856 г., І. І. былъ приглашенъ на кафедру богословія и философіи въ петербургскій университетъ. Онъ читалъ лекціи въ теченіе двухъ лѣтъ и пользовался среди молодежи такимъ сочувствіемъ и популярностью, что ему пришлось по нѣсколько разъ мѣнять аудиторіи на болѣе обширныя и наконецъ читать въ актовомъ залѣ. Въ 1858 г. о. Янышевъ былъ назначенъ настоятелемъ церкви при русскомъ посольствѣ въ Берлинѣ, черезъ годъ перемѣстился вновь въ Висбаденъ и въ 1864 году приглашенъ въ Копенгагенъ преподавать Законъ Божій и русскую словесность принцессѣ Дагмарѣ, нынѣ Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, бывшей тогда невѣстой. Эти обязанности покойный исполнялъ два года, когда былъ назначенъ ректоромъ и профессоромъ петербургской духовной академіи. Онъ находился во главѣ академіи въ теченіе семнадцати лѣтъ. При немъ введенъ въ академіи новый уставъ и кореннымъ образомъ измѣненъ ея строй. Какъ профессоръ богословія и педагогики, покойный руководилъ студентами въ дѣлѣ проповѣдничества и явился реформаторомъ системы преподаванія нравственнаго богословія. Отринувъ старый схоластическій методъ, онъ примѣнилъ къ изученію психологическій анализъ и логику. Въ это время онъ былъ приглашенъ св. синодомъ къ участію въ рѣшеніи вопроса о старокатолическомъ движеніи и, какъ представитель русской церкви на боннской конференціи 1874 года, содѣйствовалъ сближенію двухъ христіанскихъ церквей. Въ бытность ректоромъ,

покойный редактировалъ одновременно академическій органъ «Христіанское Чтеніе» и предѣдательствовалъ въ академическомъ совѣтѣ и правленіи. Выступая проповѣдникомъ, о. Іоаннъ привлекалъ обычно тысячи слушателей: такъ были блестящи и увлекательны его проповѣди, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны произнесенныя въ разъясненіе освободительныхъ реформъ императора Александра II и въ защиту славянъ отъ турецкихъ звѣрствъ. Въ 1883 году покойный былъ призванъ императоромъ Александромъ III на самый высокій для блага духовенства постъ—духовника Ихъ Императорскихъ Величествъ, законоучителя августѣйшихъ дѣтей императора и завѣдующаго придворнымъ духовенствомъ. Съ этого времени онъ продолжалъ свою плодотворную дѣятельность въ санѣ протопресвитера и присутствовалъ на правахъ члена въ св. синодѣ, принимая живое участіе въ руководствѣ дѣятельностью церкви. Въ 1894 г. на его долю выпала высокая обязанность—наставленіе въ православіи принцессы Алисы Гессенской—невѣсты Государя Императора, нынѣ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, для чего о. Іоаннъ ѣздилъ въ Дармштадтъ. Покойному принадлежитъ нѣсколько цѣнныхъ печатныхъ трудовъ, изъ которыхъ назовемъ «Сущность христіанства съ нравственной точки зрѣнія», «Объ отношеніи старокатоликовъ къ православію», «Къ вопросу о старокатоликахъ» и др. Его блестящія лекціи по нравственному богословію изданы въ 1887 году бывшимъ его ученикомъ, нынѣ проф. Гусевымъ, и составляютъ наиболѣе капитальный и высокоцѣнный ученый трудъ покойнаго. Казанская духовная академія отмѣтила его ученія заслуги присужденіемъ ему въ 1900 г. диплома доктора богословія. Въ послѣдніе годы о. Янышевъ, скончавшійся 84 лѣтъ, часто недомогалъ. Особенно безпокоило его зрѣніе, ослабѣвавшее все болѣе съ каждымъ годомъ. Умеръ онъ, оставивъ по себѣ свѣтлую память высоконравственнаго представителя православной церкви, талантливаго проповѣдника ученія Христова. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12.304).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Въ № 4 «Историческаго Вѣстника» г. Д. К. Зеленинъ излагалъ исторію народныхъ повѣрій о связи различныхъ событій съ появленіемъ кометы и доказывалъ, что во многихъ случаяхъ эти, якобы народныя, суевѣрія являлись измышленіями начетчиковъ, книжныхъ людей. И теперь ожиданіе появленія кометы Галлея не обошлось безъ возникновенія въ народѣ различныхъ измышлений, происхожденіе которыхъ трудно установить. Но не о нихъ я хочу замѣтить,—газеты своевременно сообщали все это. Современное прохожденіе кометы Галлея мимо земли вызвало явленіе совершенно новое, не происходившее ни при одномъ ея появленіи и достойное вниманія не менѣ народныхъ суевѣрій. Я говорю о томъ громадномъ количествѣ популярной литературы, выпущенной у насъ по поводу появленія кометы Галлея, которая по величинѣ съ честью можетъ составить второй кометный хвостъ—литературный. Вотъ статистическія данныя объ этой литературѣ (по «Книжной Лѣтописи» и др. источн.).

Всего выпущено 52 изданія въ общемъ количествѣ 250,000 экземпляровъ, изъ которыхъ:

82,8%	на русскомъ	языкѣ	39 изд.	въ колич.	207,000 экз.
12,6%	» польскомъ	»	9 » »	»	31,500 »
3,8%	» латышскомъ	»	3 » »	»	9,500 »
0,8%	» др. еврейскомъ	»	1 » »	»	2,000 »

Выпускъ этой литературы географически распределяется слѣдующимъ образомъ:

Москва	.....	51,2%	18 изд.	въ колич.	128,000 экз.
Одесса	.....	17,6%	7 » »	»	44,000 »
С.-Петербургъ	.....	8,8%	8 » »	»	22,000 »
Варшава	.....	7,6%	6 » »	»	19,000 »
Лодзь	.....	3,8%	3 » »	»	9,500 »
Рига	.....	3,8%	3 » »	»	9,500 »

Харьковъ, Кіевъ, Николаевъ, Ростовъ на Дону, Сосновицы, Ярославль и Казань—7,2% по 1 изд. въ общ. колич. 18,000 экземпляровъ.

Всѣ эти 250,000 экз.—*популярная литература для народа*. Цифры, достойныя быть отмеченными въ кометныхъ лѣтописяхъ, любопытныя и говорящія весьма многое...

Морисъ Монтегю.

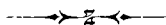
КОРОЛЬ БЕЗЪ КОРОЛЕВСТВА

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

МИХАЙЛОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1910

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ, 13

АКАНУНЪ сраженія подъ Аустерлицемъ, около 9-ти часовъ вечера, императоръ вышелъ изъ палатки, взглянулъ на беспорядочные огни русско-австрійскаго бивуака, расположеннаго за ручьемъ съ очень крутыми берегами, на обширной площадкѣ противъ французскаго лагеря, и, приказавъ своимъ адъютантамъ садиться на лошадей, самъ медленно опустился въ сѣдло.

Луны не было. Ледяной туманъ, спустившійся вмѣстѣ съ темнотой, увеличивалъ мракъ ночи. Путешествіе въ этой темнотѣ скоро сдѣлалось очень труднымъ, но стрѣлкамъ конвоя пришла счастливая мысль зажечь длинные факелы, которые они живо соорудили изъ еловыхъ сучьевъ, обернутыхъ соломой. Яркій свѣтъ озарилъ небольшую группу. Солдаты всѣхъ родовъ оружія издали узнали императорскій штабъ. Тогда, какъ по командѣ, по всей длинѣ бивуака зажглись и ярко запылали тысячи факеловъ, скрученныхъ изъ соломы, надерганной изъ шалашей; и эти веселые огни охватывали все пространство налѣво и направо, растягивались на огромное разстояніе, въ то время какъ барабаны били, оркестры всѣхъ французскихъ полковъ играли боевые марши и шестьдесятъ тысячъ голосовъ безъ усталы кричали: «да здравствуетъ императоръ!»

Съ высоты своихъ холмовъ враги, мрачные, молчаливые и неподвижные, могли наблюдать движеніе во французскомъ лагерѣ, одушевленномъ восторгомъ.

На слѣдующій день, 2-го декабря, была годовщина коронаванія императора. И это совпаденіе казалось счастливымъ предзнаменованіемъ и усугубляло довѣріе войска къ своему непобѣдимому вождю.

Ночь прошла совершенно спокойно.

Съ разсвѣтомъ заговорили пушки. Наполеонъ, окруженный своими маршалами: Ланномъ, Даву, Сультомъ, Бернадоттомъ, Мюратомъ и Бессье, быстро распредѣлили роли и обязанности.

Маршалы, тропувшись съ мѣста въ галопъ, направились къ своимъ частямъ, соединились съ ними и двинулись впередъ. Совершенно разсвѣло, и французская армія, воодушевленная однимъ порывомъ, двинулась на приступъ позицій, защищаемыхъ русскими. Батальоны французовъ врѣзались въ ряды непріятеля; первыя линіи враговъ еще издали были осыпаны градомъ пуль, а удары штыковъ валили все, что находилось впереди.

Музыка играла боевой маршъ, барабаны били—наступление было блестяще.

— Начало хорошо,—сказалъ Наполеонъ, нюхая табакъ.

Гренадеры первые взяли возвышеніе, двадцать пять тысячъ медвѣжьихъ шапокъ расположились на мѣстѣ непріятеля, а часть храбрецовъ гнала по равнинѣ огромныя толпы обезсиленныхъ русскихъ.

Съ своей стороны, маршалъ Ланнъ разбивалъ и отражалъ врага, отбѣсняя его на ровное мѣсто, окруженное кавалеріей Мюрата, которая рубила, колола и гнала непріятеля.

Въ это время центръ, командуемый Сультомъ и Бернадоттомъ, въ свою очередь, перешелъ въ наступленіе и, побѣдивъ по всему фронту, рѣшилъ отступленіе союзныхъ войскъ, которое, благодаря атакѣ Даву, окончилось настоящимъ бѣгствомъ.

Небо, все время остававшееся пасмурнымъ, внезапно разъяснилось, и показалось солнце, «солнце Аустерлица», ставшее легендарнымъ; оно привѣтствовало побѣду французовъ, загорѣвшись искрами на лезвіяхъ сабель.

Но, увлеченный преслѣдованіемъ, одинъ изъ полковъ Сульта, именно 4-й линейный, почетнымъ командиромъ котораго былъ принцъ Іосифъ, братъ Наполеона, очутился неожиданно въ опасномъ положеніи: непріятельская кавалерія окружила его со всѣхъ сторонъ, врубилась въ него, раздѣлила на части.

Гвардейская кавалерія и кирасиры великаго князя Константина, брата императора Александра, отняли у него орла.

Наполеонъ тотчасъ отрядилъ на помощь противъ враговъ мамелюковъ, охотниковъ и конныхъ гвардейцевъ-гренадеровъ подъ начальствомъ Бессье и генерала Раппа. Ударъ, нанесенный ими, былъ ужасенъ, и стычка кровопролитна; русскіе эскадроны, разбитые, обращенные въ бѣгство, рассыпались за деревней Аустерлицемъ: потери ихъ были безчисленны; они оставили на полѣ сраженія несчетное количество умершихъ, раненыхъ, плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ былъ князь Репнинъ, командиръ гвардейской кавалеріи. Этотъ отборный полкъ былъ сформированъ изъ наиболѣе блестящей

молодежи московскаго дворянства; французскіе солдаты, зная, какимъ заносчивымъ чванствомъ отличались обыкновенно эти высокомерные господа относительно императорской арміи, обращались теперь съ ними особенно худо. Они неумолимо избивали ихъ, въ особенности конные гренадеры, которые, остервенившись, прокалывали ихъ насквозь своими огромными лезвіями, крича: «пускай поплачуть теперь петербургскія дамы».

Союзныя войска были разбиты по всей линіи. Паника овладѣла ими. Войска смѣшались, артиллерія съ кавалеріей, пѣхота съ обозомъ. Каждый спасалъ свою жизнь. Одни бросались въ болото, но французская пѣхота преслѣдовала ихъ тамъ. Другіе надѣялись спастись отъ бѣдствія бѣгствомъ по дорогѣ межъ двухъ прудовъ; французскіе гусары разстрѣливали рядъ за рядомъ. Наконецъ главная часть непріятели попробовала искать спасенія на льду озеръ, которыя были огромны и покрыты толстымъ льдомъ.

Когда пять или шесть тысячъ человекъ, кое-какъ вновь сформированныхъ, достигли середины озера Сатганъ, Наполеонъ приказалъ батареямъ гвардейской артиллеріи стрѣлять ядрами по льду. Ледъ треснулъ со всѣхъ сторонъ; вода брызнула фонтаномъ, раздался страшный, зловѣщій трескъ, сопровождаемый воплемъ смертельнаго ужаса.

Люди, лошади, пушки, телѣги, заливаемые водой, медленно и торжественно погружались въ разверзнутую бездну. Какіе-то человѣческіе остатки плавали еще тамъ и сямъ. Наступила тишина. Все было кончено. Битва была выиграна.

А на протяженіи двухъ миль лежали раненые и мертвые трехъ побѣжденныхъ державъ.

Въ теченіе цѣлаго дня поднимали и убирали ихъ, и все-таки, когда наступила ночь, ихъ осталось еще очень много разбросанныхъ по снѣжной равнинѣ или погибшихъ подъ развалинами сгорѣвшихъ деревень.

Съ наступленіемъ сумерекъ, въ часъ, когда горнисты на французскихъ аванпостахъ протрубили зарю, одинъ унтеръ-офицеръ военнаго обоза, отдалившись отъ конвоя, съ которымъ онъ сопровождалъ раненыхъ, очутился во дворѣ уединенной фермы, половина строеній которой была превращена въ обломки. Уцѣлѣвшія стѣны зіяли огромными дырами, пробитыми пушечными ядрами; вся мѣстность имѣла зловѣщій видъ. Унтеръ-офицеръ, стоявшій посреди двора громко закричалъ: «Слушай, кто тамъ есть... сюда!.. есть тутъ кто-нибудь?... отвѣчайте!..»

Внимательно прислушиваясь, онъ ждалъ отвѣта. Но все было неподвижно.

Мрачная тишина царила среди опустошенныхъ развалинъ. Тогда онъ опять закричалъ: «Кто тутъ?... Никого?... Никого нѣтъ здѣсь?»...

Вдругъ онъ вздрогнулъ. Ему показалось, что кто-то застоналъ позади его. Онъ обернулся и снова крикнулъ:

— Ну, что же!... Отвѣчайте!... я жду...

Онъ прислушался съ удвоеннымъ вниманіемъ: ему удалось уловить тихій стонъ: «ко мнѣ»...

На этотъ разъ не было сомнѣнія. Унтеръ-офицеръ перешагнулъ черезъ кучу навоза, подбѣжалъ къ разрушенной стѣнѣ, отбросилъ груды обломковъ и быстро наклонился. Передъ нимъ въ своихъ блестящихъ доспѣхахъ лежалъ въ грязи молодой офицеръ, одинъ изъ тѣхъ великолѣпныхъ гвардейцевъ, которые еще сегодня утромъ торжествовали въ своей гордости и высокомеріи.

Его каска откатилась на нѣсколько шаговъ; сабля была привязана темлякомъ къ кисти, теперь бездѣйствующей; весь онъ былъ залитъ кровью, лицо было синее. Немного далѣе, въ тѣни, видѣлась темная масса его огромнаго коня, лежащаго съ распоротымъ брюхомъ.

— Хорошая добыча,—подумалъ унтеръ-офицеръ:—это навѣрно какой-нибудь русскій князь.

Раненый, сдѣлавъ огромное усиліе, заговорилъ прерывающимся голосомъ:

— Сраженіе?

— Выиграно.

— Кѣмъ?

— Нами.

— Кѣмъ нами?

— Французами, конечно...

— А... вы французъ?...

— Да... и горжусь этимъ!...

По тѣлу умирающаго прошла дрожь.

— Кто вы, какъ васъ звать?—спросилъ онъ.

— Жеромъ Кантекоръ изъ Корезы, вахмистръ военнаго обоза къ вашимъ услугамъ, князь... А кто вы?...

— Ахъ... Я.—голосъ его прервался...—Я князь... Борисовъ...

— Ага!—сказалъ тотъ, въ свою очередь.—Куда вы ранены? Я позову людей. Черезъ четверть часа вы будете въ походномъ госпиталѣ, а черезъ двѣ недѣли на ногахъ. Въ ваши годы всегда поправляются.

Всѣ эти фразы были произнесены безъ передышки, такъ что гвардеецъ не могъ произнести ни слова; наконецъ онъ сказалъ:

— Я погибъ, я это знаю; теперь все бесполезно: въ животѣ пуля и раздроблено бедро.

Въ эту минуту Кантекоръ сдѣлалъ замѣчаніе, которое имѣлъ неосторожность высказать громко:

— Однако вы прекрасно говорите по-французски, слишкомъ хорошо для казака!

Князь Борисовъ прошепталъ, закрывая глаза:

— Я жилъ во Франціи.

Потомъ онъ заговорилъ такъ быстро, какъ только позволяла его слабость, приче́мъ зловѣщій свистъ, какъ зловѣщее предзнаменованіе, вылеталъ изъ его груди:

— Оставимъ это... минуты сочтены, онѣ драгоцѣнны. Вы унтеръ-офицеръ, честный человѣкъ, конечно...

— Parbleu!

— Наконецъ, у меня нѣтъ выбора. Я довѣряюсь вамъ. Слушайте хорошенько: тамъ, подъ сѣдломъ моего коня... онъ тамъ.. вы видите?...

— Да, вижу.

— Тамъ вы найдете сумку... въ этой сумкѣ двѣсти лундоровъ. Возьмите ихъ себѣ въ награду.

Кантекоръ поклонился.

— Тамъ есть также бумаги,—снова заговорилъ русскій:— сожгите ихъ сейчасъ... не рассматривая... не читая... знаете... это любовныя письма... которыя могли бы скомпрометровать одну важную даму... Вы понимаете это, товарищъ?

— О, еще бы!

— А затѣмъ,—продолжалъ гвардеецъ,—вы возьмете изъ моей кобуры пистолеть и поддержите мнѣ руку, чтобы я могъ прострѣлить себѣ голову. Я слишкомъ страдаю. Послѣдній ударъ—эта услуга обязательна для солдатъ, для враговъ. Согласны?

Кантекоръ наморщилъ лобъ и раздумывалъ.

— Начнемъ сначала,—пробормоталъ онъ: —посмотримъ сумку.

Не отвѣчая гвардейцу, онъ направился къ мертвой лошади, наклонился, отстегнулъ маленькій кожанный мѣшочекъ, привязанный ремнемъ къ сѣдлу, открылъ его, ловко захватилъ все золото и медленными шагами вернулся къ раненому.

Тотъ съ безпокойствомъ слѣдилъ за нимъ.

— Пистолеты!—вскричалъ онъ:—вы забыли мои пистолеты!

— Вы настаиваете на этомъ?—проворчалъ Кантекоръ, пожимая плечами. Тогда онъ пошелъ вторично и на этотъ разъ принесть пистолеты, которые бросилъ въ сѣнъ.

— Мерси!—сказалъ Борисовъ съ глубокимъ вздохомъ.

Стоя передъ нимъ, вахмистръ пробормоталъ:

— Ну, а теперь нуженъ свѣтъ.

— Зачѣмъ?

Кантекоръ прикусилъ себѣ языкъ и тотчасъ нашелся:

— То есть нуженъ огонь... чтобы сжечь ваши бумаги, чортъ возьми!—и засмѣялся коротко и сухо.

Закусивъ зубами сумку, свободными руками онъ шарилъ въ своихъ глубокихъ карманахъ и вытаскилъ оттуда послѣдовательно клокъ соломы, двадцать сантиметровъ витой восковой свѣчи, завернутой въ засаленную бумагу, затѣмъ огниво. Онъ выбилъ огонь изъ камня на солому, которая загорѣлась и минуту спустя тоненькая свѣча была зажжена. Онъ сразу развеселился:

— Вотъ каковы мы, гвардейцы... Всегда сумѣемъ устроиться!..

Ночь была темная, и колеблющееся пламя освѣщало его лицо. Въ эту минуту, безъ сомнѣнія, раненый пожалѣлъ, что довѣрился ему. Но, впрочемъ, какъ онъ уже сказалъ, у него не было выбора. Кантекоръ не отличался привлекательной паружностью: его невзрачный видъ, смуглое лицо все въ грубыхъ морщинахъ и наглые глаза не внушали расположенія. Отвернувшись и воткнувъ свѣчу въ расщелину стѣны, въ безопасное отъ вѣтра мѣсто, Кантекоръ съ самымъ спокойнымъ видомъ, потряхивая съ улыбкой удовлетворенія лудорами въ кармапф, взялъ бумаги и, устроившись поудобнѣе, началъ ихъ разсматривать.

— Сожгите! сожгите!—закричалъ повелительнымъ, дрожащимъ и окрѣпшимъ отъ волненія голосомъ тотъ, кто называлъ себя княземъ Борисовымъ.

— Спокойствіе! спокойствіе, молодой человѣкъ! Торопливость всегда вредить; никогда не слѣдуетъ уничтожать то, чего не знаешь,—правоучительнымъ тономъ произнесъ Кантекоръ, дѣлая рукой успокоительный жестъ. Затѣмъ съ тѣмъ же хладнокровіемъ онъ развернулъ пакетъ съ письмами.

— Негодяй!—простоналъ гвардеецъ. Поднявшись съ нечеловѣческимъ усиліемъ, онъ вытянулъ правую руку, схватилъ саблю, которую тотчасъ выпустилъ, и свалился самъ въ полномъ изнеможеніи.

Кантекоръ удовольствовался тѣмъ, что сломалъ каблукомъ клинокъ сабли, выпавшей изъ рукъ офицера и, не беспокоясь болѣе, принялся внимательно разбирать надписи, громко читая ихъ: «Графу Арманду де-Тейксъ, князю де-Круа, лейтенанту гвардейской кавалеріи князя Константина...» Онъ сосчиталъ: «Одно и еще одно, это два... три... четыре, пять, шесть... всѣ на одно и то же имя... Нѣтъ сомнѣнія. Ты... ты такой же русскій, какъ и я. Посмотримъ дальше. Это интересно».

Взявъ наудачу одинъ изъ листковъ, онъ развернулъ его и пробѣжалъ однимъ взглядомъ. Блестящія имена бросались ему въ глаза: «Герцогъ Энгіенскій, этотъ мученикъ... Ривіеръ... Полиньякъ... Брюсларъ... Прэнгей... Узурпаторъ... Бонапартъ... Провансъ... Артуа... юный король, истинный король... плѣнникъ Тампля... влюбленъ безъ памяти въ дѣвицу съ острова Корсо...»

Изъ женскихъ именъ не менѣе блестящія: «Герцогиня Шеврезъ, графиня де-Гюишъ, мадамъ де-Гюстинъ, маркиза д'Этіоль...» И нѣсколько разъ имя: «Полина Боргезе».

Дальше онъ не сталъ читать и положилъ всѣ бумаги въ глубокой, наполненный золотомъ кармапф; затѣмъ, приблизившись къ умирающему, у котораго на губахъ показалась кровавая пѣна, низко склонился передъ нимъ:

— Графъ Армандь де-Тейксъ, князь де-Круа, лейтенантъ гвардейской кавалеріи, французъ на службѣ у русскихъ, эмигрантъ, измѣнникъ родинѣ, перебѣжчикъ и отступникъ... Всѣ ли это ваши титулы?.. Графъ, князь, я васъ привѣтствую!..

— Подлецъ!—произнесъ угасающимъ голосомъ раненый.

Тотъ продолжалъ, не поморщившись:

— Будьте увѣрены, что ваши бумаги въ надежныхъ рукахъ. Черезъ нѣсколько дней его превосходительство Іосифъ Фушэ, министръ полиціи, изучитъ ихъ съ тѣмъ вниманіемъ, какого они заслуживаютъ,—не сомнѣвайтесь въ этомъ, а если ваши друзья и страдаютъ вслѣдствіе этого, то это ужъ по вашей винѣ. Видите ли, наканунѣ сраженія надо самому уничтожать свои любовныя письма!

— Бандитъ! Разбойникъ! Солдатъ Бонапарта!—могъ еще произнести умирающій въ полномъ отчаяніи.

Патріотъ унтеръ-офицеръ на этотъ разъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ. Онъ наклонился, поднялъ валявшійся на снѣгу пистолетъ и произнесъ голосомъ, которому старался придать важность:

— Измѣнникъ своей присягѣ! Императоръ приказалъ бы тебя разстрѣлять... и именемъ императора я тебя казню!.. И въ трехъ шагахъ, этотъ судья, ставшій палачомъ, не чувствуя себя, вѣроятно, совершенно правымъ, онъ не цѣлясь разрядилъ пистолетъ наудачу въ эту грудку трепещущаго мяса, которая скорчилась еще разъ въ послѣднихъ конвульсіяхъ. Кантекоръ сдѣлалъ гримасу при этомъ видѣ и ощутилъ потребность въ оправданіи: «самъ онъ виноватъ въ этомъ!» рѣшилъ онъ. Повернувшись на каблучкахъ, онъ сдѣлалъ полуоборотъ и размѣреннымъ шагомъ вышелъ изъ фермы.

Позади себя онъ оставлялъ въ добычу волкамъ, воронью и ужа-самъ ледяной ночи трупъ гвардейца, который обагрилъ своей кровью истоптанную землю. Кантекоръ продолжалъ свой путь, пошвыстывая, потряхивалъ золотомъ въ карманѣ и повтѣрялъ на разные лады: «я не потерялъ напрасно сегодняшняго дня». Такимъ образомъ онъ достигъ французскихъ аванпостовъ.

Жеромъ Кантекоръ изъ Корезы не былъ обыкновеннымъ солдатомъ. Въ двадцать семь лѣтъ его прошлое было полно разнообразныхъ приключеній, за которыя онъ не заслуживалъ похвалъ.

Отецъ его содержалъ захолустную гостиницу на Пю де Ма-Шевалье, на опушкѣ Кюбесскаго лѣса. Въ продолженіе шести мѣсяцевъ, вслѣдствіе глубокихъ снѣговъ, гостиница была совершенно изолирована; она отличалась непривлекательнымъ, отталкивающимъ внѣшнимъ видомъ, имѣла дурную репутацію и зловѣщую вывѣску: «Убѣжище повѣшеннаго», въ память стараго, плохо кончившаго свою жизнь, владѣльца. Путешественники заглядывали туда рѣдко, даже въ хорошее время, и нужда тамъ свила себѣ прочное гнѣздо.

Въ пятнадцать лѣтъ Жеромъ, котораго тяготила эта вѣчная нужда и который хотѣлъ видѣть свѣтъ, въ одно прекрасное утро покинулъ, не простившись, всю семью, отца, мать и двухъ или трехъ сестеръ и братьевъ; черезъ десять лѣтъ онъ совершенно забылъ объ ихъ существованіи.

Справедливость требуетъ сказать, что если онъ не стоилъ многого, то и родные его были нисколько не лучше. Трактирщикъ Кантекоръ былъ грубъ и жестокъ къ домашнимъ и когда не хватало хлѣба, то онъ раздавалъ въ изобиліи тумачи. Поэтому радость и веселіе въ домѣ бывали чрезвычайно рѣдки; дѣти были угрюмы, жена сварлива. Она умерла въ молодыхъ годахъ.

Жеромъ отправился въ путь съ палкой въ рукахъ и двумя парами сабо; одна на ногахъ, другая на плечѣ; въ карманѣ ни гроша. Но когда какой-то прохожій спросилъ его: «куда идете, мальчуганъ?» тотъ безъ запинки отвѣтилъ: «въ Парижъ».

Это было въ началѣ 1793 года. Парижъ распѣвалъ революціонныя пѣсни. Любители ловить рыбу въ мутной водѣ имѣли хорошую добычу.

Въ продолженіе всего пути мальчикъ питался, крадя овощи; въ Парижѣ ему посчастливилось: черезъ три дня его взялъ въ подмастерья какой-то человѣколюбивый патріотъ-булочникъ. Чтобы послушать въ клубѣ ораторовъ, этотъ добрякъ оставлялъ свои полныя печи, и хлѣбъ или стиралъ, или вовсе не пекся. Туда же онъ повелъ и Кантекора, который вскорѣ находилъ величайшимъ удовольствіемъ бывать тамъ. Такимъ образомъ онъ присутствовалъ при всѣхъ событіяхъ этого кроваваго года; и отъ него не ускользнула ни одна подробность всѣхъ происшествій. Краснорѣчіе ораторовъ на трибунѣ или тумбѣ увлекало его до опьянѣнія. Позднѣе, когда онъ возмужалъ и у него показались усы и борода, онъ заговорилъ и самъ. Послѣдовательно онъ призывалъ жирондистовъ, якобинцевъ, Бриссо, Верньо, Дантона и Робеспьера; оплакивалъ смерть Марата; слѣдовалъ до эшафота за Шарлоттой Кордэ; апплодировалъ палачу, который снялъ съ плечъ ея голову. При казни королевы, мадамъ Дюбарри, Полины Роланъ онъ былъ не только свидѣтелемъ, но и участникомъ.

Отъ времени до времени онъ пьянствовалъ съ приверженцами республики. Такимъ образомъ формировались его умъ и душевныя качества. Булочникъ, его патронъ, былъ избранъ предсѣдателемъ одной изъ секцій и сдѣлалъ Кантекора своимъ секретаремъ. Этотъ не умѣлъ ни читать, ни писать, но выучился очень скоро и болѣе не сомнѣвался въ своей будущности. Онъ тотчасъ выдвинулся своимъ талантомъ и усердіемъ въ благородномъ дѣлѣ шпіонства и доносовъ. Онъ всюду находилъ заподозрѣнныхъ и въ теченіе всего времени, пока продолжался терроръ, онъ, несмотря на свою молодость, былъ постояннымъ поставщикомъ гильотины. Затѣмъ онъ скрылся.

Въ двадцать два года его видятъ ефрейторомъ въ первомъ гусарскомъ полку, въ красномъ долманѣ, съ усами, участникомъ шайки или, иначе говоря, братства всѣхъ мошенниковъ всѣхъ эскадроновъ этого полка.

Наконецъ, въ 1804 году онъ былъ однимъ изъ двухсотъ кавалеристовъ подъ командой Орденера, который смѣлымъ нападеніемъ на замокъ Эттенхеймъ въ герцогствѣ Баденскомъ, въ трехъ лье отъ Рейна, похитилъ герцога Энгіенскаго, скрывшагося тамъ, и заключилъ плѣнника въ Венсенскомъ замкѣ, гдѣ герцогъ и умеръ.

Послѣдствіемъ этого сомнительнаго подвига, который вызвалъ раскаяніе даже въ самыхъ ярыхъ приверженцахъ императора, было то, что Жеромъ Кантекоръ съ нашивками вахмистра перешелъ въ военный обозъ и въ слѣдующемъ году слѣдовалъ за Наполеономъ въ кампаніи противъ австрійцевъ. Для императора она кончилась побѣдой подъ Аустерлицемъ, для унтеръ-офицера—огромной удачей. Вечеромъ въ лагерѣ, въ то время, какъ товарищи Кантекора спали, вытянувшись на соломѣ, онъ разсмотрѣлъ болѣе внимательно при свѣтѣ большого фонаря всѣ письма къ графу де-Тейксу. Всѣ они были датированы и посланы изъ Англии, этого вѣрнаго убѣжища всѣхъ враговъ Франціи. Ни одно письмо не было подписано, но сомнѣнія не было. Налицо были всѣ данныя заговора: одни имена де-Ривіера, Полиньяка, этихъ роялистовъ, помилованныхъ императоромъ и содержащихся въ Венсенской тюрьмѣ, имя Брюслара, этого вѣрнаго приверженца королевской партіи, неуловимаго, постоянно обманывающаго агентовъ Фушэ, жандармовъ Савари и открыто посвятившаго свою жизнь одной цѣли—смерти «тирана», «людодѣда», «Бонапарта», какъ его называли въ партіи приверженцевъ короля,—эти имена говорили о новыхъ и пока еще тайныхъ козняхъ противъ едва нарождавшейся имперіи.

Кантекоръ былъ совершенно счастливъ. Тѣ мечты, тѣ надежды, которыя онъ лелѣялъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, казались близкими къ осуществленію. И когда, два мѣсяца спустя, въ Парижѣ, по его настоятельному требованію передъ нимъ отворили дверь къ Фушэ; когда онъ положилъ бумаги на столъ министра; когда онъ убѣдилъ его въ важности доставленныхъ бумагъ и министръ спросилъ, что онъ желаетъ себѣ въ награду, Кантекоръ отвѣтилъ безъ запинки:

— Мѣсто въ полиціи; моя служба кончена, я хочу служить и быть полезнымъ императору.

Фушэ улыбнулся; этотъ хитрый, пропырливый и смѣлый ловкачъ ему понравился. Онъ опредѣлилъ его на службу въ качествѣ шпіона и не раскаялся, по крайней мѣрѣ, въ началѣ.

Жеромъ Кантекоръ сдѣлался политическимъ агентомъ: это было его призваніе. Его первые шаги были очень удачны. Съ наступив-

шаго лѣта онъ уже доказалъ свои способности слѣдующимъ образомъ. Какъ только онъ освоился съ своимъ новымъ положеніемъ, первымъ дѣломъ для него было разузнать, что сдѣлалось съ тѣми лицами, имена которыхъ онъ списалъ изъ писемъ къ гвардейцу Арманду де-Тейксу, погибшему, какъ думалъ Кантекоръ, по своей винѣ. Ривьеръ и Полиньякъ оставались въ заключеніи въ Венсеннѣ.

Разыскивая Геренъ де-Брюслара, онъ напрасно потерялъ время и трудъ, развѣзжая по разнымъ мѣстамъ и нигдѣ ни встрѣчая того, кого называли «неуловимымъ». О немъ не было никакихъ свѣдѣній и никакихъ слѣдовъ его мѣстопробыванія. Зато ему посчастливилось съ д'Иммармономъ и Прэнгей д'Отремомъ. Онъ узналъ, что только два человѣка носили эти фамиліи и оба жили во Франціи, въ замкѣ Пали, близъ Компьена. Эти два эмигранта, примирившіеся съ событіями, были, повидимому, далеки отъ политическихъ интригъ и занимались исключительно полевымъ хозяйствомъ; каждому изъ нихъ было не болѣе двадцати пяти лѣтъ. Графъ Прэнгей выказывалъ сильную любовь къ своей кузинѣ Изабеллѣ д'Иммармонъ, которая отвѣчала ему такимъ же чувствомъ. Если всѣ эти господа и имѣли какіе-нибудь темные умыслы, то они весьма искусно скрывали ихъ; по крайней мѣрѣ, ничто въ образѣ жизни этихъ сельскихъ дворянъ не давало повода къ подозрѣніямъ. Во всякомъ случаѣ было извѣстно, гдѣ можно было искать ихъ въ случаѣ необходимости. Теперь для сыщика оставалось одно таинственное лицо (такъ какъ Кантекоръ, не искусившійся еще достаточно въ интригахъ, не обращалъ должнаго вниманія на женщинъ) и этимъ лицомъ былъ юный король, который, какъ усматривалось, былъ влюбленъ безъ ума въ Полину Боргезе. Слѣдъ былъ найденъ, онъ вель въ Римъ. Тамъ Жеромъ Кантекоръ смотрѣлъ въ оба, узналъ многое, что его очень удивило, вель замѣтки и не сомнѣвался болѣе въ томъ, что его опытъ и искусство приведутъ его къ блестящимъ результатамъ. Фушэ ободрялъ его, совѣтуя быть скромнымъ, терпѣливымъ и молчаливымъ. Изъ Рима Кантекоръ вернулся въ Парижъ, слѣдуя за стройнымъ молодымъ человѣкомъ съ прекрасными темно-голубыми глазами, котораго называли Гранли. Юноша съ своей благородной наружностью, казалось, былъ рожденъ для того, чтобы покорять и привлекать всѣ сердца, внушать самую горячую преданность, а между тѣмъ, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ настоящемъ это было самое несчастное существо, преслѣдуемое судьбою самымъ несправедливымъ и жестокимъ образомъ.

Въ одинъ изъ іюньскихъ вечеровъ, около семи часовъ, молодой человѣкъ перешелъ заставу, къ которой примыкала деревня Нельи; Кантекоръ слѣдовалъ за нимъ по всѣмъ улицамъ, какъ шпионъ, не спуская съ него глазъ и стараясь не потерять изъ виду между встрѣчавшимися прохожими. Поймать его было бы верхомъ удачи; Кантекоръ зналъ теперь прекрасно, что юноша былъ осужденъ

на смерть со дня рожденія, приговоренъ во времена террора и директоріи, осужденъ консульствомъ и имперіей. И, вѣроятно, Бурбоны, если бы имъ удалось вернуть себѣ престолъ предковъ, имѣли бы еще больше основанія избавиться отъ юноши.

Итакъ, въ этотъ вечеръ этотъ опасный для всѣхъ молодой человѣкъ направлялся быстрыми шагами къ предмѣстью Сентъ-Онорэ. Вечеръ былъ дивный, свѣтъ какъ бы не хотѣлъ уступать мѣста ночи, дѣти играли по срединѣ улицы; женщины, стоя или сидя на порогахъ хижинъ, болтали о своихъ дѣлахъ, ожидая возвращенія мужей послѣ дневной работы. Солнце обливало мягкимъ свѣтомъ черныя черепицы крышъ и ложилось трепещущими бликами на стеклахъ отдаленныхъ домовъ. Безграничная нѣжность, тишина и чистота благодатнаго времени года, разлитая въ воздухъ, нашептывала о надеждѣ, любви и радостяхъ жизни. Но Гранли, не замѣчая этой мирной картины и припоминая лишь всѣ обстоятельства своей прошлой жизни, торопился итти впередъ.

Въ двадцати шагахъ отъ него слѣдоваль задыхаясь Кантекоръ, недовольно бормоча:

— Куда идетъ онъ этой дорогой? Это неблагоразумно заставлятъ бѣгать людей за собой... и притомъ сегодня такъ жарко!..

Проходя мимо кабака, онъ съ завистью взглянулъ въ окно, увидя группу рабочихъ и солдатъ, сидѣвшихъ за столомъ и опустошавшихъ стаканы, не могъ удержаться отъ глубокаго вздоха сожалѣнія:

— А моя обязанность слѣдить... Ну, будемъ слѣдить... Придетъ же и намъ чередъ веселиться и пить...

Все тѣмъ же шагомъ молодой человѣкъ прошелъ все предмѣстье. Передъ однимъ маленькимъ, низкимъ домомъ онъ замедлилъ, однако, свои шаги, на секунду остановился, затѣмъ пошелъ дальше. Такимъ образомъ онъ прошелъ Анжуйскую улицу, повернулъ направо по улицѣ «Хорошей Трески» и вышелъ на площадь «Согласія». Тамъ онъ остановился и въ задумчивости любовался издали видомъ, который открылся передъ нимъ.

Огромная площадь, съ своей свободной серединой, лишенной статуи Людовика XV, а потомъ и статуи Свободы, казалась еще болѣе пустынной въ этотъ тихій вечеръ. Гранли припоминалъ, безъ сомнѣнія, другое время, другимъ представилось ему это историческое мѣсто. Въ своей памяти онъ возобновлялъ огромную, ревущую толпу, окружавшую эшафотъ, воздвигнутый на залитой кровью землѣ; онъ слышалъ революціонныя пѣсни, грохотъ телѣгъ, глухой шумъ ножа. Тамъ, въ ста метрахъ отъ него, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ работала «національная бритва», «мельница молчанія», страшная гальотина, всегда готовая убивать, жадная и ненасытная. Тамъ падали съ плечъ тысячи головъ; тамъ «чихало въ отруби» французское дворянство; тамъ съ царственнымъ достоинствомъ погибли Людовикъ XVI и Марія-Антуанетта. Молодой человѣкъ при-

поднял медленно шляпу, обнажилъ голову и съ высоко поднятымъ челомъ, устремивъ взглядъ на это полное жуткихъ воспоминаній мѣсто, долго размышлялъ и какъ бы мысленно молился. Въ тридцати шагахъ отъ него Кантекоръ, спрятавшись за огромнымъ деревомъ, смотрѣлъ во всё глаза. На одно мгновение ему захотѣлось подражать тому, кого онъ наблюдалъ, и, снявъ шляпу, даже склонить голову. Но убѣжденія его не позволили ему исполнить это; тѣмъ не менѣе онъ сдѣлался очень сосредоточеннымъ и рѣшилъ:

— Ага, я понимаю... это мѣсто богомолья!..

Прошло минутъ двадцать; Гранли не двигался съ мѣста. Агентъ Фушэ зѣвалъ за деревомъ. Наконецъ молодой человекъ, сдѣлавъ рукой жестъ прощанія, двинулся дальше по направленію къ улицѣ Рояль. Кантекоръ, слѣдуя по его стопамъ, прошелъ за нимъ въ улицу Виль-Эвекъ и направился по Анжуйской. Новая церковь Магдалины, съ тяжелыми коричневыми колоннами, которая, по мысли Наполеона, должна была сдѣлаться храмомъ Славы, осталась позади; налѣво была старая церковь того же имени, сломанная и окончательно разрушенная кирками и мотыгами; кварталъ былъ неузнаваемъ.

По всей длинѣ Анжуйской улицы протянулись стѣны и фасады частныхъ домовъ, воздвигнутыхъ на мѣстѣ бывшаго владѣнія благочестивыхъ бенедиктинцевъ; зелень, остатки прежнихъ садовъ, обливала ограды, вылѣзала наружу. Кантекоръ снова былъ въ полномъ недоумѣннн. Куда же онъ шель наконецъ? А онъ могъ бы догадаться. Вѣдь этой самой дорогой когда-то, въ дни красныхъ колпаковъ онъ, рыча отъ восторга, слѣдовалъ за телѣгой, везшей быстрой рысью тѣла казенныхъ.

Въ концѣ Анжуйской улицы Гранли остановился передъ очень красивымъ двухэтажнымъ домомъ; онъ поднялъ молотокъ у двери, постучалъ и сталъ ждать. Въ свою очередь, ждалъ и полицейскій, прижавшійся за угломъ дома.

Дверь пріоткрылась; между открывшимъ ее человекомъ и пришедшимъ завязался короткій разговоръ; одинъ просилъ, настаивалъ; другой колебался, указывалъ на препятствія, но, наконецъ, уступилъ и впустилъ Гранли. Кантекоръ тотчасъ вышелъ изъ своей засады и въ три прыжка очутился передъ домомъ, который внушалъ ему подозрѣніе. Это было какъ разъ во время, чтобы помѣшать закрыть дверь. Сильной рукой онъ остановилъ падающій затворъ, откинулъ его и, въ свою очередь, проскользнулъ въ переднюю. Старый, испуганный человекъ преградилъ ему путь:

— Сударь, сюда нельзя входить!.. Кто вы такой?..

Кантекоръ, нисколько не смутясь, грубо отвѣтилъ:

— Я вхожу туда, куда и другіе входятъ. Кто я? Полицейскій; милѣйшій мой... Молчи или берегись! Ты принимаешь изгнанниковъ и измѣнниковъ... Я видалъ... отойди, дай дорогу!..

— Ахъ, сударь!—внѣ себя промолвилъ старикъ...—Если бы вы знали, если бы вы слышали этого молодого человѣка... Здѣсь погребены его отецъ, его мать...

— Погребены здѣсь?—прервалъ Кантекоръ...—Что ты тамъ мнѣ рассказываешь? Гдѣ же я?

— Здѣсь, — важно промолвилъ старикъ: — здѣсь прежнее кладбище св. Магдалины.

— Чортъ возьми! это правда!—пробормоталъ Кантекоръ, и невольная дрожь пробѣжала по его тѣлу...—Ну, все равно, я долженъ самъ все видать.

И онъ пошелъ вглубь дома.

Послѣ террора старое кладбище было куплено адвокатомъ Оливье Десклоза. Роялисть хотѣлъ спасти такимъ образомъ отъ оскверненія этотъ пропитанный кровью клочокъ земли, гдѣ были похоронены драгоценныя для него тѣла казненныхъ короля и королевы, Шарлотты Кордэ, мадамъ Роланъ, Дюбарри, герцога Орлеанскаго, жирондистовъ, а также, о замогильныя встрѣчи! обоихъ Робеспьеровъ, д'Анріо, Дюма, Кутона, д'Эбера, гдѣ смѣшались въ безпорядкѣ кости убитыхъ 10-го августа швейцарцевъ и тысячъ аристократовъ, обезглавленныхъ въ продолженіе революціонныхъ годовъ.

Такимъ образомъ, несмотря на тѣ мѣры предосторожности, которыя были приняты цареубійцами, сжегшими въ известкѣ изувѣченныя тѣла своихъ высокихъ жертвъ, чтобы потомство не попыталось «воздать почести остаткамъ тирановъ», все-таки паломничество къ королевскимъ останкамъ оказалось возможнымъ для послѣднихъ уцѣлѣвшихъ придворныхъ, преданныхъ покойному королю.

Кантекоръ шелъ узкимъ коридоромъ и вошелъ въ кладбищенскую ограду, гдѣ была масса зелени, кустовъ, деревьевъ и крестовъ, обозначающихъ могилы. Въ концѣ прямой аллеи полицейскій увидилъ Гранли, склонившагося передъ низкимъ холмикомъ, защищеннымъ деревянной оградой, на которомъ росли двѣ ивы. Это были королевскія могилы, расположенныя въ уединенномъ уголкѣ у стѣны, недалеко отъ колодца.

На войнѣ Кантекоръ былъ очень храбръ. Множество разъ въ него стрѣляли картечью, онъ наносилъ жестокіе удары, самъ былъ изрубленъ, о чемъ достаточно краснорѣчиво свидѣтельствовали многочисленные рубцы на его тѣлѣ. Днемъ, въ хорошей кампаніи, онъ не боялся ни Бога, ни чорта, какъ онъ говорилъ и говорилъ вѣрно. Но каждый имѣетъ свои слабости, онъ съ трудомъ дышалъ воздухомъ кладбища, особенно при наступленіи вечера. Теперь же спускалась уже ночь, тѣни сгустились. Онъ чувствовалъ, что по его спинѣ пробѣгаетъ холодокъ, и съ безпокойствомъ озирался кругомъ. Онъ погрузился въ воспоминанія. Сколько разъ, будучи

мальчишкой, онъ, крестникъ республики, провожалъ сюда съ пѣснями телѣги, чтобы посмотрѣть, какъ послѣдній разъ кувыркнутся въ ровъ тѣ, которые покоились теперь въ общей кучѣ въ землѣ.

Онъ вспоминалъ Дюбарри, растрепанную, рыдающую, умоляющую палача; молчаливую королеву; величественную мадамъ Роланъ; и въ особенности женщинъ, которыхъ въ послѣдній ихъ часъ онъ билъ по щекамъ, оскорбляя ихъ дикими насмѣшками и безстыдными тѣлодвиженіями. Ему казалось, что тамъ, немного подальше стонетъ сама земля... Но гнѣтъ, что за глупости!.. Однако почему этотъ огромный кипарисъ такъ похожъ на черную женщину безъ головы?.. Мѣсто было черезчуръ уныло. Ему мерещились голоса подъ землей... Что если всѣ эти могилы откроются?.. Что если онѣ слишкомъ тѣсны и поэтому выбросятъ всѣ кости?.. Если всѣ погребенные встанутъ и пойдутъ, неся въ рукахъ свои отрубленные головы?.. Онъ почувствовалъ внезапное головокруженіе; на лбу выступилъ холодный потъ; онъ пятился назадъ и повернулъ, наконецъ, къ дому. Старикъ ждалъ его. Съ трудомъ ворочая языкомъ, Кантекоръ спросилъ сдавленнымъ голосомъ:

— Другого выхода отсюда нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Хорошо, я ухажу; только ни слова этому молодому человѣку, а то...

— Я не скажу ничего.

— Отлично, до свиданія!

Онъ вышелъ изъ сада, какъ выходятъ изъ ямы, кишасшей змѣями.

Тѣмъ временемъ Гранли оставался недвижимымъ передъ двойной могилой короля и королевы.

Онъ отдался своимъ воспоминаніямъ. Ему грезилось его счастливое дѣтство: Версаль, Трианонъ, его кухни, герцогини и маркизы, игравшія въ пастушекъ съ бѣлыми барашками, украшенными голубыми лентами; кружки и хороводы, которые водили принцессы; блестящіе парады и солдаты, такіе великолѣпные въ своемъ вооруженіи. Онъ слышалъ зовъ трубъ на мощеныхъ дворахъ огромнаго королевскаго дворца; потомъ, во внутреннемъ бѣломъ залѣ, голосъ Маріи-Антуанетты, пѣвшей за клавесиномъ. Онъ вспоминалъ Компьенскій замокъ, гдѣ всѣ были такъ веселы, гдѣ въ семьѣ забывали про этикетъ; Тюльери, который онъ не такъ любилъ, такъ какъ туда переѣзжали на зиму. Потомъ декорация вдругъ перемѣнилась; воздухъ, напоенный запахомъ рѣдкихъ духовъ, оглашаемый веселымъ хоромъ, пѣснями, рѣзко измѣнился: почувствовался запахъ пороха, народа, послышались крики, угрозы, проклятія. И онъ, это дитя, умѣвшее только смѣяться, онъ научился дрожать. Мिनвала любовь, преданность, вѣрность; подъ звуки барабановъ, въ красномъ колпакѣ, вошла злоба и ненависть. Потомъ трагедія—

трагедія Варенна, эти незабвенные дни; наконецъ Тамплъ и плѣнъ. Онъ возстановлялъ въ своей памяти все лица, которыя онъ такъ любилъ нѣкогда. И большинство изъ нихъ, послѣ долгихъ и страшныхъ мученій, покоилось здѣсь, въ этой землѣ!.. Онъ называлъ ихъ, громко крича и протягивая руки. И вотъ, передъ духовнымъ его взоромъ отверзлась земля; на его зовъ выходили одинъ за другимъ молчаливые обитатели этого мѣста покоя. Галлюцинуя, онъ видѣлъ ихъ такими, какъ они были въ послѣднее утро, у подножія эшафота. Здѣсь былъ весь дворъ; весь Версаль, весь Трианонъ, все принцы, принцессы; король и королева открывали кортежъ. Они приближались къ нему медленно и торжественно, какъ бы привѣтствуя своимъ прошлымъ его настоящее, а также и будущее.

Но какъ они были блѣдны! Какой ужасъ глядѣлъ изъ глубины ихъ очей!.. И у всехъ ихъ вокругъ шеи лежало красноватое колѣе, «слѣдъ алой крови прекрасныхъ аристократовъ», борозда отъ цѣлостиннаго ножа на шеѣ.

Гранли отступилъ передъ этими призраками, которыми наполнилось все кладбище. Со всехъ сторонъ ихъ прибывало все больше и больше. Это былъ настоящій смотръ дворянству и королевской фамиліи.

Король!.. Королева...

Невидимые барабанщики били въ барабаны; ему слышались церковные напѣвы, тихій и торжественный гимнъ во славу Бога.

Но вдругъ издали послышался гулъ, сначала глухой, неясный, затѣмъ болѣе громкій, наконецъ потрясающій, бѣшеный ревъ: это озвѣрѣлая, издалека шедшая и все время пьянствовавшая толпа рычала марсельезу и другія революціонныя пѣсни. Въ это же время въ воздухѣ пронесся страшный вихрь, склонившій деревья, сорвавшій листья, уносившій черепицы, камни...

И Гранли, внѣ себя отъ ужаса, увидаль, какъ ураганъ сорвалъ головы съ плечъ и унесъ ихъ въ вихрѣ кровавой пыли, а обезглавленные тѣла медленно повалились на землю. Тогда, не будучи въ состояніи выносить болѣе это зрѣлище, онъ вернулся въ домикъ сторожа этого священнаго мѣста. Поблагодаривъ старика, онъ вышелъ скорымъ шагомъ изъ дому; на улицѣ вытеръ лицо, омоченное слезами, и пошелъ, куда глаза глядятъ. Не отдавая себѣ отчета, грустный и удрученный, онъ повернулъ по улицѣ, которая шла вдоль стѣнъ гостиницы Сойкуръ, монастыря Виль-Эвекъ, прошелъ подъ высокой аркой того же названія и такимъ образомъ попалъ въ улицу Сюренъ. Оттуда, ориентировавшись, онъ направился къ предмѣстью Сентъ-Онорэ.

Ночь была ясная, прозрачная; мириады звѣздъ мерцали въ вышинѣ; луна сіяла меланхоличнымъ свѣтомъ; въ ста метрахъ отъ Гранли слѣдовалъ Кантекоръ, не теряя его изъ виду и стараясь заглушить шумъ своихъ шаговъ. Такимъ образомъ шли они долго;

въ пустынной улицѣ почти не было прохожихъ. Наконецъ Гранли остановился по срединѣ предмѣстья передъ низенькимъ домикомъ, въ которомъ была часовая лавочка, до сихъ поръ еще освѣщенная. Полицейскій видѣлъ издали, какъ Гранли вошелъ туда послѣ короткаго ожиданія. Минуты проходили... четверть часа... полчаса... огни потухли; ставни лавочки закрылись.

— Отлично!—проворчалъ агентъ Фушэ:—онъ остался въ своей норѣ!

Отойдя нѣсколько шаговъ, онъ позвалъ двухъ полицейскихъ, дежурившихъ недалеко отъ этого мѣста, и коротко отдалъ имъ приказаніе, указывая на домъ, гдѣ скрылся молодой человѣкъ. Затѣмъ подозвалъ извозчика и кинулъ ему:

«Набережная Малакэ, въ главное полицейское управленіе... да живо!..»

Кучеръ сдѣлалъ гримасу, но стегнулъ лошадь, которая двинулась крупной рысью. Въ концѣ предмѣстья Сентъ-Онорэ, которое кончалось Рульской дорогой, былъ переулочъ, который назывался, какъ о томъ гласила надпись, переулкомъ Мо-Вестю, вѣроятно, въ честь своихъ жителей, лишенныхъ, увы, элегантности!

Этотъ переулокъ, окаймленный обрушившимися стѣнами, представлявшій зимой помойную яму, а лѣтомъ засыпанный пескомъ и пылью, послѣ безчисленныхъ поворотовъ, упирался въ стѣну Эрансизскаго кладбища, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится паркъ Монсо.

Нѣсколькими годами раньше, благодаря фантази одного изъ владѣльцевъ, узкое пространство переулка было загорожено въ ста метрахъ отъ главной улицы какимъ-то удивительнымъ строеніемъ, въ родѣ низкаго одноэтажнаго сарая, куда ставились ручныя тележки, служившія торговцамъ въ теченіе круглаго года.

Впослѣдствіи предпріятіе это рухнуло, опустѣлый сарай мало-по-малу разрушивался и наконецъ превратился въ развалины; въ скоромъ времени черезъ обѣ двери, съ сѣвера и юга, сквозь пустое помѣщеніе возстановилось движеніе; тупикъ сталъ переулкомъ; однако, этотъ проходъ былъ извѣстенъ только жителямъ квартала, для постороннихъ тупикъ существовалъ попрежнему. Мѣсто это какъ будто было приноровлено для тайнаго притона, для внезапныхъ исчезновеній тѣхъ таинственныхъ авантюристовъ, подозрѣваемыхъ и преслѣдуемыхъ, которыхъ было такъ много въ то время.

На углу улицы и предмѣстья стоялъ небольшой домикъ, въ первомъ этажѣ котораго находилась лавочка, во второмъ этажѣ надъ ней была небольшая квартира; домикъ былъ покрытъ остроконечной крышей и имѣлъ выходъ на обѣ улицы. Въ этомъ домикѣ жилъ уже двадцать лѣтъ скромный часовыхъ дѣль мастеръ, по имени Падантъ Боранъ. Онъ устроился въ этомъ мрачномъ жилищѣ съ своей двухлѣтней дочкой Ренэ; вмѣстѣ съ ними посели-

лись его работникъ Блезо съ своей женой, толстой Жанной, которая справляла всѣ службы. Боранъ разсказалъ своимъ новымъ сосѣдямъ, что онъ вдовецъ и уѣхалъ изъ квартала, гдѣ жилъ, чтобы избѣгнуть тяжелыхъ воспоминаній. Черезъ три мѣсяца любопытство, которое возбуждаетъ всякое новое лицо, смѣнилось, благодаря вѣжливости, аккуратности и доброжелательству Борана и его домашнихъ, общимъ уваженіемъ, и никто болѣе не интересовался ими. Они пережили революцію, терроръ, директорію, чувствуя себя въ полной безопасности; консульство также не затронуло ихъ, не побезпоконило и имперія; очевидно, это были совершенно безвредные люди.

Часовщикъ, въ черной шелковой шапочкѣ на головѣ, съ большой лупой въ правомъ глазу, проводилъ цѣлый день за мелкой работой, приковывавшей все его вниманіе; тѣмъ не менѣе, сидя за своимъ верстакомъ, стоявшимъ передъ узкимъ окномъ съ маленькими стеклами, онъ видѣлъ все, что происходило снаружи, и наблюдалъ за улицей. Очень часто какой-нибудь прохожій останавливался передъ его окномъ, гдѣ были выставлены скромные товары: трое часовъ изъ позолоченнаго цинка, старые стѣнные часы, нѣсколько серебряныхъ часовъ, разложенныхъ въ рядъ, серьги, обручальныя кольца, табакерки, всевозможные брелоки, дѣтскія погремушки—все это было разложено въ окнѣ часового магазина. Прохожій погружался въ созерцаніе этихъ богатствъ и, какъ бы въ разсѣянности, постукивалъ пальцами по стеклу.

Если Боранъ вставалъ съ мѣста, любопытный тотчасъ удалялся съ самымъ беззаботнымъ видомъ; если же часовщикъ оставлялъ работу и снималъ свою скуфейку, тогда чужестранецъ смѣло входилъ. Вотъ все, что удалось замѣтить такому проникательному полицейскому, какъ Кантекоръ, и то цѣной какой затраты времени, какого терпѣнія!

Большинство изъ этихъ таинственныхъ посѣтителей, постоянныхъ кліентовъ «дяди Борана», какъ его называли сосѣди, составляли старые люди, старые мужчины, старыя дамы, прихрамывавшіе, съ палками въ рукахъ, служившими имъ подпорьемъ, пахнувшіе бергамотомъ и испанскимъ табакомъ, увѣренные, что ихъ старость защититъ ихъ отъ подозрѣній. Они входили, усаживались на деревянные стульяхъ и разговаривали медленно и тихо; въ это время часовщикъ, для отвода глазъ, кропотливо разсматривалъ какую-нибудь старинную золотую луковницу—предлогъ визита. Блезо продолжалъ свою работу въ своемъ углу; въ задней комнатѣ, служившей столовой, находилась кухня, и толстая Жанна готовила обѣдъ или убирала посуду; Ренэ, сперва дѣвочкой, а потомъ дѣвушкой, стояла передъ дверью и наблюдала за проходившими по улицѣ.

Что могло быть, въ самомъ дѣлѣ, болѣе невиннаго, какъ всѣ эти лица, эта маленькая торговля, эти кліенты?.. Иногда старый господинъ встрѣчалъ у Борана старую даму. Было ли это случайно,

или нѣтъ, какъ знать? Были ли они знакомы? Можетъ быть. Они обмѣнивались тысячами поклоновъ, любезностей и, быть можетъ, какими-нибудь сообщеніями, которыхъ никто не слышалъ.

Иногда заходилъ какой-то чужеземецъ съ загорѣлымъ, огрубѣлымъ отъ морского вѣтра лицомъ, съ отважной, предприимчивой наружностью. Онъ покупалъ часы или табакерку, платилъ ассигнаціями и уходилъ; что могло быть проще этого? И кому могло прійти въ голову, что съ этими связками ассигнацій проскальзывало иногда письмо или сообщеніе, которыя содержали страшныя имена. И, однако, во время террора, и въ особенности во время директоріи, это случалось очень часто.

Домъ Борана, имѣвшій такой честный и скромный видъ, служилъ центромъ заговора роялистовъ. Часовщикъ, сынъ лакея Людовика XV, былъ глубоко преданъ своимъ законнымъ королямъ. Необразованный, простой человѣкъ, онъ по-своему служилъ имъ; но извѣстно вѣдь, что и маленькіе люди могутъ оказывать иногда огромныя услуги.

Подъ остроконечной крышей на чердакѣ былъ устроенъ чуланъ, служившій тайнымъ убѣжищемъ; онъ былъ узокъ, закрывался дверью, скрытой въ стѣнѣ, которая замыкалась деревяннымъ болтомъ, вытаскиваемымъ, когда гость входилъ въ чуланъ. Чердакъ былъ совершенно пустъ и его можно было сразу окинуть взглядомъ; въ случаѣ обыска, хлопотъ не было—повсюду виднѣлась только огромная паутина, которую тщательно сохраняли. Закоулокъ этотъ былъ восьми шаговъ длиной и шириной, и въ немъ могло помѣститься два человѣка, въ случаѣ крайней нужды—три. Онъ былъ болѣе высокъ, чѣмъ широкъ, и формой своей крыши напоминалъ гасильникъ; такъ его и звали; черезъ щели между досками, сквозь червоточины свободно проникалъ свѣжій воздухъ, равно какъ и вода съ небесъ въ дни большихъ дождей; это было одно изъ неудобствъ этого убѣжища. Всю обстановку его составляли два соломенные матраца. Въ этомъ мѣстѣ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ многіе изъ вожakovъ роялистскаго заговора проводили по нѣсколькимъ днямъ; графъ де-Фроттэ, Пишегрю, поздиѣ Шареттъ; очень часто Жоржъ Кадудаль и кавалеръ Брюсларъ, какъ и многія другія лица, принимавшія дѣятельное участіе въ заговорѣ того времени.

До 1806 года не было ни малѣйшаго повода, который могъ бы возбудить подозрѣніе полиціи, такой дѣятельной въ эти годы всевозможныхъ политическихъ тревоженій. Гражданинъ Боранъ въ печальные дни эшафота, «дядя Боранъ»— во время консульства и имперіи,—сохранялъ неизменно свою репутацію спокойнаго и мирнаго человѣка, чуждаго всякимъ политическимъ страстямъ и живущаго исключительно для своей дочери, его единственной радости, и для своего маленькаго дѣла, которое процвѣтало.

Въ началѣ 1795 года семья часовщика неожиданно увеличилась, благодаря прїѣзду его племянника, мальчика помоложе Ренэ, имѣвшаго въ то время не болѣе двѣнадцати лѣтъ. Однажды утромъ сосѣди Борана увидѣли въ лавочкѣ это новое лицо, которое и было представлено имъ при удобномъ случаѣ подъ именемъ Шарля Борана, сына Сильвана Борана, младшаго брата Гиацинта, жившаго въ своемъ родномъ городѣ, въ Понтъ-Эвекѣ. Ребенка привезли въ Парижъ учиться мастерству дяди подъ его присмотромъ, чтобы въ послѣдствіи онъ могъ существовать этимъ ремесломъ на своей родинѣ. Это былъ хрупкій и блѣдный ребенокъ, съ свѣтлыми волосами, личикомъ дѣвочки, съ вялой походкой; не нужно было особенной наблюдательности, чтобы вывести естественное и безспорное заключеніе, что воздухъ Нормандіи совсѣмъ не былъ такъ здоровъ, какъ объ этомъ разсказывали. Всѣ дѣти изъ долины Тука прїѣзжали въ Парижъ очень блѣдными и худыми.

Боранъ объяснилъ плохой видъ мальчика недавней лихорадкой, и никто болѣе не интересовался этимъ прїѣздомъ, столь обыкновеннымъ въ каждой семьѣ. Въ продолженіе шести мѣсяцевъ мальчикъ росъ въ тяжелой атмосферѣ предмѣстья, сидя дома, часто болѣя и постоянно работая вмѣстѣ съ Бораномъ или Блезо часовые колесики, приготовляя различные сплавы и пріобрѣтая всевозможныя спеціальныя познанія, необходимыя въ его ремеслѣ. Въ свободное время онъ много читалъ, по преимуществу исторію Франціи.

Всѣ эти занятія заставляли его сидѣть дома, какъ и всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ жилъ.

Лѣтомъ, по воскресеньямъ, вся семья, считая въ томъ числѣ работника и работницу, отправлялась на дачу, въ сторону Ванва, гдѣ у Борана былъ маленькій домикъ, стоявшій въ небольшомъ саду. Домикъ былъ удаленъ отъ всякаго жилища, находился въ сторонѣ отъ дороги; тамъ можно было не бояться любопытныхъ глазъ и ушей.

Путешествіе совершалось очень весело въ нанятой для этого случая телѣгѣ, гдѣ всѣ сидѣли въ кучѣ между корзинъ съ провизіей. Какъ только прїѣзжали, тотчасъ вытаскивали всѣ съѣстные припасы и располагались въ домѣ. И каждый разъ повторялась одна и та же удивительная сцена; всѣ лица, манеры, тонъ всѣхъ моментально мѣнялись.

— Ваше высочество!—говорилъ Боранъ, падая со всѣми остальными на колѣни передъ своимъ ученикомъ:—обойдемся безъ принужденія сегодняшній день; позвольте вашимъ слугамъ высказать вамъ свое благоговѣйное почитаніе и любовь.

И Шарль, не безъ достоинства, поднималъ своихъ вѣрныхъ друзей, простертыхъ ницъ передъ нимъ, и безъ принужденія исполнялъ типственную роль принца до наступленія вечера.

Кто же былъ этотъ ребенокъ, по вѣшности такой скромный, котораго съ глазу на глазъ всѣ, знавшіе тайну его происхожденія, привѣтствовали такимъ вѣрноподданническимъ образомъ.

Въ предмѣстьѣ всѣ обходились съ ребенкомъ, а затѣмъ и съ юношей, безъ особаго уваженія, фамиллярно, хотя съ горячей, бросающейся въ глаза любовью.

Когда графъ де-Фроттэ принесъ однажды ночью этого ребенка, этого десятилѣтняго мученика, худого, блѣднаго, съ длинными, безцвѣтными волосами, дрожащаго отъ страха и лихорадки, вернутаго въ плащъ и довѣрилъ его скромному торговцу изъ улицы Мо-Вестю, онъ приказалъ тогда держаться съ мальчикомъ такого обхожденія и выполнять его съ самой величайшей точностью и строгостью. И порой это обстоятельство доставляло тяжелое испытаніе для гордости принца, потому что это былъ дѣйствительно принцъ.

Еще одно приказаніе было дано вождемъ роялистовъ: никто не долженъ былъ подозрѣвать о царственномъ происхожденіи ребенка, кромѣ Борана и его домашнихъ. Ни подъ какимъ видомъ онъ не долженъ былъ быть открытъ даже приверженцамъ королевской партіи, которые заходили иногда искать убѣжища и находили его въ «гасильникѣ», хотя бы они даже и догадывались. Никто, кромѣ троихъ: Кадудала, Шаретта и Брюслара не долженъ былъ ничего знать. Дѣло шло о жизни маленькаго изгнанника. Этотъ приказъ былъ выполненъ неукоснительно. Хотя графъ де-Фроттэ и умеръ передъ взводомъ разстрѣлявшихъ его солдатъ, но всѣ оставались послушными его замогильному голосу.

Это былъ жестокій урокъ смиренія для потомка великолѣпныхъ предковъ; впоследствии онъ, быть можетъ, и вспомнилъ о немъ!

Между нимъ и Ренэ, которая была старше мальчика на три года, возникла самая горячая любовь; вначалѣ, съ высоты благоразумія умной, маленькой дѣвочки, она почитала его, какъ королевское дитя, но это основное чувство смѣнилось вскорѣ самой горячей любовью добровольной рабы. Благородный мальчикъ, вырванный неожиданно изъ той ужасной обстановки, въ которой онъ слышалъ однѣ только угрозы, сопровождаемыя страшными жестами и производимыя грубымъ, свирѣпымъ тономъ, еще дрожа отъ страха, бросился въ нѣжныя объятія всѣхъ членовъ этого скромнаго, молчаливаго, привѣтливаго домника. Но мало-по-малу ребенокъ выросъ; онъ развивался чрезвычайно быстро въ атмосферѣ этой теплицы; онъ дѣлался спокойнымъ; обстоятельства мѣнялись.

Теперь, въ свою очередь, онъ началъ обходиться съ Ренэ съ снисходительностью, съ принужденностью, свойственною юношѣ, который дѣлается мужчиной, которая при этомъ увеличивалась отъ сознанія имъ своего происхожденія. Когда ему было пятнадцать лѣтъ, а ей восемнадцать, онъ былъ прелестнымъ мальчикомъ, а

она красивой дѣвушкой съ длинными черными волосами, блѣднымъ лицомъ и темными горящими глазами. Чрезвычайно пронизательнымъ оказался бы тотъ, кто сумѣлъ бы отгадать, какого рода была привязанность между королемъ въ изгнаніи и лавочницей, его вѣрнопопданной и повѣренной всѣхъ его тайнъ. Иногда они краснѣли въ присутствіи другъ друга. Знали ли они причину этого? Прошелъ еще одинъ годъ существованія въ этомъ маленькомъ домикѣ, гдѣ всѣ сталкивались другъ съ другомъ, затѣмъ однажды вечеромъ пришелъ старикъ, очень внушительной наружности, постучалъ въ стекло, сказалъ пароль и далъ Борану бумагу желтоватаго цвѣта, которую тотъ сейчасъ же узналъ, хотя для другихъ она не имѣла никакого значенія.

На этой бумагѣ была написана рукой Борана съ подписью въ концѣ слѣдующая фраза:

«Получена вещь для возвращенія по первому требованію».

Эту записку онъ самъ отдалъ когда-то Фроттэ; позднѣе онъ могъ выдать принца только предъявителю этой странной квитанціи.

Взволнованный Боранъ грустно вздохнулъ. Четверть часа спустя принцъ сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ.

Онъ уѣзжалъ довольный, не оглядываясь назадъ: въ это время честолюбіе подавляло въ немъ всѣ другія чувства, да и любовь къ приключеніямъ была у него врожденнымъ чувствомъ.

Въ покинутомъ домикѣ рыдала Ренэ, положивъ голову на руки; толстая Жанна вторила ей, а Боранъ и Блезе спрашивали потихоньку другъ друга:

— Куда онъ поѣхалъ? Увидимъ ли мы его опять?

Съ тѣхъ поръ Ренэ не пѣла болѣе во время работы, какъ она дѣлала это прежде.

Пять лѣтъ не было никакихъ извѣстій, и за это время воспоминаніе объ уѣхавшемъ не изгладилось въ сердцахъ его вѣрныхъ и преданныхъ друзей. Они постоянно говорили о немъ между собой, а въ часы обѣда съ грустью смотрѣли на его пустое мѣсто.

Иногда кто-нибудь бросалъ рѣдкій упрекъ:

— Все-таки онъ могъ бы хоть изрѣдка дать знать о себѣ!

Наконецъ они потеряли всякую надежду. Брюсларъ увѣрилъ ихъ, что принцъ умеръ. Они говорили о немъ, какъ о потерянномъ навсегда. И вотъ, однажды вечеромъ, въ іюнѣ 1806 года, когда въ лавочкѣ каждый былъ занятъ дѣломъ на своемъ мѣстѣ; когда Боранъ передъ узкимъ окномъ съ маленькими стеклами разсматривалъ съ лупой въ глазу часовую пружину; Блезе сзади него въ глубинѣ комнаты повертывалъ мѣдный цилиндръ; толстая Жанна перетирала въ кухнѣ фаянсовые тарелки, а Ренэ, молчаливая, какъ всегда, осунувшаяся и блѣдная, склонившись надъ начатой работой, добросовѣстно подшивала рубецъ, — легкій шумъ заставилъ всѣхъ поднять головы. За стекломъ стоялъ красивый молодой человекъ

съ дѣвичьимъ лицомъ и стучалъ по стеклу кончиками пальцевъ. Это былъ знакъ, которымъ освѣдомлялись когда-то искавшіе убѣжища эмигранты, есть ли свободное мѣсто и можно ли безопасно входить.

Но давно уже никто не искалъ убѣжища у часовщика, исключая одного Брюслара, и теперь всѣ колебались, не зная, отвѣчать ли ему.

Но вдругъ Ренэ, которая разсматривала чужеземца черезъ оконное стекло, испустила подавленный крикъ и сдѣлалась такъ блѣдна, какъ будто въ жилахъ ея не было крови; и такъ какъ стукъ извнѣ повторился съ большимъ нетерпѣніемъ, то она крикнула:

— Отецъ, отецъ.—смотря на Борана такими дикими глазами, что перепуганный часовщикъ сорвалъ шапочку, которая покрывала его лысую голову, что означало: «можете войти».

Тотчасъ открылась дверь, зазвонилъ колокольчикъ, и чужеземецъ вошелъ въ лавочку. Онъ казался очень молодымъ, горделиво поднималъ свою голову и улыбался, не говоря ни слова, опираясь обѣими руками на золотой набалдашникъ своей трости. Оба мужчины разсматривали его съ любопытствомъ, ожидая, что онъ заговорить; толстая Жанна съ тряпкой въ одной рукѣ, тарелкой въ другой высунула носъ въ дверь, чтобы «посмотрѣть, что тамъ дѣлается», и не выказывала никакого волненія; только Ренэ, съ дрожащими руками, стояла передъ молодымъ человѣкомъ и внимательно приглядывалась къ нему. Отъ нервной дрожи и судороги, перехватившей ей горло, она не могла выговорить ни слова. Наконецъ у нея вырвался сдвоенный крикъ:

— Шарль, принцъ!

Боранъ и Блезе быстро вскочили при этихъ словахъ; Жанна подняла руки кверху, уронила на полъ тарелку и тряпку.

Принцъ, очень довольный произведеннымъ впечатлѣніемъ, далъ волю своимъ чувствамъ.

— Узнала ли ты меня?—спросилъ онъ дѣвушку, насильно привлекая ее къ себѣ.—Знаешь ли ты, какъ ты похорошѣла?—И онъ поцѣловалъ ее въ обѣ щеки, какъ дѣлалъ это когда-то. Изъ блѣдной дѣвушка стала пунцовой. Затѣмъ наступила очередь другихъ; онъ пожималъ всѣ эти лапы, протянутыя ему съ такой радостью. Вдругъ онъ предупредилъ ихъ:

— Слушайте внимательно, друзья мои! Для всѣхъ я зовусь Шарлемъ Гранли, просто Гранли; въ продолженіе нѣсколькихъ дней я долженъ скрываться; вотъ почему я пришелъ къ вамъ искать убѣжища въ гасильникѣ! Скверно будетъ, если кто-нибудь явится сюда меня разыскивать! А между тѣмъ по молвамъ слѣдамъ рыщутъ агенты полиціи всего свѣта, и въ особенности со стороны моихъ проклятыхъ дядей, которые жаждутъ моей смерти и, надо признаться, приняли всѣ мѣры, чтобы это сбылось. Я все время скры-

ваюсь, блуждаю въ изгнаніи; благодаря чуду, мнѣ удалось спастись отъ десятка убійцъ. И все это дѣло рукъ моихъ дядей! Всюду преслѣдуемый и гонимый, я спасаюсь во Франціи и знаете гдѣ?..

Онъ замолчалъ и посмотрѣлъ на нихъ по очереди. Всѣ слушали его со вниманіемъ, женщины сжимая руки, мужчины съ вытаращенными глазами; съ выраженіемъ то удивленія, обожанія, восторга, то негодованія и гнѣва, по мѣрѣ того, какъ онъ рассказывалъ о своихъ страданіяхъ.

Онъ повторилъ:

— Знаете ли вы гдѣ? Нѣтъ, никто не могъ бы догадаться. Ну, — сказалъ онъ жесткимъ, ироническимъ тономъ: — я укроюсь въ войскахъ Наполеона. Если я буду въ состояніи, я поступлю къ нему на службу. Кто можетъ мнѣ помѣшать въ этомъ?

Всѣ были поражены. Онъ забавлялся произведеннымъ впечатлѣніемъ.

— Да, это рѣшено... я предупредилъ объ этомъ своихъ послѣднихъ приверженцевъ... тѣхъ, кто еще интересуется мной... Иммармона и Прэнгеля, которые, конечно, послѣдуютъ за мной. Это безуміе, не правда ли?.. Ну, нѣтъ, это умно... И, наконецъ... у меня есть свои соображенія!..

Онъ остановился въ задумчивости, улыбнулся какимъ-то отдаленнымъ воспоминаніямъ. Остальные, негодуя и поникнувъ головой, смотрѣли на него молча.

Какъ онъ выросъ, какъ похорошѣлъ, какимъ сильнымъ и здоровымъ казался онъ, ихъ маленькій принцъ, ихъ маленькій король! Наконецъ, въ довершеніе всего, толстая Жанна расплакалась. Гранли нервно разсмѣялся, но негодующій Блезю разбранилъ жену за слезы, неумѣстныя въ этотъ радостный день.

Молодой человѣкъ внимательно разглядывалъ все вокругъ себя, узнавалъ знакомыя вещи все на тѣхъ же мѣстахъ и переносился мыслью къ прошедшимъ днямъ.

Всѣ чувствительные люди придаютъ большое значеніе воспоминаніямъ; они думаютъ, вѣроятно, что мѣста, гдѣ они жили, сохраняютъ ихъ отпечатокъ, частицу ихъ самихъ, но то, что имъ кажется близкимъ и дорогимъ, не производитъ никакого впечатлѣнія на постороннихъ зрителей. Принцъ растрогался при видѣ высокаго табурета, который когда-то принадлежалъ ему, въ то время, когда его царственныя руки снисходили до ремесла часовщика. Кончиками своихъ бѣлыхъ пальцевъ, покрытыхъ кольцами, онъ собралъ на станкѣ частицы часовъ, разсмотрѣлъ ихъ въ лупу и попробовалъ собрать ихъ въ одно цѣлое.

— Ну, что, г. Гранли, — осмѣлился наконецъ прошептать Боранъ: — вы еще не забыли?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ принцъ, глубоко вздыхая: — я ничего не забылъ... ничего и никого, — прибавилъ онъ, смотря по очереди на

всѣхъ присутствующихъ. Его глаза остановились съ лаской на молодой дѣвушкѣ и загорѣлись нѣжнымъ свѣтомъ.

— А ты, Ренэ, думала ли ты обо мнѣ иногда?

Смущенная, она прошептала:

— Постоянно... ежечасно.

Лицо принца просіяло. Боранъ собрался, наконецъ, съ духомъ.

— Ваше величество оставались...

— Тише,—прервалъ молодой человѣкъ, прикладывая палецъ къ губамъ:—я Гранли.

Боранъ поправился:

— Вы всегда были съ нами, несмотря на разстояніе, отдѣлявшее насъ. Дочь сказала вѣрно: каждый день, каждый часъ мы говорили о васъ. Гдѣ были вы? Что происходило съ вами? Почему вы не извѣщали насъ, вашихъ преданныхъ слугъ? Потому что мы вообразили, что наша покорная преданность давала намъ право на ваше милостивое вниманіе.

Принцъ слегка покраснѣлъ и живо отвѣтилъ:

— Я не могъ... мои дорогіе друзья... Вы знаете теперь почему: у меня было столько приключеній... я бѣжалъ отъ опасностей... былъ опять въ тюрьмѣ... спасся чудомъ...

— Но кто осмѣлился?..—произнесла поблѣднѣвшая, съ расширенными зрачками, Ренэ.

— Кто осмѣлился?—повторилъ принцъ.— Они, мятежники, мои дяди, которые, вопреки своей совѣсти и правдѣ, преслѣдуютъ меня, выставляютъ интриганомъ, искателемъ приключеній, не хотятъ признавать во мнѣ своего племянника, законнаго наслѣдника правъ, которыя они присвоили. Я долженъ бояться ихъ болѣе, чѣмъ неблагосклонности императора... Съ этой стороны у меня есть заручка, и я надѣюсь... но довольно, я сказалъ и такъ слишкомъ много, потому что это тайна не только моя, и я не имѣю права выдавать ее даже такимъ преданнымъ друзьямъ, какъ вы...

Онъ произнесъ послѣднія слова съ тѣмъ величественнымъ видомъ, который умѣлъ принимать въ нужныхъ обстоятельствахъ и который производилъ огромное впечатлѣніе на всѣхъ его приближенныхъ. И на этотъ разъ онъ произвелъ подавляющее впечатлѣніе на этихъ скромныхъ, покорныхъ людей. Они низко поклонились ему. Въ это время двое прохожихъ остановились передъ лавочкой часовщика, которая бросала свѣтъ на улицу, и это подозрительное присутствіе постороннихъ лицъ напомнило Борану объ обычныхъ мѣрахъ предосторожности.

— Господинъ Гранли,—прошептала она:—войдите, пожалуйста, въ столовую... здѣсь вы слишкомъ на виду.

— Ты правъ, Боранъ,—отвѣтилъ Боранъ, быстро повертываясь спиной къ окну.—Ты правъ... тѣмъ болѣе, что съ сегодняшняго

утра я еще не завтракалъ и не обѣдалъ, такъ что поужинаю съ большимъ удовольствіемъ.

— Возможно ли это!—грустно вскричала Ренэ, огорченная этимъ простымъ признаніемъ.

Жанна спѣшила уже къ потухшей плитѣ. Блезю залеръ лавочку, а часовщикъ спустился въ погребокъ, устроенный позади дровяного сарая. Нѣсколько минутъ спустя Гранли была подана яичница, холодное мясо, фрукты и легкое вино. Окруживши его, старые и преданные слуги любовались имъ, глядя на него жадными глазами, какъ на вновь найденное дитя. Они радовались его хорошему аппетиту и быстротѣ, съ которой онъ осушалъ свой стаканъ. Наконецъ, разбитый усталостью, онъ зѣвая простился съ ними и попросилъ указать ему мѣсто для почлега. Ренэ взялась проводить его. Тѣмъ временемъ толстая Жанна устроила тамъ сносную постель, рѣшивъ завтра исправить ее. Принцъ, въ сопровожденіи молодой дѣвушки, направился по приставной лѣстницѣ, которая вела изъ лавки въ первый этажъ, а затѣмъ дальше, на чердакъ. Поднимаясь по ступенямъ, онъ шепталъ: «я чувствую себя моложе пятью годами, мнѣ кажется, что я еще ученикъ... Въ концѣ концовъ это было хорошее время!»

На пустомъ чердакѣ шаги молодыхъ людей будили звонкое эхо, голоса ихъ звучали серьезно, потому что мѣсто это, полное воспоминаній, внушало уваженіе. Ренэ поставила лампу на полъ и нажала привычными пальцами деревянную щеколду, устроенную въ стѣнѣ, и тотчасъ, съ глухимъ скрипомъ, напоминавшимъ грустный вздохъ, передъ прицемъ открылась дверь. Остановившись на порогѣ, принцъ погрузился въ размышленія; затѣмъ онъ проговорилъ, какъ будто онъ былъ одинъ со своими воспоминаніями:

— Они приходили сюда украдкой, гонимые, безпріютные, какъ и я теперь; они располагались тутъ, какъ затравленный звѣрь въ ненадежномъ логовищѣ, они, эти славные солдаты, грудью стоявшіе за мое дѣло; ты, Людовикъ де-Фроттэ, мой вѣрный генералъ; ты, Шареттъ, герой, котораго я не перестаю оплакивать; ты, Пишегрю, примиренный со мной своей смертью; ты, могущественный Жоржъ Кадудаль, ужасъ голубыхъ, гордость бѣлыхъ. Норманны, вандейцы, кретонцы, равные мужествомъ, соединенные въ могилѣ такъ же, какъ и въ моемъ сердцѣ!.. Вы знали мою страшную тайну, вы знали, кто былъ вашъ король, и заявили это передъ лицомъ Бога! Вы погибли во время бури, преждевременно, во цвѣтѣ лѣтъ и оставили меня одного среди всевозможныхъ опасностей.

Онъ замолкъ; губы его беззвучно шевелились, какъ бы шепча молитву; потомъ онъ заговорилъ съ трагическимъ выраженіемъ:

— Всѣ погибли, и въ такое короткое время! Фроттэ умеръ, Пишегрю умеръ! Жоржъ умеръ! Фроттэ, Шареттъ погибли подъ французскими пулями; чѣмъ кончилъ Пишегрю? Самоубійствомъ? Мо-

жетъ быть, убить? А ты, Кадудаль? обезглавленный проклятымъ эшафотомъ, какъ мой отецъ, моя мать, какъ всѣ мои...

Его голосъ прервался; собственная рѣчь взволновала его, онъ задыхался отъ рыданій. Ренэ, позади его, прислонившись къ стѣнѣ, съ закрытыми глазами, съ руками, опущенными вдоль тѣла, впала въ галлюцинацію: всѣ вызываемыя лица проходили передъ ней. Принцъ продолжалъ:

— Кто замѣнитъ васъ, о мои гордые приверженцы? О, мои знаменосцы, мои солдаты, мои люди!... Мертвы, мертвы, мертвы вѣрные хранители погибшаго королевства!.. Остается лишь оставить всѣ надежды и умереть, какъ и вы!..

— Ваше величество!—вскричала Ренэ внѣ себя, протягивая руки къ принцу.

Онъ вздрогнулъ, можетъ быть, притворно, такъ какъ притворство было до нѣкоторой степени въ его натурѣ.

— Ахъ, и ты съ нами, дѣвочка, и ты! Впрочемъ, и твое мѣсто тамъ, въ этомъ паломничествѣ къ вѣрнымъ. Выслушай мои признанія, посвященныя памяти моихъ мертвыхъ друзей. Тутъ есть и твоя доля, твоя... доля той, которая живетъ, чтобы служить мнѣ своимъ великимъ сердцемъ; о, дорогая сестра моя прошлыхъ лѣтъ!

Ренэ рыдала, положивъ голову на руки. Долго онъ говорилъ о судьбѣ, и все, что онъ говорилъ, было подсказано ему воспоминаніями. Наконецъ она покинула его, оставивъ одного въ убѣжищѣ, гдѣ онъ былъ спрятанъ отъ всѣхъ глазъ. Вытащивъ заботливо болтъ, которымъ притворялась дверь, все еще дрожа, она спустилась внизъ. Боранъ взглянулъ на нее и беззаботился.

— Ты красна, ты взволнована; ты плакала, очевидно.

Взволнованная, чувствуя себя еще болѣе преданной принцу, она отвѣтила:

— Вы тоже плакали бы, какъ и я, если бы слышали, какъ онъ вспоминалъ своихъ мертвыхъ друзей, какъ онъ клялся имъ въ вѣчной признательности; если бы вы слышали, какъ онъ говорилъ о насъ всѣхъ тамъ, наверху!

— О, это великое сердце!—сказалъ убѣжденно часовщикъ.

Блезе и его жена вполне согласились съ Бораномъ. Въ продолженіе часа они изливались въ неизсякаемыхъ рѣчахъ о томъ, какъ счастливо они опять нашли своего принца, о его красотѣ, добротѣ, его умѣ, краснорѣчій и кончили самыми горячими пожеланіями ему блестящей будущности.

Наконецъ, когда на сосѣдней церкви пробило одиннадцать часовъ, они пошли спать. Но всѣ, кромѣ одного, въ молчаливомъ домикѣ долго еще не могли заснуть подъ впечатлѣніемъ неожиданнаго свиданія и всевозможныхъ приходившихъ въ голову мыслей.

Въ своей маленькой, скромной, почти бѣдной комнатѣ, единственнымъ украшеніемъ которой служила легонькая, розоваго

дерева этажерочка, гдѣ стояли стеклянныя золоченыя бездѣлушки, по модѣ того времени, а также вещицы, оставшіяся отъ ея рано умершей матери, Ренэ, лежа въ своей узенькой дѣвичьей кроваткѣ, думала о новыхъ вещахъ. Она испытывала какую-то грустную радость, увидя царственного товарища своего однообразнаго дѣтства, принца, котораго она такъ любила и котораго не надѣялась болѣе видѣть.

Такимъ образомъ сбылось то, о чемъ, какъ о самомъ дорогомъ, она мечтала еще наканунѣ.

Но почему же, несмотря на это огромное счастье, она испытывала какос-то страданіе?

Она не могла и не хотѣла отвѣтить на этотъ вопросъ, такъ неопредѣленно вставшій въ ея безпокойномъ сознаніи.

Да, тотъ, кто такъ внезапно явился, не былъ уже ребенкомъ; онъ былъ молодымъ человѣкомъ и такой красоты, что каждый, даже не знавшій его высокаго происхожденія, не могъ пройти, не обративъ на него вниманія. И ея прежнія чувства къ Шарлю, чувства покорной и преданной сестры, теперь измѣнились, стали чрезвычайно сложными и запутанными. И когда онъ поцѣловалъ ее братскимъ поцѣлуемъ, какъ часто цѣловалъ раньше, она задрожала, объята невыразимымъ стѣсеніемъ, происшедшимъ отъ непонятнаго удовольствія и тайнаго страха.

Что это значило? Она не знала. Она не могла понять, что въ возрастѣ, когда сердце сильно бьется подъ напоромъ горячей крови, неопредѣленное чувство привязанности къ далекому герою должно было перейти незамѣтно въ горячую любовь. Прежде, чѣмъ появился «господинъ де-Гранли», она представляла уже себѣ свое божество, но смутно, благодаря разстоянію, раздѣлявшему ихъ; обожаніе ея оставалось неопредѣленнымъ, неуловимымъ, но при первомъ столкновеніи, при первомъ поцѣлуѣ эти неопредѣленные порывы смѣнились трепетаніемъ тѣла; мистическое обожаніе смѣнилось языческимъ; въ объятіяхъ божества родилась женщина.

Онъ и она! Но вѣдь это безуміе!

Бѣдная Ренэ была далека отъ такого вѣрнаго заключенія и мучилась безсонницей; она старалась объяснить свою грусть другими уважительными причинами.

Часы шли, а сонъ все не приходилъ. Другія мысли, сомнѣнія и страхи мучили Борана въ его каморкѣ. Сидя на своей вдовьей, слишкомъ широкой для его худого тѣла кровати, или расхаживая изъ угла въ уголъ, разглядывая при свѣтѣ лампы свои скромные товары: старые стѣнные часы, пыльные подносы, чеканенные бокалы, золотыя и серебряныя бездѣлушки, разставленныя на полкахъ, всевозможныя мелкія вещицы, домашнюю утварь, стоявшую безъ употребленія, онъ съ мучительнымъ безпокойствомъ

прислушивался къ шуму улицы и въ особенности своего переулка, къ вѣтру, завывавшему въ высокой трубѣ, къ твердымъ шагамъ запоздалаго гуляки, возвращавшагося домой и громко разговаривавшаго на улицѣ. И каждый разъ онъ подскакивалъ на постели и блѣднѣлъ, потрясаемый нервною дрожью. Впрочемъ, вѣдь не въ первый же разъ скрывались у него въ домѣ изгнанники. Когда-то, и даже не такъ давно, въ гасильникѣ находили пріютъ Кадудаль, Пишегрю, Шареттъ, Фроттэ, Брюсларъ и многіе другіе, и часовщикъ, привыкшій къ такимъ посѣщеніямъ, спалъ спокойно не помышляя объ опасности.

И однако эта игра стоила бы ему головы; но въ то время всё такъ сроднилось съ мыслью объ опасности, о смерти; жизнь не ставилась ни во что, этому были тысячи доказательствъ.

Боранъ рѣшилъ, что, старѣясь, онъ теряетъ свое мужество. Онъ хорошо помнилъ, какъ пять лѣтъ тому назадъ онъ пріютилъ у себя королевское дитя, того принца, за котораго онъ такъ дрожалъ сегодня. Да, но въ то время принцъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы подвергнуть себя непосредственной опасности... такой казни, на примѣръ, какъ герцогъ Энгіенскій... При этомъ имени, сорвавшемся съ его молчаливыхъ устъ, часовщикъ почувствовалъ, что его сѣдые волосы стали дыбомъ подъ голубымъ фуляромъ, служившимъ ему ночнымъ колпакомъ. Онъ не могъ уже отдѣлаться отъ этого гнетущаго воспоминанія. Неожиданный арестъ, заключеніе въ Венсенской башнѣ, военный судъ, безжалостный приговоръ и въ темныхъ рвахъ крѣпости, подъ столбомъ, на которомъ висѣлъ фонарь, двѣнадцать ружей, направленныхъ на герцога.

Боранъ едва удержался отъ крика; онъ представлялъ себѣ эту страшную картину такъ ясно, что совершенно обезумѣлъ и смотрѣлъ дикими глазами, съ пересохшими губами, ничего не видя передъ собой.

Въ это мгновеніе ему послышался шумъ шаговъ идущаго войска, которое приближалось къ его дому.

Въ это время наверху, въ чуланчикѣ, принцъ, раздѣвшись на на случай тревоги, лишь наполовину, лежалъ на двухъ толстыхъ тюфячкахъ и при свѣтѣ низенькой лампы съ абажуромъ изъ зеленого картона, на которомъ съ одной стороны былъ изображенъ Наполеонъ, а съ другой Жозефина, набрасывалъ карандашомъ въ золотой оправѣ на листъ бѣлой бумаги неровныя строчки. Онъ глубоко вздыхалъ и часто поднималъ глаза къ небу, вѣрнѣе сказать, къ остроконечному потолку гасильника. Наконецъ онъ прочелъ вслухъ нѣсколько строкъ, посвященныхъ дивной красавицѣ, царицѣ его мыслей, чувствъ и желаній. Прочтя два или три раза подъ рядъ написанное, онъ отдался было опять вдохновенію, но оно, упрямое, непослушное, не шло къ нему. Тогда онъ уронилъ голову на подушку и погрузился въ мечты, которымъ

такъ часто отдавался въ послѣднее время, призывая свое божество, вдохновлявшее его поэтическій талантъ.

Онъ вспомнилъ тотъ день, когда впервые увидѣлъ это прелестное видѣнье: молодую женщину, несравненной красоты, женщину, которую вся Европа признала богиней красоты. Онъ увидѣлъ ее на дорогѣ въ Аппію, вблизи Рима; она медленно ѣхала въ великолѣпной коляскѣ, запряженной парой прекрасныхъ лошадей, ласково улыбаясь привѣтствовавшей ее толпѣ, потому что всюду, гдѣ бы она ни показывалась, она вызывала восторгъ.

Она была одѣта въ великолѣпное платье изъ блестящей матеріи, затканное золотомъ и серебромъ, прекрасно облегавшее ея дивную фигуру, длинное манто изъ лиловаго бархата, открытое и безъ рукавовъ, съ воротникомъ изъ лебяжьего пуха, такъ какъ осень уже началась и вѣтеръ становился довольно прохладнымъ. И тѣмъ не менѣе она ѣхала на прогулку съ голыми, прикрытыми лишь газомъ руками, съ едва защищенной шеей и обутыми въ ажурные чулки и башмаки ножками. Мода времени директоріи требовала прозрачности и наготы, едва прикрытой газомъ. На головѣ ея былъ токъ лиловаго бархата, съ двумя бѣлыми перьями; на прелестной шейкѣ висѣлъ на цѣпочкѣ, отдѣланной жемчугами, золотой крестъ, украшенный безцѣнными брильянтами. Она ѣхала безпечная, блестящая, дивно прекрасная, однимъ своимъ видомъ доводя мужчинъ до безумія. По безспорному всеобщему мнѣнію она была прекраснѣйшей изъ всѣхъ женщинъ того времени, эпохи, когда процвѣтали и царили Венеры, Фрины, Сафо, госпожи Тальень, де-Кастела, Рекамье. И онъ, изгнанный, блуждающій, безъ пріюта, безъ родины, затерянный въ этой толпѣ, онъ чувствовалъ, что сердце его готово было летѣть къ этой женщинѣ, которую онъ не зналъ. Наконецъ онъ справился, кто эта необыкновенная смертная, эта жительница небесъ, спустившаяся на землю? Сосѣдь его, также восхищенный, любезно сообщилъ ему:

— Это принцесса Полина Боргезе, сестра императора, королева очарованія...

Онъ не захотѣлъ болѣе слушать. Полина Боргезе, сестра Наполеона! Этого врага! Существо, которое онъ долженъ бы былъ проклинать и преслѣдовать своей ненавистью. Онъ убѣждалъ себя въ этомъ, но сердце говорило иное. Никакую другую женщину онъ не полюбитъ никогда. Что бы ни случилось, ея образъ запечатлѣнъ навѣки въ его душѣ. Онъ завоеванъ, заколдованъ, восхищенъ, плѣненъ навсегда отнынѣ этой женщиной! Съ тѣхъ поръ прошло уже полгода—шесть долгихъ мѣсяцевъ... а онъ держалъ свое слово.

Въ тотъ день онъ, какъ сумасшедшій, неизвѣстно почему, съ какой цѣлью, съ какими надеждами, слѣдовалъ за коляской этой волшебницы, видѣлъ, какъ она вернулась во дворецъ Боргезе и съ тѣхъ поръ проводилъ и дни и ночи около ея жилища. Онъ разузналъ

всѣ привычки принцессы; въ часы выѣздовъ онъ всегда былъ тамъ, гдѣ она, снималъ свою шляпу и низко склонялся передъ этой корсиканкой, также причастной къ узурпаторству, и это дѣлалъ онъ, наслѣдникъ величайшаго рыцаря въ свѣтѣ.

Конечно, она его замѣтила, такъ какъ онъ имѣлъ гордую, величавую осанку, и въ одинъ изъ счастливыхъ дней она ему улыбнулась. Капризная, взбалмошная, слѣдовавшая внушенію минуты, Полина обратила вниманіе на этого молчаливаго человѣка, съ такимъ постоянствомъ слѣдившаго за каждымъ его шагомъ. Въ этотъ же день, съ предприимчивостью, свойственной его молодости и темпераменту, онъ представился ей въ замкѣ Боргезе, рѣшивъ открыть ей свою тайну, поставить на карту свою жизнь, не будучи въ силахъ примириться съ мыслью остаться для нея невѣдомымъ прохожимъ, обыкновеннымъ человѣкомъ, желая поразить ее, въ свою очередь, и покорить во что бы то ни стало.

Заинтересованная, она приняла его подъ его условнымъ именемъ; спрашивая, какой милости онъ желалъ бы отъ нея.

Наконецъ-то онъ могъ наслаждаться близостью этого дивнаго существа, этой очаровательницы, разборчивой и величественной, самой избалованной и сумасбродной изъ всѣхъ женщинъ. Она была всецѣло въ зависимости отъ своихъ желаній и подчинялась только ихъ непосредственному вліянію, способная на всякія безразсудства, разъ они приходили ей въ голову; она позировала голая въ мастерской Каповы, для славы артиста, котораго этимъ довела до помраченія разсудка, и для вѣчнаго восторга потомства. Она обожала себя, находила удовольствіе въ лести, которою ее окружали, и не переносила ни малѣйшихъ препятствій въ своихъ желаніяхъ, какъ бы они ни были безразсудны.

Она гордилась своимъ прозвищемъ «королевы граціи, изящества и красоты», прозвищемъ, которое казалось ей высочайшей похвалою и которое она получила благодаря своей элегантности и кокетству. Въ двадцать два года она потеряла мужа, генерала Леклерка, а въ дварцать три вышла вторично замужъ за великолѣпнаго Камилла Боргезе, котораго любила нисколько не болѣе, чѣмъ своего перваго мужа, и вышла замужъ потому, что ей вскружили голову его огромныя богатства и удивительные брильянты. Такова была та, которую въ дѣтствѣ Наполеонъ звалъ Полеттой.

Гранли, указавъ на присутствовавшихъ придворныхъ дамъ, молча вытащилъ изъ кармана письмо и, развернувъ его, протянулъ принцессѣ. Въ этомъ письмѣ онъ высказалъ все, открылъ свое происхожденіе и отдавалъ въ ея руки и жизнь и свободу. Письмо кончалось слѣдующей фразой: «Я молю васъ объ одномъ. Если мнѣ не на что надѣяться, то предайте меня вашему брату. Это будетъ мой конецъ и это мое желаніе».

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ЮНЬ 1910 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 6-й.

Богословіе.

Лапинъ, П. Соборъ, какъ высшій органъ церковной власти. (Историко-каноническій очеркъ). Казань 1909. Ц. 2 р. 50 к. | Энземплярскій, В. Ученіе древней церкви о собственности и милостынѣ. Кіевъ. 1910. Ц. 2 р.

Философія, психологія, логика.

А. С. Основныя начала, ихъ зарожде- | ственнаго и умопостигаемаго. Успѣхи мета-
н развѣтѣ. Изд. 2. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к. | физики. Спб. 1910. Ц. 75 к.
Берндтъ. Самовнушеніе. Секретъ само- | Ницше, Ф. Полное собраніе сочиненій,
обладанія или леченіе страстей и ду- | томъ 9-й. М. 1910. Ц. 3 р.
шевныхъ страданій Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к. | Сила гипнотизма, его чудеса и тайны.
Буланже, П. Китайскій философъ Ми-Ти. | Спб. 1910. Ц. 50 к.
Ученіе о всеобщей любви. М. 1910. Ц. 10 к. | Соколовъ, П. Педагогическая психологія.
Друммондъ, Г. Идеальная жизнь. Кіевъ. | Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
1910. Ц. 1 р. | Торо, Г. Вальденъ или жизнь въ лѣсахъ.
Кантъ, И. О формахъ и началахъ міра чув- | М. 1910. Ц. 1 р. 20 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

Айхенвальдъ, Ю. Силуэты русскихъ пи- | Морозовъ, И. Объ искусствѣ вообще и по-
сателей. Вып. 3-й. М. 1910. Ц. 1 р. 10 к. | эзии въ частности Спб. 1910. Ц. 1 р.
Бѣлинскій, В. Г. Часть 2-я, А. С. Пушкинъ. | Чеховъ, А. П. Сборникъ статей. М. 1910.
Изд. 2-е. А. С. Суворина. (Дешевая Библио- | Ц. 1 р. 75 к.
тека). Спб. 1910. Ц. 25 к. | Шидловскій, А. Указатель литературы о
Бѣлый, А. Символизмъ. Книга статей М. | дѣятельности Петра Великаго на сѣверѣ.
1910. Ц. 3 р. | Архангельскъ. 1910. Ц. 80 к.

«истор. вѣстн.», июль, 1910 г., т. сxxi.

1/223

Беллетристика, поэзія и драматическія сочиненія.

- Айманъ, Д. Разказы. Томъ 2-й. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Аннуцій, Г. Полное собраніе сочиненій. Томъ 7-й. Торжество смерти М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Томъ 8-й. Дочь Іоріо. Дѣвственная земля. Ц. 1 р.
- Апраксинъ, А. Графиня Негрянская. Романъ. Изд. 2-е. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Князь Червоноскій. Романъ. Изд. 2-е. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Барыкова, А. Стихотворенія. М. 1910. Ц. 50 к.
- Брешко-Брешковскій, Н. Чухонскій Богъ. Романъ изъ жизни борцовъ и атлетовъ. Спб. 1910. Ц. 20 к.
- Бунинъ, И. Сочиненіе. Т. 6-й Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Гаринъ, Н. Разказы и пьесы. Т. 9-й. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Горбуновъ, И. ѳ. Сочиненія. Т. III, ч. 5-я. Спб. 1910. Ц. за все три тома 30 р.
- Гюи-де-Мопассанъ. Полное собраніе сочиненій. Томъ XI. Избранникъ госпожи Гюссонъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Ельцова, М. Отмычки счастья. Романъ. М. 1910. Ц. 60 к.
- Зайдель, Л. Выходимъ изъ черты осѣдлости. Сборникъ разказовъ. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Иваньесъ, Б. Проклятый хугоръ. Романъ. М. 1910. Ц. 1 р.
- Квитка, Г. Драматическія сочиненія. Спб. 1910. Ц. 60 к.
- Крачковскій, Д. Необыкновенный человекъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Лене, В. Тайна госпожня Миллера. Романъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Литературно-художественный сборникъ «Ручьи». Спб. 1910 г. Ц. 1 р.
- Новинки западной литературы. Спб. 1910. Ц. 60 к.
- Мишевевъ, Н. Аккорды. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Мольеръ. Полное собраніе сочиненій. Т. 4-й. Редація П. И. Вейнберга и П. В. Быкова. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Немировичъ-Данченко, Вас. Семья богатырей: Романъ. М. 1910. Ц. 1 р.
- Некрасова, О. Утро жизни. Романъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- пресансе. Безъ призора. Спб. 1910. Ц. 40 к.
- Приключенія неугомоннаго авіатора въ картинахъ. Спб. 1910. Ц. 30 к.
- Пушкинъ, А. Бахчисарайскій фонтанъ. Цѣна 4 к.
- Братья разбойники. Ц. 2 к.
- Евсеній Овѣгинъ. Ц. 25 к.
- Русланъ и Людмила Ц. 12 к.
- Сборникъ товарищества «Знаніе» за 1910 г. Книга XXX. Спб. Ц. 1 р.
- Слезинъ, Ю. Картонный король. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Старосѣтовъ, С. Голосъ земли. Скучный эпизодъ изъ жизни веселыхъ людей. М. 1910. Ц. 25 к.
- Стриндбергъ, А. Полное собраніе сочиненій. Томъ II. Романтический пономарь. Ральвъ. М. 1910. Ц. 1 р.
- Тетмайеръ, К. Король Андрей. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Чириковъ, Е. Плѣнь страстей. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Шульгинъ, В. Недавніе дни. Харьковъ. 1910. Ц. 50 к.

Исторія, біографія и археологія.

- Бродскій Н. Ранніе славянофилы. А. С. Хомяковъ. И. В. Кирѣевскій, К. С. и И. С. Аксаковы. М. 1910. Ц. 1 р.
- Зандаль, А. Наполеонъ и Александръ I. Франко-русскій союзъ во время первой Имперіи. Томъ I. Отъ Тильзита до Эрфурта. Спб. 1910. Ц. 3 р.
- Вырубовъ, П. Десять лѣтъ изъ жизни русскаго моряка, погибшаго въ Цусимскомъ бою. Кіевъ. 1910. Ц. 1 р.
- Головинъ, Н. Мои воспоминанія. Томъ 2-й. Спб. 1910. Ц. 2 р.
- Городцовъ, В. Бытовая археологія. М. 1910. Ц. 8 р.
- Мордовцевъ, Д. Замѣчательныя историческія женщины на Руси. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Пельманъ, Р. Очеркъ греческой исторіи и источниковѣднй Спб. 1910. Ц. 2 р.
- Разумовскій, В. Къ исторіи университетовъ и медицинскихъ факультетовъ. Спб. 1910. Ц. 30 к.
- Резановъ, В. Изъ исторіи русской драмы. Школьныя дѣйства XVII—XVIII вв. и театръ іезуитовъ. М. 1910. Ц. 2 р.

Правовѣднїе, общественныя науки и публицистика.

- Абрамовъ, Н. Даръ слова. Вып. 9-й. Искусство допрашивать. Ц. 25 к.
- Астровъ, П. Налогъ на наслѣдство и общественное призрѣніе. М. 1910. Ц. 25 к.
- Берендтъ, Э. Къ финляндскому вопросу. Статьи по поводу рѣчи члена Государственной Думы П. Н. Милюкова 13 мая 1908 г., при разсмотрѣнїи запросовъ по финляндскому управленію. Спб. 1910. Ц. 20 к.
- Войтисскій, В. Заработная плата. Спб. 1910. Ц. 60 к.
- Головно, А. Сельско-хозяйственныя общества Харьковской губерніи. Харьковъ. 1910. Ц. 50 к.

Грузенбергъ, С. Ученіе Шопенгауэра о правѣ и государствѣ. М. 1910. Ц. 30 к.

Жигаревъ, С. Россія въ средѣ европейскихъ народовъ по даннымъ исторіи международныхъ общенія и права въ XVIII и XIX вв. Историко-юридическіе очерки. Спб. 1910. Ц. 2 р.

Карпенгеръ, Э. Цивилизація, ея причина и излеченіе. Спб. 1910. Ц. 80 к.

Колычевъ, А. Городовое положеніе. Спб. 1910. Ц. 4 р. 50 к.

Конституція Германской Имперіи и главнѣйшія изъ относящихся до общегосударственнаго законодательства статей конституціонныхъ актовъ другихъ иностранныхъ государствъ. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Корнуновъ, Н. Русское государственное право. Выдержки изъ общей части. Спб. 1910. Ц. 20 к.

Красильниковъ, Н. Роковая ошибка въ политикѣ Русскаго Правительства и русскаго общества. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Кузнецовъ, Н. Законъ о старообрядческихъ общинахъ въ связи съ отношеніемъ церкви и государства М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Куплеваскій, Н. Манифестъ Императора Александра I 9 (21) февраля 1816 года о переименованіи финляндскаго Правительственнаго Совѣта въ Императорскій Финляндскій Сенатъ. Спб. 1910. Ц. 20 к.

— Справка о мѣнѣяхъ 25-ти русскихъ ученыхъ, специалистовъ права, по вопросу о юридическомъ положеніи Финляндіи въ составѣ Русской Имперіи. Спб. 1910. Ц. 30 к.

Малантовичъ, П. и Муравьевъ, Н. Законы о политическихъ и общественныхъ преступленіяхъ. Практическій комментарий. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Мнимыя притѣвленія заключенныхъ въ русскихъ тюрьмахъ. Спб. 1910. Ц. 25 к.

Мышь, М. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 12 июня 1890 г., съ относящимися

къ нему узаконеніями, судебными и Правительственными разъясненіями Изд. 5, допол. томъ I. Спб. 1910. Ц. 5 р. 50 к.

Остенъ-Санель. Государственно-правовое положеніе Великаго Княжества Финляндскаго въ Россійскомъ Государствѣ. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Пилленю, А. Привилегіи на изобрѣтенія. Спб. 1910. Ц. 85 к.

Саатчанъ, А. Сводъ уставовъ о службѣ гражданской. Спб. 1910. Ц. 1 р. 40 к.

Сборникъ законовъ и распоряженій по землеустройству. Первое дополненіе къ сборнику законовъ и распоряженій по землеустройству по 1 марта 1910. Ц. 2 р.

Святловскій, В. Очерки по исторіи политической экономіи. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

Сикорскій И. О психологическихъ основахъ націонализма. Кіевъ. 1910. Ц. 15 к.

Смирновъ, М. Политическая экономія, какъ наука. Спб. 1910. Вып. 2-й. Ц. 1 р.

— Тоже. Вып. 1-й. Ц. 2 р.

Супличичъ, Г. Славяне и конституція. Одесса 1910. Ц. 10 к.

Таганцевъ, Н. Великое княжество Финляндіи. Спб. 1910. Ц. 15 к.

— Высочайшій манифестъ 1 (13) декабря 1810 г. и финляндское уголовное уложеніе. Спб. 1910. Ц. 30 к.

— По поводу предстоящаго введенія особаго уложенія для Великаго Княжества Финляндіи. Спб. 1910. Ц. 20 к.

Труды пераго съѣзда русскихъ дѣятелей по общественному и частному призрѣнію. 8—13 марта 1910 г. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Финляндія въ столѣтнюю годовину завоеванія. Спб. 1910. Ц. 5 к.

Финляндская охранка въ составѣ Русскаго Государства. Спб. 1910. Ц. 40 к.

Фози-Хури. Фавориты военнаго министерства. М. 1910. Ц. 10 к.

Фуксъ, Г. Проблема преступности плодознганія. Х. 1910. Ц. 50 к.

Искусство.

Богатенно, Н. Черты нравственнаго спмволнзма въ русской иконографіи. И. 1910. Ц. 25 к.

Воскресенскій, А. Сценическій гримъ. Руководство для артистовъ и любителей. Спб. 1910. Ц. 2 р.

Ежегодникъ Императорскихъ театровъ 1910 года. Выпускъ 2-й Спб. Ц. 1 р.

Кибальничъ, Т. Южно-русскія геммы. (Не-

изданные матеріалы для исторіи гравировальнаго искусства древнихъ народовъ, жившихъ въ Южной Россіи). 1910. Ц. въ пер. 25 р.

Русскіе художники. В. И. Суриковъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Смолль Г. Иллюстрированное описаніе новой бібліотеки конгресса въ Вашингтонѣ. М. 1910. Ц. 75 к.

Естествознаніе и математика.

Землячченскій, П. Учебникъ минералогіи. Описательная минералогія, Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

— Учебникъ минералогіи, Общая часть. Химія минераловъ. Генезисъ и способы заглавія. Физика минераловъ. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Иностранцевъ, А. Вода и почва Петербурга, Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Юсифовъ, Г. О различеніи и половомъ влеченіи челоѣѣка съ точки зрѣнія эволюціи. Томскъ. 1910. Ц. 40 к.

Ле-Дантень, Ф. Основныя начала біологіи. Спб. 1910. Ц. 1 р.

- Оствальдъ, В. Важнѣйшія свойства коллоиднаго состоянія матеріи. Спб. 1910. Ц. 40 к.
- Пуаннаре, Г. Наука и методъ, Одесса. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Эволюція современной физики. Спб. 1910. Ц. 1 р. 20 к.
- Томсонъ, Д. Взаимотношеніе между матеріей и эфиромъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ въ области электричества. Спб. 1910. Ц. 20 к.
- Успѣхи физики. Сборникъ статей. В. 1-й. Одесса. 1910. Ц. 75 к.
- Шамовъ, И. Наши пѣвчія птицы. Ихъ жизнь, ловля и правильное содержаніе въ клеткахъ. М. 1910. Ц. 1 р. 75 к.
- Ширманъ, І. Подсекція воздухоплаванія при XII сѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ. Спб. 1910. Ц. 25 к.

Географія, этнографія, антропология, путешествія.

- Ансамитный, А. Водный путь къ рѣкѣ Ухтѣ и ея нефтянымъ мѣсторожденіямъ. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Красновъ, А. Лекціи по физической географіи. Харьковъ. 1910. Ц. 3 р.
- Несторовскій, П. На сѣверѣ Вессарабіи. Путевые очерки. Варшава. 1910. Ц. 1 р. 75 к.
- Петровъ, Г. Страна болотъ. Финляндскія впечатлѣнія. М. 1910. Ц. 15 к.
- Слоновъ, И. Въ Америку. Путевыя записки. М. 1910. Ц. 75 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

- Вагнеръ, П. Питаніе садовыхъ растений. Казань. 1910. Ц. 50 к.
- Кунаковичъ, А. Пчела и пчеловодство. Спб. 1910. Ц. 1 р. 70 к.
- Могильницкая, С. Сборникъ кухонныхъ рецептовъ для небогатыхъ и неопытныхъ хозяекъ. Спб. 1910. Ц. 2 р.
- Полезное руководство для женщинъ химической чистки бѣлыхъ страусовыхъ перьевъ, разныхъ матерій и выводка пятенъ. Одесса. 1910. Ц. 10 к.
- Ромеръ, Ф. Вещь о практическомъ плодоводствѣ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Сладковскій, И. Основныя условія повышения доходности по преимуществу мелкихъ хозяйствъ. Спб. 1910. Ц. 30 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

- Верховской, Н. Туркестанъ въ районѣ Ташкентской желѣзной дороги и грузы этой дороги. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Хлопководство въ Туркестанѣ и перевозка хлопка по Ташкентской и Средне-Азіатской жел. дор. Спб. 1910. Ц. 40 к.
- Голубевъ, А. Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи 1907 г. Вып. 3-й Спб. 1910. Ц. 3 р. 50 к.
- Мыльниковъ, С. Карточная система въ счетоводствѣ. Спб. 1910. Ц. 35 к.
- Янковскій, І. Рѣшеніе вопроса объ установленіи общей формы баланса для предприятий всякаго рода, проливающее свѣтъ въ потемки, окружающія искусство управленія предприятиемъ. Спб. 1910. Цѣна 90 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

- Боголѣповъ, М. Руководство къ собственноручной установкѣ телефоновъ, электрическихъ звонковъ и сигнализаци. М. 1910. Ц. 50 к.
- Вельнеръ, Г. Летательныя машины. Теорія и практика. Расчетъ аэроплановъ и геликоптеровъ. Спб. 1910. Ц. 3 р. 50 к.
- Гирбасовъ, П. Сопоставленіе двухъ системъ рудничнаго хозяйства. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Иллень, П. Спеціальный сборникъ практическихъ рисунковъ и чертежей мебели. В. 1-й. Столовая. Одесса. 1910. Ц. 90 к.
- Козловъ, І. Матеріалы для постройки самолета. Спб. 1910. Ц. 30 к.
- Козьянинъ, И. Желѣзнодорожныя знанія. Вып. 2-й. Руководство по происшествіямъ на желѣзныхъ дорогахъ. Самара. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Кривошеинъ, Г. Данныя для расчета мостовъ и стропиль. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Маршалъ, П. Какъ научиться работать на токарномъ станкѣ. Спб. 1910. Ц. 60 к.
- Монье, Э. Безпроводочный телеграфъ и телемеханика, въ общедоступномъ изложеніи. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Найденовъ, В. Авиациа въ 1909 году. Спб. 1910. Ц. 60 к.
- Соколовскій, С. Ледники. Спб. 1910. Цѣна 1 р. 75 к.
- Травинъ, В. Справочная книжка для межевыхъ инженеровъ, межевыхъ техниковъ, топографовъ и студентовъ. Киевъ. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Ушановъ, А. Теорія паровыхъ машинъ. X. 1910. Ц. 3 р. 50 к.
- Фонтень, А. Желѣзо-бетонъ, его исторія, свойства и расчетъ. Спб. 1910. Ц. 2 р.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

- Гириловичъ, М.** Что важно знать сердечному больному? Спб. 1910. Ц. 70 к.
- Гуринъ, Г.** О здоровомъ и больномъ мясѣ съ приложеніемъ трихины и финны въ свиномъ мясѣ. М. 1910. Ц. 50 к.
- Левинъ, Э.** Почему болятъ зубы и что дѣлать, чтобы не надо было ихъ рвать. Одесса. 1910. Ц. 10 к.
- Лечение воздухомъ и солнечнымъ свѣтомъ.** М. 1910. Ц. 25 к.
- Монографія.** Аллюминіо-железистый глей, какъ новое лечебное средство при застарѣломъ ревматизмѣ, туберкулезѣ легкихъ и гортани, хроническихъ катаррахъ легкихъ и желудочно кишечнаго тракта, хроническихъ навозныхъ сыпяхъ (экзема, опухоляхъ и завалахъ внутренн. органовъ) и др. болѣзняхъ. Киевъ. 1910. Ц. 60 к.
- Ostmann, P.** Учебникъ болѣзней уха для врачей и студентовъ. Саратовъ. 1910. Ц. 4 р. 50 к.
- Разумовскій, В. Николаѣ Ивановичъ** Пироговъ, какъ научный дѣятель и профессоръ хирургіи. Спб. 1910. Ц. 25 к.
- Розановъ, н.** Курсъ физиологической химіи съ руководствомъ по качественному и количественному анализу мочи. Казань. 1910. Цѣна 1 р. 35 к.
- Buschan, G.** Спортъ и сердце Спб. 1910 Цѣна 40 к.
- Сажинъ, И.** Умѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ или полное воздержаніе отъ нихъ? Спб. 1910 Ц. 20 к.
- Тарасевичъ, л.** Начальный курсъ общей патологіи. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Общая патологія. Введеніе къ изученію физиологіи больного организма. Спб. 1910. Ц. 3 р.
- Унтербергеръ, С.** Борьба съ чахоткой. Таблица. Ц. 30 к.
- Тоже. Ц. 30 к.

Военное и морское дѣло.

Романовскій, Ю. и Шварцъ, А. Оборона Портъ-Артура. Ч. I. Изд. 2. Спб. 1910. Ц. 5 р.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- Алмазовъ, А.** Всероссийскій законоучительскій съездъ. Спб. 1910. Ц. 25 к.
- Бахмутскій, Я.** Рѣшенія всѣхъ геометрическихъ задачъ на вычисленіе по сборнику Н. Рыбнича. Ч. II. Стереометрія. Спб. 1910. Ц. 85 к.
- Бобровъ, А.** Сборникъ задачъ съ рѣшеніями, предлагавшихся на конкурсныхъ испытаніяхъ въ Харьковскомъ Технологич. Институтѣ Императора Александра III, Киевскомъ Политехническомъ Институтѣ Императора Александра II и др. Харьковъ. 1910. Ц. 2 р. 25 к.
- Вопросы конспектъ по физикѣ, прижвѣтлено къ курсу Краевича. X. 1910. Ц. 40 к.
- Бѣлинскій, В.** Избранныя сочиненія о Пушкинѣ, Гоголѣ, Лермонтовѣ и Кольцовѣ. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Григорьевъ, Н.** Подробный разборъ романа И. С. Тургенева «Рудинъ». Спб. 1910, Ц. 35 к.
- Ерошенко, н.** Ариметическій задачникъ для приготовительныхъ классовъ гимназій и реальн. училищъ. Одесса. 1910. Ц. 40 к.
- Есьновъ, в.** Сборникъ разработанныхъ темъ отвѣченнаго содержанія, задаваемыхъ для домашнихъ и классныхъ сочиненій во всѣхъ средн. учебн. завед. и при конкурсныхъ испытаніяхъ. Харьковъ. 1910. Ц. 1 р.
- Зноико, н.** Краткій курсъ всеобщей исторіи. Одесса. 1910. Ц. 75 к.
- Нильдюшевскій, н.** Прямолинейная тригонометрія. Касань. 1910. 75 к.
- Момпейре, Г.** Отрочество, его психологія и педагогія. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Мартэль, Ф.** Приемы быстрого счета. Спб. 1910. Ц. 80 к.
- О'Ши, М.** Роль активности въ жизни ребенка. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Подробный конспектъ геометріи, составленъ по учебнику А. Киселева. Одесса. 1910. Ц. 40 к.
- Прищепилю, Д.** Ключъ радикаловъ. Извлечение корней всѣхъ степеней посредствомъ простого дѣленія. Кронштадтъ. 1910. Ц. 35 к.
- Рашевскій, н.** Краткій курсъ ариметики для среднихъ учебн. заведеній. М. 1910. Ц. 30 к.
- Сиповскій, в.** О школьной дисциплинѣ. Спб. 1910. Ц. 20 к.
- Суворовъ, н.** Дѣти въ школу! Школьное пѣніе по цифрамъ. Стишки, игры, пѣсенки, стихотворенія, сказки, басни, картинки. Казань. 1910. Ц. 1 р.
- Ферстеръ, в.** Школа и характеръ. М. 1910. Ц. 80 к.
- Фридрихъ, Э.** Общій очеркъ экономической географіи. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Циркуль, к.** Памятная записка о введеніи и преподаваніи ручного труда въ Спб. Учительскомъ Институтѣ. Спб. 1910. Ц. 75 к.
- Штрайхманъ, А.** Начальныя упражненія по высшей математикѣ. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Эберсъ, Г.** Человѣкъ бо есмь. Сокращ. текстъ съ введен., сборникомъ словъ и оборотовъ въ изданіи С. Манштейна. Спб. 1910. Ц. съ прил. въ пер. 1 р.
- Юзефовичъ, Б.** Политическія, экономическія, социальныя и педагогическія основы для реформы русской государственной школы. Докладъ. Спб. 1910. Ц. 30 к.

Книги для дѣтей и юношества.

- Ольдричъ, В. Воспоминанія американскаго школьника. Спб. 1910. Ц. 50 к.
 Рони, Ж. Вампирѣхъ, человекѣхъ каменнаго вѣка. Спб. 1910. Ц. 40 к.
 Толстой, Л. Оборона Севастополя. Спб. 1910. Ц. 10 к.

Спортъ, охота и игры.

- Бодри-Де-Сонье, Л. Искусство хорошо управлять автомобилемъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
 Лаунъ-Теннисъ. Ежегодникъ Всероссийскаго союза Лаунъ-Теннисъ клубовъ. 1909 г. Спб. 1910. Ц. 1 р.
 Международный шахматный конгрессъ въ память М. И. Чигорина. Спб. 1910. Цѣна 4 р.
 Прикъ, А. Руководство къ изученію шахматной игры, Вып. 1. Спб. 1910. Ц. 80 к.
 Снетингъ-Риннъ. Спортъ для всѣхъ. Съ 88 иллюстр. Спб. 1910. Ц. 75 к.
 Филигисъ, Н. Подвижныя игры дома и въ шкowl. М. 1910. Ц. 15 к.

Справочныя книги.

- Адресная книга торгово-промышленныхъ фирмъ Россійской Имперіи. Вся кожевенная и обувная Россія. Вильна. 1909. Ц. 3 р.
 Андреевъ, Н. Иллюстрированный путеводитель по Волгѣ и ея притокамъ Окъ и Камѣ. М. 1910. Ц. въ пер. 1 р.
 Бунуковский, А. Практическое руководство для волостныхъ и сельскихъ правленій и должностныхъ лицъ крестьянскихъ учреждений. Х. 1910. Ц. 2 р.
 Быстровъ, З. Новѣйшія полныя правила и программы для поступленія въ военную службу вольноопредѣляющимися, а также для поступленія въ вѣховныя и кавалерійскія военныя и конскіе училища, съ приложеніемъ правилъ производства въ офицерскій и классный чинъ военного вѣдомства. Спб. 1910. Ц. 60 к.
 — Полныя программы и правила испытаній на первый классный чинъ гражд. вѣдом. и на званіе доп. учит. и учител. Спб. 1910. Ц. 60 к.
 Блорусовъ, Ф. и Розановъ, Н. Товарищъ петербуржца. Новѣйшій карманный путеводитель по Спб. 1910. Ц. 20 к.
 Государственная дума. III созывъ. 3-я сессія. Справочникъ 1910 г. Вып. 2-й. Ц. 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 50 к.
 Дрентельнъ, Н. Указатель лучшихъ общедоступныхъ книгъ по физикѣ и физическимъ знаніямъ, съ руководящими характеристиками. М. 1910. Ц. 75 к.
 Дунинъ-Горнавичъ, А. Русско-Острицко-Самобудскій практическій словарь наиболѣе употребительныхъ словъ. 1910. Ц. 15 к.
 Ежегодникъ внѣшкольного образованія. Вып. 2-й. Спб. 1910. Ц. 2 р. 25 к.
 Елисейевъ, В. Программы и правила всѣхъ классовъ мужскихъ гимназій и прогимназій Мин. Нар. Просв. Спб. 1910. Ц. 50 к.
 Жуновъ, Морской календарь. Спб. 1910. Ц. 1 р.
 Кавказскій календарь на 1910 г. два тома. Цѣна въ перепл. 4 р.
 Кавюевскій, В. Старая Русса и ея курортъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.
 Кларкъ, И. Полные таможенные тарифы (общій и конвенціонный) для Дальняго Востока, русскихъ и китайскихъ таможенъ. Иркутскъ. 1910. Ц. 2 р. 75 к.
 Красновъ, Ф. Новѣйшія программы и правила мужскихъ гимназій и прогимназій М-ва Народнаго Просвѣщенія. Спб. 1910. Ц. 50 к.
 Марголинъ, Д. Программы и правила для испытанія лицъ, ищущихъ званія зубного врача, фельдшера фельдшерницы, акушерки и повивальной бабки 1 и 2 разряда. К. 1910. Ц. 50 к.
 — Программы и правила коммерческихъ училищъ. Кіевъ. 1910. Ц. 50 к.
 — Progr. и прав. для лицъ, ищущихъ званія: аптекарскаго ученика, аптек. помощн., провизора магистра фармаціи, ветеринарнаго врача и фельдшера. Кіевъ. 1910. Ц. 35 к.
 Мицатекъ, Л. Дифференціальный Сербско-Русскій словарь и краткая грамматика Сербскаго языка, составл. П. Лавровымъ. 1903. Ц. 2 р. 50 к.
 — Дифференціальный Болгарско-Русскій словарь и грамматика. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.
 Москвичъ, Г. Путеводитель по черноморскому побережью. Одесса. 1910. Ц. 75 к.
 — Иллюстрированный практическій путеводитель по Кавказскимъ минеральнымъ водамъ. Ц. 50 к.
 — Путеводитель по С.-Петербургу и его окрестностямъ. 1 р. 25 к.
 — Путеводитель по Крыму. Ц. 1 р. 25 к.
 — Путеводитель по Кавказу Ц. 2 р.
 — Путеводитель по Волгѣ. Ц. 1 р.
 Необходимыя свѣдѣнія для опредѣленія дѣтей и программа познаній, требуемыхъ отъ поступающихъ въ Ростовское на Дону мужское и женское 8-ми классное коммерческое училище Купеческаго Общества М. Т. и Пром. Ростовъ-Донъ. 1910. Ц. 30 к.
 Новѣйшій сборникъ программъ и условій приѣма женщинъ въ русскія и заграничныя

- высшія учебныя заведенія. Спб. 1910. Ц. 80 к.
- Нюрнбергъ, С.** Справочная книжка по гербовому сбору для лицъ торгово-промышленнаго класса. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к., въ перепл. 1 р. 75 к.
- Перець, М.** Крестьянскій ходатай. Спб. 1910. Ц. 20 к.
- Острогорскій, М.** Юридическій календарь на 1910 годъ. Цѣна въ колѣнк. перепл. съ прилож. 1 р. 50 к.
- Петербургъ** въ карманѣ. Расписаніе движенія жел. дор. и пароходовъ. Городскіе трамваи. Лѣто. 1910. Ц. 10 к.
- Португаловъ А.** Толковыя программы и правила женскихъ гимназій. Кіевъ. 1910. Ц. 35 к.
- Программа по международному праву.** (Курсъ проф. Листа). Спб. 1910. Ц. 15 к.
- Программы общихъ и специальныхъ классовъ, состоящаго въ вѣдѣніи Министерства Торговли и Промышленности Ростовскаго на Дону 8-ми классаго мужского и женскаго коммерческаго училища Купеческаго Общества. Программы утверждены г. министромъ Торговли и Промышленности 23 февраля 1909. Ц. 60 к. безъ пересылки.**
- Проектъ маршрутовъ на лѣто 1910 г. М. 1910. Ц. 12 к.**
- Путеводитель Русскаго Общества пароводства-торговли.** 1910. Ц. 50 к.
- Рождественскій, Ф.** Путеводитель Черноморскаго побережья Кавказа. 1909. Екатеринбургъ. Ц. 30 к.
- Руцкій, П.** Рига и окрестности ея. Путеводитель. 1910. Ц. 1 р.
- Сазоновъ и Бѣльскій.** Русскій письмовникъ. Сборникъ образцовыхъ писемъ, дѣловыхъ бумагъ и коммерческой переписки. Изд. 6-е пополн. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Сборникъ готовыхъ разстояній отъ всѣхъ станцій русскійхъ желѣзныхъ дорогъ, участвующихъ въ прямомъ сообщеніи, до 52 пунктовъ, съ указаніемъ кратчайшихъ направленій.** Спб. 1910. Ц. 5 р.
- Святковскій, Л.** Настольная справочная книга по перевозкамъ пассажировъ, багажа и грузовъ съ пассажир. и товары. поѣздами. Спб. 1910. Ц. 6 р. 50 к.
- Симанскій, В.** Спутникъ петербуржца. Лѣто. 1910. Ц. съ картою 30 к.
- Списокъ лицъ, окончившихъ курсъ въ Горномъ Институтѣ и находящихся въ живыхъ (по выпускамъ).** Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Спутникъ по Россіи.** Изданіе Н. Киммеля. Лѣтнее движеніе. 1910. Ц. 60 к.
- Торгово-Промышленный, адресный и справочный указатель «Поволожье», губерній: Астраханской, Казанской, Нижегородской, Симбирской, Самарской и Саратовской.** Саратовъ. 1910. Ц. 1 р.
- Чудиновъ, А.** Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Спб. 1910. Ц. 2 р. 75 к.
- Швидковъ, Н. и Рахмановъ, А.** Таблицы процентовъ и сокращеннаго производства арифметическихъ дѣйствій. Кіевъ. Ц. 1 р. 25 к.
- Яковлевъ, М.** Справочная книжка для аудиторскихъ старшинъ, водостныхъ управителей и народныхъ судей инородческаго управленія областей Акмолинской, Семипалатинской, Урала и Тургайской. Омскъ. 1910. Ц. 50 к.

Разныя книги.

- Лебедевъ, В.** Руководство дрессировки полицейскихъ собакъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 65 к.
- Русскій отдѣлъ судебно-полицейской фотографии на международной фотографической выставкѣ въ гор. Дрезденѣ. 1909. Май. Спб. 1910. Ц. 75 к.
- Рубинскій, К.** Культурная роль библиотекъ и задачи библиотекостроенія. X. 1910. Ц. 40 к.
- Положеніе вопроса о библиотечномъ персоналѣ въ Западной Европѣ и у насъ.** X. 1910. Ц. 40 к.
- Ронфеллеръ, Д.** Мемуары. Искусство разбогатѣть. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Руна—паспортъ человека или опредѣленіе характера, а также прошедшей, настоящей и будущей жизни человека по формамъ и линиямъ руки, хиромантія.** Спб. 1910. Ц. 30 к.

*) Изданіе А. С. Суворина.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

И НА ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГАХЪ

продаются слѣдующія книги ПУТНИКА (Н. Н. Лендера):

„ВСЕОБЩІЙ ИЛЛЮСТР. ПУТЕВОДИТЕЛЬ“, Волга. Крымъ. Кавказъ. Одесса. Константинополь. Дальній Востокъ. (Маршруты путешествій. Курорты. Справочныя свѣдѣнія). Ц. 60 к.

„КОНСТАНТИНОПОЛЬ, АѦОНЪ, МАКЕДОНИЯ и уголки Россіи“, очерки съ рисунками художника А. В. Ганзена. Изданіе А. С. Суворина. Ц. 1 р. 50 к.

„ПОТРЕВОЖЕННАЯ РОССІЯ“. Картины русской революціи. Изданіе А. С. Суворина. Ц. 60 к.

ПО ЧЕРНОМУ МОРЮ. Новороссійскій край. Южный берегъ Крыма. Азовское побережье. Закавказье. Ц. 60 к.

ЕГИПЕТЪ И ПАЛЕСТИНА. Очерки и картинки. Ц. 60 к.

ПО ЕВРОПѢ И ВОСТОКУ. Очерки и картины съ рисунк. Берлинъ, Гамбургъ, Парижъ, Константинополь, Смирна, АѦины, Островъ Критъ, Италия, ВѦна, Дунай. Изданіе А. С. Суворина. Ц. 60 к.

ЧЕРНОЕ МОРЕ И КАВКАЗЪ. Крымъ, Кавказъ, Новороссія, Бессарабія. Изд. 2-е А. С. Суворина. Съ рисунками художника Ганзена. Ц. 1 р. 50 к.

РАЗСКАЗЫ ПУТНИКА. 25 разсказовъ. Изданіе 2-е А. С. Суворина. Ц. 1 р.

БОСФОРЪ И КОНСТАНТИНОПОЛЬ. Анатолійское побережье. По русскому Югу. Очерки. Ц. 60 к.

ВОЛГА. Очерки съ картою Поволжья. Изд. 2-е. Ц. 65 к.

ВОЛЖСКІЙ СПУТНИКЪ. Очерки Поволжья. Изд. 5-е. Ц. 75.

НА ВОЛГѢ. Очерки, картинки, путевыя замѣтки. Ц. 60 к.

◆ БОГАТО-ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ◆

„ЕВРОПЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ“.

ОТДѢЛЬНЫЕ №№ ВЪ КНИЖН. МАГАЗИН. «НОВАГО ВРЕМЕНИ» И НА ВСѢХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГАХЪ по 20 коп. 12—16 вып. въ годъ. Подписка на годъ съ преміей 4 р., на 1/2 года 2 р.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
АВГУСТЪ, 1910 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

АВГУСТЪ, 1910 г.

	СТРАН.
I. Голытба. (Зашски домовладѣлицы). I—VI. М. Е. Васильевой . . .	353
II. Воспоминанія академика П. П. Соколова. I—VI.	378
III. Ишенька-молчальникъ. (Изъ воспоминаній дѣтства). В. Брусьянина	419
IV. За кулисами. (Встрѣчи и воспоминанія). Александринскій театръ. (1875—1900). А. А. Плещеева	433
V. Какъ меня арестовали. (Отрывокъ изъ воспоминаній). В. Б. Бертенсона	459
VI. Русскія метаморфозы. IV Смутное время на Москвѣ. (Продолженіе) Н. М. Ежова	467
VII. Николай I. князь Черногорскій, какъ поэтъ. (Къ 50-лѣтію его княженія и литературной дѣятельности). П. А. Александрова . .	480
VIII. Послѣдній король Польши и его современники. А. Михайлова .	506
IX. «Живые покойники». Д. В. Федорова.	541
X. «Неприличная» компанія. (Очеркъ). А. Дунина	554
XI. Петровскіе дни. Л. Б.	561
XII. Царевубійство 1 марта 1881 года. Историческіе очерки. IV. Покупшеніе А. К. Соловьева на жизнь государя Александра II. В. В. Глинекаго.	577
XIII. Наши востоковѣды. (По поводу возникновенія новаго «Общества русскихъ ориенталистовъ въ С.-Петербургѣ»). С. И. Игнатьева	603
XIV. Украинскій музей В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ. С. И. Уманца.	614
XV. Бѣлгородъ на Днѣстрѣ. Л. А. Богдановича	625
Иллюстраціи: 1) Крѣпость въ Аккерманѣ съ западной стороны.—2) Крѣпость въ Аккерманѣ съ восточной стороны.—3) Овидіева башня въ Аккерманской крѣпости.	
XVI. Критика и библиографія.	643

1) М. Бородинъ. Исторія Финляндіи. Время Петра Великаго. Съ портретами, иллюстраціями, картой. Къ двухсотлѣтію взятія Выборга. Спб. 1910. п. майнова.—2) Русская Исторія съ древнѣйшихъ временъ. М. Н. Покровскаго, при участіи П. М. Никольскаго и Д. Н. Сторожева. Т. I. М. 1910. н. О. Лернера.—3) М. Александровъ. Государство, бюрократія и абсолютизмъ въ исторіи Россіи. Спб. 1910. А. Б.—4) Записки московскаго археологическаго института, издаваемыя подъ редакціей А. И. Успенскаго. Томы I—VII. М. 1909—1910. в. Руданова.—5) Журналъ генералъ-адъютанта графа К. Ѳ. Толь о декабрьскихъ событіяхъ 1825 года. Изданіе и редакция графа Е. Н. Толь. Спб. 1910. В. Г.—6) Профессоръ А. А. Бронзовъ. Вѣдозерское духовное училище за сто лѣтъ его существованія (1809—1909 г.г.). Томъ первый. Сергіевъ (См. слѣд. стран.).

посады. 1909. X.—7) Лѣтопись занятій императорской археографической комиссіи за 1909 годъ. Выпускъ дванадцать вгоровой. Подъ редакціей правителя дѣлъ В. Г. Дружинина. Спб. 1910. в. Троцмаго.—8) Указатели въ Высочайше утвержденнымъ общему гербовнику дворянскихъ родовъ Россійской имперіи и гербовнику дворянскихъ родовъ царства Польскаго. Составили: В. Лукожскій и С. Тройницкій. Спб. 1910. в. Рудакова.—9) Профессоръ П. И. Ковалевскій. Національное воспитаніе и образованіе въ Россіи. Спб. в. г.—10) Русско-японская война. Четырехдневное сраженіе 2-й Манчжурской арміи ген.-ад. Гривенберга при Хэйгоутай-Санду, съ 12 по 15 января 1906 г. Съ картами, планами, схемами и чертежами. Составилъ генеральнаго штаба полковникъ Галкинъ. Спб. 1909. л. н.—11) Н. Крохоткина. Революціонное время въ Россіи. Судь надъ крестьянами послѣ погрома. Спб. 1910. г.—12) Портреты русскихъ писателей въ гелиогравирахъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ. Редакция В. В. Калаша. М. 1909—1910. А. Ф. ма.—13) Шарль Дяль, адъюнктъ-профессору парижскаго университета. Византійскіе портреты. Перевелъ Е. Киричинскій. Харьковъ. 1910. А. М. ма 14) В. Л. Модзалевскій. Архивъ опеки надъ дѣтьми и имуществомъ Пушкина въ музей Вахрушина. Спб. 1910. н. о. Лернера.—15) Надежда Санжаръ. Записки Анны. Спб. 1910. б. г.—16) Н. О. Лернеръ. «Возстанъ, возстанъ, пророкъ Россіи». Стихотвореніе Пушкина. Спб. 1910. ф.

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи 669

1) Гдѣ находились Содомъ и Гоморра.—2) Анналена.—3) Современная польская литература.—4) Фанни Эльслеръ.

XVIII. Смѣсь 699

1) Двухсотлѣтіе Царскаго Села.—2) Закладка больницы Петра Великаго.—3) 50-лѣтіе Государственнаго банка.—4) Юбилей страноприимнаго дома графа Шереметева.—5) Памяти князя В. А. Долгорукова.—6) Радищевскій музей.—7) Юбилей ген.-отъ-инф. П. Д. Наренцова.—8) 25-лѣтіе ученой дѣятельности академика С. Ф. Ольденбурга.—9) Юбилей проф. М. С. Грушевскаго.—10) Юбилей протоіерея Ф. Н. Орятскаго.—11) Слѣзюкъ дипломата въ академіи наукъ.—12) Новое высшее учебное заведеніе.—13) Памяти А. П. Островскаго.—14) Къ 50-лѣтію освобожденія крестьянъ.—15) Всероссийскій сборъ пожертвованій на памятникъ А. И. Шевченку.—16) Объединенный комитетъ по сооруженію памятника Т. Г. Шевченку.—17) Литературный конкурсъ въ руссійскаго національнаго клуба.

XIX. Некрологи 714

1) Адауровъ, Н. Е.—2) Берестневъ, П. М.—3) Беккеръ, Н. Ш.—4) Бураковскій, А. З.—5) Володиміровъ, В. М.—6) Дворжакъ, К. К.—7) Казимиръ, К. Ф.—8) Кирѣевъ, А. А.—9) Кшиковъ, К. М.—10) Корнѣевъ-Кирилловъ, М. В.—11) Крестовская, М. В.—12) Кузнецовъ, А. Х.—13) Кунджи, А. И.—14) Леонтьевъ, П. С.—15) Мансуровъ, В. П.—16) Михайловскій, В. Я.—17) Петипа, М. И.—18) Писарева, В. Н.—19) Потѣхнинъ, П. В.—20) Рудановскій, К. В.—21) Степцовъ, Б. П.—22) Столповскій, П. А.—23) Фаусекъ, В. А.

XX. Замѣтки и поправки 732

1) По поводу статьи В. Маркова «Къ характеристикѣ графа М. Н. Муравьева. Г. А. Гарцевича.—2) По поводу замѣтки В. Сабурова. Д.-ра Генр. Родзевича.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ князя Николая Черногорскаго—2) Король безъ королевства. Историческій романъ Мориса Монтегю. Переводъ съ французскаго Михайлова. II. (Продолженіе).

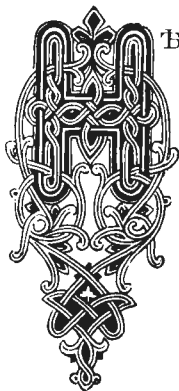

ГОЛЫТЪБА.

(Записки домовладѣлицы.)

I.

НѢСКОЛЬКО лѣтъ тому назадъ я жила въ Петербургѣ и давала уроки. Кромѣ своего труда и тысячи рублей, скопленной уроками, другихъ средствъ къ жизни у меня не было. Здоровье мое въ послѣдніе годы замѣтно разстроилось, и я часто думала, что будетъ со мною, если, по слабости здоровья, я буду принуждена прекратить свои уроки. Вдругъ въ это время я получаю наслѣдство—домъ въ провинціи; его мнѣ оставила послѣ своей смерти одна моя родственница, которой я почти и не знала. вмѣстѣ съ увѣдомленіемъ о наслѣдствѣ я получила и отъ завѣдывающаго домомъ крестьянина Ивана Андреева письмо слѣдующаго содержанія:

«Пріѣзжай, ваша милость, скорѣй—безъ хозяйки домъ сирота. Вашъ домъ ремонта просить. Въ домѣ восемь квартиръ; народъ въ нихъ живетъ все озорной, и мнѣ одному, безъ хозяйки, съ квартирантами не управиться. Супруга моя, Апросинья Ивановна, вамъ, хозяйюшка, кланяется, ее и покойная барыня любила. Если до васъ дойдутъ про насъ какія сплетки, вы имъ не вѣрьте—ваши квартиранты насъ съѣстъ хотять. Затѣмъ остаюсь управляющей домомъ Иванъ Андреевъ».

Нужно ли говорить, что наслѣдству, свалившемуся съ неба, я очень обрадовалась; въ письмѣ же Ивана Андреева меня больше всего заинтересовало то, что въ моемъ домѣ восемь квартиръ,—значить, домъ большой, и теперь я богата.

Не долго думая, я распростилась со всѣми своими ученицами и, чтобы не пріѣхать въ свой домъ съ пустыми руками, вынула изъ петербургскаго банка всѣ свои деньги и, когда ѣхала за полученіемъ наслѣдства, то была совершенно увѣрена, что, имѣя домъ п тысячу рублей, въ провинціи я буду жить припѣваючи.

Въ городъ, гдѣ былъ мой домъ, я пріѣхала утромъ: въ церквахъ звонили къ обѣднѣ, на небѣ сіяло весеннее солнце, въ садахъ распускалась молодая зелень и цвѣла черемуха. Я съ такимъ нетерпѣніемъ желала увидѣть поскорѣе свой домъ, что когда ѣхала по улицамъ, то только о домѣ и думала, мало обращала вниманія на городъ, въ который ѣхала жить, по всей вѣроятности, навсегда. Помню, что мнѣ бросились въ глаза масса церквей и посреди города древняя каменная крѣпость съ высокими на ней башнями; также я обратила вниманіе и на вышедшую изъ береговъ довольно широкую рѣку, въ которой въ этотъ вѣтряный день вода была мутно-желтая и на солнцѣ отливала янтаремъ.

Домъ мой оказался на окраинѣ города, и съ вокзала до него пришлось ѣхать довольно долго. Наконецъ извозчикъ остановился передъ низкимъ деревяннымъ домомъ съ каменными подвалами.

— Вотъ домъ барыни Сусаниной,—сказалъ онъ:—этотъ домъ намъ довольно извѣстенъ: мы тутъ въ переднемъ подвалѣ пять годовъ выжили.

Я же свой домъ представляла гораздо больше и лучше, чѣмъ тотъ, передъ которымъ мы стояли. У этого отъ старости стѣны были совсѣмъ черныя, одинъ уголъ сѣлъ въ землю, штукатурка у подваловъ на половину обвалилась, а заборъ у палисадника былъ разобранъ. Вообще весь домъ имѣлъ видъ ветхости и разрушенія, и, глядя на него, я чувствовала себя не только разочарованной, но и обиженной.

У воротъ моего дома на скамейкѣ сидѣла бѣлокурая дѣвочка лѣтъ шести и качала на рукахъ крошечнаго ребеночка; увидавъ насъ, она перестала его качать и съ любопытствомъ остановила на мнѣ свои синенькіе глазки.

— Дѣвочка,—позвала я ее:—нельзя ли ко мнѣ вызвать управляющаго Ивана Андреева.

— Иванъ Андреичъ только сичасъ на ласapedѣ укатилъ, онъ поѣхалъ встрѣчать нашу домовую хозяйку,—бойко отвѣтила она.

Когда же я сказала, что я и есть ихъ домовая хозяйка, лицо у дѣвочки сдѣлалось испуганное, она сейчасъ же шмыгнула въ калитку, и тогда со двора до меня донесся ея тоненькій голосокъ:

— Мамка, бабушка Афимья, идите скорѣй—наша домовая хозяйка пріѣхала.

Через минуту я была окружена ребятишками и бабами; всё онѣ были въ грязныхъ лохмотьяхъ, всё мнѣ кланялись и поздравляли съ прїѣздомъ въ свой домъ.

Потомъ бабы сразу заговорили всё.

— Иванъ-то Андреичъ ласаведъ завелъ

— Апросинья, вѣрно, тебя боится, что встрѣчать не выходитъ.

— Ты, хозяйка, спроси у Апросы, откуда у нея взялись золотые часы и плюшевое пальто; мы всё присягнемъ, что эти часы и пальто нашей покойной хозяйки.

— Дайте вы мнѣ хоть слово-то сказать, сороки,—махая на нихъ руками, произнесла низенькая со сморщеннымъ лицомъ старушка.

— Ты вотъ что, хозяйка,—подошла она ко мнѣ:—спроси у Ивана, куда онъ подѣвалъ тѣ деньги, которыя ему при мнѣ дала покойная барыня на ремонтъ дома.

Въ это время я уже сошла съ дрожжекъ и, обращаясь къ бабамъ, сказала:

— Кто изъ васъ возьметъ съ извозчика мои вещи?

Тогда всё бросились къ моему чемодану. Одна пожилая баба уже взяла было его въ руки, но другая, помоложе, выхватила чемоданъ изъ ея рукъ и начала распорядиться:

— Антошка, ты узелъ возьми, а ты, Тимошка, чего ротъ разинулъ, схвати съ дрожжекъ хозяйкинъ платокъ.

Въ это же время баба успѣла мнѣ объявить, что ее зовутъ Матреной, а эти два мальчика ея ребятишки.

Изъ калитки выбѣжала еще одна баба, но эта уже была нарядная—въ новомъ ситцевомъ платьѣ, а на головѣ у нея былъ шерстяной платокъ съ вышитымъ угломъ. Эта баба, подбѣжавъ ко мнѣ, заговорила нараспѣвъ:

— Здравствуй, хозяйюшка. Вотъ оказія-то вышла! Мой Иванъ Андреичъ поѣхалъ тебя встрѣчать, и, вѣрно, вы разминулись, а мы будемъ его супруга Апросинья Ивановна. Чего жъ стоите!—крикнула она на бабъ:—вносите въ домъ хозяйкины вещи. Куда, хозяйюшка, прикажешь ихъ нести: въ твою фатеру, аль сперва въ нашъ флигель заглянешь? Чайку съ нами милости просимъ откушать—молоко у насъ свое, вонъ въ твоемъ садикѣ и наша коровушка пастется.

Я пожелала пройти прямо къ себѣ. Кто-то передо мною отворилъ настежь ворота, и моимъ глазамъ представился грязный дворъ, загроможденный тремя шалашами: одинъ былъ покрытъ рваной клеенкой, другой рогожей, а третій просто лохмотьями. Я остановилась и, показывая на шалаша, спросила Евфросинью:

— Это кто же, цыгане?

— Это все твои, хозяйюшка, жильцы своихъ фатеръ ожидаютъ,—отвѣтила она:—ихъ подвалы еще со Святой стоятъ водой подплывши

и только вчера съ одинъ подвалъ отъ воды ослобонился. А вотъ тутъ во флигелѣ,—и Евфросинья указала настоящій на дворѣ подновленный флигелекъ,—мы съ Иваномъ Андреичемъ живемъ. Во флигелѣ Иванъ Андреичъ и ремонтъ на свои деньги сдѣлали.

Я замѣтила, что въ окно одного изъ подваловъ на меня смотрѣли мужскія и женскія лица; Евфросинья увидѣла, куда я смотрю, и начала рассказывать.

— Вотъ изъ этого подвала, откуда народъ смотреть, только вчера ушла вода; этотъ подвалъ хорошій, высокій, въ него всѣ такъ и тискаются—каждый жилецъ хочетъ имъ завладѣть; только печникъ Кіановъ своего подвала ни въ жисть никому не уступить. Онъ, Кіановъ-то, на нашемъ дворѣ самый что ни на есть озорной мужикъ, его и покойная барыня боялась, сколько разъ она его съ полиціей выселяла; сегодня выселить, а на завтра, смотришь, нашъ Кіановъ опять сидитъ въ своемъ подвалѣ... А твои, хозяйюшка, комнаты вотъ сюда,—и Евфросинья подвела меня къ крыльцу, у котораго не доставало первой ступеньки. Вскочивъ на разломанное крыльцо, Евфросинья подала мнѣ руку и въ это же время сказала:

— Вѣдь, вотъ, хозяйюшка, какой народъ озорной живетъ на нашемъ дворѣ:—еще вчера съ твое крыльцо было цѣльное, а сегодня утромъ мы съ Иваномъ Андреичемъ смотримъ, у крыльца ужъ кто-то одну ступеньку и оторвалъ, должно полагать, на дрова.

Войдя въ комнаты, я и здѣсь увидѣла полное разрушеніе: печки разваливались, полъ шатался, рамы въ окнахъ были гнилыя, обои на стѣнахъ висѣли клочьями.

Вскорѣ явился и Иванъ Андреевъ. Прежде, чѣмъ войти въ ту комнату, гдѣ я сидѣла, онъ сначала вызвалъ свою жену за дверь, поговорилъ съ нею шопотомъ, потомъ, громко кашлянувъ въ руку, развязно вошелъ ко мнѣ.

Это былъ высокій бѣлокурый мужикъ, съ грубымъ и непріятнымъ лицомъ, одѣтый въ сѣрый пиджакъ и высокіе, вычищенные ваксой сапоги.

— Ну, вотъ хозяйюшка и въ своемъ домикѣ, здравствуйте,—кланяясь, произнесъ онъ.

— Домъ-то совсѣмъ разваливается,—сказала я.

— Да-съ, ремонтикъ нуженъ,—взявъ стулъ и сядя въ возлѣ меня, началъ Иванъ Андреевъ.—Ремонтикъ нуженъ,—повторилъ онъ, поглаживая рукой свою небольшую русую бородку.—Покойная барыня, вѣчная ей память, жила въ своемъ другомъ домѣ, а этотъ забросила и, если бъ не я съ Апросиньей, то вамъ теперь въ свой домъ и не въѣхать бы. Къ примѣру хошь бы эти обои, я ихъ съ Апросиньей разъ двадцать гвоздями прибивалъ, а съ сыростью ничего не подѣлаешь—отмокли и висять. И весь мелкій ремонтъ я одинъ въ вашемъ домѣ производилъ, а спросите, что тутъ было въ концѣ марта мѣсяца, когда рѣка разошлась и всѣ городскія трубы

сразу затопила. Вода выгнала людей изъ подваловъ на улицу. Жить на дворѣ еще было холодно, и вотъ тогда ваши подвальные жильцы безъ спросу натискались въ эти самыя комнаты; гоню ихъ вонъ— не уходятъ; я побѣжалъ за полиціей и только съ нею ихъ и выгналъ. Потомъ эти комнаты нужно было отъ жильцовъ караулить; городовые у меня со двора не уходили, сколько своихъ денегъ этимъ самымъ городовымъ я передавалъ, а во время буйства народъ на мнѣ отъ новаго пиджака рукавъ оторвалъ; этотъ пиджакъ еще и теперъ лежитъ безъ рукава; вамъ его Апросинья покажетъ.

Я замѣтила, что разговоръ Ивана Андреева клонился къ одному: что если я его оставлю у себя, то онъ мнѣ будетъ очень полезенъ.

Наконецъ я его прервала и спросила, сколько въ моемъ домѣ занятыхъ квартиръ.

— Собственно говоря,—началъ Иванъ Андреевъ,—въ настоящее время въ вашемъ домѣ занятыхъ квартиръ только двѣ. Вотъ за этой стѣной,—и онъ наклонилъ голову вправо,—комната съ кухней, эта квартира ходитъ за пять рублей, ее занимаютъ двѣ старушки, одна вдова поручика—Анна Матвѣевна Быкова; эта барыня настоящая—пенсію получаетъ; а другая—Марѳа Никитична, изъ простаго званія, живетъ она у Анны Матвѣевны за подружку, а только она и обѣдъ готовитъ и на рынокъ ходитъ. Быкова барыня хорошая, душевная и умственная, только за ней водится одинъ грѣшокъ: послѣ смерти своей дочери начала вышивать. Сначала я даже боялся, какъ бы старушки не сожгли вашего дома, потомъ узналъ, что когда онѣ по вечерамъ пьютъ водку, то въ комнатѣ у себя лампу тушатъ и сидятъ при одной лампадкѣ. За барыней Быковой и за прошлые мѣсяца есть недоимочки... А вотъ за этой стѣной,—теперъ Иванъ Андреевъ наклонилъ голову влево,—сдаются двѣ комнатки и кухня за шесть рублей; эту квартиру снимаютъ портные, мужъ и жена (онъ-то чахоточный), у нихъ пятеро дѣтей; портные люди безпокойные и гордые, бѣдность у нихъ большая, дѣти всегда голодныя; родители изъ гордости дѣтей по міру не пускаютъ, зато ихъ ребятишки всему двору и надоѣли: они каждый день по утрамъ вертятся, какъ голодныя собаки, то у моего крыльца, то у барыни Быковой и рады каждой имъ брошенной коркѣ хлѣба. Если же я или Апросинья чуть что имъ скажемъ, или за вихоръ ихъ возьмемъ—портниха сейчасъ же съ нами сцѣпится ругаться. На вашемъ бы мѣстѣ я этимъ квартирантамъ отказалъ, на ихъ комнаты всегда найдутся хорошіе жильцы, а тогда вы на квартиру можете рубликъ и накинуть. Остальныя квартиры въ вашемъ домѣ все подвальные. По уговору съ жильцами у насъ такъ: если во время наводненія подвальный жилецъ не ушелъ съ вашего двора, то онъ долженъ вамъ деньги заплатить и за то время, когда его подвалъ стоялъ въ водѣ. Только, хозяйка, я вамъ прямо скажу, что отъ этой шантрапы вы денегъ не дождетесь—къ этимъ жильцамъ

и зимой, когда они сидятъ въ теплѣ, бѣгавши за деньгами, устанешь, сразу никто изъ нихъ денегъ за квартиру не вноситъ и платятъ они кое-когда и то кто по полтиннику, а кто и по пятиалтынному... Потомъ,—продолжалъ Иванъ Андреевъ,—вы, хозяйюшка, вѣрно замѣтили на вашемъ дворѣ флигелекъ; его покойная барыня отдавала мнѣ даромъ за то, что я управлялъ ея домомъ, а теперь, какъ вы разсудите,—оставите ли вы меня управлять домомъ, или сами однѣ будете хозяйничать, а мнѣ за флигель цѣну положите. Только доложу вамъ, что на флигель крыша что твое рѣшето, и вся цѣна нашей квартирѣ два рубля въ мѣсяцъ.

Въ то время, когда я разговаривала съ Иваномъ Андреевымъ, Евфросинья хлопотала съ угощеніемъ—принесла кринку молока и вскипѣвшій самоваръ.

Напившись чаю, я пошла осматривать свои владѣнія.

II.

Я еще не вышла на крыльцо, какъ со двора ко мнѣ донесся шумъ. Ссорились двѣ моихъ жилищки. Издали на нихъ смотрѣть было смѣшно: онѣ кричали, грозили другъ другу кулаками и, словно два дравшихся пѣтуха, подскакивали одна къ другой. Вокругъ нихъ стояли ребятишки и смѣялись. Одну изъ женщинъ я сейчасъ же узнала; это была Матрена, которая несла мой чемоданъ. Замѣтивъ, что я стою на дворѣ, Матрена бросилась ко мнѣ и заголосила:

— Хозяйюшка, разсуди ты меня съ портнихой, Аксеньей Ивановной; я ей, шкурѣ чахотной, за своихъ дѣтей всю морду въ кровь расцарапаю: она при всемъ народѣ моихъ дѣтей обзвала нищими; а ея ребятишки отъ голоду на нашемъ дворѣ кошачьи черепки вылизываютъ; мои же дѣти, хоть кого на нашемъ дворѣ спроси, по воскресеньямъ ситникъ ѣдятъ.

— Вотъ и богачка на нашемъ дворѣ объявилась!—стоя возлѣ меня, смѣялся Иванъ Андреевъ:—ваши, хозяйка, жильцы и всѣ такіе: жрать нечего, а съ форсомъ.

Тутъ подошла ко мнѣ и портниха—высокая, худая женщина, въ ветхомъ ситцевомъ платьѣ; лицо у нея было пріятное, хотя мертвенно блѣдное и изнуренное. Аксинья Ивановна со слезами начала мнѣ жаловаться на Матрену, что та ея дѣтей попрекаетъ бѣдностью и тѣмъ, что ихъ родители больные.

— Мы хоть съ мужемъ и больные,—говорила она:—а все же своихъ дѣтей по міру, какъ Матрена, не пускаемъ. Мы работаемъ не разгибая спины, и хотимъ, чтобъ и наши дѣти также работали и не были золоторотцами.

Тутъ Матрена опять къ ней подскочила.

— Я не лгу, я правду говорю, что ты и твой мужъ чахотные, а дѣти у васъ гнилыя.

— Мои дѣти не гнилыя!

— Нѣтъ гнилыя!—настаивала Матрена.

Аксинья Ивановна съ отчаяньемъ на лицѣ обратилась ко мнѣ:

— Сударыня, не позволяйте Матренѣ съ ея оравой въ большіе дожди влѣзать въ чужія квартиры—на прошлой недѣлѣ она съ дѣтьми къ намъ забралась и, какъ у себя дома, начала въ нашей квартирѣ распорядиться. Мы ее отъ себя только однимъ угаромъ выжили и тогда сами изъ-за нея чуть не померли.

Чтобы прекратить эту ссору, я обѣимъ женщинамъ объявила, что не желаю вмѣшиваться въ ихъ дразги. Моими словами Аксинья Ивановна осталась недовольна и, уходя, со слезами сказала:

— Я васъ, сударыня, какъ Бога ждала, думала, что вы за насъ, бѣдныхъ, заступитесь.

Матрена шла со мною рядомъ и говорила:

— Ты, хозяйка, мой подвалъ никому не отдавай; какъ только вода уйдетъ, я въ него сейчасъ же со своими ребятишками переберусь... Хочешь, я тебѣ своихъ дѣтей покажу?

И, опередивъ меня, она побѣжала рысью къ шалашу, покрытому клеенкой.

Въ шалашѣ я увидѣла много ребятишекъ, сидѣвшихъ на землѣ вокругъ деревянной чашки; каждый изъ нихъ держалъ въ рукахъ по куску ржаного хлѣба и деревянную ложку, которой хлебаль изъ чашки соленую воду.

— Неужели всѣ эти дѣти твои?—спросила я Матрену.

— А то чьи жъ! извѣстно мои, двухъ еще похоронила и теперь хожу одиннадцатымъ брюхомъ.

— Господи, сколько дѣтей, всѣхъ нужно накормить, одѣть,—вслухъ подумала я.

— А мы ничего, слава тебѣ, Господи, живемъ,—беззаботнымъ голосомъ сказала Матрена:—мой Яфимъ получаетъ круглый годъ отъ огородника шесть рублей въ мѣсяць, а я кажиный день ношу по господамъ изъ ноши воды и хожу по стиркамъ.

Въ это время Ефимъ, Матренинъ мужъ, вошелъ въ шалашъ, и я увидѣла у него на рукахъ еще грудного ребенка. У Ефима лицо было замѣчательно добродушное. Улыбаясь во весь ротъ, онъ поднесъ ко мнѣ ребенка.

— Ты, хозяйка, взгляни на моего Аеоньку,—сказалъ онъ:—мальцу седьмой мѣсяць, а онъ свою матку и меня ужъ знаетъ, а рожокъ у него, хошь ты попроси, подастъ...

Ефима перебила жена:

— Ну тебя и съ твоимъ Аеонькой-то! если бъ онъ и померъ, я не вздохнула бы, изъ-за моей оравы меня теперь въ хорошія фатеры не пуцаютъ!

И она снова начала меня просить не отдавать никому ея подвала и даже, прося о немъ, поклонилась мнѣ въ ноги.

Выйдя отъ Матрены, я заглянула и въ другіе шалаши. Одинъ былъ совершенно пустъ, въ другомъ на землѣ стояла корзина, въ которой спалъ спеленатый младенецъ; недалеко отъ корзины сидѣла древняя старуха и вынимала изъ посконнаго мѣшка корки хлѣба. Каждую корку старуха подносила къ глазамъ и долго разсматривала, а потомъ клала въ которую-нибудь изъ трехъ кучекъ, лежавшихъ передъ нею.

— Что ты, бабушка, дѣлаешь?—спросила я, подходя къ ней.

Старуха подняла на меня свои тусклые глаза и тоже спросила:

— Кто ты будешь-то?—по голосу тебя мнѣ не признать, а глаза у меня плохіе: хоть и вижу передъ собой человѣка, а лица его разсмотрѣть не могу.

Когда я назвала себя, старуха поднялась съ трудомъ съ земли и, поклонившись мнѣ въ поясъ, сказала:

— Здравствуй, наша хозяйюшка! Прости Христа ради, что за этотъ мѣсяцъ у насъ деньги за фатеру еще не плачены. Дочки моей Степаниды дома нѣтъ, она съ работы приходитъ только вечеромъ; вотъ ужотко я у нея про деньги-то спрошу.

Я поспѣшила сказать, что пришла не за деньгами, и начала ее разспрашивать, зачѣмъ она разложила куски хлѣба на три кучки.

Старуха опять сѣла на землю.

— Я по міру, милая, хожу,—начала она:—дочкѣ моей Степанидѣ одной пяти душъ не прокормить. Вотъ эти кусочки я припасла для своей семейки, а вотъ эти, уже заплѣсневѣли, намъ ихъ не стрысть, я ихъ снесу къ одной знакомой барынѣ, она у меня покупаетъ старый хлѣбъ для своихъ куръ, за фунтъ платитъ мнѣ копейку и чаемъ меня всегда напоитъ.

— А этотъ хлѣбъ куда ты дѣнешь?—спросила я, указывая на нѣсколько кусочковъ, лежавшихъ тоже отдѣльно.

— Ихъ я снесу тѣмъ, кто меня бѣднѣе,—отвѣтила старуха.

Замѣтивъ, въ какихъ она лохмотьяхъ, а также, что она очень стара, согбенна и почти слѣпая, я спросила:

— Развѣ ты, бабушка, знаешь такихъ людей, которые бѣднѣе тебя?

— Я-то, милая, еще что, слава тебѣ, Господи!—крестясь на образъ, сказала старуха.—Я хоть однимъ глазкомъ, да вижу, и ноги меня еще носятъ; а есть такіе бѣдные, что ничего не видятъ и сиднемъ сидятъ. Вотъ этакимъ мы всѣ, крещеные, и обязаны помогать.

Я спросила, сколько ей лѣтъ.

— Много, милая, много, а сколько—мнѣ не сосчитать... А ты, хозяйюшка, съ насъ деньги за фатеру обожди—Степанида походить по стиркамъ, а я корочки барынѣ продамъ...

Съ тяжелымъ сердцемъ я вышла отъ старухи.

«Неужели,—думала я,—и всё мои жильцы такіе же нищіе, какъ эти, которыхъ я только что видѣла, и съ этой гольгѣбы мнѣ придется брать деньги!» Когда же я увидѣла свои подвалы, наполненные до подоконниковъ черной водой, мнѣ какъ-то не вѣрилось, чтобы въ подобныхъ помѣщеніяхъ еще такъ недавно жили люди.

Между тѣмъ Матренины дѣти, которыя теперь свитой ходили за мной, говорили, что въ ихъ подвалѣ до тѣхъ поръ, пока не залило водой, жить было очень хорошо, и предложили свести меня въ подвалъ печника Кіанова, изъ котораго вода ушла и тамъ снова живутъ люди. При видѣ гнилой и скользкой лѣстницы, по которой мнѣ нужно было спуститься, желаніе увидѣть подвалъ внутри у меня сразу пропало. Между тѣмъ маленькія дѣти уже сбѣжали съ лѣстницы и снизу мнѣ въ помощь протягивали свои ручонки; старшія дѣти вели меня подъ руки и они же отворили передо мною подвальную дверь.

Тутъ я увидѣла въ сажень длины комнату съ низкимъ, чернымъ и сырымъ потолкомъ; половину комнаты занимала большая, закоптѣвшая отъ дыму, русская печь. Въ подвалѣ сидѣло нѣсколько мужиковъ и бабъ. Многіе изъ нихъ, когда я вошла, поднялись со своихъ мѣстъ и меня привѣтствовали.

— Здравствуй въ своемъ домикѣ, наша хозяйшка!

Я замѣтила въ подвалѣ только двоихъ людей, которые съ явнымъ пренебреженіемъ отнеслись къ моему появленію: это были печники Кіановы, отецъ и сынъ. Отецъ крѣпкій старикъ лѣтъ шестидесяти, съ широкой (лопатою) сѣрой бородой и хитрыми глазами, смотрѣвшими исподлобья. Сынъ его Василій—юноша лѣтъ девятнадцати, съ пріятной и даже интеллигентной наружностью. На обоихъ были надѣты бѣлые передники, какіе носятъ вообще наши мастера.

Оба Кіановы сидѣли на лавкѣ возлѣ сырой стѣны, на которой висѣли крошечные стѣнные часики и былъ прибитъ портретъ Суворова (гравюра изъ «Петербургской Газеты»); передъ ними стоялъ опрокинутый вверхъ дномъ большой ящикъ, на которомъ кипѣлъ, съ вдавленными боками, самоварчикъ.

Хотя оба, отецъ и сынъ, не глядѣли на меня и пили съ блюдечекъ чай, но, должно быть, для того, чтобы меня оскорбить, они при мнѣ принимали неприличныя позы и громко произносили еще болѣе неприличныя слова.

Между тѣмъ другіе мои жильцы обступили меня и начали жаловаться на Ивана Андреева, который, будто бы, неправильно съ нихъ бралъ за квартиры деньги.

— По нашимъ квартирнымъ книжкамъ,—разсказывали жильцы,—за подвалы стоитъ одна цѣна, а Иванъ бралъ другую—кто платилъ хозяйкѣ два рубля, а ему подай три, а кто три—давай четыре.

Одинъ больной ногами мужикъ обвинялъ Ивана Андрева и въ томъ, что онъ съ него, нищаго, требовалъ каждую субботу для своей коровы мѣшокъ хлѣбныхъ корокъ.

— А я, хозяйшка,—разсказывалъ нищій:—когда былъ здоровъ, ходилъ съ топоромъ по дворамъ и рубилъ дрова, а съ тѣхъ поръ, какъ ревматизма у меня вошла въ ноги, я и свой топоръ проѣлъ. Просился у губернатора въ богадѣльню, просился и въ больницу,—нигдѣ меня не взяли. Иди, говорятъ, въ свою губернію, а у насъ и для своихъ мѣстовъ мало. А гдѣ же мнѣ, безноготому, дойти до своей губерніи, я только каждое утро, и то насилу, доползу на колѣнкахъ до угла нашей улицы да цѣлый день тамъ и сижу. Если добрые люди мнѣ бросаютъ копейки, я ихъ отдаю за уголь теткѣ Степанидѣ; а куски хлѣба мнѣ и самому нужны—я ихъ съ водой ѣмъ: хоть ноги у меня больныя, а нутро здоровое...

Разсказъ нищаго былъ прерванъ другимъ мужикомъ. Этотъ, упавъ передо мною на колѣни, просилъ не требовать съ него платы за то, что онъ два мѣсяца жилъ въ моемъ сараѣ.

— У меня добра всего одна шкура на тѣлѣ,—говорилъ онъ:—сдирай ее съ меня съ твоимъ Иваномъ Андреевымъ.

Одна баба просила позволенія пожить временно въ ледникѣ. Отъ всѣхъ этихъ разговоровъ у меня кружилась голова. Къ счастью, вмѣшалась Афімья, жена Кіанова; она закричала на жильцовъ:

— Что вы пристали къ нашей хозяйкѣ, дайте вы ей хоть оглядѣться, то она и сама только что въ свой домъ ввалилась.

Тутъ я попросила Афімью отворить окно, такъ какъ въ подвалѣ было душно и пахло гнилью.

— Вы и сами отъ такою воздуха можете умереть,—сказала я.

— Не помремъ, мы не господа, а просто хрестьяне!—насмѣшливо произнесъ старикъ Кіановъ.

Афімья съ видимою неохотой отворяла окно.

— Тепла-то намъ жалко, хозяйшка,—говорила она.—Нонѣ на рынкѣ дровъ и не докупишься! А сегодня я свой подвалъ топила не щепками—кое-гдѣ дровецъ раздобыла.

При ея словахъ я невольно подумала: «ужъ не мое ли крыльцо ты сожгла».

Когда же я начала объяснять Афімьѣ, что оконъ въ хорошую погоду заирать не слѣдуетъ и что въ сыромъ подвалѣ съ закрытыми окнами сидѣть вредно, я замѣтила, что старикъ Кіановъ со своимъ сыномъ Василиемъ переглядывались и надо мной смѣялись.

Вдругъ Василій поднялся съ лавки и, держа руки въ карманахъ своихъ панталонъ, пошатываясь, подошелъ ко мнѣ.

— Вамъ, барыня, я вижу, наша квартира не нравится,—нагло смотря на меня, началъ онъ.—Въ такихъ-то квартирахъ вы, можете, отродясь и не бывали?

Я отвѣтила, что дѣйствительно въ подобныхъ подвалахъ я еще никогда не была.

— Нѣтъ, ты на нашъ подвалъ хорошенько посмотри!—вдругъ закричалъ Василій, при этомъ онъ грубо схватилъ меня за руку и подвелъ къ печкѣ, у которой на полу лежало нѣсколько выпавшихъ кирпичей.—Видишь,—кричалъ онъ:—печка у насъ развалилась; видишь, полы у насъ сгнили; видишь, углы у насъ заплѣсневѣли, а тебѣ, хозяйкѣ, до этого, небось, и дѣла нѣтъ; тебѣ только бы въ срокъ съ насъ денежки получать!

Я видѣла, что Василій пьянъ, и старалась высвободить отъ него свою руку, которую онъ держалъ какъ въ тискахъ и за нее держалъ меня то въ одну, то въ другую сторону.

Афимья бѣгала за нами и тоже старалась отнять отъ Василія мою руку.

— Лѣшій, чортъ!—кричала она на сына:—пусти ты барынину ручку, а ты, барыня, не слухай его—ѣнъ пьянъ.

Наконецъ мнѣ удалось освободить свою руку и я сейчасъ же бросилась къ двери, но Василій, преградивъ мнѣ путь, продолжалъ кричать:

— Иванъ Андреевъ говорилъ, что ты на нашъ подвалъ вмѣсто одного рубля два накинешь; значить, почище его будешь насъ обирать. На нашихъ шеяхъ хочешь, госпожа, разбогатѣть!.. Я бы васъ всѣхъ господишекъ повѣсилъ на одну осину!..

— Правильно, Васька, правильно,—стуча по столу кулакомъ, кричалъ старикъ Кіановъ и еще кто-то изъ жильцовъ.

Кажется, еще минута, и я отъ испуга лишилась бы чувствъ, но тутъ, не помню, кто изъ жильцовъ оттолкнулъ Василія отъ двери; бабы схватили меня подъ руки и вывели изъ подвала... До моего крыльца меня проводила Афимья со своею дочерью, пятнадцатилѣтней Леной. Афимья просила меня простить ея мужа и сына.

— Не сердись ты на нихъ, хозяйюшка,—говорила она:—ихъ съ толку сбиль Иванъ Андреичъ,—сказалъ, что ты накинешь на наши фатеры, а мои оба лѣшіе сегодня пьяные—они и сами не помнятъ, что говорятъ... У моего Степана характеръ худой,—продолжала Афимья:—ему ужъ никто не скажи противнаго слова, извѣстно, вольница новгородская; хоть безъ сапогъ сидить, а форсу не обещаться! Недавно одинъ домовый хозяинъ подрядилъ моего Степана съ Васькой печи скласть и разъ хозяинъ-то и скажи: «У тебя, Кіановъ, много цемента вышло». А мой обидчивый, сейчасъ и расхорохорился: «Я, говорить, твоего цемента не красть, а ежели ты меня за вора считаешь, я твою работу сейчасъ бросаю... Васька, собирай нашъ инструментъ!» Такъ, не додѣлавши печекъ, и ушли. Хозяинъ взялъ другихъ печниковъ, а моего лѣшаго за евонный характеръ люди на работу брать обѣгаютъ, а когда Степанъ сидитъ дома безъ работы, намъ отъ него житья нѣтъ; и только, хозя-

юшка, мы отъ него одной печкой не были биты; видишь, у моей Ленки носъ попорченъ, это ей батька переносье сломалъ. Въ ту пору Ленкѣ было всего пять годовъ, и она хвораая лежала на печкѣ; меня дома не было; и вотъ приходитъ домой пьяный Степанъ и кричитъ Ленкѣ, чтобы та съ печки слѣзла,—онъ, значить, одинъ хочетъ на печкѣ лежать; у дѣвчонки ножки болѣли, скоро слѣзть она не могла; тогда нашъ лѣшій взялъ кочергу, да кочергой-то дѣвчонку съ печки на полъ и свалилъ. Ленка упала ничкомъ, и Господи, какъ тогда у нея носъ былъ расквашенъ! и такъ долго болѣлъ, что мы думали, онъ провалится; только, благодаримъ Создателя, одна баба Ленкѣ носъ заговорила—зажилъ, только на переносѣ рубчикъ остался, и съ тѣхъ поръ Ленка стала гнусавить, и теперь, куда я ее въ прислуги ни сведу, всѣ мою Ленку за говоръ обѣгаютъ.

Тутъ Афимья начала меня слезно просить—взять къ себѣ въ услуженіе ея дочь.

— Живши дома,—говорила Афимья,—моя дочка себѣ одѣжки не наживетъ. Дѣвкѣ шестнадцатый годъ пошелъ, а у ней за душой одна рваная юбка; что она на огородахъ лѣтомъ заработаетъ, батька кажинный разъ отниметъ и пропьетъ, а когда моя Ленка будетъ жить у тебя, нашей домовою хозяйки, Степанъ не посмѣетъ отъ нея отнять ни платья, ни денегъ.

Я взглянула на Лену; та молча упала мнѣ въ ноги. Мнѣ прислуга была нужна, и я отвѣтила Афимѣ, что согласна съ завтрашняго дня взять ея дочь къ себѣ въ услуженіе.

Тогда Афимья перекрестилась большимъ крестомъ, а некрасивое, курносое лицо Лены сіяло такой живой радостью, что въ ту минуту даже было красиво.

III.

Остальную часть дня я провела за провѣркой домовыхъ книгъ, которыя за все время болѣзни прежней хозяйки, а также и послѣ ея смерти, велъ Иванъ Андреевъ. Изъ этихъ книгъ я убѣдилась, что онъ человѣкъ недобросовѣстный, и тутъ же рѣшила не только не оставлять его у себя за дворника, но не оставлять и какъ своего жильца...

Окончивъ провѣрку книгъ, я, измученная всѣми волненіями этого дня, хотѣла пораньше лечь спать, какъ вдругъ за стѣной, гдѣ жили портные, я услышала крики ребенка, котораго, видимо, били. Черезъ минуту ко мнѣ начали стучать въ стѣну.

— Хозяйка,—кричала Акинья Ивановна:—идите къ намъ скорѣй: мой мужъ совсѣмъ съ ума сошелъ, онъ убьетъ ребенка.

Накинувъ на себя уже сброшенное платье, я сейчасъ же побѣжала къ портнымъ, и тутъ мнѣ пришлось быть свидѣтельницей тя-

желой семейной сцены. Въ комнатѣ, загроможденной большимъ верстакомъ, портной Сысоевъ, зажавъ между своими колѣнами маленькаго мальчика, лѣтъ семи, билъ его деревянной вѣшалкой. Въ это же время Аксиныя Ивановна изо всей силы била своего мужа кулаками по спинѣ. Мой приходъ прекратилъ это двойное битье. Аксиныя Ивановна въ слезахъ отошла отъ своего мужа, а Сысоевъ, оттолкнувъ отъ себя ребенка, бросилъ вѣшалку на верстакъ и слабымъ, задышающимся голосомъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Не хочу кормить чужихъ дѣтей, у меня и своихъ ртовъ довольно, а этотъ мальчикъ много ѣсть. Онъ мнѣ не сынъ, моя жена прижила его съ однимъ изъ моихъ подмастерьевъ, пускай онъ его и кормить.

Аксиныя Ивановна, плача, бросилась ко мнѣ.

— Не вѣрьте ему, хозяйка, не вѣрьте! онъ лжетъ!—кричала она.—Вы только взгляните на лицо этого дьявола и на Ильюшку—портретъ его. Сегодня этому чорту за ужиномъ жрать было мало, обидѣлся, зачѣмъ я не ему, а Ильюшкѣ кусочекъ мяса дала, сейчасъ же сталъ придирааться, выскочилъ изъ-за стола и началъ мальчика тиранить.

Тутъ Аксиныя Ивановна подбѣжала къ своему мужу.

— Да развѣ ты, дохлый, насъ кормишь!—кричала она:—ты самъ давно сидишь на моей спинѣ. Я одна для васъ всѣхъ горбъ гну. Ты, когда былъ и молодой, мало работалъ, только водку тянулъ. И вотъ, сударыня,—обратилась она ко мнѣ:—съ тѣхъ поръ, какъ докторъ сказалъ, что онъ помретъ, если не перестанетъ пить, нашъ Иванъ Степановичъ смерти испугался и водку бросилъ. Только не смотрите на него, что чахоточный, онъ еще не скоро помретъ—ѣсть за четверыхъ, а вмѣсто водки пьетъ нашу кровь!

Сысоевъ опять схватилъ вѣшалку и, замахнувшись ею на жену, страшнымъ шопотомъ произнесъ:

— Убью!

Я начала ихъ уговаривать, просила успокоиться, звала ихъ дѣтей, чтобы тѣ подали имъ воды, и въ это же время замѣтила, что всѣ дѣти съ испугу сидятъ, спрятавшись въ углу подъ верстакомъ. Одинъ только Ильюша, продолжая плакать, стоялъ посреди комнаты и теръ кулачками свою избитую спину. Остальные дѣти слышали, что я ихъ звала, но ко мнѣ не выходили, а мои просьбы успокоиться не дѣйствовали на ихъ родителей. Сысоевъ въ одной рубашкѣ, безъ сюртука, худой, какъ скелетъ, съ вѣшалкой въ рукахъ бѣгалъ въ волненіи по комнатѣ и все тѣмъ же слабымъ, задышающимся голосомъ говорилъ:

— Скоро умру, скоро! тогда вы и живите по-своему; я вамъ развяжу руки, скоро развяжу!

Аксиныя Ивановна, не менѣе взволнованная, ходила за мужемъ и громко говорила:

— И развязывай намъ руки, развязывай! И чѣмъ скорѣе ты намъ ихъ развяжешь, тѣмъ лучше. Я тебѣ своими руками вмѣстѣ съ нашими дѣтьми и могилу вырою... Мы тебѣ и гробъ сколотимъ...

И вдругъ Аксинья Ивановна остановилась посреди комнаты, всплеснула руками и, устремивъ глаза на образъ, съ отчаяньемъ воскликнула:

— Господи, да когда же это будетъ?!. Неужели мы такъ и не дождемся этой радости!—И, упавъ на стулъ, она зарыдала.

Сысоевъ подошелъ ко мнѣ, на его красивомъ, тонкомъ и мертво-блѣдномъ лицѣ было написано страданье.

— Барыня, вы видите,—сказалъ онъ попотомъ:—какъ меня жена и дѣти ненавидятъ. Они меня живого толкаютъ въ могилу.

— Зачѣмъ вы бьете вашего ребенка?—и я указала на Ильюшу.

— Барыня, не знаете вы, я съ горя золь,—началъ онъ жалобно, по-дѣтски:—я боленъ, очень боленъ, а моя жена только объ однихъ дѣтяхъ думаетъ, а меня кормить пустыми щами. Корми она меня лучше, я, можетъ, и поправился бы, а теперь,—махнулъ онъ съ отчаяньемъ рукой,—я умру!—И, отойдя отъ меня, онъ закрылъ лицо руками и, упавъ ничкомъ на постель, не то застоналъ, не то заплакалъ.

Я подошла къ Ильюшѣ, взяла его за руку и повела къ себѣ. Когда у себя въ комнатѣ я уложила мальчика спать, за стѣной у портныхъ еще нѣкоторое время слышались слезы. Наконецъ онѣ смолкли, и застучала швейная машинка; отъ ея стука я долго не могла заснуть, наконецъ задремала.

Вдругъ за стѣной, возлѣ которой стояла моя кровать, кто-то заплѣлъ дикимъ голосомъ «Ты для меня душа и сила, ты для меня огонь святой...» Хотя романсъ на этихъ словахъ и оборвался, но и мой сонъ уже былъ прерванъ, и вслѣдствіе того, что стѣна между моей и сосѣдней квартирой оказалась не капитальной, я сдѣлалась невольной слушательницей разговора моихъ сосѣдокъ, которыя, повидимому, были пьяны и говорили между собой очень громко. Сначала шелъ разговоръ о любви, сосѣдки разбирали какой-то прочитанный романъ.

— Будь я на мѣстѣ героини,—говорилъ грубый женскій голосъ:—я никогда бы ему въ любви не призналась и никогда бы не отдалась! А ты, Марѳуша?

— Да вѣдь Богъ знаетъ, Анна Матвѣевна,—произнесъ уже мягкій старческій голосъ:—врагъ-то, говорятъ, горами качаетъ...

Черезъ минуту опять первый голосъ сказалъ:

— Меня, Марѳуша, тошнитъ—дай мнѣ выпить перцовочки.

— Я говорила вамъ, Анна Матвѣевна, не налегайте на селедку, она была со ржавчинкой.

Нѣкоторое время сосѣдки молчали, только было слышно, какъ кто-то по полу шлепалъ ногами.

Вдругъ первый голосъ воскликнулъ:

— Марѳуша, какъ я Бога люблю! Разбуди меня завтра къ ранней обѣднѣ.

А я въ это время, ворочаясь на своей кровати, думала:

«Ну, и домикъ же мнѣ достался!»

IV.

Иванъ Андреевъ былъ мужикъ смышленный—онъ сейчасъ же смекнулъ, что я его у себя не оставлю, и въ первый же день моего приѣзда уже бѣгалъ по городу и пріискивалъ для себя квартиру. Выѣзжая изъ моего дома, онъ сказалъ моимъ жильцамъ:

— При прежней хозяйкѣ управлять домою было можно—у той, кромѣ домовъ, и капиталъ былъ; а у этой, петербургской, видать сразу, денегъ нѣтъ, и, помяните мое слово, она заплачется со своимъ домою.

Я и сама видѣла, что на ремонтъ моего дома нужно потратить не одну тысячу рублей, но все-таки въ то время я духомъ не упала, размѣняла деньги и рѣшила сдѣлать въ домѣ хотя самый необходимый ремонтъ. Прежде всего нужно было позаботиться, чтобы вода ушла изъ подваловъ, и этого я достигла тѣмъ, что догадалась открыть въ нихъ всѣ окна и двери и такимъ образомъ сдѣлала подвалы доступными для воздуха. Когда вода замѣтно начала убывать, радость на моемъ дворѣ была общая; но кто больше тогда волновался—это дѣти; они поминутно бѣгали въ подвалы и мѣряли воду. Сначала мѣряли палками, потомъ лучинками, и съ доброй вѣстью, что вода съ каждымъ часомъ все убываетъ, прибѣгали ко мнѣ, и каждый разъ вѣстникъ получалъ отъ меня копейку.

Освобожденію подваловъ отъ воды радовались не одни мои жильцы, а и многіе въ городѣ бѣдняки. Ко мнѣ поминутно приходили посмотреть на убывающую воду; на нее смотрѣли не только со двора, но и съ улицы; для этого люди ложились на землю и ползли въ глубину окна, потомъ приходили ко мнѣ и совали въ руку задатокъ, кто тридцать копеекъ, кто пятьдесятъ. Если бы я только позволила, то когда въ моихъ подвалахъ еще на полу стояло на четверть воды, люди и тогда стали бы въ нихъ жить. Мнѣ многіе говорили:

— Это ничего, что на полу стоитъ вода, она скоро уйдетъ; ты только, хозяйка, дай намъ досокъ, мы примостимся и будемъ жить.

Нужно было только удивляться невзыскательности этихъ жильцовъ.

Невзыскательной жилищей оказалась у меня и Анна Матвѣевна Быкова, съ которой я познакомилась нѣсколько позднѣе, чѣмъ съ другими своими жильцами.

Только через недѣлю, идя по двору, я замѣтила на крыльцѣ высокую даму въ черномъ платьѣ и кружевной на головѣ наколкѣ; она еще издали начала мнѣ улыбаться и кланяться. Когда я подошла ближе, то увидѣла, что ей лѣтъ за пятьдесятъ; черты лица крупныя и лицо все красное.

— Позвольте, хозяйюшка, вамъ представиться, — съ любезнѣйшей улыбкой заговорила она: — я ваша жиличка, вдова поручика Анна Матвѣевна Быкова; а также позвольте васъ и поблагодарить за доброту къ бѣдному народу, жилища котораго, я слышала, вы хотите улучшить. Я сама сочувствую всѣмъ бѣднымъ и хотя небогата, но, насколько могу, я съ бѣдными дѣлюсь.

При этомъ Анна Матвѣевна рукой утерла глаза и, вдругъ перемѣнивъ разговоръ, спросила меня, говорю ли я по-французски. Я въ недоумѣннн посмотрѣла на нее и отвѣтила:

— Говорю, а что?

— Я тоже говорю, — объявила она: — въ вашемъ и моемъ положеннн знать французскнй языкъ необходимо — мы окружены такимъ сѣрымъ народомъ, *vous me comprenez?* — и при этомъ Быкова указала глазами на проходившую мимо насъ Аѳимью.

Потомъ Быкова начала меня просить сдѣлать ей честь зайти въ ея квартиру.

— Мнѣ нужно съ вами поговорить о дѣлѣ, — таинственно добавила она.

«Ужъ не отдасть ли она мнѣ деньги за квартиру», подумала я; кромѣ того, мнѣ хотѣлось и увидѣть помещенн, въ которомъ жила Быкова. Я пошла за ней.

Когда Анна Матвѣевна шла впереди, мнѣ бросилось въ глаза, что ея платье все въ дырахъ.

Въ сѣняхъ намъ попалась навстрѣчу растрепанная сѣденькая старушка; она на ходу мнѣ поклонилась и ласковымъ голосомъ проговорила:

— Здравствуйте, наша хозяйюшка!

— Есть у насъ, Марѳуша, кофе? — обратилась къ ней Анна Матвѣевна.

— Какой тамъ кофнй, ничего у насъ нѣтъ! — съ досадой отвѣтила старушка и пошла дальше.

Я догадалась, что это Марѳа Никитична, разговоръ которой съ Анной Матвѣевной я такъ часто слышу черезъ стѣну.

Между тѣмъ Быкова такъ и сыпала французскими фразами.

— *Entrez, madame, s'il vous plait. Prenez place s'il vous plait. Vous fumez n'est-ce pas?* — и при этомъ придвинула ко мнѣ остовъ отъ кресла и поставила мнѣ подъ ноги скамеечку, потомъ схватила съ полки лучинную корзинку, въ которой лежало нѣсколько папиросъ, и поставила ее передо мною. Вслѣдъ за тѣмъ Анна Матвѣевна уже по-русски начала расхваливать свою квартиру.

— Я отъ своей квартиры въ восторгѣ, лучше этой комнаты я для себя не желаю и, вѣрьте Богу, хозяйшка, что въ этой квартирѣ я буду жить до самой смерти и мой гробъ вынесутъ только изъ вашего дома.

Я окинула глазами ея маленькую комнатку съ грязными обоями, протекшимъ потолкомъ и двумя крошечными окошечками. Окна были открыты во дворъ, и близость помойной ямы была очень чувствительна; кромѣ того, въ комнатѣ былъ страшный беспорядокъ: двѣ постели были не убраны, на столѣ, возлѣ котораго мы сидѣли, валялись хлѣбныя крошки и лежала голова отъ селедки, также на столѣ стояла пустая, отъ водки, бутылка и двѣ чайныхъ чашки.

«Онѣ водку, должно быть, пьютъ изъ чайныхъ чашекъ», мелькнуло у меня въ головѣ.

— *Madame fumez!*—и Быкова опять придвинула ко мнѣ папирасы.

Я сказала, что не курю.

— А я послѣ смерти своей дочери, которая умерла девятнадцати лѣтъ,—закуривъ папиросу, начала Быкова,—безъ табаку жить не могу; мнѣ нужно забыться, а табакъ одуряетъ. Въ жизни у меня были двѣ страсти—моя дочь и Богъ. О, какъ я Бога люблю! Вы видите, у меня теплится неугасимая лампада; хоть мнѣ самой и нечего ѣсть, а лампада теплится!..

Желая поскорѣе узнать, отдастъ ли Анна Матвѣевна мнѣ свой долгъ, я перебила ее, спросивъ, сколько она получаетъ пенсiи.

— Всего двѣнадцать рублей въ мѣсяць,—со вздохомъ произнесла Быкова:—но вы не безпокойтесь, я вамъ свой долгъ отдамъ—я скоро получу деньги: у меня подано прошенiе на высочайшее имя, я написала его такъ: «На небѣ Богъ, а на землѣ царь!». Я увѣрена, что мое прошенiе воздѣйствуетъ на императора.

— Не можете ли вы,—начала я,—хоть часть вашего долга теперь уплатить? Вы навѣрно слышали, что я начинаю ремонтъ, и деньги мнѣ очень нужны.

— О, я понимаю васъ!—воскликнула Быкова и съ чувствомъ пожала мнѣ руку:—но, увы! въ настоящую минуту у меня нѣтъ ни одной копейки!—и, сложивъ, какъ на молитву, руки, Анна Матвѣевна умоляющимъ голосомъ сказала:

— *Madame!* только до завтрашняго дня—*pretez moi vingt sous.*

Просимая сумма была такъ мала, что въ ней отказать Быковой мнѣ было совѣстно. Въ это время Лена подошла къ окну и сказала, что меня спрашиваетъ какой-то торговецъ.

Прощаясь со мною, Анна Матвѣевна попросила позволенiя меня поцѣловать и, указывая на свой лобъ, сказала:

— Мы понимаемъ другъ друга, у насъ обѣихъ вотъ здѣсь кое-что есть! *Vous me comprenez?..*

А на дворѣ меня ожидалъ оборванецъ; на его босыхъ ногахъ были опорки, у панталонъ бахрома, изъ рубахи торчало голое плечо. Трудно было сказать, молодъ онъ или старъ: волосы на головѣ черные, глаза живые, но лицо уже увядшее и все въ морщинахъ.

Оборванецъ развязно подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— Вы хозяйка этого дома?

— Я. Что тебѣ нужно?

— А вотъ что, барыня, я слышалъ, что у васъ дворника нѣтъ, такъ не возьмете ли вы меня за дворника? Денегъ за работу я у васъ не спрошу; только дайте квартиру мнѣ и моему семейству.

— Ну, какой же ты дворникъ!—засмѣялась я.

— Это вы насчетъ моей амуниціи?—показывая на свое голое плечо, спросилъ онъ:—я ее въ году мѣняю по нѣсколько разъ; то я бариномъ одѣтъ, а то вотъ такъ.

— Водку пьешь?

— Безъ этого не обойдется, а только, барыня, я вамъ совѣтую меня взять; я самъ дѣйствительно человѣкъ пропащій, но зато моя жена Марина такая женщина, что ее весь народъ уважаетъ.

Я все-таки отвѣтила, что квартиръ у меня для него нѣтъ и что я прошу его уйти со двора.

— Да вы, барыня, отъ меня не отвертывайтесь!—уже дерзко заговорилъ онъ:—я знаю, что у васъ въ настоящее время подвалы затоплены, а вотъ когда изъ нихъ уйдетъ вода, у васъ будетъ пять квартиръ и одну изъ нихъ, которая ходитъ за два рубля, вы мнѣ и отдайте. Вотъ и моя Марина легка на поминѣ!—весело воскликнулъ онъ, увидавъ входившую въ ворота женщину съ двумя дѣтьми.

Марина шла по двору тихо, не торопясь, одну дѣвочку несла на рукахъ, а другая бѣжала съ боку, держась за ея платье.

Марина была высокая, съ красивымъ и спокойнымъ лицомъ женщина; на ней было приличное платье, и на плечахъ накинуть большой клѣтчатый платокъ. На обѣихъ ея дѣвочкахъ надѣты чистыя ситцевыя платья и кружевные, хотя всѣ заштопанные, воротнички. Марина держала себя степенно, и ея разговоръ былъ тихій и вѣжливый. Она тоже просила меня взять ея мужа дворникомъ.

— За кого ты просишь, — сказала я:—развѣ ты не видишь, какой у тебя мужъ?

— Знаю, сударыня, — вздохнула она:—только вы строго не судите моего Александра, сердце у него доброе, и онъ можетъ исправиться.

Когда Александръ отошелъ отъ насъ и началъ разговаривать съ Василиемъ Киановымъ, Марина тихо начала мнѣ рассказывать:

— Мой Александръ не всегда былъ пьяницей, онъ сталъ пить съ тоски по нашемъ первенкомъ мальчикѣ, который, можно сказать, по винѣ Александра утонулъ. Я ушла на работу, а Коленьку оставила на его рукахъ; мальчику было четыре годика, Александръ его и не досмотрѣлъ: заговорился съ мужиками на улицѣ и позабылъ, что

на нашемъ дворѣ не закрыть колодезь и мальчикъ одинъ по двору ходить. Въ тотъ же день, какъ Коленька потонулъ, Александръ въ первый разъ напился, а прежде онъ водки въ ротъ не бралъ... Дорогая барыня, дайте ему случай прійти въ себя, дайте ему работу, а его семьѣ уголь. Ради этихъ дѣтей возьмите насъ къ себѣ; я же за мужемъ присмотрю; чего онъ не додѣлаеть, я сдѣлаю.

Отъ Марины я узнала, что она прачка и что каждый день рано утромъ уходитъ на работу; а своихъ дѣтей на то время, когда ея нѣтъ дома, относить въ ясли.

— И какъ видите,—заговорила Марина:—дѣти у меня одѣты и сыты. Александръ тоже былъ одѣтъ моими руками и только недавно все съ себя пропилъ. Но вы, барыня, не безпокойтесь; если онъ поступитъ къ вамъ дворникомъ, я его пріодѣну.

Мнѣ такъ понравилась Марина, что только ради нея я согласилась взять ея мужа.

Когда Александръ услышалъ, что я его беру,—весело воскликнулъ:

— Теперь, барыня, позвольте стрѣльнуть рюмочку!

Марина властно взяла мужа за руку и повела со двора.

V.

Когда вода изъ подваловъ уже совсѣмъ ушла и мои жильцы узнали, что я хочу поправить въ домѣ всѣ печи, ко мнѣ явился старикъ Кіановъ съ запоздавшимъ извиненіемъ въ тѣхъ дерзостяхъ, которыя въ первый день моего пріѣзда онъ и его сынъ Василій, будучи пьяными, мнѣ наговорили:

Въ этотъ разъ Кіановъ разговаривалъ со мною почтительно и, когда я ему замѣтила, что не хорошо напиваться, онъ отвѣтилъ, что своей страсти къ водкѣ и самъ не радъ.

— Мнѣ, барыня, это сдѣлано,—таинственно началъ онъ:—еще въ молодости сдѣлано. Я, съ позволенія сказать, одну дѣвочку обманулъ и обѣщался на ней жениться, а вмѣсто того женился на другой, на моей Афимьѣ; тогда эта самая дѣвочка намъ въ первый же день свадьбы и сдѣлала. Пріѣзжаемъ мы отъ вѣнца, всѣ поѣзжане прошли по крѣпкому крыльцу; а когда мы съ Афимьей на него вступили, такъ оно и провалилось; тогда всѣ гости сказали, что это колдовство.

— Почему вы думаете,—спросила я:—что крыльцо провалилось отъ колдовства? вѣроятно, оно было сломано или гнилое.

— Пустое, барыня, говорите,—съ раздраженіемъ произнесъ Кіановъ:—ну, какъ же не колдовство, когда въ этотъ же день испортившую меня дѣвочку вынули изъ петли, а я такъ въ первый разъ напился, что меня водой отливали.

Видя, что Кіанова мнѣ не убѣдитъ, я замолчала... Что же касается починки печей въ моемъ домѣ, то прямо себѣ работы Кіановъ у меня не просилъ, только хвасталъ, что его въ городѣ считаютъ лучшимъ печникомъ, что онъ работалъ печи у губернатора и что тотъ его печами не нахвалится.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ отъ меня ушелъ Кіановъ, ко мнѣ вошла Лена и начала просить отдать работу ея отцу.

— Милая барыня,—говорила она:—отдайте поправить печки моему батькѣ; лучше его нѣтъ печника во всемъ городѣ.

Лена была кроткая, честная и работающая дѣвочка, и, чтобы сдѣлать ей пріятное, я помимо своего желанія согласилась исполнить ея просьбу. На другой день старикъ Кіановъ со своимъ сыномъ Василиемъ начали работать въ моемъ домѣ. Василий, хотя въ своихъ дерзостяхъ и не извинился передо мною, но, встрѣчаясь, вѣжливо раскланивался и разъ, когда несъ по двору кирпичъ и я попалась ему навстрѣчу, онъ остановился и попросилъ у меня почитать книжечекъ.

— Вы гдѣ учились грамотѣ?—спросила я Василья.

— Въ приходскомъ училищѣ,—отвѣтилъ онъ:— да и того не пришлось окончить; отцу работникъ понадобился, глину мять. Братъ Колька еще не могъ работать, былъ маленькій, моимъ ученьемъ отецъ и пожертвовалъ. Не дай Богъ имѣть такого родителя!—съ горечью добавилъ Василий и пошелъ дальше.

Лена про своего старшаго брата говорила, что онъ очень лѣнивъ и завистливъ.

— Нашъ Васька оттого всѣхъ богатыхъ ненавидитъ, что онъ завидушій,—говорила она:— зато ему Богъ и счастья не посылаетъ: два года, какъ собирается себѣ новое пальто сдѣлать, а все не можетъ съ деньгами собраться. Вы ему, барыня, не давайте книжечекъ читать, а то нашъ Васька отъ работы совсемъ отобьется и будетъ цѣлые дни съ книгой лежать на сѣновалѣ.

Когда старикъ Кіановъ началъ работать, то поминутно выпрашивалъ у меня денегъ и при этомъ такъ кланчался, что невозможно было отъ него отдѣлаться. Выпросить деньги на обѣдъ, а вмѣсто этого ихъ пропить. Пьяный Кіановъ былъ невозможенъ, онъ не только билъ свою жену и младшаго сына Колю, но дрался на дворѣ и съ жильцами, а мнѣ, если я дѣлала ему замѣчаніе, дерзилъ. Разъ онъ такъ буянилъ, что сама Афимья побѣжала за городовымъ, чтобы тотъ взялъ въ часть ея пьянаго мужа.

Но только Афимья съ городовымъ вошли на нашъ дворъ, какъ Кіановъ сдѣлался тихъ и кротокъ и жильцы удивлялись, что съ него такъ скоро хмель соскочилъ. Городовой поговорилъ съ Кіановымъ и объявилъ, что такого смирнаго человѣка онъ не имѣетъ права забирать въ часть. Въ это время Афимья мнѣ шептала:

— Мой, лѣшій-то, пьетъ вмѣстѣ съ городовыми, оттого они его и въ часть не берутъ.

Но только что городской ушелъ, какъ Кіановъ забуянилъ больше прежняго и за то, что я позволила на свой дворъ позвать городского, онъ поносилъ меня бранными словами и въ тотъ же вечеръ въ моей гостиной разбилъ каменьями два стекла.

На другой день Кіановъ сталъ посреди двора на колѣни и при всѣхъ жильцахъ просилъ у меня прощенья за вчерашнее буйство. Тутъ же на дворѣ, обливаясь слезами, стояли Аѳимья и Лена и обѣ просили за него прощенья. Впослѣдствіи я узнала, что, когда Кіановъ стоялъ на колѣняхъ, а я оборачивалась къ нему спиной, онъ сзади передразнивалъ меня и показывалъ кулаки, а потомъ, когда я ушла со двора, онъ жильцамъ со смѣхомъ говорилъ:

— Вы думали, что я и вправду у нея прощенья просилъ, а я только камедь передъ ней ломалъ.

Я много разъ собиралась выселить Кіанова, и только слезы Лены (къ которой я скоро привязалась) удерживали меня отъ этого.

Несмотря на то, что Кіановъ былъ деспотъ въ своей семьѣ, но дочь и жена его обожали, хотя всѣмъ на него жаловались. Когда Кіановъ не имѣлъ работы и скучалъ безъ водки, Аѳимья была сама не своя и поминутно прибѣгала къ Ленѣ, шепталась съ ней, и до меня долетали такія фразы:

— Онъ безъ водки помретъ, ему сразу нельзя бросать водку; ты, Ленка, попроси у барыни для батъки на сотку.

Лена получала въ мѣсяцъ жалованья всего четыре рубля, и эти деньги у нея по мелочамъ отбирали родители; если же и оставался какой рубль, Лена спѣшила его отослать своему брату Ѳедору, который былъ (еще до меня) сданъ въ солдаты.

Я Ленѣ напоминала, что у нея самой ничего нѣтъ.

— Да мнѣ, барыня, ничего не надо,—говорила она:—я у васъ сыта и одѣта; а копить на окруту ¹⁾ я не стану, замужъ я не пойду, я довольно насмотрѣлась на маткины слезы! Пушай мои деньги лучше Ѳедьку нашего обрадуютъ: ему-то, сердечному, жить въ солдатахъ, небось, не сладко!

Но что касается Аѳимьи, она больше заботилась о своемъ мужѣ, чѣмъ о дѣтяхъ.

— Я съ дѣтьми и хлѣба одного поѣмъ,—говорила она:—у меня только одна заботушка—былъ бы мой Степанъ сытъ, пьянъ и носъ въ табакѣ.

Зато Кіановъ уже совсѣмъ не заботился о своей женѣ. Аѳимья страдала одышкой и ревматизмомъ; а онъ заставлялъ ее ходить на работу—мыть полы. Заработавъ какихъ-нибудь тридцать копеекъ, Аѳимья сейчасъ же ихъ тратила для мужа,—покупала ему водки

¹⁾ Приданое.

и черствыхъ булокъ и, держа все это на виду, въ рукахъ, она съ сияющимъ лицомъ возвращалась домой.

Кіановъ часто поджидалъ свою жену на дворѣ. Замѣтивъ въ ея рукахъ водку, онъ становился веселъ, ласковъ, цѣловалъ при народѣ Афімью, какъ онъ выражался, «въ сахарныя уста», называлъ ее своимъ червоннымъ золотомъ и при этомъ подшучивалъ надъ ея мокрой и грязной юбкой. Лена, видя своихъ родителей цѣлующимися, отъ радости сіяла и, помирая со смѣху, говорила:

— Охъ, тошнехонько!..—Вотъ мои прокураты-то!.. Люди добрые, посадите вы моего батьку съ маткой, какъ молодыхъ, за столъ—пуцай они цѣлуются, это поллучше, чѣмъ цѣлый день ругаться!

И тутъ же Лена съ одушевленіемъ начинала рассказывать, что ея matka въ молодости была красавицей и что на нее у батьки былъ сложенъ складный стишекъ:

Моя махонькая Фифъ;
Я цѣлую, а ты спишь.

— Мой батька вѣдь ужаси какой умный и продувной,—говорила Лена:—его только водка сгубила...

Изъ всей семьи Кіанова одинъ Василій не любилъ отца и, хотя они вмѣстѣ работали и вмѣстѣ напивались; но въ каждомъ взглядѣ и въ каждомъ словѣ Василья, обращенномъ къ отцу, проглядывала ненависть.

VI.

Когда въ моемъ домѣ были исправлены печи и полы, четыре подвала сразу были заняты. Въ первомъ жила семья Кіанова, во второмъ—поселилась Матрена со своими ребятишками; мужъ ея Ефимъ хотя и былъ прописанъ у меня, но жилъ у огородника и только одни праздники проводилъ въ своей семьѣ. Болѣе трудолюбивыхъ людей, какъ Ефимъ и Матрена, трудно было встрѣтить; они, какъ ломовыя лошади, работали круглый годъ, и все-таки ихъ заработка не хватало, чтобы заплатить за квартиру въ мѣсяцъ два рубля и одѣть, обуть и накормить не только себя, но и восемь человѣкъ дѣтей. Матрена съ пяти часовъ утра уходила изъ дома на работу; шестилѣтняя Кушка оставалась въ квартирѣ хозяйкой и нянчила восьмимѣсячнаго Аюньку; мальчики (старшему было тринадцать лѣтъ) ходили по міру и, уже привыкнувъ къ лѣни, попрошайничеству, росли озорниками. Матрена была раздражительна и дерзка, она била своихъ дѣтей, даже за то, если они попадались ей подъ ноги; била она ихъ и палками и кулаками и по чему попало. Если въ эту минуту я ее останавливала, Матрена и на меня кричала:

— Откелева ты такая проявилась, чтобы учить меня, родную матку. Небось, я своимъ дѣтямъ не мачеха—не переломаю костей!

Матрена била не только своихъ дѣтей, она била и мужа. Разъ, услыхавъ на дворѣ жалобные крики, я вышла на крыльцо, чтобы узнать, кто кричить. Кричали въ Матрениномъ сараѣ, а возлѣ него стояли подвальные жильцы и помирала со смѣху.

— Что случилось?—спросила я.

Афимья подошла ко мнѣ.

— Не безпокойся, хозяйшкa,—сказала она:—это Матрена связала пьянаго Яфима и за то, что онъ пропиль съ пріятелями полтинникъ, стегаетъ его веревкой; да ничего—свои люди, помирятся.

Потомъ мнѣ и Матрена сказала:

— Ты, хозяйка, не пужайся, если услышишь, что я учу Яфима, я ему не чужая, а законная жена...

Между тѣмъ, несмотря на пропитый полтинникъ, Ефимъ не былъ пьяницей и характеръ у него былъ добродушный, общительный и онъ очень любилъ дѣтей, не только своихъ, но и чужихъ. Бывало, въ праздникъ придетъ Ефимъ домой и сейчасъ же къ нему со всѣхъ сторонъ бѣгутъ ребятишки, кто просить Ефима поносить его на плечахъ, кто устроить змѣйку, кто вырѣзать свистульки; а когда Ефимъ пріѣзжалъ на лошади и, насадивъ цѣлую телѣгу дѣтей, каталъ ихъ по двору, то радость ребятишекъ трудно описать. Своего младшаго сына Аѳоньку Ефимъ обожалъ и вообще не тяготился, какъ жена его Матрена, что у нихъ большая семья. Я слышала, какъ Ефимъ сказалъ:

— И зачѣмъ только моя баба гнѣвить Господа, что у насъ много дѣтей. Кажинному ребенку Богъ свое счастье пошлетъ; вотъ и мой Аѳонька, когда вырастетъ, попомните мое слово, будетъ купцомъ и мнѣ, своему батькѣ, шапку подарить.

Я только разъ видѣла Ефима сердитымъ, когда одна изъ нашихъ бабъ вздумала посмѣяться надъ нимъ, что его пьянаго бьетъ жена.

Тутъ Ефимъ вскочилъ съ мѣста и началъ кричать:

— Не мели, дура баба, пустою; мы съ Матреной живемъ хорошо. Такой, какъ моя Матрена, пройди цѣлый свѣтъ, не найдешь, она меня уважаетъ, а ежели она теперь ходитъ тяжелая и все въ работѣ, то, извѣстно, съ разстройки и остервенѣла.

Въ третьемъ подвалѣ жила баба Степанида со своими тремя дѣтьми и матерью Дарьей (объ этой древней старухѣ я уже говорила, я ее видѣла въ шалашѣ въ первый день моего пріѣзда).

Степанидѣ по паспортной книжкѣ было сорокъ пять лѣтъ и она была не замужняя. Изъ себя она была смуглая, костлявая, съ короткими вьющимися волосами и однимъ глазомъ, другой глазъ, какъ увѣряла Степанида, у нея пропалъ съ глазу, и если ей не вѣрили, она сердилась.

У насъ на дворѣ говорили, что Степанида прижила своихъ дѣтей съ какимъ-то запаснымъ солдатомъ и что онъ уже съ годъ, какъ ее бросилъ, и что Степанида и теперь изъ своихъ ничтожныхъ заработковъ посылаетъ ему деньги.

Все это говорилось потихоньку; если бы кто осмѣлился сказать это же самое Степанидѣ въ лицо, она этому человѣку навѣрно бы выпарапала глаза. Сама она рассказывала совсѣмъ другое. Степанида увѣряла всѣхъ, что солдатъ ее любить и что онъ вернется къ своимъ дѣтямъ къ Ильѣ пророку.

— Гдѣ бы онъ ни былъ,—говорила она:—а ужъ къ своему анделу непримѣнно ко мнѣ придетъ, и еще недавно мой Илья на дѣтей мнѣ прислалъ рубль денегъ.

Старая Дарья, слушая свою дочь, молчала и только грустно качала сѣдой головой.

Всѣ жильцы знали, что Дарья не хочетъ, чтобъ Илья къ нимъ приходилъ, и, когда ея дочери не было дома, старуха сосѣдямъ жаловалась, что если къ нимъ придетъ опять солдатъ, имъ жить будетъ еще хуже. «Онъ только будетъ тренькать на балалайкѣ,—говорила она:—а мы со Степанидой его корми!»

Что ея дочь въ дѣвкахъ прижила троихъ дѣтей, Дарья ее не осуждала, только жалѣла.

— Моя Степанида не первая и не послѣдняя,—говорила она:—нонѣ ужъ свѣтъ такой—народъ безъ господъ избаловался. Народъ теперь, что конь безъ узды, бѣжитъ сломя голову, а куда бѣжить, и самъ не знаетъ. Будь мы теперь господскіе, развѣ мы горе бы мыкали! Еще за перваго бы ребенка господа Степаниду наказали, а другого заводитъ она и побоялась бы, а теперь кого моя Степанида боится?—меня, свою матку, она въ грошъ не ставитъ! Нѣтъ, милые, при господахъ намъ лучше было жить!

Разъ съ Дарьей я даже вступила въ споръ, доказывала ей, что безъ крѣпостного права народу лучше жить.

— Развѣ, бабушка, ты забыла,—говорила я:—какъ помѣщики васъ, крѣпостныхъ людей, тиранили, обращались съ вами, какъ со скотами!

Старуха пожевала губами, съ минуту подумала и сказала:

— Знаю, милая, всякіе господа были, худые и хорошіе. Мы-то были графинюшкины, Анны Алексѣевны Орловой; вѣчная ей память, хорошая для насъ, крестьянъ, была... Знаешь ли, какая она была?—вдругъ съ оживленіемъ заговорила Дарья.—Прострафился передъ ней мужикъ, графинюшка его къ себѣ и призоветъ.

— Ты,—говорить,—худой мужикъ, мнѣ ты ненадобенъ, иди на всѣ четыре стороны, я тебя на волю отпускаю.

Мужикъ испужается, сейчасъ графинюшкѣ въ ноги.

— Накажи,—говорить,—ты какъ хошь меня, только на волю не отпускай.

— Вотъ, милая, какіе были наши господа; а если ты чего не знаешь, такъ ты о томъ и не говори!—уже нравоучительно добавила старуха.

Въ четвертомъ подвалѣ жилъ мой дворникъ Александръ съ семействомъ. Жена его Марина такъ рано уходила изъ дома на работу и такъ поздно возвращалась, что я почти ее и не видѣла, зато Александръ цѣлый день находился дома и уже не былъ, какъ прежде, оборванцемъ, на немъ была новая рубаха и сапоги.

Что же касается работы, Александръ всякую работу презиралъ и только цѣлые дни слонялся по двору, или ходилъ возлѣ дома по панели, иногда игралъ съ мальчишками въ козны.

Встрѣчаясь со мною, онъ быстро схватывалъ съ головы картузь, шель рядомъ и жаловался, что ему скучно.

— Отчего ты дворъ не подметешь?—спрашивала я.

Александръ лѣниво оглядывался кругомъ и говорилъ:

— Зачѣмъ мести дворъ, когда его опять засорять.

Если же ему случалось брать въ руки метлу, то онъ дѣлалъ это такъ лѣниво, что даже смотрѣть на него было противно и свой разговоръ со мною кончалъ всегда одной и той же фразой:

— Позвольте, барыня, стрѣльнуть рюмочку!

Мелкія работы по дому у меня исполнялъ младшій сынъ Кіанова, Коля; этотъ мальчикъ за ничтожную плату былъ готовъ работать хоть цѣлый день и каждую свою заработанную копейку отдавалъ матери, которую обожалъ.

Разъ, когда я обѣдала, то тутъ же въ столовой Коля что-то прибавалъ; въ это время Лена принесла пирожки, и я нѣсколько пирожковъ предложила Колѣ. Отъ удовольствія онъ весь вспыхнулъ и, забывъ меня поблагодарить, съ пирожками бросился изъ комнаты.

— Зачѣмъ ты уходишь, ѣшь здѣсь!

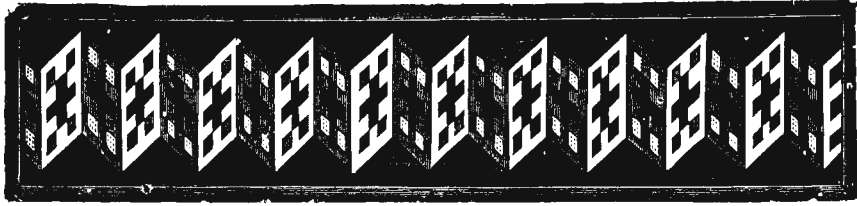
Коля вернулся и жалобнымъ голосомъ сказалъ:

— Я самъ не хочу ѣсть, я эти пирожки хотѣлъ маткѣ снести — она со вчерашняго дня ничего не ѣла!

М. Е. Васильева.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ АКАДЕМИКА П. П. СОКОЛОВА.

Предисловіе.

НѢ СЛУЧАЙНО досталось нѣсколько тетрадей съ рисунками, повидимому, принадлежавшими рукѣ опытнаго, незауряднаго рисовальщика. Здѣсь и эскизы жанра и пейзажа, фрески, головки и цѣлыя законченныя иллюстраціи, преимущественно къ сочиненіямъ А. С. Пушкина, Гоголя и другихъ. Типичныя изображенія Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, мощная, дышащая отвагою фигура Тараса Бульбы, цѣлый рядъ иллюстрацій изъ «Горе отъ ума», сцены «Донъ-Жуана» и «Капитанской дочки» А. С. Пушкина. Что это за иллюстраціи! Великій поэтъ, вдохновившій талантливую руку художника, создавшаго на бумагѣ его типы, самъ бы пришелъ въ умиленіе отъ этихъ рисунковъ. Да, это Гриневъ, это Швабринъ, это Маша, чистая, невинная, кроткая. Тутъ есть и сцена дуэли, и арестъ, и обученіе инвалидовъ комендантомъ, и Бѣлогорская крѣпость, и первый поцѣлуй, и сцена съ тулупомъ и т. д...

Я, конечно, не могъ остаться равнодушнымъ къ такимъ рисункамъ и дѣятельно началъ доискиваться автора этихъ талантливыхъ произведеній.

Отправившись въ музей императора Александра III, я прежде всего показалъ ихъ хранителю музея, Альберту Николаевичу Бенуа, который съ большимъ вниманіемъ пересмотрѣлъ ихъ, пришелъ въ восхищеніе и почти увѣренно призналъ въ этихъ рисункахъ произведенія Павла Соколова. «Впрочемъ, я навѣрное не берусь вамъ утвердить этого, — сказалъ онъ: — а вотъ я вамъ дамъ письмо къ его

брату, хранителю музея академіи художествъ—Александрѣ Петровичу, онъ вамъ дастъ положительный отвѣтъ. Рисунки очень интересны и желательны для коллекціи музея,—прибавилъ онъ. «Скажите! Обрати вниманіе на замѣчательные рисунки твоего брата, ихъ бы желательно имѣть въ музеѣ», писалъ Бенуа Александрѣ Соколову.

Въ тотъ же день я былъ на Васильевскомъ островѣ, въ зданіи академіи художествъ, у Александра Петровича. Въ квартирѣ, сплошь увѣшанной картинами и портретами, меня встрѣтили два старика: мужъ и жена Соколовы; они съ живѣйшимъ любопытствомъ отнеслись къ показываемымъ мною рисункамъ и видно было, что каждый штрихъ, каждый набросокъ былъ для нихъ полонъ значенія.

— Да, это онъ, это Павелъ, какъ же не узнать его,—говорилъ со слезами на глазахъ старикъ:—это его юношескія произведенія. Сколько таланту было въ этомъ человѣкѣ!..

— Да гдѣ же онъ теперь? Не можете ли сообщить мнѣ его адресъ?—спросилъ я.

Старушка принесла какую-то книжку и прочитала: Кавалергардская улица, д. № 1, кв. 2.

Я отправился къ Павлу Петровичу.

— Здѣсь живетъ художникъ Соколовъ?—спросилъ я у дѣвушки, открывшей мнѣ дверь.

— Пожалуйте. Павелъ Петровичъ! къ вамъ...—крикнула она, снимая съ меня пальто.

— Entrez!—раздался старческій голосъ, и я вошелъ въ маленькую, довольно мрачную комнату со сводами. По стѣнамъ висѣло нѣсколько картинъ. Около окна стоялъ мольбертъ съ начатою женской головкой. Посреди комнаты, на постаментѣ возвышалась почти законченная глиняная ваза, изображающая группу изъ «Русалки» Пушкина. Такая же ваза съ группою изъ «Золотой рыбки» стояла возлѣ одной изъ стѣнъ. Хозяинъ, повидимому, только что закончилъ свою работу и, отдыхая, всматривался въ изваяніе. При появленіи моемъ онъ всталъ.

Это былъ выше средняго роста, сухой, но весьма благообразный старикъ лѣтъ за 70, съ признаками на лицѣ безусловной красоты. Его симпатичное лицо привѣтливо улыбалось мнѣ, и онъ любезно предложилъ мнѣ стулъ. На головѣ у старика была надѣта бархатная ермолка, придававшая ему въ окружавшей обстановкѣ средневѣковъ видъ. Убогое помѣщеніе, жалкій, жесткій диванъ, ветхая мебель, все говорило о томъ, что старикъ очень нуждался. Выслушавъ меня, онъ пришелъ въ сильное волненіе и, увидѣвъ рисунки, заплакалъ, и эти слезы были слезами, пролитыми надъ своимъ настоящимъ безсиліемъ. Я невольно взглянулъ на мольбертъ, на которомъ былъ начатый рисунокъ,—въ немъ не было той жизни,

того взмаха, который былъ замѣтенъ въ каждомъ штрихѣ разсматриваемыхъ альбомовъ, и старикъ, повидимому, сознавалъ это.

Долго я просидѣлъ у Павла Петровича, много интереснаго рассказывалъ онъ мнѣ о своей жизни, благодарилъ меня за то, что я отыскалъ его, подписалъ мнѣ свои рисунки и просилъ объ одномъ, чтобы я хранилъ ихъ, или бы помѣстилъ туда, гдѣ бы они не могли пропасть. «Вѣдь это прототины тѣхъ иллюстрацій, которыя впоследствии были воспроизведены мною и имѣли огромный успѣхъ, но эти, по-моему, лучше; удачнѣе», сказалъ онъ.

— А я вѣдь немножко и писатель,—улыбаясь прибавилъ старикъ и подаль при этомъ литографированную брошюрку «Дубровский» А. С. Пушкина, передѣланную имъ въ драму. Эта пьеса шла въ 1900 г. въ Василеостровскомъ театрѣ и имѣла успѣхъ; присутствовавшій на спектаклѣ авторъ удостоился оваціи. «Также вотъ скоро выйдетъ въ свѣтъ и «Капитанская дочка», которую я отправилъ въ Москву въ литографію, здѣсь очень скупы на счетъ изданій», сказалъ онъ.

Да, великій поэтъ не только вдохновилъ Павла Петровича, какъ художника, но и на закатѣ его лѣтъ онъ не переставалъ руководить имъ, какъ ваятелемъ, художникомъ и драматургомъ. Надо замѣтить, что «Дубровский» передѣланъ Соколовымъ очень удачно и въ высшей степени сценично и увлекательно.

Рисунки П. П. Соколова мною были вторично представлены въ музей императора Александра III и ихъ уже смотрѣлъ Владимиръ Брюлловъ, двоюродный братъ Соколова, и наконецъ братъ его, Александръ Брюлловъ, принялъ ихъ у меня для представленія въ академію художествъ. Въ январѣ 1901 г. академическій совѣтъ разсматривалъ эти альбомы, и вслѣдствіе этого пенсія, которую получалъ Павелъ Соколовъ, была увеличена, но рисунки, однако, музею пріобрѣтены не были, и я ихъ получилъ обратно. Слава Богу, что хоть какой-нибудь толкъ вышелъ отъ ихъ представленія. Въ 1899 г., во время академическаго собранія, въ числѣ почетныхъ членовъ совѣта егосаѣдалъ и племянникъ министра Вышнеградскаго, бывшій ученикъ Павла Соколова, который одновременно училъ живописи его съ дочерью министра. Когда Павелъ Петровичъ былъ избранъ академикомъ, то этимъ лицомъ былъ возбужденъ вопросъ о назначеніи ему пенсіи, которая и была установлена въ 25 рублей.

Павелъ Петровичъ сталъ изрѣдка заходить ко мнѣ и однажды онъ принесъ съ собою нѣсколько мелко исписанныхъ тетрадей «своихъ воспоминаній», уполномочивая меня напечатать изъ нихъ все, что я найду возможнымъ. «Здѣсь все правда,—говорилъ онъ:—быть можетъ, вы найдете много лишняго, субъективнаго, такъ вѣдь я это писалъ для себя, для своей души, не думая, что судьба меня столкнетъ съ человѣкомъ, который заинтересуется мною и нравственно поддержитъ меня, уже угасающаго. Да, я чувствую, что можно устать жить».

Записки Павла Петровича Соколова очень пространны, а потому, конечно, не могут быть напечатаны цѣликомъ, въ нихъ онъ много касается своей частной жизни, чисто семейной, интересной лишь для близко его знающихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ охватываютъ бытовую сторону общественной жизни 30-хъ—60-хъ годовъ, столь интересную въ историческомъ отношеніи, касаются жизни многихъ знаменитыхъ литераторовъ, художниковъ и артистовъ, съ которыми имѣлъ соприкосновеніе авторъ «воспоминаній», а потому представляютъ собою довольно цѣнный и интересный историческій матеріаль.

Павель Петровичъ Соколовъ, сынъ знаменитаго портретиста Петра Ѳедоровича, братъ пейзажиста Петра Соколова (нынѣ покойнаго), племянникъ извѣстнаго профессора Карла Брюллова, принадлежалъ къ артистической семьѣ, передававшей какъ бы по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе божественную искру таланта. Родился онъ въ Петербургѣ 4-го іюня 1826 года и по окончаніи академіи получилъ званіе свободнаго художника за портретъ, писанный имъ въ Москвѣ съ художника Подклюшникова. Званіе академика П. Соколовъ получилъ во время Пушкинскихъ торжествъ въ 1899 году, гдѣ были выставлены его картины и въ томъ числѣ знаменитыя иллюстраціи къ «Капитанской дочкѣ», за картину «Святое семейство». Изъ выдающихся трудовъ его мнѣ удалось собрать свѣдѣнія лишь о слѣдующихъ: 1) «Іоаннъ Грозный и Шибановъ» (масл. кр.), картина эта куплена Кокоревымъ на выставкѣ въ Москвѣ, въ домѣ Юшковыхъ, на Мясницкой, за 500 р. 2) «Смерть Ивана Сусанина» (акварель), куплена государынею императрицею Марією Александровною и подарена государю императору къ коронацію. Покупка картины была поручена Ѳедору Адольфовичу Оому. 3) двѣ жанровыя картины, изображающія молодыхъ женщинъ, написанныя по заказу Василія Федуловича Громова, въ настоящее время увезены въ Америку Уэнцомъ. 4) «Моцартъ и Сальери» (масл. кр.), куплена Пальчиковымъ. 5) 16 картинъ для великаго князя Николая Николаевича Старшаго въ его дворецъ. Великая княгиня Александра Петровна обратила особенное вниманіе на работы П. Соколова, пригласила его во дворецъ и лично выразила желаніе имѣть его работы. 6) Иллюстраціи «Капитанская дочка». 7) «Горе отъ ума». 8) «Евгеній Онѣгинъ»—были оставлены Соколовымъ въ Москвѣ у Булгакова и послѣ его смерти попали въ чужія руки. 9) «Старосвѣтскіе помѣщики» были куплены Бенкендорфомъ, а затѣмъ проданы Марксу, издавшему ихъ жалкой, маленькой книжкой. 10) «Арапъ Петра Великаго». Павель Петровичъ также занимался и скульптурными работами; такъ, напримѣръ, Вольфъ въ статьѣ своей въ 1900 году «Некрологъ Петра Соколова» приложилъ снимки съ вазъ работы Павла Соколова, приписывая ихъ рукамъ Петра,—это весьма грубая ошибка.

Б. Л. Тагѣевъ.

I.

Мой отецъ.—Смерть дѣда.—Перѣздъ отца въ Петербургъ.—Поступленіе его въ академію художествъ.—Золотая медаль и дипломъ.—Изь-за цыбика чая въ чиновники.—Семейство Брюлло.—Женитьба отца.—Наводненіе.

Отецъ мой Петръ Ѳедоровичъ Соколовъ былъ лицомъ замѣчательнымъ, снискавшимъ себѣ европейскую извѣстность акварельными портретами въ томъ родѣ, который онъ самъ создалъ. Успѣху своему онъ былъ всецѣло обязанъ своему дарованію и добросовѣстному труду, безъ всякой примѣси шарлатанства и рекламы, что, къ сожалѣнію, нерѣдко приходится встрѣчать въ біографіяхъ многихъ художниковъ, слава которыхъ, раздутая услужливыми пріятелями, хотя и блистала нѣкоторое время, но очень скоро погасала безслѣдно. Не такова была творческая сила моего отца.

Недавно, еще въ 1900 году, я видѣлъ его работу, случайно попавшую на выставку, имѣвшую мѣсто въ академіи наукъ, по случаю столѣтняго юбилея А. С. Пушкина,—это былъ акварельный портретъ генерала Раевского, прекрасно сохранившійся во всѣхъ его деталяхъ. Этотъ портретъ особенно рѣзко выдѣлялся среди прочихъ картинъ своею свѣжестью и силой. Жизненность и правдивость рисунка были поразительны. Вообще портреты отца славились сходствомъ столько же, сколько изяществомъ и силой исполненія; онъ любилъ разлить какую-то пріятность въ изображеніи того лица, которое рисовалъ, вѣроятно, по врожденному и школой выработанному чувству истиннаго художника, ищущаго въ изображеніи того или другого типа красоты. Положимъ, этотъ пріемъ художники новой школы называютъ идеализаціею, но это грубая ошибка.

Слава отца, какъ первокласснаго художника, такъ утвердилась, что я считаю излишнимъ распространяться о достоинствахъ его рисунка и живописи, а коснусь его, какъ человѣка. Это была въ высшей степени симпатичная и даже обаятельная личность, пользовавшаяся всеобщей симпатіею. При своей необыкновенной скромности отецъ мой отличался изумительно веселымъ нравомъ и общительностью, и эти качества онъ сохранилъ до конца своей мирной и счастливой жизни.

Между тѣмъ дѣтство его протекло при весьма неблагоприятныхъ условіяхъ. Отецъ его, а слѣдовательно мой дѣдъ, былъ весьма зажиточнымъ человѣкомъ и жилъ въ собственномъ домѣ въ Москвѣ, но страсть къ картежной игрѣ погубила его. Въ одинъ прекрасный день онъ проигралъ все свое состояніе вмѣстѣ съ домомъ и имуществомъ, не перенесъ такого удара судьбы и скоростижно умеръ. Отецъ мой, еще будучи ребенкомъ, смотрѣлъ въ окно и видѣлъ, какъ изъ конюшенъ выводили лошадей, изъ сараевъ выдвигали экипажи, которые тоже были проиграны. Изъ дома выносили вещи, картины, а бабушка

моя въ слезахъ собиралась въ дорогу, чтобы отвезти сына своего въ Петербургъ и помѣстить его въ какое-нибудь учебное заведеніе.

Въ Петербургѣ они остановились у своихъ бѣдныхъ родственниковъ, жившихъ въ Гавани, которая въ то время еще болѣе, чѣмъ теперь, страдала отъ наводненій. Самый бѣдный людъ ютился въ этой мѣстности, кое-какъ перебываясь изо дня въ день, и тогда уже было у жителей Гавани обыкновеніе выѣзжать на утлой лодкѣ въ заливъ, ловя разные обломки и щепы, замѣнявшіе собою дрова. Крѣпкій и ловкій мальчикъ, мой отецъ не разъ выѣзжалъ для подобныхъ экскурсій и нерѣдко въ дурную погоду возвращался измокшій и чуть не вплавъ съ кое-какой добычей.

Между тѣмъ бабушка изо всѣхъ силъ старалась опредѣлить его куда-нибудь въ ученіе и наконецъ ей удалось помѣстить его въ академію художествъ полнымъ пансіонеромъ на казенный счетъ (тогда было еще такое положеніе). Этому обстоятельству много содѣйствовалъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Пещуровъ, маленькій горбатый старичокъ, знавшій хорошо моего дѣда. Этотъ Пещуровъ былъ впослѣдствіи псковскимъ губернаторомъ.

Въ академію маленькій Соколовъ явился въ довольно жалкомъ видѣ, и вмѣсто пальто на него былъ надѣтъ бабушкинъ старый салопа, что и подало поводъ его новымъ товарищамъ дать ему кличку «салопница». Долго оставался равнодушенъ къ насмѣшкамъ товарищей мой отецъ и, забившись въ уголъ, просиживалъ цѣлые часы, но наконецъ онъ не выдержалъ и, ухвативъ перваго, который поближе стоялъ къ нему, такую задалъ ему встрепку, что всѣ остальные разбѣжались, а пострадавшій завизжалъ. И вотъ бойкаго новичка за подобное буйство на первыхъ же порахъ засадили въ карцеръ, но зато онъ сразу приобрѣлъ къ себѣ уваженіе школяровъ, и къ нему болѣе уже не приставали.

Въ классахъ отецъ дѣлалъ быстрые успѣхи и подъ руководствомъ опытныхъ преподавателей, которыми въ то время гордилась академія, развивалъ и совершенствовалъ свой талантъ. Егоровъ, Пищалкинъ, скульпторъ Логановскій и позднѣе Шебуевъ и Басинъ и др. были достойными руководителями талантливыхъ юношей. За програму свою на выпускъ, изображавшую «Плачь Андромахи надъ тѣломъ Патрокла», отецъ былъ награжденъ золотою медалью, а программа его до сего времени сохраняется въ академіи.

Ему, несомнѣнно, предстояла командировка за границу на казенный счетъ, но событія 1812 года помѣшали этому.

Выпущенный съ дипломомъ на званіе свободнаго художника старшей степени, отецъ сталъ жить на собственные средства, давалъ уроки живописи и дѣлалъ карандашомъ портреты, имѣвшіе большой успѣхъ. Благодаря этимъ портретамъ, кругъ знакомства моего отца очень скоро расширился, и онъ попалъ въ такъ называемый beau monde, посѣщалъ театры и собранія, а такъ какъ онъ былъ очень недуг-

рень собою и всегда изысканно одѣвался, то охотно приглашался на вечера и въ частные дома. Особенно же онъ былъ обласканъ въ домѣ старика Пещурова, которому былъ обязанъ опредѣленіемъ въ академію.

Пещуровъ былъ холостякомъ и жилъ со своими сестрами, старыми дѣвами, въ собственномъ домѣ. Онъ всегда съ удовольствіемъ принималъ отца и восхищался его талантомъ. Однажды къ отцу обратился съ заказомъ одинъ сибирякъ, купецъ-чаоторговецъ, и когда портретъ, написанный съ него отцомъ, былъ законченъ, купецъ пришелъ въ такой восторгъ, что, кромѣ уговоренной цѣны, непремѣнно пожелалъ сдѣлать отцу подарокъ. «Завтра получишь, теперь не скажу что, ужъ будешь доволенъ,—говорилъ купецъ:—ты меня ублаготворилъ, да ужъ и я тебя распотѣшу».

На другое утро отцу приносятъ огромный цыбикъ чаю. Чай тогда только что начиналъ входить въ употребленіе, и лишь у очень богатыхъ людей его подавали гостямъ. Цыбикъ прекраснаго чая былъ подаркомъ незауряднымъ. Зная, что старикъ Пещуровъ былъ охотникомъ и знатокомъ въ чаяхъ, отецъ и поднесъ ему этотъ цѣнный подарокъ. Черезъ нѣсколько дней вдругъ отъ Пещурова получаетъ онъ приглашеніе на званый вечеръ. Въ назначенный часъ отецъ уже подъѣзжалъ къ дому Пещурова, окна и подъѣздъ котораго были ярко освѣщены, а на улицѣ стояло много великолѣпныхъ экипажей и каретъ. Оставивъ свое верхнее пальто у наряднаго швейцара, по лѣстницѣ, устланной дорогими коврами и уставленной цвѣтами, поднялся онъ, сопровождаемый лакеемъ въ шитой золотомъ ливреѣ и бѣлыхъ чулкахъ, къ ярко освѣщенному залу. Лакей отворилъ двери и громко назвалъ его фамилію. Въ залѣ было уже много гостей, среди которыхъ отецъ увидѣлъ и Пещурова, который, замѣтя вошедшаго отца, съ распростертыми объятіями пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Вотъ тотъ, кому мы сегодня обязаны пріемнымъ вечеромъ,—говорилъ онъ, представляя смущеннаго отца гостямъ:—это онъ подарилъ мнѣ этотъ замѣчательный чай.

Среди множества миловидныхъ женщинъ, наполнявшихъ салонъ Пещурова, отецъ замѣтилъ немало тѣхъ, съ которыхъ онъ писалъ уже портреты, всѣ осыпали его любезностями, дамы дарили нѣжными улыбками, а мужчины крѣпко пожимали руки. «И все это за цыбикъ чаю», думалъ отецъ.

Чай былъ внесень въ дорогомъ фарфорѣ и ароматомъ своимъ наполнялъ весь залъ. Похваламъ и восторгамъ не было конца—да и дѣйствительно чай былъ необыкновенный. Далекое за полночь окончился этотъ вечеръ, и только послѣ роскошнаго ужина, запитаго заграничными винами, гости начали разъѣзжаться. Но этимъ исторія съ цыбикомъ еще не кончилась.

Когда на другой день отецъ поѣхалъ благодарить Пещурова за оказанный ему лестный пріемъ, то тотъ объявилъ ему, что записалъ его на службу въ подвѣдомственный ему департаментъ. Конечно, отецъ поблагодарилъ его, но оговорился, что затрудняется этимъ, потому что совершенно не знакомъ съ дѣломъ, которое ему предстоитъ на новомъ мѣстѣ служенія.

— Да этого совсѣмъ и ненужно,—сказалъ Пещуровъ:—ты только ходи каждый мѣсяцъ жалованье получать.

О, доброе старое время! Удивительно, до какой наивности доходили тогда вліятельные люди въ своемъ самовластіи. Итакъ, благодаря пыбику чая, отецъ сдѣлался чиновникомъ. По прошествіи двухъ лѣтъ, когда отецъ уже зарабатывалъ такія деньги, что вполне былъ обеспеченъ, онъ не вытерпѣлъ и явился къ Пещурову съ заявленіемъ, что ему наконецъ совѣстно получать чины и деньги, не принося мѣсту служенія никакой пользы.

— Ну, ужъ это твое дѣло,—отвѣчалъ Пещуровъ:—коли ты не нуждаешься; я же соблюдаю твою пользу, желая тебѣ одного добра. Дѣлай, какъ знаешь.

Повидимому, старикъ былъ недоволенъ, не понимая, какъ это можно добровольно отказаться отъ чиновъ и службы. Однако отношеніе его къ отцу не измѣнилось, и онъ попрежнему былъ къ нему ласковъ и любилъ его.

Въ числѣ академическихъ товарищей отца были трое Брюлловыхъ, то есть тогда Брюлло. Двумъ младшимъ впоследствии, по возвращеніи ихъ изъ-за границы, было дано императоромъ Николаемъ русское окончаніе «овъ» въ награду за ихъ отличные успѣхи. Звѣзда младшаго изъ нихъ, Карла, начинала уже ярко блестѣть на горизонтѣ художественнаго міра.

Семейство Брюлло состояло изъ отца, почтеннаго старика и тоже художника; его работы до сихъ поръ сохраняются въ академіи, какъ изящный образецъ вырѣзки изъ дерева. Лучшая изъ нихъ изображаетъ охотничью сумку съ веревочной сѣткой, въ которой видна дичь. Кромѣ того, старикъ Брюлло былъ извѣстенъ, какъ отличный живописецъ по стеклу съ серебромъ и золотомъ, подражая работамъ въ этомъ родѣ времени среднихъ вѣковъ. Происхожденіемъ онъ былъ нѣмецъ, переселившійся въ Россію, и между прочимъ состоялъ членомъ возникшей тогда масонской ложи. Не разъ я держалъ въ рукахъ и рассматривалъ его шпагу съ золотымъ эфесомъ, на клинкѣ которой по синей эмали золотомъ были написаны слова: «Стоя за правду».

Жена его была дѣловой женщиной и отличалась всѣми нѣмецкими добродѣтелями, т. е. домовитостью и умѣньемъ вести хозяйство. За Брюлло она была уже вторымъ бракомъ и принесла ему съ собою отъ перваго мужа сына Федора, а съ Брюлло прижила сыновей Александра, Карла, Ивана и двухъ дочерей: Марію и Юлію;

последняя и была моею матерью. Старшій изъ сыновей, Ѳедоръ Павловичъ, былъ очень хорошій иконописецъ, я по крайней мѣрѣ другой работы у него не видалъ. Второй, Александръ, пошелъ по архитектурѣ и сдѣлался впоследствии извѣстенъ своими постройками; онъ между прочимъ реставрировалъ Мраморный дворецъ для великаго князя Константина Николаевича и манежъ подлѣ Зимняго дворца. Третій, Карлъ, знаменитый живописецъ, написавшій картину «Последній день Помпеи». Иванъ былъ самый младшій и отличался въ академіи тоже большими способностями, будущность его, безъ сомнѣнія, была бы блестящею, но чухотка рано свела его въ могилу.

Часто посѣщая домъ Брюлло, отецъ влюбился въ младшую дочь Юлію и черезъ два года женился на ней. Въ это время отецъ мой былъ очень друженъ съ графомъ Степаномъ Ѳедоровичемъ Апраксинымъ и жилъ въ его домѣ на Моховой, графъ любилъ отца, былъ его посаженнымъ отцомъ и затѣмъ крестилъ меня.

Первые счастливые годы своей семейной жизни отецъ провелъ на Васильевскомъ острову, въ 8-й линіи, около Средняго проспекта, и молодая чета была свидѣтельницею страшнаго наводненія, разразившагося надъ Петербургомъ въ 1824 году.

Въ это ужасное утро мать моя стояла у окна и передъ нею бурнымъ потокомъ неслась вода, увлекаая съ собою разные обломки, трупы людей и животныхъ, гробы съ размытаго кладбища, ворота съ заборами и сорванныя съ домовъ крыши. Между прочимъ смыла она и мостки. Одинъ изъ такихъ мостковъ вдругъ сталъ поперекъ улицы, упершись однимъ концомъ въ крыльцо отцовскаго дома, а другимъ въ деревянную хижину, въ которой цѣлая семья была застигнута водою. Хижина ежеминутно должна была обрушиться, бѣдняки тщетно взывали о помощи, но, увидя неожиданную переправу, какъ бы свыше посланную имъ для спасенія, бросились къ ней и всѣ до одного перебѣжали въ домъ моего отца, гдѣ получили пріютъ и помощь; лишь только успѣлъ перейти послѣдній, какъ мостки рухнули и были унесены безошаднымъ потокомъ.

II.

Строгановская дача.—Черная рѣчка.—Новая деревня.—Кавалергардскіе вечера.—Успѣхи отца.—Художникъ Василевскій.—Братъ Петръ.—Иваніонъ Журдана.—Лѣтній садъ.—Статуя Кановы.—Знаменитая рѣшетка.—Чудакъ англичанинъ.—Майекій парадъ.—Поступленіе въ горный корпусъ.—Успѣхи Карла Брюлло.

Гдѣ въ настоящее время нѣтъ ни одного свободнаго клочка земли, гдѣ дача построена на дачѣ, сейчасъ же за Строгановскимъ паркомъ, на берегу Черной рѣчки, ютилась во времена моего дѣтства небольшая деревушка, населенная довольно зажиточными мужчи-

ками. Вотъ обыкновенно сюда мы переселялись на дачу съ наступленіемъ первыхъ теплыхъ дней. За деревней были такъ называемые зады, состоявшіе изъ огородовъ, и за ними небольшая полянка, оканчивавшаяся очень уютной и густой березовой рощицей. Теперь и помину не осталось отъ этого живописнаго уголка—все густо застроено дачами. Мѣстомъ нашихъ прогулокъ обыкновенно былъ Строгановскій садъ, доступный для всѣхъ, кромѣ простонародья, и вотъ, переправившись на паромѣ черезъ Черную рѣчку, мы углублялись въ его тѣнистыя аллеи, направляясь къ графской дачѣ. Немного въ сторонѣ, подъ большими деревьями, окруженная высокими и густыми кустами, на двухъ огромныхъ плитахъ, служившихъ ей постаментомъ, стояла древняя гробница-саркофагъ въ видѣ большого мраморнаго ящика, украшеннаго высѣченными барельефами, обращавшими на себя мое вниманіе. Влѣво отъ гробницы въ кустахъ находилась статуя, изображавшая точильщика. Эта статуя не была какая-нибудь грубая копія, а носила на себѣ знаки хорошаго античнаго оригинала старинной греческой школы. Далѣе дорожка вела черезъ крутой каменный мостикъ, перекинувшійся аркою надъ протокомъ, соединявшимъ рѣчку съ большимъ прудомъ, посреди котораго на искусственномъ островкѣ возвышалась большая бѣлая статуя Нептуна съ трезубцемъ и въ зубчатой коронѣ,—копія съ того самаго Нептуна, что красуется въ Петергофѣ, посреди одного изъ прудовъ верхняго сада. Дерновый плато передъ самымъ домомъ графа Строганова, окаймленный дорожкой со скамейками, разставленными подъ большими деревьями, придавалъ дому особенно живописный видъ. По другую сторону къ набережной Малой Невы былъ парадный входъ съ цвѣточнымъ партеромъ, а около большихъ дверей съ обѣихъ сторонъ стояли статуи Геркулеса Фарнезскаго и Флоры, копіи съ весьма извѣстныхъ антиковъ.

Въ тѣнистой сторонѣ этого фасада я нерѣдко видѣлъ старушку графиню Строганову, сидящую въ большомъ креслѣ съ колесами и въ большихъ очахъ, или читающую, или занятую какою-нибудь рукодѣльною работою. Не переѣзжая Строгановскаго моста, по тому же берегу, дорога вела къ деревушкѣ, тогда только что отстроенной графомъ для крестьянъ и въ которой лѣтомъ располагались лагеремъ кавалергарды, — эта деревушка получила названіе «Новой», какъ называется и въ настоящее время.

Однажды я вмѣстѣ съ отцомъ посѣтилъ эту деревню, въ которой жилъ его свѣтскій пріятель, офицеръ Кавалергардскаго полка, графъ Ферзенъ, извѣстный красавецъ, и, когда я вошелъ въ деревенскую избу, въ которой помѣщался графъ, то положительно былъ пораженъ роскошью обстановки, въ которой очутился. Главнымъ убранствомъ ея были, конечно, дорогіе ковры и оружіе, развѣшанное по нимъ въ изящной группировкѣ. По вечерамъ по береговой дорогѣ полковой хоръ кавалергардовъ гремѣлъ надъ волнами Невы,

3*

а публика съ окрестныхъ дачъ сходилась и съѣзжалась въ роскошныхъ экипажахъ, блестя своими изысканными туалетами, подъ ласкающими лучами заходящаго солнца.

Молодые и блестящія красавицы, окруженные не менѣ красивыми кавалерами, пѣшкомъ и верхами на дорогихъ коняхъ представляли собю чудную картину. Преобладалъ, разумѣется, военный элементъ, но были и статскіе на англійскихъ сѣдлахъ. На водѣ появлялись лодки всѣхъ возможныхъ типовъ, наполненныя публикой; пароходовъ тогда еще не было. Все это веселилось, наслаждалось жизнію и любовалось на открывавшуюся панораму, освѣщенную золотистыми лучами клонящагося къ горизонту солнца, на острова Аптекарскій, Каменный и въ перспективѣ мысъ Елагинскій... И такъ до первой осенней непогоды.

По переѣздѣ въ городъ мы жили въ Гагаринскомъ переулкѣ, что теперь служить продолженіемъ Шпалерной улицы, гдѣ въ небольшомъ двухэтажномъ домѣ заняли большую квартиру. Здѣсь отецъ устроилъ себѣ довольно изящный кабинетъ для приѣма заказчиковъ, а такъ какъ послѣдніе были по большей части великосвѣтскія молодые дамы, то запахъ духовъ наполнялъ кабинетъ отца и казалось, что у него разведенъ цѣлый цвѣтникъ. Практика отца достигла колоссальныхъ размѣровъ и портреты его вошли до того въ моду, что для вступающихъ въ бракъ считалось обязательнымъ заказывать ему свои портреты.

— Мы безъ васъ, Петръ Ѳедоровичъ, не можемъ обойтись, какъ безъ попа; если вы не благословите вашей талантливой рукой, то и бракъ считается недѣйствительнымъ,—шутили счастливые женихи.

И дѣйствительно, въ то время было въ строгомъ обычаѣ непременно передъ свадьбою обмѣняться портретами; фотографіи не было, а хорошихъ портретистовъ можно было перечесть по пальцамъ, да и тѣ были завалены работой. Общество того времени строго относилось къ искусству и умѣло цѣнить хорошую работу, а потому и избирало себѣ изъ среды художниковъ фаворита, который и дѣлался моднымъ—вотъ въ такую-то среду и вошелъ мой отецъ.

Я подрасталъ подъ вліяніемъ отцовскаго успѣха и находился подъ призоромъ бабушки, которая, впрочемъ, часто уѣзжала въ Псковъ, такъ какъ была оттуда родомъ. Не разъ старушка рассказывала мнѣ о житьѣ-бытьѣ на своей родинѣ, о страшныхъ чудовищахъ, водившихся тамъ издавна, не разъ съ замираніемъ сердца слушаль я разныя легенды и сказки объ этой для меня чуждой странѣ. Когда я впослѣдствіи читалъ Пушкина, то нашель въ его сказаніи о селѣ Гороховѣ много того, что мнѣ напоминало бабушку и ея рассказы, вѣдь сторона была та же самая, и, естественно, оставались тѣ же типы. Кромѣ дяди Ивана Павловича, студента-академика, еще у насъ запросто бывалъ нѣкто Василевскій. Это былъ не особенно далекаго ума человѣкъ, но съ добрымъ сердцемъ, искренне

любившій нашъ домъ. По специальности онъ былъ копировщикъ, жилъ своимъ трудомъ и преимущественно рисовалъ на камнѣ для литографій. Отецъ всегда помогаль ему и наконецъ досталь очень хорошую работу для изданія «Историческаго описанія одежды и вооруженія россійскихъ войскъ», составленнаго по высочайшему повелѣнiю и законченнаго Висковатовымъ въ 1841 году. Я помню, какъ онъ дѣлаль большое количество рисунковъ, изображавшихъ военныя формы и вооруженія до-петровскаго времени и позднѣйшихъ эпохъ. Теперь съ этого изданія, составляющаго библиографическую рѣдкость, военное министерство стало производить копии. Этотъ человекъ замѣняль мнѣ и брату моему Пьеру какъ бы гувернера, мириль насъ во время нашихъ ссоръ, занималь насъ, когда отецъ былъ занятъ, и немало облегчалъ мать вознею съ нами.

Братъ мой Петръ, потомъ извѣстный художникъ, въ то время былъ мальчикъ очень красивый и, какъ первенецъ, любимецъ матери и отца. Нрава онъ былъ пылкаго и бойкаго и мнѣ, какъ слабѣйшему, немало отъ него доставалось; кромѣ того, Петръ былъ необыкновенно заносчивъ и самонадѣянъ; но настоящей смѣлости въ немъ никогда не было; онъ даже боялся входить одинъ въ темную комнату, и это впослѣдствiи отразилось въ его жизни, но о немъ я буду еще говорить очень много, а потому пока ограничусь этимъ.

Время летѣло незамѣтно, и вотъ однажды, въ одно утро отецъ, отнявъ чубукъ ото рта, вдругъ объявилъ матери, что рѣшилъ меня и брата отдать въ приготовительный пансионъ Журдана. Отъ этого рѣшенія у меня съ братомъ ушла душа въ пятки, а слезы матери еще усугубили мое горе, но отецъ былъ непоколебимъ, и черезъ нѣсколько дней мы уже подъѣзжали къ дому, находящемуся на углу Царицына луга, гдѣ помѣщался этотъ пансионъ. Это учебное заведенiе считалось перворазряднымъ, и учителя въ немъ были все лица, пользовавшiяся хорошо извѣстностью. Самъ директоръ пансиона, г. Журданъ, его жена и обѣ дочери, помогавшiя ему въ дѣлѣ воспитанiя дѣтей, были люди съ весьма солиднымъ образованiемъ и прекрасно воспитанные, а потому петербургское высшее общество охотно отдавало къ нему своихъ дѣтей. Нечего и говорить, сколько было мною пролито слезъ, пока я не привыкъ къ новой для меня обстановкѣ, но мало-по-малу время взяло свое. Пьеру шелъ уже 11-й годъ, и онъ, быстро освоившись, сдѣлался настоящимъ школьникомъ.

На жизнь въ пансионѣ я жаловаться не могъ; кормили насъ недурно, но я долго не могъ привыкнуть къ французской кухнѣ съ ея сладкими соусами и салатами. Гречневая каша, кисляца щи и борщъ были мнѣ куда милѣе этихъ изысканностей французской гастрономiи. Я уже свободно болталъ по-французски и совершенствовался въ русской грамматикѣ подъ руководствомъ приставленнаго ко мнѣ гувернера *monsieur Alexandre*. Въ свободное отъ заня-

тій время насъ всѣмъ пансіономъ водили въ Лѣтній садъ, гдѣ мы вдоволь рѣзвились и бѣгали среди его густыхъ чудныхъ аллей. Да Лѣтній садъ былъ тогда совсѣмъ не такой, какимъ мы его видимъ теперь, и я посвящу ему нѣсколько строкъ, такъ какъ нигдѣ не встрѣчалъ описанія этого дивнаго угола Петербурга въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ болѣе полустолѣтія назадъ.

Много его измѣнили и искусственная расчистка, когда были вырублены всѣ его чудные кусты и высокія шпалеры изъ акаціи, какъ это всегда дѣлалось въ садахъ, распланированныхъ на французскій ладъ, да наконецъ страшная буря, пронесшаяся надъ Петербургомъ въ 1862 году, повалила почти всѣ его старыя деревья.

Огромные великаны-липы величественно возвышались, гордо поднимая свои зеленыя головы надъ молодыми посадками сада. Стволы ихъ были совершенно черные, съ огромными наростами въ видѣ какихъ-то узловъ и шишекъ и съ такими большими дуплами, что садовники затыгивали ихъ кожей и оковывали желѣзными обручами. Теперь объ этихъ великанахъ нѣтъ и помину. Въ шпалерахъ изъ акаціи были разставлены тѣ же мраморныя статуи, присланныя Суворовымъ изъ Варшавы, какъ трофеи нашихъ побѣдъ, но онѣ тогда были чисты, цѣлы и бѣлы, и то, что у нихъ теперь побиты пальцы, носы и руки, никакъ не слѣдуетъ относить къ времени или морозу. Это явно сдѣлано дерзкою пьяною рукою, глумившеюся надъ чужимъ трудомъ во время вакханальныхъ ночей. Обыкновенно, когда садъ для входа публики запирался, въ него забирались полупьяныя компаніи привилегированныхъ кутиль-юношей, проводившихъ время въ обществѣ разныхъ камелій и т. п. женщинъ. Компаніи эти собирались преимущественно въ ресторанѣ Балашова, находившемся въ бесѣдкѣ, построенной съ правой стороны на берегу Фонтанки, и хотя онъ официально прекращалъ свою дѣятельность по выходѣ изъ сада публики, но для кутящей молодежи двери его были всегда открыты, и оргіи поэтому царили въ саду возмутительныя.

Начальство же смотрѣло на все это сквозь пальцы, да и нельзя было иначе по духу того времени, когда молодые шалопаи были отпрысками лучшихъ аристократическихъ фамилій. Да и какое дѣло начальству до охраны какихъ-то статуй въ саду, оно очень плохой цѣнитель и экспертъ въ дѣлѣ искусства, и я это докажу фактомъ, бывшимъ значительно позднѣе описываемой мною эпохи, уже въ періодъ моей зрѣлости. Однажды, гуляя по средней аллеѣ Лѣтняго сада отъ Инженернаго замка, я среди густой зелени акацій усмотрѣлъ небольшую статуйку, яркимъ пятномъ блеснувшую мнѣ на темномъ фонѣ кустовъ. Прежде я ея не видѣлъ, и она, повидимому, была поставлена позднѣе присланныхъ Суворовымъ статуй изъ Лазенковскихъ садовъ. Я подошелъ ближе къ статуѣ и былъ пораженъ ея изяществомъ, она рѣзко отдѣлялась отъ посредственныхъ

мраморовъ, наполнявшихъ аллеи сада. Съ трудомъ на задней сторонѣ статуи я нашелъ наконецъ надпись и цифры. Охотно держу пари, что не нашелся бы человекъ, который бы угадалъ, что я прочелъ! Да я и самъ долгое время не могъ прийти въ себя отъ изумленія и негодованія. На статуѣ ясно видѣлась надпись: «Иохимъ Канова». Какими судьбами и черезъ какія руки могла попасть подобная рѣдкость въ публичный садъ на издѣвательства пьяныхъ компаній,—одному Богу извѣстно. Статуя эта изображала бѣгущаго въ отчаяніи Орфея, въ то время, когда онъ вторично и уже навсегда лишился своей Евридики. Мраморъ былъ безукоризненной чистоты, а про работу нечего и говорить—надпись говорила все. Такъ вотъ какія у насъ чудеса творятся. Конечно, я немедленно довелъ до свѣдѣнія кого слѣдуетъ въ Эрмитажѣ, и статуя была немедленно убрана и поставлена тамъ, а вмѣсто нея была поставлена какая-то другая изъ безцѣнныхъ. То, что теперь осталось отъ этихъ статуй, имѣетъ такой ужасный видъ, что пора бы ихъ убрать, чтобы по крайней мѣрѣ не срамиться передъ иностранцами.

Памятника Крылова, конечно, еще не было, и площадь была пуста. Но самымъ замѣчательнымъ украшеніемъ сада была его изгородь, выходящая на Неву. Высокая желѣзная рѣшетка на гранитномъ цоколѣ съ большими 21 гранитными же столбами, наверху которыхъ поставлены вмѣсто капителей вазы, какъ онѣ стоятъ и теперь, но тогда эта рѣшетка почти вся была покрыта настоящимъ золотомъ, какъ золотили во времена Екатерины II. Эта золоченая изгородь такъ ослѣпительно горѣла на солнцѣ и такъ прославилась своимъ великолѣпіемъ, что многіе иностранцы пріѣзжали специально любоваться на нее, а одинъ чудакъ англичанинъ, конечно, очень богатый лордъ, выѣхавъ изъ Лондона на собственной яхтѣ, прибылъ на Неву и, остановившись противъ Лѣтняго сада, налюбовавшись великолѣпной рѣшеткой, не сходя на берегъ, повернулъ назадъ и уѣхавъ обратно въ Англію, сказалъ только: «Thes vire gute!»

Еще достопримѣчательностью сада, доступнаго тогда для публики, былъ дворецъ, который мнѣ невольно напоминать изъ исторіи ту ночь, когда преображенцы довольно невѣжливо вытаскивали изъ него жившаго въ то время въ немъ герцога Бирона и его супругу прямо изъ кровати.

Приближалась весна, и мы съ нетерпѣніемъ ожидали наступленія перваго мая, а съ нимъ и традиціоннаго парада въ присутствіи самого государя. Окна нашего пансіона выходили на Царицынъ лугъ и для насъ предстояло интересное зрѣлище. Теперь, когда я видѣлъ одинъ изъ послѣднихъ парадовъ, онъ меня поразилъ своею простотою, все дѣлалось какъ-то торопливо, буднично, не то, что въ былое николаевское время.

Съ ранняго утра мы уже выглядывали изъ оконъ на площадь. Двойныя рамы были выставлены, и свѣжій весенній воздухъ врывался въ нихъ, благоухая своимъ особеннымъ ароматомъ. На площади уже были разставлены жолонеры. Пѣхота располагалась на той части площади, гдѣ длинной зеленой полосой простирался Лѣтній садъ, тамъ же возвышалась и царская палатка. Съ 10-ти часовъ началось уже полное движеніе, со всѣхъ сторонъ шли войска, пѣхота, кавалерія и артиллерія. Кавалерія расположилась подъ нашими окнами. Топотъ копытъ, бряцанье оружія и грохотъ орудій стояли въ воздухѣ какимъ-то общимъ гуломъ, среди котораго не смолкая раздавались голоса начальниковъ, отдававшихъ различныя команды. Кавалергарды, конно-гвардейцы и кирасиры горѣли, какъ жаръ на солнцѣ, своими касками и нагрудниками, а конно-гренадеры отличались темной массой своихъ чудныхъ касокъ съ красными лопастями. Ржаніе коней какъ будто вторило общему ликованію.

Вдругъ раздалась громкая команда «смирно!» и все, какъ вкопанное, замерло на своихъ мѣстахъ, и изумительная тишина водворилась при такомъ огромномъ стеченіи людей и животныхъ.

Надо замѣтить, что для публики тогда особыхъ мѣстъ не строилось, и народъ облегалъ картину парада плотной массой, какъ рамой, едва сдерживаемый суевающейся полиціей, толпился и на крышахъ окрестныхъ домовъ, и даже на дворцѣ принца Ольденбургскаго виднѣлись любопытные.

Вскорѣ на Инженерномъ мосту показался царскій кортежъ, и громкое «ура» всколыхнуло воздухъ, нарушая воцарившуюся тишину. Это «ура», какъ раскаты грома, катилось по рядамъ, мимо которыхъ проѣзжалъ государь, держась верхомъ около великолѣпнаго открытаго ландо, запряженнаго въ четверку попарно съ жокеями въ бѣломъ съ голубымъ и золотомъ. Въ экипажѣ сидѣла государыня съ великими князьями и княжнами. Блестящая свита густою толпою слѣдовала за экипажемъ. Раздались звуки музыки и «Боже Царя храни» раздавалось со всѣхъ концовъ площади. Видъ государя былъ необыкновенно величественный, и самымъ лучшимъ описаніемъ его въ тотъ моментъ будетъ служить памятникъ, воздвигнутый Николаю I на площади противъ Исаакіевскаго собора— вотъ какимъ я видѣлъ императора на этомъ парадѣ.

Обѣхавъ войска, царскій кортежъ остановился у палатки, и парадъ начался. Опять раздались голоса команды, и войска пришли въ движеніе. Сначала двинулась пѣхота, и стали видны ея батальоны, проходившіе мимо патра со взрывами «ура» на привѣтствіе императора. Конница начала пошевеливаться, радостно затопотала по твердому лугу и сверкая двинулась по общему направленію. Затѣмъ загромыхали пушки, и вся площадь закипѣла, какъ расплавленный металлъ. Время бѣжало незамѣтно, и уже въ разныхъ частяхъ поля виднѣлись группы офицеровъ, слѣшившихъ переку-

сильно у ожидавшихъ ихъ денщиковъ съ заготовленной закуской. Въ то время парады длились очень долго и оканчивались лишь къ сумеркамъ, такъ какъ всѣ войска проходили передъ царемъ по нѣсколько разъ и всевозможными аллюрами. Конечно, дѣло не обходилось безъ несчастныхъ случаевъ, случались раненные и даже убитые во время кавалерійскихъ атакъ.

Наконецъ царское семейство отбывало во дворецъ, войска расходились по домамъ, парадъ быстро исчезалъ, и площадь пустѣла.

На слѣдующій день насъ распустили на лѣтнія вакаціи. Четыре года мы съ братомъ пробыли у Журдана и, не знаю по чьему совѣту, отецъ насъ взялъ оттуда и опредѣлилъ пансіонерами въ горный корпусъ. Тутъ уже началась для меня совершенно новая жизнь. Въ то время всѣ казенныя учебныя заведенія были совершенно на военную ногу и съ довольно суровой дисциплиной, и нашъ корпусъ въ этомъ отношеніи даже славился. Попалъ я въ малолѣтнюю роту и, къ счастью, къ доброму симпатичному командиру, капитану Левицкому, относившемуся ко мнѣ особенно нѣжно, какъ къ слабому. Съ перваго же дня пріѣзда въ корпусъ меня поразили казарменный запахъ, царившій въ дортуарахъ, къ которому я долго потомъ не могъ привыкнуть. Мундиръ и все бѣлье были пропитаны этимъ запахомъ. Суконный воротникъ сильно натиралъ мнѣ шею, а тяжелый тесакъ оттягивалъ поясъ и билъ по ногамъ. Я не могъ безнаказанно выносить тягости корпусной жизни и большую часть времени за трехлѣтнее пребываніе въ корпусѣ пролежалъ въ лазаретѣ. Помню я, какъ къ намъ пріѣзжалъ тогдашній министръ, горбатый Чевкинъ, наводившій ужасъ на корпусное начальство своимъ грознымъ видомъ, но обращавшійся съ нами всегда ласково, такъ что однажды мы ему даже принесли жалобу на эконома за плохую пищу. Чевкинъ серьезно отнесся къ заявленію кадетъ, разобралъ дѣло, эконома прогналъ, и насъ стали лучше кормить. Ничего хорошаго я не вынесъ изъ этого корпуса, кромѣ скуки и довольно дурныхъ привычекъ, потому что нравственный элементъ былъ тамъ въ полномъ пренебреженіи, а потому я лучше перейду прямо ко времени поступленія моего въ академію художествъ.

Возвращенію изъ Рима обоимъ братьевъ Брюлло предшествовала громкая слава картины младшаго изъ нихъ Карла. Объ ней были сообщенія изъ-за границы, восторгамъ не было конца, и Петербургъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ ея появленія на выставкѣ. Наконецъ появился и самъ маленькій творецъ ея (Карль Брюлло былъ очень маленькаго роста). Картина была помѣщена въ залѣ академіи художествъ и заняла почти всю стѣну. Всѣ бросились смотрѣть ее, и восторгъ былъ всеобщій. Она поражала смѣлостью выбора сюжета, историческимъ положеніемъ лицъ, изображенныхъ на ней, въ то же время правильностью рисунка и силою красокъ и тѣней. На меня она подѣйствовала опьяняюще. Звѣзда дяди Карла заблестѣла.

III.

Е. И. Димертъ.—Семейство Панаевыхъ.—Поступленіе въ академію художествъ.— Балаганы.—Театръ Лемана.—Композиторъ Львовъ.—Музыкальные вечера.—Мой другъ Ипполитъ Панаевъ.

Егоръ Ивановичъ Димертъ былъ другъ и товарищъ отца по академіи, по профессіи архитекторъ и состоялъ помощникомъ Стасова, построившаго тогда Троицкій соборъ и Триумфальныя московскія ворота. По окончаніи работъ Димертъ купилъ вмѣстѣ съ отцомъ въ Ямской части два пустопорожнія мѣста и началъ постройку домовъ. Дѣла моего отца были блестящи, и у насъ завелись даже собственныя лошади, а тутъ еще родился мой младшій братъ Александръ, что теперь хранитель музея академіи художествъ.

Димертъ, по происхожденію нѣмецъ, но до того обрусѣвшій, что даже слова не умѣлъ произнести на родномъ языкѣ и называлъ себя «русскимъ кваснымъ патріотомъ», любилъ исключительно все русское и былъ ярый противникъ всѣхъ заграничныхъ произведеній. По характеру своему отецъ мой и его другъ представляли двѣ діаметральныя противоположности, и это обстоятельство, кажется, и послужило главною причиною къ ихъ сближенію. Отецъ мой былъ добръ и вспыльчивъ. Димертъ, хотя и добръ, но весьма сдержанъ и терпѣливъ до крайности. Отецъ былъ склоненъ скорѣе къ мотовству, но въ то же время зналъ цѣну деньгамъ. Димертъ же былъ весьма бережливъ. Отецъ былъ лакомка, но вкусы у него были простые, неприхотливые. Димертъ былъ неразборчивъ изъ экономіи. Одѣвался онъ просто, опрятно, но отъ моды отставалъ, отецъ же мой любилъ щегольнуть туалетомъ. Въ своей домашней обстановкѣ Димертъ былъ спартанецъ, и никакая зависть при видѣ чужой роскоши не смущала его, и ни за что онъ не отступалъ отъ разъ заведеннаго режима. Роста онъ былъ высокаго, держался прямо и всегда въ рукѣ имѣлъ табакерку, но не съ французскимъ Репе, а съ нашимъ простымъ березинскимъ. Когда я впослѣдствіи читалъ гоголевскихъ Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, то первый мнѣ сейчасъ же представился похожимъ на Диметра, и я его занесъ въ свой альбомъ. Та же медлительность въ движеніяхъ, та же степенность въ разговорѣ, та же умѣренная улыбка, та же порядочность въ одеждѣ и привычкахъ дома. Вотъ до какой степени можетъ обрусѣть нѣмецъ, что даже становится похожимъ на хохла. Жена его была маленькая, юркая женщина, хорошая хозяйка, старавшаяся только угодить своему мужу. У Димерта было пятеро дѣтей: два сына и три дочери, но мы почему-то съ ними особенной дружбы не водили.

Но вотъ судьба меня столкнула еще съ интереснымъ семействомъ, о которомъ мнѣ придется неоднократно упоминать въ своихъ

запискахъ. Въ домъ Димерта, который былъ только что законченъ, въѣхала мать Ивана Ивановича Панаева, извѣстнаго писателя-беллетриста. Мы были уже и прежде знакомы съ этимъ семействомъ, но теперь, благодаря близкому сосѣдству, стали видѣться чаще и ближе сошлись. Родомъ Панаева была армянка, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствовалъ типъ ея лица, но также было замѣтно, что въ молодости она была поразительно хороша собою. Это была добрая, веселая и радушная женщина съ молодою душою и жизнерадостнымъ самочувствіемъ. Одно, что въ ней осуждали, это то, что она не умѣла стариться, а спрашивается, много ли такихъ, что научились этому искусству во-время? Благодаря многочисленной роднѣ и связямъ Ивана Ивановича, а главное его даровитой и симпатичной личности, доброму и снисходительному характеру и уму, вокругъ него сгруппировалось то особенно интересное общество, въ которое я окунулся въ самыя мои юношескія лѣта и которое имѣло вліяніе на дальнѣйшее развитіе моего характера. Такъ, я съ удовольствіемъ вспоминаю многочисленныя семейства Гамазовыхъ и Лалаевыхъ, состоявшихъ въ тѣсномъ свойствѣ и родствѣ съ Панаевыми. Они были все армянскаго происхожденія, и большинство изъ нихъ отличалось поразительною красою; при этомъ безъ исключенія все были симпатичны и добродушны.

Патріархъ и родоначальникъ этихъ семействъ былъ старикъ Авелій Ракелицъ Лалаевъ. Я не встрѣчалъ ни прежде, ни послѣ такихъ задушевныхъ, доброжелательныхъ и почтенныхъ стариковъ, какимъ былъ онъ. Говорилъ онъ по-русски довольно хорошо, иногда увлекался и сразу молодѣлъ на много лѣтъ. У Лалаева былъ сынъ, тогда еще мальчикъ, Матвѣй Авелычъ, впоследствии женившійся на одной изъ Панаевыхъ, а одна изъ его дочерей была замужемъ за Шаншіевымъ, красавцемъ и кавказскимъ героемъ, охромѣвшимъ на войнѣ и вышедшимъ въ отставку, а затѣмъ управлявшимъ имѣніемъ графини Самойловой, что была владѣтельницей Царской Славянки близъ Павловска. Другая его дочь была за Гамазовымъ, и отъ этого брака было у нея три сына, которыхъ я зналъ и часто видѣлъ. Старшій, Гриша, былъ бойкій и веселый мальчикъ, впоследствии поступившій на военную службу и служившій на Кавказѣ, гдѣ за оплеуху, данную имъ начальнику, онъ былъ разжалованъ въ рядовые, но вскорѣ выслужился и дошелъ до большихъ чиновъ.

Ближе всехъ я зналъ Николая, архитектора, имѣвшаго впоследствии много работъ. Женился онъ на купчихѣ и взялъ за ней большія деньги. По своей наружности это былъ человекъ замѣчательный и прозывался «волосатикъ», такъ какъ съ ногъ до головы былъ покрытъ волосами. Роста онъ былъ огромнаго и изъ этой массы волосъ выглядывали два добродушныхъ глаза. Свадьба его была очень парадная; но не обошлось безъ курьеза. Входъ въ церковь

былъ по билетамъ. Почему-то онъ замѣшкался и опоздалъ, и когда подкатилъ къ церкви и сталъ входить на паперть, церковный сторожъ загородилъ ему дорогу и закричалъ:

— Куда лѣзешь, борода? билетъ подай.

Конечно, никакого билета у него, какъ у жениха, не было, и онъ только добродушно взмолился:

— Сдѣлай милость, любезный, пропусти ужъ жениха-то, Христа ради.

— Ну, и женихъ, батюшки, волосатый, что лѣшій,—раздалось ему вслѣдъ.

Минуло лѣто, которое я провелъ въ Павловскѣ, и вотъ по возвращеніи въ Петербургъ отецъ повезъ меня съ братомъ Пьеромъ на Васильевскій островъ, чтобы представить насъ въ академію и открыть намъ широкія двери храма, въ который намъ суждено было войти безповоротно для служенія искусству. Въ одной изъ античныхъ залъ, куда насъ привели, стоялъ большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, за которымъ возсѣдали учителя и секретарь академіи. Тучный, съ добродушнымъ лицомъ, Василій Ивановичъ Григоровичъ, распорядился о производствѣ намъ испытанія, которое два учителя сейчасъ же начали какъ-то поверхностно и спѣшно и черезъ 20 минутъ мы уже были записаны вольноприходящими въ первый рисовальный классъ. Съ этого момента карьера моя была рѣшена, и я началъ усердно посѣщать классы.

Школа же моя, какъ художника, началась съ перваго моего посѣщенія Эрмитажа, который и впослѣдствіи былъ моимъ лучшимъ руководителемъ. Самое разнообразіе оригиналовъ не давало мнѣ увлечься какой-нибудь одной манерой, отъ которой впослѣдствіи освободиться было бы очень трудно, а то и невозможно... Я завелъ себѣ рисовальныя книжки, въ которыхъ, кромѣ отдѣльныхъ рисунковъ, заносилъ цѣлыя послѣдовательные факты исторіи, такъ, напримѣръ, мною была тщательно обработана исторія походовъ блуднаго сына. Доставъ случайно «Руслана и Людмилу» Пушкина, я такъ увлекся моимъ милымъ поэтомъ, что съ этой поры только и былъ занятъ его произведеніями, стараясь понять его типы и изображать ихъ карандашомъ. Немало служилъ мнѣ пособникомъ и театръ, для выработки экспрессіи, которую я впослѣдствіи давалъ лицамъ, изображеннымъ мною на картинкахъ. Было время, когда академія художествъ выдавала особенную золотую медаль исключительно за экспрессію, и это въ высшей степени справедливо.

Наступила масленица и съ нею вмѣстѣ и всевозможныя народныя развлечения, которымъ отъ души тогда отдавалось все петербургское общество. Балаганы устраивались въ то время на Адмиралтейской площади, на мѣстѣ нынѣшняго сада, и вся публика устремлялась туда. Что за пестрое и оживленное зрѣлище представляло собою это гулянье. Константинъ Маковскій, заставшій

еще балаганы на этой площади, прекрасно ихъ изобразилъ на своей картинѣ, только у него не сдѣлано традиціональнаго цуга экипажей, двигавшихся медленно длинной вереницей вокругъ всей площади.

Центромъ цѣлой массы построекъ и балагановъ былъ пантомимный театръ Лемана; но этому театру не повезло; онъ сгорѣлъ и въ немъ погибло немало человѣческихъ жертвъ, потому что двери его открывались во внутрь, а не въ наружную сторону.

Этотъ развеселый театръ былъ биткомъ набитъ и отборнымъ обществомъ и народомъ—хоть въ немъ стоялъ неумолкаемый. Игралась постоянно итальянская комедія, и Леманъ игралъ Пьерро такъ, какъ послѣ него никто не игралъ. Этотъ Леманъ былъ преоригинальная личность и при этомъ природный комикъ; по мнѣ, онъ ужасно походилъ на Живокини, котораго я позднѣе видѣлъ въ Москвѣ. Надо быть человѣкомъ чрезвычайно тонкаго ума, чтобы умѣть такъ рельефно изобразить совершеннаго дурака и выставить такъ сильно весь комизмъ его непроходимой глупости. Какое же было мое удивленіе, когда я узналъ, что этотъ Леманъ человѣкъ, получившій очень большое образованіе и весьма начитанный.

Насмѣявшись вдоволь у Лемана, я отправлялся домой, гдѣ у насъ собиралось въ высшей степени интересное общество музыкантовъ. Однимъ изъ первыхъ являлся пріятель отца, композиторъ Алексѣй Федоровичъ Львовъ, который написалъ «Боже Царя храни»; пріѣзжалъ онъ всегда со скрипкою, и я его иначе не помню, какъ въ разстегнутомъ флигель-адъютантскомъ мундирѣ; онъ часто привозилъ отцу только что написанныя имъ вещи и разыгрывалъ ихъ впервые у насъ. Человѣкъ онъ былъ очень простой, обходительный и добродушный. Обыкновенно вмѣстѣ съ скрипачомъ Бемомъ, тогда большой знаменитостью, виолончелистомъ Мауреромъ и графомъ Матвѣемъ Юрьевичемъ Вильгорскимъ они разыгрывали такіе квартеты, что спеціально послушать ихъ игру къ намъ собиралось довольно большое общество, и вечера эти заканчивались танцами, затягивавшимися до разсвѣта. Въ числѣ постоянно бывавшихъ у насъ были, конечно, Панаевы, дирижировалъ танцами Николай Бендо, чрезвычайно подвижной и весельчакъ, впоследствии извѣстный архитекторъ. Въ это время я очень дружилъ съ Ипполитомъ Панаевымъ, который былъ впоследствии инженеръ-генераломъ. Это былъ суровый, тихій юноша, скорѣе ипохондрикъ, никогда не танцовавшій и всегда уединявшійся въ самый темный уголокъ, въ которомъ онъ мнѣ всегда рассказывалъ какую-нибудь ужасную исторію. Такимъ онъ остался и на всю жизнь.

IV.

Успѣхи отца при дворѣ.—Разрывъ съ дядей К. П. Брюлловымъ.—Переходъ въ архитектурный классъ.—Опять Карлъ Брюлловъ.—Женитьба его.—Его гениальные собутыльники М. И. Глинка, Кукольникъ и академикъ Яненко.

Слава моего отца, какъ создавшаго акварельную живопись на бумагѣ, росла съ каждымъ мѣсяцемъ и о немъ уже говорили при дворѣ, а способъ его работы акварелью безъ примѣси корпусныхъ красокъ взволновалъ весь художественный міръ. Въ 1821 году онъ былъ приглашенъ въ Аничковскій дворецъ, чему немало способствовалъ другъ его, графъ Степанъ Ѳеодоровичъ Апраксинъ, и писалъ портретъ съ великаго князя Александра Николаевича. По воцареніи императора Николая, государь очень милостиво обошелся съ отцомъ, заказалъ ему портретъ императрицы Александры Ѳеодоровны, а потомъ даже рѣшился позировать и самъ, несмотря на то, что прямо не выносилъ этого. Однако сеансъ не удался, и лишь только отецъ успѣлъ набросать карандашомъ контуръ, какъ государь подошелъ къ нему и кистью провелъ черту подъ носомъ нарисованнаго контура, сказавъ отцу: «Возьми это себѣ на память». Такъ и не удалось отцу сдѣлать портрета съ императора Николая. Между тѣмъ при дворѣ работы отца вошли, что называется, въ моду, и на его долю выпало перерисовать многихъ членовъ императорской фамиліи. Кромѣ того, въ то же время моимъ отцомъ былъ написанъ фамильный портретъ царской семьи, съ котораго потомъ была сдѣлана литографія, продававшаяся у Бегрова. Эта картина была по истинѣ восхитительна; на ней были изображены государь и государыня сидящими въ катерѣ, а на рулѣ, еще мальчикомъ, великій князь Константинъ Николаевичъ. Государю такъ понравилась послѣ этого отцовская работа, что онъ заказалъ ему пять миниатюрныхъ портретовъ царской фамиліи для табакерки, которая была впоследствии подарена государемъ князю Волконскому. Я помню, какъ отецъ трудился надъ этой кропотливой работой, исполненіе которой было возможно только черезъ увеличительное стекло, благодаря чему онъ принужденъ былъ носить очки до конца своей жизни, т. к. зрѣніе его было уже испорчено.

Просидѣвъ два года въ гипсовомъ классѣ, я шагнулъ сильно впередъ и надѣялся на полный успѣхъ предпринятой экзаменаціонной

¹⁾ Къ этому періоду относятся слѣдующія работы П. Ѳ. Соколова: въ 1836 году онъ написалъ портретъ А. С. Пушкина и отдалъ ему. Пушкинъ подарилъ портретъ А. О. Ростелли, а тотъ нѣсколько лѣтъ спустя П. Н. Батюшкову, и художникъ Брезе воспроизвелъ этотъ портретъ въ хромолитографіи. Въ 1844 году Петръ Ѳеодоровичъ написалъ портреты Николая и Антона Григорьевичей Рубинштейновъ, а также колѣнный портретъ гр. Матвѣя Юрьевича Вѣльгорскаго, играющаго на віолончели, написанный раньше обоихъ предыдущихъ.

работы—я рисоваль голову Лаокоона-старика. Мнѣ удалось выполнить ее вѣрно и при эффектно́мъ освѣщеніи и я такъ дорожилъ этимъ рисункомъ, что даже рѣшилъ покрыть его стекломъ и въ такомъ видѣ вывѣсить въ залѣ. По неосторожности ли сторожа, или благодаря выходкѣ школяра товарища, стекло мое было разбито и какъ разъ въ мое отсутствіе. Ничего не подозрѣвая, я на другой день въ коридорѣ встрѣчаю своего дядюшку, Карла Павловича Брюллова; онъ, увидя меня, вдругъ остановился и съ насмѣшкою сказалъ:

— Это ты на экзаменѣ выставилъ оранжерею?—и затѣмъ прошелъ дальше.

Ахъ, какъ больно задѣлъ меня этимъ замѣчаніемъ дядя, и я сразу почувствовалъ его недоброжелательность ко мнѣ. Ничѣмъ не могъ я дорожить болѣе, какъ его мнѣніемъ, и вмѣсто одобренія, котораго я такъ пламенно жаждалъ, или, по крайней мѣрѣ, дѣльнаго замѣчанія, я получилъ одну насмѣшку. И такъ поступилъ профессор — мой родной дядя! Въ эту минуту въ первый разъ изъ-подъ ореоломъ славы обвитой головы его выглянула на меня голова медузы. Если бы онъ сдѣлалъ мнѣ какой угодно строгій выговоръ, разругалъ бы мой рисунокъ, я бы принялъ все это съ покорностью, но онъ не могъ не видѣть старательности, съ которою былъ выполненъ рисунокъ, и не оцѣнить его достоинствъ.

Впослѣдствіи только я узналъ, что мой почтенный дядюшка воображалъ, что мы-де разсчитываемъ на его наслѣдство и ищемъ его покровительства, а потому и относился къ намъ съ особенною индифферентностью и даже злобою, но тогда его выходку я приписалъ моей бездарности и былъ обезкураженъ такъ, что довольно долгое время лѣнился и вяло работалъ. Да, таковъ былъ мой знаменитый дядя, да и не только по отношенію ко мнѣ; не даромъ Пушкинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ сказалъ: «Видѣлъ Карла Брюллова, онъ мнѣ показался человѣкомъ готовымъ на все». Но великій поэтъ, произнося этотъ приговоръ надъ Брюлловымъ, цѣнилъ въ немъ генія и незадолго до своей смерти, посѣтивъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ мастерскую Брюллова и увидѣвъ у него альбомы съ рисунками, сталъ на колѣни и умолялъ дядю дать ему одинъ изъ нихъ, но такъ ничего и не добился. Карлъ Брюлловъ отказалъ мольбамъ Александра Сергѣевича.

Чтобы избѣжать дальнѣйшихъ столкновеній съ дядей, я перешелъ въ архитектурный классъ и попалъ подъ руководство Константина Андреевича Тона, товарища отца по выпуску и впослѣдствіи архитектора, прославившагося многими постройками въ царствованіе Николая I и наконецъ большого храма Спасителя въ Москвѣ.

Этотъ человѣкъ хотя и не получилъ почти никакого образованія, но зато былъ честный и доброжелательный, онъ охотно принялъ меня къ себѣ въ мастерскую, находившуюся въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ главнаго зданія, во флигелѣ. Помощниками у Тона были въ то

время Александръ Росси и Каминскій. Первый былъ сынъ извѣстнаго архитектора Росси, построившаго Михайловскій дворецъ, а съ его обоими братьями я воспитывался у Журдана. Второй—прекрасный орнаментистъ и впослѣдствіи былъ главнымъ распорядителемъ работъ по постройкѣ храма Спаса, во время отсутствія Тона. Товарищами моими въ это время были: Рязановъ, впослѣдствіи тоже извѣстный архитекторъ, построившій на дворцовой набережной дворецъ великаго князя Владимира Александровича, Кракау, извѣстный своими реставраціями, Адамини, сломавшій себѣ ногу при паденіи съ лѣсовъ во время постройки Александринскаго театра, и Бруни, племянникъ знаменитаго художника, написавшаго «Мѣднаго змѣя».

Самымъ симпатичнымъ изъ всѣхъ былъ Александръ Росси, котораго всѣ очень любили за его мягкій и веселый характеръ. Чертежникомъ онъ былъ превосходнымъ, и у него я болѣе всего научился перенимать необходимые приемы въ производствѣ этихъ работъ. Особенно онъ обладалъ большимъ вкусомъ и изобрѣтательностью въ планировкѣ, расположеніи деталей и орнаментаціи. Всегда готовый быть полезнымъ совѣтомъ и на дѣлѣ, онъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ своихъ учениковъ.

Да, свободно вздохнулъ я въ этомъ класѣ, какое-то общее довольство царило надъ нами, и мы, дружно работая, цѣлыми компаніями въ свободное время отправлялись въ «Золотой Якорь»¹⁾, гдѣ сражались на бильярдѣ. Нерѣдко я заходилъ къ другому своему дядюшкѣ, Ѳедору Павловичу, который душилъ меня своими безконечными разсказами, скучными потому, что все это было плоды его пылкой фантазіи; зато мои хорошенькія кузины вознаграждали меня за проведенные въ скукѣ часы своимъ веселымъ чарующимъ щебетаньемъ. Однажды я съ братомъ Пьеромъ обѣдалъ у дяди Ѳедора, какъ вдругъ вошелъ въ столовую Карлъ Павловичъ Брюлловъ; я его давно не видѣлъ послѣ нашего разговора въ коридорѣ академіи. Съ вѣчно самодовольной улыбкой началъ онъ обходить присутствовавшихъ, щипать за щеки моихъ кузинъ и говорить довольно сальные комплименты. Увидя Пьера, онъ вдругъ смѣрилъ его съ головы до ногъ и съ ехидной улыбкой проговорилъ:

— Ишь, фронтъ каковъ.—(Пьеръ всегда щегольски одѣвался).

Брату подобное замѣчаніе, повидимому, не пришлось по вкусу, онъ оцетинился и замѣтилъ дядюшкѣ, что ему фронтить и подобааетъ, какъ молодому человѣку, —«а вотъ въ ваши годы такъ это можетъ показаться страннымъ, посмотрите-ка, на какихъ вы огромныхъ каблукахъ», сказалъ онъ. И дѣйствительно, при своемъ маломъ ростѣ Карлъ Павловичъ Брюлловъ носилъ очень высокіе каблуки, чтобы казаться повыше, и былъ очень комиченъ. Дядя ужасно обидѣлся на это замѣчаніе брата, такъ какъ воображалъ себя неотрази-

¹⁾ «Золотой Якорь» ресторанъ, существующій и теперь на Вас. Острову въ 6 линіи.

мымъ красавцемъ и всегда говорилъ, что въ Римѣ его иначе не называли, какъ «Венерова голова», которая, впрочемъ, была очень красива и выигрывала отъ прически, напоминавшей прическу Аполлона Бельведерскаго, но типъ общій у него все-таки былъ нѣмецкаго бюргера.

Однако мнѣ необходимо опять остановиться на воспоминаніяхъ объ этомъ человѣкѣ. Этотъ періодъ былъ однимъ изъ самыхъ его блестящихъ, и его новыми произведеніями все больше и больше увлекались цѣнители искусства, и въ числѣ этихъ цѣнителей былъ и я. Когда я смотрѣлъ на его работы, я поражался красотой и правильностью его рисунка и его яркимъ колоритомъ, я считалъ его великимъ мастеромъ, но все же въ моей тогда молодой и честной душѣ не могли согласоваться эти два существа: геній и страшное исчадіе разврата. И вдругъ до меня долетѣлъ слухъ, что онъ женится. Я не вѣрилъ этому, я зналъ объ его ужасной болѣзни, я черезчуръ хорошо зналъ его привычки, чтобы допустить возможность брака его съ кѣмъ бы то ни было, но фактъ былъ неоспоримъ. Въ одинъ прекрасный день онъ самъ является къ намъ своей маленькой персоной и привозитъ невѣсту. Это была дѣвушка замѣчательной красоты, дочь ревельскаго бургомистра Тима, братъ которой вскорѣ сдѣлался извѣстностью, какъ очень хорошій рисовальщикъ и издатель «Художественнаго Листка» въ 1854 и 1855 г.г.

При видѣ этой очаровательной дѣвушки меня охватило чувство жалости къ ней. Она, свѣженькая, 18 лѣтняя, какъ махровый цвѣтокъ, дышащая жизнью и здоровьемъ, рядомъ съ обрюзгшимъ и опухшимъ отъ пьянства и разврата представляла грустное зрѣлище. Увлечшись его славой и принуждаемая родителями на «выгодную партію», она находилась въ счастливомъ невѣдѣніи и принимала за любовь его сладострастные порывы. У насъ во время этого визита онъ велъ себя, какъ старый пьяный сатиръ.

— Посмотри, сестра,—говорилъ онъ, представляя дѣвушку моей матери и при этомъ отвратительно улыбаясь:—что это за прелесть. Совершенный идеальчикъ. Только этотъ идеальчикъ надо поскорѣе подъ одѣяльчикъ.—Затѣмъ отходилъ на нѣсколько шаговъ и громко обращался къ невѣстѣ:—Ну, Лотти!—и та съ разбѣга бросалась къ нему на шею.

Эта картина ярко рисуется въ моей памяти, а вмѣстѣ характеризуетъ нравственный уровень моего знаменитаго дяди.

Однако моимъ опасеніямъ за несчастную жертву пришлось осуществиться. Немного больше года промучилась она съ нимъ и уѣхала къ отцу—не выдержала. Послѣ своего медоваго мѣсяца, когда у несчастной дѣвушки раскрылись глаза, дядюшка началъ ревновать ее безусловно ко всѣмъ окружавшимъ и даже приревновалъ ее къ императору Николаю Павловичу, обратившему благосклонное вниманіе при посѣщеніи академіи на его жену, стоявшую въ окнѣ.

Конечно, такой красавецъ, какъ государь, не могъ не вызвать этого чувства у человѣка, душа котораго искала одного лишь предлога.

Въ одно утро, когда молодая женщина стояла у окна квартиры Брюллова, окна которой выходили на набережную, на ворономъ конѣ въ саняхъ подъѣзжаетъ къ академіи государь. Увидя его, она невольно вскрикнула:

— Ахъ, государь!

Карлъ Павловичъ подскочилъ къ ней и со словами:

— А, узнала!—вырвалъ у нея изъ уха серьгу. Вотъ до чего доходилъ въ своемъ безуміи этотъ боготворимый публикою геній.

Въ отношеніи къ своимъ братьямъ дядя Карлъ Павловичъ былъ не лучше; на примѣръ, при встрѣчѣ съ братомъ Александромъ Павловичемъ, онъ всегда былъ привѣтливъ, жалъ ему руку, обнимался съ нимъ, мѣняясь самыми интимными шуточками, а за глаза всегда ругалъ его и раздѣлывалъ на всѣ корки, называя его взяточникомъ, подрядчикомъ и бездарнымъ каменщикомъ. Разъ какъ-то впослѣдствіи, когда судьба опять столкнула меня съ нимъ, мы втроемъ вмѣстѣ съ Карницкимъ переѣзжали Неву, отправляясь на лѣса Исаакіевскаго собора, и когда Карниціи упомянулъ объ Александрѣ Павловичѣ Брюлловѣ, то дядюшка сказалъ:

— Эта ракалія разсчитываетъ послѣ моей смерти быть моимъ наслѣдникомъ; вотъ что онъ получить,—и при этомъ показалъ свой жирный кукишъ.

Но Карлъ Павловичъ ошибся и когда умеръ въ Римѣ 17-го февраля 1857 г., то братъ его Александръ тотчасъ же, какъ получилъ извѣстіе о его смерти, поскакалъ, что называется, на курьерскихъ и успѣлъ положить въ свой карманъ 450 тысячъ рублей прежде, нежели имущество было опечатано, скрывъ эти деньги и не подѣлившись ни съ кѣмъ изъ родныхъ. Когда умеръ мой дѣдушка Павелъ Ивановичъ, то повторилась та же исторія захвата. Дѣдушка жилъ у насъ и когда здоровье его было уже безнадежно, то вдругъ нагрянули милые родственники, увезли больного и завладѣли всѣмъ его имуществомъ, ничего не удѣливъ моей матери, а мой братъ и слышать не хотѣлъ о какихъ-либо претензіяхъ.

Разъ я пришелъ къ Карлу Павловичу и нашелъ дверь его квартиры открытою; оказалось, у него въ домѣ шла уборка, и поломойка мыла полъ. Вдругъ до меня долетѣлъ возгласъ дяди:

— Стой и не шевелись,—я уже пріотворилъ двери и окаменѣлъ отъ омерзѣнія и ужаса отъ той картины, которую увидѣлъ... Меня не замѣтили, и я ушелъ скорѣе прочь. Какъ мнѣ жалокъ и гадокъ былъ этотъ великій артистъ.

Въ то время, когда я писалъ у него свою копію съ портрета Крылова, его часто навѣщали разныя лица, все больше народъ веселый, любившій поить и поѣсть. Самыми закадычными его собутыльниками были: Михайлъ Ивановичъ Глинка, академикъ Яненко и Не-

сторъ Васильевичъ Кукольникъ, не отличавшійся нравственностью, но, какъ и дядя, въ 40-хъ годахъ достигшій громкой славы. Только такой человѣкъ и могъ доложить въ томъ духѣ военному министру Чернышеву о сочиненіяхъ Салтыкова, въ какомъ представилъ ихъ Кукольникъ, и тѣмъ составить протекцію для перевода этого великаго писателя въ Вятку. Впрочемъ, звѣзда Кукольника погасла въ началѣ 50-хъ годовъ, а въ 1868 г. онъ умеръ въ Таганрогѣ всѣми забытый ²⁾).

Несторъ Васильевичъ Кукольникъ, за пьянство свое названный «Клюкольникъ», и пріятель его Яненко, прозванный «Пьяненко» за ту же страсть, а также мой дядя Карлъ Павловичъ были неразлучны, и нужно было имѣть желѣзное сложеніе, чтобы выдержать то количество алкоголя, которое они уничтожали. Михаилъ Ивановичъ Глинка нерѣдко къ нимъ также присоединялся, но съ его довольно плохимъ здоровьемъ ему далеко было до этой знаменитой троицы... Сестра Михаила Ивановича, жившая съ нимъ, зорко слѣдила за своимъ гениальнымъ братомъ и охраняла его; бывало, очень ужъ закутить компанія, а заботливый другъ, какъ ангель-хранитель, тутъ какъ тутъ и извлечетъ изъ погибельной клоаки моего дяди гениальнаго музыканта. Какъ и Кукольникъ, всѣ трое поплатились за свое безпутное житіе раннею смертію. Дядюшка, благодаря своей болѣзни, долженъ былъ отправиться на островъ Мадеру, а Яненко такъ просто заживо сгнилъ.

Продолжая заниматься у дяди, я не могъ больше выносить его оскорбленій и дерзостей, пересталъ ходить къ нему и наконецъ разстался съ нимъ навсегда.

V.

Мой пріятель С. С. Дуровъ. — Черенцовъ и Поздѣвъ. — Делярю. — Булгаковъ и великій князь Михаилъ Павловичъ. — Александръ Ивановичъ Пальмъ. — Петрашевскій. — Участь петрашевцевъ.

Совершенно случайно въ Петербургѣ я встрѣтился и познакомился съ Сергѣемъ Ѳедоровичемъ Дуровымъ, а вскорѣ сблизился и даже подружился съ нимъ. Какъ случилось первое мое знакомство, не помню; кажется, началомъ къ этому послужилъ случайно начатый разговоръ, какъ это въ Петербургѣ легко дѣлается, затѣмъ обмѣнъ сужденій и взглядовъ, а потомъ уже желаніе вмѣстѣ проводить время. Хотя я былъ гораздо моложе Дурова и его обоихъ пріятелей, Поздѣва и Черенцова, но все же мы очень близко сошлись, и они часто стали пріѣзжать ко мнѣ въ Павловскъ, гдѣ я проводилъ лѣто. Когда мы переѣхали въ городъ, Дуровъ далъ мнѣ свой адресъ, и

¹⁾ Родился Н. Кукольникъ въ 1809 г.

просилъ посѣщать его. Жилъ онъ со своимъ сослуживцемъ Делярю. Этотъ послѣдній былъ настоящій русакъ, добрый малый и хорошій товарищъ.

Сергѣй Ѳедоровичъ Дуровъ былъ родной племянникъ извѣстнаго писателя Хмельницкаго, къ сочиненіямъ котораго онъ написалъ извѣстное предисловіе¹⁾, и состоялъ въ родствѣ съ многочисленнымъ семействомъ Кусовыхъ. Дуровъ былъ чрезвычайно образованный человѣкъ, очень интересный въ бесѣдѣ, немного увлекающійся, но умѣвшій завладѣть общою бесѣдой и руководившей ею; глубоко знакомый съ теоріями Кобе, Фурье и Прудона, онъ уже въ періодъ перваго моего съ нимъ знакомства развивалъ идеи равенства, сѣтовалъ на тягость современной цензуры, говорилъ о необходимости освобожденія крестьянъ и о другихъ полезныхъ реформахъ, но въ то время мнѣ это казалось какимъ-то несбыточнымъ и настолько серьезнымъ, что я не придавалъ особой важности его проектамъ, считая ихъ попросту одними разговорами. При всей серьезности и образованности Дурова, это былъ человѣкъ не безъ странностей; онъ, напримѣръ, очень рѣдко садился обѣдать, имѣлъ обыкновеніе наѣдаться на ходу; когда шелъ въ должность или возвращался оттуда домой, заходилъ въ 2—3 кондитерскія, сѣдалъ по нѣсколько пирожковъ, особенно же онъ съ охотою посѣщалъ Излера, гдѣ въ то время были замѣчательные растеганіи, а дома за столомъ никогда ничего не ѣлъ. Между тѣмъ энергія этого человѣка была замѣчательна. Находясь впоследствии въ числѣ послѣдователей Петрашевскаго, онъ участвовалъ во многихъ другихъ тайныхъ обществахъ, и, благодаря только его стараніямъ, кружокъ Петрашевскаго поддерживалъ связь съ ними. Бывая въ собраніяхъ Иринарха Введенскаго, онъ познакомился тамъ съ Н. Г. Чернышевскимъ и чуть было не попался въ руки властей, когда вслѣдствіе доноса извѣстнаго Вигеля пало подозрѣніе на кружокъ Введенскаго, будто бы пропагандировавшій переломъ существующаго государственнаго строя. Однако у Липранди не было достаточно уликъ, да къ тому же Ростовцевъ заступился за Введенскаго, и всѣ члены его кружка были спасены. Гибель же петрашевцевъ готовилась впереди.

По приѣздѣ въ Петербургъ я хотѣлъ навѣстить моего пріятеля, но не нашелъ его уже на прежней квартирѣ съ Делярю. При входѣ моемъ въ переднюю я увидалъ на прилавкѣ сидѣвшаго денщика, который и не пошевелился при моемъ появленіи, а изъ сосѣдней комнаты раздался голосъ Делярю, спрашивавшаго:

— Кто тамъ?

Я назвалъя, вошелъ и былъ удивленъ, не видя Сергѣя Ѳедоровича, но хозяинъ предупредилъ мой вопросъ:

¹⁾ Предисловіе это читано Дуровымъ въ 1848 г. 25-го марта въ засѣданіи на одной изъ пятницъ у Петрашевскаго. Б. Тагѣевъ.

— Да вот видите, я осиротѣлъ,—сказалъ, подавая мнѣ руку, Делярю:—вѣдь Дуровъ-то отъ меня уѣхалъ и живетъ теперь съ Пальмомъ. Знаете Александра Пальма, офицера Егерскаго полка? Ну, вотъ они другъ безъ друга жить не могутъ. Я положительно нигдѣ не бываю и отсталъ отъ шумнаго свѣта. Вотъ когда здѣсь жилъ Сергѣй Ѳедоровичъ, другое дѣло, каждый день народъ собирался, сходки устраивались, обсуждались наболѣвшіе вопросы, да какъ обсуждались, съ какимъ увлеченіемъ и жаромъ,—да по-моему, ничего изъ этого не выйдетъ, ничего имъ тутъ не подѣлать, дотолкуются они до синихъ мундировъ, и будетъ имъ освобожденіе и надѣлъ.

Посидѣвъ немного у Делярю, я отправился къ Доминику, въ этотъ притонъ бильярдныхъ шулеровъ, обыгрывавшихъ молодыхъ нижонровъ; онъ былъ переполненъ народомъ, но публика, наполнявшая его душевные залы, не походила на теперешнюю; не было среди нея замѣтно ни студентовъ, ни гостинодворцевъ, какъ теперь, все больше чиновники разныхъ вѣдомствъ да офицеры толпились около прилавка и въ бильярдной. Здѣсь встрѣтилъ я Поздѣва и Черенцова, а также Дурова и Пальма,—ихъ-то я и искалъ.

Пальмъ былъ личность преинтересная и тогда уже очень интересовавшая меня. Познакомился я съ нимъ въ Павловскѣ и при слѣдующихъ обстоятельствахъ: однажды ко мнѣ пріѣхали погостить Дуровъ, Поздѣвъ и Черенцовъ, я встрѣтилъ ихъ на вокзалѣ, а затѣмъ мы совершили большую прогулку по парку и окрестнымъ деревнямъ. Было это въ то время, когда Дуровъ еще не былъ знакомъ съ Петрашевскимъ и, кажется, не принадлежалъ еще ни къ какимъ тайнымъ кружкамъ пропагандистовъ, хотя около него начинала группироваться кучка людей, сочувствовавшихъ его идеямъ.

Достаточно проголодавшись, мы двинулись къ вокзалу, гдѣ по правую сторону его, какъ и теперь, были накрыты столы. Усѣвшись за одинъ изъ нихъ, мы уже заказали себѣ закусить, какъ вдругъ на одной изъ дорожекъ показался молодой егерскій офицеръ, шедшій подъ руку съ юнкеромъ.

— Смотрите, Сергѣй Ѳедоровичъ,—обращаясь къ Дурову, сказалъ Поздѣвъ:—вѣдь это идетъ Александръ Ивановичъ Пальмъ.

Дуровъ, какъ мнѣ показалось, вздрогнулъ, взглянулъ въ ту сторону, куда показывалъ Поздѣвъ, и, увидавъ пріятеля, закричалъ:

— Саша, сюда!

Пальмъ подошелъ.

— Ты былъ у Кусовыхъ, когда ты пріѣхалъ?—пожимая руку пріятелю, спрашивалъ Дуровъ и, не давъ ему времени отвѣтить на заданный вопросъ, сталъ представлять его намъ. Мнѣ почему-то казалось, что Дуровъ сильно волновался, между тѣмъ какъ Пальмъ сохранялъ полное спокойствіе и улыбаясь снималъ перчатки. Только

потомъ я узналъ, что это свиданіе имѣло для нихъ огромное значеніе, такъ какъ здѣсь на музыкѣ долженъ былъ быть и Петрашевскій. Юнкеръ, сопровождавшій Пальма, оказался его двоюроднымъ братомъ Юріемъ Кусовымъ.

Мы начали завтракать, музыканты появились на эстрадѣ, и подъ магическій взмахъ палочки старичка Германа оркестръ заигралъ маршъ. Публика стала собираться, ярко выдѣляясь пестрыми туалетами на зеленомъ фонѣ кустовъ. Вотъ и офицеръ Московскаго полка Булгаковъ собираетъ свою компанію, что-то горячится и разноситъ прислугу за то, что она не особенно довѣрчиво относится къ его кредиту. Всего нѣсколько дней назадъ этотъ Булгаковъ мрачно ходилъ по саду, не имѣя возможности даже позавтракать; вдругъ онъ видитъ, подѣхалъ въ коляскѣ великій князь Михаилъ Павловичъ и направляется въ публику. Замѣтивъ его высочество, Булгаковъ вдругъ пріободрился, блестящая мысль пронеслась въ его изворотливомъ мозгу. Осмотрѣвшись, все ли на немъ по формѣ, онъ поправилъ усы и виски и, опередивъ боковою аллеєю великаго князя, сталъ въ сторонѣ на одной изъ дорожекъ и скорчилъ свою обычную гримасу, которая такъ забавляла его высочество.

— А, Булгаковъ,—воскликнулъ Михаилъ Павловичъ, увидя его:—ну, что это у тебя сегодня за глупая фізіономія, это, братъ, не по формѣ.

— Удрученъ, ваше высочество,—отвѣчаетъ Булгаковъ.

— Вѣрно, опять денегъ нѣтъ?

— Точно такъ, только это бы еще ничего.

— Какъ ничего?—удивляется великій князь.

— А вотъ у меня до вашего высочества есть усерднѣйшая просьба.

— Ну, слушаю и обѣщаю исполнить, если только денегъ не попросишь, у меня ихъ у самого мало.

Булгаковъ приближается на одинъ шагъ къ Михаилу Павловичу и какъ бы въ нерѣзительности останавливается.

— Ну, что же ты?—удивленно смотритъ на него великій князь.

— Страшно мнѣ,—принявъ испуганно-комическій видъ, чуть проговорилъ Булгаковъ.

Михаилъ Павловичъ даже прыснулъ со смѣха.

— Ахъ ты, шутъ,—сказалъ онъ Булгакову.—Не знаю, какимъ бы ты былъ въ настоящемъ дѣлѣ, въ бою, но въ мирное время и со мною ты доказалъ свое безстрашіе. Ну, говори, я тебѣ заранѣе разрѣшаю твою просьбу. Ты все-таки не глупый и невозможнаго не попросишь. Ну, не останавливай меня долго, говори же.

— Да я могу все объяснить и на ходу,—заговорилъ обрадованный Булгаковъ:—потому что въ томъ и состоитъ моя просьба, чтобы позволить мнѣ пройти съ вашимъ высочествомъ подъ руку.

Великій князь открылъ свои большіе глаза, и сложивъ на животѣ руки, сказалъ:

— Нѣтъ, знаешь, Булгаковъ, ты просто невозможенъ...

— Такъ точно, ваше высочество, но я...

Однако великій князь оборвалъ его.

— Довольно, давай руку и пойдѣмъ,—и съ этими словами онъ взялъ его подъ руку и направился дальше.—Такъ скажи же ты мнѣ,—спрашивалъ его великій князь,—шельма ты этакая, на что тебѣ понадобилась подобная фамиллярность со мною?

— А вотъ видите, ваше высочество, какъ поглядываютъ съ завистью на меня всѣ эти дураки,—сказалъ онъ, указывая на гуляющихъ и глазѣвщую прислугу. Дѣйствительно, вокругъ нихъ на почтительномъ разстояніи толпилась публика, до которой отчетливо долетало каждое слово ихъ разговора.

— Я вашему высочеству долженъ признаться, что мой кредитъ совершенно здѣсь изсякъ.

— Я этому нисколько не удивляюсь,—замѣтилъ великій князь.

— Такъ вотъ, ваше высочество, какъ увидятъ здѣсь всѣ, что вы со мною гуляете подъ руку,—вкрадчиво продолжалъ Булгаковъ: — то кредитъ мой такъ здѣсь утвердится, что мнѣ и денегъ никакихъ уже не надо.

— Ахъ ты, проказа ты этакая,—вдругъ принимая серьезный тонъ, сказалъ князь:—а хочешь, я тебя посажу на гауптвахту?

— Быть этого не можетъ,—возражаетъ Булгаковъ:—я черезчуръ знаю неограниченную доброту вашего высочества. Долго ли маленькаго человѣка обидѣть, вы никакъ не захотите этого сдѣлать.

Тутъ уже Михаилъ Павловичъ громко во всеуслышаніе обратился къ нему по-французски:

— *Mon cher, tu est vraiment admirable dans ton éffronterie, seulement je ne te conseille pas d'abuser trop de ma faiblesse, parfait chenapan!* ¹⁾ Ну, что довольно,—добавилъ онъ: — можно теперь тебѣ дать киселя?

— Совершенно довольно, ваше высочество, по гробъ не забуду вашихъ милостей.

Булгаковъ отнимаетъ свою руку изъ-подъ руки князя и беретъ подъ козырекъ, а великій князь, пожавъ ему руку, направляется къ коляскѣ. Вотъ и кутитъ теперь Булгаковъ на освѣжившіяся кредитъ. А публика все собиралась, густо наполняя аллеи. Вдругъ Пальмъ наклонился къ Дурову и, указывая въ толпу, сказалъ ему съ нѣкоторой тревогой:

— Вотъ, вотъ, смотри, идетъ онъ, Петрашевскій, видишь, этотъ высокій черный мужчина, что разговариваетъ съ этимъ толстякомъ.

— Такъ это онъ?—сказалъ Сергѣй Федоровичъ, видимо, сильно заинтересованный новымъ лицомъ, которое онъ жаждалъ видѣть: а я только что хотѣлъ съ тобою поговорить о немъ. Ты знаешь, что

¹⁾ Мой милый, ты дѣйствительно удивителенъ въ своемъ нахальствѣ; но только я не совѣтую тебѣ слишкомъ злоупотреблять моею слабостью, совершеннѣйшій негодяй.

до меня дошли слухи и рассказы, обезпокаивающіе меня на твой счет...

— Пустяки,—сказалъ Пальмъ:—я, конечно, какъ и ты, сочувствую его пропагандѣ, но пока еще у насъ просто пріятельское знакомство. Я бываю у него довольно часто, по пятницамъ мы обыкновенно собираемся, мнѣ пріятно общество незаурядныхъ людей, мы много толкуемъ, но, какъ Репетиловъ въ «Горе отъ ума» говоритъ: «поспорять, пошумять и разойдутся». Сегодня я тебя представлю этому интересному человѣку и ты, вѣроятно, также вступишь въ его кружокъ, а ты будешь намъ со временемъ очень нуженъ и полезенъ.

Я слышалъ весь разговоръ моихъ пріятелей и, зная въ общемъ, что такое представлялъ собою Петрашевскій, не на шутку испугался за участь моихъ друзей.

Теперь нѣсколько словъ о Пальмѣ. Александръ Ивановичъ Пальмъ, дворянинъ Пензенской губерніи, родился въ 1823 г., воспитывался въ Дворянскомъ полку, былъ тамъ унтеръ-офицеромъ, затѣмъ фельдфебелемъ и 19-ти лѣтъ выпущенъ прапорщикомъ въ 1842 г. въ лейбъ-гвардію Егерскій полкъ. Черезъ семейство своихъ родственниковъ Кусовыхъ онъ вошелъ въ кружокъ, основанный Петрашевскимъ, сблизился съ ними и съ тѣхъ поръ сталъ постояннымъ посѣтителемъ его пятницъ. Среда такихъ сильныхъ людей, какъ Достоевскій, Плещеевъ, Толь, Головинскій, Иринархъ Введенскій и др., не могла не имѣть рѣшающаго вліянія на направленіе юнаго Пальма, и онъ со всѣмъ пыломъ своей увлекающейся натуры отдался новому живому дѣлу. Цензура того времени давила писателей своимъ тяжелымъ ярмомъ, народъ изнемогалъ подъ гнетомъ крѣпостничества, чиновничество въ своемъ произволѣ доходило до невѣроятныхъ размѣровъ, взяточничество царило всюду, вотъ небольшіе кружки, образовавшіеся въ разныхъ слояхъ интеллигентнаго общества, рѣшили противодѣйствовать этому всеобщему злу. Политической пропаганды въ кружкахъ этихъ не было, здѣсь шли самыя обыденныя толки, обсуждались проекты, но даже не составлялось плана дѣйствій. Это просто были группы русскихъ образованныхъ людей, любившихъ свою родину и народъ и душою болѣвшихъ за ея неустройство.

Однако доносы Вигеля и доклады Липранди имѣли свое дѣйствіе, и въ высшихъ сферахъ были представлены эти честные люди посягающими на самодержавіе и т. д. Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, распространяемое Павломъ Головинскимъ и Достоевскимъ, было однимъ изъ вѣснихъ данныхъ для обвиненія ихъ и изъ этого можно вывести заключеніе объ опасности этихъ обществъ для государства.

Въ 1841 г. Петрашевскій началъ свою пропаганду, въ 1845 г. у него были уже организованы правильныя собранія, и въ числѣ ярыхъ его сподвижниковъ былъ Сергѣй Федоровичъ Дуровъ, такъ опасавшійся за Пальма. 25-го марта 1848 года онъ, уже будучи отстав-

нымъ коллежскимъ асессоромъ, читаль свое предисловіе къ сочиненіямъ Хмельницкаго и былъ изъ самыхъ энергичныхъ членовъ кружка, только благодаря которому кружокъ Петрашевскаго подерживалъ связь съ остальными. Но вотъ грянулъ громъ, петрашевцы были арестованы и судомъ «за обличеніе въ умыслѣ на испроверженіе существующихъ отечественныхъ законовъ и государственнаго порядка» осуждены на смертную казнь ¹⁾.

Пальмъ находился подъ слѣдствіемъ съ 23-го апрѣля 1849 г. и судился за то, что былъ въ собраніи, «гдѣ, слыша преступные разговоры, не донесъ» ²⁾.

22-го декабря 1849 г. всѣхъ осужденныхъ ³⁾ привезли изъ Петропавловской крѣпости, гдѣ они провели 8 мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи, на Семеновскій плацъ, прочли имъ смертный приговоръ, священникъ подошелъ къ нимъ съ крестомъ, облаченный въ черныя ризы, и на всѣхъ, кромѣ Пальма, надѣли предсмертныя рубахи. Петрашевскому, Момбелли ⁴⁾ и Григорьеву ⁵⁾ завязали глаза и привязали къ столбамъ, надъ головами другихъ переломили шпаги. Раздалась команда къ пальбѣ, и въ этотъ моментъ Григорьевъ сошелъ съ ума, его натура не выдержала этой минуты, послѣ восьмимѣсячнаго одиночнаго заключенія. Раздался отбой, и процедура окончилась, при чемъ было объявлено всѣмъ высочайшее помилованіе отъ смертной казни. Тутъ же съ мѣста на фельдъегерской тройкѣ Петрашевскій былъ увезенъ въ Сибирь ⁶⁾. Дуровъ сосланъ въ каторгу на 4 года и затѣмъ разжалованъ въ рядовые. Пальмъ же былъ помилованъ и переведенъ тѣмъ же чиномъ въ армію. 14-го декабря 1852 г. онъ за отличіе произведенъ въ штабсъ-капитаны. Въ 1853 г. онъ участвовалъ въ первой кампаніи противъ турокъ подъ начальствомъ генераль-адъютанта Лидерса и былъ отличенъ, какъ храбрый и лхой офицеръ. Въ 1854 году, во время второй кампаніи, Пальмъ 11-го марта участвовалъ при переправѣ черезъ Дунай у Галаца, 4-го мая подъ Силистріею и 5-го при штурмѣ этой крѣпости, а съ 13 по 22 октября находился въ числѣ геройскихъ защитниковъ Севастополя. За боевыя заслуги его штрафъ, вслѣдствіе бывшаго надъ нимъ суда, былъ прощенъ и возвращены ему всѣ преимуществва, кромѣ права на знакъ безпорочной службы ⁷⁾; 2-го іюня 1855 г. штабсъ-капитанъ Пальмъ былъ передеденъ въ Замостскій Егерскій полкъ и 19-го января 1857 г. уволенъ отъ службы майоромъ съ мундиромъ.

¹⁾ Высочайшій приказъ 22-го декабря 1849 г.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Въ числѣ ихъ были между прочимъ: Достоевскій, Плещеевъ, Пальмъ, Дуровъ, Толь, химикъ О. Львовъ, гигиенистъ Ахшарумовъ, Головинскій, Момбелли и др.

⁴⁾ Момбелли поручикъ л.-гв. Московскаго полка 27 лѣтъ.

⁵⁾ Григорьевъ поручикъ л.-гв. Конно-Гренадерскаго полка 25 лѣтъ.

⁶⁾ По амнистіи 1856 г. Петрашевскій отказался отъ помилованія и требовалъ пересмотра своего дѣла. Своимъ безпокойнымъ нравомъ онъ вооружилъ противъ себя Муравьева-Амурскаго, очень гуманно относившагося къ ссыльнымъ.

⁷⁾ Высочайшій приказъ 29-го декабря 1854 г., № 407.

VI.

Литературные вторники у Ив. Ив. Панаева.—Графъ Сологубъ и его вечера.—Фокусникъ Германъ.—Фокусы во дворцѣ.—Воскресенья у графа Толстого.—Художникъ Федотовъ.—Ловкій меценатъ.—Лѣто въ Павловскѣ.—Экспромтъ Панаева.—Скрипачъ Дмитріевъ-Свѣчинъ.—Эпизодъ у него съ наслѣдникомъ цесаревичемъ.—Пріѣздъ графини Самойловой.—Бальзакъ въ Павловскѣ.

Какъ я уже говорилъ, по сосѣдству съ нами въ домѣ Димерта жили Иванъ Ивановичъ Панаевъ, который положилъ въ своемъ домѣ начало кружку интеллигентнаго товарищества, членами котораго являлись выдающіеся представители нашей родной литературы, изъ которыхъ многіе обезсмертили свое имя и стали гордостью Россіи. Вѣлинскій, Некрасовъ, Тургеневъ, Кольцовъ, Боткинъ, Краевскій, позднѣе и Фѣдоръ Михайловичъ Достоевскій и многіе другіе, менѣе крупныя звѣзды нашего литературнаго міра, стали собираться у Ивана Ивановича, а каждую недѣлю по вторникамъ у него составлялись литературные вечера, которые охотно посѣщались пріятелями Панаева, приводившими съ собою нерѣдко новыхъ лицъ, заслуживавшихъ чѣмъ-нибудь особеннаго вниманія. Между этими новичками были и начинающіе литераторы, и музыканты, и художники, однимъ словомъ, люди, обладающіе какимъ-либо артистическимъ талантомъ. Вечера носили на себѣ скромный, но душевный характеръ, гостямъ разносили чай, велись оживленныя бесѣды на разныя темы, и наконецъ Иванъ Ивановичъ самъ читалъ что-нибудь новое изъ своихъ произведеній, еще не поступившихъ въ печать, а иногда давалъ ихъ прочесть одному изъ лучшихъ чтецовъ, а самъ со вниманіемъ вслушивался въ каждое слово, дѣлая время отъ времени вполголоса замѣчанія самому себѣ и отмѣчая на бумажкѣ карандашомъ о встрѣчавшихся ошибкахъ. Кромѣ его произведеній, читалось многое также и другихъ авторовъ.

Самъ Панаевъ читалъ хорошо, съ ясной интонаціей, соблюдая чуть не въ голосахъ разговорную рѣчь; слушать его было истинное удовольствіе. Напримѣръ, я слышалъ, какъ онъ прочелъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ» Гоголя и его же «Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича», это было до такой степени реально прочитано, что я, даже придя домой, сдѣлалъ набросокъ такъ и носившихся передъ моими глазами типовъ, созданныхъ гениемъ Гоголя.

Изъ произведеній Ивана Ивановича и слышалъ, какъ онъ прочелъ свой переводъ трагедіи Шекспира «Отелло», которая была поставлена вполнѣ въ Александринскомъ театрѣ. Сахаровъ читалъ свои народныя пѣсни и т. д. Театральный міръ также не былъ чуждъ дома Ивана Ивановича; благодаря постановкѣ своей пьесы на сценѣ, онъ вошелъ въ тѣсное общеніе съ первоклассными актерами русской сцены, и они охотно бывали у него. Встрѣчалъ

я не разъ на вторникахъ у Панаева Самойлова, Максимова, Брянскаго и Ивана Ивановича Сосницкаго, а изъ лицъ музыкальнаго міра помню Михаила Ивановича Глинку, Варламова, творца всѣмъ извѣстныхъ романсовъ, и знаменитаго тогда баса Петрова.

Можно себѣ представить, какія интересныя группы составлялись на этихъ панаевскихъ вечерахъ и какой потокъ глубокихъ мыслей, тенденцій и остроумія переливался изъ одного конца этой густо набитой народомъ квартиры въ другой. Обыкновенно самая густая толпа мужчинъ собиралась въ кабинетъ у хозяина, куда имъ и подавалась закуска, а дамы держались около матери Ивана Ивановича, Маріи Екимовны, и принимали участіе въ общемъ собраніи, когда читалось что-либо общедоступное; но дамскаго элемента на этихъ вечерахъ было очень немного,

Большинство посѣтителей панаевскихъ вторниковъ бывали и у насъ, и я съ восторгомъ встрѣчалъ этихъ дорогихъ гостей, искренне счастливый, что судьба меня толкнула въ такую плеяду, отъ которой я хваталъ все, что могъ, съ жадностью голоднаго волка, какъ бы предвидя, что скоро-скоро это блестящее общество, подъ гнетомъ суровой судьбы, будетъ разбито магическимъ veto и разметано во всѣ стороны житейскаго моря.

Въ числѣ посѣтителей панаевскихъ вечеровъ былъ также извѣстный писатель, графъ Владимиръ Александровичъ Сологубъ. Это былъ одинъ изъ симпатичнѣйшихъ людей того времени, оставившихъ прекрасную о себѣ память среди близкихъ ему. Владимиръ Александровичъ окончилъ дерптскій университетъ и свою литературную карьеру началъ съ повѣсти «Исторія двухъ галошъ», т. е. «въѣхалъ въ нее въ галошахъ», какъ выражались остряки того времени. Отецъ графа былъ когда-то богатъ, но все свое состояніе промоталъ и оставилъ сына при очень скудныхъ средствахъ, что, однако, не помѣшало ему сдѣлать себѣ блестящую партію. Женился Владимиръ Александровичъ на дочери графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго, извѣстнаго мецената и любителя музыки ¹⁾.

Софія Михайловна была родною племянницею Матвѣя Юрьевича Віельгорскаго ²⁾, который бывалъ у моего отца на его музы-

¹⁾ Гр. М. Ю. Віельгорскій родъ, въ 1787 г. Умеръ въ 1856 г. Въ 40-хъ годахъ домъ его являлся сосредоточіемъ артистической жизни, и когда Робертъ Шуманъ со своей женой Кларой въ 1844 г. былъ въ С.-Петербургѣ, то у Віельгорскаго подъ его управленіемъ была исполнена одна изъ знаменитыхъ шумановскихъ симфоній и мн. др. вещей. По совѣту гр. М. Ю. Віельгорскаго, Карлъ Шубертъ устроилъ въ петербургскомъ университетѣ утренніе симфоническіе концерты, которые положили начало Русскому музыкальному обществу.

Б. Тагъевъ.

²⁾ Гр. Матвѣй Юрьевичъ Віельгорскій, одинъ изъ основателей Русскаго музыкальнаго общества, свою богатую бібліотеку и инструменты завѣщалъ консерваторіи, а свою знаменитую віолончель Страдиваріуса подарилъ К. Ю. Давыдову; умеръ онъ въ 1865 году.

Б. Тагъевъ.

кальныхъ вечерахъ со своей віолончелью и съ котораго отецъ написалъ извѣстный портретъ.

Поселились молодые Сологубы у своего тестя, гр. Михаила Юрьевича, въ его домѣ на углу Михайловской площади и Итальянской улицы, гдѣ я сталъ довольно часто бывать. Владимиръ Александровичъ частенько заходилъ къ намъ и не разъ высказывалъ свое восхищеніе моими рисунками, приглашалъ меня къ себѣ и наконецъ просилъ меня давать уроки рисованія его женѣ, благодаря которымъ я очень сошелся со всѣмъ семействомъ графа.

Общество, собиравшееся въ салонѣ графа, было крайне смѣшанное, здѣсь были и литераторы, артисты, музыканты, художники, здѣсь же присутствовали и представители высшаго аристократическаго общества. Вечера эти были всегда очень оживленные, и Сологубъ умѣлъ придавать имъ весьма разнообразный и интересный характеръ, пользуясь разнovidнымъ элементомъ, составлявшимъ его общество. Кромѣ чтенія, пѣнія и музыки, которое безъ исключенія всѣмъ доставляло истинное удовольствіе, онъ придумывалъ разные сюрпризы, еще болѣе оживлявшіе вечера и придававшіе имъ особенную прелесть, такъ, на примѣръ, однажды, послѣ продолжительнаго чтенія, а затѣмъ цѣлаго отдѣленія концерта, въ огромномъ каминѣ, находившемся въ гостиной графини, былъ пущенъ роскошный комнатный фейерверкъ съ изумительно художественно скомбинированными фигурами. Не было болѣе или менѣе выдающагося лица, прославившагося чѣмъ бы то ни было, которое бы миновало домъ Владимира Александровича. Такъ, разъ въ числѣ его гостей очутился знаменитый фокусникъ Германъ, слава о которомъ въ то время достигла необычайнаго размѣра, и онъ вскорѣ по пріѣздѣ былъ приглашенъ императоромъ въ Зимній дворецъ.

Это былъ по истинѣ геній въ своемъ искусствѣ и отличался еще отъ прочихъ своихъ собратій тѣмъ, что его не сопровождали ни лабораторія, ни помощники. Онъ всегда выходилъ въ бальномъ костюмѣ, вооруженный лишь своею магической палочкой, и затѣмъ начиналъ показывать по истинѣ чудеса. Не разъ я восхищался этимъ образомъ ловкости и быстроты, когда онъ демонстрировалъ передъ нами цѣлый рядъ своихъ изумительныхъ фокусовъ.

Во дворецъ онъ пріѣхалъ въ своемъ обычномъ видѣ и вошелъ въ залъ, гдѣ его ждало отборнѣйшее общество, расположившееся амфитеатромъ.

Отвѣсивъ поклонъ передъ царскимъ семействомъ, Германъ протянулъ впередъ магическую палочку, отрекомендовалъ ея чудныя свойства и когда произносилъ послѣднія слова, вдругъ, какъ показалось, изъ конца ея выкатилось довольно большой величины ядро и съ шумомъ упало на полъ. Подавъ его одному изъ ближе сидящихъ, фокусникъ просилъ зрителей удостовѣриться въ томъ, что оно настоящее, и ядро пошло ходить изъ рукъ въ руки.

Лишь только ядро попало обратно въ руки Германа, какъ онъ отступилъ два шага назадъ, быстро повернулся и съ размаха бросилъ его въ одно изъ громадныхъ зеркалъ, украшавшихъ залъ еще со временъ Екатерины II. Зеркало съ трескомъ лопнуло, а на мѣстѣ, въ которое ударилось ядро, образовалось отверстіе. Нѣсколько кусковъ, какъ будто, со звономъ упало на полъ.

Все общество ахнуло, а государь, обращаясь къ фокуснику, сказалъ:

— Однакоже, господинъ Германъ, ваши фокусы должны дорого стоить и если вы будете такъ продолжать, то насъ будутъ окружать развалины.

— Моя наука, ваше величество, не разрушительная,—отвѣтилъ Германъ и, вынувъ платокъ, подошелъ къ зеркалу и сталъ гладить его и дышать на стекло, вставъ для этого на стулъ. Въ залѣ раздались неудержимые аплодисменты, когда магъ повернулся лицомъ къ публикѣ, а отъ отверстія на зеркалѣ не осталось и слѣда.

Да это былъ истинный артистъ того времени, и общество цѣнило въ немъ артиста и охотно принимало его во всѣхъ своихъ слояхъ, какъ гостя.

Изъ артистовъ бывалъ также у графа знаменитый музыкантъ на корнетѣ и веселый собесѣдникъ на ужинахъ Вилье; Варламовъ игралъ и пѣлъ свои романсы. Пѣли и играли также и другіе оперные пѣвцы, драматическіе актеры читали отрывки изъ своихъ ролей. Рассказывались анекдоты въ лицахъ и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе оживлялся вечеръ и заканчивался великолѣпнымъ ужиномъ.

Такіе же интересные вечера составлялись по воскресеньямъ у вице-президента нашей академіи, извѣстнаго медальера графа Ѳедора Павловича Толстого. Конечно, у него собирались преимущественно художники, но было также много артистовъ и по другимъ отраслямъ искусства и представителей науки и литературы. Какъ и графъ, графиня была также очень образованная, простая въ обращеніи и ласковая хозяйка. Дочь ихъ, красавица Марія Ѳедоровна, вскорѣ вышла замужъ за Павла Павловича Каменскаго, попавшаго въ число ста русскихъ литераторовъ, изданныхъ Смирдинымъ. Съѣзжались къ графу поздно, обыкновенно изъ театровъ или концертовъ, и въ это время, покуда было немного народа, графъ приглашалъ всѣхъ въ бильярдную, гдѣ охотно раздѣлялъ партію съ кѣмъ-либо изъ присутствовавшихъ, оставляя дамъ на попеченіе хозяйки дома. Но вотъ около 12-ти часовъ ночи начинали съѣзжаться гости, и покои графа наполнялись веселымъ говоромъ, смѣхомъ и задушевною бесѣдою. Быстро составлялся импровизованный концертъ, а затѣмъ сами собою завязывались танцы, и скромный вечеръ превращался въ шумный балъ. Извѣстный скульпторъ Рамазановъ, чрезвычайно подвижной и постоянно веселый человекъ, то садился играть на роялѣ, то дирижировалъ

танцами и положительно замучивалъ публику своими безконечными котильонами. Веселились мы, что называется, во всю, и старые и молодые одинаково сіяли отъ истиннаго удовольствія. Прекрасный ужинъ, съ обиліемъ вина, затягивался до разсвѣта, послѣ него опять танцы, а затѣмъ поиски шляпъ (тогда шляпы по обычаю не оставлялись въ переднихъ), и утомленные, но довольные гости шумною гурьбою высыпали на улицу.

Вотъ какъ жили въ бывшее славное время.

На вечерахъ у графа Ѳедора Павловича я познакомился съ Федотовымъ, прославившимся какъ замѣчательный карикатуристъ, или, вѣрнѣе, сатирикъ. Это былъ тотъ самый Федотовъ, бывший офицеръ лейбъ-гв. Егерскаго полка, который написалъ «Сватовство майора», «Первый крестъ» и многія другія прелестныя вещи. Онъ занималъ маленькую квартирку на Васильевскомъ островѣ, въ которой жилъ со своимъ бывшимъ денщикомъ, оставшимся при немъ послѣ своей службы.

Наружность Федотова была очень симпатична, каріе глаза его добродушно смотрѣли и какъ будто бы все время улыбались, но эта улыбка прикрывала наболѣвшую душу талантливаго человѣка. Волосы были темные, коротко остриженные, руки тонкія, женственныя и на одномъ изъ пальцевъ какой-то перстень. Федотовъ прекрасно игралъ на гитарѣ, пѣлъ очень пріятнымъ баритономъ сочиненные имъ же самимъ куплеты, полные остроумія и сарказма, но никогда въ немъ не было ничего скабрзнаго, кромѣ того, онъ былъ прекрасный рассказчикъ. Бесѣда съ этимъ человѣкомъ была необыкновенно пріятна, онъ былъ веселъ всегда и остроуменъ. Но нелегко досталась Федотову слава первокласснаго художника; работать онъ началъ совершеннымъ диллетантомъ, и только его страстная настойчивость въ направленіи его артистической дѣятельности помогла ему преодолѣть всѣ трудности техники безъ всякой школы и руководителя. Это указывало на его прямую геніальность.

Я часто бывалъ у Федотова, сошелся съ нимъ и часто за стаканомъ чая цѣлыми часами велъ интересную бесѣду. Конецъ бѣднаго товарища былъ ужасенъ: онъ умеръ въ больницѣ душевнобольныхъ съ припадками бѣшенства. Я былъ въ это время уже въ Москвѣ и не могъ навѣщать больного пріятели. Но художникъ Козловъ, не перестававшій видѣть его, показывалъ мнѣ его фотографическую карточку, изображавшую Федотова въ сумасшедшей рубашкѣ. Видъ этой фотографіи переворачивалъ мою душу.

Чтобы понять, какъ натерѣлся этотъ геніальный человѣкъ отъ нужды и индифферентнаго отношенія къ нему господъ, эксплуатировавшихъ его талантъ ради своего удовольствія, довольно привести одинъ примѣръ, какъ извѣстный въ свое время меценатъ Прянишниковъ эксъ-почтъ-директоръ въ Петербургѣ, собравъ

шій большую галерею исключительно русскихъ художниковъ, долго заставлялъ его ждать очень умѣренной суммы за его картины, которыя онъ купилъ для музея, а бѣдный художникъ чуть не съ голоду умиралъ въ это время.

Это обстоятельство могу еще подкрѣпить фактомъ, что и я самъ не получилъ съ него за двѣ головки моей работы, которыя этотъ меценатъ развязно присоединилъ къ своей знаменитой коллекціи, находя, вѣроятно, что я достаточно уже вознагражденъ тѣмъ, что онъ туда попали. И не мы одни были жертвами этого прекраснаго мецената.

Наступилъ ужасный для Россіи годъ, годъ утраты нашего солнца поэзіи—Александра Сергѣевича Пушкина. Я лежалъ больной воспаленіемъ легкихъ, когда до меня донеслась эта роковая вѣсть, и я, къ великому своему горю, не могъ поклониться его священному праху. Когда я сталъ поправляться, наступила весна, снова потекли ручьи, тронулась рѣка, и заликовала природа, равнодушная къ нашей великой уtratѣ, продолжая слѣдовать своему вѣчному закону забвенія и возобновленія.

Опять я провелъ лѣто въ Павловскѣ, куда къ намъ часто изъ Петербурга пріѣзжалъ Иванъ Ивановичъ Панаевъ; это былъ самый пріятный собесѣдникъ и веселый рассказчикъ, оживлявшій наше довольно однообразное житье. У него всегда было много юмора и умѣнья схватить самыя смѣшныя стороны того лица, о которомъ шла рѣчь, особенно же онъ рѣзко выдѣлялся среди прочихъ рассказчиковъ тѣмъ, что при удачной шуткѣ или остротѣ никогда не смѣялся самъ, тогда какъ окружающіе покатывались со смѣху. Кто умѣлъ еще смѣшить нашу компанію, такъ это Матвѣй Авеличъ Гамазовъ; онъ обладалъ мимическимъ талантомъ и умѣлъ передразнивать какъ людей, такъ и животныхъ; этотъ Гамазовъ впоследствии завѣдывалъ восточнымъ факультетомъ. Мы часто всей компаніей отправлялись на вокзалъ играть на бильярдѣ, и мнѣ припоминается экспромтъ Панаева, когда онъ смотрѣлъ на игру брата Пьера, сражавшагося противъ двухъ моихъ знакомыхъ молодыхъ людей, изъ которыхъ одинъ игралъ, не снявъ своего плаща, а другой былъ во фракѣ. Пьеръ игралъ очень хорошо и обыгрывалъ обоихъ юношей: и вотъ, когда проигрышь того, который былъ во фракѣ, казался уже несомнѣннымъ, Панаевъ воскликнулъ:

— Увы, старанія во прахѣ, погибъ сей юноша во фракѣ,—а когда очередь дошла и до другого, то Иванъ Ивановичъ продолжалъ свой экспромтъ:

— Увы, старанія вотще, погибнетъ также мужъ во плащѣ!

Съ Иваномъ Ивановичемъ пріѣзжалъ къ намъ также Андрей Александровичъ Краевскій, тогда еще молодой, и оба они ухаживали за гостившими у насъ дочерьми актера Брянскаго. Краевскій за старшей Анной, а Панаевъ за младшей Авдотьей Яковлев-

ной; оба они впоследствии и поженились на нихъ. Больше я зналъ младшую, да она и чаще прїѣзжала къ намъ. Это была очень симпатичная, но при томъ и крайне наивная дѣвушка, образование она получила весьма ограниченное, но ея природный умъ пополнялъ этотъ пробѣлъ, и она была всегда интересною собесѣдницею. Иванъ Ивановичъ Панаевъ понялъ, что изъ нея можно сдѣлать умную подходящую для себя подругу и, женившись на ней, настолько развилъ ее, что эта наивная простушка превратилась въ извѣстную писательницу и печатала свои повѣсти и романы подъ псевдонимомъ Станицкаго. То время, когда она была окружена плеядою самыхъ умныхъ и даровитыхъ людей, какъ: Некрасовъ, Бѣлинскій, Фетъ, Жемчужниковъ, Салтыковъ и др., положило начало ея извѣстнымъ мемуарамъ той безконечно интересной эпохи.

Вечера мы проводили на музыкѣ, а тутъ еще предстояло одно развлеченіе, о которомъ я не могу умолчать, такъ какъ оно касается лица, имѣющаго право на названіе историческаго. Это былъ нѣкто Дмитріевъ-Свѣчинъ ¹⁾—человѣкъ замѣчательный. Въ одно и то же время онъ былъ талантливѣйшій артистъ-скрипачъ, и его имя должно остаться въ лѣтописяхъ музыкальнаго міра, а также совершеннѣйшій дуракъ, просто феноменъ этого рода. Этотъ человѣкъ не имѣлъ ничего, жилъ уроками, но такъ какъ талантъ его былъ настолько блестящъ, что не могъ быть не замѣченнымъ, то онъ имѣлъ въ этомъ отношеніи большой успѣхъ и, кромѣ того, часто выступалъ въ концертахъ. Во время одного изъ такихъ концертовъ онъ познакомился съ талантливою піанисткой, дочерью нѣкоего Миллера, и вотъ однажды послѣ грома аплодисментовъ и похвалъ, расточаемыхъ публикой обоимъ счастливымъ, юный скрипачъ не выдержалъ наплыва нѣжнаго чувства, брякнулся на колѣни передъ талантливою артисткой и положилъ свою скрипку къ ея ногамъ. Эффектъ былъ поразительный, а публика разразилась аплодисментами. Съ той поры они стали считаться женихомъ и невѣстой.

Однако три года прошло съ этого счастливаго момента, а о бракосочетаніи не было и помину—остановка была за недостаткомъ средствъ, какъ у жениха, такъ и у невѣсты. Наконецъ Марія Павловна Сумарокова, всеобщая любимица въ Павловскѣ и хлопотунья, до страсти любившая устраивать приличные свадьбы, явилась на помощь двумъ любящимъ сердцамъ. Она открыла подписку на большой концертъ съ танцами, имѣвшій быть на вокзалѣ. Подписка имѣла колоссальный успѣхъ, тѣмъ болѣе, что поджидали прибытія на этотъ вечеръ его высочества наследника цесаревича Александра Николаевича. Но что вышло изъ этого лестнаго посѣ-

---

¹⁾ Незаконный сынъ Дмитріева-Свѣчина.

щенія? Какъ сумѣлъ воспользоваться имъ для своего будущаго нашъ талантливый артистъ?

Залъ былъ великолѣпно освѣщенъ; среди публики преобладалъ аристократическій элементъ. Концертъ шелъ блестяще, и съ каждымъ номеромъ бенефициантъ исполнялъ свои аріи все лучше и лучше. Къ послѣднему отдѣленію пріѣхалъ наконецъ наслѣдникъ, и дѣйствительно его высочество прибылъ какъ разъ къ самому торжеству счастливаго артиста; это отдѣленіе проведено было имъ восхитительно.

Однако успѣхъ такъ отуманилъ бенефицианта, что съ нимъ сдѣлалось что-то необычайное; онъ началъ ломаться и небрежно отвѣчать полусловами на поздравленія и выраженія своихъ восторговъ публики.

— Когда же ваша свадьба?—спросила его извѣстная красавица Свистунова.

— Право, не знаю,—отвѣчалъ онъ небрежнымъ тономъ:—заказаны многія вещи, отдѣляется квартира... ужь эти мастеровые всегда заставляютъ себя ждать...

Несмотря на то, что въ залѣ даже было жарко, онъ надѣлъ сверхъ фрака осеннее двубортное пальто, не стѣсняясь присутствіемъ наслѣдника цесаревича, бывшаго тутъ же и въ мундирѣ; его высочество уже приблизился къ нему, чтобы сказать артисту для поощренія что-нибудь лестное.

Выразивъ сожалѣніе, что опоздалъ къ началу концерта и поблагодаривъ артиста, наслѣдникъ вдругъ замѣтилъ, что бенефициантъ былъ въ пальто.

— Здоровы ли вы?—озабоченно спросилъ наслѣдникъ цесаревичъ.

— Ничего, ваше высочество, я чувствую себя хорошо; вы это меня спросили, вѣроятно, потому, что я въ пальто,—вдругъ прибавилъ онъ:—такъ это я нарочно сдѣлалъ, чтобы не простудиться.

Въ это время раздались звуки вальса, и танцы начались. Великій князь пересталъ уже говорить съ бенефициантомъ и повернулся къ нему бокомъ, поглядывая на танцующихъ, какъ вдругъ нашъ артистъ уже самъ затѣялъ бесѣду съ великимъ княземъ, что ужь совсѣмъ не допускалось придворнымъ этикетомъ.

— Отчего вы не танцуете?—спросилъ онъ наслѣдника.

Великій князь оглянулся, съ улыбкою посмотрѣлъ на артиста и снисходительно отвѣтилъ:

— Не желаю.

Но нашъ бенефициантъ не уgomонился:

— Вѣдь вы такъ молоды,—опять обращаясь къ наслѣднику, сказалъ онъ:—сколько вамъ лѣтъ?

Тутъ уже его высочество совсѣмъ отвернулся отъ него, и на лицѣ его вспыхнула досада, а взглядъ его, казалось, говорилъ: «справьтесь въ календарѣ».

Послѣ этого наслѣдникъ цесаревичъ сейчасъ же уѣхалъ, а за нимъ развѣхались и всѣ болѣе сановные гости.

Вотъ чему я былъ лично свидѣтелемъ и невольно вспомнилъ утонченную бесѣду Булгакова съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, гдѣ тонкій умъ нахала и изысканная манера обращенія такъ блестяще достигли желаемыхъ результатовъ.

Крупнымъ явленіемъ въ концѣ этого лѣта было возвращеніе изъ-за границы графини Самойловой. Она появилась на вокзалѣ съ цѣлой свитой красавцевъ итальянцевъ и французовъ; на видъ графиня казалась довольно перерзѣлой, но глаза ея отличались поразительной красотой. Ея сочныя уста, вздернутый носъ и выраженіе лица какъ будто говорили: «Je me fiche de l'opinion du monde».

Также однажды вечеромъ на музыкѣ появился знаменитый Бальзакъ въ какой-то большой сѣрой курткѣ и большой соломенной шляпѣ изъ итальянской соломы, съ фізіономіей, довольно скучающей.

Въ этотъ приѣздъ его въ Россію ему какъ-то не оказали подобающаго вниманія, онъ не былъ принятъ во дворцѣ, а слѣдовательно, и въ болѣе богатыхъ и знатныхъ домахъ, и бѣдный Бальзакъ утѣшалъ себя тѣмъ, и говорилъ даже объ этомъ своимъ друзьямъ, что все это невниманіе къ нему произошло оттого, что незадолго до его приѣзда въ Петербургѣ былъ Кюстинъ, который за оказанный ему почетъ и гостепримство отблагодарилъ русскій дворъ тѣмъ, что напечаталъ по возвращеніи во Франціи по его адресу пасквиль въ самомъ несдержанномъ тонѣ.

Вотъ что сказалъ Бальзакъ по этому поводу: «j'ai reçu le soufflet, qui a été destiné à Custine». (Я получилъ пощечину, назначенную Кюстину).

П. П. Соколовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КНЯЗЬ НИКОЛАЙ ЧЕРНОГОРСКИЙ.

ЯШЕНЬКА-МОЛЧАЛЬНИКЪ.

(Изъ воспоминаній дѣтства).

I.

АКЪ СЕЙЧАСЪ я смотрю на этого страннаго, величественнаго старика. Вмѣстѣ съ другими впечатлѣніями дѣтства запало въ память представленіе о немъ, но онъ, милый сѣдой старикъ, занялъ въ этихъ представленіяхъ какое-то особое большое мѣсто.

Таинственная, поэтически-красивая дымка окружала его образъ въ тѣ времена, когда я набирался первыхъ впечатлѣній жизни. Жизнь протянулась, какъ большой свитокъ бумаги, разнообразно исписанный и раскрашенный, и все же самымъ яркимъ образомъ остался все тотъ же величественный сѣдой старикъ, Яшенька-Молчальникъ, странный и непонятный человекъ, внушающій страхъ и симпатію.

Въ немъ была какая-то особая краса,—краса нашихъ глухихъ степныхъ помѣстій, маленькихъ городковъ, сель и деревень, утопающихъ въ суровую зиму въ глубокихъ снѣжныхъ сугробахъ. Представленіе о Яшенькѣ почему-то неразрывно сѣпляется въ памяти именно съ этими глубокими снѣжными сугробами, по которымъ въ буранныя ночи носится воющая мятель, а въ ночи лунныя—серебрится и переливается разноцвѣтными огнями ровный коверъ снѣговъ.

Онъ былъ совсѣмъ-совсѣмъ сѣдой, съ большой бѣлой бородой и съ длинными бѣлыми волосами, какъ у дряхлыхъ священниковъ. И зиму и лѣто онъ носилъ длинную бѣлую рубаху, напоминавшую женскую сорочку, но только значительно ниже колѣнъ и съ закрытымъ воротомъ.

Онъ и самъ представлялся мнѣ снѣжнымъ человѣкомъ—человѣкомъ изъ чистаго снѣга, который никогда не растаетъ. Какъ символъ какой-то, символъ той, давно прошедшей глухой жизни провинціи, представлялся мнѣ онъ въ юности, да и теперь его образъ еще стоитъ предо мною призракомъ суровой зимы нашей жизни.

Помнится, и я, и братъ, и всѣ наши сверстники, мы боялись Яшеньки и вмѣстѣ съ тѣмъ мы любили его какой-то странной любовью. Намъ представлялся онъ не человѣкомъ, потому что тѣхъ, кого мы боялись, мы не любили,—а какимъ-то особеннымъ существомъ, выше человѣка или внѣ рамокъ представленія о человѣкѣ.

II.

Прошлое Яшеньки отнюдь не загадочное. Напротивъ, вся его жизнь прошла на глазахъ его сверстниковъ. Бабушка моя, напри- мѣръ, знала его юношей, знатнымъ и богатымъ человѣкомъ, чуть ли не на весь уѣздъ.

— Андрея Еиѣмовича Росткова знала я хорошо,—говорила бабушка:—богатый былъ баринъ, но извергъ и смутьянъ на всю губернію!

— А кто этотъ Андрей Ефимовичъ Ростковъ?—спрашиваемъ мы.

— А это—отецъ Яшеньки...

— А развѣ его отецъ былъ помѣщикъ?—съ недоумѣніемъ въ глазахъ переспросилъ братъ.

— Да, богатый и знатный... Но только память по себѣ онъ оставилъ дурную.

Это сообщеніе бабушки повергло меня въ печаль. Почему-то мнѣ казалось, что Яшенька изъ мужиковъ. Его наружность говорила за это, да, кромѣ того, почему-то мнѣ хотѣлось думать, что Яшенька сынъ деревни, утопавшей въ снѣгахъ въ зимнюю пору.

Мнѣ часто представлялась такая картина.

Суровая снѣжная зима. Оголенные, печальные лѣса утопаютъ въ снѣгахъ, бѣлый пологъ снѣга лежитъ и на поляхъ, подъ бѣлыми саванами схоронились всѣ села, деревни, нашъ маленькій уѣздный городъ и гостепріимная усадьба уѣзда... Вдругъ темной ночью поднялась, заголосила снѣжная буря. Съ ревомъ и визгомъ пронеслись по полю громадныя, крутящіяся валуны снѣга. Лѣсъ загудѣлъ угрожающе, таинственно, застонала степь, и испуганно зарыдали крошечныя хатки деревень и еще глубже спрятались

за бѣлые снѣжныя саваны. Въ волнующейся кисеѣ мятели, съ гиканьемъ, съ посвистомъ, и грохотомъ явился откуда-то сѣдой старикъ съ большой бѣлой бородою, съ большими бѣлоснѣжными волосами и въ длинномъ бѣломъ хитонѣ. Всталъ онъ изъ-за лѣса величественнымъ и громаднымъ, простеръ изъ темноты ноги, большія бѣлыя руки и зашагалъ по полямъ и чрезъ лѣса, чрезъ горы, села, деревни и города.

Воющая и стонущая буря зимы родила бѣлаго Яшеньку. Онъ не человекъ, а больше человекъ! Онъ призракъ величественнаго, таинственнаго существа. Онъ пришелъ внушить людямъ страхъ и любовь! И мы должны бояться и любить, потому что онъ не человекъ, а другое—таинственное, неземное существо, съ мистическимъ страхомъ въ глазахъ и съ горячей любовью въ сердцѣ.

Я рассказалъ бабушкѣ о своихъ представленияхъ. Она погладила меня по головѣ, поцѣловала и сказала:

— Ты говоришь, что снѣжная буря родила Яшеньку? Это ты хорошо сказалъ, образно. Но только не изъ снѣжной бури родился Яшенька, а изъ бури жизни.

— Какъ это, бабушка?—въ одинъ голосъ воскликнули мы съ братомъ, не ясно представляя себѣ тотъ, другой образъ, туманно зарисованный бабушкой.

— А такъ, други мои, изъ бури жизни! Бурно прожилъ Яшенька свою молодость и много грѣха принялъ на душу, много людей перегубилъ... а потомъ... Вотъ, вы на морѣ не бывали и не знаете... Вотъ и слушайте, что я расскажу.

Мы ближе придвинулись къ бабушкѣ и притаили дыханіе, а старая, милая рассказчица продолжала:

— Когда море волнуется въ бурю, по нему ходенемъ ходятъ большія волны. И выбрасываютъ тѣ волны на морской берегъ бѣлую пѣну. И долго лежитъ та пѣна на песчаныхъ отмеляхъ и, какъ живая, дышитъ, когда надъ нею носится вѣтеръ. И зовутъ ту пѣну моряки-рыболовы «морскимъ дѣтищемъ». А когда отплываютъ на промыселъ, то берутъ ту пѣну, моютъ ею и руки, и лицо, и грудь, и плывутъ на суденышкахъ безбоязненно. А когда спросишь стараго рыбака: «для чего, молъ, ты, дѣдушка, это дѣлаешь?»—«А для того,— скажеть:—что теперь вотъ я побратался съ «морскимъ дѣтищемъ» и сталъ ему какъ бы братъ родной, а море-то теперь приходится мнѣ матерью родной. Пожалѣеть она меня, какъ своего родного сына, а пожалѣвши—вскормить, это значить добычей не обидить... а вскормивши—и отъ погибели уберезеть».

Глаза бабушки распирились и потемнѣли, а лицо стало точно помолодѣвшимъ и вдохновеннымъ. Она продолжала:

— Такъ-то вотъ, други мои, умоютъ себѣ рыбаки пѣной морскою лицо, руки и грудь и плывутъ въ море безъ опаски, а на берегъ возвращаются съ добычей... Такъ точно вотъ и Яшенька,

какъ пѣна морская... Только ужь тутъ выходитъ такъ, что вмѣсто моря-то надо разумѣть жизнь, бурную, какъ море... И вотъ эта жизнь и выбрасываетъ изъ своихъ волнъ такихъ вотъ, какъ Яшенька, юродивыхъ людей, безсребренниковъ и любвеобильныхъ братьевъ всему человѣчеству. И зовутъ ихъ у насъ «по старинѣ» пѣной жизни, рожденной бурными волнами житейскаго моря-океана... Надо любить ихъ, какъ братьевъ родныхъ, и тогда жизнь будетъ вамъ какъ родная мать, а не злая ворчливая мачеха.

— Бабушка! Но, вѣдь, Богъ велитъ любить не однихъ юродивыхъ, но и всѣхъ людей, какъ братьевъ!—воскликнулъ братъ.

— И-и... голубчикъ! Богъ-то велитъ, а развѣ мы это исполняемъ? Куда ужь тамъ всѣхъ-то любить, вѣрно, это не по сердцу человѣческому... Хорошо, если мы будемъ любить вотъ такихъ, какъ Яшенька, сырыхъ и безпріютныхъ, погрѣшившихъ на своемъ вѣку и раскаявшихся.

III.

Бурное это прошлое и страшное, какъ гроза ночью. Люди жили и не знали, что дѣлають: говорили о Богѣ, призывали и другихъ служить Ему, а сами поклонялись дьяволу и жили для своихъ необузданныхъ утѣхъ.

— Въ этомъ грѣхѣ жили почти всѣ помѣщики того времени,—поясняла бабушка свои загадочныя слова.—Жили въ свое удовольствіе, а крестьяне назывались крѣпостными и работали на помѣщиковъ. Это бы ничего,—что сдѣлаешь, если жизнь такъ сложилась. Но вотъ что худо: помѣщики обижали крестьянъ, своихъ крѣпостныхъ, и почитай что и за людей-то ихъ не считали. Отецъ Яшеньки, Андрей Ефимовичъ Ростковъ, жилъ богато и знатно. И было у него два сына да дочь, а жена-то у него умерла: руки на себя наложила... И съ тѣхъ поръ стали подтачивать ихъ жизнь разныя несчастія. Старшій братъ Яшеньки... Николаемъ, кажется, прозывали... ужь забыла... Ну, такъ вотъ, старшій-то братъ Яшеньки утонулъ, а сестра вышла замужъ за помѣщика Глумилина, а тотъ ее собственными руками и пристрѣлилъ. Жестокій былъ человѣкъ!

— А за что пристрѣлилъ-то?—перебиваемъ мы рассказчицу.

— А Богъ знаетъ за что! Никто не узналъ про то. Говорили, что нечаянно. Вмѣстѣ они на волковъ въ облаву ходили и били звѣрей пулями, а потомъ, видите ли, какой грѣхъ случился, одна пуля и попала въ жену помѣщика Глумилина. Какъ это случилось—Богъ вѣсть! Можетъ, и случайность, а можетъ, и нарочно самъ Глумилинъ застрѣлилъ свою жену. Люди разное говорили въ то время, всего не разберешь и не поймешь...

Бабушка говорила таинственнымъ голосомъ, и мы чувствовали, что она чего-то не договариваетъ, но уже не спрашивали. Потомъ, когда мы выросли, бабушка созналась, почему она тогда не все договаривала.

— Боялась омрачить ваши дѣтскія души, вотъ не все и договаривала... Много ужасовъ разныхъ видѣла я на своемъ вѣку! Лучше ужъ и не вспоминать о нихъ: были и будемъ поросли.

Я старался зарисовать въ своемъ представленіи образъ убитой жены помѣщика Глумилина, и эта невѣдомая женщина представлялась мнѣ мученицей. И я спрашивалъ самого себя: за что ее убили? Что она сдѣлала? Пусть если и виновата—зачѣмъ же убивать? Въ дѣтскіе годы жизнь представлялась мнѣ раемъ. Когда говорили о раѣ, мнѣ хотѣлось думать, что люди говорятъ о жизни. А жить такъ хорошо! Зачѣмъ же обрывать эту жизнь, какъ струну? Натянута струна—и поетъ она, если ее тронуть. Оборви струну—и она перестанетъ пѣть...

Я размышлялъ о жизни, а бабушка продолжала свой рассказъ:

— Потосковалъ, потосковалъ Андрей Ефимовичъ Ростковъ послѣ лютой смерти дочери, а потомъ вскорѣ и самъ Богу душу отдалъ. Умеръ Андрей Ефимовичъ тоже такъ, точно небо его наказало за всякія прегрѣшенія: громомъ-молніей его убило!

Мы даже вздрогнули при этихъ словахъ бабушки. Какъ-то особенно она сказала: «громомъ-молніей его убило!» А бабушка продолжала:

— Поѣхалъ Андрей Ефимовичъ въ поле, гдѣ рожь жали. И было это въ Ильинъ день, въ праздникъ. А въ Ильинъ день у насъ мужики праздновали, потому—въ селѣ Глумилинѣ церковь построена во имя пророка Іліи. Въ Ростковкѣ у нихъ была и своя церковь, во имя Преображенія Господня. Но мужики читали и глумилинскаго святого, Ілію, потому—грозень онъ, святой пророкъ! Говорили мужики Андрею Ефимовичу: «моль, не надо бы сегодня работать—грѣхъ!» А Андрей Ефимовичъ былъ баринъ суровый, ему чтобы ни однимъ словомъ не перечить. «Ка-акъ, грѣхъ?» Разсердился—и всѣхъ мужиковъ выгналъ въ поле рожь жать. Работали, конечно, плохо, потому—какая же работа изъ-подъ палки. Работаютъ, да и посматриваютъ на небо—боятся. А по небу-то тучки ходятъ, да все густѣютъ и густѣютъ. Смотрятъ на небо и думаютъ: «быть грозѣ!» А день былъ душный... Извѣстно, народъ былъ темный и вѣрилъ въ разные вздорные рассказы. Загремитъ на небѣ громъ, блеснетъ молнія, а люди темные говорятъ: «это Ілья пророкъ въ огненной колесницѣ по небу поѣхалъ и пускаетъ стрѣлы въ грѣшную землю». Вздоръ, конечно, все это! Потому—молнія и громъ происходятъ отъ электричества. Не сумѣю я вамъ хорошо-то объяснить, какъ это происходитъ. Погодите вотъ, подрастете, и учителя вамъ объяснятъ.

— Приѣхаль въ ржаное поле Андрей Ефимовичъ и давай всѣхъ мужиковъ да бабъ бранить, а кто перечиль—того ногойкой похлесталь, и больно похлесталь, а кого и окрованилъ. Собралась черная туча на небѣ, собралась, нахмурилась, да и пошла на землю проливнымъ дождемъ. А тутъ заблестала молнія и загрохоталь громъ. Пустился Андрей Ефимычъ скакать домой на своемъ кровномъ рысакѣ... скакаль, скакаль, а тутъ — молнія его и хватъ! Въ самую голову! Упаль — и бездыханенъ! Почернѣль весь... А народъ собрался около почернѣвшаго барина и говоритъ: «наказаль Господь, послаль своего пророка святого Илію и поразиль онъ грѣшника огненною стрѣлой!» Схоронили Андрея Ефимовича честию, потому — народъ, видя его смерть отъ руки Господа, простилъ ему всякія его прегрѣшенія. И остался на бѣломъ свѣтѣ сынъ его Яковъ одинъ-одинешенекъ, безъ призора да безъ добраго совѣта. Видѣль, что отецъ дѣлаль, какъ живъ былъ, и самъ давай то же дѣлать.

IV.

— Яковъ Андреевичъ Ростковъ, — продолжала рассказывать бабушка, — жилъ въ своемъ имѣннѣ. А наша усадьба была недалеко отъ Ростковки-то, всего версты за полторы, черезъ лѣсъ да черезъ рѣчку Ростковку. Самъ Яковъ Андреичъ остался въ памяти моей съ того дня, когда появился въ деревнѣ. А обучался онъ до этого времени въ Дворянскомъ полку и хотѣли его сдѣлать военнымъ человѣкомъ. Ужъ не знаю, для чего старикъ Ростковъ отдалъ его въ ученіе: съ малолѣтства у него не было охоты къ ученью. Баловникомъ онъ какимъ-то росъ, да такъ баловникомъ на всю жизнь и остался. И изъ Дворянскаго-то полка его выслали къ отцу за какую-то провинность: на, молъ, получай своего птенчика, Андрей Ефимовичъ, потому — больно коготки остренькіе у него отрасли. Приѣхаль онъ тогда въ деревню оболтусомъ и было ему не больше семнадцати лѣтъ. Приѣхаль — и перво-на-перво спалилъ бороду у бурмистра Агаѳона. «Чтой-то, — говоритъ, — у тебя больно борода-то огненная?» Рыжій Агаѳонъ-то былъ. И подпалилъ Агаѳону бороду. Поплакаль-поплакаль Агаѳонъ о своей бородѣ, а что сдѣлаешь? «Ты, — говоритъ, — старая крыса, долженъ стоять предо мной, какъ солдатъ, на вытяжку!» А гдѣ же старому человѣку тянуться: спина свое беретъ, да и годы-то на плечахъ какъ пудовыя гири... А потомъ, прошло немножко времени, опять разсердился онъ на Агаѳона, да и давай хлестать его по головѣ да по лицу. «Отецъ, — говоритъ, — мнѣ въ наслѣдство нагайку оставилъ, и буду я той нагайкой обучать васъ». Обучаль, обучаль нагайкой-то, да и захлесталь Агаѳона на смерть! Первое душегубство совершилъ, а тамъ и пошелъ дѣла дѣлать, и пошелъ, и пошелъ...

Бабушка смолкла, посмотрѣла на насъ слезящимися глазами, съ беспокойнымъ взоромъ и тяжело вздохнула. Какъ будто изъ ея воспоминаній прошлаго всталъ страшный образъ Якова Росткова и заставилъ ее замолчать. Тѣни былого и страшнаго не всегда можно беспокоить безнаказанно. Мнѣ и самому казалось, что образъ юнаго помѣщика съ окровавленными руками всталъ изъ глубокихъ темныхъ угловъ комнаты и подошелъ вплотную и точно привалился къ душѣ.

— Такъ-то, други мои, онъ и началъ свою молодую жизнь. Сколько народа перепортилъ: ни старикамъ, ни дѣтямъ онъ него пощады не было. И стонали тогда наши ростковскіе пахари, да и помѣщикамъ-то сосѣднимъ, особенно изъ небогатыхъ да изъ мелкопомѣстныхъ, спуску не давалъ. Отца моего боялся, потому—онъ сумѣлъ его обуздать. А вотъ Егорьевскіе да Глумилины, опять же Овсяниковы—такъ тѣ имъ разорены... И такъ жилъ онъ до двадцати пяти лѣтъ, а потомъ вдругъ и пропалъ. Всю губернію на ноги поставили, искали Якова Росткова. Думали, ужъ не пристукнулъ ли его кто-нибудь изъ мужиковъ или изъ помѣщиковъ. Имѣнье взяли подъ опеку, а тутъ, какъ снѣгъ на голову, вдругъ пріѣхала изъ Твери сестра его двоюродная, Пелагея Саввична Росткова. Молоденькая такая барынька... фамилія-то ея ужъ не Росткова была, а Сущинская. Пріѣхала, да и заявила: молю, моя Ростковка теперь, потому Яковъ Андреичъ ее подарилъ мнѣ. «А гдѣ, — спрашиваемъ, — Яковъ-то Андреичъ?»—«А онъ, — говоритъ, — подарилъ мнѣ всѣ свои лѣса и земли, а самъ ушелъ на Аѳонъ и въ монахи поступилъ». Лѣтъ десять такъ прошло, и никто объ Яковѣ Андреичѣ ничего не слышалъ. Вдругъ является, сѣдой весь да старый, и не говоритъ, точно языкъ у него вырѣзали. А потомъ мы уже черезъ аѳонскихъ монаховъ узнали, что Яковъ Андреичъ наложилъ на себя обѣтъ молчанія. Молчальниками такіе люди называются.

V.

Помнится, было уже далеко за полночь, когда бабушка оборвала рассказъ на этомъ мѣстѣ и сказала:

— Ну, други мои, идете спать, а объ остальномъ я ужъ расскажу вамъ потомъ какъ-нибудь...

Пошли мы въ дѣтскую и долго не могли заснуть въ эту ночь. Братъ мой, впрочемъ, скоро заснулъ, а я не могъ сомкнуть глазъ и все думалъ о Молчальникѣ. Я не могъ себѣ представить, какъ же это такъ: человекъ обрекаетъ себя на вѣчное молчаніе. Если бы мнѣ зажали ротъ, — думалъ я, — я, конечно, не могъ бы говорить, но молчать такъ, по доброй волѣ, молчать и чувствовать, что тебѣ никто не мѣшаетъ говорить и никто не затыкаетъ тебѣ рта—такой жизни я не могъ себѣ представить. Потомъ я попросилъ бабушку разсказать мое дѣтское недоумѣніе, и она сказала:

— Это, другъ мой, великій подвигъ! Не всякій человѣкъ способенъ на такое отрѣшеніе отъ міра. Люди съ большой волей могутъ налагать на себя такой крестъ покаянія и смиренія. Много нагрѣшилъ Яковъ Андреичъ, а потомъ дошелъ до бездны грѣховной и увидѣлъ тьму своей жизни. Увидѣлъ—и замкнулъ уста, раскрывши свою душу предъ престоломъ Высшаго Судіи. «Прими, молю, Господи, мою душу и суди! Окаянныя уста мои безмолвны и на хулу и на оправданіе передъ тобою и на просьбу о твоей милости!»

— И жилъ Яковъ Андреичъ въ усадьбѣ двоюродной сестры своей, а поселился-то не гдѣ-нибудь въ хоромахъ, а въ старенькой банѣ. И цѣлые дни, бывало, молится, а ночь придетъ—выйдетъ въ поле, да и бродитъ бѣлымъ призракомъ. Съ этихъ поръ онъ и сталъ носить хитонъ, вродѣ какъ бы женская сорочка, а отъ обуви отказался. И—дивное дѣло! Морозъ точно боялся его: холодъ, бывало, страшный, а онъ идетъ по снѣгу—и хоть бы что. Такъ-то вотъ по ночамъ онъ и бродилъ по полямъ и въ разныхъ мѣстахъ становился на колѣни и все молился... Точно просилъ сырую землю: молю, согрѣшилъ я предъ тобою, сыра земля, полилъ тебя и потомъ, и слезами, и кровью человѣческою, а теперь каюсь предъ тобою и молю тебя—прости меня, грѣшнаго.

Часто видѣли его на могилкѣ Агаѳона. Придетъ на могилку, станетъ на колѣни и молится на почернѣвшій крестъ и молятъ душеньку убиеннаго Агаѳона, чтобы душенька мученика предстала предъ престоломъ Всевышняго и молила за него, убійцы, грѣхи тяжкіе... Народъ простилъ Якову Андреичу всѣ его прегрѣшенія и сталъ называть его Яшенькой, какъ ребенка какого. Въ имени-то этомъ и смягчилъ всю свою былую злобу.

VI.

Первый разъ въ жизни я увидѣлъ Яшеньку задолго до разказа бабушки.

Это случилось въ нашемъ городскомъ домѣ утромъ въ какой-то большой праздникъ. Случайно вышелъ я въ залъ и увидѣлъ сѣдого старика въ бѣломъ хитонѣ. Сидѣлъ онъ въ переднемъ углу на стулѣ, около маленькаго овальнаго столика, а около него сидѣлъ мой дѣдъ, Иванъ Данилычъ, семидесятилѣтній старикъ. Дѣдъ мой плохо видѣлъ, жаловался на слабость зрѣнія и въ ясные дни носилъ «дымчатые куляры» съ сѣткой.

А въ это утро въ окна свѣтило яркое зимнее солнце, и оба старика, сидѣвшіе въ яркихъ лучахъ бѣлаго свѣта, показались мнѣ привидѣніями. Я пріостановился въ дверяхъ зала, вздрогнулъ и выронилъ изъ рукъ чашку жидкаго чая, которую несъ по порученію бабушки въ залъ. Я не зналъ, кому предназначалась эта чашка, и, если

бы бабушка сказала, кто сидитъ въ залѣ, можетъ быть, я ослушался бы ея приказанія.

— Васенька, что ты дѣлалъ!—окрикнулъ меня дѣдъ и поднялся съ кресла.

Я стоялъ съ опущенными глазами, дрожалъ и боялся взглянуть въ сторону бѣлаго гостя. Дѣдушка подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за плечи и повелъ къ переднему углу зала.

— Иди, извинись передъ дорогимъ гостемъ, а потомъ пойди и принеси другую чашку...

Бѣлый гость какъ-то странно замычалъ и нѣсколько разъ помянулъ меня къ себѣ жестомъ руки. Я подходилъ не по доброй волѣ, а подталкиваемый дѣдушкой. Я подошелъ къ бѣлому гостю съ опущенными глазами и сконфуженный.

Онъ взялъ мою руку и поцѣловалъ ее два раза, а потомъ быстро поднялся, быстро же опустился на колѣни и поклонился мнѣ въ ноги, и опять поднялся и сѣлъ. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать. Можетъ быть, и мнѣ слѣдовало бы поцѣловать ему руку и поклониться въ ноги. Я не зналъ и стоялъ, какъ закаменѣвшій.

Бѣлый гость промышалъ что-то, очевидно, привлекая мое вниманіе словомъ своего «молчалинства», а когда я взглянулъ на его лицо, я тутъ только замѣтилъ, какіе ясные, голубые, широко раскрытые глаза смотрѣли на меня. Взоръ его глазъ показался мнѣ широко разлитымъ моремъ ласки, доброты и любви... Ясные, широко раскрытые глаза «Бѣлаго гостя» обласкали меня и навсегда приковали къ себѣ своимъ свѣтомъ. Я до сихъ поръ не могу забыть этихъ глазъ и ни у кого изъ людей и никогда я больше не встрѣчалъ такого взора.

Бѣлый гость снова остановилъ мое вниманіе. Онъ вынулъ изъ-за пазухи своего хитона доньшко хрустальнаго стакана. Объ этой «стекляшкѣ» я слыхавъ и раньше. Всѣ въ городѣ называли «стекляшку» Яшеньки эмблемой счастья, въ противоположность «подошеvkѣ», т. е. куску кожи, вырѣзанному въ видѣ слѣда человѣческой ступни. Появленіе Яшеньки въ домѣ, обыкновенно, вселяло панику, по крайней мѣрѣ, до того мгновенія, пока онъ не вытащить изъ-за пазухи «даровъ святого Аѳона». Если Яшенька вынималъ на порогѣ дома «стекляшку», это означало предзнаменованіе счастья и вообще благополучія, если же бѣлый гость переступалъ порогъ дома съ «подошеvkой» въ рукахъ, это наводило уныніе на всѣхъ живущихъ въ домѣ и вѣрующихъ въ вѣщую силу «даровъ святого Аѳона».

Подозвавъ меня къ себѣ, Яшенька промышалъ и жестами руки далъ мнѣ понять, чтобы я посмотрѣлъ на свѣтъ солнца черезъ граненое доньшко стакана. Я исполнилъ его просьбу и увидѣлъ черезъ прозрачное, гладко отполированное стекло оконную раму, цвѣты на подоконникѣ и далѣе голубоватый свѣтъ, который лежалъ высокимъ сугробомъ на улицѣ передъ окнами дома.

Бѣлый гость приложился къ «стекляшкѣ» губами, потомъ ударилъ себя рукою въ грудь, указаль пальцемъ на небо и улыбнулся тихой и счастливой улыбкой.

Предложеніе Яшеньки убѣдиться въ прозрачности стекла, ударъ въ грудь и цѣлованіе «стекляшки» съ жестомъ руки къ небу горожане объясняли такъ. Всѣми этими манипуляціями Яшенька говорилъ людямъ: «вотъ, смотрите, какъ чиста моя душа, потому что Богъ простилъ всѣ мои прегрѣшенія».

А тотъ фактъ, что Яшенька только у дѣтей цѣловаль руку и только предъ дѣтьми падалъ ницъ, также старались объяснить на понятномъ горожанамъ языкѣ, и въ двухъ версіяхъ:

Одни говорили: «Моя душа чиста, и я равняюсь съ невинными отроками».

Другіе говорили: «Я былъ гордъ передъ Господомъ и предъ людьми. Теперь я смиряюсь передъ дѣтьми, какъ передъ голубиной кротостью и смиреніемъ овна».

Кто былъ правъ, я не знаю. Можетъ быть, самъ Яшенька даваль своему поведенію и иное объясненіе. Но кто же могъ разгадать эту тайну? Онъ былъ молчальникъ.

VII.

Впечатлѣніе отъ первой встрѣчи съ Яшенькой-Молчальникомъ залегло въ душѣ глубоко. Внушаль онъ мнѣ и страхъ, и любопытство, и какое-то особенное нѣжное чувство, Иногда я жалѣль Яшеньку, и скоро убѣждался, что моя жалость скользитъ мимо него, и онъ представляется менѣ всего заслуживающимъ сожалѣнія. И даже, напротивъ, остальные люди казались мнѣ, по сравненію съ Яшенькой, жалкими.

У насъ въ домѣ, въ уютныхъ квартирахъ нашихъ знакомыхъ, да и вообще во всемъ городѣ жизнь текла мирно, тихо тянулась и медленно, точно переваливалась. Одинъ день походилъ на другой, какъ каждый изъ людей почти не отличался отъ другого.

А жизнь Яшеньки-Молчальника такъ оригинальна! Уже тотъ фактъ, что онъ молчитъ и этимъ молчаніемъ говоритъ больше, нежели другіе, отличаль бѣлаго гостя отъ другихъ, какъ бы они ни были интересны и занимательны въ своемъ родѣ.

Легенды о его жизни въ имѣннн кузины сопровождали его всюду, варьируясь на разные лады, но въ общемъ выражая одно и то же: бѣлый гость жизни, молчальникъ—не похожъ на другихъ. Всталъ онъ съ земли бѣлымъ призракомъ и бродить, точно чья-то безпокойная дума или растревоженная больная совѣсть.

Въ бѣломъ хитонѣ, босой, съ непокрытой сѣдой головой, съ пышными развѣвающимися волосами и съ широкой бѣлой бородой,

онъ походилъ на Саваоа, какимъ изображаютъ Бога въ голубыхъ куполахъ храмовъ. Онъ ничего не имѣлъ, кромѣ хитона, «стекляшки» и «подошевки», и этимъ какъ бы говорилъ людямъ о суетности ихъ стяжаній.

Въ домахъ горожанъ, на улицахъ, онъ появлялся часто, но больше всего жилъ въ Ростковкѣ, въ шести-семи верстахъ отъ города. И никакая погода, ни день, ни ночь не могли измѣнить его рѣшенія: приходилъ, когда ему хотѣлось, и уходилъ, увлекаемый только своимъ желаніемъ. Жилъ, какъ вольная птица, питался скромно. Бѣлый хлѣбъ и жидкій чай—вся его пища:

Порочные люди его боялись, потому что онъ по-своему говорилъ имъ правду. Духовныхъ не любилъ, и никто никогда не видѣлъ его въ церкви. Это обстоятельство вначалѣ сильно взволновало горожанъ и смущало духовныхъ особъ мѣстныхъ храмовъ и даже высшее губернское начальство. Одно время его считали даже приверженцемъ какой-то секты, и священники называли эту секту вредной для православной церкви. Подозрѣніе духовныхъ особъ вызвало слѣдствіе, и отъ архіерея пріѣхала цѣлая комиссія. Но слѣдователи убѣдились въ ложности слуховъ: Яшенька-Молчальникъ никого не совращалъ въ свою секту ни словомъ, ни дѣломъ. Жилъ, какъ вольная птица, и говорилъ съ людьми на непонятномъ имъ языкѣ жестовъ. Но много ли на этомъ языкѣ скажешь?

Нерѣдко Яшенька выступалъ и въ роли изобличителя мѣстныхъ нравовъ, негодуя на «прорухи» и дурное поведеніе мѣстнаго начальства и жестокость полиціи; смѣялся надъ жадностью купцовъ, преслѣдовалъ праздныхъ и жестами проклятія предупреждалъ развратныхъ и пьяныхъ людей. И, изобличая пороки другихъ, выражалъ свое негодованіе только однимъ своимъ упорнымъ и жуткимъ молчаніемъ. Но это молчаніе имѣло силу, большую силы словъ. Бывало, только съ лица измѣнится: брови нахмурятся, въ углѣ губъ лягутъ сурово-скорбныя складки, а глаза потемнѣютъ и точно потухнутъ.

И люди боялись Яшеньку-Молчальника и вмѣстѣ съ тѣмъ любили его и почитали. Онъ посѣщалъ больныхъ. Придетъ, сядетъ у постели недужнаго человѣка и молча смотритъ своими большими и ясными глазами и точно изгоняетъ болѣзнь изъ страждущаго тѣла. Часто заходилъ онъ и въ хатки бѣдняковъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда надъ бѣднымъ человѣкомъ, и безъ того уже обездоленнымъ, разразится какая-нибудь бѣда. Но въ хату бѣдняковъ Яшенька не приносилъ ни золота, ни серебра, потому что и самъ-то никогда не имѣлъ за душой ни алтына. Къ бѣдняку онъ приносилъ съ собою любящій и нѣжный взоръ ясныхъ голубыхъ глазъ, и если и не насыщалъ этимъ взоромъ истомленнаго голодомъ тѣла, то все же питалъ неспокойную душу лаской и вниманіемъ.

VIII.

Въ глухомъ и бѣдномъ селѣ Воздвиженскомъ жилъ священникъ отецъ Артемій Орловъ. Былъ онъ человѣкъ бѣдный и многосемейный и вдовый. На рукахъ у него было семь человѣкъ дѣтей, да двое сыновей учились въ семинаріи. Приходъ у отца Артемія былъ бѣдный, и сколько онъ ни просилъ о переводѣ въ другой приходъ, болѣе доходный, чтобы воспитать своихъ птенчиковъ, но ничего изъ этого ходатайства не выходило. А потомъ и оказалось, что бѣдность вовлекла отца Артемія въ преступленіе. Пріѣхалъ ревизоръ осматривать церковныя книги да повѣрять кассу и наткнулся на растрату и на подлогъ.

Засадилъ о. Артемія на скамью подсудимыхъ въ окружномъ судѣ и стали судить. Но пришелъ Яшенька въ судъ и спасъ злосчастнаго человѣка. Никогда въ судъ Яшенька не заглядывалъ, а тутъ пришелъ, сѣлъ на переднюю скамью, вынулъ изъ-за пазухи свою «стекляшку», промычалъ, ударилъ рукой въ грудь, поцѣловалъ стекло и указалъ пальцемъ на блѣднаго и сѣдого священника, сидящаго на скамьѣ подсудимыхъ.

Переглянулись судьи и присяжные и точно обомлѣли, а о. Артемій поблѣднѣлъ еще больше, затрясся, да и закрылъ лицо руками и зарыдалъ.

Сидѣли тутъ же, въ судѣ-то, старшіе ребята о. Артемія: мальчикъ лѣтъ двѣнадцати да двѣ дѣвочки-погодки лѣтъ девяти-десяти. Заговорилъ свою рѣчь прокуроръ, а Яшенька всталъ, подошелъ къ дѣткамъ о. Артемія, да поочередно у каждаго поцѣловалъ руку, да и бухъ имъ въ ноги... Оборвалась рѣчь прокурора, а Яшенька поднялся съ пола и молча вышелъ, и точно со своимъ молчаніемъ вмѣстѣ унесъ и всѣ вины о. Артемія.

И присяжные оправдали несчастнаго человѣка.

Былъ еще и такой случай. Мужики деревни Хохловки жили бѣдно, а тутъ еще и конокрады каждый годъ ихъ разоряли. Въ нашихъ мѣстахъ больше башкиры конокрадствомъ-то занимаются. И вотъ какъ-то разъ изловили хохловскіе мужики двухъ башкировъ-конокрадовъ и всѣмъ міромъ расправились съ ними самосудомъ, попросту говоря—убили ихъ, заколотили каждому убитому въ задъ по колу, да и выбросили на дорогѣ.

И привезли на скамью подсудимыхъ шестьдесятъ пять душъ. Всѣ домохозяева били башкирь, и всѣхъ ихъ потянули въ судъ.

Я особенно хорошо помню эту исторію изъ рассказовъ прокурора суда и судей.

Пріѣзжая на судебную сессію суда въ нашъ городъ, члены суда и прокуроръ обыкновенно останавливались въ парадныхъ комнатахъ дома моего дѣда, потому что нашъ домъ считался въ городѣ

лучшимъ, да и мой дѣдъ имѣлъ какія-то пріязненныя отношенія съ кѣмъ-то изъ судейскихъ.

Самосудъ хохловскихъ крестьянъ надъ конокрадами взволновалъ весь уѣздъ, а когда наѣхалъ судъ, волненіе еще больше усилилось. Никто не могъ представить себѣ возможности осужденія шестидесяти пяти человекъ за двухъ конокрадовъ, разорывшихъ цѣлый уѣздъ. Волновались и судьи, и присяжные. Какъ сейчасъ помню такую сцену.

Мой дѣдъ сидитъ въ залѣ на диванѣ рядомъ съ двумя судьями, а прокуроръ, высокій человекъ съ лысой головой и длинными усами, ходитъ по залу изъ угла въ уголъ и волнуется.

— Ужели же ихъ осудятъ?—спросилъ дѣдъ.

— Да, конечно,—сухо отвѣтилъ прокуроръ, а потомъ добавилъ:—вотъ въ томъ-то и горе: въ глубинѣ моей души я не могу ихъ осудить, а... а по закону... я буду требовать высшей мѣры наказанія... Но кого я буду обвинять? Голодныхъ, озлобленныхъ нуждою людей! Вѣдь въ этой самой Хохловкѣ, состоящей изъ 250 душъ обоого пола, не оказалось ни одного грамотнаго! Поймите вы: ни одного грамотнаго! Кого я долженъ обвинять?

Жуткое молчаніе было отвѣтомъ на вопросъ прокурора. А я, помнится, всѣ дни, пока разбиралось дѣло хохловскихъ мужиковъ, бродилъ съ безпокойной думой и въ душѣ прощалъ всѣмъ убійцамъ.

Простилъ имъ и Яшенька. Въ день суда, когда изъ 65 человекъ были уже осуждены 48, онъ неожиданно появился у нашего дома и бросилъ большимъ камнемъ въ окно зала, гдѣ жили прокуроръ и судьи. А когда всполошенные судейскіе чиновники бросились изъ-за обѣда къ окнамъ, Яшенька стоялъ на тротуарѣ, дико мычалъ, размахивая своей «подошечкой», и съ горящими глазами угрожалъ судейскимъ чиновникамъ карою неба.

IX.

Послѣдній разъ я видѣлъ Яшеньку-Молчальника осенью, въ ненастное и холодное утро, когда хоронили одного самоубійцу.

Въ мѣстномъ сѣздѣ мировыхъ судей служилъ мелкій чиновничекъ Плаховъ, человекъ уже немолодой и прослужившій въ сѣздѣ болѣе 20 лѣтъ. Женился онъ поздно, но потомъ быстро обзавелся большой семьей: у него было три сына и двѣ дочери. Назначили председателемъ сѣзда новаго человека и перевернули всю жизнь несчастнаго чиновничка. Не влюбилъ новый начальникъ Плахова и уволилъ его въ двадцать четыре часа.

Пришелъ Плаховъ домой, а потомъ и подсыпалъ въ супъ мышьяка, чтобы уморить дѣтей и жену. А когда семейные пообѣдали, онъ взялъ да и перерѣзалъ себѣ бритвою горло. Дѣтей и жену отходили, а его не спасли.

Я помню это ненастное осеннее утро. Темныя тучи бродили по небу, и въ воздухѣ со свистомъ носились крупныя мокрыя и липнуція снѣжинки. По Большой улицѣ города везли дроги, а на дрогахъ стоялъ простой гробъ съ останками самоубійцы Плахова. Хоронили его «безъ церковнаго пѣнія, безъ ладана». И шли за гробомъ: осиротѣвшая семья Плахова да кучка близкихъ людей...

И вотъ откуда-то изъ узкаго и глухого переулка, точно изъ глубины снѣжной бури, выросла бѣлая фигура Яшеньки-молчальника. Какъ всегда, онъ былъ босъ, съ непокрытой головой и въ своемъ бѣломъ хитонѣ. Подошелъ онъ къ дрогамъ, положилъ руку на гробъ да такъ и шель. Увидѣли люди Яшеньку идущимъ за гробомъ— ну, бросать всѣ дѣла да присоединяться къ печальной процессіи. Скоро за гробомъ шли громадныя толпы горожанъ. Вывезли дроги съ гробомъ съ поле и скоро приблизились къ кладбищенской оградѣ.

Могила для Плахова была приготовлена за кладбищенской оградой, въ полѣ, гдѣ хоронили самоубійцу, но Яшенька измѣнилъ чьи-то суровые планы. Ухвативъ лошадь подъ уздцы, онъ самъ направилъ дроги съ покойникомъ къ кладбищенскимъ воротамъ и приказалъ людямъ снять гробъ и поставить у церкви. Прибѣжалъ оторопѣвшій кладбищенскій батюшка о. Сергій и не зналъ, что дѣлать. А Яшенька заставилъ церковныхъ сторожей рыть могилу недалеко отъ церкви, подъ вѣтвями приземистаго дуба, гдѣ былъ схороненъ какой-то именитый купецъ. Роютъ могилу сторожа, а о. Сергій не знаетъ, что дѣлать, и стоитъ ни живой, ни мертвый. Народъ смотритъ на распоряженія Яшеньки и тоже недоумѣваетъ.

А когда могила была готова, Яшенька вынулъ свою «стекляшку», ударилъ въ грудь рукою, поцѣловалъ стекло, а потомъ сдѣлалъ земной поклонъ покойнику и быстро удалился... И пропалъ въ бѣлыхъ вихряхъ снѣжной бури... И я видѣлъ его въ послѣдній разъ..

Время не въ состояніи изгладить изъ моей памяти образъ Яшеньки-Молчальника, этой «пѣны жизни», какъ говорила бабушка. Рожденнымъ снѣгами нашихъ глухихъ мѣстъ представляется мнѣ онъ, бѣлый гость земли, снѣжная же буря и похоронила его для меня...

А онъ и посейчасъ, какъ живой, стоитъ передо мною въ своемъ бѣломъ хитонѣ, съ ясными голубыми глазами...

Вас. Брусянинъ.

ЗА КУЛИСАМИ.

(Встрѣчи и воспоминанія).

Александринскій театръ.

(1875—1900).

НЕ ТОЛЬКО любилъ этотъ театръ, былъ его посѣтителемъ съ семидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія, но имѣлъ честь самъ быть принятымъ въ составъ труппы его артистовъ и прослужить тамъ около года.

Это меня особенно сблизило не только съ семьей актеровъ, но и съ драматургами, ставившими тамъ свои пьесы, и съ лицами, принадлежавшими къ театральной администраціи, и съ театрами быстро промелькнувшаго времени. Въ тѣ времена попасть въ труппу императорскаго театра было не легко, каждый провинціальный актеръ считалъ это за счастье, за торжество своей сценической дѣятельности.

Большіе, выдающіеся таланты считали Александринскій театръ въ нѣкоторомъ родѣ академіей и желали въ него попасть. Ограниченный бюджетъ дирекціи императорскихъ театровъ того времени и чиновничья протекція затрудняли осуществленіе этихъ надеждъ русскаго актера. Проскользнуть начинающему актеру, претендующему на выходныя роли, на шестьсотъ рублей въ годъ, какъ мнѣ, на примѣръ, это было легче. На каждое новое лицо, мечтавшее занять положеніе въ Александринскомъ театрѣ, часть актеровъ смотрѣла недружелюбно, а на-

чальство, потакавшее этимъ актерамъ, далеко не было гостепріимнымъ по отношенію новыхъ людей.

Чувствовалась какая-то замкнутость, театръ обнесли какими-то непроницаемыми стѣнами, сквозь которыя проникали немногіе.

Наша гордость М. Г. Савина попала въ труппу почти случайно; первенствовавшая тогда Е. П. Струйская, особенно склонная къ творчеству моднаго В. Дьяченка, завладѣла репертуаромъ. Г-жа Струйская являлась полезностью, справедливо считалась добросовѣстной актрисой, но критика постоянно указывала, что нужны новыя свѣжія силы.

Талантъ Савиной я сравниваю съ весеннимъ, теплымъ радостнымъ солнцемъ, заглянувшимъ въ Александринскій театръ.

Повѣяло жизнью, весна пришла. На нашей улицѣ праздникъ! могло воскликнуть русское искусство.

Это чувствовали и всѣ актеры, которые, какъ я говорилъ, ждались пришельцевъ провинціи. Всемогущій въ тѣ дни Александръ Александровичъ Нильскій, который оберегалъ свое положеніе, забронированное дружбой или, вѣрнѣе, симпатіями начальника репертуара, водевиллиста, Павла Степановича Ѳедорова, творившаго на сценѣ что угодно, привѣтствовалъ Савину. Сазоновъ, Монаховъ и др. угадали, что идетъ что-то новое, яркое, непосредственное, на смѣну рутинѣ и обыденщинѣ.

Хоромъ заговорили о Савиной, а печать, къ чести ея, въ набатъ ударила.

Въ продажѣ появились первыя фотографическія карточки М. Г. Савиной и почти не было дома, гдѣ бы не носились съ ними, не показывали ихъ. Петербургъ кричалъ о новой артисткѣ. Имя ея начали сопоставлять съ именами Самойлова, Павла Васильева, Жулевой, забывая работоспособную, но скучную и однообразную Е. П. Струйскую.

Я считаю, что съ поступленіемъ на петербургскую сцену Савиной началось, хотя и медленное сначала, возрожденіе русскаго театра въ Петербургѣ.

Выросъ интересъ къ нему.

А вѣдь этотъ огромный талантъ, какъ, вѣроятно, согласятся со мной современники, могъ еще долго скитаться по провинціи, переживая свою дорогую молодость.

Грѣшно упускать талантъ именно во дни его молодости, когда онъ распускается. Больше, чѣмъ ошибка, — преступленіе со стороны театральнаго начальства приглашать выдающихся сценическихъ дѣятелей, когда молодость уходитъ. Примѣровъ тому я могъ бы считать не мало. Приведу одинъ.

Пріѣхалъ въ Петербургъ и какимъ-то чудомъ получилъ дебютъ въ Александринскомъ театрѣ Ѳ. П. Горевъ. Выступилъ онъ въ «Мишурѣ» Алексѣя Потѣхина, по тѣмъ временамъ, очень смѣлой, чуть ли не опасной пьесѣ, совсѣмъ наивной по нашему времени.

Горевъ игралъ забитаго чиновника, кажется, Зайчикова, придавленнаго начальствомъ, прямого, порядочнаго, протестующаго человѣка.

Молодой, красивый, обладавшій богатымъ темпераментомъ, Горевъ игралъ увлекательно и скоро стеръ бы «перваго любовника» Нильскаго.

Успѣхъ былъ огромный. Тѣмъ не менѣе Горевъ возвратился обратно въ провинцію или игралъ въ окрестностяхъ столицы и попалъ на сцену Александринскаго театра спустя нѣсколько лѣтъ, потерявъ неизвѣстно почему лучшее время.

Въ этомъ сказывалась непроникновенность, тупость театральной бюрократіи, которая не умѣла, не могла подмѣтить талантъ, а требовала непременно патенты на званіе извѣстности, имя въ провинціи. Имена приобрѣтаются временемъ, частныхъ театровъ въ столицѣ еще не было, провинціальное актерство показывало себя на клубныхъ сценахъ, которыя сыграли огромную роль въ исторіи развитія петербургскаго театра, и объ нихъ я когда-нибудь поговорю, онѣ стоятъ того.

Гдѣ же блеснулъ талантъ Савиной, какъ не въ Благородномъ собраніи?

Съ триумфальнымъ шествіемъ Савиной утверждается на сценѣ другой репертуаръ, Дьяченко постепенно смѣняютъ В. А. Крыловъ, Н. А. Потѣхинъ и другіе; Островскій поручаетъ роли М. Г. Савиной, ставятъ Тургенева.

О Крыловѣ (В. Александровѣ) хочется сказать тутъ же. Ему попадаетъ, и покойному уже, отъ современной критики: и пустоту онъ вносилъ въ русскій театръ, и пошлятину, и воспитывалъ на пустякахъ русское актерство и т. д.

Защищать я Крылова не собираюсь, но для исторической точности долженъ высказать слѣдующее: драматургія переживала тогда суровый цензурный режимъ, малѣйшее отступленіе отъ цензурныхъ рамокъ влекло запрещеніе пьесъ, литературныя произведенія часто не проникали къ рамкѣ, и вотъ эта-то удушливая атмосфера, плюсъ вся дребедень, въ видѣ переводныхъ мелодрамъ, фарсовъ и даже оперетокъ, которыми питался репертуаръ Александринскаго театра, такъ уронили «образцовую» сцену, изрѣдка получавшую художественныя созданія Островскаго и двухъ-трехъ литераторовъ, что все новое встрѣчали сочувственно.

Крыловъ умѣлъ распознавать таланты и, выражаясь языкомъ рецензентовъ, по мѣркѣ этихъ талантовъ кроилъ роли. Онъ использовалъ умѣло талантъ Савиной, которая его пустячки превращала своей игрой въ шедевры.

Но только ли Крыловъ писалъ бездѣлки? Нѣтъ, у него были пьесы, въ которыхъ онъ старался захватывать общественныя явле-

нія. Вспомните «Змѣя Горыныча», гдѣ фигурировало земское собраніе и земскіе дѣльцы. Глубоко это или мелко захвачено—другое дѣло, но попытка слѣдовать за жизнью у Крылова встрѣчалась. Это былъ драматургъ переходнаго времени, не художникъ, но знатокъ сцены. Художниковъ слова на сценѣ вообще было мало, но у Крылова есть своя, неотъемлемая заслуга: его успѣхъ, пускай дешевый успѣхъ, не давалъ покоя многимъ и многихъ понукалъ приниматься за работу...

Крыловъ, какъ драматургъ, былъ сыномъ переживаемой эпохи, когда русскую мысль сдерживала цензура, когда были лишь цвѣтушіе оазисы, въ видѣ пьесъ Островскаго, когда Алексѣй Потѣхинъ считался опасно-тенденціознымъ писателемъ. Мудрено ли, что сцена пробавлялась наивными анекдотами. Время постепенно выдвигало другіе интересы, серьезные вопросы, требовало простора слова, и пустячки сами собой сдавались въ театральнѣй, запыленный архивъ.

Теперь это исторія, отжитая исторія.

Николай Потѣхинъ въ пьесахъ той же эпохи недалеко ушелъ отъ Крылова и далеко ушелъ отъ своихъ первыхъ произведеній. Онъ ловко громоздилъ эффекты на эффекты, создавалъ выигрышныя роли и мало говорилъ уму. Треску хоть отбавляй!

Хуже были времена, благодаря утвердившейся старой системѣ бенефисовъ и предоставленному праву бенефициантамъ самимъ выбирать пьесы. Что только не тащили на сцену, какіе опыты драматурговъ диллетантовъ не разыгрывали! Ужасъ!

Кому была вручена роль руководителей репертуара отечественной сцены?

Посчитаешь всѣ эти условія и придешь къ заключенію, что во многомъ виноваты только они, виновато общее направленіе дѣла и жизни. Талантъ Савиной пережилъ все это, вынесъ на своихъ плечахъ. Тяжело имъ было.

Въ театръ ходили посмѣяться, развлечься, насладиться игрой любимыхъ артистовъ національной «академіи», стоявшей на очень низкой высотѣ. Праздники сцены были рѣдкими. Пьесу Островскаго ежегодно ожидали, какъ радость необыкновенную.

Замѣчу вскользь, что А. Н. Островскій, питавшій особенно мягкую дружбу къ Ѳ. А. Бурдину, актеру весьма посредственному, въ ущербъ себѣ, пазначалъ ему главныя роли. Бурдинъ, случалось, всю обѣдню ему портилъ.

— Я думалъ, Ѳедя будетъ хорошъ, а онъ слабѣе, чѣмъ я ожидалъ.. а не дать роли нельзя было... Ѳедя такъ близко къ сердцу мои интересы принимаетъ!—говаривалъ Александръ Николаевичъ, поглаживая бороду.

Первыя пьесы Д. В. Аверкіева пользовались огромнымъ успѣхомъ, но постепенно тоже сходили съ репертуара, новѣйшія его

произведения («Сидоркино дѣло», «Трогирскій воевода») принимались публикой равнодушно. Но, право, къ Аверкиеву тогда относились предвзято, считаясь съ его политической фізіономіей. Это былъ драматургъ болѣе крупный, нежели очень многіе изъ его коллегъ.

Возвращаясь къ тѣмъ, съ кѣмъ я встрѣчался за кулисами, о комъ хорошо помню.

Я засталъ Василія Васильевича Самойлова и даже удостоился чести играть съ нимъ въ «Старомъ баринѣ» Пальма.

На репетиціи онъ держался гордо, его окружала лесть, его побаивались и режиссеры и актеры, не всѣ, конечно. Отъ Самойлова вѣяло холодомъ, онъ раздражался, дѣлалъ рѣзкія замѣчанія. Болтая въ уборной во время репетиціи, онъ глядѣлъ проще, но не прочь былъ зло подсмѣяться надъ актерами, которыхъ считалъ удобными для этого. Я отлично помню, какъ онъ подтрунивалъ надъ старымъ актеромъ А. А. Алексѣевымъ, необыкновенно живымъ подвижнымъ человѣкомъ и комикомъ въ жизни.

Высмѣивалъ онъ Павла Степановича Ѳедорова, вспоминая о слабостяхъ бывшаго начальника. Презрѣніе звучало въ этихъ насмѣшкахъ. Сознаніе собственной большой величины чувствовалось въ Самойловѣ и не покидало его.

Заслужить одобреніе отъ Василія Васильевича было трудно, а кто заслуживалъ его, тотъ подчеркивалъ этотъ фактъ.

— Самойловъ одобрялъ!—приходилось слышать потомъ даже отъ тѣхъ, кого онъ никогда не одобрялъ. Словно намекали на какой-то дипломъ, требующій уваженія.

— Поставьте ей барьеръ, а то она выскочитъ въ оркестръ!—сказалъ Самойловъ про какую-то измучившую его на репетиціи актрису. Сказалъ въ присутствіи ея самой.

— Откуда вы взяли такого молодого человѣка!—горячился онъ.

— Когда у насъ будетъ режиссеръ!—говаривалъ громко Самойловъ.

Случалось,—правда, рѣдко,—видѣть Василія Васильевича и благодушно настроеннымъ, со всѣми, и съ маленькими, любезно болтавшимъ за кулисами.

Самойлова даже не столько боялись, сколько почитали, какъ великаго художника. Въ тѣ времена въ театральномъ мірѣ вообще царило почтеніе и уваженіе къ старикамъ, молодежь прислушивалась къ ихъ голосу.

Нынѣшнихъ фактовъ, когда на сцену врывается молокососъ, сомнительной способности актеръ, именуется режиссеромъ и начинаетъ съ наглостью и нахальствомъ всѣхъ поучать, не случалось.

Такого быстро бы спровадили и высмѣяли. Да и театральное начальство не подвергло бы себя риску. Въ труппѣ Александринскаго театра было больше единенія.

Про В. В. Самойлова, въ свою очередь, рассказывали курьезы. Н. О. Сазоновъ, о которомъ я буду много говорить, въ молодости жилъ въ домѣ Самойлова,

— Не уступалъ онъ мнѣ квартиры,—смѣялся Сазоновъ:—ни за что! Приставалъ я, все напрасно! Игралъ я какъ-то съ Самойловымъ въ «Ришелье»,—произнесъ свои слова и наступила пауза.

— Василий Васильевичъ, уступите квартиру-то! — шепнулъ я ему.

— Уступаю!—отвѣчалъ, также шопотомъ, озадаченный Ришелье.

Обратился однажды къ Самойлову за кулисами актеръ, очень слабо игравшій роли молодыхъ людей и слывшій за человѣка со-всѣмъ ограниченнаго.

— Василий Васильевичъ...

— Ну что?

— Не накидаете ли мнѣ на бумажку типикъ, какъ мнѣ загримироваться въ роли графа.

Самойловъ махнулъ рукой, а когда актеръ вышелъ, онъ произнесъ:

— Я животныхъ плохо рисую.

Режиссеръ А. А. Яблочкинъ сильно картавилъ на сценѣ. Въ какой-то пьесѣ представленъ былъ громъ, гремѣвшій очень тихо въ этотъ вечеръ.

— Что это трещало?—спросилъ, выйдя за кулисы, Самойловъ.

— Громъ, Василий Васильевичъ... Громъ по пьесѣ.

— Ну, да, а у насъ вмѣсто него будто Яблочкинъ картавилъ.

— Говорятъ, Василий Васильевичъ, оперетку у насъ въ Александринскомъ театрѣ собираются упразднить!—обратился къ нему толстый актеръ Бродниковъ, передававшій мнѣ это самъ.

— Напрасно.

— Вы противъ?

— Я былъ увѣренъ, что упразднить драму.

Видѣлъ я Самойлова въ «Ришелье», въ «Старомъ баринѣ», въ «Карьерѣ» (игралъ въ Художественномъ клубѣ), въ «Мужья одолѣли», въ «Старое старится» и другихъ пьесахъ. Вездѣ было другое лицо, нигдѣ не повторялся Самойловъ. Полное перерожденіе. По художественности гримировки другого такого актера я не помню, онъ стоялъ выше всѣхъ, выше Шумскаго, пріѣзжавшаго на гастроли изъ Москвы. Уйдя со сцены, Самойловъ, играя на частныхъ клубныхъ сценахъ, иногда въ залѣ Кононова, будировалъ и, конечно, при всякомъ удобномъ случаѣ вышучивалъ театральное начальство.

На частныхъ сценахъ Самойловъ тогда получалъ по двѣсти рублей за спектакль, и это считалось чѣмъ-то исключительнымъ.

Устроители спектаклей должны были уговаривать Самойлова, упрашивать играть, и очень многимъ не удавалось его склонить. Побѣждали его въ этомъ отношеніи больше дамы да В. Н. Аристовъ,

извѣстный славянскій дѣятель и душа покойнаго Художественнаго клуба, помѣщавшагося въ Троицкой улицѣ, въ нынѣшнемъ залѣ Павловой. Напримѣръ, онъ часто участвовалъ въ спектакляхъ Д. В. Бѣлокопытовой, вышедшей потомъ замужъ за А. Ф. Сазонова, писавшаго театральныя замѣтки.

Я упомянулъ актера Александра Алексѣевича Алексѣева, дочь котораго Е. А. Алексѣева въ настоящее время состоитъ въ группѣ Александринскаго театра и въ свое время была милой актрисой на роли наивныхъ дѣвушекъ.

Александръ Алексѣевичъ зналъ весь Петербургъ и его всѣ знали. Игралъ онъ все, и драму, и водевилъ, рѣдко прибѣгая къ гриму. Алексѣевъ вѣчно нуждался и былъ въ долгу, ведя продолжительныя войны съ кредиторами.

Розовая система вознагражденія дирекціей актеровъ, при его подвижности и умѣни выпрашивать роли, дѣлала то, что онъ игралъ по три раза въ вечеръ съ переѣздами изъ Малаго театра (тогда казеннаго) въ Александринскій, изъ Александринскаго въ Маринскій, гдѣ шли драматическіе спектакли раза два-три въ недѣлю.

Алексѣевъ имѣлъ привычку постоянно произносить «тьфу», точно ему попало что въ ротъ. Распустили слухъ, что онъ проглотилъ волосокъ отъ енотовой шубы и съ тѣхъ поръ ему все кажется, что волосокъ во рту, и онъ отплевывается. Онъ говорилъ быстро, суфлера слышалъ неважно и репликъ окружавшимъ его на сценѣ не давалъ почти, предупреждая по навыку вопросы игравшихъ съ нимъ. Напримѣръ. Игралъ онъ со мной дядюшку въ какомъ-то старомъ водевилѣ.

Вбѣгаетъ на сцену. Я должепъ сказать, что хочу жениться. Не тутъ-то было.

— Здравствуй, дорогой племянникъ... тьфу, тьфу! я знаю, что ты мнѣ хочешь сказать... тьфу, тьфу... ты собираешься жениться! ну, да благословить васъ Богъ.

— Александръ Алексѣевичъ, — говорю я ему за кулисами: — вы мнѣ не дали говорить!

— Ничего, голубчикъ, не подѣлаешь, тороплюсь въ Маринскій театръ... я даже бороды не наклеивалъ.

Случалось такъ, что помощникъ режиссера, видя, что антрактъ затягивается, а Алексѣевъ все не ѣдетъ, но будучи увѣренъ въ немъ, поднималъ занавѣсъ.

И дѣйствительно, къ выходу Александръ Алексѣевичъ послѣвалъ.

Онъ сбрасывалъ въ уборной шубу и летѣлъ на сцену, начиная обыкновенно говорить за кулисами, чтобы слышали его голосъ. Грима никакого.

— Одна натура!—опредѣлили И. Ѳ. Горбуновъ, съ которыми мы вспоминали объ Алексѣевѣ.

Алексѣевъ въ теченіе своей долголѣтней службы постоянно хлопоталъ о томъ, какую пьесу поставить въ бенефисъ. Хлопоты начинались за годъ... Сегодня прошелъ его бенефисъ, а завтра онъ думаетъ о бенефисѣ слѣдующаго года.

Кого бы изъ драматурговъ Александръ Алексѣевичъ ни встрѣтилъ, непременно попросить пьесу для бенефиса.

— Есть у васъ, голубчикъ, что-нибудь?

— Задумалъ кое-что... Пока въ зародышѣ только!—отвѣчалъ драматургъ.

— Да это все равно, времени много... дайте названіе, чтобы я могъ бы завтра же заявить объ этой пьесѣ у насъ въ театрѣ.

Драматурга онъ, бывало, обнадежить, а потомъ самъ объ этомъ забудетъ и просить пьесу у другого. Алексѣевъ раскапывалъ въ Петербургѣ новичковъ-писателей, многихъ совращалъ на литературное поприще, и всѣмъ говорилъ:

— Пишите, я поставлю въ бенефисъ.

Помню, какъ просилъ онъ переводныхъ пьесъ, оригинальныхъ, добавляя при этомъ:

— Понимаете, мнѣ важно, если она будетъ имѣть успѣхъ и часто пойдетъ, я разовыми заработаю еще много. Кромѣ того, необходимъ водевиль съ ролью для меня. Водевиль всюду пристегиваютъ, и я на немъ наберу разовыхъ. Водевиль нуженъ хорошій, за вознагражденіемъ не постою. Дамъ 25 рублей отъ себя лично и 25 рублей заплатитъ дирекція.

Актеры старались, въ силу разовой системы вознагражденія, процвѣтавшей тогда, нахватать больше ролей, а какихъ—безразлично.

А. А. Алексѣевъ, воюя съ кредиторами, ухитрялся занимать деньги подъ бенефисы заблаговременно. Нерѣдко продавалъ бенефисы, неся огромные убытки.

— Хорошо ты вчера, Саша, заработалъ!—говорили ему за кулисами.—Хватилъ здоровый бенефисъ.

— Да вѣдь кабы онъ мой былъ,.. тьфу, тьфу... а вѣдь я полгода назадъ его продалъ... Вотъ только отъ пріятелей нѣсколько призовъ получилъ... тьфу, тьфу...

Въ позднѣйшіе годы А. А. Алексѣевъ, котораго лишили бенефиса, которому умалили несправедливо содержаніе, предпочелъ, будучи пенсионеромъ, конечно, уйти въ провинцію или въ Москву на частную сцену, разставшись съ Петербургомъ, гдѣ проведена была вся жизнь, съ которыми связана вся сценическая дѣятельность.

Алексѣевъ перенесъ это поразительно легко, и старикъ, разставшись съ близкой ему товарищеской семьей Алексадринскаго

театра, перебрался въ Москву, вступивъ въ труппу М. В. Лентовскаго.

Я видѣлся съ Алексѣевымъ въ Москвѣ, гдѣ онъ, несмотря на маститыя годы, несмотря на нужду, съ которой онъ сроднился, смотрѣлъ жизнерадостнымъ, хотя иной разъ и жаловался на такой плачевный конецъ жизни. Алексѣевъ вспоминалъ тѣ милости, то драгоцѣнное вниманіе, которымъ онъ пользовался отъ высочайшихъ особъ въ началѣ своей карьеры.

Если бы меня спросили, какой былъ актеръ А. А. Алексѣевъ, я бы отвѣтилъ, что онъ былъ живой, даровитый водевильный актеръ. Водевиль отжилъ свое время, но въ прежнее время это было любимое блюдо публики въ меню Александринскаго театра.

Одно время А. А. Алексѣевъ взялъ на себя постановку русскихъ спектаклей въ такъ называемомъ Нѣмецкомъ клубѣ, надѣясь на поддержку товарищей по казенной сценѣ. Его поддерживали актеры, но попытка Алексѣева не увѣнчалась успѣхомъ.

Энергія старика всегда меня поражала, онъ не переставалъ мечтать объ арендѣ театровъ, объ антрепризѣ и связанныхъ съ нею богатствахъ.

Однажды меня представили видному по внѣшности, изысканно, франтовато одѣтому актеру Александринскаго театра Пронскому, котораго за кулисами считали изобразителемъ баръ и аристократовъ. Это было до моего поступленія за кулисы.

Пронскій изображалъ чаще «благородныхъ отцовъ» въ комедіи и драмѣ.

Слабость его къ разнообразію въ костюмахъ была предметомъ актерскаго глумленія.

— Первый у насъ актеръ... говорили про него.

— По таланту?

— Нѣтъ, по разнообразію панталонъ! Что ни актъ, то новыя панталоны, и съ искрой, и съ полоской, и свѣтлыя, и темныя. Выставка!

Пронскій былъ холоднымъ актеромъ, «резонеромъ» въ полномъ смыслѣ слова. Обѣщалъ онъ много, но надеждъ театраловъ не оправдалъ.

Популярнымъ и среди товарищей и у публики, преимущественно верхнихъ ярусовъ Александринскаго театра, былъ Д. Н. Озеровъ, считавшійся комикомъ для оперетки, куплетистомъ и вообще веселымъ элементомъ труппы.

Озеровъ смѣшилъ больше невзыскательную публику, но истиннымъ комизмомъ и юморомъ не обладалъ, выѣзжая больше на внѣшнихъ колѣнцахъ. Печать глумилась надъ его комизмомъ, но тѣмъ не менѣе одобряла его въ роли Калхаса въ «Прекрасной Еленѣ». Озерова любили, какъ милаго человѣка, за кулисами.

С. Я. Марковецкій, претендовавшій на роль болѣе серьезнаго комика, тоже, однако, выступавшій въ опереткѣ, былъ, говорили, очень талантливъ, но я его засталъ старымъ и мало работавшимъ. Его называли почтеннымъ, маститымъ, но не выдающимся. Игралъ онъ одно время много. Комизмъ его тоже былъ неважной марки. Впрочемъ, онъ все-таки выдвигался въ роляхъ репертуара Островскаго.

— Алексѣевъ, Озеровъ, Марковецкій... Это музейные актеры «Александринки!» — подтрунивалъ поэтъ Д. Д. Минаевъ. — Ихъ берегутъ, какъ рѣдкости.

— Возмущаетъ меня, — жаловался мнѣ много лѣтъ подъ рядъ И. Ѳ. Горбуновъ: — какъ это такъ «Александринка»... Больно ужъ пренебрежительно... Александринскій театръ, а господа рецензенты перекрестили его въ «Александринку». Непочтительно. Василій Курочкинъ, переводя «Дочь рынка» («Мадамъ Анго»), даже сриемоваль: «Да здравствуетъ дочь рынка, ура! Александринка». Не того это...

Александръ Александровичъ Нильскій, пользуясь симпатіями театральнаго начальства, дѣлалъ погоду въ Александринскомъ театрѣ. Былъ неофициальнымъ диктаторомъ сцены, играя всѣ лучшія роли, и подходящія и не подходящія. Начальство словно дало ему привилегію на изображеніе ролей перваго любовника.

Нильскій сдѣлался объектомъ газетнаго остроумія. Не проходило дня, чтобы его не вышучивали, не высмѣивали въ стихахъ и въ прозѣ на страницахъ петербургскихъ газетъ, называя крокодиломъ и пр.

Въ какой-то пьесѣ умершаго героя, котораго изображалъ Нильскій, уносили на рукахъ и чуть было не уронили.

Вотъ актеръ, — писалъ, если не ошибаюсь, гроза тогдашней театральной критики А. А. Соколовъ: — и послѣ смерти невыносимъ».

Сколько стиховъ посвятилъ Нильскому Минаевъ — и не перечсть.

Александръ Александровичъ стоически все это переносилъ и продолжалъ играть, осыпаемый градомъ обличеній. Справедливо это было или несправедливо?

Очень, очень преувеличенно во всякомъ случаѣ.

Нильскій былъ актеромъ безъ темперамента, ровнымъ, холоднымъ, образцово добросовѣстнымъ и приличнымъ. Я полагаю, что въ основѣ недоброжелательнаго отношенія къ Нильскому лежали другія обстоятельства, а именно его, такъ сказать, несмѣняемость въ роляхъ героевъ, объясняемая покровительствомъ начальства. Онъ закрывалъ дорогу для свѣжихъ дарованій, которыя не проникали на сцену, если претендовали на роли Нильскаго.

Относясь съ любовью къ дѣлу, Нильскій отличался аккуратностью, хронометрической точностью, не опаздывалъ на репетиціи.

Когда я дебютировалъ на сценѣ Малаго театра ролью Андрея Бѣлугина въ «Женитьбѣ Бѣлугина», Нильскій игралъ со мной Агышина.

Онъ былъ занятъ на репетиціи въ Александринскомъ театрѣ и опоздалъ на нашу репетицію на десять минутъ. Александръ Александровичъ, несмотря на то, что я передъ нимъ былъ мальчишка, едва ступавшій по сценѣ, подошелъ прежде всѣхъ ко мнѣ и извинился, что опоздалъ, что его задержали.

Меня такое отношеніе не могло не тронуть. Во время репетиціи онъ проявлялъ рѣдкую деликатность, давалъ совѣты и вообще обворожилъ меня.

Таковъ былъ за кулисами всемогущій по тому времени А. А. Нильскій. Если онъ надавливалъ тайныя пружины, чтобы вершить дѣла русской сцены, то въ качествѣ товарища актерской братьи не измѣнялъ своему джентльменству.

Пересмотрѣлъ я Нильскаго въ десяткахъ самыхъ разнообразныхъ ролей и, если онъ ничего не портилъ, то мало давалъ и яркаго. Отсутствіе нутра въ игрѣ бросалось въ глаза, но главное онъ былъ однообразенъ и этимъ наскучилъ.

Для драматурга Нильскій справедливо считался выгоднымъ актеромъ съ той стороны, что онъ всегда зналъ роль, всегда думалъ надъ ней и старался угодить автору, считаясь съ его замысломъ. Какъ извѣстно, и большіе писатели предпочитали видѣть въ своихъ пьесахъ Нильскаго, именно въ силу этого. Звѣздъ съ неба не хваталъ, но не искажалъ произведенія.

Говоря театральнымъ языкомъ, Нильскій представлялъ собою большую полезность.

Годы летѣли, и когда А. А. Нильскій старѣлъ, онъ превращался въ болѣе виднаго и замѣтнаго актера на роли стариковъ, въ немъ началъ проявляться комическій талантъ.

Ошибкой Нильскаго съ первыхъ его шаговъ по сценѣ было, весьма возможно, то, что онъ считалъ себя по преимуществу драматическимъ героемъ. Такія ошибки явленіе хроническое въ русскомъ театрѣ и въ переживаемое нами время: не убѣдишь иныхъ въ аналогичномъ заблужденіи.

Публика еще помнитъ Нильскаго послѣдняго періода. Это былъ совсѣмъ другой Нильскій по сравненію съ тѣмъ, какимъ я его засталъ на сценѣ. Что я почиталъ въ Александрѣ Александровичѣ Нильскомъ, это его беззлобіе; онъ никогда ни единымъ словомъ въ теченіе всей своей карьеры не попрекалъ печать за чрезмѣрно суровое, дерзкое къ нему отношеніе. Онъ забылъ это совершенно. Грѣхъ его былъ тотъ, что онъ не способствовалъ привлеченію, доступу силъ провинціи на Александринскую сцену. Я говорю о силахъ мужского персонала, потому что всѣ знаютъ, что Нильскій однимъ изъ первыхъ привѣтствовалъ вступленіе на сцену М. Г.

Савиной и ратоваль за нее предъ начальствомъ. Тутъ чутье не обманывало его и конкуренціи не предвидѣлось...

Припоминаю еще актеровъ, съ которыми сталкивала меня судьба въ Александринскомъ театрѣ.

Вторыхъ любовниковъ игралъ А. П. Душкинъ. фамилія котораго тоже не давала покоя юмористамъ.

Душкинъ очень часто появлялся на сценѣ, всегда былъ элегантно одѣтъ, но поражалъ бездарностью. Казалось, что судьба совершенно случайно забросила его на сцену, что изъ него могъ выйти хорошій чиновникъ, офицеръ, кто хотите, только не актеръ.

Будучи человѣкомъ хорошаго происхожденія, онъ выдѣлялся изысканными манерами, но всегда и во всемъ оставался окаменѣлымъ Душкиныхъ. Душкинъ всегда представлялся мнѣ чиновникомъ сцены, и если бы онъ, при его порядочности и воспитаніи, подвизался примѣрно въ конторѣ императорскихъ театровъ, навѣрное принесъ бы болѣе пользы.

Душкинъ самъ, полагаю, сознавалъ свою бесполезность въ труппѣ и не любилъ театра: дослужившись до пенсіи, онъ подъ другой настоящей фамиліей вышелъ въ міръ и занялся, кажется, нефтяными дѣлами, да и доселѣ, если не ошибаюсь, занимается ими.

Въ Ораніенбаумскомъ лѣтнемъ театрѣ гастролировалъ молодой комикъ Константинъ Александровичъ Варламовъ, котораго и публика и печать единогласно привѣтствовали, какъ большой талантъ. Игралъ Константинъ Александровичъ въ водевилѣ «Левъ Гуричъ Синичкинъ», въ которомъ играетъ и до сихъ поръ.

Со сцены повѣяло чѣмъ-то необыкновенно жизнерадостнымъ.

Однако Варламовъ уѣхалъ, и, лишь спустя, если память мнѣ не измѣнила, цѣлый сезонъ, совершенно неожиданно мы увидѣли его въ Александринскомъ театрѣ. Игралъ онъ купца Хлопонина отца въ «Злобѣ дня» и игралъ превосходно.

Въ старую труппу вошелъ человѣкъ съ яркимъ, самобытнымъ талантомъ, прекрасный самородокъ, взрощенный провинціальной сценой.

Петербургъ, извиняюсь за выраженіе, загадѣлъ о Варламовѣ, носился съ нимъ. Что ни роль—то новый успѣхъ.

Куда ни приди, бывало, только и слышишь: видѣли Варламова? Каждый авторъ желалъ, чтобы въ его пьесѣ игралъ Константинъ Александровичъ. Для него стали писать роли, какъ для Савиной.

Онъ внесъ художественный элементъ и въ исполненіе героевъ Островскаго, въ пьесахъ котораго чувствовалось именно отсутствіе такой богато одаренной русской натуры. «Костенька», какъ звали товарищи по сценѣ Варламова, безъ протекціи, безъ заискиванія у рецензентовъ, прокладывалъ себѣ дорогу.

Оставалось только радоваться, что Константина Александровича пригласили во дни весны его таланта, а не тогда, когда онъ началъ бы уставать, изломанный скитаньемъ по провинціи.

Дѣятельность его на глазахъ современниковъ, и я не буду особенно распространяться объ ней.

Варламовъ очаровалъ всѣхъ и личными качествами, вошелъ въ актерскую семью совсѣмъ, какъ въ свою семью, принявшую его любовно и ласково.

Первое время, когда казеннымъ актерамъ не запрещали еще играть въ клубахъ, Варламова затормошили: онъ игралъ на дармовщинку, принимая участіе въ спектакляхъ чуть не всѣхъ клубныхъ бенефициантовъ. «Когда намъ запретятъ играть?» спрашивалъ Варламовъ.

Сазоновъ еще до появленія Варламова въ Александринскомъ театрѣ указывалъ на него дирекціи. Они вмѣстѣ играли въ провинціи, куда ѣздилъ въ юности Николай Ѳедоровичъ лѣтомъ и уѣзжалъ для практики еще со скамьи театральной школы.

Крупнымъ событіемъ въ театральной жизни Петербурга былъ дебютъ въ Александринскомъ театрѣ провинціальной знаменитости Никифора Ивановича Новикова, выступившаго въ тяжелой драмѣ Чернышева «Отецъ семейства».

О Новиковѣ, еще до пріѣзда его, затрубилъ популярный грозный театральный критикъ А. А. Соколовъ («Театральный нигилистъ»), рекомендовавшій его какъ крупнѣйшую силу.

Я былъ на дебютѣ Никифора Ивановича, имѣвшаго огромный успѣхъ. Вызвали его послѣ послѣдняго акта разъ семнадцать. Впечатлѣніе онъ произвелъ и въ безъ того мрачной, тяжелой драмѣ, рисующей картину угнетенія семьи деспотомъ-отцомъ, страшное. Игралъ виртуозно, разработавъ роль до тонкостей.

Мнѣнія о талантѣ Новикова, нынѣ покойнаго, однако раздѣлились, и среди представителей литературы, критики и публики, мѣсяцъ спустя, звучала нота разочарованія. Эти голоса не считались съ колоссальнымъ внѣшнимъ успѣхомъ артиста. Успѣхъ не ослабѣвалъ и Никифора Новикова шумно принимали въ роляхъ городничаго («Ревизоръ») и Краснова («Грѣхъ да бѣда на кого не живеть») и другихъ.

Чувствовалось между тѣмъ, что этотъ восторгъ по адресу Новикова до нѣкоторой степени вздуть, стали меньше интересоваться артистомъ, меньше говорить о немъ.

Что это былъ человекъ съ талантомъ, одаренный богатѣйшими физическими средствами, спорить нельзя, но талантъ провинціальной знаменитости оказался не яркимъ и не разнообразнымъ. Говорили, что Новиковымъ не умѣютъ или не хотятъ пользоваться, отодвигаютъ его въ тѣнь и пр. Констатирую фактъ, что Н. И. Новиковымъ, дѣйствительно, перестали интересоваться и изъ «большаго актера» онъ постепенно превращался въ рядового и по собственному побужденію покинулъ сцену.

Онъ чувствовалъ самъ, что Александринскій театръ мѣсто не по немъ, что надъ другими онъ здѣсь не доминируетъ. Началъ блестяще, а кончилъ какъ-то втихомолку.

Друзья его замѣчали, что Н. И. Новиковъ не привился, не цѣнятъ и не понимаютъ его, что артистъ страдаетъ при такомъ положеніи и мечтаетъ вновь уйти въ провинцію. Я забылъ, не замѣтилъ, когда исчезъ Никифоръ Ивановичъ. Вскорѣ я видѣлъ въ пьесѣ «Отецъ семейства» на частной сценѣ А. А. Соколова, того самаго, который такъ славилъ Новикова. По совѣсти скажу, онъ произвелъ на меня такое же впечатлѣніе, какъ Новиковъ, и игралъ чуть-чуть помягче, въ менѣе звѣроподобномъ тонѣ.

Новиковъ пролетѣлъ за кулисами Александринскаго театра метеоромъ: блеснулъ и слѣда не осталось. Едва ли его громкое имя не пострадало отъ службы на казенной сценѣ.

На Александринской сценѣ произошло однажды забавное событіе, шедшее въ разрѣзъ съ установившимся режимомъ, лишившимъ свободного доступа туда провинціальныхъ актеровъ.

Николай Захаровичъ Бураковскій, по сценѣ Вергинъ, назвавшійся такъ въ честь блиставшей балетной звѣзды Вергиной, какъ онъ мнѣ объяснялъ, получилъ дебютъ въ Александринскомъ театрѣ.

Популярный тогда актеръ А. З. Бураковскій, братъ Вергина, не могъ достичь этого, а Вергинъ, пѣвшій куплеты на любительскихъ и клубныхъ сценахъ, игравшій отъ времени до времени въ качествѣ диллетанта, выступилъ въ Александринскомъ театрѣ въ пьесѣ гг. Худекова и Жулева «Петербургскіе когти» въ роли актера Мѣдякова. Однажды я мелькомъ упоминалъ объ этомъ курьезѣ, но теперь распространюсь подробно.

Будучи на сценѣ человѣкомъ совершенно неопытнымъ, лишеннымъ внѣшности, неуклюжимъ, совсѣмъ юнымъ, онъ имѣлъ храбрость выйти передъ публикой въ роли, созданной гремѣвшимъ незадолго до описываемаго случая Ипполитомъ Монаховымъ.

Знавшіе Вергина, даже его друзья и пріятели, и въ томъ числѣ я самъ, не хотѣли повѣрить, что увидимъ его на той образцовой сценѣ (такъ назвалъ ее первымъ Д. В. Аверкиевъ), на которую былъ закрытъ свободный доступъ людямъ съ именами и широкими репутаціями.

— Правда ли, Николай Захаровичъ, что ты дебютируешь?

— А вотъ увидите,—серьезно отвѣтилъ онъ.

— Какъ ты добился?

— Приказано дать дебютъ... это желаніе барона Кистера, завѣдующаго контролемъ министерства двора. Повѣстку на репетицію получилъ. Не угодно ли-съ!

«Приказано», ну, и кончено дѣло! Никто не рѣшился и на репетиціи осадить Вергина, сознавая отлично, что предстоитъ здоровый скандалъ.

А Вергинъ не унывалъ, намекая лишь на сильную протекцію, которая помогала ему у барона Кистера.

Театральный Петербургъ ломалъ голову, что это за протекція на императорской сценѣ, заставившая дирекцію подчиниться, въ ущербъ дѣлу, обычаямъ и смыслу: всѣ знали, что такое Николай Захаровичъ Вергинъ, что это за сила!

Дебютировалъ онъ при переполненномъ театрѣ. Собрались актеры чуть не со всего Петербурга.

Режиссеръ пикнуть не посмѣлъ, не посмѣлъ снять пьесу съ афиши.

Ну, и была игра! Провалился Вергинъ во всю.

— Интрига, возмутительная интрига!—увѣрялъ онъ потомъ.

— Въ чемъ же она выразилась?

— О! я еще этого такъ не оставлю, я автора найду.

— Да что такое вамъ сдѣлали?

— Хотѣли, чтобъ я при входѣ на сцену растянулся, но не удалось. Правда, я поскользнулся, но тѣмъ и окончилось.

— Что же сдѣлали?

— Поль кто-то мыломъ намазалъ. Возмутительный фактъ.

— Невѣроятно!

— Самъ разслѣдовалъ... мыло, чистѣйшее мыло.

Кто же оказалъ любителю могущественную протекцію, кто организовалъ этотъ позоръ?

Благосклоннымъ вниманіемъ барона Кистера пользовалась извѣстная французская актриса Дика-Пти, служившая въ Михайловскомъ театрѣ.

У нея была горничная. Такъ вотъ черезъ эту горничную, съ которой Вергинъ случайно познакомился, онъ и добился дебюта.

Трудно повѣрить, чтобы рассказанное могло произойти, но фактъ виѣ сомнѣнія и достоинъ быть занесеннымъ на скрижали исторіи петербургскаго театра. Впрочемъ, горничной потомъ отъ французской актрисы попало. Могъ ли думать могущественный тогда баронъ Кистеръ, чье желаніе онъ исполнилъ?

Передавали, что онъ умеръ, не подозрѣвая этого, а ему почтительнѣйше доложили, что дебютанта вызывали столько-то разъ (принято было официально считать вызовы) и что успѣхъ былъ средній и раздавалось изрѣдка шиканье. О томъ, что смѣхъ въ театрѣ столуль неугомонный, умолчали.

Только русская публика, выносливая и терпѣливая, способна хохотать надъ подобными дебютантами, за границей его бы осви-стали и забросали всякою дрянью. Такого спектакля никто больше не видалъ.

Надо объяснить, что дебюты въ Александринскомъ театрѣ разрѣшались извѣстнымъ актерамъ съ необычайнымъ трудомъ. Ходили къ начальнику репертуара, къ режиссеру, къ первымъ актерамъ и

просили. Случалось, что мытарства заканчивались обратнымъ отъездомъ въ провинцію.

И на ряду съ этимъ—безпримѣрный, волшебный фокусъ Николая Вергина. Братъ его, актеръ, успѣвшій зарекомендовать себя, и дѣйствительно удачно, получилъ дебютъ, надо полагать, черезъ добрый десятокъ лѣтъ.

О воображаемомъ «мылѣ» потомъ постоянно вспоминали за кулисами, говоря, что мыло принесъ самъ Вергинъ, какъ мыльный пузырь.

Провинціальный актеръ Александръ Семеновичъ Быковъ, дебютировавшій въ Александринскомъ театрѣ, какъ это ни курьезно, тоже говорилъ мнѣ, что ему во время исполненія роли Краснова («Грѣхъ да бѣда на кого не живеть») чѣмъ-то полъ мазали и помощникъ режиссера передъ выходомъ актеровъ задерживалъ.

Дѣйствительно, одно дѣйствующее лицо запоздало, вѣроятно, безъ режиссерскаго умысла, а насчетъ мыла искренно посмѣялись.

— Что за полотеры!—остриль Николай Ивановичъ Арди.

А. С. Быкова, написавшаго впоследствии нѣсколько пьесъ и превратившагося въ репортера «по особо важнымъ уголовнымъ дѣламъ», сотрудничавшаго въ «Петербургской Газетѣ», я видѣлъ въ Александринскомъ театрѣ въ комедіи «Семейныя тайны» Ознобишина, гдѣ онъ игралъ старика-генерала и талантливо кряхтѣлъ, по мѣткому замѣчанію кого-то изъ рецензентовъ.

Быковъ славился не столько, какъ хорошій актеръ, сколько своею честностью и благородствомъ. Всю жизнь онъ болѣлъ и стоналъ, въ немъ клокотало оскорбленное артистическое самолюбие.

Всѣ, помнящіе Николая Ивановича Арди, согласятся со мной, что онъ обладалъ большимъ талантомъ и въ бытовомъ репертуарѣ до сихъ поръ не имѣетъ замѣстителя. Юморъ Арди, его веселость, живость въ сравненія. Купчикъ, писарь въ его обрисовкѣ достигали истинной художественности.

Я вспоминаю Арди въ «Горе отъ ума», гдѣ онъ изображалъ г. Н. Появленіе его и двѣ-три брошенныя фразы вызвали бурю рукоплесканій: до такой степени онъ былъ серьезно комиченъ и далъ такую типичную фигуру. Судьба Николая Ивановича въ Петербургѣ интересна. Нѣсколько лѣтъ его причисляли къ бездарностямъ, подсмѣивались надъ его грубымъ провинціализмомъ и пр.

Немудренно: вмѣсто того, чтобы использовать дарованіе Арди, его пихнули въ оперетку и заставили, напримѣръ, изображать Париса въ «Прекрасной Еленѣ». Арди былъ маленькимъ, толстенькимъ и скорѣе всего подходящимъ для изображенія Бобчинскаго, но не Париса.

Разумѣется, выходило карикатурно и вызывало глумленіе. Сбросивъ съ плечъ этотъ грузъ, Арди показалъ себя художникомъ въ репертуарѣ Островскаго, создавъ рядъ типовъ, самыхъ разно-

образныхъ. Я не знаю, какого происхожденія былъ Н. И. Арди, кажется, изъ казаковъ съ Дону, но многихъ вводила въ заблужденіе его фамилія. Болѣе русскаго человѣка, чѣмъ Арди, трудно было себѣ представить на сценѣ. Въ этомъ отношеніи по складу рѣчи, по юмору и всей своею манерою говорить онъ приближался къ такому типичному художнику, выразителю русской жизни, какъ незабвенный Горбуновъ.

Даже въ мелкихъ созданіяхъ, напримѣръ, въ роли писаря въ ничтожномъ водевилѣ «Налетѣлъ съ ковшомъ на брагу», Арди давалъ удивительныя фигуры, вызывая заразительный смѣхъ. Изъ посредственности, изъ опереточнаго ничтожества его произвели въ выдающагося, талантливаго актера, и это производство со стороны публики и печати было безусловно заслуженнымъ.

Я все-таки считаю, что Арди не былъ оцѣненъ вполне и его поняли лишь послѣ смерти, когда въ труппѣ почувствовали брешь. Большинство его ролей поручили А. С. Панчину, очень способному молодому человѣку, но по сравненію съ Арди—это небо и земля.

Панчинъ, выйдя изъ театральнаго училища, пѣлъ тоже въ опереткѣ, гдѣ и обратилъ на себя вниманіе. Въ Александринскомъ театрѣ, будучи юношей, онъ выдвинулся ролью Хлестакова, перепавшей ему случайно.

Впослѣдствіи Панчинъ, хотя и занималъ опредѣленное положеніе въ труппѣ и былъ всегда очень полезенъ, но далъ меньше, чѣмъ ожидали отъ него въ театрѣ и школѣ.

На смѣну Александра Александровича Нильскаго стали показывать Л. Каширина, который вышелъ,—насколько память говорить,—въ музыканты и игралъ на мѣдныхъ инструментахъ въ театральномъ оркестрѣ.

Каширинъ отличался изъ ряду выходящей красотой, поражавшей всѣхъ. При стройной, высокой фигурѣ Каширинъ, по внѣшнимъ даннымъ, представлялъ рѣдкаго исполнителя для ролей любовниковъ.

Внутренній багажъ артиста оказался бѣднымъ: ни сердца, ни души, ни темперамента. И тѣмъ не менѣе красота, плюсъ слащавость, недурныя манеры и нѣкоторый сценическій навыкъ открыли ему порядочную дорогу на сценѣ: онъ замѣнялъ Нильскаго и получалъ много ролей.

Объ его красотѣ рассказывали, что, когда онъ, будучи музыкантомъ, вошелъ первый разъ въ антрактъ въ оркестръ, такъ возбудилъ общее вниманіе. По сценѣ Каширинъ прошелъ, принимая во вниманіе его микроскопическія способности, незамѣченнымъ.

Въ же не преміегъ вскорѣ прочли воспитанника театральнаго училища Р. Аполлонскаго. Я его встрѣчалъ мальчикомъ въ формѣ театральнаго училища. Полный, румяный и также очень красивый, онъ выдавался среди товарищей манерой прилично держаться.

Нынѣшній премьеръ Александринскаго театра пробивалъ себѣ дорогу непрерывнымъ трудомъ и на первыхъ шагахъ ея обнаружилъ любовное отношеніе къ своей работѣ. Публика видитъ, какихъ успѣховъ достигъ Р. Б. Аполлонскій и какъ онъ использовалъ свое дарованіе. Остановлю вниманіе читателя на принятомъ въ труппу нѣсколько позднѣй Леонидѣ Ивановичѣ Градовѣ-Соколовѣ, питомцѣ также театральной школы, но кочевавшемъ по провинціи.

Въ Петербургъ Леонидъ Ивановичъ возвратился триумфаторомъ, но не актеромъ, а исполнителемъ куплетовъ, зачастую пошленькихъ, представлявшихъ собою плоды дешеваго грубаго обличенія. Толпа облюбовала этотъ культъ куплетистики, созданный на Александринской сценѣ очень талантливымъ актеромъ Ипполитомъ Ивановичемъ Монаховымъ. Монаховъ передавалъ бездѣлки художественно, говорилъ подь аккомпаниментъ не хуже Иветы Гильберъ.

Весь Петербургъ распѣвалъ «Смѣхъ», «Если любишь ты кататься», «Ma parole d'honneur» и пр.

Монаховъ вовлекъ въ невыгодную сдѣлку Виктора Крылова, Григорія Лишина и многихъ другихъ драматурговъ и юмористовъ, склонивъ ихъ писать куплеты. Для ихъ репутаціи это было, разумѣется, невыгодно...

Увлечение «куплетистикой», какъ называли тогда этотъ родъ развлеченія, перешелъ всякія границы: гимназисты пѣли куплеты и подражали Монахову, передававшему ихъ голосомъ съ неприятнымъ носовымъ звукомъ.

Именно въ носъ и подражатели старались исполнять всю эту пошлятину, противъ которой разразились даже «Отечественныя Записки» Краевского и Некрасова.

Монаховъ стяжалъ обильные лавры, отодвинувъ этими успѣхами свое значеніе, какъ талантливаго, интеллигентнаго актера.

Послѣ смерти Монахова первенство въ куплетистикѣ оспаривали разные актеры съ такимъ же рвеніемъ, какъ... ну, какъ оспаривали одно время, послѣ смерти М. Н. Каткова въ публицистикѣ его роль: припомните, сколько являлось у него продолжателей и каждый норовилъ заполучить субсидію.

Жаль было, что такой актеръ, какъ Ипполитъ Монаховъ, расточалъ свое дарованье на куплетцы. Съ одной стороны, вспоминали И. А. Гончарова, указывавшаго на талантъ Монахова, съ другой стороны, слушали блестящіе грошеваго остроумія.

Репертуаръ Монахова отличался разнообразіемъ, онъ игралъ и стариковъ и неподобно изображалъ представителей молодежи, вродѣ Жоржа Градищева въ драмѣ Николая Потѣхина «Злоба дня», а ранѣе появлялся царемъ Ахилломъ въ «Прекрасной Еленѣ», созданной у насъ В. А. Лядовой.

Монаховъ игралъ съ М. Г. Савиной и тоже восторгался однимъ изъ первыхъ ея талантомъ.

— Большая актриса!—говорилъ онъ въ моемъ присутствіи на лекціи П. Д. Боборыкина о театрѣ въ Художественномъ клубѣ. На этой лекціи присутствовала и новая молодая актриса М. Г. Савина.

Монаховъ пронизировалъ слегка надъ выводами и заключеніями П. Д. Боборыкина, махавшаго на каедрѣ руками, кричавшаго и поминутно прихлебывавшаго воду.

Въ пьесахъ Островскаго Монаховъ почти не появлялся, не сочувствуя особенно быту. Онъ выступалъ въ пьесахъ Боборыкина, Крылова, Алексѣя Потѣхина, Николая Потѣхина, игралъ Чацкаго, Хлестакова и пр.

Иначе его не называли, какъ «любимецъ публики». Монаховъ прожигалъ свою жизнь, любилъ пирушки, кутежи и не щадилъ своего здоровья. Онъ похоронилъ себя очень рано.

За гробомъ его шла толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Особенно много было дамъ. Похоронами руководилъ актеръ Александринскаго театра К. Г. Бродниковъ, имѣвшій слабость къ похоронному дѣлу. Его приглашали въ качествѣ свѣдущаго лица по этому дѣлу во время прибытія и погребенія тѣла И. С. Тургенева. Бродниковъ изображалъ собою какого-то диллетанта похоронныхъ процессій. Объ немъ еще придется вспомнить, фигура эта за кулисами Александринскаго театра была любопытная.

Я ѣздилъ на похороны Монахова съ Иваномъ Платоновичемъ Киселевскимъ, вступившимъ потомъ въ составъ труппы Александринскаго театра. Возвращаюсь къ Л. И. Градову-Соколову.

Его пригласили по рекомендаціи А. А. Соколова, кстати сказать, кажется, служившаго въ Александринскомъ театрѣ до превращенія въ журналиста и театральнаго критика, любившаго поругаться, но довольно чуткаго человѣка, близко изучившаго театральные нравы и театральную машину.

Градовъ-Соколовъ выступилъ въ новомъ открывшемся саду «Ливадія» и загромыхалъ куплетами.

— Монаховъ такъ не пѣлъ!

— Выше Монахова!—закричали о немъ.

Передавалъ онъ куплеты, дѣйствительно, съ заразительной веселостью, погрубѣй, пожалуй, Монахова, но оригинально, талантливо.

До того хорошо, что его приходилось сожалѣть.

Вѣдь это растрата дарованія!

Потомъ Градовъ-Соколовъ на слѣдующій сезонъ перекочевалъ въ «Аркадію», по сосѣдству въ Новой деревнѣ, гдѣ взялъ антрепризу оперетки знаменитый въ свое время оперный пѣвецъ Юсифъ Яковлевичъ Сѣтовъ.

Тутъ опять Градову-Соколову сопутствовалъ полный успѣхъ, къ счастью, не удовлетворявшій Леонида Ивановича, который, какъ умный человѣкъ, сознавалъ, что на опереткѣ далеко не уѣдешь и только загубишь карьеру.

Охлаждѣль онъ и къ куплетамъ, уклоняясь пѣть ихъ даже за баснословный гонораръ.

Градовъ-Соколовъ снова появился въ Александринскомъ театрѣ. Я смотрѣль его въ Расплюевѣ («Свадьба Кречинскаго»), гдѣ онъ понравился публикѣ и имѣль хорошій успѣхъ.

Глубокаго комизма онъ не проявилъ, но во всякомъ случаѣ показалъ, что актеръ выдающійся, которому всегда найдется мѣсто и дѣло въ серьезной труппѣ.

Градовъ-Соколовъ недолго оставался въ труппѣ Александринскаго театра, соблазнившись предложеніемъ вступить въ труппу Корша, гдѣ, появляясь большею частью въ легкихъ, фарсовыхъ роляхъ, завладѣль прочно симпатіями москвичей.

Въ Москвѣ Леонидъ Ивановичъ и покончилъ свои дни. По своей натурѣ онъ всегда былъ склоненъ къ бессоннымъ ночамъ и къ попойкѣ, рассчитывая на крѣпкое здоровье. Этимъ онъ и распаталъ свой организмъ.

Я любилъ Градова-Соколова за удивительное съ его стороны уваженіе къ литературѣ, къ печати вообще или къ той ея части, которая заслуживала этого. Дружилъ онъ всегда съ литературой, журналистикой, и въ этомъ мірѣ его очень любили. У него было много друзей.

Иванъ Платоновичъ Киселевскій, бывшій нотаріусъ въ Курскѣ, потомъ любитель и наконецъ заправскій актеръ, появлялся въ Александринскомъ театрѣ не разъ. Дебютировалъ впервые въ «Старомъ баринѣ» Пальма, играя послѣ Самойлова, затѣмъ въ роли Диковскаго («Блуждающіе огни» Л. Н. Антропова) и пр.

Несмотря на почтенный возрастъ, когда Киселевскій вступилъ въ труппу Александринскаго театра, онъ представлялся совершеннымъ юношей и порой даже легкомысленнымъ: ролей учить особенно не любилъ, надѣясь на доброе сочувствіе суфлеровъ, но это не мѣшало ему нравиться публикѣ.

Общительность Киселевскаго скоро сдружила его со всей труппой, хотя болтливый острый язычекъ Ивана Платоновича вредилъ ему.

Очень многіе изъ актеровъ побаивались Киселевскаго, потому что онъ злобно вышучивалъ ихъ, подмѣчая, благодаря своей наблюдательности, слабыя стороны.

Иванъ Платоновичъ терпѣль вѣчную нужду, какой бы окладъ ни получалъ. По своей добротѣ онъ дѣлился съ товарищами деньгами, потомъ занималъ, забиралъ впередъ жалованье и постоянно, улыбаясь, печаловался на безвыходное положеніе.

Но какъ бы тяжело ему ни приходилось, онъ всегда сохранялъ жизнерадостность, всегда былъ весело настроенъ и являлся незамѣннымъ собесѣдникомъ въ компаніи.

Сыгравъ гдѣ-нибудь въ клубѣ, получивъ порядочный гонораръ, онъ его тутъ же за ужиномъ и оставялъ.

Киселевскій былъ бариномъ и на самомъ дѣлѣ и въ томъ смыслѣ, какъ у насъ принято характеризовать руссiйское барство: беззаботный, транжира, не считающій денегъ, широкій, безпечный, добрый, живущій въ сущности больше для другихъ, для окружающихъ, чѣмъ для себя.

Ивану Платоновичу ничего не стоило, поссорившись съ дирекціей, разстаться съ обезпеченнымъ положеніемъ, собрать пожитки и уѣхать въ провинцію, куда глаза глядятъ. Самолюбіе свое онъ берегъ пуще всего и ради него жертвовалъ всѣмъ.

Отказался служить, взялъ чемоданъ и укатилъ. Потомъ, глядишь, опять возвратится. Кончилъ онъ все-таки провинціей и скончался въ Кіевѣ, не оставивъ послѣ себя ровно ничего, какъ вся талантливая и неталантливая литературно-театральная русская богема. Таковы мы всѣ, за ограниченнымъ исключеніемъ, и никогда, кажется, насъ не передѣлаешь.

Съ Киселевскимъ я прожилъ сезонъ въ Кронштадтѣ, гдѣ мы вмѣстѣ нанимали одну комнату, служа въ Кронштадтскомъ новомъ, потомъ сгорѣвшемъ театрѣ у антрепренера Рапорта, до того времени музыкальнаго критика, пріятеля Патти, Нильсонъ, Арто, Тамберлика и др.

Жалованья не платили. Мы не унывали и по недѣлямъ съ Киселевскимъ питались ветчиной и колбасой. Я былъ юнъ, Киселевскій въ годахъ, но такое прозябаніе на него ровно никакого впечатлѣнія не производило. Веселый, бодрый духъ его не покидалъ.

Про Киселевскаго на казенной сценѣ уцѣлѣло немало анекдотовъ объ его оговоркахъ, недоразумѣніяхъ съ суфлерами, о сценической импровизаціи и пр. Половина ихъ безусловно присочинена.

Для драматурговъ Киселевскій былъ тяжеловатъ и не только тѣмъ, что слабо училъ роли въ новыхъ пьесахъ, но онъ подтрунивалъ надъ ними, подхватывая въ силу своей интеллигентности промахи и курьезы. Рѣчь идетъ, конечно, о такихъ драматургахъ, которые не принадлежали къ числу выдающихся, всѣми признанныхъ.

Много крови имъ портилъ Киселевскій. Копировалъ онъ ихъ, рассказывалъ про нихъ анекдоты по городу. Не мудрено, что нѣкоторые его считали человѣкомъ непріятнымъ, а вотъ мы, знавшіе близко Ивана Платоновича, можемъ подтвердить, что никакой злобы, никакого недоброжелательства въ немъ въ сущности не было. Безъ всякаго умысла сбредеть онъ что-нибудь и самъ забудеть. А потомъ говорятъ: вотъ что Киселевскій распространяеть.

Если ему кто-нибудь насолилъ, напакостилъ серьезно, ну, тогда онъ превращался въ мстительнаго человѣка и покою не давалъ, извести могъ.

Были роли, для которыхъ не подыщешь другого Киселевскаго. Какого Кречинскаго онъ давалъ, любо было смотрѣть! Тонъ, поддержка, манера, блескъ, спокойствіе.

Ставили въ Александринскомъ театрѣ мою шутку «Въ ссудной кассѣ». Киселевскій по дружбѣ самъ вызвался мнѣ сыграть актера и изъ пустячной, крошечной роли создалъ типичное лицо. Въ «Каширской старинѣ», изображая старика-боярина, онъ былъ удивительно хорошъ, а между тѣмъ Аверкіева недолюбливалъ, считая его языкъ коверканнымъ.

Репертуаръ Ивана Платоновича былъ такъ обширенъ, что онъ самъ не перечислилъ бы сыгранныхъ имъ ролей.

Воспитанный человѣкъ, пріятныхъ формъ, онъ нигдѣ не терялся, и въ любомъ обществѣ чувствовалъ себя хорошо, свободно.

За кулисами его Е. И. Левкѣва называла довольно мѣтко «губернаторъ». «Говорить, какъ губернаторъ, сядетъ—губернаторъ и манера губернатора».

Покойный страдалъ отъ кредиторовъ. Заболѣваніе хроническое въ закулисной жизни. Благодаря имъ, полагаю, Киселевскій не любилъ устраиваться въ своей квартирѣ, въ своемъ углу, предпочитая меблированныя комнаты.

— У меня нѣтъ страсти къ вещамъ, къ предметамъ роскоши и обстановкѣ!—сознавался Киселевскій.

И хорошо, а то обстановку пожирали бы кредиторы.

Короткое время въ труппѣ Александринскаго театра служилъ М. К. Стрѣльскій, другъ Киселевскаго, герой провинціальной сцены, мужъ Е. А. Алексѣевой, о которомъ я упомянулъ.

Михаилъ Кузьмичъ Стрѣльскій (Третьяковъ) въ юные годы служилъ въ Маломъ московскомъ театрѣ, затѣмъ въ провинціи, пѣлъ въ опереткѣ, наконецъ попалъ въ Александринскій театръ, откуда его быстро выжили. Звѣздъ съ неба онъ не хваталъ, но справедливо считался полезнымъ человѣкомъ, болѣе даровитымъ, чѣмъ иные счастливыя, получавшіе здоровые оклады. Стрѣльскій служилъ въ провинціи вмѣстѣ съ М. Г. Савиной, которая рекомендовала его дирекціи.

Выше я, попутно, припуталъ имя К. Г. Бродникова, о которомъ нельзя промолчать.

Толстякъ съ лысой головой, въ очкахъ, съ перстнями на толстыхъ, короткихъ пальцахъ, съ брильянтовыми булавками въ галстукахъ и съ разноцвѣтными пуговицами на жилетахъ, онъ вездѣ былъ замѣтенъ. Дарованіями Богъ Бродникова не наградилъ, да онъ и не выражалъ претензій на талантъ и роли, замѣчая лишь вскользь, что гдѣ-то имѣлъ колоссальный успѣхъ въ роли городничаго. Гдѣ—я до сихъ поръ не знаю.

Бродниковъ занималъ маленькую квартирку на Невскомъ, у Казанскаго моста, надъ нынѣшнимъ Учетно-Ссуднымъ банкомъ. Эту квартирку актерство знало отлично и вотъ почему: въ тѣ годы, о которыхъ говорю, не было театральныхъ агентствъ, не было Театральнаго общества.

Представителемъ крупныхъ антрепренеровъ въ столицѣ былъ К. Г. Бродниковъ.

Онъ имъ рекомендовалъ актеровъ, онъ имъ посылалъ новыя пьески, словомъ, служилъ по силѣ возможности. Отсюда и вели происхожденіе бродниковскіе булавки и перстни, полученные имъ, какъ подарки, отъ благодарныхъ антрепренеровъ и актеровъ.

Увѣряли, что у Бродникова есть капиталецъ, но онъ открещивался энергично отъ такихъ слуховъ, благодаря которымъ у него просили деньги въ долгъ. Давать онъ не любилъ и каждую копейку тратилъ, скрѣпя сердце.

— Что бы, мой добрый другъ (это его вѣчная и любимая поговорка), скушать подешевле!—произносилъ онъ, просматривая карту въ клубъ или ресторанъ.

А когда его угощали неизмѣнный другъ, водевилистъ, журналистъ и редакторъ «Новаго Времени» М. П. Федоровъ, онъ легко проглатывалъ по три блюда на ночь, запивая ихъ виномъ.

— Я угощаю! заказывайте!—объявлялъ Федоровъ.

— Мой добрый другъ! это благородно съ вашей стороны. Сегодня я даже не прочь съѣсть что-нибудь посущественнѣе.

И ѣли они безъ конца, не считаясь съ своей толщиной. Бродниковъ игралъ вторыя и третьи роли, игралъ, царство ему небесное, весьма плохо, но всегда стараясь создать что-то необычайное, мудрое.

Потуги оставались безрезультатными, и ничего изъ нихъ не выходило. Надъ Бродниковымъ за кулисами Александринскаго театра любовно потѣшались. А какъ, бывало, умереть кто изъ товарищей, къ нему:

— Константинъ Григорьевичъ, похлопочите.

У гробовщика онъ былъ недосягаемъ. Торговался, поражалъ Шумиловыхъ старшихъ и младшихъ познаніями въ технику дѣла и въ коммерческихъ его тайнахъ. Ужъ его на глазетѣ или гробикѣ не проведешь. И къ лицу выберетъ, и практично, и прочно, и самъ лично въ церкви распоряжается, и чуть могилу не роетъ.

О разрядахъ тогда не слышно было, хоронили бѣдно и богато, а Бродниковъ умѣлъ похоронить какъ будто богато, но вмѣстѣ съ тѣмъ экономическимъ способомъ.

Злая иронія судьбы обидѣла бѣднягу Бродникова: заболѣвъ, страшно исхудавъ, онъ уѣхалъ лечиться въ Ялту и тамъ умеръ одиноко, вдали отъ товарищей, и некому было его похоронить. И теперь эта могилка смотритъ заброшенной.

Совершенно неожиданно въ одномъ изъ великопостныхъ концертовъ Александринскаго театра, которые устраивались актерами и режиссерами въ свою пользу, выступилъ, опять-таки съ пошленькими куплетами, Маріусъ Маріусовичъ Петипа, сынъ знаменитаго балетмейстера и повинѣ известный актеръ провинціи.

Рѣдко красивый, напоминавшій южанина-француза, Петипа спѣлъ куплеты и имѣлъ успѣхъ, встрѣтивъ, впрочемъ, антагонизмъ среди специалистовъ по куплетному ремеслу, поклонниковъ Монахова.

— Неслыханная дерзость, конкурировать съ кѣмъ? съ Монаховымъ. Ну, и что же! никакой художественной отдѣлки. Тотъ плюнетъ, просто плюнетъ, и выходитъ художественно.

Я слышалъ это мнѣніе изъ устъ популярнаго юриста-театрала, здравствующаго и понынѣ.

Петипа заинтересовались, стали ходить слухи, что онъ даровитый актеръ, отлично поетъ въ опереткѣ. Очень скоро онъ и подтвердилъ это, спѣвъ на той же Александринской сценѣ Париса въ «Прекрасной Еленѣ». Голосъ не ахти какой, но развязность, живость, совсѣмъ родственная опереткѣ по ея національному происхожденію.

Петипа ангажировали въ труппу Александринскаго театра. Этотъ пріемъ окрылилъ переводчиковъ оперетокъ Григорія Липина, Василя Курочкина, В. Александрова (Крылова) и др., которые вѣрили еще въ живучесть оперетки на образцовой сценѣ.

Новый актеръ появился наконецъ въ комедіи, видѣлъ я его, между прочимъ, замѣнявшимъ Монахова въ «Злобѣ дня». Манера игры у него была не русская, французъ чувствовался, надо было приывать къ этому тону и надѣяться, что онъ измѣнится подъ вліяніемъ игры окружающихъ.

Послѣднее предположеніе сбылось. М. М. Петипа принялся работать надъ собой, и черезъ года два его нельзя было узнать.

Для салонной комедіи, а такая была тогда въ Александринскомъ театрѣ, Петипа оказался находкой. Его достоинствомъ было еще умѣніе носить костюмъ. У Петипа явилась тѣма поклонницъ, по количеству не уступающая компаніи «мазинистокъ», т. е. почитательницъ тенора Мазини.

Это я отмѣтилъ мимоходомъ, такъ какъ и у непрекрасной половины успѣхъ М. М. Петипа былъ обезпеченъ. Онъ вошелъ въ репертуаръ и замѣнялъ потомъ Монахова.

Труппа Александринскаго театра мало-по-малу видоизмѣнялась по составу и усиливалась, ансамбль выигрывалъ.

Петипа разстался съ Александринской сценой въ цвѣтущую пору его дарованія. Почему онъ ушелъ и почему его отпустили, не берусь объяснить, но сожалѣлъ вмѣстѣ съ театрами объ этой потерѣ. Провинція ухватилась за М. М. Петипа, и до нынѣшнихъ дней онъ вездѣ желанный гость.

Очень скоро началъ выдвигаться Р. Б. Аполлонскій, а въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ пожаловалъ впервые Василій Пантелеймоповичъ Далматовъ.

Съ Далматовымъ за годъ передъ тѣмъ мы познакомились въ Москвѣ, служили вмѣстѣ въ Пушкинскомъ театрѣ Бренко и бражничали вмѣстѣ. Я уговаривалъ его ѣхать въ Петербургъ, завѣряя, что, заручившись дебютомъ, онъ навѣрное будетъ принятъ и замѣнить въ цѣломъ рядѣ пьесъ Монахова. Далматовъ заболѣлъ, и мы разстались. Въ Петербургѣ я встрѣтилъ Николая Антиповича Потѣхина, моего большого пріятеля, которому восторженно говорилъ о Далматовѣ, прося сказать о немъ брату Алексѣю Антиповичу Потѣхину, вступившему въ управление русской труппы.

Нѣсколько разъ я ему напоминалъ, и Николай Потѣхинъ мнѣ сообщил наконецъ, что Далматову братъ его напишетъ.

Черезъ нѣсколько дней Н. А. Потѣхинъ извѣстилъ меня, что дебютъ Далматову разрѣшенъ.

Я сейчасъ телеграфировалъ Далматову, пріѣхавшему для переговоровъ и потомъ дебютировавшему.

Василій Пантелеймоновичъ, прикативъ въ первый разъ въ Петербургъ, остановился у меня. Я издавалъ театральнй журналъ «Театральнй Мірокъ».

Принятъ былъ всюду Далматовъ гостепрѣмно, за кулисами его встрѣтили товарищи по провинціи, приласкали его Потѣхины, прозвель онъ на всѣхъ выгодное впечатлѣніе.

— Кажется, отличный малый!—слышалось со всѣхъ сторонъ.— Интеллигентнй, красивый, намъ такого надо.

Черезъ нѣсколько дней Далматова многіе называли просто Васей. По душѣ, что называется, человекъ пришелся.

Дебютировалъ онъ ролью Незнамова въ пьесѣ Островскаго «Безъ вины виноватые». Въ залѣ были налицо всѣ критики, актерство, литераторы.

Далматовъ струхнулъ при выходѣ, а мы, его друзья и доброжелатели, знавшіе отлично, что у него есть за кулисами недоброжелатели, струхнули за него еще больше.

Овладевъ собой, онъ, нужно сказать, штурмомъ взялъ успѣхъ и хорошій успѣхъ!

Гуляя я по коридору театра взволнованнымъ и прислушивался, что говорятъ.

Одобрjali! Пріемъ Далматова въ труппу, несмотря на дальнѣйшіе дебюты, представлялся совершившимся фактомъ.

Николай Потѣхинъ, который любилъ все преувеличить, говорилъ въ театрѣ, что Далматовъ будетъ принятъ. Понравился, и рѣшено принять... братъ его хвалилъ.

Я былъ счастливъ, что дѣло Далматова слаживается, словно вопросъ касался меня самого. Далматовъ перебрался въ Петербургъ и съ тѣхъ поръ зачислился въ неизмѣнные петербуржцы. Покинулъ онъ Александринскій театръ, погостилъ въ Маломъ театрѣ у А. С. Суворина, но опять возвратился домой.

Я думаю, что о Далматовѣ мнѣ больше говорить не приходится. Я говорилъ о юномъ Василии Пантелеймоновичѣ, о тогдашнемъ Далматовѣ, а нынѣшній самъ за себя говорить.

Крупная выросла фигура, въ чемъ я былъ давнымъ-давно убѣжденъ.

Кто-то изъ озлобленныхъ поэтовъ, едва ли не Абракадабра(актеръ Смирновъ) сочинилъ экспромтъ:

Въ искусствѣ русскомъ мы не разъ
Встрѣчали храбрыхъ акробатовъ!
Судьба вознаградила насъ:
Пріѣхалъ изъ Москвы Далматовъ.

«Очень видный и въ шинели!» необыкновенно серьезно сказалъ про Далматова покойный театраль, извѣстный библиофиль и бытописатель М. И. Пыляевъ.

Съ этой характеристикой, краткой, но яркой, носился потомъ другъ и по внѣшности почти двойникъ Пыляева—М. П. Федоровъ.

— Значить, человекъ со средствами!—добавилъ Федоровъ.— Очень пріятно, если онъ сдѣлается постояннымъ посѣтителемъ «Малаго Ярославца»...

Въ тѣ годы актеры и журналисты собирались ежедневно въ ресторанѣ «Малый Ярославецъ», совсѣмъ какъ нынѣ въ «Вѣнѣ», съ той разницей, что тогдашніе журналисты держали себя прилично и стульевъ не ломали.

Извиняюсь передъ читателями, что я вспоминаю о моихъ встрѣчахъ въ Александринскомъ театрѣ безъ хронологическаго порядка: говоришь о томъ, что видѣлъ и слышалъ лѣтъ тридцать—тридцать пять, легко было бы напутать хронологію.

А. А. Плещеевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КАКЪ МЕНЯ АРЕСТОВАЛИ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

ТО было осенью 1879 года. Я кончалъ курсъ въ бывшей медико-хирургической академіи. Жилъ я тогда вмѣстѣ съ однимъ товарищемъ по гимназіи,—вѣрнѣе, у этого товарища. Будучи богатымъ человѣкомъ, онъ съ меня за занимаемыя двѣ крошечныя комнатки денегъ не бралъ. Звали этого душевнаго человѣка Сергѣй Николаевичъ С.

Это былъ типъ совершенно особаго рода. Большого роста, въ то время краснощекій, толстый, съ дѣтскимъ выраженіемъ пріятнаго русскаго лица. Сергѣй Николаевичъ былъ типичнымъ представителемъ, какъ онъ самъ выражался, неслужащаго русскаго дворянина. Курса наукъ онъ нигдѣ не кончилъ. Не могъ, или не хотѣлъ,—осталось невыясненнымъ.

Этотъ радушный человѣкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ любившій поболтать вкривь и вкось, почти ежедневно начиналъ свою голову чтеніемъ обильныхъ политическихъ процессовъ, перепечатаваемыхъ въ то время изъ «Правительственнаго Вѣстника» во всѣхъ газетахъ.

— А какъ ты думаешь, Ѳедоръ,—обращался онъ къ своему лакею, обыкновенно торчавшему въ комнатѣ во время чтенія бариномъ газеты:— куда бы мы могли спрятать убійцу генерала Мезенцова? А?

— Куда?—отвѣчалъ, смотря на свои собственные сапоги, сухой, длинный и необыкновенно грязный Ѳедоръ.—Въ печку, что ли?

Въ подобныхъ разговорахъ проходило частенько утро С. Н.

Въ описываемое мною время С. Н. было 23 года. Несмотря на это, геройство въ видѣ мысленныхъ подвиговъ Дубровскаго или въ видѣ

таинственныхъ незнакомецѣхъ Густава Эмара, въ критическую минуту крошившихъ «апашей», какъ картошку, все еще продолжало сидѣть въ его не много знающей, но все помнящей головѣ.

Еще менѣе опаснымъ, въ смыслѣ политической неблагонадежности (какъ тогда скромно выражались), былъ я.

Веселый, здоровый, жизнерадостный, несмотря на занятія точными науками, не задававшійся рѣшеніемъ проклятыхъ вопросовъ, я отдавалъ дань молодости.

По утрамъ аккуратно ходилъ я въ академію, много читалъ, по временамъ пѣлъ арію изъ «Трубадура» и «Аиды», а по вечерамъ при случаѣ плясалъ на вечерахъ до цыганскаго пота. Кромѣ этого, я постоянно влюблялся, впрочемъ, не опасно. Рѣшительно въ каждомъ домѣ, гдѣ я бывалъ, у меня была на примѣтѣ особа, въ которую я былъ влюбленъ. Пока я сидѣлъ съ нею рядомъ, я считалъ себя рѣшительно въ нее влюбленнымъ...

Къ тогдашнимъ стриженнымъ дѣвицамъ я никакой любви не ощущалъ. Короче сказать, «гражданскимъ ознобомъ», по удачному выраженію Глѣба Успенскаго, я не страдалъ, а потому и къ внутренней политикѣ склонности не имѣлъ. Къ политическимъ же убійствамъ, бывшимъ и тогда въ разгарѣ, я чувствовалъ омерзѣніе.

На такихъ-то двухъ опасныхъ въ политическомъ отношеніи молодцовъ, какъ С. Н. и я, въ то время даже въ глаза не видѣвшихъ ни одного революціоннаго (по тогдашнему—подпольнаго) листка, никогда не якшавшихся съ людьми даже «длинноволосыми», т. е. только на видъ политически сомнительными, тѣмъ не менѣе готовилась облава...

Въ началѣ октября, выдержавъ одинъ изъ выпускныхъ экзаменовъ, я отправился въ Михайловскій театръ. Въ первомъ часу ночи мы съ С. Н. уже лежали въ постеляхъ и мирно похрапывали. Вдругъ ночная тишина огласилась криками и неистовыми звонками. Кричали и звонили сразу на парадной и черной дверяхъ, звонили безъ передышки, во всю.

Черезъ минуту все объяснилось. Вся наша квартира, въ особенности наши спальни, наполнились жандармами, городовыми, околоточными, предводительствуемыми какимъ-то полицейскимъ статскимъ совѣтникомъ и бравымъ майоромъ въ казачьей формѣ.

— Отдайте револьверъ,—раздалось надъ моимъ ухомъ, и нѣсколько грубыхъ рукъ полѣзли подъ мою подушку.

Увы, ни у меня, ни у моего товарища револьверовъ не оказалось. Правда, у меня подъ подушкою было найдено нѣсколько томовъ либеральнаго по тогдашнему времени «Вѣстника Европы», замѣнявшихъ мнѣ недостававшую вторую подушку, но, по счастью, на это буквальное вбиваніе себѣ въ голову либерализма полицейскими въ то время не было обращено должнаго вниманія. Затѣмъ начался обыскъ. Заглядывали всюду, перерыли все, что могли перерыть,

употребивъ на это $6\frac{1}{2}$ часовъ (съ $12\frac{1}{2}$ ч. ночи до 7 утра) и, конечно, не только не нашли, но и не могли найти ни одной іоты, могущей насъ скомпрометировать. Уже часа въ 4 утра статскій совѣтникъ и майоръ, убѣдившись, что съ нашей стороны сопротивленія не будетъ, стали вести себя съ нами нѣсколько иначе.

Майоръ, пошептавшись съ статскимъ совѣтникомъ, попросилъ насъ приказать поставить самоварчикъ.

— Вы не повѣрите, — заявилъ онъ мнѣ: — какъ мы устаемъ съ обысками. Вѣдь каждую почти ночь одно и то же... Сна не знаешь...

Правда, въ моемъ письменномъ столѣ они разыскали массу любовной переписки и на розовой и на голубой бумажкахъ и занялись было ихъ чтеніемъ, но, разобравъ сразу невинность ихъ содержанія, перестали ими интересоваться, сваливъ ихъ просто въ кучу. При этомъ майоръ замѣтилъ мнѣ, и, кажется, не безъ зависти, что на обиліе такой «переписки» за всю практику онъ наткнулся во время обыска только у одного присяжнаго повѣреннаго.

Въ свою очередь, и мы съ С. Н. оперились, въ особенности въ виду сознанія, что за нами ровно никакой вины не числилось. Мы начали весело болтать, предлагали околоточнымъ сѣсть, говоря (несмотря на шипѣніе статскаго совѣтника), что не можемъ допустить, чтобы такіе достойные люди такъ долго стояли на вытяжку.

Пропустивъ въ себя два стакана нашего чая, статскій совѣтникъ вдругъ громогласно объявилъ намъ: «Хотя у васъ ничего предосудительнаго не найдено, но по приказанію Третьяго отдѣленія я васъ арестую!..»

Эти слова поразили меня въ особенности. Неизвѣстность, сколько и гдѣ придется высидѣть, невозможность докончить выпускные экзамены — сразу повліяли на мою психику.

С. Н., которому будущее сидѣніе отнюдь не представлялось въ мрачномъ видѣ, разъ ему сидѣть сиднемъ было все равно гдѣ и сколько времени, а занятій за нимъ никакихъ не числилось, не потерялъ присутствія духа и когда мы уже вталкивались въ карету (нанятую, къ слову сказать, на нашъ же счетъ), онъ, обратясь къ статскому совѣтнику, спросилъ его:

— А долго ли насъ продержатъ въ тюрьмѣ?

— Не знаю-съ, — былъ отвѣтъ.

— Читали ли вы «Графа Монте-Кристо»? — продолжалъ С. Н.

— Прошу васъ не задавать мнѣ неумѣстныхъ вопросовъ, — обозлился статскій совѣтникъ.

— Я васъ потому спрашиваю, — не унимался С. Н.: — чтобы вы попросили кого слѣдуетъ, дабы насъ, какъ графа Монте-Кристо, также не продержали въ тюрьмѣ 30 лѣтъ!..

Когда мы подкатили къ предварительной тюрьмѣ, было уже совершенно свѣтло.

— Вы насъ извините,—сказаль мнѣ тамъ смотритель, обшаривая мои карманы и забравъ все цѣнное, бывшее на мнѣ, вплоть до золотыхъ пуговокъ и запонокъ:—мнѣ придется васъ посадить въ № 13-й. Этотъ номерокъ у насъ обыкновенно служить мѣстомъ наказанія. Да ничего не подѣлаешь. Все-съ переполнено.

И дѣйствительно, помѣщеніе, въ которомъ я вскорѣ оказался запертымъ, своимъ отталкивающимъ видомъ, промозглымъ запахомъ, сыростью, темнотою повліяло весьма грустно даже на мою веселую, неприхотливую студенческую душу.

№ 13-ый, очень высокій, былъ длиною въ $3\frac{1}{2}$ шага и шириною въ $1\frac{1}{2}$. На стѣнѣ, противоположной входной двери, у потолка было крошечное отверстіе, исправлявшее должность окна и позволявшее видѣть клочокъ петербургскаго октябрьскаго неба. Надѣво отъ дверей красовалось какое-то сооруженіе, напоминавшее кровать, съ крошечною подушкою, состоявшей положительно изъ одной только наволочки. У правой стѣны я нащупаль 2 прикрѣпленныхъ къ ней желѣзныхъ листа, одинъ побольше, другой поменьше, замѣнявшихъ собою столъ и стулъ и такъ хитро устроенныхъ, что при откидываніи отъ стѣны стулъ оказывался на одномъ уровнѣ со столомъ. Въ одномъ изъ угловъ находилась удивительная гигиеническая посудина, такъ называемая «параша».

Самымъ остроумнымъ приспособленіемъ отличался звонокъ, находившійся у входной двери. При нажатіи пуговки онъ сходилъ съ своего мѣста и звонилъ только одинъ разъ. Затѣмъ пуговку можно было нажимать безконечное число разъ безъ всякихъ результатовъ. Только приходъ надзирателя, вдвигавшаго звонокъ на свое прежнее мѣсто, давалъ ему новую жизнь. Являлся же надзиратель или сейчасъ, или черезъ 5 минутъ, или черезъ 2 часа, смотря по желанію.

— Сегодня вамъ придется отвѣдать казенной пищи,—сказаль мнѣ вошедшій надзиратель.—Съ завтрашняго дня, если у васъ при обыскѣ отобраны деньги, вы можете кормиться на свой счетъ. Здѣшній экономя (или смотритель, теперь хорошо не помню) отпускаетъ обѣды въ различную цѣну.

Заказавъ себѣ на завтра обѣду, я сталъ дожидаться казеннаго обѣда. До поданной мнѣ бурды я, несмотря на голодь, положительно не могъ дотронуться. Одинъ ея видъ вызываль во мнѣ тошноту.

Изъ опасенія, какъ бы я не посягнулъ на свою драгоценную жизнь, мнѣ за все время моего пребыванія въ предварительной тюрьмѣ ни разу не дали ни вилки, ни ножа. Приходилось поэтому ѣсть руками, кромѣ, разумѣется, супа; для послѣдней операціи мнѣ черезъ надзирателей разрѣшено было приобрести, разумѣется, на свои средства, крошечную деревянную ложечку.

Рано утромъ меня разбудили, причемъ попросили заняться подметаніемъ комнаты. Услыхавъ отъ меня положительный отказъ, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ метла, которую мнѣ до этого на-

стойчиво всовывалъ въ руки надзиратель, была вручена какому-то вызванному изъ сосѣдняго № обыкновенному арестанту, который, кажется, за гривенникъ обѣщалъ ежедневно тщательно убирать мою комнату.

На третій день моего пребыванія въ № 13 дверь внезапно отворилась, и вошелъ одинъ изъ надзирателей.

— Вамъ, небось, скучно,—началь онъ неожиданно со мною разговоръ.—А между тѣмъ я вижу по всему, что вы, пожалуй, ни въ чемъ не виноваты. Только наше дѣло подневольное. И за нами смотреть. Вечеромъ я, можетъ быть, еще разъ зайду къ вамъ и если вамъ разрѣшать писать и дадутъ бумагу, то я, пожалуй, тогда передамъ отъ васъ записочку вашимъ роднымъ...

Я съ радостью ухватился за эту мысль. Обѣщалъ ему, что если онъ передастъ завтра двѣ записочки: моему брату и одной особѣ, то каждый изъ нихъ дастъ ему по 5 рублей. По невинности своей души я никакъ не думалъ, что легче найти зеленую лошадь, чѣмъ безкорыстнаго тюремщика, и что, наоборотъ, надзирателя тронула моя молодость, невинная фizioномія и отчаяніе, написанное на моемъ лицѣ. Надзиратель же дѣйствовалъ просто по бывшимъ примѣрамъ, т. е. прибрѣталъ капиталъ и сохранялъ тюремную невинность. Раньше доставленія писемъ по адресу онъ ихъ, разумѣется, какъ я узналъ впоследствии, показывалъ начальству.

Мнѣ это было, впрочемъ, все равно. Повторяю, за мной никакой провинности не значилось.

Дня черезъ три дверь моей камеры отворилась, и я увидѣлъ предъ собой господина средняго роста въ форменномъ вицъ-мундирѣ.

— Товарищъ прокурора,—назвалъ онъ себя (фамилію его я, къ сожалѣнію, забылъ).—Если вы имѣете что-нибудь сказать противъ вашего ареста, подайте мнѣ прошеніе; для этого я велю вамъ дать бумагу. Только (при этомъ голосъ его понизился до шопота) изъ этого ничего не выйдетъ...

На этомъ мы и разстались... Порядка ради я все-таки подалъ прошеніе, но отвѣта и посейчасъ не получилъ.

Просидѣлъ я въ предварительной тюрьмѣ восемь дней. Благодаря моему брату, которому я написалъ изъ тюрьмы о своемъ арестѣ и который вслѣдствіе этого пустилъ въ ходъ всѣ свои связи вплоть до свиданія съ тогдашнимъ шефомъ жандармовъ генераль-адъютантомъ Дрентельномъ, я наконецъ былъ освобожденъ, причемъ, однако, съ меня взяли подписку о невыгздѣ безъ разрѣшенія Третьяго отдѣленія.

Объясненія моего брата съ генераль-адъютантомъ Дрентельномъ были прерваны инцидентомъ довольно траги-комическаго свойства. Во время визита моего брата къ ген. Дрентельну былъ вызванъ какой-то жандармскій полковникъ, знакомый съ моимъ

дѣломъ. И тутъ выяснилось, что полковникомъ въ моемъ лицѣ былъ арестованъ не «студентъ» выпускного курса медико-хирургической академіи, каковымъ я былъ на дѣлѣ, а «врачъ»!

Тогда братъ мой, пораженный упорствомъ, съ которымъ полковникъ давалъ обо мнѣ невѣрныя свѣдѣнія своему шефу, сказалъ, что, повидимому, въ моемъ дѣлѣ произошла прискорбная ошибка, и, какъ *corpus delicti*, предложилъ ген. Дрентельну вызвать меня самого... для того, чтобы его превосходительство убѣдился, что братъ его не только внутреннею политикою не занимается; но въ свободное время больше заботится о полировкѣ и чисткѣ ногтей и ухаживаніемъ за дамами, чѣмъ иными вопросами.

Въ отвѣтъ на это Дрентельнъ попросилъ брата на одну минутку выйти изъ кабинета и затѣмъ такъ основательно и громко разнесъ фантазировавшаго обо мнѣ полковника, что каждый звукъ его голоса отчетливо доносился до ожидавшаго въ сосѣдней комнатѣ брата.

Черезъ нѣсколько минутъ братъ мой былъ снова позванъ къ генералу.

— Успокойтесь,—сказалъ онъ ему.—Я приказалъ брата вашего освободить.

И во время сидѣнія въ предварительной тюрьмѣ и послѣ нѣсколько разъ меня призывали въ Третье отдѣленіе, гдѣ я писалъ безъ конца отвѣты на таинственные вопросы по обвиненію меня въ сущемъ пустякѣ... въ убійствѣ харьковскаго генераль-губернатора кн. Кропоткина, котораго, какъ оказалось, я и въ глаза не видѣлъ!

По счастью, мое *alibi* могли засвидѣтельствовать не только всѣ студенты медико-хирургической академіи, но и большая часть профессоровъ вплоть до субъ-инспекторовъ.

Въ день, или, вѣрнѣе, въ ночь убійства князя Кропоткина въ Харьковѣ я, какъ вполнѣдствіи выяснилось, былъ распорядителемъ студенческаго концерта въ Петербургѣ...

Въ чемъ же меня тогда собственно обвиняли? Въ чемъ состояло мое дѣло, котораго, какъ говорилъ И. О. Горбуновъ, понять было невозможно! Озаглавлено оно было такъ: «Дѣло о 33 лицахъ».

Прочиталъ я этотъ курьезный заголовокъ, взглянувъ на обложку дѣла во время прогулокъ по комнатѣ допрашивавшаго меня жандармскаго полковника.

Дѣло было страшно объемистое. Въ него поэтому постоянно заглядывалъ полковникъ для освѣженія своей памяти.

Вопросы, задаваемые мнѣ, были самые разнообразныя (теперь я, конечно, ихъ не помню), но одинъ изъ нихъ врѣзался у меня въ памяти: «Правда ли, что такого-то числа на Невскомъ разговаривали вы по-французски?»

Какъ послѣ этого не повѣрить знаменитому разсказу, что обвиняемые говорили о дѣлахъ, суду неизвѣстныхъ!..

Объ удачныхъ хлопотахъ моего брата мнѣ въ предварительной тюрьмѣ ничего не было извѣстно, и потому въ концѣ концовъ я пришелъ въ полное отчаяніе. Всего болѣе меня мучила очевидная невозможность продолжать выпускные экзамены и перспектива остаться въ академіи еще годъ.

Предоставляю судить, особенно всѣмъ тѣмъ, которые сидѣли въ одиночномъ заключеніи, что я испытывалъ раньше и что я почувствовалъ, когда мнѣ на восьмой день объявили, что я наконецъ свободенъ. Остальные меня не поймутъ...

Въ 12¹/₂ ч. дня я очутился на Шпалерной, и первую моею мыслью было броситься въ медико-хирургическую академію, гдѣ въ то время для выпускныхъ студентовъ шель экзамень по акушерству. Прибѣгаю туда; оказалось, что я пришелъ поздно: экзамены уже окончились. Тогда я немедленно бросился къ профессору Кр. Оед. Славянскому и объяснилъ ему причину моего опозданія. Профессоръ отнесся ко мнѣ очень сочувственно и такъ какъ онъ зналъ меня раньше (я занимался у него съ 4-го курса спеціально акушерствомъ и женскими болѣзнями), то онъ тутъ же, не экзаменуя меня, написалъ въ моемъ экзаменаціонномъ листикѣ: «отвѣчалъ превосходно—*maxime sufficit* по вопросу о «задержаніи» послѣда»!

Въ тотъ же день выпустили и моего товарища. Видимаго впечатлѣнія ни сидѣніе, ни затѣмъ освобожденіе на него не произвели.

Черезъ мѣсяць сестра моя, жившая съ матушкою въ Москвѣ, должна была выйти замужъ. Звали и меня съ Сергѣемъ Николаевичемъ на свадьбу шаферами. Помня, что безъ разрѣшенія Третьяго отдѣленія мы не могли шагу сдѣлать изъ города, мы отправились въ жандармское управленіе, прося отпустить насъ на два дня въ Москву. Разрѣшеніе намъ было дано, но предварительно мы должны были подробно сказать, зачѣмъ мы ѣдемъ, къ кому, на долго ли и т. д.

Утромъ 11-го ноября мы уже были въ Москвѣ. Днемъ чествованіемъ справили свадьбу, вечеромъ по старинному попиروвали съ молодыми въ «Эрмитажѣ», а затѣмъ на другое утро, позавтракавъ въ «Славянскомъ Базарѣ», я со скорымъ поѣздомъ покатилъ обратно въ Питеръ (С. Н. остался еще въ Москвѣ). И вотъ тутъ, прочитавъ на другой день въ газетахъ о взрывѣ на Курскомъ вокзалѣ, взрывѣ, рассчитывавшемъ на уничтоженіе всего царскаго поѣзда, я отъ испуга не зналъ въ первое время, что мнѣ дѣлать. Я положительно трясся, ожидая, что меня вотъ-вотъ арестуютъ; каждый звонокъ усугублялъ мои опасенія, и только черезъ нѣсколько дней я вздохнулъ какъ будто свободнѣе, увѣрившись, что разъ меня еще до сихъ поръ не арестовали, то, пожалуй, меня и вовсе не тронуть. Въ дѣйствительности же, опасенія мои въ первую минуту были совершенно основательны, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія охраны. Вѣдь мы ѣздили въ Москву, а тамъ именно на другой день произошло знаменитое покушеніе. Какъ же я могъ не думать, чтобы Третье

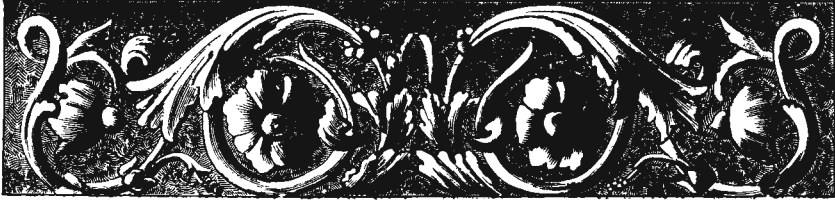
отдѣленіе на всякій случай не запрягало меня снова въ тюрьму? Но въ послѣдствіи, успокоившись окончательно, я вспомнилъ, что съ момента моего отъѣзда около меня все время вертѣлся нѣкто, какъ теперь говорятъ, въ гороховомъ пальто или нѣкто «въ сѣромъ». Это, вѣроятно, и была та таинственная личность, которая преслѣдовала меня на вокзалѣ въ Петербургѣ, а затѣмъ въ Москвѣ, и которая, убѣдившись въ томъ, что я дѣйствительно не злоумышленникъ, а только гуляка, была моимъ добрымъ гениемъ, моимъ спасителемъ. Гдѣ ты, о свѣтлая личность? Гдѣ бы я былъ безъ твоей анонимной и безкорыстной помощи?!

Прошло съ тѣхъ поръ 30 лѣтъ. Бывши и въ то время по убѣжденіямъ умѣренно правымъ и оставшись таковымъ и посейчасъ, несмотря на громадное число перебѣжчиковъ, въ силу освободительнаго натиска и моды мгновенно превратившихся въ социаль-демократовъ и даже крайнихъ лѣвыхъ, вспоминая начало смутнаго времени, въ которомъ пострадалъ и я, я отношусь къ этому времени все-таки безъ злобы, безъ лишнихъ гражданскихъ слезъ.

Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ. Принимая же во вниманіе ту невѣроятную растерянность, охватывавшую тогда правительство при нажимѣ снизу, растерянность, и въ настоящую минуту не потерявшую своего *raison d'être*, не приходится удивляться, что среди тогдашнихъ Азефовъ были и такіе, которые въ водоворотъ истинныхъ преступниковъ законности и порядка старались втолкнуть и людей, совершенно къ тому непричастныхъ. Тамъ, молъ, разберутъ. Относительно того, какъ потомъ черезъ 1½—2 мѣсяца при диктатурѣ сердца графа Лорисъ-Меликова ко мнѣ являлся въ мундирѣ майоръ, меня арестовавшій, просить протекціи, какъ лицо, бывшее мнѣ сродни и сдѣлавшееся тогда правою рукою графа Лорисъ-Меликова, заинтересовалось моимъ дѣломъ и при всемъ желаніи ничего изъ него не могло понять, какъ у моего подѣзда дежурилъ городской и ко мнѣ пріѣзжалъ съ визитомъ петербургскій градоначальникъ,—объ этомъ, можетъ быть, мнѣ удастся поговорить въ другой разъ.

В. Б. Бертенсонъ.

РУССКІЯ МЕТАМОРФОЗЫ ¹⁾.

VI.

Смутное время на Москвѣ.

ВО ВТОРОЙ половинѣ ноября 1905 года буржуазная Москва стала испытывать главнымъ образомъ страхъ. Это чувство давно ужъ вкрадывалось во многія сердца, но раньше все-таки полагали, что дѣло «образуется», что далѣе уличныхъ манифестацій и небольшихъ стычекъ съ полиціей фабричные и молодежь не пойдутъ, что, въ концѣ концовъ, выборы въ государственную думу положить предѣль безобразіямъ и шуму выстрѣловъ. Особенно послѣ обнародованія манифеста 17 октября на этотъ благодатный финаль рассчитывали всѣ солидные москвичи: администраторы, фабриканты, земскіе и думскіе гласные, дворяне, купцы, чиновники и т. д. Ихъ ожиданія не сбылись. Смута росла по всей Россіи и принимала серьезный характеръ въ Москвѣ. Воинствующая московская пресса, какъ я ужъ не разъ имѣлъ случай отмѣтить, сначала печатала зажигательныя статьи, подѣйствовавшія опьяняющимъ образомъ на большую часть интеллигенціи и полу-интеллигенціи (къ послѣдней я отношу разныхъ писцовъ, конторщиковъ, приказчиковъ, «сознательныхъ» рабочихъ, а также воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, причемъ въ тѣ времена любой гимназистъ серьезно мечталъ не только «инспектора побить», но и «разрушить госу-

¹⁾ Продолженіе. См. «Ист. Вѣстн.», т. СХХ, стр. 906.

дарство»). А когда дѣйствительность приняла грозный характеръ, газеты прямо струсили и стали замечать слѣды своихъ проказливыхъ шаговъ по дорогѣ къ свободѣ.

Съ 20 ноября началась почтово-телеграфная забастовка. Но электричество еще горѣло, и клубы, театры и рестораны, какъ выражаются репортеры, «функционировали». Публика, однакожь, не очень посѣщала эти убѣжища. Не до этого было. По Москвѣ ходили недобрые слухи о готовящемся возстаніи, и на этотъ разъ поговорка Грибоѣдова, что въ Москвѣ прибавятъ вѣчно втрое, не имѣетъ мѣста: скорѣе, слухи были въ десять разъ убавлены, да имъ и не вполнѣ вѣрили. Всего болѣе опасались забастовокъ. Немало толковали о голодѣ, въ случаѣ, если не стануть печь хлѣба, бить быковъ и торговать припасами. Еще болѣе пугались катастрофы съ водопроводами, такъ какъ рабочіе грозили разрушить машины и въ Рублевѣ, и въ Мытищахъ.

20 ноября на съѣздѣ агрономовъ совершилось также нѣкоторое событіе, знаменующее также отступленіе à la Куропаткинъ отъ той цѣли, къ которой раньше стремились. Извѣстный Герценштейнъ, будущій членъ 1-й государственной думы, а въ тѣ дни только служащій въ земельномъ банкѣ Полякова, тотъ самый Герценштейнъ, который выпустилъ слово объ «иллюминаціяхъ», произнесъ рѣчь въ пользу того положенія, что земля должна не прямо отбираться у помѣщиковъ въ пользу крестьянъ, а непременно съ оплатой ея стоимости. Но для правильнаго разрѣшенія аграрнаго вопроса, говорилъ далѣе Герценштейнъ, мало одной передачи земли крестьянамъ, здѣсь рука объ руку должно итти переселеніе, съ помощью отъ государства.

Буквально такія же идеи проводилъ Грингмутъ, говоря рѣчи на сходкахъ и печатая передовицы въ своей газетѣ. Онъ находилъ, что если крестьянамъ нужна земля, то они обязаны ее выкупить у помѣщика, а также стоялъ за переселеніе, какъ средство успокоенія, какъ уничтоженіе аграрныхъ беспорядковъ, вызванныхъ земельнымъ голодомъ. Спрашивается, какимъ образомъ дѣвѣный кадетъ и почти эсъ-эръ могъ сойтись во взглядахъ съ крайнимъ правымъ и монархистомъ, не признающимъ свободъ акта 17 октября? А это именно страхъ передъ анархіей открылъ глаза покойному Герценштейну. Рассказывали, будто бы правленіе банка «велѣло» Герценштейну провести эту мысль. Правда то или выдумка, не знаю, но рѣшительно все равно, одинъ ли Герценштейнъ, или съ правленіемъ земельного банка вмѣстѣ, но онъ выразилъ вѣрную и справедливую мысль о томъ, что нельзя ограбить помѣщиковъ, хотя бы и въ пользу сильно нуждающихся въ землѣ крестьянъ. Вотъ, значить, какъ ярка и красна была иллюминація русскаго народа: когда банковскій юрисконсультъ ее разглядѣлъ, то понялъ, что это не пиротехника,

а разореніе и крахъ... чей—банка?—всеобщій, повергающій въ прахъ «труды многихъ поколѣній».

Событія въ Россіи очень вліяли на Москву. Даже преданіе военному суду инженера Соколова въ Кущкѣ (крѣпость въ Средней Азіи) заставило сознательный пролетаріатъ собраться на митингъ въ «Акваріумѣ» (предсѣдательствовалъ служащій въ городской управѣ отставной генераль Аверьяновъ) и потребовать отмѣны смертной казни и Соколову и другимъ обвиняемымъ. Но не митинги были страшны, а безработица. Это первое слѣдствіе беспорядка первымъ визитеромъ явилось къ сознательному московскому пролетаріату. Отовсюду шли вѣсти, что голодаютъ рабочіе и ихъ семьи. На этой почвѣ совершались цѣлыя трагедіи, что, въ связи съ общей дезорганизаціей, заставило предсѣдателя комиссіи по рабочему вопросу при московскомъ биржевомъ обществѣ С. И. Четверикова печатно заявить, что если хаотическое состояніе Россіи продлится, если его не прекратитъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ, то Россія очутится передъ промышленнымъ и финансовымъ кризисомъ, подобнаго которому не было въ исторіи всего міра. Въ результатѣ окажется не 100,000 безработныхъ, а много сотенъ тысячъ...

Это былъ трезвый голосъ, и лицо, которому онъ принадлежалъ, заслуживало и довѣрія, и уваженія. Но что въ тѣ дни значилъ здравый смыслъ и трезвый, спокойный голосъ? Тогда, скажу еще разъ, за разумъ принимали энтузіазмъ, за истину—красиво сказанную ложь. Кромѣ того, «темныя массы», напичканныя призывомъ къ борьбѣ за то, чего никто тогда у нихъ не отнималъ, стали,—въ теоріи, по крайней мѣрѣ,—по-свойски расправляться съ представителями правительства.

Въ доказательство своихъ словъ привожу постановленіе, «выработанное» на митингѣ почтово-телеграфныхъ служащихъ (23 ноября 1905 г.). Въ этомъ постановленіи требовали не болѣе, не менѣе, какъ немедленнаго увольненія управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Дурново, который, по мнѣнію гг. почтальоновъ и телеграфистовъ, не могъ и не можетъ разумными мѣрами прекратить забастовку и вести Россію къ вооруженному возстанію.

Вотъ буквальная фраза изъ постановленія:

«Министръ-провокакторъ не долженъ имѣть вліянія на управленіе свободной Россіи».

Какъ разъ къ этому времени П. Н. Дурново получилъ ходатайство объ удаленіи казаковъ изъ Москвы. Управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, узнавъ, какъ «порѣшили» съ нимъ самимъ въ Москвѣ, немедленно извѣстилъ тогдашняго московскаго градоначальника барона Г. И. фонъ-Медема, что не находитъ возможнымъ удовлетворить подобное ходатайство.

Получивъ такой отвѣтъ, фонъ-Медемъ издалъ приказъ по полиціи, чтобы впередъ собранія и митинги были допускаемы только на основаніи правилъ о публичныхъ собраніяхъ, изданныхъ 12 октября, т. е. съ разрѣшенія властей, а не самовольно. Этотъ приказъ оспаривали и называли его насиліемъ, говоря, что манифестъ даетъ свободу собраній, а московскій градоначальникъ вздумалъ «исправлять законъ 17 октября».

24 ноября совѣтъ московскаго университета постановилъ отвергнуть проектъ новаго университетскаго устава, писанный еще во времена министра Глазова. Мотивы—отсутствіе принципа истинной автономіи университетовъ. Рѣшеніе принято большинствомъ всѣхъ совѣтскихъ голосовъ противъ одного (1). Кто сей самостоятельный и—по тѣмъ временамъ—отважный мужъ?

26 ноября забастовавшіе газетные торговцы рвали газеты у тѣхъ разносчиковъ, кто выносилъ ихъ на продажу. Тверская улица была вся усѣяна клочками газетной бумаги. Новый союзъ газетчиковъ объявилъ бойкотъ «Русскимъ Вѣдомостямъ» и «Русскому Слову», такъ какъ онѣ не подчинились «пролетарскому» постановленію о расцѣнкѣ. Гг. Соболевскій и Сытинъ, повидимому, разсудили, что дружба съ «товарищами» дружбой, а табачокъ врозь. Предсѣдательствовалъ въ засѣданіи союза газетчиковъ присяжный повѣренный Л. Т. Ковалевскій. Имя это впервые всплываетъ изъ глубинъ неизвѣстности и послѣ «выработки» постановленія о бойкотѣ названныхъ двухъ газетъ вновь скрывается тамъ же.

Вообще засѣданія, собранія, сходки и митинги тогда слѣдовали одинъ за другимъ. Это была ихъ пора. Устраивались митинги горничныхъ, кухарокъ, полотеровъ, трактирныхъ «половыхъ», портнихъ, корсажницъ, сапожниковъ, башмачниковъ и башмачницъ и т. п.

Министерство внутреннихъ дѣлъ рѣшило уволить всѣхъ почтово-телеграфныхъ служащихъ, если они въ извѣстный срокъ не станутъ на работы. Но почтово-телеграфный союзъ постановилъ не уступать и продолжать забастовку. Тогда, вообще, бастовало множество учреждений и ремесленныхъ заведеній. Къ нимъ присоединилась забастовка банщиковъ, и мыться стало негдѣ, а это для москвичей большая бѣда: у насъ даже богатые люди, имѣющіе возможность имѣть въ своемъ домѣ хоть десять ваннъ, любятъ париться и мыться въ баняхъ. Подъ Москвой началось нѣчто въ родѣ аграрныхъ беспорядковъ: были сожжены дачи И. И. Шаховскаго на ст. Кучино и дачи Стадницкаго въ Химкахъ (Николаевской ж. д.). Въ Городищахъ, близъ Орѣхова-Зуева, произошли беспорядки, во время которыхъ убито 4 казака и 1 раненъ.

20 ноября открыли почтамы, потому что многіе торговые люди писали въ газеты отчаянныя письма, говоря, что забастовка почты и телеграфа наноситъ русской промышленности неисчислимыя бѣд-

ствія. Нѣкоторые просили правительство «обратить вниманіе на ужасное положеніе дѣлъ», нѣкоторые адресовались къ самимъ забастовщикамъ и молили:

— Дайте почту и телеграфъ, иначе всѣхъ ждетъ денежный крахъ!

Бастующіе чиновники тщательно мѣшали почтово-телеграфнымъ операціямъ, избивали тѣхъ, кто вновь поступалъ на службу и въ одномъ изъ отдѣленій почтамта устроили химическую обструкцію. Была даже подложена бомба, но, къ счастью, она не взорвалась.

Въ это смутное время состоялось увольненіе московскаго генералъ-губернатора П. П. Дурново. На его мѣсто назначался старый вице-адмиралъ В. О. Дубасовъ, герой войны съ турками въ 1877—78 гг., когда онъ, въ чинѣ лейтенанта, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ лейтенантомъ Шестаковымъ взорвалъ турецкій мониторъ, по имени, кажется, «Люфти-Джелиль». Это назначеніе у насъ не произвело никакого эффекта. Впрочемъ, когда члены крестьянскаго съѣзда Соловьевъ, писатель Богоразъ (Танъ) и другіе, сидя въ тюрьмѣ и испытывая голодовку, возбуждали своимъ положеніемъ всеобщее сочувствіе, вице-адмиралъ Дубасовъ ходатайствовалъ объ освобожденіи этихъ лицъ изъ тюрьмы. Изъ этого факта вывели, что новый генералъ-губернаторъ человѣкъ гуманный и мягкій. Кто-то, помнится, въ клубѣ или на какомъ-то засѣданіи сказалъ въ шутку:

— Второй Дурново ѣдетъ въ Москву! Ничего дурного изъ этого не выйдетъ...

— Да и хорошаго также!—возразилъ другой собесѣдникъ.

— Эти сановники теперь потеряли всякое значеніе и всѣ!—скрѣпилъ третій.

И болѣе разговоровъ о новомъ московскомъ администраторѣ не было...

2 декабря 1905 года графъ Витте далъ отвѣтъ на записку делегатовъ отъ съѣзда городскихъ и земскихъ дѣятелей, т. е. онъ далъ отвѣтъ раньше, а 2 декабря мы прочитали текстъ отвѣта въ газетахъ. Авторамъ записки, гг. Муромцеву, Петрункевичу и Кокошкину, министръ-премьеръ написалъ, приблизительно, въ томъ смыслѣ, что къ расширенію началъ, возвѣщенныхъ манифестомъ, или къ суженію твердой и непреклонной воли Государя Императора приступать никто не можетъ, и подобное ходатайство нельзя удовлетворить. Равнымъ образомъ, не могутъ быть осуществлены ранѣе открытія государственнаго совѣта такія мѣры, которыя, имѣя коренное значеніе для всей будущности государства, могли бы уменьшить силу и значеніе пункта 3-го Высочайшаго манифеста, опредѣляющаго полномочія государственной думы. Правительство также не можетъ уклониться отъ чрезвычайныхъ мѣръ, въ виду возрастанія смуты и мятежа.

Этотъ отвѣтъ подлилъ масла въ огонь. Газеты заговорили о возможности всеобщей революціи. Сотрудникъ газеты «Русь» бесѣдовалъ съ Клемансо по поводу отвѣта графа Витте, и французскій министръ сказалъ, что обаяніе имени графа Витте «было, но прошло» и что теперь о займѣ во Франціи «и толковать нечего».

Все это окончательно помutilo мысли у москвичей. Участились митинги и сходки. Помню, я попалъ на одинъ митингъ рабочихъ въ московской консерваторіи. Боже, во что обратилось это богатое помѣщеніе! Оно было въ грязи, пыли, въ окуркахъ, переполнено запахомъ махорки и овчинныхъ полушубковъ. Масса рабочихъ,—изъ нихъ бросались въ глаза какія-то «горько-подобныя» фізіономіи,—то пѣли похоронный маршъ и русскую марсельезу, то кто-нибудь влѣзалъ на столъ и произносилъ рѣчь—почти всегда на одну и ту же тему: требуйте 8-часовой рабочей трудъ, свободу слова, печати, религіозныхъ убѣжденій и т. д. Наконецъ, довелось услышать и кое-что «оригинальное». На столѣ очутился человекъ съ небольшими усами и озлобленнымъ взглядомъ, одѣтый въ пиджакъ, косоворотку и высокіе сапоги. Онъ говорилъ увѣренно, бойко и въ крѣпкихъ выраженіяхъ, несмотря на присутствіе женщинъ, не стѣснялся:

— Господа!—кричалъ онъ.—Буржуазія ликуетъ, и это понятно почему. Изволите видѣть, манифестъ имъ конституцію далъ! Я вамъ скажу, какая это конституція: это не конституція, а «прости-туція» (буквальное выраженіе бойкаго оратора)! Намъ, пролетаріямъ, не надо этого добра (онъ сказалъ слово посылитье, и публика, захотавъ, крикнула: «Вѣрно, браво!»). Надо бороться за свободу, товарищи! Я былъ въ Петербургѣ 9 января, видѣлъ такой бой, что вамъ еще не доводилось узнать! Вы вотъ сходитесь, говорите рѣчи, а все ни къ чему. Дѣйствовать надо! Къ чорту всѣ эти буржуазные идеалы! Мы вотъ засѣдаемъ сейчасъ въ консерваторіи. Эна какія тутъ излишества: колонны мраморныя, бронза, люстры... Долой все это, камня на камень не нужно оставить... Надо пугнуть этихъ жирныхъ господъ! («Браво, браво! Правильно!» отвѣчали слушатели). Вы меня спросите, гдѣ взять оружія, чтобы выдержать нападенія правительственнаго войска? А Оружейная палата на что! Вотъ вамъ и оружіе! А магазины огнестрѣльнаго товара?—Все берите силой, вооружайтесь и начинайте бороться за свою свободу! Да не медлите, а то поздно будетъ...

Эта рѣчь имѣла успѣхъ, хотя—не могу не отмѣтить—особаго энтузіазма она все-таки не произвела. Видимо, тутъ собрались соловьи, которыхъ баснями не накормишь...

Я обратился къ одному изъ участниковъ сходки, молодому парню не болѣе 20 лѣтъ.

— Скажи, голубчикъ, въ чемъ тутъ у васъ дѣло, изъ-за чего люди собираются и толкуютъ?

— Да вы что же, пріѣзжіе?—освѣдомился парень.

— Вотъ именно, милый мой, пріѣзжій, хожу, слушаю и разспрашиваю...

— Видите, какое дѣло, баринъ... Не могу я хорошо растолковать, опять и названіевъ ефтихъ не твердо... Видите, такъ будемъ толковать: буфогграфы забиждають проливатовъ, а энти и поднялись, чтобы, значить, себя въ обиду не дать... вотъ энтотъ авчеръ намъ хорошо доказывалъ, который сейчасъ на столѣ былъ.

— Ахъ, этотъ, что про оружіе указывалъ?

— Онъ самый... какъ-бишь его фамилія-то?

Парень задумался.

— Вспомнилъ... имя-то трудное, а все-таки припомнилъ! — Рело... рево-лю-си-веръ... вотъ какъ его звать!

Нашему разговору помѣшалъ какой-то растрепанный субъектъ, вбѣжавшій и сирымъ голосомъ проповившій:

— Ребята! Наши доносятъ, что сюда черная сотня и жандары идутъ, мотри въ оба, значить! Леворверы у всѣхъ есть?

Нѣкоторые обезпокоились, но кто-то равнодушно отвѣчалъ:

— Брехня! Запѣвай, товарищи, «марселезку»... а потомъ и до-мой пора!

Эту сцену я записалъ съ почти стенографической точностью. Мнѣ показалась не столько характерной рѣчь грубаго оратора, указывавшаго на оружіе изъ Оружейной палаты (то-то хороши были бы дружинники, встрѣчающіе «правительственныя войска» со старинными пищалями и ржавыми саблями въ рукахъ!), сколько безхитростный рассказъ парня о томъ, какъ «буфогграфы забиждають проливатовъ», и поэтому надо стоять за сохраненіе свободы пролетаріата...

Замѣчу кстати, что, ходя по Москвѣ и посѣщая разные митинги и сходки, я ни разу не встрѣтилъ ни репортеровъ, ни сотрудниковъ московскихъ газетъ, ни дѣятелей политическихъ партій, т. е. «кадетовъ», «октябристовъ» и т. п.

Между тѣмъ въ газетахъ обильно, многословно и совершенно вкривъ и вкось пересказывались всѣ событія. На злополучныя «Русскія Вѣдомости», послѣ попрековъ центрального университетскаго органа, обрушился Богоразъ-Танъ и въ газетѣ «Жизнь» обвинилъ профессорскую газету въ томъ, что ея статья о крестьянскомъ съѣздѣ была «послѣдней петлей той внезапно сплетенной сѣти, которую администрація вмѣстѣ съ судомъ закинули въ глубину крестьянскаго союза, чтобы уловить и извлечь подозрѣваемыхъ въ подстрекательствѣ», т. е. попросту говоря—устроителей съѣзда.

«Русскія Вѣдомости», забывая свой обычный «корректный» тонъ, отвѣчали г. Тану слѣдующее:

«Въ письмѣ Тана мы не можемъ найти признаковъ порядочности(?): такихъ гнусныхъ, пропитанныхъ сыскнымъ духомъ писемъ не пишутъ порядочные публицисты, а уважающія себя редакціи ихъ не печатаютъ».

Но всѣ такія политическія схватки, всѣ сходки и митинги немедленно отошли на второй планъ, едва мы узнали, что въ Москвѣ произошло необыкновенное событіе, могшее быть для этого города роковымъ. Въ пятницу 2 декабря взбунтовался 2-й Ростовскій гренадерскій полкъ, устроилъ въ Спасскихъ казармахъ (близъ Сухаревой башни) митингъ, овладѣлъ цейхгаузомъ, ружьями и пулеметами, устранилъ офицеровъ и даже нѣкоторыхъ посадилъ подъ арестъ, вмѣстѣ со всѣми фельдфебелями. Въ казармы проникли два почтово-телеграфныхъ забастовщика. Затѣмъ солдаты избрали «делегацію» и отправили ее къ командиру полка, полковнику Симанскому. Конечно, они предъявили требованія, но командиръ не захотѣлъ ихъ даже выслушать и, въ свою очередь, потребовалъ выдачи зачинщиковъ и полной покорности остальныхъ.

Этотъ энергичный отвѣтъ обезкуражилъ делегатовъ. Ждали иного. Неопредѣленное положеніе длилось двое сутокъ. У Спасскихъ казармъ стояли часовые, никого не пропускавшіе во дворъ казармъ. На сходкѣ войска заговорили, что они не идутъ противъ царя, но желаютъ улучшить свое экономическое положеніе. Они просятъ 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ каждому рядовому, 2 р. 50 к. младшимъ унтеръ-офицерамъ и 3 р. 50 к. старшимъ. Далѣе, желаютъ, чтобы начальство съ ними обращалось помягче, «а не считало за скотину».

Однакожъ въ неопредѣленномъ положеніи Ростовскій полкъ долго оставался не могъ. Полковникъ Симанскій спосился съ начальниками другихъ воинскихъ частей, прося прислать солдатъ для противодѣйствія бунтовщикамъ, но получилъ извѣстіе, что эти войска также ненадежны, и возможенъ переходъ на сторону бунтовщиковъ. Осталось ждать подкрѣпленія изъ Твери и изъ Петербурга. А у ростовскихъ гренадеръ начались разногласія и междоусобица. Поджигатели къ возстанію (одинъ вольноопредѣляющійся изъ евреевъ и еще два-три его товарища), видя, что дѣло не устраивается, исчезли изъ казармъ. Внезапно пулеметная рота, вначалѣ дѣйствовавшая заодно съ другими, навела пулеметы на возставшихъ и стала угрожать имъ разстрѣломъ. Говорятъ (насколько эти сообщенія вѣрны—не знаю), что дѣло вышло такъ: пулеметная рота, посадивъ своихъ унтеръ-офицеровъ подъ арестъ, сама не могла управлять пулеметами. И, будто бы, пришлось пригласить арестованныхъ, умѣющихъ обращаться съ страшнымъ оружіемъ. Надо замѣтить, что Ростовскій полкъ ожидалъ нападенія со стороны другихъ войскъ и поставилъ пулеметы въ окнахъ, «вѣромъ».

Пусть москвичи благодарятъ судьбу, что не дошло до сраженія: пулеметная картечь нанесла бы ужасные слѣды на московскихъ домахъ и выхватила бы массу человѣческихъ жертвъ... Такъ вотъ, будто бы, эти унтеръ-офицеры, умѣющіе стрѣлять изъ пулеметовъ, навели ихъ на своихъ же товарищей и сказали:

— Покоритесь, а не то мы откроемъ огонь!

Это рѣшило участь бунта. Скоро всѣ солдаты прекратили своевольничанье, арестовали зачинщиковъ и явились къ полковнику Симанскому съ повинной головой.

Итакъ, все было кончено. Бунтъ Ростовскаго полка отцвѣлъ, не успѣвши расцвѣсть, и, мнѣ кажется, это событіе окончило существующую серьезную опасность. Вскорѣ, отставая Николаевскій вокзаль, тѣ же ростовцы стрѣляли по дружинникамъ при слѣдующей обстановкѣ: подъ личной командой г. Симанскаго было не болѣе 1,200—1,500 человѣкъ, а къ вокзалу двигалась толпа тысячъ отъ 7 до 10. И что же? Только два залпа дали солдаты: первый вверхъ, второй—по забастовщикамъ, и предвокзальная площадь была совершенно очищена: забастовщики бѣжали, и ни о какомъ «сраженіи» не можетъ быть и рѣчи. Лишь въ заграничныхъ и—просто удивительно сказать—въ петербургскихъ газетахъ были напечатаны описанія такихъ баталій, какихъ и во снѣ никто не видалъ. Напримѣръ, въ органѣ г. Худекова («Петерб. Газета») было даже нарисовано «взятіе баррикады»: солдаты идутъ со штыками наперевѣсь, а на баррикадѣ ихъ «ждутъ» съ револьверами студенты и курсистки... Затѣмъ, тамъ же изобразили Тверскую улицу: казаки съ пиками гоняются за публикой... Въ Москвѣ хохотали, разсматривая эти иллюстраціи.

Впрочемъ, я нѣсколько забѣжалъ впередъ. Въ слѣдующей главѣ, посвященной декабрьскимъ историческимъ днямъ въ Москвѣ, я опишу и баррикады, и «взятіе» ихъ, и эти пародіи на бои, которыя у петербургскихъ репортеровъ и иллюстраторовъ превращались въ кровопролитныя сраженія. Опишу я, разумѣется, только то, что самъ видѣлъ, что лично пережилъ и испыталъ, каждодневно подвергаясь опасности быть застрѣленнымъ или раздавленнымъ въ давкѣ на улицахъ. Но объ этомъ послѣ.

4 декабря съ курьерскимъ поѣздомъ пріѣхалъ изъ Петербурга въ Москву В. Ѳ. Дубасовъ. Представители города рѣшили просить его не допустить на Красной площади молебствія союза русскаго народа, къ которому этотъ союзъ готовился, приурочивая свою манифестацію къ 6 декабря (день тезоименитства Государя).

Однакожь, 5 декабря на пріемѣ московскихъ административныхъ лицъ и думскихъ гласныхъ новый генераль-губернаторъ сказалъ рѣчь, показавшую, что онъ «не второй Дурново», и просьбу представителей города врядъ ли удовлетворить.

Передаю вкратцѣ эту рѣчь:

— Господа!—сказалъ Дубасовъ.—Я убѣжденъ, что все, что теперь совершается въ Москвѣ, приводитъ въ справедливое негодованіе всѣхъ лучшихъ людей Москвы (голоса: «Вѣрно, справедливо!»). Я увѣренъ, что вы мнѣ окажете твердую и дружную поддержку въ выполненіи моей задачи. Я убѣжденъ въ побѣдѣ. Крамолу надо побѣждать не залпами и штыками, а нравственнымъ воздѣйствіемъ лучшихъ людей Россіи (одобрительные возгласы). Но теперь крамола обращается къ правительству съ такими дерзкими требованіями, дѣлаетъ такіе дерзкіе вызовы съ поднятыми кулаками, что я, какъ представитель власти, ни на одну минуту не допущу этого. Я употреблю самыя крайнія мѣры и буду дѣйствовать, какъ повелѣваетъ мнѣ долгъ. Прошу вашего содѣйствія и прошу считать, что я нахожусь на службѣ день и ночь.

Заль огласился криками «ура».

6 декабря, въ Николинъ день, на Красной площади происходило молебствіе партіи союза русскаго народа. Я видѣлъ Грингмута, — больного, очевидно, потому что его вель подъ руку Б. В. Назаревскій, талантливый молодой писатель и педагогъ, лучший ораторъ въ партіи московскихъ монархистовъ. Монархисты шли съ хоругвями и національными флагами. Съ площади манифестанты отправились по Тверской улицѣ, дошли до дома генераль-губернатора и стали пѣть народный гимнъ. Двери открылись, показался Дубасовъ. Мнѣ странно было видѣть и наблюдать эту сцену. Давно ли на этомъ балконѣ стоялъ П. П. Дурново, а ему кричали: «Амнистія! Амнистія!» и махали красными флагами. Теперь флаги были обыкновенные, толпа пѣла гимнъ, а одинъ изъ монархистовъ молилъ вице-адмирала «о защитѣ отъ крамольниковъ». Генераль-губернаторъ что-то ему отвѣтилъ (въ газетахъ было послѣ напечатано, что Дубасовъ обѣщалъ принять мѣры къ водворенію порядка въ Москвѣ)...

Во время пѣнія «Боже, царя храни» какіе-то пиджаки и часть интеллигентной публики стали пѣть «похоронный маршъ» и «марсельезу», что произвело замѣшательство и волненіе. Многіе спѣшили убраться, пока не произошло схватки. Однако манифестанты пошли дальше—и худо сдѣлали: на Тверской-Ямской на нихъ набросились несочувствующіе и ободрали всѣ національные флаги, оставляя только красную полосу. Произошла, конечно, свалка, но серьезнаго столкновенія съ оружіемъ въ рукахъ не произошло...

Въ тотъ же день, въ 3 часа дня вышла газета «Вечерняя Почта». Въ ея передовой было сказано, что правительство не поняло или не захотѣло понять справедливыхъ требованій пролетаріата, что свободы, объявленныя въ манифестѣ 17 октября, не исполняются, что мѣра терпѣнія русскаго народа исчерпана—и съ завтрашняго дня, т. е. съ 7 декабря 1905 года, начинается въ Россіи всеобщая политическая забастовка. Газета въ этомъ бѣдствіи государства винила

только правительство и оставляла на его совѣсти всѣ послѣдствія совершившагося великаго народнаго рѣшенія...

Это былъ ударъ грома надъ головой. Всякій зналъ, что начало всеобщей забастовки—это начало борьбы крайнихъ лѣвыхъ партій съ правительствомъ. Эта рѣчь была не бравада, а самая борьба. За кѣмъ останется побѣда? Графъ Л. Н. Толстой раньше отвѣтилъ какому-то интервьюеру, что онъ осуждаетъ забастовку и борьбу, какъ мѣры насильственныя и при этомъ неразумныя. Что можетъ противопоставить солдатскимъ штыкамъ и огнестрѣльнымъ снарядамъ партія забастовщиковъ? Юношескій энтузіазмъ и задоръ? Но это неравное оружіе, и исходъ борьбы заранѣе извѣстенъ.

Я читалъ въ какой-то газетѣ, что глава кадетской партіи П. Н. Милюковъ, узнавъ о постановленіи эсъ-эровъ о всеобщей забастовкѣ въ Россіи, пришелъ въ ужасъ и объявилъ, что эта поспѣшная забастовка успѣха имѣть не будетъ и что слѣдовало еще ждать нѣкоторое время...

Къ вечеру Москва кипѣла. Начали организоваться перевязочныя и продовольственные пункты. Всѣ больницы изъявили готовность принимать больныхъ и раненыхъ. Создались «вольные санитарные отряды», готовые оказать помощь и раненому солдату, и дружиннику. Всѣ ждали боя, предполагали, что онъ будетъ не одинъ, и что сраженія будутъ жарки, кровопролитны.

На другой день, 7 декабря всѣ газеты, вышедшія послѣдній разъ передъ декабрьскими событіями, оповѣстили постановленіе совѣта рабочихъ о забастовкѣ. Политическая всеобщая забастовка въ Россіи обнимала всѣ роды занятій, освобождая только водопроводъ. Все остальное должно было замереть и уничтожиться... на неизвѣстное время. Съ 12 часовъ дня 7 декабря забастовка пошла въ ходъ необыкновенно дружно. Стали желѣзныя дороги (держалась, хотя съ трудомъ, Николаевская и, кажется, Виндавская, но недолго). Погасло электричество, газъ, керосинъ. Забастовщики разбивали уличные фонари, спиливали ихъ, рвали телеграфную и телефонную проволоку. На В. Лубянкѣ былъ дочиста разграбленъ магазинъ оружія (Биткова). Въ тотъ же день рабочіе имѣли столкновение съ казаками и драгунами въ Леонтьевскомъ переулкѣ, гдѣ типографія Мамонтова. Результатовъ этой схватки я не знаю, а рассказывали разно: кто говоритъ—масса убитыхъ, кто увѣряетъ, что вышла «небольшая стычка», серьезныхъ потерь никому не нанесшая...

Отлагая до другого раза описаніе удивительныхъ московскихъ происшествій съ 8 по 19 число декабря мѣсяца, я долженъ закончить настоящую главу сообщеніемъ о партіи союза 17 октября.

3 декабря эта партія устроила первое свое собраніе въ Охотничьемъ клубѣ, съ приглашеніемъ представителей прессы и при довольно торжественной обстановкѣ. Я, конечно, былъ на этомъ «открытіи», причемъ мнѣ было особенно любопытно выступленіе

покойнаго «лва московской адвокатуры», Ѳедора Никиѳоровича Плевако, человѣка старыхъ взглядовъ, религіознаго и патриота. Думали, что онъ окажется въ союзѣ русскаго народа, но онъ предпочелъ октябристовъ. Московскаго «Златоуста» ждали всѣ съ нетерпѣніемъ. Лидеръ партіи А. И. Гучковъ сказалъ краткую вступительную рѣчь, объявилъ, что въ рядахъ молодой партіи есть такіе дѣятели, какъ Ѳ. Н. Плевако, С. И. Четвериковъ, М. М. Стаховичъ и Д. Н. Шиповъ, что соорганизоваться было трудно, всюду стояли «перегородки»: даже типографіи отказывались печатать воззванія «союза 17 октября», и только маленькая типографія Виноградова, имѣвшая наборщицъ вмѣсто наборщиковъ, могла отпечатать брошюры и программы партіи.

Вслѣдъ за нимъ говорилъ Д. Н. Шиповъ—и также безцвѣтно, также графаретно. Онъ упоминалъ о своевременности созданія партіи, которая внесетъ порядокъ, что пора Россіи стать на ноги и зажить новой жизнью и т. п.

Наконецъ, показался Плевако...

Его встрѣтили громомъ аплодисментовъ.

Увы, «король адвокатовъ» или былъ не въ ударѣ, или нездоровъ, или... взялся не за свое дѣло (послѣднѣе вѣрнѣе!). Его рѣчь была скучнѣе и шаблоннѣе рѣчей двухъ предшествующихъ ораторовъ. И онъ что-то неувѣреннымъ голосомъ, какъ-то несвойственно для себя неразборчивымъ выговоромъ упоминалъ насчетъ расшатанности Россіи и свободъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября...

Первый дебютъ партіи былъ не изъ удачныхъ, и никто даже представить себѣ не могъ, чтобы при третьей думѣ «гучковскіе молодцы» (какъ скоро окрестили эту партію противники) стали играть первую роль.

Замѣчу, что даже по своему составу союзъ 17 октября производилъ довольно сѣренькое впечатлѣніе. Дѣятелей съ именемъ было очень мало, и сошлись какіе-то таинственные незнакомцы: Подолинскіе, Петерсены и т. п.

Союзу 17 октября сильно повредило образованіе еще одной партіи—торгово-промышленной, подъ «эгидой» Г. А. Крестовникова, председателя биржевого комитета (выбраннаго послѣ смерти Н. А. Найденова). Туда ушли разные коммерсанты и обезлюдили партію г. Гучкова. Правда, между этими двумя партіями образовался «блокъ», но все это было напрасно: революціонная Москва предпочла отправить своими представителями членовъ кадетской партіи; нѣтъ сомнѣнія, что въ первую думу могли бы попасть социаль-демократы и социалисты-революціонеры. Но у этихъ послѣднихъ не было... именъ. Въ самомъ дѣлѣ, Москва знала программу этихъ партій, многому въ нихъ сочувствовала, но когда пришло время подавать голоса, оказалось, что у крайнихъ лѣвыхъ нѣтъ ни одного популярнаго дѣятеля. Поэтому выборы завершились въ пользу кон-

ституціоналистовъ-демократовъ, которые назвали себя партией «народной свободы» и отлично оборудовали техническую сторону выборовъ. Руководить партией прѣзжалъ ея «лидеръ лидеровъ» П. Н. Милюковъ, который самъ никакъ не могъ доказать свой выборный цензъ и лишь теперь достигъ цѣли, сдѣлался членомъ государственной думы.

Надо упомянуть нѣсколько словъ о третьей партиі, организованной покойнымъ графомъ Гейденомъ, извѣстнымъ земскимъ дѣятелемъ. Она называлась «партией мирнаго обновленія» и имѣла симпатичную программу. Однако ей не повезло. Про партию остряли, что единственнымъ ея членомъ состоитъ ея лидеръ, графъ Гейденъ, а послѣдняго именовали «дядей Самомъ» за поразительное сходство съ городскимъ зажиточнымъ янки. Однако личность графа была настолько свѣтла, что онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью. Его смерть вызвала массу искренно соболѣзующихъ статей и хвалебныхъ некрологовъ.

Еще одинъ видъ политическихъ дѣятелей оказался въ Москвѣ во время ея смутныхъ дней: это такъ называемые «дикіе». Ихъ было много, даже, можетъ быть, черезчуръ много, но они не признавались въ своемъ индифферентизмѣ. Только нѣкоторые заявляли о своей «дикости», первый—князь Е. Н. Трубецкой, братъ покойнаго ректора московскаго университета. Признавшись въ томъ, что онъ «дикій», князь сталъ издавать маленькій журналчикъ «Еженедѣльникъ», гдѣ не разъ говорилъ дѣльные вещи, но нерѣдко задавался фантастическими планами и игралъ на гусяхъ былого либерализма. Во всякомъ случаѣ князь Ев. Трубецкой проявилъ себя довольно рьянымъ политическимъ борцомъ и человѣкомъ не безъ литературнаго таланта. На недавнихъ Гоголевскихъ торжествахъ его рѣчь была чуть ли не единственной, все остальное, что далъ московскій университетъ, оказалось шаблонно и безцвѣтно...

Н. Ежовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

НИКОЛАЙ I, КНЯЗЬ ЧЕРНОГОРСКИЙ, КАКЪ ПОЭТЪ.

(Къ 50-лѣтію его княженія и литературной дѣятельности).

РАБРЫЕ «горные орлы»-черногорцы имѣютъ въ лицѣ своего князя не только энергичнаго и дѣятельнаго правителя. Въ немъ они цѣнятъ и талантливаго національнаго поэта, выразителя лучшихъ стремленій сербской народности вообще и сербовъ Черной горы въ частности.

Въ поэтическихъ произведеніяхъ державнаго поэта почти не видно чего-нибудь навѣяннаго извнѣ, заимствованнаго, какой-нибудь уже существующей литературной школы. Князь Николай—оригинальный, такъ сказать, самодовлѣющій, типъ поэта-славянина. Существуетъ даже мнѣніе, что онъ создалъ новую сербскую школу, носительницу идеи культурнаго и политическаго объединенія всего сербства, идеи, свойственной по преимуществу черногорскому племени. Въ то время какъ на Балканскомъ полуостровѣ все славянское замѣтно пропитывается вліяніемъ Запада, князь-поэтъ, подобно пророку, на руинахъ когда-то мощнаго и славнаго сербства «жжетъ глаголомъ» сердце славянъ. Онъ пробуждаетъ въ нихъ любовь къ родинѣ и славянству, указываетъ на необходимость тѣснаго единенія между славянскими народностями.

I.

Какъ поэтъ, черногорскій князь Николай I представляетъ духовный оплотъ южнаго славянства. Его творчество это—защита самобытныхъ характерныхъ чертъ народа, которыя теряются отъ проникновенія на народную почву чуждыхъ формъ и понятій. Онъ

восторженно воспѣваетъ въ своихъ твореніяхъ былую славу сербовъ, груститъ объ ихъ вѣковыхъ страданіяхъ. Онъ гордится, что его-милая Черногорія постоянно стояла на стражѣ южно-славянской свободы, въ теченіе почти пяти вѣковъ вела непрерывную борьбу съ врагами

«За крет часни и слободу златну».

Для пониманія его творчества необходимо, хотя бы вкратцѣ, ознакомиться съ исторіей этой борьбы.

Колыбелью нынѣшней Черногоріи было небольшое сербское государство Зета. Когда на Коссовомъ полѣ въ 1389 году Сербской державѣ былъ нанесенъ тяжкій ударъ, и она превратилась въ арену жестокихъ схватокъ и битвъ съ азіатами,—одна маленькая Зета продолжала жить независимою жизнью, охраняя славянскую самобытность и самостоятельность. Гористая часть этой державы съ давнихъ поръ носила названіе Черной горы, а съ XV вѣка вся она стала извѣстна подъ этимъ именемъ. Съ 1120 года по 1371 годъ Зетой управляли государи изъ дома Неманичей, и затѣмъ, до 1421 года—Большичи. Въ 1421 году, со смертью послѣдняго Большича, правленіе страной переходитъ къ династіи Черноевичей (Црноевичей). Второй государь изъ этого рода, Иванъ, перенесъ столицу Зету, Жаблякъ, сначала въ основанную имъ крѣпость Ободъ (нынѣшняя Рѣка), а затѣмъ въ Цетинье. Жаблякъ расположенъ на равнинѣ, но ко времени первыхъ Черноевичей Зета была до такой степени стѣснена врагами, что Ивану пришлось укрѣпиться и отстаивать независимость страны въ горахъ. Съ этого времени и теряется у страны прежнее названіе—Зета: на сцену выступаетъ Черногорія (Црна Гора).

Черноевичи владѣли помѣстьями въ Италіи и поэтому не были чужды западной образованности. Первый Черноевичъ, Стефанъ, до избранія его правителемъ Зеты жилъ въ Неаполѣ. Его внукъ Георгій (Дьурадъ) воспитывался въ Италіи и былъ женатъ на венеціанкѣ. При Георгіи основана первая у южныхъ славянъ типографія; книги печатались кириллицей; мастерами первое время были, повидимому, венеціанцы.

Съ паденія великой Сербской державы и до конца XVII вѣка Зета-Черногорія была убѣжищемъ свободолюбивыхъ сербовъ, бѣжавшихъ отъ иноземнаго гнета изъ другихъ сербскихъ областей. Такіе перебѣжчики назывались «ускоками». Они-то и заселяли пустынные черногорскія скалы. И потому Черногорія не представляеть какъ бы особой сербской провинціи: въ ней нашли себѣ пріютъ представители всѣхъ сербскихъ земель, всего сербства. Поселенцы зажили жизнью горцевъ, отдѣльные семьи ихъ разрослись въ цѣлыя племена, связанныя кровнымъ родствомъ. Члены одного

«истор. вѣстн.», августъ, 1910 г., т. сxxi.

9

такого рода или племени не могли вступать въ бракъ между собою, считали другъ друга братьями. Каждый родъ имѣетъ свои традиціи, свою исторію, которая передается отъ отца къ сыну въ домашнихъ записяхъ, устномъ преданіи и т. д.

II.

Кромѣ ужаснаго гнета со стороны турокъ, черногорцамъ пришлось бороться съ пропагандой западной церкви, представители которой пользовались физической слабостью «горныхъ орловъ», измученныхъ вѣковой борьбой за свою самобытность. Но они не поддались чуждому вліянію и въ области религіи, оставшись вѣрными сынами восточной церкви. Имъ легче стало бороться съ католицизмомъ тогда, когда съ 1516 года, послѣ отказа отъ правленія Юрія Черноевича, страна стала управляться духовными владыками, священниками и митрополитами.

До 1815 года каждый черногорскій родъ (племя) управлялся самостоятельно, выбраннымъ его членами (главаремъ). Дѣла всей страны рѣшались на народномъ собраніи (скупщинѣ), чаще всего подъ предсѣдательствомъ митрополита.

Между племенами часто происходили несогласія и раздоры, тормозившіе успѣхъ борьбы съ вѣшними врагами, такъ что послѣдніе владыки-митрополиты, особенно Петръ, начали принимать мѣры къ объединенію племенъ. Окончательнаго объединенія удалось достигнуть, при поддержкѣ Россіи, князю Даніилу въ 1851 году.

Съ 1697 года владыками становятся митрополиты изъ династіи Петровичей-Нѣгошей. Правители изъ этого дома обратили вниманіе и на культурное состояніе народа, а оно находилось далеко не въ блестящемъ положеніи: некогда было черногорцамъ заниматься просвѣщеніемъ, въ пору было лишь справляться съ вѣшними врагами, съ внутренними междуусобицами и тяжелой борьбой за экономическое существованіе.

Владыка Василій (1750—1782) и его преемникъ св. Петръ сами учились въ Петербургѣ и посылали молодыхъ черногорцевъ учиться за границу, преимущественно въ Россію. При послѣднемъ жили Симъ Милутиновичъ и Долчи, составившіе себѣ имя въ сербской литературѣ. Первый—какъ основатель современнаго сербскаго литературнаго языка, второй—какъ историкъ и собиратель народныхъ пѣсенъ, сербскихъ былинъ. Его перу, между прочимъ, принадлежитъ трагедія «Слава Черногоріи» («Црногорска Дика»). Петръ II Петровичъ основалъ первую сербскую школу въ Цетинѣ, типографію и вообще много заботился о народномъ просвѣщеніи. Кромѣ того, онъ извѣстенъ, какъ талантливый поэтъ: имъ написаны двѣ героическія поэмы «Рула Дьуришича» и «Чардакъ Але-

ксича», сборникъ сербскихъ «героическихъ» пѣсенъ «Слободіада» и др. Преемникъ Петръ II Даніиль I является первымъ свѣтскимъ правителемъ и самодержцемъ послѣ долгаго періода теократическо-республиканскаго строя правленія.

Ему наслѣдовалъ въ августѣ 1860 года племянникъ, нынѣшній черногорскій князь Николай I, сынъ воеводы Мирко.

III.

Князь Николай получилъ вполнѣ европейское образованіе: онъ учился, между прочимъ, въ Триестѣ и Парижѣ. Корону Черногоріи ему пришлось принять двадцати лѣтъ отъ роду и въ тяжелое для Черногоріи время. Тамъ свирѣпствовали холера, голодъ. Исконные враги, турки, хотѣли воспользоваться бѣдственнымъ положеніемъ маленькой державы и отнять у нея свободу и независимость. Справившись съ этими затрудненіями, князь обратилъ вниманіе на внутреннее благоустройство государства. Онъ увеличилъ число народныхъ школъ, открылъ семинарію, гимназію, земледѣльческое училище, женскій Маріинскій институтъ; посылалъ молодежь для полученія высшаго образованія за границу, главнымъ образомъ въ Россію. При немъ проведена судебная реформа, развившаяся въ изданіи «Законника», учреждены почта и телеграфъ, улучшены пути сообщенія и т. д.

Князь Николай живетъ одною жизнью съ своими храбрыми черногорцами. Несмотря на свое европейское образованіе, онъ любитъ самобытный характерный укладъ черногорской жизни, начиная съ костюма, нравовъ и обычаевъ. Къ Россіи онъ питаетъ сыновнюю любовь, какъ къ своей помощницѣ и покровительницѣ въ борьбѣ съ врагами и какъ къ старшему члену великой славянской земли. Бесѣдуя нѣсколько лѣтъ назадъ съ однимъ русскимъ журналистомъ, князь въ слѣдующихъ словахъ выразилъ взгляды на свой родной народъ, на отношеніе Россіи къ нему и всему славянству:

— Россія—все для насъ, славянъ,—сказалъ онъ голосомъ теплымъ, проникновеннымъ.—Я не говорю уже про Черногорію: мы—дѣти Россіи. Если бы когда-либо въ моемъ государствѣ случилось что-либо противорусское, я подумалъ бы: пришли послѣднія времена—дѣти бьютъ свою родную мать... Пересчитать всѣ нравственныя благодѣянія оказанныя намъ Россіей, невозможно, а мало ли оказываетъ намъ она и матеріальныхъ услугъ и поддержки! Вѣчная благодарность Россіи—самое искреннее, глубокое, постоянное мое чувство. Россія—моя величайшая любовь, которую понесу я въ душѣ своей до самаго конца своей жизни, и счастливъ тѣмъ, что знаю: не одинъ я такъ думаю въ Черногоріи! Со мною

одинаково мыслить весь народъ. Правится вамъ мой народъ? Не правда ли, какіе славные, brave, свѣжіе тѣломъ и душою люди?

— Я горжусь честью быть членомъ этой благородной расы, управлять ею, какъ государь и какъ отецъ!—продолжалъ князь Николай.—Да, я смѣю сказать прямо и сознательно: между мною и моими подданными—чисто семейныя отношенія, связь любящаго отца и любящихъ дѣтей. Я люблю и меня любятъ. Я знаю: если бы отечеству пришлось, устами моими, позвать черногорцевъ на труды и жертвы, то половину своего долга они взяли бы на себя изъ патриотизма, а другую половину—изъ любви ко мнѣ.

— Кто уводитъ славянъ отъ Россіи,—сказалъ онъ въ заключеніе:—тотъ либо самъ не понимаетъ, что онъ дѣлаетъ, либо сознательно стремится уничтожить ихъ расовую фizioномію, индивидуальность, хочетъ передѣлать ихъ изъ рѣзко опредѣленныхъ и самобытныхъ національностей въ безразличную, нейтральную, международную массу—европейцевъ не европейцевъ, а такъ... европейскаго облика.

Когда былъ убитъ турками нашъ консулъ Г. С. Щербина, князь Николай Черногорскій посвятилъ памяти русской жертвы за дѣло славянъ стихотвореніе, прекрасно рисующее его чувства къ Россіи. Въ этомъ стихотвореніи заключаются, между прочимъ, такія строки:

Гой, балканскіе герои!
 Вы въ минуту бѣды кровавыхъ
 Протяните братски руки,
 Слейтесь сердцемъ воедино,
 И Орлу, большому Брату,
 Дайте вы отъ сердца слово,
 Чтобъ всегда остаться вѣрнымъ
 Всею душою Орлиной стаѣ,
 Чтò взлелѣяла, вскормила
 Королей, князей балканскихъ,
 Создала и поддержала
 Мать-отчизну для народа!
 Пусть сольются воедино
 Всѣ балканскіе герои,—
 И тогда враги умолкнутъ,
 И тогда рабовъ не будетъ...

Напечатано оно въ «Гласѣ Црногорца» за подписью: «Воивода III Петровичъ Нѣгошъ».

Наклонность и способность къ поэтическому творчеству князь Николай обнаружилъ еще въ ранней юности. Рассказываютъ, что когда воевода Мирко, послѣ блестящей побѣды надъ турками при Граховѣ въ 1858 году, вошелъ въ палатку съ сыномъ Николаемъ, возбужденнымъ картиной недавняго сраженія, онъ подалъ послѣднему гусли и сказалъ:

— Пой, Никола!

Будущій талантливый сербскій поэтъ взялъ отъ отца гусли и запѣлъ свою первую героическую пѣсню.

IV.

Эта первая импровизація, вылившаяся изъ устъ шестнадцатилѣтняго поэта, была его первымъ шагомъ на литературномъ поприщѣ. Въ подобной чуткости и музыкальности нельзя не видѣть наслѣдственную черту, такъ какъ черногорскіе правители давнымъ-давно славились своими поэтическими дарованіями: Петръ I, затѣмъ Петръ II, авторъ поэмы «Gorski Vjenac» («Лѣсная корона»), были извѣстными поэтами.

Кромѣ того, безусловно сильное вліяніе на молодого князя оказала тяжелая бѣлая жизнь, различныя невзгоды, тревожившія сжатую желѣзными руками враговъ маленькую стойкую Черногорію.

Всѣ эти факторы, съ ранняго дѣтства окружавшіе его, послужили причиной того, что князю суждено было сдѣлаться популярнѣйшимъ черногорскимъ поэтомъ. Произведенія его пользуются заслуженнымъ успѣхомъ. Многія изъ нихъ переведены на русскій и нѣмецкій языки.

Прослѣдимъ развитіе его таланта, скрывавшееся различными житейскими неурядицами.

Въ 1858 году Николай отправился за границу, въ Парижъ, для довершенія своего образованія. Къ этому времени относятся довольно многочисленныя стихотворенія («Пійте вино», «Шетня на Ловчен» и др.). И уже въ нихъ, несмотря на юношескую беззаботность и легкость содержанія, проглядываютъ думы объ угнетенной родинѣ. Уже здѣсь замѣтны проблески національнаго чувства и то сознаніе о необходимости славянскаго объединенія, которое впослѣдствіи сдѣлалось любимой темой вѣщаннаго поэта. Вообще даже въ минуту веселья мысли о родинѣ не покидаютъ князя.

Пей, но силою хмельною,
 Не туманься, не забудь,
 Что злой недругъ давить грудь
 Царства славнаго родного.

• • • • •
 Пью во здравье! Многи лѣта!
 Падшимъ вѣмъ за отчій край
 Миръ и слава! Пей, зывай—
 И стрѣляй изъ пистолета!

Въ Парижѣ ему пришлось пробыть только около двухъ лѣтъ въ лицѣ Людовика XIV, такъ какъ въ 1860 году, со смертью Данила, онъ долженъ былъ занять черногорскій престолъ. Въ первые годы его княженія дѣлами управлялъ Мирко, и молодой князь съ любовью предавался поэтическимъ занятіямъ, имѣя для этого

достаточно времени. Долго онъ не рѣшался печатать свои произведения, читая ихъ лишь въ кругу близкихъ, чаще всего своему любимому секретарю, поэту Іовану Сундечичу. Однажды князь заявилъ послѣднему, что сжегъ всѣ свои рукописи, чтобы не дать кому-либо повода упрекнуть его въ отклоненіи отъ обязанностей правителя... Но державный поэтъ не могъ подавить въ себѣ поэтическихъ порывовъ и продолжалъ писать. Первый разъ нѣкоторыя героическія пѣсни его были напечатаны въ альманахѣ «Orlic», издававшемся въ Цетиньѣ Сундечичемъ; однако это изданіе было доступно небольшому кругу читателей. До сихъ поръ многія изъ произведеній князя остаются въ рукописи, многія же передаются изустно во всѣхъ концахъ сербскихъ земель, сдѣлавшись, такимъ образомъ, достояніемъ всего сербства.

Въ 1889 году въ Цетиньѣ появилось въ печати собраніе стихотвореній черногорскаго правителя-поэта, стихотвореній преимущественно лирическихъ. Черезъ пять лѣтъ издано болѣе полное собраніе, подъ редакціей профессора Филиппа Ковалевича. Въ первый томъ этого изданія вошли лирическія стихотворенія князя подъ общимъ заголовкомъ: «Скупльене пјесме». Всѣ они проникнуты горячимъ патріотизмомъ, пламенною любовью къ сербству, идея объединенія котораго проходила красною нитью во всѣхъ произведеніяхъ князя Николая.

V.

Одно изъ этихъ стихотвореній сдѣлалось національнымъ черногорскимъ гимномъ. Въ немъ поэтъ сгораетъ жаждой отомстить поработителямъ-туркамъ и вернуть былую сербскую славу.

Туда, туда, за горы голубыя,
Гдѣ моего властителя былъ дворъ!
Тамъ, говорятъ, собирався въ дни былые
Нашъ вѣчевой, юнацкій нашъ соборъ!
Туда, туда!... О, Призрень, слава края!
Дай мнѣ взглянуть—побыть въ твоихъ стѣнахъ,
Меня зоветъ страна моя родная—
И я пойду съ оружіемъ въ рукахъ!

Далѣе поэтъ призываетъ сокрушить «оковы бѣдной райи» и иззубрить сабли на турецкихъ костяхъ за кости Юга¹⁾).

Туда, туда!... За этими горами
Гробъ Милоша-героя мы найдемъ...
Тамъ миръ душевный обрѣтется нами—
И сербъ не будетъ болѣе рабомъ.

Такъ заканчиваетъ пѣвецъ свой патріотическій гимнъ.

¹⁾ Богданъ Югъ—народный герой, павшій на Коссовомъ полѣ,

Считая турокъ вѣковымъ врагомъ славянства, поэтъ не отказываетъ имъ въ доблести и мужествѣ. Онъ говоритъ, что не будь на свѣтѣ храбрыхъ черногорцевъ, «потонулъ бы крестъ честной славянской въ бурной безднѣ сильныхъ волнъ турецкихъ». Какъ настоящій витязь, онъ признаетъ витязя и въ лицѣ своего врага и посвящаетъ «Турку» такое стихотвореніе:

Отчего глумятся надъ тобою—
 Старымъ львомъ, царемъ всего Востока,
 Надъ орломъ могучимъ, словно буря,
 Прилетѣвшимъ къ намъ на Западъ въ гости?

Отчего теперь глумятся?—Неужели
 Крылья рѣвныя твои устали,
 Какъ парилъ надъ Лазаря полями ¹⁾,
 Подъ себя ихъ силы покоряя?

И теперь бы кличъ твой раздавался
 До предѣловъ Сѣвернаго моря,
 И латинянинъ, какъ рабъ покорный,
 Скакуновъ твоихъ скребкомъ бы чистилъ...

Ужъ боялись, что придешь ты къ Риму,
 Что Италіей навѣки завладѣешь...
 Суждено иначе... Съ добрымъ утромъ,
 Нашъ обручникъ Адриіа прекрасной!

Я увѣренъ, что, не будь на свѣтѣ
 Черногорцевъ, племени лихого,—
 Потонулъ бы крестъ честной славянской
 Въ бурной безднѣ сильныхъ водъ турецкихъ.

Отчего тебя бранять?—Ты—витязь!
 И за что бранять?—Подобно грому,
 Ты царить, когда кипитъ сраженье;
 Ты короны безъ пощады ломишь!

Неужели кто-нибудь да скажетъ:
 —« Оттоманинъ! Ты былъ трусъ презрѣнный!»
 Не повѣрю: легионамъ Рима
 Не сравнятся съ туркомъ въ жаркой сѣчѣ.

Кто посмѣетъ дерзко посмѣяться
 Надъ тобою, львомъ могучимъ? Вспомни...
 Вся Европа въ страхѣ вострепетала,
 Лишь шагнулъ ты черезъ Босфора воды.

Знай: лишь я одинъ тебя жалѣю,
 Хоть всегда ты былъ мнѣ врагъ заклятый.
 Пусть отвѣтятъ: кто еще найдется,
 Чтобъ съ тобой сравняться въ грозной битвѣ,

¹⁾ Разумѣются тѣ же поля Коссовской битвы, гдѣ палъ сербскій царь Лазарь.

Кромѣ малой горсти черногорцевъ?...
И теперь, когда тебя мы знаемъ,—
Намъ останется другъ другу руки
Протянуть и честь воздать по праву

А въ заключительныхъ строфахъ этого прекраснаго стихотворенія князь-поэтъ обнаруживаетъ всю мощь и красоту своего рыцарства. Здѣсь, какъ нигдѣ въ иномъ произведеніи, онъ показываетъ свое благороднѣйшее отношеніе къ врагу—врагу въ настоящемъ и врагу въ прошломъ.

Пусть борьба у насъ начнется снова
Безъ пощады, безъ конца, безъ края;
Пусть туманъ жестокой битвы скроетъ
Наши горы, скалы и долины;

Пусть въ туманѣ сталь мечей тяжелыхъ
Засверкаетъ, какъ удары молній...
Стихнеть битва,—и затѣмъ другъ другу
мы, какъ витязи, протянемъ руки.

Несмотря на вѣковую вражду, результатомъ которой являются потоки крови и слезъ, черногорцы остаются вѣрными рыцарскимъ завѣтамъ. И въ лицѣ врага они видятъ достойнаго противника. Эту рыцарскую, красивую черту народныхъ героевъ и хотѣлъ подчеркнуть вѣнчанный поэтъ въ стихотвореніи «Турку». Нужно сознаться,—черта характерная, если принять во вниманіе неравныя условія борьбы.

Среди лирическихъ произведеній князя есть прекрасное стихотвореніе, посвященное Черногоріи. Въ сердечномъ восторгѣ въ немъ поэтъ воспѣваетъ свою дорогую родину, говорить, что, гдѣ бы онъ ни былъ, вездѣ помнить о ней, поетъ о ея былыхъ дняхъ, полныхъ мужественной борьбы за свободу и счастье сербства.

Пережила ты Византію....
И блескъ Стамбула въ оны дни...
О, будь же доблестной, какъ прежде!
Во вѣкъ Господь тебя храни!

Не разъ левъ Марка въ дикой злобѣ
Тебя пытался растерзать;
Не разъ бросался, но позорно
Бѣжалъ, не тронувъ нашу мать.

О какъ же мнѣ не пѣть, отчизна!
Не раздѣляетъ насъ и даль...
Мнѣ безъ тебя и жизнь не въ радость,
И свѣта Божьяго не жалъ!...

VI.

Второй томъ собранія поэтическихъ произведеній князя Николая состоитъ изъ поэмы въ стихахъ «Потонъ и Абенсеражъ», изданной въ первый разъ въ 1888 году. Темой для поэмы послужилъ романъ Ф. де-Шатобріана «Les aventures du dernier Abenerrage». Этотъ романъ, какъ извѣстно, способствовалъ возрожденію романтизма и представляетъ элегію о невозвратно погибшемъ рыцарствѣ. Грусть о минувшихъ временахъ рыцарства, романтическія нотки романа и вдохновили черногорскаго поэта къ созданію названной поэмы. Но выросшая на чужой почвѣ поэма не имѣетъ такого значенія, какъ другія произведенія князя Николая. Его душа живетъ лишь національными интересами, его сердце бьется лишь безграничной любовью къ родинѣ. Потому наивысшаго развитія достигаетъ его талантъ въ тѣ моменты, когда передъ очами поэта развертываются родныя картины.

Помѣщенная въ третьемъ томѣ изданія героическая поэма «Хайдана» какъ по содержанію, такъ и по обработкѣ стоитъ значительно выше предыдущей. Здѣсь поэтъ переносится къ XVII вѣку, къ эпохѣ пробужденія національнаго самосознанія у сербовъ. Подъемъ народнаго духа выразился, между прочимъ, въ появленіи такъ называемыхъ «ускоковъ», людей, бѣжавшихъ изъ угнетенныхъ турками Босніи и Герцеговины къ предѣламъ свободной Черногоріи, подъ защиту ея храбрыхъ сыновъ. Здѣсь такіе перебѣжчики образовывали вооруженные отряды («четы») и тревожили постоянными нападеніями своихъ угнетателей. Впослѣдствіи характеръ движенія измѣнился, и въ число «ускоковъ» стали попадать люди, вообще недовольные чѣмъ-нибудь на родинѣ. Многіе изъ нихъ убѣгали къ туркамъ, переходили въ исламъ и дѣлались для своихъ единоплеменниковъ болѣе злыми врагами, чѣмъ настоящіе турки. Поэтъ и изображаетъ въ поэмѣ исторію быта этихъ сербскихъ выходцевъ.

Боснійскій визирь задался цѣлью покорить свободную Черногорію, которая одна изъ всѣхъ южно-славянскихъ государствъ не признаетъ власти полумѣсяца. Но какъ это сдѣлать? Ни силою, ни подкупомъ не овладѣть страной. И визирь задумалъ выполнить свой планъ при помощи сербовъ-ускоковъ; въ рядахъ которыхъ уже въ то время находились люди, способные измѣнить вѣрѣ и родинѣ. Кстати представился и случай для приведенія въ исполненіе задуманной мысли: къ визирю явилось двое ускоковъ, Симо и Периша. Они рѣшились бѣжать къ туркамъ изъ-за мелкихъ улоловъ честолюбію, нанесенныхъ имъ на родинѣ. Визирь посылаетъ ихъ съ турецкимъ отрядомъ въ Никшичъ «четовать». Здѣсь первый изъ нихъ, Симо, подъ вліяніемъ тетки, раскаивается въ своей из-

мѣнѣ и возвращается на родину, а Периша отправляется съ отрядомъ дальше, въ Пѣшивцы. Четѣ удается напасть на воеводу Раде и Вукоту съ дочерью Хайданой, мирно возвращавшихся домой съ праздника. Дѣвушку четники берутъ въ плѣнъ и доставляютъ въ Никшичь къ мѣстному бегу. Тотъ долженъ отослать плѣнницу къ визирю, но, чувствуя къ ней состраданіе, долго колеблется. Въ концѣ концовъ онъ все-таки отправляетъ ее къ своему начальнику.

Визирь плѣняется красотой юной черногорки, помѣщаетъ ее въ гаремъ, осыпаетъ всякими заботами и ласками. Какъ истая дочь родины, Хайдана не поддается ласкамъ и увѣщаніямъ стараго визиря. Она постоянно скорбитъ о потерянной свободѣ и родинѣ. Когда визиря переводятъ въ другой вилайетъ, онъ беретъ съ собой Хайдану. На пути, во время одной изъ остановокъ, онъ входитъ въ палатку черногорки и снова уговариваетъ ее полюбить его, или хотя сдѣлаться къ нему ласковѣе, обѣщаетъ сдѣлать для нея все, даже поцѣловать крестъ. Хайдана остается непреклонной въ своей, все поглощающей любви къ родинѣ, она заявляетъ турку, что все ея сердце принадлежитъ только милой Чернѣ горѣ, безъ которой самое небо кажется ей чужимъ. Непоколебимая любовь дѣвушки къ родной странѣ заставляетъ послѣдняго отпустить ее на свободу. И на прощанье онъ говоритъ молодой черногоркѣ:

Иди! Свободна ты, какъ геній
Твоихъ любимыхъ горъ.

И какъ разъ въ это время на станъ визиря нападаютъ черногорскія четы. Начинается кровавая схватка. Лишь благодаря Хайданѣ недавній ея владыка спасается отъ смерти. Черногорцы узнаютъ свою соотечественницу, и она возвращается съ ними на родину.

Поэтъ груститъ въ своей поэмѣ объ измѣнѣ родинѣ нѣкоторыхъ сыновъ сербства, но вѣрить, что, несмотря на это, въ сербствѣ, особенно въ лучшихъ его представителяхъ—черногорцахъ, сильна жажда борьбы «за крст часни и свободу златну». И онъ съ особенной любовью изображаетъ въ лицѣ Хайданы типъ истой черногорки, которая свою родину и вѣру не промѣняетъ ни за что въ мірѣ.

VII.

Четвертый томъ собранія произведеній черногорскаго князя посвященъ поэмѣ «Пјесник и Вила» («Поэтъ и Русалка-Муза»), изданной впервые въ 1892 году.

Это произведеніе—одно изъ лучшихъ по своимъ внѣшнимъ и внутреннимъ достоинствамъ. Сильный музыкальный стихъ, обиліе художественныхъ образовъ, искренность чувства, выразившаяся въ безпредѣльной, горячей любви къ родному народу и т. д., все это

позволяетъ ставить поэму на ряду съ выдающимися патриотическими твореніями славянскихъ поэтовъ, на примѣръ, съ «Дочерью Славы» («Slávy Dcega») Яна Коллара, «Лабиринтомъ Славы» («Labyrint Slávy») Воцеля и другихъ.

Основная идея поэмы—скорбь о тяжелой долѣ угнетенныхъ славянъ, горячій призывъ къ борьбѣ за свободу и надежда на свѣтлое будущее славянства. Въ немъ поэтъ видитъ конечное торжество нравственного начала надъ грубой физической силой, въ какой бы формѣ гнетъ ея ни выразался.

Подобно тому, какъ чешскаго поэта Коллара въ его странствіяхъ сопровождаетъ Мина, сербскому князю-поэту спутницей служить безсмертная Вила. Съ нею онъ обзрѣваетъ исторію сербства, грустя и оплакивая его бѣдствія, униженія, тяжелые удары судьбы. Муза-русалка утѣшаетъ поэта въ скорби о тяжелой судьбѣ родного народа. Она призываетъ его къ освобожденію славянъ отъ гнета и къ объединенію ихъ въ одно славное цѣлое, обѣщаетъ ему за этотъ высокій подвигъ безсмертную славу. Поэта занимають философскіе вопросы, и онъ ищетъ разрѣшенія ихъ у своей Вилы:

Укажи мнѣ, гдѣ сокрыта
 Вся гармонія вселенной,
 Гдѣ источникъ животворный,
 Силы знанья вдохновенной?
 Красоты открой мнѣ тайну;
 Гдѣ горитъ любовь святая,
 Научи и дай постигнуть,
 Что намъ смерть готовитъ злая.
 Объясни, что значить вѣчность,
 Льются ль тамъ людскія слезы,
 Иль одна земля ихъ знаетъ?...

И муза-русалка ведетъ съ нимъ рѣчь обо всемъ, что можетъ вдохновить человѣка, что можетъ указать ему смыслъ жизни. Она говоритъ о Богѣ, религіи, истинѣ, любви, героизмѣ и т. д., она осуждаетъ различные пороки, особенно измѣну родинѣ, которую считаетъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ грѣховъ. Вспоминая прошлое сербства, поэтъ и Вила останавливаются на каждомъ значительномъ моментѣ его жизни, большую часть ознаменованномъ борьбой за вѣру и свободу. Когда Вила ведетъ поэта на Косово поле, онъ горько плачетъ о злой участи народа, постигшей его со времени несчастной битвы на этомъ полѣ. Но Муза ободряетъ скорбнаго поэта. Она говоритъ, что Косово поле—предвозвѣстникъ будущаго возрожденія сербства, которое сдѣлало уже первые шаги въ этомъ направленіи: изъ угнетенной «райи» образовало юное королевство и, благодаря геройству, главнымъ образомъ, черногорцевъ,—идетъ впередъ по пути освобожденія. Вила негодуетъ и изобличаетъ недостатки современныхъ сербскихъ дѣятелей, нравственное паденіе народа и т. д.

и на ряду съ этимъ напоминаетъ поэту о геройствѣ, мужествѣ и энергіи прежнихъ сербскихъ царей и героевъ. И поэтъ проникается убѣжденными и вдохновенными рѣчами Музы. И его душа полна беззавѣтной любви къ родному народу, надежды на его свѣтлое будущее:

Вила, милая подруга,
Знай: въ моемъ народномъ сердцѣ
Отзвукъ каждаго педуга,
Каждой горести трепещеть,
Пережитой въ дни напасти
Нашимъ доблестнымъ народомъ.
И давно бѣ оно на части
Разорвалось отъ страданья,
Если бѣ лучъ надежды свѣтлой
Не ласкалъ его порою.
И мнѣ жизнь—не въ жизнь безъ вѣры,
И я вѣрю не напрасно,
Что народъ мой бѣдный снова
Счастья прежняго дождется.

Патріотическая поэма князя Николая—въ высшей степени поучительное историческое произведеніе для всего сербства. Здѣсь сербскій народъ ободряется примѣрами своей прошлой исторіи, полной великихъ подвиговъ въ борьбѣ за свободу. Здѣсь онъ призывается объединиться въ одно цѣлое, чтобы снова вернуть ту мощь и величіе, которыя потерялъ на Коссовомъ полѣ.

VIII.

Въ 1896 году вышла въ свѣтъ поэма князя «Новая кола», имѣющая такое же значеніе для отдѣльной группы сербства—черногорцевъ, какое имѣетъ «Пѣсник и Вила» для всѣхъ сербовъ. Здѣсь державный поэтъ воздастъ должное памяти славныхъ черногорскихъ племенъ, этого краеугольнаго камня современной Черногоріи.

Каждому племени князь Николай написалъ пѣсеню для хоровода и исполненія народнаго танца («коло»). Всѣхъ пѣсенъ въ поэмѣ тридцать. Изъ нихъ двадцать восемь посвящены племенамъ, двѣ—княжеской гвардіи и артиллеріи. Какъ въ поэмѣ «Пѣсник и Вила» поэтъ представилъ мощный образъ серба въ исторіи своего народа, такъ здѣсь—серба Черной Горы. Но въ обоихъ произведеніяхъ видно одно стремленіе, именно воспитаніе народа въ національно-сербской и государственной идеѣ: сербовъ—въ широкомъ смыслѣ народной, а черногорцевъ—въ болѣе узкой, государственной и къ тому же, какъ доблестныхъ и вѣрныхъ выразителей и носителей сербской независимости и государственности. «Новая кола» представляетъ какъ бы оду, въ которой поэтъ-государь воспѣваетъ свою страну и свой вѣрный народъ, указывая на его геройство и подвигъ въ дѣлѣ защиты свободы и вѣры.

Каждая пѣсня—цѣлая исторія даннаго племени въ прошломъ и настоящемъ. Въ ней поэтическими красками изображается все то, что дало это племя для созданія маленькой сербской державы, носительницы славянскихъ идеаловъ. Когда авторъ хочетъ сравнить дѣянія своихъ черногорскихъ героевъ, онъ не беретъ для этого классическіе образцы изъ античной исторіи, нѣтъ, онъ находитъ достаточно примѣровъ для сравненія съ подвигами другихъ витязей.

Чувствуется, что предъ нами истинный народный поэтъ, что его поэзія—лучшій отголосокъ сербской души. Да и по языку «Новой колы» видно, какъ близка она духу народа: въ ней найдутся все лучшія качества народной сербской пѣсни, а по гармоніи, легкости и плавности стиха она, можно сказать, даже превосходитъ ее.

IX.

Князь Николай извѣстенъ и какъ драматургъ. Его перу принадлежатъ драмы «Балканская царица» и «Князь Арванитъ», трагедія «Вукашинъ».

Основная идея «Балканской царицы»—объединеніе всеѣхъ балканскихъ славянъ въ одно государственное цѣлое. Произведеніе посвящается черногорцамъ, беззавѣтную любовь которыхъ къ родинѣ поэтъ воспѣваетъ въ лицѣ «Балканской царицы»—Даницы. Въ предпосылаемомъ драмѣ посвященіи доблестнымъ дочерямъ Черной Горы авторъ указываетъ на ихъ геройскія качества:

Такъ могъ ли я души моей
Желанье одолѣть,
Чтобъ черногорскихъ дѣвъ и женъ
Заслуги не воспѣть;
Чтобъ подвиги ихъ не вознестъ
На тотъ алтарь святой,
Гдѣ въ честь Свободы оміамъ
Дымится вѣковой!...

Содержаніе драмы взято изъ событій XV вѣка, изъ временъ Черноевичей. Господарь Зеты Иванъ Черноевичъ, извѣстный болѣе подъ турецкимъ именемъ Иванъ-бега, имѣетъ двухъ сыновей: наслѣдника престола Георгія и младшаго Станка. Въ первомъ виденъ будущій хорошій правитель: онъ вникаетъ въ государственныя дѣла, отличается тактичностью въ поступкахъ, обладаетъ житейской опытностью и т. д. Второй, наоборотъ,—горячая, увлекающаяся натура, жаждущая простора, подвиговъ и славы. Его тяготитъ подчиненное положеніе въ домѣ отца. вѣчные упреки за бездѣтельность.

Несносна жизнь,
День-о-то-дня все больше огорченій,—

размышляетъ молодой княжичъ.

«Не дѣло, князь!»—«Такъ не годится, Станко!» —
 Въ глаза мнѣ, князю, старъ и младъ твердить!
 —«Учись уму да разуму, князь Станко!»—
 Какъ будто я не вышелъ изъ пеленокъ.
 А вотъ поди, толкуй и враауми ихъ!..
 Учиться здѣсь—въ гниломъ и мрачномъ замкѣ,
 Гдѣ отъ тоски бы спятилъ сатана?!...

Князя не утѣшаетъ перспектива «учиться уму да разуму», чтобъ стать впоследствии помощникомъ отцу или брату въ дѣлахъ правленія:

Я жажду свѣта, солнца и простора,
 Хочу на травлю посмотрѣть звѣрей
 И вихремъ мчаться въ полѣ на конѣ,
 Подъ чуднымъ сводомъ неба голубого.
 Хочу въ лѣсу костеръ я развести,
 На вертелѣ обѣдъ себѣ готовить.
 О, что за прелесть! Что за жизнь! Усѣться
 На муравѣ душистой и съ томленьемъ
 Ждать упоеній и любви блаженства,
 Ждать свѣтлыхъ дней, свиданій и восторга,
 Ея прелестный голосъ райскій слушать!...

Послѣднія слова относятся къ Даницѣ, дочери властелина, князя Деана, которую Станко горячо любитъ и пользуется съ ея стороны взаимностью. Когда старшій братъ Георгій приноситъ ему для просмотра дѣловыя бумаги и указываетъ на огорченье отца, недовольнаго бездѣятельностью младшаго сына, княжичъ не хочетъ внимательно слушать дѣловые разговоры брата, а документы съ равнодушнымъ видомъ вздѣваетъ на копые. Но какимъ восторгомъ наполняется его душа, когда Георгій упоминаетъ, между прочимъ, что албанскій воевода Скендеръ проситъ у ихъ отца прислать на помощь тѣснимымъ турками албанцамъ войска. При этомъ албанскій воевода желаетъ, чтобы во главѣ отряда стоялъ или самъ господарь, или который-нибудь изъ его сыновей.

— Прости отца, о милый мой Георгій:
 Послать меня въ Албанію вождемъ!..
 Быть-можетъ, славой увѣнчаюсь тамъ,
 А до всего другого мнѣ и дѣла мало...
 Я уйду отъ здѣшней духоты,
 Чтобъ горнымъ воздухомъ вздохнуть на во
 И, лишь взберуся на вершину Бобьи,
 Бумаги всѣ перечитаю эти,—

восклицаетъ онъ, бросаясь къ брату и обнимая его.

Послѣдній уходитъ отъ Станко недовольнымъ. Недоволенъ онъ братомъ, во-первыхъ, потому, что тотъ игнорируетъ участіемъ въ государственныхъ дѣлахъ, и, во-вторыхъ,—несочувственно относится къ его предполагаемому браку съ венеціанкой. Это несочувствіе Станко выражаетъ словами:

Съ тобою могъ бы я еще поладить,
 Но, вотъ, съ латиняшкой не помирюсь!
 Коль скоро капля крови, чуждой намъ,
 Смѣшается съ геройскою кровью нашей,—
 На поколѣньи это оравается,
 И родъ нашъ можетъ измелъчать совѣмъ!...

И Георгій какъ бы мститъ брату, уязвляя его насмѣшками надъ его любовью къ Даницѣ. Онъ говорить, что если бы послушался Станка и отказался отъ брака съ венеціанкой, то у себя на родинѣ никого бы не взялъ въ жены, кромѣ прелестной Далицы. Станко воспылалъ ревностью къ своей возлюбленной:

О, женщина, лукавая змѣя!
 янъе, вѣрно, Балшиной короны
 Тебѣ въ очахъ мерещится, Даница,—
 И грудь волною счастья наполняется!

Х.

Съ этого момента въ душѣ юнаго черногорца происходитъ большой переворотъ. Исчезла беззаботность, мечтаніе о привольной, свободной жизни съ подругой сердца. Теперь въ немъ, кромѣ безумной ревности, загорается честолюбіе.

Когда Станко, сейчасъ же послѣ ухода брата, увидѣлся съ Даницей, онъ осыпалъ ее градомъ упрековъ за измѣну. Однако ревность его была неосновательна, въ чемъ онъ и самъ убѣждается подъ вліяніемъ искреннихъ словъ дѣвушки. Она говорить ревнивцу, что сердце ея чисто передъ нимъ, какъ солнца лучъ.

Пусть нравлюсь я всему, пожалуй, свѣту
 Но сердце и рука твои навѣки!
 Нѣтъ въ свѣтѣ скипетра и ни короны,
 Ни образовъ, навѣянныхъ мечтою,
 Которыми увлеклися, Даница
 Отъ чувствъ своихъ на мигъ могла бь отречься,—

прибавляетъ при этомъ черногорка.

И когда успокоенный Станко упоминаетъ ей о предстоящемъ ему, быть можетъ, лестномъ жребіи—итти на помощь албанцамъ,—душа дѣвушки открывается во всемъ своемъ величій и красотѣ. Она полна любовью къ родинѣ.

Когда бь султанъ ватѣялъ съ нами ссору
 Я бь въ руки саблю острую взяла,
 На жизнь и смерть борьбу бы повела
 За процвѣтанье Зеты дорогой...
 Чѣмъ горше и печальнѣе судьба
 Моей земли родной, тѣмъ съ большимъ жаромъ
 Я отдаю ей пламенной душою!
 Лишь ей одной всѣ жертвы на алтарь!

Даница заставляет замолчать ревность въ Станкѣ, но честолюбіе продолжает дремать надъ нѣ его души. Желаніе стать во главѣ похода въ Албанію исполнилось: отецъ поручаетъ ему вести отрядъ на помощь Скендеръ-бегу. Турки провѣдываютъ о помощи албанцамъ со стороны Черной Горы, и султанъ посылаетъ ко двору Иванъ-бега посла, пашу Ибрагима-агу, съ цѣлью воспрепятствовать походу.

Хитрый паша сразу убѣждается въ бесполезности своей мисіи. Но пытается все-таки что-нибудь сдѣлать. Изъ разговора съ Станкомъ, какъ вождемъ посылаемаго въ Албанію войска, онъ подмѣчаетъ честолюбивыя струнки въ немъ. У турка созрѣваетъ адскій замыселъ. Онъ рисуетъ передъ молодымъ княжичемъ превосходства великой и могучей Турціи надъ бѣдной и забитой Зетой, славу и роскошь султана, въ сравненіи съ которымъ его отецъ, Иванъ-бегъ, ничтожество. Упоминаетъ о благоволеніи падишаха къ храброму Станку.

Какъ съ вашей Зетой бѣднякъ сравнить
Румелии роскошныя долины?
Что тѣсный уголь Черныхъ Горъ въ сравненіи
Съ землей пространной сербовъ и болгаръ?
О, что такое снѣжный Ловченъ вашъ
Предъ гордыми вершинами Балкана?
Что бегъ-Иванъ въ сравненіи съ султаномъ?
Что княжій сынъ въ сравненіи съ сыномъ царскимъ?
Ты, витязь,—славнаго Ивана сынъ,
Но больше славы—быть султана сыномъ!...

XI.

Замыселъ его попадаетъ на благопріятную почву. Дремлющее честолюбіе Станка разгорается и концѣ концовъ приводитъ молодого черногорца къ страшному преступленію. Изъ второго дѣйствія драмы мы узнаемъ, что княжичъ задумываетъ измѣнить родинѣ.

Султанъ обѣщаетъ безумцу господство надъ балканскими народами, и Станко мечтаетъ о коронѣ для себя и для своей возлюбленной, Даницы. Въ промежуткахъ между удачными схватками съ врагомъ онъ ведетъ тайные переговоры съ Ибрагимомъ и затѣмъ отправляетъ со своимъ слугою, Ивой, письма къ нему. Слуга знаетъ о честолюбивыхъ намѣреніяхъ господина и тайно передаетъ письма надежнымъ друзьямъ съ тѣмъ, чтобы тѣ доставили ихъ господарю. Иванъ-бегъ отправляетъ къ сыну посольство во главѣ съ воеводами Деаномъ и Перуномъ съ цѣлью, пока не поздно, образумить измѣнника. Деанъ убѣждаетъ Станка вспомнить свой долгъ передъ родиной, раскаяться въ измѣнѣ и вернуться въ домъ отца, который обѣщается все простить заблудшему сыну и сохранить въ тайнѣ его преступныя намѣренія. Станко остается непреклоненъ въ своемъ

замыслѣ. А когда черногорскій воевода, возмущенный черствостью сына своего господаря, рѣзко упрекаетъ его въ измѣнѣ,—онъ выхватываетъ мечъ и ударяетъ имъ въ грудь честнаго слуги родины. Деанъ и послѣ такого ужаснаго поступка княжича убѣждаетъ его одуматься.

Коль дома ты останешься съ отцомъ,
Я кровь тебѣ прощаю!... Не позорь
Себя!... Останься вѣренъ ты отчизнѣ...
Униженно тебѣ цѣлую руки!
Я умираю! Ахъ!... Скажи, куда ты?...—

говорить умирающей воевода, протягивая руку своему убійцѣ.

Станко нѣкоторое время колеблется, но все-таки отвѣчаетъ:

— Къ султану!

При этихъ словахъ Деанъ умираетъ, а другой посоль, Перунъ, оплакиваетъ его прахъ и изрекаетъ проклятіе измѣнникамъ родины.

Кто Черногоріи родной измѣнникъ,—
Будь проклятъ Богомъ и людьми!
Кому горь этихъ камни не священны,—
Тотъ проклятъ будь и обезславленъ...

Всѣ присутствующіе отвѣчаютъ на грозную рѣчь словомъ «аминь» и уносятъ прахъ Деана. Оставшись одинъ, Станко колеблется, какъ ему теперь поступить, когда извѣстіе о его злодѣяніи должно съ часу на часъ достигнуть отца. Одно мгновеніе онъ хочетъ вернуться домой, гдѣ надѣется получить прощеніе. Но честолюбіе беретъ верхъ надъ благороднымъ порывомъ, и онъ восклицаетъ:

...Простятъ!... а дальше?...
Что дальше ждетъ меня?!... Лицомъ быть третьимъ?
Служить и вѣчно слушаться другого?...
О, нѣтъ, клянусь, на это не согласенъ!
Пусть весь крещенный міръ меня кланетъ,—
Все жъ легче мнѣ, чѣмъ безъ короны быть!...
Такъ лучше ускользну сегодня въ Баръ,
Оттуда жъ—подъ крыліе Мурата!

Но тутъ измѣннику готовится новое искушеніе. Ничего не знавшая о замыслѣ своего возлюбленнаго Даница получаетъ ложное извѣстіе о его плѣнѣ. Убитая горемъ, она отправляется со своей подругой, Мартой, въ поле за поискомъ волшебной травы, которая будто бы открываетъ двери темницы. Подруги случайно подходятъ къ лагерю Станка, который внезапнымъ появленіемъ пугаетъ Даницу,—и та падаетъ въ обморокъ. Въ это время Марта узнаетъ объ измѣнѣ княжича и убійствѣ Деана и передаетъ эту ужасную вѣсть своей подругѣ, когда послѣдняя приходитъ въ чувство. Влюбленная дѣвушка, разумѣется, не вѣритъ словамъ Марты.

Но вотъ приходитъ Станко и на тревожные вопросы Даницы о правдивости слышаннаго ею отвѣчаетъ признаніемъ во всѣхъ своихъ намѣреніяхъ. Онъ убѣждаетъ ее послѣдовать за нимъ къ туркамъ, гдѣ ожидаетъ ихъ слава и могущество, и гдѣ онъ назоветъ ее балканскою царицей.

— Въ одной лишь Турціи могу свободно
Назвать тебя я истинной женою!—

говорить дѣвушкѣ женихъ:

Тамъ съ радостью, Даница, примутъ насъ!
Идемъ! Насъ тронъ златой тамъ ждетъ Балканъ!
Тамъ Станко первымъ будетъ у царя!
А чтобъ надъ цѣлымъ властвовать Балканомъ,—
Грѣха большого нѣтъ принять исламъ!
Не такъ ли, о, балканская парица?

ХІІ.

Доблестную черногорку замыслы Станка повергаютъ въ ужасъ, въ недоумѣніе. Она не постигаетъ, какъ можетъ сынъ Зеты, да при томъ Черноевичъ, настолько низко пасть, чтобы помыслить объ измѣнѣ..

Ахъ, перестань, ни слова больше, Станко!—

отвѣчаетъ она ему на предыдущія слова. Она старается вызвать въ немъ благороднѣйшія чувства и говоритъ:

Гдѣ прежнихъ чувствъ возвышенность твоихъ
Какъ могъ въ любви ты увѣрять меня,
Тая столь злые замыслы въ душѣ?
Ты въ Турцію меня везешь, туда,
Отколь всѣ наши потекли несчатья,
Гдѣ нашихъ братьевъ топчутъ и терзаютъ?!
Нѣтъ, нѣтъ! Я лучше здѣсь одна останусь,
А ты короною балканской тѣшься!

И какія заманчивыя картины ни рисовалъ передъ нею молодой князь, дѣвушка остается непреклонной въ своей любви къ отчизнѣ. Ей не сладка корона, когда полученіе ея влечетъ за собой измѣну всему дорогому. Если ея суженый такъ жаждетъ славы, то пусть этого ищетъ онъ не у турокъ: пусть онъ зажигаетъ въ сердцахъ сербовъ лучъ свободы и стремится къ восстановленію короны Лазаря, разбитой на Коссовомъ полѣ.

Но ты зажги свободы сербской лучъ,
На острія меча изъ волнъ кровавыхъ
Достань корону Лазаря-царя
И возложи на гордое чело!

О, какъ она тебя украситъ, Станко!
 Корона эта и меня плѣнила,
 И за тобой съ восторгомъ въ рай или въ адъ
 Всегда пошла бы вѣрная Даница!
 Но быть измѣнницей,—о, никогда!

Во время разговора Станка съ Даницей слуги извѣщаютъ о приближеніи черногорскаго отряда, посланнаго въ погоню за измѣнникомъ. Видя, что никакими благами не заставишь дѣвушку итти съ нимъ къ туркамъ, онъ рѣшается на послѣднее средство—возбудить въ ней ревность—и говорить:

— И безъ тебя красавицъ тамъ довольно.

Но и такое средство не имѣло успѣха.

— И здѣсь довольно сербовъ-юнаковъ,—

отвѣчаетъ ему гордая черногорка.

Она клеймитъ жениха именемъ измѣнника, пытается даже нанести ему рану и обращается къ приближающейся черногорской рати со словами:

— Коль въ этомъ войскѣ витязь обрѣтется,
 Чтѣбъ бѣглецу дорогу преградить,—
 Тому Перуна-князя дочь, Даница,
 Отдастъ и руку, и любовь свою.

Тутъ ужъ Станко не выдерживаетъ и въ порывѣ нахлынувшей на него ревности наноситъ Даницѣ рану. Вслѣдъ за этимъ онъ посылаетъ послѣднее «прости» родной странѣ и мчится къ туркамъ «за полученіемъ балканской короны». Тамъ онъ получаетъ званіе наши и идетъ во главѣ большого отряда противъ своихъ же братьевъ.

Черногорцы посылаютъ противъ турокъ войска подъ предводительствомъ князя Георгія. Судьба устроила такъ, что единокровнымъ братьямъ пришлось итти одинъ на другого. Передъ началомъ сраженія въ черногорскомъ войскѣ происходитъ гаданіе на мечѣ. Старецъ-прорицатель предсказываетъ побѣду надъ врагомъ, говоритъ о будущемъ Зеты:

День завтрашній блистательной побѣдой
 Главу младого князя осѣнитъ,
 Но Зета, какъ брильянтъ, сіять не долго
 Въ его коронѣ драгоцѣнной будетъ!...
 Геройскою державой вашей турки
 Какъ Сербію, все же завладѣютъ
 Придется вамъ равнины всѣ покинуть
 И подъ окрылье удалиться горь.
 Тутъ волны азіатскихъ бурныхъ водъ
 Не достигнутъ губительнымъ наплывомъ,
 Хоть ярый плескъ покоя вамъ не дастъ
 И тамъ, отравой брызгая своей!

Въ пучинѣ блага ваши всё потонуть,
 Но свѣтлый лучъ свободы и надежды
 Вамъ будетъ вѣчно душу согрѣвать
 И никогда межъ вами не погаснетъ!...

Далѣе вѣщій старецъ указываетъ черногорцамъ, что они обрѣтутъ на делекомъ сѣверѣ брата, который поможетъ имъ въ борьбѣ за свободу сербства:

Но Русь святая, какъ младая мать,
 Надежнаго взлелѣетъ брата вамъ,
 Что подвигами мѣрь весь изумитъ!
 Онъ возрастетъ на славу,—и никто
 Изъ страха передъ этимъ грознымъ братомъ.
 Вамъ не дерзнетъ обиды нанести ¹⁾.

ХІІІ.

Согласно предсказанію, черногорцы одерживаютъ побѣду надъ врагомъ. Послѣ сраженія Даница и Марта обходятъ поле битвы, чтобы облегчить страданія раненныхъ. Въ одномъ изъ нихъ Даница узнаетъ Станка. Первое мгновеніе она чувствуетъ ненависть къ измѣннику и призываетъ витязей совершить судъ надъ отщепенцемъ родной страны. Станко говоритъ ей, что теперь, когда онъ проигралъ сраженіе и лежитъ безпомощный у ея ногъ,—для нея самый благоприятный случай отомстить ему. Но дѣвушка не можетъ думать о мести, потому что, несмотря на презрѣніе къ жениху, какъ къ измѣннику, она все-таки продолжаетъ въ глубинѣ души любить его:

Ты душу, сердце, тѣло мнѣ изранилъ
 Врагамъ отчизну предаль дорогую—
 И все жъ моя любовь не увядаетъ!...

Станка поражаетъ духовная мощь Даницы. Но въ измѣнѣ своей онъ не раскаивается и не теряетъ надежды, что любящая Даница навѣститъ его въ Скутари. При этихъ словахъ прибѣгаютъ турки и уносятъ своего молодого пашу съ поля сраженія.

Изстрадавшаяся душа дѣвушки не въ силахъ перенести насмѣшекъ надъ побѣжденнымъ женихомъ. Тяжесть удара судьбы, сваливагося на ея вѣрную голову, все-таки велика, и героиня рѣшается послѣдовать совѣту возлюбленнаго: она бросается въ Морачу, которая на волнахъ своихъ несетъ ее къ крутымъ берегамъ Скутари—на свиданіе съ суженымъ...

¹⁾ Указаніе на Петра Великаго.

Заканчивается драма молитвой черногорскихъ витязей за дорогую родину. Князь Георгій обращается къ войску и говорить:

Теперь, о витязи, вы на колѣни!
 За славный день сегодняшней побѣды
 Мы благодарнымъ сердцемъ къ небесамъ
 Горячія молитвы вознесемъ!
 Хранитель Правды и Источникъ силъ,
 Чтò наши силы предъ Твоею мощью!
 Ты былъ для Черногоріи щитомъ;
 Твоимъ лишь осѣненные покровомъ,
 Мы побѣдили родины враговъ!
 О, всемогущій, милосердный Боже!
 Пока стоятъ неизблемо отчизна,
 Лелѣя въ нѣдрахъ истинныхъ сыновъ,—
 Пусть всѣхъ ея измѣнниковъ постигнетъ
 Такая жъ участь, какъ и брата Станка!
 Въ горахъ же поддержи родныхъ, Творецъ,
 Любви, согласія и братства духъ,
 А мелкихъ душъ, предателей ничтожныхъ,
 Сотри съ лица земли, сотри во прахъ!
 Беаъ витязей—Деановъ и Перуновъ,
 Поборниковъ свободы, вѣры, сербства,—
 Впредь не оставь Ты нашихъ милыхъ горъ!
 Въ сердцахъ же черногорокъ молодыхъ
 Пускай во вѣкъ примѣръ Даницы юной
 Огонь любви къ святой отчизнѣ будить!

Въ литературномъ отношеніи драму «Балканская царица» можно причислить къ лучшимъ произведеніемъ современной сербской литературы. Въ ней правдиво изображены характеры дѣйствующихъ лицъ. Стихъ отличается красотой и выдержанностью, вся она проникнута глубокимъ патріотизмомъ и т. д.

Трагедія эта, имѣвшая большой успѣхъ, переведена на нѣсколько языковъ. Въ Берлинѣ была сдѣлана попытка поставитъ ее на сценѣ, и «Балканская царица» была встрѣчена сочувственно.

Уже изъ этой трагедіи можно увидѣть, насколько искреннимъ патріотомъ является талантливый царственный поэтъ, и какъ глубоко въ душѣ черногорскаго народа живетъ память о кровавомъ прошломъ и надежда на лучезарное будущее, которое въ награду за вѣковыя страданія должно блеснуть славянству. И первый шагъ къ этому разсвѣту поэтъ видитъ въ необходимости единенія.

Нѣчто подобное мы замѣчаемъ и въ остальныхъ его произведеніяхъ.

XIV.

Драма «Князь Арванитъ» относится къ эпохѣ первыхъ годовъ царствованія Ивана Черноевича. Центральнымъ лицомъ является младшій братъ Ивана, Арванитъ. Слава брата затмила его, но онъ, противоположность своему племяннику Станку, съ которымъ мы

познакомились въ «Балканской царицѣ», весь вѣкъ прожилъ, какъ покорный и любящій братъ, отдавая всѣ силы на защиту родины.

Это произведение князь Николай написалъ по просьбѣ своего сына, князя Мирка, которому онъ его и посвящаетъ: «На забаву Мирку драгом сину».

Трагедія «Вукашинъ» относится къ эпохѣ паденія великаго сербскаго царства и проникнута глубокою скорбью о этой тяжелой потерѣ.

Отличительной чертой всѣхъ этихъ драмъ является ихъ тѣсная, неразрывная связь съ исторіей всего сербства, грандіозность сюжетовъ, охватывающихъ большую полосу государственной жизни, представляющихъ собой какъ бы художественную исторію. Наконецъ, далеко не послѣднюю роль играетъ здѣсь и близость ихъ къ народнымъ традиціямъ, пѣснямъ, грезамъ, надеждамъ и тревогамъ. Художественныя достоинства тѣ же, что и во всѣхъ остальныхъ произведеніяхъ державнаго поэта. Критики отмѣчаютъ въ нихъ музыкальность и пластичность стиха, яркость національных образовъ.

Характерно то обстоятельство, что всюду фигурируетъ измѣна родинѣ, долгъ ея сыновей и тяжелая борьба между священными обязанностями и усиливающимся личнымъ честолюбіемъ, — вѣчно новые и вѣчно старые мотивы.

Такимъ образомъ, служеніе отечеству — тотъ идеалъ, который пламенно начерталъ князь Николай въ своихъ талантливыхъ произведеніяхъ. Въ этомъ заключается ихъ нравственный авторитетъ и воспитательное значеніе для всего сербскаго народа.

Какъ увидимъ ниже, державный поэтъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ является энергичнымъ борцомъ за права своего народа. Искренній патріотизмъ и горячая любовь къ свободѣ, такъ ярко отразившаяся въ его поэмахъ, — замѣтны и въ его государственной дѣятельности, въ томъ числѣ и въ недавнихъ дѣяніяхъ его, связанныхъ съ дарованіемъ черногорскому народу конституціи.

Прежде, чѣмъ перейти къ обзору государственныхъ дѣяній князя-юбиляра, намъ кажется далеко не лишнимъ привести нѣсколько словъ корреспондента «Россіи», ярко нарисовавшаго фигуру маститаго поэта. Въ этомъ портретѣ чувствуется то настроеніе, которое оставляетъ послѣ себя черногорская поэзія.

«Трудно вообразить, — пишетъ Old Gentleman, — внѣшность болѣе воинственную и болѣе привлекательную. Это сѣдой орелъ на неприступной скалѣ. Въ каждомъ движеніи князя, въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ звукѣ его низкаго баса вы видите, чувствуете, слышите — сквозь условную ласковую серьезность высокопоставленнаго лица — привычку и умѣніе повелѣвать, характеръ сильный, гордый и неохочій до противорѣчій. Вы понимаете, что передъ вами человѣкъ, привыкшій считать свои вдохновенія голосомъ вышней

воли, глубоко вѣрующій въ себя и въ роль свою, какъ монарха-отца для своего народа. Вы предчувствуете, что онъ, мощный и картинный, долженъ быть прекрасенъ во главѣ этого народа-войска, такого же мощнаго и живописнаго; что однимъ уже явленіемъ своимъ онъ способенъ магнетизировать толпы, имъ повелѣваемыя, на самые фантастическіе подвиги преданности, что въ немъ живетъ нѣчто сверхчеловѣческое, свойственное только вождямъ, поэтамъ и прокамъ».

XV.

Характерны слова черногорскаго князя Николая, обращенныя къ народнымъ депутатамъ:

— Самодержавіе никому не было тяжело, кромѣ меня, вслѣдствіе своей слишкомъ большой отвѣтственности. И тутъ каждый повѣритъ, что конституція эта не есть дѣло одной ночи или уступки современнымъ политическимъ обстоятельствамъ, какъ могли бы подумать непосвященные въ это. Она—исключительно дѣтище моего сердца, дѣтище моего личнаго убѣжденія, предметъ моего давнишняго желанія и наслѣдіе либеральныхъ понятій моихъ въ Бозѣ почившихъ предковъ, потому что никому свобода не была дороже, чѣмъ имъ, и никто больше ихъ не разжигалъ ее въ сербскихъ сердцахъ.

Уже въ 1868 году въ своей рѣчи къ представителямъ черногорскаго народа ¹⁾, имѣя въ виду важныя финансовыя преобразованія, державный поэтъ намѣчаетъ тотъ путь, которому онъ слѣдуетъ донынѣ. И слухи о предполагаемой конституціи изумили Европу. Молодая Черногорія, едва справившаяся съ врагами, не успѣвшая окрѣпнуть, уже думаетъ въ лицѣ своего князя о свѣтлыхъ идеалахъ равенства, братства и свободы. Сильно бьется ея сердце, ключомъ кипитъ жизнь. И государство, которое вынесло тяжелую борьбу съ сосѣдями и внутренними неурядицами, уже во многомъ опережаетъ своихъ наставниковъ.

Мечты оказались не безплодными.

6-го декабря 1905 года князь, какъ извѣстно, даровалъ своему храброму народу «Уставъ», т. е. конституцію. Такимъ образомъ для Черногоріи наступила новая эра. Но нельзя рѣзко провести грань между государственнымъ строемъ Черной Горы до 1905 года и послѣ него, потому что вся жизнь князя Николая—рядъ непрерывныхъ преобразованій. Реформы 68 года, реформы 1902—1903 гг. кореннымъ образомъ преобразовали всѣ самые разнообразныя злои общества и администраціи.

— Я призываю мой народъ отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ новымъ дополненіямъ закона о судебной власти, — говорилъ князь

¹⁾ «Господа сенаторы, господа капетаны, представители черногорскаго народа», — говорилъ князь... Но собраніе носило административный характеръ.

въ 1902 году.—Пусть народъ мой съ вѣрою въ меня хорошо знаетъ, что я не стою далеко отъ него. Съ отеческой заботливостью я буду слѣдить за всѣмъ, и ни одна народная потребность не скроется отъ моего вниманія.

И это обѣщаніе было исполнено.

Въ поразительно короткій срокъ обновилась Черногорія сверху донизу. Трудно даже перечислить все то, что было сдѣлано за двадцатилѣтній періодъ, начиная отъ шоссеиныхъ дорогъ, гаваней, народныхъ школъ, войска, судебной реформы, законодательной—и до политическихъ правъ, дарованныхъ гражданамъ въ послѣдніе годы. Подводя итоги своей работы, 26-го октября 1906 года князь Николай въ своей тронной рѣчи указалъ на цѣнные результаты кропотливой работы.

— Господа посланники, въ прошломъ году,—началъ онъ,— на Николинъ день я далъ своему народу «уставъ» съ намѣреніемъ содѣйствовать всестороннему народному развитію. Моимъ давнишнимъ желаніемъ было, чтобы идея гражданскихъ свободъ, построенная на началахъ истинной демократіи, была закрѣплена основнымъ государственнымъ закономъ. До «устава» идея была основой моихъ воззрѣній. Со времени появленія «устава» я—ея первый охранитель.

Затѣмъ идетъ перечисленіе. Правительство выработало со времени обнародованія конституціи уголовный законъ, законъ о выборѣ народныхъ депутатовъ, законы объ устройствѣ государственнаго совѣта; приведены въ порядокъ финансы; разработаны податной, аграрный, таможенный вопросы; приняты мѣры для развитія промышленности, народнаго образованія и т. д.

Проводятся въ жизнь начала самоуправления, молодежь воспитывается на сознаніи своей силы, своихъ политическихъ и гражданскихъ правъ.

Измѣняется внѣшній обликъ страны, но въ основу реформъ положены та же горячая любовь къ родинѣ и сознаніе необходимости объединенія. Поэтому вся государственная дѣятельность князя Николая представляетъ собой яркое изображеніе его идей, его стремленій, съ которыми мы познакомились при разборѣ наиболѣе типичныхъ произведеній поэта, и въ то же время можно сказать и обратное: вся литературная дѣятельность державнаго правителя—страженіе его административныхъ плановъ...

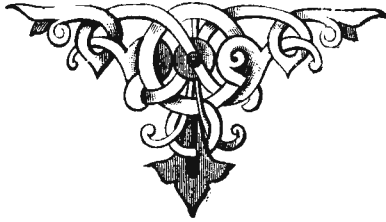
Въ той же тронной рѣчи, упомянувъ о внѣшней политикѣ, князь не можетъ не вспомнить «о неразрывныхъ узахъ, которыя соединяютъ насъ» (т. е. Черногорію), особенно теперь, болѣе, чѣмъ когда-либо, съ нашей могучей защитницей Россіей и русскимъ народомъ, а равно и о «братскихъ связяхъ съ родственными по крови балканскими народами».

Подобныя мысли и надежды, которыя заставляли поэта смѣло звать братьевъ-славянъ «Онамо, онамо!» къ борьбѣ съ врагами, даютъ ему силу въ долготѣтней работѣ и яркимъ свѣтомъ озаряютъ жизнь всего сербства.

Думаемъ, что уже эти данныя достаточно ясно рисуютъ личность князя Николая Черногорскаго, какъ борца за права славянъ, а его поэзію, какъ яркій лучъ свѣта, какъ горячій призывъ къ новымъ фазисамъ жизни, какъ призывъ «Онамо, онамо!»

И. Александровъ.

ПОСЛѢДНІЙ КОРОЛЬ ПОЛЬШИ И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ.

ВЪ ПРОШЛОМЪ году мы отмѣтили въ отдѣлѣ библіографіи «Историческаго Вѣстника» появленіе прекраснаго труда по русской исторіи въ связи съ польской, составленнаго англійскимъ историкомъ Низбетомъ Беномъ. Трудъ этотъ доведенъ авторомъ до третьяго раздѣла Польши. Разложеніе польскаго государственнаго организма и рѣдко наблюдаемое въ исторіи зрѣлище политической смерти цѣлаго государства задержали на себѣ вниманіе англійскаго наблюдателя. Онъ рѣшился болѣе пристально изучить это явленіе и въ концѣ текущаго года выпустилъ новую работу, посвященную послѣднему польскому королю и его современникамъ ¹⁾. Авторъ сперва намѣревался держаться въ рамкахъ біографіи Станислава Понятовскаго, но богатство имѣвшагося въ еѳо распоряженіи матеріала и еѳо литературная манера давать широкія культурно-историческія картины, увлекли еѳо дальше намѣченныхъ границъ и сообщили еѳо труду значеніе выпукло написанной исторіи послѣднихъ дней Польши, какъ самостоятельнаго политическаго тѣла. Низбетъ Бенъ какъ нельзя лучше подготовленъ и вооруженъ для такого рода труда. Какъ извѣстно, онъ состоитъ помощникомъ главнаго библіотекаря Британскаго музея и, стало быть, имѣетъ въ своемъ распоряженіи богатые матеріалы, скопленные и собранные Британскимъ музеемъ со всѣхъ концовъ міра. Въ немъ между прочимъ находится не мало библіотекъ нашихъ русскихъ коллекціонеровъ и любителей

¹⁾ N. Bain. The last king of Poland and his contemporaries. Lond. 1909.

книгъ, въ родѣ, напримѣръ, извѣстнаго Соболевскаго. Туда же выписываются изъ Россіи даже такія спеціальныя и дорогія изданія по старой русской исторіи, какъ изданія императорскаго общества любителей древней письменности. Въ Лондонѣ, не выходя изъ музея, можно заниматься съ успѣхомъ исторіей любой страны и любого народа. Посвятивъ себя изученію прошлой жизни сѣверо-восточнаго угла Европы, Низбетъ Бенъ отлично освоился съ языками русскимъ, польскимъ, датскимъ и румынскимъ и считается однимъ изъ лучшихъ въ Англійи переводчиковъ съ этихъ языковъ. Это обстоятельство, въ связи съ служебнымъ положеніемъ, даетъ ему возможность привлекать къ своему изслѣдованію немало такихъ документовъ, которые для другихъ остаются недоступными или непонятными. Отъ этого его работы о Густавѣ III, Петрѣ Великомъ, Елизаветѣ Петровнѣ и другія всегда отличаются свѣжестью матеріала и мысли.

Приступая къ изложенію роковыхъ для Польши событій, авторъ въ началѣ книги ставитъ вопросъ о причинахъ и характерѣ хронической болѣзни польскаго государственнаго организма, сведшаго его въ концѣ концовъ въ могилу. Отвѣтъ на этотъ вопросъ давно данъ исторіей. Польша погибла потому, что осуществила, хотя и въ одномъ словѣ своего населенія, безграничную политическую свободу, несомвѣстимую съ природою государства. Польша не могла существовать потому, что по мѣрѣ ея историческаго роста въ ней зарождалась и образовывалась организованная анархія.

Процессъ зарожденія и развитія польскаго государства въ началѣ происходилъ такъ же, какъ и у насъ на Руси. Въ IX вѣкѣ польская земля представляла собою множество мелкихъ, но совершенно самостоятельныхъ другъ отъ друга политическихъ мірковъ, то боровшихся, то мирившихся между собою. Къ X вѣку среди польскихъ земель начинаетъ дѣйствовать особая объединяющая сила, центромъ которой преданіе считаетъ Гнѣзно. На сцену является легендарный князь Пясть, основатель династіи Пястовичей, дожившей до XIII вѣка. Подъ дѣйствіемъ этой центробѣжной силы и постоянной борьбы съ надвигающимся германизмомъ въ образѣ тевтонскихъ рыцарей, Польша къ срединѣ XII вѣка собирается въ сильное государство во главѣ съ великимъ княземъ. Прежніе мелкіе князьки и недавніе владѣтели становятся въ подчиненныя къ нему отношенія, дѣлаются его боярами, образуя высшій слой польскаго общества, польскую аристократію, или «можновладство». Это «можновладство» въ союзѣ съ высшей духовной іерархіей скоро показало королю свою силу: въ исходѣ XI вѣка, когда Болеславъ Смѣлый пришелъ въ столкновеніе съ епископомъ краковскимъ, не можновладство, а онъ долженъ былъ бѣжать въ Венгрію, гдѣ и умеръ.

Чтобы сломить зародившуюся аристократію, державшую при помощи вѣча всѣ дѣла въ своихъ рукахъ, польскіе короли рано

начинаютъ готовить и ковать другую силу: съ одной стороны, они всячески поощряютъ переселеніе въ Польшу трудолюбивыхъ и искусныхъ въ ремеслахъ нѣмецкихъ горожанъ, которые приносятъ съ собою самоуправленіе городскихъ общинъ и свое магдебургское право. Съ другой стороны, они стараются создать классъ мелкихъ землевладѣльцевъ-дворянъ, на который можно было бы перенести весь центръ тяжелой политической жизни страны. Они освобождаютъ это сословіе отъ всякихъ государственныхъ повинностей, требуя отъ его представителей только военной службы. Для обсужденія и рѣшенія дѣлъ государственныхъ это помѣстное дворянство или шляхта собирается на мѣстные сеймики, которые впоследствии выдѣляютъ изъ своего состава особыхъ депутатовъ, и эти депутаты образуютъ одинъ общегосударственный сеймъ. Пользуясь тѣмъ, что польское государство всегда было въ теоріи избирательной монархіей, шляхта переводитъ теорію на практику и послѣ смерти короля Казимира (1370 г.) вручаетъ корону Людовику Венгерскому, выговоривъ себѣ нѣсколько привилегій. Теперь король уже не можетъ объявлять походовъ и измѣнять законы иначе, какъ съ согласія сеймиковъ. Въ началѣ XVI в. шляхта закрѣпощаетъ жившихъ на ея земляхъ крестьянъ и получаетъ право суда надъ ними не только въ свѣтскихъ, но и въ духовныхъ дѣлахъ. Въ 1530 г. право избранія королей окончательно переходитъ къ шляхтѣ. Проводится законъ, по которому на сеймикахъ могутъ участвовать лишь землевладѣльцы, а такъ какъ горожане давно уже лишены права покупать землю, то сеймики формируются исключительно изъ шляхты. Шляхта задавила и старинное можновладство, и свободную городскую общину и забрала въ свои руки самого короля. Избирая въ 1573 году на польскій престолъ Генриха Валуа, шляхта отнимаетъ у него право самому указать своего преемника, запрещаетъ ему жениться безъ разрѣшенія сейма, отнимаетъ у него командованіе вооруженными силами страны, которое передается великому гетману, отвѣтственному не передъ королемъ, а передъ сеймомъ. Хозяевами величайшей славянской страны того времени дѣлаются 80 тысячъ невѣжественныхъ, эгоистичныхъ, пропитанныхъ мелкимъ сословнымъ тщеславіемъ шляхтичей. Несмотря на вѣчный дефицитъ въ казнѣ, они считаютъ признакомъ рабства платить подати. Ихъ примѣру слѣдуетъ и духовенство, владѣвшее 160 тыс. деревень изъ общаго числа 215 тысячъ. Дѣйствуя въ своихъ интересахъ, шляхта заводитъ въ Польшѣ свободную торговлю съ иностранными сосѣдями и убиваетъ такимъ образомъ еще не окрѣпшую собственную промышленность: города разоряются и пустѣютъ, зато шляхта дешево и безплатно получаетъ заграничные товары. Обязательное участіе въ походахъ начинаетъ чувствоваться помѣстнымъ дворянствомъ, какъ очень тяжелая повинность, и даже такому королю, какъ Стефанъ Баторій поль-

ское войско, во время его побѣдоносной войны съ Иваномъ Грознымъ, однажды прямо заявляетъ, что оно устало воевать и возвращается на родину. Дисциплина возстановилась лишь тогда, когда нѣсколько шляхтичей было наказано кнутомъ и повѣшено.

Въ царствованіе Сигизмунда III, знаменитаго участника событій нашего Смутнаго времени, требованіе политической свободы доводится до абсурда: сеймъ постановляетъ, что для принятія закона на будущее время требуется единогласное рѣшеніе всѣхъ его членовъ. Стоило отнынѣ какому-нибудь шляхтичу на сеймѣ крикнуть «*nie rozwalam*», и вся законодательная его работа разрушалась, сводилась къ нулю. Всякій, кто имѣлъ основаніе быть недовольнымъ тѣмъ или другимъ законопроектомъ, тѣмъ или другимъ распоряженіемъ, всегда могъ подыскать для себя шляхтича, которому ничего не стоило «сорвать» такимъ способомъ сеймъ. Какъ широко практиковалось это срываніе, показываетъ безстрастная статистика: съ 1652 по 1764 г. изъ 55 сеймовъ было сорвано 48, причемъ 18 всего однимъ голосомъ!

Противоестественное требованіе отъ многоголоваго и пестраго собранія единогодушнаго рѣшенія неминуемо должно было привести къ остановкѣ всей государственной машины. Впослѣдствіи, когда въ Варшавѣ столкнулись интересы трехъ сосѣднихъ съ Польшей державъ, Петербургъ, Вѣна и Берлинъ всегда имѣли наготовѣ въ сеймѣ нѣсколько шляхтичей, обязанныхъ срывать всякій сеймъ, который вздумалъ бы предпринять что-нибудь враждебное или неудобное для этихъ державъ. Воцарилась полная, закономъ установленная анархія.

Еще король Сигизмундъ III понималъ всю опасность этого права *liberum veto* и пытался уничтожить его, выпустивъ умоляющее воззваніе къ шляхтѣ. Но не успѣлъ выйти этотъ манифестъ, какъ противъ него поднялся одинъ изъ высшихъ сановниковъ государства Николай Зебжидовскій съ шумнымъ протестомъ противъ нарушенія королемъ шляхетской свободы. Протестъ этотъ былъ поддержанъ между прочимъ нѣкимъ Станиславомъ Стадницкимъ, человѣкомъ крайне жестокимъ, рѣзавшимъ уши своимъ крѣпостнымъ и имѣвшимъ, по выраженію современника, больше грѣховъ на совѣсти, чѣмъ волосъ на головѣ. Стадницкій подвигалъ противъ короля вооруженное возстаніе, а сеймъ, вмѣсто того, чтобы поддержать короля, провелъ законъ «*De non praestanda oboedientia*», по которому подданные короля, въ случаѣ его посягательства на ихъ свободу, обязаны были трижды предостеречь его, а затѣмъ, въ случаѣ безуспѣшности этихъ предостереженій, разрѣшались отъ присяги на вѣрность.

Борьба между Станиславомъ и мятежниками кончилась ничѣмъ, и король принужденъ былъ примириться съ существующимъ положеніемъ и дать общую амнистію.

Его преемникъ Владиславъ, бывшій претендентъ на московскій престолъ, продолжалъ борьбу съ «золотой свободой шляхты». Онъ рассчитывалъ совершить *coup d'état* съ помощью казаковъ, которые обѣщали выставить для него цѣлую казачью армію въ 100 тысячъ человѣкъ. Эта сила должна была собраться подъ предлогомъ войны съ Турціей, но замыселъ Владислава былъ раскрытъ, объявить Турціи войну ему запретили, а собственная его армія была сокращена до 1,200 человѣкъ.

Борьба между обезсиленнымъ королемъ, подкрѣпленнымъ благородными элементами сейма, которые требовали отмены *liberum veto*, и нравственно слѣпыми приверженцами узаконенной анархіи едва не привела, при Янѣ-Казимирѣ, Польшу къ гибели. Шляхта во главѣ съ Иеронимомъ Радзиевскимъ впутала въ свои распри шведскаго короля. Карлъ X вторгся въ польскіе предѣлы и жестоко опустошалъ несчастную страну мечомъ и огнемъ. Осенью 1655 года польское государство фактически перестало существовать. Въ немъ повторилось то, что сорокъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ было съ его сосѣдомъ, Московскимъ государствомъ. Короля не было: онъ находился въ изгнаніи, столица была въ рукахъ шведовъ, съ востока поляковъ тѣснили москвичи, а на югѣ свирѣпствовали казаки, опустошая Галицію.

Положеніе было отчаянное, но, какъ было и съ Москвой, страна была спасена подъемомъ религіознаго чувства. Шведскій набѣгъ разбился о крѣпкія стѣны національной польской святыни Ченстоховскаго монастыря, который враги тщетно осаждали. Въ концѣ концовъ осада была снята, шведы прогнаны, а король вернулся въ Варшаву.

Ужасы междоусобной войны заставили наконецъ и сеймъ попытаться отменить *liberum veto*. Вопросъ объ этомъ поднялся въ 1660 году, но сеймъ былъ сорванъ княземъ Любомірскимъ. Шляхта опять одержала побѣду, которую и поспѣшила использовать въ своихъ интересахъ. Ни одинъ изъ 80 тысячъ землевладѣльцевъ не счелъ нужнымъ внести ни гроша на содержаніе умиравшей съ голода арміи: всѣ податныя тяготы были переложены шляхтой на крестьянъ и горожанъ.

Освобождая себя отъ государственныхъ обязанностей, это сословіе, однако, ревностно занималось изготовленіемъ законовъ для другихъ. Въ цвѣтущій періодъ своего могущества Польша довольствовалась одной небольшою книгой законовъ; съ 1611 по 1714 г. шляхетское законодательство уже едва укладывалось въ шесть объемистыхъ томовъ.

Толку, впрочемъ, отъ этого было мало, и польскіе суды какъ будто нарочно существовали для того, чтобы наглядно показывать, что сила крѣпче права. Вотъ характерная легенда, живо изображающая жалкое состояніе польскаго правосудія.

Жила-была на свѣтѣ одна бѣдная вдова, у которой былъ клочокъ земли. Сосѣдній магнатъ позарился на ея достояніе и рѣшилъ отнять у нея землю. Завязался судъ. Хотя вдовье дѣло было чисто, какъ кристаллъ, но судъ рѣшилъ его въ пользу магната. Уходя изъ суда, огорченная вдова воскликнула: «Если бъ сами дьяволы разбирали мое дѣло, то и ихъ судъ былъ бы справедливѣе!» Вечеромъ, когда уже судьи разошлись и на службѣ оставались одни писцы, внезапно подѣхало къ суду нѣсколько экипажей, изъ которыхъ вышли какіе-то люди. Они были въ богатыхъ одѣяніяхъ, но изъ-подъ шляпъ торчали рога. То были дьяволы. Они усѣлись на судейскихъ мѣстахъ и, строго соблюдая всѣ предписанныя закономъ правила судопроизводства, начали пересматривать дѣло вдовы. Они рѣшили его въ ея пользу. Послѣ этого Спаситель, изображенный на висѣвшемъ въ залѣ суда образѣ, со скорбью отвернулъ Свой ликъ отъ судейскихъ мѣстъ, ибо даже дьяволы справедливѣе рѣшили дѣло, чѣмъ эти судьи и прелаты, которыхъ Онъ искупилъ Своей кровью.

Трудно сильнѣе осудить шляхетское правосудіе!

Таково было въ общихъ чертахъ внутреннее положеніе «кошмараго» королевства послѣ смерти Августа III (въ октябрѣ 1763 г.). Прежде, чѣмъ перейти къ обзору событій послѣднихъ дней независимой Польши, англійскій изслѣдователь считаетъ необходимымъ ввести читателя въ социальную жизнь польскаго общества и начинаетъ съ верхняго слоя—съ патриціевъ въ ихъ домашней обстановкѣ.

Однажды, когда шведскій посланникъ въ Варшавѣ Ларсъ фонъ-Энгестромъ гостилъ въ имѣніи князя Сангушко Шимановѣ, дочь хозяйина какъ-то замѣтила ему мимоходомъ: «Весь нашъ дворъ, кромѣ доктора, преданъ Швеціи». Энгестромъ, на котораго Густавомъ III была возложена чрезвычайно щекотливая миссія—склонить Польшу къ союзу со Швеціей, обрадовался этимъ словамъ, хотя никакъ не могъ понять, какимъ образомъ домашній докторъ князя Сангушко можетъ играть роль въ дворцовой политикѣ. Недоумѣніе скоро, однако, разъяснилось, и посоль отмѣтилъ въ своей записной книжкѣ: «Польскіе магнаты всегда называютъ свои дома дворомъ».

Эта фраза княжны Сангушко чрезвычайно характерна и вполне отражаетъ современное положеніе вещей. Въ Польшѣ того времени каждый магнатъ былъ въ сущности независимымъ владѣльцемъ, окружавшимъ себя истинно королевской роскошью, которая нерѣдко совершенно затмевала блескъ настоящаго королевскаго двора. Дворецъ великаго гетмана Браницкаго въ Бѣлостокѣ пользовался громкой славой и назывался не иначе, какъ польскимъ Версалемъ. Его террасы и арки стоили баснословныхъ денегъ. Имѣніе Борха Вискланы славилось знаменитымъ «эмблематическимъ» паркомъ,

сплошь наполненнымъ мраморными изображеніями Дружбы, Жизни, Смерти и другихъ отвлеченныхъ понятій. Здѣсь же стояла часовня съ алтаремъ Славы, гдѣ между бюстами Собѣсскаго и Коперника хозяинъ велѣлъ поставить и свой собственный. Несмотря на такую пышную внѣшность, внутреннія помѣщенія домовъ, обыкновенно деревянныхъ, были плохо меблированы, и гости привозили съ собою не только собственныя кровати, но и столовую посуду. Слуги пріѣзжихъ обыкновенно спали на голомъ полу, гдѣ приходилось.

Около каждаго магната толпилась всегда куча мелкой братіи—объединившихъ дворянъ, исполнявшихъ при немъ тѣ же должности, какія сами магнаты имѣли при дворѣ. Они получали отъ своего патрона жалованье деньгами и натурой. Особеннымъ шикомъ считалось имѣть у себя на службѣ потомковъ древнихъ, но объединившихъ родовъ. Такъ, одинъ изъ богатѣйшихъ магнатовъ Феликсъ Потоцкій, палатинъ кіевскій, привлекъ на свою службу князя Четвертинскаго, носившаго то же имя, что и смертельный врагъ его хозяина, князь Адамъ Чарторыйскій. Всякій разъ, когда кто-нибудь изъ Чарторыйскихъ являлся къ спесивому палатину съ официальнымъ визитомъ, Потоцкій нарочно звалъ своего мажордома, крича: «прикажите явиться князю Адаму!»

Хозяйка дома имѣла около себя цѣлый штатъ гофмейстеринъ, которыя смотрѣли за ея туалетомъ, берегли ея драгоценности и ночью спали по очереди на кушеткѣ въ сосѣдней съ спальнею комнатѣ. Во время обѣда всѣ эти частно-придворныя дамы сидѣли за особымъ «гофмейстерскимъ» столомъ.

За этимъ верхнимъ слоемъ слугъ шло безчисленное количество всякихъ гайдуковъ, гусаровъ, казаковъ, валаховъ, набранныхъ среди крѣпостного населенія и облеченныхъ въ роскошныя яркіе костюмы полувосточнаго происхожденія. У князя Карла Радзивилла дворни насчитывалось около десяти тысячъ человекъ, у графа Потоцкаго еще болѣе. Чѣмъ больше было слугъ, тѣмъ знатнѣе считался магнатъ, тѣмъ спесивѣе онъ себя велъ.

Несмотря на всю внѣшнюю роскошь и блескъ, большинство пановъ, особенно тѣ, которые жили подальше отъ столицы, пребывали еще въ полуварварскомъ состояніи. Главнымъ ихъ занятіемъ была охота на крупнаго звѣря—медвѣдя, лося, кабана. Лисица и заяцъ считались плохой добычей. Когда Августъ III пригласилъ однажды литовскаго магната князя Карла Радзивилла къ себѣ въ Варшаву на охоту, тотъ отвѣчалъ: «Что мнѣ охотиться на мышей и крысъ въ Польшѣ, когда въ Литвѣ къ моимъ услугамъ медвѣди и кабаны?»

Воспитаніе этихъ крупныхъ землевладѣльцевъ оставляло желать многого. Если имъ приходилось что-нибудь писать, то они обыкновенно диктовали своему секретарю, который и подносилъ бумагу къ подписанію пана. Почеркъ этихъ пановъ такъ же трудно

иной разъ разобрать, какъ египетскіе іероглифы. Собственноручное письмо магната переходило среди шляхты изъ рода въ родъ, какъ своего рода семейная достопримѣчательность.

Грамота плохо давалась панамъ, и вотъ, на примѣръ, какъ учили ей великаго гетмана литовскаго. Приглашенный къ нему въ качествѣ учителя панъ Пиццало, чтобы не утруждать молодого магната, придумалъ особый педагогическій приѣмъ обученія азбукѣ. Онъ чертилъ мѣломъ на доскѣ сначала буквы, а потомъ цѣлые слога и слова, а князь Радзивиллъ и два шляхтича, взятые для совмѣстнаго съ нимъ обученія, стрѣляли въ доску изъ мушкетовъ, стараясь попасть въ каждую букву. Такимъ образомъ они привыкали къ формѣ буквъ и научились ихъ складывать.

Самое широкое гостепримство и блестящіе банкеты считались необходимою принадлежностью каждаго шляхетскаго дома. Эти банкеты нерѣдко превращались въ настоящія оргіи, и среди польскихъ магнатовъ бывали случаи, когда имъ приходилось закладывать цѣлые имъ принадлежащіе города, чтобы устроить одинъ грандіозный банкетъ.

Пьянство было признакомъ хорошаго тона и благороднаго происхожденія. Великій гетманъ Браницкій однажды совершенно серьезно замѣтилъ королю Станиславу II, что онъ не можетъ рассчитывать на популярность, если не будетъ пьянъ, по крайней мѣрѣ, два раза въ недѣлю. По этой части въ Польшѣ водились даже свои знаменитости. Такъ, панъ Комарчевскій прославился тѣмъ, что могъ выпить единымъ духомъ цѣлую чашу шампанскаго, а его соперникъ панъ Сосейковскій, часто бывавшій у князя Любомірскаго, всякій разъ выпивалъ за одинъ присѣтъ боченокъ стараго венгерскаго. Иногда магнаты даже устраивали состязанія этихъ знаменитостей, не боясь опустошенія своихъ винныхъ погребовъ.

Отправляясь на сеймъ, эти полукороли брали съ собою въ дорогу десятки фургоновъ, нагруженныхъ винами и провизіей. Всякій привалъ сопровождался обильными попойками, а нерѣдко и буйствами, за которыя потомъ приходилось щедро расплачиваться. Иногда магнатамъ приходилось останавливаться по дорогѣ въ монастыряхъ, но и святость сихъ мѣстъ не удерживала ихъ отъ оргій, къ которымъ силою привлекалась и монастырская братія. Въ то же время эти бражники строго соблюдали церковные обряды, посты, неумоимо выстаивали безконечныя церковныя службы и безбожно драли на смерть своихъ мальчиковъ-пажей, если кто-нибудь изъ нихъ позволялъ себѣ зѣвнуть въ церкви.

Шляхта по мѣрѣ силъ и возможности старалась не отставать отъ магнатовъ и во всемъ имъ подражала. Она распадалась на два слоя—зажиточныхъ сельскихъ помѣщиковъ и бездомныхъ, кочующихъ дворянъ, ютившихся при дворахъ крупной земельной аристократіи. Во второй половинѣ XVIII в. такихъ кочевниковъ на-

считывалось 1.300,000 человекъ. Изъ этой-то среды и выходили наиболѣе ревностные защитники «золотой свободы».

Городское сословіе почти не существовало въ Польшѣ ко второй половинѣ позапрошлаго вѣка. Шляхта, отнимая постепенно самоуправленіе городовъ, подрывала торговлю, которая мало-по-малу перешла въ руки евреевъ, не останавливавшихся ни передъ какимъ рискомъ, ибо имъ нечего было терять. Купечество сохранилось только въ полунѣмецкихъ городахъ Данцигъ и Торнѣ. Чисто польскіе города представляли слабую тѣнь былого величія. Краковъ, бывший когда-то населеннѣйшимъ и богатѣйшимъ городомъ центральной Европы, спустился на уровень захудалого провинціального городка. Трава росла на улицахъ Львова, который не такъ еще давно былъ однимъ изъ центровъ средне-европейской торговли. Въ Варшавѣ процвѣтала только одна отрасль торговли—магазины съ предметами роскоши и всякими бездѣлушками, назначенными для удовлетворенія прихотливаго вкуса двора.

Еще хуже было положеніе деревни. Законъ какъ бы не замѣчалъ крестьянина: судъ и расправу надъ нимъ творилъ его помѣщикъ, на котораго онъ обязанъ былъ работать самое лучшее время лѣта. Крестьяне жили крайне грязно и бѣдно, и обладатель лошади, коровы и теленка считался уже среди нихъ богачомъ. «Я вижу милліоны существъ,—писалъ одинъ современникъ короля Станислава:—одни изъ нихъ полуголы, другіе едва прикрыты сермягою, и всѣ сморщены, сгорблены, нечесаны, угрюмы. Ихъ глаза ввалились, а щеки осунулись. Грязные и тупые, они почти ничего не чувствуютъ, почти ничего не думаютъ—и въ этомъ ихъ единственное счастье. На первый взглядъ они скорѣе напоминаютъ животныхъ, чѣмъ людей. Жилищемъ имъ служатъ ямы или хижины, едва поднимающіяся надъ землею. Проработавъ цѣлый день на своего владѣльца, крестьянинъ влѣзаетъ въ свою вонючую берлогу и дѣлитъ свое грязное соломенное логово съ своими дѣтьми и своимъ скотомъ». «Крестьяне при встрѣчѣ всегда отворачиваютъ лицо и проходятъ мимо, опустивъ глаза и бормоча обычную формулу: «Слава Господу Иисусу!» Я вообще удивляюсь, какъ они могутъ воздавать хвалу Богу», замѣчаетъ другой наблюдатель-иностранецъ, случайно попавшій въ Польшу.

На такихъ забзжихъ людей Польша производила впечатлѣніе страны, совершенно одичавшей. Нигдѣ въ Европѣ не было такихъ ужасныхъ путей сообщенія, какъ здѣсь. Нерѣдко дороги шли непроходимыми вѣковыми лѣсами, и лѣсные великаны, падая подъ тяжестью лѣтъ, совершенно загораживали путь. Обѣхать препятствіе было всегда рискованно: или попадешь въ зыбучее болото, или заѣдешь въ такія дерби, что трудно будетъ и выбраться. Немногочисленныя почтовые станціи были всѣ въ арендѣ у евреевъ и на нихъ ничего нельзя было достать, кромѣ яицъ и дешевой водки.

Разбоевъ, впрочемъ, не было, такъ какъ жизнь была дешева и съѣстные продукты продавались сравнительно недорого.

Таково было положеніе этой высосанной шляхтою страны. Разумѣется, и среди ея эгоистичныхъ и легкомысленныхъ хозяевъ были лица, обладавшія государственнымъ кругозоромъ и стремившіяся вывести Польшу на путь нормальной государственной жизни. Первое мѣсто здѣсь принадлежало князьямъ Чарторыйскимъ, или «фамиліи», какъ ихъ называли поляки. Изъ многочисленныхъ представителей «фамиліи» наиболѣе выдвинулся палатинъ Червонной Руси князь Августъ Чарторыйскій, стяжавшій себѣ громкую славу въ непрерывныхъ столкновеніяхъ съ турками. Женатъ онъ былъ на страшной богачкѣ, нѣкоей пани Сѣнявской, дочери великаго гетмана, находившейся въ родствѣ и свойствѣ съ Голштинскимъ, Брауншвейгскимъ и Брабанцкимъ владѣтельными домами.

Въ его резиденціи Пулавахъ ежегодно повторялась такая сцена. Рано утромъ къ князю Августу, садившемуся для этого случая на особый тронъ съ балдахиномъ, торжественно входилъ главный управляющій имѣніями его жены и представлялъ ему годовой отчетъ по управленію. За нимъ вносили полученный съ имѣній чистый доходъ, реализованный въ видѣ объемистаго боченка съ золотомъ. Провѣривъ счета, князь обращался къ мажордому и произносилъ обычную формулу: «Отнесите къ ея свѣтлости доходы съ ея имѣній». Тѣмъ же порядкомъ процессія, во главѣ съ мажордомомъ, вооруженнымъ серебрянымъ жезломъ, отправлялась на половину княгини. Войдя въ ея апартаменты, мажордомъ отвѣщивалъ низкій поклонъ ясновельможной, и произносилъ: «Его свѣтлость присылаетъ вашей свѣтлости доходы съ вашихъ имѣній», на что княгинѣ полагалось отвѣтить такъ: «Передайте мою благодарность его свѣтлости и отнесите этотъ боченокъ съ золотомъ моему супругу».

Обладатели этого неразмѣннаго боченка съ золотомъ были сильными проводниками французскаго вліянія въ Польшѣ центромъ котораго былъ голубой дворецъ въ Варшавѣ, принадлежавшій матери князя Августа, княгинѣ Софіи Чарторыйской. Она воспитывалась при французскомъ дворѣ въ Версалѣ и старательно поддерживала въ Польшѣ французскія моды и обычаи, заведенные здѣсь еще въ прошломъ вѣкѣ двумя польскими королевами французскаго происхожденія. Чарторыйскія Пулавы сдѣлались «убѣжищемъ ученыхъ», гдѣ воспитывались самые даровитые юноши на службѣ отечеству. Сюда вызывался изъ Парижа Дюпонъ-де-Немуръ для организаціи мѣстныхъ школъ, а Люилье слалъ изъ Женевы свои планы и программы преподаванія математики. Визитъ въ Пулавы былъ почти обязательенъ для каждаго польскаго писателя, который претендовалъ на какую-нибудь извѣстность у современниковъ.

Сестра князя Августа была замужемъ за ревностнымъ шведоманомъ, близкимъ другомъ полтавскаго героя Карла XII Станиславомъ Понятовскимъ. Отъ этого брака произошелъ будущій послѣдній король Польши, названный въ честь отца также Станиславомъ. Онъ родился въ 1732 году. «Я былъ воспитанъ очень строго своей матерью, равную которой едва ли можно найти на бѣломъ свѣтѣ», — писалъ онъ впоследствии m-me Жоффренъ. — Въ 1748 г. я началъ путешествовать съ гувернеромъ, а на двадцать первомъ году я уже путешествовалъ безъ гувернера и познакомился съ вами». Въ бытность въ 1753 г. въ Парижѣ молодой Понятовскій очаровалъ всѣхъ своей чисто французской веселостью и имѣлъ огромный успѣхъ у дамъ, задававшихъ тонъ высшему обществу. Поѣздка въ Англiю въ 1754 году, по его признанiю, помогла ему закалить свой характеръ и усовершенствовать свои познанiя въ англiйскомъ языкѣ.

Вернувшись изъ заграничнаго путешествiя, Станиславъ Понятовскiй долженъ былъ, по обычаю, принять участiе въ политической жизни и сталъ посѣщать сеймъ. Одно изъ первыхъ его выступленiй чуть было не кончилось для него гибелью. Дѣло въ томъ, что въ числѣ депутатовъ, засѣдавшихъ въ сеймѣ, онъ замѣтилъ сына саксонскаго министра графа Брюля и, не зная, что тотъ получилъ шляхетское достоинство, настойчиво потребовалъ его удаленiя изъ сейма, гдѣ не позволялось присутствовать иностранцамъ. Брюль отказался. Понятовскiй обнажилъ шпагу. Друзья Брюля бросились на него, и Понятовскому пришлось бы очень плохо, не будь тутъ генерала Мокроновскаго. Отличаясь огромной физической силой, Мокроновскiй принялъ пылкаго юношу подъ свое покровительство и благополучно вывелъ его изъ разсвирѣпѣвшей толпы.

Въ 1755 году Понятовскiй появляется въ Петербургѣ въ свитѣ англiйскаго посла Чарльза Вильямса. Здѣсь молодой красивый полякъ обращаетъ на себя вниманiе великой княгини Екатерины Алексѣевны, оставленной своимъ супругомъ въ полномъ пренебреженiи. Первая встрѣча Екатерины и Станислава произошла на одномъ изъ баловъ въ Царскомъ Селѣ. Оба произвели другъ на друга большое впечатлѣнiе, и вскорѣ Понятовскiй при посредствѣ Льва Нарышкина получилъ приглашенiе посѣтить великую княгиню запросто. Въ это первое свиданiе Екатерина была одѣта въ бѣлое атласное платьѣ съ кружевами и розовыми лентами. Цвѣтъ ея лица показался Понятовскому еще бѣлѣе отъ черныхъ волосъ. У ней были большiе голубые, нѣсколько выпуклые глаза съ длинными черными рѣсницами и красивый «греческiй» носъ. Она отличалась живостью и подвижностью, какъ ртуть. «Въ одну минуту она переходила отъ сумасшедшихъ дурачествъ къ обсужденiю наиболѣе сложныхъ дѣлъ и во всемъ умѣла обнаружить слабое мѣсто», замѣчаетъ Понятовскiй.

Свиданія участились особенно въ Ораніенбаумѣ, гдѣ Екатерина проводила зиму. Понятовскій, подѣхавъ на санихъ къ воротамъ дворца, проходилъ мимо часового, которому приказано было не окликать его, и поднимался обыкновенно по тайной лѣстницѣ въ апартаменты великой княгини. Иногда, наоборотъ, Екатерина, по данному сигналу, выходила изъ дворца въ мужскомъ костюмѣ и уѣзжала съ Понятовскимъ кататься. Мало-по-малу у нихъ выработалась цѣлая система тайныхъ знаковъ, которыми они могли обмѣниваться между собою въ театрѣ и обществѣ, не рискуя выдать своей тайны.

Первое время отношенія эти тщательно скрывались ото всѣхъ, но ихъ выдалъ совершенно непредвидѣнный случай.

Однажды Екатерина, во время отсутствія великаго князя, пригласила къ себѣ нѣсколько человѣкъ гостей, въ томъ числѣ Понятовскаго и шведа графа Горна. Ей вздумалось показать собравшимся весь дворецъ. Во время обхода комнатъ они потревожили маленькую, но очень сердитую болонку, спавшую на кровати Екатерины. Собачка съ яростью бросилась на графа Горна, но, увидавъ Понятовскаго, быстро успокоилась и, завилывъ хвостомъ, стала къ нему ластииться.

— Эта болонка—настоящій предатель,—сказалъ Понятовскому шведскій графъ.—Видно, что вы тутъ не въ первый разъ и стали своимъ человѣкомъ.

Въ 1756 г. Понятовскій покинулъ Петербургъ, но въ слѣдующемъ году опять вернулся въ русскую столицу въ качествѣ польскаго посла при русскомъ дворѣ. Въ дипломатической борьбѣ, завязавшейся около внезапно заболѣвшей императрицы Елизаветы Петровны, онъ сталъ цѣннымъ союзникомъ Екатерины и передавалъ ей всѣ новости, которыя могъ знать по своему положенію. Такъ, онъ предупредилъ ее о враждебности, которую къ ней питалъ французскій посланникъ маркизь де-Лопиталь. Черезъ него же великая княгиня тайно сносилась съ канцлеромъ Бестужевымъ. Вопреки общимъ ожиданіямъ Елизавета Петровна выздоровѣла, и Понятовскому было приказано въ 36 часовъ покинуть предѣлы Россіи.

Неудачный дипломатъ поспѣшилъ уѣхать въ Польшу и черезъ шесть лѣтъ (въ 1764 году) получилъ польскую корону послѣ смерти Августа III, прятавшагося въ своемъ Дрезденѣ и лишь изрѣдка наѣзжавшаго въ Польшу. При выборѣ короля вопросъ шелъ о томъ, кому предложить престолъ—Станиславу Понятовскому, или его двоюродному брату кн. Адаму Чарторыйскому, будущему другу императора Александра Павловича. Русскій посланникъ въ Варшавѣ гр. Кейзерлингъ указывалъ на Чарторыйскаго, но Екатерина предпочла Понятовскаго, котораго поддержала и Пруссія и притомъ самымъ демонстративнымъ образомъ.

По случаю открытія сейма князь Августъ Чарторыйскій далъ большой банкетъ въ честь собравшихся на сессію магнатовъ. На банкетъ былъ приглашенъ и прусскій посолье Бенуа. Онъ опоздалъ къ обѣду и вошелъ, когда всѣ уже сидѣли за столомъ. Медленно обвѣдая взглядомъ присутствующихъ, онъ направился прямо къ Станиславу Понятовскому и, отвѣсивъ ему низкій, почтительный поклонъ, вручилъ ему отъ имени короля прусскаго орденъ Чернаго Орла. Такой чести не удостоивался еще никто въ Польшѣ.

Сеймъ, которому предстояло избрать короля, собрался 16 августа 1764 года. Его засѣданія длились цѣлыхъ десять дней. На него съѣхалось двадцать пять тысячъ избирателей, которые единогласно избрали королемъ Польши литовскаго стольника Станислава Понятовскаго.

— Поздравляю васъ съ королемъ, которымъ вы меня наградили, — писала Екатерина Панину.

Станиславу она послала въ подарокъ 100 тысячъ дукатовъ и уплатила всѣ расходы, вызванные его избраніемъ. Денежныя дѣла новаго короля были такъ запутаны, что онъ могъ отблагодарить императрицу только корзинкой трюфелей. «Положеніе мое ужасно, — писалъ онъ своей парижской нимфѣ Эгерин m-me Жоффренъ. — Терпѣніе, осторожность, мужество! И еще разъ терпѣніе, осторожность и мужество!»

Осторожность измѣнила ему очень скоро, и уже на первыхъ порахъ своего царствованія онъ попалъ въ денежную зависимость отъ новаго русскаго посланника въ Варшавѣ Репнина, у котораго перебралъ займы безъ отдачи значительныя суммы денегъ. А мужества ему было дано мало самой природой. Отъ провозглашенной формулы оставалось одно терпѣніе — и дѣйствительно послѣдній король Польши вытерпѣлъ столько, какъ ни одинъ изъ его предшественниковъ.

Едва Станиславъ сталъ королемъ, какъ вскрылся опять роковой вопросъ для Польши объ уничтоженіи *liberum veto*. Но это дѣло теперь стало уже вопросомъ международнаго права: сосѣди, предвидя раздѣлъ гнбнущаго государства, ревниво оберегали анархію, не желая искусственно поддерживать тогдашняго «больного чело-вѣка».

Сначала Екатерина согласилась было на упорядоченіе политическаго строя Польши, но Фридрихъ поспѣшилъ ее напугать. «Ваше величество, — писалъ онъ ей въ октябрѣ 1764 года, — раскаетесь, если произойдутъ какія-нибудь измѣненія въ *liberum veto*. Такія перемѣны сдѣлаютъ Польшу опасной для ея сосѣдей, а, гарантируя прежніе законы, вы имѣете возможность вмѣшиваться въ ея дѣла, когда вамъ будетъ угодно».

Напрасно Панинъ старался парализовать вредное вліяніе Фридриха на Екатерину. Іезуитскій совѣтъ прусскаго короля былъ принятъ и съ теченіемъ времни привелъ къ раздѣлу Польши.

Убѣдившись, что Панинъ устраненъ въ польскихъ дѣлахъ, прусскій король не сталъ уже стѣсняться и пріоткрылъ свои карты. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ восшествія Понятовскаго на престолъ, Фридрихъ выстроилъ на прусскомъ берегу Вислы, прусскую таможенную и сталъ принуждать польскія суда, идущія къ Данцигу, уплачивать ему 10 проц. со стоимости груза. Когда суда стали держаться праваго, польскаго берега, прусскіе таможенныя силою тащили ихъ къ противоположному берегу. Такимъ образомъ съ польскихъ купцовъ было взято въ прусское казначейство около 900 тысячъ рублей, и торговля Данцига стала приходить въ упадокъ. Станиславъ протестовалъ и обратился съ письмомъ къ прусскому королю, заручившись предварительно поддержкой Панина и Репнина. Екатерина также посовѣтовала Фридриху уступить въ этомъ дѣлѣ, которое было наконецъ передано на разрѣшеніе экстренно созваннаго польскаго сейма. Фридриху пришлось на время убрать свои когти.

Въ 1776 году явилось новое опасное осложненіе, на этотъ разъ между Польшей и Россіей. Возникъ вопросъ о такъ называемыхъ диссидентахъ, т. е. лицахъ, живущихъ въ предѣлахъ Польши, но не принадлежащихъ къ римско-католическому вѣроисповѣданію. Чтобы ослабить враждебную ей католическую партію, Россія потребовала уравнианія въ правахъ католиковъ и диссидентовъ. Съ этою цѣлью Репнинъ провелъ въ приматы преданнаго ему Подоскаго, но, повидимому, не разсчиталъ силы католическаго отпора. «Вѣра въ опасности», раздалось по всей Польшѣ. Поднялось волненіе, во главѣ котораго сталъ новый нунцій папы Дурини—человѣкъ сильнаго характера и съ большими дипломатическими способностями. Онъ привезъ съ собою энциклику папы Климента XIII, воспреещающую какія бы то ни было уступки диссидентамъ. Около Дурини появилась фанатическая фигура краковскаго епископа Солтыка, подливавшая вездѣ, гдѣ можно было, масла въ огонь.

Въ октябрѣ 1767 года сеймъ собрался во дворцѣ князя Радзивилла. Наэлектризованные рѣчами Солтыка, наиболѣе пылкіе депутаты требовали повторенія Варшавской ночи. Другіе предлагали прервать всякое сношеніе съ русскимъ правительствомъ въ лицѣ Репнина. Появленіе его на сеймѣ было встрѣчено неистовыми криками; его жизни грозила большая опасность, хотя вокругъ дворца и расположились русскія войска съ пушками. «Перестаньте кричать,—сказалъ спокойно Репнинъ:—иначе я самъ такъ крикну, что мой крикъ будетъ погромче вашего!»

Снова поднялись крики. Депутаты требовали освобожденія арестованнаго члена сейма Коссаковскаго. «Крикомъ вы ничего отъ меня не добьетесь,—сказала Репнинъ.—Попросите вѣжливо и спокойно». Тогда князь Радзивиллъ, снявъ шляпу, въ почтительной формѣ передалъ Репнину желаніе сейма, и арестованный депутатъ былъ немедленно освобожденъ.

Къ требованіямъ Россіи относительно диссидентовъ присоединились посланники Пруссіи и Англіи. Сейму пришлось уступить, и въ 1788 году вопросъ былъ рѣшенъ въ желательномъ для Екатерины смыслѣ и сданъ въ архивъ.

Пока шумить и бушуетъ сеймъ, взглянемъ, какъ живетъ въ своемъ дворцѣ представитель умирающаго государства.

Дворъ Станислава представлялъ собою сколокъ съ Версаля Людовика XV. Въ немъ также толпились разодѣтыя въ шелкъ и офранцузившіяся придворныя дамы, которыя безцеремонно преслѣдовали короля, даря ему свою благосклонность и, въ свою очередь, получая отъ него изрядныя суммы. Расточительность короля на женщинъ не знала мѣръ. Чтобы предохранить «фамилію» отъ неминуемаго разоренія, оба дяди короля, князь-канцлеръ и князь-палатинъ, рѣшили его женить. Въ невѣсты ему была намѣчена эрцгерцогиня Христина австрійская. Этотъ матримоніальный проектъ, инициатива котораго принадлежала испанскому посланнику, держался въ тайнѣ отъ Екатерины; не желая усиленія въ Польшѣ католическаго австрійскаго вліянія, Россія, конечно, не допустила бы этого брака. Къ несчастію для Понятовскаго, Екатерина проникла въ его брачныя замыслы и поручила русскому послу въ Вѣнѣ, князю Голицыну немедленно развѣдать, насколько справедливы дошедшіе до нея слухи объ эрцгерцогинѣ Христинѣ. Голицынъ немедленно пригласилъ къ себѣ на обѣдъ испанскаго посланника, который отличался большою скрытностью, когда былъ трезвъ, и полную откровенностью, когда промачивалъ себѣ горло двумя-тремя стаканами хорошаго вина. Брачный проектъ выплылъ наружу и потерпѣлъ крушеніе, но Станиславъ наотрѣзъ отказался жениться на полькѣ и на всю жизнь остался официально холостякомъ. Отнынѣ веселые ужины во дворцѣ «молодого Телемака» приняли весьма непринужденный характеръ. *Les bons diables* изъ мѣстной молодежи и мелкія французскія актрисы были обычными собутыльниками Станислава. Напрасно дяди старались сократить непомѣрные расходы царственнаго племянника: король только сталъ избѣгать «Аттика» и «Цицерона», какъ онъ называлъ стариковъ, и продолжалъ дѣлать долги, не довольствуясь карманными расходами, которые уплачивала Екатерина.

Никогда женщины не играли въ политической жизни Польши такой роли, какъ при Станиславѣ. Главнымъ лицомъ при дворѣ стала жена двоюроднаго брата короля князя Адама-Казимира Чарторыйскаго, княгиня Изабелла, отличавшаяся своими сумасбродствами. Выйдя замужъ, она отправилась съ мужемъ въ свадебное путешествіе и потѣхи ради переодѣлась въ мужской костюмъ. Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ ее приняли за ожидавшагося тамъ датскаго короля Христиана VII. Мнимаго короля встрѣтили съ большими почестями и убѣдились въ своей ошибкѣ лишь тогда, когда

княгиня появилась на балконѣ въ бальномъ платьѣ. Ея имѣніе Пованское слыло польскимъ Трианономъ. Строгостью нравовъ она не отличалась, и въ Варшавѣ носилась упорная сплетня, что она одновременно была въ связи и съ королемъ, и съ Решнинымъ.

Другая близкая къ королю особа, княгиня Сапѣга, жена палатина Мстиславскаго, со страстью предавалась азартнымъ играмъ въ карты, вѣчно требовала отъ короля денегъ и уплаты своихъ долговъ. Станиславъ поспѣшилъ отъ нея отдѣлаться. Тогда княгиня принялась обыгрывать женъ французскихъ сановниковъ, бывавшихъ по служебнымъ дѣламъ въ Польшѣ, и дѣйствовала такъ беззащѣтно, что Станиславъ, по настоянію французскаго правительства, долженъ былъ издать указъ о томъ, чтобы никто изъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Польшу, не имѣлъ права подъ какимъ бы то ни было предлогомъ давать деньги польскимъ дамамъ.

Высшее варшавское общество отличалось большою распушенностью нравовъ. Разводъ сдѣлался зауряднымъ явленіемъ, и даже дочери князя-канцлера разводились и снова выходили замужъ столько разъ, что, кажется, обошли всѣхъ польскихъ магнатовъ. Густавъ Армфельдъ, личный другъ Густава III, присутствуя однажды въ лучшемъ изъ варшавскихъ салоновъ, высчиталъ, что изъ 25 дамъ, бывшихъ здѣсь, 14 не жили съ мужьями. Армфельдъ самъ былъ въ связи съ одной польской графиней, которая украдкой сунула ему *billet doux* въ церкви. Характерно, что ихъ первое свиданіе происходило въ монастырѣ, причемъ Армфельдъ ночью долженъ былъ подниматься на монастырскую стѣну по лѣстницѣ. Церковь и монастырь получили въ то время совершенно иное назначеніе.

Духовенство не отставало отъ высшей шляхты въ безумномъ мотовствѣ.

Въ 1773 году папа Климентъ XIII распустилъ орденъ іезуитовъ. Въ Польшѣ орденъ этотъ владѣлъ 130 домами и огромными денежными средствами. На оставшееся послѣ нихъ имущество польскіе епископы набросились, по выраженію современника, какъ волки на добычу. Позенскій епископъ Модзіовскій успѣлъ захватить 380 тысячъ гульденовъ, не считая серебра, оцѣненного въ полтора милліона. Епископъ виленскій Масальскій взялъ на свою долю 600 тысячъ гульденовъ, спрятавъ у себя въ домѣ огромное количество священныхъ одеждъ, шитыхъ золотомъ. Въ концѣ концовъ 32 милліона, вырученныхъ отъ продажи имущества упраздненнаго ордена, были подѣлены между десяткомъ лицъ высшаго духовенства. Безчисленное количество чашъ и священныхъ сосудовъ было отправлено прямо на монетный дворъ для перечеканки въ монету. Не мало священныхъ предметовъ было превращено въ стремѣна, шпоры и т. п. вещи чисто шляхетскаго обихода.

Заграбивъ іезуитскія деньги, позенскій епископъ совсѣмъ пересталъ показываться въ своей епархіи, но зато сдѣлался завсегдатаемъ всѣхъ игорныхъ домовъ Варшавы. Ему ничего не стоило проиграть полмилліона гульденовъ за одинъ присѣсть.

Таковы стали къ концу вѣка духовные вожди и политическіе руководители польскаго народа.

Пока король, дворянство и духовенство прожигали жизнь за счетъ другихъ сословій, надъ Польшей собиралась гроза. Берлину давно уже не давали покоя польскіе округа Торна и Данцига, клиномъ врѣзавшіеся въ прусскія владѣнія. Еще въ 1768 г. изъ Вѣны, Версаля и Копенгагена сообщали въ Петербургъ, что Фридрихъ намѣренъ «компенсировать» себя польскими владѣніями за помощь, которую онъ оказывалъ Россіи во время ея войны съ турками.

Екатерина и Панинъ выразили энергичный протестъ.

Тогда Фридрихъ сдѣлалъ другой ходъ, послѣ котораго Австрія совершила въ 1770 году анексію Ципскаго графства, расположеннаго на сѣверѣ Венгріи. Въ 1412 году графство это было формально заложено Польшѣ, но никогда не было выкуплено своими владѣльцами.

Послѣ австрійской анексіи въ Петербургъ былъ присланъ изъ Берлина принцъ Генрихъ—все съ тѣмъ же настойчивымъ предложеніемъ раздѣла Польши, проектъ котораго былъ уже изготовленъ въ прусской столицѣ. По приказанію Екатерины онъ былъ предъявленъ русскимъ посломъ въ Варшавѣ Штакельбергомъ королю и министрамъ. Ознакомившись съ содержаніемъ этого документа, Станиславъ сталъ въ театральную позу и началъ цитировать Плутарха, рекомендуя всѣмъ съ твердостью переносить несчастія.

— Благоволите, ваше величество,—съ досадою вскричалъ Штакельбергъ,—оставить Плутарха и древность въ покоѣ и лучше сосредоточить свое вниманіе на положеніи Польши и графа Станислава Понятовскаго!

Черезъ два дня послѣ этого разговора король тайно отправилъ посольство въ Версаль просить помощи и заступничества, но его магнаты привезли оттуда лишь выраженіе соболѣзнованія.

Участь Польши была рѣшена.

18 сентября 1773 года жалкое подобіе сейма, собравшееся въ Гроднѣ, утвердило первый раздѣлъ Польши. Изъ 715 тыс. кв. килом. она потеряла 214 съ 5 мил. населенія.

Фридрихъ былъ въ восторгѣ и сыпалъ своими тяжеловѣсными остротами.

— Когда я умру, вы непременно должны протащить меня въ рай подъ полами вашей сутаны,—сказалъ онъ какъ-то своему новому подданному, епископу Красицкому.

— Увы, ваше величество, вы такъ окарнали мою сутану, что подь ней невозможно скрыть такую контрабанду,—находчиво возразилъ обобранный пруссаками епископъ.

Невѣроятная вещь,—замѣчаетъ англійскій историкъ:—постигшее Польшу національное несчастье меньше всего почувствовалось самими поляками. Немедленно послѣ раздѣла пруссаки принялись хозяйничать въ своихъ новыхъ владѣнiяхъ съ безпощадной суровостью, а въ Варшавѣ одинъ балъ смѣнялся другимъ, карточные столы ломались подь тяжестью денегъ. Въ день рожденiя великаго князя Павла Петровича главнокомандующiй русскихъ войскъ, расположенныхъ въ Варшавѣ, Бибииковъ, устроилъ въ лагерьъ подь Прагой великолѣпное празднество, на которое съѣхалось все избранное польское общество, весело танцовавшее съ русскими офицерами до самаго утра.

«То, что я скажу,—пишетъ одинъ современникъ,—можетъ показаться невѣроятнымъ, но тѣмъ не менѣе это совершенно вѣрно. Мы гораздо больше интересуемся игрою въ фараонъ и банкъ и разными марками венгерскаго, чѣмъ событiями, которыя совершаются на прусской границѣ».

Сдѣланная надь Польшей операція не остановила разложенiя ея государственнаго тѣла. Ея духовные и свѣтскiе правители продолжали вести себя самымъ недостойнымъ образомъ. Епископы съ проклятiями обличали другъ друга въ нечестности и подкупности. Министръ финансовъ Понинскiй послѣдшилъ заручиться для себя табачной монополiей и получилъ исключительное право аренды всѣхъ танцевальныхъ и концертныхъ залъ въ Варшавѣ. Онъ же заплатилъ 20 тысячъ дукатовъ за запрещенiе евреямъ торговать въ столицѣ, а затѣмъ получилъ съ нихъ крупную сумму за разрѣшенiе устроить лавки при вѣздѣ въ городъ. Алчность этого государственнаго хищника дошла до того, что онъ установилъ особый сборъ съ экипажей, переѣзжающихъ по мосту черезъ Вислу, который взялъ на откупъ на десять лѣтъ. Въ этомъ случаѣ ему усердно помогаль прусскiй посланникъ, хорошо понимавшiй, что этотъ нелѣпный средневѣковой сборъ совершенно разорить Данцигъ и предасть его въ нѣмецкiя руки!

Самъ король былъ, повидимому, даже доволенъ вмѣшательствомъ въ польскiя дѣла сосѣднихъ державъ: по крайней мѣрѣ онъ регулировали его запутанныя денежныя дѣла. Ему были предоставлены доходы съ 125 лучшихъ староствъ, составлявшiе приблизительно 1.200,000 талеровъ въ годъ. Были уплачены его долги, достигавшiе 4 миллiоновъ польскихъ гульденовъ. Но, конечно, никакихъ денегъ не могло хватить на содержанiе безчисленнаго ряда фаворитокъ, въ которомъ княгиня Любомирская смѣнялась мелкой актрисой, носившей кличку Тоди, а эта послѣдняя пани Ожаровской за которой слѣдовала эмигрантка мадамъ де-Люлли, въ свою очередь,

уступившая мѣсто княгинѣ Сапѣга и т. д. Мѣстомъ встрѣчи со всѣми этими «les autres petites» служила мастерская заѣзжаго художника Батьярели, гдѣ даже важная придворная дама пани Мальчевская не стѣснялась позировать передъ королемъ *au naturel* якобы для какой-то картины миеологическаго содержанія! Съ 1764 по 1766 г. Польша дважды уплачивала долги короля, но къ 1770 году онъ опять успѣлъ задолжать одному голландскому банкиру около 5 милліоновъ гульденовъ и варшавскому банкиру Тепперу—4 съ половиной милліона.

Кромѣ того, за нимъ осталось болѣе 700 тысячъ, которыя онъ не уплатилъ въ свое время своимъ служащимъ! Напрасно морганатическая супруга короля пани Грабовская старалась сдерживать расточительность своего супруга: король Станиславъ былъ неисправимымъ оптимистомъ!

Несмотря на веселую съ виду жизнь, и во дворцѣ, и въ высшемъ польскомъ обществѣ наступила какая-то апатія, потерянь былъ вкусъ къ здоровой жизни. Люди томились пустотою существованія и, не зная, какъ спастись отъ охватившей ихъ «ennui», искали выхода мучительному душевному состоянію въ самыхъ дикихъ выходкахъ.

Николай Потоцкій, на примѣръ, рыскалъ съ своими гайдуками по всей странѣ въ погонѣ за приключеніями. Его специальностью было избіеніе евреевъ. Карлъ Радзивиллъ устраивалъ самые безумныя попойки. Князь Маріусъ Любомирскій, котораго прочили въ прелаты римской церкви въ Польшѣ, кончилъ тѣмъ, что перешелъ въ іудейство!

Родственницъ короля Казимиръ Понятовскій прославился тѣмъ, что устроилъ у себя въ имѣніяхъ великолѣпные подземные гроты, пышные гаремы и колоніи для пчель. Князь Яблоновскій ударился въ некромантію и увѣрялъ всѣхъ, что можетъ заставить чертей повиноваться ему. Пани Годзская, бывшая замужемъ за принцемъ Нассау-Зигенскимъ, въ погонѣ за возбуждающими впечатлѣніями, не позволила тушить пожаръ, вспыхнувшій въ ея роскошномъ замкѣ, и съ вершины сосѣдняго холма любовалась въ подзорную трубу «великолѣпнымъ зрѣлищемъ».

Одинъ изъ высшихъ сановниковъ государства великій гетманъ Браницкій во время попойки былъ застрѣленъ извѣстнымъ авантюристомъ Казановой, которому едва удалось ускользнуть отъ разсвирѣпѣвшей толпы гайдуковъ.

Варшава того времени была наводнена толпою отовсюду слетавшихся проходимцевъ и шарлатановъ, которые умѣли наживаться на счетъ любопытства поляковъ. Послѣ французской революціи къ нимъ присоединились еще цѣлыя полчища эмигрантовъ, которыхъ въ Варшавѣ принимали съ распростертыми объятіями. Наиболѣе видные изъ нихъ искали здѣсь себѣ богатыхъ невѣстъ. Такъ, принцъ де-Липъ женился на княгинѣ Масальской и принялъ польское под-

данство. Остальные довольствовались тѣмъ, что держали игорные дома, обыгрывали шляхту и сколачивали себѣ такимъ путемъ значительное состояніе. Въ Варшавѣ же нашель радушный пріютъ король тогдашнихъ *chevaliers d'industrie* Калиостро, успѣвшій убраться изъ Россіи по добру по здорову послѣ того, какъ Екатерина объявила, что у нея руки чешутся отхлестать этого обманщика по щекамъ. Въ Варшавѣ онъ вошелъ въ дружбу съ доморощеннымъ некромантомъ Казимиромъ Яблоновскимъ, о которомъ мы упоминали выше, втерся съ его помощью въ лучшіе дома, выманилъ у своихъ довѣрчивыхъ и скучающихъ почитателей 10 тысячъ дукатовъ и въ одну прекрасную ночь исчезъ изъ польской столицы, захвативъ съ собой всѣ апараты и приспособленія, съ помощью которыхъ производилъ свои удивительные фокусы.

Никогда еще столица Польши не была такъ весела и оживленна, какъ передъ смертью Польши. Фокусы Калиостро и Казановы смѣнялись роскошными *fêtes champêtres*, которые были въ большой модѣ въ концѣ XVIII вѣка. Не далѣе, какъ за годъ до перваго раздѣла Польши, пани Огинская устроила въ своемъ имѣніи Александровнѣ въ честь короля роскошный фестиваль, который мы позволимъ себѣ описать здѣсь подробнѣе, какъ характерный образчикъ такихъ празднествъ.

Громадный паркъ Александровны былъ наполненъ нимфами и богинями, которыя безпрестанно встрѣчали короля и привѣтствовали его звучными стихами. Когда Станиславъ углубился въ паркъ, его остановила процессія «китайскихъ купцовъ на арабскихъ мулахъ», которая предложила ему апельсины и «прочіе восточные продукты». Подвигаясь далѣе, августѣйшій гость оказался передъ турецкой мечетью, гдѣ муфтій привѣтствовалъ его величество рѣчью на настоящемъ турецкомъ языкѣ.

Послѣ завтрака короля повели къ «гроту Діаны», гдѣ деревенскія дѣвушки пѣли ему пѣсни и угощали «настоящимъ неаполитанскимъ мороженымъ». Тутъ же на рѣчкѣ, протекавшей черезъ имѣніе, были устроены искусственные водопады и мельница. Пока король, восхищенный всѣмъ видѣннымъ, бесѣдовалъ съ окружающими, на рѣчкѣ показалась барка, нагруженная винами и лакомствами, которыя тутъ же и были истреблены гостями.

На другой день всѣ ѣздили на венеціанскую ярмарку, гдѣ, кромѣ венеціанцевъ и неизбѣжныхъ турокъ, продавали свои товары и представители другихъ національностей, расположившіеся въ сорока живописныхъ кіоскахъ. Послѣ осмотра ярмарки король сѣлъ на лодку, которая была ввезена четырьмя парами воловъ въ специально для этого случая выстроенный театръ, расположенный на искусственномъ островѣ среди искусственнаго озера.

Вечеромъ пани Огинская принимала своихъ гостей въ настоящемъ хлѣбномъ сараѣ, вокругъ котораго разбросаны были стога

сѣна. Въ сосѣдней хижинѣ настоящіе крестьяне пѣли свои незамысловатыя пѣсни, а окружающій лѣсъ пестрѣлъ живописными искусственными пастушками и пастушками.

Засимъ короля повели смотрѣть на маріонетокъ, живого леопарда и носорога, которыхъ привезъ какой-то итальянецъ. Здѣсь же дикіе башкиры и цыгане предсказывали ему будущее, гадая на бобахъ и восковыхъ фигуркахъ. Празднество закончилось состязаніемъ въ быстротѣ между одноногимъ шутомъ и черепахой.

Но никакія празднества, никакіе маскарады, никакіе фокусы Калиостро не могли оживить изжившееся польское общество. Потеряно было чувство національнаго единства и отвѣтственности передъ родиной, общество отвыкло трудиться, вывѣтрились идеи о благѣ народа, и Польша, какъ одряхлѣвшій старикъ, потерявшій вкусъ къ жизни, погружалась въ вѣчный сонъ, въ дремоту, изъ которой ее выводилъ лишь шумъ всякихъ сельскихъ и другихъ празднествъ.

А королю было отъ чего проснуться. Еще до начала раздѣловъ въ странѣ образовался противъ него заговоръ, едва не стоившій ему жизни.

Въ одинъ изъ ноябрьскихъ вечеровъ 1771 года Станиславъ ѣхалъ къ себѣ съ обѣда у князя-канцлера. Карета, конвоируемая небольшимъ отрядомъ конныхъ гайдуковъ, благополучно двигалась по улицамъ засыпавшей Варшавы, какъ вдругъ передъ нею появилось человекъ десять съ мушкетами въ рукахъ. Они быстро дали залпъ. Гайдуки почти все были убиты наповаль. Одинъ изъ нихъ вздумалъ было прикрыть собою короля, но мѣткій выстрѣлъ уложилъ его на мѣстѣ, онъ упалъ, обрызгавъ короля своею кровью. Другая пуля пробила шляпу короля. Станислава выволокли изъ экипажа, бросили на какую-то телѣгу, которая помчалась во всю прыть. Къ счастью для плѣнника, похитители неслись въ полной темнотѣ и наткнулись въ лѣсу около Бѣляны на казачій пикетъ. Завязалось настоящее сраженіе. Король умолялъ отпустить его.

— Я не могу этого сдѣлать—сказалъ ему предводитель повстанцевъ.—Я далъ клятву моему начальнику, генералу Пуласкому, доставить васъ въ Ченстохово.

Несмотря на отказъ, Станиславу все таки удалось уговорить одного изъ заговорщиковъ отвезти его на близлежащую мельницу, откуда онъ далъ знать о всемъ происшедшемъ командиру королевской гвардіи въ Варшавѣ, генералу Коцею. Въ пять часовъ утра Коцей привезъ короля обратно въ столицу, растрепаннаго, запачканнаго грязью и кровью, но невредимаго. Многіе плакали, видя его безъ шляпы и почти разутаго.

По возвращеніи въ Варшаву былъ, конечно, отслуженъ торжественный молебенъ по поводу избавленія короля отъ грозившей опасности. Станиславъ приказалъ широко открыть двери дворца,

чтобы всякій могъ зайти туда и убѣдиться, что король живъ, но тѣмъ дѣло и кончилось.

При полномъ экономическомъ упадкѣ и военномъ безсиліи, Польша, очевидно, должна была сдѣлаться игрушкой въ рукахъ сосѣдей. Волей-неволей ей приходилось опереться на кого-нибудь изъ нихъ. Такимъ естественнымъ союзникомъ для Польши была Россія. Несмотря на свои вѣковые раздоры, обѣ страны имѣли между собою гораздо болѣе общаго, чѣмъ, напримѣръ, Пруссія и Польша. Поляки принадлежали къ славянской семьѣ, цѣлая треть населенія Польши исповѣдывала православную вѣру, наконецъ и поляки, и русскіе одинаково ненавидѣли пруссаковъ.

Король Станиславъ отлично понималъ необходимость и выгоды союза съ Россіей. При посредствѣ польскаго посла при русскомъ дворѣ Деболи былъ выработанъ особый меморандумъ, въ которомъ Станиславъ изложилъ условія своего союза съ Россіей. По его мысли, прежде всего польскій престоль долженъ былъ стать наследственнымъ, польскія военныя силы поступали въ распоряженіе Россіи, которая обязывалась уплачивать Польшѣ ежегодно по 100.000 дукатовъ, цивильный листъ короля повышался до 2 милліоновъ. Кромѣ того, король получалъ право ограничивать *liberum veto*. Къ территоріи Польши прирѣзывалась прилегающая къ Черному морю полоса Бессарабіи, чтобы дать полякамъ возможность принять участіе въ морской торговлѣ.

Хотя сдѣлка была не особенно выгодна для Россіи, такъ какъ налагала на нее огромныя финансовыя тяготы, усиливая ея армию всего тысячъ на 20 польскихъ войскъ, тѣмъ не менѣе Екатерина поспѣшила принять условія Понятовскаго, кромѣ перваго, которое она рѣшительно отвергла. Встрѣтившись съ Деболи, вице-канцлеръ Остерманъ, этотъ рупоръ Екатерины, сказалъ польскому послу: «Будьте увѣрены, что мы не покинемъ васъ въ бѣдѣ, но зато и вы должны для насъ что-нибудь сдѣлать».

Екатерина видѣлась съ самимъ королемъ Станиславомъ во время своего знаменитаго путешествія на югъ Россіи въ 1787 году. Онъ двинулся навстрѣчу императрицѣ въ сопровожденіи русскаго посланника графа Штакельберга и чуть не всего своего двора, съ великою пышностью. Достаточно сказать, что это маленькое путешествіе обошлось ему не менѣе 100 тысячъ гульденовъ. Въ Каневѣ Станиславъ остановился и сталъ дожидать Екатерину, которая спускалась по Днѣпру.

Встрѣча была самая сердечная. Посланные съ дарами и привѣтствіями такъ и шныряли между обоими дворами. Свиданіе монарховъ произошло въ день св. Станислава посреди рѣки на баржѣ. При появленіи короля, путешествовавшего подъ именемъ графа Понятовскаго, былъ произведенъ установленный салютъ. А при прощаньи Екатерина сняла съ себя орденъ св. Андрея Первозваннаго

и собственноручно возложила его на Станислава. Но входить въ обсужденіе условій союза она отказалась. «Барка посреди рѣки— плохое мѣсто для рѣшенія государственныхъ дѣлъ, — со смѣхомъ сказала она королю.— Подождите, пока я вернусь въ Петербургъ».

Станиславъ возвратился въ Варшаву и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ встрѣчи съ императрицей писалъ Феликсу Потоцкому: «Нашъ тѣсный союзъ съ Россіей совершенно необходимъ для славы и сохраненія нашего народа».

Сближеніе обѣихъ восточныхъ сосѣдокъ совершенно не входило въ расчеты Пруссіи, и она приняла свои мѣры, чтобы воспрепятствовать нарождающемуся союзу. До сихъ поръ она была представлена въ Польшѣ незначительными *chargés d'affaires*, которые, разумѣется, не могли равняться по своему вліянію съ импозантными русскими посланниками.

Представитель великаго, но жаднаго Фридриха, Бенуа, едва сводилъ концы съ концами, получая на наши деньги всего рублей 300 въ годъ. Онъ ходилъ въ потертомъ костюмѣ, жилъ въ предмѣстьѣ города и лишь въ особо торжественныхъ случаяхъ позволялъ себѣ нанимать дешевую карету. Послѣ смерти Фридриха руководство внѣшней политикой Пруссіи перешло въ руки Эвальда Герцберга, который рѣшилъ дать ей совершенно иной тонъ, тѣмъ болѣе, что явился и подходящий для его видовъ дипломатъ въ лицѣ итальянскаго авантюриста маркиза Джеронима Луккезини.

Еще молодымъ человѣкомъ Луккезини явился въ Санъ-Суси ко двору Фридриха Великаго, который встрѣтилъ его довольно грубымъ вопросомъ: «Съ какихъ это поръ итальянскіе маркизы опустились настолько, что стали продавать свои услуги германскимъ королямъ?»—«Съ тѣхъ поръ, какъ германскіе короли сдѣлались настолько глупы, что принуждены ихъ покупать», смѣло отвѣчалъ итальянскій выходецъ. Королю понравился такой отвѣтъ: онъ постучалъ пальцами по крышкѣ своей табакерки, которую польскій канцлеръ Гаровскій прозвалъ ящикомъ Пандоры, и назначилъ Луккезини своимъ лекторомъ. Его преемникъ Фридрихъ-Вильгельмъ II совершенно подпалъ подъ вліяніе хитраго итальянца, который и не скрывалъ, что умѣетъ отлично командовать *le plus gros corps de l'armée*¹⁾. Вотъ этотъ-то смуглый, тощій маркизъ, потерявшій къ тому же во время одного изъ своихъ химическихъ опытовъ глазъ, и былъ назначенъ прусскимъ посломъ въ Варшавѣ. Вкрадчивый и ловкій, онъ началъ съ того, что быстро подчинилъ себѣ княгиню Изабеллу Чарторыйскую, воображавшую, что Луккезини очарованъ ею.

Ко времени открытія четырехгодичнаго сейма въ 1788 году положеніе партій въ Польшѣ значительно измѣнилось въ пользу Прус-

¹⁾ Двусмысленное выраженіе, означающее одновременно самый большой въ арміи корпусъ и самое толстое тѣло въ арміи.

си: кривой маркизь успѣлъ пустить въ оборотъ идею союза Польши съ нѣмцами противъ Россіи. Дѣло пошло успѣшно, и Луккезини формально потребовалъ отъ графа Штакельберга удаленія русскихъ войскъ изъ предѣловъ Польши, гдѣ они находились для поддержанія государственнаго порядка, охрану котораго взяла на себя Екатерина. Штакельбергъ уклонился отъ прямого отвѣта, но Луккезини сумѣлъ сдѣлать его положеніе невозможнымъ: съ нимъ болѣе перестали считаться и даже отказывали ему въ обычныхъ знакахъ уваженія, забывая, что въ его лицѣ оскорбляютъ самое Екатерину, которая умѣла помнить обиды. Король заклипалъ сеймъ не настаивать на удаленіи русскихъ войскъ, но его рѣчь была встрѣчена такимъ ревомъ, что онъ четыре дня не показывался на засѣданія. Партія «патріотовъ» (т.-е. руссофобовъ), руководимая Луккезини, окончательно овладѣла сеймомъ. Начались безконечныя рѣчи, продолжавшіяся иногда по шестнадцать часовъ, въ теченіе которыхъ Станиславъ долженъ былъ неподвижно просиживать на тронѣ.

Результатомъ такого словоизверженія было уничтоженіе польскаго военнаго министерства и подчиненіе арміи непосредственно сейму, причемъ ее съ 18 тысячъ человѣкъ рѣшено было довести до 100 тысячъ. Это легкомысленное рѣшеніе только скомпрометировало Польшу въ глазахъ всѣхъ серьезныхъ людей. Донося о постановленіи сейма своему правительству, англійскій посланникъ Хейль поражается нелѣпостью рѣшенія, которое завѣдомо нельзя было осуществить по недостатку денегъ и припасовъ. Правда, на сеймѣ много говорилось о необходимости жертвъ. Предсѣдатель его Малаховскій вызвался даже заложить съ патріотической цѣлью свое имѣніе. Шляхта обѣщала собрать 36 милліоновъ гульденовъ, но когда дѣло дошло до расплаты, едва-едва набрали 700 тысячъ. «Патріоты» рѣшили обратиться за денежною помощію къ Фридриху-Вильгельму, но тотъ отказалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Генуэзскіе банкиры, снабжавшіе деньгами Станислава, потеряли всякое довѣріе къ Польшѣ и для поправленія государственныхъ финансовъ королю пришлось продать собственную коллекцію драгоценностей, въ томъ числѣ и орденъ Андрея Первозваннаго, пожалованный ему Екатериной въ Каневѣ.

Разрывъ съ Россіей становился неизбеженъ.

«У меня здѣсь заготовлено нѣсколько агитаторовъ, которые ждутъ только приказанія, чтобы броситься на границы и, напавъ на русскія войска, вызвать волненіе. Они желаютъ только получить ручательство въ томъ, что Пруссія имъ поможетъ», писалъ кривой маркизь Герцбергу.

Екатерина сдѣлала видъ, что она равнодушна ко всему, что творилось въ Польшѣ, и приказала русскимъ войскамъ выступить изъ предѣловъ королевства. Но поляки уже закусили удила и не могли обойтись безъ ненужныхъ оскорбленій. Они обложили таможенною

пошлиной полковое имущество и запасы, хотя такіе предметы всегда считались не подлежащими таможеннымъ сборамъ. Конфликтъ былъ созданъ, но Екатерину выручилъ австрійскій министръ князь Кауницъ. Онъ прислалъ въ Петербургъ перехваченное письмо Герцберга, въ которомъ прусскій министръ совѣтовалъ туркамъ выступить въ походъ и, воспользовавшись жалобами поляковъ на русскія войска, объявить Россіи войну. Екатерина поняла намекъ и немедленно приказала своимъ войскамъ возвращаться вдоль южной границы Польши. Попытка Фридриха-Вильгельма вызвать открытое столкновение между Россіей и Польшей на этотъ разъ не удалась.

Россія держалась чрезвычайно осторожно. Потемкинъ письменно извинился передъ королемъ за беспокойство, которое причинено было проходомъ русскихъ войскъ, и, въ качествѣ польскаго магната, приносилъ Рѣчи Посполитой въ даръ 12 пушекъ и 500 карабиновъ. Въ этомъ письмѣ, написанномъ по-польски, Потемкинъ, между прочимъ, слегка журилъ поляковъ за то, что они обращаются къ нему, польскому гражданину, на французскомъ языкѣ.

Но всѣ эти заискиванія не имѣли успѣха. Въ сеймѣ каждое оскорбленіе Екатерины встрѣчалось шумными одобреніями дамъ, сидѣвшихъ на хорахъ. Княгиня Изабелла Чарторыйская просто неистовствовала въ своемъ патріотическомъ усердіи.

Торжество Пруссіи было полное, и она сдѣлалась хозяйкой положенія въ Польшѣ.

Не имѣя возможности бросить обѣ славянскія страны одна на другую, нѣмцы избрали другой путь. Полякамъ былъ формально обѣщанъ союзъ съ Пруссіей, но необходимымъ условіемъ этого союза поставлена реформа государственнаго строя. А такъ какъ этотъ строй охранялся Россіей, то Екатеринѣ и русской партіи въ Польшѣ наносился жестокій ударъ.

Въ декабрѣ 1789 года Игнатій Потоцкій представилъ Луккезини проектъ новой конституціи, а въ апрѣлѣ 1790 года былъ подписанъ договоръ о союзѣ Польши съ Пруссіей. Фридрихъ-Вильгельмъ потребовалъ было немедленно уступки ему Данцига и Торна, но, встрѣтивъ сопротивленіе, пока спряталъ когти и отказался отъ лакомой добычи.

«Польша,—писалъ кривой соотечественникъ Макіавелли своему прусскому хозяину,—теперь безусловно въ полномъ распоряженіи вашего величества. Ею можно воспользоваться, какъ театромъ войны съ Россіей или Австріей, или же какъ оплотомъ для Силезіи. Ею же можно компенсировать себя на случай какихъ-либо осложненій съ Россіей».

Партіи патріотовъ выпало на долю осуществить законнымъ порядкомъ невозможную вещь—реформировать польскую конституцію. Въ сеймѣ была, конечно, и русская партія, которая не могла

допустить закрѣпленія такимъ путемъ прусскаго господства надъ Польшей. Были, наконецъ, и закоренѣлые фанатики шляхетскихъ свободъ, въ родѣ пана Сухоржевскаго, для которыхъ всякая реформа представлялась покушеніемъ на политическія права шляхты. Предложеніе объ измѣненіи конституціи, клонившееся къ тому, чтобы превратить Польшу въ конституціонную наследственную монархію современнаго типа, очевидно, не могло пройти въ сеймѣ, который непременно былъ бы сорванъ. Оставалось прибѣгнуть къ *coup d'état*.

Слабохарактерный Станиславъ заколебался, но въ эту рѣшительную минуту около него явился другой итальянецъ—флорентійскій ех-аббатъ Сипіоне Піаттоли, рационалистъ и горячій поклонникъ Руссо, будто бы нашедшій въ Польшѣ идеаль политической свободы. Изможденный и болѣзненный, онъ обладалъ, однако, огромной силой воли и умѣлъ подчинять окружающихъ своему вліянію. Піаттоли быстро сдѣлался самымъ интимнымъ другомъ Станислава и поселился во дворцѣ, несмотря на протесты родственниковъ короля, косо смотрѣвшихъ на этого «якобинца». Въ апартаментахъ Піаттоли и разрабатывалась мысль о *coup d'état*. Для этого былъ образованъ особый комитетъ изъ семи лицъ, которымъ король могъ вполнѣ довѣрять. Онъ собственноручно сдѣлалъ набросокъ будущей конституціи, который былъ потомъ сообщенъ нѣкоторымъ депутатамъ, расположеннымъ поддерживать короля. Всѣ они собирались во дворцѣ Карла Радзивилла. Ихъ было около сотни, но когда имъ предложили подписать проектируемый актъ— всѣ они подъ разными предлогами отказались.

3 мая 1791 года улицы Варшавы представляли необычайное зрѣлище. Со всѣхъ сторонъ къ тому мѣсту, гдѣ долженъ былъ собраться сеймъ, спѣшили войска. За ними тянулись гильдіи во главѣ съ своими президентами. Улицы были полны народа, шумно выражавшаго свое повышенное настроеніе. Все ждали чего-то необычайнаго.

Заль засѣданій сейма былъ переполненъ публикой. На галереяхъ собрались дамы высшаго общества. Между скамьями депутатовъ сновали записные политики и агитаторы. Вокругъ трона размѣстились офицеры королевской гвардіи.

Ровно въ одиннадцать часовъ въ заль вступилъ король въ сопровожденіи своей свиты, и маршалъ Малаховскій открылъ засѣданіе.

Первымъ выступилъ министръ иностранныхъ дѣлъ и прочелъ рядъ донесеній, полученныхъ отъ польскихъ посланниковъ, которые предостерегали свое правительство отъ замысловъ сосѣдей, готовящихъ второй раздѣлъ Польши. При этихъ словахъ неугомонный ораторъ панъ Сухоржевскій, почувявъ, къ чему идетъ дѣло, сорвался съ своего мѣста и на колѣняхъ приползъ къ трону,

крича, что было силъ: «Намъ зажимають ротъ! Бросьте меня въ тюрьму, но дайте мнѣ слово!» Его растерянная, красная физиономія возбудила общій смѣхъ. Сухоржевскаго увели силою.

По знаку короля, министры и сенаторы приблизились къ трону. Станиславъ объявилъ, что, въ виду опасности, угрожающей республикѣ, необходимо измѣнить государственное устройство, и приказалъ прочесть проектъ новой конституціи. Чтеніе это было встрѣчено восторженными криками: «Zgoda! Zgoda! (Угодно!)».

Въ этотъ моментъ въ залѣ сейма опять появился панъ Сухоржевскій, на этотъ разъ съ шестилѣтнимъ сыномъ на рукахъ. Онъ кричалъ, что новая конституція есть измѣна народу и заговоръ лично противъ него, Сухоржевскаго. Произошла свалка. Сухоржевскій бросился къ трону, но былъ сбить съ ногъ. Его, несомнѣнно, растоптали бы на смерть, если бы депутатъ Кублицкій, отличавшійся громадною силою, не вынесъ его изъ свалки, какъ ребенка.

Крики: «да здравствуетъ король!» заглушили робкіе протесты оппозиціи. Король громкимъ голосомъ заявилъ о своемъ желаніи присягнуть новой конституціи. «Если среди васъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ депутатамъ,—есть священники, пусть они приведутъ меня къ присягѣ».

Къ трону приблизился епископъ краковскій Турскій и, раскрывъ евангеліе, держалъ его передъ королемъ. Поднявъ руку, Станиславъ повторялъ за нимъ слова присяги. А члены сейма, въ порывѣ безудержной радости, бросали шляпы въ воздухъ, оглашая залъ криками: «да здравствуетъ король!»

Новая конституція была введена.

Екатерина отвѣтила на этотъ государственный переворотъ прежде всего смѣной русскаго посла. Въмѣсто графа Штакельберга, отличавшагося настойчивостью и умѣніемъ поддерживать короля въ веселомъ настроеніи, назначенъ былъ Яковъ Ивановичъ Булгаковъ, нашъ бывшій полномочный министръ въ Константинополѣ. Булгаковъ обладалъ необыкновеннымъ терпѣніемъ и трудолюбіемъ. Когда въ 1787 году вспыхнула вторая русско-турецкая война, Булгаковъ былъ посаженъ въ Семибашенный замокъ, просидѣлъ здѣсь болѣе двухъ лѣтъ и вышелъ на свѣтъ Божій съ русскимъ переводомъ тогдашней литературной новинки — тридцатитомной энциклопедіи аббата де-ла-Порта: «Voyageur françois ou la connaissance de l'ancien et du nouveau monde». Отличительной чертой этого дипломата было необыкновенное умѣнье владѣть собою, не теряться ни при какихъ обстоятельствахъ. А долгое пребываніе на Востокѣ научило его не прибѣгать къ открытымъ средствамъ, а дѣйствовать завуалиснымъ путемъ.

Булгаковъ явился въ Варшаву съ огромной блестящей свитой всякихъ *attachés* и, какъ будто ничего особеннаго не случилось, принялся давать роскошные обѣды съ участіемъ лучшихъ фран-

скихъ поваровъ. Это быстро сдѣлало его популярнымъ. Еще большей симпатіей пользовались его карточные вечера, на которыхъ сходились толпами члены сейма и сенаторы. Тѣмъ не менѣе общее настроеніе поляковъ было крайне враждебно Россіи. «Здѣсь теперь мода быть руссофобомъ», писалъ Булгаковъ императрицѣ.

Къ началу 1792 года Россія успѣла развязать себѣ руки: война съ турками кончилась, угрожающее положеніе, которое заняли относительно императрицы Екатерины Пруссія, а за нею и Питтъ, смутило было русское правительство, но англо-прусскія угрозы не пошли дальше страшныхъ словъ. Швеція и Данія, которыхъ старались бросить на Россію, не обнаружили особаго желанія затѣвать новую Сѣверную войну. Обезопасивъ себя со всѣхъ сторонъ, Екатерина могла теперь активно свести старые счета съ Польшей.

Въ маѣ 1792 года въ маленькомъ городкѣ Тарговицахъ (нынѣ мѣстечко Уманскаго уѣзда Кіевской губерніи) состоялся съѣздъ всѣхъ противниковъ реформъ Станислава. Во главѣ ихъ сталъ Феликсъ Потоцкій, дѣйствовавшій подъ вліяніемъ слѣпой ненависти къ королю. Собравшіеся члены оппозиціи образовали такъ называемую Тарговицкую конфедерацію, подняли вооруженное возстаніе противъ правительства и двинулись къ Варшавѣ, засыпая свой путь манифестами и указами. По дорогѣ они вводили особыя судилища, которыя во имя свободы жестоко расправлялись съ ихъ политическими противниками. Чиновники были разгоняемы, а помѣщики, принявшіе майскую конституцію, подвергались разгрому.

4 сентября всѣ конфедераты были стянуты въ Брестъ-Литовскъ, а 5-го Феликсъ Потоцкій совершилъ триумфальный въѣздъ въ Тирасполь. Все населеніе города, во главѣ съ бургомистромъ, вышло ему навстрѣчу съ музыкой и знаменами. Слѣдующій день былъ посвященъ официальнымъ приемамъ и банкету. Народу въ Тирасполь сѣхалось такъ много, что помѣщеній не хватило, и весь городъ былъ заставленъ палатками. Для Потоцкаго воздвигли особый Зеленый павильонъ. Въ старой іезуитской церкви было совершено торжественное молебствіе, послѣ котораго здѣсь же состоялось генеральное собраніе повстанцевъ. За молебствіемъ слѣдоваль объѣдъ въ Зеленомъ павильонѣ на золотыхъ блюдахъ, во время котораго всѣ восторженно пили за здоровье Екатерины и упорно молчали о Станиславѣ.

Образованіе Тарговицкой конфедераціи застало Станислава врасплохъ, и ему не оставалось ничего другого, какъ обратиться за помощью къ своему союзнику и руководителю Фридриху-Вильгельму. Но изъ Берлина дали понять, что если Польша желаетъ поддерживать идею наслѣдственной монархіи и майскую конституцію, то ей нечего рассчитывать на прусскую помощь. Станиславъ былъ по-

раженъ такимъ безстыднымъ отказомъ отъ торжественно принятыхъ прусскимъ королемъ обязательствъ и отправилъ въ Берлинъ Игнатія Потоцкаго объяснить и указать на формальный договоръ. Фридрихъ-Вильгельмъ принялъ польскаго посла съ леденящей холодностью. Когда Потоцкій указалъ ему на то, что онъ самъ всячески старался посорить Польшу съ Россіей, обѣщая первой свою помощь, *le gros corps de l'armée* былъ въ большомъ затрудненіи и не зналъ, что отвѣчать. Наконецъ онъ угрюмо заявилъ, что майская конституція была введена безъ его вѣдома и что вообще обстоятельства теперь перемѣнились.

Обманутые поляки были предоставлены самимъ себѣ.

А въ эту минуту Булгаковъ вручилъ польскому министру иностранныхъ дѣлъ Хрептовичу формальное объявленіе войны. Оно давно уже хранилось у него и оставалось только поставить на немъ дату. Черезъ нѣсколько дней русскія войска тремя колоннами вступили въ предѣлы Польши. Тарговицкая конфедерація была официально принята подъ покровительство Россіи.

Польша заволновалась. Станиславъ проявлялъ съ эти тяжелые дни необыкновенную энергію: облачившись въ мундиръ національной кавалеріи, онъ объѣзжалъ всѣ казармы, парадирюя передъ квартировавшими въ нихъ войсками и произнося превосходныя рѣчи о военной дисциплинѣ. Въ предмѣстьѣ столицы, Прагѣ, онъ разбилъ лагерь на берегу рѣки Вислы для новобранцевъ, гдѣ не разъ устраивалъ патріотическіе пикники съ участіемъ дамъ. Для поддержанія мужества войскъ тутъ произносились самыя горячіе тосты за отечество, для которыхъ требовалось изрядное количество вина. Наконецъ въ разгаръ воинственнаго подъема король объявилъ было, что онъ острижетъ свои кудри, чтобы придать себѣ болѣе солдатскій видъ, но на такую жертву у него не хватило духа. Онъ предпочелъ вступить въ переговоры съ Екатериной. Отвѣтъ ея былъ кратокъ. Императрица надѣялась, что король безотлагательно уступитъ Тарговицкой конфедераціи, которая стремится возстановить вольности, гарантированныя договоромъ съ Россіей.

Станиславъ заперся въ своихъ частныхъ апартаментѣхъ и погрузился въ чтеніе Плутарха, ища утѣшенія и мужества въ судьбѣ античныхъ героевъ. Во дворцѣ царило смятеніе. Супруга короля пани Грабовская, его сестра пани Краковская, его племянница пани Тышкевичъ умоляли короля спасти ихъ отъ нищеты, покориться императрицѣ и какъ можно скорѣе примириться съ главою Тарговицкой конфедераціи, Феликсомъ Потоцкимъ. Король рѣшилъ созвать на совѣтъ высшихъ чиновъ государства. Прочитавъ имъ русскій ультиматумъ, Станиславъ объявилъ, что вооруженное сопротивленіе невозможно и что онъ принимаетъ требованія конфедератовъ. Творецъ конституціи 3 мая, Коллонтай, первый поспѣшилъ отъ нея отречься. Литовскій канцлеръ Іоакимъ Хрептовичъ

робко присоединился къ нему. Напрасно Игнатій Потоцкій старался поднять духъ соотечественниковъ, напрасно грозилъ онъ королю судомъ потомства—воинственность окончательно покинула Станислава.

Событія стали развѣртываться съ неудержимой быстротой.

5 августа 1792 г. одна изъ русскихъ колоннъ вступила въ Варшаву и расположилась въ лагерѣ подъ Прагой. Игнатій Потоцкій, Коллонтай и ихъ единомышленники бѣжали въ Дрезденъ и Лейпцигъ. Предполагавшійся главнокомандующій не существовавшей польской арміи Іосифъ Понятовскій уѣхалъ въ свой вѣнскій дворецъ. Сопротивляться было некому, и 12-го Булгаковъ давалъ въ Варшавѣ большой банкетъ, на который было приглашено свыше 100 человекъ, а 19-го состоялось во дворцѣ представленіе королю русскихъ офицеровъ.

Прошло пять мѣсяцевъ. Ходившіе уже раньше слухи о готовящемся новомъ раздѣлѣ Польши стали крѣпнуть и въ январѣ слѣдующаго года получили полное подтвержденіе. 16 января прусскія войска вступили на польскую территорію, подъ предлогомъ подавленія ученія французскихъ якобинцевъ, будто бы распространяемаго изъ Варшавы. Генералу Меллендорфу поручено было оберегать восточную границу Пруссіи отъ всякихъ лжеученій и поддерживать въ Польшѣ людей «благонамѣренныхъ». Съ этою цѣлью пруссаки черезъ четыре дня послѣ вторженія заняли Торнъ, а мѣсяцъ спустя овладѣли и Данцигомъ.

Королю было предложено созвать сеймъ въ Гроднѣ, который долженъ былъ разсмотрѣть и утвердить проектъ второго раздѣла Польши. Станиславъ рѣшительно протестовалъ и отказался покинуть Варшаву. Но графъ Сиверсъ, смѣнившій Булгакова, зналъ, чѣмъ дѣйствовать на Станислава. Онъ объявилъ ему, что если онъ побѣдетъ въ Гродно, императрица уплатитъ всѣ его долги, которые къ тому времени опять достигли почтенной цифры 7 милліоновъ. Станиславъ не могъ устоять противъ этого предложенія, и между двумя рядами русскихъ войскъ, охранявшихъ его отъ оскорбленій народа, двинулся на политическое самоубійство. Въ Гроднѣ онъ вдругъ объявилъ, что отрекается отъ престола. Сиверсъ былъ ошеломленъ такимъ неожиданнымъ шахматнымъ ходомъ короля, грозившимъ спутать весь задуманный планъ, но скоро успѣлъ отогнать отъ Станислава мысль объ отреченіи.

Въ виду русскихъ и прусскихъ штыковъ, кишѣвшихъ около Гродна, были произведены выборы въ сеймъ. Большинство мѣсть досталось, разумѣется, людямъ, подходившимъ къ даннымъ обстоятельствамъ, но въ залъ вошло и нѣсколько горячихъ патріотовъ. Девять десятыхъ этихъ депутатовъ столовались у Сиверса и отъ него же получали по сотнѣ дукатовъ въ недѣлю на свои надобности. У него же на жалованьѣ былъ и королевскій секретарь Фризе и

разные агенты, въ родѣ monsieur Boscamp, который изумлялъ своими шпионскими подвигами самого Сиверса.

Съ мая по сентябрь 1793 г. маленькій городокъ Гродно представлялъ довольно странное и пестрое зрѣлище. Онъ былъ переполненъ красивыми женщинами въ роскошныхъ, бьющихъ въ глаза туалетахъ, едва прикрывавшихъ ихъ наготу. Однѣ искали мужей среди русскихъ офицеровъ, другимъ нужны были деньги, широкимъ ручьемъ стекавшимъ сюда изъ Петербурга и Берлина. Игрные дома также переѣхали сюда изъ Варшавы и едва вмѣщали всѣхъ желающихъ попытать счастья за зеленымъ столомъ. Концертъ смѣнялся концертомъ, балы слѣдовали за балами—и среди этой веселой беззаботной суеты и треска фейерверковъ лишь немногіе понимали, что Польша кончаетъ свое историческое существованіе. Несчастный, разбитый годами и несчастіями, Станиславъ былъ жалокъ. Безъ всякихъ средствъ къ жизни, онъ всецѣло зависѣлъ въ матеріальномъ отношеніи отъ Сиверса, который давалъ ему по 3,000 дукатовъ въ недѣлю. Онъ замкнулся въ кругу немногочисленныхъ своихъ друзей—преданныхъ ему женщинъ, секретаря итальянца Гиджотти, стараго камердинера Рикса и конюшаго Кицкаго, который служилъ ему посредникомъ между нимъ и группой польскихъ патріотовъ въ сеймѣ, прозванныхъ «Зилотами». Это, кажется, былъ единственный человѣкъ, умѣвшій хоть нѣсколько ободрить злосчастнаго короля.

17 іюня 1793 г., послѣ торжественнаго богослуженія, открылся послѣдній польскій сеймъ. Засѣданіе его происходило въ большомъ залѣ гродненскаго замка. На одномъ его концѣ былъ воздвигнутъ тронъ для короля и кресла для сенаторовъ, а противъ нихъ сидѣнья для депутатовъ. Галереи были предоставлены для публики. Предсѣдателемъ или маршаломъ сейма былъ избранъ нѣкій Станиславъ Билинскій, разорившійся игрокъ, послушный малѣйшему желанію Сиверса. Сейму прежде всего были предъявлены требованія Россіи и Пруссіи, но депутаты быстро нашлись въ своемъ отчаянномъ положеніи и, совершенно игнорируя Пруссію, предложили Россіи союзъ на такихъ условіяхъ, которыя превращали этотъ союзъ въ полную унію обоеихъ славянскихъ государствъ. Къ сожалѣнію, было уже поздно. Изъ переписки канцлера Безбородка видно, что у ослабленной турецкими войнами Россіи не было ни средствъ, ни времени для войны съ Пруссіей, которая неминуемо должна была вспыхнуть, въ случаѣ отказа Россіи отъ дѣлежкы польской территоріи. Передъ русскимъ правительствомъ явилась жестокая дилемма: или воевать съ Пруссіей, рисковать пораженіемъ и ждать, что пруссаки захватятъ большую часть Польши, или же повиниться настояніямъ изъ Берлина и обезопасить себя отъ новой тяжелой войны, участвовать въ общемъ неминуемомъ дѣлежѣ призрачнаго государства. Политика есть вещь жестокая, и Екатерина, конечно, должна была предпочесть послѣднее.

«Какая бы отвѣтственность ни падала на Екатерину за ея поведеніе,—говорить безпристрастный посторонній славянамъ историкъ:—все-таки оно вполнѣ извинительно въ сравненіи съ образомъ дѣйствій Фридриха-Вильгельма. Екатерина, по крайней мѣрѣ, принимала на себя весь рискъ за раздѣлъ, шла открыто на враговъ, противъ которыхъ имѣла зубъ. Фридрихъ-Вильгельмъ дѣйствовалъ сзади, являлся тогда, когда битва была уже кончена, и грабилъ союзника, котораго торжественно обѣщаль защищать».

Поляки сами отлично понимали предательство пруссаковъ. Оппозиція въ сеймѣ противъ требованій Россіи была довольно слабая, но зато депутаты дружно сомкнулись противъ Пруссіи. Станиславъ обратился за помощью противъ нѣмцевъ къ Екатеринѣ. Сиверсъ дѣятельно его поддерживалъ, но, увы! было поздно. Екатерина боялась разрыва съ Берлиномъ.

17 августа трактатъ съ Россіей былъ принятъ.

— Я надѣюсь, что теперь императрица останется довольна,—сказалъ Станиславъ Сиверсу.—Я хотѣлъ бы поступить на русскую службу простымъ солдатомъ, только бы спасти Польшу отъ захвата Пруссіей.

Черезъ одиннадцать дней послѣ заключенія этого договора сейму были предъявлены прусскія требованія. Фридрихъ-Вильгельмъ грозилъ занять немедленно Краковъ и Сандомиръ, если они не будутъ приняты. Грубый тонъ прусской ноты—«словно онъ обращается къ рабамъ!» кричали депутаты—возмутилъ сеймъ. Въ залѣ поднялся шумъ, засѣданія были прерваны на два дня. Прусскій посланникъ Бухгольдъ потребовалъ отъ Сиверса самыхъ суровыхъ мѣръ для укрощенія оппозиціонныхъ депутатовъ.

2 сентября въ Гроднѣ явились два русскихъ батальона съ 4 пушками и расположились вокругъ зала засѣданій сейма. Коридоры были заняты часовыми. Солдаты были введены въ самую «избу», или залъ засѣданій, и ихъ начальникъ генералъ Рейтенфельсъ сѣлъ въ кресло, по лѣвую руку отъ короля. Депутатамъ было объявлено, что ихъ не выпустятъ, пока они не согласятся на требованія Пруссіи.

Съ прибытіемъ короля открылось засѣданіе сейма, «Зилоты» немедленно обратили его вниманіе на присутствіе въ залѣ «постороннихъ лицъ въ русскихъ мундирахъ». «Пока не удалятся посторонніе,—заявилъ маршалъ,—засѣданіе по закону не можетъ состояться». Извѣстили Сиверса. Тотъ распорядился вывести войска изъ зала, но настоялъ на разрѣшеніи генералу Рейтенфельсу оставаться на своемъ мѣстѣ. Сеймъ приступилъ къ обсужденію прусскихъ требованій. Внеся въ нихъ нѣкоторыя сокращенія, сеймъ передалъ проектъ Сиверсу для отсылки въ Берлинъ.

Несмотря на всѣ усилія русскаго посла склонить пруссаковъ къ уступкамъ, Фридрихъ-Вильгельмъ вычеркнулъ всѣ поправки,

внесенныя въ договоръ сеймомъ, и грозилъ немедленно занять восточную Польшу, если его требованія не будутъ исполнены полностью.

Разъ попавъ въ ложное положеніе, Россія волей-неволей должна была вытаскивать для Пруссіи каштаны изъ огня. Сравнительно немногіе знали закулисную игру Фридриха-Вильгельма. Россія же дѣйствовала на виду всей массы. Естественно, что ее-то и считали главною виновницею раздѣла Польши, на нее, а не на Пруссію, и обрушилась ненависть польскаго народа.

Второй раздѣлъ Польши былъ предрѣшенъ, и никакія рѣчи, никакіе сеймы не могли измѣнить исторической судьбы страны. Надо было кончать съ бесполезно затянувшейся агоніей умирающаго польскаго государства.

22 сентября Сиверсъ приказалъ арестовать четверыхъ наиболѣе видныхъ депутатовъ оппозиціи и удалить ихъ изъ Гродна. Опять вокругъ сейма расположились русскіе батальоны, опять посылали къ Сиверсу съ просьбою освободить арестованныхъ депутатовъ. Графъ отвѣтилъ, что онъ можетъ это сдѣлать лишь тогда, когда сеймъ приметъ требованія Пруссіи. Панъ Рачинскій, депутатъ отъ Сандомира, предложилъ протестовать противъ требованій Берлина молчаніемъ. «Наше молчаніе,—сказалъ онъ,—будетъ красно-рѣчивѣе бесполезной оппозиціи». Сеймъ принялъ это предложеніе и онѣмѣлъ.

— Умоляю, ваше величество,—обратился генераль Рейтенфельсъ къ королю,—прикажите прочесть прусскій протоколъ.

Станиславъ отвѣчалъ съ достоинствомъ, что если депутатамъ не дадутъ говорить, что они думаютъ, то единственнымъ отвѣтомъ сейма будетъ молчаніе. Не зная, что дѣлать, Рейтенфельсъ помчался къ Сиверсу. Вернувшись, онъ объявилъ, что не выпуститъ изъ залы ни одного депутата, пока не будетъ подписанъ прусскій протоколъ. Отвѣтомъ было гробовое молчаніе. Пробыло 3 часа ночи. Въ залъ принесли соломы для постелей депутатовъ. Рейтенфельсъ снова обратился къ королю, прося начать обсужденіе прусской ноты.

— Не въ моей власти заставить депутатовъ нарушить молчаніе,—отвѣчалъ Станиславъ.

Рейтенфельсъ въ раздумьи принялся ходить по залу, и его шаги гулко раздавались въ мертвой тишинѣ.

— Въ такомъ случаѣ, я введу сюда моихъ гренадеръ,—сказалъ онъ наконецъ.

Раздался робкій голосъ маршала сейма Билинскаго. Онъ обѣщалъ поставить прусское требованіе на голоса.

— Принимаетъ ли сеймъ прусскій протоколъ?—спросилъ онъ. Отвѣтомъ было молчаніе.

— Молчаніе—знакъ согласія. Слѣдовательно, протоколъ принять единогласно,—объявилъ Билинскій.

Король успѣшилъ закрыть «нѣмой сеймъ».

Второй раздѣлъ Польши былъ совершенъ. Трагедія польскаго государства приближалась къ послѣднему акту. Отъ огромной когда-то славянской страны остались лишь жалкіе обрывки.

Возстаніе, поднятое Костюшкѣмъ, словно электрическій токъ, потрясло умирающій государственный организмъ Польши. Въ послѣдній разъ вспыхнулъ ея военный геній и ея звѣзда закатилась на политическомъ горизонтѣ Европы.

Остается сказать нѣсколько словъ о главномъ дѣйствующемъ лицѣ этой драмы погибшаго государства—ея злосчастномъ королѣ.

Послѣ усмиренія Суворовымъ возстанія Костюшка, Станиславу пришлось покинуть польскую столицу, которую ему уже не суждено было увидѣть снова (въ январѣ 1795 г.). Сначала онъ поселился въ Гроднѣ, гдѣ былъ порученъ попеченіямъ своего стараго знакомаго Репнина. Съ нимъ обращались въ высшей степени почтительно, какъ подобало его сану, и выдавали на содержаніе его небольшого двора 11 тысячъ дукатовъ.

Станиславъ весь отдался составленію своихъ мемуаровъ, чтенію и игрѣ на бильярдѣ.

23 ноября 1795 года онъ отрекся отъ престола. Произшелъ третій раздѣлъ, и государственное существованіе Польши кончилось. Отъ нея осталась лишь народность.

Екатерина вернула королю его частное имущество и совѣтовала ему провести остатокъ дней своихъ гдѣ-нибудь въ Италіи, которая могла удовлетворить его эстетическому вкусу. Но Станиславъ предпочиталъ оставаться въ Гроднѣ, увлекаясь на старости лѣтъ ботаникой. Смерть Екатерины искренно огорчила его. Ея преемникъ ласково звалъ Станислава въ Петербургъ. Здѣсь ему былъ отведенъ для жительства Мраморный дворецъ и назначена пенсія въ размѣрѣ 100 тысячъ дукатовъ въ годъ. Долги его были уплачены Россіей, Пруссіей и Австріей.

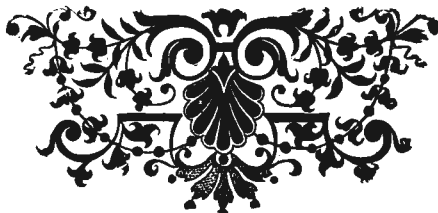
Императоръ Павелъ, въ сопровожденіи всего двора, первый сдѣлалъ визитъ бывшему королю и постарался окружить его всеми удобствами и комфортомъ.

Станиславъ умеръ отъ апоплектического удара въ возрастѣ шестидесяти шести лѣтъ (февраль 1798 г.).

Узнавъ о постигшей его болѣзни, императоръ Павелъ успѣшилъ прибыть въ Мраморный дворецъ и не отходилъ отъ него до послѣдняго его вздоха. Онъ устроилъ бывшему королю пышныя похороны и самъ ѣхалъ въ процессіи во главѣ своей лейбъ-гвардіи съ обнаженнымъ палашомъ. За гробомъ тянулась длинная вереница

высшихъ чиновъ государства въ полной парадной формѣ. Впереди его несли знамя съ изображеніемъ польскаго Бѣлаго Орла. По обѣимъ сторонамъ Невскаго проспекта отъ Мраморнаго дворца до католической церкви шпалерами стояли войска. Прахъ послѣдняго польскаго короля покоится въ русской столицѣ въ католической церкви на Невскомъ. По приказанію императора Павла надъ мѣстомъ его послѣдняго успокоенія были выставлены два штандарта—польскій и литовскій.

А. Михайловъ.

„ЖИВЫЕ ПОКОЙНИКИ“.

I.

УТО НИ ГОВОРИТЕ, а у насъ всегда и вездѣ при помощи всесильнаго золота легко можно было обходить законъ,— произнесъ судебный слѣдователь Ласточкинъ, выслушавъ наши безконечныя жалобы на переживаемое Россіей безвременье:—только вы, господа, напрасно увѣряете меня, что нынѣшнее лихоимство, административный произволь и всякаго рода несправедливости, отъ которыхъ больше всего страдаютъ бѣднѣйшіе классы, обусловливаются отсутствіемъ у насъ твердой власти.

— Пожалуй, что вы до нѣкоторой степени правы, Александръ Ивановичъ,—согласился съ нимъ сидѣвшій тутъ же присяжный повѣренный Загорѣльскій:—дѣйствительно, наше многострадальное отечество искони вѣковъ немало терпѣло отъ подобнаго недуга, причиной котораго былъ не столько характеръ высшихъ властей, сколько присущія славянской натурѣ особенности и постоянныя несовершенства русскаго общегосударственнаго строя.

— Вотъ это самое и я имѣлъ въ виду!—съ воодушевленіемъ воскликнулъ Ласточкинъ, поднимаясь съ мѣста и направляясь къ столу, чтобы выпить стаканъ воды.—Возьмите для примѣра,—продолжалъ онъ,—хотя бы царствованіе такого монарха, какимъ былъ императоръ Николай I. Ужъ его ни въ коемъ случаѣ нельзя было, кажется, упрекать въ мягкости характера, а между тѣмъ при немъ-то и наблюдались у насъ грандіознѣйшія хищенія и поистинѣ фено-

менальные обходы закона. Кто, напримѣръ, изъ васъ не знаетъ необычайной исторіи гвардейскаго полковника Ш—ца, одного изъ видныхъ декабристовъ, осужденнаго съ прочими чуть ли не на вѣчную каторгу, но затѣмъ удачно избѣжавшаго жестокой кары закона и преспокойно дожившаго вѣкъ въ одномъ изъ своихъ южно-русскихъ имѣній...

— Да, да,—замѣтилъ находившійся среди насъ старичокъ-помѣщикъ Зерновъ,—случай этотъ прекрасно извѣстенъ всему нашему уѣзду, хотя и до сихъ поръ трудно понять, какимъ образомъ названный офицеръ умудрился на глазахъ начальства прожить еще около тридцати лѣтъ, считаясь по официальнымъ документамъ мертвецомъ.

— И не только прожилъ, но еще занимался обширнымъ хозяйствомъ!—присовокупилъ слѣдователь.

— Понятно, всему помогли деньги и обширныя связи Ш—ца въ столицѣ,—произнесъ Загорѣльскій.

— А вы слышали, что въ концѣ концовъ онъ получилъ даже помилованіе?—обратился ко всѣмъ намъ Ласточкинъ.

— Когда же это произошло?—спросилъ Зерновъ.

— Да незадолго до Крымской войны. Его родной братъ, занимавшій очень видный постъ въ одномъ изъ округовъ южно-русскихъ военныхъ поселеній, отличился со своими «уланами» на послѣднемъ смотру Николая Павловича въ Вознесенскѣ, и, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, обратился къ императору съ просьбой о помилованіи брата, изложивъ предварительно государю обстоятельства, въ значительной степени смягчавшія вину мнимо-умершаго полковника.

— И что же, уважена была его просьба?

— Вполнѣ. Ш—ць былъ помилованъ и успѣшилъ оставить царство тѣней.

— Дѣйствительно, все это достойно удивленія,—замѣтилъ послѣ нѣкотораго молчанія Зерновъ, долгое время служившій раньше исправникомъ въ Юго-Западномъ краѣ и не разъ дѣлившійся съ нами своими интересными воспоминаніями:—однако мнѣ извѣстенъ еще болѣе изумительный случай загробнаго существованія на землѣ.

— Какой же это случай?—воскликнули мы всѣ единодушно.

— Да исторія съ польскимъ магнатомъ Б—скимъ, владѣльцемъ обширныхъ имѣній въ южной части Подольской губерніи.

— Пожалуйста, расскажите намъ ее, Павелъ Ивановичъ!—обратился къ Зернову судебный слѣдователь.

— О, ее слѣдуетъ рассказать,—поспѣшилъ отвѣтить словоохотливый старикъ, придвигаясь ближе къ слушателямъ и вынимаемая изъ портсигара папиросу.

— Произошелъ этотъ случай,—началъ онъ,—въ концѣ тридцатыхъ или въ началѣ сороковыхъ годовъ и сопровождался боль-

шимъ шумомъ не только въ Юго-Западномъ краѣ, но даже и въ столицѣ. Дѣло было такъ. Названный выше Б—скій ѣхалъ какъ-то по своимъ домашнимъ обстоятельствамъ въ Кіевъ. Кромѣ довольно многочисленнаго штата прислуги, его сопровождалъ отрядъ собственныхъ казаковъ, игравшихъ роль стражи путешествующаго магната. По дорогѣ Б—скому пришлось остановиться на ночлегъ въ одномъ изъ постоялыхъ дворовъ, которые въ то отдаленное время играли очень большую роль въ глазахъ каждаго путешественника. Конечно, приѣздъ извѣстнаго въ Подоліи богача-помѣщика, предъ которымъ благоговѣли не только «холопы», но все ѣздныя и даже губернскаго власти, представлялъ собою для еврея-хозяина постоялаго двора событіе чрезвычайной важности. Въ виду этого онъ обставилъ отдыхъ Б—скаго всеми удобствами и принялъ все мѣры къ тому, чтобы его покой не былъ нарушенъ кѣмъ-либо изъ прислуги или вновь приѣзжающими лицами. Не успѣлъ, однако, нашъ магнатъ поужинать и улечься въ постель, отдавъ соотвѣтствующее распоряженіе относительно завтрашняго отъѣзда въ дальнѣйшій путь, какъ на тотъ же постоялый дворъ прибыли два молодыхъ поручика, ѣхавшихъ куда-то изъ Петербурга по особо важному порученію въ качествѣ курьеровъ. Принадлежа, повидимому, къ такъ называемой столичной «золотой молодежи», они тоже потребовали себѣ отъ владѣльца двора особеннаго почета и самыхъ лучшихъ комнатъ для отдыха. Еврей, конечно, по мѣрѣ возможности, удовлетворилъ требованіе курьеровъ, уступивъ имъ даже собственную спальню, находившуюся рядомъ съ помещеніемъ Б—скаго. Въ виду же этого послѣдняго обстоятельства хозяинъ постоялаго двора счелъ своею обязанностью предупредить офицеровъ относительно того, что по сосѣдству съ ними остановился извѣстный польскій магнатъ.

— Да наплевать намъ на твоего «пана»!—отвѣчалъ одинъ изъ курьеровъ.—Мы ѣдемъ по высочайшему повелѣнію и на какихъ бы то ни было польскихъ самодуровъ не станемъ обращать вниманія!

— Какъ вамъ угодно, ясновельможные паны,—замѣтилъ съ почтительнымъ поклономъ еврей:—но я бы все-таки совѣтовалъ вамъ вести себя поосторожнѣе во избѣжаніе какой-нибудь непріятности...

— Это для кого же—для тебя или для твоего поляка?—спросилъ другой офицеръ.

— Разумѣется, для васъ,—отвѣчалъ тѣмъ же тономъ содержатель постоялаго двора.

— О, въ такомъ случаѣ, Янкель или Сруль, ты можешь быть вполне спокоенъ за насъ: непріятность ожидается въ данномъ случаѣ только кого-нибудь изъ васъ двухъ!—воскликнулъ, громко расхохотавшись, тотъ же поручикъ. А пока что,—продолжалъ онъ,—ты постарайся-ка доставить намъ сюда лучшаго вина и готовь хорошій ужинъ...

Еврей посѣвшиль исполнить это приказаніе.

Не прошло и четверти часа, какъ въ занятой офицерами комнатѣ началась веселая пирушка, сопровождаемая самымъ откровеннымъ смѣхомъ курьеровъ, звономъ посуды, хлопаньемъ пробокъ и громкимъ разговоромъ веселыхъ поручиковъ. Когда до слуха задремавшаго уже Б—скаго достигъ шумъ этой оргіи, онъ прежде всего позвалъ къ себѣ хозяина гостиницы и спросилъ его о причинѣ подобнаго безпорядка. Узнавъ же, что въ качествѣ его сосѣдей оказались русскіе офицеры, магнатъ послѣ минутнаго размышленія отправилъ къ нимъ прежде всего своего камердинера Яна съ просьбой прекратить громкіе разговоры. Войдя въ комнату поручиковъ, слуга Б—скаго буквально передалъ имъ слова своего барина.

— Что такое? Твой панъ не желаетъ слушать нашихъ разговоровъ?—накинулись на камердинера оба курьера.—Да какъ ты смѣлъ, холопская твоя морда, передавать нами такія слова?—присовокунили одинъ изъ офицеровъ, а другой, поднявшись со стула и подойдя къ стоявшему въ почтительной позѣ среди комнаты Яну, отвѣсилъ ему такую полновѣсную пощечину, что бѣдняга едва удержался на ногахъ.—Сейчасъ же возвращайся, негодяй, къ своему идиоту-барину и передай ему, что онъ—дуракъ, и что мы оба начхать хотѣли на его глупую просьбу!—крикнулъ дикимъ голосомъ сидѣвшій за столомъ поручикъ...

Бѣдняга-камердинеръ съ быстротою молніи выскочилъ изъ комнаты и, очутившись передъ лицомъ своего помѣщика, сообщилъ ему обо всемъ случившемся, не забывъ, разумѣется, съ надлежащей точностью передать и высказанные офицерами по адресу Б—скаго комплименты. Трудно описать то бѣшенство, которое охватило магната послѣ оклада слуги.

— Ахъ, ты, «пся кревь»,—заревѣлъ онъ громовымъ голосомъ на камердинера, треснувъ его по головѣ длиннымъ вишневымъ чубукомъ:—какъ ты осмѣлился произносить предо мною эти мерзкія слова москалей? Сію же минуту возвращайся обратно къ нимъ и передай, что я уже *приказываю* этимъ господамъ замолчать! Въ противномъ случаѣ, я поговорю съ ними на другомъ языкѣ!..

Очутившійся между двухъ огней Янъ, помянувъ царя Давида и всю кротость его, отправился вновь къ храбрымъ воинамъ, которые были уже, какъ говорится, «на послѣднемъ взводѣ». Не успѣлъ онъ передать курьерамъ слова Б—скаго, какъ они, разразившись гомерическимъ хохотомъ, бросились на камердинера съ такою энергіей и рѣшительностью, что онъ еле-еле успѣлъ выскользнуть изъ комнаты, отдѣлавшись лишь незначительными контузіями, и, словно пуля, влетѣлъ къ своему господину... На этотъ разъ магнатъ не сдѣлалъ уже Яну никакого замѣченія, а только лаконически произнесъ:

— А позови-ка мнѣ сюда «хорунжаго» Турчиньскаго вмѣстѣ съ пятью казаками!..

— Слушаю, ясновельможный пане!—отвѣтилъ подобострастно слуга, направляясь къ двери.

Спустя нѣсколько минутъ, передъ Б—скимъ стояло уже пять добрыхъ молодцовъ и рослый дѣтина «хорунжий».

— Хлопцы,—обратился къ нимъ помѣщикъ,—возьмите свои нагайки и отправляйтесь за мною въ сосѣдную комнату. Тамъ есть два москаля, которые ведутъ себя не совсѣмъ прилично: надо немножко поучить ихъ вѣжливости... Поняли?

— Поняли, ясновельможный пане!—отвѣтили зычными голосами казаки, причемъ изъ-подъ ихъ нависшихъ бровей сверкнули глаза, выразившіе плохо скрытую радость.

Между тѣмъ ничего не подозрѣвавшіе курьеры съ прежнимъ шумомъ беззаботно пировали въ своей комнатѣ. Тѣмъ болѣе велико было ихъ изумленіе, когда внезапно, словно изъ-подъ земли, предъ ними очутился самъ Б—скій съ толпою казаковъ.

— Извините, г.г. офицеры, что я нарушаю вашу пирушку,—обратился къ нимъ магнатъ:—но мнѣ бы хотѣлось дать вамъ урокъ благовоспитанности. Эй,—крикнулъ онъ своимъ охранителямъ,—всыпьте-ка по сотнѣ плетей каждому изъ этихъ пановъ, пусть въ другой разъ съ большимъ уваженіемъ относятся къ просьбамъ благородныхъ путешественниковъ!..

Курьеры попробовали было оказать сопротивленіе, схватившись за свои сабли, но, разумѣется, попытка ихъ въ этомъ отношеніи не имѣла успѣха по многимъ причинамъ... Еще мигъ,—и ужасная экзекуція стала совершившимся фактомъ... Приставивъ послѣ этого къ дверямъ поручиковъ двухъ сторожей до утра, Б—скій возвратился въ свою комнату и остальную часть ночи спалъ уже спокойно. На другой день онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, тронулся дальше, не забывъ, разумѣется, освободить изъ-подъ ареста злополучныхъ курьеровъ.

II.

Не прошло и двухъ недѣль послѣ этого необычнаго случая, какъ въ Р—ковѣ появился жандармскій офицеръ, которому было поручено произвести строжайшее разслѣдованіе исторіи Б—скаго съ петербургскими курьерами на постояломъ дворѣ. Конечно, описываемый магнатъ и не думалъ отрицать факта экзекуціи поручиковъ; но въ то же время принялъ всѣ мѣры къ устраненію надвигающейся на него кары закона; однако дѣло его начинало принимать весьма серьезный оборотъ, угрожая ему многолѣтней каторгой. Воспользовавшись тѣмъ, что слѣдователь, покончивъ свою работу, поѣхалъ еще съ докладомъ въ столицу, Б—скій успѣшилъ уѣхать въ Подольскъ за совѣтомъ къ знакомому губернатору и высшимъ судебнымъ властямъ. Къ сожалѣнію, и тамъ ему

не могли сообщить ничего мало-мальски утѣшительнаго, такъ какъ въ данномъ случаѣ вина помѣщика усугублялась тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ былъ полякъ, а высѣченныя имъ курьеры оказывались русскими офицерами. Императоръ же Николай I очень высоко ставилъ честь военного мундира. Неудивительно поэтому, что наиболѣе компетентные въ подобныхъ дѣлахъ люди совѣтовали Б—скому немедленно уѣзжать за границу, пользуясь тѣмъ, что при тогдашнихъ путяхъ сообщенія распоряженіе объ арестѣ его можетъ прійти не раньше мѣсяца. Надо ли говорить, что Б—скому очень и очень не хотѣлось разставаться со своими чудными «маетностями» и лишаться всѣхъ тѣхъ благъ, какими онъ пользовался въ одномъ изъ прелестнѣйшихъ уголковъ Подольской губерніи. Желая болѣе или менѣе удовлетворительно разрѣшить столь головоломную задачу, Б—скій отправился за совѣтомъ къ одному изъ самыхъ мудрыхъ представителей губернской юстиціи. На этотъ разъ его поѣздка увѣнчалась нѣкоторымъ успѣхомъ, такъ какъ магнатъ, возвратившись домой, немедленно сообщилъ своей женѣ, что дѣло его улажено въ довольно благопріятномъ смыслѣ, только надо еще переговорить конфиденціально кое-о-чемъ съ мѣстнымъ ксендзомъ. Результатомъ вечерняго совѣщанія съ этимъ послѣднимъ была прежде всего серьезная болѣзнь Б—скаго. Извѣстіе объ этомъ быстро распространилось по всей окрестности, чему немало, конечно, способствовало и появленіе въ усадьбѣ одного изъ лучшихъ кievскихъ врачей, поставившаго весьма неутѣшительный діагнозъ болѣзни нашего магната. А такъ какъ Б—скій и раньше не отличался особеннымъ здоровьемъ, то и не удивительно, что слухамъ о его болѣзни повѣрили не только уѣздныя и губернскія власти, но даже и многіе изъ близкихъ ему людей, не посвященныхъ въ тайну задуманной мнимобольнымъ богачомъ противозаконной махинаціи. Да и трудно было не допустить возможность въ данномъ случаѣ серьезной болѣзни, принявъ во вниманіе внезапность разразившейся надъ головою Б—скаго незаурядной грозы.

Естественно поэтому, что когда изъ Петербурга послѣдовало распоряженіе о немедленномъ арестѣ магната, то его до выздоровленія оставили въ покоѣ, отдавъ, конечно, подъ строжайшій надзоръ полиціи.

Спустя нѣкоторое время, у постели больного магната состоялся даже цѣлый консиліумъ изъ нѣсколькихъ медицинскихъ знаменитостей, единогласно пришедшихъ къ тому заключенію, что дни Б—скаго уже сочтены. Въ виду этого обстоятельства было рѣшено предупредить наслѣдниковъ помѣщика и пригласить къ умирающему священника. Одновременно съ этимъ магнатъ не забылъ составить духовное завѣщаніе. Однимъ словомъ, все было сдѣлано такъ, какъ того требовала тяжкая болѣзнь Б—скаго. По окончаніи всѣхъ перечисленныхъ церемоній, въ народѣ, среди род-

ственниковъ и обширной дворни больного укрѣпилось убѣжденіе въ близкой его кончинѣ. И дѣйствительно, какъ сообщалъ находившійся при Б—скомъ врачъ, состояніе больного съ каждымъ днемъ ухудшалось. Въ усадьбѣ замѣтны уже были приготовленія къ погребенію умирающаго помѣщика. Наконецъ въ одинъ прекрасный осенній вечеръ печальный звонъ церковнаго колокола извѣстилъ обывателей Р—ва о томъ, что давно ожидаемое событіе совершилось: Б—скій умеръ...

На слѣдующій день тѣло почившаго магната было перенесено съ большою торжественностью въ костель, гдѣ въ присутствіи всѣхъ родственниковъ, уѣздныхъ властей и массы народа состоялась панихида. Еще большей помпой были обставлены похороны. Поминки же по немъ остались надолго въ памяти мѣстныхъ крестьянъ и многочисленной дворни Б—скаго, который, впрочемъ, и при жизни пользовался немалыми симпатіями со стороны своихъ крѣпостныхъ.

Вообще мистификація со смертью и погребеніемъ Б—скаго была такъ удачна, что большая часть его родственниковъ, все населеніе принадлежавшихъ ему имѣній и мѣстныхъ власти были глубоко убѣждены въ несомнѣнномъ переселеніи Б—скаго въ царство тѣней. А для того, чтобы вѣра въ наличности подобнаго факта еще болѣе укрѣпилась, чрезъ нѣсколько дней послѣ смерти магната было вскрыто составленное имъ духовное завѣщаніе и произведенъ законный раздѣлъ имѣній между его наслѣдниками.

Смерть Б—скаго была, разумѣется, засвидѣтельствована надлежащимъ образомъ соответствующей администраціей, слѣдствіемъ чего явилось то, что преступленіе его было предано волѣ Божьей...

— А гдѣ же во время своихъ похоронъ находился самъ-то покойникъ?—спросилъ судебный слѣдователь рассказчика, воспользовавшись его остановкой.

— Гдѣ? Ну, для этого у него подъ замкомъ оказывалось немало укромныхъ уголковъ съ тайными ходами и выходами, которые были устроены его предками еще во времена пресловутой «гайдамачины».

— Но, позвольте,—прервалъ Зернова одинъ изъ слушателей:—кого же въ такомъ случаѣ отпѣвали въ церкви и опустили затѣмъ въ могилу?

— Да рѣшительно никого!—отвѣчала, улыбаясь, старикъ.

— Однако въ гробу находился же какой-то трупъ?

— Конечно, находился.

— Что же это за фокусъ былъ?—спросилъ судебный слѣдователь, никакъ не могшій проникнуть въ сущность этой замысловатой тайны.

— Фокусъ самый обыкновенный,—отвѣчалъ рассказчикъ:—незадолго до мнимой смерти Б—скаго къ нему былъ приглашенъ скульпторъ, который, за изрядную, разумѣется, плату, вылѣпилъ

изъ гипса или какого-то другого матеріала бюстъ «умирающаго» магната, придавъ ему видъ мертвеца. Вотъ это-то «произведеніе изящнаго искусства» и лежало въ гробу во время отпѣванія покойника, а затѣмъ было опущено и въ могилу.

— Ловко!—воскликнуть при этомъ Загорѣльскій.

— М-да, недурно, — согласился съ нимъ Ласточкинъ, глубоко затягиваясь папиросой.—А что же было дальше съ этимъ живымъ покойникомъ?—спросилъ онъ замолчавшаго Зернова.

— Дальше? Дальше, конечно, началась уже загробная жизнь пана В—скаго. Понятно, для всѣхъ своихъ болѣе или менѣе отдаленныхъ родственниковъ магнатъ еще долго считался въ числѣ дѣйствительно умершихъ людей; что же касается дѣтей, жены и коекого изъ болѣе преданныхъ домочадцевъ, то для нихъ онъ воскресъ на другой же день послѣ погребенія. На первыхъ порахъ онъ жилъ въ одномъ изъ своихъ довольно комфортабельно обставленныхъ подземелій, какъ бы въ одиночномъ заключеніи, пользуясь услугами только преданнѣйшаго камердинера Станислава. Когда же, спустя нѣсколько лѣтъ, въ памяти народа и властей воспоминаніе о преступленіи В—скаго въ значительной степени потускнѣло, то нашъ живой мертвецъ сталъ отъ времени до времени появляться и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей усадьбы, что не замедлило, конечно, повлечь за собою возникновеніе въ народѣ легенды о томъ, что покойный панъ началъ выходить изъ могилы не только по ночамъ, но даже и днемъ. Подобнымъ разсказамъ трудно было не вѣрить, такъ какъ среди мѣстныхъ крестьянъ оказывалось немало и такихъ субъектовъ, которые «собственными глазами видѣли», какъ духъ покойнаго В—скаго прогуливался по аллеямъ парка или въ прилегающихъ къ барскому дому цвѣтникахъ. Надо ли говорить, что подобныя легенды о «выходцѣ съ того свѣта» какъ нельзя лучше маскировали дѣйствительное существованіе магната въ его имѣніи. Правда, всѣмъ болѣе благоразумнымъ обывателямъ, не принадлежавшимъ къ числу мистиковъ, нѣсколько страннымъ казалось то обстоятельство, что, несмотря на состоявшійся раздѣлъ его помѣстій между наслѣдниками, фактически они все-таки представляли собой попрежнему одно цѣлое; даже въ хозяйствѣ не было замѣтно никакой существенной перемѣны; однако послѣдній фактъ объяснялся отчасти молодостью многихъ наслѣдниковъ, а отчасти ихъ дружественными отношеніями. Нельзя, понятно, отрицать и того, что мирному пребыванію на землѣ «загробнаго обитателя» немало еще способствовала и рѣдкая солидарность туземнаго польскаго населенія, ревностно оберегавшаго всякую частную и національную тайну отъ ненавистныхъ «москалей». Это хорошо понималъ В—скій и, пользуясь положеніемъ давно умершаго человѣка, уже въ началѣ пятидесятихъ годовъ сталъ безбоязненно совершать поѣздки даже за

границу; позднѣе же онъ не стѣснялся навѣщать и нѣкоторыхъ изъ своихъ ближайшихъ сосѣдей. Такимъ образомъ «живой покойникъ» просуществовалъ на землѣ еще около двадцати пяти лѣтъ и умеръ въ 1863 году, въ самый разгаръ политическаго движенія въ Польшѣ. Естественно, что въ тотъ моментъ русскимъ властямъ было не до воскресшаго магната. Родственники же показали, что умеръ братъ В—скаго, ушедшій за границу послѣ мятежа 1831 года и проживавшій до послѣдняго времени гдѣ-то въ Италіи и Швейцаріи.

III.

— Да,—замѣтилъ по окончаніи разсказа судебный слѣдователь,—подобныхъ случаевъ дѣйствительно было немало на нашей матушкѣ Руси въ доброе старое время; однако справедливость требуетъ сказать здѣсь, что не всегда удавалось и богачамъ обходить подобнымъ образомъ законъ. Мнѣ, напримѣръ, извѣстенъ случай, когда помѣщикъ нашего района К—скій, будучи обличенъ въ невѣроятно жестокомъ обращеніи со своими крѣпостными, не могъ избѣжать заслуженной кары даже за огромныя деньги.

— Значить, онъ встрѣтилъ на своемъ пути неподкупныхъ людей?—спросилъ Загорѣльскій.

— Вотъ именно въ этомъ-то и вся суть.

— А интересно узнать подробности столь оригинальнаго случая?—обратился къ Ласточкину бывшій исправникъ.

— Съ удовольствіемъ сообщу вамъ ихъ,—предупредительно отвѣтилъ слѣдователь.—Надобно вамъ знать,—началь онъ:—что слухи о феноменальныхъ экзекуціяхъ и даже объ ужаснѣйшихъ пыткахъ крестьянъ въ имѣніи К—скаго и раньше неоднократно доходили до начальства; однако при малѣйшихъ попыткахъ расслѣдовать какое-либо изъ этихъ преступленій дѣло оканчивалось ничѣмъ, частью по причинѣ паническаго страха предъ помѣщикомъ самихъ пострадавшихъ, а частью—вслѣдствіе того, что всѣ ближайшія къ нему судебныя и административныя власти давно были подкуплены имъ. Наибольшую жестокостью въ отношеніи своихъ крѣпостныхъ К—скій отличался въ послѣдніе годы существованія у насъ позорнаго рабства. Въ концѣ концовъ дѣло дошло уже до того, что онъ сталъ живьемъ закапывать въ землю тѣхъ крестьянъ, которые позволяли себѣ громко бесѣдовать о предстоящей свободѣ.

— Пусть негодяи наслаждаются «волей» прежде въ могилѣ!—говорилъ онъ, осуждая несчастныхъ людей на подобную муку.

Когда такому страшному наказанію были однажды подвергнуты сыновья двухъ зажиточныхъ крестьянъ, то одинъ изъ отцовъ, бро-

сивъ на произволь судьбы свою семью и хозяйство, отправился въ губернской городъ искать правды и защиты у высшаго начальства.

На этотъ разъ, частью благодаря «новымъ вѣяніямъ», а частью вслѣдствіе черезчуръ ужъ откровеннаго образа дѣйствій самого инквизитора-помѣщика, дѣло о погребенныхъ заживо крестьянахъ приняло совсѣмъ иное направленіе. Не прошло и мѣсяца послѣ описываемаго случая, какъ въ имѣніе К—скаго прибыла особо назначенная губернаторомъ слѣдственная комиссія. Сверхъ обыкновенія, пріѣхавшія власти остановились не въ усадьбѣ помѣщика, а въ мѣстномъ волостномъ правленіи, куда и потребованы были для допроса всѣ лица, прикосновенныя къ этому криминальному дѣлу.

Несмотря на столь дурныя предзнаменованія, К—скій отнюдь не падалъ духомъ, надѣясь и на этотъ разъ звономъ золота заглушить голосъ справедливости. Съ этою цѣлью онъ, узнавъ, что комиссія приступила уже къ разслѣдованію его преступленія, вложилъ въ конвертъ около 10,000 рублей и вручилъ его своему лакею со словами:

— Сейчасъ же отправляйся въ волостное правленіе и передай этотъ пакетъ въ собственныя руки предсѣдателя комиссіи. Смотри же, непременно въ собственныя руки!

— Слушаюсь!—отвѣчалъ слуга, отлично понявшій, что за «бумаги» заключаются въ отправляемомъ конвертѣ, такъ какъ ему нѣ разъ уже приходилось имѣть дѣло съ подобнаго рода «корреспонденціей».

Представьте же себѣ весь ужасъ и безпредѣльное изумленіе К—скаго, когда чрезъ полчаса лакей принесъ ему обратно распечатанный пакетъ со всѣми деньгами.

— Что же тебѣ сказалъ предсѣдатель комиссіи, получивъ мое письмо?—обратился къ своему слугѣ послѣ довольно продолжительнаго молчанія К—скій.

— Приказалъ кланяться вамъ и благодарить.

— А больше ничего не прибавилъ?

— Нѣтъ, баринъ, прибавилъ,—отвѣчалъ съ плохо скрываемой улыбкой лакей.

— Что же онъ еще сказалъ?—спросилъ дрогнувшимъ голосомъ помѣщикъ.

— Сказалъ, что теперь, баринъ, не тѣ времена, когда человѣческая кровь цѣнилась дешевле золота.

— Ага,—произнесъ К—скій, смотря какими-то странными глазами на лакея.—Можешь итти, Андрей!—прибавилъ онъ, кладя на ближайшій столъ бывший у него въ рукахъ пакетъ съ деньгами и опускаясь въ глубокое кресло.

Въ первый разъ за всю свою шестидесятилѣтнюю жизнь извергъ-помѣщикъ серьезно задумался падъ своимъ прошлымъ, ознаме-

новавшимся безпримѣрными и многочисленными жестокостями въ отношеніи принадлежавшихъ ему рабовъ. И рядъ мрачныхъ, кровавыхъ картинъ развернулся передъ его умственнымъ взоромъ, вызывая въ памяти мельчайшія подробности, сопровождавшія каждое инквизиціонное дѣяніе К—скаго на конюшнѣ или въ своеобразныхъ барскихъ застѣнкахъ крѣпостной эпохи. Одинъ за другимъ припоминались ему засѣченныя старики и парни, изувѣченныя женщины и погибшіе въ подземельѣ голодной смертью тѣ изъ крестьянъ, которые осмѣливались жаловаться властямъ на своего барина. Вопли истязуемыхъ, предсмертные хрипы убиваемыхъ, потоки человѣческой крови и слезъ проносились въ воспаленномъ воображеніи помѣщика съ такою ясностью и потрясающимъ реализмомъ, что его душу охватилъ невыразимый ужасъ, пахнувшій на него страшнымъ холодомъ могилы и вѣчныхъ мукъ. К—скій почувствовалъ, что часъ суда Божія, часъ справедливаго возмездія приближается. Въ то же время онъ сознавалъ, что его ожидаетъ еще судъ человѣческой, за которымъ послѣдуютъ всевозможныя лишенія, страданія и позоръ, позоръ—безъ конца.

— Все кончено! Выхода никакого!—произнесъ онъ про себя.— Ожидать ли надвигающейся на меня кары закона, или же, презрѣвъ ее, найти болѣе благородный выходъ изъ этого тяжелаго положенія?

Въ эту минуту дверь тихо отворилась, и на порогѣ ея появился Андрей.

— Что тебѣ надо?—обратился къ нему К—скій.

— Изволили, кажется, меня звать?—въ свою очередь, спросилъ почтительнымъ тономъ лакей.

— Нѣтъ, ничего. Уходи!

Андрей безшумно вышелъ изъ комнаты, окинувъ барина подозрительнымъ взглядомъ. А К—скій погрузился въ прежнія думы. Разгоряченный мозгъ его усиленно работалъ надъ разрѣшеніемъ дилеммы: отдаться ли въ руки правосудія, или открыть себѣ дверь вѣчности? Послѣднее было, конечно, лучше, по ненасытная жажда жизни еще оказывалась весьма сильной въ сердцѣ помѣщика. Онъ неожиданно для самого себя вновь сталъ изыскивать способы избѣжать правосудія и бѣжать за границу. К—скій опять начиналъ вѣрять въ непреодолимую силу «презрѣннаго металла» и уже рѣшался принять мѣры къ немедленному выѣзду изъ имѣнія; но въ эту минуту дверь кабинета снова отворилась, и вошедшій лакей произнесъ:

— Баринъ, изъ «волости» пришелъ сотскій съ десятскимъ?

— А что имъ отъ меня нужно?—спросилъ дрогнувшимъ голосомъ помѣщикъ.

— Комиссія проситъ васъ пожаловать въ правленіе на допросъ по извѣстному вамъ дѣлу...

— Вотъ оно что!—протянулъ озадаченный этимъ сообщеніемъ К—скій.—Ну, что жь, скажи имъ, что я сейчасъ выйду.

Слуга удалился.

— Итакъ, свершилось! Уже поздно, все кончено!—прошепталъ К—скій, вставая съ кресла и направляясь невѣрной походкой къ висѣвшему на противоположной стѣнѣ разнообразному оружію. Пусть судятъ мой трупъ,—прибавилъ онъ, снимая одну изъ великолѣпныхъ дустволокъ и внимательно осматривая заложенные въ нее патроны. Найдя все въ исправности, помѣщикъ приложилъ смертоносныя дула ружья ко рту и нажалъ пальцемъ собачку. Грянулъ оглушительный выстрѣлъ, и тѣло К—скаго тяжело рухнуло на разостланный въ кабинетѣ роскошный персидскій коверъ.

Первымъ на звукъ выстрѣла прибѣжалъ находившійся въ соседней комнатѣ лакей. Глазамъ его представилась ужасная картина: смертельно раненый, съ изуродованнымъ до неузнаваемости и залитымъ кровью лицомъ катался по полу К—скій, издавая страшные стоны. Оказалось, что выстрѣлъ былъ не совсѣмъ удаченъ, благодаря чему у раненаго самоубійцы вспыхнула опять жажда жизни, и онъ, увидя вошедшаго слугу, сталъ жестами и захлебывающимся страшнымъ голосомъ просить его о помощи. Андрей, придя въ себя и сообразивъ, что надо его барину, опрометью бросился къ дверямъ, не позабывъ захватить съ собою лежавшій на столѣ конвертъ съ деньгами.

Несмотря, однако, на скорое прибытіе ближайшаго врача, часы К—скаго были уже сочтены. Къ вечеру того же дня онъ скончался, напутствуемый всеобщимъ ликованіемъ подвластнаго ему народа, поминавшаго умершаго «пана» очень и очень недобрыми словами.

На другой же день слѣдственная комиссія, покончивъ съ допросомъ многочисленныхъ лицъ, бывшихъ свидѣтелями послѣдняго преступленія К—скаго, распорядилась открыть могилу заживо погребенныхъ крестьянъ. Въ присутствіи мѣстнаго церковнаго причта и огромной толпы народа власти приступили къ этой ужасной работѣ. Быстро замелькали находившіяся въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ желѣзныя лопаты и не болѣе, какъ черезъ четверть часа, предъ оцѣпенѣвшей и безмолвной толпой очутились два человѣческихкія трупы, скованные цѣпью другъ съ другомъ и со страшно искаженными предсмертной мукой лицами.

— Болѣе жестокой казни не могла бы придумать и средневѣковая инквизиція!—произнесъ при гробовомъ молчаніи присутствовавшихъ одинъ изъ членовъ комиссіи.

— Да, вы совершенно правы,—отвѣчалъ предсѣдатель ея:—и только приходится крѣпко пожалѣть о томъ, что судъ Божій избавилъ этого изверга отъ суда человѣческаго!

Разсказчикъ умолкъ, а мы долго еще молчали, находясь подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ отъ слышанныхъ исторій и мысленно

благословляя судьбу за то, что подобные ужасы «добраго стараго времени» уже давно отошли въ область преданій. Кто-то изъ насъ даже вслухъ высказалъ эту мысль, на что присяжный повѣренный замѣтилъ многозначительно:

— А все-таки человѣчество, забывъ великіе завѣты Евангелія, топчется попрежнему на одномъ мѣстѣ.

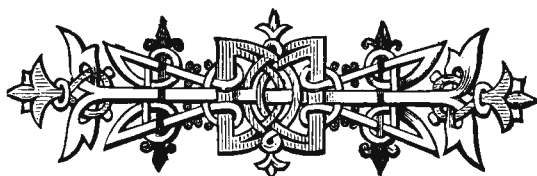
— Какъ это—на одномъ мѣстѣ?—спросилъ судебный слѣдователь.

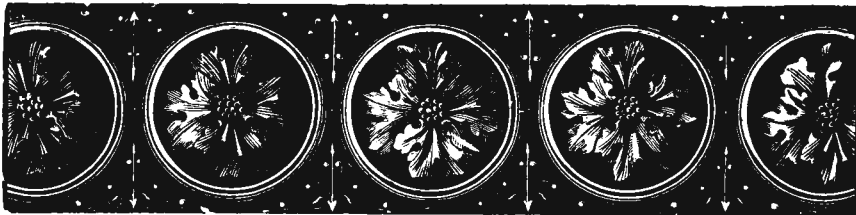
— Да очень просто: взамѣнъ прежнихъ ужасовъ возникли теперъ новые и притомъ болѣе всеобъемлющіе и грандіозные.

— Пожалуй, вы вполне правы,—замѣтилъ сидѣвшій долгое время молча Зерновъ:—въ особенности, если принять во вниманіе бушующую въ данный моментъ по всему земному шару борьбу труда съ капиталомъ и абсолютизма съ демократическими идеями.

— Да, нельзя отрицать той истины, что ближайшее будущее человѣчества чревато самыми страшными катаклизмами соціально-экономическаго характера!—закончилъ Ласточкинъ.

Д. В. Федоровъ.

„НЕПРИЛИЧНАЯ“ КОМПАНИЯ.

(Очеркъ).

АРКАДІЙ Ивановичъ Нелидовъ, занимавшій съ 1811 г. по 1818 г. постъ курскаго губернатора, пользовался среди управляемаго имъ населенія губерніи рѣдкой популярностью.

По дошедшимъ до насъ рассказамъ объ его губернаторствѣ, Нелидовъ отличался простотою въ обращеніи и доступностью для всѣхъ, кто искалъ его защиты и покровительства. Съ одинаковымъ вниманіемъ выслушивалъ онъ, иногда на улицѣ, на ходу, просьбу какого-нибудь бѣдняка-мѣщанина и родовитаго помѣщика, серьезно вникалъ во всѣ ея мельчайшія подробности и затѣмъ уже не упускалъ просителя изъ виду, личнымъ вмѣшательствомъ охраняя его

дѣло отъ канцелярской или судейской «волокуты».

Однажды Аркадію Ивановичу подалъ прошеніе мѣщанинъ Пожидаевъ на купца Панкова, захватившаго у просителя садъ способомъ, практикуемымъ и понынѣ: купецъ передвинулъ свои плетни на землю мѣщанина и такимъ образомъ увеличилъ свое владѣніе значительной площадью. Мѣщанинъ пожаловался въ земскій судъ; но купецъ «подарилъ» чиновнику, докладывавшему дѣло, два пуда меду и кадку муки—и судъ отказалъ истцу, признавъ его искъ «неосновательнымъ». Ободренный удачею, купецъ каждый годъ понемногу подвигалъ да подвигалъ плетни все дальше и дальше на сосѣдскую землю, пока не захватилъ весь садъ. Земскій судъ, можетъ быть, санкціонировалъ бы и этотъ захватъ, но мѣщанинъ, минуя его, рѣшилъ искать защиты у губернатора... А. И. лично занялся

негласнымъ пересмотромъ дѣла и вскорѣ убѣдился въ наличности злоупотребленія.

Чиновникъ, уличенный въ мздоимствѣ, былъ приглашенъ въ губернаторскій кабинетъ.

— Отдай человѣку, тобою разоренному,—приказаль губернаторъ,—все, что онъ потратилъ на тяжбу по алчности твоей.

Чиновникъ сталъ предъ губернаторомъ на колѣни.

— Все отдамъ, ваше превосходительство, все отдамъ,—умолялъ растерявшійся взяточникъ:—не погубите! ради малыхъ дѣтокъ!

— Говори,—сурово приказаль губернаторъ:—сколько ты взялъ съ купца?

Чиновникъ смутился.

— Говори правду!

Подумавъ немного, онъ сталъ отсчитывать по пальцамъ:

— Муки двѣ кадушечки... сукна десять аршинъ...

Когда, наконецъ, «счетъ взятокъ» былъ сведенъ, губернаторъ приказаль возвратить «подарки», но—не купцу, а мѣщанину. Чиновникъ былъ удивленъ этимъ приказаніемъ чрезвычайно, однако исполнилъ его съ пунктуальной точностью. И когда мѣщанинъ, изумленный не менѣе чиновника, пришелъ къ губернатору и сказалъ, что «приказный привезъ возъ всякаго припасу, даетъ денегъ сто рублей» (на ассигнаціи) и что онъ, проситель, «опасается» принять «дары»,—Аркадій Ивановичъ, усмѣхнувшись, сказалъ:

— Бери, добрый человѣкъ. Это убытки твои, кои понесъ ты на тяжбѣ съ купцомъ.

Кончилось дѣло тѣмъ, что чиновника отставили отъ должности, безъ преданія суду, садъ былъ возвращенъ законному владѣльцу, и, такимъ образомъ, правда восторжествовала надъ «кривою».

Нелидовъ былъ яримъ противникомъ угнетенія крѣпостныхъ людей ихъ помѣщиками. Благодаря вмѣшательству губернатора въ дѣла помѣщиковъ съ крѣпостными, многія крестьянскія семьи были спасены отъ плетей, отъ каторги, отъ бритья лба,—отъ унижительныхъ и тяжелыхъ наказаній, которыми курскіе «плантаторы» мстили своимъ провинившимся предъ ними «рабамъ». Старик-крестьяне еще и теперь вспоминаютъ губернатора «справедливой души», какимъ былъ Нелидовъ, и рассказываютъ, какъ «отцы и дѣды ихъ, тайкомъ отъ своихъ господъ, служили молебны о здравіи боярина Аркадія».

Мнѣ пришлось слышать о гончарѣ, котораго жестоко избили помѣщикъ и его люди. Гончаръ ѣхаль шляхомъ съ возомъ посуды, какъ вдругъ изъ-подъ горки неожиданно выѣхала коляска, мчавшаяся во весь духъ; гончаръ растерялся и не успѣлъ свернуть съ дороги... На несчастнаго посыпался градъ ударовъ... Барскіе холопы, по приказанію барина, избили мужика, подрубили гужи, обрѣзали по самую рѣпицу хвостъ у лошадепки, а возъ спихнули

въ оврагъ. Избитый крестьянинъ кое-какъ добрель до Курска, но, представъ предъ губернаторомъ, отъ обиды и испуга долго не могъ выговорить ни слова и—залился слезами.

— Что же ты, другъ мой, плачешь?—кротко спросилъ его губернаторъ, съ ужасомъ всматриваясь въ его лицо, потемнѣвшее отъ кровоподтековъ,—говори, не бойся!

— Горшки... охъ! горшки, господинъ губернаторъ!—съ отчаяніемъ простоналъ гончарь.—Усе побили... Божечко же!.. и чѣмъ я буду кормиться?!

Гончарь точно высчиталъ свои убытки, не пропустилъ ни одной копейки, но побоевъ, ужасныхъ побоевъ, отъ которыхъ ныло его тѣло, онъ коснулся лишь вскользь, какъ предмета второстепенной важности.

Аркадій Ивановичъ, пораженный равнодушіемъ крестьянина къ личному оскорбленію, спросилъ его:

— Ты говоришь, тебя побили, а ты не жалуешься на побои?

— Вотъ какъ побили...—вздохнулъ гончарь:—скажи, живого мѣста не оставили! Да, вѣдь, побои—не гроши ¹⁾, ихъ не вернешь...

Губернаторъ изъ собственныхъ средствъ покрылъ его убытки сторицей, обѣщаль наказать виновныхъ, но мужикъ вскорѣ умеръ, и неизвѣстно, были ли наказаны его обидчики...

Нелидовъ любилъ побесѣдовать съ умными купцами или мѣщанами, сближался съ ними, не дѣлая различія между богатыми и бѣдными; посѣщаль именины, свадьбы, похороны, крестилъ дѣтей; особенно любилъ приглашенія на праздничный пирогъ. Множество жителей онъ зналъ не только въ лицо, но и по имени и по отчеству; зналъ, у кого выдающійся характеръ или оригинальный складъ ума, зналъ также о достаткахъ или недостаткахъ, о торговыхъ и хозяйственныхъ способностяхъ многихъ лицъ. Знакомство съ городскимъ населеніемъ, особенно сближеніе съ «третьимъ сословіемъ» имѣло для губернатора ту хорошую сторону, что помогало ему, за отсутствіемъ гласности, ближе и лучше узнать мѣстныя нужды; а также вводило его въ курсъ неизмѣрныхъ злоупотребленій чиновниковъ, которые, несмотря на прозорливость и «все-знайство» губернатора, все-таки ухитрялись надувать его.

Какъ администраторъ, Нелидовъ увлекался, какъ и вся передовая интеллигенція того времени, образцами западнаго судопроизводства, судомъ присяжныхъ, вообще—идеями западнаго правопорядка; читалъ Бентама, Монтескье, Руссо и другихъ писателей, бывшихъ тогда въ большой модѣ; между прочимъ, онъ стремился въ этомъ отношеніи кое-что сдѣлать и практически; пробуя провести правовыя идеи въ сознаніе чиновниковъ, въ огромномъ

¹⁾ Деньги.

большинствѣ невѣжественныхъ, корыстныхъ и падкихъ до взятокъ, но успѣха не имѣлъ...

Какъ личность недюжинная, Нелидовъ, несомнѣнно, понималъ, что со взяточничествомъ, какъ и со всякими общественными недугами, нельзя бороться однѣми идеями,—особенно при реакціонной политикѣ тогдашняго правительства ¹⁾, въ странѣ поголовно неграмотнаго народа,—какъ нельзя было при этихъ условіяхъ бороться добрыми пожеланіями или суровыми репрессіями. Нужны были реформы, нужно было созданіе такихъ общихъ процессовъ или ихъ комбинацій, которыя, воздѣйствуя на цѣлыя массы населенія, могли бы, дѣйствительно, какъ рычагъ, повернуть общественную жизнь на прямую дорогу. Но этого рычага еще не было... Однако слухи о характерѣ оздоровляющихъ реформъ, какъ видно изъ бумагъ, хранящихся въ частныхъ фамиліальныхъ архивахъ, проникали и въ Курскъ, какъ отголоски кружковъ или масонскихъ ложъ, ставившихъ себѣ цѣлью, повидимому, не только индивидуальное совершенствованіе своихъ членовъ, но также и преобразование общества путемъ реформистскаго движенія...

Все это Нелидовъ зналъ; зналъ, что ему не одолѣть взяточничества, но боролся съ этимъ зломъ, не покладая рукъ.

Вниманіе Аркадія Ивановича сосредоточилось на борьбѣ съ злоупотребленіями, главнымъ образомъ въ земскихъ судахъ, гдѣ дѣла иногда рѣшались чиновниками второ- и третьестепенными по своему служебному положенію, потому что ихъ начальство, по барской лѣни и распущенности, унаслѣдованнымъ ими отъ крѣпостной эпохи, мало или даже вовсе сами не вникали въ дѣла и часто подписывали готовые рѣшенія, составленные подчиненными имъ чиновниками. Между тѣмъ эти подчиненные за свои рѣшенія брали мзду съ одной, а иногда и съ обѣихъ тяжущихся сторонъ. Это были люди съ черствой душой; преступность общества, чужое несчастье для нихъ составляли лишь источники ихъ доходовъ, не болѣе. «У приказныхъ крестъ подъ пяту положенъ», говорили про судейскихъ въ народѣ. На правосудіе никто не могъ твердо рассчитывать: виновный за взятку выходилъ сухимъ изъ воды, правый же осуждался, подвергаясь иногда тяжкимъ наказаніямъ.

«Начальство», разумѣется, тоже было не изъ святыхъ...

До какой степени доходило взяточничество въ земскихъ судахъ Курской губерніи, можно судить по ходу знаменитаго процесса объ убійствѣ въ Львовскомъ уѣздѣ дворянки Алтуховой, длившемся 12 лѣтъ, съ 1813 по конецъ 1824 года ²⁾. Послѣ пересмотра этого процесса въ особой комиссіи, образованной по повелѣнію

¹⁾ Низложеніе Сперанскаго и выступленіе «аракчеевщины».

²⁾ Дѣла курскаго губернскаго архива за 1813—1824 гг. и «Дѣло объ убійствѣ дворянки Маріи Алтуховой». «Журналъ М-ва Юстиціи». Т. XIII, ч. II.

императора Александра Павловича, было установлено, что подкупимый дворянинъ Ширковъ истратилъ на подкупы чиновниковъ и свидѣтелей до 200 т. руб. ассигнаціями, и, благодаря подкупамъ, невинные были осуждены и отправлены на каторгу, а убійцы, въ томъ числѣ и Ширковъ, остались на свободѣ.

Нелидовъ гналъ взяточниковъ и замѣнялъ ихъ другими чиновниками; но и другіе часто оказывались не лучше... Заматерѣлые же взяточники, изучившіе въ совершенствѣ всѣ ходы-выходы, всѣ тонкости приказнаго ремесла, большею частью оставались на мѣстахъ. Какъ ловкіе казуисты, почувявъ въ Нелидовѣ опаснаго врага, они такъ искусно повели свою линію, что прицѣпиться къ нимъ, поймать ихъ было чрезвычайно трудно, въ чемъ Нелидовъ убѣдился, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно,—когда въ процессѣ Алтуховой, возникшемъ во время его губернаторства, оказались скомпрометированными нѣкоторые чиновники, относительно которыхъ онъ полагалъ, что они—порядочные люди. Злоупотребленія чиновниковъ и запутанность слѣдствія по алтуховскому дѣлу отчасти и послужили косвенной причиной его отставки...

Однако общественное мнѣніе, чуткое къ истинѣ, сразу оказалось на сторонѣ губернатора, и Аркадій Ивановичъ покинулъ Курскъ не какъ побѣжденный, а какъ побѣдитель.

Вѣсть объ отставкѣ Нелидова была встрѣчена жителями Курска съ чувствомъ величайшей скорби. У губернаторской резиденціи съ утра до вечера толпился народъ; одна за другой являлись депутаціи, чтобы выразить Аркадію Ивановичу симпатіи гражданъ, поднести хлѣбъ-соль. Губернаторъ, выходя къ народу, видѣлъ предъ собой море обнаженныхъ головъ.

— Отецъ нашъ,—молила толпа,—не покидай насъ!

Городская дума, между тѣмъ, постановила поднести Нелидову его портретъ «съ приличной надписью» и адресъ; кромѣ того, постановлено было имѣть его портретъ каждому жителю города, а также поставить его въ городской думѣ и въ залѣ общественныхъ собраній.

Портретъ былъ заказанъ Рамбауэру.

На верхней половинѣ холста Нелидовъ изображенъ въ губернаторскомъ мундирѣ, въ лентѣ и орденахъ; внизу помѣщенъ живописный уголокъ Курска, примыкающій къ р. Тускарю. Подъ портретомъ помѣщены четверостишія:

Ты нашимъ счастьемъ свой подвигъ совершилъ!
 Не гибнетъ памятникъ добра, благотворенья,
 Въ чертогахъ, хижинахъ, гдѣ ты любимымъ былъ,
 Потомки повторять тебѣ благословенья!

Ниже подпись: «Доброму незабвенному начальнику благодарные граждане купеческаго и мѣщанскаго общества города Курска».

Стихи, какъ увѣряютъ курскіе старожилы, были по просьбѣ гражданъ написаны В. А. Жуковскимъ.

Подъ пожаромъ Москвы и днями бѣдствія, о которыхъ упоминается въ стихахъ, подразумѣвается Отечественная война 1812-го года, когда Нелидовъ принималъ энергичное участіе въ организаціи мѣстнаго ополченія и въ сборѣ пожертвованій на нужды кутузовской арміи.

Портретъ былъ гравированъ А. Ухтомскимъ въ нѣсколькихъ стахъ экземпляровъ ¹⁾ и затѣмъ торжественно поднесенъ Аркадію Ивановичу въ день его отъѣзда изъ Курска при проводахъ.

На проводы собрался весь городъ. Это, рассказываютъ, было нѣчто необыкновенное... Въ мрачную эпоху 20-хъ годовъ немногіе администраторы удостоивались такой почести, такого искренняго проявленія симпатій гражданъ... Послѣ напутственнаго молебна, когда губернаторъ и его семья, раскланиваясь съ народомъ, стали усаживаться въ экипажъ, раздались громкія пожеланія счастливаго пути; одни благословляли Аркадія Ивановича иконами, другіе издали осѣняли его крестнымъ знаменіемъ; многіе плакали. А когда экипажъ тронулся,—толпа, заградивъ путь, выпрягла лошадей и покатила его на себѣ.

Такъ чествовали куряне «своего» губернатора, гуманнаго, справедливаго человѣка... Но Петербургъ, которому, говорятъ, не понравилась «приличная надпись» подъ портретомъ Нелидова, отнесся къ дару курянь очень холодно, наложивъ на него своеобразное veto...

Дѣло въ томъ, что хотя куряне и поднесли Нелидову его портретъ, но съ остальной частью ихъ постановленія произошла странная исторія—одна изъ тѣхъ, какими особенно богаты двадцатые годы «александровской эпохи».

Недоброжелатели Нелидова, не переваривавшіе его популярности, распустили по городу слухъ, что Нелидовъ—«опальный губернаторъ», «ставленникъ Сперанскаго» и что за поднесеніе портрета «могутъ взыскать»... У горожанъ зародились смутныя опасенія: какъ бы чего не вышло... Подумали-подумали и рѣшили: отправить черезъ городскую думу ходатайство на высочайшее имя.

На это ходатайство, послѣ отъѣзда Нелидова, послѣдоваль отвѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея на имя курскаго губернатора, который и приводимъ полностью:

«Министерство внутреннихъ дѣлъ. Департаментъ полиціи исполнительной. Отдѣленіе 1. Столъ 1. 5 августа 1822. Въ Царскомъ Селѣ. № 972. О объявленіи курскому градскому обществу на прошеніе его. Господину правящему должностъ курскаго гражданскаго губернатора. Купцы и мѣщане губернскаго города Курска входили ко мнѣ съ просьбою о исходатайствованіи высочайшаго дозволенія на поднесеніе бывшему курскому гражданскому губер-

¹⁾ Одна изъ этихъ гравюръ находится въ музеѣ курской ученой архивной комиссіи, откуда, благодаря любезности правителя дѣлъ комиссіи Н. И. Златоверховникова, мы воспроизводимъ ее въ копіи въ нашемъ изданіи. Ред.

натору тайному совѣтнику Нелидову съ приличной подписью и адресомъ его портрета, который положили они имѣть каждому въ домахъ своихъ, и сверхъ того по одному портрету дозволить поставить навсегда въ домѣ курскаго общественнаго собранія и въ тамошней градской думѣ. Таковое желаніе курскаго градскаго общества я доводилъ до комитета гг. министровъ, который высочайше утвержденнымъ 27-го минувшаго іюня журналомъ своимъ положилъ: что для приведенія въ исполненіе намѣренія курскихъ гражданъ имѣть въ домахъ своихъ и въ домѣ общественныхъ ихъ собраній, а также поднести бывшему губернатору Нелидову гравированный портретъ его, не находить никакого затрудненія, ибо сіе зависитъ отъ собственной ихъ воли; *но въ градской думѣ, какъ въ присутственномъ мѣстѣ, не прилично поставить оный*. О такомъ высочайше утвержденномъ положеніи комитета я долгомъ счелъ сообщить вамъ, милостивый государь мой, для объявленія кому слѣдуетъ. Управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей. Директоръ Матвѣй Штернъ».

Такимъ образомъ, постановленіемъ комитета министровъ, по своей двусмысленности весьма рѣдкимъ въ анналахъ этого учрежденія, портретъ достойнѣйшаго администратора былъ признанъ «неприличнымъ» для «присутственнаго мѣста».

Городская дума была поражена странностью его, но подчинилась ему безпрекословно: портретъ Нелидова не былъ поставленъ въ ея залѣ, и его нѣтъ тамъ и понынѣ, хотя имѣются портреты его предшественниковъ и преемниковъ.

Но Курскъ—не лыкомъ шитый городъ: въ немъ нашлись люди, которые дали министерскому veto остроумное толкованіе.

Разсказываютъ, что какой-то острякъ, прочитавъ бумагу графа Кочубея, совершенно серьезно замѣтилъ:

— А что жъ? Министры правы, государи мои. Да развѣ возможно помѣстить портретъ Нелидова въ присутственномъ мѣстѣ? Да Боже упаси! Онъ, нашъ батюшка, со стыда сгорѣлъ бы, находясь въ неприличной компаніи...

Эта острогу, долго переходившую изъ устъ въ уста, общество, говорятъ, распространило лишь на одно «присутственное мѣсто», прославившееся мздоимствомъ,—на земскій судъ, и затѣмъ совершенно примирилось съ мудрымъ запрещеніемъ высокаго государственнаго учрежденія.

— Это, знаете,—недавно говорилъ мнѣ одинъ изъ курскихъ старожилковъ,—какъ въ Тулѣ было: нѣмецъ блоху стальную сдѣлалъ, а туляки ее подковали на всѣ ноги. Такъ-то вотъ и мы... подковали кочубеевскую блошку...

А. Дунинъ.

1) Курсивъ нашъ. А. Д.

ПЕТРОВСКІЕ ДНИ.

ВОССИЯ, повидимому, начинаетъ крѣпнуть духомъ и началу этой крѣпости суждено по всей исторической справедливости быть связаннымъ съ памятью Великаго Преобразователя. Петровскіе завѣты и преданія начинаютъ воскресать передъ нами, и изъ дали время образъ царственного работника на тронѣ вырисовывается передъ нами все яснѣе и рельефнѣе. Мы какъ бы просыпаемся отъ тяжелаго оцѣпенѣнія, вступаемъ въ полосу національнаго самосознанія, прозрѣваемъ длинную вереницу историческихъ ошибокъ и уже готовы начать новую эру жизни, первыя звенья которой когда-то были скованы рукою державнаго кузнеца. Отъ Россіи космополитической и на послугахъ у другихъ народовъ, шатающейся и порывающейся, но не строящейся и крѣпнущей, остаются болѣзненные воспоминанія; наступаетъ эра реальныхъ націоналистическихъ интересовъ и на зарѣ этой эры отовсюду вырастаютъ памятники тому, кто предугадалъ нашему отечеству быть державою сильною, могучею и великою. Празднованіе Полтавской «преславной викторіи» открыло собою начало Петровскимъ днямъ, постановка трехъ памятниковъ въ нашей сѣверной столицѣ (два на набережной и одинъ передъ Преображенскими казармами) послужила небольшоими этапами къ нынѣшнимъ лѣтнимъ днямъ, когда вся Россія сосредоточила свое вниманіе на торжествахъ въ Выборгѣ и Ригѣ, являющихся великою данью памяти того, кто указалъ русскимъ «ногою твердой стать у моря» во имя политическихъ, стратегическихъ и экономическихъ интересовъ родной земли.

«Истор. вѣстн.», августъ, 1910 г., т. сxxi.

14

Съ началомъ Сѣверной войны и съ основаніемъ Петербурга вниманіе Петра I по необходимости обращалось къ Выборгу, той грозной шведской крѣпости, которая непрестанно угрожала его любимому «парадису» неисчислимыми бѣдами и откуда опасный врагъ могъ наносить сѣверу Россіи безконечный вредъ. Территорія, ключомъ къ которой съ давнихъ поръ сталъ Выборгъ, была предметомъ вѣковой борьбы между двумя сѣверными народами.

Съ 1157 года, т. е. со времени завоеванія всей нынѣшней Финляндіи шведскимъ королемъ Эрикомъ IX, начались почти непрерывныя войны между шведами и русскими за обладаніе этими областями, которыми еще издревле владѣли новгородцы и которыя были заселены карелами. Въ большинствѣ случаевъ карелы держали при этомъ сторону русскихъ и въ походахъ новгородцевъ противъ шведовъ въ 1188, 1191 и 1227 годахъ въ рядахъ нашихъ дружинъ и ополченій постоянно встрѣчаются карелы.

Чтобы обезпечить захваченный край отъ настойчивыхъ нападений новгородцевъ, шведы пачали возводить сооруженія и прежде всего заложили въ 1293 году на островѣ Линнанъ-Саари замокъ, сохранившійся до настоящаго времени. Замокъ этотъ, основателемъ котораго считается шведскій полководецъ Торкель Кнутсонъ, былъ первымъ оплотомъ возникшей въ Выборгѣ крѣпостной твердыни.

Въ XIV вѣкѣ, какъ свидѣтельствуютъ наши лѣтописи, новгородцами произведенъ цѣлый рядъ нападений на Выборгъ, частью удачныхъ, частью неудачныхъ. Въ 1318 году новгородцы «взяли городъ финскаго князя», но не могли удержаться въ немъ; въ 1322 г. великій князь Юрій 27 дней безуспѣшно осаждалъ Выборгъ.

Великій князь Юрій, въ противовѣсъ Выборгу, заложилъ въ истокахъ Невы крѣпость Орѣховую (нынѣшній Шлиссельбургъ), и война кончилась, послѣ успѣшныхъ походовъ новгородцевъ вглубь Финляндіи, знаменитымъ Орѣховскимъ договоромъ, по которому Новгороду уступлена вся приладожская часть Кареліи, т. е. бѣльшая половина нынѣшней Выборгской губерніи.

Въ 1337 году новгородцы, при Іоаннѣ Калитѣ, вторгнулись въ шведскіе предѣлы и разорили окрестности Выборга въ отместку за помощь, оказанную возмутившимся финскимъ племенамъ, подвластнымъ Новгороду. Точно также повторялись нападенія на Выборгъ и въ княженіе Василія I, но овладѣть крѣпостью все не удавалось. Шведы въ 1477 году принуждены были оградить весь городъ каменною стѣною, остатки которой существуютъ и до сихъ поръ.

Наиболѣе серьезная попытка овладѣть Выборгомъ, крѣпко заставшая въ памяти народной обѣихъ враждующихъ сторонъ, произведена была при великомъ собирателѣ земли русской Іоаннѣ III. Подъ предводительствомъ князя Даніила Щени подступило къ стѣнамъ Выборга сильное 60-тысячное войско, имѣвшее огромную по тому

времени и могущественную (3½ саженой длины орудія) осадную артилерію. Три мѣсяца тщетно боролись русскіе съ отлично укрѣпленнымъ городомъ и, какъ разсказываетъ шведское преданіе, потерявъ терпѣніе, 30-го ноября 1495 года, бросились на штурмъ. Комендантъ Кнуть Поссе, слывшій чернокнижникомъ и колдуномъ, въ самую рѣшительную минуту, когда русскіе уже овладѣвали стѣнами, взорвалъ пороховой складъ въ главной башнѣ. Эта неожиданность заставила осаждающихъ отступить съ большими потерями и ограничиться, по обычаю, разореніемъ окрестностей крѣпости. Но, въ отместку, въ слѣдующемъ же году русскіе разлились по всей Финляндіи, совершили зимній походъ со стороны Мурмана. Наконецъ война завершилась уже въ 1504 году перемиріемъ на 60 лѣтъ...

При Густавѣ-Вазѣ столкновения возобновились. Шведы осадили Орѣшекъ, а русскіе, вступивъ въ 1556 году въ Финляндію, подъ Выборгомъ искусно обошли шведскую позицію, ударили на врага съ тыла и взяли много знатныхъ плѣнныхъ. Непритель заперся въ городѣ, который снова противостоялъ осадѣ. Тогда русскіе опустошили внутреннюю Финляндію.

Безрезультатны въ отношеніи крѣпости были и три послѣдніе похода Іоанна Грознаго въ Финляндію въ 1572, 1576 и 1577 годахъ. Походъ царя Ѳедора и Бориса Годунова вернулъ намъ на время Карелію; но въ смутное время она снова и окончательно перешла въ руки шведовъ, что и закрѣплено было въ 1617 году Столбовскимъ договоромъ. Шведамъ досталась вся линія р. Невы, и такимъ образомъ Выборгъ пересталъ быть пограничною крѣпостью, подверженною первымъ ударамъ непріятели.

Согласно условій Столбовскаго мира, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ принужденъ былъ отказаться на вѣчныя времена, за себя и за свое потомство, отъ исконныхъ русскихъ владѣній: Ивангорода, Яма, Копорья, Орѣшка и Карелы (Кексгольмъ), предоставивъ шведскимъ королямъ именоваться впредь государями земли Ижорской...

Но уже его преемникъ сдѣлалъ попытку (въ 1656 г.) вернуть эти утраченныя Россією земли, попытку, не увѣнчавшуюся успѣхомъ; старшій же сынъ царя Алексѣя Михайловича, Ѳедоръ Алексѣевичъ, отказавшись подтвердить условія Столбовскаго мира, скончался раньше завершенія начатыхъ переговоровъ. Такъ стояло дѣло русско-шведскихъ отношеній до Петра Великаго.

Видя, что новый сооруженный Кронштадтъ, прикрывая Петербургъ только съ моря, не обезпечиваетъ его отъ возможныхъ набѣговъ съ сухого пути, Петръ, по его выраженію, задумалъ «соорудить крѣпкую подушку Петербургу», лишивъ непріятели ближайшей къ нему сухопутной и морской базы. Первая попытка въ этомъ направленіи дѣлается еще въ 1706 году, когда Карль XII, послѣ

неудачи подь Гродной, удалился въ Саксонію и тѣмъ развязалъ намъ руки.

Въ августѣ 1706 года на петербургскаго оберъ-коменданта Брюса возложены были всѣ заботы по приготовленіямъ къ операціи противъ Выборга. Артиллерія, боевые и жизненные припасы, шанцевый инструментъ и проч. тайно свозились на островъ Котлинъ, причеь, для отвода глазъ, распространялись слухи объ усиленіи обороны Кроншлотта.

Шведы, задержавъ нашъ авангардъ въ тѣснинѣ у деревни Метеной, успѣли, благодаря этому, вывести изъ Выборга большую часть своихъ силъ, а въ крѣпости заперлись только три тысячи подь начальствомъ генерала Майделя.

Личный осмотръ Петромъ мѣстности подь крѣпостью убѣдилъ царя, во-первыхъ, въ томъ, что всѣ предварительно имъ собранныя свѣдѣнія оказались ложными, а, во-вторыхъ, въ невыгодѣ вести атаку Выборга только съ сухого пути, безъ содѣйствія флота, «понеже сей городъ стоитъ въ морскомъ протокѣ... а у насъ судовъ только двѣ верей, и когда бъ сіе вѣдали, взяли бъ моремъ мелкихъ судовъ... Мнѣ зѣло досадно на тѣхъ, которые въ сосѣдяхъ живутъ безотлучно, а того не свѣдали...».

Предвидя заранѣе неудачу, Петръ отбылъ въ Петербургъ, давъ Брюсу инструкцію для отступленія, которое, послѣ четырехдневнаго безрезультатнаго бомбардированія, и было произведено. Царь предполагалъ повторить операцію слѣдующимъ лѣтомъ, но военныя событія отвлекли его вниманіе въ другую сторону.

Мысль о необходимости довершить обезопасеніе Петербурга настолько не покидала Петра, что въ самый день Полтавы, 27-го іюня 1709 года, онъ пишетъ Апраксину, его военачальнику на сѣверномъ фронтѣ: «Нынѣ уже совершенной камень въ основаніи Петербургу положенъ съ помощію Божіею»... Первымъ же благимъ послѣдствіемъ одержанной побѣды для Петра являлась возможность съ развязанными руками озаботиться объ упроченіи безопасности излюбленнаго дѣтища, Петербурга...

И вотъ въ мартѣ 1710 года, когда Финскій заливъ еще покрытъ былъ ледянымъ покровомъ, и со стороны моря шведы не могли успѣть прійти на помощь, осадный десятитысячный передовой корпусъ графа Ѳ. М. Апраксина, налегкѣ, почти безъ обозовъ, съ небольшимъ числомъ легкихъ орудій, прямо по льду изъ Кронштадта однимъ усиленнымъ переходомъ перемахнулъ къ Выборгу и здѣсь сразу занялъ выгодное положеніе, перехвативъ пути, связывающіе крѣпость со внутреннею Финляндіею. Шведскій гарнизонъ, лишенный возможности войти въ связь съ войсками, бывшими внутри края, волей-неволей оказался обреченъ исключительно на пассивный образъ дѣйствій...

Вся суть дѣла заключалась въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе доставить къ крѣпости, со стороны моря, на судахъ флота, всю тяжелую осадную артиллерію, подкрѣпленія и жизненные припасы. Вотъ почему Петръ самъ не пошелъ подъ Выборгъ, а остался въ Кронштадтѣ, направляя всю свою энергію на то, чтобы флотъ былъ изготовленъ безъ малѣйшаго запозданія. Но, на бѣду, вскрытіе залива запоздало; къ первымъ числамъ мая осадный корпусъ подъ Выборгомъ сталъ уже чувствовать сильный недостатокъ припасовъ, а путь со стороны моря былъ еще загроможденъ плавающимъ льдомъ.

Петръ прекрасно понималъ трудность положенія и безъ тревожныхъ донесеній Апраксина; онъ еще съ 30-го апрѣля сталъ высылать суда въ море на развѣдки и даже лично выходилъ съ ними, но льдами былъ задержанъ, не доходя шести миль до Бьеркэ. Въ ночь на 1-е мая льды даже отрѣзали галеры и провіантскія суда отъ боевыхъ. Петръ рѣшилъ тогда пожертвовать двумя судами и пустилъ два корабля на всѣхъ парусахъ пробивать, въ видѣ тарановъ, ледяную стѣну; проходъ очистился, и по немъ, цѣпляясь другъ за друга, гуськомъ прослѣдовали соединившіяся теперь суда, слѣдуя за царскимъ судномъ.

Добравшись до Береговыхъ острововъ (Бьеркэ), Петръ рѣшилъ, по множеству нагнаннаго льда, самъ пробиваться дальше съ однѣми галерами; въ 20-ти верстахъ онъ снова былъ задержанъ, и часть его судовъ занесена на мель. Всю ночь пришлось на вѣтру и въ адскій холодъ спасать ихъ, стаскивая съ мели, и царь ни минуты не сомкнулъ глазъ, подавая всѣмъ примѣръ и ободряя людей...

Прибывъ, наконецъ, послѣ непрерывнаго суточного и невѣроятно труднаго плаванія, къ утру 8-го мая къ Выборгу, царь, шедшій все время на легкой шлюпкѣ впереди, приказалъ поднять на всѣхъ судахъ шведскіе флаги и вымпелы, людямъ одѣться въ мундиры, «подобные» шведскимъ, а съ батареями нашими открыть мнимую холостую перестрѣлку. Гарнизонъ вдался въ обманъ, что и дало возможность всему флоту безнаказанно пройти подъ огнемъ крѣпости и пристать къ сѣверному берегу Выборгскаго залива. Здѣсь, въ ставкѣ Апраксина, разбитой, по преданію, на скалѣ въ нынѣшнемъ городскомъ саду св. Анны, и ночевалъ Петръ Великій.

На утро онъ лично осмотрѣлъ все наше и непріятельское расположение, далъ подробную инструкцію, какъ вести осаду, когда и какъ быть штурму, и, послѣ вылазки всѣхъ войскъ и тяжестей, увелъ корабельный флотъ и транспортныя суда обратно въ Кронштадтъ, оставя, для прикрытія осады съ моря, только флотъ галерный. Послѣдній преградилъ всѣ доступы съ моря въ Выборгскій заливъ, такъ что пришедшая вскорѣ шведская эскадра ничего не могла подѣлать.

Къ 28-му мая закончены были новыя батареи и вооружены, и осаждающій приступилъ къ бомбардированію, продолжавшемуся 6 сутокъ. Поврежденія крѣпости были нанесены столь сильныя, что «ни на едину сажень не было цѣлаго мѣста». Къ 6-му іюня уже во всѣхъ намѣченныхъ мѣстахъ были сдѣланы обвалы, и на 9-е утро назначенъ былъ штурмъ, причемъ главный ударъ предполагалось нанести со стороны пролива, частью на гребныхъ судахъ, частью по двумъ мостамъ, наведеннымъ «новымъ манеромъ», т. е. поворотомъ.

Но штурму не пришлось осуществиться: уstraшенный комендантъ вошелъ въ переговоры и къ 13-му числу принялъ наши условія («аккордные пункты»). 14-го числа Петръ, во главѣ гвардіи, двинулся для принятія крѣпости. Опасаясь вѣроломства шведовъ, приближенные просили царя отложить личное вступленіе въ крѣпость до другого дня, когда уже она будетъ всецѣло въ русскихъ рукахъ, но Петръ, поблагодаривъ «за охраненіе здоровья своего», отказался. «Уповаю на Бога; благодать Его отовсюду мнѣ стѣна», сказалъ онъ при этомъ, и, ставъ во главѣ своей гвардіи, смѣло пошелъ въ крѣпость.

Съ этого приснопамятнаго дня Выборгъ и Выборгская губернія стали достояніемъ Россійской державы и Петербургу подложена была та твердая каменная подушка, на которой онъ могъ со стороны былого сѣвернаго недруга спокойно покоиться въ своемъ историческомъ существованіи. Послѣдующія историческія событія какъ будто нѣсколько размягчили этотъ камень, сбили его, и въ 1905 г. мы видѣли даже, что, благодаря содѣйствію «лояльныхъ» финновъ, Выборгъ сталъ ареною кровавой революціонной смуты. Но, не воскрешая въ памяти читателей журнала ни этихъ печальныхъ событій, ни предшествовавшаго общеполитическаго порядка временъ Александра I и Александра II, отмѣтимъ лишь, что въ текущемъ году ходъ событій позволилъ намъ радостно встрѣтить двухсотлѣтіе взятія Петромъ Выборга безъ всякой тѣни сомнѣнія въ томъ, что радостный историческій праздникъ мы справляемъ на нашей собственной территоріи, соединенной общеимперскимъ законодательствомъ со всею страной, россійскому скипетру подвластной.

Согласно газетному репортажу праздникъ, состоявшій въ закладкѣ военнаго собора и открытіи памятника Петру Великому, прошелъ въ слѣдующемъ порядкѣ.

Въ 8 часовъ утра полурота крѣпостной артиллеріи приняла отъ коменданта императорскій штандартъ и отнесла къ флагштоку у открываемаго памятника и сдала офицеру. Въ половинѣ девятаго изъ церковей 7-го стрѣлковаго полка и Ильинской вышли крестные ходы, сопровождаемые отрядами войскъ, и, соединившись, выступили къ собору. Въ соборъ прибылъ архіепископъ

Сергій финляндскій и епископы Никаноръ олонецкій и Михей архангельскій. На рейдъ пришло новое судно морского технического училища и высадило воспитанниковъ. Вообще выборгскій рейдъ сильно былъ оживленъ линіями большихъ контръ-миноносцевъ, а гавань большими пароходами и яхтами военнаго вѣдомства, сплошь украшенными флагами. Въ 9 часовъ утра изъ собора выступилъ величественный крестный ходъ и пошелъ среди шпалеръ войскъ, при звонѣ колоколовъ и при звукахъ гимна «Коль славень», къ Абоскому мосту, который пестрѣлъ сотнями флаговъ, орлами, орифламами и легкими изъ зелени арками; на мосту войскъ не было, за мостомъ же продолжались шпалеры войскъ: тутъ стояли всѣ военныя депутаціи развернутымъ фронтомъ къ высотѣ св. Анны; по дорогѣ черезъ гласисъ къ гарнизонной церкви стояли специально наряженныя части войскъ. Шествіе процессіи открывала полусотня л.-гв. Атаманскаго полка, за ней шли русскія женскія школы и женская гимназія, мужскія школы и реальное училище, всего болѣе 500 дѣтей, депутаціи съ вѣнками отъ русскихъ прихожанъ, Карельскаго братства, русскихъ приходоу Воскресенскаго, Теріюкскаго и другихъ, общества русской взаимопомощи, военный и архіерейскій хоры пѣвчихъ; за ними золотая лента духовенства, выносные фонари, запрестольные кресты, линіи хоругвей, священники между причетниковъ и діаконовъ съ рипидами несли образа, подносимые крѣпости, на высокихъ носилкахъ; также осѣняемый рипидами, шелъ архимандритъ съ крестомъ, иподіаконы съ трикиріями и дикиріями, по два въ рядѣ, и съ посохами три архіерея, за ними генералитетъ, комендантъ, командиръ корпуса Ольховскій, финляндскіе сенаторы, губернаторъ, помощникъ попечителя учебнаго округа Острогорскій, директоръ гимназіи Вишняковъ и проч. У красивой арки лазарета въ крѣпости встрѣтило крестный ходъ военное духовенство во главѣ съ протопресвитеромъ Аквилоновымъ. По мѣрѣ шествія процессіи, къ ней присоединялись знамена отъ шпалеръ войскъ. Въ гарнизонной церкви три архіерея въ сослуженіи съ протопресвитеромъ Аквилоновымъ, архимандритомъ Кипріаномъ и военнымъ духовенствомъ, при пѣніи архіерейскихъ и военныхъ пѣвчихъ, совершили литургію. Въ церковь прибыли военный министръ съ супругою, генераль-губернаторъ съ супругою, финляндскіе сенаторы, вице-президентъ ген. Марковъ, ген. Гедлунъ, Виреніусъ, графъ Бергъ, начальникъ главнаго штаба Кондратьевъ, военныхъ инженеровъ Александровъ, выборгскій губернаторъ камергеръ Троиль, ген. Вилькицкій, генералы мѣстныхъ войскъ Финляндіи, Свеаборга и Кронштадта, начальникъ канцеляріи генераль-губернатора Ивановъ и проч. Послѣ литургіи изъ церкви вышелъ крестный ходъ на Петровскую гору, на высоту св. Анны. На узкомъ пространствѣ скалы помѣстились съ одного края до другого по-

низу шпалеры войскъ, у разукрашеннаго павильона на галереяхъ дамы и почетные гости, на другомъ концѣ, у покрытаго завѣсой памятника, дѣти школь. Снова зазвонили колокола, войска взяли на караулъ, разливались звуки «Коль славень», двигались хоругви, пѣвчіе, золотая лента духовенства, и между ними, уже безъ кіотовъ и носилокъ, депутаціи несли свои образа; осѣняемые ришидами, шли архимандритъ съ евангеліемъ, протопресвитеръ съ крестомъ, епископы и архіепископы, за ними военный министръ, генераль-губернаторъ, вся военная и гражданская группа присутствовавшихъ. У мѣста, назначеннаго для закладки военнаго собора, подъ сѣнью часовни совершено молебствіе; въ приготовленное отверстіе генералы положили монеты, протодіаконъ громко прочиталъ надпись на закладной доскѣ о сооруженіи военнаго собора, архіепископъ положилъ камень, за нимъ епископы, военный министръ, генераль-губернаторъ и прочія лица. Протодіаконъ возгласилъ царское многолѣтіе, и при пѣніи «многая лѣта» церковная процессія двинулась на другой конецъ скалы—къ памятнику, закутанному пеленой, на холмѣ, обведенномъ цвѣтами. Какъ только протодіаконъ провозгласилъ многолѣтіе, съ послѣднимъ его словомъ грянулъ съ фортовъ императорскій салютъ. Архіерей благословилъ коменданта крѣпости иконами, и затѣмъ всѣ направилъ къ памятнику; знамена становятся передъ нимъ, здѣсь протодіаконъ провозгласилъ императору Петру «вѣчную память». Войска накрываютъ головы, комендантъ командуетъ всему параду «на караулъ», съ памятника сползаетъ пелена, подхваченная матросами, а на флаштокѣ высоко взвивается императорскій штандартъ; тихо поется «вѣчная память», но громко гремитъ музыка «Преображенскій маршъ», разомъ со всѣхъ концовъ Выборга и съ моря, и съ суши гремятъ орудія, взлетаютъ клубы дыма, городъ бороздятъ ракеты. Бронзовый великій Петръ, опираясь на пушку, смотритъ на городъ, на даль, а тамъ, на сушѣ, передъ замкомъ видѣется маленькая и какъ бы схоронившаяся фигура строителя крѣпости Кнутсона; да, она давно склонилась предъ величіемъ Петра... Минутъ шесть гремитъ канонада. Наконецъ смолкаетъ все, честь отдана, снова войска обнажаютъ головы, берутъ на молитву; военный протодіаконъ Демиръ возглашаетъ многолѣтіе синоду, архіереямъ, воинству и всѣмъ вѣрнопопданнымъ. «Многая лѣта» несется со скалы. Генераль-губернаторъ читаетъ Высочайшій рескриптъ, гремитъ «ура»; военный министръ провозглашаетъ самодержавному Вождю «ура», гремитъ «ура», несутся звуки «Боже, Царя храни», отдають честь относимымъ къ частямъ знаменамъ, и при императорскомъ салютѣ спускается медленно штандартъ. Архіерей окропляетъ памятникъ, крестный ходъ удаляется, войска строятся къ маршу, а въ это время дѣвочки-малютки и гимназистки складываютъ свои цвѣты у под-

ножія статуи Петра; комендантъ генераль Петровъ ведетъ парадъ къ памятнику, салютуя ему. На площади внизу войска выстроились, и здѣсь послѣдовала церемонія относа знаменъ и конецъ парада. Депутаци привѣтствуютъ коменданта. Въ палаткѣ и манежѣ былъ устроень завтракъ, поютъ пѣсенники на петровскіе мотивы, военный министръ возглашаетъ здравицу Государю. Пролгій рядъ здравницъ. Въ офицерскомъ собраніи устроень обѣдъ для депутатовъ и подпрапорщиковъ и обѣды для нижнихъ чиновъ. Открылось народное гулянье. Вечеромъ у памятника была заря съ церемоніей.

Не успѣли отзвучать выборгскія торжества, какъ развернулись передъ нами торжества рижскія, состоявшія также въ непосредственной связи съ именемъ великаго Петра и протекшія на сей разъ уже въ присутствіи самого Государя Императора Николая Александровича и Его Августѣйшей семьи. Рига достойно встрѣтила царственныхъ гостей и тѣмъ какъ бы, смѣемъ надѣяться, навсегда положила конецъ памяти о пресловутыхъ «лѣсныхъ братьяхъ» 1905 года. Но прежде, чѣмъ на основаніи тѣхъ же репортерскихъ свѣдѣній говорить о самыхъ торжествахъ, коснемся бѣгло тѣхъ историческихъ событій, во имя которыхъ Рига имѣла счастье принимать Царскую семью, прибывшую на открытіе памятника своему великому пращуру.

Прибалтійскій край съ главнымъ городомъ своимъ Ригой является естественнымъ ключомъ для обладанія выходомъ въ море и цѣлымъ рядомъ прекрасныхъ и не замерзающихъ гаваней. Не удивительно, что съ первыхъ лѣтъ исторіи этого края онъ сталъ ареной постоянной и упорной борьбы изъ-за обладанія имъ между тремя сосѣдями: Россіей, Швеціей и Польшей. Съ переменнымъ счастьемъ всѣ три соперницы упорно и долго отстаивали свои притязанія. Въ XVI и XVII вѣкахъ русскіе не разъ подходили къ Ригѣ и наносили и ей, и ея защитникамъ большія пораженія, но удержать ее за собой еще не имѣли силы и средствъ. И только императоръ Петръ I Великій, мечомъ приведя Ригу подъ свою высокую и мощную руку, окончательно рѣшилъ многовѣковый споръ въ пользу Россіи и навсегда присоединилъ и этотъ городъ, и прилегающее къ нему побережье къ своей могучей державѣ.

И взятіе Риги, какъ и раньше взятіе Выборга, было непосредственнымъ результатомъ и добрымъ плодомъ знаменитой Полтавской побѣды. Еще на поляхъ Полтавской битвы императоръ Петръ Великій приказалъ фельдмаршалу Шереметеву немедленно отправиться со всею пѣхотой и частью кавалеріи для блокады города Риги.

По образному выраженію г. В. Болдырева («Русск. Инвалидъ» 1910 г., № 143), «цѣлыхъ девять мѣсяцевъ держалась «славная риж-

ская фортеція» или «неприступная невѣста», какъ называли тогда Ригу со словъ фельдмаршала Шереметева. Закаленная почти непрерывной пятивѣковой борьбой, пережившая не разъ голодъ, чуму, пожары, кровавыя столкновения, Рига научилась сопротивленію. Она пережила своихъ прежнихъ властителей архіепископа и Орденъ; смѣнила владычество Польши на подчиненіе Швеціи и, наконецъ, 4-го іюля 1710 года, стѣсненная желѣзнымъ кольцомъ полтавскихъ побѣдителей, подпала подъ власть «его царскаго величества».

«Подчиненіе Россіи прекратило кровавую исторію Риги. У ея старыхъ стѣнъ закончилась пятивѣковая драма, начало которой положило прибытіе къ устью Двины нѣмецкаго монаха и рыцаря. Столкновение міра германскаго съ славянскимъ окончилась побѣдой послѣдняго. Занятіе побережья явилось, однако, возможнымъ лишь послѣ крушенія шведскаго могущества, нашедшаго себѣ могилу у Полтавы. Къ этому времени на всемъ балтійскомъ Побережьѣ оставались во власти шведовъ только Выборгъ, Ревель, Перновъ, Аренсбургъ и Динаминдъ (Усть-Двинскъ). Только Полтавская побѣда развязала Петру Великому руки и онъ могъ двинуть большую часть своей арміи отъ Полтавы, выслать значительную конницу, подъ командой князя Меншикова, въ Польшу противъ ставленника Карла XII Станислава Лещинскаго»,

Рига по тому времени была сильной крѣпостью—ея укрѣпленія, возведенныя «сообразно современному духу фортификаціоннаго искусства», состояли изъ крѣпости-города, цитадели, укрѣпленій форштадта и укрѣпленія Коберь-шанецъ на западномъ берегу Двины. Послѣднее укрѣпленіе было построено шведами въ 1621 году и служило защитой мосту, который соединялъ Коберь-шанецъ съ городомъ. Когда Шереметевъ уже подходилъ къ Ригѣ, шведы, не желая оставить ему удобной позиціи, стали разорять Коберь-шанецъ, но не успѣли: Шереметевъ занялъ ее и всѣ около Риги укрѣпленные непріятельскіе посты, укрѣпилъ ихъ, сбиль шведовъ со всѣхъ постовъ вокругъ города и установилъ блокаду. Укрѣпивъ Коберь-шанецъ, онъ наименовалъ его Питерь-шанцомъ.

Между тѣмъ императоръ Петръ самолично поспѣшилъ къ Ригѣ. Сюда къ нему прибылъ посоль отъ польскаго короля Августа. «Изъ молчанія» посла государь догадался о цѣли его пріѣзда: предвидя скорое паденіе Ливоніи, польскій король хотѣлъ извѣдать мысли Петра о Лифляндіи, которую онъ, въ началѣ Сѣверной войны, будто общался по завоеваніи отдать Польшѣ,—по крайней мѣрѣ, тѣ города, которые ей нѣкогда принадлежали. Петръ не обинуясь сказалъ послу польскому, что «понеже онъ оставленъ былъ отъ всѣхъ своихъ союзниковъ во время наибольшей его нужды, и одинъ безъ помощи ихъ велъ войну, то потому заключенныхъ прежде съ королемъ и республикой польскою договоровъ, которые они же

сами и нарушили, содержать нимало не обязанъ, а слѣдовательно и завоеваннаго имъ безъ помощи ихъ ни съ кѣмъ дѣлать не намѣренъ, а всего меньше съ Августомъ и республикой».

9 ноября императоръ Петръ прибылъ подъ Ригу и немедленно сдѣлалъ всѣ распоряженія къ осадѣ. Въ полночь на 14-ое ноября наши войска начали бомбардировать Ригу. Первые три бомбы бросилъ въ Ригу самъ государь, о чемъ въ тотъ же день и сообщилъ князю Меншикову: «Сегодня о пятомъ часу по полуночи бомбардированіе началось Риги, и первые три бомбы своими руками «въ городъ» отправлены, о чемъ зѣло благодарю Бога, что сему проклятому мѣсту сподобилъ мнѣ самому отмщенія начало учинить». То же самое государь сообщилъ и министрамъ своимъ при иностранныхъ дворахъ.

На этотъ разъ все и ограничилось такимъ началомъ отмщенія; по позднему времени года, по крѣпости города и многочисленности гарнизона и, наконецъ, по тому, что городъ не могъ получить ниоткуда помощи, Петръ, осмотрѣвъ на другой день крѣпость, распорядился, чтобы фельдмаршалъ держалъ городъ въ тѣсномъ обложеніи, но не бралъ его.

Репнинъ, откомандированный для этой блокады, всю зиму держалъ Ригу «въ великомъ утѣсненіи». Онъ совершенно пресѣкъ подвозъ къ ней провіанта, а бросаемыми бомбами наносилъ «великій уронъ ея защитникамъ», производя постоянные и большіе пожары. Особенно пострадалъ гарнизонъ отъ удачнаго взрыва порохового погреба.

11 марта подъ Ригу прибылъ фельдмаршалъ Шереметевъ съ 24 пѣхотными полками, 8 конными и 2.100 казаками. Онъ тѣснымъ кольцомъ обложилъ городъ и устроилъ кругомъ батареи со множествомъ пушекъ. Въ двухъ верстахъ ниже города онъ заложилъ крѣпостцу и назвалъ ее Александръ-шанцомъ, въ честь прибывшаго къ нему князя Меншикова съ порученіемъ отъ государя. Эта-то крѣпость и прервала сообщеніе водой съ Динаминде и окончательно не допускала кораблей въ Ригѣ. Для этого черезъ Двину набиты были сваи, на нихъ утверждены бревна и укрѣплены толстою цѣпью, а по обѣимъ сторонамъ, противъ Риги и Динаманде, поставлены были 24 пушки. Въ городѣ, обложенномъ тѣснымъ кольцомъ нашихъ войскъ, обнаружилась недостаца провіанта, а потомъ голодъ и моръ стали опустошать осажденный городъ. Конецъ Риги былъ близокъ.

Графъ Шереметевъ, хорошо освѣдомленный о печальномъ положеніи Риги, потребовалъ сдачи. Но графъ Стрембергъ, рижскій генералъ-губернаторъ, отвѣтилъ отказомъ, заявивъ, что онъ рѣшился обороняться до послѣдней возможности. Тогда графъ Шереметевъ приказалъ бомбардировать городъ со всѣхъ батарей. Метаніе бомбъ продолжалось денно и ночью въ теченіе десяти дней,

такъ что по 24 іюня брошено было въ Ригу 3.389 бомбъ, въ томъ числѣ девятипудовыхъ 630. 30 іюня въ лагерь къ фельдмаршалу высланы были депутаты, которые и приняли капитуляцію. Гарнизону дозволено было выйти изъ города съ распущенными знаменами, съ музыкой и барабаннымъ боемъ. 4 іюля князь Репнинъ съ шестью полками строемъ вошелъ въ Ригу, занялъ всѣ караулы и взялъ всю артиллерію съ припасами.

12-го іюля фельдмаршалъ графъ Шереметевъ, послѣ благодарственнаго молебствія въ своемъ лагерѣ, торжественно вступилъ въ Ригу. У воротъ магистратъ поднесъ ему два золотые ключа, въ три фунта вѣсомъ, на бархатной подушкѣ. Въ ратушѣ фельдмаршалъ принялъ присягу населенія, причемъ представитель дворянства сказалъ ему рѣчь, въ которой, между прочимъ, заявилъ: «Провинція и дворянство лифляндское благодарятъ опредѣленіямъ Провидѣнія и поставляютъ за счастье лобызать милостивый скипетръ Его Царскаго Величества, вознося мольбы свои къ небу, да утвердитъ оно престолъ его и да ниспошлетъ всякое преуспѣяніе знаменитому его Императорскому Дому. Мы паки начинаемъ возвращать истощенныя наши силы, взирая на пользу, обѣщанную нашей покорности, и въ ожиданіи исполненія того клянемся за себя и за потомковъ своихъ столько же вѣрными и столько же ревностными быть Его Царскому Величеству подданными, каковыми были прежнему правленію».

«Минуло два вѣка, «неприступная невѣста» развилась и стала пышной красавицей,—говорить г. Болдыревъ.—На мѣстѣ когда-то грозныхъ верковъ распустились тѣнистыя аллеи. Форштадты превратились въ прекрасный «новый городъ». И только «старый городъ» хранитъ еще памятники своей глубоко интересной семивѣковой исторіи.

«Сохранившая всѣ свои прежнія привилегіи Рига подъ сѣнью русскаго владычества быстро двинулась по пути культурнаго и матеріальнаго развитія.

«Въ свою очередь, лифляндское дворянство, которому тотчасъ же по подписаніи условій сдачи были обѣщаны «милости и благоволеніе Его Императорскаго Величества», быстро возродилось, окрѣпло матеріально и скоро пріобрѣло исключительное положеніе въ завоеванномъ русскимъ оружіемъ краѣ.

«Пріобрѣтеніе Риги, а съ ней Лифляндіи и Эстляндіи, несомнѣнно, является однимъ изъ крупнѣйшихъ событій новѣйшей русской исторіи. Нѣмецкая колонія, осѣвшая на Балтійскомъ побережьи, хотя и не сплотилась въ особое прочное государство, но тѣмъ не менѣе подъ тѣмъ или инымъ флагомъ въ теченіе пяти вѣковъ заслонила естественное стремленіе Россіи къ Западу и всѣми силами мѣшала нашему общенію съ европейской культурой.

«Пріобрѣтеніе это является не случайнымъ результатомъ удачной войны, а событіемъ исторически необходимымъ, событіемъ, на ко-

торое Россія имѣла право перваго занятія, такъ какъ еще до появленія въ краѣ нѣмцевъ большая часть побережья признавала власть или господина Великаго Новгорода, или полоцкихъ удѣльныхъ князей».

Бросая ретроспективный взглядъ на послѣдующія событія въ краѣ, корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей» (№ 152) въ статьѣ «Рижскія торжества», между прочимъ, говоритъ: «Хотя, утверждая эти привилегіи и права (1-го марта 1712 г.), Петръ сдѣлалъ оговорку: «елико сообразны они съ общаго государства нашего законами и установленіями», однако въ теченіе XVIII в. они не сокращались, а иногда и увеличивались. Русское правительство не снѣшило ввести въ жизнь инородческаго населенія края русскія государственныя начала, не вмѣшивалось въ его сословныя и аграрныя отношенія. Этимъ особенно воспользовалось остзейское дворянство, получившее такія права и привилегіи, которыхъ не имѣло и дворянство русское. Повторилась та же ошибка, что и въ Сѣверо-Западномъ краѣ, гдѣ коренное мѣстное населеніе (крестьянство) также было передано во власть пришельцевъ, гордыхъ своей культурой.

«Въ XIX столѣтіи въ Прибалтійскомъ краѣ начинается вводиться русская національная политика, но съ большими колебаніями.

«Въ 1863 г., уже послѣ освобожденія крестьянъ, латыши подали государю всеподданнѣйшій адресъ, въ которомъ писали:

«Всеилостивѣйшій государь! Не случайно присоединены мы къ твоей имперіи, а Провидѣніе ввѣрило насъ твоей могущественной десницѣ; въ нашемъ нарѣчій мы находимъ родство съ языкомъ подданныхъ тебѣ славянскихъ племенъ, а различіе учреждений, отдѣляющихъ насъ отъ коренныхъ русскихъ подданныхъ твоихъ, удручаетъ насъ болѣзненнымъ сожалѣніемъ. Государь! сними эти преграды и дай намъ слиться съ великимъ русскимъ народомъ твоимъ. Это мы считаемъ нашей судьбой и нашимъ призваніемъ».

«Далѣе слѣдовало неясное увѣреніе сложить свои головы за русскихъ самодержцевъ. За такое выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ авторъ адреса, учитель латышъ Безбардисъ, по проискамъ остзейскаго дворянства, былъ высланъ съ родины на поселеніе.

«Подобными воспоминаніями не хотѣлось бы омрачать свѣтлые юбилейные дни, тѣмъ болѣе, что человѣческая жизнь и свобода пришли къ латышамъ все-таки изъ Россіи.

«Со своей стороны, и нѣмцы не могутъ не признать, что вся ихъ культура, усовершенствованное земледѣліе, успѣхи торговли, промышленности, все современное цвѣтущее состояніе края и въ частности Риги—своимъ развитіемъ обязаны Россіи, какъ признаетъ это само мѣстное дворянство въ своемъ адресѣ 1863 г., гдѣ говорилось: «испытавъ разныя тревоги подъ разными господствами Лифляндія только и успокоилась подъ властью Россіи».

«Что это признаніе преобладающаго большинства прибалтійскаго населенія и представляетъ, такъ сказать, современное настроеніе массъ, доказательство тому — юбилейныя торжества съ открытіемъ памятника завоевателю. Они задуманы населеніемъ добровольно, безъ всякой подсказки со стороны правительства, и потребовали немало денегъ и хлопотъ. Одинъ памятникъ обошелся свыше 90,000 руб. На него не было всероссійской подписки, не было никакой правительственной субсидіи—средства собраны самимъ населеніемъ безъ различія національностей. Кромѣ памятника, рижская городская дума постановила учредить: 1) два ремесленныя училища съ вечерними занятіями (будутъ стоить до 400,000 руб.); 2) «Петровскій паркъ» въ мѣстности, откуда велась послѣдняя осада Риги; 3) ночлежный пріютъ на 200 чел.; 4) пріютъ для 200 чел. дѣтей дошкольнаго возраста; 5) убѣжище для 100 обѣднѣвшихъ и потерявшихъ трудоспособность интеллигентовъ. Общая сумма расходовъ на всѣ эти учрежденія, по сообщенію «Рижскаго Путеводителя», простирается до милліона рублей».

Минуя общее описаніе празднествъ въ Ригѣ по случаю ея посѣщенія Государемъ Императоромъ и обращаясь къ главному историческому моменту тамошнихъ дней—открытію памятниковъ Петру I—отмѣтимъ, что оно протекло въ слѣдующемъ порядкѣ.

5-го іюля пять пушечныхъ выстрѣловъ въ 8 часовъ утра возвѣстили о наступленіи торжественнаго дня юбилея. Въ русскій соборъ въ 9¹/₂ часовъ начался съѣздъ. Прибыли предѣдатель совѣта министровъ статсъ-секретарь Столыпинъ, военный министръ генераль Сухомлиновъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ ген. Курловъ, начальникъ главнаго штаба ген. Кондратьевъ, ген.-ад. Дедюлинъ, Гринвальдъ, графъ Бенкендорфъ и лица Государевой свиты, придворныя чины, генералы и адмиралы, всѣ прибалтійскіе губернаторы, губернскіе и уѣздные предводители дворянства и ландраты лифляндскіе, с.-петербургскій, московскій и рижскій городскіе головы съ гласными, представители большой и малой гильдіи Риги, городскіе головы изъ уѣздныхъ городовъ, волостныя старшины, представители купечества, депутаціи мѣстныхъ общественныхъ учрежденій и учебныхъ заведеній и комитетъ по сооруженію памятника.

Государь прибылъ въ соборъ, сопровождаемый министромъ императорскаго двора ген.-ад. бар. Фредериксомъ. Кругомъ собора стояли войска. Проѣзжая, государь здоровался. У входа въ церковь встрѣтилъ государя архіепископъ Агаангель, съ крестомъ и св. водою. Торжественно служилъ владыка святую литургію и прекрасно пѣли архіерейскіе пѣвчіе. Архіепископу сослужилъ протопресвитеръ военнаго и морскаго духовенства Аквилоновъ и сонмъ священниковъ. Церемоніймейстеры съ тросточками охраняли порядокъ и широкій проходъ по срединѣ, по которому послѣ обѣдни

вышелъ Государь и затѣмъ изъ алтаря двинулась процессія крестнаго хода. Государь прошелъ по линіямъ войскъ на бульваръ къ закрытому пеленой памятнику Петра Великаго. Войска стояли вдоль аллеи Александровскаго бульвара и по обѣ стороны памятника. При звонѣ колоколовъ среди шпалеръ войскъ, отдающихъ честь, двигался длинный крестный ходъ. Все это заполнило площадку кругомъ памятника, напротивъ котораго на высокой трибунѣ возвышалась эффектная живая гора зрителей, каскадъ головъ и дамскихъ шляпъ. Спину къ трибунѣ, лицомъ къ памятнику, золотымъ полукругомъ стало духовенство; хоругви отъ крестнаго хода стали по сторонамъ памятника. Архіепископъ совершилъ благодарственное молебствіе, звучный басъ протодіакона провозгласилъ царское многолѣтіе. Наступила минута общаго ожиданія, глаза всѣхъ устремлены на закутаннаго великана. Тихо началъ протодіаконъ «вѣчную память» Петру I; тихо пѣли пѣвчіе; архіерей кадитъ. Но вотъ смолкаютъ стройные голоса поющихъ. Государь накрываетъ голову, накрываются по командѣ и войска, и съ замирающими звуками пѣнія падаетъ покрывало, и конная статуя Петра стоитъ открытой на гранитномъ пьедесталѣ среди садовъ присоединенной имъ Риги. Команда: «слушай», «на краулъ», бьютъ барабаны, трубятъ трубы, играетъ музыка; войска отдають честь памятнику, а 30 миноносцевъ и канонерокъ въ рижскихъ водахъ и батареи артиллеріи на берегу открываютъ потрясающую пальбу, сливающуюся съ звуками Петровскаго марша. По отданіи чести памятнику, войска снова берутъ «на молитву»; протодіаконъ возглашаетъ многолѣтіе воинству и всѣмъ вѣрнопопдааннымъ; архіепископъ поднимается къ памятнику и окропляетъ его святой водой. Государь съ Государыней и великими княжнами обходитъ памятникъ; въ церквахъ звонятъ колокола; крестный ходъ медленно удаляется во главѣ съ архіереемъ. Войска между тѣмъ перестраиваются къ церемоніальному маршу. Къ памятнику приближаются депутаціи съ вѣнками. Возлагаютъ ихъ рижская городская дума и прибалтійскія губерніи и города Феллинь и Аренбургъ изъ лавровъ, а также лифляндское, курляндское и эстляндское дворянство; російское дворянство возлагаетъ вѣнокъ изъ матоваго серебра—вѣтвь пальмы среди вѣнка изъ дуба, серебряный же вѣнокъ на бѣломъ атласномъ щитѣ—первопрестольная Москва; богатъ по художественной отдѣлкѣ вѣнокъ изъ серебра стального цвѣта съ рельефными тутонами лилій на щитѣ голубого бархата отъ гор. Петербурга; полкъ имени графа Шереметева возложилъ свой серебряный вѣнокъ; вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ отъ Прибалтійскаго православнаго братства съ надписью на лентахъ: «Побѣдоносному завершителю ливонскихъ войнъ императору Петру Первому». У памятника стали часовые. При восторженныхъ кликахъ «ура» тысячь народа Цар-

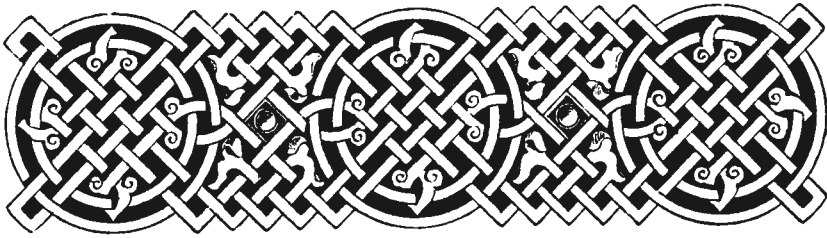
ская семья отбыла на свою яхту, а волны народа устремились и окружили памятникъ, разсматривая его и вѣнки.

Такъ протекли Петровскіе юбилейные дни въ Выборгѣ и Ригѣ. На территоріи обоихъ этихъ городовъ, смоченныхъ русскою кровью, высятся отнынѣ монументальныя памятники ихъ завоевателя, какъ бы символизируя, что отнынѣ ни у кого не можетъ родиться сомнѣнія, о тѣсномъ единеніи ихъ со всей Россіей. На стражѣ этого единенія стоитъ великій царь со своимъ грознымъ взглядомъ, передъ которымъ все должно склоняться. Воля его непреклонна, и горе непокорнымъ.

Л. Б.

ЦАРЕУБИЙСТВО 1 МАРТА 1881 ГОДА.

(Историческіе очерки).

IV. Покушеніе А. К. Соловьева на жизнь государя Александра II.

I.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ тенденція юга, какъ опредѣленная и непрерывная система дѣйствій, высказанная Осинскимъ и встрѣченная сѣверными революціонными сообществами несочувственно, уже въ началѣ 1879 года становится захватывающею и терроръ становится тѣмъ центромъ, около котораго группируются почти всѣ наиболее выдающіяся силы тогдашней русской революціи.

Давая обстоятельнѣйшую хронику политическихъ массовыхъ обысковъ и арестовъ въ столицѣ, производившихся по распоряженію главы Третьяго отдѣленія, въ лицѣ генераль-лейтенанта Дрентельна, смѣнившаго убитаго Мезенцова, редакція «Листка Земли и Воли» ставила вопросъ: «Чѣмъ же намъ отвѣтить на этотъ разгулъ? Чѣмъ отмстить

Императоръ Александръ II.

за погубленныхъ товарищей? Вотъ одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ, который противъ нашей воли выдвигаютъ на первый планъ политическія событія послѣдняго времени». Какъ бы въ отвѣтъ на поставленный вопросъ послѣдовалъ и фактическій отвѣтъ въ видѣ слѣдующаго сообщенія подъ заголовкомъ: «Покушеніе на жизнь Дрентельна». Здѣсь сказано: «Въ про-

шедшемъ листкѣ, вышедшемъ 12-го марта, мы говорили о необходимости чѣмъ нибудь отвѣтить на дѣянiя шефа жандармовъ Дрентельна. 13-го марта прежде, чѣмъ разошелся нашъ «Листокъ», революціонеръ, вооруженный револьверомъ системы Виблея, выстрѣлилъ въ проѣзжавшаго въ каретѣ около Лѣтняго сада Дрентельна, пробивъ оба стекла кареты, но не задѣвъ сидѣвшаго въ ней шефа жандармовъ. Какъ видно, судьба на этотъ разъ благопріятствовала Дрентельну: вторая предназначенная для него пуля, вслѣдствіе величины заряда, засѣла за стволъ револьвера, и сдѣлать новый выстрѣлъ оказалось невозможнымъ. Стрѣлявшему оставалось только прищипорить лошадь и ускакать отъ постоянно сопровождавшихъ Дрентельна шпионовъ. До сихъ поръ онъ не разысканъ полиціей. Да послужить этотъ случай первымъ предостереженіемъ Дрентельну. Исполнительный комитетъ, какъ извѣстно, рѣдко даетъ промахи».

Какъ мы видимъ, случайность спасла жизнь Дрентельну, и стрѣлявшему въ него революціонеру Мирскому, благодаря плохой тогда организаціи полицейской и охранной службы, легко удалось скрыться. Онъ былъ захваченъ лишь впослѣдствіи, заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, судимъ, сосланъ и только въ недавнее «освободительное» время возвращенъ съ Сахалина, но бурныя событія въ Сибири, гдѣ онъ имѣлъ осѣдность, захватили его въ свой водоворотъ, и онъ снова очутился, согласно постановленію мѣстнаго военнаго суда, въ каторжной тюрьмѣ. Такимъ образомъ, драматическій эпизодъ съ генераль-адъютантомъ Дрентельномъ не явился въ цѣпи тогдашнихъ революціонныхъ событій особо выдающимся моментомъ и не повлекъ за собою значительныхъ послѣдствій. Онъ показалъ лишь, что атмосфера насыщается революціоннымъ электричествомъ, что борьба разгорается во всю и что не за горами событія еще большей первоважности. И они не замедлили сказаться, обнаружившись въ покушеніи на жизнь императора Александра II 2-го апрѣля 1879 года. Этому событію, раскатившемуся по всей Россіи грознымъ набатомъ, возвѣстившимъ начало политическаго пожара, предшествовали обширнѣйшіе обыски и аресты, особенно въ Петербургѣ. По свѣдѣніямъ «Листка Земли и Воли», первые дни послѣ 12-го марта ознаменовались такимъ количествомъ самыхъ невѣроятныхъ обысковъ и арестовъ въ Петербургѣ, какихъ уже давно никто не помнитъ. «Эти обыски и аресты, происходившіе большею частью у людей съ положеніемъ, породили въ публикѣ столько преувеличенныхъ или явно нелѣпныхъ слуховъ, что разобраться въ нихъ и отличить достоверное отъ недостовернаго пока нѣтъ никакой возможности... Упомянемъ только о нѣкоторыхъ. Арестованы: 1) литераторъ Лесевичъ на Васильевскомъ островѣ; въ квартирѣ его немедленно была устроена засада, въ которую попалось нѣсколько человекъ, пришедшихъ навѣстить его семейство. Лесевичъ находится въ Литовскомъ замкѣ. 2) Грибоѣдовъ, служащій въ государственномъ банкѣ и въ обще-

ствѣ Краснаго Креста; арестованъ въ собственной квартирѣ на Кавалергардской улицѣ; находится въ Литовскомъ замкѣ; 3) студентъ Шуппе, у котораго арестовано человекъ восемь, пришедшихъ къ нему послѣ обыска; 4) докторъ Кадьянъ, оправданный по процессу 193; въ устроенную въ его квартирѣ засаду попалъ профессоръ уголовного права с.-петербургскаго университета дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Таганцевъ, который, однако, въ тотъ же день былъ освобожденъ. Кромѣ того, арестованы: учитель Ковальскій на Литейномъ проспектѣ, Литошенко, Елена Косычъ, Квасина и студентъ Бутковичъ, племянникъ (градоначальника) Зурова. Всѣхъ арестованныхъ, какъ говорятъ, болѣе ста человекъ».

Изъ этого сообщенія партіи «Земли и Воли» мы видимъ, во-первыхъ, что редакція была хорошо информирована въ хроникѣ арестовъ, что могло имѣть мѣсто только при условіи полученія ею свѣдѣній изъ полицейскихъ источниковъ, гдѣ, очевидно, у нея имѣлись связи, и, во-вторыхъ, что правительственная агентура напряженно обследовала обывательскую среду въ разныхъ ея наслоеніяхъ, имѣя основаніе полагать, что эта среда безусловно такъ или иначе причастна къ теченіямъ въ революціонной арміи и имѣеть съ нею постоянное сообщеніе и, быть можетъ, косвенно ей содѣйствуетъ разными средствами и способами. А пока этому обследованію обывателей посвящалось столько силъ и времени, среди нѣкоторыхъ представителей революціонной фракціи обсуждался вопросъ о царубійствѣ и шли къ нему даже дѣятельныя приготовленія.

II.

Въ своемъ мѣстѣ мы приводили нѣкоторыя свѣдѣнія изъ жизни А. К. Соловьева, обрисовывающія его какъ народника-пропагандиста, принадлежавшаго къ большому обществу пропаганды и просвѣдшаго, такъ сказать, курсъ-хожденія «въ народъ».

Въ 1879 году онъ явился въ Петербургъ и вотъ какія обстоятельства и встрѣчи стали на пути его дальнѣйшей революціонной дѣятельности, повѣданныя въ показаніи Гольденберга, послужившемъ однимъ изъ главныхъ основаній къ раскрытію дѣлъ о 16 и 20 террористахъ, слушавшихся въ 1880 и 1883 гг.

Гольденбергъ показалъ¹⁾, что «съ 1878 года тѣ же самыя событія, которыя, такъ сказать, обострили характеръ революціоннаго движенія и способствовали выдѣленію фракціи «террористовъ», вызвали въ то же время такое настроеніе, подъ влияніемъ котораго мысль о царубійствѣ встрѣчалась сочувственнѣе, и о немъ стали говорить, какъ о такомъ событіи, которое могло соотвѣтствовать

¹⁾ «Русская историческая бібліотека» № 4.

цѣлямъ революціоннымъ. Но въ этотъ періодъ времени никакихъ опредѣленныхъ плановъ по сему предмету не существовало, были только толки лишь чисто отрывочнаго характера, но характеристикою сего періода является то, что мысль о вышесказанномъ злодѣяніи встрѣчается отрицательно и даже съ порицаніемъ до 1877 года, затѣмъ она уже находила себѣ нѣкоторое сочувствіе и вызывала толки. Въ 1878 году, съ одной стороны, подъ вліяніемъ напора общихъ текущихъ событій, а съ другой—подъ вліяніемъ удачныхъ политическихъ убійствъ—мысль о цареубійствѣ еще болѣе стала вызывать сочувствія».

Уже осенью 1878 года южно-русскими бунтарями Давыденкомъ, унтеръ-офицеромъ Логовенкомъ, Витенбергомъ и извѣстнымъ революціонеромъ Чубаровымъ и др., при содѣйствіи нѣкоторыхъ служащихъ въ черноморскомъ флотѣ, подкидывается близъ города Николаева, по пути тогдашняго слѣдованія государя, мина, въ цѣляхъ ея взрыва. Но мина эта во время была выловлена полиціей, и намѣченное покушеніе не состоялось.

Говорили о цареубійствѣ,—продолжалъ свое показаніе Гольденбергъ,—«съ теченіемъ времени больше прежняго стали придавать значенія сему преступленію, какъ средству для достиженія цѣлей, преслѣдуемыхъ не только фракціей «террористовъ», но и вообще всей соціально-революціонной партіей. Подъ вліяніемъ такой мысли находился онъ, Гольденбергъ, послѣ совершенія убійства князя Кропоткина. Въ мартѣ 1879 года онъ, отправившись въ Петербургъ, задался цѣлью возбудить тамъ вопросъ о цареубійствѣ и всесторонне обсудить его. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ встрѣтился тамъ съ знакомыми, изъ которыхъ приходилось больше говорить съ Зунделевичемъ и Александромъ Михайловымъ.

«Въ разговорѣ съ ними послѣ 13-го марта ему снова пришлось говорить о цареубійствѣ.

«Неудавшееся покушеніе на жизнь генераль-адъютанта Дрентельна имѣло, очевидно, вліяніе на взгляды и убѣжденія Зунделевича и Михайлова, и подъ вліяніемъ неудачи они стали говорить о цареубійствѣ, какъ о такомъ событіи, рѣшеніе котораго являлось необходимымъ въ ближайшемъ будущемъ. Съ этого момента между ними и Гольденбергомъ установилось согласіе, и они начали преслѣдовать одну и ту же мысль. Подъ вліяніемъ созрѣвшаго желанія онъ, Зунделевичъ и Александръ Михайловъ сначала обсуждали этотъ вопросъ втроемъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ ними приступили къ обсужденію: Соловьевъ, появившійся тогда въ Петербургѣ, Людвигъ Кобылянской и нѣкто Александръ Квятковскій. Такимъ образомъ, всѣ они вшестеромъ имѣли нѣсколько засѣданій въ трактирахъ, разъ въ «Сѣверномъ» на Офицерской улицѣ, другой разъ гдѣ-то въ трактирѣ на Большой Садовой и еще гдѣ-то въ трактирахъ, но гдѣ именно—не помнитъ. Для совѣщаній они брали отдѣльныя ком-

наты въ трактирахъ и толковали по нѣсколько часовъ. Говорили очень много, но обсуждали вопросъ опять только теоретически, т. е. съ точки зрѣнія выгодъ отъ преступленія для революціонныхъ цѣлей. Въ своихъ засѣданіяхъ они не касались вопроса о формѣ самаго убійства и средствахъ для его совершенія, не останавливаясь даже на томъ, кто долженъ совершить оное, результатомъ же всѣхъ ихъ разсужденій было полное соглашеніе на совершеніе убійства, причѣмъ несомнѣнно совершить его долженъ былъ кто-нибудь изъ нихъ шестерыхъ. Въ засѣданіяхъ больше другихъ говорили онъ, Гольденбергъ, Михайловъ и Соловьевъ, а меньше всѣхъ Кобыянский. Когда, такимъ образомъ, вопросъ теоретически былъ окончательно рѣшенъ, то перешли къ обсужденію практической стороны дѣла, т. е. въ выбору лица, средства и времени совершенія преступленія. Первымъ предложилъ свои услуги самъ Гольденбергъ, но предложеніе его не было принято, такъ какъ находили, что ему, какъ еврею, не слѣдуетъ брать этого дѣла на себя, ибо тогда для общества, а главное для народа оно не будетъ имѣть должнаго значенія; признали поэтому, что преступленіе долженъ совершить непременно русскій, и только въ такомъ случаѣ оно получитъ надлежащее значеніе и окраску. По такимъ соображеніемъ, не было принято и даже не обсуждалось въ засѣданіи предложеніе Кобылянскаго, который также заявилъ о своемъ желаніи совершить злодѣяніе. Его не признали для этого дѣла годнымъ, какъ поляка, боясь, что тогда придадутъ всему дѣлу значеніе, какъ событію для цѣлей польскихъ интересовъ. Когда его, Гольденберга, предложеніе было отвергнуто, а Кобылянскаго даже не обсуждалось, тогда свои услуги предложилъ Соловьевъ, и его признали совершенно годнымъ и совмѣщающимъ въ себѣ всѣ условія для сего дѣла. По избраніи, такимъ образомъ, Соловьева, Гольденбергъ снова предложилъ свои услуги, находя, что было бы удобнѣе двумъ лицамъ пойти на преступленіе и приступить ему къ дѣлу тогда, когда попытка Соловьева почему-либо не удалась бы. Первоначально предложеніе его въ этой формѣ было принято, но послѣ не примѣнилось къ дѣлу, вслѣдствіе увѣренія Соловьева, что онъ и самъ хорошо умѣетъ стрѣлять, въ чемъ Гольденбергъ, впрочемъ, имѣлъ случай убѣдиться, ибо часто ходилъ съ Соловьевымъ,—при чемъ разъ только былъ и Кобылянский,—для упражненія въ стрѣльбѣ изъ револьвера въ стрѣльбищѣ въ Семеновскомъ полку. За разрѣшеніемъ, такимъ образомъ, вопроса, кѣмъ и какимъ способомъ совершить преступленіе, настаивали на скорѣйшемъ осуществленіи онаго и 31-го марта стали предупредить всѣхъ нелегальныхъ, чтобы слѣшили выѣхать изъ столицы, въ виду могущихъ послѣдовать арестовъ. 31-го марта онъ, Гольденбергъ, какъ нелегальный, выѣхалъ изъ Петербурга въ Харьковъ по желѣзной дорогѣ, куда прибылъ 2-го апрѣля вечеромъ. При отъѣздѣ получилъ отъ Зунделевича значительное количество прокла-

мацій по поводу убійства князя Кропоткина, покушенія на жизнь Дрентельна и газету «Земля и Воля» для передачи въ Харьковѣ; пріѣхавъ туда, онъ узналъ о случившемся 2-го апрѣля, но ни съ кѣмъ въ Харьковѣ по этому дѣлу не говорилъ. Къ сему Гольденбергъ присовокупилъ, что когда Соловьевъ уже пріобрѣлъ револьверъ, тотъ самый, изъ котораго стрѣлялъ 2-го апрѣля, то съ нимъ ходилъ покупать патроны и онъ, Гольденбергъ. Они заходили въ какой-то магазинъ въ Гостиномъ ряду, затѣмъ на Невскомъ проспектѣ и, наконецъ, подобрали патроны въ магазинѣ на Большой Морской. Въ магазинъ вмѣстѣ съ Соловьевымъ Гольденбергъ не входилъ; но со словъ Соловьева знаетъ, что сей послѣдній, покупая патроны, говорилъ, что дѣлаетъ это для какого-то помѣщика, которому они нужны для медвѣжьей охоты.

Дворянинъ Людвигъ Кобылянской, сознавшійся въ убійствѣ, вмѣстѣ съ Гольденбергомъ, князя Кропоткина, относительно участія своего въ покушеніи 2-го апрѣля показалъ, что «въ мартѣ 1879 года, получивъ отъ кievскаго революціоннаго кружка порученіе ѣхать въ Петербургъ за запрещенными газетами, онъ, прибывъ туда, остановился по одному изъ данныхъ ему адресовъ, котораго не помнить, и, познакомившись къ Коломнѣ съ какимъ-то господиномъ, сталъ посѣщать съ нимъ разныя квартиры. «Однажды, отправившись для свиданія съ нимъ же въ какую-то гостиницу по Офицерской улицѣ, онъ былъ приведенъ въ особую комнату, гдѣ засталъ нѣсколько человѣкъ, въ числѣ которыхъ были Гришка (Гольденбергъ), Соловьевъ, Зунделевичъ и другіе, ему, Кобылянскому, незнакомые. Лица эти толковали о томъ, чтобы посягнуть на жизнь государя императора, разсуждали, какъ и кому совершить преступленіе, и рѣшили, что совершить его Соловьевъ открыто. По поводу того же Кобылянской слышалъ разсужденія и въ другой разъ, тѣхъ же лицъ, въ какой-то гостиницѣ возлѣ Невскаго, и припоминаетъ, что именно тутъ, а не на Офицерской улицѣ, было рѣшено, что преступленіе совершить открыто Соловьевъ; на Офицерской же были только общія разсужденія о дѣлѣ. Вотъ все, въ чемъ выразилось его, Кобылянскаго, участіе въ преступленіи 2-го апрѣля, а именно онъ знаетъ, что это преступленіе замышляется, знаетъ, что его долженъ совершить Соловьевъ, но не знаетъ, когда оно должно совершиться, и даже не былъ увѣренъ, что оно будетъ совершено».

Дворянинъ Александръ Квятковскій, при слѣдствіи надъ нимъ послѣ ареста по дѣлу «16-ти террористовъ», давая подробное показаніе объ организаціи народнической партіи и о другихъ преступленіяхъ, показалъ слѣдующее: «мысль о необходимости совершенія подобнаго преступленія раздѣлялась въ то время очень и очень многими, и онъ, Квятковскій, положительно утверждаетъ, что народническая организація не являлась въ этомъ событіи санкціонирующей силой, что, какъ бы она ни относилась къ оному—одобрала

или не одобряла—это не имѣло никакого значенія на совершение покушенія Александромъ Соловьевымъ. Соловьевъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ твердымъ намѣреніемъ совершить это преступленіе, мысль о коемъ возникла у него совершенно самостоятельно, независимо ни отъ какого вліянія, и ничто не могло бы остановить его. Квятковскій не отрицаетъ, что часть народнической организаціи знала о намѣреніи Соловьева, не отрицаетъ сего и относительно себя, но отрицаетъ, будто бы только на сходкѣ, на которой и онъ, Квятковскій, присутствовалъ (бывшей гдѣ-то въ гостиницѣ на Офицерской улицѣ), было рѣшено, какъ показываетъ Гольденбергъ, произвести покушеніе 2-го апрѣля. Эта сходка не имѣла никакого значенія на то, будетъ или нѣтъ совершенно преступленіе; Соловьевъ все-таки совершилъ бы оное; даже не позволилъ бы, чтобы кто другой замѣнилъ его; это была его *idée fixe*. Въ пособникахъ онъ тоже не нуждался по самымъ условіямъ дѣла, и даже лица, знавшія о готовившемся событіи, не знали о самомъ днѣ его, ибо все зависѣло отъ того, когда Соловьевъ встрѣтитъ государя императора. Онъ тоже не могъ нуждаться въ одобреніи своего намѣренія отъ народнической организаціи, или въ денежной помощи, потому что всѣ расходы ограничивались покупкою чиновничьей фуражки; револьверъ же, какъ было извѣстно, былъ купленъ еще за годъ тому назадъ. Къ сему Квятковскій присовокупилъ, что все его участіе въ покушеніи 2-го апрѣля заключалось въ знаніи о немъ, но положительно утверждалъ, что о томъ знали только бывшія на сходкѣ въ Офицерской улицѣ лица и еще нѣсколько человѣкъ изъ народнической организаціи».

Таковы условія сочувствія и партійнаго содѣйствія Соловьеву въ его замыслѣ царевубійства, а вотъ та обще-революціонная обстановка, на фонѣ которой осуществился этотъ замыселъ. О ней намъ повѣствуетъ извѣстный «шлиссельбуржецъ» Н. А. Морозовъ въ статьѣ «Возникновеніе «Народной Воли» (изъ воспоминаній о лицемъ и варшавскомъ съѣздахъ¹⁾). Повѣдавъ о раздорахъ и политическомъ несогласіи, обнаружившемся въ 1879 г. въ обществѣ «Земли и Воли», онъ говоритъ: «Всѣ попытки активной пропаганды общества «Земли и Воли» скоро кончались гибелью, а изъ спасшихся значительная часть убѣждалась въ необходимости бороться съ оружіемъ въ рукахъ съ тѣмъ общественнымъ строемъ, который погубилъ ихъ товарищей за проповѣдь идей, которыя они считали справедливыми. Въ результатѣ произошло то, что большинство членовъ петербургской группы «Земли и Воли» стали, какъ я тогда выражался, неопартизанами, т. е. превратились въ боевую дружину, борющуюся съ оружіемъ въ рукахъ за политическую свободу для всѣхъ. Они выпускали свои предупрежденія и заявленія

¹⁾ «Былое» 1906 г., декабрь.

отъ имени «исполнительнаго комитета русской соціально-революціонной партіи», печать которой я хранилъ у одного изъ старѣйшихъ литераторовъ того времени.

Тѣ же, которые все же еще не рѣшались выговорить страшный для нихъ, но выдвигаемый самой жизнью девизъ: «борьба за политическую свободу», по большей части осуществляли ту же программу, но только не возводя ее въ теорію. Они говорили, что только мстятъ своимъ врагамъ за погубленныхъ ими товарищей, но что главное средство борьбы, къ которому мы должны призывать всѣхъ, есть попрежнему: «итти въ народъ, въ деревни». Это они и проповѣдывали вездѣ среди молодежи, особенно настаивая на томъ, что въ случаяхъ вооруженной борьбы; личность царя и членовъ царской семьи должны быть неприкосновенны. Открытыя дѣйствія противъ царя, говорили они, вызвали бы взрывъ фанатизма противъ пропагандистовъ въ крестьянствѣ и дали бы поводъ правительству прибѣгнуть къ такимъ мѣрамъ, которыя сдѣлали бы совершенно невозможной всякую соціалистическую пропаганду въ народѣ; гораздо лучше было бы поднять народъ отъ имени царя, какъ пытались сдѣлать годъ тому назадъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ Дейчъ и Стефановичъ. Представительный же образъ правленія привелъ бы, по ихъ мнѣнію, только къ развитію буржуазіи въ Россіи, какъ это случалось во всѣхъ иностранныхъ монархіяхъ и республикахъ. Рабочему народу онъ принесъ бы только вредъ.

Съ этимъ большинство изъ насъ, какъ республиканцевъ въ душѣ, не могло согласиться, и потому въ нашей петербургской группѣ начался такой же расколъ, какъ уже былъ у насъ въ редакціи «Земли и Воли». Во главѣ противниковъ новаго пути сталъ Плехановъ и мой будущій товарищъ по Шлиссельбургской крѣпости Михаилъ Поповъ.

«Когда въ Петербургъ явился Соловьевъ и заявилъ обществу «Земли и Воли», черезъ Александра Михайлова, о своемъ намѣреніи сдѣлать покушеніе на жизнь Александра II, раздоръ между двумя нашими партіями достигъ крайней степени. Александръ Михайловъ, доложивъ на собраніи о готовившемся покушеніи, просилъ предоставить въ распоряженіе Соловьева (фамилію котораго онъ не счелъ возможнымъ сообщить въ общемъ собраніи) лошадь для бѣгства послѣ покушенія и кого-нибудь изъ членовъ общества, чтобы исполнить обязанность кучера.

«Произошла бурная сцена, при которой «народники», какъ называли себя будущіе члены общества «Черный Передѣлъ», съ крикомъ требовали, чтобы не только не было оказано никакого содѣйствія пріѣхавшему на цареубійство, но чтобы самъ онъ былъ схваченъ, связанъ и вывезенъ вонъ изъ Петербурга, какъ сумасшедшій. Но большинство оказалось другого мнѣнія, и объявило, что хотя и не будетъ помогать Соловьеву отъ имени всего общества, въ виду

обнаружившихся разногласій, но ни въ какомъ случаѣ не запретить отдѣльнымъ членамъ оказать ему посильную помощь. «Народники» объявили, что они сами въ такомъ случаѣ помѣшаютъ исполненію проекта, а одинъ изъ нихъ даже воскликнулъ среди общаго шума и смятенія, что самъ убьетъ «губителя народническаго дѣла, если ничего другого съ нимъ нельзя сдѣлать!»

«Плехановъ держался болѣе тактично, чѣмъ остальные сторонники старой программы на этомъ бурномъ засѣданіи, на которомъ неизбежность распадѣнія общества «Земли и Воли» сдѣлалась очевидной почти для каждаго изъ насъ. Онъ требовалъ только, чтобы Михайловъ сообщилъ обществу фамилію этого пріѣхавшаго, но послѣдній объявилъ, что послѣ того, что онъ здѣсь слышалъ, сообщить ее стало совершенно невозможно.

«— Я знаю его фамилію,—воскликнулъ одинъ изъ присутствующихъ:—это—Гольденбергъ!..

«Гольденбергъ дѣйствительно пріѣхалъ изъ Кіева за нѣсколько дней до Соловьева съ той же самой цѣлью, но мы его отговорили, считая, что онъ, какъ еврей, можетъ вызвать такимъ поступкомъ рядъ еврейскихъ погромовъ со стороны тѣхъ элементовъ народа, которые теперь называются хулиганами. Затѣмъ мы ставили ему на видъ, что антисемиты воспользуются этимъ, чтобы исказить смыслъ его поступка.

«— Не разувѣрай,—шепнулъ Михайлову одинъ изъ присутствующихъ на совѣщаніи:— пусть гоняются за Гольденбергомъ, а Соловьевъ тѣмъ временемъ успѣетъ все сдѣлать.

«Вскорѣ послѣ этого собраніе разошлось. Кто-то изъ насъ почти тотчасъ же побѣждалъ предупредить Гольденберга, что ему грозитъ въ Петербургѣ большая опасность и что онъ долженъ немедленно уѣхать на нѣкоторое время въ провинцію. Это Гольденбергъ тотчасъ же и сдѣлалъ.

«Когда на слѣдующій день мы, сторонники политической борьбы, сошлись между собою, мы долго и серьезно обсуждали положеніе дѣлъ. Я стоялъ за то, что если разрывъ, какъ это выяснилось вчера, сталъ неизбеженъ, то самое лучшее окончить его какъ можно скорѣе, для того, чтобы и у той и у другой фракціи развязались руки для практической дѣятельности. Квятковскій и Михайловъ тоже присоединились ко мнѣ, хотя и выставляли мнѣ на видъ практическія затрудненія, которыя должны будутъ возникнуть при раздѣлѣ общихъ фондовъ организаціи, образовавшихся изъ пожертвованій богатыхъ членовъ той и другой группы... Наконецъ рѣшили, что лучше всего предоставить каждому взять въ свою группу то, что у него осталось къ данному времени, т. е. возратить каждому наличный остатокъ отъ его пожертвованій, не принимая въ расчетъ, чьи средства больше тратились до сихъ поръ на дѣла организаціи. Мы всѣ соглашались, что помогать Соловьеву, предоста-

виль самовольно въ его распоряженіе лошадей и кого-либо изъ насъ въ видѣ кучера для бѣгства съ Дворцовой площади, мы не имѣемъ права, послѣ выраженныхъ «народниками» протестовъ. Но помогать ему въ качествѣ частныхъ лицъ сейчасъ же взялись Александръ Михайловъ, Квятковскій и нѣкоторые другіе.

«Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней у нихъ состоялось специальное совѣщаніе съ Соловьевымъ, гдѣ онъ объявилъ, что рѣшилъ дѣйствовать въ одиночку, пожертвовавъ своей жизнью. Все, что было ему дано нашей группой,—это большой, сильный револьверъ особой системы, купленный однимъ изъ насъ случайно черезъ доктора Веймара¹⁾, въ домѣ котораго помѣщалось центральное депо оружія, да еще нѣсколько граммовъ сильнаго яда для того, чтобы не отдаваться живымъ въ руки опричниковъ. 1-го апрѣля 1879 г. онъ простился со всѣми своими знакомыми на квартирѣ Александра Михайлова».

III.

Въ духѣ такого же нарастанія событій показывалъ и А. Михайловъ на «процессѣ 20-ти», но, какъ болѣе Н. А. Морозова активное въ дѣлѣ 2-го апрѣля лицо, съ нѣкоторыми, не лишеными интереса подробностями, почему и приводимъ его показанія полностью²⁾. Михайловъ показывалъ: «Въ февралѣ 1879 г. Соловьевъ возвратился изъ народа съ самыми радужными воспоминаніями о немъ и съ жаждой принести для него великую пользу. Онъ задумалъ цареубійство. До 1878 года социаль-революціонная партія стремилась проводить свои идеи въ народѣ и уклонялась отъ всякой борьбы съ правительствомъ, даже и тогда, когда встрѣчало его на своемъ пути, какъ врага. Но постепенно репрессаліи правительства обострили враждебность отношеній къ нему партіи и довели дѣло, наконецъ, до рѣшительныхъ столкновеній. Особенно въ этомъ отношеніи повліяла гибель 70 человекъ въ тюрьмахъ во время дознанія по дѣлу 193-хъ, по которому было арестовано болѣе 700 человекъ, а потомъ отмѣнено ходатайство суда по этому же дѣлу для 12 человекъ. Главнымъ виновникомъ считался Мезенцовъ, за что онъ и погибъ. Послѣ него дѣятельность Дрентельна, выразившаяся въ самыхъ широкихъ погромахъ, высылкахъ и преслѣдованійхъ молодежи и т. д., обрушившихся на тѣ сферы, откуда партія черпаетъ новыя силы, побудили послѣднюю помѣряться съ новымъ шефомъ».

«Такъ завязалась борьба съ правительствомъ, которая, въ силу централизованности правительственной машины и единого санкціо-

¹⁾ Пользуюсь случаемъ, чтобы исправить сдѣланную мною ошибку: въ революціонныхъ событіяхъ того времени принималъ участіе Веймаръ, а не Веймаръ, какъ было говорено у меня.

В. Г.

²⁾ «Русская историческая бібліотека», № 4.

пирующаго начала—неограниченной власти царя,—неминуемо привела къ столкновенію съ этимъ началомъ. Такъ, въ 1879 г. революціонная мысль единицъ уже работала въ этомъ направленіи, и однимъ изъ такихъ былъ Соловьевъ, натура чрезвычайно глубокая; ищущая великаго дѣла, которое бы за разъ подвинуло значительно впередъ къ счастью судьбу народа. Онъ видѣлъ возможность такого шага впередъ—въ царевубійствѣ.

«По приѣздѣ въ Петербургъ, не найдя тамъ никого изъ своихъ близкихъ знакомыхъ, кромѣ меня, и зная, что я близко стою къ органу партіи «Земли и Воли», онъ открылъ мнѣ свою душу. Я въ то время не составилъ еще себѣ положительнаго мнѣнія по этому вопросу, но и моя мысль уже работала въ этомъ направленіи. Поэтому я не сталъ его разубѣждать, имѣя въ виду, кромѣ того, что разъ составившееся его рѣшеніе поколебать невозможно. Мало того, я считалъ себя обязаннымъ помочь ему, если это будетъ нужно.

«Черезъ нѣсколько дней послѣ откровенной бесѣды Александръ Константиновичъ (Соловьевъ) попросилъ достать ему яду. Я пообѣщаль это сдѣлать, но многочисленныя занятія помѣшали мнѣ исполнить его просьбу. Своего намѣренія совершить покушеніе Соловьевъ въ то время еще не приурочивалъ къ опредѣленному моменту, а потому, будучи свободенъ, помогаль мнѣ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ. Такъ прошло болѣе мѣсяца. Совершилось удачное кропоткинское дѣло и неудачное покушеніе на Дрентельна. Страсти враждебныхъ лагерей достигли наибольшаго напряженія.

«Въ серединѣ марта приѣхаль въ Петербургъ Гольденбергъ, нашель меня и Зунделевича и сообщилъ намъ о своемъ намѣреніи также итти на единоборство съ Александромъ Н. Я видѣлъ, что Гольденбергъ сильно агитированъ своимъ успѣхомъ въ Харьковѣ, но что, несмотря на это, онъ нуждается въ нѣкоторомъ давленіи, одобреніи со стороны товарищей. Узнавъ отъ него о цѣли приѣзда, я не сталъ распространяться съ нимъ о подробностяхъ и при первомъ же случаѣ сообщилъ о немъ Соловьеву. Соловьевъ пожелаль съ нимъ видѣться и говорить. Бесѣда должна была быть, сообразно съ важностью дѣла, въ высшей степени интимна, а они одинъ другого не знали. Поэтому я, Зунделевичъ и Квятковскій сочли своимъ долгомъ быть посредниками между ними—своею близостью къ обоимъ придать встрѣчѣ характеръ задушевности и вмѣстѣ съ тѣмъ высказать наши мнѣнія, которыя были далеко небезынтересны тому и другому.

«И дѣйствительно, вскорѣ состоялось нѣсколько схонокъ въ трактирахъ. Разговоры на нихъ были оживленные; теоретически вопросъ обсуждался всѣми нами, но мы, посредники, старались избѣгать давленія на тѣхъ, для кого это былъ вопросъ жизни и смерти. Мы трое въ то время еще не были приготовлены къ самопожертвованію и чувствовали это. Сознаніе такого нашего положенія между двумя обрѣкавшими себя отнимало у насъ всякую нравственную

возможность принять участіе въ выборѣ того или другого. Мы предоставили вполнѣ избраніе ихъ свободному соглашенію.

«Я не могу не сознаться, однако, что нѣсколько не довѣрялъ рѣшимости Гольденберга и глубинѣ его мотивовъ. Александру Константиновичу же я безусловно вѣрилъ и считалъ, что только такой человѣкъ можетъ возложить на свои плечи подобный подвигъ. Выяснены были совмѣстно свойства и условія, необходимыя для исполнителя. Поставлено было на видъ, что необходимо избѣгать возможности дать поводъ правительству обрушиться своими репрессаліями на какое-либо сословіе или національность. Обыкновенно, правительство послѣ такого событія ищетъ солидарности между виновникомъ и средой, изъ которой онъ вышелъ. Съ поляка и еврея перенесли бы обвиненіе на національную вражду, и на голову цѣлыхъ милліоновъ упали бы новыя тяжести. Соловьевъ особенно принялъ къ сердцу это соображеніе. Оно побудило его покончить дѣло безповоротнымъ рѣшеніемъ, навсегда памятнымъ словами: «Нѣтъ, только я удовлетворяю всѣмъ условіямъ. Мнѣ необходимо итти. Это мое дѣло. Александръ II—мой, и я его никому не уступлю».

«Ни Гольденбергъ, ни мы не сказали ни слова. Гольденбергъ, очевидно, почувствовалъ силу нравственнаго превосходства и уступилъ безъ спора; онъ только просилъ, чтобы Соловьевъ взялъ его, какъ помощника. Но условія единоборства, при которыхъ возможно было дѣйствовать только моментально, и то, что всякое лишнее лицо могло возбудить подозрѣніе, побудило Александра Константиновича отвергнуть и это предложеніе. Время, мѣсто и способъ совершенія покушенія помогли Соловьеву обойтись безъ всякой серьезной помощи съ нашей стороны».

При такихъ условіяхъ и въ такой обстановкѣ состоялось соглашеніе по убіенію Александра II, которое и принялъ на себя всецѣло единолично Соловьевъ. 1-го апрѣля онъ простился съ товарищами на квартирѣ Михайлова, а 2-го утромъ онъ уже направилъ дуло револьвера на гулявшаго неподалеку отъ Зимняго дворца государя императора. Фактическая сторона разсказана въ № 4 «Листка Земли и Воли» такъ:

«2-го апрѣля, въ 9 час. утра, произошло покушеніе на жизнь царя. Царь имѣетъ обыкновеніе рано утромъ совершать небольшую прогулку отъ праваго подъѣзда Зимняго Дворца, вокругъ зданія сельско-хозяйственнаго музея (между Главнымъ штабомъ, дворцомъ и Мойкой) и обратно. Мѣстность эта, и вообще очень уединенная, рано утромъ посѣщается развѣ двумя-тремя случайными прохожими; но царя сопровождаютъ человѣкъ 50 жандармовъ, городскихъ и шпіоновъ. Когда царь, обогнувши зданіе сельско-хозяйственнаго музея, шелъ отъ Пѣвческаго моста къ Дворцовой площади, на тротуарѣ его встрѣтилъ человѣкъ, оказавшійся впослѣдствіи Александромъ Константиновичемъ Соловьевымъ, и выстрѣлилъ въ него на разстояніи двухъ-трехъ шаговъ. Царь, слѣдившій еще издали за

Соловьевымъ, уклонился въ сторону въ моментъ выстрѣла и бросился бѣжать къ Главному штабу. Соловьевъ погнался за нимъ, дѣлая выстрѣлъ за выстрѣломъ; городовые бросились на Соловьева ¹⁾. Царь споткнулся, запутавшись въ своей шинели, и упалъ, а Соловьева между тѣмъ схватили, и онъ успѣлъ сдѣлать въ свою защиту только одинъ выстрѣлъ, ранивши въ щеку одного изъ нападавшихъ. Тогда Соловьевъ проглотилъ бывший у него ядъ (ціанъ-калий), который, однако, оказался настолько разложившимся, что не произвелъ моментальной смерти; подоспѣвшіе доктора успѣли продолжить для пытокъ и казни жизнь Соловьева».

Дѣйствительно, Соловьеву не удалось отравиться, и призванный профессоръ фармаціи Трапцъ сумѣлъ извлечь изъ внутренностей арестованнаго проглоченный имъ ядъ, несмотря на сдѣланное ему исполнительнымъ комитетомъ «Земли и Воли» грозное предостереженіе, гдѣ было сказано:

«Исполнительный комитетъ, имѣя причины предполагать, что арестованнаго за покушеніе на жизнь Александра II Соловьева, по примѣру его предшественника Каракозова, могутъ подвергнуть при дознаніи пыткамъ, считаетъ необходимымъ заявить, что всякаго, кто осмѣлится прибѣгнуть къ такому роду выпытыванія показаній, исполнительный комитетъ будетъ казнить смертью. Такъ какъ профессоръ фармаціи Трапцъ въ каракозовскомъ дѣлѣ уже заявилъ себя приверженцемъ подобныхъ пріемовъ, то исполнительный комитетъ предлагаетъ въ особенности обратить ему вниманіе на настоящее заявленіе».

По поводу событія 2-го апрѣля революціонной партіей на слѣдующій день была выпущена обширная прокламація-статья (№ 4 «Листка Земли и Воли»), гдѣ редація, изложивъ фактическую сторону покушенія, приводитъ и мотивы, которые привели ее на путь царубійства. Мотивы эти, по толкованію редакціи, сводились къ тому, что ожиданія, волновавшія общество къ началу новаго царствованія, не оправдались въ дѣйствительности, что народное благосостояніе не улучшилось, что интеллигенція не получила тѣхъ правъ участія въ государственномъ управленіи, на которыя она рассчитывала, что надъ жизнью этой интеллигенціи постоянно висятъ репрессіи, каковыя особенно наглядно выражаются въ массовыхъ арестахъ, въ казняхъ и преслѣдованіяхъ мирной дѣятельности социалистовъ. Вся прокламація написана въ рѣзкомъ тонѣ и представляетъ собою безпощадную критику царствованія Александра II, за 24 года какового составители прокламаціи не могли найти ни одной свѣтлой страницы, не сумѣли отмѣтить ни одной полезной народу реформы.

¹⁾ Между прочимъ нельзя не отмѣтить, что во время покушенія Соловьева на площади Зимняго дворца находились нѣкоторые члены революціонной партіи, наблюдавшіе за всей драматической сценой. Б. Г.

IV.

Послѣ благополучнаго освобожденія государя отъ угрожавшей ему опасности и по возвращеніи его въ Зимній дворець вотъ что происходило здѣсь, а также въ мѣстѣ перваго заключенія схваченнаго Соловьева, о чемъ мы знаемъ изъ дневника Н. П. Литвинова, напечатаннаго на страницахъ «Историческаго Вѣстника» за 1907 г. Онъ повѣствуетъ ¹⁾:

«1879 года, 2 апрѣля, понедѣльникъ, 2-й день Пасхи. «Минуть 20 десятаго часа по утру тревожный звонокъ. Василиій (камердинеръ) прибѣгаетъ и говоритъ, что въ государя стрѣляли, но, слава Богу, не задѣли, и что всѣ собираются во дворець. Одѣться въ парадную форму и быть на улицѣ—взяло не болѣе 5 минутъ. Жалкій, истрепанный «Ванька» предложилъ услуги и съ всхлипываніемъ началъ рассказывать, какъ онъ везъ барина какъ разъ подлѣ того мѣста и въ то время, какъ злодѣй стрѣлялъ. «Должно быть, изъ студентовъ», добавилъ онъ. Я сильно въ этомъ усомнился. Внизу, на Салтыковскомъ подѣздѣ встрѣчаю молодого жандармскаго офицера, съ изогнутой саблей въ рукѣ, и Мевеса. Мевесъ во время катастрофы тоже гулялъ. Услышавъ выстрѣлъ и узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ бросился сообщить Рылѣву, а затѣмъ къ моему швейцару Вейнбергу. Я побѣжалъ въ пріемную государя, разспрашивая по дорогѣ Мевеса, что онъ знаетъ. Оказалось, что у молодого жандармскаго офицера искривлена сабля оттого, что онъ ударилъ плашмя преступника, отчего тотъ упалъ на землю; тутъ его и схватили. Въ пріемной государя я встрѣтилъ графа Эдуарда Баранова, Грота, Грима, Воронцова-Дашкова и нѣкоторыхъ другихъ. У Баранова были слезы на глазахъ; кажется, его кухонный мужикъ былъ свидѣтелемъ части катастрофы и такъ какъ видѣлъ, что двое поддерживали государя, то и сообщилъ Баранову, что государь убитъ. Вотъ причина его неподдѣльнаго волненія. Вскорѣ государь вышелъ отъ императрицы, нѣсколько взволнованный, но веселый и здоровый на видъ. Онъ насъ всѣхъ перецѣловалъ, но очень разсердился на толстяка Н. Ив. Бахметева, который началъ громко рыдать и подвывать, что было весьма некстати. Государь сердитымъ голосомъ сказалъ ему, чтобы молебствіе было послѣ обѣдни; потомъ началъ рассказывать намъ, присутствующимъ, какъ все это случилось.

«Въ это время вошла Евгенія Максимиліановна съ мужемъ и сыномъ и прервала весьма для меня интересный рассказъ. Поздоровавшись съ ними, государь вошелъ въ кабинетъ, не продолжая рассказа. Выйдя изъ пріемной государя съ Воронцовымъ-Дашко-

¹⁾ «Истор. Вѣстн.», 1907 г., февраль.

вымъ, мы стоворились заѣхать къ Зурову, узнать что-нибудь о преступникѣ. Въ домѣ градоначальника насъ встрѣтилъ какой-то хожалый, предложившій намъ услуги, чтобы провести въ ту комнату, гдѣ находится стрѣлявшій. Черезъ приемную и столовую мы прошли въ небольшой коридорчикъ, изъ котораго дверь вела на черную лѣстницу. Поднявшись на одинъ этажъ выше, мнѣ бросилась въ глаза надпись на дверяхъ: «отдѣленіе приключеній»; въ эту дверь мы и вошли. Тутъ мы увидѣли очень длинный коридоръ, образованный съ одной стороны окнами, а съ другой стороны—деревянной бѣлой стѣной съ нѣсколькими дверями. Первая дверь направо вела въ темную комнату, биткомъ набитую солдатами въ полной амуниціи съ ружьями,—это караулъ. Обязательный хожалый отворилъ дверь въ слѣдующую комнату, со словами: «онъ тутъ». Въ длинной, но свѣтлой комнатѣ въ одно окно было порядочно много народу. Тутъ были и статскіе, и военные въ адъютантской формѣ, и полицейскіе; тутъ же былъ и Федоровъ, помощникъ градоначальника. Налѣво, на кожаномъ диванѣ, въ полулежачемъ, въ полусидячемъ положеніи находился молодой человекъ, лѣтъ около тридцати, высокаго роста, съ длинными русыми волосами и тонкими бѣлесоватыми усами. Онъ былъ въ толстомъ осеннемъ пальто, лѣвая рука его покоилась на колѣнѣ, головою онъ уткнулся въ уголъ дивана и правую рукою подпиралъ щеку. Онъ имѣлъ видъ человекъ въ обморочномъ состояніи. Подъ ногами на полу были двѣ лужи. Федоровъ мнѣ объяснилъ, что его рвало; полагаетъ что, онъ отравился, а потому давалъ ему пить молоко. На это я замѣтилъ, что слѣдовало бы обратиться за врачебною помощью; но за врачами разсылали въ разныя стороны и никого не нашли. Тогда я предложилъ имъ послать во дворецъ за Головинымъ, котораго я только что видѣлъ и котораго, конечно, тамъ застанутъ.

«Юный жандармскій офицеръ, тотъ самый, у котораго изогнутая пашка не входила въ ножны, съ восторгомъ принялъ мое предложеніе, только просилъ меня провести его по комнатамъ дворца и вмѣстѣ отыскать Головина.

«Дорогой онъ съ увлеченіемъ рассказывалъ, какъ кинулся на преступника и какую историческую роль разыграла его тульская шпаконка. Видно было, что онъ отъ радости не чувствовалъ земли подъ собой, и роль спасителя пріятно ему улыбалась. Головина нашли, и онъ немедленно поѣхалъ въ домъ Зурова.

«Къ 12 часамъ ротонда передъ малой церковью и весь коридоръ были биткомъ набиты народомъ. Я насилу протискался въ ротонду, тѣснота была такая страшная, что во время молитвы съ колѣнопреклоненіемъ не всѣ могли стать на колѣни. По окончаніи службы, государь поцѣловался со всѣми бывшими тамъ дамами. Подъ руку съ императрицей государь тихо двигался въ толпѣ, которая рвалась поцѣловать его руку или въ плечо. Черезъ свою

приемную государь прошелъ въ комнаты императрицы и черезъ «золотую» гостиную направился въ бѣлый залъ, гдѣ собраны были всѣ чины гвардіи, флота и арміи.

«Оглушительное «ура» встрѣтило государя. Когда онъ сдѣлалъ знакъ рукою, что хочетъ говорить, мгновенно послѣдовало молчаніе, и я изъ «золотой» гостиной ясно слышалъ его ровный и на этотъ разъ довольно громкій голосъ, безъ признаковъ хрипоты. Меня удивило то, что сильное волненіе и неизбѣжное утомленіе не оборвали его всегда слабого голоса. Что онъ говорилъ, я раз-слышать не могъ, потому что былъ слишкомъ далеко; за концомъ его рѣчи опять былъ взрывъ восторга».

Вотъ слова государя, приведенныя въ его жизнеописаніи С. С. Татищевымъ ¹⁾:

«Я глубоко тронуть и сердечно благодарю за чувства преданности, выраженные вами. Сожалѣю только, что поводомъ къ этому послужилъ столь грустный случай. Богу угодно было въ третій разъ ²⁾ избавить меня отъ вѣрной смерти, и сердце мое преисполнено благодарности за Его милости ко мнѣ. Да поможетъ Онъ мнѣ продолжать служить Россіи и видѣть ее счастливою и развивающеюся мирно, какъ я того желалъ бы! Благодарю васъ еще разъ».

«Признаюсь, что любопытство страшно тянуло меня къ преступнику; я поддался легкости доступа въ моемъ мундирѣ и опять отправился въ домъ Зурова,—продолжаетъ свое повѣствованіе Литвиновъ.—На этотъ разъ меня ввели въ комнату, смежную съ той, гдѣ сидѣлъ несчастный. Это былъ обширный покой въ два или три окна, со многими столами,—ясный признакъ канцеляріи. На диванѣ за столомъ сидѣли нѣсколько штатскихъ,—то были доктора. Тутъ же былъ помощникъ Дрентельна, свиты его величества генералъ-майоръ Черевинъ. Я прямо прошелъ въ слѣдующую комнату, гдѣ былъ Зуровъ. Тамъ обстановка перемѣнилась. Диванъ стоялъ уже не подлѣ стѣны, а посреди комнаты; на немъ во всю длину лицомъ къ свѣту лежалъ преступникъ. Волосы его были всклокочены, лицо блѣдное и истомленное, глаза нѣсколько мутны. Его передъ тѣмъ только что сильно рвало, благодаря рвотнымъ средствамъ. Въ него влили нѣсколько противоядій, и они, конечно, произвели на него дѣйствіе, совсѣмъ не подкрѣпляющее силы. Подлѣ него на полу стояла умывальная чашка съ порядочнымъ количествомъ блевоты; въ ней замѣтны были кровавыя прожилки. Вѣроятно, только что передъ моимъ приходомъ онъ очнулся и почувствовалъ себя легче (хорошо, должно быть, это легче!). Онъ

¹⁾ «Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе», т. 2

²⁾ Покушенія Каракозова и Березовскаго.

попросилъ папироску, и кто-то съ необыкновенною предупредительностью подскочилъ къ нему съ ящичкомъ спичекъ и старательно циркалъ ихъ. У изголовья преступника, граціозно облокотившись на ручку дивана и элегантно изогнувшись надъ нимъ, стоялъ господинъ среднихъ лѣтъ въ вицмундирѣ съ судейскимъ значкомъ и съ пресладкой улыбкой на устахъ. Замѣтивъ, что преступникъ заговорилъ и, послѣ нѣсколькихъ затяжекъ, какъ будто успокоился, онъ вкрадчивымъ голосомъ сдѣлалъ нѣсколько незначащихъ вопросовъ, на которые молодой человекъ отвѣтилъ спокойнымъ и ровнымъ голосомъ. Улыбнувшись еще слаще и нагнувшись еще ниже, онъ вдругъ началъ такую рѣчь:

«Вы знаете, что въ вашемъ положеніи полная откровенность поведетъ къ тому благому результату, что никто изъ невинныхъ не пострадаетъ, тогда какъ въ противномъ случаѣ...» Преступникъ тихо приподнялся на локтѣ, посмотрѣлъ ему удивленно въ глаза и, махнувъ рукой, улегся снова на диванъ съ явнымъ намѣреніемъ умереть, но не отвѣчать. Признаюсь, я покраснѣлъ отъ стыда за этого служителя русской Немезиды. Можно ли было такъ глупо-рутинно говорить съ человекомъ, который, разумѣется, пошелъ на явную смерть и, конечно, предвидѣлъ допросы и въ воображеніи своемъ рисовалъ, можетъ быть, и будущія пытки.

«Признаюсь, мнѣ стыдно было оставаться въ комнатѣ и, невольно подражательно махнувъ рукой, я ушелъ въ слѣдующую комнату, гдѣ разсуждали эскулапы. Туда пріѣхалъ профессоръ Трапшъ, патентованный фармацевтъ. Его бывшіе ученики показывали ему орѣшекъ, залѣпленный воскомъ и сургучомъ; по ихъ мнѣнію, оправданному Трапшомъ, въ орѣшкѣ содержалась синильная кислота. Трапшъ сказалъ, что если бы преступникъ разгрызъ орѣхъ и проглотилъ его содержимое, то давно бы умеръ. Нужно полагать, что другого запасного орѣшка у него не было, что первоначальная рвота была слѣдствіемъ волненія и, вѣроятно, нѣсколькихъ ударовъ, а кровавыя прожилки, можетъ быть, произошли отъ усиленныхъ противоядій и рвотныхъ средствъ. По всему видимому можно заключить, что преступникъ будетъ здоровъ и жизнь его подвергается опасности не отъ отравленія: На первомъ предварительномъ дознаніи онъ показалъ, что состоитъ чиновникомъ министерства юстиціи и по фамиліи Соколовъ. Убѣжденъ, что показаніе его ложно».

Вскорѣ личность его была дознана и выяснено, что это былъ именно Александръ Константиновичъ Соловьевъ.

Первымъ ближайшимъ слѣдствіемъ печальнаго событія 2-го апрѣля было совѣщаніе высшихъ сановниковъ въ кабинетѣ государя въ Зимнемъ дворцѣ и въ его присутствіи, сдѣлавшее тѣ постановленія о чрезвычайныхъ охранахъ и установленіяхъ генераль-губер-

наторской власти, о которыхъ въ своемъ мѣстѣ мы говорили и на которыхъ съ особенною силою настаивалъ Катковъ, писавшій въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 82 за 1879 г.): «Еще ли государственнй мечъ будетъ коснѣть въ своихъ ножнахъ? Еще ли не пора явить святу ю силу власти во всей грозѣ ея величія? Ея проявленій на страхъ врагамъ ждетъ, не дож дется негодующій народъ, безпрерывно оскорбляемый въ своей святынѣ... Пора и всѣмъ нашимъ умникамъ прекратить праздномыслие и празднословіе, выкинуть дурь изъ головы и возвратиться къ честному здравому смыслу. Пора нашему обществу и всѣмъ стоящимъ во главѣ его найти заглохшій путь къ народной святынѣ, внѣ которой для насъ нѣтъ спасенія... Пора намъ обновить въ себѣ духъ нашей исторіи, перестать быть иностранцами и стать поистинѣ дѣтьми своей страны, живую часть своего народа». Какъ ступень къ тому обновленію, онъ указывалъ на необходимость мѣръ строгости и писалъ (№ 83): «Вся сила зла заключается въ преступной организаціи, которая страшною дисциплиной тяготѣетъ надъ людьми, попавшими въ ея сѣти... Страхъ побѣждается страхомъ. Пагубный страхъ передъ темными силами можетъ быть побѣжденъ только спасительнымъ страхомъ передъ законною властью».

Информированный во всемъ, что дѣлалось во дворцѣ и что принималось въ административныхъ сферахъ, исполнительный комитетъ «Земли и Воли» все въ томъ же «Листкѣ» (№ 4) оповѣщаль своихъ читателей статью «Послѣ 2 апрѣля», гдѣ говорилъ:

Несмотря на то, что Соловьевъ не старался избѣжать и не избѣгъ застѣнковъ Петропавловской крѣпости, на слѣдующую же ночь жандармы пустились рыскать по городу. Въ эту ночь были обысканы 52 человѣка, изъ которыхъ значительную часть арестовали. Вся полиція была на ногахъ. Изъ арестованныхъ въ ночь на 3 апрѣля мы, за недостаткомъ мѣста, назовемъ въ настоящемъ «Листкѣ» только людей, пользующихся положеніемъ въ обществѣ. Арестованы: дѣйствительный статскій совѣтникъ Петлигъ, директоръ государственнаго банка, и его братъ инженеръ. Присяжный повѣренный Дмитрій Стасовъ, у котораго нашли нѣсколько №№ «Общины» и «Земли и Воли»; братъ его Александръ Стасовъ, у котораго нашли 3 № «Земли и Воли». Мандельштейнгъ, преподаватель на женскихъ курсахъ. Ангинскій, надворный совѣтникъ, служащій въ государственномъ банкѣ. Докторъ Веймаръ, содержатель ортопедической лечебницы и домовладѣлецъ на Невскомъ. Николай Ольхинъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, найденный при обыскѣ у его брата, Александра Ольхина (ужь освобожденъ). Обысканы или, какъ говорятъ, арестованы всѣ родственники и прежніе знакомые Соловьева. Предоставляя себѣ перечислить остальныхъ арестованныхъ въ слѣдующій разъ, мы укажемъ въ настоящемъ «Листкѣ» только на тѣ мѣры, которыя употребляетъ правительство для «пресѣченія зла». Почти всѣмъ дворникамъ и швейцарамъ показывали карточки Соловьева, Мирскаго и нѣкоторыхъ другихъ разыскиваемыхъ полиціей личностей и спрашивали, не бывали ли эти лица у кого-либо изъ квартирантовъ; говорятъ, что шпіоны давали при этомъ деньги швейцарамъ для полученія желаемыхъ отвѣтовъ. На слѣдующій день были опубликованы уже давно (18 марта) приготовленные полиціей

правила относительно немедленной прописки паспортовъ въ городахъ: Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Ялтѣ (!) и была назначена особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ Валуева, для выработки «мѣръ». Эта комиссія уже додумалась до небывалыхъ вещей: она объявила на военномъ положеніи чуть не всю Россію...

V.

26-го мая того же года состоялось засѣданіе верховнаго уголовного суда по дѣлу Соловьева, въ коемъ обвинителемъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Д. Н. Набоковъ и защитникомъ подсудимаго присяжный повѣренный А. Н. Турчаниновъ. На разбирательствѣ Соловьевъ, конечно, ничего не могъ сказать въ опроверженіе своего дѣянія и, подтвердивъ свою принадлежность къ партіи социалистовъ-революціонеровъ, объявилъ, что они «объявили войну правительству, что они враги правительства, враги государства, онъ показалъ¹⁾, что уже съ Вербной недѣли это стремленіе въ немъ вполнѣ установилось, а твердое и обдуманное намѣреніе въ этомъ смыслѣ созрѣло на Страстной недѣлѣ. Рѣшился онъ, Соловьевъ, на этотъ поступокъ по собственной волѣ, безъ всякаго вліянія на него со стороны его единомышленниковъ по убѣжденіямъ; но тѣмъ не менѣе онъ увѣренъ, что дѣйствовалъ вполнѣ въ духѣ своей партіи и что она отъ него не отречется въ этомъ дѣлѣ. Прежде онъ, Соловьевъ, ходилъ въ Петербургѣ безъ оружія, но съ начала Великаго поста сталъ носить съ собою револьверъ для своей защиты въ случаѣ ареста. Сперва былъ у него револьверъ большого размѣра, длинный, системы Смита и Вессона, который онъ получилъ на Невскомъ проспектѣ отъ своего знакомаго, тоже социалиста-революціонера, извѣстнаго ему только подъ именемъ Федьки или Федора и носившаго прозваніе «Волкъ»; но такъ какъ этотъ револьверъ былъ неудобень, по своему устройству и величинѣ, для ношенія въ карманѣ, то онъ объ этомъ сказалъ Федору, который замѣнилъ его другимъ, тѣмъ самымъ, изъ котораго онъ 2-го апрѣля стрѣлялъ въ государя императора. Ни за первый, ни за второй револьверъ онъ Федору ничего не платилъ, такъ какъ, по объясненію Соловьева, «у нихъ не принято платить деньги за вещи, которыя берутся ими одинъ у другого». Чтобы удобнѣе было носить револьверъ, сестра его Елена, по его просьбѣ, вшила въ брюки его клеенчатый карманъ, а замшевый карманъ въ пальто вшилъ онъ самъ для той же цѣли въ домѣ родителей своихъ, но этого видѣть никто не могъ. Патроны къ этому револьверу были имъ самимъ куплены въ оружейномъ магазинѣ на Большой Морской, въ среду или четвергъ на

¹⁾ Прибавленіе къ № 1162 газеты «Новое Время» за 1879 г.

Страстной недѣлѣ. О намѣреніи его покуситься на жизнь государя никто изъ родныхъ его не зналъ. Въ послѣдній разъ онъ видѣлся со своими родными въ пятницу на Страстной недѣлѣ, 30-го марта, почеваль у нихъ на это число, и при прощаніи сказалъ, что уѣзжаетъ въ Москву, хотя вовсе и не думалъ объ этомъ. Прежде онъ носилъ постоянно маленькую бородку, а вечеромъ въ пятницу на Страстной недѣлѣ сбрилъ ее въ одной изъ парикмахерскихъ на Невскомъ. Ночь съ пятницы на субботу провелъ онъ у проститутки, адреса которой не объяснилъ. Съ субботы 31-го марта на воскресенье 1-го апрѣля ночеваль онъ у Николая Богдановича, у котораго иногда бывалъ, такъ какъ съ нимъ и женой его, Маріей Богдановичъ, знакомъ еще со времени пребыванія своего въ Торопецкомъ уѣздѣ. Пришелъ онъ къ нимъ часовъ въ 11 вечера, закусилъ съ Николаемъ Богдановичемъ и потомъ легъ спать въ одной комнатѣ съ нимъ и его женою, какъ это иногда случалось и прежде. О намѣреніи своемъ покуситься на цареубійство онъ Богдановичамъ ничего не говорилъ и они объ этомъ ничего не могли знать, иначе бы онъ не рѣшился ночевать у нихъ почти наканунѣ совершеннаго имъ покушенія. Прощаясь утромъ на первый день праздника съ Богдановичами, онъ сказалъ имъ, что уѣзжаетъ въ Москву и болѣе съ ними не увидится. Послѣ чего онъ болѣе у Богдановичей не былъ и никого изъ нихъ нигдѣ не встрѣчалъ. По уходѣ отъ нихъ онъ прошелъ на Невскій проспектъ повидаться съ пріятелемъ, котораго назвать отказался, а потомъ весь первый день Свѣтлаго праздника прогулялъ на улицахъ, заходя въ портерныя, а часовъ въ 12 ночи взялъ на Невскомъ какую-то проститутку и отправился къ ней ночевать, но адреса ея не могъ указать. Ушелъ онъ отъ этой женщины 2-го апрѣля, въ 8 часовъ утра. Еще ранѣе 2-го апрѣля онъ нѣсколько разъ по утрамъ выходилъ на уголъ Невскаго и Адмиралтейской площади для наблюденія за выходомъ государя и направлениемъ его во время прогулки. Для большаго отклоненія подозрѣній при встрѣчѣ его съ государемъ императоромъ Соловьевъ въ пятницу на Страстной недѣлѣ купилъ въ одномъ изъ магазиновъ Гостиного двора форменную гражданскаго вѣдомства фуражку съ кокардой, которую надѣвалъ всего два раза. Уйдя отъ проститутки и погулявъ нѣкоторое время по Невскому до того часа, когда государь обыкновенно выходитъ на прогулку, онъ пошелъ ко дворцу, походилъ немного по Адмиралтейской площади, по Пѣвческому мосту, пересѣкалъ площадь и, дойдя до угла гвардейскаго штаба, пошелъ по тротуару къ Мойкѣ навстрѣчу къ государю императору, вышедшему изъ-за угла гвардейскаго штаба, обращеннаго къ Мойкѣ. Рассказавъ далѣе, въ главныхъ чертахъ, согласно съ свидѣтелями-очевидцами, обстоятельства самаго факта покушенія, Соловьевъ утверждалъ, что онъ всѣ пять выпущенныхъ выстрѣловъ сдѣлалъ въ государя. Во время задержанія его сбѣжавшимся народомъ, сва-

лившимъ его съ ногъ, онъ, падая на землю, внизъ лицомъ, раскусилъ бывший у него во рту орѣхъ и высосалъ изъ него ядъ.

Судъ особенно интересовался вопросомъ о револьверѣ, бывшемъ у Соловьева. Выяснилось, что этотъ револьверъ оказался проданнымъ изъ оружейнаго магазина подъ фирмою «Центральное депо оружія», какъ удостовѣрилъ владѣлецъ магазина Венигъ, 10-го мая 1878 года, за 30 рублей доктору Оресту Веймару, въ домѣ котораго въ то время помѣщался означенный магазинъ, причемъ свидѣтель Венигъ объяснилъ, что Веймаръ ему говорилъ, что онъ покупаетъ револьверъ не для себя, а для какого-то знакомаго своего. Спрошенный по этому поводу докторъ Веймаръ подтвердилъ фактъ покупки въ магазинѣ Венига револьвера, похожаго на отобранный у обвиняемаго Соловьева, объяснивъ, что револьверъ этотъ онъ купилъ для какого-то посѣщавшаго его въ качествѣ пациента господина, называвшаго себя Севастьяновымъ, который просилъ его купить для него револьверъ большого калибра, обыкновенно употребляемый для медвѣжьей охоты. Послѣ этой покупки, сдѣланной во время послѣдняго посѣщенія его Севастьяновымъ, онъ послѣдняго болѣе не видѣлъ и ничего о немъ не слышалъ. Принятыми при слѣдствіи мѣрами не обнаружено, кто такой былъ упомянутый Севастьяновъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ покупки револьвера Веймаромъ въ магазинъ Венига заходилъ какой-то господинъ, спрашивавшій патроны къ бывшему съ нимъ револьверу, при чемъ господинъ этотъ, на вопросъ приказчика означеннаго магазина Венига, призналъ, что это тотъ самый револьверъ, который былъ купленъ докторомъ Веймаромъ. О дальнѣйшей судьбѣ этого револьвера до того, какъ онъ попалъ въ руки Соловьева, слѣдствіе не могло добыть никакихъ данныхъ. Далѣе Венигъ и его приказчикъ признали въ Соловьевѣ того именно человѣка, который на Страстной недѣлѣ купилъ въ ихъ магазинѣ коробку съ полсотней патроновъ для револьвера большого калибра.

Весь эпизодъ съ револьверомъ, очень неясный въ смыслѣ указанія на передачу его Соловьеву докторомъ Веймаромъ, былъ, однако, въ слѣдствіи судомъ поставленъ Веймару въ обвиненіе, какъ пособничество Соловьеву въ его преступленіи 2-го апрѣля, вслѣдствіе чего Веймаръ и былъ осужденъ и приговоренъ къ каторжнымъ работамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ въ настоящее время люди, близкіе къ тогдашнимъ событіямъ въ революціонной жизни, категорически констатируютъ, что Веймаръ къ дѣлу 2-го апрѣля никакого прикосновенія не имѣлъ и не былъ даже посвященъ въ замыслы и переговоры террористовъ. Тѣмъ не менѣе Веймаръ, хотя лицо и близкое и активное въ дѣлахъ тогдашней революціи, пострадалъ по суду именно по дѣлу 2-го апрѣля.

Резолюція верховнаго суда надъ Соловьевымъ была объявлена въ слѣдующей формѣ: «1879 года, мая 25-го дня, верховный уголов-

ный судъ, выслушавъ дѣло объ отставномъ коллежскомъ секретарѣ Александрѣ Константиновичѣ Соловьевѣ, обвиняемомъ въ государственныхъ преступленіяхъ и признавая его виновнымъ въ томъ, что онъ, принадлежа къ преступному сообществу, стремящемуся къ ниспроверженію путемъ насильственного переворота существующаго въ Россіи государственнаго и общественнаго строя, 2-го апрѣля 1879 года, въ 10-мъ часу утра, въ С.-Петербургѣ, съ намѣреніемъ, заранѣе обдуманномъ, посягая на жизнь священной особы государя Императора, произвелъ въ Его Императорское Величество нѣсколько выстрѣловъ изъ револьвера, опредѣлилъ: подсудимаго отставного коллежскаго секретаря Александра Соловьева, за учиненное имъ преступленіе, на основаніи статей 241, 249, 17 п. 1 и 18 уложенія о наказаніяхъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни черезъ повѣшеніе».

Приговоръ суда былъ приведенъ въ исполненіе 28 мая въ 10 час. утра на Смоленскомъ полѣ. Согласно показаніямъ тогдашняго репортажа¹⁾, «съ самаго ранняго утра густая масса народа обложила обширное поле со стороны Средняго просп. Васильевскаго острова. Прибывшіе ранѣе взгромоздились на находящіяся здѣсь постройки и торчащія рядомъ каменные стѣны. Эти послѣднія, съ виднѣвшимися за ними группами людей, издали представлялись какъ бы нарочно воздвигнутыми подмостками; точно также весь путь, по которому ожидался проѣздъ колесницы съ преступникомъ, въ особенности Большой просп. былъ буквально запруженъ публикой. Середина улицы была оставлена свободною, но зато на тротуарахъ, въ окнахъ, на балконахъ и на пересѣченіяхъ линій—всюду толпилась масса людей. Среди публики, по преимуществу принадлежавшей къ низшимъ слоямъ общества, можно было видѣть немало женщинъ, явившихся сюда даже въ сопровожденіи маленькихъ дѣтей». Указавъ на части войска, командированныя къ мѣсту совершенія казни, на ихъ размѣщеніе, репортеръ «Новаго Времени» отмѣчаетъ, что, кромѣ него, допущеннаго въ самый кругъ имѣющаго совершиться печальнаго дѣйствія, присутствовали еще представители редакцій «Figaro» и «Monde Illustré», г. Дикъ-де-Линде и его пріятель, отмѣчавшіе въ записной книжкѣ карандашомъ вырисовывавшія сцены. По описанію газеты, «самый эшафотъ, воздвигнутый на серединѣ Смоленскаго поля и доступный для простаго невооруженнаго глаза съ крайнихъ его рубежей, состоялъ изъ деревяннаго помоста, въ формѣ правильнаго прямоугольника, длиною 4, а шириною 2 $\frac{1}{2}$ сажени. Помость обрамленъ рѣшеткою изъ желѣзныхъ прутьевъ, и только спереди, въ серединѣ оставлено отверстіе въ аршинъ. Къ этому мѣсту прилаженъ входъ на помость. Это небольшая лѣстница съ четырьмя ступеньками. Къ серединѣ продольныхъ

¹⁾ «Новое Время», 1879 г. № 1165.

стѣнокъ помоста прикрѣплены двѣ деревянныя жерди, вышиною въ $2\frac{1}{2}$ сажени, вверху соединенныя поперечною перекладиною. Къ этимъ жердямъ прикрѣплена веревка, не особенно толстая, въ родѣ тѣхъ, которыми обвязываютъ большіе чемоданы, приблизительно въ діаметрѣ $\frac{1}{5}$ вершка. Концы веревки, продѣтые черезъ кольца, прилаженные къ поперечной перекладинѣ, оканчиваются двумя круглыми петлями, изъ которыхъ одна, при исполненіи казни, имѣеть значеніе запасной петли. Въ шагахъ двухъ за висѣлицею, вблизи задняго края помоста, въ середину небольшого круглаго возвышенія вдѣланъ такъ называемый позорный столбъ. На этомъ столбѣ, имѣющемъ форму восьмигранника и въ діаметрѣ около $\frac{1}{4}$ арш., съ наружной стороны прилажены двѣ цѣпи, оканчивающіяся наручными кандалами. Онѣ употребляются въ дѣло, когда у позорнаго столба стоитъ преступникъ, приговоренный къ каторжной работѣ. Къ площадкѣ, облегающей позорной столбъ, ведутъ три ступеньки. Наконецъ, неизбѣжную принадлежность эшафота для совершенія казни черезъ повѣшеніе составляетъ скамейка, на которую окончательно возводится преступникъ. Помостъ, висѣлица, позорный столбъ, ступеньки и скамейка окрашены въ черный цвѣтъ. Непосредственно за помостомъ находился заранѣе приготовленный простой черный гробъ, длиною 2 арш. 11 вершк. Гробъ былъ покрытъ рогожею. Въ $9\frac{1}{2}$ час. на мѣсто казни прибыли: и. о. генераль-прокурора въ верховномъ уголовномъ судѣ, министръ юстиціи статсъ-секретарь Д. Н. Набоковъ, прокуроръ судебной палаты дѣйствительный статскій совѣтникъ А. А. Лопухинъ, товарищъ прокурора судебной палаты статскій совѣтникъ А. В. Бѣлостоцкій, градоначальникъ и комендантъ города, свиты его величества генералъ-майоры Зуровъ и Адельсонъ. Въ 9 час. 50 мин. показалась колесница съ преступникомъ. Впереди ѣхала въ двухъ колоннахъ сотня лейбъ-гвардіи казачьяго Атаманскаго полка, а за нею рота лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка. Затѣмъ слѣдовала колесница, окруженная цѣпью конныхъ жандармовъ. Колесница съ дороги свернула на поле, по направленію къ эшафоту. Войска передняго фаса раздвинулись, чтобы впустить въ карре колесницу, которая, подѣхавъ къ самому эшафоту; остановилась передъ ведущею къ нему лѣстницею. Колесница, запряженная парю лошадей, представляетъ собой обыкновенную русскую телѣгу, съ задней стороны которой имѣется лѣстница. Поперекъ установлена скамейка, съ прилаженными къ спинкѣ четырьмя желѣзными прутьями. Соловьевъ сидѣлъ на скамейкѣ, спиною къ лошадамъ, причеъ руки его были перевязаны сзади веревкою и прикрѣплены къ прутьямъ ремнями. На немъ было платье, въ которое обыкновенно одѣваютъ арестантовъ, принадлежащихъ къ привилегированному сословію, именно черный сюртукъ изъ толстаго солдатскаго сукна, черная фуражка безъ козырька и бѣлыя панталоны, вдѣтыя въ голенища

сапогъ. На груди у него висѣла большая черная доска, на которой были начертаны бѣлыми буквами слова: «государственный преступникъ». Едва остановилась колесница, къ Соловьеву быстро подошелъ палачъ, назначенный къ совершенію казни. На немъ надѣта красная рубаха, а поверхъ ея черный жилетъ съ длинною золотою цѣпью отъ часовъ. Подойдя къ Соловьеву, онъ сталъ быстро отвязывать ремни и затѣмъ помогъ ему сойти съ колесницы. Соловьевъ, сопровождаемый палачомъ, твердою поступью вступилъ на эшафотъ и съ тѣмъ же, какъ казалось, самообладаніемъ поднялся еще на нѣсколько ступеней и занялъ мѣсто у позорнаго столба съ завязанными позади руками. Палачъ сталъ рядомъ, правѣ его, а у самаго помоста находились два его помощника, на случай надобности. Раздалась команда—«на караулъ», палачъ снялъ съ Соловьева шапку, офицеры и всѣ служащія лица гражданскаго вѣдомства, бывшія въ мундирахъ, подняли руки подъ козырекъ. Въ это время тов. оберъ-прокурора, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бѣлостоцкій, громкимъ голосомъ читалъ подробную резолюцію верховнаго уголовного суда. Во время чтенія этой резолюціи осужденный, сохраняя, видимо, наружное спокойствіе, неоднократно озирался вокругъ. Волѣе продолжительно смотрѣлъ онъ на корреспондентовъ, стоявшихъ отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ и записывавшихъ въ свои книжки. Какъ только окончилось чтеніе приговора, къ эшафоту приблизился священникъ, въ траурной рясѣ, съ распятіемъ въ рукахъ. Сильно взволнованный, едва держась на ногахъ, приблизился служитель церкви къ Соловьеву, но послѣдній киваніемъ головы заявилъ, что не желаетъ принять напутствія, произнеся не особенно громко: «не хочу, не хочу». Когда священникъ, убѣдясь, что его послѣдняя христіанская услуга отвергнута, отошелъ и легкимъ наклоненіемъ головы какъ бы закрѣплялъ творимую имъ молитву, Соловьевъ довольно низко поклонился ему. Наступилъ послѣдній моментъ. Хоръ изъ барабанчиковъ, бывшихъ при каждомъ батальонѣ, заигралъ учащенную дробь. Ровно въ 10 час. утра на Соловьева, спустившагося на нѣсколько ступенекъ отъ позорнаго столба, надѣта была палачомъ длинная бѣлая рубаха, голова покрыта капюшономъ и длинные рукава, обмотанные вокругъ тѣла, были привязаны спереди. Процессъ введенія осужденнаго на роковую скамейку, накинута петля, скрѣпленія ея и затѣмъ выбитія изъ-подъ ногъ скамейки было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ. Въ 10 час. 22 мин. гробъ былъ внесень на эшафотъ, трупъ казненнаго палачомъ и его помощниками снятъ съ висѣлицы и уложенъ въ гробъ. Въ это время подошелъ командированный на мѣсто казни полицейскій врачъ и, удостовѣрившись по изслѣдованію венозныхъ артерій и положенію зрачковъ въ послѣдовавшей смерти, доложилъ о томъ министру юстиціи. Стасъ-секретарь Набоковъ тотчасъ уѣхалъ. Вслѣдъ за тѣмъ гробъ былъ заколоченъ, уложенъ на гудѣхавшую одноконную телѣгу и отправленъ для погребенія».

Таково обстоятельное и, пожалуй, даже картинное описание казни Соловьева, сдѣланное во всѣхъ подробностяхъ бытового антуража репортеромъ «Новаго Времени», получившимъ доступъ по близости эшафота. Въ описаніяхъ подобныхъ казней въ иныхъ случаяхъ мы не имѣемъ такихъ характерныхъ особенностей, почему и сочли небезполезнымъ въ интересахъ развитія темы нашихъ очерковъ привести здѣсь и эту страничку отечественной жизни.

Покушеніе Соловьева, какъ мы видѣли изъ указаній Н. А. Морозова, поставило передъ партіей ребромъ вопросъ о террорѣ вообще и цареубійствѣ въ частности. Преобладающее число наличныхъ членовъ въ столицѣ высказалось за «продолженіе дѣла Соловьева», но явились и горячіе его противники. Отсюда расколъ въ обществѣ «Земли и Воли», расколъ, который долженъ былъ быть неминуемо такъ или иначе ликвидированъ и при томъ ликвидированъ не только голосами петербургскихъ членовъ, но и всѣхъ тѣхъ, кто въ то время обрѣтался въ разныхъ провинціальныхъ центрахъ, стоя тамъ на томъ или иномъ дѣлѣ. Отсюда родилась мысль о необходимости съѣхаться главнѣйшимъ дѣятелямъ русской революціи въ какомъ-нибудь опредѣленномъ мѣстѣ, дабы рѣшить здѣсь судьбу общества, дальнѣйшее направленіе его дѣятельности и характеръ этой дѣятельности. Такимъ центромъ и избранъ былъ гор. Липецкъ, какъ курортъ, на который обычно съѣзжается лѣтомъ довольно значительное количество русскихъ обывателей, благодаря чему и прибытіе сюда представителей русской революціи не бросится въ глаза полиціи и возможно будетъ обо всемъ здѣсь переговорить, столкнуться и, если потребуется, и размежеваться. Вопросъ о царской крови долженъ былъ на этомъ собраніи быть окончательно рѣшенъ. Липецкій съѣздъ приобрѣталъ въ глазахъ русской революціи рѣшающее значеніе, и отсюда она ожидала лѣтомъ 1879 г. сигнала и директивы.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НАШИ ВОСТОКОВѢДЫ.

(По поводу возникновенія новаго «общества русскихъ ориенталистовъ въ С.-Петербургѣ»).

ВЫ на какомъ факультетѣ?

— На восточномъ.

— Ну, и что же, преуспѣваете?

— Да не очень, хотя работаешь добросовѣстно...

Да развѣ можно безъ практики и при томъ здѣсь, среди русскихъ, въ Петербургѣ, восточными языками заниматься?!

— Вы не китаистъ?

— О, нѣтъ, я избралъ языки Близняго Востока...

Они все-таки легче, а китайская грамота—это вѣдь нѣчто совсѣмъ неудобоваримое...

— Ну, а все-таки за четыре года изученія китайскаго языка въ здѣшнемъ университетѣ чего-нибудь достигаютъ?

— Да какъ вамъ сказать? почти что ничего...

— Быть не можетъ! Вѣдь четыре года все же чему-нибудь да учатся же по-китайски?

— Учатся, конечно, но такъ выходитъ, что если кто изъ окончившихъ курсъ въ китайскомъ отдѣленіи получить мѣсто въ нашей китайской миссіи, то ни онъ не понимаетъ китайцевъ, ни китайцы его!

Вотъ что вы обыкновенно услышите, поговоривши откровенно со студентами нашего восточнаго факультета.

Какъ ни прискорбно, но надо признаться, что наше востоковѣдѣніе поставлено у насъ до такой степени неудовлетворительно, что на это нужно, наконецъ, обратить серьезное вниманіе.

Нашъ восточный факультетъ петербургскаго университета поставленъ до того неудовлетворительно, что это бьетъ въ глаза самому непосвященному въ дѣло человѣку. Просмотрите списки профессоровъ и приватъ-доцентовъ восточнаго факультета: Жуковский, Мѣдниковъ, Смирновъ, Коковцовъ, Введенскій, Бартольдъ, Залеманъ, Поповъ, Шмидтъ, Котовичъ, Рудневъ, Ивановъ, Самойловичъ... Здѣсь нѣтъ ни одного восточнаго имени, а между тѣмъ эти господа, носящіе русскія и нѣмецкія фамиліи, преподають восточные языки, на которыхъ сами, при всѣхъ своихъ предполагаемыхъ познаніяхъ, врядъ ли въ состояніи свободно писать и объясняться.

Мнѣ возразятъ, что для практическихъ занятій со студентами при восточномъ факультетѣ существуютъ еще «лекторы» восточнаго происхожденія, но въ этомъ мало утѣшенія. Во-первыхъ, на занятія студентовъ съ этими практикантами мало обращается вниманія начальствомъ университета и малоуспѣшность въ практическихъ занятіяхъ восточными языками отнюдь не мѣшаетъ переходу студента на слѣдующій курсъ, а, во-вторыхъ, эти лекторы (Риза-ханъ, Хашабъ, Шапшалъ, Куроно, Чень и др.) получаютъ слишкомъ мизерное вознагражденіе за свои занятія въ университетѣ, а потому почти всѣ они поневолѣ имѣють еще другую службу на сторонѣ и, совершенно естественно, не посвящаютъ себя всецѣло факультету, который такъ скупо оплачиваетъ ихъ трудъ. А между тѣмъ эти практическія лекціи восточныхъ языковъ должны бы стоять на одной высотѣ съ теоретическими занятіями, такъ какъ иначе восточный факультетъ совершенно утрачиваетъ всякое значеніе въ дѣлѣ подготовки своихъ слушателей къ практической дѣятельности на Востокѣ.

Помимо восточнаго факультета, въ Петербургѣ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ существуетъ еще «учебное отдѣленіе» восточныхъ языковъ—въ настоящее время главнымъ образомъ для офицеровъ, желающихъ посвятить себя службѣ въ Средней Азійи и на нашихъ восточныхъ окраинахъ. Прежде эти курсы были въ болѣе скромныхъ размѣрахъ и носили болѣе цивильный типъ. Они состояли подъ ближайшимъ наблюденіемъ прежняго азіатскаго департамента, который теперь зачѣмъ-то переименованъ въ первый департаментъ, и имѣли цѣлью поставлять нашимъ дипломатическимъ миссіямъ на Востокѣ драгомановъ.

Насколько хороши бывали эти «драгоманъ», которые должны были раньше пробывать нѣкоторое время при нашихъ посольствахъ и миссіяхъ въ крѣпкой роли подручныхъ переводчиковъ или такъ называемыхъ «jeunes de langues», видно, на примѣръ, изъ того, что одному изъ нихъ нашъ бывшій посланникъ въ Тегеранѣ И. А. Зиновьевъ, хорошо владѣющій персидскимъ языкомъ, но вовсе не отличающійся дипломатической изысканностью обращенія, категорически заявилъ, послѣ одной торжественной ауді-

енці у шаха, что онъ попросить министерство отчислить его отъ миссіи, если онъ и впрѣдъ будетъ такъ же безбожно переверять слова его, Зиновьева, и отвѣты шаха.

Въ самое послѣднее время эти офицерскіе курсы восточныхъ языковъ предполагаютъ, какъ я слышалъ, закрыть за ихъ бесполезностью (въ чемъ можно было съ успѣхомъ убѣдиться гораздо раньше),—по крайней мѣрѣ, пріема на первый классъ курсовъ, какъ мнѣ передавали, теперь уже не производится.

Почтенный Лазаревскій институтъ въ Москвѣ, уже отпраздновавшій свой столѣтній юбилей, стоитъ со своими спеціальными классами восточныхъ языковъ, конечно, отнюдь не ниже, если не выше, только что упомянутаго разсадника «драгомановъ», не умѣющихъ переводить, и восточнаго факультета, гдѣ занимаются исключительно грамматикой, наивно воображая, что этой схоластикой должно исчерпываться изученіе восточныхъ нарѣчій.

Въ Лазаревскомъ институтѣ преподаваніе восточныхъ языковъ ведется несравненно лучше, чѣмъ на восточномъ факультетѣ, уже по одному тому, что оно поставлено тамъ болѣе практически и поручено людямъ восточнаго происхожденія. Въ 80-хъ годахъ, напримѣръ, тамъ были такіе прекрасные профессора, какъ Теръ-Назарьянцъ, Г. А. Муркосъ, М. Атая, болгаринъ С. Е. Саковъ, Л. Е. Лазаревъ, Мирза-Джаефаръ и др. Однако и здѣсь окончившіе спеціальные классы института студенты не могутъ все-таки похвалиться хорошимъ практическимъ знаніемъ восточныхъ языковъ, безъ чего, конечно, ихъ дальнѣйшая драгоманская дѣятельность является проблематической.

А между тѣмъ нашимъ дипломатическимъ чиновникамъ на Востокѣ недостаетъ именно пракческаго знанія языковъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ они живутъ и дѣйствуютъ, противоположное чему мы видимъ у всегда и вездѣ опережающихъ насъ англичанъ, которые являются на Востокѣ во всеоружіи знаній не только туземныхъ языковъ, но также и исторіи, религіи, нравовъ, законовъ, обычаевъ и т. д. тѣхъ восточныхъ странъ, гдѣ они служатъ представителями своей великой націи.

Русская дипломатія на Востокѣ, помимо всѣхъ причинъ вѣковыхъ измѣненій, которыми хронически страдаетъ наше министерство иностранныхъ дѣлъ, никогда не достигаетъ (да и не можетъ достигнуть) теоретически намѣченныхъ ею задачъ именно благодаря тому полному незнанію обстановки и языка, гдѣ приходится работать нашему «дипломату», лишенному возможности соприкоснуться непосредственно съ туземными вершителями политическихъ судебъ и поговорить съ ними на ихъ родномъ языкѣ...

Обратимся къ нашему институту восточныхъ языковъ во Владивостокѣ, только что отпраздновавшему свой 10-лѣтній юбилей.

Вглядываясь въ программу этого института и восточнаго факультета въ Петербургъ и особенно въ проведение ея, мы не замѣтимъ особой разницы въ количествѣ усвоенныхъ познаній у оканчивающихъ ту и другую школу.

Разница лишь та, что Восточный институтъ, находящійся на Дальнемъ Востокѣ, въ центрѣ жизни народовъ, языки, исторію и политическую организацію которыхъ изучаютъ студенты, въ связи съ практикующимися тамъ командировками въ страны Востока, поставленъ въ болѣе выгодное условіе, и окончившіе владѣютъ языками, тогда какъ петербургскій факультетъ, не практикующій научныхъ командировокъ студентовъ и не обладающій достаточнымъ количествомъ туземцевъ-практикантовъ, не даетъ студентамъ практическаго знанія языка, и окончившіе университетъ часто бросаютъ свою спеціальность, поступая въ учрежденія, не имѣющія ничего общаго съ ориенталистикой, какъ, на примѣръ, въ акцизъ, казначейство, государственный контроль и т. п.

Для улучшенія постановки у насъ высшаго ориентальнаго образованія необходимы многія реформы. Изъ нихъ важнѣйшими, казалось бы, должно признать слѣдующія: предоставленіе Восточному институту во Владивостокѣ университетскихъ правъ въ вопросѣ присужденія ученыхъ степеней, объявленіе конкурсовъ сочиненій по вопросамъ Востока, раздѣленіе института на три факультета—коммерческій, филологическій и юридическій. На всѣхъ этихъ факультетахъ должны читаться, на ряду съ спеціальными науками, туземные языки примѣнительно къ спеціальности, также исторія, географія и политическая организація страны, на которой та или иная группа слушателей желаетъ специализироваться; при институтѣ могли бы быть также устроены и отдѣльные курсы восточныхъ языковъ для офицеровъ.

Далѣе, институтъ долженъ быть обязательно перенесенъ изъ Владивостока въ Иркутскъ, такъ какъ его богатѣйшая, единственная въ мірѣ ориентальная бібліотека не должна подвергаться всякимъ случайностямъ военнаго времени, какъ это было въ минувшую войну съ Японіей.

Восточный факультетъ, оставаясь научно-теоретической школой, долженъ или вовсе отказаться отъ мысли практическаго обученія студентовъ восточнымъ языкамъ, или измѣнить программу—объединиться въ цѣляхъ съ Восточнымъ институтомъ.

Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о необходимости учрежденія нѣсколькихъ среднихъ ориентальныхъ школъ, гдѣ бы давалось вполне законченное образованіе и подготовлялись юноши для службы въ торговыхъ фирмахъ и административныхъ учрежденіяхъ, а также переводчики. Типомъ такихъ школъ можетъ служить ургинская переводческая—но съ расширеннымъ курсомъ наукъ.

Наконецъ, слѣдовало бы поддержать мысль нѣкоторыхъ русскихъ общественныхъ группъ на Дальнемъ Востокѣ, проектирующихъ учрежденіе русскаго сиротскаго дома ¹⁾ съ двумя отдѣленіями—для русскихъ сиротъ и туземцевъ, гдѣ бы, кромѣ русскихъ воспитателей, были туземцы, говорящіе съ дѣтьми на туземныхъ языкахъ, и приучали бы ихъ постепенно къ туземной письменности. Впослѣдствіи изъ нихъ, конечно, вышли бы прекрасные переводчики.

По опыту Англіи—только тѣ лица дѣйствительно хорошо владѣютъ и понимаютъ духъ туземнаго языка, которыя усвоили его въ дѣтскіе годы.

Введеніе же туземныхъ языковъ съ іероглифической письменностью въ нашихъ окраинныхъ гимназіяхъ, какъ теперь проектируется, врядъ ли цѣлесообразно, и, какъ показалъ опытъ, даже при наличности талантливаго педагога-оріенталиста, наши школьники, обремененные по милости министерства народнаго просвѣщенія великимъ множествомъ другихъ предметовъ, физически, въ виду переутомленія, не въ состояніи достаточно хорошо усваивать туземный языкъ, особенно его іероглифическую письменность, на изученіе которой сами туземцы тратятъ многіе годы. Тѣмъ менѣе достигаетъ цѣли преподаваніе туземныхъ языковъ въ солдатскихъ военныхъ школахъ. Если сравнительно легкіе европейскіе языки съ ихъ произношеніемъ трудно въ совершенствѣ усвоить интеллигентному человѣку, то тѣмъ болѣе затруднительно неразвитому солдату изучить туземные языки, какъ труднѣйшій въ свѣтѣ китайскій или японскій, гдѣ, съ одной стороны, многочисленные отгѣнки одного и того же звука совсѣмъ мѣняютъ его смыслъ, и гдѣ, съ другой, одно его начертаніе имѣетъ десятки своеобразныхъ чтеній. Для цѣлей и надобностей нашей восточной арміи полезнѣе было бы устроить курсы восточныхъ языковъ не для солдатъ, а для офицеровъ, и командировки ихъ за границу для усовершенствованія въ языкахъ, тѣмъ болѣе, что и служба офицера болѣе продолжительна, чѣмъ солдата, который черезъ четыре года возвратится въ деревню и быстро забудетъ, конечно, китайскую грамоту, которую едва ли онъ и смогъ одолѣть даже въ 4 года.

Слѣдуетъ еще сказать о русскихъ школахъ для туземцевъ. Покойный нашъ посланникъ въ Китаѣ Д. Д. Покотиловъ говорилъ, что чѣмъ больше азіатовъ будетъ знать русскій языкъ, тѣмъ сильнѣе будетъ среди нихъ вліяніе Россіи.

Этотъ глубоко правильный взглядъ нашель себѣ ревностнаго защитника и неутомимаго работника на поприщѣ просвѣтительной

---

¹⁾ Харбинское отдѣленіе общества русскихъ оріенталистовъ внесло проектъ въ министерство финансовъ объ учрежденіи въ Харбинѣ монгольскаго пріюта и восточной семинаріи.

дѣятельности въ Китаѣ—Я. Я. Брандта, стоящаго во главѣ русско-китайскихъ школъ, субсидируемыхъ Восточно-Китайскою желѣзною дорогою, и въ лицѣ его ближайшаго помощника, завѣдующаго русско-китайскими курсами и школою въ Хань-Коу, Г. А. Софоклова, и за это дѣло можно быть спокойнымъ, такъ какъ оно находится въ надежныхъ рукахъ. Что же касается русскихъ школъ для туземцевъ въ Монголіи, Туркестанѣ, Корей, Японіи, то, несмотря на попытки основать ихъ въ нѣкоторыхъ крупныхъ пунктахъ, ихъ до сихъ поръ очень мало. Лишь японцы за послѣдніе годы по собственной инициативѣ, безъ всякой поддержки со стороны русскихъ, учредили курсы и школы для изученія русскаго языка, который изучается также въ православной семинаріи при русской духовной миссіи, въ институтѣ иностранныхъ языковъ (Гай-кокугогакко) и въ университетѣ въ Токио (Теоку-дайгакко) ¹⁾.

Какъ видятъ читатели, наши восточныя школы или вовсе не отвѣчаютъ своему назначенію, или же требуютъ разныхъ реформъ, чтобы быть хотя сколько-нибудь сносными и отвѣчающими своимъ практическимъ цѣлямъ, такъ какъ именно эти реальныя цѣли должны тамъ стоять на первомъ планѣ.

До послѣдняго времени на эти вопіющіе дефекты мало кто обращалъ вниманія, и наше министерство иностранныхъ дѣлъ ничуть не находило противоестественнымъ и нетерпимымъ почти полную неподготовленность къ продуктивной дѣятельности большинства нашихъ восточныхъ «дипломатовъ», гораздо болѣе свѣдущихъ въ меню французскаго ресторана Кюба и въ увеселительной программѣ ночныхъ концертовъ «Акваріума», чѣмъ въ языкахъ, исторіи и жизни Востока.

И это, къ сожалѣнію, понятно, такъ какъ,—какъ это странно,—но наши чиновники на Востокѣ избираются вовсе не изъ окончившихъ курсъ въ спеціальныхъ школахъ восточныхъ языковъ, а изъ людей, не имѣющихъ ровно ничего общаго съ Востокомъ, но зато обладающихъ «протекціей».

Въ настоящее время у насъ немало молодыхъ русскихъ востоковѣдовъ, хотя бы и обучавшихся въ восточныхъ школахъ, требующихъ нѣкоторыхъ реформъ, но имъ не дають возможности работать въ этой области, такъ какъ у большинства нѣтъ «протекцій», безъ которыхъ невозможно служить и двигаться въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Этотъ прискорбный фактъ издавна сдѣлалъ наше дипломатическое вѣдомство лишеннымъ той серьезности и продуктивности, которыхъ отъ него въ правѣ ожидать общество, неволью сравнивающее нашихъ мало соответствующихъ своей спеціальной службѣ дипло-

¹⁾ Аркадій Петровъ: «Какъ защищаютъ свои интересы въ Азіи Англія и Россія». Спб. 1910 года.

матовъ съ дипломатическими чиновниками Западной Европы, старательно подготовленными къ своей карьерѣ,

Это, съ своей стороны, вызываетъ то, что многіе изъ нашихъ молодыхъ и талантливыхъ востоковѣдовъ избѣгаютъ министерства иностранныхъ дѣлъ, говоря, что «простымъ смертнымъ» въ немъ невозможно служить, такъ какъ приходится постоянно наталкиваться на оскорбительное къ себѣ отношеніе дипломатовъ «по протекціи» и ограничиваться ролью, лишенной всякой инициативы.

Это дѣленіе дипломатическихъ чиновниковъ на «черную» и «бѣлую кость», будучи само по себѣ весьма курьезнымъ, въ высшей степени вредитъ и вредило дѣлу и вызываетъ справедливую улыбку иностранцевъ.

Для тѣхъ, кому знакомъ составъ нашихъ консуловъ на Востокѣ, хорошо, напримѣръ, извѣстно, что въ исторіи нашего представительства на Дальнемъ Востокѣ былъ въ послѣднее время только одинъ случай, когда дипломатъ «черной кости», востоковѣдъ-синологъ, былъ назначенъ на постъ нашего посланника въ Пекинѣ, — и то это былъ Д. Д. Покотилловъ, высоко цѣнимый иностранцами, да притомъ въ тотъ трудный моментъ, когда отъ этого высокаго поста всѣ отказывались, такъ какъ приходилось поддерживать сильно пошатнувшійся престижъ Россіи въ Китаѣ.

Кстати замѣтимъ, что покойный Д. Д. Покотилловъ былъ совершенно исключительный русскій дипломатъ на Востокѣ, — онъ свободно говорилъ по-китайски, сумѣлъ привлечь къ себѣ симпатіи туземцевъ и открылъ новую эпоху въ сношеніяхъ Россіи съ восточными народами, обративъ вниманіе на туземную молодежь и учредивъ для нея школы и курсы русскаго языка, которые теперь наше министерство иностранныхъ дѣлъ хочетъ, кажется, уже закрыть.

Что касается Японіи, то тамъ всѣ наши дипломатическіе представители окружены цѣлой сѣтью японскихъ соглядатаевъ подъ видомъ писцовъ и переводчиковъ, распоряжающихся въ канцеляріяхъ русскихъ консульствъ, какъ у себя дома, а между тѣмъ молодые русскіе востоковѣды, которые были бы тамъ болѣе, казалось бы, у мѣста, чѣмъ азіаты-туземцы, — такъ поставлены въ нашемъ дипломатическомъ вѣдомствѣ, что бѣгутъ изъ него прочь и бросаютъ свои спеціальности.

Кажется, впрочемъ, въ самое послѣднее время на всѣ эти давно бьющіе въ глаза и только у насъ въ Россіи (живущей по инерціи заднимъ числомъ) возможные факты стали обращать наконецъ серьезное вниманіе господа востоковѣды, рѣшившіе, въ силу обстоятельствъ, сплотиться, оживить свои взаимныя связи и образовать новое «общество русскихъ оріенталистовъ».

Я говорю «новое» потому, что, по справочнымъ книжкамъ Петербурга, здѣсь существуетъ «общество востоковѣдѣнія», имѣющее даже гдѣ-то въ разныхъ городахъ свои «отдѣлы», но это

общество не можетъ похвалиться популярностью. Его дѣятельность, начатая лѣтъ 10 тому назадъ, проходитъ довольно незамѣтно, и о ней мало кто даже имѣетъ ясное понятіе. Впрочемъ, оно открыло свои курсы восточныхъ языковъ подъ претенціознымъ названіемъ «практической восточной академіи», гдѣ преподавали, конечно, русскіе. Я бывалъ на этихъ курсахъ, вѣрнѣе, урокахъ по-персидскому и японскому языкамъ. Они не привлекали никогда большой аудиторіи и успѣхомъ не пользовались. Однако «общество востоковѣдѣнія» не унываетъ и сумѣло устроить такъ, что на его пресловутую «восточную академію» государственная дума ассигновала (въ засѣданіи 9-го апрѣля) ежегодную субсидію въ размѣрѣ 7¹/₂ тысячъ рублей.

Затѣмъ «общество востоковѣдѣнія» устраивало публичныя лекціи, столь же мало успѣшныя, какъ и курсы, въ виду отсутствія мало-мальски выдающихся лекторовъ. Что же касается «отдѣловъ» общества, то не знаю, какъ и что эти отдѣлы орудовали въ другихъ мѣстахъ, на Кавказѣ же открытый въ 1901 году въ Тифлисѣ мѣстный отдѣлъ «общества востоковѣдѣнія» свелся къ выбору президіума, который никогда не собирался, и единственно что онъ сдѣлалъ, это приобрѣлъ себѣ большой, красивый и массивный шкапъ для текущей переписки, но шкапъ всегда пребывалъ пустымъ и былъ потомъ проданъ за ненадобностью. Если работа и остальныхъ «отдѣловъ» общества востоковѣдѣнія похожа на «дѣятельность» его кавказскаго отдѣла, то врядъ ли эти отдѣлы стоило открывать.

Новые ориенталисты свое общество только что открыли въ Россіи, на Востокѣ же они себя уже отчасти зарекомендовали изданіемъ своего журнала «Вѣстникъ Азіи», въ которомъ чувствовалась замѣтная потребность.

Задачи новаго общества ориенталистовъ—изученіе Дальняго, Средняго и Ближняго Востока въ общественномъ, политическомъ, экономическомъ и другихъ отношеніяхъ, исключительно по туземнымъ даннымъ и по первоисточникамъ,

Въ Петербургѣ находится центральное управленіе этого общества; здѣсь предполагается изданіе обществомъ своего органа и устройство клуба ориенталистовъ, гдѣ бы пріѣхавшіе съ Востока ориенталисты могли встрѣтить гостепримство и имѣли возможность (по примѣру англійскихъ клубовъ) подѣлиться съ петербургскимъ обществомъ своими наблюденіями надъ жизнью Востока. Именно здѣсь и предполагается объединеніе ориенталистовъ и прочихъ лицъ, интересующихся той или иной областью жизни Востока на почвѣ изученія послѣдняго.

---

¹⁾ Уставъ «общества русскихъ ориенталистовъ» утвержденъ 12-го января текущаго года.

При обществѣ предполагается даже устройство со временемъ кассы взаимопомощи для дѣйствительныхъ членовъ, получившихъ высшее оріентальное образованіе.

Въ обществѣ будутъ три секціи—Дальняго, Средняго и Ближняго Востока. Общество ставитъ также своей задачей ознакомленіе разными способами русской публики съ жизнью Востока, а также и распространеніе среди населенія Востока правильныхъ свѣдѣній о Россіи, что чрезвычайно важно во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ про наше отечество по Востоку ходитъ, благодаря нашимъ «друзьямъ», цѣлая серія самыхъ невѣроятныхъ легендъ.

Общество уже располагаетъ и теперь большимъ числомъ членовъ, среди которыхъ мы находимъ всѣхъ профессоровъ Восточнаго Института во Владивостокѣ, почти всѣхъ молодыхъ русскихъ консуловъ на Дальнемъ Востокѣ и всѣхъ выдающихся востоковѣдовъ или какъ почетныхъ членовъ, или же какъ членовъ-учредителей.

Въ виду несомнѣннаго интереса, представляемаго нарождающимся у насъ новымъ обществомъ оріенталистовъ, здѣсь слѣдуетъ указать и мѣсто, гдѣ можно записаться въ его члены, а именно у Н. И. Стрембулаева (Морская, 20), А. Н. Петрова (Милліонная, 12) и С. Н. Петрова (Тучковъ пер., 11).

Нельзя не пожелать новому обществу всякаго успѣха и скорѣйшаго перехода изъ области словъ къ осуществленію хотя бы части такъ щедро намѣченныхъ задачъ, которыя, если не останутся пустымъ звукомъ, должны принести существенную пользу нашей политической роли на Востокѣ, на который въ переживаемый сейчасъ моментъ слѣдуетъ обратить самое серьезное вниманіе.

Міровыя событія послѣдняго десятилѣтія—войны, политическіе союзы, соглашенія и торговые договоры, заключенные между западными и восточными государствами, рѣзко измѣнили политическую конъюнктуру, выдвинувъ на первый планъ въ общеполитической жизни народовъ азиатскій вопросъ, въ который къ нашему времени слились ближне и дальне-восточные вопросы.

Провозглашенные въ серединѣ и концѣ прошлаго столѣтія девизы различныхъ государствъ, какъ: «завоеваніе рынковъ для свободной торговли», «открытіе дверей въ Азію», нѣмецкое «шествіе на Востокъ» и наше «стихійное стремленіе къ теплымъ водамъ», уступили въ наше время, особенно послѣ русско-японской войны, девизамъ «мирнаго строительства и территориальнаго закрѣпленія», провозглашеннымъ европейцами въ то время, какъ среди народовъ Азіи проснулось острое національное чувство, столь блестяще доказанное Японіей и Турціей, и уже слышится громкій призывъ къ объединенію подъ девизомъ «Азія для азіатовъ»,—и не только для защиты отъ вторженія въ Азію западныхъ народовъ, но и для освобожденія азиатскихъ народностей отъ европейской опеки.

Безспорно, лишь болѣе или менѣе отдаленное будущее можетъ реально рѣшить проблему о господствѣ бѣлыхъ или цвѣтныхъ народовъ, если къ тому времени идеи о всеобщемъ единеніи и братствѣ не сдѣлаютъ успѣховъ среди тѣхъ и другихъ; но и настоящее положеніе вещей въ Азіи заставляетъ серьезно задуматься надъ вопросами самозащиты.

Насъ, русскихъ, на 13 тысячъ верстъ соприкасающихся съ туземцами Азіи (не включая сюда границы Персіи, Афганистана и Турціи) и имѣющихъ среди представителей послѣднихъ многочисленныхъ русско-подданныхъ, — должны особенно интересоваться вопросы о самозащитѣ, а также средства и пути къ ней.

Въ виду этого законопроекты и реформы, проводимые нашей государственной властью въ Азіи, заслуживаютъ особаго вниманія общества, причѣмъ къ выработкѣ и проведенію ихъ въ жизнь должны быть привлечены какъ дилетанты-востоковѣды, такъ и всѣ наши наличныя силы оріенталистовъ, живущихъ и работающихъ въ Азіи, и потому вопросъ, нужны ли намъ оріенталисты, долженъ быть безповоротно рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ.

Кончая эти бѣглыя строки, должно прибавить, что среди политическихъ теченій новѣйшаго времени заслуживаетъ особеннаго вниманія два. Это--разрастающійся на Западѣ пангерманизмъ, на Востокѣ пробужденіе націонализма и проповѣдь панмонголизма, энергично ведущаяся Японіей ¹⁾.

Только объединенныя силы Россіи, Англіи и Франціи, при хотя бы моральной поддержкѣ дружественныхъ націй, способны задержать дальнѣйшее развитіе этихъ теченій и связаннаго съ ними лихорадочнаго вооруженія Востока.

Если же мы, кромѣ этихъ теченій, примемъ въ соображеніе тонкую игру С.-А. С. Штатовъ, которые, ослабивъ насъ поддержкой, оказанной во время войны Японіи, — теперь на нашъ же счетъ хотятъ ослабить, въ свою очередь, тѣхъ же Японцевъ, объявившихся ихъ сильными соперниками въ Китаѣ, то картина для насъ, русскихъ,

---

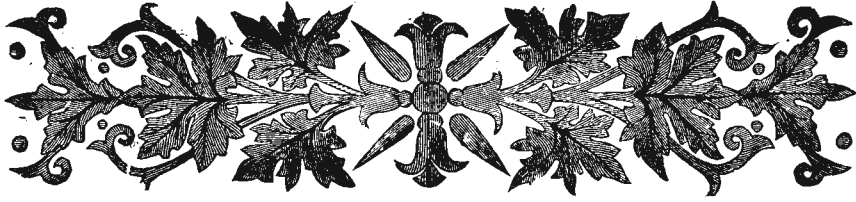
¹⁾ Въ самое послѣднее время у насъ образовалось еще одно общество оріенталистовъ—русско-японское общество. Оно только что открыло свои дѣйствія, а именно его первое учредительное засѣданіе состоялось 2-го мая подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта И. П. Шипова. Цѣлью новаго общества является взаимное изученіе Японіи и Россіи на почвѣ науки, искусства и культуры вообще. Въ собраніи, кромѣ группы инициаторовъ общества, приняли участіе нѣкоторые представители нашего дипломатическаго и экономическаго міра, ученые, журналисты, а также рядъ членовъ японскаго посольства съ повѣреннымъ въ дѣлахъ г. Очіай во главѣ. Послѣ обсужденія проекта устава было избрано, для выработки окончательной его редакціи, особое бюро, въ составъ котораго вошли: И. П. Шиповъ, М. О. Батвевъ, А. Н. Петровъ, В. И. Савицкій, П. М. Саладилловъ и гг. Очіай и Юда.

представится далеко не утѣшительной. Намъ угрожаютъ и на Западѣ и на Востокѣ—и угрозы серьезныя, а поэтому намъ, русскимъ, съ особенной энергіей должно приняться за изученіе современнаго положенія дѣлъ на Востокѣ, чтобы быть всегда въ курсѣ событій, и изучать его, не жалѣя средствъ, по всесторонне разработанному плану.

Вотъ здѣсь-то наши востоковѣды и могутъ оказать намъ большую и неоцѣнимую услугу.

С. И. Игнатьевъ.

УКРАИНСКІЙ МУЗЕЙ В. В. ТАРНОВСКАГО ВЪ ЧЕРНИГОВѢ.

Недостойнъ будущаго тотъ народъ,
который не цѣнитъ своего прошлаго.

А. И. Герценъ.

ВЪ ИСХОДѢ лѣта прошлаго года я побывалъ въ Черниговѣ и подробно ознакомился съ интереснѣйшей въ своемъ родѣ коллекціей украинской старины, тщательно и съ любовью собранною многолѣтними трудами покойнаго археолога-укаинофила Василя Васильевича Тарновскаго и нынѣ помѣщенною, наконецъ, въ особомъ музеѣ, носящемъ имя своего почтеннаго основателя.

Вмѣстѣ съ этимъ мои черниговскіе знакомые передавали мнѣ и о тѣхъ мытарствахъ, которымъ долгое время подвергалась коллекція украинскихъ древностей В. Тарновскаго, и о преслѣдованіяхъ со стороны мѣстной администраціи, усмотрѣвшей въ музеѣ В. Тарновскаго и въ естественныхъ заботахъ черниговцевъ объ его сохраненіи и помѣщеніи въ особомъ домѣ имени Тарновскаго, пожертвовавшаго свой музей черниговскому земству, «опасныя» идеи малорусскаго сепаратизма, какъ будто любить родной край и стараться объ охранѣ мѣстныхъ древностей Украины, игравшей въ старину независимую историческую роль, есть сепаратизмъ и враждебность къ Россіи.

О музеѣ В. Тарновскаго въ Черниговѣ очень мало кто у насъ знаетъ. Я убѣдился въ этомъ лично, по возвращеніи изъ Чернигова. Когда я упоминалъ въ разговорѣ объ этомъ интересномъ древлехранилищѣ, то оказывалось, что мои собесѣдники слышали о немъ впервые и съ любопытствомъ спрашивали о содержимыхъ въ немъ рѣдкостяхъ.

Я охотно дѣлюсь поэтому съ читателями моими личными впечатлѣніями о черниговскомъ музеѣ украинской старины, но раньше, чѣмъ говорить о самомъ музеѣ, приведу здѣсь вкратцѣ исторію злосключеній, пережитыхъ музеемъ Тарновскаго до того времени, когда ему довелось осѣсть, наконецъ, на прочномъ основаніи, въ своемъ теперешнемъ уютномъ, хотя и не особенно обширномъ гнѣздѣ.

Эти злосключенія вообще весьма характерны и живо рисуютъ русскую дѣйствительность въ ея неприглядной отсталости, которая доказываетъ, до какой степени у насъ трудно безъ массы хлопотъ и упорной борьбы оборудовать такое, казалось бы, всѣмъ близкое общественное дѣло, какъ устроить ученый музей старины, собранный частнымъ лицомъ и достойный охраны и дальнѣйшаго расширения общественными силами. Мы громко кричимъ о культурѣ, гражданственности, конституціонномъ строѣ и парламентскомъ режимѣ, но въ то же время, какъ варвары въ эпоху Рима, проходимъ съ поражающимъ всякаго настоящаго европейца равнодушіемъ мимо такихъ культурныхъ учреждений, какъ музей или картинная галлерей, совершенно не интересуясь ихъ участіемъ... Коллекція драгоцѣнныхъ картинъ княгини Тенишевой, которую она хотѣла подарить музею императора Александра III и которую этотъ музей пренебрежительно не принялъ въ свои стѣны съ пустующими залами, не показываетъ ли ясно и совершенно наглядно, въ какой мѣрѣ мы дѣйствительно «европейцы»?

Въ 1896 году въ черниговскую губернскую земскую управу поступило на имя предсѣдателя заявленіе мѣстнаго помѣщика, нынѣ уже умершаго, Василія Васильевича Тарновскаго о желаніи принести въ даръ черниговскому губернскому земству всю жизнь собираемую имъ коллекцію украинскихъ древностей, съ тѣмъ, чтобы она помѣщалась въ старинномъ домѣ Мазепы, надъ Десной, за соборомъ, и была открыта для обозрѣнія публикой. Поэтому жертвователю просилъ земство сообщить, согласно ли оно ассигновать ежегодно извѣстную сумму на содержаніе музея, принявъ его въ свою собственность и завѣдываніе, и исходатайствовать у подлежащаго начальства уступку земству указаннаго дома, для помѣщенія въ немъ мѣстнаго историческаго музея черниговскаго губернскаго земства.

Таковъ былъ начальный моментъ исторіи перехода музея В. В. Тарновскаго въ собственность черниговскаго губернскаго земства.

Внося это заявленіе губернскому собранію сессіи 1896 года, управа докладывала собранію, что музей Тарновскаго представляетъ коллекцію предметовъ, относящихся къ исторической и бытовой жизни Малороссіи, по цѣнности и полнотѣ не имѣетъ себѣ равнаго на югѣ Россіи и стоилъ собирателю многихъ трудовъ и денежныхъ затратъ. Поэтому, и признавая всю научную важность такого музея, управа высказывала мнѣніе, что на земствѣ лежитъ обязанность

съ полной готовностью принять предложеніе Тарновскаго и теперь же ассигновать сумму, потребную на принятіе и первоначальное устройство музея.

Основное заключеніе управы раздѣлила и комиссія по народному образованію, разсматривавшая докладъ управы по поводу заявленія Тарновскаго; желаніе же Тарновскаго, чтобы музей помѣщался въ указанномъ имъ домѣ, такъ называемомъ «домѣ Мазепы», она не находила удобнымъ осуществить, по мѣстоположенію дома и значительности расходовъ, которые потребовались бы для приспособленія его къ потребностямъ музея. Поэтому она предлагала просить дарителя согласиться на устройство подъ музей какого-нибудь другого помѣщенія.

Однако собраніе не усмотрѣло въ приобрѣтеніи и приспособленіи подъ музей «дома Мазепы» тѣхъ неудобствъ, какія видѣла въ этомъ комиссія, не нашло, кромѣ того, умѣстнымъ домогаться отъ Тарновскаго измѣненія условій, на какихъ онъ желаетъ совершить свой даръ, и, наконецъ, согласилось съ мнѣніемъ управы о необходимости немедленно предоставить въ ея распоряженіе средства для приѣма музея и приспособленія для него помѣщенія, опасаясь, что, въ случаѣ какой-нибудь проволоочки, музей можетъ и не достаться земству. вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе рѣшило ходатайствовать, по переходѣ музея въ собственность земства, чтобы онъ сохранилъ названіе «музея имени В. В. Тарновскаго».

Собранію слѣдующей сессіи, 1897 года, было доложено, что управа входила въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ о продажѣ земству «дома Мазепы» и что министерство отнеслось благосклонно къ этому ходатайству; а собранію сессіи 1898 г., что оцѣнка этого дома была произведена специально для того назначенной комиссіей и что приобрѣтеніе его обойдется земству съ небольшимъ въ 10,000 рублей. На предварительное приспособленіе его подъ музей управа предполагала необходимымъ затратить около 4,000 руб., и на постройку домика для завѣдующаго музеемъ— 2,000 рублей.

Во время самой сессіи 1898 года на имя собранія получено было новое заявленіе В. В. Тарновскаго, въ которомъ послѣдній, подтверждая прежнее свое заявленіе о пожертвованіи черниговскому губернскому земству принадлежащаго ему музея, прибавлялъ, что не настаиваетъ на помѣщеніи музея непременно въ «домѣ Мазепы», а желаетъ для него только зданія, соответствующаго назначенію. Однако даръ свой онъ обусловливаетъ требованіемъ, чтобы земство не имѣло права когда-либо отчуждать музей, переводить изъ Чернигова въ другое мѣсто, или измѣнять его характеръ, какъ мѣстнаго историческаго музея. Кромѣ того, онъ требовалъ, чтобы земство назначило необходимыя для содержанія и храненія музея средства и, при его, дарителя, участіи, выработало уставъ музея, главныя основанія котораго изложены въ настоящемъ заявленіи.

Такимъ образомъ, въ этомъ заявленіи даритель шелъ въ вопросъ о помѣщеніи музея навстрѣчу тому желанію комиссіи по народному образованію, какое было высказано ею собранію сессіи 1896 года. Теперь она имѣла основаніе вернуться къ своему прежнему предложенію, и, обсудивъ вопросъ о постройкѣ спеціального зданія для музея, предлагала собранію эту мысль осуществить.

Въ собраніи однако вопросъ о наилучшемъ помѣщеніи музея былъ отодвинутъ на время, ибо поставленъ былъ вопросъ о самомъ правѣ земства принять пожертвованіе Тарновскаго. Вопросъ былъ чисто принципиальный, потому что цѣнности и высокаго научнаго значенія дара никто не оспаривалъ. Но нѣкоторые гласные и въ комиссіи и въ собраніи утверждали, что задачи земства ограничиваются обязанностью заботиться объ удовлетвореніи насущныхъ, первичныхъ потребностей населенія, и стремиться къ удовлетворенію высшихъ культурныхъ интересовъ въ то время, какъ первичные, за недостаткомъ средствъ, удовлетворяются далеко не въ надлежащей мѣрѣ,—земство никакъ не должно; что поэтому надлежитъ отказаться отъ принятія въ даръ музея Тарновскаго, ибо принятіе его вызываетъ необходимость какъ единовременной крупной затраты, такъ и ежегодныхъ на него расходовъ, а это можетъ дѣлаться только въ ущербъ удовлетворенію насущнѣйшихъ нуждъ главной массы земскихъ плательщиковъ. Однако большинство собранія полагало, что ограничивать роль земства удовлетвореніемъ только первичныхъ потребностей значитъ чрезмѣрно суживать его компетенцію; что научное и культурное значеніе музея, особенно для мѣстнаго края, очень велико; а разъ это такъ, земство не можетъ отказаться отъ такого учрежденія, выпустить его изъ своего района только потому, что сейчасъ большинство населенія не можетъ имъ пользоваться; что, наконецъ, этотъ даръ представляетъ и высокую матеріальную цѣнность, и земство, затрачивая единовременно какихъ-нибудь двадцать тысячъ, приобрѣтаетъ коллекцію, стоящую много десятковъ тысячъ рублей.

Большинствомъ голосовъ собраніе подтвердило рѣшеніе прежнихъ сессій относительно принятія отъ В. В. Тарновскаго его дара и уполномочило управу принять музей и передать его дарителю на временное храненіе, до устройства земствомъ для него помѣщенія.

Но вскорѣ, 13 іюня 1899 года, В. В. Тарновскій скончался.

Въ оставленномъ имъ завѣщаніи онъ снова подтвердилъ пожертвованіе своего музея земству, повторивъ прежнія условія и прибавивъ къ нимъ желаніе, чтобы музей назывался его именемъ и чтобы наслѣдственнымъ попечителемъ его всегда состоялъ старшій въ родѣ завѣщателя.

Смерть В. В. Тарновскаго вынудила управу озаботиться приѣмкой музея отъ наслѣдниковъ умершаго. Это исполнилъ одинъ изъ душеприказчиковъ Тарновскаго, тогдашній предсѣдатель губер-

ской управы, извѣстный авторъ многихъ цѣнныхъ изслѣдованій изъ исторіи Малороссіи *О. М. Уманецъ*, при содѣйствіи покойнаго *А. М. Лазаревскаго* и профессора *В. Б. Антоновича*, и помѣстилъ большую часть музея на временное храненіе, до 1 января 1901 г., въ музей кіевскаго общества древностей и искусствъ. Большую помощь *О. М. Уманцу* оказалъ при этомъ членъ правленія названнаго общества *Н. О. Бѣляшевскій*. Затѣмъ въ сентябрѣ 1899 года бывшему тогда секретаремъ управы *Б. Д. Гринченку* поручено было произвести провѣрку и опись предметовъ музея. Эта опись дала возможность вполне опредѣлить составъ музея.

Въ докладѣ обо всемъ вышеизложенномъ губернскому собранію сессіи 1899 года управа выступила съ новымъ проектомъ относительно мѣста помѣщенія музея. Именно она предлагала приспособить для этой цѣли находящееся на Смоленской улицѣ зданіе ремесленнаго класса мужского сиротскаго дома, остающееся свободнымъ въ случаѣ осуществленія предполагаемаго перевода сиротскаго дома въ деревню. Приспособленіе подъ музей этого зданія обошлось бы, по мнѣнію управы, въ 9000 руб., т. е. значительно дешевле чѣмъ постройка новаго зданія, на что прошлымъ собраніемъ было ассигновано 20,000 руб., и дало бы возможность уже лѣтомъ 1900 года перенести туда музей.

Въ комиссіи по народному образованію большинство высказалось за это новое предложеніе управы. Въ самомъ собраніи это предложеніе вызвало продолжительныя пренія и встрѣтило не мало возраженій. Противники его указывали на удаленность рекомендуемаго помѣщенія отъ центра города; на то, что предполагаемая на перестройку его сумма въ 9000 руб. должна быть увеличена стоимостью самаго зданія, цѣна которому не менѣе 6000 руб.; что сумма 9000 руб. врядъ ли окажется достаточной для перестройки и приспособленія зданія, такъ что окончательная его стоимость едва ли многимъ будетъ меньше 20,000 руб.; что зданіе и теперь уже тѣсновато для всего имущества музея (особенно для размѣщенія картинъ), а съ ростомъ его неизбежно вызоветъ необходимость пристройки, и многое другое. Сторонники же предложенія утверждали, что мѣсто нельзя считать отдаленнымъ и глухимъ; что сумма, необходимая для перестройки, вычислена съ надлежащей точностью; что размѣръ помѣщенія достаточенъ для музея; что постройка новаго зданія для музея можетъ быть окончена не раньше 1902 года, между тѣмъ кіевскій музей принялъ музей Тарновскаго на храненіе только до 1 января 1901 года, да и теперь часть музея тамъ, часть въ управѣ, вмѣстѣ съ ея архивомъ, и не можетъ считаться достаточно огражденной въ пожарномъ отношеніи; послѣ же 1 января 1901 года часть, находящаяся въ Кіевѣ, останется въ безпріютномъ положеніи, между тѣмъ предлагаемое управой зданіе можетъ быть готово къ принятію музея еще въ 1900 году.

Собрание согласилось съ предложеніемъ управы и комисіи и ассигновало 9000 руб. на перестройку подъ зданіе музея указаннаго управой дома. Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе, между прочимъ, постановило выработать къ будущей сессіи проектъ устава музея, установить теперь же положеніе, что посѣщеніе музея бесплатно; ходатайствовать о присвоеніи музею имени В. В. Тарновскаго и объ утвержденіи, согласно волѣ жертвователя, сына его, В. В. Тарновскаго, въ званіи попечителя музея, съ переходомъ этого званія къ старшему въ родѣ его; помѣстить въ музеѣ портретъ жертвователя и гранитную доску съ надписью: «Памяти В. В. Тарновскаго—черниговское губернское земство».

Однако на слѣдующій день собраніе перерѣшило свои постановленія относительно музея въ ихъ главной части, т. е. по вопросу о зданіи для музея. По предложенію нѣкоторыхъ гласныхъ, рѣшено было оставить этотъ вопросъ открытымъ, такъ какъ существовало предположеніе, что городская дума, въ имѣющемъ быть на дняхъ засѣданіи, найдетъ возможнымъ уступить земству для музея одинъ изъ своихъ домовъ.

Спустя нѣсколько дней было доложено собранію рѣшеніе думы и заключеніе комисіи по народному образованію. Дума постановила предложить земству за 10,000 руб. домъ на Бульварной улицѣ, занимаемый общественной библіотекой и музеемъ архивной комисіи. Комиссія по народному образованію, признавая указанный домъ вполне подходящимъ для земскаго музея, а стоимость его по крайней мѣрѣ вдвое выше назначенной за него цѣны, рекомендовала собранію принять предложеніе городской думы.

Собраніе, однако, отнеслось несочувственно къ предложенію думы и своей комисіи. Въ немъ преобладающее вліяніе получило мнѣніе, что предлагаемый домъ низокъ, холоденъ, имѣетъ трещины въ стѣнахъ, да и относительно стѣнъ имѣется еще сомнѣніе, кирпичныя ли онѣ, или только обложены кирпичомъ, сумма же предстоящей затраты на него очень значительна. Поэтому собраніе постановило: отклонить предложеніе городского управленія и принять докладъ по этому предмету губернской земской управы, уполномочивъ ее приспособить для музея зданіе бывшаго мужского отдѣленія сиротскаго дома.

Исполняя постановленіе собранія, управа въ 1900 году приступила къ работамъ по приспособленію для музея зданія бывшаго ремесленнаго класса. При этомъ выяснилась необходимость нѣсколько отступить отъ плана и смѣты, утвержденныхъ собраніемъ. Вслѣдствіе этихъ, не предусмотрѣнныхъ смѣтою, отступленій, а также вслѣдствіе вздорожанія рабочихъ рукъ и спѣшности работъ, къ концу 1900 года предполагалось, что расходы по перестройкѣ зданія должны превысить смѣтное назначеніе на сумму до 4000 руб. Вмѣстѣ съ тѣмъ работы по перестройкѣ затянулись такъ, что по-

мѣщеніе не могло быть готово къ ранѣ намѣченному сроку—осени 1900 года. Поэтому пришлось просить кievское общество древностей и искусствъ оставить у себя коллекціи земскаго музея до 1 іюня 1901 года. Туда же весною 1900 г. пришлось сдать и тѣ части музея, которыя еще оставались у наслѣдницы В. В. Тарновскаго.

Въ томъ же 1900 году отпечатанъ II томъ каталога музея (I т. былъ изданъ самимъ В. В. Тарновскимъ), составленный Б. Д. и М. Н. Гринченками безвозмездно, независимо отъ земской ассигновки на это. М. Н. Гринченко была назначена управой 22 августа 1900 г. и смотрителемъ музея, и съ этого времени стала уже получать по 30 руб. въ мѣсяць и пользоваться квартирой при музеѣ, но принуждена была оставить должность черезъ два мѣсяца, такъ какъ не была утверждена въ ней губернаторомъ.

Закопчена передѣлка зданія бывшаго ремесленнаго класса для помѣщенія музея въ 1901 г.; весь расходъ на нее выразился въ суммѣ 15,160 руб. 37 коп. Полное же водвореніе всѣхъ коллекцій музея въ это помѣщеніе совершено въ 1902 году.

Что же такое представляетъ этотъ музей, который для того, чтобы, путемъ добровольной передачи, пожертвованія, перейти изъ однихъ рукъ въ другія и устроиться на новомъ мѣстѣ, долженъ былъ испытать столько долгихъ и разнообразныхъ мытарствъ?

Самъ составитель его, В. В. Тарновскій, въ предисловіи къ изданному имъ въ 1898 году каталогу части своей коллекціи, такъ говоритъ объ ея характерѣ и происхожденіи: «Еще въ молодые годы, лѣтъ сорокъ назадъ, я задался мыслью собрать возможно полную коллекцію предметовъ, характеризующихъ старинный бытъ моей родины, Малороссіи. Такъ какъ выполненіе этой задачи въ полномъ ея объемѣ не по силамъ частному лицу, то я по необходимости принужденъ былъ ограничиться предѣлами болѣе тѣсной и наиболѣе мнѣ близкой территоріи, именно лѣвобережной Малороссіи. Впослѣдствіи, предпринявъ археологическія раскопки въ Черкасскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи и посѣтивъ Запорожье, я пополнилъ мое собраніе многими предметами, найденными на правомъ берегу Днѣпра и въ Новороссійскомъ краѣ. Такимъ образомъ, моя коллекція имѣетъ строго мѣстный характеръ украинскихъ древностей».

Таковъ, дѣйствительно, ея характеръ, строго выдержанный во всѣхъ частяхъ собранія, по полнотѣ, богатству, обилію и качеству составляющихъ его предметовъ—безусловно въ своемъ родѣ единственнаго. И нисколько не будетъ фразой сказать, что столько лѣтъ посвятившій на собираніе его составитель сослужилъ этимъ большую службу своему родному краю, а себѣ создалъ прекрасный памятникъ, навсегда связанный съ его именемъ.

Познакомимся же съ этимъ памятникомъ поближе, войдемъ въ это небольшое сѣрое зданіе въ концѣ Смоленской улицы, бросающееся въ глаза своимъ необычнымъ для Чернигова видомъ. Изъ

высокаго и узкаго вестибюля, гдѣ помѣщается большой библиотечный шкапъ да нѣсколько пушекъ, проникнемъ черезъ стеклянныя двери въ помѣщеніе собственно музея. Оно состоитъ изъ двухъ средней величины комнатъ, уставленныхъ витринами, увѣшанныхъ портретами, которые первые привлекають взоръ. Но мы пока минуемъ ихъ и начнемъ свой осмотръ съ комнаты, выходящей окнами на улицу. Скажемъ, впрочемъ, теперь же, что все содержимое музея само собою раздѣляется на 6 отдѣловъ, изъ которыхъ 4 представляютъ коллекціи, соотвѣтствующія эпохамъ: доисторической, великокняжеской, казацкой и новѣйшей мѣстной исторіи; первый отдѣлъ, всецѣло приурочивающійся къ единичной личности—Шевченку—собственно входитъ, какъ часть, въ предыдущій, но, думается намъ, по своему богатству и значенію, долженъ быть выдѣленъ въ самостоятельный; наконецъ, послѣдній отдѣлъ составляется изъ книгъ.

Итакъ, начнемъ нашъ обзоръ съ отдѣла доисторическаго. Онъ выводитъ насъ далеко за порогъ исторіи, въ эпоху зари человечества, когда, послѣ начавшагося отступленія къ сѣверу льдовъ, покрывавшихъ въ первую половину такъ называемой «третичной эпохи» всю нынѣшнюю Россію, въ южныхъ частяхъ ея во второй половинѣ «послѣтретичнаго періода» впервые поселился человекъ—современникъ мамонта. Первая часть перваго отдѣла, состоящая изъ неполированныхъ кремневыхъ издѣлій, даетъ возможность составить нѣкоторое понятіе о нуждахъ и мастерствѣ существа, становившагося человекомъ. Эти издѣлія—кремневые скребки, пилочки, ножъ, острія стрѣль... Прошло затѣмъ, вѣроятно, много тысячъ лѣтъ прежде, чѣмъ человекъ дошелъ до искусства шлифовать свои каменные орудія, дѣлать предметы изъ кости, глины,—образцовъ этой стадіи культуры мы найдемъ въ музеѣ около четырехсотъ. Далѣе слѣдуетъ уже историческая эпоха—великокняжеская. Число предметовъ, представляющихъ ее, очень значительно: здѣсь монеты—русскія и иноземныя, печати, кресты, образки; оружіе—части мечей, шишаковъ, копій, наконечники стрѣль, булавы и пр.; украшенія—кольца, серьги, перстни, бусы; упряжь; богатое собраніе предметовъ домашняго обихода; орудія и инструменты, тоже богато представленныя.

Далѣе—отдѣлъ предметовъ казацкаго періода—самый огромный отдѣлъ музея, самый богатый и цѣнный, возстановляющій передъ зрителемъ эпоху до мельчайшихъ деталей, драгоценное собраніе для бытописателя, историка, художника... Открывается онъ нѣсколькими образчиками стариннаго зодчества, потомъ идутъ священные предметы: иконостасъ, аналой, церковная утварь, иконы малороссійскаго письма, изъ которыхъ особенное вниманіе обращаютъ на себя: икона, изображающая Христа, который давить виноградъ, выросшій изъ его бока, и колѣнопреклоненнаго передъ

нимъ ангела, собирающаго въ чашу льющійся виноградный сокъ, и икона Божьей Матери съ младенцемъ Исусомъ, принадлежавшая полтавскому полковнику Василію Полуботку. Затѣмъ имѣются панагіи, иконки, кресты, хоругви, плащаницы, облаченія, воздушки, антимины (изъ нихъ одинъ—Лазаря Барановича, архіепископа черниговскаго, XVII ст.), наконецъ, три образчика старинныхъ надгробныхъ памятниковъ. Отдѣлъ оружія заключаетъ въ себѣ луки, колчаны, стрѣлы, наконечники пикъ, сабли (среди нихъ сабля Богдана Хмельницкаго и сабля Мазепы), пушки, ружья, снаряды для стрѣльбы. Дальше—сѣдла, сбруя, военныя принадлежности. Среди такъ называемыхъ клейнодовъ имѣются 4 гетманскихъ булавы, 12 перначей (одинъ изъ нихъ—съ драгоценными камнями и гербами Вишневецкихъ и польскимъ и одинъ—Павла Полуботка), гетманскій бунчукъ, 3 знамени (одно—копія), печать полка Миргородскаго и печать черниговскаго магистрата съ гербомъ войска запорожскаго. Среди богатой коллекціи металлической утвари находятся двѣ чарки Семена Палія, кубокъ и ложка Дмитрія Ростовскаго, ложка и кружка Мазепы, ложка гетмана Ивана Скоропадскаго. Въ числѣ предметовъ домашняго обихода встрѣчаемъ: чернильницу, приписываемую Василію Кочубею; медальонъ съ марками для игры въ карты, принадлежавшій черниговскому полковнику и наказному гетману Павлу Полуботку, бандуру Мазепы; цеховой черниговскій знакъ и пр. Переходя къ мужскимъ и женскимъ одѣяніямъ и украшеніямъ, отмѣтимъ среди послѣднихъ личманъ, нѣкогда принадлежавшій Мазепѣ, а въ 1753 году подаренный гетманомъ Разумовскимъ войсковому товарищу Романовскому, и личманъ, относительно котораго предполагается, что онъ сдѣланъ въ память бракосочетанія императрицы Елизаветы Петровны съ Алексѣемъ Разумовскимъ.

Интереснѣйшее собраніе рисованныхъ масляными красками портретовъ въ оригиналахъ, старинныхъ копійхъ и копійхъ, сдѣланныхъ въ недавнее время по заказамъ В. В. Тарновскаго, покрываетъ стѣны обѣихъ комнатъ музея. Мы, конечно, не будемъ перечислять ихъ всѣхъ, а отмѣтимъ только особенно обращающіе на себя вниманіе. Таковы портреты—князя Константина Ивановича Острожскаго (копія съ затеряннаго оригинала), сына его Константина Константиновича и жены послѣдняго Софьи, урожденной Тарновской; митрополита Петра Могилы; Саввы Тупталла, отца Дмитрія Ростовскаго; портреты гетмановъ: Конашевича-Сагайдачнаго, Богдана Хмельницкаго (послѣдняго—нѣсколько, и среди нихъ одинъ особенно оригинальный портретъ-картина), Выговскаго, Юрія Хмельницкаго, Тетери, Брюховецкаго, Дорошенка, Многогрѣшнаго, Ханенка, Самойловича, Мазепы, Полуботка, Скоропадскаго, Апостола и графа Разумовскаго. Укажемъ еще на портреты Василія Леонтьевича Кочубея и Агаѳии Палихи съ внуками, жены

Семена Палія, а также на портреты Гонты и Зализняка. Сѣдой— и красивой на разстояніи— стариной вѣтъ на зрителя отъ этихъ лицъ,—стариной, полной гордой, мятежной силы и высокаго, почти всегда кроваваго драматизма, и невольно оживаетъ въ воображеніи героическое прошлое Украины, подернутое поэтической дымкой, причѣмъ проза современности невольно кажется по контрасту еще болѣе мелкой и ничтожной.

Есть въ музеѣ и нѣсколько картинъ, рисованныхъ масляными красками. Изъ нихъ особенно замѣчательны шесть, являющіяся вариантами одного и того же сюжета: изображенія казака Мамая. Сюжетъ приуроченъ въ нѣкоторыхъ вариантахъ, повидимому, къ страшной эпохѣ гайдамачины и оставляетъ тяжелое впечатлѣніе, котораго не смягчаетъ никакой поэтической налетъ.

Теперь намъ предстоитъ перейти къ другимъ отдѣламъ музея, представляющимъ новѣйшую исторію. Не станемъ задерживаться ни на собраніи оригинальныхъ акварелей и рисунковъ, ни на собраніи печатныхъ воспроизведеній картъ, рисунковъ, картинъ и фотографическихъ снимковъ, хотя это собраніе, несомнѣнно, можетъ имѣть очень важное значеніе, какъ подспорье для всесторонняго изученія Малороссіи, ибо оно—какъ справедливо замѣчаетъ составитель 2-й части каталога музея—«представляетъ какъ бы громадный альбомъ, «живописную Украину», рисующую страну и народъ съ разныхъ сторонъ».

Перейдемъ къ отдѣлу, посвященному Шевченкѣ. Скажемъ сразу же, что это собраніе достигаетъ такой полноты и богатства, что не имѣетъ и уже не можетъ имѣть равнаго себѣ собранія, посвященнаго тому же лицу. Съ удивительнымъ тщаніемъ, съ удивительною любовью собрана масса предметовъ, имѣющихъ то или другое отношеніе къ личности знаменитаго поэта. Это—коллекція, состоящая изъ 1006 номеровъ, изъ которыхъ 248—литературныя произведенія Шевченка и о Шевченкѣ (печатныя)—входятъ въ составъ книжнаго отдѣла музея. Остальные 758 предметовъ составляютъ собственно отдѣлъ Шевченка. Здѣсь и автографы его—письма и сочиненія, и дневникъ его, писанный по-русски и цѣликомъ еще не напечатанный, и бумаги—его и имѣющія отношеніе къ нему, и списки его сочиненій, и рисунки, гравюры и пр., какъ на сюжеты изъ его сочиненій, такъ и къ личности его относящіяся, и его бюсты, маски и многочисленныя изображенія, какъ масляными красками, такъ и другими способами; здѣсь вещи его собственныя, и вещи, имѣющія отношеніе къ нему. Здѣсь отовсюду глядитъ Шевченко и все говоритъ о Шевченкѣ, и, наконецъ,—что, пожалуй, самое цѣнное—здѣсь богатѣйшая коллекція его художественныхъ произведеній, рисованныхъ и до ссылки, и во время ссылки, и послѣ ея. Эта замѣчательная коллекція и безотносительно къ личности ея творца представляетъ немалый художественный интересъ и знакомить

публику съ такой стороною высокодаровитой природы знаменитаго поэта, о которой было извѣстно не непосредственно, а лишь изъ его біографій.

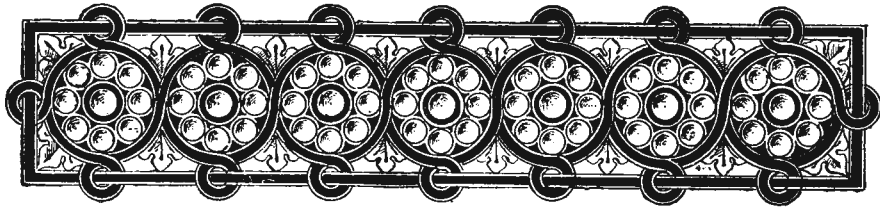
Отдѣлъ рукописей музея заключаетъ въ себѣ произведенія различныхъ малороссійскихъ писателей XVII—XIX вв., историческіе документы и автографы. Какъ сообщаетъ въ предисловіи ко 2-ой части каталога его составитель, большинство произведеній, имѣющихся здѣсь, уже издано, но есть между ними и никогда неизданныя, на примѣръ, цѣлый романъ П. А. Кулиша «Искатели счастья». Изъ автографовъ есть принадлежащіе Гоголю (4 письма), Глинкѣ (партитура), Костомарову (письма, черновая рукопись о Мазепѣ, черновыя замѣтки и пр.). Историческіе документы музея могутъ представить большой интересъ для историка Малороссіи и содержать въ себѣ очень рѣдкіе автографы, на примѣръ, князя Константина Острожскаго, гетмановъ, начиная отъ Б. Хмельницкаго и пр.

Наконецъ, послѣдній отдѣлъ—печатныхъ книгъ. Въ немъ 77 старопечатныхъ книгъ, а вся вообще бібліотека раздѣлена составителями ея каталога на 14 отдѣловъ, сообразно содержанію книгъ, и является цѣннымъ пособіемъ для всякаго, желающаго заняться изученіемъ края. Всего въ бібліотекѣ пока 1858 названій.

С. Уманецъ.

БЪЛГОРОДЪ НА ДНѢСТРѢ.

ТЕЦЬ исторіи» Геродотъ называлъ нашъ Днѣстръ Тирасомъ. Надъ вопросомъ, какимъ образомъ названіе Тирасъ перешло въ Днѣстръ, задумывались многіе, равно какъ и надъ тѣмъ, откуда происходитъ то постоянное соединеніе звуковъ «дн», которое мы находимъ въ названіяхъ большинства нашихъ большихъ рѣкъ. Пусть вопросы эти остаются неразгаданными,—гораздо интереснѣе и важнѣе вопросъ, исторіей достаточно освѣщенный,—какъ Тирасъ и весь прекрасный омываемый имъ край сталъ нашимъ достояніемъ со всѣми десятками народовъ и племенъ, населяющихъ нынѣшнюю Бессарабію; гораздо интереснѣе вопросъ, почему въ этомъ краѣ,—при его незначительной, сравнительно, величинѣ, являвшемся отъ временъ Дарія Гистаспа до начала XIX вѣка какимъ-то не то мостомъ для переселенія народовъ, не то великимъ постоялымъ дворомъ для многихъ народовъ и племенъ,—до сихъ поръ еще остаются ихъ потомки, нерѣдко сохранивъ всѣ самобытныя черты, почти не ассимилируясь съ сосѣдями.

Въ самомъ дѣлѣ: малороссы—aborигены края, малороссы—пришельцы, болгары, молдаване (потомки римлянъ), липованы, наши раскольники-великороссы, бѣжавшіе сюда изъ Россіи черезъ Польшу, потомки запорожцевъ, растаявшихъ въ бывшемъ новороссійскомъ, или усть-дунайскомъ, казачьемъ войскѣ и прикрѣпившихся давно къ землѣ, поляки, греки, турки, цыгане, армяне, евреи, французы и нѣмцы (швейцарскіе колонисты), неизвѣстно

какъ попавшіе сюда албанцы и, наконецъ, неразгаданные гагаузы, съ ихъ православіемъ и турецкими языкомъ и обычаями (даже мусульманскими обрядами),—всѣ живутъ дружно вмѣстѣ, безъ всякаго намека на племенную вражду, но не сливаясь и сохраняя свою самобытность. Потеряли свою самобытность и даже имена одни лишь генуэзцы да персы.

Что ихъ всѣхъ объединило, что прикрѣпило ихъ къ Бессарабіи? Несомнѣнно, богатая, разнообразная, для всѣхъ одинаково гостепріимная природа мать. Горы, черноземныя равнины, степи и пески, наконецъ, морской берегъ и города съ ихъ кипучею торговою жизнью—въ полной мѣрѣ удовлетворяютъ самымъ разнообразнымъ народнымъ потребностямъ, привычкамъ и инстинктамъ. Всѣ здѣсь у себя дома, всѣ довольны, всѣ крѣпко пустили корни, всѣ спокойны за свое будущее, всѣ у пристани: для всѣхъ Тирасъ—отецъ, а Бессарабія—мать.

Все сказанное о Бессарабіи вообще относится въ особенности къ Аккерманскому уѣзду, по преимуществу богато надѣленному всѣми благами природы, вообще щедрой въ Бессарабіи. Въ Аккерманскомъ уѣздѣ можно встрѣтить и гористыя мѣстности, и черноземныя равнины, и Буджакскую степь, и пески, и соляныя озера, и многоводный Тирасъ съ бѣгущими параллельно ему и впадающими въ озера нѣсколькими рѣками и, наконецъ, только этому уѣзду дарованный природою морской берегъ съ громаднымъ заливомъ¹⁾, рядомъ курортовъ и т. д. Въ Аккерманскомъ уѣздѣ производится культура всѣхъ злаковъ, и если не процвѣтаютъ, то могутъ процвѣтать садоводство, огородничество, винодѣліе и виноградарство, скотоводство, рыбный и соляной промыслы и т. д. Аккерманскій уѣздъ—это богатѣйшая житница, виноградникъ, прекрасный садъ и огородъ, богатая тonya,—это, наконецъ, прекрасный выходъ въ море для всего юго-запада Россіи—въ далекомъ прошломъ и, надо надѣяться, въ недалекомъ будущемъ.

Впервые о Бессарабіи упоминаетъ Геродотъ: Около 630 года до Р. Х., тѣснимые сосѣдями, скиѣы перешли изъ Азіи въ Европу и, побѣдивъ киммерійцевъ, заняли весь югъ нынѣшней Россіи отъ Дона до Дуная (а слѣдовательно, и нынѣшнюю Бессарабію), распространивъ владѣнія свои до впаденія р. Прута въ Дунай. Въ 508—513 гг. до Р. Х. Бессарабія становится театромъ военныхъ дѣйствій персовъ (Дарій Гистаспъ), а немного позже сюда проникаютъ греки, оцѣнившіе первыми выгоды торговли на Черноморскомъ побережьѣ.

¹⁾ Мы говоримъ «заливомъ», ибо Днѣстровскій лиманъ сталъ таковымъ лишь въ послѣдніе вѣка, раньше же былъ заливомъ, въ который входили морскія суда и откуда производился непосредственный экспортъ въ Турцію и Малую Азію.

Крѣпость въ Аккерманѣ съ западной стороны.

Врядъ ли въ исторической географіи мы найдемъ городъ, который въ теченіе своего существованія носилъ бы столько именъ, какъ Аккерманъ. Финикіяне называли его въ VI вѣкѣ до Р. Х. Офіузою, въ слѣдующемъ вѣкѣ греки называютъ его Никоніемъ, при самомъ же Геродотѣ онъ именуется уже Тирасомъ, населеннымъ тиритами. При Атиллѣ Аккерманъ именуется—Турисомъ, половцы и куманы называютъ его Аклибомъ, а тиверцы и угличы—Бѣлымъ городомъ. Появляются на сценѣ латиняне, и Аккерманъ становится для генуэзцевъ и венеціанцевъ Монъ-Кастро или Мавро-Кастро (по другимъ источникамъ — Аспро-Кастромъ). Въ XV вѣкѣ турки даютъ городу наименованіе Акъ-Керменъ, и послѣ этого онъ остается то Четате-Альба для молдаванъ (то же, что и Акъ-Керменъ — «бѣлый камень»), то Бѣлгородъ для запорожцевъ, которыми они, по выраженію кошевого Ивана Сѣрко «не разъ крылья смолили». Офіуза или Тирасъ, Монъ-Кастронъ или Четате-Альба, Акъ-Керменъ или Бѣлгородъ ¹⁾, Аккерманъ и вся «Бѣлгородчина» нашихъ тиверцевъ и угличей (т.-е. южная Бессарабія) является яблокомъ раздора и городомъ громадной важности для многихъ народностей, пока окончательно не подпадаетъ подъ власть Россіи. Не говоря уже о генуэзцахъ и грекахъ, морякахъ-торговцахъ по преимуществу, еще при скиѣохъ и кимврахъ, по словамъ Геродота, нашъ Аккерманъ былъ главнымъ пунктомъ для экспорта хлѣба и лѣса въ Турцію, Грецію и Малую Азію; теперь же туриста поражаетъ сонный видъ, безжизненность Аккермана. Причины этого мы скоро увидимъ, пока же вернемся къ исторіи края, которая, благодаря выгодному расположенію Аккермана у устья Тираса, является исторіей самаго Аккермана.

Упомянутые Геродотомъ «тириты—народъ эллинскаго происхожденія» не владѣли при Геродотѣ самимъ краемъ, остававшимся въ рукахъ скиѣовъ, но имѣли лишь въ выгоднѣйшихъ мѣстахъ колоніи, въ томъ числѣ и Офіузъ-Аkkerманъ. Мѣсто скиѣовъ, вслѣдствіе ихъ несчастной борьбы съ сарматами, занимаютъ геты, или даки, воевавшіе съ Александромъ Македонскимъ и сарматами, но подчинившіеся всецѣльной тогда рукѣ Рима. При Августѣ, или Тиберіи, нынѣшняя Бессарабія входитъ въ составъ Римской имперіи; вся долина отъ Дуная до Днѣстра покрывается городами съ римскимъ населеніемъ, римскимъ устройствомъ и римской общественностью, а Траянъ вводитъ въ Дакии латинскій языкъ и ограждаетъ страну отъ «варваровъ» знаменитымъ Траяновымъ валомъ, слѣды котораго и сейчасъ видны, въ направленіи отъ Бен-

¹⁾ Отчего мы, вернувшіе Дерпту и Динабургу, напримѣръ, ихъ прежнія имена Юрьева и Двинска, не возвратили и Аккерману его старо-русское названіе—Бѣлгородъ на Днѣстрѣ (въ отличіе отъ Бѣлгорода на Донѣ).

дерь до озера Ялпухъ въ Измаильскомъ уѣздѣ ¹⁾). При Антонинѣ Философѣ въ странѣ поселяются, однако, венеты, славянскаго племени, а въ III вѣкѣ здѣсь появляются готы, которые и удерживаютъ за собою страну, распространивъ ея предѣлы въ IV вѣкѣ до Балтики. Но въ 332 г. черезъ страну, съ крестомъ въ рукахъ, обращая народы въ христіанство, прошелъ Константинъ Великій, а черезъ сорокъ лѣтъ нынѣшняя Бессарабія входитъ уже въ составъ монархіи Атиллы, сынъ котораго вскорѣ уступаетъ ее опять римлянамъ, а послѣдніе въ 545 г.—славянскому народу—антамъ. Въ VI и VII вѣкахъ мы видимъ здѣсь сражающихся лангобардовъ, аваровъ, аспорухскихъ болгаръ, мадьяръ, печенѣговъ, хозаръ, поляковъ, сѣверянъ и вятичей и др. Во второй половинѣ IX вѣка начинается первое знакомство кіевскихъ князей съ Бессарабіей—Олегъ, Игорь и Святославъ «ходятъ за Днѣстръ» воевать съ болгарами, а русскіе купцы устанавливаютъ торговый путь отъ Днѣпра до устья Дуная, причемъ и княжескій—военный—и торговый пути лежать черезъ Аккерманъ.

Во времена Нестора славяне, населявшіе Бессарабію, были извѣстны подъ именами тиверцевъ и угличей, главнымъ городомъ которыхъ, завоеваннымъ при Игорѣ, былъ Пересѣчина, нынѣшнее село Пересѣчены. Правда, по мѣстнымъ преданіямъ, во времена Екатерины II одинъ генераль, не найдя здѣсь заказанныхъ подводъ, приказалъ пересѣчь населеніе, но если это событіе и достоверно, то еще достовернѣе то, что еще до царствованія Екатерины Великой на старинныхъ картахъ бессарабскаго края значился гор. Пересѣчены.

Въ XII вѣкѣ Бессарабія, тогда часть сильнаго княжества галичскаго, наводняется половцами, а въ XIII вѣкѣ—монголами, которые въ честь покореннаго ими половецкаго князя Бессараба и назвали впервые край его именемъ; въ этомъ же вѣкѣ по всѣмъ берегамъ Чернаго моря, въ томъ числѣ и на Днѣстровскомъ лиманѣ, появляются колоніи генуэзцевъ: Хотинъ, Тигинъ (нынѣ Бендеры), Монъ-Кастро, или Аккерманъ.

Результатомъ этихъ народныхъ передвиженій къ XIV вѣку явилось то, что Бессарабія оказалась уже тогда населенною десятками племенъ и народовъ, въ томъ числѣ румынъ (т. е. потомковъ римлянъ), которые и сдѣлались обладателями Бессарабіи, основавъ здѣсь сперва валахское, а потомъ и молдавское самостоятельное государство.

Въ споры румынъ съ половцами въ началѣ XVI вѣка вмѣшались Венгрія и Польша. Одно время мы видимъ даже Аккерманъ въ рукахъ князя Гедигольда, который далъ Днѣстровскому ли-

¹⁾ Имѣются основанія, однако, предполагать, что валъ этотъ выстроены былъ именно «варварами» въ защиту отъ нападенія римлянъ.

ману названіе Sacus Vidovo или Ovidovo ¹⁾, но это, отнюдь, не значить, что Бессарабія, или даже одинъ Аккерманъ, когда-либо принадлежали полякамъ. По договору Богдана Молдавскаго съ Сигизмундомъ I, заключенному въ 1510 г., полякамъ дозволена была вольная торговля въ Бессарабіи, и изъ Аккермана польская пшеница вывозилась преимущественно въ Кипръ. Этотъ договоръ въ томъ же вѣкѣ возобновленъ былъ и съ венеціанскимъ посольствомъ, и это необходимо было, такъ какъ запорожцы и ногайцы, поселенные Солиманомъ въ окрестностяхъ Аккермана, сильно обижали польскихъ купцовъ. Жалобы на населеніе окрестностей Аккермана продолжались и въ XVII вѣкѣ, какъ то видно изъ переговоровъ польскаго посольства (Корицкаго) въ 1628—29 гг. и далѣе въ 1643—44 гг.: посольства прямо просили воспретить беямъ Бендеръ, Никополя и Аккермана нападать на польскіе предѣлы, а это ясно доказываетъ, вопреки толкованіямъ нѣкоторыхъ польскихъ историковъ, что Аккерманъ никогда въ предѣлы польскихъ владѣній не входилъ. Впрочемъ, лучшимъ тому доказательствомъ служить договоръ между Турціей и Польшей 1607 г., по которому «никто, кромѣ купцовъ, не долженъ переходить изъ Аккермана на польскую сторону».

Сношенія Московскаго царства съ Молдавіей и Валахіей начались еще въ XV вѣкѣ, и Іоаннъ Грозный искалъ съ ними сближенія, но ему мѣшала Польша; въ періодъ же отъ Іоанна IV до Петра Великаго московскому царству было не до Бессарабіи. Насталъ, однако, XVIII вѣкъ, вѣкъ Петра Великаго, и съ тѣхъ поръ въ странѣ идетъ неустанная борьба за господство между турками и русскими вплоть до 1878 г. Кто не былъ здѣсь изъ нашихъ великихъ полководцевъ? Имена Потемкина, Суворова, Кутузова тѣсно связаны съ исторіею Бессарабіи и самаго Аккермана.

Впервые Аккерманъ былъ взятъ осадю по приказанію Румянцева отрядомъ Игельстрома 25-го сентября 1770 г., но уже по Кучукъ-Кайнарджійскому миру Аккерманъ былъ возвращенъ туркамъ. Во второй разъ, въ 1789 г., князь Потемкинъ-Таврическій въ сентябрѣ мѣсяцѣ послалъ противъ Аккермана кавалерійскій отрядъ бригадира и атамана Платова, и 30-го числа того же мѣсяца командовавшій аккерманскою крѣпостью трехбунчужный паша салоникскій Валиси сдалъ крѣпость безъ боя. Наконецъ, и въ 1806 г.

¹⁾ Противъ Аккермана, на другомъ (херсонскомъ) берегу лимана расположено мѣстечко Овидіополь, когда-то бывший городомъ. Многие и сейчасъ еще думаютъ, что именно здѣсь оплакивалъ судьбу свою въ безсмертныхъ «Tristia» великій поэтъ, сосланный Августомъ на берега Понта Эвксинскаго, въ дикую страну гетовъ и сарматовъ, но литовско-латинское Ovidovo говоритъ само за себя. Овидій же жилъ и скончался въ гор. Томахъ, вблизи нынѣшняго гор. Кюстенджки, въ Добруджѣ, гдѣ во второй половинѣ XIX вѣка А. Р. Vertos, нашелъ надгробный камень и разобралъ на немъ гласящую объ этомъ надпись на древне-греческомъ языкѣ.

Крепость въ Аккерманъ съ восточной стороны.

крѣпость также безъ боя сдалась генералу Ловейко изъ отряда герцога Ришелье. Послѣ этого крѣпость Овидіополь перенесена была въ Аккерманъ, но сама аккерманская крѣпость была упразднена только въ 1832 г. Теперь и стѣнъ крѣпостныхъ не осталось: на высококомъ берегу лимана красуется лишь цитадель этой крѣпости съ ея четырьмя башнями, глубокимъ рвомъ и развалинами дома, гдѣ жили наши-коменданты. Если бы не одесское общество исторіи и древностей, то и этого великаго памятника далекой эпохи не сохранилось бы. Молчить опустѣлая, мертвая цитадель, но воображенію туриста она очень много говоритъ. Старожилъ покажетъ вамъ башню, въ которой прикованный на цѣпи томился несчастный Конецпольскій (эту башню называютъ «Овидіевой» и увѣряютъ, что на стѣнахъ ея нерѣдко мечталъ нашъ бессмертный А. С. Пушкинъ); расскажетъ, что еще не такъ давно и цѣпи были цѣлы; покажетъ рядъ валяющихся на дворѣ цитадели каменныхъ плитъ съ греческими и армянскими надписями, венеціанскій гербъ, на которомъ едва замѣтны полумѣсяцъ и шпора; пороховой погребъ съ турецкой надписью объ его исправленіи въ 1756 г.; наконецъ, укажетъ и на слѣды потаеннаго выхода изъ цитадели и многое другое. Безъ помощи такого старожила вы только полюбуетесь на великолѣпный видъ изъ цитадели на лиманъ, достигающій здѣсь девяти верстъ ширины, и на далекій, разбросанный по херсонскому берегу Овидіополь и на еще болѣе далекіе на сѣверѣ плесы высокаго камыша. Взойдите на башню и оглянитесь въ другую сторону: сейчасъ же за городомъ начинается море зелени садовъ и виноградниковъ, къ югу распространяющееся черезъ посадъ Шаба почти до самаго маяка у царьградскихъ гирлъ лимана, а къ западу—теряющихся въ миражѣ далекаго горизонта безбрежной степи Буджакской, по которой когда-то носились на полудикихъ коняхъ ногайцы, а нынѣ разбросаны большія селенія, названія которыхъ: Парижъ, Лейпцигъ, Тарутино, Бородинская, Березинская, Кульмская и т. д., невольно вызываютъ удивленіе туриста, въ особенности, когда онъ слышитъ, что «отъ Бородина до Парижа всего одинъ перегонъ»...

Если бы одесское общество исторіи и древностей на четверть вѣка ранѣ имѣло возможность вспомнить объ Аккерманѣ и его памятникахъ сѣдой старины, то, несомнѣнно, и они сохранились бы, какъ цитадель, и, вмѣсто пустой и холодной могилы, мы видѣли бы и теперь турецкую баню, фрески и лѣпныя работы которой вспоминаютъ и сейчасъ старожилы, а вмѣсто груды камней—ту знаменитую аккерманскую мечеть, въ которой первое время послѣ пріобрѣтенія Аккермана и до постройки собора совершались православныя богослуженія. Съ развалинъ мечети открываются прекрасные виды съ одной стороны—на мрачныя стѣны и башни цитадели, съ другой же—на городъ съ чистыми, мощенными и уса-

женными деревьями улицами «новаго города», по которымъ пробѣгаютъ вагоны конно-желѣзной дороги, а еще далѣе—на «Старый базаръ», гдѣ еще видны слѣды турецкаго владычества, гдѣ переулки узки и пыльны, или грязны, смотря по времени года, гдѣ видны только каменные заборы, а не дома, скрывающіеся за ними: низкіе, крытые камышомъ дома съ навѣсами вокругъ и деревянными рѣшетками въ окнахъ. Въ одномъ изъ такихъ переулковъ, черезъ калитку въ каменной стѣнѣ, вы можете проникнуть во дворъ старинной армянской церкви, переполненный надгробными памятниками со стертыми давно надписями, и въ самую церковь, вырытую въ землѣ, съ папертью, состоящею изъ надгробныхъ камней, какъ и самый полъ церкви. Войдя въ эту церковь, каждый туристъ невольно подумаетъ, что онъ попалъ въ катакомбы древнихъ христіанъ, и онъ мало ошибется, ибо много вѣковъ назадъ здѣсь богослуженія свершались съ такою же таинственностью и опасеніями, какъ въ катакомбахъ Рима.

Не столь ветха часовня при греческой церкви, высящейся на скалистомъ берегу лимана. Въ этой часовнѣ, гдѣ всегда горятъ неугасимыя лампы и свѣчи, вы увидите бѣлый камень съ короткой, но много говорящей надписью: «Св. мученикъ Іоаннъ Новый отъ Трапезонта, пострадавшій въ Аккерманѣ 1492 года, іюня 2-го. Святые же мощи его нынѣ находятся въ Сочавѣ»... Да, свыше 500 лѣтъ назадъ здѣсь былъ замученъ турками нынѣ давно уже причисленный къ лику святыхъ, прибывшій въ Аккерманъ съ дорогами товарами на кораблѣ изъ Трапезонта купецъ Іоаннъ. Прельстившійся его драгоценностями аккерманскій паша посадилъ Іоанна въ темницу и согласился сохранить ему жизнь только въ томъ случаѣ, если Іоаннъ отречется отъ христіанства и приметъ магометанство. Но Іоаннъ отказался; тогда его привязали къ хвосту дикой лошади и пустили въ степь, но лошадь, помчавшись по камнямъ, привлекла разбитое тѣло Іоанна на то мѣсто, гдѣ теперь стоитъ часовня, и никакія силы не могли заставить коня уйти отсюда. Турки оставили тѣло, надъ которымъ ночью горѣло сіяніе, а затѣмъ похоронили здѣсь же. Въ 1562 г. сочавскій князь, наслышавшись о чудесахъ надъ могилою праведника, предложить туркамъ выкупить его на вѣсъ золота. Вырыли мощи, положили ихъ на одну чашку вѣсовъ, а на другую князь сталъ сыпать свое золото, но чашки вѣсовъ пришли въ равновѣсіе только тогда, когда на вѣсахъ лежала одна маленькая золотая монета. Паша, увидѣвъ это чудо, отказался взять какое-либо вознагражденіе, и мощи св. Іоанна Новаго тогда же перенесены въ Сочаву, бывшую столицу Молдавіи ¹⁾). Св. Іоаннъ Новый не забытъ православными русскими и, какъ тысячи нашихъ братьевъ галичанъ переходятъ границу для

¹⁾ А нынѣ маленькій австрійскій городокъ.

поклоненія св. иконѣ Почаевской Богоматери, такъ тысячи нашихъ паломниковъ идутъ въ Сочаву на поклоненіе мощамъ св. угодника. Въ Почаевѣ и Сочавѣ происходитъ то братаніе между единокровными и единовѣрными русскими, которое служить залогомъ единенія Державной и Прикарпатской Руси.

Изъ достопримѣчательностей города слѣдуетъ отмѣтить изящной архитектуры болгарскую церковь. Русскій соборъ выстроенъ въ 1832 г. на краю города, тогда какъ болгарская и греческая церкви расположены въ центрѣ его, въ новой части города, украшенной бульварами и городскимъ садомъ. За этимъ садомъ по берегу лимана тянется громадное строеніе—казармы, гдѣ расположенъ пѣхотный полкъ.

На самомъ берегу лимана изъ-подъ скалы вытекаетъ ключъ чистой прозрачной воды,—это «Святая» или «Прасковіевская криница», водѣ которой приписываютъ цѣлебное значеніе и съ которой связано древнее поэтическое-религіозное преданіе. Въ одномъ изъ набѣговъ своихъ на Подолье турки полонили и продали въ гаремъ наши молодую красивую дѣвушку Прасковью, отличавшуюся твердымъ и сильнымъ характеромъ. Спасаясь отъ насилій, она бѣжала ночью и бросилась къ берегу лимана по подземному ходу, который, говоритъ преданіе, существовалъ еще недавно и былъ заложень камнями стараніями монаховъ-грековъ. Погоня настигла Прасковью у самаго берега, но въ ту минуту, когда турки хотѣли схватить ее, она обратилась въ ключъ чистой, прозрачной воды.

Въ настоящее время жизнь Аккермана сонна и бездѣятельна; но у него когда-то была пора кипучей жизни и работы. Эта эпоха продолжалась въ вѣка генуэзской гегемоніи, даже въ первое время турецкаго владычества, но та же природа, которая такъ щедро обогащала край своими дарами, заперла выходъ въ море—источникъ богатства города. Настала пора упадка благосостоянія края. Аккерманскій округъ чувствуетъ это болѣе, чѣмъ какой-либо другой, что особенно наблюдается при изученіи естественныхъ богатствъ края.

Обыкновенно Бессарабію раздѣляютъ на сѣверную область, частью гористую, частью же степную, среднюю, холмистую, и южную, чисто степную; когда-то сѣверная часть, а отчасти и холмистая средняя были покрыты прекрасными лѣсами бука, граба и дуба, южная же представляла обширную Буджакскую степь. Но эти раздѣленія давно сгладились: лѣсовъ почти нѣтъ нигдѣ, какъ нѣтъ и вольной, ковылемъ покрытой степи,—ихъ мѣста заняли богатѣйшія пашни, сады и виноградники, и только небольшая часть предоставлена скотоводству. Значительнѣйшая часть удобныхъ земель занята пахотою, причемъ больше половины такой земли принадлежитъ крестьянскимъ надѣламъ (почти 2 милліона десятинъ

Овидієва башня въ Аккерманской крѣпости.

изъ 3.700.000 дес. всей воздѣлываемой земли), остальная земля подъ лугами, садами, лѣсами и виноградниками, которые одни въ общемъ представляютъ площадь почти въ 70 тысячъ десятинъ. Такъ называемыя «неудобныя» земли встрѣчаются лишь въ Аккерманскомъ уѣздѣ, по берегамъ моря, но здѣсь расположены длиннымъ рядомъ соляныя озера, которыя въ свое время давали хорошій заработокъ и доходъ краю и почему-то теперь не разрабатываются.

«Неудобными» же землями являются и всѣ берега мелкихъ лимановъ, затоны и многочисленныя песчанья косы на томъ же морскомъ берегу; но опять-таки каждый такой лиманъ, затонъ или коса представляютъ или дѣйствующій, или будущій курортъ, грязелечебную станцію, или прекрасное морское купанье, а иногда, какъ, на примѣръ, Цареградская коса, и то и другое вмѣстѣ. Дѣйствительно «негодными» могутъ быть названы лишь немногочисленныя солончаки на югѣ, овраги и балки на сѣверѣ да покрытыя камышомъ и заливаемые водою небольшіе плавни въ низовьяхъ Днѣстра.

Край почти не знаетъ недородовъ, и занятая подъ пахоть свыше 103 милліоновъ десятинъ даютъ сотни милліоновъ пудовъ озимой и яровой пшеницы, ячменя, льняного сѣмени и кукурузы, изъ которыхъ только послѣдняя почти цѣликомъ идетъ на продовольствіе мѣстнаго населенія,—все остальное въ значительной части вывозится за границу или внутрь Россіи и только ничтожная часть остается для мѣстныхъ нуждъ. Свыше 90.000 десятинъ, занятыхъ садами, даютъ милліоны пудовъ яблокъ, грушъ, абрикосовъ и чернослива, выдерживающаго конкуренцію съ лучшими сортами французскаго. Всѣ эти плоды въ свѣжемъ видѣ или сушеными вывозятся не только въ сѣверныя и среднія губерніи Россіи, но и за границу.

Овцеводство въ краѣ хотя и имѣетъ большое значеніе, но развито недостаточно и плохо поставлено,—о тонкорунныхъ овцахъ здѣсь не имѣютъ почти понятія, а мѣстная порода даетъ очень грубую и длинную шерсть, объ улучшеніи которой населеніе мало думаетъ, находя въ овцахъ другой доходъ—молоко, дающее извѣстную брынзу, довольно вкусный сыръ, употребляемый въ краѣ въ весьма большомъ количествѣ. Тѣмъ не менѣе, и плохого достоинства шерсть овецъ находитъ сбытъ не только на внутреннемъ, но и на заграничномъ рынкѣ ¹⁾. Если нельзя сказать, что винодѣліе составляетъ въ настоящее время главное богатство края, то оно, несомнѣнно, скоро будетъ имъ. Въ немъ громадное будущее края, и на немъ мы въ особенности должны остановиться.

Виноградарствомъ и винодѣліемъ занимаются въ Аккерманскомъ уѣздѣ и помѣщики, и монастыри, и колонисты, и крестьяне, причемъ у послѣднихъ дѣло это поставлено чрезвычайно плохо не только потому, что въ виноградникахъ ихъ культивируются только мѣстныя лозы, тогда какъ у другихъ лучшіе сорта французскихъ, но и потому, что у крестьянъ виноградники содержатся очень небрежно. Несмотря на то, что имъ прекрасно знакома рядовая посадка, хотя бы по примѣру сосѣдей, помѣщиковъ и многочислен-

¹⁾ Мы умалчиваемъ о табаководствѣ, ибо говоримъ главнымъ образомъ объ Аккерманскомъ уѣздѣ (низовья Тираса), въ уѣздѣ же этомъ нѣтъ ни одной табачной плантаціи (рядомъ, въ Бендерскомъ до 1.000),

ныхъ колонистовъ, крестьяне продолжаютъ сажать въ садахъ своихъ между виноградомъ не только фруктовыя деревья, но и зачастую даже кукурузу и овощи, обращая свои виноградники въ огороды. Подрѣзка лозъ, прашовка, или перекапываніе виноградниковъ, и очистка отъ сорныхъ травъ производится крайне неумѣло, даже ограничивается иногда простымъ выкосомъ травы. Въ то время, какъ колонисты-швейцарцы въ Шабѣ, нѣмцы и болгары въ Пуркарахъ и Раскайцахъ и даже нѣкоторые крестьяне по берегу лимана, близъ Аккермана, дѣлаютъ глубокую посадку по два чубука въ ямку, употребляютъ для обработки почвы плужки, подрѣзываютъ виноградныя лозы коротко, прашуютъ почву по три и даже по четыре раза въ лѣто,—крестьяне другихъ мѣстъ, даже Аккерманскаго уѣзда, насадивъ лозы, предоставляютъ ихъ полной свободѣ, для обработки употребляютъ устарѣвшій сапъ, прашовку же почти не практикуютъ и допускаютъ кусты разрастаться чуть ли не до высоты деревьевъ.

Наконецъ, крестьяне никогда не даютъ винограду дозрѣть, какъ слѣдуетъ, и начинаютъ сборъ уже въ срединѣ августа. Плачевные результаты такого ухода очевидны: тогда какъ швейцарцы справедливо хвастаются урожайностью до 700 и даже иногда до 1.000 ведеръ съ десятины,—рядомъ, у крестьянъ, урожайность эта рѣдко превышаетъ 100 ведеръ, а иногда падаетъ и значительно ниже.

Виноградники колонистовъ, въ особенности въ Шабѣ, и помѣщиковъ содержатся значительно лучше, чѣмъ крестьянскіе, но все-таки рационально поставленныхъ хозяйствъ очень мало,—ихъ считаютъ по пальцамъ.

Каково виноградарство—таково, конечно, и винодѣліе: ни знаній, необходимо требующихся, ни правильнаго хозяйства, ни терпѣнія и энергіи въ заботахъ у аккерманскихъ крестьянъ (равно какъ и въ другихъ уѣздахъ) нѣтъ. Они топчутъ виноградъ ногами, собираютъ сокъ въ никуда негодныя бочки и заставляютъ бродить въ нихъ грязное сусло и если все-таки послѣ всего этого у крестьянъ получается нѣчто въ родѣ вина, то этому только надо удивляться. Если въ нѣкоторыхъ селеніяхъ роль ногъ играютъ особыя ступки, то дѣло этимъ мало мѣняется, ибо сокъ все-таки стекаетъ въ эту же бочку, которая остается открытою 10—15 дней и въ которую попадаютъ и пыль, и дождь, и пометъ птицій, и прочій соръ. Крестьяне нѣкоторыхъ селеній собираютъ предварительно виноградъ въ мѣшки и уже по мѣшкамъ этимъ топчутъ, но дальнѣйшая судьба сусла остается та же. Если ко всему этому добавить, что безпечные виноградари рѣдко когда находятъ нужнымъ сортировать виноградъ и топчутъ его перемѣшаннымъ, красный съ бѣлымъ, то станетъ понятнымъ, почему у крестьянъ нѣтъ ни бѣлаго, ни краснаго вина, а какое-то розовато-грязное. Неудивительно, что за такое вино иногда на мѣстѣ и рубля за ведро не даютъ, хотя, впрочемъ, оно

очень охотно раскупается нашими «кашинскими» фабрикантами, которые, послѣ извѣстныхъ надъ такимъ виномъ манипуляцій, выпускаютъ его въ продажу подъ самыми разнообразными названіями.

А между тѣмъ, за примѣромъ мѣстнымъ виноградарямъ и винодѣламъ далеко ходить не приходится. Винодѣліе образцово поставлено, на примѣръ, въ д. Леонтьево у г-жи Понсэ, Кристи, Мими, Кречунеско и другихъ помѣщиковъ, и если крестьяне вообще чуждаются образцовыхъ помѣщичьихъ хозяйствъ, то они могли бы приглядѣться къ тому, какъ поставлена эта выгодная отрасль хозяйства хотя бы въ Пуркарахъ, въ особенности же у швейцарцевъ посада Шаба. Для этого даже созданъ былъ посадъ. Когда въ началѣ XIX вѣка Ришелье началъ свою благотворную дѣятельность въ Новороссіи, генераль-губернатору которой была поручена и Бессарабія, знаменитый генераль Инзовъ пригласилъ нѣсколько семействъ нѣмцевъ и французовъ изъ Швейцаріи переселиться въ Бессарабію, именно для образцовой постановки виноградарства и винодѣлія въ краѣ. Семейства эти, къ которымъ вскорѣ присоединились другія, были щедро надѣлены землею близъ Аккермана и образовали селеніе, или колонію, нынѣ посадъ Шаба. Главою или эмиромъ колоніи этой избранъ былъ нѣкій Тарданъ, который составилъ первое въ Россіи руководство для виноградарей и винодѣловъ и который настолько раціонально устроилъ жизнь колоніи, что шабскимъ колонистамъ неизвѣстна нужда и среди нихъ царитъ даже богатство, причемъ, къ чести ихъ надо сказать, что они продолжаютъ работать какъ простые крестьяне, поселенные рядомъ съ ними въ посадѣ и надѣленные по 30 десятинъ земли. Но какая разнища замѣчается во всемъ между ними. У колонистовъ прекрасные дома, комфортабельная обстановка, отличные экипажи и лошади и т. д., у крестьянъ же избы-мазанки, грязь и нерѣдко нужда. Въ одной части Шаба вы видите иностранный благоустроенный городокъ, въ другой—малороссійское заурядное селеніе. Та же разнища и въ работѣ ¹⁾. Шабскія вина (колонистовъ) справедливо славятся въ краѣ и если не извѣстны во всей остальной Россіи, то потому, что или попадаютъ въ руки нашихъ виноторговцевъ, выпускающихъ ихъ подъ именемъ французскихъ,—ибо вина эти прекрасно выдерживаются въ самомъ Шаба,—или же не выдержанными уходятъ за границу, во Францію, откуда выдержанными и сдобренными возвращаются къ намъ подъ названіемъ различныхъ шампанскихъ, ибо за границу уходятъ исключительно шампанскія вина Шаба. Впрочемъ, и въ самомъ Шаба

---

¹⁾ Шабцевъ можно укорить въ одномъ лишь. Отцы полвѣка назадъ поставили основателю колоніи прекрасный памятникъ, но сыновья забыли его. Памятникъ обветшалъ, разваливается, и мы съ трудомъ нашли его въ запущенномъ саду какой-то... еврейской гостиницы. А между тѣмъ нѣкоторые потомки Тардана—богатѣйшіе люди въ краѣ...

есть шампанскій заводъ, но шабскаго шампанскаго въ продажѣ вы не увидите, ибо оно поступаетъ въ продажу отнюдь не подъ именемъ шабскаго, а подъ другими, болѣе громкими и извѣстными.

Аккерманскій уѣздъ отправляетъ внутрь Россіи и за границу миллионы пудовъ пшеницы, рыбы, которая въ изобиліи ловится въ лиманѣ и по берегу моря, шерсти, фруктовъ и миллионы ведеръ вина. Аккерманъ насчитываетъ около 50 тысячъ жителей, имѣетъ мужскую и женскую гимназію, а въ уѣздѣ—учительскую семинарію (въ с. Байрамча), свыше ста начальныхъ училищъ, свой банкъ, театръ, бульвары, трамвай и т. д.

Но едва ли можно сказать, что Аккерманъ и Аккерманскій уѣздъ достигли той ступени своего благосостоянія, какое имъ доступно по тѣмъ благамъ природы, какими они обладаютъ. Округъ этотъ могъ бы производить по крайней мѣрѣ вдвое, и если мы этого не видимъ, то причиною того является не одна лишь южная безпечность населенія, но и нѣкоторыя другія мѣстныя условія.

Аккерманъ и его округъ имѣли богатое прошлое. Это было тогда, когда аккерманскій портъ былъ морскимъ портомъ и дѣйствительно единственнымъ и лучшимъ выходомъ въ море, единственнымъ и лучшимъ экспортнымъ пунктомъ Чернаго моря. Но это было давно. Не только въ эпоху Геродота, но и много позднѣе его, какъ доказываютъ это старинныя карты, Тирасъ впадалъ не въ лиманъ, а въ глубокой и многоводный заливъ, благодаря которому морскія, глубоко сидящія суда могли доходить до самаго города Аккермана. Но постепенно заливъ обмелѣлъ, при устьѣ его образовался песчаный островъ, оставившій два узкихъ выхода для водъ Днѣстра въ море, и заливъ превратился въ лиманъ, недоступный для морскихъ судовъ, а изъ двухъ выходовъ (гирлъ) только западный, у бессарабскаго берега, такъ называемый Царьградскія гирла, имѣетъ 16—18 футовъ глубины, самый же лиманъ на перекатахъ—едва 8 футовъ. Въ такомъ положеніи лиманъ находился уже въ началѣ XIX вѣка, когда Бессарабія отошла къ намъ навсегда, и къ этому времени относится самое плачевное экономическое состояніе края,—заброшенные остатки турецкихъ садовъ являются лучшимъ доказательствомъ былого богатства края.

Къ началу XIX вѣка относится основаніе Одессы, быстрый ростъ которой и удобства экспортнаго порта оживили отчасти и Бессарабію, могшую черезъ Аккерманъ каботажемъ направлять въ Одессу излишки своего производства. Аккерманъ вновь сталъ возрождаться, и возрожденіе это шло до семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Ожидался и дальнѣйшій ростъ его. А. Защукъ, въ его капитальномъ трудѣ¹⁾, посвященномъ Бессарабіи того времени (1862 г.), говоритъ: «Положеніе Аккермана близъ устья судоходной рѣки Днѣстра,

) «Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Бессарабія». Одесса, 1862 г.

протекающей по мѣстамъ, богатымъ разными произведеніями, дѣлало этотъ городъ важнымъ торговымъ пунктомъ заграничной торговли еще въ началѣ исторіи. Съ обмелѣніемъ Днѣстра и его устья заграничная торговля уменьшилась, и, наконецъ, исключительное развитіе Одессы отняло у Аккермана его послѣднее значеніе заграничнаго порта. Развитіе пароходства по Днѣстру, расчистка устья этой рѣки и временныя привилегіи заграничной торговли могли бы сдѣлать Аккерманъ однимъ изъ лучшихъ городовъ юга Россіи, и это упрочило бы благосостояніе всей Бессарабіи».

Именно къ тому времени, когда писалъ эти слова А. Запукъ, относятся попытки въ указанномъ имъ направленіи. Древній Тирасъ былъ очищенъ отъ карчей, взорваны были многіе пороги, отъ самаго Могилева до Аккермана стали ходить пароходы, а землечерпательныя машины стали углублять устье Днѣстра, но настала пора желѣзнодорожнаго строительства Россіи, и Бессарабскій край оказался прорѣзаннымъ нѣсколькими вѣтвями желѣзнаго пути, терминусомъ котораго у моря оказалась, однако, та же Одесса, а не Аккерманъ, и послѣдній сталъ быстро хирѣть.

Вѣтви отъ Бирзулы на Новоселицы, отъ Раздѣльной на Унгени и отъ Бендеръ на Рени стали мощными насосами, черезъ которые продукты Бессарабіи полились черезъ Одессу; вѣтви эти дѣйствительно «упрочили благосостояніе Бессарабіи», но не всей, ибо не коснулись вовсе богатѣйшаго Аккерманскаго округа ¹⁾. Вѣтви эти разбудили дѣятельность всѣхъ уѣздовъ края, влили въ населеніе новую энергію, развили производство въ нихъ, но забытый Аккерманскій уѣздъ остался дремлющимъ, въ особенности же его центральныя и восточная полосы, тяготеющія скорѣе къ Аккерману, чѣмъ къ той вѣтви, которая проходитъ черезъ Измаильскій уѣздъ.

Чтобы сбыть свой хлѣбъ, вино или шерсть, населеніе Аккерманскаго округа должно вести свои грузы на западъ гужомъ до ближайшей станціи желѣзной дороги, которая дѣлаетъ громадный кругъ на сѣверъ, чтобы затѣмъ опуститься къ Одессѣ; въ противномъ случаѣ, населеніе должно отправлять свои грузы за 100 верстъ, опять-таки гужомъ, въ Аккерманъ, платить накладные расходы за нагрузку товаровъ на каботажныя суда, за перевозъ груза въ Одессу моремъ, черезъ лиманъ, за выгрузку въ Одессѣ, за храненіе ихъ въ этомъ порту и, наконецъ, за нагрузку на морскія суда. Такія трудности и дороговизна доставки въ Одессу совершенно задержали развитіе сельско-хозяйственной промышленности Аккерманскаго округа, и Аккерманскій уѣздъ, самый богатый по дарамъ природы,

---

¹⁾ Аккерманскимъ округомъ мы называемъ какъ самый уѣздъ того же имени, такъ и тяготеющую къ нему юго-восточную часть Измаильскаго уѣзда, всего свыше 8.000 кв. верстъ.

значительно меньше другихъ уѣздовъ даетъ для экспорта и хлѣба, и шерсти, и вина.

А между тѣмъ есть возможность снова возбудить жизнь Аккерманскаго округа, увеличить его производство, удешевить экспортъ. Морскимъ портомъ сдѣлать снова Аккерманъ нельзя, не по техническимъ или финансовымъ затрудненіямъ, которыя, конечно, возможно преодолѣть, а по соображеніямъ государственнаго характера: конкурировать съ Одессой Аккерманъ никогда не будетъ въ состояніи. Но возродить заснувшій округъ есть средства. Нужно только провести желѣзную дорогу отъ одной изъ станцій вѣтви Бендеры—Рени, на примѣръ, отъ Троянова Вала, или Чадырь-Лунга до Аккермана, т. е. новую вѣтвь, которая какъ разъ пополамъ перерѣзала бы Аккерманскій округъ. Но однако этого, конечно, тоже недостаточно. Нужно, такъ сказать, подготовить кровъ для движенія по этой артеріи, и это безусловно дѣло и долгъ мѣстныхъ земскихъ людей,

Новая желѣзнодорожная вѣтвь сама уже, своимъ появленіемъ, до извѣстной степени количественно увеличить производительность сельскаго хозяйства округа, но необходимо и качественное улучшение его различныхъ отраслей, а для этого нужно нѣсколько сельско-хозяйственныхъ школъ и опытныхъ полей и садовъ, нѣсколько образцовыхъ овцеводныхъ хозяйствъ, нѣсколько школъ виноградарства и винодѣлія; затѣмъ, возобновленіе разработки втуне оставаемыхъ соляныхъ озеръ Бурнаса, Алибея, Шагоны, Кундуки и Катая (а въ Измаильскомъ у.—Яллуха); урегулированіе рыболовства въ лиманѣ и по берегу моря и, наконецъ, содѣйствіе развитію почти единственныхъ въ Россіи по качествамъ курортовъ, имѣющихся уже, но хирѣющихъ «Будаковъ» и «Тузловъ» и зарождающагося «Кара-Бугаза». Незначительныя по занимаемой ими площади, при должномъ развитіи, курорты эти скоро уже перестанутъ удовлетворять наплыву больныхъ; но рядомъ съ ними по берегамъ Шабалацкаго залива и на безыменномъ островѣ, между гирлами Днѣстра, и по берегу моря до озера Бурнаса, можно найти много мѣстъ для такихъ же курортовъ, съ тою же лечебною грязью, съ тѣмъ же, какъ на Кара-Бугазѣ, неподобнымъ пляжемъ для морскихъ купаній. Еще 6 лѣтъ назадъ Кара-Бугазъ представлялъ собою нелюдимую песчаную косу, безъ всякихъ признаковъ растительности. Только на вдающемся въ море мысѣ красовались маяки, станція спасенія погибающихъ да куча деревьевъ. Въ 1903 году случайно посѣтившій Бугазъ московскій докторъ Шабельскій обратилъ вниманіе на то, что коса эта не песчаная, а вся состоитъ изъ мелко истолченной ракушки. Песокъ этотъ онъ отправилъ на анализъ въ Москву, и послѣдній далъ такіе блестящіе результаты, что Шабельскій немедленно приобрѣлъ у шабскихъ крестьянъ 10 десятинъ на косѣ для устройства дѣтской санаторіи, а аккерманская, кишиневская и

одесская интеллигенція раскупила у крестьянъ 200 участковъ, на которые они разбили косу.

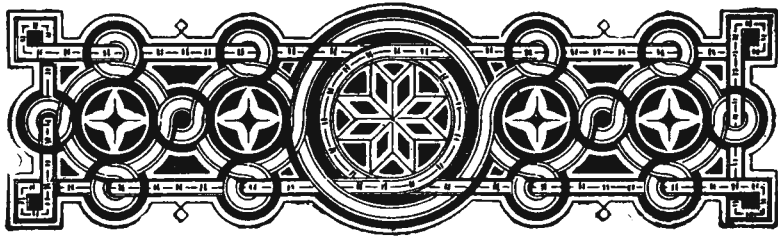
Нынѣ на Кара-Бугазѣ выстроены уже нѣсколько десятковъ дачъ, разрослись сады и виноградники, строится гостиница, а «обществомъ благоустройства курорта» приобрѣтень паровой катеръ, для сношеній съ Аккерманомъ, и выстроена пристань. Курортъ этотъ, какъ климатическая, грязе-лечебная и морская купальная станція, своимъ блестящимъ будущимъ обязана первымъ пионерамъ его и сторожиламъ края г. Колтовскому, д-ру Рава, Д. Д. Сухорукору и Н. Н. Скальскому (подробное описаніе «Кара-Бугаза» см. «Бессарабская Жизнь» 1907 г., №№ 218, 219).

Словомъ, упроченіе благосостоянія Аккерманскаго округа и возрожденіе самаго Аккермана, по мѣсту расположенія и климату достойнаго лучшей участи, зависитъ исключительно отъ мѣстныхъ силъ, отъ инициативы и энергіи мѣстныхъ земскихъ людей.

Край гордится своимъ славнымъ прошлымъ,—отъ него зависитъ создать себѣ славное настоящее и будущее.

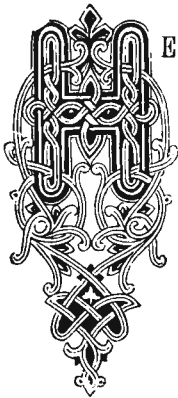
Л. А. Богдановичъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

М. Бородинъ. Исторія Финляндіи. Время Петра Великаго. Съ портретами, иллюстраціями, картой. Къ двухсотлѣтію взятія Выборга. Спб. 1910. Стр. 310. Цѣна 3 рубля.

ВЕУТОМИМЫЙ изслѣдователь исторіи Финляндіи М. Бородинъ, о трудахъ котораго не разъ уже упоминалось на страницахъ «Историческаго Вѣстника», напечаталъ весьма недавно, ко дню двухсотлѣтія взятія Выборга (14 іюня 1710 г.), новое сочиненіе, заглавіе котораго приведено нами выше, являющееся какъ бы началомъ его предшествующихъ трудовъ по исторіи Финляндіи. Сочиненіе это обладаетъ тѣми же достоинствами, какъ прочіе труды г. М. Бородинки, т.-е. тщательнымъ изученіемъ относящагося къ предмету историческаго матеріала, близкимъ знакомствомъ со шведскими и финскими источниками, простотою изложенія, замѣчательнымъ безпристрастіемъ и обиліемъ различныхъ свѣдѣній, до появленія его труда мало извѣстныхъ читателю. Все это, конечно, дѣлаетъ и новое изслѣдованіе г. Бородинки весьма занимательнымъ. Содержаніемъ его является, какъ видно изъ заглавія, исторія Финляндіи во время Петра Великаго или, еще точнѣе, исторія нашихъ завоеваній въ Финляндіи при Петрѣ Великомъ, т.-е. малый, отдаленный уголокъ той колоссальной картины, какую, по словамъ автора, представляетъ собою эпоха Петра Великаго, но уголокъ, въ которомъ геній Петра блещетъ замѣтной силой и красотой въ каждомъ эпизодѣ этой войны въ Финляндіи, а его желѣзная настойчивость изумляетъ насъ повсюду. Личныя качества Петра I играли первенствующую роль въ исходѣ этой войны, хотя онъ лично и не находился всегда на театрѣ войны во все ея

продолженіе. Финляндія была завоевана въ то время благодаря своевременному созданію шхернаго флота; онъ же всецѣло дѣло рукъ Петра. Графъ Апраксинъ, князь М. Голицынъ, Брюсъ, Крюкъ и пр. явились прежде всего исполнителями обширныхъ предначертаній великаго преобразователя, какъ это видно изъ нижеслѣдующихъ немногихъ строкъ, извлеченныхъ изъ интереснаго труда г. М. Бородкина.

Для поднятія государственнаго значенія и улучшенія матеріальнаго быта Россіи надлежало утвердиться на Балтійскомъ морѣ, завести свой флотъ, войти въ ближайшія сношенія съ важнѣйшими сосѣдними государствами и приобрести вліяніе на дѣла Европы. Балтійское море находилось въ то время во власти сильной Швеціи, подобно тому, какъ Черное море являлось внутреннимъ моремъ Турціи. Отсюда неизбежна война съ Швеціею, начавшаяся въ 1700 году, какъ извѣстно, страшнымъ для насъ погромомъ подъ Нарвою. Петръ I, однако, не палъ духомъ и усиленно сталъ готовиться къ дальнѣйшимъ военнымъ дѣйствіямъ, онъ укрѣплялъ города Новгородъ и Псковъ, энергично строилъ свой флотъ, заготовлялъ артиллерію и военные припасы, привлекалъ изъ Голландіи корабельныхъ мастеровъ и т. д. Уже въ 1701 г. онъ задумалъ овладѣть Нотебургомъ (древнимъ Орѣшкомъ при истокѣ р. Невы) и притомъ по льду, т.-е. произвести внезапную осаду зимой, доставивъ людей по льду на саняхъ. Однако санный путь испортился еще въ январѣ мѣсяцѣ, и это заставило означенный планъ оставить. Петръ I, видя, что нельзя ограничиться взятіемъ одного Нотебурга, а нужно сдѣлаться владѣтелемъ всей р. Невы, сталъ съ 1702 г. сооружать флотъ на Олонечкой верфи, а также въ Архангельскѣ, откуда два фрегата и были доставлены въ Ладожское озеро волокомъ, т.-е. сухимъ путемъ по такъ называемой и понынѣ «Осударевой дорогѣ» на разстояніи 160 верстъ. Царь лично слѣдовалъ при фрегатахъ. Тѣмъ временемъ Апраксинъ долженъ былъ сдѣлать набѣгъ въ Ижорскую землю въ направленіи къ Канцамъ (т.-е. Нюеншанцъ или Нюскъ-Сканцъ ¹⁾), при впаденіи р. Охты въ р. Неву, противъ нынѣшняго Смольнаго монастыря), а Брюсъ и Репнинъ должны были приготовить операцію у Нотебурга, который и былъ взятъ 11 октября 1702 г. Петръ назначилъ комендантомъ взятаго города Меншикова, приказалъ выбить медаль на взятіе Нотебурга, а самый городъ переименовать въ Шлюссельбургъ. Послѣ этого Петръ обратился къ Канцамъ; имъ овладѣлъ Шереметевъ 1 мая 1703 г., причемъ большинство жителей переселилось въ Выборгъ. Такимъ образомъ, входъ и выходъ р. Невы были въ русскихъ рукахъ и «врата въ Европу открыты». Петръ обладалъ Невою на всемъ ея протяженіи и 16 мая 1703 г. заложилъ Петропавловскую крѣпость, около которой сейчасъ же началъ возводить городъ С.-Петербургъ, на землѣ древней Новгородской пятины. Въ основаніи Петербурга крылась угроза Выборгу, важному шведскому городу въ Финляндіи въ то время. Поэтому естественно, что шведы не разъ покушались подойти къ новой столицѣ Россіи и разрушить ее, а также отгнать русскихъ отъ Невы, но эти попытки ихъ не имѣли успѣха. Одновременно шведы старались овла-

¹⁾ Противъ этой крѣпости на той же рѣкѣ Охтѣ находился городъ Нюенъ, который велъ значительную мѣновую торговлю.

дѣтъ русскимъ укрѣпленіемъ Кроншлотомъ (онъ сталъ называться Кронштадтомъ съ 1723 г.), которое было построено по приказанію Петра I на отмели Котлина въ устьѣ р. Невы. Въ слѣдующемъ 1704 г. была взята штурмомъ Нарва и крѣпость Ивангородъ 9 августа 1704 г., чѣмъ завершилось покореніе Ингерманландіи, а Петръ въ концѣ 1704 г. праздновалъ въ Москвѣ расширеніе предѣловъ Россіи до Балтійскаго моря.

Шведы не переставали, однако, нападать на новую столицу, оборона которой была поручена Петромъ въ 1705 году вице-адмиралу изъ Голландіи Корнелію Ивановичу Крьюсу. Чтобы еще болѣе оградить себя отъ непрестанныхъ нападений шведовъ, Петръ I задумалъ овладѣть Выборгомъ. Это поручено было Брюсу, который съ отрядомъ въ 20 тыс. человекъ подошелъ къ городу 12 октября 1706 года. Шведскій генералъ Майдель заперся въ крѣпости съ гарнизономъ въ 3 тыс. человекъ; остальные его войска удобно расположились въ сторонѣ на случай надобности. Рекогносцировка, произведенная самимъ Петромъ, показала, что имѣвшіяся у насъ свѣдѣнія о Выборгѣ не соотвѣтствуютъ дѣйствительности; у насъ даже не имѣлось вѣрнаго плана крѣпости «по небреженію начальствовавшихъ». Петръ обратилъ вниманіе, что Выборгъ стоитъ на морскомъ протоцѣ, а у насъ судовъ только двѣ верей. Недоставало флота для осады, которая и была снята нами въ ночь съ 26 на 27 октября. Петръ прибылъ въ Петербургъ 4 ноября, а армія возвратилась на зимнія квартиры. Положеніе Россіи въ то время становилось очень затруднительнымъ. На югѣ Россіи вспыхнулъ астраханскій бунтъ (1705—1706 г.), на Дону поднялся Булавинъ (1708 г.), а на юго-востокѣ возстали башкиры. Король шведскій Карлъ XII, покончивъ съ королемъ польскимъ Августомъ II въ 1706 г., направлялся во внутреннія наши губерніи, мечтая дойти до Москвы. Со стороны Финляндіи шведы не переставали угрожать Петербургу; ихъ флотъ попрежнему съ открытіемъ навигаціи приходилъ къ Березовымъ островамъ. Новый выборгскій губернаторъ Георгій Любекеръ, замѣнившій Майделя, выступилъ 1 августа 1708 г. изъ Выборга къ р. Сестрѣ, а затѣмъ, переправившись чрезъ р. Неву ниже Тосны (Тевсины), двинулся въ Ингерманландію, надѣясь найти обильные запасы, но обманулся и сталъ терпѣть голодь. Дойдя до Дудергофа, онъ повернулъ къ морскому берегу, гдѣ нынѣ Ораніенбаумъ, скоро разбѣжился на суда своего флота и перебрался на финляндскій берегъ у Бьеркэ. Этотъ походъ Любекера былъ послѣднимъ нашествіемъ шведовъ на Ингерманландію. Тѣмъ временемъ Карлъ XII совершалъ свое движеніе изъ Саксоніи черезъ Польшу въ Украину. Скоро послѣдовало извѣстное сраженіе 28 сентября 1708 г. при Лѣсной, въ которомъ былъ разбитъ Левенгауптъ, а затѣмъ и битва при Полтавѣ 27 іюня 1709 г. Карлъ XII потерпѣлъ полное пораженіе и бѣжалъ въ Турцію. Петръ I того же дня писалъ адмиралу Ѳ. М. Апраксину; «нынѣ уже совершенный камень въ основаніе Санктпетербурху положенъ съ помощію Божьей». Вскорѣ 17 іюля онъ писалъ тому же Апраксину, командовавшему войсками въ Ингерманландіи, что «время еще сего лѣта довольно осталось для атаки непріятельскихъ городовъ, а понеже къ Выборгу не чаю, чтобъ уже осенью за пустотою и прочими неудобства возможно какой промыселъ учинить, но развѣ зимою, и того ради мы заблагоразсудили Ревель осадить...»

Петръ скоро приказаль сосредоточивать полки на островѣ Котлинѣ, гдѣ предполагалъ произвести имъ смотръ предъ выступленіемъ въ Финляндію, а 21 февраля 1710 г. приказаль тому же Ѳ. М. Апраксину итти къ Выборгу, и 12 марта Апраксинъ съ корпусомъ пѣхоты и кавалеріи чрезъ ледъ моремъ съ Котлина острова маршъ воспріялъ и мимо Березовыхъ острововъ въ самый ужасный морозъ подошелъ къ Выборгу 21 марта (т.-е. послѣ 9-дневнаго пути по льду въ морѣ) благополучно и посадомъ при Выборгѣ овладѣлъ и постъ занялъ ¹⁾).

14-го іюня 1710 года Петръ, во главѣ преображенцевъ, вступилъ въ Выборгъ, а на другой день писалъ императрицѣ: «объявляю вамъ, что вчерашняго дня Выборгъ городъ сдался и сею доброю вѣдомостью, что уже крѣпкая подушка С.-Петербургу устроена чрезъ помощь Божью, васъ поздравляю». 15 іюня совершилъ торжественный входъ въ крѣпость гр. Апраксинъ, при чемъ ему поднесены были ключи на серебряномъ блюдѣ, а 16 іюля торжественно вошелъ въ крѣпость Петръ I и отслужилъ молебенъ. Въ память взятія Выборга была выбита медаль съ портретомъ царя; кромѣ того, заложень Троицкій соборъ въ Петербургѣ, что на Петербургской сторонѣ. Первымъ русскимъ комендантомъ Выборга былъ назначень бригадиръ Григорій Чернышевъ.

Послѣ взятія Выборга южная часть Сайменской водной системы, вмѣстѣ съ Вильманстрандомъ, досталась русскимъ, только Кексгольмъ (Карела) сопротивлялся два мѣсяца, но послѣ того, какъ русскія войска овладѣли редутомъ на островѣ рѣки Вуокса, противъ крѣпости, Кексгольмъ сдался Роману Брюсу 8 сентября 1710 года.

Предоставляя читателямъ непосредственно самимъ ознакомиться съ любопытнымъ изложеніемъ дальнѣйшихъ нашихъ военныхъ дѣйствій въ Финляндіи и взятіемъ Гельсингфорса въ 1713 году и Або 28 августа того же года, куда русскія силы направились подъ предводительствомъ самого Петра I, сообщимъ въ заключеніе, что въ означенномъ трудѣ г. М. Бородкина имѣются также весьма любопытныя свѣдѣнія о русскомъ управленіи завоеваннымъ краемъ, объ устройствѣ шведскаго войска, о тяжкомъ положеніи Швеціи и Финляндіи во времена великой Сѣверной войны, живая характеристика Карла XII и т. д. Словомъ, трудъ М. Бородкина читается съ большимъ увлеченіемъ и представляетъ множество любопытнаго. Книга издана очень хорошо, имѣетъ очень много портретовъ и иллюстрацій и снабжена картою Финляндіи. П. Майковъ.

Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ. М. Н. Покровскаго, при участіи Н. М. Никольскаго и Д. Н. Сторожева. Изданіе т-ва «Міръ».
Т. I. М. 1910. Стр. 259+56+6. Цѣна за 5 томовъ 20 р.

Свое отношеніе къ предмету составители ясно формулировали въ проспектѣ объ изданіи. Они «исходятъ изъ того взгляда, что историческія перемѣны опредѣляются внѣшнею обстановкой, въ которой совершается историческій процессъ,

¹⁾ Подробности похода Петра къ Выборгу и взятія его изложены въ ст. «Петровскіе дни». Ред.

и что экономическія явленія, ближайшимъ образомъ отражающія взаимодействіе между творцомъ исторіи, человѣкомъ, и этою внѣшнею обстановкой, являются тѣмъ, что можно назвать фундаментомъ исторіи. Всего дальше будетъ «Русская исторія» отъ традиціонной до сихъ поръ—особенно въ области новѣйшей русской исторіи—манеры объяснять тѣ или другія событія исключительно психологіей дѣйствующихъ лицъ и группъ, тѣми цѣлями, которыя они себѣ сознательно ставили. Все это само, напротивъ, является отраженіемъ тѣхъ или иныхъ реальныхъ силъ: открыть эти силы, показать ихъ взаимодействіе и составляетъ задачу историческаго изложенія. Словомъ, субъективное должно объясняться изъ объективнаго, а не наоборотъ. Но «Русская исторія» будетъ весьма далека и отъ того, чтобы въ погонѣ за объективнымъ забывать человѣческую личность, какъ это часто дѣлается, и отъ того, чтобы въ стремленіи изобразить ходъ историческаго процесса въ видѣ гладкой, ровной эволюціи игнорировать тѣ крупныя и мелкія катастрофы, которыя обыкновенно называются «событіями». Нѣтъ ничего менѣе научнаго, чѣмъ отдѣлять «быть» отъ «событій» китайской стѣной и вынимать изъ исторіи человѣка, руками котораго эта исторія дѣлается. Въ строгомъ смыслѣ слова, «быть» есть наше отвлеченіе—въ исторіи, какъ и вообще въ природѣ, ничто никогда не стоитъ на мѣстѣ, она сплошь состоитъ изъ крупныхъ и мелкихъ «событій», при чемъ первыя отличаются отъ вторыхъ не по существу, а лишь размѣрами, количествомъ захватываемыхъ лицъ и отношеній. Событіямъ въ издаваемой теперь «Русской исторіи» отводится весьма много мѣста, только, конечно, это не тѣ событія, которыя стоятъ на первомъ планѣ въ лѣтописяхъ и въ школьныхъ учебникахъ нашихъ дней, «Войну и миръ, управу государей» наша книга такъ же мало собирается живописать, какъ «угодниковъ, святыхъ чудеса, пророчества и знаменья небесны». Но это потому, что она будетъ разсматривать историческія событія не сверху, исключительно съ точки зрѣнія командующихъ классовъ, а снизу, съ точки зрѣнія интересовъ народной массы. Тотъ или иной выборъ фактовъ опредѣляется въ данномъ случаѣ столько же научными требованіями, сколько общественными тенденціями,—то и другое здѣсь совпадаетъ. Изданіе, такимъ образомъ, ставить себѣ цѣлью въ общедоступной формѣ подвести итоги тому, что сдѣлано до сихъ поръ въ области исторіи русской культуры, принимая это послѣднее слово въ наиболѣе широкомъ его значеніи (хозяйство, общественный строй, право, государственныя учрежденія, религіозная жизнь и т. д.).

У насъ есть хоть немногочисленные, но прекрасные историческіе труды, университетскіе курсы, шкoльные учебники, но цѣльной и планомерной, притомъ популярной разработки русской исторіи съ вышеобъясненной точки зрѣнія, доминирующей въ наукѣ нашего времени, еще нѣтъ. Матеріала накоплено горы, но, справедливо объясняютъ авторы въ предисловіи, «существующія въ нашемъ научномъ оборотѣ историческія обобщенія почти цѣликомъ принадлежатъ той научной формации, которая сама давно готова стать предметомъ исторіи. Трудность нашего положенія въ томъ и состоитъ, что матеріалъ, собранный историками-идеалистами, намъ приходится обрабатывать съ метериалистической точки зрѣнія. «Новизна» нашего метода (недавно отпраздновавшаго полувѣковой юбилей) вынуждаетъ насъ поэтому въ своихъ объясненіяхъ быть оригинальнѣе,

чѣмъ полагается обыкновенно историку-популяризатору, а такъ какъ новое объясненіе вынуждаетъ очень часто и къ новой фактической обосновкѣ, то намъ придется больше привлекать къ дѣлу сырого матеріала, чѣмъ мы бы сами хотѣли, и выступать иногда въ роли, если не изслѣдователей, то передовыхъ развѣдчиковъ, нащупывающихъ новые пути и для разрѣшенія чисто-спеціальныхъ вопросовъ». Еще болѣе ясное понятіе о примѣненіи авторами этого методологическаго принципа можетъ дать краткое оглавление, въ которомъ есть такія рубрики: «русскій феодализмъ («помѣстье—государство» на русской почвѣ и связанныя съ нимъ общественныя формы); аграрный кризисъ XVI вѣка, разложеніе русскаго феодализма; новые общественныя классы и крѣпостное право (соціально-политическій строй Московскаго государства XVII в.); европеизація Московскаго государства; реакція противъ крѣпостнаго права, разиновщина и пугачевщина; зарожденіе буржуазной Россіи; первые шаги русскаго капитализма; неудача конституціонныхъ попытокъ дворянства; дальнѣйшее развитіе военно-бюрократическаго режима, Павелъ I» и т. д. — вплоть до «контръ-реформы Александра III» и «банкротства бюрократическаго строя». Доля этой программы осуществлена въ I томѣ.

Возникновеніе російской государственности М. Н. Покровскій выводитъ изъ феодальныхъ отношеній, смѣнившихъ первобытнѣй, патриархальный общественный строй. Защищая выдуманную русскую самобытность, не признавая общихъ условій общественнаго развитія, прежняя историографія отрицала существованіе русскаго феодализма и, не создавши, конечно, научно-разумной теоріи, на многіе годы испортила цѣлымъ поколѣніямъ пониманіе родной исторіи. Для нашихъ дней такое отношеніе къ вопросу, противъ котораго, замѣтимъ, впервые выдвинулъ, задолго до Павлова-Сильванскаго, возраженія незаслуженно забываемый Н. А. Полевой, не было бы даже наивнымъ. Въ древней Россіи мы находимъ налицо всѣ элементы, изъ которыхъ складывается феодализмъ: крупное землевладѣніе, связанную съ нимъ политическую власть и своеобразныя взаимныя отношенія между землевладѣльцами-государями, въ феодализмѣ же—корень думы и собора, возникшихъ изъ совѣщаній феодала съ своими ближайшими вассалами. Оригинально и остроумно доказываетъ г. Покровскій, что феодализмъ не столько юридическая, сколько хозяйственная система, измѣнившаяся съ территоріальнымъ расширеніемъ круга власти; но до окончательной ликвидаціи феодализма въ окончательно сформировавшемся Московскомъ государствѣ (XVII в.) и Новгородѣ и его соперникъ, великій князь московскій, правила не однообразнымъ конгломератомъ подданныхъ, а пестрымъ міромъ феодаловъ разныхъ величинъ. Новы и глубоки—характеристика русскаго города VIII—XII вѣковъ, какъ центра «разбойничьей торговли», объясненіе города и городской волости сочетаніемъ войны, торговли и разбоя и обрисовка процесса разложенія древней городской Руси. Только освѣщеніе предмета съ экономической стороны дало М. Н. Покровскому возможность объяснить причины паденія и возвышенія Новгорода и образованія Московскаго государства. Последнее устарѣлая, еще до «карамзинская историографическая тенденція объясняла «собираніемъ» распавшаго государства, на самомъ дѣлѣ въ качествѣ единаго цѣлага вовсе не существовавшаго. Созданіе феодальнаго общества,

Московское государство получило идею единой державы и связанную съ нею идеологическую систему отъ вступившей съ нимъ въ неизбѣжный союзъ церкви, пришедшей къ единству гораздо ранѣе, такъ какъ въ области экономическаго прогресса она далеко опередила свѣтское общество, собравъ огромные земли и капиталы.

Самая крупная и по значенію и по объему доля работы выполняется М. Н. Покровскимъ. Главы, касающіяся исторіи религіи и церкви, принадлежатъ Н. Никольскому. Одна статья, о доисторической Россіи, написана В. К. Агафоновымъ. Освѣщаютъ текстъ приложенія—выдержки изъ письменныхъ памятниковъ, которымъ отведено изрядное мѣсто, и иллюстраціи. Этотъ отдѣлъ составляетъ исключительный предметъ заботъ В. Н. Сторожева, умѣло подбирающаго произведенія художественнаго, главнымъ образомъ живописнаго творчества и каждому изъ нихъ предпосылающаго обстоятельное объясненіе; иллюстраціи и при нихъ объяснительный текстъ сами по себѣ являются интересной и въ полномъ смыслѣ слова живописной главой культурной русской исторіи, тѣмъ болѣе, что воспроизводятся онѣ на отдѣльныхъ листахъ, такими способами, какъ Duplex, меццотинто, Mattdruckkunst.

Н. О. Лернеръ.

М. Александровъ. Государство, бюрократія и абсолютизмъ въ исторіи Россіи. Спб. 1910. Стр. 175. Цѣна 1 руб.

Разбирая сущность политическаго строя Московскаго государства, представители нашей исторической науки обыкновенно опредѣляютъ его, какъ «закрѣпленіе» всѣхъ сословій на службѣ государству или, какъ выражается профессоръ Ключевскій, «принудительную разверстку между сословіями специальныхъ правъ и повинностей». Взглядъ этотъ приобрѣлъ прочный кредитъ въ наукѣ. Новѣйшія изслѣдованія изъ области политическаго уклада старой Руси, въ родѣ книги покойнаго историка Павлова-Сильванскаго «Феодализмъ въ древней Руси», вносятъ, правда, иногда новыя черточки въ уже сложившуюся картину политическаго быта Московскаго государства, но эти черточки лишь дополняютъ, но отнюдь не мѣняютъ выработанной наукой формулы...

Формула эта крайне не нравится г. Александрову. Онъ считаетъ ее совершенно ошибочной, основанной на неправильномъ пониманіи историческихъ фактовъ и крайне вредной по тѣмъ выводамъ, которые изъ нея дѣлаются. Онъ полемизируетъ одинаково съ Энгельманомъ и съ Платоновымъ, Каутскимъ и Ключевскимъ, Рошковымъ и Павловымъ-Сильванскимъ, ставя всѣхъ ихъ на одну доску и посвящая каждому страничку-другую, а иногда и всего нѣсколько строчекъ. Автору, видимо, хотѣлось смѣрить русскую исторію марксистскимъ аршиномъ, и вотъ онъ утверждаетъ, что Россія никогда не была государствомъ сословнымъ, а была государствомъ классовымъ, никакого закрѣпленія сословій въ ней не было, а просто-напросто высшій классъ населенія—дворяне-землевладѣльцы—захватили всю власть въ свои руки и эксплуатировали страну въ своихъ классовыхъ интересахъ. Закрѣпощать сословія было некому, ибо никакого государства и не было, а былъ лишь классъ дворянъ-землевладѣльцевъ, «организація» которыхъ и составляла государство.

Высказавъ и притомъ довольно рѣзко столь новыя мысли, авторъ, казалось бы, беретъ на себя обязательство передъ читателемъ доказать фактами каждое свое утвержденіе. Но г. Александровъ поступаетъ иначе. Оставаясь самъ въ области общихъ разсужденій, онъ возлагаетъ *onus probandi*... на своихъ противниковъ, утверждая, что ни Платоновъ, ни Ключевскій ничѣмъ не доказали существованіе надъ дворянами-землевладѣльцами еще какого-то государства, которое могло бы закрѣпощать на свою службу это сословіе. Съ фактами, противорѣчащими такому воззрѣнію, авторъ обращается довольно безцеремонно. Зная, напримѣръ, что, въ случаѣ мобилизаціи, дворяне должны были являться «конны, людны и оружны», г. Александровъ толкуетъ это въ томъ смыслѣ, что дворяне тутъ просто-напросто собирались для защиты вовсе не государства, а своихъ собственныхъ имѣній, помѣстій, т. е. дѣйствовали въ своихъ классовыхъ интересахъ. Зная, что дворянъ сплошь и рядомъ приходилось привлекать къ мобилизаціи силою, ни одинъ читатель не повѣритъ автору, будто любой муромскій дворянинъ самъ собою, безъ принужденія, по первой надобности, шелъ защищать дворянина, напримѣръ, смоленскаго. Тутъ ужъ необходимо предполагать высокое сознаніе своихъ классовыхъ интересовъ, наличность котораго въ древней Руси далеко не доказана. О такихъ фактахъ, какъ причина Ивана Грознаго, сводившаяся, въ сущности, къ принудительной перетасовкѣ всего дворянскаго землевладѣнія, авторъ предпочитаетъ не упоминать совсѣмъ. Зато онъ усиленно подчеркиваетъ слѣдующія соображенія, послужившія, какъ видно, исходнымъ пунктомъ его теоріи классоваго государства.

Ссылаясь на замѣчаніе Побѣдоносцева, что въ древней Руси помѣщичье село представлялось какъ будто малымъ государствомъ среди большого, авторъ утверждаетъ, что въ сущности помѣщички были совершенно независимы отъ государственной власти, именовались также «государями», вели другъ съ другомъ войны, и даже сенатъ въ императорскій періодъ нашей исторіи не смѣлъ ихъ за то наказывать. Эти «государы» выбирали для видимости одного центрального «государя»—царя, который, однако, не игралъ важной роли въ ходѣ событій. Въ самыя крутыя времена на нашемъ престолѣ сидѣли слабые и не энергичные цари—и тѣмъ не менѣе все шло отлично: управляла всѣмъ дворянская организація. (Кстати, какую организацію разумѣетъ авторъ?). Отсутствие въ старой Руси всесословнаго, или, какъ выражается авторъ, надсословнаго государства г. Александровъ подтверждаетъ ссылкой на «курсы русской исторіи» Ключевскаго, который даже не опредѣляетъ, что такое государство, а говоритъ то о династіи, то о правительствѣ. Наконецъ, въ обязанностяхъ сословій—авторъ говоритъ почти исключительно о дворянскомъ—въ родѣ, напримѣръ, ратной повинности или обязанности служить въ гражданской службѣ, авторъ видитъ не обязанности, а права дворянъ, такія же права, которыя имѣетъ и современный дворянинъ хотя бы, напримѣръ, на занятіе должности земскаго начальника.

Мы взяли здѣсь наиболѣе характерныя опорныя точки, на которыхъ авторъ старается возвести свое построеніе русской исторіи. Легко видѣть, что его выводы основаны на нѣкоторой непродуманности. Вдумчивому историку, конечно, не придетъ въ голову требовать отъ государства XV вѣка того же, что даетъ государство XX вѣка. Несомнѣнно, что пока государство не развилось въ полной

мѣръ свои органы администраціи, до тѣхъ поръ отдѣльныя матеріально сильныя лица могли присвоивать себѣ часть его функций. При слабости центральной власти вездѣ видимъ явленія феодализма, но значить ли это, что государства не было нигдѣ, ни у насъ, ни въ Западной Европѣ?

Что касается опредѣленія, что такое государство, то, конечно, такое сложное и многогранное явленіе, какъ государство, нельзя опредѣлить въ нѣсколькихъ словахъ, и профессоръ Ключевскій правильно употребляетъ слова «правительство» «династія», которыя съ извѣстной стороны являются наиболѣе близкими синонимами государства. Странно также разсужденіе автора о правахъ дворянства на военную и гражданскую службу. Онъ, какъ будто, и не подозреваетъ, что право сплошь и рядомъ бываетъ двустороннимъ; субъективно это право, объективно—обязанность. Если старый русскій дворянинъ былъ обязанъ служить офицеромъ, то, значить, у него было и право занять офицерское мѣсто. Это совсѣмъ не то, что право современнаго дворянина быть земскимъ начальникомъ. Къ этому вѣдь его никто не неволить и обязанности для него тутъ нѣтъ.

Мы не имѣемъ возможности подробно останавливаться здѣсь на другихъ соображеніяхъ г. Александрова, но всѣ они такъ же мало обоснованы и произвольны, какъ и краугольные камни его воззрѣній.

А. Б.

Записки московскаго археологическаго института, издаваемыя подъ редакціей А. И. Успенскаго. Томы I—VII. М. 1909—1910.

Археологическій институтъ въ Москвѣ, въ самомъ центрѣ историческихъ и историко-археологическихъ древностей, открылъ свои дѣйствія въ сентябрѣ 1907 года, въ то время, какъ петербургскій археологическій институтъ вступилъ уже въ 30-ую годовщину своего бытія, едва успѣвъ издать около 20 выпусковъ своихъ «Сборника» и «Вѣстника». Значительно отличаясь отъ своего старшаго собрата и по программѣ, расчитанной не на два, а на три года и вводящей курсы новыхъ научныхъ дисциплинъ, доселѣ почти неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ въ русской наукѣ, московскій археологическій институтъ за два съ половиною года обнаружилъ такую кипучую и богатую результатами дѣятельность, что невольно приковываетъ къ себѣ вниманіе всѣхъ любителей старины и обѣщаетъ далеко опередить петербургскій императорскій институтъ. Помимо изданія цѣлага ряда специальныхъ курсовъ: по юридическимъ др вносямъ, исторіи русскаго искусства, первобытной археологіи, исторической географіи, геральдикѣ, генеалогіи и др., московскій институтъ къ началу 1910 года успѣлъ выпустить въ свѣтъ 7 обширныхъ томовъ, большею частью в 4^о, богато украшенныхъ иллюстраціями, своихъ «Записокъ». Уже одинъ краткій обзоръ содержанія статей «Записокъ» убѣждаетъ читателя въ высокой научной цѣнности послѣднихъ.

Первые два тома «Записокъ московскаго археологическаго института» заняты обширнымъ и весьма интереснымъ, какъ отозвалось большинство рецензентовъ, изслѣдованіемъ директора института, А. И. Успенскаго, подъ заглавіемъ: «Царскіе иконописцы и живописцы XVII вѣка».

Третій томъ, in 4°, въ 450 страницъ, заключаетъ въ себѣ «Журналы правительствующаго сената за 1737 годъ», за первое полугодіе, съ января по іюнь. Редактировавшій ихъ проф. А. Н. Филипповъ такъ опредѣляетъ въ своемъ предисловіи ихъ значеніе: «Обозрѣвая въ цѣломъ эти журналы, нельзя не сказать, что они представляютъ превосходный и непререкаемый матеріалъ, какъ для ознакомленія съ повседневною дѣятельностью сената за указанное время, такъ и для уясненія отношеній сената къ кабинету министровъ и другимъ учрежденіямъ. Журналъ каждаго дня неукоснительно воспроизводитъ составъ присутствія сената, отмѣчаетъ, откуда и какія дѣла входятъ на его разсмотрѣніе, показываетъ, съ какими лицами и по какимъ поводамъ сенатъ имѣлъ непосредственныя сношенія, указываетъ, наконецъ, предѣлы компетенціи учрежденія. Если къ этому прибавить, что журналъ каждаго дня не только скрѣплялся по листамъ секретарями сената, но и подписывался самими сенаторами, то въ указанныхъ документахъ мы имѣемъ вполне точныя данныя для сужденія о томъ, чѣмъ былъ сенатъ въ то время и что онъ дѣлалъ». Остановился же проф. А. Н. Филипповъ на журналахъ 1737 г. потому, что до этого времени велись въ сенатѣ лишь «записи» и то большею частью «черныя». Изданіе этихъ журналовъ, какъ первоисточника для мало еще раскрытой исторіи сената и въ виду наступающаго въ началѣ 1911 года 200-лѣтняго юбилея сената, является какъ нельзя болѣе кстати.

Четвертаго тома первый выпускъ «Записокъ» составляютъ «приказныя, земскія, таможенныя, губныя, судовыя избы Московскаго государства». Здѣсь представленъ «обзоръ» документовъ XVI—XVII вв., открытыхъ въ дѣлахъ XVIII вѣка, которыя были переданы въ московскій архивъ м-ва юстиціи изъ упраздненныхъ въ 1864 г. судебныхъ учреждений. Въ этомъ «обзорѣ», сдѣланномъ А. А. Голомбѣвскимъ и Н. Н. Ардашевымъ, описаны разнаго рода «книги», грамоты», «памяти» и т. п. 37 учреждений—гг. Вѣжецка, Верхотурья, Владимира, Козлова, Лебедяни, Муромъ, Орла, Сольвычегодска, Уфы, Якутска и др. Всѣ эти документы до сихъ поръ были никому неизвѣстны и представляютъ высокій историко-юридическій интересъ. Въ этомъ же выпускѣ Н. Н. Ардашевъ напечаталъ «Татарскія земляныя письма XV в. и спорное дѣло XVIII в. о ясашныхъ земляхъ» (съ приложеніемъ «чертежей» и снимковъ съ «знаменъ»).

Въ пятый томъ «Записокъ» вошло основанное на не изданныхъ архивныхъ матеріалахъ изслѣдованіе Григорія Писаревскаго—«Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи въ XVIII вѣкѣ», о которомъ уже своевременно было говорено въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1909 г., № 2), «Журналѣ Министерства Нар. Просвѣщенія» (1910 г., № 3) и «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей російскихъ» (1909 г., книга 4-я).

Содержаніе шестого тома составляютъ: 1) «Фрески церкви Спаса-Нередицы. Съ 23 фототипическими таблицами», А. И. Успенскаго; 2) «Памятники старообрядческой поэзіи. Съ 8 таблицами рисунковъ», Т. С. Рождественскаго, и 3) «Дворянское сословіе Тульской губерніи», В. И. Чернопятава (т. I). Живо изложенное описаніе фресокъ Спаса-Нередицкой церкви, отстоящей отъ Великаго Новгорода всего въ 3-хъ верстахъ, и притомъ снабженное хорошо

исполненными и воспроизводящими почти всё удѣлѣвшія отъ порчи фрески XII—XIII вв. фототипіями, является кстати, такъ какъ лѣтомъ 1911 г. въ Новгородѣ долженъ состояться пятнадцатый всероссійскій археологическій съѣздъ. Съѣзды же эти, какъ уже давно всё убѣдились, вызываютъ большой интересъ къ мѣстнымъ древностямъ и способствуютъ ознакомленію съ ними въ самыхъ широкихъ кругахъ общества. Не ожидая подобныхъ работъ отъ мѣстныхъ «любителей старины», мы должны лишь привѣтствовать и благодарить А. И. Успенскаго за представленное имъ для всеобщаго свѣдѣнія описаніе рѣдчайшихъ фресокъ. Нельзя также не привѣтствовать и довольно удачной попытки Т. С. Рождественскаго, рѣшившагося собрать въ единый сборникъ «старообрядческіе стихи, печатавшіеся въ разныхъ изданіяхъ» и частью извлеченные изъ рукописнаго собранія института. Стихи эти расположены имъ въ четырехъ отдѣлахъ: 1) стихи общаго характера, XVII—XVIII вв. (по преимуществу о наступленіи на землѣ царства антихриста); 2) стихи съ преобладающимъ историческимъ содержаніемъ, съ указаніемъ на извѣстныя событія въ старообрядческомъ мірѣ и на извѣстныхъ старообрядческихъ дѣятелей; 3) стихи сатирическаго характера, обличающіе недостатки жизни, гражданскіе порядки, всякаго рода «новшества» въ православномъ обществѣ и недостатка жизни старообрядческаго міра, и 4) стихи, содержаніемъ которыхъ служатъ рассказы изъ священной исторіи и разныя нравоучительныя мысли. Въ приложеніи къ этимъ отдѣламъ находимъ образцы «бѣгунскихъ паспортовъ», написанныхъ частью прозою, частью римованной рѣчью, и нѣсколько стихотвореній, не вошедшихъ по содержанію въ предыдущіе отдѣлы. Предварительно же «Стихамъ» Т. С. Рождественскій помѣстилъ двѣ своихъ статьи: «Мысль о наступленіи на землѣ царства антихриста и выводы изъ нея старообрядческой поэзіи» и 2) «Отношеніе старообрядческаго міра къ «новшествамъ» въ области государственныхъ установленій, общественной и бытовой жизни».

О третьей статьѣ шестого тома, а именно: «Дворянское сословіе Тульской губерніи» В. И. Чернопятова, мы уже говорили въ июльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

Наконецъ, въ седьмой томъ «Записокъ» вошли слѣдующія статьи: 1) А. И. Успенскаго—«Фрески церкви Преображенія Господня Спасо-Мирожскаго монастыря», съ 6 фототипическими таблицами; 2) графа Хрептовича-Бутенева—«Флоренція и Римъ въ связи съ двумя событіями изъ русской исторіи XV в.», съ 40 рисунками; 3) Н. И. Романова—«Музей изящныхъ искусствъ въ Москвѣ»; 4 и 5) В. К. Недзвецкаго—«На развалинахъ Гомеровской Трои» и «На развалинахъ Тиринѳа и Микенъ»; 6) А. И. Некрасова—«Погребальныя урны по Оаксакѣ. Marshall H. Saville. Переводъ съ англійскаго; 7) В. К. Клейна—«Двѣ неизвѣстныя гравюры XVIII вѣка» (изображающія ткацкую мастерскую); 8) К. Д. Трофимова—«Раскопки кургановъ при дер. Задахтове и Кувшиново Гдовскаго уѣзда». Съ 12 фототипическими таблицами; 9) К. Я. Грота—«Къ біографіи барона Г. М. Спренгтпортена. (Нѣсколько писемъ 1790 г.)»; 10) Н. Н. Ардашева—«Росписи помѣстнаго приказа 7135 года. Съ 16 фототипическими таблицами», и 11) И. Н. Бороздина—«Къ вопросу о феодализмѣ въ Россіи».

Изъ всего этого длиннаго ряда вышеназванныхъ статей, значительная часть которыхъ служила докладами на субботнихъ засѣданіяхъ гг. членовъ института, мы остановимся лишь на слѣдующемъ. Прежде всего обращаетъ вниманіе живое и обстоятельное описаніе фресокъ церкви Преображенія Господня Спасо-Мирожскаго монастыря, представленное А. И. Успенскимъ. Затѣмъ, весьма интересна и работа графа Хрептовича-Бутенева, гдѣ авторъ, описывая вкратцѣ флорентійскій церковный соборъ (1439 г.) и бракъ великаго князя московскаго Іоанна III Васильевича съ Софіей Палеологъ (1472), подробно останавливается на тѣхъ памятникахъ Флоренціи и Рима, въ которыхъ такъ или иначе отразились вышеуказанныя и имѣющія между собою «немалую связь» историческія событія. Наконецъ, довольно любопытны—для историковъ искусства—исторія и описаніе музея изящныхъ искусствъ имени Александра III при московскомъ университетѣ, (Н. И. Романова), а для археографовъ—«Росписи помѣстнаго приказа 7135 (1627 г.): 1) писцовымъ книгамъ, что писаны писцамъ на приправку и 2) подьячимъ, кто сколько книгъ написали и за сколько денегъ взяли». Сообщившій этотъ интересный новый матеріалъ Н. Н. Ардашевъ приложилъ къ нему и автографы подьячихъ съ указателями, что должно имѣть цѣнное значеніе для дипломатики писцовыхъ книгъ.

Съ внѣшней стороны всѣ книжки «Записокъ» изданы довольно тщательно, а приложенныя къ нимъ фототипіи и рисунки—безукоризненны; въ виду этого и назначенная на послѣднія пять книжекъ цѣна въ 3, 4, 7 и 10 рублей не можетъ показаться великою. Одно только можно выразить пожеланіе: чтобы на обложкахъ слѣдующихъ томовъ «Записокъ» было приведено содержаніе предыдущихъ, что легко выполнимо и весьма практично. **В. Рудаковъ.**

Журналъ генераль-адъютанта графа К. Ѳ. Толь о декабрьскихъ событіяхъ 1825 годъ. Изданіе и редакція графа Е. Н. Толь. Спб. 1910. Стр. 38. Ц. 1 р.

Постоящій «журналъ» графа К. Ѳ. Толя, конечно, былъ давно извѣстенъ специалистамъ-историкамъ, писавшимъ объ Александрѣ и Николаѣ Павловичахъ и касавшимся знаменитыхъ декабрьскихъ дней 1825 г. Имъ пользовались и Богдановичъ и Шильдеръ, но для болѣе широкой публики, какъ подлинникъ, какъ документъ, онъ становится извѣстенъ впервые, ибо изданіе его въ количествѣ 60 экземпляровъ въ 1898 г. не можетъ считаться изданіемъ доступнымъ. Поэтому появленіе его на книжномъ рынкѣ въ продажѣ представляется явленіемъ отраднымъ, и хотя интересующіеся и знакомые съ исторіей декабристовъ не найдутъ себѣ здѣсь ничего новаго и неизвѣстнаго, но на основаніи его получаютъ возможность провѣрить безпристрастность и объективность тѣхъ, кто писалъ о 14 декабря 1825 г. Толь, принимавшій самое активное участіе въ событіяхъ, послѣдовавшихъ за смертью Александра Павловича, чрезвычайно обстоятельно, можно сказать, шагъ за шагомъ передаетъ о переговорахъ между царственными братьями—Константиномъ и Николаемъ Павловичами—относительно «вакантнаго» русскаго престола, даетъ этимъ переговорамъ правильное освѣщеніе и становится въ вопросъ на совершенно правильную точку зрѣнія.

Онъ говоритъ, между прочимъ, касаясь роли сената въ запутавшемся вопросѣ: «... при полученіи извѣстія о кончинѣ государя, правительствующій сенатъ, имѣя духовную государя, не сохранилъ своего достоинства, ибо если великій князь Николай Павловичъ и присягнулъ государю Константину Павловичу, то правительствующій сенатъ могъ бы противу того протестовать, основываясь на точныхъ словахъ данной покойному государю присяги. Если бы правительствующій сенатъ не видѣлъ бы успѣха въ протестаціи своей, тогда не надлежало бы сгнѣшить указомъ своимъ дѣлать гласнымъ кончину государя, а ожидать отвѣта его высочества цесаревича, который, какъ извѣстно, послѣдовалъ отъ 8-го числа декабря, въ коемъ цесаревичъ именно напоминаетъ сенату обязанность его къ приведенію въ исполненіе духовной покойнаго государя. Но какъ сенатъ совершенно противно сему дѣйствовалъ, то, чтобы въ тогдашнемъ положеніи дѣлъ не ослабить важность присяги цѣлаго народа, долженствующей перейти къ другому лицу, не оставалось, по мнѣнію моему, другого средства, какъ слѣдующее: поелику государь Константинъ Павловичъ провозглашенъ былъ сенатомъ и въ Россіи принимали его уже за законнаго государя, то и надлежало ему послѣшить пріѣздомъ своимъ въ Петербургъ и формальнымъ актомъ объявить, что поступокъ сената неправильный, прочесть духовную покойнаго государя въ общемъ онаго собраніи и, провозгласивъ его высочество великаго князя Николая Павловича государемъ императоромъ всея Россіи, приступить первому тутъ же къ присягѣ». Къ этому, однако, онъ считаетъ долгомъ дипломатически замѣтить: «Если сіе не такъ исполнилось, какъ я мнѣніемъ своимъ полагаю, то, вѣроятно, были тому важныя причины, которыя мнѣ неизвѣстны».

Причинъ этихъ въ наличности не было, и все пошло роковымъ путемъ, который и привелъ дѣло къ кровавой развязкѣ на Сенатской площади, но объ этой развязкѣ и всемъ ходѣ событій этого дня читатели «Историческаго Вѣстника» уже подробно освѣдомлены изъ нашихъ историческихъ очерковъ за прошлые годы, посвященныхъ «борьбѣ за конституцію», почему и приводить здѣсь довольно бѣлаго повѣствованія о томъ же графа Толя мы не будемъ. Отмѣтимъ еще, что къ брошюрѣ приложено изображеніе письма Николая Павловича къ Толю, съ распоряженіемъ не ѣздить, какъ это на него первоначально было возложено, въ Варшаву къ Константину, а оставаться при Михаилѣ Павловичѣ. Издатель воспроизвелъ не только текстъ письма, но и конвертъ съ адресомъ.

В. Г.

Профессоръ А. А. Бронзовъ. Бѣлозерское духовное училище за столѣтїе его существованія (1809 — 1909 г.г.) Томъ первый. Сергіевъ посадъ. 1909.

Предъ нами громадный трудъ (стр. 714 + III) профессора петербургской духовной академіи А. А. Бронзова, представляющій рѣдкое явленіе въ русской исторической литературѣ по вопросамъ духовной школы и духовнаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ. Только необыкновенная любовь почтеннаго профессора къ училищу, его воспитавшему, да громадная эрудиція и трудоспособность могли создать этотъ колоссальный трудъ, которымъ бѣло-

зерское духовное училище (Новгородской губерніи) навсегда увѣковѣчено въ исторіи нашего просвѣщенія, выдѣлено далеко впередъ изъ всего состава духовныхъ училищъ на святой Руси, представлено въ историческомъ отношеніи такъ блестяще, какъ весьма немногія изъ нашихъ духовныхъ школъ. Завидна доля бѣлозерскаго духовнаго училища, честь и слава выдающемуся и исключительному его питомцу, профессору А. А. Бронзову, съ рѣдкимъ чувствомъ признательности вспомянувшему этотъ низшій разсадникъ духовнаго просвѣщенія въ годовщину перваго его столѣтія.

Книга профессора А. А. Бронзова открывается введеніемъ (стр. 3—37), гдѣ излагаются свѣдѣнія изъ исторіи города Бѣлозерска, ведется рѣчь о духовныхъ школахъ Бѣлозерскаго края до 1809 года и въ частности о бѣлозерской духовной семинаріи за 1778—1790 года. Въ первой главѣ изслѣдованій (стр. 38—57) говорится объ открытіи бѣлозерскихъ духовныхъ училищъ въ 1809 году. Въ обширной второй главѣ (стр. 58—587) предложенъ историческій очеркъ дѣятельности руководителей, учителей и прочихъ служившихъ въ бѣлозерской духовной школѣ лицъ за столѣтній періодъ ея жизни—до 1909 года включительно. Въ первомъ отдѣлѣ главы почтенный авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о начальникахъ и наставникахъ-ректорахъ, смотрителяхъ и учителяхъ, въ числѣ ста челоѣкъ, которые были главными дѣятелями бѣлозерскаго духовнаго училища въ первое столѣтіе его существованія. Въ заключеніе обзора дѣятельности представителей бѣлозерской духовной школы профессоръ А. А. Бронзовъ говоритъ, что общее впечатлѣніе складывается, несомнѣнно, въ ихъ пользу, какъ лицъ, вообще обладавшихъ и надлежащихъ подготовкой, и преданностью дѣлу, и добросовѣстностью въ исполненіи обязанностей, серьезностью пониманія задачъ и смысла своей дѣятельности,—какъ лицъ, нерѣдко даже всецѣло образцовыхъ, могущихъ служить прекраснымъ примѣромъ и для послѣдующихъ дѣятелей школы. Во второмъ отдѣлѣ второй главы профессоръ А. А. Бронзовъ обзрѣваетъ дѣятелей другихъ служившихъ при бѣлозерскомъ духовномъ училищѣ лицъ, каковы: духовники и требоисправители, члены училищнаго правленія отъ духовенства и члены ревизіоннаго комитета, надзиратели, почетные попечители по хозяйственной части и экономы, врачи и фельдшера, письмоводители и, наконецъ, служителя. Всѣмъ имъ нашъ авторъ воздаетъ должное, о всѣхъ сообщаетъ свѣдѣнія, заимствованныя или изъ архивовъ, или у авторитетныхъ современниковъ. Въ третьей главѣ изслѣдованія (стр. 588—689) помѣщены списки учениковъ, окончившихъ курсъ въ бѣлозерскомъ училищѣ за время столѣтняго его существованія, съ указаніемъ біографическихъ о нихъ свѣдѣній, о дальнѣйшей служебной дѣятельности, объ учено-литературныхъ трудахъ и т. п. Наконецъ, въ книгѣ профессора А. А. Бронзова помѣщены добавленія (addenda) (стр. 690—708), послѣсловіе (стр. 709—714) и corrigenda (стр. IV). Таково въ краткомъ обзорѣ содержаніе громаднаго труда профессора А. А. Бронзова.

Сочиненіе почтеннаго петербургскаго профессора является въ высшей степени цѣннымъ въ научномъ отношеніи. Главное его достоинство—документальность, засвидѣтельствованная цѣлой серіей архивовъ, которые были изучены высокоученымъ авторомъ. Профессоръ А. А. Бронзовъ весьма тщательно

проштудировать отъ начала до конца весь архивъ бѣлозерскаго духовнаго училища за время его существованія, извлечь много свѣдѣній изъ архивовъ св. синода, духовныхъ академій петербургской, московской, кievской и казанской, духовнаго собора Александро-Невской лавры, духовныхъ семинарій— вологодской, новгородской, олонецкой, пермской, петербургской, тверской и ярославской, многихъ духовныхъ училищъ, консисторій и церквей. Авторъ обращается за свѣдѣнiями и къ частнымъ лицамъ, а о многомъ писалъ по личнымъ воспоминанiямъ. Въ результатѣ авторъ собралъ обширный и богатый материалъ, который и изложилъ въ первомъ томѣ своего труда. Здѣсь читатель находитъ возможно точныя и вѣрныя свѣдѣнiя о прошлой исторiи бѣлозерскаго духовнаго училища, отличающiяся новизною и оригинальностью, являющiяся весьма интересными и поучительными, представляющими важное историческое значенiе. Стремясь къ документальности и правдивому и объективному изложенiю свѣдѣнiй, почтенный авторъ согрѣлъ свой ученый трудъ горячей любовью къ воспитавшей его духовной школѣ, и эта любовь проходитъ чрезъ все его сочиненiе, которое даже и напечатано было на скудныхъ средствахъ профессорскаго бюджета. «Авторъ усерднѣйше проситъ читателей, — пишетъ въ заключенiе профессоръ А. А. Бронзовъ, — принять его трудъ съ любовью и чрезъ то самое дать ему возможность издать въ свѣтъ и окончанiе его работы о Бѣлозерскомъ духовномъ училищѣ» (стр. 714). Дѣйствительно, сочиненiе профессора А. А. Бронзова вполне заслуживаетъ и любви, и сочувствiя, и даже реального содѣйствiя къ тому, чтобы былъ напечатанъ и второй его томъ, уже составленный почтеннымъ авторомъ. Отъ всей души желаемъ, чтобы колоссальная и рѣдкая по историческому значенiю научная работа профессора А. А. Бронзова была доведена до благополучнаго конца. Безспорно, она займетъ весьма видное мѣсто въ нашей исторической литературѣ по исторiи духовнаго просвѣщенiя въ Россiи въ XIX вѣкѣ. Σ.

Лѣтопись занятiй императорской археографической комиссiи за 1909 годъ. Выпускъ двадцать второй. Подъ редакцiей правителя дѣлъ В. Г. Дружинина. Спб. 1910 г. Стр. 406. Цѣна 2 руб.

Большая часть настоящаго выпуска «Лѣтописи» занята одною изъ послѣднихъ работъ скончавшагося талантливаго историка Н. П. Павлова-Сильванскаго: «Акты о посадскихъ людяхъ-закладчикахъ». Какъ и въ болѣе раннихъ своихъ статьяхъ, въ настоящемъ трудѣ авторъ проводитъ мысль, что закладничество не было самозалогомъ, какъ полагало большинство историковъ. «Закладываться за кого-либо значило въ древности не отдавать себя въ залогъ, а укрываться, иначе задаваться. Закладными и закладчиками назывались въ древности люди, задавшiеся за сильнаго человѣка, люди заступные. Закладничество было защитной зависимостью, одинаковой по существу своему съ западно-европейскимъ патронатомъ».

Для доказательства этого положенiя г. Павловымъ-Сильванскимъ были изслѣдованы въ архивѣ Оружейной палаты подлинныя столбцы приказа тайныхъ дѣлъ по сыску закладчиковъ на основанiи указа 1638 г. Изъ документовъ,

относящихся къ 11 городамъ, видно, что при сыскѣ у господъ нигдѣ не объявилось не только какихъ-либо закладныхъ контрактовъ, но даже и простыхъ заемныхъ и ссудныхъ записей. Изъ этой приказной переписки въ «Лѣтописи напечатанъ цѣликомъ «столпъ», относящійся къ сыску въ Твери, и извлеченія о томъ же, касающіяся Великаго Новгорода и Устюга.

Въ «распросныхъ рѣчахъ» закладчики обыкновенно даютъ свои біографіи, представляющія часто интересный бытовой матеріалъ; они рассказываютъ, откуда они родомъ и какъ жили раньше своего заложничества за монастырь или боярина. Моментъ заложничества они обыкновенно опредѣляютъ словами: «билъ челомъ», «заложился».

Придя къ выводу, что закладничество не самозалогъ, г. Павловъ-Сильванскій опредѣляетъ его, какъ патронатъ, понимая послѣднее слово въ смыслѣ защиты, покровительства и не имѣя въ виду специально римскаго патроната надъ вольноотпущенными.

На Западѣ, какъ отмѣчено Фюстель де-Куланжемъ и другими историками, существовала особая форма королевскаго патроната, прилагавшаяся къ войнамъ, которая и получила названіе дружинной коммѣндаціи. Сущность ея заключается въ слѣдующемъ: человекъ свободный, но бѣдный или слабый, ищетъ у другого, богатаго или сильнаго, покровительства и добровольно для этого ему отдается. «Два лица заключаютъ договоръ: одинъ долженъ защищать, другой—повиноваться». Русское закладничество, по словамъ автора, и было такой коммѣндаціей. Въ удѣльное время существовало не только закладничество личное, но и лица съ землею. Подъ власть и защиту господина закладчики отдавали и свои земли. Источники въ этомъ смыслѣ говорятъ о «селахъ заложившихся», «принятыхъ даромъ» и т. п. Въ эпоху XVI—XVII вѣковъ существовало только закладничество личное.

Кромѣ работы г. Павлова-Сильванскаго, въ «Лѣтописи» помѣщены: «Описаніе рукописей, содержащихъ лѣтописные тексты», составленное А. А. Шиловымъ, и небольшія замѣтки: «Отрывокъ новгородской кабальной книги» И. А. Бычкова и «Лѣтописецъ Успенскаго Каменскаго дѣвичьяго монастыря Новозыбковскаго уѣзда Черниговской епархіи» А. А. Шахматова. В. Троицкій.

Указатели къ Высочайше утвержденнымъ общему гербовнику дворянскихъ родовъ Россійской имперіи и гербовнику дворянскихъ родовъ царства Польскаго. Составили: В. Лукомскій и С. Тройницкій. Спб. 1910. Стр. 151. Цѣна 1 р. 40 к.

Блаженной памяти императоръ Павелъ I въ 1797 г. повелѣлъ приступить къ составленію «Общаго гербовника дворянскихъ родовъ Россійской имперіи» и въ его короткое царствованіе было приготовлено 6 частей послѣдняго, другими словами, получили высочайшее утвержденіе гербы 910 дворянскихъ родовъ. Послѣ него дѣло съ гербами замедлилось, и за весь XIX вѣкъ до 1895 г. были утверждены только восемь частей общаго гербовника, или 1313 гербовъ. Наконецъ, съ 1895 по 1908 г. утверждены еще 4 части, или 566 гербовъ. Если общую цифру утвержденныхъ гербовъ—2789—сопоставите съ на-

личностью всего русскаго дворянства, то окажется, что едва ли $\frac{1}{25}$ часть російскихъ дворянъ имѣть высочайше утвержденные гербы. Да и гербы эти въ большинствѣ случаевъ позднѣйшаго происхожденія, придуманные дворянами, выслужившимися по чинамъ и орденамъ. Не только многія наши древнѣйшія дворянскія фамиліи, каковы, напр., Апухтины, Астафевы, Билибины, Брянцевы, Брянчаниновы, Бухвостовы, Вѣгичевы, Варыпаевы, Вердеревскіе, Верещагины, Глазовы, Головачевы, Гольцевы, Грибоѣдовы, Дубровины, Ермолаевы, Забѣлины, Карповичи, Мамонтовы и мн. др., вовсе не имѣютъ гербовъ, но даже нѣтъ ихъ и у многихъ титулованныхъ родовъ, напр., князей грузинскихъ и татарскихъ, довольно извѣстныхъ баронскихъ фамилій: Штейнгель, Штакельбергъ, Фредериксъ, Фитингофъ, Фелькерзамъ, Торнау, Розень, Вревскихъ, Вольфъ и мн. др., графовъ Эльмитовъ, Литта, Стадницкихъ и др.

Не то наблюдается въ царствѣ Польскомъ; тамъ почти съ каждой древней дворянской фамиліей связывается и гербъ; въ теченіе двухъ лѣтъ (1850 и 1851 г.) въ двухъ частяхъ Польскаго гербовника Высочайше утверждено около 900 гербовъ, при общей наличности признанныхъ дворянскихъ родовъ царства Польскаго немного болѣе 10,000.

Невниманіе русскаго дворянства къ гербамъ, которые по IX т. свода зак. издавна признаются за наипервѣйшія доказательства дворянскаго происхожденія, отразилось, конечно, и на литературѣ по геральдикѣ русской. Кромѣ печатныхъ 10-ти частей гербовника (по 1836 г.), да извѣстнаго сборника А. А. Бобринскаго («Дворянскіе роды, коихъ гербы внесены въ Высочайше утв. гербовникъ»), мы въ области геральдическихъ источниковъ не имѣемъ ничего. По части теоріи послѣ устарѣлаго Лакіера врядъ ли кого удовлетворять недавно изданныя лекціи по геральдикѣ г. Арсеньева.

Въ виду всего сказаннаго, конечно, нельзя не привѣтствовать попытки двухъ молодыхъ «геральдистовъ», гг. С. Тройницкаго и В. Лукомскаго—издать *указатель-справочникъ*, который будетъ заключать не только списокъ родовъ и лицъ, имѣющихъ Высочайше утвержденные гербы, но и краткія генеалогическія свѣдѣнія о «каждомъ родѣ или лицѣ». «Предварительнымъ» же «къ нему матеріаломъ» они выпустили въ свѣтъ вышеназванные «указатели», предпославъ къ нимъ въ введеніи лишь цифровыя данныя о времени утвержденія частей гербовника, даже безъ всякаго подсчета гербовъ. Принося составителямъ и за этотъ «малый даръ» свою благодарность, я позволю себѣ посовѣтовать имъ—къ *указателю-справочнику* предпослать болѣе серьезное введеніе, изъ котораго можно было бы узнать не только о числѣ гербовъ и времени ихъ утвержденія, но и о главнѣйшихъ ихъ эмблемахъ, древности и происхожденіи послѣднихъ и т. д.

В. Рудаковъ.

Проф. П. И. Ковалевскій. Національное воспитаніе и образованіе въ Россіи. Спб. Стр. 94. Ц. 50 к.

Имя профессора П. И. Ковалевскаго пользуется давно заслуженной извѣстностью и потому оно служитъ лучшей рекомендаціей его книжкѣ. Извѣстный психіатръ, между прочимъ приложившій свои спеціальныя свѣдѣнія къ освѣ-

ценію цѣлаго ряда историческихъ личностей, почтенный ученый въ послѣднее время началъ выступать съ этюдами общественаго значенія. Недавно появилась въ свѣтъ находившаяся одно время подъ запрещеніемъ и посадившая автора на скамью подсудимыхъ брошюра «Виблія и нравственность». Въ текущемъ году П. И. выпустилъ опытъ по національному воспитанію и образованію въ Россіи. Нужно отдать полную справедливость автору, онъ захватилъ свой предметъ и широко и глубоко, несмотря на небольшой объемъ работы. Авторъ исходитъ изъ той мысли, что «такъ больше жить нельзя». Русскому обществу грозитъ серьезная опасность ввиду ослабленія духовной основы его государственности—чувства націонализма. Национализмомъ профессоръ Ковалевскій называетъ сознание общности культуры, массовыхъ идей, чувства, склонностей. Авторъ доказываетъ, что инстинктивный націонализмъ жилъ и живетъ въ массахъ, но такъ называемая наша интеллигенція національной общности въ значительной части не ощущаетъ. Она потеряла свое національное лицо подъ вліяніемъ господства въ высшихъ классахъ иноземцевъ, обезличенности образованія въ средней и высшей школѣ и долгаго отсутствія свободныхъ учреждений. До 17-го октября русскому трудно было быть свободнымъ русскимъ потому, что онъ не смѣлъ свое сужденіе имѣть, а жилъ по чужой, большей частью по инородческой указкѣ. Убѣжденный демократъ, профессоръ Ковалевскій зло вышучиваетъ высшіе классы, задавившіе русскій народъ ужасами крѣпостнаго права. Теперь, когда русскій народъ свободенъ и въ обще-гражданскомъ и политическомъ смыслѣ, авторъ зоветъ его къ національному возрожденію, къ сознательному культурному націонализму, къ общественному самосознанію. Далекій отъ какого бы то ни было шовинизма или насильническихъ стремленій, онъ требуетъ уваженія къ русской народности, какъ основательницѣ одного изъ величайшихъ государствъ нашего времени, и рисуетъ цѣлую программу русскаго духовнаго возрожденія черезъ посредство преобразованія нашей школы.

Отечественвѣдѣніе въ этой программѣ занимаетъ первое мѣсто—исторіи и географіи отводится господствующее положеніе наравнѣ съ русскимъ языкомъ и литературой. Язвительное обличеніе направлено не безъ основанія въ сторону приспѣшниковъ и покойнаго графа Д. Толстого, доведшихъ начинанія министра, сторонника классицизма, до бессмыслицы, жестоко отозвавшейся на духовномъ обликѣ цѣлаго поколѣнія. Нужно ожидать, что настоящую книжку уважаемаго ученаго ждетъ такой же успѣхъ, какъ «Вибліи и нравственности», въ короткій срокъ выдержавшей десять изданій.

В. Г.

Русско-японская война. Четырехдневное сраженіе 2-й Манчжурской арміи ген.-ад. Гриппенберга при Хейгоутай-Сандепу, съ 12 по 15 января 1905 г. Съ картами, планами, схемами и чертежами. Составилъ генеральнаго штаба полковникъ Галкинъ. Спб. 1909 г.

Цѣна 2 р. 50 к.

Несмотря на близкое окончаніе трудовъ военно-исторической комиссіи по изданію полнаго описанія русско-японской войны, въ нашей военной литературѣ, тѣмъ не менѣе, появляются отъ времени до времени весьма удовлетвори-

тельные монографіи участниковъ войны, освѣщающія тотъ или другой ея моментъ. Къ числу такихъ монографій относится составленное полковникомъ Галкинымъ описаніе сраженія при Сандепу, надѣлавшаго въ свое время много шума и послужившаго поводомъ къ отъѣзду генерала Гришпенберга изъ арміи. Сраженіе при Сандепу (японцы называютъ его сраженіемъ при Хейгоутаѣ), хотя и окончившееся неудачею, представляетъ немало поучительнаго, какъ въ стратегическомъ отношеніи (попытка дѣйствій массовыми арміями), такъ и въ тактическомъ, выясняя условія и технику современнаго боя всѣхъ родовъ оружія при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ, а именно: четырехдневный бой войска вели въ зимнее время, часто прибѣгали къ ночнымъ дѣйствіямъ, атаковали укрѣпленныя позиціи съ примѣненіемъ артиллерійскаго огня изъ современныхъ скорострѣльныхъ орудій, наконецъ, дали практику для дѣйствій значительнаго отряда кавалеріи. Правда, что дѣйствія нашихъ войскъ въ значительной степени представляются поучительными въ отрицательномъ смыслѣ, но для людей, которые хотятъ учиться, безпристрастный анализъ неудачъ столь же полезенъ, какъ изученіе условій блестящихъ побѣдъ. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе описанія различныхъ фазисовъ боя, считаемъ полезнымъ указать на нѣсколько замѣчаній автора, приведенныхъ имъ въ заключеніи. Начать съ того, что выказанная высшимъ команднымъ начальствомъ личная храбрость, тянувшая ихъ въ боевыя линіи, не только не была полезна для войскъ, но, напротивъ, принесла имъ существенный вредъ, разстраивая связь и затрудняя управленіе. «Корпусные командиры,—говоритъ авторъ:—видя своего командовавшаго арміей на конѣ, естественно бросили свои штабъ-квартиры, телеграфы, телефоны и проч., сѣли верхомъ и двинулись на боевой фронтъ. Начальники дивизій послѣдовали ихъ примѣру. Получилось что-то непонятное. Начальствующія лица не падали себя, безтрепетно находясь подъ ружейнымъ огнемъ, но дѣлу управленія не помогли, а, наоборотъ, его ухудшили... Новая, невѣдомая ранѣе обстановка, новые элементы боя, несомнѣнно, требовали измѣненія способовъ управленія войсками. «Нынѣ мѣсто высшаго команднаго элемента,—продолжаетъ далѣе авторъ,—либо на телеграфной станціи, либо у телефонной трубки и нигдѣ больше... Безповоротно прошло время, когда можно было начальнику дивизіи на бѣломъ конѣ скакать, сверкая на солнцѣ высоко поднятою пашкой, вести лично войска въ атаку. Современное оружіе разсѣяло войско по фронту и отодвинуло въ глубину и высшее начальство съ ихъ штабами. Къ сожалѣнію, для нашего команднаго элемента это было непонятно. Начальство никакъ не хотѣло примириться съ мыслью, что личный примѣръ ихъ потерялъ прежнюю цѣнность и имъ остается на долю управленіе войсками мыслью, переданной по проволоку». Рядомъ съ этимъ авторъ указываетъ на вліяніе «драгомировскихъ идей на тактическія дѣйствія войскъ и даетъ имъ дѣльную характеристику. Господство духа надъ матеріей—вотъ основная идея драгомировской тактики. Всю жизнь посвятилъ генералъ на проведеніе этой мысли въ жизнь арміи, пользуясь своимъ могучимъ талантомъ и властью. Всего себя онъ отдалъ на служеніе этой идеѣ и неустанно, безпрерывно проповѣдывалъ ее въ бесѣдахъ, учебникахъ тактики, полемикѣ, которую онъ велъ особенно страшно въ послѣдніе годы своей жизни. Человѣкъ огромныхъ дарованій, могучій талантъ, онъ

неминуемо долженъ былъ испытать и перенести то, что такъ часто выпадаетъ на долю людей, одаренныхъ Божьей искрой до отказа. Онъ долженъ былъ перейти и на самомъ дѣлѣ перешелъ грань и въ угоду духу мало-по-малу отдалить отъ себя матерію, въ частности военную технику, которая какъ бы умышленно прогрессировала въ послѣдніа 30 лѣтъ съ головокружительной быстротой. Въ угоду развитію могущества моральной силы, Драгомировъ хотя и не отрицалъ техники, но, по сравненію съ духомъ, для него техника являлась малоцѣнной и не въ состояніи сыграть ту роль, которую въ дѣйствительности сыграла въ минувшую войну». Нельзя не обратить вниманія на эту безпристрастную оцѣнку идей генерала Драгомирова, высказанную посреди ожесточенныхъ и незаслуженныхъ на него нападокъ со стороны искателей «виновниковъ» несчастной войны во что бы то ни стало. Идея Драгомирова, хотя и требующая поправокъ, идея глубоко вѣрная, и горе той арміи, которая не поставитъ «господства духа надъ матеріей» во главу обученія своихъ войскъ.

Книга полковника Галкина издана очень хорошо и снабжена приложеніями, планами и схемами.

Л. Н.

Н. Крохоткина. Революціонное время въ Россіи. Судъ надъ крестьянами послѣ погрома. Спб. 1910. Стр. 47.

Небольшая брошюрка г-жи Крохоткиной, повидимому, не назначена для продажи; по крайней мѣрѣ дѣна ея на обложкѣ не обозначена. Типъ этого литературнаго произведенія—шаржированный репортажный отчетъ о судебномъ засѣданіи, въ которой авторъ, не ознакомивъ читателей съ существомъ дѣла, а только сославшись на свою брошюру «Погромъ», въ которой, очевидно, это дѣло рассказано, прямо переходитъ къ свидѣтельскимъ показаніямъ и выводитъ рядъ плутоватыхъ мужичковъ и бабъ, несущихъ на судѣ околесицу, врущихъ, представляющихъ не понимающими вопросовъ, имъ предлагаемыхъ, и не помнящими обстоятельство преступленія, которое ихъ привело на скамью подсудимыхъ и оторвало на два года тюремной жизни отъ семьи и работы. Въ этихъ показаніяхъ и отвѣтахъ вы найдете тѣ же скрытыя пружины, которыя заставляютъ васъ волноваться и въ извѣстной хроникѣ г. Родіонова «Наше преступленіе», о которой мы недавно давали отзывъ. Но что у этого талантливаго беллетриста читателя волнуетъ, у г-жи Крохоткиной не оставляетъ никакого впечатлѣнія и, прочитавъ сводку ея «свидѣтельскихъ показаній» безъ дальнѣйшаго судоговоренія, остаешься въ недоумѣніи, зачѣмъ брошюра издана и кому нужна такого рода литература. Если ужъ касаться печальныхъ событій 1905—1906 годовъ, то надо это дѣлать умѣло и полно, а такъ выпустить брошюру, чтобы поглотиться надъ невѣжественной массой, презрительно указать на пристрастность нашего суда, оправдавшаго «героевъ» г-жи Крохоткиной,—не стоило городъ городить. Революціонные дни въ Россіи 1905—6 гг. еще ждутъ своего будущаго историка, и брошюра г. Крохоткиной этому историку не послужитъ нужнымъ матеріаломъ.

Г.

Портреты русских писателей въ гелиографияхъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ. Редакція В. В. Каллаша. М. 1909 — 1910. Цѣна 2 руб. за выпускъ.

У насъ имѣется нѣсколько портретныхъ галерей нашихъ писателей. Въ 1865—1870 гг. вышла галерея, изданная Мюнстеромъ, въ 1876—1879 гг.—изданная Бауманомъ, въ 1880 г.—изд. Шапиро, въ 1882—1891—изд. «Русской Стариной», въ 1890—изд. газетой «Лучъ», въ 1891 г.—изд. журналомъ «Звѣзда» Комарова, въ 1892—изд. кн. Урусовой. Въ 1901 году вышло сразу 4 галереи—изд. Скимунта, Каранта, Мерца и Тиле. Въ послѣднее время появились портреты писателей, изд. Водозовой, экспедици заготовленія государственныхъ бумагъ, комисси по устройству учительскаго дома въ Москвѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ галерей портреты выполнены довольно хорошо, но все-таки о художественномъ выполненіи въ полномъ смыслѣ слова говорить нельзя. Вполнѣ художественными, представляющими цѣнные художественные вклады являются—«Русскіе портреты собранія Шуккина» и «Русскіе портреты» изданія великаго князя Николая Михайловича. Сюда, несомнѣнно, должно быть отнесено и изданіе портретовъ русскихъ писателей, предпринятое въ 1909 году зарекомендовавшей себя прекраснымъ изданіемъ картинъ Третьяковской галереи московской фирмой Кнебель. Это—очень грандіозное предпріятіе: будетъ выпущено около 100 портретовъ писателей XVIII и XIX вв. Уже издано болѣе 60 портретовъ и можно составить вполнѣ опредѣленное мнѣніе объ изданіи. Оно, несомнѣнно, довольно крупный художественный вкладъ. Портреты воспроизведены съ работъ лучшихъ русскихъ художниковъ и представляютъ весьма художественно исполненные гелиографии большого формата, приблизительно 5×7 вершковъ. По своему исполненію портреты вполнѣ удовлетворяютъ самымъ изысканнымъ художественнымъ вкусамъ.

При этомъ изданіе стоитъ чрезвычайно дешево. Цѣна выпуска съ тремя портретами 2 рубля, что необычайно дешево для трехъ прекрасно исполненныхъ большихъ гелиографіевъ. Все изданіе приблизительно будетъ состоять изъ 25 выпусковъ и, слѣдовательно, стоитъ 50 рублей.

Къ портретамъ приложены небольшія литературныя характеристики писателей, принадлежащія перу извѣстныхъ критиковъ и историковъ литературы—Айхенвальду, Брюсову, Венгеру, Грузинскому, Каллашу, Липовскому, Ляцкому, Нелидову, Саводнику, Сакулину, Шенроку и др. А. Ф.—нѣ.

Шарль Диль, адъюнктъ-профессоръ парижскаго университета. Византійскіе портреты. Перевелъ Е. Киричинскій. Харьковъ. 1910. Стр. 240. Цѣна 75 коп.

Книга профессора Дили лишній разъ доказываетъ давно признанное положеніе, что французскіе ученые мастерски владѣютъ даромъ популяризаціи. Правда, на этотъ разъ и тема для подобной популяризаціи выбрана болѣе чѣмъ удачно: правдивая исторія дворцовыхъ переворотовъ въ Византіи превосходитъ своимъ трагизмомъ и неожиданными перипетіями самые неестествен-

ные вымыслы. Авторъ ведетъ свое изложеніе въ хронологическомъ порядкѣ, останавливаясь преимущественно на женскихъ типахъ. Послѣ общаго очерка жизни византійской императрицы предъ читателемъ мелькаютъ портреты языческой философики Аэинаиды, обратившейся въ благочестивѣйшую императрицу Евдокію, знаменитой супруги Юстиніана Θεодоры, попавшей во дворецъ съ цирковыхъ подмостковъ, ревностно защищавшей почитаніе иконъ и ослѣпившей собственнаго сына Ирины, въ силу интригъ которой начался періодъ дворцовыхъ революцій, отсутствовавшихъ въ правленіе царей-иконоборцевъ. Для поясненія характера Ирины Диль даетъ затѣмъ типъ ея современницы изъ средняго сословія, благочестивой матери св. Θεодора Студита, Θεоктисты. Въ pendant къ ней взята блаженная царица Θεодора, окончательно возстановившая иконопочитаніе, хотя для этого ей и приходилось нѣсколько разъ вступать въ сдѣлку съ собственной совѣстью. Далѣе излагается чудесная исторія основателя Македонской династіи Василія, пришедшаго въ Константинополь пѣшкомъ и въ нищенскихъ лохмотьяхъ и путемъ ряда злодѣйствъ достигшаго императорскаго престола. Преемникомъ Василія былъ Левъ VI Мудрый, который, порицая мужичинъ, вступающихъ во 2-й и 3-й браки, ставилъ имъ въ своихъ «Новеллахъ» въ примѣръ нѣкоторыхъ животныхъ, обрекающихъ себя послѣ смерти самки на постоянное вдовство. Но эта проповѣдь не помѣшала ему самому жениться 4 раза, причемъ изъ-за послѣдняго брака его возникла борьба, волновавшая государство почти 20 лѣтъ. Затѣмъ читатель знакомится съ загадочной и таинственной судьбой обольстительной и коварной императрицы Θεοφано, прелести которой, по выраженію одного ученаго, имѣли роковое вліяніе и покорили трехъ императоровъ. Послѣ Θεοφано мы сталкиваемся съ Зоей Багрянородной, которая вышла замужъ 50 лѣтъ отъ роду, а черезъ 14 лѣтъ ей пришлось вступить уже въ третье супружество, причемъ и она усердно измѣняла мужьямъ, и мужья ей. Заканчивается книга характеристиками матери извѣстнаго писателя Пселла, Θεοδοты, благодаря которой, говоритъ авторъ, можно узнать, въ чемъ состояли занятія, заботы и радости мѣщанской семьи Византіи въ XI вѣкѣ, и Анны Далласены, одной изъ главныхъ виновницъ переворота 1081 года, упрочившаго престолъ за династіей Комненовъ. Переводъ г. Киричинскаго очень хорошъ и вполне передаетъ легкое изложеніе «оригинала, такъ что эта исторія и смерти, и крови, и наслажденія» читается, какъ самый интересный романъ. Замѣчу только, что, по недосмотру, на обложкѣ и на заглавномъ листѣ стоитъ: «невѣроятныя приключенія Василія Великаго» вмѣсто Василія Македонянина. А. М.—нѣ.

Б. Л. Модзалевскій. Архивъ опеки надъ дѣтьми и имуществомъ Пушкина въ музеѣ Бахрушина. Спб. 1910.

Московскому собирателю театральныхъ и литературныхъ рѣдкостей А. А. Бахрушину случилось приобрѣсти въ прошломъ году нѣсколько тысячъ листовъ документовъ опеки надъ дѣтьми и имуществомъ великаго поэта. Этотъ архивъ состоитъ изъ веденныхъ канцелярскимъ порядкомъ дѣлъ объ учрежденіи самаго опекунства, о пожалованіи денегъ на похороны Пушкина и пансіона его вдовѣ

и дѣтямъ, объ опредѣленіи послѣднихъ въ казенныя учебныя заведенія, о печатаніи сочиненій Пушкина (посмертное изданіе), объ уплатѣ оставленныхъ Пушкинымъ долговъ, на погашеніе которыхъ была тоже пожалована крупная сумма, о выкупѣ с. Михайловскаго въ пользу дѣтей поэта у ихъ дяди и тетки, о движеніи денежныхъ суммъ, которыми распорядилось опекунство, и тому подобномъ. Большая часть бумагъ не имѣетъ прямого и близкаго отношенія къ Пушкину, но среди нихъ нашлись и такія, на которыя приходится смотрѣть какъ на вкладъ въ исторію его жизни, хотя никакого рѣшающаго значенія за ними признать нельзя. Онѣ не измѣняютъ ни въ чемъ сложившихся представленій о поэтѣ, но дополняютъ наши, и безъ того нескучныя, свѣдѣнія о немъ и кое въ чемъ яснѣе рисуютъ нѣкоторыя обстоятельства послѣднихъ лѣтъ его жизни. «О, бѣдность, бѣдность! Какъ унижаетъ сердце намъ она!» могъ онъ повторить за своимъ рыцаремъ Альбертомъ. Объ этой «рыцарской», позолоченной бѣдности, которая тѣмъ страшнѣе, что ее приходится скрывать подъ личиною наружнаго довольства, краснорѣчиво говорятъ нѣкоторые документы опекунства. Изъ подлиннаго контракта видно, что за свою послѣднюю квартиру, на Мойкѣ, поэтъ, жившій большимъ и открытымъ домомъ, съ чадами и домочадцами, среди которыхъ были двѣ свояченицы-фрейлины, долженъ былъ платить 4,300 рублей ассигнаціями, а одинъ изъ его прежнихъ домохозяевъ взыскивалъ съ него судомъ болѣе тысячи рублей недоплаченныхъ за квартиру денегъ. Опеку осаждали со своими требованіями ростовщики, портные, мелкіе лавочники, даже поставщица дровъ, молочница и камердинеръ. Въ поискахъ денегъ Пушкинъ доходилъ до того, что бралъ у своихъ друзей серебро и закладывалъ его, — кредитъ безъ залога былъ ему недоступенъ. «Милостивый государь Николай Николаевичъ! — пишетъ онъ одному изъ своихъ кредиторовъ, какому-то Карадыкину: — Вы застали меня въ разпλοхъ, безъ гроша денегъ — сей часъ ѣду по моимъ должникамъ собирать недоимки и коли удастся, явлюся къ вамъ». Книгопродавецъ Беллизаръ, выписывавшій для Пушкина иностранныя книги и бравшій за нихъ огромную плату (120 рублей за «L'art de connaître les hommes» Лафатера, 150 рублей за «Histoire de la Russie» Леклерка и т. д.), приставалъ къ нему со счетами и довольно рѣзкими напоминаніями. За мѣсяць до смерти Пушкинъ, нуждаясь въ деньгахъ, передалъ Плюшару, издателю энциклопедическаго лексикона, право на изданіе тома стихотвореній, въ 2,500 экземпляровъ, и взялъ у Плюшара впередъ 1,500 рублей, но это изданіе за смертью поэта не состоялось, и опека разсчиталась съ Плюшаромъ. Закладывая серебро то свояченицы А. Н. Гончаровой, то Соболевскаго, должая знакомымъ, вѣчно въ поискахъ кредита, вѣчно осаждаемый кредиторами, вѣчно подъ угрозой судебного взысканія и описи имущества, Пушкинъ бился, какъ рыба объ ледъ, и изнывалъ. Великосвѣтскій тонъ жизни былъ ему не по силамъ, и онъ мечталъ поселиться въ деревнѣ: «давно завидная мечтается мнѣ доля, давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ въ обителе дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ», обращался онъ къ женѣ. Но какъ относилась къ такому намѣренію замученнаго поэта красавица-жена, объ этомъ достаточно убѣдительно свидѣтельствуешь счетъ моднаго магазина: за взятые Наталіей Николаевной наряды — 3364 руб.! Не мудро, что, желая сказать, какъ былъ озабоченъ бѣдный Евгений, герой «Мѣднаго всадника», Пуш-

кинь прибѣгъ къ горькому сравненію: «какъ тогь, у коего просрочень»... не сказано (въ черновикѣ) что, но ясно, что вексель. Въгло описавшій дѣла опеки В. Л. Модзалевскій, подь впечатлѣніемъ этихъ дѣйствительно тягостныхъ документовъ, рѣшилъ даже, что «ревность, которою одною объясняется обыкновенно трагическій исходъ жизни поэта, была лишь предлогомъ къ сведенію расчетовъ съ жизнью». Конечно, гибель Пушкина объясняется не только столкновениемъ его съ Дантесомъ, но странно предполагать, что Пушкинъ искалъ «предлога», чтобы покончить съ собою, и жадно ухватился за «ревность», тѣмъ болѣе, что драма послѣднихъ дней его жизни—драма не ревности, а жгучей обиды. Буквы «Пл.» въ одномъ спискѣ долговъ Пушкина г. Модзалевскій объясняетъ: «Плетневу»; намъ кажется, что здѣсь надо читать А. П. Плещееву (объ этомъ см. И. А. Шляпкина «Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина», страницы 189, 194, 210, 254, 284).

Въ бахрушинскомъ же собраніи, по словамъ описанія, хранится статья М. П. Погодина о Годуновѣ изъ «Московского Вѣстника» 1829 года, съ собственноручными замѣтками Пушкина. Онѣ очень интересны и важны, такъ какъ освѣщаютъ отношеніе Пушкина къ своему «Борису Годунову» и его взгляды на исторію смутнаго времени.

Н. О. Лернеръ.

Надежда Санжаръ. Записки Анны. Спб. 1910. Стр. 166. Цѣна 1 р.

Маленькая книжка, красиво изданная и по доступной цѣнѣ, уже давно обратила на себя вниманіе критики и читающей публики по интересно поставленному въ ней сексуальному вопросу, съ одной стороны, и по личности автора—съ другой. Нѣкоторая видимость содержанія кладетъ на повѣствованіе г-жи Санжаръ опасный налетъ какъ бы легкой порнографіи, что имѣетъ извѣстное объясненіе въ литературной неопытности начинающей писательницы, благодаря чему она впадаетъ въ шаржи, подчеркиваетъ такія страницы жизни, которыя ставятъ ее въ опасное передъ читателями положеніе и даютъ богатую пищу для насмѣшекъ и глумленія надъ нею. Эти страницы, пожалуй, даже карикатурны и даютъ матеріалъ для хлесткой сатиры, для памфлета. Повторяемъ, что это можетъ быть объяснимо исключительно литературной неопытностью, когда авторъ, гоняясь за навязываніемъ читателю извѣстной идеи, слишкомъ старается въ своемъ рвеніи и ради идеи пренебрегаетъ формою и спокойствіемъ, объективностью своего повѣствованія, развитіемъ фабулы. Избранная форма разсказа—дневникъ: это въ значительной степени способствуетъ тому, что субъективизмъ и бѣтъ здѣсь черезъ край, становится въ книгѣ доминирующей стихіей. Это то обстоятельство и даетъ основаніе бросить писательницѣ обвиненіе въ излишней порнографической откровенности. Въмѣстъ съ тѣмъ цѣль обнародованія такого дневника—самая чистая и, пожалуй, возвышенная. Здѣсь крикъ женской души противъ вѣчнаго посягательства со стороны сильной половины рода людскаго на женскую плоть, разсматриваніе женщины исключительно подь угломъ зрѣнія удовлетворенія сексуальныхъ вождѣлннй и нежеланіе видѣть въ женщинѣ человѣка, гармонически связать опредѣленное представленіе о пей со стороны ея физической и психической организаціи.

Вотъ собственно та ось, на которую г-жа Санжарь—Анна нанизываетъ факты дневника, свои мысли, ощущенія и порывы. Несомнѣнно, мы видимъ въ ней субъекта, уклонившагося отъ гармонической нормы, поглощеннаго своею исключительной мыслью и борьбою, а потому, пожалуй, страдающаго навязчивостью идей. Анна—антитеза извѣстнаго Санина, и вотъ подъ такимъ-то угломъ зрѣнія и слѣдуетъ смотрѣть на ея записки. Кто интересуется философией сексуализма, тотъ найдетъ себѣ здѣсь богатый матеріалъ для выводовъ и раздумья и тѣмъ болѣе, что матеріалъ этотъ—живой, своего рода документъ жизни. Объ этомъ намъ повѣствуетъ издатель книги, который въ вступительной статьѣ къ «Запискамъ» считаетъ долгомъ представить автора читателямъ и тѣмъ связываетъ ея имя съ именемъ героини дневника, придавая тѣмъ всему произведенію Санжарь значеніе автобіографическое. И автобіографія эта, какъ явленіе нашей соціальной жизни, заслуживаетъ, несомнѣнно, вниманія. Издатель говоритъ: «Авторъ «Записокъ» Надежда Санжарь, дочь государственнаго крестьянина гор. Харькова и донской казачки,—самоучка въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, самостоятельно проложившая себѣ путь въ жизни, съ самаго ранняго возраста своими руками, и сумѣвшая шагъ за шагомъ подняться съ уличныхъ низовъ до верхнихъ ступенекъ интеллигенціи, не будучи обязанной никому поддержкой въ средѣ, окружавшей ее до 29 лѣтъ, ни въ матеріальномъ отношеніи, ни въ умственномъ и нравственномъ своемъ развитіи. Пройдя всѣ мытарства подневольной службы—съ одиннадцати лѣтъ въ булочной, а затѣмъ горничной, съ мытьемъ половъ, «по господамъ» вообще и, наконецъ, въ канцеляріи тюремной инспекціи въ Кіевѣ, Надежда Санжарь «появилась» въ 1901 г. въ Петербургѣ, безъ всякихъ средствъ къ существованію, въ знакомой многимъ надеждѣ на пріисканіе занятій. Послѣднее, разумѣется, не давалось и, послѣ долгихъ скитаній по моднымъ мастерскимъ, загнанная нуждой въ общежитіе женскаго русскаго взаимно-благотворительнаго общества и занимаясь здѣсь отдѣлкой куколъ, впервые здѣсь же познакомилась болѣе или менѣе серьезно съ грамматикой, благодаря сердечному участію члена общества г-жи Д. Такимъ образомъ Петербургъ повернулся къ ней сперва оборотной стороною, и только здѣсь Н. Санжарь могла начать разбираться въ матеріалѣ, «прописанномъ у нея буквально на бокахъ», выражаясь словами Анны въ ея «Запискахъ».

«Первые литературные опыты—сказки Н. С.—были встрѣчены болѣе чѣмъ сочувственно и охотно помѣщались на страницахъ дѣтскихъ журналовъ «Игрушечки», «Красныхъ Зорь», «Тропинки» и др. Но стремленіе передать все добытое, передуманное и выстраданное на пройденномъ тернистомъ пути не могло вылиться въ однѣхъ сказкахъ, для выраженія мыслей, переживаній мятущейся души и предъявляемыхъ къ жизни требованій. Прежде всего Н. Санжарь угрожала та опасность, о которой пишетъ Анна: накипавшее могло въ самомъ дѣлѣ ее задушить, назрѣла необходимость кричать не въ подушку, а такъ, чтобъ ее могли услышать, и такимъ образомъ вылился въ «Запискахъ Анны» крикъ, правда, измученной, но большой и красивой «мятущейся» души».

Мы имѣемъ въ нашей литературѣ немало образцовъ мужскаго творчества самоучекъ, начиная съ Кольцова и кончая Максимомъ Горькимъ. Впервые въ настоящемъ случаѣ мы знакомимся съ женщиной-самоучкой, сдѣлавшей по-

пытку отвѣтить на модный нынѣ сексуальный вопросъ и отвѣтить фактами личной жизни, своими собственными переживаніями. Получился «крикъ души», и, какъ таковой со стороны женщины изъ народа, онъ заслуживаетъ особаго вниманія. Грубо и больно Санжаръ à la Горькій смазала нашу интеллигенцію по лицу грязной тряпкою и бросила вызовъ похоти и сластолюбію. Для анализа и регистраціи народной психологіи это явленіе любопытное.

В. Г.

Н. О. Лернеръ. «Возстань, возстань, пророкъ Россіи». Стихотвореніе Пушкина. Стр. 12. Спб. 1910. Цѣна не обозначена.

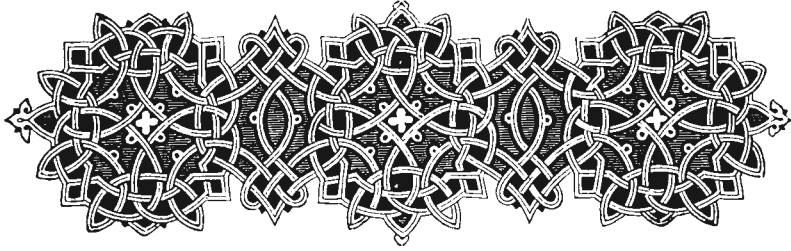
За послѣдніе годы у насъ замѣчается усиленный интересъ къ Пушкину, ни одного нашего писателя не изучаютъ съ такимъ вниманіемъ и обстоятельностью, какъ Пушкина, каждый отдѣльный фактъ его жизни, каждое отдѣльное стихотвореніе вызываетъ спеціальныя изслѣдованія. Особенно много работаетъ надъ изученіемъ Пушкина Н. О. Лернеръ, который, несомнѣнно, является въ настоящее время однимъ изъ самыхъ лучшихъ изслѣдователей Пушкина. Въ своемъ новомъ небольшомъ изслѣдованіи («Пушкинъ и его современники», вып. XIII и отдѣльно Спб. 1910) Н. О. Лернеръ остановился на разсмотрѣнни вопроса о приписываемомъ Пушкину четверостишіи, которое нѣкоторые считаютъ первоначальной редакціей окончанія знаменитаго стихотворенія—«Пророкъ»; его Пушкинъ будто бы намѣренъ былъ вручить Николаю I при свиданіи съ нимъ послѣ ссылки 8 сентября 1826 года въ случаѣ неблагоприятнаго исхода его объясненія съ императоромъ. Четверостишіе слѣдующее:

Возстань, возстань, пророкъ Россіи,
Позорной ризой облекись
И съ вервьемъ вкругъ смиренной выи
(вариантъ: Иди—и съ вервиемъ на выѣ)
Къ царю російскому явись.

Это четверостишіе вызвало цѣлую литературу, о немъ писали Пятковскій, Ефремовъ, Спасовичъ, Черняевъ, Сумцовъ и др., но до сихъ поръ вопросъ не выясненъ—ни правдивость связанныхъ съ четверостишіемъ сообщеній, ни достоверность его, ни отношеніе къ «Пророку». Н. О. Лернеръ, тщательно изслѣдовавъ вопросъ, подвергнувъ критикѣ мнѣнія другихъ изслѣдователей, пришелъ къ выводу, что «ни съ совершеннымъ игнорированіемъ четверостишія, будто бы ложно приписаннаго Пушкину, ни съ включеніемъ его въ «Пророкъ» согласиться нельзя». Изъ всѣхъ высказанныхъ по этому поводу мнѣній наиболѣе близкимъ къ истинѣ изслѣдователь считаетъ мнѣніе проф. Сумцова, склоняющагося къ тому, что четверостишіе совершенно самостоятельный набросокъ.

Какъ и всѣ работы Н. О. Лернера о Пушкинѣ, это небольшое изслѣдованіе отличается тщательностью, обнаруживаетъ прекрасное знаніе литературы о Пушкинѣ. Серьезный изслѣдователь поэта не можетъ пройти мимо этой работы Н. О. Лернера.

Ф.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ГДѢ НАХОДИЛИСЬ Содомъ и Гоморра.—До сихъ поръ берега Мертваго моря, о которомъ прошла худая слава, какъ о негостепріимномъ пристанищѣ, гдѣ мрутъ рыбы, распространяющемъ смертельно вредныя пары, убивающіе деревья, были въ совершенномъ пренебреженіи, и не только туристы, но и ученые экспедиціи туда не заглядывали. Только недавно два американскихъ профессора рѣшили ихъ изслѣдовать, и результаты своихъ изслѣдованій одинъ изъ нихъ, Эльсвортъ Гундингтонъ, изложилъ на страницахъ «Harper's Magazine».

Пріѣхавъ въ Константинополь, они приготовились отправиться въ Палестину для подробнаго ознакомленія съ берегами знаменитаго озера и для того захватили съ собой складную лодку. Но тамъ они узнали, что она для нихъ совершенно бесполезна въ виду запрещенія навигаціи въ этомъ озерѣ. Имъ объяснили, что Мертвое море и Иорданская долина—собственность султана, который за высокую плату передалъ исключительное право навигаціи по озеру и рѣкѣ только двумъ лицамъ, одному еврею и одному арабу. Означенные концессионеры запаслись паровымъ катеромъ въ десять лошадиныхъ силъ и тремя маленькими судами и успѣшно защищаютъ свои права. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ греческіе рыбаки построили нѣсколько судовъ, рассчитывая плавать на Мертвомъ морѣ, но добиться разрѣшенія имъ такъ и не удалось и построенныя суда остались гнить на берегу.

Предпріятіе обоихъ концессионеровъ не представляетъ для нихъ большихъ выгодъ: рѣдко-рѣдко на ихъ паровомъ катерѣ покажется пассажирь, а черезъ длинныя промежутки времени имъ приходится перевозить грузъ

пшеницы изъ юго-западныхъ областей. Когда американцы хотѣли спустить въ воду свое судно, то имъ энергично воспретили. Только вмѣшательство американскаго посланника въ Константинополь положило конецъ спору и то не сразу. На авторитетное требованіе султана, сдѣланное въ приличной формѣ и вырванное у него американскимъ посланникомъ, эксплуататоры отвѣчали упорнымъ отказомъ, и только съ помощью вооруженной силы, въ лицѣ одного солдата, американцы добились возможности плавать сколько имъ угодно по Мертвому морю.

Главной цѣлью американскихъ ученыхъ было рѣшить задачу исторіи и топографіи, которая порождаетъ безконечные противорѣчивые выводы, а именно опредѣлить, была ли гибель Содома и Гоморры только легенда, гдѣ находились эти города и отчего они погибли. Авторъ статьи въ «Harper's Magazine» говоритъ, что одни поддерживаютъ мнѣніе, будто гибель этихъ городовъ—одна лишь легенда; другіе, что дѣйствительно они существовали и находились на сѣверѣ Мертваго моря и были уничтожены вспыхнувшей нефтью, какъ случается въ Техасѣ и Баку. Согласно третьей версіи, которой придерживается большинство, эти города находились не на сѣверѣ, а на южномъ берегу озера, съ чѣмъ согласны до сихъ поръ сохранившіяся арабскія традиціи. Только причиной гибели выставляется не вулканическая сила, какъ передается изъ поколѣнія въ поколѣніе, а именно пожаръ нефти.

Эта система, по словамъ Эльсворта, ошибочна. Всѣ соглашались съ мнѣніемъ, что на мѣстѣ, столь близкомъ къ южной точкѣ озера, никогда не существовало никакого вулкана, чтобы текущая лава могла достигъ обоихъ городовъ. Эльсвортъ Гундингтонъ критикуетъ этотъ старый предразсудокъ. «Я удивился, когда, при посѣщеніи развалинъ Суваймеха,—говоритъ онъ,—мнѣ попались обломки лавы. Старый шейхъ, сопровождавшій меня, подтвердилъ, что мы находимся на мѣстѣ Содома и дѣйствительно названіе Суваймехъ—искаженное имя разрушеннаго города. Я тотчасъ же принялся за поиски мѣста, откуда вытекала лава, и не замедлилъ открыть въ трехъ километрахъ отъ развалинъ маленькій вулканъ. Лава текла оттуда и, собираясь въ одномъ мѣстѣ, образовала возвышенность между Суваймехомъ и Шувайромъ».

Такимъ образомъ вопросъ, порождавшій столько противорѣчій, рѣшенъ, и мѣстоположеніе Содома и Гоморры надо искать не на сѣверѣ, а на южной сторонѣ Мертваго моря. Развалины Суваймеха открыли въ настоящее время пунктъ, гдѣ находился первый изъ этихъ городовъ; второй долженъ быть отъ него на небольшомъ разстояніи на той же сторонѣ, гдѣ находится возвышенность изъ накопившейся лавы отъ вулкана, изверженіе котораго не могло достигъ Зоара, теперешняго Шувайра, защищеннаго, какъ завѣсой, холмами. Сюда удался Лотъ прежде, чѣмъ войти въ знаменитую пещеру, которую американскимъ путешественникамъ тоже удалось найти. Конечно, теперь трудно узнать садъ Іеговы въ одной изъ самыхъ бесплодныхъ и уединенныхъ областей побережья Мертваго моря, но съ библейскихъ временъ климатъ Палестины значительно измѣнился.

— Анналена.—Прекраснымъ образцомъ женской филантропіи можетъ послужить помѣщенный въ «Rassegna Nazionale» очеркъ синьоры Форти,

гдѣ она рассказываетъ объ одной итальянкѣ Анналенѣ (Анна-Елена) Малатеста, жившей въ XV вѣкѣ. Во Флоренціи, на лѣвомъ берегу Арно, находится кварталъ, не помѣщенный, однако, на официальномъ планѣ города и даже мало кому извѣстный изъ жителей праваго берега. Онъ прозывается кварталомъ Анналена и представляетъ цѣлую группу домовъ, во главѣ которой находится домъ съ большимъ и прекраснымъ садомъ, идущимъ террасами и украшеннымъ розами, жасминами, глициніями и лиліями. Синьору Форти заинтриговалъ этотъ садъ, и она спросила одну изъ жившихъ близъ этого квартала женщинъ: «чей этотъ домъ?» Въ отвѣтъ она услышала: «Анналены». — «Что это за Анналена?» спросила синьора Форти. — «Это имя одной почтенной дамы, почти святой, которая желала добра всему міру. Но это имя также дома и цѣлой группы домовъ. Да, ея имя дали мѣстности, гдѣ она когда-то проживала. Здѣсь она помѣщала всѣхъ несчастныхъ женщинъ, богатыхъ и бѣдныхъ, заботилась о нихъ, утѣшала ихъ лучше, чѣмъ родная мать или сестра.

По странной ироніи судьбы, кроткая и пѣжкая Анна-Елена принадлежала къ семьѣ Малатеста изъ Римини, самой воинственной во всей Италіи, вмѣстѣ съ Бальони изъ Перузы. Она происходила по прямой линіи отъ красавца Паоло, выведеннаго Данте въ его «Божественной Комедіи». Ея отецъ Галеотто Малатеста, графъ Вальдонніо, былъ, какъ почти всѣ мужчины въ этой семьѣ, — кондотьеромъ, а мать, Маріа делли Орсини, также принадлежала къ воинственной расѣ, не знавшей узды своимъ страстямъ и нетерпѣнію. Отъ сліянія этихъ двухъ представителей кровожадныхъ расъ, вопреки теоріи наслѣдственности, неожиданно появилось въ 1426 г. нѣжное деликатное созданіе. Анна-Елена родилась въ Римини и очень рано лишилась матери. Отцу ея было некогда заботиться объ ея здоровьи и воспитаніи, и потому онъ отправилъ ее во Флоренцію къ Косъмѣ Медичи, который ее удочерилъ и оказывалъ нѣжное расположеніе. Очень юной, приблизительно лѣтъ 12, а по другимъ источникамъ 15, Анна-Елена вышла замужъ за мессира Бальдаччіо Ангвиллара, сензора изъ Ангера, кондотьера Флорентійской республики. Этотъ молодой римскій капитанъ, обворожительный красавецъ, храбрый и уже прославившійся своими военными талантами, былъ хорошей фамиліи, но очень бѣдный, и Косьма уже давно ему покровительствовалъ. Анна-Елена питала къ мужу самыя нѣжныя чувства и считала его образцовымъ мужемъ. Однако ихъ совершенное счастье часто прерывалось. Въ ту эпоху Флоренція находилась въ постоянныхъ войнахъ съ пизанцами, сѣнцами, луккійцами и грознымъ Филиппомъ-Маріей Висконти, герцогомъ Милана, достойнымъ сыномъ страшнаго Джіованни Галеа, заставлявшаго всю Италію дрожать отъ его честолюбія и успѣховъ.

Послѣ каждой побѣды Бальдаччіо съ новыми лаврами возвращался на нѣсколько мѣсяцевъ къ женѣ въ подаренный Косьмой Медичи замокъ, садъ котораго привелъ въ восхищеніе синьору Форти. Тогда они задавали пышныя празднества, пиры и т. д. Это было время, когда Флоренція, богатѣвшая отъ обширной торговли, простирала свое могущество и великолѣпіе на всѣ страны до отдаленныхъ восточныхъ морей, и въ ея собственныхъ стѣнахъ эра Лаврентія Великолѣпнаго и Льва X воздвигалась на лонѣ роскоши и велико-

лѣнія. Всѣ богатые семьи соперничали въ роскоши и помпѣ и, задавая пышныя празднества, полными пригоршнями швыряли золото, притекавшее въ изобиліи въ ихъ сундуки, благодаря торговлѣ шерстью и флорентійскими шелковыми тканями.

Бальдаччіо командовалъ отрядомъ противъ войска герцога миланскаго, но въ большой битвѣ, которая произошла 20-го іюня 1440 года въ его владѣніяхъ въ Ангіерѣ, не участвовалъ. Пиччини, командовавшій миланскими отрядами, двинулся до самаго Ангіера, прочищая проходъ на Ламонскихъ возвышенностяхъ, защищаемыхъ Бальдаччіо. Послѣдній защищался побѣдоносно, но постыдное предательство флорентійскаго комиссара Орландини открыло Пиччини проходъ Маранди. Хотя флорентійцы и одержали побѣду надъ нимъ, поправивъ ошибку Орландини, но Бальдаччіо, возмущенный подлостью комиссара, осыпалъ его угрозами и донесъ въ сенаторію. Результатомъ доноса явилось назначеніе этого комиссара гонфалоньеромъ правосудія, самая высокая должность, какъ бы президентъ Флорентійской республики. Теперь у Бальдаччіо былъ смертельный врагъ, да еще въ лицѣ главы государства, и единственный его покровитель, могущественный Косьма Медичи, ему болѣе не только не покровительствовалъ, но, напротивъ, готовъ былъ вредить. Причина перемѣны ихъ отношеній была борьба за вліяніе старика Кома и Нери Капони: неосторожный Бальдаччіо горячо принималъ сторону послѣдняго. Медичи взглянулъ на этотъ шагъ какъ на измѣну, которой онъ не могъ ему простить. Пользуясь отъѣздомъ Капони въ качествѣ чрезвычайнаго посла въ Венецію, Комъ рѣшили отдѣлаться отъ опаснаго кондотьера. Синьора Форти защищаетъ мужа Анналены и говоритъ, что Комъ не участвовалъ въ измѣнѣ и виновникъ одинъ Орландини. Историкъ Сисмонди тоже защищаетъ его, но другой историкъ Перренсъ представляетъ Бальдаччіо человѣкомъ способнымъ на все, два раза приговореннымъ къ смерти за нарушеніе общественнаго права, разбойникомъ съ большой дороги и убійцей. Болѣе того, онъ говоритъ, что предъ кончиной Бальдаччіо былъ готовъ покинуть Флоренцію и поступить на службу къ ея врагамъ, чего нельзя простить флорентійскому гражданину. 6-го сентября 1441 г. по приказу сенаторіи его потребовали въ Старый Дворецъ. Едва онъ вошелъ, какъ увидѣлъ, что девять солдатъ готовы броситься на него и связать. Бальдаччіо пытался защищаться, но неудачно и, размахивая кулаками, добрался до окна и выбросился изъ него; по всей вѣроятности, онъ уже пересталъ дышать, когда палачъ отрубилъ ему голову.

Послѣ болѣе двухлѣтняго наслажденія счастливой и безпечной жизнью къ Аннѣ-Еленѣ подкралось горе, но этотъ ударъ она перенесла съ христіанскимъ смиреніемъ. Увѣренная въ невиновности мужа, она всѣми силами старалась убѣдить въ этомъ согражданъ и обѣлить по возможности его память. При помощи архіепископа флорентійскаго ей удалось добиться разрѣшенія перевезти его останки въ Святую Землю и послѣ пятилѣтняго судебного процесса добиться, чтобы вернули ея сыну конфискованныя имѣнія. Въ этомъ ей помогъ Косьма Медичи.

Черезъ девять лѣтъ новая катастрофа постигла Анну-Елену: ея девятилѣтній сынъ погибъ во время эпидеміи чумы, свирѣпствовавшей въ томъ году во Флоренціи. Теперь ничто не связывало Анны-Елены съ земнымъ существованіемъ; но она не прибѣгла къ самоубійству, а вполне предалась служенію ближнему. Свой дворецъ, еще недавно славившійся весельемъ и пирами, она предоставила угнетеннымъ, бѣднымъ, оскорбленнымъ женщинамъ. Всѣ несчастныя обитательницы Флоренціи, какого бы рода ни было ихъ горе и каково бы ни было ихъ социальное положеніе, аристократки или падшія, въ ея глазахъ не имѣли различія: для нея это были только несчастныя женщины, и онѣ всѣ одинаково находили себѣ радушный пріемъ въ ея домѣ. Богатыя или бѣдныя, невинныя или виноватыя, всѣ, для кого жизнь оказалась жестокой, всѣ оставшіяся одинокими на свѣтѣ, сироты, вдовы, матери, оплакивавшія своихъ дѣтей, покинутыя жены, брошенныя любовницы, дѣвушки изъ низшаго класса безъ средствъ и поддержки—всѣхъ Анна-Елена принимала съ распростертыми объятіями въ своемъ Анвилларскомъ дворцѣ. Онѣ жили у нея безвозмездно, сколько хотѣли, она нѣжно, деликатно и съ невинной добротой утѣшала ихъ и возвращала имъ мужество, довѣріе, силу воли, и онѣ покидали ея дворецъ другими людьми, перерожденными и готовыми къ новой жизненной борьбѣ.

Вскорѣ «домъ Анналены» оказался слишкомъ тѣснымъ для всѣхъ являвшихся къ ней несчастныхъ, тѣмъ болѣе, что она желала предоставить имъ просторное комфортабельное помѣщеніе. Одинъ за другимъ были куплены всѣ сосѣдніе дома и совершенно передѣланы. Одинъ изъ домовъ предназначался для больницы, другой превратился въ часовню, украшенную рѣдкими произведеніями искусства и живописью.

3-го марта 1490 г. Анна Малатеста скончалась. Ея пріютъ существовалъ 46 лѣтъ послѣ ея смерти при тѣхъ же условіяхъ, какъ и раньше. Онъ былъ открытъ для всѣхъ, и женщинамъ не выставлялось стѣснительныхъ и скучныхъ правилъ носить извѣстнаго покроя платье, не требовалось никакихъ обѣтовъ, ни соблюденія никакихъ узкихъ правилъ, и попрежнему женщины проживали тамъ, сколько хотѣли. Домъ Анналены пользовался глубокимъ уваженіемъ флорентійцевъ и его считали самымъ неприкосновеннымъ пріютомъ, а потому въ 1503 г. знаменитая Катерина Сфорца, жена Джіованни Медичи, помѣстила туда своего младшаго сына, будущаго «Джіованни черной банды», котораго ея деверь Лаврентій хотѣлъ оттуда вырвать въ силу несправедливаго присужденія передачи правъ попеченія о немъ отъ матери къ дядѣ.

Къ сожалѣнію, это симпатичное убѣжище, не носившее на себѣ печати официальности и казенщины, всегдашняго пугала для женщинъ, находящихся подъ гнетомъ горя и нравственныхъ обидъ, не могло вѣчно существовать безъ Анны-Елены, питавшей его своей любовью. Съ 1536 г. число желавшихъ попасть туда уменьшилось, а оставшіяся пансіонерки надѣли на себя монашескія покрывала, и убѣжище Анналены превратилось въ холодный, официальный пріютъ-монастырь св. Винченца. Такъ покончило свое существованіе привлекательное по своей идѣ убѣжище для нравственно страдающихъ.

Синьора Форти въ своей передачѣ допускаетъ историческія неточности, перепутывая эпохи существованія нѣкоторыхъ историческихъ личностей, а также историческіе факты.

— Современная польская литература.—Въ Европѣ и особенно во Франціи, по словамъ Леблона, сложилось мнѣніе, что польская нація умственно и нравственно доживаетъ послѣдніе дни и ея жизнь принимаютъ за послѣднія предсмертныя конвульсіи. На самомъ же дѣлѣ, по его увѣреніямъ, она не только существуетъ, а возродилась, какъ въ Россіи, такъ и въ Германіи и Австріи, и обязана этой эволюціей единственно польскому характеру. За послѣднія пятьдесятъ лѣтъ ни въ одной націи не произошло болѣе сильной эволюціи какъ въ польской. Въ Краковѣ одинъ поэтъ сказалъ Леблону: «Увидите, что мы нація, которая ищетъ характера. И это потому, что намъ болѣе недостаточно пережитія, намъ надо торжество. Мы уже слишкомъ долго находились въ рабствѣ, надо же намъ выйти изъ этого положенія. Мы дали себѣ отчетъ, что ничего не добьемся посредствомъ какихъ-нибудь возстаній, но всего можемъ достигъ черезъ постоянное хладнокровіе и сопротивленіе. Имъ нужна большая стойкость; до сихъ поръ насъ спасала вѣра, которую мы хранимъ, въ догматъ исторіи, что никогда народъ, выше стоящій въ умственномъ и нравственномъ развитіи, окончательно не поглотится народомъ ниже его по развитію. Три націи, расчленившія насъ, гораздо ниже насъ: мы не будемъ поглощены. Важно только не терять этого высшаго развитія, намъ надо достигъ цивилизаціи высшей, чѣмъ у нашихъ угнетателей. Вотъ почему мы развиваемъ до крайности нашу національную культуру. Сами матери водятъ мальчиковъ и дѣвочекъ къ памятникамъ нашихъ старыхъ священныхъ городовъ, повторяя имъ съ малыхъ лѣтъ уроки гражданственности. Прежде сынъ поляка кутилъ, и родители не обращали на это вниманія, затѣмъ поступалъ на службу и бездѣльничалъ, а теперь родители заставляютъ дѣтей научиться независимому искусству, потому что хотятъ сдѣлать изъ нихъ людей полезныхъ родинѣ, индивидуумовъ, повторяю, характеры».

По наблюденіямъ Леблона, поляки прилагаютъ нечеловѣческія усилія для возрожденія польскаго темперамента. Нравственной пружиной польской націи всегда была вѣра: теперь она хочетъ добыть силу, организовать сопротивленіе черезъ здоровье, дать своему патриотизму мускулы. Это уже не будетъ нація какую себѣ представлялъ Мишлэ; «не только вѣрующая, но суевѣрная, всю жизнь влюбленная, быть можетъ, химерическая, съ романтичнымъ умомъ, должнымъ или настоящимъ величіемъ». Напротивъ, теперь полякъ таковъ, какимъ, Сенкевичъ представилъ польскаго патриота—холодно-разсудочнымъ, съ благо-разумными идеями и вѣрнымъ взглядомъ. Поляки взяли себѣ программой быть экономистами и юристами прежде, чѣмъ сдѣлаться политиками.

Естественными воспитателями народа являются, конечно, писатели. Поэтому приведемъ статью также г-жи Раковской о современной польской литературѣ, взявшей себѣ, по словамъ Леблона, идеаломъ—позитивизмъ.

Указывая на обстоятельства, мѣшающія развитію польскаго искусства, она говоритъ, что подъ давленіемъ внѣшнихъ причинъ ему болѣе или менѣе приходится служить общественной пользѣ. Въ прошедшіе вѣка лучшіе польскіе пи-

сатели воодушевлялись чувством исполненія соціальной мисси. Сознвая, какая опасность грозитъ свободному развитію страны и колеблетъ самую основу ихъ существованія, равно предупрежденные объ опасности, грозящей въ будущемъ, они великодушно отдались народному дѣлу и предоставили свои таланты на служеніе необходимости. Поэтому польская литература того времени хотя богата и прекрасна, но въ ней рѣдко попадаются чисто-художественныя произведенія, уступившія мѣсто энергичному призыву къ дѣятельности, критикѣ существующихъ порядковъ и т. д.

XIX вѣкъ, когда столько воскресало надеждъ, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ замереть въ печальныхъ неудачахъ, сохранилъ въ литературныхъ произведеніяхъ свойственный этому настроенію тонъ. Лира великихъ романтичныхъ поэтовъ въ національныхъ несчастіяхъ и мечтахъ о потерянной свободѣ черпала свой самый захватывающій тонъ. Индивидуальная драма въ ихъ произведеніяхъ смѣшивалась съ драмой коллективныхъ страданій. Страдающая душа лишенная свободы народа послужила источникомъ героическаго и возрождающаго вдохновенія, вносящаго живительную кровь въ національный организмъ, подверженный притѣсненіямъ во всякой формѣ. «Быть можетъ, сознательная энергія поэзіи,—говоритъ г-жа Раковская,—никогда не проявлялась съ большей силой. Она вливала надежду въ ослабшія сердца и укрѣпляла ихъ противъ испытаній дѣйствительности».

Во второй половинѣ XIX вѣка польская литература, хотя и перенесла свое дѣйствіе на слишкомъ узкую территорию неотложныхъ интересовъ, но она все-таки развивалась подъ тѣмъ же знаменемъ національной защиты. Несчастія 1863 года заставили ее еще болѣе усилить эту роль. Естественно, подобное положеніе часто вредно отзывалось на дѣлахъ искусства и извращало идеи какъ у авторовъ, такъ и у читателей въ массѣ. Крупнымъ талантамъ не всегда удавалось избѣгать западни, подстерегавшей ихъ на пути тенденціозной литературы. Другимъ удавалось избѣжать ея, благодаря тому, что они отклонялись къ разнообразнымъ задачамъ соціального зла. «Впрочемъ,—говоритъ г-жа Раковская,—невозможно совершенно отъ нея отклониться въ одну изъ самыхъ критическихъ эпохъ изувѣченному пароду, лишенному всего, что обезпечиваетъ нормальную эволюцію цивилизованной страны».

Писатель прежде всего—воспитатель народа. Въ теченіе долгаго періода принципъ принесенія общественной пользы переполнилъ литературу до пресыщенія. Дошли до того, что осуждали всякій порывъ фантазіи, способный породить иллюзіи, считавшіяся опасными съ точки зрѣнія необходимости сохраненія національности. Съ другой стороны, нѣкоторымъ сочиненіямъ придавалось значеніе настоящихъ событій въ жизни народа, и они вызывали продолжительные споры и обсуждения со стороны критическихъ и интеллектуальныхъ кружковъ. Такъ было съ нѣкоторыми романами Сенкевича и Пруса. Многочисленныя и сильныя сочиненія г-жи Ожешко, всѣ проникнутыя воспитательной тенденціей, служили предметомъ подобныхъ же комментаріевъ, также какъ и поэтическія произведенія г-жи Конопницкой, вѣрной возвышенному демократическому идеалу и возмущавшейся противъ соціальныхъ несправедливостей.

Подобное чрезмѣрное поглощеніе искусства педагогическими и полезными элементами вызвало въ литературѣ и искусствѣ реакцію. Они потребовали обратно свои права на самостоятельное существованіе и избрали цѣлью единственно только эстетическое выраженіе. Въмѣстѣ съ тѣмъ поднялся вопросъ и о формѣ, которая часто находилась въ пренебреженіи, какъ это случается у поколѣнія, жившаго подъ обаяніемъ исключительно общественнаго долга. Впрочемъ, г-жа Раковская признаетъ, что эта реакція произошла по большей части подъ вліяніемъ теченій, обновившихъ интеллектуальную и артистическую атмосферу Западной Европы этой эпохи.

Въ означенномъ движеніи, преобразовавшемъ со многихъ точекъ зрѣнія фізіономію польскихъ литературныхъ произведеній, главную роль игралъ поэтъ Миріамъ (З. Пжемыскій), сгруппировавшій вокругъ основаннаго имъ литературнаго журнала «Сімега» много молодыхъ талантовъ, боровшихся за тотъ же художественный идеалъ, вѣрнымъ борцомъ за который былъ и остался самъ Миріамъ. «Но,—говоритъ г-жа Раковская,—чувство возмущенія, внутреннее ему и его ученикамъ тираническимъ вторженіемъ жизни въ область эстетики, справедливое въ своемъ принципѣ, довело ихъ до непримиримости и исключительности. Опасаясь, что дѣйс вительность исказитъ творческую работу, они отступили отъ реальности слишкомъ абсолютнымъ образомъ, ставъ не выше жизни, а внѣ ея. Поэтому въ ихъ поэмахъ не чувствуется движенія ихъ чувствъ: По счастью, большинство польскихъ писателей не доходятъ до этой крайности. ихъ произведенія связаны съ жизнью и въ то же время привязаны къ расѣ. Они болѣе не находятся подъ тираническимъ подчиненіемъ необходимости даннаго момента безъ того, чтобы соціальная нота, звучащая во всѣ эпохи интеллектуальнаго развитія поляковъ, совершенно исчезла. Она измѣняетъ выраженіе, смѣшивается въ различныя формы и не заглушаетъ болѣе другихъ звуковъ, хотя тѣмъ не менѣе часто возвращается.

Притѣсненія, тяготѣющія надъ національною жизнью поляковъ, все болѣе и болѣе стягивающія свои оковы въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, не могли ослабить творческихъ силъ поляковъ. Самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ богатства молодой польской литературы служитъ цѣлая плеяда писателей, одаренныхъ оригинальностью. Подкрѣпившись въ источникахъ идеализма-возрожденія, они дали изобиліе сильныхъ произведеній, въ то же время свидѣтельствуя и о глубокой заботѣ по отношенію художественной передачи. Подъ перомъ лучшихъ изъ нихъ, польскій языкъ обогатился болѣе выразительнымъ образомъ, чѣмъ это сдѣлали въ предыдущія эпохи лучшіе польскіе писатели. Онъ сдѣлался призывнымъ, побудительнымъ и чудно-гибкимъ, украсившись красотою, какихъ до сихъ поръ и не подозревали.

Для выраженія новыхъ состояній души и чувствъ зачинщики современнаго польскаго литературнаго движенія создали, по выраженію г-жи Раковской, безподобный словесный инструментъ съ неслышанными еще гармоническими тонами безконечныхъ отгѣнковъ, прибѣгая то къ забытымъ богатствамъ языка, то смѣло вырабатывая новыя выраженія. Жеромскій, Высяпскій, Реймонтъ, Каспровичъ, Штаффъ, Мичинскій, Пшебышевскій въ своихъ поэмахъ въ прозѣ показали обширный запасъ ресурсовъ польскаго языка.

Затѣмъ особенно поражаетъ въ этихъ новыхъ писателяхъ разнообразіе художественныхъ темпераментовъ, благодаря чему зрѣлище жизни разсматривается ими съ различныхъ сторонъ; одинаково разнообразна и манера передачи ихъ впечатлѣній. Различіе ихъ личностей обрисовывается очень ясными контурами, и если меланхолія, замѣтно влетающая въ нить польской мысли, изгоняетъ изъ нея смѣхъ, окутывая своей тѣнью самыя значительныя литературныя произведенія, то она совершенно мѣняетъ свою внѣшность, согласно различнымъ творческимъ фізіономіямъ.

Г-жа Раковская приводитъ имена нѣкоторыхъ изъ выдающихся писателей, прежде всего беллетристовъ, а затѣмъ поэтовъ. Изъ первыхъ, занимающихъ самое видное мѣсто, она называетъ: Жеромскаго, Даниловскаго, которые среди другихъ социалистовъ-романистовъ кажутся романтическими, Пшебышевскаго, Реймонта, а затѣмъ перечисляетъ нѣсколько первостепенныхъ: Берента, Грабовскаго, Леманскаго, Коржика и проч.

Жеромскій, по выраженію автора, страстный лирикъ, алчущій страданій, весь проникнутый скорбью, съ душой, трепещущей при видѣ всеобщаго зла и множества страданій своей страны. Онъ былъ и будетъ бесконечно близокъ поколѣнію, которое слышитъ въ его сочиненіяхъ раздающіеся самыя глубокіе стоны его собственного горя и продолжительныя эхо его страданій. Онъ передаетъ ихъ своеобразной прозой, являющейся смѣсью ѣдкой ироніи и чуткой сострадательности. Иногда растянутый, онъ умѣетъ передавать сжато минуты высшаго душевнаго волненія: тогда его слова глубоко западаютъ, какъ рыданіе, въ самыя свѣже наболѣвшія раны польскаго читателя. Правда, у него не всегда выяснены причины психологическаго развитія, согласно которому располагается дѣйствіе романа. Онъ не владѣетъ также искусствомъ композиціи, и эта слабая сторона его таланта особенно замѣтна въ пространныхъ сочиненіяхъ, напримѣръ: въ «Пеплѣ», «Исторіи грѣха». Прерывая нить конструкціи, Жеромскій иногда бросаетъ главныхъ личностей и останавливается на случайныхъ эпизодахъ, часто ко вреду внѣшней гармоніи цѣлаго. Тѣмъ не менѣе его романы прекрасны, сплочены внутреннимъ единствомъ, которое придаетъ имъ индивидуальность писателя, страдающаго передъ задачей зла и преслѣдуемаго этимъ скорбнымъ видѣніемъ.

Г-жа Раковская обходитъ молчаніемъ радикальныхъ позитивистовъ Болеслава Пруса и Свянтоховскаго, раздѣляющаго самыя крупныя лавры вмѣстѣ съ Сенкевичемъ и ведущаго неустанный походъ противъ тѣхъ, кто хотѣлъ бы главнымъ образомъ воспламенить, выработать и усилить чувства, въ то время, какъ другіе народы развиваютъ прежде всего науку и волю. Онъ противопоставляетъ въ своихъ «Куклахъ» романтизму на старомъ ладѣ современный типъ спекулятора и коммерсанта.

Тѣ же страданія, пустившія корни въ нравственномъ несчастіи окружающей стихіи, одинаково гипнотизируютъ и Даниловскаго. Его романъ «Прошедшіе дни» показываетъ читателю отгѣнки впечатлительности, установившіе между нимъ и Жеромскимъ нѣкоторое сходство. Они становятся слабѣе въ его слѣдующей книгѣ «Ласточки». Даниловскому незнакома та порывистая страстность, съ какою Жеромскій упивается страданіями, неустанно оживляя муки свои и

читателя. Въ деликатно-сдержанномъ талантѣ Даниловскаго за меланхоліей скрывается ясное спокойствіе, которое, однако, умѣетъ съ увѣренностью обнаружить драматическій элементъ у людей и рокъ, который толкаетъ къ ихъ судьбѣ нѣкоторыя трагическія по своей сущности натюры.

Крупный талантъ Пшебышевскаго имѣетъ связь со многими польскими сильными авторскими талантами по своей живой скорби. Одно время этотъ писатель подвергся болѣе всѣхъ писателей нападкамъ, но и вызывалъ наибольшій восторгъ. Онъ возбуждалъ умы отъ охватывавшей ихъ нравственной спячки, стряхивая бездѣятельность съ однихъ, вовлекая другихъ въ борьбу, начинаемую ими на почвѣ философской и эстетической. Отдавая должное таланту Пшебышевскаго, г-жа Раковская замѣчаетъ у него и недостатки, какъ, на примѣръ, противорѣчія между его убѣжденіями и ихъ осуществленіемъ. Дѣлая изъ человѣка безсильную игрушку, слѣпое орудіе разрушительной силы, Пшебышевскій въ то же время приговариваетъ его къ искупленію ошибокъ, въ которыхъ самъ же онъ считаетъ его виноватымъ помимо его воли. Кромѣ того, прославляя жизнь души и требуя искусства пересоздать ее въ самыхъ ея интимныхъ проявленіяхъ, онъ видитъ исключительно только жизнь инстинкта. Но нѣкоторыя изъ его поэмъ въ прозѣ, между прочимъ «Море», даютъ читателю прекрасный вопль страданія и восхитительныя видѣнія, переданныя блестящей словесной симфоніей. Въ романахъ Пшебышевскаго на многихъ страницахъ проявляются его художественныя силы. Его пьесы «Золотой кубокъ», «Снѣгъ» и «Гости» производятъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе могучей драматической конструкціей наконецъ, самъ человѣкъ со всѣми муками истерзанной души остается однимъ изъ самыхъ поражающихъ литературныхъ типовъ въ Польшѣ.

Совершенно иное представляютъ какъ личность Реймонта, такъ и его произведенія. Одаренный самопроизвольнымъ воображеніемъ, преисполненный горячаго порыва, онъ прежде всего увлеченъ, не желая въ этомъ сознаться, простой здоровой жизнью. Эта естественная склонность его таланта опредѣляетъ границы его творческаго полета. Каждый разъ, какъ этотъ писатель хочетъ ихъ переступить, онъ дѣлается ниже самого себя. И это еще при условіи привлекательности, благодаря силѣ его колорита и свѣжести тоновъ. Ему болѣе, чѣмъ какому-нибудь другому писателю, не удаются изслѣдованія механизма современной души и ея сложныхъ страданій. Тѣмъ не менѣе онъ пробуетъ здѣсь свои силы, уступая побудительному импульсу литературной среды. По счастью, вѣрное чутье приводитъ его всегда къ тому роду произведеній, гдѣ онъ лучше можетъ себя показать. Но даже здѣсь онъ не избѣгаетъ преувеличенія.

Кипящій въ немъ избытокъ жизни придаетъ его сочиненіямъ характерность и въ то же время служить для него постоянной опасностью. Влеченіе къ романтической грубости его героевъ, впрочемъ, совсѣмъ поверхностно, многіе изъ нихъ эволюціруютъ во время существованія со слишкомъ неумѣренной энергіей, что противно требованіямъ мѣры, какъ, на примѣръ, въ «Комедіанткѣ», «Обѣтованной землѣ». Но всѣ эти недостатки, однако, исчезаютъ въ «Крестьянахъ»—его образцовомъ произведеніи, гдѣ красота, пластичность, уравновѣшенность подробностей, сосредоточеніе силы въ картинѣ страстей—все дѣлаетъ

изъ четырехъ книгъ этой эпопеи земли самое замѣчательное произведеніе современной польской литературы.

Особое мѣсто отводитъ г-жа Раковская писателю Сѣрошевскому — художнику сибирской тайги и тюремныхъ пытокъ. Четырнадцатилѣтнее пребываніе Сѣрошевскаго въ землѣ изгнанія познакомило его съ безпомощнымъ отчаяніемъ, съ ужасами и жестокостями этого существованія, не поколебавъ, однако, его стоическаго оптимизма, который вооружалъ его устойчивостью въ самыхъ жестокихъ испытаніяхъ. Борець съ высокімъ идеаломъ справедливости, вѣрящій при самомъ сильномъ противодѣйствіи въ осуществленіе будущаго соединяется въ Сѣрошевскомъ съ художникомъ, рисующимъ картины чистой художественной красоты. Никто до него не сумѣлъ, говоритъ г-жа Раковская, съ такимъ мастерствомъ представить вызывающіе тоску по родинѣ сибирскіе пейзажи и показать такимъ привлекательнымъ образомъ полярную природу, суровую какъ относительно человѣка, такъ и относительно его трудовъ. Чудесныя описательныя свойства Сѣрошевскаго, придающія его книгамъ особую привлекательность, обезпечиваютъ имъ долгое существованіе. Кромѣ того, онѣ глубоко волнуютъ сердце читателя тѣмъ горячимъ потокомъ человѣколюбія, какой пробѣгаетъ на каждой страницѣ.

Упомянутые авторы уже прославились за границей своей родины, и г-жа Раковская знакомитъ иностранцевъ съ именами первоклассныхъ писателей, еще неизвѣстныхъ тамъ. Среди нихъ человѣческимъ сердцевѣдцемъ и душевѣдцемъ, по ея словамъ, вполне можетъ считаться Берентъ, съ своимъ романомъ «Гниль», Новашинскій, уже давно привлекающій къ себѣ своими парадоксами и сатирическимъ вдохновеніемъ памфлетиста. Его «Царь Дмитрій» капитальная вещь. Въ ней онъ съ удивительной силой внушенія создалъ атмосферу той эпохи и придалъ своимъ картинамъ чудное богатство колорита. И на этомъ фонѣ онъ выдѣлилъ персонажей этой страстной и странной драмы съ замѣчательной характеристикой русскихъ бояръ и польскихъ магнатовъ, группирующихся вокругъ центральной фигуры нервнаго, колеблющагося, нерѣшительнаго, съ внезапными порывами энергіи и неожиданнымъ уныніемъ, захваченнаго западной цивилизаціей, но по инстинкту варвара-царя Дмитрія, нарисованнаго рукою мастера.

Историческія драмы привлекаютъ къ себѣ и Грабовскаго съ его разнообразнымъ и основательнымъ талантомъ и независимаго въ литературной средѣ. Не менѣе своеобразенъ Леманскій, иронистъ подъ внѣшностью равнодушія, скрывающій интимныя движенія души, приводящій въ своихъ сказкахъ въ прозѣ и стихахъ смѣшныя и трагическія стороны, прикрывающія внѣшность людей и предметы. Коржикъ занимаетъ то же мѣсто, какъ и Леманскій, но въ его «Дитя салона», взбалмошномъ и беспорядочномъ произведеніи, которое тѣмъ не менѣе останавливаетъ на себѣ вниманіе, уже виденъ преизбытокъ лиризма.

Въ польской современной литературѣ только изрѣдка раздается смѣхъ. Молодой поэтъ Макушинскій недавно напечаталъ въ прозѣ «Веселыя вещи», которая оправдываетъ свое названіе; но и здѣсь слышится нотка скорби. Поэтъ Першинскій обладаетъ гибкимъ и красочнымъ талантомъ, который онъ беззаботно растрчиваетъ, забавляясь также осмѣиваньемъ мелочности и дурныхъ сторонъ своихъ современниковъ.

Конечно, въ этомъ краткомъ перечнѣ г-жа Раковская не приводитъ большинства польскихъ юмористовъ. Точно также она вскользь говоритъ о польскихъ писательницахъ, приведя имена лишь самыхъ первоклассныхъ какъ г-жа Налковская, обѣщая поговорить подробнѣе въ слѣдующій разъ, какъ о поэтахъ, такъ и о женщинахъ-писательницахъ. Она упоминаетъ лишь о роли Выспанскаго въ польскомъ поэтическомъ возрожденіи и Каспровича. О Выспанскомъ она распространяется очень мало, поэтому приведемъ слова Леблона. Лирикъ Выспанскій одна изъ самыхъ выразительныхъ фигуръ завоеваннаго народа. Его сценическія поэмы—само пламя и лихорадка. Въ нихъ онъ дѣлаетъ горячую сатиру на прежнее польское мышленіе: «Напрасное созерцаніе прошлаго, любовь къ пустымъ безмысленнымъ фразамъ, рутина безъ мысли, анемія воли. Въ своей драмѣ «Освобожденіе» онъ пишетъ противъ всего, что осталось высокопарнаго въ соціальной жизни новой Польши: протагонистомъ этого явился Конрадъ Мицкевичъ, подъ новой формой воскресшій для освобожденія націи, чтобы дать ей толчокъ къ дѣятельности проклятіемъ: «Прочь пошла, поэзія! Ты не что иное, какъ тиранъ!»

По ея словамъ, послѣдовательный этапъ подъема Каспровича на высокія вершины поэзіи произошелъ чрезвычайно интересно. Его талантъ проявился не сразу. Эволюція формы произошла у него параллельно съ кристаллизаціей его личности. Сначала эта грубая форма оскорбляла утонченныхъ знатоковъ своей небрежностью, но мало-по-малу она сгустилась въ мощный языкъ съ грандіозными образами захватывающей гармоніи. Трагедія внутренней борьбы человѣческихъ существъ, интимной размолвки между принципомъ зла и болѣе благороднымъ полетомъ ума, между призывами инстинкта и муками внутренняго усовершенствованія выразилась въ поэмѣ Каспровича за послѣдній творческій періодъ сосредоточенною силой и религіознымъ волненіемъ, заставляющимъ думать о ветхозавѣтныхъ пророкахъ. Это поэтъ страданій: «Изъ страданій родилась любовь и плодовитость», говоритъ онъ.

Совершенно иными качествами очаровываетъ поэтъ Штаффъ, начиная съ своихъ многообильныхъ сонетовъ до поэтическихъ драмъ. Его поэмы проникновенно чаруютъ и спокойно благородны. Ихъ формы въ полномъ согласіи съ мыслью. «Жизнь не должна быть счастливая, но героическая»—вотъ выводъ его большой драмы «Панъ Твардовскій». Героизмъ, по его мнѣнію, состоитъ въ настоящее время въ трудѣ, который онъ прославляетъ въ «День души»: «Не черезъ революцію,—говоритъ онъ,—надо быть героическимъ, а черезъ ежедневное проявленіе воли; это — героизмъ стойкости, постоянства и хладнокровія, закаленныхъ въ гоненіяхъ».

Особое мѣсто г-жа Раковская отводитъ въ польскомъ литературномъ движеніи Ланжу. Это поэтъ интеллектуальнаго анализа, вѣрящій въ свои силы и вкладывающій въ свои сочиненія весь запасъ ученой техники, которую онъ скопилъ продолжительнымъ изученіемъ риэмъ и стихосложенія. Такая виртуозность часто вредитъ этому поэту, увлекая его въ поиски за новыми словами и разнообразными формами въ ущербъ силѣ эмоціи. Тѣмъ не менѣе у него есть собраніе поэмъ, гдѣ это пламя блещетъ съ силой, говоря объ одушевленіи и отчаяніи цѣлаго поколѣнія. Хотя г-жа Раковская признаетъ, что ихъ вдохнули ему Малармэ

и символисты, но добавляет: и трагическая судьба его отечества. Думаю, говорить она, что трудно найти болѣе знаменательный примѣръ постоянного возвращенія національной нотки въ польскихъ писателяхъ.

Другой поэтъ, Мицинскій, съ каждымъ новымъ произведеніемъ выказываетъ сильную художественную индивидуальность, которая завоевала ему передовое мѣсто среди молодыхъ польскихъ поэтовъ. Трудно точно опредѣлить его талантъ. До сихъ поръ онъ далъ безпорядочныя сочиненія и часто несуразныя по внезапнымъ скачкамъ его мысли, непредвидѣннымъ его бросаніямъ. Но какъ бы эти сочиненія ни были неровны, они все-таки заключаютъ поэтическія красоты, рѣдкія по сущности, которыя позволяютъ ожидать съ довѣріемъ окончательнаго развитія его таланта.

Въ польской поэзіи, живой и восхитительной по вдохновенію, есть много любопытныхъ фигуръ, какъ: Ридель съ его одушевленнымъ лиризмомъ; Тетмайръ съ его «Горными сказками», покоряющими васъ своей прелестью, Орканъ, г-жи Завитовская, Бржозовская, Марциновская и Вольская, заслуживающія большого вниманія. Но о нихъ г-жа Раковская еще будетъ говорить.

Въ заключеніе можно сказать, что Польша еще жива и будетъ жить, жить во что бы то ни стало; и для этого надо силы и здоровье. По словамъ директора краковской академіи художествъ: «Фанатическіе консерваторы польскаго патріотизма строго порицали того, кто сбросилъ древнюю каменную корону, окружавшую еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Краковъ, чтобы замѣнить этимъ поясомъ зелени, который, какъ вы видѣли, служить общественнымъ садомъ для всѣхъ городскихъ кварталовъ. Нашимъ дѣтямъ нужно жить на чистомъ воздухѣ по крайней мѣрѣ столько же, какъ и среди камней... До сихъ поръ мы дошли до такой анеміи, что хотѣли жить только среди нашего прошедшаго и дышать только запахомъ развалинъ. Да, хорошая вещь мечта! Но что мы можемъ сдѣлать безъ физической энергіи. Безъ мускульнаго авторитета нашъ патріотизмъ будетъ лишь донкихотствомъ. Мы реставрируемъ нашъ древній замокъ Вавель, но намъ надо реставрировать также нашъ собственный темпераментъ. Знаете ли, чѣмъ мы должны быть?—націей, ищущей здоровья!» Итакъ, лозунгомъ всѣхъ поляковъ служить теперь: «Здоровье, силы и богатство»!

— Фанни Эльслеръ.—27-го іюля исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія знаменитой вѣнскаго танцовщицы Фанни Эльслеръ, хорошо знакомой петербуржцамъ той эпохи, сходящимъ по ней съ ума. Пользуясь ея біографіей, недавно появившейся въ Парижѣ, Эрарда и воспоминаніями графа Прокешъ-Остена, очертимъ характеристику этой талантливой «земной»—танцовщицы въ противоположность «небесной»—Тальони. Эльслеры были уроженцы Кислингена въ Силезіи. Около половины XVIII вѣка они переехали въ Венгрію, въ Эйзенштадтъ, гдѣ находилось имѣніе графа Эстергази. Богатый магнатъ имѣлъ собственный оркестръ, которымъ дирижировалъ Гайднъ. Іосифъ Эльслеръ былъ приглашенъ княземъ Николаемъ Эстергази въ качествѣ переписчика нотъ, а также для услугъ Гайдну. Творецъ симфоній его полюбилъ и даже былъ свидѣтелемъ при заключеніи брачнаго контракта, когда въ 1776 г. Эльслеръ женился на дочери мелкаго торговца желѣзными и мѣдными товарами—Евѣ-Маріи Кестлеръ. Когда у Эльслеровъ родились дѣти, Гайднъ былъ ихъ крестнымъ отцомъ.

Второй сынъ Иосифа, отецъ Фанни, Іоганнъ, родился въ Эйзенштадтѣ 3-го мая 1796 года и былъ тоже музыкантомъ. Послѣ смерти отца онъ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ переписывалъ ноты и, въ свою очередь, былъ слугою Гайдна. Необыкновенно преданный композитору, онъ сдѣлался для него необходимымъ спутникомъ, помогая развлекать его въ часы отдыха, игралъ съ нимъ въ карты, заботился, чтобы табакерки, поднесенныя его поклонниками, были всегда набиты лучшимъ табакомъ. Біографъ Гайдна, Пооль, рассказываетъ, что Іоганнъ Эльслеръ управлялъ всѣмъ домомъ творца симфоній и оберегалъ старика. Это былъ уже не слуга, а его вѣрный другъ, старавшійся скрасить послѣдніе дни его жизни и насколько можно продолжить ихъ. 22-го января 1800 года Іоганнъ женился на вѣнской вышивальщицѣ, красавицѣ Терезѣ, «Schoene Resl», дочери обжигателя гипса Іоганна Принстера. Онъ уроженецъ Мерана въ Тиролѣ и въ Вѣну пріѣхалъ въ 1769 году. Почти художественно исполняя свои работы, Іоганнъ посвящалъ свободное время музыкѣ. Два его сына, Оттонъ и Михель, унаслѣдовали его страсть къ музыкѣ и сдѣлались замѣчательными валторнистами въ оркестрѣ Эстергази. Отъ брака Іоганна съ Терезой родилось шестеро дѣтей. Двухъ первенцевъ крестилъ самъ Гайднъ, а воспріемницей остальныхъ была его компаньонка, Анна Кремницеръ. Старшій сынъ, Іосифъ, родившійся въ 1800 году, двадцати трехъ лѣтъ вступилъ въ орденъ францисканцевъ; второй, Іоганнъ, будущій теноръ, благодаря поддержкѣ своего знаменитаго крестнаго, получилъ музыкальное образованіе и пѣлъ на многихъ нѣмецкихъ сценахъ. Потомъ онъ поселился въ Берлинѣ въ качествѣ профессора пѣнія и сдѣлался главою хора королевской оперы. Берліозъ отзывался о немъ очень хвалебно и когда Эльслеръ захворалъ, то онъ очутился въ затруднительномъ положеніи съ своей оперой «Гибель Фауста». Третьимъ ребенкомъ была Анна, короткое время исполнявшая мимическія роли на сценѣ Каегнтһнер-Тһог. Послѣ четвертаго ребенка, жившаго недолго, родились двѣ знаменитости: Тереза, 5-го апрѣля 1808 года, и Франциска, будущая Фанни, 23-го іюня 1810 года. Такова родословная знаменитой танцовщицы, подтверждающая, что Фанни вышла изъ народа и была чистокровная австриячка, хотя объ ея происхожденіи сочинялись легенды, когда она стала знаменитостью. Ея австрійское, а не прусское происхожденіе сказывалось во всей ея особѣ, въ ея полныхъ гармоніи и изящества линіяхъ тѣла, легкой походкѣ и тонкомъ овалѣ лица. Вообще мужественная красота Іоганна-Флоріана Эльслеръ и обворожительная миловидность Терезы Принстеръ гармонично соединялись въ Фанни, и все это было приправлено вѣнскимъ доскомъ. «Это Венера, вышедшая изъ воды», отзывалась о ней Рахель Фарнгагенъ, когда впервые увидѣла ее въ театрѣ. Сторонникъ Маріи Тальони, соотечественникъ Фанни Эльслеръ, поэтъ Грильпарцеръ, находилъ, что Фанни не хватало чего-то эфирнаго, воздушнаго. «Это танцуетъ тѣло, полное желаній, вмѣсто души съ ея страстями», говорилъ онъ. Впрочемъ, онъ находилъ у нея много хорошихъ качествъ, но въ ея ногахъ было, по его мнѣнію, болѣе силы, чѣмъ эластичности; ея руки и кисти рукъ часто были—сама грація, но бюсту не хватало гибкости. Въ общемъ у нея было тяготѣніе къ порывистости. «Ничто, закончиваетъ онъ, быть можетъ, не доказываетъ заката прекраснаго искусства танцевъ въ Парижѣ, какъ громадный успѣхъ моихъ соотечественницъ».

Народная среда, изъ которой вышла Фанни, вся была пропитана любовью къ искусству, поэтому если она сдѣлалась танцовщицей, то не по расчету родителей, а по призванію, по атаквистическому импульсу, благодаря воздуху, которымъ она дышала съ пеленокъ. Ея кровь пропиталась музыкой Гайдна. Съ юности ребенокъ регулировалъ свои па подѣ красивые кадансы Гайдна, и это искусство перекладывать звуки въ па и въ пластическія формы восхищало впоследствии Рахель Фарнгагенъ. Фанни она противопоставляла Марію Тальони, упрекая послѣднюю въ томъ, что она танцевала «около музыки», тогда какъ у Фанни всѣ члены, каждый нервъ и каждая клѣточка были проникнуты музыкой. При этомъ Фанни выросла не въ средѣ бродячихъ артистовъ, а привыкла въ домѣ родителей къ порядку и тщательному туалету.

Фанни дебютировала шести лѣтъ и поразила завѣдывающаго кордебалетомъ Омера, строго придерживавшагося классическихъ танцевъ. Онъ занялся развитіемъ ея таланта, и она рисковала впасть въ крайность классической системы, склониться къ холодности въ поискахъ за правильностью и убить дисциплиной природный порывъ. Но судьба судила вырвать Фанни изъ-подъ гнета Омера. Извѣстный импрессарио Барбажа, прежній ресторанный лакей, впоследствии директоръ театра Санъ-Карло, явившись въ Вѣну съ итальянской труппой, увидѣлъ двѣнадцатилѣтнюю Фанни и пришелъ въ восторгъ. Когда въ 1842 году послѣдній уѣзжалъ въ Неаполь, то добился разрѣшенія увезти ее съ собою для окончанія ея артистическаго образованія.

Итальянская виртуозность, видѣнная Фанни въ Scala или Неаполь, принудила ее распространиться съ классической пластикой, на которой ее воспиталъ Омеръ. Она поняла, что красота ея искусства не въ холодной ученой пластикѣ, а въ эстетической передачѣ человѣческихъ эмоцій, и главное въ выраженіе силы, которая руководитъ всѣмъ міромъ, — любви, желаній. Она осталась женщиной, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться куклой, образцовымъ механизмомъ. Ея удачный дебютъ въ Неаполь придалъ ей смѣлости въ передачѣ живой страсти присоединеніемъ къ танцамъ краснорѣчивыхъ жестовъ и мимики. Хотя Италия была для Фанни Эльслеръ школой истины и чувственности, но она не совсѣмъ забыла и своего перваго учителя. Истина не заставила ее отказаться отъ стиля: ея тонкій вкусъ австріячки вмѣстѣ съ французскимъ воспитаніемъ предохранили ее отъ грубостей реализма, и ея танцы были классическаго жанра, съ гармоническимъ выраженіемъ живой красоты.

Вообще вѣнцы всегда были любителями танцевъ и музыки, но съ 1815 года Вѣна особенно упивалась ими. «Le Congrès danse bien, mais il ne marche pas», какъ выразился князь де-Линъ про вѣнскій конгрессъ. Какъ для высшаго общества, такъ и для народа главнымъ развлеченіемъ были музыка и танцы, и Вѣна была окутана какъ бы атмосферой гармоніи. Два главные театра—Koeniglich-kaiserliches Hoftheater nächst dem Kärnthner-Thor и Koeniglich-kaiserlich privilegiertes Theater an der Wien предоставляли балету большое мѣсто. Но сценой Kärnthner-Thor овладѣли иностранки, «божественная» Виготтини, за которой ухаживали сильные міра и дипломаты, а также Вигано. Когда въ 1827 году Фанни возвратилась въ Вѣну, то не могла сразу отвоевать себѣ почетное мѣсто и ей пришлось отправиться за славой въ Берлинъ въ надеждѣ, что тамъ оцѣнятъ

ея талантъ и труды. Само по себѣ пребываніе на берлинской сценѣ ничего не могло внести для окончательнаго художественнаго воспитанія Фанни: берлинской школы танцевъ не существовало, а театральная критика была не способна оцѣнить ея талантъ. Оставалось одно утѣшеніе—королевскій дворъ, мнѣніе котораго хотя не имѣло большого значенія, но похвала изъ устъ короля, поднесенный имъ подарокъ выдвигали артиста въ ряды знаменитостей. Тамъ была также опера, изъ которой Спонтини сдѣлалъ первоклассное музыкальное учрежденіе. Для молодыхъ артистовъ приглашеніе въ этотъ театръ было вступленіемъ въ знаменитости, а представленія, дававшіяся тамъ, были событіями и вѣсть о нихъ газеты разносили далеко. Корреспонденціи изъ Берлина, наполнявшія театральныя хроники вѣнскихъ газетъ, разнесли бы вѣсть объ ея успѣхѣхъ по всей Вѣнѣ. Но какъ ни полезна для Фанни была эта поѣздка, она ее отложила: въ ея жизнь вмѣшался романическій эпизодъ, надъ которымъ многіе призадумывались. Зимой 1829 года Фанни познакомилась съ шестидесятипятилѣтнимъ публицистомъ и политическимъ дѣятелемъ Фридрихомъ фонъ-Генцомъ, человѣкомъ яснаго ума, но питавшимъ страсть къ картамъ, женщинамъ и всѣмъ утонченно-чувственнымъ наслажденіямъ. Проводя ночи въ игорныхъ домахъ, онъ возвращался оттуда разбитый отъ волненія и раздраженный проигрышемъ и все время упрекалъ себя, чтобы на другой день вернуться къ прежнему образу жизни. Въ молодости послѣ одной идилліи онъ сдѣлался женихомъ молодой дѣвушки, но она во время разошлась съ нимъ, и какъ бы въ доказательство, что его невѣста вполне умно поступила, Генцъ окунулся съ головой въ невообразимыя оргіи. По происхожденію пруссакъ, онъ занималъ съ виду не столь значительное мѣсто, чѣмъ это было на дѣлѣ. Посѣщая аристократическіе дома, Генцъ былъ въ то же время завсегдатаемъ веселящагося Берлина. Порхая, какъ мотылекъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, онъ переходилъ отъ одной женщины къ другой; а иногда имѣлъ ихъ нѣскольکو. Генцъ находился въ интимной связи съ красавицей-актрисой Христиной Эйгензатцъ, которая, однако, не могла привязать къ себѣ настолько, чтобы отнять у другой любовницы Маріанны Эйбенбергъ. Въ этотъ періодъ его безпорядочной жизни въ Берлинѣ ему опять пришла мысль жениться. Его жена поздно поняла свою ошибку, развелась съ нимъ и вскорѣ умерла. Свои связи онъ обставлялъ роскошно и, получая 2000—3000 талеровъ, тратилъ 300—400 талеровъ только на ужинъ, который предлагалъ женщинамъ. Генцъ сдѣлался легендарнымъ и выведенъ въ романѣ Виллибалда, который представилъ его постояннымъ посѣтителемъ веселыхъ домовъ.

Когда въ 1802 году Генцъ отправился въ Вѣну въ качествѣ имперскаго совѣтника для публицистической дѣятельности, давшей ему важное политическое значеніе, онъ ничуть не измѣнилъ эпикурейскаго образа жизни: онъ поселился въ Кольмаргетъ, оставивъ пышно и роскошно свою квартиру. Впослѣдствіи Генцъ купилъ дачу, украсилъ ее съ большою роскошью, завелъ садовника и выписалъ рѣдкіе цвѣты, чтобы зимою подносить ихъ своимъ любовницамъ. Въ своей автобіографіи поэтъ Грильпарцеръ рассказываетъ, въ какой обстановкѣ онъ нашелъ этого Донъ-Жуана, когда посѣтилъ его по дѣлу. Въ пріемной полъ былъ покрытъ стеганнымъ ковромъ, и посѣтителѣ вязли въ немъ, какъ въ болотѣ, испытывая нѣчто вродѣ морской болѣзни. На всѣхъ столахъ и ко-

модахъ находилось варенье въ компотницахъ, чтобы этотъ сибаритъ, когда захочетъ, могъ бы удовлетворить свой аппетитъ къ лакомству. Самъ онъ возлежалъ въ сѣромъ шелковомъ халатѣ на бѣлоснѣжной постели и всѣ услуги исполнялись механически. Въ выборѣ женщинъ Генцъ не стѣснялся, и красавицу Эйгензатцъ замѣнила женщина, мало привлекательная, изъ необразованнаго класса; отъ него у нея былъ ребенокъ, о которомъ онъ заботился, и когда женился, то не прекращалъ выдавать ей пенсію. При своей безпорядочной жизни Донъ-Жуана, онъ въ сердцѣ сохранилъ благородныя мысли. Въ молодости, посѣтивъ Веймаръ, ухаживалъ за нѣкоей г-жей Имхофъ, отвергшей его любовь, но, несмотря на это, онъ питалъ къ ней теплое чувство. Онъ не зналъ преградъ и, ухаживая за дамами полусвѣта, забрасывалъ свои сѣти и на дамъ высшаго общества, между прочимъ, на княгиню Долгорукую. Тактичный Генцъ, ухаживая за ними, велъ иную тактику и писалъ имъ настолько осторожныя признанія въ любви, что при отпорѣ со стороны женщины онъ оставался въ лучшихъ съ нею отношеніяхъ. Пятидесяти трехъ лѣтъ онъ велъ такую же жизнь, какъ въ молодости, и его журналъ переполненъ записями любовныхъ свиданій съ пятью различными дамами. Поддерживать такую жизнь нельзя было безъ денегъ, и Генцъ безъ устали работалъ. Жалованіе не могло дать ему большихъ средствъ, и всѣ его траты оплачивалъ литературный трудъ. Политическія статьи Генца открыли ему двери посольствъ и сблизили его съ посланниками. Посвященный въ тайны европейской политики, онъ умѣло распутывалъ интриги кабинетовъ, зналъ, какія надо было посовѣтовать мѣры, предвидѣлъ ихъ послѣдствія, давалъ свѣдѣнія и потому своими услугами приносилъ правительствамъ пользу. Такія услуги онъ оказывалъ Англій и велъ дѣятельную переписку съ ея государственными дѣятелями, сообщая имъ все, что дѣлается на континентѣ, и высказывая свои взгляды на французскую революцію, а затѣмъ Наполеона. Англичанѣ высоко цѣнили эти сообщенія и совѣты и хорошо ему за нихъ платили, на примѣръ, въ записной книжкѣ Генца была занесена сумма въ 1500 фунтовъ стерлинговъ, посланныхъ лордомъ Гренвилемъ. Пребываніе его въ Вѣнѣ и ежедневныя свиданія съ политическими дѣятелями еще болѣе дѣлали цѣнными эти доклады. Продолжая печатать мемуары за мемуарами за счетъ австрійскаго правительства и давая статьи въ офиціальн. органъ «Oesterreichischer Beobachter», онъ не прекращалъ своей дѣятельности въ Лондонѣ, къ крайнему раздраженію Наполеона, признававшаго въ немъ самаго опаснаго противника. Блокада континента поставила его въ непріятное положеніе: субсидіи изъ Англій пересылались съ затрудненіями и приходили неправильно. Генцу было необходимо сократить расходы, а послѣ 1810 г. этотъ источникъ дохода совсѣмъ изсякъ. Его спасъ господарь Валахіи, Караджа, нуждавшійся въ корреспондентѣ, посвященномъ въ тайны политики. Новыя золотыя россыпи открылись для Генца: господарь платилъ ему 6,000 дукатовъ въ годъ, а были года, когда въ знакъ благодарности за какую-то услугу онъ получилъ сверхъ опредѣленной суммы еще 20,000 дукатовъ.

Но этихъ денегъ не хватало для этой пропасти, становившейся все глубже и глубже, благодаря расточительности Генца. Мемуары, написанные имъ въ

1811 г. по случаю реформы австрийских финансов, вызвали благодарность къ нему многих крупных банковых учреждений. Послѣ его смерти Ротшильдъ сказалъ: «Это былъ другъ. Никогда я не найду другого подобнаго ему. Онъ мнѣ стоилъ крупныхъ суммъ: не повѣрять, во что онъ мнѣ обходился; стоило ему написать на записочкѣ, чего онъ хочетъ, и онъ немедленно получалъ; но съ тѣхъ поръ, какъ его не стало, я чувствую, какъ онъ необходимъ мнѣ, и я охотно далъ бы втрое больше, чѣмъ тратилъ, если бы могъ вернуть его къ жизни». Наполеонъ, ненавидѣвшій его, въ концѣ своей жизни рѣшилъ платить ему 8,000 флориновъ. Но всѣ получаемыя Генцемъ деньги моментально таяли и, когда онъ умеръ, его ящики оказались пусты. Этого защитника реакціонной политики, хотя и обвиняли въ торговлѣ перомъ, но ни короли, ни министры въ немъ не сомнѣвались. Онъ участвовалъ на всѣхъ конгрессахъ, а на Вѣнскомъ игралъ особенно выдающуюся роль.

Бурно проведенная жизнь отразилась на его внѣшности и, по описанію барона Андлэ, видѣвшаго его въ 1823 г., онъ сгорбился, его походка была нерѣшительная, колеблющаяся, его голову прикрывалъ рыжій парикъ, и одѣвался онъ не по модѣ. Выраженіе лица Генца хотя было умное, но во взглядѣ не хватало твердости. Однако его глаза пылали пламенемъ, оживляя все лицо, и оно, если бы не толстый подбородокъ и нижняя челюсть, сохранило бы изящество и привлекательность. Въ 1829 г. Генцъ вернулся съ Гаптейнскихъ водъ, помолодѣвъ, и чувствовалъ по возвращеніи въ Вѣну, что еще можетъ сдѣлать новыя завоеванія. Въ то время онъ познакомился съ Фанни Эльслеръ и сдѣлался любовникомъ этой девятнадцатилѣтней красавицы.

Въ чемъ же тайна сближенія стараго, потрепаннаго, развратника и молодой, свѣжей блестящей красавицы, сближенія, длившагося не одинъ годъ непрерывно?

Знакомства съ Фанни Генцъ не искалъ; встрѣтился онъ съ нею случайно въ 1829 г. Когда же оно состоялось, то онъ старался всѣми силами разжигать свою любовь къ ней. Онъ дошелъ до того, что впалъ въ мистицизмъ, считалъ эту связь сверхъестественной и говорилъ: «Она безъ всякаго усилія, даже не желая, заключила меня въ настоящую магическую сѣть. Однако ея красоты недостаточно для объясненія пожара, который она зажгла во мнѣ. Здѣсь кроется какая-то тайна, происходитъ что-то сверхъестественное: это Богъ насъ сближилъ, и Онъ одинъ насъ разъединитъ!» Опытный ловеласъ, смѣло говорившій не только съ женщинами, но и съ высочайшими особами, къ своему кумиру обращался робко, какъ школьникъ. Когда онъ отважился пуститься въ эту любовную авантюру, и соблазнявшую и пугавшую, его пробирала дрожь. Видя, что письма и подношенія принимаются благосклонно, у Генца блеснула надежда. Съ мая мѣсяца онъ видѣлся съ Фанни ежедневно, и ихъ сближеніе становилось все тѣснѣе. 2-го мая въ своемъ письмѣ онъ говорилъ ей «вы», а 29-го іюня «ты». Они не только ежедневно видѣлись, но и переписывались; то онъ благодарилъ ее за испытанное опьянѣніе, то Фанни писала ему. Онъ уже былъ увѣренъ въ ея любви и, несмотря на свой возрастъ, говорилъ ей: «Осмѣливаюсь думать, что и меня также ничто не вырветъ изъ твоего сердца и если простымъ пожатіемъ руки ты подтвердишь, что я не ошибся, мнѣ ничего

не остается желать по случаю праздника 23-го июня послѣ счастья, какое у меня было вчера».

Вскорѣ вся Вѣна узнала объ ихъ связи, но ни одной насмѣшки, ни порицанія не раздалось. Генцу хотѣлось знать, какъ на нее взглянуть друзья, и въ наперсники онъ выбралъ Прокешъ-Остена, какъ наиболѣе чуткаго, преданнаго и прямого человѣка. Все-таки опасаясь насмѣшки, онъ признавался въ своей любви съ шутливой улыбкой. Второе лицо, кому онъ разсказалъ о своей любви, была графиня Фуксъ, въ свое время устоявшая противъ его ухаживаній и сдѣлавшаяся его вѣрнымъ другомъ. Ей тоже онъ не хотѣлъ выдать тайны, какъ серьезно онъ увлеченъ Фанни, а потому сталъ себя вышучивать и прибавилъ, что не изъ фатовства влюбился, а чтобы «продолжить иллюзію юныхъ дней».

Въ первое время ни на минуту въ немъ не пробуждалось чувство ревности или недовѣрія къ Фанни. Его прежняя робость замѣнилась яснымъ спокойствіемъ, увѣренностью, что онъ вполне ею обладаетъ. И это не было фатовствомъ, а, по его признанію, онъ ясно все видѣлъ въ сердцѣ Фанни и зналъ, насколько она была безпорочна и не двойственна. «Одно положительно, — писалъ онъ: — что въ моментъ, когда я тебя вчера покинулъ, во мнѣ проснулось чувство такого мира, какъ я давно не знавалъ, и это чувство перешло изъ твоей спокойной души въ мою. Я такъ сладко спалъ, какъ будто долженъ проснуться въ раю».

Въ іюль Генцу предстояло надолго расстаться съ Фанни и провести конецъ лѣта съ Меттернихомъ въ его имѣніи Кенигсвартъ. Этотъ отъѣздъ пробудилъ въ немъ противоположныя чувства: его сердце скорбѣло отъ разлуки съ Фанни; умъ же, наоборотъ, ясно понималъ, что постоянная съ нею близость все болѣе разрастается и страсть грозитъ совершенно его поглотить. «Быть можетъ, — думалъ онъ, — за эти нѣсколько недѣль его закружившаяся голова придетъ въ себя и это безуміе, ступшевавшее всѣ другія мысли, пройдетъ. Быть можетъ, вдали отъ чаръ, околдовавшихъ его, онъ придетъ въ себя».

Впрочемъ, совершенно отъ нихъ освободиться Генцъ не желалъ: они были ему пріятны, онъ хотѣлъ только уменьшить сжигающую его лихорадку. «Даже если мнѣ удастся умѣрить мои чувства, — писалъ онъ графинѣ Фуксъ: — ихъ останется достаточно до конца моихъ дней». Но голосъ страсти заглушалъ всѣ разсужденія разсудка и чѣмъ болѣе приближался день разлуки, тѣмъ сильнѣе овладѣвала Генцемъ тоска. Напрасно Фанни удваивала къ нему свою нѣжность, его сердце сжималось отъ боли. Наконецъ ей удалось его немного успокоить, и въ день разлуки онъ сдержалъ рыданія.

Амуръ, какъ игрушкой, шаловливо игралъ прежнимъ Донъ-Жуаномъ и практичнымъ политикомъ: трудно было вѣрить, что сдѣлала съ нимъ любовь. Ставъ заклятымъ врагомъ либерализма, Генцъ прежде боялся дотронуться до сочиненій Гейне. Теперь же онъ упивался его «Reisebilder» и «Buch der Lieder» и только просилъ Фанни прятать ихъ отъ постороннихъ глазъ. Противъ чего онъ такъ упорно, такъ долго боролся — ненавистная революція, и о ней онъ забывъ. Когда пришло извѣстіе въ Кенигсвартъ, что она вспыхнула въ Парижѣ, поднявшее на ноги Меттерниха и всѣхъ его гостей, Генцъ весело улыбался счастливой улыбкою: въ это время онъ получилъ отъ Фанни цвѣты и стихи, и шестиде-

сятипятилѣтній политикъ, забывъ обо всемъ на свѣтѣ, и о Наполеонѣ и о республикѣ, чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ.

По возвращеніи Генца въ Вѣну новая разлука грозила влюбленнымъ: 30-го сентября Фанни собралась въ Берлинъ съ сестрою Терезой, величественной красавицей, которую одинъ критикъ сравнивалъ съ готическимъ соборомъ, пустившимся въ плясъ, хотя обладавшей необыкновенно музыкальнымъ слухомъ. Впослѣдствіи Генцъ признавался, что удивляется, какъ онъ могъ рѣшиться ее отпустить. Но имъ руководило благородное чувство не портить карьеры Фанни, не имѣя возможности блестяще обезпечить ея будущности. Успѣхъ Фанни былъ громадный, но онъ для нея въ сущности имѣлъ значеніе какъ способъ выдвинуться изъ родинѣ. Берлинцы даже не разобрали разницы личныхъ талантовъ обѣихъ сестеръ и поставили ихъ на одну доску. Только Рахель Фарнгагенъ, хозяйка прославившагося въ Берлинѣ салона, другъ Генца, поняла всѣ тонкости и оттѣнки въ танцахъ Фанни и расхвалила ее сначала за красоту, а затѣмъ прибавила: «Это само совершенство, она не переступаетъ своихъ средствъ, у нея итальянская система, благоразумно примѣненная. Старшей сестрѣ тоже много апплодировали и совершенно справедливо. Это прекрасное созданіе: богиня побѣды, амазонка, Минерва, Муза, дочь короля, она естественно представляетъ все, что есть благороднаго. Тереза была рождена для благородныхъ академическихъ, величественныхъ танцевъ; грація ей была не присуща, ей приходилось за собою наблюдать, чтобы не быть слишкомъ величественной. У Фанни, напротивъ, все было непринужденно, менѣе олимпійское, болѣе человѣческое».

Берлинскій успѣхъ не очень помогъ Фанни для побѣды надъ вѣнцами. У нея были поклонники, но во всѣхъ странахъ держатся одного правила: нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ,—и большинство вѣнцевъ преклонялось предъ полькою Шланзовской, французенкой Мими Дюпой и итальянкой Муратори. Однако двумѣсячное участіе въ берлинской королевской оперѣ тѣмъ принесло Фанни пользу, что привлекло вниманіе директоровъ другихъ театровъ и заставило ее за этотъ періодъ безъ усталы работать надъ техникой танцевъ, ежедневно повторяя всѣ упражненія для развитія гибкости и устойчивости ногъ. Поэтому она предстала предъ вѣнцами во всеоружіи балетной техники, но, по сомнительному свидѣтельству француза Руайе, большого успѣха не добила, и обѣ сестры возвращались вечеромъ послѣ спектакля въ свою скромную квартиру по снѣгу пѣшкомъ.

Ея затянувшееся пребываніе въ Берлинѣ нѣсколько встревожило Генца, отпустившаго туда Фанни довольно спокойно. На вопросъ Рахель Вольфгангъ, не боится ли онъ, что Фанни сдастся на блестящія предложенія, онъ отвѣчалъ, что это ему приходило въ голову, но ихъ отношенія таковы, что онъ увѣренъ въ ея возвращеніи. Если изъ Берлина послѣдуютъ блестящія предложенія, то онъ первый уговорить ее принять ихъ.

Любовь все болѣе овладѣвала прежнимъ Донъ-Жуаномъ, и, казалось, сердце, малю принимавшее участія въ прежнихъ любовныхъ приключеніяхъ, хотѣло теперь истребить весь сохранившійся пламень. Въ своемъ дневникѣ онъ между прочимъ написалъ: «Иногда я воображалъ, что былъ бы счастливѣе, если бы менѣе ее любилъ. Спокойнѣе, быть можетъ. Но возможно ли остановить потокъ и по-

мѣшать ему унести своимъ теченіемъ виноградники и ограды? Можешь ли ты помѣшать вырвавшемуся на свободу пламени поглотить твою старую лачугу. Дѣятельность и спокойствіе, удовольствіе и трудъ безъ нея не имѣютъ болѣе для меня смысла; сама свобода (такъ какъ я закованъ, хотя и цѣпями изъ розъ) для меня была бы тяжестью, если бы я прожилъ остатокъ моихъ дней безъ нея. Никогда въ самыя горестныя трагическія минуты не надо думать, что возвращеніе ясныхъ часовъ—невозможно. Когда сильное страданіе души мракомъ заволакиваетъ все вокругъ насъ, когда гаснетъ послѣдній лучъ надежды и радости, какую Небо можетъ послать, никто не долженъ думать, что сами вѣчныя звѣзды угасли. Онѣ продолжаютъ блестять за облаками. Всѣ страданія не что иное, какъ туча: они разойдутся и разсѣются.

Болѣе того, Генцъ относился къ своей любви съ чувствомъ какой-то святости; онъ даже хотѣлъ вѣнчаться съ Фанни, но разница религій явилась прѣпятствіемъ къ осуществленію этого плана. Онъ былъ протестантъ, она—католичка. Дворъ смотрѣлъ на свободныя связи снисходительно, но смѣшенія религій не прощаль. Самъ же Генцъ, несмотря на старанія своего мистическаго друга Адама Мюллера, несмотря на тайныя симпатіи къ католичеству, никогда не соглашался перемѣнить религію. И это ему помѣшало занять высокій государственный постъ. Но теперь любовь къ Фанни сдѣлала то, на что его практической умъ не рѣшался. Онъ отыскалъ фразу у г-жи Сталь въ ея книгѣ о Германіи: «Мѣнять религію изъ любви значить ее профанировать, но христіанство настолько религія сердца, что стоитъ любить преданно и чисто, чтобы уже перемѣнить вѣру. «Генцъ послалъ г-жѣ Фуксъ эту выдержку, спрашивая ея совѣта. Но хотя мысль о перемѣнѣ религіи внутреннимъ способомъ чрезъ любовь ему нравилась, онъ все-таки хотѣлъ официально, публично перейти въ католичество. Его удержали отъ брака интересы Фанни. Предъ нею открывалась блестящая карьера и отвлечь ее отъ нея онъ рѣшился бы при условіи, что обезпечить ее по крайней мѣрѣ полумилліономъ. Но у него были одни только долги. Однажды онъ говорилъ, довольно загадочно, что заключилъ съ Ротшильдомъ какое-то дѣло въ пользу Фанни, но этого было недостаточно, чтобы вознаградить ее за потерянную свободу.

Уже послѣ первой поѣздки въ Берлинъ въ душѣ Генца проснулось сознаніе той пропасти, какая раздѣляла его съ Фанни. Когда же она, недовольная своимъ успѣхомъ въ Вѣнѣ, вторично отправилась въ Берлинъ, Генцъ рискнулъ заглянуть въ эту пропасть—и его опьянѣніе стало разсѣиваться; онъ понялъ, что было въ этой любви искусственнаго и парадоксальнаго, а начинающія ослабѣвать его физическія силы помогли ему освободиться отъ цѣпей изъ розъ. Онъ уже чувствовалъ на себѣ леденѣющую руку смерти, и, когда Фанни вернулась, онъ погасилъ въ себѣ послѣднее пламя пожара. Предъ смертью, какъ рассказывалъ Прокешъ-Остену Меттернихъ, Генцъ сказалъ своему другу, графу Мюнху: «Дорогое дитя всѣми силами старается для меня: она силится меня омолодить, но все бесполезно; здѣсь (онъ показалъ на сердце) ея образъ угасъ». Фанни все-таки до послѣдняго дня жизни Генца окружала его своей нѣжностью, и Шатобріанъ, рассказывая объ его послѣднихъ минутахъ, говорилъ, что Генцъ тихо умеръ подъ звуки голоса, который заставилъ его забыть время.

Конечно, не пылкая страсть Генца заставляла призадуматься современников над их связью, а любовь Фанни, къ ногамъ которой готовъ былъ принести и молодость и богатство не одинъ знатный красавецъ. Многія лица свидѣтельствовали, что расположеніе Фанни къ Генцу было искреннее. Рахель Фарнгагенъ увѣряла Генца, что Фанни его обожала. Поэтесса Вети Паоли, близкій другъ Фанни наклонъ ся дней, говорить: «Не надо терять изъ вида, что Фанни не обладала страстной натурой, или, лучше выразиться, страсть, неразлучная съ талантомъ у лучшихъ артистовъ, выразилась у нея исключительно въ области искусства. Всякое порывистое, бурное впечатлѣніе ее возмущало. Не только движенія ея членовъ, но и внутренняя жизнь повиновалась у нея закону мѣры и красоты. Эта особенность ея темперамента казалась Бетѣ Паоли существенной причиной, почему связь, которая быстро утомила бы другую женщину ея лѣтъ и въ ея положеніи, ее вполне удовлетворяла. «Помоему, въ этой любви,—говорила она,—значительная доля выпадаетъ на признательность. До тѣхъ поръ ею только восторгались, ухаживали за нею и желали ея; честь оказывали таланту ея и красотѣ, а никто не позаботился объ ея достоинствѣ человеческого существа. Кому бы пришла мысль возвысить уровень ея ума и обогатить его. Ея связь съ Генцемъ открыла для нея область ума, до тѣхъ поръ ей неизвѣстную, и она съ радостью ухватилась за эту новую область культуры. Въ этой связи она нашла счастье и удовлетвореніе».

Однако свѣтъ не могъ успокоиться на этомъ выводѣ и допустить, что у престарѣлаго Донъ-Жуана не было соперниковъ, и сочинилъ легенду о герцогѣ Рейхштадтскомъ на другой день послѣ его смерти. Она такъ укоренилась, что когда Фанни въ 1834 году пріѣхала въ Парижъ, бонапартисты устроили ей манифестацію и по этимъ даннымъ сначала Дюма часть своего романа «*Les mâtchans de Paris*» посвятилъ этой легендѣ, а затѣмъ Ростанъ написалъ своего «*Aiglon*». Дѣйствительно, Меттернихъ прибѣгалъ къ помощи женщинъ, чтобы заглушить въ герцогѣ Рейхштадтскомъ опасныя мечты, и графъ Нипергъ тщетно старался сблизить его съ актрисой Гофбургъ-театра г-жею Пешъ, но никогда никто не думалъ на эту роль избрать Фанни Эльслеръ. Она сама это отрицала. Она не обманывала Генца ни для герцога Рейхштадтскаго, ни для кого другого. Легенда же сложилась, какъ рассказываетъ въ «*Mein Verhältniss zum Herzog von Reichstadt*» Протешъ-Остенъ; близко стоявшій къ Генцу и къ герцогу, слѣдующимъ образомъ: «Постороннія лица видѣли, какъ скороходъ герцога часто входилъ въ домъ, гдѣ жила Фанни. Между тѣмъ онъ приходилъ къ Прокешу, который вмѣстѣ съ Генцемъ устроили себѣ въ этомъ домѣ читальный залъ и рабочій кабинетъ; Фанни же даже ни разу не разговаривала съ герцогомъ. Душа и мысли герцога были заняты совсѣмъ другимъ, оставляя прекрасному полу очень мало мѣста и то лишь для бѣлаго впечатлѣнія. Память о Генцѣ Фанни свято хранила до послѣдней минуты своей жизни и часто вспоминала «своего добраго друга».

Смерть Генца открыла ей болѣе широкій путь къ успѣху. Мысль отправиться въ другія страны, какъ это дѣлала Тальони и другія знаменитости, не разъ овладѣвала Фанни, но огорчить Генца она не хотѣла. Лишившись же за разъ двухъ дорогихъ для него существъ: Генца—9 іюня 1832 г., а мать—

28 августа, Фанни распростилась съ вѣнцами въ концѣ года и отправилась съ сестрой въ Берлинъ. Но она вскорѣ должна была прекратить представленія: природа взяла свое, и молодая, здоровая натура Фанни, сдерживавшая свою страсть, пока живъ былъ Генцъ, теперь не устояла предъ искушеніемъ и сблизилась съ Штурмюллеромъ, танцовщикомъ королевской оперы. Послѣдствіе этой связи, выразившееся обыкновенно у Тальони «болѣзнью колѣна», заставило Фанни прекратить на время упражненія въ танцахъ. Ей удалось счастливо избѣгать скандальной огласки только благодаря приглашенію въ лондонскій Ковенгарденскій театр. 15 февраля состоялось прощальное представленіе, и она не торопясь отправилась въ Англію, останавливаясь въ Веймарѣ и Дюссельдорфѣ. Три мѣсяца спустя въ Лондонѣ она разрѣшилась отъ бремени дѣвочкой, которую какъ бы удочерили супруги-филантропы Гротъ. Она жила у нихъ, пока Фанни не покинула сцены и не отдалась вполнѣ своей дочери.

Лондонъ еще менѣе Берлина могъ служить для усовершенствованія талантовъ; англичане рукоплескали одинаково какъ ей, такъ и дрессированному слону. Она начала даже вздыхать по Берлинѣ, когда внезапно въ Лондонѣ появился директоръ парижской оперы Веронъ исключительно съ цѣлью пригласить Фанни въ оперу. На сценѣ парижской оперы деспотически царилъ Тальони, выводя изъ терпѣнія своими придирками и угрозами самыхъ терпѣливыхъ людей. Но это была громадная сила по своему таланту. «Ужъ то удивительно,—писалъ де-Буанъ:—что танцовщица могла произвести цѣлую революцію въ танцахъ, которая еще теперь длится. Но еще удивительнѣе, что эта танцовщица, эта великая революционерша, была дурно сложена, даже горбата, некрасива, безъ всякихъ внѣшне-блестящихъ качествъ, которыя влекутъ за собою успѣхъ. Вотъ что удивительно, и это мы видѣли собственными глазами. И все потому, что Марія Тальони была болѣе, чѣмъ самая совершенная танцовщица, когда-либо появлявшаяся на сценическихъ подмосткахъ: она была—сами танцы. Даже изъ несоразмѣрности своихъ членовъ она сумѣла извлечь успѣхъ. Только съ помощью своей позы она производила впечатлѣніе, что улетаетъ въ неизмѣримое пространство: и эта поза состояла изъ склоненія верхней части тѣла впередъ, съ обращенными къ небу руками и одной ногой, протянутой назадъ. Несоразмѣрной длины члены дѣлали безконечной линію отъ конца пальцевъ до окончанія большого пальца ноги. Затѣмъ она показала, что для овладѣнія зрителями достаточно танцевъ и нѣтъ необходимости прибѣгать къ манерамъ куртизанокъ. Обычай подносить цвѣты на сцену впервые завелся при ней: первый букетъ былъ брошенъ на сцену ей архитекторомъ Дюпоншелемъ».

Эта царица балета изводила директора театра своими угрозами покинуть Большую оперу, и онъ рѣшился найти средство для укрощенія строптивой. Съ этой цѣлью онъ пригласилъ Фанни Эльслеръ, пріѣхавшую съ сестрой—одна грація, другая—сила. Для перваго дебюта давался балетъ «Tempête». Успѣхъ былъ громадный, тѣмъ болѣе, что пресса единодушно восхваляла Фанни. Тальони была внѣ себя отъ зависти. Тальонисты и эльслеристы выжились изъ силъ, отстаивая каждый своего кумира. Наконецъ Веронъ устроилъ генеральное сраженіе, выпустивъ на сцену въ одинъ и тотъ же вечеръ обѣихъ

балеринъ: Тальони—въ балетѣ «Dieu et Bayadère», а Эльслеръ — въ «Tempête». Окончательный приговоръ не былъ произнесенъ, и публика раздѣлилась на два лагерь. Для Эльслеръ этотъ балетъ былъ не изъ удачныхъ: роль, предназначенная «земной» Эльслеръ, скорѣе подходила «небесной» Тальони. Кромѣ того, Фанни привыкла танцовать съ сестрой, которая облегчала ей всѣ па и фигуры. Слѣдующій спектакль былъ дебютомъ Терезы. Соперничество Тальони и Эльслеръ, начавшееся на театральныхъ подмосткахъ, оканчивалось модными магазинами, выставявшими шляпы и матеріи à la Taglioni и à la Fanni Elssler.

1835 г. прошелъ для Фанни бесплодно въ смыслѣ успѣха: она была не совсѣмъ здорова, ее преслѣдовали тальонисты и политическое покушеніе отодвинуло на задній планъ развлеченія. Главный ея триумфъ былъ въ «Diable boiteux», который съ суетвѣріемъ Фанни считала для нея счастливымъ, потому что такъ называлось одно изъ первыхъ произведеній Гайдна. На ея долю выпала роль Флоринды, страстной андалузки изъ Севильи. Здѣсь она вполнѣ торжествовала, какъ танцовщица и мимистка. Особенно эффектна вышла у нея качуча, окончательно прославившая ее. Она привела въ восторгъ парижанъ и въ то же время вызвала протесты противъ безнравственности. Только заступничество Шарля Мориса, поддерживаемое многими газетами, окончательно установило за Фанни Эльслеръ славу первоклассной балерины. Слухъ объ ея успѣхѣ пронесся по всѣмъ столицамъ, и къ ней посыпались предложенія за предложеніями изъ разныхъ странъ, и особенно усердствовала въ этомъ отношеніи Россія. Но Фанни рѣшилась провести во Франціи свой отпускъ и заключила контрактъ съ директоромъ Большого театра въ Бордо, а затѣмъ хотѣла закончить путешествіе по Франціи Марселемъ. Этотъ отъѣздъ пришлось отложить: королева Марія-Амалия пожелала видѣть Фанни и Терезу въ балетѣ на праздникѣ въ Трианонѣ. Такой успѣхъ вскружилъ голову Фанни, но не надолго: не успѣла она уѣхать изъ Парижа, какъ произошло событіе, вернувшее ее къ дѣйствительности. Отеуствовавшая по «болѣзни колѣна» Тальони возвратилась въ Парижъ и выступила въ «Сильфидѣ». Ея успѣхъ превысилъ всѣ ожиданія. Разница между ними слишкомъ ясно выступала. Фанни была реалистка, вкладывавшая въ свое твореніе всѣ земныя прельщенія. Тальони же была олицетвореніемъ идеализма, не терпящаго никакихъ призывовъ къ чувственности, которая ей какъ будто была неизвѣстна. Первая была танцовщица, т. е. женщина, очаровывать для которой была физическая необходимость, вторая — сама танцы, т. е. типъ искусства отвлеченнаго, идея платоническая, едва прикрытая осязаемыми формами.

Успѣхъ Фанни въ Бордо былъ громадный, но ее подстерегало несчастіе. При возвращеніи въ Парижъ, близъ Орлеана, у нихъ сломался экипажъ и сестрамъ пришлось итти пѣшкомъ по сквернымъ дорогамъ въ 5 ч. утра. Былъ октябрь мѣсяцъ; Фанни простудилась и слегла. Она надолго принуждена была разстаться со сценой. Марія Тальони, избавившись отъ соперницы, еще болѣе дала почувствовать директору свою тиранію, и онъ опять подписалъ съ Фанни договоръ на четыре года.

Нравственность Фанни расхваливалась въ «*Courrier des Théâtres*», но слухи распространялись объ ея близости съ дипломатомъ графомъ Лавалетомъ. Впрочемъ, Фанни устраивала такъ прилично свои дѣла, что ея связи не бросались въ глаза. По выраженію одного современника, это были изящныя грѣшки, которые не могли тяготить душу балерины. Ея качуча, несмотря на протесты противниковъ, получила право гражданства не только въ высшемъ обществѣ, но и при дворѣ. Тальони, желая отравить успѣхъ Фанни Эльслеръ, удвоила прелесть своихъ танцевъ и вызвала сожалѣніе объ ея отъѣздѣ. Успѣху Фанни много способствовала ея дружба съ Теофиломъ Готье, воспѣвшимъ ее въ прозѣ съ такимъ жаромъ, что ея имя было на языкѣ у всѣхъ ея поклонниковъ. Зенита славы она достигла въ своей бенефисъ 5 мая 1838 г. Возвращеніе Тальони изъ Россіи, гдѣ ее осыпали брилліантами, внесло дозу яда въ существованіе Фанни.

Въ это время изъ Лондона пришло приглашеніе обѣимъ балеринамъ танцевать на коронаціонныхъ торжествахъ. Опять Фанни предстоялъ поединокъ съ Тальони, отравлявшей ей жизнь. По возвращеніи въ Парижъ директоръ предложилъ Фанни исполнить «Сильфиду», гдѣ такъ хороша была Тальони. Сначала Фанни благоразумно отказалась, но затѣмъ согласилась. Во время представленія произошелъ невообразимый въ театральныхъ лѣтописяхъ скандалъ: тальонисты свистали, эльслеристы пустили въ ходъ руки. Женщины въ ужасѣ бѣжали изъ театра отъ драки и невообразимой брани, раздававшейся въ стѣнахъ Большой оперы. Поединокъ обѣихъ звѣздъ продолжался даже на такомъ разстояніи, какъ Петербургъ и Парижъ, въ «*Gypsi*» и «*Gitan*». Въ Петербургѣ балетъ былъ ранѣе готовъ. Императоръ отпустилъ 150,000 руб., въ распоряженіе администраціи театра, чтобы Тальони появилась въ самой пышной рамкѣ. Первое представленіе состоялось въ началѣ января 1837 г., и корреспонденція изъ Россіи сообщила о блестящемъ успѣхѣ Тальони.

Въ Парижѣ «*Gipsi*» давали 28 января. Главную роль исполняла Фанни Эльслеръ. Она имѣла выдающійся успѣхъ, особенно въ краковякѣ, которому суждено было заслужить такую же популярность, какъ и качуча. Къ несчастію Фанни, вниманіе публики было отвлечено дебютомъ Рашель, «*Ruy Blas*» Виктора Гюго и появленіемъ Маріо. Такимъ образомъ, «*Gypsi*» не имѣла того успѣха, какой выпалъ на долю «*Diable boiteux*».

Во второй половинѣ 1838 г. звѣзда Фанни стала меркнуть въ Парижѣ, и слѣдующій годъ былъ для нея полонъ горькихъ разочарованій. Во-первыхъ, она была уязвлена въ самое больное мѣсто: обожаемое ею искусство оскорблялось самымъ грубымъ образомъ. Хотя такой умъ, какъ Теофила Готье, и попялъ ее, но большая публика, масса, которую одинъ моментъ, казалось, она завоевала, повинувшись грубымъ инстинктамъ, перенесла свой восторгъ на танцы самой вульгарной формы. Они развились въ теченіе пятилѣтняго ея пребыванія въ Парижѣ до невѣроятныхъ размѣровъ. Повсюду царствовалъ канканъ. Раздѣлять рукоплесканія парижанъ съ грязными акробатами искусства было для нея страшнымъ униженіемъ, печальнымъ концомъ ея мечтаній.

Въ мартѣ ее постигла болѣзнь, и представленіе «*Gypsi*» прекратилось. По выздоровленіи она выступила въ балетъ-пантомимѣ «*Tarentulle*» съ либретто Скриба, гдѣ роль была написана исключительно для нея. «Надо отдать справедли-

вость мадемуазель Эльслеръ,—писаль одинъ критикъ объ ея исполненіи:—что никогда никакая танцовщица не выражала лучше страсти и не матеріализировала ее съ большимъ искусствомъ, чѣмъ она. Если она прочувствовала все, что выражала, у нея должна быть огневая душа. Прекрасная, обворожительная танцовщица поняла, что она не должна бороться съ исполненіемъ Тальони: она создала собственный жанръ, согласно своему таланту». Съ появленіемъ этого балета опять Фанни блеснуло счастье; но оно длилось недолго. Новое приглашеніе въ лондонскій театръ заставило ее распротиться въ Парижѣмъ.

Судьбѣ было угодно, чтобы Фанни снова вступила въ поединокъ съ Тальони, да еще на одной и той же сценѣ, въ той же роли цыганки въ «Gitana» и «Gypsy». Тальони хотѣла доказать, что она способна не на одни «небесные» танцы, но и «земные» ей доступны. Краковяку Фанни она противопоставила мазурку и па изъ «Gypsy», цыганское па, вывезенное ею изъ Россіи. Если бы англичане предпочли мазурку краковяку, для Фанни было бы не важно, но ее огорчило, что парижскія газеты сообщаютъ подробности объ ея борьбѣ съ Тальони. «Gazette des Théâtres» и «Siècle» распорядились отправить корреспонденцію, гдѣ говорилось о полномъ пораженіи Фанни Эльслеръ. Въ статьяхъ поздравляли Тальони, что она сдѣлалась королевой «земныхъ» танцевъ послѣ того, какъ уже была королевой «небесныхъ». Тамъ же сообщалось, что зрители королевскаго театра отнеслись къ Фанни Эльслеръ сурово.

Когда Фанни вернулась въ Парижъ, ея противники продолжали вести противъ нея атаку. За отсутствіемъ Тальони ей нашли новую соперницу въ лицѣ Люси Гранъ, молодой, хорошенькой датчанки, замѣчательно талантливой. Она замѣнила Тальони въ «Сильфидѣ» и никто ее не обвинялъ въ узурпаціи, какъ было съ Фанни. «Gazette des Théâtres» сдѣлала сравненіе между нею и Фанни далеко не въ пользу послѣдней. Когда Эльслеръ собралась уѣхать въ Америку, то та же газета объявила, что ее замѣнитъ Люси Гранъ безъ особаго ущерба. Охлажденіе публики заставило Фанни принять приглашеніе въ Америку и обезпечить себѣ спокойное будущее. вмѣстѣ съ тѣмъ она питала надежду, что американскіе успѣхи разбудятъ въ парижанахъ прежнія къ ней симпатіи.

Въ свой прощальный бенефисъ среди прежнихъ нумеровъ она исполнила новый танецъ, «smolenska», имѣвшій у публики такой же успѣхъ, какъ и ея качуча. Это способствовало ей сохранить въ парижанахъ пріятное о ней воспоминаніе и давало надежду на будущій успѣхъ въ Парижѣ. Не всѣ парижане забыли о ней. Теофиль Готье пока оставался ей вѣренъ и посылалъ въ Америку полезные совѣты, предлагая свои литературныя услуги и напоминая, что небольшая доза рекламы была бы не лишняя, иначе парижане замѣтятъ ее кѣмъ-нибудь другимъ. «Вѣрьте мнѣ,—оканчивалъ онъ письмо:—я такъ же, какъ и вы, ревностно отношусь къ вашей славѣ и положитесь на вѣрность моего восторженнаго поклоненія». Эти сладкія слова потеряли свою силу чрезъ два года и, когда Фанни возвратилась въ Парижъ, Теофиль Готье уже былъ увлеченъ Карлоттой Гризи.

Въ Америкѣ Фанни провела два года и три мѣсяца, въ сопровожденіи двоюродной сестры и таинственнаго Викоффа. Послѣднее обстоятельство вызвало появленіе замѣтки въ газетахъ, почему она не называется г-жею Викоффъ.

Лицемерные американцы не могли допустить, чтобы можно было путешествовать по Америкѣ не съ мужемъ. «Нью-Йоркскій Курьеръ» протестовалъ и называлъ это клеветою, объяснивъ, что Викоффъ для нея другъ, которому она довѣрилась, отправляясь въ далекое путешествіе.

Успѣхъ Фанни въ Америкѣ былъ необыкновенный, но онъ доставилъ ей лишь матеріальное удовлетвореніе, эстетическое она получила тамъ менѣе, чѣмъ въ Берлинѣ, въ виду отсутствія культуры у американцевъ той эпохи. Немало приключеній пришлось ей пережить и даже рисковать здоровьемъ; все-таки, ослѣпленная золотомъ, она думала одинъ моментъ совсѣмъ порвать съ парижской Большой оперой, но не рѣшилась. Въ ея головѣ носились смутные планы будущаго, и это неопредѣленное положеніе ее тревожило. Къ тому же къ концу сезона дѣла въ Америкѣ пошатнулись: то и дѣло въ городѣ объявлялись новые крахи финансистовъ. Фанни помѣстила нажитыя въ Америкѣ деньги въ Нью-Йоркъ и Огіо и тревожилась за ихъ цѣлость. Вообще, тотъ годъ отличался катастрофами не въ одной Америкѣ, но и въ Европѣ, какъ, напримѣръ пожаръ, уничтожившій половину Гамбурга.

Въ Ливерпулѣ ее ожидала неприятная новость—смерть герцога Орлеанскаго. Теперь Парижъ былъ для нея потеряннымъ раемъ. Не только парижская публика о ней забыла, но и Теофиль Готье, увѣрявшій ее въ своей вѣрности. Пресса встрѣтила ее недружелюбно. Особенно возвращеніе Тальони въ Оперу послужило для ѣдкихъ замѣчаній и сравненій обѣихъ балеринъ. Въ этомъ отчасти она была сама виновата, нарушивъ контрактъ съ Большой оперой и уклонившись отъ уплаты неустойки, не совсѣмъ честнымъ образомъ лишившись изъ-за этого местнаго для нея прозвища «самаго честнаго человѣка среди танцовщицъ.»

Это не помѣшало ей въ теченіе девяти лѣтъ блистать по всей Европѣ и покончить карьеру въ апоѳеозѣ славы. Тальони со своимъ вышедшимъ изъ моды романтизмомъ уже наскучила. Фанни Эльслеръ, напротивъ, осталась попрежнему свѣжей, жизненной, мощной, и ни одна нація не утомилась восторгаться ею. Въ Вѣнѣ ее встрѣтили восторженно, хотя она не хотѣла тамъ танцовать и согласилась участвовать лишь съ благотворительною цѣлью. Съ 1844—1849 гг. она ежедневно пріѣзжала туда во время итальянскаго сезона и давала десять-пятнадцать представленій, каждый разъ ея земляки принимали ее восторженно.

Но особенно берлинцевъ она приводила въ восхищеніе, и поэтъ Рюкертъ выразился: «Теперь я могу мирно лечь въ могилу. Я видѣлъ самое блестящее въ мірѣ, я видѣлъ ноги божественной Фанни возносящимися къ небу. Но послѣ такой радости боюсь, что не буду счастливъ въ иномъ мірѣ. Что же должны продѣлать предо мною ангелы на небѣ, когда на землѣ я видѣлъ подобные танцы». Только одинъ Гейне злорадно насмѣхался надъ берлинцами за ихъ восторженныя похвалы Фанни Эльслеръ. Что же касается самой Фанни, то рядомъ съ пріятными впечатлѣніями о Берлинѣ Фанни сохранила и грустное воспоминаніе: здѣсь она узнала о смерти своего отца.

Изъ Берлина она отправилась въ Лондонъ и нашла театръ въ прежнемъ несчастномъ положеніи. Восторженный пріемъ, оказанный, ей не могъ спасти

театра. Въ Брюсселѣ ею также сильно восторгались, и посѣтителѣ театра de-la-Monnaie сдѣлали слѣдующее сравненіе между нею и Тальони: «Тальони воздухъ, а Эльслеръ земля въ соединеніи съ огнемъ». Въ Будапештѣ, гдѣ она была въ 1844—45 гг., мадьяры, забывъ свою ненависть къ австріяцамъ, встрѣтили ее съ восторгомъ и на банкетѣ въ ея честь пили шампанское и токайское изъ ея туфельки.

Особенный успѣхъ выпалъ на ея долю въ Италіи и тѣмъ болѣе замѣчательный, что въ то время нѣмцевъ тамъ ненавидѣли. Могуществомъ своего таланта и очаровательной внѣшностью Фанни побѣдила національную ненависть. Поэтъ Прати поднесъ ей поэму, гдѣ между прочимъ говорилъ, «что прежде, чѣмъ ее увидѣлъ, онъ питалъ къ ней ненависть, но, когда увидѣлъ, его чувства измѣнились». И онъ осыпалъ ее лестными похвалами.

Особенно было опасно для нѣмецкихъ артистовъ танцевать въ Миланѣ, тѣмъ болѣе, что въ 1840 г. этотъ городъ являлся дѣятельнымъ очагомъ патріотической пропаганды. Здѣсь ненависть артистовъ была еще живѣе, чѣмъ въ Венеціи. Кромѣ патріотической ненависти, Фанни грозила здѣсь опасность со стороны поклонниковъ трехъ балеринъ: Тальони, танцовавшей тамъ подъ рядъ три сезона, Фанни Черрито, уроженки Милана, услаждавшей съ 1838 года миланцевъ танцами, и Люси Гранъ. Въ первый вечеръ миланцы встрѣтили Фанни гробовымъ молчаніемъ и только, когда упалъ занавѣсъ, публика проявила восторгъ, забывъ о патріотизмѣ. На другой день она продолжала завоевывать побѣду, одаривъ щедро бѣдныхъ города Милана и участвуя на благотворительномъ спектаклѣ. Такимъ образомъ, къ концу сезона она стала такъ популярна, что Люси Гранъ поспѣшила уѣхать въ Лондонъ. Подъ рядъ два сезона росла ея популярность, но съ 1848 года Фанни танцевала тамъ какъ на вулканѣ. Симпатіи смѣнились ненавистью къ австріячкѣ, и ее освистали. Она поспѣшила покинуть опасную для нея страну. Ея отъѣздъ не успокоилъ патріотовъ, которые смотрѣли на Фанни, какъ на австріячку, развращавшую душу патріотовъ въ то время, когда требовалось проявить героизмъ древнихъ римлянъ. Кардуччи написалъ оду противъ тѣхъ, кто даетъ себя увлекать пѣніемъ и танцами.

Въ мартѣ 1848 г. многія столицы Европы, какъ Миланъ, Вѣна и Берлинъ, залиты были кровью; никто не думалъ о развлеченіяхъ, и Фанни приняла приглашеніе въ Россію.

«Въ художественномъ отношеніи,—заявляетъ авторъ,—русскіе находились на одномъ уровнѣ съ американцами. Они сходили съ ума по Фанни, не совсѣмъ ее понимая. Ея танцы возбуждали въ нихъ радость варваровъ и увлекали славянскіе темпераменты къ неумѣреннымъ манифестаціямъ. Особымъ признакомъ ихъ восторга являлось то, что они не обходились безъ обильнаго возліянія и громъ пробоба шампанскаго слѣдовалъ за громомъ рукоплесканій». 2-го марта 1851 г. состоялся ея прощальный бенефисъ. Авторъ приводитъ слова графини Ростопчиной:

«Фанни, Фанни Эльслеръ! Чародѣйка, очаровательная! Невообразимая, почти невозможная! Фанни Эльслеръ!» вотъ что раздавалось въ сердцахъ каждаго и что наполняетъ еще теперь сердца, глаза, мечты воспоминаніями о

Фанни!.. Дѣйствительно ли мы сказали ей прости? Правда ли, что мы не увидимъ больше нашу могущественную фею!»

Наканунѣ прощальнаго бенефиса актеры французской и русской труппы поднесли ей браслетъ съ двумя надписями: «Фанни Эльслеръ отъ московскихъ артистовъ», «самому благородному сердцу, самому прекрасному таланту». Съ утра Москва какъ будто чего-то ожидала необычайнаго. Когда Фанни показалась на сценѣ, ее забросали букетами и нѣкоторые изъ нихъ обернуты были въ драгоценныя кружева, а одинъ даже въ широкое брюссельское кружево. Калачъ поднесли ей на вѣткѣ камелій, онъ открывался и внутри лежалъ браслетъ, заказанный по подпискѣ, организованной княземъ Голицынымъ. Браслетъ украшали шесть драгоценныхъ камней: малахитъ, опалъ, сафиръ, гранатъ и аметистъ, которые составляли слово: «Москва». Трогательная сцена произошла, когда Фанни подавали этотъ подарокъ. Фанни Эльслеръ плакала, старики, женщины и дѣти при видѣ ея слезъ тоже заплакали. Это произвело на нее такое сильное впечатлѣніе, что она упала на колѣни предъ цѣлой горой цвѣтовъ и граціозно поцѣловала каждый изъ камней, составляющихъ слово: «Москва». Балетъ «Эмеральда» продолжаться не могъ: актеры, корифеи, кордебалетъ и оркестръ—все плакали, какъ друзья, предъ неизбѣжной разлукой.

Фанни вызывали сорокъ два раза и ей поднесено было, по однимъ источникамъ, болѣе трехсотъ букетовъ, а по другимъ источникамъ—шестисотъ. Наэлектризованная Фанни танцевала какъ никогда, она продѣлывала сверхчеловѣческія вещи, стояла на пуантѣ около трехъ минутъ, поднимала свое граціозное тѣло надъ головой танцовщика, и все это безъ малѣйшаго усилія. Кто ее видѣлъ въ этотъ день, не забудетъ всю жизнь. Ни одного изъ любимыхъ артистовъ такъ не привѣтствовали, какъ Фанни Эльслеръ.

Когда слухъ прошелъ объ ея намѣреніи распротиться со сценой, все ея поклонники опечалились и въ прощальномъ спектаклѣ 21-го іюня 1851 г., гдѣ она выступала въ «Фаустѣ», поэтъ Грильпарцеръ обратился къ ней съ просьбой въ поэтическомъ изложеніи не покидать сцены... Все было напрасно, и Фанни сошла со сцены наканунѣ своей 41 годовщины, въ полной славѣ, желая избѣжать непріятнаго момента, когда не она сама, а другіе замѣтятъ начинающійся закатъ, какъ было съ Тальони. Но главная причина ея ухода со сцены—было желаніе испытать семейное счастье. Ея дочери исполнилось восемнадцать лѣтъ, и Фанни поселилась съ нею и съ двоюродной сестрой Катериной Принстеръ близъ Гамбурга, гдѣ провела четыре счастливыхъ года. Въ 1855 г. Фанни Эльслеръ переѣхала жить въ Вѣну, гдѣ прожила благополучно еще тридцать лѣтъ. Она удивляла всѣхъ своей молодежавой наружностью, граціей въ движеніяхъ и живымъ до самой смерти умомъ, и сохранила много вѣрныхъ друзей. Искусство продолжало занимать выдающееся мѣсто въ ея жизни, и она не переставала посѣщать театр. Къ ней за совѣтомъ приходили артисты, и она выучила одну знаменитую трагическую актрису падать съ лѣстницы. Упадокъ старыхъ традицій искусства ее очень огорчалъ, одинаково какъ исчезновеніе со сцены благородства. Когда воздвигали статую Гайдну, она участвовала въ церемоніи. Несмотря на страсть къ танцамъ, никакія просьбы не заставили ее измѣнить намѣренія не появляться на сценѣ. Только изрѣдка она показы-

вала свое искусство избраннымъ лицамъ. Такъ, Ротшильдъ, у котораго лежалъ ея капиталъ, удалось наслаждаться красотой ея искусства. По условіи каждое 1-е января она являлась сама получать часть процентовъ и однажды она вошла въ бюро, гдѣ находился Ротшильдъ и главные служащіе, продѣлавая пируэтъ. Получивъ деньги, она исполнила одно изъ тѣхъ па, сдѣлавшихъ ее знаменитой, и по обычаю окончила спектакль головокружительнымъ вальсомъ.

Другой разъ, уже шестидесяти лѣтъ, продолжая попрежнему очаровывать и производить впечатлѣніе молодости, Фанни въ гостяхъ у актрисы Реттихъ протанцовала качучу. Она была декольтирована, и ея бѣлыя, вполне сохранившія юношескую свѣжесть плечи вызывали попрежнему восторгъ. Передававшій объ этомъ вечерѣ музыкальный критикъ Эдуардъ Гансликъ въ «Aus meinem Leben» въ «Deutsche Rundschau» аккомпанировалъ ей качучу и никогда не могъ забыть того зрѣлища красоты, какое предстало его глазамъ.

Фанни обставила свой домъ съ большимъ вкусомъ, и ничто не напоминало ей о прежней славѣ, трофеи мало-по-малу были преданы сожженію, чтобы не разводилъ пыль. Съ нею жила дочь, которая въ 1859 г. вышла замужъ за австрійскаго офицера барона Вебенаухъ; у нея родилась дочь, которую Фанни боготворила. Вообще она свято чтитъ родственныя связи. Ее посѣщало лучшее вѣнское общество, артисты и писатели. Ея жизнь сложилась счастливѣе, чѣмъ Терезы, судьба которой вѣнше была блестяща. Она покинула театръ, чтобы выйти замужъ за принца Адальберта прусскаго, создателя прусскаго флота, и король пожаловалъ ей титулъ баронессы Барнимъ. Вырванная изъ своей среды въ чопорное общество, она чувствовала себя какъ въ изгнаніи. Смерть сына въ Египтѣ окончательно разбила ей сердце, и она умерла въ 1876 г. въ Меранѣ. Судьба Тальони тоже была печальнѣе, чѣмъ Фанни. Покинувъ сцену въ 1847 г., она поселилась на берегу озера Комо. Нужда заставила ее зарабатывать хлѣбъ уроками, и она покинула этотъ уголокъ для Лондона. Проведя въ большой нуждѣ послѣдніе годы, она одиноко скончалась въ Марселѣ 24-го апрѣля 1884 г. Напротивъ, Фанни до послѣдней минуты пользовалась почетомъ и любовью и когда 27-го ноября 1884 г. она скончалась, всѣ знавшіе ее оплакивали. Она похоронена на кладбищѣ Гейтуцингъ.

С М Ъ С Ъ.

ВУХСОТЛѢТІЕ Царскаго Села. 24-го іюня Царское Село праздновало свой двухвѣковой юбилей. Въ Екатерининскомъ соборѣ, переполненномъ молящимися, среди которыхъ находились Государева свита, чины Двора, начальствующія лица, различныя депутаціи и офицеры расположенныхъ въ городѣ и окрестностяхъ полковъ, было отслужено соборнѣ торжественное богослуженіе. На богослуженіе прибыли великія княгини Марія Павловна, Викторія Ѳедоровна и великій князь Кириллъ Владимировичъ. Послѣ богослуженія къ Большому дворцу двинулась духовная процессія; туда же направились и другіе крестныя ходы черезъ Зубовскія ворота. На площади у Большого дворца, окруженной густыми толпами народа, состоялся парадъ войскамъ мѣстнаго гарнизона. Парадъ принималъ представитель Его Величества на торжествѣ главнокомандующій войсками великій князь Николай Николаевичъ, который при звукахъ встрѣчи обошелъ фронтъ войскъ. На главномъ подъѣздѣ дворца собрались великія княгини Марія Павловна, Елена Владимировна, Викторія Ѳедоровна, королевичъ Николай греческій, великіе князья Кириллъ и Борисъ Владимировичи и принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій. Послѣ молебствія, съ возгласеніемъ Царскаго многолѣтія и вѣчной памяти въ бозѣ почивающимъ Августѣйшимъ основателямъ Царскаго Села, войска прошли церемоніальнымъ маршемъ. Когда они построились фронтомъ ко дворцу, Августѣйшій главнокомандующій провозгласилъ «ура» Государю Императору. Площадь огласилась громовыми перекатами «ура». Въ Большомъ дворцѣ былъ сервированъ затѣмъ завтракъ для лицъ, принимавшихъ участіе въ парадѣ, духовенства и депутацій. Во время завтрака великій князь Николай Николаевичъ провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора, покрытый звуками гимна и кликами «ура». Гимнъ былъ повто-

рень трижды. Въ половинѣ четвертаго часа дня въ залѣ городской царско-сельской ратуши состоялось торжественное засѣданіе. По совершеиіи краткаго молебствія, закончившагося Царскимъ многолѣтнемъ и вѣчной памятью въ Возѣ почитающимъ государынѣ императрицѣ Екатеринѣ I и государю императору Александру I, состоялось освященіе бюстовъ первой державной хозяйки Царскаго Села императрицы Екатерины I и основателя города императора Александра I, послѣ чего всѣми присутствовавшими былъ исполненъ гимнъ «Боже, Царя храни!» покрытый кликами «ура». Рѣчи произнесли бургомистръ Царскаго Села А. А. Михайловъ, начальникъ дворцоваго управленія генераль-майоръ Пѣшковъ и полковникъ С. Н. Вильчковскій. Начальнику царско-сельскаго дворцоваго управленія генераль-майору Пѣшкову, его помощнику полковнику Нотбеку, бургомистру города Михайлову и его помощнику Кудрявцеву, по случаю юбилея Царскаго Села, принесли поздравленія слѣдующія депутаціи: отъ города С.-Петербурга—во главѣ съ городскимъ головой с. с. Глазуновымъ (поднесшая копію памятника императрицы Екатерины II, находящагося въ Екатерининскомъ саду); отъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка (поднесшая копію памятника императора Петра I, недавно открытаго въ саду передъ офицерскимъ собраніемъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка); 1-го его величества, 2-го и 4-го императорской фамилии стрѣлковыхъ батальоновъ, лейбъ-гвардіи кирасирскаго Его Величества полка, лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка, (поднесшая картину художника А. В. Мавковскаго, изображающую смѣну караула у Орловскихъ воротъ), Ингерманландскаго императора Петра Великаго полка городовъ Петергофа, Павловска и Гатчины, царскосельскаго уѣзднаго дворянства, царскосельскаго уѣзднаго земства, католическаго общества, лютеранскаго общества, главнаго управленія Краснаго Креста, Пушкинскаго лицейскаго общества и т. д. Большая часть депутатій поднесла адреса. Послѣ приѣма депутатій были прочитаны начальникомъ дворцоваго управленія привѣтственныя телеграммы, послѣ чего было объявлено засѣданіе закрытымъ. Во время торжественнаго засѣданія воспитанницами состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны ремесленнаго приюта, подъ управленіемъ Н. М. Моисеева, были исполнены: «Радуйся, Россія», «Александръ, Елисавета, восхищаете вы насъ»; юбилейная кантата и «Громъ побѣды раздавайся». Въ тотъ же день, отъ 3-хъ до 10 час. вечера было устроено въ Софійскомъ паркѣ дворца его императорскаго высочества великаго князя Кирилла Владимировича гулянье для народа.

Закладка больницы Петра Великаго. Въ день празднованія патрона города Петербурга 29 іюня городомъ положено основаніе грандіозному сооруженію—первой въ столицѣ больницѣ по числу кроватей. Она будетъ вмѣщать до 3,000 больныхъ и свыше 1,000 человекъ служащаго персонала. Мѣсто для больницы Петра Великаго выбрано не совсѣмъ удачно въ виду трудности пріискать въ чертѣ города громадную свободную площадь. Мѣсто это, слышущее подъ названіемъ «Пудлеванъ», находится въ 7 верстахъ отъ города въ концѣ проспекта, названнаго тѣмъ же именемъ великаго преобразователя. Проспектъ начинается отъ Полуостровской набережной на Выборгской сторонѣ и тянется

на протяженіи 5 верстѣ. Пространство, которое будетъ занято больничными помѣщеніями, величиною въ 20 десятинъ, изъ котораго подѣ жилья помѣщенія отойдетъ болѣе 3 десятинъ, на остальномъ же будутъ разбиты сады, скверы и оранжереи. Сейчасъ это пространство представляетъ пустырь, окаймленный на горизонтѣ близлежащимъ лѣсомъ. Дѣло постройки этой должествующей стать образцовой больницы тянется съ 1903 г., когда на нее былъ отпущенъ 3.000,000 кредитъ. Впослѣдствіи онъ былъ увеличенъ до полныхъ 5.000,000 р. Всѣхъ больничныхъ зданій корпусовъ по проекту предполагено 37. Надѣ разработкой плана будущей больницы и ея организациі работали въ теченіе ряда лѣтъ специалисты инженеры и врачи, какъ, напримѣръ, профессора; А. А. Веденяпинъ, А. К. Павловскій, В. И. Соколовскій, С. В. Шидловскій, Г. В. Хлопинъ и мн. др. Больница будетъ состоять изъ отдѣльныхъ 22 павильоновъ по родамъ болѣзней. Здѣсь будутъ: глазной павильонъ, нервный, операціонный, 6 терапевтическихъ, гинекологическій и др., 6 терапевтическихъ павильоновъ уже возведены и будутъ окончены къ слѣдующему году. Всѣ зданія будутъ закончены не ранѣе 1912 года. Торжество закладки началось въ 2 ч. дня при чудной погодѣ. Гостей доставили въ наемныхъ автомобиляхъ. Подѣ особымъ шатромъ на мѣстѣ закладки былъ отслуженъ молебенъ гдовскимъ епископомъ Веніаминомъ. Присутствовали градоначальникъ Драчевскій, городской голова съ членами управы, много гласныхъ и представителей врачебнаго міра. Богослуженіе закончилось провозглашеніемъ вѣчной памяти Пестру Великому. Преосвященный сказалъ прочувствованное слово, а представители администраціи предложили первые тосты за Высочайшихъ Особъ, затѣмъ за администрацію и кончили тостомъ за рабочихъ. Въ особомъ павильонѣ для приглашенныхъ на торжество лицъ былъ предложенъ завтракъ. Многие изъ отдѣльныхъ лицъ, причастныхъ къ городскому самоуправленію, указывали на большое неудобство будущей больницы вслѣдствіе ея отдаленности, хотя къ больницѣ и будетъ проведенъ трамвай. Доставка больныхъ, особенно женщинъ, будетъ страшно затруднительна. Раздались голоса за то, чтобы сюда переслать всѣхъ хрониковъ и хирургическихъ больныхъ изъ городскихъ больницъ, а для терапевтическихъ оставить существующія въ городѣ.

50-лѣтіе Государственного банка. 2-го іюля государственный банкъ торжественно праздновалъ 50-лѣтіе со дня своего основанія. Въ 11 час. уютная церковь банка наполнилась приглашенными. Впереди стояли министры: финансовъ—В. Н. Коковцовъ, торговли и промышленности—С. И. Тимашевъ, юстиціи П. Г. Щегловитовъ, членъ гос. совѣта И. П. Шиповъ, управляющій государственнымъ банкомъ А. В. Коншинъ, всѣ члены совѣта банка, начальники отдѣльныхъ частей министерства финансовъ, спб. градоначальникъ Д. В. Драчевскій. Здѣсь же собрались директора петербургскихъ банковъ, представители кредитныхъ обществъ, депутаціи и т. д. Ровно въ 11 ч. изъ алтаря вышло духовенство во главѣ съ первымъ викаріемъ петербургской епархіи, епископомъ Никандромъ. Владыка обратился къ присутствующимъ съ прочувствованнымъ словомъ, въ которомъ напомнилъ библейскую исторію еврейскаго народа, который благоденствовалъ и накапливалъ богатства только тогда, когда помнилъ о Богѣ. Такъ и государственный банкъ будетъ процвѣтать долгіе годы, если мы будемъ

помнить Бога и вѣрно служить Царю. Протодіаконъ провозгласилъ вѣчную память основателю государственнаго банка въ Бозѣ почивающему императору Александру II. Торжественное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ закончилось многолѣтнемъ Государю Императору и всему Царствующему Дому и министру финансовъ, управляющему и всѣмъ служащимъ банка. Послѣ молебна всѣ присутствовавшіе, по приглашенію управляющаго банкомъ А. В. Коншина, перешли въ залъ совѣта банка. Здѣсь, въ первыхъ рядахъ, сѣли министры, епископъ и другія высокопоставленныя лица. За совѣтскимъ столомъ предсѣдательское мѣсто занялъ министръ финансовъ В. Н. Коковцовъ, имѣя по правую руку старѣйшаго члена совѣта банка, тайнаго совѣтника Палтова, а по лѣвую— управляющаго банкомъ А. В. Коншина, тутъ же заняли мѣста остальные члены совѣта. Ровно въ 11 час. дня министръ финансовъ, открывая торжественное засѣданіе совѣта банка, произнесъ первую рѣчь. Послѣ рѣчи министра торговли привѣтствовалъ министра финансовъ рядъ депутацій: отъ всѣхъ столичныхъ коммерческихъ банковъ (г. Утинъ), отъ спб. городского общественнаго управленія (г. Бузовъ), отъ спб. городского кредитнаго общества, отъ многихъ обществъ взаимнаго кредита города Петербурга, отъ центрального банка 414 обществъ взаимнаго кредита (членъ государственной думы Ступинъ), отъ ленскаго золотопромышленнаго общества, отъ спб. биржевой барона Штиглица артели, отъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ (профессоръ Тавилдаровъ), отъ банкирскихъ домовъ города Петербурга и нѣкоторыхъ провинціальныхъ банковъ. Телеграфныя привѣтствія прислали многія иностранныя кредитныя учрежденія, банкирскій домъ Мендельсона, с.-петербургскій, московскій и многіе провинціальные биржевые комитеты, члены государственнаго совѣта Романовъ и статсъ-секретарь Танбевъ, дочь преобразователя и перваго управляющаго государственнымъ банкомъ Е. И. Ламанскаго, редакція журнала «Экономистъ Россіи» и друг. Министръ финансовъ В. Н. Коковцовъ искренне благодарилъ всѣхъ собравшихся за привѣтствія и оцѣнку дѣятельности государственнаго банка и, по русскому обычаю, пригласилъ откусать хлѣба-соли.

Юбилей страннопріимнаго дома графа Шереметева. Сто лѣтъ тому назадъ, 28 іюня 1810 года, страннопріимный домъ, учрежденный графомъ Николаемъ Петровичемъ Шереметевымъ, началъ свою благотворительную дѣятельность. Домъ предназначался для содержанія въ немъ богадѣльни на 100 человекъ обоего пола, разнаго званія немущихъ и увѣчныхъ, и больницы на 50 кроватей. Кромѣ того, по особому завѣщанію супруги учредителя графини Прасковьи Ивановны было опредѣлено ежегодно расходовать 75,000 руб. на выдачу бѣднымъ невѣстамъ пособія при выходѣ въ замужество, на ежемѣсячныя пенсіоны и единовременныя пособія бѣднымъ и на другія дѣла милосердія, въ томъ числѣ на вклады въ храмы и обители. Щедрія пожертвованія учредителя, его преемниковъ и другихъ лицъ дали возможность съ теченіемъ времени не только значительно расширить виды благотворенія, но и внести цѣлый рядъ новыхъ. Число призрѣваемыхъ въ богадѣльнѣ возросло до 174 человекъ, больничныхъ кроватей до 81. На средства, пожертвованныя настоящимъ почитателемъ графомъ С. Д. Шереметевымъ, при домѣ открыто при больницѣ отдѣленіе

для приходящихъ больныхъ, медицинская касса для выдачи денежныхъ пособій бѣднымъ больнымъ; на капиталъ, пожертвованный графомъ А. Д. Шереметевымъ, домъ оказывалъ врачебно-санитарную помощь воинамъ въ минувшія войны; на средства графини Е. П. Шереметевой устроены библіотека и читальня для призрѣваемыхъ. Благотворительная дѣятельность страннопріимнаго дома за 100-лѣтнее существованіе выразилась въ слѣдующемъ: 1) въ богадѣльнѣ было призрѣваемо за все время 2,984 человекъ; 2) въ больницы пользовано было мужчинъ и женщинъ 84,197 человекъ; 3) оказано медицинскихъ пособій и въ томъ числѣ выдано бесплатно лекарствъ—1.903,502 человекамъ; 4) изъ медицинской кассы выдано денежныхъ пособій съ 1873 года—10,186 лицамъ; 5) въ санитарномъ отрядѣ и лазаретѣ дома въ русско-турецкую войну 1877—78 гг. и русско-японскую войну 1904—1905 гг. пользовано было 944 человекъ; 6) выдано на приданое при выходѣ въ замужество 3,021 невѣстѣ 273,443 руб.; 7) выдано 13,555 пенсионерамъ ежемѣсячнаго пенсіона—334,852 руб.; 8) роздано 27,868 бѣднымъ единовременныхъ пособій на 62,500 руб.; 9) израсходовано на взносы въ храмы и монастыри и на поминовеніе учредителя и его супруги—37,274 руб.; 10) израсходовано на библіотеку и читальню съ 1873 г.—5,061 руб. и 11) израсходовано на погребеніе 3,307 человекъ—11,985 руб. Всѣ расходы страннопріимнаго дома за 100 лѣтъ составили 6.012,487 руб.; благодареніями его пользовались свыше 2.000,000 человекъ. Въ день столѣтняго юбилея въ страннопріимномъ домѣ состоялось торжественное засѣданіе, на которомъ А. И. Виноградовъ прочелъ историческую записку о домѣ и отчетъ за столѣтіе его благотворительнаго существованія. Затѣмъ генераль-майоръ свиты Его Величества В. Ѳ. Джунковскій передалъ графу С. Д. Шереметеву привѣтствіе предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина. Главный смотритель дома генераль-майоръ А. П. Тучковъ привѣтствовалъ отъ имени администраціи и служащихъ дома. Графъ С. Д. Шереметевъ благодарилъ за привѣтствіе и выразилъ надежду, что Господь поможетъ святому дѣлу продолжаться и въ грядущемъ столѣтіи, и въ родѣ родовъ. Затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ привѣтствій. А. Д. Самаринъ, А. М. Катковъ и баронъ В. Д. Шепингъ привѣтствовали—отъ московскаго дворянства, членъ городской управы В. Ѳ. Малининъ—отъ московскаго городского управленія и городского врачебнаго совѣта, докторъ Н. И. Никольскій—отъ физико-медицинскаго общества и отъ пріюта неизлечимыхъ больныхъ имени митрополита Сергія, И. С. Вѣляевъ—отъ московскаго отдѣленія императорскаго русскаго военно-историческаго общества, И. А. Александровъ—отъ московскаго ремесленнаго общества, профессоръ Голубининъ—отъ клиникъ императорскаго московскаго университета. Были выражены привѣтствія отъ больницы имени императора Павла I, отъ Маріинской больницы, отъ Голицынской больницы, отъ военнаго госпиталя имени императора Петра I, отъ Бахрушинской, Старо-Екатерининской, Мясницкой, Лузской, Преображенской и др. больницъ, отъ тульскаго губернскаго земства, отъ московскаго мѣщанскаго общества (И. Н. Анофріевъ) и другихъ. Полученъ рядъ привѣтственныхъ телеграммъ, въ томъ числѣ: отъ графа А. Д. Шереметева, отъ командующаго московскимъ военнымъ округомъ генерала-отъ-кавалеріи П. А. Шалева, отъ предсѣдательницы комитета христіанской помощи Е. Ѳ.

Джунковской, отъ московскаго врачебнаго управленія, отъ администраціи домовъ имени Хлудовыхъ, отъ московскаго управленія Краснаго Креста, отъ императорскаго Человѣколюбиваго общества, отъ правленія общества тульскихъ врачей, отъ Софійской, Морозовской и имени св. Ольги дѣтскихъ больницъ, отъ намѣстника Троице-Сергіевой лавры архимандрита Товія и много другихъ. Графъ С. Д. Шереметевъ благодарилъ всѣхъ за выраженныя привѣтствія. Засѣданіе заключилось исполненіемъ оркестромъ «Боже, Царя храни». Народный гимнъ былъ покрытъ дружнымъ «ура». Торжество закончилось завтракомъ.

Памяти князя В. А. Долгорукова. 4 іюля Москва поминала бывшаго московскаго генераль-губернатора князя В. А. Долгорукова по случаю исполнившагося столѣтія со дня его рожденія. Въ церкви генераль-губернаторскаго дома къ заупокойной литургіи, а затѣмъ къ панихидѣ, которую служилъ бывший настоятель этой церкви въ бытность князя Долгорукова московскимъ генераль-губернаторомъ митрофорный протоіерей Звѣревъ, собрались: московскій губернаторъ свиты генераль-майоръ Джунковскій, градоначальникъ генераль-майоръ Адриановъ, чины канцеляріи генераль-губернатора, и. об. губернскаго предводителя дворянства П. А. Базилевскій, представители губернскаго земства городского управленія, купческаго, мѣщанскаго и ремесленнаго сословія, многихъ казенныхъ учрежденій и учебныхъ заведеній и многія частныя лица, пожелавшія почтить память покойнаго князя Долгорукова. Въ вестибюль домовой церкви генераль-губернаторскаго дома былъ вывѣшенъ портретъ князя Долгорукова, увѣнчанный его гербомъ и обвитый голубой андреевскою лентой съ датами 1810—1910 гг., а также фотографическіе снимки съ рабочаго кабинета покойнаго князя. Въ часъ дня въ большомъ залѣ городской думы была совершена панихида по инициативѣ городской управы. Собрались многіе гласные городской думы, всѣ члены управы во главѣ съ товарищемъ городского головы Брянскимъ, членъ государственной думы Шубинскій и другія лица. Кромѣ того, сегодня же были отслужены панихиды въ мѣщанской и ремесленной управахъ, въ больницѣ императора Александра III, въ которой по инициативѣ покойнаго князя была устроена пастеровская станція, въ храмѣ Христа Спасителя, сооруженіе котораго происходило подъ наблюденіемъ князя Долгорукова, и во многихъ другихъ учрежденіяхъ и обществахъ, въ дѣятельности которыхъ принималъ участіе покойный князь. Въ Стрекаловской народной столовой на средства бывшихъ служащихъ канцеляріи генераль-губернатора было выдано 250 бесплатныхъ обѣдовъ бѣднымъ и 350 обѣдовъ въ той же столовой были выданы на средства служащихъ Румянцовскаго музея.

Радищевскій музей. 29 іюня исполнилось 25-лѣтіе существованія въ Саратовѣ музея имени Александра Николаевича Радищева. Мысль объ открытій музея относится къ 1877 г. Въ декабрѣ этого года профессоръ А. П. Боголюбовъ обратился въ городскую думу съ предложеніемъ пожертвовать свою коллекцію, состоящую изъ картинъ, рисунковъ, бронзы, мебели и др. художественныхъ вещей на сумму 55 тысячъ рублей, чтобы образовать изъ нея музей, обѣщавъ пожертвовать домъ и капиталъ въ 100 тысячъ рублей для устройства при музеѣ рисовальнаго училища. Зданіе музея было готово къ маю 1885 г., освещеніе

его состоялось 27 июня, а через два дня, 29 июня 1885 г., послѣдовало торжественное открытіе музея. Въ настоящее время въ музей, по словамъ «Саратовскаго Вѣстника», кромѣ скульптуры, фарфора, фаянса, оружія, минераловъ и проч., имѣется 906 нумеровъ картинъ (копій и подлинныхъ), этюдовъ, эскизовъ масляными и акварельными красками и рисунковъ карандашомъ первокласснымъ русскихъ художниковъ. Кромѣ того, въ музей имѣются старинныя грамоты, письма императора Александра III къ Боголюбову, рукописи Пушкина, Гоголя, Тургенева, Жуковского, Костомарова, Помяловскаго, Салтыкова, Суворова и др. Тургеньеву отведенъ музеемъ особый «тургеньевскій уголокъ», гдѣ находятся нѣкоторыя вещи Тургеньева, рукописи, портреты, докторская тога оксфордскаго университета и т. д.

Юбилей ген.-отъ-инф. П. Д. Паренцова. 16 июня исполнилось 50 лѣтъ службы въ офицерскихъ чинахъ генерала Паренцова, родившагося 5 июля 1843 г. и происходящаго изъ дворянъ Вологодской губерніи. Отецъ П. Д., Дмитрій Тихоновичъ, служилъ въ свитѣ Его Величества по квартирмейстерской части (теперешній генеральный штабъ), участвовалъ во всѣхъ нашихъ войнахъ съ Наполеономъ, начиная съ 1807 г. по 1814 г. включительно. По матери (Брянчаниновой) П. Д. Паренцовъ приходится роднымъ племянникомъ извѣстнаго въ свое время духовнаго писателя архимандрита Сергіевой пустыни подъ Петербургомъ, Игнатія Брянчанинова, впоследствии епископа. 16 июня 1860 г. П. Д. Паренцовъ изъ камеръ-пажей былъ произведенъ въ офицеры лейбъ-гвардіи Гатчинскаго, нынѣ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, причемъ, имѣя только 16лѣтъ отъ роду, на основаніи существовавшихъ тогда правилъ, былъ обязанъ, послѣ производства въ офицеры, поступить въ одну изъ военныхъ академій. По выдержаніи дополнительнаго экзамена изъ высшихъ математическихъ и другихъ специальныхъ наукъ, Паренцовъ поступилъ въ инженерную академию, но въ 1861 г., вслѣдствіе ея раскассированія, въ числѣ другихъ 116 офицеровъ, не поладившихъ съ начальствомъ, былъ отъ академіи отчисленъ въ строй полка, а затѣмъ переведенъ въ полевую конную артиллерію. Въ 1867 г. кончилъ курсъ академіи генеральнаго штаба по 1-му разряду и назначенъ на службу въ штабъ войскъ гвардіи и петербургскаго военного округа. Въ 1869 г. былъ командированъ въ Уральскую область и принялъ участіе въ усмиреніи вооруженныхъ беспорядковъ въ Киргизской степи, за что награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст. съ мечами. Былъ преподавателемъ военныхъ наукъ въ учебномъ кавалерійскомъ эскадронѣ (теперешняя офицерская кавалерійская школа), пройдя вмѣстѣ съ обучающимися въ немъ офицерами весь курсъ кавалерійскаго обученія. Передъ войной 1877—78 гг., въ теченіе 7 мѣсяцевъ, производилъ развѣдки о силахъ и расположеніи турецкихъ войскъ, секретно путешествуя по Румыніи и Болгаріи, причемъ подвергся временному арестованію турецкими жандармами въ Русчукъ. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій за Дунаемъ былъ начальникомъ штаба кавказской казачьей дивизіи, а потомъ, подъ начальствомъ генераловъ: Скобелева 2-го, князя Имеретинскаго, графа Шувалова 2-го и Гурко, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, въ томъ числѣ въ двукратно взятіи Ловчи (5 июля и 22 августа), подъ Плевной (18 июля у Скобелева, гдѣ былъ контуженъ), 30 и 31 августа тоже подъ Плевной, на Зеленыхъ горахъ (у князя Имеретинскаго

и Скобелева, опять былъ контуженъ) и при штурмѣ Правецкихъ укрѣпленныхъ позицій подъ начальствомъ графа Шувалова 2-го и Гурко, гдѣ былъ сильно контуженъ и эвакуированъ въ Россію. Поправившись, былъ подъ начальствомъ генераль-адъютанта Ванновскаго начальникомъ штаба сѣвернаго (бывшаго рущукскаго отряда) оккупационныхъ войскъ въ Болгаріи. За боевыя отличія получилъ ордена: св. Владимира 4 и 3 ст., золотое оружіе и чинъ генераль-майора, имѣя отъ роду 34 года. Въ 1879—80 гг. былъ первымъ болгарскимъ военнымъ министромъ и членомъ кабинета. Разойдясь въ политическихъ взглядахъ съ первымъ болгарскимъ княземъ Александромъ Баттенбергскимъ, г. Паренсовъ былъ изъ Болгаріи отозванъ и, послѣ нѣкотораго промежутка бездѣйствія, въ 1881 г. назначенъ начальникомъ штаба 2-го армейскаго корпуса въ Вильнѣ, гдѣ, прослужа три года, преданъ всестороннему изученію положенія русскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ, пользуясь мѣстными источниками. Контузіи и лишенія во время войны, а также труды и неприятели министерствованія въ Болгаріи отозвались на г. Паренсовѣ тяжелой трехлѣтней болѣзнью, по излеченіи отъ которой былъ назначенъ варшавскимъ комендантомъ, а потомъ помощникомъ начальника штаба варшавскаго военного округа. Въ февраль 1890 года былъ назначенъ начальникомъ 6-й кавалерійской дивизіи въ варшавскомъ округѣ, которою командовалъ 9 лѣтъ. Съ 1908 по 1902 годъ г. Паренсовъ былъ комендантомъ варшавской крѣпости. 15-лѣтняя служба въ царствѣ Польскомъ дала возможность г. Паренсову не только при-смотреться, но и изучить русско-польскія отношенія, униатскій вопросъ, еврейскій, нарождавшійся уже тогда вопросъ о выдѣленіи Холмской губерніи, а также нѣмецкую колонизацію нашей окраины. Изученію этому много помогла служба при четырехъ генераль-губернаторахъ: Гурко, князь Имеретинскомъ, графъ Шуваловѣ и Чертковѣ. Въ 1902 г. г. Паренсовъ былъ назначенъ въ распоряженіе военного министра, а въ настоящее время состоитъ петергофскимъ комендантомъ, имѣя всѣ наши ордена до Александра Невскаго съ брильянтами включительно. Г. Паренсовъ не чуждъ литературѣ. Имъ написаны три большія книги воспоминаній о войнѣ 77—78 гг. и о первомъ годѣ самостоятельнаго существованія княжества Болгарскаго, подъ общимъ заглавіемъ: «Изъ прошлаго» («На войнѣ»; «Ужасные дни» и «Затишье»; «Въ Болгаріи»). Двѣ изъ нихъ академіей наукъ признаны достойными макаръевской и ахматовской премій. Во время войны съ Японіей былъ постояннымъ сотрудникомъ «Русскаго Инвалида»; въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ существованія газеты «Голосъ Правды» былъ также постояннымъ сотрудникомъ этой газеты; помещаетъ статьи въ «Русскомъ Инвалидѣ», «Военномъ Сборникѣ», «Русской Старинѣ» и «Новомъ Времени». Онъ товарищъ предѣдателя Славянскаго благотворительнаго общества, членъ-учредитель императорскаго русскаго военно-историческаго общества, членъ: общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III, общества ревнителей военныхъ знаній, Окраиннаго общества и Галицкаго общества. Почетный гражданинъ города Ловча въ Болгаріи. Домъ, который онъ выстроилъ для себя и въ которомъ жилъ въ Софіи, благодарные болгары сохраняютъ въ неприкосновенности, какъ національную собственность, а улица, гдѣ стоитъ этотъ домъ, названа: «Улица генераль Паренсовъ».

25-лѣтіе ученой дѣятельности академика С. Θ. Ольденбурга. 25 іюня исполнилось 25-лѣтіе ученой дѣятельности непремѣннаго секретаря академіи наукъ, извѣстнаго ученаго и общественнаго дѣятеля, ординарнаго академика по литературѣ и исторіи азіатскихъ народовъ, Сергѣя Ѳедоровича Ольденбурга. С. Θ. родился 14 сентября 1863 г. въ Восточной Сибири. Въ 1881 г. окончилъ съ золотой медалью 1-ю варшавскую гимназію. Въ томъ же году С. Θ. поступилъ на санскритско-персидское отдѣленіе факультета восточныхъ языковъ петербургскаго университета, который окончилъ со степенью кандидата въ 1885 г. Молодой ученый былъ оставленъ при университетѣ для приготовления къ профессорскому званію. Вернувшись изъ командировки за границу, данной ему въ 1887 г., весной 1889 г. С. Θ. былъ допущенъ къ чтенію лекцій въ качествѣ приватъ-доцента. Лѣтомъ 1890 г. и осенью 1893 г. онъ посѣтилъ съ научною цѣлью Англію и Францію. Въ февралѣ 1895 г. С. Θ. защитилъ диссертацию на степень магистра санскритской словесности, а въ мартѣ 1897 г. былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ. Въ засѣданіи историко-филологическаго отдѣленія академіи наукъ 24 ноября 1899 г. академикъ В. Радловъ, К. Залеманъ, баронъ Розень и В. Васильевъ внесли предложеніе объ избраніи С. Θ. въ адъюнкты по литературѣ и исторіи азіатскихъ народовъ. Въ представленной по этому поводу запискѣ объ ученыхъ трудахъ С. Θ. Ольденбурга, между прочимъ, говорится, что труды эти «свидѣтельствуютъ о громадной начитанности и замѣчательной многосторонности даровитаго ученаго. Вся древняя Индія ему знакома: ея религія и легенды, ея поэзія и искусство, ея древности и исторія. Слѣдуя по стопамъ своего незабвеннаго учителя И. П. Минаева, С. Θ. приложилъ особыя старанія къ изученію сѣвернаго буддизма, распространившагося въ послѣдствіи въ Тибетъ и Китаѣ. Въ запискѣ далѣе упоминается, что первый научный трудъ юбиляра появился въ 1886 г. и былъ напечатанъ въ запискахъ восточнаго отдѣленія археологическаго общества. Избраніе С. Θ. въ адъюнкты состоялось въ общемъ собраніи членовъ академіи наукъ 5 февраля 1900 г. 19 апрѣля 1903 г. онъ былъ избранъ въ экстраординарные академики, а 1 ноября 1908 г.—въ ординарные. Со 2 октября 1904 г. С. Θ. состоялъ непремѣннымъ секретаремъ академіи. Юбиларъ принимаетъ также дѣятельное участіе во многихъ ученыхъ обществахъ и учрежденіяхъ С. Θ. Ольденбургъ числится докторомъ правъ абердинскаго университета, почетнымъ членомъ московскаго археологическаго института, членомъ-корреспондентомъ финно-угорскаго общества въ Гельсингфорсѣ и азіатскаго общества въ Парижѣ, членомъ русскаго комитета для изученія Средней и Восточной Азіи, по порученію котораго онъ былъ командированъ въ китайскій Туркестанъ, председателемъ этнографическаго общества и др. Въ настоящее время С. Θ. работаетъ надъ описаніемъ коллекцій, вывезенныхъ подполковникомъ Козловымъ изъ Монголіи.

Юбилей проф. М. С. Грушевскаго. Въ іюнѣ исполнилось 25-лѣтіе научно-литературной и общественной дѣятельности извѣстнаго украинскаго ученаго и писателя профессора Михаила Сергѣевича Грушевскаго. Блестяще окончивъ въ 1890 г. историко-филологическій факультетъ кіевскаго университета, М. С. спустя четыре года, по сдачѣ магистерскаго экзамена, приглашается на кафедру

по русской исторіи въ львовскій университетъ (въ Галиціи), какую съ честью занимаетъ и по настоящее время. Профессоръ Грушевскій пользуется огромною извѣстностью, какъ знатокъ Украины, которой онъ посвятилъ значительную часть своихъ научныхъ трудовъ. Самой крупной работой его является «Исторія Украины», вышедшая пока въ семи томахъ и считающаяся лучшей, по отзывамъ специалистовъ. За 25 лѣтъ своей ученой карьеры М. С. написалъ массу историческихъ сочиненій, изъ которыхъ отмѣтимъ его диссертацию, обратившую на себя вниманіе, «Барское староство», «Освобожденіе Руси и украинскій вопросъ», «Розвідки и матеріали до исторіи Украина-Руси», «Очерки исторіи Кіевской земли» и др. Публицистическая дѣятельность М. С. была сосредоточена въ организованномъ имъ лучшимъ украинскомъ журналѣ «Литературно-науковий Вістникъ». Этому журналу, а также обществу имени Т. Г. Шевченко, во главѣ котораго онъ стоитъ, профессоръ Грушевскій отдалъ лучшіе годы своей жизни. Изъ общества имени Шевченка ему удалось создать нѣчто въ родѣ украинской академіи наукъ, привлекая къ нему лучшія научныя и литературныя силы Украины. Профессоръ Грушевскій началъ писать еще на студенческой скамьѣ. Первые его произведенія были беллетристическаго характера. М. С. извѣстенъ также, какъ выдающійся общественный дѣятель, работающій на пользу освобожденія и преуспѣянія украинскаго народа. Юбилей профессора Грушевскаго торжественно праздновался въ Львовѣ, гдѣ для этой цѣли былъ организованъ специальный комитетъ. Кіевъ горячо отозвался на этотъ юбилей посылкой депутаціи. Юбиляру, родившемуся въ Холмѣ (Черниговской губерніи), теперь 44 года. Онъ полонъ жизни и энергіи.

Юбилей протоіерея Ф. Н. Орнатскаго. 28 іюня исполнилось 25-лѣтіе священства протоіерея Философа Николаевича Орнатскаго, настоятеля церкви экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, предсѣдателя совѣта общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія, депутата отъ духовенства въ петербургской городской думѣ. О. Орнатскому 50 лѣтъ. По окончаніи курса въ петербургской духовной академіи, состоя священникомъ въ пріютѣ принца Ольденбургскаго, о. Орнатскій обратилъ на себя вниманіе энергичною проповѣдническою дѣятельностью и законоучительствомъ и, на седьмомъ году своей службы, молодой священникъ былъ избранъ на должность предсѣдателя столичнаго религіозно-просвѣтительнаго общества. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе 18 лѣтъ, по выборамъ, состоитъ во главѣ этого общества, имѣющаго большое значеніе въ судьбахъ русской церкви. Это первое общество— плодъ пастырской самодѣятельности, возникшее по инициативѣ духовенства и его силами развившее плодотворную дѣятельность. Въ Петербургѣ оно устроило 6 храмовъ, при которыхъ ведется проповѣдь, открыты общества трезвости, школы, воскресные классы, издаются журналы. При нихъ намѣчены новыя стороны пастырско-дѣятелей, которымъ суждено сыграть большую роль при будущемъ обновленномъ приходѣ: духовныя бібліотеки, церковно-народныя читальни, общенародное пѣніе, содружества интеллигентной молодежи для самообразованія въ церковномъ духѣ и образованныхъ женщинъ для чтенія св. писанія по больницамъ, богадѣльнямъ, тюрьмамъ. Общество, при предсѣдательствѣ протоіерея Орнатскаго, послужило образцомъ для многихъ подоб-

ныхъ организацій въ другихъ городахъ Россіи: въ Кіевѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Ригѣ. Проповѣдники, начавшіе свою дѣятельность на студенческой скамьѣ въ рядахъ дѣятелей общества, разсѣяны на разныхъ поприщахъ по всей Россіи. Какъ проповѣдникъ, о. Орнатскій съ особеннымъ успѣхомъ выступалъ съ проповѣдью о воскресномъ отдыхѣ для торговыхъ людей, еще въ то время, когда въ столицѣ торговля производилась во всѣ воскресные и праздничные дни, — противъ секты пашковцевъ, а также въ саровскіе дни, командированный митрополитомъ петербургскимъ на открытіе мощей преподобнаго Серафима. Какъ опытный законоучитель, о. Орнатскій принималъ дѣятельное участіе въ комиссіяхъ по преобразованію средней школы при министрахъ Боголѣповѣ и Ванновскомъ. Съ 1893 г. протоіерей Орнатскій въ теченіе 10 лѣтъ состоялъ депутатомъ отъ духовенства въ петербургской городской думѣ. При пересмотрѣ городского положенія въ 1903 г., депутатъ отъ духовенства былъ исключень изъ числа гласныхъ, но въ томъ же году, по Высочайшему повелѣнію, эта должность была вновь восстановлена и митрополитомъ протоіерей Орнатскій вновь назначень депутатомъ, «какъ въ теченіе 10 лѣтъ съ достоинствомъ и честью уже это званіе носившій». Въ городской думѣ дѣятельность о. Орнатскаго сказывалась не столько въ общихъ собраніяхъ, сколько въ комиссіяхъ по народному образованію и по благотворительности, коихъ онъ состоитъ дѣятельнымъ членомъ, завѣдуя училищами нарвскаго района и состоя председателемъ 5-го городского попечительства о бѣдныхъ. Во время забастовокъ и послѣ, когда дума открывала городскія столовыя, о. Орнатскій завѣдывалъ нѣсколькими питательными пунктами въ Нарвской части и въ Петергофскомъ пригородномъ участкѣ. Плодомъ его ходатайства предъ думою являются храмы Воскресенія общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія «у Варшавки» и православный эстонскій храмъ на Екатерининскомъ каналѣ, выстроенные на городскихъ участкахъ земли, выпрошенныхъ энергичнымъ депутатомъ. Имъ же вызваны къ жизни новые приходы въ Петербургѣ при построенныхъ, во главѣ съ нимъ, церквахъ—Сергіевской, на Новосивковской улицѣ, и Петропавловской, въ Лѣсномъ, и урегулированы границы православныхъ приходовъ въ Петербургѣ. Священникомъ церкви экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ о. Орнатскій состоитъ 18 лѣтъ, со дня освященія церкви, въ построеніи которой онъ принималъ участіе. И въ экспедиціи дѣятельность протоіерея Орнатскаго не ограничивается только храмомъ. Онъ организовалъ безплатную бібліотеку-читальню для рабочихъ и принималъ дѣятельное участіе въ разработкѣ плана и программъ экспедиціонной технической школы для дѣтей рабочихъ, которою онъ и завѣдуетъ. Школа эта, еще не закончившая своего развитія, пока при семи классахъ съ 16 отдѣленіями, имѣетъ уже болѣе 600 учащихся; при ней открыты вечерніе курсы для взрослыхъ рабочихъ, курсъ кочегаровъ и др. Завѣдывающій душою преданъ этому новому и оригинальному учрежденію. За свои труды протоіерей Орнатскій избранъ почетнымъ членомъ религіозно-просвѣтительныхъ обществъ петербургскаго, московскаго и кіевскаго, православнаго эстонскаго братства, обществъ вспомошествованія приказчикамъ и сидѣльцамъ и приказчикамъ Большого Гостиного двора, благотворительнаго общества въ память 19-го февраля, петербургскаго совѣта

дѣтскихъ пріютовъ, попечительнаго совѣта пріюта принца Ольденбургскаго и друг. Въ декабрь 1908 года былъ награжденъ митрою. Кроме того, о. Орнатскій принимаетъ участіе въ совѣтахъ братства для призрѣнія дѣтей идиотовъ и эпилептиковъ, союза для борьбы съ дѣтскою смертною, петербургскаго миссіонерскаго комитета, редактировалъ журналъ «Духовный Вѣстникъ», состоитъ цензоромъ духовныхъ журналовъ: «Отдыхъ христіанина», «Трезвая Жизнь» и др. Нѣкоторыя свои статьи по вопросамъ законоученія о. Орнатскій печаталъ въ «Новомъ Времени», а проповѣди—въ синодальныхъ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ», академическомъ «Церковномъ Вѣстникѣ», «Петербуржскомъ Листкѣ» и др.

Слѣпокъ диплодока въ академіи наукъ. 21 іюня въ большомъ конференцъ-залѣ императорской академіи наукъ закончена установка слѣпка съ знаменитаго скелета диплодока, находящагося въ музеѣ Карнеги въ Питсбургѣ (Америка). 22 іюня въ академіи собрались: директоръ этого музея Dr. Holland, американскій консулъ Я. Е. Коннеръ, директоръ геологическаго музея академикъ Ѳ. Н. Чернышевъ, ассистентъ доктора Холланда г. Коххhall, ученый хранитель музея профессоръ И. П. Толмачевъ, препараторы гг. Кырко и Пецъ, смотритель В. А. Тулиновъ и сотрудники петербургскихъ газетъ. Докторъ Холландъ весьма обстоятельно познакомилъ это маленькое собраніе съ исторіей диплодока, скелеть котораго вытянулся черезъ весь залъ, напоминая собою громадную ящерицу-верблюда. 21 іюня (4 іюля н. ст.) 1899 г., въ день національнаго американскаго праздника на берегахъ рѣки Шипъ-Крикъ (Sheep-Creek) въ штатѣ Айомингъ (Wyoming) былъ открытъ скелеть «диплодока Карнеги». Ровно черезъ 11 лѣтъ окончена сборка слѣпка этого скелета, преподнесеннаго г. Андр. Карнеги Его Величеству Императору Всероссійскому. Слѣпокъ этотъ шестой по счету, помѣщенный въ европейскихъ музеяхъ. Первый слѣпокъ былъ преподнесенъ въ 1905 г. королю Эдуарду VII и хранится въ Британскомъ музеѣ, второй былъ преподнесенъ въ 1908 г. императору германскому, третій тогда же—президенту Французской республики, четвертый въ 1909 г.—императору австрійскому, пятый тоже въ 1909 г.—королю Италіи. Диплодокъ является колоссальнымъ земноводнымъ животнымъ, ихтіозавромъ мезозойской эпохи юрскаго періода земли, жившимъ приблизительно за 10 милліоновъ лѣтъ до нашего времени. Въ этотъ періодъ земноводныя преобладали на нашей планетѣ, имѣя весьма разнообразныя формы и величины. Диплодокъ обыкновенно жилъ на землѣ, но былъ способенъ плавать. Привезенный въ Россію слѣпокъ сдѣланъ въ натуральную величину, длиной отъ носа до конца хвоста въ 26 метровъ, вышиною въ 4 метра. Залъ академіи наукъ оказался недостаточно длиннымъ, вслѣдствіе чего пришлось измѣнить заранѣе построенный специальный постаментъ такъ, чтобы можно было согнуть конецъ хвоста диплодока. Такъ же сдѣлано и въ Парижѣ и Вѣнѣ, гдѣ залы музеевъ тоже оказались недостаточно длинными. Скелеть этотъ теперь самый большой изъ всѣхъ имѣющихся въ Россіи скелетовъ четвероногихъ животныхъ, и извѣстный мамонтъ зоологическаго музея пигмей въ сравненіи съ диплодокомъ. Для слѣпка былъ сдѣланъ желѣзный остовъ, на который точно насажены отдѣльныя ребра, позвонки и т. д., сдѣланные изъ гипса, декстрина и крахмала. Везли его въ 35 ящикахъ, общимъ

вѣсомъ въ 264 пуда 32 фунта. Изъ Нью-Йорка въ Либаву перевезли бесплатно на русскихъ пароходахъ, изъ Либавы въ Петербургъ тоже бесплатно по желѣзной дорогѣ. 26 мая этотъ драгоценный подарокъ прибылъ въ столицу, и почти цѣлый мѣсяцъ пошелъ на сборку слѣпка. Одна монтировка его обошлась академіи тысячи въ двѣ, а изготовленіе слѣпка стоило американскому миллиардеру Карнеги навѣрное въ десятки тысячъ. Въ геологическомъ музеѣ идетъ надстройка зданія, чтобы можно было помѣстить туда и диплодока, но до тѣхъ поръ пройдетъ два года, а пока слѣпокъ скелета диплодока будетъ стоять въ большомъ конференцъ-залѣ академіи. При осмотрѣ его собраніемъ представители музея Карнеги отмѣтили интересную вещь: животное три раза теряло свой громаднѣйшій хвостъ. Это видно по сросшимся позвонкамъ. Въ первый разъ патологическое сращеніе имѣло мѣсто почти у самой крестовины, черезъ одинъ позвонокъ, во второй разъ у 16-го позвонка и въ третій—у 19-го позвонка. Причины этого явленія точно установить, конечно, нельзя. Жевательной системы у диплодока нѣтъ, а есть только верхніе рѣзцы. Это значитъ, что животное питалось листьями и верхушками деревьевъ. Названо оно диплодокомъ оттого, что у заднихъ ногъ имѣетъ два большихъ отростка.

Новое высшее учебное заведеніе. Съ сентября мѣсяца въ Петербургѣ, въ помѣщеніи біологической лабораторіи П. Ф. Лесгафта, открывается новое высшее учебное заведеніе — петербургскіе высшіе курсы съ факультетами общеобразовательнымъ и специальными. Основной задачей этого учрежденія является устраненіе одного изъ весьма существенныхъ недостатковъ современной высшей школы, которая даетъ лишь специальныя знанія, безъ общаго высшаго образованія, результатомъ чего между средней и высшей школой является ничѣмъ не заполненный пробѣлъ. Признавая чрезвычайно важное значеніе общаго образованія въ высшей школѣ не только для развитія, но и какъ средство, способствующее болѣе правильному выбору учащимися своей специальности, учредители высшихъ курсовъ имени П. Ф. Лесгафта ввели въ учебный планъ курсовъ особый «общеобразовательный» факультетъ, съ двухлѣтной программой, въ число предметовъ преподаванія котораго включены слѣдующія науки: математика (лекторы: проф. Бауманъ, Каргинъ), физика (проф. Боргманъ, Иоффе, Алтуховъ, Тортоновъ), химія (проф. Байковъ, Лещенко), минералогія (проф. Федоровъ), астрономія (Н. А. Морозовъ), геологія (акад. Чернышевъ, Преображенскій), анатомія и гистологія (д-ра Крассуская, Бутыркинъ), зоологія (Метальниковъ, Давыдовъ, Алтухова), физиологія (проф. Павловъ, князь Ухтомскій), ботаника (акад. Бородинъ, Рихтеръ, Зинова), бактеріологія (Омельянскій), исторія философіи (проф. Лосскій), психологія (проф. Лапшинъ), сравнительная психологія (проф. Вагнеръ), политическая экономія (проф. Туганъ-Барановскій), энциклопедія права (проф. Петражицкій, проф. Гредескулъ), государственное право (проф. Гессенъ), всеобщая исторія (проф. Тарле), всеобщая литература (Коганъ), социологія (проф. Максимъ Ковалевскій), исторія искусствъ (А. Бенуа), исторія музыки (проф. Каль), рисованіе (проф. Матэ), гимнастика по методу Лесгафта (Познеръ, Теренина). Лишь по окончаніи общеобразовательнаго факультета слушатель, успѣшно сдавшій соотвѣтствующія испытанія, можетъ поступить на одинъ

изъ слѣдующихъ четырехъ специальныхъ факультетовъ, по своему выбору: физико-математическій, юридическій, историко-филологическій и педагогическій; минимумъ пребыванія на каждомъ изъ нихъ—2 года; объемъ преподаванія—университетскій. Важное мѣсто въ программѣ курсовъ отводится практическимъ занятіямъ по всѣмъ отраслямъ знаній, для которыхъ біологическая лабораторія профессора Лесгафта предоставила свои учебныя пособія, лабораторіи, музей и проч. Начало занятій—въ сентябрѣ 1910 года. Плата за слушаніе лекцій—75 рублей въ годъ. Прошенія и справки — Петербургъ, Английскій, 32. Личныя объясненія—тамъ же по понедѣльникамъ и пятницамъ отъ 5 до 6 часовъ вечера. Не имѣющіе свидѣтельствъ среднихъ учебныхъ заведеній принимаются вольнослушателями и вольнослушательницами. Обязанности директора курсовъ принялъ на себя проф. Максимъ Максимовичъ Ковалевскій. Предсѣдатель попечительнаго совѣта—Н. В. Дмитріевъ.

Памяти А. Н. Островскаго. Гласный московской городской думы Н. А. Шапчикъ подалъ въ думу заявленіе съ предложеніемъ участвовать въ сооруженіи памятника въ Москвѣ А. Н. Островскому по поводу исполняющагося 2 іюня 1911 г. 25-лѣтія со дня кончины русскаго драматурга. Гласный указываетъ, что вопросъ о постановкѣ памятника былъ возбужденъ еще въ 1886 году въ первомъ послѣ смерти А. Н. Островскаго общемъ собраніи членовъ общества русскихъ драматическихъ писателей. Тогда же рѣшено было испросить Высочайшее соизволеніе на сборъ пожертвованій по всей Россіи. Въ 1886 году общество драматическихъ писателей ассигновало 5,000 руб. на сооруженіе памятника. Въ настоящее время путемъ подписки среди членовъ и отчисленія изъ средствъ общества сумма эта возросла до 30,000 руб. Г. Шаминъ предлагаетъ городской думѣ просить купеческое общество и другія сословія города Москвы принять участіе въ сооруженіи памятника А. Н. Островскому. Мѣстомъ для постановки памятника гласный указываетъ Театральную площадь.

Къ 50-лѣтію освобожденія крестьянъ. Московское общество грамотности объявило конкурсъ на соисканіе премии за лучшее сочиненіе по вопросу объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости по случаю исполняющагося 50-лѣтія со дня этого величайшаго событія въ русской исторіи. Главная задача конкурсной работы—дать такой доступный для широкихъ массъ читателей очеркъ крестьянской реформы, который заполнилъ бы какой-либо существенный пробѣлъ въ нашей популярно-исторической литературѣ. Поддѣлки подъ народную рѣчь не должны имѣть мѣста въ предполагаемомъ сочиненіи, хотя оно предназначается главнымъ образомъ для крестьянской и вообще простой массы грамотнаго народа. Въ работѣ должно быть выяснено, какъ въ связи съ реформою 1861 г. былъ поставленъ и разрѣшенъ вопросъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, а также указаны результаты выкупа надѣловъ. Другая тема, предложенная на соисканіе премии московскаго общества грамотности, касается вопроса: что дала русскому крестьянину реформа 19 февраля 1861 г. Тутъ должны быть выяснены основныя причины, подготовившія реформу, экономическое и юридическое положеніе крестьянъ, важнѣйшія измѣненія въ развитіи началъ, положенныхъ въ основу освободительной реформы, искаженной впоследствии подъ вліяніемъ реакціонной политики правительства.

Особенное вниманіе авторы должны обратить на работы губернскихъ комитетовъ, редакціонныхъ комиссій и взаимныя отношенія правительства, бюрократіи и общественныхъ элементовъ въ дѣлѣ проведенія реформы. Для оцѣнки представленныхъ сочиненій избранъ комитетъ изъ слѣдующихъ лицъ: профессора В. О. Ключевского, профессора А. А. Мануилова, Н. А. Каблукова, А. В. Вормса, А. А. Кизеветтера, М. М. Богословскаго, В. И. Сыромятникова, А. И. Яковлева, В. А. Розенберга, В. И. Анисимова и П. Л. Барскова. Условія конкурса слѣдующія: представленные работы не должны имѣть болѣе 5 печатныхъ листовъ (по 40 тысячъ буквъ) на каждую тему. Авторъ премированного сочиненія получаетъ золотую медаль и по 100 руб. за печатный листъ. Первое изданіе премированной работы печатается московскимъ обществомъ грамотности въ количествѣ 10—15 тысячъ экземпляровъ. Работы должны быть представлены къ 1 декабря 1910 г., безъ подписи, съ какимъ-либо девизомъ. Жюри разсмотритъ всѣ сочиненія къ 1 января 1911 г. Непремированныя работы, но признанныя жюри хорошими, получаютъ почетный отзывъ.

Всероссійскій сборъ пожертвованій на памятникъ А. П. Чехову. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, Высочайше соизволилъ разрѣшить таганрогской городской думѣ открыть всероссійскій сборъ добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе въ городѣ Таганрогѣ памятника А. П. Чехову.

Объединенный комитетъ по сооруженію памятника Т. Г. Шевченка объявляетъ вторичный международный конкурсъ на составленіе эскиза памятника, предназначеннаго къ сооруженію въ городѣ Кіевѣ. Срокъ представленія эскизовъ—3 часа пополудни 1 февраля стараго стиля 1911 года. Преміи назначаются въ 1500 руб., 1000 руб. и 500 руб. Подробную программу конкурса и планъ мѣстности, предназначенной подъ памятникъ, можно получить въ Объединенномъ комитетѣ (Кіевъ, городская управа) или прочесть въ журналѣ «Зодчій», напечатавшемъ программу полностью.

Литературный конкурсъ всероссійскаго національнаго клуба. Все россійскій національный клубъ объявляетъ конкурсъ на составленіе пьесы, соответствующей событію 19 февраля 1861 года. Пьеса должна быть трех-актная и составлена въ національно-народномъ духѣ. 1-я премія—300 рублей, 2-я—150 руб. Удостоенная 1-й преміи пьеса издается клубомъ, поступаетъ въ полное распоряженіе послѣдняго и является его собственностью на 1910 и 1911 годы; авторъ, сверхъ преміи, получаетъ соответствующій гонораръ. Срокъ представленія рукописей 1 ноября 1910 года. Съ запросами и объясненіями должно обращаться въ издательскую комиссію Всероссійскаго Национальнаго клуба: С.-Петербургъ, Литейный, 10.

НЕКРОЛОГИ.

АДАДУРОВЪ, Н. Е. Въ ночь на 13 іюня, послѣ продолжительной болѣзни, скончался предсѣдатель инженернаго совѣта Николай Евграфовичъ Ададуновъ. Имя покойнаго пользуется большой извѣстностью въ инженерномъ мірѣ. Покойный, окончивъ курсъ въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія былъ назначенъ на службу въ департаментъ проектовъ и смѣтъ. Вскорѣ покойный перешелъ на линіи частныхъ желѣзныхъ дорогъ, гдѣ постепенно занималъ отвѣтственныя должности. Затѣмъ, какъ выдающійся инженеръ-администраторъ, былъ приглашенъ управлять Либаво-Роменской желѣзной дорогой и вслѣдъ за переходомъ дороги въ казну остался начальникомъ этой дороги. Съ назначеніемъ графа С. Ю. Витте управляющимъ министерствомъ путей сообщенія покойный немедленно былъ приглашенъ стать во главѣ управления казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и вскорѣ послѣ преобразованія центральныхъ учреждений министерства путей сообщенія былъ назначенъ начальникомъ управления по сооруженію Сибирской желѣзной дороги, въ 1905 г. назначенъ членомъ инженернаго совѣта, въ 1908 г. предсѣдателемъ того же совѣта. Покойный отличался своей искренностью и сердечностью. Состоя во главѣ разныхъ учреждений, онъ постоянно заботился о младшихъ служащихъ, за что, конечно, пользовался ихъ симпатіями. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12305).

† **Берестневъ, Н. М.** 30-го іюня на Миусскомъ кладбищѣ въ Москвѣ похоронили приватъ-доцента московскаго университета, завѣдующаго бактериологическимъ институтомъ при Ново-Екатерининской больницѣ, Николай Михайловича Берестнева, безвременно скончавшагося въ ночь на 27 іюня. Покойный родился въ 1867 году и воспитывался въ слущкой гимназій, изъ которой въ 1876 году поступилъ на медицинскій факультетъ московскаго университета. По окончаніи курса лекаремъ (1891 г.), онъ состоялъ штатнымъ

ординаторомъ пропедевтической университетской клиники (1892—1895 г.), помощникомъ завѣдующаго бактериологическимъ институтомъ (съ 1895 г.), а послѣ полученія степени доктора (1897 г.) и приватъ-доцентомъ университета (съ 1899 г.) для преподаванія медицинской бактериологiи. Наконецъ, съ 1908 года покойный занялъ мѣсто директора бактериологическаго института и въ этой должности пробылъ только два года. Къ его ученымъ трудамъ принадлежали: докторская диссертация — «Актиномикозъ и его возбудители» (М. 1897 г.) и спеціальныя статьи въ медицинскихъ журналахъ. (Некрологъ его: «Московск. Вѣдом.» 1910 г., № 147).

† **Беккеръ, М. Н.** Въ Севастополь скончалась Марiя Николаевна Беккеръ, бывшая въ теченiе почти тридцати лѣтъ главной надзирательницей Коломенской женской гимназiи. Покойная—дочь умершаго отъ ранъ офицера—родилась въ 1835 г. Круглой сиротой она была привезена въ Петербургъ изъ Малороссiи и опредѣлена въ Патрiотическiй институтъ, курсъ въ которомъ окончила съ первымъ золотымъ шифромъ. Затѣмъ была чтицей и воспитательницей внуковъ графини Левашовой. Поселившись въ 60-хъ годахъ въ Дрезденъ, она занялась воспитанiемъ дѣтей своей сестры и родственницъ. Путешествуя по Швейцарiи и Германiи, изучала тамошнiя школы съ цѣлью открыть въ Россiи свое частное учебное заведенiе, однако это ей не удалось. Покойный принцъ П. Г. Ольденбургскiй предлагалъ ей мѣсто начальницы въ одномъ изъ провинциальныхъ институтовъ, но М. Н. отказалась, желая трудиться въ Петербургѣ. Когда въ 1879 г. въ Коломенской гимназiи освободилась должность главной надзирательницы, покойная заняла эту должность, и съ того времени до прошлаго года имя ея и ея труды были неразрывно связаны съ гимназiей. За это время тысячи ученицъ гимназiи находились на ея попеченiи, изъ нихъ до полуторы тысячи окончили гимназическiй курсъ. Въ обществѣ вспомошествованiя нуждающимся ученицамъ М. Н., пока позволяли ей силы, принимала дѣятельное участiе, устраивая ежегодно въ пользу общества концерты, спектакли и базары. Какъ воспитательница, она любовно относилась къ каждой отдѣльной ученицѣ, считаясь съ ея индивидуальными особенностями. Бѣдныя ученицы особенно заботили ея, и она старалась добыть средства, чтобы онѣ могли закончить свое образованiе, добывала имъ уроки и по окончанiи ими гимназiи устраивала имъ частныя занятiя. Словомъ, она любила дѣтей и всецѣло заслужила ихъ горячiя симпатiи. (Некрологъ ея: «Новое Время» 1910 г., № 12.327).

† **Бураковскiй, А. З.** Скончавшiйся 10-го iюля А. З. Бураковскiй былъ однимъ изъ старѣйшихъ членовъ русской артистической семьи, до самыхъ послѣднихъ часовъ своей жизни, несмотря на преклонный возрастъ, не порывавшiй связи со сценой. За свою долгую сценическую карьеру покойный перепробовалъ много различныхъ амплуа, пока не сдѣлался окончательнo простакомъ опереточной сцены. Родился онъ въ Петербургѣ. Тамъ же, увлекшись сценой и оставивъ изъ-за нея школьную скамью, онъ началъ пробовать свои силы на театральномъ поприщѣ, сперва въ качествѣ любителя, а затѣмъ и профессиональнаго артиста. Послѣ первыхъ шаговъ въ Петербургѣ молодой артистъ въ теченiе нѣсколькихъ лѣтъ подвизался на драматическихъ сценахъ провин

ці и приобрѣлъ извѣстность въ качествѣ артиста на первыя роли. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ получилъ дебютъ на Александринской сценѣ. Однако, несмотря на успѣхъ его дебюта, онъ не былъ принятъ на императорскую сцену и снова уѣхалъ въ провинцію, перемѣнивъ вмѣстѣ съ тѣмъ драматическую сцену на опереточную. Онъ служилъ въ опереткѣ Сѣтова въ Кіевѣ, у Пальма въ Тифлисъ, у Вальяно въ Одессѣ и др. Въ Москвѣ покойный выступилъ впервые въ 1873 году въ качествѣ рассказчика и куплетиста. Затѣмъ служилъ въ опереточныхъ предіриятіяхъ Лентовскаго, Родона и Блюменталь-Тамарина. Изъ Москвы снова уѣзжалъ въ провинцію, гдѣ выступалъ то въ опереткѣ, то въ драмѣ. На склонѣ лѣтъ судьба снова привела его въ столицы. Послѣдніе два-три сезона онъ служилъ въ опереткѣ Тумпакова въ Петербургѣ, откуда въ началѣ этого лѣта перешелъ въ опереточную труппу московскаго театра «Эрмитажъ». (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1910 г., № 159).

† **Володиміровъ, В. М.** Въ ночь на 5-е іюля скончался послѣ тяжелой болѣзни бывший заслуженный профессоръ Александровской военно-юридической академіи Владимиръ Михайловичъ Володиміровъ. Покойный родился 23-го декабря 1840 года. По окончаніи курса во второмъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, поступилъ въ военно-юридическую академію. Затѣмъ прослушалъ полный курсъ юридическаго факультета кіевского университета. Въ 1870 г. назначенъ преподавателемъ военно-юридической академіи, затѣмъ былъ помощникомъ начальника академіи и съ 1878 г. по 1900 г.—профессоромъ по кафедрѣ военно-уголовнаго судопроизводства. Одновременно въ 1882—1883 г. былъ начальникомъ отдѣленія главнаго военно-суднаго управленія и исполнялъ должность товарища главнаго военнаго прокурора. Съ 1879 г. покойный въ теченіе многихъ лѣтъ редактировалъ «Журналъ гражданскаго и уголовнаго права», издаваемый спб. юридическимъ обществомъ. Въ немъ онъ напечаталъ наибольшее количество своихъ юридическихъ трудовъ: «Объ отмѣнѣ приговоровъ, вошедшихъ въ законную силу, по русскому праву», «Реформы предварительнаго слѣдствія», «Положеніе судовъ и судей за 25 лѣтъ» и др. Отдѣльно имъ изданъ «Курсъ военно-уголовнаго судопроизводства». Въ послѣдніе годы покойный состоялъ гласнымъ спб. думы. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12.326).

† **Дворжакъ, К. К.** 6-го іюля скончался въ Рязани на 67-мъ году жизни мѣстный общественный дѣятель Александръ Карловичъ Дворжакъ. Воспитанникъ петербургскаго университета, математикъ по образованію, А. К. по службѣ былъ агентомъ страхового общества, но вся духовная сторона его жизни была всецѣло отдана земскому дѣлу. Съ начала 70-хъ годовъ А. К. былъ безсмѣнно рязанскимъ уѣзднымъ и губернскимъ гласнымъ, вплоть до 1905 года, бывшаго роковымъ почти для всѣхъ старыхъ земцевъ. Хотя А. К. горячо интересовался всѣми земскими вопросами и принималъ самое живѣйшее участіе въ земской работѣ, участвуя во всѣхъ комиссіяхъ, но особо любимымъ дѣтищемъ его было народное образованіе. По общепризнанному мнѣнію, дѣло народнаго образованія въ Рязанскомъ уѣздѣ было организовано А. К. Изъ года въ годъ онъ представлялъ земскому собранію обширные доклады по народному образованію, въ которыхъ всегда заключался богатый, остроумно обра-

ботанный статистическій матеріалъ, оперируя съ которымъ А. К. умѣлъ объективно доказать собранію: необходимость нормальнаго типа школьныхъ зданій, приспособленнаго къ гигиеническимъ требованіямъ и числу дѣтей школьнаго возраста даннаго района, необходимость созданія школьныхъ правилъ, нормирующихъ взаимоотношенія земства и сельскихъ обществъ, преимущество учительскаго персонала изъ воспитанниковъ учительской семинаріи передъ воспитанниками духовныхъ семинарій, преимущество земской школы передъ церковно-приходской и т. п. А тогда принципы строительства земской школы только еще создавались, и, слѣдовательно, А. К. былъ однимъ изъ творцовъ и новаторовъ этого дѣла въ Россіи. Земское собраніе съ уваженіемъ прислушивалось къ слову А. К. и дѣлало по его указанію. А. К. живо и серьезно понималъ значеніе общественности и былъ однимъ изъ организаторовъ кружка земцевъ Рязанской губерніи, обсуждавшихъ на предварительныхъ домашнихъ совѣщаніяхъ всѣ текущіе земскіе вопросы. Этими совѣщаніямъ А. К. всегда приписывалъ самое серьезное значеніе и принималъ въ нихъ живѣйш е участіе. Начавшаяся политическая жизнь, со всѣми ея разочарованіями и огорченіями, застала А. К. уже большимъ старикомъ, но онъ не отошелъ отъ этого новаго потока жизни. Онъ бросился въ этотъ потокъ, какъ молодой, горячо вѣря въ будущее. А. К. принималъ самое горячее участіе въ выборахъ въ государственную думу, организовалъ мѣстный отдѣлъ партіи народной свободы, былъ председателемъ ея и постояннымъ делегатомъ на общія конференціи партіи. Участіе въ политической жизни своей страны А. К. считалъ долгомъ каждаго гражданина, и, выполняя его, онъ, больной, вопреки запрещенію врача, отправился въ Петербургъ на бывшій весной съѣздъ делегатовъ партіи народной свободы и возвратился оттуда съ обострившимся воспаленіемъ легкихъ, слегъ въ постель и болѣе уже не вставалъ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1910 г., № 160).

† **Казимиръ, К. Ѳ.** 12-го іюня, въ 9 ч. утра, скончался отъ злокачественной опухоли на почвѣ діабета, на 55-мъ году жизни, въ своемъ имѣніи Васькауцы Хотинскаго уѣзда бывшій членъ 1-й государственной думы отъ Бессарабіи Константинъ Ѳеодоровичъ Казимиръ.

Покойный былъ весьма популяренъ и пользовался любовью и уваженіемъ не только въ предѣлахъ Бессарабіи, но и по всему югу Россіи. Популярность эта зиждется главнымъ образомъ на его культурной и просвѣтительной дѣятельности. К. Ѳ. оказывалъ матеріальную помощь сотнямъ учащихся въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Поборникъ женскаго образованія, онъ особенно охотно оказывалъ помощь учащимся женщинамъ. Національныхъ различій для К. Ѳ. не существовало. Обо всѣхъ своихъ стипендіатахъ К. Ѳ. постоянно заботился вплоть до того, что заболѣвшихъ посылалъ на курорты. Со всѣми переписывался. На стипендіи учащимся К. Ѳ. расходовалъ ежегодно много тысячъ рублей, пользуясь для этого какъ личными средствами, такъ и средствами, завѣщанными ему умершимъ братомъ и предназначенными на просвѣтительныя цѣли. Помимо поддержки стипендіатовъ, К. Ѳ. принималъ участіе во многихъ общественныхъ и просвѣтительныхъ начинаніяхъ. Образованіе покойный получилъ въ Петровско-Разумовской академіи. Былъ образцовымъ

сельскимъ хозяиномъ, съ мнѣніемъ его по вопросамъ о сельско-хозяйственныхъ нуждахъ края считались не только въ земствѣ, но и въ министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Земской дѣятельности К. Θ. отдался сейчасъ же по окончаніи академіи. Въ земствѣ постоянно примыкалъ къ прогрессивной группѣ. Былъ гласнымъ хотинскаго и сорокского уѣздныхъ земствъ и губернскимъ гласнымъ, за исключеніемъ послѣднихъ двухъ трехлѣтій, когда съ наступленіемъ реакціи онъ покинулъ губернское земство. Въ 1905 году политическое движеніе захватило и К. Θ. Казимира. Между прочимъ въ октябрѣ, еще до манифеста, въ его имѣніи состоялся съѣздъ прогрессивныхъ дворянъ сѣверныхъ уѣздовъ Бессарабіи. Избранный въ 1-ю государственную думу, К. Θ. примкнулъ тамъ сначала къ партіи мирнаго обновленія, а затѣмъ къ партіи демократическихъ реформъ. Вѣсть о смерти К. Θ. съ живѣйшей печалью будетъ встрѣчена не только въ Бессарабіи, не только на всемъ югѣ, но и во многихъ городахъ Россіи, гдѣ разбѣяны поддержалные имъ люди. Въ лицѣ К. Θ. Бессарабія потеряла одного изъ рѣдкихъ своихъ сыновъ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣд.» 1910 г., № 136.

† **Кирѣевъ, А. А.** Въ Павловскѣ скончался 13 іюля извѣстный писатель-славянофилъ и богословъ, генераль-отъ-кавалеріи Александръ Алексѣевичъ Кирѣевъ, состоявшій при ея императорскомъ высочествѣ великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ. Онъ росъ и воспитывался частью въ Москвѣ, частью въ подмосковной деревнѣ, въ средѣ съ сильнымъ славянофильскимъ оттѣнкомъ, и съ конца 60-хъ годовъ самъ отдался всецѣло славянскому дѣлу, сдѣлавшись однимъ изъ ревностѣйшихъ членовъ «Славянскаго комитета», сыгравшаго, какъ извѣстно, немалую роль въ подготовленіи борьбы славянъ за независимость. Посвятивъ себя служенію славянофильскимъ идеаламъ, Кирѣевъ принималъ съ 90-хъ годовъ видное участіе въ журналистикѣ, популяризируя и обосновывая славянофильское ученіе, всесторонне установленное Хомяковымъ. Помимо газетныхъ статей, онъ выступалъ много разъ съ рѣчами въ публичныхъ собраніяхъ, разъясняя вопросы современной жизни съ точки зрѣнія славянофильства. Онъ понималъ православіе, какъ высшее выраженіе этического начала русскаго народа, догматически тождественное съ ученіемъ великой нераздѣльной церкви, а самодержавіе, какъ полновластіе царя, усиленное свободнымъ совѣтомъ выборныхъ людей всей русской земли. Изъ его наиболѣе крупныхъ брошюръ особенное вниманіе обратили на себя его полемика съ В. С. Соловьевымъ, К. П. Леонтьевымъ, княземъ С. Трубецкимъ, Милоковымъ и І. Стэддомъ: «Правда о Россіи», «Споръ съ западниками настоящей минуты», «Избавимся ли мы отъ нигилизма» (письмо императору Александру II) и «Россія въ началѣ XX столѣтія». Затѣмъ покойный занимался богословскими вопросами и въ этой области приобрѣлъ себѣ извѣстность не только въ Россіи, но и за границей. Главнѣйшимъ поводомъ къ усиленнымъ занятіямъ богословіемъ послужило для него старокатолическое движеніе. Онъ подружился съ вождями старокатоликовъ, знаменитымъ Делингеромъ и другими, и сталъ какъ бы представителемъ ихъ передъ святѣйшимъ синодомъ и русскими богословами. Онъ былъ убѣжденъ, что старокатолики являются «поборниками православной истины на Западѣ», несомнѣнно исповѣдующими православное догматическое

ученіе, и настойчиво проводилъ этотъ взглядъ въ богословской литературѣ, встрѣчая на своемъ пути много ожесточенной критики со стороны богослововъ, но еще болѣе сочувственныхъ отзывовъ. За свои богословскія сочиненія Кирѣевъ былъ избранъ московской духовной академіей въ ея почетные члены. Изъ его сочиненій богословскаго содержанія особеннымъ распространениемъ пользовалась его брошюра на нѣмецкомъ языкѣ: «Zur Unfehlbarkeit des Papstes», переведенная на русскій, французскій, польскій, англійскій и греческій языки. Изъ полемическихъ статей интересны съ В. С. Соловьевымъ (объ отношеніи православія къ католицизму), съ докторомъ богословія Гусевымъ (о Filioque и о пресуществленіи), съ протоіереемъ Мальцевымъ и другими по вопросу о разводѣ. Покойный былъ однимъ изъ убѣжденныхъ сторонниковъ созыва вселенскаго и помѣстнаго собора православныхъ церквей. Кромѣ того, Кирѣевъ интересовался также военными вопросами и считался однимъ изъ авторитетныхъ знатоковъ вопроса о дуэли. Въ послѣднія двадцать лѣтъ онъ печаталъ свои статьи въ «Новомъ Времени». Александръ Алексѣевичъ родился въ Москвѣ, въ старой дворянской семьѣ, 26-го октября 1833 года. Его сестра—извѣстная писательница Ольга Новикова. Родители готовили его къ поступленію въ московскій университетъ, но императоръ Николай I, принимавшій живое участіе въ семействѣ Кирѣевыхъ, рѣшилъ иначе, и покойный 19 лѣтъ былъ помѣщенъ въ Пажескій корпусъ. Въ 1853 году произведенъ изъ камеръ-пажей въ корнеты лейбъ-гвардіи Коннаго полка, гдѣ и оставался до 1862 года, посѣщая между службой петербургскій университетъ, гдѣ былъ въ теченіе трехъ лѣтъ вольнослушателемъ. Въ 1862 году былъ назначенъ адъютантомъ къ великому князю Константину Николаевичу, назначенному намѣстникомъ царства Польскаго. Съ этого времени покойный не разставался съ великимъ княземъ, состояя при немъ до его смерти, затѣмъ состоялъ при вдовствующей великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ, проживая по преимуществу въ Павловскѣ. Годъ назадъ Александръ Алексѣевичъ сталъ жаловаться на глаза (у него было воспаленіе роговой оболочки) и въ послѣднее время почти совершенно ослѣпъ. Однако слѣпота не помѣшала ему до послѣдняго дня своей жизни заниматься литературой. Еще утромъ онъ навелъ справки о печатаніи своей книги. Въ лицѣ покойнаго сошелъ въ могилу не только писатель, но и прекрасной души человекъ. Въ высшей степени справедливый и замѣчательно сердечный, онъ пользовался симпатіями всѣхъ, кто его зналъ. (Некрологъ его: «Нов. Вр.» 1910 г., № 12333).

† **Конюховъ. К. М.** 15-го іюня скорпостижно скончался отъ кровоизліянія въ мозгъ скромный и честный труженикъ, предсѣдатель правленія общества російскихъ фельдшеровъ Константинъ Михайловичъ Конюховъ. По профессіи лекарскій помощникъ, покойный послѣднія 20 лѣтъ состоялъ фельдшеромъ при императорскомъ лицѣѣ и пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью. Его энергіей и инициативой было облегчено, путемъ докладной записки въ главное медицинское управленіе, тяжелое положеніе фельдшеровъ бакинскаго района; имъ же подана была министру путей сообщенія записка о тягостномъ положеніи фельдшеровъ на желѣзныхъ дорогахъ. К. М. Конюховъ много работалъ также по вопросу объ объединеніи упомя-

нутаго петербургскаго «общества» съ московскимъ «союзомъ лекарскихъ помощниковъ» и въ послѣдніе годы посвятилъ разработкѣ его рядъ дѣльных статей въ газетѣ «Фельдшеръ». Покойному не было еще пятидесяти лѣтъ; онъ оставилъ безъ средствъ жену и семь человѣкъ дѣтей. (Некрологъ его «Рѣчь» 1910 г., № 163).

† **Корнѣевъ-Кирилловъ, М. В.** Скончавшійся 13-го іюня Михаилъ Васильевичъ Корнѣевъ-Кирилловъ пользовался извѣстностью, какъ авторъ нѣсколькихъ водевилей и веселыхъ, преимущественно одноактныхъ комедій. Кромѣ того, онъ сотрудничалъ во многихъ газетахъ по театральному отдѣлу и въ театральныхъ изданіяхъ. Его знали почти всѣ петербургскіе артисты. Онъ интересовался ихъ жизнью, сценическими успѣхами и тщательно собиралъ біографическія свѣдѣнія о нихъ. Имъ между прочимъ напечатаны біографіи М. И. Писарева, М. Г. Савиной и др. Умеръ покойный въ крайней бѣдности, пользуясь въ послѣдніе годы покровительствомъ и помощью своихъ знакомыхъ по сценѣ и журналистикѣ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12.307).

† **Крестовская, М. В.** Четверть вѣка тому назадъ на страницахъ «Русскаго Вѣстника» (1885 г., кн. 2) появился небольшой этюдъ, подъ заглавіемъ: «Иса — уголокъ театральнаго мірка», за скромною подписью «М. Кр.». Въ этомъ произведеніи былъ очерченъ провинціальный театръ со всею пошлою обстановкой, самодовольной ограниченностью его представителей, — а вмѣстѣ съ тѣмъ на такомъ фонѣ изображенъ характеръ начинающей актрисы, полуревенка Исы, въ которой искра истиннаго дарованія мало-по-малу тушится отъ безконечныхъ интригъ, и юная артистка, обезсиленная борьбой, невольно рѣшается произнести роковое: «Жить не надо!»... Этотъ талантливый беллетристическій очеркъ, обратившій на себя вниманіе читателей и критики, былъ первымъ литературнымъ дебютомъ молодой писательницы — Маріи Всеволодовны Крестовской (по мужу — Картавцевой), нынѣ сошедшей въ могилу. Она родилась въ 1862 году и была родною дочерью извѣстнаго романиста Всеволода Владимировича Крестовскаго. Послѣ прекраснаго воспитанія и блестящаго образованія, М. В. по любви къ театру съ успѣхомъ выступала на частныхъ сценахъ, мечтала сдѣлаться актрисой, но затѣмъ, по примѣру отца, избрала литературную карьеру. Послѣ «первой пробы пера» покойная помѣстила рядъ беллетристическихъ сочиненій, которыя и утвердили за ней имя даривитой писательницы. Къ такимъ ея произведеніямъ относились: «Лѣля», рассказъ изъ театральнаго быта («Русскій Вѣстникъ») 1885 г., кн. 8—9), «Раннія грозы», романъ (1886 г., кн. 8, 10—12), «Внѣ жизни», повѣсть (1887 г., 8—9), «Испытаніе», рассказъ (кн. 12), «Семейныя неприятели», рассказъ (1888 г., кн. 9), «Ложь», рассказъ («Московскія Вѣдомости») 1888 г., №№ 353—357), «Три стихотворенія» («Русск. Вѣстн.» 1889 г., кн. 8), «Немудреные», рассказъ (кн. 9) и «Торжество Юліи Андреевны», романъ («Нива», 1889 г., №№ 13—19). Большая часть изъ перечисленныхъ произведеній вышла отдѣльнымъ собраніемъ подъ заглавіемъ: «Романы и повѣсти В. М. Крестовской» (Спб. 1889 г., два тома) и вызвала сочувственную критическую статью извѣстнаго «эстета» В. П. Ключникова въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1889 г., № 154). Въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія, кромѣ

второго изданія своихъ «Романовъ и повѣстей» (Спб. 1892 г.), М. В. Крестовская недолго продолжала такъ прекрасно начатую литературную дѣятельность. Изъ-подъ ея пера за пятилѣтній періодъ появились лишь слѣдующія сочиненія: «Бабушкина внучка», повѣсть («Русск. Обзоръ»), 1890 г., кн. 1—2), «Сонъ въ лѣтнюю ночь», рассказъ (кн. 6), «Артистка», романъ («Вѣстн. Евр.»), 1891 г., кн. 4—12), «Ревность», изъ семейныхъ неприятностей («Русск. Обзоръ»), 1892 г., кн. 1), «Имениница», рассказъ («Книжки Недѣли», 1892 г., кн. 8), «Сынъ», повѣсть («Вѣстн. Евр.»), 1893 г.; кн. 11—12) и «Женская жизнь», повѣсть въ письмахъ («Сѣверн. Вѣстн.», 1894 г., 11—12; 1895 г., кн. 1). Также и названныя произведенія вышли отдѣльно, составивъ третій и четвертый томы «Романовъ и повѣстей М. В. Крестовской» (Спб. 1896 г.). Наконецъ къ числу послѣднихъ сочиненій покойной писательницы принадлежали: «Вопль», рассказъ («Русск. Мысль», 1900 г., кн. 1—2) и «Исповѣдь Мытицева», 1901 г., кн. 1—2). Скончалась М. В. въ своемъ финляндскомъ имѣннн далеко не въ старомъ возрастѣ, на 48-мъ году жизни, но послѣ продолжительныхъ и мучительныхъ страданій. (Некрологъ ея: «Московск. Вѣдом.» 1910 г., № 146).

† **Кузнецовъ, А. X.** Въ Харьковѣ скончался одинъ изъ выдающихся русскихъ клиницистовъ, заслуженный профессоръ харьковского университета, деканъ медицинскаго факультета Александръ Харитоновичъ Кузнецовъ. Почившій былъ университетскимъ товарищемъ недавняго юбиляра Л. Л. Гиршмана, вмѣстѣ съ нимъ окончилъ харьковскій медицинскій факультетъ въ 1860 году, и 1-го іюня текущаго года въ Харьковѣ чествовали неофициально—официальное чествованіе перенесено было на осень—обоихъ маститыхъ юбиляровъ, полвѣка отдавшихъ наукѣ и врачеванію. Александръ Харитоновичъ Кузнецовъ въ 1868 году защитилъ докторскую диссертацию на тему: «Матеріалы для исторіи развитія кори» (Харьковъ, 1868 года) и съ 1876 года состоялъ профессоромъ госпитальной терапевтической клиники въ родномъ университетѣ. За пятьдесятъ лѣтъ практической и научной дѣятельности у покойнаго образовалась цѣлая школа широко образованныхъ учениковъ и огромный, безконечный формуляръ врача-практика; многочисленныя научныя работы Александра Харитоновича помѣщены: въ «Современной Медицинѣ», «Военно-Медицинскомъ Журналѣ», журналѣ харьковского медицинскаго общества и многихъ другихъ изданіяхъ. Кромѣ того, Александръ Харитоновичъ былъ душой и однимъ изъ основателей молодого медицинскаго общества, которое имѣетъ огромное значеніе для всего юга Россіи, какъ крупный научно-врачебный центръ и теперь, — быть можетъ, съ нынѣшняго же года, — приступаетъ къ созданію цѣлаго медицинскаго института въ Харьковѣ. Наконецъ, очень много потрудился покойный профессоръ и для поднятія уровня Славянскихъ минеральныхъ водъ, которыхъ онъ былъ въ высшей степени дѣятельнымъ директоромъ. (Некрологъ его: «Рѣчь» 1910 г., № 191).

† **Куинджи, А. И.** 11-го іюля послѣ продолжительной болѣзни и послѣ тяжкихъ страданій послѣднихъ дней скончался въ Петербургѣ Архипъ Ивановичъ Куинджи, одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей русской живописи. Покойный А. И. родился въ 1842 году, учился живописи у Айвазовскаго и затѣмъ въ академіи художествъ. Пейзажи его своей оригинальностью, своими

красочными и свѣтовыми эффектами, своеобразной одушевленностью и изяществом вскорѣ же обратили на себя общее вниманіе и поставили его имя въ рядъ нашихъ лучшихъ пейзажистовъ. Но самъ художникъ, относившійся къ себѣ съ чрезвычайной строгостью, оставался недоволенъ своимъ творчествомъ и въ разгаръ подъема своей популярности неожиданно сошелъ со сцены и пересталъ выставлять свои картины. Теперь уже болѣе 25-ти лѣтъ, какъ новыя работы А. И. не появлялись. Работать, однако, онъ продолжалъ энергично до послѣдняго времени, пока позволяло здоровье. Дѣятельность его была направлена главнымъ образомъ въ педагогическую сторону; онъ много занимался съ своими учениками, но не оставлялъ и самостоятельнаго творчества. Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ устроилъ даже выставку своихъ позднѣйшихъ произведеній, но только для особенно любимыхъ учениковъ. Бывшіе на этой выставкѣ передавали, что нѣкоторыя произведенія Куинджи, датированныя позднѣйшими годами, заставляли изумляться силой мастерства художника, свѣжестью красокъ, неожиданностью и глубокой художественностью колористическихъ эффектовъ. На всѣ просьбы своихъ учениковъ выставить передъ публикой эти работы Куинджи оставался непреклоненъ и вскорѣ далеко спряталъ эти пейзажи вмѣстѣ съ многими иными, написанными въ долготлѣтній періодъ его художественнаго затворничества. Какъ человекъ, А. И. оставилъ по себѣ лучшую память. Горячо преданный искусству, добрый, отзывчивый, щедрый на помощь другимъ, чуждый всякой мелочности, сведшій свои матеріальныя потребности до минимума (въ послѣднее время онъ съ женой обходились безъ прислуги), А. И. представляетъ собою удивительный по нравственной красотѣ типъ. Принимая близко къ сердцу нужды и потребности искусства и художниковъ, покойный А. И. одно время пытался работать и въ академіи художествъ, но не могъ ужиться съ мертвенностью и бюрократизмомъ ея руководителей. За нѣсколько дней до своей кончины А. И. обратился къ своимъ друзьямъ: академику Рериху, скульптору Позену и доктору Гурвичу со слѣдующими словами: «Все нужно выражать какъ можно короче и проще. Учитесь находить великія и нужныя слова, но говорите ихъ короче». Все свое состояніе покойный художникъ завѣщалъ обществу его имени, а также мастерскую, гдѣ находится очень много начатыхъ и оконченныхъ, какъ эскизовъ, такъ и готовыхъ, заключенныхъ даже въ рамы картинъ. Этихъ произведеній никому не показывалъ покойный, и часть ихъ была имъ сожжена, послѣ чего съ нимъ случился первый припадокъ, который и ускорилъ печальный конецъ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1910 г., № 159).

† **Леонтьевъ, Н. С.** Въ Парижѣ скончался Николай Степановичъ Леонтьевъ, немало поработавшій по вопросу о созданіи русско-абиссинскихъ отношеній. Въ октябрѣ 1894 года по своей инициативѣ и на свои собственныя средства покойный предпринялъ подъ покровительствомъ императорскаго географическаго общества экспедицію въ Абиссинію, имѣвшую, кромѣ научныхъ результатовъ, возстановленіе уваженія къ русскому имени послѣ неприятныхъ событій съ Ашиновымъ и преподаніе мысли негусу Менелику объ отправкѣ чрезвычайнаго посольства Государю Императору для установленія официальныхъ сношеній съ Россіей. Экспедиція состояла изъ 11 человекъ. Во главѣ ея

былъ Н. С., ближайшимъ его помощникомъ являлся штабсъ-капитанъ Звягинъ и часть пути совершилъ знаменитый русскій путешественникъ Елисеѣвъ, который, однако, поссорившись съ Н. С., возвратился обратно въ Петербургъ. Кромѣ этихъ лицъ, въ экспедиціи участвовало также одно духовное лицо. Въ 1895 году Леонтьевъ привезъ въ Петербургъ собственноручное письмо негуса Менелика. Въ это же время прибыло въ столицу Россіи чрезвычайное посольство, во главѣ съ митрополитомъ харрарскимъ и двумя абиссинскими принцами крови. Въ августъ того же года чрезвычайное посольство возвратилось обратно въ Абиссинію. Негусъ очень оцѣнилъ труды Н. С. и наградилъ его эіопской звѣздой первой степени. Дѣло о созданіи прочныхъ и постоянныхъ отношеній со страной негуса очень живо интересовало и увлекало Н. С., который настойчиво доказывалъ всѣ выгоды русско-абиссинскаго единенія. Въ ноябрѣ 1895 года, благодаря его чрезвычайнымъ усиліямъ, состоялась отправка изъ Петербурга негусу 30 тысячъ ружей, 5 милліоновъ патроновъ и 5 тысячъ сабель, которые были отправлены на пароходъ «Дельвигъ». Въ данномъ случаѣ Н. С. проявилъ большую изобрѣтательность. Онъ нашелъ француза Шефне, который и явился официальнымъ поставщикомъ оружія для Менелика, такъ какъ подобная посылка подъ официальнымъ флагомъ Россіи могла въ то время вызвать нежелательные разговоры. Въ декабрѣ этого же года разгорѣлась итало-абиссинская война. Н. С. выѣхалъ на театръ военныхъ дѣйствій въ Абиссинію съ унтеръ-офицерами трехъ родовъ оружія и фельдшерами. Прибытіе Н. С. и его спутниковъ произвело въ Абиссиніи громадное впечатлѣніе. Леонтьевъ занялъ при Менеликѣ совершенно исключительное положеніе. Абиссинскій монархъ рѣшительно во всемъ совѣтовался съ нашимъ смѣлымъ путешественникомъ и прислушивался къ его мнѣнію. Послѣдній редактировалъ всю переписку съ иностранцами и велъ переговоры съ итальянскимъ генераломъ Альбертоне. Въ маѣ 1896 года за свои услуги покойный получилъ отъ негуса графскій титулъ, впервые для него созданный въ Абиссиніи. По его инициативѣ въ день священнаго коронаванія Ихъ Величествъ негусъ Менеликъ освободилъ пятьдесятъ итальянскихъ военнопленныхъ. Въ началѣ іюня мѣсяца того же года, подъ вліяніемъ совѣтовъ Н. С., между Абиссиніей и Италіей начались переговоры о мирѣ. Вскорѣ Н. С. выступилъ изъ Энтото съ пятьюдесятью итальянскими военнопленными, которыхъ сдалъ въ Джибути на бортъ итальянскаго военного корабля «Эгито» подъ расписку майору Нирадзини. Въ августъ Н. С. былъ командированъ негусомъ въ Римъ со специальнымъ секретнымъ порученіемъ. Въ то время ему пришлось вести переговоры съ извѣстнымъ итальянскимъ политическимъ дѣятелемъ маркизомъ де-Рудини. Въ Римѣ Леонтьевъ сумѣлъ завоевать симпатіи видныхъ итальянскихъ политическихъ дѣятелей, и, только благодаря его усиліямъ, римское правительство пошло на значительныя уступки. Вскорѣ въ Петербургъ пріѣхалъ съ особымъ порученіемъ отъ негуса абиссинскій дѣятель Ато Юсифъ, а за нимъ вслѣдъ и Н. С. Оба они имѣли счастье представляться Государю Императору въ Кіевѣ, причемъ Н. С. поднесъ Его Императорскому Величеству слона отъ негуса. Слонъ этотъ участвовалъ въ сраженіи при Адуѣ и весь походъ везъ единственную митральезу, состоявшую при арміи. Благодаря ходатайству Н. С., въ Петербургѣ согласились принять на счетъ русской

казны изготовленіе снарядовъ и недостающихъ частей къ 60 орудіямъ, отбитымъ у итальянцевъ въ сраженіи при Адуѣ. Въ декабрѣ вмѣстѣ съ Ато Юсіфомъ Н. С. снова уѣхалъ въ Абиссинію, отвозя подарки негусу, вѣсомъ болѣе пятисотъ пудовъ. Отъ Джибути онъ сформировалъ особый караванъ въ семьдесятъ верблюдовъ и сорокъ муловъ, съ каковымъ съ большими трудностями достигъ столицы негуса Энтото. Въ декабрѣ же, по порученію негуса, Леонтьевъ былъ командированъ въ Константинополь, причѣмъ ему удалось добиться у султана необходимыхъ для подданныхъ Менелика реформъ въ абиссинскомъ монастырѣ въ Іерусалимѣ. Въ мартѣ 1897 года Н. С. возвратился въ Абиссинію и принималъ живѣйшее участіе въ переговорахъ негуса съ Ренель Родомъ, который предлагалъ тайное соглашеніе съ Англіей. Въ это время Н. С. до извѣстной степени былъ офиціознымъ представителемъ Россіи и его донесенія о странѣ негуса принимались во вниманіе нашимъ правительствомъ. Онъ между прочимъ устроилъ въ Энтото хоръ военной музыки изъ духовыхъ инструментовъ, входившихъ въ число Высочайшихъ подарковъ, привезенныхъ имъ негусу. Хоромъ военной музыки управляли два русскихъ капельмейстера. Вскорѣ Леонтьевъ получилъ порученіе отъ негуса отвезти въ Петербургъ подарки, въ число которыхъ входили четыре лошади, впервые вывезенныя изъ Абиссиніи въ Европу. По дорогѣ въ Россію Н. С. остановился въ Константинополѣ и послѣ личныхъ переговоровъ съ султаномъ ему удалось достигнуть того, что абиссинскій монастырь былъ взятъ изъ вѣдѣнія армянскаго патріарха. По пріѣздѣ въ Петербургъ Н. С. сумѣлъ снова заинтересовать представителей нашей дипломатіи и военнаго міра абиссинскими дѣлами, и въ концѣ октября того же года онъ отправилъ на пароходѣ «Елвоу» отпущенные изъ арсенала для доставки негусу тридцать тысячъ ружей и три милліона патроновъ и артиллерійскіе снаряды. 12 іюня 1897 года императоръ Менеликъ назначилъ Леонтьева генералъ-губернаторомъ экваторіальныхъ провинцій Абиссиніи. Въ іюнѣ покойный былъ раненъ тяжело въ бедро навывлетъ абиссинскимъ офицеромъ. Преступленіе это было совершено при исключительно загадочныхъ обстоятельствахъ, и до сихъ поръ не выяснены причины этого покушенія. Въ бытность свою генералъ-губернаторомъ Н. С. прилагалъ всѣ старанія сформировать регулярное войско и въ началѣ февраля 1899 года ему удалось представить Менелику впервые сформированный регулярный батальонъ, кадромъ котораго послужила рота сенегальскихъ стрѣлковъ, привезенныхъ имъ изъ Сень-Луи съ русскимъ и французскимъ унтеръ-офицерами. Негусъ былъ очень доволенъ успѣхами Леонтьева, и при особой церемоніи ему былъ пожалованъ высшій военный чинъ въ Абиссиніи Деджамеги. Въ томъ же году съ собственными войсками Н. С. выступилъ въ походъ къ озеру Рудольфа для присоединенія и организаціи нѣсколькихъ областей, имѣвшихъ входить въ составъ экваторіальныхъ провинцій. Походъ его увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Затѣмъ Н. С. покинулъ Абиссинію. Когда у насъ разгорѣлась война съ Японіей и приняла неблагоприятный оборотъ послѣ мукденскихъ событій, покойный опредѣлился въ первый Уманскій полкъ Кубанскаго казачьяго войска кавказской дивизіи, входившій въ отрядъ генерала Мищенко. Въ послѣдніе годы Н. С. болѣею часть жилъ въ Парижѣ и лишь наѣзжалъ въ Петербургъ. Онъ продолжалъ интересоваться абиссинскими

дѣлами, и еще недавно на страницахъ «Новаго Времени» были напечатаны его интересныя статьи. Умеръ онъ въ расцвѣтѣ силъ отъ болѣзни сердца, которая развилась у него за послѣдніе годы. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г. № 12313).

† **Мансуровъ, Б. П.** Въ Ригѣ скончался 21 іюня членъ гос. совѣта, сенаторъ, статсъ-секретарь Борисъ Павловичъ Мансуровъ. Наиболѣе живая и производительная дѣятельность покойнаго относится къ царствованіямъ императоровъ Николая I, Александра II и первымъ годамъ царствованія императора Александра III. Его служба въ морскомъ м-вѣ сдѣлала его однимъ изъ видныхъ сподвижниковъ великаго князя Константина Николаевича по устройству русской колоніи въ Палестинѣ и укрѣпленію связи ея съ Россіей. Этому дѣлу онъ принесъ выдающуюся пользу. Б. П. родился въ 1826 году. По окончаніи курса въ училищѣ правовѣдѣнія въ 1845 году началъ службу въ прав. сенатѣ и быстро выдѣлился какъ одинъ изъ дѣльныхъ и энергичныхъ молодыхъ людей. Черезъ четыре года онъ исполнялъ уже обязанности помощника юрисконсульта м-ва юстиціи и работалъ по выборкѣ матеріала изъ ревизій, производимыхъ тогда членами консультаціи въ 45 губерніяхъ. Затѣмъ былъ правителемъ канцеляріи министерства юстиціи и былъ командированъ въ Москву для личнаго обзорѣнія московскихъ департаментовъ сената, для принятія мѣръ къ уничтоженію накопленія въ нихъ дѣлъ и установленію отчетности на точныхъ и правильныхъ основаніяхъ. Съ 1854 года его дѣятельность перенеслась въ морское министерство. Онъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій и членомъ комитета по составленію части свода морскихъ постановленій, причемъ на его долю выпало составленіе свода постановленій по кораблестроительной части для хозяйственнаго морского устава. Послѣ недолгаго завѣдыванія во время Крымской кампаніи госпиталями морского вѣдомства въ Крыму покойный былъ командированъ на востокъ для организаціи сообщеній между Чернымъ моремъ и восточными портами, затѣмъ въ 1859 г. сопровождалъ великаго князя Константина Николаевича въ Грецію, Палестину и Сирію и въ слѣдующемъ году былъ назначенъ управляющимъ дѣлами комитета по принятію мѣръ къ устройству въ Палестинѣ русскихъ благоугодныхъ заведеній для православныхъ паломниковъ. Предсѣдательствовалъ въ этомъ комитетѣ великій князь Константинъ Николаевичъ, и подъ его руководствомъ покойный Б. П., будучи уже статсъ-секретаремъ, принялъ ближайшее участіе въ приобрѣтеніи Россіей мѣста близъ храма Гроба Господня и слѣдилъ за первыми работами по раскопкамъ въ этомъ мѣстѣ. Съ 1861 г. по 1864 г. Б. П. служилъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, будучи сперва членомъ главнаго управленія училищъ и управляющимъ департамента министерства, затѣмъ членомъ совѣта министра. Пробывъ потомъ годъ членомъ особой комиссіи по завѣдыванію русскими богоугодными заведеніями въ Палестинѣ (комиссія была учреждена при азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ вмѣсто упраздненнаго палестинскаго комитета), покойный былъ назначенъ сенаторомъ, присутствовалъ послѣдовательно въ VI, V, II и VII департаментахъ и въ 1872 году назначенъ членомъ гос. совѣта, присутствующимъ въ департаментѣ государственной экономіи. Въ качествѣ члена гос. совѣта онъ участвовалъ въ различныхъ комис-

сияхъ подготовительно-законодательнаго характера: для подробной разработки проектовъ объ укрѣпленіи правъ на недвижимое имущество и др. Одновременно съ 1868 г. Б. П. состоялъ вице-президентомъ комиссіи по сооруженію храма во имя Христа Спасителя въ Москвѣ и дѣятельно заботился до окончанія постройки о художественности и благолѣпіни этого храма. Покойному принадлежить нѣсколько печатныхъ трудовъ: «Базилика императора Константина въ вятскомъ градѣ Іерусалимѣ», «Русскія раскопки въ св. градѣ Іерусалимѣ передъ судомъ русскаго археологическаго общества», «Храмъ св. Гроба Господня въ его древнемъ видѣ» и др. Умеръ онъ 82 лѣтъ, проживая въ послѣдніе годы, по освобожденіи отъ присутствованія въ гос. совѣтѣ, преимущественно въ Ригѣ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12313).

† **Михайловскій, В. Я.** 14-го іюня скончался одинъ изъ видныхъ петербургскихъ духовныхъ проповѣдниковъ и писателей протоіерей Василій Яковлевичъ Михайловскій. Покойный родился въ 1834 г. Изъ тверской духовной семинаріи онъ перевелся въ петербургскую духовную академію, въ которой окончилъ курсъ со степенью магистра богословія въ 1859 г., одновременно съ покойнымъ протопресвитеромъ А. А. Желобовскимъ. Въ 1863 г. принялъ священство и долгіе годы былъ священникомъ Спасо-Бочаринской церкви на Симбирской улицѣ и затѣмъ церкви Вознесенія Господня. Одно временно состоялъ законоучителемъ Павловскаго военнаго училища, пиротехнической школы и нѣсколькихъ начальныхъ и пріютскихъ училищъ. Будучи еще священникомъ на Выборгской сторонѣ, онъ выдѣлился, какъ замѣчательный ораторъ. Его проповѣди привлекали массу слушателей и распространялись въ брошюрахъ тысячами экземпляровъ. Кромѣ брошюръ церковно-историческаго и духовнаго-нравственнаго содержанія, покойный издалъ множество священныхъ картинъ, церковно-историческихъ картъ и листовъ для народнаго чтенія. Ему же принадлежитъ нѣсколько учебниковъ по Закону Божію и рядъ научныхъ трудовъ, изъ которыхъ назовемъ «Англиканская церковь и ея отношеніе къ православію», «Св. апостолъ Павелъ», «О римско-католической церкви», «Очеркъ исторіи христіанской церкви» и др. Всегда близкій къ своей паствѣ, покойный никогда не отказывалъ въ помощи нуждающимся. Онъ особенно энергично боролся съ пьянствомъ, посвятивъ борьбѣ съ этимъ зломъ рядъ своихъ бесѣдъ. Когда сформировалось въ Петербургѣ общество трезвости, о. Василій явился однимъ изъ его видныхъ дѣятелей и одно время состоялъ предсѣдателемъ. Всякое доброе начинаніе находило въ немъ живой откликъ, и онъ охотно посвящалъ свои знанія, энергію и силы, чтобы принести пользу ближнему и внести свою лепту въ дѣло нравственнаго оздоровленія общества и особенно рабочаго люда. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12.305).

† **Петипа, М. И.** Въ Гурзуфѣ въ ночь на 2 іюля скончался балетмейстеръ императорскихъ театровъ и солистъ Его Величества Маріусъ Ивановичъ Петипа. Имя покойнаго хорошо извѣстно всѣмъ любителямъ и поклонникамъ хореографическаго искусства. Даровитый артистъ, незамѣнимый учитель, талантливейшій хореографическій композиторъ, — онъ царилъ въ петербургскомъ балетѣ полвѣка и одновременно былъ его вдохновителемъ и душою. Сочиненные имъ танцы

всегда отличались красотой, ласкали глазъ и свидѣтельствовали о крупномъ художественномъ дарованіи покойнаго. Онъ, какъ художникъ, являлся глубокимъ знатокомъ и поклонникомъ всего изящнаго, чуждымъ грубыхъ пріемовъ. Въ своемъ творчествѣ М. И. не зналъ повтореній и съ каждымъ своимъ новымъ балетомъ все болѣе увлекалъ зрителя силой и красотой своей удивительной фантазіи. Онъ поставилъ на императорской петербургской сценѣ болѣе восьмидесяти балетовъ, а также руководилъ постановкой танцевъ и участвовалъ въ нихъ почти на всѣхъ spectacle gala въ Эрмитажѣ и въ загородныхъ дворцахъ. Ставя балеты, онъ создалъ цѣлый рядъ русскихъ балеринъ съ замѣчательной хореографической техникой и граціозной пластикой. Таланты Кшесинской 2, Преображенской, М. М. Петипа и многихъ другихъ балеринъ получили чеканку подъ его руководствомъ, принадлежать, такъ сказать, его школѣ. При немъ петербургскій балетъ сталъ процвѣтать и достигъ замѣчательнаго прогресса, сдѣлавшись однимъ изъ выдающихся европейскихъ балетовъ. М. И., сынъ балетмейстера въ Брюсселѣ, родился 11-го марта 1822 г. въ Марселѣ и началъ свою артистическую карьеру шестнадцати лѣтъ въ Парижѣ. Въ бенефисъ Рапели онъ танцевалъ въ «Comédie Française» pas de deux съ К. Гризи и въ бенефисъ Фанни Эльслеръ танцевалъ въ Grand Opéra. Изъ Парижа онъ перешелъ въ Нантъ въ качествѣ балетмейстера и танцовщика, затѣмъ въ Бордо первымъ танцовщикомъ, оттуда въ Мадридъ, гастролировалъ въ другихъ испанскихъ городахъ вмѣстѣ съ артисткой Гюи-Сень-Стефанъ и въ 1847 г., по приглашенію тогдашняго директора императорскихъ театровъ Геденова, пріѣхалъ въ Петербургъ. Покойный дебютировалъ на нашей сценѣ въ «Пахитѣ» и «Сатаниллѣ» Матилье, въ постановкѣ которыхъ принималъ самое активное участіе. Съ того времени М. И. съ каждымъ годомъ завоевывалъ себѣ все большую извѣстность и не только какъ выдающийся танцовщикъ, но и какъ авторъ-творецъ красивыхъ балетовъ, замѣчательныхъ по пластическимъ комбинаціямъ и массовымъ движеніямъ. Въ 1862 г. покойный былъ признанъ балетмейстеромъ императорскаго балета. Въ это время онъ съ огромнымъ вкусомъ поставилъ въ шесть недѣль грандіозный балетъ «Дочь Фараона» и съ того времени являлся главнымъ руководителемъ балетной сцены. Въ качествѣ балетмейстера онъ безподобно планировалъ картины, привлекъ къ участію въ петербургскомъ балетѣ европейскихъ знаменитыхъ балеринъ и сдѣлалъ все возможное, чтобы создать русскихъ танцовщицъ. Онъ заботился главнымъ образомъ, конечно, о танцахъ, но не забывалъ также и общую постановку балетовъ въ декорационномъ и костюмномъ отношеніяхъ. Какъ композиторъ, покойный является авторомъ цѣлага ряда балетовъ, изъ которыхъ многіе по нѣскольку лѣтъ не сходили съ репертуара и по справедливости считаются шедеврами. Изъ его произведеній назовемъ: «Спящую красавицу», «Лебединое озеро», «Баядерку», «Раймонду», «Донъ-Кихота», «Напризы бабочки», «Царя Кандавля», «Трильби», «Роксану», «Комарго», «Волшебное зеркало», «Младу» и др. Покойный зналъ индивидуальность каждой артистки и умѣлъ давать имъ такія роли, которыя наиболѣе выгодно оттъняли бы дарованіе и въ общемъ создавали бы успѣхъ. Для бенефисовъ наиболѣе выдающихся артистокъ М. И. самъ создавалъ хореографическія картины. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всегда заботился о красотѣ движеній по сценѣ и великолѣпно распоря-

жался группировкой массъ. Покойный былъ женатъ на красивой въ свое время танцовщицѣ Суровщиковой и явился отцомъ талантливой семьи. Марія М. Петица, его дочь, хорошо извѣстна какъ первоклассная балерина, его сынъ много лѣтъ былъ премьеромъ императорской драматической труппы. Умеръ М. И. 88 лѣтъ, достигнувъ своимъ талантомъ, а также замѣчательной энергіей и трудоспособностью выдающейся извѣстности и заслуживъ признательности многочисленныхъ ученицъ и поклонниковъ его дарованій. Его любили и цѣнили. Имя его займетъ видное мѣсто въ исторіи русскаго балета и вообще въ исторіи хореографическаго искусства. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12323).

† **Писарева, В. И.** 30-го мая скончалась въ Варшавѣ одна изъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ, Вѣра Ивановна Писарева. Она почти сорокъ лѣтъ, съ 1871 г., была сотрудницей провинціальной газеты «Варшавскій Дневникъ», ей принадлежатъ многіе переводы лучшихъ изданій Павленкова. Она была родная сестра извѣстнаго писателя 60-хъ годовъ, Дмитрія Ивановича Писарева, погибшаго весьма молодымъ, но долго вліявшаго на взгляды и настроеніе современнаго его эпохѣ молодого поколѣнія. Начала она свою публицистическую и писательскую дѣятельность въ Петербургѣ при жизни своего брата и была свидѣтельницей тогдашняго оживленія литературы и участницей литературныхъ кружковъ. Она любила переноситься воспоминаніями къ этимъ днямъ своей молодости и называть друзей этого періода жизни. Тутъ были имена Майковыхъ, Трескина, Вс. Крестовскаго и многихъ, многихъ другихъ. Судьба забросила въ Варшаву Вѣру Ивановну, и она съ половины 70-хъ годовъ прошлаго столія стала принимать участіе въ «Варш. Дневникѣ». В. И. Писарева была замѣчательно образованная женщина. Въ противоположность своему знаменитому брату, она была большая поклонница искусства, художества, поэзіи, музыки. Прекрасная музыкантша, она любила исполнять на роялѣ произведенія классической музыки. Замѣчательная память давала ей возможность легко вспоминать цѣлыя мѣста изъ поэтовъ, нашихъ, нѣмецкихъ французскихъ. Происходила она изъ стараго дворянскаго рода тульскихъ помѣщиковъ, и это очень цѣнила. Культурность и образованіе предковъ наложили на нее свою печать, ее двигавшую. Въ теченіе болѣе шести лѣтъ (съ мая 1886 по октябрь 1892 г.) вся тяжесть веденія отдѣла иностранной политики лежала на В. И. Писаревой, которой нужно было дать лишь немногія указанія, чтобы дальнѣйшее было ведено согласно съ потребностями данной минуты. Лишь славянскія дѣла были изъяты изъ ея вѣдѣнія, но когда приходилось ей въ своихъ статьяхъ говорить о нихъ, она отлично разбиралась во всѣхъ теченіяхъ у славянъ, въ ихъ партіяхъ, въ значеніи и характерѣ ихъ дѣятелей и т. д. В. И. Писарева работала въ газетѣ при восьми редакторахъ, часто существенно различавшихся между собою по характеру, взглядамъ, направленію. Но Вѣра Ивановна оставалась неизмѣнною и незамѣнимой; она только то расширяла, то суживала свое участіе въ этомъ единственномъ донинѣ серьезномъ русскомъ органѣ печати на нашей польской окраинѣ. В. И. Писарева умерла на 66 году жизни. Она была искренно религіозная, православная женщина,

глубоко русская во всѣхъ отношеніяхъ, всегда вѣрно и стойко отстаивавшая право и идею русской государственности на этой окраинѣ Россіи, никогда не принижавшая и не сдававшая русскихъ знаменъ. Русская публицистика понесла въ лицѣ В. И. Писаревой, несомнѣнно, крупную потерю, и ея имя должно занять видное мѣсто въ спискѣ видныхъ дѣятелей, который готовитъ исторія нашей публицистики. (Некрологъ ея: «Новое Время» 1910 г., № 12305).

† **Потѣхинъ, П. Б.** Скончался въ Костромской губерніи почетный членъ с.-петербургскаго археологическаго института и постоянной комиссіи народныхъ чтеній Павелъ Борисовичъ Потѣхинъ. Покойный родился 19-го мая 1852 года. По окончаніи курса въ ярославскомъ Демидовскомъ лицей началъ службу въ ярославскомъ окружномъ судѣ, но вскорѣ перешелъ въ канцелярію оберъ-прокурора святѣйшаго синода. Въ 1883 году покойный поступилъ въ министерство народнаго просвѣщенія; съ 1893 года по день кончины состоялъ дѣлопроизводителемъ и завѣдывалъ городскими училищами, учительскими институтами и семинаріями. Занимая эту должность, П. Б. считался знатокомъ дѣла. Помимо служебной дѣятельности, покойный интересовался археологіей и для пополненія своихъ знаній поступилъ въ императорскій с.-петербургскій археологическій институтъ, гдѣ окончилъ курсъ и затѣмъ былъ удостоенъ званія почетнаго члена. Онъ интересовался по преимуществу русской нумизматикой, имѣлъ довольно обширную свою коллекцію и до конца своей жизни оставался ревностнымъ поклонникомъ этой науки. Въ 1888 и 1889 годахъ принималъ участіе въ экскурсіяхъ съ цѣлью раскопки кургановъ въ Новгородской губерніи. Кромѣ того, П. Б. занимался литературой. Его стихотворенія религиознаго, патристическаго и народнаго характера печатались въ «Странникъ», «Паломникъ», и «Сельскомъ Вѣстникъ». Изъ нихъ наибольшій успѣхъ имѣло «Находчивый квартирный» (изъ временъ императора Николая I). Онъ принималъ также участіе въ дѣлѣ вишкельскаго образования, работая безвозмездно въ постоянной комиссіи народныхъ чтеній (въ 1907 году былъ избранъ ея почетнымъ членомъ) и въ с.-петербургскомъ обществѣ грамотности. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12328).

† **Рудановскій, К. В.** 14-го іюня скончался въ имѣніи Щуровѣ, близъ Славянска, ген.-отъ-инф. въ отставкѣ Константинъ Васильевичъ Рудановскій. Покойный большую часть своей дѣятельности посвятилъ военно-педагогическому дѣлу. Онъ родился 4-го мая 1834 г. По окончаніи курса въ первомъ кадетскомъ корпусѣ и затѣмъ въ Николаевской академіи генеральнаго штаба былъ адъютантомъ штаба одесскаго военнаго округа и состоялъ для особыхъ порученій при главнокомандующемъ войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа. Въ 1869 г. былъ приглашенъ на должность воспитателя великаго князя Петра Николаевича и съ этого времени служилъ по военно-учебному вѣдомству, будучи съ 1873 г. инспекторомъ классовъ Пажескаго Его Величества корпуса, съ 1875 г. директоромъ спб. военной прогимназіи и съ 1878 по 1900 г. директоромъ Александровскаго кадетскаго корпуса. Последнее учебное заведеніе сдѣлалось при немъ неузнаваемымъ по старательному и умѣлому подбору педагогическаго персонала. Покойный отличался

строгостью и справедливостью и всегда дорожилъ правдою. Къ воспитанникамъ относился съ любовью и пользовался ихъ симпатіями. Въ 1900 г. К. В. покинулъ директорство и былъ назначенъ помощникомъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, но пробылъ въ новой для себя должности только шесть мѣсяцевъ. Въ послѣдніе годы до своей отставки онъ состоялъ въ распоряженіи военнаго министра. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12307).

† **Степановъ, К. П.** Скончался художникъ и общественный дѣятель Клавдій Петровичъ Степановъ. Имя его извѣстно только тонкимъ знатокамъ искусства, оно не пользовалось широкой популярностью. Окончивъ московскій лицей, онъ въ началѣ русско-турецкой войны пошелъ въ ряды арміи (л.-гв. Преображенскій полкъ), затѣмъ вышелъ въ отставку и занялся живописью. Гдѣ-то около Флоренціи онъ купилъ старый монастырь и прожилъ тамъ около 15 лѣтъ, посвященныхъ искусству. Въ разгаръ революціоннаго движенія вновь вернулся въ родную Москву, близко сошелся съ кружкомъ московскихъ славянофиловъ и сталъ выступать въ литературѣ и въ собраніяхъ горячимъ врагомъ беспочвеннаго революціоннаго западничества. Онъ былъ и до конца жизни своей остался типичнымъ представителемъ кристально-чистаго консервативнаго идеализма. Его перу принадлежитъ немало талантливо написанныхъ статей, появившихся за эти годы въ «Моск. Вѣд.», въ «Русск. Землѣ» (издательства А. С. Суворина), и воззваній по крестьянскому и земельному вопросу, въ которыхъ онъ обыкновенно выступалъ рядомъ съ извѣстнымъ московскимъ дѣятелемъ Д. А. Хомяковымъ. Въ 1906—1907 годахъ онъ стоялъ во главѣ славянофильскаго журнала «Московскій Голосъ». Напряженный редакторскій и публицистическій трудъ, изобилующій столь многими терніями, отнял у него послѣднія силы. Во многомъ разочарованный, съ надорваннымъ здоровьемъ и поколебленными надеждами, съ началомъ наступившаго затишья онъ окончательно сходитъ съ политической сцены и снова возвращается къ родному искусству, но и въ немъ продолжаетъ служить тѣмъ же національно-религіознымъ славянофильскимъ идеаламъ. Изъ картинъ его болѣе извѣстны: «Посольство Чемаданова во Флоренцію, во времена царя Алексѣя Михайловича», «Честь спасена», «Донъ-Кихотъ послѣ сраженія съ мельницей» (въ Третьяковской галереѣ), «Скупой», «Торговецъ» (у великаго князя Константина Константиновича), «Пиръ у Лауры» и др. Его кисти принадлежитъ вся живопись въ усыпальницѣ великаго князя Сергѣя Александровича, привлекающая массу зрителей. Не довольствуясь личнымъ творчествомъ въ жанрѣ церковной живописи, т. е. въ тѣхъ именно формахъ, въ какихъ искусство становится ближе и понятнѣе народу, онъ основалъ въ Москвѣ иконописную школу и разстался съ своимъ излюбленнымъ дѣтищемъ только передъ самымъ отъѣздомъ въ Ялту, гдѣ его ожидало не выздоровленіе, а смерть. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12336).

† **Стольниковскій, П. А.** 15-го іюня въ Москвѣ въ зданіи судебныхъ установленій внезапно скончался извѣстный присяжный повѣренный и общественный дѣятель Петръ Адамовичъ Столковскій. П. А. еще наканунѣ ночью чувствовалъ себя плохо, но утромъ, находясь перемѣну къ лучшему въ своемъ здоровьи, отправился въ окружный судъ, гдѣ въ 5-мъ отдѣленіи участвовалъ въ судебномъ засѣданіи въ качествѣ повѣрен-

наго. Во время разбирательства дѣла П. А. упалъ и быстро скончался. Судебное засѣданіе было прервано. Врачъ судебныхъ установлений констатировалъ смерть отъ паралича сердца. Вѣсть объ этой кончинѣ быстро разнеслась по Москвѣ, вызывая всюду глубокое сожалѣніе о безвременно прервавшейся жизни. Покойный П. А. пользовался въ обществѣ уваженіемъ какъ юристъ, общественный дѣятель и благородный, гуманный человѣкъ. Университетское образованіе П. А. получилъ въ 60-хъ годахъ и со студенческой скамьи въ теченіе всей своей жизни являлся горячимъ сторонникомъ и защитникомъ принциповъ и идей, положенныхъ въ основаніе освободительныхъ реформъ той эпохи. Онъ состоялъ членомъ московскаго юридическаго общества, гласнымъ московской думы, губернскаго земскаго собранія, звенигородскаго уѣзднаго собранія. П. А. состоялъ членомъ многихъ другихъ подготовительныхъ комиссій и постояннымъ участникомъ совѣщаній гласныхъ для разрѣшенія юридическихъ вопросовъ. Неоднократно онъ избирался въ члены совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. П. А. принималъ также дѣятельное участіе во многихъ просвѣдительныхъ и благотворительныхъ обществахъ Москвы и долгое время состоялъ членомъ общества пособія нуждающимся студентамъ московскаго университета. П. А. былъ ближайшимъ другомъ покойнаго Г. А. Джаншїева и столь же горячимъ сторонникомъ и защитникомъ судебныхъ уставовъ 24-го ноября 1864 года. (Некрологъ его: «Русскія Вѣд.» 1910 г., № 135).

† **Фаусекъ, В. А.** Въ ночь на 1-е іюля въ Кіевѣ, въ Тарасовской лечебницѣ, скончался отъ болѣзни почекъ на 49-мъ году жизни директоръ высшихъ женскихъ Бестужевскихъ курсовъ, профессоръ зоологіи Викторъ Андреевичъ Фаусекъ. Покойный уроженецъ Саратовской губ., онъ родился въ 1861 г. Среднее образованіе В. А. получилъ сначала въ московской и затѣмъ въ харьковской гимназіи. Въ 1881 г. онъ поступилъ на естественно-историческое отдѣленіе физико-математическаго факультета харьковскаго университета, а въ 1884 году перевелся въ петербургскій университетъ, гдѣ, годъ спустя, окончилъ естественное отдѣленіе. По окончаніи курса, В. А. Фаусекъ работалъ въ зоологическомъ кабинетѣ у проф. Н. П. Вагнера. Въ 1891 г. онъ защитилъ диссертацию на степень магистра зоологіи. Работы его обратили на себя вниманіе географическаго общества и петербургскаго общества естествоиспытателей, по предложенію которыхъ В. А. совершилъ въ 1886, 1888 и 1889 гг. поѣздки съ научной цѣлью въ Ставропольскую губ. и на сѣверъ. Въ 1895 и 1896 гг. В. А. былъ командированъ за границу и работалъ на неаполитанской зоологической станціи Дорна, а въ 1898 г. получилъ степень доктора зоологіи въ московскомъ университетѣ. Свою профессорскую дѣятельность В. А. началъ въ 1892 г. въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ до 1894 г. читалъ лекціи по зоологіи. Съ 1897 г. до послѣдняго дня жизни В. А. состоялъ профессоромъ зоологіи высшихъ женскихъ курсовъ и женскаго медицинскаго института. Послѣ изданія указа отъ 27-го августа 1905 года покойный былъ первый избранъ директоромъ высшихъ женскихъ курсовъ. на должность котораго былъ переизбранъ въ 1908 г. Перу покойнаго принадлежить рядъ крупныхъ работъ по зоологіи, почтавшихся въ «Трудахъ» и «Извѣстіяхъ» различныхъ научныхъ обществъ. Главнѣйшія изъ нихъ: «Къ

природѣ степей Сѣвернаго Кавказа», «Этюды по анатоміи и исторіи развитія науковъ-сѣнокошцевъ», «Исслѣдованія надъ исторіей развитія головоногихъ», «Біологическія наблюденія надъ пластинчатожаберными моллюсками», «Этюды по вопросамъ біологической эволюціи» и мн. др. Кромѣ того, имъ написанъ рядъ трудовъ на нѣмецкомъ языкѣ. В. А. Фауссекъ пользовался большою популярностію какъ среди профессоровъ, такъ и среди слушательницъ, къ которымъ всегда выказывалъ въ высшей степени заботливое отношеніе, удѣлялъ много времени, знакомясь съ ихъ положеніемъ и нуждами. Мягкій, доброжелательный, альтруистически мыслящій человекъ, В. А. своимъ спокойствіемъ и уравновѣшенностію немало содѣйствовалъ урегулированію учебной жизни во время студенческихъ волненій. И молодежь понимала и цѣнила покойнаго. Послѣдніе годы своей жизни В. А. постоянно чувствовалъ недомоганіе, которое онъ приписывалъ болѣзни кишечника. Къ помощи врачей онъ прибѣгалъ только въ крайнихъ случаяхъ. Преждевременная смерть старшаго сына В. А. сильно повліяла на его здоровье. Поѣхавъ вскорѣ послѣ потери сына въ Закаспійскую область, онъ по пути впервые почувствовалъ сильныя приступы болѣзни. Въ первыхъ числахъ іюня текущаго года В. А. почувствовалъ настолько острую боль, что обратился къ своему товарищу по женскому медицинскому институту проф. А. А. Кадьяну, который установилъ, что у него застарѣлая болѣзнь почекъ и посоветовалъ ему немедленно принять за серьезное леченіе. 5-го іюня проф. В. А. Фауссекъ выѣхалъ въ Полтавскую губернію къ своей семьѣ и надѣялся вернуться въ Петербургъ въ августъ. Вскорѣ, однако, по приѣздѣ въ Полтавскую губ. онъ почувствовалъ себя настолько плохо, что рѣшилъ поѣхать обратно въ Петербургъ, чтобы полечиться. Но по дорогѣ В. А. почувствовалъ себя хуже и ему пришлось остановиться въ Кіевѣ. Больной былъ помѣщенъ въ Тарасовскую лечебницу, гдѣ 30-го іюня ему была произведена операція извлеченія камней, спустя 4 часа послѣ операціи В. А. скончался. (Некрологъ его: «Рѣчь» 1910 г., № 178).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу статьи В. Маркова «Къ характеристикѣ графа М. Н. Муравьева».

Въ мартовской книгѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ помѣщена статья В. Маркова «Къ характеристикѣ графа М. Н. Муравьева (Виленскаго), написанная по поводу воспоминаній С. И. Плаксина и Н. Н. Фирсова, указывающая на нѣкоторыя неточности того и другого, но и статья самого В. Маркова грѣшитъ тѣмъ же.

Прежде всего г. В. Марковъ пишетъ, что графъ Муравьевъ выполнилъ свою задачу по усмиренію Сѣверо-Западнаго края съ гораздо меньшими жертвами

въ смыслѣ казней, нежели его слабые предшественники, «какъ, напримѣръ, слабо-вольный и ни на что въ сущности не способный генералъ Потаповъ, при которомъ число политическихъ казней было гораздо больше, чѣмъ при Муравьевѣ».

Я вовсе не поклонникъ генерала Потапова, какъ администратора Сѣверо-Западнаго края, но долженъ сказать, что генералъ Потаповъ ни въ болѣшемъ, ни въ меньшемъ количествѣ казней не только не повиненъ, но и не могъ быть въ нихъ повиненъ, просто потому, что онъ никогда не былъ предшественникомъ М. Н. Муравьева, а былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края уже послѣ М. Н. Муравьева, К. П. Кауфмана и графа Баранова, когда мятежь былъ давно уже подавленъ и военные суды, введенные въ край Муравьевымъ, прекратили свою дѣятельность.

Теперь относительно анекдота, рассказаннаго Фирсовымъ и поправленнаго В. Марковымъ. Прежде всего относительно отношеній князя Суворова къ графу Муравьеву. Зная ихъ положеніе въ тогдашнихъ петербургскихъ сферахъ, не можетъ быть двухъ мнѣній—они были политическіе враги. Теперь относительно самаго анекдота. Г. Фирсовъ говоритъ о вопросѣ Суворова Муравьеву по поводу ареста кого-то по требованію послѣдняго: «за что арестовывать?» Г. В. Марковъ, въ свою очередь, рассказываетъ, что въ Вильнѣ Муравьевымъ былъ арестованъ какой-то польскій магнатъ, уличенный въ содѣйствіи мятежу, и, будто бы, Муравьевъ рѣшилъ его для назиданія повѣсить. У магната были въ Петербургѣ при дворѣ родственники, даже какая-то фрейлина, и эти родственники обратились къ фрейлинѣ съ просьбой ходатайствовать объ арестованномъ и проч. Суворовъ запросилъ Муравьева, за что арестованъ упомянутый магнатъ, и получилъ въ отвѣтъ отъ Муравьева лаконическое «отгадайте», и пока Суворовъ отгадывалъ, арестованный былъ повѣшенъ въ Вильнѣ. Прежде всего замѣчу, что самъ Муравьевъ никого не рѣшалъ повѣсить, или нѣтъ, онъ только подтверждалъ приговоры военныхъ судовъ, и дѣйствительно, за все время его генералъ-губернаторства, т. е. съ 1-го мая 1863 года по 17-е апрѣля 1865 года (время генералъ-губернаторства Муравьева въ Вильнѣ) приговоры къ смертной казни военныхъ судовъ имъ подтверждено къ исполненію около 120-ти; болѣе, чѣмъ вдвое меньше, чѣмъ въ царствѣ Польскомъ за это же время графомъ Бергомъ.

Послѣдніе года и въ историческихъ и въ другихъ изданіяхъ довольно часто упоминается имя графа Муравьева Виленскаго и приводятся анекдоты изъ его административной дѣятельности: такъ, не помню, гдѣ не такъ давно было сказано, что на телеграмму императора Александра II: «Прошу не разстрѣливать Платера», Муравьевъ будто бы отвѣтилъ: «Желаніе Вашего Величества исполнено—Платеръ повѣшенъ».

Не касаясь характера дѣятельности Муравьева въ Сѣверо-Западномъ краѣ, которая давно уже ждетъ своего безпристрастнаго историка, я только позволю себѣ привести здѣсь новую редакцію ходячихъ анекдотовъ о Муравьевѣ. Во время генералъ-губернаторства Муравьева въ Вильнѣ мой покойный отецъ былъ председателемъ одной изъ повѣрочныхъ по крестьянскимъ дѣламъ комиссій (диспенской), вызванный и назначенный на эту должность по личному желанію М. Н. Муравьева, будучи до этого времени мировымъ посредникомъ Дмитріевскаго уѣзда Курской губерніи. По дѣламъ службы онъ, конечно, часто бывалъ

въ Вильнѣ и видѣлся съ Муравьевымъ не только при докладахъ, но и бывая въ семьѣ Муравьева частнымъ образомъ; кромѣ того, правителемъ генералъ-губернаторской канцеляріи былъ Деревницкій, товарищ моего отца по полку, такъ что многое, конечно, онъ могъ слышать и отъ него, но отецъ, передавая разные случаи изъ времени генералъ-губернаторства М. Н. Муравьева въ Вильнѣ, обыкновенно прибавлялъ: «какъ говорятъ», или «какъ рассказываютъ», почти никогда не говоря, что онъ былъ очевидцемъ, или знаетъ отъ такого-то. Въ свою очередь, моя покойная мать въ дѣтствѣ и юности близко знала М. Н. Муравьева и въ особенности его супругу, Пелагею Васильевну. По словамъ матери, М. Н. Муравьевъ сравнительно еще въ молодыхъ годахъ, 30-хъ и 40-хъ, приходилъ въ изступленіе и доходилъ до нервныхъ истерическихъ припадковъ, встрѣчаясь по службѣ съ разными административными злоупотребленіями, и въ то же время, несмотря на наружную суровость, очень любилъ дѣтей; когда бывалъ у близкихъ знакомыхъ, гдѣ были дѣти, то отправлялся обыкновенно въ дѣтскую, садился на полу и цѣлые часы проводилъ, играя и забавляя дѣтей.

Теперь относительно общеизвѣстныхъ анекдотовъ, слышанныхъ мною въ редакціи отца, причѣмъ приведу два случая, которые мнѣ въ печати встрѣчаться не приходилось. По требованію М. Н. Муравьева, въ Петербургѣ былъ арестованъ и доставленъ въ Вильну извѣстный Юсафатъ Огрызко. О его дѣятельности и связяхъ въ извѣстныхъ петербургскихъ сферахъ говорить не приходится, ибо онъ слишкомъ извѣстенъ. Послѣ его доставленія въ Вильну будто бы свѣтлѣйшій князь Суворовъ обратился съ вопросомъ къ Муравьеву: «Какая участь ожидаетъ Огрызко?» и получилъ извѣстный отвѣтъ: «Отгадайте». Отвѣтъ съ формальной стороны совершенно правильный, ибо слѣдствіе о дѣятельности Огрызко не было еще окончено и опредѣлить его участь Муравьевъ, конечно, не могъ.

Относительно произведшей огромное впечатлѣніе на мѣстное общество казни графа Платера привожу версію совершенно иную, чѣмъ это существуетъ въ печати. По словамъ отца, Платеръ былъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ, никакого сомнѣнія въ ожидаемой его участи не могло быть. Такъ какъ всѣ ходатайства въ Петербургѣ о вмѣшательствѣ въ дѣло Платера оказались безрезультатными, то родственники его обратились къ П. В. Муравьевой, умоляя ее что-нибудь сдѣлать въ пользу Платера. П. В. Муравьева никогда не вмѣшивалась въ служебныя дѣла мужа, но тутъ, тронутая мольбами и самой личностью молодого Платера, рѣшилась на такое средство: у Муравьева постоянно жила одна изъ внучекъ, звали ее, сколько помнится, Вѣрочкой, и была она большой любимицей самого Муравьева, который ее очень баловалъ, ни въ чемъ ей не отказывалъ, и входила она къ нему въ кабинетъ, когда ей было угодно. Было ей въ то время лѣтъ 6—7, и вотъ устроили такъ: когда приговоръ о Платерѣ былъ составленъ и его доставили для конфирмаціи М. Н. Муравьеву, вмѣстѣ съ чиновникомъ, принесшимъ приговоръ, въ кабинетъ Муравьева пустили Вѣрочку, научивши предварительно, что ей надо было дѣлать. Въ то время, когда Муравьевъ взялъ приговоръ въ руки, Вѣрочка, взобравшись къ нему на колѣни, и произошла такая сцена. Она обратилась къ Муравьеву со словами: «Дѣдушка, исполни мою просьбу». — «Ну, что такое?» — «Дангътъ, ты скажи, что непременно исполнишь». — «Ну, ну, хорошо, въ чемъ дѣло?» Тогда Вѣрочка, обнявъ его.

сказала: «Дѣдушка, прости Платера». Въ первую минуту Муравьевъ, не ожидавшій ничего подобнаго, нѣсколько смутился, но быстро оправился, поцѣловалъ Вѣрочку, снялъ ее съ колѣнъ и потихоньку вывелъ изъ кабинета, потомъ, говорятъ, вытеръ платкомъ глаза и подтвермовалъ приговоръ, согласно съ постановленіемъ суда, которымъ Платеръ былъ приговоренъ къ повѣшенію.

Послѣ возстанія 1831 года одинъ изъ помѣщиковъ, кажется, Гродненской губерніи, гдѣ М. Н. Муравьевъ былъ тогда губернаторомъ, какъ замѣшанный въ возстаніи, былъ арестованъ, но какимъ-то способомъ бѣжалъ за границу, а въ спискахъ арестованныхъ былъ показанъ умершимъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда тревога, произведенная возстаніемъ, улеглась, онъ возвратился изъ-за границы и принялся попрежнему хозяйничать. Въ 1863 году, уже въ преклонномъ возрастѣ, онъ опять возбудилъ къ себѣ подозрѣніе. Когда Муравьеву объ этомъ доложили, фамилія помѣщика показалась ему знакома, началось разслѣдованіе, и оказалось, что это тотъ самый, который умеръ въ 1831 году. Вѣроятно, за нимъ не было особенныхъ погрѣшностей, и М. Н. Муравьевъ, не предавая его суду, ограничился высылкой его въ Вятку. У высланнаго былъ сынъ, студентъ московскаго университета; вѣроятно, не зная прошлаго своего батюшки, онъ, узнавъ о его высылкѣ, пріѣхалъ въ Вильну и явился на пріемъ къ генераль-губернатору, причѣмъ явился одѣтымъ въ чемарку, съ конфедераткой въ рукахъ и вообще имѣлъ крайне вызывающій видъ. Обходя просителей, М. Н. Муравьевъ обратился къ нему съ обычнымъ вопросомъ: «Вамъ что угодно?»—«Я бы хотѣлъ знать, за что моего старика отца арестовали и выслали?» Муравьевъ минуту подумалъ, потомъ, обращаясь къ шедшему сзади него адъютанту, сказалъ: «Пошлите его въ Вятку», а къ студенту: «Вотъ вамъ тамъ батюшка разскажетъ». Долженъ сказать, что эпизода относительно казни Платера я никогда ни отъ кого, кромѣ отца, неслыхалъ. Насколько помнится, отецъ никогда никому, кромѣ меня, не разсказывалъ.

Къ слову о Муравьевѣ, объясню одну карикатуру, которая при своемъ появленіи, вѣроятно, мало кѣмъ была понята, а теперь уже и давно. Въ 63-мъ году въ «Искрѣ» въ числѣ карикатуръ былъ помѣщенъ слѣдующій мало понятный рисунокъ: была нарисована большая муравьиная куча, рядомъ шесть съ сидящей на немъ маленькой птичкой, подпись гласила: «Муравьевъ-то, муравьевъ-то—вотъ гдѣ пища соловьевъ», что, конечно, означало нето, что въ нарисованной муравьиной кучѣ много пищи для соловья-птицы, а укоризненное обращеніе къ М. Н. Муравьеву, а вторая фраза относилась къ историку Соловьеву, обращающаго его вниманіе на дѣятельность Муравьева въ Вильнѣ.

Г. А. Гарцевичъ.

II.

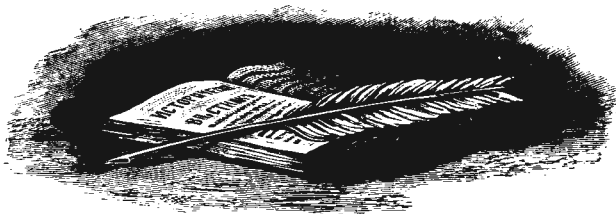
По поводу замѣтки В. Сабурова.

Г. Василій Сабуровъ въ іюньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» говоритъ: «Полагаю, что въ Россіи нѣтъ и не было лица прокурорскаго надзора, поверхностно знакомаго съ русскимъ языкомъ» (стр. 1126). Вѣроятно, В. Сабуровъ забылъ о покойномъ графѣ Паленѣ—оберъ-прокурорѣ и ми-

нистрѣ юстиціи, который, владѣя превосходно иностранными языками, невозможно выразался по-русски, очевидно, зная его очень поверхностно. Всѣмъ извѣстенъ рассказъ, когда графъ Паленъ, желая сказать, что онъ отсталъ отъ свѣтской жизни, другое дѣло его супруга—она-де совсѣмъ общественная свѣтская дама, сказала: «Я зовсѣмъ рѣтираднѣй шеловѣкъ, вотъ моя жена она зовсѣмъ публичная женщина».

Въ Нижнемъ Новгородѣ, послѣ ревизіи окружнаго суда, чиновники суда давали министру Палену прощальный обѣдъ въ клубѣ. Около министра съ одной стороны сидѣлъ тогдашній предсѣдатель окружнаго суда Александръ Кузьмичъ Пановъ, который послѣ ревизіи за образцовое веденіе дѣлъ окружнаго суда получилъ благоволеніе министра. Съ другой стороны министра сидѣла супруга А. К. Панова, Анна Николаевна Панова, въ полномъ смыслѣ *belle femme*. Послѣ десерта и изряднаго поглощенія шампанскаго и выслушанія застольныхъ рѣчей, графъ Паленъ обращается къ А. К. Панову и спрашиваетъ его: «Ви наградъ полюшили?»—«Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, винограда не подавали, я сейчасъ распоряжусь». — «Ахъ нѣтъ, ви крестъ полюшили?»—«Виновать, что не дослышалъ—нѣтъ». — «Вы полюшите». Подвыпившій А. К. Пановъ воскликнулъ: «Избавьте меня только, пожалуйста, отъ Анны 2-й степени». Министръ взглянулъ вопросительно. «Зачѣмъ мнѣ еще Анну 2-й степени на шею, когда у меня ужъ и такъ есть на шеѣ своя Анна 1-й сортъ». Это министру такъ понравилось, что онъ еще разъ выпилъ бокаль шампанскаго за здоровье Анны Николаевны, и преданіе говорить, что А. К. Пановъ получилъ не св. Анну 2-й степени, а орденъ св. Владимира 3-й степени.

Докторъ Генр. Родзевичъ.

Полина слегка покраснѣла, читая письмо, и ея рука, державшая бумагу, замѣтно дрожала. Она подняла свои прекрасные глаза на Гранли, ожидавшаго приговора, и внимательно разглядывала его.

Кто былъ онъ? Безумецъ, интриганъ, искатель приключеній... или дѣйствительно тотъ, за кого выдавалъ себя? Онъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы такъ дерзко лгать и въ совершенствѣ владѣть собой. Его эlegantность, изысканность въ костюмѣ исключали предположеніе объ его безуміи. Въ такомъ случаѣ?.. Впрочемъ, въ дальнѣйшемъ все выяснится.

Придя въ себя отъ кратковременнаго смущенія, Полина взяла со столика карандашъ и быстро написала нѣсколько строкъ на томъ же письмѣ, затѣмъ сложила бумагу и отдала ее Гранли, отпустивъ его милостивымъ жестомъ.

Онъ почтительно поклонился и вышелъ молча, не будучи въ состояніи произнести ни слова, такъ какъ нервная судорога сдавила его горло.

— Ну, онъ не изъ говорливыхъ,—замѣтилъ кто-то изъ присутствовавшихъ.

— Да,—быстро отвѣтила Полина:—но знайте, что онъ болѣе благороденъ, чѣмъ Боргезе и Савойцы, вмѣстѣ взятые.

Она его уже защищала.

Выйдя изъ дворца, Гранли развернулъ письмо и прочелъ: «Я васъ не выдамъ брату ни въ какомъ случаѣ. Мы будемъ видѣться. Ждите моего увѣдомленія; сожгите сейчасъ же это письмо».

Гранли былъ въ восторгѣ. Она не только не гнала его, но приближала къ себѣ, вѣрила ему. Голова его кружилась—вѣдь ему было всего двадцать лѣтъ.

Какимъ образомъ они видались? Никто не зналъ этого. А увидѣлись они скоро. Впрочемъ, ничто, предпринимаемое Полиной Бонапартъ, не должно было никого удивлять, такъ какъ она унаслѣдовала отъ своего брата смѣлость и рѣшительность въ поступкахъ; ни для кого не было тайной, что она бѣгала по ночамъ, переодѣтая мальчикомъ, по различнымъ портовымъ притонамъ и, смѣшавшись съ толпой пьяныхъ матросовъ, пила вмѣстѣ съ ними, чокаясь стаканами и распѣвая ихъ пѣсни.

При своей необыкновенной изобрѣтательности она, конечно, нашла способъ видѣться. Они видались съ глазу на глазъ, днемъ и ночью, и тутъ и тамъ. Она разсѣяла все его сомнѣнія, и это удалось ей тѣмъ легче, что онъ интересовалъ, увлекалъ ее своей юной прелестью, красотой, унаслѣдованной имъ отъ матери. Какъ мужчина, онъ нравился ей такъ, какъ никто до сихъ поръ не нравился. Наконецъ ее забавлялъ ихъ маленькій заговоръ.

Однажды вечеромъ она серьезно заговорила съ нимъ, увѣщевая его быть мужественнымъ, указывая ему путь, которымъ онъ дол-

женъ былъ слѣдовать и который привелъ бы его къ славной будущности. Она говорила:

— Ради моей любви вы готовы на все, въ доказательство вы хотите отказаться отъ вашихъ законныхъ правъ, отъ возвращенія потеряннаго трона. Это ошибка, дитя мое! Это не соотвѣтствуетъ тому, чего я желаю. Слушайте внимательно! Съ вами говорить сестра Наполеона, и каждое мое слово серьезно обдуманно. Я умна и правдива. Я хочу видѣть васъ великимъ, возстановляющимъ свою королевскую власть. Успѣхъ принадлежитъ энергичнымъ, сильнымъ волей людямъ. Вспомните стихъ Вольтера: «Первый король—былъ счастливый солдатъ...» Итакъ, возстановляйте свой древній родъ; вступайте въ ряды императорскихъ войскъ, французскихъ войскъ...

Гранли открылъ широко глаза; эта рѣчь превзошла всѣ его ожиданія, всѣ самыя смѣлыя его мечты.

Не замѣчая его оживленія, Полина продолжала вдохновеннымъ голосомъ:

— Сдѣлайтесь солдатомъ, добивайтесь повышенія, служите подъ начальствомъ моего брата! Дѣлайте то, что дѣлали другіе, подражайте Бонапарту, Марсо, Дезэ и остальнымъ. Будьте генераломъ въ двадцать пять лѣтъ, маршаломъ въ тридцать; и въ то время, какъ вы будете достигать высокаго положенія, вы будете хранить свою царственную тайну. Но придетъ день, когда вы обнаружите ее; въ этотъ день Наполеонъ, увѣнчанный славой, будетъ привѣтствовать васъ, какъ неустрашимаго вождя, ловкаго, какъ Ланнъ, пылкаго, какъ Мюратъ... Тогда мои мечты сбудутся. Наполеонъ, не имѣющій потомства, будетъ думать о васъ, какъ о законномъ наслѣдникѣ тысячелѣтней короны; о томъ, чтобы усыновить васъ, какъ Евгенія, соединить настоящее съ прошлымъ; сдѣлать васъ королемъ, императоромъ! Теперь васъ поражаетъ мое предложеніе служить во французской арміи, но развѣ наша армія, военная форма не будетъ служить вамъ естественной защитой? Развѣ среди французскихъ гренадеръ убійцы, подкупленные вашими дядями, посмѣютъ васъ преслѣдовать? Понимаете вы это?

Гранли погрузился въ мечты.

Она продолжала:

— Обстоятельства благопріятствуютъ; я знаю, что императоръ формируетъ два полка подъ командой Шембурга и Латуръ-д'Оверня. Полки эти будутъ составлены изъ дворянства. Вы получите отъ бѣдной креолки, спасшей васъ ребенкомъ, отъ Жозефины, которую вы любите больше, чѣмъ меня, патентъ на званіе капитана одной изъ ротъ и положитесь на свою счастливую звѣзду.

— Моя звѣзда—это вы,—прошелталъ Гранли, чувствуя, какъ тысячи противорѣчивыхъ мыслей смѣшались въ его головѣ.

— Итакъ, — сказала она смѣясь, — черезъ мѣсяць я ѣду въ Парижъ; мнѣ хочется подышать воздухомъ при императорскомъ дворѣ, хочется показать свои брильянты...

— Я поѣду за вами.

— Съ условіемъ во всемъ мнѣ повиноваться!

— Во всемъ, что прикажете!

Въ награду за его повиновеніе она дала ему поцѣловать кончики своихъ розовыхъ пальцевъ. Онъ былъ безъ ума отъ этой женщины, и въ этомъ не было ничего удивительнаго; она зажигала сердца всѣхъ, окружавшихъ ее. Толкая принца на это опасное предпріятіе, Полина Боргезе слѣдовала своей склонности, своему пристрастію къ рискованнымъ поступкамъ, врожденной страсти къ маленькимъ заговорамъ.

Вся семья Бонапартовъ была въ заговорѣ противъ Наполеона, котораго ненавидѣла, противъ Жозефины, которую презирала; братья и сестры, обыкновенно враждующіе между собою, сплотились вмѣстѣ, преслѣдуя одну цѣль, за исключеніемъ Полины, которая была вѣрна и изувѣченному орлу. Но это не мѣшало ей затѣвать различныя интриги въ то время, когда императорская слава сіяла въ зенитѣ.

Принцъ разсказалъ свои планы нѣкоторымъ изъ приверженцевъ; тѣ сочли его за безумца и были правы. Но, впрочемъ, всѣ они согласились слѣдовать за нимъ всюду, поступить вмѣстѣ съ нимъ въ ряды французскихъ войскъ и въ случаѣ опасности защищать его до послѣдней капли крови.

Вотъ о чемъ думалъ бѣдный принцъ въ своемъ убѣжищѣ подъ крышей гасильника.

Мало-по-малу, утомленный, онъ склонилъ свою голову и наконецъ уснулъ, повторяя все одно и то же имя: «Полина... Полетта...»

Вдругъ онъ вздрогнулъ, открылъ глаза—ему послышался внизу въ домѣ сильный шумъ.

Когда Боранъ услышалъ на улицѣ глухой топотъ приближавшихся къ дому шаговъ, онъ не ошибся; топотъ усиливался, потомъ вдругъ замолкъ передъ домомъ. Часовщикъ вскочилъ съ постели и сталъ торопливо одѣваться. Приоткрывъ дверь, онъ тихонько позвалъ Ренэ. Та тотчасъ явилась. Она слышала уже этотъ шумъ и встала съ постели, ожидая въ тревогѣ, что бы это значило.

— Мнѣ кажется, — сказала она: — что окружаютъ нашъ домъ. Отецъ, отецъ, онъ погибъ!

— Ну, нѣтъ, — отвѣтилъ Боранъ, принимая спокойный, увѣренный видъ, чтобы не напугать дочь: — наше убѣжище хорошо скрыто.

Въ это время послышались испуганные голоса Блево и Жанны, спавшихъ въ лавочкѣ, которые кричали, нарушая тишину ночи:

— Кто тамъ? Погодите! Вотъ вамъ покажемъ сейчасъ, негодямямъ...

Боранъ понялъ, что тамъ происходило.

— Они пробуютъ открыть дверь, сорвать запоръ... да, это не воры... они не нападаютъ толпами...

Онъ неслышно спустился въ лавочку въ ту минуту, когда Блезосъ палкой въ рукѣ старался защитить дверь, которая трещала уже подъ напоромъ дожившихся; Жанна звала на помощь. Въ мгновенье ока работникъ былъ обезоруженъ, а его жену заставили замолчать, грубо зажавъ ей рукою ротъ. Пять или шесть человѣкъ проникли въ домъ. Сзади ихъ кто-то прикрылъ наружную дверь.

— Молчать!—произнесъ повелительный голосъ:—мы представители закона.

Произнесшій эти слова имѣлъ очень грубую наружность, сохранялъ военную выправку подъ своимъ штатскимъ костюмомъ и казался начальникомъ этой шайки. Возлѣ него стоялъ маленький, хилый, плохо одѣтый человѣкъ, на плечахъ котораго болталось старое, широкое, плохо сшитое пальто. Этотъ человѣкъ обратился къ своему сосѣду:

— Кантекоръ, велите дать свѣту, да побольше!

— Сейчасъ, ваше превосходительство,—произнесъ Кантекоръ.

Онъ повернулся къ Борану. Въ темнотѣ, освѣщенной мерцающей лампой, которую Боранъ поставилъ на станокъ, Кантекоръ успѣлъ всѣхъ разглядѣть; сѣдые волосы часовщика указывали, что онъ былъ главой дома, да, кромѣ того, Кантекоръ зналъ его благодаря своимъ наблюденіямъ.

— Вы слышите, Боранъ! Дайте намъ скорѣе свѣчей, лампъ! Да потише, не слѣдуетъ шумѣть въ вашихъ же расчетахъ... Мы не желаемъ скандала... Пусть будетъ все по-хорошему... Пусть никто не вздумаетъ бѣжать, улица оцѣнена со всѣхъ сторонъ. Насъ много, и сопротивляться было бы глупо!

Говоря это, онъ вытащилъ изъ кармановъ пару пистолетовъ и для большей убѣдительности добавилъ:

— У каждаго изъ моихъ людей по столько же...

Боранъ, Ренэ, Блезосъ, Жанна, блѣдные, молчаливые, вставили свѣчи въ мѣдные подсвѣчники и зажгли ихъ дрожащими руками. Лавочка была освѣщена какъ въ праздничный день.

— Произведите допросъ, Кантекоръ,—приказалъ плохо одѣтый человѣкъ, названный «превосходительствомъ».

Говоря это, онъ придвинулъ кресло, опустился въ него, нагнувъ на глаза шляпу; пряча подбородокъ въ складки своего галстука, онъ старался по возможности скрыть свое лицо. Но Боранъ зналъ хорошо всѣхъ начальствующихъ лицъ; онъ вздрогнулъ и шепнулъ Ренэ:

— Это Фушэ.

Дѣвушка прислонилась къ стѣнѣ, чтобы не упасть отъ волненія. Кантекоръ внимательно разглядывалъ всѣхъ обитателей домика, затѣмъ произнесъ, покачивая головой:

— По вашимъ лицамъ нельзя заключить, чтобы ваша совѣсть была спокойна; полагаю, что мнѣ нечего объяснять вамъ причину нашего посѣщенія. Слушайте, Боранъ, вы самый умный и съ вами можно говорить о дѣлѣ; выдайте намъ вашего гостя; когда онъ будетъ съ нами, мы всѣ вмѣстѣ и потолкуемъ.

Но къ Борану вернулось уже его мужество и смѣлость, и онъ отвѣтилъ спокойно и опредѣленно:

— Наши лица мирныхъ гражданъ выражаютъ лишь волненіе и изумленіе, которыя понятны при условіи, что нашъ сонъ и покой нарушенъ неожиданно, среди ночи, ворвавшимися людьми; полагаю, что это вполне понятное объясненіе. Что же касается гостя, то я не понимаю, про кого вы говорите.

Фушэ и Кантекоръ быстро обмѣнялись взглядомъ; одинъ спрашивалъ: «не ошиблись ли вы?» Другой отвѣчалъ: «Не безпокойтесь, я все знаю».

Не могло же безслѣдно исчезнуть лицо, за которымъ шагъ за шагомъ отъ самой границы слѣдовалъ Кантекоръ. Боранъ продолжалъ:

— Я мирный часовщикъ, работающій въ этомъ кварталѣ болѣе двадцати лѣтъ, торговецъ, котораго считаютъ честнымъ человекомъ; справьтесь обо мнѣ. Такъ какъ вы олицетворяете собою законъ, то вы должны были бы защищать честныхъ людей, вмѣсто того, чтобы тревожить ихъ безъ причины.

— Та-та-та, — прервалъ его полицейскій: — мнѣ знакомы эти пѣсни... Въ такомъ случаѣ мы произведемъ обыскъ; ваша вина увеличится отъ заpirationства, а результатъ будетъ все равно одинаковъ.

Ренэ рѣшила вступиться за отца:

— Сударь, если кто-нибудь донесъ на насъ, то въ такомъ случаѣ надъ вами посмѣялись; домъ слишкомъ малъ, чтобы укрыть какую-нибудь тайну; мой отецъ—скромный гражданинъ, не интересуется политикой. Это всѣмъ извѣстно.

Фушэ окинулъ пронизательнымъ взоромъ дѣвушку.

— Но кто же вамъ говорить о томъ, что вашъ отецъ интересуется политикой?

Ренэ покраснѣла и склонила голову; она поняла, что сказала лишнее.

— Сударыня, — сказала Кантекоръ, въ свою очередь: — вы смѣетесь надъ нами. Конечно, это простительно въ ваши годы, да и красота ваша васъ выручаетъ. Ну, однако, довольно разговоровъ, нечего терять время. Показывайте намъ дорогу.. А вы, толстуха, — обратился онъ къ Жаннѣ: — возьмите лампу и свѣтите намъ.

— Толстуха!—заворчала обиженная супруга Блезо:—я вѣдь не зову васъ «жердью», бездѣльникъ!

Кантекоръ не удостоилъ его возраженіемъ. Онъ сдѣлалъ знакъ своимъ людямъ, которые взяли подсвѣчники и начали обыскъ. За Кантекоромъ слѣдовалъ Фушэ, державшійся все время на сторожѣ, затѣмъ Боранъ, дѣлавшій огромныя усилія, чтобы казаться спокойнымъ, растерянная Ренэ и обезумѣвшій отъ ужаса Блезо.

Полицейскіе перерыли всѣ шкапы, ящики, изслѣдовали всѣ стѣны, все перерыли въ комнаткѣ позади лавки, служившей столовой и кухней... Тамъ ничего не было.

— Поднимаемся выше,—сказалъ Фушэ:—птицы залетѣли наверхъ!

Онъ острилъ, чувствовалъ себя въ хорошемъ настроеніи. Онъ любилъ эти ночныя походы, эту охоту за людьми по вѣрнымъ слѣдамъ; онъ родился шпиономъ, это было его призваніе. На этотъ разъ преслѣдованіе было особенно интересно. Игра стоила того, чтобы самому принять въ ней участіе, несмотря на опасность.

Изъ нижняго этажа всѣ направились наверхъ, вытянувшись гуськомъ по узкой лѣстницѣ, которая скрипѣла подъ ихъ тяжелыми шагами; въ верхнемъ этажѣ обыскъ возобновился. Въ комнатахъ Борана и Ренэ была передвинута вся мебель, все было перерыто сверху донизу, но безъ всякихъ результатовъ.

— Не тутъ, выше, выше,—нетерпѣливо ворчалъ Фушэ:—я говорю вамъ, что выше... я слышу запахъ дичи... да, да... я не ошибаюсь!

На чердакѣ онъ остановился, оглядѣлся и сказалъ:

— Ну, теперь будьте внимательны!

Тотчасъ полицейскіе со свѣчами въ рукахъ разсѣялись по всѣмъ угламъ обширнаго помѣщенія, а Кантекоръ, взявъ лампу изъ рукъ Жанны, началъ внимательно разсматривать стѣны.

Фушэ, къ ужасу однихъ и въ назиданіе другимъ, говорилъ:

— Это помѣщеніе слишкомъ пусто, видите ли; это какъ будто устроено нарочно, для отвода глазъ, для того, чтобы сразу можно было видѣть, что тутъ ничего нѣтъ... и это именно потому, что тутъ-то и есть что-то. Осмотрите каждую щель, каждый гвоздь, каждую дыру, въ особенности со стороны переулка, тамъ есть выпуклость на фасадѣ.

У Борана подкосились ноги; Ренэ сжала челюсти, чтобы не стучать зубами.

Кантекоръ съ людьми осматривали все самымъ тщательнымъ образомъ, но не находили ничего подозрительнаго. Фушэ затопалъ ногами; онъ уже рѣшилъ, что идетъ по вѣрному слѣду, а между тѣмъ время шло, не приводя ихъ къ успѣху...

Фушэ не допускалъ ошибки. Онъ повернулся къ Ренэ, рассчитывая уловить выраженіе страха на подвижномъ личикѣ дѣвушки,

которое могло бы подтвердить его догадки. Но подъ его пристальнымъ взглядомъ она опустила глаза и устремила ихъ въ землю, а затѣмъ отступила въ полосу тѣни, которая падала отъ стѣны; она догадалась о намѣреніи начальника полиціи. Шпіоны даромъ теряли время и трудъ. Съ помощью желѣзныхъ прутьевъ они изслѣдовали каждое отверстіе,—все было напрасно.

— Если и есть какой-нибудь тайникъ,—сказалъ Кантекоръ, которому закралось въ душу сомнѣніе:—то, надо признаться, онъ великолѣпно скрытъ.

Фушэ разсердился:

— Нечего сказать, стоило заявлять мнѣ о добычѣ... королевской... заставить меня прійти сюда!

Полицейскій опустилъ голову, фізіономія его вытянулась. Онъ уже предчувствовалъ немилость; министръ полиціи былъ безпощаденъ съ неловкими; онъ предпочиталъ негодяевъ, съ которыми всегда можно сговориться и обдѣлать всевозможныя дѣлишки.

Фушэ продолжалъ:

— Довольно, пора кончить... такимъ образомъ мы не подвижемся впередъ до завтрашняго дня!

Въ эту же минуту у него блеснула мысль, которая должна была привести ихъ къ цѣли. Онъ позвалъ Борана и Ренэ и поставилъ ихъ посрединѣ пустого помѣщенія; грубымъ, рѣзкимъ голосомъ, который отдавался во всѣхъ уголкахъ чердака, онъ объявилъ имъ:

— Я знаю, что вы скрываете человѣка, который изгнанъ изъ Франціи. Я не утверждаю, что онъ находится здѣсь съ дурными намѣреніями, но моя обязанность разыскивать его всюду, гдѣ бы онъ ни скрывался. Я долженъ его найти, долженъ удостовѣрить его личность. Такъ какъ наши поиски бесполезны, такъ какъ вы отрицаете то, въ чемъ мы увѣрены, то домъ вашъ будетъ разрушенъ до основанія завтра же. А теперь вы, Боранъ, и эта молодая дѣвушка (онъ еще повысилъ тонъ), вы отправитесь въ Консьержери; тишина и уединеніе будутъ полезны вамъ для размышленій; если ваше пребываніе тамъ продолжится нѣсколько лѣтъ—тѣмъ хуже для васъ.

Въ то время, какъ онъ произносилъ эту рѣчь, въ томъ мѣстѣ стѣны, которое было обслѣдовано уже сто разъ, медленно открылось отверстіе; большая дверь, подъ давленіемъ изнутри, открылась, и на порогѣ появился Гранли.

Раздался крикъ ужаса, безпокойства, удовольственія, — всѣ отступили назадъ, затѣмъ окружили его. Съ огромнымъ спокойствіемъ, важно, торжественно, съ величественнымъ презрѣніемъ, молодой человѣкъ сдѣлалъ шагъ впередъ:

— Довольно, сударь!—обратился онъ къ Фушэ.—Я одинъ виновать во всемъ, и вотъ я въ вашихъ рукахъ.

Случилось то, на что разсчитывалъ министръ. Принцъ не могъ слышать угрозъ своимъ вѣрнымъ слугамъ; онъ продолжалъ оставаться великодушнымъ, несмотря на всѣ неудачи и несчастія.

Фушэ не отличался вѣжливостью, но при этомъ появленіи, чрезвычайно пораженный и взволнованный, онъ поклонился и приподнял свою шляпу. Онъ не отказалъ въ этомъ знакѣ почтенія тому, отца и мать котораго онъ отправилъ на гильотину.

Гранли продолжалъ:

— Эти люди приняли меня, не зная, кто я. Распожайтесь мною, я покоряюсь необходимости еще разъ.

— Я долженъ васъ допросить,—сказалъ Фушэ:—будете ли вы отвѣчать?

— Вѣроятно, хотя это будетъ зависѣть отъ вашихъ вопросовъ.

— Прекрасно!

Министръ полиціи отдалъ короткое приказаніе Кантекору, который передалъ его, въ свою очередь, подчиненнымъ. Черезъ минуту наверхъ, на чердакъ были подняты два стула и небольшой столъ. Фушэ приказалъ удалиться всѣмъ, кромѣ Борана, Ренэ и Кантекора, «чтобы свободнѣе поговорить безъ свидѣтелей», какъ объяснилъ онъ. Чердакъ опустѣлъ, дверь закрылась; Фушэ пододвинулъ Гранли стулъ:

— Потрудитесь сѣсть, милостивый государь.

Молодой человѣкъ машинально опустился на стулъ. Фушэ взялъ другой стулъ, поставилъ его передъ столомъ и усѣлся. Затѣмъ онъ вытащилъ изъ кармана, не спѣша, бумагу и карандашъ въ серебряной оправѣ и приказалъ Кантекору подать лампу. Кантекоръ поставилъ лампу на столъ. Освѣщенный такимъ образомъ, этотъ рыжій человѣчекъ, бывший священникомъ, членомъ народнаго конвента, цареубійцей, проконсуломъ, террористомъ, а теперь состоявшій приверженцемъ императорскаго строя, духовенства и законовъ, обнаруживалъ себя во всемъ своемъ гнусномъ и трагическомъ безобразіи. Несмотря на свою относительную молодость,—ему было только сорокъ два года,—онъ казался уже старымъ. Его желчное, измученное лицо, сѣро-зеленые глаза, налитые кровью, свидѣтельствовали о душѣ, лишенной благородства, высокихъ чувствъ и совѣсти. Онъ заговорилъ глухимъ голосомъ:

— Вы видите, что я отослалъ своихъ людей; они тутъ, на лѣстницѣ или въ среднемъ этажѣ, — я рѣшилъ, что имъ нечего слушать то, что вы мнѣ сообщите. Теперь начнемъ. Если у васъ есть оружіе, отдайте мнѣ его.

Гранли отвѣтилъ:

— У меня нѣтъ оружія.

— Бумаги?

— Здѣсь... никакихъ.

— Вы ручаетесь въ этомъ вашей честью?

— Да.

— Я вѣрю вамъ.

— А это?—сказаль Кантекоръ съ гнусной усмѣшкой, выскальзывая изъ тайника, куда онъ незамѣтно проникъ за спиною принца.

Онъ помахаль въ воздухѣ листикомъ, на которомъ поклонникъ Полины начерталь съ такимъ трудомъ нѣсколько рюмованныхъ строкъ въ честь ея несравненной красоты.

Принцъ кинулся на него, вырваль изъ святотатственныхъ рукъ листокъ, смяль его и разорваль на тысячу кусочковъ.

— Что это значить?—строго спросиль Фушэ.

— Ничего серьезнаго,—невинные стихи въ честь дамы, вѣрте моему честному слову.

Министръ полиціи пробормоталь что-то, уткнувшись въ воротникъ; онъ любиль подмѣчать маленькія слабости сильныхъ міра. Выждавъ минуту, онъ спросиль:

— Ваше имя?

Изгнанникъ поколебался одно мгновеніе, взглянулъ на взволнованныя лица своихъ преданныхъ друзей, улыбнулся имъ и смѣло отвѣтилъ:

— Шарль-Луи Гранли.

— Вы въ этомъ увѣрены?—спросиль съ насмѣшкой Фушэ.— Впрочемъ, пусть будетъ такъ... будемъ продолжать... Вы изгнаны и знаете почему и тѣмъ не менѣе вы во Франціи.

— Да, это вѣрно. Но многіе изъ эмигрировавшихъ уже вернулись; я полагаль, что времена теперь нѣсколько измѣнились и власти стали снисходительнѣе.

— Въ такомъ случаѣ, значить, вы скрываетесь?

Молодой человекъ покраснѣль. Онъ поднялся съ выраженіемъ негодованія на лицѣ и далъ волю своему гнѣву и презрѣнію:

— Кто вы такой, чтобы допрашивать меня такимъ образомъ? По какому праву дѣлаете вы это? по чьему повелѣнію? Я въ вашей власти, такъ и не злоупотребляйте ею! Я вернулся во Францію, я, да я, Гранли, чтобы служить въ императорской арміи, безъ всякихъ расчетовъ, съ единственной цѣлью быть полезнымъ моей родинѣ и безразлично при какомъ образѣ правленія. Вотъ и все! Если это преступленіе при имперіи, тѣмъ хуже для императора!

— Господинъ Грабли,—миролюбиво началъ Фушэ, прослушавшій эту горячую тираду безъ малѣйшаго выраженія на своемъ безкровномъ, каменномъ лицѣ:—прежде всего я отвѣчу вамъ на вашъ первый вопросъ. Кто я, какія у меня права и полномочія? Я—Фушэ.

Гранли едва овладѣль собой и подавилъ крикъ изумленія.

— Вы, вы Фушэ?

Фушэ закусилъ свои блѣдныя губы и поклонился.

— Да, я понимаю васъ; нѣкоторые воспоминанія черезчуръ тягостны... Но это не идетъ къ дѣлу. Вы вернулись во Францію, чтобы служить въ императорскомъ войскѣ? Какъ же вы поступите туда подъ вашей вымышленной фамиліей?

— У меня есть поддержка, которой я уже пользовался... при дворѣ...

Фуше подумалъ; онъ начиналъ соображать, по его губамъ скользнула улыбка.

— Императрица?

Лицо его прояснилось, но сохраняло зловѣщее выраженіе.

— Да... да... все это очень странно... Впрочемъ, у васъ есть еще поддержка... въ Италіи... въ Римѣ...

На этотъ разъ Гранли поблѣднѣлъ; тайна, которую онъ тщательно хранилъ, оказывалась извѣстной полиціи. Пользуясь его замѣшательствомъ, Фушэ произнесъ:

— Вы очень неосторожны, сударь! Примѣръ герцога Энгіенскаго долженъ былъ бы остановить васъ на пути во Францію!

При этой угрожающей фразѣ молодой человѣкъ выпрямился и разстегнулъ свой сюртукъ:

— Если ваша цѣль такого рода, то я готовъ, не будемъ терять время!

Боранъ и Ренэ кинулись къ нему вѣ себя и закрыли его своими тѣлами; оба они рыдали.

— Объ этомъ нѣтъ и рѣчи,—отвѣтилъ какъ бы въ раздумьи Фушэ.

Въ этотъ мигъ, въ первый разъ за всю свою жизнь, можетъ быть, царевбійца чувствовалъ себя смущеннымъ. Всевозможныя и самыя противорѣчивыя мысли проносились въ его мозгу. Онъ отлично понималъ, что, предоставляя Жозефинѣ покровительствовать этому завѣдомому врагу императора, онъ могъ бы держать ее въ рукахъ и рассчитывать на ея благоволеніе. Съ другой стороны, въ это же время отъ него зависѣло щадить или скомпрометировать Полину Боргезе. Онъ представлялъ себѣ, что онъ могъ усилить свое уже огромное могущество, зная такую государственную тайну. Наконецъ, служа въ императорской арміи, принцъ былъ бы въ его рукахъ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и въ концѣ концовъ могъ бы наступить удобный моментъ, когда принца легко можно было бы выдать его дядямъ. Онъ рѣшилъ, что этотъ молодой человѣкъ заслуживалъ нѣкотораго уваженія: защищая права императора, онъ могъ бы все-таки пощадить и юношу и, такимъ образомъ, приобрѣталъ право на его благодарность.

А если императоръ узнаетъ объ этомъ какимъ-нибудь образомъ? Ну, что же, онъ всегда могъ бы его немедленно арестовать... и доказать, что его мнимая снисходительность была лишь искуснымъ ходомъ въ этой игрѣ.

Все это онъ обдумалъ и рѣшился. Плавнымъ жестомъ бывшій священникъ успокоилъ общее волненіе и, вставая, произнесъ самымъ миролюбивымъ голосомъ:

— Господинъ Гранли, дайте мнѣ ваше дворянское слово, что все, что вы мнѣ сказали, сушая правда; что вы ничего не замышляете ни противъ императора, ни противъ имперіи. При такомъ условіи я даю вамъ свободу! Если вы можете — поступайте въ императорскую армію; если нѣтъ—вы отправитесь въ мѣсто ссылки. Но знайте, что тутъ или тамъ вы всегда въ моихъ рукахъ... отъ меня скрыться нельзя. Таковъ нашъ обоюдный договоръ, основанный на взаимномъ довѣрїи. Отвѣчайте, согласны вы подписать его?

Гранли думалъ, опустивъ голову. Передъ собою онъ видѣлъ Ренэ и старика Борана, которые, безмолвно сжимая руки, умоляли его; вдали, подъ небомъ Рима, передъ его взоромъ проносился нѣжный образъ Полины, для которой онъ былъ готовъ на всякія жертвы.

Глубоко вздохнувъ, онъ произнесъ:

— Г. Фушэ, я даю вамъ слово дворянина, что я сказалъ вамъ истинную правду; я ничего не предприму ни противъ императора, ни противъ имперіи. Я поступлю на службу въ императорскія войска или покину Францію. Я принимаю ваши условія... я вынужденъ сдѣлать это. Я не буду болѣе скрываться, но и вы не сдѣлаете мнѣ ничего дурного, я вѣрю этому.

— Вы можете быть совершенно спокойны,—отвѣтилъ, кланаясь, Фушэ, не рѣшившійся предложить свое честное слово,—и очень вѣроятно, что придетъ время, когда вы вспомните все, что произошло сегодняшней ночью, и, надѣюсь, воспоминаніе это не будетъ очень тяжело. А вы, Гиацинтъ Боранъ,—продолжалъ Фушэ, повертываясь къ часовщику,—не забудьте этого урока. Вашъ тайникъ долженъ быть уничтоженъ завтра же; чтобы впредь никто никогда не искалъ у васъ убѣжища, это вы должны запомнить. Если вы будете дѣйствовать попрежнему, то знайте, что это отразится на принцѣ.

Боранъ протянулъ уже руку, чтобы подписать торжественную клятву, но Фушэ всталъ и съ поклономъ вышелъ изъ чердака. Кантекоръ шелъ за нимъ недовольный, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ.

На улицѣ, садясь въ экипажъ, Фушэ сказалъ своему агенту:

— Кантекоръ, если ты дорожишь своею жизнью, ты забудешь эту ночь. Ты ничего не знаешь; ты ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ... Но съ этого дня ты долженъ слѣдить неотступно за этимъ молодымъ человѣкомъ, я вручаю его тебѣ. Ты долженъ всегда знать, гдѣ онъ, что онъ дѣлаетъ, что онъ думаетъ, что онъ желаетъ. При выполненіи этого условія твоя карьера обезпечена.

Кантекоръ отвѣсилъ глубокій поклонъ, и, когда онъ поднялъ голову, коляска уже скрылась изъ виду.

Въ домикѣ часовщика разыгрывалась другая сцена. Всѣ четверо вѣрныхъ друзей окружили своего принца и поздравляли его съ неожиданной развязкой, хотя всѣ были еще подъ впечатлѣніемъ того страха, ужаса и тревоги, что имъ пришлось пережить за эту ночь. А принцъ, дрожащій, негодующій, вѣвъ себя отъ бѣшенства кричалъ, подчеркивая слова:

— Я долженъ былъ уступить этому негодю, этому убійцѣ!!.. ради васъ, ради другихъ... конечно, меньше всего ради себя! Это негодяй, ибо, освобождая меня, онъ измѣнилъ своему долгу!..

Потомъ вдругъ лицо его прояснилось:

— Ну, друзья мои, довольно плакать, будемъ радоваться! Не правда ли, что поведение этого всезнающаго шпіона удивительно! Наши надежды еще не потеряны! Не мы одни предчувствуемъ, что липы нашей Франціи скоро расцвѣтутъ!..

II.

Около половины іюля, по просьбѣ знатныхъ гражданъ Компьена, которые были огорчены тѣмъ, что императорская семья проводитъ лѣтнее время исключительно въ Рамбулье, Наполеонъ отправилъ Жозефину и Гортензію провести двѣ недѣли въ замкѣ этого города, обѣщая въ скоромъ времени тоже пріѣхать туда. Компьенскій замокъ былъ не великъ, и императрица со своимъ дворомъ съ большимъ трудомъ размѣстилась тамъ; интриги продолжались попрежнему и даже усилились вслѣдствіе одного новаго плана императора. Уже давно ему хотѣлось пристроить на службу огромное число эмигрантовъ и дворянской молодежи, которые, желая примириться съ правительствомъ, не могли, однако, согласиться вступить въ армію простыми солдатами. Вслѣдствіе этого Наполеонъ приказалъ выбрать шесть тысячъ лучшихъ молодыхъ людей изъ числа плѣнныхъ при Аустерлицѣ и сформировать изъ нихъ два полка на жалованьи отъ Франціи. Этому новому корпусу, сформированному не по образцу регулярныхъ войскъ, Наполеонъ далъ особыя, лично имъ выработанныя, права. Для того, чтобы получать чины включительно до штабъ-офицерскихъ, не нужно было служить долго; достаточно было быть благороднаго происхожденія, носить громкую фамилію и доказать свою преданность вѣрной службой императору. Конечно, производство въ чины такимъ способомъ было противно установившемуся обычаю; но императоръ рѣшилъ такимъ способомъ привлечь на свою сторону болѣе ста молодыхъ людей, воспитанныхъ, образованныхъ и богатыхъ; кромѣ того, онъ отвлекалъ ихъ службой отъ опаснаго бездѣлья и заговоровъ.

Племянникъ Латура д'Овернского былъ назначенъ командиромъ перваго полка, принцъ де-Шембургъ—командиромъ втораго.

Обоимъ полкамъ были даны имена ихъ командировъ. Всѣ мѣста въ нихъ были тотчасъ заняты; люди самыхъ противоположныхъ направленій: разбогатѣвшіе республиканцы, обращенные роялисты, всѣ желали попасть туда. Послѣднія сомнѣнія, колебавшія умы, были побѣждены. Служба представлялась чрезвычайно заманчивой. Во время пребыванія двора въ Компьенѣ ходатайства усилились. Съ ними обращались даже къ Жозефинѣ.

Въ деревнѣ она казалась болѣе свободной, болѣе доступной, чѣмъ въ Тюльери; этимъ пользовались, чтобы обращаться къ ней съ просьбами, которыя были болѣе настойчивы. Сосѣдніе замки, которыхъ было очень много вокругъ Компьена, гостиницы, частные дома—все было занято просителями. Однако всѣ эти знатные люди находились подъ нѣкоторымъ подозрѣніемъ, и по ихъ слѣдамъ, чего, вѣроятно, они и не подозрѣвали, шла цѣлая армія темныхъ личностей: полицейскихъ и шпионовъ со стороны разныхъ отдѣльныхъ заинтересованныхъ лицъ и правительствъ. Это было особое время, время таинственныхъ заговоровъ, огромныхъ честолюбій, тайныхъ надеждъ, сокровенныхъ происковъ, безграничныхъ самопожертвованій, позорныхъ измѣнъ. У Наполеона были свои агенты; у Талейрана свои; Фушэ, Савари, Десмаже, Реанъ, Дюбуа имѣли своихъ шпионовъ; всѣ они интриговали между собою. Охрана подозрѣвала всѣхъ должностныхъ лицъ, которыя взаимно не довѣряли ей. Графы де-Провансъ, д'Артуа содержали въ Парижѣ своихъ эмиссаровъ, французовъ и иностранцевъ. Наконецъ, многія европейскія государства—Англія, Россія, Австрія, Пруссія—имѣли свои бюро, слѣдившія за всѣмъ, что дѣлалось въ Тюльери. Шпионы были всюду, даже въ числѣ придворныхъ дамъ, которыхъ подкупалъ, хотя и очень дорогой платой, Фушэ. За императоромъ слѣдили точно такъ же, какъ за всѣми принцами; полицейскіе соперничали въ хитрости, смѣлости и ловкости. Очень часто велась двойная игра, которая запутывала интриги и козни.

Каждое утро императрица принимала не болѣе десяти просителей; пріемъ продолжался отъ десяти часовъ до полудня, если у нея не было мигрени или другихъ дѣлъ. Роль благодѣтельница ей нравилась, и она охотно принимала просителей, тѣмъ болѣе, что среди нихъ она чувствовала себя въ своемъ обществѣ. Всѣ эти молодые люди, элегантные, утонченные и ловкіе, напоминали ей прошедшее время, интересовали ее, радовали и плѣняли. Она принимала ихъ просьбы, выслушивала комплименты, лесть и всѣхъ обнадеживала съ лѣнливой граціей прекрасной креолки. Наполеонъ могъ отказывать, возмущаться, негодовать, но въ концѣ концовъ уступалъ настояніямъ Жозефины; если Наполеонъ не соглашался, она звала на помощь Гортензію, иногда придворныхъ дамъ, фрейлинъ,

приглашенныхъ, и передъ этимъ хоромъ просьбъ онъ вынужденъ былъ соглашаться.

— Вы скоро будете назначать моихъ генераловъ!..—ворчалъ онъ.

— Почему жъ бы и нѣтъ?—возражали тѣ.

— Ахъ вы, плутовки, плутовки!..

И великій человѣкъ добродушно смѣялся.

Вліяніе Жозефины было такъ велико, что впослѣдствіи всѣмъ, назначеннымъ въ полки, благодаря ея покровительству, была присвоена кличка «кадетъ императрицы».

Въ это утро будущіе кадеты разгуливали, въ ожиданіи приѣма, вдоль и поперекъ большого замковаго двора; нѣкоторые ходили въ одиночку, другіе собирались въ группы. Всѣ эти люди до смѣшнаго походили другъ на друга, что было, впрочемъ, не удивительно, такъ какъ всѣ они принадлежали къ одной и той же національности, были одинаковаго воспитанія, многіе изъ нихъ были болѣе или менѣе близкими родственниками. Всѣ они были одинаково одѣты по модѣ того времени: голубой сюртукъ, жилетъ съ цвѣтами, бѣлыя панталоны и невысокіе, доходящіе до половины ноги, сапоги. Болѣе молодые изъ нихъ были лѣтъ двадцати, старшіе— тридцати; всѣ они рассчитывали быть командирами или, по крайней мѣрѣ, капитанами: ихъ благородное происхожденіе давало имъ право на это. Они теперь считали, что оказываютъ услугу государству, соглашаясь вступить въ ряды войскъ и носить военный мундиръ. Они перекликались другъ съ другомъ, умышленно подчеркивая свои громкіе титулы:

— Это вы, маркизь! А... виконтъ!.. Здравствуйте, герцогъ!.. здравствуй, баронъ!..

Большая часть ихъ отдала бы съ радостью десять лѣтъ жизни, чтобы низложить узурпатора и воскликнуть: «да здравствуетъ король!» Наполеонъ зналъ это очень хорошо, но онъ зналъ также и то, что, опредѣливъ ихъ въ полки, онъ будетъ держать ихъ желѣзной рукой и что никто изъ нихъ не посмѣетъ вести противъ него интриги изъ боязни суровой кары.

На двухъ ступенькахъ лѣстницы стояло трое молодыхъ людей надменной наружности и тихо разговаривали, слѣдя за появленіемъ и исчезновеніемъ придворныхъ слугъ, которые, введя просителя, докладывали фамилію того, кто слѣдовалъ по очереди. Молодой человѣкъ, стоявшій на верхней ступенькѣ, облокотившись на каменныя перила, былъ на голову выше двухъ другихъ и казался не старше двадцати лѣтъ. Это былъ блондинъ, съ правильными и красивыми чертами лица, съ задумчивыми глазами, съ подвижнымъ, выразительнымъ лицомъ, отражавшимъ каждое душевное движеніе. Обратясь къ своимъ собесѣдникамъ, сухошавымъ брUNETамъ приблизительно того же возраста, онъ сказалъ:

— Вотъ вы увидите, Прэнгей, и вы, Иммармонъ, что насъ и сегодня не примутъ. Если это будетъ продолжаться, то я поѣду недѣли на двѣ въ Клошъ-д'Оръ: это, конечно, очень пріятно, но въ концѣ концовъ...

— Ваше выс... господинъ Гранли,—сказалъ Иммармонъ:—почему вы не хотите согласиться на мое предложеніе и провести это время въ замкѣ моей матери, въ двухъ шагахъ отсюда?

— Опасно!

— Съ какой стороны?

— Со всѣхъ.

— Во всякомъ случаѣ, не опаснѣе, чѣмъ здѣсь?—возразилъ Иммармонъ.

— Да, конечно, но я не хочу никого компрометировать.

— Но вѣдь вы знаете, что единственное наше желаніе и обязанность—это служить вамъ и быть вамъ полезнымъ.

— Я это знаю,—сказалъ Гранли съ легкой усмѣшкой:—но вѣдь вы не одни—у васъ мать, сестра... Онѣ такъ недавно еще вернулись во Францію, что невозможно подвергать ихъ опасности быть высланными... Вооружимся терпѣніемъ!.. это отплата за прошлое!

— Вы расплачивались ужъ не разъ!—проворчалъ сквозь зубы Прэнгей.

Въ этотъ моментъ лакей доложилъ:

— Господинъ Мартинзаръ! Господинъ де-Рантиньи!

— Мартинзаръ!—произнесъ Иммармонъ съ движеніемъ, выражающимъ глубокое презрѣніе: — буржуа — вотъ кто здѣсь въ почетѣ, вотъ кого предпочитаютъ... вамъ!

— Кто же меня здѣсь знаетъ, — уклончиво замѣтилъ Гранли.

— Мартинзаръ,—продолжалъ Прэнгей: — сынъ архи-милліонера, банкира Жозефины; она ему должна огромныя деньги; будьте увѣрены, что его устроятъ прежде всѣхъ.

— А кто такой Рантиньи? Я о немъ не слыхалъ,—сказалъ Гранли.

— Вѣроятно, какой-нибудь захолустный дворянчикъ; я не слышалъ этой фамиліи при прежнемъ дворѣ,—разъяснилъ Прэнгей:—хотя многое и забывается... столько случилось событій...

— И судьба многихъ такъ измѣнилась,—подхватилъ Гранли:—я, наприимѣръ. Можетъ ли мое имя напомнить что-нибудь бывшимъ посѣтителемъ Версаля?

— Оно напоминаетъ слишкомъ много; оно слишкомъ ясно,—сказалъ Иммармонъ.—Если бы вы послушали меня, то взяли бы имя болѣе простое; не такое прозрачное, съ меньшимъ значеніемъ¹⁾.

— Пустяки! Что за важность!.. Богъ не оставитъ меня!

¹⁾ Гранли (*grand lys*) — въ переводѣ значитъ «большая лилія». Какъ извѣстно, лиліи были въ гербѣ французскихъ королей. *Прим. пер.*

Лакей снова провозгласилъ:—«Графъ де-Тейксъ принцъ де-Круа! Графъ де-Новаръ!»

— Это настоящіе дворяне,—сказалъ Прэнгей, который, повидимому, великолѣбно зналъ всю родословную старой Франціи.

— Да,—согласился Гранли,—графы де-Тейксы принцы де-Круа, бретонцы Морбигана, древній родъ, вѣрнѣйшій между вѣрными.—Онъ вздохнулъ.—Все измѣнилось!

— Какъ знать?—замѣтилъ Иммармонъ:—Не слѣдуетъ придавать лишнее значеніе наружному виду.

Прошло четверть часа. Въ этотъ день Жозефина торопилась окончить пріемъ. Послѣдовательно были приглашены: маркизь де-Невантеръ, кавалеръ д'Орзаманъ, г. Микле де-Маршъ. Всѣ эти имена встрѣчались молодыми людьми, стоявшими на лѣстницѣ, съ выраженіемъ похвалы или презрѣнія.

— Всѣ собрались тутъ,—сказалъ Гранли,—и многіе изъ нихъ дѣйствительно благородные люди.

Появившись въ четвертый разъ, лакей доложилъ своимъ громкимъ голосомъ:—«Кавалеръ де-Гранли!.. графъ де-Прэнгей д'Отрезмъ, виконтъ д'Иммармонъ!..»

Гранли пожалъ крѣпко руки своимъ друзьямъ.—«До свиданья... Сейчасъ рѣшится моя судьба... побѣда или проигрышъ! Если меня не арестуютъ, тогда увидимся въ часъ дня въ Клошъ д'Орь. Позавтракаемъ вмѣстѣ».

— Арестовать? За что?—вскричали вмѣстѣ Прэнгей и Иммармонъ.

— Все можетъ быть... за мной слѣдить Фушэ...

Молодой человѣкъ поднялся не слѣша по лѣстницѣ и вошелъ въ галерею. На большомъ разстояніи отъ него медленно шли его собесѣдники, перекидываясь словами:

— Миѣ страшно, кузень, я боюсь!

— Я тоже!

— Если онъ не будетъ сдержанъ... позволить себѣ какую-нибудь безумную выходку?

— Да, ему очень трудно выдерживать свою роль... онъ такъ впечатлительнъ... И наконецъ воспоминанія прошлаго въ этомъ замкѣ... его гордость, вполне законная... все это такъ опасно... Что онъ будетъ дѣлать, если его примутъ не такъ, какъ онъ рассчитывалъ.

— Подождемъ...

Они остановились, стараясь угадать, что происходитъ въ аппаратахъ Жозефины.

Она принимала посѣтителей въ прежней гостиной Маріи-Антуанетты, комнатѣ, выходившей на террасу въ огромный паркъ. Императрица полулежала на узенькой кушеткѣ краснаго дерева, покрытой блѣдно-зеленымъ шелкомъ съ ярко-желтыми полосами и поддерживавшейся орлами изъ мѣди. Одѣта она была въ легкіи туа-

летъ изъ индійской кисеи, съ открытыми руками и удивительно красивой шеей, слегка прикрытой этой прозрачной матеріей.

Несмотря на то, что въ эту пору ей было уже не менѣ сорока трехъ лѣтъ, она казалась очень молодой, благодаря тщательному уходу за своимъ лицомъ и фигурой и тому очарованію, которое она придавала своему голосу и движеніямъ. Небольшая діадема изъ жемчуговъ украшала ее прелестную головку. Гортензія, которая мѣсяць тому назадъ вышла замужъ за короля Голландіи и которая, повидимому, не очень стремилась къ своему супругу, сидя возлѣ нея, казалась младшей сестрой, далеко уступаая ей въ красотѣ. Полукругомъ около дивана сидѣли рядомъ: фрейлина баронесса де-Во; камерфрау m-me Гамеленъ; м-мъ де-Нуаюнъ, креолка съ Мартиники, другъ дѣтства императрицы; баронесса Гудейль и нѣсколько другихъ дамъ высокаго происхожденія. Но самая молодая, самая красивая, сразу привлекавшая всѣ взоры, была красавица Луиза де-Кастеле. Два года тому назадъ она вышла замужъ за драгунскаго капитана, съ которымъ рѣдко видалась; они обожали другъ друга, но служба и придворныя обязанности часто разлучали ихъ. Ее любили при дворѣ за ея постоянное веселье и смѣхъ, который такъ шелъ къ ея нѣжной красотѣ свѣтлой блондинки. Великій художникъ Грезъ, умершій нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ глубокой старости и нищетѣ, въ дни расцвѣта своего таланта между тысячами прекрасныхъ женщинъ считалъ ее своей лучшей моделью. Можно было утверждать, что она жила для того, чтобы радовать другихъ, разсѣвать печаль и уныніе. Самые угрюмые люди становились веселѣе въ ея присутствіи, и самъ императоръ въ часы дурного расположенія духа не могъ устоять передъ ея лучезарнымъ появленіемъ. Онъ называлъ ее волшебницей, и она принимала это прозвище, какъ комплиментъ.

Камергеръ, шталмейстеръ и нѣсколько офицеровъ стояли въ глубинѣ залы передъ дверью. Собраніе было блестяще, и роль каждаго была точно опредѣлена правилами придворнаго этикета. Обстановка была также великолѣпна; потолокъ былъ расписанъ аллегорическими картинами работы извѣстнаго Койцеля и украшенъ золотомъ, стѣны обтянуты коврами съ изображеніемъ мифологическихъ сценъ, и старые портреты забытыхъ героевъ, временъ королей, дополняли убранство салона. Черезъ широко открытыя окна двери открывался видъ на паркъ съ вѣковыми деревьями и зелеными лужайками, на которыхъ бѣлѣли тамъ и сямъ статуи.

Въ то время еще не было огромной долины, которая доходитъ теперь до Красивыхъ Горъ. Этотъ открытый видъ былъ устроенъ пятью или шестью годами позже, благодаря капризу Маріи-Луизы, которая приказала вырубить огромныя просѣки.

Придворный лакей доложилъ:

— Кавалеръ де-Гранли.

«истор. вѣстн.», августъ, 1910 г., т. сxxi.

Войдя, Гранли остановился на мгновение, ослѣпленный лучомъ солнца, прищурилъ глаза, обвелъ всѣхъ присутствующихъ задумчивымъ взглядомъ и направился медленными шагами къ императрицѣ. Въ трехъ шагахъ отъ нея онъ склонился почтительно и низко, но безъ малѣйшаго признака подобострастія. Императрица протягивала обыкновенно руку какъ для поцѣлуя, такъ и для того, чтобы взять прошенія и письма, которыми было снабжено большинство просителей. Но этотъ молодой человекъ, такой красивый и изящный, не имѣлъ въ рукахъ никакой бумаги; онъ казался какимъ-то особеннымъ, необыкновеннымъ, и Жозефина разглядывала его съ любопытствомъ, не шевелясь; всѣ присутствовавшіе были неподвижны, молчаливы, какъ бы въ ожиданіи какого-то серьезнаго событія, которое должно было послѣдовать за появленіемъ этого незнакомца. Гранли, стоя неподвижно передъ императрицей, ожидалъ знака поощренія. Она поняла его, сдѣлала небольшое усиліе и произнесла, слегка покраснѣвъ:

— Вы, кажется, кавалеръ де-Гранли? Что вы желаете получить отъ насъ?—и добавила послѣ маленькой паузы:—кто васъ рекомендуетъ?

— Мадамъ,—сказалъ онъ спокойнымъ голосомъ:—я не имѣю никакихъ рекомендацій, и я хотѣлъ бы поговорить съ вами безъ свидѣтелей.

Онъ сказалъ «мадамъ», а не «ваше величество», какъ слѣдовало по этикету, и свободно выразилъ свое желаніе, не облекая его въ форму просьбы или мольбы. Придворные были оскорблены, наморщили брови; дамы дѣлали гримасы негодованія.

Одна Жозефина, эта безпечная креолка, не страдавшая маніей величія, казалась спокойной и не была оскорблена незнаніемъ придворныхъ правилъ. Гранли понравился и заинтересовалъ ее съ перваго взгляда, она сама не знала почему; она не могла объяснить себѣ, почему онъ вмѣстѣ съ тѣмъ внушалъ ей нѣкоторый страхъ.

Она снизошла къ его желанію и движеніемъ руки удалила дамъ, даже Гортензію и кавалеровъ, которые вышли за дверь. Шталмейстеръ изъ предосторожности намѣревался было остаться въ десяти шагахъ отъ нея, повелительнымъ жестомъ она удалила и его.

Гортензія замѣшкалась въ углу гостиной, занявшись разсмотрѣніемъ альбома.

Жозефина заговорила первая:

— Вы желаете поступить въ полкъ Изембурга или Туръ д'Овернья.

— Да, мадамъ.

— Вы знатнаго рода?

— Да, мадамъ.

— Какимъ же образомъ въ такомъ случаѣ у васъ нѣтъ связей при дворѣ, никакой заручки у меня?

Гранли улыбнулся, его голубые глаза остановились на секунду на императрицѣ, которая замѣтила, какъ они сверкнули, и отвѣтила медленно:

— Извините, мадамъ, я имѣю вашу поддержку.

— Я васъ не понимаю,—замѣтила Жозефина:—будьте добры не говорить загадками. Объясните, въ чемъ дѣло.

Тонъ ея голоса сдѣлался жесткимъ и повелительнымъ.

Молодой человѣкъ собрался съ духомъ и сказалъ:

— Вы меня спасли уже одинъ разъ; можетъ быть, вы не откажетесь спасти меня вторично.

Удивленная Жозефина приподнялась и наклонилась въ сторону страннаго посѣтителя.

— Я васъ спасла? когда? какимъ образомъ?

Тогда любопытные, собравшіеся въ сосѣдней комнатѣ, увидѣли, что молодой человѣкъ наклонился и очень тихо, быстро говорилъ что-то. До Гортензіи долетѣли отдѣльныя слова:

— 1795... Фротте... Барра... Тампль... палачи... милосердіе...

Изумленная императрица сдѣлала шагъ назадъ; съ глубокимъ вниманіемъ она вглядывалась въ женственное лицо юноши; помимо своей воли она воскликнула, кланяясь ему:

— Вы! вы! ваше высочество!

Затѣмъ, взявъ его подъ руку, она прошла съ нимъ на террасу. Слышно было, какъ она сказала ему: «Вы такъ похожи на вашу несчастную мать... какъ все это удивительно!..» Остальныя слова улетѣли вмѣстѣ съ утреннимъ вѣтеркомъ въ глубину парка, разбитаго нѣкогда по приказанію Людовика XV.

Они долго бесѣдовали. Въ минуты забывчивости Гранли гнѣвно возвышалъ голосъ. Доносились слова:

— Мятѣжные дяди... измѣна... гражданская смерть... низость... покушеніе... убѣжище въ войскахъ...

Жозефина, оглядываясь съ безпокойствомъ вокругъ, успокаивала его ласковымъ движеніемъ руки, призывая къ осторожности этого пылкаго юношу. Всѣмъ было замѣтно, что, разговаривая со страннымъ посѣтителемъ, она оказывала ему знаки глубочайшаго уваженія. Когда онъ откланялся, то, противно всѣмъ правиламъ этикета, она проводила его до дверей салона. Придворные съ изумленіемъ слѣдили за этой сценой. По серединѣ комнаты Гранли остановился на секунду, окинулъ взглядомъ всю гостиную, мебель, стѣны, картины и прощелталъ съ внезапнымъ душевнымъ порывомъ:

— Какія воспоминанія!

Императрица, приложивъ палецъ къ губамъ, напомнила ему еще разъ объ осторожности. Онъ спохватился и произнесъ очень громко:

— Благодарю васъ, мадамъ, за вашу доброту; такимъ образомъ дѣло рѣшено?

Жозефина отвѣтила ему тихо:

— Да, ваше величество...

Отвѣтъ этотъ донесся до пораженной Гортензи.

Въ это же время Жеромъ Кантекоръ былъ въ большомъ волненіи. Накапунѣ онъ пріѣхалъ въ Компьенъ переодѣтый зажиточнымъ крестьяниномъ, явившимся на субботній базаръ, и бродилъ все время по улицамъ и вокругъ замка. Онъ чувствовалъ, что онъ неузнаваемъ въ этомъ костюмѣ, и это было дѣйствительно такъ, хотя въ эту пору онъ не достигъ еще той необыкновенной ловкости въ переряживаніи, которой отличался позднѣе. Отъ времени до времени онъ приближался къ воротамъ замка. Когда одинъ человѣкъ или нѣсколько выходили оттуда, онъ встрѣчался съ ними, съ самымъ незначительнымъ видомъ проходилъ мимо, неловко кланяясь, но успѣвалъ внимательно разглядѣть всѣхъ своими пронизательными глазами. Пропустивъ мимо себя такимъ образомъ многочисленныхъ лицъ, онъ увидѣлъ издали какого-то господина во всемъ черномъ, какъ бы въ глубокомъ траурѣ, который медленно и въ глубокой задумчивости вышелъ изъ воротъ замка. Кантекоръ пошелъ къ нему навстрѣчу, засунувъ руки въ карманы и волоча палку, которая висѣла у него на рукѣ на кожаной петлѣ. Въ пятнадцати шагахъ онъ остановился и началъ непринужденно его разглядывать. И вдругъ онъ подскокилъ; онъ поблѣднѣлъ, вытаращилъ глаза, и вся фізіономія его выразила безграничное удивленіе и даже ужасъ.

Незнакомецъ прошелъ, не обративъ вниманія на крестьянина.

Кантекоръ остановился около столба, вытеръ потный лобъ и произнесъ, заикаясь:

— Я сплю, вѣроятно! это глупо... это не можетъ быть... но не можетъ быть такого сходства... правда, что я плохо видѣлъ «того»... если это «тотъ»... однако я его помню хорошо... это онъ... въ двадцати шагахъ отъ меня... если онъ живъ, значитъ нѣтъ смерти... мнѣ положительно страшно! Но я долженъ убѣдиться... иду!..

Онъ повернулъ за тѣмъ, кто доставилъ ему столько волненія и страха. Въ это время господинъ прошелъ мимо церкви, повернулъ направо, дошелъ до площади Отель-де-Виль и вошелъ въ «Клошъ д'Орь».

— Теперь онъ въ моихъ рукахъ,—подумалъ Кантекоръ и вошелъ велѣдъ за нимъ въ гостиницу. Кантекоръ видѣлъ, что едва показавшись незнакомецъ, какъ навстрѣчу ему поднялся какой-то молодой человѣкъ и, протягивая руки, съ привѣтливой улыбкой спросилъ дружескимъ тономъ:

— Надѣюсь, что вы довольны, графъ де-Тейксъ?

— Да, Мартинзаръ,—отвѣтилъ графъ.—Я вполне удовлетворенъ и ничего не желаю большаго.

Кантекоръ не сталъ слушать дальше и поспѣшно вышелъ; онъ задыхался.

— Это онъ! Это онъ, Боже мой?—шпнталь онъ:—мертвые воскресаютъ!

Отойдя шаговъ триста, онъ опомнился; его инстинктъ природнаго шпіона подсказалъ ему, что нельзя оставить безъ вниманія эту встрѣчу, и онъ поборолъ свой страхъ; онъ остановился, повернулся на мѣстѣ въ нерѣшимости и повернулъ въ сторону «Клошъ д'Оръ». «Да, но если онъ живъ, зачѣмъ онъ во Франціи, здѣсь? Не хочетъ ли и онъ поступить на службу въ формируемый полкъ. Но съ какой цѣлью? Вѣдь онъ врагъ Франціи и императора; очевидно, онъ замышляетъ что-нибудь. Берегись, Кантекоръ, будь внимателенъ? Можетъ быть, тебя ждетъ новая удача; берегись, смотри во всѣ глаза!»

Быстрымъ и рѣшительнымъ шагомъ онъ повернулъ назадъ къ гостиницѣ. На часахъ пробило полдень; колокола церкви Сенъ-Жанъ перезванивались съ курантами городской ратуши; площадь, заставленная ярмарочными повозками, лотками, телѣжками торговцевъ подъ зелеными покрывками, съ поднятыми оглоблями, съ лошадьми, уткнувшими морды въ торбы, представляла любопытное пестрое зрѣлище. Въ скоромъ времени она опустѣла; люди устремились по квартирамъ и ресторанамъ, такъ какъ желудки напомнили всѣмъ о часѣ завтрака. Когда Жеромъ Кантекоръ вторично вошелъ въ залу гостиницы «Клошъ д'Оръ», она была уже переполнена публикой, зажиточными крестьянами изъ окрестностей и городскими жителями. Они были не интересны Кантекору, который устремилъ все свое вниманіе на группу людей, выдѣлявшихся своими костюмами и манерами. Въ центрѣ этой группы агентъ Фушэ узналъ графа де-Тейксъ принца де-Круа, гвардейца изъ аустерлицкой фермы, чувствовавшего себя, повидимому, превосходно. Кромѣ него, тутъ были всѣ тѣ молодые люди, которые были утромъ на пріемѣ императрицы. Здѣсь былъ кавалеръ де-Гранли, виконтъ д'Иммармонъ, графъ де-Прэнгей д'Отрезмъ, маркизъ Невантеръ, графъ де-Новаръ, кавалеръ д'Орсимонъ, кавалеры Микели де-Маршъ, Рантиньи и Мартинзаръ. Послѣдній расточалъ любезности и комплименты.

— Прошу васъ, господа, не отказать принять мое приглашеніе. Я отлично понимаю ту честь, которую вы мнѣ оказываете: вы всѣ знатны, а я—сынъ простаго капиталиста...

Всѣ улыбнулись, такъ какъ знали то большое значеніе, которое имѣетъ при дворѣ отецъ Мартинзара, владѣвшій огромнымъ состояніемъ, бывшій поставщикомъ арміи въ теченіе уже десяти лѣтъ. Въ качествѣ придворнаго банкира онъ не разъ оказывалъ важныя услуги принцамъ и Жозефинѣ, которая безъ конца брала у него въ долгъ. Мартинзаръ продолжалъ:

— Надо привыкать къ товарищескому обращенію; завтра, безъ различія происхожденія и положенія, мы всѣ будемъ офицерами имперіи.

Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ поклонились другъ другу.

— Познакомимся поближе и позавтракаемъ вмѣстѣ; вы вѣдь разрѣшили уже мнѣ заказать завтракъ, выработать меню и принять на себя расходы.

— Что касается расходовъ, то я согласенъ,—возразилъ съ живостью родовитый, но бѣдный кавалеръ д'Орсимонъ:—что же касается меню, то я протестую, такъ какъ во всей Франціи, навѣрно, нѣтъ большаго лакомки, чѣмъ я, и я хочу участвовать въ выборѣ нашего завтрака..

— Хвастунъ!—шуливо замѣтилъ сынъ банкира. Всѣ засмѣялись, исключая графа де-Тейксъ, который едва улыбнулся.

— Къ сожалѣнію,—сказала кавалеръ де-Гранли:—я не могу оказать вамъ эту милость

Это королевское выраженіе было произнесено такимъ тономъ, что нельзя было понять, шутилъ ли кавалеръ де-Гранли, или говорилъ серьезно.

— Да,—продолжалъ онъ:—я очень сожалѣю, но я самъ пригласилъ виконта д'Иммармона и графа де-Прэнгей д'Отрезма, которые должны...

— Ахъ, если такъ, то ихъ долгъ я трансфертомъ принимаю на себя. Наша семья умѣетъ это дѣлать...

Эта неожиданная реплика была покрыта взрывомъ хохота. Микеле де-Маршъ и Рантиньи откровенно и дружески бесѣдовали, какъ вдругъ издали на улицѣ послышался сначала шумъ, все увеличивавшійся, затѣмъ размѣренный топотъ лошадей. Всѣ молодые люди быстро подошли къ окнамъ зала. Передъ ихъ глазами промчался императоръ въ своей голубой съ золотомъ берлинѣ, запряженной четверкой почтовыхъ бѣлыхъ лошадей, окруженный эскадрономъ стрѣлковъ съ саблями наголо. Онъ пріѣхалъ по обыкновенію безъ всякаго предупрежденія, съ быстротою шквала и промелькнулъ, какъ мимолетное, блестящее видѣніе, въ формѣ своихъ гвардейскихъ стрѣлковъ; по лѣвую руку отъ него сидѣлъ Бертье, напротивъ Савари и полковникъ его штаба; императоръ казался такимъ молодымъ, прекраснымъ; онъ не кланялся, и лишь на одно мгновеніе его суровый взглядъ остановился на гостиницѣ, изъ которой неслись неистовые крики и привѣтствія.

У окна стояла молодежь, которую онъ такъ любилъ и на которую возлагалъ большія надежды, рассчитывая опереться на нее и отдохнуть.

Микеле де-Маршъ, Мартинзаръ, Рантиньи, Орсимонъ махали шляпами, крича: «да здравствуетъ императоръ!»

Прэнгей, Новаръ, Иммармонъ, Тейксъ, Невантеръ въ глубокомъ молчаніи обнажили головы, Гранли невольно приподнялъ шляпу.

Императоръ исчезъ изъ виду, за нимъ въ облакахъ пыли проскакали сопровождавшіе его придворные. Въ гостиницѣ воцарилась на мгновеніе тишина, какъ это всегда бываетъ въ важныхъ случаяхъ, послѣ пережитаго волненія.

Кантекоръ записывалъ что-то въ уголкѣ залы.

Между тѣмъ кавалеръ де-Гранли обратился къ Мартинзару и ласковымъ, почти признательнымъ голосомъ заявилъ за себя и своихъ друзей:

— Мы принимаемъ ваше приглашеніе, сударь.

— Да здравствуетъ императоръ!—радостно вскричалъ молодой человѣкъ:—сегодня удачный день!

Стоило только кавалеру де-Гранли согласиться, какъ по удивительному, неизъяснимому вліянію, которое онъ всегда имѣлъ на всѣхъ окружавшихъ его, Новаръ, Тейксъ и Невантеръ также присоединились къ обществу.

— На нашей обязанности, д'Орсимонъ, выборъ кушаній,—объявилъ Мартинзаръ, увлекая его въ кухню.

Въ это время три ловкихъ служанки въ сосѣдней комнатѣ накрыли столъ на десять приборовъ. Одна изъ дѣвушекъ, Бастіенна, была настоящей красавицей.

Хозяинъ гостиницы, предчувствуя хорошій заработокъ, рѣшилъ отдѣлать знатныхъ гостей отъ той толпы, которая была въ общемъ залѣ.

Эта мѣра была какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ залъ былъ полонъ подозрительными личностями, зорко слѣдившими за всѣмъ происходившимъ въ гостиницѣ. Въ дни обыкновенныхъ базаровъ сюда собиралась немногочисленная публика; въ эту субботу толпа была въ пять разъ больше, чѣмъ всегда.

Кантекоръ, сидя за своимъ рагу изъ баранины, разглядывалъ всѣхъ изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ и дѣлалъ недовольныя гримасы. Онъ узнавалъ въ толпѣ многихъ лицъ, которыхъ видалъ не разъ, таинственныхъ и загадочныхъ, бродившихъ вокругъ министерствъ, въ Палэ-Роялѣ и въ разныхъ общественныхъ мѣстахъ, гдѣ бывалъ по долгу службы Кантекоръ. Несомнѣнно, что если онъ узнавалъ ихъ, то и самъ былъ узнавъ, въ свою очередь; это обстоятельство и приводило его въ дурное расположеніе духа. Крестьянское платье, простоватый видъ—все это не могло обмануть опытныхъ сотоварищей по ремеслу; лучшимъ доказательствомъ служило, конечно, то, что онъ также и самъ не былъ введенъ въ заблужденіе переодѣваніемъ другихъ и въ платьѣ толстаго бельгійскаго купца, выдавашаго свое происхожденіе сильнымъ акцентомъ, въ мундирѣ егеря, въ блузѣ барышника онъ чуялъ сыщика узнавалъ шпионовъ всѣхъ партій, лазутчиковъ графа Прованскаго, агентовъ графа д'Артуа и другихъ собратьевъ изъ охраны и даже изъ министерствъ.

Было очевидно, что пребываніе въ Компьенѣ потомковъ знатныхъ фамилій возбуждало не только любопытство, но и озабоченность различныхъ партій. Бурбоны желали знать новыхъ отступниковъ своего дѣла, а императорское правительство, радушно ихъ принявшее, должно было убѣдиться въ искренности новообращенныхъ, которая, конечно, могла возбуждать вполне законныя подозрѣнія. Такимъ образомъ въ данный моментъ въ гостиницѣ Клошъ д'Оръ было сборище полицейскихъ со всего свѣта, съ неслабымъ вниманіемъ слѣдившихъ за малѣйшимъ движеніемъ каждаго изъ гостей.

Наконецъ съ сіяющими лицами появились Мартинзаръ съ Орсиономъ, первый торжественно несъ меню, которое они выработали, и вся компанія съ шумомъ, въ безпорядкѣ вошла въ приготовленную имъ залу; дверь, черезъ которую подавали кушанья, оставалась открытой, и Кантекоръ, сидѣвшій какъ разъ напротивъ, отлично видѣлъ все, что происходило въ комнатѣ.

Въ качествѣ хозяина Мартинзаръ, обратясь къ присутствующимъ, предложилъ:

— Товарищи, садитесь гдѣ кому угодно, сегодня обойдемся безъ этикета, тѣмъ болѣе, что съ завтрашняго дня, надѣвъ одинъ мундиръ, мы будемъ все равны.

Молодые люди разсѣлись. Такъ какъ столъ былъ круглый, то за нимъ не могло быть ни почетныхъ ни послѣднихъ мѣстъ. Им-мармонъ помѣстился съ правой стороны отъ Гранли, Прэнгей съ лѣвой.

Въ то же время въ общій залъ съ шумомъ вошелъ господинъ лѣтъ пятидесяти, маленькаго роста, широкоплечій, съ черными курчавыми волосами, большимъ носомъ, густой черной бородой, начинавшейся почти отъ самыхъ глазъ, одѣтый въ платье богатаго буржуа. Подойдя къ Кантекору, онъ взялъ стулъ, съ шумомъ пододвинулъ его и усѣлся рядомъ съ полицейскимъ, заставивъ его подвинуться.

Кантекоръ заворчалъ; онъ не любилъ, чтобы его беспокоили, въ особенности когда ему было что наблюдать; но его сосѣдъ такъ грозно взглянулъ на него, прикрикнувъ: «молчать, мужикъ!» что обозленный Кантекоръ замолчалъ, поклявшись отомстить ему при случаѣ.

Появленіе вновь прибывшаго произвело между присутствовавшими нѣкоторое волненіе; взоры завтракавшихъ, закусывавшихъ и пившихъ у буфета, устремились на незнакомца съ особеннымъ вниманіемъ. Чувствовалось, что это не былъ обычный посетитель и что появленіе этого субъекта было не спроста. Между тѣмъ онъ торопливо поглощалъ холодное мясо, запивая его большими глотками вина, которое онъ наливалъ изъ бутылки съ громкимъ бульканьемъ въ большой стаканъ. Уплетая за обѣ

щеки, онъ не обращалъ никакого вниманія на окружающихъ и поглядывалъ отъ времени до времени черезъ окно на своего человѣка, который оставался на дворѣ при лошадяхъ. Обмотавъ поводья на руку, слуга ѣлъ съ аппетитомъ хлѣбъ съ вечниной, а возлѣ него на каменной скамьѣ стоялъ вмѣстительный кувшинъ съ пивомъ. Онъ также не спускалъ глазъ со своего господина. Вдругъ незнакомецъ выпрямился; глухой шумъ заставилъ его вздрогнуть. Съ момента его прибытія дверь въ комнату, гдѣ завтракали молодые люди, оставалась все время запертой; она открылась только передъ Бастіенной, которая несла на большомъ оловянномъ блюдѣ рагу.

— Цыплята а ля Маренго!—сказала она съ важнымъ видомъ.

Это блюдо было придумано на другой день послѣ блестящей побѣды перваго консула и названо такимъ образомъ поваромъ, который, очевидно, отличался оппортюнизмомъ и придворной льстивостью. А можетъ быть, этимъ поваромъ былъ просто голодъ. Приверженцы императора, которыхъ было четыре: Мартинзаръ, Орсимонъ, Микеле де-Маршъ и Рантиньи начали кричать: «да здравствуетъ императоръ!» Остальные собутыльники старались громко разговаривать и смѣяться, чтобы не выть вмѣстѣ съ волками, и весь этотъ шумъ, говоръ и восклицанія долетали въ общій залъ, какъ порывы вѣтра.

Человѣкъ съ черной бородой стукнулъ изо всей силы кулакомъ по столу, бормоча яростныя ругательства и глядя горящими глазами черезъ открытую дверь залы. Оттуда выскочила красная, растрепанная и смѣющаяся Бастіенна, за юбку которой цѣплялся Рантиньи. Передъ публикой онъ, однако, выпустилъ ее и вернулся на свое мѣсто. Крики затихли, такъ какъ все общество занялось завтракомъ съ аппетитомъ, свойственнымъ двадцатилѣтнему возрасту. Въ полутинишнѣ слышались ясно произносимыя имена. Молодежь забавлялась, перебрасываясь своими титулами, и въ воздухѣ то и дѣло слышалось:

— Не угодно ли вина, виконтъ д'Иммармонъ?

— Благодарю васъ, маркизь де-Невантеръ!

— Кавалеръ де-Гранли, не желаете ли раковъ?

— Съ удовольствіемъ, графъ де-Прэнгей.

Мартинзаръ церемонно произнесъ:

— Графъ де-Тейксъ принцъ де-Круа, будьте добры, бросьте вашъ суровый видъ! Мы не будемъ уже никогда такъ молоды, какъ сегодня... Неизвѣстно, что насъ ждетъ завтра... Выпьемъ за будущее, каково бы оно ни было, и за настоящее, какъ оно есть! Взгляните, вотъ, что насъ развеселить... Видите эти пыльные бутылки... это Шамбертенъ... вино императора.

Четверо неустрашимыхъ опять закричали:

— Да здравствуетъ императоръ!

Этотъ крикъ подѣйствовалъ на сосѣда Кантекора, какъ личный вызовъ; оттолкнувъ ногою стулъ, который съ трескомъ упалъ на полъ, онъ схватилъ тарелку и изо всей силы швырнулъ ее въ сосѣдную залу. Она упала какъ разъ посрединѣ стола, разбивъ три блюда и четыре стакана. Молодые люди вскочили въ безпорядкѣ и кинулись въ залу. Присутствующіе бросились къ мѣсту происшествія, побуждаемые различными чувствами. Не обращая никакого вниманія на толпу, зачинщикъ скандала обратился къ молодымъ людямъ и сказалъ:

— Не ищите виновника шума, виновникъ—это я. Я не могу слышать безъ негодованія и протеста, когда сыновья или племянники д'Иммармона и де-Прэнгея, этихъ друзей Фротте, умершихъ, какъ и онъ, подъ пулями голубыхъ, сыновья казенныхъ, какъ Новаръ или Невантеръ, унижаютъ свой родъ, свое славное тысячелѣтнее прошлое, привѣтствуя узурпатора. О, вы, измѣнники, ренегаты, низкіе люди, придетъ время, я отыщу васъ! А чтобы вы помнили это и знали, съ кѣмъ будете имѣть дѣло, я кидаю вамъ свое имя, какъ вызовъ, какъ перчатку въ лицо: я—кавалеръ де-Брюсларъ, другъ Кадудала, этого послѣдняго приверженца короля. Да здравствуетъ король!

Послѣднія его слова затерялись въ общей свалкѣ; Мартинзаръ, выскочившій первымъ, кинулся на Брюслара, пытаясь схватить его за горло, но былъ имъ отброшенъ съ необыкновенной силой. Кантекоръ тоже не терялъ времени; въ восторгѣ отъ того отпора, который получилъ такъ скоро незнакомецъ, онъ рѣшилъ во что бы то ни стало, хотя бы цѣной своей жизни, захватить этого легендарнаго врага императора и кинулся на него, очертя голову. Тотчасъ же со всѣхъ сторонъ ринулись одни въ защиту Брюслара, другіе противъ него; агенты Фушэ стремились схватить страшнаго роялиста, голова котораго была оцѣнена въ двадцать тысячъ франковъ; шпіоны д'Артуа и графа Прованскаго считали своимъ долгомъ защищать его, и даже у каждаго изъ завтракавшихъ за столомъ, куда упала тарелка, чувства и желанія были различны. Кавалеръ де-Гранли всей душой желалъ успѣха Брюслару, этому вѣрному приверженцу монархіи; Иммармонъ и Прэнгей раздѣляли его чувства. Новаръ, Тейксъ и Невантеръ, несмотря на оскорбленіе, не испытывали противъ него никакой злобы; въ то же время четверо остальныхъ: Орсимонъ, де-Микеле, Рантиньи и Мартинзаръ готовы были разсчитаться съ нимъ не на животь, а на смерть. Всѣ колотили другъ друга кулаками, бутылками; Брюсларъ, поддержанный на мгновеніе энергичнымъ вмѣшательствомъ своихъ единомышленниковъ, отступилъ на три шага къ двери, затѣмъ, вынувъ изъ кармана пистолеты, направилъ на тѣхъ, кто намѣревался его схватить.

— Остановись! Первому, кто приблизится, я размозжу черепъ... Вы меня знаете... Я шутить не умѣю...

Самые храбрые, но безоружные, смутились.

Брюсларъ воспользовался этимъ замѣшательствомъ и отступилъ, не опуская ни на секунду пистолетовъ; дойдя до порога, онъ однимъ скачкомъ очутился на улицѣ, вскочилъ на осѣдланную лошадь, которую слуга, предупрежденный шумомъ и происходившей свалкой, держалъ наготовѣ у дома, и оба они помчались къ опушкѣ лѣса, оставивъ сзади себя гостиницу, гдѣ продолжалась еще драка.

— Продолженіе слѣдуетъ! — сказалъ, возвращаясь въ залъ, хозяинъ гостиницы, ставшій, благодаря своему ремеслу, философомъ

Споръ еще не былъ конченъ. Кантекоръ въ отчаяніи, что самому ярому противнику имперіи опять удалось бѣжать, обвинялъ всѣхъ въ соучастіи этому побѣгу и болѣе всѣхъ толстаго бельгійскаго купца и смотрителя охоты, которые защищались съ негодованіемъ; они стремились какъ можно скорѣе бѣжать изъ этого безпокойнаго мѣста и были правы: первый, называвшійся Гуртуломъ, былъ изъ Арраса и служилъ графу Прованскому, а второй, по имени Тронкой, изъ Ліона, работалъ для графа д'Артуа. Оба они чрезвычайно боялись, чтобы не разыгрался скандалъ и не обнаружилось ихъ настоящее положеніе. Чтобы оправдать себя, они ссылались на свою природную доброту, которая побудила ихъ стать на сторону слабаго и защитить одного отъ десяти нападающихъ.

— Слабаго! — ворчалъ Кантекоръ, у котораго болѣли бока послѣ потасовки: — съ тремя такими слабыми, какъ этотъ, я взялся бы перебить всѣхъ васъ; теперь, впрочемъ, бесполезно говорить объ этомъ, такъ какъ на этотъ разъ наша игра проиграна; подождемъ слѣдующаго раза!

Онъ принялъ приглашеніе мнимыхъ бельгійца и смотрителя охоты выпить съ ними. Каждый изъ нихъ понималъ, что обмануть другъ друга имъ не удастся, и, объединенные одной и той же профессіей, они рѣшили вмѣстѣ закусить и пили, чокаясь рюмками. Въ это же время въ сосѣдней залѣ, дверь въ которую была на этотъ разъ заперта, совершенно спокойно, съ беззаботностью завтракали будущіе офицеры, и только сильно разгоряченные у всѣхъ лица свидѣтельствовали о только что пережитомъ волненіи. Спокойнымъ голосомъ они обмѣнивались впечатлѣніями по поводу обѣщаній и приѣма императрицы. Всѣ соглашались, что она была сегодня утромъ очаровательна, привѣтлива и доброжелательна. Нѣкоторыхъ это даже удивляло; глядя на нее и слушая ея рѣчи, можно было подумать, что она вѣрна старому режиму. Казалось, что она ненавидитъ даже воспоминанія о революціи, и ея дворъ напоминалъ салонъ въ Санъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ. Придворные ея принадлежали къ старой аристократіи, и супруга Наполеона не скрывала своей слабости ко всему знатному и титулованному.

— Что вы хотите?—сказалъ снисходительно Орсимонъ:—она все еще помнить о прошломъ, она не можетъ отдѣлаться отъ воспомнаній о людяхъ, среди которыхъ она чувствовала себя въ своемъ кругу.

— Ну... не совсѣмъ,—проговорилъ сквозь зубы Прэнгей.—Она никогда не принадлежала къ большой знати. Что особеннаго представляли Ташеры? Что касается Богарнэ, то это былъ человѣкъ совершенно безъ дарованій.

— И тѣмъ не менѣе онъ былъ казненъ,—вставилъ Мартинзаръ.

Гранли слушалъ молча, неопредѣленная улыбка блуждала по его губамъ.

— Это вѣрно.—продолжалъ Прэнгей:—она знала истинныхъ дворянъ, и всѣ они погибли на эшафотѣ... Надо отдать ей справедливость въ томъ, что какъ только она почувствовала силу своего влїянїя, она не замедлила оказать имъ очень серьезныя услуги. Она очень добрая женщина.

— Да!—вмѣшался въ разговоръ де-Микеле.—Вы совершенно правы, она очень добра для всѣхъ, исключая своего мужа.

Вокругъ послышался легкій смѣхъ.

Мартинзаръ пожалъ плечами.

— Послушайте, господа, это плохая благодарность за милости, оказанныя сегодня утромъ. Если кто заслуживаетъ порицанїя, то, конечно, только тѣ, которые, ненавидя имперїю, пользуются милостями императрицы, чтобы получать мѣста, деньги, чины... а, получивъ желаемое, платятъ ей презрѣнїемъ.

Эти слова, произнесенныя молодымъ человѣкомъ, желавшимъ веселиться, нравиться и пользоваться жизнью, произвели впечатлѣнїе на всю компанїю.

— Вы совершенно правы де-Мартинзаръ,—поддерживалъ Гранли.

— По какому праву вы возводите меня въ дворянство, я просто Мартинзаръ, буржуа, сынъ буржуа,—возразилъ ему молодой человѣкъ.

— Извините,—отвѣтилъ съ усмѣшкой Гранли, взглядывая на своего сосѣда справа:—извините за эту вырвавшуюся частицу... Правда, я не имѣю никакого права, никакого... И вы правы еще разъ... Я первый обязанъ признать, что императрица Жозефина воплощенїе доброты и благожелательности, и я ей вдвойнѣ благодаренъ какъ за настоящее, такъ и за прошедшее.

— Отлично! — вскричалъ Мартинзаръ. — Вы прекрасно сказали!

Онъ дружески протянулъ черезъ столъ руку Гранли, который, поколебавшись одно мгновенїе, пожалъ ее слегка. Иммармонъ и Прэнгей, удивленные и смущенные, переглядывались другъ съ другомъ. Вмѣшательство Рантиньи еще осложнило положенїе.

— Ваше признаніе, Гранли, конечно, очень важно, — сказалъ онъ: — но... не желая васъ обижать, я долженъ напомнить вамъ, что вы, какъ и я, принадлежите къ такому же мелкопомѣстному дворянству, какъ Богарнэ и Ташеры изъ Пажери... Мы также не титулованы, и наши предки не блистали особыми заслугами передъ родиной... Я замѣчаю, что старые дворяне, про которыхъ только что говорилъ Брюсларь, именно виконтъ д'Иммармонъ, маркизь Невантеръ, графъ де-Прэнгей д'Отрезмъ, графъ де-Новаръ, графъ де-Тейксъ принцъ де-Круа, — всѣ они приняли участіе въ насмѣшкахъ надъ женщиной, которая не дальше, какъ сегодня утромъ, общалась имъ свое покровительство, но никто изъ нихъ не заступился за нее. Я отмѣчаю это съ большой грустью, такъ какъ я надѣялся, что въ императорской арміи всѣ преданы императорской фамиліи.

Всѣ присутствовавшіе за столомъ почувствовали неловкость и смущеніе; общество явно раздѣлилось на партіи; съ одной стороны было шесть роялистовъ, болѣе или менѣе близкихъ другъ другу, съ другой стороны четверо убѣжденныхъ приверженцевъ имперіи.

Графъ де-Тейксъ, чувствуя назрѣвавшую ссору, заговорилъ въ первый разъ за все время завтрака. Онъ протянулъ руку и величавымъ жестомъ пригласилъ къ молчанію. До сихъ поръ онъ ничѣмъ не привлекъ вниманія своихъ собесѣдниковъ, такъ какъ держался особнякомъ въ ихъ шумной компаніи, но теперь они съ любопытствомъ ожидали, что скажетъ этотъ юноша съ такимъ прекраснымъ и грустнымъ лицомъ, изящными манерами и подкупающимъ голосомъ.

— Господа, — сказалъ онъ: — что за необходимость разбираться въ нашихъ чувствахъ и взглядахъ? Мы всѣ французы. Завтра мы будемъ всѣ офицерами. Какія обязанности возлагаетъ на насъ это званіе? Преданность родинѣ, презрѣніе къ опасности — вотъ нашъ долгъ. Конечно, всѣ мы выполнимъ его съ честью. Болѣе этого никто не имѣетъ права требовать отъ насъ чего-либо. Каждый можетъ имѣть личныя убѣжденія и чувства; но до тѣхъ поръ, пока онъ поступаетъ, какъ честный человѣкъ, никто не можетъ вмѣшиваться въ его личныя дѣла. Я первый признаю вамъ, что, поступая на службу, я преслѣдую извѣстную цѣль... Но я совершенно не обязанъ посвящать въ мои дѣла кого бы то ни было. Моя совѣсть чиста, и этого достаточно. Ваша совѣсть тоже спокойна, не правда ли? Итакъ, мы квиты!

Кончивъ свою рѣчь, которая чрезвычайно всѣмъ понравилась, онъ поднялся. Всѣ были довольны; опасность ссоры миновала.

— Забудемъ старое, Мартинзарь, позвольте васъ поблагодарить за завтракъ, — сказалъ де-Гранли.

— Надѣюсь, что это не послѣдній, и вы не откажетесь принять отъ меня приглашеніе въ слѣдующій разъ, — отвѣтилъ весело и дружески Мартинзарь, ставшій опять, какъ всегда, веселымъ, при-

вѣтливомъ и жизнерадостномъ. Вся компанія двинулась къ выходу, не обращая вниманія на любопытныхъ. Кантекоръ привѣтствовалъ ихъ, снявъ шляпу; онъ старался запечатлѣть въ своей памяти черты ихъ лица, фигуры, походку—случай былъ благопріятный, такъ какъ всѣ они проходили другъ за другомъ мимо него. Изъ горячей рѣчи Брюслара онъ зналъ уже, что въ числѣ этихъ молодыхъ людей были лица, которыхъ онъ зналъ изъ писемъ, украденныхъ имъ у умиравшаго гвардейца. Этотъ гвардеецъ только что прошелъ мимо, слегка задѣвъ его; и эти единомышленники Гранли, замѣшанные уже въ разныхъ приключеніяхъ, игравшіе теперь роль, несвойственную ихъ убѣжденіямъ, и симулировавшіе вновь обращенныхъ, были ему подозрительны.

Обладая чутьемъ полицейскаго, онъ успѣлъ убѣдиться, что всѣ эти господа, включая Брюслара, еще не успѣли спѣться, во многомъ были несогласны другъ съ другомъ и не знали хорошо одинъ другого. На порогѣ гостиницы молодые люди остановились, обмѣниваясь пожеланіями и поклонами. Въ этотъ моментъ вниманіе ихъ было отвлечено не совсѣмъ обыкновеннымъ зрѣлищемъ. По площади Ратуши по направленію къ гостиницѣ быстро приближалось ландо, украшенное великолѣпнымъ гербомъ и запряженное парой лошадей. Оно остановилось у гостиницы. Напудренный лакей соскочилъ на землю, пока кучеръ въ парикѣ, въ треуголкѣ съ величественнымъ видомъ успокаивалъ разгоряченныхъ лошадей, которыя перебирали ногами и кусали удила, покрытыя пѣной. Сзади экипажа слѣдовали верхомъ два берейтора съ запасными лошадьми. Эта картина напоминала доброе старое время, когда процвѣтало дворянство, время до эмиграціи, заточенія и казней. Въ экипажѣ сидѣла очень красивая дама среднихъ лѣтъ, а рядомъ съ ней молодая дѣвушка, удивительной красоты, сіявшая молодостью и весельемъ, которая, наклонившись въ сторону стоявшей молодежи, кого-то разыскивала глазами.

— Иммармонъ,—сказалъ Прэнгей:—это твоя мать и сестра.

Виконтъ быстро повернулся, но Гранли уже предупредилъ его и спѣшилъ къ пріѣзжимъ; Прэнгей слѣдовалъ за нимъ. Остальные молодые люди наблюдали эту сцену, невольно снявъ шляпы: эти двѣ женщины внушали уваженіе и восхищеніе. Подойдя къ коляскѣ, Гранли поклонился и присутствовавшіе съ удивленіемъ замѣтили, что отвѣтный поклонъ обѣихъ дамъ по любезности и почтительности превышалъ обыкновенный поклонъ. Въ это же мгновеніе Иммармонъ живо предупредилъ: «На насъ смотрятъ, будемъ осторожны», и представилъ Гранли дамамъ: «Вы не ошиблись, Гранли, это моя мать и моя сестра, Изабелла д'Иммармонъ, которая въ скоромъ времени выходитъ замужъ за графа де-Прэнгей д'Отрезмъ».

— Господинъ де-Гранли,—обратилась къ нему м-мъ Иммармонъ:—я намѣрена васъ похитить; вамъ не подобаетъ останавливаться въ такой гостиницѣ, какъ эта; вы другъ моего сына, моего племянника Прэнгея—окажите намъ любезность, не откажите почтить нашъ домъ своимъ присутствіемъ.

Гранли колебался. Много разъ онъ отказывался отъ приглашеній, излагая причины, которыя побуждали его держаться пока въ сторонѣ, сохранять независимость, свободу, со всеми неудобствами бродячаго существованія, съ случайными ночевками въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ заставала его ночь. На этотъ разъ онъ не могъ устоять передъ настоятельной просьбой, которую онъ читалъ въ умныхъ пронизательныхъ глазахъ г-жи Иммармонъ и сіяющемъ взорѣ м-ль Изабеллы, и, не колеблясь, согласился.

— Я не могу отказать вамъ, сударыня... хотя и не долженъ былъ бы соглашаться, но принимаю ваше приглашеніе съ глубокой благодарностью... пусть будетъ такъ, какъ вамъ угодно.

— Благодарю васъ, ваше выс... господинъ де-Гранли!—вскричала, всыхнувъ отъ удовольствія, молодая дѣвушка, приподнимаясь, чтобы уступить свое мѣсто знатному гостю.

— Оставайтесь на своемъ мѣстѣ, Изабелла!—стремительно вскрикнулъ Прэнгей:—на насъ смотрять. Кавалеръ де-Гранли сядетъ на переднюю скамейку,—перѣздъ очень коротокъ, думаю, что онъ согласенъ со мной...

— Безъ всякаго сомнѣнія,—отвѣтилъ де-Гранли съ улыбкой, легко впрыгнувъ въ ландо и сядясь напротивъ двухъ дамъ.

Въ это же время, по знаку Иммармона, берейторы подвели двухъ верховыхъ коней для него и Прэнгея; кучеръ тронулъ лошадей, громко хлопнулъ бичомъ, и ландо, сопровождаемое двумя молодыми людьми по обѣимъ сторонамъ экипажа и двумя фореиторами въ двадцати шагахъ сзади, быстро двинулось въ путь.

Мартинзаръ замѣтилъ, смотря вслѣдъ этой группѣ:

— Кто повѣрилъ бы, что недавно была революція?

— Императоръ любитъ блескъ и пышность и поддерживаетъ его самъ всюду, гдѣ только возможно...—замѣтилъ де-Микеле.

— Ничего не подѣлаешь,—рѣшилъ Рантини:—приходится считаться съ дворянствомъ—оно имѣетъ свои заслуги, къ тому же и живетъ ему теперъ нелегко.

Въ то время, когда завтракали въ гостиницѣ, завтракали и во дворцѣ. Императоръ, неожиданно приѣхавъ, тотчасъ потребовалъ завтракъ. Онъ умиралъ отъ города... а въ такіе моменты настроеніе его духа, вообще часто мѣнявшееся, было просто невыносимо. Жозефину и Гортензію онъ принялъ очень сухо, не удостоилъ отвѣтомъ привѣтствія придворныхъ, даже не обратилъ вниманія на Луизу де-Кастеле, къ которой особенно благоволилъ. Все сдѣлалось молчаливы, сосредоточены — на всѣхъ удручающе дѣйствовало петер-

пѣніе и нервность Наполеона. Бертье и Савари, пожимая плечами, или не отвѣчали ничего на разспросы дамъ, которымъ не вѣрилось, что только голодъ вызвалъ такое дурное расположеніе духа у императора, или отвѣлялись фразами: «Не знаемъ, ничего не знаемъ».

Въ продолженіе пяти минутъ, пока приготовлялся завтракъ, Наполеонъ быстро ходилъ взадъ и впередъ по террасѣ, весь дворъ оставался въ гостиной. Время отъ времени императоръ сбивалъ хлыстомъ, который онъ не выпускалъ изъ рукъ, вѣтки съ апельсиннаго дерева, стоявшаго въ кадкѣ. Наконецъ завтракъ былъ готовъ, и всѣ перешли въ столовую, находившуюся рядомъ съ гостиной; Наполеонъ велъ подъ руку Жозефину, остальная свита церемонно слѣдовала за ними. Бертье, принцъ Невшателъскій, который велъ Гортензію, любезный и изящный генералъ Савари съ м-мъ де-Кастеле. Императоръ ѣлъ очень скоро и очень мало. Его голодъ былъ удовлетворенъ, и теперь онъ, громко дыша, медленно пилъ изъ небольшого стаканчика свое любимое вино Шамбертенъ; окинувъ взглядомъ весь столъ, за которымъ сидѣли въ застывшихъ позахъ придворные, онъ обратился къ нимъ съ вопросомъ: что значить этотъ погребальный видъ у всѣхъ?

Тотчасъ все общество поспѣшило засмѣяться, натянутость прошла, буря миновала. Жозефина, ласковая, нѣжная, спросила его: «Скажите мнѣ, Наполеонъ, у васъ есть какая-то забота, какая-то неприятность?».

— Послѣ,—сказалъ онъ:—послѣ. Развѣ я долженъ вамъ давать отчетъ или при всѣхъ докладывать о своихъ дѣлахъ?—Послѣ мимолетнаго молчанія онъ добавилъ:—Впрочемъ, это не секретъ... его можно сказать... да, у меня недоразумѣнія съ Пруссіей.

Кругомъ воцарилось глубокое молчаніе.

— Опять война!—печально проговорила Гортензія.

— Ну, малютка, будь покойна, война не такъ близка... во всякомъ случаѣ я ея не ишу!

— Все уладится,—увѣренно произнесъ Бертье.

— Они не посмѣютъ,—подтвердилъ Савари.

Жозефина оставалась задумчивой; перспектива войны, даже побѣдоносной, ужасала ее. Наполеонъ, видя, какое тяжелое впечатлѣніе произвели его слова на окружающихъ, рѣшилъ успокоить всѣхъ; онъ сразу сдѣлался веселымъ, любезнымъ и, по своему обыкновенію, началъ поддразнивать придворныхъ дамъ. Онъ увѣрялъ Луизу де-Кастеле, притворявшуюся, что она вѣритъ ему и очень встревожена, что ея носъ покраснѣлъ и что въ скоромъ времени она будетъ походить на старую англичанку. Молодая женщина слегка вскрикивала отъ страха, дѣлала видъ, что императоръ приводитъ ее въ отчаяніе.

Конецъ завтрака прошелъ живо и весело. Даже Жозефина забыла о своихъ опасеніяхъ, развеселилась и казалась

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ МАГАЗИНОВЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ЮЛѢ 1910 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 7-й.

Философія, психологія, логика.

Бирюковъ, П. Греческій мудрецъ Диогенъ. М. 1910. Ц. 20 к.	Рэйсбрунъ Удивительный. Одѣяніе духовнаго брака. М. 1910. Ц. 2 р.
Запрягаевъ, В. Основы астрологіи или связь души со звѣздами. Спб. 1910. Цѣна 1 р. 50 к.	Свентоховскій, А. Исторія утопіи. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
Изреченія вѣтйскаго мудреца Лао-тзе, избранныя Л. Н. Толстымъ. М. 1910. Ц. 10 к.	Торо, Г. Вальденъ. М. 1910. Ц. 1 р. 60 к.
Мессеръ, А. Введеніе въ теорію познанія. Спб. 1910. Ц. 1 р.	Шилтовъ, А. Гдѣ и какъ нужно искать живого Бога? Харьковъ. 1910. Ц. 50 к.
Ренанъ, Э. Патрись. Спб. 1910. Ц. 60 к.	Шопенгауэръ, А. Собраніе сочиненій. Выпускъ 16-й, по подпискѣ ц. 8 р.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

Венгерова, З. Литературныя характеристики. Книга 3-я. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.	Томъ 7-й. Исторія русской интеллигенціи. Ч. 1-ая. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
Ноганъ, П. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Т. I. В. 2. М. 1910. Ц. 1 р.	Романовскій, В. Поэтъ-философъ. (Шиллеръ). М. 1910. Ц. 25 к.
Лободовскій, М. Переглядъ поэмы «Марія». Тараса Григоровича Шевченка. Харьковъ. 1910. Ц. 40 к.	Чеховскій юбилейный сборникъ. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
Овсяннико-Куликовскій, Д. Собраніе сочиненій. Истор. вѣстн., августъ, 1910 г., т. сxxi.	Шаломытовъ, Н. Грибоедовъ и музыка. Справка къ біографіи писателя. Спб. 1910. Ц. 50 к.
	Эллисъ. Русскіе символисты. К. Бальмонтъ. В. Висковъ. А. Вѣдый. М. 1910. Ц. 2 р.

1/25

Беллетристика, поэзія и драматическія сочиненія.

- Александрова, С. Борьба жизни со смертью. Вып. 2. 1910. Спб. Ц. 25 к.
- Аннуицо, Г. Корабль. Сонъ осенняго вечера. М. 1910. Ц. 1 р.
- Полное собраніе сочиненій. Т. 9. Сильнѣе любви. Фавель подъ мѣрой. М. 1910. Ц. 1 р.
- Вилли. Подруга принца Жана. Романъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Гамилътонъ, И. Миссъ Жанна. Романъ изъ великовѣтской жизни. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Гемингъ, А. Исчезающіе богатыри. Спб. 1910. Ц. 60 к.
- Гернень, Е. Онѣ любили. Драматическая проблема въ 1 дѣйствіи съ прологомъ. Казавъ. 1910. Ц. 1 р.
- Голицынъ, Дм., князь. На безлюдьѣ. Романъ. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1910. Ц. 1 р.
- Данилевскій-Александровъ, В. Въ мѣрѣ пѣсни. Т. 1. Стихи. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Т. 2-я. Покаяніе царей. Мотивъ изъ жизни древней Индіи. П. 1 р. 50 к.
- Де-Соссей, В. Великовѣтская гетера. Романъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Дьяновъ, А. Разказы. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Жемчужниковъ, А. Стихотворенія. 2 тома. Спб. 1910. Ц. 3 р.
- Лемонь, К. Въ аду шантана. Романъ изъ жизни современнаго кафешантана. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Лондонъ, Д. Собраніе сочиненій. Т. I. Бѣлое безмолвіе. Клондайскіе разказы. М. 1910. Ц. 80 к.
- Луговой, А. Сказка жизни. Спб. 1910. Ц. 30 коп.
- Манъ, Г. Конецъ тирана. М. 1910. Ц. 1 р.
- Морозовъ, Н. Звѣздныя пѣсни. Стихи. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- На разсвѣтѣ. Художественный сборникъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Полевой, И. Дѣдушка русскаго флота. Параша Сибирячка. Изд. А. С. Суворина. Ц. 15 к.
- Ремъ-де-Гурмонъ. Дѣвичье сердце. Романъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Свѣтловъ, В. Сочиненія. Т. 2-я. Колхида. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Семеновъ, С. Безответныя. Четыре разсказа. М. 1910. Ц. 30 к.
- Сервантесъ, М. Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Романъ въ 2 томахъ, съ картинками Густава Доре. М. 1910. Ц. за два тома 3 руб.
- Тулинъ, Гр. Воздушные корабли. Стихи. Спб. 1910. Ц. 25 к.
- Чеботаревъ, Г. Кутерьма. Комедія въ 10 картинахъ. Новочеркасска. 1910. Ц. 30 к.

Исторія, біографія и археологія.

- Бородинъ, М. Двухсотлѣтіе взятіе Выборга. Спб. 1910. Ц. 40 к.
- Исторія Финляндіи. Время Петра Великаго. Съ портретами, иллюстраціями и картой. Спб. 1910. Ц. 3 р.
- Григорьевъ, В. Реформа мѣстнаго управленія при Екатеринѣ II. Спб. 1910. Цѣна 2 р. 50 к.
- Журналъ генералъ-адъютанта графа К. Ѳ. Толъ о декабрьскихъ событіяхъ 1825 года. Спб. 1910. П. 1 р.
- Игнатовичъ, И. Помѣщичьи крестьяне накануне освобожденія. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Ландау, Л. Повебка въ Болгарію во время болгарско-серской войны. Юрьевъ. 1910. Ц. 50 к.
- Митрофановъ, П. Исторія Австріи. Ч. I. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Москва въ ея прошлое и настоящемъ. Роскошно иллюстрированное изданіе. М. 1910. Ц. по подискамъ 37 р. 50 к. Вышель т. 1, 2, 3 и 4.
- Разумовскій, В. Николай Ивановичъ Пироговъ. Его жизнь, научно-общественная дѣятельность и мировоззрѣніе. Ц. 30 к.
- Селецкій, Г. 646 дней въ пѣвну у Японцевъ. Спб. 1910. Ц. 2 р.
- Сивинскій, С. Къ двухсотлѣтію Русскаго владычества въ Прибалтійскомъ краѣ. 1710—1910. Рига. 1910. Ц. 20 к.
- Тэнъ, И. Исторія французской революціи. Ч. 4-я. X. 1910. Ц. 60 к.
- Фельсбергъ, Э. Братья Гравхи. Юрьевъ, 1910. Ц. 2 р.

Правовѣдѣніе, общественныя науки и публицистика.

- Александровскій, Ю. и Миллеръ, М. Законъ о договорѣ торговой комиссіи. (Новыя правила о комиссіи и комисіонерахъ). Спб. 1910. Ц. 2 р.
- Бородинъ, Д. Итоги работъ перваго Всероссийскаго съѣзда по борьбѣ съ пьянствомъ. Т. I. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Виноградовъ, Л. Наемъ квартиръ и иныхъ помѣщеній. Сборникъ законовъ съ разъясненіями Правительствующаго Сената по 1 апрѣля 1910 г. М. 1910. Ц. 1 р. 70 к.
- Крахоткина, И. Революціонное время въ Россіи. Судъ надъ крестьянами послѣ погрома. Спб. 1910. Ц. 40 к.
- Ломотъ, Т. Основны частнаго земледѣлія. Спб. 1910. П. 3 р.
- Мирный переворотъ въ экономической жизни. Кооперація въ Великобританіи. М. 1910. Ц. 1 р. 40 к.
- Норманъ, А. Записка въ вопросу объ организаціи заселенія въ Архангельской губерніи. Спб. 1910. Ц. 50 к.

по ту сторону Сестры-рѣни. Правда о Финляндіи. Спб. 1910. Ц. 10 к.

Реймонтъ, В. Изъ Холмскаго края. Впечатлѣнія и замѣтки. Спб. 1910. Ц. 75 к.

Синайскій, В. Личное и имущественное положеніе замужней женщины въ гражданскомъ правѣ. Юрьевъ. 1910. Ц. 2 р. 60 к.

Таганцевъ, И. Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Изд. 15-е. Спб. 1910. Ц. 5 р.

Труды перваго Всероссийскаго съѣзда фабричныхъ врачей и представителей фабрично-заводской промышленности, подъ ред. д-ра Д. И. Орлова. Т. 1 и 2. М. 1910. Ц. за два тома 4 р.

Тумилинъ, А. Китай. Очеркъ изъ современной жизни Китая. Харбинъ. 1910. Ц. 75 к.

Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Екатеринославъ. 1910. Ц. въ пер. 1 р. 25 к.

Шершеневичъ, Г. Соціологія. М. 1910. Ц. 40 коп.

Штейнфельдтъ, Н. Русское дѣло въ Манчжуріи. Харбинъ. 1910. Ц. 2 р.

Яблочковъ, Т. Смѣшанная вина и ст. 683 Т. X. Ч. 1. Ярославль. 1910. Ц. 1 р. 80 к.

Яворскій, Н. Замѣтки по исторіи русскаго права. Одесса. 1910. Ц. 60 к.

Яворовскій, П. Пожарная охрана городовъ Поволжья. Спб. 1910. Ц. 75 к.

— Роль земствъ въ дѣлѣ уменьшенія сельской пожарности. 1910. Ц. 30 к.

Искусство.

Грабарь, И. Исторія русскаго искусства. Вышелъ выг. 3-й по подпискѣ.

Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. 1910. Вып. 3-й. Ц. 1 р.

Естествознаніе и математика.

Больше, В. Собраніе сочиненій. Т. 4. Тайна одного растенія. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Охитовичъ, А. Доказательство великой теоремы фермата. Казань. 1910. Ц. 50 к.

Рши, А. Объ электрической природѣ матеріи. Спб. 1910. Ц. 75 к.

Синозерскій, М. Систематическій ходъ качественного химическаго анализа. Одесса. 1910. Ц. 60 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

Красновъ, А. Натурализмъ на Кавказѣ. Пятигорскъ. 1910. Ц. 40 к.

Реввскій, Р. Пути сообщенія въ бассейнѣ р. Дона. Спб. 1910. Ц. 40 к.

Языковѣдѣніе.

Богородицкій, В. Краткій очеркъ діалектологіи и исторіи русскаго языка. Казань. 1910. Ц. 1 р.

Оппковъ, М. Народопсихологическая грам-

матика Вильгельма Вунда, языкъ. *Völkerpsychologie. Die Sprache.* Популярное пособіе по философіи и психологіи языка. Кіевъ. 1910. Ц. 70 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

Александрова-Игнатьева, П. Основы пищевыхъ раскладовъ (вѣсовой, вкусовой, финансовой и физиологической) для общественныхъ учрежденій, въ 203 таблицахъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 75 к.

Аленъевъ, В. Содержаніе и воспитаніе геснерійныхъ въ комнатахъ. Спб. 1910. Ц. 50 коп.

Брадъсъ, М. Исправленіе запущеннаго плодоваго сада и дальнѣйшій уходъ за нимъ. Спб. 1910. Ц. 8 к.

— Устройство плодоваго сада. Ц. 8 к.

— Питомникъ плодовыхъ деревьевъ: яблонь, грушъ, вишенъ и сливъ. Ц. 12 к.

— Разведеніе ягодныхъ растеній: смородины, крыжовника, малины, земляники и клубники. Ц. 12 к.

— Насѣкомыя, вредящія плодовымъ садамъ. Ц. 10 к.

— Трехпольный огорождъ. Ц. 12 к.

— Насѣкомыя, вредящія огородамъ, и средства къ ихъ истребленію. Ц. 10 к.

Дмитріевичъ, Н. Необходимо каждой хозяйкѣ: Варенья, желе, шербеты, наливки, пастилы и другія изготовленія изъ ягодъ и фруктовъ. 150 рецептовъ. Одесса. 1910. Ц. 20 коп.

Какъ дѣлать самодѣльные крестьянскія вѣялки и молотилки. М. 1910. Ц. 6 к.

Косоротовъ, Ф. Лучшія кормовыя травы и ихъ воздѣлываніе. Спб. 1910. Ц. 8 к.

Красноперовъ, С. Про пчелъ, ихъ жилища и уходъ за ними. М. 1910. Ц. 25 к.

Любушинъ, А. Сельско-хозяйственные животныя. Выборъ, уходъ и кормленіе. Спб. 1909. Ц. 8 к.

— Болѣзни сельско-хозяйственныхъ животныхъ. Ч. 1. Ц. 8 к. Ч. 2-я. Ц. 8 к.

— Молочное хозяйство. Ц. 8 к.
 Михальскій, А. Уходъ за растениями въ комнатахъ. Харьковъ. 1910. Ц. 40 к.
 Поповъ, И. Объ уходѣ за копытами лошади. М. 1910. Ц. 2 к.

— О молочномъ дѣлѣ. Ц. 3 к.
 Робукъ, Е. Что помогаетъ урожаю яровыхъ въ засухливыхъ мѣсяностяхъ. Ростовъ-на-Дону. 1910. Ц. 10 к.
 Тиць, Б. Землемѣріе. М. 1910. Ц. 8 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

Богдановъ, Д. Наши богатства. Промыслы Приморской области, Камчатки и Сахалина. Владивостокъ. 1910. Ц. 70 к.
 Воеводинъ, Л. Уралъ и его горнозаводская

промышленность въ предѣлахъ Пермской губерніи. Пермь. 1910. Ц. 1 р.
 Руммель, Ю. Торговый флотъ въ Россіи и его задачи. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Технологія, строительное и инженерное искусства. Ремесла.

Адриановъ, Н. Самоучитель фотографа. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
 Альбертъ, Ф. Желѣзныя и желѣзо-бетонныя сооруженія. Спб. Ц. 3 р.
 Арцыбашевъ, Д. Орудія и машины сельскаго хозяйства. Спб. 1910. Ц. 2 р. 40 к.
 Вейнштокъ, М. Торфъ въ примѣненіи къ отопленію паровозовъ. Пермь. 1910. Ц. 45 к.
 Вельнеръ, Г. Летательныя машины. Теорія и практика. М. 1910. Ц. 2 р.
 Вотруба, Р. Техническая механика твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ тѣлъ. Варшава. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
 Даниловъ, Ф. Альбомъ плановъ школьныхъ зданій. М. 1910. Ц. 2 р. 40 к.
 Кандауровъ, П. Панамскій каналъ его исторія и современное положеніе. Спб. 1910. Ц. 75 к.
 Кантелу, М. Этюды по авіаціи. Вып. 1-й. Теорія аппаратовъ механическаго полета. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
 Клеръ, Б. Описаніе и расчетъ типовыхъ деревянныхъ мостовъ балочной и подкос-

ной системъ, подъ обыкновенную дорогу. Спб. 1910. Ц. 2 р. 85 к.

Крившталовичъ, И. О стоимости цементно-бетонныхъ строеній и о порядкѣ содержанія школьныхъ и вообще жилыхъ помѣщеній. Новгородъ. 1910. Ц. 15 к.

Писаревъ, Н. Рациональное устройство мелкихъ электрическихъ установокъ. Освѣщеніе, звонки, сигнализациа. Спб. 1910. Ц. 75 к.

Польгаузенъ, А. Паровыя машины. Ч. 1. Термодинамика. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Соколовскій, В. Принципы экономичности и ихъ выраженіе въ современномъ строительствѣ. Спб. 1910. Ц. 5 р. 50 к.

Тимошенко, С. Сборникъ задачъ по сопротивленію матеріаловъ, вып. 1. Кіевъ. 1910. Ц. 75 к.

Ферберъ, Ф. Авиация, ея начало и развитіе. Кіевъ. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

Орловскій, П. Сравнительныя качества аэроплановъ. Спб. 1910. Ц. 60 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

Вальтеръ, д-ръ. Уходъ за родильницей и новорожденнымъ. Популярное руководство съ рисунками и таблицами. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1910. Цѣна въ перепл. 1 р. 25 к.

Зальцова, Е. Учебникъ массажа и шведской врачебной гимнастики. Изд. 3-е. Спб. 1910. Ц. 3 р.

Каченовская, А. Записки по косметическому массажу лица, уходу за ногтями и волосами. Спб. 1910. Ц. 70 к.

Laqrange, F. Физическія упражненія дѣ-

ствительное средство противъ болѣзней и истощенія. М. 1910. Ц. 1 р.

Мермо, д-ръ. Гигиена уха, носа и горла. Изд. 2-е. А. С. Суворина. Спб. 1910. Ц. к.

Оршанскій, И. Учебникъ общей психіатріи. Руководство для студентовъ. Х. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

Саминъ, И. Алкоголь и наслѣдственность. Спб. 1910. Ц. 15 к.

— Алкоголь и нервная система. Спб. 1910. Ц. 20 к.

Успенскій, Д. Органотерапія. Спб. 1910. Ц. 5 р.

Военное и морское дѣло.

Германскій и французскій офицеръ. Сравнительный социальный этюдъ поручика королевской норвежской арміи. Вильна. 1910. Ц. 65 к.

Оберучевъ, И. Наши командиры. Опытъ статистическаго изслѣдованія служебнаго движенія офицеровъ. Кіевъ. 1910. Ц. 50 к.

Степановъ, И. Выборъ книгъ для самообразованія и чтенія офицера. М. 1910. Ц. 80 коп.

Шенкъ, В. Таблицы формъ обмундированія Русской Арміи. Спб. 1910. Ц. въ перепл. 4 руб.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- Агаповъ, Д. Конспектъ и справочная книжка по математикѣ. Ц. 75 к.
- Базановъ. Къ экзамену зрѣлости. Задачи съ рѣшеніями по алгебрѣ и тригонометріи, предлагавшіяся при Спб. учебномъ округѣ и гимназіяхъ. Спб. 1910. Ц. 75 к.
- Бр—ій, Г. Рѣшеніе алгебраическихъ задачъ сборника Н. А. Шапошникова и Н. Вальцова. Курсъ 4 класса. Ч. 1-ая. Кіевъ. 1910. Ц. 90 к.
- Вена. Сборникъ задачъ съ подробнымъ разборомъ и рѣшеніями. Тригонометрія. Повторительный курсъ въ образцахъ для старш. клас. ср. уч. завед. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Демковъ, М. Учебникъ педагогики. Ч. 1-я. М. 1910. Ц. 75 к.
- Гольденбергъ, А. Программа обученія счисленію въ начальной школѣ. М. 1910. Цѣна 10 к.
- Душевная жизнь дѣтей. Очерки по педагогической психологіи. М. 1910. Ц. 1 р. 60 к.
- Егоровъ, В. и Жуновъ, Н. Сборникъ ариометическихъ задачъ съ правилами и опредѣленіями ариометики. М. 1910. Ц. 90 к.
- Ельмановы, Е. Я. и Н. Что окружаетъ насъ. Хрестоматія по природовѣдѣнію. Ч. 1. Земля, вода и воздухъ. М. 1910. Ц. 1 р. 60 к.
- Корольновъ, А. и Матюшенко, П. Начальный учебникъ физики. Кіевъ. 1910. Ц. 1 р. 40 к.
- Луньянская, В. Другъ животныхъ. Гуманитарно-зоологическая хрестоматія. Ч. 2-я. В. 2. М. 1909. Ц. 1 р. 30 к.
- Львовъ, І. Начальное слово. Азбука и письмо. М. 1910. Ц. 30 к.
- Pial, M. Chrestomathie français des XVI-e, XVII-e, XVIII-e et XIX siècles. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Писаржевскій, Л. Первое знакомство съ химіей. Кіевъ. 1910. Ц. 80 к.
- Португаловъ, А. Геометрія для экстерновъ. Кіевъ. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Розановъ, Н. Лучи. Новая духовно-нравственная хрестоматія для среднихъ учебныхъ заведеній. М. 1910. Ц. 1 р.
- Сельскій, Л. Естественная исторія. Ч. 1-я и 2-я. Варшава. 1910. Ц. 75 к.
- Сорокинъ, Н. Сборникъ геометрическихъ задачъ съ примѣненіемъ тригонометріи для учениковъ гимназій и реальныхъ училищъ. Кіевъ. 1909. Ц. 50 к.
- Черемшанскій, Ф. Что должна сказать мать своей дочери и отецъ сыну до 16 лѣтъ. Хвалыискъ. 1911. Ц. 50 к.
- Шалыгинъ, А. Дополнительный курсъ теоріи словесности. Разборы произведеній всемірной литературы. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Штрайхманъ, А. Таблицы для систематическаго обзора и повторенія курса физики въ сред. уч. завед. и для конкурсныхъ экзаменовъ. Спб. 1910. Ц. 40 к.
- Шуйская, А. Краткій курсъ русской грамматики. Спб. 1910. Ц. 60 к.
- Шумиловскій, Л. Руководство къ самостоятельному составленію ученическихъ сочиненій. Ч. 1-я. Темы историко-культурныя и отвлеченныя. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Книги для дѣтей и юношества.

- Аншунова, Т. Черногорія. М. 1910. Ц. 15 к.
- Горбуновъ-Посадовъ, И. Освободители черныхъ работъ. М. 1910. Ц. 40 к.
- Давайте работы. Вып. 1-й. Практическое руководство къ тому, какъ научиться самому картонажнымъ и переплетнымъ работамъ. М. 1910. Ц. 2 р.
- Дитмаръ, Б. Королевство Болгарія. М. 1910. Ц. 15 к.
- Дѣтскій театр. Лѣсная семья дѣдушки Крылова. Сцены для школьнаго театра въ 3 д. Харьковъ. 1910. Ц. 40 к.
- Соломинъ, Е. За работу! Работы по дереву. Книжка 1-я, работы ножомъ. Ц. 30 к. Книжка 2-я, простѣйшія работы по столярному и ручному труду. М. 1910. Ц. въ папкѣ 40 к.

Спортъ, охота и игры.

Сень-Клеръ, Ж. Плаваніе. Пріемы плаванія, нырянія и спасенія тонущаго. Спб. 1910. Ц. 60 к.

Справочныя книги.

- Антоновъ, Л. Таблицы квадратовъ, кубовъ, степеней и упрошеннаго умноженія съ объясненіемъ. Николаевъ. 1910. Ц. 1 р. 55 к.
- Весь Ростовъ-на-Дону съ Нахичеваномъ на 1910 годъ. Адресъ-календаръ и торгово-промышленная справочная книга. Ц. 50 к.
- Вся Донская область и Сѣверный Кавказъ на 1910 годъ. Книга администраціи, промышленности и торговли. Ростовъ-Донъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Ежегодникъ Автомобилизма (Автомобильная энциклопедія). 1910. Ц. въ пер. 2 р. 50 к.
- Золотницкій, В. Путеводитель по кумысолечебнымъ мѣстамъ. Подробное описаніе кумысолечебныхъ санаторій, заведеній и другихъ мѣстъ Самарской, Уфимской и Оренбургской губерній, а также и нѣкоторыхъ другихъ. Н.-Новгородъ. 1910. Ц. 75 к.
- Кларкъ, И. Адресъ-календаръ и торгово-промышленный указатель Дальняго Востока

и спутникъ по Сибири, Манчжуріи, Амуру и Уссурийскому краю. Иркутскъ. 1910. Ц. 3 р. 60 к.

Краткое руководство для строительныхъ комитетовъ по постройкѣ церквей. Пособіе при заключеніи договоровъ и производствѣ работъ. Спб. 1910. Ц. 75 к.

Лендеръ, Н. Всеобщій иллюстрированный путеводитель. Волга. Крымъ. Черноморское побережье Кавказа. Кавказскія минераль-

ныя воды. Одесскіе лиманы. Константинополь и Влжній Востокъ. Спб. 1910. Ц. 60 к.
Мериуловъ, В. Путеводитель по Военно-Грузинской дорогѣ и отъ станціи Минеральныя воды до Владикавказъ. Владикавказъ. 1910. Ц. 50 к.

Москвичъ, Г. Планъ С.-Петербурга. Ц. 50 к.
Шмулевичъ, П. Горный Институтъ. Общія свѣдѣнія. Правила пріема и прохожденія курса. Спб. 1910. Ц. за 2 части 2 р. 50 к.

Разныя книги.

Луньянская, В. Пьянство—горе наше. Сборникъ разсказовъ, изреченій и пословицъ о вредѣ вина. М. 1910. Ц. 20 к.

*) Изданіе А. С. Суворина.

Знаменитая серія книжекъ Н. АБРАМОВА

„ДАРЪ СЛОВА“.

Вып. I. Искусство излагать свои мысли. Пятое стереотипное изданіе. (Двадцатая тысяча). Языкъ и Мысль. — Строй сочиненія. — Слогъ. — Шопенгауэръ о слогѣ. — Словарь языка. — Словарь синонимовъ. — Общія Совѣты. — Цѣна 25 коп.

Вып. II. Искусство разговаривать и спорить. (Диалектика и эристикъ). Четвертое изданіе. — О разговорѣ. — Что значить разговаривать? — О чемъ разговаривать? Какъ и когда разговаривать? — О молчаніи. — Искусство приказывать, просить и отказывать. — О спорѣ. — Какъ вести споръ? — Уловки нечестныхъ спорщиковъ. Цѣна 25 коп.

Вып. III. Искусство писать сочиненія. — Разсказъ. — Описаніе. — Письмо. — Повѣсть и романъ. — Разсужденіе — Газетная и журнальная работа. — Цѣна 25 к.

Вып. IV. Искусство произносить рѣчи. — Какъ составляется рѣчь — Амплификація. — Антигега. — Эпитеты. — Произношеніе. — Ораторская лихорадка. — Переде рѣчью. — Мимика. — Цѣна 25 коп.

Вып. V. Мимика (съ 40 рис.). Что такое мимика? — Средства мимики. — Положеніе тѣла. — Состоянія и ихъ выраженія. — Человѣческое лицо. — Глазъ. — Ротъ. — Носъ. — Смѣхъ и плачь. — Заключеніе. Цѣна 25 коп.

Вып. VI. Искусство острить. Что такое остроуміе? — О смѣшномъ. — Цѣли остроумія. — Игра звуковъ. — Игра словъ. — Игра мыслей. — Игра съ незнаніемъ. — Пародія, эпитграмма и юморъ. Цѣна 25 коп.

Вып. VII. Искусство вести засѣданіе. — Цѣна 25 коп.

Вып. VIII. Искусство писать стихи. Что такое поэтическое творчество? — Поэтической образъ. — Поэтической слогъ. — Стихосложеніе. — Рима. — Строфа. — Поэтическія вольности. — Упражненія. — Цѣна 25 коп.

Въ книжныхъ магазинахъ **КАРБАСНИКОВА.**

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

Новая книга

Б. Б. ГЛИНСКАГО

Борьба
за
Конституцію

1612—1861 гг.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Съ 22 портретами и иллюстраціей

Цѣна 3 р. 50 к.

Изданіе Н. П. Карбасникова.

Складъ изданія въ магазинахъ Н. П. Карбасникова:
въ С.-Петербургѣ, Гостинный дворъ, № 19, въ
Москвѣ—Моховая, д. Баженова, въ Варшавѣ —
«Новый свѣтъ», № 49, въ Вильнѣ—Большая ул.,
д. Гордона.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(Спб., Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ-на-Дону)

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНІЯ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

за 25 лѣтъ (1880—1904 гг.)

СОСТАВИЛЪ

Б. М. ГОРОДЕЦКІЙ

Книга заключаетъ въ себѣ 47 печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Въ ней переименованы 9525 статей и 2993 рисунка; кромѣ того, приложены два алфавита: 1) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ статей, и 2) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ рисунковъ. Книга отпечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Цѣна 5 руб.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
СЕНТЯБРЬ, 1910 Г.

СОДЕРЖАНІЕ

СЕНТЯБРЬ, 1910 г.

	СТРАН.
I. Голытьба. (Записки домовладѣлицы). (Окончаніе). М. Е. Васильевой	737
II. Воспоминанія академика П. П. Соколова . VII—XI. (Продолженіе).	764
III. Четвертый бракъ. (Быль изъ сибирскихъ нравовъ). Е. В. Кюрна .	798
IV. За кулисами. (Встрѣчи и воспоминанія). Александринскій театръ. (Окончаніе). А. А. Плещеева .	820
V. Забытые поэты. Тургеневъ, Ознобишинъ и Тимофеевъ. (Изъ симбирской хроники) И. Державина .	847
VI. Русскія метаморфозы. VII. Декабрьскіе кровавые дни. (Окончаніе). Н. М. Ежова .	875
VII. Преображенская больница въ Москвѣ. А. И. Соколовой .	909
VIII. Кериметь, невѣстка Шамиля,—жертва азіатской, а затѣмъ русской политики. И. П. У.	922
IX. Кавказскіе губернаторы о Кавказѣ. (Матеріалы для исторіи кавказскаго мятежа). Гр. Пальма .	934
X. В. В. Туношенскій (Памяти покойнаго драматурга). А. А. Плещеева .	945
XI. Къ біографіи Н. Г. Чернышевскаго. И. Юдина .	949
XII. Страничка изъ исторіи нашихъ архивовъ. В. Е. Рудакова .	953
XIII. Великосвѣтская аргистка. I—II. В. И. Штейна .	958
XIV. Археологическія раскопки въ Кіевѣ. И. Кореневскаго .	980
XV. Цареубійство 1 марта 1881 года. Историческіе очерки. V. Липецкій и воронежскій сѣзды революціонеровъ и возникновеніе партіи «Народной воли». Б. Б. Глинскаго .	985
Иллюстраціи: 1) Николай Александровичъ Морозовъ.—2) Александръ Александровичъ Квятковскій.—3) Степанъ Григорьевичъ Шираевъ.	
XVI. Въ горахъ Осетіи. Е. Клѣтновой .	1027
Иллюстраціи: 1) Алагирское ущелье.—2) Ардонское ущелье.—3) Дейкаускія постройки и Крю-Хохъ.—4) Гробницы Сидомоновъ.—5) Поворотъ отъ Салона.—6) Алагирское ущелье: Ватскія ворота.—7) Гробница Адама Мезокова.—8) Нузальская церковь.—9) Цейское ущелье.—10) Святѣлице Рекомъ.—11) Морена.—12) Устье Цейскаго ледника и начало Цей-дона.	
XVII. Критика и бібліографія.	1064
1) Государственно-правовое положеніе великаго княжества Финляндскаго въ Россійскомъ государствѣ. Барона Вольфъ-фонъ-дёръ-Остенъ-Сакена. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей автора. 1910. П. Майнова.—2) Разказы изъ русской исторіи. Выпуски I—VIII. С. Д. Арсеньевой. СПб. 1910. П. А. Ю.—3) Труды псковскаго археологическаго общества. Псковъ. 1910. А. Фаресова.—4) Святѣтель Іоасафъ Горленко, епископъ бѣгород-	

(См. слѣд. стран.).

скій и облянскій (р. 1705 г. † 1754 г.). Составилъ Серафимъ Булгаковъ. Курскъ. 1909. В. Р.—ва.—5) Исторія України-Руси. Написавъ Михайло Грушевскій. Томъ VII. Козайки часи до р. 1625. Киевъ.—Львовъ. А. Я.—6) Протоіерей Петръ Булгаковъ. Нравоучительная хрестоматія для начальныхъ школъ Японіи. Часть первая. Зинзео Сеогаку-Сюусинъ-се. Книга I—III. Юкогама. 1909. А. м. л.—7) Опытъ родословнаго словаря русскаго дворянства. Родословныя записи Леониды Михайловича Савелова. Выпускъ 3-ій. М. 1909. В. Р.—ва.—8) Архимандритъ Іона. Свѣтъ съ Востока. Выпускъ третій. Спб. 1910. Іеромонахъ І.—9) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ. 1910 годъ. Книга вторая. Двѣсти тридцать третья. М. 1910. В. Рудакова.—10) Обзоръ художественныхъ изданій общины св. Евгеніи. Спб. 1909. Съ иллюстраціями.—В. Курбатовъ. Павловскъ. Художественно-историческій очеркъ и путеводитель. Книжныя украшенія П. А. Остроумовой-Лебедевой. Спб. (Безъ года). л.—11) В. Кравченко. Черезъ три океана. Воспоминанія о морскомъ походѣ 1904—5 г. Съ семью фотографіями въ текстѣ. Спб. 1910. в. Троцнаго.—12) Отчетъ Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1909 г., представленный директоромъ музеевъ г. министру народнаго просвѣщенія. М. 1910. в. Рудакова.—13) А. Н. Пыпинъ. Мои замѣтки. Съ приложеніемъ статей: «Два мѣсяца въ Прагѣ» и «Вячеславъ Гавка». Подъ ред. В. А. Ляцкой. М. 1910. А. Фомина.—14) Николай Морозовъ. Письма изъ Шлиссельбургской крѣпости. Спб. 1910. м. г.—15) Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Подъ редакцію и съ примѣчаніями А. С. Венгерова. Томъ IX. Спб. 1910. в. Р.—ва.—16) Н. Г. Мартыновъ. Статистическія таблицы російскаго книгоиздательства за 1909 г. по официальнымъ источникамъ. Спб. 1910. А. Фомина.—17) И. И. Соболевъ. Вопросъ о реформѣ календаря предъ судомъ православныхъ церквей Востока. Спб. 1910. п. в.—18) Энциклопедія славянскаго филологіи. Выпускъ 2. Л. Нидерле. Обзоръіе современнаго славянства. Спб. 1909. Андрей Сиротинина.—19) А. Покотилловъ. Первый опытъ государственнаго страхованія жизни въ Россіи. Спб. 1909. Вит. Ткачуна.

XVIII. Заграничныя историческія новости и мелочи 1093

1) Археологическія раскопки въ Антиноѣ.—2) Еще о Шекспирѣ—3) Любость въ современной Італіи.—4) Послѣдняя любовь Стерна.—5) Отосуду.—6) Юблеи.

XIX. Смѣсь. 1118

1) Археологическія разслѣдованія В. И. Голшкевича.—2) Инвалидный домъ имени М. Д. Скобелева.—3) Музей 1812 г.—4) Музей изобрѣтеній и усовершенствованій въ С.-Петербургѣ.—5) Дѣла изъ Головинской башни въ Шлиссельбургской тюрьмѣ.—6) Чешскій даръ музею Александра III.—7) Даръ библиотекѣ Академіи наукъ.—8) 50-лѣтній юбилей Спб. рѣчного яхт-клуба.—9) 25-лѣтній юбилей воздухоплавательнаго парва.—10) Юбилей В. Н. Герье.—11) Отъ строительнаго комитета по сооружеіию храма въ С.-Петербургѣ въ память 300-лѣтія царствованія дома Романовыхъ.

XX. Некрологи 1127

1) Барковский. Н. И.—2) Волковъ, Е. С.—3) Воротиловъ, Е. С.—4) Горчаковъ, М. И.—5) Данилевскій, М. А.—6) Князь Долгоруковъ, Д. П.—7) Мордвинова, З. И.—8) Пискорскій, В. К.—9) Садовскій, А. А.—10) Садовскій М. П.—11) Степановъ, К. П.—12) Форстенъ, Г. В.

XI. Замѣтки и поправки 1136

1) Еъ статьѣ «Неразбериха». А. Честухина. 2) Поправка къ замѣткѣ д-ра Генр. Родзевича.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Маріи Федоровны Калерджи-Мухановой.—2) Король безъ королевства. Историческій романъ Мориса Монтегю. Переводъ съ французскаго Михайлова. II. (Продолженіе).

СОДЕРЖАНІЕ СТО ДВАДЦАТЬ ПЕРВАГО ТОМА.

(ІЮЛЬ, АВГУСТЪ и СЕНТЯБРЬ 1910 года).

	СТРАН.
Семейная хроника. (Изъ записокъ моей бабушки). (Окончаніе). В. З. Головиной	5
Восемь лѣтъ въ Сибири. (Окончаніе). Е. В. Корша	27
Неразбериха. (Окончаніе). Н. Н. Оглоблина	58
Изъ скитаній по бѣлу свѣту. С. С. Окрейца	82
Пѣвецъ Волги и воли (Дм. Ник. Садовниковъ и его поэзія). Н. А. Державина	94
Въ гостяхъ у хава Насръ-Эддина. К. Н. Трионова	130
Одинъ изъ почитателей св. Тихона Задонскаго. С. Н. Введенскаго	140
иллюстрація: Образъ св. Тихона Задонскаго, написанный въ 1788 г. прапорщикомъ Машоновымъ по особому «видѣнію».	
Императоръ Николай I въ Курскѣ въ 1842 году. Ив. Телешева	149
Цареубійство 1-го марта 1881 года. (Историческіе очерки). III. Террористическія выступленія. В. Революціонныя силы юга. IV. Покушеніе А. К. Соловьева на жизнь государя Александра II. V. Липецкій и воронежскій съѣзды революціонеровъ и возникновеніе партіи «Народной воли». Б. Б. Глинскаго	155, 577, 985
иллюстраціи: 1) Валеріанъ Андреевичъ Осинскій. 2) Григорій Анфимовичъ Попко. 3) Николай Александровичъ Морозовъ. 4) Александръ Александровичъ Квятковскій. 5) Степанъ Григорьевичъ Ширяевъ.	
Скорбная страница въ исторіи нашего духовенства. А. Дмитріева	194
Изъ воспоминаній о самозванцѣ Черемшанскомъ. Врача А. К. Доброзрава	208
«ИСТОР. ВЪСТН.», СЕНТЯБРЬ, 1910 г., т. СХХІ.	
	1

Пригородъ Сергіевскъ. (Изъ памятной книжки земскаго статистика). А. Дунина	212
Церковщина. М. М. Щуцкаго	222
Иллюстраціи: 1) Въѣздъ въ Церковщину.—2) Верхній скытъ въ Церковщину.—3) Храмъ Рождества Богородицы въ Церковщину.—4) Внутренній видъ храма Рождества Богородицы.—5) Храмъ надъ входомъ въ пещеры.—6) Раскопка восьмисотлѣтнихъ пещеръ въ Церковщину.—7) Видъ на Подтавскую губернію съ сѣверной горы Церковщины.—8) Видъ по направленію къ Кіевской лаврѣ съ сѣверной горы.—9) Видъ на Черниговскую губернію съ сѣверной горы.	
Голытьба. (Записки домовладѣлицы). М. Е. Васильевой	353, 737
Воспоминанія академика П. П. Соколова . I—XI.	378, 764
Яшенька-молчальникъ. (Изъ воспоминаній дѣтства). В. Бруснина	419
За кулисами. (Встрѣчи и воспоминанія). Александринскій театръ. (1875—1900). А. А. Плещеева	433, 820
Какъ меня арестовали (Отрывокъ изъ воспоминаній). В. Б. Бертенсона .	459
Русскія метаморфозы. IV. Смутное время на Москвѣ. V. Декабрьскіе кровавые дни. (Окончаніе) Н. М. Ежова	467, 875
Николай I, князь Черногорскій, какъ поэтъ. (Къ 50-лѣтію его княженія и литературной дѣятельности). И. А. Александрова	480
Послѣдній король Польши и его современники. А. Михайлова	506
«Живые покойники» Д. В. Федорова	541
«Неприличная» компанія. (Очеркъ). А. Дунина	554
Петровскіе дни. Л. Б.	561
Наши востоковѣды. (По поводу возникновенія новаго «Общества русскихъ ориенталистовъ въ С.-Петербурѣ»). С. И. Игнатьева	603
Украинскій музей В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ. С. И. Уманца	614
Бѣлгородъ на Двѣстрѣ. Л. А. Богдановича	625
Иллюстраціи: 1) Крѣпость въ Аккерманѣ съ западной стороны.—2) Крѣпость въ Аккерманѣ съ восточной стороны.—3) Овидіева башня въ Аккерманской крѣпости.	
Четвертый бракъ. (Быль изъ сибирскихъ нравовъ). Е. В. Корша	798
Забитые поэты. Тургеневъ, Ознобишинъ и Тимошеевъ. (Изъ симбирской хроники). Н. Державина	847
Преображенская больница въ Москвѣ. А. И. Соколовой	909
Кериметъ, невѣстка Шамиля,—жертва азіатской, а затѣмъ русской политики. И. И. У.	922
Кавказскіе губернаторы о Кавказѣ. (Матеріалы для исторіи кавказскаго мятежа). Гр. Пальма	934

В. В. Туношенскій. (Памяти покойнаго драматурга) А. Плещеева.	945
Къ біографіи Н. Г. Чернышевскаго. П. Юдина.	949
Страничка изъ истории нашихъ архивовъ. В. Е. Руданова.	953
Великовѣтская артистка. I—II. В. И. Штейна.	958
Археологическія раскопки въ Кіевѣ. П. Корневскаго.	980
Въ горахъ Осетіи. Е. Клѣтновой	1027

Иллюстраціи: 1) Алагирское уэль-марта.—2) Ардонское ущелье.—3) Дейкаускія постройки и Крю-Хохъ.—4) Гробницы Сидомоновъ.—5) Поворотъ отъ Садова.—6) Алагирское ущелье: Ватскія ворота.—7) Гробница Адама Мезокова.—8) Нузальская церковь.—9) Цейское ущелье.—10) Святинище Рекомъ.—11) Морена.—12) Устье Цейскаго ледника и начало Цей-дона.

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ 265, 643, 1064

1) Сборникъ новгородскаго общества любителей древностей. Вып II. Новгородъ. 1909. Р—цы.—2) Разказы по русской истории. Общедоступная хрестоматія, съ рисунками. Составлена кружкомъ преподавателейъ подъ редакціей С. П. Мельгунова и В. А. Петрушевскаго. Москва 1909. Я. Бирюкова.—3) Записки восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества. Основаны барономъ В. Р. Розеномъ. Томъ XIX. Выпуски II.—III. Спб. 1909. А. Миронова.—4) Дворянское сословіе Тульской губерніи. Т. I (X). Списки лицъ, служившихъ въ Тульской губерніи по выборамъ, съ 1778 г. Т. II (XI). Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ съ указаніемъ важнѣйшихъ документовъ, находящихся въ дѣлахъ разныхъ фамилій родословнаго архива тульскаго дворянскаго депутатскаго собранія, Т. III (XII). Родословецъ. Матеріалы. Ч. I—VI. Составилъ и издалъ почетный членъ московскаго археологическаго института В. И. Черноятовъ. М. 1908—1909. в. Руданова.—5) Графъ А. С. Уваровъ. Сборникъ мелкихъ трудовъ. Т. I, II и III, подъ редак. гр. П. С. Уваровой. Москва. 1910. А. Хаханова.—6) А. В. Карповъ. Памятникъ казачьей старины. Краткіе очерки изъ истории Уральскаго войска. Уральскъ. 1909. В. П. Федорова. А. Титовъ. Миссіонерская дѣятельность пресвященнаго Нила Исаковича и Діонисія Хитрова. М. 1910. А. К—ова.—7) Александръ Венуа. Царское Село въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны. 1910. М. Соколовскаго.—8) В. Л. Модзалевскій. «Малороссійскій Родословникъ». Томъ 2-й. Е—К. Съ 40 портретами и снимкомъ герба Калиновскихъ. Кіевъ. 1910. в. Руданова.—9) Библиографическій указатель литературы о Сѣверѣ по матеріаламъ, собраннымъ архангельскимъ обществомъ изученія русскаго Сѣвера. Указатель литературы о дѣятельности Петра Великаго на Сѣверѣ и описъ старыхъ дѣлъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ въ г. Архангельскѣ съ 1710—1725 г. Составилъ А. Ф. Шидловскій. Архангельскъ. 1910. Диланторскаго.—10) Русская история въ очеркахъ и статьяхъ. Составлена при участіи профессоровъ и преподавателейъ подъ редакціей проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Т. I. Съ 43 рис. и 2 карт. Тира Соколовской.—11) А. Н. Куропаткинъ. Россія для русскихъ. Т. III. Задачи Россіи и русской арміи въ XX столѣтіи. Спб. 1910. л. н.—12) Уроженцы и дѣятели Владимирской губерніи, получившіе известность на различныхъ поприщахъ общественной пользы. (Матеріалы для био-библиографическаго словаря). Собралъ и дополнилъ А. В. Смирновъ. Выпускъ 4-й. Губ. гор. Владимиръ. 1910. Диланторскаго.—13) Monografie w zakresie dziejów powozutnych. Wyd. Szymona Aszkenazy. Tom VII—VIII. Polska w dobie wojny Siedmioletniej. Część I, przez Władysława Koporczyńskiego. Warszawa-Kraków. 1909. Адама Я.—14) Олавянская бібліотека д-ра И. Шайковича, вып. 2 Юванъ Цвинчъ. Анексія Воснін-Герцеговины и сербскій вопросъ. Спб. 1909. А. С.—15) Е. В. Коршъ. Двадцать лѣтъ на желѣзныхъ дорогахъ (1889—1908 гг.). Воспоминанія о желѣзнодорожной службѣ. Спб. 1910. б. г.—16) М. Ю. Лермонтовъ. «Демонъ». Иллюстраціи А. Эберлинга. Спб. 1910. н. л.—17) Г. Т. Сѣверцевъ-Полжовъ. «Просудась женщина». Очерки и разказы изъ жизни современной Финляндіи. Спб. 1910. г.—18) Сергій Вертеясовъ. Библиографическій указатель литературы о Гоголѣ за 1900—1909 гг. Спб. 1910. Д—аго.—19) Юбилейный

сборник Литературного фонда. 1859—1909 г. Спб. 1910. А. Фомина.—19) Н. О. Лернеръ. Бѣлинскій. Критико-біографическій очеркъ. Для учащихся. Москва. 1910. А. Фаресова.—20) Художникъ-иллюстраторъ Водлевскій. Его жизнь и творчество. Составилъ К. С. Кузминскій. Москва. 1910. Е. Н. К.—21) Незабвенному Владимиру Васильевичу Стасову. Сборникъ воспоминаній. А. Фомина. 22) К. А. Иностранцевъ. Сасанидскіе этюды. Спб. 1909. А. Х—ва.—23) Русское сценическое искусство за границей. Артистическая повѣдка М. Г. Савиной съ трушой въ Берлинъ и Прагу. Спб. 1909. А. Измайлова.—24) Г. Торнъ. Когда наступилъ мракъ. Исторія одного великаго заговора. Съ англійскаго. Спб. 1910 г. Б. Г.—25) У. Г. Иваскъ. Описание русскихъ книжныхъ знаковъ. Выпускъ II. 1910. м. с.—26) Baltischer historisch-geographischer Kalender. Рига. 1910. А. Мальмгрена.—27) В. В. Латышевъ. Pontica. Спб. 1909. б. в.—28) П. А. Лавровъ. Анексія Боснии и Герцеговины и отношеніе къ ней славянства. Спб. 1909.—Сербскій народъ и анексія Боснии и Герцеговины. Публичная лекція доцента бѣлградскаго университета Р. Кошутича. Спб. 1908. Востни и Герцеговина въ народной скупщинѣ королевства Сербіи на засѣданіяхъ 29 сент., 20 и 21 декабря 1908 года. Бѣлградъ. 1909. с.—29) М. Вородкинъ. Исторія Финляндіи. Время Петра Великаго. Съ портретами, иллюстраціями, картой. Къ двухсотлѣттю вѣгтя Вильборга. Спб. 1910. п. Майнова.—30) Русская Исторія съ древнѣйшихъ временъ. М. Н. Покровскаго, при участіи Н. М. Николайскаго и Д. Н. Сторожева. Т. I. М. 1910. Н. О. Лернера.—31) М. Александровъ. Государство, бюрократія и абсолютизмъ въ исторіи Россіи. Спб. 1910. А. Б.—32) Записки московскаго археологическаго института, издаваемыя подъ редакціей А. И. Успенскаго. Томы I—VII. М. 1909—1910. В. Руданова.—33) Журналъ генералъ-адъютанта графа К. Ѳ. Толь о декабрьскихъ событіяхъ 1825 года. Изданіе и редакція графа Е. Н. Толь. Спб. 1910. В. Г.—34) Профессоръ А. А. Бронзовъ. Вѣлозерское духовное училище за сто лѣтъ его существованія (1809—1909 г.г.). Томъ первый. Сергіевъ посадъ. 1909. Э.—35) Лѣтомисъ занятій императорской археографической комиссіи за 1909 годъ. Выпускъ двадцать пятый. Подъ редакціей правителя дѣлъ В. Г. Дружинина. Спб. 1910. В. Троцнаго.—36) Указатели къ Высочайше утвержденнымъ общему гербовнику дворянскихъ родовъ Россійской имперіи и гербовнику дворянскихъ родовъ царства Польскаго. Составили: В. Лукомскій и С. Тройницкій. Спб. 1910. в. Руданова.—37) Профессоръ П. И. Ковалевскій. Национальное воспитаніе и образованіе въ Россіи. Спб. в. г.—38) Русско-японская война. Четырехдневное сраженіе 2-й Манчжурской арміи ген.-ад. Гриппенберга при Хейгоутай-Саудену, съ 12 по 15 января 1905 г. Съ картами, планами, схемами и чертежами. Составилъ генеральнаго штаба полковникъ Галкинъ. Спб. 1909. л. н.—39) Н. Крохотина. Революціонное время въ Россіи. Судъ надъ крестьянами послѣ погрома. Спб. 1910. г.—40) Портреты русскихъ писателей въ гелиографияхъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ. Редакція В. В. Каллаша. М. 1909—1910. А. Ф-на.—41) Шарль Дилъ, адъюнктъ-профессоръ парижскаго университета. Византійскіе портреты. Перевелъ Е. Киричинскій. Харьковъ. 1910. А. М-на 42) В. Л. Молдавалевскій. Архивъ опеки надъ дѣтми и имуществомъ Пушкина въ музеѣ Вахрушина. Спб. 1910. м. О. Лернера.—43) Надежда Санжаръ. Записки Анны. Спб. 1910. Б. Г.—44) Н. О. Лернеръ. «Возстанъ, возстанъ, пророкъ Россіи». Стихотвореніе Пушкина. Спб. 1910. Ф.—45) Государственно-правовое положеніе великаго княжества Финляндскаго въ Россійскомъ государствѣ. Барона Вольфъ-фонъ-деръ-Остенъ-Сакена. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей автора. 1910. п. Майнова.—46) Разказы изъ русской исторіи. Выпуски I—VIII. С. Д. Арсеневой. Спб. 1910. п. А. Ю.—47) Труды псковскаго археологическаго общества. Псковъ. 1910. А. Фаресова.—48) Святитель Иоасафъ Горленко, епископъ бѣлгородскій и обоянскій (р. 1705 г. + 1754 г.). Составилъ Серафимъ Вулгаковъ. Курскъ. 1909. Р-ва.—49) Исторія Украинъ-Руси. Написавъ Михайло Грушевскій. Томъ VII. Козаки часи до р. 1625. Кіевъ—Львовъ. А. Я.—50) Протоіерей Петръ Вулгаковъ. Иравоучительная хрестоматія для начальныхъ школъ Японіи. Часть первая. Зинзо-Сюугаку-Сюусинъ-се. Книга I—III. Ююкогама. 1909. А. М. Л.—51) Опытъ родословнаго словаря русскаго дворянства. Родословныя записи Леонидъ Михайловича Савелова. Выпускъ 3-й. М. 1909. в. Р-ова.—52) Архимандритъ Иона. Свѣтъ съ Востока. Выпускъ 3-й. Спб. 1910. Іеромонахъ I.—53) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1910 годъ. Книга вторая. Двѣсти тридцать третья. М. 1910. в. Руданова.—54) Обзоръ художественныхъ изданій общины св. Евгениі. Спб. 1909, съ иллюстраціями. — В. Курба-

товъ. Павловскъ. Художественно-историческій очеркъ и путеводитель. Книжныя украшения П. А. Остроумовой-Лебедевой. Спб. (Безъ года), л.—55) В. Кравченко. Черезъ три океана. Воспоминанія о морскомъ походѣ 1904—5 г. Съ семью фотографіями въ текстъ. Спб. 1910. В. Троцяного.—56) Отчетъ Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1909 г., представленный директоромъ музеевъ г. министру народнаго просвѣщенія М. 1910. в. Рудакова.—57) А. Н. Пыпинъ. Мои замѣтки. Съ приложеніемъ статей: «Два тѣсяца въ Прагъ» и «Вячеславъ Ганка». Подъ ред. В. А. Ляцкой. М. 1910. А. Фомина.—58) Николай Морозовъ. Письма изъ Шлиссельбургской крѣпости. Спб. 1910. м. г.—59) Полное собраніе сочиненій В. Г. Вѣдинскаго. Подъ редакціею и съ примѣчаніями А. С. Венгрова. Томъ IX. Спб. 1910. В. Р—ва.—60) Н. Г. Мартыновъ. Статистическія таблицы русскаго книгоиздательства за 1909 г. по официальнымъ источникамъ. Спб. 1910. А. Фомина.—61) И. И. Соколовъ. Вопросъ о реформѣ календаря предъ судомъ православныхъ церквей Востока. Спб. 1910. п. в.—62) Энциклопедія славянской филологии. Выпускъ 2. Л. Нидерле. Обозрѣніе современнаго славянства. Спб. 1909. Андрія Сиротинина.—63) А. Покотиловъ. Первый опытъ государственнаго страхованія жизни въ Россіи. Спб. 1909. Вит. Тичуна.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ. 308, 669, 1093

1) Легенда о Саломеѣ.—2) Современная Польша.—3) Король Эдуардъ VII.—4) Смерть Эдуарда Колонна, Марка Твена, Верстегерне-Бьерсона, Элизы Ожешко, Коха, Полины Вярдо, Симона, Вольфа и Цамбони.—5) Гдѣ находились Содомъ и Гоморра.—6) Анвалена.—7) Современная польская литература.—8) Фанни Эльслеръ. 9) Археологическія раскопки въ Антиноѣ.—10) Въдѣ о Шекспирѣ.—11) Любовь въ современной Италиі.—12) Последняя любовь Стерна.—13) Отговсюду.—14) Юбилей.

СМѢСЬ 332, 699, 1118

1) Двадцатипятилѣтіе клиническаго института.—2) Полулѣтнюю юбилей апостола Японіи.—3) Юбилей А. Я. Ефименко.—4) 50-лѣтіе врачевой дѣятельности проф. Л. Л. Гиршмана.—5) Открытіе памятника Петру Великому.—6) Археологическія раскопки.—7) Петербургъ въ цифрахъ.—8) Отчетъ о дѣятельности спб. университета.—9) Отъ комиссіи по вопросу о празднованіи 200-лѣтняго юбилея дня рожденія М. В. Ломоносова.—10) Двухсотлѣтіе Царскаго Села.—11) Завладѣніи больницы Петра Великаго.—12) 50-лѣтіе Государственнаго банка.—13) Юбилей странноприимнаго дома графа Шереметева.—14) Памяти князя В. А. Долгорукова.—15) Радищевскій музей.—16) Юбилей ген.-отъ-инф. П. Д. Паренцова.—17) 25-лѣтіе ученой дѣятельности академика С. Ф. Ольденбурга.—18) Юбилей проф. М. С. Грушевскаго.—19) Юбилей протоіерея Ф. Н. Орнатскаго.—20) Слѣпокъ чплодока въ академіи наукъ.—21) Новое высшее учебное заведеніе.—22) Памяти А. Н. Островскаго.—23) Къ 50-лѣтію освобожденія крестьянъ.—24) Всероссийскій сборъ пожертвованій на памятникъ А. П. Чехову.—25) Объединенный комитетъ по сооруженію памятника Т. Г. Шевченку.—26) Литературный конкурсъ всероссійскаго національнаго клуба.—27) Археологическія разслѣдованія В. И. Голшевича.—28) Инвалидный домъ имени М. Д. Скобелева.—29) Музей 1812 года.—30) Музей изобрѣтеній и усовершенствованій въ С.-Петербургѣ.—31) Дѣла изъ Головинской башни въ Шлиссельбургской тюрьмѣ.—32) Чешскій даръ музею Александра III.—33) Даръ библиотекъ академіи наукъ.—34) 50-лѣтній юбилей Спб. рѣчного яхтъ-клуба.—35) 25-лѣтній юбилей воздухоплавателянаго парка.—36) Юбилей В. И. Герье.—37) Отъ строительнаго комитета по сооруженію храма въ С.-Петербургѣ въ память 300 лѣтня царствованія дома Романовыхъ.

НЕКРОЛОГИ 343, 714, 1127

1) Вѣдоконская, В. Н.—2) Кенигъ, І. І.—2) Котельниковъ, А. Н.—3) Коновичъ, А. К.—4) Мецъ, М. Ф.—5) Никандръ, архіепископъ.—6) Поповъ, А. Н.—7) Преображенскій, П. Я.—8) Прокунинъ, В. П.—9) Черняевъ, Н. И.—10) Янышевъ, І. Л., протопресвитеръ.—11) Адауровъ, Н. Е.—12) Вересляевъ, Н. М.—13) Веккеръ, Н. М.—14) Вураковскій, А. Ф.—15) Володимировъ, В. М.—16) Дворжакъ, К. К.—17) Казимиръ, К. Ф.—18) Кирѣевъ, А. А.—19) Ковюховъ, К. М.—20) Корняевъ-Кирилъ

ловъ, М. В.—21) Крестовская, М. В.—22) Кузнецовъ, А. X.—23) Куниджи, А. И.—24) Леонтьевъ, Н. С.—25) Мансуровъ, Б. П.—26) Михайловскій, В. Я.—27) Петипа, М. И.—28) Писарева, В. И.—29) Потѣхинъ, П. Б.—30) Рудановскій, К. В.—31) Степновъ, К. П.—32) Столповскій, П. А.—33) Фаусовъ, В. А.—34) Варковскій, Н. И.—35) Волковъ, Е. С.—36) Воротиловъ, Е. С.—37) Горчаковъ, М. И.—38) Данилевскій, М. А.—39) Князь Долгоруковъ, Д. Н.—40) Мордвиновъ, З. И.—41) Пискорскій, В. К.—42) Садовскій, А. А.—43) Садовскій, М. П.—44) Степанова, К. П.—45)—Форстенъ, Г. В.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ 351, 732, 1136

1) Литература о кометахъ.—2) По поводу статьи В. Маркова «Къ характеристикѣ графа М. Н. Муравьева». Г. А. Гарцевича.—3) По поводу замѣтки В. Сабурова. Д-ра Генр. Родзевича.—4) Къ статьѣ «Неразбериха». А. Честухина.—5) Поправка къ замѣткѣ д-ра Генр. Родзевича.

Приложенія: Портреты: 1) Дмитрія Николаевича Садовникова.—2) Князя Николая Черногорскаго.—3) Маріи Ѳедоровны Калерджи-Мухановой.—4) Король безъ королевства, Историческій романъ Мориса Монтегю. Переводъ съ французскаго Михайлова. I—II.

ЮАННЪ ГЕОРГЪ КОРБЪ.
ДНЕВНИКЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ МОСКОВІЮ

(1698 и 1699 гг.)

Переводъ и примѣчанія А. І. МАЛЕИНА. Съ приложеніемъ 19 рисунковъ на отдѣльныхъ
листахъ и указателей. Спб. 1906. ц. 10 р.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

Сочиненіе Е. П. КАРНОВИЧА

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Биографическій очеркъ подъ редакціей Н. Шильдера.

Съ 18-ю портретами и иллюстраціями и 2-мя автографами. Ц. 3 р., въ пер. 4 р.

ЗАПИСКИ КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ПО ИЗДАНИЮ, СДѢЛАННОМУ СЪ ПОДЛИННОЙ РУКОПИСИ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

четырехъ портретовъ, разныхъ документовъ, писемъ и указателя.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

Н. Д. ЧЕЧУЛИНА.

Изданіе А. С. Суворина.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

**ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ**

Переводъ съ подлинника, изданнаго Императорскою Академіей Наукъ.

СЪ 12 ПОРТРЕТАМИ И 5-Ю АВТОГРАФАМИ

Изданіе А. С. Суворина.

Цѣна 4 рубля.

Въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени»

Царевубійство 11 марта 1801 года

ЗАПИСКИ УЧАСТНИКОВЪ И СОВРЕМЕННИКОВЪ

(Саблукова, Вельяминова-Зернова, графа Бенигсена, фонъ-Веделя, графа Ланжерона, Фонвизина, княгини Ливенъ, князя Чарторыйскаго, барона Гейкинга, Коцебу).

СЪ 17 ПОРТРЕТАМИ, ВИДАМИ И ПЛАНАМИ.

Изд. 2-е дополненное.

Издание А. С. Суворина.

Цѣна 3 рубля.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ: ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

БАРОНЪ СИГИЗМУНДЪ ГЕРБЕРШТЕЙНЪ

ЗАПИСКИ О МОСКОВИТСКИХЪ ДѢЛАХЪ

ПАВЕЛЪ ЮВІИ НОВОКОМСКІИ

КНИГА О МОСКОВИТСКОМЪ ПОСОЛЬСТВѢ

ВВЕДЕНИЕ, ПЕРЕВОДЪ И ПРИМЪЧАНІЯ

А. І. МАЛЕИНА

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ 2 ПОРТРЕТОВЪ ВЪ КРАСКАХЪ, 8 РИСУНКОВЪ НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ, 84 РИСУНКОВЪ ВЪ ТЕКСТЪ И ПОДРОБНЫХЪ УКАЗАТЕЛЕЙ.

Цѣна 15 рублей.

МАРІЯ ФЕДОРОВНА КАЛЕРДЖИ-МУХАНОВА.

ГОЛЫТЬБА.

(Записки домовладѣлицы ¹⁾).

VII.

ОТНОШЕНІЯ между мною и моими жильцами были добрыя, особенно съ тѣхъ поръ, какъ я объявила, что не возьму съ нихъ денегъ за то время, когда ихъ подвалы стояли въ водѣ. Кромѣ того, мои бабы были мною довольны за то, что я ихъ снабжала пятаками и гривенниками. Что же касается Анны Матвѣевны Быковой, она почти каждое утро присылала мнѣ записки на французскомъ языкѣ: «Chère madame, prêtez moi quinze sous» или «Chère madame, prêtez moi vingt sous». При встрѣчѣ со мной Анна Матвѣевна горячо благодарила меня за одолженіе и обѣщала расплатиться за все, какъ только получитъ пособіе, которое она ждала каждый день.

Наконецъ, пособіе ей вышло въ двадцать пять рублей, и объ этомъ событіи сейчасъ же узналъ весь дворъ. Всѣ мои жильцы были лично заинтересованы въ этомъ пособіи; изъ него каждому Быкова обѣщала что-нибудь купить.

Нужно сказать, что сердце у Быковой было доброе, она для бѣдныхъ даромъ писала прошенія; если кто на нашемъ дворѣ былъ боленъ,

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХІ, стр. 353.

«Истор. вѣстн.», сентябрь, 1910 г., т. СХХІ.

она ходила за больнымъ и даже часто съ подвальными жильцами дѣлилась своимъ обѣдомъ.

Съ извѣстіемъ, что Анна Матвѣевна получила пособіе, ко мнѣ прибѣжала обрадованная Лена,—ей тоже Анна Матвѣевна, посылая свое прошеніе, сказала:

— Если ты будешь молиться Богу, чтобы мнѣ вышло пособіе, и оно выйдетъ, тогда я куплю тебѣ ситцевый платочекъ.

Въ этотъ же день ко мнѣ явилась и сама Быкова; она была сильно возбуждена. Не здороваясь со мною, бросилась въ кресло, вытянула во всю длину свои ноги въ рваныхъ прионелевыхъ полусапожкахъ и задыхающимся отъ волненія голосомъ проговорила:

— Вы слышали, мое прошеніе воздѣйствовало—я получила пособіе. Прихожу сегодня въ казначейство, и чиновникъ мнѣ объявляетъ: «Вамъ вышло все милостивѣйшаго пособія двадцать пять рублей». Я такъ обрадовалась, что бросилась чиновнику на шею и—расцѣловала!

— Чиновника расцѣловали!—удивилась я.

— Ничего,—махнула она рукой:—онъ только писецъ, потому я дала ему гривенникъ...

Я и сама была рада, что Быкова получила деньги; она была мнѣ должна пятнадцать рублей, и я надѣялась получить отъ нея хотя половину, но Анна Матвѣевна положила на столъ передо мною смятую трехрублевую бумажку и, разглаживая ее рукой, сказала:

— Больше, дорогая хозяйшка, въ настоящую минуту я вамъ заплатить не могу, я была должна во всѣхъ лавкахъ и, чтобы опять имѣть кредитъ,—унатила по всѣмъ счетамъ; кромѣ того, я кое-кому и помогла. Вы навѣрно знаете, что наша Матрена съ тѣхъ поръ, какъ купила мужу сапоги, питается съ дѣтьми однѣми христорадными корками и сегодня собирала съ вашего крыльца шелуху отъ рыбы, чтобы изъ нея сварить своимъ дѣтямъ студень. А вотъ это,—и Анна Матвѣевна вынула изъ своего кармана маленькій свертокъ,—полфунта ветчины для больного Сысоева, хочу его передъ смертью побаловать. Акинья Ивановна говорила, что онъ очень плохъ; вѣроятно, скоро умретъ нашъ Иванъ Степановичъ!...

Сысоеву, дѣйствительно, съ каждымъ днемъ дѣлалось все хуже, онъ уже не вставалъ съ постели и пересталъ ѣсть. Между тѣмъ семья Ивана Степановича съ нетерпѣніемъ ждала его смерти. Акинья Ивановна не стѣсняясь говорила:

— Дѣти, сколько бы ихъ у меня ни было, пусть живутъ, а мужъ меня измучилъ, мнѣ его не жалко, пускай помираетъ.

Старшій сынъ Сысоева, четырнадцатилѣтній Гриша, радовался, что послѣ смерти отца у него будетъ сюртукъ.

— Мы съ матерью уже порѣшили,—разсказывалъ онъ,—положить отца въ старомъ сюртукѣ, а которъй поновѣе—мать мнѣ перешьетъ.

Даже маленькія дѣти Сысоева и тѣ на дворѣ разсуждали:

— Насъ отецъ не кормить, чего намъ его жалѣть, мать и безъ него насъ прокормить.

Еще при жизни мужа Аксинья Ивановна любила строить планы, какъ она послѣ его смерти устроится.

— Младшихъ дѣтей,—говорила она,—я, какъ сиротъ, пристрою въ благотворительныя заведенія, Сеню отдамъ въ мужскіе портные, Гришу оставлю при себѣ—онъ мнѣ будетъ помогать шить платья. Послѣ смерти Ивана Степановича,—заказчицъ у меня будетъ больше; теперь всѣ знаютъ, что у меня въ домѣ чахоточный, и многія барыни мнѣ уже говорили, что онѣ опасаются давать мнѣ на домъ работу. Послѣ смерти мужа я и квартиру буду держать чище, а вы, хозяйшкa, ужь какъ хотите, а обои въ нашей квартирѣ положите новыя.

И вдругъ въ одно утро Сысоевъ напугалъ свою семью, сказавъ, что ему лучше, и попросилъ ѣсть.

Въ этотъ же день, только къ вечеру, ко мнѣ вбѣжала съ разстроеннымъ лицомъ Аксинья Ивановна.

— Хрипѣть, кончается!—и она зарыдала

Зная, съ какимъ нетерпѣніемъ она ожидала смерти своего мужа, я съ удивленіемъ спросила:

— О чемъ вы плачете?

— Теперь жалко, привыкла,—рыдая, говорила она:—еще сегодня онъ мнѣ такъ ласково сказалъ: «Не бойся, Аксюша, я долго не протяну». А я-то, грѣшница, каждый день молила ему смерти!—И вдругъ, упавъ передо мною и положивъ ко мнѣ на колѣни голову, она продолжала:—Милая барыня, не осуждайте, а пожалѣйте меня,—нужда изъ меня звѣря сдѣлала, устала я, работавши безъ отдыха пятнадцать лѣтъ!.. Думала, умереть онъ, и мнѣ будетъ жить легче а теперь вижу, что за него меня совѣсть замучаетъ!..

Въ это время въ комнату вбѣжали ея дѣти съ вѣстью, что ихъ отецъ скончался.

VIII.

За неимѣніемъ въ квартирѣ большого стола мертвый Сысоевъ лежалъ на верстакѣ. На покойникѣ была бѣлая манишка, бѣлый галстукъ и сильно выцвѣтшій черный сюртукъ съ большой заплатой на рукавѣ.

Аксинья Ивановны цѣлый день не было дома—она бѣгала по богатымъ портнымъ и собирала деньги на похороны мужа.

Между тѣмъ на нашъ дворъ поминутно приходили бѣдно одѣтые люди; они называли себя портными, товарищами покойнаго Сысоева, а потомъ входили въ квартиру и кланялись покойнику... Одинъ богатый портной, у котораго Сысоевъ былъ долго подмастерьемъ, теперь прислалъ ему желтый глазетовый гробъ.

Чтобы посмотреть на этот гробъ, всѣ мои жильцы высыпали на дворъ и съ завистью разсматривали его.

— Счастливый нашъ Иванъ Степановичъ,—говорили они:—въ золотомъ гробѣ будетъ лежать; а вотъ мы когда поремь, намъ никто такого гроба не пришлетъ!

Аксинья Ивановна вернулась домой только къ панихидѣ. Она чувствовала себя сильно уставшей; но все-таки была очень довольна, что собрала на похороны мужа пятнадцать рублей; кромѣ того, одинъ священникъ, на семью котораго она работала, обѣщалъ ей Ивана Степановича даромъ отпѣть и проводить на кладбище.

Изъ собранныхъ на похороны денегъ Аксинья Ивановна купила Гришѣ сапоги, а для себя галоши.

— Теперь,—говорила она,—когда буду надѣвать галоши, то каждый разъ помяну своего Ивана Степановича.

Смерть, видимо, примирила ее съ мужемъ.

Во время панихиды, за неимѣніемъ настоящихъ пѣвчихъ, пѣли тѣ самые оборванцы портные, которые уже приходили утромъ, и этотъ нестройный хоръ измученныхъ нуждой людей возлѣ гроба ихъ товарища какъ-то особенно хваталъ за душу.

Анна Матвѣевна басомъ подтягивала пѣвчимъ, раздавала присутствующимъ свѣчи и помогала уложить покойника въ гробъ.

Аксинья Ивановна всю панихиду простояла на колѣняхъ возлѣ гроба мужа и сильно плакала

На послѣднюю панихиду, къ выносу тѣла изъ квартиры, собрались уже со всего города портные, ихъ было человекъ около пятидесяти, нѣкоторые были одѣты очень прилично, но большая часть изъ нихъ были оборванцы.

Гробъ Ивана Степановича изъ квартиры на кладбище несли портные. Впереди всѣхъ за гробомъ шли жена и дѣти; каждый изъ дѣтей что-нибудь несъ: Гриша шелъ съ кутьей, и я замѣтила, что на немъ уже надѣтъ отцовскій сюртукъ и новые сапоги. Другія дѣти несли кто водку, кто закуску; это для того, чтобы послѣ похоронъ на только что засыпанной могилѣ помянуть покойника.

Я нѣсколько минутъ шла въ толпѣ, слѣдовавшей за гробомъ. Возлѣ меня шли разговоры о смерти.

— Кабы не дѣти у меня,—говорила Матрена:—я хоть сейчасъ готова помереть—мнѣ моя жистъ ужаси какъ надоѣла! Что ни годъ, у меня новый ребенокъ, совсѣмъ дѣти замучили; я изъ-за нихъ и праздника никогда не вижу и, какъ люди, не пообѣдаю — песу изноши воды, а сама сухой хлѣбъ жую, вотъ весь мой и обѣдъ.

Лена шла рядомъ со мной и все вздыхала, наконецъ обратилась ко мнѣ:

— Барыня, когда я помру, вы мнѣ тоже золотой гробъ купите, надѣньте на меня бѣлое платьѣ, распустите мои волосы по плечамъ, а на грудь мнѣ положите букетъ живыхъ цвѣтовъ.

— Что ты рано собралась умирать?—спросила я ее.

— А что на свѣтѣ-то маяться!—опять вздохнула она:—мнѣ бы только нашему Колькѣ сапоги новые справить да Ѳедкѣ еще хоть три рубля послать; а также и маткѣ я общалась къ зимѣ купить большой платокъ, а потомъ мнѣ все равно и помереть не страшно. Въ дѣвицахъ и въ моихъ годахъ, люди говорятъ, помирать хорошо!

Незнакомый мужской голосъ сзади меня говорилъ:

— Для чего жить-то на свѣтѣ?—померь ты, и слава Богу, и лежи—и не надо тебѣ податей платить!

Одинъ только старикъ Кіановъ не унывалъ и балагурилъ:

— Нѣтъ, братцы,—говорилъ онъ:—я еще помирать подожду; на томъ-то свѣтѣ скучно—водки нѣтъ!

Я не дошла до кладбища и вернулась домой. На нашемъ дворѣ было пусто—всѣ жильцы ушли провожать гробъ Сысоева. Одна старуха Дарья сидѣла на завалинкѣ.

Я сѣла возлѣ нея и, замѣтивъ, что она плачетъ, спросила о причинѣ ея слезъ.

— О томъ, милая, я плачу,—начала старуха:—что Богъ мнѣ смерти не посылаетъ. Молодые, какъ Иванъ Степановичъ, умираютъ, а я, старая, все живу. Теперъ я и по міру ходить не могу—правая моя ноженька отказалась служить, я ее сегодня изъ подвала насилу выволокла. И куда я теперъ слѣпая да безногая дѣнусь!.. Будь я теперъ господская, меня бы во дворню взяли, и лежала бы я на скотномъ дворѣ на пекчѣ, и мѣсячина мнѣ шла бы отъ господъ. А своей дочкѣ Степанидѣ я не нужна такая-то! Я ей ужъ отработала! Сегодня она, Степанида-то, меня попрекнула, зачѣмъ я долго живу!..

IX.

На сухой и теплый флигель я долго не могла пайти жильцовъ, между тѣмъ какъ на пятый подвалъ, который такъ былъ сыръ, что я не хотѣла его сдавать, отъ жильцовъ не было отбою.

Однажды смотрѣть подвалъ ко мнѣ пришло цѣлое семейство; гуть былъ дѣдъ, старуха древняя, женщина лѣтъ пятидесяти и молоденькая дѣвушка съ ребенкомъ на рукахъ, которая сильно кашляла.

Когда я услышала, что эта семья ходитъ подъ моей квартирой, мнѣ сейчасъ же пришло въ голову, что съ такимъ кашлемъ, какъ у дѣвушки, вредно даже нѣсколько минутъ пребыть въ сыромъ подвалѣ, и я послала Лену сказать пришедшимъ, что подвалъ у меня еще не сдается.

Когда Лена долго не возвращалась, я сама вышла на дворъ.

Тутъ я узнала, что мой дворникъ уже успѣлъ рассказать, что подвалъ по случаю сырости отдается подъ жильѣ даромъ; вслѣд-

ствіе этого квартира очень понравилась. Дѣдъ говорилъ, что если натопить хорошенько въ подвалѣ печку, тогда и помирать не захочешь. Женщины радовались, что подъ поломъ въ разымникахъ стоитъ вода и имъ не нужно ее покупать ни на стирку, ни на самоваръ. Только молоденькая дѣвушка молча стояла въ сторонѣ—ее поминутно душилъ кашель и ея интересное, худенькое личико было печально и заплакано.

— Неужели и эта больная дѣвушка будетъ жить въ такомъ сыромъ подвалѣ?—спросила я пожилую женщину.

— А то куда же она съ ребенкомъ-то дѣнется? Извѣстно, на моей шеѣ будетъ сидѣть,—сердитымъ голосомъ отвѣтила та.—Если моя Варька сумѣла, не спросясь своей матки, прижить съ бариномъ ребенка, такъ пуцай и живеть какъ знаетъ. Онъ, баринъ-то, не дуракъ. Видишь ли, хозяйка, я отдала ему Варьку находомъ ¹⁾ прислуживать за рубль въ мѣсяцъ; а онъ конфетками да пряничками ее къ себѣ и приманилъ; моя-то дура въ него и втюрилась, а онъ какъ узналъ, что она отъ него тяжела, взялъ и уѣхалъ въ другой городъ, Варькѣ и адреса своего не оставилъ. И вотъ моя дура за эти два года по немъ вся высохла. Недавно ее къ доктору водила; сказала—чахотка и осенью непременно помретъ. Теперь моей Варькѣ все равно, гдѣ ни помирать—въ подвалѣ, аль въ другомъ мѣстѣ... Я на дочку за это обижаю,—уже ближе подойдя ко мнѣ, продолжала баба:—зачѣмъ она мнѣ во-время не покаялась; тогда бы я этого барина къ суду потребовала и онъ отъ меня такъ бы не отвертѣлся—Варьку съ сыномъ обезпечилъ бы... На свѣтѣ много дѣвокъ, кромѣ моей Варьки, которыя себя потеряли, а только посмотри на нихъ: шляпка не шляпка, платье, не платье и своимъ родителямъ онѣ помогаютъ, а моя дура ничего не нажила—вся тутъ!

Варина мать мнѣ очень не понравилась; кромѣ того, я не хотѣла, чтобы больная дѣвушка жила въ сырой квартирѣ и на просьбу ея семьи отдать имъ подвалъ я наотрѣзъ отказала; но баба оказалась нахальной, не захотѣла меня и слушать; уходя, рѣшительно сказала, что завтра поутру они свое добро ко мнѣ перетащутъ.

Черезъ полчаса Варя ко мнѣ уже одна прибѣгаетъ, упала мнѣ въ ноги и со слезами начала просить не впускать въ подвалъ ея семью.

— Барынька, я помру въ вашемъ подвалѣ,—рыдая, говорила она:—какъ только я вошла въ него, такъ и подумала: вотъ гдѣ моя смерть! Милая барынька, заprite подвалъ на замокъ и, какъ бы моя matka ни ломилась, не впускайте ее.

Я старалась Варю успокоить и обѣщалась сейчасъ же запереть на замокъ дверь въ подвалѣ.

— Вы и окна всѣ заprite,—просила она:—у меня такая matka, если ее въ дверь не впустите, она въ окно влѣзетъ.

¹⁾ Не постоянная, а проходящая прислуга.

Когда, наконецъ, мнѣ удалось совсѣмъ успокоить Варю, она начала просить у меня работы и при этомъ жаловалась на свою мать, которая ее совсѣмъ загрызла за то, что она мало зарабатываетъ денегъ.

Я начала думать, какую бы мнѣ Варѣ дать работу; а моя Лена, уже успѣвъ поплакать о Варинной горькой участи, побѣжала къ Аннѣ Матвѣевнѣ Быковой, чтобы спросить, не нужна ли ей водоноска.

Между тѣмъ Варя говорила:

— Я, барынька, очень много работать не могу, меня кашель одолеваетъ и грудь болить.

И въ эту минуту она выглядѣла такой несчастной и жалкой, что у меня какъ-то невольно вырвалось:

— Какой негодяй былъ тотъ человѣкъ, который тебя погубилъ и бросилъ!

Варя опять заплакала.

— Хоть вы-то, барынька, не браните моего Степана Ивановича, — всхлипывая, говорила она: — моя matka и такъ его давно прокляла; а я своего барина до смерти люблю и никакого сердца противъ него не имѣю. Христосъ съ нимъ! Онъ еще, можетъ, и вспомнить насъ — меня и свое дитѣ. Мнѣ и на картахъ выходить, что Степанъ Ивановичъ меня любить, только боюсь одного, какъ бы мнѣ раньше не помереть, чѣмъ я его увижу!.. Милая барынька, — и Варя подошла ко мнѣ: — неужто докторъ и вправду сказалъ, что я скоро помру?

И, ожидая отвѣта, она впилась въ меня своими огромными, лихорадочными глазами.

Я, какъ умѣла, старалась ее успокоить; говорила, что не вижу въ ней ничего смертельнаго и что ни одинъ докторъ не можетъ знать, кто когда умретъ. Посоветовала Варѣ побольше пить молока и сидѣть на воздухѣ.

— Я оттого, барынька, и подваловъ боюсь, — сказала она: — что въ нихъ тяжело дышать.

И снова Варя начала меня просить запереть мой подвалъ.

Въ это время вернулась Лена, съ нею пришла и Анна Матвѣевна, которая захотѣла сама посмотрѣть на Варю.

Блѣдное личико и большіе черные глаза Вари совсѣмъ очаровали Быкову.

— Это барышня-крестьянка, — кричала она: — это Тамара! — И отъ восторга Анна Матвѣевна расцѣловала Варю.

Когда же она узнала исторію бѣдной дѣвушки и что она еще любить своего обольстителя, Анна Матвѣевна объявила, что устроить для Вари подписку и съ подписнымъ листомъ пойдетъ сама по богатымъ купцамъ.

И нужно сказать, что свое слово Анна Матвѣевна сдержала; на другой же день собрала для Вари три рубля, а черезъ недѣлю я

узнала, что Варина мать поступила къ одному домовладѣльцу за дворника и получила отъ него даровую квартиру.

Теперь я могла открыть свой подвалъ, и его вскорѣ у меня снялъ плотникъ. Случилось это слѣдующимъ образомъ. Я стояла въ подвалѣ и совѣтовалась съ Кіановымъ, какъ бы мнѣ поскорѣе высушить стѣны; въ это время къ намъ вошли мужчина и женщина. Онъ маленькаго роста, съ рѣдкой бородкой и навеселѣ—шапка набекрень, чуйка нараспашку, въ рукахъ гармоника. За нимъ шла съ поникшей головой высокаго роста женщина; за ея юбку держался мальчикъ лѣтъ четырехъ, другого ребенка она держала на рукахъ подъ большимъ платкомъ.

Высокой женщиной трудно было стоять въ низкомъ подвалѣ; увидавъ стоявшій въ углу обрубокъ, она сейчасъ же на него сѣла и съ испуганнымъ лицомъ начала кругомъ осматриваться; у нея были большіе голубые глаза и блѣдно-розовыя, красиво очерченныя губы.

Мужикъ, не обращая на меня вниманія, рассказывалъ по подвалу и говорилъ Кіанову:

— Ничего, будемъ и здѣсь жить; я этотъ подвалъ въ одну недѣлю высушу—намъ дровъ не покупать, у меня ихъ много—жги, не хочу!

Кіановъ отозвалъ меня въ сторону и посоветовалъ отдать подвалъ непремѣнно этому плотнику.

— Я Никифора и его жену Александру знаю,—говорилъ онъ:—у нихъ всегда дровъ много, и вашъ подвалъ они скоро высушатъ.

Такіе квартиранты для меня были желательны, но меня смущало печальное лицо Александры.

«Можетъ, и она, какъ Варя, боится жить въ сыромъ подвалѣ», подумала я и подошла къ ней.

— Въ такомъ низкомъ подвалѣ,—сказала я:—тебѣ придется ходить всегда согнувшись, не лучше ли вамъ поискать другую квартиру.

— Воля не моя, а хозяина,—кратко отвѣтила Александра.

Между тѣмъ ея мужъ уже соображалъ, какъ онъ устроитъ свою квартиру.

— Вотъ тутъ поставимъ кровать, а въ сѣняхъ на полу будутъ плотники спать.

Я поспѣшила его предупредить, что на полу въ большіе дожди показывается вода.

— Вода не подойдетъ, полы у тебя новые,—увѣренно сказалъ Никифоръ:—ты лучше говори, за сколько ходитъ твой подвалъ?

Грубый плотникъ мнѣ не нравился, и, чтобы отбить у него охоту нанимать мой подвалъ, я за него назначила три рубля въ мѣсяцъ; но, къ моему удивленію, высокая цѣна Никифора не испугала, онъ сейчасъ же положилъ гармоникку на подоконникъ, вынулъ изъ

кармана кожаный облѣзшій кошелекъ, отсчиталъ мѣдяками рубль и, подавая его мнѣ, сказалъ:

— Вотъ задатокъ, а завтра, когда перевеземъ вещи, я и за весь мѣсяць деньги отдамъ.

Когда Никифоръ съ женой и дѣтьми уходили изъ подвала, я смотрѣла имъ вслѣдъ и меня мучила совѣсть,—мнѣ почему-то казалось, что Александра и ея дѣти непремѣнно заботѣютъ въ моемъ подвалѣ. Увидѣвъ на дворѣ Афимью, я сказала ей о своемъ безпокойствѣ.

— Не мели ты, барыня, пустяковъ!—съ сердцемъ сказала та:—лучше твоихъ фатеръ для бѣднаго народа во всемъ городѣ нѣтъ, у насъ теперь въ подвалахъ новые печи и полы; а ты спроси, какъ мы прежде-то жили! А все же, слава тебѣ Господи, не померли.

На другой день, часовъ въ десять утра на мой дворъ вѣхали два большихъ воза, нагуженныхъ чурками, досками и всякою рухлядью. За возами шли Никифоръ и его три работника. Александра пришла нѣсколько позднѣе, за спиной у нея была привязана корзина съ вещами, а на рукахъ она держала грудного младенца. Старшій мальчикъ несъ въ рукахъ темную икону.

X.

Марину, жену Александра, хотя на нашемъ дворѣ всѣ уважали, считали хорошей женщиной; но все-таки за то, что она была необщительна и никому не жаловалась на своего мужа, ее называли гордичкой. Я, дѣйствительно, никогда не видѣла, чтобы Марина на дворѣ съ кѣмъ-нибудь изъ подвальныхъ жильцовъ остановилась и поговорила.

— Александръ хоть и пьетъ, а онъ простой,—сказала мнѣ разъ Афимья:—а изъ Марины слова не выжмешь!

Между тѣмъ Марина въ послѣднее время была сильно озабочена болѣзнью ея обѣихъ дѣвочекъ: на нихъ появилась какая-то сыпь и ихъ съ этой сыпью не принимали въ ясли, и теперь, когда Марина уходила на работу, ей приходилось оставлять дѣтей на рукахъ пьянаго мужа.

Нужно сказать, что Марина всѣми средствами старалась вылечить своего мужа отъ пьянства. Она на послѣднiе гроши служила по церквамъ молебны, водила Александра къ знахарямъ и знахаркамъ; тѣ давали какія-то снадобья, отъ которыхъ Александръ только хворалъ, но пить не переставалъ. Наконецъ Марина уговорила мужа записаться въ общество трезвости, и въ одно изъ воскресеній Александръ, одѣтый въ новую ситцевую рубаху, съ сильно примазанными волосами, босой (сапоги давно были пропиты) отправился съ Мариной въ церковь, чтобы поклясться надъ евангелиемъ не пить вина въ продолженiе двухъ мѣсяцевъ. Изъ церкви мужъ и жена

вернулись веселые. Александръ показывалъ всѣмъ жильцамъ священный листъ, который ему далъ священникъ. Въ этомъ листѣ говорилось: «Смотрите на вино, какъ на змія,—оно укуситъ и ужалитъ, какъ аспидъ».

Около недѣли Александръ держалъ свою клятву и началъ работать; мнѣ накололъ за это время дровъ, а женѣ и дѣтямъ перешилъ всѣ башмаки. И Марину узнать было нельзя. Стала веселая, разговорчивая и когда на дворѣ мыла бѣлье, то напѣвала пѣсни. Но въ первый же разъ, какъ она изъ дома ушла на работу, Александръ пропилъ не только деньги, которыя жена оставила ему на обѣдъ для дѣтей, но даже пропилъ и платица съ дѣвочекъ. Когда я это узнала, то потребовала къ себѣ Александра и начала его стыдить, что онъ пропилъ платя со своихъ дѣтей, а также говорила, какъ нечестно обманывать такую хорошую женщину, какъ его Марина.

Сначала Александръ какъ будто сконфузился и слушалъ меня съ опущенной головой, потомъ, почесавъ въ своемъ лохматомъ затылкѣ, съ гримасой сказалъ:

— Все, что вы, барыня, сейчасъ сказали, я знаю раньше васъ; помните, я самъ вамъ говорилъ, что такой женщины, какъ моя Марина, нѣтъ во всемъ городѣ, а только не слѣдъ мнѣ было на ней жениться. Изъ моей паспортной книжки вы знаете, что я запасной солдатъ. На военной службѣ я привыкъ къ походамъ, и теперь меня тянетъ не дворъ вашъ мести, не ребятъ своихъ пинчить, а тянетъ меня свѣтъ посмотреть, и я непременно уйду отъ Марины.

— Куда же ты уйдешь?—спросила я.

— Куда глаза потянутъ, туда и пойду! Сначала хочу сходить въ Соловецкій монастырь.

— Но на дорогу нужно денегъ,—замѣтила я.

Александръ показалъ мнѣ свою горсть.

— А это на что,—сказалъ онъ:—Христовымъ именемъ куда хошь проберусь.

— И тебѣ не будетъ совѣстно, молодому и здоровому, просить милостыню?

— И зачѣмъ вы, барыня, про совѣсть заговорили,—опять съ гримасой началъ Александръ:—совѣсть то у меня есть, и ее я нарочно виномъ заливаю.

— Зачѣмъ совѣсть пропивать?—удивилась я:—слава Богу, если она еще у тебя есть.

— Эхъ, барыня!—махнулъ Александръ рукой:—ужъ такъ и быть, расскажу я вамъ! Вы не знаете, отчего я пить началъ,—у насъ первенкій сынокъ въ колодецѣ утонулъ и по моей винѣ онъ утонулъ, я его недосмотрѣлъ и, вѣрьте Богу, мнѣ теперь ни за что въ колодець не заглянуть, такъ и кажется, что изъ воды на меня смотрятъ Коленкины глазки... Тогда Марина мнѣ сына на руки отдала; а

я оставилъ его одного на дворѣ, а самъ на улицѣ со знакомыми мужиками заговорился...

— Я знаю о вашемъ горѣ,—прервала я его:—мнѣ Марина рассказывала.

— Марина вамъ про это рассказывала?—весь встрепенувшись, переспросилъ Александръ:—какъ же это! Чужимъ людямъ о моей винѣ рассказываетъ, а мнѣ никогда о ней даже и не вспомнить. Ишь, эхидна!—уже злобно заговорилъ онъ:—значить, она мнѣ не простила! А въ глаза-то: «Сашенька, голубчикъ, Сашенька!» А мнѣ, вѣрьте барыня, было бы легче, если бы она меня цѣлый день грызла или била меня, какъ Матрена своего Ефима!

Я увѣряла, что Марина, только жалѣя его и чтобы извинить передо мной его пьянство, рассказала мнѣ объ ихъ семейномъ горѣ.

Но Александръ только и твердилъ одно, что уйдетъ.

— Пушай мою Марину люди хвалятъ, а меня ругаютъ! А теперь, барыня, позвольте стрѣльнуть рюмочку...

Александръ сдержалъ свое слово—ушелъ.

Это было днемъ, когда Марина была на работѣ. Александръ при дѣтяхъ разломалъ женинъ сундукъ, взявъ изъ него нѣсколько вещей, связавъ ихъ въ узелъ и, взявъ его подъ мышку, подошелъ къ дѣвочкамъ, которыя въ это время сидѣли на кровати, перекрестили ихъ и ушелъ. Съ тѣхъ поръ онъ не возвращался.

Когда Марина пришла съ работы и увидѣла свой сундукъ разломаннымъ и ея дѣти сказали, что это сдѣлалъ ихъ батя, Марина не плакала, не кричала и на своего мужа никому не пожаловалась, только въ первую минуту упала ничкомъ на кровать и такъ долго пролежала. Потомъ всѣ замѣчали, что нѣкоторое время она избѣгала даже встрѣчаться съ нашими жильцами.

Черезъ недѣлю послѣ того, какъ ушелъ Александръ, Марина пришла ко мнѣ попросить выписать ея мужа изъ домовой книги.

— Мой Александръ запасной солдатъ,—сказала она:—въ его книжкѣ сказано, что о немъ нужно сейчасъ давать знать полиціи, и если вы его долго не выпишете, то отвѣтите.

— Вы-то, Марина, какъ же будете теперь жить?

— Какъ прежде жила, такъ и теперь буду жить,—спокойно отвѣтила она.—За квартиру я вамъ буду платить два рубля въ мѣсяцъ, вотъ извольте получить деньги за недѣлю.

Заговорить съ нею о ея мужѣ я стѣснялась, но Марина о немъ сама завела разговоръ.

— Вы, барыня, не слушайте сплетенъ на нашемъ дворѣ, своего мужа я знаю лучше, чѣмъ другіе, мой Александръ не худой человекъ. На дворѣ говорятъ, что онъ обокралъ меня, а это неправда, онъ изъ сундука взялъ только свои вещи, и онъ ко мнѣ и своимъ дѣтямъ еще вернется...

Марина уже уходила от меня, какъ вдругъ что-то вспомнила и вернулась.

— У меня къ вамъ, барыня, просьба,—сказала она:—не позволите ли вы поставить у себя горшокъ съ цвѣткомъ. Въ прошломъ году Александръ посадилъ сѣмечко отъ апельсина, и теперь изъ него выросъ цвѣтокъ, боюсь, какъ бы въ подвалѣ онъ не зачахъ, или дѣти безъ меня его не сорвали. Все же память отъ Александра, онъ до страсти любить цвѣты и, когда, вернувшись домой, увидитъ свой цвѣтокъ, вотъ-то обрадуется.

Все время, пока Марина жила у меня, она не переставала надѣяться, что ея мужъ еще къ ней вернется.

Какъ Марина была увѣрена въ своемъ Александрѣ, такъ на моемъ дворѣ и другая женщина, Степанида, вѣрила отцу своихъ дѣтей и все ждала его ко дню Ильи пророка.

Когда же этотъ день прошелъ, а Илья къ ней не явился, Степанида ходила по двору мрачная, озлобленная, и ея единственный глазъ часто былъ заплаканъ. При этомъ еще нужно сказать, что мои жильцы насколько уважали Маринино горе, какъ законной жены, настолько же горе Степаниды подвергалось отъ нихъ насмѣшкамъ. Особенно изводила Степаниду Матрена, которая передъ нею важничала тѣмъ, что она сама законная жена.

— Меня съ Ефимомъ пошъ въ церкви вѣнчали,—говорила она:— а тебя съ Ильей вѣнчали вокругъ ели, а кругомъ васъ черти пѣли.

Подобныя поддразниванья Степаниду такъ иногда выводили изъ себя, что она бросала въ Матрену все, что попадалось подъ руку.

Отъ разсерженной Степаниды часто доставалось и ея престарѣлой и больной матери Дарьѣ, которая съ тѣхъ поръ, какъ перестала ходить по міру, была для нея бременемъ—лишнимъ ртомъ.

Старуха много разъ мнѣ жаловалась на свою дочь, и я хлопотала пристроить Дарью въ богадѣльню, тѣмъ болѣе, что она, какъ мѣстная уроженка, на это имѣла полное право.

И Дарью при мнѣ записали кандидаткой. Но потомъ все такъ случалось: если вакансія въ богадѣльнѣ очищалась, ее сейчасъ же отдавали другой, платной старухѣ¹⁾, а моя Дарья опять оставалась кандидаткой—кандидаткой она и умерла.

Однажды я узнала, что въ нашъ домъ со святыми дарами пришелъ священникъ приобщать Дарью и что она очень плоха. Когда священникъ ушелъ, я пошла навѣстить старуху. Въ подвалѣ, кромѣ больной, никого не было. Дарья лежала въ углу на соломѣ, глаза у нея были закрыты, и она казалась мертвой. Я наклонилась надъ ней и спросила:

— Что съ тобой, бабушка?

Не открывая глазъ, Дарья слабымъ голосомъ проговорила:

¹⁾ Которая вносила сто рублей.

— Кто здѣсь хрещеный?

Я назвала себя.

— Охъ, милая!—прошептала она:—лучше мнѣ, боюсь, какъ бы въ живыхъ не остаться!

Въ этотъ же день Дарья скончалась.

XI.

Изъ всѣхъ моихъ жильцовъ плотникъ Никифоръ былъ самый грубый. Его подвалъ находился подъ моими комнатами, и мнѣ было слышно, когда онъ кричалъ на свою жену или работниковъ. По правдѣ сказать, я боялась Никифора. Встрѣчаясь со мною, онъ постоянно мнѣ выговаривалъ, и при этомъ въ самой грубой формѣ, зачѣмъ я ему сдала сырую квартиру и что онъ изъ-за меня началъ отъ сырости хворать.

— Понизите себѣ другую квартиру,—предлагала я ему.

— А кто мнѣ за дрова заплатитъ?—Я въ твоёмъ подвалѣ сжегъ дровъ на двадцать рублей.

Между тѣмъ я знала, что Никифоръ съ тѣхъ поръ, какъ переѣхалъ ко мнѣ, еще ни разу не покупалъ дровъ, а мой подвалъ онъ топилъ чурками, которыя каждый день приносились съ работы какъ имъ, такъ и его работниками. Возвращать Никифору двадцать рублей я считала лишнимъ; но, желая отъ него избавиться, я нѣсколько разъ предлагала ему заплатить подводы, какъ при вѣздѣ, такъ и выѣздѣ изъ моего дома.

Но Никифоръ и слышать не хотѣлъ выѣзжать отъ меня.

— Ишь ты, что придумала!—смотря на меня насмѣшливо, говорилъ онъ:—дурака ты меня нашла! Я ей высушилъ подвалъ, а теперь изъ него и выѣзжай!..

Насколько грубый Никифоръ мнѣ не нравился, настолько жена его Александра была симпатична. И мнѣ часто казалось непонятнымъ, какъ могла кроткая и красивая Александра любить своего мужа, который въ сравненіи съ нею былъ уродомъ и при этомъ еще билъ ее. Жизнь Александры на моемъ дворѣ была грустная; она цѣлые дни даже по праздникамъ сидѣла дома; по утрамъ готовила плотникамъ обѣдъ, потомъ выходила съ дѣтьми на дворъ и тутъ сидѣла до поздняго вечера. Иногда съ ребенкомъ на рукахъ подойдетъ къ моему окну и все рассказываетъ.

Однажды Александра сказала:

— По заработкамъ моего мужа мы могли бы имѣть свой собственный домъ и теперь не морили бы своихъ дѣтей, живя по сырымъ подваламъ; а кто всему виноватъ—бильярдъ. Къ нему Никифоръ ужаси какъ пристрастившись, весь свой заработокъ въ него кладетъ. А скажи я ему хоть единое слово, сейчасъ отъ себя меня гнать начнеть. «Я, говорить, и одинъ проживу безъ тебя и дѣтей». А куда

я отъ законнаго мужа съ дѣтьми пойду; да я вамъ, барыня, какъ родной матери признаюсь, что мужа своего я до страсти люблю и одинъ Богъ знаетъ, какъ мнѣ обидно, что у Никифора отъ меня заведена торговка.

И я знала, что ревность больше всего отравляла жизнь Александры.

Жена Никифора съ мною была очень откровенна и даже могу сказать, что она была ко мнѣ привязана, и все изъ-за того, что въ тяжелыя минуты я ее выручала.

Никифоръ иногда пропадалъ по нѣсколько дней, и въ это время Александра сидѣла безъ копейки денегъ, а ей между тѣмъ нужно было приготовить обѣдъ и ужинъ не только для себя и дѣтей, но и для работниковъ, которые, не найдя дома, что поѣсть, могли уйти отъ Никифора къ другому подрядчику. Еще, къ счастью, что всѣ три работника были люди хорошіе, они жалѣли Александру и не бранили ее, если вмѣсто условленной на ужинъ мясной похлебки она иногда подавала имъ одинъ квасъ съ лукомъ.

Изъ работниковъ Никифора мнѣ больше всѣхъ нравился Лука. Это былъ степенный мужикъ лѣтъ сорока, съ окладистой русой бородой и небольшими умными, синими глазами. Разговоръ у Луки былъ тихій и обстоятельный, въ деревнѣ у него были жена и дѣти, и онъ довольно часто посылалъ имъ деньги, а такъ какъ Лука былъ неграмотный, то его письма въ деревню я писала.

Когда Лука приходилъ ко мнѣ писать письмо, я его поила чаемъ, водки онъ не пилъ, хотя рассказывалъ, что прежде онъ много пилъ, но, принявъ клятву не пить вина, уже два года какъ ее держитъ.

— Я только съ тѣхъ поръ и человѣкомъ сталъ, какъ водку бросилъ,—говорилъ Лука.—Теперь я могу умствовать обо всякой вещи и помню, что у меня есть семья, о которой я долженъ заботиться, а съ моихъ заработковъ у меня въ деревнѣ уже двѣ лошади куплено.

Я спрашивала его, какъ въ настоящее время живутъ въ деревняхъ крестьяне.

— У теперешняго мужика,—говорилъ Лука,—два горя—пьянство и земли мало. Возьмемъ, къ примѣру, хоть бы нашу семью. Когда крестьянамъ землю нарѣзали, у насъ всего было три души, а теперь за столько-то годовъ у насъ душъ восемь прибавилось, а земли столько же, сколько и раньше было. Кто изъ крестьянъ побогаче, тотъ землю со стороны прикупаетъ; а много ли у насъ такихъ богатыхъ-то!—народъ съ каждымъ годомъ бѣднѣетъ—водка насъ губитъ!

По мнѣнію Луки, пьянство въ Россіи не прекратится до тѣхъ поръ, пока у насъ водка не будетъ изъята совсѣмъ изъ продажи, чтобъ даже и духу водки народъ не слыхалъ.

— Сначала,—говорилъ Лука,—народъ по водкѣ поскучаетъ, а потомъ отъ нея отвыкнетъ и за работу примется.

Два другіе Никифоровы работника были отставные солдаты, еще бравшіе Плевну. Николай былъ пѣхотинецъ, Антонъ артиллеристъ.

Николай былъ высокій старикъ, веселый и легкомысленный, и хотя его нельзя было назвать пьяницей, но по праздникамъ онъ часто былъ навеселѣ.

Антонъ совсѣмъ не пилъ водки, и этотъ старикъ былъ серьезный и набожный, ходилъ по праздникамъ къ обѣднѣ, а потомъ сидѣлъ на дворѣ или въ подвалѣ и читалъ молитвенникъ.

Лука почему-то съ ними обоими не ладилъ и отдалялся отъ нихъ, но оба солдата между собою жили дружно; ихъ соединяло прошлое. Часто, сидя на моемъ крыльцѣ, они курили махорку, завернутую въ газету, и вели безконечные разговоры о походахъ и сраженіяхъ, а также спорили о томъ, кто взялъ Плевну. Взятіе Плевны каждый изъ нихъ приписывалъ своему начальнику и каждый хвалилъ только своего начальника. Николай говорилъ, что Плевну взялъ генералъ Скобелевъ, и никогда не уставалъ рассказывать про храбрость и мужество этого доблестнаго Бѣлаго генерала. Антонъ приписывалъ взятіе Плевны начальнику осадной артиллеріи полковнику Моллеру ¹⁾. Антонъ не любилъ противорѣчій и когда спорилъ, то сильно волновался.

— Вашъ генералъ Скобелевъ,—кричалъ онъ визгливымъ голосомъ,—грѣха не боялся, ему бы только сраженіе выиграть для своей славы, онъ тысячи людей не пожалѣлъ положить подъ Плевной; а нашъ Моллеръ солдата берегъ! Съ прибытіемъ генерала Тотлебена мы кольцомъ окружили Плевну, подвигаясь къ непріятелю, дѣлали окопы и, сохраняя людей, вели правильную осаду. За Плевну нашему полковнику Моллеру и генерала дали!..

Во время этихъ споровъ и вообще разговоровъ о сраженіяхъ дворовые ребятишки притихали и, стоя возлѣ солдатъ, внимательно ихъ слушали. А я уже впередъ знала, что сегодня на моемъ дворѣ произойдетъ сраженіе съ барабаннымъ боемъ, военными пѣснями, выстрѣлами изъ рогатокъ и ревомъ пораненныхъ дѣтей.

Однихъ мальчиковъ на моемъ дворѣ было четырнадцать человекъ, и ихъ игры большею частью были шумныя или вредныя: они играли въ рюхи, щелкали кнутами, стрѣляли камнями изъ рогатокъ и выбивали стекла не только въ подвалахъ (тамъ съ первыхъ же дней стекла были выбиты и окна заткнуты тряпками), но и у меня въ комнатахъ. Больше всего ребятишки раздражали меня тѣмъ, что на моихъ глазахъ мучили птицъ, собакъ, кошекъ. Жалость къ птицамъ и животнымъ не была развита, какъ у дѣтей, такъ и у ихъ родителей. Женщины, чтобы мнѣ угодить, иногда отнимали у своихъ

---

¹⁾ Впослѣдствіи начальникъ артиллеріи 1-го армейскаго корпуса генералъ-лейтенантъ Н. Ѳ. Моллеръ умеръ съ 1888 году.

дѣтей полузадушенныхъ котятъ; но я замѣтила, что онѣ смѣялись надъ моею жалостью къ животнымъ. А такжѣ я замѣтила, что матери своихъ дѣтей не отучали отъ воровства и даже поощряли къ нему. Дѣти часто приносили въ нашъ дворъ украденныя гдѣ-нибудь дрова и щепки, а ихъ матери прятали краденое. Отъ Лены я знала, что ребятишки по ночамъ дѣлали набѣги на чужіе сады и огороды; и не одни только дѣти занимались обворовываньемъ садовъ, но и бабы, которыя работали на огородахъ, возвращались по вечерамъ домой съ полными пазухами огурцовъ и яблокъ, нѣкоторыя ихъ прятали даже въ чулки и въ карманы, нарочно для этого сшитые, а потомъ не стѣсняясь ѣли краденое.

Бабы часто говорили:

— Земля Божья, и мы Божьи, и что растеть на землѣ — украсть не грѣхъ.

ХІІ.

Когда наступила осень и пошли дожди, я начала сильно бояться наводненія; каждая на небѣ туча приводила меня въ нервное состояніе. Между тѣмъ мои подвальные жильцы были спокойны и увѣрили меня, что этой осенью большого наводненія не будетъ.

— Въ рѣкѣ воды еще мало, — говорили они: — и въ нашихъ квартирахъ вода, если и покажется, то немного, и насъ она не затопитъ.

Осенью моихъ жильцовъ озабочивала не вода, а совсѣмъ другое: приближалась зима, нужно было подумать не только объ ѣдѣ, но и объ обуви и теплой одежонкѣ; а надежда на заработки была уже плохая. Особенно горевали бабы: на огородахъ ихъ работа приходила къ концу, стирать бѣлье ихъ рѣдко брали; но главное горе было въ томъ, что спросъ на водоносокъ съ тѣхъ поръ, какъ на нашей улицѣ во многихъ домахъ провели водопроводъ, значительно сократился.

Теперь на моемъ дворѣ только и говорили объ одномъ, гдѣ бы заработать копеечку.

Больше всѣхъ убивалась Степанида, какъ зимой она будетъ жить съ тремя малыми дѣтьми! И, не сказавъ никому ни слова, она придумала выходъ изъ своего положенія.

Однажды ко мнѣ приходитъ городской и таинственно доносить, что въ моемъ домѣ неладно. Оказывается, что Степанида изъ своего подвала устроила тайный притонъ для дѣвицъ легкаго поведенія. Я перепугалась и послала за Степанидой.

Та начала оправдываться:

— Ты какъ хошь, хозяйка, а мнѣ съ тремя дѣтьми съ голоду не помирать! Мнѣ двѣнадцать копейками, что я теперь въ день зарабатую, не обернуться. Вотъ подожди, придетъ къ Рождеству Ильѣ — онъ у меня башмачникъ, мы съ нимъ своихъ дѣтей прокормимъ,

тогда и «гостей» не будемъ къ себѣ принимать, своей семейкой заживемъ!

Городовому удалось объяснить Степанидѣ, какой по закону она подвергается отвѣтственности; а главное—онъ напугалъ ее тюрьмой.

Какъ только городской упомянулъ о тюрьмѣ, Степанида начала просить у него прощенія, кланялась ему въ ноги и клялась своими дѣтьми, что уже больше она никого не будетъ пускать въ свой подвалъ.

Когда же городской ушелъ, Степанида со слезами начала мнѣ рассказывать про свою бѣдность и просила позволенія пустить въ ея подвалъ жить хотя двухъ нищенокъ. Тутъ Степанида вспомнила и свою покойную мать Дарью, которою въ послѣднее время она такъ тяготилась.

— Моя matka,—говорила она,—когда была и больная, всегда за дѣтьми присматривала, а здоровая она по міру кусочки для насъ собирала. Мы этими кусочками зимой кормились. Безъ моей матки я теперь на свѣтѣ, какъ персть, одна, мнѣ не съ кѣмъ и горюшка своего раздѣлить!

Слушая Степаниду, я думала и о вдовѣ Сысоева, которой смерть мужа не принесла, какъ она ожидала, матеріальныхъ выгодъ и нравственнаго успокоенія. Младшихъ ея дѣтей не удалось, какъ сиротъ, пристроить въ благотворительное заведенія, хотя объ этомъ мы всѣ хлопотали: сама Аксинья Ивановна, я и Анна Матвѣевна. Куда съ прошеніями мы ни являлись, намъ вездѣ отвѣчали одно и то же: «Дѣти покойнаго Сысоева еще не круглыя сироты, у нихъ есть мать, хорошая портниха, она и сама можетъ прокормить своихъ дѣтей, а у насъ не хватаетъ мѣста и для круглыхъ сиротъ».

Кромѣ этой неудачи, у Аксиньи Ивановны прибавилось и новое горе: у ея сына Ильюши началъ расти горбъ. Въ этомъ несчастьи всѣ обвиняли (и не безъ основанія) покойнаго Сысоева; но Аксинья Ивановна теперь уже боялась въ чемъ-либо обвинить своего покойнаго мужа и горбъ у сына приписывала наказанію Божію, ей посланному за то, что она дурно обращалась со своимъ больнымъ мужемъ, который ей теперь постоянно снился и во снѣ упрекалъ ее, что онъ чрезъ нее умеръ.

Иногда у Аксиньи Ивановны мученія совѣсти доходили до того, что она отрывалась отъ работы и бѣжала на кладбище, чтобъ на могилѣ мужа отслужить панахиду; а потомъ потерянное для работы время она старалась наверстать ночью. Свѣтъ отъ ея лампы въ темныя осеннія ночи на нашей никогда не освѣщавшейся улицѣ замѣнялъ пѣшеходамъ фонарь... Разныя лишенія, непосильная работа, бессонныя ночи и заботы о дѣтяхъ давно распатали здоровье Аксиньи Ивановны, но послѣ смерти мужа она сразу какъ-то осунулась, ея блѣдное прежде лицо теперь уже имѣло зеленоватый оттѣнокъ, и она начала кашлять. Но что было удивительно, такъ

это то, что Аксинья Ивановна еще не теряла энергии, а также и надежды, что она еще пристроит своих детей, а сама выздоровеет. Сколько раз она с оживленным лицом прибегала ко мне похвастать, что одна из ее заказчиц общается похлопотать то за Ильюшу, то за Васю. Что касается ее здоровья, то она часто говорила:

— Мне бы только с недѣлку от работы отдохнуть и на солнышкѣ полежать, я и совѣмъ была бы здорова.

Осенью Аксинья Ивановна уже сильно начала кашлять; я ей совѣтовала ходить почаще въ земскую больницу; но она не вѣрила докторамъ и предпочитала лечиться по совѣту одной из моихъ жилищъ, Новгородкиной, деревяннымъ масломъ отъ угодника изъ неугасимой лампы.

Тутъ кстати сказать нѣсколько словъ и о Надеждѣ Ульяновнѣ Новгородкиной, которая только осенью сняла у меня флигель. Это была высокаго роста, сухощавая, съ пронзительными черными глазами женщина лѣтъ пятидесяти, она носила черный подрясникъ и черный на головѣ платокъ. На нашемъ дворѣ ее называли кто знахаркой, кто пророчицей. При ней жилъ ее сынъ Николай, худосочный юноша лѣтъ восемнадцати, онъ не стригъ никогда волосъ и, заплетая ихъ въ косу, пряталъ подъ пиджакомъ, вслѣдствіе этого мои жильцы распускали слухъ, что Николай переодѣтая женщина.

Между тѣмъ съ тѣхъ поръ, какъ ко мнѣ переѣхала съ сыномъ Новгородкина, на мой дворъ начали поминутно изъ деревень приходите мужики и бабы и всѣ спрашивали: «Здѣсь ли живетъ блаженный Миколай». И однажды я слышала, какъ одинъ мужикъ просилъ Николая помолиться за его жену, которая уже два дня мучается родами и не можетъ разродиться.

Вскорѣ Надежда Ульяновна и сама мнѣ заявила о святости какъ своей, такъ и ее сына. Это было въ то время, когда осенью шли непрерывные дожди и я, опасаясь наводнения, ходила, разстроенная, по двору и упрашивала своихъ подвальныхъ жильцовъ прискивать себѣ, на случай наводнения, другія квартиры.

Тутъ Надежда Ульяновна подошла ко мнѣ и сказала:

— Вы, хозяйка, не опасайтесь: пока я живу на вашемъ дворѣ, у васъ въ подвалахъ воды не будетъ, я всякую воду могу молитвой заговорить; пускай вода хоть къ самымъ вашимъ воротамъ подойдетъ, а я могу сдѣлать, что она за ворота и не перешагнетъ.

Я молчала и думала, что она шутитъ или сумасшедшая. Новгородкина, не смущаясь моимъ молчаніемъ, продолжала:

— Я, хозяйшкa, должна васъ предупредить: чтобы лучше дѣйствовала моя молитва, вы должны дать на масло Пресвятой Богородицѣ два рубля и одинъ рубль Николаю на ладанъ. Когда мой сынъ съ кадиломъ въ рукахъ обойдетъ вокругъ вашего дома, тогда уже воды вамъ нечего бояться.

Теперь я поняла, что это не что иное, какъ вымогательство денегъ, и сказала Новгородкиной, что не вѣрю ни въ ея святость, ни въ святость ея сына и прошу меня оставить въ покоѣ.

— Какъ угодно, вамъ же добра желала!—отходя отъ меня, обиженнымъ голосомъ сказала Новгородкина.

И все-таки, несмотря на то, что Николай не обходилъ съ кадиломъ въ рукахъ вокругъ моего дома, осень для моихъ подваловъ прошла благополучно.

XIII.

Съ наступленіемъ зимы на моемъ дворѣ значительно стало тише. Жильцы запершись сидѣли по своимъ квартирамъ, а изъ ребятишекъ самые главные озорники, Матренины старшіе мальчики, были, какъ говорила ихъ мать, «распиханы по мѣстамъ». Съ Матреной теперь жили только одни маленькія дѣти. Аеонька давно былъ боленъ; Кушка рассказывала, что онъ оттого хвораеть, что у нихъ молока нѣтъ и они поятъ Аеоньку одной водой. Разъ, когда Матрены не было дома и Аеонька кричалъ, какъ зарѣзанный, я пошла его навѣстить, и ту грязь, которую я увидѣла въ Матрениномъ подвалѣ, представить себѣ невозможно. Одно скажу: подъ Аеонькой пеленки никогда не мѣнялись, и бѣдный ребенокъ заживо гнилъ; по немъ даже ползали черви. Вскорѣ Аеонька и умеръ. Въ день его смерти Матрена была веселая и, увидавъ меня на дворѣ, крикнула:

— Хозяйка, какая радость-то у меня: мой махонькій померъ!

Одинъ Ефимъ плакалъ о своемъ любимцѣ, онъ ему и гробикъ сколотилъ и, уложивъ въ него сына, понесъ со двора. Въ это время я стояла на крыльцѣ. Ефимъ, проходя мимо меня и указывая глазами на мертвого Аеоньку, всхлипывая, произнесъ:

— Померъ! попроси теперь у него рожокъ—не подасть!

Матрена шла за гробомъ и голосила: «Ты махонькая моя капелька, ты зачѣмъ оставилъ меня, сиротинушку!» Тутъ кто-то заговорилъ съ ней, и она перестала плакать.

Матренѣ зимой, что называется, везло: у нея однимъ ребенкомъ меньше стало и ей удалось найти для себя выгодную работу—ходить только днемъ за одной больной барыней.

Этимъ мѣстомъ Матрена была очень довольна.

— Это мѣсто мнѣ Господь на дѣтей послалъ,—говорила она:—моя барыня хвораая и ничего не ѣстъ, весь свой обѣдъ мнѣ отдаетъ, кажинный разъ отъ нея что-нибудь своимъ дѣтямъ принесу.

Зато Степанидѣ въ эту зиму совсѣмъ не везло: ея Илья и къ Рождеству не пришелъ, и она была въ отчаяніи. Кромѣ того, Степанида съ дѣтьми перебивалась только тѣмъ, что ей платили за углы по пятидесяти копеекъ двѣ нищенки, а также Степанида вывозила на себѣ съ трехъ дворовъ снѣгъ и получала съ каждаго двора полтора рубля въ мѣсяцъ.

Вдовѣ Сысоева наконецъ удалось одного изъ сыновей пристроить въ пріютъ.

И ужь не знаю, отъ радости ли, или отъ того, что теперь Аксинью Ивановну постоянно лихорадило, только ея настроеніе больше, чѣмъ когда-либо, было приподнятое, и она все строила радужныя планы, что скоро всѣ ея дѣти будутъ пристроены, что изъ нихъ выйдутъ люди ученые и дѣльные и что она сама, пристроивъ дѣтей, лѣтомъ поѣдетъ въ деревню и тамъ совершенно выздоровѣетъ и только эту послѣднюю зиму ей нужно еще поработать, такъ какъ всѣ дѣти обноселись.

Зимой у Аксиньи Ивановны начала изъ горла показываться кровь.

Что же касается моей новой жилицы Новгородкиной, то ея почти никогда не было дома, она съ сыномъ все ходила то по монастырямъ, то по деревнямъ.

Надежда Ульяновна умѣла молитвой заговаривать всѣ болѣзни, и не только у людей, но и у коровъ и лошадей; а ея сынъ Николай прикидывался юродивымъ и предсказывалъ будущее. И этими путями Новгородкина собирала деньги.

Николай, когда подружился съ Колей Кіановымъ, то иногда сталъ заходить и въ мою кухню къ Ленѣ. Бѣдный юноша со слезами жаловался на свою мать, что та настаиваетъ, чтобы онъ поступилъ въ монастырь, когда онъ не имѣетъ ни малѣйшей склонности къ монастырской жизни, а также рассказывалъ, какъ ему тяжело прикидываться блаженнымъ и морочить добрыхъ людей... Николай тихонько отъ матери копилъ деньги, чтобы отъ нея убѣжать...

У моихъ плотниковъ зимой работы было мало. Лука ушелъ отъ Никифора, но старики-солдаты все еще держались возлѣ Никифора, который по цѣлымъ днямъ сидѣлъ въ трактирѣ и игралъ на бильярдѣ; а жену его Александру все мучила ревность. Однажды она прибѣжала ко мнѣ и со слезами начала рассказывать, что ея мужъ хочетъ въ ихъ подвалъ поселить свою любовницу. Рассказывая это, Александра такъ была разстроена, что даже вся дрожала. Я усадила ее на стулъ и хотѣла дать ей валерьяновыхъ капель, но она, отталкивая отъ себя рюмку съ каплями, кричала:

— Ты только послушай, ты только послушай, что Никифоръ сдѣлаетъ. Онъ посадитъ торговку въ нашей комнатѣ и заставитъ меня ей служить.

И, вдругъ поднявшись со стула, Александра выпрямилась и, сверкая глазами, гордо произнесла:

— Нѣтъ, эфтого ни въ жисть не будетъ! А ты, хозяйка, не позволяй Никифору пуцать въ нашъ подвалъ торговку... Пуцай я за ворота никогда не выйду, пуцай Никифоръ гуляетъ на сторонѣ, пуцай я въ сыромъ подвалѣ всю свою жисть проведу, а только бы я знала, что я мужняя жена, а не подтирашка для его любовницы!

И только тогда Александра успокоилась, когда я ей дала слово не позволять Никифору пускать жить кого-либо въ ихъ подваль.

— Ты, хозяйка, мнѣ замѣсто матки родной,—сказала, уходя отъ меня, Александра.

Но зато, когда я отказала Никифору въ его просьбѣ пустить жить въ ихъ подваль торговку, онъ наговорилъ мнѣ дерзостей и пересталъ, встрѣчаясь со мной, кланяться...

Но кто на моемъ дворѣ жилъ замкнутый въ себѣ, такъ это Марина; я ее только тогда и видѣла, когда она приносила мнѣ деньги за квартиру. И Марина теперь все интересовалась, что пишутъ въ газетахъ, скоро ли будетъ война.

— Въ народѣ толкують, что война у насъ скоро будетъ,—разъ сказала она:—тогда всѣхъ запасныхъ солдатъ разыщутъ и моего Александра потребуютъ.

— Вы отъ него не получали еще извѣстій?—спросила я.

Марина при моемъ вопросѣ вся вспыхнула и, опустивъ глаза внизъ, взволнованнымъ голосомъ сказала:

— Соловецкій монастырь далеко, мой Александръ, навѣрно, еще въ дорогѣ, и когда онъ уходилъ, у него за душой копейки не было. Онъ по дорогѣ, вѣрно, останавливается и работаетъ. Придетъ на мѣсто, онъ мнѣ напишетъ. Я мужа своего знаю лучше, чѣмъ другіе.

Замѣтивъ, какъ Маринѣ тяжело признаться, что ей мужъ не пишетъ, я объ этомъ у нея уже больше и не спрашивала.

Зимой я также рѣдко видѣла и свою сосѣдку Анну Матвѣевну Быкову; но отъ Лены знала, что та все пишетъ прошенія и каждый день зарабатываетъ деньги.

Къ сожалѣнію, всѣ эти деньги шли на водку. Мнѣ каждый вечеръ черезъ стѣну было слышно, какъ Анна Матвѣевна безобразничала, она то цѣловалась съ Мареой Никитичной, то била ее по щекамъ и называла хамкой. И только послѣ полуночи смолкалъ шумъ въ квартирѣ у Быковой. Поутру, часовъ въ девять мимо моего окна Марѣа Никитична въ кацавейкѣ и желтенькомъ на головѣ платочкѣ, съ пустой корзиной, уже бѣжала на рынокъ. Если въ это время ее спрашивали о здоровьѣ ея барыни, Марѣа Никитична сокрушенно качала головой.

— Слабы здоровьемъ стали Анна Матвѣевна и вчерась имъ нездоровилось, теперь, слава Богу, спать. Христось съ ними, добрыя онѣ...

Но, несмотря на непріятное сосѣдство, мнѣ зимой, сравнительно съ лѣтомъ, жилось покойнѣе. Я почти всегда была одна; но къ моей Ленѣ посидѣть въ кухнѣ часто приходили ея родные, а также приходила и больная Варя, съ которой Лена въ послѣднее время очень подружилась. Если Варя не приходила къ намъ вечеромъ, Лена сама къ ней бѣжала. Варя зимой чувствовала себя нѣсколько лучше и когда приходила къ Ленѣ, то все гадала на картахъ, думаетъ ли

о ней Степанъ Ивановичъ; надежда, что къ ней вернется отецъ ея ребенка, все еще не покидала бѣдную дѣвушку.

Въ то время, когда въ кухнѣ дѣвушки гадали, я сидѣла у себя въ комнатѣ и учила Колю Кіанова читать и писать. Это Лена попросила меня «хоть чуточку» поучить ея брата грамотѣ. У Лены всегда болѣло сердце обо всѣхъ ея родныхъ, но особенно оно болѣло объ ея младшемъ братѣ, котораго отецъ часто билъ и изъ-за своихъ личныхъ удобствъ не хотѣлъ отдавать учиться даже въ приходское училище.

Однажды я старика Кіанова спросила, отчего онъ не позволяетъ Колѣ ходить въ училище.

— Довольно съ меня и одного грамотнаго сына, у меня ученый Васька вотъ гдѣ сидитъ!—показывая на свой затылокъ, сказалъ Кіановъ:—нонѣшныя дѣти, сударыня, все хотятъ умнѣй отцовъ быть; а я хоть и неграмотный, а въ молодости такія пѣсни умѣлъ складывать, что ихъ, кромѣ меня, и другіе люди пѣли; а Васька изъ своихъ-то книжекъ одно только и вычиталъ, что родного отца не слѣдъ ему почитать.

Нужно сказать, что старикъ Кіановъ теперь относился ко мнѣ не такъ, какъ прежде, а съ полнымъ почтеніемъ, и Лена мнѣ говорила:

— Нашъ батька васъ, барыня, ужасти какъ уважаетъ и когда онъ трезвый, то всѣхъ насъ проситъ его пьянаго отъ васъ прятать. «Мнѣ, говоритъ, стыдно нашей хозяйки, она нашу всю семью бережетъ».

Когда же Кіановъ приходилъ къ дочери пить чай и въ это же время случалось, что и я за чѣмъ-нибудь входила въ кухню, онъ вступалъ со мной въ разговоръ и при этомъ училъ меня, какъ управлять домою.

— Вы, сударыня, не такъ, какъ нужно, поступаете съ жильцами,—говорилъ онъ.—Вы должны съ ними быть построже, поприжмите ихъ, лаской вы съ ними ничего не сдѣлаете. Ежели вы съ ними добры да ласковы, они думаютъ, что вы ихъ боитесь, и никто вамъ за квартиры платить не будетъ...

Тутъ не лишнее сказать, что недоимокъ за квартиру больше всего было за самимъ Кіановымъ.

Василій рѣдко приходилъ къ сестрѣ, они между собою все ссорились: Лена упрекала брата въ лѣности, а тотъ относился къ ней свысока и называлъ ее душой. Самъ Василій былъ неглупъ и любознателенъ, онъ даже былъ и развитъ; но, къ сожалѣнію, его развитіе было одностороннее и было замѣтно, что онъ находился подъ чьимъ-то вліяніемъ, но чье это вліяніе, Василій никогда не говорилъ. Едва умѣя читать и писать, молодой Кіановъ уже имѣлъ понятіе объ ученіи Маркса и Бакунина.

Однажды Василій мнѣ задалъ такой вопросъ:

— Зачѣмъ на землѣ только царствуютъ одни господа и богатые? Я читалъ, что мы люди всѣ равные и всѣ на землѣ олжны царствовать.

Я говорила ему, что если онъ не будетъ пьянствовать, а будетъ работать, то можетъ и самъ достигнуть богатства.

— Нѣтъ, барыня, я печнымъ мастерствомъ не наживу себѣ ни денегъ, ни почету,—сказалъ Василій:—а вотъ было бы хорошо найти на дорогѣ бумажникъ съ тысячами, тогда бы я чего-нибудь и достигъ!

— Но найденныя на дорогѣ тысячи все таки будутъ не ваши, а чужія деньги,—сказала я:—если вы честный человѣкъ, то обязаны ихъ возвратить потерявшему бумажникъ.

На мои слова Василій презрительно махнулъ рукой.

— Богатыхъ грабить не грѣхъ,—сказалъ онъ:—я отъ нихъ только свое возьму.

Изъ разговоровъ съ молодымъ Кіановымъ я убѣдилась, что Лена не лгала, когда говорила, что Василій ненавидитъ всѣхъ господъ и богатыхъ людей. Онъ также ненавидѣлъ и своего отца и, когда былъ пьянъ, даже билъ старика.

— Ежели я знаю,—разсуждалъ Василій:—что мой отецъ пріучалъ меня съ дѣтства къ пьянству и не далъ мнѣ изъ-за своихъ выгодъ окончить училище, то развѣ я могу его уважать?.. Пускай же онъ теперь отъ своего сына и потерпитъ!

— Если вы не можете вашего отца уважать,—говорила я:—по крайней мѣрѣ пожалѣйте его. Христосъ намъ завѣщалъ любить не однихъ только хорошихъ людей, но и дурныхъ, и Самъ Онъ больше заботился о грѣшникахъ, чѣмъ о праведникахъ.

— То былъ Христосъ,—сказалъ Василій:—а простому человѣку съ собой не совладать...

Весной Василій совсѣмъ ушелъ съ моего двора. Кто говорилъ, что онъ живетъ въ нашемъ городѣ и только прячется отъ отца, а другіе говорили, что его здѣсь нѣтъ,—ушелъ въ Петербургъ.

XIV.

Наступилъ мартъ мѣсяцъ, въ городѣ ожидали большого разлива рѣки и затопленія всѣхъ подваловъ. Я упрашивала своихъ подвальныхъ жильцовъ заранѣе пріискать себѣ квартиры; но въ то время къ моимъ просьбамъ всѣ отнеслись безъ вниманія.

— Зачѣмъ, когда еще нѣтъ воды, мы будемъ мѣнять фатеры,—говорили жильцы:—можетъ, воды еще и совсѣмъ не будетъ!

Никифоръ, такъ тотъ даже дерзилъ мнѣ, говорилъ, что я оттого гоню его съ квартиры, что хочу за нее побольше денегъ взять.

— Ишь ты какая ловкая!—смѣялся онъ:—я ей высушилъ фатеру, а геперь я съ нея съѣзжай!..

Старикъ же Кіановъ мнѣ прямо заявилъ, что онъ до тѣхъ поръ не уйдетъ изъ своего подвала, пока въ немъ вода не будетъ стоять наравнѣ съ его кроватью.

— Вы не беспокойтесь, сударыня,—говорилъ онъ:—я каждый разъ такъ поступаю. Дойдетъ вода до моей кровати, я вышибаю кулакомъ раму и выльзаю на дворъ.

Между тѣмъ первая половина марта стояла теплая и ясная. Всѣ мои жильцы почти жили на дворѣ, даже Акинья Ивановна вышла посидѣть на свое крылечко.

Но весна не принесла ей здоровья, Акинья Ивановна и сама теперь чувствовала, что умираетъ, и ко всему, даже къ своимъ дѣтямъ, относилась апатично.

— Пускай мои дѣти теперь сами о себѣ заботятся,—говорила она:—а я для нихъ уже отработала!..

Но другая наша чахоточная, Варя, хотя и чувствовала себя съ наступленіемъ весны хуже, но духомъ еще не падала. Это происходило, можетъ, и оттого, что ей наконецъ удалось узнать адресъ своего Степана Ивановича и она надѣялась тронуть его сердце, заняла у Лены рубль и на эти деньги придумала сняться со своею дѣвочкой, а потомъ эту карточку со слезнымъ письмомъ отослала Степану Ивановичу. И теперь, когда Лена гадала Варѣ на картахъ, то все выходило, что бубновый король ей скоро пришлетъ письмо и большія деньги.

— Это Степанъ Ивановичъ на дороге мнѣ и Зойкѣ деньги высылаетъ,—увѣренно говорила Варя.

Внезапная смерть избавила ее отъ горечи разочарованія не получить отвѣта на свое письмо.

У Вари въ Петербургѣ жила старшая сестра Даша. Узнавъ, что Варя безнадежно больна, сестра вздумала пріѣхать проститься съ ней и, рассчитывая застать Варю при смерти, привезла ей въ подарокъ смертную рубаху, туфли и саванъ.

Когда Варя узнала, что эти вещи привезены для нея и что, значитъ, она скоро умретъ, то сильно испугалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разсердилась. Увидавъ въ это время въ углу топоръ, бѣдная дѣвушка схватила его и начала рубить сестрины подарки. Тутъ у нея изъ горла хлынула кровь, и чрезъ нѣсколько минутъ она скончалась...

До двадцать пятаго марта погода стояла хорошая, а съ этого числа начались дожди. Сначала дождь шелъ небольшой и перемежающійся, изъ-за тучъ часто выглядывало солнце. Такъ продолжалось дня два, а потомъ дождь пошелъ уже не переставая. Подъ поломъ разымники начали наполняться водою, и на улицѣ передъ моимъ домомъ образовалось цѣлое озеро. Лена поминутно бѣгала въ подвалъ, чтобы узнать, не показалась ли на полу вода. Разъ, возвратившись изъ подваловъ, она сказала:

— Въ комнатахъ воды еще нѣтъ, а въ сѣняхъ у плотника вода уже стоитъ, ее можно галошей зачерпнуть.

Я въ испугѣ бѣгу на дворъ, стучу въ окно къ Никифору и требую, чтобы онъ сейчасъ же выходилъ изъ квартиры, а свою жену Александру и дѣтей присылалъ ко мнѣ въ кухню.

Никифоръ долго не отвѣчалъ, наконецъ вышелъ.

— Чего ты, хозяйка, горячку-то порешь?—зѣвая и почесывая спину, спросилъ онъ.

Я начала его упрекать, зачѣмъ онъ раньше, когда я ему говорила, не прискаль для своего семейства квартиры.

— Сказано тебѣ, что въ мою фатеру вода не подойдетъ! А ты чего зря людей булгатишь; я изъ-за твоего крика съ печки слѣзъ,—и, снова зѣвнувъ во весь ротъ, Никифоръ пошелъ въ подвалъ.

Тутъ прибѣжала впопыхахъ Лена и сообщила, что вода уже показалась во всѣхъ сѣняхъ и что Матрена и Степанида воду уже выносятъ ведрами.

Увидавъ Колю на дворѣ, я посылаю его на помощь къ бабамъ; а сама заглядываю въ окно въ Кіанову. Онъ лежитъ на кровати у окна въ глубинѣ подвала, возлѣ печки копошится Афимья. Я стучу ей въ окно и спрашиваю, не показалась ли вода у нихъ на полу.

Афимья не слѣзла выходить ко мнѣ на дворъ и говорить, что у нихъ подъ поломъ воды много и что въ углахъ комнаты уже просочилось. Замѣтивъ, что я разстроена, Афимья начинаетъ меня успокаивать:

— И чего ты, барынька, боишься, намъ подплывать не въ первой, если воды на полу много найдетъ, мы и на доскахъ примостимся.

— Афимьюшка, уходите вы изъ подваловъ,—прошу я ее.

— Куда же, матушка ты наша, мы пойдемъ: моего пьянаго лѣснаго теперь ни за что съ кровати не стащишь... Да ты за насъ не бойся, нашей фатерѣ послѣдней подплывать...

А дождь все льетъ, вѣтеръ завываетъ и гнетъ деревья, съ водосточныхъ трубъ вода хлещетъ и затопляетъ дворъ.

— Вотъ, барынька, такой вѣтеръ и нагоняетъ воду изъ рѣки въ городскія трубы,—сказала Афимья.

Я вся промокла, мнѣ холодно, я иду къ себѣ.

Дома меня встрѣчаетъ новое горе: потолки во всѣхъ комнатахъ промокли, и Лена уже успѣла въ гостиной подставить корыто.

— И чего это, барыня, вы такъ убиваетесь,—снимая съ меня пальто, говоритъ Лена:—я слышала отъ вѣрнаго человѣка, что въ этомъ году будетъ только верховая вода и ни одинъ подвалъ не подплыветъ.

Лену я отослала спать, но сама заснуть не могла, все прислушивалась то къ вою вѣтра, то къ шуму дождя, иногда мнѣ казалось, что я слышу плачъ дѣтей, и мысль, что кто-нибудь изъ нихъ можетъ потонуть въ моемъ подвалѣ, не давала мнѣ покою. Наконецъ встаю съ постели, иду въ кухню, чтобы опять послать Лену посмотреть, что дѣлается въ подвалахъ. Уставшую и крѣпко уснувшую дѣвочку не легко было разбудить, но все-таки я ее разбудила. Лена встаетъ и, набрасывая на себя юбчонку, ворчитъ:

— Самый-то что ни на есть у меня былъ сладкій сонъ!

Я сама ей набрасываю на плечи платокъ и тороплю итти въ подвалы.

Покамѣстъ Лена ходила, я съ бѣніемъ сердца ожидала ее въ кухнѣ и все прислушивалась, не слышно ли какого движенія у Никифора въ подвалѣ. Но вотъ Лена на крыльцѣ, и я слѣшу ей навстрѣчу.

— Весь нашъ дворъ затопленъ,—выжимая свою мокрую юбку и дрожа отъ холода, говоритъ Лена:—всѣ жильцы спятъ, у всѣхъ темень, и у моей матки огонь погашенъ.

«Если всѣ жильцы спятъ,—соображаю я:—то, навѣрно, въ подвалахъ еще нѣтъ воды».

Лена опять нырнула подъ одѣяло и меня гонитъ спать:

— Идите, голубушка барыня, спите спокойно!

«Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ въ этомъ году не будетъ наводненія», подумала я и отворила окно. Мнѣ показалось, что дождь уменьшается, и, уже нѣсколько успокоенная, я какъ слѣдуетъ раздѣлась, легла въ постель и скоро заснула.

Вдругъ я проснулась отъ шума и звона разбитыхъ стеколъ въ моей комнатѣ. Кто-то на дворѣ кричалъ:

— Гдѣ хозяйка, выходи къ намъ, домовая хозяйка.

А въ разбитыя стекла уже ворвался сильный вѣтеръ и успѣлъ затушить на моемъ столѣ горѣвшую лампу. Дрожавшими руками я набросила на себя платье, ночь была такъ темна, что я только ощупью добралась до кухни. Тутъ на стѣнѣ горитъ жестяная лампочка, постель Лены пуста, на улицу дверь растворена настежь.

Я выбѣгаю на крыльцо. Весь дворъ въ водѣ и заваленъ разной рухлядью, вынесенной изъ подваловъ. Женщины и ребятишки, въ однѣхъ рубашкахъ, босыя, стоятъ въ водѣ и что-то галдятъ; съ помойной ямы слышенъ дѣтскій плачъ; недалеко отъ моего крыльца кто-то смѣется, а вдали мужской голосъ кричитъ:

— Гдѣ она, гдѣ наша домовая хозяйка!

И я вижу, какъ человекъ небольшого роста отдѣлился отъ сарая и бѣжитъ ко мнѣ; я узнаю Никифора; онъ взбѣгаетъ на крыльцо.

— Ты затопила моихъ дѣтей!—кричитъ онъ и, схвативъ меня за горло, начинаетъ душить.

Я лишилась чувствъ.

Когда я пришла въ себя, то увидѣла, что лежу въ кухнѣ на Лениной постели, а возлѣ меня стоятъ мои жилички. Между ними я отыскиваю глазами Александру и спрашиваю, живы ли ея дѣти.

— Всѣ, хозяйюшка, живы, всѣ, вотъ они оба сидятъ на твоей плитѣ.

— И наши всѣ живы,—заговорили вмѣстѣ Степанида и Матрена:—вонъ всѣ наши дѣти, растянувшись, спятъ на твоёмъ полу; спасибо Ленкѣ, свое одѣяло имъ подостлала.

Я освѣдомилась и о подвалахъ.

— Всѣ, какъ есть, заплывши,—начала Аѳимья:—въ этомъ году вода въ подвалы сразу набѣжала... А ты, хозяйюшка, не сердись на моего Степана, что онъ раму въ нашей фатерѣ кулакомъ высадилъ. Изъ-за моего-то Степана ты, можетъ, и жива осталась: это онъ тебя отнялъ отъ Никифора.

— А гдѣ же теперь Никифоръ и другіе мужики?—спросила я.

— Спать во флигелѣ,—сказала Аѳимья:—они безъ твоего дозволенія у Надежды дверь съ петель сняли. Да ничего, мы во флигелѣ только дождь переждемъ, а потомъ на твоёмъ дворѣ шалашей настроимъ.

Но подвальнымъ жильцамъ не пришлось у меня строить шалашей: послѣ всего здѣсь описаннаго я рѣшила закрыть навсегда мои подвалы.

М. Е. Васильева.

ВОСПОМИНАНІЯ АКАДЕМИКА П. П. СОКОЛОВА ¹⁾.

VII.

Архитекторъ или художникъ.—Поступленіе въ художественный классъ.—Новыя продѣлки дяди Карла Павловича.—Его ученикъ Михайловъ.—Академическая выставка.—И. Айвазовскій.—Братья Агины.—Встрѣча съ Некрасовымъ и работы его въ «Альманахѣ».—Мои иллюстраціи «Капитанской дочки» Пушкина и «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ» Гоголя.

ПРЕДѢЛИВЪ брата моего въ гимназію въ 1842 году, отецъ уѣхалъ за границу, гдѣ и пробылъ до 1844 года; во время этого путешествія въ Парижѣ имъ было написано нѣсколько превосходныхъ портретовъ и въ томъ числѣ герцогини де-Серра-Каприоли. Всюду его встрѣчали съ необыкновеннымъ радушіемъ, отдавая должное его недюжинному таланту, и такимъ образомъ въ самое непродолжительное время слава отца моего за границей была упрочена. Вернулся онъ въ Россію и въ 1846 году переѣхалъ на жительство въ Москву, куда неоднократно ѣздилъ въ теченіе тридцатыхъ годовъ и гдѣ также стяжалъ себѣ славу перваго портретиста и любовь всѣхъ окружающихъ.

Въ Москвѣ отецъ останавливался преимущественно у князя Голицына, для котораго исполнялъ очень много работъ; князь любилъ отца и охотно проводилъ время въ его обществѣ. За это время пребыванія въ первопрестольной столицѣ отецъ сошелся и подружился съ Иваномъ Петровичемъ Витали, сдѣлавшимъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историч. Вѣстникъ», т. СХХІ, стр. 378.

съ него очень удачный бюстъ въ натуральную величину, который былъ привезенъ къ намъ при возвращеніи отца въ Петербургъ, но въ дорогѣ былъ поврежденъ и требовалъ сильныхъ исправленій. Форма, въ которую его отливали, долгое время безслѣдно пропадала и недавно только была найдена моимъ братомъ Александромъ, хранителемъ музея академіи художествъ, и по его распоряженію съ нея былъ отлитъ вторично бюстъ отца—поразительнаго сходства. Какъ оказалось, форма эта была перевезена изъ Москвы въ Петербургъ во время переѣзда Витали для производства колоссальныхъ работъ по сооружеію Исаакіевскаго собора. Тамъ уже въ Москвѣ пріятель моего отца, извѣстный художникъ Василій Андреевичъ Тропининъ написалъ съ него огромный масляный потретъ, хотя и очень похожій, но съ какимъ-то слащавымъ выраженіемъ лица; съ тѣмъ же недостаткомъ былъ написанъ портретъ и художникомъ Стрѣлковскимъ. Самымъ же удачнымъ изъ всѣхъ портретовъ моего отца такъ и остался рисунокъ, дѣланный карандашомъ, гораздо раньше, дядей Иваномъ Павловичемъ Брюлловымъ, находящійся теперь также у брата Александра.

По отъѣздѣ отца за границу положеніе мое оставалось еще не выясненнымъ, и я не зналъ, чему наконецъ окончательно посвятить себя: архитектурѣ или живописи. Уйдя въ архитектурный классъ, чтобы избѣжать недоброжелательства моего дядюшки Карла Павловича, я, однако, вскорѣ почувствовалъ, что во мнѣ нѣтъ настоящихъ способностей быть строителемъ, и письменно обратился за границу къ отцу, прося его совѣта и разрѣшенія перейти въ живописный классъ. Въ ожиданіи отвѣта я усердно посѣщалъ натурный классъ. Перспектива сдѣлаться опять ученикомъ дяди Карла Павловича не особенно-то мнѣ улыбалась, но другого исхода я не находилъ, и покорился своей участи. Но недолго мнѣ пришлось ждать проявленія новыхъ безнравственныхъ выходовъ знаменитаго художника, и я не могу обойти молчаніемъ случай, вредно отозвавшійся на карьерѣ способнѣйшихъ изъ моихъ товарищей, которые имѣли полное право на полученіе первыхъ наградъ и командировки за границу и, благодаря Карлу Павловичу, остались ни при чемъ. У моего дяди Карла Павловича Брюллова среди академическихъ учениковъ былъ нѣкто Михайловъ, типъ очень несимпатичный, совершенный неучъ, завсегдаятай кабаковъ и другихъ злачныхъ мѣстъ, существо безусловно бездарное. Не было фразы, въ которую Михайловъ не вставлялъ самое бранное площадное словцо, и въ довершеніе всего отъ него всегда разило водкой; вдругъ этотъ самый Михайловъ дѣлается фаворитомъ Карла Брюллова. Мнѣ это сначала казалось просто непостижимымъ, но когда я узналъ причину такой перемѣны дядюшки къ своему ученику, то мнѣ все стало болѣе чѣмъ ясно и показалось въ порядкѣ вещей.

У Михайлова была молоденькая и очень милостивая сестра, которую «Карла-Черноморъ» (какъ мы прозывали дядю) со свойственною ему хищностью и безсердечіемъ не замедлилъ обезчестить, покрывъ, такимъ образомъ, позоромъ и всю ея семью. Пьяный Михайловъ забилъ тревогу, и дядюшкѣ предстоялъ грандіозный скандалъ, нужно было замять дѣло—и вотъ ловкій профессоръ пошелъ на слѣдующій компромиссъ со своимъ оскорбленнымъ ученикомъ. Онъ взялся написать тайкомъ для Михайлова на золотую медаль эту дѣ съ громкимъ титуломъ «Прометея», и картину, изображавшую молящуюся русскую дѣвушку въ церкви, на которой съ натуры была изображена его жертва. Оригиналкомъ для «Прометея» служилъ одинъ изъ нашихъ натурщиковъ въ лежачемъ положеніи съ закинутой за голову рукой, только дядя пририсовалъ къ груди этого этюда рыжаго орла. Во всей этой работѣ мастерская рука Карла Павловича была видна очень явственно, но... Михайловъ вѣдь былъ его ученикомъ и не могъ достигнуть большихъ успѣховъ техники своего учителя. Дѣло сошло какъ нельзя лучше, и, несмотря на разговоры о скандалѣ, Михайловъ получилъ золотую медаль и былъ командированъ на казенный счетъ въ Италію для совершенствованія своего таланта, котораго у него, впрочемъ, и не было, и, конечно, ничего не достигъ и за границей. Такимъ образомъ, академія должна была заплатить за позоръ, удовлетворившій прихоть неразборчиваго и безсовѣстнаго своего профессора.

Между тѣмъ въ академіи нашей была объявлена выставка и самыми крупными украшеніями ея должны были быть присланныя изъ-за границы пейзажи швейцарскихъ живописцевъ Кукука и Каламма; въ особенности произведенія послѣдняго возбуждали всеобщій восторгъ. Слава Айвазовскаго также начинала возникать, и его извѣстная картина «Волна» должна была появиться впервые на этой выставкѣ.

Этотъ нашъ очень и очень маститый художникъ-маринистъ тогда, въ началѣ своего поприща, еще работалъ подъ символомъ не одной только мысли о наживѣ. Одно изъ его замѣчательнѣйшихъ произведеній того времени находилось въ числѣ русскихъ картинъ въ галереѣ покойнаго Прянишникова; это была картина, изображающая берегъ Чернаго моря ночью, довольно большихъ размѣровъ и написанная не наотмашь, а съ особенною любовью къ дѣлу. Крутая, почти отвѣсная скала, покрытая лѣсомъ, подошвою своею упиралась прямо въ море, по этой скалѣ до самаго передняго края лежала густая прозрачная тѣнь; луна, которую не видно на картинѣ, изъ-за горы лила свой свѣтъ, освѣщая лѣвую сторону неба, видимаго на картинѣ, и озаряя гористый берегъ, опускающійся въ море съ правой стороны. Вѣрность тоновъ и теплота южной ночи такъ вѣрно выражены, что производятъ чарующее впечатлѣніе на зрителя. Жаль, что этой картины нѣтъ въ музеѣ императора Александра III,

гдѣ выставлена его же картина «Потопъ», вовсе этого не заслуживающая.

Въ бытность мою въ Москвѣ я познакомился съ хромоногимъ художникомъ Фроловымъ, хорошо извѣстнымъ въ Москвѣ, который рассказывалъ мнѣ любопытный эпизодъ, бывшій у него съ Айвазовскимъ. Будучи въ Римѣ между русскими художниками, Фроловъ встрѣтилъ Айвазовскаго, тогда еще бѣднаго производителя морскихъ картинъ. Случилось такъ, что Айвазовскій, сильно нуждаясь въ деньгахъ, взялъ у Фролова два золотыхъ съ тѣмъ, что напишетъ ему два морскихъ вида.—«Много лѣтъ прошло съ того времени,— рассказывалъ Фроловъ:—только я отъ Айвазовскаго не получилъ ни моихъ денегъ, ни обѣщанныхъ картинъ. Вернулся я въ Москву, а объ Айвазовскомъ только и слышно, какъ онъ деньги загребаетъ и какъ цѣнятся его произведенія. Наконецъ прѣзжаетъ онъ и къ намъ. Я въ него и вцѣпился.

«— А не угодно ли, господинъ Айвазовскій, мнѣ должнокъ отдать, который еще въ Римѣ, помните, на берегу моря вы изволили у меня учинить.

«Онъ было за портмонэ; вынулъ два золотыхъ и подаетъ ихъ мнѣ.

«— Нѣтъ,— говорю,— шалишь. Условія-то у насъ были другія. Не угодно ли вамъ будетъ двѣ картины нарисовать.

«Ну, дѣлать нечего, тутъ же мнѣ нарисовалъ почти въ одно утро ихъ обѣ. Тамъ какой-то парусъ виднѣется на зеленоватомъ фонѣ воды, а напереди обломокъ мачты плыветъ, а за него ухватился человѣкъ: меня же, должно быть, изобразилъ, какъ я за него ухватился. Все-таки картинки-то теперь стоили не по золотому, а по дорожке. Такъ что проценты и narosли».

Фроловъ былъ большой шутникъ и говорилъ всегда съ прибаутками.

Однажды я проходилъ мимо магазина Аванцо на Морской и увидѣлъ небольшую рамочку, въ которую была вставлена забѣленная холстинка съ проведенною поперекъ чертою въ видѣ горизонта, а на нижней части плывущій боченокъ; съ правой стороны полная подпись: И. Айвазовскій,—цѣна объявлена 300 рублей. И много въ своей жизни написалъ этихъ бочекъ маститый художникъ, такъ что теперь составляетъ рѣдкое исключеніе тотъ, кто ихъ не имѣетъ.

Затѣмъ шли также нѣсколько портретовъ дяди Карла Павловича, двѣ картины Мордвинова: «Венеція». Старикъ Максимъ Никифоровичъ Воробьевъ выставялъ свои виды Иерусалима и рѣки Иорданъ, а также были выставлены нѣсколько картинъ Ладюрнера, писавшаго тогда свои военные сюжеты, т. е. парады и разводы, страстно любимые Николаемъ I. Здѣсь же находились картина «Прометей» и «Молящаяся дѣвушка», объ исторіи которой я уже говорилъ. Скульпторный отдѣлъ былъ наполненъ талантливыми произведеніями, среди которыхъ «Бабошникъ» и «Священникъ» извѣстнаго

Пименова и «Рыбачекъ» Ставасера, обращали на себя всеобщее вниманіе¹⁾, «Мальчикъ съ шайкой» Рамазанова²⁾ и многія другія.

Нѣсколько картинъ пейзажиста Лебедева оставлены въ академіи, а нѣкоторыя находятся въ музеѣ императора Александра III. Кромѣ того, выдѣлялись произведенія Шашмина, Скоти и Завьялова образъ работы котораго, изображающій Александра Невскаго, находится въ часовнѣ на Николаевскомъ мосту. Огромное впечатлѣніе производила картина Петровскаго «Агарь въ пустынь со своимъ умирающимъ сыномъ»: эта картина исчезла безслѣдно, и никто не знаетъ о ея участи, и «Поцѣлуй» Моллера. Превосходныя гравюры профессоровъ Иордана и Уткина были поразительны. Всѣ залы, выходящія окнами на круглый дворъ, были заняты архитектурными работами, среди которыхъ работы моего товарища К. А. Тона занимали тамъ первыя мѣста. Программы Карла Штельба отличались своей оригинальностью, онъ первый началъ разрабатывать стиль древне-русской архитектуры и этимъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Эта выставка была одною изъ очень обильныхъ хорошими произведеніями, и публика хлынула туда волною.

Еще до открытія выставки мы, ученики, рассыпались по заламъ небольшими группами, смотря кто чѣмъ увлекался; я бродилъ вмѣстѣ съ моими двумя товарищами, сдѣлавшимися впоследствии очень извѣстными въ художественномъ мірѣ. Одинъ изъ нихъ былъ Лагорио, пейзажистъ, теперь маститый профессоръ.

Тогда онъ уже обращалъ на себя вниманіе своими прекрасными этюдами, которые онъ дѣлалъ, бродя по окрестностямъ Петербурга, и послѣ Лебедева первый изъ пейзажистовъ уловилъ и передалъ меланхолическую прелесть его скудной природы. Въ то время манера его писать была совсѣмъ не та, которая проявилась въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ, созданныхъ имъ на Кавказѣ, и вообще роскошный колоритъ юга такъ сильно повліялъ на него, что онъ, какъ колористъ, совершенно измѣнился, а затѣмъ, хотя и вошелъ въ разрядъ первоклассныхъ художниковъ этого жанра, но далеко былъ не такъ оригиналенъ и типиченъ, какъ до своего отъѣзда на югъ; другой мой товарищъ былъ Бейдеманъ, отличный скульпторъ, впоследствии трагически окончившій свою жизнь въ самомъ расцвѣтѣ своей дѣятельности,—онъ былъ убитъ въ собственной мастерской сорвавшеюся съ полки гипсовою рукою, небрежно положенною туда.

Между прочими моими товарищами были также братья Агины; старшій, Александръ Алексѣевичъ, былъ тотъ самый Агинъ, который сдѣлался впоследствии непосредственнымъ помощникомъ барона Петра Карловича Клодта при созданіи имъ памятника И. А. Кры-

¹⁾ Эти произведенія находятся теперь въ музеѣ Императора Александра III.

²⁾ Тамъ же.

лову. Это были простые теплые ребята, съ которыми я съ удовольствіемъ проводилъ время. Младшій, Василій, во время Крымской кампаніи, когда англичане стояли въ виду Кронштадта, поступилъ добровольцемъ во флотъ. Съ Агинными мы устраивали небольшіе литературные вечера, или далеко уѣзжали въ Финскій заливъ на лодкѣ, гдѣ проводили время за рисованьемъ или охотясь.

Написавъ еще нѣсколько новыхъ рисунковъ къ «Капитанской дочкѣ», я снесъ ихъ къ А. А. Агину, которому они очень понравились, и онъ посовѣтовалъ мнѣ обратиться для изданія ихъ къ граверу Бернадскому, который въ то время приготавливалъ уже свое изданіе «Мертвыхъ душъ» Гоголя съ рисунками Агина.

Затѣя моя иллюстрировать одно изъ лучшихъ произведеній угасшаго поэта была встрѣчена съ большимъ сочувствіемъ также со стороны Панаева и Соллогуба, которымъ я показывалъ мои первые рисунки «Капитанской дочки», а я въ своей задачѣ находилъ безконечное для себя удовольствіе и чѣмъ дальше рисовалъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что мысль, побудившая меня начать это дѣло, была вполне счастливою. Мнѣ между прочимъ попались литографированные оттиски-факсимиле съ рисунковъ, дѣланныхъ рукою самого Пушкина, который одно время отыскивалъ художника, способнаго повторить ихъ въ болѣе правильномъ и изящномъ видѣ. Повидимому, самъ великій поэтъ мечталъ создать иллюстраціи къ своимъ сочиненіямъ такими, какими онъ ихъ себѣ воображалъ. Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось, чтобы Александръ Сергѣевичъ могъ хоть разъ взглянуть на мои иллюстраціи, созданныя по его вдохновенію, но этой возможности я былъ лишень, поэтъ заснулъ навѣки... Я работалъ съ увлеченіемъ. Вотъ когда я понялъ и моего дядю Карла Павловича, получившаго отъ императора Николая Павловича одинъ заказъ противъ своего желанія, несмотря на то, что сюжетъ картины былъ весьма благодарный. Эта картина должна была изображать осаду Пскова. Карлъ Павловичъ съ большою неохотой принялъ этотъ заказъ, несмотря даже на то, что сюжетъ картины, собственно, шель параллельно его направленію, его способности изображать все ужасное и трескучее, но онъ почему-то не нравился Брюллову.

Я самъ слышалъ, какъ мой дядя, говоря объ этомъ заказѣ съ однимъ изъ своихъ поклонниковъ, съ особенною злостью сказалъ:

— Ну, что я подѣлаю съ этими дураками русскими съ ихъ неуклюжими фигурками въ армякахъ? Только на колѣни могу ихъ поставить.

Вотъ какъ относился къ русскому элементу этотъ насильственно обрусѣлый нѣмецъ.

Конечно, къ моей идеѣ заняться созданіемъ картинъ изъ чисто русской жизни онъ также отнесся скептически, находя это банальнымъ. Но я нашелъ себѣ сочувствіе среди другихъ лицъ. Моя «Капитанская дочка» произвела такое впечатлѣніе на Панаева, что онъ, вернувшись изъ-за границы, навѣстилъ меня и сообщилъ о затѣян-

номъ имъ совмѣстно съ Некрасовымъ предпріятіи издать иллюстрированный альбомъ подъ заглавіемъ: «Альманахъ», и просилъ меня принять участіе, какъ иллюстратора. На этой почвѣ я и сблизился съ Некрасовымъ. Жилъ онъ тогда въ Поварскомъ переулкѣ, около Владимирской церкви и занималъ маленькую квартирку почти безъ мебели, или меблированную, какъ говорятъ французы, «trois chaises dans deux chambres». По крайней мѣрѣ та комната, въ которой онъ меня принялъ, была почти совершенно пустая: у стѣны стоялъ простой деревянный столъ, а около него стулъ. Какъ на томъ, такъ и на другомъ грудю лежали книги и газеты, на одномъ изъ оконъ валялась не повѣшенная стора. Другая комната была почти съ такимъ же убранствомъ.

Некрасовъ вышелъ ко мнѣ, наскоро окончивая свой туалетъ, и, поздоровавшись со мною, какъ-то нервно началъ ходить по комнатѣ, лихорадочно потирая себѣ руки, и заговорилъ:

— Такъ вотъ, г. Соколовъ, мы это такъ сдѣлаемъ, какъ Панаевъ вамъ уже говорилъ, а къ моимъ стихотвореніямъ я васъ попрошу нарисовать двѣ или три виньетки. Но главною вещью этого «Альманаха» и самую выдающуюся будетъ повѣсть Достоевскаго «Вѣдныя люди»; ужъ вы, пожалуйста, постарайтесь передать эти неподобные типы.

Некрасовъ былъ чѣмъ-то взволнованъ и, какъ я потомъ узналъ, онъ хлопоталъ о деньгахъ для этого изданія.

По моему совѣту, Некрасовъ рѣшился ограничиться однимъ главнымъ листомъ; это было бы и дешевле и скорѣе могло быть исполнено. На большомъ листѣ я собралъ всѣ цвѣты поэзіи этого «Альманаха» въ видѣ большого букета съ группою изъ повѣсти «Вѣдныя люди».

Моя «Капитанская дочка» была закончена въ Москвѣ и впоследствии была пріобрѣтена великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ и среди прочихъ картинъ фигурировала на выставкѣ по случаю столѣтняго юбилея Пушкина. Нужда не давала мнѣ возможности сосредоточить всѣ эти мои произведенія въ одномъ мѣстѣ или хранить у себя. Тогда я продавалъ свои труды за безцѣнокъ, а многіе пропали даромъ, Такъ, напримѣръ, чудныя мои иллюстраціи къ «Евгенію Онѣгину» я оставилъ въ Москвѣ у Булгакова, не желая везти ихъ въ Петербургъ; Булгаковъ умеръ, имущество его было описано и продано, въ томъ числѣ проданы были и мои рисунки. Не могу утверждать, но предполагаю, что Булгаковъ продалъ ихъ еще при жизни, на что меня наводитъ письмо, полученное мною отъ Л. Майкова 4-го января 1894 г., въ которомъ онъ сообщаетъ мнѣ, что послѣ долгихъ розысковъ онъ наконецъ узналъ, гдѣ находятся рисунки къ «Онѣгину», что они «были куплены у Булгакова Дмитріемъ Аркадьевичемъ Столыпинымъ и подарены Маріи Владиміровнѣ Катковой, рожденной княгинѣ Щербатовой, женѣ Михаила Каткова,

сына знаменитаго Михаила Никифоровича». Рисунки эти были чудесно изданы Готье.

«Старосвѣтскихъ помѣщиковъ» издалъ Марксъ, но въ такомъ скверномъ изданіи, что, правда, было больно видѣть свое произведеніе въ подобномъ видѣ. Эти рисунки попали къ нему отъ семейства Бенкендорфовъ, жившихъ въ своемъ имѣніи подь Москвою и купившихъ у меня эти иллюстраціи за сто рублей. Но не этотъ скромный гонораръ былъ мнѣ наградою за этотъ вдохновенный альбомъ, а то, что когда моихъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ» разсматривала одна англичанка, гостившая у Бенкендорфовъ, которая ни слова по-русски не понимала, то она по рисункамъ поняла сюжетъ повѣсти Гоголя, съ произведеніями котораго она не была знакома, безъ всякихъ объясненій и подь конецъ заплакала. Я былъ удовлетворенъ и убѣдился, что и въ рисункахъ моихъ хорошо было передано то чувство, которымъ согрѣта эта прелестная повѣсть.

Когда-нибудь русское общество оцѣнить эти вдохновенныя работы и пойметъ ихъ, какъ понимали и цѣнили ихъ немногіе изъ моихъ современниковъ, глубоко постигшихъ великихъ нашихъ писателей, которыхъ я иллюстрировалъ, но мало ли, много ли пройдетъ времени до этого момента—покрыто мракомъ неизвѣстности.

VIII.

Осипъ Ивановичъ Сенковскій (баронъ Брамбеусъ).—Михаилъ Ивановичъ Глинка.—Петербургскій театръ и его знаменитости.—Итальянская опера.—Драма.—Французскій театръ и балетъ.

Осипъ Ивановичъ Сенковскій, знаменитый баронъ Брамбеусъ, былъ женатъ на другой моей тетушкѣ, Александрѣ Александровнѣ Брюлловой, урожденной Галь, а потому я часто съ нимъ встрѣчался въ домѣ моего дяди Александра Павловича. Наружность Осипа Павловича по портретамъ болѣе или менѣе извѣстна, но на самомъ дѣлѣ она была гораздо хуже. Все лицо его было ужасно изрыто оспою и окончательно безобразило и безъ того его непривлекательную наружность; ни бровей, ни рѣсницъ совершенно не было у Сенковскаго, а бороду и усы онъ брилъ, между тѣмъ глаза и волосы были совершенно черные. Карлъ Брюлловъ, со свойственною ему ядовитостью, сравнивалъ лицо Сенковскаго съ кладбищемъ. Видѣлъ я лица очень неприглядныя, но имъ зачастую этотъ недостатокъ пополняла симпатичность, но у Осипа Ивановича и этого не было. Однако это не мѣшало моему талантливому родственнику быть всегда изысканно и даже франтовато одѣтымъ, съ драгоцѣнными булавками въ галстукахъ, да и вообще заниматься своей наружностью. Въ то время Осипъ Ивановичъ былъ весьма занятъ только что вышедшими въ свѣтъ романами

Жоржъ Зандъ, и главнымъ предметомъ его споровъ была эта писательница. Я очень симпатизировалъ этому симпатичному по характеру человѣку и любилъ его общество, но, къ сожалѣнію, не могъ часто доставлять себѣ это удовольствіе, такъ какъ былъ заваленъ работами и цѣлые дни проводилъ у Нестора Васильевича Кукольника, издававшего мои «Виды Павловска».

Во время этихъ моихъ посѣщеній я часто заставлялъ у него Михаила Ивановича Глинку, который при мнѣ садился за рояль и пѣлъ свои прелестныя романсы. Ахъ, какъ онъ пѣлъ ихъ! Владѣя очень слабымъ голосомъ, онъ съ такимъ чувствомъ, съ такимъ выраженіемъ исполнялъ эти чудныя вещи, что положительно не замѣчалось этого его недостатка. Съ какимъ увлеченіемъ слушалъ я великаго композитора. Въ это время онъ писалъ партитуру «Руслана и Людмилы», и я слышалъ исполненные имъ уже тогда кое-какіе отдѣльные номера той или другой партіи голосовъ и мнѣ потомъ просто было непонятно, когда я, сидя у графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго, услышалъ у него слѣдующую фразу во время разговора о современной оперѣ:

— Вотъ Глинка ко мнѣ все пристаётъ со своимъ Русланомъ,— сказала графъ:—я, право, боюсь, что онъ съ нимъ провалится... Впрочемъ, у него тамъ есть и прекрасныя мѣста, напримѣръ, когда поетъ Ратмиръ: «Чудный сонъ живой любви»...—и графъ запѣлъ хотя поблеклымъ, но очень пріятнымъ баритономъ.

Не знаю, но я о «Русланѣ» тогда былъ совершенно другого мнѣнія, я слышалъ многое изъ этой прелестной оперы отъ самого создателя и положительно былъ обвороженъ ею.

Теперь пора поговорить и о театрѣ той далекой эпохи.

Новинкою нашего театра была итальянская опера и первая труппа итальянскихъ артистовъ, вызванная дирекціей въ Петербургъ, во главѣ которыхъ были знаменитые: Рубини, Тамбурини и Віардо, производившіе фуроръ. Рубини былъ уже старикъ, но голосъ его, поистинѣ безсмертный, продолжалъ поражать слухъ; кромѣ того, этотъ артистъ держалъ себя на сценѣ съ такимъ тактомъ и навыкомъ, что, несмотря на неподходящее къ его годамъ амплу первыхъ любовниковъ, онъ не подавалъ повода желать на его мѣсто другого. Репертуаръ итальянской оперы не былъ особенно богатъ: «Лючія», «Сонамбула», «Пуритане» чередовались безъ конца, но во всѣхъ этихъ операхъ великіе артисты выдѣлывали такія чудеса, что публика не утомлялась этимъ повтореніемъ. Вплослѣдствіи, когда итальянская опера была лучше обставлена вторыми голосами и хорами, стали ставить и «Семирамиду» для классическаго пѣнія Віардо, и уже съ пріѣздомъ Лаблаша ставили «Донъ Паскуале», «Сороку воровку», «Севильскаго цирюльника», а изъ драматическихъ вещей «Норму» и «Вильгельма Телля». Весь

Петербургъ былъ очарованъ итальянцами, а по дворамъ стали гу- дѣть шарманки, собирая богатую дань отъ любителей этихъ чуд- ныхъ мотивовъ. Наконецъ ихъ развелось такое множество, что полиція запретила шарманщикамъ появляться въ чертѣ города, да и была пора, потому что они порядкомъ уже надоѣли.

Въ русскомъ театрѣ процвѣтали водевилъ и комедія, въ нихъ отличались Максимовъ и Самойловъ.

Петръ Андреевичъ Каратыгинъ былъ сначала въ балетѣ и въ одинъ злополучный часъ довольно долго провисѣлъ на прово- локѣ между небомъ и землею, изображая амура, благодаря оплош- ности одного изъ рабочихъ. Затѣмъ онъ перешелъ въ драматиче- ской театръ и игралъ съ обтянутыми въ бѣлое трико ногами, въ коротенькой мантїи какого-нибудь Розенкранца или Гильдштерна и другихъ принцевъ, а затѣмъ сдѣлался отличнымъ комикомъ и авторомъ забавныхъ водевилей и фарсовъ.

Съ появленіемъ Мартынова остроуміе, веселость, смѣхъ во- царились на нашей сценѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше Мартыновъ привлекалъ публику и его зачастую ставили на самыя ничтожныя роли для приманки и хорошаго сбора. Юморъ его мимики былъ настолько гениальнымъ, что самая слабая пьеса, только благо- даря его участію въ ней, не сходила со сцены. Я, напримѣръ, помню, какъ въ одной пьесѣ вся роль Мартынова заключалась въ томъ, что онъ изображалъ какого-то чудака, только время отъ времени подходилъ къ авансценѣ и, приложивъ палецъ къ носу, повторялъ: «Что, бишь, я хотѣлъ сказать?—да, ничего», и затѣмъ уходилъ при громкомъ хохотѣ и аплодисментахъ публики. А то въ другой разъ онъ игралъ подвыпившаго старенькаго чиновника, повторявшаго всего шесть словъ: «Ахъ, бѣда моя, много выпилъ я», и театръ по- катывался со смѣху.

Хорошъ онъ былъ также и въ роли унтеръ-офицера, справляв- шаго свои именины и съ упоеніемъ смотрѣвшаго на веселящихся гостей, когда онъ, подмигивая публикѣ, повторялъ: «А вѣдь я именинникъ!»—да такъ, что долго не могъ успокоиться театръ отъ дружнаго взрыва хохота. Можно же себѣ представить, что дѣ- лалъ этотъ талантливый актеръ изъ настоящихъ ролей—вотъ ужъ про него можно сказать, что онъ ихъ создавалъ. Одинъ его выходъ оживлялъ всю сцену, которая до того была мертва и безжизненна. У меня до сихъ поръ сохранился его портретъ, нарисованный очень талантливымъ французскимъ художникомъ Польпети на камнѣ. Этотъ художникъ приѣзжалъ въ Петербургъ по приглашенію ди- ректора императорскаго Эрмитажа для воспроизведенія посред- ствомъ литографіи лучшихъ произведеній, хранящихся въ немъ. Портретъ этотъ поразительно похожъ, и я не могу его равнодушно видѣть. Впослѣдствіи Мартыновъ игралъ, но какъ игралъ, силь-

ныя драматическія роли. Такъ, напримѣръ, въ пьесѣ «Не въ деньгахъ счастье» онъ заставлялъ всѣхъ плакать такъ же, какъ умѣлъ заставлять смѣяться въ веселыхъ комедіяхъ. Императоръ Николай Павловичъ, несмотря на свою серьезность, нерѣдко увлекался его игрою и очень часто специально для него ѣздилъ въ театръ. Однажды, когда Мартыновъ очень распотѣшилъ государя, онъ приказалъ позвать его и вышелъ въ аванложу. Въ ложѣ сидѣлъ министръ двора князь П. М. Волконскій.

— Ну, пожалуйста, Мартыновъ,—сказалъ государь:—насъ никто здѣсь не видитъ, представь меня, говорятъ, ты это замѣчательно хорошо дѣлаешь.

Мартыновъ не задумался ни на минуту, а, отступивъ на шагъ назадъ, поднялъ голову и, заложивъ руки назадъ, какъ это часто дѣлалъ государь, сказалъ голосомъ, очень похожимъ на государевъ:

— Волконскій, прибавь къ жалованью, которое получаетъ Мартыновъ, тысячу рублей.

— Угадалъ!—вскричалъ государь:—я только что хотѣлъ это сдѣлать.

И Мартыновъ съ этого вечера сталъ получать эту прибавку.

Въ русскомъ театрѣ я бывалъ постоянно до самой катастрофы съ моимъ пріятелемъ С. Ѳ. Дуровымъ и А. И. Пальмомъ; оба они очень любили сцену, а Александръ Ивановичъ былъ особеннымъ знатокомъ театральнаго искусства, что и доказалъ впоследствии, написавъ для сцены много пьесъ, изъ которыхъ «Старый баринъ» дается и до сихъ поръ. Въ исполненіи главной роли этой пьесы былъ хорошъ Самойловъ.

Нельзя не упомянуть объ одной забавной личности, отличавшейся тогда на подмосткахъ своею бездарностью. Это былъ нѣкто Толченевъ, товарищъ Каратыгина; держался онъ на сценѣ потому только, что его нечѣмъ было замѣстить, да и благодаря покровительству Каратыгина.

Игралъ онъ въ пьесахъ старой школы злодѣевъ и изверговъ. Онъ былъ довольно большого роста и очень тучень, съ большимъ плоскимъ лицомъ, на которомъ были помѣщены два маленькіе глазочка, закрывавшіеся въ патетическіе моменты. Этотъ Толченевъ имѣлъ въ Царскомъ Селѣ домъ и кусочекъ земли, на которомъ разводилъ какую-то особенную породу свиней, до которыхъ, вообще какъ обжора, былъ большой охотникъ.

Однажды въ Александринскомъ театрѣ шла драма «Коріоланъ», въ которой Толченевъ игралъ Юстиніана. Вдругъ ему подають экстренное извѣщеніе, что его свиньи разбѣжались. Директоръ Гедеоновъ сидѣлъ въ своей ложѣ, когда вдругъ во время антракта къ нему вбѣгаетъ Толченевъ въ царскомъ облаченіи и отчаяннымъ голосомъ объявляетъ о своей катастрофѣ, умоляя не-

медленно отпустить его. Видь его былъ такъ комиченъ и жалокъ, что всѣ присутствовавшіе не могли не расхохотаться надъ этимъ царемъ, умолявшимъ отпустить его на ловлю своихъ свиней.

— Да ты, любезный, съ ума сошелъ, — отвѣтилъ ему Геденовъ: — да какого же борова я за тебя выпущу на сцену въ слѣдующемъ актѣ, если и твои-то всѣ разбѣжались.

И этотъ Толченовъ имѣлъ нахальство при каждомъ удобномъ случаѣ говорить:

— На драматической сценѣ у насъ двое истинныхъ актеровъ классической трагедіи: это я и Василій Андреевичъ Каратыгинъ.

Самойловъ тоже дошелъ до такого же ослѣпленія, вообразивъ себя совершенствомъ изъ совершенствъ. Онъ говорилъ, на примѣръ:

— Я покажу имъ (кому это имъ (?)), какъ надо играть Шекспира, — и одинъ разъ, играя Гамлета, до того увлекся желаніемъ произвести эффектъ, что во время сцены во дворцѣ, когда мать Гамлета, не имѣя силъ перенести сцену отравленія, лишается чувствъ, а дядя его въ смущеніи удаляется, онъ вскочилъ на столъ съ крикомъ: «Свѣчей!» и сталъ бить въ ладоши и хохотать. Но билъ въ ладоши одинъ Самойловъ, а въ театрѣ не было ни хлопка.

Французская сцена начинала входить въ большую моду, и на ней появились новые талантливые артисты изъ Парижа. Мужъ и жена Алланъ и красавецъ Брессанъ очаровывали своею игрою безусловно всѣхъ. Въ особенности послѣдній сводилъ съ ума не только дамъ, но даже и молодежь старалась подражать его манерамъ, костюму и даже причeskѣ; на примѣръ, у него на вискахъ были большія взлызины, и многіе юноши, не имѣвшіе ихъ, принуждены были прибѣгать къ бритвѣ. Прическа эта такъ и была названа «а-ла-Брессанъ».

Оба супруга Алланъ были превосходны и въ драмѣ и въ комедіи, и я не стану перечислять ролей, въ которыхъ они наиболѣе блистали, такъ какъ имъ уже давно сдѣлана вѣрная оцѣнка. Еще изъ выдающихся артистовъ этой труппы назову *m-eur* и *m-me Alexandre*, послѣдняя была во многихъ роляхъ прелестна и по сценѣ носила двойную фамилію: *Alexandre Maugère*.

Была также въ Михайловскомъ театрѣ другая артистка, отличавшаяся только своей поразительной красотой, *Desirée-Maugère*, что и подало поводъ великому князю Михаилу Павловичу сказать одно изъ своихъ удачныхъ *bons-mots*, до которыхъ онъ былъ большою охотникъ и мастеръ. Однажды, во время представленія въ Михайловскомъ театрѣ, въ присутствіи великаго князя, участвовали обѣ *Maugère*, и по окончаніи спектакля кто-то спросилъ его высочество: «какъ онъ находитъ игру второй изъ нихъ?» — на что великій князь отвѣтилъ: «*Madame Alexandre a été si bien qu'il ne reste rien à Desirée*».

Мужъ m-me Alexandre былъ посредственнымъ актеромъ, но была, однако, одна значительная роль, въ которой онъ былъ превосходенъ, а именно Рипелье; онъ ее исполнялъ, какъ никто. Наружность и гримировка его были настолько близки къ оставшимся портретамъ этого французскаго министра, что приводили всѣхъ въ изумленіе. Когда я впослѣдствіи увидѣлъ въ этой роли Самойлова, то хотя онъ игралъ хорошо по-своему и производилъ, какъ извѣстно, большой эффектъ, но, да не прогнѣвается его гѣнь на меня, если я скажу, что преимущество въ исполненіи этой роли было на сторонѣ Alexandre.

И наружностью своею, и относительно малымъ ростомъ, короткимъ и круглымъ носомъ. Самойловъ походилъ скорѣе на другого кардинала изъ другой эпохи, а именно на Мазарини, тогда какъ Alexandre съ перваго же выхода поражалъ величественностью своей рослой фигуры и чисто французскимъ профилемъ лица. Наконецъ, въ самой игрѣ было болѣе выдержки, менѣе подчеркиванія нѣкоторыхъ фразъ, а во взглядахъ болѣе исторической правды.

Балетъ въ то время блисталъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Стоить только перечислить такія имена: Муравьева, Марія Васильевна Петипа, Прихунова, ученица Тамани, Мадаева, Радина и многія другія изъ нашихъ корифеекъ, чтобы себѣ представить, что это былъ за балетъ. Для балета того времени музыку писалъ даровитый Пуни, талантъ котораго былъ такъ мало оцѣненъ, что, когда онъ умеръ, потребовалось устроить спектакль для того, чтобы собрать извѣстную сумму на похороны. Обстановка балета была поразительно хороша, и въ особенности ею отличались: «Сильфида», «Жизель», «Эсмеральда», «Дочь Фараона» и др. Публика положительно сходила съ ума и засыпала розами прелестныхъ корифеекъ. Однажды, когда Муравьева привела въ особенный восторгъ своихъ обожателей, вся сцена была силошъ завалена розами, такъ что для того, чтобы очистить ее, потребовалось шесть человѣкъ прислуги съ большими садовыми метлами. Счастливая фаворитка публики, неоднократно вызываемая, путалась своими очаровательными ножками въ грудѣ цвѣтовъ и наконецъ, споткнувшись, упала подъ громъ рукоплесканій неистовствовавшей толпы. Да, весело было тогда въ балетахъ! но это увлеченіе балетомъ продолжалось не особенно долго: публика какъ-то вскорѣ остыла къ нему, и черезъ десятка два лѣтъ послѣ этихъ овацій театръ началъ пустовать до такой степени, что изъ кассы выдавались даровыя мѣста, чтобы хоть этимъ наполнить сколько-нибудь залъ.

Русская опера начала выдвигаться съ басомъ Петрова и контраalto Леоновой во главѣ, да и репертуаръ ея былъ пополненъ музыкой Глинки и Даргомыжскаго. Не хватало у насъ только теноровъ равной силы для первыхъ ролей.

IX.

Поступленіе учителемъ рисованія въ Николаевскій женскій институтъ.—Директрисса г-жа Оомъ и ея семейство.—Графъ А. К. Толстой.—Князь Щербатовъ.—Графъ О. С. Апраксинъ.

Однажды, придя къ графу Владимиру Александровичу Соллогубу, я засталъ графиню Софью Михайловну въ большемъ волненіи; оказалось, что великая княгиня Елена Павловна обратилась къ ней съ просьбой наскоро нарисовать и прислать акварельную копию съ женскаго портрета, писаннаго знаменитымъ портретистомъ Винтергальтеромъ и находившагося въ комнатѣ ея отца, графа М. Ю. Віельгорскаго. Великой княгинѣ собственно нуженъ былъ видъ рукава на платьѣ этой фигуры, какъ бы модная картина, необходимая для ея туалета. Графиня не могла сама исполнить этого, такъ какъ рукавъ былъ украшенъ кружевами самыхъ затѣйливыхъ узоровъ, созданныхъ искусною рукою талантливаго художника и требующихъ при копировкѣ особенно тщательной работы. Я, конечно, послѣдшилъ на помощь къ графинѣ, нисколько не подозрѣвая, что эта пустячная услуга послужитъ началомъ для моей новой карьеры. Картина была готова и немедленно отправлена во дворецъ; тутъ произошло то же самое, что было у моего отца съ цыбикомъ чая. Вскорѣ послѣ этого я получилъ отъ графа М. Ю. Віельгорскаго извѣщеніе, что меня приглашаютъ занять мѣсто учителя рисованія старшихъ классовъ въ Николаевскомъ женскомъ институтѣ и что я долженъ отправиться къ начальницѣ института г-жѣ Оомъ. Это было какъ разъ кстати, а потому я съ радостью принялъ предложеніе и, поблагодаривъ графа, отправился къ директриссѣ, оказавшейся очень милой и пріятливой старушкой, весьма любезно принявшей меня. Она сейчасъ же представила меня своему семейству, состоявшему изъ сына и двухъ дочерей, и предложила на слѣдующій же день приступить къ отправленію моихъ новыхъ обязанностей.

Признаться сказать, первое время я ужасно смущался, когда меня окружалъ цѣлый рой красавицъ, устремлявшихъ на новаго учителя свои любопытные хорошенькіе глазки. Однако все обошлось благополучно, и я понемногу акклиматизировался въ институтѣ. Начальство ко мнѣ относилось превосходно, а мои ученицы безусловно меня обожали, и я нерѣдко слышалъ вокругъ меня вздохи и восклицанія, въ родѣ: «очаровательный», «incomprehensible», «жестокій» и т. д., но я, разумѣется, былъ очень остороженъ ко всѣмъ этимъ комплиентамъ, ужасно боясь какихъ бы то ни было осложнений, которые въ то время такъ часто возникали въ институтахъ изъ-за подобныхъ пустяковъ. Когда эти красавицы приносили ко мнѣ показывать свои рисунки, то вмѣстѣ съ ними

мнѣ подсовывались лоскутки бумаги, испещренные признаніями своихъ чувствъ.

Однажды эти проказницы вылили цѣлый флаконъ духовъ въ мою шляпу (тогда шляпы брали съ собою, а не оставляли ихъ въ передней), такъ что я, уходя, страшно боялся встрѣтиться съ инспекторомъ, который, несомнѣнно, обратилъ бы вниманіе на окружавшій меня аромать и заподозрѣлъ бы меня въ кокетствѣ передъ моими ученицами. По окончаніи экзамена, когда мой классъ особенно отличился благодаря моимъ тщательнымъ поправкамъ рисунковъ, я спускался уже по лѣстницѣ, какъ вдругъ на меня неожиданно налетѣла тройка въ бѣлыхъ передничкахъ, и не успѣлъ я опомниться, какъ у меня въ рукахъ очутился пакетъ, завернутый въ бѣлую бумагу. Сдѣлавъ мнѣ дружный реверансъ, эта тройка такъ же скоро скрылась въ коридорѣ. Развернувъ пакетъ, я увидѣлъ прелестный бархатный портфельчикъ, сплошь вышитый шелками съ бѣлой муаровой отдѣлкой внутри.

Въ семействѣ директриссы я былъ принятъ очень ласково и съ удовольствіемъ проводилъ время въ этомъ простомъ и интеллигентномъ обществѣ. Сынъ моей начальницы, Феодоръ Адольфовичъ, мой ровесникъ, довольно близко находился при особѣ наслѣдника цесаревича Николая Александровича, а впослѣдствіи былъ секретаремъ у императрицы Маріи Феодоровны.

Хорошія отношенія съ семействомъ графа Владимира Александровича Соллогуба упрочились, и я почти ежедневно бывалъ въ его домѣ, продолжая давать уроки графинѣ Софьѣ Михайловнѣ, и бывалъ у нихъ на вечерахъ; но эти вечера были уже не тѣ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Петербургъ какъ будто бы усталъ, утомился сплошнымъ своимъ весельемъ и теперь отдыхалъ въ салонахъ и гостиныхъ, внимая музыкѣ и произведеніямъ гениальныхъ писателей, звѣзды которыхъ одна за другою появлялись на горизонтѣ нашего литературнаго міра. Однажды я засталъ у графини Софьи Михайловны графа Алексѣя Константиновича Толстого, впослѣдствіи знаменитаго поэта-писателя, гулявшаго по гостиной въ ожиданіи выхода хозяйки; я тогда не былъ знакомъ съ Алексѣемъ Константиновичемъ и не зналъ его въ лицо. Ставъ у рояля, я невольно заглядѣлся на этого пышатаго здоровьемъ человѣка съ лицомъ, выражающимъ кроткую и глубокую мысль на открытомъ, бѣломъ, съ прекрасными очертаніями лбѣ. Мы смотрѣли другъ на друга, наши глаза встрѣтились, и графъ улыбнулся. Въ этой улыбкѣ было столько чарующаго и ласкающаго, что я невольно подошелъ къ нему съ искреннимъ желаніемъ познакомиться съ такимъ, по видимому, хорошимъ человѣкомъ. Графъ продолжалъ улыбаться и, подвинувшись на диванѣ, сказалъ:

— Чѣмъ намъ врозь поглядывать другъ на друга, какъ какимъ-нибудь часовымъ, присядьте-ка сюда, вѣдь вы художникъ Соко-

ловъ? Какъ же, какъ же, любовался вашей «Капитанской дочкой». А позвольте васъ спросить, почему вы на меня такъ пристально смотрѣли?—спросилъ онъ.

— Да потому,—отвѣчалъ я:—что вы обладаете такимъ здоровымъ цвѣтомъ лица, что мнѣ, художнику, крайне въ диковинку встрѣтить что-нибудь подобное въ Петербургѣ.

— Да, этому я обязанъ всецѣло только деревенской жизни. Вѣдь я постоянно живу въ деревнѣ,—прибавилъ онъ:—охочусь, вожусь со своими собаками и беру все, что только можетъ дать мнѣ наша общая мать природа. Но мы съ вами еще незнакомы,—сказалъ онъ мнѣ вдругъ, подавая руку:—Алексѣй Толстой, и очень буду радъ встрѣтиться съ вами. Вѣдь вы знаете Жемчужникова,—не литератора, тотъ мой другъ,—а художника. Такъ вотъ я у него бываю, и мы можемъ у него встрѣтиться.

Въ это время вошла графиня и прервала нашъ разговоръ.

Успѣхи моихъ иллюстрацій и картинъ придавали мнѣ энергію, и я съ большимъ рвеніемъ принялся за работу. Мастерскую мою стали посѣщать бывшіе товарищи по академіи, а между ними часто заѣзжалъ князь Щербатовъ, глухонѣмой, сидѣвшій со мной въ рисовальномъ классѣ на одной скамейкѣ. Этотъ талантливый человекъ былъ глухонѣмой, служилъ въ Кирасирскомъ полку, имѣлъ большую страсть къ рисованію и разговаривалъ всегда письменно, нося для этого особую книжку съ отрывными листами. Наше знакомство не могло быть прочно, и я скоро потерялъ его изъ виду.

Другой графъ Апраксинъ, Степана Ѳедоровича Апраксина сынъ, также удостоивалъ меня своимъ вниманіемъ, но онъ мнѣ, по правдѣ говоря, былъ антипатиченъ. Это былъ черствый, скупой человекъ. Домъ отца его на Литейной, въ которомъ онъ жилъ, никогда не проявлялъ признаковъ жизни и всѣ проѣзжали мимо его, какъ мимо какой-нибудь таинственной могилы, а когда онъ умеръ, то никто его даже добрымъ словомъ не помянулъ. Одинъ только какой-то аэронавтъ, которому онъ помогалъ производить его шарлатанскіе опыты изобрѣтеннаго имъ аппарата, пользовался его вниманіемъ, но затѣя эта въ концѣ концовъ не увѣнчалась ни малѣйшимъ успѣхомъ. Одно время на Охтѣ въ докѣ, оставшемся еще со времени Петра I, благодаря хлопотамъ графа, была устроена мастерская, гдѣ въ теченіе трехъ лѣтъ строго сохранялась тайна этого летательнаго снаряда; но такъ оттуда никакого шара и не вылетало, и все дѣло кончилось мыльнымъ пузыремъ. Навѣрное, подобное предпріятіе порастрясло-таки карманъ этого скупого вельможи. Наружность графа Ѳедора Степановича была очень невзрачная, да къ тому же онъ всегда ходилъ какой-то угрюмый и молчаливый, какъ бы недовольный всѣмъ окружающимъ, и только флигель-адъютантскій мундиръ нѣсколько его скрашивалъ. Сознавая свое убожество, онъ думалъ замаскировать его проявле-

ніемъ въ себѣ какого-нибудь таланта, и вотъ благодаря чему его стали встрѣчать въ рисовальныхъ классахъ академіи; но, пробившись тамъ безъ толку года три, онъ принужденъ былъ сознаться, что и тутъ ему не удастся отличиться, и онъ бросилъ рисованіе, какъ ненужную вещь. Такъ и скончался графъ Ѳедоръ Степановичъ Апраксинъ, не оставивъ о себѣ никакой памяти. Миръ праху твоему, бесполезный человѣкъ.

X.

Поѣздка въ Москву.—Каретка *mâl poste*.—Попутчики.—Приѣздъ къ родителямъ.—Егоръ Ивановичъ Маковскій.—Любовь Корниловна Маковская.—Константинъ Маковскій.—Въ гостяхъ у Маковского.—Рамазановъ.—Въ гостяхъ у чудака Булгакова.—Эпизодъ съ Н. В. Гоголемъ.

Наступила весна 1846 г., и я рѣшилъ отправиться навѣстить своихъ въ Москву. Въ одно ясное утро я уложилъ свои вещи въ каретку *mâl poste* (железной дороги тогда еще не было). Можетъ быть, и даже очень вѣроятно, что мало осталось людей стараго времени, которые помнятъ эти каретки. Собственно, каретка составляла центральный корпусъ экипажа и въ ней было четыре мѣста, затѣмъ находилось еще пять мѣстъ, расположенныхъ слѣдующимъ образомъ: два рядомъ съ ящикомъ съ верхомъ и фартукомъ изъ кожи, и три такія же позади. Не дай Богъ, если такая карета въ дорогѣ сваливалась, какъ это зачастую бывало, или застревала въ грязи. Тогда несчастнымъ пассажирамъ приходилось собственными силами извлекать ее оттуда и устанавливать въ первобытное положеніе. Наружныя мѣста, конечно, были дешевле, а такъ какъ переднія еще менѣе были подвержены пыли, то я и занялъ одно изъ послѣднихъ. Дорога была ровная, и первую станцію я проѣхалъ, не испытывая ни малѣйшей усталости. Наша каретка остановилась у станціоннаго домика съ довольно обширнымъ дворомъ, ящикъ прыгнулъ и сталъ отпрягать лошадей, я слѣзъ съ своего сидѣнья и сталъ подниматься на крыльцо станціоннаго дома, слѣдуя за какой-то дамой, державшей въ правой рукѣ дорожный мѣшокъ. Черезъ темныя сѣни мы вошли въ комнату для пріѣзжающихъ; убогая обстановка, состоящая изъ дивана, обтянутаго старымъ замасленнымъ козломъ, стола, покрытаго ярославской салфеткой, и нѣсколькихъ стульевъ, нагоняла какую-то тоску; я подошелъ къ окну и сѣлъ на его подокошникъ. Дама подошла къ дивану и положила свой сакъ, окинула взглядомъ комнату, и глаза ея остановились на зеркалѣ, но она, видимо, не рѣшалась подойти къ нему, и хорошо сдѣлала, потому что, когда я привсталъ и снова заглянулъ въ него, то увидаль тамъ вмѣсто себя совсѣмъ незнакомое мнѣ лицо или, лучше сказать, харю, выглянувшую на меня оттуда довольно насмѣшливо. Другіе наши спутники, которые вошли

въ станціонное помѣщеніе, были: толстый купецъ съ двѣнадцатилѣтней дочкой, двое гимназистовъ и мой сосѣдь съ лѣвой стороны, очевидно, семинаристъ, ѣдущій на вакаціи; за всей этой гурьбой вошелъ станціонный смотритель и повторилъ свою заученную фразу:

— Прикажете самоварчикъ, господа?

— Конечно, почтениѣйшій,—отвѣтилъ хрипло купецъ и началъ развязывать узелочки. Съ помощью сыновей-гимназистовъ купецъ разставилъ столъ, на которомъ черезъ нѣсколько минутъ уже шумѣлъ; пыхтя и пуская во все стороны паръ, огромный мѣдный самоваръ. Между купцомъ и дамой затѣялся какой-то разговоръ, а мой сосѣдь, уже долго посматривавшій на меня, вдругъ приблизился ко мнѣ и, крикнувъ, заговорилъ молодымъ басомъ:

— А вѣдь мы съ вами, кажется, сосѣди по мѣсту?—сказалъ онъ:—а до сихъ поръ не обмолвились словечкомъ. Вѣдь вы до Москвы ѣдете?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Да, столица—примѣрно огромная,—многозначительно пробасилъ семинаристъ:—у меня тамъ дядя проживаетъ, я собственно къ нему и ѣду, вызванъ, примѣрно, для приготовленія одного юноши въ гимназію.

— Это хорошо,—сказалъ я, не зная, что отвѣтить.

И мы также занялись чаепитіемъ; семинаристъ выражалъ мнѣ свою радость, что нашелъ во мнѣ пріятнаго попутчика, и ужасно настаивалъ на томъ, чтобы онъ, а не я расходовалъ свой чай. Между купцомъ и дамой завязались совсѣмъ дружескія отношенія и все содержимое въ ея дорожномъ мѣшкѣ и его многозначительныхъ узелкахъ поступило въ ихъ общее пользованіе и съ аппетитомъ уничтожалось проголодавшейся компаніей.

Начинало смеркаться, и снаружи доносилось побрякиваніе колокольчиковъ запрягающагося экипажа. Наконецъ вошелъ смотритель и объявилъ, что лошади готовы, и мы, расплатившись, уже въ полной темотѣ стали занимать наши мѣста. Мы тронулись, и я, устроившись поудобнѣе въ углу моего сидѣнья, началъ дремать. Я совершенно забылъ упомянуть о почтальонѣ, сопровождавшемъ нашъ экипажъ; это былъ маленькій юркій человекъ съ сумкою, перекинутою черезъ плечо. Онъ съ такою быстротою соскакивалъ съ своего мѣста, находившагося гдѣ-то сзади экипажа, и перебѣгалъ къ станціоннымъ домикамъ, что положительно невозможно было уловить его наружности.

— Эй, Терешка, отнесешь это сотскому,—говорилъ онъ, передавая караульному мужику, стоявшему возлѣ какой-то деревеньки, которую мы проѣзжали, и съ этими словами онъ давалъ ему довольно объемистый пакетъ съ письмами.

— Ладно,—гнусилъ тотъ и пряталъ пакетъ за пазуху, а карета катилась дальше

Уже разсвѣло, когда мы подъѣзжали къ Новгороду. Церковный звонъ къ заутренѣ привелъ меня въ какое-то благотворное состояніе, и я даже перекрестился. Навстрѣчу намъ прокатилъ крупный дормезъ въ четверку, съ военнымъ лакеемъ на козлахъ. Затѣмъ потянулись деревенскіе возы со спящими на нихъ мужиками. Маленькія разношерстныя лошадки шли мѣрнымъ шагомъ, изрѣдка похрапывая. Проскакалъ верховой съ эстафетой, нахлестывая своего пѣгаго мерина. Время отъ времени попадались пѣшіе съ котомками и узелками, съ любопытствомъ поглядывая на нашу карету. Вотъ и группа мужиковъ съ закинутыми за спину желтыми сапогами, весело болтающихъ, осталась позади, и вотъ начали попадаться солдаты въ шинеляхъ съ закинутыми назадъ полами, завернутыми низами штановъ, съ тяжелыми ранцами за спиною и ружьями на плечахъ. Бабы, ребятишки, опять возы, и опять мужики,—и такъ всю дорогу. Теперь опустѣло это шоссе, а тогда эта артерія между столицами переливалась кровью русской народной жизни.

Мой сосѣдъ спалъ безмятежнымъ сномъ, сильно похрапывая, и мнѣ было досадно, что сонъ оставилъ меня. Я захотѣлъ ѣсть и развернулъ свои снѣди, которыя бойкій ярославецъ изъ бакалейной лавки завернулъ мнѣ на дорогу. Услыша съѣстной запахъ, сосѣдъ мой вдругъ пересталъ храпѣть, потомъ приподнялъ немного голову, открылъ одинъ глазъ и, поправивъ сбившійся на сторону картузь, проговорилъ:

— Однако вы благимъ дѣломъ занимаетесь.

Я предложилъ ему раздѣлить мою трапезу, на что онъ съ обычными причитаніями охотно согласился и, мы стали закусывать.

Прекомичень былъ мой спутникъ во время своихъ причитаній.

— Умиленъ еси вашею ласкою,—говорилъ онъ, принимая отъ меня кусокъ хлѣба съ колбасою.—Господи, благослови, Христось. Ты зришь съ высотъ Своихъ всю кротость и благорасположеніе посланнаго мнѣ Тобою друга на пути страннической жизни моея.

Я невольно улыбнулся, слушая монологъ, а ящикъ даже прыснулъ и крикнулъ на лошадокъ:

— Эхъ вы, соколики!

Новгородъ я видѣлъ только издали. Тверь мнѣ понравилась своею чистотою. Въ Валдайкѣ насъ осадили бабы и мальчишки, навязывая свои баранки, бубенцы и колокольчики. Къ Торжку я подъѣхалъ уже совершенно разбитый дорогой, и только прекрасно приготовленныя пожарскія котлеты немного подкрѣпили мои силы. Я остановился въ «Пожарской гостиницѣ» (нынѣ номера Федюхина) и отдохнулъ на славу. На третьи сутки мы стали уже подъѣзжать къ Москвѣ. Вотъ проѣхали уже и Клинь, и я увидѣлъ въ правой сторонѣ Петровское-Разумовское, окутанное сплошь зеленью, налѣво виднѣлось Останкино, а вотъ по дорогѣ съ правой стороны

потянулся рядъ довольно крупныхъ дачъ. Налѣво выступилъ своими красными стѣнами съ бѣлой обшивкой Петровскій дворецъ, а налѣво огромное Ходынское поле, и наконецъ показались Триумфальныя ворота съ заставою, находившеюся тутъ же возлѣ нихъ. Но вотъ по Тверской мы въѣхали въ Москву: «мелькаютъ мимо будки, бабы, мальчишки, сани, фонари...» На Мясницкой противъ главнаго почтамта жили мои родители, а потому мнѣ было недалеко перебираться съ вещами отъ мѣста отправки нашей каретки, и я, простившись съ моимъ попутчикомъ, поспѣшилъ туда, оставивъ вещи на почтѣ.

Нечего и говорить, какъ рада была матушка моему приѣзду, какъ взволновалось ея любящее сердце. Отца я засталъ въ рабочемъ кабинетѣ въ черномъ шелковомъ халатѣ и съ ермолкой на головѣ. Я крѣпко обнялъ его такъ, что онъ не успѣлъ положить своей кисти и она упала на полъ, я бросился поднимать ее и поцѣловалъ его въ руку.

На другой день вечеромъ по случаю моего приѣзда у насъ собрались гости, и между ними былъ и другъ моего отца, Егоръ Ивановичъ Маковскій, отецъ знаменитаго нашего живописца Константина Маковского и его брата Владимира—жанриста, а также Николая, даровитаго акварелиста, очень сильнаго по перспективному и тому, что называютъ французы «pitoresque». Онъ умеръ въ чахоткѣ въ юношескомъ возрастѣ. Егоръ Ивановичъ Маковскій былъ очень почтенный и чрезвычайно симпатичный старикъ, служившій много лѣтъ при дворцовой конторѣ и извѣстный всей Москвѣ, какъ собиратель старинныхъ гравюръ. Коллекція его славилась большою рѣдкостью многихъ экземпляровъ лучшихъ нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ и итальянскихъ образцовъ, а въ особенности фламандской школы. Вся Мосоловская галерея, продававшаяся съ аукціоннаго торга, попала къ нему. Какъ онъ умудрился, живя на свое небольшое жалованье, дѣлать такія приобрѣтенія, объясняется только одною страстью, но страсть, по-моему, также вещь необъяснимая. Съ Егоромъ Ивановичемъ такъ легко было сойтись, что я, просидѣвъ съ нимъ часа два или три, такъ привыкъ къ нему, какъ будто знавалъ его уже много лѣтъ. Такихъ людей нынче не встрѣтишь, онъ былъ, какъ говорится, весь на тарелкѣ и никогда у него никакой задней мысли не водилось. Самымъ большимъ удовольствіемъ для Егора Ивановича было показывать свои коллекціи понимающему въ нихъ толкъ человѣку, и онъ пригласилъ меня непременно заѣхать къ нему. Супруга его, Любовь Корниловна, такая же добрая и сердечная женщина, какъ и ея мужъ, тоже присоединилась къ Егору Ивановичу, усиленно приглашая меня къ нимъ.

— Мы живемъ въ дворцовомъ домѣ, почти на углу набережной у Каменнаго моста,—говорила она,—и вы ничѣмъ такъ не доста-

вите удовольствія моему мужу, какъ если пересмотрите его коллекціи и переговорите о ихъ достоинствахъ.

Я, конечно, выразилъ полную готовность воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ и на другой же день былъ у Маковского, тѣмъ болѣе, что намѣревался осмотрѣть работы храма Спасителя, находившагося недалеко отъ ихъ дома.

Когда я вошелъ во дворъ дворцоваго дома, то положительно не зналъ, гдѣ мнѣ искать квартиру Егора Ивановича. Кругомъ никого не было, и только около одной изъ стѣнъ какого-то флигеля два мальчугана играли въ бабки. Я подошелъ къ нимъ и обратился къ тому, который былъ постарше. Лицо этого мальчика сейчасъ же напомнило мнѣ черты Егора Ивановича своимъ съ ними сходствомъ. Оказалось, что это былъ его старшій сынъ Константинъ. Личико его было пресимпатичное, и сходство съ отцомъ еще болѣе себя обнаружило, когда онъ улыбнулся и, узнавъ отъ меня, что мнѣ нужно видѣть его отца, бросилъ игру и повелъ меня къ подъѣзду ихъ квартиры. Меня встрѣтила Любовь Корниловна, Егора же Ивановича не было дома.

— Пойдемте, я познакомлю васъ съ моими дочерьми, Александрой и Вѣрой, сына одного вы уже видѣли, онъ съ вами вошелъ. А гдѣ Володя и Николаша?—обратилась она къ Константину.

— Мы тамъ, мама, въ бабки играемъ,—отвѣчалъ онъ просто-душно.

Могъ ли я думать тогда, что этотъ мальчикъ съ бабкою въ рукахъ будетъ скоро крупная извѣстность и слава русской живописи.

— Какъ тебѣ не стыдно, Костя,—сказала мать:—ты такой большой мальчикъ и въ бабки съ мальчишками играешь.

— А что же, мамаша,—отвѣчалъ онъ:—это упражняетъ руку и глазъ, это очень полезно.

И дѣйствительно, онъ нашелъ очень хорошее оправданіе, если оно тутъ было нужно. Я пожалъ руку мальчику и, пожелавъ ему успѣха въ игрѣ, пошелъ за Любовью Корниловной на женскую половину ихъ квартиры. Обѣихъ дѣвочекъ я засталъ за какой-то работой, кажется, за вышиваніемъ. Онѣ привстали при моемъ появленіи, и мамаша насъ познакомила. Старшая, Сашенька, была такая же симпатичная, какъ и они всѣ, и походила на мать, у младшей же сохранились всѣ черты лица отца. Скоро пришелъ и Егоръ Ивановичъ; лицо его привѣтливо улыбалось.

— Ну, что, батюшка,—началъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—насмотрѣлись на нашу Бѣлокаменную?—и старикъ былъ доволенъ высказаннымъ мною чувствомъ восторга отъ того, что только въ Москвѣ я почувствовалъ себя настоящимъ русскимъ. Любовь Корниловна тѣмъ временемъ собрала намъ обѣдъ и дѣйствительно угостила на славу по-московскому, такъ что я еле всталъ изъ-за стола и поплелся за хозяиномъ дома разсматривать его рѣдкости.

Для того, чтобы не утомляться, мы порѣшили осмотрѣть всю коллекцію по частямъ и въ нѣсколько разъ. Я началъ съ папки, въ которой хранились историческіе портреты довольно большого формата. Тутъ были и короли, и министры, кардиналы и разныя знаменитости прошлаго столѣтія и болѣе стараго времени и нѣсколько папъ, герцоговъ и монаховъ. Всѣ гравюры были превосходныя. Передъ моимъ уходомъ Егоръ Ивановичъ сказалъ мнѣ, что я видѣлъ только часть его сокровищъ, наименѣе имъ цѣнимую, но что именно съ нея онъ началъ потому чтобы болѣе интересное оставить.

Вернувшись домой, я засталъ Рамазанова, который сидѣлъ за роялемъ и импровизировалъ; онъ звалъ меня осмотрѣть постройки храма Спасителя, для котораго онъ дѣлалъ нѣсколько барельефовъ. Рамазановъ, какъ и отецъ, жилъ въ домѣ Юшковой школы, а потому я часто видѣлся съ нимъ, онъ проводилъ у насъ почти каждый вечеръ, и иногда даже составлялись домашніе концерты, когда къ намъ пріѣзжала Любовь Корниловна Маковская, которая прекрасно владѣла своимъ густымъ контральто, и симпатичный творецъ многихъ русскихъ романсовъ Гурилевъ.

Рамазановъ, скульпторъ, по возвращеніи изъ Италіи принялъ мѣсто въ Юшковой школѣ преподавателя по скульптурѣ, и для него была построена нарочно мастерская, гдѣ онъ и лѣпилъ свои знаменитыя работы для храма Спасителя. Черезъ него я познакомился съ его отцомъ, директоромъ почты, и Константиномъ Булгаковымъ, интересовавшимъ меня своею оригинальностью и остроуміемъ. Графъ Владимиръ Александровичъ Соллогубъ былъ въ это время наѣздомъ въ Москвѣ и, какъ знавшій хорошо Рамазанова, бывалъ нерѣдко и у насъ и у него.

Однажды мы съ графомъ зашли къ Булгакову и застали его дома. Съ перваго же шага въ его помѣщеніе проявляла себя оригинальность хозяина. Булгаковъ былъ извѣстный спортсменъ и даже самъ екакалъ за жокея на собственной лошади, бравшей не одинъ призъ въ своей жизни. Вотъ скелетъ этой-то лошади и стоялъ у одной изъ стѣнъ его комнаты. Скелетъ былъ облеченъ во всю свою сбрую съ сѣдломъ, а надъ нимъ на кронштейнѣ красовался кубокъ—призъ, ею полученный. Вся квартира была заставлена разными рѣдкостями и самой затѣйливою мебелью, а самъ хозяинъ засѣдалъ въ широкомъ креслѣ за огромнымъ письменнымъ столомъ, походившимъ на какой-то престолъ со свѣтильниками и множествомъ свѣчей. Когда онъ всталъ къ намъ навстрѣчу, то походилъ скорѣе на ксендза, съ полубритой головой и въ бѣломъ халатѣ съ капюшономъ, кончающимся длинною кистью. Стѣны его кабинета были до такой степени покрыты картинами и портретами разныхъ знаменитостей, что рѣшительно нельзя было видѣть, какого цвѣта были обои. Тутъ находились также всякаго рода сувениры, по-

священія и воспоминанія съ надписями, цѣлыми фразами и иногда стихами. Въ то время, когда графъ Соллогубъ и я входили, мы сразу не замѣтили двухъ пріятелей Булгакова, лежавшихъ на огромномъ диванѣ, скрывавшемся во мракѣ комнаты, если бы они не подали голоса, то мы бы ихъ такъ и не замѣтили.

Однажды Булгакова посѣтилъ Н. В. Гоголь и пресерьезно осматривалъ его коллекцію портретовъ и рисунковъ. Не замѣтя, что на диванѣ сидѣлъ какой-то важный генераль, и къ тому же очень щепетильный, Гоголь долго стоялъ надъ диваномъ, рассматривая висѣвшую надъ нимъ картину, не замѣчая сидѣвшаго генерала, бѣсившагося отъ злобы на неделикатность какого-то обыкновеннаго смертнаго.

— Я замѣтилъ,—разсказывалъ Булгаковъ:—что Гоголь, не видя этого пѣтуха, осѣняетъ его своимъ длиннымъ носомъ, и сталъ ихъ представлять.—«Mon cher,—сказалъ я генералу, моему старому пріятелю,—je te presente la personne du célèbre Gogol—l'écivain». Тогда надо было видѣть, какъ флегматически Гоголь опустил свой длинный носъ на моего бѣднаго генерала, побагровѣвшаго отъ такого неслыханнаго sans façon обращенія, и какъ они оба въ унисонъ промывали что-то вмѣсто привѣтствія.

Увидя насъ, Булгаковъ какъ будто началъ обѣдню.

— А! петербургскіе артисты,—сказалъ онъ протяжно,—милости просимъ,—и онъ простеръ обѣ руки, облеченныя въ бѣлые длинные рукава своего костюма, точно встрѣчалъ насъ благословеніемъ.

Вмѣсто отвѣта В. А. Соллогубъ посмотрѣлъ на него своимъ соннымъ взглядомъ и флегматически сказалъ:

— Давай водки и закусить!

— Ну, вотъ безъ исповѣди и за причастіе,—возразилъ хозяинъ:—а, впрочемъ, замѣчаніе твое мудро и всегда умѣстно.

— Особенно у тебя,—замѣтилъ Соллогубъ.

Булгаковъ захлопалъ въ ладоши, и будто изъ-подъ земли выросъ мальчикъ, одѣтый Наполеономъ Первымъ.

— Дары!—крикнулъ Булгаковъ, и мальчикъ исчезъ.

— Ну, господа,—продолжалъ онъ, обращаясь къ сидѣвшимъ на диванѣ:—надо ли васъ представить? А, впрочемъ, вотъ молодой сей художникъ, носящій доблестное имя своего отца Петра Ѳеодоровича Соколова и собирающійся затмить его еще доблестнѣйшими подвигами.

Двое утопавшихъ на диванѣ слегка приподнялись, и онъ назвалъ ихъ:

— Столыпинъ и Трубецкой—столпы русскаго дворянства,—добавилъ Булгаковъ.

— Шутъ!—послышалось ему въ отвѣтъ съ оттоманки.

Распростившись съ Булгаковымъ, я обѣщался бывать у него и бывалъ довольно часто, такъ какъ у него всегда можно было встрѣтить ту или другую знаменитость по всѣмъ отраслямъ искусства, заѣзжавшую посмотреть на его дѣйствительно интересныя коллекціи, ему же я былъ обязанъ потерю моихъ иллюстрацій къ «Евгенію Онѣгину».

XI.

Большой театръ въ Москвѣ до пожара.—Двѣ соперницы.—Мертвая кошка на сценѣ.—
Малый театръ.—Пожаръ.—Портретъ Пушкина, писанный Тропининымъ, и его исторія.—
У Василія Андреевича Тропинина.—Назадъ въ Петербургъ.

Какъ до пожара, такъ и послѣ него, Большой театръ сохранилъ свой прежній обликъ, но зато внутри онъ совершенно преобразился. Скажу о томъ состояніи, въ которомъ я нашелъ этотъ театръ до его знаменитаго пожара. Въ это время московскій балетъ конкурировалъ съ петербургскимъ, а потому я рѣшилъ посмотреть его. Когда я вошелъ въ театръ, то первое, что поразило меня, это почти полное отсутствіе освѣщенія; всѣ проходы были въ совершенномъ мракѣ и наполнены какимъ-то вонючимъ чадомъ, такъ что въ первые моменты мнѣ казалось, будто я очутился гдѣ-то въ подземельѣ, а публика и капелъдинеры походили на какихъ-то фантастическихъ обитателей этого подземнаго царства. Я положительно не могъ понять, отчего тяжелый воздухъ царилъ въ этихъ довольно широкихъ коридорахъ, но когда дошелъ до конца одного изъ нихъ, то вопросъ разрѣшился самъ собою, такъ какъ тамъ помѣщалась такъ называемая уборная, къ тому же весьма грязно содержимая. Огромный зрительный залъ также былъ тускло освѣщенъ, а обивка бортовъ ложъ и стульевъ была до отвращенія обтерта и грязна, такъ что къ Большому театру вполнѣ можно бы было примѣнить съ небольшимъ измѣненіемъ слова Скалозуба въ «Горѣ отъ ума»: «Пожаръ способствовалъ ему много къ украшенію...» Однако балетъ дѣйствительно оказался на высотѣ своей репутаціи, и славившаяся тогда Санковская была прелестная балерина. Она не могла называться красавицей, но зато неоспоримо обладала какъ мимическими, такъ и хореографическими талантами. У нея было много поклонниковъ, и когда пріѣхала изъ Петербурга фаворитка тамошняго директора Геденова, Андріанова, то въ Москвѣ образовались двѣ враждебныя партіи, завязавшія ожесточенную борьбу въ продолженіе всего времени ея дебютовъ, окончившуюся крупнымъ скандаломъ. Павелъ Булгаковъ, братъ того офицера Московскаго полка, который такъ ловко эксплуатировалъ доброту великаго князя Михаила Павловича, былъ до безумія влюбленъ въ Санковскую. Со дня появленія Андріановой онъ неумоимо собиралъ оппозиціонную партію и во главѣ ея громко свисталъ и шикалъ

несчастной балеринѣ. Наконецъ, когда партія, сочувствовавшая этой артисткѣ, начала брать перевѣсъ, онъ рѣшилъ сдѣлать небывалый скандалъ.

Шла «Сатанилла», очень хорошій балетъ, отличавшійся своимъ мимическимъ отдѣленіемъ, прекрасно выполненнымъ. Декораціи и костюмы немного уступали въ роскоши петербургской сценѣ, но художественное исполненіе было безукоризненно. Кордебалетъ былъ настолько хорошъ, что легко могъ поспорить съ петербургскимъ своей молодостью, свѣжестью и стройнымъ исполненіемъ. Петербургская гастролерша была очаровательна и въ первомъ актѣ вызывала всеобщій восторгъ, только изъ партера и изъ нѣкоторыхъ ложъ были слышны свистки и раздавались крики:

— Андрианова—долой!

Булгаковъ, какъ ракъ красный, съ какимъ-то пакетомъ бѣгалъ по коридорамъ и собиралъ свою компанію. Въ темныхъ углахъ проходовъ произошли уже двѣ схватки, и это было замѣтно по рассыпаннымъ по полу цвѣтамъ и конфетамъ. Во время второго дѣйствія, при выходѣ Андриановой на сцену полетѣло нѣсколько букетовъ и вдругъ изъ литерной боковой ложи высунулась вся фигура Булгакова, рука котораго держала за хвостъ дохлую кошку. Вотъ кошка качнулась въ воздухѣ, сдѣлала нѣсколько салтомортале и упала къ ногамъ оторопѣвшей балерины. Несчастливая схватилась за голову и упала безъ чувствъ, занавѣсъ опустилась, и Андрианова уже больше не выходила и уѣхала въ Петербургъ.

Когда послѣдовало распоряженіе о высылкѣ Булгакова изъ столицы, онъ уже былъ по дорогѣ на Кавказъ, и исторія эта была оставлена безъ послѣдствій.

Малый театръ въ то время славился драматическими талантами, такими, какъ Самаринъ, Шумскій, Живокини. Садовскаго еще не было, но по Москвѣ о немъ ходили уже слухи, какъ объ интересномъ рассказчикѣ и импровизаторѣ цѣлыхъ сценъ, полныхъ комизма и остроумія. Наконецъ на него было обращено вниманіе, и онъ былъ приглашенъ дирекціей войти въ составъ императорской труппы. Впервые этотъ талантливый артистъ читалъ свои импровизаціи въ домѣ живописца Рибуса, жившаго на Садовой, у Сухаревой башни, тамъ я его и слышалъ. Щепкинъ пріѣзжалъ лишь наѣздомъ, но съ этимъ маститымъ артистомъ я познакомился гораздо позднѣе и бывалъ въ его семействѣ. Я даже нарисовалъ съ него три портрета, изобразивъ его въ тѣхъ роляхъ, въ которыхъ онъ явился передъ парижской публикой. Эти портреты были предназначены для альбома, поднесеннаго знаменитой французской актрисѣ Рашель при пріѣздѣ ея въ Москву.

Въ Маломъ театрѣ я смотрѣлъ «Материнское благословеніе» («La nouvelle Fanchon»), которую уже видѣлъ въ Петербургѣ, на французской сценѣ. Первую роль тогда играла молодая актриса

изъ театральной школы Лебедева и сыграла ее очень хорошо. Былъ также очень хорошъ извѣстный актеръ Ленскій, игравшій умно и съ большимъ и вѣрнымъ выраженіемъ. Другой разъ я смотрѣлъ «Донъ Цезарь де-Базана», въ которой мнѣ очень понравился Самаринъ. Но это все были пьесы переводныя, которыя не сходили съ репертуара Малаго театра, и я дожидалъ случая посмотрѣть оригинальную русскую пьесу. Наконецъ я дождался: давали «Ревизора»; городничаго игралъ М. С. Щепкинъ, и нечего говорить, что онъ былъ хорошъ и типиченъ, но я уже видѣлъ въ этой роли И. И. Сосницкаго, и если позволю себѣ сравнить этихъ двухъ первоклассныхъ артистовъ, то второй имѣлъ, на мой взглядъ, преимущества чисто физическія.

Щепкинъ показался мнѣ слишкомъ малъ ростомъ, что также вредило ему при исполненіи роли Фамусова, но несравненно меньше, чѣмъ въ «Ревизорѣ». Вообще драматическій персоналъ въ Москвѣ былъ безукоризненъ. Самый театръ отличался своею уютностью: Люстра со стороны зрителей была заслонена небольшими щитками изъ зеленой тафты, что хотя и было пріятно для глазъ, но дѣлало эту половину зала черезчуръ темной. Театръ содержался чисто и былъ достаточно освѣщенъ въ проходахъ и напоминалъ собою Михайловскій въ Петербургѣ, какимъ онъ былъ до перестройки.

Маскарады въ Москвѣ устраивались въ Большомъ театрѣ и славились своимъ безобразіемъ и распущенностью, съ которою держала себя публика. Танцы происходили не только въ большомъ залѣ, но и въ комнатахъ, расположенныхъ вокругъ театра, и представляли собою сплошной канканъ самаго безобразнаго свойства, а собиравшаяся кругомъ толпа, именно толпа, а не публика, крикомъ и смѣхомъ подзадоривала пьяныхъ плясуновъ. Я видѣлъ, какъ нѣсколько мужчинъ въ какихъ-то невозможныхъ костюмахъ, присосѣдившись съ боку припеку въ кадрили, выдѣлывали такія колѣна, что положительно хотѣлось плюнуть и уйти, что я и исполнилъ.

Въ залѣ Дворянскаго собранія было немного лучше, но все же ни одного маскарада не обходилось безъ болѣе или менѣе крупнаго инцидента—ужь такое было тогда время.

Я спокойно пилъ свой утренній чай, какъ вдругъ вбѣгаетъ наша служанка съ крикомъ:

— Большой театръ горитъ.

Было одиннадцать часовъ, когда я вышелъ изъ дому и скорыми шагами спѣшилъ по Кузнецкому мосту, къ мѣсту пожара. Огромная туча дыма покрывала почти все видимое надъ головами небо и покрывала улицы какимъ-то зловѣщимъ мракомъ. Цѣлыя массы народа бѣжали и двигались вмѣстѣ съ нами по направленію къ мѣсту, на которомъ пылалъ огромный костеръ, откуда, точно ракеты, вылетали цѣлыя снопы горящихъ обломковъ, пронизывая клубы

чернаго дыма и окрашивая ихъ контуры ярко-огненнымъ блескомъ. Зрѣлище было поистинѣ величественное, и казалось, что Божественная кара послана этому мѣсту въ наказаніе за тѣ безчинства, которыя тамъ совершались. Въ ту самую минуту, когда я огибалъ послѣдній уголъ улицы и уже ясно видѣлъ весь театръ, произошло нѣчто настолько необычайное, что я, хотя и бѣжалъ, но вдругъ остановился, какъ вкопанный, и замеръ отъ ужаса и восхищенія. Весь куполъ крыши со всѣмъ потолкомъ и стропилами вдругъ обрушился въ глубину арены и сверкающія массы огня и дыма вмѣстѣ съ обломками горящаго дерева ринулись изъ всѣхъ оконъ и отверстій, и казалось, что нѣсколько рядовъ пушекъ, разставленныхъ на какомъ-то колоссальномъ кораблѣ, вдругъ дали дружный всесокрушающій залпъ. Трескъ и шумъ, произошедшіе отъ этого обвала, слились въ общій гулъ, еще болѣе реализируя упомянутую картину. Огонь на мгновеніе потухъ, придавленный свалившеюся крышей, но вдругъ, какъ бы почувя свободный выходъ къ небу, съ зловѣщимъ блескомъ охватилъ все зданіе, и его яркіе языки какъ бы обвивали весь театръ, упиваясь своею разрушительной работой. Въ первый и единственный разъ въ жизни я видѣлъ такую величественную картину разрушенія и невольно сравнивалъ ее съ «Послѣднимъ днемъ Помпеи»—нѣтъ, зрѣлище, бывшее передо мною, было настолько внушительно, что для дополненія его величія не требовалось никакихъ эпизодовъ, долженствующихъ олицетворять страхъ и отчаяніе. Къ тому же весь ужасъ этой катастрофы былъ не столько въ пожарѣ, а въ томъ, что подъ провалившимся потолкомъ были помѣщенія, въ которыхъ ютились служащіе при театрѣ съ ихъ семьями, не успѣвшіе во-время выйти изъ своихъ квартиръ и погибшіе, какъ говорили, въ огнѣ. Вотъ въ чемъ былъ главный ужасъ, не требующій никакихъ позъ, ни эффектнаго освѣщенія для того, чтобы возбудить чувство состраданія въ самомъ зачерствѣломъ сердцѣ.

Протискиваясь черезъ густую толпу, я вышелъ на площадь театра, и здѣсь мнѣ представилась картина уже другого характера, очень интересная по своей оживленности: пожарные, со свойственнымъ имъ самоотверженіемъ, употребляли всѣ усилія, чтобы приблизиться къ адскому костру со своими брандспойтами и лѣстницами, но это было почти невозможно, жаръ былъ настолько силенъ, что у многихъ смѣльчаковъ, близко подходившихъ къ горящему зданію, были опалены волосы и дымилась одежда.

Вдругъ кто-то схватилъ меня за руку, я обернулся и увидѣлъ графа Алексѣя Павловича Бобринскаго.

— Пойдемте, пойдемте скорѣе туда,—указывалъ онъ мнѣ на лѣвую сторону площади:—вы увидите нѣчто необычайное.

Мы поспѣшили туда. Около деревяннаго сарая, въ которомъ хранились разныя машины и механическія приспособленія для

полетовъ и т. п., собралась большая толпа. Сарай уже начиналъ загораться, и пожарные спѣшили выдвинуть и выкатить хранившіяся въ немъ бутафорскія вещи. Вдругъ я увидѣлъ движущуюся на насъ странную группу: олени, собаки, вепри, охотники съ мѣдными трубами, мчались довольно быстро на площадь, и передъ ними разступалась озадаченная толпа народа. Это была приведенная въ движеніе посредствомъ своего механическаго способа фантастическая охота изъ «Фрейшюца» 3-го акта. Зрѣлище было до крайности комично, но общее бѣдствіе было настолько сильно, что никто даже не улыбался, тѣмъ болѣе, что вниманіе всѣхъ было отвлечено совсѣмъ въ другую сторону, гдѣ разыгрывалась поистинѣ ужасная трагедія, которой я былъ полнымъ очевидцемъ.

Когда пламя еще сильно работало въ противоположномъ концѣ театра, а пожарные только заботились о томъ, чтобы огонь не распространился на ближайшіе городскіе дома, вдругъ на краю крыши театра, уцѣлѣвшей отъ провала и выходящей на площадь, появилась фигура уже обгорѣлаго человѣка, метавшагося надъ карнизомъ въ состояніи, близкомъ къ сумасшествію. Криковъ его о помощи слышно не было за общимъ шумомъ, но по его жестамъ, полнымъ отчаянія, было видно, что онъ молилъ о спасеніи. Онъ то появлялся, то снова исчезалъ въ дыму. Сердце обливалось кровью при видѣ этой картины. Вдругъ по уцѣлѣвшей желѣзной дождевой трубѣ я увидѣлъ ползущаго по ней человѣка, и было замѣтно, какъ этотъ человѣкъ, обжигаясь о накалившуюся трубу, отдергивалъ руки и вдругъ, сорвавъ съ шеи повязанный на ней шарфъ, сталъ подкладывать подъ ту руку, которой прикасался къ трубѣ. Съ неимоверными усиліями онъ наконецъ достигъ карниза и за верхній прикрѣплъ трубы привязалъ конецъ обматывавшаго его талію каната. Въ то же время, извѣщенный криками и знаками толпы, погибающій бросается къ своему спасителю и со смѣлостью, только присущей погибающему, садится на плечи къ взобравшемуся, и они оба при радостныхъ крикахъ толпы спускаются по канату... Мы съ Бобринскимъ неистово апплодировали молодцу-кровельщику, совершившему такой беззавѣтный рыцарскій подвигъ.

Однако мой отпускъ и каникулы оканчивались, и предстояло подумать объ обратномъ путешествіи въ сѣверную столицу; но вскорѣ я успокоился и благодарилъ Бога, что случай мнѣ далъ возможность избѣжать вторичнаго путешествія въ мальпостной каретѣ. Графъ Владимиръ Александровичъ Соллогубъ уѣзжалъ черезъ нѣсколько дней и предложилъ мнѣ отправиться съ нимъ въ удобномъ и покойномъ его экипажѣ, и вотъ я спѣшилъ теперь потолкаться еще въ Москвѣ и досмотрѣть всѣ ея достопримѣчательности. Однажды, проходя мимо Сухаревой башни во время торга и толкаясь между рядами, я увидѣлъ столъ съ разными бездѣлушками изъ мрамора. Около него стояла женщина и усиленно предлагала публикѣ

свой товаръ. Я подошелъ и остановился на прессъ-папье, изображавшемъ собою небольшую змѣйку.

— А у меня, баринъ, и картины продаются,—замѣтила мнѣ женщина, завертывая покупку, какъ бы угадывая во мнѣ художника; у этого типа купцовъ ужасно вѣрный нюхъ на то, кому и что предложить.—Заходи ко мнѣ, можетъ, что и выберешь,—и она дала мнѣ свой адресъ.

Конечно, я не замедлилъ побывать въ складѣ этой торговки. Когда я вошелъ въ ея квартиру, то дѣйствительно увидѣлъ двѣ комнаты, стѣны которыхъ были сплошь завѣшаны разными картинами въ старыхъ поломанныхъ рамкахъ или вовсе безъ нихъ, гравюры и другія художественныя произведенія. Большая часть ихъ была попросту мазня и представляла собою грубыя копіи, развѣ годившіяся лишь для трактировъ. Пересматривая эти произведенія, мой взоръ вдругъ остановился на темномъ квадратѣ, на которомъ я все же различалъ и не безъ волненія, дорогія моему сердцу черты моего сокровеннаго божества, поэта Александра Сергѣевича Пушкина, но не того, что я уже видѣлъ, писаннаго Кипренскимъ и гравированнаго Уткинымъ,—этотъ былъ въ другомъ родѣ. Портретъ этотъ висѣлъ такъ высоко и былъ покрытъ такимъ густымъ слоемъ пыли и копоти, что еле можно было различить обликъ лица, и только ясно виднѣлась въ лѣвомъ его углу правая рука съ большимъ перстнемъ на большомъ пальцѣ, которая держала раскрытую книгу. Я овладѣлъ собою, стараясь не выдать своего волненія, и довольно равнодушно спросилъ продавщицу о висѣвшей рядомъ съ нимъ какой-то старушкѣ и только затѣмъ сказалъ, указывая на интересовавшій меня портретъ:

— Ну, а это что за пластырь?

— Да это, батюшка, портретъ какого-то сочинителя, это мнѣ такъ говорили, а Богъ его знаетъ, кто онъ такой,—сказала она.

— А что ты за него хочешь?

— Да красненькую пожалуйста,—спросила торговка.

— За что это?—сказалъ я:—да вѣдь портретъ-то и безъ рамы.

— Да я вамъ и рамочку могу къ нему дать, вѣдь онъ у меня то въ рамкѣ былъ.

— Ну, да и безъ рамки сойдетъ, два рубля желаешь?—торговался я.

— Ахъ, что вы,—возмутилась старуха: вѣдь онъ только запачкался, а на немъ ни дырочки нѣтъ, цѣлехонекъ, вотъ я вамъ его съ лѣвой стороны покажу, сами увидите, что новехонькій. Пять рублей за него безъ грѣха можно взять, да и сочинитель-то, что на немъ, вишь, извѣстный какой-то, сказывали мнѣ,—значительно добавила торговка.

У меня всего было съ собою 4 рубля, и я ей предложилъ три. Торговка согласилась, сняла со стѣны мою покупку, обмахнула пыль, завернула въ два листа газетной бумаги, и я, схвативъ свое

сокровище, пустился во всю прыть домой, не слыша, какъ говорится, подъ собою ногу.

Тщательно вымывъ картину въ нѣсколькихъ водахъ, я увидѣлъ прекрасно сохранившіяся краски очень хорошей живописи, приемы которой мнѣ были знакомы, но я все еще не могъ вспомнить, чьи они именно были. Вдругъ я припомнилъ, что здѣсь въ Москвѣ дѣлалъ портретъ съ Пушкина Василій Андреевичъ Тропининъ, и я вдругъ узналъ въ этой работѣ его манеру писать, но почему же не было на этомъ портретѣ ни монограммы, ни подписи. Теряясь въ догадкахъ, я легъ спать съ намѣреніемъ рано утромъ отправиться къ самому Тропинину.

Было еще половина восьмого, когда я уже выходилъ изъ дому и направлялся съ своей покупкой къ Тропинину, жившему недалеко отъ дворцоваго дома. Мальчикъ-слуга, отворившій мнѣ дверь, сказалъ, что господа въ третьей комнатѣ, и безпрепятственно пропустилъ меня въ квартиру. Подобный патріархальный приемъ мнѣ очень понравился, и я прямо пошелъ по указанію слуги. Пройдя два довольно большихъ покоя, я вошелъ въ третій въ одно окно и остановился отъ изумленія отъ открывшейся предо мною картины. На короточкахъ двое старичковъ супруговъ Тропининыхъ сидѣли передъ большимъ мѣднымъ тазомъ, въ которомъ, какъ говорится, кишмя-кишѣли тараканы, огромные русскіе кацапы. Это происходило ихъ кормленіе. Старикъ и старуха сыпали туда какую-то кашу и съ необыкновеннымъ сосредоточеніемъ слѣдили за движеніемъ этой груды насѣкомыхъ. Василій Андреевичъ, услышавъ мой приходъ, обернулъ только ко мнѣ свою голову и вотъ въ такомъ поворотѣ и хотѣлось бы изобразить его, такъ онъ былъ милъ и типиченъ.

— Что, батюшка, вамъ угодно?—спросилъ онъ, продолжая свое занятіе, совершенно спокойнымъ голосомъ, какъ будто дѣло было совсѣмъ обыкновенное и возня его съ тараканами и мое появленіе сюда безъ доклада.

Я назвалъ себя и прибавилъ, что имѣю ему показать что-то. Кряхтя приподнялся старикъ и, позвавъ мальчугана, встрѣтившаго меня въ передней, приказалъ подать ему полотенце.

— Такъ вы, значить, Петра Ѳедоровича сынъ?—сказалъ онъ, вытирая руки:—радъ познакомиться, прошу покорно въ свѣтлицу,— и онъ указалъ мнѣ обратный путь, которымъ я вошелъ въ эту комнату. Усѣвшись въ большое, глубокое кресло и предложивъ мнѣ стулъ, старикъ улыбнулся и обратился ко мнѣ:

— Вы, чай, нѣсколько удивлены, найдя меня за такимъ занятіемъ. Мы, знаете, со старухой давно соблюдаемъ этотъ старинный обычай. Насѣкомое безобидное, а имѣеть все же вліяніе на судьбу человѣка: гдѣ оно водится, тамъ деньги и счастье тоже не переводятся. А умное насѣкомое тараканъ. Какъ 8 часовъ, такъ и собираются къ намъ въ эту самую комнату, какъ по сигналу; падаютъ,

напьются и на покой, и не видать ихъ больше до слѣдующаго утра, не беспокоятъ... Что это такое вы ко мнѣ принесли?—спросилъ Тропининъ, увидя портретъ, который я освободилъ отъ бумаги.

— А вотъ видите ли, Василій Андреевичъ,—сказалъ я:—вотъ, по-моему, этотъ портретъ вашей работы, а такъ какъ на немъ ни надписи, ни монограммы я не нашель, то и рѣшилъ побезпокоить васъ разъяснить мое предположеніе.

— Давайте, давайте, любопытно,—оживился старикъ:—я, кажется, на всѣхъ своихъ работахъ всегда ставилъ подпись или монограммы,—и вдругъ, пристально всмотрѣвшись въ картину, онъ воскликнулъ:

— Опять онъ ко мнѣ пожаловалъ!

Я былъ крайне удивленъ этимъ восклицаніемъ и переспросилъ Василю Андреевича, его ли это работа.

— Нѣтъ, не моя,—сказалъ онъ:—но не знай я, какъ вы мнѣ уже сказали, что на ней нѣтъ моей монограммы, я бы и самъ этотъ портретъ принялъ бы за свою работу, такъ отлично онъ здѣсь подкopiрованъ.

— Такъ кто же писалъ эту копию?—спросилъ я.

— А это цѣлая исторія.

И Тропининъ, принявъ удобную позу, началъ посвящать меня въ таинственное происхожденіе этого портрета, интересное потому, что и потомъ онъ былъ не разъ принимаемъ за настоящій тропининскій и даже, кажется, и теперь сходитъ за него.

— Въ то время,—началъ старикъ,—когда покойный нашъ поэтъ Александръ Сергѣевичъ пріѣзжалъ къ намъ въ Москву, онъ часто останавливался у Базилевскаго и подолгу у него гащивалъ; вотъ послѣдній и обратился ко мнѣ съ просьбой написать портретъ великаго поэта. Долго не соглашался Александръ Сергѣевичъ сидѣть на натурѣ, не по его живому характеру было это испытаніе, но наконецъ онъ согласился, и я приступилъ къ работѣ. Портретъ писался въ домѣ Базилевскаго, на Зубовскомъ бульварѣ. Въ это же время у Базилевскаго жилъ его пріятель, бывший сосѣдъ его по имѣнію, въ конецъ разорившійся и принятый имъ, какъ родной братъ. Фамиліи его я вамъ не назову, онъ уже умеръ, да и человекъ-то онъ былъ очень хорошій, только безалаберный такой и если дѣлалъ вредъ, такъ только самому себѣ. Человекъ онъ былъ образованный, начитанный и съ большимъ дарованіемъ копировать картины, чего достигъ самоучкой. Вотъ эту копию онъ и началъ дѣлать съ самаго моего перваго сеанса. Какъ только, бывало, я уйду, онъ и засядетъ повторить то, что я сдѣлалъ, и такъ это онъ продолжалъ до самаго конца моего оригинала. Потому-то его копія и вышла такъ поразительно вѣрна. Моя работа была доведена до половины, какъ вдругъ Базилевскій задумалъ поѣхать за границу, оставивъ Пушкина хозяйничать въ своемъ домѣ. Базилевскій очень любилъ

этого копировщика, т.-е. своего-то пріятеля, и часто, подтрунивая надъ нимъ, говорилъ:

— Какой ты художникъ, мазилка ты, никогда ты ничего хорошаго не найдешь и вся цѣна-то тебѣ грошъ.

Хотя все это говорилось и по-дружески, но все же не могло не оставить слѣдовъ на самолюбіи талантливаго рисовальщика, и вотъ онъ ожидалъ удобнаго случая вымѣстить ему за напесенныя обиды его артистическому самолюбію. Случай этотъ скоро представился. Портретъ мой былъ почти готовъ, и оставалась лишь отдѣлка въ платьѣ и другихъ аксессуарахъ, но Александру Сергѣевичу понадобилось ѣхать въ Петербургъ, и онъ уѣхалъ. Вдругъ копировщикъ нашъ получаетъ письмо изъ Парижа отъ Базилевскаго, что разъ портретъ уже оконченъ, то немедленно его переслать къ нему. Закончивъ свою работу, я поставилъ въ грунтъ, какъ обыкновенно дѣлалъ, штилькомъ по сырому двѣ свои буквы «В. Т.» и сдалъ портретъ копировщику, но тотъ не отправилъ его въ Парижъ, а послалъ туда свою копию, конечно, думая потомъ объяснить свою шутку, да не судилъ ему, видно, Господь исполнить это, холера, господствовавшая въ тотъ годъ, скосила и его, такъ и унесъ онъ съ собою эту тайну. Получаетъ въ Парижѣ копию съ моего портрета Базилевскій, заказалъ для нея дорогую раму и выставилъ на парадномъ мѣстѣ. Вся парижская знать перебивала у него и заговорили газеты о знаменитомъ портретѣ великаго поэта, находя его безподобнымъ, и превозносили мое имя, какъ создавшаго его.

Только много прошло времени съ тѣхъ поръ, и Базилевскій все жилъ въ Парижѣ и не думалъ о возвращеніи на родину; но вотъ, наконецъ, онъ написалъ своему управляющему письмо, въ которомъ требовалъ капитальнаго ремонта дома, такъ какъ собирался на зиму домой. Во время этихъ работъ вещи всѣ выносились изъ дому, и въ комнатѣ покойнаго копировщика былъ найденъ портретъ Пушкина, писанный мною. По невѣжеству своему, дворецкій свалилъ все въ одну кучу, а затѣмъ имущество покойнаго, за неимѣніемъ на него претендентовъ, было расхищено и распродано домовой прислугой, а вмѣстѣ съ нимъ исчезъ и портретъ. Наконецъ возвратился изъ-за границы и Базилевскій и поселился во вновь отдѣланномъ домѣ, и въ его кабинетѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ, въ роскошной золоченой рамѣ появился портретъ, т.-е. копія моего портрета А. С. Пушкина, писанная тѣмъ самымъ копировщикомъ.

Стали собираться у Базилевскаго его пріятели, а въ числѣ ихъ пріѣхалъ разъ и извѣстный Фроловъ. Увидѣлъ онъ портретъ поэта и воскликнулъ:

— А! и у тебя есть этотъ портретъ?

— Какъ и у меня?—остолбенѣлъ Базилевскій:—мнѣ нравится это «и»! Только онъ у меня и можетъ быть, потому что Василий Андреевичъ Тропининъ по моему заказу мнѣ его и писалъ.

— Ну, ужъ извини, мой другъ,—замѣтилъ Фроловъ:—я на дняхъ видѣлъ оригиналъ у Волкова въ галереѣ, я самъ видѣлъ и подписалъ «В. Т.».

Стали они оба осматривать портретъ, а подписи-то и не разыскали. Базилевскій побагровѣлъ отъ бѣшенства.

— Человѣкъ, лошадь!—закричалъ онъ и поѣхалъ сейчасъ же въ магазинъ къ Волкову, у котораго и увидѣлъ портретъ Пушкина—ну, двѣ капли воды съ тѣмъ, что висѣлъ у него въ кабинетѣ. Волковъ зналъ Базилевскаго и довѣрилъ ему на нѣкоторое время картину, а тотъ и явился ко мнѣ съ обоими портретами, да и говорить:

— Потрудитесь объяснить, Василій Андреевичъ, какимъ образомъ послѣ того, что я вамъ заказалъ написать одинъ портретъ съ Пушкина, ихъ оказалось два и при томъ совершенно одинаковые.

Тутъ я, конечно, и объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, но не сразу все же отличилъ мой портретъ отъ копіи и, къ счастью, что копировщикъ упустилъ только буквы поставить мои, а то бы вмѣсто одного явилось бы два мои портрета, и я былъ бы въ глупомъ положеніи, такъ какъ безусловно не могъ бы разобрать, который изъ нихъ мой. Базилевскій, конечно, купилъ эту картину у Волкова, а копію съ него кому-то продалъ или подарилъ, не знаю, а затѣмъ она, вѣроятно, и попала къ вашей торговкѣ. Этотъ портретъ великолѣпнень, —замѣтилъ старикъ,—и ничуть не хуже моего,—вы сдѣлали прекрасное приобрѣтеніе.

Поблагодаривъ Василія Андреевича, я отправился домой и, никому не говоря объ этой исторіи, уложилъ картину вмѣстѣ со своими дорожными вещами. На слѣдующій день заѣхалъ за мной графъ Владиміръ Андреевичъ Соллогубъ, и мы въ его прекрасномъ экипажѣ, увлекаемые четверкой сытыхъ лошадей, покатали обратно въ Сѣверную столицу.

Мы ѣхали съ бѣльшимъ комфортомъ, чѣмъ въ мальпостной кареткѣ, и я положительно отдыхалъ во время этого пути. Проѣзжая черезъ уѣздные города, я напомнилъ Владимиру Александровичу удачную характеристику, данную имъ русскому уѣздному городу въ своей повѣсти «Тарантасъ».

— Застава-заборъ-заборъ-кабакъ-заборъ-заборъ-управа-заборъ-заборъ-соборъ-заборъ-заборъ-кабакъ-заборъ-заборъ-застава, — продекламировалъ я.

— А, вы это запомнили,—сказалъ графъ, смѣясь.

— Да, и охотно,—замѣтилъ я:—а вотъ еще я запомнилъ два слова, которые до васъ еще никто не догадался сказать, а именно, гдѣ вы, говоря про русскія церкви, называете ихъ: «благодарная роскошь русскаго народа»...

Но тутъ графъ перебилъ меня и разразился цѣлымъ монологомъ, который я запомнилъ отъ слова до слова и записалъ его.

— Да, — сказалъ онъ, —этакой-то бѣднякъ, какъ нашъ мужичокъ, котораго лѣнивый только не обираетъ, тоже, вѣдь, «жертвуетъ на Бога», какъ онъ выражается. Положимъ, что его копейка составляетъ небольшую часть тѣхъ капиталовъ, которые истрачиваются на эти постройки, но все же много-много кровавой мужицкой копейки идетъ на постройки этихъ храмовъ. Большая же ихъ часть пополняется пожертвованіями тщеславія купца, имѣющаго въ виду полученіе медали, или ханжи-міроѣда, мясцаго подкупить самого Бога, а то и административнаго распорядителя, намѣревающагося погрѣть руки около такого горячаго дѣла; но принципъ и его послѣдствія все-таки хороши, и роскошь эта, хотя и непроеводительная и которую Христосъ вовсе не проповѣдывалъ, все-таки гораздо почтеннѣе той, которая просто-таки разорительна и возбуждаетъ только одну зависть и самые дурные инстинкты. Какой-нибудь жидъ-банкиръ разводитъ ее, какъ паукъ свою паутину, въ которую летятъ глупыя мухи. Наконецъ, такъ какъ мужикъ лишень нравственнаго развитія, то для простой его души Божій домъ есть единственное мѣсто, гдѣ она находитъ безсознательный отзвукъ поэтическаго ея элемента...

И вотъ, разсуждая на эту тему, мы подъѣхали къ Старому Новгороду, а вскорѣ уже нашъ дормезъ вѣзжалъ въ знакомыя мнѣ улицы роднаго Петербурга.

Мы распрощались съ графомъ, и онъ взялъ съ меня слово непременно попрежнему посѣщать его. Дорога сближаетъ даже иногда совершенно чужихъ людей, невольно какъ-то познаешь другъ друга, обмѣниваешься мыслями, откровенничаешь и очень скоро начинаешь понимать своего спутника. Вотъ и со мною по отношенію къ графу случилось то же самое. Послѣ этой поѣздки мы какъ-то особенно сблизились, сдружились, и я почувствовалъ потребность все чаще и чаще быть въ его миломъ обществѣ.

П. П. Соколовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЧЕТВЕРТЫЙ БРАКЪ.

(Быль изъ сибирскихъ нравовъ).

РЕДСТАВЬТЕ себѣ, читатель, фигуру атлетическаго сложенія: ростъ не менѣе 2 аршинъ 10—11 вершковъ, талии нѣтъ, грудь, аршина полтора въ обхватѣ, сливается съ огромнымъ животомъ, покоящимся на двухъ бревнахъ-ногахъ. Голова, напоминающая хорошую, выдавшуюся тыкву, сидитъ прямо на богатырскихъ плечахъ, шеи нѣтъ. Волосы, съ значительною просѣдою, острижены въ кружокъ, подбородокъ скрывается подъ густою, также полусѣдою бородою, не особенно длинною, подстриженною въ одну общую съ бакенбардами дугу. Лобъ, носъ, губы, уши,—все, кромѣ глазъ, по размѣрамъ, отвѣчаетъ общему сложенію. Одни глаза смотрятъ изъ небольшихъ, углубленныхъ щелокъ, а по срединѣ лба красуется огромный, утолщенный шрамъ, значащійся въ паспортѣ его владѣльца «особой примѣтой». Шрамъ этотъ—прискобное воспоминаніе о прежней профессіи Харлампія Ѳеодоровича Котикова (такъ звали описанную фигуру). Теперь это—первогильдескій купецъ большого сибирскаго города, богатый домовладѣлецъ, крупный мѣстный благотворитель, желанный гость губернскихъ генераловъ, первый исполнитель заботъ преосвященнаго о благолѣпініи городскихъ храмовъ, директоръ тюремнаго комитета и членъ губернскаго пріютскаго попечительства. Въ торжественные дни вы можете видѣть Харлампія Ѳеодоровича въ со-

борѣ, въ расшитомъ со всѣхъ сторонъ мундирѣ, въ бѣлыхъ панталонахъ, съ треугольной шляпой въ рукахъ и при шпагѣ гражданскаго образца, стоящимъ среди чиновной знати, въ позѣ, достойной кисти хорошаго жанриста. Весь городъ зналъ, что въ день полученія изъ Москвы всей мундирной аммуниці Харлампій Ѳедоровичъ торжественно, въ присутствіи своей супруги и многочисленныхъ молодцовъ, надѣлъ на себя всѣ принадлежности своего новаго величія, позвалъ священника, приказалъ отслужить молебенъ, а затѣмъ распорядился заложить праздничную пару бѣговыхъ коней въ шелковую коляску и отправился къ архіерею, губернатору, а затѣмъ къ фотографу, которому заказалъ своей большой портретъ, украшающій стѣну въ приѣмной оригинала. Копія этого живописнаго портрета долго висѣла въ витринѣ фотографа на главной улицѣ города, какъ образецъ мѣстнаго фотографическаго искусства. Правда, въ городѣ знали, что губернаторъ отрицаетъ право Котикова носить бѣлыя панталоны, что по этому вопросу, сильно взволновавшему Харлампія Ѳедоровича, происходило особое совѣщаніе между губернаторомъ и жандармскимъ полковникомъ, на которомъ, уступая усиленной просьбѣ преосвященнаго, было рѣшено предоставить Котикову «сносить» полученные имъ бѣлыя панталоны, но обязать его новыхъ не заказывать. Такъ или иначе, Харлампій Ѳедоровичъ и теперь является въ соборъ въ бѣлыхъ панталонахъ, строго заказавъ женѣ беречь ихъ отъ моли пуще глаза. Въ тайникахъ своей души Котиковъ мечтаетъ о владимирскомъ крестѣ. «Двадцати тысячъ не пожалѣлъ бы, да случая нѣтъ», не разъ горевалъ самъ съ собой Харлампій Ѳедоровичъ. Развѣ вотъ въ головы проберусь—тогда...

И Котиковъ терпѣливо ждетъ своего случая.

Къ терпѣнію ему не привыкать. Все его настоящее положеніе пріобрѣтено имъ горбомъ и кнутомъ. Котиковъ—уроженецъ одной изъ волжскихъ губерній, жители которой испоконъ вѣка занимаютъя извозомъ. Простымъ ямщикомъ перевалилъ Котиковъ за Уралъ съ обозомъ мануфактуры, оттуда набралъ чаевъ и повезъ ихъ въ Нижній. Идя пѣшкомъ за обозомъ, онъ зорко оглядывался кругомъ, зная, какъ ловко трактовые «промышленики» подѣзжаютъ по ночамъ къ обозамъ и быстро «срѣзываютъ» цыбики съ чашемъ. Зналъ онъ, что за ними не угнаться, что они ѣздятъ съ пистолетами и ружьями, что лошади у нихъ степныя, рѣзвыя, «ученыя», «разговоръ понимаютъ», что въ очень рѣдкихъ случаяхъ ямщикамъ удается отбиться отъ грабителей и уберечь обозъ.

Трактовые чайные обозы тянутся на версту и больше, людей идетъ по одному человѣку на 4, 5 и даже 6 лошадей. Гдѣ тутъ усмотришь? Спать ямщики днемъ да при остановкахъ, на постоя-

лыхъ дворахъ, ночью же, когда ѣдутъ, они бодрствуютъ, ежеминутно обмѣниваясь возгласомъ: «смотри»... Подгородныя мѣста считаются самыми опасными: въ городахъ живутъ скупщики краденаго и мануфактурныхъ товаровъ, эти скупщики въ дружбѣ и съ грабителями, и съ полиціей.

Подъѣзжая къ городу или къ большому, торговому селу, ямщики удваиваютъ свою бдительность, ждутъ нападенія. Малѣйшій шорохъ въ кустахъ, знакомый пересвистъ грабителей, тѣнь ихъ лошадей и кошевокъ,—все это зловѣщіе признаки близости грабителей. Ямщики собираются въ началѣ, серединѣ и въ концѣ обоза, готовятъ оборонѣ и усиленными криками: «смотри» даютъ знать, что они на-сторожѣ. Ловкіе, опытные грабители тихо подъѣзжаютъ къ промежуточнымъ телѣгамъ или санямъ, срѣзываютъ два, три, а иногда и больше цыбиковъ чая или мѣсть мануфактуры, и скрываются въ ближайшемъ лѣсу.

Ямщики, придя въ городъ только съ разсвѣтомъ, повѣряя обозъ, видятъ, что не даромъ въ послѣднемъ подгородномъ лѣску они слышали шорохъ, пересвистъ, видѣли тѣни лошадей и кошевокъ.

— Срѣзали, язви ихъ. Два мѣста срѣзали. Иванъ Косой, надо быть, больше некому,—увѣренно рѣшаютъ ямщики.

— Его работа... Спасское (село) бы Богъ привелъ счастливо миновать; тамъ Оедька Синій Глазь—отмѣнный грабитель

Какъ разъ подъ этимъ Спасскимъ, большимъ торговымъ селомъ, широко и привольно раскинувшимся вдоль берега огромной сибирской рѣки, пришлось Котикову съ товарищами испытать встрѣчу съ трактовыми грабителями.

Ночь была темная, зги не видать. Ямщики не спали. Когда обозъ въѣхалъ въ лѣсъ, смежный съ Спасскимъ, всѣ ямщики перекрестились и насторожились. Спасскіе грабители выѣзжали на работу съ ружьями и, бывали случаи, клали ямщиковъ на мѣстѣ. Котиковъ, по своему росту и сложенію, чуть не цѣлой головой выдѣлялся изъ группы товарищей.

— Къ Оедькѣ подходимъ,—шутили ямщики, намекая на Оедьку Синій Глазь.

— Только бы попался онъ мнѣ,—отозвался Котиковъ:—больше ему не жить...

— Какъ же, попадется онъ, жди. Который годъ грабить, а все изловить не могутъ. Лонись, дядю Акима на мѣстѣ уложилъ, изъ рукъ цыбикъ урвалъ и былъ таковъ. День цѣльный стояли въ Спасскомъ, искали, да развѣ его, чорта эдакаго, найдешь? Не даромъ баринъ (земскій засѣдатель, становой приставъ) съ тѣхъ поръ на новой тройкѣ ѣздитъ. Ищи его...

— Слушай,—раздалось вдругъ впереди обоза.

Ямщики, по обыкновению, раздѣлились на три группы, въ трехъ мѣстахъ вдоль обоза.

Услышавъ окрикъ, Котиковъ, шедшій въ обозѣ старостой, зычнымъ голосомъ отвѣтилъ: «есть», и, обратившись къ ближайшимъ товарищамъ, прибавилъ:

— Ну, ребята, держи ухо востро. Отъ лошадей ни на шагъ. Въ случаѣ чего, ревите на помощь. Я съ Андреемъ останусь сзади.

— Слушай,—повторили передовые.

Котиковъ съ Андреемъ шли молча, прислушиваясь къ лѣсному гулу. Все вниманіе ихъ было обращено на боковыя лѣсныя дорожки, проложенныя грабителями къ большому тракту. Подходя къ одной изъ этихъ дорожекъ, Котиковъ сказалъ Андрею:

— Еще лонись здѣсь чаща была, а теперь кругомъ тропки понадѣлали, язви ихъ.

— Слушай,—раздалось уже изъ середины обоза.

— Это Матвѣй окликаетъ. Должно, шорохъ есть, у него ухо вострое. Мотри, въ середку ударять,—озабоченно замѣтилъ Андрей.

— Въ середку—поспѣю,—успокоилъ его Котиковъ.

Грабители дѣйствительно ударили въ середину обоза. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ изъ середины обоза послышался отчаянный крикъ Матвѣя:

— Ребята, сюда, къ шестой связкѣ, грабятъ.

Крикъ Матвѣя слился съ лошадинымъ топотомъ и пересвистомъ грабителей. Котиковъ бросился впередъ. Ночь—глазъ выколи, даже снѣга не видно. Такія ночи бываютъ только въ Сибири. Обозныя лошади и тѣ зимой сбиваются съ дороги и заходятъ въ сугробы. Котиковъ привыкъ къ такимъ ночамъ, да и трактъ онъ знаетъ, какъ свою ладонь. Съ крѣпкимъ, здоровымъ кнутомъ въ правой рукѣ (единственное оружіе Котикова) онъ живо очутился на мѣстѣ нападенія. Грабителей было трое: одинъ сидѣлъ къ кошеvkѣ, держалъ лошадь, а двое, на ходу выскочивъ изъ кошевки, ловкимъ, привычнымъ прыжкомъ перескочили на другую сторону обоза и скрылись за санями. Котиковъ кинулся къ кошеvkѣ, но едва онъ успѣлъ схватиться за оглобли, какъ лошадь рванулась впередъ, и онъ почувствовалъ сильный ударъ по лбу. Его отбросило въ сугробъ. Не замѣчая боли, сдвинувъ на затылокъ свою баранью шапку, Котиковъ, выбираясь изъ сугроба, глазами искалъ вырвавшуюся изъ его рукъ кошеву. Кругомъ все было тихо. Слышался впереди лишь скрипъ полозьевъ по снѣгу. Котиковъ понялъ, что онъ отсталъ отъ обоза, и не своимъ голосомъ заревѣлъ:

— Стой!

Скрипъ полозьевъ продолжался. Котиковъ вышелъ на дорогу и побѣжалъ за обозомъ.

— Разбрелись по санямъ, не слышать, должно, отбились,—самъ съ собой разсуждалъ Котиковъ, прислушиваясь къ доносившемуся по вѣтру скрипу полозьевъ.

— Матвѣй, Андрей, стой, язви васъ,—раздался по лѣсу могучій голосъ Котикова. Обозъ былъ близко, и Котиковъ ясно услышалъ голосъ Матвѣя:

— Робята, стой. Котиковъ, надо быть, отсталъ,—слышь, реветь бѣлугой.

Передовые остановили лошадей, и весь обозъ сталъ.

— Оглохли, черти,—больше самъ себѣ сказалъ Котиковъ, подходя къ обозу.—Трогай!—крикнулъ онъ передовымъ и, разсмотрѣвъ Матвѣя, спросилъ:

— Ну, что, отбились? Меня кто-то здорово хватилъ чѣмъ-то по лбу, въ сугробѣ довольно времени безъ памяти пролежалъ. Зажги-ка сѣрнячекъ, глянь—на лбу-то что есть?

Матвѣй досталъ спички, зажегъ одну и поднесъ ко лбу Котикова, но спичка сгорѣла раньше, чѣмъ Матвѣй успѣлъ что-либо разсмотрѣть.

— Ну, ладно, брось, въ Спасскомъ на постояломъ посмотримъ, а теперь покурить бы,—рѣшилъ Котиковъ и полѣзъ подъ доху за кисетомъ и трубкой.

— Какъ отбились-то?—повторилъ онъ свой вопросъ Матвѣю.

— Сами отстали, язви ихъ. Одного Андрей было ухватилъ, да вырвался, между связками проскочилъ, гикнулъ другому, оба впрыгнули въ кошеву и погнались въ лѣсъ. Лошадь, шутъ ее возьми, рѣзвая...

— У нихъ лошади—первый сортъ, слова понимаютъ,—уже съ улыбкой отвѣтилъ Котиковъ и спросилъ:

— Ну, а возы-то цѣлы?

— Въ Спасскомъ, придемъ, осмотримъ. Должно, цѣлы.

Съ первымъ проблескомъ утренняго свѣта обозъ Котикова въѣхалъ въ Спасское. Передовые кони потянули весь обозъ къ знакому постоялому двору. Два ямщика стали въ воротахъ, чтобъ осмотрѣть проходившіе возы, а Котиковъ прошелъ прямо въ избу. При входѣ въ горницу онъ хотѣлъ снять шапку, чтобы перекреститься, но шапка примерзла ко лбу. Рванувъ ее, Котиковъ почувствовалъ адскую боль. Шедшій за нимъ Матвѣй, увидѣвъ повисшую на лбу товарища шапку, подошелъ посмотрѣть, въ чемъ дѣло. Шапку держала запекшаяся и примерзшая кровь.

— Постой, отмочить надо-тъ,—остановилъ онъ Котикова, намѣревавшагося уже вторично рвануть шапку.

Матвѣй пошелъ въ сосѣднюю комнату съ русской печью, принесъ теплой воды и, когда шапка отстала отъ лба, Матвѣй увидѣлъ глубокую рану, проходившую поперекъ всего лба Котикова.

— Ловко онъ тебя звѣзданулъ,—промывая рану, замѣтила Матвѣй.

— Язви ее, заживетъ. Возы-то цѣлы?—еще разъ спросилъ Котиковъ.

Въ эту минуту въ избу вошелъ одинъ изъ ямщиковъ. Перекрестившись на образъ, онъ оглянулся вокругъ и, обращаясь къ Котикову и Матвѣю, сказалъ:

— Два мѣста срѣзали, шутъ ихъ дери. Въ третьей связкѣ съ конца всѣ веревки перерѣзаны.

— Надо старостѣ заявить, а то отвѣчать будемъ,—забывъ свою боль, отозвался Котиковъ и направился къ выходу.

— Заявляй, не заявляй, подрядчикъ не простить,—разсудилъ самъ съ собой Матвѣй.

— Знамо, не простить,—хоромъ подтвердили ямщики.

Шрамъ, значащійся въ паспортѣ Котикова «особой примѣтой», есть не что иное, какъ зажившая рана, нанесенная ему подъ Спаскимъ легендарнымъ Оедкою Синимъ Глазомъ. Много лѣтъ послѣ ходилъ Котиковъ съ обозами прежде, чѣмъ выбился самъ въ подрядчики по транспортированію кладей, а затѣмъ и въ первостатейные купцы большого сибирскаго города. Двухъ женъ успѣлъ онъ похоронить за это время и уже не первый годъ былъ женатъ на третьей, женщинѣ простой, смирной и больной. Къ чести Котикова надо сказать, что онъ былъ всю жизнь мужикъ трезвый, разсудительный и, требуя отъ жены и домашнихъ полного уваженія и безусловной покорности, воли рукамъ не давалъ и дома не безобразничалъ. Дѣтей у Котикова не было никогда, и это очень печалило и его, и его вторую жену, которая даже ѣздилла куда-то лечиться отъ безплодія, молилась св. Пантелеймону и принимала всѣ другія мѣры, рекомендованныя ей опытными старухами. Но ничто не помогло, и Пульхерія Сидоровна скончалась бездѣтною, какъ и первая жена Котикова.

Женившись въ третій разъ, Харлампій Оедоровичъ рассчитывалъ, что молодая и здоровая до свадьбы Арина Степановна «поддержитъ коммерцію» и подаритъ ему наслѣдника. Но годъ проходилъ за годомъ, а Арина Степановна только все больше и больше жаловалась на «стѣсненіе въ груди» и на сильный кашель по ночамъ. Лучшій въ городѣ докторъ ежедневно навѣщалъ Котикову, прилагая всю силу своего разумнія для излеченія больной, но стѣсненіе въ груди и кашель не прекращались. Извѣрившись въ искусство врача, Арина Степановна упросила мужа отпустить ее къ саратовскому, кажется, мужику, который лечитъ грудь травами и сѣномъ. «Мертвыхъ, сказываютъ, воскрешаетъ и на ноги ставитъ», убѣждала она Харлампія Оедоровича, ссылаясь на городскіе толки.

Подумалъ, подумалъ Котиковъ и рѣшилъ ѣхать съ женой самъ весной, на первыхъ пароходахъ.

Уѣхавъ въ маѣ, Котиковы вернулись домой въ сентябрѣ, вполне довольные своей поѣздкой. Арина Степановна пріѣхала съ румянцемъ во всю щеку, безъ кашля и стѣсненія въ груди. Рассказывая пріятелямъ о мужикѣ-чудотворцѣ, Котиковъ каждый разъ самодовольно прибавлялъ, обращаясь къ женѣ:

— Ну, теперъ, Аринушка, и о наслѣдникѣ тебѣ пора подумать.

Арина Степановна не менѣе, если не болѣе, мужа желала имѣть дѣтей. Но счастье быть матерью желаннаго ребенка не выпало на ея долю. Поздней осенью, у всенощной въ архіерейской церкви, она сильно простудилась, вновь начался кашель, опять почувствовала она старое стѣсненіе въ груди. Котиковъ видѣлъ, что жена чахнетъ, и весной собирался опять везти ее къ саратовскому чудотворцу. Помимо того, что Котиковъ по-своему любилъ и жалѣлъ жену, онъ помнилъ, что въ четвертый разъ жениться нельзя и что со смертью Арины Степановны онъ останется вдовцомъ до гроба.

— Ты мнѣ ее только до весны протяни, до пароходовъ,—просилъ онъ доктора:—а тамъ Ефимъ ее опять здоровьемъ напоить.

Но какъ ни старался врачъ исполнить просьбу стараго и выгоднаго паціента, ничего подѣлать не смогъ: съ первыми признаками вскрытія рѣкъ Арина Степановна слегла въ постель и уже не встала съ нея.

Похоронивъ третью жену, Котиковъ задумался. Кому достанутся всѣ его богатства? Для кого настроилъ онъ домовъ, накопилъ капиталовъ? Правда, есть у него сирота-племянникъ, сынъ его покойной сестры, жившій при дядѣ въ приказчикахъ по транспортному дѣлу, но Котиковъ видѣлъ, что толку изъ этого парня не выйдетъ. Предчувствуя большое наслѣдство, Семень не прочь былъ и покутить и въ картишки перекинуться, и на бильярдѣ выучился шары катать, и долгишки завелъ у него. Котиковъ пробовалъ оставливать и словами и угрозою лишить наслѣдства, но Семень не становился разсудительнѣе и надежнѣе.

— Лодырь-парень! Все спустить, какъ только я глаза закрою. Лучше на добрыя дѣла да на церкви отдать, а ему заведенное транспортное дѣло останется. Сумѣетъ его повести—самъ деньги наживетъ. Да не сумѣетъ, гдѣ ему! Все прахомъ пустить!—разсуждалъ самъ съ собой Котиковъ, раздумывая, какъ бы лучше распорядиться своими капиталами. Наконецъ онъ рѣшилъ поѣхать къ преосвященному и къ губернатору посоветоваться. «Можетъ, и владимирскій крестъ передъ смертью дадутъ», мелькнула въ головѣ Котикова старая завѣтная мечта.

Но прошелъ мѣсяцъ, другой, а Котиковъ все откладывалъ свою бесѣду съ преосвященнымъ и съ губернаторомъ о пожертвованіяхъ. Тѣмъ временемъ ему приглянулась одна вдовушка, коротавшая свой вѣкъ въ одиночествѣ и недавно принявшая должность смотрительницы въ пріютѣ, устроенномъ покойною Ариною Степановною. Посѣщая пріютъ въ качествѣ директора, Котиковъ все больше и больше заглядывался на вдовушку, которая пользовалась видимымъ вниманіемъ къ ней директора, чтобы выпросить у него то или другое для пополненія или улучшенія хозяйства пріюта; Котиковъ немедленно исполнялъ всѣ просьбы смотрительницы, такъ что даже губернаторъ предпочиталъ дѣйствовать на доброе сердце Котикова черезъ посредство вдовушки. По цѣлымъ часамъ просиживалъ Харлампій Ѳедоровичъ въ пріютѣ, бесѣдуя съ смотрительницей и о нуждахъ пріюта, и о разныхъ другихъ предметахъ. Хитрая и ловкая вдовушка отлично умѣла поддержать разговоръ, соотвѣтственный настроенію гостя, а настроеніе это принимало все болѣе и болѣе жалобный оттѣнокъ.

— Одинокъ я, Софья Петровна, только у васъ въ пріютѣ и отвою душу. Вы точно мать родная о нашихъ дѣтяхъ заботитесь. Спасибо вамъ.

— Нельзя, Харлампій Ѳедоровичъ, они—сироты; я сиротскую долю на себѣ прошла, знаю ее!—въ тонъ Котикову отвѣчала вдовушка.

— Вы что! Вы по своей волѣ на себя обѣтъ христіанскій наложили, душу спасаете,—вамъ и легко. А я вотъ всю жизнь горбомъ и кнутомъ капиталъ копилъ, а для кого? Глазъ закрыть, какъ умру, некому. Развѣ вы за дѣтей нашихъ, пріютскихъ, поплачете?

— А вы бы невѣсту себѣ хорошую нашли, да и женились; съ вашимъ капиталомъ за васъ каждая пойдетъ. Можетъ, Богъ дастъ, и наслѣдника дождались бы,—ехидно совѣтовала вдовушка, отлично знавшая, что Котиковъ похоронилъ уже трехъ женъ.

— Грѣшно вамъ надъ старикомъ смѣяться, Софья Петровна. Четвертой жены у православнаго христіанина не бываетъ,—со вздохомъ отвѣтилъ Котиковъ.

— У другихъ не бываетъ, а вамъ преосвященный разрѣшить за ваши благотворенія и заботу о церквахъ,—вела свою линію ловкая собесѣдница.

— А вы пойдете за меня, если преосвященный разрѣшить?—вдругъ выпалилъ Котиковъ, хватаясь за шапку.

— Если возьмете, отчего не пойти? Человѣкъ вы хорошій, добрый, обижать меня не станете. А ужъ наслѣдника я вамъ подарю—останетесь довольны.

Котиковъ уже не слышалъ послѣдняго обѣщанія вдовушки. Не протрившись съ ней, онъ полетѣлъ прямо къ архіерсею.

— Дома?—спросилъ опъ знакомаго служку.

— Дома, пожалуйста, сейчас доложу.

Въ ожиданіи возвращенія служки, Котиковъ обдумывалъ, какъ ему лучше подойти къ владыкѣ съ своей необычной просьбой. Наскоро припоминалъ онъ, на какія нужды своей церкви жаловался въ послѣднее время преосвященный, и искренне обрадовался, вспомнивъ, что на замѣчаніе губернатора послѣ послѣдней пасхальной заутрени о томъ, что одежда архіерейскаго хора ветха и выцвѣла, владыка смиренно отвѣтилъ: «Жду усердія прихожанъ и моихъ друзей, чтобъ одѣть моихъ пѣвчихъ, какъ подобаетъ; доходы моего дома, какъ извѣстно вашему превосходительству, крайне недостаточны, и всѣхъ нуждъ на нихъ справить невозможно».

Котиковъ, слышавшій эти слова архіерея, въ то время нарочно отошелъ въ уголокъ архіерейской столовой, а теперь рѣшилъ воспользоваться ими, чтобы сдѣлать сначала пріятное владыкѣ и ужъ затѣмъ высказать ему свою просьбу.

— Пожалуйста въ кабинетъ,—прервалъ думы Котикова возвратившійся служка:—владыка послѣ завтрака дѣлами занялся.

Котиковъ прекрасно зналъ дорогу въ дѣловую кабинетъ преосвященнаго. Не одинъ разъ владыка принималъ его среди своихъ дѣловыхъ занятій. Пріотворивъ дверь кабинета, Котиковъ, не входя, спросилъ:

— Благословите вамъ помѣшать, ваше преосвященство.

— Прошу покорно, досточтимый Харлампій Ѳеодоровичъ,—привставъ съ кресла, отвѣчалъ владыка.—Всегда радъ видѣть васъ у себя здоровымъ и счастливымъ.

— Счастье не для насъ, владыка,—подходя подъ благословеніе и прикладываясь къ рукѣ архіерея, тихо проговорилъ Котиковъ.

— Унывать никогда не слѣдуетъ. Счастье въ рукахъ Божьихъ; сегодня его нѣтъ, а завтра, глядишь, есть. Вѣрующій христіанинъ уже счастливъ тѣмъ, что онъ вѣритъ!.. Что привело васъ ко мнѣ, благочестивый Харлампій Ѳеодоровичъ, дѣло какое, или такъ, по пути старика навѣстить заѣхали?—спросилъ архіерей.

— И дѣло есть, и просьба есть, преосвященнѣйшій владыка. Дѣло небольшое, а просьба большая...

— И дѣло, и просьбу слушаю съ удовольствіемъ,—прервалъ Котикова архіерей.—Для васъ, вы знаете, у меня отказа не бываетъ. Вы—проситель разсудительный.

— Хоръ вашего преосвященства, — началъ Котиковъ, — нало одѣть въ новыя одежды...

— Знаю, что надо,—со вздохомъ прервалъ владыка:—да денегъ нѣтъ. Жду усердія благочестивыхъ людей.

— Осчастливьте, владыка, смиреннаго раба вашего Харлампія, примите отъ него двѣ тысячи рублей на новыя одежды хору и помолитесь о грѣхахъ моихъ.

Преосвященный, не ожидавший столь щедрого пожертвованія, всталъ и, благословляя Котикова, промолвилъ:

— Спасибо тебѣ, вѣрный и благочестивый сынъ православной церкви. Богъ видитъ твои дѣла и преумножитъ твои доходы...

— Не для этого жертвую, владыка. И того, что есть, некому оставить послѣ смерти. Не послалъ мнѣ Господь ни здоровой жены, ни дѣтокъ. Одинъ, какъ перстъ, на семь свѣтѣ остался.

Котиковъ вынулъ красный кумачный платокъ и вытеръ глаза.

— Роптать—грѣхъ. Господь все, что ни дѣлаетъ, къ нашему благу. Нѣтъ родныхъ, есть бѣдные, наши во Христѣ братья. Имъ завѣщайте, да и храмовъ Божьихъ не забудьте,—ораторствовалъ владыка.

— Кабы зналъ, ваше преосвященство, что завтра помру,—сегодня привезъ бы вамъ все, что скоплено, и сдать бы на добрыя дѣла. А какъ долго еще одному-то на свѣтѣ маяться?.. Вѣрите ли, владыка, домой придешь—мѣста не найти, и дѣла въ умъ нейдутъ, ни добрыя, ни злыя, ни коммерческія. На свѣтъ Божій не глядѣлъ бы!

Котиковъ опять провелъ краснымъ платкомъ по влажнымъ глазамъ и продолжалъ:

— Ваше преосвященство, уважьте мою большую просьбу: разрѣшите вступить въ четвертый бракъ. Нашелъ я не жену, а кладъ, и дѣти у ней будутъ! Все сдѣлаю, что прикажете, только благословите!

— Чего не могу, того не могу,—спокойно отвѣтилъ владыка.— И не я одинъ не могу, а и святѣйшій синодъ и тотъ не можетъ. Не-доброе надумалъ ты, Харлампій Ѳедоровичъ, и духъ мой смутилъ напрасно. Отказывать тебя въ просьбѣ мнѣ тяжело, а исполнить не могу. И не проси.

— Ваше преосвященство,—робко началъ опять Котиковъ,— сила моихъ не стало жить одинокимъ. Я руки на себя наложу, если не разрѣшите.

— Что ты, Харлампій Ѳедоровичъ, Бога не боишься. Какъ же мы-то, монахи, живемъ и принятый на себя крестъ несемъ съ покорностью и вѣрою, что духъ нашъ сильнѣе плоти. Подойди ко мнѣ, я тебя благословлю, а вечеромъ приходи ко мнѣ, къ вечернѣ, вмѣстѣ помолимся объ очищеніи твоихъ помысловъ.

Котиковъ сидѣлъ, какъ приговоренный къ смерти. Мысли его были въ пріютѣ, гдѣ полюбившаяся ему вдовушка ждала отвѣта преосвященнаго. Онъ уже не слушалъ увѣщаній владыки. Въ его головѣ бродилъ другой планъ: какъ бы уговорить вдовушку на «сводный бракъ», весьма распространенный въ Сибири не только между раскольниками, но и среди церковнаго населенія, благодаря большимъ поборамъ мѣстнаго духовенства, особенно за вѣнчаніе. При сводныхъ бракахъ отцы, старшіе братья или другіе старшіе родственники жениха и невесты благословляли послѣднихъ иконою

и объявляли ихъ мужемъ и женою, безъ участія духовенства. И молодая чета считалась въ глазахъ всего мѣстнаго общества повѣнчанной своднымъ бракомъ. Дѣти отъ такихъ браковъ признавались всѣми законными, носили фамиліи ихъ отцовъ, безспорно наслѣдовали отцовскія имущества и предпріятія, даже когда отцы умирали, не оставивъ завѣщанія. Уступая вѣковому обычаю, сибирскіе суды не затруднялись даже формально утверждать наслѣдственные права дѣтей отъ сводныхъ браковъ, на основаніи свидѣтельствъ двухъ-трехъ достойныхъ довѣрія обывателей, удостоившихъ, что просители дѣйствительно дѣти умершаго и его ближайшіе наслѣдники. И никто противъ такихъ рѣшеній суда не спорилъ, всѣ молча признавали дѣтей отъ своднаго брака законными, рожденными съ вѣдома и благословенія отца и матери родителей. Въ городахъ сводные браки заключались сравнительно рѣдко, а въ деревняхъ, гдѣ духовенства было недостаточно и оно дорого брало за всѣ требы, а особенно за вѣнчаніе, сводный бракъ сдѣлался явленіемъ обычнымъ, повседневымъ. Боролись съ этимъ явленіемъ и духовныя, и гражданскія власти, но ничего подѣлать не смогли; обычай прочно укоренился, и число сводныхъ браковъ годъ отъ году увеличивалось, къ великому огорченію сельскихъ батюшекъ и радости земской полиціи, доходы которой отъ этой статьи росли и поступали безъ недоимокъ, ибо засѣдатели брали много дешевле поповъ за регистрацію сводныхъ браковъ и рожденій, какъ бы раскольничьихъ.

Пока архіерей усовѣщевалъ Котикова, послѣдній мысленно задавалъ себѣ вопросъ: согласится или нѣтъ Софья Петровна на сводный бракъ?

Не угадывая мыслей Котикова, архіерей продолжалъ:

— Вижу, что задумался ты, благочестивый христіанинъ, и радуюсь: Всемогущій Господь наставитъ и вразумитъ тебя, а я помолюсь объ успокоеніи твоего сердца. Скажи, кто, какая такая красавица смутила твое спокойствіе?—заинтересовался владыка.—Ужь не новая ли смотрительница твоего пріюта?

— Она, владыка,—отвѣтилъ Котиковъ и просіялъ.

— Женщина достойная и почтенная, а побороть себя все-таки слѣдуетъ,—стоялъ на своемъ преосвященный.

— А если своднымъ бракомъ, ваше преосвященство, благословите, помолитесь?—выпалилъ Котиковъ.

— Не слышалъ я, Харлампій Федоровичъ, что ты сказалъ. И не повторяй, обидишь меня, старика. Разстроены ты и не помнишь, что говоришь. Не пристало мнѣ и слушать отъ тебя о сводномъ бракѣ, не то, что благословлять. Молитесь о грѣшникахъ—мой долгъ, и если узнаю я, что рѣшился ты на сводный бракъ, помолюсь и за тебя, но благословенія своего дать тебѣ на завѣдомый грѣхъ не могу. Неладное ты задумалъ.

Котиковъ всталъ и молча подошелъ подь благословеніе. Преосвященный, благословляя, сказалъ:

— Господь да вразумить тебя.

Три дня Котиковъ обдумывалъ свою бесѣду съ архіереемъ, три дня не былъ въ пріютѣ и не видалъ вдовушки. Захватившее его желаніе боролось съ чувствомъ страха нарушить наставленіе владыки и подвести себя подь незамолимый грѣхъ. Видимо, озабоченный, сидѣлъ онъ безвыходно дома и даже не спускался въ контору. Всѣхъ, кто только спрашивалъ его въ эти дни по дѣламъ, онъ, черезъ мальчика, посылалъ внизъ, къ старшему приказчику, который одинъ по вечерамъ, заперевъ контору, свободно входилъ въ освѣщенную лампадами, горѣвшими передъ большимъ кіотомъ, опочивальню хозяина. Молча выслушивалъ его Котиковъ и отпускалъ однимъ словомъ: «Хорошо, ступай». Молодцы рѣшили, что хозяинъ «последнюю волю сочиняетъ». Племянникъ Семень даже въ трактиры пересталъ ходить и каждый день просилъ старшаго приказчика сказать дядюшкѣ, что онъ совсѣмъ остепенился и «всѣ глупости свои бросилъ». Никому и невдомекъ, какая дума засѣла въ головѣ Котикова.

На третій вечеръ онъ, выслушавъ приказчика, сказалъ:

— Завтра отвези двѣ тысячи казначею архіерея, скажи, я прислалъ на новыя одежды пѣвчимъ. Преосвященный знаетъ.

— Больше ничего не прикажете?—спросилъ приказчикъ.

— Нѣтъ, ступай.

Приказчикъ вышелъ, а Харлампій Ѳедоровичъ подошелъ къ столу, на которомъ лежали большіе, старые счеты. Медленно, что-то обдумывая, началъ онъ перебрасывать костяшки счетовъ, то накидывая, то убавляя первоначально положенную сумму.

— Десять мало, не согласится, а больше дать теперь—боязно, пожалуй, уйдетъ скоро,—самъ съ собой вслухъ разсуждалъ Котиковъ. — Начну съ десяти, а тамъ видно будетъ, прибавить всегда успѣю. Скажу, что послѣ смерти все ей же запишу, крѣпостное завѣщаніе въ губернскомъ правленіи совершу и покажу ей, а сейчасъ болѣе десяти тысячъ давать опасно. Какъ разъ въ дуракахъ оставить.

На слѣдующее утро Котиковъ, едва проснувшись, позвалъ приказчика и приказалъ ему вынуть изъ банка десять тысячъ рублей и привезти ему.

— Преосвященному или губернатору повезете?—спросилъ приказчикъ, предполагая новое пожертвованіе.

— Не твое дѣло—рѣзко оборвалъ его Котиковъ.

Не торопясь, Котиковъ поднялся съ своего вдовьяго ложа, помылся и дольше обыкновеннаго стоялъ передъ кіотомъ, усердно крестясь и кладя низкіе поклоны. Задолго до десяти часовъ, когда

открывался банкъ, онъ уже сидѣлъ въ столовой и пилъ чай, чашку за чашкой, нетерпѣливо поглядывая на большіе висѣвшіе на стѣнѣ часы съ гириями. Наконецъ пробило десять часовъ. Котиковъ всталъ, прошелъ въ заднія сѣни, спустился по лѣстницѣ во дворъ и крикнулъ кучеру:

— Запряги сейчасъ сѣраго въ коробокъ и выѣзжай къ крыльцу.

Коробокъ — плетеная корзина, укрѣпленная на длинныхъ, тонкихъ, гибкихъ дрожинахъ,—любимый экипажъ Котикова. «Въ коробкѣ—все одно, что въ люлькѣ качаетъ, лучше всякихъ рессоръ», говорилъ онъ заѣзжимъ людямъ, не привыкшимъ къ этому весьма распространенному за Ураломъ экипажу. И дѣйствительно, кто поѣздилъ въ хорошемъ екатеринбургскомъ коробкѣ, съ грушевыми дрожинами, не разъ вспомнить эту покойную люльку, садясь на петербургскаго или московскаго извозчика съ лежащими рессорами. Никакія рытвины, никакая грязь не страшны коробку: выдержалъ бы шкворень, а дрожины выдержать какой угодно толчокъ, и сѣдока лишній разъ качнетъ—«только и всего», какъ любятъ говорить сибиряки.

Вернувшись наверхъ, въ столовую, Котиковъ, стоя у часовъ, смотрѣлъ то въ окно, то на часы, пока не завидѣлъ издали ѣдущаго изъ банка приказчика.

— Ёдетъ. Сегодня же сдѣлаю конецъ. Либо такъ, либо этакъ. Или по-моему выйдеть, или смотрительшу другую искать буду.

Вошелъ приказчикъ.

— Привезъ?

— Получите.

Пересчитавъ деньги, Котиковъ положилъ ихъ въ огромный засаленный бумажникъ, перевязанный шнуркомъ.

— Теперь ступай въ контору и ждите меня, черезъ часъ приѣду. Надо сегодня склады повѣрить.

Приказчикъ вышелъ, а за нимъ вышелъ и хозяинъ.

— Въ пріютъ!—приказалъ Котиковъ кучеру.

Подѣхавъ къ пріюту, Котиковъ быстрѣе обыкновеннаго вылѣзъ изъ своего коробка, съ особенною силою отворилъ входную дверь и большими шагами, ступая черезъ ступеньку, взошелъ на лѣстницу. Въ коридоръ, въ который вела входная лѣстница, бѣгали дѣти. Завидѣвъ директора, мелюзга притихла, сбилась въ кучку въ одномъ концѣ коридора, противоположномъ тому, куда направился Харлампій Ѳедоровичъ и гдѣ была пріемная, смежная съ комнатою смотрительницы. Всегда очень внимательный къ дѣтямъ, Котиковъ на этотъ разъ не обратился къ нимъ даже съ обычнымъ привѣтствіемъ и не замѣтилъ поклона сидѣвшей тутъ же старушки-няни, которую такъ любила покойная Арина Степановна и съ которой онъ часто

любилъ вспоминать покойницу. Видя, что Харламій Ѳедоровичъ направляется въ комнату смотрительницы, старушка громко сказала ему вслѣдъ:

— На дворѣ она, мясо принимаетъ.

— Пошли ее сюда, скажи, что я пріѣхалъ, — отвѣтилъ Котиковъ, остановившись въ пріемной.

Софья Петровна, стоя на дворѣ противъ воротъ, видѣла, какъ подѣхалъ директоръ, и уже входила по лѣстницѣ, навстрѣчу посланной за нею старушкѣ.

— Пріѣхалъ, тебя позвать велѣлъ, — сказала ей няня.

— Видѣла, иду, — отвѣтила Софья Петровна.

— Злой что-то, не поздоровался ни съ дѣтьми, ни со мной, — прибавила старушка.

Софья Петровна улыбулась и ускорила шаги.

Заслышавъ ея шаги, Котиковъ всталъ съ дивана и вышелъ въ коридоръ.

— Дѣлами были заняты? — спросила онъ Софью Петровну, протягивая ей руку.

— Мясо привезли, такъ ходила посмотреть, — свой глазъ вѣрнѣе, отвѣтила вдовушка и спросила:

— Что это вы насъ забыли, Харламій Ѳедоровичъ, ужь здоровы ли?

— Думу думалъ. Пойдемте въ вашу комнатку да потолкуемъ. Дѣло серьезное.

— Былъ я у преосвященнаго, — началъ Котиковъ, когда они вошли въ комнату Софьи Петровны и сѣли: онъ на диванъ, а она сбоку на кресло. Не разрѣшаетъ, говорить: никакъ не могу.

— Да вы никакъ серьезно задумали жениться? — ехидно спросила Софья Петровна.

— Всячески просилъ, — не слушая свою собесѣдницу, продолжалъ Котиковъ: — твердить одно: нельзя, да нельзя, вишь, и синодъ этого разрѣшить не можетъ.

Софья Петровна молчала. Всѣ ея утреннія мечты разбивались безповоротно, и она мысленно искала способа поскорѣе прекратить эту тяжелую для нея бесѣду. Наконецъ она сказала:

— Нечего дѣлать, Харламій Ѳедоровичъ, надо вамъ покакориться и успокоиться. Дѣлъ и заботъ у васъ много, и безъ жены проживете.

— Не успокоиться мнѣ: вотъ мое горе! Не такой я человѣкъ, чтобы не добиться своего, если что въ голову взялъ. Три дня молился я и вотъ что надумалъ: нельзя повѣнчаться по церковному, такъ можно другимъ манеромъ пожениться.

Софья Петровна открыла большіе глаза и съ недоумѣніемъ смотрѣла на Котикова.

— Можно такъ, — продолжалъ Харламій Ѳедоровичъ: — какъ въ деревняхъ женятся, гдѣ поны дорого за свадьбу берутъ. Знаете?

— Слышала, но вѣдь это—незаконная свадьба, и въ метрикахъ она не записывается.

— А на что намъ метрика? Кого намъ бояться? Ни у васъ, ни у меня наибольшихъ нѣтъ. Самы себѣ господа, живемъ, какъ хотимъ.

— Передъ чужими людьми стыдно будетъ: всѣ полюбовницей называть станутъ. И васъ, и меня каждый осудитъ. А если наслѣдника намъ Богъ пошлетъ, вѣдь онъ какъ бы и не вашъ будетъ. Нѣтъ, Харлампій Ѳедоровичъ, неладное дѣло вы задумали, на старости лѣтъ осрамите и себя, и меня.

Говоря это, Софья Петровна думала другое: ей вспоминались извѣстныя въ городѣ открытыя сожительства многихъ чиновныхъ и торговыхъ людей, пользующихся общимъ почетомъ; самъ новый губернаторъ пріѣхалъ съ «племянницей», которую по секрету выдавалъ за свою незаконную дочь, а на самомъ дѣлѣ всѣ знали, что это была подруга его одинокой жизни. Не она первая, не она послѣдняя. Къ тому же всѣ знаютъ, что Котиковъ похоронилъ трехъ женъ и въ четвертый разъ жениться не можетъ.

— Никакого сраму не будетъ, всѣмъ объявлю, что вы—моя хозяйка, и дѣлу конецъ. Каждый знаетъ, что я жениться по церковному больше не могу. Другое дѣло,—кто можетъ, да не хочетъ, а я хочу, да не могу,—продолжалъ Котиковъ, какъ бы угадывая мысли Софьи Петровны.

— Ну, а какъ надоѣмъ я вамъ, разлюбите и бросите?—начала сдаваться вдовушка.

— Этого вамъ бояться грѣхъ. Пока живъ, буду любить и холить, а помру—все, что было мое, ваше станетъ. Нерушимую духовную въ губернскомъ правленіи напишу,—убѣждалъ Котиковъ. Что же, согласны?

Софья Петровна не отвѣчала; въ душѣ она уже согласилась, но все еще боялась сказать: «да».

Котиковъ между тѣмъ продолжалъ соблазнять податливую вдовушку:

— Одѣнетесь вы во вдове подвѣчное платье, созову я весь городъ съ преосвященнымъ и губернаторомъ и за ужиномъ прикажу Андрею во весь голосъ прочесть мою духовную. Пускай всѣ узнаютъ, что въ ваше владѣніе старикъ Котиковъ поступилъ нерушимо. Сегодня вы согласитесь, завтра духовная будетъ готова, а пока я привезъ вамъ маленькій жениховскій подарокъ.

Сказавъ это, Харлампій Ѳедоровичъ вынулъ изъ кармана свой объемистый бумажникъ и, развязывая шнурокъ, вопросительно смотрѣлъ на продолжавшую молчать Софью Петровну.

— Тутъ десять тысячъ. Дочери бы родной больше на приданое не далъ бы,—держа въ рукахъ пачку сторублевыхъ кредитокъ, соблазнялъ Котиковъ свою собесѣдницу.

— Ну, будь по-вашему, согласна,—тряхнувъ головою, рѣшилась сказать Софья Петровна и прибавила:

— Только денегъ этихъ я не возьму. На вѣру иду, на совѣсть вашу надѣюсь. Обидите, прогоните, — не замолить вамъ этого грѣха.

И Софья Петровна протянула руку Котикову.

— Святая вы, — отвѣтилъ онъ, не выпуская руки вдовушки. — Самъ Господь послалъ мнѣ васъ. Умру спокойно: не расточительниціѣ достанется мое богатство. Больше законныхъ женъ любить буду.

Котиковъ всталъ, подошелъ къ Софьѣ Петровнѣ, положилъ ей на плечи свои могучія длани и долго смотрѣлъ въ ея задумавшіяся глаза.

— Ваша теперь, цѣлуйте, — вдругъ засмѣялась вдовушка нервнымъ, громкимъ смѣхомъ.

Едва Котиковъ притянулъ къ себѣ «невѣсту», какъ въ комнату смотрительницы вошла старушка-няня, да такъ и застыла въ дверяхъ.

Въ назначенный день вечеромъ домъ Котикова горѣлъ огнями. Парадное крыльцо, отпиравшееся пять разъ въ годъ: въ Рождество, въ Новый годъ, въ первый день Пасхи и въ дни ангела хозяина и хозяйки, стояло настежь. У дверей, въ ожиданіи гостей, дежурилъ младшій приказчикъ. Каменная, выкрашенная синей масляной краской лѣстница была устлана коврами и освѣщена двумя большими боковыми лампами. Въ залѣ на небольшомъ столѣ, покрытомъ чистой скатертью, стояли два старинныхъ образа въ тяжелыхъ серебряныхъ съ позолотой ризахъ. Передъ образами горѣла большая дорогая лампада; тутъ же на столѣ лежали двѣ большія восковыя свѣчи. Широкій персидскій коверъ, закрывавшій обыкновенно всю середину зала, былъ сдвинутъ къ столу съ образами. У противоположной стѣны накрытъ былъ большой столъ, уставленный разнообразными яствами и бутылками. Около этого стола суетился извѣстный всему городу Абрамъ изъ общественаго собранія. Ему было наказано, чтобы закуска и ужинъ отличались обиліемъ и разнообразіемъ, достойными праздника. Ожидались преосвященный и губернаторъ, во главѣ другихъ почетныхъ гостей. Губернаторъ обѣщаль пріѣхать съ «племянницей», а преосвященный съ ректоромъ духовной семинаріи, съ которымъ владыка былъ неразлученъ. Въ гостиной горѣло шесть лампъ. На прочномъ, старомодномъ диванѣ краснаго дерева возсѣдала новая хозяйка дома въ бѣломъ, короткомъ шелковомъ подвѣчномъ платьѣ, съ цвѣткомъ въ головѣ и на груди и съ вѣеромъ въ рукахъ. На столѣ передъ диваномъ стояли огромныя хрустальныя вазы съ конфетами и яблоками. Лицо Софьи Петровны горѣло яркимъ румянцемъ, выдавая невольное смущеніе молодой женщины, рѣшившейся на смѣлый, но рискованный шагъ. Она поминутно посматривала на дверь въ залъ, изъ которой вотъ-вотъ войдетъ первый гость и она должна встрѣтить его перваго въ своемъ новомъ положеніи. И кто

изъ приглашенныхъ окажется этимъ первымъ? Только бы не вошелъ онъ безъ Харлампія Ѳедоровича и не пришлось бы ей самой знакомиться съ нимъ. И куда это запропастился Харлампій Ѳедоровичъ? Неужели все еще молится?

Котиковъ, дѣйствительно, молился. Теперь, когда уже все было кончено, когда Софья Петровна переселилась въ его домъ и вступила въ права хозяйки, Харлампію Ѳедоровичу стало какъ-то особенно жутко. Утромъ сегодня онъ подписалъ обѣщанное духовное завѣщаніе, которое черезъ нѣсколько часовъ будетъ торжественно прочитано вслухъ почти всему городу. Всѣ узнаютъ, какъ старый Котиковъ, подъ конецъ своей жизни, распорядился накопленными богатствами.

Приглашая архіерея и губернатора, онъ сказалъ имъ, что желаетъ, въ ихъ присутствіи, объявить свою послѣднюю волю и надѣется, что они останутся довольны его распоряженіями. Для этого Харлампій Ѳедоровичъ завѣщалъ 50.000 рублей на достройку собора и 50.000 рублей на дѣтскіе пріюты, состоящіе въ вѣдѣніи губернатора. Остальное все: дома, лавки, наличный капиталъ сверхъ пожертвованныхъ суммъ, переходили въ собственность Софьи Петровны. Одно транспортное дѣло, т. е., собственно говоря, фирму, Котиковъ передавалъ племяннику. Онъ нарочно затянулъ совершеніе духовной до сегодняшняго дня и отложилъ явку ее въ губернскомъ правленіи до завтра, чтобы никто въ городѣ до вечера не зналъ его посмертныхъ распоряженій. Кромѣ того, онъ намѣревался просить преосвященнаго и губернатора засвидѣтельствовать завѣщаніе, а это всего удобнѣе сдѣлать «на народѣ», тотчасъ по прочтеніи духовной. И Котиковъ молился теперь о томъ, чтобы не вызвать гнѣва преосвященнаго и не испортить этимъ сегодняшняго торжества. «Господи, прости, укрѣпи и помоги», въ сотый разъ повторялъ, кладя земные поклоны, Харлампій Ѳедоровичъ, когда въ его спальную неслышно вошла Софья Петровна и позвала его въ гостиную,

Софья Петровна оставила гостиную и пошла за Котиковымъ, слышавъ въ залѣ шаги собиравшихся гостей. Первыми должны были пріѣхать закадычный другъ Харлампія Ѳедоровича тайный старовѣръ Андрей Ивановичъ Быковъ съ супругой, долженствовавшіе изображать посаженныхъ отца и мать. Но ихъ опередилъ кто-то изъ городского купечества. Оставивъ Софью Петровну въ гостинной, Котиковъ прошелъ въ залъ и, ища глазами Быковыхъ, привѣтствовалъ гостей:

— Добро пожаловать, дорогіе гости. А Андрея Ивановича еще нѣтъ?

— Подъѣхали, — отвѣтилъ Абрамъ, продолжавшій суетиться около закусочнаго стола.

Котиковъ встрѣтилъ Быковыхъ въ прихожей.

— Не взыщи, братъ, запоздали, чайкомъ не во время занялись,— раздѣваясь и здороваясь съ хозяиномъ, извинялся Быковъ.

— Не бѣда,—отвѣчалъ Котиковъ:—все свои, начальства еще нѣтъ, благословить развѣ долго?

Быковы, именитые городскіе люди, сопровождаемые хозяиномъ, прошли прямо въ гостиную, на ходу поклонившись бывшимъ въ залѣ гостямъ.

Черезъ пять минутъ изъ гостиной вышли въ залъ Быковы, за ними Котиковъ и Софья Петровна. Быковы направились къ столу съ образами, зажгли лежавшія на столѣ вѣнчальные свѣчи и передали ихъ Котикову и Софьѣ Петровнѣ. Потомъ взяли въ руки иконы и послѣ трехъ земныхъ поклоновъ, сдѣланныхъ «молодыми», трижды благословили послѣднихъ, закончивъ свое благословеніе троекратнымъ цѣлованіемъ. При послѣднемъ поцѣлуѣ Быковъ потушилъ свѣчку у Котикова, а Быкова у Софьи Петровны. Обрядъ былъ оконченъ. Абрамъ стоялъ въ дверяхъ съ подносомъ, уставленнымъ бокалами съ шампанскимъ, ожидая, когда Быковы поставятъ образа на столъ.

«Многая лѣта!» раздалось въ углу зала, и всѣ гости съ бокалами въ рукахъ спѣшили поздравить молодыхъ.

Котиковъ трижды поцѣловалъ Софью Петровну, при общихъ крикахъ: «многая лѣта!»

— Губернаторъ подъѣхалъ,—возвѣстилъ одинъ изъ гостей, увидѣвшій въ окно остановившихся у подъѣзда губернаторскихъ лошадей.

— Абрамъ, убирай живѣе бокалы и подавай чай,—распорядился Котиковъ, спѣша въ прихожую для встрѣчи почетнаго гостя.

— Милости прошу, ваше превосходительство, и низко кланяюсь барышнѣ, что осчастливили старика.

— Всегда ваши гости, добрѣйшій Харлампій Ѳедоровичъ. Варенька у меня, знаете, какая: на арканѣ никуда не выгатишь, а къ вамъ съ перваго слова поѣхала.

— Спасибо вамъ, добрая барышня, что не спесивитесь передъ старикомъ. Пожалуйста въ гостиную, тамъ Софья Петровна, моя молодая хозяйка, съ Матреной Кондратьевной Быковой ждутъ, не дождутся дорогой гостя.

При входѣ губернатора въ залъ всѣ встали и почтительно поклонились. Его превосходительство, подъ руку съ племянницей, привѣтливо раскланиваясь, прошелъ въ гостиную. Котиковъ внутренно радовался, что губернаторъ пріѣхалъ раньше владыки.

Ровно въ девять часовъ послышался съ улицы колокольный звонъ, возвѣщавшій выѣздъ изъ дома преосвященнаго. Котиковъ спустился съ лѣстницы и самъ отворилъ дверцы кареты архіерея. Владыка вышелъ, благословилъ хозяина, смиренно припавшаго къ

святой рукѣ, и, опираясь на посохъ, поднялся наверхъ. Идя сзади владыки, Котиковъ рѣшилъ, что представлять Софью Петровну преосвященному, какъ хозяйку дома, онъ не будетъ: пусть до ужина, до рокового чтенія духовной, владыка думаетъ, что Софья Петровна приглашена для пріема женской половины гостей.

Всѣ гости столпились въ залѣ, около преосвященнаго, по очереди подходя подъ благословеніе владыки. Въ дверяхъ гостиной архіерея встрѣтилъ губернаторъ и, принявъ благословеніе, пропустилъ владыку впередъ. Сидѣвшія въ гостиной дамы встали и подошли къ благословлявшей ихъ рукѣ преосвященнаго. При взглядѣ на Софью Петровну, покраснѣвшую, что называется, до ушей, владыка, знавшій ее по пріюту, понялъ все и, здороваясь съ нею, тихо сказалъ ей въ самое ухо: «великъ твой грѣхъ, но Богъ милосердъ». Одинъ Котиковъ, стоявшій позади владыки, слышалъ эти слова, и у него сразу отлегло отъ сердца.

Архіерея усадили на диванъ; рядомъ съ нимъ съ правой стороны сѣла Софья Петровна, а слѣва Варенька. Кресло возлѣ хозяйки занялъ губернаторъ, а возлѣ Вареньки спутникъ архіерея, ректоръ семинаріи. Быкова вышла осмотрѣть комнату молодой. Котиковъ бесѣдовалъ въ залѣ съ гостями, нетерпѣливо дожидаясь, когда Абрамъ разрѣшитъ ему звать гостей къ закускѣ.

Закуска, продолжавшаяся до полночи, ободрила и развеселила гостей Котикова, раздѣлившись на группы сообразно положенію и знакомству. Въ залѣ стоялъ шумный гулъ, не позволявшій слѣдить за отдѣльными бесѣдами. Въ гостиной губернаторъ рассказывалъ преосвященному о новыхъ столкновеніяхъ сельскаго духовенства съ раскольниками въ деревняхъ южнаго уѣзда губерніи. Ректоръ семинаріи передавалъ Варенькѣ подробности своего интереснаго путешествія на крайній востокъ. Одна Софья Петровна, видимо, была далеко отъ окружавшихъ ее людей и бесѣдъ: она была всецѣло поглощена своими личными думами. Вспоминался ей покинутый пріютъ съ его малютками, которыхъ она искренне любила и горячо просила новую смотрительницу беречь и не обижать. Вспомнилось ей прощаніе со старушкой-няней, съ дѣтьми. Завтра же она поѣдетъ къ нимъ, отвезетъ нянѣ новый платокъ, а дѣтямъ—игрушекъ и сластей. Няня, какъ мать родная, плакала, разставаясь съ ней, и сквозь слезы повторяла: «Не ждала я отъ тебя такой прыти». «Судьба, значить, моя такая,—отвѣчала она нянѣ:—отъ судьбы не уйдешь».

— Судьба-индѣйка,—вдругъ услышала Софья Петровна.

Это былъ отвѣтъ ректора на какое-то замѣчаніе Вареньки. «Я не вѣрю въ судьбу», продолжалъ ректоръ.

— А я вѣрю,—невольнo вырвалось у Софьи Петровны.

Ректоръ и Варенька переглянулись, а архіерей замѣтилъ:
 — Какъ не вѣрить въ судьбу, отецъ ректоръ? Судьба—Божье
 предопредѣленіе; знать его мы не можемъ, но вѣрить должны.
 Софья Петровна взглядомъ поблагодарила владыку.

За ужиномъ бесѣда не клеилась, какъ это всегда бываетъ, когда соберутся вмѣстѣ люди разнаго положенія, разныхъ интересовъ. Къ тому же, ждали наступленія момента, когда Котиковъ объявить свою посмертную волю и разрѣшить многочисленныя споры и разнорѣчія по этому предмету. Нетерпѣливѣе другихъ ждалъ этого момента сидѣвшій на концѣ стола племянникъ хозяина Семень: Въ послѣднее время онъ замѣтно подтянулся, уговорилъ своихъ кредиторовъ не лѣзть къ дядѣ, «сочиняющему послѣднюю волю», и не уменьшать его, Семена, и ихъ, кредиторовъ, шансовъ на благополучный и полный расчетъ. Пожалуй, не менѣе были заинтересованы преосвященный и губернаторъ, которымъ Котиковъ косвенно обѣщаль крупныя пожертвованія. Всѣ остальные готовились быть свидѣтелями чужого благополучія.

Наконецъ Абрамъ и его сподвижники появились съ бутылками, обернутыми салфетками. Бокалы скоро наполнились веселымъ, искристымъ виномъ, и преосвященный, въ отвѣтъ на просьбу хозяина: «благословите, владыка», поднялъ свой бокалъ и произнесъ:

— Самъ Господь Богъ нашъ, Иисусъ Христосъ, присутствуя на бракѣ въ Канѣ Галилейской, претворилъ воду въ вино, чтобы поднять духъ веселящихся и убѣдигъ невѣрующихъ въ своей безпредѣльной силѣ. Да возвеселить и насъ всѣхъ, собравшихся по зову достойнѣйшаго Харлампія Ѳедоровича, эта искрящаяся веселіемъ влага, и осушимъ мы наши бокалы за здоровье гостепріимнаго хозяина. Благослови, Боже! — съ этими словами владыка выпилъ весь свой бокалъ, протянувъ его предварительно къ сидѣвшему напротивъ Котинову.

— Ваше преосвященство, — отвѣчалъ хозяинъ: — слабъ и немощенъ человекъ, живущій въ мірскомъ грѣху. За него возносятся молитвы къ милосердному Богу людьми святыми, принявшими тяжелый крестъ просить неустанно милосердія Божьяго къ намъ, грѣшникамъ. Только вашими святыми молитвами и живы мы, многогрѣшные. За здоровье на многія лѣта нашего преосвященнаго! Ура!

— Ура! — раздалось по всему залу, и всѣ присутствующіе по очереди подходили къ владыкѣ, почтительно цѣлуя его лѣвую руку, свободную отъ бокала руку.

Когда всѣ вновь заняли свои мѣста, всталъ губернаторъ.

— Мнѣ особенно пріятно, — началъ начальникъ губерніи, — выпить мой бокалъ сегодня среди васъ, господа. Всѣ мы здѣсь въ гостяхъ у нашего многоуважаемаго Харлампія Ѳедоровича, всѣ такъ

или иначе близки ему по сердцу, онъ насъ любить, а мы его. Выпьемъ жъ всё дружно за избранную имъ себѣ хозяйку, оберегательницу его добра, нажитаго долгимъ, тяжелымъ, но честнымъ трудомъ. За здоровье Софьи Петровны! Ура!

— Ура!—какъ-то робко повторили гости, не ожидавшіе такого тоста отъ губернатора. Котиковъ просіялъ и чуть было не поцѣловалъ протянутую ему губернаторомъ руку. На глазахъ его блеснули слезы, и онъ едва могъ вымолвить:

— Премного благодаренъ вашему превосходительству... Андрей, читай духовную!

Все смолкло. Духовная прочитана, но всё продолжали молчать. Преосвященный первый нарушилъ общее затишье.

— Низко бью тебѣ челомъ, вѣрный сынъ церкви православной! Но не могу не скорбѣть, что благое дѣло, задуманное тобою, осуществится лишь послѣ того, какъ ты отойдешь въ лучшій міръ. Пріятнѣе было бы знать, что и ты помолишься о грѣхахъ твоихъ въ сооруженномъ твоимъ усердіемъ соборномъ храмѣ; да и мѣсто вѣчнаго упокоенія нашель бы ты подъ стѣнами сего храма. Но не смѣю насиловать твоей воли; будущія поколѣнія вѣчно будутъ молиться о прощеніи твоихъ грѣховъ. Я жъ усердный богомолецъ о продленіи твоихъ благочестивыхъ дней на многая и многая лѣта!

Взоры всѣхъ обратились въ сторону Котикова. Онъ молча чокнулся съ архіереемъ и сѣлъ. Въ глазахъ Софьи Петровны блеснула мысль, щеки покрылись яркимъ румянцемъ. Она, видимо, искала взгляда Котикова. Но Харлампій Ѳедоровичъ упорно смотрѣлъ внизъ, ошеломленный послѣдними словами архіерея. Секунда общаго молчанія въ болѣе или менѣе многолюдномъ собраніи всегда кажется часомъ и вызываетъ во всѣхъ присутствующихъ инстинктивное чувство неловкости. Такъ было и тутъ, всё начали усиленно уничтожать поданное мороженое, въ надеждѣ, что вотъ-вотъ кто-нибудь завяжетъ вновь нарушенную бесѣду. Софья Петровна, продолжая глазами искать взгляда Котикова, замѣтила, какъ губернаторъ переглянулся съ преосвященнымъ, и тотчасъ поняла, что она, какъ хозяйка дома, должна вывести Котикова изъ раздумья, а гостей изъ неловкаго положенія. И она не задумалась, какъ это сдѣлать: быстрымъ движеніемъ правой руки взяла она стоявшій передъ ней бокаль, лѣвой рукой отодвинула отъ стола свой стулъ и, обратившись лицомъ къ преосвященному, сказала:

— Помолитесь, святой владыка, о великой грѣшницѣ, стоящей передъ вами, и примите отъ меня десять тысячъ рублей на постройку собора. Добрый Харлампій Ѳедоровичъ просилъ меня взять эти деньги на мои личные нужды. Я отказалась, вѣря, что нуждаться не буду. Теперь же прошу Харлампія Ѳедоровича отдать эти деньги на святое дѣло.

Съ первымъ словомъ Софьи Петровны Котиковъ поднялъ глаза и не спускалъ ихъ съ говорившей вдовушки. И прежде, чѣмъ преосвященный успѣлъ что-либо отвѣтить на неожиданную просьбу Софьи Петровны, онъ всталъ и громко произнесъ:

— Быть по ея-и по-вашему, владыка! Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ Господь сподобитъ насъ помолиться въ новомъ соборномъ храмѣ и подѣ стѣнами его обоимъ намъ лечь на вѣчный покой. Завтра же доставлю отцу-казначею всѣ 60,000 рублей полностью.

— Вашъ богомолецъ, вѣруйте, Богъ милосердъ!—только и могъ отвѣтить архіерей.

— А пріютъ для своего благополучія долженъ терпѣливо ждать вашей кончины, многоуважаемый Харлампій Ѳеодоровичъ?—неожиданно спросилъ губернаторъ.

— Повремените немного, ваше превосходительство,—отвѣтилъ Котиковъ:—наличныхъ не хватитъ сейчасъ разсчитаться и съ вами, соберусь съ деньгами, привезу и вамъ 50,000 рублей отъ себя и десять отъ бывшей смотрительницы.

— Владимирскій крестъ за мной,—отвѣтилъ губернаторъ.

Ужинъ кончился. Преосвященный, а за нимъ и другіе почетные гости, съ губернаторомъ во главѣ, уѣхали. Остальные еще долго бражничали, усердно поздравляя «новобрачныхъ».

Оставшись одинъ, Котиковъ сказалъ Софьѣ Петровнѣ:

— Дорогонько обошелся мнѣ четвертый бракъ, но дѣлать нечего, зато владимирскій крестъ носить буду.

Е. В. Коршъ.

ЗА КУЛИСАМИ.

(Встрѣчи и воспоминанія ¹⁾).

Александринскій театръ.

ГРУППА Александринскаго театра, прежде совершенно замкнутая, ограниченная, мало-по-малу разрасталась, особливо съ восьмидесятихъ годовъ, съ назначеніемъ управляющимъ Алексѣя Антиповича Потѣхина, а директоромъ Ивана Александровича Всеволожскаго.

Удалось послѣ долгихъ стараній проскользнуть въ Александринскій театръ актеру Александру Трофимовичу Трофимову, комику, небезызвѣстному драматургу, автору жанровыхъ картинокъ «На Пескахъ» и др., а также—рассказовъ, помѣщавшихся въ «субботникахъ» въ «Новомъ Времени» и разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Трофимовъ долго мотался по частнымъ сценамъ, гдѣ приобрѣлъ имя, какъ актеръ, грѣшившій нѣсколько утрировкой.

Для комическихъ ролей Александра Трофимовича природа надѣлила счастливой внѣшностью. Онъ былъ худъ, какъ спичка, и имѣлъ необыкновенно длинный носъ, насчетъ котораго актеры острили, говоря, напримѣръ, что съ такимъ носомъ можно плавать безъ руля и пр.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историч. Вѣстникъ», т. СХХІ, стр. 433.

Трофимова это справедливо задѣвало, онъ сердился и рѣзко обрѣзалъ шутниковъ.

— Воображаютъ, что остроумно!—злился онъ.

На сценѣ Трофимовъ былъ забавенъ, смѣшенъ, создавая весьма разнообразныя типы. Чиновники всѣхъ ранговъ наиболѣе ему удавались.

Кто-то изъ второстепенныхъ авторовъ, увидавъ Трофимова, просилъ играть въ его пьесѣ и специально для него ремарку «полный замѣнилъ «худощавый»».

До своего актерства Трофимовъ едва ли не служилъ въ конторѣ театровъ, хотя утверждать не берусь. Одинъ или два сезона онъ былъ режиссеромъ въ Ораніенбаумскомъ театрѣ, гдѣ замѣнилъ А. Е. Осокина, служащаго теперь въ Александринскомъ театрѣ.

На гастроли пріѣзжалъ однажды изъ Москвы знаменитый Сергѣй Васильевичъ Шумскій, котораго я смотрѣлъ въ комедіи Островскаго «Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ», гдѣ онъ изображалъ стараго чиновника.

Принимали его восторженно, фигуру давалъ поразительную.

Елесю игралъ Сазоновъ, котораго Шумскій очень хвалилъ и даже звалъ въ Москву, какъ рассказывалъ мнѣ самъ Сазоновъ. Москва Сазонова увидѣла лѣтъ чрезъ двадцать пять, незадолго до смерти, на частной сценѣ. Шумскій давнымъ-давно тогда былъ въ могилѣ.

Изъ петербургскихъ актеровъ Шумскій дружилъ съ Монаховымъ, сходясь съ нимъ во взглядахъ на бытовой репертуаръ.

— Какой шумъ!—сказалъ московскій актеръ Сазонову, когда упалъ занавѣсъ.

— Иначе и быть не могло,—нашелся Сазоновъ: —Шумскій играетъ.

Сазоновъ былъ счастливъ, что игралъ съ Шумскимъ, и рассказывалъ объ этомъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Вспоминалъ онъ и про спектакли съ участіемъ другого московскаго колосса Прова Михайловича Садовскаго, пріѣзжавшаго лѣтомъ и выступавшаго въ заколоченномъ нынѣ Каменноостровскомъ театрѣ. Не могу теперь установить, но слышалъ отъ Сазонова, что игралъ онъ еще съ В. И. Живокини, а гдѣ—не знаю. Юный Сазоновъ снятъ на портретъ съ Живокини.

Московскій Малый театръ стоялъ тогда на такой высотѣ, что участіе мѣстныхъ корифеевъ въ Петербургѣ являлось крупнѣйшимъ событіемъ въ театральной жизни. Молодежь благоговѣла предъ славными стариками.

Изъ крупныхъ актеровъ Александринской сцены въ памяти моей запечатлѣлся Василій Ивановичъ Виноградовъ, котораго мнѣ случалось встрѣчать лично и видѣть исключительно въ комическихъ роляхъ.

Тучный, спокойный, на видъ неуклюжій, Василій Ивановичъ на сценѣ оживалъ, заливался раскатистымъ, сдавленнымъ смѣхомъ.

Актеры болтали, что Виноградовъ въ молодости былъ банщикомъ гдѣ-то въ провинціи; тѣмъ больше чести ему, что онъ выбился на дорогу и приобрѣлъ громкое имя.

Культурностью Виноградовъ дѣйствительно не отличался, несмотря на то, что хотѣлъ казаться человѣкомъ вида выдавшимъ и все знавшимъ.

Заговорятъ о винахъ — онъ тонкій цѣнитель, о сигарахъ — онъ первый знатокъ, объ умѣніи одѣваться — и тутъ онъ специалистъ.

Смерть Виноградова была очень чувствительной для труппы Александринскаго театра. Онъ служилъ одновременно съ В. В. Самойловымъ, и, случалось, разыгрывали вмѣстѣ фарсы. Что они дѣлали, напримѣръ, въ шуткѣ «Мужья одолѣли!» Виноградовъ — чиновникъ, Самойловъ — нѣмецъ. Театръ умиралъ съ хохоту.

Виноградовъ игралъ и драматическія роли, хотя, по характеру таланта, былъ болѣе комикомъ.

Мрачно смотрѣлъ актеръ Павелъ Малышевъ, съ которымъ въ началѣ карьеры носилось начальство, какъ съ восходящей звѣздой, а потомъ совсѣмъ забыли его и не давали ролей. Невзирая на прекрасныя душевныя качества, Малышевъ представлялся озлобленнымъ, но доброжелательность его къ товарищамъ оставила по немъ свѣтлую память. Александринскую сцену онъ въ сердцахъ называлъ болотомъ, гдѣ гибнуть люди, гдѣ душитъ чиновничій режимъ. «Вѣжать надо отсюда, а не стремиться сюда! я самъ бы убѣждалъ!» говорилъ онъ мнѣ, во время репетиціи, отвѣдя въ сторонку.

Жена Малышева тоже служила на сценѣ, играя *grandes dames*.

Въ мое время Малышевъ представлялъ собой полезность, недурно игралъ купцовъ, но не выдѣлялся. Заурядный актеръ съ охрипшимъ голосомъ. Ему сначала не повезло, и нота презрѣнія къ начальству и неудовлетворенности всегда звучала у него въ разговорѣ.

Не привился на почвѣ Александринскаго театра покойный Александръ Павловичъ Ленскій, который игралъ здѣсь продолжительное время, но, не встрѣтивъ той оцѣнки и того сочувствія, которыми пользовался ранѣе, а также въ Москвѣ, снова перебрался на старое мѣсто

Душа у него не лежала къ Петербургу, но тутъ у него былъ старинный другъ К. А. Варламовъ, съ которымъ они вмѣстѣ жили.

Самый первый пріѣздъ Александра Павловича въ Петербургъ на гастроли въ Ораніенбаумскій театръ былъ для него необыкновенно счастливымъ: онъ увлекъ публику, которая въ дни его гастролей наполняла театръ.

Въ Мольеровскомъ «Донъ-Жуанѣ» онъ имѣлъ огромный успѣхъ, хотя между нимъ и окружавшими его чувствовалась разница:

Ленскій читаль роль по-московски, въ какомъ-то особенномъ тонѣ, съ легкой пѣвучестью.

Этотъ тонъ Ленскаго шель въ разрѣзъ и съ говоромъ актеровъ Александринскаго театра, что отмѣчали не разъ и въ печати. Все говорило на одинаковомъ хорошемъ русскомъ языкѣ, но рѣчь Ленскаго отличалась отъ общей рѣчи. У Федотовой, у Ермоловой читка мнѣ всегда напоминала Ленскаго. Какая-то тягучая московская манера говорить, симпатичная, но чуждая намъ, петербуржцамъ.

Ленскій, будучи художникомъ, всегда останавливалъ вниманіе зрителя на типичномъ гримѣ, едва ли не самомъ талантливомъ и удачномъ послѣ самойловскихъ типовъ.

Въ Петербургѣ Александръ Павловичъ былъ домохозяиномъ и рѣдко-рѣдко, бывало, его гдѣ-нибудь встрѣтишь, кромѣ кулисъ.

Не могу объяснить, почему Ленскому не повезло въ Петербургѣ, почему онъ очутился въ тѣни въ Александринскомъ театрѣ, и имя его начинало утрачивать прошлую популярность.

Большимъ актеромъ Александръ Павловичъ никогда не былъ, оставаясь, при своемъ красивомъ дарованіи, актеромъ детальной, ажурной, сказалъ бы я, работы. Выдавался онъ больше за послѣдніе годы въ концертѣ труппы Малаго московскаго театра, гдѣ превосходно игралъ уже стариковъ. Петербургъ любилъ и любитъ москвичей, но Ленскаго, превратившагося въ петербуржца, онъ не оцѣнилъ.

Москва снова заключила въ объятія дорогого ренегата и не измѣняла ему въ своихъ симпатіяхъ до его смерти.

Ленскій умеръ при печальныхъ обстоятельствахъ, меньше году назадъ. Онъ былъ главнымъ режиссеромъ Малаго театра, горячо борясь за сохраненіе традицій родного храма, векормившаго его.

Тутъ Ленскому начали бросать палки въ колеса, интриговать противъ него (кто? на этотъ вопросъ обязаны современнымъ отвѣтить его истинные друзья, которымъ дорого имя Ленскаго, дорога правда).

Подъ предлогомъ болѣзни Ленскій ушелъ изъ театра и напечаталъ объявленіе объ открытіи драматическихъ курсовъ.

Бѣдный Ленскій! разлука съ любимой сценой его совсѣмъ подкосила. Онъ скончался.

На двухъ сценахъ—московской и петербургской—уживался куда болѣе удачно Федоръ Петровичъ Горевъ. Послѣ первыхъ дебютовъ, о которыхъ я уже говорилъ въ предлагаемыхъ воспоминаніяхъ, Горевъ снова очутился въ провинціи, а потомъ вторично пріѣхалъ дебютировать и поступилъ, наконецъ, въ труппу.

Въ Петербургѣ онъ былъ принятъ съ радушіемъ, и публика зачислила его въ число своихъ любимцевъ. Федоръ Петровичъ быстро ориентировался, завелъ знакомства и былъ вполне удовлетворенъ.

Неизвѣстно почему, онъ толкнулся въ Москву, служилъ тамъ, изъ Москвы опять перевелся въ Петербургъ, изъ Петербурга опять

въ Москву, изъ Москвы опять въ провинцію и на частныя сцены... Затѣмъ снова въ старое гнѣздо, въ Малый театръ.

Цѣлая одиссея этого непосѣды.

Горевъ явился въ Петербургъ съ солиднымъ багажомъ переигранныхъ ролей въ провинціи.

По многу разъ онъ игралъ эти роли, но рѣдко бывалъ въ нихъ твердь.

Александринскій театръ имѣлъ на него благотворное вліяніе, приучивъ больше работать. Я говорю «больше» потому, что этотъ богато одаренный человѣкъ работалъ все-таки мало и бралъ своимъ захватывающимъ темпераментомъ, своимъ музыкальнымъ голосомъ. Въ игрѣ его не доставало выдержки, цѣльности, но вспышки въ отдѣльныхъ сценахъ заставляли забывать все. Одна какая-нибудь сцена, горячій моментъ, и общій подъемъ въ залѣ.

Изъ всѣхъ видѣнныхъ мною исполнителей въ хорошей, жизненной пьесѣ Луки Антропова «Блуждающіе огни» никто не игралъ такъ безвольнаго Макса, какъ Горевъ. За сердце бралъ. А Жадовъ въ «Доходномъ мѣстѣ»! Кто могъ сравниться съ Горевымъ, дававшимъ прямо художественное настроеніе, хотя бы въ сценѣ въ трактирѣ. Чувства, искренности, простоты Горевской ни у кого въ то время не было.

По случайности, одновременно съ вторичными дебютами Горева, совпали дебюты другого актера, считавшагося въ провинціи кумиромъ — М. Т. Иванова-Козельскаго.

Его произвели, судя по репутаціи, въ шекспириста.

Увѣряли, что въ «Гамлетѣ» этотъ кумиръ чуда творилъ. Игралъ онъ трагедію Шекспира по разнымъ переводамъ и экземпляръ, который я видѣлъ у суфлера, напоминалъ пестрое, мѣщанское одѣяло: кусочки и кусочки.

— Гервинуса наизусть знаетъ!—говорили актеры про М. Т. Иванова-Козельскаго,—и еще много источниковъ изучалъ!

Съ Гервинусомъ просто надоѣли!

Возбуждался вопросъ, кого принять: Горева или Иванова-Козельскаго. Обоихъ посмотрѣть хотѣли.

Присутствовалъ я въ Александринскомъ театрѣ на дебютѣ Иванова-Козельскаго въ «Гамлетѣ» и жаждалъ познакомиться съ игрой «нутромъ». Увѣряли, что, кромѣ изученія, этотъ Гамлетъ бралъ нутромъ.

Слабый былъ Гамлетъ, и Аверкіевъ, писавшій театральные фельетоны въ «Голосѣ» Краевского, имѣлъ мужество, не считаясь съ высокой репутаціей дебютанта, написать, что это былъ не Гамлетъ, а Андрюшка Бѣлугинъ, нарядившійся на святкахъ Гамлетомъ.

Неумѣніе носить костюмъ, грубыя манеры, никакого захвата. Въ концѣ трагедіи еще неудача: при паденіи у него соскочилъ парикъ.

Ивановъ-Козельскій отличался любознательностью, неустанно работая надъ собой. Актеры увѣряли, что онъ выбился изъ писарей. Честь и слава ему, что онъ, работая надъ собой и своимъ дарованіемъ, достигъ виднаго положенія на сценѣ. М. Т. Ивановъ-Козельскій былъ по преимуществу бытовымъ актеромъ, и, напримеръ, прекрасно игралъ Василькова въ «Бѣшеныхъ деньгахъ», хорошъ былъ въ роли Андрея въ «Женитьбѣ Бѣлугина», хотя не возвышался въ ней до Сазонова.

Чѣмъ же объяснить громадную популярность въ провинціи Иванова-Козельскаго даже въ классическихъ роляхъ? Его буквально на рукахъ носили и высоко почитали.

Секретъ этого успѣха надо было искать главнымъ образомъ въ трудѣ Иванова-Козельскаго, въ его безупречной отдѣлкѣ ролей, изученіи ихъ, поскольку позволяли силы.

Передъ публикой былъ актеръ, дѣло дѣлающій и не рассчитывающій только на свои способности, какъ большинство изъ его сверстниковъ.

Добросовѣстность Иванова-Козельскаго бросалась въ глаза.

Тонъ его игры мнѣ не нравился, онъ отличался нытьемъ, приторностью.

Можно было съ увѣренностью сказать, что онъ не привьется на столичной сценѣ, да такъ оно и вышло.

Не могъ Ивановъ-Козельскій, имѣя въ своемъ репертуарѣ нѣсколько прекрасныхъ ролей, тягаться съ Н. О. Сазоновымъ, яркимъ, выдающимся актеромъ, сочетавшимъ, примѣрно, въ роли Андрея Бѣлугина высокій драматическій подъемъ съ искреннимъ, наивнымъ комическимъ талантомъ.

Ивановъ-Козельскій остался бы на Александринской сценѣ въ тѣни, или ему пришлось бы примириться съ ролью дублера, что было бы для него ударомъ послѣ триумфовъ въ провинціи.

Онъ предпочелъ провинцію, гдѣ съ годами ему везло уже не такъ, какъ прежде, и онъ переставалъ дѣлать сборы.

До какой степени любили въ провинціи М. Т. Иванова-Козельскаго, можно судить по тому, что ему въ то время платили исключительные, непомерные оклады.

Для классическихъ, костюмныхъ ролей у него не было ни внѣшности, ни манеръ, ни изящества, ни достаточной силы.

— Теплота, душевность у него!—слышалъ я объ Ивановѣ-Козельскомъ отъ его многочисленныхъ почитателей.

Съ теплотой и душевностью, однако, за все братья нельзя, этихъ качествъ недостаточно.

Знаменитое «нутро» покойнаго артиста тоже не захватывало глубоко.

Дебюты его на петербургской сценѣ сенсаціи не вызвали. Петербуржцы восторгались имъ, когда видѣли его въ бытовыхъ ро-

ляхъ на сценѣ открывшагося въ 1876 году въ Павловскѣ театра, гдѣ онъ въ молодые годы дѣйствительно выдвигался.

Но когда онъ былъ лучше, интереснѣе—въ Павловскѣ или, много лѣтъ спустя, на Александринской сценѣ? Конечно, въ Павловскѣ.

Я вовсе не отрицаю талантливости Иванова-Козельскаго, но онъ неумѣло примѣнялъ ее, стремясь къ непосильному для него репертуару.

Въ провинціи народилось немало подражателей Иванова-Козельскаго, старавшихся усвоить ноющій, плаксивый тонъ его игры.

Въ отношеніи примѣрной сценической работы онъ явился для провинціального актерства образцомъ безусловно выдающимся.

Попади онъ съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности на свою дорогу, ограничиваясь бытовымъ репертуаромъ, онъ бы достигъ не такихъ результатовъ. Но тогда актеры любили гамлетничать и играть въ Росси и Сальвини.

Видную, очень замѣтную и оставившую слѣды роль въ Александринскомъ театрѣ съ начала семидесятыхъ годовъ игралъ памятный еще петербуржцамъ Николай Ѳедоровичъ Сазоновъ. Говорю о немъ, не только какъ объ актерѣ, но какъ о сценическомъ дѣятелѣ вообще, поработавшемъ на пользу русскаго театра.

Много я писалъ о Сазоновѣ и могу еще болѣе писать, не повторяясь: долготѣнія дружескія отношенія даютъ мнѣ эту возможность.

Сазоновъ искренно любилъ театръ, и Александринскій особенно, онъ считалъ его настолько своимъ, близкимъ ему, что тосковалъ и радовался за него, безотносительно личныхъ интересовъ.

Любовь къ своему театру онъ подчеркивалъ очень часто и старался внушить ее молодому актерству.

Безъ воздуха Александринскаго театра Николай Ѳедоровичъ не могъ бы существовать.

Онъ отлично понималъ, что для процвѣтанія театра не только нужно было учить, отдѣлывать роли и показывать свой талантъ, но необходимо гостепріимнѣе относиться къ литературѣ, сближаться съ ней, привлекать выдающихся драматурговъ, интересоваться критикой и пр.

Гдѣ мы чаще всего встрѣчали Сазонова? Въ литературныхъ кружкахъ. Его занимали всѣ вопросы театра и литературы. Это не было искательство рекламы и лишняго похвального слова. Сазоновъ женился на извѣстной романисткѣ, только что блестяще дебютировавшей въ «Отечественныхъ Запискахъ», Софьѣ Ивановнѣ Смирновой.

Бракъ еще болѣе сблизилъ его съ литературной семьей, съ которой онъ не разставался всю жизнь.

Сколькихъ литераторовъ Сазоновъ склонялъ и уговаривалъ работать для театра, давать Александринскому театру пьесы!

Враги Сазонова за кулисами рассказывали, что онъ очень любилъ себя самого и горячо хлопоталъ во имя личныхъ интересовъ.

Желалъ бы я знать, кто на сценѣ не хлопочеть о своихъ интересахъ? Только тотъ, кто ничего не ищетъ и не желаетъ идти впередъ. Не будете хлопотать—васъ съѣдятъ. Но въ томъ-то и дѣло, что въ Сазоновѣ, какъ въ зеркалѣ, отражались успѣхи и неудачи Александринскаго театра.

И себя онъ любилъ, но не больше, чѣмъ Александринскій театръ и службу ему.

Никто не скажетъ слова противъ сазоновской аккуратности, его образцоваго отношенія къ роли, къ репетиціи.

Такіе актеры даютъ тонъ дѣлу и поддерживаютъ этотъ тонъ, отступленіе отъ котораго влечетъ распущенность, разгильдяйство, поверхностное отношеніе къ принятымъ на себя обязанностямъ. Увѣренъ, что враги Сазонова,—а у него ихъ было довольно,—подпишутся подъ моими строками о немъ?

Сазоновъ прошелъ тяжелую школу, былъ во дни юности признанъ за неспособнаго, гонялся за счастьемъ въ провинціи, пѣлъ въ опереткѣ и выработалъ изъ себя актера, занимавшаго одно изъ первыхъ мѣстъ въ труппѣ Александринскаго театра.

— Сазоновъ еще уйдетъ далеко!—сказалъ про него въ моемъ присутствіи А. О. Писемскій, ожидавшій Сазонова въ его уборной подъ сценой Александринскаго театра.

Въ этотъ вечеръ шелъ «Вааль» Писемскаго, гдѣ Сазоновъ мастерски нарисовалъ типичнаго пройдоху-адвоката.

Съ завидной робостью, не уживающей со смѣлостью нынѣшней молодежи, рѣшился Сазоновъ въ бенефисъ сыграть Чацкаго въ четвертомъ актѣ «Горе отъ ума».

Словно экзаменъ онъ держалъ, и вышелъ изъ испытанія отлично. Горячо, задорно, желчно прочелъ онъ монологъ, вызвавъ бурю въ театрѣ.

Разговоровъ было много, и за, и противъ новаго Чацкаго, но никто не отрицалъ большого шага впередъ, сдѣланнаго Николаемъ Федоровичемъ.

Я считаю, что съ этого вечера въ дѣятельности Сазонова наступилъ рѣзкій переломъ, его ободрилъ большой успѣхъ, и онъ еще усерднѣе прежняго принялся за работу, переигравъ десятки ролей и старался отдаляться отъ легкаго репертуара.

Разумѣется, такое стремленіе было неосуществимо вполнѣ: репертуаръ слагался невыгодно, а отказываться отъ ролей было нельзя.

Однако Сазоновъ былъ полонъ исканій, намѣчалъ для себя роли, добивался ихъ, выбиралъ разборчиво пьесы для бенефисовъ и отмежевывалъ свое мѣсто на сценѣ,

Надо принять во вниманіе условія того времени, о которыхъ я упоминалъ уже, и не осуждать интеллигентныхъ актеровъ за неразборчивость пьесъ. Репертуаръ былъ ограниченный, часто пустенькій. Выдвинуться серьезному актеру представлялось труднѣе, не въ смыслѣ успѣха у публики, а въ смыслѣ личной его удовлетворенности. Если талантъ Сазонова не былъ первокласснымъ, то обработку этого таланта можно назвать совершенной.

Отчего гибнуть наши таланты? Не оттого ли въ большинствѣ случаевъ, что награжденные ими отъ природы самородки забываютъ о трудѣ, объ отдѣлкѣ, о шлифовкѣ талантовъ?

Что такое былъ знаменитый Коклэнъ? Талантливый человѣкъ, одаренный вовсе не крупнымъ талантомъ, но какихъ результатовъ онъ достигъ! Это былъ французскій Сазоновъ, и мнѣ становилось обидно за русскаго актера, когда во время гастролей въ Петербургѣ Коклена критики, со свойственной имъ слабостью къ Европѣ, высказывали мнѣнія: пускай, молъ, наши поучатся у знаменитаго Коклена, нѣтъ у насъ подобнаго ему актера...

Кокленовъ въ тѣ времена въ Петербургѣ было немного, но Сазоновъ былъ имъ безспорно.

До Владимира Николаевича Давыдова Кокленъ никогда не поднимался. Объ этомъ двухъ мнѣній быть не можетъ.

Я откровенно высказалъ свое мнѣніе Сазонову о Кокленѣ и о русскихъ актерахъ, способности которыхъ у насъ до сихъ поръ любить умолять передъ западными гастролерами.

Сазоновъ, помнится мнѣ, замаялся, отвѣтилъ, что находить для себя неудобнымъ высказываться по этому вопросу... конечно, по нашей російской скромности. Любимъ мы себя потоптать, принизить предъ иностранцами. Посмотрите, сколько замѣчательныхъ талантовъ открывали и открываютъ въ Михайловскомъ театрѣ!

А своихъ словно боимся выдвинуть, смѣлости часто не хватаетъ! Ну, да это старая исторія.

Незадолго передъ смертью Н. Ѳ. Сазоновъ, первый разъ за время своей службы въ императорскихъ театрахъ, сталъ жаловаться на невнимательное къ нему отношеніе, конечно, не со стороны самого директора, а со стороны непосредственнаго начальства по русской труппѣ.

Десятки лѣтъ никогда между Н. Ѳ. Сазоновымъ и дирекціей не бывало конфликтовъ, не бывало облачка недоразумѣній.

Это примѣръ далеко не эпидемическій.

Психологія запротестовавшаго Сазонова мнѣ представлялась ясной: онъ болѣлъ душой, что его начинали сдавать, безъ малѣйшаго основанія, въ архивъ. Онъ ждалъ, что высшее начальство само вступится за него, само подниметъ голосъ, но В. А. Теляковскому многого не докладывали или же говорили о капризахъ Сазонова.

Капризовъ у него не было. Долго и подробно бесѣдовали мы съ Сазоновымъ по поводу какого-то неожиданнаго тормоза въ его дѣятельности на склонѣ лѣтъ, но во дни полнаго расцвѣта его симпатичнаго таланта.

Въ свое время я обнародовалъ предсмертное письмо Н. О. Сазонова по поводу возводимыхъ на него поклеповъ въ загражденіи дороги для молодежи и пр.

— Вы меня слишкомъ хорошо и давно знаете,—жаловался мнѣ Николай Ѳедоровичъ,—и знаете, способенъ ли я на это?

Я зналъ Николая Ѳедоровича и помню аналогичные примѣры, когда большимъ актерамъ Александринскаго театра бросали палки въ колеса. Развѣ не собирались уходить Савина, Давыдовъ, развѣ не уходилъ Далматовъ, развѣ не ушли Петипа и Киселевскій?

Сазоновъ оказался терпѣливѣе ихъ и не обострялъ своихъ отношеній съ дирекціей, а оскорбился наканунѣ смерти, а, можетъ быть, и смерть ускорили горькія разочарованія.

Чего, чего не поговаривали передъ смертью про Сазонова! Слышалъ я, что онъ сталъ плохо роли учить, плохо слышалъ суфлера.

Я не помню, не знаю случая, когда бы Сазоновъ позволилъ себѣ выйти на сцену, не зная роли.

Играя новыя роли на частныхъ сценахъ, чего не любятъ наши гастролеры, онъ всегда зналъ ихъ. Послѣдней новой ролью Сазонова была главная роль въ моей пьесѣ «Неврастеники», созданная Николаемъ Ѳедоровичемъ въ Павловскѣ, въ мѣстномъ театрѣ.

Спросите у его товарищей, какъ онъ ее зналъ и какъ отдѣлалъ.

Всѣ драматурги, ставившіе пьесы въ Александринскомъ театрѣ, засвидѣтельствуютъ, какъ пріятно, какъ дорого было имѣть за кулисами дѣло съ Сазоновымъ въ смыслѣ предупредительности съ его стороны, предупредительности заботливой, пожалуй, педантичной, по отношенію авторовъ. Конечно, не одинъ Сазоновъ былъ такимъ, но встрѣчалось достаточно актеровъ совершенно равнодушныхъ къ драматургу, а попадались и завѣдомо невнимательные.

Въ исторіи Александринскаго театра послѣдней четверти прошлаго вѣка имя Сазонова займетъ не одну страницу.

Мы, очевидцы, современники Сазонова, обязаны это подчеркнуть.

За кулисами Александринскаго театра познакомился я съ Петромъ Михайловичемъ Медвѣдевымъ, смѣнившимъ, въ качествѣ руководителя труппы, если не ошибаюсь, А. А. Потѣхина.

Кто хоть немного былъ близокъ къ русскому театру, тотъ зналъ, что въ провинціи есть знаменитый «Петръ Михайловичъ».

Волга его знала, а за Волгой—вся Россія. Такъ и величали его—просто «Петръ Михайловичъ».

Кто у него не переигралъ изъ корифеевъ русской сцены? Кого ни спросишь, бывало, начиналъ у Петра Михайловича.

— Я, вѣдь, у Петра Михайловича служил!

Это былъ папаша русской провинціальной сцены второй половины девятнадцатаго вѣка.

Онъ самъ играть, но слава антрепренерства затемняла его славу, какъ актера. Въ качествѣ актера, Медвѣдева я увидѣлъ впервые, какъ это ни странно, едва ли не въ «Маскоттѣ», гдѣ онъ игралъ на сценѣ лѣтняго театра «Аркадія»—короля.

Плохо онъ игралъ, мямлилъ, тянулъ и совсѣмъ не былъ слышенъ. Незамѣтно промелькнулъ П. М. Медвѣдевъ и исчезъ съ петербургскаго горизонта.

Едва ли не по инициативѣ В. П. Погожева, управлявшаго конторою императорскихъ театровъ и впослѣдствіи автора ряда цѣнныхъ историческихъ изслѣдованій по театру, былъ приглашенъ на петербургскую сцену Медвѣдевъ въ качествѣ руководителя русской труппы.

Имя Петра Михайловича давало ему право занять эту должность, но подходилъ ли онъ къ ней?

Нѣтъ, онъ запоздалъ пожаловать въ Петербургъ. У него было большое чутье стараго театральнаго человѣка, но онъ не былъ человѣкомъ интеллигентнымъ, начитаннымъ, подготовленнымъ для новой роли.

Онъ даже по тому времени отсталъ отъ требованій образцовой сцены; онъ оказался довольно-таки безхарактернымъ, усталымъ человѣкомъ, отъ котораго проявленія самостоятельной инициативы ждать представлялось труднымъ.

Милый, обходительный, съ багажомъ воспоминаній и анекдотовъ, онъ былъ встрѣченъ актерствомъ съ почтеніемъ и радушіемъ.

Проникнуть Медвѣдевъ былъ благими пожеланіями, но пользы принести Александринскому театру не могъ.

Въ Петербургѣ Медвѣдевъ выдвинулся скорѣе какъ актеръ, преимущественно въ русскихъ пьесахъ. У него оказался мягкій, не яркій комизмъ, была простота.

Медвѣдева мы увидѣли на склонѣ лѣтъ, и смѣшно бы было требовать отъ него необычайнаго. Слишкомъ много пожертвовалъ онъ жизни для русскаго театра до пріѣзда своего въ Петербургъ, потрудился, и мнѣ Петръ Михайловичъ представлялся болѣе не современнымъ актеромъ, а исторической театральной фигурой, почтенной фигурой.

Его надо былъ пригласить въ труппу образцоваго театра за его заслуги, предоставить ему извѣстный почетъ, но ввѣрить ему труппу, ввѣрить сцену—было поздно. Тихо, спокойно поигрывалъ Петръ Михайловичъ и кончилъ здѣсь свои дни.

Пріятный, заслуженный былъ человѣкъ! Вотъ все, что могу сказать про него.

Спасибо ему за то, что онъ воспиталъ въ суровое для театра время легионъ выдающихся русскихъ актеровъ, отгадывая и двигая ихъ дарованія.

По сравненію съ нимъ, другіе антрепренеры провинціи были тогда мелки, незначительны.

Александринская сцена ему лавровъ не прибавила, да и онъ лично не украсилъ ее, но всякій помянетъ его добрымъ словомъ.

Изъ режиссеровъ Александринской сцены я довольно обстоятельно прослѣдилъ дѣятельность Ѳедора Александровича Ѳедорова-Юрковскаго. Онъ былъ сначала актеромъ, слылъ за образованнаго, корректнаго человѣкъ и полезнаго актера. Почему-то его обрели одно время на изображеніе евреевъ («Ваалъ» и др.).

Съ назначеніемъ его режиссеромъ, отъ него ждали многого, и актеры были довольны его назначеніемъ.

Когда всѣ довольны на сценѣ кѣмъ-нибудь—это не рекомендуетъ избранника. Говорю не про данный случай, а вообще, поскольку я наблюдаю.

Деликатный Ѳедоръ Александровичъ, какъ режиссеръ, отъ котораго въ тѣ времена не требовалось нынѣшней изобрѣтательности, не хваталъ звѣздъ съ неба и не портилъ ничего. Все обставлялось и ставилось аккуратно, примитивно, по тогдашнимъ требованіямъ прилично и умно. Давались указанія актерамъ, гдѣ стать, въ какія двери уйти, гдѣ продлить паузу, какъ лучше загримироваться! Психологія пьесы или дѣйствующихъ лицъ, если таковая въ произведеніи имѣлась, не вызывала преній, исполнители пользовались свободой творчества.

Но вотъ что несомнѣнно: при прежней режиссурѣ, хотя бы такой, какъ Ѳедоровская, пьесы, игранныя тогда, шли не хуже, а порой и лучше, чѣмъ идутъ онѣ теперь.

Къ этому выводу совершенно искренне я прихожу въ переживаемое время, когда актера сплошь и рядомъ старается обезличить режиссеръ. Режиссеры были примитивныя, творчество актера выигрывало, а не проигрывало.

Модернизация режиссера превращаетъ его теперь нерѣдко просто въ идіота, и весьма натурально, что растетъ протестъ актерства. При Ѳедоровѣ-Юрковскомъ на репетиціи его сотрудникомъ выступалъ авторъ, и пьесы налаживались.

Позднѣе мы встрѣтились въ томъ же Александринскомъ театрѣ съ Е. П. Карповымъ, который далеко ушелъ отъ примитивности былой постановки, но никогда не стремился заслонять актера или автора, стѣснять ихъ свободу.

Отличительная черта режиссеровъ конца прошлаго вѣка—сценическій опытъ, обстоятельное знакомство со сценой и личное участіе въ качествѣ актера. Нынѣшній театръ выдвигаетъ режиссеровъ-дилетантовъ, съ наскоку захватывающихъ власть на сценѣ и выступающихъ учителями.

Видѣлъ я постановки на Александринской сценѣ А. А. Яблочкина, Натарова, нынѣ здравствующаго Н. А. Корнева и др. Всѣ

занимались совмѣстно съ авторами и достигали благопріятныхъ результатовъ. Привѣтствуя желаніе каждаго режиссера итти впередъ, я не въ состояніи согласиться съ тѣмъ переворотомъ, который они учиняють на сценѣ.

Я былъ обрадованъ, когда въ разговорѣ съ В. Н. Давыдовымъ услышалъ отъ него протестъ противъ послѣдняго слова современныхъ режиссеровъ. Это былъ крикъ сердца нашего перваго актера. Ѳ. А. Ѳедоровъ-Юрковскій, образованный, культурный человѣкъ, отдыхающій теперь на покоѣ, поставилъ бы и въ данное время любую пьесу такъ, что авторъ ея не проигралъ бы.

При Ѳ. А. Ѳедоровѣ-Юрковскомъ поставлена въ Александринскомъ театрѣ первая большая пьеса А. П. Чехова «Ивановъ», чуть ли не въ бенефисъ самого режиссера. Въ постановкѣ этой принималъ участіе В. Н. Давыдовъ, ставившій пьесу въ Москвѣ, о чемъ скажу далѣе, и игравшій роль Иванова.

«Ивановъ» прошелъ съ настоящимъ успѣхомъ. Въ Александринскомъ театрѣ, когда я писалъ эти воспоминанія, какъ разъ заговорили о возобновленіи «Иванова».

Вотъ случай публикѣ, помнящей первое представленіе чеховской пьесы, провѣрить мое мнѣніе, что и безъ нынѣшнихъ режиссеровъ ставили литературныя произведенія такъ, что онѣ оставляли неизгладимое впечатлѣніе у зрителя. Помимо сотрудничества по постановкѣ «Иванова», В. Н. Давыдовъ, къ которому возвращусь, поставилъ потомъ двѣ пьесы при директорѣ театровъ С. М. Волконскомъ, а именно «Снѣгурочку» и «Школьныхъ товарищей». Послѣдняя пьеса поставлена мастерски, несмотря на то, что ее ставилъ не присяжный режиссеръ.

Для «Снѣгурочки» В. Н. Давыдову, случайно замѣнившему покинувшаго Александринскій театръ Е. П. Карпова, дали трепанныя декорации изъ Маринскаго театра, такіе же костюмы и даже начали съ каждымъ представленіемъ наводить экономію, умаляя число статистовъ, изображавшихъ народъ.

Съ такими средствами мудрено было достигъ желаннаго результата.

В. Н. Давыдовъ, являясь случайно режиссеромъ, въ послѣдующіе годы уклонялся отъ этой чести, любя глубоко актерское дѣло и не желая измѣнять ему ради даже временнаго режиссерства, не говоря уже о постоянномъ.

Эта роль не по душѣ Владимиру Николаевичу.

Только что упомянувъ имя Владимира Николаевича Давыдова, перваго изъ современныхъ актеровъ русской, а не только Александринской сцены, я хочу мимоходомъ вспомнить о первыхъ его шагахъ въ Петербургѣ, не касаясь текущей, славной его дѣятельности: она передъ нами.

Когда выступаетъ на сценѣ новый актеръ, дебютантъ, и имѣеть успѣхъ, объ этомъ успѣхѣ говорятъ, имъ интересуются. Одни при-

вѣтствуютъ актера, другіе копаются въ его недостаткахъ, возникаютъ споры.

Когда блеснетъ на сценѣ истинный талантъ, публика хоромъ, какъ одинъ человекъ, его разгадаетъ.

Одной изъ первыхъ ролей В. Н. Давыдова былъ Бальзаминовъ. Я присутствовалъ на этомъ спектаклѣ.

Давыдовъ захватилъ публику, она почувяла, что передъ ней большой художникъ. Въ антрактѣ, послѣ настоящей оваціи, гулъ стоялъ въ залѣ Александринскаго театра.

Гудить, вся зала гудить! каждый желаетъ подѣлиться впечатлѣніемъ, провѣрить себя. Всѣ въ приподнятомъ состояніи — талантъ пришелъ! Дождались его.

Алексѣй и Николай Потѣхины торжествовали. Они давно кричали: «посмотрите, что это за актеръ».

Встрѣтилъ своего отца А. Н. Плещеева въ коридорѣ. Слово двѣсти тысячъ выигралъ.

Давыдовъ, Давыдовъ! — только и слышно.

Такъ встрѣчали Савину и Давыдова, такъ не восторгались Самойловымъ, Павломъ Васильевымъ, Шумскимъ, потому что ихъ знали и знали, что они дадутъ.

А тутъ съ неба упали таланты, пришли изъ какой-то провинціи, даже безъ патентовъ на знаменитость.

Не обошлось и безъ курьеза. Николай Антиповичъ Потѣхинъ, авторъ «Злобы дня», «Нищихъ духомъ» и другихъ пьесъ, любившій сболтнуть для краснаго словца, кому-то сказалъ про Давыдова:

— Ученикъ мой!

Это передали Горбунову.

— Погодите, одинъ ли Николай Антиповичъ его учителемъ будетъ... у талантливыхъ людей ихъ всегда пропасть! откуда берутся! Безъ учителей ничего не выйдетъ...

Горбуновъ, со свойственной ему наблюдательностью, удивительно вѣрно подмѣтилъ, какъ около талантливаго человека вырастаетъ всегда толпа учителей, которымъ этотъ человекъ обязанъ больше, нежели собственному таланту.

Бываетъ и наоборотъ: «Я самойловскій ученикъ!» — говорилъ, бѣя себя въ грудь, бывшій актеръ Александринскаго театра Измайловъ.

Давыдовъ, изображая Бальзаминова, чуть-чуть пришепетывалъ. Ну, конечно, послѣ него къ этому прибѣгали всѣ исполнители этой роли.

Даже и такой рѣдкій талантъ, какъ нашъ Владимиръ Николаевичъ, въ силу тяжелаго режима Александринскаго театра покидалъ послѣдній. Онъ вступилъ въ труппу московскаго театра Корша.

Въ Москвѣ онъ особенно сблизился съ Антономъ Павловичемъ Чеховымъ, бывавшимъ тамъ за кулисами.

Однажды застѣнчивый по натурѣ Чеховъ, послѣ долгихъ колебаній, сунуль въ карманъ Давыдова рукопись и исчезъ, прося потомъ ознакомиться съ ней. Это была пьеса Чехова «Ивановъ», отъ которой Давыдовъ пришелъ въ восторгъ. Онъ полетѣлъ къ Чехову и уломалъ его, склонивъ къ постановкѣ «Иванова» въ свой бенефисъ.

Успѣхъ, какъ свидѣтельствуетъ мнѣ В. Н. Давыдовъ, былъ неописуемый.

— Не забуду приѣма, оказаннаго московской публикой «Иванову»,—говорить Давыдовъ.

Объ Иванѣ Ѳедоровичѣ Горбуновѣ, сколько ни вспоминаю, всего не припомнишь. Поговоришь, бывало, съ нимъ, и хочется занести разговоръ въ записную книжку, а Горбуновъ этого не любилъ.

— Обличишь?—спрашивалъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Участвовали сегодня, Иванъ Ѳедоровичъ, въ концертѣ?

— Съ приказчикомъ.

— Съ какимъ?

— Съ Павломъ Вейнбергомъ... Будь, говоритъ, хозяиномъ... куда ты, туда и я. А вотъ у меня другой приказчикъ плачетъ... безъ работы Де-Лазари-Константиновъ... вчера, говоритъ, что жъ ты меня забылъ!

Павель Исаевичъ Вейнбергъ, извѣстный рассказчикъ еврейскихъ спенъ и актеръ, впоследствии былъ принятъ въ труппу Александринскаго театра. К. Н. де-Лазари служилъ ранѣе подъ фамиліей Константинова, пѣлъ цыганскіе романсы («Нищіе духомъ»), великолѣпно игралъ на гитарѣ и копировалъ живыхъ и мертвыхъ съ рѣдкимъ мастерствомъ.

Какъ-то Горбуновъ при мнѣ поссорился съ Константиновымъ. Горбуновъ ушелъ изъ ресторана.

— Чего я для него въ жизни не дѣлалъ и вотъ вамъ... самъ бьется у министровъ... что бы сказать: кого интересно послушать—это Константинова! Вѣдь онъ бы погибъ, если бы не я.

— Какъ погибъ?

— Не служилъ бы въ Александринскомъ театрѣ.

— Какъ такъ?

— Павель Степанычъ разсердился на него, видѣть его не хотѣлъ и не пускалъ къ себѣ.

— Какой Павель Степанычъ?

— Ѳедоровъ, начальникъ репертуара... бывало, разсердится, со свѣту сживеть.

При этомъ Константиновъ передразнивалъ шамкающаго и шлепавшаго губами старика.

— Да вѣдь Ѳедоровъ Горбунова обожалъ.

— Разсердился и разлюбилъ...

— Какъ же вы его спасли?

— Прихожу къ Павлу Степанычу, а Горбуновъ у меня за дверями. Ну, что ты?—спрашиваетъ меня Павелъ Степановичъ.

— Горбуновъ бѣдный, смотрѣть жаль.

— А что съ нимъ такое?

— Убивается.

— Гдѣ?

— За дверями, Павелъ Степанычъ, стоитъ и горько плачетъ... даже на колѣни упалъ.

— Чего жъ онъ убивается?

— За что, говоритъ, Павелъ Степанычъ на меня прогнѣвался.

— Ну, пусть войдетъ!

И помирились.

Этотъ разсказъ, за достовѣрность котораго, конечно, ручаться не могу, записанъ мною полностью со словъ покойнаго К. Н. де-Лазари.

Горбуновъ-актеръ совершенно тушевался въ Александринскомъ театрѣ передъ Горбуновымъ-разсказчикомъ, тѣмъ не менѣе въ репертуарѣ Ивана Ѳедоровича, весьма ограниченномъ, были удачныя роли, какъ, на примѣръ, Иполита въ «Не все коту масленица», сыгранная имъ въ бенефисъ, Кудряша въ «Грозѣ», Тугоуховскаго въ «Горе отъ ума», въ доброе старое время—трактирнаго слуги въ «Ревизорѣ» и др. Незадолго передъ смертью И. Ѳ. игралъ снова Кудряша, причемъ Варвару изображала его дочь Т. И. Горбунова. Этотъ выходъ незабвеннаго Горбунова не былъ такъ удаченъ, какъ въ болѣе молодые годы.

Странно было видѣть Ивана Ѳедоровича съ дочерью, игравшихъ влюбленныхъ. Объ этомъ друзья откровенно говорили Горбунову, а кто-то изъ рецензентовъ не постѣснялся даже напечатать. Съ корректностью такого замѣчанія согласиться не могу.

Для меня появленіе маститаго Горбунова въ этой роли представлялось вполне понятнымъ: онъ принесъ жертву въ пользу дочки, желая обставить ее возможно лучше. Ей почти не давали ролей, что угнетало Ивана Ѳедоровича.

Т. И. Горбунова дарованіемъ не обладала.

Долгіе годы съ афиши Александринскаго театра не сходило имя Ивана Ѳедоровича, какъ разсказчика.

«Г. Горбуновъ прочтетъ сцену своего сочиненія»—такъ гласила афиша. Публика по окончаніи пьесы не расходилась, ожидая появленія своего любимца. Съ перевальцемъ входилъ Иванъ Ѳедоровичъ, встрѣчаемый аплодисментами, останавливался, озирался кругомъ и послѣ паузы приступалъ къ разсказу.

Взрывы хохота не умолкали. Юморъ художника, равнаго которому въ области разсказа не было, доставлялъ высокое наслажденіе.

Мы счастливы, что были современниками такого великаго зна-тока русскаго народа, русскаго рѣчи и русскаго жизни.

Въ зрительномъ залѣ при встрѣчѣ Горбунова его называли не иначе, какъ «Иванъ Ѳедоровичъ».

Отъ дворцовъ до самыхъ скромныхъ квартирочъ литераторовъ и актеровъ, вездѣ рассказы Горбунова вызывали восторгъ.

Ивана Ѳедоровича всѣ любили и всѣ съ нимъ цѣловались, когда онъ подставлялъ по привычкѣ щеку, но это лобзаніе не останавливало разныхъ Иудушекъ говорить про Горбунова всякія мерзости. Выставляли его двуличнымъ и въ то же время сами двуличничали и подличали. Но это пустяки. Боже мой, чего не валилось на голову Горбунова.

Я думаю, многіе слышали, какъ одно время, желая, вѣроятно, нанести ударъ горбуновской популярности, стали говорить, что онъ едва ли не служитъ въ тайной полиціи.

Возможно, что поводомъ къ инсинуаціямъ послужила дружба Ивана Ѳедоровича съ бывшимъ тогда начальникомъ сыскной полиціи И. Д. Путилинымъ, умнымъ, наблюдательнымъ человѣкомъ съ запасомъ характерныхъ рассказовъ.

Не знаю, слышалъ ли Горбуновъ о томъ, что про него говорили? Впрочемъ, про кого и чего не говорили въ театрално-литературныхъ кружкахъ, переполненныхъ завистниками, не переживающими чужой славы.

Въ бытность мою на сценѣ началась медленная агонія «трагика».

Трагики кричали, «пускали мозги въ потолокъ», завывали, объявляя себя наслѣдниками Рыбакова, а Н. Х. Рыбаковъ самъ на старости отдалялся отъ этого ложнаго трагизма.

Въ труппѣ Александринскаго театра служилъ почтенный старикъ Леонидъ Львовичъ Леонидовъ, гремѣвшій во дни оны какъ трагикъ. Въ послѣдніе годы жизни ему приходилось мало играть. Онъ пользовался почитаніемъ среди товарищей, которые не прочь были и выпутить его, пустить анекдотикъ.

— Какой случай-то вышелъ съ Леонидомъ Львовичемъ,—передавалъ кто-то изъ актеровъ... игралъ онъ трагедію, да какъ крикнетъ, а въ райкѣ отъ этого крика трагическаго кучеръ дремавшій проснулся и на весь театръ гаркнулъ: «стой! черти!» онъ думалъ, что лошади бунтуютъ.

По внѣшности Леонидъ Львовичъ выдѣлялся изъ толпы. Длинные серебристые волосы, смуглый цвѣтъ лица, гигантскій ростъ, зычный голосъ.

Добрякъ по натурѣ, Леонидовъ дружилъ съ труппой.

Его юбилей мы праздновали въ ресторанчикѣ «Медвѣдь», помѣщавшемся на мѣстѣ нынѣшняго ресторана того же названія; данъ былъ ужинъ, за которымъ я читалъ стихи, посвященные юбиляру. Было много балетныхъ артистовъ и драматическихъ, конечно. Присутствіе первыхъ объяснялось тѣмъ, что дочь Л. Л. Леонидова была замужемъ за М. И. Петича, знаменитымъ балетмейстеромъ.

Леонидовъ переигралъ множество переводныхъ пьесъ; у него были хорошія, казовыя роли, въ которыхъ онъ производилъ на толпу впечатлѣніе. Благородство манеръ и внѣшняя импозантность помогали Леониду Львовичу.

При господствовавшемъ тогда репертуарѣ такіе актеры, какъ Леонидъ Львовичъ, были необходимы.

Отъ всей фигуры Леонидова вѣяло чѣмъ-то добродушно-патріархальнымъ.

На юбилеѣ его человѣческія качества были подчеркнуты всѣми ораторами. Разумѣется, тормозили и леонидовскую славу, которая гремѣла въ его молодые годы. Мы, слушая стариковъ, понятно, вѣрили имъ.

Александринскій театръ сблизилъ меня съ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ Бурдинымъ.

Онъ считалъ себя и большимъ комикомъ, и большимъ драматическимъ актеромъ. Сегодня показывался Любимомъ Торцовымъ въ «Бѣдность не порокъ», завтра придурковатымъ купцомъ Барабошевымъ въ комедіи тоже Островскаго «Правда хорошо, а счастье лучше».

Я самъ игралъ много разъ съ Бурдинымъ. Засталъ я его слабымъ на ноги, хватавшимся на сценѣ за одушевленные и неодушевленные предметы, чтобы не растянуться.

Дарованіемъ Богъ не наградилъ Бурдина, но онъ во всякомъ случаѣ не заслуживалъ того безпощаднаго лая, которымъ привѣтствовали его въ каждой новой роли рецензенты. Александринская публика не раздѣляла вполнѣ этихъ нападокъ, хотя и не считала Бурдина хорошимъ актеромъ. Его не любили за то еще, что онъ умѣлъ захватывать выдающіяся роли, преимущественно въ пьесахъ Островскаго, дружбой котораго онъ пользовался. Иногда самъ Александръ Николаевичъ, сознавалъ, что «Ѳедя» слабовать.

Въ бенефисы Бурдина шли пьесы Островскаго, по приѣздѣ изъ Москвы Островскій читалъ у него новыя пьесы, распредѣляя совмѣстно роли.

Бурдинъ много вредилъ исполненію на Александринской сценѣ произведеній А. Н. Островскаго, но знаменитый драматургъ большею частью оставался доволенъ его игрой.

Бурдинъ былъ въ лѣтахъ, помимо слабости ногъ, онъ плохо говорилъ, мямлилъ, нижняя губа начинала плохо повиноваться.

Ѳедоръ Алексѣевичъ покинулъ наконецъ сцену, уѣхалъ въ Курскъ и дважды умеръ.

Одинъ разъ его похоронили при жизни и почтили лестными некрологами газеты, а въ другой разъ онъ дѣйствительно скончался— ходилъ анекдотъ, что Бурдинъ, будучи за границей, посѣтилъ могилу Тальма и написалъ на ней, что «тутъ былъ русскій Тальма— Бурдинъ».

Бурдинъ любилъ путешествовать, склонилъ къ поѣздкѣ по Европѣ юнаго Сазонова, который, проигравшись въ Монте-Карло, остался безъ копейки въ Италіи.

Бурдинъ же его и выручилъ изъ непріятнаго положенія, случайно встрѣтя на обратномъ пути на Ривьерѣ. Сазоновъ не зналъ, на что ему обѣдать и гдѣ жить, потому что въ отелѣ больше чѣмъ косились.

Талантливымъ актеромъ Федора Алексѣевича Бурдина признали послѣ его мнимой смерти.

Онъ, слѣдовательно, дождался похвального слова.

Среди надежныхъ силъ мужского персонала труппы Александринскаго театра неизгладимо запечатлѣлись въ памяти моей Павелъ Матвѣевичъ Свободинъ и Модестъ Ивановичъ Писаревъ.

И тотъ и другой начитанные, образованные люди, посвящавшіе досуги литературѣ.

Свободинъ писалъ недурные стихи и рассказы. Оба они были желанными людьми въ литературныхъ кружкахъ, дружили съ молодежью и любили ее.

Модестъ Ивановичъ Писаревъ былъ человѣкъ необычайно мягкаго сердца, безхарактерный, почти безвольный, что совсѣмъ не гармонировало съ его богатырской фигурой. Съ молодыхъ лѣтъ онъ увлекался литературой и сценой, боготворилъ Островскаго и съ особой тщательностью, съ усердіемъ изучалъ его произведенія, проникаясь ихъ духомъ.

Какъ наблюдательный человѣкъ, знавшій близко русскую жизнь и русскаго человѣка, онъ чувствовалъ родственную связь съ людьми Островскаго, онъ любилъ ихъ и создалъ рядъ богатыхъ бытовыхъ и историческихъ фигуръ, каковы Красновъ, Несчастливцевъ, Русаковъ, Дикой, Грозный, Ананій («Горькая судьбина» Писемскаго) и другіе.

Писаревъ былъ прежде всего бытовымъ актеромъ, котораго на жаргонѣ провинціального актерства называли «рубашечнымъ».

Увлекаясь иностранной классической литературой, Писаревъ все же тяготѣлъ душой къ своему, національному.

По наблюденіямъ и клятвамъ современныхъ драматурговъ-модернизаторовъ, бытъ отживаетъ или даже отжилъ свое время.

Это покушеніе съ негодными средствами на русскую жизнь, непониманіе и незнаніе ея! Съ дальней юности я дружилъ съ Модестомъ Ивановичемъ. За послѣдніе годы службы въ Александринскомъ театрѣ онъ увялъ, болѣлъ, постарѣлъ. Не такимъ онъ былъ, появившись въ Петербургѣ вмѣстѣ съ Полиной Антоновной Стрепетовой, не такимъ помнитъ его Москва и провинція. Если сфера его таланта не была широкой, онъ въ этой сферѣ былъ богатыремъ.

То же можно сказать и про Стрепетову, во много разъ превосходившую Писарева по таланту. Не обильно было число ролей въ ея

репертуарѣ, но что мы переживали, что она дѣлала съ нашими нервами и сердцами, особливо въ молодые годы. Играла, какъ Рѣпинъ пишетъ, какъ Толстой говорить.

Тотъ не можетъ судить о Стрепетовой, кто засталъ ее во время послѣдняго возвращенія въ Александринскій театръ.

Это были остатки Стрепетовой, которую сразу обрели не на свое дѣло, заставивъ играть глуповатую помѣщицу, кажется, въ пьесѣ князя Сумбатова.

Возвращаюсь къ Писареву.

Игралъ онъ въ клубѣ художниковъ, который помѣщался на Дворцовой набережной, на углу Гагаринской, въ домѣ князя Волконскаго.

Послѣ спектакля Стрепетова уѣхала измученная домой, а мы небольшимъ кружкомъ ужинали. Центромъ вниманія былъ Писаревъ. Только что появилась восторженная статья Д. В. Аверкіева о немъ и о Стрепетовой. Рѣчь зашла объ Александринскомъ театрѣ.

— Служить въ Александринскомъ театрѣ лестно и пріятно,— говорилъ Писаревъ:—но я бы съ большимъ удовольствіемъ послужилъ въ народномъ театрѣ... Петербургу нуженъ народный театръ съ художественнымъ репертуаромъ. Дайте намъ народную аудиторію, она насъ пойметъ и оцѣнитъ по-своему.

— А сколько бы вамъ такой театръ могъ платить?—спросилъ кто-то изъ пріятелей Писарева.

— Безразлично... я бы именно туда пошелъ.

Въ этотъ моментъ показался Д. В. Аверкіевъ во фракѣ и съ биноклемъ въ рукѣ. Онъ одинъ считалъ обязанностью появляться здѣсь во фракѣ.

— Дмитрій Васильевичъ,—обратился къ нему Писаревъ:—нуженъ Петербургу народный театръ?

— Нужно сначала,—хриплымъ, рѣзкимъ голосомъ отвѣчалъ Аверкіевъ:—чтобы Стрепетова и Писаревъ играли въ образцовомъ театрѣ.

Писаревъ нѣсколько разъ возвращался къ своей мысли о народномъ театрѣ, который ему рисовался болѣе образцовымъ, чѣмъ Александринскій въ смыслѣ репертуара.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ прошло, возникли народные дома, но художественнаго репертуара Писаревъ, встанъ онъ изъ могилы, не нашелъ бы.

Модестъ Ивановичъ не разъ въ бесѣдахъ, когда мы вмѣстѣ служили въ московскомъ Пушкинскомъ театрѣ, говаривалъ, что къ Островскому никогда не ослабнетъ интересъ публики, что народятся театры Островскаго,—но ставьте его образцово.

Островскій не сходилъ съ языка Писарева; о чемъ бы онъ ни заговаривалъ, онъ возвращался къ Аполлону Григорьеву и сейчасъ же къ Островскому.

Незадолго передъ кончиной послѣднія силы Модестъ Ивановичъ отдалъ опять Островскому, любовно редактируя его сочиненія.

Въ Пушкинскомъ театрѣ, благодаря Писареву и Андрееву-Бурлаку, поставившимъ «Лѣсъ», не сходявшій съ репертуара, собиралъ Москву—Островскій.

Писаревыхъ было два: когда Модестъ Ивановичъ появлялся въ шиллеровской или въ шекспировской трагедіи—это былъ одинъ Писаревъ, умный, старательный, даровитый актеръ.

Въ бытовомъ репертуарѣ—это былъ Писаревъ, который десятью головами выше перваго.

Модестъ Ивановичъ еще со временъ московскаго университета и передовыхъ тогдашнихъ литературныхъ кружковъ остался до гроба другомъ молодежи, бѣдноты, протестовавшимъ противъ грубаго произвола, неправды и гонителей свободы.

На лестъ, на низкопоклонство, на созданіе себѣ протекціи онъ былъ неспособенъ.

Чистый былъ человѣкъ.

Ни въ какихъ партійныхъ, закулисныхъ спорахъ Писаревъ не участвовалъ.

Репутацію Павла Матвѣевича Свободина, не отрицая его безспорнаго таланта, я находилъ преувеличенной.

Его сравнивали съ В. Н. Давыдовымъ. Это несправедливо. Давыдовъ и цередъ нимъ великанъ.

Разнообразность, сказалъ бы, раскиданность репертуара Свободина была широкая, но онъ повторялся, и въ галереѣ его созданій, среди которыхъ были—превосходныя, попадались шаблонныя.

Онъ давалъ много въ характерныхъ роляхъ съ темпераментомъ и проигрывалъ въ комическихъ, потому что сочнымъ комизмомъ не обладалъ.

Что привлекало въ Павлѣ Матвѣевичѣ Свободинѣ—это мягкость тоновъ, какое-то наивное добродушіе. Покойный артистъ отдѣлывалъ роли, отличаясь типичными гримами. Видѣлъ я его въ пьесахъ Толстого, Сухова-Кобылина, Островскаго, Чехова, Суворина, знаю его очень хорошія роли, помню ихъ, но онъ не былъ «большимъ» актеромъ.

Въ жизни, за кулисами Свободинъ казался мнѣ человѣкомъ со странностями, былъ общительнымъ, привѣтливымъ. Очувшись въ Петербургѣ, онъ примкнулъ къ литературнымъ кружкамъ, его влекло туда. Погибъ, какъ извѣстно, Павелъ Матвѣевичъ трагически: онъ умеръ во время спектакля, въ гримѣ, въ «Шутникахъ». Всѣ были потрясены этой страшной смертью.

— Тяжело умирать, а умереть легко!—говорилъ будто бы Свободинъ кому-то изъ товарищей за три дня до смерти. Павелъ Матвѣевичъ въ юности обучался въ петербургскомъ театральномъ училищѣ, гдѣ товарищи признавали его будущимъ Самойловымъ.

Не вѣрю я, что ты Свободинъ,
Коль ѣхать съ нами не свободенъ.

Такъ отвѣчалъ Свободину какой-то начинающій писатель, тщетно приглашавшій его слушать свою пьесу. Съ этими курьезными строками обращались, смѣясь, не разъ къ Свободину пріатели, если онъ почему-либо уклонялся отъ ихъ компаніи.

«Весной» Александринскаго театра называли первый годъ дѣятельности приглашеннаго завѣдывать труппой Алексѣя Антиповича Потѣхина. Въ дореформенную эпоху онъ перомъ работалъ въ пользу освобожденія.

Ждали, что и тутъ онъ поработаетъ за освобожденіе русской сцены отъ чиновничьей опеки. Въ самомъ дѣлѣ назначеніе литератора, добрая половина пьесъ котораго признавалась, по требованіямъ цензуры, вредной, было новымъ словомъ въ жизни Александринскаго театра. Закулисные наблюдатели задавали глубокомысленный вопросъ: Потѣхинъ превратится въ чиновника, или чиновники нарядятъ его въ вицъ-мундиръ?

Новый директоръ императорскихъ театровъ И. А. Всеволожской, новый управляющій труппой, литераторъ, приглашеніе въ литературно-театральный комитетъ литераторовъ съ именами взаимно Юркевича и др., все указывало на новыя вѣянія.

А тутъ еще пронеслась вѣсть о свободѣ частныхъ театровъ, объ освобожденіи ихъ отъ уплаты дани дирекціи императорскихъ театровъ.

Алексѣй Антиповичъ съ первыхъ же шаговъ зарекомендовалъ себя упрямымъ, настойчивымъ человѣкомъ. Одни видѣли въ этомъ хорошій признакъ самостоятельности, другіе, наоборотъ, обрушились на его характеръ.

Какъ это ни странно, но наша братія, журналисты, съ первыхъ же дней управленія Потѣхина набросились на него, принялись вышучивать, порицать, негодовать.

Мотивы для этого были, но мы забывали одно, что и на солнцѣ есть пятна.

Грѣшенъ и я, что нѣтъ-нѣтъ, да поддавался вліянію хора потѣхинскихъ недоброжелателей, а иной разъ и завистниковъ.

Болѣе опредѣленное и уравновѣшенное мнѣніе о Потѣхинѣ у меня созрѣло по ликвидаціи его театральной дѣятельности.

Отрицательная часть его работы—неизмѣримо меньше положительной. Послѣдняя преобладаетъ. Труппа пополнялась и удачно и неудачно. Также и сокращалась. Репертуаръ Потѣхину видоизмѣнить кореннымъ образомъ нельзя было скоро, хотя онъ и стремился къ этому.

Въ труппу проскользнула, на примѣръ, съ любительской сцены очень эффектная, но бездарная г-жа Пашенко, которую выпускали въ хорошихъ роляхъ, въ ущербъ дѣлу.

Это была мишень для глумленія печати, правда, не всегда безусловно справедливаго; затѣмъ нападки переносились на дочь

Алексѣя Антиповича Р. А. Потѣхину, которая появлялась на столичныхъ сценахъ, на многое не претендовала, но была слаба и обнаруживала неясную читку.

Въ провинціи почитали за кумира актера В. В. Чарскаго, котораго пригласили въ Александринскій театрѣ.

Здѣсь Чарскій превратился въ неудачника: что бы онъ ни игралъ, начиная отъ классической роли и кончая пустенькой въ комедіи, театральная критика набрасывалась на него съ яростью, словно сговорившись. Публика оставалась равнодушной къ его игрѣ. Чарскому попадало отъ рецензентовъ и тогда, когда онъ этого не заслуживалъ.

Чтобы не потерять своего имени совсѣмъ, какъ я думаю, В. В. Чарскій опять удалился въ провинцію. У Чарскаго выгодная сценическая внѣшность, онъ высокій, голосъ сильный, но суховатый. Такимъ образомъ, пребываніе провинціального артиста не было удачнымъ въ Александринскомъ театрѣ.

Припоминаю еще нѣсколькихъ актеровъ образцовой сцены. Съ клубныхъ сценъ сюда перешелъ весьма способный и даровитый любитель К. П. Шкаринъ, принадлежавшій къ купеческому кругу и имѣвшій свою торговлю. Онъ исполнялъ всегда типично и оригинально народныя роли, мужиковъ, купчиковъ, приказчиковъ, и при томъ чаще второстепенныя роли.

Въ клубахъ Шкаринъ подвизался лѣтъ двадцать и всегда съ успѣхомъ, обращая вниманіе и публики и печати.

Александръ Семеновичъ Черновъ, недавно покинувшій Александринскій театрѣ, пріѣхалъ въ Петербургъ въ восьмидесятыхъ годахъ и былъ принятъ на сцену директоромъ И. А. Всеволожскимъ, который его зналъ лично. Всю свою службу онъ былъ полезнымъ членомъ труппы и, какъ корректный, воспитанный человекъ, пользовался неизмѣнными симпатіями товарищей. Онъ ушелъ съ казенной сцены два года назадъ и служить въ Москвѣ въ частномъ театрѣ.

Въ восьмидесятыхъ годахъ Александринскій театрѣ насчитывалъ въ своей труппѣ трехъ опереточныхъ пѣвицъ, если не считать А. И. Абарину, поступившую въ оперу.

Пѣли З. Д. Кронебергъ, М. М. Чернявская, жена провинціального актера И. Р. Чернявскаго, и г-жа Нелюбова. Маленькія роли въ опереткахъ исполняла Семенова.

Антонина Ивановна Абарина изъ оперы возвратилась въ Александринскій театрѣ и была хорошей комедійной актрисой, веселой и изящной. Съ годами она начала играть роли пожилыхъ женщинъ и преимущественно свѣтскихъ барынь, готовясь замѣнить Е. Н. Жулеву.

Антонина Ивановна была большой работницей и своего дарованія въ землю не зарывала. Карьеру ея прервалъ тяжкій недугъ: она скончалась отъ рака.

Большая, страдающая, за нѣсколько дней до смерти Антонина Ивановна мечтала еще о новыхъ роляхъ, о будущей службѣ.

Какъ пѣвица опереточная, А. И. Абаринова могла соперничать съ выдающимися парижскими артистками этого жанра. Антонина Ивановна была очень красивой. Оперетку она покинула, разсердившись на публику Александринскаго театра. Свидѣтелемъ этого происшествія я не былъ, не знаю точно, что ее обидѣло, а потому умалчиваю о причинѣ ухода артистки.

А. И. Абаринова часто путешествовала по Европѣ, интересовалась европейскими сценами, стараясь позаимствовать все выдающееся для своего театра.

Незадолго до смерти она путешествовала по Скандинавіи, посѣтила Ибсена, который радушно принялъ русскую актрису, рассказавшую ему много интереснаго для него объ исполненіи и постановкѣ его пьесъ въ Россіи.

Съ восторгомъ передавала мнѣ Абаринова объ этомъ свиданіи.

Въ труппѣ Александринскаго театра кончина А. И. Абариновой составила большой пробѣлъ. Съ возвращеніемъ туда Надежды Сергѣевны Васильевой, особливо послѣ смерти Екатерины Николаевны Жулевой, амплуа какъ послѣдней, такъ и Абариновой нашло наконецъ замѣстительницу.

Надежда Сергѣевна Васильева, нынѣ удостоенная званія заслуженной артистки, дочь знаменитыхъ москвичей С. Васильева и Е. Н. Васильевой, украсившихъ Малый театръ, начала карьеру на той же московской сценѣ, откуда въ 1878-мъ году переведена въ Петербургъ, она покидала временно Александринскій театръ и, къ стыду тогдашней дирекціи, не по своей волѣ: ее не удерживали. А потомъ пришлось повторить пословицу:—что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ.

Н. С. Васильеву не слѣдовало упускать, какъ талантливую актрису, какъ талантливую представительницу знаменитой театральной семьи, играющей роль въ исторіи нашего театра.

Дирекція, расставаясь съ Н. С. Васильевой, наградила ее прощальнымъ бенефисомъ и воспротивилась почему-то публичному чествованію Надежды Сергѣевны.

Публика настаивала, но занавѣсъ не подняли, руководствуясь, надо полагать, мелкими интригами и завистничествомъ.

Я не могу понять, не могу объяснить себѣ такихъ фактовъ, какъ никогда не пойму, что Александринскій театръ могъ разставаться съ В. В. Самойловымъ, съ В. Н. Давыдовымъ.

Н. С. Васильева возвратилась въ Александринскій театръ чрезъ два года.

Когда я вспомню прошлую четверть минувшаго вѣка и передо мной встаютъ, какъ тѣни, бывые дѣятели Александринской сцены, словно вижу обаятельную Екатерину Николаевну Жулеву.

Съ перваго дня знакомства, съ первой нашей встрѣчи за кулисами, когда меня представили ей, и до самой ея смерти, когда бы и гдѣ мы ни встрѣчались, я восторгался этой высокоуважаемой женщиной, не говоря объ ея нѣжномъ, благородномъ талантѣ, отъ котораго вѣяло старымъ барствомъ, дворянской семьей далекихъ лѣтъ.

Когда эта барыня сердилась, если ее чѣмъ-нибудь огорчали на сценѣ, она сердилась такъ добродушно, что гнѣвъ представлялся выговоромъ, адресованнымъ матерью по адресу обожаемыхъ дѣтей. Когда-то въ двухактной пьескѣ «Старое старится, молодое растетъ» играли Е. Н. Жулева и В. В. Самойловъ. Дуэтъ былъ чудный. Екатерина Николаевна все время ворчала на сценѣ, изображая старую барыню, Самойловъ ворчалъ, изображая стараго барина. Это «ворчанье» восторгало публику.

Однажды на какой-то репетиціи Жулева и Самойловъ заспорили.

— Что репетируютъ? «Старое старится»?—спросилъ тихо вошедшій на сцену В. А. Крыловъ.

Дѣйствительно, они словно повторяли сцену изъ комедіи. Екатерина Николаевна любила возвращаться въ разговорахъ къ пролетѣвшему времени, къ своимъ далекимъ встрѣчамъ съ литераторами и актерами, вспоминая о нихъ, какъ о близкой роднѣ. Величавая, добрая барыня, несмотря на преклонный возрастъ, вносила съ собою на сцену бодрость духа. Вы, нынѣшнія, нутко!—рвалось съ языка при видѣ ея.

Славная, поэтичная, барственная старость въ лицѣ ея какъ будто исчезла со сцены.

Искусство незабвенной актрисы чаровало мягкими, тургеневскими тонами. Бабушка русской сцены пользовалась глубокимъ уваженіемъ всего актерства и за свою привѣтливость, за свою ласку.

Какъ она любила свой театр!

Врачи настаивали на покоѣ, а старческое сердце усиленно билось при одномъ воспоминаніи о сценѣ. Екатерина Николаевна начала, не считаясь съ болѣзненнымъ состояніемъ, снова, отъ времени до времени, появляться на сценѣ.

Послѣднія вѣшники таланта скоро угасли, и Екатерины Николаевны не стало.

Когда мнѣ приходится слышать упоминаніе о традиціяхъ Александринскаго театра, я спрашиваю: въ чемъ выражаются эти традиціи?

Въ той искренней заботѣ стариковъ о процвѣтаніи успѣха любимаго дѣла, объ охранѣ хорошихъ обычаевъ, которую завѣщали имъ предшественники. Жулева хранила эти традиціи, какъ и многіе ея товарищи. Каково бы ни было это наслѣдство, но будущее лишь покажетъ, бережно ли къ нему отнеслась молодежь двадцатаго вѣка, желающая пересоздать русскій театръ, или она смететъ традиціи, какъ паутины сцены, какъ нѣчто архаическое.

На моихъ глазахъ въ Александринскомъ театрѣ прошла вереница актрисъ. Если не всёхъ, то многихъ изъ нихъ, хочется вспомнить, хотя бы мимолетно. Я засталъ тамъ А. М. Читау, которая мнѣ памятна особенно въ «Злобѣ дня» Н. А. Потѣхина въ роли матери Градищевой, родовитой аристократки. Артистически справлялась она съ этой довольно ходульной ролью, и въ сценѣ объясненія съ будущимъ женихомъ дочери, когда съ ней дѣлается истерика, захватывала театр.

И въ совершенно противоположныхъ характерныхъ роляхъ старухъ, большею частью драматическихъ, Читау давала типичные образы.

Громова, Сабурова, Александрова, неувыдаемая до сихъ поръ В. В. Стрѣльская, Левкѣвы—старая и молодая, какъ ихъ тогда называли, М. М. Глѣбова, А. И. Дюжикова, Н. Е. Хлѣбникова, А. З. Тютрюмова, подававшая большія надежды, но быстро покинувшая сцену Литвинова, А. А. Яблочкина-Журина, О. Д. Лолла, поступившая послѣ успѣшныхъ дебютовъ на клубныхъ сценахъ и закончившая трагически карьеру въ провинціи и др.

Нынѣшняя А. А. Немирова-Ральфъ, супруга извѣстнаго актера Ральфа, обвинявшаяся въ двоеженствѣ, начинала выдвигаться какъ первая драматическая актриса въ провинціи.

Дебютировала въ Александринскомъ театрѣ Е. Н. Горева, о которой шумѣли лѣтъ двадцать пять назадъ до сумасшествія. Десятки именъ, которыхъ не припомнишь! Служилъ въ Александринскомъ театрѣ, но совсѣмъ безуспѣшно одинъ или два сезона Н. Н. Соловцовъ, впослѣдствіи извѣстнѣйшій антрепренеръ, основавшійся въ Кіевѣ. Послѣ неоднократныхъ попытокъ зачислили въ труппу Г. Н. Стремлянова, отца М. Г. Савиной.

Дочь будто бы сначала противилась до поры до времени его поступленію, по той разумной причинѣ, чтобы не заслуживать упрека товарищей, которые могли бы сказать, что она протаскиваетъ свою родню.

За кулисами Александринскаго театра были популярны двѣ личности, здравствующія и понынѣ. Они не принадлежали къ актерской средѣ. Я говорю о библіотекарѣ А. Х. Мозерѣ и секретарѣ театральна-литературнаго комитета, а прежде второмъ режиссерѣ А. П. Шталъ.

Мозеръ первый въ Россіи занялся лигрографированіемъ и распространеніемъ пьесъ, шедшихъ въ Александринскомъ театрѣ. Тогда не существовало специальныхъ театральныхъ библіотекъ.

Оба они общіе друзья нѣсколькихъ поколѣній александринскихъ актеровъ. Шталъ недавно скончался въ преклонныхъ лѣтахъ. Вспоминая былой Александринскій театр, я мало говорилъ о Марьѣ Гавриловнѣ Савиной, прежде всего потому, что о ней написана цѣлая литература, исчерпаны всѣ восторженные эпитеты, которые цанизовали біографы и критики Савиной,

Савина—это исторія Александринскаго театра за истекшія тридцать пять лѣтъ, исторія, дорогая для насъ, современниковъ, и для русскаго искусства.

Мѣнялись актеры, режиссеры, директора театровъ, драматурги, а Савина до сихъ поръ одна, чудная Савина, которой не коснулась перемѣна ея, такъ сказать, оправы.

Заканчивая клочки воспоминаній о близкомъ мнѣ театрѣ, я извиняюсь, что о многихъ товарищахъ забылъ упомянуть и повторяю, что не руководствовался хронологіей и послѣдовательностью, предоставляя эту кропотливую работу историкамъ.

Я записалъ, что помнилъ, и многое, что пригодится, пожалуй, и для историковъ: мелочи иногда имѣютъ значеніе, какъ справочный матеріалъ. Когда-нибудь еще возвращусь къ Александринскому театру, который принесъ мнѣ въ жизни много радостей

А. Плещеевъ.

ЗАБЫТЫЕ ПОЭТЫ.

Тургеневъ, Ознобишинъ и Тимофеевъ.

(Изъ симбирской хроники).

СИМБИРСКЪ принадлежитъ къ числу самыхъ молодыхъ губернскихъ городовъ. Основаніе его относится къ 1648 году. Такимъ образомъ, въ настоящее время Симбирску около 250 лѣтъ. Однако, несмотря на свое сравнительно короткое существованіе, онъ вписалъ на страницахъ русской исторіи немало славныхъ именъ, которыми онъ можетъ смѣло гордиться. Я говорю о тѣхъ знаменитыхъ государственныхъ дѣятеляхъ, ученыхъ, писателяхъ и поэтахъ, которые были уроженцами самаго Симбирска и Симбирской губерніи.

Особенно много дала Симбирская губернія писателей и поэтовъ. Николай Михайловичъ Карамзинъ, Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, Николай Михайловичъ Языковъ, Иванъ Александровичъ Гончаровъ, Дмитрій Ивановичъ и Дмитрій Дмитріевичъ Минаевы—вотъ имена знаменитыхъ творцовъ русскаго художественнаго слова, которые родились въ Симбирской губерніи и которые представляютъ собою однѣ изъ лучшихъ страницъ нашей отечественной литературы. Эти имена извѣстны каждому русскому читателю. Да и немудрено. И Карамзинъ, и Дмитріевъ, и Языковъ, и Гончаровъ, и Минаевы были въ свое время столь выдающимися талантами, что ихъ произведенія

имѣли огромное вліяніе какъ на современное имъ общество, такъ и на литературу, исправляя вкусы и языкъ и открывая новые горизонты для литературы.

Но среди поэтовъ, симбирскихъ уроженцевъ, есть нѣсколько именъ, которыя извѣстны теперь только записнымъ бібліографамъ. Ихъ произведенія не имѣли такого значенія, какъ произведенія ихъ знаменитыхъ «земляковъ». Они не открывали новыхъ путей въ литературѣ и шли по старымъ путямъ, проложеннымъ другими поэтами. Но, примѣняя къ нимъ извѣстное выраженіе Альфреда де-Мюссе, можно про нихъ сказать, что они пили, хотя изъ маленькаго, но своего стакана, и всѣ ихъ произведенія проникнуты симпатичнымъ и граціознымъ талантомъ. Къ такимъ поэтамъ принадлежатъ Дмитрій Николаевичъ Садовниковъ, Андрей Ивановичъ Тургеневъ, Дмитрій Петровичъ Ознобишинъ и Алексѣй Васильевичъ Тимошеевъ. Настоящая статья имѣетъ цѣлью возобновить въ памяти русскаго читателя жизнь и литературную дѣятельность трехъ послѣднихъ поэтовъ. Интересующихся же жизнью и творчествомъ Д. Н. Садовникова отсылаемъ къ нашей статьѣ о немъ, помѣщенной въ іюльской книгѣ «Историческаго Вѣстника» за текущей годъ.

Біографіи поэтовъ помѣщаемъ въ хронологическомъ порядкѣ.

І. Андрей Ивановичъ Тургеневъ.

Конецъ XVIII и начало XIX вв. были расцвѣтомъ симбирскаго общества. Этотъ періодъ далъ изъ среды его наибольшее число просвѣщенныхъ дѣятелей, прославившихся въ исторіи Россіи и вписавшихъ въ нее не одну славную страницу.

Къ числу наиболѣе просвѣщенныхъ семействъ симбирскаго общества этого времени слѣдуетъ отнести прежде всего семью Тургеневыхъ, которые были въ родствѣ и съ Карамзинымъ и съ Дмитриевымъ. Глава семейства, Иванъ Петровичъ Тургеневъ, тайный совѣтникъ и первый симбирскій масонъ, былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Извѣстно, напр., что онъ руководилъ Н. М. Карамзинимъ на первыхъ шагахъ его дѣятельности. Онъ былъ женатъ на Екатеринѣ Семеновнѣ, урожденной Качаловой, и отъ брака съ ней имѣлъ троихъ сыновей: Андрея, Александра и Николая. Всѣ сыновья Ивана Петровича получили впослѣдствіи широкую извѣстность. Младшій изъ Тургеневыхъ, Николай Ивановичъ, былъ горячимъ поборникомъ освобожденія крестьянъ и авторомъ извѣстной книги «La Russie et les russes». Братъ его, Александръ Ивановичъ, имѣлъ обширныя познанія, серьезный умъ и симпатичный, общительный характеръ. Онъ былъ однимъ изъ выдающихся дѣятелей конца царствованія Александра I. Девизомъ ему служило изреченіе: «безъ боязни обличаху». Наконецъ, старшій сынъ Ивана Петровича, Андрей Ивановичъ, былъ поэтъ и другъ

Жуковского и Мерзлякова. Онъ общалъ очень многое, но смерть похитила его слишкомъ рано: онъ умеръ всего-на-всего на 23-мъ году отъ рожденія. Внѣшніе факты его жизни крайне немногочисленны.

Андрей Ивановичъ Тургеневъ родился 1-го сентября 1781 г. въ Симбирскѣ. Первоначальное воспитаніе и образованіе онъ получилъ дома, а продолжалъ и окончилъ его въ благородномъ пансіонѣ при московскомъ университетѣ, въ одно время съ Жуковскимъ и Дашковымъ и нѣкоторыми другими, чьи имена впоследствии получили громкую литературную извѣстность. Во время пребыванія своего въ пансіонѣ Тургеневъ сошелся и подружился съ Жуковскимъ, съ которымъ онъ не разставался со дня поступленія своего въ заведеніе. Курсъ наукъ въ благородномъ пансіонѣ былъ по тому времени довольно обширный, и молодому поэту пришлось слушать лекціи свыше чѣмъ по двадцати наукамъ и по пяти иностраннымъ языкамъ и, кромѣ того, заниматься музыкой, рисованіемъ, танцами, фехтованьемъ, верховой ѣздой, ружейными приѣмами и маршировкой. Благодаря новой средѣ и особенно благотворному вліянію Жуковского, основавшаго въ пансіонѣ литературное общество, подъ названіемъ: «Собраніе воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона», способности Тургенева стали быстро развиваться и принимать опредѣленное направленіе, уже давно таившееся въ его сердцѣ, но не находившее до сихъ поръ выхода. Мы говоримъ о романтическомъ направленіи, котораго Тургеневъ держался въ своихъ стихотвореніяхъ и былъ однимъ изъ первыхъ послѣдователей. Стихотворенія Тургенева началъ писать въ пансіонѣ. Часть ихъ была помѣщена въ рукописномъ журналѣ «Утренняя Заря», издававшемся воспитанниками пансіона при ближайшемъ участіи Жуковского, а часть была напечатана въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ того времени.

По окончаніи курса въ благородномъ пансіонѣ Тургеневъ поступилъ въ московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, но вскорѣ оставилъ это мѣсто и перешелъ на службу въ Петербургъ къ Н. Н. Новосильцеву въ комиссію составленія законовъ. Въ 1802 году онъ былъ временно посланъ курьеромъ въ Вѣну и, по возвращеніи оттуда, скончался 8-го іюня 1803 года въ Петербургѣ, гдѣ и похороненъ.

Смерть его въ расцвѣтѣ жизни произвела потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ, кто его зналъ. В. А. Жуковскій, бывшій близкимъ другомъ покойнаго, почтилъ память его прекрасными стихами, въ посланіи къ брату его, Александру Ивановичу Тургеневу, уже въ то время получившему репутацію «человѣка большого общаго и спеціальнаго историческаго образованія, твердыхъ нравственныхъ принциповъ и просвѣщеннаго религіознаго пониманія», а также одного изъ самыхъ честныхъ и способнѣйшихъ дѣятелей того времени. Вотъ эти стихи:

«Гдѣ время то, когда нашъ милый братъ
 Былъ съ нами, былъ всёхъ радостей душою?
 Не онъ ли насъ пріятной остротою
 И нѣжностью сердечной привлекалъ?
 Не онъ ли насъ тѣснѣй соединялъ?
 Сколь былъ онъ простъ, не скрытенъ въ разговорѣ!
 Какъ для друзей всю душу обнажалъ!
 Какъ взоръ его въ глубь сердца проникалъ
 Высокій духъ пылалъ въ семь быстромъ взорѣ
 Бывало, отъ съ отцомъ рука съ рукой
 Входилъ въ нашъ кругъ—и радость съ нимъ являлась;
 Старикъ при немъ былъ юноша живой;
 Его сѣдинъ свобода не чуждалась—
 О нѣтъ! онъ былъ милѣйшій намъ собрать,
 Онъ отдыхалъ отъ жизни между нами,
 Отъ сердца даръ его былъ каждый взглядъ,
 И онъ друзей не рѣзнялъ съ сыновьями.

Также и въ извѣстной балладѣ своей «Ахиллъ», описывая печаль знаменитаго героя «Иліады» о потерѣ лучшаго друга, взятаго преждевременной могилой, Жуковскій изобразилъ не горе Ахилла надъ трупомъ Патрокла, а свое личное горе по поводу смерти Тургенева. Обращаясь къ прошедшему, онъ говоритъ:

И Патроклъ съ брегозъ забвенья
 Въ полуночной тишинѣ
 Легкой тѣнью сновитѣнъ
 Прилетать уже ко мнѣ.
 Какъ зефирова дыханье
 Онъ провѣялъ надо мной:
 Мнѣ послышалось признанье,
 Сладкій гласъ души родной,
 Въ нѣжномъ взорѣ скорбь разлуки
 И слѣды минувшихъ слезъ.
 Я простеръ ко брату руки,—
 Онъ во мглѣ густой исчезъ.

Изъ этихъ двухъ отрывковъ видно, какъ дорогъ и близокъ былъ Тургеневъ Жуковскому, котораго связывало съ нимъ не только совмѣстное воспитаніе, но, главнымъ образомъ, общность образа мыслей и, какъ это увидимъ ниже, общность литературныхъ вкусовъ. Дружескія отношенія между Тургеневымъ и Мерзляковымъ, также начавшіяся со школьной скамьи въ благородномъ пансіонѣ, были не менѣе горячи и прочны, какъ это видно изъ слѣдующихъ строкъ письма его къ Жуковскому, въ которомъ онъ проситъ поэта ради печали, постигшей ихъ обоихъ, повременить со стихами въ память умершаго: «не пиши ничего теперь самъ,—теперь, когда горестъ твоя больше поэзіи».

Благодаря своему уму, образованію и доброму сердцу, Тургеневъ пользовался любовью не только своихъ друзей, но и всѣхъ, кто его зналъ. Даже Вигель, рѣдко отзывавшійся о людяхъ съ хо-

рошей стороны, оставилъ въ своихъ «Запискахъ» слѣдующую характеристику: «Андрей Тургеневъ, со всею скромностью великихъ достоинствъ, стоялъ на распутьи всѣхъ дорогъ, ведущихъ къ славѣ: какую ни избралъ бы онъ, можно утвердительно сказать, что онъ далеко бы по ней ушелъ. Но изъ отличныхъ людей Провидѣніе сохраняетъ только нужное число для его благотворныхъ видовъ: остальные гибнутъ рано,—и старшій Тургеневъ недолго оставался въ свѣтѣ».

Дѣйствительно, по тѣмъ произведеніямъ, которыя остались послѣ смерти Тургенева, можно съ увѣренностью сказать, что при лучшихъ условіяхъ изъ него бы выработался болѣе чѣмъ недюжинный поэтъ, и его имя вполне заслуженно заняло бы почетное мѣсто въ ряду корифеевъ русской романтической поэзіи. Скончавшись всего двадцати двухъ лѣтъ, Тургеневъ написалъ немного, но и то немногое, что написано имъ, носитъ на себѣ печать яркаго дарованія и полно особенной, ему лишь одному свойственной граціи и неподдѣльнаго чувства, правда, иногда выражающагося еще въ сентиментальной формѣ и въ то же время носящаго уже задумчивую печаль романтизма. Въ большинствѣ стихотвореній Тургенева еще видны неустойчивость, исканіе. Среди нихъ половину слѣдуетъ признать посредственными, а то и вовсе неудачными. Даже лучшія его произведенія зачастую страдаютъ отсутствіемъ цѣльности и выдѣляются только поэтическими частностями. Но тѣмъ не менѣе самобытность выдающагося таланта Тургенева не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Что касается содержанія стихотвореній Тургенева, то оно носитъ на себѣ всѣ признаки вліянія романтическаго направленія. Тайнство страданія, покорность волѣ Провидѣнія, надежда на лучшую жизнь за гробомъ, вѣра въ любовь, тихое уныніе и кроткая грусть—вотъ обычное содержаніе и мотивы его вдохновеній. Если прибавить къ этому красивый и мелодическій, сравнительно съ стихотвореніями другихъ поэтовъ того времени, стихъ,—то муза Тургенева охарактеризована такъ полно, что о ней больше нечего сказать.

Вотъ одно изъ лучшихъ стихотвореній Тургенева, дошедшее до нашего времени. Оно было напечатано въ 4-й части «Пантеона Русской Поэзіи» за 1815 годъ, подъ заглавіемъ «Элегія»:

Угрюмой осени мертвящая рука
Уныніе и мракъ повсюду разливаеъ;
Холодный, бурный вѣтръ поля опустошаеъ;
И грозно гнѣнится ревущая рѣка.
Гдѣ гнѣни мирныя доселѣ простирались,
Безпечной радости гдѣ гнѣсни раздавались,—
Поблекшіе лѣса въ безмолвіи стоятъ
Туманы стелются надъ доломъ, надъ холмами
Усопшихъ поселянъ надъ мирными гробами,
Гдѣ все вокругъ меня глубокой сонъ тягчать.

Лишь колоколь ночной одинъ вдали звучитъ
 И медленныхъ часовъ, при томномъ удареннѣ,
 Въ пустыхъ развалинахъ я слышу стонъ глухой—
 На камнѣ гробовомъ печальный, тихій геній
 Сидитъ въ молчаннѣ, съ поникшей головой.
 Его прискорбная улыбка мнѣ вѣщаетъ:
 «Смотри, какъ грозная, безжалостная смерть
 Всѣ наши радости навѣки поглощаетъ!
 Все жило, все цвѣло, чтобъ послѣ умереть!
 О ты, кого еще надежда обольщаетъ,—
 Бѣги, бѣги сихъ мѣстъ, счастливый человекъ!
 Но вы,—несчастные, гонимые судьбою,—
 Вы, кои въ мнрѣ семъ простилися навѣкъ
 Блаженства съ милою, прелестною мечтою,
 Въ чьихъ горестныхъ сердцахъ умолкъ веселья гласъ,—
 Придите: здѣсь еще блаженство есть для васъ!
 Съ любезною навѣкъ иль съ другомъ разлученный
 Приди сюда о нихъ въ свободѣ размышлять!
 И въ самыхъ горестяхъ насъ можетъ утѣшать
 Воспоминаніе минувшихъ дней блаженныхъ.
 Ахъ, только имъ однимъ страдалецъ и живетъ!

Въ слѣдующихъ строфахъ поэтъ приглашаетъ всѣхъ, у кого есть тяжелое горе, прійти на кладбище осенью, когда здѣсь все говорить о прошломъ счастіи, и предаться кроткой печали о прошедшихъ дняхъ блаженства, и тогда прошлое счастье, по словамъ поэта, возникнувъ передъ умственнымъ взоромъ страдальца, успокоитъ и утѣшитъ несчастнаго своимъ миражемъ, грезами. Между прочимъ, «во цвѣтѣхъ лѣтъ сраженной судьбою» женщинѣ, потерявшей друга сердца, поэтъ говорить:

Здѣсь будешь ты оплакивать его,
 Всѣхъ въ жизни радостей навѣки съ нимъ лишена;
 Здѣсь бурной осенью природа облажена
 Раздѣлится съ нѣжностью грусть сердца твоего.
 Печальный мракъ ея съ душой твоей сходи́те:
 Тебѣ ли радости въ мірекомъ шуму на́йти?
 Одинъ увядшій листъ несчастному милѣе,
 Чѣмъ всѣ блестящіе весенніе цвѣты.
 И горесъ споси́те въ объятіяхъ свободы!
 Здѣсь съ нимъ тебя ничто, ничто не раздѣлитъ.
 Здѣсь все тебѣ о немъ лишь будетъ говорить.
 Съ улыбкой томною отцвѣтшія природы
 Его послѣднюю улыбку вспомнишь ты;
 А тамъ, узрѣвъ цвѣтовъ печальные слѣды,
 Ты скажешь: «гдѣ они! Здѣсь только прахъ ихъ тлѣетъ,
 И скоро бурный вихрь и самый прахъ развѣетъ!»
 И время быстрое блаженства твоего,
 И тѣнь слященная, и образъ вѣчно-милый
 Воскреснутъ, оживутъ въ душѣ твоей унылой...

Затѣмъ поэтъ, путемъ воскрешенія предъ читателемъ образовъ прошлаго блаженства, приводитъ его къ мысли о бренности земного

счастья и заканчиваетъ стихотвореніе въ духѣ настоящаго романтика надеждой на лучшую жизнь за гробомъ. Онъ говоритъ:

Что счастье?—Быстрый лучъ сквозь мрачныхъ тучъ осеннихъ:
 Блеснетъ,—и только лишь несчастный въ восхищеньи
 Къ нему объятія и взоры устремить,—
 Уже сокрылось все, чѣмъ бѣдный веселился:
 Отрадный лучъ исчезъ, и мракъ надъ нимъ спустился,
 И онъ—обманутый, растерзанны —стонть
 И Небо горестной слезою укоряетъ.
 Такъ, счастья въ мірѣ нѣтъ, и кто живетъ—стра аетъ
 Напрасно хочешь ты, о добрый другъ людей,
 Найти съюжствіе внутри души твоей;
 Напрасно будешь ты сей мыслью веселиться,
 Что съ мирной совѣстью твой духъ не возмутится.
 Пусть съ доброю душой для счастья ты рожденъ,
 Но былъ несчастными отсюду окруженъ,
 Но бѣдствій ближняго со всѣхъ сторонъ свидѣтель,—
 Не будетъ для тебя блаженствомъ добродѣтель
 Какъ часто доброму отрада лишь въ слезахъ,
 Спокойствіе въ землѣ, а счастье въ небесахъ!
 Не вѣчно—и тебѣ не вѣчно здѣсь томиться!
 Утѣшься, и туда твой взоръ да устремится,
 Гдѣ твой смущенный духъ найдетъ себѣ покой
 И позабудешь все, чѣмъ онъ терзался прежде,
 Гдѣ бѣга не нужна, гдѣ мѣста нѣтъ надеждъ,
 Гдѣ царство вѣчше одной любви святой.

Теперь звуки романтической поэзіи мало кому понятны и близки. Эпоха романтизма отжила свой вѣкъ и отошла въ область исторіи. На смѣну ей пришли новыя направленія и вѣянія. Но значеніе романтизма давно учтено, и эта эпоха въ исторіи русской литературы никогда не забудется. Великій критикъ земли русской В. Г. Бѣлинскій вполне справедливо сравнилъ романтизмъ литературы съ юностью человѣческой жизни и приписалъ ему ея значеніе. По словамъ Бѣлинскаго, для всякаго человѣка бываетъ романтическая пора жизни: это время ранней юности, когда онъ живетъ преимущественно чувствомъ, а другія душевныя силы отодвигаются на второй планъ. Въ эту пору человѣкъ, охваченный сердечнымъ порывомъ, всегда стремится къ какому-то неопредѣленному, туманному, но возвышенному идеалу. Съ этимъ стремленіемъ неразрывно связано, обыкновенно, недовольство настоящимъ и стремленіе къ недостижимо-далекому прекрасному будущему, или утраченному идеальному прошлому.

Конечно, въ этой счастливой порѣ есть и отрицательная сторона. А именно: въ эпоху романтизма, живя односторонней жизнью чувства, человѣкъ непрактично смотритъ на дѣйствительность. Все представляется ему или въ слишкомъ розовомъ, или въ слишкомъ черномъ цвѣтѣ. Онъ не понимаетъ людей. Они представляются въ его глазахъ или ангелами, или дьяволами. Середины нѣтъ. «Но,—

говорить Бѣлинскій:—эта пора юношескаго энтузіазма есть необходимый моментъ въ нравственномъ развитіи человѣка, и кто не мечталъ, не порывался въ юности къ неопредѣленному идеалу фантастическаго совершенства, истины, блага и красоты, тотъ никогда не будетъ въ состояніи понимать поэзію,—не одну только создаваемую поэтами поэзію, но и поэзію жизни; вѣчно будетъ онъ влачиться низкою душою по грязи грубыхъ потребностей тѣла и сухого холоднаго эгоизма».

Въ исторіи русской литературы романтизмъ съ его порывами къ идеалу сыгралъ ту же роль, что играетъ въ жизни человѣка юношество. До романтизма поэзію считали за нѣчто служащее людямъ забавою. Державинъ, напримѣръ, называлъ ее не болѣе и не менѣе, какъ «вкуснымъ лимонадомъ» (въ одѣ «Фелица»). Романтики же сдѣлали поэзію носителемъ высокихъ нравственныхъ идеаловъ и благороднаго энтузіазма, потому что, по ихъ мнѣнію, было:

Славнѣе говорить сердцамъ
И пробуждать въ нихъ чувства пламень,
Чѣмъ оживлять безшумный камень
И зданья лирой громоздить.

Такимъ образомъ, со времени романтизма поэзія стала воспитательницею русскаго общества. Она стала прививать ему извѣстныя идеи и вкусы и выработывать въ немъ чувства справедливости и долга. Съ этой точки зрѣнія и романтическая поэзія вообще, и поэзія Тургенева въ частности должны значительными слагаемыми войти въ общую сумму русскихъ литературныхъ цѣнностей и оцѣниться среди нихъ по достоинству. Между тѣмъ стихотворенія Тургенева давно забыты, и самое имя, какъ мы уже говорили выше, извѣстно теперь только записнымъ библіографамъ. Одна изъ главнѣйшихъ причинъ этого печальнаго явленія заключается въ томъ, что стихотворенія Тургенева, несмотря на свыше чѣмъ столѣтній періодъ времени, прошедшій со дня смерти ихъ автора до настоящаго времени, до сихъ поръ еще не собраны въ одно цѣлое и не выпущены въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ..

II. Дмитрій Петровичъ Ознобишинъ.

Родъ Ознобишиныхъ ведетъ свое начало отъ временъ княженія великаго князя московскаго Василія Васильевича Темнаго (1425—1462 гг.). Нѣкоторые изъ Ознобишиныхъ были въ разныхъ городахъ воеводами и за «крѣпкое сидѣніе» въ Москвѣ во время осады ея поляками въ 1612 году были жалованы вотчинами. Другіе съ честью сложили вполсѣдствіи свои головы при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ на стѣнахъ Смоленска, охраняя отъ нападающихъ поляковъ башни его, изъ которыхъ одна и понынѣ носитъ названіе «Ознобишинской».

Прадѣдъ Д. П. Ознобишина былъ при императрицѣ Екатеринѣ II капитаномъ гвардіи, имѣлъ множество помѣстій и нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ, впоследствии растерянныхъ его потомками. По интригамъ царедворцевъ, этотъ блиставшій въ высшихъ кругахъ двора капитанъ былъ съ секретнымъ порученіемъ отправленъ на китайскую границу («для производства слѣдствія о контрабандномъ ввозѣ ревеня»), гдѣ и пробылъ около трехъ лѣтъ. Впоследствии государыня вспомнила его и возвратила на прежнюю службу. О дѣдѣ поэта не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній. Что касается отца его, то о немъ извѣстно только, что онъ былъ директоромъ банка въ Астрахани, гдѣ и женился на гречанкѣ, дочери истребителя турецкихъ кораблей подъ Чесмою и знаменитаго своею широкою благотворительностью миллионера Ивана Андреевича Варвація. Отъ этого брака и родился будущій поэтъ.

Родился Ознобишинъ въ 1804 году въ имѣнни отца, селѣ Троицкомъ на рѣкѣ Суюсюмѣ, Карсунскаго уѣзда Симбирской губерніи. Первоначальное образованіе свое онъ получилъ подъ руководствомъ французскаго эмигранта барона Боде. Затѣмъ, когда родители его умерли, заботы объ образованіи мальчика взялъ на себя его дѣдъ. Имѣя значительныя связи въ Петербургѣ, онъ хотѣлъ опредѣлить его въ горный корпусъ, находившійся въ то время подъ завѣдываніемъ его родственника, А. В. Казадаева, но предположеніе это не состоялось, такъ какъ Казадаевъ какъ разъ въ это время оставилъ службу по горному вѣдомству. Но, имѣя многочисленное семейство, среди котораго были дѣти, сверстники Ознобишина, Казадаевъ предложилъ дѣду его оставить мальчика для воспитанія въ его семьѣ. Дѣдъ Ознобишина согласился, и мальчикъ пробылъ въ семьѣ Казадаева около пяти лѣтъ, слушая уроки лучшихъ учителей, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, были К. И. Арсеньевъ и И. И. Сосницкій, получившіе впоследствии громкое имя.

Получивъ солидную подготовку, Ознобишинъ поступилъ въ благородный пансіонъ при московскомъ университетѣ. Одаренный отъ природы блестящими способностями, онъ быстро выдвинулся въ средѣ своихъ товарищей и на все время пребыванія своего въ пансіонѣ оставилъ за собою почетное званіе перваго ученика. Изъ времени пребыванія Ознобишина въ пансіонѣ извѣстно также то, что онъ вмѣстѣ съ С. П. Шевыревымъ и В. П. Титовымъ принималъ дѣятельное участіе въ основанномъ Жуковскимъ литературномъ кружкѣ, носившемъ названіе: «Собраніе воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона», и въ рукописномъ журналѣ «Утренняя Заря». Еще сидя на школьной скамьѣ, Ознобишинъ обратилъ на себя вниманіе М. Т. Каченовскаго, тогдашняго издателя «Вѣстника Европы», и профессора университета Д. И. Давыдова своимъ стихотвореніемъ «Старецъ», напечатаннымъ въ этомъ журналѣ, когда автору его было всего-на-всего 15 лѣтъ.

По окончаніи полнаго курса наукъ въ благородномъ пансіонѣ Ознобишинъ поступилъ на службу въ московскій почтамтъ, гдѣ подъ начальствомъ почтъ-директора, знаменитаго лингвиста И. А. Рутковского, вель цензуру французскихъ газетъ и журналовъ. Однако, недовольный этой службой, онъ скоро вышелъ въ отставку и, спустя нѣсколько времени, по предложенію карсунскаго уѣзднаго предводителя дворянства, А. И. Бекетова, принялъ на себя званіе почетнаго смотрителя карсунскаго уѣзднаго училища, а черезъ 4 года на губернскихъ дворянскихъ выборахъ, большинствомъ двухъ третей голосовъ, былъ удостоенъ званія почетнаго попечителя симбирской мужской гимназіи, каковую службу несъ два трехлѣтія.

Пользуясь полной свободой по службѣ, онъ всецѣло предался литературнымъ занятіямъ, переѣзжая изъ одного города Россіи и Западной Европы въ другой. Вообще нужно замѣтить, что большую часть своей жизни Ознобишинъ провелъ въ переѣздахъ изъ одного мѣста въ другое. Въмѣстѣ съ единственнымъ сыномъ своимъ Иваномъ онъ объѣхалъ почти всю Европейскую Россію и Западную Европу. Между прочимъ, онъ посѣтилъ Германію, Францію, Англию, Италію, прожилъ нѣсколько недѣль въ Швейцаріи и болѣе полугода въ Ниццѣ, но въ виду вспыхнувшей на материкѣ революціонной бури онъ долженъ былъ поспѣшить вернуться въ Россію. На обратномъ пути онъ побывалъ на островѣ Мальтѣ, въ Смирнѣ, въ Аѳинахъ, въ Константинополѣ и прибылъ въ Одессу въ разгаръ свирѣпствовавшей въ то время холеры, такъ что, намѣреваясь проѣхать въ Симбирскую губернію, онъ долженъ былъ прорѣзать всю полосу Россіи, охваченную бѣдствіемъ.

Переѣзды изъ одного мѣста на другое отразились на творчествѣ Ознобишина, выработавъ изъ него талантъ болѣе описательный, чѣмъ повѣствовательный. Въ средѣ литературныхъ собратій Ознобишинъ прослылъ за добровольнаго скитальца и непосѣду, что мы можемъ отчасти видѣть изъ посланія къ нему Н. М. Языкова, напечатаннаго въ «Московскомъ Наблюдателѣ» на 1835 годъ и начинающагося слѣдующими словами, обращенными къ Ознобишину:

Гдѣ ты странствуешь? Гдѣ нынѣ,
 Мой поэтъ и полиглотъ,
 Повѣряешь длинный счетъ?
 Чай, въ какой-нибудь пустынь,
 На берегу безславныхъ водъ,
 Гдѣ растительно живетъ
 Человѣкъ, гдѣ и въ поминѣ
 Нѣтъ возвышенныхъ заботъ!
 Или кони рѣзвоноги
 Мчатъ тебя съ твоей тоской
 Въ дождь осенній, въ тьмѣ ночной,
 По извилинамъ дороги,
 Немодимой и глѣсной...

Сложивъ съ себя званіе почетнаго попечителя симбирской гимназіи, Ознобишинъ долгое время былъ членомъ симбирскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, начиная съ самаго его основанія, причемъ издалъ руководство для пользованія «Положеніемъ 19-го февраля 1861 года».

Умеръ Ознобишинъ 2-го августа 1877 года въ Кисловодскѣ, куда онъ прибылъ для леченія.

Поэтическое дарованіе обнаружилось у Ознобишина въ бытность его еще въ благородномъ пансіонѣ, и первымъ печатнымъ произведеніемъ его, какъ мы уже говорили выше, было стихотвореніе «Старецъ». Поступивъ на службу въ почтамтъ и затѣмъ принявъ званіе почетнаго смотрителя карсунскаго уѣзднаго училища, Ознобишинъ, располагая массой свободнаго времени, отдался литературнымъ занятіямъ съ той страстью, къ которой способна только молодость съ поэтически настроеннымъ воображеніемъ. Первыми его стихотвореніями, имѣвшими успѣхъ и ходившими по рукамъ въ рукописи, были переводы изъ Парни, который былъ вдохновителемъ многихъ поэтовъ того времени и, между прочимъ, Пушкина (въ первый періодъ его поэтической дѣятельности). Одно изъ этихъ стихотвореній носило названіе «Свиданье». Вотъ оно:

Только часъ полночи
Тихо прозвучить
И ревнива очи
Сонъ обременить,—
Тѣнью незамѣтной
Въ уголокъ привѣтный
Я прокрадусь твой;
Упадутъ затворы
Тихо предо мной;
Ты откроешь взоры,
Тмны: отъ сна,
Улыбнешься страстно
И рукой атласной
Обовьешь меня.
Мигъ очарованья!
Я твое дыханье
Жадно буду пить;
Но, мой другъ стыдливый,
Скинь покровъ ревнивый,
Чтобъ милѣе быть;
Въ тайное свѣачье,
Въ тишинѣ ночной,
Будь всегда со мной
Въ легкомъ одѣяньи
Граціи мила ой!

Другое стихотвореніе носило названіе «На другой день» (Le lendemain) и читалось такъ:

О, милый другъ, ты наконецъ узнала
 Привѣтъ любви преестный и живой;
 Его боялась ты и пламенно желала,
 Имъ, наслаждаясь, трепетала,—
 Скажи жъ, что страшное влечетъ онъ за собой.
 Приятное ль душѣ воспоминанье
 Милый вздохъ и новое желанье,
 И новость, страсти молодо
 Уже своей роза цвѣтъ сливаесть
 Съ звонкою блѣнностью лилейною ланить.
 Въ счастья суровостъ исчезаетъ
 И нѣтъ дивная гореть.
 Смыслѣ дышитъ рудъ полъ легкой пеленою
 Накрытой матери рукой,
 Любовь придетъ своею чередою
 И лаской рѣзвой и живою
 Разсеитъ вновь уборъ вечернею порой.
 Тебѣ веселость измѣнила:
 Прошла печальность прежнихъ дней,
 И томность нѣжная ихъ мѣсто заступила,
 Но ты—целитель и милый
 Ты пылкую любовь и розой нѣвги сладость.
 Узнала пламенной душой
 И рѣзвую с ружья младость
 Съ своей задумчивой мечтой.

Эти два стихотворенія Ознобишина, еще страдающія неправильностью размѣра и рифмовки, не были въ печати и, какъ мы уже сказали выше, ходили по рукамъ въ рукописи. Мы помѣщаемъ ихъ для сравненія съ его болѣе позднѣйшими произведеніями.

Первыми стихотвореніями Ознобишина, напечатанными по выходѣ его изъ благороднаго пансіона, были стихотворенія, помѣщенные въ «Ураніи» и «Сѣверныхъ Цвѣтахъ»—двухъ альманахахъ, московскомъ и петербургскомъ, на 1826 годъ. Затѣмъ въ 1827 году вмѣстѣ съ Раичемъ, талантливымъ переводчикомъ «Освобожденнаго Іерусалима» Тассо, Ознобишинъ уже самъ составилъ альманахъ подъ названіемъ «Сѣверная Лира». Здѣсь, кромѣ нѣсколькихъ оригинальныхъ стихотвореній, ничѣмъ особеннымъ не выдающихся, имъ были напечатаны два очень недурныхъ перевода: одинъ изъ «Еврейскихъ мелодій» Байрона, другой—«Несра» Шенье. Въ 1829 и 1830 гг. въ журналѣ Раича «Галатей» былъ напечатанъ цѣлый рядъ его стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Три розы», «Поселянка», «Арабскій конь», «Стансы», «Потерянная любовь», «Подражатели», «Магометъ», «Поэтъ и свѣтскій человѣкъ» и «Троицынъ день», а въ концѣ того же 1830 года вышелъ въ свѣтъ отпечатанный въ Петербургѣ отдѣльной книжкой «Селамъ, или языкъ цвѣтовъ». Затѣмъ: въ 1834 году Ознобишинъ напечаталъ нѣсколько своихъ стихотвореній въ «Молвѣ», въ 1839 г. въ «Современникѣ» Плетнева появился его переводъ греческой пѣсни «Кончина юноши-жениха»,

а въ 1840 году въ возобновившейся «Галатеѣ»—три новыхъ его стихотворенія: «Тоска по отчизнѣ», «П. А. Потоцкому» и «Кавказская ночь».

Начиная съ 1839 года, Ознобишинъ сталъ печатать свои стихотворенія въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевского, и это была лучшая эпоха его поэтической дѣятельности. Стихотворенія, помѣщенные имъ въ этомъ журналѣ, какъ въ этомъ году, такъ и въ два слѣдующіе года,—безспорно, лучшія произведенія Ознобишина. Такъ какъ отдѣльнаго изданія его стихотвореній до сихъ поръ еще не существуетъ, то мы считаемъ не лишнимъ перечислить ихъ всѣ до послѣдняго, чтобы, въ случаѣ надобности, облегчить трудъ ихъ издателя. Въ 1839 году въ «Отечественныхъ Запискахъ» были напечатаны «Вазантазена» и «Вороной конь» (книги 7-я и 8-я); въ 1840-мъ—«Кисловодскъ», «Кавказское утро», «Пятигорскъ» и Вечерняя молитва» (книги 3, 6 и 12); въ 1841—«Воспоминанія народа», «Гондольеръ» и «Аксайская станица» (книги 3, 4 и 7) и, наконецъ, въ 1842 году—«Кювье» и «Умирающій клефтъ» (книги 2 и 3). Затѣмъ въ «Утренней Зарѣ» на 1843 годъ былъ напечатанъ его переводъ народной шотландской пѣсни «Жена Вильяма». Въ то же время, приблизительно съ 1841 года, Ознобишинъ сталъ помѣщать свои стихотворенія и въ «Москвитянинѣ» Погодина, только что начавшемъ свою дѣятельность. Въ этомъ году были напечатаны: «Машукъ и Казбекъ», «Утренняя молитва» и «Нардзанъ» (книги 1, 2 и 4), послѣ чего послѣдовалъ трехлѣтній перерывъ, въ теченіе котораго стихотворенія Ознобишина перестали печататься въ «Москвитянинѣ» и только начиная съ десятой книжки 1845 года стали снова появляться на страницахъ этого журнала. Такъ, въ послѣднихъ трехъ книжкахъ этого года были напечатаны «Мать и дочь», «Мурильо» и «Ковыль», и въ январской книжкѣ слѣдующаго года «Кавказскій полдень и буря». Этихъ стихотвореніемъ, можно сказать, и закончилась литературная дѣятельность Ознобишина, какъ поэта. Съ этого времени онъ напечаталъ послѣ значительнаго перерыва только три стихотворенія подъ слѣдующими названіями: «Стихи, произнесенные на столѣтнемъ юбилеѣ россійскаго исторіографа Н. М. Карамзина въ Симбирскѣ 1-го декабря 1866 года», «Князю П. А. Вяземскому по прочтеніи его стихотворенія «Тому сто лѣтъ» и «Въ память Д. В. Веневитинова». Эти стихотворенія были напечатаны въ 1866 и 1867 годахъ. Время отъ времени муза снова посѣщала его, но поэтъ все написанное оставлялъ у себя въ портфель, не отдавая въ печать, потому что послѣднія его стихотворенія обуславливались въ своемъ возникновеніи различными событіями, происходившими въ его семействѣ или въ его родномъ городѣ Симбирскѣ. Симбирску Ознобишинъ посвятилъ, между прочимъ, цѣлую сказочную поэму, напечатанную впоследствии въ журналѣ Богушевича подъ заглавіемъ «Городокъ».

Для полноты біографіи Ознобишина считаемъ не лишнимъ упомянуть о его переводныхъ трудахъ, такъ какъ онъ былъ замѣчательнымъ лингвистомъ своего времени. Онъ зналъ языки: греческій, арабскій, персидскій, нѣмецкій, французскій и англійскій. Языками онъ занимался все свободное отъ службы и литературныхъ занятій время, и неудивительно потому, если онъ оставилъ послѣ себя очень значительное количество переводовъ.

Плодомъ изученія греческаго языка у Ознобишина явился переводъ нѣсколькихъ народныхъ пѣсенъ (напримѣръ, «Кончина юноши-жениха»), а также переводы изъ греческой антологіи, которые онъ издалъ вмѣстѣ съ греческимъ текстомъ отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ «Гинекіонъ». Эта книжка въ настоящее время стала уже бібліографической рѣдкостью.

Ко времени увлеченія Ознобишина персидскимъ и арабскимъ языками¹⁾ относится его переводы изъ Гафиза и Саади, изъ которыхъ нѣкоторые были напечатаны имъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ подъ псевдонимомъ Делибградера. Къ этой же эпохѣ относятся его переводы изъ «Макмаата, или бесѣдъ Гарафа». Изъ нихъ напечатана только одна «Золотая монета», а остальные остались въ рукописи, точно такъ же, какъ и переведенная имъ съ англійскаго языка «Грамматика персидскаго языка» Лумсдена и «Краткій персидскій словарь» того же автора. Кромѣ того, въ концѣ 1830 года Ознобишинъ выпустилъ въ свѣтъ незадолго предъ тѣмъ переведенный имъ съ персидскаго «Селамъ, или языкъ цвѣтовъ».

Съ французскаго Ознобишинъ переводилъ въ началѣ своей поэтической дѣятельности Парни и нѣкоторыхъ другихъ поэтовъ.

Изъ нѣмецкихъ поэтовъ Ознобишинъ переводилъ Акселя Тегнера, а изъ англійскихъ—Литтона Бульвера и Томаса Мура. Изъ перваго онъ перевелъ «Сизифа» и «Милетскую сказку», а изъ втораго—«Свѣтило гарема» (*The light of Harem*). Послѣдняя пьеса, составляющая четвертую и послѣднюю часть восточной повѣсти Томаса Мура «Лалла-рукъ», изъ которой, между прочимъ, Жуковскій заимствовалъ свою поэму «Пери и ангелъ», до сихъ поръ нигдѣ не напечатана.

Кромѣ переводовъ, Ознобишинъ внесъ посильную лепту и въ сокровищницу русской исторіи. Изъ историческихъ его трудовъ слѣдуетъ отмѣтить его статью «Смоленская святыня», помѣщенную въ «Памятной книгѣ Смоленской губерніи», и сдѣланный имъ переводъ труда Ибнъ-Фоцлана о древнихъ обитателяхъ Россіи. За этотъ трудъ,

¹⁾ Это увлеченіе относится къ послѣднимъ годамъ службы Ознобишина въ Московскомъ почтамтѣ, когда онъ хотѣлъ участвовать въ посольствѣ А. С. Грибоѣдова въ Персію. Ознобишинъ занимался персидскимъ и арабскимъ языкомъ подъ руководствомъ одного ученаго муллы и профессора московскаго университета Болдырева два года. Почтъ-директоръ удержалъ Ознобишина отъ участія въ посольствѣ, которое, какъ извѣстно, погубило во главѣ съ А. С. Грибоѣдовымъ во время возстанія персидской черни.

напечатанный въ журналѣ Каландовича, Ознобишинъ былъ удостоенъ званія члена датскаго королевскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ. Въ это же время онъ былъ избранъ въ члены московскаго общества любителей російской словесности и такого же казанскаго, нынѣ не существующаго.

Много статей въ прозѣ Ознобишинъ напечаталъ по вопросамъ литературы и современной жизни въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ того времени. Въ «Симбирскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», единственной въ то время газетѣ, онъ печатался подъ псевдонимомъ Борисова.

Вообще Ознобишинъ отличался значительной плодотворностью, но собрать его произведенія въ одно цѣлое является въ настоящее время дѣломъ довольно труднымъ, потому что онъ печатался въ такихъ изданіяхъ, которыя давнымъ-давно прекратились и въ большинствѣ случаевъ стали теперь библиографическими рѣдкостями. Стихотворенія Ознобишина отдѣльными изданіями не выходили и, будучи разсѣяны по различнымъ газетамъ и журналамъ, ждутъ еще своего издателя.

Обращаясь къ оцѣнкѣ поэтической дѣятельности Ознобишина, слѣдуетъ прежде всего сказать, что поэзія его представляетъ прямой отголосокъ лиры Пушкина. Правда, поэзія Ознобишина въ своемъ внутреннемъ содержаніи не представляетъ намъ и десятой доли того роскошнаго богатства и плѣнительнаго разнообразія красокъ, какое наблюдается въ поэзіи великаго «пѣвца гуманной красоты», но зато внѣшняя сторона ея—стихъ, полный неподдѣльной красоты, во многихъ стихотвореніяхъ Ознобишина по своей гармоніи, силѣ, музыкѣ и образности не уступаетъ пушкинскому стиху.

По своему внутреннему содержанію поэзію Ознобишина можно раздѣлить на два періода: періодъ юности и періодъ зрѣлости. Вдохновительницей произведеній періода юности является поэзія юности съ ея увлеченіями, любовью, беззаботностью и разгуломъ. Стихотворенія Ознобишина этого періода, представляющія собою, по большей части, переводы анакреонтическихъ стихотвореній Парни и другихъ поэтовъ эпикурейскаго міросозерцанія,—бойки, живы и разгульны. Примѣромъ такихъ стихотвореній Ознобишина могутъ служить приведенныя нами выше «Свиданье» и «На другой день». Съ теченіемъ времени веселый, беззаботный и отчасти разгульный строй его лиры смѣнился на спокойный и нѣсколько торжественный. вмѣсто игривыхъ, беззаботныхъ пѣсенокъ послышались спокойныя и величавыя гимны поэзіи природы, величію науки и мощи человѣческаго ума. Такой характеръ поэзія Ознобишина сохранила до конца своихъ дней. Какъ образчикъ поэтическаго творчества Ознобишина втораго періода, мы приводимъ здѣсь три стихотворенія его, принадлежащія къ періоду расцвѣта его поэтической дѣятельности. Первое изъ нихъ называется «Кювье» и посвящено памяти великаго естествоиспытателя. Вотъ оно:

Таинственный, безмолвный и великій
 Былъ край, куда онъ смѣлый исходилъ:
 На зовъ его являлись мертвыхъ лики,
 И съ ними олъ, безстрашный, говорилъ.

Въ скупои землѣ онъ не искалъ стяжаній
 Онъ жизнь искалъ, гдѣ жизни слѣдъ полагалъ,—
 И дивный міръ предъ силой обаяній
 Затрещетъ, услыша вѣщій гласъ

Раскрылись пропавшія скрижали
 В лице потопа горами ихъ олеза
 Предъ мыслью во прахъ гробницы пали:
 Минушее разоолачили пророкъ.

Онъ міръ прозрѣлъ, но чужды намъ и дальній
 Гдѣ мамонтъ жилъ, драконъ и кракенъ злой
 Въ снѣгахъ ихъ бурь, гдѣ каменныя пальмы
 И челоуки надъ вѣсми царилъ глазами.

Соднній вѣсхъ прегъ нимъ млькнули тѣни
 Забытыя въ преданьяхъ на землѣ,—
 И онъ прошелъ подземныя ступени
 Не угомясь и съ думой на челѣ

Былъ кратокъ путь его отъ колыбели
 Но въ этотъ путь какъ много онъ вмѣстилъ!
 Вѣка предъ нимъ въ хаосѣ пролетѣли
 И мрачность ихъ онъ свѣтломъ озарилъ.

Какъ Прометей, обнявши всѣ сказанья
 Онъ древній міръ въ обломкахъ разгадалъ
 И чудныя, погибшія созданья
 Изъ персти взялъ и къ жизни возсоздалъ

Стихотвореніе это было напечатано въ февральской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» на 1842 годъ. Другое стихотвореніе Ознобишина, которое мы помѣщаемъ здѣсь, принадлежитъ къ числу лучшихъ стихотвореній его описательнаго характера. Слогъ его очень близко подходитъ къ слогу пушкинскихъ стихотвореній и по нему, какъ нельзя яснѣе, можно видѣть, что муза Ознобишина по прямой линіи происходитъ отъ музы «пѣвца гуманной красоты». Стихотвореніе это, напечатанное въ апрѣльской книжкѣ «Москвитянина» на 1841 годъ, называется «Нардзана». Приводимъ это пѣликомъ:

Долина есть въ краю далекомъ
 Одна въ горахъ затаена.
 Въ ней блещетъ и кипитъ потокомъ
 Нардзана свѣжля волна.
 Грѣютъ безпечности и дѣни
 Ея древесъ въ густыя сѣни
 Не разъ входилъ я, полночь думъ
 Облитъ прохладной вѣгой югъ
 Я, какъ прѣвѣтъ радушный друга
 Любилъ внимать дуравнымъ шумъ
 Любилъ я видѣть струй кипѣнь
 Ахъ ложе, варытое въ скалѣ
 Ихъ бѣгъ и звучное паденье

Съ сердитой пѣной на челѣ.
 Любилъ я токѣ ихъ молчаливый
 Подъ липой иль плакучей ивой,
 Когда луна между вѣтвей,
 Тайственно перебѣгая,
 Какъ одалиска молодая,
 Глядится въ зеркало зыбей
 Душистый воздухъ, свѣжестъ сада
 Въ горахъ полуугасшій день
 И дальній ропотъ водопада,
 И тополей гигантскихъ тѣнь,
 И шумъ Нардзана говорливый:
 О, какъ тогда рились живо
 Мчты забытыя мои!
 Какъ духъ мой окрылялся юный!
 Какъ звучно трепетали струны
 Живою пѣззюю любви
 Кипи, Нардзанъ, въ лучахъ востека
 Игрй клубами жемчуговъ!
 Какъ хлѣбъ въ свѣтлыхъ нѣхъ пророчка
 Къ тебѣ сынъ сѣверныхъ снѣговъ
 Придетъ на разѣ, надежы полны
 Испитъ цѣлительныя воды
 И, позабывъ тяжелый путь,
 Въ твоихъ струяхъ переродится,
 Усталый грудью оживится
 А жизнью свѣжую вдохнуть
 Придетъ быть-можетъ, издалека.
 Подобно мнѣ, другой пѣвецъ
 Задумается у струй потока
 И свѣтлыхъ думъ съюстъ вѣнецъ
 Пѣззетъ въ рошущей струнѣ
 Другіе скроетъ поцѣлуй
 Твоихъ деревьевъ густая тѣнь
 Другія тайныя признанья
 Другіи пылкія желанья
 Пробудитъ твой роскошный дѣнь
 И вновь замолкнушь эти звуки
 Лишь клють отинь не смолкнетъ твой,
 Свидѣтель встрѣчи и разлуки
 Слѣдѣль пылкій и нѣмой,
 Кипи жъ, Нардзанъ, струей могучей
 И пѣной звонкой и шипуче
 Ласкай пришельца жадный взоръ
 Шуми, обильный, здравъ лющій.
 Студеный, жгучій, искробьющій,
 Алмазный к югъ к авкаскихъ горы

Въ заключеніе приводимъ небольшое стихотвореніе Озпоби-
 шина того же описательнаго характера, которое было помѣщено
 въ іюньской книгѣ «Отечественныхъ Записокъ» на 1839 годъ подъ
 названіемъ «Пятигорскъ». Это небольшое, но изящное стихотво-
 реніе читалось такъ:

Пустынный край! Здѣсь Диннаго рука
 Переворотъ таинственный свершала;
 Грядями горъ взнеслась за облака
 И на Эльбрусь порфирой снѣга пала.
 Здѣсь каждый шагъ—живыя письма;
 Все говорить о томъ, что было;
 И воздухъ жжетъ, и паръ клубить волна,
 И въ нѣдрахъ горъ кипитъ огней горнило.

Современная Ознобишину критика цѣнила очень высоко поэтическое дарованіе его, называя его одною изъ звѣздъ плеяды Пушкина. Многіе находили, что нѣкоторыя произведенія его не уступаютъ въ достоинствѣ многимъ созданіямъ нашего великаго поэта. Конечно, въ настоящее время ни критика, ни публика, если бы читала его, не была бы такого высокаго мнѣнія о немъ, но тѣмъ не менѣе приведенныя нами стихотворенія забытаго поэта, какъ нельзя лучше, говорятъ о томъ, что онъ достоинъ совсѣмъ иной участи, чѣмъ та, которая его постигла.

III. Алексѣй Васильевичъ Тимофеевъ.

Сороковые года прошлаго столѣтія представляютъ собою одинъ изъ лучшихъ моментовъ въ развитіи общественнаго самосознанія. Эпоха сороковыхъ годовъ—эпоха перелома общественныхъ взглядовъ, начало коренной ломки стараго ветхаго зданія и созиданія новаго. Здѣсь положенъ первый камень фундамента новой жизни, здѣсь, во имя будущаго созиданія, идетъ разрушеніе, здѣсь во всю работаютъ кирка и ломъ и производится очистка накопившагося мусора. Стоить только припомнить основные мотивы литературной мысли того времени, чтобы понять роль эпохи сороковыхъ годовъ въ развитіи русскаго общественнаго самосознанія. Это было время дѣятельности знаменитыхъ кружковъ славянофиловъ и западниковъ, уже разошедшихся во взглядахъ на значеніе прошлаго русской исторіи и на средства осуществленія исторической миссіи русскаго народа, но сходящихся въ общихъ искреннихъ желаніяхъ блага этому народу; это время пылкихъ статей «неистоваго Виссаріона», время кипучей дѣятельности братьевъ Кирѣевскихъ и Константина Аксакова. Во всѣхъ горячихъ спорахъ и статьяхъ того времени слышится одна доминирующая нота: желаніе добра народу и горячее стремленіе осмыслить ходъ его исторической жизни. Отсюда стремленіе представителей этой эпохи—собрать памятники народной словесности, изучить по нимъ бытъ и нравы русскаго народа и на основаніи этого изученія протянуть руку помощи темной, невѣжественной массѣ народной. Такимъ образомъ, эпоха сороковыхъ годовъ была звукомъ колокола, будившимъ русское самосознаніе и подготовившимъ почву для великаго дѣла—освобожденія кре-

стьянъ отъ крѣпостной зависимости. Въ этомъ великая историческая заслуга ея.

Но, какъ извѣстно, нѣтъ ни одного дѣйствія, которое не обусловливалось бы въ своемъ возникновеніи какой-либо причиной. Эпохѣ сороковыхъ годовъ также предшествовала подготовительная эпоха, сыгравшая для нея роль толчка, благодаря которому создавалась та особенная сфера, которою дышали люди сороковыхъ годовъ,—сфера, пропитанная гуманитарными взглядами, горячей любовью къ народу. Главными этапами этой подготовительной эпохи являются: прежде всего насквозь проникнутая гуманными взглядами поэтическая дѣятельность Пушкина и Гоголя и затѣмъ знакомство русскаго общества съ горемъ и радостями простого народа по пѣснямъ Кольцова и другихъ поэтовъ, избравшихъ, подобно ему, жизнь русскаго народа областью своего поэтическаго вдохновенія. Однимъ изъ такихъ поэтовъ, который пользовался въ свое время значительной извѣстностью и пѣсни котораго заключаютъ въ себѣ всѣ элементы народной поэзіи, былъ Алексѣй Васильевичъ Тимоѣевъ.

Алексѣй Васильевичъ Тимоѣевъ родился 15-го марта 1812 года въ городѣ Курмышѣ, Симбирской губерніи, на берегу многоводной еще тогда Суры. Первоначальное образованіе онъ получилъ дома. Окружающая обстановка, какъ нельзя лучше, способствовала развитію въ немъ вкуса къ народной поэзіи и развивала въ немъ поэтическій талантъ вообще. Широкая лента многоводной рѣки, зеленые поля и луга, знаменитые дремучіе сурскіе лѣса, близость Волги, этой упрямой хранительницы памятниковъ народнаго изустнаго творчества, и, наконецъ, весь обвѣянный поэзіей міръ народныхъ пѣсень, легендъ и преданій—вотъ что окружало будущаго поэта въ дѣтствѣ. Двѣнадцать лѣтъ Тимоѣевъ поступилъ въ казенскую гимназію, а по окончаніи въ ней полнаго курса, на шестнадцатомъ году жизни былъ принятъ въ число студентовъ императорскаго казанскаго университета. Здѣсь его опять окружало міръ народнаго творчества и волжской старины. Пробывъ въ университетѣ положенные тогда три года, Тимоѣевъ былъ выпущенъ въ 1830 году кандидатомъ юридическихъ наукъ, съ правомъ на чинъ десятаго класса, не имѣя еще и девятнадцати лѣтъ. Переѣхавъ въ Петербургъ, онъ поступилъ на службу въ департаментъ удѣловъ прямо помощникомъ столоначальника. Располагая небольшимъ свободнымъ временемъ, Тимоѣевъ попробовалъ свои силы на литературномъ поприщѣ. Первыми литературными произведеніями Тимоѣева, появившимися въ печати, были двѣ повѣсти «Поэтъ» и «Художникъ», выпущенныя имъ отдѣльными изданіями въ 1833 году. Съ этого времени до 1843 года имя Тимоѣева не сходило со страницъ многихъ тогдашнихъ повременныхъ изданій, какъ имя постояннаго и дѣятельнѣйшаго сотрудника. Недовольный службой въ департаментѣ удѣловъ, Тимоѣевъ вышелъ въ отставку въ началѣ 1834 года и вес-

ной того же года отправился въ путешествіе по Западной Европѣ. За границей онъ пробылъ ровно годъ, въ продолженіе котораго онъ довольно подробно изучилъ Германію, Францію, Швейцарію, Италію и Голландію. Заграничное путешествіе, освѣживъ писателя, снабдило его значительнымъ багажомъ наблюденій и впечатлѣній, которыя онъ не преминулъ въ послѣдствіи вложить въ свои литературныя произведенія.

Возвратившись въ Петербургъ въ началѣ 1835 года, Тимоеевъ снова поступилъ на службу, на этотъ разъ въ министерство народнаго просвѣщенія, какъ членъ редакціи журнала этого министерства. Въ 1843 году онъ перешелъ на службу въ Одессу, въ канцелярію тогдашняго ея генераль-губернатора, графа М. С. Воронцова; но, пробывъ здѣсь всего два года, возвратился въ Петербургъ, гдѣ получилъ мѣсто столоначальника въ департаментѣ министерства юстиціи, а три года спустя былъ назначенъ губернскимъ прокуроромъ въ Уфу, куда и отправился немедленно. Прослуживъ губернскимъ прокуроромъ около четырехъ лѣтъ, Тимоеевъ снова вышелъ въ отставку и поселился подъ Уфой, въ имѣніи своей жены. Въ началѣ 1856 года, распростившись съ деревней, онъ переѣхалъ въ Москву, купилъ тамъ домъ и спустя полгода поступилъ опять на службу чиновникомъ особыхъ порученій при тогдашнемъ генераль-губернаторѣ, графѣ А. А. Закревскомъ. Эту послѣднюю должность Тимоеевъ занималъ въ теченіе почти четырнадцати лѣтъ, проходя ее послѣдовательно при пяти губернаторахъ (графѣ Закревскомъ, графѣ Строгановѣ, Тучковѣ, Офросимовѣ и князѣ Долгорукомъ), и только въ октябрѣ 1870 года оставилъ ее, выйдя въ отставку съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Начиная съ 1843 года, Тимоеевъ пересталъ печататься, и только въ 1876 году вышелъ его обширный трудъ, поэма въ стихахъ «Микула Селяниновичъ, какъ представитель земли». Этой поэмѣ было суждено стать лебединой пѣснью Тимоеева. Послѣдніе годы своей жизни Тимоеевъ провелъ на покоѣ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ въ первой половинѣ восьмидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія.

Тимоеевъ дебютировалъ въ литературѣ, какъ мы уже сказали выше, двумя повѣстями «Поэтъ» и «Художникъ», отпечатанными въ 1833 году въ Петербургѣ особыми книжками. Затѣмъ въ 1833 и 1834 годахъ въ «Сынѣ Отечества» Греча былъ напечатанъ цѣлый рядъ его повѣстей и нѣсколько мелкихъ стихотвореній. Въ томъ же 1833 году, въ Петербургѣ же, вышелъ первый отдѣлъ перваго изданія его мелкихъ стихотвореній подъ заглавіемъ «XII пѣсень, сочиненія Тимоеева», а въ слѣдующемъ—два остальныхъ. Въ 1835 г. эти стихотворенія вышли вторымъ изданіемъ въ двухъ томикахъ подъ заглавіемъ «Пѣсни, сочиненія Тимоеева». Начиная съ августовской книжки «Библиотеки для чтенія» на 1834 годъ, поэмы, повѣсти и мелкія стихотворенія Тимоеева стали появляться почти

исключительно на страницах этого журнала, и сь того времени по 1843 годъ рѣдкая книжка «Библіотеки» выходила безъ какого-нибудь стихотворнаго или прозаическаго произведенія Тимоѳеева. Первыми напечатанными здѣсь сочиненіями молодого писателя были мистеріи «Жизнь и смерть» и «Послѣдній день». Обѣ мистеріи произвели много шума въ тогдашнихъ литературныхъ кружкахъ и долгое время служили предметомъ разбора въ критическихъ статьяхъ почти во всѣхъ повременныхъ изданіяхъ того времени. Талантливѣйшій изъ тогдашнихъ критиковъ, О. И. Сенковскій, принялъ открыто произведенія новаго поэта подъ свое покровительство и даже провозгласилъ его вторымъ Байрономъ. Такъ же сочувственно отнеслись къ произведеніямъ Тимоѳеева и другіе критики. Дѣйствительно, произведенія его были проникнуты глубокимъ чувствомъ и носили въ себѣ всѣ признаки молодого талантливаго дарованія, что создавало имъ значительный успѣхъ среди читающей публики.

Продолжая печататься почти исключительно въ «Библіотекѣ для чтенія», А. В. Тимоѳеевъ помѣстилъ въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ томахъ этого журнала статью «Русскіе художники въ Римѣ» и двѣ повѣсти «Конрадъ фонъ-Тейфельсбергъ» и «Утрехтское происшествіе», и заключилъ свое сотрудничество въ немъ новой мистеріей «Послѣднее разрушеніе міра» и стихотвореніемъ «Мертвый гость» («Библіотека для чтенія»), 1838 г., кн. 6-я и 1839 г., кн. 1-я). Въ 1837 году, въ Петербургѣ, Тимоѳеевъ собралъ всѣ свои произведенія, какъ прозаическія, такъ и стихотворныя, и издалъ ихъ въ трехъ томахъ подъ заглавіемъ «Опыты, сочиненія Тимоѳеева». Въ это изданіе сочиненій Тимоѳеева вошло все, что было написано имъ до 1837 года, въ томъ числѣ и драматическая фантазія «Елизавета Кульманъ», напечатанная отдѣльной книжкой въ 1835 году, въ Петербургѣ. Эта фантазія имѣла исключительный успѣхъ въ читающей публикѣ, благодаря личности главной героини пьесы, русской писательницы Кульманъ, извѣстной всему Петербургу и умершей въ 1825 году. Свою литературную дѣятельность Тимоѳеевъ закончилъ рядомъ мелкихъ стихотвореній, напечатанныхъ имъ въ «Маякѣ» на 1843 годъ, послѣ чего имя его надолго исчезло со страницъ журналовъ. Тимоѳеевъ замолчалъ, и молчаніе его длилось ровно тридцать три года, т. е. вплоть до появленія въ свѣтъ его новой огромной поэмы подъ названіемъ «Микула Селяниновичъ, представитель земли», выпущенной имъ въ 1876 году въ двухъ огромныхъ томахъ. Однако эта лебединая пѣснь прошла почти незамѣченная критикой. Въ настоящее время произведенія Тимоѳеева, когда-то имѣвшія своихъ поклонниковъ, всѣми давно позабыты, и самое имя его знакомо только однимъ записнымъ библіографамъ. Однѣ только пѣсни его, дѣйствительно дышашія чѣмъ-то русскимъ и носящія на себѣ печать несомнѣннаго таланта, сохранились въ памяти любителей русской пѣсни, а нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, приводимыя

нами ниже: «Борода ль моя, бородушка», «Осѣдлаю коня» и «Выборъ жены», положенныя на музыку извѣстными композиторами, вошли въ народъ и сдѣлались общимъ достояніемъ.

Оставляя въ сторонѣ литературную дѣятельность Тимоѣева, какъ писателя-прозаика, мы хотимъ въ настоящемъ очеркѣ познакомить читателей «Историческаго Вѣстника» съ характеристикой его, какъ автора пѣсенъ въ народномъ духѣ. Правда, Тимоѣевъ писалъ и въ другихъ родахъ поэзіи, но всѣ остальные его стихотворенія не могутъ итти въ сравненіе съ его пѣснями. Правильный стихъ не былъ его достояніемъ, и какъ бы Тимоѣевъ ни выработывалъ его, онъ все-такъ никогда бы не сравнялся въ немъ съ нашими болѣе или менѣе извѣстными поэтами, даже средней руки. Зато пѣсни его, отличающіяся неподдѣльной простотой, задушевностью и, кромѣ того, проникнутыя истинно-народнымъ духомъ, не заключая въ себѣ ничего искусственнаго, ясно свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ и выдающемся дарованіи ихъ автора.

Пѣсня, какъ особый видъ русской искусственной поэзіи, явилась еще въ XVIII вѣкѣ. Вначалѣ она представляла собою рабское подражаніе французской ложно-классической пѣсенкѣ, гдѣ народъ фигурировалъ очень и очень рѣдко. Во второй половинѣ XVIII вѣка появилась и «народная» пѣсня, но такъ подиравленная и изукрашенная, что въ ней не было ничего общаго съ русской народной пѣсней и она распѣвалась образованнымъ обществомъ наравнѣ съ французскими романсами. Къ этому, напримѣръ, времени принадлежитъ сочиненная императрицей Елизаветой Петровной пѣсня «Во селѣ, селѣ Покровскомъ» и другія, ей подобныя нѣжныя пѣсни, явившіяся подъ вліяніемъ сентиментальнаго направленія въ русской литературѣ. Въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣковъ является цѣлый рядъ поэтовъ, пытающихся сблизить искусственную пѣсню съ русской народной. Таковы: И. И. Дмитріевъ («Стонетъ сизый голубочекъ»), К. Н. Батюшковъ («Гусарь, на саблю опираясь»), Ю. А. Нелединскій-Мелецкій («Выйду ль я на рѣченьку»), А. Ѳ. Мерзляковъ («Среди долины ровныя»), баронъ А. А. Дельвигъ («Ахъ, ты ночь ли», «Пѣла, пѣла пташечка» и «Соловей мой, соловей»), Ѳ. Н. Глинка («Вотъ мчится тройка удалая») и А. Ѳ. Вельтманъ («Что затуманилась, зоренька ясная»). Но, хотя эти писатели и сблизили искусственную пѣсню съ простонародной, однако перевѣсъ остался на сторонѣ искусственной. Еще болѣе значительный шагъ въ сторону сближенія искусственной пѣсни съ народной сдѣлалъ Н. С. Цыгановъ, авторъ пѣсенъ: «Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ», «Ахъ, чарка моя, серебряная», и «Охъ, болить да щемить ретиво сердечко», «Лежить въ полѣ дороженька», «При долинушкѣ берега», «Не кукушечка во сыромъ бору» и другихъ. Эти пѣсни уже очень близко подходятъ къ складу народныхъ пѣсенъ, но это объясняется тѣмъ, что онѣ сплошь да рядомъ полны заимствованій изъ народныхъ

пѣсень то отдѣльныхъ стиховъ, то сравненій, а иногда это—цѣликомъ народныя пѣсни, переправленныя лишь въ языкъ и тонъ. А. В. Кольцовъ первый вышелъ на дорогу самобытности и создалъ самостоятельно новый видъ пѣсни въ исторіи русской литературы. Среди современныхъ ему поэтовъ нашлось нѣсколько человѣкъ, которые точно также съ успѣхомъ стали писать оригинальныя пѣсни, ни по языку, ни по содержанию не отличающіяся отъ образцовъ народного изустнаго творчества. Блестящая слава Кольцова затмила, однако, ихъ, и ихъ имена скоро изгладились изъ памяти потомства, хотя эти поэты не всѣ были достойны подобной участи. Къ числу такихъ поэтовъ (т. е. заслуживающихъ большаго вниманія) слѣдуетъ, прежде всего, отнести А. В. Тимоеева. Для примѣра мы помѣщаемъ здѣсь три его пѣсни. Вотъ первая ихъ нихъ, носящая заглавіе «Выборъ жены»:

Не женись на умницѣ,
На лихой бѣдѣ!
Не женись на вдовушкѣ,
На чужой женѣ!

Женишься на вдовушкѣ,—
Старый мужъ придетъ;
Женишься на умницѣ,—
Голову свернетъ.

Не женись на золотѣ,
Тестевомъ добрѣ!
Не женись на почестяхъ,
Жениной роднѣ!

Женишься на золотѣ,—
Самъ продашь себя;
Женишься на почестяхъ,—
Пропадай жена!

Много пѣвчихъ пташечекъ
Въ Божіихъ лѣсахъ:
Много красныхъ дѣвушекъ
Въ царскихъ городахъ.

Загоняй соловушку
Въ клѣточку твою:
Выбирай изъ дѣвушекъ
Пташечку жену!

И форма и содержаніе этой пѣсни, правда, еще не совсѣмъ свободной отъ вліянія Дельвига и другихъ псевдо-народныхъ поэтовъ, уже близко напоминаютъ русскую народную пѣсню. «Выборъ жены» принадлежитъ къ числу наиболѣе раннихъ произведеній Тимоеева. Чтобы сравнить раннія произведенія его съ болѣе поздними и по этому сравненію составить понятіе о постепенномъ ростѣ таланта

нашего поэта, мы помѣщаемъ здѣсь одно изъ лучшихъ произведе-
ній, принадлежащихъ къ эпохѣ расцвѣта его поэтической дѣятель-
ности,—пѣсню «Тоска». Вотъ она:

— «Осѣдлаю коня, коня быстро;
Полечу, понесусь легкимъ соколомъ
Отъ тоски, отъ змѣи, въ поле чистое;
Размечу по плечамъ кудри черныя,
Разожгу, распалю очи ясныя—
Ворочусь, принесусь вихремъ, व्यюгою:
Не узнаеть меня баба старая!
«Заломлю на бекрень шапку бархатну;
Загужу, забряну въ гусли звонкія;
Побѣгу, полечу къ краснымъ дѣвушкамъ,—
Прогуляю съ утра до ночной звѣзды,
Поширую съ зари до полуночи,
Прибѣгу, прилечу съ пѣсней, съ пѣсвиномъ:
Не узнаеть меня баба старая!»
— «Полно, полно тебѣ похваляться, князь!
Мудрена я, тоска: не схоронишься!
Въ темный лѣсъ оберну красныхъ дѣвушекъ,
Въ гробовую доску—гусли звонкія;
Изорву, изсушу сердце буйное,
Прежде смерти сгоню съ свѣта Божьяго:
Изведу я тебя, баба старая!»
Не постель послана въ свѣтломъ теремѣ,—
Черный гробъ тамъ стоитъ съ добрымъ молодцемъ;
Въ изголовьи сидитъ красна-дѣвица:
Горько плачетъ она, что ручей шумитъ,
Горько плачетъ она, приговариваетъ:
«Погубила, тоска, друга милова!
Извела ты его, баба старая!»

Если «Выборъ жены» еще носить на себѣ признаки искусствен-
ной пѣсни, то въ «Тоскѣ» народность звучитъ въ каждой фразѣ, въ
каждомъ сравненіи. Здѣсь Тимоеевъ не проговаривается противъ
народности ни въ чувствѣ, ни въ выраженіи. Чувство его, какъ и въ
народныхъ пѣсняхъ, глубоко, сильно и мощно и не впадаетъ въ сен-
тиментальность, даже и тамъ, гдѣ онъ становится нѣжнымъ и тро-
гательнымъ. Въ выраженіи онъ также вѣренъ русскому духу. Всѣ
обороты, выраженія и образы «Тоски» Тимоеева строго выдержаны
въ стилѣ народныхъ пѣсней (напримѣръ, обороты: «не постель
послана въ свѣтломъ теремѣ», «горько плачетъ она, что ручей шу-
митъ», или эпитеты: быстрый конь, легкій соколъ, поле чистое,
кудри черныя, очи ясныя, гусли звонкія, красны дѣвушки, ночная
звѣзда, темный лѣсъ, гробовая доска, сердце буйное и т. д.). То же
самое мы видимъ и въ наиболѣе популярной пѣснѣ Тимоеева «Бо-
рода ль моя, бородушка», которую мы и помѣщаемъ здѣсь цѣли-
комъ:

Борода ль моя, бородушка,
Борода ль моя бобровая!

Посѣдѣла ты, бородушка,
 До поры своей, до времени!
 Поведешь, бывало, гаркнувши,
 Усомъ чернымъ, молодецкимъ:
 Красна-дѣвица огнемъ горить,
 Дочь боярска таетъ въ полыми;
 Прикушу тебя, косматую:
 Басурманинъ злой съ коня летить,
 Дряблый нѣмецъ въ нѣру прячется.
 Занесло тебя, родимую,
 Да не свѣгомъ, да не инеемъ—
 Сѣдиной лихой, кручиною;
 Растрепаль тебя, кудрявую,
 Да не вѣтеръ, да не лютый врагъ—
 Растрепаль тебя неожиданный гость,
 Это неожиданный гость—змѣя тоска.
 Борода-ль моя, бородушка,
 Борода ль моя бобровая!

Въ заключеніе нашего очерка жизни и творчества Тимоѣева считаемъ не лишнимъ привести краткую характеристику его пѣсенъ, помѣщенную въ одномъ изъ современныхъ ему журналовъ, и основную мысль которой мы находимъ, какъ нельзя болѣе, вѣрной и безпристрастной.

«Въ пѣсняхъ Тимоѣева—всѣ элементы народной пѣсни, въ чемъ и заключается главное достоинство этого вида его произведеній: вѣрность народному духу не только въ общемъ его проявленіи, но и въ малѣйшихъ его отгѣнкахъ. Поэзія Тимоѣева и по формѣ, и по содержанію отличается часто народнымъ духомъ; въ его пѣсняхъ встрѣчаемъ мы тѣ же мотивы и тѣ же приемы творчества, какъ и въ пѣсняхъ народныхъ, но только у Тимоѣева эти типическіе мотивы и приемы возведены до высшей степени художественнаго совершенства. Даже темы тимѣевскихъ пѣсенъ во многомъ сходны съ пѣснями народными: въ нихъ, на примѣръ, мы находимъ и горемычную любовь дѣвушки, и змѣю-тоску, грызущую сердце добра молодца, и удалство съ его презрѣніемъ къ горькой долѣ и самую горькую долю. Кромѣ того, независимо отъ нѣкоторыхъ особенностей народнаго духа, въ пѣсняхъ Тимоѣева встрѣчается множество подробностей русскаго народнаго быта, очевидно, заимствованныхъ имъ изъ старинныхъ народныхъ пѣсенъ. Тимоѣевъ, подобно Кольцову, (но, безусловно, въ слабѣйшей степени), умѣлъ мастерски владѣть формой народной пѣсни, что придаетъ его произведеніямъ неизъяснимую красоту и прелесть. Особенность таланта Тимоѣева составляетъ то, что онъ сумѣлъ, не разрушая понятій народа и не искажая ихъ, уловить и выразить новые отгѣнки народнаго быта въ формѣ новой. Тимоѣевъ во многихъ изъ своихъ пѣсенъ представляетъ черты русскаго быта въ вѣрныхъ и довольно рельефныхъ краскахъ,—и стихи его во многихъ мѣстахъ не лишены поэтической

теплоты и задушевности, что, безъ сомнѣнія, должно зачесться въ большую заслугу ихъ автору».

А если прибавить къ этому то обстоятельство, что Тимошеевъ, со своимъ пѣснями въ народномъ духѣ, принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ поэтовъ, подъ вліяніемъ произведеній которыхъ возникли народолюбивыя идеи 40-хъ годовъ,—то значеніе Тимошеева въ исторіи русской литературы должно представиться еще болѣе выдающимся. Но дѣйствительность показываетъ, что мы, русскіе, не любимъ долго помнить своихъ выдающихся талантовъ, если сама судьба не позаботится объ оставляемомъ ими наслѣдїи, и что Тимошеевъ не избѣжалъ горькой участи русскихъ писателей и поэтовъ, на которыхъ со всею своею грустной точностью и неизмѣнно оправдывается лаконически-краткое, но многозначительное выраженіе: «схоронили—позабыли», и къ которымъ чуть не на другой день похоронъ прибавляютъ эпитетъ «забытый». Это глубоко несправедливо, такъ какъ по тѣмъ немногимъ образцамъ, которые мы привели выше, можно судить, какіе огромные задатки поэтического дара таила въ себѣ талантливая натура Тимошеева, и сама собою навертывается на языкъ извѣстная «Запѣвка» Мейя:

Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская,
 Благовѣстная, побѣдная, раздольная,
 Погородная, поселная, попольная,
 Непогодою-невздою повитая,
 Во крови, въ слезахъ крещеная-омытая!
 Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская!
 Не сама-собою ты спѣлася-сложилася:
 Съ пустырей тебя намыло снѣгомъ, дождикомъ,
 Нанесло тебя съ пожаращъ дымомъ-копотью,
 Намело тебя съ сырыхъ могилъ метелицей!

Да, давно бы пора, но, къ сожалѣнію, мы, чуть не со временъ Гостомысла, лѣнны и нелюбопытны. Это, хотя общеизвѣстный, но тѣмъ не менѣе глубоко печальный фактъ!

Въ заключеніе хочется сказать нѣсколько словъ о всѣхъ вообще забытыхъ русскихъ писателяхъ и поэтахъ.

«Я страстно и исключительно преданъ литературѣ,—писалъ сорокъ лѣтъ тому назадъ «великій сатирикъ земли русской» М. Е. Салтыковъ.—Нѣтъ для меня образа достолюбезнѣе, достохвальнѣе, дороже—образа, представляемаго литературой; я признаю литературу всецѣло, со всѣми уклоненіями и осложненіями... Лично я обязанъ литературѣ лучшими минутами моей жизни, всѣми сладкими волненіями ея, всѣми утѣшеніями; но я увѣренъ, что не я одинъ, лично обязанный, а всякій, кто сознаетъ себя человѣкомъ, не можетъ не понимать, что внѣ литературы нѣтъ ни блага, ни на-

слажденія, ни даже самой жизни». Эта пламенная любовь къ литературѣ не покидала Салтыкова до гробовой доски. Умирая, онъ завѣщалъ своему сыну: «Наче всего люби родную литературу, и званіе литератора предпочитай всякому другому». Безъ сомнѣнія, было бы болѣе чѣмъ ошибочнымъ и рискованнымъ говорить, что русская образованная публика не любитъ своей родной литературы. Въ пользу публики говорятъ: и широкое распространеніе періодическихъ изданій, и поразительныя цифры оборотовъ книжнаго рынка, и отчеты библіотекъ и читаленъ и многіе другіе источники. Но едва ли будетъ ошибочнымъ и голословнымъ, если мы скажемъ, что въ читающей публикѣ составилось одностороннее и превратное понятіе о литературѣ. Кого изъ писателей преимущественно (если не исключительно) читаютъ, разбираютъ и къ чѣмъ интересуются? О комъ въ журналѣ пишутъ критическія статьи? Чьи произведенія, собственно говоря, считаются «русской литературой»? Карамзинъ, Жуковский, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Кольцовъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Достоевскій, Толстой, Чеховъ и еще нѣкоторые другіе— вотъ и вся «русская литература» въ представленіи русской читающей публики. Этихъ писателей преимущественно и читаютъ. Писателей и поэтовъ второстепенныхъ, вродѣ Лѣскова, Мельникова, графа А. К. Толстого, Майкова, Полонскаго, Фета, Тютчева и другихъ, хотя и читаютъ, но уже не такъ усердно. А остальныхъ, такъ называемыхъ «мелкихъ», писателей не только не читаютъ, но и не признаютъ ихъ даже писателями. Нечего и говорить, что это глубоко несправедливо. Мнѣніе, что «литературу дѣлаютъ» только писатели первой величины, давно уже устарѣло. Въ исторіи развитія русскаго художественнаго слова важны не только первостепенные писатели, но и такіе, которые написали всего какихъ-нибудь два-три стихотворенія, какъ одинаково способствовавшіе развитію художественнаго языка. Въ исторіи русской (да и вообще всякой) литературы нѣтъ скачковъ и не можетъ быть. Въ ней все идетъ путемъ постепеннаго развитія, при чемъ извѣстныя формы литературы, постепенно развиваясь въ произведеніяхъ «мелкихъ» писателей и достигнувъ наивысшаго развитія у первостепенныхъ писателей, смѣняются другими, опять-таки въ своемъ развитіи подчиняющимися тѣмъ же правиламъ. Такъ, напримѣръ, Пушкинъ не могъ бы быть тѣмъ «пѣвцомъ гуманной красоты», какимъ мы его знаемъ, если бы его поэзіи не предшествовала поэзія Батюшкова, Баратынскаго и другихъ поэтовъ, составившихъ переходную ступень отъ поэзіи романтизма къ поэзіи Пушкина. Точно также, Кольцовъ едва ли бы былъ тѣмъ, чѣмъ онъ есть сейчасъ, если бы ему не предшествовалъ Дельвигъ, которому, въ свою очередь, предшествовалъ Нелединскій-Мелецкій и другіе авторы псевдо-народныхъ пѣсенъ. Съ такой точки зрѣнія всякій поэтъ, хотя бы написавшій всего два-три стихотворенія, имѣетъ долю значенія въ исторіи русской литературы и заслуживаетъ изу-

ченія. Но, къ сожалѣнію, повторяю опять, мы лѣнны и не любопытны, и намъ до сихъ поръ лѣнь заглянуть въ забытые ларцы нашей сокровищницы художественнаго слова, зачастую наполненные настоящими алмазами и брильянтами. Идетъ годъ за годомъ, все больше и больше покрываются они пылью времени, и невольно является вопросъ: неужели же никто и никогда не вспомнить о нихъ и не отряхнетъ съ нихъ пыль, чтобы снова заблестѣли и заиграли они переливчатыми, разноцвѣтными огнями? И снова горькой ироніей звучитъ предсмертный завѣтъ Салтыкова: «Паче всего люби родную литературу и званіе литератора предпочитай всякому другому!»

Н. Державинъ.

РУССКІЯ МЕТАМОРФОЗЫ ¹⁾.

VII.

Декабрьскіе кровавые дни.

АЗНАЧЕНІЕ вице-адмирала **Θ. В. Дубасова** генераль-губернаторомъ и спѣшный его прїѣздъ въ Москву, 4-го декабря 1905 года, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, не произвели особаго впечатлѣнія на московскихъ жителей. Даже рѣчь поваго начальника не имѣла успѣха. Слова о томъ, что приходится «употребить самыя крайнія мѣры» для подавленія бунта, проскочили у всѣхъ мимо ушей. О Дубасовѣ говорили мелькомъ, небрежно, какъ о предметѣ весьма незначительномъ:

— А, Дубасовъ? Это тотъ, который въ русско-турецкую войну взорвалъ миной турецкій мониторъ? Кажется, человекъ изъ покладистыхъ. За членовъ крестьянскаго съѣзда хлопоталъ... Вотъ только его рѣчь въ городской думѣ... Говорилъ—задавить революцію! Гдѣ ему! Выродились, обветшали теперь эти сановники...

Между тѣмъ, **Θ. В. Дубасовъ** сразу показалъ, что онъ человекъ рѣшительный не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Какъ только была объявлена всеобщая забастовка, на другой день, 8-го декабря, новый генераль-губернаторъ приказалъ арестовать свыше 70 человекъ, собравшихся на митингъ въ «Акваріумѣ»; затѣмъ подвергся аресту

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СХХІ, стр. 467.

секретарь союза рабочихъ печатнаго дѣла Чистовъ, присяжный повѣренный Муравьевъ, очень много рабочихъ, студентовъ, захваченныхъ на сходкахъ, и другихъ лицъ, говорившихъ зажигательныя рѣчи. Арестованные указывали, что на сходкахъ они участвуютъ въ силу закона 17-го октября, но ихъ протесты не принимались во вниманіе.

Съ 9-го декабря начались столкновения вооруженныхъ забастовщиковъ съ войскамъ или, лучше сказать, съ небольшими отрядами войскъ. Въ этотъ день были убиты нѣсколько тверскихъ драгунъ, въ томъ числѣ—одинъ офицеръ. Солдаты стрѣляли въ толпу, многихъ убили, еще больше ранили, причемъ, конечно, пострадали и посторонніе зрители. Тверская улица возлѣ Триумфальной площади и Садовая до «Аквариума» были испещрены кровавыми пятнами. Было ли это организованное нападеніе на драгунъ? Едва ли. Первыми пустили въ ходъ сабли драгуны. Они стали разгонять толпы народа и топтали людей копытами своихъ лошадей. Въ отвѣтъ раздалась съ разныхъ сторонъ выстрѣлы. Офицеры скомандовали—открыть огонь, и бѣдствие разразилось со всеми его страшными послѣдствіями. Толпа, отступая, пробовала прятаться въ чужіе дворы и квартиры, но большинство домовъ были наглухо заперты; бѣглецы въ паническомъ ужасѣ выламывали ворота и окна, но пули ихъ настигали; къ одному сапожнику, жившему въ полуподвальномъ этажѣ, ввалился сквозь выбитое окно человекъ, сказалъ: «Спрячьте меня!»—и тутъ же умеръ: грудь его оказалась прострѣленной со стороны спины насквозь...

Это побоище возбудило негодованіе нѣкоторой части московскаго общества. Собирались подписи для протестовъ, хотѣли послать депутатовъ къ Ѡ. В. Дубасову. Между тѣмъ, крайніе лѣвые и главари разныхъ рабочихъ организацій собрались на митингъ въ домѣ Фидлера на Чистыхъ Прудахъ, въ Лобковскомъ переулкѣ. Говорятъ, тамъ было до 500 человекъ вооруженныхъ. Я этому охотно вѣрю. Въ тѣ дни Москва повредила на одной странной маниі—покупать револьверы. Какой-нибудь мирнѣйшій обыватель Иванъ Ивановичъ Ивановъ, ни къ какимъ боевымъ, какъ краснымъ, такъ и чернымъ организаціямъ не принадлежавшій и даже отъ роду не державшій въ рукахъ огнестрѣльнаго оружія, шель къ градоначальнику и просилъ:

— Разрѣшите мнѣ, ваше превосходительство, приобрести и носить при себѣ браунингъ!

— Зачѣмъ это вамъ понадобилось?

— Помилуйте, чѣмъ же отъ хулигановъ защититься!

Выхлопотавъ себѣ свидѣтельство, обыватель покупалъ оружіе и говорилъ:

-- Этакъ все-таки надежнѣе!

Наличность оружія вовсе не знаменовала принадлежности къ забастовщикамъ или какого-нибудь злого умысла. Это была «мода

1905 года». Кавалеры вынимали «браунинги», «обоймы», капсюли съ пулями и хвастались ими передъ барышнями и дамами. Даже разговоры были тогда «шуточно-воинственные».

— Револьверъ есть, теперь можно и на баррикаду!—рисовался гимназистъ въ кругу своихъ товарищей.

Значительную долю причинъ покупки оружія играла все та же знаменитая «черная сотня», этотъ козель отпущенія.

— И вы, Петръ Петровичъ, съ браунингомъ?

— Нельзя же, знаете... Говорять, черносотенцы пойдутъ рѣзать интеллигенцію...

Черная сотня такъ и не проявила своихъ сокрушительныхъ талантовъ въ Москвѣ: ни университетъ не взяла приступомъ, ни интеллигентовъ не истребила, но зато цѣны на огнестрѣльное оружіе были вздуты, какъ на модную биржевую облигацію. Браунинги, сначала продававшіеся по 16—18 р., въ декабрѣ стояли отъ 50 до 60 р. за штуку.

Такъ вотъ я и думаю, что «вооруженныхъ» на митингъ въ домъ Фидлера было даже болѣе 500 человекъ, но едва ли даже пятая часть этихъ людей намѣревалась пустить свое оружіе въ дѣло.

Полиція выслѣдила сходку и немедленно донесла генераль-губернатору. Онъ приказалъ войскамъ оцѣпить домъ Фидлера и разогнать собравшихся. На вопросъ, для чего появились солдаты, начальники отряда, въ свою очередь, спросили, зачѣмъ собралось столько рабочихъ и прочихъ лицъ, и, въ силу распоряженія генераль-губернатора, предложили сейчасъ же расходиться.

— Здѣсь митингъ, который разрѣшенъ манифестомъ 17-го октября,—отвѣчали стоявшіе у воротъ.—Свобода собраній узаконена, и генераль-губернаторъ не имѣетъ права нарушать этотъ законъ!

Тогда участникамъ сходки дали сроку одинъ часъ, послѣ чего угрозили употребить въ дѣло силу. Если забастовщики согласны удалиться, солдаты никого не тронуть.

— Это ловушка!—раздались на дворѣ крики.—Товарищи, вспомните, какъ насъ били возлѣ «Аквариума»! Еще кровь не высохла, пролитая нашими братьями... Если мы выйдемъ, насъ или перебьютъ, или арестуютъ...

И вскорѣ изъ оконъ было произведено по войску нѣсколько выстрѣловъ. Кто совершилъ это безразсудное и почти провокаторское покушеніе? Такъ какъ на митингъ участвовали представители «зеленой молодежи», то можно смѣло предположить, что стрѣляли глупые подростки, совершенно обезумѣвшіе отъ событий и не понимавшіе всѣхъ послѣдствій своего гадкаго озорства.

Пѣхота отвѣчала огнемъ винтовокъ, и сейчасъ же въ домъ Фидлера произошелъ переполохъ. Одни уговаривали:

— Не стрѣляйте! Вы играете въ руку провокаторамъ!

Другіе добавляли:

— Обезоружьте тѣхъ, кто стрѣляетъ!

Но забастовщики, услыша залпы съ улицы, пришли въ ярость и закричали:

— Бомбы, бомбы! Бросай ихъ въ правительственныя войска!

И бомбы, дѣйствительно, полетѣли изъ оконъ, съ грохотомъ разорвались и сдѣлали свое дѣло: нѣсколько солдатъ было разорвано и искалѣчено на смерть, убитъ поручикъ Самогитскаго полка и тѣжело раненъ одинъ офицеръ-артиллеристъ.

Тогда выступили на сцену «правительственныя» пушки.

— Первая!—раздалась команда.—Вторая!

Грохоть, дымъ, огонь... все дрожить, уголь дома Фидлера пробивается насквозь, въ домѣ слышатся вопли и стоны...

Впослѣдствіи выяснилось, что отъ картечи и пуль солдатскихъ винтовокъ въ домѣ Фидлера было убито 5 человекъ и 16 ранено. Если бы участники митинга составляли «войско инсургентовъ» даже всего въ 500 человекъ, то, разумѣется, ничтожная потеря не остановила бы ихъ отъ продолженія перестрѣлки. Но дѣйствительность и очевидцы говорятъ, что мои выводы болѣе правильны: послѣ первыхъ залповъ въ домѣ Фидлера оказалось не «войско», а перепуганное овечье стадо. Поднявшаяся сумятица и сцены отчаянія доказываютъ, что у подавляющаго большинства участниковъ митинга никогда не было серьезнаго намѣренія вступить въ бой. Финаль «сраженія» особенно характеренъ: множество зеленой молодежи, этихъ мнимыхъ революціонеровъ, а за ними и рабочіе, бѣжали изъ дома, перелѣзая черезъ заборъ въ чужіе дворы. Кто былъ вооруженъ «моды ради», тотъ кидалъ въ снѣгъ свои браунинги.

Въ пробитомъ домѣ Фидлера остались совершенно растерявшіеся люди. Видъ первыхъ брызговъ крови отнял у нихъ остатки спокойствія, и нѣсколько бѣлыхъ салфетокъ было выкинуто изъ оконъ, въ знакъ полной «капитуляціи».

Говорятъ, полиція арестовала нѣсколькихъ членовъ стачечнаго комитета и свыше 100 человекъ, заподозрѣнныхъ въ принадлежности къ такъ называемой «боевой дружинѣ». Среди раненыхъ оказался и владѣлецъ дома г. Фидлеръ, котораго отвезли въ тюремную больницу.

Происшествіе въ домѣ Фидлера моментально разнеслось по всей Москвѣ.

На сходкахъ появились юркія личности, описывавшія съ большими прикрасами осаду дома Фидлера и призывавшія народъ къ «поголовному возстанію». Въ ночь на 10-е декабря стали строиться баррикады на разныхъ улицахъ Москвы: на Бронныхъ, на Тверской, на Садовой, близъ Миусской площади, на Новинскомъ бульварѣ, на Арбатѣ, на Большой, Средней и Малой Прѣсныхъ, возлѣ Триумфальныхъ воротъ и т. д. Кто ихъ строилъ? Откуда былъ добытъ матеріалъ для загражденія улицъ? Зачѣмъ воздвигались баррикады?

Конечно, первыми «зодчими» этих построекъ явились революціонеры, подражавшіе французскимъ гражданамъ конца XVIII вѣка. Но у этихъ первыхъ московскихъ баррикадостроителей нашлись подражатели и сочувствующіе на каждой улицѣ, въ каждомъ домѣ. Разные ремесленники, мальчишки и даже дѣвчонки выходили на улицы и въ переулки и начинали «устраивать бригаду» (такъ у насъ переименовали «баррикаду»; московская чернь всегда переиначиваетъ всѣ названія: Триумфальныя ворота у насъ именуются «Трухмальными», Лефортово — «Лафѣртово», Страстной монастырь — «Страшной», а Анненгофскую рощу передѣлали въ такую штуку, что и сказать нельзя!). Матерьялъ для «бригадъ» брали неподалеку: рубили ближайшіе телеграфныя и телефонныя столбы, разбирали сосѣдніе заборы, снимали ворота, брали пожарныя лѣстницы, водовозныя бочки и тому подобное. Домовладѣльцы, видя расхищеніе и порчу своего имущества, не протестовали, потому что страхъ, давно всѣхъ охватившій, особенно знобилъ москвичей въ декабрьскіе дни. Любой мальчишка, надѣвъ желтую куртку и большую овчинную папаху (нарядъ большинства подлинной и поддѣльной «боевой дружины»), могъ терроризировать цѣлый районъ, называя себя революціонеромъ и требуя повиненія и отъ хозяевъ и отъ дворниковъ. Главари стачекъ, видя такое добровольное участіе въ беспорядкахъ со стороны московскихъ обывателей, напечатали цѣлый перечень правилъ, которыя, съ ихъ точки зрѣнія, являлись обязательными для горожанъ, вродѣ правилъ, которыя содержатся, напримѣръ, въ городскомъ положеніи.

Въ ту зиму я жилъ близъ Арбата, въ Маломъ Толстовскомъ переулкѣ, въ домѣ Каровкевичъ. Этотъ домъ состоялъ изъ двухъ одноэтажныхъ флигельковъ, въ одномъ жили хозяева, въ другомъ я и моя семья.

Однажды, подъ вечеръ 9 декабря, я стоялъ у воротъ и слушалъ начинавшую дѣлаться постоянной музыку московскихъ улицъ: то здѣсь, то тамъ раздавались рѣзкіе звуки выстрѣловъ изъ браунинговъ и винтовокъ. Въ то время улицы стали пустынными и представляли собою прямую мерзость заустѣнія: ихъ никто не мелъ, не убиралъ, фонари были разбиты, повалены, съ телефонныхъ столбовъ свѣшивалась, какъ гигантская паутина, проволока, на окнахъ домовъ были надѣты щиты, внутри квартиръ день и ночь опускались занавѣски... Это было нѣчто худшее, чѣмъ даже осажденный городъ.

Я только что вернулся съ Новинскаго бульвара; тамъ, возлѣ дома Плевако стояла баррикада съ краснымъ флагомъ, а по обѣимъ сторонамъ оба бульварные проѣзды, кромѣ нѣсколькихъ баррикадъ, были загорожены телеграфной и телефонной проволокой. Ниже, къ Смоленскому рынку, виднѣлся народъ: это собрались мѣстные встревоженные торговцы, обсуждавшіе вопросъ о томъ, какъ уберечь свой товаръ?

Оказывается, ночью дочиста была ограблена лавка готового платья. Я было подошелъ къ толпѣ, хотѣлъ разспросить, кого подозреваютъ въ грабежѣ, какъ вдругъ съ перекрестка, гдѣ Арбатъ пересекаетъ двѣ улицы, раздался залпъ изъ ружей.

— Казаки! Драгуны! — крикнулъ кто-то, и въ одну минуту площадь опустѣла.

Я также побѣжалъ въ свой переулокъ и, добравшись благополучно до дома Каровкевичъ, сѣлъ на лавочку и думалъ:

— Ну, и дожили мы до любопытныхъ деньковъ! Теперь ходить по улицамъ невозможно, что же будетъ дальше?

Вдругъ передо мной очутились двѣ личности: приземистый человекъ съ коротко остриженной головой, съ рыжими длинными усами, въ пиджакѣ чернаго цвѣта, въ рубашкѣ-фантазіи съ шнуровымъ галстучкомъ; другой, помоложе, былъ въ высокихъ сапогахъ и красной косовороткѣ. Обоихъ неизвѣстныхъ я сразу причислилъ къ лику московскихъ ремесленниковъ; такъ оно и было: усатый оказался портнымъ, помоложе—башмачникомъ.

— Скажите, милостивый государь,—обратился ко мнѣ какимъ-то особенно важнымъ тономъ первый:—вы владѣлецъ этого дома?

— Нѣтъ, не я,—отвѣчалъ я ему.—А что?

— Видите ли, вы все-таки живете въ этомъ *элизеръ*?

— Въ этомъ—да, живу.

— А въ другомъ кто изволить обитать?

— Хозяева дома. Собственно, что вамъ нужно?—сухо спросилъ я.

— А это я сейчасъ вамъ изложу-съ. Мы принадлежимъ къ боевой дружинѣ и обходимъ нашъ лайронъ (т. е. районъ), чтобы, значить, все было въ исправности. А вотъ у васъ не соблюдаются наши правила-съ, и этого мы не потерпимъ-съ.

— Именно, какія же такія не соблюдаются правила?

— Вотъ ужъ третью ночь мы смотримъ, а ворота у васъ на заперѣ! Это нехорошо!

— Позвольте, ворота нельзя не запираеть. Во-первыхъ, воры, громилы и всякая рвань, покинувъ Хитровку, рыскають теперь по Москвѣ и грабятъ чуть не среди дня; во-вторыхъ, полиція, подъ страхомъ крупнаго штрафа и ареста, требуетъ, чтобы съ 8 ч. вечера и до 8 утра ворота были заперты,—отвѣчалъ я, сомнѣваясь въ вѣрности рекомендаціи моихъ собесѣдниковъ.

— Намъ, господинъ, на требованія полиціи наплевать!—ввязался другой неизвѣстный.—Насъ вполномочили, чтобы все какъ есть... тово... пе то—шлепъ! И—копецъ! Да!

— Погоди, Гриша!—остановилъ его усачъ.—Дѣло въ томъ, милостивый государь:—что мы боремся съ правительствомъ, и правила полиціи намъ не указъ. Мы уже предупреждали вашего дворника, по онъ не слушаетъ. Придется его малость поучить.

— Значить, вы хотите, чтобы наши ворота были отперты всю ночь?—спросилъ я.

— Вотъ именно-съ!—улыбнулся усатый человѣкъ.—Ежели, при-мѣрно, на насъ идетъ войско, то мы—маршъ черезъ чужой дворъ и были таковы. А коли заперто, то и спрятаться нельзя. Да вотъ что-съ... не угодно ли вамъ печатныя правила? А дворнику вашему, все равно, достанется...

Онъ полѣзъ въ боковой карманъ и досталъ два экземпляра бума-гъ, форматомъ похожихъ на корректурные газетные оттиски, на которыхъ плохо и грязно было отпечатано нѣчто вродѣ «руководства», какъ вести «партизанскую» войну съ правительственными войсками. Къ сожалѣнiю, у меня нѣтъ подъ руками этого оттиска, но я приведу на память кое-какіе «пункты» изъ него:

1) Революціонной боевой организаціи предписывается вести борьбу съ войсками, отнюдь не собираясь въ значительныя группы, напротивъ, рекомендуется, чтобы партизанскіе отряды содержали въ себѣ отъ 3 до 5 человѣкъ. Эти маленькіе летучіе отряды, поминутно тревожа и утомляя правительственныхъ солдатъ, должны избѣгать открытаго боя; лучше всего стрѣлять изъ-за заборовъ, изъ оконъ чердака и изъ жилыхъ помѣщеній въ зданіи; сдѣлавъ залпъ, надобно стараться сейчасъ же скрыться проходными дворами и открыть огонь съ той стороны, откуда непріятель всего менѣе ожидаетъ залповъ.

2) Уполномоченнымъ революціонной боевой организаціи рекомендуется подготовить мѣстныхъ гражданъ къ условіямъ партизанской войны, чтобы всѣ, кто сочувствуетъ русскому освободительному движенію, помогали боевой дружинѣ, отворяя свои ворота, укрывая дружинниковъ въ своихъ квартирахъ и т. д.

3) Внушить дворникамъ московскихъ домовъ, чтобы ворота зданій не запирались всю ночь. Если дворникъ не будетъ исполнять распоряженій революціоннаго комитета, то въ первый разъ за ослушаніе его слѣдуетъ побить, во второй разъ—убить.

Далѣе шли предписанія объ отпускѣ воды для дружинниковъ, о помѣщеніи на квартирахъ летучихъ санитарныхъ отрядовъ и многое прочее, что на память приводить нѣсколько трудно.

Вручившій мнѣ эти правила сообщилъ, что онъ ремесленникъ портновскаго цеха, руководитель цѣлой партіи объединившихся портныхъ, а его товарищъ—точаетъ башмаки, но что онъ «тоже сознательный и развитый субъектъ» (т. е. субъектъ).

При этихъ словахъ сознательный башмачникъ крикнулъ и, сплюнувъ, сказалъ:

— Ну, Василій Кириллычъ, идемъ, чего еще тутъ... бобы развелъ..

А на Арбатѣ все стрѣляли и стрѣляли...

— Слышите?—кивнулъ мнѣ головой Василій Кириллычъ.—Вотъ погодите, скоро пушки защелкаютъ! То поинтереснѣе будетъ.

Вечеромъ, часовъ въ 9, когда сдѣлалось совсѣмъ темно, я пошелъ на Новинскій бульваръ, а оттуда намѣревался пробраться по Де-вятинскому переулку и черезъ Горбатый мостъ—на Прѣсную къ зна-

комымъ. Я ужъ путешествовалъ къ нимъ днемъ и получилъ порученіе купить хлѣба, курицу и еще чего-то. Знакомые мои жили въ нижнемъ этажѣ одного дома на Средней Прѣснѣ; они занавѣсились, заставились деревянными щитами и проводили время во тьмѣ, боясь выйти за ворота. Мое появленіе привѣтствовалось, какъ чудо. Спрашивали, какъ я проникъ «сквозь баррикады»?

— А очень просто,—отвѣчалъ я.—Черезъ инья перелѣзалъ, черезъ инья—просто перешагивалъ!

Кстати о московскихъ баррикадахъ. Говорятъ, на Миусахъ, возлѣ трамвайныхъ мастерскихъ были, такъ сказать, «хорошія» баррикады; тамъ ставили поперекъ дороги вагоны трамвая, и загражденія выходили почти что грандіозными. Не то было въ другихъ районахъ Москвы. Въ мѣстностяхъ: Арбатъ, Садовая (Кудринская и Триумфальная), Прѣсни, Бронныя, двѣ Грузинскихъ улицы, Новинскій бульваръ и Плющиха, которыя я очень часто обхаживалъ за эти дни, баррикады, за рѣдкимъ исключеніемъ, представляли самое убогое и карикатурное зрѣлище. Особенно, помню, на Арбатѣ, близъ церкви Николая въ Плотникахъ улицу перегораживала маленькая, едва въ аршинъ вышины «бригада»; слѣпленная изъ стараго тесу, поломанной мебели, жалкая и неспособная что-либо «оградить», эта баррикада украшалась игрушечнаго вида флагомъ: грязная красная тряпка уныло болталась на коротенькой палкѣ...

И до того въ тѣ ужасные дни были надорваны у всѣхъ нервы, до такихъ размѣровъ дошелъ обывательскій страхъ, что даже эта пародія на французскія баррикады внушала какъ бы почтеніе. На эти ничтожныя загражденія указывали украдкой пальцами, о нихъ говорили шопотомъ, подмигивая и «разводя безнадежно руками»...

— Вотъ оно, началось!—думали москвичи, успѣвшіе пережить много ужасовъ и не безъ основанія предполагавшіе, что впереди будутъ еще болѣе пугающія происшествія.

Слово «началось» адресовалось къ главарямъ забастовочнаго движенія. Почти $\frac{3}{4}$ Москвы вѣрило, что у революціонеровъ вооружены тысячи отрядовъ, а тѣ, въ свою очередь, разбиты на группы, вродѣ «пятерокъ», по образцу знаменитой «пятерки» Петра Степановича Верховенскаго изъ романа Достоевскаго «Бѣсы». Думали, что рабочая масса числомъ отъ 100 до 150 тысячъ человѣкъ, имѣющая огнестрѣльное оружіе и умѣвшая обращаться съ нимъ, представитъ несокрушимую твердыню для солдатъ московскаго гарнизона; боялись, что все это неистовое скопище раздавить небольшіе отряды войскъ, и Москва окажется безъ всякой охраны и охваченной самой разнузданной анархіей; повсемѣстныя баррикады и стрѣльба, не дающая заснуть, все указывало, что страшные моменты боя недалеки...

10-го декабря съ утра по Москвѣ съ шумомъ помчалась артиллерія, и какъ только заговорили пушки, въ паническомъ ужасѣ затетался московскій народъ. Артиллеристы стали обстрѣливать вдоль

по Тверской, отъ Страстной площади, къ Тверской заставѣ, по Страстному бульвару; тамъ, гдѣ были баррикады, туда всего чаще и направляли картечь. Публика, привыкшая въ эти дни тысячами слоняться по улицамъ, ринулась сначала поглядѣть, что за канонада, а когда картечь ударила по любопытнымъ, все застонало, завонило и побѣжало обратно...

Много, много тогда ротозѣвъ и легкомысленныхъ москвичей сложили на улицахъ свои головы!

Передъ тѣмъ, какъ стрѣлять, горнисть трубилъ въ рожокъ сигналъ. Эта неслышанная музыка, значенія которой никто не зналъ, вызывала на тротуары новыя группы любопытныхъ, и часть изъ нихъ становилась мишенью для разстрѣла, истиннымъ «пушечнымъ мясомъ»...

Какъ брали баррикады «правительственныя войска», и какъ ихъ защищали «инсургенты»? Лично я могу рассказать о «взятіи» одной баррикады, въ концѣ Арбата, близъ церкви Смоленской Божіей Матери. Это было 10-го декабря, утромъ. Я возвращался по Плющихѣ съ Дѣвичьяго поля, гдѣ какой-то агитаторъ, собравъ большую толпу слушателей, проповѣдывалъ о необходимости всеобщаго возстанія и просилъ «не скупиться жертвовать на оружіе». На Плющихѣ гурьба рабочихъ несла красное знамя и распѣвала «кто въ лѣсъ, кто по дрова» русскую «Марсельезу». Съ рабочими шло нѣсколько студентовъ и курсистокъ, возвращавшихся со сходки изъ Хамовниковъ.

Одинъ изъ студентовъ, высокій, тощій и въ очкахъ, дирижировалъ хоромъ, а двѣ барышни съ оживленными, идейно-вдохновенными лицами шли, взявъ подъ руки двоихъ фабричныхъ...

Къ мѣсту баррикады мы подошли въ полномъ спокойствіи. На баррикадѣ, по обыкновенію, не было ни души. Она стояла маленькая, кое-какъ сбитая, съ красной тряпочкой на коротенькомъ древкѣ... И вдругъ раздался крикъ, всколыхнувшій всѣхъ:

— Боевая дружина идетъ! Вотъ они!

— Гдѣ, гдѣ!? Которые!?

Мы такъ и бросились впередъ; я до сихъ поръ не имѣлъ случая наблюдать дружину въ дѣйствиі. И что же я увидалъ? Четверо малорослыхъ и худощавыхъ юношей, одинъ въ желтоватой курткѣ, другіе въ темныхъ пиджакахъ, выскочили откуда-то изъ переулка, двое изъ нихъ присѣли за баррикаду, протянули впередъ правыя руки,—и пафъ! пафъ!—мы услышали звуки револьверныхъ выстрѣловъ...

Что же значать выстрѣлы? Зачѣмъ? Въ кого?

— Въ драгунъ стрѣляютъ!—послышался чей-то сдавленный крикъ.

Я вскочилъ на крылечко и увидалъ, какъ вдали, по Арбату, человекъ шесть драгунъ мчались на лошадахъ, но не въ нашу сторону,

а отъ насъ... Солдаты легли во всю прыть и скоро скрылись въ глубинѣ улицы.

— Вотъ оно какъ: не нравится!—послышались голоса.—Боятся пульт-то!

— Вѣстимо, пугаются. Думаютъ, засада, а здѣсь никого и нѣтъ...

— Какъ нѣтъ? А боевая дружина?

— Которая? Погляди, гдѣ она!

— Эге, укатили, голубчики! И слѣдъ простыль.

Это ужъ относилось къ стрѣлявшимъ дружинникамъ. Они ловко и вдругъ исчезли, только пахло порохомъ, въ подтвержденіе того, что эту сцену мы видѣли наяву, а не въ своихъ грезахъ.

Толпа все увеличивалась; изъ домовъ валилъ народъ; шли дебаты, разспросы; кто-то хохоталъ; кто-то призывалъ имя Божіе....

— Эй, вы! московскіе обыватели!—грубымъ голосомъ произнесла рядомъ со мной рваная чуйка.—Вы вотъ что: расходитесь лучше....

— А что?

— Смотрите, какъ бы артиллерія не подсказала....

— Ёдетъ, ёдетъ!—закричали намъ съ Арбата:—вотъ она, и артиллерія!

Вдали что-то грохотало; такой грохотъ всегда производятъ пожарные поѣзда, когда они торопятся на мѣсто бѣдствія...

Чу! Что это? Въ воздухъ пронесся металлическій и печально-гармоничный звукъ... Вотъ еще и еще...

— Бѣгите! Прячьтесь! Сейчасъ пушки грянуть...

Всѣ бросились вразсыпную. Меня сбили съ крылечка, я упалъ на снѣгъ, но мгновенно вскочилъ и вмѣстѣ съ какими-то людьми подбѣжалъ къ желѣзнымъ воротамъ ближайшаго дома; ворота были заперты, но дворникъ — спасибо ему, доброму человѣку! — отперъ щеколду, и мы лавиной ворвались въ темный и загаженный дворъ московскаго зауряднаго и всегда антисанитарнаго дома. На улицѣ, помню, былъ шумъ и визгъ, — вдругъ все потонуло, исчезло въ ужасномъ грохотѣ; словно грозовая туча налетѣла, и громъ разразился прямо надъ нашей головой...

Это стрѣляли картечью въ баррикаду... и въ насъ! Около воротъ, гдѣ мы спрятались, неожиданно очутился какой-то старикъ. Ему кричали:

— Уходи! Куда ты вышелъ! Убьютъ! Эхъ, не слышитъ, глухой чурбанъ...

Новый залпъ — и мы кинулись, кто куда: нѣкоторые полѣзли въ сарай, на помойныя ямы и въ ретирадныя мѣста; я рѣшилъ войти въ первую квартирку, назвать свою настоящую фамилію, объяснить, что я газетный корреспондентъ и случайно попалъ въ политическую катавасію. Дверь, къ счастью, была не заперта, я очутился въ маленькой и грязной кухнѣ съ тараканами;

иду дальше,—крошечная столовая, дальше еще комнатка... Я, очевидно, попалъ къ бѣднякамъ и этому обрадовался: по крайней мѣрѣ, разспросовъ будетъ меньше и подозрѣній. Заглянувъ въ другую комнату, я увидалъ женщину съ ребенкомъ на рукахъ; она была блѣднѣе бѣлыхъ обоевъ на стѣнѣ и сильно дрожала; я сказалъ, что проходилъ мимо ихъ дома и попалъ подъ выстрѣлы; затѣмъ попросилъ дозволенія посидѣть въ ея комнатѣ.

— Я думала, что солдаты или казаки къ намъ идутъ!—отвѣчала женщина.—Перепугалась—смерть... Мужа нѣтъ, сына старшаго тоже нѣтъ, я одна съ младенцемъ... Вы раздѣньтесь, у насъ тепло.

Въ квартирѣ было, дѣйствительно, не холодно, и я только въ тотъ моментъ почувствовалъ, что очень назаябся на улицѣ. Я снялъ шубу, шапку и подумалъ:

— Если солдаты явятся сюда, я объясню, въ чемъ дѣло... Хотя, говорятъ, у нихъ судъ короткій...

Наружу становилось все шумнѣе: скоро застрекотали солдатскія винтовки. И какъ близко!

— Отойдите отъ окна!—сказала мнѣ изъ другой комнаты женщина.—Убьютъ, помилуй Богъ!

Я отошелъ и сѣлъ у печки. У меня начиналась нервная лихорадка.

Около часу сидѣлъ я въ чужой квартирѣ. Стрѣльба и крики наконецъ стихли. Я простился съ добродушной женщиной и вышелъ во дворъ. Тамъ стояло человекъ пятнадцать, все еще опасавшихся выйти на улицу. Они переговаривались вполголоса.

— Что, нельзя развѣ итти-то?—сказалъ я.

— Кому жизнь-то надоѣла?.. Выйдешь, а тебя—тово... Либо пулей, либо штыкомъ угостятъ...

Я подошелъ къ воротамъ... Господи, какое зрѣлище ожидало меня! Сквозь узоръ рѣшетки я увидалъ на тротуарѣ распростертое тѣло, а изъ-подъ него—темный и широкій слѣдъ крови. Тѣло было совершенно неподвижно, кровь замерзла, образовавъ на тротуарѣ черно-красную ленту...

— Это онъ, тотъ глухой старикъ!—вспомнилъ я.—Онъ вышелъ, ему кричали... я даже самъ крикнулъ ему: уходите скорѣе! Чѣмъ его убили?

— Богъ его разберетъ... Должно, картечью... А вонъ, глядите, баринъ: крыльцо-то на той сторонѣ... полюбуйтесть!

Я поглядѣлъ: ужасъ, ужасъ!—всѣ ступени крыльца были политы кровью... Точно опрокинули ведро съ красной краской...

Я бросился изъ воротъ и чуть не бѣгомъ пошелъ къ Арбату. Тамъ было пусто и жутко: баррикаду солдаты разметали; кругомъ было набросано множество битыхъ стеколъ, и я недоумѣвалъ, откуда они тамъ взялись. Стрѣльба слышалась вдали на Дмитровкѣ или у Тверской заставы; здѣсь путь мой былъ свободенъ; я шелъ быстро, нервно, жестикулировалъ руками, что-то говорилъ...

Дома въ тотъ день я не могъ ни пить, ни ѣсть; вѣроятно, всякій бы на моемъ мѣстѣ затруднился хлебнуть ложку супа или проглотить

кусокъ хлѣба: все въ моихъ глазахъ покрывалось кровью; мерещился несчастный, случайно подвернувшійся подъ выстрѣлъ старикъ; особенно запечатлѣлась въ моей памяти его худая сине-лиловая рука, лежавшая на бѣломъ снѣгу, неподвижная, судорожно искривленная и замерзшая...

Въ тотъ же день, т. е. 10 декабря, народъ, подзадориваемый дружинниками, проявлялъ свирѣпую жестокость по отношенію къ полицейскимъ чинамъ и военнымъ. Были случаи обезоруживанія и оскорбленія офицеровъ. Всѣ военные подчинялись требованію бушевавшей толпы и отдавали оружіе. Только одинъ офицеръ, проходившій по Тверской улицѣ, былъ также остановленъ на углу Глинищевского переулка, но отвѣтилъ дружинникамъ:

— Сабли своей и револьвера я не отдамъ. Пропустите, или буду стрѣлять!

На него набросились съ руганью, ударили, схватили за эполеты. Офицеръ вынулъ револьверъ и выстрѣлилъ,—второго заряда ему не удалось выпустить: въ храбраго и ни въ чемъ неповиннаго воина впились десятки рукъ и растерзали его на клочки...

Толпа, постепенно узнавая о канонадѣ артиллеріи, о тѣхъ страшныхъ результатахъ, которые наносила картечь, свирѣпѣла и спрашивала, какъ могъ генераль-губернаторъ предавать огню и штыкамъ мирное населеніе Москвы? Между тѣмъ, у генераль-губернатора въ аппаратахъ также происходила серьезная тревога: въ четвертомъ часу утра адмиралу Дубасову было доложено, что взорвано охранное отдѣленіе.

На другое утро я отправился опять бродить по Москвѣ, заѣхалъ въ магазинъ «Новаго Времени» и затѣмъ вмѣстѣ съ управляющимъ этимъ магазиномъ В. Ф. Саранчинымъ пошелъ на Тверскую. Оттуда я намѣревался пройти въ охранное отдѣленіе, но городовые насъ не пропустили, заявляя, что приказано отказывать всѣмъ: и военнымъ, и штатскимъ.

Тогда мы снова вышли на Тверскую, которая кишѣла народомъ; тутъ же толпа пьяныхъ кухарокъ, забастовавшихъ по общему правилу, орала и переругивалась со сторожами. Миновавъ эту несимпатичную группу, мы пошли къ памятнику Пушкина. Какъ разъ на площадкѣ возлѣ монумента г. Саранчинъ остановилъ меня и сказалъ:

— Драгуны ѣдутъ!

Я обернулся: съ Тверской улицы рысью выѣзжалъ на Страстную площадь отрядъ конныхъ драгунъ, подъ командой офицера. Мнѣ сразу бросилось въ глаза его лицо. Это былъ молодой человекъ лѣтъ 27, черноволосый, съ небольшой бородой и усами, очень блѣдный; его глаза глядѣли дико, губы были крѣпко сжаты; онъ ѣхалъ и правой рукой нѣсколько разъ полувывинчивалъ саблю, очевидно, пробуя, хорошо ли она ходитъ въ ножнахъ.

Остановившись против памятника Пушкину, офицеръ отрывисто далъ какую-то команду. Драгуны построились на три фронта: на Тверскую, вдоль по направленію къ Триумфальнымъ воротамъ, на Страстной бульваръ, по направленію къ ресторану «Эрмитажъ» и—къ памятнику, т.-е., другими словами, ко мнѣ, къ г. Саранчину и прочей публикѣ. Прежде, чѣмъ мы могли хоть что-нибудь сообразить, первый фронтъ приложился... затрещали винтовки... Я до того былъ пораженъ, что даже тогда, когда люди повалились на бѣгу, когда съ извозчичьихъ саней упалъ сѣдокъ, а потомъ свалился и извозчикъ, все не вѣрилъ въ истинную дѣйствительность безпримѣрной картины, развернувшейся передъ нашими глазами. Наконецъ... жуткое мгновеніе!—я увидаль, что солдаты берутъ ружья на прицѣлъ и рядъ дулъ уставился прямо въ нашу сторону—и только тогда чувство самосохраненія проснулось во мнѣ. Пора было спасаться!

— Скорѣй, бѣжимъ!—проговорилъ я растерявшемуся г. Саранчину, и мы побѣжали вдоль по Тверскому бульвару. Съ нами вмѣстѣ побѣжало все живое...

Сейчасъ же свистъ пуль надъ головой далъ понять, что дѣло началось... Я опередилъ моего компаньона, но меня, въ свою очередь, опередилъ какой-то полный господинъ въ пальто съ бобровымъ воротникомъ и бобровой шапкѣ; опередилъ и вдругъ, споткнувшись, упалъ...

— Вотъ не во время!—мелькнуло въ моей головѣ.—Солдаты его теперь догонять и...

Я помню, что, когда мы начали свой бѣгъ подъ пулями, на Тверскомъ бульварѣ было вообще много публики и публики самой обыкновенной: гуляли дѣти, няньки, на лавкахъ сидѣли мирные москвичи, курили, разговаривали, словомъ, было, какъ и въ былыя, «мирныя» времена. Какая-то барыня вела двухъ маленькихъ дѣвочекъ, одѣтыхъ въ бѣлые капоры и синія бархатныя шубки. Когда затрещали винтовки и всѣ кинулись бѣжать, барыня и одна дѣвочка упали.

— Убиты!—ужаснулся я.—Несчастныя!

Послѣ я съ радостью узналъ, что барыня и дѣвочки были только сбиты съ ногъ, но имъ удалось сейчасъ же подняться, выбѣжать съ бульвара и спрятаться въ чей-то лавкѣ или квартирѣ. Онѣ спаслись, но другіе... Увы, не всѣ были такъ счастливы, какъ барыня!

Я бѣжалъ, а кругомъ падали люди... Обернувшись, я увидаль г. Саранчина, совершенно выбившагося изъ силъ.

— Бѣжимъ влѣво!—сказалъ я ему.—Перелѣзайте за мной черезъ рѣшетку! На тротуаръ!

У насъ въ тотъ же часъ нашлись послѣдователи и подражатели. Перепрыгнувъ на проѣздъ бульвара, мы кинулись къ чьей-то

пустой квартирѣ. Она была заперта!—Насъ притиснули, чуть не раздавили... Позади раздался рыдающій голосъ женщины...

— Бей окна!—взревѣлъ кто-то, задыхаясь и хрипя.

Зазвенѣли стекла, затрещалъ замокъ, дверь распахнулась, мы очутились въ только что отдѣланной квартирѣ. Бѣгомъ, торопясь и тяжело дыша, мы вылѣзли черезъ черный ходъ на дворъ дома Яголковскаго. Тамъ было немало и другихъ укрывшихся отъ пуль людей, между прочими я увидаль въ толпѣ артиста Н. Н. Фигнера, который рассказывалъ, что не могъ проѣхать къ театру и спрятался во дворѣ, чтобы не быть убитымъ.

Въ домѣ Яголковскаго были также рѣшетчатые желѣзные ворота, выходящія на Тверской бульваръ.

Я поглядѣлъ въ нихъ,—новое терзаніе ожидало мои нервы! На томъ мѣстѣ, гдѣ меня обогналъ и потомъ споткнулся господинъ въ бобровой шапкѣ,—онъ же, этотъ несчастный, лежалъ неподвижно, ничкомъ. Какой-то смѣльчакъ изъ бѣгущихъ, остановившись, нагнулся, взялъ господина за руку, потомъ опять опустилъ.

— Что!? убить?—кричали изъ-за нашихъ воротъ.

— Пуля прямо въ затылокъ попала!—отвѣчалъ неизвѣстный и юркнулъ въ противоположную сторону.

Значить, эта пуля прошла мимо меня, можетъ быть, на вершокъ правѣе; я былъ буквально на волосокъ отъ смерти и думалъ, что опаснѣе момента еще никогда не переживалъ; злосключенія мои на Прѣснѣ вполнѣ доказали, что опасность на Тверскомъ бульварѣ была пустякомъ передъ другими, послѣдующими...

Часа четыре, пожалуй, сидѣли мы, пока не прекратилась пушечная канонада; только тогда рискнули мы выйти на проѣздъ Тверского бульвара... Да, чуть не забылъ рассказать, какая трагикомическая исторія разыгралась съ нами въ томъ же домѣ Яголковскаго. Не успѣли мы двухъ-трехъ минутъ побыть во дворѣ и отдохнуть на какихъ-то доскахъ (насъ вбѣжало челоуѣкъ двадцать, въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ, почти обезумѣвшихъ отъ ужаса; помню, одну мы едва привели въ себя, давъ ей проглотить нѣсколько комковъ снѣгу),—какъ внезапно къ намъ подошелъ субъектъ въ барашковой шапкѣ и пальто, рекомендовался управляющимъ домомъ и сказалъ:

— Какъ мнѣ ни прискорбно, господа, но я долженъ просить васъ очистить нашъ дворъ. Хозяинъ боится безпорядковъ. Вы вломились въ запертую дверь... Сюда могутъ зайти войска... Богъ знаетъ, что можетъ произойти...

Изъ насъ кто-то замѣтилъ, что отъ насъ безпорядковъ не будетъ, а если явится полиція, мы объяснимъ, что проходили по бульвару, попали подъ выстрѣлы и спрятались. Только и всего.

— А итти сейчасъ на улицу,—это значитъ сдѣлать изъ себя мишень для ружей и пушекъ!—объяснили всѣ управляющему.

— Ничего этого я обсуждать не стану, но дворъ прошу очистить!— стояль на своемъ тотъ.— Будьте добры, уходите!

Одинъ господинъ, до сихъ поръ молчавшій, спросилъ:

— А какъ вы насъ выпустите?

— А въ эти ворота! Право, тутъ нѣтъ опасности... Можно быстро перебѣжать бульваръ и очутиться на Бронной и потомъ возлѣ Патриаршихъ прудовъ; тамъ-то ужъ вы будете въ полной безопасности, господа!

— Ну, такъ вотъ,—возразилъ молчаливый господинъ:—вы, сударь, бѣгите первымъ! Если васъ не убьютъ, пока вы станете прыгать черезъ бульваръ, тогда и мы рискнемъ... Ну-съ, пожалуйста! Покажите свою ловкость!

Управляющій попятился.

— Я здѣсь живу, мнѣ нѣтъ надобности бѣжать черезъ бульваръ.

— А! вамъ незначѣмъ! Вы посылаете людей на вѣрную смерть да еще смѣетесь надъ нами: «быстро перебѣгайте бульваръ!» Вы и вашъ хозяинъ, оба полюбуйтеся, что дѣлается на Тверскомъ бульварѣ... тамъ кровь, мертвыя тѣла... Тамъ идетъ стрѣльба!..

— Прочь его! Убирайся!—крикнули нѣкоторые.—Этакіе живорѣзы, прости Господи!

Управляющій пожалъ плечами и удалился.

Когда мы вышли, были уже сумерки. Я нанялъ извозчика, попавшагося мнѣ на Бронной, и поѣхалъ домой. Я опять былъ страшно потрясенъ и разбитъ физически. И снова росли и множились мои недоумѣнія. Я до сихъ поръ отказываюсь понимать этотъ разстрѣлъ бульваровъ, гдѣ гуляла наимирнѣйшая обывательская публика. Стрѣльба вдоль Тверской хоть чѣмъ-нибудь оправдывается: близъ Англійскаго клуба стрѣляли въ военные патрули, стояла большая баррикада, и оттуда стрѣляли въ военные патрули. Что касается Тверского и Страстного бульваровъ, то, насколько извѣстно, тамъ боевая дружина въ этотъ день не оперировала. Самое присутствіе гуляющихъ дѣтей давало опредѣленіе характера публики.

Есть холодныя и спокойныя разъясненія всякимъ ужасамъ жизни. Мнѣ очень легко возразить, что подавленіе бунта—штука всегда страшная, облитая, подчасъ, и невинной кровью, но что все это приносится въ жертву восстановленію порядка. Нельзя же, вступая въ борьбу съ многочисленнымъ врагомъ, стрѣлять холостыми зарядами и рубить саблями плашмя, когда въ солдатъ кидаютъ бомбы и подстрѣливаютъ изъ-за угла браунингами. Если картечь, направленная во врага существующаго порядка вещей, кладетъ на мѣстѣ самыхъ консервативныхъ жителей, случайно подвернувшихся подъ пули,—это печально, но неизбѣжно!

Такъ говорить холодный умъ... Отчего же трепещетъ и протестуетъ сердце? Отчего душа «какимъ-то горемъ сжата», и въ головѣ вовсе не успокоительно, а мучительно отдается грохотъ пушекъ?

Въ свою очередь, противъ спокойствія мирныхъ обывателей, на горе его истерзаннымъ нервамъ, забастовщики и дружинники—это слѣпое орудіе агитаторовъ и враговъ русской страны—усугубляли ужасы жизни. Ихъ браунинги не давали покою ни днемъ, ни ночью; они разграбили оружейный магазинъ Торбека и Тарнопольскаго, убивали жандармовъ, городовыхъ, стрѣляли изъ-за угла въ отряды войскъ. Озлобленные солдаты, не разбирая ни правыхъ, ни виноватыхъ, стрѣляли во всякую группу людей, съ оружіемъ или безъ оружія. И результаты получились чудовищные: всѣ больницы были переполнены ранеными, полицейскіе участки завалены трупами.

Съ 10-го по 11-е декабря много баррикадъ было разрушено,— а 12-го декабря онѣ ужь опять красовались на прежнихъ мѣстахъ. Забастовщики и добровольцы, дѣйствовавшіе не въ силу политическихъ убѣжденій, а во имя озорства, работали въ ночь съ 11-го на 12-е декабря. Я видѣлъ эту рабту самъ, предпринявъ ночное путешествіе къ мѣстности, гдѣ находились старыя, заброшенныя зданія арестантскихъ ротъ. На Новинскомъ бульварѣ, при слабомъ мерцаніи звѣздъ было итти затруднительно, приходилось все время держать вытянутой впередъ палку и махать ею передъ собой; это была единственная гарантія не наткнуться на протянутыя проволоки. Поминутно палка задѣвала за загражденія. Осторожно идя, я наступилъ на что-то твердое. Нагибаюсь—револьверъ системы Ногана! Я взялъ его, спряталъ въ карманъ и пошелъ дальше... Поднявъ глаза къ звѣздамъ, я невольно залюбовался ими. Только тамъ, въ небесахъ, было, какъ всегда, покойно и мирно... Не то было здѣсь, на землѣ!

Въ это время послышались голоса. Вдали шевелились какія-то фигуры, что-то трещало, затѣмъ раздался стукъ молотка. Кто бы это могъ быть? Любопытства ради, я сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ впередъ. Меня окликнули:

— Кто идетъ?

— Прохожій,—отвѣчалъ я, подходя еще ближе.

Оказывается, какіе-то рабочіе восстанавливали баррикаду.

— Можно пройти черезъ Кудринскую площадь на Садовую?—спросилъ я.

— А кто его знаетъ... Не совѣтуемъ, тамъ патрули ѣздятъ... казаки, драгуны... Ну, ребята, тяни проволоку! Вотъ такъ! Готово...

Я пошелъ обратно, вновь размахивая палкой и поминутно натываясь то на обломокъ лѣстницы, то на срубленный столбъ фонаря, то на какой-нибудь трехногій столъ, взятый для баррикады... Хотѣлъ было я пробраться на Прѣсню, но оттуда доносился грохотъ пушекъ, а Девятинскій переулокъ глядѣлъ черной могилой и, казалось, ждалъ свою жертву...

Я рѣшилъ вернуться домой—съ «трофеемъ», найденнымъ револьверомъ Ногана, у котораго, впрочемъ, какъ послѣ выяснилось, былъ попорченъ весь механизмъ.

Вечеромъ 12 декабря стало извѣстно, что комитетъ социаль-демократической партіи, не раздѣлявшій идеи вооруженнаго возстанія и отстаивавшій только забастовку, отказался отъ вѣдѣнія дѣлами и организацію борьбы передалъ социалистамъ-революціонерамъ. Что было причиной такого отступленія, несомнѣнно, подорвавшего устойчивость забастовщиковъ, я точно не знаю. Думаю, что болѣе разумные «эсъ-дэки» поняли безцѣльность борьбы и неподготовленность революціонеровъ. По прежнимъ предположеніямъ крайнихъ лѣвыхъ, достаточно распропагандированныя войска должны были не только не стрѣлять въ народъ, но и выступить за бунтовщиковъ. По плану «кампаніи», первыми отпасть отъ правительства должны были солдаты въ Спасскихъ казармахъ, гдѣ находилась и пулеметная рота. Мы знаемъ, чѣмъ кончилось это солдатское неповиновеніе: твердость командира полка г. Симанскаго и находчивость унтеръ-офицеровъ пулеметной роты дали исходъ дѣлу, и полкъ покаялся и выдалъ нѣкоторыхъ зачинщиковъ бунта (главари, конечно, бѣжали!). Взбунтовавшіеся солдаты, квартирующие въ Спасскихъ казармахъ, должны были—по плану заговорщиковъ—увлечь на возстаніе и другія войсковыя части московскаго гарнизона. Тогда Москва была бы въ рукахъ революціонеровъ. Положено было взорвать Николаевскій вокзалъ, взять всѣ суммы изъ отдѣленія Государственнаго банка и изъ казначейства. Все это главари забастовщиковъ хотѣли пріобрѣсти силою штыковъ; когда же это не удалось, и штыки направились на бунтующихъ, то сразу выяснилось, что «армія» революціонеровъ — просто несуразное скопище рабочихъ, учащейся молодежи и даже мальчишекъ. Къ этому времени была сожжена типографія Сытина, гдѣ ютились дружинники, убито много фабричныхъ, арестовано множество подозрительныхъ лицъ. Эти событія заставили социаль-демократовъ бѣжать съ арены битвы. Социалисты-революціонеры, какъ люди крайностей, идущіе противъ царя и даже не имѣющіе его въ головѣ, продолжали шаткое дѣло возстанія...

Между тѣмъ, генераль-губернаторъ, получая донесенія о всѣхъ московскихъ событіяхъ и узнавъ, что войска остаются легкими побѣдителями (отъ Николаевскаго вокзала семитысячная толпа бѣжала отъ двухъ залповъ отряда, командуемаго полковникомъ Симанскимъ; на Миусахъ были разсѣяны всѣ отряды забастовщиковъ; у Тверской заставы перестрѣляли всѣхъ защитниковъ баррикады и т. д.), и что остатки революціонеровъ бѣжали на Прѣсню и тамъ укрѣпились на фабрикахъ Шмидта, Прохорова и Мамонтова, созвалъ военный совѣтъ.

Плохо зная Москву, генераль-губернаторъ пригласилъ къ себѣ не только начальниковъ, отдѣльныхъ частей войскъ но и приставовъ разныхъ участковъ Прѣсенской части, чтобы отъ нихъ, какъ знакомыхъ съ мѣстностью и ея населеніемъ, услышать какое-либо полезное указаніе или разумную поправку плана военныхъ. Но Ѳ. В.

Дубасовъ напрасно рассчитывалъ на мудрость московскихъ полицейскихъ. Они оказались тѣмъ, чѣмъ были всегда: ничтожными спицами въ административной колесницѣ, заботившимися только о своемъ довольствѣ и покоѣ, малодушными и растерявшимися до смѣшного людьми...

Генераль-губернаторъ задалъ всѣмъ такой вопросъ:

— Какимъ образомъ нанести послѣдній ударъ бунтарямъ и какъ захватить ихъ всѣхъ, чтобы покончить съ остатками боевыхъ дружинъ?

Начальники войсковыхъ частей сошлись на томъ, что слѣдуетъ окружить съ трехъ сторонъ районъ города, въ который входятъ Большая Прѣсна, Средняя Прѣсна, Нижне-Прудовая улица, Глубокій и Нижне-Прѣсенскій переулки, вся зазаставная часть, гдѣ расположены лѣсные склады и лавки, фабрика Мамонтова, берегъ Москвы-рѣки съ громадными зданіями Прохоровской мануфактуры—главнымъ оплотомъ революціонеровъ—и, наконецъ, фабрика мебельныхъ издѣлій Шмидта, расположенная близъ Горбатаго моста; эта послѣдняя, по полицейскимъ свѣдѣніямъ, также являлась оплотомъ боевыхъ дружинъ и складомъ оружія (НВ. Самъ фабрикантъ Шмидтъ, молодой человекъ, котораго обвиняли въ пособничествѣ революціи, давно сидѣлъ въ тюрьмѣ и тамъ, въ концѣ концовъ, въ отчаяніи перерѣзалъ себѣ горло осколкомъ стекла)....

Окруживъ съ трехъ сторонъ, вплоть до Москвы-рѣки, означенный районъ, солдаты и артиллерія могли обстрѣлять всѣ пункты, гдѣ засѣли забастовщики-дружинники. Если бы послѣдніе попытались бѣжать черезъ рѣку, на тотъ берегъ, гдѣ расположенъ Трехгорный пивоваренный заводъ, огороды и Дорогомиловская слобода, солдаты могли подвергнуть убійственному огню винтовокъ всѣхъ смѣльчаковъ, рискнувшихъ на такое бѣгство...

Генераль-губернаторъ не могъ не одобрить этого плана, но онъ не зналъ, что такое—Прѣсна, Нижняя Прудовая, Малая Грузинская и прочія улицы. Ему желательно было слышать отъ мѣстныхъ участковыхъ приставовъ характеристику мѣстности, ея обитателей, строеній и т. п. Вотъ почему на высокое собраніе генераловъ, полковниковъ и прочаго офицерства попали два или три полицейскихъ пристава. Немедленно оказалось, что это сани не для нихъ!

— Скажите,—обратился къ одному изъ приставовъ Ѳ. В. Дубасовъ:—вѣдь на прѣсенскихъ и ближнихъ къ нимъ улицахъ не все же одни революціонеры, тамъ есть мѣстные жители, изъ нихъ много семейныхъ, съ женами и дѣтьми?

Спрашиваемый до того растерялся, что, вставъ и вытянувъ руки по швамъ, долго «блѣ глазами» всеильнаго владыку и, наконецъ, со слезами въ голосѣ, пролепеталъ, заикаясь:

— Такъ точно, ваше высокопревосходительство, тамъ есть и семейные, и у нихъ есть дѣти-съ...много дѣтей-съ... маленькихъ-съ дѣточекъ-съ.

Удивленный такимъ исключительнымъ смущеніемъ, генераль-губернаторъ продолжалъ:

— Ну, вотъ видите! Это надо принять во вниманіе. Нельзя же стрѣлять въ дѣтей. Вотъ вы, г. приставъ, и скажите намъ, какъ знатокъ мѣстности, не знаете ли вы, какъ намъ успѣшно выполнить нашу задачу и въ то же время не подвергать не замѣшанныхъ въ бунтъ лицъ и ихъ семействъ разстрѣлу и истребленію?

— Не могу знать, ваше высокопревосходительство!—чистосердечно и чуть не плача отвѣчалъ, трясясь, какъ осиновый листъ, приставъ.

Всѣ военные были поражены такимъ отвѣтомъ. Вѣдь кто такъ отвѣчалъ: полицейскій начальникъ участка, также отчасти «воинъ»! Самъ генераль-губернаторъ не нашелъ болѣе возможнымъ говорить съ испуганнымъ полицейскимъ чиномъ и обратился къ другому приставу:

— Ну, а вы не можете ли дать намъ характеристику жителей Прѣсни, а также не найдете ли что присовѣтовать и добавить къ нашимъ взглядамъ?

— Я нахожу, ваше высокопревосходительство, что планъ атаки на Прѣсню совершенно хорошъ,—далъ отвѣтъ спрошенный, вскакивая и также «въѣдаясь» въ лицо вице-адмирала.

Этотъ приставъ былъ, какъ будто, похрабрѣе и отвѣчалъ скоро, безъ запинокъ.

— Вы намъ про обитателей-то расскажите. Что это за люди?

— Всѣ мерзавцы, ваше, высокопревосходительство!—еще быстрѣе отвѣчалъ приставъ.—Всѣхъ перестрѣлять стоитъ!! Поголовно-съ!!!

— Вотъ какъ? Гмъ!

Генераль-губернаторъ переглянулся съ другими военными, пожалъ плечами и, кажется, болѣе съ полицейскими приставами ужъ не совѣтовался, а отпустилъ ихъ во-свояси, съ наказомъ быть наготовѣ къ извѣстному времени. Это «извѣстное время», т. е. «атака на Прѣсню», по счастливому выраженію пристава, и самое «взятіе Прѣсни», назначалось рано утромъ, 17 декабря.

Всю эту сцену совѣщанія у генераль-губернатора я передаю по рассказамъ лицъ, въ искренности и правдивости которыхъ я не имѣю данныхъ сомнѣваться. Возможно, что въ деталяхъ сцены есть разница, фразы мною изложены, можетъ быть, не совсѣмъ точно, но суть дѣла передана вполне вѣрно.

Отвѣты приставовъ генераль-губернатору даютъ прекрасное понятіе, что за люди служили тогда въ полиціи. Одинъ— жалкій, растерявшійся, простой и, вѣроятно, добрый человекъ, но отнюдь не представитель полиціи, обязанность котораго не только охранять порядокъ, но и предупреждать безпорядки.

Другой— олицетворенная тупость, сквозь которую только и свѣтится желаніе угодить начальству. Приходится припоминать

былыя сѣтованія московскаго оберъ-полицеймейстера Власовскаго, который говорилъ:

— Воровство, взяточничество и неумѣлая служба полицейскихъ чиновниковъ будетъ до тѣхъ поръ, пока изъ полиціи не изгонять бурбонство и невѣжество! Дайте мнѣ образованныхъ людей въ околоточные и пристава, и все приметъ видъ порядочности и умѣлаго исполненія своего долга!

Власовскій изгналъ массу мздоимцевъ изъ участковъ, но второго своего желанія осуществить не могъ и не успѣлъ. Полиція города Москвы въ страшный 1905 годъ представляла собою именно ту клоаку, для которой грозой являлся полковникъ Власовскій. Эта полиція теперь оказалась тупа, бездарна, непредусмотрительна; обыватели ее ненавидѣли и презирали; такая полиція не могла охранить Москву не только отъ вредныхъ забастовокъ и забастовщиковъ, но даже передъ простыми хулиганами она пасовала и ступшеывалась.

13-го, 14-го, 15-го и 16-го декабря въ Москвѣ была не жизнь, а прямой адъ. Выстрѣлы не прекращались. То здѣсь, то тамъ происходили стычки солдатъ съ толпой, кончавшіяся одинаково: бѣгствомъ толпы и болѣе или менѣе мѣткимъ разстрѣломъ бѣгущихъ. Кровью были обрызганы чуть ли не каждая изъ московскихъ улицъ. Артиллерія громила всѣ дома, изъ которыхъ по войскамъ производились выстрѣлы. Помоему, эта мѣра была безмысленна: въ инныя квартиры силой входили какія-то личности, нелѣпо стрѣляли изъ форточекъ, неукоснительно затѣмъ скрывались, а злосчастные квартиранты потомъ становились мишенью картечи и пуль.

Вотъ яркій примѣръ одного изъ неудачныхъ распоряженій артиллерійскихъ руководителей. Въ домѣ Романова на Тверскомъ бульварѣ, въ квартирѣ третьяго или четвертаго этажа помѣщалась лечебница зубного врача съ еврейской фамиліей. Полиція донесла войсковымъ начальникамъ, что въ этой квартирѣ—санитарная станція революціонеровъ. Но и зубной врачъ имѣлъ нюхъ: онъ вдругъ съѣхалъ съ этой квартиры, и она дня три стояла пустою...

И вотъ появляется у Никитскихъ воротъ артиллерія, наводитъ пушки на домъ Романова— и въ пустую квартиру полетѣли снаряды, пробивая цѣлыя бреши въ толстыхъ каменныхъ стѣнахъ и коверкая квартиру внутри...

Въ этотъ моментъ я находился у Н. П. Шубинскаго, въ его домѣ на Тверскомъ бульварѣ. Я зашелъ провѣдать, что новаго въ городской думѣ и въ судѣ. Кажется, мы сидѣли и завтракали... вдругъ отъ страшнаго грохота потряслось все кругомъ, задребезжала посуда, окна, заскрипѣли двери. Н. П. Шубинскій, его супруга, извѣстная артистка М. Н. Ермолова, и другія лица удалились внутрь

квартиры, а я съ присяжнымъ повѣреннымъ Л—вымъ пошелъ внизъ, въ большую залу, стараясь изъ оконъ увидать, гдѣ происходитъ пальба. Я думалъ, что разбиваютъ баррикаду на Большой Бронной, но это именно громили домъ Романова. Кромѣ выстрѣловъ изъ пушекъ, слышалась «жарня» винтовокъ. По проѣзду Тверского бульвара то и дѣло мчались драгуны. Посторонней публики тамъ не было...

Когда все кончилось, успокоилось, мы вышли и увидали пробитыя стѣны въ домѣ Романова. Тротуаръ былъ облитъ кровью... Возлѣ Большой Никитской я замѣтилъ лежавшихъ людей. Какіе-то мужики въ дубленыхъ полушубкахъ (это были, вѣроятно, переодѣтые городовые) поднимали лежавшихъ и потомъ повезли ихъ на двухъ извозчикахъ по направленію къ Кудрину. Воздухъ былъ наполненъ пороховымъ чадомъ. Трагедія какъ бы еще витала возлѣ насъ, а ужъ масса любопытныхъ высыпала отовсюду и съ ужасомъ озиралась вокругъ...

Такому же разстрѣлу подверглись многіе дома въ Москвѣ: домъ Шикъ въ Каретномъ ряду, домъ Коровина, Рубана и проч. Революціонеры продолжали свою тактику: стрѣляя изъ-за угла, они потомъ немедленно исчезали, а солдатскія пули летѣли въ другихъ москвичей, проклинаящихъ и бунтовщиковъ, и охранителей и желающихъ провалиться сквозъ землю и браунингамъ, и пушкамъ... Къ этому замѣчу, что Москва, лишенная телефона, телеграфа, почты, газетъ, газа и электричества, ровно ничего не знала, что въ ней самой творится. Вотъ почему создавались невѣроятныя легенды и рассказывались всякія басни. Какъ разъ въ квартирѣ г. Шубинскаго происходилъ именно такой любопытный разговоръ: явился одинъ изъ его помощниковъ и на жадные вопросы, что слышно новенькаго, отвѣчалъ:

— Правительственныя войска отступаютъ, окраины въ рукахъ инсургентовъ!

Н. П. Шубинскій только разсмѣялся и рукой махнулъ.

Я немедленно описалъ бомбардировку дома Романова и отправился на Николаевскій вокзалъ, чтобы сдать письмо въ почтовый вагонъ. Николаевская желѣзная дорога возстановила нѣкоторое движеніе, и можно было отсылать хоть письма. По дорогѣ меня дважды обыскивали казаки и драгуны, крича: «Руки вверхъ!» затѣмъ допрашивали, приблизительно, въ такомъ стилѣ:

— Ты кто такой? Куда идешь? Зачѣмъ? Прикажете, ваше благородіе, взять его подъ арестъ или пуцать? Ну, проваливай... и т. п.

Съ трудомъ проникъ я на вокзалъ и сдалъ письмо. Не могу не упомянуть, что эта корреспонденція, предвзначавшаяся для «Новаго Времени», какъ и многія другія, не дошла до Петербурга и въ

редакцію не была доставлена... Посчастливилось одной статьѣ — о боѣ на Прѣснѣ, которая благополучно переправилась въ Эртелевъ переулочекъ и была напечатана.

Перехожу къ послѣднему и главному событію — прѣсененской баталіи, близкимъ свидѣтелемъ которой я сдѣлался въ силу стеченія обстоятельствъ.

Наканунѣ ужаснаго дня, т. е. 16 декабря, я получилъ свѣдѣнія, что войска хотять разгромить мебельную фабрику Шмидта у Горбатаго моста. Говорили, что на этой фабрикѣ укрѣпилась боевая дружина и хотеть дать отпоръ солдатамъ Мина. Тогда, несмотря на опасность, я рѣшился вечеромъ отправиться на фабрику Шмидта и поглядѣть, что тамъ дѣлается. Конечно, во мнѣ прежде всего говорилъ корреспондентъ. Я ужасно желалъ «поинтервьюировать» членовъ боевой организациі и безъ всякой тенденціи описать эту сцену возможно проще и живѣе. Почему я рѣшилъ отправиться вечеромъ? А вотъ почему. Днемъ по Москвѣ разѣзжали казаки и драгуны, шныряли переодѣтые городовые и околоточные. Можно было нарваться на пулю, саблю или—минимумъ непріятности—грубое оскорбленіе словами. Съ вечера окраины города освобождались отъ этой «опасной охраны», всѣ войска стягивались къ дому генераль-губернатора, отдѣленію государственнаго банка, казначейству, Кремлю и т. д. И хотя итти было трудно, но я все-таки добрался до Горбатаго моста.

Тамъ меня неожиданно остановили люди въ папахахъ. Вотъ они, «инсургенты»-то!—подумалъ я.

— Кто такой? Куда идете ночью?

Я отвѣчалъ, что живу въ Верхнемъ Предтеченскомъ переулкѣ, въ домѣ такомъ-то и пробираюсь домой (это былъ адресъ моихъ знакомыхъ)..

— Ну, если здѣшній, то идите...

— А вы кто будете, господа?—спросилъ и я.

Неизвѣстные (ихъ было человекъ десять) помолчали, потомъ кто-то сказалъ:

— И мы тоже здѣшніе. Иди, баринъ, не бойся!

— Ужъ вы не боевая ли дружина?

— Вродѣ этого...

Я было приступилъ къ разспросамъ, для чего здѣсь стоитъ «дружина», кто ее поставилъ, не ожидается ли сраженія и т. д. Но молодые люди въ папахахъ не были склонны къ разговорамъ.

— Приказано намъ стоять, вотъ и стоимъ!—говорили они.—Насчетъ сраженія ничего не знаемъ...

Я пошелъ дальше и приблизился къ обширному зданію фабрики Шмидта. Надо замѣтить, что огромная площадь земли, принадлежа-

щяя Шмидтамъ, дѣлилась на двѣ части: направо, въ болѣе обширной находились фабричныя корпуса и хранилища драгоцѣннаго дерева и готовой мебели; налево стоялъ домъ матери фабриканта Шмидта, никакого участія въ фабричномъ дѣлѣ сына не принимавшей. Мнѣ рассказывали, что г-жа Шмидтъ, не раздѣляя политическихъ воззрѣній сына, будто бы дававшая деньги на освободительное движеніе, совершенно отмежевалась отъ фабрики и жила въ своемъ домѣ, такъ сказать, «сама по себѣ».

У высокихъ воротъ дома никого не было, а у воротъ, ведущихъ на фабрику, я увидаль двухъ сторожей въ овчинныхъ тулупахъ. Они сидѣли на лавкѣ и о чемъ-то бесѣдовали. Я подошелъ и сталъ спрашивать, каковы дѣла на фабрикѣ.

— Каковы дѣла?—отвѣтилъ сторожъ.—Никакихъ дѣлъ нѣтъ. Какъ барина взяли въ тюрьму, фабрика не работаетъ.

— А гдѣ же ваши фабричныя рабочіе?

— Всѣ до одинаго разошлись; кто на родину отбылъ, кто на другую фабрику поступилъ...

— Значитъ, сейчасъ фабрика пустая?

— Только мы двое, съ женами и дѣтьми, да изрѣдка управляющій заходитъ...

— Вотъ тебѣ разъ! А про вашу фабрику говорятъ, что, будто бы, въ ней складъ оружія и тутъ засѣли забастовщики, и еще говорятъ, что солдатамъ приказано въ васъ стрѣлять...

Сторожа засмѣялись.

— Какое тамъ оружіе! Какіе забастовщики! Ни синь пороха нѣтъ. А вотъ насчетъ стрѣльбы—тоже пустяки. Зачѣмъ въ насъ стрѣлять? Правда, слышали мы, что будетъ обыскъ, ну, вотъ, и могутъ приходиться обыскивать. Только что искать, коли ничего нѣтъ?

— А въ томъ домѣ кто живетъ?

— Старая барыня жила, а какъ начались тутъ безобразія, открылась эта самая стрѣльба, она и уѣхала отсюда...

Я рассказалъ о встрѣчѣ съ неизвѣстными и спросилъ, кто это такіе.

— Да кому же больше, какъ не фабричныя ребята съ Прохоровской мануфактуры!—отвѣчали сторожа.—Они тутъ всегда шмыгаютъ, высокія шапки на себя надѣли, всѣхъ опрашиваютъ, бахвалятся, леворверты показываютъ... Болтаютъ, что они и Войлочникова ухлопали (полицейскій Войлочниковъ выслѣживалъ и выдавалъ революціонеровъ; 14 декабря дружинники пришли къ нему на квартиру, вывели на улицу и, несмотря на мольбы жены Войлочникова и дѣтей, убили его изъ револьверовъ)...

Въ верхнемъ Предтеченскомъ переулкѣ жили мои знакомые. Я пошелъ къ нимъ (ихъ домъ былъ неподалеку отъ шмидтовской фабрики), еле достучался въ ворота и нашель обитателей всего дома въ ужасѣ и предчувствіи катастрофы. Мнѣ рассказали, что здѣсь

пули летаютъ черезъ дворъ, того и гляди, залетитъ снарядъ и взорвется, а что еще хуже—явятся казаки съ полиціей и сожгутъ самый домъ. Въ этомъ районѣ ждали почему-то поджоговъ и боялись какъ дружинниковъ, такъ и полицейскихъ.

— Всѣ хороши!—говорили мои знакомые.—Революціонеры грозятъ убить за запертыя ворота, солдаты стрѣляютъ въ окна и по людямъ, не разбирая ни пола, ни возраста. Просто выйти страшно! Вотъ дожили во истину до «красныхъ» деньковъ!

Пока шли эти наши разговоры, сопровождаемые по московскому обряду чаепитіемъ, изъ кухни явилась кухарка и доложила, что на Горбатовъ мосту «неладно»: застрѣлили какихъ-то прохожихъ, и что стрѣляютъ съ каланчи Прѣсенской части, никому не даютъ прохода.

— Какъ мнѣ-то теперь итти—замѣтилъ я.—Мнѣ вѣдь дорога только одна—черезъ Горбатый мостъ. А по Большой Прѣснѣ и черезъ Кудрино—еще опаснѣе...

— Мы васъ не пустимъ!—отвѣчали знакомые.—Господь съ вами, куда въ такую тьму итти... Вотъ завтра утромъ и пройдетъ...

Пришлось остаться. Было ужъ поздно: 12 часовъ ночи. Мнѣ отвели небольшую комнату, я зажегъ свѣчку и сталъ заносить въ записную книжечку всѣ впечатлѣнія дня. Часа полтора или два писалъ я. Потомъ легъ, но долго не могъ заснуть. По московской примѣтѣ, «на новомъ мѣстѣ» всегда въ первый разъ плохо спится. Наконецъ я уснулъ... но сонъ мой былъ недологъ!

Страшный грохотъ, потрясшій деревянный домикъ моихъ знакомыхъ, сразу поднялъ всѣхъ на ноги. Одинъ громовый ударъ, другой.. все колыхалось, на чердакѣ что-то трещало, на головы сыпалась земля...

— Что это, что это?—послышались голоса..

— Пушки!—сразу узналъ я.—Бомбардировка!

Въ эту минуту въ ворота и въ калитку, ведущую на дворъ и насадникъ церкви Іоанна Предтечи, раздался стукъ и крикъ многихъ голосовъ:

— Отворите! Пустите, Бога ради!

Мы быстро одѣлись, побѣжали во дворъ. Ворота и калитка отворились, и масса людей—взрослыхъ, подростковъ и ребятишекъ—хлынула къ намъ.

Все небо было озарено заревомъ пожара со стороны Большой Прѣсни.

— Что такое? Откуда вы?

— Ахъ, пріютите! Мы съ Прѣсни... Насъ подняли ночью и велѣли уходить, пока есть возможность... Тамъ ужъ стрѣляютъ изъ пушекъ и жгутъ дома! Всю Прѣснию, говорятъ, выжгутъ! Насилу мы черезъ дорогу перебѣжали... Чего добраго, сюда придуть съ пушками?

— Этого быть не можетъ!—успокаивали мы плачущихъ женщинъ и дѣтей.

Пришлось пріютить всѣхъ. Домъ переполнился временными жильцами. У моихъ знакомыхъ по всѣмъ комнатамъ наложили матрацевъ, сѣна, взрослые легли не раздѣваясь, а на лучшія постели уложили дѣтвору. Я пошелъ въ кухню—и тамъ отовсюду на меня глядѣли дѣтскія головы, вытаращенные дѣтскіе глазенки...

Бѣглецы сообщали, что на Прѣснѣ революціонеры стрѣляли изъ дома Купчинскаго. Ихъ оттуда выгнали картечью. Подожжены еще два дома, откуда также стрѣляли забастовщики. Я и мои знакомые, уступивъ и кровати, и одѣяла, и подушки маленькимъ гражданамъ потрясенной страны, условились вовсе не ложиться спать. Одѣвшись въ шубы, мы вышли на дворъ—и сразу попали въ атмосферу неслыханныхъ ужасовъ.

Надъ нашими головами съ особымъ гуломъ и шипѣніемъ летѣли артиллерійскіе снаряды. Грохотъ пушекъ былъ непрерывный, оглушающій. Зарево на Прѣснѣ освѣщало насъ съ одной стороны,—вдругъ новый снопъ пламени взвивался въ воздухъ и при этомъ очень близко отъ нашего дома. Залпъ пушекъ, еще, еще—и пламя реветъ, усиливается, разливается рѣкой...

— Это горитъ фабрика Шмидта!—рѣшаетъ хозяйка дома, также одѣтая въ шубейку и вышедшая изъ своей, биткомъ набитой людьми квартиры.

Я влѣзъ на пожарную лѣстницу.

Такъ и есть! Снарядами бомбардировали фабрику... Чтобы лучше видѣть, я вышелъ, несмотря на сопротивленіе знакомыхъ, за ворота, спустился по переулку и увидалъ фабрику: пылали ея деревянные сараи съ разнымъ сухимъ и дорогимъ деревомъ; тамъ были палисандръ, мореный дубъ, американскій орѣхъ, бѣлый кленъ, розовое и красное дерево... все это столярное богатство пожиралъ огонь!

Фабрика, всѣ ея корпуса, а также и домъ г-жи Шмидтъ подвергались обстрѣлу. И всѣ эти зданія были безмолвны и не подавали никакихъ признаковъ жизни. Полагаю, что два сторожа и ихъ семьи при первомъ же залпѣ бѣжали безъ оглядки къ сосѣдямъ, въ домъ Базыкина или на брезентную фабрику (она осталась нетронутой), а можетъ быть—легли на мѣстѣ и потомъ сгорѣли въ воющемъ морѣ пламени...

Канонада началась, кажется, часовъ съ 4 или 5 утра. И чѣмъ дальше, тѣмъ грохотъ усиливался, пламя все увеличивалось, ревъ его принималъ зловѣщій характеръ. Снаряды летѣли изъ Десятинскаго переулка,—тамъ, очевидно, основала свою «базу» артиллерія.

Къ двумъ гигантскимъ кострамъ скоро присоединился третій: отъ снарядовъ загорѣлась лаковая фабрика Мамонтова. Въ эту фабрику и въ корпуса Прохоровской мануфактуры стрѣляла другая артиллерія, со стороны Ходынскаго поля. Дѣйствія этихъ ходын-

скихъ пушекъ мы, конечно, не видали, но очень хорошо разглядѣли разрушеніе фабрики Шмидта снарядами изъ Девятинскаго переулка...

Я въ первый разъ услышалъ пальбу пулеметовъ: тра-та-та-та-та! тра-та-та-та-та!!! Гранаты, начиненныя свинцовыми четырехугольными пулями, летѣли въ воздухъ, они производили ужасное впечатлѣніе: сама смерть пронеслась надъ головами!

Вернувшись къ моимъ знакомымъ, я въ то время плохо понималъ, какой опасности я подвергался. Послѣ оказалось, что картечь поминутно попадала и въ нашъ переулокъ. Даже на дворѣ было опасно: граната могла угодить именно къ намъ; самый домикъ не представлялъ твердой защиты, онъ могъ вспыхнуть отъ перваго снаряда...

Была и еще одна серьезная опасность!

— Что, если солдаты зайдутъ въ мой домъ и увидятъ такую бездну народа?—спросила меня хозяйка дома.—Вѣдь они могутъ всѣхъ перестрѣлять, да и насъ тоже...

Слава Богу, этого не случилось! Такого распоряженія Минъ не сдѣлалъ...

Ночь прошла; но и утро не принесло намъ радости; бомбардировка продолжалась, дома и фабрики кругомъ насъ горѣли, заволакивая все небо чернымъ дымомъ. Въ 11 ч. утра я рѣшилъ во что бы то ни стало пробраться домой, чтобы сейчасъ же все описать и отвезти корреспонденцію на Николаевскій вокзалъ. И я вышелъ, хотя всѣ пробовали держать меня прямо за руки и сулить всякія бѣды отъ моей попытки. Но я не послушался—и, дѣйствительно, едва не распрощался съ жизнью!

Вотъ что случилось.

Сначала я хотѣлъ пройти по Нижне-Прудовой улицѣ—къ Прѣсенскому мосту и потомъ къ Кудрину, а тамъ какъ-нибудь дойти и до Малаго Толстовскаго переулка. Не тутъ-то было! По Нижне-Прудовой улицѣ шла продольная стрѣльба: всякаго, кто показывался изъ переулковъ, ждала вѣрная смерть.

— Назадъ! Назадъ!—кричали мнѣ изъ чьихъ-то воротъ, и я принужденъ былъ подняться опять къ церкви Иоанна Предтечи, гдѣ находился домикъ моихъ знакомыхъ.

Тогда я избралъ новую дорогу: черезъ Глубокій переулокъ и черезъ Нижнюю Прѣсню... До этой послѣдней я дошелъ безпрепятственно. Почти весь Глубокій переулокъ занятъ заборомъ фабрики Шмидта. Заборъ представлялъ странное зрѣлище, былъ весь въ круглыхъ дырахъ... Это его пробилы снаряды! Они же попали въ сосѣдній заборъ и сдѣлали въ немъ такія же правильно круглыя отверстия... Я заглянулъ въ щель на фабрику: она все также пылала, горѣлъ домъ г-жи Шмидтъ; деревянный корпусъ съ мебелью и драгоценнымъ деревомъ исчезъ, жилища рабочихъ были раз-

рушены... жаръ, несмотря на зимнее время, наполнялъ весь переулочекъ, было душно, дымно, гарь лѣзла въ ротъ и въ носъ.

Я шель по переулку—одинъ. Только грохотъ пушекъ и стрѣльба изъ винтовокъ доказывали, что гдѣ-то есть люди. На Нижней Прѣснѣ я внезапно попалъ въ сферу военного огня.

Въ меня, едва показалась моя фигура, стали сію же минуту стрѣлять!

Я бросился черезъ улицу, увидалъ какія-то деревянныя ворота, надавилъ ихъ (они были только притворены и сейчасъ же открылись) и очутился на большомъ и опять страшно грязномъ дворѣ. Тамъ были люди, одѣтые, какъ ремесленники. Стояли, слушали, жались къ стѣнкамъ дома.

— Какъ это вы, баринъ, сюда цѣлы дошли?—спросилъ одинъ изъ стоявшихъ, среднихъ лѣтъ человекъ съ веревочнымъ поясомъ на волосахъ.

Я объяснилъ, откуда иду, и куда хотѣлось бы пройти.

— Не пройдетъ, ни за что не пройдетъ!—отвѣчало мнѣ сразу нѣсколько голосовъ.—Во всѣхъ стрѣляютъ! Тамъ въ домѣ Шмакова, гдѣ участокъ, солдатскій притонъ. Стоять черезъ улицу семеновцы и лупятъ, какъ только ты полноса показалъ... Многихъ на тотъ свѣтъ отправили!

Дѣйствительно, Прѣсню «брали» семеновцы, подъ командой Мина. Тогда же въ Москвѣ острили, что пойдешь на Прѣсню, смерти не миновать...

— Какъ же быть-то?—сказалъ я.—Мнѣ бы очень хотѣлось попасть на Арбатъ...

— Развѣ черезъ Москву-рѣку вамъ стебануть?—сочувственно произнесъ тотъ же человекъ съ пояскомъ на лбу.—Тамъ черезъ Дорогомилowo, потомъ Бородинскимъ мостомъ, вотъ вы и дома!

Пока я раздумывалъ объ этой экстраординарной дорогѣ, на улицѣ участились выстрѣлы, и во дворъ вбѣжали мужики въ черныхъ поддевахъ. Они несли огромныя котомки на плечахъ. Съ ними были женщины, причемъ почти каждая держала грудного ребенка возлѣ пазухи или вела болѣе взрослыхъ дѣтей за руки. Это были фабричныя съ Прохоровской фабрики, бѣжавшія отъ гранатъ и картечи. Насилу дошли они до этого спасительнаго двора. Ихъ чуть не убили по дорогѣ. Двоихъ или троихъ они не досчитывались...

Эта толпа была замѣчена хозяиномъ дома, и онъ выслалъ дворника. Повторилась та же сцена, что и въ домѣ Яголковскаго. Дворникъ удалялъ фабричныхъ, а тѣ молили его Христомъ Богомъ не губить дѣтей и спрятать ихъ всѣхъ хоть въ погребъ, лишь бы только вновь не попасться подъ пули.

Я подошелъ и спросилъ дворника:

— Нельзя ли намъ уйти черезъ Москву-рѣку?

— Отчего нельзя, да только калитку на рѣку хозяинъ заперъ. Полиція велѣла все запирасть.

— Ну, вотъ еще! Бери ключъ и отпирай... А вы, господа фабричные, собирайтесь, пойдемте черезъ рѣку, въ Дорогомилowo...

— То-то бы хорошо, да можно ли?—сказалъ бородатый фабричный, съ надеждой глядя и на меня и на дворника дома.

Дворникъ, быстро сбѣгавшій за ключомъ, вернулся, ругаясь.

— Не даетъ хозяинъ ключа,—заявилъ онъ:—говорить, что потерялъ! Ну, да ладно!—идите сюда, я выдерну кольцо... песь съ нимъ совсѣмъ!

Онъ быстро сорвалъ замокъ (это обстоятельство я подчеркиваю: оно имѣло для насъ огромное и спасительное значеніе!) и распахнулъ калитку: передъ нами открывались гряды огорода, полузанесенныя снѣгомъ, ниже уступами шель берегъ, а тамъ—снѣжный покровъ Москвы-рѣки. Фабричные столпились у выхода и не рѣшались переступить порогъ. Мною овладѣла отвага (ужъ очень хотѣлось мнѣ добраться до моего дома и сѣсть за письменный столъ: грандіозность матеріала дразнила меня и влекла впередъ), и я крикнулъ:

— Чего жъ вы стали! Идите за мной скорѣе!

Мы бросились по грядамъ, я бѣжалъ впереди, мужики, тяжело ступая, рысью поспѣвали за мной, женщины и дѣти трусили сзади. Вѣроятно, бѣгущая группа людей человѣкъ въ 10—15 привлекла вниманіе сторожившихъ рѣку солдатъ...

Бацъ! Бацъ! Таррахъ!

Что же это? Опять пули надъ головой, съ ихъ какимъ-то шороховатымъ свистомъ!?

Новый залпъ... что-то пролетѣло прямо возлѣ шапокъ...

— Стойте! Назадъ!—сказалъ я.—Это въ насъ стрѣляютъ...

Бабы и дѣти завизжали и повернули обратно, мужья кинулись за ними, а я очутился въ хвостѣ. На ходу фабричные роняли свои котомки, одна баба уронила даже ребенка, но подняла его и, воя, побѣжала дальше.

А выстрѣлы продолжались!

Я обернулся и посмотрѣлъ: слѣва, отъ водокачки, сторѣвшей въ эту ночь, человѣкъ десять солдатъ направляли въ насъ свои ружья...

Опять ужасающій моментъ! Опять на душѣ холодъ ожиданія несчастья, надъ головой—дыханіе смерти! Хотя я и не растерялся, но чувствовалъ, что дѣло скверно. Къ счастью, калитка осталась незапертой, фабричные опять полѣзли черезъ нее, а я имѣлъ силу воли кричать имъ:

— Не торопитесь! Не раздавите своихъ же дѣтей!

Я вошелъ подъ свистъ пуль послѣднимъ—ни одинъ человѣкъ изъ нашей партіи бѣглецовъ не былъ даже слегка раненъ... Что же это? Счастье, или такая у насъ доля—умереть другого рода смертью?

Мы бѣжали въ котловинѣ, солдаты стояли довольно далеко и на пригоркѣ. Возможно, что они плохо поставили прицѣлъ, но...

Но возможно и то, что русскіе солдаты, видя рабочихъ, бабъ, ребятъ, вспомнили, что у нихъ у самихъ на родинѣ есть жены, дѣти, отцы и братья, и у нихъ шевельнулась жалость, они поняли, что стрѣлять въ дѣтей и женщинъ—прямой грѣхъ, что передъ ними кровные имъ, русскіе же люди, и... подняли повыше свои страшныя дальнобойныя винтовки.

Возвратившись во дворъ, мы опять встрѣтили нашего дворника—молодого парня съ нахмуреннымъ лицомъ. На этотъ разъ онъ самъ видѣлъ всю сцену нашего страшнаго путешествія и сказалъ фабричнымъ:

— Вы, ребята, идите въ нашъ подвалъ, и бабъ съ дѣтьми тащите, тамъ тепло и сухо, а на дворѣ не оставайтесь... тутъ того: неудобно!

— Баринъ, пожалуйста и вы ко мнѣ!—предложилъ ремесленникъ съ пояскомъ на волосахъ, оказавшійся столяромъ.—Здѣсь пули, какъ шмели, такъ и порхаютъ! Того и гляди, задѣнутъ... А у меня все-таки стѣнки каменные... Милости просимъ, не погнушайтесь!

Я поблагодарилъ и зашелъ въ убогое помѣщеніе столяра. Сѣвъ на стулъ, я невольно пригорюнился; я жалѣлъ, что не остался у знакомыхъ, гдѣ можно было сѣсть за письменную работу; здѣсь же, въ неизвѣстномъ домѣ и въ темной, съ заставленными окнами квартирѣ столяра я былъ отрѣзанъ отъ своего дома и отъ дома знакомыхъ и обреченъ на скучное бездѣйствіе. Я сидѣлъ и злился, что даромъ проходило драгоценное время!

Столяръ разговорился со мной. Онъ сообщилъ мнѣ о томъ, сколько страховъ натерпѣлись они, жители этой несчастной окраины. Ремесленники не работали и голодали. Раньше забастовщики бушевали и участокъ разгромили, а работать запрещали, теперь солдаты никому спуска не даютъ. Я сидѣлъ и уныло слушалъ это повѣствованіе. Столяръ замѣтилъ мое безпокойство и сказалъ:

— Какъ тамъ они ни стрѣляй, а я возьму свою работу и пойду! Не надо ли вамъ чего купить?

— Да, вѣдь, васъ убьютъ...

— Нѣтъ, я крикну: столяръ идетъ, работу несетъ. Вчера я ужъ проходилъ, ничего, обыскали и пропустили... Мнѣ вотъ этотъ столикъ надо на Арбатъ снести!

— На Арбатъ?—оживился я—Снесите на мою квартиру записочку... я вамъ за это заплачу...

Наскоро написалъ я своей семьѣ о томъ, что занять и самъ не знаю, скоро ли освобожусь (это буквально было правдой!), и отдалъ записку. Столяръ ушелъ: я слышалъ его козлиный голосъ, затѣмъ грянулъ выстрѣлъ...

Я бросился на дворъ: два человѣка, запыхавшись, стояли на дворѣ, отдуваясь и обтирая лица, отъ которыхъ шелъ паръ.

— Въ кого это стрѣляли? Въ столяра?—спросилъ я.

— Въ насъ. Мы изъ Глубокаго переулка сюда нацѣлились, а они какъ бацнуть... у меня пуля такъ мимо уха и ёкнула!

— А столяръ?—добивался я.

— Столяра пропустили,—сказалъ дворникъ.—Онъ столъ понесъ.

— Какъ бы это мнѣ уйти отсюда?

— А вамъ куда надо?

— Въ Глубокій переулокъ.

— Вы имъ бѣлымъ платкомъ помашите и скажите, что домой, на свою фатеру пройти желаете... Они пропустятъ...

Я подумалъ, да такъ и сдѣлалъ. Высунулъ изъ калитки руку съ бѣлымъ платкомъ, помахалъ... Молчаніе...

Я крикнулъ:

— Не стрѣляйте, мнѣ надо пройти въ Глубокій переулокъ! Я жилецъ изъ дома № * * !

Опять никто не отвѣтилъ. Тишина...

Я высунулся изъ воротъ: вдали черезъ улицу тянулась сѣрая полоса,—это стояли семеновцы и караулили дорогу.

Я повторилъ свою фразу.

— Ступай!—послѣ паузы послышался суровый голосъ.

Я вышелъ и, не торопясь, сталъ переходить улицу. Солдаты молчали. Было жутко!

Вдругъ кто-то прыгнулъ изъ воротъ за мной—и сейчасъ же раздались выстрѣлы! И что же?—Парень въ желтой курткѣ и папахѣ, укрывавшійся во дворѣ, воспользовался моими переговорами съ солдатами и ринулся за мной. Онъ мелькнулъ мимо меня и скрылся за угломъ улицы, въ Глубокомъ переулкѣ. Я, плохо соображая, бросился бѣжать за нимъ и нагналъ парня ужъ въ переулкѣ.

— Дешево отдѣлались!—сказалъ весело парень на бѣгу.—Какъ бы только сюда черти не заглянули...

Я измучился, бѣжавъ въ гору, и остановился.

Кругомъ стояла та же гарь и удушливая атмосфера; фабрика продолжала представлять собою колоссальный костеръ. Позади никого не показывалось, отступленіе было обезпечено! Добравшись до дома моихъ знакомыхъ, я постучалъ, меня впустили, заахали, слушая мои краткія объясненія причинъ возврата, и сейчасъ же повели меня поить и кормить. Народу съ Прѣсни въ домикѣ еще прибавилось. Раздавался пискъ и плачь дѣтей, злободневные разговоры взрослыхъ. Всѣ были въ отчаяніи и строили планы о томъ, что не лучше ли спрятаться въ церковный подвалъ, или просто укрыться въ храмѣ, который, конечно, не стануть бомбардировать... Кромѣ того, всѣ хотѣли ѣсть, но съѣстныхъ припасовъ почти не было! Даже вода оказалась на исходѣ...

Въ эту ночь я легъ спать на полу, на своей шубѣ, въ голову положилъ муфту хозяйки и, несмотря на это, крѣпко спалъ часовъ до пяти утра. Тутъ меня разбудили и поздравили: канонада кончилась!

Къ 7 часамъ мы узнали, что черезъ Горбатый мостъ пропускають, но тщательно обыскивають. Многіе сейчасъ же отправились, спѣша уйти изъ ужасныхъ прѣсенскихъ палестинъ, я—однимъ изъ первыхъ...

Идя толпой, мы увидали разрушенный и опустошенный домъ г-жи Шмидтъ, остовы фабричныхъ корпусовъ, еще догорающихъ и черныхъ... Напротивъ всѣ деревянные домики на берегу пруда точно косою скосило: снаряды уничтожили ихъ до основанія!

Возлѣ моста стоялъ отрядъ солдатъ. Всѣхъ обыскивали, но поверхностно; женщинъ не трогали. Какой-то паренекъ хотѣлъ проскочить безъ осмотра—солдатъ тутъ же ударилъ его въ спину прикладомъ и заставилъ поднять руки вверхъ: у паренька ничего не нашлось, его пропустили, но обругали.

— Долго вы, ребята, тутъ штурму свою дѣлать будете?—спросилъ какой-то веселый даже въ эти минуты обыватель, котораго обшаривалъ семеновецъ.

— Всѣхъ васъ на Прѣснѣ перестрѣляемъ, тогда и конецъ!—насмѣшливо отвѣчалъ солдатъ.

Наконецъ мы были на свободѣ!

Я быстро прошелъ мимо арестантскихъ ротъ, направился черезъ монастырь (дворъ) церкви Казанской Божіей Матери. Первое, что я тамъ увидалъ, былъ трупъ застрѣленной старухи... Очевидно, она шла къ монастырю и не подозрѣвала, что съ каланчи въ нее летятъ пули... На Новинскомъ бульварѣ снѣгъ былъ взрытъ и окровавленъ, но баррикады разбили, доски увезли, а съ досками убрали и мертвыя тѣла, оставшія пугающіе кровавые оттиски...

Еще четверть часа ходьбы—и я былъ дома. Я еле написалъ свою статью, до того былъ измученъ и физически, и нравственно. Зато моя статья была черезъ день ужъ напечатана въ «Новомъ Времени», а въ другихъ петербургскихъ газетахъ корреспонденты писали:

«До сихъ поръ нѣтъ никакой возможности проникнуть на Прѣсню, и что тамъ дѣлается, пока—неизвѣстно...»

Это было для меня профессиональнымъ удовлетвореніемъ. Покончивъ съ письменной работой, я сталъ вознаграждать себя отдыхомъ: выпилъ стаканъ холодной воды и бросился на кровать, сразу заснувъ тревожнымъ сномъ...

Говорять, я метался и во снѣ кричалъ:

— Сторонитесь! Это картечь! Скорѣй, убѣгайте, стойте! и т. п.—

Итакъ, 17-го декабря все было кончено, и «великая московская революція», какъ называли нашъ бунтъ въ Петербургѣ, была совершенно ликвидирована.

Командовавшій сражавшимися отрядами полковникъ Минъ дѣйствовалъ, какъ лицо, снабженное чрезвычайными полномочіями.

Обстрѣлявъ всю Прѣсню и арестовавъ многихъ бѣглецовъ, безъ разбора, кто дружинникъ, кто непричастный бунту человекъ, Минъ сжегъ фабрики Шмидта и Мамонтова, обстрѣлялъ и полуразрушилъ нѣкоторые корпуса фабрики Прохорова. Объ этой послѣдней полагали, какъ объ «оплотѣ» забастовщиковъ и революціонеровъ, но глава фирмы, Н. И. Прохоровъ, впоследствии рассказывалъ мнѣ, что его фабричные не составляли исключенія; добивались они всего усерднѣе матеріальныхъ льготъ, а попутно «требовали» обычныхъ «свободъ»—печати, собраній, религіозныхъ убѣжденій, права митинговъ, стачекъ и т. д. Когда фабрику «взяли» (въ одномъ изъ корпусовъ, гдѣ выставили «бѣлый флагъ», находилось всего 60 или 70 человекъ, вотъ и весь былъ «оплотъ» революціи!), всѣ захваченные были арестованы и обысканы. Изъ 70 человекъ отдѣлены пятнадцать и тутъ же, на фабричномъ дворѣ, по распоряженію Мина, разстрѣляны. Это обстоятельство произвело на Н. И. Прохорова и на прочихъ директоровъ тяжелое впечатлѣніе.

— Скажите, — говорилъ я г. Прохорову:—дѣйствительно ли на фабрику укрѣпилась «армія» революціонеровъ?

— Не думаю, — отвѣчалъ онъ. — У нашихъ фабричныхъ парней, какъ у фабричной молодежи всѣхъ подмосковныхъ заводовъ, были и брошюрки политическаго характера, читали они и прокламаціи, револьверы имѣли, можетъ быть, нѣкоторые и въ дружинѣ состояли, но чтобы у насъ было организовано нѣчто вродѣ специальной крѣпости, это вздоръ. Просто сюда бѣжали со всѣхъ концовъ Москвы всѣ тѣ, кого прогнали артиллерія и винтовки. Кто удралъ на родину, кто на Прѣсню...

— Все-таки перестрѣлка была съ солдатами изъ оконъ фабрики?

— Не знаю, можетъ быть, и была, хотя что могли сдѣлать десятка два револьверовъ противъ пушекъ? А вотъ что я хорошо знаю, такъ тотъ фактъ: когда загорѣлся одинъ изъ корпусовъ, фабричные полѣзли на крышу и стали тушить пожаръ, а въ нихъ полетѣла картечь... Видѣли вы, кстати спросить, какое дѣйствіе производитъ взорвавшаяся граната?

— Нѣтъ...

— Пойдемте, я вамъ покажу!

Разговоръ нашъ происходилъ на Прохоровской мануфактурѣ, спустя долгое время послѣ разгрома Прѣсни. Мы пошли въ верхнія квартиры, гдѣ помѣщались спальни рабочихъ. Въ одной большой комнатѣ я увидалъ всѣ стѣны рябыми, а двери въ частыхъ дырочкахъ. Это влетѣла въ окно тяжелая граната и, разорвавшись, во всѣ стороны «брызнула» свинцовыми пулями!

Такая же визитерша вломила въ роскошный домъ самого Прохорова, пронизала стѣну и влѣпилась въ другую и—счастіе!—не разорвалась. Комната, куда она угодила, была спальней. Тамъ никого не было (семья Н. И. Прохорова заранѣе выбралась изъ этого дома), но всѣ вещи были бы исковерканы; могъ вспыхнуть и пожаръ...

Прохоровская фабрика отдѣлалась сравнительно дешево: всёхъ убытковъ Н. И. Прохоровъ насчиталъ не болѣе, какъ на 30,000 руб. Не то было съ фабрикой Шмидта! Она была вся разбита и сожжена. На 70,000 руб. сгорѣло одной художественной мебели. Уничтожено была бездна дорогаго матеріала въ сушильнѣ; въ домѣ г-жи Шмидтъ стояла своей работы дорогая мебель, ковры, бронза и т. п.,—все это сокрушили снаряды и пожрало пламя... Когда пожаръ кончился, остатки разнаго дерева разграбили мѣстные жители, и солдаты, сторожившіе фабрику нѣсколько дней, не препятствовали тащить чужое добро...

Описывать ли еще кровавыя сцены на улицахъ, въ участкахъ? Я держусь взгляда, что мѣры полковника Мина на Прѣснѣ были примѣнены съ чрезмѣрной суровостью. Кромѣ того, солдатъ пускали въ бой, какъ на непріятельскій осажденный городъ. Не жалѣли ни пола, ни возраста, стрѣляли въ женщинъ и дѣтей... Напримѣръ, взять хотя бы убійство привать-доцента московскаго университета В. В. Воробьева приставомъ Тверской части. Съ револьверомъ, окруженный городовыми и солдатами, онъ ходилъ по злосчастнымъ улицамъ и велъ свою расправу... Исторія убійства оглашена на судѣ: ворвавшись въ домъ Катлама и въ квартиру привать-доцента, приставъ спросилъ: есть ли у Воробьева оружіе?

— Да, есть, но я имѣю разрѣшеніе отъ градоначальника.

— Покажите!

Воробьевъ повернулся и пошелъ къ себѣ въ комнаты, чтобы взять разрѣшеніе. Въ эту минуту распаленный убійствомъ усмиритель пустилъ ему пулю въ затылокъ и убилъ наповалъ...

Между тѣмъ, даже прѣсенскіе «инсургенты» вовсе не представляли такого препятствія, чтобы ихъ съ такой жестокостью истреблять. На Прѣснѣ не было ни «арміи», ни «вооруженныхъ» отрядовъ. Все преступное и злое, руководившее бунтомъ, давно бѣжало не только съ Прѣсни, но и изъ Москвы. На расправу остались повѣрившіе въ могущество революціонеровъ да случайные мѣстные жители, Богъ вѣсть за что и почему пролившіе свою кровь и получившіе раны, побои, оскорбленія и самую смерть...

Но довольно объ этомъ. Конецъ возстанія произошелъ 17-го декабря. На другой день «стачечный комитетъ» объявилъ, что забастовка «временно» (!) прекращается... Но она уже прекратилась 18-го декабря, а въ воскресенье состоялся Сухаревскій торгъ, на Ходынскомъ полѣ устроились бѣга и работалъ тотализаторъ (бѣговому обществу, очевидно, всего дороже были операціи съ игрой, а на событія въ Москвѣ оно не обратило вниманія!). Съ 19-го декабря стали заниматься въ управѣ городскіе служащіе, явились на работу городскіе чернорабочіе... Жизнь столичныхъ будетъ быстро входить въ свою колею!

Да и была пора: отъ кроваваго праздника безшабашной забастовки многіе пошли по міру, осиротѣли, облѣнились, развратились..

Кончилось все,—загорѣлся газъ, электричество, открылись магазины, театры... Исправили разбитыя зданія, вымыли кровь съ крылецъ и тротуаровъ, и все стало, какъ прежде. Только въ душѣ остался ужасный осадокъ пережитаго, только сердца все еще обливались кровью отъ недавнихъ утратъ, сценъ насилія, похороннаго звона и безконечной стрѣльбы всяческихъ снарядныхъ орудій истребленія...

И ничто не потушить, не вычеркнуть этихъ воспоминаній! Ничто и никто, одна лишь смерть явится здѣсь врачомъ нашей неизлечимой гражданской боли отъ пережитыхъ событій...

Мнѣ, вѣроятно, придется написать краткое послѣсловіе къ моимъ очеркамъ. Эту работу я отлагаю на неопредѣленное время. Вѣроятно, также, что я получу нѣсколько писемъ, гдѣ очевидцы московскихъ событій могутъ пополнить и исправить мой рассказъ. Заранѣе буду благодаренъ за всякое дѣльное разъясненіе и указаніе.

Н. Ежовъ.

ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ БОЛЬНИЦА ВЪ МОСКВѢ.

О ПОВОДУ недавно состоявшагося юбилея Преображенской московской больницы (сумасшедшаго дома)— всѣмъ интересующимся старыми московскими учрежденіями небезынтересно будетъ бросить поверхностный взглядъ на возникновеніе и историческое развитіе этой, первой по времени, русской психіатрической больницы.

По единодушному свидѣтельству московскихъ старожиловъ, а равно и по преданіямъ, дошедшимъ до насъ изъ ближайшихъ и несомнѣнныхъ источниковъ, Преображенская больница въ первое время своего существованія являла собой самую горькую, самую безотрадную картину русской неурядицы.

Это было нѣчто среднее между неряшливо содержимой тюрьмой и вполне заброшеннымъ ночлежнымъ домомъ.

Больные содержались тамъ въ грязи, полураздѣтые, полуголодные; буйные приковывались желѣзными цѣпями къ столбамъ и такъ оставались по цѣлымъ недѣлямъ, по цѣлымъ мѣсяцамъ. Разбитыя стекла въ окнахъ залѣплялись бумагой, печи не топились по нѣсколько дней сряду, и спали больные вповалку, на возмутительно грязныхъ подстилкахъ вмѣсто тюфяковъ, на полу въ проходахъ комнатъ, въ коридорахъ, а лѣтомъ даже и на лѣстницахъ...

Главнымъ источникомъ продовольствія больныхъ являлись добровольныя пожертвованія обывателей, по преимуществу мѣстнаго купечества, которые въ дни поминовенія родителей или въ дни погребенія присылали подаванія деньгами и провизіей. Последнее, хотя и въ сильно сокращенномъ видѣ, доходило до несчастныхъ больныхъ, что же касается денежныхъ пожертвованій, то они всецѣло шли въ широкіе карманы больничнаго начальства и горькаго положенія безумныхъ не улучшали,

Нѣкоторое улучшение въ жизнь больныхъ внесло, въ сороковыхъ годахъ, поступленіе въ Преображенскую больницу заштатнаго дьякона Ивана Яковлевича Корейши, отданнаго «подъ начальъ» за какую-то серьезную провинность и затѣмъ помѣщеннаго въ сумасшедшій домъ.

Собственно, психическимъ разстройствомъ Корейша не страдалъ, напротивъ, онъ какъ нельзя лучше сознавалъ и свое положеніе и все то, что угрожало ему въ будущемъ, и избралъ притворное сумасшествіе, какъ самый ловкій и удобный исходъ изъ своего затруднительнаго положенія. Хитрый, изворотливый и по тогдашнему времени даже относительно образованный, судя по тому классу, къ какому онъ принадлежалъ, Корейша занялся предсказаніемъ будущаго, и слава его быстро распространилась среди суетвѣрнаго населенія Замоскворѣчья.

Пророчества свои выражалъ онъ иносказательно, предоставляя слушателямъ самимъ догадываться о точномъ значеніи его словъ, и этотъ способъ предсказаній еще сильнѣе интриговалъ его адептовъ и еще увеличивалъ вѣру въ его прозорливость.

Помѣщался онъ въ особой, до-нельзя грязной и, по его настоянію, почти никогда не убиравшейся комнаткѣ, лежалъ на полу, на грязномъ тюфякѣ, съ котораго никогда не поднимался, и тутъ принималъ и своихъ многочисленныхъ посѣтителей, и приносимые ими многочисленные дары. Пожертвованія приносились ему въ изобиліи, и деньгами, и провизіей, и одеждой, но лично себѣ онъ не бралъ ничего, а все отдавалъ окружавшимъ его, сопровождая раздачу опять-таки иносказательными фразами и ему только одному понятными притчами.

Всѣ слушали его съ благоговѣніемъ, начальство относилось къ нему съ величайшимъ уваженіемъ, да какъ было и не относиться, когда имъ однимъ буквально содержался весь домъ, и на его иждивеніе существовала вся больница?

Принималъ онъ къ себѣ далеко не всѣхъ, иныхъ онъ не допускалъ до себя, иныхъ прямо гналъ, при чемъ не стѣснялся въ выраженіяхъ, и даже подчасъ раздражался такимъ потокомъ площадной брани, что находившимся при немъ служителямъ совѣстно было его слушать, а между тѣмъ московскія купчихи съ благоговѣніемъ выслушивали все, и съ утра до ночи осаждали «батюшку Ивана Яковлевича» своими визитами и убогаторворяли его всевозможными приношеніями.

Слава его скоро распространилась далеко за предѣлы Москвы, и сначала изъ сосѣднихъ городовъ, а затѣмъ и издалека стали пріѣзжать къ знаменитому прорицателю и за совѣтами, и за указаціями, а иногда и за одной только площадной бранью.

Единственной слабостью Ивана Яковлевича былъ нюхательный табакъ, безъ котораго онъ не обходился и который доставлялся ему въ такомъ изобиліи, что управленіе больницы имѣло возмож-

ность пудами продавать его въ табачныя лавки, откуда онъ опять попадалъ по тому же назначенію. Табакъ этотъ онъ и нюхалъ, и жевалъ, и посыпалъ имъ вокругъ себя, и совершенно плѣшивую голову свою осыпалъ, и такъ велико было суевѣрное увлеченіе его поклонницъ изъ среды московскихъ купчихъ, что онѣ щепотками благоговѣйно принимали этотъ грязный табакъ изъ грязныхъ рукъ Ивана Яковлевича и, какъ драгоценность, увозили его съ собой домой, и хранили его «на счастье», зашитый въ ладонкахъ.

Въ преданіяхъ Преображенской больницы существуетъ рассказъ о томъ, будто бы юродствовавшего дьякона Корейшу посѣтилъ императоръ Николай Павловичъ, въ бытность свою въ Москвѣ услыхавшій о немъ и пожелавшій лично взглянуть на этого самозваннаго пророка.

Разсказываютъ, будто бы государь, подойдя къ Корейшѣ, спросилъ его, почему онъ такимъ образомъ лежитъ, не вставая, и получилъ отвѣтъ:

— И ты, какъ ни великъ и ни грозенъ, а тоже ляжешь и не встанешь!..

Дальнѣйшая бесѣда, будто бы, происходила съ глазу на глазъ между государемъ и Корейшей, и государь, пробывъ у него въ комнатѣ около четверти часа, вышелъ оттуда пасмурный и взволнованный.

Насколько это справедливо, рѣшить трудно, но это встрѣчаетъ нѣкоторое подтвержденіе въ томъ, что въ указанную преданьемъ этимъ эпоху, дѣйствительно, государь посѣтилъ Преображенскую больницу, въ которой вслѣдъ за этимъ и произошло нѣсколько крупныхъ улучшеній.

Вполнѣ достовѣрно зато, что вслѣдъ за указаннымъ временемъ этого визита больницу посѣтилъ московскій генералъ-губернаторъ графъ Закревскій, къ которому Корейша при входѣ его обратился со слѣдующими многозначительными словами:

— Ой, говори ты, пожалуйста, потише... Слишкомъ ужъ тебя слышно!.. Оглушилъ совсѣмъ!..

И затѣмъ, отвернувшись отъ графа и обращаясь къ присутствовавшему при этомъ больничному начальству, бѣдовый прорицатель продолжалъ:

— Глупъ я, други вы мои милые... Совсѣмъ глупъ!.. Залѣзъ на верхушку, да и думаю, что выше меня ужъ и нѣтъ никого!.. Дочь я себѣ вырастилъ на позоръ... Одна она у меня... а, кромѣ стыда, нѣтъ мнѣ отъ нея ничего... Шляется какъ... (слѣдуетъ цѣлый фейерверкъ самыхъ нецензурныхъ выраженій), а я, дуракъ, и унять ее не могу!.. Гдѣ ужъ мнѣ, дураку, другими править, коли я самъ съ собой управиться не умѣю?.. Навѣшаю на себя всякихъ цацъ, да и хожу, распусая хвостъ, какъ пѣтухъ индѣйскій... Только тогда и опомнюсь, какъ вверхъ ногами полечу...

Всѣ присутствовавшіе при этомъ оригинальномъ монологѣ хорошо понимали, что рѣчь иносказательно ведась о самомъ Закрев-

скомъ и о его дочери, графинѣ Нессельроде. Понималъ это и самъ Закревскій... но показать, что понимаетъ, не могъ...

На вопросъ Закревскаго, чѣмъ онъ боленъ, бѣдовый Корейша отвѣчалъ:

— Пыжусь все... Надуваюсь... Лопнуть собираюсь!..

И когда въ конецъ сконфуженный генераль-губернаторъ выходилъ изъ грязной комнаты, Корейша заклохталъ индѣйскимъ пѣтухомъ и задорно крикнулъ:

— Фу ты! Ну ты!.. Прочь поди!..

Ежели бы такой дерзкой выходкѣ безумнаго не предшествовалъ царскій визитъ, то при деспотическомъ управленіи Закревскаго подобная сцена не прошла бы безумному даромъ. Не тронуть его могъ Закревскій только потому, что не могъ и не смѣлъ тронуть...

Какъ бы то ни было, но пребываніе въ Преображенской больницѣ Ивана Яковлевича Корейши положило начало относительному благосостоянію этого учрежденія, и съ тѣхъ поръ только оно приняло характеръ настоящей больницы.

На деньги, ежемѣсячно вынимавшіяся изъ кружки, стоявшей въ комнатѣ Корейши, и въ которую всѣ посѣтителы опускали свои добротныя пожертвованія, улучшено было питаніе больныхъ, заведены были кровати и матрацы, оборудовано кое-какое бѣлье, и заведенъ былъ правильный штатъ докторовъ, на дѣлѣ, а не на письмѣ только посѣщавшихъ больныхъ.

Смерть Корейши, горько оплакиваемая современными ему обитателями больницы, не унесла съ собой разъ заведеннаго порядка, и послѣ него больница не вернулась къ прежнему состоянію заброшенной тюрьмы.

Все шло, ежели и не улучшаясь, то по разъ заведенному порядку, а перестройка зданія и вовсе поставила больницу въ иное, улучшенное положеніе.

Къ окончательному благоденствію привела Преображенскую больницу передача ея въ завѣдываніе московскаго вице-губернатора, Ивана Ивановича Красовскаго, гуманному и просвѣщенному отношенію котораго больница обязана окончательнымъ улучшеніемъ своимъ.

Красовскій, въ бытность свою адъютантомъ кавказскаго героя Евдокимова, самъ страдавшій сильнымъ нервнымъ расстройствомъ, лучше всякаго другого понималъ и внутренній міръ больныхъ, и ихъ нравственныя потребности, и съ заботой и любовью слѣдилъ за всѣмъ, что касалось внутреннихъ распорядковъ больницы. Указаній и распоряженій, исходившихъ свыше, онъ ни касаться, ни измѣнять не могъ. Властью административной онъ въ управленіи больницы не входилъ, и ограничивался только распорядками ея внутренняго управленія, дѣлая въ этой области все, что было въ его силахъ и средствахъ.

Онъ значительно улучшилъ весь внутренній строй больницы, уволилъ всѣхъ неспособныхъ и грубыхъ служителей, подтянулъ медицинскую часть, значительно увеличилъ врачебныя средства, завелъ строгую чистоту и порядокъ и въ комнатахъ и въ коридорахъ, устроилъ свѣтлыя и чистыя больничныя палаты, которыя заботливо вентилировались; онъ обратилъ серьезное вниманіе на столъ и вообще на содержаніе больныхъ, и въ заботѣ своей о ихъ нравственномъ состояніи завелъ въ больницѣ всевозможныя игры и развлечения.

Въ большомъ приѣмномъ залѣ онъ поставилъ рояль, на которомъ больные играли поочередно; разставилъ по залѣ ломберныя столы съ приготовленными на нихъ мѣлками и картами, завелъ нѣсколько комплектовъ шахматовъ и шашекъ и поставилъ въ обязанность дежурнымъ служителямъ и младшимъ надзирателямъ тотчасъ же, какъ больной сядетъ къ столу съ желаніемъ заняться той или другой игрой, немедленно занимать мѣсто у стола и служить ему партнеромъ.

Такъ же точно обязанъ былъ каждый изъ надзирателей строго слѣдить за тѣмъ, чтобы каждому больному, собирающемуся закурить папиросу, немедленно подана была зажженная спичка, такъ какъ держать спички у себя больнымъ строго воспрещалось, а между тѣмъ всѣ сумасшедшіе, какъи звѣстно, имѣютъ исключительное пристрастіе къ питью чая и куренію табаку. Въ силу этого, для тѣхъ больныхъ, у которыхъ нѣтъ личныхъ средствъ, ежедневно ассигнуется извѣстное количество «казенныхъ» папиросъ, образующихся изъ жертвуемыхъ запасовъ, какъ табаку, такъ и готовыхъ папиросъ, присылаемыхъ фабрикантами.

Красовскимъ заведены при больницѣ особыя мастерскія, въ которыхъ больные очень охотно работаютъ, наблюдая при этомъ строгій порядокъ и дѣйствительно отработывая ежегодно довольно значительныя суммы, идущія на улучшеніе больничнаго довольства. Въ числѣ мастерскихъ заведены переплетныя, небольшія ткацкія, въ которыхъ вырабатываются узкія тесьмы и шнурки, вязальныя съ трикотажными машинами и пр. и пр.

Всѣ эти мастерскія всегда были переполнены желающими работать, при чемъ строго соблюдалась очередь, и еще строже наблюдалось, чтобы больные отнюдь не шли на работу по принужденію, такъ какъ въ противномъ случаѣ можно было рисковать, что они все перервутъ и всѣ машины переломаютъ.

Я говорю обо всемъ этомъ въ прошломъ времени, такъ какъ совершенно незнакома съ настоящей постановкой дѣла, послѣ отъѣзда изъ Москвы Красовскаго, умершаго на посту томскаго губернатора.

Больные вполнѣ сознательно относились къ Красовскому, буквально обожали его, никогда не выражали противъ него ни не-

удовольствія, ни протеста, и всё разом набросились на одного изъ неизлечимыхъ больныхъ, въ припадкѣ внезапнаго волненія запустившаго въ Красовскаго оловянною кружкой.

Больной этотъ, присвоившій себѣ наименованіе «Ильи пророка», вызвалъ противъ себя такое сильное негодованіе своихъ сотоварищей по больницѣ, что его весь послѣдующій день пришлось держать отдѣльно, выжидая, чтобы сгладилось то тяжелое впечатлѣніе, которое произведено было его поступкомъ на остальныхъ больныхъ.

Даже среди содержимыхъ въ буйномъ отдѣленіи Красовскій не рисковалъ положительно ничѣмъ и безъ малѣйшаго опасенія входилъ въ отдѣльныя камеры въ моменты самаго сильнаго возбужденія больныхъ.

Они узнавали его, стихали и старались держаться къ нему ближе, какъ бы ища въ этой близости облегченія своимъ страданіямъ.

Красовскій первый завелъ обычай устраивать въ Преображенской больницѣ елки и спектакли, въ которыхъ на долю больныхъ выпадали не только роли исполнителей, но и роли декораторовъ, режиссеровъ и сценаріусовъ въ спектаклѣ.

Живо помню я одинъ изъ такихъ спектаклей, на который мнѣ удалось попасть, какъ сотрудницѣ газеты, такъ какъ приглашеній частныхъ лицъ больничное начальство вообще избѣгало, чтобы не вызывать слишкомъ сильнаго волненія среди больныхъ.

Шелъ въ этотъ вечеръ отрывокъ изъ «Свадьбы Кречинскаго» и переводный водевиль «Пишо и Мишо».

Обѣ пьесы вызвали довольно оригинальную выходку со стороны исполнителей.

Роли Кречинскаго и Расплюева исполнены были больными съ рѣдкимъ искусствомъ и изумительной выдержкой, и непосвященному человѣку почти невозможно было догадаться, что онъ имѣетъ дѣло не съ настоящими, заправскими артистами. Но... въ тотъ моментъ пьесы, когда Кречинскій вскрикиваетъ «Еврика» и затѣмъ объясняетъ Расплюеву, что это слово греческое, больной, исполнявшій роль Расплюева, въ отвѣтномъ монологѣ вмѣсто того, чтобы сказать, какъ слѣдовало по пьесѣ: «И посадятъ тебя, раба Божьяго на цѣпуру, и повезутъ тебя, раба Божьяго, въ Преображенскую», сказалъ только: «И посадятъ тебя, раба Божьяго, на цѣпуру... и увезутъ тебя, раба Божьяго»...

Имени Преображенской больницы онъ упомянуть не пожелалъ.

Въ водевилѣ же, когда Пишо, хватая себя за голову, воскликнулъ:

— Нѣтъ, этотъ Мишо меня положительно съ ума сведеть... — въ рядахъ присутствовавшихъ на спектаклѣ больныхъ женщинъ раздался громкій, насмѣшливый возгласъ:

— Вотъ еще!... И такъ сумасшедшій!.. Чего жъ его еще съ ума сводить?!

Къ докторамъ своимъ больные относятся необыкновенно враждебно и постоянно на нихъ всѣмъ жалуются, что отнюдь не значить, чтобы они были ими дѣйствительно недовольны. Это просто антагонизмъ, вошедшій въ нравы и обычаи больницы, съ которымъ медицинскій персоналъ и бороться не пробуетъ.

Я уже сказала, что Красовскій, при всемъ горячемъ участіи своемъ къ судьбѣ больныхъ, въ распорядки столичной администраціи войти не могъ, и при немъ, какъ и всегда, практиковался горькій и возмутительный обычай препровожденія въ больницу «на испытаніе» лицъ, такъ или иначе признанныхъ администраціей вредными въ политическомъ отношеніи.

Не знаю, пробовалъ ли Красовскій бороться противъ этого возмутительнаго и до ужаса несправедливаго обычая, но практиковался онъ при немъ въ полной силѣ, и въ результатъ всегда приводилъ «испытуемаго» къ полному и безповоротному безумію.

Мнѣ лично въ тотъ самый день, когда въ больницѣ праздновалась вышеописанная елка, пришлось быть чуть не свидѣтельницей горькой сцены, вызванной подобнымъ нравственнымъ убійствомъ.

Въ пріемной, въ которую мы всѣ проходили прежде, нежели войти въ залъ больницы, мы застали молодую дѣвушку, горько и неутѣшно плакавшую и въ порывѣ отчаянія повѣдавшую намъ свое горе...

Она уроженка Малороссіи, гдѣ выросла и жила съ матерью и братомъ.

Три года тому назадъ братъ ея, окончивъ успѣшно гимназическій курсъ въ одной изъ южныхъ гимназій, поѣхалъ въ Москву, гдѣ и поступилъ въ университетъ.

Въ первое время онъ часто писалъ домой, и онѣ обѣ съ матерью съ любовью слѣдили за его столичной жизнью, но къ концу перваго года письма вдругъ прекратились совершенно. Онъ не только самъ не писалъ къ нимъ, но и на ихъ письма упорно не отвѣчалъ, и на неоднократныя обращенія свои въ университетъ за справками о молодомъ студентѣ онѣ послѣ долгаго и упорнаго молчанія университетскаго начальства получили официальное приглашеніе прибыть въ управленіе указанной части московскаго полицейскаго управленія для полученія вещей, оставшихся въ квартирѣ ихъ безслѣдно исчезнувшаго родственника.

Старушку-мать, продолжавшую питать надежду свидѣться съ сыномъ, увѣдомленіе это въ конецъ добило, и въ Москву могла отправиться только дочь, которой и были вручены въ указанномъ ей полицейскомъ управленіи нѣсколько книгъ и тетрадей брата, его портретъ и двѣ или три пары стараго платья... На всѣ ея вопросы ей отвѣчено было, что никому неизвѣстно настоящее мѣстопробываніе ея брата и что въ рукахъ московской администраціи нѣтъ никакихъ средствъ что-либо узнать...

Такъ прошло болѣе года...

Старушка-мать умерла въ тоскѣ по сынѣ...

Молодая дѣвушка, поручивъ дальнимъ родственникамъ продать имѣніе, переселилась въ Москву, давъ себѣ слово, не щадя ни силъ, ни средствъ, разыскать пропавшаго брата, и дѣйствительно къ половинѣ второго года своего пребыванія въ Москвѣ она получила опять-таки официальное увѣдомленіе о томъ, что братъ ея живъ и находится на излеченіи въ психіатрической больницѣ, куда доставленъ былъ, какъ она поняла, тотчасъ послѣ своего исчезновенія. Какъ могло такое серьезное распоряженіе и такое изъ ряда вонъ выходящее событіе пройти незамѣтнымъ и неизвѣстнымъ университетскому начальству, являлось для нея совершенно непостижимымъ, и, получивъ разрѣшеніе навѣстить брата, она поторопилась въ Преображенскую больницу, чтобы отъ самого больного по возможности узнать подробности этого непостижимаго событія.

Разрѣшеніе посѣщенія въ ея глазахъ было гарантіей того, что на выздоровленіе брата есть надежда, и она съ горячимъ нетерпѣніемъ ждала дня, назначеннаго для свиданія съ больнымъ... но каково же было ея удивленіе и ея горе, когда она, пріѣхавъ въ больницу, получила отъ брата рѣзкій и категорическій отказъ принять ее и видѣться съ ней.

Она бросилась къ докторамъ.

Тѣ могли только подтвердить ей то, что она уже слышала, прибавивъ, что насиловать волю больного они не въ правѣ и могутъ только попробовать уговорить его свидѣться съ сестрой... Но больной упорствовалъ въ своемъ отказѣ, и бѣдная сестра такъ и уѣхала, не видавъ горячо любимаго больного брата...

Въ тотъ день, когда мы, прибывъ на елку, встрѣтили молодую дѣвушку въ пріемной больницы, ее увѣдомили, по распоряженію докторовъ, что часы ея брата сочтены и роковой конецъ можетъ наступить въ тотъ же день...

Она тотчасъ же пріѣхала въ больницу, но сидѣлка, безотлучно находившаяся при умирающемъ, съ горемъ увѣдомила ее, что братъ наотрѣзъ отказывается принять ее и велѣлъ ей сказать, что у него нѣтъ въ мірѣ никого близкаго. Сидѣлка, или точнѣе сестра милосердія, подтвердила молодой дѣвушкѣ, что ея братъ все сознаетъ и понимаетъ съ полной ясностью и что его отказъ принять ее или кого бы то ни было основанъ на томъ, что онъ не вѣритъ, чтобы съ человѣкомъ, у котораго есть кто-нибудь близкій или родной, возможно было поступить такъ, какъ поступлено было съ нимъ.

Оказалось (и въ ту минуту уже нечего было скрывать горькой истины), что несчастный юноша въ день своего мнимаго исчезновенія отправился утромъ на сходку въ университетъ, и оттуда прямо препровожденъ былъ «на испытаніе» въ домъ умалишенныхъ. Его мнимая болѣзнь хранилась въ глубочайшей тайнѣ, и тайна его «ис-

чезновенія» тогда только была открыта, когда онъ уже дѣйствительно лишился разсудка, подъ гнетомъ поразившаго его несчастья и подъ давленіемъ окружавшей его нравственной атмосферы.

Режимъ больницы, соединенный съ тѣмъ отчужденіемъ отъ всего и отъ всѣхъ, въ какомъ держали его, какъ «секретно испытуемаго», сдѣлалъ свое горькое дѣло, и въ ту минуту, когда онъ признанъ былъ безвреднымъ въ политическомъ смыслѣ, онъ былъ уже навсегда бесполезенъ и себѣ и другимъ...

Отъ природы кроткій и тихій, онъ и въ своемъ страшномъ заточеніи ни противъ кого не ропталъ и не вооружался. Онъ тихо грустилъ, не понимая ни силы злобы людской, ни силы страшнаго людскаго произвола... Непониманіе это дошло до рокового убѣжденія, что онъ одинъ въ мірѣ, что все ему близкое и родное давно умерло, потому что живой человѣкъ не могъ, не смѣлъ допустить, чтобы близкое ему созданіе такъ безжалостно, такъ звѣрски погибло!

Съ этой горькой мыслью онъ прожилъ мучительный срокъ своего административнаго «испытанія» въ сумасшествіи...

Съ этой горькой мыслью онъ и дѣйствительно безумнымъ сталъ, какъ бы въ угоду или въ оправданіе злой воли людской...

И вотъ теперь, въ минуту горькой кончины, въ минуту ранней и вѣчной разлуки молодой души съ измученнымъ, истерзаннымъ страданіями молодымъ тѣломъ, онъ, вѣрный выработавшейся въ его больномъ мозгу роковой идеѣ, не хотѣлъ и не могъ понять, что нужно отъ него этой молодой дѣвушкѣ, что, по словамъ докторовъ и сидѣлокъ, такъ горько плачетъ тамъ, въ пріемной больницы?..

Ни близкихъ, ни родныхъ онъ въ мірѣ не признавалъ...

Вѣдь ежели бы у него были близкіе или родные, такъ не погибъ бы онъ такой страшной, роковой погибелю?!..

Мы всѣ съ ужасомъ выслушали ея рассказъ... Съ ужасомъ поняли всю горькую житейскую драму этого искусственно вызваннаго безумія... и простились съ нею, отъ души пожелавъ ей горькаго утѣшенія взглянуть на замученнаго брата и проститься съ нимъ, передъ его переходомъ въ иной, какъ принято вѣрить, «лучшій міръ».

Но благому пожеланію нашему не суждено было исполниться... Больной скончался въ ту же ночь, не допустивъ къ себѣ сестру... Скончался одинъ, въ своей мучительной больничной палатѣ, съ твердымъ убѣжденіемъ, что у кого есть въ мірѣ близкіе, тотъ такой страшной смертью умереть не можетъ...

Не знаю и не берусь сказать, встрѣчаются ли такіе «больные» въ данную минуту въ психіатрическихъ русскихъ больницахъ, но за то, что прежде они встрѣчались, ручается строгая вѣрность настоящаго факта, еще многимъ воочию памятнаго въ Москвѣ...

Вотъ почему съ такимъ горячимъ, лихорадочнымъ вниманіемъ современное общество слѣдило и слѣдитъ за разрѣшеніемъ въ госу-

дарственной думѣ вопроса о свободѣ личности... Вотъ почему поднятый въ той же думѣ вопросъ объ «испытаніяхъ» въ психіатрическихъ больницахъ встрѣченъ былъ такимъ тревожнымъ, напряженнымъ вниманіемъ...

Изъ всѣхъ золъ міра самое страшное, самое непоправимое то зло, надъ которымъ суда нѣтъ...

Въ заключеніе передамъ случай, гдѣ свободной совѣсти людской удалось, въ тѣхъ же стѣнахъ Преображенской больницы, силой Божьей правды восторжествовать даже надъ всемогущимъ административнымъ произволомъ..

Въ началѣ 80-хъ годовъ въ Москву пріѣхалъ изъ Финляндіи одинъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, фонъ-Ш., окончившій курсъ московскаго университета и пожелавшій, устроить дѣла по имѣнію, вступить на государственную службу, такъ какъ при новыхъ порядкахъ доходы съ имѣнія умалились до полной невозможности удовлетворить ими всѣ нужды и потребности самой скромной жизни.

Фонъ-Ш. съ самаго момента окончанія университетскаго курса жилъ вмѣстѣ съ матерью, никогда съ нимъ не разстававшейся, и въ Москву она тоже за нимъ послѣдовала.

Несмотря на свой почти сорокалѣтній возрастъ, фонъ-Ш. остался прежнимъ идеалистомъ-студентомъ и, сознавая за собой право занять хорошее мѣсто на государственной службѣ, онъ былъ убѣжденъ, что такое мѣсто его обязательно ожидаетъ и что стоитъ выразить только желаніе, чтобы его своевременно занять. Съ такимъ убѣжденіемъ онъ въ пріемный день явился къ гражданскому губернатору Перфильеву и словесно изложилъ ему свою просьбу.

Перфильевъ принялъ его очень привѣтливо, какъ всегда и всѣхъ принималъ, пообѣщалъ ему свое содѣйствіе, какъ всегда и всѣмъ его обѣщалъ, и... не сдержалъ своего слова, какъ онъ никогда и ни въ чемъ его не держалъ!..

Прошло недѣли двѣ или три, и Ш. опять отправился къ Перфильеву, чтобы вновь услышать и учтивыя увѣренія и бесполезныя обѣщанія...

Такъ неизмѣнно повторилось нѣсколько разъ сряду, и гордый и правдивый фонъ-Ш. началъ выходить изъ терпѣнія, сознавая, что отказать ему губернаторъ былъ въ правѣ, но глумиться надъ нимъ не смѣлъ!.. Онъ вновь отправился къ нему, и громко и энергично попросилъ его разъ навсегда дать ему прямой и категорическій отвѣтъ, будетъ ли просьба его исполнена, или нѣтъ? Голодной смертью безработица ему не грозила, въ имѣніи онъ могъ всегда прожить и спокойно и безбѣдно, и вопросъ его опредѣленія въ данную минуту являлся для него уже вопросомъ оскорбленнаго самолюбія...

Перфильевъ опять-таки постарался успокоить его, хотя и не скрылъ своего удивленія по поводу нѣсколько рѣзкаго и возбужденнаго тона просителя...

Грозный тонъ губернатора не испугалъ и не смутилъ гордаго нѣмца... Онъ ушелъ еще разъ, выразивъ настоятельное желаніе узнать «точную правду», чтобы долѣе не беспокоить и себя и другихъ. Но привычный къ слѣпой русской покорности администраторъ не понялъ или не захотѣлъ понять настоящаго настроенія просителя и допустилъ его еще разъ явиться, чтобы въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей вновь выслушать прежнія обѣщанія, съ новымъ назначеніемъ дальнѣйшихъ сроковъ.

Эта новая отерочка оказалась роковой для обоихъ...

Фонъ-Ш., выслушавъ Перфильева, вспыхнулъ, какъ порохъ, и со словами:

— Это насмѣшка... Я не позволю вамъ смѣяться надо мной...— рванулся и ударилъ Перфильева по щекѣ...

Ударъ громко и гулко раздался въ приемномъ залѣ.

На минуту все стихло... Все оцѣпенѣло...

Затѣмъ моментально явилась полиція, фонъ-Ш. былъ схваченъ, арестованъ и, по указанію полицейскаго доктора, препровожденъ въ Преображенскую больницу «на испытаніе».

Напрасно мать фонъ-Ш., извѣщенная объ арестѣ сына, бросалась всюду, настаивая на полной его правоспособности. Напрасно самъ онъ настаивалъ на томъ, что онъ совершенно здоровъ, и совершилъ поступокъ свой сознательно, обидой мстя за нанесенную ему обиду и ударомъ физическимъ расплачиваясь за невыносимо больные удары нравственные..

Ничто не помогало...

До обыкновеннаго суда допускать это дѣло было невыгодно для администраціи. И фонъ-Ш., признанный безумнымъ, водворенъ былъ въ больницу для «законнаго» срока «испытанія».

Вотъ тутъ-то сила и свѣтъ науки блеснули такъ, какъ рѣдко удается имъ блеснуть...

Обязанность главнаго директора Преображенской больницы въ то время исполнялъ всѣми уважаемый и, какъ Божій свѣтъ справедливый, молодой психіатръ Буцке, временно замѣнившій старика Державина, долгіе годы стоявшаго во главѣ больницы и фатально не выдержавшаго близкаго и постояннаго общенія съ безумными. Онъ самъ сошелъ съ ума и въ моментъ поступленія фонъ-Ш. въ больницу находился самъ подъ неусыпнымъ наблюденіемъ своихъ недавнихъ сотоварищей по медицинской практикѣ...

Субъектъ, вновь поступившій въ число пациентовъ Преображенской больницы, а равно и подробности его поступленія сильно заинтересовали Буцке. Онъ не могъ отказать въ приемѣ больного отъ администраціи «на испытаніе», но гибели здороваго человѣка и нравственному насилию надъ нимъ онъ воспротивиться могъ, и горькій произволъ не нашелъ себѣ въ немъ ни сочувствія, ни поддержки...

Фонь-Ш. встрѣтилъ въ больницѣ самый лучший, дружескій уходъ, какъ человѣкъ дѣйствительно нуждавшійся въ подкрѣпленіи и урегулированіи нервной системы... но воля ему была предоставлена полная, какъ человѣку психически совершенно здоровому, и свобода его ничѣмъ положительно не стѣснялась. Онъ вставалъ и ложился позднѣе другихъ... читалъ и писалъ безпрепятственно и безконтрольно все, что хотѣлъ, и мать, изнемогавшая подъ бременемъ поразившаго его несчастія, ежедневно допускалась къ нему и проводила съ нимъ всѣ дни напролетъ.

Большой охотникъ до игры въ преферансъ, фонь-Ш. нашелъ себѣ въ больницѣ постоянную партію, и часто шутя говорилъ, что ежели бы не постоянные, сильно надоѣдавшіе ему визиты эмиссаровъ администраціи, онъ порой могъ бы совершенно забыться и думать, что живетъ у себя на дачѣ, въ родной Финляндіи.

Но администрація не дремала и выпустила его изъ своихъ цѣпкихъ когтей не желала...

Къ нему неоднократно уже пріѣзжали отъ имени Перфильева и даже выше его поставленныхъ лицъ со всевозможными предложеніями, имѣвшими цѣлью выжить фонь-Ш... изъ Москвы, выгоднымъ назначеніемъ по «выздоровленію» вознаградить его за долгое нахожденіе въ домѣ умалишенныхъ, тѣмъ самымъ констатируя въ то же время и законность такого временнаго нахожденія...

Этотъ способъ удовлетворялъ, по мнѣнію заботливаго начальства, обѣ враждующія стороны. И оскорбленіе, нанесенное Перфильеву, смывалось признаннымъ безуміемъ оскорбителя, и онъ надолго, ежели не навсегда, исчезалъ изъ Москвы.

Но ни фонь-Ш., ни мать его не сдавались... Они настаивали на томъ, что оскорбленіе было вызвано, и требовали суда строгаго, но неподкупно справедливаго...

Тогда въ послѣдній разъ къ фонь-Ш. явились лица, уполномоченныя переговорить съ нимъ и представить ему на видъ всю несообразность и безвыходность его положенія...

— Вѣдь ежели признано будетъ на судѣ, что вы дѣйствовали вполне сознательно и что вы, какъ въ этомъ хотите насъ увѣрить, сознательно нанесли оскорбленіе губернатору и притомъ при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей, то вы сами понимаете, чему вы подвергаетесь за это по закону?.. Ежели же вы будете признаны безумнымъ, то... васъ такъ и оставятъ въ сумасшедшемъ домѣ до гробовой доски!.. Поймите же, что судъ для васъ, во всякомъ случаѣ, гибель, тогда какъ мы вамъ дадимъ возможность, избѣгнувъ суда, навсегда прочно и спокойно устроиться въ провинціи...

Фонь-Ш. ничего не хотѣлъ слышать и, поддерживаемый матерью, упорно требовалъ суда...

Въ этомъ же рѣшеніи поддерживалъ его и докторъ Буцке, завзятый врагъ всякаго деспотизма и далеко не ярый сторонникъ столичной администраціи.

— Ничего, не унывайте!..—говорилъ онъ.—Авось и на административную крапиву найдется какой-нибудь морозъ?!

И «морозъ» этотъ, дѣйствительно, нашелся!..

Признанный вполнѣ правоспособнымъ, фонъ-Ш. предсталъ передъ лицомъ суда, куда вмѣстѣ съ нимъ вызванъ былъ и врачебный персоналъ больницы...

Показаніями врачей, дружно сплотившихся подѣ давленіемъ исправлявшаго должность главнаго доктора Буцке, установлено было, что въ моментъ совершенія преступленія фонъ-Ш. подѣ вліаніемъ сильнаго аффекта былъ въ пароксизмѣ внезапнаго остраго помѣшательства, устраняющаго всякую возможность отвѣтственности передъ закономъ за какой бы то ни было проступокъ, точно такъ же какъ въ данную минуту передъ лицомъ суда находится совершенно излечившійся человѣкъ, состояніе здоровья котораго устраняетъ всякую возможность дальнѣйшаго содержанія его въ психіатрической больницѣ...

Подобное мудрое и... ловкое заключеніе было встрѣчено присутствовавшей на судѣ публикой съ чувствомъ искренняго одобренія, и Буцке, а равно и его товарищамъ, устроена была шумная овація...

Нечего и говорить, конечно, что тотчасъ по освобожденіи своемъ фонъ-Ш. уѣхалъ въ родную ему Финляндію, и что русскія столицы врядъ ли когда опять увидали его въ своихъ стѣнахъ.

А. И. Соколова.

КЕРИМЕТЪ, НЕВѢСТКА ШАМИЛЯ, — ЖЕРТВА АЗИАТСКОЙ, А ЗАТѢМЪ РУССКОЙ ПОЛИТИКИ.

ВЪ ЧИСЛѢ членовъ довольно многочисленнаго семейства Шамиля, находившагося при немъ въ Калугѣ, была невѣстка его Кериметь, жена старшаго его сына Кази-Магомы.

Отецъ ея, бывшій елисейскій султанъ Даніель-бекъ, во время кавказской войны сначала держалъ сторону Россіи и даже числился генераломъ русской службы, а затѣмъ перешелъ къ Шамилю. Въ послѣдній моментъ борьбы онъ, однако, снова передался русскимъ, сдавъ имъ укрѣпленный аулъ Ирибъ съ 9-ю орудіями.

Вслѣдствіе этого Шамиль и его семейство питали къ Даніель-беку глубочайшую ненависть, которую, естественно, перенесли на Кериметь, какъ дочь кроваго ихъ врага. Само собой понятно, положеніе ея въ семьѣ свекра было самое тяжелое, — тѣмъ болѣе, что она, повидимому, и не любила своего мужа. Если Шамиль и всѣ его семейные жили на чужбинѣ въ тяжеломъ сознаніи своего плѣненія, то о Кериметь можно сказать, что она томилась въ двойномъ плѣну.

Отношенія этой молодой и красивой женщины къ семейству Шамиля хорошо выяснены въ письмѣ, посланномъ ею князю Барятинскому передъ отправленіемъ ея съ Кавказа въ Калугу. Хотя это письмо, съ датой 11-го іюня 1860 г., очевидно, было составлено не самою Кериметь, но изложенныя въ немъ обстоятельства не были вымышлены составителемъ. Вотъ это письмо:

«Отець мой, Даніель-бекъ, обязался подпискою отдать меня сыну Шамиля, Кази-Магомѣ, какъ жену послѣдняго.

«Не смѣю и не думаю прекословить священной для меня волѣ отца моего и правительства, но не могу не высказать предъ вами, сіятельнѣйшій князь, тѣхъ обстоятельствъ, которыя сопровождали бракъ мой съ Кази-Магомой, и чувствъ, терзающихъ меня при одной мысли ѣхать съ мужемъ моимъ въ Калугу.

«Несчастныя обстоятельства вынудили отца моего оставить въ 1844 году свои владѣнія и удалиться въ горы. Шамиль принялъ его довольно ласково, но вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо зналъ, что отецъ мой останется попрежнему преданнымъ Россіи. Я въ то время была дитя, и Шамиль, желая болѣе связать съ собою отца моего, на котораго онъ много рассчитывалъ, предложилъ отцу моему выдать меня за сына его, теперешняго мужа моего, Кази-Магому. Это, какъ я впослѣдствіи узнала, была одна политика со стороны Шамиля. Ни я, ни теперешній мужъ мой не знали другъ друга, а потому и не могли питать взаимной привязанности. Отець мой долго подъ разными предлогами отстранялъ бракъ мой съ Кази-Магомой, но въ 1850 году къ нему пріѣхалъ самъ Шамиль, и отецъ мой долженъ былъ согласиться на его предложеніе. Несчастный бракъ мой былъ заключенъ, и я вскорѣ поняла, что, подъ предлогомъ жены для своего сына, Шамиль взялъ меня въ свой домъ, какъ заложницу или аманатку, посредствомъ которой могъ держать отца моего въ желаемыхъ видахъ. Много испытала я горя въ домѣ Шамиля въ теченіе девятилѣтней моей жизни у него, и отъ горя этого не могъ даже защищать меня мужъ мой.

«Богъ послалъ, наконецъ, васъ, сіятельнѣйшій князь, спасти всѣхъ плѣнныхъ и притѣсненныхъ Шамилемъ. Вы покорили Дагестанъ, и я вмѣстѣ съ прочими была освобождена отъ тяжкаго и продолжительнаго плѣна. Но участь моя измѣнилась къ лучшему только на время: я должна опять итти къ Шамилю, жить въ его домѣ и, безъ сомнѣнія, терпѣть отъ него болѣшія притѣсненія, чѣмъ я терпѣла прежде. Шамиль считаетъ отца моего измѣнникомъ противъ себя и нелѣпо думаетъ, что будто бы отецъ мой былъ главнымъ проводникомъ выказанной впослѣдствіи ненависти дагестанскимъ народомъ, доведеннымъ имъ самимъ до послѣдней крайности. При такихъ убѣжденіяхъ, чего должна ожидать я, дочь смертельнаго врага Шамиля, въ его семействѣ.

«Не мое дѣло судить, правъ или неправъ Шамиль въ своихъ убѣжденіяхъ: я должна только повиноваться волѣ отца моего и правительства. Но при этомъ осмѣливаюсь пасть къ ногамъ вашего сіятельства, какъ второго отца и покорителя Дагестана, и со слезами просить оказать, по крайней мѣрѣ, мнѣ въ моемъ изгнаніи вашу великодушную и могущественную защиту отъ притѣсненій Шамиля и сына его, Кази-Магомы, въ ихъ домѣ, успокоить, по возможности, жизнь мою у нихъ и спасти меня отъ преждевременной смерти

«Ваше сіятельство, конечно, не сочтете, чтобы слова мои и просьбы происходили отъ какихъ-либо особыхъ причинъ, кромѣ душевнаго убѣжденія въ горькой жизни, меня ожидающей. Въ горахъ еще болѣе или менѣе я находила защиту и утѣшеніе въ отцѣ моемъ, а въ Калугѣ я могу ожидать ихъ только отъ Бога, моего государя и вашего сіятельства».

Надо замѣтить, что Кериметь поѣхала въ Калугу послѣ остальнаго семейства Шамиля, которое отправилось туда еще въ 1859 г., въ сопровожденіи ея же мужа Кази-Магомы, нарочно посланнаго для этого изъ Калуги Шамилемъ. Въ то время ей, благодаря, вѣроятно, стараніямъ родственниковъ, удалось подъ предлогомъ болѣзни, удостовѣренной медицинскимъ свидѣтельствомъ, временно остаться на Кавказѣ у своего отца.

Конечно, кавказское начальство и тогда не могло не знать о ненависти, питаемой Шамилемъ и его семействомъ къ Кериметь. Но оно, дѣйствуя въ духъ всего русскаго правительства, старавшагося всячески доказать Шамилю свою о немъ попечительность, имѣло въ виду лишь желанія своего знаменитаго плѣнника и его сына Кази-Магомы, не допуская даже мысли о совершенномъ оставленіи Кериметь на Кавказѣ. Поэтому, дозволивъ ей пребыть тамъ лишь до своего выздоровленія, оно вмѣстѣ съ тѣмъ заставило Даніельбека выдать подписку въ томъ, что онъ «по выздоровленіи своей дочери будетъ содѣйствовать соединенію ея съ мужемъ», при чемъ послѣднему главнокомандующій кавказскою арміею князь Барятинскій тогда же далъ разрѣшеніе весною вновь пріѣхать на Кавказъ за женой.

5-го мая 1860 года Кази-Магома, дѣйствительно, отправился за Кериметь въ укрѣпленіе Шемиръ-Ханъ-Шуру, куда, по его пріѣздѣ, она должна была быть къ нему доставлена.

Между тѣмъ въ военное министерство стали поступать свѣдѣнія объ опасности, въ виду враждебнаго отношенія къ Кериметь Шамиля и его семейства, помѣщать ее, въ случаѣ прибытія ея съ мужемъ въ Калугу, въ одномъ домѣ со свекромъ.

Такъ, приставъ при Шамилѣ штабсъ-капитанъ Руновскій въ свой дневникъ, представляемый имъ ежемѣсячно дежурному генералу главнаго штаба Его Императорскаго Величества, внесъ за 31 мая замѣтку о томъ, что Шамиль, обвиняя Даніельбека и его дочь Кериметь въ передачѣ русскимъ истиннаго положенія гарнизона Гуньба во время осады послѣдняго княземъ Барятинскимъ, питаетъ къ нимъ чувство мести, каковое чувство не чуждо и сердцу Кази-Магомы; а потому возможно, что Кериметь ожидаетъ въ Калугѣ печальная участь.

Потомъ, 18-го іюня, приставомъ Руновскимъ были представлены военному министерству какъ копія вышеприведеннаго письма Кериметь къ князю Барятинскому, такъ и копія письма, къ которому она

была приложена, именно присланнаго ему, Руновскому, начальникомъ главнаго штаба кавказской арміи Милютинымъ отъ 24 іюня за № 1335. Въ этомъ письмѣ своемъ Милютинъ, сообщая о томъ, что имъ получено письменное заявленіе Даніель-бека объ опасеніяхъ за будущее положеніе его дочери въ семействѣ Шамиля, просилъ Руновскаго употребить все свое вліяніе для обезпеченія участи Кериметь по пріѣздѣ ея съ мужемъ въ Калугу и для устраненія отъ нея всѣхъ непріятностей, которыхъ она опасается.

Вслѣдъ за тѣмъ и калужскій губернаторъ, котораго только что передъ тѣмъ военное министерство просило о помѣщеніи Кази-Магомы съ женою, по прибытіи ихъ въ Калугу, во флигелѣ, занимаемомъ Руновскимъ, и о переводѣ послѣдняго на другую по близости квартиру, или же о выдачѣ ему квартирныхъ денегъ по положенію, — написалъ военному министру отъ 20-го іюля, за № 3905, что Шамиль, какъ выяснилось изъ бесѣды съ нимъ Руновскаго, «не желаетъ, чтобы дочь его врага жила въ одномъ съ нимъ домѣ», и что, «судя по свойствамъ азіатской ненависти, приставъ Руновскій опасается послѣдствій отъ жительства Кази-Магомета на одномъ дворѣ, и не столько со стороны самого Шамиля, сколько отъ женъ его и другихъ членовъ семейства, кои, раздѣляя ненависть Шамиля къ Кериметь, будутъ искать всякаго удобнаго случая къ выраженію этой ненависти въ дѣйствіяхъ и къ стѣсненію дочери Даніель-бека». Далѣе губернаторъ сообщалъ, что онъ, желая составить себѣ представленіе о возможныхъ будущихъ отношеніяхъ Шамиля къ Кериметь, имѣлъ съ этою цѣлью съ бывшимъ предводителемъ горцевъ личный разговоръ, во время котораго Шамиль, дѣйствительно, считающій Даніель-бека своимъ злѣйшимъ врагомъ, съ полною откровенностью выражался, что онъ при встрѣчѣ не остановился бы его убить; что Даніель-бекъ завладѣлъ всѣми его богатствами, и дочь его, жена Кази-Магомы, помогала ему во всѣхъ дѣйствіяхъ противъ Шамиля; что если онъ, Шамиль, и согласился на поѣздку Кази-Магомета, то единственно по убѣжденію своихъ семейныхъ и пристава Руновскаго; но при этомъ сколько желалъ бы совмѣстной жизни съ сыномъ, столько же противился бы помѣщенію его жены въ одномъ съ нимъ домѣ и вовсе не хотѣлъ бы, чтобы жена его сына входила въ семейный его кругъ. Но вмѣстѣ съ этимъ, въ предупрежденіе толковъ и огласки семейнаго раздора, а также во избѣжаніе хозяйственныхъ неудобствъ и излишнихъ издержекъ отъ отдѣльнаго жительства, Шамиль по необходимости просилъ поселить сына своего во флигелѣ, занимаемомъ Руновскимъ, дабы, между прочимъ, какъ онъ выражался, не нанимать другого повара и особой прислуги». При этомъ, однако, по сообщенію губернатора, «Шамиль положительно объявилъ, что онъ вовсе не желаетъ видѣть жены Кази-Магомета и отвергаетъ даже временное ея помѣщеніе (въ случаѣ, если къ ея пріѣзду не будетъ окончательно отдѣланъ флигель) въ домѣ, собственно имъ, Шамилемъ, занимаемомъ».

Военное министерство, повидимому, искренно сочувствовало несчастной судьбѣ Кериметь и вполне сознавало тѣ тяжелыя условія, которыя ожидали ее въ семьѣ Шамиля. Тѣмъ не менѣе, опасаясь своимъ вмѣшательствомъ въ семейныя дѣла плѣнника причинить ему неприятность, оно вопросъ объ устройствѣ Кериметь въ Калугѣ всецѣло предоставило его личному усмотрѣнію, взявъ на себя лишь задачу, по мѣрѣ возможности, содѣйствовать примиренію его съ своей невѣсткой.

Въ отвѣтномъ письмѣ калужскому губернатору, отъ 5-го августа, за № 4355, военный министръ Сухозанеть увѣдомлялъ, что онъ, соглашаясь съ основательностью опасеній губернатора о враждебныхъ отношеніяхъ Шамиля къ Даніель-беку и Кериметь, полагаетъ, что «помѣщеніе» послѣдней «съ ея мужемъ во флигелѣ дома, занимаемаго Шамилемъ, какъ это предполагалось первоначально, было бы нынѣ весьма неудобнымъ и не совсѣмъ безопаснымъ, и что на семь основаній... необходимо слѣдовало бы помѣстить Кази-Магомета съ женою въ совершенно отдѣльномъ домѣ». При этомъ, однако, военный министръ, желая предварительно исполненія этого распоряженія, по возможности, согласовать таковое съ видами самого Шамиля и тѣмъ самымъ устранить все, что можетъ быть ему неприятно, просилъ губернатора откровенно объясниться отъ имени министра по этому предмету съ Шамилемъ, предупредивъ его, что означенный вопросъ будетъ разрѣшенъ согласно собственнымъ его желаніямъ. Наконецъ, военный министръ, выразивъ увѣренность, что губернаторъ Арцимовичъ, по ближайшему своему усмотрѣнію, окончательно разрѣшитъ настоящее дѣло въ тѣхъ видахъ, которые изложены въ письмѣ, дабы предотвратить всѣ опасенія Кериметь, заявленныя ею генераль-фельдмаршалу князю Барятинскому, присоединилъ новую просьбу о томъ, чтобы губернаторъ далъ отъ себя приставу Руновскому «должное наставленіе относительно надзора за положеніемъ Кериметь, не выходя изъ предѣловъ инструкціи и не стѣсня семейный бытъ Шамиля».

Отвѣчая военному министру письмомъ же отъ 17-го августа за № 4615, калужскій губернаторъ писалъ: «Милостивый государь, Николай Онуфріевичъ. Желая, по полученіи письма вашего высокопревосходительства за № 4355, лично и совершенно конфиденціально переговорить насчетъ устройства Кази-Магомета съ самимъ Шамилемъ, я вчера въ 11 часовъ утра отправился къ нему, но нашла его больнымъ довольно сильными припадками холеры. Между тѣмъ, къ вечеру пріѣхалъ Кази-Магометъ съ женою, и такъ какъ въ приготовленномъ для него флигелѣ, гдѣ прежде жилъ капитанъ Руновскій, полы были недавно окрашены, то Шамиль, *по собственному внушенію*, принялъ сына съ женою въ занимаемый имъ домъ.

«Хотя изъ этого поступка слѣдуетъ заключить, что родительскія чувства Шамиля берутъ верхъ надъ чувствами вражды къ семей-

ству Даниель-бека, я, однако, по выздоровленіи больного, не премину объясниться съ нимъ по порученію вашему и въ то же время о послѣдствіяхъ буду имѣть честь довести до вашего свѣдѣнія.

«Вообще, вопросъ объ образѣ жизни въ Калугѣ Кази-Магомета полагаю предоставить обоюдному соглашенію отца съ сыномъ, объяснивъ имъ только, что правительство не встрѣчаетъ препятствій къ жительству ихъ въ разныхъ домахъ отдѣльными хозяйствами, къ чему и не представится никакихъ затрудненій, ибо нужно будетъ только капитану Руновскому перейти снова во флигель при домѣ, занимаемомъ Шамилемъ, а нанятый для Руновскаго удобный домъ отдать Кази-Магомету».

Затѣмъ, отъ 6-го сентября, за № 5094, губернаторъ Арцимовичъ снова писалъ военному министру:

«Милостивый государь, Николай Онуфріевичъ. Въ дополненіе къ письму моему отъ 17-го минувшаго августа, за № 4615, долгомъ считаю довести до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства, что, по совершенномъ выздоровленіи Шамиля, я имѣлъ съ нимъ откровенный разговоръ, изложивъ ему предварительно заботу вашу объ устраненіи всѣхъ поводовъ къ несогласіямъ въ его семейномъ кругу. На это Шамиль съ полною откровенностью объявилъ мнѣ, что во время болѣзни, считая себя близкимъ къ смерти, онъ простилъ всѣхъ своихъ враговъ и совершенно примирился съ Даниель-бекомъ и его дочерью, и что засимъ не желаетъ уже отдѣльнаго жительства Кериметь и ея мужа, а проситъ помѣстить ихъ во флигель, занимавшемся приставомъ Руновскимъ. На предъявленное же мною опасеніе насчетъ возможныхъ непріятностей Кериметь со стороны семейныхъ Шамиля онъ отвѣтилъ мнѣ, что, если онъ самъ уже примирился съ Даниель-бекомъ и простилъ его дочь, то никто изъ членовъ его семейства не будетъ беспокоить Кериметь.

«Обезпеченный собственнымъ ручательствомъ Шамиля за безопасность дочери Даниель-бека и имѣя въ виду мнѣніе ваше о разрѣшеніи настоящаго дѣла согласно съ желаніями самого Шамиля, я предположилъ помѣстить Кази-Магомета съ женою во флигель, прежде занимавшемся приставомъ Руновскимъ. Во флигель этомъ уже сдѣланы нужныя исправленія и приспособленія къ настоящему его назначенію на счетъ суммы, состоящей въ моемъ распоряженіи для устройства помѣщенія всего семейства Шамиля; на счетъ этой же суммы ассигновано мною 300 руб. для приобрѣтенія во флигель самой необходимой мебели.

«Въ распоряженіяхъ относительно помѣщенія для Кази-Магомета представленъ будетъ въ свое время установленный отчетъ по военному министерству. Въ настоящее же время обязываюсь довести до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства, что, разрѣшая означенные расходы, я примѣнялся къ возрѣнію правительства при первоначальномъ приѣмѣ всего семейства Шамиля и, сверхъ

того, имѣлъ въ виду значеніе Кази-Магомета, какъ старшаго въ родѣ Шамиля, пользующагося полнымъ его довѣріемъ, а равно и вниманіе кавказскаго начальства къ Кериметь, какъ дочери Даниель-бека.

«Въ заключеніе считаю не лишнимъ присовокупить, что раздоры между членами семейства Шамиля въ настоящее время, по видимому, съ прїѣздомъ Кази-Магомета и вслѣдствіе сдѣланныхъ мною приставу Руновскому указаній, прїостановились; но возобновленіе ихъ весьма возможно при совершенно празднои жизни какъ сыновей, такъ и зятъевъ Шамиля, на что, безъ сомнѣнія, со временемъ представится необходимость обратить особое вниманіе».

Такимъ образомъ, дѣло, по видимому, принимало благопріятный оборотъ, согласный съ видами правительства.

Вскорѣ послѣ этого и главнокомандующій кавказскою арміею князь Барятинскій, которому министерство отъ 6 іюля за № 576 сообщило объ опасности, угрожающей Кериметь въ Калугѣ, прислалъ письмо отъ 17 августа, за № 1752, долженствовавшее поколебать увѣренность Шамиля въ основательности своихъ подозрѣній относительно Кериметь.

«Что касается,—писалъ между прочимъ князь Барятинскій,—до обвиненія падающаго со стороны Шамиля на дочь Даниель-бека Кериметь въ доставленіи намъ свѣдѣній о силахъ, положеніи и средствахъ къ оборонѣ гарнизона Гуниба во время осады этого мѣста, то я положительно утверждаю своимъ словомъ, что до самаго занятія Гуниба мы не имѣли точнаго свѣдѣнія о гарнизонѣ его, и что во всякомъ случаѣ у насъ не было никакихъ сношеній съ Кериметь».

«По извѣстію, полученному отъ командующаго войсками Дагестанской области, Кериметь прибыла въ Темиръ-Ханъ-Шуру 15 іюля и была принята мужемъ съ непритворнымъ восторгомъ. Это опровергаетъ подозрѣніе капитана Руновскаго, что, можетъ быть, Гази-Магома желаетъ вытребовать къ себѣ жену только для того, чтобы имѣть случай отмстить ей».

«Какъ прежде прибытія Кериметь, такъ и послѣ того генераль-лейтенантъ князь Меликовъ старался внушить Гази-Магомѣ обязанность его охранять спокойствіе жены въ Калугѣ и получилъ положительное обѣщаніе всевозможно стараться, чтобы она не имѣла никакого повода сожалѣть о возвращеніи своемъ къ нему. По прибытіи Кериметь, князь Меликовъ далъ и ей надлежащія наставленія и успокоилъ ее насчетъ ея будущности».

«Генераль-лейтенантъ князь Меликовъ полагаетъ, что, судя по отношеніямъ, которыя существуютъ между Гази-Магомою и Кериметь, можно надѣяться, что они будутъ жить согласно, если только вмѣшательство Шамиля или его жевъ не разстроитъ домашняго ихъ счастья. Извѣстно, что Шамиль сильно негодуетъ на отца

своей невѣстки за дѣйствія его въ годъ покоренія Дагестана и, можетъ быть, по мстительному характеру лезгина, будетъ притѣснять дочь за поведеніе отца. Князь Меликовъ выразилъ это опасеніе Гази-Магомѣ, и хотя послѣдній обѣщаль быть заступникомъ за жену и изъявилъ даже желаніе жить отдѣльно отъ отца, но, можетъ быть, при всемъ желаніи, онъ не въ состояніи будетъ противиться ему. Поэтому я полагаю, что было бы необходимо поручить приставу имѣть особое наблюденіе за положеніемъ Кериметь и оградить ее отъ притѣсненій.

«Всѣ вышеизложенныя свѣдѣнія я приказалъ сообщить и приставу при Шамилѣ».

При такихъ условіяхъ, военному министерству для осуществленія принятой имъ на себя задачи оставалось лишь объявить Шамилю о томъ, что возводимыя имъ на Кериметь обвиненія въ сношеніяхъ съ русскими во время осады Гуниба опровергаются ручательствомъ князя Барятинскаго, атакже, поблагодаривъ губернатора Арцимовича за сдѣланныя имъ по настоящему дѣлу распоряженія, предупредить его, что, если бы означенное ручательство главнокомандующаго кавказской арміей не измѣнило чувствъ Шамиля къ невѣсткѣ, то слѣдуетъ на пристава Руновскаго возложить обязанность особаго наблюденія за положеніемъ Кериметь въ семействѣ свекра, но безъ стѣсненія этимъ семейнаго быта Шамиля. Все это и было сдѣлано письмомъ военнаго министра калужскому губернатору отъ 14 сентября за № 5074 и отношеніемъ на его имя, подписаннымъ, за болѣзнію министра, свиты его императорскаго величества генераль-майоромъ Лихачевымъ отъ 8 того же мѣсяца за № 4948.

Архивные документы, послужившіе матеріаломъ для составленія настоящаго очерка, не содержатъ въ себѣ ясныхъ указаній о томъ, какъ именно сложилась жизнь Кериметь въ домѣ Шамиля. Но что ей жилось тамъ несладко, видно изъ двухъ ея писемъ, которыя она секретно черезъ пристава Руновскаго хотѣла переслать своему отцу Даніель-беку. Эти коротенькія и безграмотно изложенныя письма, относящіяся къ концу 1860 года, ясно свидѣтельствуютъ о глубокой внутренней драмѣ, переживаемой ею въ то время.

Вотъ содержаніе перваго письма:

«Великій отецъ мой, посылаю тебѣ многіе поклоны и привѣтствія!

«Письмо твое я получила, и оно мнѣ доставило большую радость и удовольствіе.

«Душа моя, отецъ! Если ты хочешь знать о томъ, какъ я живу, то въ письмѣ я ничего не могу описать тебѣ; но, если Богу будетъ угодно, и мы увидимся въ Петербургѣ, тогда ты узнаешь все, что у меня на сердцѣ.

«Прошу тебя писать ко мнѣ какъ можно чаще. Я послала письмо къ брату, но отъ него письма до сихъ поръ не получила: всѣ укоряютъ его за это. Сулейманъ и Маріэтъ совершенно здоровы.

«Объ этомъ письмѣ знаетъ только Аполлонъ Ивановичъ Руновскій, а больше никто не знаетъ. Аполлонъ со мной очень хорошъ: если ты къ нему будешь писать письмо, то напиши, что Кериметъ имъ очень довольна.

«Еще желаю я, чтобы Алчи¹⁾ пріѣхалъ въ Калугу; это будетъ очень хорошо: тогда тебѣ будутъ извѣстны всѣ обстоятельства.

«Не вини меня, что не могу писать къ тебѣ въ письмѣ обо всемъ: нѣтъ мѣста, гдѣ бы писать. Ахъ, ахъ, ахъ! Кериметъ.

«Лгунъ Иса Ивановичъ»²⁾).

Второе письмо таково:

«Душа души моей, вѣнецъ головы моей, отецъ мой, да благословить тебя Богъ!

«Послѣ поклона и молитвъ прошу тебя прислать мнѣ твой портретъ. Я очень буду этимъ довольна; если же не пришлешь, то это меня огорчить.

«Старшіе, что въ Калугѣ, мнѣ много сдѣлали непріятностей.

«Увѣдомъ, получилъ ли ты, или не получилъ моего портрета, который къ тебѣ послалъ генераль, что въ Шурѣ? Если ты не получилъ, то я пришлю изъ Калуги. Получилъ ли ты оба письма, посланные изъ Шуры и изъ Калуги?

«Аполлонъ Ивановичъ Руновскій сказалъ мнѣ: «ты не думай, если будетъ хлопотать отецъ, то будетъ хорошо; мы также будемъ хлопотать». Вотъ какія слова сказалъ Аполлонъ Ивановичъ. Отъ сардара³⁾ къ Аполлону Ивановичу пришло извѣстіе, чтобы онъ хорошенько заботился обо мнѣ.

«Объ этомъ письмѣ не знаетъ ни Гази-Мухамедъ, ни кто другой въ моемъ домѣ. Все, что рассказывалъ Исай Ивановичъ, совершенная ложь: ты ничему не вѣрь. Ихъ вражда къ тебѣ извѣстна: въ Дагестанѣ у тебя не было худшихъ, какъ Шамиль и Гази-Мухамедъ.

«По пріѣздѣ въ Петербургъ ты все узнаешь, а въ письмѣ описать всего нельзя. Я уже писала, что желала бы видѣть кого-нибудь изъ твоихъ людей, чтобы обо всемъ дать тебѣ знать.

«Напиши хорошее письмо Аполлону Руновскому: его обращеніе со мной очень, очень хорошо.

«Ахъ, ахъ, ахъ! На бумагѣ всего написать нельзя.

¹⁾ *Примѣч. перев.* За вѣрность этого имени нельзя ручаться, и вообще письмо написано на самомъ безграмотномъ татарскомъ нарѣчій.

²⁾ Подпоручикъ милиціи Грамовъ, сопровождавшій Шамила въ Россію въ качествѣ переводчика и затѣмъ въ мартѣ 1860 года обратно вернувшійся на Кавказъ.

³⁾ Разумѣется главнокомандующій кавказскою арміею князь Барятинскій.

Посылаю многіе поклоны нашей матери и всѣмъ роднымъ и домашнимъ. Ахъ, ахъ ахъ! Душа моя, отецъ!»¹⁾

Однако душевному воплю, который слышится въ этихъ письмахъ и особенно въ этихъ восклицаніяхъ: «Ахъ, ахъ, ахъ!» не суждено было дойти до того, къ кому онъ направлялся. Жестокая политика и здѣсь наложила свою руку.

Секретная передача Кериметь чрезъ пристава Руновскаго писемъ къ ея отцу обратила на себя вниманіе военнаго министра Сухозанета, который по этому поводу отъ 8-го декабря 1860 года за № 6585 обратился къ главнокомандующему кавказской арміей съ слѣдующимъ письмомъ:

«Милостивый государь князь Александръ Ивановичъ

«Начальникъ Калужской губерніи въ числѣ прочей корреспонденціи членовъ семейства Шамиля съ родными и родственниками, проживающими на Кавказѣ, доставилъ въ октябрѣ мѣсяцѣ письмо жены Кази-Магомета Кериметь къ ея отцу Даниель-беку, въ которомъ она, выражая надежду свидѣться съ отцомъ и лично передать ему то, чего не можетъ сдѣлать въ письмѣ, объясняетъ, что о существованіи этого письма никто не знаетъ, кромѣ пристава капитана Руновскаго.

«Нынѣ капитанъ Руновскій представилъ другое подобное же письмо, писанное Кериметь къ отцу безъ вѣдома своего мужа и Шамиля. Въ немъ она упоминаетъ, между прочимъ, о непріятностяхъ, причиненныхъ ей въ Калугѣ старшими членами семейства, подтверждаетъ вражду, которую питаетъ ея тесть и мужъ къ Даниель-беку, и, наконецъ, опять повторяетъ желаніе высказать лично отцу или передать черезъ какого-либо довѣреннаго все то, что она имѣетъ.

¹⁾ Съ этими письмами интересно сопоставить нижеприводимое письмо Кериметь, которое она писала къ своимъ родственникамъ, не скрываясь отъ семейства Шамиля:

«Дорогой и любезной матери Татубика и уважаемому отцу, зѣницѣ ока, султану Даниелю, потомъ всѣмъ роднымъ вообще и въ особенности дорогой сестрѣ Эймъ. Да будетъ съ вами миръ, милосердіе и благословеніе Всевышняго!

«Я написала вамъ письмо на четвертый день пріѣзда моего въ Калугу и не знаю, дошло ли оно до васъ, или нѣтъ. Ваше же письмо, посланное къ намъ, мы получили только на двадцать девятый день. Одновременно съ письмомъ, которое я написала вамъ, было мною послано и къ любезному брату моему Муса-беку, и я знаю, что онъ получилъ мое письмо, но до сихъ поръ не имѣю отъ него отвѣта никакого, что очень меня огорчаетъ.

«Если вы желаете знать о томъ, какъ я живу, то я, слава Богу, покойна. Прошу тебя убѣдительно оказывать вниманіе и уваженіе сестрѣ Маріэтъ и не обижать ее. Прошу тебя также почаще писать ко мнѣ и не оставлять меня безъ извѣстїи. Что же касается меня, то я буду писать къ тебѣ по мѣрѣ возможности, если это угодно будетъ Богу.

«Смирная дочь ваша Кериметь, живущая на чужбинѣ и скучающая отъ разлуки съ вами. Прощайте.

«Писано въ Калугѣ, въ пятницу, 24-го числа раби уль ахирь, 1278 г.»

«Въ обоихъ письмахъ Кериметь отзывается съ особенною благодарностью о расположеніи, которое встрѣчаетъ со стороны капитана Руновскаго.

«Означенныя письма я приказалъ задержать, не отправляя обыкновеннымъ порядкомъ на Кавказъ, и нынѣ считаю долгомъ przeprowadить ихъ въ подлинникѣ вмѣстѣ съ переводами къ вашему сіятельству, для поступленія съ ними по непосредственному усмотрѣнію вашему.

«Но, кромѣ того, я не могъ не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство. Изъ словъ Кериметь видно, что Руновскій входилъ въ непосредственныя и секретныя съ нею сношенія, помимо ея мужа, и что положеніе Руновскаго, которое онъ занялъ при этомъ, даетъ Кериметь и посредничество и нѣкоторымъ образомъ поддержку въ проявленіи непріязненныхъ чувствъ, которыя она питаетъ къ Шамилю и Гази-Магомету и которыя намѣревается какимъ бы то ни было образомъ сообщить своему отцу, въ надеждѣ лучшаго устройства своей будущности.

«Подобный образъ сношеній, по мнѣнію моему, непозволителенъ съ точки зрѣнія азіатскихъ обычаевъ, и, кромѣ того, онъ противорѣчитъ тому образу дѣйствій, который проявило правительство въ стараніяхъ соединить Кериметь съ мужемъ, ибо разстраиваетъ согласіе между ними вмѣсто того, чтобы укрѣплять его и даетъ поводъ развиваться семейной враждѣ, которая можетъ наконецъ повести къ дурнымъ послѣдствіямъ для лицъ семейства Шамиля, заинтересованныхъ въ настоящемъ дѣлѣ.

«Какъ ваше сіятельство можете ближе и вѣрнѣе опредѣлить то наиболѣе соотвѣтственное съ обстоятельствами положеніе поставленнаго приставомъ при Шамилѣ, которымъ долженъ руководиться онъ въ настоящемъ исключительномъ случаѣ, и въ какой мѣрѣ слѣдуетъ ему принимать участіе въ стараніяхъ Кериметь открыться своему отцу, или же онъ долженъ оставаться въ этомъ отношеніи совершенно чуждымъ, то я считаю долгомъ обстоятельства настоящаго дѣла также сообщить на непосредственное усмотрѣніе ваше и покорнѣйше прошу о заключеніи вашемъ меня уведомить для того, чтобы дать сообразное съ онымъ наставленіе приставу».

На это князь Вярятинскій письмомъ отъ 6 апрѣля 1861 года, за № 366, отвѣчалъ:

«Милостивый государь Николай Онуфріевичъ. На отзывъ вашего высокопревосходительства отъ 8 декабря № 6585 имѣю честь отвѣтствовать, что присланныя письма Кериметь къ ея отцу Даніельбеку я до сего времени не отдавалъ по адресу, а теперь уничтожилъ, убѣдившись, что такого рода сообщенія могутъ имѣть иногда вредныя послѣдствія. Что касается вообще до подобной тайной переписки членовъ семейства Шамиля съ кѣмъ то ни было на Кавказѣ,

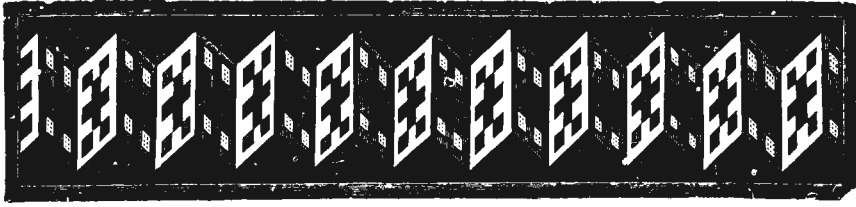
я совершенно раздѣляю мнѣніе вашего высокопревосходительства, что этого допускать не слѣдуетъ».

Содержаніе письма военнаго министра, а также отвѣта князя Бяратинскаго касательно секретной корреспонденці Кериметь къ ея отцу отъ 21 того мѣсяца, за № 429, было сообщено министерствомъ, для руководства, приставу Руновскому.

Имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи архивные документы не говорятъ о дальнѣйшей судьбѣ Кериметь въ Калугѣ. Но, какъ видно изъ біографическаго очерка о Шамилѣ М. Н. Чичаговой, подъ заглавіемъ: «Шамилъ на Кавказѣ и въ Россіи» (С.-Петербургъ, 1889 г.), Кази-Магома въ 1865 году имѣлъ уже другую жену, привезенную для него съ Кавказа братомъ его Шафи-Магометомъ; Кериметь же въ то время не было на свѣтѣ: она умерла отъ чахотки, а тѣло ея на казенный счетъ было отправлено на родину въ городъ Нуху.

И. И. У.

КАВКАЗСКІЕ ГУБЕРНАТОРЫ О КАВКАЗѢ.

(Матеріалы для исторіи кавказскаго мятежа).

В ИСТОРИИ послѣдняго смутнаго времени на Руси Кавказу, несомнѣнно, будетъ отведено далеко не послѣднее мѣсто. Намъ, очевидцамъ кровавыхъ событій, ознаменовавшихъ на благодатной южной окраинѣ первое десятилѣтіе двадцатаго вѣка, невозможно отрѣшиться отъ извѣстнаго рода предвзятости; вѣдь нельзя же сохранить безпристрастіе и спокойствіе тамъ, гдѣ, нимало не колеблясь, отрѣзываютъ головы вашимъ ближнимъ, гдѣ революціонно-разбойничьи шайки берутъ среди бѣла дня въ плѣнъ состоятельныхъ людей и подвергаютъ ихъ пыткамъ, а затѣмъ хладнокровно убиваютъ, гдѣ человѣческая жизнь оцѣнивается не дороже барана, гдѣ насиліе и терроръ возведены въ культъ. Добросовѣстный историкъ, которому придется имѣть дѣло не съ животрешущою современностью, а съ фактами, уже отошедшими въ область полузабытаго, сглаженнаго временемъ прошлаго, сумѣетъ дать должную оцѣнку тому политическому водвороту, въ которомъ мы теперь бѣрлимъ, волнуемся, страдаемъ.

О нынѣшнемъ положеніи Кавказа русское общество имѣетъ весьма смутное понятіе, — да оно и не мудрено: интеллигентный человѣкъ изъ своего прекраснаго далека, судить о Кавказѣ по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя черпаетъ въ столичной періодической печати, а такъ какъ, за ничтожными исключеніями, каждый органъ печати является выразителемъ мнѣній и сужденій той или иной политической партіи, то и освѣщеніе cadaго факта непремѣнно

носить партійную окраску. Получается цѣлый рядъ самыхъ противорѣчивыхъ данныхъ, въ которыхъ чрезвычайно трудно разобраться. Партійное рабство, въ которое, незамѣтно для себя, попала съ нарожденіемъ новаго государственнаго строя громадная часть русской интеллигенціи, служить немалымъ тормозомъ къ выясненію темныхъ сторонъ государственной жизни.

Въ недугахъ общественной мысли, какъ въ недугахъ отдѣльнаго организма, важенъ правильный діагнозъ, вѣдь только тогда и возможно успѣшное леченіе.

— Не затемняйте истины, если хотите блага своему государству!—сказалъ великій мыслитель античнаго міра.

А русская пресса, склонная къ партійной расплывчатости, въ такихъ жгучихъ, острыхъ вопросахъ, какъ кавказскій, нерѣдко теряетъ нити къ выясненію причинъ, породившихъ печальныя, болѣе того—скорбныя послѣдствія.

Что же въ самомъ дѣлѣ творится на Кавказѣ?

Послушать однихъ—Кавказъ разлѣзся по всѣмъ швамъ, русская власть какъ бы способствуетъ развитію мятежнаго броженія, русская государственность потерпѣла полное крушеніе. Послушать другихъ—окраина спокойна, населеніе лояльно, подвластные Россіи мелкіе кавказскіе народцы терпѣливо сносятъ всевозможныя обиды и притѣсненія какъ отъ представителей русской государственной власти, такъ и отъ русскихъ окраинцевъ, угнетающихъ туземцевъ. Одни упрекаютъ кавказскаго намѣстника графа Воронцова-Дашкова въ слабости, въ мирволеніи кавказскимъ шовинистамъ въ ущербъ государственнымъ интересамъ, другіе—въ пренебрежительномъ отношеніи къ нуждамъ туземнаго населенія, въ излишней строгости.

Гдѣ же истина?

Надъ этимъ вопросомъ, полагаю, не разъ задумывался не одинъ интеллигентный человѣкъ, слѣдящій за ростомъ общественнаго самосознанія на пестрой полудикой русской окраинѣ, съ которой почти ежедневно телеграфъ приноситъ далеко не утѣшительныя вѣсти.

Отзывы печати о положеніи Кавказа, во всякомъ случаѣ, оставляютъ тяжелое впечатлѣніе. Разсматривая факты, какъ таковыя, отбросивъ приданную имъ партійную окраску, не трудно прійти къ заключенію, что преступность на Кавказѣ достигла громадныхъ размѣровъ и что разбой и политика (въ узкомъ смыслѣ слова) такъ тѣсно между собою переплелись, что отдѣлить первый отъ второй зачастую невозможно. Обращаясь къ сухимъ статистическимъ даннымъ, поражаешься количествомъ «пострадавшихъ» русскихъ людей,—ясно, стало бытъ, что отношенія туземцевъ къ русскому населенію ненормальны. Факты же показываютъ, что способы борьбы съ мятежной преступностью, избран-

ные высшей кавказскою властью, даютъ лишь отрицательные результаты. Послѣ остраго періода кавказскаго бунта прошло болѣе четырехъ лѣтъ, и за это время Кавказъ не получилъ ни успокоенія, о которомъ тщетно взываютъ мирные элементы населенія, ни реформъ, обѣщанныхъ управленіемъ намѣстничества. День за днемъ проходятъ въ томительномъ ожиданіи, культурная сторона жизни словно замерла. Грабятъ, рѣжутъ, убиваютъ,—страсти разгорѣлись, національная вражда, издавна разжигавшая все Закавказье, усилилась и даетъ о себѣ знать самыми дикими проявленіями чисто восточнаго шовинизма; не имѣющаго ничего общаго съ чистымъ, благороднымъ, культурнымъ и гуманнымъ націонализмомъ. Я далекъ отъ мысли огульно осуждать всю туземную интеллигенцію на Кавказѣ въ сепаратистическихъ стремленіяхъ; среди кавказскихъ интеллигентовъ (преимущественно армянъ) я знаю много свѣтлыхъ, достойныхъ уваженія, широко образованныхъ людей, безглаголиво относящихся къ группамъ фанатиковъ, добивающихся осуществленія несбыточной идеи такъ называемаго обособленія Закавказья, превращенія его въ автономную провинцію. Но теченіе времени таково, что голоса благоразумія на окраинѣ тонуть въ истерическихъ выкрикахъ расплодившихся федералистовъ, не только желающихъ, но и требующихъ восстановленія навѣки утраченной политической самостоятельности и видящихъ въ каждомъ независимомъ русскомъ окраинцѣ сторонника режима политической тираніи.

Что говорятъ о положеніи Кавказа кавказскіе лѣтописцы и сами кавказцы, мы знаемъ; небезынтересно, думаю, узнать, что говоритъ сама русская власть. Въ качествѣ матеріала для будущаго историка мятежнаго броженія на окраинѣ я воспользуюсь своего рода историческими документами: отзывами кавказскихъ губернаторовъ, данными о Кавказѣ по поводу довольно любопытнаго доклада директора канцеляріи намѣстника небезызвѣстнаго г. Петерсона «объ измѣненіи примѣнительно къ циркуляру министра внутреннихъ дѣлъ отъ 4 декабря 1909 г. за № 36,552 дѣйствующихъ въ Кавказскихъ краѣ обязательныхъ постановленій, изданныхъ въ порядкѣ положенія объ усиленной охраны». Докладъ директора канцеляріи сводится къ отмѣнѣ громаднаго большинства обязательныхъ постановленій. Въ нынѣшнемъ году докладъ г. Петерсона былъ разосланъ губернаторамъ и начальникамъ областей, губернаторы дали «отзывы», выражающіе взгляды высшихъ представителей русской власти на мѣстахъ на современное положеніе Кавказа.

Изъ губернаторскихъ отзывовъ ясно, что мѣстная власть и центральная (управленіе намѣстника въ Тифлисѣ) далеко не одного и того же мнѣнія о внутреннемъ укладѣ кавказской жизни. Самъ намѣстникъ графъ Воронцовъ-Дашковъ, гражданскій помощникъ намѣстника сенаторъ Ватаци и директоръ канцеляріи намѣстника,

судя по документальнымъ даннымъ, находятъ, что Кавказъ успокоился и ни въ какихъ исключительныхъ положеніяхъ для управленія имъ не нуждается. Губернаторы же, наблюдающіе кавказскую жизнь лицомъ къ лицу и живущіе близко къ населенію, категорически говорятъ (за самыми малыми исключеніями), что положеніе Кавказа тревожно, что до успокоенія еще очень далеко и что безъ исключительныхъ мѣръ обойтись невозможно. Наиболѣе полными, интересными и важными являются отзывы губернаторовъ двухъ самыхъ важныхъ, густо населенныхъ и относительно культурныхъ губерній Закавказья—Тифлисской и Кутаисской.

Вотъ мнѣніе тифлискаго губернатора М. А. Лозина-Лозинскаго:

«Если задача кавказской администраціи та же, что и губернаторовъ Европейской Россіи, т. е. всѣ преподанныя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ указанія принять къ безусловному и точному исполненію, оставивъ послѣдствія на отвѣтственности власти, ихъ преподавшей, то докладъ директора канцеляріи намѣстника выполнилъ эту задачу теоретически правильно и со стороны кавказскихъ губернаторовъ могутъ быть сдѣланы лишь редакціонныя замѣчанія, или хотя бы иныя, но совершенно второстепеннаго значенія». Однако, по мнѣнію тифлискаго губернатора, дѣло на Кавказѣ не такъ просто, какъ кажется.

Дальше М. А. Лозина-Лозинскій говоритъ: «Не говоря о томъ, что успокоеніе послѣ пережитаго тревожнаго времени выразилось въ Европейской Россіи въ гораздо большей степени, чѣмъ на Кавказѣ, самыя особенности мѣстной жизни въ этомъ краѣ даже въ мирное время едва ли допускаютъ распространеніе на него всѣхъ тѣхъ благъ правомѣрнаго строя, которыя признано нынѣ своевременнымъ и желательнымъ осуществить въ коренной Россіи. Въ то время, какъ въ Россіи оказывается, повидимому, возможнымъ ограниченіе обязательныхъ постановленій, издаваемыхъ въ порядкѣ охраны, лишь случаями нарушенія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія на политической почвѣ, въ Закавказьи на первое мѣсто выступаетъ необходимость бороться съ дѣйствіями разбойничьихъ организацій, состоящихъ изъ дикихъ и порочныхъ людей, вредныхъ не только для общественнаго спокойствія, но для самаго государственнаго порядка, такъ какъ безнаказанность этихъ организацій, увеличивая ихъ дерзость, внушаетъ невѣжественному населенію, привыкшему уважать только силу, представленіе о слабости государства и приучаетъ его считаться съ требованіями не органовъ правительственной власти, а разбойниковъ, приобретающихъ ореолъ «политическихъ», «революціонеровъ», именно благодаря ихъ дерзкой борьбѣ съ властью... Правильное теоретически требованіе, чтобы обязательными постановленіями, даже издаваемыми въ порядкѣ охраны, не вос-

прещались такія дѣянія которыя предусматриваются уголовными законами, въ практическомъ примѣненіи приведетъ къ тому, во-первыхъ, что тѣ немногія дѣянія, совершенно третъестепеннаго значенія, которыя не предусмотрѣны уголовными законами, будутъ преслѣдоваться при положеніи объ охранѣ въ административномъ порядкѣ и притомъ карами болѣе серьезными, чѣмъ дѣйствительно важныя нарушенія порядка, предусмотрѣныя уголовными законами, которыя останутся въ рукахъ судебной власти, а, во-вторыхъ, къ тому, что въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, гдѣ дѣйствуетъ институтъ земскихъ начальниковъ, административная власть найдетъ опору въ быстрой и суровой репрессіи этими лицами случаевъ нарушенія обязательныхъ постановленій, грозящаго государственному порядку и общественному спокойствію,—на Кавказѣ же, гдѣ, несмотря на меньшую культурность населенія, вся судебная власть осуществляется органами, совершенно независимыми отъ администраціи, весьма малочисленными по своему составу, сосредоточившимися зачастую въ центрахъ изъ-за удобствъ жизни сообща, вмѣсто разселенія по участкамъ въ интересахъ населенія и самага дѣла, и притомъ, какъ показываетъ практика, мало подвижными, склонными въ общемъ къ медленности производства, канцелярскому формализму и послабленію преступнымъ элементамъ изъ ложнаго чувства популярности, отвѣтственная за спокойствіе и порядокъ административная власть тщетно будетъ искать закономѣрныхъ способовъ борьбы съ порочными элементами и въ рѣшительную минуту окажется въ затруднительномъ положеніи: выбрать между закономѣрнымъ попустительствомъ и незаконномѣрнымъ, но цѣлесообразнымъ превышеніемъ власти, опираясь на 340-ю статью уложенія о наказаніяхъ. Ставить администрацію въ такое положеніе—значить итти навстрѣчу такимъ же неудачнымъ экспериментамъ, какіе произошли въ 1905 и 1906 годахъ». Нормальнымъ исходомъ изъ этого положенія, по мнѣнію тифлискаго губернатора, долженъ быть пересмотръ дѣйствующаго на Кавказѣ законодательства съ цѣлью опредѣлить все тѣ отступленія отъ общерусскихъ нормъ, которыя вызываются особенностями условій мѣстнаго быта.

Обращаясь къ вопросу объ оружій, М. А. Лозина-Лозинскій говоритъ: «Въ Тифлисской губерніи приблизительно половина неразрѣшеннаго оружія хранится и носится въ политическую цѣль, а другую половину можно раздѣлить пополамъ между разбойниками и лицами, прячущими оружіе по обывательскому легкомыслію. При такихъ условіяхъ переходить отъ административной репрессіи къ судебной, завѣдомо зная, что это знаменуетъ пониженіе репрессіи и замедленіе ея по самымъ важнымъ проявленіямъ безпорядка противоправительственными элементами, я нахожу совершенно не соответствующимъ положенію»

Относительно проектируемой весьма оптимистическимъ докладомъ г. Петерсона отмѣны обязательныхъ постановленій, касаю-

щихся укрывательства населеніемъ бѣглыхъ преступниковъ и разныхъ подозрительныхъ людей, наводняющихъ наиболѣе мятежныя мѣстности Закавказья, тифлисскій губернаторъ высказывается такъ: «Конечно, нельзя всѣхъ сельскихъ обывателей привлечь къ отвѣтственности за недонесеніе о появленіи въ предѣлахъ ихъ жительства лицъ подозрительныхъ и не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій, не этого и не нужно: достаточно привлечь тѣхъ, которые вошли съ этими лицами въ сношенія, ведя таковыя тайно, чѣмъ и доказали, что завѣдомо для себя занялись дѣломъ неодобрительнымъ. Засимъ, если большинство обывателей не могутъ знать, кто лицо подозрительное и кого разыскиваютъ власти, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы за сношенія съ ними не должны были отвѣчать тѣ, которымъ это было извѣстно. Далѣе, въ предѣлахъ своего сельскаго общества лица бѣглыя, разыскиваемые и административно высланныя бываютъ хорошо извѣстны чуть ли не всѣмъ поголовно, и сношенія съ ними производятся не по незнанію или обывательскому легкомыслію, а либо по сочувствію къ нимъ, либо изза-за выгоды, отъ нихъ получаемой, либо изъ страха передъ ними. Во всѣхъ трехъ случаяхъ лицъ, входящихъ съ ними въ сношенія, нельзя оставлять безъ воздѣйствія, такъ какъ только воздѣйствіемъ на укрывателей; попустителей и недоносителей удастся поставить разбойниковъ въ необходимость прекратить свою дѣятельность».

«Преслѣдованіе въ судебномъ порядкѣ по 2-й части 14-й статьи улож. о наказан., какъ предлагается въ докладѣ директора канцеляріи намѣстника, возможно лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ, ибо, во-первыхъ, только укрывательство дѣйствительныхъ разбойниковъ и преступниковъ, лицъ подозрительныхъ, находящихся въ бѣгахъ или административно высланныхъ, можетъ быть признано укрывательствомъ, преслѣдуемымъ уголовнымъ закономъ; во-вторыхъ не всякое сношеніе даже со скрывающимися преступниками можетъ быть подведено подъ «укрывательство», напримѣръ, снабженіе пищею за деньги, чрезъ посредство третьихъ лицъ, какой-либо скрывающейся въ лѣсу группы, лично неизвѣстной снабдившему, не подойдетъ подъ ст. 14 уложенія о нак.»

Кутаисскій губернаторъ ген.-м. А. И. Славочинскій, одинъ изъ наиболѣе энергичныхъ кавказскихъ губернаторовъ, сумѣвшій выказать свои далеко не дюжинныя административныя способности, съ первыхъ же словъ своего возраженія на докладъ Петерсона и на возможность примѣненія на Кавказѣ министерскаго циркуляра, даетъ понять, что въ данное время положеніе коренной Россіи и положеніе Кавказа ни въ какомъ отношеніи не могутъ быть сравниваемы. Онъ высказывается слѣдующимъ образомъ:

«Стремленіе согласовать всю дѣятельность правительства по борьбѣ противъ революціоннаго движенія съ формальнымъ духомъ закона, бесспорно, желательно, но возможно лишь въ теоріи, на прак-

тикѣ же приведетъ къ отрицательнымъ результатамъ. Главный недочетъ циркуляра № 36,552 заключается въ общности для всей имперіи преподанныхъ въ немъ указаній. Этимъ признается, что будто условія жизни и культурное состояніе народныхъ массъ всюду одинаковы, какъ въ центрѣ Россіи, такъ и въ Закавказьи, чего въ дѣйствительности нѣтъ. Если усилія и заботы правительства настоятельно направляются къ тому, чтобы при постепенномъ водвореніи спокойствія возвращаться къ нормальнымъ способамъ управления страной, то постепенность эта должна быть поставлена въ неразрывную связь съ мѣстными особенностями... Введеніе нынѣ же въ дѣйствіе большинства предположеній директора канцеляріи намѣстника никоимъ образомъ не желательно. Предположеніе отмѣнить обязательное постановленіе о храненіи оружія безъ надлежащаго разрѣшенія и замѣнить установленное этимъ постановленіемъ наказаніе въ административномъ порядкѣ статьями 117 и 118 уст. о наказ., налаг. миров. судьями, равносильно отказу отъ борьбы съ этимъ зломъ. Въ этомъ вопросѣ съ особою яркостью проявляется невозможность установить однообразный порядокъ для всей имперіи, ибо насколько ношеніе оружія въ центральной Россіи явленіе рѣдкое, настолько оно почти сплошное для туземцевъ Закавказья, а слѣдовательно и мѣра борьбы съ этимъ зломъ не можетъ быть одинакова. Равнымъ образомъ если укрывательство преступниковъ наблюдается въ центральной Россіи лишь со стороны единичныхъ порочныхъ лицъ, то въ Кутаисской губерніи наблюдается совершенно обратное: едва ли не всѣ жители поголовно занимаются укрывательствомъ; а посему здѣсь необходимы исключительныя мѣры, дабы положить дѣйствительный конецъ укрывательству населеніемъ преступниковъ. При существующихъ условіяхъ о лишеніи администраціи предоставленнаго ей обязательными постановленіями права воздѣйствія на укрывателей не должно, казалось бы, быть и рѣчи... Ссылка директора канцеляріи намѣстника на возможность, въ случаяхъ доказаннаго укрывательства преступныхъ лицъ, преслѣдовать въ судебномъ порядкѣ по силѣ 2-й части статьи 14-ой улож. о наказ., правильна лишь съ формальной стороны, но лишена всякаго практическаго значенія при подкупности мѣстнаго населенія.

«Революціонное движеніе подавлено, но далеко не угасло. Населеніе Кутаисской губерніи по своимъ традиціямъ искони ведетъ борьбу съ администраціей въ формѣ укрывательства преступниковъ. Востокъ прежде всего признаетъ только силу, гуманность считаетъ слабостью, и всякія мѣропріятія въ этомъ направленіи будутъ истолкованы далеко не въ пользу сильной власти. Результаты подобной ошибки не заставятъ себя долго ждать и для поправленія таковой вновь придется вернуться къ полному нарушенію дѣйствующихъ законоположеній, какъ это уже имѣло мѣсто въ Кутаисской губерніи въ 1906 году».

Елисаветпольскій губернаторъ н. сов. Ковалевъ такъ иллюстрируетъ положеніе управляемой имъ губерніи:

«Населеніе Елисаветпольской губерніи вооружено въ громаднѣхъ массахъ и притомъ, въ большинствѣ случаевъ, оружіемъ усовершенствованныхъ системъ. Боясь въ настоящее время, при дѣйстви обязательныхъ постановленій, отвѣтственности, населеніе тщательно скрываетъ имѣющееся оружіе, зарывая его въ землю, замуровывая въ подоконникахъ... Во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, гдѣ въ рядѣ сельскихъ обществъ иногда не имѣется ни одного ружья, гдѣ, кромѣ того, составъ населенія однородный и принадлежитъ къ господствующей національности, тамъ, быть можетъ, является своевременной отмѣна обязательныхъ постановленій о храненіи и ношеніи оружія съ передачей юрисдикціи административными властями судебнымъ учрежденіямъ; здѣсь же, въ Закавказьи, такая передача грозитъ многими-многими осложненіями въ области государственнаго и общественнаго порядка».

Бакинскій губернаторъ д. ст. с. Алышевскій категорически заявляетъ, что ст. 3-я обязательныхъ постановленій по охраненію порядка и общественной безопасности является могущественнымъ средствомъ въ борьбѣ съ усиливающейся преступностью. «При существующихъ въ Бакинской губерніи большихъ слѣдственныхъ участкахъ, недостаткѣ слѣдователей и развитомъ въ населеніи лже-свидѣтельствъ почти не бываетъ случаевъ привлеченія кого-либо судомъ за укрывательство отдѣльныхъ разбойниковъ и даже шаекъ. Между тѣмъ вся сила шаекъ заключается въ возможности находить удобный пріютъ у людей, готовыхъ снабдить ихъ одеждой, лошадыми, кормомъ и свѣдѣніями о нахожденіи полиціи».

Батумскій губернаторъ полк. Романовскій-Романько даетъ такую аттестацію туземному населенію окраины:

«Кавказскія народности такъ еще малокультурны, необузданы и не дисциплинированы, въ нихъ такъ мало чувства гражданскаго долга передъ закономъ и закономъ подавленными властями, что только такіе Дамокловы мечи, какъ обязательныя постановленія, могутъ пока воспитывать ихъ сознаніе и чувства въ необходимости нормировать свою жизнь требованіями закона. Прекратите обязательныя постановленія о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ—и Батумъ вновь заполнится неблагонадежнымъ элементомъ изъ сосѣдняго Озургетскаго уѣзда (Гуріи), гдѣ въ настоящее время опять возникли шайки и дѣлаются дерзкія нападенія даже на поѣзда желѣзной дороги... Чѣмъ больше будетъ создано стѣсненій въ ношеніи и храненіи оружія и чѣмъ больше проявлено настойчивости въ неуклонномъ преслѣдованіи цѣлей разоруженія края по какой-нибудь общей и строго определенной программѣ, тѣмъ больше будетъ шансовъ на уменьшеніе столь потрясающей преступности на Кавказѣ».

Терскій губернаторъ (или, по официалъному наименованію, начальникъ Терской области) генер.-лейт. Михѣевъ не лучшаго мнѣнія

о кавказскихъ туземцахъ. Онъ говоритъ: «Въ Терской области, съ ея разноплеменнымъ и склоннымъ къ преступности туземнымъ населеніемъ, создаются такія условія, при которыхъ усилія администраціи направлены главнымъ образомъ къ безпрестанной борьбѣ съ разбоями и грабежами. Острота положенія «еще болѣе увеличивается существующей среди туземцевъ взаимной враждой и обычаемъ кровной мести. При наличіи этихъ данныхъ туземцы очень дорожатъ оружіемъ, ради пріобрѣтенія какового съ готовностью идутъ на всякія незаконныя сдѣлки и платятъ при этомъ за него большія деньги. Даже такія строгія взысканія, какъ штрафъ въ пятьсотъ рублей и арестъ на три мѣсяца, мало удерживаютъ ихъ отъ подобныхъ сдѣлокъ и, какъ видно изъ имѣющихся въ канцеляріи начальника Терской области свѣдѣній, почти 90 процентовъ наложенныхъ взысканій падаютъ на случаи незаконнаго ношенія оружія, между коими нерѣдки примѣры повторныхъ нарушеній. Нѣтъ сомнѣній, что при установленіи исключительно судебной отвѣтственности, въ виду незначительности наказаній, предусмотрѣнныхъ статьями 117 и 118 уст. о наказ., налагаемыхъ миров. суд., мѣра эта не дастъ дѣйствительныхъ результатовъ и, увеличивъ собою число нарушеній, поведетъ къ самымъ нежелательнымъ послѣдствіямъ».

Итакъ, кавказскіе губернаторы, какъ видно изъ приведенныхъ выше ихъ отзывовъ, находятъ положеніе Кавказа тревожнымъ, серьезнымъ и опаснымъ. Никакого «успокоенія», судя по мнѣнію губернаторовъ, на Кавказѣ нѣтъ. Даже въ мирное время, а не нынѣшнее боевое время, невозможно распространеніе на кавказское населеніе всѣхъ тѣхъ благъ правомѣрнаго строя, которыя признано своевременнымъ и желательнымъ осуществить въ коренной Россіи (тифлис. губернаторъ); цѣлыя губерніи въ громаднхъ массахъ вооружены усовершенствованнымъ оружіемъ и отмѣна исключительныхъ мѣръ вызоветъ многія осложненія (елисаветпольскій губернаторъ); культурное состояніе народныхъ массъ на Кавказѣ ни коимъ образомъ не можетъ быть приравнено къ культурности русскаго народа, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ все населеніе почти поголовно занимается укрывательствомъ революціонеровъ и разбойниковъ, революціонное движеніе далеко не угасло, гуманность русскаго правительства кавказцы признаютъ за слабость (кутаисскій губернаторъ); кавказскія народности малокультурны и необузданы, въ нихъ нѣтъ чувства гражданскаго долга предъ закономъ, преступность на Кавказѣ ужасающая (батумскій губернаторъ); между туземцами взаимная вражда; кровавая мечь—обычай; отмѣна исключительныхъ мѣръ поведетъ къ самымъ нежелательнымъ послѣдствіямъ (терскій губернаторъ).

Что можетъ быть безотраднѣе такого состоянія кочующаго Кавказа? И не подтверждаютъ ли отзывы представителей русской власти въ кавказскихъ губерніяхъ и областяхъ всего того, что говорилось въ рядѣ статей серьезныхъ безпартійныхъ столичныхъ газетъ?

Въ итогѣ, мнѣнія о Кавказѣ кавказскихъ губернаторовъ рѣзко расходятся съ нерѣдко распространяемыми увѣреніями въ полнѣйшемъ успокоеніи окраины. И тѣмъ не менѣе исключительныя положенія, примѣняемыя къ управленію Кавказомъ, отмѣняются. Чѣмъ это объяснить? Или губернаторы подѣ влияніемъ какихъ-либо неизвѣстныхъ причинъ сразу отказались отъ своего мнѣнія? или край, волнующійся цѣлыми годами, по мановенію какого-нибудь волшебнаго жезла, сразу успокоился?

Внимательно прочитавъ разосланную управленіемъ намѣстничества сводку губернаторскихъ мнѣній и отзывовъ, приложенную къ тому докладу директора канцеляріи намѣстника, о которомъ говорено выше, мнѣ кажется, ключъ къ разгадкѣ причины, вызвавшей рѣшеніе снять въ неуспокоенномъ, потрясенномъ мятежнымъ броженіемъ край исключительныя положенія въ формѣ усиленной охраны, можно найти въ отзывѣ кубанскаго губернатора (начальника Кубанскаго области). Генер.-лейт. Бабычъ, въ своемъ отзывѣ на докладъ г. Петерсона, указываетъ возможность совмѣстить, казалось бы, несовмѣстимое: снять усиленную охрану и въ то же время сохранить обязательныя постановленія, объявленныя на основаніи положенія объ усиленной охранѣ, иначе говоря—уничтожить исключительныя положенія, оставивъ въ силѣ исключительныя мѣры. Остается предположить, что совѣтъ генер.-лейт. Бабыча пришлось какъ нельзя болѣе кстати. De jure Кавказъ возвращается къ строгой законности, de facto обязательныя постановленія, выходящія изъ рамокъ нормальныхъ законоположеній, остаются незабываемыми.

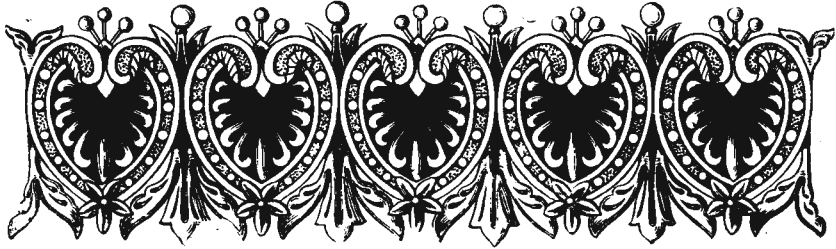
Начальникъ Кубанской области предлагаетъ: обязательныя постановленія о продажѣ, храненіи и ношеніи боевого и скорострѣльнаго оружія считать изданными не въ порядкѣ ст. 15-й «Положенія о государственной охранѣ», а на основаніи утвержденной 24-го ноября 1905 года «меморіи совѣта министровъ»; обяз. постан. объ объявленіи полицейскимъ властямъ о выбывающихъ и прибывающихъ считать изданными въ порядкѣ ст. 155-й устава о паспортахъ изд. 1903 г.; и, наконецъ, обязат. постан. объ охраненіи общественной безопасности и спокойствія считать изданными въ порядкѣ 421-й ст. II-го тома св. зак. Съ принятіемъ этихъ предложеній ген.-лейт. Бабычъ считаетъ положеніе объ усиленной охранѣ совершенно излишнимъ. Совершенно вѣрно.

Предоставляя будущему безпристрастному историку дѣлать выводы и заключенія изъ того сырого матеріала, который мнѣ удалось сдѣлать достояніемъ гласности, не могу не выразить горячаго желанія—не только лично моего, но и большинства русскихъ окраинцевъ,—чтобы наши молодыя представительныя учрежденія обратили серьезное вниманіе на положеніе Кавказа въ связи съ бытовыми и социальными условіями мѣстной жизни. Слишкомъ много жертвъ при-

несла Россія изъ-за права считать Кавказскій край одной изъ русскихъ окраинъ, чтобы безразлично отнестись къ тому, что происходитъ нынѣ въ этой колыбели природы. Возвращеніе Кавказа къ нормальной трудовой жизни, возстановленіе на Кавказѣ мира и спокойствія, созданіе на Кавказѣ мало-мальски сносныхъ условій существованія—все это, право же, далеко не маловажныя задачи, требующія скорѣйшаго разрѣшенія.

Гр. Пальмъ.

В. В. ТУНОШЕНСКІЙ.

(Памяти покойнаго драматурга).

ОНЧИНА Владимира Владимировича Туношенскаго искренне опечалила всѣхъ, кто зналъ лично этого доброжелательнаго, милаго человѣка, мягкой и нѣжной души. Пожалѣли о немъ и актеры, которымъ много лѣтъ онъ давалъ хорошія роли. Туношенскій былъ скромнымъ человѣкомъ и скромнымъ драматургомъ, не предъявлявшимъ требованій на выпуклое мѣсто въ русской драматической литературѣ.

Пьесы его, тѣмъ не менѣе, имѣли всегда успѣхъ, а нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, «Губернская Клеопатра», принесли театру Литературно-Художественнаго общества въ Петербургѣ и провинціальнымъ театрамъ отличные сборы.

Невинная по содержанію, остроумная, наблюдательная пьеса встрѣтила гоненія: ее не разрѣшали къ представленію, потомъ разрѣшили для Петербурга, а потомъ постепенно начали разрѣшать въ провинціи.

Какъ ни странно, но постановкѣ «Губернской Клеопатры» чинила препятствія въ провинціи мѣстная власть, усматривавшая въ пьесѣ подрывъ собственнаго авторитета. Приходилось инымъ губернаторовъ упрашивать, чтобы поставить пьесу, которую играли ежедневно въ столицѣ. Въ тѣ дни драматургамъ приходилось переживать неожиданныя препятствія, которыя, по сравненію съ нынѣшними, были очень тяжелыми.

«Самарскій губернаторъ разрѣшилъ постановку «Губернской

«истор. вѣсти.», сентябрь, 1910 г., т. сxxi.

Клеопатры», — радостно сообщалъ друзьямъ Туношенскій: — вице-губернаторъ помогъ».

«Губернская Клеопатра» и сдѣлала В. В. Туношенскаго при- сяжнымъ драматургомъ: успѣхъ ея ободрилъ автора, и онъ ежегодно началъ писать по пьесѣ.

Представленная въ Александринскомъ театрѣ пьеса Владимира Владимировича «Зарницы» имѣла средній успѣхъ, была встрѣчена довольно равнодушно, хотя позднѣе начала дѣлать сборы и много выиграла отъ сокращеній, на которыя согласился авторъ. Надо правду сказать, «Зарницы» вещь менѣе сценичная, чѣмъ всѣ остальные произведенія покойнаго драматурга: въ ней, какъ въ одномъ изъ самыхъ первыхъ произведеній его, мало сценичности. Секретомъ сцены Туношенскій овладѣлъ впоследствии.

Владимиръ Владимировичъ былъ наблюдателенъ, онъ старался отражать въ своихъ пьесахъ современность, я сказалъ бы даже — злободневность.

Каждая написанная имъ пьеса причиняла ему непріятности: онъ волновался за нее впередъ, сомнѣвался въ успѣхѣ, нервничалъ и успокаивался только послѣ перваго представленія. Актеры нерѣдко огорчали его, не соглашаясь съ авторскимъ распредѣленіемъ ролей. Предъявлялись и другія требованія съ ихъ стороны.

Одна артистка, ставившая послѣднюю пьесу Туношенскаго въ свой бенефисъ пожелала, чтобы драматургъ изъ двухъ женскихъ ролей сдѣлалъ одну.

— Неужели вы согласились? — спросилъ я Владимира Владимировича.

— Согласился! ничего не подѣлаешь! если пьеса не пойдетъ, меня кредиторы съѣдятъ.

И вотъ, подъ давленіемъ такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, бѣдный драматургъ соглашался на убійство одной изъ героинь. Опять начиналась работа, спѣшная, ночная работа. Ночи напролетъ работалъ Владимиръ Владимировичъ, не щадя ни силъ, ни здоровья, ради хлѣба насущнаго.

Раздражали Туношенскаго и нѣкоторые критическіе отзывы объ его пьесахъ, когда рѣзкій, совершенно не заслуженный имъ тонъ чувствовался въ этихъ отзывахъ. Съ этимъ у насъ рецензенты не считаются.

Принимая во вниманіе постоянную нужду, которую терпѣлъ Туношенскій, надо было удивляться, какъ онъ могъ вообще такъ энергично работать и давать театру веселыя настроенія, юмористическія сцены, жизнерадостность.

Не стущая красокъ, какъ большой пріятель Туношенскаго, я скажу, что не разъ видѣлъ его плакавшимъ, проливавшимъ слезы, по возвращеніи съ репетицій. Не клеилась постановка, не налаживалось исполненіе, не являлись актеры на репетиціи, — все это убивало его.

Во время перваго представленія, когда обрисовывался несомнѣнный успѣхъ, драматургъ оживалъ, раскланивался на вызовы публики изъ директорской ложи, потому что, состоя на военной службѣ, не могъ выходить на сцену, и счастливѣе его въ эти минуты не было человѣка.

Творчество Туношенскаго не отличалось глубиной, онъ скользилъ по поверхности жизни, но умѣлъ здѣсь находить и подмѣчать всѣ типичныя интересныя явленія и подносить ихъ въ сценическомъ освѣщеніи публикѣ. Пьесы его развлекали зрителя, смотрѣлись легко, живо, а въ особенности въ то время, когда репертуаромъ овладѣли патологія и сумасшедшіе. Нуженъ былъ отдыхъ нервамъ публики, и Туношенскій давалъ его.

Я бы сравнилъ его пьесы въ современномъ репертуарѣ съ тѣмъ пріятнымъ прохладительнымъ пуншемъ, который подаютъ на большихъ обѣдахъ между тяжелыми, неудобоваримыми блюдами.

Дарованія покойнаго драматурга не отрицали и люди несогласные съ его манерой творчества, совершенно чуждаго декадентщины и болѣзненной психологіи.

Всѣ пьесы Туношенскаго еще свѣжи въ памяти театральной публики, какъ-то: «Въ Гаграхъ», «Развалъ», «Черноморская Цирцея», «Въ странѣ любви» и другія.

Кромѣ извѣстныхъ намъ пьесъ, покойный Туношенскій, по желанію его высочества принца А. П. Ольденбургскаго, былъ приглашенъ работать надъ драматизаціей русской исторіи для театра Народнаго Дома; въ картинахъ передъ зрителями должна была пройти вся русская исторія въ ея главныхъ моментахъ. Туношенскій написалъ рядъ такихъ патріотическихкихъ картинъ стихами. О дальнѣйшей судьбѣ работъ мнѣ неизвѣстно.

Скончался Владимиръ Владимировичъ совсѣмъ неожиданно, захворавъ въ началѣ іюня. О смерти его ни онъ самъ, ни окружавшіе его не думали. За пять дней до нея Владимиръ Владимировичъ стремился въ Крымъ, гдѣ, по его словамъ, намѣревался помѣститься въ Ко-реизѣ у знакомыхъ. Грустно было слышать это отъ больного, на восковое лицо котораго смерть наложила уже свои ужасныя черты.

Запутанныя дѣла Владимира Владимировича, думавшаго въ послѣдніе дни о векселяхъ и обязательствахъ, сыграли въ руку смерти, потому что нарушали спокойствіе больного, жизнь котораго догнала.

— Если я не уѣду въ Крымъ, гибель моя!... Докторъ говоритъ, что только Крымъ меня спасетъ. Не хватаетъ ста рублей, чтобы уѣхать... — объяснялъ онъ мнѣ.

Смотрѣлъ я на Туношенскаго, и въ горлѣ у меня дѣлались спазмы, наворачивались слезы.

Радовался, если можно радоваться въ такія минуты, только тому, что онъ еще надѣется, вѣритъ въ жизнь, не чувствуетъ, какъ

она укорачивается, какъ онъ медленно засыпаетъ, изрѣдка открывая глаза, словно хочетъ спросить: «а вы какъ думаете, поможетъ мнѣ Крымъ?»

И сдерживаешься, стараешься набраться твердости, чтобы ни однимъ словомъ, ни однимъ звукомъ голоса не обнаружить своего волненія.

Въ воскресенье 18-го іюля, въ два часа В. В. Туношенскій скончался. Въ день кончины утромъ у меня былъ сынъ Владимира Владимировича, мальчикъ-гимназистъ, который просилъ написать письмо къ лейбъ-медику Л. Б. Бертенсону, что я немедленно исполнилъ.

— Положеніе отца доктора вчера признали безнадежнымъ!—сказалъ онъ со слезами.—Хотимъ, чтобы его посмотрѣлъ Бертенсонъ.

Л. Б. Бертенсонъ тотчасъ же отвѣтилъ мнѣ съ его неизмѣнной отзывчивостью и сердечностью, что пріѣдетъ къ больному, но Владимиръ Владимировичъ уже скончался.

Онъ умеръ въ забытіи, не приходя въ сознаніе. Послѣ него остались жена и двое дѣтей.

Покойный драматургъ служилъ на военной службѣ, онъ былъ артиллеристомъ, въ чинѣ подполковника, и послѣдніе два года числился при главномъ артиллерійскомъ управленіи.

Много лѣтъ онъ служилъ въ Сестрорѣцкѣ на казенномъ заводѣ, состоя членомъ повѣрочной патронной комиссіи. Имъ было сдѣлано нѣсколько изобрѣтеній въ области артиллерійской стрѣльбы.

В. В. Туношенскій отдался давно отъ строевой службы, причиною чему, какъ помнится мнѣ, было поврежденіе ноги. Туношенскій одно время увлекался спортомъ, завелъ скаковую конюшню и разорился на ней окончательно.

Спортъ онъ промѣнялъ на драматургію, къ которой стремился съ юности. Новое поприще его такъ захватило, что онъ не сожалѣлъ о понесенныхъ потеряхъ на скачкахъ и всецѣло отдался драматической литературѣ. Ей онъ отдалъ всю душу, сжился, сроднился съ литературной средой и, незадолго передъ смертью, просилъ жену Е. Т. Туношенскую похоронить его на «Литературныхъ мосткахъ» Волкова кладбища.

Это желаніе Владимира Владимировича очень трогательно для пишущей братіи и показываетъ, какъ любилъ покойный литературу. Бѣдно здѣсь, неприглядно, но компанія хорошая, какъ сказалъ кто-то про «Литературные мостики».

Заглянулъ я въ могилу, выкопанную для Владимира Владимировича, и увидѣлъ въ ней воду: почва самая неудачная для послѣдняго пріюта.

Русскому литератору жилось невесело, и послѣ смерти устроился онъ незавидно!...

А. Плещеевъ.

КЪ БИОГРАФИИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО.

ИЗНЬ пзвѣстнаго публициста 60-хъ годовъ Николая Гавриловича Чернышевскаго, его личность, какъ чловѣка, но особенно его отношенія къ роднымъ и своей семьѣ въ разные періоды земного существованія, несмотря на множество появившихся за послѣдніе годы сочиненій, рассказовъ и воспоминаній о немъ, — далеко еще не вполне выяснены и описаны. Въ архивной пыли остаются еще крупницы, которыя, по нашему мнѣнію, хоть отчасти могли бы помочь къ уясненію въ этомъ направленіи его характера.

По рассказамъ современниковъ, сложилось убѣжденіе, будто послѣ женитьбы Н. Г. на дочери врача Васильева, барышнѣ эмансипированной и эксцентричной, любовь къ нему родителей, отца, протоіерея Гаврилы Ивановича, и матери, Евгеніи Георгіевны, — нарушилась, почему Чернышевскій и принужденъ былъ уѣхать изъ Саратова въ Петербургъ. Отношенія отца къ сыну еще болѣе обострились послѣ того, какъ Н. Г. сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «пакоснаго» «Современника», какъ называлъ его издатель «Домашней Бесѣды» Аскоченскій¹⁾. Но, насколько все это справедливо, трудно судить. Едва ли можно, безъ документальныхъ доказательствъ, повѣрить подобнымъ розсказнямъ, попавшимъ въ печать, можетъ быть, изъ десятыхъ рукъ, отъ людей, мало знавшихъ, какъ самого Чернышевскаго, такъ и его почтеннаго отца, очень образо-

¹⁾ «Истор. Вѣстн.» 1905 г., XII, стр. 908.

ваннаго, по тому времени, служителя церкви. Если бы сынъ такъ сильно былъ виновенъ предъ своимъ родителями, то едва ли бы суровый старикъ оставилъ ему свое и его матери, Евгеніи Георгиевны, имѣніе. Между тѣмъ въ архивѣ саратовскаго окружнаго суда (шкапъ 7, полка 7, мѣсто 148) намъ попался именно такой интересный документъ, который, наоборотъ, указываетъ на сильную любовь Гавриила Ивановича къ своему сыну и его отеческую о немъ заботливость даже на склонѣ лѣтъ своихъ. Документъ этотъ представляетъ собою журналъ бывшей саратовской палаты гражданскаго суда за 1858 годъ и гласитъ слѣдующее:

«Сего декабря 11 числа, саратовскаго Александро-Невскаго каедральнаго собора протоіерей Гавриила Ивановъ Чернышевскій, лично извѣстный членамъ присутствія саратовской гражданской палаты, являсь въ сію палату, предъявилъ къ засвидѣтельствуванію составленное имъ крѣпостное духовное завѣщаніе, писанное на листѣ въ 15 коп. и подписанное имъ самимъ,—о распредѣленіи имъ движимаго и недвижимаго имѣнія своего, по коему онъ, Чернышевскій, деревянный домъ, выстроенный имъ, съ дворовыми къ нему усадебными мѣстами, доставшимися ему по купчимъ, во-1-хъ, отъ дѣвицы Елизаветы Мауриной и, во-2-хъ, отъ дьяконской жены Татьяны Максимовой,—находящійся во 2-й Саратова части, въ приходѣ Сергіевской церкви, со всѣмъ при немъ строеніемъ и службами, равно и все движимое и недвижимое имѣніе, какое только останется послѣ его смерти, предоставляетъ родному своему сыну титулярному совѣтнику Николаю Гавриловичу Чернышевскому и его дѣтямъ въ вѣчное и потомственное владѣніе; при чемъ присовокупляетъ, что денежныхъ капиталовъ, кромѣ находящагося въ сохранной казнѣ императорскаго московскаго опекунскаго совѣта въ 600 руб. сереб., по билету онаго отъ 10 мая 1849 г. за № 58096, положенныхъ имъ на имя свое и покойной своей жены Евгеніи, ни въ долгахъ, на ни сохраненіи ни у кого не имѣеть, и если при жизни его капиталъ тотъ взять имъ не будетъ, то оный съ слѣдующими процентами предоставляетъ ему же, Николаю Чернышевскому, и его дѣтямъ. А такъ какъ сынъ его живетъ въ С.-Петербургѣ, то все вышеозначенное имѣніе и капиталъ ¹⁾, впредь до распоряженія сына его Николая, поручаетъ въ полное и безотчетное распоряженіе титулярному совѣтнику Николаю Дмитриевичу и жецѣ его Александрѣ Егоровѣ Пыпинимъ ²⁾ и дѣтямъ ихъ».

На отобранномъ того же числа въ присутствіи палаты допросѣ Г. Ив. подтвердилъ завѣщаніе свое «во всей его силѣ, съ присовокупленіемъ, что оно составляетъ послѣднюю его волю».

) Цѣну всему этому имуществу вмѣстѣ съ деньгами Гавриила Ивановичъ показалъ въ 3000 р. сер.

²⁾ Родители извѣстнаго писателя Александра Николаевича Пыпина, приходившіяся Н. Г.—чу роднымъ дядей и теткой по матери.

Завѣщаніе было засвидѣтельствовано палатой 16 января слѣдующаго (1859) года, а 23 октября 1861 г. Гавріила Ивановича не стало.

Къ сожалѣнію, неизвѣстно, какъ и когда воспользовался этимъ имѣніемъ Н. Г. Судя по другому архивному дѣлу¹⁾, незадолго до своей ссылки, предвидя, очевидно, свой печальный конецъ, Чернышевскій (сынъ) передалъ отцовскій домъ своему двоюродному брату А. Н. Пышину, по купчей крѣпости, совершенной во 2-мъ департаментѣ С.-Петербургской палаты гражданскаго суда 4 марта 1864 года²⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что передача эта была устроена фиктивно, дабы избѣжать конфискаціи имущества Чернышевскаго³⁾, какъ преступника политическаго, отправляемаго за свои воззрѣнія въ семилѣтнюю каторгу. По крайней мѣрѣ, пятнадцать лѣтъ спустя, когда дѣти Н. Г. подросли, 24 января 1879 года въ конторѣ петербургскаго нотариуса І. И. Борткевича (въ Казанской части, уг. Невскаго просп. и Мал. Конюшенной, д. № 26—14) былъ совершенъ новый актъ, «дарственная запись», по которой «бывшій профессоръ» Александръ Николаевичъ Пыпинъ (жившій въ то время по Большому просп. Васильевской части въ домѣ подъ № 22) дарилъ дѣтямъ «титулярнаго совѣтника» Чернышевскаго: несовершеннолѣтнему Михаилу и кандидату петербургскаго университета Александру, «дѣйствующему за себя и въ качествѣ попечителя» своего брата⁴⁾, «собственный свой деревянный домъ со всѣми при немъ строеніями и землею, «доставшійся ему отъ титулярнаго совѣтника Н. Г. «по купчей крѣпости» и «состоящій въ гор. Саратовѣ, во 2-ой части, на углу Сергіевской улицы и Гимназическаго взвоза, въ межахъ домовъ: по одну сторону г-жи Пыпиной, а по другую г-жи Грандковской», мѣрою (съ мѣстомъ) по улицѣ и въ задахъ по 25-ти, а во дворъ по 12-ти сажень. Послѣ обычныхъ фразъ: «на предъ сего помянутое имущество никому не продано» и т. д., въ дарственной говорилось: «а если кто въ оное почему-

¹⁾ Того же сарат. окр. суда, шк. 30, пол. В, м. 149.

²⁾ Какъ извѣстно, сосланъ Чернышевскій въ Сибирь 7-го іюня 1864 года.

³⁾ Должно быть, съ той же цѣлью Н. Г. устранилъ отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ и свою жену Ольгу Сократовну. Только по возвращеніи изъ ссылки въ Астрахань онъ составилъ 18-го іюля 1887 г. духовное завѣщаніе, конемъ все свое движимое и недвижимое имущество, гдѣ бы оно ни находилось и въ чемъ бы оно ни заключалось, оставляя въ полную ея собственность, а также весь капиталъ, «какой окажется послѣ его смерти», и право полной собственности на его рукописи и всѣ сочиненія (см. нашу замѣтку «Завѣщаніе Чернышевскаго». «Рус. Архивъ», 1908, II, 275).

⁴⁾ Хотя Александръ былъ назначенъ попечителемъ по указу петербургскаго сиротскаго суда 3-го ноября 1878 г., но жилъ отдѣльно отъ брата по 8-й линіи, Васил. остр., въ д. № 14. Михаилъ же находился у Пыпина. А такъ какъ попечительства учреждаются по достиженіи малолѣтними 16-лѣтняго возраста, то, слѣдовательно, Михаилъ родился незадолго до ареста Н. Г.—ча въ 1862 г.

либо будетъ вступаться, то очистку отъ тѣхъ вступщиковъ и отъ убытковъ, могущихъ быть отъ сего, одаряемые Чернышевскіе принимаютъ на себя¹⁾.

Пересланный чрезъ помощника присяж. повѣрен. А. А. Токарскаго²⁾ въ Саратовъ, актъ этотъ былъ утвержденъ старшимъ нотаріусомъ тамошняго окружнаго суда 5 марта того же года, а 8 числа этого мѣсяца состоялось опредѣленіе суда о вводѣ во владѣніе Чернышевскихъ означеннымъ имуществомъ. Спустя мѣсяць (14-го апрѣля) судебный приставъ Васильевъ, согласно заявленія г. Токарскаго, «составилъ вводный листъ за № 254».

Такимъ образомъ, вслѣдствіе политическихъ прегрѣшеній своего отца, лишь черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ внуки получили имущество, завѣщанное имъ ихъ дѣдомъ, благодаря только безмѣрной честности и христіанской любви ихъ дяди А. Н. Пыпина, который, получивши отъ Н. Г. по купчей имѣніе это, могъ бы, конечно, «на законномъ основаніи», и не передать его имъ...

П. Юдинъ.

¹⁾ Цѣну даримому имуществу Пыпинъ и Чернышевскіе объявили «по совѣсти», въ 2 т. руб.—Не лишнее будетъ еще добавить, что свидѣтелями при совершеніи этого акта были: коллежск. совѣт. Леонидъ Александровичъ Полонскій (жившей въ ту пору по 1-й улицѣ Рождествен. части въ д. № 8) и шт.-капит. Алонзій Федоровичъ Витманъ (Литейн. части, по Бассейной ул., д. № 14).

²⁾ И понынѣ здравствующаго въ Саратовѣ. Въ то время онъ квартировалъ въ домѣ Чернышевскихъ.

СТРАНИЧКА ИЗЪ ИСТОРИИ НАШИХЪ АРХИВОВЪ.

ВЪ КОНЦѢ нынѣшняго года минеть ровно четверть вѣка, какъ не стало могучаго и, можно сказать, единственнаго въ то время борца за архивное дѣло, создателя разсадника ученыхъ архивистовъ, устроителя образцоваго архива министерства юстиціи въ Москвѣ и основателя цѣлаго ряда провинціальныхъ историко-археологическихъ обществъ—архивныхъ комиссій, главною задачею которыхъ было поставлено созданіе и устройство мѣстныхъ историческихъ архивовъ. Этотъ могучій и безсмертный борецъ—извѣстный юристъ, сенаторъ, Николай Васильевичъ Калачовъ. Немало лѣтъ и труда потратилъ онъ въ борьбѣ съ косной высшей бюрократіей при возрожденіи къ жизни своихъ излюбленныхъ дѣтищъ, и, быть можетъ, изъ-за этой-то борьбы очень недолго былъ руководителемъ и свидѣтелемъ ихъ плодотворной дѣятельности... Правда, созданныя имъ учрежденія продолжаютъ, расширяясь, дѣйствовать и понынѣ; но всякое и мудро поставленное и начатое дѣло безъ своего руководителя и сильнаго защитника, у насъ, по крайней мѣрѣ, не даетъ желанныхъ результатовъ. Особенно это сказалось на архивныхъ комиссіяхъ, которыя не могли осуществить и части своей главной задачи, лишеныя не только какой бы то ни было правительственной субсидіи, но даже моральной поддержки со стороны властей за свой многолѣтній и безвозмездный трудъ. Нечего и говорить, что главная идея Н. В. Калачова объ устроеніи вообще архивнаго дѣла на Руси оказалась послѣ его смерти не только неисполнимой, но даже для многихъ, кому вѣдать надлежитъ, и ненужною. Поэтому многіе провинціальные архивы, вмѣсто какого бы то ни было упорядоченія,

приходили лишь въ большее разстройство и разореніе. Немного въ лучшемъ положеніи продолжали оставаться и крупные центральные архивы; являясь лишь складочнымъ мѣстомъ для архивныхъ матеріаловъ, постоянно возрастающихъ, они не увеличивали своихъ помѣщеній, обслуживались лицами случайными и лишенными, по большей части, надлежащей подготовки и интереса къ архивному дѣлу, и до сихъ поръ не имѣли и не имѣютъ болѣе или менѣе сносныхъ описей содержимаго въ нихъ. При этомъ, конечно, они были недоступны изслѣдователямъ, за исключеніемъ развѣ очень немногихъ случаевъ. Да и что было дѣлать историку или юристу въ такомъ архивѣ, гдѣ рукописныя описи сплошь и рядомъ не соответствовали содержанію дѣлъ и гдѣ онъ долженъ былъ невольно перелистывать самыя дѣла, другими словами, предпринимать чуть ли не Сизифову работу, имѣя право заниматься въ архивѣ лишь 2—3 часа въ день.

Много толковали и ходатайствовали передъ правительствомъ объ упорядоченіи архивнаго дѣла разные ученые и изслѣдователи старины; много предлагали различныхъ проектовъ и ученія учрежденія и археологическіе съѣзды отъ имени своихъ археографическихъ секцій, но всѣ эти хлопоты и предложенія разбивались ударомъ одного аргумента министра финансовъ: «нѣтъ денегъ» на архивы, а на все прочее сколько угодно... Не помогла архивному дѣлу и минувшая въ 1902 году столѣтняя годовщина министерствъ: ихъ архивы—въ первобытномъ своемъ хаотическомъ состояніи, разсѣяны по различнымъ зданіямъ, въ полутемныхъ помѣщеніяхъ и подвалахъ, и мало извѣстны даже завѣдывающимъ ими. Особенно поражаетъ множество отдѣльныхъ архивовъ при министерствѣ финансовъ, на которое, судя по упорнымъ слухамъ, обратило вниманіе и высшее начальство и намѣрено создать одинъ центральный архивъ. При посѣщеніи архива канцеляріи военнаго министерства намъ удалось убѣдиться, что тамъ очень еще недавно открыли присутствіе бумагъ Петра Великаго и даже столбцовъ конца XVII вѣка. Нашъ крупнейшій сенатскій архивъ помѣщается въ чужомъ зданіи, принадлежащемъ св. синоду, и также мало извѣстенъ: существующія въ немъ рукописныя описи носятъ большой отпечатокъ времени ихъ составленія и «пониманія» дѣла ихъ составителями. Недавно отпечатанный первый томъ «Описи документовъ и дѣлъ, хранящихся въ сенатскомъ архивѣ», наглядно показываетъ, какъ бываетъ неосторожно полагаться на старыя рукописныя описи, не прибѣгая хотя бы къ бѣглому обзору самыхъ дѣлъ и документовъ, и на малограмотныхъ архивныхъ писцовъ¹⁾.

¹⁾ Послѣдніе перепутали даже фамиліи: написали Волебіовскій вмѣсто Голембіовскій (стр. 165), Копенгаузинъ вм. Кампенгаузенъ (стр. 169), Мокѣвичъ вм. Мокѣевскій Константиинъ (стр. 171), Потавичъ вм. Потаповичъ (стр. 173), Отвѣковскій вм. Отвѣновскій (стр. 172), Улиско вм. Улѣзко (стр. 176), Фаминичъ вм. Фоминичъ (стр. 177), Щербановичъ вм. Щербиновичъ (стр. 178), Якимовъ вм. Якимовичъ (стр. 179) и мн. др.

Но не будемъ больше слѣдовать по петербургскимъ центральнымъ архивамъ, а обратимъ вниманіе читателей лишь на одинъ большой архивъ, всероссійское хранилище дворянскихъ дѣлъ. Болѣе тѣснаго, темнаго и лишеннаго малѣйшихъ удобствъ для занятій архивнаго склада, размѣщеннаго при томъ въ двухъ зданіяхъ: сенатскомъ и синодскомъ, какимъ является въ настоящее время архивъ департамента герольдіи прав. сената, не найти, пожалуй, и въ небольшомъ губернскомъ городкѣ. А между тѣмъ этотъ архивъ, по обилію въ немъ всякаго рода сословныхъ документовъ, отъ XVI вѣка и до позднѣйшаго времени, и по своему кардинальному значенію для канцеляріи департамента, дѣлопроизводство которой по преимуществу сосредоточено на архивныхъ справкахъ, производимыхъ обыкновенно малосвѣдущими и не придающими значенія архивнымъ матеріаламъ чинами канцеляріи, — долженъ занять центральное и вполнѣ самостоятельное положеніе, имѣть особое помѣщеніе, а не надъ подвалами, въ которыхъ проживаютъ курьеры и сторожа, и вполнѣ достаточный и подготовленный штатъ служащихъ, которые могли бы оказать помощь и содѣйствіе многочисленнымъ дворянамъ, допускаемымъ въ архивъ начальствомъ для обзорнѣя собственныхъ дѣлъ. Въ началѣ 1911 года будетъ праздноваться двухсотлѣтній юбилей правительствующаго сената. Неужели и по этому поводу министерство юстиціи не вспомнить о герольдійскомъ архивѣ и не обратитъ вниманія на тѣ ламентации, которыя раздавались насчетъ его еще въ 1906 году на владимирскомъ историко-археологическомъ съѣздѣ и затѣмъ въ нашей періодической печати: «Историческомъ Вѣстникѣ» (1907 г., № 7) и «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (1907 г., № 5)?!... Неужели же главари министерствъ внемлютъ только однимъ рапортамъ или настояніямъ болѣе сильныхъ сановниковъ?!..

Но довольно печальныхъ картинъ; пора перейти и къ болѣе здоровымъ и ободряющимъ знакамъ, которые наблюдаются въ послѣднее время и на нашей архивной нивѣ. Жаль только, что ихъ немного. Прежде всего нельзя не указать на оживленную дѣятельность по собиранію свѣдѣній о разнаго рода архивахъ, не исключая и собраній частныхъ лицъ, и по описанію ихъ, проявленную, особенно въ 1898—1903 годахъ, московской археографической комиссіей при археологическомъ обществѣ. Другое отрадное явленіе того же рода— это появленіе въ свѣтъ «Описи дѣлъ архива государственнаго совѣта», которой въ настоящее время отпечатано уже 6 томовъ. До послѣднихъ дней архивъ государственнаго совѣта, помѣщающійся въ особомъ прекрасно устроенномъ зданіи, былъ почти недоступнымъ для большинства изслѣдователей, и въ то же время не вполнѣ определено было его содержаніе, такъ какъ рукописныя описи и тамъ, какъ оказывается, заключаютъ въ себѣ немало погрѣшностей, а по нѣкоторымъ дѣламъ ихъ вовсе не было. Нѣсколько лѣтъ тому

назадъ наличными силами архива было приступлено къ тщательной провѣркѣ рукописныхъ описей, къ сличенію ихъ съ дѣлами, исправленіямъ и дополненіямъ и къ составленію новыхъ описей къ тѣмъ «отдѣламъ или частямъ», которые ихъ не имѣли. Въ 1908 году, въ цѣляхъ, съ одной стороны, ускоренія и облегченія справокъ, довольно часто наводимыхъ государственной канцеляріей, и, съ другой, для «облегченія труда ученыхъ и изслѣдователей», появился въ печати первый обширный томъ «Описи архива государственнаго совѣта», въ которомъ помѣщено описаніе 8505 дѣлъ общаго собранія и департаментовъ государственнаго совѣта съ 1810 года ¹⁾ по 1829 г. включительно. Вскорѣ затѣмъ были напечатаны и слѣдующіе томы, заключающіе въ себѣ продолженіе описанія дѣлъ того же общаго собранія и департаментовъ государственнаго совѣта: второй (4549 дѣлъ, съ 1830 по 1839 г.), третій (5481 д., съ 1840 по 1849 г.), четвертый (4362 д., съ 1850 по 1856 г.) и пятый (4870 д., съ 1857 по 1862 г.). Одновременно съ послѣдними описями появился и девятнадцатый томъ, въ которомъ описаны дѣла статсъ-секретаріата бывшаго герцогства Варшавскаго и царства Польскаго, съ 1807 г. по 1825 г. включительно. (Сюда вошли памятники законодательной и административной дѣятельности органовъ управленія и сеймовыхъ постановленій, подъ верховной властью—сначала короля саксонскаго, герцога варшавскаго Фридриха-Августа, а затѣмъ императора Александра Павловича).

«Весь описной матеріалъ, подлежащій изданію (секретныя дѣла исключаются),—читаесть въ предисловіи къ первому тому,—распадается на слѣдующіе отдѣлы и можетъ быть размѣщенъ, согласно общему плану изданія, въ 22 томахъ: 1) описи дѣлъ общаго собранія и департаментовъ государственнаго совѣта, съ 1810 по 1910 г. въ первыхъ 14 томахъ; 2) комитеты по устройству сельскаго состоянія (свыше 3.500 д.)—въ XV томѣ; 3) временныхъ департаментовъ, комитетовъ, комиссій, общихъ присутствій и совѣщаній п 4) бумаги, оставшіяся послѣ предсѣдателей и членовъ государственнаго совѣта—въ XVI т.; 5) II-го отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и кодификаціоннаго отдѣла при государственномъ совѣтѣ (около 10 тысячъ дѣлъ) и дѣла отдѣленія Свода Законовъ—въ XVII и XVIII томахъ; 6) дѣла герцогства Варшавскаго и царства Польскаго (около 30 тысячъ дѣлъ)—въ XIX—XXII томахъ».

Печатаніе описей производится по указаніямъ и подъ руководствомъ государственнаго секретаря и подъ редакцію управляющаго

¹⁾ Начато описаніе дѣлъ съ 1810 г. потому, что большинство документовъ до этого года было уже напечатано въ 5 частяхъ I, II. и III томовъ «Архива государственнаго совѣта». и что документы этого періода «не имѣютъ столь важнаго практическаго значенія для текущаго законодательства».

архивомъ С. А. Панчулидзева, а «составленіе» перваго (вмѣстѣ съ Е. А. Ляцкимъ, Б. А. Враскимъ и А. В. Шебаловымъ), третьяго и четвертаго принадлежитъ архивариусу А. А. Голombievскому, втораго и пятаго—Б. А. Враскому и девятнадцатаго—Е. А. Ляцкому.

Описи представляютъ собою точныя оглавленія дѣла, съ указаніемъ ихъ начала и окончанія или высочайшаго указа и числа листовъ. Нумерація—отдѣльная для каждаго рода дѣлъ. Въ концѣ каждаго тома приложены указатели: именной, географической и предметной, весьма облегчающіе нахожденіе нужнаго дѣла.

Несомнѣнно, что изданіе этихъ описей, имѣющее быть доведеннымъ до конца въ непродолжительномъ времени, дастъ въ руки многихъ изслѣдователей цѣннѣйшее руководство, значительно облегчитъ ихъ трудъ и, при условіи наибольшаго распространенія доступа въ самый архивъ, послужитъ могучимъ рычагомъ къ появленію новыхъ научныхъ работъ, не говоря уже о громадной практической пользѣ для самого государственнаго совѣта. Да и вообще, по моему мнѣнію, чѣмъ скорѣе будутъ обслѣдованы наши архивы, прежде всего, конечно, наиболѣе крупныя и центральныя, чѣмъ скорѣе они будутъ описаны, тѣмъ большую цѣнность пріобрѣтеть и самый архивный матеріалъ въ глазахъ даже не специалистовъ, которые перестанутъ тогда смотрѣть на архивы, какъ на складъ бумагъ, мало кому нужныхъ и отнимающихъ лишь значительныя помѣщенія. Нужно только для этого не жалѣть средствъ и умѣть пріискивать подготовленныхъ работниковъ, въ которыхъ, впрочемъ, недостатка никогда не будетъ, лишь бы оплачивался ихъ трудъ.

Остается поэтому только пожелать, чтобы примѣру архива государственнаго совѣта поскорѣе послѣдовали наши остальные центральныя архивы, и чтобы министерство финансовъ сумѣло изыскать денежныя средства на упорядоченіе и опубликованіе мѣстныхъ провинціальныхъ архивовъ, что, несомнѣнно, принесетъ большую общегосударственную пользу.

В. Рудаковъ.

ВЕЛИКОСВѢТСКАЯ АРТИСТКА

I.

АРІЯ Ѳедоровна Калерджи-Муханова, рожденная графиня Нессельроде, является, несомнѣнно, интересною и талантливою личностью. Сіюющая рѣдкою красотою, она подѣ аристократическимъ равнодушіемъ и внѣшнимъ самообладаніемъ таила страстные душевные порывы, вѣчно увлекавшіе ее въ поиски за недостижимымъ.

Поставленная близостью къ своему дядѣ, російскому канцлеру, въ соприкосновеніе съ политическими сферами, близкая многимъ царственнымъ особамъ и ихъ дворамъ, г-жа Калерджи вскорѣ сдѣлалась не только блестящимъ средоточіемъ великосвѣтскихъ круговъ, но, благодаря художественнымъ инстинктамъ и дарованіямъ, заняла выдающуюся роль и въ музыкальномъ мірѣ, но жизнь ея съ дѣтства сложилась ненормально и это внесло нѣкоторый надрывъ и недовольство во все ея существованіе.

Графскій державный домъ Нессельроде принадлежитъ къ древнѣйшей европейской аристократіи и ведетъ начало съ X в., осѣвъ въ герцогствѣ Бергскомъ на Рейнѣ. Старшая отрасль графовъ Нессельроде ф. Рейхенштейнъ-Ландскронъ угасла въ 1824 г., а пред-

ставитель младшей отрасли графовъ Нессельроде ф. Эресгофенъ Вильгельмъ (1724—1810) переселился въ XVIII в. въ Россію и долгое время занималъ постъ русскаго посланника въ Лиссабонѣ и Берлинѣ.

Старшій сынъ его, Карлъ Васильевичъ (1780—1862), составивъ себѣ карьеру въ эпоху Отечественной войны, рано занялъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ и россійскаго канцлера (съ 1844 г.), а его двоюродный братъ, Фридрихъ-Вильгельмъ, служилъ въ гвардіи, а затѣмъ поступилъ въ распоряженіе графа Бенкендорфа и конецъ жизни провелъ въ Варшавѣ, въ чинѣ генераль-лейтенанта и начальника варшавскаго жандармскаго округа.

Отъ брака графа Фридриха-Вильгельма Нессельроде съ графинею Теклою Натечъ-Горскою въ 1823 г. родилась единственная дочь Марія. Вскорѣ родители разѣхались, и графиня поселилась въ Парижѣ, гдѣ скончалась въ 1848 г.; чтобы обезпечить 10-лѣтней Маріи женскій уходъ, отецъ поручилъ ее съ 1833 года попеченіямъ кузена, графа Карла, который особенно полюбилъ племянницу.

Такимъ образомъ, Марія получила воспитаніе въ домѣ дяди, вмѣстѣ съ его дочерьми, Еленою и Маріею Карловнами.

Красота и разнообразныя дарованія Маріи дѣлали ее опасною соперницею для двоюродныхъ сестеръ—мало интересныхъ—и серьезно мѣшали матримоніальнымъ затѣямъ графини тетки¹⁾. Графиня съ своекорыстными цѣлями принялась убѣждать племянницу поскорѣе выйти замужъ, такъ какъ только бракъ могъ дать ей независимость; въ противномъ случаѣ, прибавлялось многозначительно, хотя и въ шутку, Мари, оставшись въ старыхъ дѣвахъ, придется использовать развѣ музыкальный талантъ, для обезпеченія себѣ средствъ къ существованію.

Маріи было всего 16 лѣтъ, когда ей подвернулся женихъ—богачъ 25-лѣтній полу-итальянецъ, полу-грекъ Иванъ Калерджи²⁾. Болѣзненный, некрасивый и мало интересный, этотъ молодой человекъ, введенный въ домъ графа Нессельроде, тотчасъ же обратилъ вниманіе на бѣлокурую красавицу.—«C'est la grande blonde qui me plait le mieux et que je désire épouser»,³⁾ заявилъ онъ

¹⁾ Супруга канцлера, Марія Дмитріевна, урожд. рафиня Гурьева, умерла въ 1849 г., доставивъ мужу, по его словамъ, 37 лѣтъ безоблачнаго счастья; по свидѣтельству ея пріятельницы баронессы дю-Монтэ (Souvenirs. Paris, ed. Plon, 1914), графиня Нессельроде была «очень сухая и серьезная особа».

Исслѣдованія, предпріятыя внукомъ М. О. Калерджи-Мухановой, графомъ Генрихомъ Куденкове на о. Критѣ, документально подтвердили проихъ женитву Ивана Калерджи отъ венеціанскихъ нобилей Калерджисовъ-Вендраминъ въ.

²⁾ Иссканія же профессора Леви въ венеціанскихъ архивахъ обнаружили не менѣе любопытныі фактъ, что образъ и личность Деадемоны, несомнѣнно, навѣяны Шекспиру ознаменованіемъ съ фамильною хроникою венеціанскихъ Калерджисовъ, неоднократно занимавшихъ въ республикѣ первенствующій санъ дожей.

³⁾ Вотъ высокая блондинка всего больше мнѣ понравилась—на ней я и хочу жениться.

Вечеромъ послѣ перваго же визита Калерджи графиня тетка объявила Мари: «Monsieur Kalergis a demandé votre main. C'est un brave homme, qui a une belle fortune et je crois, que vous serez heureuse avec lui» ¹⁾. Прельщеніе неопытной дѣвочки пріятною перспективою носить перья, бархатъ, брильянты и кашемиры, въ качествѣ замужней дамы, подавило колебанія и недоумѣнія полу-ребенка Маріи. Придя въ общую спальню, она объявила кузинамъ: «Figurez vous que je suis fiancée!»—на что тѣ отвѣчали со смѣхомъ: «Comme c'est amusant» ²⁾.

3-го января 1839 г. въ домово́й церкви министерства иностранныхъ дѣлъ уже состоялось вѣнчаніе, послѣ котораго новобрачные уѣхали въ Лондонъ. Но уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя Марія покинула мужа, который ее истерзалъ необузданными вспышками безсмысленной ревности. Госпожа Калерджи уѣхала отъ мужа сначала въ Баденъ-Баденъ, а затѣмъ въ Петербургъ, гдѣ въ роскошномъ домѣ, принадлежавшемъ Калерджи (на Невскомъ проспектѣ), у нея и родилась дочь Марія 16-го января 1840 г.

Затѣмъ супруги окончательно разошлись; Иванъ Калерджи ликвидировалъ свои дѣла въ Россіи, и вмѣстѣ съ матерью, шведкою (ур. Юргенсенъ), поселился въ Лондонѣ, принялъ англійское подданство и умеръ только въ 1863 году. М. Ѳ. Калерджи по безпокойству натуры нигдѣ поцолгу не заживалась и постоянно перекочевывала изъ Берлина въ Вѣну, изъ Мюнхена на Рейнгъ, а порою поцолгу гащивала у отца въ Варшавѣ.

Здѣсь нерѣдко представлялись случаи для помощи соотечественникамъ ея матери, и М. Ѳ. Калерджи охотно выступала въ ихъ пользу словомъ и дѣломъ, а замашки къ «фрондированію» подчасъ поощряли ее къ оцрометчивымъ поступкамъ.

Такъ, одна изъ польскихъ пріятельницъ г-жи Калерджи, впутовавшая въ 1848 г. въ одинъ изъ многочисленныхъ польскихъ заговоровъ, какъ-то ночью посѣтила тайкомъ г-жу Калерджи, гостившую у отца, и просила ее припрятать важныя бумаги, компрометирующія многихъ изъ участниковъ подпольнаго движенія. Г-жа Калерджи, взявъ свертокъ, сунула его въ одну изъ шляпныхъ картонокъ и прикрыла сверху вуалями и шляпою. Черезъ нѣсколько дней графъ Нессельроде, зайдя къ дочери и помявшись, послѣ запутаннаго вступленія объявилъ ей, что она заподозрѣна въ сношеніяхъ съ заговорщиками и что онъ самъ, во избѣжаніе нареканій, потребовалъ, чтобы въ ея комнатахъ былъ сдѣланъ обыскъ. Впущенные затѣмъ агенты тщательно пересмотрѣли книги и ноты, перерыли

¹⁾ Господинъ Калерджи проситъ твоей руки. Онъ порядочный человекъ имѣть ще. расное сѣ ояніе и я думаю, что ты будешь с. нимъ аслива.

²⁾ — Представьте себѣ, я—невѣста!

— Какъ это и не ересно!

ящички въ шкапахъ и комодахъ, но никто не догадался искать важныхъ бумагъ въ полуоткрытыхъ шляпныхъ картонкахъ, разбросанныхъ на виду въ уборной. Благополучно очистившись отъ подозрѣній, г-жа Калерджи, по минованіи опасности, смогла благополучно вернуть ввѣренныя ей для храненія документы по принадлежности, но это ей послужило памятнымъ урокомъ, и отъ дальнѣйшихъ укрывательствъ и активнаго пособничества польскимъ патріотамъ она разъ навсегда отказалась.

Зиму г-жа Калерджи охотно проводила въ Италіи—въ Римѣ или въ Миланѣ. Сопровождавшая ее въ этихъ часгахъ путешествіяхъ малютка-дочь вполслѣдствіи вспоминала, какъ М. Б. въ дормезѣ по нѣсколько часовъ подъ рядъ упражнялась на нѣмой клавиатурѣ, такъ какъ страсть къ музыкѣ у нея преобладала надъ всѣми прочими интересами.

«Борьба и горечь, пережитыя въ молодости,—признается М. Ө. Калерджи,—сдѣлали меня эгоисткою; преслѣдуя химеры, я недостаточно оцѣнивала блага, дарованныя мнѣ Провидѣніемъ. Теперь же, сознавая прежнія мои заблужденія, я отдаю себѣ отчетъ въ призрачности и суетности свѣтскихъ волненій, которыя не умѣла подавлять во-время и которыя были для меня порою источникомъ слезъ и отчаянія на ряду съ праздною тратою времени и способностей».

Гдѣ бы М. Ө. Калерджи ни появлялась—верхомъ ли на наполеоновскихъ парадахъ, въ салонѣ ли княгини Ливенъ, или въ домѣ своего троюроднаго дяди—прусскаго посланника въ Парижѣ, графа Макса Гатцфельда,—около нея тотчасъ же образовывался кружокъ восторженныхъ поклонниковъ. Подобно своему сопернику, диктатору Кавеньяку, и принцъ Людовикъ Бонапартъ являлся неизмѣннымъ почитателемъ г-жи Калерджи. Въ ея домѣ, rue d'Anjou, 6, почти ежедневно въ 40-хъ годахъ собирались звѣзды политическаго и артистическаго міра.

Г-жа Жоберъ, вообще скупая на благосклонные отзывы, въ своихъ «воспоминаніяхъ» отмѣчаетъ, что поэты и писатели наперерывъ другъ передъ другомъ по справедливости прославляли бѣлоснѣжный цвѣтъ лица, золотистые волосы, голубые глаза и царственную величавость изящной фигуры русской графини—восторженные похвалы ей, впрочемъ, хорошо извѣстны и по «*Romanzero*» Гейне и по «*Emaux et samées*» Теофила Готье.

Англійскій дипломатъ сэръ Горацій Румбольдъ отмѣчаетъ въ недавно изданныхъ мемуарахъ: «Едва ли какая другая изъ современницъ была предметомъ болѣе искреннихъ восторговъ, чѣмъ г-жа Калерджи, урожденная гр. Нессельроде—въ обществѣ нашего поколѣнія она сыграла роль выдающуюся, и ея личность по справедливости принадлежитъ исторіи нашей эпохи».

Пріятельница императрицы Евгеніи, княгиня Полина Меттернихъ Сандаръ, въ свою очередь, отзываясь о Маріи Өедоровнѣ такъ:

«истор. вѣст.», сентябрь, 1910 г., т. сxxi.

15

«Когда я познакомилась съ г-жею Калерджи, я была еще юна и могла вращаться въ ея кружкѣ лишь на правахъ ничтожнаго и скромнаго сателлита. Я взирала на красавицу снизу вверхъ, потому что она во всѣхъ отношеніяхъ была волшебнo-очаровательна. Красивая внѣшность, крупный ростъ, внушительное благородство дѣлали изъ г-жи Калерджи типичную «grande dame», а ея предупредительная привѣтливость и безграничная доброта невольно приковывали къ ней сердца. Какъ собесѣдница, она не имѣла соперницъ: разъ на всѣхъ граняхъ этого брильянта разгорались искры остраго ума, противостоять имъ было невозможно. Когда же она усаживалась за рояль, чарующіе звуки переносили слушателей въ истинно-волшебный міръ. Послѣ смерти Мари самъ Листъ говорилъ мнѣ: «Elle jouait comme personne; ceux qui l'ont entendu n'oublieront jamais son jeu ou pour mieux dire son interprétation unique»¹⁾.

Нисколько не удивительно, что при обаяніи свѣтскихъ и артистическихъ успѣховъ молодая женщина сроднилась съ Парижемъ, и дочь свою воспитала въ аристократическомъ монастырѣ «Aux oiseaux».

Въ позднѣйшіе годы, нѣсколько разочарованная свѣтскою суетною столичной жизнью, М. Э. Калерджи промѣняла Парижъ на болѣе скромный щеголеватый Баденъ-Баденъ, гдѣ въ 60-хъ годахъ выстроила себѣ виллу.

О тамошней жизни г-жи Калерджи въ 60-хъ годахъ даетъ цѣльную картину ея отдаленный родственникъ сэръ Фредерикъ Сентъ-Джонъ. Въ своихъ любопытныхъ «Reminiscences of a retired diplomat» (Лондонъ, изд. Шапмана и Голля, 1905) онъ рассказываетъ:

«Въ это время въ Баденъ-Баденѣ большою популярностью пользовалась удивительная личность, которую я попытаться очертить. Г-жа Калерджи, доводившаяся троюродною сестрою моему отцу, была по происхожденію нѣмка (Нессельроде), по браку гречанка, по воспитанію русская, по влеченію сердца поляка (по національности ея матери). Она была свѣтло-блѣокурая красавица, ростомъ почти въ 6 футовъ. По уму и разсудительности г-жа Калерджи могла заткнуть за поясъ любого государственнаго чловѣка, а по музыкальнымъ дарованіямъ съ ней не могъ сравняться никто изъ любителей. Благодаря всѣмъ этимъ качествамъ, общество ея вездѣ высоко цѣнилось, и ея парижскій салонъ, столь же извѣстный, какъ салонъ кн. Ливеня, охотно посѣщался звѣздами ученаго, музыкальнаго и политическаго міра. Въ ту пору Тьеръ слылъ за самаго близкаго ея друга. Шопенъ, блестящею представительницею школы котораго являлась г-жа Калерджи, былъ ея наставникомъ и горячимъ поклон-

¹⁾ Она играла, какъ никто. Кому доводилось слушать ея игру, ее, конечно, не забудутъ—потому, что это была не игра, но единственное въ свѣтѣ родѣ восозданіе ея творчества.

никомъ. Превосходное здоровье, которымъ была надѣлена г-жа Калерджи, позволяло ей совершать немало самоотверженныхъ подвиговъ милосердія, такъ какъ ея доброта не уступала ея красотѣ и остроумію. Страдая близорукостью, она усвоила себѣ привычку при разговорахъ щурить прелестные голубые глаза; взгляды ея принималъ при этомъ сосредоточенное выраженіе и, казалось, проникалъ собесѣдника насквозь. Ни передъ кѣмъ я не робѣлъ такъ сильно и безнадежно, какъ передъ г-жею Калерджи, хотя она меня называла не иначе, какъ племянникомъ (по русскому обычаю).

«Однажды вечеромъ г-жа Калерджи, въ сопровожденіи композитора Листа, вошла въ дамскій салонъ баденскаго курзала. Проболтавъ съ часокъ за чайнымъ столомъ, княгиня Радзивилль обратилась къ композитору съ просьбой доставить ея пріятельницѣ (моей матери) удовольствіе послушать его игру. Листъ тотчасъ же присѣлъ къ роялю, но не успѣлъ взять и нѣсколько аккордовъ, какъ г-жа Калерджи захлопнула крышку рояля, пояснивъ, что безбожно заставлятъ великаго художника профанировать исполненіе на разстроенномъ инструментѣ. По этому поводу между г-жею Калерджи и княгинею Радзивилль тутъ же произошло столкновеніе, послѣ котораго онѣ, сколько я знаю, совершенно раззнакомились».

Эта выходка г-жи Калерджи объясняется важнымъ значеніемъ, какое она придавала всякому музыкальному исполненію, возводи его на степень священнодѣйствія. Точно также, сѣвъ однажды за рояль по просьбѣ любимицы внучки, г-жа Калерджи при первомъ же шумѣ, невзначай произведенномъ дѣвочкою, захлопнула рояль и промолвила внушительно: «Когда я играю, даже короли безмолвствуютъ и затаиваютъ дыханіе».

Любимая ученица Шопена, г-жа Калерджи съ большимъ сочувствіемъ и пониманіемъ относилась къ новымъ тогда вѣяніямъ въ музыкальномъ искусствѣ, наиболѣе видные представители котораго засвидѣтельствовали свое преклоненіе предъ г-жею Калерджи: Рихардъ Вагнеръ—посвященіемъ ей извѣстнаго своего изслѣдованія «*Judenthum in der Musik*», а Фр. Листъ—многолѣтнею дружбою.

Вѣрная единомышленница и сотрудница Фр. Листа, г-жа Калерджи въ 1845 году участвовала въ открытіи въ Боннѣ памятника Бетховену, въ 1870 г. публично выступала въ Веймарѣ при празднованіи столѣтняго юбилея дня рожденія Бетховена, а въ ноябрѣ 1873 г. въ Штутгартѣ сыграла видную роль при празднованіи 50-лѣтней годовщины музыкальной дѣятельности Листа.

Въ сложной и чуткой натурѣ Маріи Федоровны счастливо объединялись нѣмецкіе идеализмъ, глубина и правдивость съ славянскою вкрадчивою любезностью, широтою и щедростью. Широко обезпеченная мужемъ, деньги г-жа Калерджи тратила такъ, что онѣ у нея протекали сквозь пальцы. Никогда она о своихъ денежныхъ дѣлахъ не заботилась и даже и слышать объ нихъ не хотѣла. Дарила

она всё́мъ нуждающимся щедро и даже болѣе, чѣмъ ей позволяли средства. Рихарду Вагнеру, напримѣръ, г-жа Калерджи, знавшая его еще очень мало, подарила въ 1860 г. 10,000 франковъ на расходы по концертамъ, затѣяннѣмъ имъ въ Парижѣ. Не разъ, чтобы выручить друзей изъ бѣды, г-жа Калерджи предоставляла въ ихъ распоряженіе, если у нея не оказывалось свободныхъ денегъ, свои фамильныя драгоценности, и къ концу жизни у нея уже не оказалось ничего изъ сколько-нибудь цѣннаго добра.

Въ 1863 году, послѣ смерти перваго мужа, Марія Ѳедоровна вышла замужъ за полковника Муханова, адъютанта великаго князя Константина Николаевича, который въ 1867 году вступилъ въ гражданскую службу и занялъ почегную должность управляющаго варшавскими императорскими дворцами и театрами.

Въ 1873 году М. Ѳ. Муханова умерла, промучившись нѣсколько лѣтъ невралгіею и ревматизмомъ сочлененій, сдѣлавшимъ ее почти калѣкою.

Богатая впечатлѣніями жизнь г-жи Калерджи-Мухановой нашла себѣ интересное отраженіе въ письмахъ ея къ дочери и зятю, обнимающихъ періодъ времени съ начала 50-хъ по середину 70-хъ годовъ. Избранныя мѣста изъ этой переписки, тщательно и съ любовью подобранныя внучкою г-жи Калерджи, графинею Маріеттою фонъ-Куденхове, выпущены недавно въ Лейпцигѣ отдѣльною книгою, предназначенною не столько для распространенія въ большой публикѣ, сколько для сохраненія въ памяти друзей и родныхъ незаурядной личности аристократки-музыкантши.

Выборкамъ изъ этой переписки съ необходимыми поясненіями и посвящены дальнѣйшія главы настоящей статьи.

II.

«Ранѣе конца мая я надѣюсь уже быть съ тобою въ Парижѣ,— пишетъ М. Ѳ. Калерджи дочери въ институтъ Aux oiseaux изъ Петербурга, отъ 1 февраля 1853 г.—Мари Зеебахъ ¹⁾ на дняхъ уѣзжаетъ, графъ Дмитрій ²⁾ сегодня отпрапляется въ Константинополь съ особымъ порученіемъ, а я остаюсь одна съ дядею, котораго не могу бросить до возвращенія Елены ³⁾. Это для меня является обязанностью, и отъ выполненія ея я уклониться не могу. Ты знаешь, что дядя заботился обо мнѣ съ дѣтства, словно родной отецъ. Онъ неизмѣнно проявляетъ ко мнѣ нѣжность, и теперь, когда я впервые

¹⁾ Ур. г. афиня Марія Карловна Нессельроде уѣзжала въ Парижъ къ своему мужу графу Зеебаху, состоявшему с. ксовскимъ посломъ въ Парижѣ.

²⁾ Графъ Дмитрій Карл. Нессельроде, сынъ государственнаго канцлера.

³⁾ Ур. графиня Елена Карл. Нессельроде была замужемъ за русскимъ дипломатомъ оберъ-камергеромъ графомъ Михаиломъ Ирин. Хрептовичемъ (ум. въ 1892 г.).

могу быть ему полезной, мнѣ не пристало торговаться о моемъ времени...

«Что тебѣ сказать о Петербургѣ? Жизнь я здѣсь веду тихую, по причинѣ моего шаткаго здоровья. Всѣ проявляютъ по отношенію ко мнѣ чрезвычайную предупредительность и доброту».

На ряду съ неизбѣжными выѣздами въ свѣтъ г-жа Калерджи пользовалась доступными ей удобствами домашняго уюта въ казенной квартирѣ дяди у Пѣвческаго моста, хорошо памятной европейскимъ дипломатамъ.

«Когда я,—пишетъ она,—чувствую себя сносно, я обѣдаю въ пять часовъ съ дядею въ обществѣ Мари Зеебахъ, Северина и барона Мейендорфа¹⁾... Послѣ обѣда заводятся обыкновенно серьезные, но занимательные разговоры, а въ 9 часовъ всѣ расходятся по своимъ угламъ».

«Вчера,—пишетъ г-жа Калерджи отъ 27-го февраля 1853 г.,—я была приглашена великою княгинею Маріею Николаевною (герцогинею Лейхтенбергскою), которую ты видѣла у меня въ Баденъ-Баденѣ. Она недавно потеряла мужа и ведетъ замкнутый образъ жизни въ чудномъ дворцѣ, который обставленъ съ большимъ изяществомъ, по ея оригинальному вкусу. Ея кабинетъ, украшенный картинами Рафаэля, Франція и Тиціана, окнами выходитъ въ обширный зимній садъ, наполненный рѣдкими растеніями. Въ саду разставлены статуи, бьютъ фонтаны, а въ глубинѣ, въ скалѣ, высѣченъ каминъ, увѣнчанный группою амуровъ, которые низвергаютъ потокъ воды, умѣряющій силу огня во время топки».

Проведя лѣто съ дочерью за границею, г-жа Калерджи поздно осенью опять вернулась моремъ изъ Штеттина въ Петербургъ. Приѣхавъ въ Кронштадтъ вмѣстѣ съ графинею фонъ-Зеебахъ, путешественницы изъ-за ледохода не могли добраться по Невѣ до Петербурга и не рѣшились послѣдовать примѣру кн. Витгенштейна и графа фонъ-Генкеля, ѣхавшихъ дипломатическими курьерами изъ Берлина и перебравшихся изъ Кронштадта въ Ораніенбаумъ съ опасностью для жизни на рыбацкѣмъ яликѣ. Г-жа Калерджи вмѣстѣ съ двоюродною сестрою нашли пристанище въ Кронштадтѣ у незнакомаго русскаго купца, и черезъ нѣсколько дней, когда установился зимній путь черезъ взморье, могли на санкахъ добраться до Ораніенбаума, гдѣ путешественницъ давно ужъ поджидали экипажи, высланные графомъ Нессельроде.

На этотъ разъ г-жа Калерджи поселилась сначала не у дяди, и въ теченіе ноября перемѣнила три квартиры.

¹⁾ Баронъ Петръ Казимировичъ ф. Мейендорфъ (1793—1863) состоялъ россійскимъ посланникомъ при берлинскомъ и вѣнскомъ дворахъ, а затѣмъ занялъ довѣренный постъ управляющаго канцеляріею Его Величества въ цѣрствованіе Александра II.

«Петербургъ тебѣ едва ли бы понравился, такъ здѣсь все грязно и дорого,—жалуется она дочери.—За исключеніемъ Невскаго, широкия улицы совсѣмъ не оживлены. Почти всѣ вечера я провожу дома—за чтеніемъ историческихъ сочиненій, изъ которыхъ дѣлаю для дяди письменныя выборки.

«Мы переживаемъ печальную эпоху. Война (Крымская) надвигается со всѣми ея ужасами, хотя никому, кажется, нѣтъ интереса ее вести. Бѣдный дядя очень удрученъ тѣмъ, что его примирительныя усилія ни къ чему не приводятъ, благодаря недовѣрью однихъ и роковому упорству другихъ ¹⁾...»

«Несмотря на горестъ разлуки съ тобою, я не могу сожалѣть о пребываніи въ Петербургѣ. Безъ меня бѣдный дядя чувствовалъ бы себя совершенно одинокимъ и угнетеннымъ. Несмотря на удручающія его заботы, дивный характеръ и выдержка позволяютъ канцлеру оставаться невозмутимымъ и проявлять неизмѣнную мягкость, терпѣливость и энергію... Въ Парижъ я едва ли попаду ранѣ іюля мѣсяца. Пароходство прекратилось, русскіе порты блокированы,—значить, придется совершить сухопутное путешествіе съ остановкою въ Варшавѣ».

«Я это время много занимаюсь музыкою. Недавно мы устроили концертъ въ пользу раненыхъ. Въ свѣтъ я почти не показываюсь, а у себя принимаю только по утрамъ и иногда вечеромъ на чай. Нашъ кружокъ состоитъ изъ нѣмецкихъ дипломатовъ, чувствующихъ себя въ Петербургѣ совсѣмъ выбитыми изъ колеи (*déçayés*), да изъ трехъ-четырехъ моихъ пріятельницъ. Къ обѣду у насъ (г-жа Калерджи опять поселилась у канцлера) собирается небольшое общество—преимущественно служащіе въ министерствѣ. Разговоры серьезные касаются больше политики и современныхъ брошюръ, которыя я прочитываю обыкновенно присутствующимъ вслухъ. Когда всѣ расходятся, я съ удовольствіемъ возвращаюсь въ свою комнатку». (Письмо отъ 2-го апрѣля 1854).

Дипломатическіе переговоры и полемическая публицистика вскорѣ смѣнились военными дѣйствіями.

«Вчера я ѣздила на пароходѣ въ Кронштадтъ,—пишетъ г-жа Калерджи.—На пароходѣ играла музыка. Мы объѣхали весь флотъ и укрѣпленія, которыя возбуждаютъ удивленіе и успокоительно дѣйствуютъ даже на трусовъ. При проѣздѣ мимо каждаго линейнаго судна публика неистовствовала и кричала «ура». Музыка играла національный гимнъ, воодушевленіе доблестныхъ и самоотверженныхъ моряковъ, рвущихся въ бой, заразительно». (Письмо отъ мая мѣсяца 1854).

Въ іюлѣ г-жа Калерджи увѣдомляла уже дочь о приближеніи англійскаго флота къ столицѣ.

¹⁾ Намекъ на Англію и императора Николая Павловича.

«Англичане въ теченіе многихъ дней держались въ виду Кронштадта, развертывая свои морскія силы. Весь городъ въ экипажахъ и на пароходахъ выѣзжалъ глазѣть на англичанъ въ подзорныя трубы. Къ любопытству, кажется, единственно и свелось все волненіе. Ограбивъ нѣсколько несчастныхъ финновъ и отнявъ у нихъ лодки и рыбу, англичане удалились. Сегодня утромъ (2-го іюля 1854 г.) весь дворъ съѣхался на благодарственный молебень по случаю побѣды, одержанной надъ турками въ Малой Азіи».

Въ 1856 г. М. О. Калерджи уѣхала опять за границу въ Киссингенъ, гдѣ брала ванны.

«Дни бѣгутъ съ ужасающею быстротою,—пишетъ она.—Наше маленькое общество очень пріятно, благодаря пруссакамъ, которые преобладаютъ количествомъ и отличаются любезностью. Особенно среди нихъ выдѣляется графъ Робертъ Гольцъ ¹⁾. Это—человѣкъ выдающагося ума. Вчера въ Киссингенъ пріѣхалъ баварскій король (Максимиліанъ II, царствовавшій съ 1848 по 1864 г.). Ему задали большой балъ въ Réunion и иллюминацію. Мы всѣ были ему представлены въ кургаузѣ. Со мной онъ обошелся крайне любезно и усиленно приглашалъ пріѣхать осенью посмотреть на Мюнхенъ, что я, можетъ быть, и сдѣлаю, если позволятъ средства».

Въ іюль г-жа Калерджи пьетъ воды уже въ Эмсѣ, а осень проводитъ въ Баденъ-Баденѣ съ дочерью, по возвращеніи послѣдней изъ Лондона, куда она ѣздила гостить къ отцу въ сопровожденіи дяди, графа фонъ-Зеебаха. Осенью же Маріи Ив. Калерджи сдѣлалъ предложеніе секретарь австрійскаго посольства, графъ фонъ-Куденхове, доводившійся графамъ Нессельроде родственникомъ. Мать его принадлежала къ курляндской знати (ур. бар. ф. Левенштернъ).

Бракъ состоялся съ большою пышностью въ Парижѣ 27-го іюня 1857 г., и новобрачная получила отъ родителей капиталъ, обезпечивающій ей ежегодный доходъ въ 40 тысячъ франковъ. Г-жа Калерджи внушала дочери обратить особенное вниманіе на выработку въ себѣ характера во избѣжаніе возможныхъ столкновеній съ мужемъ и ссылалась въ этомъ отношеніи на горькій опытъ своего прошлаго.

«Воспитаніе я получила прескверное,—какъ тебѣ рассказывала не разъ,—и горячій свой характеръ сумѣла обуздать только впоследствии, и постепенно завоевала себѣ и дружбу и всеобщее уваженіе. Но перевоспитать себя мнѣ удалось сравнительно поздно; случись это нѣсколькими годами ранѣе, я, вѣроятно, смогла бы найти себѣ и дать счастье твоему отцу. Такъ же, какъ сложились обстоятельства, и я и твой отецъ—оба порядочные люди и не имѣвшіе

---

¹⁾ Прусскій посланникъ въ Греціи, впоследствии занимавшій такой же постъ въ Парижѣ; братъ графа Карла, генераль-адъютанта и тогдашняго любимца принца Вильгельма Прусскаго. Графъ Карль ф. д. Гольцъ особенно дружилъ съ г-жею Калерджи.

причины упрекнуть себя въ чемъ-либо неблаговидномъ—не сумѣли ужитья. А все это коренилось въ томъ, что я не знала жизни, какова она есть и должна быть».

Вмѣстѣ съ тѣмъ г-жа Калерджи дальновидно убѣждала дочь обстоятельно ознакомиться съ интересами новой ея австрійской родины.

«Когда вы окончательно устроитесь и жизнь войдетъ въ общую колею, попроси мужа ознакомить тебя съ лучшими сочиненіями объ Австріи. Начиная съ эпохи Карла V, исторія Австріи приобретаетъ широкій интересъ. Обрати особенное вниманіе на царствованіе Іосифа II. Въ настоящее время обсуждаются и преобразуются государственныя установленія, созданныя въ это именно царствованіе, и тебѣ не мѣшаетъ освоиться съ духомъ эпохи просвѣщеннаго абсолютизма и ея вліяніемъ на все дальнѣйшее. Вѣдь иностранкѣ всегда приходится добиваться прощенія за то, что она является чужою въ новой странѣ. Лучшимъ способомъ для этого служить заинтересоваться умомъ и сердцемъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ живутъ окружающіе въ новой обстановкѣ».

Такія внушенія въ устахъ русской свѣтской аристократки начала пятидесятихъ годовъ представляются довольно необычными и намекаютъ лучше многого другого, насколько для М. Ѳ. Калерджи было плодотворно близкое общеніе съ такими крупными мыслителями, какъ Гизо, Тьеръ и Гейне.

Выдавъ дочь замужъ, г-жа Калерджи скоро покинула Парижъ, опечаленная смертью княгини Ливенъ ¹⁾.

«Для меня — писала г-жа Калерджи дочери, — это огромная потеря. Я къ княгинѣ была искренне расположена и сохраню къ ней неизмѣнную признательность за доброту, которую она ко мнѣ всегда показывала».

Г-жа Калерджи временно поселилась въ Баденъ-Баденѣ.

«Я наслаждаюсь здѣшнейю жизнью, — пишетъ она. — Погода стоитъ чудная, и общество собралось интересное. Дядя (графъ Нессельроде) провелъ съ нами двѣ недѣли и былъ по обыкновенію веселъ, добръ и милъ. Я въ честь дяди устроила удачный музыкальный вечеръ, при участіи Генриха Венявскаго.

«Нашъ маленькій кружокъ не распадается, несмотря на приближеніе осени, бѣглецовъ удерживаетъ прекрасная погода и комедія, которая будетъ разыграна у великой княгини Елены Павловны кузиною Мари Зеебахъ и Мари Столыпинуо ²⁾. Третьяго дня гоф-

¹⁾ Ур. графиня Бенкендорфъ (1786—1857), жена русскаго посланника при берлинскомъ и лондонскомъ дворахъ, пріятельница Гизо, политическая знаменитость и хозяйка пресловутаго политическаго салона въ Парижѣ.

²⁾ Марією Алексѣевною (ур. Сверчковой), супругою тогдашняго російскаго посланника въ Штутгартѣ, Ник. Аркад. Столыпина, теткою теперешняго предсѣдателя совѣта министровъ Петра Арк. Столыпина. Она доводилась свойственницею М. Ѳ. Калерджи чрезъ мужа графини Ел. Карл. Нессельроде графа Хрептовича.

мейстеръ Абаза, выигравъ въ *trente et quarante* 50,000 франковъ, ему совершенно ненужныхъ, задалъ намъ великолѣпный балъ. Представь себѣ (о ужась!) твоя мамаша проплясала до 6 ч. утра и, по увѣреніямъ доброжелателей, которымъ, впрочемъ, нельзя вѣрить, затмила будто бы всѣхъ участницъ бала. Великая княгиня Елена Павловна) балуетъ насъ чудною музыкою, такъ какъ поселила своихъ музыкантовъ на виллѣ, гдѣ несравненно разыгрываются квартеты; разъ-другой и я принимала участіе въ музыкальномъ исполненіи къ вящимъ нервнымъ своимъ страдаціямъ».

«Веймарское свиданіе покорило мои австрійскія чувствованія, — не понимаю, зачѣмъ обмѣниваться любезностями съ ненавистными людьми. Людовикъ Наполеонъ пріѣхалъ въ Штутгартъ хмурый, такъ какъ императрицу Евгенію вовсе не пригласили, а наша государыня уклонилась отъ пріѣзда подъ предлогомъ нездоровья. Недовольство Наполеона настолько всполошило высочайшихъ особъ, что за нимъ всемѣрно принялись ухаживать, и государыню Марію Александровну таки вызвали настоятельныя телеграммы ея родни. Зато и Наполеонъ постарался, по своему обыкновенію, всѣхъ и каждого обворожить.

«Графъ Гольцъ сопровождалъ въ Баденъ-Баденъ прусскую принцессу Августу (супругу будущаго императора Вильгельма). Мы имъ устроили чудный обѣдъ и въ завершеніе маленькій балъ, на которомъ я отличалась въ мазуркѣ. Великая княгиня Елена Павловна собирается прожить здѣсь еще недѣли четыре, что привлекаетъ сюда такихъ художниковъ, какъ Антонъ Рубинштейнъ и Генрихъ Венявскій; а я, тѣмъ не менѣе, собираюсь покинуть Баденъ-Баденъ уже въ концѣ будущей недѣли. Желаніе доставить удовольствіе отцу и развлечь его ипохондрію мнѣ улыбается, хотя жалко покинуть друзей и собственный «Номе». Варшава, по правдѣ сказать, мнѣ въ достаточной мѣрѣ антипатична. Все, что тамъ ни творится, меня корбитъ, угнетатели меня возмущаютъ, да и угнетенные мнѣ достаточно противны».

«Отецъ, — пишетъ М. О. Калерджи дочери изъ Варшавы въ декабрѣ 1857 г., — чувствуетъ себя сносно, хорошо настроенъ и радъ моему пріѣзду. Дымъ отечества, говорятъ, намъ сладокъ и на меня онъ дѣйствуетъ благотворно, но здѣшнюю атмосферу я воспринимаю вовсе не восторженно. Здоровье мое налаживается; здѣсь у меня много книгъ, прекрасный рояль и вдоволь досуга, а въ лицѣ отца я нахожу удовлетвореніе влеченіямъ сердца и ума.

«Существую я больше насчетъ собственнаго внутренняго фонда. Сердце свое я охотно открываю только тому, кто меня давно знаетъ, любить и понимаетъ. Число подобныхъ друзей, конечно, не велико и съ каждымъ днемъ уменьшается. Такъ какъ жизнь у меня сложилась иначе, чѣмъ у большинства людей, то я и сама сдѣлалась какою-то особенною. Это, конечно, несчастіе, но я его переносу. Вѣдь

несносно, только когда трепещешь за долю близкихъ и тревожишься угрызениями совѣсти. Но благодареніе Богу! ты лично пристроена и счастлива, отецъ находится въ добромъ здоровьѣ, а мнѣ ни въ чемъ себя упрекать не приходится.

«Здѣсь танцуютъ чуть ли не каждоедневно, — пишетъ г-жа Калерджи дочери изъ Варшавы въ 1858 г. — Сама я, впрочемъ, побывала только на двухъ балахъ — у князя Горчакова ¹⁾ на какихъ-нибудь четверть часа и у здѣшняго губернатора Панютина, который особенно настаивалъ на моемъ присутствіи. Недѣли двѣ съ нами провелъ мой большой другъ Леонъ Радзивиллъ, которому я очень за это признательна. Благодаря Радзивиллу, я могла насладиться музыкою. Вообще же я все еще работаю надъ моимъ образованіемъ. Дважды въ недѣлю ко мнѣ приходитъ нѣмчикъ, съ которымъ я разыгрываю Шумана въ четыре руки; занятія англійскимъ языкомъ продолжаются исправно. Принялась я и за польскій языкъ, но особенно много читаю по-русски. Если есть теперь какая-нибудь интересная страна, такъ это — Россія. Будь я женою дипломата, я рѣшительно добивалась бы назначенія мужа въ Россію. Царствованіе императора Александра II во истину пѣлительное, каждый день отмѣчается благою мыслью, осуществляемою при всеобщемъ участіи и въ глубокомъ сознаніи ея благости и плодотворности.

«Меня усиленно звали въ Берлинъ на предстоящія празднества ²⁾ и отецъ на этомъ настаивалъ, такъ какъ любитъ, когда я возвращаюсь въ придворныхъ сферахъ, — но смерть моей берлинской тетки (графини Ностицъ) помѣшала этому плану; не слѣдуетъ злоупотреблять контрастами и, утѣшая утромъ оплакивающихъ потерю близкаго человѣка, вечера проводить на балахъ. Вчера уѣхала г-жа Віардо ³⁾ послѣ проводовъ, устроенныхъ варшавскимъ обществомъ, которому пѣвица доставила рѣдкостное и живое наслажденіе. Что касается просимыхъ тобою моихъ фотографій, то отъ нихъ надо пока отказаться — я сижу безъ гроша и вспоминаю короля прусскаго Фридриха-Вильгельма I, большого скупца, который даже на ничтожныя денежные требованія отвѣчалъ: «habe kein geld» (не имѣю теперь денегъ).

«Я рѣшилась, — пишетъ г-жа Калерджи въ февралѣ 1858 г., — устроиться въ Варшавѣ окончательно и на будущую зиму. Привычка и боязнь промѣнять настоящее на худшее удерживаютъ старика (отца) въ Варшавѣ; но, проживъ здѣсь 30 лѣтъ, онъ имѣетъ ограниченный кругъ знакомствъ. Не любя бывать въ свѣтѣ, онъ прежде собиралъ у себя исключительно мужское общество, часто посѣщалъ

¹⁾ Князь Мих. Дмит. Горчаковъ занималъ постъ намѣстника царства Польскаго съ 1856 по 1861 г.

²⁾ По случаю бракосочетанія наслѣднаго принца Фридриха-Вильгельма (будущаго императора Фридриха III) съ принцессою англійскою Викторіею.

³⁾ Знаменитая пѣвица, актриса и преподавательница Полина Віардо Гарсія (род. въ 1828 г.) — пріятельница И. С. Тургенева.

театры и добровольно отошелъ отъ общества. Теперь, когда его перестали занимать карты и женщины,—виѣшніе ресурсы для развлечения совершенно для него изсякли, и дни отца протекаютъ въ полномъ одиночествѣ. Поэтому я ему необходима вдвойнѣ: съ одной стороны, ради самой моей особы, а съ другой—потому, что привлекаю въ его домъ людей, которыхъ ему пріятно встрѣчать, не неся тяготъ подержанія знакомства.

«Но, говоря между нами, я сама-то страшно устала жить. Каждый изъ насъ не отвѣтствененъ за слабость своей натуры; въ достаточной уже мѣрѣ тяжело справляться съ собственною слабостью и малодушіемъ и подавлять ихъ. Считать же себя удовлетворенною жизнью, разъ не имѣешь опоры въ преданности близкаго человѣка и не находишь развлеченій умственныхъ или суетныхъ, на которыхъ можно бы было успокоиться, едва ли мыслимо. Съ одной стороны, я слишкомъ еще молода, а съ другой—слишкомъ требовательна, поэтому сердце страдаетъ отъ пустоты, а умъ отъ бездѣлія. Въ концѣ концовъ я стараюсь устроиться въ Варшавѣ поноснѣе. Много занимаюсь музыкою, собираю около себя и развиваю наличные невѣдомые Варшавѣ таланты; результаты, въ этомъ отношеніи достигаемые, меня тѣшатъ. Я, напр., имѣю основаніе надѣяться, что мы въ Варшавѣ устроимъ консерваторію. Мухановъ, здѣшній министръ внутреннихъ дѣлъ ¹⁾, мнѣ это обѣщаль и поручилъ составить объ этомъ записку. Мѣстныя власти относятся ко мнѣ съ довѣріемъ и пріязнью, и я могу приносить людямъ кое-какую пользу; по возможности, всѣмъ я прихожу на помощь,—къ несчастью, съ недостаточнымъ запасомъ знанія, но всегда съ искреннимъ желаніемъ сдѣлать все къ лучшему».

«Въ Петербургъ,—пишетъ М. О. Калерджи весною 1858 г.,—меня настоятельно зовутъ, и даже Ихъ Величества выразили милостивое желаніе видѣть меня у себя; но въ Петербургъ меня не тянетъ. А между тѣмъ я жажду послушать хорошей музыки, поболтать съ умными людьми и повидать добрыхъ, безпритязательныхъ женщинъ. Въ Варшавѣ же этого не найти,—всѣ разговоры вертятся на мелкихъ мѣстныхъ происшествіяхъ, никто ничего ни читаетъ и никто ни о чемъ не размышляетъ. Третьяго дня я дала себя увлечь на вечеръ. И что же оказалось? Тамъ играли въ *petits jeux*! Единственно, кажется, въ Варшавѣ сохранились старухи, жаждущія пристраивать во что бы ни стало своихъ дочерей, и молоденькія барышни, выскивающие мужей среди благородныхъ и состоятельныхъ мальчугановъ, умственно вполнѣ ничтожныхъ и не интересныхъ. Послѣ этого опыта выѣзда я зарокъ дала ногою не переступать ни единой гостиной—и обѣщаніе это сдержу. Князь Горчаковъ, бывшій для меня лучшимъ ресурсомъ, уѣхалъ въ Петербургъ.

¹⁾ Предшественникъ Н. А. Милютина и родной дядя второго супруга М. О. Калерджи, столь ославленный въ «Дядядахъ» Мицкевичемъ.

«Я всемѣрно стараюсь не впадать въ хандру. Мой концертъ въ пользу Монюшко ¹⁾ удался на славу—сборъ достигъ 15.000 фр., я дала счастье честному труженику и помогла ему выбратся на широкій путь. Въ смыслѣ музыки концертъ дѣйствительно былъ удивительно удачнымъ, мнѣ удалось откопать незаурядныхъ любителей и нѣмца режиссера; мы съ нимъ вдвоемъ въ теченіе двухъ недѣль обучали, репетировали и дирижировали нашу маленькую труппу. Генеральъ Абрамовичъ предоставилъ въ мое распоряженіе театръ и оперный оркестръ, и въ знаменательный день зала Редута съ 10 часовъ утра была биткомъ набита.

«Въ понедѣльникъ въ мою честь устроили вечеръ. Необходимость разговаривать по-польски меня нѣсколько стѣсняла, такъ какъ я не особенно бѣгло владѣю языкомъ матушки, но промахи по этой части я наверстала зароялемъ музыкальною импровизаціею, аккомпанируя чудному экспромту въ стихахъ, который Деотима ²⁾ тутъ же сочинила на заданную мною тему—смерть Шопена».

Вторую половину 1858 г. г-жа Калерджи провела по обыкновенію за границую.

«Парижъ въ лѣтній сезонъ мнѣ особенно понравился,—пишетъ она.—Меня увѣряли, будто въ городѣ никого нѣтъ, а между тѣмъ меня даже утомляетъ пестрая масса люда, которая мелькаетъ мимо моихъ глазъ ежедневно послѣ полудня.

«На дняхъ я обѣдала у Киселева (тогдашняго представителя Россіи при тюльерійскомъ дворѣ) въ многочисленномъ русскомъ обществѣ съ придачею Морни и его супруги ³⁾. Со времени брака Морни, шустрый и пріятный авантюристъ строить изъ себя теперь первостатейнаго выскочку, носится съ русскими барами, съ которыми породнился, и надувается отъ самодовольствія, называя уменьшительными именами Радзивилловъ, Воронцовыхъ и Трубецкихъ и перекликаясь съ ними черезъ столъ. Фаворъ его у Наполеона, однакоже, упалъ».

Осенью г-жа Калерджи изъ Парижа перекочевала въ Баденъ-Баденъ.

«Я перенесла ужасный гриппъ, но Столыпинъ меня почти вылечилъ крупинками аконита... Я здѣсь чувствую себя уютно и пользуюсь пріятнымъ, дружнымъ и тихимъ обществомъ, преисполненнымъ Gemuthlichkeit, въ лицѣ герцогини Доры д'Истрія, ея сестры

¹⁾ Станиславъ Монюшко (1820—1872), композиторъ нѣсколькихъ оперъ, получившихъ въ послѣдствіи большую популярность, былъ въ эту пору капельмейстеромъ варшавскаго опернаго театра, а потомъ занялъ должность профессора въ варшавской консерваторіи.

²⁾ Деотима Луцеская—польская поэтесса и импровизаторша.

³⁾ Герцогъ Морни (1811—1865), единокровный братъ императора Наполеона, въ эпоху второй имперіи занималъ министерскій постъ, а въ 1856—57 гг. ъздилъ чрезвычайнымъ посломъ къ петербургскому двору и женился на княжнѣ Труб цкой.

и матери, герцога и герцогини Галло. Леокадія Меншикова купила здѣсь шалэ на Лихтенталевской аллеѣ, и я жажду послѣдовать ея примѣру. Баденская долина положительно единственное на земномъ шарѣ мѣсто, которое я люблю и гдѣ чувствую себя *in der Heimath...* (на родинѣ).

«Это время я тебѣ не писала, потому что меня одолѣвали лихорадки и сплинь—недуги, которые неизмѣнно смѣняютъ другъ друга. Вообще же я веду однообразный образъ жизни и таковой сама же себѣ создаю. Впрочемъ, по вечерамъ я выхожу и попеременно играю на роялѣ то у великой герцогини Стефаніи (Баденской), то у принцессы Прусской.

«Свѣта вѣдь я вообще не люблю. Въ юности мнѣ, конечно, пришлось бывать тамъ и поддерживать связи, чтобы создать себѣ положеніе, которымъ я обязана только себѣ. Дѣйствительно, бракъ положенія мнѣ не далъ, а семья мало обо мнѣ заботилась. Скажу даже болѣе—самые близкіе начали проявлять ко мнѣ нѣжность и дарить меня знаками вниманія, только когда общественное мнѣніе высказалось ко мнѣ благосклонно. Позднѣе лѣнь и безпечность мѣшали мнѣ сживаться со свѣтскимъ обществомъ. За исключеніемъ тѣснаго кружка друзей, къ которымъ я требованій не ставлю, большинство людей нагоняетъ на меня скуку. Не впадая въ пессимизмъ, я съ каждымъ днемъ все болѣе убѣждаюсь въ той бѣдности умственныхъ ресурсовъ, какую представляетъ свѣтское европейское общество. Если имѣешь опредѣленный кругъ дѣятельности, то можешь хоть самъ пополнить недочеты общества, но когда кто-нибудь, какъ я, обреченъ на созерцательную и замкнутую жизнь, то интересы приходится изобрѣтать собственными мозговыми усиліями.

«Принцесса Пруская (впослѣдствіи императрица Августа) провела здѣсь подъ рядъ три дня по пріѣздѣ изъ Варшавы. Варшава восторженно приняла государя Александра Николаевича. Поляки добрые ребята и монархичны до мозга костей. Достаточно было государю преклонить колѣна въ католическомъ костелѣ, и поляки думать позабыли о тридцатилѣтнихъ своихъ обидахъ. Я предвижу даже минуту, когда поляки станутъ являть собою примѣрный образецъ вѣрнопопданническихъ чувствованій. Эмансипація крестьянъ въ Россіи медленно подвигается впередъ среди многочисленныхъ препятствій, недоброжелательства и неспособности.. Крупные собственники, могущіе удѣлить крестьянамъ значительные надѣлы, налаживаютъ отношенія съ крѣпостными безъ затрудненій и оказываютъ даже въ выигрышѣ—такъ графъ Хрептовичъ не нахвалится новымъ порядкомъ вещей... Принцъ Наполеонъ (Plon-Plon, братъ принцессы Матильды—эффекта въ Варшавѣ не произвелъ—принимали его тамъ холодно, а большая публика и совсѣмъ его игнорировала. Офіціальныи міръ знаки вниманія рсточалъ только по адресу принцессы Прусской. Австрійскіе гости, конечно, остались этимъ недовольны...

«Титовъ (женатый на графинѣ Хрептовичъ) потерялъ свое исключительное положеніе воспитателя при наслѣдникѣ цесаревичѣ по вздорнымъ наговорамъ въ томъ, будто окружаетъ царственного питомца радикалами и неблагонадежными людьми. Въ настоящее время Титова замѣнилъ Гриммъ ¹⁾ и пользуется при дворѣ необычайнымъ вѣсомъ. Великая княгиня Ольга Николаевна (впослѣдствіи королева вюртембергская) попрежнему красавица, привѣтлива, но не особенно счастлива. Принцъ-супругъ далеко ей не достоинъ. Старый король сына не жалуется, ревниво оберегаетъ свою власть и отстраняетъ наслѣднаго принца отъ государственныхъ дѣлъ. Не имѣя дѣтей и вѣдшихъ развлеченій, Ольга Николаевна находитъ поддержку только въ набожности. Королева голландская въ восторгѣ отъ своего пребыванія въ Парижѣ. Вотъ еще бѣдняжка! Она находится въ вѣчномъ опасеніи разрыва съ супругомъ, который предается разврату и ненавидитъ жену ²⁾».

«На дняхъ, не зная, какъ убить время, изъ Штутгарта понаѣхали принцы и заявили желаніе меня посѣтить,—сообщаетъ г-жа Калерджи дочери.—При моемъ маленькомъ хозяйствѣ и отсутствіи нужнаго въ городѣ, такой пріемъ оказался хитрою задачею. Но гостей своихъ я, кажется, ублаговорила—они у меня просидѣли до часу ночи. Были у меня два гессенскихъ принца, герцогъ Георгъ Мекленбургскій, великій герцогъ Саксенъ-Веймарскій и принцъ Альбрехтъ Прусскій; въ видѣ сюрприза послѣднимъ явился регентъ прусскій (будущій императоръ Германіи).

«Мое письмо прервалъ новымъ посѣщеніемъ регентъ Прусскій, а послѣ него у меня перебивала куча народа и наступили такія хлопоты, что я не могла докончить этого безпорядочнаго письма».

Вѣрная давнишнему обѣщанію, данному баварскому королю Максимилиану II, М. О. Калерджи конецъ 1858 г. проводитъ въ Мюнхенѣ.

«Отецъ просилъ меня переждать за границею, пока не будетъ отдѣлано для меня помѣщеніе,—пишетъ г-жа Калерджи дочери:—благодаря этой задержкѣ, я провела въ Мюнхенѣ 15 пріятнѣйшихъ дней моей жизни».

«Со мною здѣсь чрезвычайно посятся. Король устроилъ въ мою честь чудный обѣдъ въ «Wintergarten» и, по высочайшему же повелѣнію, для меня исполнили въ оперномъ театрѣ «Люэнгринъ». Бассенгеймы ³⁾ приняли меня совсѣмъ по родственному. Бабка

¹⁾ Август-Теодоръ ф. Гриммъ, авторъ популярнаго въ Германіи романа «Die Fürstinn der siebenten Werst», завѣдывавъ учебною частью при воспитаніи вел. кн. Константина Николаевича, а затѣмъ при сыновьяхъ императора Александра II.

²⁾ Также несчастлива была королева и въ своемъ сыпѣ—пресловутомъ «Princetron», безобразно прожигавшемъ жизнь въ Парижѣ; съ его смертію угадали мужскіе представители Оранскаго дома, и престоль перешелъ къ принцессѣ Вильгельминѣ.

³⁾ Баварская аристократическая графская семья.

графа и мой дѣдъ waren Geschwister, и я въ Бассенгеймѣ дѣйствительно открываю сходство съ моимъ отцомъ и даже со мною, пожалуй,—въ отношеніи характера. Домъ у Бассенгеймовъ чудный и обставленъ на княжескую ногу. Я у нихъ безпрестанно то обѣдаю, то провожу вечера; въ мою честь даже устроили балъ, а на будущей недѣлѣ сулятъ домашній спектакль.

«Познакомилась я съ Каульбахомъ ¹⁾, что было не легко, такъ какъ, по слухамъ, онъ капризенъ и разборчивъ на знакомства. Принялъ Каульбахъ меня чрезвычайно любезно, и я часто съ нимъ видаюсь въ его мастерской, заставленной чудными произведеніями его кисти. На мой взглядъ, Каульбахъ—величайшій изъ современныхъ художниковъ. Поэтичность и смѣлость его творчества едва ли можетъ быть превзойдена; красота рисунка заставляетъ забывать бѣдность колорита,—но послѣдній, пожалуй, общій недостатокъ современной нѣмецкой школы ²⁾.

«Сегодня я обѣдаю съ Фридрихомъ ф.-Боденштедтомъ (знаткомъ русской литературы и переводчикомъ Лермонтова), а завтра мнѣ предстоитъ познакомиться съ историкомъ Генрихомъ ф.-Зибелемъ».

Новый 1859 годъ М. Ѳ. Калерджи встрѣчаетъ уже вмѣстѣ съ графомъ Нессельроде во дворцѣ Потоцкаго въ «ужасной» Варшавѣ, такъ какъ,—пишетъ г-жа Калерджи къ дочери,—«я безсилна повліять на отца и убѣдить его поселиться за границу. Самъ онъ не имѣетъ достаточныхъ средствъ для этого, а щепетильность не позволяетъ ему жить на нашъ счетъ».

Яркое подтвержденіе недовольства М. Ѳ. Калерджи варшавскою жизнью рисуется въ слѣдующемъ письмѣ къ дочери:

«Городъ болѣе пустыненъ, чѣмъ когда-либо. Поляки, имѣющіе деньги, предпочитаютъ тратить ихъ въ Парижѣ, а кто не успѣлъ реализовать жатву, сидитъ по имѣніямъ съ похвальною цѣлью сбереженія. Впрочемъ, подъ одною со мною крышею живетъ премилая особа—жена графа Станислава Потоцкаго, племянница графини Коллоредо,—она нѣсколько меня примиряетъ съ Варшавою... Вчера поутру изъ Петербурга пріѣхалъ Рубинштейнъ, онъ слѣшилъ въ Вѣну, но я схватила его за шиворотъ и импровизировала музыкальный вечеръ, на который ко мнѣ съѣхался весь городъ, восторженно рукоплескавшій художественной игрѣ паниста».

Лѣто 1859 г. г-жа Калерджи, по обыкновенію, проводитъ въ любимомъ Баденъ-Баденѣ, а въ іюнѣ нѣсколько дней гоститъ въ Киссингенѣ у своего дяди, канцлера графа Нессельроде.

¹⁾ Знаменитымъ художникомъ Вильгельмомъ ф. Каульбахомъ (1805—1874).

²⁾ Каульбахъ, съ своей стороны, нашелъ въ русской красавицѣ тонкую и знающую цѣлительницу искусства и отзывался о ней восторженно. См. La Mara. Aus der Glanzzeit der Weimarer Altenburg. Leipzig. 1906, стр. 241.

«Я приѣхала сюда,—пишетъ она:—какъ только дядя узналъ о кончинѣ князя Меттерниха, и смогла ослабить тяжелое впечатлѣніе, произведенное на старика смертью давнишняго его сотоварища и соперника. Мы съ дядею живемъ здѣсь въ полномъ уединеніи. Я настолько научилась составлять компанію старичкамъ и развлекать ихъ, что это сдѣлалось чуть ли не моимъ ремесломъ; это ремесло я, впрочемъ, отправляю машинально, въ то же время думая свои думы. Ангельская доброта дяди дѣйствуетъ на меня неизъяснимо благотворно. Это, пожалуй, единственный членъ моей семьи, съ которымъ я вполне схожусь».

Зимой г-жа Калерджи опять возвращается въ Варшаву. Въ письмѣ къ дочери она поздравляетъ ее съ рожденіемъ перваго внука ¹⁾ и дѣлаетъ графинѣ ф.-Куденхове материнское внушеніе:

«Я надѣюсь, вы всѣхъ вашихъ сыновей сдѣлаете специалистами, т.-е. людьми, на что-нибудь годными въ опредѣленномъ направленіи. Универсальныхъ гениевъ вѣдь нѣтъ, но зато широко распространена жалкая и бѣдственная порода диллетантовъ. А диллетантъ, какъ я знаю изъ собственнаго опыта, сносенъ для себя и для другихъ лишь поды условіемъ обладанія полумилліоннымъ годовымъ доходомъ».

Далѣе начинаются обычные у М. Ѳ. Калерджи жалобы на Варшаву:

«Варшава танцуетъ шесть недѣль съ большимъ веселіемъ, которое меня вовсе не заражаетъ. Впрочемъ, я обѣщала Горчаковымъ быть у нихъ на масленичномъ балу и принять въ немъ даже дѣятельное участіе... Пока же я устраиваю балъ по подпискѣ въ пользу консерваторіи, одною изъ учредительницъ которой состою. Пока мы собрали всего 26,000 р., а сколотить нужно 46,000 р., чтобы приступить къ открытію консерваторіи. Государь изъ Варшавы уѣхалъ очень разстроенный сухимъ и нелюбезнымъ приѣмомъ варшавявъ».

Въ Вильнѣ государь выразилъ свое неудовольствіе словами: «*Il n'y a plus de Pologne, dites-le à ces messieurs; il y a une province russe, leurs rêveries sont absurdes...*» (Польша болѣе не существуетъ, передайте это этимъ господамъ. Есть только польскія губерніи, принадлежащія Россіи. Мечтанія поляковъ (о самостоятельности, дарованной Польшѣ по Вѣнскому трактату Александромъ I)—нелѣпы).

«Что до меня, то мнѣ потребовались сверхчеловѣческія усилія продержаться на ногахъ послѣдніе 15 дней, тѣмъ болѣе, что при-

¹⁾ Графъ Генрихъ Куденхове-Калерджи былъ впоследствии секретаремъ австрійскаго посольства въ Лоннахъ, Буэносъ-Айресѣ, Константинополѣ и Токио. Въ Японіи графъ зажилъ на долго и въ 1892 г. женился на японкѣ Митсу Аояма. Послѣ смерти отца въ 1893 г. (дочь г-жи Калерджи умерла еще въ 1877 г.) графъ Генрихъ унаслѣдовалъ родительскія владѣнія въ Богеміи и Венгрии и поселился въ замкѣ Ронспергѣ, близъ Пильзена, гдѣ и умеръ въ 1906 г.

ходило разрываться на части, фигурируя въ качествѣ мѣстной дамы при встрѣчѣ государя въ соборѣ, на парадѣ, на балу, на парадныхъ спектакляхъ; да, кромѣ того, мнѣ еще ежедневно нужно было принимать у себя человѣкъ по тридцати! Добрый князь Горчаковъ увѣряетъ, что я спасла все положеніе. Но это нисколько не помѣшало тому, что положеніе оказывалось прямо-таки удручающимъ. По крайней мѣрѣ, мы всѣ, благомыслящіе, вынесли и сохранили такое впечатлѣніе. Отцу вещи представляются въ безотрадномъ свѣтѣ, и онъ предвидитъ всеобщій катаклизмъ. Принцъ-регентъ (будущій императоръ Германіи), прощаясь со мною, произнесъ: «Значитъ, до будущаго лѣта, до свиданія, если не стрясется война». Отъѣздъ государя сопровождали самыя мрачныя предсказанія; наши финансы находятся въ худшемъ положеніи, чѣмъ когда-либо, а настроеніе умовъ въ Россіи, повидимому, еще болѣе печально».

Весною того же 1860 года г-жа Калерджи жалуется дочери:

«Я изнемогаю подъ тяжестью концертовъ, спектаклей, консерваторіи и всякихъ артистическо-благотворительныхъ предпріятій, такъ какъ для нихъ я въ Варшавѣ являюсь рабочимъ колесомъ. Для такого маленькаго городка мы сумѣли собрать прямо баснословныя суммы; суди сама: первый концертъ въ пользу монашенокъ сестеръ милосердія доставилъ 1,100 р.; любительскій спектакль, устроенный графинею Замойскою въ пользу монастыря фелиціанокъ, далъ 16,000 польскихъ флориновъ; второй концертъ въ пользу консерваторіи, устроенный въ циркѣ и собравшій 2,000 слушателей, очистилъ 2,200 р.; балъ, устроенный мною съ этою же цѣлью, — 1,700 р. Кромѣ того, я дала два очень удачныхъ музыкальныхъ утра и устроила у князя Горчакова концертъ, о которомъ говорятъ по сей часъ.

«Въ заключеніе концерта, происходившаго въ циркѣ, мнѣ учинили овацію, меня очень растрогавшую. Члены организационнаго комитета по дѣламъ консерваторіи подошли къ эстрадѣ, когда я кончила играть, и на подушкѣ, украшенной гирляндю изъ цвѣтовъ, подали мнѣ почетный дипломъ. Предсѣдатель комитета произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ отъ имени польскаго общества признательность за дѣятельный починъ, положенный мною въ осуществленіе этого общепользнаго предпріятія. Публика, доходившая въ этотъ вечеръ до 2,000 человѣкъ, покрыла рѣчь изступленными аплодисментами. Я была настолько сконфужена и поражена оваціею, что потерялась и не могла промолвить ни слова.

«За всѣмъ тѣмъ атмосфера здѣсь становится весьма тяжелой, и я изнемогаю. Чтобы избѣжать предстоящихъ въ Варшавѣ осенью праздноствій, которыя, вѣроятно, будутъ сопровождаться вспышками антигерманской вражды, я постараюсь улизнуть отсюда въ Петербургъ. Дядя жалуется на усталость. Его преклонный 80-лѣт-

ній возрастъ вызываетъ во мнѣ нетерпѣливое желаніе его видѣть, да и самъ онъ настойчиво этого хочетъ... Въ Петербургѣ я, можетъ быть, проведу зиму не безъ удовольствія. Здѣсь же для этого слишкомъ разнуздались страсти. Выражается это въ надутости, мелкихъ обидахъ, подметныхъ письмахъ, и отношенія между поляками и русскими становятся очень напряженными... Обѣ національности, кажется, единственно только у меня и встрѣчаются, но и я принуждена чинить строгое наблюденіе за собесѣдниками. Я, конечно, не могу не скорбѣть о современномъ положеніи вещей,—оно неизбѣжно поведетъ къ репрессіямъ».

По приѣздѣ въ Петербургъ, 20-го ноября 1860 г., М. Ө. Калерджи пишетъ:

«Свиданіе съ дядею меня ободрило. Описать радость старика невозможно. Онъ смѣялся, плакалъ, цѣловалъ мнѣ руки и весь вчерашній вечеръ только и дѣлалъ, что меня благодарилъ и обнималъ. Елена Хрептовичъ, Мишель и Дмитрій (сыновья канцлера) привѣтствовали меня криками радости; въ этой семьѣ, довольно, впрочемъ, унылой, меня будутъ всячески баловать. Здоровьемъ дяди я не довольна, самъ онъ имъ обезпокоенъ и жалуется на кашель и стѣсненіе въ груди. Это, впрочемъ, не мѣшаетъ старику ежедневно выходить, массу читать и всѣмъ интересоваться съ благодушнымъ безпристрастіемъ и мудрою мягкостью, которая свойственна ему одному.

«Занята я цѣлыми днями и минуты не имѣю полѣниться. Всѣ увѣряютъ, будто дядя съ моимъ приѣздомъ помолодѣлъ, и, дѣйствительно, мы все время проводимъ вмѣстѣ. Въ 11 часовъ я принимаюсь за писаніе подъ его диктовку¹⁾, и это продолжается до 1¹/₂ часовъ. Затѣмъ мы выѣзжаемъ, порознь или вмѣстѣ, съ визитами. Трудъ этотъ вездѣ непріятенъ, а здѣсь особенно тяжелъ, благодаря огромнымъ разстояніямъ и холоду. Въ 4 часа приходитъ иностранная почта, и я читаю дядѣ «Kreuz-Zeitung» и «Débats». Въ 5¹/₂ часовъ приѣзжаютъ Хрептовичи къ обѣду; большею частью собирается еще человекъ три-четыре постороннихъ, и разговоры почти исключительно сосредоточиваются на освобожденіи крестьянъ.

«Продолжаются бесѣды часовъ до 10-ти, въ 11 часовъ дядя ложится спать, а я настолько утомляюсь отъ повседневной суетни, что бросаюсь съ восторгомъ на постель, хотя она нѣсколько жестка. Иные вечера я провожу за чтеніемъ дядѣ вслухъ. По вечерамъ, когда выѣзжаетъ изъ дому дядя, выѣзжаю и я, чтобы побывать у старыхъ друзей. У нихъ я встрѣчаю то радушіе и гостепріимство, которое, по справедливости, восхваляется какъ обычное свойство стараго русскаго барства. Видаю я иногда князя А. М. Горчакова, который ко мнѣ особенно благоволитъ и выражаетъ это своими появленіями во враждебномъ лагерѣ, такъ какъ, за исключеніемъ меня

¹⁾ Канцлеръ затѣялъ диктовать любимой племянницѣ свои автобіографическія записки, но успѣлъ ихъ довести только до 1814 г.

и дяди, остальные члены семьи относятся къ замѣстителю канцлера недоброжелательно. Дипломатическій корпусъ (за исключеніемъ графа Тука, австрійскаго посланника, и Бисмарка) представленъ круглыми ничтожествами. Дважды въ недѣлю я собираю знакомыхъ музицировать у себя въ комнатѣ, что доставляетъ большое удовольствіе и дядѣ, который увѣряетъ во всеуслышаніе, будто давно уже не проводилъ такой пріятной зимы.

«Недавно я была приглашена на чай къ королевѣ вюртембергской (Ольгѣ Николаевнѣ); здѣсь восхваляли мою дочурку. Орловы¹⁾ отзываются о ней восторженно.

«Лордъ Нэпиръ (великобританскій посланникъ въ Петербургѣ) и его жена являются для меня желаннымъ ресурсомъ, и я безпрестанно съ ними выдаюсь. Онъ настолько блещетъ умомъ и разнообразными познаніями, что стѣсняетъ очень многихъ изъ той лѣнливой братіи, которая тяготится всякимъ умственнымъ усиленіемъ.

«Вчера мы провели восхитительно вечеръ у великой княгини Елены Павловны: сначала слушали музыку, а потомъ общество, состоявшее изъ сливокъ умныхъ людей, которыхъ не встрѣчаешь въ свѣтѣ, разбрелось по заламъ. Молодежь занялась *petits jeux*, нѣкоторые принялись за чай, а другіе за разговоры *en tête-à-tête*. Послѣ ужина любители тайкомъ и вдали отъ профановъ выслушали дивный квинтетъ Шумана въ исполненіи Рубинштейна, Венявскаго и другихъ.

Присмотрѣвшись къ петербургской жизни, М. Э. Калерджи такъ характеризуетъ свои впечатлѣнія:

«Петербургъ на этотъ разъ особенно мраченъ и печаленъ. Общее настроеніе здѣсь чрезвычайно скверное. Всѣ или бонапартисты, или гарибальдійцы и поносятъ правительство возмутительнѣйшимъ образомъ. Дворянство жалуется на то, будто его государь насильственно подвергъ экспроприаціи, бюрократія ненавидитъ дворянство, крестьяне ожидаютъ съ смиреннымъ терпѣніемъ указа, который имъ дастъ, наконецъ, свободу, но онъ, къ сожалѣнію, едва ли ихъ научитъ трудолюбію, чѣмъ они, повидимому, обдѣлены. Предположенія объ освобожденіи крестьянъ вызываютъ въ публикѣ непріязненные чувства—представители знати не находятъ достаточно порицаній для правительства, которое проводитъ крестьянское дѣло вопреки ихъ пожеланіямъ. Плачутся на разореніе и мелкіе помѣщики. Увѣряютъ, будто даже крестьяне сожалѣютъ о прежнемъ бытѣ, боясь очутиться въ рукахъ у чиновниковъ. Я не берусь лично судить объ этомъ важномъ дѣлѣ, но все же мнѣ кажется, что малодушіе въ значительной степени преувеличиваетъ опасность кризиса, совершенно неотвратимаго».

В. И. Штейнъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Семья кн. Фед. Ал. Орлова, предсѣдателя госуд. совѣта и комитета министровъ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ РАСКОПКИ ВЪ КІЕВѢ.

И ОДИНЪ русскій городъ не вынесъ на своихъ плечахъ столько вѣковъ сѣдой старины, сколько вынесъ ихъ Кіевъ. Въ то время, когда другіе, нынѣ крупныя, населенныя центры только лишь зарождались, «мать русскихъ городовъ» Кіевъ имѣлъ уже за собою большое историческое прошлое. Кіевъ— несравненный городъ и по обилію памятниковъ глубокой старины. Въ первоначальномъ видѣ ихъ не много, правда, уцѣлѣло: время и опустошительныя набѣги враговъ камня на камень не оставили; но ихъ много въ вѣдрахъ земли. Каждый ударъ лопаты открываетъ передъ изумленнымъ археологомъ цѣлую эпоху, каждый обломокъ камня, каждый костякъ краснорѣчиво говорятъ о прошломъ. Современный красавецъ-Кіевъ заложенъ на скелетахъ.

Наибольшій интересъ для археологовъ представляетъ, однакожь, часть Старого Города, примыкающая къ Днѣпру, въ районѣ нынѣшней Трехсвятительской и Б. Владимирской улицъ, Андреевской и Десятинной церквей. Здѣсь, надъ рѣчкой Почайной (рукавъ Днѣпра, нынѣ не существующій) возвышались, какъ полагають, великокняжескіе терема. Тутъ, въ кругу своей семьи и доблестныхъ богатырей князь «Солнышко» отдыхалъ отъ своихъ трудовъ, слѣпой гусларь воспѣвалъ передъ нимъ преданья старины глубокой, рабы подносили вино... Здѣсь, окаймленный глубокимъ ровомъ и валомъ, ютился небольшой великокняжескій горо-

докъ,—богатѣль, расширялся, посылалъ свою рать въ степи половецкія и самъ отражалъ ихъ набѣги...

Въ послѣднее время археологическія раскопки города, производимыя архитекторомъ Д. В. Милѣевымъ, подъ руководствомъ профессора Б. В. Фармаковского, сосредоточены, главнымъ образомъ, въ усадьбѣ Десятинной церкви, а въ текущемъ году начаты также и въ смежныхъ съ нею участкахъ—княгини Трубецкой и кіевского отдѣленія крестьянскаго банка.

Раскопки въ усадьбѣ княгини Трубецкой ожидаемыхъ результатовъ не дали. Найденные остатки какого-то древняго деревяннаго сооруженія, нѣсколько погребеній и даже цѣлая братская могила, содержащая около сотни костяковъ, серьги, кольца, обломки кирпича, монеты,—несомнѣнно, представляютъ нѣкоторый научный интересъ. Но всѣ эти предметы могутъ послужить матеріаломъ для изученія лишь эпохъ XII—XVII вв., остатковъ же эпохи великокняжеской здѣсь не обнаружено. Раскопки продолжаются, но болѣе существенныхъ результатовъ, повидимому, не дадутъ.

Нѣсколько большій интересъ представляютъ раскопки въ усадьбѣ крестьянскаго банка. Кромѣ десятка отдѣльныхъ погребеній позднѣйшихъ временъ, тамъ обнаружены еще слѣды рва и земляного вала, окружавшихъ когда-то великокняжескій городъ. Если бы представилась возможность продолжить раскопки и на другихъ участкахъ, можно бы тогда установить точныя границы древняго Кіева. Внутри валовъ, въ толщѣ песку и глины, найдены также остатки какой-то постройки великокняжеской эпохи, замѣтные, впрочемъ, только опытному глазу археологовъ.

Наиболѣе цѣнный археологическій матеріалъ добытъ, однакожъ, въ усадьбѣ Десятинной церкви, хотя раскопки тамъ еще далеко не окончены. Такого обильнаго матеріала и слѣдовало ожидать: Десятинная церковь—дѣтище новокрещеннаго князя Владимира, воздвигнутая, къ тому же, на томъ мѣстѣ, гдѣ пролита была кровь первыхъ кіевскихъ христіанъ, не пожелавшихъ отдать себя въ жертву Перуну. Восторженный прозелитъ не жалѣлъ средствъ на то, чтобы оборудовать эту святыню съ подобающимъ великолѣпіемъ. Надъ сооруженіемъ Десятинной церкви, или—по лѣтописцу—церкви Пресвятой Богородицы, трудились лучшіе греческіе зодчіе. Фундаментъ ея, обнаруженный при раскопкахъ, и тотъ поражаетъ современныхъ археологовъ богатствомъ замысла древняго строителя. Что же касается фасада церкви, наружнаго и внутренняго ея убранства, то они, надо полагать, были на рѣдкость великолѣпны. По сохранившимся скуднымъ описаніямъ и найденнымъ при раскопкахъ остаткамъ древней церкви можно судить, что она была построена въ греческомъ стилѣ. Карнизы ея снаружи состояли изъ бѣлаго мрамора и гранита. Изнутри стѣны были разукрашены мозаикой и фресками, остатки которыхъ и теперь еще поражаютъ

яркостью своихъ красокъ. Колонны—изъ чистаго бѣлаго мрамора, гранитные шлифованные цокола, мозаичный полъ изъ разноцвѣтныхъ камней; иконы, кресты и священные сосуды—греческой работы. Вдобавокъ, противъ Десятинной церкви, на Бабиномъ Торжкѣ (торговая площадь) стояли, по свидѣтельству лѣтописца, «мѣдяне двѣ капищи (статуи) и 4 коне мѣдяны», вывезенные княземъ Владимиромъ изъ Корсуны.

Десятинная церковь была любимымъ дѣтищемъ новокрещенаго князя. И вотъ «въ лѣто 6504 (996) Володимеръ, видѣвъ церковь свершену, вшедь въ нею, и помолися Богу и рекъ сице: «даю церкви сей святѣй Богородицы отъ имѣнья моего и отъ градъ моихъ десятую часть». И положи написавъ клятву въ церкви сей, рекъ: «аще кто сею посудитъ, да будетъ проклятъ»...

Въ этомъ храмѣ Владимиръ Святой похоронилъ свою супругу, греческую царевну Анну, сюда перенесъ, по преданію, останки бабушки своей княгини Ольги, тутъ же велѣлъ похоронить и себя. Въ 1018 году, во время нападенія на Кіевъ польскаго короля Болеслава Храбраго, мраморныя гробницы князя Владимира, и Анны стояли, по свидѣтельству современниковъ, открытыми по срединѣ храма.

Въ 1240 году несмѣтныя полчища Батыя, разгромивъ городъ, не пощадили и Десятинной церкви. Цѣлый день храбрая великокняжеская рать, во главѣ съ доблестнымъ бояриномъ Дмитріемъ, мужественно защищалась въ храмѣ отъ напора татаръ, пока не была истреблена ими до одного человѣка ¹⁾. Церковныя хоры, по словамъ лѣтописца, обрушились въ этотъ день отъ тяжести укрывавшагося народа. Церковь была разрушена и цѣлыхъ четыре вѣка находилась потомъ въ развалинахъ, камень за камнемъ расхищаемая кіевлянами для частныхъ построекъ.

Кіевскій митрополитъ Петръ Могила, будучи ревностнымъ поклонникомъ старины, обратилъ вниманіе и на этотъ цѣнный памятникъ.

Въ 1636 году изъ обломковъ кирпича онъ слѣпилъ на свои средства небольшую церковь во имя Успенія Пресвятой Богородицы, а впослѣдствіи императоръ Петръ I сдѣлалъ надъ нею деревянную надстройку во имя Николая Чудотворца и соорудилъ небольшую деревянную же колокольню. Во время работъ Петра Могила была обнаружена часть древняго фундамента и въ кучахъ мусора найдены два саркофага съ сохранившимися въ нихъ костями. Саркофаги были опять зарыты въ землю, но отъ одного изъ костяковъ митрополитъ Петръ Могила отдѣлилъ голову для Великой Лаврской церкви и правую руку—для Софійскаго собора; эти реликвіи хранятся тамъ и по настоящее время. Руководствовался Петръ

¹⁾ Храбраго воеводу Дмитрія татары, какъ извѣстно, пощадили.

Могила какими-либо надписями или иного рода документами, неизвѣстно, но въ этомъ костякѣ онъ призналъ останки св. князя Владимира.

Скромная церковь Петра Могилы, никѣмъ не поддерживаемая, постепенно клонилась къ упадку и къ началу XIX вѣка пришла въ полное запустѣніе. Цѣнное наслѣдіе равноапостольнаго князя готово было окончательно сравниться съ землею. Но нашелся человекъ съ большими средствами, который отстоялъ древнюю святыню и возстановилъ ее если не въ первоначальномъ видѣ, то, по крайней мѣрѣ, съ приближенной точностью. Это былъ курскій и орловскій помѣщикъ, отставной гвардіи поручикъ Александръ Семеновичъ Анненковъ. Побывавъ въ Кіевѣ, онъ обратилъ вниманіе на жалкіе остатки когда-то величественнаго храма и изъявилъ желаніе на свой счетъ реставрировать его. Составленъ былъ проектъ—и въ 1828 году начались работы по сооруженію новаго храма. Во время этихъ работъ былъ обнаруженъ древній фундаментъ храма, опредѣлены, такимъ образомъ, его планъ размѣры; найдено также много обломковъ блага мрамора, камней и штукатурки съ остатками мозаики и фресокъ; древнія греческія монеты, кресты, кольца, перстни, лампадные и кадилыныя части, два колокола изъ коринтской мѣди, священные сосуды, множество костей. Найдено было также нѣсколько отдѣльныхъ погребеній, въ томъ числѣ: изломанная гробовая крышка изъ блага мрамора, а подъ ней, въ грудахъ щебня,—хорошо сохранившійся женскій остовъ, крестикъ и золотое колечко; три каменныхъ гроба безъ костей и, наконецъ, двѣ гробницы изъ краснаго шифера,—въ одной изъ нихъ оказался хорошо сохранившійся мужской костякъ безъ головы и правой руки, остатки ислѣвшей парчи и башмаковъ, въ другой—костякъ женскій съ остатками парчевой одежды и покрывала.

Найденные предметы частью оставлены при Десятинной церкви, гдѣ хранятся и по настоящее время, часть ихъ передана на храненіе въ ризницу Софійскаго собора, нѣкоторые отправлены въ Петербургъ или разбросаны по музеямъ; обломки стараго кирпича и множество разноцвѣтныхъ плитокъ отъ древняго пола использованы для новой постройки. Гробницы же и кости опять зарыты въ землю; осталась открытой только гробница со скелетомъ безъ головы и правой руки, вѣроятно, та самая, въ которой митрополитъ Петръ Могила опозналъ мощи св. Владимира. А. С. Анненковъ у западной стѣны церкви устроилъ небольшую пещеру, гдѣ она хранится и по настоящее время. Опираясь на на свидѣтельство лѣтописца, Анненковъ пожелалъ увѣковѣчить также память княгини Ольги, устроивъ ей у сѣверной стѣны церкви богатое надгробіе; но который изъ найденныхъ саркофаговъ—подлинный гробъ этой княгини, и была ли она вообще тамъ погребена—это никому не извѣстно.

Кромѣ указанныхъ остатковъ старины, въ новой Десятинной церкви, представляющей, надо самѣтить, довольно тяжелое и не-

изящное по архитектурѣ сооруженіе, хранится еще древній образъ святителя Николая Чудотворца, по преданію, вывезенный княземъ Владимиромъ изъ Греціи, образъ княгини Ольги и небольшой старинный иконостасъ отъ церкви Петра Могилы.

Позднѣйшія археологическія раскопки въ усадьбѣ Десятиной церкви, съ цѣлью болѣе тщательнаго ознакомленія съ архитектурой древняго храма, продолжаются съ перерывами уже два года. Обслѣдована пока только западная стѣна и часть восточной. Открыто много новыхъ погребеній, между прочимъ, очень древней эпохи; найдены также кольца, серьги, камни и другіе памятники глубокой старины. Здѣсь также проходилъ глубокій ровъ съ землянымъ валомъ, продолженіе котораго обнаружено теперь въ усадьбѣ крестьянскаго банка.

Добытый раскопками матеріалъ требуетъ тщательной научной разработки, но и въ настоящее время, по заявленію профессора Б. В. Фармаковскаго и архитектора Д. В. Милѣва, можно сказать достоверно, что христіанство было распространено въ Кіевѣ еще задолго до эпохи князя Владимира.

Раскопки въ усадьбѣ Десятиной церкви пока на время приостановлены, и что еще дадутъ онѣ—покажетъ будущее.

П. Корневскій.

ЦАРЕУБИЙСТВО 1 МАРТА 1881 ГОДА.

(Историческіе очерки).

V. Липецкій и воронежскій съѣзды революціонеровъ и возникновеніе партіи «Народной воли».

I.

В АЗНОМЫСЛІЕ среди революціонеровъ конца семидесятихъ годовъ по вопросу о политической тактикѣ, программѣ ближайшихъ дѣйствій и цѣлей революціоннаго движенія сказывались все чаще и рѣзче, а покушеніе А. К. Соловьева на жизнь императора Александра II, какъ мы знаемъ изъ предыдущей части очерковъ, выдвинуло вопросъ о необходимости наличнымъ силамъ организациі «Земли и воли» столкнуться между собою и выяснить тѣ недоразумѣнія и тренія, которыя, напластываясь все обильнѣе, неминуемо должны были тормозить, какъ дѣятельность всей партіи во всей ея совокупности, такъ и работу ея печатнаго органа въ частности.

Еще такъ недавно отвергнутая сѣверянами террористическая программа Осинскаго, какъ общій директивъ дѣйствій, начинаетъ и на югѣ и на сѣверѣ пріобрѣтать все большихъ adeptовъ, а самыя террористическія выступленія отдѣльныхъ членовъ партіи, при молчаливой санкціи исполнительнаго комитета, превращаютъ эти выступленія изъ круга единичныхъ дѣйствій въ систему, хотя и не узаконенную коми-

тетомъ, но силою всего хода революціонныхъ событій получающую право реального гражданства. По вопросу о политикѣ вообще въ ущербъ социализму и по вопросу о террорѣ и цареубійствѣ въ частности на революціонной, такъ сказать, улицѣ наблюдается къ тому времени явная тенденція въ пользу программы Осинскаго, въ редакціи же газеты «Земля и воля», долженствовавшей служить выразительницей взглядовъ всей партіи, замѣчается нѣкоторое колебаніе и фактическое несогласіе между собою редакторовъ. Вотъ что по сему предмету повѣствуетъ извѣстный нынѣ «шлиссельбуржецъ» Н. А. Морозовъ, принимавшій въ тогдашнихъ событіяхъ самое активное участіе и которому суждено было, какъ увидимъ, сыграть здѣсь довольно крупную роль. Въ автобіографической статьѣ «Возникновеніе «Народной воли»¹⁾ онъ говоритъ: «Послѣ трехлѣтняго заключенія я вышелъ на свободу въ январѣ 1878 года, на слѣдующій день послѣ того, какъ раздался выстрѣлъ Вѣры Засуличъ. «Большое общество пропаганды», къ которому я принадлежалъ съ 1874 года, уже погибло въ непосильной борьбѣ съ абсолютизмомъ, не встрѣтивъ въ народныхъ массахъ активнаго содѣйствія своимъ цѣлямъ. Попытка оставшихся членовъ возобновить его, при помощи выпущенныхъ вмѣстѣ со мною товарищей по заключенію, оказалась бесплодной. Большинство ихъ или устали, или разочаровались въ своей прежней программѣ, или затерялись гдѣ-то въ глубинѣ Россіи. Я же присоединился черезъ нѣсколько мѣсяцевъ къ одному молодому обществу, находившемуся еще въ первомъ періодѣ своего развитія и потому не имѣвшему въ публикѣ даже официальнаго названія. Его мы называли кружкомъ Натансона (хотя Натансонъ и былъ уже сосланъ), а посторонніе давали ему шутовское имя «кружка троглодитовъ», т.-е. пещерныхъ людей, такъ какъ мѣста жительства его членовъ не знали почти никто изъ посторонней публики. Эти «троглодиты» и превратились затѣмъ въ общество «Земля и воли», такъ какъ немедленно послѣ моего вступленія они предоставили свою типографію для изданія журнала «Земля и воля», редакторами котораго были вначалѣ Кравчинскій, я и мой старій товарищъ по «Большому обществу пропагандистовъ» К., хотя онъ и не состоялъ въ то время членомъ кружка Натансона.

«Но Кравчинскій убилъ этой осенью шефа жандармовъ Мезенцова, послѣ того, какъ тотъ настоялъ на исполненіи смертнаго приговора надъ Ковальскимъ. Ему нельзя было жить въ Петербургѣ, и онъ былъ отправленъ нами за границу, сейчасъ же по выходѣ № 1 «Земли и воли». Черезъ четыре мѣсяца былъ арестованъ К., и къ февралю въ 1879 году изъ первоначальныхъ редакторовъ «Земли и воли» остался одинъ я. Въ соредакторы мнѣ были послѣдовательно

¹⁾ «Былое» 1906 г., № 12.

назначены обществом Плехановъ и Тихомировъ, но всё мы оказались въ то время имѣющими очень мало общаго между собою и по теоретическимъ воззрѣніямъ, и по вопросу о средствахъ, какія мы считали пригодными для освобожденія своей родины. Я всей душой стремился къ борьбѣ съ самодержавіемъ и монархизмомъ вообще, а наилучшимъ средствомъ для этого считалъ способъ Вильгельма Телля и Шарлотты Корде. Я только хотѣлъ обобщить этотъ способъ въ своеобразную систему «нео-партизанства», чтобы обезпечить свободу слова, печати и общественной дѣятельности для всѣхъ передовыхъ политическихъ и общественныхъ партій. Всякое другое средство борьбы представлялось мнѣ безнадежнымъ среди окружавшаго насъ произвола и насилія. Въ этомъ отношеніи я болѣе всего сходился тогда съ представителемъ кievской группы «Земли и воли» Валеріаномъ Осинскимъ. Плехановъ, наоборотъ, видѣлъ въ то время все спасеніе въ проповѣди социалистическихъ идей и тайной агитаціи среди крестьянскаго населенія и рабочихъ. Тихомировъ же стоялъ посрединѣ между нами, говоря, что и то и другое одинаково важно и, наконецъ, написалъ статью въ защиту крестьянскаго террора, т.-е. избіенія крестьянами мелкихъ властей, чего не признавалъ ни я, ни Плехановъ.

«Все это вызывало рядъ постоянныхъ столкновеній въ редакціи «Земли и воли». Чтобы нѣсколько уладить дѣло, мнѣ было предложено обществомъ, по настояніямъ самаго энергичнаго изъ его дѣятелей, Александра Михайлова, издавать свой собственный органъ подъ названіемъ «Листокъ Земли и воли». Въ немъ я могъ свободно излагать свои взгляды, а въ «Землѣ и волѣ», редакторомъ которой я попрежнему остался, я долженъ былъ писать лишь статьи, не имѣющія отношенія къ новому способу борьбы. Но это, конечно, нисколько не помогло уладить дѣло, а только ставило меня въ привилегированное положеніе среди остальныхъ соредакторовъ. Разногласія у насъ были неизбѣжны. Сама русская жизнь фатальна вела нашу организацію къ переходу на новую дорогу, проповѣдникомъ которой въ печати оказался въ то время я. Тайная пропаганда въ широкихъ размѣрахъ въ періоды жестокихъ политическихъ гоненій, какія совершались въ концѣ 70 годовъ, была сама по себѣ абсурдомъ...

«...Всѣ попытки активной пропаганды общества «Земли и воли» скоро кончились гибелью, и изъ спасшихся значительная часть убѣждалась въ необходимости бороться съ оружіемъ въ рукахъ съ тѣмъ общественнымъ строемъ, который погубилъ ихъ товарищей за проповѣдь идей, которыя они считали справедливыми. Въ результатѣ произошло то, что большинство членовъ петербургской группы «Земли и воли» стали, какъ я тогда выражался, нео-партизанами, т.-е. превратились въ боевую дружину, боровшуюся съ оружіемъ въ рукахъ за политическую свободу для всѣхъ. Они вы-

пускали свои предупрежденія и заявленія отъ имени «исполнительнаго комитета русской социальна-революціонной партіи», печать которой я хранилъ у одного изъ старѣйшихъ литераторовъ того времени. Тѣ же, которые все еще не рѣшались выговорить страшный для нихъ, но выдвигаемый самой жизнью девизъ «борьба за политическую свободу», по большей части, осуществляли ту же программу, но только не возводя ее въ теорію. Они говорили, что только мстятъ своимъ врагамъ за погубленныхъ ими товарищей, но что главное средство борьбы, къ которому мы должны призывать всѣхъ, есть попрежнему итти въ народъ, въ деревни. Это они и проповѣдывали вездѣ среди молодежи, особенно настаивая на томъ, что въ случаяхъ вооруженной борьбы личности царя и членовъ царской семьи должны быть неприкосновенны. Открытыя дѣйствія противъ царя, говорили они, вызвали бы взрывъ фанатизма противъ пропагандистовъ въ крестьянствѣ и дали бы поводъ правительству прибѣгнуть къ такимъ мѣрамъ, которыя сдѣлали бы совершенно невозможной всякую социалистическую пропаганду въ народѣ: гораздо лучше было бы поднять народъ отъ имени самого царя, какъ пытались сдѣлать годъ тому назадъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ Дейчъ и Стефановичъ. Представительный же образъ правленія привелъ бы, по ихъ мнѣнію, только въ развитію буржуазіи въ Россіи, какъ это случилось во всѣхъ иностранныхъ монархіяхъ и республикахъ. Рабочему народу онъ принесъ бы только вредъ. Съ этимъ большинство изъ насъ, какъ республиканцевъ въ душѣ, не могло согласиться, и потому въ нашей петербургской группѣ начался такой же расколъ, какой уже былъ у насъ въ редакціи «Земли и воли». Во главѣ противниковъ новаго пути стали Плехановъ и мой будущій товарищъ по Шлиссельбургской крѣпости, Михаилъ Поповъ».

Изобразивъ обстоятельства, сопутствовавшія покушенію Соловьева въ мірѣ столичныхъ революціонеровъ, Н. А. Морозовъ повѣствуетъ далѣе: «Когда послѣ этого покушенія, взволновавшаго всю Россію, борьба между двумя фракціями «Земли и воли» снова обострилась, опять поднялся старый вопросъ о неизбежности ея распадѣнія. Но мое предложеніе ускорить раздѣлъ, которое я самъ дѣлалъ съ тяжелымъ чувствомъ въ душѣ, опять встрѣтило сильныя возраженія. Дѣло въ томъ, что чувство товарищества было среди насъ слишкомъ сильно, несмотря на существовавшія принципиальныя разногласія. Мысль, что послѣ раздѣла мы будемъ почти чужими другъ для друга, подавляла насъ. Вотъ почему, хотя мы всѣ и были давно убѣждены въ неизбежности близкаго распадѣнія «Земли и воли», ни у кого изъ насъ не хватало силы взять на себя инициативу.

«Пусть сторонники старой программы сами предложатъ намъ условія раздѣла, рѣшили мы, и стали продолжать совмѣстную дѣя-

Николай Александровичъ Морозовъ.

тельность, какъ и прежде, подъ именемъ «исполнительнаго комитета русской социальна-революционной партіи», хотя на душѣ у всѣхъ было страшно тяжело, а руки для практической дѣятельности были на половину связаны. Но дальнѣйшія событія скоро сами рѣшили дѣло.

«Въ одномъ изъ «Листковъ Земли и воли», составленіе которыхъ, какъ я уже говорилъ, принадлежало мнѣ единолично, я въ первый разъ попробовалъ дать въ печати теоретическія основы уже практиковавшаго въ Россіи новаго рода революціонной борьбы по способу Вильгельма Телля и Шарлотты Корде. Это было въ передовой статьѣ, озаглавленной: «По поводу политическихъ убійствъ»... Тамъ я называлъ этотъ способъ «осуществленіемъ революціи въ настоящемъ», «однимъ изъ самыхъ цѣлесообразныхъ средствъ борьбы съ произволомъ въ періоды политическихъ гоненій». Слова «терроризмъ», уже практиковавшагося въ публикѣ, я нарочно избѣгалъ въ этой статьѣ, такъ какъ оно мнѣ чрезвычайно не нравилось, да и дѣйствительно не подходило въ дѣлу... Но это названіе, къ моему сожалѣнію, быстро распространилось въ публикѣ, такъ что впослѣдствіи я и самъ употребилъ его въ заглавіи моей брошюры: «Террористическая борьба» (вмѣсто первоначально даннаго ей названія: «Нео-партизанская борьба»), да еще на судѣ, гдѣ я объявилъ себя «террористомъ по убѣжденіямъ»

«Моя статья въ «Листкѣ Земли и воли» произвела сильное волненіе среди сторонниковъ старой программы. Плехановъ, стоявшій тогда во главѣ этой фракціи, заявилъ, какъ мнѣ передавали, въ публикѣ:

«— Этотъ «Листокъ Земли и воли» поддѣлка. Я, какъ одинъ изъ редакторовъ «Земли и воли» ничего не знаю о его выходѣ, и никогда не допустилъ бы ничего подобнаго. Главная цѣль «Земли и воли» есть не политическая борьба съ правительствомъ, а пропаганда социалистическихъ идей и агитація среди крестьянъ и рабочихъ.

«Когда я встрѣтился съ нимъ потомъ и заговорилъ объ этомъ «Листкѣ», котораго я дѣйствительно не успѣлъ ему предварительно показать (такъ какъ два раза не засталъ его дома), Плехановъ мнѣ сказалъ, что для улаженія недоразумѣній между нами существуетъ только одно средство: собрать съѣздъ всѣхъ членовъ «Земли и воли», и пусть они рѣшатъ, кому изъ насъ быть выразителемъ ея программы. Я тотчасъ согласился съ этимъ. Плехановъ и Поповъ, который тогда былъ дѣятельнымъ помощникомъ Плеханова, сейчасъ же уѣхалъ въ провинцію, чтобы изложить мѣстнымъ товарищамъ положеніе дѣлъ въ петербургской группѣ.

«Но изложеніе спорнаго вопроса одною изъ заинтересованныхъ сторонъ всегда и неизбѣжно бываетъ одностороннимъ. Плехановъ же и Поповъ по самой своей природѣ были агитаторами, и потому понятно, что послѣ ихъ объѣзда всѣ провинціальныя члены возстали на меня и на тѣхъ, кто поддерживалъ новую программу дѣятельности. Весной 1879 года мы получили, не помню отъ кого изъ двоихъ, грозное посланье, гдѣ говорилось, что всѣ работающіе въ народѣ требуютъ созыва общаго съѣзда организаціи въ какомъ-

либо изъ городовъ центральной Россіи для того, чтобы насъ судить и исключить изъ своей среды, какъ людей, не подходящихъ по духу. Я живо помню, какъ мы всѣ были взволнованы этимъ письмомъ. То, что мы считали неизбѣжнымъ, но боялись осуществить, теперь совершалось помимо нашей воли. Никому изъ насъ не приходило въ голову даже и мысли, что мы можемъ склонить на свою сторону кого-либо изъ дѣятелей въ народѣ, такъ рѣзко и рѣшительно проводились въ письмѣ ихъ мнѣнія.

Таковы событія въ революціонной средѣ, предшествовавшія лицецкому и воронежскому създамъ лѣтомъ 1879 г., въ изображеніи г. Морозова. Сюда нелишне будетъ добавить нѣкоторыя свѣдѣнія, данныя г. Фроленкомъ, игравшимъ также въ тогдашнихъ событіяхъ выдающуюся роль, а равно и свѣдѣнія, представленныя въ литературѣ противниками г. Морозова,—гг. Плехановымъ и Поповымъ. Изъ этого *choc des opinions* читатели получаютъ болѣе или менѣе точныя понятія о теченіяхъ въ революціонномъ тогдашнемъ движеніи, приведшемъ Россію къ катастрофѣ 1-го марта 1881 года. Названные представители общества «Земли и воли», признавая необходимость раздѣленія, глядѣли на эту необходимость подъ разными углами зрѣнія и внесли въ свои показанія для исторіи движенія не лишеныя интереса подробности.

II.

Въ очеркѣ «Комментаріи къ статьѣ Н. А. Морозова «Возникновеніе Народной воли» М. Ф. Фроленко говоритъ¹⁾: «дѣло Мезенцова велось чинами «Земли и воли» и показало, что землевольцы уже тогда начали переходить къ тому же способу дѣйствія, который практиковался и на югѣ. Незадолго передъ этимъ точно также они въ союзѣ съ южанами сдѣлали неудачное нападеніе на жандармовъ, которые везли Войнаральскаго въ централку Харьковской губерніи. Такимъ образомъ, и сѣверяне, видимо, на ряду съ деревенской дѣятельностью, стали признавать нужнымъ терроръ, но, конечно, не всѣ одинаково и не безъ взаимныхъ пререканій... такіе споры не имѣли вреднаго для дѣла значенія, и люди, поспоривъ, въ концѣ концовъ приходили къ обоюдному соглашенію. Продлись такъ дальше, и новый путь, завоевывая мало-по-малу позицію, скоро перешелъ бы въ общую программу, и новый способъ борьбы сталъ бы господствующимъ... Но за дѣломъ Мезенцова въ Питерѣ послѣдовалъ очень большой провалъ, и большая часть видныхъ дѣятелей попала въ тюрьму. Тогда были арестованы Ольга Натансонъ—эта душа Питера,—Адріанъ Михайловъ, такъ называемый «Алешка» (Оболешевъ) и другіе. Александру Михайлову удалось

¹⁾ Былое 1906 г., № 12.

спастись. За нимъ уже гнался кто-то: или жандармъ или шпионъ— на вѣрно не помню, но онъ опередилъ погоню и забѣжавъ за уголь, быстро перескочилъ заборъ и тамъ спрятался.

«Александрѣ Михайлову съ уцѣлѣвшими пришлось тогда создавать все вновь. Вызвали они изъ деревни Квятковскаго, который съ М. Ф. Поповымъ занимались развозной торговлей въ Воронежской губерніи, и сгруппировали вокругъ себя много новыхъ лицъ. Въ это время въ Питерѣ понаѣхали бѣжавшіе изъ административной ссылки, нѣкоторые изъ нихъ тоже пристали сюда. Въ Питерѣ, благодаря всему этому, сразу получился новый составъ и составъ довольно значительный, но изъ лицъ, мало проникнутыхъ программой «Земли и воли». Все это былъ народъ, болѣе способный къ дѣятельности городской, всѣ они больше склонялись къ тому, чтобы на правительственныя репрессаліи отвѣчать дѣйствіями боевыми. Путь, намѣченный на югъ, встрѣтилъ тутъ горячихъ послѣдователей. Старые землевольцы, какъ Александръ Михайловъ и Квятковскій, еще недавно мечтавшіе о возвращеніи въ деревню, сами прониклись необходимостью выступить на открытую борьбу съ правительствомъ, не рассчитывая на народъ, имѣя въ виду лишь свои силы. Такимъ образомъ тутъ, въ Питерѣ, почти всѣ сходились на переходѣ, или, лучше сказать, на отданіи преимущественнаго значенія боевымъ дѣйствіямъ передъ поселеніями, не отрицая, однако, и ихъ. Но то, что стояли за новый способъ борьбы люди новые, не связанные со старыми землевольцами ни дружбой, ни долгой совмѣстной работой, вело невольно къ обостренію отношеній при всякихъ несогласіяхъ и спорахъ между старыми и новыми землевольцами. Къ этому времени старые землевольцы-народники отнюдь еще не разочаровались въ своихъ поселеніяхъ, въ продуктивности и тамъ своей работы. Напротивъ, они полны были еще вѣры и потому-то такъ горячо и возстали, когда зашла рѣчь о царубійствѣ, которое, по ихъ мнѣнію, могло убить ихъ работу въ деревнѣ или по меньшей мѣрѣ сильно затормозить. Это соображеніе, надо замѣтить, и оправдалось потомъ. Когда заведены были урядники, въ деревняхъ стало трудно удержаться. Споры, противодѣйствія народниковъ поэтому были вполне понятны и естественны, и раздѣлъ необходимъ. Честолюбіе отдѣльныхъ лицъ играло, по-моему, совершенно второстепенное значеніе и не ему поэтому я приписываю главную причину раздѣла, а тому прежде всего, что въ составъ партіи «Земли и Воли» вошелъ новый элементъ изъ свѣжихъ лицъ, которыя не сами создавали программу «Земли и воли», которыя не выносили ее въ своей головѣ, для которыхъ она была лишь чужое литературное произведеніе, съ которымъ они согласны еще въ цѣляхъ, но не въ средствахъ. Средства ихъ были совершенно разны, и при отсутствіи связующаго товарищескаго дружескаго чувства принципиальная рознь обязательно должна была привести къ раздѣлу не нынче, такъ завтра.

Въ раздѣленіи землевольцевъ на «Черный передѣлъ» и «Народную волю» подчеркнутое обстоятельство и играло первенствующее значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, что представляли Желябовъ, Якимовъ, Софья Иванова, Оловянникова, Ширяевъ, Ярончикъ, Исаевъ и др. для народниковъ, которые ихъ знали однихъ лишь по фамиліямъ, а другихъ даже и такъ не знали. Никакая дружба, привязанность, близкое знакомство ихъ не соединяли, и въ этомъ-то и надо искать основную причину окончательнаго раздѣла, мнѣ кажется. На время, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, люди, конечно, могли пойти на уступку и пошли, но длиться долго такъ не могло, кончилось раздѣломъ, и должно было такъ кончиться, независимо отъ вліянія отдѣльныхъ лицъ. Для того, чтобы раздѣла не произошло, надо было, чтобы часть людей заживо обрекли себя на смерть, на полное бездѣйствіе или на принятіе чужой вѣры, въ которую они не вѣрили. Но, все-таки, пока вопросъ не касался существеннаго, пока споръ шелъ о второстепенныхъ вещахъ, люди терпѣли, допуская дѣйствовать своихъ членовъ противъ разныхъ правительственныхъ чиновъ. Но вотъ является Соловьевъ, и поднимается вопросъ, который идетъ въ разрѣзъ со всѣмъ міровоззрѣніемъ человѣка. Тутъ соглашеніе трудно, но на первыйразъ и на это пошли народники. На то, что Гольденбергу угрожали, надо смотрѣть не въ томъ смыслѣ, что это и въ самомъ дѣлѣ думали привести въ исполненіе. Ничего подобнаго, конечно, не случилось бы. И только, когда произошла соловьевская неудача, когда начался бѣлый терроръ, когда положеніе въ деревнѣ стало хуже, труднѣе, тогда только народники и подняли вопросъ о необходимости съѣзда, о необходимости сообща рѣшить вопросъ: слѣдуетъ ли, или не слѣдуетъ продолжать дѣло Соловьева. Литературныя статьи, конечно, подливали масло въ огонь, но онѣ однѣ ни къ чему особенному не привели бы, если бы споръ не возникъ заранѣе изъ-за практическихъ начинаній, изъ-за желанія довести дѣло Соловьева до конца. Прежде всего пугало это предпріятіе, а затѣмъ уже являлась боязнь увлеченія и перехода и въ дальнѣйшемъ къ подобнымъ дѣламъ, отвлекая всѣ силы и средства сюда, оставляя въ забросѣ деревню. Но, все же, хотя въ редакціяхъ споръ и былъ ожесточенъ, хотя нѣкоторые изъ народниковъ сильно возстали на статью Морозова, но большинство членовъ «Земли и воли», какъ со стороны народниковъ, такъ и политиковъ, не хотѣли раздѣла и на спорщиковъ смотрѣли, какъ на неуживчивыхъ людей, въ чемъ, помню, особенно обвиняли Плеханова. О раздѣлѣ больше говорили тѣ, кому круто приходилось отъ частыхъ пререканій, но другіе не особенно этимъ снѣжили, и воронежскій съѣздъ показалъ, что люди объ этомъ еще не думали серьезно».

Если мы изъ словъ гг. Морозова и Фроленка получаемъ впечатлѣніе, что революціонеры изъ общества «Земли и воли» разочаро-

вались въ своей дѣятельности на поприщѣ мирной деревенской пропаганды въ цѣляхъ культурнаго развитія народной массы въ духѣ социализма, то г. Плехановъ держится на сей предметъ иной точки зрѣнія и въ своемъ предисловіи къ «Исторіи революціонныхъ движеній въ Россіи», составленной нѣмецкимъ ученымъ А. Туномъ, изображаетъ положеніе дѣла наканунѣ воронежскаго съѣзда такъ. Онъ говоритъ: «Дѣятельность въ крестьянствѣ отнюдь не была невозможной; революціонеры справились бы съ полицейскими препятствіями, если бы ихъ настроеніе продолжало толкать ихъ въ деревню. Но въ томъ-то и дѣло, что во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ ихъ настроеніе очень измѣнилось, и хожденіе въ народъ потеряло въ ихъ глазахъ почти всю свою привлекательность. Произошло это потому, что дѣятельность въ народѣ не оправдала тѣхъ радужныхъ, можно сказать, почти ребяческихъ надеждъ, какія возлагались на нее революціонерами. Отправляясь въ народъ, революціонеры воображали, что «соціальную революцію» сдѣлать очень легко, и что она очень скоро совершится: иные надѣялись, что года черезъ два-три. Но извѣстно, что подобная легкомысленная «вѣра» представляетъ собою нѣчто до крайности хрупкое и разбивается при первомъ столкновеніи съ жизнью. Разбилась она и у нашихъ тогдашнихъ революціонеровъ. «Народъ» пересталъ привлекать ихъ къ себѣ потому, что «хожденіе въ народъ» перестало казаться имъ вѣрнѣйшимъ и скорѣйшимъ средствомъ повалить существующій порядокъ. До какой степени это вѣрно, покажетъ слѣдующій примѣръ. Лѣтомъ 1878 г. волновались донскіе казаки по случаю введенія у нихъ земства, которое было огромнымъ шагомъ назадъ сравнительно съ ихъ почти первобытнымъ самоуправленіемъ. Вѣрные своей «бунтарской» программѣ, землевольцы поспѣшили отправиться на Донъ и завязать сношенія съ недовольными. Я былъ однимъ изъ первыхъ попавшихъ туда членовъ «Земли и воли». Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ и убѣдившись, что оно благопріятно для агитаціи, я написалъ объ этомъ въ Петербургъ, откуда немедленно двинули ко мнѣ на помощь Александра Михайлова. Но такъ какъ я спѣшилъ отпечатать «Воззваніе къ славному войску Донскому», составленное нами, «интеллигентами», при участіи «спропагандированныхъ» нами казаковъ, то я выгхалъ въ Петербургъ,—гдѣ у насъ была тогда тайная типографія,—не дождавшись пріѣзда Михайлова въ Ростовъ-на-Дону. Это было уже осенью и всего нѣсколько дней спустя послѣ большого «провала», погубившаго Ольгу Натансонъ, Адриана Михайлова и многихъ другихъ нашихъ надежныхъ и опытныхъ товарищей. Я ничего не зналъ объ этомъ несчастіи и самъ избѣжалъ ареста лишь благодаря простой случайности, помѣшавшей мнѣ пойти тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ на нашу бывшую «конспиративную» квартиру, гдѣ расположилась полицейская засада. Послѣдствія «провала» были такъ тяжелы для нашей организаціи,

что приходилось на время отказаться отъ всякой мысли объ участіи ея членовъ въ агитаціи между казаками: надо было прежде всего возстановить «центръ», разрушенный опустошительнымъ полицейскимъ набѣгомъ. Я немедленно вызвалъ телеграммой Ал. Михайлова изъ Ростова, и когда онъ, нѣсколько дней спустя, вернулся въ Петербургъ, я въ первый разъ услышалъ отъ него то мнѣніе, что намъ нельзя ставить себѣ задачу широкой агитаціи въ народѣ, такъ какъ наши силы для этого слишкомъ малы, а надо просто «наказывать» правительство за свирѣпыя преслѣдованія; прежде онъ былъ самымъ убѣжденнымъ сторонникомъ агитаціи на почвѣ непосредственныхъ народныхъ требованій» и самымъ рѣшительнымъ противникомъ «террора», который называли у насъ тогда «дезорганизаціей» правительства, и о которомъ начали поговаривать уже лѣтомъ 1877 года. Я не согласился съ Ал. Михайловымъ, но такъ какъ о поѣздкѣ на Донъ членовъ нашей организаціи тогда, дѣйствительно, нельзя было и думать, то я сталъ искать охотниковъ въ средѣ «интеллигентной» революціонной молодежи, не принадлежавшей къ нашему обществу, но сочувствовавшей нашему направленію. Эта молодежь, насквозь пропитанная народничествомъ, съ пріятнымъ удивленіемъ слушала мои рассказы о казацкихъ волненіяхъ и вполнѣ соглашалась съ тѣмъ, что революціонеры непременно должны воспользоваться этими волненіями. Но, несмотря на это, на Донъ все-таки никто изъ петербургскихъ революціонеровъ не поѣхалъ. Такъ и пришлось махнуть рукой на казаковъ. Правда, къ нимъ отъправилось нѣсколько молодыхъ товарищей изъ Харькова; но и эти товарищи скоро убѣдились въ томъ, что ни на какую поддержку со стороны революціонной интеллигенціи имъ рассчитывать невозможно, и, обезкураженные этимъ, сами вернулись въ городъ, хотя революціонеры-казаки, — которыхъ насчитывалось тогда уже человѣкъ до пятидесяти, — настойчиво уговаривали ихъ остаться. Попытка агитаціи на Дону — чрезвычайно важная съ точки зрѣнія нашей тогдашней программы, — окончилась ничѣмъ, и не потому, чтобы казацкая полиція помѣшала намъ завязать прочныя связи въ казацкихъ станицахъ и хуторахъ, — эта полиція, по своей неопытности въ такихъ дѣлахъ, ничему помѣшать не могла, и связи уже начали завязываться, — а просто потому, что мысль объ агитаціи въ массахъ совсѣмъ перестала тогда увлекать нашу революціонную интеллигенцію. И это чувствовали наши «деревенщики», которые видѣли, что число лицъ, желающихъ итти въ «народъ», постепенно уменьшается, и что ихъ «поселенія» перестаютъ быть привлекательными для революціонной молодежи. А такъ какъ необходимымъ условіемъ широкаго народнаго возстанія была, въ глазахъ бунтарей, организація народныхъ силъ, а эта организація, въ свою очередь, предполагала непрерывный и широкій притокъ въ народную среду революціонной интеллигенціи, то существовавшія тогда «поселенія»

имѣли для «деревенщиковъ» цѣну только въ той мѣрѣ, въ какой можно было надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ такихъ поселеній явится не два-три десятка, а очень много: два-три десятка лицъ, уже поселившихся и дѣйствовавшихъ въ Поволжьѣ, могли имѣть значеніе только какъ авангардъ, возвѣщавшій о приближеніи большой арміи; сами же по себѣ они были такъ слабы, что самый горячій сторонникъ агитаціи въ народѣ переставалъ дорожить ими, какъ только убѣждался, что на новый и гораздо болѣе значительный притокъ въ народъ силъ «интеллигентовъ» разсчитывать уже невозможно. Вотъ почему «деревенщики» такъ горячо возстали противъ террора,—которому сначала многіе изъ нихъ горячо сочувствовали, когда убѣдились, что онъ отвлекаетъ симпатіи молодежи отъ агитаціи въ народъ и направляетъ ихъ въ другую сторону. И вотъ почему послѣ воронежскаго съѣзда многіе «деревенщики», до того времени благополучно жившіе и болѣе или менѣе удачно дѣйствовавшіе въ крестьянствѣ, переѣхали въ города, чтобы звать оттуда молодежь на дѣятельность въ крестьянствѣ и бороться тамъ съ возрастающимъ вліяніемъ террористовъ... Революціонное народничество погибало, но погибало не подъ ударами полиціи, будто бы загородившей революціонной интеллигенціи всѣ пути къ народу, а въ силу неблагоприятнаго для него настроенія тогдашнихъ революціонеровъ, которымъ во что бы то ни стало хотѣлось «отомстить» правительству за его преслѣдованія и вообще вступить съ нимъ въ непосредственную «борьбу», т. е., собственно говоря, какъ можно скорѣе добиться конституціи».

III.

М. Г. Поповъ, вмѣстѣ съ Плехановымъ относившійся наиболѣе отрицательно къ политическимъ тенденціямъ своихъ товарищей по «Землѣ и волѣ» и считавшій, что агитація въ крестьянскомъ населеніи уже начинаетъ давать положительные результаты; почему и не должна быть прекращена, говоритъ въ статьѣ «Земля и воля» наканунѣ воронежскаго съѣзда¹⁾: «Если бы у меня спросили,—много ли наканунѣ липецкаго и воронежскаго съѣздовъ было среди членовъ «Земли и воли» людей, которые признавали лишь только политическую борьбу, и обратно—много ли было людей, которые относились отрицательно къ террористическимъ актамъ, совершеннымъ до покушенія Соловьева на жизнь Александра II, то я затруднился бы дать опредѣленный отвѣтъ, ибо разница во взглядахъ сказывалась скорѣе, по крайней мѣрѣ, среди большинства членовъ «Земли и воли», не въ теоретическихъ взглядахъ, а въ практической программѣ дѣятельности. Было ясно всѣмъ, что средствъ и

¹⁾ «Былое» 1906 г. № 8.

людей было слишком мало, чтобъ можно было вести борьбу на два фронта—въ одно и то же время и съ правительствомъ вверху и вести къ протесту крестьянство внизу. Вопросъ, за какое дѣло приняться въ первую голову,—былъ вопросомъ, по которому мнѣнія членовъ «Земли и воли» распались: одни стояли за то, что нужно въ первую очередь поставить на прочную ногу борьбу съ центральнымъ правительствомъ, что начатое Соловьевымъ дѣло нужно привести къ концу. И, наконецъ, третьи за то, что нужно путемъ аграрнаго террора и особенно мести губернаторамъ за экзекуціи, чинимыя ими среди крестьянства, популяризировать себя въ крестьянскихъ массахъ».

Разность во взглядахъ при нѣкоторой расплывчатости въ самой организаціи «Земли и воли», о чемъ въ своемъ мѣстѣ мы уже говорили, разгромъ петербургскаго комитета организаціи и пополненіе его новыми членами, принесшими сюда и новыя вѣянія, самый ходъ событій русской жизни въ видѣ надвинувшейся административной реакціи, на которую революціонеры отвѣчали отдѣльными террористическими актами, не связанными между собой единствомъ плана дѣятельности, вся эта историческая амальгама настроеній, вѣяній и событій и послужила къ тому, что бродившая дотолѣ мысль о необходимости общаго съѣзда революціонеровъ, который собственно и помимо того предполагался, согласно программѣ «Земли и воли», получила свое скорѣйшее осуществленіе. Покушеніе Соловьева, поскольку на него реагировали члены общества, поставило вопросъ о террорѣ вообще и цареубійствѣ въ частности ребромъ, а статья Морозова въ защиту террора, какъ принципъ опредѣленной политической программы, далъ толчокъ къ тому, чтобы вопросъ изъ сферы теоретической перешелъ на практическую почву.

Поповъ двинулся на югъ и въ центръ Россіи для опроса провинціальныхъ землевольцевъ и приглашенія ихъ на общій съѣздъ. Въ томъ же направленіи началъ свои дѣйствія и Фроленко, при чемъ мѣстомъ съѣзда выбирали одинъ изъ городовъ въ центральной Россіи, куда было бы легче прибыть членамъ съѣзда изъ губерній, гдѣ наиболѣе дѣятельно велась пропаганда и гдѣ поселенія народо-вольцевъ считались наиболѣе успѣшными, какъ, напримѣръ, изъ губерній Саратовской, Харьковской, Воронежской, земли Войска Донскаго. Такимъ городомъ считали Тамбовъ и сюда назначено было съѣхаться участникамъ «Земли и воли». Но въ виду того, что въ дѣлѣ созыва на съѣздъ видная роль была отведена Попову, противнику «политики» и защитнику «деревенщины», у нѣкоторыхъ изъ петербургскихъ членовъ общества явилось опасеніе, что онъ сумѣетъ имѣющихъ прибыть на съѣздъ склонить въ сторону своей программы. Поэтому въ интересахъ сорганизованности единомышленниковъ, подбора голосовъ и подготовительнаго соглашенія было

рѣшено собрать лицъ, на которыхъ можно было рассчитывать, на предварительный съѣздъ, по близости отъ мѣста общаго съѣзда. Такимъ мѣстомъ избранъ былъ Липецкъ, курортный городъ, прибытіе куда опредѣленнаго числа новыхъ людей не будетъ замѣчено полиціей, какъ явленіе почему-либо подозрительное и опасное. Для инициаторовъ этого съѣзда былъ особенно важенъ вопросъ о подборѣ приглашенныхъ, и въ этомъ отношеніи южане, какъ болѣе знакомые съ провинціальнымъ составомъ общества, могли оказать неоцѣненную услугу. Здѣсь крупную роль сыгралъ Фроленко, впервые выдвинувшій кандидатуру А. И. Желябова, которому и суждено было, какъ увидимъ далѣе, занять въ революціонныхъ послѣдующихъ событіяхъ видное и вліятельное положеніе и оказать на воронежскій съѣздъ въ качествѣ его секретаря сильное давленіе. До сихъ поръ онъ слылъ среди членовъ «Земли и воли» за страстнаго приверженца «деревенщины», поэтому въ Петербургѣ были удивлены указаніемъ Фроленка на него, какъ желательнаго участника липецкаго съѣзда. О свиданіи и переговорахъ съ нимъ М. Ф. Фроленко повѣствуетъ слѣдующее ¹⁾: «Въ Одессѣ Желябовъ при первомъ же свиданіи выразилъ полную готовность принять участіе въ предпріятіяхъ противъ Александра II, но тутъ же въ немъ заговорилъ и народникъ. Когда я дальше въ разговорѣ сталъ подробнѣе излагать ему цѣль липецкаго съѣзда, планы и намѣренія питерцевъ организовать по возможности болѣе постоянную боевую группу и повести дѣло террора болѣе систематически, не ограничиваясь уже единичными фактами, Желябовъ, увидавъ, что за первымъ фактомъ могутъ явиться и другіе, на которые его пошлютъ, сейчасъ же, какъ бы спохватившись, заявилъ, что онъ далъ слово на единичный лишь фактъ и останется, пока этотъ фактъ не будетъ выполненъ. По совершеніи же его, онъ будетъ считать себя свободнымъ отъ всякихъ дальнѣйшихъ обязательствъ; онъ потребовалъ даже, чтобъ ему дано было слово, что онъ тогда воленъ будетъ выйти изъ организациі или остаться въ ней, обязуясь, конечно, сохранять тайны. Слово ему, разумѣется, было дано, хотя и безъ того никогда не практиковалось насильно удерживать человѣка. Желябовъ отлично самъ это зналъ, но ему, мнѣ кажется, необходимо было успокоить совѣсть своего народничества, онъ и оговорился, чтобъ имѣть право сказать, что «народничества-то я все-таки не бросаю, хотя и согласился на единичный террористическій актъ». Вскорѣ въ Одессу пріѣхалъ Александръ Михайловъ. Я познакомилъ его съ Желябовымъ, а самъ, вѣроятно, поѣхалъ звать Колодкевича и занялся другими дѣлами... Встрѣтился я съ нимъ уже въ Липецкѣ и диву дался: Желябовъ, еще недавно оговаривавшійся и бравшій слово, что его не стануть удерживать и заставлятъ участвовать въ

¹⁾ «Былое» 1907 г., № 1.

новыхъ дѣлахъ, теперь уже самъ развивалъ цѣлую стройную программу боевой организаціи. Отдѣльный фактъ уходилъ на второй планъ, — на первомъ ставилась цѣлая серія фактовъ, которые, ширясь, могли бы закончиться или переворотомъ, захватомъ радикалами власти, или, по крайней мѣрѣ, хоть принужденіемъ правительства пойти на уступки и дать конституцію. Говоря о захватѣ власти, Желябовъ всегда оговаривался, что захватывать власть можно лишь съ тѣмъ, чтобы передать ее въ руки народа.

«Какъ же могла произойти съ Желябовымъ такъ быстро такая метаморфоза? Съ нимъ самимъ объ этомъ мнѣ не пришлось говорить, но полагаю, что объяснить это можно не одной, а многими причинами. Прежде всего это была подвижная, дѣятельная натура, ищущая, гдѣ бы ей приложить свою силу, энергію, а между тѣмъ правительственный терроръ отнималъ всякую возможность какой-либо дѣятельности и угрожалъ каждую минуту высылкой, тюрьмой иногда за здорово живешь. Чѣмъ погибать изъ-за пустяковъ и мелочей, лучше совершить что-либо побольше, что, быть можетъ, очистить атмосферу, разгонитъ нависшія надъ всѣми тучи. Такъ думали въ то время многіе, такъ, вѣроятно, думалъ и Желябовъ. Отсюда быстрое соглашеніе на предложеніе питерцевъ. Сказалась боевая натура. Дальше, Желябовъ умѣлъ логически мыслить и доводить мысли до конца. Принявъ участіе въ единичномъ фактѣ и размышляя, какъ его совершить, онъ пришелъ сначала къ необходимости лучше обставить этотъ фактъ, но, начавъ съ организаціи его, скоро дошелъ до необходимости создать организацію и для большихъ фактовъ, продолжить терроръ до логическаго конца. Его мышленію помогло, конечно, не мало и то, что въ Петербургѣ, послѣ моего отъѣзда, Тихомировъ и А. Михайловъ, составивъ проектъ программы боевой организаціи для липецкаго съѣзда, познакомили съ нимъ, конечно, въ Одессѣ и Желябова и вмѣстѣ съ нимъ этотъ проектъ обсуждали. Затѣмъ немало повліяло вообще и то, что къ этому времени лучше выяснились какъ наличный, количественный и качественный составъ активныхъ дѣятелей, такъ и возможность добывать болѣе или менѣе значительныя матеріальныя средства. Дѣло можно было поставить на болѣе широкую ногу. Этимъ и увлекся Желябовъ, а къ увлеченію онъ былъ сильно склоненъ, рисуя себѣ и другимъ сѣрую дѣйствительность часто въ болѣе свѣтлыхъ, радужныхъ краскахъ, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Зато, слушая его, незамѣтно и самъ начиналъ вѣрить, что то, что казалось тебѣ малымъ, незначительнымъ, сѣрымъ, на дѣлѣ — и больше, и важнѣй, и свѣтлѣй».

Обрисовывая эволюцію въ міровоззрѣніи Желябова, г. Плехановъ, на основаніи работъ о Желябовѣ Льва Тихомирова, формулируетъ это міровоззрѣніе къ концу семидесятыхъ годовъ такъ. Онъ говоритъ: «Какъ на самаго выдающагося представителя западно-европейскаго радикализма въ партіи «Народной воли», можно

указать на А. И. Желябова. Въ его біографіи, написанной Тихомировымъ и одобренной къ печатанію исполнительнымъ комитетомъ, мы встрѣчаемъ слѣдующія строки: «Политическій агитаторъ рано сказался въ немъ. Такъ, напримѣръ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ организаціи помощи славянамъ, разсчитывая, какъ разсказывалъ впослѣдствіи, на дѣлѣ возрожденія славянъ помочь политическому воспитанію самого русскаго общества. Вообще надо сказать, что этотъ *мужикъ*, по своему происхожденію, никогда не отвертывался отъ «общества», какъ дѣлало большинство отправлявшихся въ народъ. Русская революція представлялась ему не исключительно въ видѣ освобожденія крестьянскаго или даже рабочаго сословія, а въ видѣ политическаго возрожденія всего русскаго народа вообще. Его взгляды въ этомъ случаѣ значительно расходились со взглядами большинства современной ему революціонной среды». Это чрезвычайно характерныя строки. Здѣсь «русскій народъ вообще» противопоставляется «крестьянскому или даже рабочему сословію», т. е. болѣе или менѣе правильно опредѣленному классу эксплуатируемыхъ. Желябовъ смотрѣлъ на задачи русской революціи не съ точки зрѣнія интересовъ этого класса, а съ точки зрѣнія «русскаго народа вообще»... Авторъ его біографіи недурно объясняетъ намъ, какія именно соображенія располагали А. И. Желябова къ принятію именно той точки зрѣнія, которая,—по справедливому замѣчанію того же автора,—была чужда большинству тогдашнихъ нашихъ революціонеровъ. Желябовъ разсуждалъ такъ: «Спеціально революціонная партія не имѣетъ своей задачей политическихъ реформъ. Это дѣло должно бы всецѣло лежать на тѣхъ людяхъ, которые называютъ себя либералами. Но эти люди у насъ совершенно безсильны и, по какимъ бы то ни было причинамъ, оказываются неспособными дать Россіи свободныя учрежденія и гарантіи личныхъ правъ. А между тѣмъ эти учрежденія настолько необходимы, что при ихъ отсутствіи никакая дѣятельность невозможна. Поэтому русская соціально-революціонная партія принуждена взять на себя обязанность сломить деспотизмъ и дать Россіи тѣ политическія формы, при которыхъ возможна станетъ «идейная борьба». Въ виду этого мы должны остановиться, какъ на ближайшей цѣли, на чемъ-нибудь такомъ, достиженіе чего давало бы прочное основаніе политической свободѣ и стремленіе къ чему могло бы объединить всѣ элементы, сколько-нибудь способные къ политической активности. Кто думаетъ, что соціально-революціонная партія не имѣетъ своей задачей политическихъ реформъ, тотъ держится взгляда стараго *утопическаго социализма*, противоположавшаго себя «политикѣ». Въ этомъ отношеніи А. И. Желябовъ сходилъ съ большинствомъ народниковъ, воспитанныхъ въ преданіяхъ бакунизма; но именно потому, что и онъ, подобно другимъ народникамъ, противопологалъ *социализмъ* («задачи соціально-революціонной партіи»)

политикъ, онъ, убѣдившись въ неизбѣжности политической борьбы, увидѣлъ себя вынужденнымъ отодвинуть на задній планъ социалистическую задачу. Онъ сталъ стремиться къ объединенію всѣхъ противниковъ самодурства, вслѣдствіе чего «классовые интересы» крестьянскаго или даже рабочаго сословія потеряли въ его глазахъ всякое самостоятельное значеніе. Принципъ *борьбы классовъ* сдѣлался неудобнымъ для него принципомъ, потому что могъ помѣшать указанному объединенію».

Одновременно съ Желябовымъ на тогдашнемъ фонѣ революціонныхъ событій выдвигается и личность Софіи Перовской, тоже эволюціонировавшей со времени большого процесса 193-хъ отъ социализма къ политикѣ. Хотя по оплошности Фроленка она и не получила приглашенія присутствовать на липецкомъ съѣздѣ, зато ея участіе въ воронежскомъ съѣздѣ было очень дѣятельное, а участіе въ дальнѣйшихъ террористическихъ выступленіяхъ, намѣченныхъ на этомъ съѣздѣ, самое активное. Равнымъ образомъ выдвигается и значеніе для революціи и другой женщины—Вѣры Фигнеръ, съ именемъ которой русскій революціонный терроръ также оказался впослѣдствіи въ самой тѣсной связи. Она тоже не была на липецкомъ собраніи, а попала только на воронежскій съѣздъ. Вообще на съѣздѣ въ Липецкѣ изъ женщинъ была одна лишь Баранникова, извѣстная въ исторіи революціи по ея дѣвичьей фамиліи—Оловянникова.

IV.

По описанію липецкаго съѣзда Н. А. Морозовымъ, событія протекали тамъ въ слѣдующемъ порядкѣ ¹⁾. Къ 17 іюня 1879 года въ Липецкѣ собралось около 14 человекъ. Это были почти всѣ наличныя силы боевой организациі изъ петербургской группы «Земли и воли», пріѣхали, кромѣ него, еще А. Михайловъ, Марія Опанина (Оловянникова), Баранниковъ, Квятковскій, Тихомировъ. Изъ постороннихъ лицъ прибылъ Ширяевъ, въ то время занятый опытами надъ динамитомъ, а изъ провинціи пріѣхали Колодкевичъ, Желябовъ, Фроленко и Гольденбергъ. На первомъ же засѣданіи Квятковскій и Михайловъ приступили къ чтенію составленной начерно Морозовымъ программы и устава общества, состоявшей изъ нѣсколькихъ строкъ приблизительно слѣдующаго содержанія:

«Наблюдая современную общественную жизнь въ Россіи, мы видимъ, что никакая дѣятельность, направленная къ благу народа, въ ней невозможна вслѣдствіе царскаго въ ней правительственнаго произвола и насилія. Ни свободнаго слова, ни свободной печати для дѣйствія путемъ убѣжденія въ ней нѣтъ. Поэтому всякому

¹⁾ «Былое» 1906 г., № 12.

передовому общественному дѣятелю необходимо прежде всего покончить съ существующимъ у насъ образомъ правленія, но бороться съ нимъ невозможно, иначе какъ съ оружіемъ въ рукахъ. Поэтому мы будемъ бороться по способу Вильгельма Телля до тѣхъ поръ, пока не достигнемъ такихъ свободныхъ порядковъ, при которыхъ можно будетъ безпрепятственно обсуждать въ печати и на общественныхъ собраніяхъ всѣ политическіе и социальныя вопросы и рѣшать ихъ посредствомъ свободныхъ народныхъ представителей.

«До тѣхъ же поръ, пока этого нѣтъ, мы будемъ считать за своихъ друзей всѣхъ тѣхъ, что будутъ сочувствовать намъ и помогать въ этой борьбѣ, а за враговъ всѣхъ тѣхъ, кто будетъ помогать противъ насъ правительству.

«Въ виду того, что правительство въ своей борьбѣ съ нами не только ссылаетъ, заключаетъ въ тюрьмы и убиваетъ насъ, но также конфискуетъ принадлежащее намъ имущество, мы считаемъ себя въ правѣ платить ему тѣмъ же и конфисковать въ пользу революціи принадлежащія ему средства. Имущества же частныхъ лицъ или обществъ, не принимающихъ участія въ борьбѣ правительства съ нами, будутъ для насъ неприкосновенными».

«Эта программа была нарочно составлена такой коротенькой,— говоритъ г. Морозовъ:—такъ какъ я изъ опыта всей своей прежней дѣятельности убѣдился, что чѣмъ больше деталей заключается въ программѣ, тѣмъ болѣе даетъ она пунктовъ для возраженія постороннимъ критикамъ. На липецкомъ съѣздѣ она была принята единогласно, и было постановлено напечатать ее въ первомъ же номерѣ будущаго органа преобразованнаго исполнительнаго комитета. Но это потомъ не было исполнено, благодаря противодѣйствію Тихомирова, написавшаго черезъ два-три мѣсяца, уже въ Петербургѣ, свою собственную программу, казавшуюся ему болѣе удовлетворяющей современнымъ требованіямъ. Онъ добился въ слѣдующемъ декабрѣ согласія большинства петербургской группы Народной воли на ея напечатанье въ третьемъ номерѣ «Народной воли» вмѣсто первоначальной липецкой программы.

«На томъ же собраніи липецкаго съѣзда, — повѣствуетъ г. Морозовъ далѣе, — началось обсужденіе устава преобразованнаго исполнительнаго комитета, который затѣмъ сталъ называть себя «исполнительнымъ комитетомъ партіи «Народной воли», такъ какъ въ виду возникшихъ разногласій мы не считали себя въ правѣ дѣйствовать болѣе отъ имени всей социальнo-революціонной партіи того времени. Теперь я помню изъ липецкаго устава только слѣдующіе параграфы:

§ 1 ? — Въ исполнительный комитетъ можетъ поступать только тотъ, кто согласится отдать въ его распоряженіе всю свою жизнь и все свое имущество безвозвратно, а потому и объ условіяхъ выхода изъ него не можетъ быть и рѣчи.

§ 2 ? — Всякій новый членъ исполнительнаго комитета предлагается подъ ручательствомъ трехъ его членовъ. Въ случаѣ возраженій, на каждый отрицательный голосъ должно быть не менѣе трехъ положительныхъ.

§ 3 ? — Каждому вступающему читается этотъ уставъ по параграфамъ. Если онъ не согласится на какой-нибудь параграфъ, дальнѣйшее чтеніе должно быть тотчасъ же прекращено, и баллотирующійся можетъ быть отпущенъ только послѣ того, какъ дастъ слово хранить въ тайнѣ все, что ему сдѣлалось извѣстно во время чтенія, до конца своей жизни. При этомъ ему объявляется, что съ нарушившимъ слово должно быть поступлено какъ съ измѣнникомъ.

§ 4 ? — Члену исполнительнаго комитета можетъ быть данъ отпускъ, срочный или на неопредѣленное время по рѣшенію большинства, но съ обязательствомъ хранить въ тайнѣ все, что ему извѣстно. Въ противномъ случаѣ онъ долженъ считаться за измѣнника.

§ 5 ? — Всякій членъ исполнительнаго комитета, противъ котораго существуютъ у правительства неопровержимыя улики, обязанъ отказаться въ случаѣ ареста отъ всякихъ показаній и ни въ какомъ случаѣ не можетъ назвать себя членомъ комитета. Комитетъ долженъ быть невидимъ и недосыгаемъ. Если же неопровержимыхъ уликъ не существуетъ, то арестованный членъ можетъ и даже долженъ отказаться отъ всякихъ сношеній съ комитетомъ и постараться выпутаться изъ дѣла, чтобъ и далѣе служить цѣлямъ общества,

§ 6 ? — Членъ комитета имѣетъ право съ вѣдома организаціи поступать въ члены постороннихъ тайныхъ обществъ, чтобъ по возможности направлять ихъ дѣятельность въ духѣ комитета, или привлекать ихъ къ нему въ вассальныя отношенія. При этомъ онъ имѣетъ право хранить въ тайнѣ ихъ дѣла, пока они не вредятъ цѣлямъ комитета, а въ противномъ случаѣ немедленно долженъ выйти изъ такого общества.

§ 7 ? — Никто не имѣетъ права назвать себя членомъ исполнительнаго комитета внѣ его самого. Въ присутствіи постороннихъ онъ долженъ называть себя лишь его агентомъ.

§ 8 ? — Для завѣдыванья органомъ исполнительнаго комитета выбирается на общемъ съѣздѣ редакція, число членовъ которой опредѣляется каждый разъ особо.

§ 9 ? — Для завѣдыванья текущими практическими дѣлами выбирается распорядительная комиссія изъ трехъ человекъ и двухъ кандидатовъ въ нее, на случай ареста кого-либо изъ трехъ до новаго общаго съѣзда. Комиссія должна лишь строго исполнять постановленія съѣздовъ, не отступая отъ программы и устава.

§ 10 ? — Для храненія документовъ, денежныхъ суммъ и т. д. назначается секретарь, который долженъ держать въ тайнѣ мѣсто, гдѣ они хранятся.

§ 11 ? — Членъ исполнительнаго комитета можетъ привлекать постороннихъ сочувствующихъ лицъ къ себѣ въ агенты, съ согласія распорядительной комиссіи. Агенты эти могутъ быть первой степени съ меньшимъ довѣріемъ и второй съ большимъ, а самъ членъ исполнительнаго комитета называетъ себя передъ ними агентомъ третьей степени.

«Большинство параграфовъ этого устава я помню до сихъ поръ довольно хорошо, какъ свое собственное произведеніе, которому я придавалъ очень важное значеніе. Они выражали собою духъ будущей боевой организаціи. Только пунктъ объ агентахъ первой и второй степени былъ составленъ не мной, а прибавленъ, если не

ошибаюсь, Тихомировымъ. Затѣмъ были внесены Михайловымъ, Квятковскимъ и Желябовымъ еще съ десятокъ параграфовъ, содержанія которыхъ я теперь уже не помню.

«На мое замѣчаніе на сѣздѣ, почему агенты первой степени должны быть съ самымъ малымъ довѣріемъ, тогда какъ съ перваго взгляда это кажется наоборотъ, Тихомировъ мнѣ отвѣтилъ: «Для того, чтобъ никакой агентъ не могъ знать, сколько степеней еще остается ему пройти для того, чтобы достигнуть самому комитета».

«Это первая попытка централистическаго устройства еще тогда мнѣ очень не понравилась, такъ какъ основой крѣпости организациі я считалъ товарищескій духъ, а не іерархическое устройство. Но большинство согласилось на это дополненіе, которое, впрочемъ, не имѣло въ будущемъ никакого серьезнаго значенія. «Исполнительный комитетъ» былъ боевой группой партіи «Народной воли». Къ партіи этой могъ причислять себя всякій сочувствующій, но въ ея боевую и руководящую группу онъ могъ быть зачисленъ только по выбору ея самой. Параграфъ объ агентахъ двухъ степеней настолько мало примѣнялся, что за все время моего пребыванія я зналъ только одного—Клѣточникова. Онъ оставался все время агентомъ, въ виду своего званія секретаря тайной полиціи, не позволявшаго ему принимать участія въ собраніяхъ комитета, или познакомиться со всѣми его членами, во избѣжаніе риска для себя.

«Во все время моего пребыванія въ «исполнительномъ комитетѣ» уставъ этотъ не подвергался никакимъ измѣненіямъ. Онъ исполнялся всегда довольно строго, за исключеніемъ пункта, опредѣлявшаго поведеніе членовъ на допросахъ. Этотъ параграфъ почти всегда нарушался послѣ ареста, такъ какъ плохо соответствовало героическому настроенію большинства членовъ новаго общества. Отказываться отъ принадлежности къ своей организациі, «выпутываться», попавъ въ тюрьму, хотя бы и съ цѣлью «дальнѣйшаго служенія цѣлямъ общества», оказалось для большинства совершенно невозможнымъ. Мысль, что ихъ могутъ принять за испугавшихся или малодушныхъ, казалась имъ до того невыносимой, что они забывали въ эту минуту обо всякихъ параграфахъ и уставахъ. Большинство объявляли себя по уставу агентами третьей степени, но затѣмъ излагали цѣликомъ всю свою дѣятельность въ комитетѣ, не касаясь лишь дѣятельности товарищей. Читеніе такихъ героическихъ признаній, хранящихся въ архивахъ государственной полиціи, произвело на меня потомъ во время слѣдствія надъ нами самое трогательное впечатлѣніе. Я самъ не дѣлалъ ничего подобнаго во избѣжаніе нарушить духъ нашего липецкаго устава, но я невольно забывалъ, что эти признанія непослѣдовательны съ точки зрѣнія заговорщика, обязавшагося держать въ тайнѣ всѣ

дѣла своей организаціи, я забывалъ при ихъ чтеніи, что они облегчали дѣло слѣдователя.

«На второмъ засѣданіи липецкаго съѣзда уставъ былъ окончательно принятъ и единогласно утвержденъ. Редакторами будущаго органа выбрали меня и Тихомирова. Затѣмъ приступили къ выборамъ трехъ лицъ въ распорядительную комиссію.

«Тутъ въ первый разъ сказалось очень сильно неудобство организовать тайное общество на централистическихъ началахъ. Если бъ собраніе состояло только изъ нашей петербургской группы, то.

Александръ Александровичъ Квятковскій.

понятно, не было бы никакихъ недоразумѣній, и мы выбрали бы въ распорядительную комиссію наиболѣе осторожныхъ и практическихъ товарищей. Но теперь оказалось не то.

«Изъ вновь поступившихъ иногородныхъ лицъ почти никто не зналъ, кто чѣмъ занимался въ нашей петербургской группѣ, и потому составъ распорядителей комиссіи оказался не совсѣмъ тотъ, какого мы ожидали. Мы, петербуржцы, стоворились выбрать одного изъ южанъ, Фроленка, не разъ уже принимавшаго участіе въ различныхъ практическихъ предпріятіяхъ «Земли и воли», и

онъ былъ выбранъ всѣми нашими голосами. Остальные же два баллотировались нами лишь по предварительному совѣщанію съ южанами, чтобы удовлетворить общему настроенію. Благодаря этому, въ комиссію попалъ, кромѣ Александра Михайлова, котораго всѣ мы очень желали, также и Тихомировъ, котораго многие изъ насъ считали вялымъ и непрактичнымъ. Но онъ былъ южанинъ родомъ, обладалъ старообразной внушительной внѣшностью, и потому за него особенно стояли южане, а подъ ихъ вліяніемъ подали голоса и мы, хотя въ душѣ и не были вполне довольны этимъ выборомъ. Разочарованный неполной удачей баллотировки, кто-то изъ присутствовавшихъ, кажется, Александръ Михайловъ, уже безъ совѣщаній заявилъ, что должность секретаря общества и хранителя его бумагъ слѣдуетъ оставить за мной въ виду того, что я завѣдую этимъ въ «Землѣ и воли», и я остался по общему согласію, безъ голосованія закрытыми билетами».

На третьемъ и послѣднемъ засѣданіи липецкаго съѣзда, посвященномъ обсужденію будущихъ предпріятій общества, Александръ Михайловъ произнесъ очень сильную обвинительную рѣчь противъ императора Александра II и поставилъ вопросъ о продолженіи «дѣла Соловьева». Присутствовавшіе единогласно высказались за это «продолженіе». «Съ этого момента,—говоритъ г. Морозовъ,—вся послѣдующая дѣятельность большинства опредѣлялась въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ она стала теперь достояніемъ исторіи: рядъ покушеній на жизнь императора Александра II и ихъ финаль 1-го марта 1881 года».

Послѣ этого постановленія присутствовавшихъ съѣздъ былъ объявленъ закрытымъ, и на слѣдующій день они группами по два и три человѣка направились въ Воронежъ.

V.

Какъ уже говорено было, мѣстомъ съѣзда революціонеровъ первоначально былъ назначенъ Тамбовъ, и сюда заблаговременно нѣкоторые и начали прибывать, интересуюсь благополучіемъ и безопасностью пріѣзда остальныхъ приглашенныхъ. Такъ какъ засѣданія съѣзда намѣчены были не въ самомъ городѣ, а въ его окрестностяхъ, то прибывшіе начали дѣлать предварительныя катанья на лодкѣ по Цѣпѣ, и въ одну изъ такихъ своего рода рекогносцировочныхъ поѣздокъ катающіеся упросили Вѣру Николаевну Фигнеръ, обладавшую прекраснымъ музыкальнымъ голосомъ, спѣть, чтѣ она и исполнила. Ея пѣніе привлекло къ себѣ вниманіе дачниковъ, которые тоже на лодкахъ поспѣшили изъ любопытства послѣдовать за пикникующими революціонерами, Это скопленіе лодокъ и оживленіе на рѣкѣ обратило на себя вниманіе полиціи, и она, точно предчувствуя, что за катаніемъ на лодкѣ новоприбывшихъ въ городъ

неизвѣстныхъ людей кроется что-то неладное, поспѣшила потребовать отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ представленія паспортовъ. Конечно, требованіе власти было исполнено, но такъ какъ предъявленные паспорта были подложные, то революціонеры рѣшили, что въ данный моментъ играть съ огнемъ опасно и нельзя рисковать изъ-за случайности дѣломъ съѣзда и жизнью товарищей, почему и данъ былъ сигналъ на слѣдующій день—бѣжать изъ Тамбова и встрѣтиться всѣмъ снова уже въ Воронежѣ. На Фроленка было возложено занять обсерваціонный пунктъ въ Козловѣ, этомъ желѣзнодорожномъ узлѣ, откуда идетъ рельсовое развѣтвленіе и на Тамбовъ и на Воронежъ, дабы онъ отсюда и могъ направлять прибывающихъ товарищей къ мѣсту новаго назначенія. Такимъ образомъ, катастрофа была предупреждена, и революціонеры получили возможность безопаснаго прибытія въ Воронежъ.

И для настоящаго описанія воронежскаго съѣзда воспользуемся живымъ повѣствованіемъ Н. Морозова, гдѣ находимъ общіе, такъ сказать, контуры происходившаго тутъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ пишетъ ¹⁾:

«Въ Воронежѣ мы застали уже всѣхъ представителей «народничества» изъ провинціи. Главнѣйшая ихъ часть были пропагандисты изъ Саратовской губерніи, вмѣстѣ съ которыми пріѣхали и мои давнишніе друзья, Вѣра Фигнеръ и Софья Перовская, занимавшія тогда нейтральное положеніе между двумя фракціями «Земли и воли».

«Собранія общества были назначены на лѣсистыхъ островахъ рѣки Воронежъ, внизъ по ея теченію и въ прилегающихъ къ ея берегамъ лѣсахъ. На нихъ мы являлись, точно такъ же, какъ и въ Липецкѣ, подъ видомъ гуляющихъ компаній горожанъ, отправляясь въ назначенное время въ лодкахъ или пѣшкомъ по берегу.

«Съ тяжелымъ чувствомъ пришла наша группа на первое изъ засѣданій этого съѣзда, гдѣ мы ожидали себѣ исключенія. Особенно тяжело чувствовалъ себя я, какъ главный обвиняемый. Но въ то же время внутреннее чувство говорило мнѣ, что какъ бы ни отнеслись ко мнѣ товарищи по «Землѣ и волѣ», но я не могъ ни писать, ни поступать иначе. Я чувствовалъ, что поступать во всѣхъ нашихъ столкновеніяхъ не такъ, какъ было выгодно лично для меня, а такъ, какъ находилъ полезнымъ для успѣха освободительнаго движенія, и говорилъ въ своихъ статьяхъ все, что думалъ, не заботясь о томъ, окажется ли это ортодоксальнымъ съ точки зрѣнія окружающихъ меня, или подвергнется ихъ осужденію. При томъ же я зналъ, что если буду исключенъ, то со мною удалятся и всѣ наиболѣе близкіе для меня товарищи, и что мы сейчасъ же начнемъ свою новую дѣятельность, какъ уже готовая организація.

¹⁾ «Былое» 1906 г., № 12.

«На воронежскій сѣздъ насъ собралось человѣкъ двадцать пять. Здѣсь были почти всѣ члены «Земли и воли». Остальные прислали свои мнѣнія письменно. Какъ только мы поздоровались другъ съ другомъ и расположились въ кружокъ на раскинутыхъ пальто и на стволѣ лежащаго дерева, поднялся Александръ Михайловъ и заявилъ, что здѣсь въ Воронежѣ есть нѣсколько людей, уже давно работавшихъ вмѣстѣ съ «Землей и волей», хотя и не принадлежащихъ къ ея составу.

— Было бы очень желательно знать и ихъ мнѣніе въ нашихъ спорныхъ вопросахъ. Это Фроленко, Колодкевичъ и Желябовъ, только что приѣхавшіе въ Воронежъ. Я предлагаю принять ихъ въ члены «Земли и воли».

Вся наша группа поддержала это предложеніе, такъ какъ намъ хотѣлось имѣть для себя побольше сторонниковъ. Именно потому мы и привезли съ собою этихъ трехъ человѣкъ, которыхъ знали почти всѣ въ «Землѣ и волѣ». Отправляясь на засѣданіе, мы ихъ оставили невидимо ждать въ отдаленіи.

«Народническая группа» тотчасъ же предложила принять троику и съ ихъ стороны. Оказалось, что и тѣ тоже ждали по другую сторону лѣса. Мы едва удержались, чтобы не размѣяться при видѣ такого соответствія, и тотчасъ согласились на ихъ кандидатуры, а они на нашихъ. И тѣ и другіе были немедленно приведены на засѣданіе. Тогда Плехановъ, поднявшись съ своего мѣста и прислонившись къ стволу большого дерева, сказалъ:

«— Я прежде всего прошу Морозова прочесть свою статью въ «Листкѣ Земли и воли» по поводу политическихъ убійствъ.

Уже давно готовый къ этому, я вынулъ изъ кармана соответствующій номеръ листка и твердымъ голосомъ прочелъ свою статью, хотя и очень волновался внутренно.

— Вы слышали, господа,—сказалъ Плехановъ.—Это ли наша программа?

«Наступило тяжелое молчаніе, продолжавшееся съ полминуты. Но вдругъ оно было прервано одобрительнымъ возгласомъ Фроленка, воскликнувшаго, что именно такъ и нужно писать передовыя статьи въ революціонныхъ органахъ.

«Плехановъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

«— Неужели, господа, вы всѣ такъ думаете?

«Не нашлось ни одного голоса, который осудилъ бы мою статью. До такой степени мысли, выраженные мною въ ней, были подготовлены жестокими гоненіями того времени на всякую попытку дѣятельности въ народѣ. Только Поповъ спросилъ меня, признаю ли я этотъ способъ борьбы общимъ методомъ? Я ему отвѣтилъ, что считаю этотъ способъ допустимымъ только въ періоды политическихъ гоненій, когда всякія другія средства борьбы съ произво-

ломъ являются практически невозможными. Какъ только будетъ обеспечена свобода слова и низвергнуть абсолютизмъ, сейчасъ же нужно будетъ дѣйствовать исключительно убѣжденіемъ.

«Кто-то изъ саратовцевъ, которыхъ мы считали крайними врагами новаго пути, сказалъ:

«— Въ нашей старой программѣ «Земли и воли» допускаются на равныхъ правахъ какъ политическая дѣятельность въ городахъ, такъ и пропаганда социалистическихъ идей въ народѣ.

«Всѣ, за исключеніемъ четырехъ человекъ, согласились, что это такъ и должно быть, и что въ моихъ статьяхъ нѣтъ никакихъ противорѣчій со старой программой общества.

«Мы, липецкіе, съ изумленіемъ переглянулись между собою. Приѣхавъ въ Воронежъ, мы ожидали совсѣмъ не этого. Наше положеніе какъ уже организованной группы, стало дѣлаться затруднительнымъ: мы оказались тайнымъ обществомъ въ тайномъ обществѣ!

«Плехановъ нѣкоторое время стоялъ молча. Отношеніе деревенскихъ членовъ «Земли и воли» къ новому направленію было для него, очевидно, совершенно неожиданно.

«— Въ такомъ случаѣ, господа,—сказалъ онъ глухимъ и печальнымъ голосомъ:—здѣсь мнѣ больше нечего дѣлать. Прощайте!

«Онъ медленно повернулся и началъ удаляться въ глубину лѣса. Мнѣ показалось, что онъ съ усиленіемъ держится на ногахъ.

«Разрывъ съ привычнымъ товарищемъ по дѣятельности былъ слишкомъ тяжелъ. Вотъ онъ идетъ, мелькнуло у меня въ головѣ, куда-то въ глубину лѣса, одинокій, безъ сторонниковъ... Что съ нимъ будетъ, что онъ будетъ дѣлать?

«Мы, ожидавшіе изгнанія, вдругъ, безъ всякаго труда, остались побѣдителями, а онъ, считавшій себя все время побѣдителемъ, оказался неожиданно побѣжденнымъ. У меня къ горлу подступали слезы.

«— Господа! нужно его возвратить!—воскликнула Вѣра Фигнеръ.

«— Нѣтъ,—отвѣтилъ Александръ Михайловъ взволнованнымъ голосомъ:—какъ это ни тяжело, но мы не должны возвращать его.

«Я и другіе тоже быстро овладѣли собою и присоединились къ его мнѣнію, такъ какъ перспектива дальнѣйшихъ споровъ по поводу каждой новой статьи и cadaго новаго практическаго предпріятія слишкомъ пугала насъ. Четыре изъ петербургскихъ сторонниковъ Плеханова, особенно рѣзко возражавшіе противъ покушенія Соловьева, вскочили со своихъ мѣстъ, чтобъ итти за нимъ, но потомъ снова сѣли, тихо переговариваясь между собою. Ни одинъ изъ нихъ не удалился съ собранія вслѣдъ за Плехановымъ.

«Кто-то предложилъ рѣшить голосованіемъ, считать ли теперь Плеханова принадлежащимъ къ организаціи. Значительное боль-

шинство высказалось за то, что его нужно считать добровольно выбывшимъ изъ «Земли и воли». Если онъ вновь пожелаетъ возвратиться, то нужно будетъ отнестись къ нему, какъ ко всякому другому поступающему, т. е. потребовать у него согласія на программу и уставъ и подвергнуть баллотировкѣ по общимъ правиламъ. Такъ закончилось первое засѣданіе воронежскаго съѣзда «Земли и воли».

«Очутившись въ большинствѣ, мы назначили новое собраніе только черезъ день. Отсрочка эта была для насъ совершенно необходима для того, чтобъ обсудить свое положеніе. Постановленія липецкаго съѣзда предполагали насъ совершенно самостоятельной группой.

«Собравшись на слѣдующій день особо въ лѣсу, мы рѣшили не уходить изъ «Земли и воли», но настоять на томъ, чтобъ «исполнительный комитетъ» во всѣхъ своихъ практическихъ дѣлахъ пользовался полной автономіей и имѣлъ свой особый органъ.

«Все это и было очень легко получено на слѣдующемъ засѣданіи воронежскаго съѣзда. Я уже упоминалъ, что наша группа, вмѣстѣ съ кievскимъ отдѣленіемъ «Земли и воли», во главѣ котораго стоялъ Валеріанъ Осинскій, уже нѣсколько мѣсяцевъ фактически пользовалась автономіей и выпускала прокламаціи подъ тѣмъ же именемъ «исполнительнаго комитета». Такъ мы назвали себя и на липецкомъ съѣздѣ. Съ лѣта 1878 года мы даже обладали своей печатью, на которой были выгравированы скрещенные кинжалъ, револьверъ и топоръ, а кругомъ ихъ надпись: «Исполнительный комитетъ русской соціально-революціонной партіи». Печать эта со времени моего присоединенія къ «Землѣ и волѣ», т. е. съ осени 78-го года, хранилась у меня въ нашемъ архивѣ вмѣстѣ съ остальными документами (теперь вмѣстѣ съ архивомъ она неизвѣстно гдѣ находится). Благодаря этому даже самое имя «исполнительный комитетъ» могло остаться за нами безъ измѣненія, и та же самая печать могла служить намъ и въ будущемъ.

«Фракція Плеханова послѣ его ухода — удостовѣряетъ г. Морозовъ, — потеряла всякую энергію, и мыо громаднымъ большинствомъ были утверждены въ оспаривавшемся до тѣхъ поръ «народниками» правѣ называть себя «исполнительнымъ комитетомъ» и пользоваться своею печатью. Намъ дали не только полную автономію, но право принимать на свой рискъ въ «исполнительный комитетъ» новыхъ членовъ, не принадлежащихъ къ «Землѣ и волѣ». Такимъ образомъ, все, что было установлено на липецкомъ съѣздѣ, получило санкцію и на съѣздѣ въ Воронежѣ. Этотъ послѣдній былъ закрытъ послѣ четвертаго засѣданія, на которомъ въ общество «Земля и воля» были приняты нѣкоторые новые члены, напримѣръ, Засуличъ и др. На этомъ же засѣданіи былъ пересмотрѣнъ уставъ общества и избрана распорядительная коммисія изъ трехъ лицъ для завѣдыванія практическими дѣлами.

VI.

Въ своихъ воспоминаніяхъ о томъ же сѣздѣ М. Г. Поповъ даетъ слѣдующія дополнителныя свѣдѣнія. Онъ говоритъ ¹⁾: «Я съ Вѣрой Николаевной (Фигнеръ) отправились въ Воронежъ и, облюбовавъ два уединенныхъ предмѣстья въ Воронежѣ, извѣстныхъ и раньше мнѣ, дали знать о перемѣнѣ мѣста сѣзда въ Петербургъ. Перемѣна мѣста имѣла лишь то неудобство, что мнѣ пришлось провести два дня въ Козловѣ, гдѣ я встрѣтилъ пріѣзжавшихъ на сѣздъ землевольцевъ и снабжалъ ихъ адресами бюро сѣзда въ Воронежѣ». Сюда уже прибыли—Фигнеръ, Титычъ (Тищенко), Аптекманъ, Хотинскій, Девель, Хоризаменовъ, Преображенскій (Юристъ) Щедринъ, Прѣсняковъ. Къ этимъ лицамъ присоединились: Морозовъ, А. Михайловъ, Фроленко, Плехановъ, Тихомировъ, Желябовъ, Ширяевъ, Ошанина, Баранникова, Перовская, Квятковскій, Колодкевичъ, Исаевъ, Сергѣевъ». Почти каждый изъ присутствовавшихъ голосовалъ по порученію за отсутствующаго, и нѣкоторые имѣли въ своемъ распоряженіи и по два - три голоса. Всѣхъ засѣданій сѣзда было четыре: два засѣданія имѣли мѣсто въ одномъ изъ уединенныхъ мѣстъ ботаническаго сада и два въ рошѣ по р. Воронежу, близъ водяной мельницы. Предсѣдателемъ сѣзда былъ избранъ Титычъ: онъ формулировалъ и постановленія сѣзда. Прежде всего приступили къ пересмотру программы, которая и была прочитана по параграфамъ; предлагаемыя поправки того или другого параграфа обсуждались и, по выслушаніи преній по тому или другому параграфу, вопросъ объ измѣненіи параграфа ставили на голоса. Основныя положенія программы «Земли и воли» остались неизмѣнными. Революціонная дѣятельность попрежнему должна имѣть основною интересы народа. Экономическая революція—цѣль этой дѣятельности. Къ параграфу о дѣятельности среди крестьянства, которая раньше сѣзда опредѣлялась такъ: «вызывать протесты въ народѣ, на почвѣ мѣстныхъ нуждъ, и вообще пользоваться всякимъ возможнымъ случаемъ, чтобы вызывать крестьянство на протесты», на сѣздѣ было сдѣлано добавленіе: признавалось необходимой и своевременной организація въ деревнѣ аграрнаго террора и мести правительственнымъ агентамъ на мѣстахъ за экзекуціи, совершаемыя ими надъ крестьянами.

«Вторымъ вопросомъ на сѣздѣ былъ вопросъ о политическомъ террорѣ. Параграфъ программы «Земли и воли» о такъ называемой дезорганизаторской дѣятельности, которая раньше опредѣлялась такъ: «устранить всѣхъ правительственныхъ агентовъ, вредящихъ дѣятельности организаціи», былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что

¹⁾ «Былое» 1906 г., № 8.

устраненію подлежатъ тѣ высшіе агенты правительства, которыми опредѣляется внутренняя политика Россіи. Затѣмъ поставленъ былъ вопросъ о начатомъ уже дѣлѣ, т. е. объ убійствѣ Александра II, который и былъ рѣшенъ большинствомъ въ положительномъ смыслѣ. Въ принципѣ же вопросъ о царубійствѣ остался открытымъ, и рѣшеніе его предоставлялось слѣдующему очередному съѣзду. Что касается органа «Земли и воли», то было постановлено, что газета «Земля и воля» сохранить то направленіе, которое выражено въ исправленной и дополненной программѣ съѣзда. Изъ прежняго состава редакціи «Земли и воли» редакторами оставались два: Тихомировъ и Морозовъ, и къ нимъ выбрали третьяго—Титыча; администрація выбрана была изъ трехъ лицъ: предсѣдателя совѣта Тихомирова, Фроленка и Михайлова. Закончился конгрессъ тѣмъ, что рѣшено было тратить на террористическую дѣятельность не болѣе $\frac{1}{3}$ имѣющихся денежныхъ средствъ, остальные $\frac{2}{3}$ предназначались для деревенской дѣятельности». Обрисовывая общее настроеніе съѣзда, М. Поповъ говоритъ: «настроеніе съѣзда было самое мирное: какъ правые, такъ и лѣвые изъ съѣхавшихся членовъ организаціи «Земли и Воли» ясно выражали желаніе не доводить дѣло до раскола, отчасти въ силу довѣрія другъ къ другу, товарищескихъ привязанностей, но больше такое настроеніе вытекало изъ сознанія обѣихъ сторонъ, что не такъ-то легко создать такую организацію, какою была «Земля и Воля»,—единственная въ то время революціонная организація, которая пользовалась авторитетомъ въ широкихъ кругахъ не только революціонеровъ, но за дѣятельностью которой слѣдило съ напряженнымъ интересомъ все культурное русское общество».

Если на съѣздахъ особенно выдѣлился, какъ будущій дѣятель террора, Желябовъ, то, по показаніямъ М. Ф. Фроленка не меньшая роль выпала и на долю Л. Тихомирова, избраннаго въ распорядительную комиссію и игравшаго тутъ, повидимому, первенствующую роль, какъ идеологъ политическаго террора. О немъ Фроленко говоритъ ¹⁾: «Тихомирова не только питерцы, но и ожане считали мало практичнымъ, неловкимъ въ обыденной жизни. Его боязнь шпионовъ не разъ давала пищу шуткамъ. Но это не имѣло никакого значенія. На практическія дѣла никто его и не думалъ посылать, для этого были другіе люди; что онъ опасался шпионовъ, даже было хорошо. Онъ лучше, долше самъ сохранился и не водилъ за собой такъ называемыхъ хвостовъ (шпионовъ). Но дѣло, конечно, не въ этомъ, и не за это его выбирали, а за то значеніе, за ту роль, какую онъ игралъ на первыхъ порахъ, какъ при созданіи новой организаціи, такъ и при ея дѣйствіяхъ въ дальнѣйшемъ. Его роль и значеніе главнымъ образомъ вытекали изъ того, что это былъ человекъ начитанный, умный, съ литературнымъ талантомъ, умѣющій хорошо,

¹⁾ «Былое» 1906 г., № 12.

логически излагать и доказывать свои мысли, умѣющей соглашать и другихъ на свои доводы. Его легко можно бы назвать головой организаціи, но только не въ смыслѣ руководства, а въ смыслѣ способности къ теоретическимъ обосновываніямъ какъ практическихъ начинаній, такъ и принципіальныхъ положеній. Къ этому необходимо добавить, что въ такихъ случаяхъ Тихомирова всегда надо рисовать рядомъ съ Александромъ Михайловымъ. Въ первое время они составляли настолько одно цѣлое, что для незнающаго ихъ хорошо человѣка трудно было даже разобрать, гдѣ начиналъ

Степанъ Григорьевичъ Ширьевъ.

одинъ и кончалъ другой,—такъ дружно и согласно они проводили свои предложенія, свои начинанія, такъ хорошо спѣвались заранѣе. Обыкновенно Александръ Михайловъ, какъ знающій хорошо положеніе вещей и обладающій недюжиннымъ практическимъ умомъ, являлся съ тѣми или другими предложеніями. Тихомировъ, заранѣе обсудивъ это дѣло съ Александромъ Михайловымъ, явно выступалъ тогда на собраніяхъ, при обсужденіяхъ, теоретическимъ истолкователемъ этихъ предложеній и своей логикой способствовалъ не разъ, а почти всегда тому, что предложеніе проходило. Такимъ образомъ,

не участвуя въ практическихъ дѣлахъ, Тихомировъ тѣмъ не менѣе имѣлъ большое значеніе при обсужденіяхъ этихъ дѣлъ и тутъ онъ не былъ вялъ, напротивъ, всегда принимать горячее участіе. Его выслушивали, съ нимъ спорили, но чаще соглашались. И тамъ, гдѣ надо было умѣть говорить, Тихомирова посылали на переговоры и съ посторонними. Такъ, онъ ѣздилъ въ Кіевъ, и къ нему пріѣзжали оттуда для переговоровъ. Немало ему пришлось повозиться и съ Стефановичемъ. Словомъ, на Тихомирова смотрели, какъ на большую мыслящую, литературную силу, и вотъ въ этомъ-то и надо, по-моему, искать разгадку и того, почему выбрали Тихомирова въ комиссію и почему потомъ проходили его проекты и программы предпочтительно предъ программами и проектами другихъ. Кромѣ того, Тихомировъ, бывая чаще на людяхъ, чаще обмѣниваясь съ ними мыслями, лучше зная ихъ, лучше, полнѣе усваивалъ и ихъ мысли. Поэтому, когда являлась необходимость выразить это въ видѣ ли программы, въ видѣ ли манифеста, онъ оказывался болѣе точнымъ и болѣе полнымъ выразителемъ общаго мнѣнія и настроенія и потому ему отдавали предпочтеніе... За это я и назвалъ его головой организациі, и это значеніе Тихомировъ удерживалъ почти до конца, что и выразилось въ отданіи предпочтенія его письму къ Александру III передъ написаннымъ Грачевскимъ, которое было тоже хорошо, но длинно. Но понятно, что съ появленіемъ въ Питерѣ такихъ лицъ, какъ Желябовъ, Перовская, В. Н. Фигнеръ, Тихомирову пришлось свое значеніе дѣлить съ ними, однако это все-таки не даетъ право умалять и его значеніе...

Противопоставляя взгляды на задачи социальна-революціонной партіи Желябова и Тихомирова, г. Плехановъ въ своей вступительной статьѣ къ «Исторіи революціоннаго движенія въ Россіи». А. Туна такъ характеризуетъ послѣдняго, какъ дѣятеля реформированнаго общества «Земли и воли». «У Желябова социализмъ противоположный политикѣ—говоритъ онъ.—У Тихомирова эти оба элемента изображались какъ неразрывно связанные между собою. Желябовъ находилъ, что социальна-революціонная партія должна прежде всего добиться свободныхъ учреждений и гарантіи личныхъ правъ, т.-е. политической свободы, т.-е. конституціи. Г. Тихомировъ думалъ, что этого слишкомъ мало. «Въ самомъ дѣлѣ—спрашивалъ онъ,—для чего намъ нужна конституція? Вѣдь не для того же, чтобы дать буржуазіи новыя средства для организациі и дисциплинированія рабочаго класса посредствомъ обезземеленія, штрафовъ и зуботычинъ. Такимъ образомъ броситься прямо въ омутъ головой можетъ лишь человѣкъ, вполне преклонившійся передъ неизбѣжностью и необходимостью капитализма въ Россіи. Л. Тихомировъ не преклонялся передъ этой необходимостью и, кромѣ того, онъ... былъ убѣжденъ подобно всѣмъ народникамъ, что завоеваніе политической свободы, не сопровождающееся немедленной социальной революціей, прочитъ рабочему классу гораздо больше вреда, чѣмъ

пользы, утвердивъ власть буржуазіи. Поэтому г. Д. Тихомировъ говорилъ, что за «таинственной чертой» предстоящей революціи насъ ждетъ «начало социалистической организаціи Россіи». Короче, народо-волеецъ Желябовъ смотрѣлъ на политическій вопросъ совсѣмъ другими глазами, чѣмъ народоволеецъ Тихомировъ».

Несмотря на эту разность социально-политическаго міросозерцанія обоихъ названныхъ дѣятелей, оба они выдвигаются въ зарождающейся партіи «Народной воли» на видное мѣсто—одинъ, какъ членъ директивнаго комитета, другой какъ агентъ комитета исполнительнаго, направляющаго всю работу этого комитета прежде всего въ сторону политическаго переворота, начало которому полагается въ убіеніи самодержца, главы существующаго неограниченнаго строя.

При сдвигѣ всей организаціи «Земли и воли» на воронежскомъ съѣздѣ влѣво необходимость сохраненія въ рядахъ руководителей А. Михайлова была обязательной, ибо онъ и какъ организаторъ и какъ душа дореформированнаго общества достаточно умѣлъ себя рекомендовать и спасти его послѣ большого провала въ 1878 г. Это былъ испытанный практикъ-революціонеръ, создавшій изъ конспираціи цѣлую науку и установившій здѣсь рядъ приемовъ и методовъ береженія дѣла и личностей до виртуозности. Онъ былъ сурово требователенъ къ товарищамъ, полагая, что они не имѣютъ права ни на что личное, однажды они вступили въ ряды заговорщиковъ и посвятили себя дѣлу революціи. Эта революція была его святая святыхъ, внѣ чего онъ ничего не зналъ и ничего не признавалъ. Въ своемъ извѣстномъ «завѣщаніи», писанномъ имъ въ 1882 г. уже послѣ ареста и переданномъ изъ тюрьмы на волю, всего лучше выясняется его роль революціонера-практика. Такъ, въ этомъ завѣщаніи онъ между прочимъ рекомендуетъ¹⁾: 1) «Не расходовать силъ, но беречь ихъ отъ всякой гибели и употреблять ихъ только въ прямомъ стремленіи къ цѣли; 2) не посылать слишкомъ молодыхъ людей въ борьбу на смерть. Дайте окрѣпнуть ихъ характерамъ, дайте время развить всѣ ихъ духовныя силы. 3) Контролировать одинъ другого во всякой практической дѣятельности, во всѣхъ мелочахъ, въ образѣ жизни. Это спасетъ васъ отъ неизбѣжныхъ для каждаго отдѣльнаго человѣка, но гибельныхъ для всей организаціи ошибокъ. Надо, чтобы контроль вошелъ въ сознаніе и принципъ, чтобы онъ пересталъ быть обиднымъ, чтобы личное самолюбіе замолкло передъ требованіями разума. Необходимо знать всѣмъ ближайшимъ товарищамъ, какъ человѣкъ живетъ, что онъ носитъ съ собой, какъ записываетъ и что записываетъ, насколько онъ остороженъ, наблюдателенъ, находчивъ. Изучайте другъ друга. Въ этомъ сила, въ этомъ совершенство отпра-

¹⁾ «Былое» 1906 г., № 2.

вленія организаціи. 6) Установить строжайшія сигнальныя правила, которыя спасали бы васъ отъ повальныхъ погромовъ».

Эти приведенные для примѣра параграфы завѣщанія служили въ рукахъ Михайлова руководящей нитью его дѣятельности, какъ конспиратора, которыми онъ руководился и въ работѣ для «Земли и воли» и для «Народной воли».

Въ дальнѣйшемъ мы встрѣтимся съ другими дѣятелями «Народной воли», выдѣлявшимися своей непримиримой революціонной убѣжденностью и непреклонностью воли въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей, а пока отмѣтимъ со словъ главнѣйшихъ участниковъ еще не распавшагося общества «Земля и воля», какія событія повели именно къ его распаденію.

VII.

По показаніямъ Н. А. Морозова, дѣло произошло слѣдующимъ образомъ. Онъ говоритъ ¹⁾:

«Когда мы вернулись въ Петербургъ, нѣкоторымъ казалось, что всѣ важнѣйшія недоразумѣнія улажены и что распаденіе общества ограничилось выходомъ изъ него одного Плеханова. Но это было не такъ. Не прошло и двухъ недѣль, какъ оказалось, что наши прежніе противники въ петербургской группѣ держатся отъ насъ обособленной компаніей и попрежнему считаютъ Плеханова своимъ членомъ, сообщая ему всѣ интимныя дѣла общества въ противность уставу. Къ нимъ присоединились подъ вліяніемъ Стефановича также Дейчъ и Вѣра Засуличъ. Присоединеніе Засуличъ къ «народнической» группѣ было намъ особенно тяжело. Мы провели ее на липецкомъ сѣздѣ въ полной увѣренности, что она будетъ сторонницей новаго способа борьбы, въ которомъ мы тогда видѣли все спасеніе Россіи отъ губившаго ее абсолютизма. Но она была чрезвычайно дружна со Стефановичемъ и Дейчемъ и, перейдя вмѣстѣ съ ними къ нашимъ противникамъ, вдругъ окружила ихъ ореоломъ въ глазахъ благоговѣвшей передъ ней учащейся молодежи.

«Наши противники сразу почувствовали за собою новую силу и снова сдѣлались требовательными по отношенію къ намъ. Стефановичъ началъ вербовать себѣ сторонниковъ среди лицъ, имѣвшихъ тѣсныя сношенія съ «Землей и волей», и завербовалъ въ томъ числѣ хозяйку нашей типографіи Крылову. Въ одинъ прекрасный день она заявила, что, пока она находится въ типографіи, она не позволитъ печатать ни одной статьи въ повомъ направленіи, такъ какъ политическая свобода будетъ способствовать развитію буржуазіи и такимъ образомъ пойдетъ во вредъ рабочему народу.

«Всѣ мои усилія переубѣдить ее оказались тщетными, такъ какъ она не была самостоятельной мыслительницей, а отстаивала лишь

¹⁾ «Былое» 1906 г., № 12.

то, что ей внушали люди, подѣ влияніе которыхъ она попадала. Теперь же она была цѣликомъ подѣ влияніемъ Стефановича и Плеханова. Не чувствуя себя въ силахъ возражать на мои доводы о необходимости политической свободы для самой социалистической дѣятельности въ народѣ, она впадала въ истерику. Въ концѣ всѣхъ переговоровъ съ нею мнѣ приходилось лишь бѣгать за холодной водой, чтобъ успокоить ее хоть немного. Мой соредакторъ Тихомировъ и Александръ Михайловъ тоже пробовали говорить съ нею, но бросили всѣ попытки въ виду ихъ бесполезности еще задолго до меня.

«Благодаря такому положенію дѣлъ въ типографіи, изданіе «Земли и воли» оказывалось теперь фактически неосуществимымъ, несмотря на то, что всѣ остальные наборщики стояли за новое направленіе. Цѣлыхъ два мѣсяца послѣ воронежскаго съѣзда вся дѣятельность общества уходила на улаживанье ежедневно возникавшихъ внутри его недоразумѣній между двумя фракціями, собиравшимися отдѣльно въ окрестностяхъ Петербурга. Всякая идейная и практическая революціонная дѣятельность совершенно прекратилась. Несмотря на всѣ усилія соединить несоединимое, у насъ ничего не выходило. Всѣ связующія нити между двумя группами рвались, какъ паутина, при первой попыткѣ начать какое-либо серьезное дѣло. У большинства товарищей все болѣе и болѣе терялась ровность характера. Стали возникать несправедливыя нареканія однихъ лицъ на другихъ, и интриги одной фракціи противъ другой.

«Къ октябрю 1879 года взаимныя недоразумѣнія дошли до такой степени, что не оставалось ничего другого, какъ назначить уполномоченныхъ для осуществленія раздѣла. Обѣ фракціи были объявлены независимыми обществами, дѣйствующими вполнѣ самостоятельно, безъ права называть себя «Землей и волей». Уставъ «Земли и воли», всѣ ея печати и документы остались въ нашемъ распоряженіи, какъ у большинства, а капиталы общества было рѣшено раздѣлить поровну. Фактически всѣ они (за исключеніемъ средствъ Лизогуба, погибшихъ послѣ его казни для организаціи) отошли къ фракціи Стефановича и Плеханова, такъ какъ у нихъ оказались почти всѣ состоятельные члены общества, которые и передавали туда все, что имъ принадлежало. Ихъ группа назвала себя «Чернымъ передѣломъ», или «народниками», въ знакъ того, что главная цѣль ихъ общества есть передѣлъ всѣхъ земель Россіи начерно между общинниками-крестьянами. Мы же назвали себя партіей «Народной воли» или «народовольцами», въ знакъ того, что непосредственная наша цѣль была замѣна существующаго самодержавнаго режима представительнымъ, основаннымъ на проявленіи воли всего народа. Народная воля должна была рѣшить потомъ всѣ политическіе и социальныя вопросы при свободномъ представительномъ правленіи.

Пользуясь уже готовымъ уставомъ, мы сейчасъ же начали свою боевую и литературную дѣятельность въ новомъ духѣ. Не прошло и двухъ недѣль, какъ изъ вновь устроенной тайной типографіи въ Саперномъ переулкѣ былъ выпущенъ первый номеръ «Народной воли».

«При раздѣлѣ «Земли и воли» намъ не досталось ни копейки изъ ея матеріальныхъ средствъ, но мы были полны энергіи и энтузіазма. Къ намъ сейчасъ же присоединилось нѣсколько человѣкъ изъ молодежи, принешихъ вмѣстѣ съ собою и небольшія средства на первыя практическія дѣла. Мы вдругъ, казалось, ожили: наши руки были развязаны, а ничего другого намъ не было нужно въ это время.

По показаніямъ О. С. Любатовичъ, по окончаніи воронежскаго съѣзда, большинство его участниковъ вернулись въ Петербургъ, и расположились на дачѣ въ Лѣсномъ. Здѣсь подъ открытымъ небомъ говоритъ она¹⁾,—нѣсколько разъ собирались члены вновь сформировавшагося на липецкомъ съѣздѣ исполнительнаго комитета отдѣльно, и отколовшіеся члены бывшей организаціи «Земли и воли» отдѣльно. Стефановичъ велъ очень дѣятельные переговоры между тѣми и другими, и многіе надѣялись, что онъ поможетъ сплоченію и предотвратитъ готовящійся расколъ, но надежды эти не оправдались; напротивъ, нѣкоторые обвиняли даже, что Стефановичъ подлил масла въ огонь, ускорилъ окончательный разрывъ. Когда послѣ другихъ въ Петербургъ пріѣхала С. Перовская, страстно желавшая повліять примирительно, то уже было совсѣмъ поздно; разрывъ совершился окончательно, и вчерашніе товарищи стали сторониться другъ друга, какъ чужіе. Каждая партія пошла своей дорогой—Стефановичъ сдѣлался главою мертворожденной организаціи «Чернаго передѣла», съ нимъ остались и его друзья—Вѣра Засуличъ и Дѣйчъ; я примкнула къ липецкимъ товарищамъ, которые заочно были въ этомъ увѣрены, приглашая меня на липецкій съѣздъ. Но и Перовская, по принципу еще горячая народница, не примкнула къ «Черному передѣлу», она пошла съ тѣми, кто обнажилъ мечъ на защиту народа и его апостоловъ. Къ нимъ же, т. е. къ исполнительному комитету «Народной воли», примкнула и Вѣра Фигнеръ (Филиппова), другая горячая народница, только что работавшая въ одномъ изъ поселеній «деревенщиковъ», созданныхъ первымъ составомъ организаціи «Земли и воли» въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, а также Якимова и Софья Иванова.

«Разрывъ «Чернаго передѣла» съ исполнительнымъ комитетомъ «Народной воли» можно объяснить въ общемъ не столько принципами, сколько темпераментами,—свидѣтельствуеть Любатовичъ.—

¹⁾ «Былое» 1906 г., № 6.

Такъ, хотя большинство примкнувшихъ къ «Черному передѣлу» старыхъ членовъ «Земли и воли» занимались почти исключительно культурной мирной дѣятельностью, въ программу этой организаціи входило все-таки и бунтарство, или — какъ раньше называли на сѣверѣ — вспышкѣпускательство; слѣдовательно, въ идеѣ насиліе имъ не было чуждо. Мало того, люди, примкнувшіе къ «Черному передѣлу», не только оправдывали насильственные дѣйствія по отношенію къ властямъ, но — чего народовольцы не допускали — обманъ по отношенію къ массамъ, вовлекаемымъ въ бунтъ. Конечно, люди такихъ взглядовъ не должны были возмущаться систематической борьбой съ правительствомъ и цареубійствомъ, какъ насиліемъ. И сама ссылка на то, что цареубійство обостряетъ реакцію, тоже несущественна; вѣдь землевольцы и ихъ преемники, чернопредѣльцы, не боялись же обострить реакцію, ставя въ программу мелкіе бунты, хотя она въ этихъ случаяхъ неизбежна именно въ народѣ, тогда какъ цареубійство отражается главнымъ образомъ въ городахъ. Этотъ общій недостатокъ идейнаго оправданія раскола, созданнаго «Чернымъ передѣломъ», чувствовали даже лица, оставшіяся въ его рядахъ; такъ, Іосифъ Аптекманъ тогда же въ своемъ открытомъ письмѣ прямо указывалъ на это и увѣщевалъ товарищей объединиться вновь. Черезъ два года самъ Стефановичъ созналъ свою ошибку, но было поздно; «Народная воля» потеряла тогда лучшія, самыя крупныя и опытныя силы свои; «Черный передѣлъ» былъ безсиленъ влить новую жизнь въ остатки когда-то мощной организаціи исполнительнаго комитета «Народной воли», ему самому недоставало этой жизни. Въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ 1879 и началѣ 1880 г. «Черный передѣлъ» не оставилъ замѣтныхъ слѣдовъ своей дѣятельности въ народѣ, потому что такая дѣятельность въ широкихъ размѣрахъ была невозможна, и раньше онъ не прибавилъ многого къ тѣмъ сѣменамъ революціоннаго социализма въ рабочей средѣ, которыя заложены были дѣятелями процессовъ 50-ти, 193-хъ, Долгушина и другихъ болѣе мелкихъ, а отчасти даже народовольцами. Типографія «Земли и воли», которую съ такою любовью помогали устраивать Сергій Кравчинскій и которая содержалась такой опытной и преданной дѣлу хозяйкой, какъ М. К. Крылова, типографія, цѣлый годъ изумлявшая всю Россію свободнымъ выходомъ подпольной «Земли и воли» въ самомъ Петербургѣ, — уступленная «Черному передѣлу», очень скоро погибла въ его рукахъ, и послѣ ряда различныхъ неудачъ Стефановичъ, Дейчъ, Плехановъ и Вѣра Засуличъ уѣхали обратно за границу.

«Организація «Чернаго передѣла», объясняя свои неудачи, жаловалась на «Народную волю», парализовавшую, будто бы, ея дѣятельность; напротивъ, единоборство «Народной воли» съ правительствомъ, приковывая къ себѣ всѣ взоры, явилось какъ бы прикрытіемъ

для чернопредѣльцевъ. Сравнивая «Черный предѣлъ» съ «Народной волей», правительство стало считать его въ то время совѣмъ мирной партіей и слабѣе преслѣдовало ее, и она погибла скорѣе отъ собственнаго истощенія, тогда какъ народовольцы погибли всѣ, что называется, съ оружіемъ въ рукахъ, въ послѣднихъ схваткахъ съ правительствомъ. Перекочевавъ за границу, нѣкоторые крупные представители «Чернаго предѣла»—какъ Плехановъ, Дейчъ и другіе—выступили тамъ въ качествѣ марксистовъ и социаль-демократовъ и, оставаясь на свободѣ, довольно дѣятельно вели книжную пропаганду въ Россіи.

«Лѣтомъ 1879 года прошелъ мѣсяцъ и даже больше въ безплодныхъ переговорахъ съ зарождавшимся «Чернымъ предѣломъ» въ надеждѣ воссоединить вновь распавшуюся организацію «Земли и воли». Эти переговоры не мѣшали, однако, исполнительному комитету «Народной воли» идти своей дорогой. Такъ, на одномъ изъ собраній исполнительнаго комитета, происходившемъ подъ открытымъ небомъ въ Лѣсномъ, и гдѣ присутствовалъ между прочимъ пріѣхавшій на одинъ, на два дня въ Петербургъ Гольденбергъ, и о которомъ онъ почему-то умалчиваетъ въ своихъ показаніяхъ, былъ поставленъ вопросъ: слѣдуетъ ли продолжать намѣченные предпріятія противъ генераль-губернаторовъ, или же сосредоточить всѣ силы на одномъ лицѣ государя? Рѣшено было всѣ удары направить на послѣдняго... Эту задачу фактически и осуществляли вплоть до 1-го марта 1881 года.

«Когда это рѣшеніе состоялось, большинство стало разѣзжаться на дѣло, посвятивъ предварительно нѣсколько дней на обсужденіе основныхъ положеній программы исполнительнаго комитета. Къ сожалѣнію, у собравшихся не было достаточно свободнаго времени, чтобы окончательно закончить и оформить эту программу, хотя всѣ понимали, что программа—знамя, и что только она одна на смѣну погибавшихъ можетъ собрать новыхъ борцовъ. Но силъ еще было такъ много, практическія задачи такъ настоятельны и, наконецъ, сама программа была уже достаточно намѣчена на липецкомъ съѣздѣ, что никто не думалъ, что обстоятельства такъ скоро измѣнятъ ее. Кромѣ того, всѣ еще были подъ впечатлѣніемъ недавняго раскола въ «Землѣ и волѣ» и рады были тѣсному единенію на практической задачѣ, которая требовала такихъ богатырскихъ усилій, что пемпогіе задумывались о будущемъ, о необходимости заранѣе крѣпко поставить свое знамя, чтобы оно, какъ маякъ, свѣтило будущимъ поколѣніямъ.

«Петербургъ понемногу пустѣлъ: уѣхалъ Ширяевъ, уѣхалъ Баранниковъ, уѣхалъ Желябовъ, Перовская и другіе, кто въ Москву, кто на югъ для выполненія той задачи, которая поставлена была послѣднимъ рѣшающимъ собраніемъ въ Лѣсномъ. Въ Петербургѣ остались тѣ, кто былъ занятъ литературнымъ, типографскимъ или динамитнымъ дѣломъ».

Въ сущности, какъ свидѣтельствуесть М. Ф. Фроленко, вопросъ о систематическихъ покушеніяхъ на жизнь Александра II былъ рѣшенъ въ принципі еще до липецкаго съѣзда, и на это дѣло ему было поручено пригласить Желябова, Колодкевича и Баранникова. «Прежде,—говоритъ онъ ¹⁾,—предварительно имѣлось въ виду раньше уничтожить Тотлебена и кievскаго генераль-губернатора, но потомъ отмѣнили, предоставивъ это дѣло внѣпартійнымъ людямъ. Послѣ липецкаго совѣщанія о программѣ и уставѣ по поводу Александра II могли лишь говорить о практическихъ уже способахъ, какъ, гдѣ и какимъ образомъ это выполнить. Такъ, напримѣръ, Баранниковъ предлагалъ, между прочимъ, еще занять позицію на Западной Двинѣ подѣ Динабургомъ, гдѣ есть высокій мостъ, и тогда всѣ пути, по которымъ происходитъ возвращеніе изъ Крыма въ Питеръ, были бы минированы».

Въ слѣдующей части мы расскажемъ, какъ были организованы намѣченныя покушенія, кто въ нихъ участвовалъ и каковъ былъ ихъ исходъ, а пока заключимъ эту часть еще нѣкоторыми добавочными свѣдѣніями, обрисовывающими организацію новообразованнаго революціоннаго общества «Народная воля».

VIII.

Судившійся впоследствии по «процессу шестнадцати террористовъ» Гольденбергъ далъ въ своихъ показаніяхъ на судѣ любопытныя показанія по вопросу организаціи новой революціонной партіи, какъ это еще было намѣчено на липецкомъ съѣздѣ. Согласно его свидѣтельству ²⁾, организація партіи была выработана въ слѣдующей формѣ: было рѣшено организовать распорядительную комиссію и исполнительный комитетъ, какъ органы, управляющіе дѣлами фракціи въ широкомъ смыслѣ этого слова. «Распорядительная комиссія», по кругу тѣхъ обязанностей, которыя на ней лежали, являлась какъ бы высшимъ органомъ, а «исполнительный комитетъ» низшимъ, но въ виду того, что въ партіи вообще не любили подчиненности, то комитетъ не былъ собственно подчиненъ комиссіи и являлся собственно не столько органомъ исполнительнымъ, сколько распорядительнымъ съ правомъ во всей личной инициативы. На обязанности распорядительной комиссіи лежало знать все совершающееся въ террористическомъ движеніи и даже во всей революціонной партіи; въ рукахъ комиссіи сосредоточивались всѣ средства и вообще она должна была заботиться о доставленіи средствъ на задуманное дѣло. Исполнительный комитетъ состоялъ изъ лицъ,

¹⁾ «Былое» 1906 г., № 12.

²⁾ Журналъ «Русская историческая бібліотека», № 3. Процессъ шестнадцати террористовъ» подѣ редакціей и съ примѣчаніями В. Буцева.

которыя должны были принимать активное участіе въ задуманномъ предпріятіи, но, конечно, съ вѣдома «распорядительной комисіи». Строгаго разграниченія комисіи отъ комитета въ сущности не существовало, что видно изъ того, что членъ комисіи не могъ давать обязательныхъ распоряженій безъ комитета, но въ то же время членъ комисіи не имѣлъ права брать на себя исполнительныхъ дѣйствій. Кромѣ того, было рѣшено имѣть агентовъ первой и второй степени, изъ копѣхъ первой степени — съ большимъ, и второй степени — съ меньшимъ довѣріемъ. «Распорядительная комисіа» должна была проживать въ Петербургѣ, а члены «исполнительнаго комитета» въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ надобность укажетъ. Членами «распорядительной комисіи» были избраны на съѣздѣ: Михаилъ Фроленко, Левъ Тихомировъ и Александръ Михайловъ, сильно протестовавшій противъ этого избранія, ибо желалъ взять на себя роль исполнителя. Членами «исполнительнаго комитета» были назначены всѣ остальные присутствовавшіе на съѣздѣ и Зунделевичъ, а впоследствии къ комитету примкнули: Софья Иванова, Сергѣева, Вѣра Фигнеръ, Андрей Прѣсняковъ и Якимова. Всѣхъ членовъ исполнительнаго комитета было до тридцати. Были также избраны кандидаты въ члены комисіи. О составѣ редакціи печатнаго органа партіи было уже говорено. Чтобы сдѣлаться членомъ «исполнительнаго комитета», нужно было имѣть рекомендацію пяти наличныхъ членовъ, и въ случаѣ, если бы противъ этой рекомендаціи явилось возраженіе, то на каждый отрицательный голосъ нужно было представить три положительныхъ.

Давая показанія относительно практичекихъ замысловъ террористовъ, Гольденбергъ говорилъ: «Прежде всего имѣли мѣсто практическіе вопросы, т.-е. вопросы о томъ, что намъ слѣдуетъ предпринять въ интересахъ нашей фракціи. Результатомъ нашихъ разсужденій было общее соглашеніе въ томъ, что слѣдуетъ совершить царубійство, но уже не такимъ способомъ, какъ 2 апрѣля, а посредствомъ взрыва поѣзда на желѣзной дороги. Это былъ первый случай, когда заговорили о примѣненіи къ дѣлу динамита. Я помню, что тутъ кто-то высказался о возможности взрыва безъ всякихъ подкоповъ, а прямо черезъ наложеніе динамита на рельсы; но вообще вопросъ о самомъ способѣ царубійства не разрѣшался окончательно и въ подробностяхъ не обсуждался. Припоминаю, что я указывалъ на Николаевскую и Варшавскую желѣзныя дороги, какъ на мѣста, болѣе удобныя для осуществленія замысла въ виду того, что по какой-нибудь изъ этихъ дорогъ Государь Императоръ непременно долженъ былъ проѣзжать, на другихъ же дорогахъ онъ могъ измѣнить путь; высказывались также о томъ, что удобно было бы кому-нибудь изъ нашихъ помѣститься сторожемъ на дорогѣ и, такимъ образомъ, дѣйствовать успѣшнѣе. Помню, что я и другіе, но кто именно — не помню, выска-

зывались за скорѣйшее осуществленіе замысла царсубійства дабы доказать правительству, что суровыя мѣры не останавятъ движенія противъ него, слѣдовательно, правительство поэтому должно будетъ сдѣлать уступки... Такимъ образомъ, въ первыхъ засѣданіяхъ было рѣшено окончательно совершить по возможности скорѣе царсубійство и, кромѣ того, я находилъ удобнымъ одновременно съ этимъ направить убійство противъ генераль-губернаторовъ одесскаго, кievскаго и петербургскаго, но, конечно, въ томъ случаѣ, если это не будетъ препятствовать царсубійству, которое ставилось главною и первою задачею. Повторю, что, за разрѣшеніемъ вопроса о царсубійствѣ, на сѣздѣ не было рѣшено самага способа совершенія этого преступленія и не были избраны лица, долженствовавшія совершить таковое. Въ виду практическихъ вопросовъ, было рѣшено, что для нашихъ цѣлей, независимо отъ царсубійства и вообще политическаго убійства, слѣдуетъ прибѣгать также къ агитаціи среди молодежи, войска и вообще въ обществѣ».

Для этой агитаціи въ обществѣ была впослѣдствіи выработана программа мѣстныхъ центральныхъ группъ партіи «Народной воли» Вотъ эта программа¹⁾, какъ ее воспроизвелъ впослѣдствіи на память одинъ изъ террористовъ П. С. Поливановъ послѣ своего освобожденія изъ Шлиссельбургской крѣпости:

1. Центральная группа составляется первоначально изъ лицъ, извѣстныхъ исполнительному комитету, который и утверждаетъ ихъ въ званіи членовъ центральной группы.

2. Число членовъ центральной группы не должно превышать...(?) человекъ. Имена вновь принятыхъ членовъ сообщаются исполнительному комитету.

3. Пополненіе центральной группы совершается посредствомъ баллотировки, причемъ одинъ отрицательный голосъ считается за два положительныхъ.

4. При соблюденіи вышеприведеннаго условія кандидатъ долженъ получить не менѣе $\frac{2}{3}$ голосовъ въ пользу принятія.

5. Кандидатъ въ члены центральной группы долженъ удовлетворять слѣдующимъ условіямъ:

а) всецѣло признавать программу исполнительнаго комитета партіи «Народной Воли»;

б) представить трехъ поручителей изъ числа членовъ организаціи;

в) дать обязательство строго хранить тайны организаціи;

г) обладать достаточнымъ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ;

д) преданность дѣлу организаціи, доходящая до самопожертвованія;

е) имѣть уже революціонное прошлое;

ж) быть человекомъ, уже доказавшимъ свою способность вести революціонную работу;

з) какъ членъ организаціи партіи «Народной воли» и центральной группы, не имѣть права обладать частной собственностью (все имущество члена организаціи принадлежитъ партіи).

¹⁾ «Былое» 1906 г., № 12.

6. Центральная группа находится въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ исполнительнымъ комитетомъ и въ прямомъ подчиненіи сему послѣднему.

7. Центральная группа обязана отдавать исполнительному комитету отчетъ въ своей дѣятельности и, по требованію комитета, предоставить въ его распоряженіе всѣ свои нравственныя и матеріальныя силы.

8. Исполнительный комитетъ можетъ отозвать для своихъ дѣлъ каждаго члена центральной группы.

9. Члены центральной группы могутъ быть приглашаемы исполнительнымъ комитетомъ на съѣзды, но въ вопросахъ партійной политики пользуются только правомъ совѣщательнаго голоса.

10. Центральная группа не имѣетъ права поднимать возстанія безъ разрѣшенія исполнительнаго комитета.

11. Центральная группа не имѣетъ права издавать партійнагс журнала или газеты.

12. Центральная группа не имѣетъ права входить въ соглашенія, налагающія на организацію извѣстныя обязательства, съ лицами и кружками какой-либо иной организаціи.

13. Центральная группа имѣетъ право приговаривать къ смертной казни всѣхъ частныхъ лицъ, своего шпіона и должностныхъ, рангомъ до губернатора, на уничтоженіе котораго нужно испросить разрѣшеніе исполнительнаго комитета.

14. Въ денежныхъ дѣлахъ центральная группа автономна.

15. Ц. г. принадлежитъ завѣдываніе всѣми мѣстными дѣлами, и всѣ мѣстныя группы находятся въ такомъ же отношеніи къ ц. г., какъ эта послѣдняя къ исп. комитету.

16. Всѣ вопросы, кромѣ принятія новыхъ членовъ, рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ. Подчиненіе рѣшенію общаго собранія обязательно для каждаго члена группы.

17. Ц. г. вмѣняется въ обязанность образовать мѣстныя группы: 1) общественную, 2) учащейся молодежи, 3) рабочую, 4) боевую.

18. Мѣстныя группы обязаны подчиняться ц. г., давать ей отчетъ въ своей дѣятельности и предоставлять въ ея распоряженіе всѣ свои силы.

19. Выходъ изъ членовъ ц. г. *не допускается*.

Дѣйствуя на общество при помощи печатнаго слова, какъ легальнаго въ передовыхъ радикальныхъ журналахъ того времени, такъ и подпольнаго, а также революціонизируя его при содѣйствіи мѣстныхъ организацій въ провинціи, получившихъ съ теченіемъ времени широкое распространеніе, революціонная организація достигала особеннаго успѣха въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей и среди учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Эти заведенія къ концу 70-хъ годовъ представляли собою настоящіе очаги революціоннаго движенія, гдѣ шла непрерывная агитація въ пользу революціи и террора. «Домашніе поводы» были лишь такой декорацией, за кулисами которой опытные руководители раздували страсти молодежи, бросавшей свои научныя занятія и отдававшей себя цѣликомъ на службу революціонной политикѣ. Репрессіи министерства народнаго просвѣщенія только играли на руку партіи «Народной воли»... Достаточно успѣшна была ея агитація и среди военныхъ и, какъ это усматривает-

ся изъ воспоминаній М. Ю. Ашенбреннера¹⁾, уже въ концѣ 80-хъ годовъ сложилась первая военная группа партіи «Народной воли», сдѣлавшейся потомъ центральной. Учредителями ея были Рогачевъ, Сухановъ, Штромбергъ, Желябовъ и Колодkevичъ. Послѣдніе двое, какъ делегаты «исполнительнаго комитета» партіи «Народной воли».

«Центральная группа,—говоритъ г. Ашенбреннеръ,—поставила своею цѣлью организацію строго централизованной военно-революціонной партіи для борьбы за политическое и экономическое освобожденіе народа, во главѣ которой ставилась автономная по своимъ специальнымъ задачамъ центральная группа. Члены центральной группы назначались исполнительнымъ комитетомъ, программа котораго признавалась основной статьёй кружковаго устава; по-сему-то назначеніемъ военной организаціи было активное содѣйствіе партіи «Народной воли» въ революціонной борьбѣ съ существующими политическимъ и экономическимъ строемъ.

«Въ началѣ 81-го года, если не ошибаюсь, въ составъ революціонной группы вступили Дегаевъ, Буцевичъ, потомъ Похитоновъ. Весною 82-го г. Сухановъ и Штромбергъ были арестованы, и въ составъ центрального кружка вступили Серебряковъ, Панинъ и Завалишинъ, а въ началѣ 83-го года Ашенбреннеръ.

«Пропаганда была настолько дѣйствительна, а почва такъ благодарна, что повсюду стали складываться кружки: въ Кронштадтѣ—морскіе, артиллерійскіе, армейскіе, въ Петербургѣ—въ военной академіи (только не въ академіи генеральнаго штаба) и военномъ училищѣ. Если не ошибаюсь, первый кружокъ былъ основанъ Рогачевымъ въ Гельсингфорсѣ; затѣмъ Рогачевъ и одинъ морякъ съ большимъ успѣхомъ дѣйствовали въ Прибалтійскомъ и Сѣверо-Западномъ краѣ, и вскорѣ появились кружки въ центральныхъ губерніяхъ по Волгѣ и на Кавказѣ. Ближайшіе къ центру кружки находились съ ними въ болѣе тѣсной связи; остальные, кажется, складывались самостоятельнымъ, и программы ихъ были разнообразны, что, я думаю, больше зависѣло отъ ихъ удаленности отъ центра, чѣмъ отъ личнаго состава...»

Такимъ образомъ, расформированная социальнo-революціонная партія, благодаря своей новой организаціи съ ея централистическимъ строемъ, куда влились новыя силы, крѣпкая своей конспиративной сплоченностью, съ практическимъ опытомъ и выработанными методами конспираціи, успѣла въ короткое время широко раскинуть въ разныхъ общественныхъ слояхъ свои развѣтвленія, проникнуть, какъ видно будетъ далѣе, въ самыя правительственныя нѣдра и явить собою нѣчто дѣйствительно грозное, что готовилось въ первую очередь обрушиться на личность царя-Освободителя, на защиту

¹⁾ «Былое» 1906 г., № 7.

котораго его сподвижниками выдвинуты были только одни далеко несовершенныя средства полицейскаго охраненія. Слабость этого охраненія сказалась довольно скоро; взрывы рельсоваго полотна подъ Москвою и въ Зимнемъ дворцѣ непреложно обнаружили всю трагическую дѣйствительность, которую переживаетъ Россія. Кровавый кошмаръ близился, и историческая драма съ ея зловѣщимъ эпилогомъ была не за горами.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЪ ГОРАХЪ ОСЕТИИ.

Берегись,—сказаль Казбеку
Сѣдовласый Шать,—
Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ.
Онъ настроитъ дымныхъ келій
По уступамъ горъ,

Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Зазвенитъ топоръ,
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и золото,
Врѣжетъ страшный путь...

Лермонтовъ.

I.

ПРОРОЧЕСТВО Лермонтова сбылось. Съ неимоверной быстротой растетъ и развивается культура богатаго края. Все большую область охватываетъ сѣтъ путей сообщенія, начиная съ шоссеиныхъ дорогъ, кончая желѣзнодорожными линіями съ грандіозными мостами и тунелями. Велико значеніе ихъ для прикавказскихъ низменностей, но еще больше для мѣстностей горныхъ, гдѣ въ силу топографическихъ и почвенныхъ условій многочисленныя племена, загнанныя сюда историческими событіями, лишены величайшаго блага земного существованія человѣка — возможности обрабатывать землю и отъ нея получать свое пропитаніе, благосостояніе и, наконецъ, цивилизацію.

«Горы и ущелья привлекательны своими романтическими красотами для культурныхъ людей; народъ же, ищущій себѣ выгодныхъ условій существованія, поселяется въ нихъ за неимѣніемъ лучшихъ, болѣе привольныхъ мѣсть, только подъ давленіемъ необходимости», говоритъ профессоръ В. О. Миллеръ въ своихъ «Осетинскихъ этюдахъ», и это глубоко вѣрное замѣчаніе какъ нельзя болѣе приложимо ко многимъ народамъ Кавказа.

Къ несчастью, пресловутое «освободительное движеніе», выродившееся въ одни грабежи и насилія, нигдѣ не нашло лучшей почвы для своего примѣненія, какъ именно здѣсь, и, конечно, теперь на много лѣтъ задержать всякую культуру, начавшую было такъ быстро распространяться всюду, со времени окончательнаго замиренія Кавказа Россіей.

Нѣкоторыя племена, какъ, напримѣръ, чеченцы, предпочли, однако, либо геройски умереть въ родныхъ горахъ, либо выселиться въ Турцію, чѣмъ подчинить свои кровавыя, вѣками выработанныя инстинкты современнѣмъ жизненнымъ требованіямъ; но большинство, несмотря на свою дикость, инстинктивно сознало и покорилось тѣмъ справедливымъ требованіямъ, которыя были имъ предъявлены во имя всеобщаго блага.

Къ числу этихъ послѣднихъ, несомнѣнно, принадлежатъ осетины, хранящіе въ самой природѣ своей весьма много задатковъ, представляющихъ самый лучшій, хотя пока вполне еще сырой, матеріалъ для культуры, особенно если прививать ее осторожно и болѣе или менѣе послѣдовательно.

Земли осетинъ занимаютъ середину Кавказскаго хребта (между $42^{\circ}5'$ — $43^{\circ}20'$ шир. и $61^{\circ}10'$ — $62^{\circ}20'$ восточ. долг.), всего около 210 кв. верстъ, главнымъ образомъ ущелья Ардонское и Урухское. Съ сѣвера они граничатъ съ землями кабардинскими, станицами казаковъ и аулами ингушей; съ востока—съ аулами ингушей, кумыковъ и кистовъ по Дарьяльскому ущелью, а далѣе съ поселеніями хевсуровъ и пшавовъ, кончая грузинами; съ юга ихъ аулы, спускаясь по южному склону главнаго хребта, перемѣшиваются съ селеніями грузинъ и имеретинъ. Съ запада граница осетинъ съ истоковъ Ріона, черезъ хребетъ, идетъ къ истокамъ Уруха и слѣдуетъ далѣе по его теченію до самой плоскости, гранича съ землями горскихъ татаръ—балкарцевъ.

Сами себя осетины называютъ «иръ» или «иронъ». По статистическимъ свѣдѣніямъ конца прошлаго столѣтія, ихъ 256 тысячъ человѣкъ обоюго пола.

Профессоръ В. О. Миллеръ цѣлымъ рядомъ доказательствъ отождествляетъ осетинъ съ древними яссами нашихъ лѣтописей и съ аланами, занимавшими нѣкогда всѣ прикавказскія и приволжскія степи, считая ихъ отраслью иранскаго племени, явившагося сюда еще въ доисторическое время.

Безчисленныя орды кочевниковъ, наплывавшія на Европу въ теченіе цѣлаго періода столѣтій, мало-по-малу оттѣснили яссовъ въ ущелья главнаго Кавказскаго хребта, гдѣ послѣдніе и утвердились болѣе или менѣе прочно, засѣвъ въ своихъ неприступныхъ аулахъ, окруженныхъ, наподобіе средневѣковыхъ замковъ, бойницами и башнями. Вся жизнь ихъ въ теченіе болѣе чѣмъ тысячелѣтія протекла въ непрестанной борьбѣ и войнахъ, въ смѣнѣ религій и нрав-

ственныхъ понятій, что, естественно, не могло способствовать къ мирному развитію прирожденныхъ имъ задатковъ гражданственности.

Лишивъ горную Осетию земельныхъ угодій, дающихъ возможность заняться земледѣльствомъ, природа взаимно надѣлила ее

Алагирское уаль-марта.

роскошными пастбищами, пригодными для многихъ отраслей скотоводства, и богатѣйшими, далеко не изслѣдованными рудными богатствами, которыя могутъ дать краю полное благосостояніе и дикія безлюдныя скалы обратить въ промышленные центры, дающіе

обильный заработокъ окрестному населенію здѣсь же, въ родныхъ горахъ, безъ выселенія на плоскость, что иначе было бы, конечно, неизбѣжно при переходѣ отъ военно-разбойничьяго быта къ инымъ, болѣе культурнымъ формамъ существованія.

Вотъ почему здѣсь слѣдуетъ особенно привѣтствовать каждый клочокъ проведенной дороги и каждое промышленное предпріятіе, ибо пути сообщенія въ горной области Кавказа являются путями спасенія для цѣлыхъ племенъ, въ иномъ случаѣ осужденныхъ на неизбѣжное и быстрое вымираніе.

II.

Станція Даргъ-Кохъ Владикавказской желѣзной дороги—ближайшій пунктъ отправленія для проѣзда по Военно-Осетинской дорогѣ—своимъ внѣшнимъ видомъ и «внутреннимъ неустройствомъ» далеко не соотвѣтствуетъ такому назначенію. Большинство туристовъ, желающихъ пройти одинъ изъ древнѣйшихъ переваловъ Кавказскаго хребта, либо начинаютъ этотъ путь изъ Владикавказа, либо изъ Пятигорска. И тамъ и тутъ одинаково удобно достать лошадей, проводниковъ, арбы или дроги, но зато приходится значительное количество верстъ ѣхать однообразной плоскостью.

Желая избѣжать этого, наша компанія, состоявшая изъ трехъ человекъ, избрала путь отъ станціи, куда мы и прибыли около семи часовъ вечера, рассчитывая въ тотъ же день добраться до Алагира, отстоящаго отсюда въ 28 верстахъ. Но... почтовые ящики почему-то везти прямо въ Алагирь отказывались, обѣщая доставить лишь до Ардонской станицы, гдѣ, по увѣренію мѣстнаго жителя-казака, случившагося какъ разъ на станціи, лошадей, конечно, не раздобудешь. «Вольные» просили несуразную цѣну и въ концѣ концовъ признались, что все равно «не докричишься» парома черезъ Терекъ. Пришлось остаться ночевать въ Даргъ-Кохѣ, благо начальство не препятствовало.

Тутъ имѣлся буфетъ съ солиднымъ выборомъ спиртныхъ напитковъ и нѣсколькими закусками крайне подозрительнаго вида. Но изъ удобствъдобнаго оказалось всего лишь 3 яйца, 2 стакана молока и довольно-таки древній французскій хлѣбъ—порція для трехъ путешественниковъ слишкомъ незначительная; поневолѣ пришлось прибѣгнуть къ консервамъ, запасъ которыхъ мы приберегли для перевала.

Поутру погода была сѣренькая, и вокругъ колыхались лишь однѣ безформенныя волны тумана. Только изрѣдка порывъ вѣтра, сильно всколыхнувъ этотъ живой занавѣсъ, давалъ возможность,—не видѣть, нѣтъ, но какъ бы чувствовать вдали панораму величавыхъ горъ.

Нанявъ «вольныхъ», состоявшихъ изъ таратайки съ парюю клячь и одноконной арбы подъ вещи, всего за 4 р. 50 к., пустились мы въ путь, окутанные сыроватой утренней мглой. На 4-й верстѣ подъѣхали къ кручѣ, на днѣ которой мутно-графитнаго цвѣта бурлилъ и несся Терекъ.

Ардонское ущелье.

Только что подвалившій «огромный скрипучій» паромъ сплошь былъ занятъ стадомъ овецъ и козъ, необыкновенно пестрой окраски: тутъ были и черныя, и бѣлыя, и рыжія, и палевыя, и сѣрыя, и пѣгія; особенно же поражали козлы съ прямыми тонкими рогами, длиною съ добрыхъ поларшина.

Лишь только паромъ ударился о берегъ и была переброшена сходня, какъ вся эта разношерстная, но крайне дружная компанія подняла неистовый крикъ и поспѣшила выбраться на землю, очистивъ мѣсто нашимъ повозкамъ. Тутъ же вскопало еще нѣсколько человѣкъ пѣшихъ осетинъ въ коричневыхъ черкескахъ и широкополыхъ войлочныхъ шляпахъ. Они быстро о чемъ-то тараторили по-своему.

Паромъ двигался на двухъ толстѣйшихъ канатахъ; но такъ какъ течение Терека всегда очень бурно, то къ парому было пристроено еще огромное деревянное весло, исполнявшее должность руля. Перевозчикъ управлялъ имъ, сидя верхомъ на концѣ, причемъ то подскакивалъ, то опускался, какъ бы исполняя какую-то курьезную пляску.

За Терекомъ дорога, круто свернувъ, пошла по лѣвому берегу тутъ же впадавшаго Ардона, то приближаясь къ нему, то отдаляясь. Очевидно, рѣка много разъ мѣняла свое ложе, подмывая то одну, то другую сторону. Мѣстами въ этихъ старыхъ руслахъ, сплошь усѣянныхъ гладко обточенными камнями — «гальками», — вставали старыя, корявыя ветлы, то кучами, то въ одиночку. Направо и налево виднѣлись многочисленные стога сѣна. Хорошенькія, необычайно-пестрыя птички стаями перелетали по телеграфной проволоцѣ, тянувшейся по нашему пути линіи.

Туманъ опадалъ понемногу, и на 11-ой верстѣ показалась Ардонская станица, вся утопающая въ зелени.

Нашъ возница почему-то предпочелъ ѣхать какой-то «прямой», но далеко не лучшей дорогой; два раза, съ большимъ пополазовеніемъ вывалить, переѣзжалъ «старое русло» и наконецъ выбрался въ боковую улицу.

Маленькіе, глиной обмазанные домики станицы были покрыты частью соломой, частью черепицей. Подлѣ каждаго домика группировался цѣлый рядъ плетеныхъ хлѣвушковъ. Заборы и фундаменты хатъ сложены изъ большихъ галекъ, поставленныхъ на ребро въ наклонномъ положеніи и скрѣпленныхъ известью. Наклоны каждаго ряда идутъ, чередуясь, въ разныя стороны, а въ промежуткахъ влѣплены небольшія ярко-красныя кусочки кирпича. Эта комбинація составляетъ довольно красивую и оригинальную мозаику.

При вѣздѣ въ станицу расположены кирпичные заводы. Глина, свѣтло-краснаго цвѣта, копаются тутъ же, а кирпичъ изъ нея получается красновато-палевый. Обжигаютъ его соломой.

На вѣздѣ заложено нѣсколько известковыхъ ямъ для обжиганія извести, которая собирается въ арбы, разсѣянная кругомъ по степи въ видѣ большихъ галекъ.

По всей станицѣ проведены каналы съ проточной водой изъ Ардона. На одной изъ нихъ поставлено большое деревянное колесо съ широкими лопастьями; сила теченія настолько велика, что колесо это приводитъ въ движеніе довольно порядочную молотилку.

Дейкаускія постройки и Крію-Хохъ.

За станицей плоскость становится какъ-то ровнѣе и однообразнѣе, поражая, однако, могучей производительностью своей почвы. Покосныя мѣста по большей чачи покрыты ковылемъ и лисохвостомъ, превышающимъ человѣческій ростъ. Кое-гдѣ ихъ замѣняетъ не менѣе колоссальная и, конечно, самосѣйная тимофеевка и другіе злаки; подсѣдъ изъ густого бѣлаго клевера.

Несмотря на довольно позднее время—конецъ августа—вдоль дороги во весь развалъ, очевидно, вторично, цвѣли: бѣлая ромашка, голубой цикорій, дикія желтыя мальвы, величиною съ нашъ георгинъ, и цѣлымъ лѣсомъ вставали чернобыльникъ, жирная крапива, чертополохъ и лопушикъ

Среди этой грандіозной дикой растительности временами попадались оазисы культурныхъ растений—кукурузы и конопли; послѣдняя такой величины, что походила на деревца съ цѣлою кроною вѣтвей. Но правильныхъ полей, какія мы привыкли видѣть въ средней Россіи, тамъ, очевидно, не существуетъ. Всякій сѣтъ клоками, какъ и гдѣ придется.

Изрѣдка съ нами встрѣчались одноконныя арбы, нагруженные маленькими холщевыми мѣшечками—такъ руду съ заводовъ перевозятъ на станцію. Порой маячили стройные осетины въ буркахъ и бараньихъ папахъ верхомъ на сухопарыхъ коняхъ.

Возница нашъ, какой-то русскій, но подозрительный субъектъ, очевидно, самъ не слишкомъ довѣрялъ осетину, везшему наши вещи: онъ безпрестанно озирался и кричалъ ему то по-русски, то по-осетински, рекомендуя не отставать. Но тотъ, къ великому его негодованію, скрылся за коноплею и, наконецъ, вынырнувъ оттуда, маршъ-маршемъ обогналъ насъ, умудрившись, помимо изряднаго количества нашихъ вещей, посадить въ свою арбу еще трехъ осетинъ и одного барана.

Убѣдить этихъ людей въ томъ, что они попортятъ наши вещи, не было, конечно, никакой возможности, и слѣдствіемъ подобной поѣздки оказался изломаннымъ замокъ у одного изъ чемодановъ и пропавшая щетка изъ провіантской корзины.

III.

Хотя селеніе Алагиръ, или Уаладжиръ, какъ произносятъ осетины, стоитъ на 100 сажень выше Даргъ-Коха (2346 футовъ надъ уровнемъ моря) и у самаго подножья хребта, но издали никакого впечатлѣнія не производитъ, такъ какъ размѣщается на плоскости.

Единственно, что привлекаетъ вниманіе при вѣздѣ—это обширное кладбище съ красивыми надробными памятниками крайне своеобразной архитектуры.

Главная улица, прямая и довольно широкая, тянется среди заборовъ и домовъ, по большей части одноэтажныхъ и неврачныхъ, занятыхъ маленькими грязными лавчонками.

Каково же было наше удивленіе, когда возница осадилъ лошадей передъ приличнымъ двухъэтажнымъ каменнымъ домомъ и объявилъ, что это гостиница «Бель-Вю» (?!).

Мы поднялись по лѣстницѣ, устланной ковромъ, прошли коридорчикъ и очутились въ «общей залѣ» съ сервированнымъ столомъ

по серединѣ и стойкой къ сторонѣ. На столѣ красовались искусственныя пальмы и граммофонъ.

Занявъ два номера, высокихъ, чистыхъ, съ большими свѣтлыми окнами, пружинными кроватями и умывальниками, мы почувство-

Гробицы Сидмоновъ.

вали себя «совсѣмъ въ Европѣ». Хозяинъ и учредитель гостиницы, полный, юркій имеретинъ, былъ любезенъ и предупредителенъ до нельзя во все время нашего пребыванія, три раза накормилъ насъ отлично, между прочимъ, чудесными форелями, а на четвертый не утерпѣлъ и угостилъ отчаянно пахучимъ «мутономъ», попросту

старымъ козломъ со всѣми его специфическими особенностями и послѣдствіями, гибельными для непривычнаго желудка.

Надо вообще замѣтить, что имеретинцы, у которыхъ большая примѣсь еврейской крови, преимущественно заняли роль торговаго сословія среди всѣхъ многочисленныхъ народовъ Кавказа, тогда какъ чистокровные, такъ называемые, горскіе или воинствующіе евреи совершенно чужды меркантильнымъ стремленіямъ. Необычайно стройные и красивые, въ своихъ полосатыхъ хитонахъ и чалмахъ на головѣ, они воскрешаютъ библейскіе типы, особенно старики: это прямо-таки подлинныя образы древнихъ патріарховъ. Ихъ излюбленное занятіе скотоводство и садоводство, а по честности имъ слѣдуетъ отвести первенствующее мѣсто среди насельниковъ Кавказа.

Пока одинъ изъ нашей компаніи ходилъ разыскивать кого-либо изъ директоровъ Терскаго горно-промышленнаго общества, куда у насъ были рекомендательныя письма, я отправилась бродить по городу или селенію, какъ оно именуется официально.

Первое, что здѣсь производитъ впечатлѣніе,—это православная церковь, построенная изъ сѣраго тесаннаго камня въ стилѣ грузинскихъ церквей; обширный дворъ ея обнесенъ такой же каменной оградой съ многогранными башенками, имѣющими видъ бойницъ. Въ общемъ все сооруженіе напоминаетъ средневѣковую крѣпость. Построено оно русскимъ правительствомъ при устройствѣ руднаго завода, перваго на Кавказѣ, въ 1852 году.

Но всего любопытнѣе—это кладбище, находящееся при въѣздѣ въ селеніе, общее для магометанъ и христіанъ — «уаль марта», т. е. убѣжище мертвыхъ, по-осетински.

Нѣкоторыя гробницы его очень древнія (преимущественно магометанскія) и крайне оригинальнаго вида: онѣ устроены на манеръ маленькихъ, иногда сводомъ крытыхъ каменныхъ домиковъ (колумбаріевъ), иногда въ видѣ фигурнаго квадрата съ башенками по угламъ и оконцами въ стѣнахъ; мѣрою 5×3 аршина приблизительно. Сложены онѣ изъ камня, скрѣпленнаго известью, нѣкоторыя општукатурены и раскрашены яркими красками: красною, зеленою и коричневою. Переднюю сторону, обращенную къ востоку, вѣнчаетъ либо крестъ, либо магометанскій полумѣсяцъ. Такія гробницы принадлежатъ зажиточнымъ людямъ, но большинство состоитъ изъ холмиковъ, обложенныхъ валунами. Валуны вросли въ землю, покryлись мхомъ, раскатились въ разныя стороны. Кладбище ничѣмъ не огорожено, и на немъ привычно пасется скотъ, всюду, конечно, оставляя неизбѣжные слѣды своего пребыванія.

Мѣстами попадались деревянныя кресты съ рѣзными, такъ называемыми, «процвѣтшими» концами, а также мусульманскія тесанія восьмигранныя колонки, расширяющіяся въ вершинѣ.

Одинъ памятникъ особенно поразилъ меня своей оригинальностью: изъ цѣлаго дерева вытесанъ круглый столбъ, на немъ очень правильной формы шаръ, увѣнчанный верхушкой на манеръ шляпы гигантскаго гриба

Поворотъ отъ Садоны.

Часто встрѣчались высокіе, тесанные изъ камня столбы, къ вершинѣ скошенные въ видѣ плечъ и законченные плоскимъ дискомъ. Они производятъ впечатлѣніе каменныхъ бабъ. Такіе столбы иногда обложены кирпичомъ, краснымъ, иногда отштукатуреннымъ и ярко

раскрашеннымъ. На лицевой стороны вытесаны и тоже раскрашены разнообразнѣйшіе предметы домашняго обихода: конь, сѣдло, ружье, шашка, кинжалъ, газыри, наконецъ, часы и даже російская гармоника. Ножницы и гребешки составляютъ принадлежность женскихъ памятниковъ.

Подобныя сооруженія, «лицевые памятники», ставятся родственниками и друзьями покойныхъ не только надъ мѣстомъ погребенія, но преимущественно при дорогахъ «въ память» извѣстнаго усопшаго и отличаются крайне витѣватými надписями, напримѣръ (сохраняю орѳографію):

«Покоится прахъ души безцѣнной. Подъ сѣнью обители святой. Ударить часъ конецъ вселенной. И мы увидимся съ тобой. Миръ праху твоему незабвенный друхъ

Михаилъ».

Или:

«Миръ праху твоему незабвенная «Чаба» своею безпредѣльной добротой и гостепріимностью заслужившая всеобщее уваженіе».

Иногда надпись сдѣлана турецкими буквами.

Но всего болѣе поражаетъ цѣлый рядъ бѣлыхъ и красныхъ флажковъ, или, вѣриѣе, обрывковъ матеріи, прикрѣпленныхъ къ шесткамъ и воткнутыхъ подлѣ могилъ.

По объясненію мѣстныхъ жителей, эти флаги втыкаетъ побѣдитель въ скачкахъ, устраиваемыхъ въ память усопшаго, при чемъ въ видѣ призовъ раздаются разныя его вещи.

Состязатели обыкновенно собираются на плоскости и скачутъ въ горы до опредѣленнаго аула верстъ 20—30, нерѣдко на смерть загоняя лошадей. Ъзда происходитъ карьеромъ и рысью; шагомъ ѣхать не дозволяется.

V.

Директора Терскаго общества находились во Владикавказѣ и поневолѣ пришлось дожидаться ихъ прибытія до слѣдующаго дня. Погода совершенно не благопріятствовала какимъ бы то ни было осмотрамъ, а тѣмъ болѣе фотографическимъ съемкамъ, такъ какъ къ полдню собрался дождь, и поневолѣ пришлось довольствоваться разсказами словоохотливаго содержателя гостиницы, не лишенными интереса.

Климатъ Алагира очень сырой: рѣдкій день обходится безъ дождя; зато растительность здѣсь колоссальная, и фруктовые сады, несмотря на самую примитивную культуру, даютъ до 2000 рублей съ площади въ 2—3 десятины.

И, несмотря на такую благодать, собственно промышленныхъ садовъ здѣсь далеко не много и уже, конечно, вовсе не существуетъ ни фруктосушителей, ни консервированія, ни винодѣлія фруктоваго.

Алагирское ущелье: Батскія ворота.

Туть, какъ и вездѣ на Руси, нѣтъ инициативы, нѣтъ рукъ, нѣтъ желанія приложить и то и другое съ великой пользой для себя и для другихъ, а есть только одно тупое, стадное стремленье наше къ городу, къ центрамъ для увеличиванія потребительскаго пролетаріата, а затѣмъ вѣчнаго нытья о невозможной жизненной дороговизнѣ и непосильной борьбѣ за существованіе.

Въ горно-промышленномъ дѣлѣ, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ, если можно такъ выразиться, кустарныхъ компаній, работаютъ и конкурируютъ главнымъ образомъ двѣ крупныя: «Алагирское горнопромышленное и химическое общество»—бельгійское, арендующее прежніе казенные, такъ называемые «Садонскіе рудники», разработка которыхъ началась съ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Тогда же были построены инженеромъ Щастливцевымъ вышеописанная церковь, также изъ тесаннаго камня больница и заводъ на выѣздѣ изъ селенія Алагирь, обнесенный зубчатыми башнями съ бойницами. Заводъ этотъ теперь заколоченъ, какъ не отвѣчающій современнымъ требованіямъ техники, и имѣетъ видъ стараго заброшеннаго замка, а больница, находящаяся въ вѣдѣніи бельгійской компаніи, содержится въ отвратительномъ видѣ.

Другое общество—молодое—называется Терское горно-промышленное общество и состоитъ изъ русскихъ, хотя одного изъ директоровъ они пригласили изъ Германіи на колоссальный окладъ, считывая черезъ него обезпечить сбытъ руды за границу.

Господинъ Э. (къ счастью, теперь уже отстраненный) успѣшилъ, конечно, воспользоваться исконнымъ недугомъ славянскаго племени приглашать варяговъ изъ-за моря для устройства «домашнихъ дѣлъ», перебрался къ Алагирь въ сопровожденіи многочисленнаго семейства, члены коего тутъ же пристроились къ различнымъ «тепленькимъ мѣстечкамъ», продолжая при томъ успѣшно заниматься различными побочными дѣлами.

Такъ, одинъ изъ сыновей директора, окончившій штейгерскую школу въ Германіи, взялъ мѣсто штейгера въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ рудниковъ, гдѣ преимущественно занялся фотографированіемъ и топографированіемъ мѣстности. Затѣмъ, въ одинъ прекрасный день онъ уѣхалъ «nach Vaterland», а оттуда черезъ два мѣсяца вернулся, отбывъ воинскую повинность, офицеромъ германской службы: такъ быстро оцѣниваютъ нѣмцы труды своихъ патріотовъ и такъ неосмотрительно пускаютъ къ себѣ русскіе иностранныхъ шпионовъ.

Терское общество производитъ много развѣдокъ по всей Осетіи и приступило къ постройкѣ рудообогатительной фабрики въ Фоснальскомъ ущельи, примыкающемъ къ Урухскому.

Горнопромышленный округъ охватилъ довольно обширное пространство: почти все Ардонское ущелье вплоть до поста св. Николая (45 верстъ отъ Алагира), примыкающія къ нему слѣва Архонское и справа Садонское ущелья, затѣмъ перекинулся черезъ Згидскій переваль (въ верховьяхъ Садонскаго ущелья), черезъ Фосналь въ параллельное Ардонскому Урухское ущелье, гдѣ Терское общество особенно дѣятельно производитъ развѣдки и закладку штоленъ.

Это дѣлается слѣдующимъ образомъ: иногда штейгера командируются специально, а иногда и сами мѣстные жители дѣлаютъ

«заявку», т. е. доносятъ, что въ такой-то мѣстности есть несомнѣнные признаки руды; тогда общество наводитъ справки, кому принадлежитъ земля, вѣрнѣе гора. Если она составляетъ собственность какого-либо аула, то отчужденіе можетъ быть сдѣлано не иначе, какъ

Гробница Адама Мезокова.

по постановленію волостного схода. Обыкновенно за 25 десятинъ горъ общество отводитъ владѣльцамъ десятинъ 15 на плоскости, гдѣ земли скупаются компаніями для такого обмѣна до 140 руб. за десятину. Кромѣ того, на отчужденіе требуется высочайшее утвержденіе.

«Истор. вѣстн.», сентябрь, 1910 г., т. XXXI.

20

Обыкновенно осетинскія общества выговариваютъ себѣ преимущества рудныхъ работъ, доставки дровъ, вывозъ руды и проч.

Горные осетины очень бѣдны, у много нѣтъ даже рубашки подъ белметомъ; но бѣдность эта много зависитъ отъ прирожденной лѣни и вѣковыхъ традицій, воспитавшихъ въ нихъ воиновъ и абрековъ, которые досугъ свой, слишкомъ продолжительный въ наши дни, не привыкли употреблять на мирный трудъ.

Но зато послѣднее время замѣчается стремленіе осетинъ выселиться даже на плоскость, которая теперь становится кормилицей горныхъ жителей.

Когда мысленнымъ окомъ окинешь исторію этого племени, занимавшаго нѣкогда всю обширную территорію Предкавказья и въ теченіе многихъ вѣковъ вѣчно тѣснимаго и загоняемаго въ самыя неприступныя дебри горъ, гдѣ каждый стремился среди скалъ воздвигнуть себѣ надежное убѣжище—каменную башню съ тайникомъ къ ближнему потоку; гдѣ каждый аулъ и теперь еще краснорѣчиво повѣствуетъ о вѣчныхъ опасностяхъ, войнахъ и борьбѣ, — тотъ пойметъ, какой страшный переломъ долженъ совершиться во всей духовной и физической жизни этихъ людей, когда башни ихъ оказываются совершенно излишними, воинственныя стремленія и первобытный способъ пріобрѣтенія всего необходимаго грабежомъ и насилиемъ—караются закономъ!

Надо, однако, полагать, что осетины съ честью выйдутъ изъ этого положенія, такъ какъ среди нихъ замѣчается серьезное стремленіе къ образованію и тяготѣніе не только къ внѣшней, но и къ духовной культурѣ.

Къ русскимъ они относятся весьма дружелюбно, видя въ нихъ своихъ защитниковъ отъ дикихъ насильниковъ, какими ранѣе являлось разбойничье племя черкесовъ, а за упраздненіемъ сихъ послѣднихъ, послѣ ихъ выселенія въ Турцію, отъ ингушей, которые положительно не поддаются никакому цивилизирующему вліянію, признавая только разбойничій образъ жизни. Они до такой степени обижали и грабили своихъ сосѣдей-осетинъ, что одно время никто не рѣшался выпускать скотъ за черту Алагирскаго селенія—скотъ моментально исчезалъ. Наконецъ начальникъ Терской области распорядился поставить кордонную линію по границѣ съ ингушами, запретивъ имъ переходить ее. Кордону отданъ былъ строжайшій приказъ стрѣлять во всякаго, кто попытается пройти въ Осетию. Только такая мѣра успокоила мирное населеніе, и алагирскій скотъ свободно разгуливаетъ по окрестнымъ полямъ.

Осетины подраздѣляются на четыре группы: «алагирцы» по долинѣ р. Ардона и его притокамъ, въ ущельяхъ Садона и Фіасдона; «куртатинцы» по Гизельдону и лѣвому берегу Терека; «тагуарцы» и «дигорцы» въ Урухскомъ ущельѣ. Каждая группа имѣетъ свои бытовые особенности, и въ нарѣчьи слышится довольно рѣзкое различіе.

Осетины вообще высоки ростомъ и стройны. У нихъ большія круглыя головы съ нѣсколько низкимъ лбомъ. Темные волоса свои мужчины стригутъ очень коротко, а женщины заплетаютъ въ косы. Умные глаза отсвѣчиваютъ нѣкоторымъ лукавствомъ. Самыя открытыя, красивыя и пріятныя лица у дигорцевъ, составляющихъ наиболѣе чистую расу.

Женщины встрѣчаются либо молодыя, либо совершенно старухи. Искони вѣковъ всѣ тяготы домашняго хозяйства лежатъ на нихъ, отчего онѣ рано изнуряются и старѣются.

Одежда осетинъ—обычный костюмъ кавказцевъ: черкеска, темнаго, преимущественно коричневаго домашняго сукна, шаровары, кожаные чувяки, въ лучшемъ случаѣ шерстяные чулки, наговицы, т. е. кожаныя голенища, надѣваемые отдѣльно отъ чувяковъ, и ситцевый бешметъ или рубашка; на головѣ—весьма характерная, валеная изъ бѣлаго или сѣраго сукна широкополая, мягкая шляпа. Непремѣнную принадлежность костюма составляетъ кожаный поясъ, смотря по достатку украшенный серебромъ, и кинжалъ.

Женскій костюмъ, можно сказать, съ каждымъ днемъ теряетъ свой національный колоритъ. Рѣдко на комъ увидишь красивую осетинскую шапочку въ видѣ сильно усѣченнаго гречневика, унизанную серебряными монетами,—большинство повязываетъ голову платкомъ на манеръ нашихъ хохлушекъ, или даже по-великорусски. Самотканые платки въ видѣ продолговатыхъ чадръ тоже исчезаютъ, уступая мѣсто набивному ситцевому или шерстяному платку. Платья, хотя и шьются еще въ видѣ бешметовъ, но преимущественно изъ московскихъ ситцевъ. Только обшивки по вырѣзу бешмета, состоящія изъ различныхъ металлическихъ пластинокъ и привѣсокъ, да пояса попадаются еще старинные. Дѣтишки ходятъ обыкновенно очень рваныя и нерѣдко безъ всякаго признака одежды.

V.

На слѣдующее утро снова шелъ дождикъ. Тѣмъ не менѣе, грязная площадь передъ гостиницей «Бель-Вю» была наполнена народомъ по случаю базарнаго дня. Гвалтъ стоялъ невообразимый; маячили всадники на небольшихъ поджарыхъ лошадкахъ; ревѣли милѣйшіе ослики—это безропотное животное, чуть ли не рождающееся и безусловно умирающее съ вьюкомъ на спинѣ (вьючное сѣдло съ осла снимается очень рѣдко), довольствующееся самымъ неприхотливымъ кормомъ и въ награду получающее одни лишь палочные удары; скрипѣли огромныя парныя плоскостныя арбы, запряженныя волами или бурыми буйволами; сновали одноконныя горныя арбы...

А знаете ли вы, что это за экипажъ? О! это нѣчто совершенно особенное и неподражаемое! Во-первыхъ, два огромнѣйшихъ колеса

на толстѣйшей деревянной оси; отъ оси идутъ двѣ квадратныя оглобли неизмѣримои толщины, немного стесанныя къ хомуту. Затѣмъ на все это сооруженіе пристраивается длинный, иногда досчатый, иногда плетеный ящикъ, въ который влѣзть можно только спереди по оглоблѣ или сзади, обладая при томъ обязательно эквилибристическимъ талантомъ. Упряжь состоитъ изъ хомута, крайне удобнаго, такъ какъ онъ стягивается супонью не только внизу, но и вверху, а потому всегда можетъ быть перевязанъ по любой лошади. Ходъ такой повозки очень широкій; дуга вовсе не употребляется, и оглобли прямо притягиваются къ хомуту. Шлею замѣняетъ одинъ подхвостникъ; деревянныя сѣделки съ очень высокими рожками удерживаетъ черезсѣдельникъ. Такую арбу нужно грузить умѣючи и если тяжесть помѣститъ назадъ, то можно перекинуть лошадь. Вотъ почему при нагрузкѣ досокъ, бревенъ и проч. все наваливается какъ можно ближе къ переду, на самыя оглобли, такъ что отъ лошади бываютъ видны лишь голова да ноги.

Горные осетины мало что могутъ продавать на базарѣ: масло, козій сыръ, барашковъ, шерсть, шкуры убитыхъ животныхъ: кабановъ, туровъ, косулей, иногда медвѣдей. Зато покупать имъ приходится рѣшительно все, начиная съ хлѣба насущнаго, такъ какъ крохотные клочки пашни, засѣянные ячменемъ и картофелемъ, отвоеванныя путемъ страшныхъ усилій у горъ, не въ силахъ прокормить своихъ обладателей, а кукуруза, главная ихъ пища, растетъ только на плоскости. Цѣнность ея отъ 20 до 40 копеекъ пудъ. Въ мѣрѣ 1 п. 18 ф. На суточный прокормъ лошади требуется 20 фунтовъ. Сѣна лошадямъ даютъ очень мало, такъ какъ и его нужно доставать съ плоскости. Овса здѣсь совсѣмъ не сѣютъ: онъ получается изъ Владикавказа по 30—45 коп. пудъ. Пшеницу на плоскости сѣютъ только казаки. Изъ нея осетины пекутъ прѣсный хлѣбъ въ видѣ огромныхъ тонкихъ лепешекъ, весьма недурной, называемый «лдвашь», а изъ кукурузы крайне тяжелыя плоскія лепешки—«чурекъ», которыя на второй день становятся почти совершенно несъѣдобными. Цѣна бѣлому хлѣбу 4 копейки фунтъ. О черномъ и ситномъ хлѣбѣ понятія совсѣмъ не имѣютъ.

Главную пищу осетинъ составляютъ баранина и козій сыръ, такъ какъ стада овецъ и козъ держатся рѣшительно во всѣхъ аулахъ. Цѣна маленькому барашку отъ 30 копеекъ и большому до 3 рублей. Цѣна вола колеблется отъ 30 до 40 рублей; осла 5—8 рублей. Кадра (помѣсь лошади съ осломъ—животное очень выносливое и незамѣнимое въ горахъ) 20—50 рублей. Простой лошади 50—60 рублей. Кровной кабардинки отъ 70 до 250 рублей.

Изъ всѣхъ животныхъ наибольшимъ вниманіемъ и любовью осетина пользуется лошадь, за которой полагается хорошій уходъ, особенно при выѣздѣ молодыхъ. Съ трехлѣтняго возраста ихъ тренируютъ ежедневно подъ сѣдломъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ,

но такъ, чтобы кожа не нагрѣвалась. Начинаютъ съ шага и постепенно прибавляютъ разстояніе и скорость. Такимъ образомъ, лошадь становится выносливой и не потливой; если же ее сразу пустить въ ѣзду, то она слабѣетъ. Послѣ ѣзды лошади 3—5 часовъ не даютъ никакого корма.

Нѣкоторые зажиточные осетины занимаются эксплуатаціей казенныхъ лѣсовъ, такъ какъ частновладѣльческіе давно вырублены, да и казенные вскорѣ постигнутъ та же участь, конечно; къ великому несчастью будущихъ поколѣній...

Нузальская церковь.

«И кто это только зѣбдаетъ казенные лѣса, — вспомнилось мнѣ, какъ говорилъ одинъ бѣлорусскій крестьянинъ и тотчасъ добавилъ со вздохомъ: «должно, само начальство».

И тутъ, какъ и по всей Руси, ихъ «зѣбдаютъ» съ большимъ аппетитомъ. Лѣсные дѣлянки продаются съ торговъ, и покупателемъ прежде всѣхъ, конечно, является юркій имеретинъ, а осетинамъ достается только перекушка да извозъ. Лѣсъ, преимущественно буковый, продается участками въ 70 деревьевъ и еще почему-то 9 на придачу

по 60 рублей участокъ. Скупщики выручаютъ до 180 рублей съ такого участка.

Скотоводство въ Осетіи находится въ самомъ примитивномъ состояніи. Только въ самомъ Алагирѣ начинаетъ развиваться свиноводство, которое очень доходно. Мѣстная свинья не превышаетъ въ откормѣ 3—4 пудовъ, но іоркширы отлично откармливаются кукурузой до 10—12 пудовъ. Свинина стоитъ на мѣстѣ 6 коп. ф., сало 16—18 коп. И то и другое очень охотно закупается въ Закаспійскій край. Средняя цѣна 4 рубля пудъ, а колбасами и окороками до 6 рублей пудъ. При дешевизнѣ откорма свиноводство даетъ здѣсь отличный барышъ.

Горные осетины теперь стали арендовать землю на плоскости для посѣва кукурузы по 15—20 рублей за пересѣвъ десятины. Для сѣва и уборки они забираются туда всей семьей, а потомъ урожай увозятъ въ горы. Но такъ какъ дороги до ауловъ не вездѣ даже аробныя, то мѣстами въ горахъ устроены склады кукурузы, которая хранится въ особыхъ огромныхъ плетеныхъ корзинахъ 6 аршинъ длины, 3 аршина ширины и 1½ высоты, называемыхъ «сапетками». Отсюда кукуруза грузится вьюкомъ на лошадей или ишаковъ (ословъ, и такъ доставляется до мѣста.

VI.

Походъ къ директору Терскаго общества А. А. Колли оказался очень удачнымъ. Съ величайшей любезностью снабдилъ онъ насъ не только письмами къ садонскимъ штейгерамъ, но познакомилъ и прикомандировалъ къ намъ милѣйшаго молодого человѣка, сына покойнаго инженера Щастливцева, строителя стараго завода, который, какъ мѣстный житель, зналъ всѣхъ и вся и состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ рѣшительно со всѣми—такова отличительная черта характера этого полуевропейца-полуазіата, такъ какъ мать его была природная осетинка, чуть ли не «умыкнутая» изъ дикаго горнаго аула его отцомъ. Онъ болталъ безъ умолку то по-русски, то по-осетински, и очень былъ доволенъ проскакать въ веселомъ обществѣ лишній разъ въ родныя горы.

Мало того, г. Колли предоставилъ намъ своихъ верховыхъ лошадей съ прекрасными казацкими сѣдлами, такъ что намъ оставалось только нанять лошадь подъ вещи и взять проводника, вѣрнѣе, служителя, который ихъ убиралъ бы и кормилъ.

Мѣстный подрядчикъ, уже нѣсколько цивилизованный осетинъ «Татарканъ», или, по-русски, Ѳедоръ Бесоловъ, предоставилъ намъ вьючную лошадь и коннаго провожатаго; имѣя же самъ какія-то дѣла въ горахъ, тоже примкнулъ къ нашей кавалькадѣ.

Чемоданы втиснули въ «хуржины»—переметные мѣшки изъ толстой ковровой матеріи—водрузили ихъ на спину вьючной лошади, и мы тронулись въ горныя дебри.

Цейское ущелье.

Дорога, шоссированная вплоть до Садона—главнаго руднаго центра—шла лѣвымъ берегомъ Ардона по дну широкаго ущелья, мимо стараго, заколоченнаго и заброшеннаго теперь завода. Грустно и мрачно глядѣлъ онъ на насъ своими зубчатыми широковерхими башнями, когда-то наводившими страхъ на «немирныхъ» осетинъ...

По сѣроватымъ галькамъ широкоразливно струился Ардонъ. Ложе горныхъ рѣкъ, сплошь усыпанное камнями наподобіе мостовой, всегда очень обширно, особенно въ устьяхъ ущелій, и водный потокъ занимаетъ въ нихъ ту ширину, какая соотвѣтствуетъ подачѣ воды съ вершинъ. При ливнѣ или спускѣ и таянші ледниковъ потокъ, главнымъ образомъ, разливается въ ширину и мало сравнительно растеть въ глубину, не то, что наши равнинныя рѣки.

Струи Ардона цвѣта дымчатого топаза. Надо замѣтить, что всякая кавказская рѣка имѣетъ рѣзко-характерный колоритъ своей воды. Но всѣхъ ихъ, даже бѣлопѣннаго красавца Ріона, превосходить Арагва, и кто хотя однажды видѣлъ ея опалово-аквамариныя струи, тотъ ихъ не забудетъ вовекъ.

Шоссе здѣсь нѣсколько уже, но напоминаетъ военно-грузинское—это чудо-постройку чудо-богатырей...

Долгое время наподобіе бульвара сопутствовали намъ по нему старыя могучія ветлы и черныя ольхи, увитыя ползучими растеніями; но наконецъ онѣ уступили мѣсто сѣроватымъ, такъ называемымъ «нептуническимъ» скаламъ осадочныхъ породъ, кряжами подступавшимъ къ самой дорогѣ. Въ одномъ изъ нихъ мы увидѣли обширную, неправильной формы пещеру, перегородженную плетнемъ.

— Это свиной «кутанъ». Сюда пастухи загоняютъ на почъ свиней, которыхъ насутъ по дубовымъ лѣсамъ. А раньше въ ней проживалъ преогромный медвѣдь,—пояснили наши спутники.

Но вотъ справа примкнуло широкое ущелье «Томисекъ» съ рѣкою «Ныхазъ», которую мы переѣхали вбродъ.

Слѣва виднѣлся аулъ «Бирагзанъ», т. е. «Волчье мѣсто», переселившійся недавно съ вершинъ книзу, такъ какъ забираться въ мѣста неприступныя теперь, кромѣ неудобства, никакихъ преимуществъ не представляетъ.

Надъ нами висѣли колеблющіеся сѣрые туманы, скрывавшіе отъ насъ всю панораму горъ. Вокругъ царила мертвая тишина, и только слѣва, въ глубинѣ русла шумѣлъ Ардонъ. Воздухъ былъ пронизанъ сыростью. По шоссе пестрѣли лужи.

— Такъ все и будетъ до аула Бизъ: вѣчно ѣдешь по грязи, а тамъ пыль и солнце,—говорилъ Щастливцевъ, или, какъ его всѣ попросту называли, Юркó.

На 12-й верстѣ насъ поразилъ знакомый сѣрный запахъ. Въ углубленіи подъ скалою стояло маленькое голубовато-отливчатое сѣрное озерко, въ миниатюрѣ напоминающее озеро пятигорскаго провала: тонкій ручеекъ, пересѣкая шоссе, вился изъ него въ низину Ардона. Тамъ онъ разливался нѣсколькими рукавами, образуя изумрудно-радужный отстой между горами прирѣчныхъ галекъ, и вся ихъ площадь съ высоты дороги представлялась гигантскимъ пестро-тканымъ восточнымъ ковромъ.

Дорога шла въ крутой подъемъ. Но вотъ туманъ дѣйствительно точно порвался, опалъ книзу, поднялся вверхъ, и нашимъ глазамъ, высоко на скалѣ, открылся аулъ Бизъ. Невольно вспомнился стихъ Лермонтова:

Въ скалѣ нарублены ступени,
Онѣ отъ башни угловой
Ведутъ къ рѣкѣ. По нимъ мелькая,
Покрыта бѣлою чадрой,
Княжна Тамара молодая
Къ Арагвѣ ходить за водой....

И точно, изъ аула спускалось нѣсколько женщинъ, хотя не столь прекрасныхъ, какъ Тамара, но тоже съ кувшинами, за водой къ Ардону. Въ аулѣ нѣтъ источника, и жителямъ, вѣрнѣе женщинамъ, приходится запасать ее, нанашивая на своихъ раменахъ.

Предсказаніе нашихъ спутниковъ сбылось въ точности: шоссе было покрыто пылью, и насъ заливало жгучее кавказское солнце.

Побочъ тянулись такъ называемыя «Лѣсистыя горы», покрытыя когда-то могучей растительностью. Но теперь по нимъ виднѣлись одни лѣсосѣки да молодая поросль: то были нѣкогда казенные лѣса.

По ту сторону Ардона виднѣлась «Старая дорога», разрушенная обвалами и подмывами, съ такъ называемыми «Старыми воротами»

На 17-й верстѣ насъ сразу охватилъ леденящій холодъ. Это мѣсто, постоянно открытое ледниковымъ вѣтрамъ, носитъ названье Ихакъ-Кхомъ — холодное ущелье, именуемое отъ Алагира до него Уаладжири-Кхомъ, а далѣе теперь къ Садону — Даго-Кхомъ. Отсюда слѣва идетъ переваль въ ущелье Куртатинское.

Лѣсистыя горы смѣнили голыя шиферныя скалы, тѣснящія Ардонъ своими ребристо-наклонными, вывѣтрившимися боками. Мѣстами по нимъ цѣплялись кустарники, окрашенные осенью во все цвѣта радуги и сплошь увитые цѣпкимъ хмелемъ. Тонкой струйкой съ головокругительной высоты сливались водопады.

Дальше высились уже громадныя массивы изверженныхъ породъ, преимущественно базальтовъ и порфировъ. По нимъ встрѣчались гладко отшлифованныя площадки, съ глубокими продольными шрамами. То мать-природа начертала рукою мощныхъ ледниковъ, когда-то здѣсь сползавшихъ, рядъ вѣковѣчныхъ іероглифовъ, какіе съ жадностью читаетъ пытливый умъ чловѣка и проникаетъ въ глубь минувшихъ тысячелѣтій...

А высоко въ вершинахъ скалъ тихонько плыли сизые туманы. Но легкой поворотъ... и нашимъ взорамъ открылась дивная картина: туманы вдругъ изъ сизыхъ обратились въ кобальто-синіе: они какъ будто нѣжились у скалъ, тянулись ввысь, потомъ свивались клубами, играя чудными оттѣнками цвѣтовъ отъ темно-синяго до

свѣтло-голубого. Но если бы художникъ вздумалъ тѣ цвѣта намъ передать на полотнѣ картины, то всѣ его тотчасъ обвинили бы въ декадентствѣ, въ желаніи блеснуть несуществующимъ эффектомъ.

Опять мгновенье, и дивная панорама исчезла безъ слѣда...

Ущелье стало шире, будто скалы разступились по сторонамъ, очистивъ мѣсто низкимъ плоскогорьямъ, тянувшимсяhalb отъ Ардона. По нимъ виднѣлись даже клочки воздѣланныхъ полей, а среди нихъ живописно раскинулось обширное селенье «Уналь», съ круглыми каменными башнями и плоскокрыхими саклями, издали представляющими видъ почернѣвшаго пчелинаго сота. А кругомъ нихъ тянулись однѣ пустынные скалы, уступъ за уступомъ какъ будто стремились въ небесную высь.

Вскорѣ подѣхали мы къ земской станціи «Гулакъ» на 24-й верстѣ съ неизбѣжнымъ при ней духаномъ, возлѣ котораго, на самой проѣзжей дорогѣ, содержатель его, конечно, имеретинъ, жарилъ «шашлыкъ по-татарски», т. е. въ растопленномъ бараньемъ салѣ, распространяя пестерпимую вонь.

Тутъ намъ пришлось остановиться на довольно продолжительное время, такъ какъ у Татаркана были дѣла по постройкѣ деревяннаго временнаго моста черезъ Ардонъ, возводимаго бельгійцами къ близлежащему селенію Дейкау, гдѣ у нихъ тоже были рудныя разработки.

Съ обширной дейкауской поляны открывались чудесные виды во всѣ стороны. Сзади, окутанная густыми тучами, выглядывала оригинальная вершина «Крію-Хоха», получившая названіе отъ легендарнаго «нарта» (богатыря) Крію.

Слѣва, разумѣя по направленію нашего пути, примыкало красивое Архонское ущелье, виднѣлись селенія: Луаръ, Ксуртъ, еще выше Саххакеть, Архонъ. Мѣстность здѣсь вообще очень густо населенная.

Пока мы закусывали, милѣйшій Юркò болталъ безъ умолку и сообщил много интереснаго, относящагося преимущественно къ мифологіи осетинъ.

Исповѣдуя официально либо христіанскую, либо магометанскую религію, они, въ сущности, до сихъ поръ на половину язычники и крѣпко чтутъ свои языческія капища, которымъ только иногда присваиваютъ христіанскія имена.

По Архонскому ущелью особенно много такихъ «дзуаровъ». «Дзуаръ» по-осетински, собственно, означаетъ «духъ». Такъ, между Дейкау и Архономъ есть святое мѣсто «Дзуаръ-Санибà», гдѣ совершается праздникъ, по-осетински «Куфтъ», въ теченіе двухъ недѣль около половины сентября. Тамъ воздвигнута бѣлокаменная часовенка, а подлѣ нея растетъ огромный священный ясенъ и виситъ колоколь, принесенный въ даръ святому мѣсту мусульманами, которые, согласно обѣту, доставили его туда, зарѣзали быка и

справили «куфть». Преданіе также гласить, что на томъ мѣстѣ росъ когда-то могучій, драгоцѣнный лѣсъ, но владѣлецъ его позарился на деревянную кружку, куда клались приношенія дзуару, и молнія тотчасъ спалила лѣсъ до тла и все имущество владѣльца. Съ тѣхъ

Святыице Рекомъ.

поръ на томъ холму не растеть ни куста, ни дерева, кромѣ священнаго ясеня.

Еще выше по ущелью находится каменный престоль «Аларди-Кувандонъ». «Аларди»—пѣчто въ родѣ оспеннаго духа, которому,

если не принести жертвы, т. е. барана, то непременно умрешь отъ осны.

Тутъ есть еще святилище «Мкхаль-Габрити», т. е. архангела Гавріила, и «Уастирджи-Кувандонъ», т. е. престоль св. Георгія, который, какъ конный небесный воинъ, пришелся особенно по духу осетинамъ-джигитамъ и потому читается рѣшительно во всей Осетин, наравнѣ съ грознымъ громовникомъ «Уацилла», т. е. Ильей.

Всѣ эти рассказы такъ меня подзадорили, что я рѣшила использовать нашу стоянку и добраться хотя до одного изъ такихъ святилищъ. Забравъ съ собой нашего проводника и тѣлохранителя, всегда вооруженнаго ружьемъ, револьверомъ и кинжаломъ, длиной съ добрыхъ три четверти аршина, отправилась я въ путь. Спутники же мои, одинъ докторъ, другой минералогъ, предпочли вмѣстѣ съ Юркѣ отправиться по штольнямъ и руднымъ разработкамъ.

Переправившись вбродъ черезъ Ардонъ, мы очутились на ровной полянкѣ, омываемой съ одной стороны пѣнистымъ Архономъ, съ другой—защищенной неприступной отвѣсной скалой «Барзагъ-Дагъ», въ которой на высотѣ 10—15 сажень были замѣтны остатки древнихъ сооружений. Въ глубокой давности здѣсь жили князья Сидомоны и Эристовы. Первые вымерли, а вторые переселились въ Грузію, по всей вѣроятности, въ XIV вѣкѣ, когда Осетія подпала подъ владычество турокъ. Но гробницы ихъ, въ видѣ широкихъ долменовъ, сложенныхъ изъ плитняка на извести, сохранились внизу на площадкѣ довольно хорошо.

Заглянувъ въ отверстие, находящееся въ передней высокой стѣнѣ каждой гробницы, куда, по осетинскому обычаю, вталкиваютъ доску съ мертвецомъ, который благополучно сваливается на ранѣ сброшенныхъ покойниковъ въ небольшой внутренней склепъ, мнѣ удалось разсмотрѣть хорошо сохранившіеся тамъ костяки и обрывки истлѣвшихъ одеждъ, немилосердно растаскиваемыхъ по всей полянѣ бродячими собаками. Въ одной изъ гробницъ, среди человѣческихъ костяковъ, лежалъ конскій черепъ, а въ другой виднѣлся небольшой раскрашенный продолговатый ящичекъ—дѣтская люлька, какъ мнѣ пояснилъ Дзахи.

Въ глубинѣ поляны, за широкими гробницами виднѣлись другія, продолговато-конической формы. Эти были еще болѣе древни, такъ какъ сложены безъ извести, такъ называемой сухой кладки. Многія сильно развалились и видѣть ихъ содержимое не представлялось возможности, но подлѣ нихъ я нашла громадный, очевидно, буйволоный зубъ. Однако Дзахи клялся мнѣ всѣми осетинскими дзуарами, что это зубъ «нарта».

Осетины до сихъ поръ крѣпко вѣруютъ въ преданія о «нартахъ»—древнихъ богатыряхъ-великанахъ, совершавшихъ великіе, преимущественно охотничьи подвиги. О нихъ рассказываются сказки, поются пѣсни.

Остальная часть дейкаускаго уаль-марта представляла уже новѣйшія погребенія въ формѣ могилъ, обложенныхъ камнями.

Покинувъ мѣсто вѣчнаго упокоенія, стали мы подниматься по крутой тропинкѣ вверхъ къ Архону. Внизу, рѣзваясь, игралъ потокъ.

Морена.

Медленно уплывала отъ насъ панорама низовыхъ селеній и бельгійскихъ заводскихъ построекъ европейскаго типа.

Зато впереди открывалась широкая, изумрудно-зеленая долина, постепенно уходящая въ небесную высь. И если бы потребовалось реально выразить христіанское представленіе о райской дорогѣ

въ горнія селенія, то слѣдовало бы именно изобразить Архонское ущелье.

Только вершины его, гдѣ такъ хотѣлось видѣть бѣлоснѣжные выси, залитыя лучезарнымъ солнечнымъ свѣтомъ, были теперь скрыты отъ глазъ, окутанныя клубами дымныхъ тумановъ. Серебристой извилиной вился оттуда Архонъ-донъ; по зеленымъ скатамъ пестрѣли пятна воздѣланныхъ полей; крохотными черными точками бродили стада; на шатровомъ холмѣ бѣлѣлъ Дзуаръ-Санибà, осѣненный могучимъ деревомъ.

А возлѣ нашей тропы слѣва высились мощные утесы, испещренные отверстіями штолень.

Но чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ ниже спускались туманы, нагоняя какую-то жуть. Казалось, что само небо легло на горнія вершины и по нимъ сползаетъ все ниже и ниже, какъ бы готовясь придавить всѣхъ на землѣ.

Лошади едва лѣзли по плитняковымъ ступенямъ тропинки.

Посмотрѣвъ на часы, пришлось сознаться, что достигнуть Дзуаръ-Санибà можно было бы только къ вечеру, да и то вступивъ въ область тумановъ, а потому, повернувъ лошадей, стали мы спускаться обратно: теперь онѣ буквально ползли на задахъ.

Надо вообще удивляться умѣнью и уму осетинской лошади, которая сперва, напимѣръ, попробуетъ ногой какой-либо невѣрный камень и потомъ уже, убѣдившись въ его прочности, ступить на него всею тяжестью. И такъ мы благополучно съѣхали внизъ.

Спутники мои давно уже ожидали меня, и мы поспѣшно двинулись къ Садону, до котораго оставалось еще версть восемь.

Въ то время, какъ туманы спускались и гнались за нами по Архонскому ущелью, Ардонское совершенно очистилось отъ нихъ, и, ярко сверкая въ лучахъ склоняющагося солнца, стоялъ вдали, точно вычеканенный, красавецъ Крїю-Хохъ.

День быстро угасалъ. По ущелью тянулись длинныя тѣни, ступаясь тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе сдвигались скалы. Только вершины ихъ стояли, будто облитыя золотомъ. Справа мелькнуло селеніе Ноккау, т. е. Новая Деревня, излюбленное названіе, встрѣчающееся рѣшительно во всѣхъ ущельяхъ, точно такъ же, какъ и по нашей великорусской равнинѣ.

Тѣма становилась все гуще... Вдругъ яркій свѣтъ ослѣпилъ наши глаза: на поворотѣ передъ нами сверкалъ электрической фонарь. Странно было видѣть это послѣднее слово современной техники, освѣщающее своимъ искусственнымъ свѣтомъ дикія, мрачныя скалы.

Мы миновали нѣсколько строекъ, груды разнаго матеріала, принадлежащія бельгійцамъ, свернули въ узкое темное Садонское ущелье и уже совсѣмъ къ ночи добрались до конторы Алагирской компаніи, гдѣ насъ приняли очень радушно и съ большой готовностью отвели намъ ночлегъ.

VII.

Согласно нашего маршрута предполагалось проѣхать всей Военно-Осетинской дорогой и через перевалъ на Они вплоть до Кутанса, но, кромѣ того, побывать на Цейскомъ ледникѣ, т. е. свернуть вправо отъ урочища св. Николая, отстоящаго отъ Садона верстахъ въ 12-ти.

Штейгера уговорили насъ совершить эту поѣздку особо изъ Садона, осмотрѣть затѣмъ рудники и бельгійскую рудообогатительную фабрику, гдѣ очень много интереснаго, и тогда уже двигаться дальше по намѣченному пути, а потому, забравъ провіанта на одинъ день, въ сопровожденіи Юрка и Татаркана отправились мы къ Цею.

Вся дорога отъ рудныхъ построекъ по Садонскому ущелью до поворота къ Ардонскому представляла нѣчто совершенно безформенное, какія-то груды навороченныхъ камней, досокъ, бревень, разнаго хлама. Оказывается, что на-дняхъ въ верховьяхъ прошелъ грозовый ливень, обратившій небольшой сравнительно Садонъ-донъ въ дико ревущій, всеокрушающій потокъ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ уничтожившій плоды долгихъ, упорныхъ трудовъ человѣка, прекрасную шоссеиную дорогу и мосты.

Навстрѣчу намъ то и дѣло попадались милѣйшіе ослики: изогнувшись подъ непосильной тяжестью, торопливо семенили они маленькими, точно точеными ножками, постукивали крѣпкими копытками по камнямъ.

Выбравшись на Ардонскую дорогу, пустили мы лошадей полнымъ ходомъ, а Юрко съ Татарканомъ, конечно, не преминули устроить состязательную скачку.

Дорога перешла на противоположный берегъ Ардона, и предъ нами предстали знаменитыя Батскія ворота, долженствовавшія въ былыя времена замыкать отъ наѣздовъ горныхъ разбойниковъ Ардонское ущелье и его рудники. Они построены мастерами-греками, изъ коихъ пять человѣкъ погибли во время работъ подъ обвалившейся скалою. Въ память ихъ здѣсь неоднократно ставились иконы, но онѣ, будто бы, всегда исчезали неизвѣстно куда.

Осетины вообще относятся къ этому мѣсту съ суевѣрнымъ страхомъ.

Далѣе къ Нузалу ущелье носитъ названіе Батскаго: оно мрачно и довольно узко. Даже теченіе Ардона, стѣпеннаго берегами въ этомъ мѣстѣ, болѣе стремительно и сердито.

Подѣзжая къ Нузалу—одному изъ древнѣйшихъ осетинскихъ селеній,—мы первымъ долгомъ миновали живописное уэль-мартà, со множествомъ типичнѣйшихъ и разнообразныхъ гробницъ, между которыми особенно выдѣлялась ярко расписанная по штукатуркѣ гробница знаменитаго мѣстнаго охотника Адама Мезокова, погибшаго въ горахъ жертвой своей отваги.

Тутъ же, при въѣздѣ, находилась контора бельгійскаго общества, такъ какъ и здѣсь у нихъ имѣлись рудныя разработки; подлѣ нея стояли арбы, нагруженныя бревнами.

По срединѣ селенія была небольшая площадь, такъ называемое «общественное мѣсто», по-осетински «шуби». Надо замѣтить, что нузальскіе старики пользуются особымъ, исконнымъ почетомъ среди окрестныхъ жителей, которые часто прибѣгаютъ къ ихъ совѣту и рѣшенію въ своихъ дѣлахъ и спорахъ.

Посреди этой площадки высилась на первый взглядъ обыкновенная коническая гробница, только бѣльшихъ размѣровъ. Сухая кладка плитняка и стрѣльчатый верхъ, поросшій мхомъ и травами, свидѣтельствовали о ея чрезвычайной древности.

— Да это же старая нузальская церковь, — пояснилъ Юркò.

При такомъ заявленіи мы, конечно, рѣшились сдѣлать привалъ и осмотрѣть эту достопримѣчательность.

По преданію, она построена въ достославное царствованіе грузинской царицы св. Нины, т. е. въ XII вѣкѣ, братьями Цераздановыми во имя Бога-Сына и Богоматери Млекопитательницы.

Церковь внутри вся расписана фресками, изображающими святыхъ и князей въ ихъ красивыхъ національныхъ костюмахъ. Междъ ними пять родоначальниковъ осетинскаго племени: Осса Багатуръ, Сидомонъ, Архону, Бату и Царацону. Многія фрески сильно попорчены временемъ, и часть ихъ закрыта новѣйшимъ, слишкомъ высоко поднятымъ досчатымъ поломъ.

Иконостасъ въ этой крохотной церковкѣ тоже новѣй, деревянный, съ современной живописью, вовсе не гармонирующей съ фресками. А гдѣ древній иконостасъ? Конечно, Богъ вѣсть. По всей вѣроятности, тамъ же, гдѣ находятся всѣ древнѣйшіе грузинскіе манускрипты и богослужебныя книги, какія, даже на памяти мѣстныхъ стариковъ, находились въ старыхъ нузальскихъ криптахъ, остатки коихъ еще теперь видны въ скалѣ, нависшей надъ самымъ селеніемъ.

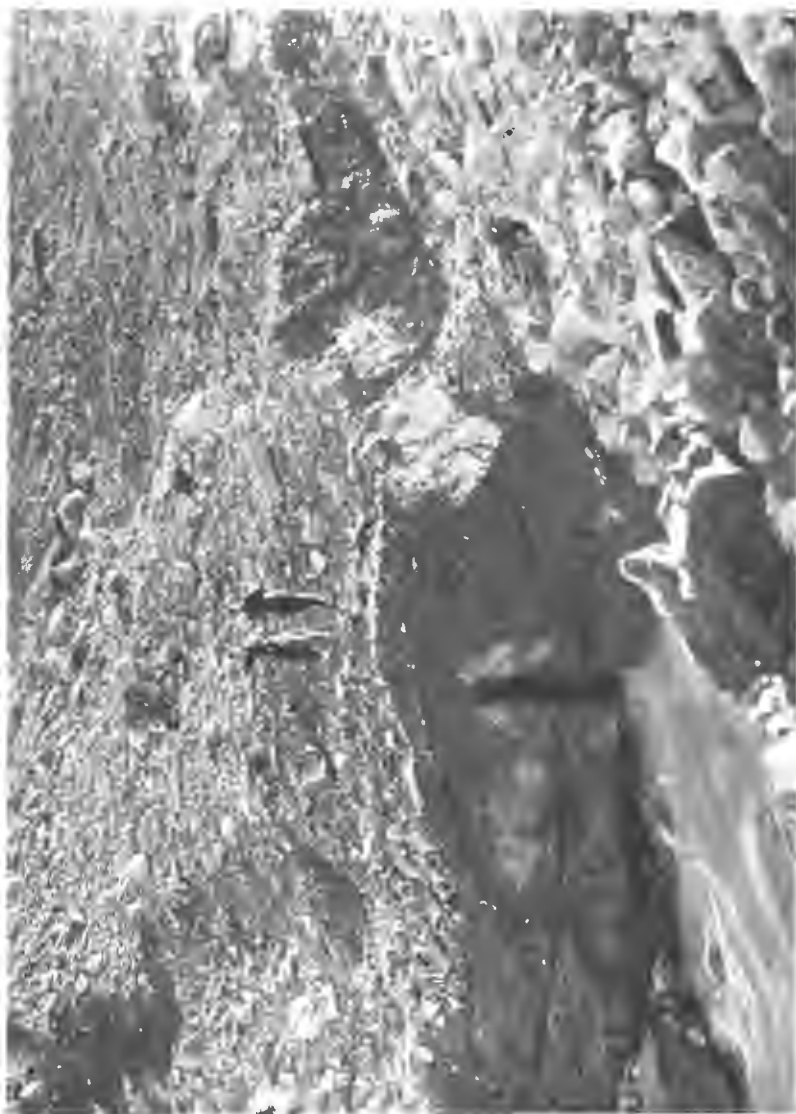
Попросту, говорятъ, всѣ древности были выкрадены иностранцами, тѣми самыми бельгійцами и нѣмцами, которыхъ мы такъ охотно къ себѣ приваживаемъ, и проданы за границу.

Въ этой угрюмой скалѣ, въ которую никогда не проникаетъ, лучъ солнца, жилъ, по преданію, полумифическій осетинскій герой Осса Багатуръ. Потому тутъ былъ монастырь. Въ скалѣ есть много тайниковъ и ходовъ, а въ нихъ, конечно, несмѣтныя сокровища, которыя теперь засыпаны и проникнуть къ нимъ невозможно...

И, слава Богу, если это такъ: по крайней мѣрѣ не все растащутъ иностранцы, и мы, надо надѣяться, со временемъ тоже помнѣемъ.

Осматривая древности, пришлось натолкнуться на крайне оригинальное зрѣлище: передъ одной изъ плоскокровныхъ саклей

происходила молотба; вокругъ столба, вкопаннаго посреди, гонялись, связанные вмѣстѣ: осленокъ, теленокъ, жеребенокъ, вошь и лошадь, отаптывавшіе копытами хлѣбъ, посланный по землѣ. Какъ видно, весь наличный скотъ былъ привлеченъ къ этой работѣ.

Устье Цейскаго ледника и начало Цей-дона.

Тутъ же, на маленькомъ ручейкѣ, отведенномъ отъ Ардона, стояли одинъ ниже другого нѣсколько крохотныхъ квадратныхъ бревенчатыхъ домиковъ: то были мельницы, приводимыя въ движеніе ручейкомъ и молвшія своими хлѣбообразными (низъ плоскій,

«Истор. вѣстн.», сентябрь, 1910 г., т. СХХІ.

21

верхъ округлый) жерновами приблизительно мѣрку кукурузы за цѣлыя сутки.

Однако намъ предстоялъ еще далекій путь, и мы были принуждены разстаться со всеѣми археологическими и этнографическими примѣчательностями Нузала.

VIII.

Поворотъ въ Цейское ущелье находится подлѣ урочища св. Николая, и мы, не желая терять времени, прямо свернули на Цей, переѣхавъ Ардонъ по деревянному, качающемуся мосту.

Широкій путь смѣнила узкая каменная аробная дорога, обрамленная курчавымъ кустарникомъ. Вокругъ стояли могучіе пни почти сплошь вырѣзанныхъ когда-то чудесныхъ платановъ.

Легкій поворотъ, и нашимъ взорамъ открылось все Цейское ущелье вплоть до ледника. По нему, извиваясь бѣлопѣннымъ змѣемъ, несся бурный «Цей-донъ». Съ боковъ вставали лѣсистыя горы, пестряющія въ окраскѣ осени лиственныхъ лѣсовъ, а выше сумрачно и грозно тянулся хвойный боръ; а дальше кряжъ за кряжемъ скалы стремились въ высъ туда, гдѣ въ солнечныхъ лучахъ сверкали льдистыя вершины...

Да! Эту картину не забудешь вѣкъ... Мы ѣхали молча, подавленные дивной красотой Божьяго міра, и много думъ роилось въ головѣ. Да, если бѣ люди по возможности чаще уходили изъ своихъ искусственныхъ коробокъ-городовъ не въ жалкіе дачные скворешники, не въ загородные кафе-шантаны, даже не въ благоустроенные курорты, но сюда, въ эту дикую природу, то, вѣрно, они были бы здоровѣй, и лучше, и добрѣй...

Тропа свернула вправо. Черезъ ревѣвшій и пѣнвшійся Цей-донъ былъ переброшенъ узкій мостикъ изъ жердей, переплетенныхъ лознякомъ, какъ плетуть корзины, и слегка присыпанъ землей, конечно, безъ всякихъ перилъ.

Мы вытянулись цугомъ и стали перебираться по одиночкѣ. Мостикъ качался, какъ шведскія качели, но лошади не выражали ни малѣйшаго страха или протеста, и мы переѣхали вполне благополучно. Три раза пришлось такимъ образомъ переѣзжать Цей-донъ, а потомъ, какъ по Архону, буквально лѣзть на кручи.

Съ нами повстрѣчалось нѣсколько старыхъ осетинокъ, несшихъ на сторбленныхъ спинахъ большія вязанки дровъ въ родной аулъ, расположенный, конечно, какъ и все аулы, среди безжизненныхъ скалъ, куда и мы вступили въ скоромъ времени, оставивъ позади зеленые лѣса.

Цейскій аулъ очень обширенъ и выдѣлилъ изъ себя нѣсколько выселковъ. Среди нихъ слѣва видѣлась маленькая деревянная церковка, а справа высились древнія квадратныя башни.

Дорога перешла въ тропу. Кругомъ по плоскогорью встрѣчались полянки воздѣланныхъ полей—ячменя и картофеля, отвоеванныхъ человѣкомъ у скалъ и обработанныхъ съ неимовѣрнымъ трудомъ. Около каждаго поля лежали груды собранныхъ огромныхъ камней.

Мы снова повстрѣчали женщинъ, одѣтыхъ въ какую-то рвань и сплошныя пестрыя заплаты, съ болтающимися до щиколотковъ шароварами; онѣ несли кукурузу въ мѣшкахъ изъ цѣлой овечьей шкуры.

Въ самомъ аулѣ тропа шла уже по плитняковымъ лѣстницамъ, а въ одномъ мѣстѣ, огибая уголъ сакли, она до того была узка, что я остановилась въ недоумѣніи, такъ какъ слѣва зіялъ почти отвѣсный обрывъ саженъ въ 200, а въ глубинѣ его едва примѣтно бѣлѣлъ Цей-донъ.

— Ъзжайте! Ъзжайте!—крикнули мнѣ нашъ проводникъ и Татарканъ.

Пришлось ѣхать, предварительно высвободивъ правую ногу изъ стремени и положивъ ее на крупъ лошади, дабы не зацѣпиться за уголъ сакли.

И опять-таки мы проѣхали благополучно.

За Цеемъ снова потянулись скалистые кряжи. Наконецъ мы въѣхали въ сосновый лѣсъ, привѣтствовавшій насъ чудеснымъ смолистымъ запахомъ и таинственнымъ шумомъ густохвойныхъ вершинъ. Небольшія полянки были покрыты кустиками горныхъ азалий и рододендрона. Можно себѣ представить, какая красота должна быть здѣсь весной, когда всѣ эти деревца покрываются сплошными цвѣтами. Вокругъ перелетывали и чекотали пестрые дятлы и сойки, виднѣлись слѣды турьихъ копытъ.

Вправо на одной изъ такихъ полянъ высились нѣсколько хижинъ на фигурныхъ тесанныхъ столбикахъ. Это тоже святое мѣсто и носить названіе Майрамъ Кувандонъ, т. е. святилище св. Маріи. Здѣсь совершаютъ «куфтъ» женщины, которыя не могутъ принимать участія въ куфтѣ у величайшей осетинской святыни Рекомъ къ которой, собственно, вель нашъ путь.

По лѣсу, безъ всякаго пастуха, бродили коровы, лошади, ишаки и козы. Священное мѣсто всѣхъ охраняло отъ какого бы то ни было разбоя и покушенія.

Вдругъ тропа пресѣклась страннымъ препятствіемъ: передъ нами лежалъ потокъ... огромныхъ валуновъ, накатанныхъ сюда внезапно сползшимъ ледникомъ. Татарканъ заявилъ, что въ прошломъ году о немъ не было помину. Оставалось только подивиться той стихійной силѣ, какая двигаетъ такія глыбы.

Пришлось слѣзть съ лошадей и съ величайшимъ трудомъ, по одиночкѣ, переправлять ихъ черезъ морену, Отсюда, изъ уваженія къ святилищу, мы пошли пѣшкомъ и наконецъ выбрались на об-

ширную, открытую поляну, среди которой стояла, вѣрнѣе вросла въ землю, необычайная стройка.

Со всѣхъ сторонъ ее окружалъ довольно высокій каменный заборъ, сложенный изъ валуновъ, поросшихъ сѣдыми мхами. Мѣстами развалившаяся кладка была тщательно подновлена. Посреди стояло нѣчто древнее, сильно похинувшееся на бокъ, вслѣдствіе подопрѣвшихъ, фигурно-вытесанныхъ деревянныхъ столбовъ, на коихъ, видимо, зиждилось все зданіе.

Такіе же точно фигурные столбы, новые, лежали за оградой вмѣстѣ съ колонными досками, приготовленными, очевидно, для ремонта.

Вокругъ святилища, на поросшей мхомъ кровлѣ, по каменной оградѣ, вездѣ торчало великое множество оленьихъ, турьихъ и буйволовыхъ роговъ—стародавнія приношенія отважныхъ охотниковъ. Весь этотъ лѣсъ ихъ сообщалъ избушкѣ что-то таинственно-сказочное, и мысль невольно унеслась въ ту пору дѣтства золотого, когда съ такимъ трепетомъ внималось сказкѣ про избушку «на курьихъ ножкахъ, на бараньихъ рожкахъ», и хотѣлось ей крикнуть:

— Обернись къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ!

Но избушка, эта многовѣковая избушка, хранила таинственное молчаніе. Тишина царила вокругъ. Только въ бездонной глубинѣ, въ расщелинѣ внизу, глухо рокоталъ Цей-донъ, а съ трехъ сторонъ на скалахъ, амфитеатромъ обступавшихъ поляну, шумѣли тихо вѣковыя сосны, покрытыя сѣдымъ обвисшимъ мхомъ.

Здѣсь вѣяли и чувствовались чары. Недаромъ народный умъ назвалъ священнымъ это мѣсто, куда текутъ съ мольбой и христіане и мусульмане наравнѣ. Да, дѣйствительно, здѣсь, у этихъ чистыхъ ледниковъ, вдали отъ суетнаго міра, среди вѣковѣчнаго храма природы, здѣсь можно, здѣсь должно молиться...

Мы подошли къ святилищу: въ оградѣ былъ проходъ, но самая избушка была закрыта на замокъ, и дверь ея обита вся желѣзными звѣздами. На полочкѣ подъ кровлею стояли глиняные кувшины и разныя вещицы между мелкими рогами. У входа висѣли три колокола: одинъ побольше, вершковъ пяти въ діаметрѣ, и два маленькихъ. Подлѣ нихъ стояла металлическая чашечка, куда клались разныя мелкія приношенія. Тамъ были древніе желѣзные наконечники стрѣлъ, колечки съ грубыми нешлифованными камнями, помѣты височныя кольца, бусы изъ просверленныхъ галекъ, ялмы и сердолика, старыя монеты, подвѣски и клочки ваты. Тутъ же стояла маленькая, вершка въ полтора, иконка Божьей Матери въ ризѣ.

Татарканъ, очевидно, угадалъ мои желанія и предложилъ мнѣ взять на память изъ этихъ вещей, положивъ взамѣнъ ихъ нѣсколько монетъ.

— Все равно штейгера растащутъ,—откровенно признался онъ.

И дѣйствительно, одинъ изъ штейгеровъ подарилъ мнѣ потомъ нѣсколько такихъ вещей, взятыхъ имъ въ Рекомѣ просто такъ, безъ всякой цѣли.

Вотъ почему недавно стали затворять его, и ключъ хранится теперь у цейскаго старшины.

Въ открытое оконце можно было разсмотрѣть цѣлую груду наконечниковъ стрѣлъ, двѣ, повидимому, мѣдныхъ, ступки, разные лоскуты, разрушенный иконостасъ и новѣйшую икону св. Варвары великомученицы въ кіотѣ съ разбитымъ стекломъ; потомъ еще пустой, древній, долбленный изъ дерева кіотъ съ грузинской надписью.

Рекомъ, по преданію, построенъ самимъ Уастырджи (св. Георгіемъ) еще тогда, когда онъ на своемъ сверкающемъ бѣломъ конѣ разѣзжалъ по этимъ горамъ, на которыхъ тогда не залежали холодные ледники. Матеріаль для стройки доставляла пара бѣлыхъ быковъ, шествовавшихъ подъ ярмомъ безъ всякаго проводника,—преданіе, напоминающее библейскую повѣсть о ковчегѣ Захѣта, влекомомъ одними волами. И дѣйствительно, старыя бревна Рекома набраны изъ негниючки (*taxus baccata*), растущей только за переваломъ.

Цѣлую недѣлю около Троицына дня совершается здѣсь «куфть», открываемый теперь крестнымъ ходомъ изъ Цейской церкви и молебномъ св. Георгію. А затѣмъ... затѣмъ уже происходитъ нѣчто, вѣроятно, очень схожее съ тризнами древнихъ славянъ. Тутъ рѣжутся цѣлыя стада барановъ и десятки быковъ, варится пиво, происходятъ разныя состязанія и пляски въ честь того же Уастырджи, причемъ, однако, въ моленіяхъ призывается и «Рекомъ», очевидно, уже какъ особое божество.

Тысячи поколѣній, каждое по-своему, молились въ этомъ священномъ мѣстѣ, въ теченіе многихъ столѣтій снашивались сюда разныя драгоценности и всякіе предметы домашняго обихода. И до тѣхъ поръ, пока сюда проникали только одни вѣрующіе, все, конечно, было цѣло и сохранно, но съ той поры, когда въ горахъ гнѣздиться стали европейцы, и иностранцы въ особенности, ничего нѣтъ удивительнаго, что въ Рекомѣ остается одинъ кіотъ безъ иконы и что гр. П. С. Уварова въ 1879 г. видѣла еще тамъ знаменитый шлемъ Осса Багатура, но не нашла уже ни лука его со стрѣлами, ни древнихъ монетъ, описываемыхъ путешественникомъ Пфаффомъ, посѣтившимъ Рекомъ въ первой половинѣ минувшаго столѣтія.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что съ распространеніемъ цивилизаціи мало-по-малу весь Рекомъ будетъ расхищенъ и самое цѣнное, конечно, перейдетъ въ руки иностранцевъ. Вѣдъ нашелъ же возможнымъ г. Ольшевскій продать за границу рѣдкую коллекцію древностей, вырытыхъ имъ въ Дигоріи...

Кавказскіе археологи мечтаютъ о перенесеніи сокровищъ Рекома въ Тифлисъ, но осетины и слышать не хотятъ объ этомъ. И они

глубоко правы. Что имъ Тифлисъ? Когда и кто изъ нихъ бываетъ тамъ?.. Ихъ центръ, если уже говорить о такомъ — Владикавказъ, а въ религіозномъ смыслѣ — Моздокъ, такъ какъ православные осетины считаютъ теперь Моздокскую Божию Матерь покровительницей Осетіи и отсюда получаютъ иконы, церковную утварь и всякія богослужебныя книги.

У осетинъ нѣтъ своихъ письменъ, и это обстоятельство сильно задерживаетъ культурное развитіе симпатичнаго, талантливаго племени, прошлое котораго во многомъ для насъ темно. Но Рекомъ, тщательно обследованный знатоками-любителями, а не расхитителями, могъ бы своими безчисленными въ немъ собранными предметами раскрыть много тайнъ, уяснить много вопросовъ, касающихся всего племени.

Но наши археологи, какъ гоголевскія крысы, придуть, понюхаютъ, и, если неудобно забрать съ собою, отойдутъ прочь.

Не лучше ли было бы и не пора ли, вмѣсто растаскиванія по столичнымъ музеямъ и ограбленія цѣлыхъ археологическихъ центровъ (я не говорю о случайныхъ единичныхъ находкахъ) создавать небольшія хранилища прямо на мѣстахъ, не отнимая, но охраняя для цѣлаго племени или области, какъ, напримѣръ, у насъ въ Россіи, то, что имъ дорого и священо.

Такіе помѣстные музеи, при современныхъ удобствахъ передвиженія, составляли бы интересную цѣль для экскурсій, а окрестному населенію доставили бы заработокъ, одновременно распространяя культуру.

Какъ бы ожили, можно сказать, эти коллекціи древностей, разработанныя и устроенныя на мѣстахъ, среди исконно-сродной имъ природы и обстановки, по сравненію съ развѣшенными или разставленными въ нашихъ городскихъ каменныхъ ящикахъ!

Однако надо было спѣшить, такъ какъ хотѣлось проѣхать къ самому леднику.

Пройдя священную площадку пѣшкомъ, мимо священныхъ грушевыхъ деревьевъ и шалашей, гдѣ хранились огромные котлы для варки пива и жили больные грудью осетины, направились мы къ леднику.

Надо замѣтить, что Цей считается не только священнымъ, но и цѣлебнымъ мѣстомъ. И дѣйствительно, въ здѣшнемъ воздухѣ есть что-то особенное, легкое для дыханія. Больные грудными болѣзнями нерѣдко проводятъ здѣсь цѣлое лѣто, получая значительное облегченіе: они пьютъ ледниковую воду и варятъ горныя травы.

Путь опять пошелъ каменистымъ лѣсомъ, постепенно рѣдѣвшимъ и обратившимся наконецъ въ сплошное царство мертвыхъ

камней... Только водопады, свѣжія осыпи и слѣды обваловъ говорили о томъ, что и среди мертвой природы существуетъ вѣчно-неустанное движеніе...

А вотъ и самая морена: потокъ медленно движущагося льда, покрытаго камнями. Надъ головой сверкалъ ледникъ. У ногъ изъ щели въ сѣроватомъ льду, какъ бы изъ преисподней, вырвался пѣнный Цей-донъ, а въ вышинѣ посилнѣ плавно горные орлы.

Нервы страшно утомились отъ этихъ грандіозныхъ и разнообразныхъ впечатлѣній, и мы, имѣя передъ собой еще спускъ по всѣмъ буеракамъ къ урочищу св. Николая, 22 версты, да оттуда до Садона 12 верстъ, поспѣшили закутить и двинуться обратно.

Было уже совсѣмъ темно, когда мы достигли Ардонскаго ущелья и пути до Садона я совершенно не помню, такъ какъ, утомленная семидесятиверстнымъ однодневнымъ переѣздомъ, буквально спала въ сѣдлѣ.

Е. Клетнова.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Государственно-правовое положеніе великаго княжества Финляндскаго въ Россійскомъ государствѣ. Барона Вольфъ-фонъ-деръ-Остенъ-Сакена. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей автора. 1910. Стр. 220.

ВАРОНЪ Вольфъ-фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ въ 1909 г. представилъ въ факультетъ политическихъ наукъ тюбингенскаго университета на соисканіе ученой степени доктора диссертацию, подъ заглавіемъ «Die staatsrechtliche Stellung des Grossfürstenthums Finnland in russischen Reiche», составленную на основаніи обширнаго ряда сочиненій, посвященныхъ такъ называемому финляндскому вопросу, т. е. отношенію Финляндіи къ Россіи и ея положенію въ имперіи, а также лекцій профессора фонъ-Ульмана въ Мюнхенѣ о Финляндіи и особенно указаній проф. Берендтса въ Петербургѣ и сенатора Мехелина въ Гельсингфорсѣ. Кромѣ того, авторъ пользовался документами и бумагами какъ императорскаго государственнаго архива въ Петербургѣ, такъ и въ особенности архива финляндскаго статсъ-секретариата, хранящагося частью въ Петербургѣ, частью (древнѣйшее время) въ статсъ-архивѣ въ Гельсингфорсѣ. Диссертация эта недавно, подъ редакціей автора, переведена съ нѣкоторыми исправленіями и дополненіями (весьма, впрочемъ, незначительными) на русскій языкъ и является очень полезнымъ приобрѣтеніемъ нашей литературы по финляндскому вопросу. Считаемо не лишнимъ познакомить нашихъ читателей нѣсколько подробнѣе съ этою очень удачною попыткою барона Вольфа подвергнуть критическому освѣщенію высказанныя до сего времени мнѣнія объ отношеніи Финляндіи къ имперіи, дабы такимъ путемъ составить собственное сужденіе о государственно-правовыхъ свойствахъ Финляндіи.

На основані тщательнаго изученія источниковъ и документовъ авторъ приходитъ къ заключенію, что Финляндія до 1808—1809 гг., т. е. во времена шведскаго надъ ней господства, никогда никакого государства не составляла и была не чѣмъ инымъ, какъ совокупностью нѣсколькихъ шведскихъ провинцій (т. е. шведскою областью), вошла въ составъ шведскаго государства путемъ завоеванія и образовала одну изъ его земель. Своихъ собственныхъ законовъ Финляндія не имѣла, не составляла одного цѣлага въ административномъ отношеніи и автономіи не имѣла; обыватели всѣхъ сословій Финляндіи пользовались одинаковыми правами, предоставленными шведамъ по шведскимъ законамъ; представители финляндскихъ сословій постоянно участвовали въ шведскомъ риксдагѣ. Финляндія не имѣла никакой государственно-правовой индивидуальности и финляндскія провинціи Швеціи не составляли особаго государства. Эти провинціи отошли отъ Швеціи къ Россіи постепенно, именно: по миру Ништадтскому 1721 г.—пограничныя къ Россіи земли, составившія часть современной Выборгской губерніи; по миру Абоскому, 1743 г.—дальнѣйшая часть Выборгской губ.; и, наконецъ, по Фридрихсгамскому миру, 5 сентября 1809 г.,—всѣ остальные шведскія провинціи, составлявшія Финляндію. По статьѣ IV и VI этого мирнаго трактата Швеція признала, что Финляндія на вѣчныя времена вошла въ составъ Россійской имперіи, въ полную ея собственность, инкорпорирована имперіи (а не императору), другими словами, прежнія шведскія провинціи сдѣлались русскими и никакой ни реальной, ни личной уніи между Россіей и Финляндіей въ 1809 г. установлено не было по той простой причинѣ, что Финляндія не представляла собой государства. Все вышесказанное не вызывало бы никакихъ возраженій или сомнѣній, если бы ранѣе заключенія Фридрихсгамскаго мира, 5 сентября 1809 г., императоръ Александръ I, благодаря быстрымъ успѣхамъ русскихъ войскъ, не разослалъ бы европейскимъ державамъ декларацію 16 (28) марта 1808 г. о томъ, что шведская часть Финляндіи признается имъ областью, завоеванною русскимъ оружіемъ, издавъ днемъ ранѣе, 15 (27) марта 1808 г., извѣстный манифестъ, которымъ призналъ за благо вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими «каждое состояніе сего княжества (т. е. Финляндіи) въ особенности и всѣ подданные, ея населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ нерушимости и непреложной ихъ силѣ и дѣйстви». А затѣмъ, нѣсколько поздиѣ, 20 марта (1 апрѣля), не повелѣлъ бы принять отъ обывателей присягу на «вѣрное престолу нашему подданство». Поздиѣ же, манифестомъ 5 (17) іюня того же 1808 г., императоръ обезпечилъ странѣ сохраненіе древнихъ, присущихъ ей установленій, а затѣмъ указомъ 1 декабря повелѣлъ созвать собраніе депутатовъ всѣхъ сословій въ Борго на 10 (22) марта 1809 г. Это собраніе депутатовъ, или сеймъ, какъ извѣстно, состоялось; императоръ произнесъ извѣстныя рѣчи при его открытіи и закрытіи, сословія принесли ему присягу въ вѣрности и т. д. На этихъ боргоскихъ актахъ многіе и основываютъ политическое устройство Финляндіи и ея личную унію съ Россіей. Баронъ Остенъ-Сакенъ совершенно это отрицаетъ. Договоръ есть юридическая сдѣлка, говоритъ онъ, т. е. имѣющее правовое значеніе волеизъявленіе. Въ данномъ случаѣ волеизъявленіе Финляндіи не могло имѣть юриди-

ческаго характера, такъ какъ война со Швеціей, которой принадлежала Финляндія, еще не была окончена и Финляндія не была дѣеспособнымъ субъектомъ права. Боргоскій сеймъ не имѣлъ за собою никакого правового отношенія, ибо только король шведскій и никто другой былъ въ правѣ его созвать. Такимъ образомъ, заключить юридическую сдѣлку съ Финляндіей во время боргоскаго сейма былъ невозможно. Событія въ Борго нельзя разсматривать, какъ договоръ. Утвержденіе особыхъ законовъ было въ дѣйствительности только свободнымъ, одностороннимъ актомъ императора Александра I. Утверждая основные законы страны, Александръ разумѣлъ этими словами только форму прачленія 1772 г. и актъ соединенія и безопасности 1789 г. Нѣтъ ни одного документа, изъ котораго бы вытекало, что Александръ I основалъ финляндское государство какимъ-либо дѣйствіемъ, имѣющимъ правовой характеръ. Государственно-правовое свойство Финляндіи не можетъ основываться только на высказанныхъ императоромъ мнѣніяхъ. Юридически не имѣетъ значенія, говорилъ и хотѣлъ ли императоръ то или иное, пока онъ этого не сдѣлалъ въ связывающей формѣ. Его желаніе и его воля не имѣютъ значенія и представляютъ лишь историческій интересъ. При Александрѣ I и его преемникахъ дѣйствіе русской государственной власти распространялось непрерывно на финляндскую территорию; единственнымъ органомъ этой власти былъ императоръ; о какомъ-либо отдѣленіи финляндскаго великокняжескаго достоинства отъ русскаго императорскаго достоинства не возникало рѣчи. Финляндія являлась частью Русскаго государства, имѣвшею особенную правительственную систему. Только при Александрѣ II законодательство и управленіе Финляндіи начинаютъ отступать все болѣе и болѣе отъ интересовъ имперіи; самостоятельность края пріобрѣтаетъ все болѣе твердую почву, особенно когда Его Величеству угодно было даровать Финляндіи сеймъ въ 1863 г., на ближайшее разсмотрѣніе котораго было предположено возложить пересмотръ коренныхъ законовъ Финляндіи, ставшихъ несомвѣстными съ положеніемъ дѣлъ, возникшимъ послѣ присоединенія Финляндіи къ имперіи. Но это предположеніе не получило осуществленія, въ немалой долѣ по винѣ самихъ финляндцевъ. Либеральныя намѣренія русскаго правительства вызвали въ Финляндіи явленія, которыя могли только охладить интересъ Александра II къ дальнѣйшему осуществленію его цѣлей. Тѣмъ не менѣе необходимо было разрѣшить вопросъ, дать ли Финляндіи въ составѣ имперіи устройство окраины съ мѣстнымъ самоуправленіемъ, или допустить, что при постепенномъ разрушеніи связи съ имперією она достигнетъ полной государственной самостоятельности. Сознаніе, что политическій интересъ Россіи, имѣющій для нея жизненное значеніе, безусловно не можетъ допустить полнаго отдѣленія Финляндіи, должно было, раньше или позже, привести къ тому, чтобы стремленіямъ финляндцевъ къ самостоятельности были поставлены преграды. Это послѣдовало при Александрѣ III, даровавшемъ тѣмъ не менѣе сейму право законодательнаго почина и право собираться каждые три года (ранѣе сеймъ собирался всякія 5 лѣтъ). При томъ же императорѣ было обращено вниманіе на весьма важное дѣло: на вопросъ о способѣ обсужденія такихъ дѣлъ, которыя касаются какъ финляндскихъ, такъ и русскихъ интересовъ, т.-е. могутъ считаться общими. Возникъ даже вопросъ, не требуютъ ли инте-

ресы имперіи особаго порядка имперскаго законодательства, коего дѣйствіе должно распространяться какъ на Россію, такъ и на Финляндію. Существованіе подобнаго рода дѣлъ давало себя чувствовать все отчетливѣе, къ числу ихъ относились вопросы, связанные съ организаціею войска и съ системами: желѣзно-дорожною, таможенною, почтовою, монетною и т. д. Если Финляндія должна была оставаться въ составѣ Русскаго государства, а къ тому шли намѣренія новой нашей правительственной политики, то эти вопросы должны были трактоваться въ интересахъ единства. Попытки разрѣшить это важное дѣло, начатыя еще въ 1891 году, продолжались почти 17 лѣтъ; онѣ являлись предметомъ занятій многихъ комиссій, изъ которыхъ послѣдняя подъ предсѣдательствомъ государственнаго контролера П. А. Харитоновъ, образованная весною 1909 года, составила проектъ о порядкѣ изданія касающихся Финляндіи законовъ и постановленій общегосударственнаго значенія, внесенный предсѣдателемъ совѣта министровъ на разсмотрѣніе государственной думы ¹⁾. Этимъ заканчивается весьма интересная брошюра барона Остенъ-Сакена, на которую мы обращаемъ вниманіе нашихъ читателей. Брошюра снабжена значительнымъ числомъ (до 67) приложений, весьма любопытныхъ и рѣдко встрѣчающихся, а также перечнемъ главнѣйшихъ сочиненій на иностранныхъ языкахъ, касающихся отношеній Финляндіи къ Россіи и ея положенія въ государствѣ и посвященныхъ изложенію государственныхъ и другихъ публичныхъ правъ.

Переводъ брошюры на русскій языкъ вполнѣ удовлетворителенъ.

П. Майковъ.

Разказы изъ русской исторіи. Выпуски I—VIII. С. Д. Арсеньевой. Изданіе училищнаго совѣта при св. синодѣ. Спб. 1910.

Въ концѣ перваго выпуска составительница разказовъ отмѣтила побужденія, которыми она руководствовалась при составленіи своихъ разказовъ, цѣль и характеръ ихъ. Вѣдноть нашей дѣтской исторической литературы, недостатокъ въ книгахъ для чтенія, въ коихъ дѣтямъ въ занимательной формѣ разказывалось бы о славномъ прошломъ дорогой родины,—это были побужденія, заставившія автора взять на себя трудъ составленія серіи разказовъ, посвященныхъ періоду исторической жизни Россіи подъ верховнымъ водительствою самодержавныхъ правителей изъ славнаго дома Романовыхъ. Цѣль этихъ разказовъ, по словамъ автора: въ живомъ правдивомъ изложеніи ознакомить подрастающее поколѣніе съ русской исторіей, съ ростомъ государства, его религіозными и нравственными началами, въ соприкосновеніи съ политической жизнью другихъ народовъ.

Съ такими задачами и цѣлями можно найти въ русской литературѣ если и не много, то все же нѣсколько изданій, посвященныхъ тому предмету, о коемъ повѣствуетъ г-жа Арсеньева. Но есть существенное отличіе между книгами Арсеньевой и другими изданіями, излагающими событія, о коихъ повѣствуетъ

---

¹⁾ Читателямъ, конечно, изъ газетъ извѣстно, что этотъ проектъ съ весьма небольшими поправками былъ принятъ государственной думой государственнымъ совѣтомъ и удостоился Высочайшаго утвержденія 17 іюня сего года.

г-жа Арсеньева. Г-жа Арсеньева—не холодный авторъ-бытописатель, рисующій въ общедоступной формѣ картины исторической жизни, а человекъ, пламенно любящій свою родину, ея исторію, ея дѣятелей, бытъ, характеръ, душу, вѣру ея царей, царицъ и всѣхъ тѣхъ, кто защищаль, созидаль, укрѣпляль Русское государство. И съ этой стороны, со стороны вложеннаго въ разсматриваемыя книги добраго патріотическаго чувства, книги Арсеньевой—рѣдкія книги. Онѣ писаны сердцемъ, проникнуты въ каждой строкѣ теплою сына, дочери, беззаветно любящихъ свою родину и всѣхъ тѣхъ, кто способствовалъ ея благополучію, процвѣтанію, кто созидаль ея мощь, силу, благо настоящаго и залогомъ развитія будущаго.

Иностранная литература знаетъ книги, подобныя книгамъ Арсеньевой, иностранцы знаютъ и вліяніе подобныхъ книгъ на дѣтей, на развитие ихъ національнаго самосознанія, на укрѣпленіе ихъ патріотизма. Мы, русскіе, въ отношеніи умѣнія и созданія средствъ воспитанія дѣтей въ духѣ любви къ родинѣ, обижены судьбой. Мы прививаемъ своимъ дѣтямъ либо космополитическое образованіе, либо вражду къ своей исторіи, съ особеннымъ усердіемъ подчеркивая ея темныя стороны и мало обращая вниманія на свѣтлыя, высокія ея страницы. Плоды этого жалкаго воспитанія извѣстны. Мы не любимъ своей исторіи, своего прошлаго и настоящаго, а потому не любимъ и самихъ себя, и готовы плакать изъ-за того, что мы русскіе, а не чуваша. Г-жа Арсеньева поставила себѣ благороднѣйшую задачу написать изъ русской исторіи такіе рассказы, которые бы развивали въ сердцѣ русскаго дитяти любовь къ русской землѣ и къ ея главнымъ дѣятелямъ. Въ рассказахъ Арсеньевой эти дѣятели прежде всего, отъ дней своего рожденія, возлюбили свою землю, смотрѣли на служеніе ей и русскому народу, какъ на святой подвигъ, на который поставилъ ихъ Самъ Господь Богъ. Съ вѣрой въ свое высшее призваніе они служили русской землѣ, созидали русскую державу, кланялись ея святымъ, охраняли, защищали ее и отдавали на благо ея всѣ свои силы, безъ остатка.

Авторъ—женщина—съ особенною любовью останавливается на русскихъ царицахъ, на ихъ думахъ о счастіи русскаго народа, на ихъ сердечномъ участіи въ судьбѣ бѣдныхъ сиротъ, раненыхъ, на ихъ заботахъ объ учрежденіи воспитательныхъ и благотворительныхъ учреждений, изъ коихъ многія своимъ существованіемъ и процвѣтаніемъ обязаны сердечному участію русскихъ царицъ и княгинь.

Воспитательное значеніе книгъ г-жи Арсеньевой огромно. Онѣ заслуживаютъ широкаго распространенія, особенно въ виду приближенія дней празднованія трехсотлѣтія царствованія Романовыхъ.

Изданы книги Арсеньевой училищнымъ совѣтомъ при св. синодѣ на хорошей бумагѣ, ясной и отчетливой печатью. Книги посвящены имени Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, портретъ которой съ портретомъ дитяти нынѣ царствующаго Государя Императора Николая Александровича, озаглавливаетъ каждую книгу. Выдающіяся событія и лица иллюстрируются портретами и картинами (въ нѣкоторыхъ книгахъ) болѣе 30, частію нарочно и талантливо составленными примѣнительно къ тексту, частію копіями существующихъ снимковъ.

Излагая тѣ или иныя событія, авторъ, для нагляднаго художественнаго представленія, драматизируетъ свой рассказъ разговорной формой; но среди этой свободы въ передачѣ событій читатель на каждомъ шагѣ встрѣчаетъ подлинныя рѣчи царей и ихъ сподвижниковъ, ихъ письма, частію опубликованныя, а частію лежащія въ архивахъ и впервые увидѣвшія свѣтъ въ рассказахъ Арсеньевой, умѣвшей, очевидно, достать цѣнные историческіе матеріалы тамъ, куда доступъ не для всѣхъ свободенъ.

Рассказы г-жи Арсеньевой доведены до царствованія императора Александра II. Будемъ надѣяться, что они будутъ доведены и до празднованія 300-лѣтія царствованія нашего Царствующаго Дома. П. А. Ю.

**Труды псковскаго археологическаго общества. Псковъ. 1910.
Стр. 154. Цѣна 50 коп.**

Труды названнаго общества, несомнѣнно, будутъ съ удовольствіемъ прочтены отечествовѣдами, интересующимися историко-археологическими изслѣдованіями страны. «Историческая памятка событія 1510 г.» М. Помяловскаго о паденіи вѣчевого уклада псковской жизни—любопытна попыткой автора доказать міродержавное для того времени значеніе Москвы и этимъ оправдать насилие и деспотизмъ Ивановъ III и IV надъ маленькой республикой. Онъ говоритъ, что русская политическая мысль начала XVI вѣка, отъ понятія «промысла», чисто механическаго собиранія земель подъ властью московскаго удѣльнаго князя, перешла къ идеальному понятію объединенія православныхъ земель вокругъ престола міродержавнаго наслѣдника августа-кесаря и царей византійскихъ; что взглядъ этотъ настолько глубоко усвоенъ былъ русскимъ обществомъ, что дальнѣйшее существованіе самостоятельныхъ политическихъ единицъ на Руси отнынѣ дѣлалось немислимымъ и что присоединеніе Пскова къ Москвѣ роковымъ образомъ вытекало изъ самой силы вещей, независимо и отъ какой-либо псковской провинности и какихъ-либо завоевательныхъ стремленій. Этимъ же объясняется, по его мнѣнію, и тотъ любопытный фактъ, что паденіе Пскова прошло почти не отмѣченнымъ въ русской литературѣ того времени, отражавшей думы и стремленія современнаго общества, въ то время, какъ паденіе Новгорода вызвало бурную литературную борьбу. «Дѣло въ томъ, что старшій братъ Пскова утратилъ свою вольность въ ту еще пору, когда историческая неизбѣжность этого событія доказана не была, когда Москва, кромѣ матеріальнаго засилія, ничѣмъ еще не могла оправдать смысла своихъ дѣйствій, которыя потому и могли казаться возмутительными, тогда какъ въ эпоху паденія вѣчевого строя Пскова и его политической самобытности всѣмъ, даже и самимъ псковичамъ ясно было, что такъ и быть должно, что это—творится предвѣчный совѣтъ Вожій, его же не преидеши. Въ томъ и заключается глубокой трагизмъ положенія псковичей, что они очутились безъ вины виноватыми, что они заживо слышали надробное надъ собою рыданіе».

Если это такъ, то очень странно называть «гробовыя доски» и «рыданія» «оправданіемъ событія 1510 г.» и видѣть въ этомъ «органическое развитіе» одного

и того же процесса, какъ утверждаетъ авторъ въ концѣ своей статьи и о поглощеніи маленькихъ республикъ Москвой.

Органическое развитіе государства и подавленіе областной жизни—совершенно разныя вещи: первое стремится къ аболиціонизму личности и мѣстности, а второе къ подчиненію ихъ абсолютизму. Историкъ не долженъ называть эти явленія общимъ именемъ цивилизаціи и прогресса.

Въ статьѣ г. Окуличъ-Казарина о «Памятникахъ паденія псковской независимости» имѣются любопытныя указанія на мѣста, гдѣ висѣлъ вѣчевой колоколь и куда онъ былъ отвезенъ по снятіи; статья В. Петрова «О сопкахъ» будетъ очень полезна лицамъ, интересующимся сопками, насыпями и городищами по Опочецкому уѣзду; любопытны пѣсни, собранныя г. Иеропольскимъ, а также и пригѣвки («частушки»), собранныя г. Елагинымъ. Старинныя синодики псковскаго Троицкаго собора, отысканныя г. Окуличъ-Казаринымъ, интересны для древнихъ и понынѣ существующихъ псковскихъ фамилій и, кромѣ того, Троицкій соборъ былъ главною святынею не одного только города Пскова, но всей Псковской земли. «Благочестивая старина,—говоритъ авторъ,—не умѣла отдѣлять государства отъ церкви. Оба понятія смыкались въ одно неразрывное, крѣпкое цѣлое, и потому псковичи иногда называли свое государство «домомъ святыхъ Троицы», точно такъ же, какъ новгородцы величали свою область «домомъ святой Софіи». Сообразно съ такою первенствующею ролью Троицкаго собора, синодики его имѣли особое значеніе—не только чисто религіозное, но и государственное. Особое величіе обстановки, сопровождавшей чтеніе троицкаго синодика въ церкви, позволяетъ думать, что высокая честь быть внесеннымъ въ этотъ синодикъ была доступна далеко не каждому. Конечно, богатство, какъ и вездѣ, имѣло здѣсь свое значеніе и добывало себѣ эту честь цѣнными вкладами. Но несомнѣнно, что въ синодики вносились и тѣ псковичи, которые тѣмъ или инымъ путемъ заслужили признательность своихъ согражданъ, особенно убитые на войнѣ, единственнымъ вкладомъ которыхъ была кровь ихъ, пролитая за отечество». Къ троицкому синодику приложенъ именной указатель, облегчающій всякую справку по синодику. «Отчетъ секретаря псковскаго археологическаго общества за 1909 г.» полонъ драгоценныхъ свѣдѣній, между прочимъ, по охранѣ памятниковъ старины. Оказывается, что доски съ подписями объ историческихъ событіяхъ, въ количествѣ болѣе 35-ти, были помѣщены не только на стѣнахъ и башняхъ, но и на нѣкоторыхъ развалинахъ древнихъ церквей въ Псковѣ. Но первое время эти доски послужили уличнымъ дѣтямъ мишенями для киданія камней, вслѣдствіе чего секретарь псковскаго археологическаго общества обратился путемъ печати съ просьбою къ родителямъ, воспитателямъ и наставникамъ—объяснить дѣтямъ важное значеніе этихъ досокъ и внушить подрастающему поколѣнію любовь и уваженіе къ родной старинѣ. Та же просьба была обращена къ начальникамъ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній, воспитанники коихъ были замѣчены въ порчѣ досокъ. Послѣ этого подобные случаи прекратились; тѣмъ не менѣе нѣкоторыя доски (напр., у Гремячихъ воротъ) оказались совершенно испорченными, а одна даже сбитою со стѣны. Среди остатковъ древнихъ псковскихъ укрѣпленій особое значеніе имѣетъ Покровская башня, имя которой связано съ самымъ блестящимъ эпизодомъ псковской исторіи—

отбитіемъ штурма Стефана Баторія. Несмотря, однако, на свое словное боевое прошлое, башня находится въ самомъ отвратительномъ видѣ, гораздо худшемъ, нежели всѣ остальные части каменныхъ укрѣпленій: въ теченіе многихъ лѣтъ она служитъ ретираднымъ мѣстомъ для всѣхъ проходящихъ. Около 1¹/₂ года тому назадъ городская управа распорядилась очистить ее и навѣстить деревянную дверь съ висячимъ замкомъ, дабы преградить доступъ во внутрь башни. Но это ни къ чему не привело: замокъ тотчасъ же былъ сбитъ, и башня вновь превращена въ ретираду. Кромѣ того, ей угрожаетъ большая опасность отъ плывущаго по рѣкѣ весенняго льда и отъ деревянныхъ плотовъ, разрушающихъ ея западную сторону. Постоянное осыпаніе башни со стороны рѣки рано или поздно приведетъ къ полному разрушенію. Возникаетъ вопросъ о починкѣ башни со стороны набережной, но при скромности городского бюджета трудно ожидать, чтобы городъ рѣшился истратить на это значительную сумму.

До свѣдѣній археологическаго общества также доходило нерѣдко, что жители берутъ для своихъ надобностей песокъ изъ древняго земляного вала на Кожевенной улицы. Общество просили пристава внушить мѣстнымъ жителямъ, что валы должны быть неприкосновенны такъ же, какъ стѣны и башни. Но, разумѣется, гг. пристава едва ли въ состояніи воспитать въ темныхъ массахъ населенія должное уваженіе къ охранѣ историческихъ достопримѣчательностей. Это уваженіе прививается къ населенію болѣе культурными мѣрами изъ вѣдомства народнаго просвѣщенія, а не изъ участка.

А. Фаресовъ.

Святитель Іоасафъ Горленко, епископъ бѣлгородскій и обоянскій (р. 1705 г. † 1754 г.). Составилъ Серафимъ Булгаковъ. Курскъ. 1909. Стр. 83 + XLV + 22. Цѣна 70 к.

О житіи и дѣяніяхъ епископа Іоасафа Горленка писали немало до позднѣйшаго времени и, можно сказать, исчерпали если не все, то очень многое. Послѣ появленія въ свѣтъ перваго тома (въ самомъ концѣ 1908 г.) «Малороссійскаго Родословника» В. Л. Модзалевскаго, можно считать исчерпанными и данныя о родѣ Горленко вообще, хотя Серафимъ Булгаковъ, видимо, незнакомый съ Родословникомъ» въ моментъ печатанія своей книжки, только склоняется къ мнѣнію историковъ, утверждающихъ, что отецъ епископа, Андрей Дмитріевичъ Горленко, былъ бунчуковый говарищъ при гетманѣ Даниилѣ Апостолѣ.

Цѣль и характеръ изложенія книжки Серафима Булгакова ясно опредѣляется изъ первой главы, гдѣ авторъ въ высспреннихъ и зѣло прикрашенныхъ схоластической риторикой выраженіяхъ говоритъ о «нравственно-руководственнымъ (?) значеніи жизни подвижниковъ вѣры и благочестія. «Нравственно-руководственнымъ значеніемъ» и цѣлью проникнуто и все изложеніе жизни и архипастырской дѣятельности Іоасафа Горленка; поэтому искать здѣсь какихъ-либо новыхъ біографическихъ свѣдѣній о святителѣ или новаго освѣщенія старыхъ фактовъ не приходится, тѣмъ болѣе, что главный источникъ для своей работы: «Матеріалы для біографіи святителя Іоасафа Горленко», собранные и изданные въ двухъ частяхъ княземъ Н. Д. Жеваховымъ (1907 г.), авторъ да-

леко не использовалъ. Растянувъ свое изложеніе біографіи епископа на 80 страницъ, благодаря риторическимъ выпадкамъ съ цѣлью «нравственно-руководственнаго» воздѣйствія, Серафимъ Булгаковъ во второй части историческаго(?) очерка описываетъ на 45 страницахъ «Знаменія милости Божіей по молитвенному предствательству святителя Іоасафа Горленко», а послѣ этого, въ качествѣ «приложеній», приводитъ выписки давно извѣстныхъ уже документовъ («указовъ» святителя).

Послѣ всего вышеизложеннаго очевидно, что книжка Серафима Булгакова отнюдь не можетъ претендовать на значеніе историческаго пособия.

В. Р.—въ.

**Исторія України-Руси. Написавъ Михайло Грушевскій. Томъ VII.
Козайкі часи до р. 1625. Кієвъ — Львовъ. Стр. X + 624.
Цѣна 3 р. 50 к.**

Своими многочисленными, всегда основательными, строго критическими и полными вдумчивыхъ обобщеній изслѣдованіями профессоръ М. С. Грушевскій настолько пріучилъ специалистовъ и читателей не удивляться его энергіи, обширнымъ познаніямъ, умѣнію овладѣвать богатымъ сырымъ матеріаломъ и научно изслѣдовать его, что только въ силу указанныхъ причинъ и рецензентъ освобождается отъ необходимости выразить удивленіе по поводу скорого выхода новаго, седьмого тома «Исторіи Украины-Руси». И все-таки чувствуется необходимость лишній разъ напомнить, что до сихъ поръ у насъ нѣтъ такой же полной, надежной, богатой фактами, исчерпывающей и цѣльной исторіи Сѣверной Руси. Для великорусскихъ историковъ все предпріятіе М. Грушевскаго можетъ являться своего рода примѣромъ и упрекомъ, упрекомъ безусловно заслуженнымъ.

Это еще разъ говоритъ о томъ, что энергія и преданность дѣлу одного лица во многихъ случаяхъ стоитъ на первомъ планѣ и поглощаетъ собой всѣ остальные условія, казалось бы, далеко не благоприятныя. Въ результатѣ мы имѣемъ уже семь объемистыхъ томовъ по исторіи Южной Руси, и къ нимъ долженъ обращаться всякій историкъ, долженъ къ нимъ обращаться даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ въ основѣ не согласенъ съ общей точкой зрѣнія львовскаго ученаго и украинской исторической школой.

Седьмой томъ начинается собой «Исторію украинскаго казачества», начинается третій циклъ всей исторіи Украины-Руси, доводитъ ее пока до 1625 г. и доведетъ ее до XVIII вѣка. Всего исторіи казачества будутъ посвящены три или четыре тома. Въ новомъ циклѣ исторіи національнаго возрожденія украинскаго народа главную роль играетъ и новый социальнo-историческій факторъ — казачество. Это будетъ, по словамъ автора, исторіей новой національной силы, сначала какъ будто безъ прямого отношенія къ инымъ факторамъ, а затѣмъ ея борьбы съ враждебнымъ польскимъ режимомъ, возрожденія культурныхъ и національныхъ силъ, опытовъ созданія социальныхъ и национальныхъ отношеній при помощи и подѣ. покровительствомъ казацкой силы—вплоть до полнаго ослабленія и упадка ея при столкновеніи съ внѣшними и внутренними

преградами... «Это величайшая трагедія народной жизни, въ которой украинскій народъ впервые на памяти исторіи выступаетъ активно создателемъ своей собственной судьбы и жизненныхъ условий, въ которой онъ и вступаетъ въ борьбу на жизнь и смерть за осуществленіе своихъ мечтаній и стремленій. Послѣ вѣковыхъ напряженій, облитый кровью, обезсиленный въ борьбѣ съ препятствіями, которыя нельзя было уже превозмочь,—онъ падаетъ на полѣ битвы, на своихъ разбитыхъ надеждахъ и мечтаніяхъ...» Принимая же во вниманіе то обстоятельство, что «наиболѣе яркій и наиболѣе интересный періодъ украинской исторической жизни и съ точки зрѣнія украинца, потомка тѣхъ поколѣній украинскихъ борцовъ, и съ точки зрѣнія посторонняго изслѣдователя историка-соціолога,—въ исторіи украинскаго народа издавна трактуется особо, какъ нѣчто цѣльное»,—въ силу этой традиціи и авторъ выпускаетъ новую серію своихъ книгъ подъ особымъ подзаголовкомъ. Между прочимъ, М. С. Грушевскій пользовался нѣкоторыми новыми документами, первый томъ которыхъ вошелъ въ серію «Источниковъ для исторіи украинскаго казачества», издаваемыхъ археографической комиссіей во Львовѣ.

Если справедлив слухъ о томъ, что весь громаднй трудъ профессора Грушевскаго переводится на русскій языкъ (на нѣмецкій уже переведена часть его, и первый томъ вышелъ нѣсколько лѣтъ назадъ), то можно пожелать полного успѣха предпріятію и ожидать начала его издашя. Всѣ данныя говорятъ за то, что оно встрѣтитъ живой интересъ не только среди ученыхъ спеціалистовъ, но и среди широкаго круга интеллигентныхъ читателей.

А. Я.

Протоіерей Петръ Булгаковъ. Нравоучительная хрестоматія для начальныхъ школъ Японіи. Часть первая. Зинзео Сеогаку-Сюусинъ-се. Книга I—III. Токохама. 1909. Ц. 2 р.

Можетъ показаться страннымъ упоминаніе о «хрестоматіи для начальныхъ школъ» въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Но книга, изданная о. протоіереемъ П. Н. Булгаковымъ, настоятелемъ нашей посольской церкви въ Токио, представляется во многихъ отношеніяхъ заслуживающей особаго вниманія русской читающей публики. Психологія нашего дальневосточнаго сосѣда и недавняго врага съ гораздо большей наглядностью открывается передъ нами въ этой небольшой книжкѣ, чѣмъ во многихъ обширныхъ географическихъ и историческихъ трудахъ о Японіи. Передъ нами краткій компендіумъ морали, который изучается пятимилліоннымъ дѣтскимъ населеніемъ школьнаго возраста въ Японіи. Въ оригинальныхъ японскихъ рисункахъ и въ нравоучительныхъ разсказахъ представлены здѣсь всѣ «принципы жизни» Японіи: почтеніе къ старшимъ, благоговѣніе къ императору, готовность на всякія жертвы ради родной страны, упорство и терпѣніе въ трудѣ, вѣжливость, аккуратность, опрятность—однимъ словомъ, все то, чѣмъ живетъ и чѣмъ гордится всякій японецъ. Цѣль изученія этой книги въ японскихъ начальныхъ училищахъ—приготовить изъ учащихся «добрыхъ японцевъ». Японская мораль признаетъ и прощеніе обидъ, и помощь ближнимъ, и самопожертвованіе, но все это лишь

постольку, поскольку это содѣйствуетъ главной цѣли—создать такихъ гражданъ, которые умѣли бы «беречь великую Японскую имперію».

Книга издана о. протоіереемъ такимъ образомъ, что можетъ служить и пособіемъ для изученія японскаго языка и письменности. Издатель, уже въ зрѣломъ возрастѣ, 44 лѣтъ, одолѣвшій японскій языкъ, является горячимъ сторонникомъ и пропагандистомъ японовѣдѣнія въ Россіи. Онъ приглашаетъ торопиться съ изученіемъ Японіи: его обращеніе къ читателямъ въ началѣ книги снабжено эпитафией—безсмертнымъ изреченіемъ Петра Великаго: «Промедленіе времени смерти невозвратной подобно».

Можно отъ всей души присоединиться къ словамъ преосвященнаго Николая японскаго, написавшаго о книгѣ о. П. Н. Булгакова:

«Весьма желательно, чтобы эта книга нашла себѣ между русскими побольше и читателей и изучателей».

А. М. Л.

Опытъ родословнаго словаря русскаго древняго дворянства. Родословныя записи Леонида Михайловича Савелова. Выпускъ 3-й. М. 1909 г. Стр. 248. Цѣна 4 р.

О первыхъ двухъ выпускахъ «Родословныхъ записей» Л. М. Савелова мы уже говорили въ свое время подробно, съ указаніемъ достоинствъ и недочетовъ этого изданія; теперь же по поводу третьяго выпуска мы ограничимся лишь немногими словами, указавъ прежде всего на то, что нынѣшнія «записи» полнѣе предыдущихъ, болѣе снабжены указаніями на источники и составляются при участіи нѣсколькихъ знатоковъ и любителей генеалогіи. Въ довольно компактный томъ вошли фамилии лишь на двѣ буквы: Д. и Е. На первую букву записано болѣе 200 фамилій, а на вторую—около 180. Есть тутъ немного фамилій лишь съ однимъ представителемъ XVII вѣка, но есть и довольно крупныя родословныя, каковы, напримѣръ, Давыдовы, Даниловы, Дашковы, Дементьевы, Дирины, Дмитріевы и Дмитріевы-Мамоновы, Домажировы, Друцкіе, Дурново, Дьяковы, Ельчаниковы, Епанчины, Ергольскіе, Еремеевы, Ермолы, Еропкины, Есиновы, Ефимьевы и др. Что касается полноты сообщенныхъ свѣдѣній, то приходится повторить и здѣсь, что мы говорили раньше по поводу первыхъ выпусковъ, а именно въ нихъ недостаетъ главныхъ свѣдѣній изъ архива департамента герольдіи и дворянскихъ депутатскихъ собраній.

Обращаемъ вниманіе хотя бы на фамилію—Державины, изъ которой происходилъ знаменитый воспѣватель императрицы Екатерины II. Въ архивѣ государственнаго совѣта имѣется дѣло объ утвержденіи духовнаго завѣщанія д. т. с. Гавріила Романовича Державина, съ родословною, изъ которой видно, что Потапъ былъ сыномъ Николая Ивановича Державина, а не братомъ, какъ сообщаетъ Л. М. Савеловъ; что у того же Николая Ивановича было еще, кромѣ указанныхъ у Л. М. Савелова, дочь Наталья и сынъ Степанъ. Въ этой же родословной указаны: дочь Василія Николаевича—Прасковья, бывшая замужемъ за Григоріемъ Глазатовымъ, обѣ жены поэта и нѣкоторыя боковыя линіи.

Затѣмъ, приводя родословную Докудовскихъ и зная, что Докудовскіе записаны по Рязанской и Тульской губерціямъ, составитель «записей» вовсе не находитъ нужнымъ упомянуть объ извѣстномъ генералѣ Вас. Абрам. Докудовскомъ, авторѣ «Воспоминаній». Мало того, онъ не упоминаетъ даже знаменитаго Ал. Петр. Ермолова, хотя о предкахъ его распространяется широко. Намъ казалось бы очень важнымъ и полезнымъ эти чисто случайныя и частичныя «записи» нѣсколько расширить и пополнить, въ виду приданія «Словарю» большаго научнаго значенія. Спѣшить же изданіемъ этихъ неполныхъ «записей» врядъ ли ужъ такъ необходимо...

В. Р—овъ.

Архимандритъ Іона. Свѣтъ съ Востока. Выпускъ третій. Спб. 1910.

Архимандритъ Іона, настоятель русской посольской церкви въ Константинополѣ, принадлежитъ къ числу немногихъ у насъ безпристрастныхъ изслѣдователей жизни и быта на православномъ греческомъ Востокѣ и время отъ времени знакомитъ русскую публику съ своими наблюденіями этой жизни, полными большаго интереса. Въ недавно опубликованномъ третьемъ выпускѣ его «Свѣта съ Востока» помѣщены три очерка, посвященные церковно-общественной жизни на греческомъ Востокѣ.

Въ первомъ очеркѣ (стр. 1—15) предложена общая характеристика современной религіозной жизни на православномъ греческомъ Востокѣ, рисующая церковное настроеніе грековъ не въ обычныхъ у нашихъ писателей грубыхъ и карикатурныхъ чертахъ, но мягко и симпатично, съ указаніемъ и многихъ привлекательныхъ особенностей въ христіанскомъ міровоззрѣніи грековъ. Большое впечатлѣніе производитъ разсказъ архимандрита Іоны о нѣжной платонической любви одного юноши-грека къ красивой Ерифики, которую онъ оставилъ ради стремленія къ аскетической жизни и удалился на Аѳоны. И теперь среди восточныхъ христіанъ горячая вѣра, религіозные порывы, любовь къ церковности, стремленіе къ аскетической жизни составляютъ одну изъ крупныхъ особенностей ихъ фактическаго религіознаго состоянія.

Во второмъ очеркѣ (стр. 16—24) рѣчь идетъ о латинскихъ и протестантскихъ школахъ на православномъ Востокѣ и ихъ значенія въ религіозной пропагандѣ. Очеркъ хорошо знакомитъ съ тѣмъ, какъ грозную и опасную силу представляютъ на Востокѣ латиняне и протестанты, ведущіе систематическій походъ противъ православныхъ и одновременно обслуживающіе національно-политическіе интересы своихъ государствъ. Въдъ православный Востокъ постепенно завоевывается этими противниками православной церкви, которые владѣютъ громадными матеріальными средствами и располагаютъ прекрасно организованными моральными силами—въ видѣ специальныхъ миссіонеровъ, учителей, врачей, инженеровъ, ученыхъ и т. п. Особенно стройно организована грандіозная черная армія монашескихъ орденовъ римской церкви—мужскихъ и женскихъ, наводившихъ почти весь Востокъ и борющихся во славу Рима *as cadaver*. А съ другой стороны, какъ слабы мѣстныя православныя церкви и матеріальными и моральными средствами; какъ онѣ обезсилены вѣковой борьбой съ исламомъ! Помощь для нихъ крайне необходима, преимущественно

со стороны единовѣрной Россіи. Но у насъ существуетъ единственное православное палестинское общество, поддерживаемое преимущественно на добровольныя пожертванія. На нашемъ правительствѣ и обществѣ лежитъ прямой долгъ поддержать палестинское общество, а чрезъ него и православіе на Востокѣ. Въ третьемъ очеркѣ (стр. 24—35) брошюры архимандрита Ионы описывается экономическое состояніе православныхъ церквей на греческомъ Востокѣ, въ общемъ—довольно печальное, вслѣдствіе непрерывной борьбы съ исламомъ и съ инославіемъ и въ силу экономического гнета, подъ которымъ вѣками стало туземное христіанское населеніе.

Небольшая брошюра архимандрита Ионы читается съ большимъ интересомъ, такъ какъ содержитъ рядъ новыхъ и свѣжихъ свѣдѣній о православномъ греческомъ Востокѣ, котораго мы, русскіе, несмотря на вѣковое съ нимъ культурное общеніе, къ сожалѣнію, и теперь не знаемъ. Авторъ заслуживаетъ вниманія особенно потому, что много лѣтъ живетъ на Востокѣ и имѣлъ возможность близко наблюдать и хорошо изучить мѣстную церковно-общественную жизнь. Желаемъ авторитетному и непристрастному изслѣдователю греческаго Востока, архимандриту Ionѣ, дальнѣйшаго успѣха въ его почтенномъ дѣлѣ.

Иеромонахъ I.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1910 годъ. Книга вторая. Двѣсти тридцать третья. Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. М. 1910. Стр. 48+VIII+214+26+176+34. Ц. 3 р.

Изъ трехъ группъ «Матеріаловъ» настоящей книжки «Чтеній» наибольшій историческій интересъ имѣютъ «Дневныя записки о путешествіи россійско-императорскаго посольства въ Персію въ 1816—1817 годахъ, веденныя совѣтникомъ этого посольства А. Е. Соколовымъ». Какъ извѣстно, послѣ заключенія Гюлистанскаго трактата съ Персіей въ 1813 году, вопросъ о разграниченіи владѣній нѣсколько лѣтъ оставался неразрѣшеннымъ, и тогда въ 1816 году для скорѣйшаго и болѣе успѣшнаго его окончанія былъ посланъ, во главѣ особаго посольства къ персидскому шаху, знаменитый А. П. Ермоловъ. Послѣдній велъ собственный дневникъ объ этомъ посольствѣ, который и былъ напечатанъ еще въ 1863 году. Много раньше появились въ печати и воспоминанія другихъ участниковъ посольства Василія Бороздны и Морица Коцебу. Оставался только подъ спудомъ, въ государственномъ архивѣ, «Журналъ», который велъ своевременно А. Е. Соколовъ, и которымъ былъ очень доволенъ самъ А. П. Ермоловъ, рекомендовавшій его въ особомъ письмѣ вниманію тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ графа К. В. Нессельроде. Но этому «Журналу», какъ называлъ его А. П. Ермоловъ, или «Дневнымъ запискамъ» суждено было получить обнаруженіе лишь въ настоящемъ году, благодаря содѣйствію императорскаго россійскаго посла въ Константинополь Н. В. Чарыкова.

Сообщившій «Дневныя записки» и сравнившій ихъ съ «Дневникомъ» А. П. Ермолова, А. С. Ермоловъ въ своемъ предисловіи говоритъ: «дневныя записки Соколова и приложенныя къ этимъ запискамъ замѣчанія объ «этикетѣ и прочихъ

событіяхъ съ російско-императорскимъ посольствомъ въ Тавризѣ, Султаніи, и вообще въ путешествіи по Персіи» содержатъ въ себѣ многія интересныя подробности, не попавшія въ журналъ о посольствѣ, составленный самимъ А. П. Ермоловымъ».

Въ отдѣлѣ «историко-литературныхъ матеріаловъ» напечатано «Собраніе рукописей Симонова монастыря (описаніе 70 рукописей, сдѣланное Н. П. Поповымъ) и въ отдѣлѣ «иностранныхъ»—«Реляція или обстоятельное описаніе ужаснаго и печальнаго разрушенія и сожженія, варварски произведеннаго москвитами и казаками при взятіи прекраснаго города Люблина. 1656 году». По словамъ И. С. Рябинина, сообщившаго эту реляцію въ нѣмецкомъ подлинникѣ и русскомъ переводѣ, послѣдняя представляетъ собою рассказъ нѣмецкаго современника о взятіи, во время польско-русскихъ войнъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, польскаго города Люблина соединенными отрядами русскаго воеводы П. И. Потемкина и предводителя казаковъ Данила Выговскаго, въ октябрѣ 1655 года. Тогда же, по требованію воеводы Бутурлина, жители Люблина выдали ему св. крестъ, который великая княгиня Ольга принесла въ Кіевъ, гдѣ онъ и оставался въ храмѣ св. Софіи около 400 лѣтъ. По Андрусовскому договору, какъ извѣстно, этотъ крестъ былъ возвращенъ полякамъ и доселѣ хранится въ люблинскомъ костелѣ св. Станислава.

Въ этой же книжкѣ начато печатаніемъ небезынтересное изслѣдованіе В. И. Рѣзанова: «Изъ исторіи русской драмы. Школьныя дѣйства XVII—XVIII вв. и театръ іезуитовъ». Наконецъ въ отдѣлѣ «Смѣси», по обыкновенію, помѣщено немало новыхъ любопытныхъ документовъ, по преимуществу XVII вѣка, между прочимъ, и вновь открытое и сообщенное г-жею Е. Лермонтовою «Похвальное слово Лихудовъ царевнѣ Софѣѣ Алексѣевнѣ 17 сентября 1686 г.» (На латинскомъ языкѣ и въ русскомъ переводѣ). **В. Рудаковъ.**

Обзоръ художественныхъ изданій общины св. Евгеніи. Спб. 1909. 18 стр., съ иллюстраціями.—В. Курбатовъ. Павловскъ. Художественно-историческій очеркъ и путеводитель. Книжныя украшенія А. П. Остроумовой-Лебедевой. Изданіе общины св. Евгеніи Краснаго Креста. Спб. (Безъ года). Стр. 50.

Нашъ вѣкъ можно назвать не только эпохой электричества, радія, авіаціи, но и эпохой открытокъ. На Западѣ собиратели иллюстрированныхъ открытокъ писемъ имѣютъ свои спеціальныя журналы; нѣкоторое время выходилъ и у насъ такой журналъ, «Открытое Письмо», подъ редакціей Ѳ. Г. Беренштама. Весьма характерное и не единичное мнѣніе объ открыткахъ высказалъ В. В. Стасовъ, когда его пригласили участвовать въ жури по разсмотрѣнію представленныхъ на конкурсъ рисунковъ для открытокъ: «считаю противнымъ кореннымъ моимъ убѣжденіямъ этотъ способъ распространенія и моды на иллюстрированныя почтовые карточки. Мнѣ всегда казалось, что сколько хороши, изящны и интересны очень многіе изъ рисунковъ, употребляемыхъ повсюду для означенной цѣли, столько же неэстетично и антихудожественно это распростра-

неніе. Приложение казеннаго почтоваго штемпеля, писаніе кругомъ картинокъ чернильнаго текста, маранье и обезображенье картички грязными почтальонскими руками, бросанье иллюстрированныхъ карточекъ куда ни попало и какъ ни попало по столамъ—все это недостойно художественныхъ произведеній и служить къ ихъ мальтретированію и перяшливому уничтоженію ихъ. Художественное произведеніе требуетъ, по моему мнѣнію, бережливаго, безконечно почтительнаго обращенія съ нимъ». На это находимъ въ обзорѣ весьма резонное возраженіе: «мало ли великолѣпныхъ изданій то коверкають, то уничтожаютъ и по необходимости, и безъ всякой надобности, мало ли исчезаетъ драгоценныхъ картинъ и другихъ сокровищъ искусства! То, что часть открытокъ пропадетъ и уничтожится, не бѣда, потому что осталная часть сохранить понятіе о тѣхъ оригиналахъ, напримѣръ, портретахъ исторической выставки, которые составятъ истинную славу русскаго искусства. Да и всѣ современные способы воспроизведенія даже самыхъ дорогихъ изданій (автотипія и трехцвѣтка) не вѣчны, потому что бумага не вѣчна, а противъ такихъ способовъ воспроизведенія никто не возражаетъ». Скромно начавъ изданіе открытокъ въ 1896 году, когда были выпущены первые нѣсколько нумеровъ, община стала постепенно доводить дѣло до крупныхъ размѣровъ. Публика давно оцѣнила открытки общины, расходящіяся во многихъ тысячахъ экземпляровъ и часто въ повторныхъ изданіяхъ; многія успѣли быстро выйти изъ продажи. Снимки съ картинъ и акварелей, карты, планы, виды, портреты и тому подобное—такова широкая и разнообразная программа издательства. Оно не только слѣдитъ за спросомъ, выпускаетъ открытки по поводу юбилеевъ (Пушкина, Петербурга) и другихъ культурныхъ событій (историческая выставка), но само, по собственному почину, предпринимаетъ такія изданія, какъ цѣлая серія воспроизведеній сокровищъ Эрмитажа, Румянцовскаго музея, музея Александра III, московской Оружейной палаты, видовъ великолѣпныхъ окрестностей Петербурга. Такъ, довольно полно представлены Царское Село, Ораніенбаумъ, Петергофъ, Павловскъ. Последнему община посвятила даже специальное описаніе, превосходно, съ любовью и пониманіемъ написанное В. Курбатовымъ. Въ немъ мы находимъ ссылки на изданія общины открытки съ видами Павловска, но и помимо ихъ описаніе имѣетъ самостоятельное значеніе. Оно напоминаетъ Петербургу и Россіи о томъ, «чтобы замѣчательное сочетаніе богатствъ, собранныхъ въ Павловскѣ, не нарушалось впредь, чтобы все сохранялось съ тою же любовью, какъ хранили его до сихъ поръ». Это пожеланіе можно отнести не къ одному Павловску. Старыя формы искусства не пользуются любовью (исключеніе составляютъ небольшіе кружки избранныхъ цѣнителей), остатки прошлаго мало гдѣ охраняются и берегутся. Отводя имъ въ своей широкой программѣ значительную долю вниманія, издательство общины св. Евгенія творитъ истинно-культурное дѣло, съ которымъ умѣло соединяетъ дѣло благотворительности, въ послѣднее время такъ тяжело скомпрометированной ея аферистами и акробатами. Л.

В. Кравченко. Черезъ три океана. Воспоминанія о морскомъ походѣ 1904—5 г. Съ семью фотографіями въ текстѣ. Спб. 1910. Стр. 243. Ц. 1 р.

Несчастливая русско-японская война—глубокая, незаживающая рана, отъ которой еще долго будетъ страдать вся Россія. Какъ больного невольно тянетъ дотронуться до пораженнаго мѣста, такъ русскаго читателя влечетъ къ себѣ всякая правдивая книга, посвященная трагической эпопее 1904—1905 г. г. Къ числу такихъ книгъ принадлежитъ книга д-ра Кравченка. Это—дневникъ вдумчиваго наблюдателя, перенесшаго всѣ тягости кампаніи и безъ всякой рисовки описывающаго пережитое. Наиболѣе интересной является первая часть дневника, посвященная плаванію до Цусимы.

Въ августѣ 1904 г. авторъ былъ назначенъ судовымъ врачомъ на крейсеръ «Изумрудъ», спѣшно достраивавшійся на Невскомъ заводѣ. Въ сентябрѣ крейсеръ, далеко еще не готовый, перешелъ въ Кронштадтъ, гдѣ продолжались работы по его снаряженію, закончившіяся только въ Ревелѣ. 2-ая эскадра ушла ранѣе этого изъ Балтійскаго моря, и «Изумрудъ» вмѣстѣ съ нѣсколькими другими судами вошелъ въ отрядъ адмирала Добротворскаго, который долженъ былъ въ послѣдствіи присоединиться къ главнымъ силамъ. До октября на крейсерѣ не было отопленія, офицеры и команда мерзли; не дѣйствовали также опрѣснители, и люди пили сырую воду, отчего началась эпидемія брюшнаго тифа; уже въ Ревелѣ пришлось списать на берегъ 25 тифозныхъ больныхъ. Между прочимъ подъ 15 октября авторъ отмѣчаетъ: «Сегодня былъ на похоронахъ нашего фельдфебеля, умершаго отъ тифа. При отданіи воинскихъ почестей взводъ не умѣлъ зарядить винтовокъ. Туда же воевать собираемся». Къ ноябрю лазаретъ крейсера былъ уже переполненъ: появилось много глазныхъ больныхъ, такъ какъ низкія трубы сильно дымили и заносили команду углемъ; раскаленныя мелкія частицы приставали къ роговицѣ, вызывая ожоги». Въ Атлантическомъ океанѣ начали вываливаться въ «Изумрудъ» заклепки, требовалась постоянная починка ихъ; электричество сплошь и рядомъ гасло, и на суднѣ приходилось прибѣгать къ маслянымъ фонарямъ. Прѣсной воды не хватало все время не только для команды, но и для офицеровъ. Съ громадными препятствіями и частыми остановками для починокъ добрался наконецъ отрядъ Добротворскаго до бухты Носси-Бе, у береговъ о. Мадагаскара, гдѣ и произошло его соединеніе съ эскадрой Рожественскаго.

Въ Носси-Бе г. Кравченко былъ назначенъ старшимъ врачомъ на крейсеръ «Аврору». Здѣсь во всемъ было больше порядка и благоустройства. Командовалъ крейсеромъ безстрашный морякъ, корректнѣйшій джентльменъ и глубоко образованный человекъ, капитанъ 1-го ранга Евгенийъ Романовичъ Егорьевъ; старшимъ офицеромъ былъ А. К. Небольсинъ. Офицеры на «Аврорѣ» были молодцы, энергичны и жили дружной семьей. Медицинскій осмотръ командны привелъ автора въ восторгъ, и онъ пишетъ: «Что здѣсь за молодцы! здоровые, стройные, такъ весело и бодро подходятъ, даютъ бойкіе отвѣты. Заглянулъ въ камбузъ, въ баню. Хорошо кормятъ, часто моютъ, умѣлое строгое обращеніе такъ во всемъ и сказывается». По работѣ аврорская команда считалась первой въ

цѣлой эскадрѣ. Особенно отличались аврорцы при погрузкѣ угля; адмиралъ Рожественскій ставилъ ихъ въ примѣръ другимъ и даже однажды приказалъ старшимъ артиллерійскимъ офицерамъ другихъ судовъ «посѣтить «Аврору» и поглядѣть распредѣленіе угля».

Наканунѣ Цусимскаго боя «Аврорѣ» было предписано дѣйствовать совмѣстно съ своимъ флагманскимъ судномъ «Олеги» (контръ-адмиралъ О. А. Энквистъ). Описание разгрома нашей эскадры и ея гибели въ рассказѣ г. Кравченка отличается отрывочностью, что объясняется тѣмъ, что авторъ не могъ замѣтить много, будучи занятъ все время подачей помощи раненымъ. Но даже эти отрывочныя замѣтки способны вызвать чувство ужаса у читателя.

Методически, одно за другимъ разстрѣливали японцы наши суда и пускали ихъ ко дну. «Аврорѣ» и «Олегу» пришлось сначала выдержать бой съ 4 японскими крейсерами, къ которымъ черезъ часъ присоединилось еще 5 другихъ. Въ короткое время «Аврора» была засыпана градомъ снарядовъ, на суднѣ вспыхнулъ пожаръ, все закуталось чернымъ удушливымъ дымомъ. Командиръ «Авроры» былъ убитъ въ началѣ крейсерскаго боя; его мѣсто занялъ старшій офицеръ А. К. Небольсинъ, раненый въ голову. Матросы и офицеры выказывали чудеса безумной храбрости и умирали героями, но ничто не могло спасти русскую эскадру, ибо, какъ говоритъ авторъ, «опытный фехтовальщикъ училъ неопытнаго да къ тому же вооруженнаго вмѣсто острой рапиры старой, никуда негодной заржавленной шпажонкой». Послѣ того, какъ былъ раненъ Рожественскій, эскадра осталась безъ командованія и «бродила, стрѣляла, не имѣя опредѣленнаго плана». «Аврора» во время боя старалась держаться вблизи своего флагмана. Сдѣлавъ вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько безуспѣшныхъ попытокъ прорваться на сѣверъ и выдержавъ нѣсколько атакъ японскихъ миноносцевъ, «Аврора», а также и «Жемчугъ» повернули на югъ. Во время боя на «Аврорѣ» было убито 10 человекъ и ранено 89. Черезъ нѣсколько дней суда нашли убѣжище въ Маниллѣ, гдѣ и были принуждены разоружиться.

Нареканія на адмирала Энквиста, которыя появились въ печати, авторъ считаетъ совершенно не обоснованными и не заслуженными, такъ какъ «вынужденное отступленіе послѣ упорнаго боя, удачный прорывъ черезъ непріятеля, превосходившаго во много разъ численностью, не есть позорное трусливое бѣгство».

В. Троицкій.

Отчетъ московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1909 г., представленный директоромъ музеевъ г. министру народнаго просвѣщенія. М. 1910. Стр. 124 + 17 + 24.

Созданное незабвенной памяти графомъ Н. П. Румянцовымъ учрежденіе, имѣющее цѣлью «благое просвѣщеніе» и являющееся единственнымъ для первопрестольной столицы, знаменитые вышеназванныя музеи оказываются чуждыми нашему министерству народнаго просвѣщенія, самими отдаленными пасынками, гласъ которыхъ ужъ столько лѣтъ не достигаетъ его слуха. Цѣлый рядъ годовыхъ отчетовъ директора музеевъ, представленныхъ министру народнаго просвѣщенія, самаго скорбнаго, удручающаго характера, не нашель

себѣ ни малѣйшаго отклика, и это обстоятельство заставило администрацію музеевъ путемъ личныхъ печатныхъ воззваній и газетныхъ lamentaцій обратиться къ обществу. Къ счастью, нашелся щедрый жертвователь Н. А. Шаховъ, «принесшій 50,000 рублей на постройку читальнаго зала вмѣстимостью не менѣе, чѣмъ на 500 человекъ»; но эта сумма вмѣстѣ и съ другими небольшими поступленіями весьма незначительна, и если музей не придуть на помощь государственная дума чрезъ посредство министерства народнаго просвѣщенія и общественная благотворительность, то, по утвержденію составителя «Отчета», наиболѣе крупному музейскому учрежденію «библіотекъ грозитъ опасность превратиться изъ государственнаго книгохранилища въ безпорядочный складъ книгъ, въ которомъ нѣтъ возможности даже провѣрить наличность, и гдѣ успѣли образоваться цѣлыя кладбища брошюръ» (стр. 61). Несмотря на все болѣе и болѣе расширяющееся стремленіе нашего общества къ просвѣщенію и вмѣстѣ съ этимъ возрастающее съ каждымъ годомъ число посѣтителей и читателей музеевъ, ни министерство народнаго просвѣщенія, ни болѣе богатые радѣтели отечественнаго блага какъ бы не замѣчаютъ этого явленія и спокойно предоставляютъ погибать одному изъ лучшихъ и крупнѣйшихъ просвѣдительныхъ учреждений, находящемуся въ самомъ центрѣ Россійской имперіи.

Въ настоящее время у музеевъ нѣтъ ни помѣщенія, которое могло бы удовлетворить хотя бы половину спроса, ни средствъ, ни людей, могущихъ выполнить необходимыя обязанности, вслѣдствіе чего, напримѣръ, бібліотека по части иностранныхъ книгъ и журналовъ не можетъ удовлетворить даже 40% требованій и, слѣдовательно, далеко не оправдываетъ своего назначенія. Министерство народнаго просвѣщенія съ 1900 г. продолжаетъ отпускать на вознагражденіе «вольно трудящихся» въ годъ по 3000 р., а между тѣмъ администрація музеевъ вынуждена, въ силу необходимости, тратить на этотъ предметъ уже пять лѣтъ отъ 8000 до 9700 р. Нечего и говорить, что въ музеяхъ не производится никакого ремонта, не дѣлается почти никакихъ приобрѣтеній покупкою и даже не переплетаются очень многія книги. Болѣе, кажется, тяжелаго и невыносимаго положенія не могло бы допустить ни одно просвѣдительно-народное учрежденіе въ какой угодно мало-мальски культурной странѣ.

Однако, неутомимая администрація музеевъ, преданная своему дѣлу, продолжаетъ изобрѣтать средства и силы къ поддержанію хотя бы части этого государственно-народнаго хранилища и обогащаетъ его отдѣленія новыми цѣнными приобрѣтеніями, получаемыми отъ жертвователей, и своими личными работами. Въ отчетномъ году въ бібліотеку поступило богатое книжное собраніе профессора томскаго технологическаго института М. Н. Соболева; въ отдѣленіе рукописей и старопечатныхъ книгъ принесены въ даръ Шаповаловымъ—Степенная книга и Уложеніе царя Алексѣя Михайловича; И. П. Казанскій подарилъ отдѣленію автографы митрополита Филарета (Дроздова), а Д. В. Цвѣтасвъ—цѣлое собраніе книгъ, брошюръ, газетъ, приказовъ, прокламацій, гѣсенъ, молитвъ, портретовъ, рисунковъ, эмблемъ и другихъ предметовъ, относящихся къ польскому возстанію 1863 г. Наиболѣе видными вкладчиками въ отдѣленіе изящныхъ искусствъ и классическихъ древностей были Н. С.

Мосоловъ, И. Е. Цвѣтковъ, И. П. Свѣшниковъ, М. П. Кугушева и др., а въ отдѣленіе этнографіи—генералъ-отъ-инфантеріи П. И. Гродсковъ и В. Н. Харузина.

Интересно еще остановиться на нѣкоторыхъ цифровыхъ данныхъ. Въ библиотекѣ 6 штатныхъ служащихъ обязаны были въ 1909 г. принять около 32,000 томовъ книгъ и хранить ихъ согласно съ требованіями библиотечнаго дѣла; кромѣ того, на ихъ обязанности было разбирать и составлять описанія и каталоги прибрѣтеній предыдущихъ годовъ. Читальный залъ, гдѣ перебивало въ отчетномъ году до 12¹/₂ тысячъ человекъ, заявившихъ свыше 230,000 требованій, обслуживаютъ всего 5 человекъ, что можетъ показаться, какъ говорить и составитель «Отчета», даже невѣроятнымъ. Въ отдѣленіи «рукописей», гдѣ всего два штатныхъ чиновника, за годъ было «выдано, принято обратно съ проверкой и поставлено на мѣсто 653 рукописи и старопечатныхъ книгъ при 1250 посѣщеніяхъ занимающихся». Наконецъ для обзоренія коллекцій въ музеяхъ за 299 дней (изъ нихъ 220 платныхъ и 79 бесплатныхъ) перебивало 81,228 человекъ, изъ нихъ съ платою лишь 12,403.

Въ заключеніе нельзя не указать на одно несчастье музеевъ, это именно на кражу до 400 листовъ гравюръ изъ школъ русской, главнымъ образомъ, изъ собранія Д. А. Ровинскаго, англійской и др., произведенную постояннымъ посѣтителемъ М. П. Козновымъ, который почему-то московскимъ окружнымъ судомъ былъ признанъ невиновнымъ, что и вызвало передачу дѣла на разсмотрѣніе другому составу присяжныхъ засѣдателей. **В. Рудаковъ.**

А. Н. Пыпинъ. Мои замѣтки. Съ приложеніемъ статей: «Два мѣсяца въ Прагѣ» и «Вячеславъ Ганка». Подъ ред. В. А. Ляцкой. Стр. IV + 312. М. 1910. Цѣна 2 руб.

Лѣтомъ 1900 года у А. Н. Пыпина явилась прекрасная мысль написать свои воспоминанія, привести въ порядокъ впечатленія своей долгой жизни. Изрѣдка, въ свободную минуту онъ диктовалъ дочери свои воспоминанія—«Мои замѣтки». Лишнее много говорить объ интересѣ и значеніи воспоминаній такого человека, какъ А. Н. Пыпинъ.

Полная впечатлѣнній, замѣчательно содержательно протекла его жизнь. Среди нашихъ историковъ ему должно быть отведено одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ А. Н. Пыпинѣ поражаетъ разносторонность, удивительное разнообразіе интересовъ. Живой интересъ къ явленіямъ русской жизни, къ общественнымъ вопросамъ тѣсно былъ связанъ у А. Н. Пыпина съ интересами къ исторіи, къ народному творчеству, древней и новой литературѣ и къ славянской жизни и литературѣ и, наконецъ, къ этнографіи. Но А. Н. Пыпинъ не только интересовался этими областями, онъ ихъ внимательно изучалъ. Научной эрудицій А. Н. Пыпинъ обладалъ замѣчательной, онъ былъ серьезнымъ изслѣдователемъ разнообразныхъ областей, посвятивъ каждой изъ нихъ солидные научные труды. Горячо отдаваясь научной дѣятельности, А. Н. Пыпинъ принималъ много лѣтъ дѣятельное участіе въ общественно-литературной жизни, стоялъ близко къ такимъ журналамъ, какъ «Современникъ», «Вѣстникъ Европы», къ такимъ лицамъ, какъ Чернышевскій, Некрасовъ, Добролюбовъ.

И если бы А. Н. Пыпину удалось довести до конца свои воспоминанія, то, несомнѣнно, мы имѣли бы книгу большой цѣнности, не только какъ автобіографія замѣчательнаго русскаго историка, но и какъ лѣтопись русской жизни за 50 лѣтъ, принадлежащую перу наблюдательнаго человѣка, принимавшаго такое близкое участіе въ общественной, литературной и научной жизни Россіи такъ много лѣтъ. Къ сожалѣнію, смерть оборвала воспоминанія почти въ ихъ началѣ. Часть ихъ была напечатана А. Н. Пыпинымъ въ книгѣ о Некрасовѣ. Полностью же «Мои замѣтки» были опубликованы вскорѣ послѣ смерти А. Н. Пыпина на страницахъ «Вѣстника Европы». Въ настоящее время «Мои замѣтки» вышли подъ ред. дочери А. Н. Пыпина В. А. Ляцкой отдѣльнымъ изданіемъ съ присоединеніемъ являющихся какъ бы ихъ хронологическимъ продолженіемъ двухъ статей, напечатанныхъ въ «Современникѣ» въ 1859—1861 гг.—«Два мѣсяца въ Прагѣ» и «Вячеславъ Ганка».

Хотя А. Н. Пыпину не удалось довести до конца свои воспоминанія, то и то, что онъ успѣлъ продиктовать, представляетъ немалый интересъ. Прежде всего «Мои замѣтки» даютъ цѣнный матеріалъ для біографіи самого А. Н. Пыпина, раскрывая предъ нами, какъ складывались его интересы, міросозерцаніе и литературные взгляды. Но интересъ и цѣнность воспоминаній этимъ не ограничиваются. Большею частью мемуаристы заняты всецѣло собою, описывая свою жизнь до мельчайшихъ, не имѣющихъ ровно никакого общаго интереса деталей. А. Н. Пыпинъ же, рассказывая свою жизнь, останавливается лишь на главномъ, никогда не теряетъ изъ вида общей исторической атмосферы, удѣляя должное вниманіе характеристикѣ общихъ условій русской жизни, общественныхъ и литературныхъ явленій, обрисовкѣ тѣхъ лицъ, съ которыми былъ близокъ, которыхъ зналъ. Благодаря этому, расширяется значеніе и цѣнность воспоминаній, они дѣлаются интереснымъ историческимъ матеріаломъ. Наиболѣе заслуживаютъ вниманія характеристики общественнаго настроенія послѣ Крымской кампаніи и въ первые годы эпохи реформъ, обрисовка университета и профессоровъ первой половины 50-хъ годовъ. Кромѣ того, въ «Моихъ замѣткахъ» мы найдемъ интересные штрихи для біографій цѣлаго ряда писателей и ученыхъ—Чернышевскаго, Добролюбова, М. Михайлова и др.

А. Фоминъ.

Николай Морозовъ. Письма изъ Шлиссельбургской крѣпости. Спб. 1910. Стр. 267. Ц. 1 р. 20 к.

Письма извѣстнаго шлиссельбуржца Н. Морозова представляютъ собою во многихъ отношеніяхъ выдающійся интересъ, а потому и заслуживаютъ вниманія широкихъ круговъ читателей. Просидѣвъ двадцать пять лѣтъ въ одиночномъ заключеніи, на многіе и многіе годы быть лишеннымъ общества другихъ людей, имѣть возможность въ теченіе этого времени бесѣдовать лишь съ книгами и повѣдывать свои мысли и чувства лишь четыремъ стѣнамъ, клочку неба, видимаго изъ маленькаго окошка, звѣздочкамъ, мерцающимъ на этомъ клочкѣ, и при такихъ условіяхъ существованія не потерять ясности мысли, свѣжести чувства и любви къ міру, разстилающемуся за четырьмя стѣнами тюрьмы,—

явленіе не совѣтъ обычное. И всемірная исторія и исторія литературы беллетристической достаточно знакомит насъ съ судьбою многихъ и многихъ лицъ, очутившихся въ положеніи г. Морозова; наконецъ, опубликованныя нынѣ страдальныя страницы изъ жизни нашихъ «политиковъ», поканчивавшихъ жизнь самоубійствомъ или подъ гнетомъ тяжелаго развившагося недуга,—ясныя примѣры и образцы длительной жизни въ одиночномъ заключеніи. Только очень сильныя организаци, сильныя біологически и въ духовномъ и въ физическомъ отношеніи, могли справляться съ тяготами доставшейся имъ на долю судьбы съ сохраненіемъ той живучести тѣла и духа, о коихъ свидѣлствуютъ намъ письма г. Морозова. Эти его письма лучшей аттестатъ ему, что онъ черезъ всѣ свои тяжкія испытанія именно сохранился сильнымъ, каковымъ, несомнѣнно, создала его природа, и при томъ сильнымъ въ прямомъ значеніи этого слова: и въ отношеніи умѣнія приспособить окружающую обстановку съ максимумомъ пользы для своего здоровья, и въ отношеніи умѣнія не только не утратить накопленное до заключенія своего духовное состояніе, но и развить его до крайнихъ предѣловъ возможнаго, поскольку къ тому представился случай, созданный изъ силы личной воли, изъ личнаго хотѣнія и изъ того, что дали благопріятныя условія шлиссельбургскаго житія. Г. Морозовъ представляетъ собою, на нашъ взглядъ, удивительный примѣръ приспособленія и борьбы за существованіе съ благопріятнымъ исходомъ этой борьбы, и въ этомъ отношеніи выпущенная нынѣ въ свѣтъ его корреспонденція съ родными, когда таковая была ему позволена (по два письма въ годъ), чрезвычайно любопытна, какъ историческій и психологическій документъ, откуда мы познаемъ думы одинокаго человѣка, безъ просвѣта въ будущемъ, съ ограниченнымъ настоящимъ и живущаго частію прошедшимъ, частію тѣми краткими свѣдѣніями семейнаго порядка изъ отчаго дома, поскольку они два раза въ годъ могли проникать къ нему. Представьте себѣ человѣка, на двадцать слишкомъ лѣтъ оторваннаго отъ своей родной среды, многіе годы не имѣвшаго отъ нея никакихъ свѣдѣній и вдругъ узнающаго, что за этотъ длинный промежутокъ времени тамъ, на старомъ мѣстѣ выросла цѣлая обширная новая жизнь съ ея развѣтвленіями и живыми побѣгами. Объ этой жизни онъ получаетъ понятіе лишь изъ рукописныхъ строкъ, изъ фотографій и только. И вотъ передъ нами въ отвѣтныхъ письмахъ г. Морозова эти безжизненные знаки, безцвѣтные и неодушевленные, получаютъ плоть, кровь, окраску и освѣщеніе... Должно сознаться, что для психологіи здѣсь богатое поле изученія и выводовъ. Заключенный силою воображенія возстановляетъ то, что закрыто отъ него стѣнами тюрьмы, бесѣдуетъ съ этими невѣдомыми знакомцами, познаетъ ихъ психику, погружается въ ихъ интересъ, въ ихъ личную жизнь, начинаетъ ихъ любить и принимать въ нихъ живое участіе. Вотъ поэтому, когда читаешь живые документы г. Морозова и разсматриваешь эти документы именно подъ психологическимъ угломъ зрѣнія, начинаетъ казаться, что ты имѣешь дѣло съ вымысломъ талантливаго беллетриста, силою творчества воссоздаващаго любопытное жизненное положеніе: взаимоотношеніе тюрьмы и воли безъ личнаго соприкосновенія сторонъ другъ къ другу.

Помимо такой постановки вопроса, шлиссельбургскія письма г. Морозова любопытный историческій матеріалъ, дающій возможность возстановить обстановку, бытъ и режимъ легендарной крѣпости съ исторической печатью на ней ужаса и страха. Письма г. Морозова въ данномъ случаѣ какъ бы реабилитируютъ эту тюрьму, и скромные садики, огородики, научныя библіотеки, въ ней нынѣ существующіе, заставляютъ забывать о грозныхъ временахъ Іоанна Антоновича и другихъ въ ней заключенныхъ и въ ней погибшихъ. Даютъ «письма» и обширный матеріалъ для біографіи самого г. Морозова, такъ какъ, бесѣдуя съ родными, сестрами, матерью, невѣдомыми племянниками и племянницами, онъ постоянно возвращается къ своему дѣтскому и юношескому былому, дающему возможность судить о той окружающей обстановкѣ, въ которой сложились его характеръ, его міропониманіе, его наклонности. Такимъ образомъ, бесѣда съ родными г. Морозова обращается въ рукахъ читателей въ своего рода автобіографію автора. Конечно, вопросъ очень и очень спорный, поскольку удобно при жизни выносить на свѣтъ Божій свое собственное я и интимную жизнь своихъ родныхъ. Намъ извѣстно, что многіе выдающіеся люди бывають озабочены, чтобы даже послѣ ихъ смерти эта интимность не стала достояніемъ толпы, объектомъ сужденій и изученія улицы. Наиболѣе яркій примѣръ такого береженія себя отъ толпы авторъ «Обрыва» и «Обломова». Имѣются въ исторіи литературы образцы иного рода, когда писатели искусственно плодятъ матеріалы для своей біографіи и сами создаютъ себѣ своего рода памятникъ въ потомствѣ. Таковымъ былъ Н. С. Лѣсковъ. Оба приведенныхъ примѣра, несомнѣнно, носятъ на себѣ печать крайностей, но нельзя не отмѣтить, что и «письма» г. Морозова не могутъ считаться явленіемъ вполне нормальнымъ и въ изданіи ихъ какъ никакъ, а видится образецъ нѣкоторой позировки, любованія собою и заботы о своей партійной канонизаціи. Эта черта очень наглядно наблюдается во всей нынѣшней дѣятельности г. Морозова, который, въ противность остальнымъ своимъ сотоварищамъ по Шлиссельбургской тюрьмѣ, ужъ очень шумно заявляетъ о своемъ существованіи. Что жъ, у каждаго имѣются свои слабости, только бы эти слабости не переходили въ крайность, а тутъ недалеко и отъ смѣшной крайности. Жаль, если г. Морозовъ очутиться въ этомъ положеніи, которое такъ не соотвѣтствуетъ тому драматическому, которое поглотило столько лѣтъ его жизни...

В. Г.

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Подъ редакціею и съ примѣчаніями А. С. Венгерова. Томъ IX. Спб. 1910. Стр. 6 нн. + 521. Цѣна 1 р. 75 к.

Начатое десять лѣтъ тому назадъ С. А. Венгеровымъ изданіе «Полнаго собранія сочиненій В. Г. Бѣлинскаго» является первымъ полнымъ и снабженнымъ множествомъ біо-библиографическихъ примѣчаній ¹⁾ «собраніемъ» сочиненій нашего великаго критика. Оно рассчитано на 12 компактныхъ томовъ,

---

¹⁾ Примѣчанія, начиная съ VIII тома, переносятся въ послѣдній томъ.

изъ которыхъ по сіе время появилось въ свѣтъ девять томовъ. По поводу каждаго изъ нихъ можно было встрѣтить въ періодической печати лишь самые одобрительные и вполне заслуженные отзывы.

Въ настоящій томъ вошла 91 статья, съ № 801 по 892 (нумерація идетъ съ перваго тома), которыя всѣ были напечатаны въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1844 и 1845 гг. Причемъ, по словамъ издателя-редактора, только 27 статей, появляются въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ печатались до сихъ поръ. Изъ остальныхъ 64 статей 33 печатаются С. А. Венгеровымъ впервые, а 31 въ «дополненномъ видѣ», т. е. съ восстановленіемъ тѣхъ выбросокъ «лишняго», которыя позволилъ себѣ сдѣлать первый редакторъ (въ изданіи Солдатенкова) г. Кетчеръ, особенно «безжалостно обращающійся съ цитатами Бѣлинскаго. «И это,—говоритъ С. А. Венгеровъ,—конечно, было большою ошибкою, потому что Бѣлинскій былъ замѣчательный мастеръ очень труднаго искусства подбирать цитаты. Подобрать удачно цитату—значитъ сдѣлать отзывъ и содержательнымъ и убѣдительнымъ. А еще цѣннѣе, конечно, цитаты въ данномъ случаѣ: въ отзывахъ о тѣхъ книгахъ, которыя радикально теперь забыты, и представленіе о которыхъ получаешь только по тому, что о нихъ писалъ Бѣлинскій».

Большинство новыхъ, впервые появляющихся въ изданіи С. А. Венгерова, статей Бѣлинскаго принадлежитъ къ разряду мелкихъ рецензій, однако имѣющихъ во многихъ случаяхъ немалый интересъ историко-литературнаго, біографическаго и т. п. характера. Таковы, напримѣръ, предисловіе къ статьѣ о Кантемирѣ (подъ № 839), гдѣ указывается, какъ подготовлялъ Бѣлинскій свою исторію русской литературы, которую ему такъ и не удалось составить, хотя отдѣльныя части ея были закончены; затѣмъ статья подъ № 840, въ которой находимъ отчетъ и огромныя выдержки изъ поэмы Майкова «Двѣ судьбы», не вошедшей въ полное собраніе сочиненій послѣдняго; далѣе интересна замѣтка подъ № 824 о разсказахъ «русскаго инвалида»—генерала Скобелева, бывшаго командантомъ Петропавловской крѣпости, и нѣкоторыя другія.

Самою же крупною и интересною, также въ дополненномъ видѣ, является статья: «Русская литература въ 1844 году»; затѣмъ идутъ отзывы: 1) о сочиненіяхъ князя В. Ѳ. Одоевскаго, 2) «Запискахъ Семена Порошина», 3) «Тарангасѣ» графа В. А. Соллогуба, 4) «Опытъ исторіи русской литературы» А. В. Никитенка, 5) о третьемъ томѣ «Сто русскихъ литераторовъ», и статьи: «Петербургъ и Москва», «Петербургская литература» и «Александровскій театр».

Послѣднія двѣ статьи не находятся даже въ спискахъ А. Д. Галахова и впервые приписываются Бѣлинскому С. А. Венгеровымъ. В. Р.—въ.

Н. Г. Мартыновъ. Статистическія таблицы російскаго книгоиздательства за 1909 г. по официальнымъ источникамъ. Спб. 1910.
Цѣна 1 р. 50 к.

За послѣднее время паша книжная производительность возрастаетъ очень интенсивно, каждый годъ выпускается въ свѣтъ громадное количество всевозможныхъ книгъ. Регистрацію вновь выходящихъ книгъ ведетъ, какъ извѣстно, главное управленіе по дѣламъ печати. Но если дѣло регистраціи книгъ поста-

влено у насъ прочно, то въ очень плачевномъ состояніи находится статистика печати вообще и книжнаго дѣла въ частности. Какъ растетъ книжная производительность, какъ распредѣляются книги по содержанію, какія колебанія замѣчаются по сравненію съ прежними годами, какова номинальная стоимость выпущенныхъ книгъ, какія издательства болѣе производительны, какъ относится количество вновь выпущенныхъ книгъ къ общему числу населенія, грамотныхъ и учащихся, и масса другихъ вопросовъ оставались не разработанными. А они имѣютъ немалое значеніе, и не только узко-практическое, для книготорговцевъ, но и съ точки зрѣнія культурной, экономической и общественной.

Поэтому нельзя не привѣтствовать появленія статистическихъ таблицъ г. Мартынова, онѣ заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія. Г. Мартыновъ дѣлаетъ попытку правильной и систематической организаціи статистики нашей книжной производительности. Основываясь на регистраціи главнаго управленія по дѣламъ печати, г. Мартыновъ произвелъ цѣлый рядъ статистическихъ подсчетовъ, выполнивъ громадную по величинѣ и очень сложную по существу работу. Просто поражаетъ, какъ могъ ее выполнить одинъ человекъ. Нужно очень любить книгу, чтобы сдѣлать такую работу, вѣдь никакой коммерческой выгоды изданіе таблицъ ихъ составителю дать не можетъ.

Вся статистическая работа г. Мартынова состоитъ изъ пяти таблицъ. Первая таблица показываетъ, сколько экземпляровъ и на какую сумму выпущено въ продажу книгъ каждую недѣлю. Таблица вторая распредѣляетъ книги по содержанію, указываетъ количество наименованій, отпечатанныхъ экземпляровъ, общую ихъ стоимость, отношеніе количества книгъ одной области къ общему количеству выпущенныхъ книгъ и приростъ книжной производительности въ 1909 году по сравненію съ 1908 годомъ. Таблица третья даетъ картину производительности разныхъ издательствъ и учреждений, въ четвертой таблицѣ распредѣляется книгоиздательство по губерніямъ. Пятая таблица указываетъ центры книгоиздательства, группируетъ издателей и отмѣчаетъ характеръ и производительность группъ.

Значеніе таблицъ г. Мартынова неоспоримо, даже если не упускать изъ виду, что онѣ не даютъ вполнѣ точнаго подсчета книжной производительности, въ чемъ неповинны ни составитель, ни главное управленіе по дѣламъ печати, регистрирующее книги. Таблицы составлены по спискамъ главнаго управленія, но въ нихъ далеко не все зарегистрировано. Дѣло въ томъ, что крупныя издательства приобѣгаютъ къ такъ называемымъ «припечаткамъ». Это особенно практикуется при изданіи книгъ по подпискѣ въ рассрочку. При выходѣ первыхъ выпусковъ такого изданія подписалось на него определенное количество подписчиковъ, сообразно съ чѣмъ и печаталось определенное количество экземпляровъ, съ выходами остальныхъ выпусковъ количество подписчиковъ неожиданно возросло и количество экземпляровъ стали печатать болѣе. Чтобы удовлетворить подписчиковъ, явилась потребность въ первыхъ выпускахъ, уже разошедшихся, и вотъ ихъ «припечатываютъ», причемъ официально не заявляютъ, чтобы не платить гонорара авторамъ, редакторамъ и сотрудникамъ, какъ за второе изданіе. Нерѣдко печатаютъ новымъ изданіемъ крупныя сочи-

ненія цѣликомъ, не заявляя этого. И есть фирмы, издающія собранія сочиненій писателей, крупныя изданія, которыя постоянно «припечатываютъ», не заявляя этого. Въ виду этого производительность нѣкоторыхъ издательствъ, а слѣдовательно и общая книжная производительность гораздо выше, чѣмъ это отмѣчено регистратурой главнаго управленія по дѣламъ печати и составленными на основаніи этой регистратуры таблицами г. Мартынова.

А. Фомищъ.

И. И. Соколовъ. Вопросъ о реформѣ календаря предъ судомъ православныхъ церквей Востока. Спб. 1910.

Настоящая брошюра представляет докладъ, прочитанный профессоромъ И. И. Соколовымъ въ комиссіи при императорской академіи наукъ, занимающейся вопросомъ о введеніи въ Россіи новаго стиля. Извѣстно, что у насъ давно уже ведется рѣчь о новомъ стилѣ, причѣмъ одни наши новаторы склонны принять стиль Григоріанскій, отказавшись отъ своего—Юліанскаго, а другіе находятъ невозможнымъ, по научнымъ соображеніямъ, отдать предпочтеніе календарю Григоріанскому предъ Юліанскимъ и желали бы создать нейтральный, единый и всеобщій для культурнаго міра календарь.

Но въ сложномъ вопросѣ о реформѣ календаря весьма большое значеніе принадлежитъ церковной старинѣ, такъ какъ реформа неизбежно должна коснуться вѣковыхъ традицій православной церкви относительно времени празднованія Пасхи и соединенныхъ съ нею другихъ праздниковъ и церковныхъ временъ,—повлечетъ за собою отмѣну «зрячей пасхалии» нашихъ церковныхъ книгъ, имѣющихъ въ представленіи народа непререкаемый авторитетъ, и можетъ вызвать въ народѣ тревожную смуту и схизматическое церковно-религіозное движеніе. А затѣмъ вопросъ о реформѣ календаря касается не одной только русской церкви, но и всѣхъ православныхъ восточныхъ церквей—константинопольской, іерусалимской, александрійской, антиохійской, элладской, кипрской, болгарской, сербской, черногорской, румынской—въ Румыніи и Австро-Венгріи, которыя также придерживаются юліанскаго календаря и имѣютъ одинаковую съ русской церковью пасхалию. Значитъ, одна русская церковь не можетъ и не рѣшится произвести реформу календаря самостоятельно, безъ предварительнаго сношенія и соглашенія съ остальными автокефальными восточными церквами. Наконецъ, на Востокѣ, особенно въ Палестинѣ и Сиріи вопросъ о реформѣ календаря имѣетъ и вѣроисповѣдныя характеръ, такъ какъ служитъ для латинянъ, стремящихся распространить григоріанскій календарь, орудіемъ религіозной пропаганды. Такимъ образомъ, вопросъ о введеніи новаго стиля не такъ простъ, какъ у насъ обыкновенно думаютъ. А съ другой стороны, церковное значеніе предполагаемой реформы громадно. Значитъ, въ этомъ дѣлѣ далеко не достаточно ограничиваться астрономическими и хронологическими вычисленіями, но необходимо представить его на судъ церкви.

Профессоръ Соколовъ и поставилъ своей задачей предложить историческую справку о томъ, какъ православныя восточныя церкви относятся къ

вопросу о реформѣ календаря. Авторъ приводитъ свѣдѣнія какъ изъ прошлой исторіи церквей, такъ и изъ современной—до 1904 года включительно. Въ частности, въ примѣрѣ представлены мнѣнія церквей константинопольской, іерусалимской, русской, элладской, сербской, румынской и черногорской. Каждая церковь оцѣниваетъ вопросъ не только съ принципиальной точки зрѣнія, но и примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ. Общій ихъ голосъ склоняется въ сторону отрицательную календарной реформѣ, по крайней мѣрѣ для нашего времени.

Въ отмѣченной брошюрѣ профессора Соколова предложены свѣдѣнія, можно сказать, официального церковнаго значенія. Здѣсь современный интересный вопросъ затронутъ съ той стороны, которая до настоящаго времени почти совершенно игнорировалась. Поэтому докладъ г. Соколова заслуживаетъ полнаго вниманія.

П. В.

Энциклопедія славянской филологіи. Выпускъ 2. Л. Нидерле. Обзоръ зрѣніе современнаго славянства. Спб. 1909. Стр. 160. Цѣна 1 р. 20 к.

Предпринятая нѣсколько лѣтъ тому назадъ академіей наукъ «Энциклопедія славянской филологіи», хотя и медленно, но подвигается впередъ. Послѣ «Исторіи русскаго литературнаго языка» Будде передъ нами теперь новый ея выпускъ—географическо-статистическій очеркъ современнаго славянства, принадлежащій перу извѣстнаго чешскаго ученаго д-ра Любора-Нидерле. За короткое время это у насъ уже вторая работа подобнаго рода: о первой попыткѣ дать общій обзоръ всего славянства, книгѣ Флоринскаго «Славянское племя», былъ нами данъ въ свое время отчетъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника».

Нидерле дѣлитъ все славянство на 7 племенъ: русское, польское съ кашубскимъ, лужицко-сербское, чешское со словацкимъ, словенское, сербо-хорватское и болгарское. Здѣсь очевидно стремленіе свести всѣ разновидности славянскаго племени къ возможно меньшему количеству группъ. Впрочемъ, авторъ нигдѣ не скрываетъ стремленія отдѣльныхъ славянскихъ группъ къ дальнѣйшему развѣтвленію и въ этомъ отношеніи едва ли ему можно сдѣлать упрекъ.

Общее количество славянъ въ 1900 г. Нидерле считаетъ въ 136 $\frac{1}{2}$ милліоновъ. Изъ нихъ на долю русскихъ выпадаетъ около 94 милліоновъ, на долю поляковъ и кашубовъ 17 $\frac{1}{2}$ мил., чеховъ и словаковъ вмѣстѣ 9.800.000 (изъ этого числа словаковъ 2.600.000), сербо-хорватовъ 8.550.000, болгаръ 5 мил., словенцевъ 1 $\frac{1}{2}$ милліона и наконецъ лужицкихъ сербовъ 150.000. Для 1906 г. Флоринскій насчиталъ всего славянъ 148.521.000. Такимъ образомъ за 6 лѣтъ славянство увеличилось на 12 милліоновъ. Но при болѣе подробномъ разсмотрѣніи роста населенія у отдѣльныхъ славянскихъ народовъ выводы получаются иногда весьма пессимистическаго свойства.

Быстрѣе всего, несмотря на наибольшую смертность, идетъ ростъ русскаго народа. А ежегодный приростъ населенія у насъ среди славянъ наибольшій: отъ 1,5% до 1,8%. Затѣмъ слѣдуютъ поляки съ ежегоднымъ приростомъ отъ 1,4% до 1,5%, за ними болгары отъ 1,21% до 1,51%, сербы королевства

«Истор. вѣстн.», сентябрь, 1910 г., т. сxxi.

23

1,48⁰/₀, австрийскіе сербы и хорваты 1,03⁰/₀, чехи 0,97⁰/₀ и словаки 0,66⁰/₀. Словенцы остановились почти на мертвой точкѣ. За годы 1890—1900 прирость ихъ равняется только 1,37⁰/₀, тогда какъ за это же десятилѣтіе все народонаселеніе Австріи увеличилось на 9,4⁰/₀! Еще хуже положеніе лужицкихъ сербовъ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ Мука, переходя изъ деревни въ деревню, насчиталъ ихъ 175,969 человекъ. Въ 1900 г. офиціальная статистика насчитала ихъ уже всего только 116,810, а частная—156,000. За десять лѣтъ, по вычисленіямъ нижнедужицкаго пастора Швелы, число однихъ только нижнихъ лужичанъ уменьшилось на 20,000. Такимъ образомъ, смерть глядитъ имъ прямо въ глаза. Кажется, что немногимъ лучше положеніе и кашубовъ. Къ сожалѣнію, относительно ихъ Нидерле ограничился давними показаніями Рамулта и не принялъ во вниманіе новѣйшей офиціальной статистики.

Неутѣшительны и цифры сравнительной статистики у словаковъ, чеховъ и сербо-хорватовъ. Въ Словачинѣ число рожденій у мадьяръ больше, чѣмъ у словаковъ. За 1850—1900 гг. прирость мадьяръ опредѣляется 80⁰/₀, прирость словаковъ всего только 32⁰/₀. И въ Чехіи и на Моравіи нѣмцы размножаются, хотя и немногимъ, но все-таки быстрѣе, чѣмъ чехи. Что касается Хорватии и Славоніи, то, сличая показанія 1880 и 1900 гг., найдемъ постепенное процентное уменьшеніе славянскаго населенія и возрастаніе неславянскаго. Количество славянъ за эти годы опредѣляется отношеніемъ 90,48⁰/₀ : 87,22⁰/₀, а нѣмцевъ 4,4⁰/₀ : 5,53⁰/₀, мадьяръ же 2,19 : 3,74. Въ Венгріи сербо-хорваты уменьшаются и безотносительно (— 0,84⁰/₀), точно такъ же, какъ и въ Турціи, откуда они безпрестанно выселяются въ Сербію. Вообще говоря, за вторую половину истекшаго столѣтія въ Венгріи, включая и Хорватію, славяне безостановочно уменьшались; наоборотъ, въ Австріи за это же время процентъ ихъ поднялся съ 57,18 до 60,44⁰/₀, а процентъ нѣмцевъ соответственно уменьшился, но и въ Австріи ростъ славянства замѣчался только у поляковъ и чеховъ. Процентъ русскихъ, словенцевъ и сербо-хорватовъ и тамъ медленно, но неизмѣнно, падаетъ.

Любопытны данныя, приводимыя Нидерле, относительно пола. Здѣсь рѣзко отличается сѣверъ и западъ славянства отъ юга. На каждую тысячу мужчинъ у словаковъ приходится 1,062 женщины, у чеховъ—1,056, у поляковъ галиційскихъ—1,049, у русскихъ—1,032. Последнее отношеніе повторяется и у словенцевъ, но въ южной Венгріи и на Балканскомъ полуостровѣ дѣло кореннымъ образомъ измѣняется. Въ Болгаріи на тысячу мужчинъ приходится всего только 965 женщинъ, у венгерскихъ сербовъ—962, въ Хорватіи—998, въ Далмаціи—976, въ королевствѣ Сербскомъ—945, въ Босніи—893, въ Черногоріи—882. Изъ сѣверныхъ славянъ какъ бы въ видѣ исключенія только у русскихъ поляковъ женщинъ меньше мужчинъ: 986 на 1,000.

По занятіямъ славяне являются народомъ по преимуществу земледѣльческимъ и здѣсь первое мѣсто занимаютъ русскіе въ Австріи (93,3⁰/₀ земледѣльцевъ), потомъ сербо-хорваты Босніи и Герцеговины (88,34⁰/₀), они же въ Истріи и Далмаціи (86,9⁰/₀), русскіе въ Россіи (86,22⁰/₀), сербы королевства (84,23⁰/₀); за ними идутъ поляки въ царствѣ Польскомъ (77,69⁰/₀), словенцы (75,4⁰/₀), поляки австрийскіе (65,6⁰/₀) и наконецъ послѣднее мѣсто занимаютъ чехи

(43,1⁰/₀). Зато въ промышленномъ отношеніи они стоятъ впереди всѣхъ остальныхъ славянъ (36,5⁰/₀; у поляковъ промысломъ занимается 14,8⁰/₀, у словенцевъ 13,4⁰/₀, у сербо-хорватовъ только 4,6⁰/₀), уступая—и то немного—только нѣмцамъ.

Чехи же занимаютъ первое мѣсто и по грамотности: у нихъ 93,77⁰/₀ всего населенія грамотныхъ, тогда какъ даже у нѣмцевъ грамотныхъ всего только 91,84⁰/₀. За чехами по грамотности слѣдуютъ словенцы (68,53⁰/₀ грамотныхъ), словаки (68⁰/₀), галиційскіе поляки (59,2⁰/₀), русскіе поляки (34,78⁰/₀ грамотныхъ мужчинъ, 29,40⁰/₀ женщинъ). Затѣмъ процентъ грамотности значительно падаетъ. У болгаръ грамотныхъ 28,4⁰/₀, у сербо-хорватовъ въ Австро-Венгріи 24,80⁰/₀, у сербовъ королевства 21,03⁰/₀. Послѣднее мѣсто по образованію занимаетъ—увы!—нашъ народъ. Въ Австріи на русскихъ еще приходится 21,8⁰/₀ грамотныхъ, въ Россіи эта цифра опускается еще ниже: у насъ умѣющихъ читать и писать мужчинъ 29,6⁰/₀, женщинъ 9,34⁰/₀, а въ среднемъ всего только 19,78⁰/₀!

Мы извлекли изъ работы Нидерле наиболѣе любопытныя данныя. Но читатель найдетъ тамъ и много другихъ важныхъ свѣдѣній. Говоря о каждомъ изъ славянскихъ народовъ въ отдѣльности, авторъ даетъ относительно всѣхъ историческое обзорѣніе судьбъ даннаго народа, указываетъ подробно его національныя границы, сообщаетъ статистическія свѣдѣнія—между прочимъ онъ удѣляетъ здѣсь значительное мѣсто антропологии славянъ—и кончаетъ обзоромъ внутреннихъ развитій (дифференціаціи) каждаго племени.

Въ упрекъ изданію можно бы поставить мѣстами шероховатость слога, да въ двухъ-трехъ мѣстахъ нѣкоторую несогласованность цифръ. Въ общемъ же книга Нидерле и сравнительно съ работой Флоринскаго даетъ немало интереснаго. Можно только пожелать, чтобы дальнѣйшіе выпуски «Энциклопедіи славянской филологіи» выходили въ свѣтъ нѣсколько быстрее, чѣмъ до сихъ поръ. Къ книгѣ приложена хорошая этнографическая карта славянства. Она лучше карты Флоринскаго.

Андрей Опротыничъ

А. Покотиловъ. Первый опытъ государственнаго страхованія жизни въ Россіи. Спб. 1909.

Въ небольшой, но умѣло составленной брошюрѣ г. Покотиловъ знакомитъ съ исторіей и положеніемъ дѣла государственнаго страхованія жизни въ Россіи, начатаго съ 1 июля 1899 года, т. е. десять лѣтъ назадъ. Этотъ первый опытъ государственнаго страхованія, съ высочайшаго утвержденія, примѣненъ къ служащимъ на желѣзныхъ дорогахъ и вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что учрежденная съ 1 января 1894 года пенсіонная касса для желѣзнодорожныхъ служащихъ мало обезпечиваетъ служащихъ и ихъ семейства. Поэтому пенсіонной кассѣ было разрѣшено производить страхованіе жизни служащихъ на самыхъ выгодныхъ для нихъ условіяхъ, при чемъ разрѣшены два вида страхованія: обыкновенное, на случай смерти, и смѣшанное—на опредѣленный срокъ.

Изъ имѣющихся въ брошюрѣ г. Покотилова данныхъ видно, что открытыя при пенсіонной кассѣ страховыя операціи отвѣчаютъ потребности огромной

арміи младшихъ служащихъ создать себѣ или своей семьѣ нѣкоторое добавочное обезпеченіе путемъ страхованія; за десятилѣтній періодъ дѣятельности пенсіонной кассы по страхованію ею заключено огромное число страхованій, при чемъ къ 1 января 1909 года число страхователей равнялось—20.913 человекъ.

Преобладающее большинство страхованій (86,1⁰/₀) составляютъ страхованія размѣромъ отъ 100 до 500 рублей. Эти данныя въ связи съ данными о контингентѣ страхователей (паровозная прислуга, стрѣлочники, телеграфисты, путевые рабочіе и т. п.) доказываютъ, что идея страхованія жизни проникла въ среду самыхъ низовъ желѣзнодорожной службы. Интересно отмѣтить, что въ пенсіонной кассѣ имѣются страхованія и въ 50 рублей и премія по этимъ страхованіямъ взыскивается по 7 коп. въ мѣсяцъ, примѣръ чему можно встрѣтить лишь въ такихъ «народно-страховыхъ» учрежденіяхъ, какъ Prudential—въ Англии или Victoria—въ Германіи.

Огромную сумму составляетъ выплаченный за десять лѣтъ страховой капиталъ—1.375.923 рубля по 1334 смертнымъ случаямъ, изъ которыхъ 19 принадлежали къ случаямъ насильственной смерти во время народныхъ волненій въ 1905 году.

Несмотря, однако, на столь значительную выплату страхового капитала и отсутствіе, вообще, основного капитала, активъ пенсіонной кассы по страховымъ операціямъ на 1 іюля 1909 года составлялъ свыше 5 милліоновъ рублей.

Въ брошюрѣ г. Покотилова помѣщенъ цѣлый рядъ таблицъ, рисующихъ постепенное развитіе дѣятельности кассы по страхованію и иллюстрирующихъ выводъ автора о томъ, что первый опытъ государственнаго страхованія вполне можно назвать удачнымъ и что слѣдуетъ пожелать лишь широкаго развитія этого рода страхованія и въ другихъ вѣдомствахъ. Интересная брошюра г. Покотилова представляетъ большую цѣнность для интересующихся вопросомъ государственнаго страхованія жизни служащихъ, тѣмъ болѣе, если принять во вниманіе, что авторъ—въ курсѣ этого дѣла, какъ завѣдывающій дѣлами пенсіонной кассы министерства путей сообщенія.

Вит. Ткачукъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

РХЕОЛОГИЧЕСКІЯ раскопки въ Антиноѣ.—Въ теченіе нынѣшней весны археологическія раскопки въ Антиноѣ дали много новаго матеріала. Французскій археологъ Альберъ Гейе нашель тамъ преимущественно фигурки, костюмы, матеріи и вообще предметы, имѣющіе отношеніе къ культу Изиды или принадлежавшіе членамъ этого культа. Между этими фигурками прежде всего обращаетъ на себя вниманіе «фея въ золотой маскѣ», какъ археологъ прозвалъ эту фигурку за неизвѣстностью ея имени. Она представляетъ женщину съ лицомъ, прикрытымъ золотой пластиной, плотно обхватывающей носъ, который обрисовывается какъ въ маскѣ. Эта женщина—жрица Изиды. Ея золоченый саванъ великолѣпенъ; на немъ красуется изображеніе павіана, привѣтствующаго восходящее солнце. Подъ нимъ находятся три шерстяные вуаля Изиды различныхъ цвѣтовъ, начиная отъ желтаго до зеленаго, по угламъ которыхъ находится знакъ Изиды, жукъ.

Въ могилѣ этой жрицы Гейе нашель изъ обожженной глины женскія фигурки съ высокими прическами, которыя оканчиваются вазами, куда въ дни церемоній ставили лотосы и корзину съ листьями вербы, какъ дерева, посвященнаго Озирису, изображающую садъ Озириса. Кромѣ того, тамъ же нашли маленькія фигурки мифическаго быка, птицъ въ формѣ свѣтильника и т. д.

Ритуальъ культа Изиды, къ которому принадлежала фея въ золотой маскѣ, имѣеть много аналогичнаго съ ритуаломъ богини Таръ древняго Египта. Эта богиня Таръ символизировала весеннее обновленіе года; она давала расцвѣтъ и господствовала надъ правильной непрерывностью жизни и ея возобновле-

ниями. Но и эта богиня неизсякаемой весны, увы, какъ и всѣ смертныя, теперь представляетъ собою засушенную, увядшую мумію. Вокругъ нея археологи нашли священныя предметы, которые служили необходимыми принадлежностями культа, и все это, какъ и она сама, умерло тою же смертью, какая является одинаково къ существамъ и къ предметамъ, когда они теряютъ всякое значеніе, всякую реальность мысли.

Въ другой могилѣ Гейе нашелъ мумію школьника, маленькаго Флавіна Колютюса. Съ нимъ погребены его классныя дощечки. На одной изъ нихъ находится превосходная надпись, вѣроятно, образецъ, приготовленный опытной рукою преподавателя. Задача Флавіна стерлась, поэтому пельзя угадать; за какія ошибки въ ней былъ наказанъ мальчикъ. Возлѣ него лежатъ игрушки и всѣ онѣ деревянныя. Недалеко отъ этой могилы Гейе открылъ могилу вышивальщицы, ткачихи и пряжи со всѣми инструментами ея ремесла. Самыми цѣнными находками съ точки зрѣнія искусства считаются похоронныя изображенія. Одни изъ нихъ нарисованы восковыми красками на очень тонкихъ деревянныхъ пластицахъ и отличаются замѣчательной правдивостью исполненія, другіе, раскрашенные гипсовые бюсты, приводятъ въ восторгъ необыкновеннымъ разнообразіемъ и экспрессіей фізіономій. Одно лицо печальное, но такъ печально, что, можно сказать—всей печалью жизни, другое полно отчаянія; нѣкоторыя же лица смѣются, но такъ смѣются, съ такою веселостью, что испытываешь нѣчто вродѣ меланхолии по причинѣ контраста, который производитъ эта веселость рядомъ съ похоронной обстановкой.

Кромѣ того, замѣчательны великолѣпныя матеріи, тонкія вышивки, ковры, украшенные весенними птицами. Всѣмъ этимъ можно любоваться теперь въ музеѣ Энери близъ Булонскаго лѣса, гдѣ Гейе выставилъ ихъ для обзора публики.

— Еще о Шекспирѣ.—Тайна творчества шекспировскихъ произведеній все еще остается загадкой, хотя попытки разгадать ее все усиливаются, но чѣмъ болѣе появляется новыхъ документовъ, тѣмъ крѣпче затягивается узелъ, связывающій ее. Скептическіе умы всѣхъ націй никакъ не могутъ примириться съ мыслью, что простой стратфордскій гражданинъ могъ выражаться порою такимъ возвышеннымъ, благороднымъ языкомъ и подробно знать придворныя и свѣтскія обычаи своего времени, которые приводятся въ его драмахъ. Ихъ авторомъ считали то Бэкона, то графовъ Пемброка и Соутгемптона и проч., но только не самого Шекспира—«невѣжду безъ всякаго образованія». Нѣкоторые находили, что авторъ этихъ драмъ долженъ быть чуть не ученымъ, другіе, среди которыхъ профессоръ французской литературы въ Брюссельскомъ Новомъ университетѣ, не идуть такъ далеко и примирялись съ графомъ Роджеромъ Меннерсъ-Рутландомъ и только съ нимъ. Разгадка этой тайны вызываетъ безконечную полемику и создала цѣлыя общества, гдѣ сторонники того или другого претендента тщательнo собираютъ малѣйшія доказательства въ видѣ писемъ, почерковъ и проч. документовъ, которые могутъ служить имъ вспомогательными силами. Первымъ выразилъ сомнѣніе въ подлинности Шекспира, какъ автора знаменитыхъ произведеній, ученый консулъ въ Санта-Круцца, Хозе Гардъ, шестьдесятъ одинъ годъ тому назадъ, въ 1848 г. Это послужило началомъ упорной попыткѣ выяснить, кто же былъ настоящій авторъ. Вскорѣ часть изслѣдователей остановилась на

имени великаго философа и канцлера Вэкона или лорда Верулама (1561-1626 г. г.), и такимъ образомъ образовалась школа бэконцевъ; ея послѣдователи стали издавать журналъ. Гораздо менѣе явилось сторонниковъ графа Соутгемптона, и теперь ихъ становится все менѣе и менѣе.

Вызванная шекспиро-бэконцами полемика породила особую литературу—бэконо-шекспировскую, и въ настоящее время насчитывается около трехсотъ книгъ, брошюръ и статей о великомъ драматургѣ. Шекспиръ и его произведения, а также произведения каждаго изъ предполагаемыхъ авторовъ, обстоятельства ихъ жизни, почерки и т. д. подверглись чисто анатомическому изслѣдованію. Поэтому въ общемъ литература о Шекспирѣ хранится въ «British Museum» въ четырехъ тысячахъ экземплярахъ. Но, по увѣреніямъ Демблона, шекспиро-бэконцы окажутся, какъ въ баснѣ, двумя грызущимися собаками, которымъ ничего не останется грызть, и настоящимъ авторомъ шекспировскихъ произведений окажется неожиданно совсѣмъ другое лицо, да еще, быть можетъ, мужчина и женщина—графъ Роджеръ Меннерсъ Рутландъ и его жена, дочь поэта Филиппа Сиднея. По крайней мѣрѣ Демблонъ въ этомъ вполнѣ увѣренъ и свою увѣренность основалъ главнымъ образомъ на слѣдующемъ фактѣ. Годъ спустя послѣ смерти графа Рутланда въ 1813 г. его душеприказчикъ и братъ, Фрэнсисъ Рутландъ, уплатилъ Вильяму Шекспиру 44 шиллинга золотомъ за услуги «semi professionnel» и столько же Ричарду Бурбегу за исполненную картину. Бурбегъ, великій актеръ, компаньонъ Шекспира по театру, въ то же время былъ замѣчательный художникъ. На это Демблону навела случайно статья Сиднея Ли, занимающагося шекспировскимъ вопросомъ, но не обратившаго особеннаго вниманія на фактъ уплаты 44 шиллинговъ. Демблонъ же построилъ на немъ свою теорію и принялся изслѣдовать подробно этотъ вопросъ.

По словамъ противниковъ Шекспира, а также Демблону, авторъ «Сна въ лѣтнюю ночь» и комедіи «Презрѣніе» долженъ знать греческій и латынскій языки, Шекспиръ же не окончилъ даже первоначальной школы, не зналъ ни одного изъ новыхъ иностранныхъ языковъ, а древнихъ уже безъ всякаго сомнѣнія. Между тѣмъ автору «Комедіи ошибокъ», «Какъ вамъ угодно» и «Отелло» необходимо знаніе иностранныхъ языковъ, такъ какъ сюжетъ многихъ изъ его пьесъ заимствованъ изъ иностранныхъ сочиненій, еще не переведенныхъ на англійскій языкъ—единственный, который былъ знакомъ Шекспиру. На это сторонники Шекспира возражаютъ, что стратфордская grammar school и free school (свободная школа въ XVI вѣкѣ) была первоначальной школой и въ то же время соотвѣтствовала современной гимназіи и тамъ изучали образцовыя выдержки изъ Овидія, Цицерона, Вергилія, Горация и Сенеки, быть можетъ, даже греческія, но все это, по словамъ Селестэна Демблону, сторонника Рутланда, одни предположенія, и въ Стратфордѣ того времени былъ только одинъ учитель на всѣ классы. Правда, въ послѣднемъ классѣ проходили Sententiae pueriles и, быть можетъ, нѣсколько отрывковъ изъ «Метаморфозъ».

Напротивъ, Рутландъ все это прошелъ прежде вступленія въ кембриджскій университетъ, потому понятно, что онъ вспоминаетъ объ этомъ во вступительной сценѣ «Веселыхъ виндзорскихъ женщинъ». Согласно документамъ стратфордскаго архива, Шекспиръ вышелъ изъ школы тринадцати лѣтъ, не пройдя

высшаго класса этой гимназіи, которую держалъ тотъ же преподаватель, какъ и первоначальную. Изъ тому же изслѣдованія оставшихся послѣ Шекспира нѣсколькихъ отрывочныхъ рѣчь и подписей свидѣтельствуютъ, что онъ былъ вульгарный весельчакъ, диллетантъ съ очень ограниченнымъ образованіемъ. Его настоящій біографъ, викарій Вардъ, поселившійся въ Стратфордѣ сорокъ шесть лѣтъ спустя, пишетъ: «Я уже говорилъ, что Шекспиръ былъ человекъ съ природнымъ умомъ, совершенно необработаннымъ, а Жюссрандъ поясняетъ, что онъ хочетъ сказать «необработанный умъ» въ смыслѣ ученаго литературнаго знанія.

Конечно, сторонники Шекспира называютъ лицъ съ очень ограниченнымъ образованіемъ, которыя тѣмъ не менѣ являлись творцами въ той или другой отрасли искусства и между прочимъ въ сценическомъ. На это Демблонъ, соглашаясь съ словами Гейне, что если римляне завоеватели земли, то потому, что не должны были учиться по-латыни, однако по разнообразію и неподобнымъ сюжетамъ, блестящему полету, благородству и природному дару Рутланда они не могутъ приблизиться къ нему. Но, хотя Рутландъ окончилъ университетъ, однако онъ могъ и не знать въ совершенствѣ древнихъ языковъ, одинаково онъ могъ дѣлать и промахи, какъ это встрѣчается въ нѣкоторыхъ шекспировскихъ произведеніяхъ. Молодой аристократъ учился безъ всякой системы, какъ подобаеть аристократу, предпочитая упиваться чтеніемъ разнообразныхъ авторовъ, о какихъ и не слыхивалъ скромный стратфордскій гражданинъ, хотя, конечно, Рутландъ не углублялся съ систематическимъ постоянствомъ въ классическую область, какъ это дѣлали Кэмденъ, Бэконъ, Сельденъ, Рэлэгъ и Бенжаменъ Джонсонъ. При такихъ условіяхъ, по словамъ Бенъ-Джонсона, авторъ «Венеры и Адониса», «Комедіи презрѣнія» и «Сна въ лѣтнюю ночь» плохо зналъ латинскій языкъ и еще хуже греческій, но зато ему были знакомы французскій, итальянскій и, быть можетъ, испанскій языки. Итальянскій языкъ онъ изучилъ въ Англіи, прежде, чѣмъ поступить въ университетъ Падуи, и авторъ «Венеціанскаго купца» и «Отелло» извлекъ множество сюжетовъ изъ итальянскихъ произведеній, еще не переведенныхъ въ Англіи. Что касается французскаго языка, то Жюссеренъ въ своей «Исторіи литературы англійскаго народа» говоритъ, что знаніе французскаго языка автора шекспировскихъ произведеній не подлежитъ сомнѣнію. Нѣкоторыя примѣчанія обнаруживаютъ, что онъ зналъ его до тонкости, что видно, напримѣръ, въ «Ричардѣ II», въ сценѣ, гдѣ герцогиня Йоркская проситъ королевскаго прощенія для сына. Зналъ ли онъ также испанскій языкъ? Но Шекспиру не болѣе представлялся случай познакомиться съ нимъ, какъ съ французскимъ и итальянскимъ языками. Болѣе вѣроятности, что Рутландъ его зналъ, такъ какъ ему были знакомы французскій и итальянскій языки, а Испанія считалась сильной континентальной державой даже послѣ гибели Армады въ 1588 г., и многие испанцы жили въ Англіи. Въ сущности, остовъ «Двухъ дворянъ изъ Вероны» заимствованъ изъ одного испанскаго или португальскаго романа «Влюбленная Діана» Джорджа Монмайра. Первый англійскій переводъ этого романа появился въ 1578 г., но рукописная версія Томаса Вильсона, посвященная графу Соутгемпτονу въ 1599 г., по предположенію Сиднея Ли, явилась гораздо ранѣе, а Вильсонъ былъ близокъ къ Шекспиру, и предполагаютъ,

что близко изучалъ его сонеты. Кромѣ того, тесть Рутланда, Филиппъ Сидней, перевелъ стихи Монмайра.

Помимо знанія языка, и культура Рутланда была вообще выше Шекспира. Если онъ не былъ въ широкомъ смыслѣ вполне ученый, то во всякомъ случаѣ его научное образованіе было выше другихъ драматическихъ писателей, исключая Джонсона. Нѣкоторые критики, какъ Поль де-Рейль въ «Revue Belgique» въ опроверженіе возможности считать Рутланда создателемъ шекспировскихъ драмъ привели въ доказательство хронологію первыхъ драмъ. Но Демблонъ убѣжденъ, что единственно, кто можетъ быть авторомъ «Венеры и Адониса», «Потерянныхъ трудовъ любви», «Ромео и Юліи» и двухъ «Генриховъ IV»—такъ эта Рутландъ.

Сторонники Шекспира выставили доводъ, что если Рутландъ былъ образованный человекъ, то невозможно допустить такую ошибку, какая вкралась у него въ «Двухъ дворянахъ изъ Вероны», гдѣ Валентинъ отправляется моремъ изъ Вероны въ Миланъ. То же незнаніе географіи бросается въ глаза въ «Отелло», когда дѣло идетъ о кораблѣ Кассіо, въ «Укрощеніи строптивой» и въ «Бурѣ». Здѣсь авторъ проявилъ незнаніе, что Миланъ никогда не былъ морской гаванью. Поэтому онъ можетъ быть только малообразованнымъ Шекспиромъ. И вдругъ ко всеобщему изумленію въ 1908 г. въ августовскомъ номерѣ «Fortnightly Review» появляется статья Эдуарда Сюлливана «Shakespeare and the Waterways of North Italy» съ картами шекспировскаго времени. Оказывается, что въ то время Миланъ находился въ прямомъ сообщеніи съ Адриатическимъ моремъ, какъ теперь Антверпенъ съ Сѣвернымъ моремъ (хотя инымъ образомъ) или какъ былъ когда-то Брюггенъ. Поэтому Рутландъ передавалъ то, что видѣлъ въ сѣверо-западной Италіи, и Демблонъ говоритъ, что, исключая неважныхъ анахронизмовъ, съ точки зрѣнія искусства, никто не совершилъ такъ мало ошибокъ, какъ онъ. Въ эпоху Рутланда многого не знали, что теперь хорошо всѣмъ извѣстно, поэтому Расинъ былъ правъ, говоря въ одномъ изъ своихъ предисловій, что прежде, чѣмъ критиковать великаго поэта, надо его поближе рассмотреть. Мнѣніе Демблона о Рутландѣ, какъ о творцѣ шекспировскихъ драмъ, поддержалъ редакторъ «Comedia», Павловскій. Онъ говоритъ, что въ жизни Рутланда нѣтъ ни одного дѣйствія, которое строго не совпадало бы съ появленіемъ того или другого образцоваго произведенія, нѣтъ ни одного шага, который не нашелъ бы отголоска въ его драматическихъ произведеніяхъ.

Въ свою очередь, сторонники Бэкона приводятъ тѣ доводы, что его жизнь (1561—1626) протекла параллельно жизни Шекспира (1564—1616 г. г.). Бэконъ обладалъ большими знаніями и особенно лингвистическими, какія требовались для 36 знаменитыхъ драмъ. Что въ этихъ драмахъ часто попадаются и какъ бы невольны юридическія выраженія, чуждыя Шекспиру, но не Бэкону, который былъ юристъ, какъ и Рутландъ. Стиль драмъ Шекспира удивительно аналогиченъ со стилемъ драмъ, подписанныхъ именемъ Бэкона. Въ молодости Бэконъ очень нуждался въ деньгахъ и, не желая скомпрометировать свое будущее общественнаго дѣятеля, тайно писалъ пьесы, которыя актеръ Шекспиръ усыновлялъ, дѣлясь съ нимъ доходомъ, и въ его интересѣ было хранишь эту тайну. Въ 1867 г. въ Нордгемптонгаузѣ нашли документъ, на половину

сожженный, написанный рукою Бэкона, гдѣ на обложкѣ находилось заглавіе: «Лекціи объ удовольствіи», заглавіе Ричарда II и Ричарда III, двухъ поэмъ, стихъ поэмы «Лукреція», слово honorificabilitudino, занесенное Дюканжемъ и приведенное шутомъ Костардомъ въ «Потерянныхъ трудахъ любви», и названіе пьесы Томаса Наша: «Собачій островъ».

Но Демблонъ говоритъ, что противъ бэконовской теоріи возстаетъ хронологія пьесъ, изъ которыхъ ни одна не появилась ранѣе 1597 г., когда Рутланду исполнилось 21 годъ. По общему мнѣнію, самой первой драмой была «Потерянные труды любви». Въ 1597 г. Бэкону было 36 лѣтъ, Шекспиру же 33 г. Кромѣ того, противъ теоріи сторонниковъ Бэкона выставляется разница стиля. Бэконъ, также гениальный писатель, уже былъ знаменитъ, когда Рутландъ еще только дебютировалъ, и въ первыхъ сочиненіяхъ автора «Макбета» легко обнаруживается болѣе сильное вліяніе Филиппа Сиднея, Джона Лайля, Томаса Кайда, Марло, Уатсона, Лиджа, Пиля, Роберта Грина, Томаса Наша и прочихъ его ближайшихъ предшественниковъ. Шекспиръ же никогда не подвергался этому вліянію, одинаково какъ и Бэконъ. Біографъ Рутланда, Арчбальдъ говоритъ, что 19-лѣтній Рутландъ, отправляясь въ университетъ въ Падую, получилъ лично изъ рукъ Бэкона рукопись съ нравственными наставленіями. Затѣмъ Бэконъ не разбогатѣлъ такъ быстро, какъ Шекспиръ около 1598 г., получившій отъ Соутгемптона или при его посредничествѣ тысячу ливровъ стерлинговъ. Наконецъ противъ Бэкона говоритъ еще то обстоятельство, что до эссекскаго заговора Бэконъ, ожидавшій всего отъ королевы Елизаветы, остерегся бы писать пьесы, оскорбляющія ея самолюбіе. Къ этому надо прибавить еще, что онъ былъ не католикъ, а протестантъ и онъ удалился отъ Эссекса и другихъ, когда они очутились на опасномъ пути. Рутландъ былъ, какъ и Бэконъ, юристомъ, и юридическія выраженія въ пьесахъ появляются лишь съ момента, когда онъ добился званія адвоката, а затѣмъ становятся рѣже, такъ какъ въ сущности онъ не практиковалъ.

Противъ такого положительнаго утвержденія Демблона, что авторъ шекспировскихъ драмъ былъ графъ Рутландъ, быть можетъ, съ женой, обладавшей не менѣе отца поэтическимъ талантомъ и которая выведена въ лицѣ Беатрисы въ «Много шуму изъ-за пустяковъ», возражаетъ въ послѣднемъ іюльскомъ номерѣ «La Revue»¹⁾ г-жа Магдалина Соммъ Кинзель. Первая причина невѣроятности этого предположенія простой фактъ, что молодой графъ Рутландъ, будучи слабого здоровья, умеръ 36 лѣтъ, тогда какъ въ «Королѣ Лирѣ», «Макбетѣ», «Тимонѣ Аѳинскомъ» авторъ проявляетъ такую опытность, что даетъ иллюзію человѣка, вполне извѣдавшаго жизнь со всѣми ея тревоженіями и вынешаго горькій опытъ зрѣлаго человѣка. Главные принципы этой теоріи, что существуетъ подлинный документъ, согласно которому братъ и душеприказчикъ умершаго графа Рутланда уплатилъ 44 шиллинга Вильяму Шекспиру за услуги «mi-professionele», — по ея выраженію, «также покоятся на глиняныхъ ногахъ». И этотъ документъ причислили къ доказательствамъ, что Шекспиръ одолжилъ свое имя для драмъ

¹⁾ Manuscripts de Shakespeare, par Magdalene Thumm Kintzel «La Revue» 15 Juillet 1910.

Рутланда, рисковавшего своею головою за политическую смѣлость. Авторъ задаетъ вопросъ: не проще ли предположить, что Шекспиръ дѣлился съ современными ему писателями избыткомъ своего поэтического вдохновенія и помогаль имъ составлять драмы, что давало ему возможность вести роскошное существованіе. Допускаютъ вѣдь, что Шекспиръ помогаль составлять драмы поэтамъ Марло, Грину и Пилю. Такъ почему же не могъ онъ оказать такой же услуги и другимъ?

Теорія поклонниковъ Бэкона, по ея мнѣнію, тоже не безупречная, хотя они выступаютъ съ болѣе вѣскими доводами. Но достаточно однихъ безчисленныхъ анахронизмовъ, встрѣчаемыхъ въ пьесахъ Шекспира, чтобы убѣдиться въ невѣроятности предположенія, что авторъ ихъ такой образованный человѣкъ, какъ лордъ канцлеръ Фрэнсисъ Бэконъ. Напримѣръ, въ «Юліи Цезарѣ» раздаются звуки часовъ,—между тѣмъ какъ самъ Бэконъ написалъ сочиненіе объ изобрѣтеніи часовъ, которое онъ отнесъ ко времени по крайней мѣрѣ десять вѣковъ спустя. Въ «Королѣ Іоаннѣ» (1300 г.) пораженіе производится артиллерійскимъ орудіемъ, а въ «Зимнихъ сказкахъ» видно, какъ гибнетъ корабль близъ береговъ Богеміи. Всѣ эти анахронизмы заставляютъ прийти къ заключенію, что авторъ—человѣкъ необразованный, а не такой ученый, какъ Бэконъ. «Еще менѣе понятна,—говоритъ авторъ статьи:—какъ можно соединить свѣтлый, но холодный умъ такого придворнаго, какъ Бэконъ, съ необузданной страстью, съ стихійной силой, встрѣчающейся на каждомъ шагѣ въ сочиненіяхъ Шекспира».

У поклонниковъ Бэкона, однако, есть и крупный доводъ, котораго, по сознанію и автора, нельзя не признать—это очень большая параллель между произведеніями Бэкона и Шекспира. Но этотъ доводъ не исключаетъ другихъ объясненій. Между тѣмъ бэконцы, исходя изъ этого, заключаютъ, что канцлеръ также сочинялъ драмы, передаваемые имъ Шекспиру. Правда, на это ихъ противники отвѣчаютъ, что Бэконъ былъ извѣстенъ, какъ плагиаторъ, не только древнихъ, но и современныхъ ему писателей. Онъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти выдавалъ произведенія другихъ за свои, такъ почему же ему не поступить было такъ же и съ Шекспиромъ? Съ другой стороны, можно также сказать, что Шекспиръ былъ профессиональнымъ помощникомъ Бэкона и исполнялъ въ своемъ родѣ работу для него, какъ, по предположенію, онъ дѣлалъ и для Рутланда, вѣдь не колеблются же утверждать это по отношенію Марло, Грина и Пила.

Г-жа Соммъ Кинзель при этомъ приводитъ три документа, интересъ которыхъ заключается какъ въ почеркѣ, такъ и въ содержаніи; это, во-первыхъ, завѣщаніе Шекспира, рукопись такъ называемая «Промуса» и рукопись Нортумберланда. Три большіе листа in-folio перваго хранятся, какъ извѣстно, въ British Museum. Подписи каждой изъ этихъ трехъ страницъ признаны за подлинныя Шекспира. Что же касается вопроса, кто писалъ завѣщаніе, то біографы Шекспира высказываютъ различныя мнѣнія: Брандесъ и Вольфъ увѣряютъ, что его писалъ какой-нибудь секретарь. Другой біографъ, Сидней Ли, говоритъ, что оно написано рукою Фрэнсиса Коллэнса, друга Шекспира. Последніе—біографы Голльвель и Сиперъ—совершенно умалчиваютъ о личности, написавшей

документъ. Существенныхъ доказательствъ не хватаетъ, такъ какъ этотъ документъ найденъ въ стратфордской ратушѣ 131 годъ спустя послѣ смерти Шекспира. Одно установлено, что его писалъ не секретарь, слишкомъ ужъ свободенъ росчеркъ пера, слишкомъ труденъ для чтенія и отличается отъ манеры писать, принятой во времена Елизаветы и Иакова I. Это не почеркъ Фрэнсиса Коллэнса; его почеркъ совершенно иного построения, что свидѣтельствуется подписью въ концѣ завѣщанія, которую онъ помѣстилъ въ качествѣ свидѣтеля. «Теперь,— говоритъ мистриссъ Сѳммъ Кинзель,— послѣ долгаго изслѣдованія почерка на завѣщаніи мнѣ удалось одинаково съ другими тридцатью изслѣдователями установить, что онъ до самыхъ малѣйшихъ подробностей того же характера, что и подпись. Такія же многочисленные завитки, перевивки, черточки, характеризующія расу и силу, находятся и въ завѣщаніи и настолько отличается отъ рукописи Елизаветинскаго времени, что ихъ можно отнести только къ примитивнымъ натурамъ чистокровнаго, какъ Шекспиръ. Это открытіе тѣмъ болѣе интересно, что обыкновенно думаютъ, будто, кромѣ трехъ подписей на завѣщаніи, существуютъ только двѣ другія признанныя лично Шекспира. Эти двѣ послѣднія находятся на кушечѣ одного дома. Само завѣщаніе не представляетъ большого интереса.

Второй документъ, напротивъ, имѣетъ цѣнность не только по своей подписи, но и по содержанію. Оригиналъ хранится въ British Museum въ отдѣлѣ рукописей. Онъ состоитъ изъ 49 большихъ листовъ, пожелтѣвшихъ отъ времени и загрязнившихся, найденныхъ въ рукописяхъ Бэкона, которыя долго считали принадлежавшими ему. Между тѣмъ, когда вблизи изслѣдуешь почеркъ и изучишь содержаніе, то невозможно поддерживать это убѣжденіе. Кто изучалъ подробно почеркъ завѣщанія Шекспира и его подписи, тому легко признать въ рукописи такъ называемой «Промуса» тѣ же формы, тотъ же энергичный росчеркъ и тѣ же завитки. Почеркъ обоихъ документовъ совершенно тождественъ.

Почеркъ Бэкона, а его имѣется множество экземпляровъ, напротивъ, совершенно отличенъ. Промуса почеркъ гениаленъ и полонъ темперамента; почеркъ же Бэкона порою педантиченъ; каждая его черта пряма, какъ палка, каждая буква, каждое слово обнаруживаетъ усталую руку и вялый утомленный мозгъ.

Въ рукописи Промуса заключаются извлеченія изъ различныхъ документовъ. Рядомъ съ краткими, изящными и искусными, остроумными обзорными, испещренными красивыми аналогичными и многочисленными антитезами, словечками, сверкающими остроуміемъ, нерѣдко въ двусмысленностяхъ скрываются мѣткія наблюденія относительно людей и нравовъ. Однимъ словомъ, это поясненія, какія попадаются въ бумагахъ Гете, Гебеля и Гейне.

Рядомъ съ этими замѣтками автора въ рукописи Промуса заключается много народныхъ остроумныхъ изреченій, принятыхъ въ нѣкоторыхъ странахъ или взятыхъ изъ французскихъ, нѣмецкихъ, испанскихъ, латинскихъ и греческихъ сочиненій. Здѣсь встрѣчаются даже выдержки изъ Библии и извлеченія изъ Virgilia, Горация, Эразма Роттердамскаго и т. п. Нѣкоторые листы съ названіемъ въ родѣ «Народная вѣра, касающаяся добра и зла», «Правила жизни», «Благословеніе и проклятіе». «Игры и спортъ» и т. д. Нѣкоторые изъ

нихъ помѣчены числомъ и одинъ 27 января 1591 года. Однако, многія не имѣютъ ни числа, ни названія. Съ теченіемъ времени они такъ спутались, что невозможно привести ихъ въ порядокъ. Эти замѣтки составляютъ сильный доводъ для сторонниковъ Бэкона, если допустить, что онѣ написаны рукою Бэкона, чего до сихъ поръ серьезно не опровергали. Но мѣстами онѣ странно согласуются съ драмами и сонетами Шекспира не только относительно словъ, но и въ существенныхъ пунктахъ, какъ, напримѣръ, въ главныхъ идеяхъ относительно міра, сужденій о людяхъ и вещахъ, поэтическихъ метафорахъ, въ сравненіяхъ, формѣ фразъ и т. д.

Но что особенно замѣчательно въ этихъ рукописяхъ—это орфографическія ошибки не только въ фразахъ на иностранныхъ языкахъ, но и на англійскомъ. Такъ вмѣсто того, чтобы написать *Awethority*—находится *Authority*, *Howers*—вмѣсто *Hours*; *Cator*—вмѣсто *careter*; *rhapps*—вмѣсто *perhers* и т. д. Такая манера писать не можетъ быть отнесена къ Франсису Бэкону и тѣмъ болѣе не можетъ оправдываться принятой въ ту эпоху орфографіей. Особенно грубыя ошибки находятся въ примѣчаніяхъ на иностранныхъ языкахъ, особенно на французскомъ, а между тѣмъ Бэконъ цѣлыхъ три года прожилъ во Франціи и числился при чрезвычайно уполномоченномъ англійскаго двора въ Парижѣ. Правильны только извлеченія изъ Библіи, Горація и Виргилія. Трудно допустить, говорить мистриссъ Сѳммъ Кинзель, что подобныя вещи могутъ исходить отъ Бэкона, напротивъ, болѣе вѣроятно отнести ихъ къ Шекспиру, получившему лишь первоначальное образованіе.

Не менѣе странны въ этихъ рукописяхъ многочисленныя замѣтки, простые и естественныя обороты на изящномъ англійскомъ языкѣ того времени. Краткія выраженія «*Allwaies provided*», «*For the Rest*», «*Lobject*», «*Few wordes need*» и другія, которыя могутъ показаться странными и чуждыми для простаго человѣка или иностранца, но для Франсиса Бэкона они не заслуживаютъ, чтобы на нихъ останавливались, тѣмъ болѣе, что подобный оборотъ изобрѣтенъ не въ елизаветинское время.

Напротивъ, если считать авторомъ этой рукописи Шекспира, то все становится понятнымъ. Шекспира окружали въ Статфордѣ люди простые, которые могли ему внушить скорѣе доброе ирландское бранное слово, чѣмъ изысканныя слова и обороты, но, когда онъ пріѣхалъ въ Лондонъ и вступилъ въ сношенія съ представителями англійской аристократіи, то очень возможно, что его чуткій инстинктъ къ красотѣ и тонкостямъ языка усвоилъ каждый изъ этихъ новыхъ оборотовъ и для него составляло интересъ ихъ приводить. Въ этомъ смыслѣ рукопись Промуса, быть можетъ, одна изъ самыхъ цѣнныхъ документовъ, потому что она доставляетъ матеріалъ первоначальнаго изученія языка самаго великаго изъ всѣхъ поэтовъ. Тутъ же находится впервые примененная настоящая форма шекспировскихъ діалога и рѣчей и отвѣты со всею игрою словъ, иногда остроумныхъ, иногда хитрыхъ, какія часто встрѣчаются въ драмахъ Шекспира.

Третья рукопись, въ которой содержатся по крайней мѣрѣ слѣды великаго Шекспира. Эта рукопись находится въ библіотекѣ герцога Нортумберлендскаго въ *Alnwick Castle*. Никто не знаетъ, откуда она взялась, такъ какъ ее

открыли только въ 1887 году въ Нортумберлэндъ-Гаузѣ въ Лондонѣ, гдѣ она находилась въ ящикѣ съ другими бумагами. Она пожелтѣла и загрязнилась отъ времени и повреждена огнемъ. Большой части, если не самой важной, въ ней не хватаетъ, что видно изъ уцѣлѣвшаго до сихъ поръ перечня. Этотъ перечень указываетъ, что опыты Бэкона и драмы «Ричардъ II» и «Ричардъ III» Шекспира были присоединены къ этой рукописи, хотя отъ нея остались лишь нѣсколько писемъ и разговоровъ елизаветинскаго времени.

Первая страница этого указателя очень интересна: она заключаетъ отдѣльно отъ остальной четыре слѣдующія строчки, написанныя рукою Бэкона и съ его подписью:

The praise of the worthiest virtue (Fortitude)
 The praise of the worthiest affection (Love)
 The praise of the worthiest power (Knowledge)
 The praise of the worthiest person (The Queen).

Другая страница вся покрыта своеобразнымъ, косымъ почеркомъ, какъ въ записаніи Шекспира и рукописи Промуса. Поля вокругъ указателя, не представляющаго, впрочемъ, ничего замѣчательнаго, какъ только имена Шекспира и Бэкона съ заглавіемъ вышеупомянутыхъ произведеній, разукрашены всякаго рода словами, объясненіями стиховъ, извлеченіями изъ Библии, какъ и въ рукописи Промуса. Впервые читателю попадаетъ строфа Шекспира, написанная его рукою, или, вѣрнѣе, одинъ стихъ изъ его поэтическаго труда на Лукрецію.

«Revealing day through every cranny peeps». И странное выраженіе, уже приведенное Демблономъ «Honorificabilitudino», находящееся еще болѣе удлиненнымъ въ «Love's Labour lost».

Но прежде всего особенно бросается въ глаза внизу страницы имя «Шекспиръ», порою выписанное цѣликомъ, порою сокращенное. Иногда это похоже на подпись письма, такъ какъ оно фигурируетъ съ формулой «Your William Shakespeare». Допустимо ли, что это писалъ-кто-нибудь другой. Очевидно, нѣтъ, говоритъ г-жа Соммъ Кинзель, такъ какъ никому въ голову не придетъ написать «Твой Викторъ Гюго» или «Твой Вольфгангъ Гете». Когда намъ приходится пробовать перо, то девять разъ изъ десяти мы пишемъ наше имя. Поэтому ясно, что эта подпись самого Шекспира.

Но эти новыя открытія, вмѣсто того, чтобы рѣшить вопросъ, порождаютъ новыя возраженія по поводу этого сліянія, до сихъ поръ необъяснимаго, произведеній Шекспира и Бэкона, ихъ почерковъ и подписей. Шекспиръ и Бэконъ никогда не упоминаются въ своихъ произведеніяхъ и, однако, они должны быть въ сношеніяхъ, которыя, если бы были рѣшительно отвергнуты или ясно объяснены, безъ сомнѣнія, пролили бы свѣтъ на эту тайну.

— Любовь въ современной Италіи.—Французскій романистъ Арблэ задумалъ написать, по его выраженію, скромное дополненіе къ «Amour» Стендаля, гдѣ для «сотни читателей» тотъ пытался описать «родъ сумасшествія, очень рѣдкаго во Франціи». Съ этою цѣлью Арблэ отправился въ Италію, чтобы на мѣстѣ провѣрить, также ли тамъ любятъ теперь, какъ во времена Стендаля, и, посвятивъ ему свой трудъ, помѣстилъ послѣдній въ «Revue Bleue». Прежде всего ему

пришлось выслушать упрекъ отъ одной итальянки-аристократки за то, что французы относятся къ любви легко и любовная исторія для нихъ все равно, что рыбная ловля, или охота, только на болѣе тонкую дичь — вотъ и вся разница. «Точно любовь ищутъ, — добавила эта дама: — она сама васъ беретъ».

По ея словамъ, въ Италиі совершенно иначе чувствуютъ, говорятъ, дѣйствуютъ и судятъ; это совершенно другія души и другой міръ: что во Франціи неприлично и безнравственно, въ Италиі самая естественная вещь. Откровенность и свобода чувствъ итальянцевъ скандализировали бы французскихъ моралистовъ; простота и естественность итальянокъ показалась бы французамъ пошлой, смѣшной паивностью. Итальянцы же находятъ утомительными и холодными сентиментальность французовъ; кокетничанье французенокъ оскорбляетъ итальянокъ, и онѣ находятъ, что французенки вкладываютъ въ свою любовь слишкомъ много ума, чтобы искренне любить».

Любовь въ Италиі проявляется различно, какъ разнообразны въ каждомъ итальянскомъ городѣ обычаи, нравы, приличія и т. д. Каждая область говоритъ на своемъ діалектѣ, и этотъ языкъ является изображеніемъ того, кто на немъ говоритъ. Миланскій діалектъ тяжеловатъ, добрый парень, не гармониченъ, не изященъ и даже нѣсколько грубъ: онъ откровененъ, положителенъ, веселъ и свирѣпъ. Венеціанскій — поетъ и зююкаетъ съ влюбленной остроумной и восхитительной нѣжностью. Болонскій — рѣзокъ, энергиченъ; неаполитанскій — ласкающій, мягкій, хохотунъ, болтунъ, шумливый, какъ бы приплясывающій — это языкъ веселыхъ пѣсенокъ. Поэтому въ Италиі и любовь столь же разнообразна, какъ діалекты. Когда музыка словъ уже не та, то и любовь принимаетъ другой тонъ и поетъ другую пѣснь. Какъ въ Туринѣ, такъ въ Венеціи, какъ въ Римѣ, такъ и въ Неаполѣ любовь не менѣе свободна, но Сѣверной Италиі эта итальянка не касалась. Тамъ болѣе буржуазія, отличающейся добродѣтелью, трудолюбіемъ, серьезностью, и она главнымъ образомъ, по ея словамъ, составляетъ современную Италию. Представителями ея являются король съ королевой — лучший образецъ супружеской жизни. Они завтракаютъ вмѣстѣ, имѣютъ общіе апартаменты и никогда не расстаются. Если случайно король путешествуетъ одинъ, тогда онъ посылаетъ ей открытки съ каждой станціи. Онъ самый демократическій, самый честный, самый современный король въ Европѣ. «Я его очень уважаю, — прибавила итальянка: — но это ужъ не прежній король нашей старой аристократіи. Помните его дѣда? У того не было его добродѣтелей — онъ болѣе походилъ на насъ».

И пожилая аристократка, зная, что ведетъ бесѣду съ писателемъ, предусмотрительно выгородила современное общество, говоря, что она будетъ говорить главнымъ образомъ объ аристократіи ея времени. Она не умерла, но состарилась, и что говорится о ней, завтра уже не будетъ истиной. «Нѣтъ, — сказала она: — я не вѣрю, что мужчины сдѣлаются добродѣтельными, не думаю, что они навсегда отказались отъ удовольствія любить. Но все станетъ единообразнымъ, слишкомъ много всѣ путешествуютъ; всѣ между собою перезнакомились и подражаютъ другъ другу. Вскорѣ, безъ сомнѣнія, въ Неаполѣ, Парижѣ и Лондонѣ любовь будетъ проявляться одинаково къ досадѣ психологовъ».

Итальянцы, аристократы или крестьяне, смотрят на женщину своеобразно: ее обожают и вмѣстѣ съ тѣмъ презираютъ. Для итальянца женщина или орудіе удовольствія, или полезное животное. Когда женщина предметъ роскоши, наслажденія или любви—итальянецъ дѣлаетъ изъ нея своего кумира: онъ за ней ухаживаетъ и служитъ ей со всѣмъ жаромъ, безуміемъ, на какое его побуждаетъ желаніе обладать ею. Но она для него не имѣетъ другой цѣны: онъ любитъ ее ради того наслажденія, которое она ему даетъ. Правда, онъ дѣлаетъ изъ нея кумира, но какъ эгоистиченъ и корыстенъ его культъ! А у низшаго класса женщина просто вьючное животное. Когда она служитъ для любви, то служитъ и для прокормленія предмета этой любви, одѣвая своего лѣниваго хозяина. Видѣли ли вы на дебаркадерѣ Капри здоровыхъ, сильныхъ женщинъ, которыя носятъ на своихъ головахъ чемоданы путешественниковъ? Арабъ, страстно любящій женщинъ, также заставляетъ ее работать за себя. «Для насъ, итальянокъ, очень опасно,—добавила она:—когда мужчина насъ очень любитъ. Итальянка одинаково страдаетъ отъ тираніи мужа, какъ и любовника, но пока она любитъ его, то подчиняется ему. Когда у итальянца любовь проходитъ, онъ оставляетъ когда-то любимую имъ женщину одну оплакивать ее. Итальянецъ-мужъ считаетъ себя физическимъ и моральнымъ господиномъ своей жены, и большинство женщинъ преклоняется предъ его воинственной силой. Мужъ и любовникъ спокойно даетъ пощечины своей женѣ и любовницѣ, и она не считаетъ себя этимъ оскорбленной: онъ ея мужъ, господинъ. Итальянка уважаетъ въ мужчинѣ силу, мощь; кромѣ того, она католичка, слѣдовательно исполняетъ предписанную религіей покорность, униженіе и подчиненіе мужчинѣ, какъ высшему существу. Итальянцы обыкновенно обращаются съ женщинами рыцарски-вѣжливо, но, какъ мужья и любовники, они самые властные мужчины. Женщина—его вещь, и онъ злоупотребляетъ правомъ владѣть ею. Для него не существуетъ ни женскихъ мигреней, ни обмороковъ.

Но особенно безжалостенъ итальянецъ, когда онъ любитъ. Онъ выражаетъ свою страсть повелительно и рѣзко. Женщина должна быть къ его услугамъ, когда онъ вздумаетъ. Если мужъ замѣтитъ на балу, что его жена интересна, онъ заставляетъ ее тотчасъ же покинуть балъ и слѣдовать за нимъ. Онъ не обращаетъ вниманія ни на здоровье жены, ни на ея расположеніе и предъявляетъ къ ней свои требованія, когда вздумаетъ.

Зато въ Италіи браки бывають чаще всего по любви. Правда, натура итальянки не сложна: она не ищетъ ни родственной души, ни рѣдкой исключительной природы, какъ другія націи. Итальянцы женятся рано, въ такіе годы, когда человѣкъ быстро влюбляется и поэтому не всматривается въ женщину близко. Въ Италіи еще существуетъ обычай играть на мандолинѣ подъ окномъ невѣсты или часто проходить предъ нимъ, и это единственное проявленіе нѣжныхъ чувствъ.

Такія пары очень хорошо живутъ: въ ихъ сближеніе вмѣшивается романтическая страсть, которую уничтожила бы дѣйствительность. Они просто любятъ другъ друга или разстаются, когда разлюбятъ, а пока все идетъ согласно, у нихъ не существуетъ отдѣльных спаленъ и т. п.; это послужило бы серьезнымъ симптомомъ размолвки.

У итальянцевъ все дѣлается просто. Когда мужъ уже не любитъ болѣе жены, онъ говоритъ ей откровенно, и разводъ въ Италіи случается рѣдко: обыкновенно они переходятъ въ разныя спальни и являются мужемъ и женою только въ своей гостиной. Измѣнъ въ Италіи не бываетъ въ томъ смыслѣ, какъ въ другихъ странахъ, и жена дѣлаетъ нѣкоторыя уступки, когда бываетъ беременна, но лишь одного не допускаетъ: любви настоящей между мужемъ и временными страстями, такъ какъ итальянцы страшно ревнивы, когда любятъ. Однако у нихъ нѣтъ той безумной ненормальной ревности, какая проявляется у другихъ народовъ и доводитъ до преступленія лицъ, даже не питающихъ любви къ своей любовницѣ или любовнику, а дѣйствующихъ лишь изъ тщеславія, самолюбія и чувства оскорбленнаго обладателя. Для этого итальянцы слишкомъ логичны. Когда они другъ друга любятъ, то страстно ревнивы. Но разъ любовь исчезла— они совсѣмъ не ревнивы. Мало развитые иностранцы когда-то дѣлали заключение, что итальянскіе мужья не ревнивы изъ любезности. Эти господа совсѣмъ не понимали итальянцевъ: когда мужъ или любовникъ не ревнивъ, значить, онъ уже болѣе не любитъ жены, и такой любезный мужъ только для постороннихъ мужъ, такъ какъ итальянецъ благоразуменъ и честенъ настолько, что не захочетъ сохранять исключительнаго обладанія женщиной, отъ которой онъ самъ отказался. Это сама справедливость. Неосновательная же ревность, лишь изъ сомнѣнія, подозрительности въ Италіи относительно рѣдко встрѣчается, по крайней мѣрѣ между супругами: тому мѣшаетъ откровенность между ними. Когда они болѣе не любятъ другъ друга, то прямо это высказываютъ.

Этой откровенности не мѣшаетъ никакое состраданіе къ мукамъ жертвы любви, какъ это случается въ другихъ странахъ. На замѣчаніе француза, что «обманъ бываетъ иногда милосердіемъ», итальянка отвѣтила: «У существъ чувствительныхъ и резонеровъ, какъ вы. Но здѣсь, въ Италіи, особенно когда идетъ вопросъ о любви, итальянецъ, который въ сущности человѣкъ добрый, не будетъ ни нѣженъ, ни жалостливъ. Къ тому же онъ до болѣзненности не выносить того, что ему надоѣло. Когда онъ болѣе не любитъ, то не можетъ не выдать тотчасъ же этого чувства. Обыкновенно мужъ первый разлюбитъ жену. Вѣрность даже въ Италіи — добродѣтель не мужчины, но по крайней мѣрѣ въ Италіи дѣло обстоитъ не такъ, какъ въ другихъ странахъ. Здѣсь покинутая мужемъ женщина знаетъ, что она свободна въ глазахъ всѣхъ и особенно мужа. Къ тому же мужъ сдержанъ: какъ *galant*-омо онъ ничего не видитъ и не слышитъ, даже изъ чувства охраненія своего имени, лишь бы родился первенецъ отъ него для поддержанія крови его дома. Въ Италіи же медовый мѣсяцъ длится настолько долго, что есть время появиться первенцу. «Я вамъ говорю, — добавила итальянка: — Италія страна хорошихъ семейныхъ очаговъ». Строгая католическая религія не мѣшаетъ итальянкѣ взять любовника. Къ тому же относительно любовныхъ грѣховъ эта религія не пробуждаетъ въ сознаніи итальянки того чудовищно-страшнаго и отвратительнаго представленія, какъ у англо-саксонки. Итальянкѣ кажется совершенно естественнымъ любить, и она съ трудомъ повѣритъ, что это грѣхъ. Но природа прощаетъ то, что религія осуждаетъ, и итальянка не придаетъ этому грѣху большаго значенія, чѣмъ остальнымъ шести смертнымъ грѣхамъ.

Это грѣхъ не смертельнѣе другихъ, и она не видитъ большой разницы между взглядомъ, поцѣлуемъ и проч.—одно не виновнѣе другого, и послѣдній шагъ для нея такъ же важенъ, какъ и первый. Женщина, которая любила, раскаивается, но не стыдится. Имѣть любовника замужней женщинѣ въ Италиі не считается грѣхомъ, и отъ этого ее не менѣе уважаютъ, даже болѣе—она становится трогательнѣе, патетичнѣе, по крайней мѣрѣ принимаетъ болѣе человѣческій образъ. Вообще въ итальянскомъ обществѣ свободная любовь наиболѣе допустимая, наиболѣе простая вещь. Женщина, не имѣющая любовника, является какимъ-то пятномъ среди общаго фона и стѣсняетъ остальныхъ. Подобная женщина въ концѣ концовъ беретъ себѣ любовника, чтобы не прослыть за *sciocca* (дурой). Пригласить на вечеръ или обѣдъ женщину безъ ея любовника такъ же неприлично, какъ пригласить ее безъ мужа. Да это и трудно. Итальянка никогда не танцуетъ ни съ кѣмъ другимъ, какъ со своимъ любовникомъ, одинаково онъ не будетъ танцевать съ иной женщиной, какъ со своей любовницей. Поэтому итальянское общество производитъ странное впечатлѣніе: оно все состоитъ изъ паръ. Женщина безъ любовника является бѣльмомъ на глазу, и мужчина, не имѣющій любовницы, вовсе не приходитъ на такія собранія, ему тамъ не съ кѣмъ перекинуться словомъ. Эти пары такъ заняты другъ другомъ и являются туда исключительно одинъ для другого, что совершенно не интересуются присутствующими. Каждый является для извѣстной личности и остается съ нею неразлучно; одинокимъ дамамъ, не желающимъ нарушать супружеской вѣрности, скучно тамъ бывать. Итальянки находятъ, что это гораздо приличнѣе, чѣмъ быть окруженной мужчинами и раздавать свою обнаженную красоту всѣмъ, оставляя въ глазахъ каждаго мужчины немного себя самой и возбуждая въ нихъ желаніе, какъ это бываетъ на французскихъ и другихъ балахъ. Въ Италиі по крайней мѣрѣ нѣтъ мужчинъ, переходящихъ отъ одной женщины къ другой, съ одной пользуясь настоящимъ положеніемъ, съ другой подготавливая будущее. Въ Италиі нѣтъ ни флирта, ни кокетничанія; все идетъ спокойно, правильно, совершенно какъ у стада добродѣтельныхъ, вѣрныхъ овецъ.

Французъ замѣтилъ, что это немного скучно и однообразно, что женщины кокетливы изъ состраданія къ мужчинамъ, зная, насколько неопредѣленность и сомнѣнія оживляютъ чувства. Съ итальянкой же нѣтъ никакихъ сомнѣній: она тотчасъ же раскрываетъ всю свою душу, а между тѣмъ кокетство женщины все равно, что-ея платье: оно дѣлаетъ ее въ тысячу разъ привлекательнѣе. На вопросъ, почему итальянки не сдѣлаются немного кокетливѣе, итальянка отвѣтила, что у нихъ нѣтъ ни тщеславія, ни ума, ни холоднаго разсудка французенки. «Вашимъ женщинамъ льстить удерживать мужчинъ; онѣ торжествуютъ въ этой трудной и умной игрѣ и никогда не теряютъ головы. Итальянка не сумѣла бы быть кокеткой и если бы даже была способна, то не находила бы въ этомъ удовольствія.

Французъ со свойственной ему учтивостью старался замаскировать разочарованіе итальянками и выразилъ, что послѣ долгаго пребыванія въ Италиі по возвращеніи во Францію онъ находитъ своихъ соотечественниковъ самонадѣянными: они никогда не забываются и думаютъ лишь, какое впечатлѣніе произведетъ каждое ихъ слово. И это заразительная болѣзнь. «Я тотчасъ становлюсь,

какъ онъ,—замѣтилъ Арблэ,—и прощай, свободная, непринужденная, счастливая лѣнь Италіи. Но при подобной откровенности трудно скрыть тайну неправильныхъ отношеній, о которыхъ вы говорили».—«Тайну,—удивилась итальянка:—но о ней знаютъ всѣ. Впрочемъ, хорошій тонъ требуетъ никогда о ней не говорить. Это единственная жертва, которую приносятъ брачной морали. Брачнаго закона не уважаютъ иначе, какъ лишь не говоря громко, что онъ нарушенъ».

Французъ усомнился, что итальянцы всегда такъ сдержанны, и выразилъ свое удивленіе, какъ легко ему удалось узнать о всѣхъ любовныхъ исторіяхъ, о которыхъ говорили открыто, безъ обиняковъ. Но итальянка объяснила все просто: въ Италіи это не служитъ сюжетомъ для скандала и пищей для злословія. Любовь замужнихъ женщинъ считается здѣсь самой естественной вещью на свѣтѣ. Это такъ естественно, какъ во Франціи сообщеніе о бракѣ какой-нибудь дѣвицы съ такимъ-то молодымъ человѣкомъ. «Впрочемъ, кому придетъ въ голову,—замѣтила итальянка,—вредить влюбленнымъ злорѣчіемъ въ странѣ, гдѣ всѣ влюбляются. Забудьте ваши французскія, провинціальныя сплетни, мелкую ревнивую ненависть всего города, который не можетъ простить нѣсколькимъ заслуживающимъ любви женщинамъ ихъ изящество и красоту. Изъ любовныхъ исторій у васъ дѣлаютъ скандалъ, которымъ лицемерно упиваются. Бессиліе грязнить, какъ можетъ, свободную, прекрасную нѣжность, которую не можетъ понять. Вы не нравственнѣе другихъ, далеко отъ этого, но у васъ добродѣтель хорошо отомщена. Мнѣ жаль вашихъ влюбленныхъ. Въ Италіи злые люди должны искать другого случая для изліянія своей злобы. Любовь не представляетъ никакого поля жатвы. Это лучше для социальнаго счастья и даже для добродѣтели, такъ какъ кто ее защищаетъ, можетъ возбудить отвращеніе къ ней въ самыхъ доброжелательныхъ людяхъ. Самая мелкая ревность, жестокость и ложь широко вознаграждаютъ бесполезную строгость. Въ Италіи по крайней мѣрѣ у любви нѣтъ этой безобразной *contre partie*. И какъ всѣ должны согласиться, она не служитъ пищей и не возбуждаетъ низости души, ненависти, клеветы или глупости. «Мнѣ кажется,—замѣтила итальянка на замѣчаніе француза:—что французскіе нравы порочны безъ откровенности: мы не умѣемъ дѣлать выбора между любовью, которую мы любимъ и которою пользуемся, какъ никто, и строгостью нравовъ, которую официально соблюдаемъ».—«Для насъ любовь—грѣхъ, вотъ почему мы ее такъ любимъ,—сказалъ французъ.—Вы были благоразумнѣе; вы отняли отъ любви скандалъ и стыдъ и создали другую мораль, за которой по крайней мѣрѣ заслуга быть естественной, свободной и искренней. Этого уже много для счастья, а также для сохраненія чести».

Манера чувствовать и любить у итальянцевъ такъ проста, какъ себѣ представить нельзя. Чувства ихъ не очень сложны, не очень разнообразны отгнками, не слишкомъ утончены цивилизаціей и остаются гораздо ближе къ инстинкту. Въ большинствѣ случаевъ эти сверхзаконные союзы завязываются въ одну минуту, а длятся иногда всю жизнь. Довольно одного взгляда, неотразаимаго притяженія и какъ ударъ грома вами внезапно овладѣваетъ живая симпатія. Затѣмъ итальянки не любятъ проволочекъ, тогда какъ другія женщины окружаютъ это цѣлой сложной церемоніей. Итальянки на это смотрятъ просто.

Итальянская свѣтская женщина считаетъ для себя униженіемъ, если ея влюбленный устроить мѣсто свиданія съ нею не въ ея домѣ; она иначе не видится съ нимъ, какъ въ своей собственной спальнѣ. Въ другихъ странахъ это нашли бы болѣе чѣмъ смѣлымъ, въ Италіи это единственный и нормальный способъ: итальянки не стыдятся своей любви. Но, по признанію собесѣдницы автора, это имѣетъ дурную сторону—любовники становятся настолько похожи на мужей, что принимаютъ всѣ ихъ недостатки. Онъ начинаетъ смотрѣть на свою любовницу какъ на жену и уже не выказываетъ ей прежняго рыцарскаго вниманія и подчиненія, а становится повелительнымъ и охотно вмѣшивается даже въ подробности туалета своей подруги. Его обожаніе дѣлается тиранническимъ, требовательнымъ. Въ Италіи часто встрѣчаются связи, начавшіяся въ молодости и продолжавшіяся въ старости и, по мнѣнію итальянки, это доказываетъ, насколько глубже и правдивѣе свободная любовь. Очень часто такія давнія связи узакониваются, если умираетъ мужъ или жена, но подобныя пары ограничиваются лишь церковной церемоніей, мэру здѣсь нечего дѣлать и они уже до смерти не разлучаются. Такая жена не принимаетъ имени своего мужа, но онъ уже безъ скандала можетъ оставаться у нея. Вечерніе приемы тогда оканчиваются обыкновенно тѣмъ, что новый мужъ подымается съ своего мѣста, подавая сигналъ, что вечеръ окончился, а за нимъ всѣ гости, но онъ за ними не слѣдуетъ, а остается у хозяйки дома. Вообще итальянскія правила учтивости носятъ много разнообразныхъ оттѣнковъ. «Мы, — говоритъ итальянка, — вкладывая столько простоты въ ваши чувства, придерживаемся самой деликатной, тонкой свѣтской дипломатіи въ нашихъ отношеніяхъ. Однако и въ Италіи не всѣ Филемоны и Бавкиды. Да къ тому же тамъ прощаютъ и женскія измѣны, которыя даже многочисленны; женщинамъ присуще ошибаться, но одного тамъ не прощаютъ—дурного выбора любовника не изъ своего общества. Итальянки находятъ, что женщина, выбирая его не изъ своего круга, опускается; въ Италіи не любятъ неравныхъ браковъ даже съ лѣвой руки. Ни одна итальянка изъ высшаго общества не сдѣлается любовницей скромнаго гражданина. Это относится и къ мужчинамъ и если онъ женится, то вниманіе обращается не на то, вель ли онъ жизнь отшельника, но были ли эти любовницы изъ его общества. Взять первую любовницей горничную—было бы для него позоромъ. Поэтому жениху прощаются связи, но любовницы должны быть изъ высшаго общества, а главное, чтобы любовные союзы покоились на любви искренней и живой. Въ Италіи, по словамъ итальянки, совсѣмъ не понимаютъ любовной связи отъ бездѣлья, любопытства или романтической сложности, какъ это случается во Франціи и другихъ странахъ. Итальянка отдается потому, что она любитъ, и если случайно она отдается часто, то потому, что любить много. Въ ней нѣтъ лицемерной сдержанности, какаѣ бываетъ у другихъ націй; она рѣдко любитъ, не отдаваясь. Ея любовь, какъ природа, проста: она человѣческая, живая.

Конечно, есть въ Италіи женщины, остающіяся вѣрными мужу. Быть можетъ, время измѣнитъ характеръ итальянцевъ, но итальянки увѣрены, что въ Италіи женщина никогда не разучится любить до готовности умереть и отдаться, забывъ весь міръ ради одного, хотя, можетъ быть, итальянская любовь и кажется другимъ національностямъ прямолинейной, однообразной и скучной.

— Последняя любовь Стерна—Какъ всѣ смертные, великіе писатели не застрахованы отъ поздней любви, и одной изъ ея жертвъ былъ первоклассный англійскій романистъ XVIII вѣка Стернъ, англійскій пасторъ, сначала печатавшій только свои проповѣди, заслужившія ему названіе эксцентрика, и только въ концѣ жизни напечатавшія свои романы «Tristram Shandy» въ 1759 г. и «Сентиментальное путешествіе» въ 1768 г., почти въ годъ смерти. Этой любви посвятилъ свою статью въ «Fortnightly Review» Левисъ Мельвиль, гдѣ нарисовалъ, съ какой юной страстью этотъ пятидесятичеловекслѣтній человекъ полюбилъ Елизавету Дрэперъ. «Свифтъ не любилъ такъ своей Стеллы, Скарронъ,—своей Мэнтонъ, или Уолэръ,—своей Сакариссы, какъ я любилъ тебя, моя избранница,—писалъ Стернъ въ началѣ 1767 г.—Всѣ эти имена, какъ бы они ни были знамениты, уступаютъ мѣсто твоему, Элиза». Избранница Стерна была дочерью Май Склэтера, родившагося въ 1719 г. и служившаго въ восточно-индійскомъ товариществѣ. Онъ женился на миссъ Уайголлъ, отъ которой у него родилось три дочери, и Элиза была старшей. Согласно легендѣ, державшейся до 1883 г., Элиза воспитывалась въ Индіи, но затѣмъ было доказано, что она и ея сестры были посланы въ Англію по слабости здоровья. Тамъ она жила съ теткой, мистриссъ Пиккрингъ и дядей Рихардомъ Склэтеромъ. Она такъ полюбила дѣтей послѣдняго, Томаса Матью и Елизавету, что только четырнадцать лѣтъ возвратилась къ отцу, уже овдовѣвшему въ Бомбей. Это было въ 1757 г., на третій день Рождества. «Мнѣ никогда во всю жизнь даже балъ не доставлялъ такого удовольствія, какое я испытала, когда впервые увидѣла рѣку—писала она.—Голландцы всѣ бѣлые, но ихъ слуги черные. На нихъ нѣтъ никакой одежды, кромѣ тряпки вокругъ талии, что насъ сначала смущало. Домъ отца самый красивый въ Бомбей и у насъ ежедневно обѣдаетъ общество». Среди прочихъ гостей у нихъ бывалъ Даніель Дрэперъ, служившій въ томъ же обществѣ. Онъ влюбился въ четырнадцатилѣтнюю Элизу и 28 июня 1758 г. женился на ней. Отъ этого брака родился на слѣдующій годъ сынъ, а черезъ два года дочь. Здоровье г-жи Дрэперъ заставило ее въ 1765 г. отправиться въ Англію съ мужемъ и дѣтьми. По прибытіи они отвезли дѣтей въ Энфильдъ, куда англо-индѣйцы помѣщали дѣтей на время своего отсутствія. Дрэперъ тотчасъ же вернулся въ Бомбей на свой постъ, а его жена осталась въ Англіи для поправленія здоровья. Сначала она жила то у своихъ родителей, то у родителей мужа, но затѣмъ поселилась въ Лондонѣ на зиму въ 1766 году.

Въ декабрѣ этого года она встрѣтилась съ Стерномъ въ домѣ своего знакомаго Коммодора Джемса и его жены, съ которыми онъ очень былъ друженъ, судя по тому, какъ онъ писалъ о нихъ въ концѣ этого года г-жѣ Дрэперъ. Вѣроятно, слухъ объ его ухаживаніи достигъ ушей жены, потому что онъ писалъ своей дочери Лидіи 23 февраля 1766 г. «Я не желаю знать, какой дуракъ тревожить вашу мать относительно г-жи Дрэперъ. Правда, я съ нею друженъ, но это не доходитъ до ослѣпленія. Я думаю, что у меня достаточно разсудка, чтобы различать ея слабости и другихъ женщинъ. Я уважаю твою мать за отвѣтъ, данный этой особѣ, что «она ничего не желаетъ знать и просить объ этомъ не говорить». Однако, не одна его жена узнала объ его увлеченіи, какъ видно изъ письма къ Элизѣ. Упрекая какихъ-то знакомыхъ за сплетню, онъ

пишеть: «Довольно я наслушался всего, чтобы не содрогаться при одномъ ихъ имени. Какъ могли вы оставить ихъ (или, вѣрнѣе, позволить имъ оставить васъ) съ такимъ неблагопріятнымъ впечатлѣніемъ. Довольно я тебѣ говорилъ, чтобы ты до конца жизни питала отвращеніе къ ихъ предательству. Между тѣмъ ты еще сказала мистриссъ Джемсъ, что вѣришь искренности ихъ любви. Изъ деликатности и желанія сохранить спокойствіе твоего ума, она не доказала тебѣ ихъ низости. Ради Бога не пиши имъ и не грязни свой прекрасный характеръ соприкосновеніемъ съ этими скверными сердцами. Они тебя любятъ! Какое же тому доказательство? Доказываютъ ли это ихъ поступки? Или стараніе уничтожить связь, которая тебѣ дѣлаетъ честь и дѣлаетъ тебя счастливой? или ихъ нѣжное отношеніе къ твоей репутаци? Нѣтъ. Но они «плачутъ» и говорятъ «нѣжныя слова»... Съ подобными людьми надо навсегда распрощаться. Честное сердце мистриссъ Джемсъ возмущается при мысли, что ей надо посѣтить ихъ. И ее за это уважаю и тебя я уважаю за всѣ поступки въ твоей жизни, исключая этого слѣпного безпристрастія относительно такихъ недостойныхъ существъ».

Злословіе друзей Элизы не было столь преувеличено и несправедливо, какъ находилъ это Стернъ. Очевидно, у нихъ была причина для злословія. Во-первыхъ, Стернъ слишкомъ часто ее посѣщалъ: кромѣ того, она имѣла неосторожность къ нему ходить на квартиру и обѣдать съ нимъ наединѣ. Много было спору, были ли платоническими отношенія «брамина и браминки», какъ они называли себя между собою. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что ихъ отношенія не дошли до послѣдней степени близости. Стернъ признавался своимъ докторамъ, вскорѣ послѣ отъѣзда Элизы въ Индію, что въ теченіе пятнадцати лѣтъ «онъ жилъ съ безусловной воздержанностью даже относительно своей жены». Само по себѣ это не очевидное доказательство, хотя у него не было причины лгать имъ, а тотъ фактъ, что онъ помѣстилъ этотъ разговоръ въ дневникъ, специально предназначенный для г-жи Дрэперъ, даетъ значеніе этому увѣренію. Супруги Джемсъ вѣрили въ невинность ихъ отношеній, иначе не защищали бы ее. Даже Теккерей съ Джономъ Крафтомъ, самые ожесточенные критики Стерна, не хотѣли вѣрить, чтобы такое письмо къ мужу могло быть написано человѣкомъ, считавшимъ себя виноватымъ.

«Признаюсь, сударь,—говорилъ онъ:—что немного не въ обычаѣ (согласно свѣтскимъ приличіямъ) писать письма, гдѣ не говорится ни о какомъ дѣлѣ, и человѣку, котораго я не имѣю чести знать. Побужденіе, заставившее меня взяться за перо, также необычайно; оно истекаетъ изъ честнаго намѣренія, я чувствую, что я не признался бы въ большомъ уваженіи и дружбѣ къ г-жѣ Дрэперъ, если бы я не желалъ и не надѣялся простереть его и на г-на Дрэпера.

«Я влюбился въ вашу жену; но это любовь, за которую вы меня уважали бы, она такая же, какую я испытываю къ моей дочери—прекрасному созданію, и я едва дѣлаю различіе между ними обѣими.

«Я желалъ имѣть возможность прийти на помощь г-жѣ Дрэперъ, когда она находилась на такомъ большомъ разстояніи отъ ея наилучшаго покровителя. Ея сердце въ этомъ не нуждалось, а ея голова менѣе, чѣмъ голова какой-либо изъ дочерей Евы, и даже менѣе, чѣмъ какой-либо изъ тѣхъ женщинъ, съ которыми я бесѣдовалъ тому нѣсколько лѣтъ. Я хотѣлъ бы оказать услугу г-жѣ

Дрепэръ, пока вы въ Индіи, а я на землѣ; но для свѣтскихъ дѣлъ я совсѣмъ не гожусь. Желая вамъ, сударь, на многія лѣта счастья; молиться объ ея здоровьи и счастьѣ—часть моей ежедневной молитвы. Она слишкомъ добра, чтобы ея лишиться, и скорѣй я пойду на поклоненіе въ Мекку, чтобы добыть для нея цѣлительное средство».

Двадцатитрехлѣтняя женщина не находила большой привлекательности въ пятидесятитрехлѣтнемъ Стернѣ, но онъ былъ знаменитъ и обладалъ даромъ очаровывать. Она была блестяща во всѣхъ отношеніяхъ и образованна, нѣсколько разочарованная, выйдя рано замужъ за человѣка съ довольно страннымъ вкусомъ и дурнымъ характеромъ. Хотя она никогда не говорила Стерну о своемъ неудачномъ бракѣ, но онъ объ этомъ узналъ отъ друзей. Левисъ Мельвилль приводитъ нѣсколько ея писемъ къ роднымъ и особенно ея двоюродному брату, Матью Склэтеру, съ которымъ она сохранила прежнія дружественныя отношенія, но ни въ одномъ изъ нихъ она не говоритъ о Стернѣ. Послѣ его смерти она напечатала его письма, но ея отвѣты не появлялись въ печати.

Шесть лѣтъ спустя послѣ смерти Стерна, г-жа Дрепэръ разошлась съ мужемъ вслѣдствіе его невозможнаго поведенія и предпочтенія, сдѣланнаго ея горничной. Мужъ зналъ объ ея намѣреніи бѣжать и долго ее караулилъ. Говорятъ, что ее похитилъ одинъ изъ ея обожателей Джонъ Кларкъ, но это невѣрно, она просто только позволила ему ее сопровождать до дома ея дяди, Томаса Уайтголлъ. Однако, по неизвѣстной причинѣ она вернулась въ Англію въ 1774 г., гдѣ у ней собиралось избранное общество, и тамъ вновь завязала дружбу съ Джемсами. Напечатаніе писемъ Стерна навлекло на нее непріятности, и она принуждена была вернуться въ Бристоль, гдѣ жила до своей смерти, три года спустя, и была похоронена въ соборѣ.

— Отовсюду.—Въ парижской академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ Анри Вельшингеръ сообщилъ историко-анекдотическія свѣдѣнія о Камилліи Иляри, кормилицѣ Наполеона. Это была необыкновенная красавица-креолка, къ которой Наполеонъ питалъ большое расположеніе. Онъ вызвалъ ее въ Парижъ для присутствія при церемоніи его коронованія, и она была на всѣхъ празднествахъ. Такъ она прожила въ Тюльери три мѣсяца среди ослѣпительнаго блеска, какъ очарованная. Наполеонъ заставлялъ ее рассказывать себѣ мѣстныя легенды на корсиканскомъ нарѣчьи. Онъ любилъ развлекаться съ нею, когда его тревожили самые важные вопросы. Камиллія Иляри съ радостью видѣла, что вскормленный ею и воспитанный ребенкомъ сдѣлался великимъ человѣкомъ, и управляетъ миромъ. При дворѣ ее приняли дружелюбно, одинаково папа Пій VII и императрица Жозефина, подарившая ей бездѣлушки и великолѣпные брильянты. Наполеонъ назначилъ ей пенсію въ 46000 франковъ и домъ въ Аяччіо, виноградники и земли на Корсикѣ. Наполеонъ выказывалъ великодушіе не только къ своей кормилицѣ, но и къ кормилицѣ Людовика XVI; послѣдней онъ также назначилъ пенсію.

Въ неизданныхъ письмахъ Вогюэ относительно изученія русскаго языка во Франціи находится нѣсколько интересныхъ свѣдѣній объ Иванѣ Сергѣевичѣ Тургеневѣ, въ предисловіи Гальперина Каменскаго. Восхищеніе Толстымъ доводило его до полнаго забвенія своихъ собственныхъ произведеній, что видно

изъ письма сотрудника «Temps» Шарля Эдмона къ виконту Вогюэ. «Газета «Temps», — пишетъ онъ, — уже напечатала нѣсколько произведеній Тургенева, когда однажды, встрѣтя его, я замѣтилъ, что нашъ общій другъ Эбраръ будетъ очень радъ предложить ему гостепріимство въ «Temps».

— Пройдите ко мнѣ, — отвѣтилъ Тургеневъ, подумавъ съ минуту: — и я объщаю Эбрару и вамъ сюрпризъ, которымъ вы вполне останетесь довольны.

«Впервые я слышалъ, — говоритъ Эдмонъ: — что Иванъ Сергѣевичъ такъ лестно отзывался о своихъ литературныхъ достоинствахъ. Придя къ себѣ, онъ вынулъ изъ бюро свертокъ бумагъ и произнесъ: «Вотъ копіи для вашего журнала. Это значить, что авторъ не я. Этотъ художникъ — такъ какъ это дѣйствительно художникъ, — почти неизвѣстенъ во Франціи, но по душѣ и совѣсти признаюсь, что недостойнъ развязать ремня его сандалій». На другой день въ «Temps» появились «Воспоминанія о Севастопольѣ».

Это произошло въ апрѣлѣ 1876 г. Годъ спустя Тургеневу случилось неожиданное счастье найти издателя для «Войны и Мира» въ переводѣ княгини Паскевичъ. Какъ только появилось изданіе, онъ тотчасъ же послалъ по экземпляру своимъ друзьямъ Флоберу, Додэ и Зола и критикамъ Тэну, Абу, Филиппу, Берти и Андрэ Терье, неустанно хлопоча привлечь вниманіе общества на образцовое произведеніе Толстого. Въ самыхъ распространенныхъ газетахъ появились хвалебныя статьи и отзывы друзей. Флоберъ отозвался объ этомъ грудъ слѣдующими словами: «Благодарю, что заставили прочитать романъ Толстого. Это первоклассное произведеніе. Какой художникъ и какая психологія! Первые два тома блестящи, но въ третьемъ онъ ужасно перескакиваетъ, повторяется и философствуетъ. Виденъ баринъ, авторъ и русскій, тогда какъ до этого въ немъ видны были лишь природа и челоѡчество. Мнѣ кажется, иногда попадаются вещи вродѣ шекспировскихъ. Я восклицалъ отъ восторга во время чтенія, а оно длинное: да это сильно! очень сильно!»

На это письмо Тургеневъ отвѣтилъ:

«Не можете себѣ представить, какое удовольствіе доставило мнѣ ваше письмо и все, что вы говорите о романѣ Толстого. Ваша похвала укрѣпляетъ мои мнѣнія о немъ. Да, это очень сильный челоѡкъ, а все-таки вы коснулись больного мѣста. Онъ такимъ образомъ создалъ себѣ философскую систему въ одно и то же время мистическую, ребяческую, которая чертовски испортила его второй томъ романа, написанный послѣ «Войны и Мира», и гдѣ находится также перворазрядная вещь «Анна Каренина». Не знаю, что скажутъ критики, я послалъ «Войну и Миръ» также Додэ и Зола», но для меня вещь рѣшенная «Floberus dixi».

— Юбилей. — Лѣтній сезонъ изобиловалъ всякаго рода юбилеями во всѣхъ уголкахъ Европы. Въ Германіи литературный міръ отпраздновалъ восьмидесятипятилѣтній юбилей хорошо знакомаго русскимъ литераторамъ Вильгельма Генкеля — переводчика, познакомившаго нѣмцевъ съ русской образцовой литературой. Генкель хорошо знакомъ съ Россіей, куда пріѣхалъ пятнадцати лѣтъ и поступилъ въ качествѣ «ученика» въ книжный магазинъ Риккера. Изъ смышленнаго юноши вышелъ дѣловой челоѡкъ, и Генкель сдѣлался компаньономъ Смирдина, а вмѣстѣ съ тѣмъ издавалъ «Сѣверное Сіяніе, а затѣмъ былъ секретаремъ у М. О. Вольфа. Но въ концѣ концовъ его потянуло на родину, и онъ поселился

въ Мюнхенѣ, гдѣ принялся за переводы русскихъ авторовъ Достоевскаго, Толстого, Тургенева и др. Послѣднимъ его переводомъ были психіатрическіе этюды по исторіи профессора П. И. Ковалевскаго. Къ этому труду онъ прибавилъ свое предисловіе съ подробностями объ авторѣ, гдѣ выразилъ удивленіе и прогрессу въ русской цензурѣ, которая разрѣшила высказать, что Павелъ и Петръ III—душевно-больные люди. Генкель до послѣдняго времени вель въ «Börsenblatt der Buchhändler» отдѣлъ русской литературы.

Въ Венгріи чествовали торжественнымъ празднествомъ сорокалѣтній юбилей литературной дѣятельности венгерскаго писателя Коломана Миктата, равнаго по силѣ таланта Мавру Юкаю и заслужившаго популярность своими рассказами изъ крестьянской буржуазной жизни, гдѣ такъ и брызжетъ необычайный юморъ, напоминающій Диккенса, но съ болѣе горячимъ колоритомъ. Область его творчества не распространялась на великія задачи человѣчества, а ограничивалась обыденными вопросами. Большимъ успѣхомъ пользовались сатирическія картинки политической жизни Венгріи, а также рассказы изъ мелко-буржуазной жизни, гдѣ онъ проявлялъ рѣдкій юморъ, подробно изучивъ нравы этой среды. Вообще Миктатъ умѣлъ углубиться въ человѣческую душу и особенно мадьярскаго народа и порыться въ ней. Но особенно популярна его біографія Мавра Юкая, гдѣ представлена цѣлая эпоха жизни Венгріи.

Коломанъ Миктатъ родился въ 1849 г. и, окончивъ университетъ, поступилъ на государственную службу, но не надолго. Вскорѣ онъ вполне посвятилъ себя литературѣ, хотя нѣкоторое время состоялъ депутатомъ и находился во главѣ большой политической газеты. Его талантъ отличается необыкновенной своеобразиемъ, и въ немъ не видно никакого посторонняго вліянія.

По случаю дня его юбилея императоръ пожаловалъ ему высшее въ Венгріи отличие—орденъ св. Стефана, а университетъ—звание доктора honoris causa. Почитатели же его таланта нашли лучшимъ выкупить его родовое имѣніе, гдѣ онъ почерпнулъ въ крестьянской средѣ немало матеріала для своихъ произведеній. Этотъ подарокъ былъ ему торжественно поднесенъ въ присутствіи всѣхъ литературныхъ силъ и многочисленной публики. Королевскій подарокъ преподнесъ ему вмѣстѣ съ декретомъ министръ народнаго просвѣщенія и культовъ графъ Зичи, отъ венгерской академіи его поздравлялъ Альбертъ Берцевиши, почетный дипломъ вручилъ ректоръ университета Саги. Юбилейное издание его произведеній вышло въ 30 томахъ.

Въ концѣ мая во Франціи французскіе революціонеры и социалисты отпраздновали годовщину коммуны довольно бурно, хотя безъ человѣческихъ жертвъ. Социалисты и революціонеры требовали права производить манифестаціи на улицахъ, когда имъ вздумается, но федерація объединенныхъ социалистовъ Сены приняла мѣры, чтобы порядокъ не былъ нарушенъ, пригласила всѣхъ своихъ членовъ, массою присутствовавшихъ на кладбищѣ Pere Lachaise, въ память кровавой недѣли съ 21—28 мая 1871 г. Правительство, съ своей стороны, заняло всѣ улицы войсками, хотя социалисты ничѣмъ не проявили себя для вызова такихъ мѣръ. Съ двухъ часовъ группы манифестантовъ толпились на бульварѣ Menimontant и avenue Gambette. Въ ожиданія отбытія процессіи раздавалось пѣніе «Internationale», «Carmagnole», «Commune», «Gloire» и 17 прочихъ революціонныхъ гим-

новъ» Цѣлыхъ три часа длилось шествіе на кладбищѣ. Болѣе двухсотъ полицейскихъ агентовъ раздѣляли кортежъ по группамъ въ 50 и 100 человекъ. Организаторы просили префекта отмѣнить этотъ порядокъ, задерживавшій шествіе, но ничего не добились. Въ ста метрахъ слѣдовали новыя остановки группъ. Наконецъ депутаты Вальянъ и Жоресъ достигли большой надписи съ печальнымъ напоминаніемъ о маѣ 1871 г. Вальянъ произнесъ: «Мы пришли сюда, чтобы чествовать годовщину коммуны. Мы желаемъ продолжать работу тѣхъ, кто палъ жертвой реакціи». Но префектъ прервалъ ихъ словами: «Не надо рѣчей! проходите!» Въ этотъ споръ вмѣшался Жоресъ, но услышалъ: «Мы здѣсь не въ палатѣ депутатовъ» — и шествіе продолжало двигаться черепашимъ шагомъ. На стѣнѣ, гдѣ находится мраморная доска съ надписью, находилось 35 вѣнковъ и сорокъ шесть знаменъ склонились предъ нею. Болѣе 15000 ч. мужчинъ, дѣтей и женщинъ продефилировали предъ этой стѣной. Тутъ были делегаты всѣхъ отдѣловъ соединенныхъ социалистическихъ партій Парижа, департамента Сены, русскихъ, польскихъ, еврейскихъ социалистовъ. Среди группъ особенно бурно вела себя группа социальной войны и молодыхъ революціонеровъ, которые энергично восклицали все время дефитированія: «Vive la Commune» и пѣли «Catmagnole» и «Commune».

15 июня либеральная Германія праздновала восьмидесятилѣтіе одного изъ популярнѣйшихъ представителей прогрессивной народной партіи — Альберта Трэгера или идеалиста и поборника основныхъ началъ либерализма и одного изъ блестящихъ политическихъ ораторовъ Германіи. Сынъ журналиста, Трэгерь родился въ 1830 г. въ Аугсбургѣ, прошелъ курсъ юридическихъ и камеральныхъ наукъ въ Галле и Лейпцигѣ. Его карьера адвоката началась съ 1862 г. На это подрище онъ выступилъ сначала въ небольшомъ городкѣ саксонской провинціи, затѣмъ въ Нордгаузенѣ, а съ 1891 г. поселился въ Берлинѣ. Въ 1874 г. Трэгерь былъ избранъ депутатомъ рейхстага, членомъ котораго состоитъ до сихъ поръ и въ то же время съ небольшими промежутками времени былъ членомъ прусской палаты депутатовъ. Парламентскую дѣятельность Трэгерь началъ въ рядахъ прогрессивной партіи и оставался ей вѣренъ при преобразованіи ея въ свободомыслящую. Когда она распалась на двѣ фракціи, онъ вмѣстѣ въ Евгеніемъ Рихтеромъ примкнулъ къ свободомыслящимъ народной партіи. Специально «политикомъ» онъ не былъ и потому никогда не занималъ вліятельнаго руководящаго положенія, но все-таки является однимъ изъ лучшихъ представителей прогрессивной народной партіи.

22 мая представители государства и города Парижа чествовали двадцатипятилѣтіе со дня смерти Виктора Гюго, ушедшаго обремененнымъ годами, обремененнымъ славою, но не состарившимся прежде, чѣмъ сдѣлаться, по его выраженію, «antique». Это торжество ознаменовалось официальнымъ прибавленіемъ четырехъ медальоновъ къ памятнику Виктору Гюго (красующемуся недалеко отъ маленькаго домика, гдѣ онъ жилъ въ послѣдніе годы своей жизни) съ изображеніемъ его двухъ сыновей, Шарля и Франсуа Гюго, и двухъ его учениковъ, какъ бы духовныхъ сыновей: Поля Мериса и Огеста Вакри. Это былъ подарокъ великому писателю и образцовому отцу семейства. Оба его сына были не только повѣренными его души, но и достойными носителями его славы. Вступая на жизненный

путь съ такимъ славнымъ именемъ въ эпоху, когда Викторъ Гюго пытался присоединить къ своей мечтѣ политическую дѣйствительность, имъ предстояла трудная задача не уронить его имени, и они съ достоинствомъ исполнили свой долгъ.

Начавъ свою литературную карьеру журналистами въ отцовскомъ «Evenement», основанномъ Викторомъ Гюго съ 1848 г., они съ такимъ жаромъ пылкой молодости исповѣдывали отцовскія заповѣди, что Шарля приговорили къ шестимѣсячному тюремному заключенію. Онъ блестяще поддерживалъ одно изъ отцовскихъ желаній, ближе всего лежавшее къ его сердцу, — отмѣну смертной казни, и за это попалъ въ тюрьму. Въ памяти парижанъ долго оставался этотъ судебный процессъ, въ которомъ защитникомъ Шарля выступилъ самъ Викторъ Гюго, неотразимо дѣйствовавшій на слушателей. Таковъ былъ дебютъ Шарля Гюго — блестящаго писателя съ живымъ воображеніемъ и картиннымъ богатымъ языкомъ.

Его братъ Франсуа-Викторъ, менѣе плодовитый, прозаикъ, но болѣе усидчивый, одинаково сотрудничалъ въ журналъ отца и также по нѣсколько мѣсяцевъ отсидивалъ въ тюрьмѣ, поддерживая отцовскіе взгляды. Но, въ сущности, его склонность направлялась въ сторону болѣе мирныхъ идей: къ историческимъ изысканіямъ и къ исторической и литературной критикѣ. Онъ поставилъ себѣ задачей исполнить завѣтное желаніе отца, которому посвятилъ свою жизнь, и благодаря ему Вильямъ Шекспиръ предсталъ во Франціи въ такомъ именно видѣ, какъ желалъ покойный глава романтиковъ. Въ своемъ предисловіи къ прекрасному переводу соннетовъ Шекспира, онъ выказалъ основательное знакомство съ британской литературой Елизаветинскаго времени. Оба брата умерли въ «ужасную минуту», какъ окрестилъ эту пору Викторъ Гюго, для котораго она была вдвойнѣ тяжела.

Съ этого времени Поль Мерисъ и Огюсть Вакри сдѣлались его духовными сыновьями, которыхъ какъ бы усыновилъ учитель. «Если когда-нибудь въ будущемъ у меня будетъ какой-нибудь проблескъ, похожій на ореолъ, ваша дружба, мой нѣжный, достойный поэтъ, будетъ самымъ очаровательнымъ лучомъ», пишетъ ему Викторъ Гюго. Оба они были для него болѣе, чѣмъ учениками, — левитами и даже апостолами, какъ выразился Блинъ въ «Figaro». Ихъ религиозный восторгъ Викторомъ Гюго носить форму настоящаго ритуала, и на алтарѣ своего полу-бога они священнодѣйствуютъ согласно евангелію Кромвелля, и страницы, посвященные ему, — псалмы. Но они его понимали каждый по-своему. Одно имя Виктора Гюго... «Qui commence, ô mystere, Victor comme Virgile et Hugo comme Homère», внушаетъ Вакри священный восторгъ. Даже башни собора Богоматери въ его глазахъ являются инициаломъ Н.

Поль Мерисъ иначе любилъ своего учителя — онъ старается, чтобы этого бога любили, но не боялись.

Конечно, на этомъ торжествѣ произнесено немало рѣчей и между прочими президента ассоціаціи Виктора Гюго — Жана Экаре, нарисовавшаго грандіозную картину похоронъ великаго писателя, на которыя собрались представители всѣхъ народовъ, такъ что въ «дни наиболѣе замѣчательныхъ торжественныхъ шествій — Римъ не видѣлъ чего-нибудь величественнѣе».

8 юнія исполнилось столѣтіе со дня рожденія музыкальнаго романтика композитора, творца Lied—Роберта Шумана; путеводной звѣзды, приведшей нѣмцевъ къ интеллектуальному владычеству въ царствѣ звуковъ. Робертъ Шуманъ родился въ Цвикау 8 юнія 1810 г. въ немзыкальной семьѣ неудачнаго писателя, занявшагося книжнымъ дѣломъ. Шумана съ дѣтства тянуло къ музыкѣ, и въ каждую свободную минуту онъ проскальзывалъ въ комнату позади лавки отца, гдѣ на старенькомъ фортепіано изливалъ свою душу. Когда отецъ умеръ, мать, слушаясь совѣта опытнаго опекуна, рѣшилась сдѣлать изъ сына юриста. Онъ не протестовалъ и отправился сначала въ Лейпцигъ, а затѣмъ въ Гейдельбергъ завоевывать себѣ дипломъ. Тамъ онъ зачитывался Байрономъ и Шиллеромъ, но не сдѣлался ихъ послѣдователемъ. Въ немъ происходила внутренняя борьба. «Въ 1829 г. на Пасхѣ я отправился въ Гейдельбергъ, путешествовалъ по Швейцаріи и Италіи и въ 1830 г. вернулся въ Гейдельбергъ,—писалъ онъ.—Внезапно мнѣ явилась мысль: «Что думаешь ты дѣлать на землѣ?» Одинъ піанистъ призналъ въ немъ генія и угадалъ, что «если онъ думаетъ сдѣлать нѣчто великое въ этомъ мірѣ, то чрезъ музыку». Среди университетскихъ занятій онъ урывалъ свободную минутку для вальсовъ Шуберта. Цѣлые шесть мѣсяцевъ въ немъ шла борьба между прозой, олицетворявшейся въ римскомъ правѣ, и поэзіей, олицетворявшейся въ музыкѣ». Искусство говорило: «Работая много, ты можешь достигъ цѣли въ три года».—Право отвѣчало: «Въ три года ты, быть можетъ, достигнешь намѣченной цѣли и будешь зарабатывать солидную сумму въ годъ. Искусство продолжало: «Я свободно, какъ небо, весь свѣтъ мое владѣніе». Право пожимало плечами и говорило: «Я въ вѣчномъ подчиненіи министровъ, всегда украшено манжетами и низкой шляпой». Искусство продолжало: «Красота мое жилище, сердце,—моя вселенная и созданіе. Я свободно и безконечно, я создаю, я безсмертно и т. д.

Искусство одержало верхъ надъ меркантильнымъ умомъ попечителя, и Шуманъ, сдавъ экзамень 22 августа 1830 г., писалъ матери: «Наконецъ я избралъ будущее и рѣшаюся пуститься по пути, который ведетъ къ моему идеалу. Загляни въ свое сердце и мое». Немалое вліяніе въ выборѣ между поэзіей и прозой имѣлъ на него краснорѣчивый юристъ-меломанъ Тибо, это былъ гейдельбергскій музыкантъ, «чудный, божественный человекъ, у котораго Шуманъ проводилъ самые пріятные часы, когда сѣдоволосый Тибо заставлялъ въ своемъ «священномъ домѣ» пѣть ораторію Генделя, самъ съ глазами, полными слезъ отъ восторга, аккомпанируя на фортепіано. Такимъ образомъ побѣда надъ прозой была одержана съ помощью самой же прозы. Вообще къ Шуману подходитъ пословица: «не было бы счастья, да несчастье помогло». Желая скорѣе развить технику въ игрѣ на фортепіано, Шуманъ придумалъ особенное приспособленіе съ подвизываніемъ кверху четвертаго пальца. Онъ такъ усердно упражнялся, что палецъ остался парализованнымъ, и надежда стать виртуозомъ навсегда исчезла. Это несчастье направило его къ творчеству, гдѣ ему впослѣдствіи удалось блеснуть своимъ глубокимъ чувствомъ, сохранивъ свой стильъ отъ переполненія пассажами, къ которымъ вначалѣ

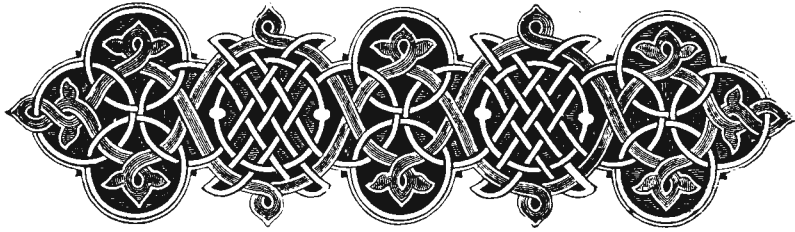
онъ питалъ опасную склонность, еще усиленную стеченіемъ обстоятельствъ. Иногда такъ просто рѣшаетъ случай человѣческую судьбу.

«Моя настоящая судьба началась, когда я убѣдился въ своемъ талантѣ,— пишетъ онъ Кларѣ Викъ, своей будущей женѣ,—и, довѣрившись себѣ, я рѣшился посвятить себя искусству, т. е. съ 1830 г.». Клару онъ зналъ еще дѣвочкой, когда бралъ уроки музыки у ея отца, грубаго человѣка, который не хотѣлъ ихъ брака, разсчитывая, что, оставаясь не замужемъ, Клара вся отдастся музыкальной карьерѣ. Шуманъ, поэтически настроенный, не могъ обойтись безъ увлеченія, и послѣ смерти невѣстки Розалии онъ увлекся Эрнестиной фонъ-Фрихъ. Для него Эрнестина была олицетвореніемъ доброты, и ея любовь казалась ему небесной радостью. «Этотъ романъ былъ самый чудный въ моей жизни,—писалъ Шуманъ матери.—Теперь вездѣ являлся образъ Эрнестины и веселыя танцующія письма «Карнавала», и безконечно разнообразная тема симфоническихъ этюдъ». Но въ 1835 г. его иллюзіи внезапно разбились. Свою любовь и разрывъ онъ объяснилъ впоследствии Кларѣ тѣмъ, что она была ребенкомъ, но онъ ее любилъ, и Эрнестина явилась его спасеніемъ.

Четыре года добивался Шуманъ у отца Клары согласія на бракъ, и въ это время всѣ переживанія души изливались у него въ звукахъ. «Моя Клара,—писалъ онъ,—это ты мнѣ вселяешь такую силу, такъ героическая молодая дѣвушка можетъ преобразовать своего жениха въ героя». Великіе предшественники Шумана избирали въ своихъ сочиненіяхъ общечеловѣческія чувства, но изображали такъ, что приходилось за ними искать ихъ творца. Напротивъ, Шуманъ давалъ въ своихъ сочиненіяхъ «бурю и натискъ», свой смѣхъ и слезы, все переживаемое, радость, отчаяніе и разочарованіе—все свое самое интимное настроеніе.

Наконецъ онъ достигъ своей мечты. Клара сдѣлалась его женою, но, увы, Шумана ждалъ ужасный конецъ, и онъ умеръ близъ Бони послѣ двухлѣтнихъ страданій въ домѣ умалишенныхъ—22 іюля 1840 г.

С М Ъ С Ъ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ разслѣдованія В. И. Гошкевича. Завѣдующій херсонскимъ музеемъ В. И. Гошкевичъ недавно предпринялъ недалекую экскурсію, посѣтивъ нѣсколько уголковъ, замѣчательныхъ въ археологическомъ значеніи. На возвышенномъ пунктѣ между 4-мя селеніями,—Фирсовкой, Осокоровкой, Марьинскимъ и Грушевкой,—наблюдается большое обиліе кургановъ. Далѣе, на высокой стѣнѣ, окружающей владѣльческой садъ въ Воронцовкѣ, установлены каменные бабы, свезенныя сюда, какъ говорятъ, изъ окрестныхъ кургановъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ три экземпляра этихъ бабъ были подарены херсонскому музею. Въ Грушеvkѣ, въ саду при домѣ великаго князя Николая Михайловича, хранится найденное въ степи каменное надгробіе, въ видѣ саркофага, типа турецкаго XVI—XVII вѣка, безъ надписей. Имѣется еще тутъ

огромная чугунная бомба. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ Грушевской экономіи вывезены проф. Д. И. Эварницкимъ нѣкоторыя древности для екатеринославскаго музея: дубовый якорь, желѣзный крестъ, снятый съ главы запорожской сѣчевой церкви, и часть иконостаса изъ нея. Въ другой экономической усадьбѣ, возлѣ берега Базавлука, находится каменный крестъ на могилѣ казака Семена Бѣлаго († 1763 г.). Вблизи Грушевки имѣются и другіе запорожскіе кресты, но со стертими надписями. В. И. Гошкевичъ ѣздилъ въ деревню Капуловку, за р. Базавлукомъ, къ могилѣ кошевого Ивана Дмитріевича Сирка († 1680 г.), чтобы осмотрѣть руины Сѣчи Запорожской на островѣ при р. Подтепной (въ Екатеринославскомъ уѣздѣ). На могилѣ кошевого, находящейся на огородѣ Мазайки, имѣется вертикальная плита съ надписью. Самое мѣсто, гдѣ находится могила И. Д. Сирка, покупаетъ для екатеринославскаго музея г. Эварницкій за 600 р. Островъ, на которомъ видны слѣды Сѣчи, густо заросъ

лѣсомъ и, по словамъ крестьянъ, подвергается съ годами сильному разрушенію рѣчныхъ теченій. Сохранились еще высокіе валы, видны углубленія, попадаетъ множество черепковъ и стекла отъ посуды, встрѣчаются кирпичи. По мнѣнію г. Гошкевича, настоятельно необходимы археологическія раскопки на мѣстѣ Сѣчи Запорожской. Сѣчевыя мѣста и окрестности находятся во владѣніи великаго князя Николая Михайловича. Херсонскому музею подарены г. Поляковымъ изъ руинъ Сѣчи: крестъ бронзовый натѣльный, большой, украшенный эмалью голубою и зеленого цвѣта, глиняная запорожская люлька въ видѣ человѣческой головы, обломокъ другой люльки и большое количество старинныхъ монетъ. Г. Гошкевичу также переданы конторой воронцовскаго имѣнія для херсонскаго музея: бронзовая ручка отъ жертвеннаго скискаго котла, найденная въ Осокоровкѣ отвалившеюся, когда котель вытаскивали изъ земли, большой античный сосудъ красной глины (типъ стамнось, но безъ ручекъ) и древній жерновъ.

Инвалидный домъ имени М. Д. Скобелева. 25-го іюня въ селѣ Спасскомъ-Скобелевѣ, Рязскаго уѣзда, состоялось открытіе дома для воиновъ-инвалидовъ имени покойнаго Михаила Дмитріевича Скобелева. Торжество открытія началось богослуженіемъ. На литургіи и панихидѣ присутствовали сестра М. Д. Скобелева, княгиня Н. Д. Бѣлосельская-Бѣлозерская съ племянницей М. В. Шереметевой, рязскій уѣздный воинскій начальникъ, чины полиціи, окрестные помѣщики и крестьяне. Послѣ богослуженія изъ храма вышелъ крестный ходъ къ инвалидному дому и тамъ совершенъ былъ чинъ освященія дома, въ концѣ котораго протоіереемъ о. Александромъ Миловидовымъ произнесена была слѣдующая рѣчь:

«Нынѣшній день осуществилась завѣтная мечта покойнаго доблестнаго генерала М. Д. Скобелева. Мечта его, какъ я слышалъ отъ своего покойнаго отца, устроить здѣсь, въ Спасскомъ, домъ для инвалидовъ. Однажды, въ разговорѣ съ отцомъ моимъ про инвалидовъ, Михаилъ Дмитріевичъ произнесъ: «Знаете, батя, я такъ обожаю моихъ товарищей на полѣ брани—сѣрыхъ нижнихъ чиновъ, что сердце мое болитъ за этихъ безногихъ и безрукихъ солдатъ, клавшихъ свою жизнь за Царя и отечество. Нынѣ они странствуютъ по улицамъ и выпрашиваютъ подаеніе, а какъ бы я хотѣлъ здѣсь, въ Спасскомъ, устроить для нихъ убѣжище, дабы они всегда памятовали о своемъ отцѣ-командирѣ». Но желаніе свое Скобелевъ не успѣлъ осуществить. Неумолимая и неразборчивая къ людямъ смерть скосила этого русскаго богатыря! Что сказать о Скобелевѣ? Мнѣ кажется, что говорить о немъ значитъ повторять, что уже извѣстно каждому. Нѣтъ того уголка въ Россіи, гдѣ бы не было извѣстно о доблестяхъ «блага генерала!»»

Торжество освященія закончилось провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему царствующему дому, послѣ чего провозглашена была вѣчная память М. Д. Скобелеву. Домъ для призрѣваемыхъ инвалидовъ—двухъ-этажный съ мезонинами, рассчитанъ на 80 человѣкъ. Преимущество, какъ намъ сообщали, будетъ даваемо нижнимъ чинамъ, совершившимъ со Скобелевымъ Турецкую кампанію и Ахаль-Текинскую экспедицію.

Музей 1812 г. Императорское общество архитекторовъ разработало условія конкурса на составленіе проектовъ музея 1812 г. по порученію Высочайше учрежденнаго комитета. Новый музей грандіозныхъ размѣровъ и будетъ сооруженъ противъ западныхъ вратъ храма Христа Спасителя въ Москвѣ, причеиъ во второмъ этажѣ будутъ сосредоточены главныя помѣщенія музея, въ которомъ будутъ находиться картины выдающихся событій и подвиговъ, портреты военныхъ дѣятелей, оружіе, трофеи и т. п. Тутъ проектируется центральный залъ императора Александра I, въ которомъ будетъ поставлена его статуя, и рядомъ будетъ находиться помѣщеніе съ походной церковью императора (все въ стилѣ епiре). Остальныя помѣщенія будутъ раздѣляться на двѣ группы: русскую и французскую. Въ первой группѣ будутъ находиться: залъ русской арміи, залъ Кутузова и портретный залъ. Во второй группѣ: залъ французской арміи, залъ Наполеона I и также портретный залъ. Въ первомъ этажѣ будутъ помѣщены: орудія на лафетахъ, архивъ, специальная бібліотека и т. п. За лучшіе проекты будутъ выданы 4 преміи: въ 2,000 р., 1,700 р., 1,300 р. и 1,000 р. Въ составъ жюри вошли: предсѣдатель комитета ген.-отъ-инф. В. Г. Глазовъ, кн. Н. С. Щербатовъ и отъ общества проф. Л. Н. Бенуа, С. П. Галензовскій, Г. Д. Гриммъ, I. С. Китнеръ, В. А. Косяковъ, А. Н. Померанцевъ, гр. П. Ю. Сюзоръ, А. В. Щусевъ и А. Ф. Бубыръ. Срокомъ представленія проектовъ назначено 6 декабря текущаго года.

Музей изобрѣтеній и усовершенствованій въ С.-Петербурѣ. Въ Петербургѣ въ настоящее время существуетъ первый въ Россіи музей изобрѣтеній и усовершенствованій. Музей этотъ находится на Мойкѣ въ домѣ свѣтлѣйшаго князя Волконскаго; это—домъ историческій: здѣсь жилъ и скончался великій Пушкинъ. И въ одной изъ залъ музея установленъ бюстъ поэта. Основателемъ музея является общество военной и морской техники; однимъ изъ дѣятельныхъ устроителей музея состоитъ ген. Н. Н. Беклемишевъ. Цѣль новаго музея почтенна. Устроители желаютъ сблизить русскихъ изобрѣтателей лицомъ къ лицу съ широкой публикой. Наши организаторы взяли за образецъ систему лондонскихъ музеевъ: всѣ изобрѣтенія выставляются въ музеѣ на мѣсячный срокъ, а больше по желанію—за опредѣленную плату. Музей не затрачиваетъ на покупку, изобрѣтатель не теряетъ на жертвѣ. Въ музеѣ теперь уже имѣется коллекція изобрѣтеній, но вся заслуга его, несомнѣнно,—въ будущемъ. И для русскихъ изобрѣтателей этотъ музей, конечно, сослужитъ хорошую службу. Англичане съ удивительной готовностью и любезностью пришли на помощь первому русскому музею своими совѣтами и содѣйствіемъ. А директоръ научнаго музея въ Лондонѣ говорилъ Н. Н. Беклемишеву: «мы не сомнѣваемся въ томъ, что Россія скоро догонитъ Западную Европу на пути техническихъ завѣваній и даже перегонитъ».

Дѣла изъ Головинской башни въ Шлиссельбургской тюрьмѣ. Въ 1909 г., съ Высочайшаго соизволенія, была образована комиссія, подъ предсѣдательствомъ директора императорскаго археологическаго института, т. с. Покровскаго, для ознакомленія съ обнаруженными въ Головинской башнѣ бывшей Шлиссельбургской государственной тюрьмы дѣлами и отдѣльными бумагами. Въ настоящее время работы по разборкѣ и описанію найденнаго матеріала окончены.

Шлиссельбургскій архивъ, обнимающій періодъ съ 1704 по 1884 г., заключаетъ въ себѣ до 7000 дѣлъ; по своему содержанію онъ раздѣляется на слѣдующія главныя группы: дѣла военныя, арестантскія, разнаго содержанія, дѣла благочиннаго военного духовенства и бытовыя. При разборкѣ изъ архива выдѣлены еще двѣ самостоятельныя группы: архивъ, содержащій въ себѣ нѣкоторые документы, относящіеся къ узникамъ Шлиссельбургской крѣпости, и старый церковный архивъ ладожскаго благочинія. По всеподданнѣйшемъ докладѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ описи дѣлъ шлиссельбургскаго архива, Его Императорскому Величеству, въ 5 день сего августа, благоугодно было высочайше повелѣть передать для постоянного храненія дѣла военныя и арестантскія въ архивъ главнаго штаба, а остальные—въ архивъ императорскаго археологическаго института.

Чешскій даръ музею Александра III. Чешскій этнографическій музей въ Прагѣ принесъ въ даръ этнографическому отдѣлу русскаго музея Александра III обширную коллекцію, заключающую въ себѣ 14 полныхъ чешскихъ и моравскихъ костюмовъ, большое собраніе вышивокъ, предметы старинной и новѣйшей керамики, цѣлый рядъ рѣзныхъ и расписныхъ предметовъ, мебели и прочей домашней утвари, земледѣльческія орудія и т. п. Кроме того, присланы художественно исполненныя модели построекъ, коллекція пасхальныхъ расписныхъ яицъ, интересныхъ игрушекъ, масокъ, символовъ власти и т. д. Коллекція эта представляетъ вполне законченное собраніе предметовъ, всесторонне характеризующихъ бытъ чеховъ и словаковъ.

Даръ библиотекъ академіи наукъ. Вдова покойнаго вице-президента академіи наукъ Л. Н. Майкова пожертвовала богатую библиотечку, оставшуюся послѣ ея мужа. На дняхъ библиотечка перевезена въ зданіе академіи. Библиотечка заключаетъ въ себѣ обширную коллекцію произведеній по русской литературѣ. Всѣ книги находятся въ образцовомъ порядкѣ. Оставшіяся послѣ Л. Н. Майкова рукописи поступили въ рукописное отдѣленіе академіи еще въ 1910 г., сейчасъ послѣ его смрти.

50-лѣтній юбилей сиб. рѣчного яхтъ-клуба. 20-го іюля, въ день 50-лѣтняго юбилея императорскаго Спб. рѣчного яхтъ-клуба состоялось торжественное экстренное общее собраніе членовъ яхтъ-клуба, пріемъ депутацій и парадный обѣдъ. Зданіе яхтъ-клуба на Крестовскомъ островѣ было красиво разукрашено различными гирляндами и эмблемами, а суда въ гавани разноцвѣтными флагами. На торжественномъ общемъ собраніи предсѣдательствовалъ вице-командоръ Е. П. Ольсень. Послѣ прочтенія краткаго историческаго обзора дѣятельности яхтъ-клуба за истекшія 50 лѣтъ, собраніе постановило избрать командора яхтъ-клуба флагъ-капитана Его Величества ген.-адъют. К. Д. Нилова почетнымъ командоромъ. Къ этому времени въ яхтъ-клубъ на яхтѣ «Дозорный» прибылъ ген.-ад. Ниловъ. Послѣдній былъ встрѣченъ всѣми членами яхтъ-клуба, во главѣ съ вице-командоромъ Е. П. Ольсеномъ, который преподнесъ прибывшему брейдъ-вымпелъ почетнаго командора и брильянтовый юбилейный жетонъ. Такіе же жетоны поднесены также почетнымъ членамъ яхтъ-клуба: Э. Ломачу, И. Бергману, Д. Маршалову, М. Пфедферу, Г. Стефаницу, П. Самохвалову, а также старѣйшему члену яхтъ-клуба, числящемуся въ его спискахъ

со дня основанія,—кн. Вѣлосельскому-Вѣлозерскому. Послѣ этого въ большомъ залѣ яхтъ-клуба начался приемъ депутацій, которыхъ было болѣе 60. При приемѣ депутацій присутствовали товарищъ министра торговли и промышленности П. И. Миллеръ, петербургскій градоначальникъ ген.-м. Д. В. Драчевскій и другіе почетные гости. Большинство депутацій, кромѣ адресовъ, поднесли также различные цѣнные подарки. Изъ послѣднихъ особенно выдѣляются: отъ російскаго императорскаго флота—художественная модель памятника императору Петру I работы Фальконета, отъ спб. городского самоуправления—двѣ бронзовыя вазы, вѣсомъ по 3 пуда каждая, отъ гвардейскаго экипажа—серебр. братина, отъ л.-гв. Преображенскаго полка—модель памятника императору Петру I, отъ шведскаго королевскаго паруснаго общества—художественный кубокъ, японскаго яхтъ-клуба въ Кобе—брейдъ-вымпель яхтъ-клуба, Добровольнаго флот и офицеровъ императорскихъ яхтъ—серебряныя братины, яхтъ-клуба въ Ниццѣ, лиги обновленія флота, англійскаго королевскаго яхтъ-клуба—золотыя и серебряныя медали, юбилейной комиссіи—картина, изображающая проходъ эскадры яхтъ спб. рѣчного яхтъ клуба передъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, и отъ женъ членовъ яхтъ-клуба—серебряный кубокъ стоимостью въ 1,000 руб. Депутаціи, кромѣ того, были отъ л.-гв. гренадерскаго полка, батареи великаго кн. Михаила Павловича, нюландскаго яхтъ-клуба, абоскаго паруснаго общества, всеросійскаго аэро-клуба, общества спасенія на водахъ и ряда спортивныхъ обществъ и организацій воднаго дѣла, русскихъ и иностранныхъ. Вечеромъ въ специально устроенномъ около гавани яхтъ-клуба большимъ шатрѣ состоялся парадный обѣдъ, на которомъ присутствовало болѣе 500 человекъ. За обѣдомъ былъ произнесенъ рядъ тостовъ, въ томъ числѣ ген.-ад. Ниловымъ, П. И. Миллеромъ, В. П. Кузьмичевымъ и др. Ко дню юбилея выпущенъ роскошно изданный историческій очеркъ дѣятельности яхтъ-клуба со дня его основанія, а также развитія русскаго паруснаго дѣла.

25-лѣтній юбилей воздухоплавательнаго парка. 20-го іюля военно-учебный воздухоплавательный паркъ справлялъ свой ежегодный праздникъ. Въ текущемъ году, въ связи съ исполнившимся 25-лѣтнимъ юбилеемъ существованія парка, а также перестроеніемъ его въ офицерскую воздухоплавательную школу, праздникъ носилъ торжественный характеръ. На отслуженномъ въ церкви парка молебствіи присутствовали члены военнаго совѣта: ген.-инж. Рербергъ и Кирпичевъ, ген. Ставровскій, начальникъ главнаго военно-инженернаго управленія ген. Александровъ, начальникъ электротехнической части ген. Павловъ, представители отъ различныхъ частей войскъ, а также весь личный составъ парка, во главѣ съ ген. Кованько. Послѣ молебствія члены военнаго совѣта и приглашенные лица направились въ большой металлическій эллингъ парка, гдѣ осматривали законченный на дняхъ постройкой большой управляемый аэростатъ «Комиссіонный». Объясненія давали строители новаго дирижабля ген. Кирпичевъ, полк. Утѣшевъ и кап. Нѣмченко. Въ часть дня на плацу парка былъ произведенъ парадъ и смотръ воздухоплавательной ротѣ и прикомандированнымъ къ ней частямъ. Во время обѣда въ офицерскомъ собраніи былъ произнесенъ рядъ тостовъ. Затѣмъ на дворѣ парка было устроено гулянье для публики, а также различныя игры и состязанія на призы для нижнихъ чиновъ. Вечеромъ въ помѣщеніи офицерскаго парка состоялся танцо-

важный вечеръ. Воздухоплавательнымъ паркомъ было получено много привѣтственныхъ телеграммъ.

Юбилей В. И. Герье. 25-го іюля исполнилось 50 лѣтъ ученой и государственной дѣятельности извѣстнаго историка В. И. Герье. Юбиларъ работалъ плодотворно на разнообразныхъ поприщахъ и принесъ въ теченіе своего полувѣковаго служенія наукѣ и обществу несомнѣнно огромную пользу. Будучи еще студентомъ московскаго университета, онъ обратилъ на себя вниманіе профессоровъ классической филологіи П. М. Леонтьева и С. Д. Шестакова, которые пріютили его у себя и дали ему, не имѣвшему тогда средствъ, возможность блестяще окончить университетскій курсъ съ двумя медалями за научныя работы и быть оставленнымъ при университетѣ для подготовленія къ профессорскому званію. На молодого ученаго особенно благотворное вліяніе оказалъ проф. С. М. Соловьевъ. Подъ его вліяніемъ В. И. выбралъ тему для своей магистерской диссертациі: «Борьба за польскій престолъ въ 1733 году». Эта диссертациа, защищенная юбиляромъ въ 1862 г., была встрѣчена представителями науки привѣтственно и послужила началомъ цѣлаго ряда его цѣнныхъ трудовъ по философіи исторіи, по исторіи политическихъ ученій и по исторіи средневѣковыхъ міросозерцаній. Эти труды создали Герье имя крупнаго ученаго историка и философа, стойкаго въ своихъ взглядахъ и нравственныхъ убѣжденіяхъ. «Историкъ, по его словамъ, не долженъ ни умалять, ни украшать прошедшаго, малое онъ долженъ признавать малымъ, простое—простымъ». Такой основной задачѣ В. И. оставался вѣренъ въ теченіе всей жизни, и всѣ его труды носятъ отпечатокъ правдивой оцѣнки событій и историческихъ личностей, дыша искренностью и честностью. Съ 1865 г. юбиляръ послѣ заграничной командировки занялъ кафедру исторіи въ московскомъ университетѣ и явился прекраснымъ профессоромъ, читавшимъ сперва курсы по исторіи среднихъ вѣковъ, потомъ по исторіи Рима и по исторіи новаго времени. По новой исторіи особенно извѣстны его курсы по гуманизму и реформаціи, по политическимъ движеніямъ XVII вѣка и французской революціи. Какъ профессоръ, онъ обратилъ вниманіе на необходимость вызвать у своихъ слушателей потребность къ самостоятельнымъ трудамъ, и первый организовалъ для подготовки студентовъ семинарію по всеобщей исторіи. Его починъ въ этомъ отношеніи былъ столь удаченъ, что изъ его семинаріи вышелъ цѣлый рядъ лицъ, ставшихъ вполнѣ ствiи специалистами исторіи. П. П. Мельгуновъ, С. О. Фортунатовъ, Н. И. Карѣевъ, П. Г. Виноградовъ, В. Е. Якушкинъ и даже нынѣшній его политическій противникъ П. Н. Милюковъ—ученики его школы. Въ 1868 г. В. И. защитилъ диссертацию «Лейбницъ и его вѣкъ» на степень доктора всеобщей исторіи, и въ 1872 г. открылъ въ Москвѣ высшіе женскіе курсы, пригласивъ къ чтенію на нихъ наиболее талантливыхъ профессоровъ по исторіи, философіи, исторіи литературы и искусствъ. В. И. былъ горячимъ и убѣжденнымъ сторонникомъ высшаго женскаго просвѣщенія, и созданные имъ курсы явились его любимымъ дѣтищемъ. Когда началось движеніе противъ высшихъ женскихъ курсовъ, В. И. съ присущей ему энергіей и стойкостью убѣжденно доказывалъ ихъ право на существованіе. Доводы его не помогли, въ 1888 г. курсы были закрыты, и В. И. былъ вынужденъ въ теченіе трехъ лѣтъ вести ихъ подъ видомъ публичныхъ

лекцій, пока вновь они не воскресли и не вернулись къ своему прежнему, нѣсколько измѣненному бытію. Юбилляръ отличался вообще богатствомъ инициативы и въ области университетской жизни заявилъ себя поборникомъ выборнаго и корпоративнаго начала въ университетѣ, никакъ не укладывавшагося въ университетскій уставъ 1884 г. Большая часть ученыхъ работъ юбиляра печаталась въ «Вѣстникѣ Европы», въ «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русской Мысли», «Русскомъ Вѣстникѣ», немало его статей напечатано въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Новомъ Времени». Изъ его отдѣльныхъ трудовъ известны: «Очеркъ развитія исторической науки», «Методъ Тена въ литературной и художественной критикѣ», «С. М. Соловьевъ», «Понятіе о народѣ у Руссо», «Ученіе о нравственности и социальная утопія Мабли», «Средневѣковое міросозерцаніе» и множество другихъ, одно перечисленіе заголовковъ которыхъ заняло бы много страницъ. В. И., помимо ученой и профессорской сферы, проявилъ свою инициативу и въ общественной жизни Москвы, будучи выбранъ въ 1876 г. въ гласные московской думы. Онъ участвовалъ въ качествѣ предсѣдателя и члена въ 14 комиссіяхъ и непрерывно болѣе пятнадцати лѣтъ предсѣдательствовалъ въ комиссіи о пользахъ и нуждахъ общественныхъ. По его инициативѣ и его стараніями московское городское управленіе субсидируетъ множество благотворительныхъ обществъ и учрежденій, учреждены городскія стипендіи въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Имъ составленъ рядъ докладовъ (до 180), имѣвшихъ часто рѣшающее значеніе для улучшенія городской жизни и благоустройства. Общественное движеніе 1904—05 гг. заставило В. И. принять близкое участіе въ начавшейся политической жизни Россіи. Онъ выступилъ съ блестящими статьями противъ увлеченія общества такъ называемой кадетской теоріей и обосновалъ политическіе тезисы партіи октябристовъ. Въ 1907 г. В. И. былъ назначенъ членомъ Г. С. и съ этого времени получилъ возможность примѣнить свои познанія и жизненный опытъ къ дѣламъ законодательства. Въ настоящее время юбиляръ, несмотря на свои 73 года, прекрасно сохранилъ свою работоспособность и молодость энергіи, что, несомнѣнно, дастъ ему силы трудиться благотворно и въ будущемъ. Въ день своего юбилейнаго праздника проф. В. И. Герье удостоился полученія слѣдующаго высочайшаго рескрипта:

«Владимиръ Ивановичъ. Посвятивъ долгіе годы ученой дѣятельности изысканіямъ въ области отечественной и иноземной исторіи и академическому преподаванію этой науки въ московскомъ университетѣ, вы своими даровитыми трудами составили себѣ почетное имя въ лѣтописяхъ русскаго просвѣщенія и вмѣстѣ съ тѣмъ явились опытнымъ работникомъ на поприщѣ образованія женскаго молодого поколѣнія, въ качествѣ директора московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Съ 1907 года вы мною призваны къ участію въ занятіяхъ Г. Совѣта, гдѣ имѣете возможность примѣнять ваши широкія познанія къ дѣламъ законодательства. Въ сегодняшний день полувѣковой годовщины вашей государственной и общественной службы Я, во вниманіе къ заслугамъ вашимъ, пожаловалъ васъ кавалеромъ ордена св. Анны первой степени, знаки коего при семъ препровождаются.

Пребываю къ вамъ благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

И благодарный НИКОЛАЙ.

Когда въ декабрѣ минувшаго года сотрудники «Историческаго Вѣстника» собрались по случаю 30 лѣтня изданія журнала на товарищескую вечернюю трапезу, то В. И. Герье, какъ старѣйшему сотруднику журнала, была послана присутствующими поздравительная телеграмма.

Отъ строительнаго комитета по сооруженію храма въ С.-Петербургѣ въ память 300-лѣтня царствованія Дома Романовыхъ. Три вѣка тому назадъ послѣ длительной смуты, отдавшей нашу родину во власть чужеземцевъ и приведшей ее на край погибели, выборные отъ всей земли, предводимые высшимъ духовенствомъ, склонили юную отрасль Дома Рюриковичей возложить на себя тяжкое бремя самодержавнаго правленія Россійскимъ государствомъ. На этотъ подвигъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ принялъ благословеніе матери своей, великой инокини Марѣы сохранившеюся черезъ предшествующіе пять вѣковъ чудотворною иконою Ѳеодоровской Божіей Матери, иконою, подъ сѣнью коей принялъ схиму подъ именемъ Алексія и престоавился безстрашный боецъ за русскую землю святой страстотерпецъ великій князь Александръ Ярославичъ, именуемый Невскимъ. Благословенный этою святынею нашего сѣвера на русское царство, Домъ Романовыхъ, подвигами длиннаго ряда принадлежащихъ къ нему властителей въ единеніи съ вѣковою испытанною преданностью своихъ подданныхъ, побѣдоносно провелъ сроднившуюся съ нимъ Россію черезъ цѣлый рядъ тяжкихъ испытаній, возвеличилъ небольшое подвластное ему царство, стѣсненное сильнѣйшими сосѣдями, въ могущественную Имперію, раздвинувъ ея предѣлы на пространство шестой части міроваго материка. За три послѣднихъ столѣтія исторія Россіи есть исторія Дома Романовыхъ. Восемь вѣковъ русской исторіи протекли въ тѣснѣйшемъ общеніи съ царствующими домами Рюриковичей и Романовыхъ передъ лицомъ Ѳеодоровской Божіей Матери; десятки поколѣній уроженцевъ земель Нижегородской и Костромской, въ средѣ коихъ она дважды чудесно являлась, преклоняли передъ ней колѣна, взывая къ предстательству за нихъ Божественной Милосердной Заступницы. Почитая сей образъ, въ Возѣ почивающій императоръ Александръ III выразилъ свою волю о возведеніи въ честь ея храма въ императорской резиденціи. Въ сознаніи, что нѣтъ связи крѣпче духовной, комитетъ, состоящій подъ августѣйшимъ покровительствомъ его императорскаго высочества великаго князя Михаила Александровича, поставилъ себѣ цѣлью завершить къ предстоящей радостной для всей Россіи трехсотлѣтней годовщинѣ завѣтъ почившаго монарха и призываетъ себѣ на помощь въ этомъ святомъ дѣлѣ всѣхъ радѣтелей русской государственности. Первое по времени пожертвованіе въ сто рублей на сіе благое предпріятіе было сдѣлано, на одрѣ болѣзни, нашимъ почившимъ великимъ молитвенникомъ протоіереемъ отцомъ Іоанномъ Кронштадтскимъ, а нынѣ Высочайше пожаловано Его Величествомъ строительному комитету 25,000 руб. Да присоединится же сей новый храмъ Божій къ прочимъ узамъ, связующимъ созданіе Великаго Петра и колыбель Дома Романовыхъ.

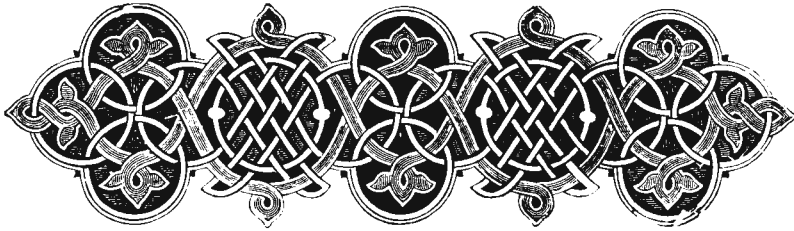
*Предсѣдатель строительнаго комитета
Свѣты Его Величества генералъ-майоръ Дашковъ.*

Пожертванія на постройку вышесказаннаго храма принимаются:

1. Въ управленіи дѣлами его императорскаго высочества великаго князя Михаила Александровича, Спб., Галерная, 38.
  2. Въ строительномъ комитетѣ, Спб., Полтавская улица, д. 5.
  3. Въ конторѣ редакціи «Новаго Времени», Спб., Невскій, 40.
  4. Въ конторѣ редакціи «Сельскаго Вѣстника», Спб., Мойка, 32.
  5. Въ конторѣ газеты «Россія», Спб., Невскій, 112.
  6. Въ редакціи газеты «Колоколъ», Спб., Невскій пр., д. 153.
  7. Въ редакціи журнала «Отдыхъ Христіанина», Спб., Обводный кан., 116.
- Въ Волжско-Камскій банкъ или въ любое отдѣленіе банка на текущій счетъ строительнаго комитета подь № 10,190.

НЕКРОЛОГИ.

ВАРКОВСКИЙ, Н. И. Въ ночь на 19 іюля скончался сенаторъ Николай Ивановичъ Барковскій. Покойный присутствовалъ въ гражданскомъ кассационномъ департаментѣ въ теченіе четырнадцати лѣтъ и пользовался извѣстностью, какъ знающій пивилисть. Онъ изъ дворянъ Херсонской губ., родился въ 1840 г. и по окончаніи курса въ московскомъ университетѣ началъ службу въ морскомъ вѣдомствѣ, но вскорѣ перешелъ во временную ревизионную комиссію при государственномъ контролѣ счетнымъ чиновникомъ, затѣмъ былъ младшимъ ревизоромъ. Въ 1870 г. перешелъ въ 4-й департаментъ сената и былъ послѣдовательно оберъ-секретаремъ департамента, предсѣдателемъ варшавскаго коммерческаго суда, товарищемъ прокурора гражданского кассационнаго департамента сената, членомъ консультаціи при министерствѣ юстиціи, оберъ-прокуроромъ 3-го департамента сената и съ 1896 г. сенаторомъ. Когда былъ образованъ комитетъ по начертанію гражданского уложенія, покойный вошелъ въ составъ его членовъ и своими практическими и теоретическими знаніями гражданского судопроизводства былъ безусловно полезенъ. Какъ наука, такъ равно и судебная практика много обязана покойному Н. И., много разъясненій, помѣщенныхъ въ сборникахъ рѣшеній гражданского кассационнаго департамента правительствующаго сената принадлежать его перу. Чрезвычайный лаконизмъ рѣчи, ясность мысли и глубокое знаніе, вотъ тѣ достоинства, которыми блещутъ рѣшенія, написанныя покойнымъ. До самой кончины онъ не переставалъ работать и смѣло можно сказать, что онъ скончался на своемъ посту. Умеръ онъ 70 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12340).

† **Волковъ, Е. С.** Недавно скончался Евгений Степановичъ Волковъ, бывший въ теченіе многихъ лѣтъ начальникомъ учебнаго отдѣла м-ва путей сообщенія. Въ качествѣ управляющаго этимъ отдѣломъ покойный обратилъ особое вниманіе на развитіе желѣзнодорожныхъ и рѣчныхъ училищъ для подготовки техниковъ. При немъ было открыто около 50 такихъ училищъ и московское инженерное училище съ правами высшаго учебнаго заведенія. Покойный родился въ 1841 г., кончилъ курсъ въ гардемаринской ротѣ Черноморскаго флота, затѣмъ въ Николаевской инженерной академіи и началъ свою дѣятельность воспитателемъ второй военной гимназіи. Въ 60-хъ годахъ онъ увлекся учительскимъ дѣломъ и участвовалъ вмѣстѣ съ покойными Резенеромъ и А. Я. Гердомъ въ цѣломъ рядѣ работъ по общей педагогикѣ, а также въ учрежденіи въ Петербургѣ воскресныхъ школъ. При его содѣйствіи была основана женская гимназія кн. Оболенской, въ которой онъ сначала былъ преподавателемъ и инспекторомъ, потомъ до конца своихъ дней предѣвателемъ педагогическаго совѣта. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12358).

† **Воротилловъ, Е. С.** Въ Гатчинѣ скончался Евграфъ Сергѣевичъ Воротилловъ. Онъ состоялъ архитекторомъ при министерствахъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ теченіе 35 лѣтъ и, кромѣ того, былъ архитекторомъ при императорской публичной библіотекѣ около 38 лѣтъ, а также занимался частными постройками. Изъ его замѣчательныхъ построекъ, отличающихся прочностью и солидностью конструкціи, извѣстны новый читальный залъ Публичной библіотеки, женскій медицинскій институтъ, римско-католическая коллегія, консисторія и костель, зданіе императорскаго филологическаго института, новая амбулаторія и операціонная при Петропавловской больницѣ, зданіе Свято-Троицкой общины сестеръ милосердія и церковь при ней и др. Въ его многочисленныхъ постройкахъ сказывался талантливый художникъ. Какъ человекъ, Е. С. отличался скромностью и нетребовательностью и довольствовался малымъ за свой личный трудъ. Его любили за его идеальную честность; онъ былъ противникомъ взяточничества и снискалъ себѣ славу безсребренника. Умеръ Е. С. на 73-мъ году жизни. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12359).

† **Горчаковъ, М. И.** 5 августа, въ 7 часовъ вечера, скончался извѣстный профессоръ церковнаго права, протоіерей Михаилъ Ивановичъ Горчаковъ. Покойный былъ извѣстенъ какъ знатокъ церковнаго права и исторіи русской церкви. По окончаніи петербургской духовной академіи его опредѣлили въ составъ причта штутгартской церкви. Онъ воспользовался этимъ пребываніемъ за границей, чтобы пополнить свое образованіе, и слушалъ лекціи въ тюбингенскомъ и въ другихъ германскихъ и швейцарскихъ университетахъ и въ страбургской академіи. Возвратившись въ Петербургъ, онъ поступилъ стороннимъ слушателемъ въ здѣшній университетъ. Въ 1868 году послѣ защиты диссертациі «Монастырскій приказъ», М. И. получилъ степень магистра государственнаго права и опредѣленъ доцентомъ по кафедрѣ церковнаго права. Черезъ три года онъ былъ уже удостоенъ степени доктора государственнаго права, а въ 1883 г. совѣтомъ кievской духовной академіи возведенъ въ степень доктора православнаго богословія. По защитѣ докторской диссертациі М. И. занялъ кафедру про-

фессора церковнаго права въ петербургскомъ университетѣ и читаль здѣсь лекціи до самой кончины, будучи послѣдніе годы заслуженнымъ профессоромъ этого университета. Покойный часто выступалъ въ періодической печати. Такъ, онъ былъ однимъ изъ видныхъ сотрудниковъ газеты «Голосъ», работалъ и во многихъ другихъ журналахъ и газетахъ. Состоя членомъ синодальной архивной комиссіи, Г. принималъ участіе въ составленіи «Полнаго собранія постановленій св. синода». Примѣненіе своихъ знаній М. И. нашель также и въ дѣятельности члена гос. совѣта, куда онъ былъ выбранъ духовенствомъ. 9 августа въ университетской церкви, у гроба съ останками его епископъ Никандръ, въ сослуженіи сонма духовенства, отслужилъ заупокойную литургію. Храмъ былъ переполненъ молящимися. Между прочимъ, присутствовали ректоръ университета, проф. Э. Д. Гриммъ, членъ гос. совѣта проф. В. И. Сергѣевичъ, В. Н. Латкинъ и др. Обрядъ отпѣванія совершилъ епископъ Никандръ и епископъ Веніаминъ. Послѣ окончанія богослуженія, ректоръ университета Э. Д. Гриммъ, митрофорный протоіерей Дерновъ, профессора и студенты вынесли гробъ изъ церкви и поставили на носилки. Возлѣ университетскихъ воротъ епископъ Веніаминъ, провожавшій до кладбища останки почившаго, отслужилъ краткую литію. Гробъ провожали родные покойнаго, друзья и почитатели, среди которыхъ было много студентовъ. По пути, возлѣ церкви Благовѣщенія и у Исаакіевского собора, процессія была встрѣчена мѣстнымъ причтомъ съ крестомъ и хоругвями. Были отслужены литіи. Отъ Исаакіевского собора процессія двинулась по ул. Гоголя къ Гороховой, а оттуда на Волково кладбище. У воротъ кладбища при перезвонѣ колоколовъ гробъ съ останками протоіерея Горчакова былъ встрѣченъ настоятелемъ кладбищенской церкви. Протоіерея М. И. Горчакова похоронили, согласно его волѣ, возлѣ могилы его жены.

† **Данилевскій, М. А.** 1 августа въ Царскомъ Селѣ скончался отставной контръ-адмиралъ Михаилъ Александровичъ Данилевскій. Сравнительно недавно М. А. Данилевскій вышелъ въ отставку, занимая до того постъ начальника штаба черноморскаго флота и портовъ Чернаго моря. Вскорѣ послѣ возникновенія, по инициативѣ Н. Н. Беклемишева, лиги обновленія флота, М. А. сдѣлался однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ общества, преслѣдовавшаго дорогія для М. А. задачи: содѣйствіе возрожденію въ Россіи погибшаго въ роковую для насъ японскую войну флота. М. А. неоднократно выступалъ съ самостоятельными докладами, занимавшими по нѣсколько засѣданій лиги. Мнѣнія М. А. по вопросамъ военно-морского быта были цѣнны, главнымъ образомъ, потому, что они были основаны на многолѣтнемъ опытѣ практическаго дѣятеля, который, несмотря на свой почтенный возрастъ, соединялъ въ себѣ горячее сердце, страстное желаніе пышнаго расцвѣта любимаго имъ дѣла, находящагося нынѣ въ упадкѣ, и, самое главное, прямодушіе и искренность. М. А. называлъ все своимъ именемъ, какъ бы это ужасно ни было. Къ зловерному заблужденію онъ былъ прямо-таки безпопадень и всѣми фибрами своей души негодовалъ и протестовалъ противъ ложныхъ, по его мнѣнію, шаговъ, которые дѣлало прежде и на его глазахъ морское вѣдомство въ дѣлѣ возстановленія русскаго флота... М. А. родился въ 1851 году. Окончивъ морской кадетскій корпусъ, М. А. въ 1872 году былъ произведенъ въ гардемарины и черезъ годъ въ мичманы, черезъ пять лѣтъ

М. А. былъ уже лейтенантомъ, въ 1889 году—капитаномъ второго ранга, въ 1897 г. — капитаномъ первого ранга. Въ бытность на службѣ М. А. занималъ слѣдующія должности: командира миноносца «Геленджикъ», флагъ-капитана штаба командующаго промысловой эскадрой Чернаго моря, командира минного крейсера «Капитанъ Саксъ», командира канонерской лодки «Запорожець», командира эскадреннаго броненосца «Три Святителя». Въ 1903 г. М. А. былъ произведенъ въ контръ-адмирала и назначенъ исполняющимъ должность начальника штаба черноморскаго флота и портовъ Чернаго моря. М. А. былъ участникомъ русско-турецкой кампаніи и имѣлъ много знаковъ отличія за свои военныя заслуги. За двадцатилѣтніе службы М. А. былъ награжденъ орденомъ св. Владимира четвертой степени съ бантами. Послѣдніе годы М. А. неоднократно выступалъ и печатно на страницахъ специальныхъ изданій, а также и въ общей прессѣ. Такъ, сравнительно еще недавно одна его обширная статья по морскимъ вопросамъ помѣщена была на столбцахъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». (Некрологъ его: «СПБ. Вѣдомости» 1910 г., № 173).

† **Князь Долгоруковъ, Д. Н.** 20 іюля въ своемъ имѣніи Волинщинѣ, близъ города Рузы, маститымъ старцемъ скончался шталмейстеръ Императорскаго Двора князь Дмитрій Николаевичъ Долгоруковъ, давній доброжелатель и сотрудникъ «Московскихъ Вѣдомостей». Почившій родился въ 1827 году и служилъ въ Кавалергардскомъ полку до 1853 года, когда вышелъ во временную отставку и отправился за границу; но, при первомъ слухѣ о началѣ войны съ Турціей (весною 1854 г.), вернулся въ Россію, поступилъ въ Гессенъ-Кассельскій полкъ и отправился ординариемъ къ фельдмаршалу гр. Паскевичу, осаждавшему Силистрію; немного позже онъ перешелъ въ адъютанты главнокомандующаго кн. Горчакова и находился въ Севастополѣ на 4 бастионѣ, до октября 1855 года. По оставленіи Севастополя, покойный снова былъ переведенъ въ гвардію и, произведенный въ полковники, послѣ женитьбы (въ апрѣлѣ 1856 г.) вышелъ въ полную отставку изъ военной службы, а затѣмъ отправился на житье въ Италію. По возвращеніи онъ сначала поселился въ Москвѣ и, пожалованный въ шталмейстеры Императорскаго Двора, сѣстоялъ въ нашей столицѣ членомъ комитета Человѣколюбиваго общества и тюремнаго комитета, попечителемъ Набилковскаго училища и Мясницкой больницы, членомъ комиссіи по построенію храма Христа Спасителя и председателемъ общества торговаго мореплаванія. Издавна сочувствовавшій направленію «Московскихъ Вѣдомостей» и вполне раздѣлявшій ихъ завѣтныя убѣжденія, покойный князь еще съ шестидесятихъ годовъ нерѣдко помѣщалъ въ этой газетѣ свои замѣтки о воинской повинности, гласномъ судѣ, о благотворительности, религіозномъ чтеніи и др. Это участіе его продолжалось и до послѣднихъ лѣтъ жизни. Напримѣръ, въ 1909 г. имъ напечатанъ рядъ «Писемъ къ издателю» Московскихъ Вѣдомостей: о празднованіи св. Стефану Пермскому (№ 107), объ инородцахъ (№ 229), о государственной думѣ (№ 239), о вѣроисповѣдныхъ законопроектахъ (№ 278) и о монастыряхъ (№ 288). Кромѣ того, ему принадлежалъ отрывокъ «Изъ воспоминаній о Крымской войнѣ», появившійся въ «Русскомъ Архивѣ» (1909 г., кн. 6). Послѣднія двадцать лѣтъ покойный прожилъ безвыѣздно въ своемъ имѣніи. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдом.» 1910 г., № 168).

† **Мордвинова, З. П.**, рожденная Загряжская. 29-го мая въ Тамбовѣ скончалась З. И. Мордвинова. Въ прошломъ году въ «Русской Старинѣ» (октябрь) упоминалось имя покойной въ статьѣ «Семь лѣтъ неурожайныхъ», какъ председательницы самарскаго дамскаго комитета общества попеченія о раненыхъ и больныхъ войнахъ. Оцѣнка ея дѣятельности, какъ председательницы комитета, тепло и полно сдѣлана членами комитета при сложеніи ею званія председательницы въ 1876 году. Поднося ей изящно переплетенные журналы комитета по пособію крестьянамъ Самарской губерніи во время голода 1873—74 годовъ, члены комитета писали ей: «Память о дѣятельности вашей въ этомъ званіи (председательницы) сохранится навсегда, не только между членами его, но и между многочисленнымъ населеніемъ здѣшняго края... Съ дѣломъ этимъ,—почетнымъ и святымъ, неразрывно связано высокоуважаемое имя ваше, такъ какъ, благодаря вашему почину, вашей энергіи и вниманію ко всѣмъ подробностямъ распредѣленія пособій, вашему примиряющему влиянію и такту, съ которымъ устранялись всѣ возникавшія препятствія, дѣло это, при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, было ведено съ честью для комитета. Оно вызвало всеобщее къ нему довѣріе и сочувствіе, которое выразилось и въ благосклонныхъ отзывахъ Ея Императорскаго Величества, августѣйшей покровительницы общества, и въ приношеніяхъ, стекавшихся въ комитетъ изъ всѣхъ концовъ Россіи, и въ горячихъ, умиленныхъ молитвахъ людей, которымъ, кромѣ матеріальной помощи, вы оказывали и нравственную поддержку теплымъ и ласковымъ словомъ, и которые приводили своихъ дѣтей, чтобы они видѣли и помнили васъ и поклонились вамъ до земли». Общее собраніе общества попеченія о раненыхъ и больныхъ войнахъ избрало З. И. 21-го ноября 1876 года своимъ почетнымъ членомъ. Бывшій секретарь комитета П. А. Рихтеръ прислалъ З. И. свой отчетъ главноуполномоченнаго Краснаго Креста, озаглавленный «Красный Крестъ въ Румыніи и сѣверной Болгаріи 1877—1878», со слѣдующей надписью: «Объ руку съ вами, дорогая Зинаида Ивановна, сдѣлалъ я первые шаги подъ знаменемъ Краснаго Креста; и буду счастливъ, если вы найдете, что и впослѣдствіи, призванный нести это знамя, я оставался вѣренъ началамъ, бывшимъ въ основѣ нашей общей дѣятельности». Отчетъ главноуполномоченнаго общества Краснаго Креста въ дѣлѣ вспомошествованія голодающимъ Самарской губерніи графа Орлова-Давыдова вызвалъ слѣдующія строки въ № 52 за 1874 годъ въ «Гражданинѣ»: «Члены дамскаго совѣта съ горячими сердцами на эти слова (на предложеніе самимъ поѣхать по голодающимъ деревнямъ) откликнулись и поѣхали на мѣста страданій. Дамы эти были: З. И. Мордвинова, А. С. Аксакова, А. А. Бартельсонъ и А. Г. Ильина... Имена этихъ дамъ мы, русскіе, должны знать, чтобы вспомнить съ благодарностью: И, вѣроятно, всякій, кто объ нихъ вспомнить, скажетъ: «О если бы вездѣ и всегда, когда дѣло идетъ о жизненныхъ нуждахъ разныхъ уголковъ Россіи, находились бы Аксаковы, Ильины, Бартельсоны и Мордвиновы». До конца дней своихъ З. И., поселившись на постоянное жительство въ родномъ городѣ Тамбовѣ, не покидала общественной дѣятельности. Вспыхнула несчастная война съ Японіей, она приняла участіе въ работахъ по приготовленію всякаго рода предметовъ для дворянскаго гоститалія. Возникло въ 1905 году въ Тамбовѣ почительное общество о ясляхъ, въ связи

съ той же войной, она приняла въ немъ участіе, какъ членъ этого общества, и предсѣдательствовала въ общемъ собраніи при разсмотрѣніи отчета за первый годъ существованія общества. Аккуратно по воскреснымъ днямъ ѣздила она на свое «дежурство» въ столовую для бѣдныхъ. Всякимъ общественнымъ начинаніемъ интересовалась она и принимала въ немъ посильное участіе, насколько позволяли здоровье и преклонный возрастъ (родилась она въ 1843 году). Отзываясь горячо на всѣ злобы дня, она оставалась всегда чуждой какимъ-либо партіямъ; на шутивыя замѣчанія близкихъ людей о принадлежности ея къ той или другой политической партіи, она неизмѣнно горячо возражала: «нѣтъ, я принадлежу только къ партіи честныхъ людей». Дѣйствительно, она провела этотъ девизъ въ своей жизни.

† **Пискорскій, В. К.** Въ расцвѣтѣ силъ трагически погибъ профессоръ казанскаго университета Владимиръ Константиновичъ Пискорскій. Ему было всего лишь 43 года. Выдающійся знатокъ по исторіи государствъ Пиренейскаго полуострова, В. К. Пискорскій пользовался заслуженной извѣстностью за свои научные труды и за границей. Испаніи посвящены его обѣ диссертации, «Кастильскіе кортесы въ переходную эпоху отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени (1188—1520 г.)» и «Крѣпостное право въ Каталоніи въ средніе вѣка». Пройдя хорошую историческую школу въ кievскомъ университетѣ подъ руководствомъ И. В. Луцицкаго, покойный много работалъ непосредственно въ Испаніи, куда былъ командированъ и нынѣшнимъ лѣтомъ съ научными цѣлями. Только что вернувшись изъ своей командировки, готовый приступить къ новымъ изслѣдованіямъ, онъ сдѣлался жертвой или своей неосторожности, или несчастной случайности, — онъ былъ задавленъ поѣздомъ. Казанскій университетъ, а съ нимъ и вся русская наука въ лицѣ скончавшагося понесла тяжелую утрату. Въ Казани В. К. профессорствовалъ недолго — съ 1906 г., ранѣе онъ занималъ кафедру въ историко-филологическомъ институтѣ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ. Въ Казани, какъ человекъ честныхъ и твердыхъ убѣжденій, онъ пользовался большимъ уваженіемъ. В. К. Пискорскій былъ прекраснымъ популяризаторомъ. Имъ написана единственная въ русской литературѣ книга «Исторія Испаніи и Португаліи», вышедшая въ извѣстной серіи исторіи Европы по эпохамъ и странамъ, издаваемой подъ редакціей Н. И. Карѣва и И. В. Луцицкаго. Послѣдняя его работа научно-популярнаго характера «Новыя условія хозяйственной жизни Западной Европы на рубежѣ среднихъ и новыхъ вѣковъ» была помѣщена въ «Книгѣ для чтенія по исторіи новаго времени» исторической комиссіи учебнаго отдѣла. Въ IV т. той же книги онъ готовилъ исторію романскихъ революцій начала XIX вѣка. Неожиданная смерть прервала эту работу. (Некрологъ его: «Русскія Вѣд». 1910 г., № 181).

† **Садовскій, А. А.** Скончавшійся 6 августа отъ паралича сердца правитель дѣлъ главнаго управленія по дѣламъ печати Алексѣй Алексѣевичъ Садовскій пользовался общими симпатіями всѣхъ, кто служилъ вмѣстѣ съ нимъ и кому пришлось съ нимъ встрѣтиться. Всегда любезный и корректный, онъ отличался скромностью и готовностью быть полезнымъ. По окончаніи курса въ московскомъ университетѣ покойный служилъ въ московскомъ цензурномъ комитетѣ. При начальникѣ главнаго управленія по дѣламъ печати кн. Н. В. Ша-

ховскомъ онъ перешелъ въ управленіе чиновникомъ особыхъ порученій и послѣ В. С. Адикаевского занялъ должность правителя дѣлъ. Кромѣ того, А. А. принималъ близкое участіе въ обществѣ вспомошествованія бывшимъ студентамъ московскаго университета, будучи въ теченіе многихъ лѣтъ его безсмѣннымъ секретаремъ. Умеръ А. А. 47 лѣтъ. Его памяти и характеристикѣ посвящена Л. Тихомировымъ статья въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 182), гдѣ покойный обрисованъ, какъ просвѣщенный и гуманный представитель русскаго общества, принимавшій горячо къ сердцу интересы русской науки и литературы.

† **Садовскій, М. П.** Ленскій, Горевъ, Михайлъ Прововичъ Садовскій—одинъ за другимъ валятся ветераны русскаго «дома Щепкина», Малаго театра въ Москвѣ. Рѣдѣютъ ряды славной старой гвардіи—и кто замѣнитъ уходящихъ? Умеръ въ Москвѣ, почти скоропостижно, отъ кровоизліянія въ мозгъ, маститый артистъ Малаго театра Михайлъ Прововичъ Садовскій (настоящая фамилія Ермиловъ). Сынъ знаменитаго Прова Михайловича Садовскаго, имя котораго, на ряду съ именами Мочалова и Щепкина, является синонимомъ золотыхъ дней русской сцены, покойный родился въ 1847 году и уже въ ранней юности почувствовалъ симпатіи къ театру, чему не мало способствовала, конечно, театральная атмосфера, въ которой прошло его дѣтство. На сценѣ М. П. впервые выступилъ въ 1867 году въ артистическомъ кружкѣ, а въ Маломъ театрѣ дебютировалъ въ 1869 году, въ роляхъ Подхалюзина («Свои люди—сочтемся»), Андрея («Тяжелые дни») и Васи («Горячее сердце»). 17-го октября 1909 года театральная Москва торжественно справляла сорокалѣтній юбилей сценической дѣятельности М. П., но юбиляръ до самаго конца дней сохранилъ артистическую свѣжесть и яркость. Сорокъ лѣтъ артистической работы покойнаго подарили русской сценѣ не одинъ десятокъ классическихъ ролей самаго разнообразнаго характера, но дѣйствительно великъ былъ почившій артистъ въ области русской бытовой комедіи и, прежде всего, въ театрѣ Островскаго, съ которымъ, кстати, М. П. соединяла глубокая многолѣтняя личная дружба. Лучшими ролями М. П., помимо Хлестакова, въ которомъ онъ далъ не превзойденный на русской сценѣ по художественности образъ, считаются Андрей Бѣлугинъ, Подхалюзинъ, Счастливецъ, особенно же Мурзавецкій («Волки и овцы») и много другихъ. Еще въ домѣ своего великаго отца, покойный бывалъ въ обществѣ Островскаго и Писемскаго, позднѣе былъ въ большой дружбѣ съ Горбуновымъ, и эти литературныя связи разбудили тяготѣніе къ литературѣ и въ Михайлѣ Прововичѣ. Его рассказы («О французской революціи», «О Наполеонѣ на островѣ св. Елены», «Рассказъ татарина», «Встрѣча двухъ пріятелей» и др.) первоначально печатались въ «Артистѣ», Русскомъ Вѣстникѣ, «Русскомъ Обзорѣніи», а въ 1899 году вышли отдѣльнымъ изданіемъ, въ двухъ томикахъ. Рассказы эти (а также драма «Честь или смерть») обнаруживаютъ въ почившемъ артистѣ несомнѣнное литературное дарованіе, которое, какъ и сценическое творчество М. П., заставляетъ думать о счастливомъ наслѣдїи, полученномъ имъ отъ отца, Прова Михайловича, который, какъ извѣстно, былъ большой мастеръ слова, и рассказы котораго гремѣли по Москвѣ. Дѣйствіе произведеній М. П., обличающихъ прекрасное знаніе изображаемаго быта, превосходный языкъ и большую наблюдательность, разыгрывается преимущественно среди мелкой московской мастеровщины,

въ средѣ, близкой къ горьковскимъ «бывшимъ людямъ». Помимо своего историческаго интереса, они любопытны и цѣнны и сами по себѣ заложенной въ нихъ правдой и мѣткостью. Почившій артистъ не чуждъ и драматургіи; нѣкоторыя его пьесы шли на сценѣ Малаго театра, но особыхъ лавровъ къ его славѣ не прибавили. Зато цѣнный вкладъ въ драматургію представляютъ его превосходные сценическіе переводы—«Севильскаго цирюльника» Бомарше, «Эдипа» Софокла и «Федры» Расина. Изъ театральной «династіи» Садовскихъ въ настоящее время украшаютъ русскую сцену жена покойнаго О. О. Садовская и сынъ его, П. М. Садовскій II (оба на сценѣ московскаго Малаго театра). (Некрологъ его: «Рѣчь» 1910 г., № 203).

† **Степановъ, К. П.** Въ Ялтѣ 15 іюля скончался извѣстный художникъ и горячій русскій дѣятель Клавдій Петровичъ Степановъ. Истинный художникъ-академикъ по образованію и своей дальнѣйшей карьерѣ, покойный пріобрѣлъ извѣстность еще во время продолжительнаго пребыванія за границей, особенно въ Италіи. Многія картины его были высоко оцѣнены на выставкахъ. Въ началѣ девятисотыхъ годовъ его потянуло на родину, гдѣ онъ, какъ искренній русскій человѣкъ, сблизился съ редакціей «Московскихъ Вѣдомостей» и съ половины 1903 года началъ доставлять матеріалъ для отдѣла «Художественныя новости»; здѣсь онъ знакомилъ то съ выставкой изображеній Христа и Богоматери, то съ новыми произведеніями кисти В. М. Васнецова и другихъ художниковъ, то съ заграничными открытіями въ области церковнаго искусства. Эти замѣтки, всегда изложенныя живо и интересно, продолжали появляться на страницахъ газеты и въ послѣдующіе годы, пока несчастная русско-японская война и затѣмъ такъ называемое «освободительное движеніе» не побудили К. П. Степанова откликнуться на бѣдственное положеніе родины. Съ 1905 года, на ряду съ «художественными замѣтками», онъ выступилъ съ длиннымъ рядомъ статей, тоже помѣщенныхъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» какъ, напримѣръ: «Къ современному положенію Россіи» (№ 46), «Указъ и рескриптъ» №№ 63 и 117), «О представительствѣ» (№№ 66 и 189), «Интеллигенція и школа» (№ 135), «Задачи русской политики» (№ 142) и друг. Особенно замѣчательныя статьи покойнаго Клавдія Петровича появились въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» въ прошломъ 1909 году. Назовемъ: «В. Д. Полѣновъ и его картины изъ жизни Христа» (№ 92), вызвавшая общее вниманіе статья «По поводу памятника Гоголя» (№ 96), затѣмъ «Драгоценное достояніе русскаго народа» (№ 101) и послѣдняя статья въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» «Памятникъ Имп. Александру III». Покойный не ограничивался помѣщеніемъ статей въ «М. В.», но писалъ еще очень много въ «Московскомъ Голосѣ», газетѣ имъ же основанной и редактируемой. Въ то же время продолжалась и художественная дѣятельность К. П. Степанова, но уже на новой почвѣ иконописи. Памятниками талантливой дѣятельности почившаго К. П. Степанова останутся: основанная имъ при Донской обители школа «иконописнаго дѣла» и высокохудожественные образа и стѣнная живопись въ «храмѣ-усыпальницѣ» великаго князя Сергѣя Александровича при московскомъ Чудовомъ монастырѣ. (Некрологъ его: «Московск. Вѣд.» 1910 г., № 164).

† **Форстенъ, Г. В.** Послѣ непродолжительной болѣзни скончался 21-го іюля въ Финляндіи профессоръ петербургскаго университета и историко-филологическаго института Георгій Васильевичъ Форстенъ. Покойный былъ извѣстенъ, какъ изслѣдователь дипломатическихъ отношеній государствъ, расположенныхъ по берегамъ Балтійскаго моря въ XV—XVIII столѣтіяхъ. Онъ родился въ Фридрихсгамѣ 30 -го мая 1857 года. Изъ петербургской VI гимназіи поступилъ въ петербургскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, по окончаніи курса въ которомъ былъ оставленъ при университетѣ и въ 1884 году защитилъ диссертацию «Борьба изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ въ XV и XVI столѣтіяхъ». Въ слѣдующемъ году онъ отправился въ двухлѣтнюю заграничную командировку. За границей занимался въ архивахъ Берлина, Дрездена, Мюнхена, Венеці, Рима, Парижа, Брюсселя, Копенгагена и Стокгольма, пользуясь для своихъ архивныхъ занятій также частными библіотеками. Путно слушалъ лекціи по своей специальности въ берлинскомъ, лейпцигскомъ и мюнхенскомъ университетахъ. По возвращеніи въ Петербургъ Г. В. сталъ читать лекціи по всеобщей исторіи въ петербургскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента и былъ приглашенъ преподавать исторію въ гимназіяхъ Гуревича и княгини Оболенской, во второмъ кадетскомъ корпусѣ и царско-сельской гимназіи. Какъ лекторъ, покойный читалъ свой предметъ съ любовью и умѣлъ заинтересовать своихъ слушателей. Имъ увлекались и пригласили читать въ 1891 году на высшихъ женскихъ курсахъ новую исторію, въ 1893 году въ историко-филологическомъ институтѣ всеобщую исторію и въ 1896 году въ Николаевской академіи генеральнаго штаба тотъ же предметъ. Въ 1894 году Г. В. блестяще защитилъ диссертацию «Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ» на степень доктора всеобщей исторіи и съ 1896 года былъ ординарнымъ профессоромъ петербургскаго университета по кафедрѣ всеобщей исторіи. Его двухтомная докторская диссертация явилась цѣннымъ вкладомъ въ историческую литературу. Академія наукъ отмѣтила ея достоинства присужденіемъ покойному Макарьевской преміи. Помимо лекцій Г. В. занимался въ комиссіи при министерствѣ народнаго просвѣщенія по пересмотру программъ средне-учебныхъ заведеній и въ комиссіи по присужденію петровскихъ премій. Кромѣ диссертации, имъ опубликованъ рядъ работъ по исторіи прибалтійскихъ государствъ съ новыми историческими данными, основанными на его личныхъ архивныхъ разысканіяхъ. Имъ подробно изслѣдованы сношенія Швеціи съ Россіей въ царствованіе Христіны, Даніи съ Россіей въ царствованіе Христіана IV и наиболѣе выдающіеся моменты скандинавской исторіи въ связи съ исторіей Россіи. Въ послѣдніе годы покойный нервно заболѣлъ и былъ вынужденъ прекратить свои занятія. Умеръ Г. В. 53 лѣтъ, оставивъ по себѣ прекрасную память среди своихъ бывшихъ товарищей и учениковъ, цѣнившихъ въ немъ не только выдающагося ученаго и лектора, но и милаго, хорошаго человѣка. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12344).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ статьѣ «Неразбериха».

Въ июльской книжкѣ за текущій 1910 годъ журнала «Историческій Вѣстникъ», въ статьѣ «Неразбериха» г. Оглоблина сообщается между прочимъ, что на большой дорогѣ, проходящей черезъ городъ Васильсурскъ, «варвары обыватели успѣли истребить въ чертѣ города большую часть тѣнистыхъ великановъ (березъ) съ легкой руки именно мѣстнаго казеннаго лѣсничаго... чтобы садъ лѣсничаго не затѣняли великаны березы, онъ срубилъ около десятка ихъ...»

Сообщеніе это г. Оглоблина въ части, касающейся мѣстнаго лѣсничаго (меня), совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, а потому, въ интересахъ возстановленія истины, покорнѣйше прошу васъ помѣстить нижеслѣдующее. Съ того времени, какъ я владѣю усадьбой, около нея не было срублено ни одной березы, за исключеніемъ одного надломленнаго бурей сучка. Прежнимъ же владѣльцемъ этой усадьбы, 15 лѣтъ тому назадъ, съ разрѣшенія васильской уѣздной земской управы, дѣйствительно было срублено при постройкѣ дома около пяти березъ. Березы же вдоль линіи моего сада, за исключеніемъ сгнившихъ и поломанныхъ бурей, и сейчасъ стоятъ на мѣстѣ... Охрана березъ на большихъ дорогахъ лежитъ на обязанности уѣздныхъ земствъ, въ вѣдѣніи которыхъ находятся большія дороги, и очень жаль, что эти когда-то чудныя аллеи, обречены, повидимому, на совершенное истребленіе.

Завѣдующій Васильскимъ казеннымъ лѣсничествомъ

А. Честухинъ.

II.

Въ замѣткѣ Г. А. Гарцевича (№ 8 «Историческаго Вѣстника») говорится о бывшемъ министрѣ юстиціи графѣ К. И. Паленѣ, какъ о государственномъ дѣятелѣ почившемъ. Слѣшимъ исправить ошибку г. Родзевича: графъ К. И. Паленъ еще здравствуетъ и состоитъ членомъ Государственнаго Совѣта въ званіи статсъ-секретаря и оберъ-камергера.

очень моложавой; она была хороша собою, и императоръ любовался ею, улыбаясь. Императрица, не забывавшая о своихъ обѣщаніяхъ, рѣшила, что настала благопріятный моментъ похлопотать за молодыхъ людей, подавшихъ ей сегодня утромъ свои прошенія. Послѣ кофе, поданнаго пажками, Наполеонъ вышелъ изъ-за стола и, заложивъ руки за спину, прошелъ на террасу, откуда любовался въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ на реликозѣнный видъ и паркъ съ его вѣковыми деревьями, которыя сливались вдаль съ цѣлымъ моремъ зелени. Потомъ онъ тяжело опустился на большое кресло изъ бѣлаго дерева и вытащилъ изъ кармана чрепаховую табакерку. Несмотря на всевозможныя тревоги, Наполеонъ за послѣднее время казался сильно пополнѣвшимъ; цвѣтъ лица его сдѣлался бѣлѣе, и онъ ничѣмъ не напоминалъ маленькаго, худого, смуглаго и подвижнаго корсиканскаго офицера. На лицѣ его лежалъ отпечатокъ спокойствія и сознанія своего могущества и силы, то самое выраженіе, которое было удачно схвачено и запечатлѣно на медаляхъ. Съ юныхъ лѣтъ у него остался острый, пронизательный взглядъ глубокихъ, умныхъ глазъ,—взглядъ, котораго никто не могъ вынести въ минуты гнѣва.

Свита расположилась вокругъ него на нѣкоторомъ разстояніи согласно этикету. Жозефина, Гортензія, Бертье, Савари усѣлись на легкихъ стульяхъ въ трехъ шагахъ отъ него.

Императрица наконецъ рѣшилась; она заговорила медленно, тихимъ голосомъ, произнося, какъ всѣ креолки, букву «ж» какъ «з», и своимъ словамъ придавая рѣзкую интонацію, къ чему она прибѣгала всегда, когда хотѣла добиться исполненія своей просьбы.

Императоръ тотчасъ догадался, что его ожидаетъ, и наморщилъ брови, не мѣняя, впрочемъ, пока еще хорошаго расположенія духа.

— Наполеонъ, я приняла, согласно вашему разрѣшенію, нѣсколько прошеній отъ молодыхъ людей, желающихъ поступить офицерами въ дворянскіе полки Изембурга и ля-Туръ д'Овернь, — сказала Жозефина.

— У Изембурга всѣ вакансіи заполнены,—сухо возразилъ императоръ.

— Ну, тогда къ ля-Туръ д'Овернь,—сказала не терявшая рѣшимости Жозефина.

— Ля-Туръ д'Овернь, ля-Туръ д-Овернь,—ворчалъ повелитель Европы. —Прекде всего, я ничего не разрѣшалъ вамъ...

— Во всякомъ случаѣ вы допустили эту возможность...

— Это не одно и то же.

— Обратите вниманіе, что я хлопочу о людяхъ, принадлежащихъ къ старому дворянству. Всѣ эти молодые люди ослѣплены вашей славой, покорены вашимъ величіемъ, стремятся служить вамъ, сражаться за васъ, умереть на вашихъ глазахъ.

— Продолжайте, продолжайте... это не повредитъ всѣмъ намъ...— бормоталъ Наполеонъ, барабана концами пальцевъ зорю на крышкѣ табакерки. Наконецъ, заинтересовавшись помимо своего желанія, онъ слѣлалъ первую уступку:

— Интересно знать, какъ фамиліи этихъ барчуковъ?

Жозефина повернулась къ м-мъ де Кастеле, сидѣвшей, согласно церемоніалу, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ императрицы.

— Луиза, у васъ списокъ кандидатовъ?

Молодая женщина поднялась, подошла, улыбаясь, къ императорской четѣ и подала бумагу, которую держала въ рукѣ.

— Вотъ онъ, ваше величество.

Наполеонъ, на половину подкупленный уже красотой и изяществомъ молодой женщины, спросилъ ее брюзжащимъ тономъ:

— Теперь вы секретаремъ при императрицѣ?

— По дѣламъ милосердія—да, ваше величество,—отвѣчала она, кланяясь императрицѣ.

— Вы умѣете льстить!

— Ваше величество!

— Развѣ неправда? Да, да, повторяю, вы льстите...

Онъ смѣялся—дѣло шло хорошо.

Протянувъ бумагу Жозефинѣ, которая была очень довольна, онъ съ добродушіемъ, свойственнымъ ему въ часы спокойствія, предложилъ императрицѣ:

— Прочти мнѣ его, защищай своихъ кліентовъ!

Она начала:

— Графъ де-Тейксъ принцъ де-Круа

Наполеонъ вскочилъ.

— Этотъ? изъ семьи убѣжденнѣйшихъ роялистовъ; онъ на сторонѣ имперіи—этого не можетъ быть! Одинъ изъ Тейксовъ умеръ при деревнѣ Аустерлицъ съ оружіемъ въ рукахъ.

— Это былъ дядя нашего,—возразила Жозефина:—нашъ кандидатъ—второй сынъ графа де-Тейкса, застрѣлившагося въ прошломъ году вслѣдствіе ужасной семейной драмы, о которой онъ мнѣ рассказалъ. Это мужественный, славный юноша, которымъ вы будете довольны; примете вы его?

— Можетъ быть,—сказалъ Наполеонъ:—только послѣ экзамена. Не правда ли, Савари?

— Слушаю, ваше величество.

— Послушаемъ дальше.

— Мартинзаръ.

— Сынъ... а... прекрасно... но вы говорили про дворянство... да, этого нельзя не принять. Это причинило бы много непріятностей многимъ лицамъ... вѣдь это правда, Жозефина?

Императрица слегка покраснѣла.

— Да,—сказала она:—отецъ его знакомъ со всѣми при дворѣ; онъ очень добръ, оказываетъ много услугъ и глубоко вамъ преданъ.

— Все это я знаю и поэтому согласенъ принять его сына. А теперь вернемся къ дворянамъ и начнемъ съ самыхъ знатныхъ

— Маркизь де-Невантеръ...

Наполеонъ спросилъ рѣзкимъ тономъ:

— Невантеръ, Анри де-Невантеръ?

Его необыкновенная память сохраняла всѣ имена.

— Да, ваше величество...

— Это тотъ, который былъ въ заговорѣ съ Кадудалемъ, Пишегрю и Моро. Онъ былъ приговоренъ къ смерти, какъ Жоржъ и Сень-Викторъ, которые были казнены; этого я помиловалъ ради его молодости. Я замѣнилъ смертную казнь двухлѣтнимъ заключеніемъ въ Венсеннѣ, приказавъ по окончаніи наказанія взять его на службу... а теперь онъ желаетъ повышенія?

— Ваше величество,—сказала спокойнымъ голосомъ императрица:—тогда вы помиловали его за его юность, это правда, но также и потому, что Фушэ представилъ вамъ письмо, въ которыхъ этотъ мальчикъ, изгнанный изъ своей семьи, высказывалъ свое восхищеніе первымъ консуломъ и сожалѣніе, что прежде онъ былъ настроенъ противъ васъ; это было еще до ареста. Его восхищеніе вами не уменьшилось съ тѣхъ поръ, а увеличилось; по вашему приказанію онъ готовъ служить, какъ простой солдатъ; это та милость, о которой онъ просить.

— Нѣтъ!—рѣшительно произнесъ Наполеонъ. — Нельзя отдать все врагамъ...

— Позвольте, ваше величество, просить васъ еще разъ о немъ.

— Посмотримъ, посмотримъ. Дальше!

— Жакъ д'Иммармонъ...

— Изъ фамиліи герцоговъ д'Юргель и д'Иммармонъ?—быстро спросилъ императоръ.

— Да, ваше величество, онъ племянникъ герцога д'Юргель... имѣетъ титулъ виконта...

— Ахъ, такъ вы, какъ я вижу, ходатайствуете за всѣхъ роялистовъ? Иммармоны неисправимы; семья этого кандидата, который якобы перешелъ на нашу сторону, интригуетъ въ Англіи. Всѣ они изъ шайки де-Фротте... Нѣтъ, я не хочу никого изъ этой семьи... не настаивайте, это бесполезно. Я желаю, чтобы мои офицеры были испытанной вѣрности, и я не могу вручить командованіе моими новыми полками измѣнникамъ, которыми могутъ оказаться эти сомнительные союзники. Читайте дальше! Вашъ списокъ, Жозефина, очень неудаченъ сегодня!

— Кавалеръ де-Гранли.

— Это еще кто такой?

— Онъ принадлежитъ къ старинной, знатной семьѣ

Жозефина была въ затрудненіи, тѣмъ болѣе, что она чувство-

вала, какъ устремились на нее взоры всѣхъ придворныхъ дамъ, для которыхъ личность Гранли представлялась загадкой.

Императоръ продолжалъ съ насмѣшкой:

— Мнѣ что-то неизвѣстна фамилія Гранли во Франціи... и долженъ сказать, что она мнѣ совсѣмъ не нравится...

Жозефина сказала вкрадчиво:

— Гранли у вашихъ ногъ, государь!..

— Все это слова... дальше!..

— Ваше величество!

— Ну, что такое? Продолжайте, пожалуйста; или остановимся на этомъ, если вамъ это желательно...

Жозефина подавила рыданіе, которое сдавило ей горло. Сегодняшній день проходилъ очень дурно. Тѣмъ не менѣе, она овладѣла собой и продолжала:

— Графъ Жанъ де-Прэнгей д'Отрезмъ.

Наполеонъ разразился гнѣвной рѣчью:

— Вотъ какъ! Да это заговоръ? Еще одинъ изъ упорствующихъ роялистовъ... единомышленниковъ Кадудалю и Фротте... Я говорю вамъ, сударыня, что васъ обманываютъ; вашей добротой злоупотребляютъ... очевидно, готовится какое-то покушеніе, и вы, сами того не сознавая, открываете дверь измѣнникамъ, которые преслѣдуютъ меня безъ устали...

Онъ выхватилъ бумагу изъ рукъ императрицы; прочелъ ее громко.

— Гранли—нѣтъ! Почему онъ поставленъ во главѣ списка? Де-Тейксъ—нѣтъ! безъ всякихъ колебаній. Невантеръ—нѣтъ! Иммармонъ—нѣтъ! Прэнгей д'Отрезмъ—нѣтъ! Ле-Микола де-Маршъ, Раитиньи—нѣтъ, нѣтъ! Неваръ? знаю его, нѣтъ! Орсимонъ—какого званія? Нѣтъ! Мартинзаръ—да! Одного его; благородень, какъ бродячая кошка, но по крайней мѣрѣ не измѣнникъ.

Жозефина была удручена. Гортензія поспѣшила ей на помощь:

— Ваше величество, позвольте мнѣ...

— Ни слова! Твоя мать сошла съ ума! Если я послушаю ее, меня убьютъ менѣе чѣмъ черезъ три мѣсяца.

Изъ устъ всѣхъ дамъ вырвался крикъ ужаса. Хорошенькая м-мъ де-Кастеле замѣтила:

— Пельзи говорить такія вещи!

— Неужели, волшебница? Можетъ быть, нужно было просить вашего разрѣшенія?

— Вы не получили бы его, ваше величество!

Императоръ развеселился немного. Въ рукѣ онъ продолжалъ держать списокъ кандидатовъ, что позволяло Жозефинѣ, привыкшей къ его внезапнымъ переходамъ отъ гнѣва къ доброму настроенію и наоборотъ, надѣяться, что не все еще потеряно. Въ это мгновеніе въ тридцати шагахъ сзади императора, на верхней сту-

пенькѣ широкой лѣстницы, ведущей въ паркъ, появился адъютантъ, который издали молча сдѣлалъ знакъ Савари, обернувшись въ его сторону, и затѣмъ тотчасъ удалился. Генералъ Савари, главный начальникъ жандармеріи, незамѣтно поднялся съ своего мѣста, отошелъ потихоньку отъ кружка придворныхъ сначала на три шага, затѣмъ на десять и наконецъ исчезъ вслѣдъ за офицеромъ. Минуту спустя, онъ вернулся слегка поблѣднѣвшій, съ озабоченнымъ видомъ. Въ это же время на дворѣ дворца послышался топотъ проходившихъ войскъ; взводъ гренадеръ расположился вдоль рѣшетки.

Наполеонъ тотчасъ обратилъ вниманіе на шумъ и вскочилъ съ кресла:

— Что тамъ такое? Что это за шумъ? Почему удваиваютъ караулъ? По чьему приказанію? Это вы распорядились, Савари? Я видѣлъ, вы только что выходили. Что случилось?

— Ваше величество, — отвѣтилъ смущенный Савари: — когда приходится оберегать вашу особу, тогда никакія мѣры не могутъ быть лишними.

— Развѣ грозитъ опасность? — прошептала поблѣднѣвшими губами Жозефина, невольнымъ порывомъ приблизившись къ императору.

— Отойди отсюда, — сказала Наполеонъ, отстраняя ее рукою: — Савари, говорите; я хочу знать, въ чемъ дѣло.

Савари поклонился:

— Я повинуюсь, ваше величество. Четверть часа тому назадъ въ гостиницѣ Клошъ д'Орь разыгрался скандалъ между нѣсколькими молодыми людьми, именно тѣми, о которыхъ только что говорила вамъ я величество императрица, и какимъ-то чужеземцемъ, который оскорблялъ ихъ и упрекалъ что они измѣнили убѣжденіямъ старыхъ дворянъ и перешли на вашу сторону... Несмотря на то, что онъ былъ одинъ, ему удалось бѣжать, такъ какъ онъ былъ вооруженъ.

— Извѣстно ли его имя? — спросилъ Наполеонъ.

— Да, ваше величество.

— Говорите же, это самое главное.

Савари смутился на мгновеніе...

Наполеонъ топнулъ ногой.

— Говорите!

— Брюсларъ.

— Брюсларъ!..

Первый разъ это имя было произнесено едва слышнымъ голосомъ, второй разъ — съ рычаніемъ.

Одно это имя приводило Наполеона въ ужасъ, въ ярость. Брюсларъ былъ его кошмаромъ, его злѣйшимъ врагомъ, самымъ ненавистнымъ человѣкомъ, единственнымъ, котораго не удавалось одо-

лѣтъ; Брюсларь, кавалеръ Геренъ де-Брюсларь, послѣдній изъ приверженцевъ короля, который въ теченіе десяти послѣднихъ лѣтъ преслѣдовалъ императора; другъ Фротте, Кадудала, Моро, Пишгерю; тотъ, который поклялся, что добьется смерти императора, и разосилъ по всей Франціи свои наглыя угрозы по адресу императора, слѣдовалъ по стопамъ тирана, узурпатора, какъ онъ называлъ Наполеона. Брюслара не могли схватить въ его постоянныхъ поѣздкахъ и открыть въ притонахъ, гдѣ онъ скрывался, ни полиція Фушэ, ни жандармы Савари, ни шпіоны имперіи.

И теперь среди бѣлаго дня, въ гостиницѣ, въ толпѣ, въ пятистахъ метрахъ отъ дворца, гдѣ находился императоръ, онъ появился вновь, никого не боясь, презирая, осмѣивая, понося его могущество, сыпя ругательства и проклятія, и скрылся, неуловимый, какъ всегда.

Наполеонъ топалъ ногами въ гнѣвѣ; произносилъ несвязныя слова...

— Соучастники... слабость... безпечность... всѣ виноваты...

Всѣ стояли вокругъ него молча, склонивъ головы; Бертъе разглядывалъ внимательно кончики своихъ сапогъ. Савари блѣднѣлъ все болѣе и болѣе; придворныя дамы дрожали отъ страха и, по примѣру Жозефины и Гортензіи, оставались неподвижными, въ застывшихъ позахъ, съ руками, сжатыми ими опущенными вдоль тѣла.

Наконецъ Наполеонъ успокоился.

— Я желаю знать подробности! Какъ узнали, что это Брюсларь? Расскажите мнѣ все, Савари, я хочу все знать, слышите—все.

Тогда генеральтъ разсказалъ ему по-своему происшествіе въ гостиницѣ, о которомъ самъ узналъ отъ вторыхъ или третьихъ лицъ. Въ послѣдовательныхъ передачахъ это событіе каждый разъ измѣнялось, искажалось и не представляло въ концѣ концовъ ничего похожаго на истинное происшествіе, какъ обыкновенно случается со всякими событіями...

— Ваше величество,—сказалъ онъ:—Брюсларь вошелъ въ гостиницу, какъ и молодые люди, имена которыхъ стоятъ въ этомъ спискѣ и которые собрались завтракать въ отдѣльномъ залѣ; дверь, черезъ которую подавали кушанья и которая вела въ общій залъ, была открыта. Съ мѣста которое занялъ Брюсларь, были слышны голоса молодыхъ людей, и онъ обратилъ вниманіе на имена д'Иммармона, де-Прэнгей д'Отрезма, де-Невантера и всѣхъ остальныхъ. Молодые люди заказали цыплятъ а ля Маренго. Когда блюдо было подано, они закричали: «да здравствуетъ императоръ!»

Лицо Наполеона, оставшееся до сихъ поръ мрачнымъ, замѣтно просвѣтлѣло.

Савари продолжалъ болѣе увѣреннымъ голосомъ:

— Когда принесли Шамбертенъ, ваше любимое вино, которое потому и было выбрано молодыми людьми, всѣ опять провозгласили ваше здоровье.

— Молодцы!—шепнула Гортензія.

— Видишь, Наполеонъ!—сказала вкрадчиво и очень тихо Жозефина.

— Молчите!—крикнулъ Наполеонъ:—Савари, продолжай!

Онъ перешелъ на «ты»; это былъ хорошій признакъ.

Тогда Брюсларъ вскочилъ, швырнулъ тарелку на середину ихъ стола, клеймя ихъ отступниками, измѣнниками, и назвалъ свое имя. Молодые люди вскочили и всѣ вмѣстѣ кинулись на него. Но, по всей вѣроятности, онъ имѣлъ соучастниковъ, такъ какъ тотчасъ былъ окруженъ толпой. Вынувъ два пистолета и направивъ ихъ на безоружныхъ молодыхъ людей, онъ отступилъ къ двери, вскочилъ на коня, котораго ему подвель слуга, и скрылся въ лѣсу...

Всѣ головы повернулись къ лѣсу, и всѣ глаза съ вниманіемъ стали разглядывать море зелени, которое вдали сливалось съ горизонтомъ.

Жозефина дрожала.

— Это все, ваше величество, что произошло,—заключилъ Савари.

— Преслѣдовали ли его?—коротко спросилъ Наполеонъ.

— Да, ваше величество; но поздно спохватились, такъ какъ никто не рѣшился беспокоить ваше величество за завтракомъ и вызвать меня...

— Дураки!—проворчалъ императоръ. Онъ задумался на мгновение. Потомъ, протягивая Берже смятую въ гнѣвъ бумагу съ кандидатами въ офицеры, за которыхъ хлопотала Жозефина, онъ просто сказалъ:

— Маршалъ, я жалую званіе лейтенантовъ этимъ десяти юношамъ... Всѣ необходимыя формальности вы сдѣлаете сами.

Жозефина и Гортензія благодарили его, обнимая съ удвоенною нѣжностью. Онъ освободился изъ ихъ объятій:

— Оставьте меня въ покоѣ... это очень естественно. Теперь у меня есть доказательство ихъ преданности. Этого достаточно. Миѣ только и нужно было въ этомъ убѣдиться...

Потомъ онъ добавилъ грубовато:

— Впрочемъ, за ними сумѣютъ наблюдать, гдѣ бы они ни были!

Такимъ образомъ, вслѣдствіе появленія Брюслара и главнымъ образомъ благодаря меню, составленному Мартинзаромъ и Орсиономъ, десять просителей добились исполненія своего желанія.

Около пяти часовъ вечера той же субботы мадамъ де-Кастеле съ книгой въ рукѣ вышла изъ парка и пошла въ глубь лѣса. Подражая своей августѣйшей хозяйкѣ, она была одѣта въ бѣлое батистовое платье; на шею былъ накинута легкій зеленого цвѣта шарфъ.

Гуляя, съ беззаботнымъ видомъ она повернула вправо отъ Бо-Монъ, по аллеѣ, ведущей къ перекрестку у зеленого дуба. Черезъ пять минутъ она была уже тамъ. Скамья изъ толстаго дерева

окружала огромное дерево, по имени котораго называлась эта мѣстность; концомъ своего шарфа мадамъ де-Кастеле стряхнула со скамьи листья и сѣла отдохнуть. Открывъ книгу, она, казалось, всецѣло погрузилась въ чтеніе, не обращая вниманія на происходившее вокругъ. Все кругомъ было тихо, безмолвно. Шумъ городка доносился смутно и неясно; на нѣсколько минутъ тишина была нарушена звукомъ трубъ, игравшихъ сборъ во дворѣ дворца, и затѣмъ опять все стало тихо. Молодая женщина продолжала читать; очевидно, романъ очень интересовалъ ее; это было первое произведеніе молодого писателя Шарля Насве, подъ названіемъ «Стелла» или «Осужденные». Наверху, въ вѣтвяхъ, бѣлка, обезпокоенная въ своемъ уединеніи, выказывала незнакомкѣ свое неудовольствіе, бомбардируя ее листьями, вѣточками, недозрѣвшими желудями. Это былъ дождь, ливень, настоящая лавина падающихъ орѣховъ и сучьевъ. Луиза, поднявъ глаза, увидала своего маленькаго врага и великодушно ему улыбнулась; маленькій звѣрекъ не былъ тронутъ этимъ привѣтомъ и усилилъ яростное нападеніе.

Тогда Луиза погрозила ему своимъ шарфомъ. Бѣлка притихла и въ испугѣ скрылась въ листвѣ, сожалея о своей дерзости. Въ это время вдали на дорогѣ послышались приближающіеся шаги; Луиза положила книгу на скамейку и устремила глаза направо, въ ту сторону, съ которой слышался шумъ шаговъ.

Она выжидала. Очевидно, это былъ какой-нибудь влюбленный... Вдали на узкой аллеѣ, окаймленной деревьями, показался крестьянинъ, несшій тяжелую корзину. Онъ шелъ посвистывая и отирая потъ со лба большимъ краснымъ платкомъ. Передъ скамейкой онъ остановился на минутку, потомъ поставилъ корзину на землю, а самъ сѣлъ скромно на конецъ скамьи, въ отдаленіи отъ молодой женщины

— Съ вашего позволенія, сударыня... я очень усталъ... такая жара... Въ Парижѣ можно спечься.

Мадамъ де-Кастеле вздрогнула при словѣ Парижъ. Тѣ, которыхъ Фушэ присылаетъ къ ней, въ первой же фразѣ должны произнести это слово, чтобы быть узанными ею. Она нѣмного повернулась въ его сторону, внимательно осмотрѣла его и шепнула:

— Это вы, Кантекоръ?

— Къ вашимъ услугамъ, сударыня,—отвѣтилъ онъ на этотъ разъ своимъ голосомъ:—я хорошо переодѣтъ, не правда ли?

— Великолѣпно,—отвѣтила смѣясь Луиза:—безъ пароля я не догадалась бы ни за что. Слушайте хорошенько, что я буду говорить. Скажите Фушэ, что императрица ходатайствовала передъ императоромъ за нѣсколькихъ новыхъ офицеровъ, кандидатовъ въ дворянскіе полки. Объ этомъ будетъ приказъ въ министерствѣ. Между ними находится нѣкій Гранли.

— Гранли?

— Да, Гранли.

— Я его отлично знаю.

— Этотъ господинъ подозрителенъ. Онъ пожелалъ говорить съ глазу на глазъ съ Жозефиной. Когда они остались наединѣ, онъ сказалъ ей какую-то фразу, которая ее очень взволновала. Она провела его на террасу, гдѣ они бесѣдовали двадцать минутъ; все время она говорила съ нимъ съ уваженіемъ, даже съ благоговѣніемъ, которое она никому не оказываетъ, даже Наполеону.

— Чортъ возьми!

— Замѣьте это хорошенько.

— Это я знаю, давно уже,—замѣтилъ онъ потихоньку.—Этотъ Гранли долженъ быть важнымъ лицомъ,—вѣроятно, какой-нибудь иностранный принцъ; только зачѣмъ ему поступать во французскую армію?

— Да, странно...

— Я думаю, что на него надо обратить особое вниманіе министра.

— Это будетъ сдѣлано. Это все?

— Развѣ этого недостаточно?

— Такого рода свѣдѣнія никогда не бываютъ достаточны,—отвѣтилъ Кантекоръ въ хорошемъ расположеніи духа.—До свиданія, сударыня.

— До свиданія, Кантекоръ. До субботы.

— Слушаюсь... Мое почтеніе!

— Прощайте.

Кантекоръ пошелъ; пройдя десять шаговъ, онъ остановился, потеръ себѣ лобъ и вернулся назадъ.

— Извините, сударыня, я совсѣмъ забылъ... я хотѣлъ предложить вамъ одинъ вопросъ.

— Я слушаю, мой другъ.

— Не видѣли ли вы сегодня на утреннемъ приѣмѣ нѣкоего графа де-Тейкса?

— Да, видѣла. А что?

— Ну, вотъ... Вы человѣкъ образованный... вѣрите ли, что мертвые оживаютъ?

— Это неизвѣстно,—отвѣтила послѣ небольшого колебанія мадамъ де-Кастеле, суевѣрная, какъ всѣ дамы, окружавшія Жозефину.—Къ чему вы задаете мнѣ этотъ вопросъ?

— А потому, что я имѣю основательныя причины думать, что графъ де-Тейксъ умеръ... навѣрное умеръ... Въ концѣ концовъ никто не можетъ объяснить мнѣ это странное обстоятельство; во всякомъ случаѣ, благодарю васъ, сударыня.

На этотъ разъ шпионъ Фушэ ушелъ, шаркая своими калошами, таща тяжелую корзину и палку, и скрылся въ чащѣ лѣса. Луиза поднялась съ скамейки и пошла прогуляться. Идя по дорогѣ, она размышляла:

«Да, мое ремесло очень скверное, я это знаю. Вотъ что значить имѣть молодого красиваго мужа, не имѣющаго средствъ и проводящаго всю свою жизнь въ карточной игрѣ!.. Хотя, въ сущности говоря, я все же оказываю услугу императору...» Она вѣрила въ это.

Въ то же время де-Гранли, служившій предметомъ самаго усерднаго наблюденія за эти дни со стороны бдительной полиціи, былъ уже въ теченіе нѣсколькихъ часовъ гостемъ въ семьѣ д'Иммармоновъ, въ ихъ родовомъ жилищѣ, въ замкѣ Пали. Мѣстоположеніе этого владѣнія было замѣчательно красиво: замокъ былъ защищенъ рвами, окруженъ валами, куртинами, соединявшимися между собой круглыми, низкими, зубчатыми башнями, расположенными треугольникомъ, съ будками, съ грозной сторожевой башней, съ бойницами и отверстіями для пушекъ. Въ продолженіе трехъ вѣковъ замокъ выдержалъ три осады, и ни разу не сдался. Его огромныя подземелья были полны легендъ и привидѣній.

Одна часть строеній, самая старинная, расположенная на сѣверѣ, угрожала паденіемъ; все взятое вмѣстѣ напоминало прежнія, феодальныя времена.

Въ продолженіе двадцати минутъ, въ теченіе которыхъ длился переѣздъ изъ гостиницы во дворецъ, въ ландо не было произнесено ни слова. Гранли, сидѣвшій на передней скамейкѣ, смотрѣлъ разсѣянно на пейзажъ, разстилавшійся передъ нимъ, улыбаясь иногда Иммармону и Прэнгею, скакавшимъ направо и налево отъ него. Двѣ дамы, мать и дочь, сидѣли передъ нимъ съ видомъ глубокаго уваженія, полузакрывъ глаза; иногда изъ-подъ длинныхъ черныхъ рѣсницъ Изабеллы вспыхивали молніи и обжигали Гранли, который, мало обращая вниманія на окружавшихъ его, тѣмъ не менѣе восхищался блескомъ великолѣпныхъ глазъ молодой дѣвушки.

Миновавъ высокій лѣсъ, затѣмъ перелѣсокъ, экипажъ направился по длинной аллеѣ, окаймленной вѣковыми деревьями, и переѣхалъ черезъ каменный мостъ надъ илистыми рвами. Передъ взоромъ сразу открылся, какъ на ладони, весь великолѣпный замокъ. Гранли пришелъ въ восхищеніе.

— Великолѣпное жилище, — произнесъ онъ: — великолѣпное жилище благороднѣйшихъ рыцарей.

Подъ сводами разносилось эхо отъ топота лошадей; экипажъ вѣхалъ на главный дворъ и остановился передъ подъѣздомъ главнаго входа. Прэнгей д'Отрезмъ и Иммармонъ сошли съ лошадей и помогли дамамъ выйти изъ экипажа; Гранли въ задумчивости слѣдовалъ за ними, какъ бы забывъ объ ихъ присутствіи. Съ нимъ часто случались эти припадки разсѣянности и невниманія, которые были удивительны для чловѣка хорошо воспитаннаго. Изабелла кусала себѣ губы; мать ея, напротивъ, нисколько не была удивлена: она прекрасно знала привычки стараго двора.

Все общество вошло въ огромный залъ, съ десятью окнами, выходившими на ровную долину, за которой сверкала на солнцѣ извилистая рѣчка. На стѣнахъ зала висѣли огромные портреты предковъ, закованныхъ въ латы или одѣтыхъ въ голубые и малиновые костюмы, съ воротниками и въ длинныхъ парикахъ, спускавшихся поверхъ бархатныхъ и шелковыхъ платьевъ. Прэнгей, шедшій сзади всѣхъ, заботливо закрывалъ всѣ двери; до сихъ поръ не было произнесено ни одного слова; вся прислуга состояла изъ англичанъ, выписанныхъ изъ Англии и совершенно не понимавшихъ французскаго языка: въ эти времена недовѣріе царствовало повсюду. Когда они остались совершенно одни и всѣ двери были заперты, на мгновеніе воцарилось глубокое молчаніе. Затѣмъ картина рѣзко измѣнилась. Виконтесса в'Иммармонъ, Изабелла, виконтъ д'Иммармонъ, графъ де-Прэнгей д'Отрезмъ преклонили колѣни передъ Гранли, который сразу преобразился и стоялъ съ видомъ особеннаго величія.

Виконтесса произнесла:

— Ваше величество! примите глубокую благодарность за честь, которую вы оказываете нашему дому.

Гранли протянулъ обѣ руки двумъ женщинамъ и поднялъ ихъ съ царственнымъ величіемъ и добротой.

— Сударыня,—обратился онъ къ виконтессѣ д'Иммармонъ,— Я искренне цѣню ваше гостепріимство... такъ же, какъ глубоко почитаю васъ. Вы напоминаете мнѣ минувшія времена, безвозвратно погибшихъ людей, разореніе, развалины, мучениковъ и жертвы... Я счастливъ своимъ пребываніемъ у васъ.

Обращаясь къ Изабеллѣ, онъ продолжалъ:

— Что касается васъ, сударыня, то я не могу видѣть васъ въ такомъ положеніи: это я долженъ преклонить передъ вами колѣни, а не вы оказывать такую честь скромному Гранли.

Глаза Изабеллы сверкнули огнемъ, который могъ бы воспламенить любое сердце. По временамъ молодая дѣвушка была такъ очаровательна, сіяла такой красотой, что передъ ней всѣ останавливались въ восторгѣ, какъ передъ неземнымъ существомъ.

Такой она была и теперь, сіяющая, съ блестящими глазами, и чувство тоски, страха и отчасти ревности закралось въ душу и заставило поблѣднѣть графа де-Прэнгей д'Отрезма при видѣ тѣхъ взглядовъ, которые молодая дѣвушка бросала на своего гостя. Невольно онъ сжалъ руки и посмотрѣлъ на своего кузена, который понялъ его встревоженный взглядъ. Оба они знали про безразсудную любовь принца къ Полинѣ Боргезе отъ него же самого. Принцъ не умѣлъ хранить секреты и къ ужасу ихъ повѣдалъ имъ исторію своей любви. Несмотря на это ручательство, все же они боялись внезапной перемѣны, каприза со стороны этого наслѣдника длиннаго ряда склонныхъ къ волокитству монарховъ.

Мадамъ д'Иммармонъ, которая не замѣчала или не хотѣла ничего видѣть, возразила ему дрожащимъ голосомъ:

— Ваше величество! здѣсь нѣтъ Гранли... Здѣсь законный наслѣдникъ французскаго царствующаго дома, Людовикъ XVII, нашъ король, милостію Божіею!

Всѣ воскликнули: «да здравствуетъ король!» Гранли, иначе Людовикъ XVII, грустно улыбнулся.

— Странный король,—сказалъ онъ:—король, котораго не признаетъ народъ, у котораго два раза отнимали корону.

Размѣреннымъ шагомъ, какъ пѣкогда его предки въ Версали, онъ подошелъ къ креслу, устроенному для него на возвышеніи, и сѣлъ; королевскимъ жестомъ пригласивъ своихъ подданныхъ расположиться вокругъ него. Онъ началъ рассказывать свою сказочную исторію: бѣгство изъ башни Тампльской тюрьмы, подготовленное графомъ де-Фротте, этимъ приверженцемъ, вѣрнымъ королю до самой смерти, облегченія, сдѣланнаго при тайномъ пособничествѣ Барра, по настоянію Жозефины де-Богарне, и, наконецъ, помощь привратниковъ супруговъ Симонъ. Его вынесли изъ тюрьмы въ корзины съ бѣльемъ, послѣ того какъ туда былъ доставленъ такимъ же образомъ нѣмой мальчикъ, которому предстояло оставаться тамъ до самой смерти. Затѣмъ онъ былъ доставленъ Фротте въ предмѣстье де-Сентъ-Опорэ, къ часовщику Борану, роялисту, готовому на всякія жертвы. Въ лавочкѣ этого человѣка, вдовца, имѣвшаго двѣнадцатилѣтнюю дочь Ренэ, такую ласковую, добрую, такъ глубоко преданную своему принцу, и жившаго съ двумя преданными ему слугами, посвященными въ эту тайну, мужемъ и женой Влеро,—онъ провелъ нѣсколько лѣтъ, скромно, незамѣтно, забытый всѣми, даже своими дядями, которые знали объ его существованіи, но не вспоминали о немъ, рассчитывая выиграть время, надѣясь, что оно принесетъ забвеніе. Позднѣе, когда ему было уже шестнадцать лѣтъ, онъ былъ представленъ своимъ дядямъ полный воспоминаній и надеждъ на ихъ родственныя чувства, но былъ принятъ какъ сумасшедшій, интриганъ, авантюристъ и, какъ опасный человѣкъ, заключенъ ими въ замковую башню д'Экоссе, еще болѣе мрачную, чѣмъ Тампльская тюрьма. Черезъ двадцать мѣсяцевъ онъ былъ силой освобожденъ оттуда своими приверженцами, людьми исключительной преданности и вѣрности. Послѣ этого онъ блуждалъ изъ конца въ конецъ, изъ Германіи въ Швейцарію, изъ Швейцаріи въ Италію, преслѣдуемый всюду ненавистью своихъ дядей, въ особенности того, который уже именовалъ себя Людовикомъ XVIII, отвергнутый своей сестрой Маріей-Терезіей, сдѣлавшейся герцогиней Ангулемской и королевой въ будущемъ, когда Бурбоны воцарятся на тронѣ. Неодиократно какіе-то неизвѣстные люди, безъ видимыхъ причинъ, покушались на его жизнь; каждый разъ онъ спасался чудомъ; отъ двухъ

покушеній у него остались рубцы. Наконецъ ему надоѣло служить мишенью для наемныхъ убійць, и онъ, невзирая на трагическую судьбу герцога Энгіенскаго, которая, по всей вѣроятности, должна была постигнуть и его, рѣшилъ искать пристанища на своей родинѣ, во Франціи, и защиты въ военномъ мундирѣ, служба въ императорскомъ войскѣ. Въ концѣ концовъ, взвѣсивъ все, онъ предпочелъ Наполеона своимъ дядямъ изъ Прованса и Артуа, ставшимъ его злѣйшими врагами, его палачами. Теперь жребій былъ уже брошенъ. Что бы ни случилось съ нимъ, будущее не можетъ быть хуже прошедшаго. Онъ говорилъ съ жаромъ, лицо его покраснѣлось, слезы выступили на глазахъ. Имени Полины Боргезе онъ не произнесъ. Слушатели его дрожали отъ негодованія; часть этой исторіи была имъ извѣстна, но новыя подробности, подробности, которыя онъ имъ открылъ впервые, повергали ихъ въ ужасъ и возмущеніе.

— Ваше величество! Ваше величество!—шптала Изабелла.

Онъ повернулся къ ней. Ея восклицанія усилили горечь его воспоминаній.

— Да, это такъ, все это такъ было! Всѣ—противъ меня, моя семья, моя кровь, моя сестра... ужасно... Они воспользовались легендой о моей смерти... они вычеркнули меня изъ числа живыхъ вслѣдствіе простого извѣщенія въ «Монитерѣ» въ іюнѣ 95-го года. Я болѣе не существую; гражданская смерть... худшая, пожалуй, чѣмъ настоящая... Буду ли я еще въ состояніи доказать мое происхожденіе, мое королевское достоинство... Да, тотъ, кто меня спасъ, я говорю о Барра, былъ очень ловокъ. Они освободили меня изъ тюрьмы, которая убила бы меня очень скоро, но въ то же время они выбросили меня изъ жизни, стерли мое имя, которое больше не существуетъ въ исторіи, обратили въ ничто.

— Ваше величество, мы, остальные, мы все знаемъ... Наши отцы, умершіе за короля, знали также... Придетъ день, когда мы заговоримъ,—сказала тихимъ голосомъ Иммармонъ.

— Да, вы, остальные,—вы знаете, что это такъ, потому что иначе быть не можетъ, потому что вы, Жанъ д'Иммармонъ, и вы, Жанъ де-Прэнгей, въ Тюльери, въ Версали—вы были моими первыми наперниками, друзьями, товарищами моего дѣтства... Потому что у насъ есть воспоминанія, которыя не забываются... потому что вы, сударыня, были придворной дамой у королевы, моей матери... съ Полиньякъ, Ламбаль, Турсель,—потому что ваши отцы, Иммармонъ и Прэнгей, прежде всего были въ интимномъ кружкѣ при дворѣ, потомъ друзьями Шаретта и Фротте, моихъ вѣрнѣйшихъ приверженцевъ. Они погибли насильственной смертью, такъ же, какъ и эти... Бѣдный Фротте! Если бы онъ жилъ!—и опять онъ повторилъ:—если бы они всѣ жили!

— Мы замѣнимъ ихъ, ваше величество!—произнесъ въ сильномъ волненіи Прэнгей, протягивая руку.

— Я рассчитываю на это... но времена мѣняются. Поступая на службу во французскомъ войскѣ, я обязываюсь быть честнымъ по отношенію къ вождю этого войска. Я общалъ Жозефинѣ не предпринимать ничего противъ Наполеона, и я сдержу свою королевскую клятву; но, какъ замѣтила сама Жозефина, у нихъ нѣтъ потомства... война полна случайностей, неожиданностей!... Если Наполеонъ умретъ раньше меня, тогда я свободенъ отъ своего обѣщанія! Я кликну свое имя на всѣ четыре стороны Франціи! Если на моемъ пути станетъ Провансъ, Артуа или Ангулемъ, тогда готовьте оружіе, друзья мои... Монжуа и Сень-Дени? Ни пяди земли измѣнникамъ!

Онъ поднялся, блѣдный, взволнованный, произнося угрозы по адресу своихъ ненавистныхъ дядей и грозя рукою невидимымъ врагамъ.

Наступило молчаніе. Всѣ задумались.

— Какая странная эта Жозефина, — прошептала виконтесса д'Иммармонъ, устремивъ глаза въ пространство.

Принцъ улыбнулся.

— Дѣйствительно, Наполеонъ окруженъ сѣтью интригъ; императрица первая, быть можетъ, не сознавая того, дѣйствуетъ противъ него. Постоянно огорчаемая неискреннимъ отношеніемъ, несмотря на величіе м-мъ де-Гюстинъ, презрѣніе м-мъ де-Гюишъ, высокомеріе м-мъ де-Шеврезъ, этихъ истинныхъ роялистокъ, которыя были бы на моей сторонѣ и которыя, считая меня мертвымъ, держатъ сторону моихъ дядей; несмотря на ежедневныя непріятности, доставляемыя ей знатною, которую она же спасла или устроила на мѣста, она остается вѣрна этой аристократіи и считаетъ себя принадлежащей къ ней. Въ числѣ тѣхъ, кто ее окружаетъ, въ средѣ придворныхъ дамъ я знаю многихъ приверженцевъ прежняго режима, я видѣлъ тамъ м-мъ де-Ларошфюко... Подъ покровительствомъ императрицы во дворцѣ издаются мятежные памфлеты и свободно расходятся по рукамъ... Новые князья, маршалы, заносчивые, жадные, не знаютъ, что такое преданность и вѣрность... Вотъ почему можно надѣяться, что орелъ будетъ низверженъ и расцвѣтутъ вновь лиліи... не правда ли, друзья мои?

Всѣ единодушно согласились съ нимъ.

— Во всякомъ случаѣ, — продолжалъ онъ, — я надѣюсь на этотъ разъ обмануть полицію моихъ дядей. Они не будутъ разыскивать меня въ полкахъ императора; ихъ кинжалы слишкомъ коротки, чтобы достичъ меня; наконецъ, я буду сражаться за свою родину... Потому что вѣдь Франція существуетъ.

Онъ произнесъ послѣднюю фразу грустнымъ тономъ; времена измѣнились; быть можетъ, онъ былъ первымъ принцемъ своей фамиліи, выказывавшимъ заботу о своей родинѣ, а не только о своей персонѣ.

Революціонный дух проникъ въ сознаніе королей. Дѣйстви- тельно времена измѣнились!

Въ этотъ моментъ Прэнгей, стоявшій передъ окномъ, замѣтилъ по срединѣ моста конюшеннаго мальчика, который съ глупова- тымъ видомъ разсматривалъ замокъ.

Въ рукахъ онъ держалъ письмо.

— Что нужно этому человѣку?—громко сказалъ онъ:—что онъ тутъ дѣлаеть?

— Кто такой?—спросилъ Иммармонъ.

— Какой-то курьеръ, вѣроятно, съ какой-нибудь новостью. Подожди тутъ, я сейчасъ вернусь.

Черезъ пять минутъ отсутствія молодой графъ вернулся, неся распечатанное письмо.

— Дѣло сдѣлано!—крикнулъ онъ, входя.—Вотъ что намъ пи- шутъ, ваше величество:

«Господа! Императрица Жозефина сегодня утромъ представила наши прошенія императору, который пожаловалъ намъ званіе лей- тенантовъ въ полку де ла-Туръ д'Овернья.

«Извѣщеніе объ этомъ мыполучимъвъ гостиницѣ чрезъ адъютанта, командированнаго ея величествомъ. Вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность сообщить вамъ объ этомъ. Мы будемъ въ распоряже- ніи министра и должны ждать его приказанія два мѣсяца. Наше пребываніе въ Компьенѣ становится, въ виду этого, бесполезнымъ, и мы можемъ вернуться въ Парижъ. Шлю вамъ наилучшія поже- ланія въ ожиданіи удовольствія видѣть васъ въ мундирѣ. Да здрав- ствуетъ императоръ!»

— Дѣло сдѣлано!—повторилъ наслѣдникъ французскаго пре- стола.—Простите, дорогіе друзья мои,—сказалъ онъ, протягивая руки къ молодымъ людямъ, и глубокимъ чувствомъ звучалъ его голосъ:—что я увлекаю васъ за собой, веду къ неизвѣстному... къ чему, къ какимъ приключеніямъ... не знаю. Простите, что такъ злоупотребляю вашей преданностью; въ продолженіе трехъ сто- лѣтій ваши предки служили моимъ.. и я..

— Ваше величество! Мы существуемъ, чтобы слѣдовать за вами!—отвѣтилъ Иммармонъ.

— Всѣ подданные короля принадлежать ему тѣломъ и душой безгранично, безпредѣльно!—вскричала пылкая, смѣлая дѣвушка.— Испытайте, ваше величество!

И еще разъ ея громадные глаза пламенно сверкнули, глядя на двадцатилѣтняго принца, котораго она мечтала, быть можетъ, ото- рвать отъ его недостойнаго, на ея взглядъ, увлеченія; она знала также о любви своего короля къ сестрѣ императора. Еще разъ д'Иммармонъ и Жанъ де-Прэнгей, кузень Изабеллы, считавшійся съ дѣтства ея женихомъ, охваченные смущеніемъ передъ этимъ по- рывомъ, опустили рѣсеницы и стояли молча.

Но принцъ ограничился отвѣтомъ:

— Сударыня, въ настоящее время, въ нашихъ опасныхъ обстоятельствахъ, только мужчины могутъ быть полезны.

Красивая дѣвушка, сильно раздосадованная, густо покраснѣла и отошла отъ общества. Молодые люди вздохнули съ облегченіемъ.

— А теперь,—продолжалъ принцъ,—будемъ привыкать къ новому положенію, научимся играть роль; я предвижу, что иногда это будетъ очень тяжело. Подчинимся этому! Со времени моего возвращенія во Францію я перенесъ уже испытанія такого рода, которыхъ не предвидѣлъ; уже сегодня утромъ я долженъ былъ вытерпѣть наглые увѣщанія Рантиньи, фамиллярное радушіе Мартинзара... Вы были свидѣтелями. Наконецъ, самымъ тяжелымъ для меня будетъ казаться отступникомъ, а вамъ—измѣнчившими прошлomu... Быть вынужденными, когда появится и будетъ говорить Брюсларь,—знаетъ ли онъ, что я еще существую?—выслушивать его горькіе упреки, не имѣя возможности благодарить его, открыть ему свои объятія? Слушая его, этого храбреца изъ храбрѣйшихъ, этого истиннаго рыцаря, мое сердце готово было выскочить отъ счастья и гордости. Когда ему угрожали, я долженъ былъ сдерживать себя, чтобы не кинуться на помощь ему, рискуя все потерять...

— А мы!—вскричалъ Прэнгей,—я прихожу въ ярость, когда подумаю, что этотъ честный человѣкъ считаетъ насъ за вѣроломныхъ и низкихъ...

— Придетъ время, Прэнгей,—торжественнымъ тономъ сказалъ принцъ:—когда все станетъ яснымъ.

Едва было произнесено имя Брюслара, въ тотъ же моментъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла, вдали онъ появился самъ. Въ долину, за группой деревьевъ, неожиданно послышались военные сигналы—сборъ и наступленіе. Всѣ, находившіеся въ залѣ замка, поспѣшили къ окнамъ, ожидая какого-нибудь кроваваго происшествія, и увидѣли человѣка, скакавшаго впереди двадцати другихъ, преслѣдовавшихъ его.

— Брюсларь! Это онъ! — закричали всѣ, взглянувъ внимательно въ бѣглеца.

— И жандармы!—добавилъ Иммармонъ.

— Ату! ату! добыча завидная, не упускайте ее, собаки!—возбужденно кричалъ принцъ, перевѣсившись черезъ балконъ; глаза его блестѣли, какъ будто онъ присутствовалъ на обыкновенной охотѣ.

— Ваше величество,—печально замѣтила виконтесса:—если бы было больше такихъ людей, какъ этотъ, ваши лѣса были бы сохранены.

— Я это знаю,—съ живостью отвѣтилъ наслѣдникъ одного изъ самыхъ славныхъ именъ въ Европѣ,—и повѣрьте...—онъ замол-

чалъ, не докончивъ фразы, потому что погоня приближалась и становилась яростной. Было очевидно, что, сравнительно съ преслѣдовавшими его жандармами, Брюсларъ находился въ благопріятномъ положеніи и долженъ былъ бы навѣрное спастись, если какое-нибудь обстоятельство или новый врагъ не перерѣжетъ ему пути. Онъ это сознавалъ, и забавлялся опасностью, какъ всегда. Онъ сохранялъ одно и то же разстояніе между собой и преслѣдователями; его лошадь была свѣжа, шерсть ея была совершенно суха, а кони полицейскихъ, со взмыленными боками, пѣной на груди, задыхались, изнемогали. Отъ времени до времени онъ оборачивался и съ презрѣніемъ, дразня, посматривалъ на воющую свору, мчавшуюся по его слѣдамъ. Въ эти моменты онъ задерживалъ своего коня и терялъ, такимъ образомъ, нѣкоторое разстояніе, чѣмъ тотчасъ же воспользовался офицеръ, командовавшій отрядомъ, и выстрѣлилъ въ Брюслара изъ пистолета; пуля просвистѣла подъ его шляпой. Онъ тряхнулъ головой, какъ вымокшая собака, разсмѣялся и, не дожидаясь второго выстрѣла, пришпорилъ лошадь, которая въ три скачка вынесла его впередъ.

— Bravo! bravo!—крикнула въ восторгѣ Изабелла.

Братъ зажалъ ей ротъ:

— Тише, вѣтеръ относитъ голосъ. Сердцемъ—мы съ нимъ, наружно—съ тѣми! Такъ нужно!

— Да,—сказалъ принцъ:—это новое испытаніе!

Брюсларъ достигъ деревни; въ это время тайные друзья его замѣтили, что онъ неожиданно привсталъ на стременахъ и такъ дернулъ за поводъ лошадь, что она едва удержалась на своихъ крѣпкихъ ногахъ. Наѣздникъ явно колебался. Прэнгей съ лорнетомъ въ рукѣ осматривалъ окружающую мѣстность.

— Боже мой!—простоналъ онъ:—люди передъ нимъ... снизу... Еще жандармы. Онъ окруженъ ими.

Страхъ и тоска овладѣли зрителями, не имѣвшими возможности помочь преслѣдуемому. Всѣмъ сердцемъ, всѣми помыслами они стремились къ храбрецу, окруженному врагами. Онъ измѣнилъ уже направленіе, такъ какъ первый отрядъ достигалъ его. Рѣшительнымъ движеніемъ онъ направилъ коня вправо, къ сторонней стѣнѣ, которою были окружены замковыя постройки. Снаружи она была вышиной въ полтора метра не болѣе, такъ какъ въ теченіе вѣковъ ее заносило землей и пескомъ, но внутри сохраняла свою первоначальную вышину, приблизительно около четырехъ метровъ. Всѣ вздрогнули, увидѣвъ Брюслара, направившаго свой путь въ эту сторону; онъ, конечно, не могъ предвидѣть послѣдствій скачка, если бы онъ рѣшился на него, и, конечно, онъ разбился бы вмѣстѣ съ лошадью, тѣмъ болѣе, что дворъ за стѣной былъ вымощенъ. Ничего не подозревая, онъ мчался впередъ, полный мужества и рѣшимости. Достигнувъ препятствія, онъ подбодрилъ свою ло-

шадь жестами, колѣнами, голосомъ; животное сдѣлало громадный прыжокъ и перескочило стѣну; присутствовавшіе въ безмолвномъ ужасѣ увидѣли, какъ она, скользя на ногахъ, вскочила на мостовую, оставивъ блестящій слѣдъ отъ копытъ. Брюсларъ, откинувшись назадъ, крѣпко держался въ сѣдлѣ. Онъ не растерялся, окинулъ взглядомъ мѣстность и продолжалъ свой путь, какъ будто все происшедшее было дѣтской забавой.

— Каково?—горделиво спросилъ принцъ, обернувшись къ присутствовавшимъ, когда Брюсларъ съ головокружительной быстротой скрылся въ чащѣ деревьевъ. Къ удивленію своему, принцъ увидѣлъ, что Иммармонъ и Прэнгей исчезли...

— Они откроютъ ему... ворота... по дорогѣ къ лѣсу...—сообщила она ему. Она задыхалась, едва выговаривая слова, прекрасная въ своемъ возбужденіи. Заламывая сжатые руки, она воскликнула:—Какое несчастіе быть женщиной!

— Съ такими женщинами, какъ вы, можно выиграть всякое дѣло—отвѣтилъ принцъ, любуясь ею.

Она улыбнулась ему, бросивъ на него чарующій взглядъ своихъ дивныхъ очей.

Тѣмъ временемъ передъ стѣной, черезъ которую только что перескочилъ Брюсларъ, остановились въ смущеніи жандармы; одинъ изъ нихъ слѣзъ съ коня, навалилъ груду камней къ стѣнѣ, влѣзъ на нее и сталъ разсматривать паркъ. Увидя, какая глубина была за стѣной, онъ сдѣлалъ гримасу и, повернувшись къ товарищамъ, громко объявилъ:

— Этотъ человекъ—дьяволь... тамъ пять метровъ глубины,—и тѣмъ не менѣе онъ бросился туда.

Офицеръ пробормоталъ проклятіе. Въ это время прискакалъ второй взводъ, подъ командой вахмистра. Послѣ жестокаго спора и долгаго совѣщанія, оба отряда соединились и направились галопомъ къ главному подъѣзду замка. Онъ былъ запертъ. Массивная дверь загоразживала входъ на мостъ подъ сводами. Слѣшившись, жандармы начали стучать саблями въ ворота. Офицеръ потребовалъ:

— Именемъ закона! именемъ императора!

Медленно отворились тяжелыя двери. Въ это же время въ залѣ замка м-мъ д'Иммармонъ, стоя у окна, обращеннаго на западъ, позвала тихонько:

— Ваше величество!.. Изабелла... идите сюда... смотрите.

Вдали, оставивъ за собой замокъ, съ страшной быстротой мчался всадникъ по направленію къ лѣсу и перекрестку, гдѣ легко было скрыться. Это былъ Брюсларъ. Во дворъ въ это время вошли съ шумомъ жандармы; на подъѣздѣ стояли съ удивленными и надменными лицами хозяинъ замка, виконтъ д'Иммармонъ и его кузень, графъ де-Прэнгей.

— Чему мы обязаны этой честью, господа?—спросилъ офицера Иммармонъ.

— Сударь, сюда только что проникъ измѣнникъ. Гдѣ онъ?

— Мы никого не видѣли. Гдѣ вошелъ? Я не понимаю, о чемъ вы говорите. Я вижу здѣсь только васъ и вашихъ людей и очень удивленъ вашимъ присутствіемъ.

Офицеръ въ бѣшенствѣ, понимая, что онъ теряетъ время и слѣдъ, забылъ о приличіи.

— Прежде всего отвѣчайте, кто вы. Я имѣю право васъ допросить... Какой-нибудь эмигрантъ, вѣроятно?

Прэнгей оборвалъ его:

— Берегитесь, сударь! вы заходите слишкомъ далеко.

— Кто вы такой? гдѣ я? отвѣчайте,—повторилъ жандармъ.

— Вы въ замкѣ Пали, у меня, виконта Жака д'Иммармона, а это мой кузень, графъ Прэнгей д'Отрезмъ. Этого достаточно?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, къ нашимъ титуламъ я прибавлю нашъ чинъ: Иммармонъ и Прэнгей д'Отрезмъ, лейтенанты въ дворянскомъ полку де-ля-Туръ д'Овернья. А теперь, сударь, прошу васъ удалитесь отсюда!

На этотъ разъ изумленный жандармъ, очутившись передъ старшимъ въ чинѣ, перемѣнилъ тонъ:

— Слушаю... я обязанъ вамъ повиноваться, и такъ какъ вы служите императору, я долженъ открыть вамъ цѣль моего пріѣзда: мы преслѣдуемъ роялиста Брюслара... его голова оцѣнена на вѣсь золота.. онъ проникъ къ вамъ... Вы его не видѣли... Но мы знаемъ... Всѣ граждане должны содѣйствовать поимкѣ этого разбойника. Разрѣшите обыскать паркъ и посмотрѣть въ лѣсу.

— Ищите,—согласился Иммармонъ:—но имѣйте въ виду, что въ паркѣ много выходовъ. Брюсларъ, если это онъ, какъ вы утверждаете, долженъ быть далеко отсюда.

— Это мы увидимъ,—отвѣтилъ офицеръ голосомъ, ставшимъ опять грубымъ и рѣзкимъ. Не менѣе часа онъ обыскивалъ паркъ и стрѣлялъ въ лѣсу, не найдя ничего, и, увидѣвъ пять или шесть воротъ, черезъ которыя могъ скрыться бѣглець, собралъ свой отрядъ и, не простившись, покинулъ замокъ.

По дорогѣ онъ ворчалъ: «Императоръ скверно сдѣлалъ, наградивъ чиномъ этихъ гусей! Это все одна и та же компанія негодяевъ». Съ своей стороны, оба кузена, возвращаясь въ залъ, обмѣнивались впечатлѣніями.

— А вѣдь это огромная удача, другъ мой, что какъ разъ сегодня Наполеонъ пожаловалъ намъ чинъ; я не могу себѣ представить, какъ бы иначе мы избавились отъ этой бѣшеной собаки. Представляете ли, каковъ могъ быть результатъ этого домашняго обыска... Подозрѣваемый Гранли, допрашиваемый и, быть можетъ, арестованный даже... Этотъ дуракъ не былъ бы такъ стоворчивъ, какъ Фушэ... и тогда...

— Ты долженъ быть благодарнымъ Мартинвару, предупредившему насъ; безъ этого мы не имѣли бы сегодня такой прекрасной защиты.

— Совершенно вѣрно,—смѣясь подтвердилъ Иммармонъ. Графъ опустилъ голову и тяжело вздохнулъ.

— Что съ тобой?—спросилъ его съ удивленіемъ кузень.

— Я думаю о томъ, мой другъ, что мы на службѣ императора всего четыре часа, и успѣли уже измѣнить ему... потому что нечего и говорить...

— Что дѣлать,—сказалъ уклончиво д'Иммармонъ, лицо котораго тоже омрачилось:—надо подчиниться обстоятельствамъ!

Они вошли въ залъ; въ углу, сидя между двумя женщинами, принцъ что-то оживленно рассказывалъ. Когда вошли молодые люди, онъ повернулся къ нимъ и быстро произнесъ:

— Мы видѣли... онъ спасенъ, не правда ли?.. Какъ я радъ?.. Узналъ ли онъ васъ? Какъ онъ удивился, вѣроятно?

— Не думаю, чтобы онъ узналъ насъ,—отвѣтилъ виконтъ Жакъ.—Онъ не имѣлъ времени. Когда мы добѣжали до него, онъ, сойдя съ коня, стоялъ передъ воротами, прилагая огромныя усилія, чтобы ихъ отворить, и топая ногами отъ досады передъ препятствіемъ. Я прошелъ впередъ и отперъ ворота ключомъ. Онъ вскочилъ въ сѣдло, не глядя на насъ, и крикнулъ: «Спасибо, честные люди!.. Будьте спокойны, никто никогда не узнаетъ»... Остальныя слова унесъ вѣтеръ. Онъ былъ уже далеко.

— Да хранить его Богъ!—съ внезапнымъ умиленіемъ сказалъ, поднявъ глаза кверху, принцъ.

Они еще обсуждали все происшедшее, когда случилось новое происшествіе, привлекшее ихъ вниманіе. На этотъ разъ на долинуъ показался маленькій экипажъ съ ливрейнымъ кучеромъ, запряженный сѣрымъ пони. Сидя въ легонькой колясочкѣ, дама въ токъ съ султаномъ на головѣ, перегнувшись впередъ, указывала рукой направленіе и безпрестанно покрикивала на бѣшено мчавшуюся лошадь. Она скакала сбивчивымъ галопомъ, таща маленькій экипажъ, который трясся изъ стороны въ сторону между кочками и рытвинами.

— Діана,—крикнулъ виконтъ Жакъ съ внезапнымъ волненіемъ. Обращаясь къ принцу, онъ тотчасъ объяснилъ:—Маркиза Діана д'Эгюль, ярая роялистка, вдова убѣжденнаго партизана... наша родственница, изъ семьи бароновъ де-Ляршанъ, погибшихъ на эшафотѣ.

Принцъ задумался.

— Какъ будто она ѣдетъ сюда,—прошептала Изабелла.

— Это невозможно,—возразила съ живостью виконтесса:—она ненавидитъ насъ и отреклась отъ насъ съ тѣхъ поръ, какъ считаетъ насъ перешедшими на сторону имперіи...

— Какая несправедливость! какая насмѣшка!—вздохнулъ принцъ.—Видите, мои дорогіе друзья, какъ дорого вамъ стоитъ преданность мнѣ.

— Ваше величество! если она въ самомъ дѣлѣ ѣдетъ въ замокъ,—заговорилъ Прэнгей, наблюдая за приближавшимся экипажемъ:—то будьте осторожны. Это экзальтированная, безумная женщина, неспособная сохранить тайну. Не открывайтесь ей; она упадетъ къ вашимъ ногамъ, потомъ поскачетъ домой,—вы видите эти остроконечныя крыши за деревьями,—заставитъ бить въ набатъ, соберетъ крестьянъ, раздастъ имъ оружіе и двинетъ ихъ ко дворцу въ Компъенѣ, съ криками: «да здравствуетъ король!»

— Развѣ она имѣетъ такое вліяніе?—спросилъ удивленный и заинтересованный принцъ.

— Да, благодаря своей красотѣ, энергіи, краснорѣчію. Это женщина прежнихъ временъ, время лиги или фронды, героиня... хотя героиня нелѣпая, созданная для того, чтобы губить лучшія намѣренія и храбрѣйшихъ людей... Она дѣйствуетъ только подъ впечатлѣніемъ, по своему капризу. Несмотря на свои тридцать лѣтъ, она не нажила ума.

Иммармонъ опустилъ голову, слушая своего кузена. Видно было, что этотъ суровый приговоръ заставлялъ его страданіе. Нѣкоторые утверждали, что недавно еще молодая вдова была не совсѣмъ равнодушна къ двадцатитрехлѣтнему виконту. Изабелла, нахмуривъ брови, думала о чемъ-то... Виконтесса съ озабоченнымъ видомъ проговорила глухимъ голосомъ:

— Она ѣдетъ для того, чтобы упрекать насъ въ измѣнѣ. Ваше величество, да будетъ вамъ извѣстно заранее, что она сочтетъ васъ принадлежащимъ къ партіи измѣнниковъ; ваше присутствіе здѣсь будетъ вашимъ приговоромъ... Ваше терпѣніе—доказательствомъ вашей вины... но повторяю еще разъ, что, если вы довѣритесь ей, вы потеряете насъ

— Это вѣрно!—тихо произнесъ Иммармонъ.

Очередь дошла до Изабеллы; не выбирая выраженій, она грубо заявила:

— Я предпочла бы видѣть ее въ числѣ враговъ. Увѣривъ ее, что она хороша, съ нее можно снять рубашку и заставить выболтать все, что она знаетъ. Отъ своихъ любовниковъ у нея нѣтъ секретовъ... она обнажаетъ и тѣло и душу!

Кругомъ раздались негодующіе возгласы.

— Изабелла!—вскричала сконфуженная м-мъ д'Иммармонъ.

— Сестра!—сказалъ тономъ упрека поблѣднѣвшій Жакъ.

Прэнгей казался смущеннымъ. Принцъ слегка удивился; не смотря на то, что итальянская принцесса пріучила его къ свободнымъ выраженіямъ, подобная рѣзкость въ устахъ прелестной дѣвушки казалась ему очень странной. Эта восемнадцатилѣтняя красавица, видимо, не отличалась наивностью.

Въ это время маркиза д'Этиоль подѣхала къ замку, вышла изъ экипажа и, поднявъ высоко свое платье, быстро поднялась по лѣстницѣ. Въ залъ она вошла съ трагическимъ видомъ. Вѣтеръ растрепалъ ея волосы, которые длинными прядями падали ей на глаза, но она не обращала на это вниманія, до того она была взволнована и возбуждена. Не поздоровавшись, еще на порогѣ она крикнула дрожащимъ голосомъ:

— Гдѣ онъ?

Она ожидала отвѣта, но всѣ молчали, глядя на нее съ нескрываемымъ удивленіемъ. Она вышла изъ себя и громко крикнула:

— Гдѣ же Брюсларъ?

Тогда Изабелла д'Иммармонъ подошла къ ней и церемонно поклонилась, говоря:

— Здравствуйте, маркиза, какъ вы изволите поживать? Чему мы обязаны вашимъ любезнымъ посѣщеніемъ?

Діана поблѣднѣла отъ насмѣшливаго тона молодой дѣвушки и, отвернувшись, продолжала:

— Послушайте, онъ былъ у васъ... это мнѣ извѣстно. мнѣ сказали объ этомъ... жандармы подтвердили... Онъ былъ у меня... Можетъ быть, онъ уже схваченъ?.. Отвѣчайте же, вѣдь я страдаю отъ неизвѣстности, вы видите это!.,

— Вы очень его любите?—спросилъ вмѣсто отвѣта Жакъ, лицо котораго сдѣлалось печально и мрачно.

— Да!—горячо она воскликнула:—я люблю его! Люблю, какъ героя, какъ воплощеніе чести и мужества.

— Будьте спокойны и счастливы,—сказалъ съ горечью молодой человѣкъ.—Онъ уже далеко.

Она перемѣнила тонъ:

— Благодарю, благодарю васъ, Жакъ,—и добавила:—несмотря на все!—и послѣ мгновеннаго раздумья:—все-таки вы лучше всѣхъ, несмотря на ваши преступленія...

— Діана, развѣ вы приходите въ домъ для того, чтобы оскорблять присутствующихъ?..

— Впрочемъ, не о чемъ говорить!—сказала презрительно Изабелла:—то, что падаетъ, бьется, и склеивать это уже не стоитъ.

— Очень умно сказано, —возразила м-мъ д'Этиоль: —но въ этомъ мало сердца.

Разговоръ принималъ дурной оборотъ. Маркиза съ удовольствіемъ принимала вызовъ. Она разглядывала внимательно cadaго изъ присутствовавшихъ и затѣмъ обратилась ко всѣмъ:

— Значитъ, это правда?..Я не хотѣла вѣрить... Брюсларъ разказалъ мнѣ все... сегодня утромъ въ гостиницѣ... вы, сыновья благороднѣйшихъ людей... измѣнили... продались... кому? Вы превозносили Бонапарта, вы кричали: да здравствуетъ императоръ!

Она повернулась къ принцу:

— Конечно, и вы были тамъ, господинъ. Не знаю кто! Ваше присутствіе здѣсь говорить уже за то, что вы измѣнникъ.

— Кавалеръ де-Гранли,—представилъ принца Иммармонъ, рассчитывая предотвратить бурю.

— Привѣтствую васъ, сударь,—теперь все понятно... Гранли?.. Я не слыхала такого имени. Во Франціи не было дворянъ Гранли. Это подложное имя, изъ комедіи, изъ драмы, имя, которое напоминаетъ благородство, но на самомъ дѣлѣ скрываетъ какого-нибудь шпіона, эмиссара узурпатора, подосланнаго покупать честь и совѣсть. И онъ принять даже у д'Иммармоновъ и де-Прэнгей! Какія времена! Счастливы умершіе! Измѣнники, отступники, кровь отцовъ вашихъ на головахъ вашихъ!

Во время этой горячей рѣчи принцъ не двигался; съ раскрытыми широко глазами, съ опущенными руками, онъ казался зачарованнымъ этой волшебницей. Это очарованіе объяснялось просто: маркиза Діана каждой чертой своего лица походила на принцессу Полину. Та же страстность, рѣшительныя движенія, полныя изящества и красоты; звукъ голоса, прелесть лица, походка—все напоминало принцессу, разница была лишь въ нѣсколькихъ годахъ возраста. Она оскорбляла его, онъ восхищался, она презирала его, онъ вдвойнѣ уважалъ ее; она готова была дать ему пощечину—онъ склонялъ голову.

Она замѣтила впечатлѣніе, произведенное ея словами, и продолжала съ удвоенной горячностью:

— Вы смущены... Вы молчите... васъ не трогаютъ мои слова... вѣдь это ваше ремесло, такое выгодное въ эти тяжелыя, смутныя времена, когда преступленіе и сила торжествуютъ, а право молчить... Я васъ покидаю и предоставляю другъ другу... Если желаете и можете—мстите мнѣ! Я иду къ тѣмъ, у кого въ жилахъ такая же кровь и въ сердцѣ тѣ же чувства, что и у меня!.. Иммармонъ и Прэнгей! мнѣ сказали, что вы поступили въ ряды императорской арміи... Великолѣпно! Это достойная служба для послѣднихъ представителей славнаго рода. Дай Богъ, чтобы вы были убиты въ первомъ же сраженіи и чтобы Франція была избавлена отъ вашихъ потомковъ! Какія могутъ быть дѣти отъ такихъ отцовъ? До свиданія, кузины и кузены!.. Если вернутся прежнія времена, мы повеселимся вокругъ Компьенскаго замка, я обѣщаю вамъ это; всѣ потанцуютъ, а я заплачу за музыку.

— А въ ожиданіи этого бала вы продолжайте скандалы,—съ раздраженіемъ крикнула ей Изабелла, ясно видѣвшая, что принцъ не могъ скрыть своего восхищенія передъ молодой женщиной. Маркиза, которая уже уходила, повернулась къ дѣвушкамъ съ угрожающимъ видомъ:

— Ты заслуживаешь розогъ, дѣвчонка!

И раньше, чѣмъ молодая дѣвушка успѣла ей что-либо отвѣтить,

она вышла, поднявъ юбку, съ высоко поднятой головой, хлопнувъ дверью. Виконтесса, ея сынъ, племянникъ въ изумленіи глядѣли другъ на друга; въ сторонѣ отъ нихъ Изабелла металась, какъ разъяренная львица. Принцъ былъ внѣ себя. Спотыкаясь, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, протянулъ руки къ креслу и упалъ въ него; закрывъ лицо руками, онъ бормоталъ:

— Она восхитительна! восхитительна!.. Она похожа на... Я не въ состояніи перенести, чтобы меня презирала, ненавидѣла такая женщина, какъ она!

Въ этой фразѣ сказался его прадѣдъ Людовикъ XV. Единственно серьезнымъ и важнымъ въ его жизни были женщины, которыми онъ безпрестанно увлекался.

III.

Въ началѣ августа въ парижскихъ газетахъ появилось извѣстіе о пріѣздѣ ея высочества принцессы Полины Боргезе, герцогини Кастанльской. Она остановилась со свитой у своей сестры Каролины въ Елисейскомъ дворцѣ. Принцъ, ея августѣйшій супругъ, не сопровождалъ ее, и Гранли, обезумѣвъ отъ радости, чувствовалъ, что его надежды сбываются. Всѣ хлопоты о потерянномъ тронѣ, всѣ мечты о происхожденіи и о величіи, которыя тщательно надо было скрывать, все отошло теперь на второй планъ. Теперь это былъ обыкновенный молодой человекъ, безумно влюбленный въ молодую, красивую женщину и совершавшій тысячи безразсудствъ. Въ первый же вечеръ онъ рѣшилъ предстать передъ своимъ божествомъ на пріемѣ когда она была тѣсно окружена толпой придворныхъ, поспѣшилъ привѣтствовать ее и стать въ ряды ея поклонниковъ. Она была поражена и въ одно и то же время и сердилась и была довольна, восхищаясь его рѣшительностью и страшаясь за послѣдствія. Присутствовавшимъ она дала понять, что знала его въ Италіи и что онъ былъ въ свитѣ принца Камилла. Никто не обратилъ на это большого вниманія; эта публика не задумывалась долго надъ происходившими событіями. Онъ сталъ смѣлѣе и въ то время, когда она проходила мимо его, окруженная толпою, онъ очень ловко всунулъ ей въ руку маленькую записочку. Она не растерялась и не разсердилась, хотя своимъ поступкомъ онъ легко могъ погубить и ее и себя или, по крайней мѣрѣ, дать обильную пищу злымъ языкамъ. Она спрятала записку, рѣшивъ наказать своего слишкомъ рѣшительнаго поклонника. Оставшись наединѣ, она прочла письмо. Онъ умолялъ ее не отказать ему въ свиданіи и просилъ дать отвѣтъ по вѣрному адресу, къ часовщику Борану, въ предмѣстьѣ Сентъ-Онорэ, на углу переулка Мо-Вестю. Первымъ ея побужденіемъ было не отвѣчать ему, чтобы наказать его нетерпѣливость; на утро, проснувшись, она

потребовала перо и бумаги и написала отвѣтъ, поручивъ отнести его итальянкѣ изъ ея свиты, которой она вполне довѣряла.

Эта женщина, отличавшаяся скромной наружностью, отправилась въ предмѣстье и, совсѣмъ не зная его, стала читать вывѣски, считать дома и замѣчать нумера. Никто не обращалъ на нее вниманія. Передъ лавочкой часовщика она остановилась на мгновение, потомъ смѣло открыла дверь и вошла. Ее встрѣтила Ренэ. Окинувъ быстрымъ взглядомъ комнату, итальянка вынула изъ-за корсажа письмо и подала со словами:

— Для кавалера де-Гранли, синьора.

— Я знаю,—отвѣтила, тяжело вздохнувъ, молодая дѣвушка:— онъ сейчасъ придетъ.

Итальянка, довольная выполненнымъ порученіемъ, удалилась. Ренэ знала многое, но далеко не все. Принцъ, много разъ въ продолженіе послѣднихъ шести недѣль посѣщавшій лавочку, гдѣ на его имя получались письма, не могъ долго скрывать свою любовь, свой романъ; но чтобы не встревожить слишкомъ своихъ вѣрныхъ друзей, онъ скрылъ отъ нихъ имя своей возлюбленной. Часовщикъ съ дочерью подозрѣвали, что это была очень знатная дама. Было очень естественно, что счастливый любовникъ скрывалъ имя женщины. Бѣдная Ренэ почувствовала, къ своему удивленію и негодованію, что при извѣстїи о романѣ принца сердце ея мучительно сжалось. Ея здравый смыслъ, вопреки чувству, подсказывалъ ей, что она, скромная дѣвушка, послѣдняя изъ преданныхъ ему слугъ, не имѣла никакого права на принца. Самая мысль о любви къ нему казалась ей чудовищнымъ преступленіемъ, святотатствомъ. Она поклялась отогнать отъ себя эти нечестивыя мысли, удалиться отсюда, обуздать свое большое воображеніе. Но, къ сожалѣнію, нельзя наложить запретъ на мысли и чувства...

И часто и долго молодая дѣвушка думала о любимомъ человѣкѣ. Она плакала, страдала, блѣднѣла и худѣла...

Отецъ ея объяснялъ эту перемѣну той заботой и страхомъ за принца, которые они всѣ испытывали со времени его прїѣзда въ Парижъ, гдѣ на каждомъ шагу онъ подвергался опасностямъ и не имѣлъ ниоткуда поддержки и помощи.

Въ день полученія письма Боранъ, Блеро и толстая Жанна, какъ и Ренэ, не переставали вздыхать и со страхомъ спрашивали другъ друга, что задумалъ ихъ юный король.

Черезъ полчаса онъ былъ у нихъ, крича еще на порогѣ:

— Ну, что, есть письмо?

Ренэ молча подала надушенное письмо, запечатанное золотистаго воска печатью, съ изображеніемъ пчелы. Гранли сорвалъ однимъ движеніемъ печать, прочелъ письмо; лицо его прояснилось... безконечное счастье, гордость сіяли въ его глазахъ. Онъ

спряталъ письмо на груди и, не будучи въ состояніи сидѣть на мѣстѣ отъ волненія, заявилъ своимъ друзьямъ:

— Дѣти мои, сообщаю вамъ новость. Я офицеръ императора. Живу я теперь въ предмѣстѣи Сень-Жермень, на углу улицъ Бакъ и Вавилонской, въ маленькомъ, очень хорошо меблированномъ домикѣ, въ которомъ имѣются два выхода. Если я долго не приду къ вамъ, а въ это время будутъ письма или желающіе меня видѣть люди, то дайте мнѣ знать... Ты можешь это сдѣлать, Ренэ! Если тебя увидятъ у меня, то подумаютъ, что ты просто влюбленная дѣвушка, никто не приметъ тебя за политическаго агента, вѣдь правда.

Онъ громко засмѣялся отъ этой мысли; но ей было не до смѣху! Тѣмъ не менѣе она молча согласилась на его предложеніе, которое обнаруживало столько довѣрія къ ней. Простившись съ друзьями, принцъ вышелъ, напѣвая; радость и счастье переполняли его сердце. Едва онъ вышелъ отъ часовщика, какъ туда вошелъ съ шумомъ, громко хлопнувъ дверью, новый посѣтитель.

— Здравствуйте!—сказалъ онъ глухимъ голосомъ:—узнаете меня?

Часовщикъ поблѣднѣлъ и едва скрылъ выраженіе неудовольствія.

— Вы, повидимому, не особенно довольны моимъ посѣщеніемъ? Я догадываюсь почему,—продолжалъ онъ насмѣшливымъ голосомъ.—Вы что-то скрываете, Боранъ?

— Я ничего не скрываю, кавалеръ де-Брюсларъ,—возразилъ тихимъ голосомъ часовщикъ:—а вы все тотъ же, то есть такъ же отважны, какъ и прежде. Вы не даете себѣ труда даже предупредить меня условнымъ знакомъ. Вы врываетесь, какъ порывъ вѣтра...

— Довольно!—сказалъ Брюсларъ:—у каждаго своя судьба; что назначено, того не миновать... есть у васъ письма?

— Нѣтъ.

— Ну, успокойтесь, я ухожу!

Часовщикъ облегченно вздохнулъ.

— Вы, повидимому, очень довольны, что я ухожу... вы освобождаетесь отъ хлопотъ... вы находите, что я опасенъ, и это васъ тревожить... Да, вы старѣетесь... Вы требуете уже покоя. Но мнѣ кажется, что вы имѣете теперь плохое знакомство... Этого подлипалу, который только что вышелъ отъ васъ, я знаю; я видѣлъ его въ Комьенѣ и слышалъ, какъ онъ кричалъ: «да здравствуетъ императоръ»... и онъ считаетъ себя благороднымъ... онъ называется Гранли... скорѣе свинья!.. Это, конечно, шпионъ... если я столкнусь когда-нибудь съ нимъ, пусть онъ побережетъ свою шкуру!..

При послѣднихъ словахъ кругомъ послышались возгласы негодованія, страха. Не давая времени возразить ему, Брюсларъ

вышелъ, съ трескомъ хлопая дверями и предварительно окинувъ всѣхъ присутствующихъ взглядомъ глубочайшаго презрѣнія. Выйдя на улицу, онъ кричалъ, не обращая вниманія на проходящихъ: «они всѣ заодно! всѣ заодно!» Большими шагами онъ шелъ по предмѣстью, и вдругъ остановился, сдѣлавъ гримасу, выражавшую въ одно и то же время и негодованіе и удовольствіе. Въ двадцати шагахъ отъ него передъ магазиномъ модъ стоялъ Гранли, лорнируя двухъ хорошенькихъ мастерицъ. Брюсларъ спрятался въ углубленіе подъѣзда и наблюдалъ, разсуждая самъ съ собой: «Теперь ты въ моихъ рукахъ, и я не выпущу тебя... это предопредѣленіе: Богъ послалъ мнѣ тебя, и я принимаю этотъ подарокъ!» Онъ ждалъ. Спокойной, небрежной походкой Гранли пошелъ дальше. Въ тѣ времена предмѣстье Сентъ-Онорэ было изрѣзано узкими кривыми улицами, загроможденными повозками, одноколками, телѣжками. Въ этотъ часъ, передъ полуднемъ, тамъ кишѣла толпа, озабоченная дѣлами или завятая хозяйственными закупками у странствующихъ торговцевъ, возлѣ которыхъ она скапливалась, затрудняя проходъ и препятствуя проѣзду. Въ этой массѣ людей и товаровъ Брюсларъ слѣдовалъ за Гранли, не теряя его изъ виду. Его забавляла эта игра, напоминавшая ему борьбу роялистовъ въ Нормандіи въ доброе старое время, когда еще былъ живъ Фротте.

Двѣ скромныя работницы изъ мастерской оглянулись почти одновременно; одна, чтобы полюбоваться бѣлокурымъ аристократомъ, такимъ юнымъ и красивымъ съ ослѣпительно-бѣлыми зубами; другая, чтобы поглядѣть на этого огромнаго чернаго человѣка, напоминавшаго дикое животное, вырвавшееся изъ клѣтки, угрюмое и великолѣпное.

Такимъ образомъ, слѣдуя одинъ за другимъ, оба они достигли Пале-Рояля. Несмотря на развалины, оставшіяся послѣ революціи, это мѣсто было центромъ Парижа. Оно очень измѣнилось съ того времени, когда въ этихъ стѣнахъ заключалось королевское величіе, блескъ и пышность принцевъ Орлеанскаго дома; превращенное теперь во дворецъ Равенства, укороченное съ одной стороны, удлиненное съ другой, оно сильно измѣнило свой внѣшній видъ.

Въ это время появилось третье лицо—Рантины. Присоединившись къ нимъ, онъ опустошилъ запасъ цвѣтовъ у молодой продавщицы, возлѣ которой остановился Гранли; онъ все время дурачился, смѣялся и, несмотря на протесты Гранли, поддразнивалъ его:

— А, кавалеръ де-Гранли, вотъ я васъ и поймалъ. Вы такъ же, какъ и я, любите красоту, въ какомъ бы видѣ она ни встрѣчалась; вы правы, чортъ возьми... А ты, шалунья, гдѣ ты заглянула свои глаза?

— Въ аду... всѣхъ могу спалить ими!..

— Ахъ ты, плутовка!

И, бросивъ ей экию, молодые люди пошли дальше.

Брюсларъ не преслѣдовалъ ихъ и смѣшался съ толпой. «Безполезно слѣдить за ними теперь... здѣсь я не могу ничего сдѣлать... но время еще есть впереди... они не уйдутъ изъ моихъ рукъ». Утѣшая себя будущимъ отмщеніемъ, Брюсларъ въ настоящее время рѣшилъ не терять напрасно времени. Передъ кафе де-Шартръ передъ столикомъ, уставленнымъ разноцвѣтными графинчиками, сидѣли на желѣзныхъ стульяхъ молодые люди. Въ числѣ ихъ былъ графъ де-Тейксъ, въ траурѣ, какъ всегда, графъ де-Новаръ, маркизъ де-Невантеръ, Мартинзаръ, ле-Микеле де-Маршъ, кавалеръ д'Орсимонъ.

— Господа, я только что изъ министерства; все улажено!

При этой фразѣ всѣ оживились. Между офицерами было условлено, что одинъ изъ нихъ, по очереди, каждое утро долженъ отправляться въ военное бюро, чтобы наводить справки и сообщать все, что узнаетъ, своимъ будущимъ товарищамъ. Рантиньи, отправившійся этимъ утромъ въ министерство, принесъ хорошія вѣсти: «разрѣшено съ сегодняшняго дня носить форму, которая уже утверждена»: бѣлый камзолъ съ красными отворотами; треуголка съ золотымъ шнуромъ и императорской кокардой и шпага. Шпага! это ихъ восхищало.

— Недурно!—воскликнулъ Орсимонъ, очень довольный.

— Скажите лучше: великолѣпно!—поправилъ Мартинзаръ:—мы будемъ просто неотразимы!

Всѣ засмѣялись, тѣмъ болѣе искренне, что всѣ представляли уже себя въ формѣ, которая должна была очень нравиться дамамъ. Только Эдмондъ де-Тейксъ былъ по обыкновенію далекъ отъ этой суеты и былъ погруженъ въ свои нескончаемыя думы. Онъ скоро всталъ и простился со всѣми. Гранли тотчасъ послѣдовалъ его примѣру и пошелъ съ графомъ де-Тейксомъ по улицѣ Сентъ-Онорэ.

— Онъ продолжаетъ странно держать себя, нашъ де-Гранли, этотъ красивый мальчикъ съ дѣвичьимъ лицомъ продолжаетъ быть живой загадкой,—сказалъ Микеле де-Маршъ.

— Онъ носится гдѣ-то въ облакахъ и когда онъ отвѣчаетъ на вопросъ, то кажется, что онъ приказываетъ. Откуда онъ? Кто знаетъ его семью?

— Наконецъ, если онъ происходитъ даже отъ Юпитера, то это не даетъ повода ему такъ жеманиться...

Общество развеселилось; было очевидно, что въ отсутствіе де-Гранли, этого таинственнаго и гордаго незнакомца, де-Прэнгея и д'Иммармона, этихъ важныхъ господъ, графа Тейкса, олицетворявшаго ходячую печаль, шесть молодыхъ офицеровъ, рѣшили съ беззаботностью, свойственною ихъ возрасту, поговорить и повеселиться на свободѣ. На минуту бесѣда ихъ была прервана появленіемъ двухъ кузеновъ, о которыхъ они только что говорили, д'Иммармона и де-Прэнгея. Они справились тотчасъ о Гранли и были

очень удивлены, узнавъ, что онъ ушелъ и послѣдно двинулись дальше, справившись предварительно, въ какую сторону ушелъ ихъ... товарищъ.

— Ну, что?—сказаль Мартинзаръ, когда они отошли на десять шаговъ:—можно подумать, что это двѣ кормилицы, которыя разыскиваютъ своего сосунка!

Легкій взрывъ смѣха встрѣтилъ это сравненіе.

Гранли шелъ по галереѣ съ графомъ де-Тейксомъ, который за все время не проронилъ ни слова, и ничѣмъ не ободрялъ своего злополучнаго спутника. Изъ таинственныхъ лавочекъ, въ глубинѣ которыхъ черезъ открытыя двери виднѣлись альковы, продавщицы парфюмерныхъ товаровъ, подозрительныя бѣлошвейки, наглыя перчаточницы осыпали вызывающими взглядами двухъ проходившихъ юношей, — но въ сосѣдствѣ своего серьезнаго спутника Гранли шелъ, опустивъ глаза, придумывая предлогъ начать разговоръ. Дойдя до кафе Регенсъ, находившагося въ то время почти напротивъ того мѣста, гдѣ стоитъ нынѣ, благороднѣйшій сынъ Франціи, въ полномъ смущеніи, не услышалъ еще ни слова отъ своего молчаливаго спутника.

Передъ фасадомъ кафе, мимо котораго они проходили, Тейксъ остановился на мгновеніе и, глубоко вздохнувъ, приподнялъ свою шляпу. Гранли послѣдоваль его примѣру. Тогда наконецъ бретонецъ замѣтилъ его присутствіе и проговорилъ:

— Вы кланяетесь изъ вѣжливости, сударь... не зная, что вы имѣете основаніе сдѣлать это... Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, въ проклятые дни революціи здѣсь произошло самое трогательное и потрясающее происшествіе; дѣло касается моей матери и моего отца.

— Графъ де-Тейксъ, позвольте человѣку, мать и отецъ котораго погибли на эшафотѣ, попросить васъ рассказать подробности...

— Какъ? Вашъ отецъ?... и ваша мать... бѣдный юноша!.. какое время! какое время!

— Бѣдный юноша!

Принцъ покраснѣлъ, услышавъ такое обращеніе; но Эдмондъ де-Тейксъ ничего не замѣчалъ; онъ началъ говорить очень тихо, очень скоро, волнуясь, какъ будто онъ говорилъ самъ съ собой:

— Да, однажды, въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда каждое утро телѣги везли осужденныхъ на казнь... однажды... въ этомъ кафе... Вы знаете, что тутъ собирались игроки въ шахматы, начиная съ Вольтера, Руссо, Дидро, включительно до Бонапарта?.. Сюда приходилъ также и Робеспьеръ... Онъ былъ почти всегда одинъ, такъ какъ не находилось желающихъ играть съ нимъ, а тѣ, которые играли, навѣрно проигрывали, несмотря на то, что онъ игралъ очень скверно, проигрывали, такъ какъ онъ внушалъ всѣмъ ужасъ. Однажды вечеромъ, когда онъ сидѣлъ въ ожиданіи партнеровъ, которые, по обыкновенію, не торопились составить ему партію, въ кафе вошелъ

молодой человѣкъ, маленькаго роста, очень красивый, и смѣло уеѣлся за его столикомъ. Не говоря ни слова, онъ двинулъ фигуру на шахматной доскѣ; Робеспьеръ сдѣлалъ то же, игра началась. Молодой человѣкъ выигралъ. Проигравшій попросилъ сыграть вторую партію, которую опять выигралъ молодой человѣкъ. Робеспьеръ отъ злости кусалъ пальцы. Тѣмъ не менѣе онъ призналъ себя побѣжденнымъ и спросилъ: какая была ставка?

— Жизнь человѣка! Я ее выигралъ... отдай ее мнѣ и поскорѣе... Завтра палачъ отниметъ ее...

Говоря это, молодой человѣкъ вытащилъ изъ кармана приготовленную бумагу—приказъ объ освобожденіи изъ Консьержери графа Оливье де-Тейкса. Робеспьеръ подписалъ бумагу, не говоря ни слова, и, отдавая ее, спросилъ:

— Кто ты, гражданинъ?

— Скажи—гражданка! Я—женщина: графиня де-Тейксъ. Я спасла своего мужа. Благодарю тебя. Прощай!..

Эта женщина была моя мать.

— Проходя здѣсь, я привѣтствую ея память... Знаете ли, бывають минуты, когда задыхаешься подъ гнетомъ воспоминаній... Тогда трудно быть одному... Готовъ высказать то, что мучаетъ, каждому первому попавшемуся!..

Вторично оскорбленный, Гранли вышелъ изъ себя; онъ почувствовалъ, что долѣе невозможно было переносить такое оскорбительное обращеніе, что надо было открыть себя. Онъ любилъ блескъ, эффекты... Это было въ его характерѣ... его природной склонностью... Наконецъ, было своевременно спустить на землю этого заносчиваго барина, не выбравшаго своихъ выраженій, и которому онъ прощалъ его недогадливость, неумѣнье сообразить, съ кѣмъ онъ шель и говорилъ. Онъ выпрямился, принялъ величественный видъ, напоминавшій Генриха IV въ Луврѣ, Людовика XIV въ Версалѣ, и произнесъ тономъ, не допускающимъ возраженій:

— Графъ де-Тейксъ! Вы оказали большое довѣріе, рассказавъ мнѣ вашу трогательную исторію, но вы упустили сдѣлать выводъ. Геройское приключеніе вашей матери доказываетъ еще разъ, что было дворянство, которое умѣло преодолевать препятствія; но, къ сожалѣнію, такое дворянство представляетъ собою плачевное меньшинство... Слово «аристократъ» это синонимъ дерзости, лѣности и самообожанія. Они вѣрятъ въ свои сверхчеловѣческія права и привилегіи и презираютъ остальное человѣчество, которое платитъ имъ ненавистью и презрѣніемъ.

— Говорить такимъ образомъ,—возразилъ мрачно де-Тейксъ,—можетъ только тотъ, кто не принадлежитъ къ знатному роду.

Принцъ громко разсмѣялся нѣсколько искусственнымъ смѣхомъ.

— Вы это говорите мнѣ, скромный бретонскій графъ? Знайте же, что вашъ родъ въ продолженіе тысячи лѣтъ служилъ моимъ пред-

камъ, которые были окружены такимъ огромнымъ числомъ знатныхъ людей, что едва замѣчали всѣхъ васъ.

— Вотъ какъ! Кто же вы, сударь?—спросилъ его графъ рѣзкимъ голосомъ, едва подавляя овладѣвшій имъ гнѣвъ.

Въ это время на общественныхъ часахъ пробило полдень; улицы были пустыни, публика толпилась въ кафе, ресторанахъ и трактирахъ. Въ трехъ шагахъ отъ молодыхъ людей, рассматривая драгоценности, выставленные въ витринѣ, остановился какой-то прохожій въ костюмѣ рабочаго. Не замѣчая его, поднявъ высоко голову, съ блестящими глазами, принцъ отвѣтилъ:

— Бретонецъ, я сынъ королей, которымъ служили твои предки. Пойдешь ли ты за мной?

Графъ Эдмондъ де-Тейксъ принцъ де-Круа поблѣднѣлъ, всмотрѣлся внимательно въ говорившаго и медленно снялъ шляпу:

— Ваше величество... это вы... я долженъ былъ догадаться... я знаю вашу исторію. Я понимаю теперь Иммармона и Прэнгея... Я понимаю все. Если бы моя жизнь принадлежала мнѣ, я бы отдалъ ее вамъ... Вы все будете знать... Да, я иду за вами!...

Съ разбѣяннымъ видомъ, заложивъ руки въ карманы, рабочій спокойно пошелъ дальше. По дорогѣ, говоря самъ съ собою, онъ дѣлалъ нѣкоторыя заключенія:

— Нашъ молодой король очень охотно рассказываетъ о своихъ приключеніяхъ; это становится секретомъ полишинеля. Однако теперь мы много знаемъ! Что касается моего гвардейца, графа де-Тейкса, то онъ, вѣроятно, забылъ на фермѣ Аустерлица свой разсудокъ и память... Онъ разыгрываетъ невиннаго... хотя, по словамъ Фушэ, который не глупъ, есть нѣсколько графовъ де-Тейксовъ, и это очень вѣроятно, но пока еще не доказано. Надо слѣдить, Кантекоръ!.. Во всякомъ случаѣ мои хлопоты дали уже хорошіе результаты!

Въ это время графъ Жанъ и виконтъ Жакъ, идя по галереѣ, замѣтили предметъ ихъ заботъ и поспѣшили ему навстрѣчу.

— Господа,—обратился къ нимъ принцъ, не отвѣчая на ихъ поклонъ:—графъ де-Тейксъ знаетъ все. Я его посвятилъ въ наши дѣла.

Оба брата наморщили брови, покраснѣли, одновременно сдѣлали досадливое движеніе, но овладѣли тотчасъ собой и низко поклонились. Иммармонъ, не отвѣчая на это заявленіе, спросилъ съ глубокимъ почтеніемъ:

— Что изволите приказать на сегодня, ваше величество?

— Ничего,—отвѣтилъ принцъ:—сегодня мнѣ не нужны ваши услуги. Сегодня я долженъ быть свободнымъ.

— Но...—рискнулъ Прэнгей.

— Ничего!—отрѣзалъ принцъ.—Я сказалъ уже.

Онъ пошелъ дальше, увлекая за собой графа де-Тейкса, своего новаго любимца. Въ этой неблагодарности, легкости, съ которой

принцъ принималъ, какъ должно, самую горячую преданность, сквозило королевское величіе. Онъ не могъ совсѣмъ забыть о томъ усердіи, съ которымъ кузены старались удалить его изъ замка Пали, отъ опаснаго сосѣдства съ бурной м-мъ Этіоль и пылкой Изабеллой. Онъ не могъ имъ простить ихъ сомнѣній и страховъ за сестру, за будущую жену, а главнымъ образомъ за подозрѣніе въ возможности измѣнить королевѣ изъ королевъ, самой прекрасной изъ женщинъ, превосходящей всѣхъ Изабеллъ, своей несравненной звѣздѣ, Полинѣ Боргезе.

«Только она и больше ничего!» это былъ его девизъ, который онъ приказалъ вырѣзать на золотой съ эмалью печати, которую носилъ всегда съ собою. Позднѣе нѣкоторые изъ его наивныхъ приверженцевъ думали, что эти пять словъ относились къ королю... Увы! Ихъ господинъ думалъ совсѣмъ о другомъ. Удаливъ Иммармона и Прэнгея, онъ обезпечилъ себѣ полную свободу; этого требовало прибытіе Полины въ Парижъ. Несмотря на то, что онъ повѣрилъ тайну своей любви графу и виконту, онъ не желалъ, чтобы они были свидѣтелями его успѣха. Во время своего изгнанія, путешествій по необходимости онъ привыкъ къ независимости и съ трудомъ отвыкалъ отъ нея. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ и соображеній онъ требовалъ, чтобы никто не мѣшалъ ему дѣйствовать по своему разумѣнію. Жанъ и Жакъ не находили себѣ мѣста отъ безпокойства; они знали уже легкомысліе, непослѣдовательность принца; онъ жилъ, окруженный ловушками, подозрѣніями, преслѣдуемый со всѣхъ сторонъ. Терпимость Фушэ казалась имъ скорѣе ловушкой, чѣмъ порукой; наконецъ не только одна императорская полиція была страшна; оставались еще личные агенты императора, шпіоны Савари, Десмареца, Реаля; эмиссары Прованса и Артуа, еще болѣе озлобленные и опасные, чѣмъ императорскіе и не останавливающіеся ни передъ чѣмъ въ преслѣдованіи юнаго короля, лишеннаго трона, этого несчастнаго племянника своихъ вѣроломныхъ дядей. Въ Пале-Роялѣ, гдѣ улицы такъ многлюдны, можно было такъ ловко и незамѣтно дѣйствовать кинжаломъ; ссора, столкновеніе изъ-за пустяка, и въ результатѣ смертельный ударъ; и много всевозможныхъ опасностей на каждомъ шагѣ...

Но повелѣніе государя обязывало ихъ къ безпрекословному повиновенію; огорченные и встревоженные, они слѣдили за нимъ глазами, пока не потеряли изъ виду.

— Кузень,—сказалъ Прэнгей:—я боюсь, что этотъ царственный ребенокъ играетъ своей жизнью такъ же, какъ и нашей, и что въ концѣ концовъ наше дѣло будетъ потеряно.

Наклонивъ низко голову, виконтъ Жакъ отвѣтилъ глухимъ голосомъ:

— Если мы не можемъ быть съ нимъ, чтобы предотвратить возможные удары, то къ чему мы существуемъ?

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бевплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ АВГУСТЪ 1910 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 8-й.

Богословіе.

Терлецкій, В. Секта Іоаннитовъ. Полтава. 1910. Ц. 30 к.	Шавельскій, Г. Последнее возсоединеніе съ православною церковью униатовъ Бѣлорусской епархіи. Спб. 1910. Ц. 3 р.
---	--

Философія, психологія, логика.

Грабовскій, Н. «Долой матеріализмъ!» Критика эмпириокритической критики. Спб. 1910. Ц. 1 р. 40 к.	міропониманіе съ точки зрѣнія теории познания. Спб. 1910. Ц. 1 р.
Палюсъ, Магія и гипнозъ. Кіевъ. 1910. Ц. 1 р. 75 к.	Слиноза, Б. Политическій трактатъ. Варшава. 1910. Ц. 1 р.
Рей, А. Энергетическое и механическое	Эрдманнъ, Б. Научныя гипотезы о душѣ и тѣлѣ. М. 1910. Ц. 1 р.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

Ноганъ, П. Очерки по исторіи древнихъ литературъ. Томъ 1-й. Греческая литература. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.	Нуссбаумъ, И. Критическіе матеріалы по литературѣ Житомиръ. 1910. Ц. 60 к.
--	--

Беллетристика, поэзія и драматическія сочиненія.

Аверченко, О. Веселія устрицы. Юмористическіе рассказы. Спб. 1910. Ц. 1 р. 10 к.	Бергеръ, Р. Десять разсказовъ новѣйшихъ нѣмецкихъ писателей. Рига. 1910. Ц. 75 к.
Александрова, О. Борьба жизни со смертію. Вып. 3-й. Спб. 1910. Ц. 50 к.	Гюи-де-Молассанъ. Полное собраніе сочиненій. Томъ XII. Сказки дня и ночи. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Де-Соссей, В. Ночь любви. Романъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Налий, Спириты и др. юмористическіе рассказы. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Карамзинъ, Н. Повѣсти. Изд. 9-е. А. С. Сурина. Спб. 1910. Ц. 20 к.

Луговой, А. Дѣвичье поле. Повѣсть. Спб. 1910. Ц. 1 р.

п. я. Стихотворенія. Томъ II. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Сенкевичъ, Г. Въ омутѣ жизни. Романъ. Ч. 3-я. М. 1910. Ц. 1 р.

Серао, М. Послѣ прощенія. Романъ. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Сергѣевъ-Ценскій, С. Рассказы. Томъ 2-й. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Соловьевъ, Н. Собраніе драматическихъ сочиненій. Томъ I. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Съверянинъ, И. Колье принцессы. Стихи. Спб. 1910. Ц. 25 к.

Тетмайеръ, К. Собраніе сочиненій. Т. 7-й. Ц. 1 р.

Умовъ, А. Журналисты. Драма въ 3 д. Одесса. 1910. Ц. 50 к.

Филипсъ, Е. Заговорщики. Романъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Франсъ, А. Алетистовый перстень. М. 1910. Ц. 1 р.

Чарская, Л. Евфимія Старицкая. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Исторія, біографія и археологія.

Болдыревъ, В. Взятіе Риги въ 1710 году. Рига. 1910. Ц. 30 к.

Войцеховичъ, М. Древняя исторія русской Карелии и Ингерманландии. Спб. 1910. Ц. 40 к.

Высоцій, И. Очерки по исторіи объединенія Прибалтики съ Россіей. (1710—1910 гг.). Вып. 1-й. Русская Государственность. Рига. 1910. Ц. 30 в.

— Тоже выпускъ 2-й. Ч. I-я. Православіе. Ц. 30 к.

— Выпускъ 2-й. Ч. II. Православіе. Ц. 30 в.

Документы, относящіеся къ послѣднимъ мѣсяцамъ жизни и кончинѣ въ Воевъ почившаго Государя Императора Александра Павловича, оставшіеся послѣ смерти генералъ-вагенмейстера главнаго штаба А. Д. Соломко, состоявшаго при особѣ Государя безотлучно 11 лѣтъ—съ 1814 по 1825 г., и нѣсколько писемъ, относящихся къ похоронамъ въ Воевъ почивающей Императрицы Елизаветы Алексѣевны. Съ 15 рис. и 4 факсимиле писемъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 80 к., на мѣловой бумагѣ, Цѣна 2 р. 50 к.

Жизнь въ Востиліи. Мемуары Константина де-Равиля. Спб. 1910. Ц. 75 к.

Ивановъ, С. Карлъ Петръ Кейль, его жизнь и труды. Могилевъ губ. 1910. Ц. 30 к.

Нордтъ, В. Матеріалы по исторіи русской картографіи, вып. 2. Карты всей Россіи и западныхъ ея областей до конца XVII в. Кіевъ. 1910. Ц. 8 р.

Кулаковскій, Ю. Исторія Византии. Т. 1-й, съ двумя картами, планомъ Константинополя и разрывомъ его стѣнъ. Кіевъ. 1910. Ц. 3 р.

Назаревскій, В. Царствованіе Императора Александра III. 1881—1894. Съ 63 рис. М. 1910. Ц. 50 к.

Павловскій, И. Шведская могила. Историческій очеркъ съ 20 рис. Полтава. 1910. Ц. 25 к.

Пшеничниновъ, П. Русскіе въ Прибалтійскомъ краѣ. Историческій очеркъ. Рига. 1910. Ц. 10 к.

Симоновъ, И. Кавелинъ-учитель. Спб. 1910. Ц. 45 в.

Титовъ А. Реформы Александра II и ихъ судьба. М. 1910. Ц. 40 к.

Тонаревъ, П. Валтійскій вопросъ. Краткій историческій очеркъ. Рига. 1910. Ц. 15 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

Анисимовъ, В. Уставъ о гербовомъ сборѣ. Спб. 1910. Ц. 2 р.

Артуръ. Основные вопросы внѣшней политики Россіи въ связи съ программой нашей военно-морской политики. Томъ I. Одесса 1910. Ц. 1 р. 20 к.

Гинсъ, Г. Какія начала должны быть проведены въ водномъ законѣ для Туркестана? Спб. 1910. Ц. 40 в.

Дмитріевъ-Мамоновъ, А. Южно-Сибирская желѣзная дорога. Необходимость ея сооруженія. Спб. 1910. Ц. 30 к.

Егоровъ, М. Валтійско-Волжско-Азовскій транзитный водный путь, проходящій чрезъ Воложбинско-Кобожскій Соединительный каналъ, имѣющій весьма важное торгово-промышленное и стратегическое значеніе. Спб. 1910. Ц. 2 р.

Зештернъ. Крушеніе европейскихъ державъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Менигсонъ, А. Проступки и преступленія по службѣ и порядку ответственности должностныхъ лицъ. Кішиневъ. 1910. Ц. 3 р. 25 к.

Короленко, В. Вытовое явленіе. (Замѣтки публициста о смертной казни). Спб. 1910. Ц. 15 к.

Саатцианъ, А. Сводъ законовъ о состояніяхъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Терлецкій, В. Краткій историческій обзоръ социалистическихъ ученій. Полтава. 1910. Ц. 25 к.

Шереметовъ, Л. Краткій практическій курсъ по межевымъ законамъ и земельному законодательству. Харьковъ. 1910. Ц. 60 в.

Искусство.

Всероссийскій съѣздъ художниковъ. Спб. 1910. Ц. 20 к. | Ежегодникъ Императорскихъ театровъ, вып. 4-й. 1910. Ц. 1 р.

Естествознаніе и математика.

<p>Адлеръ, А. Теорія геометрическихъ построений. Одесса. 1910. Ц. 2 р. 25 к.</p> <p>Грациановъ, В. Какъ освобождаются животныя изъ-подъ власти среды. Спб. 1910. Ц. 35 к.</p> <p>Найгородовъ, Д. Бесѣды о русскомъ лѣсѣ. Вторая серія. Черномольсье (лиственный лѣсъ). Изд. 8-е. А. С. Суворина.—Спб. 1910. Ц. 1 р.</p> <p>Лебъ, Д. Динамика живого вещества. Одесса. 1910. Ц. 2 р. 50 в.</p> <p>Морской аквариумъ, его устройство и население. Спб. 1910. Ц. 75 к.</p>	<p>Панченко, М. Современное состояніе геофизики. Вып. I. Одесса. 1910. Ц. 1 р. 30 к.</p> <p>Поповъ, В. Химія для самообразования. Часть вторая. Основные законы химіи и химическія формулы. М. 1910. Ц. 35 к.</p> <p>Содди, Ф. Радій и его разгадка. Одесса. 1910. Ц. 1 р. 25 к.</p> <p>Сулова, Г. Теорія потенциала и гидродинамика. Томъ II. Гидродинамика. Кіевъ. 1910. Ц. 1 р. 50 к.</p> <p>Федченко, Б. и Флеровъ, А. Руководство къ собиранію растений для гербарія. М. 1910. Ц. 15 к.</p>
---	--

Географія, этнографія, антропология, путешествія.

Святскій, Д. Крестьянскіе костюмы въ области соприкосновенія Орловской, Кур- | ской и Черниговской губерній. Спб. 1910. Ц. 20 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

<p>Бертранъ, Э. Улей Ладана и какъ его самому изготовить. Спб. 1910. Ц. 40 к.</p> <p>Канарейка, ея исторія, уходъ и разведеніе Спб. 1910. Ц. 50 к.</p> <p>Колесовъ, А. Оцѣнка имѣній. X. 1910. Ц. 50 к.</p> <p>Кондратенко, Г. Теорія новаго пчеловодства. Ч. I. X. 1910. Ц. 1 р. 50 к.</p> <p>Кролики. Ихъ породы, значеніе, разведеніе и уходъ. Спб. 1910. Ц. 60 к.</p> <p>Масловъ, Н. Практическіе совѣты и рецепты варки варевъ и консерва изъ ягодъ и фруктовъ. Спб. 1910. Ц. 15 в.</p>	<p>Нѣмецъ, В. О посадкѣ плодовыхъ деревьевъ. X. 1910. Ц. 2 к.</p> <p>Ошанинъ, М. Скотоводство, вѣрный доходъ отъ молока и откорма на мясо. Ярославль. 1910. Ц. 40 к.</p> <p>Полосухина, А. Бесѣды по плодоводству для народной школы и хуторянъ. Какъ я устроилъ питомникъ плодовыхъ деревьевъ при сельской школѣ. Спб. 1910. Ц. 15 к.</p> <p>Хавеманъ, Ф. Кролиководство. Руководство къ разведенію, кормленію и леченію кроликовъ. Спб. 1910. Ц. 15 к.</p> <p>Шрейнеръ, Я. Главныя вредители плодоводства изъ міра насекомыхъ и борьба съ ними. Спб. 1910. Ц. 45 к.</p>
--	---

Торговля и промышленность. Счетоводство.

Кейль, Карль. О нѣкоторыхъ древнѣйшихъ обработкахъ трактата Луки Пачіоло по бухгалтеріи. Могилевъ губ. 1910. Ц. 2 р.

Технологія, строительное и инженерное искусства. Ремесла.

<p>Водоснабженіе города Сосне. (Фильтро-озонная станція). Спб. 1910. Ц. 40 к.</p> <p>Лангманъ, Ф. Практическая штандартная таблица. Вычисленіе экспортныхъ брусьевъ, плановъ и досокъ. Рига. 1910. Ц. 80 к.</p> <p>Лебедевъ, Н. Руководство для измѣренія судовъ по принятой въ Россіи системѣ Мурсома. Рига. 1910. Ц. 1 р. 50 в.</p>	<p>Монвижъ-Монвидъ, А. Колодцы. Углубленіе старыхъ и новыхъ колодцевъ въ плывучемъ (песчано-глинистомъ) грунтѣ. Одесса. 1910. Ц. 30 к.</p> <p>— Водисканіе. Простой способъ нахожденія источниковъ подземныхъ водъ и опредѣленія приблизительной глубины ихъ залеганія. Одесса. 1910. Ц. 60 к.</p>
---	--

Мостовичъ, В. и Ниссенсонъ, Г. Краткое практическое руководство по анализу рудъ и продуктовъ металлургическихъ производствъ (кромя желѣза) мокрымъ и сухимъ путемъ. Томскъ. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Новгородскій, М. Издѣлія и работы изъ проволоки. Ц. 30 в.

— Издѣлія изъ жести. Руководство жестианниковъ-кустарей и любителей. Ц. 30 к.

— Колодцы. Рытье, бурение и устройство. Спб. 1910. Ц. 30 к.

Рейсеръ, А. Проектированіе свеклосахарныхъ и рафинадныхъ заводовъ. Ч. I. Кіевъ. 1910. Ц. 2 р.

Ферберъ, Ф. Авіація, ея начало и развитіе. Кіевъ. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

Хлопицій, В. Таблицы для подсчета земляныхъ работъ желѣзнодорожнаго полотна, при различныхъ нормальныхъ профиляхъ его. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

Васильевъ, М. Конспектъ по гигиенѣ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Венсельманъ. «606» проф. Эрлиха. Радикальное излеченіе сифилиса. Спб. 1910. Ц. 40 к.

Дэдерлейнъ, А. Краткое руководство въ оперативному акушерству. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Науфманъ, П. Красный Крестъ въ тылу арміи въ Японскую кампанію 1904—1905 гг. I и 2-й. Спб. 1909. Цѣна за 2 тома 12 р. 50 к.

Нисель, А. Объ уходѣ за грудными дѣтьми. Заразные болѣзни у дѣтей. М. 1910. Ц. 10 к.

Лившицъ, С., Дорошъ, Г. и Ануловъ, А. Фи-

зиологическая химія съ приложеніемъ краткаго руководства для практическихъ работъ по качественному и количественному анализу мочи. Одесса. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

Новомбергскій, Н. Ветеринарное дѣло въ Россіи въ половинѣ XVIII столѣтія. Томскъ. 1910. Ц. 2 р.

Симорскій, И. Основы теоретической и клинической психіатріи съ краткимъ очеркомъ судебной психологіи. Иллюстрированное изданіе съ 360 фиг. въ текстѣ. Кіевъ. 1910. Ц. 7 р. 50 к.

Станиловскій, Л. Травматическіе невроты. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Эрлихъ, П. и его способъ полнаго излеченія сифилиса препаратомъ «606». Спб. 1910. Ц. 1 р.

Военное и морское дѣло.

Болотниковъ, И. Опытъ настольной книги для гг. офицеровъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

Берзинъ, Р. Другъ юношества. Нѣмецкая книга для чтенія. Рига. 1910. Ц. 85 к.

Борель, Э. Арифметика. Первый цыкъль. М. 1910. Ц. 60 к.

Brendel, I. Fibel nach der gemischten Schreibemethode für Volksschulen. Саратовъ. 1910. Ц. 20 к.

— Fibel nach der gemischten Schreibemethode für Volksschulen. Саратовъ. 1910. Ц. 25 к.

Владиміровъ, Л. Учебникъ законовѣднія. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Волконскій, В., кн. Краткій учебникъ сравнительной географіи Россіи. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Зачиняевъ, А. Психологическая система обученія. Орфографическая пропись. Вып. 2-й. Спб. 1910. Ц. 25 к.

Кривошъ, В. Упрощенное письмо. Спб. 1910. Ц. 15 к.

Музнецовъ, С. Море и моряки. Ч. I. Лирика и эпосъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Мулинскій, Я. и Нейкирхъ, В. Историческая хрестоматія. Древняя исторія. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Лаврентьевъ, Д. Законовѣдніе. Учебникъ для гимназій. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Михайловъ, Д. Курсъ устной народной словесности и хрестоматія. Спб. 1910. Ц. 90 к.

Островская, М. Книга для списыванія. Вып. 2-й. Наглядное изученіе русскаго правописанія. Спб. 1910. Ц. 20 к.

Пуцило, Н. и Лебедина, М. Въ родномъ мѣрѣ. Хрестоматія. Ч. III. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Сахаровъ, И. Разсказы изъ исторіи. Краткая историческая хрестоматія-учебникъ съ рис. М. 1910. Ц. 40 к.

Сахаровъ, И. Родной мѣръ. 3-я и 4-я книги для чтенія въ старш. классъ начал. город. и земскихъ школъ. М. 1910. Ц. 1 р.

Segur. Histoire de blonde, de bonne-biche et de bean minon. М. 1910. Ц. 40 к.

Семеновъ, М. Синтаксисъ русскаго языка. М. 1910. Ц. 30 к.

Ситсаревъ, А. Военная географія Россіи. Часть общая. Изд. 2. Спб. 1910. Ц. 80 к.

Книги для дѣтей и юношества.

Харкевичъ, М. Лѣсная царевна. Пьеса для дѣтскаго театра въ 3 д. Спб. 1910. Ц. 30 к.

Спортъ, охота и игры.

Ученическій водный спортъ въ Одесскомъ учебномъ округѣ. Одесса. 1910. Ц. 25 к.

Справочныя книги.

Абрамовъ, Н. Записная книжка на 1910—11 годъ. Спб. 1910. Ц. 18 к.	Александровъ, А. Полный русско-англійскій словарь. Спб. 1910. Ц. 5 р. 50 к.
Авдѣенко, И. Путеводитель по Одессѣ и ея окрестностямъ, съ описаніемъ одесской выставки и свѣдѣніями по Крыму и Кавказу. 1910. Ц. 40 к.	Фоменко, С. Путеводитель по портамъ Дальняго Востока. В. Азіатская Россія. Китай. Корея. Японія. Ц. 1 р.
	Царское село. Путеводитель. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

---

*) Изданіе А. С. Суворина.

Въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ I,

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ

(изданіе А. С. Суворина).

Второе изданіе представляетъ собою точное повтореніе перваго изданія, безъ всякихъ измѣненій, сокращеній и дополненій. Цѣна за **четыре большихъ тома** съ 450 портретами, иллюстраціями и автографами **30 рублей**. Въ переплетѣ **36 рублей**. Пересылка по разстоянію.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

ИМПЕРАТОРЪ

НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ.

Цѣна за два тома, объемомъ болѣе **100 печатныхъ листовъ**, съ 252 хромолитографіями, фототипіями, гравюрами, цинкографіями и автографами, **двадцать пять рублей**. Въ переплетѣ **30 рублей**. Пересылка по разстоянію.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

Новая книга

Б. Б. ГЛИНСКАГО

**Борьба
за
Конституцію**

1612—1861 гг.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Съ 22 портретами и иллюстраціей

Цѣна 3 р. 50 к.

Изданіе Н. П. Карбасникова.

Складъ изданія въ магазинахъ Н. П. Карбасникова:
въ С.-Петербургѣ, Гостинный дворъ, № 19, въ
Москвѣ—Моховая, д. Баженова, въ Варшавѣ —
«Новый свѣтъ», № 49, въ Вильнѣ—Большая ул.,
д. Гордона.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(Спб., Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ-на-Дону)

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНІЯ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

за 25 лѣтъ (1880—1904 гг.)

СОСТАВИЛЪ

Б. М. ГОРОДЕЦКІЙ

Книга заключаетъ въ себѣ 47 печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Въ ней переименованы 9525 статей и 2993 рисунка; кромѣ того, приложены два алфавита: 1) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ статей, и 2) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ рисунковъ. Книга отпечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Цѣна 5 руб.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

